ОПЫТЪ

РУССКОЙ ИСТОРІОГРАФІИ.

В. С. ИКОННИКОВА,

Засл. профессора Императорскаго Университета св. Владиміра.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра. Акц. Общ

Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.

1908.

„Warlich, *Klöster* und *Mönche* haben der christlichen Welt in späteren Zeiten unendlich viel geschadet, aber auch in den früheren JarHunderten ihrer Unschuld, unendlich viel genutzt".

A. L. Schlözer. Несторъ. Russische Annalen. Göttingen, 1802, I, S. 10.

„Се же есть мудръ, еже вѣсть древняя повѣданія". (Новгор. 2-я лѣт., стр. 46).

„Вся убо яже въ лѣтѣ и яже подъ лѣтомъ бываемая божія благодѣянія о человѣцѣхъ нелѣпо есть таити". Пов. о началѣ Псково-Печер. монастыря.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выпуская въ свѣтъ первый томъ настоящаго труда, авторъ не былъ увѣренъ, что ему придется и удастся вскорѣ приняться за его продолженіе (предисл., с. VIII). Всѣ его личныя обстоятельства были скорѣе противъ такой возможности. Но случилось иначе. Въ силу непредвидѣнныхъ условій, онъ вскорѣ могъ уже взяться за перо, чтобы продолжать свой трудъ. И на этотъ разъ, однако, при бо́льшей опытности въ работѣ, онъ не могъ преодолѣть тѣхъ препятствій, которыя часто случайно и неожиданно являлись ему на пути. Приходилось считаться болѣе съ обиліемъ текущей литературы по вопросамъ, входящимъ въ кругъ изслѣдованій, столь широко разрабатываемыхъ въ послѣднее время, надолго останавливаться въ ожиданіи продолженія, и, въ концѣ концовъ, иногда воспользоваться незначительнымъ указаніемъ и даже просто библіографической ссылкой. Поэтому авторъ болѣе заботился, въ интересахъ научной полноты, дать, по возможности, полные обзоры литературы того или другого вопроса, нежели настойчиво оспаривать извѣстное положеніе, достовѣрность котораго еще требовала бы дальнѣйшей провѣрки и новыхъ изслѣдованій. Не удавалось обойти автору и тѣхъ неблагопріятныхъ настроеній, столь затрудняющихъ изслѣдователя, о которыхъ ему приходилось упоминать въ предисловіи къ первому тому (стр. VI); а въ позднѣйшіе годы они еще надвинулись съ бо́льшей силой и даже въ послѣдній моментъ его работы не позволили автору закончить этотъ томъ съ тѣмъ относительнымъ эпическимъ спокойствіемъ, значительной долей котораго онъ еще обладалъ при выпускѣ въ свѣтъ перваго тома, ссылаясь на радость лѣтописца, окончившаго свой трудъ (стр. VII). Приходилось спѣшить съ окончаніемъ, чтобы не затянуть его на болѣе продолжительное время, подвергая между тѣмъ

послѣдній всѣмъ неудобствамъ запоздалой работы. Древній писатель не менѣе насъ испытывалъ всѣ окружавшія его трудности на этомъ пути. Поэтому авторъ считаетъ себя въ правѣ напомнить слова своего стараго спутника: „Многа бо суть случающаяся на всякъ часъ несовершенному сущу уму человѣческому, ибо и забытіе омрачаетъ его и скорбь смущаеть, есть же егда и ярость и гнѣвъ.... отемнѣваетъ его; толикыми убо треволненіи обуреваемому немощному уму человѣческому, аще что нѣгдѣ презрѣно есть, не подобаеть дивитися, ниже смущатися, ниже ересію осужати его, но паче ущедрити праведно есть...; понеже никто же въ человѣцѣхъ совершенство когда получилъ есть, вси бо забвенію и невѣдѣнію подлежимъ, овы убо больше, овы же меньше, вси же другъ отъ друга требуемъ и совѣта и помощи" (Соч. Максима Грека, I, стр. 37—38).

Авторъ надѣется, что читатель благосклонно отнесется къ его признанію и покроетъ своимъ снисхожденіемъ недостатки его труда. Въ заключеніе онъ проситъ предварительно обратить вниманіе на конецъ каждой части и исправить отмѣченные недосмотры и погрѣшности.

Указатель къ настоящему тому, какъ и къ предъидущему, составленъ женою автора.

20 мая 1908 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Источники исторіи всецѣло отражаютъ на себѣ характеръ націи и извѣстной эпохи. Какъ отличны въ этомъ отношеніи памятники Востока и Запада! Близкое родство, замѣчаемое въ историческихъ памятникахъ европейскихъ народовъ, служитъ лучшимъ подтвержденіемъ единства ихъ исторіи и человѣческаго творчества на извѣстныхъ ступеняхъ развитія. Въ свою очередь богатство эпохи выдающимися событіями выражается въ разнообразіи и обиліи историческихъ произведеній и памятниковъ письменности.

Всѣ отличающіеся рѣзкой и строгой національностью народы, по замѣчанію Г. Гервинуса, которые болѣе всего развивались въ одномъ только политическомъ отношеніи, у которыхъ было мало интеллектуальныхъ потребностей и не было ни художественнаго чувства, ни вкуса, ни наклонности къ отвлеченнымъ знаніямъ, вообще у которыхъ было мало оригинальной поэзіи и философіи, такіе народы не имѣли и исторіографіи, въ которой обнаружилась бы связь съ той или другой изъ этихъ послѣднихъ. Активная жизнь составляетъ средоточіе всякихъ событій и потому подъ названіемъ исторіи всегда разумѣлась политическая; и это не напрасно, такъ какъ на активной жизни сосредоточиваются всѣ силы человѣка... Исторіографія съ нѣкоторыхъ поръ получила высшее значеніе и стала труднѣе оттого именно, что все болѣе и болѣе предъявляется требованіе, чтобы политическая исторія сливалась съ культурной. Подобныя эпохи представляютъ самые возвышенные эпизоды въ исторіи и онѣ становятся по преимуществу предметомъ исторіографіи. Италія изобиловала историками въ то время, когда она была средоточіемъ и міровыхъ событій, и литературы, и даже Византія пользовалась еще нѣкотораго рода историческимъ расцвѣтомъ въ то время, когда она служила какъ бы осью

западной и восточной цивилизаціи. И наоборотъ, ни у одного народа, лишеннаго литературы или активной жизни, не было истинной исторіографіи [1]).

Посвящая настоящую часть своего труда *систематическому обозрѣнію источниковъ русской исторіи*, намъ необходимо прежде всего сказать, что мы имѣемъ въ виду совокупность тѣхъ историческихъ матеріаловъ, которые составляютъ основу историческаго повѣствованія въ представленномъ нами общемъ обзорѣ [2]). Само собою разумѣется, однако, что и настоящая часть этого труда не можетъ слѣдовать тѣмъ образцамъ, которые преслѣдуютъ исключительно справочныя цѣли: они даютъ обыкновенно обстоятельный сводъ данныхъ, относящихся къ извѣстной странѣ и эпохѣ, распредѣленныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, съ указаніемъ иногда даже рукописныхъ памятниковъ, хранящихся въ разныхъ архивахъ и библіотекахъ, и обширной позднѣйшей литературы.

Таковы: A. Potthast, Bibliotheca historica medii aevi. Wegweiser. etc. 375—1500, Berl. 1862; Supplement, Berl. 1868; 2-е изд. 1895—96 гг. Изданіе это раздѣляется на три части, изъ которыхъ 1-я заключаетъ въ себѣ перечень въ извѣстномъ порядкѣ и алфавитномъ изложеніи всѣхъ печатныхъ сборниковъ, содержащихъ средневѣковыя лѣтописи; 2-я— алфавитный перечень историческихъ произведеній, съ указаніемъ рукописей, изданій, переводовъ и комментарій; 3-я часть (Anhang), подъ заглавіемъ „источниковѣдѣніе“ (Quellenkunde) представляетъ методически распредѣленный указатель источниковъ средневѣковой исторіи.—F. Dahlmann-G. Waitz. Quellenkunde der Deutschen Geschichte. Quellen und Bearbeitungen systematisch und chronologisch verzeichnet. 6-te Aufl. bearbeitet v. E. Steindorff, Götting. 1894. — Планъ этого изданія прежній, но объемъ его значительно расширенъ, по крайней мѣрѣ втрое. Изданіе обнимаетъ всю исторію и вспомогательныя науки и сопровождается обстоятельнымъ указателемъ. Источники распредѣлены по эпохамъ. Для Франціи—G. Monod (Bibliographie de l'histoire de France. Catalogue methodique et chronologique, des sources et des ouvrages, relatifs à l'histoire de France, depuis les origines jusqu'en 1789, P. 1888)—подражаніе труду Вайтца.—Descriptive catalogue of materials relating to the History of Great Britain and Ireland, to the end of the reign of Henry VII, by Thomas Duffus-Hardy, vv. I—III, Lond.

---

[1]) Grundzüge der Historik, §§ 12, 34, 39. Ср. Автобіогр. Гервинуса, прилож. II-е.

[2]) Опытъ русской исторіографіи, т. I, глава 1-я.

1862—1871, съ обширнымъ введеніемъ объ источникахъ.—Max Schilling, Quellenbuch zur Gesch. der Neuzeit, Berl. 1884—это сводъ главнѣйшихъ источниковъ, на которыхъ основывается новая исторія, по эпохамъ, начиная съ реформаціи и оканчивая основаніемъ Германской имперіи въ 1871 г. Авторъ ограничивается исторіей Германіи и ея внѣшними сношеніями. Онъ приводитъ много отрывковъ изъ тезисовъ, посланій, рѣчей Лютера, памфлетовъ, сатиръ, постановленій соборовъ и другихъ матеріаловъ, частью непечатныхъ.

Нѣтъ надобности доказывать, что въ литературѣ, богатой изслѣдованіями памятниковъ, притомъ относящихся къ отдѣльной эпохѣ, весьма легко и удобно дать полный сводъ матеріаловъ по извѣстнымъ періодамъ и существовавшимъ территоріальнымъ дѣленіямъ, хотя и съ неизбѣжными повтореніями, въ видѣ критическихъ очерковъ и изслѣдованій. Въ подобномъ порядкѣ изложенія каждая мѣстность является съ ясною и опредѣленною физіогноміею и, въ свою очередь, въ значительной степени ею опредѣляется характеръ разсматриваемыхъ памятниковъ. Таковы капитальные труды по изученію средневѣковой (нѣмецкой) исторіографіи—В. Ваттенбаха[1]) и О. Лоренца[2]). Въ иномъ видѣ представляется положеніе дѣла тамъ, гдѣ источники мало разработаны и литература ихъ является съ существенными пробѣлами. Цѣлые періоды оказываются нерѣдко не обслѣдованными, а памятники погребенными въ массѣ рукописныхъ собраній. Нѣкоторые историческіе эпизоды представляются обстоятельно обработанными, другіе же едва затронутыми или совсѣмъ обойденными. Въ такомъ положеніи стоитъ дѣло исторической обработки между прочимъ у насъ.

Принимая во вниманіе высказанныя выше соображенія, мы имѣемъ въ виду разсмотрѣть источники русской исторіи во внутренней ихъ связи между собою, раздѣливъ на извѣстныя группы, но соблюдая притомъ въ каждой изъ нихъ необходимую послѣдовательность. Тѣмъ не менѣе въ нашемъ общемъ обзорѣ лѣтописнаго дѣла въ Россіи мы попытались выяснить возникновеніе и развитіе его въ связи съ другими письменными памятниками и мѣстными условіями, но

---

[1]) Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter bis zur Mitte des XIII-ten Jahrhunderts, 6-te umgearbeit. Aufl., Bb. I—II, Berl. 1893—94.

[2]) Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter seit der Mitte des XIII-ten Jahrhunderts v. Ottokar Lorenz, 3-te in Verbindung mit Dr. Arthur Goldmann umgearbeitete Aufl., Bb. I—II, Berl. 1886—87

смотримъ на предложенный трудъ, какъ на слабую попытку въ этомъ отношеніи или какъ на матеріалъ для будущей разработки. Не смотря на очевидную простоту указаннаго способа изложенія, относительно частностей его существуютъ разные взгляды: одни предпочитаютъ весь матеріалъ дѣлить на болѣе обширные отдѣлы, включая въ каждый изъ нихъ болѣе или менѣе однородные памятники; другіе выдѣляютъ нѣкоторые изъ нихъ въ особыя группы, допуская болѣе мелкія подраздѣленія. Каждый изъ этихъ способовъ имѣетъ свои удобства и невыгоды.

Въ современныхъ методикахъ исторической науки матеріалъ раздѣляется на двѣ обширныя группы: 1) *остатки* и 2) *традиціи*. Къ первымъ относится все, что дошло до насъ въ своей непосредственной формѣ (какъ языкъ, обычаи, празднества, богослуженіе, учрежденія, законы, дипломатическіе акты, письма, счеты, надписи на памятникахъ въ честь извѣстныхъ дѣятелей и событій и т. п.); ко вторымъ—произведенія человѣческаго творчества, какъ-то памятники образовательнаго искусства (историческія картины и скульптура), устныя произведенія (сказанія, анекдоты, пословицы, пѣсни) и письменные памятники (историческія надписи, генеалогіи, лѣтописи, хроники, біографіи, мемуары и т. п. [1]).

Въ обширномъ собраніи письменныхъ памятниковъ нѣмецкой исторіи, предпринятомъ Г. Г. Пертцемъ, все изданіе послѣднихъ дѣлится на пять отдѣловъ: 1) Scriptores, 2) Leges, 3) Diplomata, 4) Epistola и 5) Antiquitates, родъ смѣси, куда должны входить некрологи, календари, родословныя, латинскіе поэты и т. п. Главная задача издателя состояла въ отысканіи подлиннаго текста, очисткѣ его отъ позднѣйшихъ вставокъ (interpolationes) и отысканіи источниковъ, изъ которыхъ заимствовалъ свой текстъ составитель той или другой хроники.

Въ одномъ изъ извѣстныхъ „указателей литературы источниковъ“ Г. Эстерлея (Wegweiser durch die Literatur der Urkundensammlungen, v. Herm. Oesterley, 2 Bb. Berl. 1885—86), письменные памятники дѣлятся на *документы*, *записки* и *письма*; но авторъ совершенно устраняетъ изъ своего указателя юридическіе и церковные документы, а также мѣстные и чисто-личные источники, что́, конечно, не выдерживаетъ оправданія. Польскій библіографъ Л. Фин-

---

[1]) J. G. Droysen, Grundriss der Historik, 3 Aufl. 1882, § 20 u. f.; Ern. Bernheim, Lehrbuch der historischen Methode, Leipz. 1884, S. 155—157 (2-е изд. 1894).

кель (Bibliografia Historyi Polskiej, I, Lw.-Kr. 1891; II, 1895—96; III, 1904—1906 и д.), историч. источники раздѣляетъ на два обширные отдѣла: 1) документы, акты, рѣчи, донесенія, письма и т. п. и 2) хроники, лѣтописи, жизнеописанія, мемуары, политическія сочиненія. Первоначально издатели этого труда имѣли въ виду составить еще третій отдѣлъ, въ который вошли бы матеріалы, имѣющіе характеръ *смѣси*, какъ-то манифесты, брошюры, поэмы, панегирики, посвященія и вообще произведенія, служащія выраженіемъ общественнаго мнѣнія; но недостатокъ средствъ на изданіе не позволилъ осуществить задуманный планъ и потому главнѣйшія произведенія, долженствовавшія войти въ третій отдѣлъ, были распредѣлены, смотря по содержанію, между первымъ и вторымъ отдѣлами, отъ чего значительно нарушилась стройность самаго дѣленія. Мы не касаемся здѣсь другихъ недостатковъ труда, въ которомъ не всегда соблюдены строгое раздѣленіе между отдѣлами и распредѣленіе матеріаловъ въ каждомъ изъ нихъ, свидѣтельствующія между прочимъ о большой трудности провести отъ начала до конца основную мысль дѣленія [1]).

Въ нашей исторической литературѣ также неоднократно разсматривался вопросъ о составѣ и раздѣленіи матеріаловъ русской исторіи въ связи съ ихъ изданіемъ и изученіемъ. Извѣстный археографъ П. М. Строевъ, по ознакомленіи съ обширнымъ количествомъ матеріаловъ во время своей археографической экспедиціи, въ представленномъ имъ отчетѣ раздѣляетъ всѣ письменные памятники на *два разряда*: 1) *акты* и 2) *писанія*, т. е. сочиненія въ обширномъ смыслѣ. *Акты* въ свою очередь онъ раздѣляетъ на: а) *государственные* и *дипломатическіе* и в) *юридическіе*. Къ первымъ относятся договоры князей, сношенія московскаго двора съ иноземными, грамоты, уставы, указы относительно внутренняго управленія государства, судопроизводства и т. п. Ко вторымъ принадлежатъ многообразныя бумаги, обезпечивавшія частныя привилегіи, собственность и т. п. *Писанія* составляютъ: а) лѣтописи (разныхъ формъ) болѣе или менѣе полныя, общія и частныя; в) *повѣсти и сказанія* (наиболѣе чудословныя) о событіяхъ, побѣдахъ, осадахъ городовъ, аскетическія (житія и т. п.); посланія духовныхъ лицъ, переписка разныхъ

---

[1]) См. Опытъ русской исторіогр. I, стр. 259*—262* и далѣе. О разныхъ трудахъ и опытахъ въ этомъ отношеніи см. Manuel de bibliographie historique, par Ch.-V. Langlois, P. 1896.

лицъ, слова и отрывки разнаго содержанія [1]). Н. Г. Устряловъ предлагаетъ дѣленіе источниковъ русской исторіи на *три разряда*:

I. Историческія сочиненія въ собственномъ смыслѣ. Къ нимъ относятся: 1) *Лѣтописи*. 2) *Степенныя книги*, представляющія выборъ изъ лѣтописей, расположенный по степенямъ государей, съ нѣкоторыми прибавленіями, интересными для конца XVI и начала XVII вѣка. Онѣ извѣстны въ разныхъ спискахъ, изъ которыхъ одинъ изданъ Миллеромъ. Лучшій Селліевъ, принадлежитъ библіотекѣ Ал. Невской лавры; извѣстны также нѣкоторыя, принадлежащія частнымъ лицамъ, какъ Степенная книга Латухина [2]). 3) *Хронографы*—это перечни всемірныхъ событій по византійскимъ хроникамъ, съ внесеніемъ извѣстій о Россіи и сосѣднихъ странахъ, содержащіе нерѣдко любопытныя отдѣльныя статьи о XVI и XVII столѣтіяхъ. 4) *Современныя сказанія* объ отдѣльныхъ лицахъ и событіяхъ, напр. объ Александрѣ Невскомъ, Димитріѣ Донскомъ, о Флорентійскомъ соборѣ, объ осадѣ и взятіи Казани; сказанія Курбскаго, Палицына и др. 5) *Дворцовыя записи* со времени ц. Михаила Ѳедоровича. 6) *Записки иностранцевъ о Россіи*. Онѣ представляютъ свѣдѣнія, записанныя со словъ другихъ или по собственнымъ наблюденіямъ авторовъ, на разныхъ языкахъ: греческомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, шведскомъ, польскомъ, татарскомъ, турецкомъ, арабскомъ. Матеріалъ этотъ чрезвычайно обширенъ: такъ, въ одномъ описаніи Аделунга до 1700 г. ихъ насчитано 266; но и это число далеко не полное. Впрочемъ, этотъ родъ матеріаловъ требуетъ, при пользованіи имъ, наиболѣе осторожности и критическаго отношенія къ источнику.

II. Акты государственные. Они раздѣляются на два главные разряда—на *внутренніе* и *внѣшніе*. Къ первымъ относятся: 1) *Памятники законодательства* въ собственномъ смыслѣ (уставы, грамоты, наказы о судѣ и расправѣ, о сборѣ податей и пошлинъ, о порядкѣ внутренняго управленія, о преимуществахъ и льготахъ разныхъ лицъ и сословій) и т. п. 2) *Временныя распоряженія правительства и разныхъ вѣдомствъ* по дѣламъ общимъ государственнымъ и по частнымъ случаямъ, окружныя громоты, разнаго рода постано-

[1]) Жизнь и труды П. М. Строева, Н. П. Барсукова, 277–278.

[2]) Ею много пользовался Карамзинъ въ своей исторіи (см. примѣч. къ тт. VI—XII. См. о ней ниже, въ настоящемъ трудѣ (стр. 1338—1348).

вленія, приговоры и пр. 3) *Судебные акты*. 4) *Разрядныя книги* или распредѣленіе воеводъ и полковъ со времени Ивана III до конца XVII в.: важное пособіе для изученія военнаго дѣла двухъ съ половиною вѣковъ. 5) *Писцовыя книги*: описи городовъ, государственныхъ и частныхъ отчинъ, помѣстій и разныхъ оброчныхъ статей XVI и XVII столѣтій, богатѣйшій запасъ географическихъ и статистическихъ свѣдѣній. 6) *Родословныя книги*.

Ко *второму разряду государственныхъ актовъ относятся*: 1) *Взаимные договоры великихъ и удѣльныхъ князей*, большею частію напечатанные въ разныхъ изданіяхъ. 2) *Дипломатическія сношенія съ иностранными державами*. 3) *Статейные списки* или наказы русскимъ посламъ къ сосѣднимъ народамъ. Ими наполнены цѣлыя отдѣленія въ Моск. главн. архивѣ иностр. дѣлъ. Нѣкоторые же изъ нихъ изданы.

III. Памятники словесности. Они состоятъ по большей части изъ памятниковъ духовнаго краснорѣчія, полемики, путешествій, опытовъ старинныхъ книжниковъ по части философіи, землеописанія, естественныхъ и другихъ наукъ, знакомящихъ съ міросозерцаніемъ предковъ и представляющихъ прекрасный матеріалъ для исторіи образованія, культуры и т. п. Но собственно изъ двухъ главныхъ источниковъ, говоритъ Устряловъ, мы почерпаемъ свѣдѣнія *о древнемъ состояніи Россіи*: *лѣтописей и государственныхъ актовъ*; для новой исторіи Россіи этотъ матеріалъ значительно расширяется и видоизмѣняется: такъ, количество оффиціальныхъ источниковъ увеличивается, лѣтописи замѣняются обильнымъ матеріаломъ частнаго характера, каковы мемуары, переписка частныхъ и оффиціальныхъ лицъ и т. п. [1]). Приблизительно этого дѣленія держалась Археографическая коммиссія [2]), издавая лѣтописи, акты государственно-юридическіе, письма, сочиненія и иностранныя извѣстія о Россіи. Весьма полно въ свое время намѣтилъ общую схему важнѣйшихъ источниковъ въ связи съ вспомогательными знаніями, которыя должны служить предметомъ обработки не только историка, но и юриста, П. А. Рѣдкинъ, въ своей рѣчи, произнесенной имъ въ Московскомъ университетѣ въ 1846 г. [3]).

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1837, ч. XIII, № 2, стр. 338 и д.

[2]) Опытъ рус. исторіогр. I, 267—270.

[3]) Какое общее образованіе требуется современностію отъ русскаго правовѣда? М. 1846, стр. 56—64.

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ сочиненій, посвященномъ общей исторіи Россіи, и соотвѣтствующемъ современнымъ требованіямъ науки, схема историческихъ источниковъ представлена въ слѣдующемъ видѣ: 1) *лѣтописи*, 2) *отдѣльныя сказанія* и *житія св.*, 3) *записки* (mémoires) и *письма*, 4) *памятники юридическіе и акты государственные*, 5) *памятники словесности: устной и письменной*, 6) *памятники вещественные* и 7) *сказанія иностранцевъ* [1]). Въ этой схемѣ соблюдены по возможности естественный порядокъ въ изложеніи предметовъ и относительная важность изучаемаго матеріала. Напротивъ, въ одномъ изъ позднѣйшихъ трудовъ, поставившихъ своею цѣлью спеціальное изученіе исторіографіи [2]), авторъ останавливается собственно на лѣтописяхъ, вскользь говоритъ объ „актахъ, посланіяхъ и письмахъ", разумѣя подъ ними исключительно оффиціальные документы (о посланіяхъ и письмахъ въ означенной главѣ совсѣмъ нѣтъ и рѣчи), хотя самъ онъ возражаетъ противъ преувеличеннаго значенія этого рода матеріаловъ (46); наконецъ отдѣльную главу авторъ посвящаетъ „иностраннымъ (главнѣйшимъ) писателямъ". О нѣкоторыхъ изъ прочихъ источниковъ (сказанія, описанія, путешествія русскихъ людей), онъ говоритъ лишь мимоходомъ въ разныхъ мѣстахъ (72, 75—87, passim) своего сочиненія. Отсюда видно, что въ указанномъ произведеніи вовсе не разсмотрѣны и даже не затронуты многіе, притомъ существенные отдѣлы источниковѣдѣнія, которые не могутъ быть восполнены случайными замѣтками, разсѣянными въ разныхъ мѣстахъ книги. Наконецъ прибавимъ, что въ мѣстныхъ изданіяхъ, гдѣ матеріалъ часто является вполнѣ случайнымъ, трудно требовать строгой послѣдовательности въ выборѣ и распредѣленіи его по извѣстнымъ категоріямъ; но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда это вполнѣ было бы возможно, замѣтна наклонность слѣдовать болѣе *учебно-систематическому порядку*, нежели строго *научному*, требующему при изданіи памятниковъ, держаться дѣленія по *родамъ* документовъ, а не по ихъ *содержанію* [3]).

[1]) Исторія Россіи, К. Н. Бестужева-Рюмина, Спб. 1872 (введеніе),

[2]) М. О. Кояловичъ, Исторія русскаго самосознанія по историч. памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ, Спб. 1884; 2-е изд. 1894.

[3]) См. замѣчанія проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова на изданія Кіев. археогр. ком. по поводу изданія актовъ Витеб. центр. архива (Унив. Изв. 1877, № 3).

Обращаясь еще разъ къ разсмотрѣнному нами вопросу замѣтимъ, что всѣ историческіе матеріалы и ихъ вспомогательные источники могутъ быть подведены собственно подъ *три* категоріи: 1) памятники, служащіе выраженіемъ частной дѣятельности (начиная съ лѣтописей и кончая различными видами литературныхъ произведеній, важныхъ при изученіи исторіи); 2) памятники, служащіе выраженіемъ правительственной дѣятельности (акты дипломатическіе, памятники законодательства, акты, касающіеся юридическихъ отношеній въ обширномъ смыслѣ); 3) матеріалы, сообщаемые вспомогательными знаніями (географическія и этнографическія данныя, памятники вещественные и т. п.). Что же касается порядка изложенія при разборѣ историческихъ матеріаловъ, то онъ выясняется самъ собою означеннымъ характеромъ источниковъ. Въ общемъ своемъ значеніи письменные источники, конечно, предпочтительнѣе вещественныхъ; туземные—иностранныхъ; памятники собственно историческіе—произведеній литературныхъ; тѣмъ не менѣе подобное заключеніе все-таки *относительно,* и историкъ не можетъ пренебрегать тѣмъ или другимъ изъ источниковъ, не изслѣдовавъ его въ общей ихъ совокупности. Только такое, по возможности полное, изученіе ихъ можетъ предохранить его отъ невѣрныхъ выводовъ и заключеній [1]).

Приступая къ систематическому обозрѣнію источниковъ, мы не можемъ не привести здѣсь вполнѣ вѣрнаго замѣчанія Эд. Фримана, почему въ порядкѣ изученія источниковъ историческое повѣствованіе должно занять преимущественное мѣсто. „Текстъ документовъ, говоритъ онъ, а также и надписи на монетахъ, которыя въ сущности говоря, представляютъ извѣстный разрядъ надписей, - однимъ словомъ всякіе современнные памятники суть въ нѣкоторомъ родѣ оригинальные источники; для извѣстныхъ цѣлей они имѣютъ бо́льшое значеніе, чѣмъ даже разсказы современныхъ писателей; тѣмъ не менѣе, намъ приходится пользоваться разсказомъ, какъ первичнымъ источникомъ, а всѣми другими источниками свѣдѣній, какъ чѣмъ-то второстепеннымъ. Историческое повѣствованіе обыкновенно непрерывно; если оно не даетъ намъ всего, то по крайней мѣрѣ оно представляетъ нѣчто цѣлое. Документы же и другіе источники свѣдѣній по большей части не непрерывны; знаніе, которое они даютъ намъ, знаніе отрывочное,

[1]) Bernheim, 157.

даже въ томъ случаѣ, когда они хронологически непрерывны, подобно лѣтописямъ; они указываютъ только на извѣстныя стороны событій и притомъ, по большей части, стороны формальныя. Мы пользуемся свидѣтельствомъ этого рода для иллюстраціи объясненій, часто для исправленія современныхъ повѣствованій, но только при помощи этихъ послѣднихъ мы можемъ пользоваться такими свидѣтельствами. Повѣствованіе безъ документовъ можетъ быть несовременнымъ, но оно по крайней мѣрѣ совершенно понятно. Документы же наврядъ ли будутъ понятны безъ повѣствованія. Наврядъ-ли можно сказать, что мы изучаемъ исторію по документамъ; мы изучаемъ ее по повѣствованію, причемъ документы служатъ намъ для постоянныхъ справокъ. Однимъ словомъ оригинальными источниками мы называемъ прежде всего современныя повѣствованія; другіе же источники свѣдѣній, даже въ томъ случаѣ, когда они имѣютъ сами по себѣ бо́льшую авторитетность, чѣмъ повѣствованія, служатъ только вспомогательными средствами для объясненія или исправленія повѣствованія... Для цѣлей исторіи нѣтъ никакого различія между документомъ на пергаментѣ, какъ хартія Вильгельма Завоевателя, на которой основывается привилегія лондонскаго Сити, и греческимъ документомъ на камнѣ. Они оба оригинальные источники и притомъ весьма высокаго качества, гораздо болѣе высокаго достоинства, чѣмъ любое повѣствованіе. Повѣствованіе мы называемъ первичнымъ источникомъ, а документъ вспомогательнымъ просто потому, что намъ приходится пользоваться ими въ такой послѣдовательности. Невозможно послѣдовательно изучить исторію по документамъ и въ этомъ только и состоитъ вся разница документа отъ повѣствованія" [1]).

Выходя изъ этой весьма правильной оцѣнки взаимнаго отношенія источниковъ, мы должны обратиться прежде всего къ изученію лѣтописей, какъ основнаго изъ нихъ и представляющаго послѣдовательное (въ хронологическомъ порядкѣ) изложеніе на пространствѣ цѣлаго ряда столѣтій.

---

[1]) Методы изученія исторіи, стр. 107—108, 154.

ОТДѢЛЪ I-Й.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Эпическія пѣсни и народныя преданія. — Саги. — Роль памяти въ сохраненіи преданій. — Значеніе письменности. — Слѣды преданій въ исторіи. — Генеалогія и хроника.

Въ раннія эпохи народной жизни, задолго до употребленія письменъ, люди чувствуютъ потребность въ *пѣснѣ*, которая служитъ имъ развлеченіемъ въ свободное время и поддерживаетъ ихъ мужество въ военныхъ предпріятіяхъ. Эпическая пѣсня составляетъ основу историческаго знанія и, въ той или другой формѣ, встрѣчается у многихъ самыхъ грубыхъ народовъ земнаго шара. По большей части ихъ поетъ особый разрядъ людей, обязанность котораго—сохранять накопившійся запасъ народныхъ преданій [1]). Желаніе знать свое прошлое до такой степени сродно человѣку, что весьма мало есть народовъ, у которыхъ не было бы своихъ пѣвцовъ, бардовъ или менестрелей [2]). Они упоминаются въ древнѣйшей Ведѣ; чрезвычайно много ихъ въ Китаѣ и нигдѣ они не пользовались прежде такимъ

---

[1]) Всѣ варварскія племена передаютъ подобныя пѣсни изъ поколѣнія въ поколѣніе по памяти и создаютъ новыя (Тэйлоръ, Антропологія, 287).

[2]) Все достопримѣчательное, по словамъ Гомера, находило выраженіе въ пѣснѣ (Иліада, VI, 357; Одис. III, 204). Пѣсни творились въ большомъ числѣ, но съ особеннымъ интересомъ слушатели относились къ новой пѣснѣ (Одис., I, 335—350):

Виновенъ

Въ томъ не пѣвецъ, а виновенъ Зевесъ, посылающій свыше
Людямъ высокаго духа по волѣ своей вдохновенье.

значеніемъ, какъ въ Тибетѣ. Шотландскіе барды существовали до позднѣйшаго времени, а объ ирландскихъ извѣстно, что они стали приходить въ пренебреженіе въ XVI и XVII стол. и исчезли только въ XVIII стол. Безъ нихъ была бы потеряна память о многихъ событіяхъ, такъ какъ въ Ирландіи рѣдко обращались къ обычнымъ записямъ и родители часто вытравляли имена и возрастъ своихъ дѣтей порохомъ на ихъ рукахъ. Бывшій миссіонеръ на остр. Южнаго Океана, Эллисъ, о жителяхъ послѣднихъ говоритъ: „Ихъ старыя пѣсни для нихъ нѣчто въ родѣ неоспоримаго классическаго авторитета, къ которому они обращаются для опредѣленія каждаго спорнаго факта въ своей исторіи“.

Нашъ собственный опытъ не можетъ научить насъ многому относительно того, какова можетъ быть цѣнность подобнаго изустнаго преданія, такъ какъ въ цивилизованномъ мірѣ оно настолько вышло изъ употребленія, что въ настоящее время мы знаемъ весьма мало о событіяхъ, случившихся ранѣе времени нашего прадѣда, какъ скоро случившееся не было записано [1]). Но искусство письма еще не распространилось по всему земному шару и все еще остаются народы, вся исторія которыхъ состоитъ лишь изъ преданія, перешедшаго отъ ихъ предковъ.

Островитяне Ю. Океана, до недавняго времени не умѣвшіе писать, были интеллигентными варварами, охотно передававшими потомкамъ воспоминанія о минувшихъ дняхъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, которые была возможность провѣрить, оказалось, что память ихъ какъ будто дѣйствительно можетъ сохранять *историческія свѣдѣнія* довольно долго и вѣрно... Маорисы хорошо помнятъ о заселеніи Новой Зеландіи ихъ предками: они приводятъ имена строителей судовъ, указываютъ мѣста ихъ высадки; они повторяютъ имена своихъ вождей, насчитывая такимъ образомъ 18 поколѣній съ того времени, какъ пришельцы завладѣли островомъ. Не смотря на то, что, какъ и можно было ожидать, преданія различныхъ округовъ разногласятъ во многихъ отношеніяхъ, они принимаются какъ документъ, въ силу котораго туземцы владѣютъ землями по праву своихъ предковъ и врядъ-ли возможно сомнѣваться, что подобныя генеалогіи, постоянно повторяемыя среди людей, землевладѣніе которыхъ зависѣло отъ нихъ,

[1]) Какъ далеко идетъ преданіе см. Опытъ рус. исторіографіи. I, 44—48. Карамзинъ говоритъ: „О временахъ Петра В. и Анны Ивановны мы многое слыхали отъ отцовъ нашихъ, чего нѣтъ въ книгахъ“ (Барсуковъ, Погодинъ, II, 22; Сочин. I, 424).

опираются на дѣйствительные факты (рядъ мѣстъ, относящихся сюда, см. у Бокля. I, гл. VI-я, и Тэйлора, Антропологія, гл. XII и XV).

Память играетъ главную роль въ этомъ отношеніи и поддерживается, за отсутствіемъ другихъ средствъ усвоенія фактовъ, частымъ упражненіемъ: но, съ другой стороны, этому много способствуетъ и ограниченность количества представленій, имѣющихъ мѣсто въ извѣстномъ быту (В. Вундтъ, Душа человѣка и животныхъ, I, 463—64). Древняя лѣтопись Китая (Шу-кинъ), какъ говорятъ, была написана вновь со словъ 90-лѣтняго старца, знавшаго ее наизусть, и впослѣдствіи пополнена по уцѣлѣвшему списку. Въ каждомъ изъ главнѣйшихъ округовъ Перу находились лѣтописцы, которые обязаны были *отмѣчать* всѣ важнѣйшія событія. Другіе чиновники, *амауты*, занимались исторіей государства и описывали дѣянія царствующаго инки или его предковъ. Составленное ими описаніе могло быть передаваемо не иначе, какъ изустно, причемъ *квипусы* помогали повѣствователю располагать событія (квипу—узелъ; quipus'ы представляютъ сходство съ поясами, сдѣланными изъ разноцвѣтныхъ зеренъ, которыя употребляютъ сѣверо-американскія племена въ воспоминаніе о договорахъ и разныхъ другихъ событіяхъ; точно также китайцы, до изобрѣтенія письменъ, употребляли длинные шнурки, завязанные узлами; припомнимъ нашъ узелъ „на память"). Исторія запечатлѣвалась въ памяти черезъ частое повтореніе. (W. H. Prescott, Histoire de la conquête du Perou, liv. I, chap. 4). По словамъ Ю. Цезаря, друиды обязаны были выучивать наизусть множество стиховъ, на что иные употребляли болѣе двадцати лѣтъ (De bello gallico, VI, 14). По поводу рѣчи Атиллы, помѣщенной у Іорнанда (cap. 39), Ам. Тьерри замѣчаетъ: „Хотя съ перваго раза мы можемъ быть удивлены тѣмъ, что до насъ дошла рѣчь Атиллы, но наше удивленіе пройдетъ, если принять во вниманіе необыкновенную силу памяти у народовъ, которые, не зная искусства письма, имѣютъ въ устномъ преданіи единственный историческій источникъ. Событія общественной жизни варваровъ, вмѣстѣ съ ихъ миѳологическими повѣствованіями, составляютъ исключительный предметъ ихъ литературы, и потому они удерживаютъ ихъ въ памяти съ такою точностью, которой образчикъ намъ представляетъ Эдда, и если имъ случается что нибудь прибавить къ дѣйствительности совершившагося, то они остаются до того вѣрны краскамъ времени и описываемаго общества, что самая выдумка получаетъ въ глазахъ потомства родъ нѣкоторой достовѣрности" (Hist. d'Attila et de ses sucsesseurs en Europe etc. I, 186—187). По словамъ Адама Бременскаго (Gesta, II, 41), онъ воспользовался разсказами датскаго короля Свена Естриксона, „который сохранялъ всю исторію варваровъ въ своей памяти, какъ въ написанной книгѣ". Одинъ изъ спутниковъ Гаральда норвежскаго, исландецъ Галдоръ Снорресонъ, разсказывалъ сагу о его путешествіяхъ и походахъ въ домѣ

своего знакомаго; другой исландецъ—Торстейнъ Фроди потомъ повѣствовалъ передъ самимъ королемъ Гаральдомъ; а когда король спросилъ его откуда онъ такъ хорошо все знаетъ, то разскащикъ отвѣчалъ, что онъ нѣсколько разъ изъ года въ годъ слушалъ въ народныхъ собраніяхъ разсказы объ этомъ того же Снорресона. О нѣкоторыхъ эпизодахъ изъ этихъ путешествій Торстейнъ разсказывалъ цѣлые тринадцать вечеровъ. (Scripta histor. Island. VI, pag. 331; Ж. М. Н. Пр. 1875, № 2, с. 419—421). Снорре Стурлесонъ († 1241, извѣстный собиратель сагъ), близкій ко двору норвежскихъ королей, говоритъ (въ прологѣ къ Heimskringla), что при Гаральдѣ Прекрасноволосомъ (2-й полов. IX стол.) были скальды, пѣсни которыхъ знали еще тогда, а равно и пѣсни о всѣхъ короляхъ, которые были съ тѣхъ поръ въ Норвегіи: онѣ пѣлись передъ князьями и ихъ сыновьями, объ ихъ походахъ и сраженіяхъ. Скальды старались хвалить то лицо, передъ которымъ они пѣли; однако ни одинъ изъ нихъ не рѣшился бы скрыть о такихъ его дѣлахъ, о которыхъ всѣ слушающіе могли бы знать, что это вымыселъ, такъ же, какъ и онъ самъ не принялъ бы подобной насмѣшки. Въ Heimskringla ссылки на „знающихъ людей“ довольно часты [1]). Регино (Chronic., Pertz, I) писалъ отчасти по разсказамъ стариковъ. Козьма Пражскій (I, 2) пользуется „senum fabulosa traditio“ (разборъ этихъ сказаній—В. Регеля, Ж. М. Н. Пр. 1890, № 8, стр. 224—236). Гельмольдъ (Chron. Slavor., I, cap. 14) говоритъ: „narrant seniores Slavorum, qui omnes Barbarorum gestas res in memoria tenent“. Точно также кіевскій лѣтописецъ со словъ „вѣдущихъ людей“ разсказываетъ о Гориславѣ Полоцкой (Рогнѣдѣ), женѣ Владиміра I, спустя 150 лѣтъ (Лавр. лѣт., 284) [2]). И въ спорахъ юридическаго характера обращались иногда къ показаніямъ 100-лѣтнихъ старцевъ (F. Gregorovius, Gesch. der Stadt Rom, II, 407).

Какъ извѣстно, Гомеровскія поэмы, произведенія кикликовъ, какъ и другія произведенія глубокой древности, первоначально не читались, а пѣлись или декламировались на праздникахъ и народныхъ сходкахъ. Въ нихъ все разсчитано было на память, сказаніе, отсюда частыя обращенія къ Музамъ,—богинямъ, одареннымъ памятью. Слово „эпосъ“ первоначально означало изреченіе оракула, отвѣты котораго обыкновенно давались въ стихахъ, а потомъ вообще „стихъ“ [3]). Говоря объ оракулѣ Аполлона Кларійскаго (Claros—го-

---

[1]) „Слово saga происходитъ отъ segia—говорить и значитъ просто разсказъ, преданіе“—tradition (Antiquités Russes, I, 235).

[2]) Вѣдущіе—вѣщіе люди, пѣснотворцы; вѣщій Боянъ „Слова о полку Игоревѣ“, у грековъ ἀοιδός, ἀείδω, οἶδα, εἴδω. Горислава по всей вѣроятности прозвище (cognomen) Рогнѣды (Гедеоновъ, Варяги и Русь, II, примѣч. 138).

[3]) Tacitus, De orator, cap. XII.

родъ въ Іоніи, славный своимъ храмомъ), Тацитъ замѣчаетъ, что жрецъ даетъ отвѣты въ стихахъ большею частью не зная стихосложенія и даже не умѣя читать [1]).

Никиратъ въ „Пирѣ" Ксенофонта (Ш, 5–6) говоритъ: „Отецъ мой, который заботился, чтобы я былъ хорошимъ человѣкомъ, заставилъ меня выучить всѣ стихи Гомера, такъ что я могу цѣлую Иліаду или Одиссею проговорить наизусть".—„Но извѣстно ли тебѣ, спросилъ Антисѳенъ, что и всякій рапсодъ съумѣетъ это сдѣлать"?—Какъ же неизвѣстно, отвѣчалъ Никиратъ,—когда я ихъ слышу чуть не каждый день".

Точно также память у нѣкоторыхъ лицъ, извѣстныхъ въ политическомъ и литературномъ мірѣ, пріобрѣтаетъ выдающійся, а нерѣдко и феноменальный характеръ.

М. Ан. Сенека († 38 г. по Р. Х.), обладавшій памятью, подобной которой древній міръ представляетъ немного примѣровъ, могъ повторить 2000 словъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ ихъ слышалъ (Гальтонъ, Наслѣдственность таланта, 24, 150); сынъ его—философъ Сенека могъ наизусть передать всю Энеиду (Модестовъ, Лекціи по ист. рим, литер., II, 68). Въ біографіи персидскаго поэта Энвэри разсказывается, что эмиръ Муиззи, придворный поэтъ шаха Санджара, умѣлъ посредствомъ запоминанія разъ произнесенныхъ стиховъ, устранять своихъ соперниковъ, обязывая ихъ до представленія ко двору прочитывать ему ихъ стихотворенія (В. А. Жуковскій, Али Аухадэддинъ Энвери, Спб. 1883, стр. 11). Память эллиниста Порсона вошла въ поговорку и нѣкоторыя лица въ его семьѣ обладали такою же памятью (Гальтонъ, 148). Ученый Ю. Ц. Скалигеръ (1484—1558), занимавшійся богословіемъ, медициной и греческимъ языкомъ (Гальтонъ, 153), отличался необычайной памятью (см. ниже). Въ особенности въ этомъ отношеніе посчастливилось Виргилію, знаніе котораго наизусть составляло удѣлъ многихъ ученыхъ и писателей (Лейбницъ зналъ всего Виргилія, Эйлеръ—Энеиду, геттингенскій докторъ Брендель—всю Энеиду отъ начала до конца и обратно). О Джемсѣ Фоксѣ говорили, что, если бы Библія пропала, то ее можно было мы возстановить съ его словъ. Расинъ зналъ наизусть всего Еврипида, Бэйль († 1706) - всего Монтэня, Г. Доно (юристъ XVI в.)—Corpus juris; Метастазіо († 1782) — всего Горація. Не менѣе замѣчательна память нѣкоторыхъ лицъ (Киръ, Митридатъ, Ю. Цезарь, Наполеонъ I) на военные факты (Гальтонъ, 122; Leipziger Tageblatt 1898; Abercrombie, Inquiries

[1]) Annal., lib. II cap. 54.

concerning the intellect. Powers и др.). Вотъ что разсказываютъ объ историкѣ Маколеѣ лица, близко его знавшія: „Изумительная сила памяти этого человѣка сдѣлала понятнымъ, какимъ образомъ до изобрѣтенія письменъ могли сохраниться въ воспоминаніи людей и переходить изустно отъ поколѣнія къ поколѣнію большія эпическія поэмы. Подобно Скалигеру, Маколей былъ въ состояніи пересказать весь греческій текстъ „Иліады", начиная съ какого угодно мѣста, и точно также помнилъ онъ наизусть цѣлыя поэмы и сочиненія древнихъ и новыхъ писателей. Имена всѣхъ папъ, съ апостола Петра до Пія IX, имена всѣхъ архіепископовъ кентерберійскихъ, со времени основанія этого архіепископства, равнымъ образомъ фамиліи и титулы всѣхъ канцлеровъ и министровъ Англіи онъ умѣлъ пересказать по пальцамъ". Г-жа Бичеръ Стоу подтверждаетъ это свидѣтельство и говоритъ, что, если бы по какому-нибудь случаю затерялись всѣ сочиненія Мильтона, то можно было бы возстановить ихъ цѣликомъ при помощи одной памяти Маколея... Но не однѣ только поэмы, книги, историческія событія и имена хранились въ его памяти; точно также онъ былъ въ состояніи запомнить и малѣйшія бездѣлицы. Когда я имѣлъ случай видѣть его въ послѣдній разъ въ обществѣ, говоритъ Тэккерей, зашла вдругъ рѣчь объ ученикахъ университета, получившихъ первыя награды, и ихъ дальнѣйшей судьбѣ. Къ изумленію и почти къ ужасу всѣхъ присутствовавшихъ, Маколей принялся перечислять всѣхъ первыхъ учениковъ, начиная съ 1801 года, называть ихъ фамиліи и разсказывать карьеру каждаго изъ нихъ" (Соч. Маколея, I, LXXI-LXXII).

Подобнымъ свойствомъ памяти пользовались иногда для возстановленія утраченныхъ текстовъ. Такъ, первоначальная рукопись Вигастировой саги и единственный списокъ съ нея, сдѣланный для Арна Магнусона (Arnas Magnaeus), сгорѣла во время пожара Копенгагена въ 1728 г., а та же сага въ нынѣшнемъ своемъ видѣ возстановлена была *по памяти* переписчикомъ Арна Магнусона [1]). Понятно, однако, что при этомъ не могли вполнѣ удержаться всѣ подлинныя выраженія саги и легко могли явиться прибавки, особенно подъ вліяніемъ знакомства съ другими сагами [2]). Нѣкоторыя саги (напр. Лаксдэльская, Laxdaela-Saga) записаны, какъ полагаютъ, въ началѣ XIII в., но событія, описываемыя въ нихъ, оканчиваются около половины XI в. Такимъ образомъ онѣ, подобно другимъ, довольно долго

---

1) Энциклопедія Эрша и Грубера, II-е отд., т. XXXI, Isländ. Litteratur, v. Rosselet, 302; P. E. Müller, Sagabibliothek, Berl., I, 30.

2) В. Г. Васильевскій (Журн. Мин. Нар. Просв. 1874, № 11, с. 115).

сохранялись въ устномъ преданіи, и данныя, сообщаемыя въ нихъ, при подтвержденіи другими свидѣтельствами, принимаются въ соображеніе [1]). При всемъ томъ историку слѣдуетъ помнить, что писанный памятникъ не обладаетъ ни однимъ изъ неудобствъ, присущихъ сказанію, передаваемому изустно однимъ лицомъ другому и теряющему въ своемъ достоинствѣ при каждой передачѣ [2]).

Датскій ученый епископъ П. Е. Мюллеръ [3]), а за нимъ А. А. Куникъ [4]), дѣлятъ саги на *миѳическія, романтическія, полуисторическія* и *историческія*. Но затѣмъ нѣкоторые еще болѣе ограничиваютъ циклъ историческихъ сагъ. К. Мауреръ [5]) и Е. Ессенъ [6]), указываютъ на болѣе позднее происхожденіе письменной редакціи сагъ (п. XII в.), чѣмъ полагалъ Мюллеръ, а также на ихъ стиль и языкъ, подтверждающіе такое заключеніе. Такимъ образомъ только весьма немногія изъ сагъ могутъ быть отнесены къ собственно историческимъ, а въ особенности, если принять во вниманіе, что самые признаки, полагаемые въ основаніе указаннаго дѣленія, не выдерживаютъ строгой критики. Поэтому позднѣйшіе изслѣдователи стали относить нѣкоторыя изъ признаваемыхъ за историческія саги (Греттирову, Финнбогову) къ „лживымъ сагамъ". Допуская, что въ тѣ времена, когда искусство письма было еще мало употребляемо, память была вѣрнѣе и надежнѣе, чѣмъ въ наши письмолюбивыя времена, В. Г. Васильевскій замѣчаетъ, однако, что самая счастливая память обладаетъ все-таки ограниченною степенью воспріимчивости, смотря по дарованію, склонности, положенію отдѣльнаго лица, а съ другой стороны, что вновь образующіяся преданія постоянно становились на мѣсто болѣе древнихъ и эти послѣднія не могли жить рядомъ съ первыми. Притомъ, въ

---

[1]) Ibid. 113-114.

[2]) Бэнъ, Дедуктивная и индуктивная логика, книга 5-я.

[3]) Rosselet, Isländ. Litteratur (Энцикл. Эрша и Грубера, т. XXXI, 2-е отд., pag. 290); Sagabibliothek, 3 т. 1817-20 (также нѣмецк. перев.). При этомъ сказался своего рода патріотизмъ: Мюллеръ выдвигаетъ на первый планъ—Исландію, Кейзеръ, принадлежащій къ норвежской школѣ ученыхъ,—Норвегію.

[4]) Отрывки о Варяжскомъ вопросѣ Гедеонова (Записки Акад. Наукъ, II, 223).

[5]) Ueber die Ausdrücke: altnordische, altnorwegische und isländische Sprache (въ Abhandlungen der K. Bayer. Akad. der Wissenschaften. Phil. Classe, XI B., 1867, s. 457—706); Island v. seiner ersten Entdeckung bis zum Untergange des Freistaats, Münch. 1874.

[6]) Glaubwürdigkeit der Egils-Saga und and. isländ. Saga's (Sybel's Zeitschrift, XXVIII, 60—100).

поэтической формѣ преданія, вѣрность его охраняется крѣпостью формы и гармоническимъ размѣромъ стиха; но сага именно не имѣла этой опоры, такъ какъ ея принадлежность—прозаическая форма [1]). На ряду съ этимъ простымъ (прозаическимъ) преданіемъ появляется, конечно, и поэтическое (пѣсни скальдовъ), которое можетъ простираться въ старину гораздо далѣе, но нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы поэтическое преданіе началось ранѣе, чѣмъ первое или съ самаго начала служило для него опорою... Въ древнѣйшихъ историческихъ сочиненіяхъ сѣверной литературы стихи вовсе не встрѣчаются, и уже это одно достаточно опровергаетъ предположеніе, что сагослаганіе было съ самаго начала соединено съ поэзіей въ лицѣ скальдовъ [2]).

Дикія племена придаютъ своимъ пѣснямъ нѣкоторую опредѣленную форму, свидѣтельствующую, что они считаютъ эти пѣсни отличными отъ обыкновенной рѣчи... Съ другой стороны, насъ часто поражаетъ нелѣпость хоровыхъ припѣвовъ во многихъ нашихъ пѣсняхъ, но эти припѣвы, повидимому, сохранились отъ болѣе древнихъ временъ. Правильный метръ стиха появляется только у народовъ, стоящихъ на болѣе высокой ступени культуры и т. д. (Тэйлоръ, I, 286—287, 372).—У норманновъ были въ обращеніи поговорки въ стихахъ, а будучи возбуждены, или въ болѣе важныхъ случаяхъ, они имѣли обыкновеніе говорить стихами. (Haralds-Saga ens Harfagra, cap. xxiv: Тьерри, Ист. завоев. Англіи, I, 119, 305).

По мнѣнію, существовавшему еще въ древности и поддержанному нѣкоторыми позднѣйшими писателями (Бокль), искусство письма чрезъ нѣсколько поколѣній производитъ коренное измѣненіе въ характерѣ народныхъ преданій и не только уменьшаетъ число истинъ, переходящихъ по преданію, но еще прямо поощряетъ распространеніе завѣдомо невѣрныхъ свѣдѣній.

Платонъ въ „Федрѣ“ (Сократъ) говоритъ: „полагаясь на внѣшнее письмо, изображенное чужими знаками, они не будутъ вспоминать впеча-

---

1) Размѣръ оказываетъ большую помощь процессу воспроизведенія впечатлѣній (У. Б. Карпентеръ, Основанія физіологіи ума, II, 24).

2) Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Константинополѣ (Жур. М. Н. Пр. 1875, № 2, с. 416—422).

Впрочемъ, мнѣніе, высказанное Мауреромъ и Васильевскимъ, вызвало, въ свою очередь, нѣкоторыя ограниченія (Сага о Финнбогѣ Сильномъ. Изслѣд. Ѳ. Батюшкова Спб. 1885, с. 4—15).

тлѣній внутренно—сами въ себѣ. Значитъ ты изобрѣлъ средство не для памятованія, а для напоминанія... Стало быть, кто думаетъ, что искусство онъ заключилъ въ буквы, и увѣренъ также, что отъ буквъ оно получитъ какую-то ясность и твердость, тотъ слишкомъ простъ и дѣйствительно не понимаетъ Аммонова предсказанія; ему кажется, что мысли, написанныя гораздо лучше *умѣнья помнить* то, что̀ написано" и т. д. (E—D, 275). Сенека (Ep. 88, 28) выражается: „Certior est memoria, quae nullum extra se subsidium habet". Не менѣе интересно и замѣчаніе Ю. Цезаря (De bello gallico, VI, 14).

Понятно, что во времена, предшествовавшія письму и книгопечатанію, значеніе поэта, какъ историка, было гораздо выше, чѣмъ впослѣдствіи. Многія старинныя европейскія пѣсни носятъ печать своего рода хроники [1]). Исторія почти всѣхъ извѣстныхъ народовъ непосредственно примыкаетъ къ этому матеріалу.

Въ Перу поэты или *харавеки* [2]) предметомъ своихъ пѣсенъ избирали славныя событія, которыя они воспѣвали во время народныхъ праздниковъ или за столомъ инки. Такъ составилось цѣлое собраніе поэтическихъ преданій, подобныхъ британскимъ или испанскимъ балладамъ, въ которыхъ до позднѣйшихъ временъ дошли имена многихъ вождей. У евреевъ было много пѣсенъ объ историческихъ событіяхъ. Главнымъ матеріаломъ для „Книги Судей" послужили изустные разсказы, переходившіе отъ поколѣнія къ поколѣнію, и старинныя пѣсни. Онѣ записаны, какъ отдѣльные разсказы, во времена царей, а соединены въ одну книгу, какъ полагаютъ, во время плѣна вавилонскаго. Изъ „2-ой книги Царствъ" видно, что въ одномъ изъ такихъ сборниковъ (Книга праведнаго) были пѣсни Давида (I, 17, 18). Въ „Книгѣ числъ" (XXI, 14) упоминается другой сборникъ—„Книга браней Господнихъ". Пѣснь Деворы и „псалмы", связанные съ именемъ Давида и „сыновъ Кореевыхъ", часто касались современныхъ событій.

---

[1]) Какой бытовой элементъ (рѣже собственно историческій) можно извлечь изъ нихъ (Тэйлоръ. 372—385).

Точно также Эссенъ (Glaubwürdigkeit der Egils-Saga und anderen isländ. Saga's. Sybel's Zeitschrift), не смотря на скептическое отношеніе къ историческому элементу въ исландскихъ сагахъ, полагаетъ, что изъ общаго понятія lygisögur (выдуманныхъ, ложныхъ сагъ) слѣдуетъ исключить тѣ саги, числомъ до 30, которыя разсказываютъ о событіяхъ домашней жизни на островѣ.

[2]) Названіе это значитъ „изобрѣтатель", что соотвѣтствуетъ норманскому trouvère (В. Прескоттъ, кн. I, гл. 4).

Пѣсни, при ихъ исполненіи, сопровождались игрою на музыкальныхъ инструментахъ [1]). Полагаютъ, что Геродотъ въ своихъ извѣстіяхъ объ ассирійскихъ царицахъ и др. легендарныхъ сказаніяхъ пользовался народными пѣснями, хотя, быть можетъ, сложенными и не ассиріянами [2]). Плутархъ (въ „Ѳемистоклѣ"), говоря о борьбѣ грековъ съ персами, упоминаетъ о варварскихъ пѣсняхъ этихъ послѣднихъ. Предшественники Геродота, греческіе логографы (Кадмъ Милетскій, Аркезилай Аргосскій, Гекатэй, Ферекидъ, Гелланикъ), бывшіе первыми *лѣтописцами*, составляютъ мѣстныя исторіи и генеалогіи, то соединяя ихъ съ миѳами и преданіями, то стараясь объяснить послѣднія, какъ историческія событія. Геродотъ еще вѣритъ въ реальность миѳическихъ лицъ и не сомнѣвается въ вѣрности хронологіи, основанной на счетѣ миѳическихъ поколѣній, хотя и старается иногда объяснить легенды болѣе естественнымъ способомъ. Самое повѣствованіе его имѣетъ эпическій характеръ, а многообразная зависимость Геродота отъ гомеровскаго эпоса давала право называть его „настоящимъ гомеристомъ" [3]). Сократъ любитъ прибѣгать къ примѣрамъ, заимствованнымъ изъ героическихъ сказаній [4]). И даже въ болѣе позднія и просвѣщенныя времена Гомеръ и Гесіодъ служили такимъ авторитетомъ въ глазахъ грековъ, что не кто иной, какъ Страбонъ (I в. по Р. Х.), замѣчаетъ, что скорѣе можно довѣряться имъ, нежели Ктезію, Геродоту, Гелланику и т. п. [5]). Точно также Аристотель въ своей „Политіи" пользовался стихотвореніями Солона и застольными пѣснями для историческихъ данныхъ о лицахъ и событіяхъ [6]); а историческія сказанія римлянъ дали право Нибуру говорить о прочности устнаго преданія [7]). На торжественныхъ пирахъ Аттилы и на турнирѣ по поводу его похоронъ пѣли стихи, въ которыхъ прославлялись его подвиги:

---

[1]) У евреевъ не было версификаціи, доведенной до совершенства въ греческой лирикѣ; форма еврейской лирики—параллелизмъ членовъ мысли; но они обращали вниманіе на то, чтобы слоги съ удареніями и безъ удареній чередовались, а параллелизмъ оборотовъ мысли производитъ раздѣленія рѣчи, подобныя стихамъ (Ern. Meyer, Gesch. der poetischen National-Literatur der Hebräer, Leipz. 1856 .

[2]) Duncker, Gesch. d. Alterth. II, S. 13. u. f.

[3]) Предисл. къ его исторіи, Ѳ. Г. Мищенка, XXII, LXII.

[4]) Пиръ Ксенофонта, VIII, 28—43.

[5]) Географія, XI, 6, 3.

[6]) В. Бузескулъ, Политія Аристотеля (Ж. М. Н. Пр. 1894, № 7, 58 - 59).

[7]) Röm. Geschichte, I, 230.

пѣсни эти производили въ слушателяхъ неописанный восторгъ. А Іорнандъ (пол. VI в.) разсказываетъ, что въ то время, когда онъ писалъ, слышали еще готовъ, распѣвавшихъ гимны въ честь ихъ героевъ [1]). Тацитъ о германцахъ говоритъ: „Въ своихъ древнихъ пѣсняхъ, которыя замѣняютъ имъ исторію и лѣтописи, они прославляютъ Бога Туисто, рожденнаго землею, и его сына Mann'а (человѣка), какъ родоначальниковъ и основателей нхъ народа“ [2]).

Какъ извѣстно, Карлъ В. приказалъ собрать и переписать древнія пѣсни германцевъ [3]). Его собственные подвиги сдѣлались предметомъ особаго цикла народныхъ сказаній. Саксонскій же поэтъ, перелагавшій въ к. IX вѣка лѣтопись Эйнгарда въ стихи, говоритъ: „Извѣстно, что народныя поэмы великими похвалами превозносятъ дѣдовъ и прадѣдовъ Людовика Благочестиваго: Пипиновъ, Карловъ, Хлодовиковъ, Теодориховъ, Карломановъ и Клотарей“. Неудача императора Людовика II подъ Беневентомъ послужила сюжетомъ для пѣсенъ, которыя распѣвались на улицахъ Рима [4]). Одна тевтонская пѣсня содержитъ воспоминаніе о побѣдѣ, одержанной въ 881 г. Людовикомъ III. Уже въ XI в. англонормандскій монахъ Терульдъ, воспитатель Вильгельма Завоевателя, собралъ пѣсни, ходившія въ народѣ о Карлѣ В., и въ Гастингской битвѣ (1066) сподвижники Вильгельма пѣли стихи изъ его поэмы о Роландѣ. Другая баллада о Карлѣ В. пѣлась еще въ XIV в.—въ битвѣ при Пуатье [5]). Обширнымъ собраніемъ англо-саксонскихъ, датскихъ и собственно норман-

---

[1]) Сказанія Приска Панійскаго (Уч. Зап. Им. Ак. Наукъ по II отд., т. VII, 68—69). Jordanis, De Getarum sive Gothorum origine et rebus gestis, Stuttg. 1861, стр. 49. Прискъ упоминаетъ и о пѣсняхъ скиѳовъ (51).

Пѣніе б. ч. сопровождалось игрою на инструментѣ (Jordanis, cap. 5, 11, pag. 32, 52—53).

[2]) Germania, cap. II, 11—15.

[3]) Eginhardus, Vita Car. Magni, cap. 29. За столомъ ему читались разсказы о дѣяніяхъ древнихъ (cap. 24). По свидѣтельству дневника Валафрида Страбона (годъ 822) въ монастырской школѣ въ Рейхенау при Боденскомъ озерѣ, основанной по распоряженію Карла В., читалось собраніе народныхъ пѣсенъ и преданій, (Шмидтъ, Ист. педагогики, II, 182—196).

[4]) F. Gregorovius, Gesch. der Stadt Rom. im Mittelalter, III, 185.

[5]) Норманъ Тайлеферъ выскочилъ впередъ войска и запѣлъ знаменитую по всей Галліи пѣсню Карломана и Роланда. Распѣвая, онъ игралъ своимъ мечомъ, высоко его подбрасывалъ и ловилъ на лету правою рукою и т. д. (Тьерри, I, 228, 346—348). См. также J. Grimm, Gedichte des Mittelalters aüf König Friedrich I den Staufer und aus seiner und der nachfolgenden Zeit. Berl. 1844.

скихъ пѣсенъ воспользовался Ог. Тьерри въ своемъ сочиненіи о завоеваніи Англіи норманнами—это по преимуществу походныя, военныя и политическія пѣсни, вызванныя вторженіемъ враговъ и морскими походами предпріимчивыхъ скандинавовъ, проникнутыя то величественнымъ, то печальнымъ тономъ. Почти ни одно выдающееся событіе, начиная отъ осады города до брака извѣстнаго лица не осталось безъ поэтическаго воспроизведенія [1]). Въ свитахъ вождей и при дворахъ королей (въ Англіи королевскій версификаторъ упоминается въ 1251 г.) встрѣчаются барды, воспѣвавшіе героевъ, менестрели, обязанные разсказывать не только миѳическія исторіи раннихъ временъ, но и исторіи изъ современной жизни, осмѣивать побѣжденнаго врага и т. п. [2]).

Обыкновенно при ѣдѣ норманскихъ королей присутствовали ихъ барды, которые играли на арфахъ и воспѣвали военныя и геройскія дѣянія ихъ патроновъ или ихъ предшественниковъ (Спенсеръ, 166). Послѣ Льюиской битвы въ 1264 г. была написана сатирическая пѣсня или баллада. Ричардъ I пригласилъ къ своему двору много менестрелей или трубадуровъ изъ Франціи. Эти поэты ввезли въ Англію большое количество своихъ разсказовъ и пѣсенъ, которые ок. царств. Эдуарда II сдѣлались общеизвѣстными и популярными среди англичанъ (ibid., 367). При коронаціи Генриха V (англ.) „присутствовало несмѣтное количество арфистовъ, сопровождавшихъ игру на арфѣ пѣніемъ героическихъ пѣсенъ“ (ibid., 375).

Другого рода пѣсни принадлежали странствовавшимъ къ св. мѣстамъ и нищенствовавшей братіи (Буслаевъ, II, 75). Ср. W. Giesebrecht, Die Vaganten oder Goliarden und ihre Lieder (Allgem. Monatschr. 1853, H. I, 3): Hubatsch, Die latein. Vagantenlieder des Mittelalters, Görl. 1870. Курбскій говоритъ, что „калики имѣли обычай строемъ распѣвать пѣсни у вратъ и предъ окномъ“ (Жизнь кн. Курбскаго, Н. Иванишева, II, 315).

Героическій эпосъ Испаніи сосредоточивается на личности Сида, нашедшей историческое объясненіе въ изслѣдованіяхъ Дози. Даже

[1]) См. т. I, 83, 99, 289, 292, 308, 329, 344, 346, 373, 376; II, 4, 24, 34, 79, 194, 201, 202, 241, 244, 315, 323, 330, 334, 342, 351; III, 137, 192, 304, 349, 355, 361. О пѣвцахъ у скандинавовъ (Стрингольмъ, II, 131—132). Норманны употребляли для записыванія своихъ пѣсень руническія письмена (runstabath), извѣстныя и на Западѣ. Пѣсни, какъ и у древнихъ, служили для возбужденія воинственнаго настроенія изображеніемъ прежняго величія и современныхъ бѣдствій (Тьерри, III, 63, 195, 197, 222, 238). Даже въ концѣ прошлаго столѣтія въ Шотландіи еще распѣвались по деревнямъ, пѣсни о битвѣ у Ботуэльскаго моста при Карлѣ II (256—257).

[2]) Тьерри, II, 105, 323; Спенсеръ, Англія, 138—139, 163, 165—167.

позже, проявленіе городской жизни и борьба за независимость, какъ побѣды швейцарцевъ и дитмарсеновъ, войны городовъ съ князьями, пробудившія увѣренность поселянъ и горожанъ въ своихъ силахъ, способствовали возникновенію среди нихъ историческихъ пѣсенъ. Швейцарцы пѣли о своихъ побѣдахъ при Нефальсѣ и Земпахѣ пѣсни, проникнутыя любовью къ свободѣ и роднинѣ. Однимъ изъ поэтовъ, слагавшихъ эти пѣсни, былъ цюрихскій гражданинъ Зутеръ. Таковы же пѣсни дитмаршей о битвѣ при Геммингстедѣ. Въ к. XV в. гражданинъ Фрейбурга Брейсгаускаго, Веберъ, писалъ пѣсни о побѣдахъ надъ Карломъ Смѣлымъ. Собственно нѣмецкія пѣсни того времени далеко уступаютъ швейцарскимъ, говоритъ нѣмецкій историкъ, потому что нѣмецкіе горожане не одержали такихъ побѣдъ, какъ швейцарцы. При политической раздробленности Германіи, при отсутствіи великихъ національныхъ интересовъ, народныя пѣсни у нѣмцевъ не могли получить историческаго содержанія, какимъ отличаются онѣ у испанцевъ и англичанъ; нѣмцы не имѣли національныхъ войнъ и національныхъ героевъ. Поэтому ихъ народныя пѣсни говорятъ почти исключительно о личной жизни[1]).

Принимая во вниманіе важность поэтическаго элемента въ созданіи историческихъ сказаній, не трудно понять и его значеніе въ историческихъ произведеніяхъ. Не говоря уже о древнихъ писателяхъ, которые такъ широко пользовались народными преданіями, миѳами и сказаніями, первоначальная исторія всѣхъ европейскихъ народовъ тѣсно связана съ ними. Исторія и сага постоянно переплетаются между собою и вліяютъ другъ на друга. Іорданъ, Григорій Турскій и Беда, не смотря на все различіе отношеній, положенія и образованія, одинаково пользуются послѣднею въ своихъ трудахъ. Исторія лангобардовъ Павла Діакона на половину состоитъ изъ народныхъ сказаній, на половину изъ политическихъ и церковныхъ событій, разсказанныхъ по Григорію Турскому, Бедѣ, біографіямъ папъ и т. п. Изъ народныхъ преданій, а быть можетъ изъ пѣсенъ, заимствовалъ Дудо въ С. Кантенѣ (к. X и нач. XI в.) свой разсказъ о походахъ и поселеніи норманновъ въ предѣлахъ Франціи. Въ Саксонской хроникѣ находится стихотворный разсказъ о побѣдѣ, одержанной англами надъ

---

[1]) Веберъ, Всеобщ. ист., VII, 419; IX, 248—250; Liliencron, Die historischen Volkslieder der Deutschen vom XIII bis zum XVI Jahrhundert, 4 Bde, Leipzig, 1865—69.

датчанами, и норвежская исторія, апотеоза одного датскаго писателя, убитаго съ пятью другими предводителями корсаровъ, на берегахъ Альбіона (Англіи). Видукиндъ въ первыхъ 15-ти главахъ своей хроники, излагаетъ, по древнимъ народнымъ пѣснямъ, извѣстія о бытѣ саксовъ до Карла В. и ихъ борьбѣ съ католическими франками, но и затѣмъ онъ не свободенъ отъ нихъ въ изложеніи исторіи Генриха I; а Робертъ Васъ, англонормандскій поэтъ, въ своихъ поэмахъ изображаетъ подвиги норманновъ и ихъ предводителей, основываясь на историческихъ хроникахъ и народныхъ преданіяхъ („не все сказка, и не все правда", говоритъ онъ объ этихъ произведеніяхъ). Въ „исторіи Британіи", составленной по народнымъ преданіямъ и приписываемой монаху Неннію (IX вѣка, авторъ многихъ житій), встрѣчаются почти всѣ герои поэмъ объ Артурѣ и рыцаряхъ Круглаго стола. Сохранявшіяся въ Бретаніи сказанія о древнихъ британскихъ царяхъ, рядъ которыхъ идетъ отъ Брута (т. е. Брита), получили новый интересъ въ эпоху завоеванія Англіи норманнами. По всей вѣроятности этому возрожденію интереса къ бретонскимъ преданіямъ слѣдуетъ приписать то, что Годефруа Монмаутскій помѣстилъ ихъ въ своей хроникѣ, сдѣлавшейся главнымъ источникомъ поэмъ о баснословныхъ герояхъ британской старины. Въ Уэльзѣ сохранились старыя кимврскія пѣсни и легенды („Mabinogion" и „Тріады"), нашедшія мѣсто въ хроникѣ уэльзскаго лѣтописца, современника Годефруа (Карадока Ланкарванскаго, † 1154). Подобный же элементъ можно прослѣдить и въ болѣе позднихъ лѣтописяхъ, не исключая собственно городскихъ хроникъ, причемъ онъ сливается уже съ такъ называемыми стихотворными хрониками (Kaiserchronik, а также французскія) [1]. Главнымъ источникомъ для одной изъ самыхъ обширныхъ хроникъ перваго крестоваго похода и первой поры существованія Іерусалимскаго королевства Альберта Ахенскаго или Эсскаго (d'Aix) послужили пѣсни, сложенныя о подвигахъ крестоносцевъ, которыя были очень распространены и пользовались большою популярностью. Въ этихъ сказаніяхъ главнымъ дѣятелемъ 1-го похода явля-

---

[1]) Пѣсни являются однимъ изъ главныхъ элементовъ въ стихотворныхъ хрониках (O. Lorenz, Geschichtsquellen des Mittelalters. I, 130–131). Авторъ одной изъ нихъ прямо говоритъ, что источниками для него служили устный разсказъ, народная пѣснь и латинская хроника.

ется Готфридъ Бульонскій, который до своего избранія въ санъ короля вовсе не имѣлъ такого важнаго значенія [1]).

Вполнѣ естественно, что указанный элементъ долженъ играть выдающуюся роль на извѣстныхъ ступеняхъ развитія каждой національной исторіографіи. Несторъ армянской исторіи, Моисей Хоренскій, широко пользовался народнымъ эпосомъ [2]), какъ равно и древняя грузинская лѣтопись [3]). Еще въ X в. у грековъ были свои былины, небольшія пѣсни, воспѣвавшія подвиги героевъ и иногда передѣлывавшіяся въ поэмы [4]). Нѣкоторые изъ этихъ героевъ—лица историческія. Таковъ напр. Дигенисъ—народный герой средневѣковой Греціи, [5]), повѣсть о которомъ была извѣстна въ Болгаріи и Россіи. Въ исторіи Анны Комненъ находимъ двѣ народныя пѣсни [6]).

Карамзинъ въ означенномъ произведеніи („Дѣяніе и житіе Девгеньево Акрита") сначала видѣлъ старинную русскую сказку, а потомъ переводное произведеніе [7]). Но изслѣдователямъ византійской литературы удалось открыть византійскую поэму X вѣка, служившую прототипомъ „Житія Девгеніева", и указать ея поразительное сходство съ греческими народными пѣснями (преимущественно Кипра и береговъ Понта Евксинскаго) и выдѣлить въ этихъ пѣсняхъ довольно обширный циклъ пѣсенъ *акритиче-*

---

[1]) Подробно см. Ueber die Entwickelung der deutschen Historiographie im Mittelalters. v. G. Waitz (Zeitschr. f. Geschichtswissenschaft, herausg. v. D-r Ad. Schmidt, 1848, II, Hh. I и II, Juli und August), также Ваттенбахъ и др.

[2]) Эминъ (Ж. М. Н. Пр., 1894, № 10, 386—388); Паткановъ (Всеобщ. ист. литер. Корша, I, 593); Г. Халатьянцъ (Армянскій эпосъ въ исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго, Опытъ критики источниковъ, ч. I и II, М. 1896, 347+80) и рецен. Н. Марра (Визант. Врем. 1898, I и II, 227—269).

[3]) Народныя пѣсни въ древне-грузин. лѣтописи (Ж. М. Н. Пр. 1892, № 9, с. 160): Очерки по исторіи грузинской словесности, А. С. Хаханова (Чт. Общ. ист. 1898, II, 140—148). Ср. также О древней грузин. хроникѣ, Патканова (Ж. М. Н. Пр. 1883, № 12) и Хахановъ: Слѣды позднѣйшей поэзіи въ Картлисъ-Цховреба, на грузин. языкѣ (Иверія, 1888).

[4]) Между прочимъ о нихъ говоритъ Ліутпрандъ (Antapodosis, V, 22): „Quod justo Dei judicio ita accidisse (что наказаны были за свое честолюбіе сыновья Романа Лакапена) non solun Europa, sed et Asia nunc cantat et Africa".

[5]) Объ Артурѣ. Греческая былина визант. эпохи. Издалъ, перевелъ и объяснилъ Г. Дестунисъ, Спб. 1877; О Ксанѳинѣ. Греч. трапезунт. былина визант. эпохи. Г. С. Дестуниса, Спб. 1881; А. Веселовскій, Отрывки визант. эпоса въ русскомъ (Вѣстн. Евр. 1874, № 4); Визант. повѣсть объ убіеніи имп. Никифора Фоки въ старинномъ болгарскомъ пересказѣ. П. Сырку. Спб. 1883; Визант. романт. поэзія, И. Созоновича, Варш. 1891.

[6]) Визант. Времен. 1894, II, 440; Anna Comn. Alexias, ed. Bon, p. 98.

[7]) Исторія госуд. рос., II, прим. 333; III, прим. 272.

скихъ. Съ признаніемъ въ этомъ героѣ историческаго лица, должна была пасть гипотеза, что Дигенисъ есть Геркулесъ древней Греціи, имя и дѣянія котораго были извращены народнымъ воображеніемъ. А издатель греческой поэмы Легранъ выразилъ желаніе, чтобы явился новый Форіэль для совмѣщенія въ одинъ corpus греческихъ народныхъ пѣсенъ, вновь записанныхъ — toutes ces productions de la plus belle des poesies populaires" (Les exploits de Digénis Akritas, éроpéе byzantine du X-me siècle, publ. par C. Sathas et E. Legrand, P. 1875; Recueil de chansons populaires grecques, P. 1876). Греческіе патріоты привѣтствовали въ Дѣяніи Девгенія свою родную пѣснь о Нибелунгахъ, свою пѣснь о Роландѣ. Поэма о Василіѣ Дигенисѣ доказываетъ, что рядомъ съ оффиціальной поэзіей, которая старалась сохранить классическія преданія, народная фантазія нашла себѣ выраженіе въ новомъ стилѣ и языкѣ. Теперь поэма о Дигенисѣ занимаетъ въ этой литературѣ первое мѣсто.—Жидель высказалъ предположеніе, что при пособіи этого памятника обнаружатся яснѣе отношенія французской средневѣковой литературы къ поэзіи греческаго Востока. А. Н. Веселовскій сблизилъ отдѣльныя мѣста Девгеніева Дѣянія съ средневѣковыми произведеніями нѣмецкой поэзіи: Ротеромъ и сказаніями о Дитрихѣ. Крумбахеръ сопоставляетъ его съ пѣснями о Роландѣ и Сидѣ. Тихонравовъ указалъ на особенное значеніе этой поэмы для исторіи древней русской литературы, находившейся подъ сильнымъ вліяніемъ Византіи. „Народныя пѣсни Акритическаго цикла, говоритъ онъ, разсѣяны по всѣмъ странамъ греческаго языка отъ Эпира до Кипра, отъ Іонійскихъ острововъ до береговъ Понта Евксинскаго. Невольно вспоминаются намъ выраженія Слова о полку Игоревѣ: „дѣвицы поютъ на Дунаи, вьются голоси отъ моря до Кіева". Подвиги предковъ Девгенія молва доносила до слуха книжныхъ русскихъ людей въ древнѣйшую эпоху". (Девгеніево Дѣяніе, въ Сочин. Н. С. Тихонравова, I, с. 257—258; ср. с. 62). Полная библіографія этого вопроса у К. Крумбахера (827—832 ср. 845, 849). По этому поводу онъ говоритъ: „Selbst in dem nationalrussischen Igorliede ist man neuerdings mit Erfolg byzantinischen Spuren nachgegangen" (Gesch. der byzant. Literatur, 2-te Aufl., 1887, S. 36).

Въ народныхъ пѣсняхъ припонтійскихъ грековъ, носящихъ на себѣ слѣды глубокой древности (XI стол. по упоминанію объ Узахъ), воспѣваются на ряду съ греческими палликарами также и Фаранги, которыхъ нѣкоторые изслѣдователи прямо принимаютъ за Варанговъ (предисл. къ II-му тому Средневѣковой библіотеки Саѳы. Ср. Г. В. Васильевскаго Варяго-русская и Варяго-англійская дружина въ Константинополѣ, Ж. М. Н. Пр. 1874, № 11, с. 142—143).

Наконецъ упомянемъ объ эпическихъ сказаніяхъ славянъ, ставшихъ въ свою очередь достояніемъ лѣтописи [1]).

Современный польскій историкъ говоритъ: „Въ хроникахъ сохранились риѳмованные стихи (на завоеваніе Поморья, на смерть Болеслава Храбраго, на смерть Казимира Справедливаго); но большее значеніе имѣетъ то обстоятельство, что нѣкоторыя главы хроникъ кажутся взятыми живьемъ изъ отдѣльныхъ поэмъ или даже переведенными изъ народныхъ былинъ, напр. о кіевскомъ походѣ Болеслава Храбраго, о Казимирѣ Монахѣ, о Петрѣ Властѣ“ [2]). Козьма Пражскій для древнѣйшаго періода (до-христіанскаго) пользовался народными пѣснями. Припомнимъ указанное выше мѣсто изъ „Слова о полку Игоревѣ“, какъ свидѣтельство о прошломъ и близкомъ автору „Слова“ настоящемъ. И русская лѣтопись несомнѣнно знаетъ и пѣсни, и пѣвцовъ.

Лѣтопись попа Дуклянскаго [3]) (изъ Дукли—Діоклеи, въ нынѣшн. Черногоріи), составленная во 2-й половинѣ XII в., написана такъ, по выраженію Ив. Кукулевича-Сакцинскаго, „какъ разсказывали или пѣли *старики*; въ то время, говоритъ онъ, творили исторію такъ, какъ народъ сербскій творитъ свои героическія юнацкія пѣсни“ [4]). Византійскій историкъ Никифоръ Григора, путешествуя по Сербіи (1325—26), слышалъ какъ поются пѣсни въ память героевъ; но не зная языка, съ византійскимъ высокомѣріемъ (напомнимъ отзывъ Ліутпранда о грекахъ), онъ находилъ самый языкъ ихъ звѣринымъ, а не человѣческимъ [5]). Такимъ образомъ свидѣтельство Григоры указываетъ на эпосъ, предшествовавшій циклу Косовской битвы [6]). Но Ранке съумѣлъ оцѣнить эти „роскошные вымыслы“ сербской поэзіи въ ея историческомъ значеніи [7]).

---

[1]) О славянской народной поэзіи, В. И. Ягича (Славян. Ежегодникъ, К. 1878). Объ историческомъ значеніи пѣсенъ см. замѣчанія А. А. Котляревскаго (въ рецензіи на сборникъ гг. Антоновича и Драгоманова, Отчетъ о XIX-мъ присужденіи Уваров. наградъ, 174—176).

[2]) М. Бобржинскій, Очеркъ исторіи Польши, I, 135—136.

[3]) Ягичъ, Ист. сербско-хорват. литер., 138, 142.

[4]) Пыпинъ, Ист. слав. литературъ, I, 174—175.

[5]) Римская исторія, кн. VIII, гл. 14.

[6]) Пыпинъ, I, 262—263 и далѣе.

[7]) Исторія Сербіи, 64.

Большинство старѣйшихъ сербо-хорватскихъ историковъ смотрѣло на Дукл. „хронику“, какъ на настоящій историческій памятникъ; но, по замѣчанію В. И. Ягича, она занимаетъ болѣе важное мѣсто, какъ памятникъ литературный (въ историческомъ отношеніи вопросъ этотъ былъ разсмотрѣнъ въ статьѣ Рачкаго, Književnik, I, тетр. 2, с. 190 и д.). Въ означенной хроникѣ сохранилось для насъ старѣйшее свидѣтельство о древнихъ пѣсняхъ и сказаніяхъ сербо-хорватовъ. Хотя текстъ хроники, въ которомъ она дошла, и въ древней латинской формѣ, и въ новѣйшей хорватской редакціи (XVI в.; оба текста сходны между собою только въ первой, древнѣйшей половинѣ; во второй, позднѣйшей, они расходятся), есть уже не поэтическое произведеніе, а простая литературная компиляція; но послѣднимъ источникомъ этой компиляціи были безъ сомнѣнія б. ч. народныя пѣсни и народныя сказки. Вѣроятно красоты ихъ остались непонятыми тѣмъ слишкомъ серьезнымъ монахамъ или пресвитерамъ, изъ которыхъ первому пришло на мысль передѣлать сербо-хорватскія народныя пѣсни о храбрыхъ банахъ, князьяхъ и воеводахъ въ литературный памятникъ въ формѣ лѣтописи, для чего этотъ монахъ, въ качествѣ лѣтописца, по всѣмъ правиламъ тогдашняго образованія, позаимствовалъ изъ народныхъ сказаній только одни имена и нѣкоторые эпизоды и соединилъ всю эту вереницу народныхъ героевъ, по его словамъ королей, въ одну родственную связь по извѣстнымъ правиламъ генеалогіи, съ очевиднымъ стремленіемъ придать своему труду характеръ византійской хроники. Въ предисловіи къ латинскому тексту авторъ-діоклеецъ увѣряетъ „своихъ любезныхъ братій и почтенныхъ священниковъ дуклянской архіепископіи“, что онъ не написалъ и не перевелъ „съ славянскаго на латинскій языкъ“ ничего такого, чтобы не было подтверждено *достовѣрными разсказами* ихъ отцевъ и древнихъ старцевъ („nullus legentium credat, alia me scripsisse, praeter ea, duae a patrikus postris et pntiduis senioribus veridica narratione referre audivi“). Такимъ образомъ и слова безъименнаго Діоклейца, и поэтическія отрывки самой хроники служатъ достаточнымъ доказательствомъ того, что въ этой древней исчезнувшей славянской лѣтописи, переведенной на латинскій языкъ еще въ XII в., дѣйствительно сохранились очевидные слѣды древнѣйшихъ сербско-хорватскихъ народныхъ пѣсенъ историко-эпическаго характера (Ягичъ, Исторія сербско-хорват. литературы, Казань 1871, стр. 138—142; латин. списокъ оригин. въ Архивѣ Кукулевича, I, 1851, с. 1—37; поздн. изд. полатыни и похорватски Iv. Crnčič'a Kral. 1874; ср. Кроника Харв. XII в., съ рус. перевод. и предисл. О. Бодянскаго, Чт. Общ. ист. 1867, III, 1—41).

Намъ нечего распространяться, что матеріалъ этого рода, представляя соединеніе вымысла съ дѣйствительностью, требуетъ большой

осторожности въ пользованіи имъ, какъ историческимъ свидѣтельствомъ. Смѣшеніе лицъ и событій разныхъ эпохъ является здѣсь дѣломъ обыкновеннымъ и неизбѣжнымъ. Такъ, въ эпическихъ преданіяхъ Скандинавіи и Германіи перемѣшаны воспоминанія о разрушеніи перваго королевства бургундовъ и князьяхъ меровингскихъ, павшихъ жертвою соперничества двухъ женщинъ, Брунегильды и Фредегунды, а имя Аттилы съ именемъ Теодориха, короля готовъ, какъ величайшимъ именемъ, которое осталось въ памяти зарейнскихъ народовъ [1]). Въ свою очередь, Дози показалъ, что въ поэтическихъ памятникахъ средневѣковой Испаніи образъ кастильскаго героя (т. е. Сида) подвергся послѣдовательнымъ измѣненіямъ, соотвѣтственно перемѣнамъ, которыя произошли въ политическомъ бытѣ и образѣ мыслей испанскаго народа—и автору „изслѣдованій объ испанской исторіи и литературѣ въ средніе вѣка" принадлежитъ честь возстановленія настоящаго образа этого лица, на основаніи историческихъ и литературныхъ данныхъ. И въ русскихъ былинахъ богатыри временъ Владиміра I сражаются съ татарами, князь Олегъ воюетъ противъ Турецъ-Салтана, въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ упоминается Литва и т. п.

Въ то время еще не думали о критическомъ отношеніи къ сказаніямъ и событіямъ. Такимъ образомъ Саксонъ Грамматикъ соединилъ въ одно цѣлое извѣстія о знаменитомъ Рагнарѣ Лодброкѣ съ данными о другомъ Рагнарѣ, владѣтелѣ Ютландіи, жившемъ за 100 лѣтъ прежде, приписавъ подвиги ихъ обоихъ одному лицу, и тѣмъ запуталъ одну изъ самыхъ любопытныхъ эпохъ сѣверной Европы [2]). Съ другой стороны названіе древней столицы Финляндіи (Або)—Тюрку, что значитъ *рынокъ*, подало поводъ Адаму Бременскому увѣрять, что въ означенной странѣ живутъ турки. Олицетворенія и выводы на основаніи однихъ названій были весьма распространены какъ въ древности, такъ и въ средніе вѣка [3]). Тѣмъ не менѣе „самый вымыселъ, говоритъ Ранке, имѣетъ свою истину, поскольку онъ представляетъ древнюю традицію. Есть періоды, въ которыхъ традиція и исторія нераздѣльно соединяются другъ съ другомъ" [4]).

---

[1]) Aug. Thierry, Lettres sur l'histoire de France, P. 1861, 81.

[2]) См. у Гейера (Gech. Schwedens, I, 41—48), Лаппенберга и др.

[3]) Тэйлоръ, 386—388.

[4]) Weltgeschichte, II, 1, S. 79.

Первую ступень историческаго преданія составляетъ *генеалогія*, сохраненіе замѣчательныхъ *именъ*, связанныхъ первоначально, какъ напр. въ Египтѣ, съ вещественными памятниками, до тѣхъ поръ, пока не является на помощь письменность, прежде которой немыслима настоящая исторіографія. Генеалогія имѣетъ мѣсто даже у такихъ націй у которыхъ вовсе нѣтъ исторіи или имѣется лишь весьма скудное бытописаніе, какъ напр. у индусовъ [1]) и кельтовъ, благодаря чему генеалогія чрезвычайно легко подвергается поддѣлкѣ, даже простому вымыслу и подлогу.

Связь генеалогіи съ миѳологіей хорошо извѣстна. Ирландцы хвалятся тѣмъ, что они могутъ опредѣлять съ точностью, восходя къ миѳологическимъ временамъ, фамилію, изъ которой кто произошелъ, и представить документы своего происхожденія (Ernest Renan, Essais de morale et de critique, 376 etc). Барды тщательно сохраняли древнія родословныя Бриттовъ, на которыя могли ссылаться представители ихъ капиталовъ. Въ этомъ народѣ даже люди низшаго слоя замѣчали и помнили всѣ степени своего происхожденія съ такою заботливостью, которая у другихъ народовъ была свойственна только богатымъ и знатнымъ (Тьерри, Ист. завоев. Англіи норманами, 1, 20—21). Какъ извѣстно, саги почти никогда не показываютъ годовъ; за то въ нихъ (собственно въ историческихъ сагахъ) называется по имени множество норвежцевъ и исландцевъ съ ихъ родословными, которыхъ древнѣйшіе исландцы собрали огромную массу (Отрывки Гедеонова, 223).

Постепенно, съ присоединеніемъ къ генеалогическимъ даннымъ событій и замѣчательныхъ подвиговъ, генеалогія переходитъ въ *хронику*. Послѣдняя служитъ основою всякой исторіографіи, подобно эпосу въ поэзіи; передача историческаго матеріала была главнымъ дѣломъ хроники во всѣхъ ея видахъ. Если хроника предоставлена самой себѣ, то она просто наблюдаетъ и передаетъ лишь изо дня въ день и изъ года въ годъ одно событіе за другимъ, не заботясь объ изящномъ изложеніи и о внутренней связи. Но хроника часто подвергается опасности отъ того, что не ограничивается однимъ этимъ предметомъ и подчиняется вліянію какъ въ изложеніи (поэтическій и риторическій элементъ), такъ и въ содержаніи. Тѣмъ не менѣе она оказала существенныя услуги, не говоря уже о томъ, что у нѣ-

---

[1]) По словамъ Вильсона, генеалогія Пуранъ „достовѣрнѣе, чѣмъ иногда подозрѣвали" (India, I, 161—162; Бокль, I, 223, примѣч. 35).

которыхъ націй, даже у такихъ, которыя занимаютъ важное мѣсто въ политической исторіи, никогда и не было иной исторіи, кромѣ хронографической. Вообще, хроника есть основная форма возникающей исторіографіи: въ своемъ простѣйшемъ видѣ она составляетъ достояніе неразвитыхъ націй или необразованныхъ эпохъ. Въ то время когда поэзія была единственнымъ романтизмомъ, а философія сухою діалектикой и схоластикой, какъ напр. на Востокѣ, рядомъ съ ними существовало единственное историческое изложеніе въ формѣ хроники [1]). Само собою разумѣется, что хроника, какъ исторія, переживаетъ свои періоды развитія, характеръ которыхъ зависитъ отъ національныхъ особенностей и духа извѣстной эпохи.

---

[1]) Gervinus, Grundzüge der Historik и Автобіографія (приложенія), §§ 10—12, 15.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Возникновеніе лѣтописи и ея исторія.—Востокъ. Греція и Римъ.— Средніе вѣка.—Монастырскія, мѣстныя и государственныя лѣтописи. Всемірныя хроники.—Вліяніе политическихъ событій и мѣстныхъ условій на ходъ лѣтописанія. — Городскія хроники.—Позднѣйшіе сборники и компиляціи. — Преданія и легенды. — Лѣтопись западныхъ славянъ.

I.

Обширныя китайскія лѣтописи, даже въ эпоху достовѣрной исторіи, представляютъ не менѣе плохой матеріалъ, какъ и до того времени: это сухое перечисленіе внѣшнихъ событій, утомительно однообразныхъ, извѣстія о бунтахъ, перемѣнахъ династій и злодѣйствахъ, совершавшихся при дворѣ, которыя не оживляются ни поэзіею, ни народнымъ колоритомъ. Тянутся ряды именъ и маловажныхъ придворныхъ происшествій, составляющіе лѣтопись. Съ печалью обращаются лѣтописцы къ прекрасному прошлому, объ упадкѣ котораго они непрестанно сѣтуютъ. Но и китайская лѣтопись задается цѣлью „произнести судъ надъ дѣятелями и событіями исторіи". Китайская исторіографія (китайцы говорятъ и о придворныхъ исторіографахъ) богата генеалогіями, біографіями и историческими сочиненіями (оффиціальными и частными, въ которыхъ, однако, много баснословнаго [1]).

---

[1]) Очеркъ исторіи китайской литературы, В. П. Васильева (Всеобщая исторія литер., изд. В. Коршемъ, I, сс. 445--454, 481—484, 491—495, 506—516, 549—550); О Конфуціевой лѣтописи Чунъ-цю и ея древнихъ комментаторахъ, Н. Монастырева, Спб. 1876. Замѣчаніе о японскихъ лѣтописяхъ (Вѣстн. Евр. 1894, № 11, с. 282, примѣч.).

Лѣтописи Ассиріи точно также нельзя сравнивать съ нашими лѣтописными сказаніями, расположенными въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ, въ болѣе или менѣе связномъ и ясномъ изложеніи; отъ нихъ нельзя требовать и полноты нашихъ лѣтописей: это *царскія лѣтописи* или *военныя реляціи* о подвигахъ ассирійскихъ царей, куда бытовая сторона народной жизни входитъ только случайно, въ той лишь мѣрѣ, въ какой дѣятельность царей соприкасается съ нею. Предметомъ особенныхъ заботъ ассирійскихъ царей служило желаніе оставить о себѣ память отдаленному потомству [1]). Почти каждый изъ нихъ строилъ дворецъ, на стѣнахъ котораго помѣщалась лѣтопись его подвиговъ (часто кровавыхъ) съ соотвѣтственными изображеніями, а затѣмъ лѣтопись эта въ цѣломъ видѣ, или отдѣльными частями, подробно или въ сокращеніи, повторялась на изваяніяхъ символическихъ животныхъ (стражей дворца), на глиняныхъ цилиндрахъ, на монолитахъ, обелискахъ, на кирпичномъ полу, съ торжественными заклинаніями о сохраненіи этихъ надписей отъ порчи. Самое изложеніе—отрывочное, лишенное внутренней связи и лишь при позднѣйшихъ царяхъ соблюдающее по крайней мѣрѣ внѣшнюю хронологическую послѣдовательность. Въ настоящее время имѣются лѣтописи ассирійскихъ царей за 700-лѣтній періодъ царства. Копіи съ многочисленныхъ историческихъ надписей, исписанныхъ глиняныхъ цилиндровъ и призмъ, встрѣчаются въ большомъ количествѣ въ библіотекахъ, служившихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и архивами. Беровъ [2]) пользовался подобнымъ матеріаломъ для своей исторіи. Хронологія была точно установлена въ Ассирійскомъ государствѣ: подобно тому, какъ въ Аѳинахъ и Римѣ, каждый годъ получалъ имя сановника (лимму, см. Menant), занимавшаго въ данномъ году высшее званіе въ государствѣ. Сохранилось нѣсколько такихъ именныхъ списковъ, въ которые вносились и важнѣйшія событія каждаго года. Въ Вавилонѣ, какъ и въ Египтѣ, время считали годами правленія царей [3]).

---

[1]) „Сохрани память о моемъ имени, возстанови мои надписи, поставь вновь алтари, напиши мое имя рядомъ съ твоимъ и тогда Ассуръ и Истаръ услышатъ твою молитку", говоритъ царь Ассургаданъ своимъ преемникамъ въ надписи отъ 672 г. до Р. Х. (J. Menant, La bibliothèque du palais de Ninive, P. 1880, p. 28).

[2]) Жрецъ при вавилонскомъ храмѣ Бела, ок. 265 г. до Р. Х. написалъ древнюю исторію вавилоно-ассиріянъ и мидянъ по памятникамъ, легендамъ и св. ихъ книгамъ, на греческомъ языкѣ.

[3]) Вавилоно-ассир. клинообразныя надписи, Н. А. Астафьева (Ж. М. Н. Пр. 1876, № 2); Лѣтописи ассир. царей, его же (ib. 1878, № 6; 1880; № 1); Древности

Несомнѣнно, что въ Египтѣ были полные списки именамъ правителей съ обозначеніемъ лѣтъ правленія каждаго изъ нихъ, но существуютъ сомнѣнія относительно вѣрности этихъ списковъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣсколько правителей царствовали одновременно въ разныхъ частяхъ страны. Это были „лѣтописи царства“, веденіемъ которыхъ занимались жрецы и на основаніи которыхъ египетскій ученый Манеѳонъ (пол. III в. до Р. Х.), по порученію Птоломея Филадельфа, написалъ на греческомъ языкѣ „египетскую исторію“; но отъ нея до насъ дошли лишь отрывки и списокъ царей въ разныхъ рецензіяхъ [1]). Списокъ Эратосѳена (274—194 г. до Р. Х.) также во многомъ не сходится съ предъидущимъ. Поэтому пробѣлы въ лѣтописи Египта, какъ и вообще въ исторіи Востока, дополняются надписями и другими памятниками.

До исторіи въ настоящемъ смыслѣ египтяне не дошли. Отъ нихъ не сохранилось ни одного труда, равнаго не только произведеніямъ греческой или еврейской исторіографіи, но даже ассирійской лѣтописи. То, что принято называть *царскими лѣтописями*, не представляетъ связнаго изложенія, велось безъ системы и имѣло почти случайный характеръ. На стѣнахъ Карнака излагали свои подвиги Тутмесъ III, Сети I, Рамзесъ II и др. Отъ перваго сохранились анналы почти цѣликомъ, но они отличаются сухостью и, быть можетъ, составляютъ извлеченіе изъ болѣе полной редакціи. Содержательнѣе и менѣе напыщенны лѣтописи эѳіопскихъ царей Піанхи, Нутаммона и др. Вельможи также любили покрывать стѣны своихъ гробницъ иллюстрированными біографіями, важными для историка. Сохранились и небольшіе историческіе труды, напр. исторія Рамзеса III, гдѣ разсказъ передается отъ его лица (вел. папирусъ Harris'a); но единственный родъ историческихъ произведеній, не ограничивающійся извѣстной эпохой или событіемъ,—это *списки царей*. Изъ нихъ самый важный,

---

вавилоно-ассирійскія по новѣйшимъ открытіямъ, его же, Спб. 1882, с. 64—65; (также Вѣстн. Евр. 1881, №№ 4 и 5); Babyloniche Literatur v. A. H. Sayce, Leipz 1878 (Ассиро Вавилонская литература А. Г. Сэйса, Спб. 1879); Annales des rois d'Assyrie, par J. Menant, P. 1874 собраніе ассир. надписей историческаго содержанія во франц. переводѣ); La bibliothèque du palais de Ninive, par Joach. Menant, P. 1880, Ист. ассир.-вавилон. литературы, Эд. Мейера (Всеоб. ист. литер. Корша, I, 236—255); Gesch. Babyloniens und Assyriens v. D-r Fr. Hommel, Berl. 1885 (въ сборникѣ В. Онкена).

[1]) Мемфисскіе и ѳивскіе жрецы сообщили Гекатею, Геродоту и Эратосѳену длинные списки царей. Нѣкоторые списки дошли до насъ въ папирусахъ.

но и сильно поврежденный,—туринскій, доходящій до XVI дин. Болѣе приходилось по вкусу египтянамъ тó, что называется теперь историческимъ романомъ. О болѣе выдающихся событіяхъ и лицахъ составлялись легенды, сказанія и даже цѣлые циклы ихъ, откуда многое заимствовалъ Геродотъ. До насъ дошли сказанія о войнѣ съ гиксами (папир Sallier), о взятіи Іоппіи при Тутмесѣ III (папир. Harris); сохранился цѣлый пентамеронъ, авторъ котораго разсказываетъ о времени Хеопса и т. п. [1]).

Египтяне писали частью на своихъ зданіяхъ, стѣны которыхъ украшались тщательно выполненными іероглифами, частью на каменныхъ плитахъ и глыбахъ. Рядомъ съ этимъ матеріаломъ уже съ древнѣйшихъ временъ была въ употребленіи бумага, приготовлявшаяся изъ волоконъ папируса. На ней писались книги, письма, судебные протоколы, дневники и т. п. Лѣтописи писались иногда на мягкой выдѣланной кожѣ (пергаментѣ); частные договоры—на черепицахъ и т. п. матеріалѣ.

Въ 1887 г. и послѣ того въ Египтѣ была найдена коллекція глиняныхъ дощечекъ, поступившая въ европейскіе музеи и оказавшаяся дипломатическою перепискою мессопотамскихъ и сирійскихъ владѣтелей съ фараонами XVIII династіи.

По словамъ греческаго историка Ктезія у персовъ существовали „царскія лѣтописи", которыми онъ будто бы пользовался, но въ которыхъ несомнѣнно преобладалъ миѳическій элементъ [2]). Извѣстія классическихъ писателей объ этой странѣ пополняются надписями (онѣ относятся ко времени ахеменидской династіи отъ Кира до Арта-

---

[1]) Г. Бругшъ, Исторія Египта, 36, 98, 109, 125, 163, 176, 210, 238, 252—266, 380, 384, 403, 468, 515, 554, 555, 561, 616; G. Maspero, Histoire ancienne des peuples de l'Orient, P. 1886; Исторія древне-египетской литературы, Эд. Мейера (Всеобщ. литер., Корша, 191—235); Geschichte des alten Aegyptens, v. E. Meyer (въ сборн. Онкена), Berl. 1886, S. 1—14; Б. А. Тураевъ: Египетъ (Энцикл. Словарь, изд. Брокгаузомъ, ч. XXII, 533 и д.); Новѣйшіе успѣхи и современное состояніе египтологіи (Ист. Обозр., т. IX, 1897); Египтологія на XI-мъ международномъ конгрессѣ оріенталистовъ въ Парижѣ (Ж. Мин. Нар. Просв. 1898, № 2).

[2]) Плутархъ говоритъ, что Ксерксъ передъ Саламинской битвой возсѣдалъ на золотомъ тронѣ, а вокругъ него было много писцовъ, которыхъ должность состояла въ томъ, чтобы описывать, что происходило во время битвы (Themistokles. 23). Народныя преданія послужили матеріаломъ для арабскаго историка Табари и „Книги царей" Фирдуси.

ксеркса III)[1]), самая важная изъ которыхъ—Бисутунская (Бехистанская)[2]). Въ этой надписи Дарій Гистаспъ сообщаетъ свою родословную, исчисляетъ подчиненныя ему страны и излагаетъ событія своего царствованія. Свѣдѣнія, изложенныя въ ней, отличаются сухимъ оффиціальнымъ языкомъ и имѣютъ вполнѣ документальное значеніе[3]).

Индійцы, вслѣдствіе отчужденія отъ интересовъ исторической жизни, въ исторіографіи стоятъ ниже другихъ цивилизованныхъ народовъ. Находясь въ рукахъ брамановъ, исторія Индіи почти не выходила изъ предѣловъ теософіи и миѳологіи. Вся человѣческая жизнь, по выраженію Бенфея, была для брамановъ лишь маленькою долею мощной божественной жизни, протекающей черезъ всѣ міры. Она лежала укрытая въ складкѣ, въ уголкѣ божественной матеріи. Генеалогическія таблицы царскихъ и жреческихъ родовъ, нисходящихъ по своимъ предкамъ отъ боговъ, вотъ единственныя историческія произведенія брамановъ, ничтожныя по своему значенію. Правда, почти при всѣхъ дворахъ были особые чиновники, которые обязаны были записывать рѣчи и дѣянія мудрецовъ и повелѣнія царей, послужившія основаніемъ для лѣтописей; но эти послѣднія погибли во время опустошеній, которымъ подвергалась страна въ теченіе многихъ вѣковъ. Хроники, какъ Дипаванша (к. IV в. по Р. Х.), Магаванша (к. V в. по Р. Х.) и др., принадлежатъ уже буддійской эпохѣ. Даже та хроника, которая въ индійской литературѣ считается единственной въ своемъ родѣ—Кашмирская (XII стол. по Р. Х.), содержитъ въ себѣ больше поэзіи, чѣмъ исторіи. Относительно позднѣйшихъ временъ пробѣлы хроникъ пополняются надписями (древнѣйшая ц. Ашоки, ок. 250 л. до Р. Х.) и монетами, искусство чеканки которыхъ вѣроятно зашло сюда отъ грековъ[4]).

---

[1]) Большинство изъ нихъ касается основанія и постройки зданій. Болѣе общій интересъ имѣютъ надписи времени Дарія Гистаспа, представляющія важныя историческія и географическія данныя.

[2]) По имени горы Бисутунъ близъ г. Керманшаха. По Діодору Сицилійскому βαγίστανον ὄρος.

[3]) Очеркъ исторіи древне-персид. литер. К. Г. Залемана (въ сборникѣ Корша, стр. 156—168, съ прилож. надписи); Иранъ, К. Риттера, съ дополнен. Н. В. Ханыкова, Спб. 1874; Gesch. des alten Persiens, v. D-r Ferd. Justi, Berl. 1879 (сборникъ Онкена).

[4]) Benfey, Indien (Энциклопедія Эрша и Грубера, т. XVII); Max Duncker, Gesch. des Alterthums, т. III, изд. 5-е, 1879; Очеркъ важнѣйшихъ памятниковъ санскр. литературы. И. П. Минаева (сборн. Корша, т. I); Gesch. des alten Indiens, v. D-r S. Lefmann, Berl. 1880 (сборн. Онкена), 2-е изд. 1890.

Преданія евреевъ отличаются отъ сказаній другихъ древнихъ народовъ тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ грубой фантастичности, свойственной послѣднимъ. Однѣ изъ нихъ историческихъ книгъ (Книга судей) основываются на изустныхъ сказаніяхъ и старинныхъ пѣсняхъ (какъ пѣснь Деворы); другія составлены по письменнымъ матеріаламъ различной древности (Книги царствъ), въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаютъ лѣтописи (царей израильскихъ и іудейскихъ), веденныя придворными исторіографами,—это сухія замѣтки и списки сановниковъ, перечни событій и распоряженій, пополненныя изустными разсказами и другими матеріалами и соединенные въ одно цѣлое теократической точкой зрѣнія на событія.

Есть основаніе полагать, что при скиніи существовали писцы, которые обязаны были описывать особенно важныя событія. Преданіе называетъ писателемъ или издателемъ „Книги судей“ прор. Самуила (около 1100 л. до Р. Х.). Онъ же считается и авторомъ одной части 1-й Книги царствъ (по 27 главу) или двухъ первыхъ книгъ. Такимъ образомъ, веденіе этихъ записей ставятъ въ связь съ пророческими училищами, основанными Самуиломъ. Многочисленные писцы изъ левитовъ. назначенные Давидомъ „къ царскому дѣлу“ (Паралипомен. I-я, 26, 29, 30, 32), какъ полагаютъ, вышли также изъ этихъ училищъ. Въ царствованіе Соломона (III-я цар. 4, 3) упоминаются двое писцовъ (госуд. секретарей), какъ и впослѣдствіи (IV, 22, 8), а также „дѣеписатель“ Іосафатъ. Другой лѣтописецъ упоминается въ исторіи ц. Езекіи (IV-я цар. 18, 18, 37). Очевидно, это были сановники, обязанные записывать важнѣйшія государственныя событія. Кромѣ того, въ 3-й и 4-й Книгахъ царствъ очень часто упоминаются лѣтописи царей іудейскихъ и израильскихъ (III, 11, 41; 14, 19, 29; III, 15, 23; 16, 5, 14; 27, 16; IV, 1, 18; 10, 34; 12, 19; 13, 12; 14, 15, 28; 15, 6, 21, 26, 36; 16, 19; 20, 20; 21, 17, 25; 23, 5). Только со времени ц. Давида начинается непрерывная хронологія.

Позднѣйшія историческія (двѣ) книги (Паралипоменонъ—хроника) сосредоточиваются главнымъ образомъ на судьбѣ Іудейскаго царства и истиннаго богослуженія въ Іерусалимѣ. Онѣ придаютъ особенное значеніе родословнымъ спискамъ, отъ Адама, и въ нѣкоторыхъ линіяхъ эти послѣдніе доведены даже до возвращенія іудеевъ изъ вавилонскаго плѣна, въ особенности же дома Давидова и первосвященническаго рода. Другимъ матеріаломъ для нихъ служили книги пророковъ, а также лѣтописи израильскихъ и іудейскихъ царей; наконецъ, преданія и записи, хранившіяся въ средѣ левитовъ (напр.

Ездры, который самъ былъ изъ левитовъ). Храмъ и духовенство— главные предметы вниманія составителя названной хроники, и той же идеѣ посвящены книги „Ездры" и „Неемін", главныхъ дѣятелей по возобновленіи храма, источникомъ для которыхъ служили, вѣроятно, записи этихъ лицъ, акты, относящіеся къ построенію храма, и подробные списки іудеевъ, возвратившихся изъ плѣна. Отдѣльные эпизоды изъ жизни еврейскаго народа описаны въ книгахъ „Есѳирь" (вскорѣ послѣ паденія Персидскаго царства) и „Юдиѳь", въ которой, подъ покровомъ старинныхъ именъ, изображается положеніе евреевъ при Селевкидахъ. Героиня сказанія—еврейская Жанна д'Аркъ. Книги „Маккавейскія" (по латинской Библіи—двѣ, по греческой—три), относящіяся къ эпохѣ Селевкидовъ (2-го в. до Р. Х.), посвящены исторіи религіозно-національной борьбы и защитѣ этого дѣла іудеевъ отъ предубѣжденій и нападокъ современниковъ [1]).

Въ Мексикѣ лѣтопись была тѣсно связана съ жреческимъ сословіемъ; въ Перу—съ положеніемъ правящаго класса инковъ и имѣла оффиціальный характеръ [2]).

II.

Въ иномъ видѣ представляется лѣтописное дѣло у народовъ Европы.

Древнѣйшіе греческіе историки обращали вниманіе лишь на циклъ миѳовъ и на старину отдѣльныхъ родовъ (генеалогіи), городовъ и мѣстностей. Это были іоническіе *логографы*, названные такъ потому, что они прозою λογογράφος) [3]), излагали то, что собрали и изслѣдовали замѣчательнаго относительно основанія городовъ, миѳовъ до-исторической эпохи, свойствъ и учрежденій различныхъ странъ, или *horографами* (ὧροι, annales), такъ какъ изложеніе ихъ представляло погодный разсказъ, посвященный исторіи извѣстнаго города. Новая эпоха греческой исторіографіи (съ Геродота) не устранила этой древнѣйшей формы, которой придерживались логографы. Преданія страны

---

[1]) Очеркъ исторіи древне-еврейской литер. И. С. Якимова (Коршъ, I, 315, 398—400); статьи о евреяхъ П. Л. (Энцикл. Слов., изд. учен. и литер., V, 46—78) и Д. Хвольсона (Слов. Брокгауза, т. XXI, 427—437); Gesch. des Volkes Israel., v. B. Stade (сборн. Онкена).

[2]) W. H. Prescott, Hist. de la conquête du Mexique liv. I, chap. 4-me.

[3]) Терминъ, употребленный Ѳукидидомъ, который въ число ихъ включаетъ и Геродота (I, 21).

продолжали приводиться въ порядокъ по способу Ферекида [1]) и дѣлались попытки создать для древнѣйшей исторіи хронологическій порядокъ, для чего служили родословныя отдѣльныхъ царскихъ родовъ, эфоровъ, жрецовъ и жрицъ, съ отмѣтками о высылкѣ колоній, побѣдителей на олимпійскихъ играхъ и другихъ обще-эллинскихъ празднествахъ и т. п., обыкновенно хранившіяся въ храмахъ и публичныхъ мѣстахъ [2]). Кромѣ того было не мало надписей на пограничныхъ столбахъ, на предметахъ, пожертвованныхъ въ храмы, на гробницахъ и т. п. Надписи эти заключали въ себѣ хронологическія даты и повѣствованія о подвигахъ какъ цѣлыхъ государствъ, такъ и отдѣльныхъ гражданъ.

Между тѣмъ, какъ Геродотъ основывалъ свои исчисленія по генеалогіямъ восточныхъ династій, въ особенности же лидійскихъ Гераклидовъ, чтобы такимъ путемъ опредѣлить эпоху греческаго Геракла и троянской войны, современникъ его, ученый Гелланикъ съ Лесбоса, впервые создалъ хронологическую систему доисторическаго времени по греческимъ источникамъ; однако она не получила національнаго значенія и рядомъ съ нею возникли пелопоннесскіе способы счисленія, къ которымъ примкнули позднѣйшіе александрійскіе хронологи [1]).

Плутархъ замѣчаетъ (Themistokles), 27): „Кажется Өукидидъ болѣе всѣхъ согласенъ съ лѣтосчисленіемъ, хотя и оно не составлено съ точностью". Өукидидъ признаетъ счисленіе по должностнымъ лицамъ не точнымъ, хотя иногда и слѣдуетъ ему (II, 2; V, 251). Для опредѣленія событій, предшествовавшихъ пелопоннесской войнѣ у него служатъ важнѣйшіе историческіе факты (троянская война, мараөонское сраженіе, текущая война и т. п.); въ описаніи современныхъ событій онъ излагаетъ факты по полугодичнымъ періодамъ, называемымъ *лѣтомъ* и *зимою*. Счисленіе по олимпіадамъ было принято историками не ранѣе Птоломея Филадельфа и Өукидиду вовсе неизвѣстно.

Лучшія произведенія древнихъ историковъ представляютъ собственно монографіи, обнимающія одно какое либо великое событіе или рядъ связанныхъ между собою внутреннимъ единствомъ истори-

---

[1]) Уроженецъ остр. Лероса близъ іонійскаго побережья М. Азіи, современникъ персидскихъ войнъ, онъ много лѣтъ прожилъ въ Аөинахъ, гдѣ собралъ сказанія объ исторіи Аттики и составилъ аөинскія родословія, начиная отъ Аякса до Мильтіада.

[2]) Dionys. Halicarn., De Thucyd., c. 5.

ческихъ явленій. Такимъ образомъ, они свели исторію на степень эпизодическаго изложенія и оставили въ этомъ родѣ великолѣпные образцы. Произведенія эти представляютъ собою или записки, мемуары (Ксенофонтъ, Юлій Цезарь и т. п.), или прагматическое изложеніе болѣе или менѣе обширныхъ эпизодовъ національной исторіи (Ѳукидидъ, Саллюстій и др.); но даже цѣльное изложеніе этой послѣдней (Титъ Ливій) не обязывало историка обращаться къ непосредственнымъ источникамъ, а онъ могъ ограничиться передачей традиціонной исторіи на основаніи другихъ анналистовъ и писателей [1].

Какъ извѣстно, у римлянъ были Annales maximi—лѣтопись, которую вели понтифики [2]; но самъ Цицеронъ въ другомъ сочиненіи (De republica) сообщилъ, что первое солнечное затменіе, своевременно записанное, относится къ 351 г. отъ построенія города; а болѣе раннія затменія высчитаны съ помощью астрономіи. Поэтому Нибуръ склонялся признавать, что анналы понтификовъ не могли служить источникомъ для эпохи, предшествовавшей пожару Рима во время нашествія галловъ. Примѣняя же къ Риму данныя средневѣковаго лѣтописанія, онъ допускаетъ существованіе въ Римѣ безъименныхъ хроникъ, записей частныхъ лицъ и приписокъ историческаго содержанія къ консульскимъ фастамъ и календарямъ. Въ этихъ зазаписяхъ онъ видитъ первоначальные анналы, возникшіе независимо отъ анналъ понтификовъ и въ которые вносились болѣе важныя событія. И въ лѣтописи Т. Ливія онъ находилъ мѣста, о первыхъ временахъ республики, взятыя цѣликомъ изъ какой нибудь древнѣйшей хроники. Позднѣйшіе изслѣдователи обращаютъ вниманіе на другіе стороны этого вопроса.

Такъ, Моммсенъ указываетъ на консульскіе списки—fasti consulares, стоящіе въ тѣсной связи съ календаремъ (fasti calendares), въ которомъ отмѣчались судебные и др. дни, причемъ перечень дней долженъ былъ повести за собою обозначеніе годовъ по эпонимамъ;

---

[1]) Курціусъ, Исторія Греціи, II, 210—220, 225; В. А. Шефферъ, Очеркъ греческой исторіографіи (Унив. Извѣст. 1883—1884); предисловія Ѳ. Г. Мищенка къ „Геродоту" и „Ѳукидиду".

[2]) „Отъ начала римскаго государства, говоритъ Цицеронъ (De oratore, II, 12, 25), до главнаго понтифика П. Муція (Сцеволы), главный понтификъ записывалъ всѣ событія каждаго года и, написавъ ихъ на бѣлой доскѣ, выставлялъ эту доску у своего дома (Regia) съ тою цѣлью, чтобы народъ имѣлъ возможность знакомиться съ этими событіями. Это и понынѣ называется „Большою лѣтописью".

но изъ этихъ отмѣтокъ и приписокъ не скоро еще образовалась правильно веденная понтификами лѣтопись. Другіе изслѣдователи (Петеръ, Зеекъ, Золтау и т. п.) подробнѣе останавливаются на способахъ перехода календарныхъ записей въ Annales maximi и чисто жреческомъ ихъ характерѣ, какъ и вообще всей древнѣйшей римской литературы [1]). Если же принять это во вниманіе, а также и то обстоятельство, что подлинныя доски не восходятъ далѣе эпохи галльскаго погрома, что жреческій ихъ характеръ медленно измѣнялся и принималъ болѣе свѣтскій характеръ и что, кромѣ нихъ, источникомъ для римскихъ анналистовъ могли служить главнымъ образомъ консульскіе фасты, то приходится признать что традиціонная римская исторія первыхъ двухъ вѣковъ республики, изложенная у Т. Ливія, весьма поздняго происхожденія.

Списки сановниковъ (libri magistratuum) назывались еще libri lintei (полотняныя) по матеріалу, на которомъ писались. Они хранились въ храмѣ Юноны Монеты, богини припоминанія, на Капиталійскомъ холмѣ. Въ 408 г. состоялось освященіе этого храма, которое Моммсенъ связываетъ съ установленіемъ понтификами консульскихъ фастъ и началомъ правильнаго лѣтописанія. „Мы предполагаемъ, что онѣ (такъ наз. полотн. книги) были писаны на лыкѣ, говоритъ В. Генъ; о настоящемъ полотнѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи“ (Культур. растенія. Историко-лингвистич. эскизы, 85). Договоры и государственные акты римлянъ вырѣзывались на мѣдныхъ доскахъ и хранились въ государственномъ архивѣ при Капитолійскомъ храмѣ Юпитера.

Распространеніе указанныхъ отмѣтокъ произошло не сразу, а постепенно. Во всякомъ случаѣ онѣ не были настолько обстоятельны, чтобы удовлетворить болѣе широкія требованія историковъ—и такъ смотрѣли на нихъ въ свое время по весьма мѣткому выраженію Катона.

„Не охота повторять, говоритъ Катонъ, что читается на таблицѣ у великаго понтифика, когда хлѣбъ былъ дорогъ, когда свѣту луны или солнца помѣшало затменіе или что либо другое“ (изъ его Origines у Авла Геллія, Noct. Att., II, 28, 6). Пренебреженіе къ ней вызывалось еще тѣмъ, что „жреческая

[1]) „Римская исторіографія—дочь и, вѣроятно, одна изъ младшихъ дочерей жреческой письменности“ (А. Энманъ, Легенда о римскихъ царяхъ, Ж. М. Нар. Просв. 1894, № 9, стр. 125—126, и отдѣльно, стр. 4—5).

лѣтопись" отличалась духомъ партіи и была покровительницею патриційскихъ интересовъ (Niebuhr, Röm. Gesch., I, 289 und f.). Впослѣдствіи же многое въ ней было искажено, выпущено или прибавлено (Моммсенъ).

Подобныя хроники велись не въ одномъ Римѣ; каждый латинскій городъ имѣлъ своихъ понтификовъ и свои особыя лѣтописи, какъ видно по нѣкоторымъ извѣстіямъ. Появились въ большомъ числѣ и частныя хроники [1]). А такъ какъ, по замѣчанію Моммсена, хроника никогда не содержитъ въ себѣ истины безъ примѣси вымысла, то всѣ эти хроники, выдавали ли онѣ себя за частныя или оффиціальныя произведенія, были въ сущности компиляціями историческаго и яко-бы историческаго матеріала и цѣнность ихъ въ качествѣ, какъ источниковъ, такъ и формальнаго изложенія, падаетъ въ той же степени, въ какой возрастаетъ ихъ полнота [2]). Уже около 120 г. до Р. Х. Публій Муцій Сцевола (консулъ 621 г. отъ осн. гор.), человѣкъ извѣстный и какъ юристъ, редактировалъ въ должности великаго понтифика (между 622—640 гг.) оффиціальную городскую лѣтопись въ 80 книгахъ, и хотя тѣмъ самымъ понтификальныя записи и не прекратились, но, благодаря возрастающей дѣятельности частныхъ хроникёровъ, не принимались въ соображеніе литературою.

По важности, какую придавали римляне всякаго рода предзнаменованіямъ, кото ыя заносились и въ оффиціальную лѣтопись, вполнѣ понятнымъ становится появленіе сборника этого рода данныхъ въ трудѣ Юлія Obsequens'a (пис.—IV в. по Р. Х.)—„Prodigiorum liber" (О чудесахъ). Въ немъ собраны въ хронологическомъ порядкѣ чудесныя явленія и знаменія въ римской исторіи съ 453—742 г. отъ осн. Рима, въ связи съ указаніемъ современныхъ событій. Авторъ внимательно читалъ Ливія и не нашелъ въ немъ ничего, заслуживающаго болѣе вниманія. Сочиненіе Юлія стало извѣстно и въ Россіи съ к. XVI в., благодаря переводу передѣлки труда послѣдняго Конрадомъ Ликостеномъ („Кроника, сирѣчь лѣтописецъ, чудесъ великихъ и небесныхъ и земныхъ, отъ начала свѣта до нынѣшнихъ временъ", рук. изъ собр. Царскаго въ библ. гр. Уварова), откуда

---

[1]) Основаніемъ для нихъ служили родословныя, stemmata, которыми такъ дорожили римскіе аристократы. Нелестный отзывъ объ этихъ родословныхъ и большинствѣ частныхъ хроникъ сдѣланъ Моммсеномъ (I. 437; II, 430). Послѣдніе своими тенденціями несомнѣнно повліяли на труды Т. Ливія и Тацита.

[2]) Образцы краткихъ анналистическихъ извѣстій встрѣчаются и у Тита Ливія.

отрывки изъ него перешли уже въ русскій Хронографъ (Обзоръ хроногр., Попова, II, 111—114).

Попытки къ установленію хронологіи въ Римѣ, какъ и въ Греціи, привели къ искусственному распредѣленію существующаго матеріала, къ сокращеніямъ и округленіямъ въ спискахъ царей и героевъ [1]). Въ періодъ исторической обработки лѣтописная форма изложенія пользовалась особеннымъ сочувствіемъ у римлянъ и къ ней нерѣдко прибѣгали даже выдающіеся писатели (какъ Титъ Ливій и Тацитъ [2]), и самыя понятія, соединенныя съ словами *annales* и *historia* долго были однозначущими.

Римскій писатель Авлъ Геллій (II в. по Р. Х.) приводитъ мнѣнія ученыхъ, по которымъ разница между „исторіей" и „лѣтописями" (анналами) заключается въ томъ, что въ исторіи повѣствуется собственно о событіяхъ, *современныхъ* автору. По ихъ мнѣнію annales совершенно то же, что и „historiae", но „historiae" не совсѣмъ то же, что annales. Historiae суть изложеніе или изъясненіе событій, но annales то, когда излагаются событія многихъ лѣтъ съ соблюденіемъ порядка каждаго года (Noctes Atticae, V, 18). По опредѣленію Цицерона исторія есть такой родъ повѣствованія, который отличается нѣкоторой *художественной* отдѣлкой; но у первыхъ римскихъ анналистовъ исторія была ничѣмъ инымъ, какъ annalium confectio (De orat., II, 12, 52). Титъ Ливій называетъ свой трудъ, то лѣтописью, то исторіей. Какъ извѣстно, Лессингъ держится тоже мнѣнія, что названія историка заслуживаетъ только писатель, который изображаетъ современную ему эпоху.

Мало этого: лѣтописная форма историческаго изложенія пережила политическую независимость Рима [3]). Съ другой стороны, позднѣй-

---

[1]) Курціусъ, II, 220; Моммсенъ, I, 436—438; II, 433.

[2]) Лѣтописи писали также Корнелій Непотъ, Кремуцій Кордъ и др.

[3]) См. Моммсенъ, I, 434—436. II, 430—435; III, 521—524; Тэнъ, Титъ Ливій, с. 352—354; Фюстель де-Куланжъ, Гражданская община античнаго міра, гл. VIII (обрядники и лѣтописи); Mommsen, Röm. Chronologie, S. 209 u. w.; Nitsch, Die Römische Annalistik, 1873; В. Пироговъ, Изслѣдованія по римской исторіи, Спб. 1878, гл. III-я (стр. 154—193—о римской лѣтописи и лѣтописцахъ); В. И. Модестовъ, Римская письменность въ періодъ царей, Каз. 1868 (о лѣтописи въ 5-й главѣ); также: Der Gebrauch der Schrift unter den römischen Königen, Berl. 1871; статьи Н. М. Благовѣщенскаго: „Анналы" и „Анналисты" (Энциклоп. Словарь, изд. учен. и литер., т. IV, 468-475); Annales Maximi (Real-Encyclopädie, v. Pauli); В. И. Герье. Научное движеніе въ области древнѣйшей Римской исторіи (Изданія Историч. Общ. при Имп. Москов. Унив. Рефер., чит. въ 1896-97 г., II, 323—360).

шему историку приходится сожалѣть о томъ, что хотя съ помощы всѣхъ этихъ хроникъ можетъ быть возможно было бы достичь чего ни будь подобнаго тѣмъ результатамъ, какіе добыты для ранняго пе ріода исторіи среднихъ вѣковъ путемъ сличенія между собою мно жества монастырскихъ хроникъ, но въ Римѣ, къ несчастію, предпочл пополнять пробѣлы эллинскою или поддѣлывающеюся подъ не ложью [1]). Много вредила тому и та литературная (риторическая форма, которой придавали большое значеніе римскіе историки, част въ ущербъ истинѣ, не говоря уже о политическихъ соображеніяхъ [2])

III.

Если въ римской литературѣ лѣтопись сохраняла за собою зна ченіе, то средніе вѣка вполнѣ благопріятствовали этому роду истори ческаго повѣствованія. „Теперь умѣли вести только *запись*, говорит Гизо, болѣе или менѣе точную, болѣе или менѣе полную, событіям и людямъ, не слѣдя за ихъ сцѣпленіемъ и нравственнымъ характе ромъ, не ставя ихъ въ связь съ жизнію государства, не отыскива въ нихъ ощущеній драмы или эпопеи, ставшихъ дѣйствительностію Однимъ словомъ, исторія была *хроникой*, не болѣе. Послѣдніе рим скіе историки, Лампридій, Вопискъ, Аврелій Викторъ, Евтропій, даж Амміанъ Марцеллинъ, чистые лѣтописцы. Лѣтопись была послѣдне формою проявленія исторіи въ свѣтской литературѣ древности. В той же формѣ проявляется она снова въ зарождающейся христіан ской литературѣ; первые христіанскіе лѣтописцы, Григорій Турскі между прочимъ, только копируютъ и продолжаютъ своихъ языческих предшественниковъ“ [3]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ существенно измѣняется и господствующа точка зрѣнія на событія міра. Подъ вліяніемъ христіанства и появлені новыхъ народовъ на историческомъ поприщѣ потребовалось создат новую всемірную исторію, согласную съ этою измѣнившеюся точко

---

[1]) Моммсенъ, I, 436—437. „Въ этомъ отношеніи даже позднѣйшіе римскі историки мало отличались отъ анналистовъ“. (Благовѣщенскій, loc. cit.).

[2]) Въ отношеніи одного изъ важнѣйшихъ изъ нихъ—Тита Ливія, эта сторон подробно разсмотрѣна Тэномъ; а въ отношеніи римскихъ историковъ вообще в недавно вышедшемъ трудѣ H. Peter'a (Die geschichtliche Litteratur ueber die rö mische Kaiserzeit bis Theodosius I und ihre Quellen, 2 B-de, Berl. 1897).

[3]) Исторія цивил. во Франціи, II, 39—40.

зрѣнія [1]). Необходимо было ввести въ кругъ исторіи изложеніе судебъ іудейскаго народа, получившаго значеніе по своей связи съ христіанствомъ [2]). Удовлетворить этимъ новымъ цѣлямъ взялъ на себя трудъ Евсевій, епископъ кесарійскій (264—340 гг. по Р. Х.), представившій въ своей „Всемірной исторіи" (хроникѣ) соединеніе библейской и древней исторіи (она заключаетъ въ себѣ сначала хронографическое изложеніе, а затѣмъ синхронистическія таблицы до 324 г.), которая вскорѣ распространилась какъ въ Византійской имперіи, такъ и на Западѣ въ латинской передѣлкѣ блаж. Іеронима, прибавившаго къ ней продолженіе (до 378 г.), и затѣмъ послужила образцомъ для послѣдующихъ хроникъ, какъ „церковная исторія" того же Евсевія служила источникомъ для ознакомленія съ первоначальной исторіей церкви. Послѣдняя была также переработана на латинскомъ языкѣ и продолжена Руфиномъ.

На основаніи новѣйшаго изслѣдованія по этому вопросу (Adolf Harnack, I Th. Gesch. der altchristlichen Litteratur bis Eusebius. II Theil: Die Chronologie der Literatur bis Irenäus nebst einleitenden Untersuchungen. Leipz. 1897, сюда относятся стр. 1—63) можно заключать, что данныя, сообщаемыя Евсевіемъ, вообще достовѣрны, хотя въ „Хроникѣ" большая часть ихъ добыта путемъ изслѣдованія, а не извлечена непосредственно изъ источниковъ. Притомъ въ „Хроникѣ" расположеніе событій ведется, по возможности, по отдѣльнымъ годамъ правленій императоровъ, а въ „Исторіи" — по цѣлымъ правленіямъ.

Независимо отъ того, Моммсенъ указалъ на весьма извѣстный въ Римской имперіи календарь (IV в.), въ составъ котораго входили: краткіе перечни консуловъ (по 354 г.), префектовъ и т. п. съ очевидными признаками языческихъ обычаевъ (напр., указаніе на игры и т. п.); данныя христіанскаго характера (списки римскихъ епископовъ и мучениковъ, съ обозначеніемъ дней кончины и т. п., пасхалія на 100 лѣтъ съ 312 г. и т. д.) и всемірная хроника по 334 г.

---

[1]) Исторія франковъ Григорія Турскаго называется иногда „церковною исторіею франковъ", такъ какъ она на все смотритъ съ церковной точки зрѣнія. Бѣдствія представляются ему наказаніемъ отъ Бога за презрѣніе къ его заповѣдямъ. О немъ см. статью Ѳ. Я. Фортинскаго: „Новое изданіе произведеній Григорія Турскаго (Унив. Изв. 1886, № 3, стр. 27—44).

[2]) Ту же связь между настоящимъ (своей общины) съ исторіею еврейства думали установить нѣкоторыя позднѣйшія секты (наприм. мормоны).

съ приложеніемъ хроники Рима и описанія его окрестностей. Списки папъ и епископовъ [1]), а также пасхальныя таблицы, помѣщавшіяся обыкновенно въ календаряхъ, служили прекраснымъ образцомъ для внесенія новыхъ событій и лѣтописныхъ перечней. Пасхаліей со времени перваго вселенскаго собора спеціально занимались нѣкоторые отцы церкви (Өеофилъ, еп. александр., Кириллъ, архіеп. александр.) а Діонисій Малый (Exiguus, жившій въ Римѣ въ VI в.) пріобрѣлъ даже большую извѣстность своимъ Cyclus paschalis, составленнымъ по этимъ образцамъ. Послѣ него этимъ дѣломъ занимались на Западѣ: аббатъ Феликсъ, еп. Исидоръ и Беда Достопочтенный, помѣстившій такія же таблицы въ своемъ произведеніи „De ratione temporum" [2]).

Тому же Бедѣ († 731) принадлежитъ Хроника (Chronicon seu Liber de temporibus seu de sex mundi aetatibus ab O. C.—726), въ которой онъ ввелъ дѣленіе всемірной исторіи на 6 возрастовъ: 1) отъ Адама до Ноя 2) отъ Ноя до Авраама; 3) отъ Авраама до Давида; 4) отъ Давида до ассирійскаго плѣненія; 5) отъ ассирійскаго плѣненія до Августа; 6) отъ Августа до импер. Ираклія. Будучи занесена англо-саксонскими монахами на континентъ, она вскорѣ стала извѣстной въ Германіи и Франціи и обыкновенно полагалась въ основу всемірныхъ хроникъ.

Издавна вошло уже въ обычай на краяхъ пасхальныхъ таблицъ дѣлать замѣтки о происшествіяхъ, давшія начало лѣтописнымъ записямъ, которыя съ теченіемъ времени дополнялись статьями изъ житій и разныхъ сказаній, некрологовъ, приписокъ на книгахъ (Евангеліяхъ и др. [3]) или выписками изъ прежнихъ исторій. Какъ на примѣръ пасхальныхъ записей можно указать на лѣтописи Амандскія

---

[1]) Папскою лѣтописью (Liber pontificalis) пользовались уже Беда и Павелъ Діаконъ; о ней—см. у Гизебрехта (въ Allgem. Monatsschrift 1852), Ваттенбахъ (изд. 6-е, т. I, 59, 303) и особенно въ предисл. къ новѣйшему ея изданію Duchesne'а. Списки консуловъ съ краткими извѣстіями были распространены какъ на Западѣ такъ и на Востокѣ, съ различными дополненіями. Мартирологи также подверглись цѣлому ряду переработокъ въ средніе вѣка.

[2]) См. Ideler, Handbuch der Cronologie, II, 285, 366—368; Ad. Drechsler, Katechismus der Chronologie, Leipz., 1881; Dr. Jos. Kopallik, Vorlesungen über die Chronologie des Mitt-rs, Wien, 1885.

[3]) W. Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, Berl. 189 I, 50, 150, 254; о фастахъ Идація (Hydatius) и пасхальной хроникѣ (58, 83) статья Фрикка (Byzant. Zeitschr. 1892, II, 283—292), направленная противъ мнѣнія Моммсена о нихъ.

(краткія), въ которыхъ событія то излагаются подъ однимъ годомъ, то разбиваются на нѣсколько лѣтъ [1]).

Собраніе первоначальныхъ лѣтописей франкскихъ и германскихъ см. въ Monum. Germ. historica Г. Пертца (Ss. т. I, 63—70, 97). Вотъ начало Амандской лѣтописи:

Anni incarnationis dominicae.

687. Bellum Pippino in Testrico, ubi superavit Francos.
688, 689, 690 . . . . 701.
702. Obitus Hildeberti regis.
703, 704, 705, 706, 707.
708. Quando Droco mortuus fuit in vernale tempore.
709. Quando Pippinus perrexit in Suavis contra Vilario.
710. Iterum Pippinus in Suavis contra Vilario (Pertz, I, p. 6).

Въ такомъ же родѣ лѣтопись идетъ съ тремя продолженіями до 810 г. Въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописей годы занесены въ строку, а въ другихъ совсѣмъ опущены.

Если не доставало на пасхальной таблицѣ мѣста, то замѣтки вносились наверху, внизу и т. д., съ указаніемъ на относящіеся къ нимъ года. Понятно, какую хронологическую несообразность могли произвести при перепискѣ менѣе толковые писцы, опускавшіе года и путавшіе событія.

На Западѣ еще въ XIII—XIV в., для занесенія замѣтокъ, пользовались, по древнѣйшему обычаю, большими таблицами, покрытыми воскомъ, и штифтомъ для писанія на немъ (Вейсъ, Внѣшній бытъ народовъ, т. II, ч. II, 387). Таковы, между прочимъ, таблицы съ записями, касающимися г. Гослара 1341—61 гг. (Ottokar Lorenz, Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, 3-te Aufl., II, 147). Подобныя же таблицы (дощечки) употреблялись и въ школахъ (дневникъ Валафрида Страбона, Шмидтъ, Ист. педагогики, II); а также лѣтописцами для своихъ записей прежде перенесенія ихъ на пергаментъ (Ваттенбахъ, II, 53).

Иногда годъ и число наводили автора на воспоминаніе о прошломъ и онъ записывалъ это послѣднее. Изъ подобныхъ замѣтокъ, дополненныхъ посторонними матеріалами и данными, заимствованными изъ другихъ источниковъ, образовались сводные списки лѣтописей,

[1]) Пасхальныя записи въ нѣкоторыхъ монастыряхъ велись еще во 2-ой половинѣ среднихъ вѣковъ (Ottokar Lorenz, Deutschlands Geschichtsquellen, I, 197).

которые позволяютъ нерѣдко отличать въ нихъ разныхъ авторовъ въ разсказѣ объ одномъ и томъ же событіи; иногда разсказъ одного и того же автора разбивается вставками на нѣсколько частей [1]).

IV.

Между средними и древними вѣками собственно нѣтъ никакой опредѣленной границы; долгое время они идутъ какъ бы параллельно другъ другу.

Въ теченіе всего періода, который мы называемъ *темнымъ* и *средними вѣками*, люди были убѣждены, что все идетъ такъ, какъ оно было вначалѣ, что никакая пропасть не лежитъ между ними и древнимъ міромъ, къ которому всегда были устремлены ихъ взоры. Мы, отдѣленные отъ нихъ столѣтіями, можемъ видѣть, что произошла огромная и удивительная перемѣна въ мысли, искусствѣ, литературѣ и въ самомъ обществѣ... Но перемѣна эта была до такой степени постепенной, что каждое отдѣльное поколѣніе чувствовало такъ же мало, какъ отдѣльный человѣкъ чувствуетъ постоянную трансформацію, обновляющую его тѣло изъ года въ годъ... (Брайсъ, Священ. Рим. имперія, 209).

Отличительный элементъ представляетъ христіанство, которое разлагаетъ созданіе древности и частью уничтожаетъ, а частію преобразовываетъ его [2]). Затѣмъ оказываетъ вліяніе на ходъ событій вступленіе въ исторію новыхъ народовъ, главныя стороны развитія которыхъ постепенно берутъ перевѣсъ. Тѣмъ не менѣе связь съ древнимъ міромъ не была порвана. Достойно вниманія, что средневѣковымъ хроникёрамъ присуща основная точка зрѣнія о связи новаго міра съ римскимъ государствомъ. Для хроникёровъ Римская имперія остается всемірной и самая Нѣмецкая имперія разсматривается позже, какъ продолженіе ея [3]). Послѣ паденія Западной имперіи, лѣтописцы ведутъ линію византійскихъ императоровъ до Карла В. и такимъ образомъ какъ бы сохраняютъ видимую связь, хотя въ промежуткахъ вставляютъ цѣлые эпизоды изъ народной исторіи.

---

[1]) Любопытный примѣръ разбивки событія одного года подъ нѣсколькими годами представляетъ пражскій списокъ (XIV в.) лѣтописи Козьмы Пражскаго.

[2]) Литература, сдѣлавшись достояніемъ исключительно одного класса, пріобрѣла особенности, свойственныя ея новымъ дѣятелямъ, что̀ отразилось на лѣтописяхъ и народныхъ преданіяхъ всѣхъ націй (см. Бокль, I, 226–227).

[3]) W. Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, 6-e Aufl. Berl. 1894, S. 51—52.

Лѣтосчисленіе отъ С. М. входитъ въ употребленіе съ VI-го вселенскаго собора. Христіанское счисленіе на Западѣ впервые появляется въ VI в. и, благодаря вліянію соч. Беды, распространяется въ VIII стол., но въ общее употребленіе входитъ лишь въ X стол. (см. Опытъ русской исторіогр. I, 145—146). Поэтому счетъ лѣтъ по консульствамъ и правленіямъ долго удерживался въ лѣтописной практикѣ (Wattenbach, I, 58). Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ хронологія ведется по правленіямъ вмѣстѣ съ обозначеніемъ лѣтъ отъ Р. Х. (Pertz, II, 65, 319 и др.). По прошествіи тысячи лѣтъ отъ Брута Старшаго монархи римскій и константинопольскій все еще назначали двухъ консуловъ, единственно для того, чтобы обозначить годъ ихъ именемъ и доставить народу удовольствія празднествами (Гиббонъ, IV, 379—381; Грегоровіусъ, I, 335; II, 270, 382, 523). Карлъ В. въ капитуляріяхъ иногда обозначаетъ и годъ своего консульства (Брайсъ, 118; ср. 208). На Западѣ Карлъ В. признавался законнымъ преемникомъ не Ромула Августула, но Льва IV Ираклія, Юстиніана, Аркадія и всей восточной линіи императоровъ. Поэтому во всѣхъ анналахъ, современныхъ и послѣдующихъ вѣковъ, непосредственно за именемъ Константина VI—67-го императора, считая отъ Августа, слѣдуетъ имя Карла В.—68-го. Конечно, подобная градація въ Византіи не признавалась, хотя иногда и тамъ уступали титулъ императора тевтонскому государю (Брайсъ, стр. 49; ср. стр. 47, прим. 2 и стр. 152, прим. 3; ср. Pertz, I, 282—313). Въ такомъ смыслѣ выражается Конрадъ III въ письмѣ къ византійскому императору (Otto Frising., De Gestis Friderici I, lib. I, cap 23). Но и позднѣйшіе лѣтописцы любя иногда связывать нѣмецкихъ императоровъ съ римскими и византійскими (Wattenbach, II, 467; Ottok. Lorenz, I, 278; теоретическое развитіе этого вопроса, ibid., II, 335—345).

Не была прервана связь съ древнимъ міромъ и въ другомъ отношеніи. Латинскій языкъ (mediae latinitatis), хотя и въ искаженномъ видѣ, продолжаетъ господствовать въ литературѣ и на немъ пишутся лѣтописи.

Въ монастыряхъ велись свои лѣтописи и мартирологи, при дворахъ королей и князей появляются оффиціальныя записи, которыя служатъ потомъ матеріаломъ, для составленія болѣе обширныхъ хроникъ [1]). Съ утвержденіемъ господства дома Каролинговъ (прав.

---

[1]) Въ лѣтописяхъ мы часто встрѣчаемъ выраженія: „король отправился въ такой-то монастырь праздновать пасху, рождество провелъ тамъ-то“ и т. п. Монастырь замѣнялъ столицу; онъ являлся политическимъ учрежденіемъ и писатель былъ не только духовнымъ, но и вмѣстѣ съ тѣмъ придворнымъ (см. „Средневѣковой историкъ и его отношеніе къ своему обществу“, М. Стасюлевича, Вѣст. Евр. 1866, I, 264—300).

въ Австразіи), т. е. со времени рѣшительной побѣды Пипина Геристаля (битва при Тестри, 687 г.) получаетъ свое начало *Амандская лѣтопись* (названная по монастырю св. Аманда, въ которомъ найдена рукопись), значительно распространенная и пополненная послѣдующими продолжателями и послужившая потомъ основаніемъ для извѣстной хроники мон. Сигберта Gemblоux. Въ другихъ лѣтописяхъ находятъ также слѣды придворныхъ анналовъ Каролингскаго дома. Съ другой стороны, хроника Фредегара, писанная въ Бургундіи, и *Gesta Francorum*, составленные въ Нейстріи, подверглись теперь переработкѣ и нашли продолжателей въ Австразіи, причемъ эти послѣдніе, касаясь дѣяній франковъ, намѣренно опускаютъ факты, относящіеся къ дѣятельности меровинговъ, и вездѣ стараются возвысить домъ каролинговъ. Такимъ образомъ, франкская хроника въ этой передѣлкѣ становится уже фамильной хроникой этихъ послѣднихъ и получаетъ оффиціальный характеръ; но въ этомъ заключался и ея существенный недостатокъ. Чѣмъ ближе составители стояли къ Каролингамъ, тѣмъ больше остерегались они помѣщать то, что было бы непріятно ихъ властителямъ [1]).

Вмѣстѣ съ военной славой, сопровождавшей утвержденіе дома Каролинговъ, возвышается значеніе церкви и увеличивается число монастырей, въ связи съ которыми находится чествованіе святыхъ и появленіе ихъ житій, содѣйствовавшихъ распространенію въ обществѣ извѣстныхъ понятій и легендъ.

Вообще, возрастаніе числа монастырей должно было отразиться на извѣстныхъ литературныхъ вкусахъ, интересахъ и развитіи общества. Такъ, въ к. X в. въ Римѣ было 120 монастырей (Грегоровіусъ, III, 35). Въ періодъ VI до нач. X в. въ Германіи насчитываютъ 314 монастырей (Alb. Hauck, Kirchengeschichte Deutschlands, II, S. 732—743); а въ X до первой четверти XII стол. вновь возникло 507 мон.—мужскихъ и женскихъ (ibid. III, 1001—1020). До 1000 года во Франціи было основано 1108 мон.: въ XI в вновь появилось 326, а въ XII в. 702 (П. Сабатье, Жизнь Франциска Ассизскаго, стр. x, примѣч.). Въ Англіи въ теченіе среднихъ вѣковъ было основано до 1200 монастырей, но передъ уничтоженіемъ ихъ Генрихомъ VIII оставалось только около половины, а въ теченіе 30 лѣтъ передъ 1509 г. не было основано ни одного монастыря (Трайль, Обществен. жизнь Англіи, III, 35, 57—62). Въ рукахъ церкви находилась здѣсь $^1/_5$ часть національнаго богатства (ibid. 40).

---

[1]) Wattenbach, I, 107—109, 128, 141—143.

Число монаховъ было различно. Во всякомъ случаѣ оно сильно колеблется: были монастыри съ 12—30 монахами и даже менѣе, но нерѣдко бывало по 100—200 и 300 монаховъ, а въ иныхъ мм. доходило до 600 и 1000 монаховъ (Hauck, I, 236, 251, 276; II, 531, 534). Значеніе монастырей въ особенности поднялось, когда они стали учреждать конгрегаціи. Такъ, въ XII стол. къ главному мон. Клюни (въ Бургундіи) приписано было 2000 монастырей. Францисканцы получили разрѣшеніе на проповѣдь у папы Иннокентія III въ 1210 г.; въ 1219 г. они являются въ Германіи; въ 1224 - въ Англіи, съ 1228 г. - въ Чехіи, Венгріи, Польшѣ, Даніи и Норвегіи, а въ 1284 г. насчитываютъ уже до 8000 домовъ и 200000 братіи, принадлежащихъ ихъ ордену (K. Müller, Die Anfänge des Minoritenordens und der Bussbruderschaften, Freib. 1885).

V.

Средневѣковая исторіографія на первыхъ порахъ отлилась въ двѣ главныя формы—*лѣтописную* и *біографическую* (жизнеописанія извѣстныхъ государственныхъ дѣятелей и собственно житія святыхъ), причемъ главными центрами этой дѣятельности являются монастыри [1]). Такъ было въ Англіи, Франціи, Германіи и др. странахъ Европы. Почти каждое поколѣніе монастырскаго братства имѣло своего лѣтописца, который записывалъ извѣстія о событіяхъ въ монастырѣ, въ своемъ государствѣ и другихъ земляхъ. Многіе начинали повѣствованіе отъ С. М. или съ Р. Х., переписывали прежнюю лѣтопись до своего времени, извѣстія о которомъ записывали сами; но другіе прямо только продолжали лѣтопись своего предшественника. Поэтому лѣтописи не отличаются одинаковымъ достоинствомъ въ разныхъ своихъ частяхъ. Работа велась обыкновенно въ церковномъ духѣ.

Помимо общихъ церковныхъ воззрѣній на событіяхъ міра, лѣтописцы проводятъ взглядъ, что избираемый король не былъ бы избранъ, если бы онъ не былъ предъизбранъ еще до сотворенія міра верховною Троицею и что если подданные угнетаются властью, то это бываетъ за ихъ грѣхи (Antapodosis, II, 23), причемъ самыя награды и наказанія распредѣляются сообразно отношеніямъ къ предметамъ церковнаго почитанія (Титмаръ, IV, 43, 47, 48). Свои воины оказываются подъ защитою свыше, а глаза мертвыхъ враговъ выклевываются воронами (Gregorovius, IV, 83—84); мятежники приростаютъ ногами къ землѣ (какъ римляне при разграб-

[1]) Въ извѣстномъ собраніи болландистовъ съ января по октябрь помѣщено до 25000 житій, включая и позднѣйшія (Гизо, Ист. цивил. во Франціи, II, 23—26).

леніи Латерана, ibid. 88—89); на могилахъ враговъ (католическаго и схизматическаго лагерей) одинаково совершаются чудеса (ibid 302), а смерть врага объясняется поруганіемъ мѣстной святыни (Тьерри, Ист. завоев. Англіи, II, 215). Випонъ (полов. XI в.) заявляетъ, что писать исторію своего времени можно, такъ какъ это не воспрещается ни одной религіей, и въ подтвержденіе того онъ ссылается на Библію, въ которой разсказаны не только дѣянія патріарховъ но и совершавшіяся недавно событія (прологъ). Жуанвиль говоритъ: „Я не знаю другой причины, почему турки не захватили насъ въ Акрѣ, кромѣ любви Божіей къ нему (Людовику св.), которая вселяла страхъ въ сердца нашихъ враговъ“ (Histoire de France, изд. Didot, P. 1858, кн II-я; Kleinpaul, Das typische in der Personenschilderung der deutschen Historiker d X. Jahrh., Leipz. 1897).

Большая часть хроникъ—не произведенія одного автора, а общая работа многихъ поколѣній монаховъ того или другаго аббатства, которому принадлежала лѣтопись. Главное содержаніе безъискусственныхъ записей средневѣковыхъ лѣтописцевъ составляютъ событія, случившіяся въ самомъ монастырѣ, къ нимъ присоединяются упоминанія о событіяхъ въ епархіи, къ которой принадлежалъ авторъ, и вообще въ христіанской церкви; но заносились въ этотъ перечень и факты мірской жизни: важнѣйшія событія при дворѣ и на войнѣ; записывались затменія и другія физическія явленія. Наглядный примѣръ технической стороны лѣтописной работы представляетъ намъ болѣе поздняя хроника Титмара (нач. XI в.), человѣка по своему времени съ выдающимся образованіемъ, которая притомъ дошла до насъ почти въ томъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ она вышла изъ рукъ автора. Онъ вставляетъ въ свой разсказъ много цитатъ изъ Библіи и отрывковъ изъ латинскихъ поэтовъ; но порядокъ разсказа у него сбивчивый; онъ постоянно дѣлаетъ дополненія: приписываетъ на поляхъ то, что узналъ въ послѣдующіе годы, дѣлаетъ вставки, относящіяся къ прежнимъ частямъ разсказа; отъ этого разсказъ часто выходитъ безсвязнымъ и въ немъ встрѣчается не мало противорѣчій [1]). Точно также каждое епископство, каждый монастырь считали дѣ-

[1]) Wattenbach I, 357. Въ его хроникѣ отмѣчаютъ колебанія между формою лѣтописи и житія (Титмаръ Мерзебургскій и его хроника, Ѳ. Я. Фортинскаго, стр. 59—72). Противорѣчія въ средневѣковыхъ хроникахъ являются часто результатомъ подобнаго составленія ихъ и позднѣйшихъ наслоеній (О происхожденіи и составѣ хроники Георгія Амартола, С. Шестакова, Каз. 1892, с. 12—13, 22).

ломъ чести имѣтъ жизнеописаніе своего основателя или святаго [1]); но біографіи того времени вообще имѣютъ не столько историческій, сколько легендарный характеръ.

Отмѣтитъ еще одну особенность, свойственную тогдашней литературѣ въ одинаковой степени, какъ византійской, такъ и латинской, и усвоенную подъ ихъ вліяніемъ другими народами — это *діалогическая* форма изложенія, къ которой такъ часто прибѣгаютъ лѣтописцы и агіографы (въ обиліи діалоги писались и отдѣльно). Діалогъ не всегда есть, однако, воспроизведеніе какого либо дѣйствительнаго факта, пренія, а только лишь *литературная форма*, какая признавалась наиболѣе удобною для выраженія тѣхъ мыслей, которыя хотѣлъ опредѣленнѣе и рельефнѣе выставить авторъ, или посредствомъ которой онъ надѣялся удачнѣе защитить извѣстное мнѣніе (Визант. Временникъ 1895, II, 218).

Со времени Карла Вел. возникаетъ живой интересъ къ классической литературѣ, а это отразилось въ свою очередь на историческихъ трудахъ. Такимъ образомъ, вмѣсто варварской латыни, которая преобладала въ предшествующій періодъ [2]), Эйнгардъ, извѣстный по своей близости ко двору, могъ написать уже „жизнь Карла Вел." такимъ языкомъ, который считается образцомъ чистоты и художественности изложенія для послѣдующихъ поколѣній. Онъ подражалъ даже въ мелочахъ Светонію, чтó не могло не отразиться на его трудѣ въ ущербъ истинѣ [3]). Съ именемъ его же нѣкоторые связываютъ переработку и продолженіе Лоршской или Лавресгамской лѣтописи (монастырь Лоршъ близъ Вормса); однако сомнительно, чтобы она составлена была оффиціальнымъ порядкомъ, по распоряженію Карла В., какъ полагалъ Ранке. Ваттенбахъ признаетъ веденіе лѣтописи Эйнгардомъ по 826 г., которая характеризуется краткимъ и простымъ, но безпристрастнымъ изложеніемъ, когда разстройство государственныхъ дѣлъ, вслѣдствіе междоусобій, заставило автора удалиться отъ двора [4]). Дополненіемъ жизнеописанія Карла В., составленнаго Эйнгардомъ, служатъ сочиненія Сангалленскаго монаха (вто-

---

[1]) При епископскихъ каѳедрахъ и важнѣйшихъ монастыряхъ возникаютъ архивы и библіотеки, составляются сборники актовъ и житій, которыми пользуются лѣтописцы въ своихъ трудахъ.

[2]) О невѣжествѣ лѣтописцевъ свидѣтельствуютъ иногда ихъ личныя заявленія, а также и ихъ языкъ (Gregorovius, III, 542, 544; ср. 162—163).

[3]) Ranke, Abhandlungen der Berlin. Akademie aus d. Jahre 1854.

[4]) Исторія вопроса (стр. 190—191); Potthast, II, S. 74.

рой полов. IX в.), представляющее собраніе позднѣйшихъ разсказовъ о Карлѣ В., а также о Людовикѣ Благочестивомъ и Людовикѣ Нѣмецкомъ, но они имѣютъ уже легендарный характеръ и послужили основаніемъ для дальнѣйшаго развитія каролингской саги, достигшей своихъ крайностей въ извѣстномъ произведеніи, приписываемомъ архіеп. реймскому Турпину.

Хотя связь древней школы съ новыми продолжала существовать, но количественно и качественно онѣ много потерпѣли. Вслѣдствіе политическихъ невзгодъ и переворотовъ, библіотеки и школы были разрушены или закрыты. Небольшой остатокъ просвѣщенія сохранялся еще въ монастырскихъ и соборныхъ школахъ. Чтобы судить объ общемъ положеніи вещей, достаточно указать на отзывъ современнаго лѣтописца, касающійся даже Галліи: „Прежде господина короля Карла В. въ Галліи никто не занимался свободными науками“ (Ante ipsum enim Domnum regem Carolum in Gallia nullum studium fuerat liberalium artium“, Annales Laurissenses), читаемъ тамъ. При этомъ необходимо знать, что разница между народнымъ и литературнымъ латинскимъ языкомъ настолько давала себя чувствовать, что масса галло-римскаго населенія такъ же мало понимала богослуженіе, какъ и покорившіе ее германцы (Н. Сперанскій, Очеркъ народн. школы въ Зап. Евр., 442). Возникновеніе новой школы на Западѣ связано съ именами Карла В., какъ покровителя наукъ, и Алкуина, какъ организатора школы. Стоявшій во главѣ іоркской школы (основанной устроителемъ англійскихъ школъ грекомъ Ѳеодоромъ, архіеп. кентерберійскимъ), Алкуинъ учреждаетъ по ея образцу, франкскія школы, придворную, а также въ Турѣ и др. мѣстахъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ преподавался греческій языкъ (въ Зальцбургѣ, Регенсбургѣ, Турѣ и дворцовой школѣ), знатоками котораго являются лучшіе изъ учениковъ Алкуина, Ангильбертъ, прозванный Гомеромъ, Рабанъ Мавръ и др., принимавшіе дѣятельное участіе въ распространеніи и устройствѣ школъ. По постановленію Карла В. „при каждомъ монастырѣ и въ каждомъ епископствѣ должна была находиться школа, гдѣ мальчики учились бы псалмамъ, буквамъ, пѣнію, святцамъ, пасхаліи и грамматикѣ“ (Pertz, Monum. Germ. Leg. I, 65). Это—элементарныя школы; но были придворныя и высшія школы (при епископствахъ и монастыряхъ), которыя слѣдовали образцу первыхъ и основывали знаніе на латинскихъ писателяхъ. Но уже ближайшее поколѣніе жаловалось на недостатокъ этихъ школъ; даже знаменитыя школы въ Турѣ, Ліонѣ, Мецѣ, Фульдѣ, С. Галленѣ и Рейхенау не всегда были прочными центрами просвѣщенія на дѣлѣ, а также оказывается значительно преувеличеннымъ и представленіе о количествѣ учениковъ въ этихъ школахъ. Даже въ X в. веронскій еп. Ратерій считалъ

нужнымъ требоватъ отъ своего духовенства толковаго чтенія нѣкоторыхъ частей св. Писанія и объясненія важнѣйшихъ молитвъ; но и въ послѣдующее время требованія эти большею частью не возвышались надъ изученіемъ церковнаго ритуала (уставъ Руанской еп. 1230 г.). Поэтому уже въ концѣ среднихъ вѣковъ, по поводу ученія въ этихъ школахъ, говорили: „Наши ученики учатся грамматикѣ не для того, чтобы наслаждаться римскими авторами, но чтобъ помогать пѣть священные гимны".

Такое положеніе школы въ значительной степени зависѣло отъ цѣли и назначенія книжнаго образованія. Такимъ образомъ изстари установилось мнѣніе, что образованіе есть принадлежность духовенства (ars clericalis). Выраженіе „свѣтскій человѣкъ" считалось въ Галліи синонимомъ „необразованный" (Monachus Sangal., De gestis Karoli Magni, lib. II, cap. 1, Pertz, Monum., II). Николай Клервоскій, ученикъ и секретарь св. Бернарда, говоритъ: „На сколько люди вообще превосходять животныхъ, на столько люди книжные свѣтскихъ" (Migne, CLXXXII). И литература, по словамъ Пипина Аквитанскаго была дѣломъ однихъ духовныхъ лицъ (Эрмольдъ Нигеллъ, пѣснь 4-я). Поэтому, всякій, кто умѣлъ читать, назывался „клеркомъ" (Галламъ, Ист. Европ. литер. I, 38). Король англійскій Генрихъ I (1100—1135), за свою образованность, былъ прозванъ le Beau-Clerc. Вообще, выраженіе „клеркъ" (dictus clericus) на Западѣ (Chron. Johan Bromton ap. Hist. angl. script., I, col. 997; Тьерри, Ист. завоев. Англіи, II, 142), какъ и въ Россіи „дьякъ" („изъ поповичей", по выраженію Курбскаго), были понятія однозначущія съ грамотнымъ, духовнымъ лицомъ. Но умѣнье читать еще не предполагаетъ умѣнья писать и скорѣе одно всегда преобладало надъ другимъ. Ученые бенедиктинцы утверждаютъ (Traité de la Diplomatique, II, 423), что умѣнье писать сдѣлалось распространеннѣе во Франціи между свѣтскими людьми лишь къ к. XIII стол. Такимъ образомъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ, было трудно встрѣтить свѣтскаго человѣка, умѣвшаго читать и писать, и еще труднѣе такого, который могъ бы написать сочиненіе (Бокль, I, 227). Уже Лютеръ говоритъ, что нѣтъ ни одного дворянина, которому не былъ бы надобенъ секретарь а такими часто бывали духовныя лица (Сперанскій, 161—162, 316).—По словамъ Платона (Федръ, 257, Д) вліятельные государственные люди стыдились записывать собственныя рѣчи и оставлять свои сочиненія. Въ Византіи высокопоставленныя лица рѣдко писали что нибудь сами, а обыкновенно диктовали сразу нѣсколько экземпляровъ (Коршъ, Всеобщ. литер. 904). Готфридъ де-Вильгардуэнъ, маршалъ Шампани, не былъ настолько грамотенъ, чтобы собственноручно написать мемуары, а продиктовалъ исторію завоеванія Константинополя французскими баронами одному капеллану (Шлоссеръ, VII, 319). Конечно, это еще не говоритъ о превосходствѣ развитія самихъ исполнителей подобныхъ

порученій. Если бы можно было сравнить безграмотныхъ поэтовъ, какъ Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ или Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ, съ грамотными ихъ секретарями, то перевѣсъ въ общемъ развитіи, конечно, оказался бы не въ пользу этихъ послѣднихъ (Шмидтъ, Ист. педаг., II, ч. I, 266; K. Hartfelder, Der Zustand der deutschen Hochschulen am Ende des Mittel-rs, Sybels Zeitschr., B. LXIV; F. Paulsen. Gesch. d. gelehrten Unter-s auf den deutschen Schulen und Universitäten etc., Lepz. 1885; В. Преображенскій, Восточ. и Зап. школы во времена Карла В., Спб. 1881; Н. Сперанскій, Очерки по исторіи народной школы въ З. Европѣ, М. 1896).

Преемники Карла Вел. нашли себѣ также историковъ и біографовъ: Эрмольдъ Нигеллъ написалъ поэму въ честь Людовика Благочестиваго, Теганъ и такъ наз. Астрономъ—его жизнеописаніе, въ формѣ хроники, графъ Нитардъ—исторію своего времени, 841—843 г.

Со времени Карла Вел. замѣчается стремленіе къ соединенію отдѣльныхъ извѣстій и составленію общихъ хроникъ, причемъ для вступительной части матеріаломъ обыкновенно служили труды Евсевія, Іеронима и Беды. Таковы „Хроника шести вѣковъ“ (Chronica de sex aetatibus mundi, до 810 г.), „Всемірная лѣтопись“ Фрекульфа, епископа лизьескаго, написанная для преподаванія исторіи Карлу Лысому, „Муассакская хроника“, представляющая обширную компиляцію по 818 годъ и всемірная хроника Адо, архіеп. віеннскаго († 874), имѣвшая нѣсколькихъ продолжателей.

Независимо отъ того ведется государственная лѣтопись. Для западнаго франкскаго государства такою лѣтописью служила *Бертинская*, названная такъ по Сентъ-Омерскому монастырю св. Бертина (близъ Гента), въ которомъ найденъ былъ первый списокъ ея. Она была продолжена (по 861 г.) испанцемъ Пруденціемъ, бывшимъ потомъ епископомъ труасскимъ, а послѣ него (по 882 г.) Гинкмаромъ, архіепископомъ реймскимъ, искуснымъ государственнымъ человѣкомъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ борьбѣ, возникшей между королями и папой и извѣстнымъ многочисленными литературными трудами.

Для восточнаго франкскаго государства, при Людовикѣ Нѣмецкомъ и его сыновьяхъ, значеніе государственной лѣтописи имѣла *Фульдская*, веденная въ монастырѣ того же имени (основ. св. Бонифаціемъ), извѣстномъ своею духовною школою (Рабанъ Мавръ.

ученикъ Алкуина), литературною дѣятельностью монаховъ и цѣлымъ рядомъ лѣтописцевъ, пользовавшихся близостью ко двору, записи которыхъ доходятъ до начала X вѣка (901 г.). Фульдская лѣтопись (въ основаніи ея лежатъ Лоршскіе анналы), въ которой всего болѣе говорится о событіяхъ въ Германіи, написана въ духѣ нѣсколько враждебномъ всему галло-франкскому. Своихъ братьевъ за Рейномъ лѣтописецъ всегда называетъ галлами, а короля ихъ Карла Лысаго осыпаетъ бранью и ругательствами.

Племенная ненависть проявлялась уже въ средніе вѣка въ крайне рѣзкихъ чертахъ. Такъ, византійскій историкъ Іоаннъ Киннамъ, по поводу второго крестоваго похода, предпринятаго импер. Конрадомъ III и корол. Людовикомъ VII, разсказываетъ, что когда оба войска сошлись подъ Никеею, то французы стали громко повторять противъ нѣмцевъ старинную поговорку: „pousse Allemand—долой нѣмецъ!" (πούτξη Ἀγαμανέ!) и далѣе онъ подробно сообщаетъ о происхожденіи этой поговорки (кн. II, гл. 18).

Составители названныхъ лѣтописей отличались знаніемъ государственныхъ дѣлъ и старались установить на событія точку зрѣнія, благопріятную двору, а потому извѣстія, сообщаемыя ими, требуютъ повѣрки и сличенія съ другими лѣтописями, болѣе независимыми, которыя ведутся уже въ разныхъ мѣстахъ. Интересъ къ древнимъ писателямъ продолжаетъ поддерживаться. Такъ, одинъ изъ писателей Фульдской лѣтописи, монахъ Рудольфъ (въ своемъ Translatio S. Alexandri, Pertz, Ss. II, 673—681) заимствуетъ данныя о религіи и нравахъ саксовъ изъ „Германіи" Тацита, которымъ вообще пользовались рѣдко [1]).

VI.

Печальныя политическія обстоятельства, наступившія по смерти Карла В. (раздѣленіе имперіи, борьба съ мѣстными стремленіями герцоговъ саксонскихъ, баварскихъ, франконскихъ, нападенія норманновъ, славянъ, венгровъ и т. п.) отразились на положеніи болѣе богатыхъ монастырей въ Германіи и на состояніи исторіографіи; поэтому даже Фульдскіе анналы со временемъ пишутся болѣе грубымъ языкомъ, чѣмъ прежде. Только съ возвышеніемъ Саксонскаго дома

---

[1]) Waitz, Forschungen, X, 602; Wattenbach, I, 207—208, 239, 292-297: 223-28, 238-268; G. Monod, Les Origines de l'historiographie à Paris (Mém. de la Soc de l'hist. de Paris, III, 219-240); G. Kurth, Étude critique sur la Gesta R. Francorum (Bull. de l'Acad. de Belg., III sér., XXVIII, 261—291).

(919) наступили лучшія времена для Германіи. При Оттонѣ В. снова появляются при дворѣ ученые выходцы изъ Италіи и Франціи и обращено было вниманіе на придворную школу (Бруно), изъ которой вышли со временемъ извѣстные политическіе и церковные дѣятели. Образованность является обычною даже среди женщинъ высшаго круга. Политическія условія въ свою очередь отразились на лѣтописной дѣятельности, которая, вслѣдствіе указанныхъ выше обстоятельствъ, получаетъ преимущественно мѣстный характеръ.

1. Съ особеннымъ успѣхомъ лѣтописная дѣятельность проявилась въ Саксоніи, въ монастыряхъ Корвейскомъ (колонія франц. мон. того же имени; онъ пользовался, по родственнымъ отношеніямъ, особеннымъ покровительствомъ саксонскихъ королей), Гандерсгеймскомъ (женскомъ), Кведлинбургскомъ (женскомъ, основ. женою Генриха I Матильдою и аббатиссой котораго была дочь Оттона В.—Матильда), Гильдесгеймскомъ; при епископскихъ каѳедрахъ въ Магдебургѣ и Мерзебургѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ славились своими школами. Съ именемъ Корвейскаго мон. (на р. Везерѣ) связана литературная дѣятельность Видукинда, которому принадлежатъ житія и „Три книги исторіи саксовъ“ [1]), написанныя въ патріотическомъ духѣ. Въ своемъ изложеніи онъ подражаетъ Саллюстію [2]). Въ Гандерсгеймскомъ мон. (вблизи Корвейскаго мон.) во время управленія имъ Гербергой, племянницей Оттона В., жила и писала Росвита, извѣстная своими драматическими произведеніями въ стилѣ Теренція, а также „Панегирикомъ“ Оттону В. и „Поэмою“ (carmen) о началѣ и основателяхъ мон. Гандерсгеймскаго, за которыми признается большая цѣнность, какъ потому, что она пользовалась документами, такъ и по отношеніямъ монастыря къ саксонской династіи. Ея поэмы отличаются отъ прозы только формою и представляютъ собственно историческіе разсказы въ стихахъ [3]). Понятно, что съ такимъ же почтеніемъ къ названной династіи относится и лѣтописецъ Кведлинбургскихъ анналовъ (нач. съ С. М.), который пользовался Герсфельдскими анналами, а также Эйнгардомъ, Видукиндомъ и др. и доводитъ свое повѣствованіе до 1025 г. Далѣе слѣдуетъ назвать Гильдесгеймскіе анналы

---

[1]) Res gestae Saxoniae или Annales de gestis Othonum, 919—973, Pertz, t. III.

[2]) Въ начальной части Видукиндъ пользовался преданіями, Бедой Павломъ Діакономъ, Іорданомъ, Эйнгардомъ и др. „Видукиндъ истинный саксонецъ X вѣка“, по выраженію Ваттенбаха (I, 332).

[3]) Ibid, I, 336.

(отъ С. М., пользующіеся хроникой Исидора, Герсфельдскими и др. анналами, съ 815). въ которыхъ на пространствѣ съ 994—1137 отмѣчаютъ нѣсколькихъ лѣтописцевъ. Къ тому же циклу лѣтописей относится хроника Титмара еп. Мерзебургскаго, учившагося въ магдебургской школѣ и близкаго, по своимъ родственнымъ связямъ, съ значительнѣйшими саксонскими фамиліями, а, по личнымъ отношеніямъ, къ Генриху II. Состоя изъ 8 книгъ, хроника Титмара описываетъ событія, начиная съ 911 г.—до своего времени, причемъ особенно подробно останавливается на времени Оттона III (IV кн.) и Генриха II (V—VIII кн.). Хотя авторъ не называетъ своихъ источниковъ, но, очевидно, пользуется Видукиндомъ, Кведл. и Гильдесг. анналами, житіями (Брунона, кор. Матильды и др.), а также сообщеніями близкихъ къ нему лицъ. По близости своей епархіи онъ сообщаетъ извѣстія о славянахъ, полякахъ и русскихъ (о Владимірѣ и Ярославѣ I, о Кіевѣ); но въ отношеніи къ другимъ (даже нѣмецкимъ) племенамъ онъ относится враждебно, а въ особенности къ славянамъ. Въ свое изложеніе Титмаръ любитъ вставлять стихи и цитаты изъ латинскихъ писателей, главнымъ же образомъ изъ Горація [1]). Позднѣе (XII в.) здѣсь является еще такъ наз. Саксонскій анналистъ, написавшій компиляцію, имѣющую значеніе для событій XI—XII стол., по важности источниковъ, не дошедшихъ до насъ.

2. Во Франконіи, при дѣятельномъ участіи монастырей въ Фульдѣ и Герсфельдѣ, находившихся въ тѣсной связи съ майнцскимъ архіепископствомъ, пользовавшимся тогда преобладающимъ политическимъ вліяніемъ, лѣтописное дѣло пріобрѣтаетъ важное значеніе. Такъ, здѣсь велась Герсфельдская лѣтопись, послужившая основаніемъ для многихъ другихъ лѣтописей и имѣющая главнымъ образомъ значеніе по современнымъ извѣстіямъ со 2-ой половины X вѣка [2]). Съ именемъ того же монастыря связана литературная дѣятельность Ламберта Герсфельдскаго (или Ашафенбургскаго), жившаго здѣсь съ 1060—1080 г. Классически образованный и обладавшій талантомъ изложенія, онъ является и плодовитымъ писателемъ. Но его „исторія Герсфельдскаго аббатства“ и „исторія своего времени“ не дошли до насъ; а его хроника отъ С. М. до 1077 г. (краткій очеркъ до 1040) отличается прекраснымъ изложеніемъ и сравнитель-

[1]) Ѳ. Фортинскій, Титмаръ Мерзебургскій и его хроника. Спб. 1872.
[2]) Ваттенбахъ, I, 340—341.

нымъ безпристрастіемъ въ описаніи событій, касающихся борьбы Генриха IV съ князьями и папой.[1]).

Съ именемъ же Фульды и Майнца связана лѣтописная дѣятельность ирландскаго мон. Маріана Скотта, переселившагося въ Германію и извѣстнаго своими подвигами въ затворѣ. Онъ написалъ хронику (по 1082), пользовавшуюся въ то время значеніемъ по своимъ хронологическимъ даннымъ и болѣе обстоятельнымъ извѣстіямъ о современныхъ церковныхъ событіяхъ.

3. Въ Швабіи (Алеманніи) велись лѣтописи: Алеманская (708—926), Санктъ-Галленская (709—1056) и обширная монастырская лѣтопись того же имени, доходящая съ продолженіями до 1330 г.[2]), Вейнгартенская (708—936), Вейсенбургская (985—1075), Эйнзидельнская (по 1057, а въ одной изъ рукописей продолженная по 1268 г.) и одна изъ первыхъ большихъ хроникъ въ Германіи отъ Р. Х. по 1054—Рейхенауская, весьма прилежно составленная, по многимъ источникамъ, монахомъ означеннаго аббатства Германомъ Калѣкою (Contractus). Трудъ его продолжалъ ученикъ его Бертольдъ (по 1080 г.), внесшій въ хронику свое пристрастіе къ Григорію VII и нелюбовь къ Генриху IV. Хроника эта была весьма распространена въ монастыряхъ юж. Германіи и подвергалась передѣлкамъ[3]). Аугсбургская подробная лѣтопись обнимаетъ время 973—1104 и также служила источникомъ для другихъ лѣтописей.

4. Въ Баваріи отмѣчаютъ слѣды раннихъ записей въ болѣе позднихъ лѣтописяхъ. Въ Нижне-Алтайхскомъ мон. существовала хорошая школа, отъ которой дошла до насъ часть Алтайхской лѣт. (по 1073 г.); а впослѣдствіи лѣтописное дѣло получаетъ здѣсь широкое развитіе и оказываетъ вліяніе на литературную дѣятельность въ баварскихъ монастыряхъ вообще[4]).

5. Въ Лотарингіи находимъ рядъ лѣтописей. Здѣсь на первомъ планѣ стоитъ хроника аббата прюмскаго Регинона (близъ Трира, куда онъ потомъ и переселился въ мон. св. Максимина). Онъ поль-

---

[1]) Wattenbach, II, 92--97.

[2]) Въ С. Гал. аббатствѣ существовалъ замѣчательный архивъ, основанный аббатомъ Соломономъ, еп. констанцскимъ, и не менѣе замѣчательное собраніе рукописей (писателей). Ibid. 147, 268, 274, 393; Pertz., tt. I et II.

[3]) S. R. Dietrich. Die Geschichtsquellen des Klosters Reichenau bis z. Mitte des XI Jahrh. Giessen, 1897.

[4]) Wattenbach, I, 287, 392—406; II, 18—24, 53—58, 62—74; Lorenz, I, 80, 176—184.

зовался Бедой, франкскими лѣтописями (Gesta regum Francorum), Лоршскими анналами, житіями и документами. Хроника его состоитъ изъ двухъ частей: 1) отъ Р. Х. до смерти Карла Мартела и 2) дѣяній франкскихъ королей до 905 г., важныхъ по многимъ документамъ, помѣщеннымъ въ нихъ. Продолженіе его хроники (до 967 г.), веденное въ Трирѣ, важно для исторіи Германіи и Италіи. Ксантенская лѣтопись начинается извлеченіемъ изъ Эйнгарда, а затѣмъ представляетъ самостоятельныя записи. Люттихская каѳедральная школа писателей извѣстна своими трудами по мѣстной церковной исторіи. Въ Люттихѣ, въ Жамблу, Верденѣ, Тулѣ и Камбре монастыри дѣятельно занимались учеными трудами. Въ Жамблу прославился своими церковно-историческими сочиненіями и хроникой Сигбертъ, писавшій по 1111 годъ († 1112). Хроника его была въ большомъ почетѣ въ бельгійскихъ и сѣверно-французскихъ монастыряхъ и имѣла цѣлый рядъ продолжателей (по 1237 г.). Въ Верденѣ написалъ свою „Всемірную хронику“ (1090—1102) Гюгъ Флавиньи; въ Камбре составлена была исторія архіепископской каѳедры, важная для исторіи X и XI стол.

6. Лотарингія, служившая какъ бы мостомъ между Германіей и Франціей, поддерживала связи съ французскими школами въ Реймсѣ, Шартрѣ, Музонѣ и монастырями въ Клюни, Дижонѣ и др. мѣстахъ, въ которыхъ ведутся лѣтописи, пишутся житія и др. сочиненія. Съ 919—966 г. идетъ лѣтопись Флодоара. Онъ завѣдывалъ архивомъ Реймсской епархіи и составилъ исторію Реймсской церкви, имѣющую значеніе по подлиннымъ документамъ, внесеннымъ въ нее. Вслѣдъ затѣмъ Рикеръ, монахъ аббатства св. Ремигія (Сенъ-Реми) близъ Реймса, по порученію извѣстнаго Герберта, представителя истаго классицизма (потомъ папа Сильвестръ II), продолжалъ трудъ Гинкмара и Флодоара, сообщивъ самостоятельныя извѣстія за 966—988; но знакомство автора съ древними писателями отрицательно отразилось на его трудѣ. Вторженія норманновъ и дѣятельность ихъ первыхъ герцоговъ послужили предметомъ изложенія отдѣльныхъ трудовъ.

Для Рикера важна не истина, а изящная форма изложенія, говоритъ Ваттенбахъ, онъ подражаетъ древнимъ писателямъ, а особенно Саллюстію, вводитъ въ разсказъ, подобно имъ, вымышленныя рѣчи и употребляетъ вмѣсто дѣйствительныхъ названій должностей древнія, не соотвѣт-

ствующія имъ. Рикеръ до того увлекается этимъ настроеніемъ, что въ своемъ трудѣ сообщаетъ не то раздѣленіе Франціи, какое существовало въ X в., но то, которое даетъ Ю. Цезарь въ началѣ своихъ комментарій о галльской войнѣ; онъ избѣгаетъ современной ему терминологіи странъ и городовъ и передѣлываетъ ихъ на римскій ладъ и т. п. (Ваттенбахъ, I, 414—415; Pertz, III, 561—657). На сколько подобная манера могла вредить дѣлу, можно видѣть на другомъ писателѣ Регинонѣ Прюмскомъ. Онъ взялъ за образецъ Юстина и выбираетъ изъ него на удачу цѣлые отрывки. Такимъ образомъ для описанія нашествія мадьяровъ на Германію и изображенія характера этого народа онъ буквально переписалъ то, что Юстинъ говоритъ о скиѳахъ (Шлоссеръ, VI, 171). Однимъ словомъ, какъ общество, такъ и писатель, жили своимъ воображеніемъ въ классическомъ мірѣ древности (Средневѣковый историкъ, В. Европы, 1866 I, 285).

Клюнійскій монахъ Радульфъ Глаберъ (Лысый, † 1050)—написалъ всемірную хронику (Historiarum sui temporis libri. V), раздѣленную на четыре періода (по четыремъ стихіямъ, добродѣтелямъ и евангеліямъ).

Авторъ проводитъ мысль, что въ соотвѣтствіе 7 днямъ творенія, міръ долженъ закончить свои существованіе въ 7000 л. (lib. I) и сообщаетъ, съ какимъ страхомъ встрѣченъ былъ 1001 годъ (ср. Титмаръ Мерзебургскій, lib. VII, 1). О примѣненіи библейскихъ и апокалипсическихъ пророчествъ къ политическимъ событіямъ и судьбѣ міра въ средніе вѣка въ связи съ судьбами Имперіи (Брайсъ, Св. Римская имперія, 88—90); о „хиліазмѣ“ статья А. Алфіонова (Прав. Собесѣд. 1875, №№ 5—7).

Нѣсколько позже (нач. XII в.) писалъ „церковную исторію“ и „исторію франковъ“ (отъ Карла Лысаго до Людовика VII) Гюгъ Флёри, сочиненія котораго отличаются большою ученостью и трудолюбіемъ [1]).

Литературныя привычки того времени требовали, чтобы писатель стоялъ постоянно на почвѣ богословской и вмѣстѣ римской; отъ него ожидали не содержанія, но хорошихъ литературныхъ оборотовъ, съ букетомъ богословскихъ и классическихъ цитатъ, удачныхъ сравненій и т. п. (Средневѣковой историкъ, В. Европы, 1866, I, 280). Эта манера, а также и привычка духовныхъ лицъ къ языку латинскаго перевода Священнаго

---

[1]) Wattenbach, I, 131—136, 215, 410—417; II, 131—136, 257—265.

писанія и богослужебныхъ книгъ мѣшали выработкѣ оригинальнаго, свободнаго слога; но многіе писатели XI в. хорошо знали латинскій языкъ. При всемъ томъ церковный языкъ господствуетъ у нихъ надъ классическимъ; кромѣ цитатъ изъ Священнаго писанія, мы часто видимъ у нихъ ритмическое построеніе рѣчи, по примѣру церковныхъ гимновъ. Потомъ эта манера проникла изъ латинской прозы и въ нѣмецкую (Веберъ, VI, 400—401, 402). Разсказъ Випона (Жизнь Конрада II), говоритъ Гизебрехтъ имѣетъ лѣтописный порядокъ, но живъ; онъ нерѣдко вставляетъ въ прозу стихи и сама проза у него имѣетъ ритмическое построеніе и украшена риѳмами. Риѳмованный латинскій стихъ употреблялся еще съ IV вѣка (Галламъ, 24).

VII.

Мы не имѣетъ въ виду слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ лѣтописнаго дѣла. Для нашей цѣли достаточно того, что мы сказали выше. Уже въ XI и XII стол. почти всѣ епископства, церкви и монастыри имѣли своихъ историковъ. Появляются болѣе обширные труды, посвященные исторіи отдѣльныхъ земель и эпизодовъ (хроники Адама Бременскаго, Саксона Грамматика, Гельмольда, важныя для исторіи сѣвера). Веденіе лѣтописей существенно дополняется исторіями мѣстныхъ церквей и монастырей, біографіями политическихъ дѣятелей (какъ жизнь импер. Конрада II, написанная его капелланомъ Випономъ, жизнь импер. Генриха IV и др. [1]) и духовныхъ лицъ, описаніями чудесъ и перенесенія мощей, „похвалами" (нерѣдко въ стихахъ) и т. п.

Адамъ Бременскій зналъ римскихъ поэтовъ и подражалъ Саллюстію; Випонъ беретъ также за образецъ этого послѣдняго; Ламбертъ изобилуетъ выраженіями и оборотами, взятыми у Саллюстія, Тита Ливія, Тацита, Цицерона, Плинія, Варрона и т. п. Вниманіе въ средніе вѣка къ Саллюстію объясняется его моралистическимъ направленіемъ (Коршъ, Всеобщ. ист. литер., II, 1461).

Трудъ переписчика, при трудности самаго дѣла, цѣнился весьма высоко. Поэтому искусный писецъ могъ считать себя обезпеченнымъ на всю жизнь; притомъ его трудъ, по тогдашнимъ понятіямъ (разумѣя, конечно, что переписка составляла дѣло богоугодное), могъ искупить множество грѣховъ.

---

[1]) Pertz, Monum., tt. XI et XII; Wattenbach, II, 1—16, 92—95.

Весьма выдающееся явленіе представляетъ „Всемірная хроника (по 1125 г.) Эккегарда, аббата Аврійскаго монастыря (близ Киссингена)—лучшая изъ работъ этого рода, для которой онъ пользовался сочиненіями, находившимися въ Бамбергской монаст. библіотекѣ Трудъ Эккегарда былъ чрезвычайно распространенъ преимущественн въ сѣверной Германіи и послужилъ основаніемъ для многихъ послѣдующихъ хроникъ [1]). Рядомъ съ нимъ слѣдуетъ поставить замѣчательное произведеніе эпохи Гогенштауфеновъ, служащее вмѣстѣ съ тѣм его продолженіемъ,—„Хронику отъ С. М. до своего времени"—Оттона Фрейзингенскаго († 1158 г.). Послѣдній учился въ Парижѣ а потомъ въ званіи епископа много содѣйствовалъ процвѣтанію фрейзингенской школы, въ которой преподавалась аристотелевская философія Хроника его состоитъ изъ 7 книгъ, изъ коихъ послѣдняя (по 1146 г. касается современныхъ событій, а VIII-ая книга, мистическаго содержанія, повѣствуетъ объ антихристѣ, свѣтопреставленіи и т. п предметахъ. Въ своей хроникѣ Оттонъ проводитъ идеи Августина и Орозія о противоположности земнаго царства небесному Іерусалиму но это не мѣшаетъ лѣтописцу судить нерѣдко правильно о событіяхъ Трудъ его вскорѣ распространился по всей Германіи, а въ особенности въ южной и имѣлъ вліяніе на послѣдующую исторіографію Хроника его продолжена по 1209 г. Но особенное значеніе имѣетъ другой трудъ Оттона Фрейзингенскаго „О дѣяніяхъ импер. Фридриха I"—Барбаруссы (De gestis Friderici), въ 2-хъ книгахъ, изъ коихъ первая служитъ введеніемъ къ его царствованію. Находясь въ близкомъ родствѣ съ Гогенштауфенами, Оттонъ былъ освѣдомленъ о положеніи дѣлъ въ государствѣ. Онъ обнаруживаетъ пониманіе современныхъ отношеній и возможное безпристрастіе, наклонность къ философскимъ разсужденіямъ, наконецъ, онъ чуждъ ханжества, свойственнаго эпохѣ. Секретарь и ученикъ Оттона—Рагевинъ, по его матеріаламъ, продолжалъ этотъ трудъ до 1160 г. Труды этихъ писателей принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ среднихъ вѣковъ [2]).

Достоинство названныхъ выше пространныхъ хроникъ заключается между прочимъ въ томъ, что онѣ сосредоточиваютъ свое вниманіе на общегосударственныхъ событіяхъ [3]). Впрочемъ, слѣды государственныхъ

---

[1]) Wattenbach, II, 189 - 197, 256—258, 435—439.

[2]) Wattenbach, I, 271—284; M. Germ Script., XX, 83-493 и отд. 2 т. 1867.

[3]) Wattenbach, II, 46, 59, 72, 252, 255, 260, 345

лѣтописей можно видѣть и въ другихъ мѣстныхъ хроникахъ. Въ основѣ изложенія разсмотрѣнныхъ нами произведеній лежитъ *лѣтопись*, погодный разсказъ, вошедшій въ употребленіе съ древнѣйшаго времени [1]). Впрочемъ, нѣкоторые писатели уклоняются уже отъ обычной формы (какъ Оттонъ Фрейзингенскій), подъ вліяніемъ извѣстной точки зрѣнія. Другіе же, держась анналистическаго изложенія, въ то же время сообщаютъ историческіе обзоры, для чего весьма удобную схему представляла послѣдовательная преемственность императоровъ, дававшая возможность вмѣстить въ этой рамкѣ все, заслуживавшее вниманія. Эккегардъ старался соединить оба способа изложенія, и нѣкоторые анналисты слѣдовали его примѣру; но другіе предпочитали давать краткій сводъ событій въ предѣлахъ извѣстнаго царствованія, сообщая при этомъ характеристику каждаго императора. Такова, напр., „Саксонская всемірная хроника" первой половины XIII в., а вмѣстѣ съ тѣмъ первая прозаическая хроника на нѣмецкомъ языкѣ (текстъ ея сопровождался пояснительными рисунками), весьма распространенная въ свое время и доведенная въ нѣкоторыхъ спискахъ даже до половины XV столѣтія и, кромѣ того, переведенная на латинскій языкъ [2]).

VIII.

Направленіе и общій характеръ лѣтописанія много зависѣлъ, конечно, отъ политическихъ условій извѣстной эпохи. Вотъ почему Италія, терзаемая междоусобіями и опустошаемая сарацинами и венграми, долго не могла подняться въ своей ученой дѣятельности на прежнюю высоту, а исторіографія ея падала вмѣстѣ съ общимъ упадкомъ наукъ [3]).

Такъ, папская лѣтопись (Liber pontificalis), представляющая въ VIII и IX вв. лучшій источникъ для исторіи не только Рима, но и всей Италіи, перестала вестись и изслѣдователю послѣдующаго времени приходится сѣтовать на отсутствіе этого матеріала (Грегоровіусъ, III, 161—167;

---

[1]) Регинонъ Прюмскій такъ опредѣляетъ обязанности лѣтописца: „Я старался разсказывать вполнѣ правдиво только то, что происходило, не пускаясь въ изслѣдованіе причинъ событій" (подъ 899 г.).

[2]) Ваттенбахъ, II, 458—459.

[3]) Веберъ, Всеобщ. исторія, V, 645—646; VI, 167—168, 407; Gregorovius, III, 258, 272, 298, 300, 305.

ср. Чт. въ Общ. Нестора лѣт., II, 114). Счастливое исключеніе обнаруживаетъ лишь знаменитый Ліутпрандъ, еписк. кремонскій (920–972), уроженецъ *сѣверной* Италіи, воспитывавшійся при тамошнемъ дворѣ, классически образованный, служившій при дворѣ Оттона I и дважды побывавшій посломъ въ Византіи. Онъ написалъ три сочиненія: „Antapodosis (Воздаяніе), представляющее исторію западной Европы съ 893—962 (въ 6-ти книгахъ), книгу о дѣяніяхъ Оттона и описаніе „посольства" (Legatio) въ Византію, по поводу переговоровъ о бракѣ сына Оттона съ дочерью визант. императора Романа II. Между прочимъ см. M. Maas, Luitprand und Juvenal (Philologus, 1897, LVI, S. 525 - 534).

Точно также политическія условія вполнѣ отразились на состояніи образованности во время междуусобій во Франціи и нападенія норманновъ въ Англіи. Нашествія иноземцевъ и междуусобія при послѣднихъ Каролингахъ были причиною того, что даже въ такихъ большихъ монастыряхъ, какъ аббатства Санктъ-Галленское, Рейхенауское, Корвейское, гдѣ монахи привыкли заниматься науками и писать историческіе труды, забота о сохраненіи жизни оставляла мало времени на ученыя занятія. Только когда, Оттонъ Вел. далъ государству единство и спокойствіе, а его братъ Брунонъ, дѣйствуя въ духѣ Алкуина, пробудилъ любовь къ наукамъ и создалъ образцовыя школы, въ монастыряхъ возобновилось усердіе къ ученымъ занятіямъ и епископы стали покровительствовать имъ.

Между тѣмъ, какъ въ Саксоніи при Оттонахъ развивается культура, въ Лотарингіи монастыри много страдали отъ набѣговъ норманновъ, отъ другихъ нашествій и отъ междуусобій вельможъ, и потому здѣсь замѣчается упадокъ умственной дѣятельности. Въ XI вѣкѣ, когда Нѣмецкое государство становится центромъ европейской исторіи, нѣмецкіе лѣтописцы много говорятъ о событіяхъ, происходившихъ въ другихъ государствахъ, а лѣтописи сосѣднихъ народовъ сообщаютъ много свѣдѣній о нѣмецкихъ дѣлахъ [1]). Крестовые походы оказали съ одной стороны значительное вліяніе на развитіе средневѣковаго лѣтописанія, расширивъ горизонтъ историческаго міра и внеся новый міръ понятій въ умы писателей; а съ другой содѣйствовали распространенію многочисленныхъ, но часто баснословныхъ сказаній объ отдаленныхъ странахъ.

[1]) Веберъ, VI, 159, 161, 164. 165, 399, 401; VII, 409 - 410.

Въ послѣднее время правленія Гогенштауфеновъ и въ междуцарствіе раздробленность государства отразилась въ свою очередь на характерѣ лѣтописи, въ узости воззрѣній, въ проявленіи мѣстнаго духа и обособленности. Вліяніе этого факта можно прослѣдить на многочисленныхъ хроникахъ зальцбургскихъ, саксонскихъ и тюрингскихъ, хотя и встрѣчаются весьма счастливыя исключенія, какъ хроники Страсбургская, Пёльдская, Магдебургская, составленныя по образцу хроникъ Эккегарда и Оттона Фрейзингенскаго. Только съ Рудольфа Габсбургскаго общіе государственные интересы снова выступаютъ на первый планъ [1]).

Во Франціи, напротивъ, вслѣдствіе благопріятныхъ политическихъ условій государства, идея единства (съ Людовика VI и аббата Сугерія) выражается, съ одной стороны, въ выдѣленіи исторіи Франціи изъ исторіи Римско-нѣмецкой имперіи, съ которой она является тѣсно связанной въ прежнихъ лѣтописяхъ, а съ другой—въ болѣе широкомъ интересѣ, какой пріобрѣтаютъ политическія событія собственной исторіи, которыя нашли мѣсто въ цѣломъ рядѣ трудовъ, посвященныхъ ихъ описанію.

Прежде всего здѣсь заслуживаютъ вниманія: „Жизнь Людовика Толстаго" (VI), написанная сенъ-денисскимъ аббатомъ Сугеріемъ, въ которой проводится идея торжества монархическаго начала, и переписка того же аббата Сугерія, а также его біографія, написанная монахомъ С. Денисскаго аббатства Гильомомъ, въ которыхъ находятся драгоцѣнныя свѣдѣнія о государственной и церковной исторіи Франціи [2]). Монахъ того же монастыря Ригоръ обстоятельно описалъ царств. Филиппа Августа (по 1208 г.). Лѣтопись его была переработана и продолжена въ томъ же духѣ по 1242 г. капелланомъ и спутникомъ Филиппа Гильомомъ Бретонцемъ, который затѣмъ переложилъ свой разсказъ въ гекзаметры, назвавъ эту поэму Филиппидой; хранитель же хартій С. Денисскаго аббатства Гильомъ Нанжисскій написалъ хронику отъ С. М. до к. XIII в., положивъ въ

---

[1]) Wattenbach, II, 314, 436—439, 451—452.

[2]) Напомнимъ, что въ свое время была составлена небольшая монографія о дѣятельности аббата Сугерія Грановскимъ (Сочиненія, т. I). Позднѣйшія монографіи о немъ принадлежатъ Ach. Luchaire (Louis VI le Gros etc., Paris 1890) и O. Cartellieri (Abt Suger v. Saint-Denis въ Hist. Studien 1898, XI Hft).

основаніе ея хронику Сигберта, а двое продолжателей довели его трудъ до 2-ой половины XIV в.; но болѣе важны два другіе сочиненія Гильома: „Дѣянія Людовика IX“, написанное по источникамъ, и „Жизнь Филиппа III“, по свѣдѣніямъ, собраннымъ авторомъ. Съ именемъ того же Гильома соединяютъ возникновеніе обширныхъ хроникъ (Grandes Chroniques de France или Chroniques de Saint. Denis), содержащихъ въ себѣ подробную исторію Франціи до XV вѣка, хотя веденную и безъ достаточной критики [1]).

IX.

Историческіе труды по прежнему составляли дѣло почти исключительно монаховъ [2]). Понятно поэтому, что и общій характеръ, и направленіе этихъ трудовъ во многомъ стояли въ тѣсной связи съ указанными общими условіями. Тѣмъ не менѣе относительное достоинство писателей не мало зависѣло и отъ ихъ личныхъ качествъ. „Сравненіе хроники Маріана Скотта съ хроникой Германа Контракта, говоритъ Шлоссеръ, можетъ служитъ намъ доказательствомъ, что въ средніе вѣка, какъ и теперь, недостатки литературныхъ произведеній зависѣли не только отъ общественнаго положенія писателя и въ особенности не отъ монашеской жизни большей части изъ нихъ, но что и тогда все обусловливалось тѣмъ, имѣлъ-ли человѣкъ дарованіе или нѣтъ. Маріанъ и Германъ жили въ монастырѣ, но одинъ изъ нихъ пишетъ и дѣлаетъ извлеченія, какъ ограниченный монахъ, а другой, хотя также монахъ, пишетъ какъ образованный человѣкъ, знающій свѣтъ и людей“ [3]). Въ то время какъ Фульдскій монахъ отличается площадною грубостью, санктъ-галленскій лѣтописецъ обращаетъ на себя вниманіе шутливостью, часто весьма плоской, но вообще замѣчателенъ оригинальной веселостью и хорошимъ тономъ [4]). Нѣмцы писали на латинскомъ языкѣ, но отпечатокъ нѣмецкой на-

---

[1]) J. Havet, Les origines de Saint-Denis (Bibl. de l'Éc. des Chartes, LI, 1890, p. 5—62); H. Fr. Delaborde, La vraie chronique du religieux de S. Denis (ib., 93 - 110).

[2]) Даже въ XIII в. литературное образованіе среди міорянъ сѣверной Германіи представлялось почти невозможнымъ (Ваттенбахъ, II, 451), а въ началѣ XV в. Яковъ Твингеръ изъ Кенигсгофена заявляетъ, что все еще мало есть свѣтскихъ людей, которые читали бы подобныя вещи, какъ хроники, столь же охотно какъ ученые священники (Коршъ, Всеобщ. литер., II, 663).

[3]) Всемірная исторія, VI, 361—362.

[4]) Ibid., VI, 171.

родности лежитъ и на ихъ латинскихъ книгахъ, содержаніе ихъ трудовъ нѣмецкое и понятія нѣмецкія [1]).

Многіе изъ названныхъ писателей, а также лицъ духовнаго сословія занимали видные государственные посты, въ качествѣ канцлеровъ, пословъ, секретарей, наставниковъ, духовниковъ, и самые монастыри, по своему учрежденію, состояли въ близкихъ отношеніяхъ къ правительственнымъ лицамъ и извѣстнымъ фамиліямъ [2]), а потому являются какъ-бы фамильными учрежденіями. Конечно, подобное положеніе писателей давало имъ возможность имѣть болѣе свѣдѣній, а нерѣдко и важныхъ матеріаловъ при составленіи ихъ трудовъ. Но близкое участіе въ государственныхъ дѣлахъ и личныя отношенія дѣлали ихъ причастными къ интересамъ партій и сообщали ихъ трудамъ извѣстную окраску, не смотря на простую форму изложенія. Высшіе духовные сановники и монастыри принимаютъ самое дѣятельное участіе въ борьбѣ политическихъ партій [3]). Во времена ожесточенныхъ междоусобій лѣтописцы не могли сохранить должнаго спокойствія и безпристрастія и въ разсказъ вносятъ разсужденія о политическихъ вопросахъ, имѣющія цѣлью оправдать автора и его партію. Такъ, Нитардъ защищаетъ своего господина Карла Лысаго и обвиняетъ Лотаря; епископъ кремонскій Ліутпрандъ назвалъ одинъ изъ своихъ трудовъ „Воздаяніемъ" и дѣйствительно воздаетъ въ немъ своимъ врагамъ. Во время борьбы императоровъ съ папами духовенство и горожане въ западной Германіи были на сторонѣ императора, а потому произведенія монаховъ этихъ областей проникнуты духомъ горячей оппозиціи папамъ и многія изъ нихъ написаны даже въ сатирическомъ тонѣ. Епископъ констанцскій и монастыри Шварцвальда и нынѣшней нѣмецкой Швейцаріи горячо стояли за папу; особенно же усердно защищали папскую власть аббатства Гиршауское и Санктъ-Блазійское, имѣвшее большія связи не только въ Алеманніи, но также въ Баваріи и Австріи. Папскіе легаты и короли, избранные противниками франконской династіи, часто проживали въ монастыряхъ Шварцвальда и находили тамъ убѣжище. Поэтому понятно, что литературныя произведенія, написанныя въ этихъ аббатствахъ, враждебны франконскимъ королямъ. Хроника с.-блазійскаго

---

[1]) Веберъ, VI, 161—162. Въ болѣе рѣзкихъ словахъ выражается объ этомъ Гизебрехтъ.

[2]) Ваттенбахъ, II, 335.

[3]) Ibidem, I, 211.

монаха Бернольда ведется въ папскомъ духѣ и въ томъ же духѣ писалъ Бертольдъ, продолжатель хроники Германа Контракта. Затѣмъ цѣлый рядъ лѣтописцевъ (Брунонъ, Эккегардтъ, Ламбертъ, неизвѣстный біографъ Генриха IV и др.) судятъ о Генрихѣ IV и Григоріѣ VII съ самыхъ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Саксонецъ Брунонъ стоялъ на сторонѣ папы только потому, что Григорій VII былъ союзникъ саксонцевъ, а въ исторіи Брунона все разсказывается съ точки зрѣнія саксонскаго областнаго патріотизма [1]).

Съ неменьшимъ ожесточеніемъ выразились мнѣнія писателей императорской и папской партій въ историческихъ произведеніяхъ Италіи. Борьба Генриха II Плантагенета съ Ѳомою Бекетомъ отразилась на цѣломъ рядѣ историческихъ произведеній Англіи [2]). Понятно, что если многіе изъ лѣтописцевъ того времени стояли въ такихъ близкихъ отношеніяхъ къ правительственнымъ лицамъ, пользовались ихъ указаніями и вносили въ свои труды оффиціальные акты и распоряженія, то и сами правители, и близкіе къ нимъ люди должны были пользоваться въ необходимыхъ случаяхъ лѣтописями для своихъ или государственныхъ цѣлей [3]). Есть указанія, что при британскомъ дворѣ состояли свѣдущіе люди, которые обязаны были записывать замѣчательныя дѣла и слова своихъ государей, и, во избѣжаніе лести, такія записи могли быть обнародованы не иначе, какъ по смерти владѣтельнаго лица и его дѣтей [4]). Фридрихъ I сообщилъ документы своего царствованія Оттону Фрейзингенскому для его труда жизни императора. Вильгельмъ, архіеп. тирскій (XII в.), писалъ свою исторію (Belli sacri historia) по повелѣнію короля Амальрика іерусалимскаго, который передалъ ему и необходимые матеріалы (см. lib. I). И нѣкоторые изъ западныхъ лѣтописцевъ, по содержанію своему, представляютъ настоящій архивъ, такъ какъ въ нихъ сохранились документы и переписка многихъ государственныхъ

---

[1]) Объ отношеніи разныхъ писателей къ этой борьбѣ см. у Ваттенбаха (II, 27-30, 53—58, 72, 87, 96, 105 и 233). Брунонъ совершенно ослѣпленъ этою борьбою (Ваттенбахъ, 87). Ср. А. Вязигинъ, Очерки изъ ист. папства въ XI вѣкѣ, Спб. 1898 (глава 2-я).

[2]) Тьерри (Ист. завоев. Англіи, III, 53, 67, 88, 91); Gregorovius, V, 524, 582—583.

[3]) Карлъ Лысый пользовался лѣтописью Пруденція; Фридрихъ I—хроникой Оттона Фрейзингенскаго (Wattenbach, I, 193, 295).

[4]) Mémoires de littérature, tirés de registres de l'Academie royale des inscriptions et belles lettres, XV, 587.

дѣятелей того времени (каковы напр. англійскіе анналы Rogerus de Hoveden съ 731—1201 г. и нѣкоторые изъ названныхъ выше). Въ этомъ случаѣ лѣтописная запись пріобрѣтала оффиціальный характеръ, документальное значеніе, на которую могли опираться въ оффиціальныхъ сношеніяхъ. Такимъ образомъ, братъ Карла VI французскаго (герц. орл.), имѣя несогласіе съ александрійскимъ патріархомъ, велѣлъ записать въ лѣтопись поступки патріарха, а въ спорѣ (1408 г.) между герц. орлеанскимъ и графинею неверскою за владѣніе землею Куси, судьи обращались къ лѣтописямъ, веденнымъ при монастырѣ св. Діонисія (Chroniques de Saint-Denis) и, на основаніи ихъ свидѣтельства, парламентъ рѣшилъ дѣло въ пользу графини. Карлъ Смѣлый, въ подтвержденіе своихъ правъ на прежнія области Бургундіи, опирается на историческія данныя [1]).

X.

Съ теченіемъ времени разнообразныя потребности должны были вызвать измѣненія въ формѣ и характерѣ историческаго изложенія, господствовавшихъ до сихъ поръ. При существованіи значительныхъ „всемірныхъ хроникъ“ и множества отдѣльныхъ лѣтописей естественно было появленіе „сокращеній“, имѣвшихъ характеръ учебниковъ, назначенныхъ для практическихъ цѣлей, а съ другой стороны— болѣе обширныхъ сводовъ, важныхъ для справокъ. Такъ, появляются историческіе компендіумы и обширныя энциклопедіи, составленныя на основаніи указанныхъ источниковъ, въ видѣ „всеобщихъ“ исторій, каковы: космографія Гвидо де Bazoches (въ Шалонѣ) по 1199 г., хроника Роберта Окзерскаго (Auxerre), продолженная по 1225 г., хроника монаха Труафонтенскаго монастыря въ Шалонѣ на Марнѣ Альберика, идущая отъ сотворенія міра по 1242 г. и представляющая сборникъ выписокъ изъ разныхъ сочиненій, даже теперь потерянныхъ, съ обозначеніемъ, откуда онѣ взяты, при чемъ рядомъ съ серьезными писателями онъ цитируетъ и видѣнія Елисаветы Шёнауской, и баснословную хронику Турпина (исторія Карла Вел. и его паладиновъ). Въ обширной энциклопедіи Винцента Бовезскаго (Speculum naturale, doctrinale, historiale), на долю исторіи (по 1250 г.) отводится 1200 страницъ, причемъ авторъ

---

[1]) Ibid., 594—596. Здѣсь же о лѣтописяхъ С. Денис. мон. (580—616).

пользуется на ряду съ достовѣрными источниками и баснями, а также любитъ морализировать. Далѣе слѣдуютъ: Chronica minor эрфуртскаго минорита, по 1261 г., весьма распространенная въ свое время, и „Хроника папъ и императоровъ“ Мартина Троппаускаго (наз. также Польскимъ), написанная для употребленія теологовъ и канонистовъ и получившая широкое распространеніе въ католическомъ мірѣ. Хроника его (въ формѣ всеобщей исторіи), доведенная до 1277 г., составлена безъ всякой критики, но имѣла цѣлый рядъ продолжателей [1]). Съ именемъ Мартина Троппаускаго связаны баснословные разсказы о папессѣ Іоаннѣ [2]) и о назначеніи семи курфюрстовъ папою Григоріемъ V. Въ своемъ трудѣ Мартинъ слѣдовалъ уже вошедшему съ половины XII в. въ употребленіе параллельному (синхронистическому) изложенію по императорамъ и папамъ. Хроника, извѣстная подъ именемъ „Flores temporum“, составляетъ компиляцію по нѣсколькимъ большимъ хроникамъ и имѣла также рядъ продолжателей. Она была весьма распространена въ Германіи въ XIV и XV стол. и соперничала въ этомъ отношеніи съ хроникою Мартина Троппаускаго [3]). Конрадъ Гальберштадскій (пол. XIV в.) составилъ всемірную хронику (Chronographia summorum pontificum et imperatorum), раздѣленную на 4 части и 8 эпохъ [4]).

Съ XIII в. все чаще историческія произведенія появляются на отечественномъ языкѣ, ранѣе въ романскихъ странахъ, позже въ Германіи и Англіи, притомъ часто въ стихотворной формѣ [5]).

Въ такихъ же общихъ чертахъ представляется ходъ лѣтописнаго дѣла и въ другихъ земляхъ, рано или поздно подчинившихся вліянію латинской образованности, какъ-то: въ Италіи, Англіи, Даніи, Пруссіи, Ливоніи, Венгріи и т. п.

---

[1]) Wattenbach. II, 453—455, 460—472; Lorenz. I, 3, 33, 49, 62, 64, 83, 147, 16[illegible] 208, 281; II, 10, 21, 59, 130, 141, 204, 275.

[2]) Подробный разборъ этого эпизода у Döllinger'a: Die Papst-Fabeln des Mittelalters, Münch. 1863, 1—45; Lorenz, I, 65—66.

[3]) О взаимномъ отношеніи обѣихъ хроникъ см. Lorenz, I, 62—67.

[4]) Ibid., II, 130—131.

[5]) Шлоссеръ, VII, 314; VIII, 203; Lorenz, I, 2. Во Франціи въ періодъ 1213 - 1319 насчитываютъ ок. 110 хроникъ, изъ которыхъ половина была писана на франц. языкѣ. Французской прозой въ XIII в. ведутъ свою хронику монахи С. Денисскаго аббатства. Въ Германіи самая знаменитая изъ нихъ Kaiserchronik писана стихами (пол. XII в.). Пишутся и др. историческія произведенія стихами же

XI.

Позднѣйшее лѣтописаніе среднихъ вѣковъ (съ пол. XIII—XV вв.) значительно отличается отъ прежняго. У писателей этого періода замѣтно стремленіе собрать побольше данныхъ для своего труда, чему способствуютъ многочисленные сборники документовъ и другихъ матеріаловъ, появившіеся въ разныхъ областяхъ [1]), генеалогіи и исторіи владѣтельныхъ фамилій [2]), каталоги епископовъ и аббатовъ, пересмотрѣнные и значительно пополненные [3]) и т. п. Но очевидный интересъ писателей этой эпохи сосредоточивается на областной и городской лѣтописи [4]), причемъ даже въ мѣстной хроникѣ замѣтно стремленіе сдѣлать свое отечество міровымъ центромъ и связать его исторію съ библейскою и римскою посредствомъ баснословной генеалогіи и преданій [5]). Интересъ къ историческимъ событіямъ все болѣе возрастаетъ, писатели стремятся къ популяризаціи своихъ произведеній и если латинскій языкъ въ прозаической хроникѣ остается господствующимъ даже до XV в., тѣмъ не менѣе все болѣе входитъ въ употребленіе отечественный [6]). Въ этотъ періодъ выступаетъ новый элементъ въ исторіографіи—низшее дворянство и горожане, а изъ духовныхъ лицъ братья минориты и доминиканцы, оказавшіе значительное вліяніе на развитіе агіографіи (въ обширныхъ сборникахъ житій), всемірной хроники и мѣстной исторіи, вслѣдствіе того положенія, какое они успѣли занять въ нѣмецкихъ городахъ [7]). Въ значительной степени этому содѣйствовалъ и упадокъ монастырской жизни въ прежнихъ религіозныхъ центрахъ. Для мѣстной исторіи въ Германіи уже потому открывалось благопріятное поприще, что и въ древнѣйшій періодъ она была по преимуществу саксонскою, баварскою или швабскою [8]).

---

[1]) Lorenz, I, 5-6, 190, 215, 217, 226, 269—270; II, 169, 276.

[2]) Ibidem, I, 197; II, 17, 21, 31, 115, 142, 154, 177.

[3]) Ibid., I, 59, 134, 194, 217, 218; II, 73, 84, 122, 149, 169, 236-237.

[4]) Ibidem, I, 161, 197

[5]) Ibidem, I, 2—3; II, 31.

[6]) Ibidem, I, 1-2; II, 19—31.

[7]) Wattenbach, II. 459-472; Lorenz, I, 7-8, 147, 160, 190, 281; II, 10, 41, 130, 152, 265, 327; а также Fr. Wegele, Gesch. der deutschen Historiogr. seit dem Auftreben des Humanismus, Münch. u. Leipz. 1885,—сюда относятся стр. 1—338—мѣстныя и городскія лѣтописи, начало систематизаціи.

[8]) Lorenz, I, 3—12, 161.

Стремленіе къ составленію обширныхъ всемірныхъ хроникъ замѣчается въ крупныхъ центрахъ политическаго міра, въ важнѣйшихъ монастыряхъ, при епископскихъ каѳедрахъ [1]). Въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ политическаго центра (въ Нидерландахъ, Бельгіи, Швейцаріи и т. п.), всемірная хроника сливается съ мѣстною лѣтописью [2]) причемъ нѣкоторыя изъ нихъ совершенно теряютъ изъ виду связь съ общеисторическими событіями [3]). Мѣстныя и всемірныя хроники нерѣдко сопровождаются лицевыми и бытовыми картинами [4]). При всемъ томъ схоластическая точка зрѣнія на всемірныя событія удерживается: такъ, здѣсь мы встрѣчаемъ тоже миѳическое толкованіе 1000 г. и дѣленіе событій на 5, 6 и 8 эпохъ, въ заключеніе которыхъ излагаются различныя состоянія души, сначала до воскресенія, а потомъ и въ мѣстѣ вѣчнаго пребыванія [5]).

Съ возвышеніемъ Габсбургскаго дома возникаетъ рядъ историческихъ компиляцій (съ половины XIV в.), составленныхъ на основаніи предшествовавшихъ анналовъ, въ которыхъ главное мѣсто отводится уже Австріи и ея правителямъ (труды Іог. Виктринга, Гр. Гагена, Як. Гизе, Генр. Гундельфингена, Том. Эбендорфера и др.) [6]). Самое изложеніе распредѣляется въ такомъ порядкѣ: іудейская и языческая эпохи; время отъ Р. Х. до Рудольфа Габсбургскаго; эпоха Габсбурговъ. Представляя обширныя компиляціи на основаніи прежнихъ анналовъ и другихъ сочиненій, хроники эти даютъ болѣе цѣнный матеріалъ въ позднѣйшихъ частяхъ, заключая въ себѣ современныя извѣстія, дневники, записки и документы, относящіеся къ текущимъ событіямъ [7]).

---

[1]) Lorenz, I, 186, 190, 195, 198—199, 270; II, 111, 115—116, 118, 122, 148, 150, 157, 169, 198, 226.

[2]) Ibidem, II, 11, 47—55, 107—108.

[3]) Ibidem, II, 11, 181.

[4]) Ibidem, II, 8, 148, 155, 297—298,

[5]) Ibidem, II, 130, 152, 167, 326. Виктрингъ (XIV в.), вслѣдъ за Оттон. Фрейз., пускается въ объясненія о царствѣ Антихриста (Lorenz, I, 258), а гибеллинскій поэтъ Уберти въ имени Людовика Баварскаго находилъ соотвѣтствіе апокалипсическому числу 666 и объясняетъ его въ неблагопріятномъ смыслѣ (395).

[6]) Связь Австрійской монархіи съ Востокомъ и именемъ Александра Македонскаго весьма охотно пропагандировалась въ литературѣ въ теченіе ряда вѣковъ (Lorenz, I, 266).

[7]) Ibidem, I, 252—287. Въ Восточной маркѣ даже въ нач. XV ст. городское сословіе не выдавалось еще въ литературной и исторической дѣятельности, которой посвящаютъ себя преимущественно духовенство, придворные и ученые (ibid. I, 224—25).

Въ средніе вѣка выведеніе того или другого народа, города или рода отъ болѣе древнихъ или знаменитыхъ предковъ было весьма распространеннымъ явленіемъ, объясняемымъ сколько духомъ эпохи, столько и свойственнымъ всѣмъ временамъ человѣческимъ тщеславіемъ. По словамъ Симеона Логоѳета, извѣстный патр. Фотій составилъ книжку, искусно поддѣланную подъ старину, въ которой родъ импер. Василія Македонянина (по происхожденію адріаноп. крестьянинъ, а потомъ конюхъ) выводился отъ Тиридата, царя Арменіи. Готфридъ Монмоутскій, слѣдуя монаху Неннію, въ своей „Исторіи Бриттовъ“ (XII в.) разсказываетъ, какъ Брутъ, внукъ Энея, основавшаго царство въ Италіи, высаживается на ос. Альбіонѣ, даетъ ему свое имя и основываетъ г. Новую Трою, названный впослѣдствіи Лондономъ. Разсказы эти у Готфрида, въ силу амплификаціи, пріобрѣтаютъ уже распространенный и еще болѣе сказочный характеръ. Мнѣніе это усваивается послѣдующими историками (Матвѣемъ Вестмин. и др.), а затѣмъ на него ссылаются уже въ оффиціальныхъ актахъ (въ письмѣ Эдуарда I къ папѣ Бонифацію VIII, подписанномъ англійскою знатью). Епископъ Ассерій (IX в.) въ своей исторіи Альфреда Вел. (Annales rer. gest. Aelfridi Magni regis) ведетъ его родословную прямо отъ Адама, на что опять ссылаются послѣдующіе лѣтописцы (Матѳей Парижскій и Матѳей Вестминстерскій).

Въ Италіи, напротивъ, возникаетъ мода выводить происхожденіе знатныхъ фамилій съ сѣвера: такъ, Колонны настаиваютъ на своемъ родствѣ съ бургграфами нюренбергскими (бранденбургскими) и даже народный трибунъ Ріензи считалъ необходимымъ составить для себя болѣе почетную генеалогію, выставляющую его побочнымъ сыномъ импер. Генриха VII (Грегоровіусъ, VI, 231, 339, 637). О страсти къ гербамъ римской знати (ibid. 679). Гербы появляются въ З. Европѣ съ XI вѣка (Лакіеръ, Геральдика, 37).

Въ теченіе многихъ столѣтій каждый народъ вѣрилъ, что онъ прямо происходитъ отъ предковъ, принимавшихъ участіе въ Троянской войнѣ; только подробности знаменитой генеалогіи подлежали спору. Всѣми было признано, что французы происходили отъ Франка, сына Гектора, а происхожденію французскихъ королей отъ троянъ вѣрили даже до XVI стол. Въ „Новой Эддѣ“ честь троянскаго происхожденія относится на долю жителей Скандинавіи. Испанскіе лѣтописцы въ свою очередь представляютъ непрерывную послѣдо-

вательность испанскихъ королей отъ Тубала (Ѳувалъ, сынъ Іафета, по славянскому переводу Библіи), внука Ноева. Точно также устанавливалась генеалогическая связь между германцами и римлянами, нѣмцами и троянцами и писались статьи въ подтвержденіе императорской традиціи, перешедшей отъ римлянъ къ франкамъ и нѣмцамъ. О родствѣ готовъ и троянцевъ шла рѣчь на Базельскомъ соборѣ, основываясь на утвержденіи шведовъ. Позже появилась генеалогія Пруса отъ императора Августа. Швейцарцы вели свое происхожденіе отъ шведовъ [1]). Палемонъ, по словамъ Быховца, въ сопровожденіи 500 римскихъ дворянъ и Астронома отправляется въ море и достигаетъ Литвы, гдѣ и утверждаетъ свое господство [2]). Въ славянскихъ и русскихъ лѣтописяхъ говорится о славянахъ и русахъ, принимавшихъ участіе въ подвигахъ Александра Македонскаго и о грамотѣ, данной имъ этимъ послѣднимъ [3]). Города другъ передъ другомъ соперничали съ правителями въ присвоеніи и употребленіи разныхъ формъ, сохранившихся отъ временъ римскаго владычества [4]). Они вели свое происхожденіе отъ тѣхъ же миѳическихъ героевъ или возводили свое начало къ греческимъ и римскимъ временамъ: Парижъ отъ Париса, Туръ отъ Тура, племянника Брута, Нюренбергъ отъ Нерона; Цюрихцы вѣрили, что ихъ городъ построенъ во времена Авраама, Констанцъ велъ свое начало отъ ц. Константина. Страсбургская хроника даетъ перечень императоровъ отъ Августа римскаго. Въ особенности сохраняли память о Римѣ города, рано добившіеся самоуправленія; но и города болѣе поздняго происхожденія соревновали имъ въ своей приверженности къ античному. На стѣнахъ и воротахъ сѣдаго Нюренберга путешественникъ еще и теперь видитъ гербъ съ императорскимъ орломъ и словами: „Senatus populusque Norimbergensis“. Нюренбергъ не былъ римскаго происхожденія; но это обстоятельство еще болѣе дѣлаетъ

---

[1]) Ottokar Lorenz, I, 115, 278; II, 335—336, 340—342; Бокль, I, 223—225, 228—229, 230—231, 238; Брайсъ, 210.

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1837, № 7, с. 110 (Хроника Быховца).

[3]) Труды М. Общ. ист., т. V, 247 (Богем. лѣтопись: грамота на латин. яз.): Опис. рук. Общ. люб. древн. письмен., II, 283. Гизель въ Синопсисѣ говоритъ о грамотѣ—Privilegio, писанной золотомъ на пергаментѣ, которую царь Александръ за 310 лѣтъ до Р. Х. изъ Египта далъ славянамъ; а также о славяно-русскомъ князѣ Одонацерѣ, овладѣвшемъ Римомъ и т. д., стр. 4). Замѣч. Шлецера (Автоб. 51).

[4]) Брайсъ, 208—210. Въ древнемъ мірѣ дѣлалось проще: прямо вели родъ отъ боговъ.

любопытнымъ его подражаніе римскимъ порядкамъ. Мода эта перешла даже изъ городовъ въ сельскія общины, подобныя швейцарскимъ кантонамъ (Senatus populusque Uronensis [1]).

Стремленіе соединить фактическое изученіе исторіи и архивныхъ документовъ съ массою преданій и басенъ обнаружилось какъ на почвѣ общей исторіи (Баварская и нѣмец. хроники I. Авентина, † 1534), такъ и въ мѣстной лѣтописи (Гельветич. хроника Чуди, 1505—1572) [2]).

XII.

Съ развитіемъ городской жизни и новыхъ территоріальныхъ дѣленій появляется рядъ городскихъ и областныхъ хроникъ, писанныхъ на родномъ языкѣ, имѣющихъ вполнѣ мѣстный характеръ и проникнутыхъ уже иными интересами и взглядами. Представляя собою явленіе, вызванное новыми условіями общественной жизни и развитіемъ городского класса, хроники эти возникаютъ почти одновременно у всѣхъ западныхъ народовъ и въ значительной степени носятъ одинаковый характеръ. Такъ какъ въ Италіи ранѣе, чѣмъ въ сосѣднихъ странахъ, развились городская жизнь и политика, то здѣсь раньше возникаетъ и свѣтская хроника, излагающая недавнія событія. Уже въ XII вѣкѣ здѣсь было извѣстно нѣсколько хроникёровъ, вовсе не принадлежавшихъ къ клиру, изъ лицъ болѣе или менѣе высокопоставленныхъ, и скоро уже въ Италіи не осталось ни одного большого города, который не имѣлъ бы своего лѣтописца. Не трудно доказать, замѣчаетъ Шлоссеръ, что всѣ монахи и юристы, писавшіе жалкія нѣмецкія лѣтописи, не имѣли ни малѣйшаго понятія о настоящемъ значеніи и цѣли исторіи, какъ образовательной науки. Чтобы убѣдиться въ этомъ стоитъ только сравнить то, что говорятъ нѣмцы объ императорахъ Генрихѣ VII, Людовикѣ Баварскомъ и Карлѣ IV, съ тѣмъ, что пишутъ о нихъ же итальянцы. Со времени талантливаго историка Оттона Фрейзингенскаго, продолжаетъ онъ, мы не находимъ въ нѣмецкихъ лѣтописяхъ никакого основного характера; событія являются голыми фактами, безъ всякой внутренней связи. Въ свѣдѣніяхъ, замѣткахъ, документахъ недостатка нѣтъ, но въ нихъ

---

[1]) Lorenz, I, 298—299; II, 109, 275—283; Брайсъ, 209.

[2]) Lorenz, I, 4—6, 93 172, 211-212, 264—266, 269—270, Wegele, Gesch. der deutsch. Historiographie, 453.

замѣчается полное отсутствіе критическаго взгляда [1]). Прибавимъ къ этому, что склонность къ веденію лѣтописей въ нѣмецкой исторіографіи долго сохраняла свою силу [2]).

Благодаря болѣе раннему развитію общественной жизни, съ XIII в. у французовъ (Вильгардуэнъ и Жуанвиль, въ XIV в.—Фруассаръ, имѣвшій многихъ подражателей [3]), появляется особый родъ литературы—это мемуары, знакомящіе насъ въ живыхъ чертахъ съ внутреннею жизнію и домашнимъ бытомъ, которыхъ нельзя найти въ исторіи, основывающейся только на документахъ и свидѣтельствахъ. Въ послѣдующіе вѣка этотъ родъ исторической литературы достигаетъ во Франціи своего преобладающаго значенія [4]).

Хроники, говоритъ Гервинусъ, констатируютъ сухіе историческіе факты; въ мемуарахъ разныя партіи призываются къ суду. Они составляютъ достояніе эпохъ средней культуры и являются спутникомъ психологической поэзіи и житейской философіи. Лѣтописи излагаютъ минувшія событія, а мемуары обсуждаютъ ихъ. Первыя просто сообщаютъ дѣйствія безъ мотивовъ, а послѣдніе весьма часто передаютъ одни только мотивы, намекая лишь на событія или просто упоминая о нихъ. Авторъ обращаетъ въ нихъ скорѣе вниманіе на характеры и поступки людей, нежели на самыя дѣйствія. Личность автора служитъ какъ бы средоточіемъ его записокъ. Поэтому онъ ограничивается только настоящимъ, между тѣмъ какъ хронографъ пользуется также дошедшими до него, минувшими извѣстіями. Если разсматривать мемуары въ болѣе первобытномъ видѣ, то еще легче подмѣтить присущій имъ драматическій характеръ. Ксенофонтъ въ сравненіи съ Ѳукидидомъ отличается драматическою живостью, а

---

[1]) Всемірная исторія, VIII, 203—204; Ottokar Lorenz, II, 258 - 267. „Никто не могъ жить (даже) въ XV в., не подвергая своего ума вліянію общаго легковѣрія" (Бокль, I, 242).

[2]) Wegele, 368 - 464; Шлоссеръ, VIII, 204; XI, 451 - 454; Gervinus, Grundzüge § 12.

[3]) Фруассаръ впервые посмотрѣлъ на событія со свѣтской точки зрѣнія; предыдущіе историки смотрѣли съ точки зрѣнія теологической. Въ Испаніи (въ концѣ XIV в. и нач. XV в.) мы замѣчаемъ появленіе политическаго направленія между историками (Тикноръ, Ист. испан. литер., I, 150 - 153, замѣчаніе объ Айялѣ).

[4]) Объ историческомъ и политическомъ значеніи мемуаровъ см. у Шлоссера (Всемірн. ист., т. VII, 318—319; VIII, 207—212; X, 395 - 407). Но, какъ трудно было еще оставить преобладающую богословскую точку зрѣнія, служатъ примѣромъ мемуары Ф. Комина (Arnold's, Lect. on Mod. Hist., 118; Бокль, I, 242).

романскіе историки Жуанвиль (во Франціи), Мунтанеръ (въ Испаніи) и т. п. почти всѣ писатели съ драматическимъ оттѣнкомъ, и у нихъ, подобно тому, какъ на сценѣ, происходитъ послѣдовательная смѣна дѣйствій. И подобно тому, какъ на основаніи хроники, на болѣе высокой ступени, возникаетъ отечественная народная исторія, такъ точно на основаніи мемуаровъ возникаетъ прагматическая исторіографія [1]).

Въ Германіи городскія хроники писались не исключительно горожанами, каковы городскіе чиновники, купцы, ремесленники, ученые и т. п., но также монахами и духовными лицами, которые писали для мірянъ, нерѣдко по порученію корпорацій или отдѣльныхъ лицъ; но во всякомъ случаѣ отношеніе въ нихъ хрониста къ излагаемымъ событіямъ обнаруживаетъ болѣе или менѣе значительную солидарность его съ интересами и воззрѣніями городскаго класса, для котораго собственно предназначаются эти труды, причемъ, конечно, послѣдніе не лишены того мѣщанскаго духа, какимъ проникнуто было означенное сословіе. Произведенія эти весьма разнообразны по своей формѣ, по объему и содержанію, представляя то фамильныя записки, веденныя для памяти, то записи, соединенныя со всемірными хрониками. Одни изъ нихъ ведутъ повѣствованіе отъ болѣе древнихъ временъ, другіе ограничиваются ближайшимъ къ автору временемъ; нѣкоторыя писаны риѳмованною прозою, и вообще, за небольшими исключеніями, на нѣмецкомъ языкѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ XIII в., но большинство относится къ XIV и XV стол. и позднѣйшему времени (XVI и XVII вв.), причемъ XV вѣкъ былъ вообще временемъ наибольшаго процвѣтанія этого рода исторической литературы [2]).

Средневѣковыя лѣтописи служили необходимымъ матеріаломъ для составителей городскихъ хроникъ. Такъ, „Страсбургская городская хроника", принадлежащая къ наиболѣе раннимъ нѣмецкимъ хроникамъ (окончена въ 1362 г.), передаетъ на нѣмецкомъ языкѣ мѣстную исторію города въ связи съ общей исторіей Германіи (начиная съ Р. Х.), пользуясь для этого бывшими ранѣе мѣстными источниками, каковы: каталогъ страсбургскихъ епископовъ, страсбургскіе анналы 638—1207 г.г., извѣстія, касающіяся Страсбурга и Эльзаса вообще, а также имперіи, соч. Мартина Троппаускаго, извѣстная „Саксонская

[1]) Gervinus, Grundzüge, §§ 15, 16, 18, 19, 24.

[2]) Lorenz, I, 12—14; II, 11.

хроника“ и т. п. За исторіей императоровъ у автора, каноника соборной церкви Фридриха Клозенера, слѣдуетъ исторія города. а затѣмъ остальной матеріалъ распредѣляется по статьямъ: пожары, походы, преслѣдованія евреевъ, бичующіеся, городскія смуты, церковныя дѣла, постройки, землетрясенія и т. д., въ хронологическомъ порядкѣ. Будучи затѣмъ переработана въ видѣ всемірной хроники (отъ С. М.) и продолжена Яковомъ Твингеромъ (1346—1415), также каноникомъ, она оказала большое вліяніе на нѣмецкую исторіографію XV в. въ южной Германіи. Мѣстное лѣтописаніе въ Страсбургѣ продолжалось до XVIII столѣтія [1]).

Нѣмецкія городскія хроники издаются съ 1863 г. Мюнхенской историч. коммисіей, подъ общимъ заглавіемъ: „Die Chroniken der deutschen Städte vom XIV bis ins XVI Jahrhundert“, и распредѣляются по племеннымъ группамъ, на которыя распадалось тогдашнее населеніе Германіи (франки, баварцы, швабы и т. д.). Въ каждой группѣ хроники имперскихъ городовъ стоятъ на первомъ планѣ. Кромѣ того, при нихъ помѣщаются планы городовъ, статьи по мѣстной исторіи и исторіографіи и глоссаріи.

Въ связи съ мѣстною городскою хроникою стоитъ въ Германіи появленіе многочисленныхъ автобіографій, дневниковъ, записокъ, посвященныхъ отдѣльнымъ эпизодамъ, и воспоминаній или мемуаровъ [2]). Нѣкоторые изъ нихъ представляютъ послѣдовательную исторію извѣстныхъ фамилій и непосредственно примыкаютъ къ указаннымъ хроникамъ, въ видѣ дополненій и продолженій къ нимъ. Характеристическимъ явленіемъ исторической литературы того времени можетъ служить „Лимбургская хроника“, написанная импер. нотаріусомъ Тилеманомъ Эльгенъ фонъ-Вольфгагеномъ въ Нижнемъ Гессенѣ (XIV—XV в., съ продолж.). Посвященный въ богословіе и философію, начитанный и хорошо знакомый съ народными обычаями и нравами, но менѣе съ историческими матеріалами, онъ написалъ на нѣмецкомъ языкѣ исторію своего времени, въ которой соединилъ описаніе политическихъ и военныхъ событій съ картинами нравовъ, очерками народнаго быта, модами, анекдотами, пословицами,

---

[1]) Lorenz, I, 24—53; Wegele, 26—27; 143—178.

[2]) Ottok. Lorenz, I, 127—128, 141—142, 161, 165—170, 181, 191, 208, 225, 227 228, 272, 279—280, 305, 323, 328—329; II, 118, 145.

пѣснями и т. п. Все это дѣлаетъ названную хронику, при всѣхъ ея историческихъ недостаткахъ, замѣчательнымъ памятникомъ XV стол. [1]).

XIII.

Вполнѣ понятно, что, при извѣстныхъ близкихъ отношеніяхъ и связяхъ, подъ вліяніемъ западнаго лѣтописанія, сложилась первоначальная исторіографія Чехіи и Польши: погодная запись, господство латинскаго языка, употребленіе риѳмованной рѣчи, связь лѣтописи съ духовенствомъ—все это указываетъ на ихъ общее происхожденіе.

Самъ Козьма Пражскій заявляетъ (I, praef) [2]), что до перваго католическаго князя Боривоя онъ не нашелъ возможнымъ дѣлать произвольныя хронологическія указанія, такъ какъ тогда не имѣлось лица, которое могло бы записать для потомства все, что было совершено первыми князьями. Списокъ князей, вѣроятно, былъ составленъ по введеніи въ Чехіи христіанства (по мнѣнію Томка можетъ быть писанный *рунами*). Для древнѣйшаго христіанскаго періода, т. е. X-го стол., Козьма располагалъ какъ устными преданіями, такъ и письменными извѣстіями, причемъ онъ различаетъ видѣнное и слышанное имъ самимъ отъ вымышленнаго (I, 42). При епископскомъ соборѣ св. Вита въ Прагѣ велись некрологи, въ которыхъ отмѣчались дни кончины епископовъ и др. духовныхъ лицъ, членовъ пражскаго соборнаго капитула, князей и членовъ княжескаго дома, а также—древніе пражскіе анналы, возникшіе, какъ полагаютъ, при томъ же соборѣ со времени учрежденія (974) епископіи (т. е. перваго еписк. Дитмара или его преемника св. Адальберта), извѣстные и въ Польшѣ. Данныя Necrologium Bohemicum (Monum. histor. Bohem., III, 9—16), составлявшія очевидно принадлежность самостоятельнаго Синодика, до насъ не дошедшаго, восходятъ къ пол. X в. У Козьмы видны слѣды подобнаго рода источника, изъ котораго могли быть имъ заимствованы годы кончины св. Вячеслава (I, 17) и Болеслава I (I, 21). Слѣды пражскихъ анналъ указываютъ въ Annales Bohemici [3]), An. Mellicenses [4]), An. Crac. vetusti [5]), An. capit.

[1]) Lorenz, I, 143—145.

[2]) Fontes rer. Bohem., II: „quia non erat illo in tempore, qui stilo acta eorum commendaret memoriae; sed sileamus de quibus siletur".

[3]) Fontes, II, 380—382.

[4]) Monum. Germ., SS. IX, 536,

[5]) Ibid. XIX, 577 и дал.; Monum. Polon. hist., II, 772 и далѣе.

Cracov. [1]) и т. п., а также и у Козьмы Пражскаго. Къ этимъ источникамъ присоединяются затѣмъ Майнцскіе анналы (компил. изъ An. Hersfeld., Corbejen., Augienses и др., которые не дошли до насъ въ первоначальномъ видѣ), появляющіеся около пол. XI в. въ Прагѣ, въ церковномъ отношеніи подчиненной майнцскому архіепископу. Кромѣ того, Козьма Пражскій могъ располагать и другими источниками (какъ жж. св. Вячеслава, св. Адальберта, на которыя ссылается, документами, относящимися къ пражской церкви, и т. п.).

Козьма Пражскій, чешскій Несторъ и современникъ русскаго лѣтописца, учился въ извѣстной люттихской школѣ и былъ священникомъ въ Прагѣ († 1125). Пребываніе его въ Люттихѣ отразилось на его стилѣ, изысканномъ, украшенномъ стихами и риѳмованными строфами, изобилующемъ риторическими фигурами, сравненіями и подробными характеристиками, хотя онъ и утверждаетъ, что лѣтопись его составлена безъ риторическихъ прикрасъ. Образцами ему въ данномъ случаѣ служили Свящ. писаніе, а также Виргилій, Саллюстій, Регинонъ. По примѣру Саллюстія, онъ сопровождаетъ разсказъ рѣчами и любитъ излагать событія подробно; по примѣру нѣмецкихъ историковъ франконскаго періода, онъ вставляетъ въ прозу стихи и украшаетъ ее риѳмами. Характеристику Болеслава II (I, 22, 33) онъ составилъ почти дословно по описанію Людовика Благочестиваго въ хроникѣ Регинона (Mon. Germ., SS. I, 580—591); а въ другихъ случаяхъ даже пользуется общими мѣстами изъ Саллюстія (Cosmas I, 9; Sallust. De conjur. Cat., c. 2). Козьма ревностный католикъ и противникъ славянскаго обряда, но сообщаетъ о крещеніи Боривоя св. Меѳодіемъ, согласно съ грамотой моравскаго архіепископства, пражскими анналами и преданіемъ. Хроника его имѣла многихъ продолжателей (по 1283 г.), а текстъ ея подвергся значительнымъ интерполяціямъ.

Впрочемъ новѣйшій историкъ Чехіи (Julius Lippert, Social-Geschichte Böhmens in vorhussitischer Zeit, B. I, Prag, Wien, Leipz., 1896) иначе посмотрѣлъ на указанный вопросъ. Разсматривая сагу о чешскомъ князѣ Боривоѣ, который будто бы въ 894 г. принялъ крещеніе отъ Меѳодія при дворѣ Святополка моравскаго и былъ отцомъ Спитигнѣва, онъ, въ виду хронологической путаницы славянскихъ легендъ, въ настоящемъ случаѣ склоняется отказать имъ въ достовѣрности и предпочитаетъ латинскіе источники

---

[1]) Ibid, XIX, 584; II, 783.

о жизни св. Вячеслава, возникшіе въ X—XII вв. На основаніи ихъ, генеалогія Вячеслава не восходитъ къ Боривою, который имъ мало извѣстенъ, притомъ лишь подъ вліяніемъ легендъ о св. Людмилѣ и т. д. (153—167).

Другія латинскія хроники писаны были монахами. Съ XIV в. появляются лѣтописи и на чешскомъ языкѣ, отчасти въ видѣ отдѣльныхъ хроникъ, отчасти въ видѣ лѣтописныхъ сборниковъ, въ которые входятъ и болѣе древнія записи. Старѣйшая и знаменитѣйшая изъ чешскихъ лѣтописей—риѳмованная хроника XIV в., приписываемая канонику Далимилу. Впрочемъ, нѣкоторые видятъ въ неизвѣстномъ авторѣ скорѣе рыцаря и ученаго, чѣмъ духовное лицо. Въ хроникѣ его разсказываются событія чешской исторіи отъ древнѣйшихъ временъ по 1314 г. въ патріотическомъ духѣ. Другая, не менѣе извѣстная, обширная хроника, съ древнихъ временъ до 1330 г., въ прозѣ, принадлежитъ священ. Пулкавѣ. Первоначально она была написана по-латыни, а потомъ переведена самимъ авторомъ на чешскій языкъ. Позднѣйшія риѳмованныя хроники не имѣютъ ни историческаго значенія, ни литературныхъ достоинствъ. Гораздо важнѣе настоящія хроники или историческія записки, оставшіяся въ большомъ количествѣ. Большею частью онѣ представляютъ продолженіе хроникъ Пулкавы и Бенеша († 1375) и имѣютъ компилятивный характеръ, но важны для исторіи современныхъ событій, въ особенности въ эпоху религіознаго и народнаго движенія, богатую, кромѣ того, дневниками и мемуарами [1]).

XIV.

Въ Польшѣ древнѣйшія записи велись въ „календаряхъ“ и такъ наз. „рочникахъ“, тѣсно связанныхъ съ извѣстнымъ костеломъ или монастыремъ—это краткій и сухой перечень событій, то болѣе общаго, государственнаго значенія, то частнаго и мѣстнаго характера.

Въ Краковѣ и другихъ мѣстахъ, какъ и на Западѣ, велись „annales necrologici“, въ которые вносились годъ и день смерти духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, имѣвшихъ значеніе для церкви или монастыря, а въ

---

[1]) О Богемской лѣт. В. Анастасевича (Тр. М. О. И. и древн., т. V); Палацкій, Würdigung der alten böhm. Geschichtschreiber. Prag, 1830; 3-е изд. 1877; Пыпинъ и Спасовичъ, II, 830-831, 870-871, 896—897—904; Wattenbach, II, 203—207, 322; Lorenz, I, 287-335; О хроникѣ Козьмы Пражскаго, В. Регеля (Ж. М. Н. Пр. 1890, №№ 8 и 9).

особенности по тому положенію, какое занималъ Краковъ въ государствѣ (Kętrzyński, 237). Образецъ подобныхъ записей представляетъ Calendarium vetus одного изъ монастырей близъ Данцига (Monum. Polon., IV, 126—136).

Начало подобныхъ записей относятъ къ к. X или нач. XI вѣка, а продолжаются онѣ вплоть до шестнадцатаго стол.[1]). Всѣ изслѣдователи, касавшіеся даннаго вопроса (Арндтъ, Репелль въ Monum. Germ. histor.; Бѣлевскій въ Monum. Polon. hist.; Вайцъ, Цейсбергъ, Смолька, Войцѣховскій, Кентржинскій, въ своихъ изслѣдованіяхъ,— см. ниже), первоначальнымъ источникомъ означенныхъ „рочниковъ" посредственно (черезъ Прагу) или непосредственно признаютъ нѣмецкіе анналы (въ начальной своей части рочники идутъ съ 730 г.)— аугсбургскіе, герсфельдскіе и корвейскіе (по отношеніямъ этого монастыря къ Польшѣ), откуда они были доставлены[2]). Полагаютъ, что они были принесены въ Польшу (устраняя зависимость отъ Праги) первымъ гнѣзен. архіеп. Гаудентіемъ, братомъ св. Войтѣха (Адальберта) и авторомъ житія этого послѣдняго, чехомъ по происхожденію. Оба они на пути изъ Рима были въ Майнцѣ, гдѣ находились аугсбургскіе анналы, а затѣмъ, вѣроятно, и въ Герсфельдѣ, и такимъ образомъ могли принести съ собою обѣ эти лѣтописи[3]). Изъ названныхъ „roczników" заслуживаютъ вниманія старый рочникъ (XII в.) монастыря св. Креста въ быв. Сандомирскомъ палатинатѣ (Annales Cracovienses vetusti)[4]), Великопольскій (рук. XV в.)[5]), признаваемый за древнѣйшій (Бѣлевскій, Кентржинскій)[6]) и рядъ другихъ (9) болѣе важныхъ, не считая менѣе значительныхъ. Еще въ XIII в. существовалъ „рочникъ", которымъ пользовались важнѣйшіе изъ дошедшихъ

---

[1]) Польскіе „Roczniki" были изданы въ XVIII стол. въ Scriptores rerum Silesiacarum Sommersberg'a, но крайне неисправно. Позднѣйшія изданія: Monum. German. histor. (Scriptores, t. XIX) и Monum. Polon. historica, tt. II, III, V, VI (1872-93).

[2]) Разница списковъ въ показаніяхъ лѣтъ объясняется тѣмъ, что записи, изъ которыхъ брали свѣдѣнія продолжатели, помѣщались на *пасхальныхъ таблицахъ*, между строками и потому могли вводить въ недоразумѣніе тѣхъ, кто ими пользовался. О пасхальныхъ таблицахъ см у Войцѣховскаго (Pamiętnik Akad. Krak., IV. 212 и дал.) и Кентржинскаго (Rozprawy 1898, IX, 252—253, 258).

[3]) Kętrzyński, стр. 168, 172, 237—241; 252—269.

[4]) Monum. Polon., II, 773—774.

[5]) Ibid., II, 789-800.

[6]) Kętrzyński, 173, 259.

до насъ рочниковъ, каковы Великопольскій и Краковскаго капитула (рук. XIII в.) по 1266 г. (съ продолженіемъ по 1291 г.)[1]. Послѣдній изъ нихъ представляетъ компиляцію, въ которую вошла большая часть древнѣйшихъ рочниковъ, до насъ не дошедшихъ. Поэтому его считаютъ для XIII вѣка тѣмъ же, чѣмъ былъ Длугошъ для XV стол.[2])

На основаніи означенныхъ „рочниковъ" составлялись позднѣйшія польскія лѣтописи, пополняемыя и продолжаемыя въ дальнѣйшихъ своихъ переработкахъ. По поводу этихъ записей Войцѣховскій замѣчаетъ: „Незначительное число и неудовлетворительность въ историческомъ отношеніи „рочниковъ" до конца XII вѣка доказываетъ, что Польша до этого времени стояла на весьма низкой степени образованности въ сравненіи съ сосѣдними странами. Только въ царствованіе Болеслава Кривоустаго, его придворный капелланъ, извѣстный подъ прозваніемъ Галла, на столько проникся любовью къ странѣ и благоговѣніемъ къ дѣламъ своего государя, что написалъ, конечно полатыни, живымъ языкомъ исторію его царствованія (до 1113 г.), съ упоминаніемъ о правленіи его предшественниковъ, на сколько сохранилась память о нихъ въ народѣ".

Слогъ Мартина Галла напыщенъ и проза его почти сплошь риѳмованная. Въ такомъ же стилѣ составленны имъ и рѣчи дѣйствующихъ лицъ (напр. пространная рѣчь кор. Болеслава къ войску передъ битвой на берегахъ Буга). Новѣйшій трудъ о немъ: Dr. Max. Gumplowicz. Bischof Baldwin Gallus v. Kruszwica, Polens erster lateinischer Chronist (Sitzungsber. d. phil. hist. Classe der K. Akademie der Wissenschaften, Wien. 1895). Авторъ доказываетъ валлонское происхожденіе М. Галла, вышедшаго въ Польшу изъ Франціи въ числѣ другихъ бенедектинскихъ монаховъ (2-е изд., Zur Gesch. Polens ins Mittelalter, 1898 г).

Но и послѣ него лѣтопись все еще не выходитъ изъ рукъ духовенства. Такъ, въ XIII в. появляются хроники: Викентія Кадлубка (краков. епископъ, а потомъ монахъ въ цистер. мон. въ Ендржеевѣ, † 1223) и Богухвала, еписк. познанскаго († 1253), написавшаго Великопольскую хронику (нѣкоторые оспариваютъ принадлежность ему этой части), продолженную его казнохранителемъ Годиславомъ Башкомъ по 1273 г.[3]). Хроника Кадлубка содержитъ въ

---

[1]) Monum. Polon., II, 789–816.
[2]) Kentrzyński, 165
[3]) Исторія вопроса у Цейсберга, 99–101.

себѣ всѣ тѣ баснословныя сказанія о началѣ польскаго народа, которыя составляютъ камень преткновенія для изслѣдователей. Она читалась и комментировалась въ школахъ, чтó объясняется не только ея содержаніемъ, но и моднымъ въ то время латинскимъ языкомъ. Авторъ ея, какъ видно, отрѣшился отъ пястовскихъ традицій: онъ распространяетъ культъ св. Станислава (до канонизаціи его) и восхваляетъ послушнаго церкви Казимира Справедливаго. Обѣ означенныя хроники служатъ выраженіемъ современной науки, богатой своего рода эрудиціей, но жертвующей содержаніемъ въ пользу напыщеннаго изложенія. Позже Янъ Длугошъ (1415—1480), краковскій каноникъ, близкій къ представителямъ свѣтской и духовной власти, ученый и дипломатъ, пишетъ обширную исторію въ 12-ти книгахъ (польскій переводъ въ собр. сочин., 6 томовъ), на основаніи обширнаго собранія отечественныхъ и иностранныхъ матеріаловъ, не исключая и русскихъ лѣтописей. Онъ стоитъ на строго національной и государственной точкѣ зрѣнія, а о событіяхъ и лицахъ судитъ какъ настоящій церковникъ, вполнѣ принадлежа еще среднимъ вѣкамъ, не смотря на занимавшуюся уже тогда зарю гуманизма.

Такимъ образомъ, древнѣйшая польская исторіографія сразу перешла отъ безъискуственныхъ краткихъ погодныхъ записей къ хроникѣ; она не знаетъ такой переходной ступени отъ анналовъ къ хроникамъ, какую представляетъ древнѣйшая русская лѣтопись, и причиною тому могло быть, какъ полагаютъ, то, что она возникла по образцу нѣмецкой исторіографіи, гдѣ уже существовали оба рода произведеній, притомъ же древнѣйшая польская хроника писана даже не полякомъ [1]).

---

[1]) Polnische Annalen bis zum Anfange des XIV Jahrhunderts, v. Stan. Smolka, Lemb., 1873; Die polnische Geschichtschreibung des Mittelalters, v. H. Zeissberg, Leipz. 1873, 30—48, 233-251; O rocznikach polskich z X-XV wieku, prz. Tad. Wojciechowskiego (Pamięt. Akad. umiejetn. Krak., IV, 1880, 143—233); рец. В. Макушева (Ж. М. Н. Пр. 1881, № 5, 154—155); Wojc. Kętrzyński, O kronice wielkopolskiej (Rozprawy XXXIII, Ser. 2, T. VIII, 1—54); O rocznikach polskich, его же (Rozprawy 1898, t. XXXIV, Ser. 2, T. IX, 163-352); Wattenbach, II, 157; М. Бобржинскій, 109, 135; И. А. Линниченко, Взаимныя отношенія Руси и Польши до полов. XIV в., 13.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Византія.—Историческія сочиненія и хроники. Общій характеръ хроникъ.—Значеніе Георгія Амартола. Славянскіе переводы. Вліяніе его воззрѣній на русскую лѣтопись.—Переводы хроникъ І. Малалы, К. Манассіи, І. Зонары, С. Логоѳета. Краткій лѣтописецъ патр. Никифора.—Народныя хроники.—Южно-славянскія лѣтописи.—Вліяніе византійской хронографіи на лѣтописаніе Востока.

I.

По весьма понятнымъ условіямъ, связь съ древнимъ міромъ долѣе поддерживалась и шла гораздо глубже въ Византіи. Есть нѣкоторая противоположность между латинскими и греческими монахами среднихъ вѣковъ. Первые были, говоря вообще, простые люди, съ ограниченнымъ образованіемъ и должны были, сверхъ того, бороться съ языкомъ, на которомъ они излагали свои извѣстія. Византійцы же, напротивъ, имѣли дѣло съ своимъ языкомъ, ближе подходящимъ къ аттическому, чѣмъ латинскій языкъ западныхъ христіанъ къ древне-римскому. Византійцы были гораздо богаче знаніемъ и вообще образованнѣе; они стояли гораздо ближе къ древнимъ историкамъ, но за то нерѣдко и впадали, подобно имъ, въ риторическую высокопарность, причемъ естественно, обозначеніе годовъ, мѣсяцевъ и дней или вовсе забывалось, или становилось дѣломъ маловажнымъ [1]).

Для пополненія этого ощутительнаго пробѣла въ византійскомъ бытописаніи, необходимо пользоваться прямыми и непрямыми хронологическими датами, встрѣчающимися въ византійскихъ грамотахъ и письмахъ (Замѣтка А. А. Куника, Извѣстія Имп. Ак. Наукъ. 1895, № 2, с. схш). Латинскія выраженія Малалы и др. византійцевъ, которыми доказывали

---

[1]) Объ обработкѣ Византійской хронографіи, А. А. Куника, (Зап. по 1 и 3 отд. Импер. Акад. Наукъ, т. III, 468); Византійскій писатель Никита Акоминатъ изъ Хонъ, Ѳ. И. Успенскаго, Спб. 1874.

ихъ знаніе латыни и пользованіе латинскимъ Диктисомъ, принадлежатъ разговорному языку того времени (Krumbacher, Byzant. Zeitschrift, 1893, I, 162, 164). „Алексѣя I (Комнена) можно считать первымъ императоромъ Востока, который былъ уже вполнѣ грекъ" (Финлей, 410).

Ни одинъ народъ, исключая развѣ китайцевъ, не обладаетъ такою богатою историческою литературою, какъ греки. Греки и византійцы, на пространствѣ времени отъ Геродота до паденія Константинополя, т. е. въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ, имѣютъ непрерывную хронику событій, обнимающую исторію всего Востока. Византійскія историческія произведенія [1]), по своему содержанію и внѣшней формѣ строго распадаются на двѣ группы: на *историческія сочиненія* въ древнемъ смыслѣ слова и *хроники*. Первыя (VI—XV в.) посвящены современному имъ или близкому по времени циклу событій (иногда въ предѣлахъ извѣстной мѣстности). Въ ихъ обработкѣ и языкѣ видно стремленіе слѣдовать древнимъ образцамъ, каковы Геродотъ, Ѳукидитъ, Полибій или тѣмъ изъ византійскихъ писателей, которые образовались на ихъ произведеніяхъ. Сочиненія эти писаны для образованной публики, двора, высшаго духовенства и чиновнаго міра. Хронисты (V—XVII в.), хотя они не вполнѣ принадлежатъ византійской эпохѣ, но получили преобладающее значеніе въ это время, избираютъ своей темой всемірную исторію и ведутъ ее отъ сотворенія міра до своего или ближайшаго къ нему времени. Они не имѣютъ въ виду прагматической цѣли; задача ихъ труда ограничивается компиляціей собраннаго матеріала; они придерживаются простонародныхъ, мѣщанскихъ воззрѣній, отличаются наивностію, свойственною лѣтописцамъ той эпохи. По своему положенію они большею частью монахи [2]).

Общій характеръ указанныхъ явленій вытекаетъ изъ преобладающаго значенія, какъ и на Западѣ, религіозныхъ идей, и того положенія, какое занимали монастыри въ исторіи византійскаго общества. По свидѣтельству византійскаго писателя к. XII в. Евстаѳія Ѳессалоникійскаго, въ это время вся Вост. имперія была покрыта монастырями и монахами, такъ что представлялась однимъ сплошнымъ монастыремъ, казалась всецѣло монашескимъ царствомъ (De emendanda vita monachica, cap. 84, 85; Migne, t. CXXXV, col. 797, 800). Такъ, хотя въ началѣ XIII в. насчитываютъ въ ней болѣе 600 извѣстныхъ монастырей и монастырскихъ пунктовъ, на

[1]) Мы не касаемся здѣсь монографическихъ трудовъ и біографій.

[2]) Krumbacher, Gesch. der Byzant. Litteratur, Münch. 1897, 2-е изд., Ss. 219—226, 233—234, 319—323.

самомъ же дѣлѣ ихъ было гораздо больше, а, по свидѣтельству русскаго паломника, новг. архіеп. Антонія (XII в.), на пространствѣ отъ греческаго моря до русскаго считалось до 14000 монастырей. Когда Константинополь былъ завоеванъ латинами, то эти послѣдніе, по словамъ Роберта де Клари, были поражены громаднымъ количествомъ монастырей, находившихся внутри и внѣ столицы: общая цифра монаховъ и монахинь въ ней насчитывалась до 30 тысячъ. Подобное увлеченіе монашествомъ вызывало противодѣйствіе и нападки въ средѣ лучшихъ представителей духовенства (I. Златоустъ, патр. Геннадій, Іоаннъ Лѣствичникъ, Нифонтъ и др.); но эти наставленія мало имѣли успѣха и, напротивъ, въ монашескихъ легендахъ, теорія аскетизма доводится до своихъ крайнихъ предѣловъ; но въ числѣ иноческихъ добродѣтелей списываніе книгъ, впрочемъ какъ и на Западѣ, является одною изъ главныхъ (см. Повѣсть объ импер. Θеодосіѣ II, Хр. Лопарева, Визант. Врем. 1898, в. 1—2; И. Соколовъ, состояніе монашества въ визант. церкви съ пол. IX в.—до нач. XIII в., 842—1204, Каз. 1894, стр. 137—142, 203—213; перечень монастырей въ приложеніи. Ср. Визант. Врем. 1895, II, 213—215, реценз. Н. Красносельцева: объ ученіи въ монастыряхъ, библіотекахъ, школахъ и т. п., тамъ же, 434—437, 437—463, 512—518). Также E. Marin, Les moines de Constantinople depuis la fondation de la ville jusqu'à la mort de Photius, P. 1897.

Византійскіе монахи весьма ревностно занимались перепискою рукописей. Они заготовляли ихъ въ громадномъ количествѣ, а эти рукописи расходились по всей имперіи. Монастыри были главными хранилищами рукописей и почти каждый изъ нихъ имѣлъ свою библіотеку (Соколовъ. 453). Въ монастырскихъ библіотекахъ вообще было больше всего богослужебныхъ и религіозно-нравственныхъ книгъ; но были также книги историческія, философскія, естественно-научныя и т. п. (454). Устройство школъ при монастыряхъ являлось обычнымъ дѣломъ (514). Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ ученики изучали философію, риторику и математику; въ уваженіи были также Платонъ, Аристотель, Θукидидъ, Плутархъ, Софоклъ и др. писатели (515). Библіотека ученаго франц. канцлера Сегье (XVII в.), доставшаяся потомъ его внуку герц. Коалену, еп. мецскому и описанная Монфокономъ (нынѣ Націон. библ.), почти на половину состояла изъ манускриптовъ, принадлежавшихъ прежде библіотекамъ аѳонскихъ монастырей (517—518). См. Обозр. трудовъ по визант. исторіи В. Васильевскаго, Спб. 1890, с. 56—57.

Византійскія всемірныя хроники обыкновенно излагаютъ исторію іудейскую и др. восточныхъ народовъ, римскую и, наконецъ, византійскую. Предметы, ихъ интересующіе, тѣже, на которыхъ сосредоточиваютъ свое вниманіе и западные лѣтописцы, это: болѣзни, есте-

ственныя явленія, чудеса, землетрясенія, постройки, ристалица, стоимость жизненныхъ припасовъ и т. п. Но главная тема изложенія сосредоточивается на церковныхъ интересахъ, отъ которыхъ зависитъ и ихъ основная точка зрѣнія [1]).

Цивилизація грековъ и связь ихъ съ Византійской имперіей сливаются съ политикою и судьбами восточной церкви, дѣла которой получаютъ первенство надъ всякими соціальными и политическими вопросами... Греческая церковь долго является единственною представительницею національныхъ чувствъ и взглядовъ, а послѣ воцаренія Льва Исаврянина и самое національное существованіе грековъ обязано ей своимъ продолженіемъ (Финлей, 364, 372). Любопытный примѣръ въ этомъ отношеніи представляютъ два логоѳета: Симеонъ Метафрастъ и Константинъ Акрополитъ, прозванный Новымъ Метафрастомъ (Byzant. Zeitschrift, 1892, № 2 и 3). Въ византійцѣ, хотя бы онъ являлся подъ античной маской, скрывается болѣе новогрекъ, чѣмъ потомокъ Ѳукидида и Ксенофонта (Byzant. Zeitschr. 1892, I. Byzant. Desiderata, С. Ламброса, S. 2). Бернг. Шмидтъ въ вѣрованіяхъ и суевѣріяхъ новогрековъ видитъ вліяніе древне-греческой миѳологіи (Визант. Времен., 1898, IV, 663).

Для той же цѣли имъ служатъ хронологическія данныя Библіи и миѳы, переработанные въ интересахъ христіанской апологетики. Главная заслуга этихъ писателей состоитъ въ томъ, что они значительно пополняютъ пробѣлы историческаго матеріала и сохранили въ своихъ трудахъ извлеченія изъ многочисленныхъ произведеній прежняго времени, утраченныхъ впослѣдствіи [2]). Съ другой стороны византійскіе писатели даютъ обильныя объясненія для средневѣковой географіи, этнографіи и топографіи Балканскаго полуострова, Западной Азіи, Сѣверной Африки и Южной Россіи [3]).

Въ основаніе хронологическихъ вычисленій византійскихъ хронографовъ, какъ и на Западѣ, легла пасхальная хроника [4]). Визан-

---

[1]) Krumbacher, Gesch. d. Byzant. Litteratur, 368. Ср. Виз. Врем. 1898, IV, 756—57.

[2]) Krumbacher, S. 219—220. Ср. еще 353 (у Амартола), 371—372 (у Зонары).

[3]) Ж. М. Н. Пр. 1893, № 7, с. 235-236.

[4]) Krumbacher, 337—339; Васильевскій. Обозр. трудовъ по визант. исторіи, 143—148. Изданія: Радера (1615), Дюканжа (1688, Paris), повтор. въ Венеціи 1729, Bon. 1832; Миня (Patr. gr. t. CXII, 1—1158). О ней, а равно и о нѣкоторыхъ другихъ хроникахъ см. И. Андреевъ, Константиноп. патріархи отъ времени Халкидонскаго собора до Фотія (Хронологія патріарховъ и очерки жизни и дѣятельности важнѣйшихъ изъ нихъ). В. I. Хронологія Константиноп. патріарховъ и т. д. Серг. Посадъ. 1895. Обширная рецензія Н. Красносельцева (Визант. Времен. 1897, вв. 1—2, с. 192—208).

тійскія хроники, какъ и западныя, имѣли компилятивный характеръ; но, при богатствѣ основного матеріала, компиляціи византійцевъ достигали нерѣдко необычайныхъ размѣровъ.

Преобладающій характеръ состава означенныхъ хроникъ—компилятивность—со всею наглядностью выясняется изъ параллельнаго сличенія произведеній этого рода (см. предисл. у Муральта; Byzant. Studien v. Ferd. Hirsch, Leipz. 1876; Krumbacher; Замѣтки по тексту Θеофанова Временника, Г. Дестуниса, см. Визант. Времен. 1894, т. I, вып. 2-й, с. 307—318). Подробный разборъ состава хроники Г. Амартола въ трудѣ С. Шестакова (см. ниже).

Въ греческихъ хронографахъ хотя еще не настоящая систематическая исторія, а обыкновенное хронологическое повѣствованіе, но въ тоже время греческіе хронисты не ставятъ хронологіи и хронологической послѣдовательности на первый планъ и не подчиняются ей безусловно; не связывая себя неизмѣнной послѣдовательностью годовъ, они наблюдаютъ только порядокъ царствованій. Они описываютъ въ хронологическомъ порядкѣ одно за другимъ правленіе государей, но въ изложеніи событій каждаго правленія то соблюдаютъ, то нарушаютъ этотъ порядокъ, смотря потому, какъ того требуетъ удобство изложенія, и не вмѣняютъ его себѣ въ непремѣнную обязанность (Голубинскій, Ист. рус. церкви, I, 647). Лѣтописную форму повѣствованія (а именно: κόσμου ἔτη 5777; ἔτη 5778; ἔτη 5779; ἔτη 5780. Τούτῳ τῷ ἔτει Διοκλητιανὸς и т. п.) можно встрѣтить у Георгія Синкелла († 810—811) и у его продолжателя Θеофана (IX в.)[1]. Кедринъ (XI в.) говоритъ, что въ первый годъ царствованія такого-то императора случилось то-то, во 2-й годъ—то-то и т. д.; въ началѣ извѣстій онъ обозначаетъ и годы отъ С. М., хотя не такъ послѣдовательно, какъ первый изъ нихъ. При этомъ онъ имѣетъ обыкновеніе выставлять при годахъ индикты (Τῷ δὲ 6540 ἔτει, ἰνδικτιῶνος 15 и т. д.). Другіе лѣтописцы соблюдаютъ порядокъ времени, а не порядокъ годовъ, т. е. событія излагаются преимущественно въ хронологической послѣдовательности, а не во внутренней связи между собою. Ни у Іоанна Зонары, ни у Георгія Амартола въ началѣ разсказа нѣтъ годовъ, но оба они отмѣчаютъ счетъ лѣтъ каждаго правленія.

Однимъ изъ наиболѣе любимыхъ авторовъ въ этомъ родѣ былъ Г е о р г і й Монахъ, прозванный А м а р т о л о м ъ (какъ онъ себя называетъ, т. е. грѣшнымъ). Для многихъ послѣдующихъ хронистовъ Г. Амартолъ служилъ основнымъ источникомъ[2]. Кромѣ того, очевиднымъ доказа-

[1]) О хронол. Θеофана см. H. Hubert и E. W. Brooks (Byz. Zeitschr. 1897 и 99).

[2]) Муральтъ, предисл.—passim; Гиршъ, 91, 104, 110, 131, 318, 376, 384; Крумбахеръ, 2-е изд., 355—358.

тельствомъ распространенности его хроники служитъ большое количество дошедшихъ до насъ списковъ ея. Муральтъ описалъ 27 списковъ[1]); но къ нимъ присоединяется теперь еще четыре.

Тому же Муральту принадлежитъ: „Essai de Chronographie byzantine“, 395—1453, S. Pét.-Bâle-Genève, 2 vv. 1855, 1871, представляющій между прочимъ попытку возстановленія византійской хронологіи по западнымъ лѣтописцамъ. Необходимо прибавить, что отмѣтка чиселъ буквами въ византійскихъ рукописяхъ (какъ и русскихъ) нерѣдко служитъ причиною существенныхъ хронологическихъ ошибокъ (Шлецеръ, Несторъ, III, 302, 443; Терновскій, Изуч. визант. исторіи, 143). Впрочемъ, подобная неточность (при перепискѣ) происходила иногда и отъ употребленія римскихъ цифръ (В. Э. Регель, О хроникѣ Козьмы Пражскаго, Ж. М. Н. Пр. 1890, № 9, стр. 119). Ср. еще Визант. Врем. 1897, II, 202.

При изученіи русской лѣтописи безъ сомнѣнія важенъ былъ бы трудъ А. А. Куника: „Сравнительныя хронологическія таблицы для повѣрки источниковъ византійской и русской исторіи“, о которомъ сообщала въ свое время Археографич. ком. (Лѣтоп. Археогр. ком., вып. IV, проток., 34) и о которомъ снова напрасно напоминалось (Извѣстія Имп. Ак. Наукъ 1895, № 2, с. cxiii).Ср. Phil. Krug, Krit. Versuch zur Aufklär. d. byz. Chronologie, S. Pet 1810.

Между тѣмъ, какъ рукописи большинства византійскихъ хроникъ обыкновенно сводятся къ одной, болѣе древней изъ сохранившихся, рукописи хроникъ Ѳеофана и Георгія, по замѣчанію de Boor'a, представляютъ въ своемъ числѣ нѣсколько самостоятельныхъ списковъ, изъ которыхъ каждый сдѣланъ еще до Возрожденія. Поэтому для установленія текста означенныхъ хроникъ необходимо сравнить всѣ эти независимыя одна отъ другой рукописи. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о хроникѣ Г. Амартола, подвергшейся многочисленнымъ прибавкамъ и передѣлкамъ[2]). По поводу изданія Муральта (Синод. библ. № 252) де-Booръ выражается: „Подъ именемъ лѣтописи Георгія

[1]) Изданіе Э. Г. Муральта: „Хронографъ Георгія Амартола“, напеч. въ Уч. Зап Имп. Акад. Наукъ, по II отд., т. VI, 1859, LII+1016 стр. (перепеч. Migne, Patr. gr. CX, съ лат. переводомъ), признается неудачнымъ. Матеріалы для новаго изданія собраны C. de Boor'омъ.

[2]) Въ свое время много трудился надъ приготовленіемъ къ изданію греческаго текста Г. Амартола - О. М. Бодянскій (Русскіе Палеологи, Н. П. Барсукова, Древн. и Новая Россія 1880, I, 741-742, 753—тутъ же и о славян. спискахъ его). Онъ хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ издать славянскій переводъ въ болгарской и сербской редакціяхъ (Оболенскій, с. 86). Ср. еще Поповъ. Обз. хронограф., II, 47—72; И. В. Ягичъ, Archiv. für slav. Philol., II, 9—12.

Монаха Муральтъ издалъ какой-то хаосъ, въ которомъ представляются два или три различныхъ слоя переработки оригинала". Въ настоящее время различаютъ по кр. мѣрѣ три главныя редакціи: одну краткую, ближайшую къ оригиналу, которая представляется въ Cod. Coisl. 134 и 310, менѣе точный спис. ея Vatic. 153; другую, значительно переработанную и умноженную вставками свѣтскаго содержанія, заимствованными б. ч. изъ Симеона Логоѳета, какою оказываются Cod. Vatic. 154 и Моск. код., издан. Муральтомъ, и 3-ю, среднюю между ними, къ которой относятся Codd. Monac. gr. 139 и 414, Vind. hist. 40, Ambros. 184, Strassb. 8 и др. [1]).

Уже давно было замѣчено, что многіе византійскіе историки дошли до насъ не вполнѣ или даже сохранились только въ извлеченіи у какого нибудь позднѣйшаго компилятора. При этомъ легко можетъ быть, что иное историческое извѣстіе, нынѣ уже не существующее въ византійскихъ текстахъ, можетъ найтись гдѣ нибудь въ славянскомъ переводѣ, сдѣланномъ съ византійскаго оригинала, бывшаго еще полнѣе нынѣшнихъ. Съ другой стороны, церковно-славянскіе переводы могутъ пояснять темныя и трудныя мѣста византійскихъ оригиналовъ, такъ какъ церковно-славянскіе переводчики были почти современники сочинителямъ византійскихъ оригиналовъ, или, по крайней мѣрѣ, не были удалены отъ нихъ длинными промежутками времени. Поэтому имъ могло быть понятно въ языкѣ византійцевъ то, что со временемъ или вышло изъ употребленія или получило иное значеніе [2]).

---

[1]) Krumbacher, 356. Ср. Ferd. Hirsch. Byzantinische Studien, Berl. 1876, Ss. 14. 21, 25—28. 34, 41; Carl de Boor, Zur Kentniss der Weltchronik des Georgios Monachos (Historisch. Untersuchungen, Arn. Schäfer zum 25-jährig. Jubilæum gewidmet, Bonn, 1882, S. 276—295; Byz. Zeitschr., B. VI, H. 2, 233—284; ср. Визант. Времен. 1897, вв. 3—4, с. 693—696); Ѳ. И. Успенскій, Очерки по исторіи византійской образованности, Спб. 1892, 13—15; О происхожденіи и составѣ хроники Георгія Монаха (Амартола), С. Шестакова, Каз. 1892—(Изъ Учен. Запис. Казан. Универ.)—разборъ первыхъ трехъ книгъ; четвертой книгѣ авторъ посвятилъ особый трудъ: По вопросу объ источникахъ хроники Георгія Монаха (Амартола, см. Учен. Зап. Импер. Акад. наукъ, т. LXX, 1892, стр. 1—58). Замѣчанія его о важности Вѣнск. рукоп. (Къ критикѣ текста хрон. Г. Амартола, Визант. Врем. 1895, IV, 580). С. Шестаковъ предложилъ издать текстъ по Коален. рукоп. № 305 (Отчетъ Общ. любител. древ. письм. 1896—97, стр. 4—6)=серб. ред.

[2]) Учен. Зап. Импер. Ак. Наукъ, по 1-му и 3-му отд., III, 470—471. Ср. также замѣчанія кн. М. А. Оболенскаго (Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. россійскихъ 1846, кн. IV, стр. 99) и Н. А. Лавровскаго (О визант. элементѣ въ языкѣ договоровъ русскихъ съ греками, Спб. 1853, стр. 57, примѣч.).

Важность древнихъ славянскихъ переводовъ подтвердилась, напр., хроникою I. Малалы, житіемъ Стефана Сурожскаго и др. Еще недавно цѣликомъ напеч. славянскій переводъ статьи константинопольскаго патр. Никифора объ иконоборцахъ, утраченной въ греческихъ кодексахъ (см. Опис. рукоп. Общ. люб. древ. письмен., сост. Хрис. Лопаревымъ, ч. I, 1892, стр. 81—84).

II.

Хроника Г. Амартола (отъ С. М. по 842 г., съ продолженіями по 948 г., въ нѣк. рук. до 1071, 1081 г., а по москов. Синод. списку даже до 1143 г.), весьма рано появляется въ славянскомъ переводѣ (сербск. ред. по 948 г.) и пользовалась большимъ значеніемъ въ славянской письменности. До сихъ поръ насчитываютъ, по однимъ указаніямъ 12, а по другимъ до 16 переводныхъ ея списковъ (но ихъ конечно больше), частію въ болгаро-славянской, а частію въ сербско-славянской редакціи, и уже до начала XII в. пользовался ею въ переводѣ, а именно въ болгарско-славянской редакціи, древній русскій лѣтописецъ [1]).

И. П. Сахаровъ (см. письмо Бодянскаго) сообщалъ о 16 спискахъ, ему извѣстныхъ (Древ. и Нов. Рос. 1880, loc. cit.; Памятн. древн. письмен., отчетъ 1878—79, с. 95—96). Болгарскій переводъ озаглавленъ: „Временникъ впростѣ“ и пр., сербскій: „Лѣтовникъ вкратцѣ“ и пр. Сербская редакція его издана Общ. люб. древн. письменности (Лѣтовникъ съкращенъ отъ различніихъ лѣтописецъ... отъ Георгіа грѣшнаго инока, съ продолж. изъ С. Логоѳета по 948 г. и хронол. росписью отъ Адама до импер. Ѳеофила, 3 вып. 1878—80, 81, №№ XXVI, LVI, LXIX). Такъ называем. Лаврскій или Троицкій списокъ, принадл. Москов. дух. акад.,—болгар. переводъ Амартола въ пергамен. спискѣ XIII—XIV в. съ современ. лицевыми изображ., № 100 (Древн. и Нов. Рос. 1880, I, 741 и 753, примѣч. 119; Арх. Изв. 1897, с. 260). Описаніе его И. М. Снегиревымъ (Труды М. О. ист., т. V, с. 255—264). П. А. Сырку указываетъ полный экз., весьма хорошо сохранившійся, лѣт. Г. Амартола въ серб. ред., спис XVI в, принадлежащій частному лицу въ Дубровникѣ (Изв. Ак. Наукъ 1895, № 5, стр. cc). Есть также указаніе на слав. рук. Г. Амартола XV в., Зонары 1663 в. и Манассіи 1508 въ Хиландарѣ (Sava Chilandarec, Rukopisy a starotisky Chilandarske, Vêst. král. Čes. Spol. nauk, 1896; Запис. Общ. Шевченка 1897, IV, 45—48, зам. И. Франка). Кромѣ того, указываютъ грузинскій переводъ Г. Амартола въ пергам. спискѣ

---

[1]) Пыпинъ, Ист. славянск. литер., I, 57; Крумбахеръ, 356—357, 359, 565; Муральтъ, Essai de Chronographie (pp. xxi – xxiii); Хроника Г. Амартола (xxxvii—xlix); о разныхъ спискахъ (Ж. М. Н. Пр. XLVI 70—71).

X—XI в., хран. въ церк. музеѣ, въ Тифлисѣ (Krumbacher, 356). А. А. Куникъ настаивалъ на изданіи обѣихъ славянскихъ редакцій (продолжателя) Г. Амартола (Аль-Бекри, 152), а по поводу одного мѣста, такъ наз. русской редакціи перевода продолжателя Георгія, изъ котораго Несторъ дѣлалъ извлеченія, онъ замѣчаетъ: „Я почти убѣжденъ въ томъ, что та редакція греческаго подлинника Георгія монаха (Амартола) и его продолжателя, которую имѣлъ передъ собою славяно-русскій переводчикъ, еще не отыскана“ (177). Съ другой стороны замѣчаютъ, что космографическій отрывокъ „Повѣсти врем. лѣтъ“, взятый изъ IV-ой главы хроники Г. Амартола, отличается отъ космографіи послѣдняго въ славянскомъ переводѣ, напеч. въ прилож. къ I т. Полн. собр. рус. лѣтоп. (послѣдняя ближе къ подлиннику и т. д., Н. П. Барсовъ, Геогр. начальной лѣтописи примѣч. 8).

Появленіе болгарскаго перевода относятъ къ весьма раннему времени (X вѣку) [1]; но дошедшіе до насъ списки его принадлежатъ къ русской редакціи, и старѣйшій изъ нихъ относится къ XIII в. Другой переводъ называется сербскимъ потому, что сохранился только въ сербскихъ спискахъ, которыхъ дошло до насъ значительное количество. Однако всѣ извѣстные списки (Синод. 1386, изд. Общ. люб. древн. письмен., Чешск. націон. муз. 1389, Аѳон. м. св. Павла 1387, Вѣнск. XIV в., Бѣлград. XV—XVI в.) представляютъ *ясные слѣды болгаризмовъ*, которые во всѣхъ нихъ весьма часто совпадаютъ. Переводъ этотъ легъ въ основаніе такъ называемаго сербскаго хронографа [2]).

О греческомъ кодексѣ Г. Амартола, хранящ. въ Моск. синод. библ. и о серб. и болгар. переводахъ его хроники, кн. М. А. Оболенскаго (Чт. М. О. ист. 1846, IV, съ прилож. „краткой хронологіи“ неизвѣстнаго сочинителя по Синодальнымъ спискамъ греч. XII в. и серб. 1386 г. и о нашествіи Русовъ на Константинополь, изъ Ѳеофанова продолжателя, въ сличеніи съ болгар. переводомъ, 73—98). Прибавимъ, что въ составѣ продолжателей хроники Г. Амартола по болгар. и серб. редакціи отмѣчаютъ также разницу (Оболенскій, Чт. М. О. И. 1846, IV, 75—76). И. И. Срезневскій „сербскую редакцію“ считаетъ болѣе поздней передѣлкой такъ наз. болгарскаго перевода (Свѣд. о малоизв. и неизвѣстн. памятн., I, № VI, стр. 20—21). Такъ наз. болгарской ред. перевода хроники Г. Амартола

---

[1]) Вѣкъ болгарскаго царя Симеона, С. Палаузова, стр. 114—116.

[2]) Рукописи П. I. Шафарика въ Прагѣ, опис. М. Сперанскимъ (Чт. М.. О. И. 1894, I, 10, 96—98); Хронографы въ рус. литер., В. Истрина (Визант. Врем. 1898, I, 135—138); объ аѳонск. спискѣ (ib. 1897, I—II, 298).

пользовался и русскій лѣтописецъ до 1116 г.; но въ Повѣсти времен. лѣтъ, по словамъ Срезневскаго, отрывковъ изъ хроники выписано такъ мало, что по нимъ однимъ еще нельзя заключать, что въ такомъ же видѣ была у русскаго лѣтописца и вся книга хроники (21). Представивъ затѣмъ образцы этого перевода, въ которыхъ „мелькаютъ нерѣдко и черты языка русскаго такъ же, какъ и въ самой повѣсти", Срезневскій утверждаетъ, что „эта редакція перевода греческой хроники явилась въ томъ видѣ, какъ она извѣстна, не безъ участія русскаго" и даже прямо „есть созданіе русское". „Не заключаю еще, что первоначальный переводъ хроники былъ сдѣланъ русскимъ, но считаю не позволеннымъ и заключать, что онъ непремѣнно сдѣланъ въ Болгаріи, какъ думали нѣкоторые... Могъ быть приготовленъ переводъ и въ Болгаріи, могъ быть приготовленъ и на Руси, какъ приготовлялись на Руси и другія произведенія..., въ которыхъ нѣтъ ничего собственно русскаго, кромѣ правописанія". Къ этому послѣднему мнѣнію склоняется и архим. Леонидъ (Древняя рукопись, Рус. Вѣстн. 1889, № 4, с. 18; Опис. рукоп. гр. Уварова, III, 10—11). Замѣчаніе И. В. Ягича на это мнѣніе (Arch. f. slav. Philol; II, S. 10). Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается: „Когда былъ сдѣланъ сербами новый переводъ или, по крайней мѣрѣ, *передѣланъ прежній древне-болгарскій* переводъ хроники Георгія—положительно неизвѣстно, но можно предположить, что въ XIV в., такъ какъ всѣ доселѣ извѣстныя сербскія рукописи написаны не ранѣе XIV в." (Ист. сербско-хорват. литер., Каз. 1871, 227—28). Но онъ высказываетъ сомнѣніе, былъ-ли дѣйствительно такъ рано сдѣланъ переводъ Амартола на болгарскій языкъ (ibid. 86, со ссылкою на Срезневскаго, Зап. Акад. Наукъ, VI, в. 2, с. 272). А. Н. Поповъ замѣчаетъ: „Сербская редакція Амартола, извѣстный Лѣтовникъ Г. Мниха, остался неизвѣстнымъ компиляторамъ XV—XVI в. По крайней мѣрѣ, слѣдовъ его нѣтъ ни въ разныхъ спискахъ Еллинск. лѣтописца, ни въ Хронографѣ 1512 г... Списокъ Г. Амартола, вошедшій въ Еллинскій лѣтописецъ, принадлежитъ къ разряду списковъ такъ наз. болгарской ред. *Говоря точнѣе,*—къ той категоріи, которая со временъ Нестора утвердилась въ нашей письменности, но о которой нельзя еще навѣрное сказать, гдѣ она возникла. Распространенность списковъ Временника Г. Амартола повлекла за собою естественно все большее и большее измѣненіе въ языкѣ, подновленіе формъ и т. п. Списокъ, которымъ пользовался составитель Еллин. лѣтописца, *можно смѣло назвать русскимъ, по формамъ и правописанію*" (Обзоръ хронограф., I, 71—72)... „Все различіе этихъ переводовъ (болгарскаго и сербскаго), говоритъ архим. Леонидъ, состоитъ въ томъ, что болгарскій переводъ есть точный, вполнѣ согласный съ подлинникомъ, а сербскій (Лѣтовникъ) есть переводъ такъ наз. вольный, мѣстами со вставками изъ другихъ хроникъ" (Древн. рукоп., Рус. Вѣстн. 1889,

№ 4, с. 18, примѣч.). В. Г. Васильевскій, на основаніи изученія греческихъ и славянскихъ рукописей, напротивъ, замѣчаетъ: „Подробный сербскій текстъ есть древнѣйшій, болгарскій же есть сокращеніе сербскаго" (Отчетъ Об. люб. древ. письм. 1888—91, стр. 29). Мнѣнія М. Н. Сперанскаго и В. М. Истрина мы сообщили выше (стр. 84 и примѣч.).

Многочисленные по своему разнообразію списки Г. Амартола и существованіе двухъ славянскихъ редакцій его хроники привели въ 1856 г. извѣстнаго собирателя славянскихъ рукописей В. М. Ундольскаго въ его трудѣ, посвященномъ Г. Амартолу (Изслѣдованія о церковно-славянскихъ хронографахъ. Т. I. О Временникѣ Г. Амартола въ отношеніи къ Несторовой лѣтописи), къ заключенію о двухъ греческихъ писателяхъ, служившихъ для перевода на болгарскій и сербскій языки (Георгія Грѣшника болгар. ред. и Георгія Мниха серб. ред.), отъ разрѣшенія котораго ученые ожидали весьма существенныхъ результатовъ въ области византійской хронографіи [1]) и, хотя въ настоящее время вопросъ этотъ выяснился вполнѣ, однако, нѣкоторые ученые все еще придерживаются мнѣнія Ундольскаго [2]).

Вообще, даже для своего времени, по замѣчанію В. Г. Васильевскаго, Георгій представляется жалкимъ компиляторомъ, и въ извиненіе его можно сказать развѣ только, что онъ ничѣмъ инымъ и не обѣщалъ быть въ своемъ предисловіи... Изъ византійскихъ хронистовъ только одинъ былъ современникомъ Аморейской династіи— Георгій Амартолъ; но именно его произведеніе въ первоначальномъ своемъ видѣ и оказывается самымъ убогимъ. Скудость собственно исторіографическихъ свѣдѣній побуждаетъ изслѣдователей искать новыхъ данныхъ и даже открытій для познанія византійской жизни въ

[1]) См. Отчетъ о XXV присужденіи Демидовскихъ наградъ. Спб. 1856, рец. А. А. Куника, 71—84; ср. Ж. М. Н. Просв. 1856, XCI, 8—13. Соч. Ундольскаго печаталось, но печатаніе не было доведено до конца, а корректурные листы, вмѣстѣ съ рукописью автора, поступили съ прочими его рукописями въ Румянцовскій музей (Описаніе рукоп. Ундольскаго, А. Е. Викторова, 55—56). Подобное предположеніе могло возникнуть на почвѣ мало изслѣдованнаго прежде взаимнаго отношенія византійскихъ хроникъ (Гиршъ, 3—4).

[2]) Ан. Н. Поповъ: Обз. хронографовъ русской редакціи, II, 6, 15,—очевидное недоразумѣніе (см. I, 71—72; И. В. Ягичъ, ibid., 228 - рѣчь идетъ объ аѳон. спискѣ въ Синод. библ. 1386 г.); Рукописи Хлудова, опис. Поповымъ, 370; Рукописи гр. А. С. Уварова, опис. архим. Леонидомъ (т. III, с. 10; ср. Археол. Изв., изд. М. археол. общ. 1894, №№ 3—4, с. 96), но ранѣе послѣдній сдѣлалъ приведенную выше поправку (Древ. рукопись, Рус. Вѣстн. 1889, № 4, стр. 18). - О взаимныхъ отношеніяхъ греч. и славян. текстовъ Г. Амартола и С. Логоѳета, см. въ ст. Васильевскаго (Виз. Врем. 1895, в. 1—2, с. 78—151). Замѣч. К. де Боора (Byz. Z. 1887, S. 273 f.).

расширеніи нашего знакомства съ агіографическою литературою, которая сама по себѣ сильно вліяла на исторіографію [1]). Мало того. Даже по вопросу столь близкому самому автору хроники, какъ торжество православія, онъ оказывается и весьма скуднымъ, и весьма сбивчивымъ писателемъ. „Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ другой нашъ изслѣдователь, перечитывая заключительныя страницы лѣтописи Георгія, посвященныя Михаилу и Ѳеодорѣ, приходишь въ изумленіе передъ жалкимъ, съ точки зрѣнія словеснаго искусства, способомъ изложенія мыслей у этого якобы знаменитаго и образцоваго писателя, у котораго учились писатели послѣдующихъ вѣковъ“ [2]), о чемъ свидѣтельствуетъ и большая распространенность его хроники (судя по числу извѣстныхъ греческихъ и славянскихъ списковъ), и то разнообразіе, въ какомъ дошли до насъ его тексты. Въ изданіи Муральта, какъ оказывается, сведены два или три слоя разновременныхъ приписокъ, размышленій и дополненій, сдѣланныхъ читателями лѣтописи и неразборчивымъ переписчикомъ соединенныхъ въ одно цѣлое. Въ послѣдней своей части (4-ой книгѣ, заключающей въ себѣ византійскую исторію отъ Константина В. по 842 г.), Г. Амартолъ пользовался главнымъ образомъ хроникою Ѳеофана (идетъ съ 284—813), а также хрон. І. Малалы, І. Антіохійскаго, Breviarium'омъ патр. Никифора, церковной исторіей Ѳеодорита, ж. царицы Ѳеодоры, ж. патр. Никифора, напис. п. Игнатіемъ, ж. Стефана Новаго, письмомъ Ѳеодора Студита къ Іоанну Кизикскому, эпитафіемъ п. Никитѣ, напис. ученикомъ его Ѳеостириктомъ и др., но, какъ современникъ, онъ говоритъ лишь о періодѣ съ 813—841 гг. [3]). Заключительная часть хроники Г. Амартола (813—842), подъ именемъ Георгія Монаха, съ продолженіемъ его до смерти импер. Романа І (948) была давно уже извѣстна [4]); но только въ послѣднее время вполнѣ установлено ихъ тождество [5]). Что же касается собственно продолженія Георгія (по 948 г.), то эта часть лѣтописи, какъ показываютъ нѣкоторыя греческія ру-

---

[1]) Русско-визант. изслѣд. В. Г. Васильевскаго, II, cxviii—cxxi.

[2]) Успенскій, Очерки по исторіи визант. образован., сс. 9–10, 11, 14, 74, 77.

[3]) Hirsch, 7—8, 20—22, 27, 128; Васильевскій, II, civ—cv, cxix; Шестаковъ, 6–9; W. Regel (Analecta Byzantino-Russica, Petrop. 1891, pp. iii—xix, 1—43+1—43.

[4]) По парижскому изд. Combefis'a 1685, перепеч. въ Венеціи (1729) и Боннѣ 1838) О варіантахъ къ нему (Крумбахеръ, 356–57).

[5]) Hirsch, 1–4, примѣч. къ стр. 4; Krumbacher, 352--357.

кописи и славянскій переводъ, принадлежитъ Симеону Логоѳету (см. ниже). Означенная часть ея была присоединена къ сочин. Г. Амартола позднѣйшимъ компиляторомъ; но связь эта чисто внѣшняя. По своему характеру и пониманію оба автора отличаются другъ отъ друга. На сколько у послѣдняго преимущественное значеніе имѣетъ церковный элементъ, настолько первый обнаруживаетъ главный интересъ къ придворнымъ отношеніямъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ продолженіе идетъ далѣе 948 г. и имѣетъ своимъ источникомъ продолжателя Ѳеофана. Съ другой стороны, отличаясь нерѣдко бо́льшею краткостью чѣмъ Георгій, С. Логоѳетъ обладаетъ бо́льшимъ количествомъ хронологическихъ замѣтокъ, хотя не всегда точныхъ. Въ немногихъ спискахъ лѣтопись Симеона, будучи соединена съ лѣтописью Георгія, какъ ея продолженіе, затѣмъ продолжена далѣе (V, VI, VII и VIII книги), представляя въ этой части различные варіанты [1]). Подобная связь произведеній обоихъ лѣтописцевъ была причиною иногда смѣшенія ихъ хроникъ [2]). По вопросу о личности „магистра и логоѳета“, какъ автора хроники, достигнуто теперь почти полное соглашеніе, и есть основаніе заключать о тождествѣ его съ извѣстнымъ С. Метафрастомъ [3]).

Хроника Г. Амартола имѣла большое вліяніе какъ на византійскую, такъ и на русскую исторіографію. Многіе византійскіе хронографы черпали изъ нея щедрою рукою [4]). Заслуживаетъ вниманія, что и

---

[1]) Hirsch, 8, 41—44, 51—54, 87—88, 268, 308, 317—318, 342, 355, 386; Муральтъ, v—ix, xxxvi; Krumbacher, 129—133, 136—138; Васильевскій, II, cxix; Успенскій, 16—17, 26.

[2]) См. указанія кн. М. А. Оболенскаго (Чт. М. О. Ист. 1846, IV, 77 и 85; здѣсь же отмѣчено полное сходство серб. ред. съ греческ. спискомъ Георгія въ Синод. библ.) и А. А. Куника, въ прилож. къ соч. Круга (Forschungen, I, 802); рѣзкій отзывъ Бодянскаго о мнѣніи кн. Оболенскаго (Древн. и Нов. Россія, 1880, I, 743); замѣч. его о хроникѣ Симеона Логоѳета (ib. 741).

[3]) Ср. Hirsch, 52, 308 (съ лит. вопроса); Krumbacher, 358—361, A. A. Kunik, Ueber das Verhältniss des Continuator Theophanis zu dem Symeon Logothetes oder Pseudometaphrastes (Forschungen v. Krug, II, 785—807); Васильевскій, О жизни и трудахъ Симеона Метафраста (Ж. М. Н. Пр. 1879, № 12, 379—437; выводы на стран. 417—435, 437); Хроника Г. Амартола въ изд. Общ. люб. древн. письмен., стр. 428 на обор.; Синод. кодексъ С. Метафраста (житія) его же (Ж. М. Н. Пр. 1897, №№ 6 и 7 и отд. Спб. 1899). Подробнѣе см. (а также о славянскомъ текстѣ С. Логоѳета и хрон. Л. Грамматика), у К. Грота, Моравія и Мадьяры, стр. 200, примѣч. (мнѣніе Васильевскаго); Рус. Визант. изслѣд., II, cxlv; Изв. Акад. Н. 1896, № 2, с. 172—173; Отчеты Имп. Общ. любит. древ. письмен. 1888—91, с. 28—29. Хроника С. Логоѳета на славян. и греч., В. Васильевскаго (Визант. Врем. 1895, вв. 1—2); Париж. рук. С. Логоѳета, С. Шестакова (ibid. 1897, в. 1—2).

[4]) Крумбахеръ, 354.

въ нашихъ монастырскихъ биб—хъ (въ переводѣ) она встрѣчается весьма часто и нерѣдко даже въ нѣсколькихъ экземплярахъ [1]). Въ частности Г. Амартолъ могъ влiять и дѣйствительно влiялъ на древнюю русскую исторiографiю всею сущностiю своихъ историческихъ воззрѣнiй, своимъ аскетическимъ, монашескимъ мiровоззрѣнiемъ, полнымъ вѣры въ чудеса и знаменiя, въ участiе ангеловъ и бѣсовъ въ дѣлахъ человѣческихъ [2]). Г. Амартолъ служилъ ближайшимъ руководителемъ древняго русскаго лѣтописца, а позже историческимъ источникомъ для Iосифа Волоцкаго, при составленiи имъ извѣстнаго „Просвѣтителя“ [3]), а также для хронографовъ [4]).

Элементъ чудесный и гадательный занимаетъ видное мѣсто (какъ и въ Римѣ, см. стр. 32) въ византiйской литературѣ, особенно по связи его съ памятниками города (см. Очерки по миѳологiи, Кирпичникова, Этногр. Обозр. 1890, IV, 27—28 и др.) и охотно усваивался русскими путешественниками того времени (Сахаровъ, II, 40 и др.). Пьяная чернь уничтожила прекрасную статую Аѳины, предполагая, что эта послѣдняя покровительствуетъ латинянамъ, а латиняне въ свою очередъ уничтожали амулеты, съ которыми связывали тогда судьбу Константинополя (Никита Хонiатъ въ изслѣд. Успенскаго, 109—111; ср. гаданiя по Соломоновой книгѣ, ib. 107; Ж. М. Н. Пр., 1889, № 6, сс. 339—71).

---

[1]) Опись книгъ Степен. монаст. (Чт. М. О. И., 1847, № 6); Строевъ (Библ. Словарь. по указателю). Въ Россiи хронографъ Амартола извѣстенъ былъ подъ именемъ „Криницы“, хотя это названiе относится собственно къ оглавленiю хроники (Оболенскiй, loc. cit., 75, примѣч.).

Подробности о спискѣ Моск. дух. академiи (съ надписанiемъ на кожаномъ переплетѣ „Криница“) и рисункахъ, украшающихъ его, И. Снегирева: „Замѣчанiя о Г. Амартолѣ“ (Труды Общ. ист. V, 255—264). Рефератъ о немъ А. И. Никольскаго, который, по даннымъ палеографическимъ, относитъ его къ полов. XIV в. (Арх. Изв. 1897, № 7-8. стр. 260-261).

[2]) Ф. А. Терновскiй, Изуч. Виз. исторiи и ея тенденц. прилож. въ древней Руси, в. I, 119. Обзоръ содержанiя хронографа, ibid., 14—117.

[3]) Опытъ изслѣд. о культурн. знач. Византiи въ рус. исторiи, 523—527, съ излож. содерж. хронографа Г. Амартола.

[4]) Обзоръ хроногр. А. Н. Попова, I, 9—19, 47. 72—78, 83, 88—92, 107, 110—180-215 (passim). Въ этихъ компиляцiяхъ славяно-русскаго происхожденiя онъ или служитъ дополненiемъ къ другимъ византiйскимъ хронографамъ (Малалѣ), или текстъ изъ него замѣняетъ части текста этихъ послѣднихъ, или представляетъ обширныя самостоятельныя извлеченiя. Статьи изъ Г. Амартола въ Сборн. Общ. люб. древн. письм. (Опис. библ. Общ., т. II, 271—272) и Сборникѣ Кирилло-Бѣлозерскаго мон., нынѣ Спб. дух. акад. (Лѣт. занятiя Археогр. ком., III, 45).

III.

Полагаютъ, что одновременно съ переводомъ сочиненія Г. Амартола появился переводъ всемірной хроники Іоанна Малалы [1]) (пис. 2-й полов. VI вѣка, излагающій событія отъ сотв. міра до 566 г., а быть можетъ до 573 г.). Переводъ его сочиненія весьма важенъ между прочимъ потому, что въ немъ естъ начало, недостающее въ греческомъ изданіи (Оксф. 1691, перепеч. въ Венеціи и Боннѣ и у Миня), и отличія въ текстѣ, а потому онъ признается весьма важнымъ матеріаломъ при возстановленіи греческаго текста этого писателя.

Вопросъ о времени жизни І. Малалы въ настоящее время установленъ положительно (см. сообщ. В. Г. Васильевскаго въ Рус. Археол. общ., Ист. Вѣстн. 1891, № 5, с. 521—522; ср. 5-ую главу въ соч. Шестакова о Г. Амартолѣ); о томъ же и значеніи славян. перевода (Шестаковъ: Іоаннъ Риторъ въ церковной исторіи Евагрія, Уч. Зап. Казан. Унив. 1890, V, 97—132; а также описаніе Сборника, съ приведеніемъ параллельныхъ мѣстъ по греческому тексту, латинскому и славянскому переводамъ, кн. М. А. Оболенскаго, Врем. М. О. И., книга IX—часть полнаго славянскаго перевода Малалы до цар. Вителія сохранилась въ Сборн. Моск. гл. арх. ин. д., XV в., и въ спискахъ Еллинскаго и Римскаго лѣтописца XVI в., описан. А. Н. Поповыхъ, Обз. хроногр. рус. ред., I, 1—12; ср. Опис. рукоп. Вилен. Публ. библ. Ф. Добрянскаго, № 109; В. М. Истринъ, Александрія русскихъ хронографовъ, Чт. М. О. И., 1894, 123—139; И. И. Срезневскій, Зап. Им. Ак. Н., т. XXXIV; Памятн. языка и письма южн. славянъ, 25; Свѣдѣнія и замѣтки LXXXIV—LXXXV; архим. Леонидъ, Древняя рукопись, Рус. Вѣстн., 1889, № 4; Ф. А. Терновскій, с. 4—14. И. В. Ягичъ, Arch. f. slav. Philol. II, 4—9; Ед. Вольтеръ, ibid. В IX). Въ одной изъ рукоп., принадлежавшихъ Тихонравову и пріобрѣтенныхъ имъ въ послѣднее время (XV—XVI в.), были найдены новые отрывки изъ хроники Малалы въ славян переводѣ (Зап. Ак. Наукъ, LXXV, кн. I, 89). Другія указанія у Крумбахера (332—334). Въ новой постановкѣ вопросъ о славян. переводѣ Іоанна Малалы, съ указаніемъ на важность критическаго изданія его, см. въ статьяхъ: Zum slavischen Malalas, v. C. E. Gleye (Archf slav. Phil. 1894, B. XVI, H. 3 и 4, с. 578—589, по рукоп., находящ. въ Россіи;

---

[1]) Палаузовъ, 113—115. Malál, что значитъ посирійски риторъ (Иречекъ Исторія Болгаръ, 554; Крумбахеръ, 334). Его хроника издана по единственному неполному списку Оксфорд. (Бодлеян.) библ. и только недавно въ Парижской Націон. библ. найденъ былъ отрывокъ, благодаря которому можетъ быть возстановлена 1-я книга этой хроники.

ср. Визан. Врем. 1896, № 3—4, 698—699); О славянскомъ переводѣ хроники I. Малалы, С. П. Шестакова (Визант. Времен. 1894, I, вып. 3—4, стр. 503—552); прибавленіе къ той же статьѣ (1895, III, 372—77); В. Истринъ: Первая книга хроники Іоан. Малалы (Зап. Ак. Наукъ, VIII сер. по ист. фил. отд, т. I, № 3, 1897); Хронографы въ рус. литер. (Виз. Врем. 1898, I, с. 131—152).

Всемірная хроника I. Малалы представляетъ полный типъ христіанско-византійской монашеской хроники, по своей техникѣ, понятіямъ и грубости изложенія. Онъ писалъ въ полномъ смыслѣ слова не для высшей публики, а для монаховъ и значительной массы мірянъ, благосклонныхъ ко всякаго рода легендамъ, апокрифическимъ сказаніямъ и монархическимъ тенденціямъ. Онъ пользовался предшествовавшими хрониками, но также городскими анналами Антіохіи и Константинополя (въ концѣ), притомъ обнаруживаетъ наклонность связать всемірную хронику съ событіями своего родного города. Авторъ чуждъ критическаго такта, поэтому часто дѣлаетъ грубыя ошибки въ хронологіи, исторіи и литературѣ, а его изложеніе даетъ обильный матеріалъ для изученія греческаго народнаго языка. Хроника Малалы оказала значительное вліяніе на византійскую, восточную, славянскую и даже отчасти западную анналистику [1]). Въ славянскомъ текстѣ по мѣстамъ встрѣчаются значительныя вставки изъ другихъ произведеній (Александрія, Палея, Іуд. древности и Іуд. война, Іосифа Флавія и др.), причемъ значительные отрывки изъ Іудейской войны послѣдняго даютъ право заключать, что этотъ историкъ весьма рано уже появился въ славянскомъ переводѣ. Переводъ Малалы былъ извѣстенъ русскимъ лѣтописцамъ еще въ XII вѣкѣ [2]). Критическое изданіе его хроники, кромѣ того, признается весьма важнымъ для изученія излагаемаго имъ періода исторіи (Моммсенъ) [3]). Славянскій переводъ хроникъ Г. Амартола и Малалы послужилъ основаніемъ для извѣстнаго въ русской литературѣ хронографа, называемаго „Еллинскій и Римскій лѣтописецъ“ [4]).

[1]) Въ церк музеѣ въ Тифлисѣ есть переводъ его сочин. на грузинскій языкъ, относ. къ X—XI вв.

[2]) Полн. Собр. рус. лѣт., т. II, подъ 1114 годомъ. Ср. В. Истринъ (Хроногр. Ипат. Лѣт., Ж. М. Н. Пр. 1897, № 11) и А. А. Шахматовъ (ib. № 5).

[3]) Krumbacher, 332, 333. Матеріалъ для этого подготовляетъ C. E. Gleye.

[4]) Поповъ, Обзоръ, I; В. Истринъ (Виз. Врем. 1898, I, 140).

Разсмотрѣвъ дополненія, Срезневскій пришелъ къ заключенію, что всѣ они—труды переводчиковъ древняго времени и что ни одно изъ нихъ не слѣдуетъ отнести ко времени болѣе позднему, чѣмъ XIII вѣкъ. (Свѣдѣнія и замѣтки, № LXXXIV, стр. 138). Древнѣйшіе списки соч. Іосифа Флавія объ Іудейской войнѣ въ нашихъ рукописяхъ восходятъ къ XV стол. Оно явилось съ значительными дополненіями противъ извѣстнаго греч. текста, существовавшими быть можетъ въ спискѣ, съ котораго сдѣланъ славян. переводъ. Списки его были довольно распространены въ Россіи и одинъ изъ нихъ (1468 г.) вошелъ въ Макарьев. Минеи. Замѣчательно, что сербскій спис. 1585 г., принадл. Хиланд. мон., сдѣланъ съ „русскаго извода", принесеннаго изъ Россіи, такъ какъ переписчикъ—родомъ сербъ не нашелъ славянскаго перевода ни въ Сербіи, ни въ Болгаріи, ни на Аѳонѣ (Поповъ, I, 116—117, 130—132). Е. В. Барсовъ предполагалъ издать этотъ важный памятникъ русской письменности, который онъ относитъ даже къ XI—XII стол. (Ист. Вѣстн. XIX, 718).

IV.

Изъ другихъ хронистовъ въ славянскомъ переводѣ, извѣстныхъ въ Россіи, назовемъ Константина Манассію (2-й пол. XII в.), написавшаго хронику отъ Адама по 1081 г. въ 6733 политич. стихахъ.

Риѳмованную прозу византійцы стали употреблять весьма рано. Уже въ V в. духовные ораторы прибѣгали къ украшеніямъ, употребляя парныя риѳмы (безъ правильныхъ стиховъ) и превращали проповѣдь въ драматическій діалогъ (Кирпичниковъ, въ Byzant. Zeitschrift, 1892, I). Точно также византійцы составляли свои надписи въ метрической формѣ, чаще всего употребляя холіамбъ (Ламбросъ, ibidem).

Манассія—плодовитый авторъ въ разнообразныхъ родахъ литературы, писанныхъ частью стихами, а частью прозой. Для своей хроники (Σύνοψις ἱστορική) онъ пользовался многими источниками (Діонисій Галикарнасскій, I. Лидскій, I. Антіохійскій, Псевдо-Симеонъ и др.). Послѣдняя неоднократно издавалась [1]), переводилась на другіе языки (латин., славян., извлеч. изъ греч. передѣлки въ румын. хроникѣ) и, судя по количеству рукописей, была очень распространена. Переводъ ея на средне-болгарскій яз. совершенъ былъ въ первой половинѣ XIV в., какъ полагаютъ, для болгар. ц. Іоанна Александра. Славянскій переводъ лѣтописи Манассіи имѣетъ важное отличіе отъ подлинника, такъ

---

[1]) Lugd. Bat. 1616; Paris 1655; Bonn 1837; Migne, Patr. gr., CXXVII, 216—472.

какъ болгарскій переводчикъ дополнилъ свой трудъ славянскими глоссами (размѣстивъ ихъ на поляхъ рукописи), касающимися исторіи болгаръ и отношеній ихъ къ Византіи, а въ двухъ спискахъ (Ватикан. и новгор. Софійск.) въ текстѣ Манассіи внесена „Троянская исторія“, сербскаго происхожденія. Не смотря на краткость византійскихъ извѣстій, хроника Манассіи служила матеріаломъ для составителей русскихъ лѣтописныхъ сборниковъ (см. Никон. лѣт., т. I.) и хронографовъ [1]). Въ противоположность Г. Амартолу, Манассія повліялъ на русскую историческую литературу формою своего бытописанія, богатаго всяческими витійственными украшеніями. Такимъ образомъ, съ легкой руки *премудраго* Манассіи появились въ русской исторической литературѣ произведенія, украшенныя всѣми прелестями византійскаго витійства, авторы которыхъ, по выраженію одного изъ нихъ, составляли свои труды „словоплетущи и словоплодящи и словомъ почтити мняще и отъ словесъ похваленія собирающе“ [2]).

Къ тому же времени относится переводъ на сербо-болг. яз. хронографа Іоанна Зонары (отъ С. М. по 1118 г.), извѣстнаго въ нѣсколькихъ спискахъ, болѣе полный изъ которыхъ дошелъ въ позднѣйшей копіи

---

[1]) Обзоръ хронографовъ, I, 99—215; II, 6—7. Впрочемъ, Кругъ заимствованія первой считаетъ взятыми изъ рус. хронографа (Сочин. I, 83—110). О переводѣ лѣтописи Манассіи (по 2 спискамъ—Ватикан. и Патр. библ.), А. Д. Черткова (Рус. Ист. Сборн., изд. М. О. Ист. и древн., т. VI, 39—160); Терновскій, 118—135; Опытъ изслѣд. о культ. знач. Византіи. с. 529—530; Поповъ, II, 4—7; Пыпинъ, Ист. слав. литер., I, 57; Ягичъ, Ein Beitrag zur serb. Annalistik (Arch. f. slav. Philol., II, 1877, 12-14); V. Istrin, Beiträge z. griech. slavisch. Chronographie (Arch. f. slav. Philol., XVII, 1895, 416-429); Krumbacher, 376—380); Ист. сербско-хорват. литер., 110—120; Hirsch, 404—412; О лѣт. Манассіи и Зонары въ спискахъ Хиландар. мон. у архим. Леонида (Чт. М. О. И., 1867, IV—Опис. серб. Хиландар. лавры); Болгарская рукопись въ Ватиканѣ, П. Т. Гудева (въ Сборникѣ, изд. болгар. мин. нар. просв., кн. VI; ср. кн. V, въ которой сообщены рисунки изъ нея по соч. Шлюмберже объ импер. Фокѣ, кас. войны Святослава въ Болгаріи); Eine vulgärgrichische Paraphrase der Chronik des Konst. Manasses (Byzant. Zeitschr. 1895, II, 272—313—о второмъ продолжателѣ по Муральту 858—896); болѣе древняя изъ извѣст. редакцій его на греческомъ простонародномъ языкѣ (ср. Визант. Времен. 1895, III, 481).

[2]) Терновскій, ib. I, 120. Образецъ подобной реторики—похвала М. Пселла—Симеону Метафрасту (Ж. М. Н. Пр. 1880, № 12, 382—398). Византійскій писатель и государственный дѣятель Михаилъ Пселлъ. Ч. I. Біогр. М. Пселла. Изслѣдованіе П. В. Безобразова (Чт. въ Общ. Ист. и Древн. рос. 1889, IV, 1—194). Любопытно, что современники упрекали С. Метафраста за излишнюю простоту, а позднѣйшіе изслѣдователи находятъ въ немъ риторство и излишнее многословіе (Всеоб. ист. литер. Корша, II, 545—546).

(XVII в., рукоп. Ундольского), а сокращенный (Паралипоменъ) въ болѣе ранней (XVI в., по рукоп. Волоколам. мон.) [1],—но оба они заключаютъ въ себѣ сербскія глоссы, съ нѣкоторыми отличіями [2].

Зонара—начальникъ императорской канцеляріи, а потомъ монахъ, авторъ житій и толкователь церковныхъ правилъ, написалъ „Всемірную хронику", которая имѣетъ значеніе по обилію источниковъ, какими располагалъ составитель ея, начиная съ Ветхаго Завѣта, Іосифа Флавія (Древн. іуд.) и хроники Евсевія, и кончая древними писателями (Геродотъ, Ксенофонтъ, Плутархъ, Арріанъ, Діонъ Кассій, для возстановленія утраченной части котораго его хроника имѣетъ важное значеніе) и др. Для византійской исторіи онъ пользовался трудами Өеофана (съ продолж.), Прокопія, Никифора патр., Георгія Амартола (съ продолж.), Кедрина, С. Логоөета, Скилицы, Пселла и др. Такое богатство матеріала было причиною широкаго распространенія хроники Зонары (извѣстно 44 списка ея, изъ нихъ 17—полныхъ) и особеннаго расположенія къ ней въ XV—XVI в., когда она появилась въ переводахъ на латин. итальянскій и французскій языки [3]. Кромѣ того, она переведена была на славянскій и ново-

---

[1]) Изданъ Бодянскимъ (Чт. М. О. И., 1847, № 1). О Паралипоменонѣ Терновскій, I, 136—143; Опытъ изсл. о культ. знач. Византіи, 529; Поповъ, II, 8—15; Ягичъ (Arch. f. slav. Philol., II, 1877, 14—16); Hirsch, 377—391; Юго-славянская передѣлка Зонары (по поводу Зограф. списка), П. Лаврова (Виз. Врем. 1897, вв 3—4, стр. 452—460); о славянскомъ спискѣ хронографа см. еще Sava Chilandarec Ruk. a starotisky 1896 (зам. объ этомъ изд. П. А. Сырку, Изв. Акад Наукъ по отд. словесн. 1898, I, 131—141). Греческій текстъ издавался много разъ съ XVI по XIX в., въ Базелѣ, Парижѣ, Венеціи, Боннѣ и въ собр. Миня (Крумбахеръ, 374) Недавно вышедшее изданіе Вобста представляетъ окончаніе Бонск. изданія по рукоп., 1897 (о немъ Zeitschr f. d. österreich. Gymnasien, 1898, 4 H.); полное изд. Л. Диндорфа (Лейпц. Bibl. Teubner., 6 тт., 1868—75) и Migne'я. А. Н. Поповъ, однако, замѣчаетъ: „Ни Манассія, ни Зонара не переписывались у насъ и не были извѣстны нашимъ древнимъ лѣтописцамъ" (Обз. хроногр. П. 22—23). По исторіи текста Зонары см. Т. Бюттнера-Вобста (Byzant. Zeitschz. 1892, I, 202—244, 594—597, Studien zur Textgesch. des Zonaras). О рукописяхъ Зонары (въ дополненіи къ предыдущей статьѣ) U. Boissevain (Zur Handschriftlichen Ueberlieferung des Zonaras—описаніе 42 рукоп., Byz. Zeitschr, 1895, II, 250—271); обзоръ литер. о Зонарѣ (Визант. Врем. 1897, III, 188—189; IV, 696); объ источникахъ І. Зонары: статьи K. Praechter'a (Byz. Zeitschr. 1897, 509—525) и E. Patzig'a (ibid. 1896—97).

[2]) Въ извѣстномъ разсказѣ Зонары о нападеніи Русовъ Евксинопонтскихъ въ спискѣ Ундольскаго нѣтъ именъ Аскольда и Дира, вставленныхъ въ Паралипоменонъ (см. это мѣсто у Попова, II, 13).

[3]) Въ продолж. славяно-болгар. перевода С. Логоөета Васильевскій указалъ болѣе исправный текстъ Паралип. Зонары (Виз. Врем. 1895, вв. 1—2, с. 140—144).

греческій языки [1]). Хотя по содержанію и формѣ изложенія Зона[
принадлежитъ къ лучшимъ византійскимъ хронистамъ, но и на е[
трудѣ сказывается характеръ монашеской работы [2]).

V.

На югѣ же [3]) былъ сдѣланъ переводъ хроники **Симеона М[
тафраста и Логоѳета** [4]) (к. X вѣка): „Списаніе міра отъ быт[
и лѣтовникъ собранъ отъ различныхъ лѣтописецъ". Несомнѣнны[
источниками для нея служили сочиненія Ѳеофана, I. Малалы и Г. Ама[
тола. Свой трудъ авторъ закончилъ вѣроятно 948 г.; продолженія же ([
разныхъ спискахъ) принадлежатъ другимъ писателямъ. Въ нѣкот[
рыхъ изъ нихъ изложеніе доходитъ до 1067 г. По мнѣнію де-Боор[
хроника Симеона давала немного больше Ѳеодосія Мелитинскаго,
добавленія свои брала изъ источниковъ или очень плохихъ (напр. и[
Александра монаха), или для насъ мало интересныхъ, напр. библе[
скихъ книгъ, Евсевія, кое-какихъ агіографовъ, и вообще—это бы[
слабая компиляція, важная только по той роли, которая выпала [
ея долю въ византійской хронографіи" [5]). Относительно текста ея он[
замѣчаетъ: „Почти всякая греческая рукопись съ именемъ Симеон[
Логоѳета представляетъ новую хронику, такъ что окончательнаго р[

[1]) Значеніе его между прочимъ увеличивается и отъ того, что даты въ е[лѣтописи обозначаются не цифрами, а словами и слѣдовательно менѣе могли по[вергаться порчѣ (Ив. Андреевъ, Констант. патріархи отъ времени Халкид. собо[до Фотія. В. I. Серг. Посадъ, 1895; ср. Визант. Врем. 1897, I, 201–202).

[2]) Krumbacher, 370—376. О бѣдствіи по кончинѣ семи вѣковъ (Паралип. 1[

[3]) Средне-болг. изводъ по рук. Имп. Пуб. библ. на 325 листахъ.

[4]) Изданіе Combefis'a (Script. post. Theophanem, Paris 1685, 401–493, тоже [Бонск. изд 663–760. Migne, Patr. gr., CIX) представляетъ только часть тру[Псевдо-Симеона (Krumbacher, 360–361). О славянскомъ переводѣ: ср. Поповъ, Об[зоръ] хронографовъ. 16—17. Самое надписаніе имени въ славянскомъ переводѣ подтве[р]ждаетъ тождество авторовъ. Въ недавно изданномъ „Систематич. описаніи руко[писей] Синод. библ". архим. Владиміра (ч. I—греч. рукописи, М. 1894 г.) означенны[й] хронографъ (№ 406) попрежнему названъ „Симеона Логоѳета и Метафраста" [ссылкою на замѣчанія кн. Оболенскаго. Заглавіе б. ч. извѣстныхъ текстовъ: „Симео[на] магистра и логоѳета", а славян. перевода Импер. Публ. библ (списокъ, сдѣлан. [Сочавскомъ мон., въ Молдо-Влахіи, въ 1638 г.): „Метафраста и Логоѳета. Симеон[а] (Крумбахеръ, 360: Отчетъ Общ. любит. древ. письмен. 1888–91, стр. 29).

[5]) (Byz. Zeitschr., B. VI, H. 2; Виз. Врем. 1897. в. 3—4, 694-695). О рукоп[и]сяхъ Симеона Логоѳета. С. Шестакова (Виз. Врем. 1897, в. 3—4. 1898, в. 1—2). Насто[я]щій текстъ Симеона еще не изданъ. Замѣнить его можетъ пока Бонск. изд. Ль[ва] Грамматика и Минь P. G., CVIII (Крумбахеръ, 361, 364). По мнѣнію Васильевска[го] хрон. Льва Грам. и Ѳеодосія Мел. лишь списки или изводы хроники С. Логоѳе[та] (Виз. Врем. 1895, в. 1—2, с. 139—140).

шенія дѣла можно ожидать не отъ греческихъ текстовъ, а лишь отъ изданія полнаго славянскаго текста: только тогда можно будетъ рѣшить, точно ли славянскій текстъ сдѣланъ съ подлиннаго цѣльнаго Логоѳета". Славянскій переводъ лѣтописи Симеона тѣмъ болѣе важенъ, что онъ заключаетъ въ себѣ хронику въ полномъ видѣ [1]).

Наконецъ еще въ древнѣйшій періодъ славянской письменности переведенъ былъ краткій лѣтописецъ („Лѣтописецъ вскорѣ") конст. патр. Никифора († 829), извѣстнаго какъ писателя—защитника иконопочитанія и автора историческихъ трудовъ („Исторіи" и „Лѣтописца"). Переводъ его [2]) сохранился въ спискѣ XIII вѣка и встрѣчается во многихъ рукописяхъ въ древнихъ хранилищахъ. Въ перечнѣ отъ Адама до импер. Михаила III (съ продолж.) онъ даетъ имена іудейскихъ патріарховъ, судей, первосвященниковъ и царей; персидскихъ и египетскихъ царей; римскихъ императоровъ; епископовъ и патріарховъ римскихъ, александрійскихъ, константинопольскихъ, іерусалимскихъ и антіохійскихъ по 829 г. Трудъ патр. Никифора былъ весьма распространенъ въ Византіи, нерѣдко пополнялся и имѣлъ своихъ продолжателей, а въ 870 г. былъ переведенъ и на латинскій языкъ извѣстнымъ папскимъ библіотекаремъ Анастасіемъ [3]). Вообще, Хронографъ Г. Амартола и „Лѣтописецъ" патр. Никифора служили хронологическими источниками для славянскихъ и русскихъ лѣтописцевъ [4]).

Въ основѣ хронологіи древней лѣтописи одни видятъ вліяніе заключительной статьи Георгія Амартола, находящейся какъ въ греческомъ, такъ и славян. текстахъ, а другіе „Лѣтописца" (продолж.) Никифора, пополненнаго впослѣдствіи русскими извѣстіями до конца XIII в. (см. О греч. кодексѣ Г. Амартола, кн. Оболенскаго, стр. 85; Исторія русской жизни, Ив. Забѣлина, I, 476—77; А. А. Шахматовъ). Обѣ статьи напечатаны въ

---

[1]) Изданіе славян. текста предпринято 3-мъ отд. Имп. Акад. наукъ (Виз Врем. 1899, I. отчетъ, 7).

[2]) Греч. текстъ Paris 1652, Bonn 1829, Migne, C, de Boor (Leipz 1880) и др

[3]) Древнѣйшій изъ славянскихъ текстовъ въ Синод. Кормчей 1282 г. съ прибавленіемъ русскихъ событій, который Шлецеръ напечаталъ при Никоновской лѣтописи (I, 6—18; П. С. Р. Л., I, 248—252; въ Изв. Имп. Ак. Н., по Синод рукоп. съ варіант. по рукоп. XVII в., т. VIII, 390—393; по рук. XVI в., П. С. Р. лѣт., IX): отрывокъ его находится уже въ Изборн. ц. Симеона 1073 (Христом. Буслаева, 266; Опис. рук. Синод б., II, 2, с. 391); ср. замѣч. А. С. Бѣлокурова (Чт. въ Общ. исторіи 1898, IV). Цѣнность хронологическихъ показаній патр. Никифора не подлежитъ сомнѣнію (Виз. Времен. 1897, I, 201).

[4]) Строевъ, О византійск. источн. Нестора (Труды Общ. ист. V, кн. I. 172)

Полн. Собр. Рус. Лѣт., въ прилож. (I, 246—252; описаніе „Кормчей" книги по Синод. списку въ Рус Достопам., т. I, 18—21). Въ славянскихъ рукописяхъ существуютъ продолженія лѣтописца Никифора, доходящія въ однѣхъ изъ нихъ до импер. Мануила (1391—въ Палеѣ), а въ другихъ до импер. Калуяна (1425—въ Никон. лѣт.), съ которыми большею частью сходны и замѣтки въ нѣкоторыхъ хронографахъ (см. Поповъ, I, 186; II, 15; Терновскій, 142—143). Есть, впрочемъ, продолженіе и въ отдѣльной статьѣ (Опис. рук. Румянц. музея, 567). Неточности списковъ роковымъ образомъ отразились на хронологическихъ показаніяхъ нашихъ лѣтописей (Поповъ, I, 188; Терновскій, 143). Еще недавно подтвердилъ тоже А. А. Шахматовъ, указывая, что ошибка составителя древ. свода (852 г.—нач. царствованія импер. Михаила вм. 842) произошла отъ неисправнаго греч. списка лѣт. Никифора (продолж.), послужившаго основаніемъ для славян. перевода (Исходная точка лѣтосчисленія Повѣсти времен. лѣтъ, Ж. М. Н. Пр. 1897 г., № 3).

Позднѣйшія событія византійской исторіи въ русскихъ хронографахъ заимствовались изъ указанныхъ краткихъ перечней, извѣстныхъ по рукописямъ (см. привед. выше примѣч.). Уже въ 1665, по повелѣнію ц. Алексѣя Михайловича, іеромон. Арсеніемъ Грекомъ и святогорцемъ архим. Діонисіемъ переведенъ былъ хронографъ Іероѳея митр. монемвасійскаго (Книга историчная или хронографъ, сирѣчь лѣтописецъ обьемля вкратцѣ различныя и изрядныя исторіи, сирѣчь повѣсти, начинаемыя отъ созданія міра даже до взятія константинопольскаго и вяще собрана убо древле отъ различныхъ опасныхъ исторій вкратцѣ и отъ еллинскаго языка на общій сирѣчь па греческій преведеся отъ преосвящ. митр. монемвасійскаго киръ Іероѳея и пр.[1]). Трудъ его писанъ вполнѣ въ византійскомъ духѣ: весь міръ для автора сосредоточенъ въ Византіи.

Удовлетворяя извѣстнымъ вкусамъ своего времени и представляя труды преимущественно монаховъ, византійскія хроники оказали значительное вліяніе на общія историческія воззрѣнія: въ нихъ цѣнили преимущественно религіозную сторону и любима была только хроника съ религіозной окраской. Поэтому мы не замѣчаемъ въ южно-

[1]) Хронографъ митр. Іероѳея (напеч. подъ именемъ его преемника м. Дороѳея), доведенный до 1629 г., не разъ былъ изданъ въ Венеціи въ 1631—1686 гг., (Krumbacher, 322—23, 401, 834—37). О славянск. переводѣ (Опис. Рум. м., № XCVII, 167-168; Каталогъ рук. Пискарева, Викторова, № 170, стр. 43); сокращ. (Опис. рук. гр. Уварова, III, 12); Отчетъ В. Истрина, Ж. М. Н. Пр. 1896, №, 11, с. 8.

славянской (какъ и русской) письменности любопытства ни къ свѣтской политической исторіи Византіи (изъ историковъ собственно, которыхъ насчитывается до 30, ни одинъ не былъ переведенъ), ни даже къ тѣмъ писателямъ, которые говорили объ исторіи самихъ славянъ [1]), какъ, наприм., Константинъ Порфирогенетъ [2]). Въ заключеніе прибавимъ, что византійскіе хроники оказали главнымъ образомъ вліяніе на лѣтописное дѣло въ Россіи въ средній періодъ его развитія, а именно на лѣтописные сборники и хронографы [3]).

Въ послѣднее время было обращено вниманіе на такъ наз. „народныя хроники" (пока насчитываютъ 9 списковъ—нѣск. аѳонск., 2 венеціанскихъ, парижскій, бернскій, вѣнскій), которыя имѣютъ двѣ редакціи: одна представляетъ большую близость къ хрон. Манассіи, другая—даетъ распространенный видъ этой редакціи, и полагаютъ, что авторъ первоначальнаго славянскаго хронографа былъ знакомъ съ подобными греч. хрониками: типъ, какъ въ греч. народныхъ хроникахъ, такъ и въ славяно-русскихъ хронографахъ одинъ и тотъ же, чтб едва ли можетъ быть случайно [4]). Трудъ м. Іероѳея имѣетъ въ своемъ основаніи подобную же народную хронику.

Независимо отъ того, уже въ ранній періодъ славянской литературы появился рядъ произведеній, близко стоящихъ къ историческимъ событіямъ, хотя и объясняющихъ ихъ иногда съ своей исключительной точки зрѣнія, какъ „Слово о царствіи языкъ послѣднихъ временъ", Меѳодія, еп. патарскаго, Сказаніе о троянской войнѣ, Александрія (собственно историч. часть ея) и т. п. [5]). Впослѣдствіи

[1]) Ягичъ (Архивъ, II, 19—20); Визант. Времен. 1898, I—II, 132—133, 139.

[2]) О значеніи Константина Багр. въ этомъ отношеніи см. Извѣстія Конст. Багрянороднаго о Сербахъ и Хорватахъ. Ист. этн. изслѣдованія К. Грота, Спб. 1880.

[3]) Терновскій, I, с. 4. Въ засѣданіи Славян. ком. Моск. арх. общ. былъ поднятъ вопросъ о напеч. славян. переводовъ византійскихъ лѣтописцевъ (Труды Славян. ком., II, проток., 16).

[4]) Krumbacher, 399—400; K. Praechter, Eine vulgärgriechische Paraphrase der Chronik des Konst. Manasses (Byz. Zeitschr. 1895, B. IV, H. 2, S. 272—313); Zur vulgären Paraphrase des Konst. Manasses (ibid. 1897. B. VII, H. 2—3, S. 587—593); Истринъ (Arch. f. slav. Phil. B. XVI и отчетъ Ж. М. Н. Пр. 1896, №№ 9 и 11); А. И. Кирпичниковъ въ статьѣ „Eine volkstümliche Kaiserchronik" (Byz. Zeitschr. 1892, I, S. 313 и д.) познакомилъ со сказочной хроникой XVI в., сохранившейся въ рукописи. По указанію Прехтера эта хроника пользуется также народною парафразой Манассіи. Содержаніе народныхъ хроникъ заимствовалось изъ разныхъ хронографовъ. Ср. Истринъ, Хронографы въ рус. литер. (Виз. Врем. 1898, I, 131—152).

[5]) Ягичъ, Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlichen Einleitung (Arch. f. slav. Philol, II, 19—27).

къ нимъ присоединились статьи касающіяся исторіи и судьбы Константинополя и т. п., о которыхъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

VI.

Не смотря, однако, на то, что всѣ эти историческія произведенія достались Россіи при посредствѣ южныхъ славянъ, отъ которыхъ перешли къ намъ важнѣйшіе литературные памятники въ древнѣйшій періодъ русской письменности, русская лѣтопись нисколько не зависитъ отъ лѣтописнаго дѣла болгаръ и сербовъ, у которыхъ она стоитъ далеко ниже, чѣмъ въ Россіи. Долгое время южно-славянскія лѣтописи оставались мало изслѣдованными: о болгарскихъ существовали одни предположенія; относительно сербскихъ высказывались болѣе или менѣе сомнительные отзывы или надежда на новыя открытія въ этомъ направленіи [1]).

О существованіи болгарскихъ лѣтописей до насъ дошло весьма раннее указаніе. Въ посланіи болгар. царя Кало-Іоанна къ папѣ Иннокентію III (1198 г.) читаемъ: „sicut in libris nostris invenimus esse scriptum", послѣ чего папа поручилъ своему легату „tam per libros veteres, quam alia documenta inquirere diligentius veritatem"; а въ 1204 г. Кало-Іоаннъ снова пишетъ: „inquisivi antiquorum nostrorum scripturas et libros, et beatae memoriae imperatorum nostrorum paedecessorum leges, unde ipsi sumpserunt regnum Bulgarorum" etc. (ap. Assem. Kalend. Eccles. t. III, pag. 154; также Theiner, Vetera monumenta Slavorum meridionalium, №№ xxvi и xliii). О началѣ христіанства, его распространеніи и утвержденіи между болгарами, Христ. Чт. 1858, сент., ноябрь и Жур. Мин. Нар. Просв. 1859, ч. CII, отд. vi, с. 14; Ист. Болгаръ, К. Иречка, Одесса, 1878, 565. Какъ видно, означенными мѣстами давно пользовались историки, а потому замѣчаніе относительно послѣдняго изъ нихъ у В. В. Качановскаго—не точно (Слав. Сборн., III, 216, примѣч.). Въ Номоканонѣ, хран. въ библ. Букурештской библ., В. И. Григоровичъ нашелъ еще слѣдующую замѣтку: „кождо рече іакоже рече Иоаннъ Асѣнь царь, иже въ лѣтописци написано и въ послушество того приводеть, іакоже тамо пише, іакоже ложна глаголанія быша" (О Сербіи въ ея отношеніи къ сосѣднимъ державамъ, преимущ. въ XIV и XV стол., Каз. 1889, прибавл., стр. 1 и 2); но есть и другія отрывочныя свѣдѣнія о лѣтописяхъ (Иречекъ, I, 565—566). Кромѣ того, допускаютъ вліяніе болгарскихъ лѣтописей на лѣтописаніе Сербіи (В. В. Качановскій, Ист. Сербіи съ пол. XIV в., К. 1899, сс. 4—6, 192).

[1]) В. И. Григоровичъ, Опытъ излож. литер. славянъ, Каз. 1843, ч. I, 101; О Сербіи, ibid, стр. 2 и 3; Пыпинъ, I, с. 52—60, 90, 157—158; Ягичъ, Ист. сербско-хорват. литер., 229—231; Архивъ, I, 19—20; В. Макушевъ (Ж. М. Н. Пр., CXCVIII, 102—108).

Дѣйствительно, до послѣдняго времени, въ разныхъ изданіяхъ, появился рядъ сербскихъ лѣтописей [1]) и образцы болгарскаго лѣтописанія. Еще В. И. Григоровичъ нашелъ въ Валахіи рукопись (въ Быстрицкомъ мон.), въ которой были соединены хронографъ, преимущественно по лѣтописи Манассіи, отъ С. М. до 1105 г., въ передѣлкѣ монаха Михаила Моксы, въ 1620 г., для епископа Ѳеофила Рымникскаго, съ добавленіями изъ болгарскихъ, сербскихъ и румынскихъ лѣтописей. Компиляторъ этотъ, какъ самъ говоритъ, пользовался разными древними лѣтописцами и ведетъ болгарскую лѣтопись на пространствѣ отъ начала XIII в. до конца XV стол., которая занимается отношеніями Болгаріи къ Византіи, Турціи, Сербіи и Румыніи, но записи его весьма кратки и отрывочны [2]). Новыя дополненія по этому вопросу сдѣланы были по поводу находки молдавскаго сборника на сербо-болгарскомъ языкѣ XVI вѣка, въ числѣ рукописей Почаевской лавры, поступившихъ въ Кіевскую духовную академію [3]), въ который между прочимъ входятъ: 1) Сказаніе вкратцѣ лѣтамъ сущимъ отъ Адама до нынѣшняго времени родамъ (доведен. до импер. Михаила Палеолога, 1425 г.), часто встрѣчающееся въ началѣ краткихъ сербскихъ лѣтописей, составнаго характера; 2) Сербская лѣтопись отъ смерти Душана (1355), до 1490 г., сходная съ Цетин. текстомъ; 3) Болгарская лѣтопись 1296—1413 г. и 4) Сказаніе вкратцѣ о молдавскихъ господаряхъ 1359—1553. Болгарская лѣтопись, составленная очевидно въ нач. XV вѣка, хотя имѣетъ и позднѣйшія вставки, и страдаетъ въ хронологическомъ отношеніи, представляетъ однако, не смотря на свой небольшой объемъ, весьма существенныя дополненія для исторіи Востока въ XIV в. и нач. XV в., обнимая политическія отношенія Византіи, болгаръ, сербовъ и румынъ къ туркамъ [4]). Хроника эта написана, очевидно, болгариномъ, занимавшимъ извѣстное положеніе въ свѣтской или духовной іерархіи. Подобный же сводный

---

[1]) Pámiatky въ изд. П. Шафарика, въ Гласникѣ, Старинахъ, Споменикѣ, Архивѣ Ягича, „Сербіи"—Григоровича (въ приложеніи).

[2]) О Сербіи, прибавл.. стр. 1—45, румынскій текстъ съ русскимъ переводомъ.

[3]) Опис. рукоп. Почаев. лавры, В. Березина. Кіевъ, 1881, с. 69—75 (Тр. Кіев. Дух. ак. за 1881 г.).

[4]) Близкая связь этихъ отношеній отразилась и въ византійскомъ лѣтописаніи (Византійскіе лѣтописцы какъ источникъ для исторіи южныхъ славянъ въ періодъ паденія ихъ самостоятельности, В. Качановскаго, Ж. М. Н. Пр. 1878, № 7).

текстъ славянскихъ хроникъ вѣроятно послужилъ матеріаломъ для компиляціи Михаила Моксы въ 1620 г., такъ какъ изъ сличенія этихъ произведеній съ трудомъ послѣдняго (въ изданіи Hasdeu, Cuvente den Batruni, I, 345—406), видно, что хотя въ немъ есть и существенныя отличія, но второй отдѣлъ (серб. лѣт.) обнаруживаетъ сходство съ Цетин. текстомъ, а третій (болгар. лѣт.) переведенъ цѣликомъ, за исключеніемъ сокращенія нѣкоторыхъ описаній и пропуска мѣстъ изъ Свящ. писанія. Можно еще указать на разницу въ хронологическихъ показаніяхъ, заимствованныхъ изъ другихъ источниковъ [1]).

Къ древнѣйшимъ болгарскимъ лѣтописямъ вѣроятно принадлежалъ и любопытный списокъ первыхъ болгарскихъ князей то въ славянскомъ текстѣ, то перемѣшанномъ съ словами на какомъ-то неизвѣстномъ языкѣ (коренныхъ неславянскихъ болгаръ, какъ полагаетъ Иречекъ, который Гильфердингъ старался объяснить посредствомъ венгерскаго языка, а казанскіе оріенталисты полагаютъ возможнымъ сдѣлать тоже посредствомъ чувашскаго). Онъ содержитъ въ себѣ перечень болгарскихъ князей отъ первобытнаго времени до 765 г. и, какъ полагаютъ, написанъ былъ сначала греческими буквами. Данныя, заключающіяся въ немъ, дополняютъ византійскія свидѣтельства и отчасти подтверждаются ими. Въ такомъ видѣ онъ помѣщенъ былъ и въ лѣтописи (а именно въ „Еллинскомъ лѣтописцѣ“ [2]). Если признать въ этомъ послѣднемъ болгарскую компиляцію (или переводъ?) всемірной хроники, то и появленіе въ немъ означеннаго перечня изъ мѣстной лѣтописи было-бы вполнѣ понятнымъ [3]). Затѣмъ до насъ дошли лишь краткія статьи лѣтописнаго характера, какъ *помѣники* царей, царицъ, патріарховъ, епископовъ и болярь [4]), извѣ-

---

[1]) Ein Beitrag zur bulgarischen und serbischen Geschichtsschreibung v. Ioan Bogdan (Arch. f. slav. Philol., 1891, B. XIII, H. 4, S. 481—543, съ латин. перев. болгар. лѣтописи); Zur Würdigung der neuentdekten bulgar. Chronik, v. C. Irécek (ibid. 1892, B. XIV, 255—277)—представляетъ повѣрку лѣтописи по другимъ источникамъ и изслѣдованіямъ.

[2]) Обз. хронограф., Попова, 1, 25—26; ср. Гильфердингъ. Собр. соч. I, 20—24; Иловайскій, Разыск. о началѣ Руси, с. 219—228; Иречекъ, Ист. Болгаръ, 156—158; Куникъ, Аль-Бекри, стр. 119—161 (О родствѣ хозаро-болгаръ съ чувашами по славяно-болгар. Именнику).

[3]) Иречекъ, Ист. Болгаръ, 566. Авторъ дѣлаетъ замѣчанія о другой компиляціи Всемірн. хроники, доходящей до 1453 г., которая, по его мнѣнію, также возникла въ Болгаріи и послужила основою для русскаго хронографа 1512 г.

[4]) См. недавно изданный Синодикъ ц. Бориса или Борила, М. Попруженкомъ (Изв. Рус Археол. инст. въ Конст-лѣ, II, Одесса 1897, 1—82): Замѣтка М. Н. Сперанскаго (Изв. Ист. фил. инст. въ Нѣжинѣ. XVI, 1898 г., с. 84).

стіе объ основаніи болгарскаго патріархата (1235), списокъ народовъ, отрывки одной хроники. Писатель XVIII стол. Паисій ссылается на *трновскую лѣтопись* [1]).

Въ нашей литературѣ была сдѣлана попытка отыскать прототипъ такъ наз. „Еллинскаго и Римскаго лѣтописца" (XIV—XV в.), не заключающаго въ себѣ русскихъ статей, въ основу котораго положенъ древній переводъ Іоанна Малалы со вставками изъ другихъ источниковъ (по описанію Попова, I, 1—95),—въ *болгарской редакціи* его, которую указываютъ въ Сборникѣ Арх. Мин. ин. дѣлъ, описаннаго кн. Оболенскимъ, съ прибавленіемъ къ нему „Лѣтописца русскихъ царей" (Времен. Моск. Общ. ист., кн. IX) [2]); но въ послѣднее время яввилась попытка найти посредствующее звено между византійской и славянской хронографіей—въ византійской литературѣ, хронографическія компиляціи которой (ἐκλογαί) могли послужить основою для составителей славянскихъ хронографовъ, причемъ въ означенномъ Сборникѣ кн. Оболенскаго указываютъ остатокъ подобной византійской эклоги [3]). Выше мы привели мнѣніе о такъ наз. византійскихъ народныхъ хроникахъ.

Такимъ образомъ болгарскія лѣтописи все еще представляются отдѣльными, случайныти находками. Эти послѣднія могутъ служить только подтвержденіемъ существовавшаго нѣкогда въ Болгаріи лѣтописнаго дѣла. Причиною этого явленія слѣдуетъ признать систематическія истребленія славянскихъ книгъ на Аѳонѣ (случаи эти восходятъ къ XVII вѣку) и въ Болгаріи турками, валахами и въ особенности греками, къ числу которыхъ относится извѣстное фанаріотское autodafe старой Трновской патріаршей библіотеки (ок. 1825 г.), когда преданы были огню всѣ болгарскія рукописи [4]). Разоренія книго-

---

[1]) Иречекъ, 565-566. О болгарскихъ глоссахъ въ русскомъ хронографѣ (Поповъ, II, 59). Нѣкоторые изслѣдователи и въ раннихъ извѣстіяхъ русской лѣтописи старались найти слѣды болгарской лѣтописи (Розенкампфъ, Погодинъ, Изслѣд., I, 97—100), напр. подъ 888 г. о крещеніи болгаръ; подъ 911—извѣстіе о кометѣ; нѣкоторыя извѣстія за время Игоря (Соловьевъ, III, 124—126. впрочемъ послѣдній съ оговоркою: „изъ греческой или болгарской лѣтописи").

[2]) Древняя рукопись, архим. Леонида (Рус. Вѣст. 1889, № 4, с. 1—24). Ср. Изв. Акад. Наукъ по отд. рус. яз. и словесн. 1898, IV, 1360.

[3]) Архивъ Ягича, 1894 г., XVI, 578—591 (Zum slavischen Malalas, v. C. E. Gleye): ср. изслѣдованіе Истрина объ Александріи (Чт. Моск. Общ. Ист., 1894, I, 124—126; А. Востоковъ, Опис. рукоп. Рум. музея, №№ 453 и 454.

[4]) Иречекъ, Ист. Болгаръ, 663-665; Путешествіе Григоровича, 172—176; Опытъ русской исторіогр., II, 1533.

хранилищъ, подобныя болгарскимъ, по замѣчанію В. И. Григоровича, находимъ только у чеховъ [1]), гдѣ цѣлыя десятки тысячъ книгъ сожигались католическимъ духовенствомъ [2]). Поэтому еще въ XVIII стол., когда хиландарскій проигуменъ Паисій задумалъ было написать свой трудъ по исторіи болгаръ, появившійся въ 1762 г., и разыскивалъ для этого матеріалы на Аѳонѣ, въ Болгаріи и Австріи, то онъ могъ воспользоваться только немногими старыми памятниками и легендами и долженъ былъ прибѣгать къ такимъ сочиненіямъ, какъ М. Орбини и Баронія, въ извѣстныхъ тогда русскихъ переводахъ, Синопсисъ Гизеля [3]) и. п. Свою же книгу онъ составилъ въ стилѣ старыхъ компилятивныхъ хронографовъ (изд. въ Пештѣ въ 1844 г. подъ заглавіемъ „Цароставникъ или исторія Болгарская", впрочемъ съ значительными перемѣнами [4]); также въ Люблинѣ 1885 и Запис. Одес. Общ. ист., XVI, 1893).

VII.

Но если болгарскія лѣтописи до послѣдняго времени являлись случайными находками, то этого нельзя уже сказать о сербскихъ лѣтописяхъ. Тексты этихъ послѣднихъ нашли себѣ мѣсто въ цѣломъ рядѣ ученыхъ изданій [5]), и въ настоящее время возможно говорить о различныхъ редакціяхъ и спискахъ этихъ лѣтописей и объ ихъ источникахъ [6]). Сербскія лѣтописи обыкновенно дѣлятся на *старшія*

---

[1]) О Сербіи, стр. 1—2.

[2]) Несторъ Шлецера, II, 541—542. Объ истребленіи славянскихъ памятниковъ у хорватовъ (В. И. Ягичъ, Ист. литер., 76—77). Объ истребленіи сербскихъ рукописей (ibid.. 210—211); В. В. Качановскій (Ист. Сербіи съ пол. XIV в., 78).

[3]) Авторъ пользовался грамотами, житіями, помянниками, родословіемъ.

[4]) Иречекъ, 456, 565, 667—669; Пыпинъ; Ист. славян. литер., I, 105—108. Болгарская лѣт., напечат. I. Богданомъ (Арх. Ягича, т. XIII), осталась неизвѣстною Паисію (Иречекъ, Арх. Ягича, т. XIV, 277). Одна изъ передѣлокъ исторіи славяно-болгарской іером. Паисія, П. А. Лаврова (по рук. Григоровича, Труды Моск. арх. общ., II, 242—268)—въ защиту труда автора.

[5]) Památky drěvniho pisemnictví Jihoslavanův, Я. Шафарика, Гласник Српск. учен. друш. (I, X, XI, XX, LXIII), Летопис матице срп. (XII, XVI, XXV), Споменик Бѣлгр. акад. (III), Старине Аграм. акад. (VI, IX, XII, XIII), Arch. f. slav. Phil. (II, XIII, XVI), Дечански споменици (Бѣлгр. 1864); О Сербіи (прилож. 47—59).

[6]) Ein Beitrag zur serbischen Annalistik v. V. Jagic (Arch. f. slav. Philol., II, 53—68); Ueber zwei noch unbekannte Schriften der serbischen Annalen, v. E. Kaluźniacki (ibid. 1894, XVI, 54—57, съ прилож. текстовъ); Ocjena starijich izvorà za hrvàtsku i srbsku poviest srednjéga vieku, dr. Fr. Rački (Knjizevnik. God. II. 1865, swez. 1—3). О Родословѣ Даніила (218—230); о краткихъ лѣтописяхъ (230—237); о хронографахъ (237—242); о житіяхъ (380—398).

лѣтописи, *родословы* и *младшія* лѣтописи. Первыя изъ нихъ излагаютъ событія до прихода турокъ и покоренія ими сербскихъ земель; родословы имѣются также въ разныхъ редакціяхъ; но наибольшая часть текстовъ приходится на долю младшихъ лѣтописей, доводящихъ иногда событія до 2-ой половины XVII вѣка. Большая часть сербскихъ лѣтописей ведетъ свою запись отъ единодержавія Немани (ок. 1162 г.) [1]); другія же начинаютъ хронологію отъ смерти ц. Стефана Душана († 1355), которымъ заканчивается перечень во всемірной хроникѣ, предшествующій собственно лѣтописямъ [2]). Эта общая часть въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ есть не что иное какъ заимствованіе извѣстной статьи изъ хронографа Амартола (Сказаніе вкратцѣ сущимъ отъ Адама до днешняго времени) [3]), вообще распространенной въ славянской письменности [4]). Самымъ замѣчательнымъ произведеніемъ древне-сербской литературы XIV в. считается произведеніе архіеп. Д а н і и л а II (1325—1336), написавшаго житія, какъ онъ самъ ихъ называетъ, въ которыхъ съ строго церковной точки зрѣнія разсказывается только то, что извѣстный король или архіепископъ сдѣлалъ для церкви; съ особеннымъ же восхищеніемъ описывается строгій образъ ихъ жизни, приличествовавшій скорѣе монахамъ, чѣмъ государямъ. Всѣ эти житія крайне однообразны. Тѣмъ не менѣе „Родословъ" Даніила, признаннаго сербскимъ Несторомъ (хотя у него отсутствуетъ самое лѣтосчисленіе), [5]) былъ настолько распространенъ, что въ позднѣйшихъ спискахъ доводится даже до XVIII стол., съ сохраненіемъ имени Даніила [6]). Циклъ серб-

[1]) Лѣтописи ничего не упоминаютъ о событіяхъ, случившихся до Немани; онѣ даже не въ состояніи привести въ порядокъ его генеалогію и называютъ его правнукомъ импер. Константина (Ягичъ, Ист. Серб. литер., 230). Есть особыя родословія сербскихъ кралей, въ которыхъ они выводятся то отъ Констанція Хлора, отца Константина Вел. (Опис. рук. Востокова, Уч. Зап. И. А. Н. по II, отд., II, ч. 2, с. 108); то отъ Лицинія, зятя ц. свят. Конст. Вел. (Обз. хроногр., II, 41—42; Житіе серб. деспота Стефана Лазаревича, ibid. и Родословіе въ сп. В. В. Макушева, Рус. Филол. Вѣстн. 1882, № 1 с. 19). Ср. Качановскій, 11—12, 126.

[2]) Arch. f. slav. Phil., B. XVI, H. 1—2. S. 54—65.

[3]) Споменикъ т. III, Бѣлгр. 1890, с. 109; Хронографъ, изд. Общ. люб. древ. письм. III, въ концѣ.

[4]) Чт. М. О. И. 1859, II: Открытія въ Трновѣ, Х. Даскалова (съ отрывк. краткой лѣтописи, стр. 28—30, серб. редакціи).

[5]) Опис. серб. Хиланд. лавры, архим. Леонида (Чт. М. О. И. 1867, IV, 116—117). Объ одномъ изъ лучшихъ списковъ (Макушевъ, отч. въ Варш. Ун. Изв. 1881, № 4, с. 33—35). О хронологіи серб. лѣтописей (Качановскій, 90, 148, 154—55, 160, 189, 203, 245).

[6]) „Древнѣйшая серб. лѣтопись носила чисто-родословный характеръ" (Качановскій, 189).

скихъ житій, составленныхъ на пространствѣ XIII—XV вв. (написанныхъ св. Саввою, Дометіаномъ, Даніиломъ, Гр. Цамвлакомъ, Константиномъ Костенчскимъ и др.)[1]), не смотря на ихъ хвалебный, риторическій тонъ, далъ движеніе сербской исторіографіи и нѣкоторые ученые думаютъ, что они-то и послужили главнымъ источникомъ для сербскаго лѣтописанія[2]). Если это положеніе, благодаря ряду новыхъ открытій въ означенной области, можетъ подлежать нѣкоторому ограниченію, то эти послѣднія все таки мало измѣняютъ вопросъ о значеніи сербскихъ лѣтописей[3]). По своему содержанію, онѣ очень кратки, отрывочны, бѣдны фактами и, только за недостаткомъ другихъ историческихъ матеріаловъ, представляютъ очень важный источникъ для уразумѣнія исторіи сербскаго народа, особенно въ турецкую эпоху. По краткости своей, нѣкоторыя изъ этихъ лѣтописей, представляющія лишь простой перечень годовъ и происшествій, напоминаютъ собою начальныя лѣтописи Западной Европы. Во-вторыхъ, сербскія лѣтописи сравнительно позднія и не представляютъ ничего похожаго на то, чѣмъ была напр. русская лѣтопись уже въ концѣ XI.[4]). Первыя лѣтописныя попытки, судя по дошедшимъ до насъ даннымъ, дѣлались не ранѣе половины XIV вѣка[5]). Правда, проф. В. В. Макушевъ,

[1]) Ягичъ, Ист. сербско-хорват. литер. 217-233; Arch. f. slav. Phil. II, 31-50; Поповъ, Обз. хроногр. II, 41—53; Пыпинъ, II, 154—157. Тоже мнѣніе развивается и въ статьѣ В. В. Качановскаго: „Сербскія житія и лѣтописи, какъ источникъ для ист. южн. слав. въ XIV и XV вв." (Славян. Сборн., т. III, 183-222). Обширное житіе Стефана Лазаревича, составляющее какъ бы центръ агіографической литер., напечат. Я. Шафарикомъ (Гласникъ, XXVIII), А. Поповымъ (Изборникъ), В. И. Ягичемъ (Гласникъ, кн. XLII, 1875 г, с. 223-338). Въ концѣ его авторъ говоритъ: „Сіа убо написахомъ яко житіе единаго *не яко лѣтописецъ съ прочими всѣми*" (327). Въ основаніи житія ц. Лазаря (изд. П. Лавровскимъ въ Чт. М. О. И., 1861, кн. II, предисл., с. II) лежатъ народныя *пѣсни*, относящіяся къ битвѣ Косовской и воспѣвающія знаменитѣйшаго ея героя Милоша Обилича, убившаго султана турецкаго. Нѣкоторыя житія (св. Саввы, Стефана Лазаревича) составителями хронографовъ просто разбиваются на части для лѣтописнаго изложенія (Поповъ, II, 41, 76). Образецъ лѣтописи безъ хронологическихъ датъ (Arch. f. slav. Philol. II, 14—22). О происхожденіи общей части въ лѣтописяхъ (Качановскій, 80, 201—205).

[2]) Сербы весьма богаты жизнеописаніями. Ихъ патерики начинаются въ XIV стол., говоритъ В. И. Григоровичъ (Опытъ излож. литер. славянъ, ч. I, 102).

[3]) Отчетъ В. В. Макушева (Варш. Ун. Изв. 1882, № 4, с. 11).

[4]) Fr. Racki (Knjizevnik, God. II, svž. 2, 1865, 239—240).

[5]) Arch f. slav. Philol., II, 51—52. Сами сербскіе историки весьма невысокаго мнѣнія о сербскихъ лѣтописяхъ (Ягичъ, Ист. серб. литер., 229-231; Новаковичъ, Ист. срп. книж., 75--77). Нѣсколько иной взглядъ (В. Качановскій, 191—192).

въ одномъ изъ своихъ отчетовъ, отмѣтилъ списокъ сербской лѣтописи, представляющій, по его мнѣнію, древнѣйшую редакцію и вмѣстѣ съ тѣмъ прототипъ сербскихъ лѣтописей, такъ какъ онъ не обнаруживаетъ никакихъ заимствованій, а заключаетъ въ себѣ краткія погодныя замѣтки, причемъ при большей части годовъ нѣтъ никакихъ помѣтокъ; но и эта лѣтопись начата лишь въ 1356—57 гг. [1]). Сербскія лѣтописи большею частью оканчиваются съ XVI в., но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ календарныя отмѣтки событій доходятъ до половины XVII в. [2]). Сохранился, между прочимъ, небольшой памятникъ въ нѣсколькихъ спискахъ, подъ заглавіемъ „Книга о сербскихъ царяхъ и о войнѣ турецкой съ цесаремъ христіанскимъ", составленный по разнымъ сербскимъ лѣтописцамъ съ описаніемъ современныхъ событій въ эпоху австрійско-турецкой войны 1683—91 гг. и наступившаго затѣмъ разоренія и запустѣнія сербской земли, трудъ діакона Аѳанасія Сербина, предназначавшійся для поднесенія въ Москвѣ царевнѣ Софіи [3]). Послѣднимъ-же представителемъ старой эпохи сербскаго лѣтописательства былъ Юрій Бранковичъ († 1711 г.), послѣдній сербскій деспотъ: онъ написалъ „сербскую исторію", доведенную до времени Леопольда I, во время своего 20-лѣтняго заключенія въ Эгерѣ, въ Богеміи [4]), а нѣкоторыя болѣе раннія лѣтописи (Тронošская, въ древней ред. идущая до 1-ой четверти XVI в.) въ позднѣйшихъ своихъ записяхъ доходятъ даже до 2-ой полов. XVIII стол. [5]). Недавно въ Сараевѣ П. А. Сырку нашелъ въ рукописи служебника XVI в. лѣтопись, сербскую по языку, въ которой находятся довольно подробныя извѣстія о крещеніи болгаръ и русскихъ въ новой, весьма любопытной версіи [6]).

Уже въ средній періодъ русской письменности, въ нашей литературѣ получаютъ распространеніе такъ наз. *хронографы*, извѣстные и въ сербской письменности [7]), съ большимъ количествомъ вставокъ

[1]) Варш. Ун. Изв. 1882, № 4, с. 11; Рус. Филол. Вѣстн. 1882, № 1, с. 19—23, съ прилож. лѣтописи. Замѣчанія о лѣтопис. записяхъ (Качановскій, 80, 124).

[2]) Опис. рукоп. Румянц. муз., № CLXXV; Споменикъ, т. III и др.

[3]) Споменикъ, т. V, рец. Т. Д. Флоринскаго (Новыя книги по славяновѣдѣнію, Унив. Изв. 1891, № 7) и сообщеніе въ Чт. Общ. Нестора лѣт. (II, 264—265).

[4]) Пыпинъ, II, 158. Объ автографѣ ея (Варш. Унив. Изв. 1882, № 4, с. 13).

[5]) Ягичъ, Ист. серб. литер. 231—232.

[6]) Отчетъ о занятіяхъ за границей въ 1893—94 гг. (Изв. Ак. Наукъ, 1895, V-ая серія, № 5, стр. ccIV—ccV; ср. Арх. Изв. 1895, №№ 7—8, стр. 286—287).

[7]) Schafarik, Gesch. d. südslav. Literatur. III, 236—237; Споменикъ, III, XV; Гласникъ XI, XXXII, XLV; Starine, X, XVI; М. Н. Сперанскій (см. ниже).

изъ болгарскихъ и сербскихъ лѣтописей, которыя, однако, оказываются большею частью заимствованными изъ житій и такъ наз. „родослововъ“, [1]) и хотя нѣкоторые изслѣдователи настаиваютъ на томъ, что сербскій хронографъ древнѣе русскаго и что русскій по крайней мѣрѣ нѣкоторую часть своего содержанія заимствовалъ изъ сербскаго [2]); но и этотъ вопросъ вызываетъ въ свою очередь существенныя ограниченія и даже предположеніе объ обратномъ вліяніи русской хронографіи на сербскую лѣтопись [3]).

Въ пользу русскаго происхожденія Хронографа 1-ой ред. высказались А. И. Соболевскій (Южно-славян. вліяніе на русскую письмен. въ XIV—XV вв., Спб. 1894, стр. 16 [4]) и М. Н. Сперанскій (Сербскіе хронографы и русскій первой редакціи, Рус. Фил. Вѣстн. 1896, XXXV, 1—18), а въ защиту сербскаго, подвергшагося въ свою очередь вліянію русскаго хронографа, В. М Истринъ (Виз. Врем. 1898, I, 144—146). А. А. Шахматовъ склоняется къ мнѣнію о возникновеніи хронографа въ Россіи, но полагаетъ, что начитанность составителя въ сербскихъ памятникахъ, введенныхъ въ составъ хронографа, а также сербизмы большинства списковъ его показываютъ, что таковымъ могъ быть лишь сербъ; а рядъ соображеній приводитъ автора къ выводу, что хронографъ составленъ былъ въ 1442 г. Пахоміемъ Логоѳетомъ, литературная дѣятельность котораго принадлежитъ Россіи (Пахомій Логоѳетъ и хронографъ, Ж. Мин. Нар. Пр. 1899, № 1, с. 200—207; ср. В. Врем. I, 235—36; Изв. Ак. Н. по отд. словесн. 1899, I, 200—222).

Прибавимъ еще, что въ послѣднее время указанъ былъ хронографъ (Верхобрезн. рукоп.), который, по словамъ Стояновича, представляетъ особую характерную редакцію, отличную отъ другихъ редакцій, названныхъ въ трудѣ А. Н. Попова [5]). Что же касается собственно хорватской лѣтописи („Дуклянскаго попа“ или Кроника харватска XII в.— въ Арх. юго-славян. ист., кн. I; съ рус. перевод., Чт. М. О. И. 1867, кн. III), то, по мнѣнію историковъ сербскаго лѣтописанія, она относится скорѣе къ литературнымъ, чѣмъ къ историческимъ памятникамъ, въ которой народная поэзія играетъ первенствующую роль. Въ ней

---

[1]) Поповъ, II, 39—51. Рачкій въ рец. на трудъ Попова (Rad. Jugosl. Akad. 1870) стоитъ за югославян. происхожденіе хронографа.

[2]) Записка о Русск. хронографѣ, А. М. Лазаревскаго (Изв. Им. Ак. Наукъ, VIII, 387—390); А. И. Артемьевъ, Рукописи Библ. Имп. Казан. унив. (Ж. М. Н Пр., ч. XC, с. 98); А. Н. Поповъ обнаруживаетъ нѣкоторое колебаніе (Обзоръ хронографовъ, II, 16—24). Ср. Качановскій (195—196, 203--205).

[3]) Ягичъ, Arch. f. slav. Phil. II, 68—75; Ист. славян. литер. 228 231.

[4]) „Объ южно-славян. происхожденіи Хрон. 1-й ред. не можетъ быть и рѣчи“.

[5]) Споменикъ, т. III; Сперанскій—о способѣ переработки (ibid. 4, 17—19).

сохранились очевидные слѣды древнѣйшихъ сербско-хорватскихъ пѣсенъ историко-эпическаго характера, которыя немногимъ отличались отъ старочешскихъ пѣсенъ Краледворской рукописи и русскаго „Слова о полку Игоревѣ“ [1]).Позднѣйшія же хорватскія лѣтописи (XV—XVI в.), по своему составу, подходятъ подъ разрядъ хронографовъ, а по достоинству— онѣ ниже сербскихъ [2]).

При несомнѣнномъ вліяніи славянской письменности и языка на Румынію въ древній періодъ [3]), до XVIII стол., вполнѣ понятно значеніе юго-славянской лѣтописи въ предѣлахъ этой послѣдней, выразившееся въ переводахъ и извлеченіяхъ изъ болгарскихъ и сербскихъ лѣтописей, оказавшихъ въ свою очередь вліяніе на мѣстное лѣтописаніе [4]).

О нихъ см. Ioan Bogdan, Vechile cronice moldovinesci pânâ la Urechia. Texte slave cu studiû traducerî si note (Молдавскія старыя лѣтописи до Уреки. Славянскіе тексты, изслѣдованіе, переводы и примѣчанія), Bucurescî 1891“, гдѣ между прочимъ напечатаны лѣтописные тексты, извлеч. изъ сборн. Почаевской лавры, нынѣ хранящ. въ Ц. арх. музеѣ при Кіев. дух. ак. Продолженіемъ этого изданія служитъ: „Cronice inedite atingâtoare de istoria românilor, adunate si publicate cu traducerî si adnatatiuî (Неизданныя лѣтописи, касающіяся румын. исторіи. Собр. и изд. съ переводомъ и примѣчаніями), Bucur. 1895. Въ этомъ сборникѣ издатель впервые сообщаетъ: 1) Быстрицкую лѣтопись 1359—1506 г. съ полнымъ факсимиле ея на 10 листахъ; 2) Сербско-молдавскую лѣт. 326—1512; 3) Молдавско-польскую лѣт. Николая Бржескаго 1359—1566 г.; 4) Лѣтопись Молдавской и Валашской земель Мирона Костина 1684 г. Издатель представляетъ слѣдующій перечень старѣйшихъ лѣтописей до Гр. Уреке, писавшаго въ первой половинѣ XVII столѣтія:

1) Быстрицкая лѣтопись (писанная, какъ онъ полагаетъ въ Быстриц. мон. въ Молдавіи), въ тульчанск. сборн., съ 1359—1506; 2) Путнянская лѣтопись въ двухъ редакціяхъ: a) Слатинская лѣт. 1359—1525; b) Молдавско-польская хроника 1359—1559; 3) Безъименная хроника въ Воскрес. лѣт. 1359—1504; 4) Хроника романскаго еписк. Макарія 1504—1542 и 5) Хроника игумена Евѳимія 1542—1553.

---

[1]) Рачкій, Knjizevnik, I, тетр. 2, стр. 180; Ягичъ, Ист. серб. литер. 138—143

[2]) Хорватскія лѣтописи XV—XVI вв., В. Качановскаго (Ж. М. Н. Пр. 1881. № 9, с. 68—76); его же Исторія Сербіи съ пол. XIV--XV в., I, 216—217.

[3]) Опытъ рус. исторіогр. I, кн. 2, с. 1525—27.

[4]) Григоровичъ, О Сербіи, 2, 6—7; Иречекъ. Ист. Болгаръ, 557—567; Макушевъ (Варш. Унив. Изв. 1881, № 4, с. 37—38; Arch. f. slav. Philol., XIII, 482, 501).

Всѣми ими, за исключеніемъ послѣдней, пользовался Гр. Уреке, а равно и нѣкоторыми другими, доходившими до 1594 г., на отысканіе которыхъ надѣется издатель. Сербско-молдавская лѣтопись могла бы быть названа и Болгаро-молдавской, тѣмъ болѣе, что славянскій текстъ ея болгарскаго извода. Лѣтопись эта—краткая (она начинается хронологич. отмѣтками съ Константина В.) и обнаруживаетъ тенденцію поставить исторію Молдавіи въ связь съ исторіей Сербіи, Турціи и Византійской имперіи. Лѣтопись Бржескаго (секретарь кор. Сигизмунда Августа, въ 1566 г. посолъ въ Турціи, а потомъ былъ на службѣ у молдавскаго господаря), написана имъ въ Яссахъ по запискамъ и турецкой хроникѣ янычара-серба Мих. Константиновича изъ Островицы (изд. по рук. Им. Публ. библ., быв. Залускаго). Хроника Мирона Костина написана послѣднимъ по переселеніи его въ Подолію въ 1684 г. и изд. по рук. Имп Пуб. библ. Свѣдѣнія объ этихъ лѣтописяхъ сообщены въ замѣчаніяхъ издателя и рец. П. А. Сырку (Извѣстія отд. рус. языка и словесности Им. Ак. Наукъ 1896, кн. 1, 99—105), а свѣдѣнія объ игуменѣ Евѳиміѣ въ статьѣ П. А. Сырку: „Изъ исторіи сношеній русскихъ съ румынами" (ibid, кн. 3, стр .495—542).

Понятно, что, при указанныхъ условіяхъ южно-славянскаго лѣтописанія, нельзя ожидать существеннаго вліянія его на форму и развитіе русской лѣтописи. Но, принимая во вниманіе весьма ранніе переводы византійскихъ хронографовъ, вышедшіе отъ южныхъ славянъ, обычное введеніе, посвящаемое общей части лѣтописи [1]), весьма распространенную въ сербскихъ лѣтописяхъ [2]) статью „Сказаніе вкратцѣ сущимъ отъ Адама до днешняго времени" (до импер. Ѳеофила, а иногда съ продолженіемъ ея), находящуюся въ концѣ хроники Г. Амартола, а также другія хронологическія статьи [3]) и обычное употребленіе даты отъ С. М. (иногда съ болѣе подробными календарными отмѣтками),— можно думать, что лѣтописное дѣло у южныхъ славянъ шло тѣмъ же путемъ развитія, какъ и въ Россіи [4]), но не достигло той высоты, на какой мы находимъ его здѣсь уже въ раннюю пору. Существованіе же у славянъ (со включеніемъ и польскихъ „рочниковъ") краткихъ лѣтописей (перечней) можетъ указывать намъ, что

[1]) Ягичъ, Ист. серб. литер., 229—230.

[2]) Архивъ Ягича, II, 93; XIII. 483 501; Рус. Филол. Вѣстн. 1882, № 1, с. 19—20; Споменикъ, III, 109, 111, 121 и др.

[3]) По изд. Общ. люб. древн. письм., вып. III, 431—432; ср. Полн. Собр. рус. лѣт., I, 246—252.

[4]) Рачкій, 237—238

подобныя лѣтописи имѣли мѣсто въ свое время и въ Россіи, но были переработаны потомъ или просто вошли въ составъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ.

VIII.

Подъ вліяніемъ Византіи находились также литературы армянская и грузинская, благодаря, съ одной стороны, цѣлому ряду переводовъ съ греческаго языка, а съ другой—обширнымъ заимствованіямъ изъ византійскихъ хроникъ. Уже Несторъ армянской исторіографіи Моисей Хоренскій пользовался между прочимъ Малалой и переводомъ, сдѣланнымъ въ к. VII вѣка, церковной исторіи Сократа[1]).

Послѣ продолжительныхъ споровъ, теперь установился взглядъ о болѣе раннемъ вліяніи Византіи на грузинскую литературу, благодаря греческому духовенству, одно время господствовавшему здѣсь (IV—VI вв.), и связямъ съ нѣкоторыми центрами греческой образованности. Масса произведеній не одного духовнаго содержанія перенесена была изъ Византіи въ Грузію; украшенный литературный стиль оказалъ свое глубокое вліяніе на грузинскую литературу; кромѣ того византійская словесность оставила глубокій слѣдъ не только въ письменности, но и въ народной словесности—въ духовныхъ стихахъ и легендахъ Посредствующимъ звеномъ между греческой и грузинской литературами служили иверскіе монастыри и школы при нихъ въ Палестинѣ, Сиріи и на Аѳонѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ значительное число рукописей, хранящихся въ разныхъ библіотекахъ Грузіи. Кромѣ книгъ собственно церковнаго содержанія, до насъ дошли переводы святыхъ отцовъ, масса сборниковъ разнообразнаго содержанія, хронографовъ (между прочимъ хроникъ І. Малалы и Георгія Амартола,

[1]) Взглядъ на исторію Гайконской литературы до конца XIII стол. Назарьянца (Учен. Зап. Казан. Унив. 1846, I, с. 46—95); Обзоръ Гайконской письменности въ новѣйшія времена, его же (ibid., 1846, II, 1—158); Очеркъ исторіи древнеармянской литературы, К. П. Патканова (Всеобщ. ист. литер., изд. В. Ѳ. Коршемъ I. 589—608); О начальной исторіи Арменіи Анонима. Къ вопросу объ источникахъ исторіи Моисея Хоренскаго, Н. Марра (Визант. Врем., изд. Имп. Акад. Наукъ, т. I, вып. II. 263—306); Начало критич. изученія Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго, Г. А. Халатьянца (Ж. М. Н. Пр. 1894, № 10, с. 377—402); Обзоръ армянской исторіографіи (Krumbacher, 406—408, съ указаніемъ литературы и переводовъ писателей;, Паткановъ см. Сборникъ Корша, 606). Въ числѣ переводовъ была и утраченная хроника Евсевія, съ которой сдѣланы три латинскихъ перевода.

переведенной на грузинскій языкъ инокомъ Арсеніемъ) и апокрифовъ. Собственно грузинская лѣтопись образовалась изъ краткихъ извѣстій и дополненій изъ другихъ источниковъ, первый сводъ которыхъ восходитъ, быть можетъ, къ VIII вѣку[1]).

Любопытно, что и въ Грузіи пользовались пасхальными таблицами (*кинклосами*) для отмѣтокъ на поляхъ противъ соотвѣтствующихъ *корониконовъ* современныхъ историческихъ событій. Такія лѣтописныя, обыкновенно весьма краткія, замѣтки вносились изъ старыхъ кинклосовъ въ болѣе новые, въ которые также продолжали вписывать позднѣйшія событія. Собираніе и обнародованіе подобныхъ кинклосовъ имѣетъ большое значеніе для исторіи Грузіи, тѣмъ болѣе, что грузинскія лѣтописи вообще не богаты хронологическими свѣдѣніями. Притомъ записи кинклосовъ имѣютъ иногда мѣстный характеръ и тѣмъ обнаруживаютъ въ какой части Грузіи онѣ велись и дополняютъ извѣстія главныхъ лѣтописей Грузіи, а также исправляютъ хронологію этихъ послѣднихъ. Записи эти обнимаютъ иногда значительное пространство времени (XV—XIX вв.), но вообще чрезвычайно кратки. Огласившіе ихъ современники событій обыкновенно въ нѣсколькихъ словахъ говорятъ о какой нибудь битвѣ, о нападеніи

---

[1]) О древней грузинской хроникѣ—см. Ванскія надписи и значеніе ихъ для исторіи передней Азіи, К. Патканова (Ж. М. Н. Пр. 1883, № 12, с. 199—274); Статьи по исторіи и древностямъ Грузіи, Д. З. Бакрадзе, Спб. 1887 (прилож. къ LV т. Зап. Ак. Наукъ); Свѣденія о памятникахъ грузинской письменности, А. Цагарели, Вып. I и II, Спб. 1886 и 1889: Составъ и источники начальной грузинской лѣтописи А. С. Хаханова, (Ж. М. Н. Пр. 1892, № 9; рец. Виз. Врем. 1898, в. 3, с. 544—545— о лѣтописи Картлисъ-Цховреба; о грузин. хроникѣ, перевед. въ XII в. на армян. языкъ и мѣстныхъ хроникахъ); Хроники и др. матеріалы для исторіи литературы Грузіи, Ѳ. Жорданія, Тифл. 1893 г.; Грузинскія рукописи Румянц. музея, А. С. Хаханова (труды VIII-го Археол. съѣзда. М. 1895, т. II, 269-281—между прочимъ о лѣтописи Картлисъ-Цховреба); Извѣстія грузинскихъ лѣтописей и источниковъ о сѣверномъ Кавказѣ и Россіи (Сборн. матер. для описанія Кавказа изд. Управл. Кавк. учебн. округа, т. XXII, 1—196); Очерки по исторіи грузинской словесности, А. С. Хаханова (Чт. Об. ист. и древн. 1898 г., кн. I и II); статьи о о грузинской лѣтописи Бакрадзе (Изв. Кавк. Общ. ист. и археол. и Зап. Ак. Наукъ); Очерки по ист. груз. словесн., А. С. Хаханова (Чт. М. О. И. 1895, I, с. 1—367). Споръ о груз. лѣт. велся между Паткановымъ и Бакрадзе (см. Древ. М. Арх. общ., т. XV, в. 2, проток.. с. 22—25). Первый отрицалъ существованіе грузинской лѣтописи до XI в. и утверждалъ зависимость грузинской анналистики отъ армянской. Труды и извѣстія по грузин. и армянской хронографіи акад. М. Броссе.

непріятелей, о смерти правительственнаго лица, о восшествіи царя на престолъ, о рожденія царевича и т. п. [1]).

IX.

Въ свою очередь, нѣкоторые ученые въ турецкихъ лѣтописяхъ (тарихи-дата, хронограмма, лѣтопись), эпохи завоеванія Византіи (XV—XVI вв.), отмѣчаютъ вліяніе этой послѣдней. Такъ, по составу, расположенію матеріала и тону повѣствованія тарихи обнаруживаютъ большое сходство съ византійскими хронографами. Обыкновенный полный турецкій тарихъ заключаетъ въ себѣ краткое, а иногда и довольно обширное повѣствованіе объ историческомъ прошломъ народовъ и государствъ цѣлаго міра, начиная съ сотворенія Адама, но съ обращеніемъ предпочтительнаго вниманія на судьбу послѣдователей ислама, по порядку царствовавшихъ династій, до появленія на исторической сценѣ династіи Османской, которой затѣмъ и посвящается остальная часть лѣтописи. Авторы болѣе позднихъ лѣтописей разсказываютъ событія прежнихъ лѣтъ со словъ предшествующихъ имъ бытописателей, иногда дословно заимствуя у нихъ цѣлыя статьи; но, дойдя до своего времени, они становятся оригинальными повѣствователями фактовъ, передавая ихъ, то какъ очевидцы и участники, то какъ посредники полученныхъ ими извѣстій отъ своихъ современниковъ, съ указаніемъ, а иногда и безъ указанія самыхъ источниковъ. Событія излагаются обыкновенно въ порядкѣ царствованій османскихъ правителей и погодно. Въ концѣ каждаго царствованія почти всегда прилагаются краткія жизнеописанія выдающихся дѣятелей каждаго періода на поприщѣ политики, науки, литературы и благочинія. Тутъ-же нерѣдко вставляются цѣлыя небольшія сочиненія, чѣмъ либо заслужившія особенное вниманіе автора исторіи. Текстамъ Свящ. писанія, придающимъ извѣстную окраску повѣствованіямъ нашихъ лѣтописцевъ, въ турецкихъ тарихахъ соотвѣствуютъ стихи Корана, преданія, изреченія великихъ мужей мусульманскаго міра, обыкновенно на арабскомъ или персидскомъ языкѣ, или же сочиненныя самими лѣтописцами цѣлыя стихотворенія, назначеніе которыхъ—выражать взглядъ

[1]) Частью кинклосы были изданы Бакрадзе (Археол. путеш. по Грузіи и Адчарѣ, 150—154) и Е. С. Такайшвили (Сборн. матер. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, XXI, 1–60). Нѣкоторыя извѣстія грузинской лѣтописи о половцахъ подтверждаются русскими (см. ibid., т. XXII, 35—36; замѣч. В. Ѳ. Миллера, Ж. М. Н. Пр. 1897, № 10. стр. 328–329, о двухъ половецкихъ ханахъ).

автора на то или другое событіе, о которомъ онъ разсказываетъ или собирается сказать. Нѣкоторые изъ этихъ трудовъ писаны государственными исторіографами, другіе же частными лицами. Нужно замѣтить, говоритъ одинъ изъ нашихъ историковъ, что безпристрастіе вообще свойственно большинству турецкихъ бытописателей, и у нѣкоторыхъ оно достигаетъ такихъ размѣровъ, что надо удивляться смѣлости повѣствователей, писавшихъ въ странѣ крайняго деспотизма [1]).

---

[1]) В. Д. Смирновъ. Очеркъ исторіи турецкой литературы (Сборн. Корша, т. IV, с. 486–490).

ОТДѢЛЪ II-Й.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Культура Приднѣпровья.—Древнѣйшія извѣстія.—Славяне и Русы.—Связи съ Византіей.—Виды на Корсунь.—Политическія отношенія при первыхъ князьяхъ до принятія христіанства. Путь въ греки.—Установленіе государственнаго порядка по византійскимъ началамъ.—Судьбы Кіевской земли до нашествія татаръ.—Политическіе и брачные союзы.—Торговыя связи—Востокъ и Западъ.—Культурныя вліянія: письменныя свидѣтельства и археологическія данныя.

I.

Культура Приднѣпровья обратила на себя вниманіе еще Геродота. Борисѳенъ въ его описаніи, по богатству и качеству произведеній, превосходитъ всѣ рѣки въ мірѣ, кромѣ Нила; истоковъ Днѣпра, какъ и Нила, по его словамъ, не могъ найти никто изъ эллиновъ. Вода въ немъ прозрачна и вкусна, рыба водится въ изобиліи и также отличается своимъ вкусомъ; здѣсь тянутся роскошнѣйшія пажити для скота, прекрасныя пахотныя земли, а въ устьѣ рѣки въ неисчерпаемомъ количествѣ накопляется *соль*, главный предметъ богатства и торговли Ольвіи [1]). По мѣстному сказанію, дочь Борисѳена въ союзѣ съ Зевсомъ является родоначальницей скиѳскаго народа. Не смотря на свою отдаленность, „Ольвія" (торжище или городъ Борисѳенитовъ) называется именемъ Борисѳена (IV, 5, 17, 18, 24, 53, 78), а жители ея Борисѳенитами, какъ называютъ, по словамъ того же историка, жители Ольвіи—и скиѳовъ-землледѣльцевъ.

---

[1]) Греческая колонія, находившаяся на правомъ берегу Буга, въ 35-ти верстахъ отъ г. Николаева, вблизи нынѣшняго с. Ильинскаго или Парутина.

Было бы напрасно искать точнаго опредѣленія Скиѳіи Геродота въ племенномъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ точное пріурочиваніе этого термина къ монголамъ, иранцамъ, германцамъ или славянамъ, какъ въ прежнее время, такъ и теперь, встрѣчаетъ большія затрудненія[1]). Достаточно сказать, что уже Геродотъ различаетъ скиѳовъ пахарей (между Бугомъ и Днѣстромъ, ближе къ первому) и скиѳовъ земледѣльцевъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, а на востокъ отъ нихъ скиѳовъ, которые ничего не сѣютъ и земли не пашутъ (IV, 20) и контингентъ которыхъ составляютъ царскіе скиѳы, причемъ по новѣйшимъ даннымъ, можно заключать, что первые (съ разными подраздѣленіями) принадлежали къ группѣ индо-европейской или арійской, а послѣдніе—къ урало-алтайской[2]).

Позже на памяти исторіи появляются въ тѣхъ же предѣлахъ—славяне, а въ ряду ихъ выдающаяся роль выпала на долю русскихъ славянъ; но мы не имѣемъ въ виду касаться этой отдаленной старины.

В. Б. Анонович, Археол. карта Кіевской губ., М. 1895; Русскія древности въ памятникахъ искусства, изд. гр. И. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ, в. III, 126—155; Карта Европейской Сарматіи по Птолемею („Привѣтствіе XI Арх. съѣзду"), Ю. А. Кулаковскаго, К. 1899, съ указаніемъ мѣстъ, заселенныхъ въ глубокой древности и сохранившихъ свое значеніе потомъ. Археологическія находки на территоріи нѣкоторыхъ мѣстъ Приднѣпровья даютъ полное основаніе предполагать глубокую древность заселенія этихъ мѣстностей. Къ числу такихъ мѣстъ принадлежитъ и Кіевъ. Находки римскихъ монетъ II—IV вв. по Р. Х. въ означенномъ районѣ показываютъ,

[1]) Средневѣковые писатели татаръ обыкновенно также называютъ скиѳами (Мухлинскій, Литовскіе татары, Актъ Спб. университета 1857 г., с. 119).

[2]) Былъ ли Геродотъ въ предѣлахъ Ю. Россіи? Мищенка (К. Стар. 1886, № 6, 349-355); Къ вопросу о царскихъ скиѳахъ (1885, № 5, с. 55—76); Легенды о царскихъ скиѳахъ у Геродота (Ж. М. Н. Пр. 1886, № 1); Этнографія Россіи у Геродота (ib. 1896, № 5, прилож., 69—89); Изслѣд. объ исторіи и госуд. строѣ г. Ольвіи, В. В. Латышева, Спб. 1887; Скиѳскія древности, А. Лаппо-Данилевскаго (Записки Р. Арх. Общ. по отд. рус. археол., т. IV); Русскія древности, Н. П. Кондакова и гр. И. И. Толстого (в. I, классическія древности южн. Россіи и в. II, древности скиѳо-сарматскія—рец. Ѳ. Мищенка, К. Стар. 1889, № 5-6: 1890, № 3); Греческія надписи, найден. въ 1881—88 гг. на берегахъ Киммерійскаго Боспора и Херсонеса Таврическаго, В. В. Латышева, Спб. 1890 (рец. Ѳ. Г. Мищенка, К. Стар. 1890, № 7, с. 136—141); Дополн. и поправки къ собр. древн. греч. и латин. надписей сѣвер. побережья Чернаго м. (Зап. Арх. общ., IV, 120—153, рец. Ѳ. Мищенка, К. Стар. 1880, № 7); Къ вопросу объ этнографіи и географіи Геродотовой Скиѳіи (по поводу соч. К. Боннеля, Ѳ. Мищенка, Унив. Изв. 1882, № 11; 1883, № 9).

что Днѣпръ являлся важнымъ торговымъ путемъ, извѣстнымъ въ древности. Въ сѣверныхъ сагахъ Кіевъ слыветъ городомъ Днѣпра (см. А. Н. Веселовскій, Кіевъ - градъ Днѣпра, Ж. М. Н. Пр. 1887, № 5; Н. П Дашкевичъ, Приднѣпровье по нѣкоторымъ памятникамъ древне-сѣверной литературы, Ун. Изв. 1886, № 11). Rob. Rösler. въ своемъ изслѣдованіи: „Ueber den Zeitpunkt der slavischen Ansiedlung auf der unteren Donau"—(Wien, 1873) доказываетъ, что древнѣйшія славянскія поселенія были на Днѣпрѣ √ и что во второй половинѣ V вѣка ихъ оттѣснило наступательное движеніе германскимъ племенъ. Въ VI в. они появляются на Савѣ и распространяются въ равнинахъ и горахъ Паннонія. Въ другомъ соч. (Romänische Studien, Leipz. 1871) тотъ же авторъ утверждаетъ, что древнѣйшее населеніе Молдавіи и Трансильваніи было русское. Трудъ этотъ наши изслѣдователи находили въ свое время превосходнымъ (Васильевскій, Византія и Печенѣги, Ж. М. Н. Пр. ч. CLXIV, 300—303). Недавнія раскопки близъ Бобринца Херсонской губ., обнаружившія находки съ типическими чертами славянскаго погребенія, подтверждаютъ раннее присутствіе славянскаго элемента въ указанномъ районѣ (Кіевлянинъ, 1899, № 30; Унив. Изв. 1900, № 1, стр. 82—88).

Древнѣйшее упоминаніе о Руси принадлежитъ С. Бертинскимъ лѣтописямъ: изъ нихъ видно, что осенью или зимою 838 г. въ Константинополѣ были послы народа, именуемаго Русью [1]), являющіеся потомъ при дворѣ Людовика Благочестиваго въ Ингельгеймѣ [2]). Въ житіи Георгія Амастридскаго сообщается о нападеніи русовъ около 842 г. на г. Амастриду [3]).

„Въ Кіевѣ, вслѣдствіе продолжительнаго господства хазаръ (Лавр. лѣт. 13, 18, 20, 23, 63—63), восточные взгляды до того вошли въ плоть и кровь народа, что онъ о новыхъ властителей своихъ изъ племени русовъ, т. е. Аскольда и Дира, называлъ каганами и совершенно естественно перенесъ это званіе и на Рюриковичей, пока не возобладало употребленіе

[1]) Томсенъ полагаетъ, что они должны были вести переговоры на славянскомъ или хазарскомъ языкѣ (Начала Рус. государства, Чт. Общ. ист. 1891, I, 81). Ср. Rombaud, L'Empire Grec au X-me siècle, 371—372.

[2]) Pertz, I, pag. 434 (подъ 839 годомъ). Это раннее упоминаніе о Руси сближаютъ съ упоминаніемъ о Руси-Дромитахъ у Симеона Логоѳета (см. Ѳ. И. Успенскій Патр. Іоаннъ VII Грамматикъ и Русь-Дромиты у С. Магистра, Ж. М. Н. Пр. 1890, № 1, стр. 16—34).

[3]) Амастрида или Амастра (теперь Амассера), приморскій городъ въ Малой Азіи между Пендеракліею и Синопомъ (житіе см. въ Лѣт. зан. Арх. ком., IX, стр. 66; Васильевскій Русско-визант. изслѣд., II, xxii—xxvii).

названія великій князь". (Куникъ, Извѣстія Аль-Бекри, 151—152). Въ 871 г. имп. Василій называлъ Аскольда хаганомъ сѣверныхъ скиѳовъ; м. Иларіонъ называетъ, какъ бы почетнымъ титуломъ, „великимъ каганомъ"—Владиміра св., а Ярослава I—„благовѣрнымъ каганомъ" (Прибавл. къ твор. св. отц., II, 255, 287—288; по изд. Пономарева, 70. 76), терминъ, употребляемый и авторомъ „Слова о Полку Игоревѣ". О русскомъ каганатѣ см. С. Гедеоновъ, Варяги и Русь (II, 483—505; прим. 254—264); Котляревскій, Погреб. обычаи славянъ (030—031).

Съ другой стороны, арабскій писатель Ибнъ-Хордадъ-Бегъ (IX в.) сообщаетъ о русскихъ купцахъ („а они суть племя изъ славянъ"), которые направляются изъ дальнѣйшихъ концовъ Славянской земли къ морю румскому (Черному) и продаютъ тамъ мѣха бобровъ и черныхъ лисицъ, а также *мечи* [1]). Византійскій царь (царь Рума) взимаетъ десятину съ нхъ товаровъ, а на обратномъ пути они приходятъ въ Самакушъ (Samakars—Фанагорія), городъ евреевъ и оттуда возвращаются въ страну славянъ. Или они спускаются по Танаису (Дону), проходятъ черезъ столицу хазаръ (Итиль), гдѣ властитель взимаетъ съ нихъ десятину и оттуда они спускаются по морю (Каспійскому) и выходятъ на берегъ, а иногда провозятъ свой товаръ на верблюдахъ въ Багдадъ. И *евнухи славянскіе* служатъ имъ здѣсь переводчиками. Они выдаютъ себя за христіанъ и, какъ таковые, платятъ подать" [2]).

Въ Амастрѣ („око Пафлагоніи"), по словамъ Никиты Пафлагонянина, богатомъ торговомъ центрѣ, скиѳы, жившіе на сѣверной сторонѣ Евксина, также вели бойкую торговлю [3]). Византійскія владѣнія не ограничивались Крымомъ, но тянулись и по сѣверному

---

[1]) Припомнимъ здѣсь, что когда хазары потребовали дань съ полянъ, то они дали отъ дыма мечъ (Лавр. лѣт., 16). И далѣе: „Козари имаху на Полянѣхъ, и на Сѣверѣхъ и на Вятичѣхъ по бѣлѣй вѣверицѣ отъ дыма" (18). Аѳинскій архіеп. Михаилъ Хонскій считалъ бѣлые заячьи мѣха, привозимые въ Константинополь, спеціально русскимъ продуктомъ (Васильевскій, CLXXX—CLXXXII).

[2]) Гаркави, Сказ. мусульм. писат. о славянахъ и Руси, 49. „Царь славянъ называется „knâz". О нападеніяхъ русскихъ на прикаспійскія земли въ 1-ой половинѣ X в. см. Дорнъ, Каспій, стр. 1—31, 531; 123, 495—523 и дополнен. Куника. Статьи послѣдняго по вопросамъ сюда относящимся см. Tableau Général desmatières cont. dans les publications de l'Acad. Impériale des scienses de S. Pét. I, 279—281). Для полноты упомянемъ: М. Гребеньковъ (Древнія сношенія Руси съ прикаспійскими странами, Тифлисъ, 1896).

[3]) Васильевскій, XXIII.

побережью Чернаго моря, а хазары служили дѣятельныия посредниками въ восточной торговлѣ [1]).

Такимъ образомъ уже въ этихъ извѣстіяхъ мы видимъ Русовъ, какъ народъ, заявившій себя военными и торговыми предпріятіями. И вотъ тотъ самый народъ, для котораго, по выраженію патр. Фотія, одинъ слухъ ромейскаго имени казался невыносимо страшнымъ, поднимаетъ оружіе противъ Византіи [2]). Дважды онъ совершилъ набѣгъ на острова Мраморнаго моря и разорилъ тамъ монастыри и церкви [3]). Но патр. Фотію было уже извѣстно объ объединеніи сосѣднихъ племенъ подъ господствомъ Руси, предшествовавшемъ вторженію [4]), и есть основаніе полагать (въ X вѣкѣ извѣстія становятся уже несомнѣнными), что въ это время русскіе воины служили въ императорской гвардіи и во флотѣ и принимали участіе въ походахъ византійцевъ въ Италію и на остр. Критъ [5]). Русы, жившіе въ Тавридѣ, были извѣстны у византійцевъ подъ именемъ тавроскиѳовъ. Позже черезъ Русь направлялись отряды норманновъ, вступавшихъ па службу въ Константинополѣ [6]).

---

[1]) Визант. владѣнія на сѣверн. берегу Чернаго моря, Ѳ. Успенскаго (Кіев. Стар. 1889, № 5—6). О запискѣ Топарха (Опытъ рус. историогр. сс. 200 и XIII) Время и мѣсто дѣйствія записки греческаго Топарха—зам. П. Н. Милюкова (Труды Моск. Арх. съѣзда, III, 1897, 278—289; ср. Визант. Врем. 1898, III, 549—551). Авторъ пріурочиваетъ событія (893—913) къ нынѣшней Бессарабіи, гдѣ жили Уличи и Тиверцы, ставшіе жертвою нападеній венгровъ, а потомъ мести болгаръ за помощь, оказанную ими Византіи противъ ц. Семеона.

[2]) Двѣ бесѣды Фотія (по изд. Наука) въ переводѣ Е. И. Ловягина (Хр. Чт. 1882, сент., окт.). Переводъ архим. Порфирія отличается неточностями.

[3]) Васильевскій, CXXXVIII; Два первыя вторженія русовъ въ Византію (774 и 864), Фр. Крузе (Ж. М. Н. Пр., ч. XXVIII, отд. I, стр. 149—170); Патр. Іоаннъ VII Грамматикъ и Русь-Дромиты у Симеона Магистра, Ѳ. Успенскаго (Ж. М. Н. Пр. 1890, № 1).

[4]) Muralt, Chronogr. byzantine, 440.

[5]) Константинъ Порфирородный упоминаетъ о походахъ 902, 936, 949.

[6]) О скандинавскихъ путешествіяхъ въ Константинополь съ IX вѣка. Изъ сѣверной исторіи Шлецера (Труды Общ. ист. и древн., кн. IV и V); Варяго-англ. дружина въ Константинополѣ въ XI и XII вѣкахъ (Ж. М. Н. Пр., 1874, чч. CLXXVII—CLXXVIII); о болѣе раннемъ появленіи норманновъ въ Константинополѣ (Томсенъ, 95—96; Голубинскій, I, 49, 759). Ходили ли скандинавскіе пилигримы на поклоненіе къ св. мѣстамъ черезъ Россію? Кн. П. П. Вяземскаго (Филологич. Записки. Вв. I и II). Черное море извѣстно было также подъ именемъ „Русскаго“ (Лавр. лѣт., 7).

Во избѣжаніе недомолвокъ спѣшимъ оговориться, что для нашей цѣли нѣтъ надобности касаться Варяжскаго вопроса по существу; но мы принимаемъ мнѣніе В. Г. Васильевскаго, что имя Варяговъ, по своему происхожденію, принадлежитъ скандинавскому сѣверу и пришло въ Византію изъ Кіева. Въ Кіевѣ наемниками были скандинавы и они называли себя Вэрингами; имя сдѣлалось обычнымъ и для русскихъ, такъ что и русскіе союзники и наемники въ Константинополѣ стали называть себя Варягами, а погречески Варангами (Ж. М. Н. Пр. 1875, № 3, с, 151—152 и д.; объ отношеніи Варяговъ и Руси см. с. 99—122). Прибавимъ, что въ новомъ изданіи соч. Гиббона G. B. Bury (т. V, 1898), въ приложеніяхъ находятся статьи издателя о происхожденіи Руси и Днѣпровскихъ порогахъ.

Чтобы судить на сколько въ этомъ вопросѣ имѣютъ значеніе племенныя симпатіи, напомнимъ о статьѣ Гайдъ-Клерка (въ Transactions of the Ethnological Society of London 1869, кн. VII) „Тацитовы Варины или Веринги и отношенія ихъ къ англійской этнологіи". Авторъ подвергаетъ изслѣдованію вопросъ о происхожденіи и племенныхъ отношеніяхъ Варяговъ-Руси. Соединеніе именъ: Angli et Varini въ Тацитовой книгѣ о Германіи наводитъ автора на мысль о племенномъ родствѣ Варяговъ съ англо-саксами, въ противоположность мнѣнію о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ. Свое мнѣніе авторъ подкрѣпляетъ множествомъ ссылокъ на древнихъ писателей и лѣтописцевъ, сходствомъ въ названіяхъ англійскихъ мѣстностей съ именемъ Варяговъ и исторіей Варяжскаго племени, особенно въ Россіи.

Послѣ указаннаго предпріятія русовъ, начиная съ похода Аскольда и Дира до знаменитыхъ подвиговъ Святослава и Владиміра I, не представляются уже какъ бы неожиданными и безсвязными. Въ настоящее время вполнѣ установлена, вопреки прежнему показанію (865), болѣе ранняя и точная дата нападенія Аскольда и Дира на Константинополь, а именно 18 іюня 860 г.

Приписка въ спискѣ императоровъ, приложен. къ хроникѣ Манассіи, изд. проф. Гентскаго универ. Fr. Cumont'омъ; замѣтка о чтеніи В. Г. Васильевскаго въ Импер. Рус. Арх. общ., которое обѣщано было напечатать. (Визант. Времен., 1894; I, 259. Тоже мнѣніе поддерживаетъ К. де-Бооръ Der Angriff des Rhos auf Byzanz, въ Byzant. Zeitschrift 1895, 445—446: сюда же присоединяютъ свидѣтельство Венец. хроники XII в.; Визант. Времен. 1895, II, вып. IV, стр. 618). Еще ранѣе годъ этотъ принялъ, на основаніи сличенія нѣкоторыхъ хроникъ и житія патр. Игнатія, Е. Е. Голубинскій, не относя его однако къ Аскольду и Диру и кіевскимъ русамъ, а къ русамъ таврическимъ (Ист. рус. церкви, I, 22). Ср. также статью

Хр. Лопарева „Старое свидѣтельство о положеніи ризы Богородицы во Влахернахъ въ новомъ истолкованіи, примѣнительно къ нашествію русскихъ на Византію въ 860 г.“ (Визант. Времен., 1895, II, вып. IV, стр. 581—628; замѣтка о томъ же въ Арх. Изв. 1895, №№ 9—10, стр. 339; ср. Отчетъ Общ. любит. древн. письмен. за 1893—94 гг., стр. 18—19): Авары, а не русскіе, Ѳеодоръ, а не Георгій,—замѣчанія на статью X. M. Лопарева, В. Васильевскаго (Виз. Врем. 1896, I, 83—95). Имена Аскольда и Дира въ русск. спискахъ Г. Амартола взяты изъ Пов. времен. лѣтъ (Ж. М. Н. Пр. 1897, № 3, с. 218, примѣч.).

Изъ визант. лѣтописцевъ объ этомъ походѣ говорятъ: Симеонъ Логоѳетъ, хроника котораго послужила для продолженія хроники Г. Амартола; продолжатель Ѳеофана, позднѣйшій Левъ Грамматикъ, такъ называемый продолжатель Констант. Порфирогенета, Кедринъ, Зонара; Фотій—въ своихъ бесѣдахъ; изъ западныхъ—Іоаннъ (діаконъ) Венеціанскій (Голубинскій, I, 21—33; Васильевскій схіх—схх). Извлеч. изъ продолж. Ѳеофана. кн. М. А. Оболенскаго (Чт. въ Общ. ист. и древн. [illegible] 2-ой, IV, 94).

Бесѣды Фотія свидѣтельствуютъ о томъ ужасѣ, какой наводили эти набѣги на Константинополь, а въ окружномъ посланіи (867) онъ уже говоритъ о распространеніи христіанства среди той Руси, которая подымала руку на Ромейскую имперію.

Ужасъ передъ нападеніями варваровъ въ Византію объясняется печальнымъ положеніемъ Имперіи, въ которой военное дѣло было въ полномъ пренебреженіи. Лютпрандъ, посѣтившій греческую столицу въ 960 г., пишетъ: „Могущество ихъ не въ собственныхъ силахъ, но въ нанятыхъ солдатахъ изъ Амальфи и Венеціи и въ русскихъ морякахъ. Я думаю, что четырехсотъ германцевъ достаточно, чтобы въ открытомъ полѣ обратить въ бѣгство цѣлое греческое войско“. Веніаминъ Тудельскій говоритъ: „Они нанимаютъ воиновъ у всѣхъ языческихъ народовъ, которыхъ называютъ варварами, чтобы вести войну съ султаномъ; сами же они не имѣютъ никакой воинственной наклонности и, подобно женщинамъ, лишены силъ къ отраженію непріятеля“ (по изд. Марголина, 30). И по словамъ—„Тактики“ импер. Льва IV оружіе на столько считалось у грековъ бременемъ, что во время похода, нагруженные имъ возы должны были тянуться за арміею, что, при внезапныхъ нападеніяхъ, причиняло самыя гибельныя замѣшательства (Вейсъ, Внѣшній бытъ народовъ, II, ч. I, 91—92)—способъ, употреблявшійся и въ болѣе простомъ строѣ—русскихъ и также имѣвшій дурныя послѣдствія (Лавр. лѣт. 239—240, 364, 468). Но русское войско все таки стояло за себя, а византіецъ истощенный нѣгою и роскошью,

глубоко вѣрилъ только, что „Богоматерь, покровительница Константинополя, надежнѣе всякихъ крѣпостныхъ стѣнъ его". (Труды VII Арх. съѣзда, I, 177), наперекоръ пословицѣ: „на Бога надѣйся, а самъ не плошай!"

Взаимныя недоразумѣнія, при частыхъ торговыхъ сношеніяхъ, привели къ новымъ походамъ русскихъ на Константинополь. Если столь разукрашенный походъ Олега (907) не нашелъ себѣ отклика у византійскихъ лѣтописцевъ [1]), то въ подтвержденіе его мы имѣемъ оффиціальные акты—договоры и послѣдующія ссылки на нихъ [2]). Походы Игоря (941 [3]); 944) подтверждаются договоромъ, описаніемъ продолжателя Г. Амартола и житіемъ Василія Новаго, которыми пользовался русскій лѣтописецъ [4]). Договоры съ греками несомнѣнно переведены съ греческаго, чѣмъ и объясняются многія непонятныя въ нихъ мѣста [5]), и на нихъ, какъ и на другія письменныя сношенія между греками и русскими, есть указанія у позднѣйшихъ византійскихъ писателей [6]). Ближайшее изученіе договоровъ Византіи съ Ве-

[1]) Указываютъ лишь намекъ у Симеона Метафраста (Ῥῶς τινος προδρόου, ed. Bon. 717, передъ событіями 904 г., гдѣ слѣдовало бы быть разсказу о походѣ, см. Васильевскій, cxxxvii; ср. замѣч. автора объ одной надписи, Ж. М. Н. Пр. 1875, № 2, с. 440). Дѣйствительно-ли походъ Олега подъ Царьградъ сказка? Ламбина (ib. 1873, № 7). О крапивныхъ парусахъ ср. Генъ, Культур. растенія и животныя (91); о судахъ на колесахъ (Труды и лѣтописи, IV, 262); путешествіе Пимена (Хожденіе Игнатія, изд. Палестин. Общ., с. 2; Иловайскій, Ист. Рязан. княж., 294; о конструкціи судовъ и волоченіи ихъ см. Тьерри, I, 18—19, 81—82, 107, 114, 154 282; Стрингольмъ, Походы викинговъ, 81, 248; суда съ крышами, 140, 249—252. О замѣчательныхъ „ладьяхъ, покрытыхъ досками" подъ 1151 г. Лавр. лѣт., 314; Гиббонъ, VI 471. О жизни и трудахъ Симеона Метафраста, В. Г. Васильевскаго (Ж. М. Н. Пр. 1880, № 12, сс. 381, 407, 412).

[2]) Лавр. лѣт., 32, 45.

[3]) Неудачный походъ Игоря 941 г. описанъ со всѣми его послѣдствіями бывшимъ въ Константинополѣ въ 946 г. посломъ Ліутпрандомъ, (еп. кремонскимъ) въ V книгѣ Antapodosis'а (ср. Шлецеръ, III, 43).

[4]) Видѣніе (житіе) Василія Новаго о походѣ русскихъ на Византію въ 941 г. по рукоп. Синод. библ., А. Веселовскаго (Ж. М. Н. Пр., 1889, № 1); Васильевскій IV, cxlvi—cxlvii.

[5]) Н. Лавровскій, О визант. элементѣ въ языкѣ договоровъ русскихъ съ греками. Замѣчанія о порядкѣ составленія договоровъ въ связи съ другими подобными памятниками (Гедеоновъ, Варяги и Русь, I, 266—287). Прежняя ихъ литература (Христом. по ист. рус. права, Владимірскаго-Буданова).

[6]) Погодинъ, I, 120—124, 126—127; ср. 211—214.

Фр. Миклошичъ о договорахъ русскихъ съ греками говоритъ: „De foederibus factis cum Graecis confitemur, nos non intelligere, quomodo haec foedera, paucissimis exceptis continentia nonnisi nomina Scandica, fingi potuerint post Nestoris aetatem,

неціей даетъ право судить о порядкѣ заключенія договоровъ между русскими и греками [1]).

Но договоры прежде всего свидѣтельствуютъ объ извѣстной степени гражданственности Руси того времени. Въ нихъ устанавливаются способы торговыхъ сношеній между русскими и греками и формы судопроизводства по тяжебнымъ дѣламъ между русскимъ гостинымъ дворомъ на Босфорѣ у мон. св. Мамонта и греками. Особенно любопытны тѣ статьи въ договорахъ, которыя говорятъ о распространеніи русскаго элемента до Крыма и устьевъ Днѣпра; статьями этими подтверждаются попытки русскихъ утвердиться въ Крыму и завладѣть Корсунью еще въ началѣ X в. Изъ договора же Игоря видно, что русскіе не только могли безпокоить Корсунь своими набѣгами, но и защищать тамъ по близости какія-то свои владѣнія [2]). Затѣмъ, заслуживаютъ вниманія тѣ статьи, которыя касаются торговыхъ и дипломатическихъ сношеній Руси съ Византіей. Въ договорахъ есть пунктъ о взаимной помощи и эта статья подтверждается помощью, оказанною Византіи князьями Святославомъ и Владиміромъ. По принятіи христіанства послѣдній отправилъ въ Константинополь 6000-ый корпусъ [3]). Съ X вѣкомъ совпадаетъ героическій періодъ русской исторіи,

---

Russis tam brevi tempore oblitis haec nomina. Affirmanti vero, ficta esse aut a Nestore, aut saltem aetate Nestoris, respondebimus, fictionum aetatem in Russia longe esse recentiorum saeculo duodecimo. Addemus, foedera haec, si quidem ficta sint ficta esse lingua graeca" (Chronica Nestoris, Vindob. 1860, pag. XI et cet.).

[1]) Къ вопросу о договорахъ русскихъ съ греками, А. Димитріу (Визант. Времен. 1895, IV, 531—550; ср. Ж. М. Н. Пр. 1893, № 7, стр. 246—247).

Въ одномъ лѣтописномъ отрывкѣ помѣщенъ договоръ Олега съ греками представляющій нѣсколько довольно важныхъ разнорѣчій (Бычковъ, Опис. сборниковъ Импер. публ. библ., I, 63).

[2]) Полагаютъ, что Тмутаракань пріобрѣтена только Святославомъ, но, принимая во вниманіе извѣстія арабскихъ писателей о Русахъ на островахъ, приходится признать ее болѣе давнимъ поселеніемъ послѣднихъ (Срезневскій, Рус. населеніе степей и поморья въ XI—XIV в., Изв. Им. Ак. Наукъ, VIII; Н. Ламбинъ, Славяне на сѣверномъ Черноморьи, Ж. М. Н. Пр. 1877, №№ 5, 6, 12); Патр. Іоаннъ VII Грамматикъ и Русь-Дромиты у Симеона Магистра, Ж. М. Н. Пр. 1890, № 1, статья Ѳ. И. Успенскаго).

Владиміръ, возвратясь изъ подъ Корсуня, сажаетъ Мстислава въ Тмутаракани.

[3]) Васильевскій, CLXXVII—VIII; Ѳ. И. Успенскій, Русь и Византія въ X вѣкѣ, Од. 1888, 14—18; Описаніе войны в. к. Святослава Игоревича противъ болгаръ и грековъ 967—971, А. Черткова, М. 1843. О числѣ рус. войска, завоев. Болгарію и сражавш. съ греками въ 967—71 гг., Черткова (Зап. Одес. общ. ист., т. I); Южные

нашедшій себѣ выраженіе въ сказкѣ, пѣснѣ и лѣтописи. Морскіе походы на Византію, завоеваніе Корсуня, движеніе за Дунай, занятіе Болгаріи и стремленіе перенести сюда столицу русскаго государства, наконецъ переходъ черезъ Балканы и осада Андріанополя—вотъ какая перспектива открывалась для предпріимчивости первыхъ русскихъ князей.

II.

Игорь не могъ противостоять со своими лодками однодеревками [1]) греческому огню, а чтобы отвлечь вниманіе Святослава пришлось прибѣгнуть къ хитрости и употребить въ дѣло всѣ средства военнаго искусства. По договору 945 г., русы обязались защищать страну Корсунскую, т. е. греческія владѣнія въ Крыму противъ черныхъ (волжскихъ) Болгаръ и не могли зимовать въ Днѣпровскомъ лиманѣ [2]).

славяне и Византія въ X в. Дринова. М. 1876, изъ Чт. въ Общ. ист. и древн. рос.); Какъ выражались отношенія констан. церкви къ окрестн. сѣверн. народамъ и преимущ. къ болгарамъ въ нач. X в. В. И. Григоровича, Одесса, 1866; Вел. кн. Святославъ Игоревичъ и историч. значеніе его богатырскихъ подвиговъ, В. Завитневича (Тр. Кіев. дух. акад. 1888, № 3); Изъ исторіи греко-болгарской борьбы въ X—XI вв. А. Липовскаго (Ж. М. Н. Пр. 1891, № 11); Gustave Schlumberger, Un Empereur byzantin au X-me siècle. Nicéphore Phocas. Paris 1890, съ рисунк. по визант. списку лѣт. Манассіи и др. Авторъ пользовался византійскими и русскими источниками и сочин. (Черткова, Дринова). Любопытно описаніе посольства Калокира (херсонскій грекъ) съ многочисленною свитою, въ составѣ которой были воины, священники, монахи, писцы, и значительною суммою денегъ—1500 литръ, до 100000 номизмъ, отправленнаго въ Кіевъ императоромъ, чтобы поднять русскихъ противъ болгаръ. Нѣкоторые рисунки перепечатаны въ Кіев. Старинѣ, 1891, № 5, стр. 328—332.

[1]) Аскольдъ и Диръ были подъ Константинополемъ съ 200 судовъ; Олегъ имѣлъ 2000; Игорь около того же; а по другимъ извѣстіямъ и болѣе. О моноксилахъ замѣч. Девгеніева дѣянія и греч. хронографа (Соч. Тихонравова, I, 159—160). Уже Гиббонъ обратилъ вниманіе на однодеревки гунновъ и славянъ, сходные съ позднѣйшими казацкими по Боплану (Исторія упадка Рим. имперіи, III, 581; VI, 298—300). Объ этихъ моноксилахъ часто упоминается въ вымышленномъ письмѣ атам. Сѣрка къ хану (Р. Стар. VIII, 90). Ср. „камары" у жителей черноморскаго побережья, о которыхъ говорятъ Страбонъ (XI, 2, 12) и Тацитъ (Исторія, III, 47); сравненіе ихъ съ лодками готовъ и русовъ (Кондаковъ, Рус. Древности, III, 129). Въ одномъ анонимномъ византійскомъ хронографѣ (Средневѣк. Библ., изд. Саѳою, т. VII. Пар. 1897, pag. 108—109) помѣщенъ извѣстный разсказъ объ осадѣ Константинополя аварскимъ каганомъ въ 626 г., близкій къ изложенію хрон. Манассіи, причемъ ладьи—однодеревки Тавроскиѳовъ, подчиненныхъ кагану, у анонима называются „русскими однодеревками" (Ῥωσικὰ μόνοξυλα). О составѣ войска Олега, Игоря, Святослава см. лѣтопись подъ 6390. 6415, 6452 гг.

[2]) Брунъ, I, 32.

Но уже въ 955 г. Константинополь посѣтила вел. княг. Ольга въ сопровожденіи значительной свиты, въ которой называются духовное лицо, свящ. Григорій, ея родственники, 22 посланника, 44 купца и 3 переводчика. Она приняла крещеніе и еще въ к. XII в. русскіе, посѣщавшіе Константинополь, видѣли въ св. Софіи, между другими драгоцѣнностями, „блюдо велико злато служебное Ольги русской, когда взяла *дань*, ходивши ко Царьграду“ [1]). Въ Константинополѣ разсчитывали на военую помощь („и вои въ помощь“), и хотя Ольга уклонилась отъ этого обязательства, но Никифору Фокѣ удалось склонить Святослава къ общимъ дѣйствіямъ противъ болгаръ. Союзъ этотъ казался весьма важнымъ въ виду недавней побѣды Святослава надъ хазарами, ясами и косогами (965 г.) [2]) Впрочемъ, успѣхи Святослава на Дунаѣ вызвали враждебныя дѣйствія со стороны Никифора, а его преемникъ (Іоаннъ Цимисхій) преодолѣлъ всѣ трудности и вышелъ изъ борьбы торжествующимъ (971). Въ новомъ договорѣ Святославъ отказывается уже отъ всякихъ видовъ на Болгарію и Корсунь [3]), а самъ становится жертвою, быть можетъ не безъ участія грековъ, нападенія печенѣговъ въ днѣпровскихъ порогахъ.

---

[1]) Путешествіе новгор. архіеп. Антонія въ Царьградъ, 58. Пріемъ Ольги описанъ Константиномъ Богрянороднымъ въ соч. De cerim. aul., lib. II, c. 15 (Stritter, Memoriae populorum et cet., Petrop. II, 976—980), въ которомъ говорится, что она получила въ даръ до 300 р. (500 миліарезій) деньгами и золотое блюдо, осыпанное драгоцѣнными камнями. Въ числѣ ея спутниковъ упоминается 16 родственниковъ; купцы, принимавшіе участіе въ пріемѣ, были приглашены къ торжественному столу. О времени путеш. Ольги въ Царьградъ, Г. Миллера (Ежем. соч. 1755, май); Истор. розыск. о времени крещ. вел. княг. Ольги, архіеп. Евгенія Булгара, Спб. 1792. Исторія вопроса о крещеніи Ольги (Геснеръ, Миллеръ) у Шлецера (Несторъ, III, 395 и д.), Древнія изображенія в. кн. Владиміра и Ольги, Срезневскаго (Арх. Вѣст. М. Арх. общ., №№ 1—2). О соч. Константина Порфиророднаго см. Rambaud, К. Гротъ, Г. Ласкинъ. О крещеніи Ольги свидѣтельствуютъ Кедринъ и Зонара; Лаврент. лѣт. 59—62. Подробнѣе о ея путеш. Никон. лѣт., I; подробный разсказъ въ историч. сборн. Синод. библ. № 963 (здѣсь же и о блюдѣ, сю поднесенномъ въ церковь Софіи). О блюдѣ в. кн. Ольги, гр. А. С. Уварова (Труды Моск. Арх. общ., IV, 95—98).

[2]) Лавр. лѣт., 63—64. Вторично онъ нанесъ пораженіе хазарамъ въ 969 г. (Ибнъ-Хаукалъ).

[3]) Лавр. лѣт., 71. Борьба в. к. Кіев. Святослава Игоревича съ импер. Цимисхіемъ, Е. А. Бѣлова (Ж. М. Н. Пр., ч. CLXX). Современный визант. писатель Левъ Діаконъ, подробно описавшій эти событія, даетъ и характеристику Святослава (изд. гр. Румянцевымъ, Спб. 1810); см. также извѣстія у араб. писателя Яхъи (Импер. Василій Болгаробойца, бар. В. Р. Розена, Спб. 1883, стр. 177—189). Въ соч. „L'epopée byzantine á la fin du X-me siècle. Jean Tzimiscés. Les jeunes anneés de

„И взяша главу его и во лбѣ его сдѣлаша чашю, оковавше лобъ его, и пьаху изъ него“ (Лавр. лѣт., 72). По словамъ Ап. Синодія общій всѣхъ варварамъ обычай состоялъ въ томъ, что они пили брагу, воду, молоко и вино изъ черепа непріятеля. По извѣстію Страбона (кн. IV, гл. IV, 5), „галлы, возвращаясь изъ сраженія, вѣшають головы убитыхъ враговъ на шею лошадямъ; уносятъ ихъ съ собою и прибиваютъ въ сѣняхъ на показъ“. Болгарскій царь пилъ изъ черепа византійскаго импер.—Никифора, обдѣланнаго въ золото (Грегоровіусъ, III, 139–140). Въ „смертной пѣсни“, приписываемой викингу Лодброгу, читаемъ: „Тамъ (въ чертогахъ Одина), за великимъ пиромъ будемъ пить пиво *полными черепами*“ (Тьерри, Ист. завев. Англіи норман., I. 83; ср. также у Гиббона, V, 110, 116, 177; VI, 276). Въ древлянскихъ курганахъ найдено нѣсколько чашъ изъ череповъ (А. А. Спицынъ, Разсел. древне-русскихъ племенъ по археологич. даннымъ, Ж. М. Н. Пр. 1899, № 8, 322). Чаши изъ человѣческихъ череповъ и т. п. примѣры утилизаціи труда, Л. Ф. Воеводскаго, Одесса, 1877 г. Если въ образѣ жизни Святослава можно видѣть черты вліянія восточныхъ кочевниковъ, то нельзя не прибавить къ тому, что конина употреблялась въ пищу и нѣмцами до Карла В. (Шлецеръ, III, 480), и норманнами, какъ лакомое блюдо (Стрингольмъ, II, 265). Мужчины носили по одной серьгѣ, какъ видно изъ босфорскихъ могилъ. Типъ ихъ переходитъ и въ Зап. Европу (Кондаковъ, Древности, I, 55—56). Серьги въ ушахъ—весьма распространенный обычай у русскихъ славянъ (Ипатьев. лѣт., 289). Позже ихъ стали носить мужчины и въ Англіи (Спенсеръ, 377).

Однако, преемникъ Святослава, Владиміръ I снова сталъ угрожать цѣлости Византійской имперіи. Въ 985 и 986 гг. русское войско и флотъ направились въ Болгарію и въ союзѣ съ болгарами (при Самуилѣ) дѣйствовали противъ грековъ. Слѣдствіемъ этого похода было пораженіе, нанесенное грекамъ при Сардикѣ (Средцѣ) въ 986 г. и угрожающее движеніе за Балканы, а въ 989 г. русскіе лишаютъ Византію послѣдняго оплота на сѣверномъ берегу Чернаго моря—Корсуня. Византійскіе лѣтописцы говорятъ намъ о небесныхъ явленіяхъ, какъ признакѣ бѣдствій, грозившихъ Константинополю отъ русскихъ и болгаръ. А по словамъ одного арабскаго писателя (Яхъи) эта опасность побудила ц. Василія просить мира и помощи, выдать свою

Basile II le Tueur de Bulgares, 969–989“ (Paris, 1896), Schlumberger оспариваетъ достовѣрность русской лѣтописи о борьбѣ русскихъ съ I. Цимисхіемъ въ Болгаріи (151–159).

сестру [1]) за Владиміра и содѣйствовать тѣмъ обращенію въ христіанство русовъ.

Царевна Анна—младшая сестра Өеофано, супруги импер. Оттона II. Она, подобно Софіи Палеологъ, вышла замужъ въ зрѣломъ возрастѣ, именно 26 лѣтъ (по Кругу Chronolog. d. Byzantier, 318, 328, она род. 13 марта 963 г.; ср. Голубинскій, I, 140) и вполнѣ оправдывала этотъ политичтскій союзъ. Schlumberger впадаетъ въ патетическое настроеніе по поводу того, что она шла царствовать не надъ націей рыцарей и гражданъ, а надъ дикими народами съ буйными нравами, воинскими страстями, жившими въ грязныхъ хижинахъ, пышно украшенныхъ именами городовъ, къ самымъ грязнымъ людямъ, какихъ когда либо создалъ Богъ, по выраженію Ибнъ-Фодлана (L'Epopée byzantine, 776—777). Быть можетъ здѣсь умѣстно было бы напомнить мнѣніе нѣкоторыхъ писателей (Шлёцеръ, Сенковскій, Сестренцевичъ-Богушъ, Лелевель и позд.), которые въ положеніи славянъ того времени видѣли гражданственность, не уступающую состоянію быта норманновъ (Сѣв. Арх. 1824, №№ 3 и 15; Ивановъ, Обзоръ хронографовъ, 196—199). Какъ извѣстно, въ началѣ 988 г. франц. король Гуго Капетъ посылалъ въ Византію за невѣстой для своего сына Роберта (письмо къ импер. Василію и Константину составлено было извѣстнымъ Гербертомъ) въ лицѣ одной изъ греческихъ принцессъ, въ которой нѣкоторые готовы видѣть ту же сестру импер. Василія (Визант. Времен. 1898, III, 505—508).

Возвратившись въ Кіевъ, Владиміръ взялъ съ собою (кромѣ мощей свв. Климента и Фива), въ видѣ трофеевъ, два мѣдныхъ изображенія и 4 мѣдныхъ коня („иже и нынѣ стоятъ за святою Богородицею") говоритъ лѣтописецъ—вотъ первыя художественныя произведенія грековъ, доставшіяся русскимъ.

„Якоже невѣдуще мнятъ я̂ мрамаряны суща" (Лавр. 114)—выраженіе, не дающее права читать, подобно Полевому (Отеч. Зап. 1823, XVI, № 42 и 43), „иконѣ" вм. „конѣ". Напротивъ текстъ Переяслав. лѣт. подтверждаетъ сказанное: „взя же и 2 капищи мѣдяны, ижъ были за св. Богородицею (Десятинною церковью) яко жены образомъ мраморяны суще"

[1]) Трубы, по которымъ доставлялась вода въ городъ (Лавр. лѣт., 107), найдены въ означенномъ мѣстѣ, а колодецъ, описанный Палласомъ, напоминаетъ извѣстіе лѣтописца (Кіев. Стар. 1883 г., V, 40, 42). Позднѣйшіе раскопки подтвердили извѣстія лѣтописи о корсунскомъ походѣ Владиміра св. (Хр. Ящуржинскаго. Кіев. Стар. 1888, XXII, № 7, с. 16—25: Херсонесъ во время крещенія въ немъ Владиміра; Херсонесъ, Кёне).

(Времен. Общ. ист., IX, 31). Здѣсь „капище“ въ смыслѣ изображенія, статуи, идола (см. Матер. для словаря древн. рус. языка, Срезневскаго, I, 1193). Въ Никон. лѣт. (I, 92) оно передано словомъ „болваны“ и это не казалось страннымъ (здѣсь же прибавлено; „и три львы мѣдяны“). Карамзинъ и Каченовскій читали правильно (В. Евр. 1818, № 8), хотя послѣдній признаетъ это мѣсто вставкою XIII—XIV в., когда греческіе историки говорятъ объ увозѣ въ Венецію (1204) мѣдныхъ коней и церковныхъ дверей изъ Константинополя. Объясненіе Н. Л. Гусева не имѣетъ основанія (Вѣстн. археол., изд. Археол. Инстит., X, 88).

Баронъ Розенъ (Импер. Василій Болгаробойца въ сказаніи Яхъи, 23—24, 194—198, 215—220) объясняетъ „сказаніе о выборѣ вѣръ“ русскаго лѣтописца, посольствами, приходившими къ Владиміру. Хронологія событій такова: прибытіе греческаго посла въ концѣ 987 г.; отправленіе русскихъ пословъ—988; взятіе Корсуня и крещеніе 989. Извѣстіе Ибнъ-ал-Атира—о крещеніи (ibid., 200—202). Свѣдѣнія о помощи оказанной императору (6000 отрядъ) въ статьѣ В. Г. Васильевскаго: „Варяго-рус. и Варяго-англ. дружина въ Константинополѣ“ (Ж. М. Н. Пр. 1874, № 11, с. 121—139—визант. и армян. извѣстія). О дальнѣйшемъ участіи русскихъ въ дѣлахъ грековъ (ib. 134—144); Обѣщано было изслѣд. В. Г. Васильевскаго о крещеніи Владиміра (Лѣт. зан. Арх. ком., VIII, 21; ср. Голубинскій I, 91—157); Крещеніе кн. Владиміра и Руси по западнымъ извѣстіямъ, Ѳ. Фортинскаго (Чт. въ Общ. Нест. лѣт., кн., II, 93—128).

Благодаря помощи, данной Владиміромъ, царь Василій побѣдилъ Варду-Фоку. Послѣ Владиміра русскіе не претендовали болѣе на Корсунь, не предпринимали морскихъ походовъ и предоставили Болгарію во власть императора. „Западные волки, какъ называетъ русскихъ одинъ писатель, такъ были укрощены, что обратились въ послушное стадо овецъ. Русь стала теперь оберегать Византію отъ нападенія звѣрей“ [1]). Съ этого момента начинается поворотъ въ политикѣ Руси относительно Византіи; но уже при Ярославѣ, въ 1042 г., вслѣдствіе ссоры русскихъ купцовъ (которые „безпрерывно бывали въ Константинополѣ, въ силу заключеннаго договора и родства греческаго царскаго дома съ русскими князьями“), причемъ одинъ знатный русскій былъ убитъ, русскіе рѣшились отомстить грекамъ. Сынъ Ярослава Владиміръ († 1052 въ Новгородѣ) съ большимъ вой-

---

[1]) Успенскій, 36. Stritter (Кедринъ и Зонара, II, 1009-10; Замѣтка о Солунѣ и Корсунѣ, В. И. Григоровича, Од. 1872. О выводахъ на основаніи Яхъи, В. Завитневичъ (Чт. въ Общ. Нестора лѣтописца, К., II, 284—285; Тр. К. Д. ак. 1888, № 1).

скомъ вторгся въ предѣлы Греціи (по Кедрину со 100000 чел. „на небольшихъ изъ одного дерева вырубленныхъ судахъ"); переговоры, начатые имъ съ Константиномъ Мономахомъ, ни къ чему не привели; но русскіе потерпѣли пораженіе подъ Константинополемъ (причемъ опять въ дѣло употребленъ былъ греческій огонь) [1]), а потомъ близъ Варны [2]). Уже послѣ отпуска плѣнныхъ и для скрѣпленія мира (1046) дочь импер. Константина (наз. Анною, „грекиня", „мономахиня") должна была стать (1046 г.) женою брата Владиміра—Всеволода I, которому она оставила единственнаго сына—Владиміра (Мономаха) и дочь Анну (Янку). Позже (1073—1074) импер. Михаилъ VII Дука обращался за помощью къ Всеволоду Ярославичу и русскіе князья (Владиміръ Мономахъ и Глѣбъ Святославичъ) берутъ на себя усмиреніе Корсуня, чѣмъ только вызываютъ неудовольствіе въ послѣднемъ: корсунцы захватываютъ русскія суда. Впрочемъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, Владиміръ М. смирилъ потомъ ихъ и заставилъ уплатить убытки. Въ это же время у корсунянъ является соперникъ въ торговлѣ—Судакъ. Нашествіе варваровъ (печенѣговъ, половцевъ, татаръ), а затѣмъ возникновеніе генуэзскихъ колоній (въ XIII в.) окончательно подрываютъ значеніе Херсонеса. Такимъ образомъ Кафа (прежняя Ѳеодосія) и Судакъ становятся распорядителями приморской торговли [3]). Владиміръ Мономахъ, въ силу родства съ Леономъ Діогеновичемъ (зять его, противникъ Алексія Комнена), претендовалъ еще на болгарско-дунайскіе города [4]). Въ послѣдующихъ извѣстіяхъ мы встрѣчаемъ лишь свѣдѣнія о службѣ русскихъ въ легіонахъ и во

[1]) Любопытны указанія объ употребленіи „живаго огня" половцами и греческаго огня татарами (Соловьевъ, II, 406; III, 181: ср. Гиббонъ, VI, 130, 349, 553); но Кончакъ добылъ для того нарочнаго бусурманина (Ипат. лѣтоп. 428), а употребленіе этого огня на Востокѣ было хорошо извѣстно (Гиббонъ). На него много разсчитывали греки и на концѣ дней своего политическаго существованія (Герцбергъ, 573, 576).

[2]) Mem. populorum, II, 1012—16. Объ этихъ событіяхъ сообщаетъ также Зонара. Подробный разсказъ о нашествіи Руси на Константинополь въ 1043 г.— въ исторіи Мих. Пселла (Bibl. graeca medii aevi, изд. К. Саѳою, т. IV); ср. Васильевскій (Ж. М. Н. Пр. 1874, № 11 сс. 107; 121—122).

[3]) Херсонесъ Таврическій, В. Ястребова (К. Стар. 1883, VI, 30—48); Визант. владѣнія на сѣверн. берегу Чернаго моря въ IX и X вв., Ѳ. Успенскаго (К. Стар. 1889, XXV). О Судакѣ (Сурожѣ)—ж. Стефана Сурожскаго (Лѣт. зан. Арх. Ком., в. IX). О походѣ Руссовъ на Сурожъ, прот. А. В. Горскаго (Зап. Одес. Общ. ист., т. I, 1844; ср. Васильевскій, Рус. визант. изслѣд., II, предисл.).

[4]) Русско-визант. отрывки (Два письма импер. Михаила VII Дуки къ Всеволоду Ярославичу), В. Васильевскаго (Ж. М. Н. Пр. 1875, № 12); Татищевъ, II, 156.

флотѣ и о неоднократныхъ посольствахъ къ русскимъ князьямъ о военной помощи. Уже въ 1160 г. импер. Мануилъ Комненъ, вслѣдствіе натянутыхъ отношеній къ Венгріи, отправилъ посольство къ в. кн. Ростиславу Мстиславичу и просилъ у него помощи „въ силу заключеннаго между русскими и греками мирнаго договора“ [1]); а въ 1200 г. русскіе князья, по настояніямъ кіевскаго митрополита, выступили на защиту грековъ отъ вторженія половцевъ (команъ) [2]).

Путь въ Грецію былъ хорошо извѣстною, проторенною дорогою. Когда варяги, послѣ побѣдъ Владиміра I надъ Ярополкомъ (980), подняли свои требованія отъ него, то Владиміръ отправилъ ихъ въ Грецію, куда будутъ ссылаться потомъ непокорные князья [3]). Вотъ почему, когда Изяславъ I, изгнанный кіевлянами, шелъ на Кіевъ (1069) съ поляками, то кіевляне грозили его братьямъ (Святославу и Всеволоду), если они не заступятся за нихъ, уйти въ Грецію [4]); а Мстиславъ Владиміровичъ въ 1129 г. ссылаетъ пятерыхъ полоцкихъ князей въ Грецію за то, что они не подали помощи противъ половцевъ [5]).

III.

Первымъ русскимъ князьямъ удалось объединить разрозненныя славянскія и финскія племена. Владиміръ св. даетъ своимъ сыновьямъ Новгородъ, Туровъ [6]), Полоцкъ, Ростовъ, Муромъ, землю Древлянъ,

---

[1]) Его противникъ, Андроникъ Комненъ жилъ при дворѣ Ярослава галицкаго, возвратился въ Грецію, сталъ императоромъ, а въ 1185 г., во время возмущенія въ Константинополѣ, намѣревался черезъ Черное морѣ бѣжать въ Россію, но противный вѣтеръ отогналъ суда обратно въ Хелу (виѳинскую) и онъ попалъ въ руки враговъ (Герцбергъ, 321; ср. Stritter, II, 1018—1023, Карамзинъ, II, 184—185.

[2]) Киннамъ и Никита Хоніатъ (Stritter, II, 1023—24).

[3]) Напомнимъ также объ уходѣ, по смерти кн. Анны, 800 русскихъ на судахъ, съ родственникомъ Владиміра, въ Грецію, гдѣ они подняли бунтъ и были истреблены (Кедринъ, Stritter, II, 1010).

[4]) Кіевляне говорили: „Зажегже градъ свой, ступимъ въ Греческую землю“ (Лавр., 168).

[5]) Лавр. лѣт., 286; Ипат., 211 („съ женами и съ дѣтьми“): „Усажа у три ладьи и поточи и́ Царюграду за неслушаніе ихъ“ (ib. 218). Подъ 1140 г. въ лѣтописи читаемъ: „взыдоста княжича два изъ Царягорода; заточени были Мьстиславомъ“ (Ипат. 216). Василько Рогволодовичъ еще ранѣе (Карамз. II, 110). Другіе тамъ и умерли (Антоній новгородскій видѣлъ могилу княгини Ксеніи Брячиславовны).

[6]) Нѣсколько соображеній къ вопросу о кн. Турѣ, П. Голубовскаго (Кіев. Стар. 1891, № 11); Очеркъ Кривичской и Дреговичской земель до к. XII в., М. Довнаръ-Запольскаго, К. 1891 г.; Очеркъ исторіи Туровскаго княж., А. Грушевскаго (будетъ напеч.).

Владиміръ Волынскій, Тмутаракань, Смоленскъ и Псковъ—таковъ было районъ владѣній тогдашней Руси. Владиміръ I уже владѣлъ и Червенскими городами (Галичиною)[1]. Такимъ образомъ уже здѣсь на сцену выступаетъ соперничество Руси съ Польшею. Если раздѣленіе Руси на удѣлы привело за собою ослабленіе политической власти, то, съ другой стороны, оно содѣйствовало объединенію племенъ, распространенію христіанства и утвержденію гражданственности въ болѣе отдаленныхъ областяхъ. Владиміру I пришлось установить нормы отношеній между церковью и государствомъ (уставъ о церковныхъ судахъ); а Ярославу I (1019—1054)—подробнѣе регулировать гражданскія отношенія (Русская Правда и уставная грамота Новгорода). Духовенство на первыхъ порахъ оказываетъ вліяніе на власть своими совѣтами и наставленіями (вопросъ о казни и вирахъ при Владимірѣ); но еще существеннѣе было вліяніе византійскаго законодательства[2].

Въ Моск. синод. библ. есть списокъ Кормчей XII—XIII в. въ томъ самомъ переводѣ, какой былъ извѣстенъ въ XI в. и въ числѣ дополнительныхъ статей которой находятся два византійскихъ кодекса Эклога или выборка законовъ, сдѣланная въ VIII в. при Львѣ Исаврянинѣ, и Прохиронъ Василія Македонянина—это типическіе образчики византійской кодификаціи, воспитанной на образцовыхъ произведеніяхъ римскихъ юристовъ Гая, Ульпіана и др. Разныя редакціи Русской Правды и церковныхъ уставовъ Владиміра, Ярослава и ихъ потомковъ, князей XII в.—представляютъ раннія подражанія синоптической византійской кодификаціи, или прямо вышедшія изъ среды духовенства, или предпринятыя подъ вліяніемъ и при содѣйствіи церковныхъ законовѣдовъ, и въ ограниченіи роста при Владимірѣ Мономахѣ видятъ вліяніе статей Прохирона (Содѣйствіе церкви успѣхамъ рус. граждан. права и порядка, В. О. Ключевскаго, Творен. св. отцевъ, 1888 IV, 382—412); Законод. иконоборцевъ, Васильевскаго, (Ж. М. Н. Пр. 1878, № 11 и 1879, № 1); Книги законныя, содержащія въ себѣ

---

[1]) Червен. города, Историч. очеркъ въ связи съ этногр. и топографіей Червонной Руси. А. В. Лонгинова, Варш. 1885; Kętrzyński, Die Grenzen Polens im X Jahrhund. (Anz. d. Akad. d. Wissensch., Krak. 1892, 91—97).

[2]) Иларіонъ говоритъ: „Онъ (Константинъ В.) съ св. отци Никейскаго собора законъ человѣкомъ полагаше, ты же съ новыми отци нашими епископи снимаяся *часто* съ многимъ смиреніемъ *съвѣщавашеся*, како въ человѣцѣхъ сихъ новопознавшихъ *законъ уставити*" (Пономаревъ, 73). Ср. Неволинъ, О вліяніи грекоримскаго права на русское гражданское право (Ист. рус. гражд законовъ т. I); Чебышевъ-Дмитріевъ, О преступн. дѣйств. по рус. допетров. праву—о вліяніи на уголовн. право (Уч. Зап. Казан. унив. 1862, I); Калачовъ, О Кормчей (Чт. Общ. ист., 1846 и отд.); А. Павловъ, Первоначальный славяно-русскій Номоканонъ, Каз. 1869.

въ древнерусскомъ переводѣ визант. законы земледѣльч., уголовные, брачные и судебные, издалъ вмѣстѣ съ греч. подлинник. и съ историко-юридическимъ введеніемъ А. Павловъ, Спб. 1885; Славянская Кормчая, В. В. Качановскаго (Изв. отд. рус. языка и словесности Им. Ак. Наукъ, 1897, IV). Обратимъ здѣсь вниманіе на выраженіе μάστις—ремень, плеть, переданное словомъ колань (60), и на ослѣпленіе (57).

По смерти Ярослава сдѣланы были дополненія къ Русской Правдѣ (при Изяславѣ I), постановленія о торговлѣ и нормѣ процентовъ (при Владимірѣ Мономахѣ), вызванныя между прочимъ господствомъ евреевъ въ Кіевѣ при Святополкѣ. Несогласія, возникавшія вслѣдствіе княжескихъ отношеній, привели къ необходимости общихъ совѣщаній—съѣздовъ (1097—въ Любечѣ, 1100—въ Витичевѣ); но они не прекратили раздоровъ, сопровождавшихся убійствами, ослѣпленіемъ и вмѣшательствомъ кочевниковъ. Результатомъ этихъ отношеній было ослабленіе связи Новгорода съ Кіевомъ и неоднократныя разоренія послѣдняго.

Герцбергъ справедливо отмѣчаетъ ту гнусность, какою отличалось у византійцевъ карательное правосудіе, которое довело до безпримѣрнаго распространенія позорную систему членовредительныхъ наказаній, особенно ослѣпленія.... При самомъ цивилизованномъ дворѣ тѣхъ вѣковъ за политическіе проступки наказывали плетьми и палками высшихъ сановниковъ, духовныхъ лицъ и дамъ, и это считалось самою обыкновенною вещью и нисколько не измѣняло ихъ общественнаго положенія (Исторія Византіи, 89). Смѣсь религіознаго суевѣрія и жестокости представляютъ отношенія импер. Θеодоры къ мужу ея Θеофилу (по смерти) и п. Іоанну VII (Успенскій, Ж. М. Н. Пр. 1890, № 1, с. 1—16).

Въ Византіи ослѣпленіе, какъ грубое, такъ и утонченное практиковалось постоянно (Гиббонъ, VII, 65, 73). Знаменитая Ирина охотно прибѣгала къ этому средству (Визант. Времен., IV, 419). Въ 39 гл. Номоканона мы постоянно встрѣчаемся съ отсѣченіемъ членовъ, сожженіемъ и ослѣпленіемъ (Славянская Кормчая, В. В. Качановскаго, Изв. Акад. Наукъ 1897, IV, 1089—1090). Послѣ неудачнаго похода на Константинополь въ 1043 г., русскіе, захваченные въ плѣнъ, были ослѣплены („и слѣпиша Руси много", Лавр. 151; ср. 219; Синод. Новгород. 183)—гекатомба, достойная восточнаго деспота, а не христіанской державы. Послѣ этого ничего нѣтъ удивительнаго, если подобные факты творились въ другихъ, менѣе цивилизованныхъ странахъ. Такъ, напр., поступаютъ норманны и датчане въ Галліи и Англіи (Тьерри, I, 134, 136, 151, 266; II, 43, 61, 73, 95, 132, 156), импер. Фридрихъ II въ Италіи (Гиббонъ, VI, 380—381), а въ числѣ на-

казаній въ Англіи въ періодъ X—XII в. встрѣчаемъ изувѣченіе носа, ушей и губъ и вырываніе глазъ (Спенсеръ, Англія, 37). Выкалываніе глазъ во время борьбы партій въ Римѣ было обыкновеннымъ явленіемъ (Gregorovius, Gesch. d. Stadt Rom im Mittelalter, II, 360, 361, 372, 525; III, 43, 45, 200, 244, 311, 385, 423, 453, 460). Этотъ родъ преслѣдованія и казни противниковъ былъ весьма распространенъ и на Руси, съ однаковымъ ожесточеніемъ въ Кіевѣ, Суздалѣ, Новгородѣ и Москвѣ (Лавр. 253, 365—366; Новгор. Синод., 54, 154, 278) и хорошо извѣстенъ, начиная отъ Василька до Василія Косаго и Василія Темнаго включительно.

Архіеп. Даніилъ II сербскій въ своемъ „Родословѣ" говоритъ: „благоч. краль Урошъ ослѣпилъ сына своего *возлюбленнаго* Стефана" и „*христолюбивый* сынъ схватилъ *возлюбленнаго* отца и ослѣпилъ" (Ист. Сербіи, Качановскаго, 21). Трудно совмѣстить въ нѣсколькихъ строкахъ столько христіанскихъ и нехристіанскихъ понятій, какъ совмѣстилъ здѣсь архіепископъ—лѣтописецъ (ср. ослѣпленіе въ 1440 г. султ. Амуратомъ сыновей Юрія I Бранковича, Стефана и Григорія, ibid., 73).

Въ ряду кіевскихъ князей до нашествія татаръ успѣлъ пріобрѣсть несомнѣнное значеніе Владиміръ Мономахъ—этотъ „братолюбецъ, нищелюбецъ и добрый страдалецъ за Русскую землю", по выраженію лѣтописца [1]). Можно было думать, что ему удастся объединить распавшіяся части. Дѣйствительно, къ концу его правленія значительная часть Руси была во владѣніи его семьи, а впослѣдствіи жители разныхъ областей не хотѣли даже идти противъ его потомства [2]). Сынъ его Мстиславъ В. достойно поддерживалъ политику отца, тѣмъ не менѣе ему не удалось предупредить вражды въ собственномъ родѣ и послѣдовавшей за-

---

[1]) Ипат. лѣт., 208. Впрочемъ ср. Карамзинъ (II, 93).

[2]) Ипат., 243, 250, 259. У насъ до сихъ поръ нѣтъ надлежащей монографіи о немъ. О Владимірѣ Мономахѣ см. И. В. Лашнюковъ (Унив. Изв. 1873, № 11); С. Протопоповъ (Ж. М. Н. Пр. 1874, № 2); Владиміръ Мономахъ и его заботы о благѣ русской земли, Вл. Ляскоронскаго (Кіевъ, 1892). Профессоръ Кембриджскаго унив. и членъ Королев. истор. Общ. Вратиславъ, родомъ изъ славянъ, издалъ въ 1879 г. брошюру о Владимірѣ Мономахѣ (Wladimir Monomachus Grand prince of Kiew, by Wratislaw, Lond. 1879), содержащую въ себѣ краткій очеркъ жизни Владиміра Мономаха по Лаврент. лѣт. съ длинными выписками изъ его завѣщанія. Этотъ памятникъ особенно поразилъ автора, какъ необыкновенное явленіе эпохи, не отличавшейся просвѣщеніемъ. Сравнивая Мономаха съ другими современными князьями Западной Европы, извѣстными книжною мудростію, онъ отдаетъ предпочтеніе русскому князю. Имя Владиміра Мономаха, по словамъ русскаго книжника, пользовалось обаяніемъ въ Византіи и на Западѣ (Слово о погибели русской земли).

тѣмъ усобицы. Но особенно было пагубко для Кіева вторженіе войскъ двухъ сѣверныхъ князей—Юрія Долгорукаго (1150—54) и Андрея Боголюбскаго (1169), давшихъ окончательный перевѣсъ праву завоеванія. Послѣ этого въ Кіевѣ смѣняется рядъ князей разныхъ линій (волынскіе, смоленскіе, черниговскіе), прочность которыхъ на престолѣ преимущестенно зависѣла отъ подчиненія ихъ сузд. князю Всеволоду Юрьевичу, а наступившія затѣмъ усобицы привели къ тому, что, въ самый годъ взятія Кіева Батыемъ, въ немъ сидѣлъ намѣстникъ Даніила Романовича Галицкаго. Торжество Батыя было результатомъ той же политики князей, основанной на взаимномъ недовѣріи и соперничествѣ; но къ этому присоединяются еще значительно осложнившіяся отношенія къ сосѣднимъ государствамъ.

IV.

Мы видѣли, что почти одновременно съ отношеніями къ Византіи возникаютъ сношенія Россіи съ Западомъ. Вскорѣ уже по принятіи христіанства (959—60), Ольга обращается къ импер. Оттону I съ просьбою о присылкѣ ей епископа. Такимъ образомъ прибылъ въ Россію еп. Адальбертъ, но миссія его не имѣла успѣха. [1]). Затѣмъ мы встрѣчаемъ русскихъ пословъ на Кведлинбургскомъ сеймѣ въ 973 г. [2]), при Ярополкѣ [3]), а по свидѣтельству русскихъ лѣтописей къ нему приходили послы (979 г.) изъ Греціи и Рима; въ 986 г. приходятъ и „нѣмцы изъ Рима“—къ Владиміру [4]); въ 988 г.—являлись изъ Рима въ Корсунь послы съ мощами [5]); подъ 991 г. упоминаются опять

---

[1]) Объ этомъ событіи говорятъ продолжатель Регинона и др. западныя лѣтописи (Шлецеръ, III, 445—460). Отношенія Руси къ церкви римской при кн. Владимірѣ, И. И. Малышевскаго (Тр. Кіев. дух. ак. 1863, I, 126—141).

[2]) Lambertii annales (Pertz, III, 65). 6481 (973): „Нача княжити Ярополкъ“ (Лавр. л., 72).

[3]) Расположеніе Ярополка къ христіанству—извѣстно. Онъ оставался при Ольгѣ, былъ женатъ на „грекинѣ“, которая притомъ прежде была монахиней: „бѣ бо привелъ ю отець его Святославъ и вда ю за Ярополка, *красоты ради лица ся*“. (Лавр, 73—74); но крещенъ онъ не былъ. 1044. „Выгребоша два князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля и крестиша кости ею и положиша я въ церкви св. Богородица“ (ib.).

[4]) Лавр., 83. Въ Римѣ рано обратили вниманіе на славянъ (Gregorvius, II, 151; III. 414, 428, 545). Изображенія ихъ встрѣчаются и въ церковной живописи.

[5]) Никон. лѣт., I, 62, 68, 92.

послы изъ Рима [1]); а въ 994 г. Владиміръ отправилъ пословъ въ Римъ [2]). Въ 1000 г. снова прибыли послы изъ Рима и отъ королей польскаго и угорскаго, послѣ чего читаемъ въ лѣтописи: „посла Владиміръ *гостей своихъ аки въ послѣхъ въ Римъ*, а другихъ въ Іерусалимъ и въ Египетъ и въ Вавилонъ соглядати земель ихъ и обычаевъ ихъ“. [3]) Не стояло ли это важное посольство въ связи съ общимъ вѣрованіемъ о кончинѣ міра съ наступленіемъ 1000 лѣтъ отъ Р. Х., которое ожидалось человѣчествомъ съ такимъ страхомъ, какъ ни одинъ годъ ни до, ни послѣ того? По выраженію одного церковнаго писателя въ продолженіе X вѣка Христосъ почивалъ въ своей церкви; XI вѣкъ Его пробудилъ [4]). Древній русскій лѣтописецъ упоминаетъ (подъ 996 г.) о мирныхъ отношеніяхъ Руси при Владимірѣ съ Чехіей, Польшей и Венгріей [5]). Связь эта была скрѣплена бракомъ Владиміра съ „чехиней [6])“ и Святополка—съ дочерью Болеслава [7]). Въ 1008 г. Владиміръ принималъ западнаго миссіонера, архіеп. Бруно-Бонифація, который имѣлъ извѣстный успѣхъ среди печенѣговъ и достигъ заключенія мира между ними и Русью [8]). На пути сюда и обратно онъ посѣтилъ Болеслава I Храбраго, по внушенію котораго ходилъ къ венграмъ и пруссамъ. Сынъ Владиміра, Святополкъ (собственно Ярополковичъ [9]), княжившій въ Туровѣ, былъ женатъ на дочери послѣдняго—и вотъ нѣсколько позже является здѣсь Рейнбернъ еп. колобрежскій, который дѣятельно велъ пропаганду въ удѣлѣ Святополка. Но онъ участвовалъ, по внушенію

[1]) Никон. лѣт., I, 104, 106.

[2]) Ibid., 106. Въ 991—92 гг. въ Кіевъ приходили послы изъ Польши и Чехіи (104, 105).

[3]) Ibid. 111.

[4]) Gregorvius, III, 414, 507, 509. Въ X вѣкѣ господствовало повсюду мнѣніе о приближеніи кончины міра. Многія хартіи начинаются словами: „Такъ какъ міръ приближается къ концу“ (Hallam, M. A., гл. VIII, 1056; Спенсеръ, Англія, 211).

[5]) Лавр. лѣт., 124.

[6]) Ibid. 78. Мать Вышеслава.

[7]) Макарій, I, прим. 404—408, 413.

[8]) Гильфердингъ (Рус. Бесѣда 1856, кн. I); Н. Н. Оглоблинъ (Унив. Изв. 1873, № 8); Ваттенбахъ (Geschichtsquellen, I, S. 355—53); О дѣятельности Брунона въ Россіи см. также František Hybl (Česc. Časopis histor. 1898, IV).

[9]) Лавр. лѣт., 77: „Володимеръ же залеже жену братню грекиню, и бѣ непраздна, отъ нея же родися Святополкъ. Отъ грѣховнаго бо корени золъ плодъ бываетъ.... Бѣ бо отъ двою отцю, отъ Ярополка и отъ Володимера“.

Во 2-ой Псков. лѣт.—опредѣленнѣе: „Володимиръ поя жену брата своего. Она же бѣ тогда непраздна“ и т. д. Ср. В. Лѣствицынъ, Объ отцѣ кіев. князя Святополка (Яросл. Губерн. Вѣд. 1854, № 39). Нѣск. словъ за Святополка. Погодина (Тр. Моск. Общ. ист., VI).

Болеслава, въ подстрекательствѣ Святополка противъ отца. Узнавъ объ этомъ, Владиміръ захватилъ сына, невѣстку и епископа и заключилъ ихъ въ тюрьму, гдѣ послѣдній и умеръ [1]). Нѣкоторые нѣмецкіе историки (Gfrörer, Kirchengeschichte) въ послѣдующихъ войнахъ Болеслава съ Русью видятъ религіозныя стремленія, которыя, однако, только укрѣпили связь послѣдней съ Византіей [2]).

М. Иларіонъ прекрасно выразилъ все значеніе Руси при первыхъ ея князьяхъ. „Похвалимъ же и мы, говоритъ онъ, по силѣ нашей, малыми похвалами великія и дивныя дѣла сотворившаго, нашего учителя и наставника, *великаго кагана* нашея земли, Владиміра, внука *стараго* Игоря, сына же *славнаго* Святослава, которые, владычествуя въ свое время, мужествомъ и храбростью прослыли во многихъ странахъ и поминаются въ нихъ. Не въ худой бо и не въ невѣдомой странѣ владычествовали, но въ русской, которая извѣстна и *славится* во всѣхъ концахъ земли“ [3]).

V.

Тѣмъ не менѣе отношенія къ Западу не прекращались. Борьба Ярослава съ Святополкомъ вызвала сношенія его съ импер. Генрихомъ II и войну съ Болеславомъ I польскимъ [4]). Вел. кн. Изяславъ I вступаетъ въ сношенія съ Болеславомъ II [5]), а потомъ бѣжитъ къ Генриху IV, подноситъ ему богатые дары и проситъ у него защиты. Результатомъ этого было посольство трирскаго духов. сановника Бурхарда [6]) въ Кіевъ.

---

[1]) Титмаръ, кн. VII, гл. 52 (у Белёвскаго, Monum. I, 310). Война Святополка съ Ярославомъ описана у Титмара (кн. VIII, гл. 16) и сюда же относится сага Эймунда (Сочин. Сенковскаго, т. V; Библ. для Чт. 1834, т. II); другой переводъ ея въ Учен. Зап. Моск. университета.

[2]) О латинскихъ проповѣдникахъ на Руси Кіевской, А. Д. Воронова (Чтен. въ Общ. Нестора лѣт., I, 1—21); о Брунонѣ статья Гильфердинга (Рус. Бесѣда, 1856 г., кн. I); Ѳ. Фортинскій, Крещеніе кн. Владиміра и Руси по западнымъ извѣстіямъ (Чт. въ Общ. Нест. лѣт., II, 95—128).

[3]) По изд. Пономарева, 70.

[4]) Титмаръ (ibidem). Соображенія Карамзина (II, 10).

[5]) Сынъ Маріи-Доброгнѣвы, дочери Владиміра, женатый на русской княжнѣ (сводъ извѣстій у Карамз. II, пр. 121).

[6]) Онъ приходился шуриномъ одному изъ Ярославичей (Карамзинъ, II, прим. 48 и 128). По мнѣнію Малышевскаго ходилъ въ Римъ Ярополкъ Изяславовичъ (Отчетъ о XXIV присужд. наградъ гр. Уварова, 111). Памятникомъ отношеній Изяслава къ Польшѣ служитъ свидѣтельство о палліумѣ (омофорѣ), присланномъ имъ на

По словамъ русскаго и нѣмецкаго лѣтописцевъ, нѣмцы удивлялись богатствамъ, показаннымъ Святославомъ и посланнымъ императору [1]). Не достигнувъ же цѣли, Изяславъ послалъ сына своего къ папѣ Григорію VII, призналъ его власть надъ Россіею и жаловался на Болеслава, разгромившаго Кіевъ. По этому поводу папа писалъ имъ обоимъ, а по смерти Святослава, съ помощью поляковъ, Изяславу удалось занять (1076) великокняжескій престолъ [2]). Въ концѣ княженія его преемника—Всеволода Ярославича въ Кіевъ пріѣзжалъ посолъ папы Урбана II (1091), съ которымъ или съ антипапою Климентомъ III сносился кіев. митр. Іоаннъ II [3]). Въ это время Кіевъ является въ полномъ смыслѣ столицею Руси („то есть старѣйшій градъ въ земли во всей"), при взаимной солидарности отношеній власти и населенія [4]).

Въ XII и первой полов. XIII в. чехи, венгры и поляки принимаютъ постоянное участіе въ событіяхъ южной Руси [5]); но съ постепеннымъ упадкомъ Кіева отношенія эти, главнымъ образомъ, сосредоточиваются на Галичѣ. Все значеніе этихъ связей прекрасно понимали великіе князья. Владиміръ Мономахъ давалъ уже такой совѣтъ своимъ сыновьямъ: „боле же чтите гость, откуду же къ вамъ придеть, или простъ, или добръ, или солъ (посолъ), аще не можете даромъ, брашномъ и

гробъ св. Адальберта въ Гнѣзнѣ (Новооткрытое свидѣтельство о времени в. кн. Изяслава Ярославича, И. А. Линниченка, Арх. Изв. 1894 г., № 3, стр. 129 и № 11 стр. 329—337).—Критическій разборъ извѣстій о походахъ поляковъ на Русь и брачныхъ связяхъ въ изслѣд. Линниченка: „Взаимныя отношенія Руси и Польши до полов. XIV стол." К. 1884 г.

[1]) Объ этомъ пишутъ Ламбертъ Ашаффенбургскій (1075) и Сигбертъ изъ Гемблу (1073). Русскій лѣтописецъ говоритъ: „6583" (1075): „В се же лѣто придоша сли изъ нѣмець къ Святославу, Святославъ же, величаяся, показа имъ богатьство свое; они же видѣвше бещисленное множьство, злато, и сребро, и паволоки" и т. д. (Лавр. лѣт., стр. 192—193). О богатствѣ князей (69, 122—124, 167, 192, 329).

[2]) Карамзинъ, II, прим. 128—131; Hist. Russ. Monumenta, I, № 1.

[3]) Никон. лѣт., II, 192; Карамзинъ, II, прим. 162: „приде Ѳеодоръ, грекъ митрополитъ, отъ папы изъ Рима, и принесе много мощей святыхъ". Съ его именемъ соединяется принесеніе въ Кіевъ латинскаго сказанія о перенесеніи мощей св. Николая изъ Миръ-Ликійскихъ въ Баръ-градъ съ присоединеніемъ устныхъ разсказовъ объ этомъ, свидѣтельствующее о тогдашнихъ торговыхъ сношеніяхъ между Кіевомъ и Италіей (Голубинскій, I, 641—642). Другіе приписываютъ введеніе празднованія въ честь св. Николая въ Кіевѣ вліянію Варяговъ, имѣвшихъ пребываніе въ Бари, центрѣ византійской власти въ Ю. Италіи (Васильевскій, Ж. М. Н. Пр. 1875, № 3, с. 113—114).

[4]) Лаврент. лѣт., 222—223.

[5]) Карамз. II, 76, 77, 93, 113. 121, 141, 148, 154—155, 180, 184; III, 47—49, 56, 67; IV, 14 и др.

питьемъ: ти бо мимоходячи *прославять человѣка по всѣмъ землямъ*, любо добрымъ, любо злымъ" [1]). Въ 1-ой четв. XII в. Кіевъ посѣтилъ нѣмецкій монахъ изъ мон. св. Іакова и Гертруды за подаяніемъ и былъ щедро одаренъ княземъ и старѣйшинами; а въ 1148 г., кіев. кн. Изяславъ II принималъ чешскаго короля Владислава II, возвращавшагося изъ крестоваго похода по Черному м. и Днѣпру [2]). Въ 1151 г., въ бытность венгровъ въ Кіевѣ, жители его смотрѣли на искусныя конскія ристанія венгерскихъ наѣздниковъ [3]). Но болѣе крѣпкими связями въ этихъ отношеніяхъ служили—брачные союзы князей и торговля.

VI.

Мы не станемъ останавливаться на томъ, на сколько представляли интересъ брачныя связи съ инородческими князьями и ханами, хотя онѣ несомнѣнно облегчали для русскихъ сношенія съ Византіей и Востокомъ [4]). Сношенія съ Скандинавіей долго не прекращались. Какъ дружина, Варяги участвуютъ во всѣхъ важнѣйшихъ предпріятіяхъ и усобицахъ князей до Ярослава I.

Приливъ ихъ сюда заканчивается при Ярославѣ I (Лавр. лѣт., 3—7, 18—20, 22—23, 28—29, 44, 53, 74, 77, 127, 131, 137—140, 144, 145, 147). Профес. Томсенъ говоритъ: „1030 годъ можно считать приблизительно концомъ эпохи викинговъ, а въ 1043 г. варяги въ послѣдній разъ упоминаются въ качествѣ вспомогательныхъ полковъ въ русскомъ войскѣ" (114).

---

[1]) Лавр. лѣт., 237.

[2]) Васильевскій, Торговля Кіева съ Регенсбургомъ (Ж. М. Н. Пр. 1888, № 7); А. Ясинскій, Чеш. свид. XIV в. о рус. метал. производствѣ, с. 9. По смерти морав. князя Оттона, сынъ его Оттонъ съ 1126—41 г. жилъ въ Россіи (Карамзинъ II, пр. 282).

[3]) По поводу торжества Изяслава Мстиславича (1151) читаемъ въ Кіев. лѣтописи: „Изяславъ же отъ св. Софьи поѣха, и съ братьею, на Ярославль дворъ и Угры позва съ собою *на обѣдъ*, и Кияны, и ту обѣдавъ съ ними на велицемъ дворѣ на Ярославли и пребыша у велицѣ весельи; *тогда же Угре на фарехъ и на скокохъ играхуть, на Ярославле дворъ, многое множество.* Кыяне же дивляхуся Угромъ множеству и кметьства ихъ и комонемъ ихъ" (Ипат. лѣт., 288—289; ср. стр. 493, 507). Фарами, по Дюканжу, назывались лучшіе кони, въ особенности арабскіе (Карамз. II, пр. 333). Къметь-витязь, лучшій мужъ (Срезневскій, 1390). Скачки на коняхъ въ былинѣ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ пріурочиваются нѣкоторыми къ Новгороду (Труды Славян. ком. Моск. Арх. Общ., II, 9 и д.), но, быть можетъ, вѣрнѣе отнести ихъ къ Кіеву. Сербы и сами отличались въ подобномъ же искусствѣ (Качановскій, Ист. Сербіи, 73).

[4]) О бракахъ князей русскихъ съ грузинками и ясынями въ XII в., П. Буткова (Сѣв. Арх. 1825 г., ч. XIII). Особенно съ ханами половецкими (Соловьевъ, Ш, 9, прим. 30).

Гаральдъ норвежскій, сынъ Сигурда—послѣдній викингъ (Тьерри, I, 199). Въ своихъ походахъ на югъ, Гаральдъ поперемѣнно странствовалъ по сушѣ и по морямъ; его видѣли то пиратомъ, то викингомъ и варингомъ, какъ выражались на сѣверѣ. Онъ отправился служить на востокъ—въ Россію, потомъ, гонимый любопытствомъ, онъ попалъ въ Константинополь, притомъ онъ поэтъ и т. п. Подробно о немъ см. въ статьѣ Васильевскаго (Ж. М. Н. Пр. 1875, № 2, с. 403—425). Любопытно, что въ сагѣ о немъ говорится о птицахъ, зажигающихъ городъ (Ж. М. Н. Пр. 1875, № 2, 403—404).

Подъ Кіевомъ была „Варяжская пещера", близъ которой возникъ попотомъ Печерскій монастырь и въ которой найденъ былъ тогда же драгоцѣнный кладъ и сосуды латинскаго богослуженія (Патерикъ, CLXXI). На Днѣпрѣ находился Варяжскій островъ, упоминаемый еще въ 1223 (Лавр., 479); а море Варяжское (Балтійское) называлось этимъ именемъ и долго спустя (Карамз. IV, пр. 33; VII, прим. 383). Оно встрѣчается даже въ русскихъ и польскихъ актахъ XVI в.—XVII в. (Опис. рукоп. Арх. ком., Барсукова, 160; Сборн. кн. Оболенскаго, № VII, стр. 11). Полагаютъ, что означенная пещера (Варяжская) служила кладовой для варяжскаго гарнизона, стоявшаго въ с. Берестовѣ (Голубинскій, II, 544); но въ ней оказались, напротивъ, безчисленное множество золота и серебра и латинскіе (церковные) сосуды (Кіев. сказанія, CLXV—CLXXII),—богатство, на которое польстился даже одинъ изъ князей (Мстиславъ Святополковичъ).—Есть указаніе, что варяги имѣли свою церковь въ Константинополѣ—Варяжской Богородицы (Panagia Varangiotissa), которая находилась въ непосредственномъ сосѣдствѣ со св. Софіей, на западъ отъ нея (Belin, Hist. de l'église latine à Constantinople, P. 1872, p. 166; Schlumberger, L'épopée byzantine à la fin du X-me siècle, Paris, 1896, p. 723); но, какъ оказывается, это была церковь греческая, а не латинская (Ж. М. Н. Пр. 1875, № 2, с. 439—441) и самое названіе ея болѣе поздняго происхожденія (Виз. Времен. 1898, III, 503—504).

Сынъ Игоря Святославъ воспитывался Асмудомъ и Свѣнельдомъ. Въ числѣ пословъ Олега, Игоря и Святослава почти всѣ князья и послы изъ варяговъ. При Ярославѣ пришелъ Якунъ, варяж. князь, извѣстный своею золотой лудой [1]). Посадникъ въ Тмутаракани, а потомъ кіевскій воевода Ратиборъ—несомнѣнно также варягъ (сынъ его Оль-

---

[1]) „И бѣ Якунъ сь лѣпъ" (т. е. красивый), а не слѣпъ—слѣпой, „и луда бѣ у него золотомь истъкана". Онъ потерялъ ее въ битвѣ подъ Лиственомъ и ушелъ затѣмъ за море (Лавр., 144—145). Вспоминая Якуна, еп. Симонъ пишетъ по поводу

бегъ Ратиборовичъ) [1]. Одна изъ женъ Владиміра, сговоренная прежде за Ярополка, была варяжскаго рода, дочь Рогволода („бѣ бо пришелъ изъ за моря"), отъ которой родились: Изяславъ, Мстиславъ, Ярославъ, Всеволодъ и двѣ дочери [2]. Ярославъ женился на Ингигердѣ (Иринѣ, въ монаш. Аннѣ) [3]), дочери шведскаго короля Олофа, отъ которой произошли: Владиміръ, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Вячеславъ и Игорь, и кромѣ того три дочери [4]), изъ которыхъ Елисавета была въ супружествѣ съ Гаральдомъ, принцемъ, а потомъ королемъ норвежскимъ [5]). Сынъ Владиміра Мономаха—Мстиславъ женатъ былъ на Христинѣ, дочери шведскаго короля Инге Стенкильсона [6]). Ея дочери вступили въ брачные союзы: одна съ норвеж. королемъ Сигурдомъ, а послѣ съ датскимъ—Эрикомъ; другая съ Канутомъ св., кор. Оботритскимъ, отцемъ Вальдемара датскаго, быть можетъ, названнаго этимъ именемъ въ честь славнаго прадѣда Владиміра Мономаха [7]).

возникновенія Печерской церкви: „Бысть въ землѣ Варяжской князь Африканъ, братъ Якуна слѣпаго, *иже отбѣже златыя луды,* бьяся полкомъ по Ярославѣ съ лютымъ Мстиславомъ и сему Африкану бяше два сына: Фріандъ и Шимонъ. По смерти же отца его, изгна Якунъ обою брату отъ области его. Пріиде же Шимонъ къ благовѣрному князю нашему Ярославу, его же пріимъ въ чести имяше и дастъ того сынови своему Всеволоду, да будетъ старѣй у него. Прія же велику власть отъ Всеволода" (Кіев. сказанія, по изд. Яковлева, CXI—CXII и т. д.). О словѣ „луда" въ русскихъ лѣтописяхъ (1024), Шёгрена (Mém. de l'Acad.—1834, II); ср. Срезневскій—верхняя одежда, Словарь, II, 49). О слѣпотѣ Якуна и его златотканной лудѣ, Н. Ламбина (Ж. М. Н. Пр. 1858, XCVIII, 33—76: авторъ предлагаетъ чтеніе сь лѣпъ,—т. е. красивый, хотя и въ фотограф. изданіи лѣтописей Лавр. и Ипат. списковъ стоитъ слѣпъ, и въ XIII в. такъ читалъ это мѣсто еп. Симонъ. Мнѣніе Ламбина принимаетъ и архіеп. Филаретъ, не указывая источника (Рус. свят., 3-е отдѣл. 1865, с. 197). Якуна (Яковъ) сближаютъ съ Анундомъ Яковомъ, сыномъ и преемникомъ шведскаго короля Олофа (Скётконунга), братомъ Ингигерды, супруги Ярослава (Стрингольмъ, I 256)

[1]) Лавр.. 198, 219—220, 264.

[2]) Ibid, 74, 284, 285.

[3]) Соображенія о ней (Макарій, I, 187—189).

[4]) Самъ Олофъ жилъ одно время при дворѣ Ярослава, а сынъ его Магнусъ былъ воспитанъ здѣсь. Родственникъ Ингигерды посадничалъ въ одномъ изъ городовъ; а сыновья его Ульфъ (Улѣбъ) и Ейлифъ наслѣдовали его должность.

[5]) Объ отношеніяхъ его къ дочери Ярослава (Васильевскій, Ж. М. Н. Пр. 1875, № 3, с. 88—89); пѣсни въ честь ея Гаральда (№ 2, с. 441) Карамз. II, пр. 41.

[6]) Сводъ извѣстій у Карамзина, II, 19, прим. 45, 240; Изслѣд. Погодина, III, 96—107. Поправки о Христинѣ у Карамз. (II, прим. 241). Въ Синод. Новгор. л. подъ 1122 г.: „преставися Мстиславля (жена) Хрьстина" (стр. 122).

[7]) Карамзинъ, II, 99, прим. 241.

Въ Византіи долгое время враждебно смотрѣли на русскихъ, ставя ихъ зауряд съ хазарами и турками, съ которыми не слѣдовало вступать въ бракъ [1]; но, не считая Владиміра, мы имѣемъ нѣсколько брачныхъ случаевъ между русскими князьями и византійскими царствовавшими домами. Сынъ Ярослава—Всеволодъ былъ женатъ на греческой царевнѣ Аннѣ Константиновнѣ („мономахинѣ", 1046—1067) [2], отъ которой имѣлъ сына Владиміра (Мономаха) [3] и дочь Янку—(Анну), бывшую, какъ полагають, невѣстой Константина Дуки старшаго и потомъ ѣздившую въ Константинополь, откуда она привезла съ собою митр. Іоанна *скопца;*—это основательница Андреевскаго монастыря (1086) [4]. Другая дочь Всеволода, какъ указываютъ, была за царевичемъ Леономъ, сыномъ бывшаго импер. Діогена, погибшимъ на Дунаѣ, интересы котораго поддерживалъ Владиміръ Мономахъ (см. выше) [5]; а одна изъ дочерей Мстислава и Христины шведской была за греческимъ царевичемъ изъ династіи Комненовъ [6]. Дочь Володаря—за однимъ изъ сыновей импер. Алексія Комнена (1104) [7]. Въ 1194 г. Святославъ Всеволодовичъ кіевскій помолвилъ свою внуку Евѳимію (дочь Глѣба) за греческаго царевича [8].

При всей близости къ Византіи, основанной на религіозныхъ отношеніяхъ, браки съ ея правителями все-таки не были такъ часты, какъ можно было бы ожидать, вслѣдствіе, вѣроятно, политическихъ смутъ, которымъ нерѣдко подвергалась Восточная имперія; тѣмъ не

---

[1]) Const. Porph., De admin. imperii, c. 13; Stritter, I, 624.

Даже во время сватовства старшей сестры ц—ны Анны, Ѳеофаніи за сына и наслѣдника импер. Оттона I, греки отвѣчали Ліутпранду, что они не имѣютъ обыкновенія выдавать своихъ царевенъ за варваровъ (ср. Schlumberger, p. 626).

[2]) Лавр. лѣт., 157. „У Всеволода родися сынъ, и нарече имя ему Володимеръ, *отъ царицѣ гъркынѣ*". О ней стр. 213, 232, 254—255. Отъ второй жены, княжны половецкой (1068—1111) онъ имѣлъ сына Ростислава (князьПереяславскій) и дочерей.

[3]) Въ поученіи онъ называетъ себя сыномъ „Мономахини" (232), а позже лѣтопись называетъ его уже „прирокомъ (именуемый) Мономаха" (348, 481). „Володимеръ зовемый Мономахъ" (Ипат. л., подъ 1115 (201), 1126 (208), 1140 (217); 268, 454, 480, 497.

[4]) Лавр., 199, 201, 202, 255; Ипат. л. 144, 217. Такъ полагаетъ Васильевскій (см. ниже); ср. П. В. Безобразовъ (Ж. М. Н. Пр. 1889, № 29, с. 30).

[5]) Карамзинъ, II, 91, пр. 222. Разъясненіе недоразумѣній—В. Г. Васильевскій (Ж М. Н. Пр. 1875, № 12, с. 307—309).

[6]) Карамз. II, 99, пр. 242; Соловьевъ, II, 85, пр. 171.

[7]) Карамз. II, 85. прим. 209. Лавр. 270; Ипат. 206.

[8]) Ипат. лѣт. 457. Быть можетъ за сына Исаака—Алексія IV, говоритъ Карамзинъ (III, 56).

менѣе Византія передала извѣстныя политическія тенденціи, которыми пытались пользоваться князья суздальскіе, а съумѣли воспользоваться впослѣдствіи московскіе князья: лѣтописцы отмѣчаютъ князей, родившихся отъ „греческихъ царевенъ", а Владиміръ усвоилъ и прозваніе своего дѣда—императора Константина Мономаха [1]), какъ соотвѣтствовавшее его личной дѣятельности. Съ этими отношеніями тѣсно связывается вопросъ о „мономаховой шапкѣ" (вѣнцѣ), имѣющій свою литературу [2]), причемъ, на отнованіи археологическаго изученія предмета, нѣкоторые склонны признать этотъ вѣнецъ (безъ позднѣйшихъ прибавокъ) памятникомъ византійскаго искусства XI—XII вв.

Источникомъ этихъ извѣстій служитъ Степен. книга (I, 247), а въ другихъ сказаніяхъ уже прибавляется и крабійца сердоликовая, изъ коей пивалъ Августъ Кесарь, и др. вещи (Карамзинъ, VI, прим. 226).

Недавно Филимоновъ показалъ, что шапка I. Калиты восточнаго происхожденія и подарена была ему Узбекомъ (Чт. Об. исп. 1898, II, проток. 61; Арх. Изв. 1897 г., № 11, 358; Кремль 1898, № 5). Н. П. Кондаковъ (Русскіе клады, стр. 66—82; Рус. Древности, IV, 37—48; рисунокъ въ Ист. Вѣстн. 1899, № 2, с. 747) признаетъ Мономаховъ вѣнецъ абсолютно византійскимъ памятникомъ, но выполненнымъ не въ Константинополѣ, а въ М. Азіи, или на Кавказѣ, или въ Херсонесѣ, т. е. гдѣ византійское искусство соприкасается съ развитымъ арабскимъ орнаментомъ и, по нѣкоторымъ чертамъ его техники, относитъ къ XII вѣку. Д. Н. Анучинъ, въ своихъ возраженіяхъ послѣднему, считаетъ эти опредѣленія неточными и указываетъ на то, что объ этомъ памятникѣ нѣтъ свидѣтельства, относящагося къ Кіевской Руси, а сохранилось лишь позднее упоминаніе московскаго періода (Арх. Изв. 1897 г. № 5—6, с. 163—165; ср. Визант. Времен. 1898, I, с. 304—305).

VII.

Понятно, что отношенія къ западнымъ державамъ, вызванныя возвышеніемъ Кіева и чуждыя въ этотъ періодъ того религіознаго от-

---

[1]) Гиббонъ, V, 355-356.

[2]) Вельтманъ (Чт. Общ. истор. 1860, I, 30-44); Прозоровскій (Зап. Рус. Арх. Общ. по отд. рус. яз. и слов., III, 1882); ср. Терновскій, Изуч. визант. ист., II, 1876, 156-166; W. Regel, Analecta Byzant. russica, Petr. 1891, LX—XCVIII; И. Н. Ждановъ, Пов. о Вавил. (Ж. М. Н. Пр., 1891, №№ 9—10; Рус. былев. эпосъ, Спб. 1895); Д. Ѳ. Бѣляевъ, Byzantina, II, 1893, стр. 216, прим. 1; А. И. Соболевскій, Мономахова шапка и царскій вѣнецъ (Арх. Изв. 1897, № 3); Васильевскій (Ж. М. Н. Пр. 1875, № 12, 309—15).

чужденія, которое давало себя чувствовать въ позднѣйшее время, содѣйствовали болѣе частымъ брачнымъ связямъ съ сосѣдними и даже болѣе отдаленными державами. Лѣтописецъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что Владиміръ I былъ женатъ на варяжской княжнѣ, на грекинѣ, двухъ чехиняхъ и болгаркѣ [1]). Одинъ изъ сыновей Владиміра—Святополкъ былъ женатъ на дочери польскаго короля Болеслава Храбраго [2]); дочь Владиміра I Марія, названная Доброгнѣвою, была, за Казиміромъ I [3]). Мы упоминали о бракѣ дочери Ярослава I съ Гаральдомъ норвежскимъ. Другая его дочь Анна была, какъ полагаютъ, за Генрихомъ I французскимъ (1049), отъ котораго имѣла троихъ сыновей и по смерти котораго (1060) удалилась въ Санлизскій мон. (аббатство St. Vincent, основ. ею въ г. Senlis), а затѣмъ вступила въ новое супружество съ Раулемъ III гр. Крепи и Валуа, но продолжала вмѣстѣ съ сыномъ, королемъ Филиппомъ I, подписывать государственныя бумаги до 1075 (Anne, Agna regina, но есть и русская подпись на грамотѣ аббатству С. Крепи въ Суассонѣ—древнѣйшій образецъ русскаго письма) [4]). Бракъ этотъ обратилъ на себя вниманіе современниковъ, а въ послѣднее время, благодаря франко-русскому союзу, вызвалъ цѣлую литературу по данному вопросу [5]), и герцогъ Монпансье не преми-

---

[1]). Лавр. лѣт., 78.

[2]) Титмаръ, кн. VII; Карамзинъ, II, с. 1, прим. 1.

[3]) Лавр., 156; Карамз., II, 18, примѣч. 40.

[4]) Есть указаніе, что, по случаю сватовства дочери Ярослава, пріѣзжавшее. въ Кіевъ посольство (еп. шалонскій Рожеръ) интересовалось мощами св. Климента (Васильевскій, Торг. Кіева съ Регенсбургомъ, Ж. М. Н. Пр., 1888. № 7; Карамзинъ, II, прим. 32); по другимъ извѣстіямъ за невѣстою ѣздилъ епископъ москій Gautier Saveÿr, какъ равно не согласны и относительно года—1044, 1051; ср. A. de Glay, Les origines historiques de l'alliance franco-russe (P. 1897, pp. 15—24).

[5]) Карамзинъ, II, 19, прим. 42 (сводъ прежнихъ данныхъ); Изслѣд. Погодина, III, 98—99 (запись на одной рукописи—Псалтири Реймсской библ.). Мнѣніе Сисмонди, Histoire des Français, IV, 265—267 (ср. Учен. Зап. по II отд. Ак. Н. I, 190); Pr. A. Lobanow-Rostowski, Recueil de pièces historiques sur la reine Anne ou Agnes, épouse d'Henri I roi de France et fille de Iaroslaff I grand duc de Russie, по архивн. источн., съ документ., P. 1825 (авторъ не распространяется о происхожденіи Анны, а приводитъ только акты, касающіеся ея жизни); С. Русовъ, О супругѣ франц. короля Генриха I (Сынъ Отеч. 1824, чч. XCVI и XCVII; Маякъ 1844, т. XIV; авторъ относится къ этому дѣлу скептически). Къ портрету Анны Ярославны (Кіев. Стар. 1884, IX, 555—560, съ гравюрой; ср. Ист. Вѣст. 1885, XIX, 208—209); подпись кор. Анны на латин. актѣ русск. буквами (Арх. Изв. 1893, № 1, с. 25—26; № 2, с. 92; Ж. М. Н. Пр. 1894, № 3, с. 55 (замѣтка Леже); Anne de Russie reine de France, puis comtesse de Valois, par vicomte de Caix de Saint-

нулъ заявить, во время посѣщенія въ Кіевѣ Софійскаго собора (въ 1893 г.), что Ярославъ I его предокъ по дочери своей Аннѣ [1]). Третья дочь Ярослава—Анастасія вышла за венгерскаго короля Андрея I [2]). Изъ сыновей Ярослава—Изяславъ женился на сестрѣ Казимира польскаго, не смотря на то, что его родная тетка была за этимъ королемъ [3]). По нѣмецкимъ извѣстіямъ дочь Леопольда гр. Штадскаго, Ода, и гр. Орламиндскаго Кунигунда около полов. XI в. вышли замужъ за русскихъ князей, а потомъ возвратились въ Германію и вступили въ бракъ съ нѣмецкими принцами [4]). По извѣстіямъ польскимъ, Болеславъ II Смѣлый былъ женатъ на Вышеславѣ, дочери Святослава [5]). Дочь англійскаго короля Гаральда, убитаго въ Гастингскомъ сраженіи (1066), нашедшая убѣжище въ Даніи, была выдана (1074) за Владиміра Всеволодовича (Мономаха) [6]), когда онъ былъ еще княземъ смоленскимъ. Это первая жена Мономаха, отъ которой онъ имѣлъ нѣсколькихъ сыновей, въ томъ числѣ Мстислава и Ярополка, впослѣдствіи великихъ князей кіевскихъ. Достопамятный своею борьбою съ

Aymour, Senlis 1894 (въ Mélanges pour servir à l'histoire de pays qui forment aujourd'hui le département de l'Oise, P. 1895); зам. П. В. Голубовскаго (Кіев. Ст. 1896, №№ 7—8, стр. 12—16); Зап. Общ. Шевченка 1899, I, 6; В. А. Тимирязевъ, Франц. королева Анна Ярославна (Ист. В. 1894, LV, № 1, с. 198—209). Ant. Thomas въ одномъ изъ своихъ этюдовъ (въ сборн. Essais de philol. française, Paris, 1898, p. 444), утверждаетъ, что подпись кор. Анны на актѣ 1063 г. (подпись кириллицей „Ана Ръина") обнаруживаетъ желаніе ея написать не полатыни, какъ объясняли, а пофранцузски. Любопытно, что Меншиковъ въ 1725 г. (по смерти Петра В.) совѣтовалъ франц. послан. Кампредану ускорить вопросъ о бракѣ Елисаветы Петр. съ кор. Людовикомъ XV (при условіи перемѣны ею религіи), ссылаясь на бракъ Генриха I франц. съ дочерью Ярослава I (донес. Кампредона отъ 13 апр. 1725 г., Сборн. И. Рус. Ист. Общ., LVIII, 113). Собиралъ также матеріалы о Ярославѣ, о сношеніяхъ его съ иностран. державами и объ Аннѣ Ярославнѣ—А. А. Куникъ (Изв. Ак. Н. 1897, VI, № 2, с. 164; 1896, № 5, с. LXXV).

[1]) Исторія Вѣст. т. LV, № 1, 1894 г. и № 3, стр. 886.

[2]) Карамзинъ, II, 16, прим. 44.

[3]) Воскресен. лѣт.: „сей же Казимиръ дасть сестру свою за Изяслава, сына Ярославля". Въ древнемъ рукописномъ Патерикѣ (Синод. библ.) супруга Изяслава называется „ляховицею" (см. Карамзинъ, II, 20, прим. 46; Кіев. сказан., изд. Яковлевымъ, XVI).

[4]) Миллеръ оспариваетъ эти показанія („О двухъ брачныхъ сочетаніяхъ", Ежемѣс. соч. 1755, февр.), но Карамзинъ полагаетъ, что Ода была женою Вячеслава Яр., а Кунигунда—Игоря Яр., и что первая имѣла сына Бориса Вяч., воспитаннаго ею въ Саксоніи (II, 20—21, прим. 48).

[5]) Карамзинъ, II, 44, пр. 121.

[6]) Ibid., II, 20 и 99, прим. 45, 240, 241.

папою Григоріемъ VII— импер. Генрихъ IV былъ женатъ (вторично) на рус. княжнѣ (Агнесѣ или Адельгейдѣ), вдовѣ маркграфа Штадскаго, которая потомъ умерла игуменьею: одни считаютъ ее дочерью Всеволода [1]), а другіе—Изяслава [2]). Нѣмецкіе лѣтописцы сообщаютъ о ея несчастной жизни съ Генрихомъ [3]). Другая Евпраксія, дочь Изяслава Ярославича, была за сыномъ Болеслава II. отравленнымъ въ юности; дочь его сына—Святополка за Болеславомъ III Кривоустымъ [4]); дочь же Святополка, Предслава (1104), за сыномъ венгерскаго короля Коломана Ладиславомъ или Николаемъ, а самъ Коломанъ, уже въ старости женился (1112) на дочери Владиміра Мономаха—Евѳиміи, но, подозрѣвая супругу въ невѣрности, разошелся съ нею и Евѳимія возвратилась въ Россію, гдѣ родила сына Бориса, извѣстнаго своими приключеніями и неудачами [5]). Въ 1150 г. братъ вел. князя Изяслава Мстиславича Владиміръ ѣздилъ въ Угрію, гдѣ женился на дочери венгерскаго кор. Белы II Слѣпаго [6]); Святополкъ Мстиславичъ былъ женатъ

[1]) Карамзинъ, II, 60, примѣч. 157. У Всеволода были дочери: Анна, Евпраксія и Екатерина. Такъ какъ нѣкоторые изъ современныхъ лѣтописцевъ называютъ одну Праксед‹ою, то Карамзинъ считаетъ ее тождественною съ Евпраксіею. О ея постриженіи и кончинѣ въ Россіи упоминаетъ лѣтопись (Лавр., 271, 273). О кончинѣ въ Россіи другихъ его дочерей также занесено въ лѣтопись (объ Аннѣ-Янкѣ 199—202, 275; о Екатеринѣ, 273; Ипат. 144, 146, 186, 188, 197).

[2]) Бестужевъ-Рюминъ, принимая во вниманіе показаніе Татищева („Изяславъ вел. князь отдалъ дочь свою Параскеву въ супружество кн. Моравскому", II, 130), считаетъ ее женою Генриха IV, дочерью Изяслава (О составѣ рус. лѣт., прилож., с. 52). Васильевскій видитъ ее въ Евпраксіи—русской лѣтописи и при этомъ замѣчаетъ: „Судьба Всеволожихъ дѣтей замѣчательна, но еще замѣчательнѣе и удивительнѣе молчаніе объ этой судьбѣ нашихъ лѣтописей. По однимъ изъ нихъ Евпраксія была за Генрихомъ IV, германскимъ императоромъ, играла видную роль въ судьбѣ своего мужа, ею были заняты и папы, и кардиналы, ее видѣли при дворѣ Матильды Тосканской, ея именемъ наполнены современныя нѣмецкія, а также итальянскія лѣтописи и поэмы, а русская лѣтопись знаетъ только конецъ ея романическаго и трагическаго поприща: „въ се же лѣто пострижеся Еупраксія, Всеволожа дщи" (1106); „преставися Евпракси, дщи Всеволожа" (1109). Въ Аннѣ (Янкѣ) Всеволодовнѣ онъ видитъ невѣсту Константина Дуки старшаго, насильно постриженнаго, послѣ чего и она постриглась (Рус. виз. отрыв., Ж. М. Н. Пр. 1875, № 12, с. 298 - 299).

[3]) Карамзинъ, II, пр. 157; Грегоровіусъ, IV, 265.

[4]) Карамз. II, 60. 85; ср. прим. 209; Соловьевъ, II. пр. 162 (Сбыслава).

[5]) Ibid. II. 113—114. Объ образовательномъ значеніи этихъ связей см. замѣч. гр. А. К. Толстого (В. Евр. 1895, № 10, с. 652—655). О значеніи германск. и визант. вліянія на рус. историч. жизнь въ первые два вѣка ея развитія, Н. А. Попова (Моск. Унив. изв. 1871. № 1).

[6]) П. С. Р. Л., II, 300; Ипат. л., 283; Карамзинъ, II. 146, пр. 332.

на богемской принцессѣ, а сестра ихъ, Евфросинія, вышла за венгер. короля Гейзу III. Дочь Всеволода Мстиславича Верхуслава и дочери Всеволода Ольговича были за польскими герцогами. Всеволодъ Святославичъ(Чермный)женился на дочери кор. польскаго Казимира—Маріи [1]).

Браки эти, замѣчаетъ Погодинъ, прекратились уже при правнукахъ Ярослава, когда число русскихъ князей размножилось и стало возможнымъ дѣлать выборъ [2]); но вѣрнѣе, что прекращеніе ихъ слѣдуетъ объяснять наступившими историческими обстоятельствами южной Руси и, между прочимъ, значительно усилившимся съ обѣихъ сторонъ религіознымъ ригоризмомъ. Позже возникаютъ брачныя связи съ литовскими князьями. На этихъ связяхъ основывались часто политическіе союзы, но торговыя отношенія захватывали болѣе широкое поле.

VII.

На первыхъ страницахъ лѣтописи мы встрѣчаемъ характерное выраженіе о „пути изъ Варягъ въ греки", который такъ же хорошо былъ извѣстенъ лѣтописцу, какъ и путь изъ „Руси" по Волгѣ, въ Болгары, Хвалисы (на Каспійское море) и на востокъ въ жребій Симовъ [3]). Впослѣдствіи первый изъ нихъ прямо назывался „греческимъ" торговымъ путемъ [4]). О весьма раннихъ связяхъ Балтійскаго поморья съ Приднѣпровьемъ вплоть до Чернаго моря свидѣтельствуютъ значительныя залежи *янтаря*, находимаго въ бассейнѣ Днѣпра съ его притоками (точно такъ же, какъ по Нѣману и Вислѣ); а, съ другой стороны, замѣчательныя находки древностей въ окружности Балтійскаго моря. Въ греческой и римской литературѣ имѣется нѣсколько указаній на присутствіе янтаря въ предѣлахъ Скиѳіи. Существованіе же многочисленныхъ нахожденій янтаря въ юго-западной и западной Россіи, т. е. на всемъ пространствѣ, лежащемъ между древними греческими колоніями на берегахъ Понта и янтарнымъ берегомъ Замландіи, не исключаетъ возможности, что граждане Ольвіи ознакомились уже на нижнемъ теченіи Днѣпра съ этимъ драгоцѣннымъ веществомъ, на который они заявляли спросъ къ скиѳамъ, жившимъ выше по Днѣпру. Послѣ паденія Ольвіи (56 г. до Р. Х.), торговля эта продолжалась

[1]) Ипат., 215, 269, 414; Карамзинъ, II, 118, 119, 142; пр. 281, 282 и 322; III, пр. 77, 90, 222; Соловьевъ, II, пр. 262; Линниченко. 52—71.

[2]) Изслѣд., III, 97.

[3]) Лавр. лѣт., с. 6—7: ср. с. 77; Ипат. 52.

[4]) Ипат. лѣтоп., 360, 361, 370.

г. Пантикапеей (Керчь). Богатыя коллекціи ольвійскихъ монетъ и древностей, составляющихъ нынѣ достояніе Импер. Эрмитажа, находимы были по сухому пути изъ Ольвіи къ первой пристани на Днѣпрѣ, по близости р. Тясмина. Но янтарь былъ вывозимъ изъ Прибалтійскаго мѣсторожденія своего не только на югъ, но проникалъ также и на дальній востокъ. Остатки его были находимы на Камѣ, а въ VIII—X стол. нашей эры янтарь вывозился въ г. Болгаръ (на Волгѣ). при посредствѣ норманновъ. Изъ Болгара же янтарь, вмѣстѣ съ другими мѣстными произведеніями, шелъ въ Ховаресмію. Въ Новгородѣ одна улица называласъ Прусскою, какъ полагаютъ (Куникъ) потому, что здѣсь жили пруссы, которые промышляли важнѣйшимъ прусскимъ товаромъ—янтаремъ (указываютъ на родство русскаго слова янтарь черезъ алатырь, латырь-камень, и греческаго ἤλεκτρον, какъ происходящихъ отъ общаго утраченнаго корня, вѣроянно литовскаго; политовски янтарь—gentaras, gintaras—jentaras, jintaras).

Уже Геродотъ упоминаетъ о *соли*, добываемой въ лиманахъ Чернаго моря. Важное торговое значеніе соли на Руси сохранилось и въ позднѣйшее время: это видно напр.. въ названіи одного изъ путей („соляного“), шедшаго въ XII стол. отъ Кіева къ предѣламъ Византійской имперіи [1]), а также въ существовавшемъ потомъ промыслѣ *чумаковъ*, которые доставляли хлѣбъ въ приморскіе города [2]) и возвращались оттуда съ солью и рыбою [3]). По предположенію Садовскаго, означенная мѣновая торговля производилась еще въ IV вол. до Р. Х. [4]).

[1]) Прибрежные жители восточной Пруссіи во времена маркграфовъ и курфюрстовъ, въ видѣ платы за тягостную работу вычерпыванія янтаря, получали соль. О трудности и мѣстахъ добыванія соли (Генъ, Культур. растенія, 10, 321—322). Кіевъ иногда сильно нуждался въ соли (Патерикъ по изд. Яковлева, стр. cLIV—cLV). О восточномъ пути сбыта янтаря (Нидерле. 297. 333).

[2]) Промыселъ чумаковъ и въ полов. XVIII стол. совершался съ тѣми же пріемами (Р. Арх. 1898, № 12, с. 467).

[3]) Пантикапея и Ольвія сосредоточивали въ своихъ рукахъ всю хлѣбную и и рыбную торговлю восточной Скиѳіи. Въ древности изъ босфорскихъ гаваней вывозилось ежегодно 400,000 медимновъ хлѣба. Обычное изображеніе Деметры на монетахъ Ольвіи согласно съ почитаніемъ этой богини въ хлѣбородныхъ странахъ (Рус. Древн, I, стр. 2, 9—10, 16; IV, 6). О важности рыбной ловли для корсунянъ свидѣтельствуетъ договоръ 941 г. Въ 1783 г. Потемкинъ писалъ имп. Екатерины II: „Главные продукты крымскіе: пшеница и соль, долженствующіе обогатить сію область, мѣняются на сукно, матеріи и разныя мелочи“ (Ист. Рос. акад., V, 83).

[4]) О первобытномъ мѣстѣ нахожденія янтаря около Кіева, А. С. Роговича (Труды III съѣзда естествоиспыт. въ Кіевѣ, 1871 г. и Труды IV съѣзда естество-

Сюда, по словамъ Рубруквиса, ѣздили за солью отвсюду изъ Россія: пріѣзжаютъ, говоритъ онъ, не только сухимъ путемъ, но и моремъ [1]).

Изъ греческихъ поселеній особенно важны были, по своимъ сношеніямъ съ южной Россіей, Бѣлгородъ на р. Днѣстрѣ, Олешье на Днѣпрѣ, Корсунь (Херсонесъ). Руссія (Керчь), Таматарха (собственно τὰ Ματάρχα, Тмутаракань. Тамань) [2]) и Тана у устья Дона. Моментъ самаго большаго вліянія грековъ на южную Русь совпалъ съ началомъ паденія греческихъ торговыхъ колоній по побережью Чернаго моря и Азовскаго: ихъ мѣсто начали занимать здѣсь итальянцы (генуэзцы и венеціане). оживившіе торговлю на югѣ. Уже въ XII в. они получаютъ доступъ въ порты Чернаго м., а затѣмъ и Тана дѣлается складочнымъ пунктомъ, находясь на великомъ торговомъ пути изъ Средней Азіи въ Европу. Въ Олешьѣ. кромѣ грековъ, также проживали итальянцы: а изъ Таны и Олешья итальянцы могли проникать во внутренніе торговые центры южной Россіи. какъ напр.. Кіевъ [3]).

Обладаніе русскими Тмутараканью опредѣляется слѣдующими хронологическими данными. Мстиславъ Владиміровичъ (988—1022),—когда, послѣ побѣды надъ Редедею Косожскимъ заложилъ храмъ въ честь Богородицы, а въ 1024 г., послѣ побѣды надъ Ярославомъ (въ походѣ Мстислава принимали участіе хазары и косоги, въ качествѣ его конницы) - сѣлъ въ Черниговѣ. Поэтому справедливо полагаютъ, что появленіе Мстислава въ Тмутаракани стояло въ связи съ присоединеніемъ Владиміромъ Керчи (Брунъ. I. 120—121). Затѣмъ слѣдуютъ: Глѣбъ Святославичъ; 1064 г.— Ростиславъ Владиміровичъ, внукъ Ярослава I (выгнавшій Глѣба, выгнан-

---

испытателей въ Казани, 1874; J. N. von Sadowski. Die Handelsstrassen der Griechen und Römer durch das Flüssgebiet der Oder, Weichsel, des Dniepr und Niemen an die Gestade des Baltischen Meeres. Aus dem Polnischen v. Albin Kohn (Jena,1877). О нахожденіи янтаря въ предѣлахъ Россіи, Ѳ. П. Кеппена (Ж. М. Н. Пр., 1893, № 8, стр. 301—342). О днѣпровскомъ пути древн. грековъ къ Балт. морю, Ѳ. Г. Мищенка (Чтен. Общ. Нестора. II, 95—97).

[1]) Подробности объ этомъ пути у Бруна (Черноморье, I, 126—127). Онъ лежалъ рядомъ съ греческимъ путемъ сухопутьемъ къ Дону, а по Дону велъ въ Крымъ и къ Азовскому морю (Аристовъ, Промышлен. древней Руси, 187). Срезневскій говоритъ: „Вѣроятно торговыя связи были одною изъ главныхъ причинъ основанія княж. Тмутараканскаго на устьѣ Кубани“ (Изв. Ак. Наукъ, VIII, 314). По словамъ Рубруквиса русскіе давали за возъ соли по двѣ бумажныхъ ткани, которыя стоили $^1/_2$ гиперпера или констант. червонца.

[2]) О разныхъ формахъ этого имени (Голубинскій, I, 29).

[3]) Кіев. Стар., 1883. VI, 446—447.

ный имъ и снова водворившійся тамъ, а въ 1066 г. отравленный корсунскимъ котопаномъ (κατεπάνος), который былъ за это побитъ корсунцами камнями. Въ 1068 г. опять видимъ здѣсь Глѣба, который „мѣрилъ море по леду отъ Тъмутороканя до Кърчева (Керчи) 10 т. и 4 т. саженъ", какъ сказано на Тмутараканскомъ камнѣ, но въ 1074 г. онъ былъ уже въ Кіевѣ, а потомъ въ Новгородѣ, гдѣ и убитъ въ Заволочьѣ въ 1078 г. Въ 1077 г. здѣсь сидѣлъ Романъ Святославичъ (сынъ Святослава Ярославича). Сюда же бѣжали отъ враговъ -Борисъ Вячеславичъ (изъ Чернигова) и Олегъ Святославичъ (1077, 1078). Въ 1079 г. Романъ былъ убитъ половцами, а Олега хазары заточили въ Константинополь (онъ два года прожилъ на о. Родосѣ; паломникъ Даніилъ, проѣзжая мимо послѣдняго ок. 1112 г., припомнилъ о пребываніи здѣсь Олега, русскаго князя). Тогда Всеволодъ Ярославичъ посадилъ здѣсь посадника Ратибора; но въ 1081 г. Тмутараканью овладѣли Давидъ Игоревичъ и Володарь Ростиславичъ. Въ 1083 г. возвратился Олегъ и покаралъ хазаръ- совѣтниковъ за убійство своего брата. Указываютъ на одну монету, найден. въ Тамани, съ его христіанскимъ именемъ (Михаила, Древн. М. арх. общ., III, вып. 2). Въ 1094 г. Олегъ явился подъ Черниговомъ съ половцами и занялъ его. Съ этого времени прекращаются отношенія Руси къ Тмутаракани, гдѣ утвердились половцы (Лавр. лѣт., стр. 118, 143—145, 159, 160, 161, 193—195, 198, 218; Ипат. лѣт. по указ.; Карамзинъ, II, 54 и пр. 206; А. Мусинъ-Пушкинъ, Историч. изслѣд., о мѣстополож. древ. рос. Тмутаракан. княженія, 1794; Изслѣд. Тмутарак. камня съ русской надписью, Гр. Спасскаго (Отеч. Зап., т. XXXVI); Н. Арцыбышевъ и П. Кеппенъ (Тр. М. О. И. кн. IV и V); И. Бутковъ (Изв. Арх. Общ., II); Брунъ, Черноморье, I, 120 -124); Н. Ламбинъ, О Тмут. Руси (Ж. М. Н. Пр., ч. CLXXI); Д. И. Иловайскій, Разыск. о началѣ Руси, М. 1882, 333 -345; Васильевскій, Русско-визант. отрывки (Ж. М. Н. Пр. 1875, № 12, с. 295 -296). О тмутараканскомъ болванѣ, извѣстномъ Слову о полку Игоревѣ (Арх. Изв. 1898, № 7 8, с. 240). Въ XVI в. русскіе книжники смѣшивали уже Тмутаракань съ Астраханью (Карамзинъ, VIII, 136, 155, прим. 405); а историки XVIII стол. спорили о мѣстѣ ея нахожденія. О печати Ратибора (Труды III-го Арх. с., т. II; Кондаковъ, IV, 172).

Такимъ образомъ болѣе раннія торговыя сношенія Приднѣпровья съ Византіей теряются въ глубокой древности. Вслѣдъ за Георгіемъ Амартоломъ, древній русскій лѣтописецъ Скиѳію помѣщаетъ между Тавріей и Ѳракіей; а, перечисливъ славянскія племена Восточной Европы (вторично съ чудскими), онъ дважды замѣчаетъ: „сіи вси звахуся отъ грекъ Великая Скуѳь" [1]). Мы не станемъ утверждать, находилась ли на мѣстѣ

[1]) Лавр. лѣт., 2, 10. 12, 29.

Кіева нѣкогда греческая колонія Σαμβατίον, извѣстная по надписямъ греческаго Танаиса II—III в. по Р. Х. [1]). или другая подобная же колонія близъ Знаменки Екатеринославской г. [2]) Сохранилось еще преданіе, что на мѣстѣ Стеблева (мѣстеч. Кіев. губ.. Канев. у., при впаденіи ручья Хоробры и Боровицы въ р. Рось) стоялъ городъ, населенный греками [3]). Позже въ устьѣ Днѣпра находимъ г. Олешье, лежавшій на пути „въ греки", извѣстный по своей бойкой торговлѣ, служившій приманкой и для кочевниковъ, и для князей, во время ихъ распрей [4]). Русскіе купцы, ходившіе туда, назывались „гречниками", и князья не разъ выходили къ Каневу для охраны, гдѣ ожидали ихъ возвращенія [5]). Понятно, что въ Олешьѣ жило не мало грековъ [5]). Припомнимъ, что первый договоръ (912) былъ заключенъ „на удержаніе и на извѣщеніе *отъ многыхъ лѣтъ* межю христіаны и Русью *бывшюю любовь*". Все содержаніе этого договора, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о давно и прочно установившихся торговыхъ сношеніяхъ: въ немъ говорится о хожденіи „въ греки или съ куплею или въ солбу", какъ

[1]) Чтен. Общ. ист. и древн. 1895, II, протоколы, с. 6—7. Впрочемъ ср. Черноморье, Бруна (II, 287—88).

[2]) Гр. А. С. Уваровъ, Изслѣд. о древностяхъ Южной Россіи и береговъ Чернаго моря, 24—27; ср. В. В. Латышевъ, Изслѣд. объ Ольвіи, 222—24.

[3]) Статистическое опис. Кіевск. губ., изд. Фундуклеемъ, I, 516: Антоновичъ, Археол. карта, 97.

[4]) Соловьевъ, V, 1-е изд.. стр. 229—232; 403—405, примѣч. 312. Каневъ и Треполье были стоянками на пути въ Кіевъ по Днѣпру (Кіев. сказ., CXXI). Любопытно, что близъ Канева (Княжая гора) найдены были въ обиліи бронзовыя и желѣзныя вещи, множество предметовъ княжескаго періода, много золотыхъ и серебряныхъ серегъ кіевскаго типа, крестовъ изъ мрамора и крестовъ складней, извѣстныхъ подъ именемъ корсунскихъ (Кондаковъ и Толстой, Рус. Древности, V, 123. 134). Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что главное богатство открываемыхъ находокъ приходится на IX—XI стол., т. е. на эпоху разселенія и распространенія русскихъ славянъ по всему пространству Европ. Россіи, въ связи съ образованіемъ Русскаго государства (V, 4 .

[5]) Подъ 1084 г. въ двухъ спискахъ (Лавр. и Ипат.) читаемъ: „Давыдъ зая грькы въ Олешьи и зая у нихъ имѣнье" (Лавр. 199; Хлѣбн. и Погод., см. Ипат. сп 144), въ Радз. и Ипат. „гречники" (см. варіанты). Какъ извѣстно, по договору Игоря, русскимъ запрещалось зимовать въ устьѣ Днѣпра, въ Бѣлобережьѣ и у св. Елевѳерія (Лавр. 50).

Названіе Днѣпра нѣкоторые объясняютъ такъ: Ἰάναϊς, Βορυσθένης, т. е. Βορυς-ταναις, позд. Danapris вм. Tana-poris (откуда Днѣпръ); Днѣстръ—Danaster, Danastrus-Τανα-ἴστρος, Danubius—Tana-upi (Зап. Одес. Общ. ист., VIII, 12). Иное объясненіе см. у Бруна (Черноморье, II, 79). Имя Кіева пробовали объяснять на разные лады, примѣняясь къ этнографическимъ отношеніямъ (Москвитянинъ, 1845, I; Черноморье, II, 236—98; Чт. Об. ист. 1894, II, проток. 6—7) и др.

о дѣлѣ обыкновенномъ, о плѣнникахъ, купленныхъ и захваченныхъ на рати, о приходящихъ на службу къ царю и т. д. [1]). Въ свитѣ Ольги было 44 купца [2]); а въ бытность свою въ Константинополѣ она обѣщала прислать челядь (рабовъ), воскъ, мѣха, кожи (скъру) [3]). По словамъ Святослава изъ Руси вывозились на Дунай скора, воскъ, медъ и челядь, а изъ Византіи получались золото, паволоки (матеріи), вина и разныя овощи [4]).

Торговля рабами была спеціальностью славянъ и отсюда-то на Западѣ принято было называть ихъ sclavi, а не по созвучію словъ (нѣкоторыя соображенія см. въ „Разысканіяхъ" Д. И. Иловайскаго). Въ свою очередь греки и евреи такъ успѣшно вели эту торговлю на Западѣ (въ Италіи), что заставляли даже принимать противъ нихъ суровыя мѣры (Грегоровіусъ, II, 409—410). Біографы пражскаго епископа Войтѣха—Адальберта, Іоаннъ-Катапаръ и Бруно сообщаютъ, что этотъ епископъ сильно боролся противъ обычая чеховъ продавать христіанъ евреямъ, истощилъ свои средства на выкупъ продаваемыхъ, но не могъ всѣхъ выкупить и это было одною изъ причинъ, по которымъ огорченный епископъ рѣшился бросить Прагу и удалился въ Римъ (Monum. Poloniae historica, ed. Aug. Bielowsky, I, Lw. 1864, 169, 197; H. G. Voigt, Adalbert v. Prag, Berl. 1898). Веніаминъ Тудельскій говоритъ: „Богемія—начало Склавоніи, а евреи, тамъ живущіе, называютъ эту страну Ханааномъ, потому что туземцы продаютъ своихъ сыновей и дочерей всѣмъ народамъ, *такъ же, какъ и жители Руси*" (по изданію Марголина, 146). Тоже самое было въ Польшѣ, по словамъ М. Галла (Monum., 429). Подобный, глубоко укоренившійся, обычай былъ и въ Россіи. Масуди свидѣтельствуетъ, что „Борджане (Болгары) привозятъ грекамъ въ Константинополь дѣвицъ и отроковъ *изъ рода славянъ*" (Котляревскій, 08). И въ пѣсняхъ позднѣйшихъ грековъ славяне представляются рабами (Тьерри, Ист. завоев. Англіи, II, 79). Невольно при этомъ вспоминаются слова Святослава о Болгаріи: „яко есть середа земли моей, яко ту вся благая сходятся.... изъ Руси скора и воскъ, медъ *и челядь*". Но обычай этотъ, очевидно, не исчезнувшій и по принятіи христіанства, вызвалъ на обличеніе м. Іоанна II (1077—1088). Въ 22 правилѣ онъ укоряетъ купцовъ, которые продаютъ христіанъ—рабовъ *жидамъ и поганымъ* и совѣтуетъ имѣть этихъ купцовъ, какъ язычниковъ и мытарей (Рус. Достоп. III, 206). А одно изъ сказаній Патерика печерскаго сооб-

[1]) Н. А. Лавровскій (Мееод. юбил. сборн., Варш. 1885, стр. 11).

[2]) Stritter, II, 976—79.

[3]) Лавр. лѣт., 61.

[4]) Ibid., 66. Изъ плодовъ Даніилъ Паломникъ упоминаетъ смоквы, рожцы, финики, черешни (Сказ. рус. нар., 22, 28).

щаетъ, при какихъ условіяхъ велась эта торговля. Послѣ извѣстнаго погрома Печерскаго мон., нанесеннаго половецк. ханомъ Бонякомъ (по лѣтописи въ 1096 г.), препод. Евстратій былъ захваченъ съ 30 печерскими работниками и 20 кіевлянами въ плѣнъ, и всѣ они были проданы еврею въ Херсонъ, гдѣ велась весьма бойкая торговля христіанами, благодаря покровительству одного богатаго еврея, принявшаго христіанство и достигшаго сана эпарха. Многіе изъ этихъ плѣнныхъ умерли, а самъ Евстратій былъ распятъ на крестѣ; но вскорѣ вышелъ императорскій указъ о гоненіи противъ евреевъ, и тогда потерпѣли всѣ виновные въ этомъ дѣлѣ; мощи Евстратія въ то время не были найдены, но, по позднѣйшимъ печерскихъ преданіямъ, онѣ были откопаны впослѣдствіи и находятся въ пещерѣ (Патерикъ, поздн. изд.). О посредствѣ евреевъ въ продажѣ славянъ—рабовъ см. еще у Даниловича (ниже).

Въ древнемъ описаніи чудесъ св. Николая (мѣсто это относятъ къ пол. XI в.) читаемъ: „И всѣдъ на конь доѣха до торгу, идеже рустіи купци приходяще *челядь продаютъ*"[1]). Въ XII в. Веніаминъ Тудельскій видѣлъ русскихъ купцовъ въ Греціи, причемъ говоритъ, что они ловятъ соболей и торгуютъ невольниками [2]). По другимъ указаніямъ русскіе получали отъ грековъ дорогіе сосуды, богатыя одежды, ковры, сукна, сафьянъ, перецъ и предметы, относящіеся къ богослуженію и церковнымъ украшеніямъ, и, между прочимъ, грецкія губки, мраморъ, краски, мозаику [3]).

Хотя наши историки въ данномъ случаѣ принимаютъ (Соловьевъ, III, 48) еще Александрію, но здѣсь рѣчь идетъ о Русильонѣ, а не Россіи (Марголинъ, 132). Впрочемъ о сношеніяхъ съ Александріею есть указаніе въ печерскомъ Патерикѣ (Кіев. сказ., cxxxv).

Владиміръ I былъ похороненъ во мраморномъ гробѣ (Лавр., 128), а также Ярославъ I (158) и др. О перенесеніи его гроба (Кіев. Стар. 1898, № 2, стр. 7—8). На Западѣ погребеніе знатныхъ лицъ и святыхъ въ мраморныхъ гробахъ было обычнымъ (Тьерри, I, 86, 200, прим.; Стрингольмъ, I, 53). Но болѣе простыя лица хоронились иногда прямо въ берестѣ, какъ Никита Переяслав-

---

[1]) Москвитян. 1845. № 12 (замѣтка А. Горскаго), 140—142; ср. замѣч. Ключевскаго, Житія, 217—220. Самое повѣствованіе о трехъ чудесахъ 33, 34 и 40, какъ полагаютъ, записано было въ Кіевѣ лицомъ, бывшимъ въ Константинополѣ (Филаретъ. Обзоръ дух. литер., 23—24; ср. Памят. древ. писмен., № xxxiv).

[2]) Три евр. путеш. XI—XII в., изд. П. Марголина (Спб. 1881, стр. 260, 416).

[3]) Подробности у Аристова (Промышлен. древн. Руси, 183—185).

скій (Ключевскій, 46). Другіе обертывались въ бересту и потомъ клались въ гробъ, какъ смолен. князь Андрей Өедоровичъ, XIV в. (Филаретъ. Рус. свят. окт., 264). На сѣверѣ хоронили въ каменныхъ и дубовыхъ гробахъ (Стринггольмъ, II, 345, 346), какъ и въ Новгородѣ—изъ дерева (Синод. Новг. лѣт. 419; Новгор. лѣт. 89, 139, 277, 326); гробъ аспидный (194). Характеристическими особенностями славянскаго погребенія признаются дубовый гробъ, крышка изъ бересты, положеніе головою къ западу, отсутствіе копья и т. п. (Унив. Изв. 1900, № 1, с. 88). О мрамарномъ саркофагѣ Ярослава, по формѣ сходномъ съ современными константинопольскими (Кондаковъ, IV, 160-162). По близости Херсонесъ каменоломенъ нѣтъ. Онѣ были близъ Казачьей бухты (ibid. с. 4); объ изящныхъ херсонскихъ базиликахъ (IV, 18-21).

Византійскіе писатели говорятъ (1043), что въ силу заключеннаго договора и родства греческаго царскаго дома съ русскими князьями, русскимъ дозволено было отправлять свободно торговлю съ Греціей [1]), почему ихъ купцы безпрерывно бывали въ Константинополѣ [2]). Въ лѣтописи сообщается, что въ 1148 г. вел. кн. Изяславъ Мстиславичъ отправился къ брату своему Ростиславу въ Смоленскъ, гдѣ они пировали вмѣстѣ, а потомъ одарили другъ друга богатыми подарками: Изяславъ поднесъ Ростиславу дары русской земли и отъ всѣхъ царскихъ земель (т. е. греческихъ), а Ростиславъ далъ Изяславу дары, полученные изъ верховыхъ (сѣверныхъ) земель *и отъ варяговъ* [3]). Въ 1164 г., по поводу несогласія между императоромъ и вел. княземъ изъ-за поставленія митрополита, происходилъ обмѣнъ посольствами. Тогда импер. Мануилъ Комненъ прислалъ вел. кн. Ростиславу „окса-

---

[1]) Въ 1083 въ Кіевъ привезли мазанку греческіе купцы („приведоша и инѣхъ гостей много, иже быша оттуду, греци, путь шествоваше съ тѣми—мастерами"— Кіев. сказ., cxxi) и пожертвовали для украшенія церкви („иже бѣ принесли на проданіе"). А игум. Печ. мон. Варлаамъ завѣщалъ передать Өеодосію „яже бѣ купилъ въ Константинѣ градѣ, иконы и иное еже на потребу" (Карамзинъ, II. пр. 158, Патерикъ, xxvii). Никонъ также отдалъ „вся благая" по возвр. изъ Тмутаракани (Голубин., II, 486). Образа оковывались въ золото (Кіев. сказ., lvi, cvii); кованные сосуды и пр. (Макарій, II, 188); сосуды съ греч. надписями (Кондаковъ, V, 167).

[2]) Stritter, II, 1012 (Кедринъ и Зонара).

[3]) Лѣт. по Ипат. сп., 259. Есть указаніе (въ перепискѣ митр. Михаила Акомината изъ Хонъ), что русскіе мѣха (упоминается о шкурахъ бѣлаго зайца) еще въ 1204 г. доставлялись въ Константинополь; а писатель XII в. Іоаннъ Тцетцесъ говоритъ о коробочкахъ, выдѣлываемыхъ русскими изъ рыбьяго зуба (Васильевскій, Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ, Ж. М. Н. Пр. 1888, № 7).

миты, наволоки и разныя узорочья" [1]). Въ Олешье привозилось изъ Константинополя вино [2]). Благодаря этимъ сношеніямъ въ Россію переходятъ названія нѣкоторыхъ предметовъ греческой и восточной торговли.

Ф. И. Кругъ наволокы производитъ отъ babylonica —золотыя и шелковыя ткани, дѣланныя въ Вавилонѣ; золотникъ отъ solidi, золотая греческая монета (Критич. разыск. о древне-русск. монетахъ, Спб. 1810, стр. 59—69, 112—120, 141—151, 179—196, 207—280). Фофудьи (Лавр. 37, 276)—греческая матерія, изъ которой шились „кафтаны съ поясами", по однимъ (Палаузовъ), а по другимъ (А. Ѳ. Бычковъ, на основаніи Glossarium'а Дюканжа) слово фофудотъ первоначально означало восточную (вавилонскую) златотканную матерію, а потомъ одежду и золотое царственное облаченіе; нѣкоторые же понимаютъ подъ этимъ словомъ вообще одежду, ткань, верхнее платье (Лѣт. зан. Археогр. ком., V, проток. 169—171). Томсенъ наволоки сопоставляетъ съ норманскимъ pell—родъ парчи (24). Кириллъ Туровскій упоминаетъ уже о сахарѣ (Пам. Рос. словесн. XII вѣка, стр. 133) въ такомъ смыслѣ, что онъ ему былъ извѣстенъ. Такъ какъ сахаръ (тростникъ) происходитъ изъ восточной Азіи, то онъ удержалъ свое первоначальное названіе (санскрит. sakkara), при дальнѣйшемъ распространеніи, по всему западному міру (σάχαρ и saccharum, арабск. sukkar). Первое извѣстіе о выдѣлкѣ сахара въ области Евфрата находимъ въ исторіи Моисея Хоренскаго, а затѣмъ усовершенствованіе способовъ его обработки относится къ эпохѣ процвѣтанія Багдадскаго калифата, откуда сахаръ распространился и далѣе на западъ (Риттеръ, Сахарный тростникъ, Магазинъ землевѣд. и путеш. Фролова, I, 234—292).

Конечно болѣе раннія сношенія съ греками, предшествовавшія введенію христіанства, которыя далеко не представляются мягкими и въ послѣдующемъ періодѣ, содѣйствовали утвержденію общаго мнѣнія о нихъ, высказанному древнимъ лѣтописцемъ: „суть бо греци льстивы до сего дни" [3]).

[1]) Ипат. лѣт., 357—401. Ἑξάμιτον; оксамиты съ круженомъ (604) „яко же достоитъ царемъ". „Оловирь грѣцькій (541, 619)—шелковая тканая золотомъ матерія (Дюканжъ).

[2]) Ibid., 491. Здѣсь были постоянные греческіе купцы (Лавр. 199).

[3]) Радзивил., 67; Лавр. лѣт. 68 (въ Ипат. „мудри", 45); ср. Ипат. 358; Новгор. лѣт. подъ 1177; Карамзинъ, I, прим. 447; II, 181; III, 82. Дурная слава о грекахъ шла еще отъ древнихъ писателей (письмо Цицерона къ брату во время управл. его М. Азіей; Ювеналъ, сатира 3-я). Въ житіи ап. Андрея, напис. Епифаніемъ (VIII—IX в.), читаемъ: „Херсаки (херсонцы) народъ коварный и до нынѣшняго дня туги на вѣру, лгуны и поддаются влеченію всякаго вѣтра" (Кондаковъ, IV, 3). Ср.

Если степняки часто вредили этой торговлѣ, то нашествіе татаръ должно было произвести болѣе серьезное потрясеніе въ торговыхъ дѣлахъ и отношеніяхъ, но затѣмъ татары являются сами дѣятельными посредниками въ нихъ. По крайней мѣрѣ, уже въ XIV в. мы встрѣчаемъ извѣстія о торговлѣ русскихъ въ Скидайѣ (Судакъ) мѣхами и о вывозѣ оттуда дорогихъ тканей и пряностей; о пріѣздѣ русскихъ въ Крымъ за солью; объ уплатѣ извѣстныхъ пошлинъ татарамъ; о томъ, что русскихъ купцовъ можно было найти въ Кафѣ (Ѳеодосіи), Оцѣ (позднѣйшей Одессѣ) и Греціи [1]). Возможно, что на этихъ давнихъ сношеніяхъ Кіева съ Византіей возникли легенды о золотыхъ воротахъ въ Кіевѣ и Константинополѣ [2]); о волшебномъ зеркалѣ Льва Философа въ примѣненіи къ Владиміру св. [3]); „сказаніе о кіевскихъ богатыряхъ какъ ходили въ Царьградъ и какъ побили Царьградскихъ богатырей и учинили себѣ честь“, къ чему приплетаюся уже калики перехожіе, бывшіе въ Константинополѣ; сказанія о походѣ Владиміра Мономаха на Царьградъ за данью и о Мономаховой шапкѣ и т. д. [4]). Норманны часто называли русскихъ также греками [5]). Обратимся къ Западу.

VIII.

Въ извѣстномъ Раффельштеттенскомъ таможенномъ уставѣ 903—904 гг. напечатанномъ Пертцемъ (статья 6-ая), читаемъ: „Славяне, пріѣзжающіе изъ Ругіи или Богеміи для торговли, могутъ торговать вездѣ по берегу Дуная и по бассейну р. Роталы, а также въ Ридской Украинѣ съ тѣмъ однако-жъ, чтобы они платили за лошадь, навьюченную воскомъ, по

еще Политичні і торговельні взаемини Руси і Византиї в X і XI столітю. Др. Г. Величко (Зап. Тов. Шевченка, Льв. т. VI, кн. 2, 1895, стр. 1—36).

[1]) Рубруквисъ; Соловьевъ, IV, 258; примѣч. 446.

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1885, № 5 Легенды о золотыхъ воротахъ, А. Н. Веселовскаго.

[3]) Мелкія замѣтки о былинахъ, А. Н. Веселовскаго (Ж. М. Н. Пр. 1885, № 12, с. 188—189); Ждановъ (Рус. былев. эпосъ, с. 64, прим.).

[4]) Ждановъ, Рус. былев. эпосъ, 135—140. Легенда сообщаетъ о путешествіи Кія въ Константинополь (Лавр. л., 9). Илья Муромецъ знаетъ также Константинополь. Не на этихъ ли частыхъ сношеніяхъ основывались предсказанія волхвовъ въ Кіевѣ (1071) о перемѣщеніи земель русской и греческой, одной вмѣсто другой (Лавр. 170; Новгород. 1-ая, 104); напомнимъ еще сказаніе о кіевскомъ купцѣ Димитріѣ Басаргѣ и его сынѣ („и бысть съ нимъ рабовъ тридесятъ“). Памятн. старин. рус. литер. (II, 347—356).

[5]) W. Heyd, Gesch. des Levantehandels im Mittelalter, Stuttgart, 1879, S. 79.

2 мѣрки, изъ которыхъ каждая цѣнится въ одинъ скотецъ; съ клажи воску на одномъ человѣкѣ—по одной „мѣркѣ" въ ту же цѣну. Если же хотятъ продать *рабовъ* или лошадей, то они должны платить за рабыню (дѣвушку), ровно какъ и за жеребца, по тремисѣ; за раба же, какъ и за кобылу, по сайгѣ" [1]). Нѣмецкіе ученые (Гюльманъ, Вайцъ, Дюммлеръ, Кеммель и др.), а за ними и В. Г. Васильевскій принимаютъ терминъ Rugi въ смыслѣ „земли Руговъ" или Россіи, въ виду того, что вел. княг. Ольга Адальбертомъ Трирскимъ называется Helena regina Rugorum, а Ярославъ I у западныхъ лѣтописцевъ—Rex Rugorum. Правда, А. А. Куникъ не согласенъ съ этимъ толкованіемъ, главнымъ образомъ, потому, что въ числѣ предметовъ торговли русскихъ купцовъ упоминаются лошади [2]), но послѣднія сосоставляли необходимую принадлежность въ русскихъ войскахъ, начиная съ похода Олега [3]). Лошади служили для полевыхъ работъ [4]). Во время взаимныхъ нападеній половцевъ и русскихъ (а въ особенности этихъ послѣднихъ) обыкновенно захватывались большіе табуны овецъ, лошадей и верблюдовъ [5]). Поэтому весьма вѣроятно, что излишекъ военной добычи продавался на извѣстные рынки. Притомъ, въ названномъ уставѣ предвидится эта продажа лишь условно, быть можетъ изъ тѣхъ лошадей, на которыхъ доставлялись воскъ и др. предметы потребленія. Кромѣ того, Константинъ Багрянородный (De admin. imperio. c. 2) пишетъ: „Русь старается держать миръ съ печенѣгами, ибо покупаетъ у нихъ воловъ, коней и овецъ—всего этого нѣтъ въ Россіи".

Мы не входимъ въ подробности о кочевникахъ, господствовавшихъ въ южныхъ степяхъ. О нихъ см. И. Самчевскій: Торки, Берендѣи и

[1]) Monum. Germaniae. Leges, 1, p. 480. Тремиса=4 денар., $^1/_3$ сереб. солида, 1,19 нын. марки. Сайга=1 бавар. денарію.

[2]) Лѣт. зан. Арх. ком., VIII, 37–39. Объ оживленіи торговли въ X вѣкѣ и участіи въ ней евреевъ (Веберъ, VI. 163–164).

[3]) См. указатель къ Лавр. лѣт. (кони, комони). О большомъ количествѣ коней см. стр. 72, 159, 166, 200, 204, 207, 216, 229, 231, 236, 239, 240, 267, 268, 271, 294, 344, 362, 376 486; Ипат., 235, 290, 309. Во время голода русскіе ѣли конину (Новгор. Синод. лѣт., 24; Лавр. л., 343, 465).

[4]) Владиміръ М. выражается: „ево же кто ореть"; „начнетъ орати смердъ, и пріѣхалъ половчинъ, ударитъ й стрѣлою, а лошадь его поиметь" (Лавр., 267 подъ 1103 годомъ).

[5]) Ibid. 269. „Многъ полонъ взяша (половцы) скоты и конѣ" (287); ср. 322. Котянъ въ 1223 г., чтобы подвинуть русскихъ князей противъ татаръ, „дары принесе многи, кони, вельбуды, и буйволы, и дѣвки" (478).

Черные клобуки (по лѣтописямъ). Арх. ист. юрид. свѣд. II. кн. 1-я; П. В. Голубовскій, Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ, К. 1884 г.; Ир. Житецкій, Смѣна народностей въ южной Руси (Кіев. Стар. 1883, VI, 399—452). О куманахъ или половцахъ, Блау (Зап. Одесск. Общ. исторіи и древн. X с. 111 и д.); Отмѣтимъ только, что, послѣ перехода инородческихъ племенъ черезъ южную Русь (авары, болгары, угры) между VI и к. IX в., господство въ степи послѣдовательно принадлежало: хазарамъ (VIII—IX в.), печенѣгамъ (и узамъ) съ нач. X в.—до пол. XI в., половцамъ (куманы) со 2-ой пол. XI в.—до прихода татаръ. Преданія о союзныхъ дѣйствіяхъ славянъ съ аварами въ нападеніяхъ на Византійскую имперію быть можетъ отразились впослѣдствіи въ памяти объ аварскомъ ханѣ Боянѣ (Гиббонъ, VI, 166 и д.). Знаменитый половецкій ханъ Бонякъ, въ свою очередь, нашелъ мѣсто въ южно-русскихъ пѣсняхъ и преданіяхъ (Ждановъ, 442—453, 617). О немъ долго помнили и лѣтописи (Ипат. лѣтоп., 435). Любопытно еще „сказаніе о плѣнномъ половчинѣ въ Кіевѣ", которой былъ отданъ на поруки (о выкупѣ) св. Николаю, чтимому особенно здѣсь (Памятн. старин. литер., I, 71—73). Въ Печерскомъ мон-рѣ были и монахи—половцы.

Вполнѣ вѣроятно полагаетъ В. Г. Васильевскій, что русскіе купцы были лишь посредниками въ торговлѣ лошадьми [1]), которыхъ они получали отъ сосѣднихъ тюркскихъ кочевыхъ народовъ [2]).

Политическія связи съ Польшей и Чехіей содѣйствовали возникновенію торговли русскихъ и восточныхъ купцовъ (мусульмане и евреи) съ Краковомъ и Прагою, о которой свидѣтельствуетъ евр. путешественникъ X в. Ибрагимъ Ибнъ-Якубъ [3]); а изъ словъ Мартина Галла видно, что въ XI в. польскіе купцы ѣздили въ Россію. Мы упоминали уже, что въ первой четверти XII в. пріѣзжалъ въ Кіевъ монахъ изъ монастыря св. Іакова и Гертруды за подаяніемъ, а обратно онъ отправился съ нѣмецкими купцами, возвращавшимися отсюда. Изъ одной же монастырской записи видно, что во 2-ой полов. XII в. (1178—1180) жилъ въ Кіевѣ купецъ изъ Регенсбурга, ведшій зна-

[1]) Въ Рус. Правдѣ о коняхъ говорится наравнѣ съ др. домашними животными. Строгость же закона о преслѣдованіи за кражу скота имѣетъ общее значеніе на извѣстной степени быта, причемъ лошадь пользуется особеннымъ покровительствомъ (Гиббонъ, V, 94; Тьерри, Ист. завоев. Англіи, I, 108, 118)

[2]) Ср. Ѳ. П. Кеппенъ, Къ исторіи тарпана въ Россіи (Ж. М. Н. Пр. 1896, № 1); Д. А. Анучинъ, Къ вопросу о дикихъ лошадяхъ и объ ихъ прирученіи въ Россіи (ibid., №№ 6 и 7).

[3]) Извѣстія Аль-Бекри о славянахъ и ихъ сосѣдяхъ, Спб. 1879.

чительную торговлю, главнымъ предметомъ которой служили *мѣха*. Посредниками въ этомъ отношеніи, кромѣ того, были евреи, имѣвшіе свой кварталъ въ Регенсбургѣ и въ Кіевѣ, неудовольствіе противъ которыхъ по смерти Святополка (II) Изяславича, покровительствовавшаго имъ (1113) [1], выразилось разграбленіемъ ихъ дворовъ.

Еще при Владимірѣ I въ Кіевъ приходили евреи хазарскіе (986). Подъ 1124 г. евреи упоминаются, какъ живущіе на горѣ (Ипат., 207—208); а подъ 1146 г. и 1151 г. въ Кіевѣ называются Жидовскія ворота (Ипат., 232, 296). О пребываніи евреевъ въ Кіевѣ свидѣтельствуютъ также Ѳеодосій и Иларіонъ. По словамъ Нестора (ж. Ѳеодосія), Ѳеодосій имѣлъ обычай „многажды въ нощи", тайно отъ всѣхъ, ходить къ жидамъ и спорить съ ними о вѣрѣ, желая даже принять смерть отъ нихъ. О языкѣ евреевъ, жившихъ въ древнія время на Руси (А. Гаркави, Спб. 1866, изъ Труд. Вост. отд. Р. Арх. Общ.; Малышевскій, Евреи въ Ю. Руси). Можно полагать, что въ первое время (X в.) въ Кіевѣ бывали евреи—библеисты, позднѣйшіе караимы, выходцы изъ Азіи (черезъ Крымъ), но въ XI в. являются уже западные евреи—талмудисты съ тѣми характерными чертами торгово-промышленнаго класса, какими они даютъ себя чутствовать при Святополкѣ II (К. Стар., VI, 448). Есть указаніе на списокъ еврейскаго комментарія на Пятокнижіе, писанный въ 1094 г. въ Россіи и принадлеж. Ватикан. библ. (со словъ Ассемани, Малышевскій, 74). На Западѣ евреи славились врачебнымъ искусствомъ (Грегоровіусъ, VI, 667). Сомнѣнія о посольствѣ Владиміра къ хазарамъ по вопросу о вѣрѣ, вызванныя памятниками, сообщенными Фирковичемъ: „По поводу извѣстія Авраама Керченскаго о посольствѣ св. Владиміра къ хазарамъ", А. Я. Гаркави, Спб. 1876; Еврейскій документъ о посольствахъ св. Владиміра для испытанія вѣры, I. В. Берхина (Кіев. Стар. 1884, № 12—авторъ доказываетъ, что евреи жили въ Кіевѣ *до* и *во время* Владиміра); зам. Н. В. Голубовскаго, (ibid., 1885, № 3); Извѣстіе о евреяхъ въ Кіевѣ подъ 1018 г., Берхина (Восходъ, 1887, кн. 7—8); ср. зам. Г. Бараца (Тр. Кіев. Дух. акад. 1889 и 1891 гг.). Врачи-евреи въ Ю. Руси извѣстны до XV в. (Линниченко, Черты изъ исторіи сословій Ю.-З. Руси, 232). Враждебное отношеніе къ евреямъ на Востокѣ (въ пищѣ и т. п.) занесено было и въ Россію черезъ памятники церковной письменности (Лѣт. зан. Арх. Ком., III, 27, опись сборниковъ).

Нѣмецкіе же купцы и преимущественно евреи служили посредниками при передачѣ русскихъ мѣховыхъ товаровъ во Фран-

[1]) Ипат., 197—198; ср. Кіев. сказ., CLIV—LVI.

цію [1]); но были также и армяне [2]). До насъ дошли грамоты отъ этого времени, данныя Регенсбургу и Эннсу (на Дунаѣ) [3]), въ которыхъ упоминается о торговлѣ съ Русью (о нѣмецкихъ купцахъ ѣздившихъ туда и обратно), причемъ въ Кіевѣ закупались не одни русскіе товары, но и греческіе (шелковыя ткани, вина и т. п.). Въ Кіевѣ бывали и купцы изъ Вѣны [4]). Есть также указаніе на торговлю Аугсбурга съ Кіевомъ въ XI вѣкѣ [5]).

Уже къ концу XII в. относится жалованная грамота короля угорскаго Емерика Остригомскому мон., подтверждающая старинныя привилегіи, въ которой на первомъ мѣстѣ стоятъ купцы, приходящіе изъ Руси въ Пештъ, Остригомъ и др. мѣста и привозящіе съ собою мѣха. Купцы, торгующіе съ Русью, упоминаются и въ 1211 г. Нѣмецкіе же купцы, ѣздившіе въ Россію, подвергались иногда нападеніямъ со стороны русскихъ, на которыхъ жаловался импер. Конрадъ III (1142) своему союзнику и свойственнику, визант. импер. Калоіоанну

[1]) Васильевскій, Торговля Кіева съ Регенсбургомъ (Ж. М. Н. Пр. 1888, № 7 с. 21). О мѣховыхъ костюмахъ во Франціи въ XII—XIII вв. (Гизо, Ист. цивилиз. во Франціи, III, 120); у норманновъ (Стрингольмъ, I, 229, 231); въ Англіи (Тьерри I, 294, II, 60, 363). Знаменитый Θома Бекетъ славился множествомъ прекраснѣйшихъ иностранныхъ мѣховъ, куницъ, горностаевъ и т. п., говоритъ его жизнеописатель (ib. II, 363). Уже при Карлѣ VII во Франціи Жакъ Кёръ (Jaques Coeur), буржскій уроженецъ, *сынъ мѣховщика*, пріобрѣлъ огромное состояніе въ торговлѣ съ Левантомъ (Випперъ, Общ., госуд., культ. XVI в., Міръ Божій, 1897, № 3, с. 49).

[2]) На присутствіе армянъ въ Кіевѣ указываетъ посланіе Θеодосія грека къ Изяславу Мстиславичу (Макарій, Ист., церк., II, стр. 298), и уставъ бѣлечскій м. Георгія (Голубинскій, I. 510). Въ ж. преп. Агапита (Патерикъ, изд. Яковлевымъ, 132) говорится, что армянинъ—врачъ „научи на св. Агапита единовѣрникы своя дати ему смертоноснаго зелія“ (ср. Голубинскій, 708). О сарацинахъ упоминаетъ Θеодосій въ томъ же посланіи. Рѣчь конечно идетъ о восточныхъ магометанахъ.

[3]) Хотя у Даниловича (Рус. Истор. сборн. IV, Историч. взглядъ на древнее образованіе славянскихъ и преимущ. польскихъ городовъ до XIII стол., 166), сказано правильно „Энса“, но у Соловьева (III, 49), ссылающагося на него, ошибочно стоитъ Эмса вм. Энса.

[4]) Даниловичъ, стр. 247; Соловьевъ, III, 49.

[5]) Кеппенъ, Библ. листы, 1825, с. 489. Указываютъ на существованіе въ Кіевѣ въ XII стол. jus emporii et stapulae. droit d' étape, извѣстные въ Польшѣ подъ именемъ складовыхъ мѣстъ (Даниловичъ, 247), въ силу котораго иностранцы обязаны, были выгружать здѣсь свои товары для продажи мѣстнымъ купцамъ и жителямъ. Въ Кіевѣ находятъ менѣе скандинавскихъ древностей и болѣе мѣстныхъ и западно-славянскихъ (Ж. М. Н. Пр. 1899, № 8, с. 324). О подаркахъ Изяслава импер. Генриху IV упоминается въ современной нѣмецкой пѣснѣ.

(Іоанну Комнину), а потомъ его преемнику Мануилу [1]). Поляки и угры, повидимому, проживали въ Кіевѣ постоянно, что и естественно было при частыхъ политическихъ и семейныхъ связяхъ южно-русскихъ князей [2]), а о значеніи латинскаго элемента вообще говорятъ намъ и обличительныя сочиненія первыхъ русскихъ писателей (мм. Леонтія, Георгія, Никифора, иг. Ѳеодосія) [3]). Самый языкъ поляковъ не на столько былъ удаленъ тогда отъ русскаго [4]). Но въ русскихъ лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ прямыя указанія на пребываніе въ Кіевѣ „латины и гос-

[1]) Васильевскій, Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ.

[2]) Ипат. лѣт. 196, 279, 393 и др. См. по указателю къ Ипат. лѣт. (ляхи, угры.

[3]) Лядскія ворота упоминаются подъ 1151 г. и даже въ 1240 г. (Ипат. лѣт. 296, 520). На многочисленность поляковъ и вообще католиковъ (венгровъ, нѣмцевъ и др.) указываетъ извѣстіе о костелѣ св. Маріи, существовавшемъ во 2-й четверти XIII в., при которомъ около 1230 г. основали свой конвентъ Доминиканцы (Длуготъ, l. VI, p. 649; Малышевскій, Доминиканецъ Яцекъ Одровонжъ, Труды Кіев. Дух. акад. 1867, VI, 435). См. также буллу папы Григорія IX къ католикамъ въ Кіевѣ, 1230 (Histor. Russ. monum., I, № 39). Что же касается извѣстія (Новгор. Синод. 172): „а что гости иноземця *всякого языка* затворишася въ църквахъ и въдаша имъ животъ", то едва ли, какъ полагаютъ (Голубинскій II, 705–706; Грушевскій 19), здѣсь идетъ рѣчь объ иноземныхъ церквахъ. Вѣдь торговля пользовалась покровительствомъ церкви. На Западѣ вмѣстѣ съ храмовыми праздниками соединяются и ярмарки, преимущественно въ епископскихъ городахъ. Магдебургская ярмарка славилась съ 929 г., причемъ торговля производилась въ самомъ храмѣ, куда проникали и евреи. Аббатство Сенъ-Дени близъ Парижа привлекало множество купцовъ изъ разныхъ странъ со множествомъ товаровъ; Нюренбергъ сталъ извѣстенъ ярмаркой съ 1062 г. въ честь св. Себальда и т. п. (Даниловичъ, 244—245; ср. Тьерри, Исторія завоев. Англіи, II, 88; III, 97). Ср. Тр. III-го Арх. с., II, 59—61).

[4]) См. польскую молитву X в. (Рус. Стар. 1879, XXVI, 340). О множествѣ русскихъ словъ въ памятникахъ латино-польскихъ X—XI вв. (Древн. и Нов. Россія 1877, I, 412; ср. Ипат. лѣт. 357, 358); о латинско-нѣмецкихъ словахъ въ русской церковной письменности (Голубинскій, II, 288): Замѣчанія объ этимолог. особенностяхъ старин. языка польскаго, П. Лавровскаго (Уч. Зап. Ак. Н. по 2 отд. IV, 1—50); Бодуэнъ-де-Куртенэ, Къ исторіи польскаго языка до XIV вѣка, Лейпц. 1870. Въ древнихъ Памятникахъ употребляются скора (шкура, какъ почти сохранилось въ польск. языкѣ); година—часъ, пискупъ—епископъ и т. п. (Лавр. лѣт. 165–166. 245, 273); іезуитъ Скарга приводитъ рядъ словъ, которыя прежде употреблялись поляками (Меѳод. юбил. сборн., Варш. 1885, с. 86; ср. Кириллъ и Меѳодій, Н. Лавровскаго, тамъ же). „Древнѣйшіе памятники всѣхъ славянскихъ языковъ понятнѣе позднѣйшихъ", замѣчаетъ Бодянскій (Чт. Общ. ист. 1867, кн. III, Хорват. хроника, стр. VII). Такому же сближенію содѣйствовало и существованіе славянскаго богослуженія въ Польшѣ (см. Вѣстн. Археол. инст., X, 31–32; Изв. Ак. Наукъ 1898 г., IV. 1369–1370, по поводу изслѣдованія Гумпловича); W. Abraham, La première lutte entre l'église et l'état en Pologne, Bullet. de l'Acad. des sciences. Crac. 1895, pp. 147–151). Ср. Первольфъ, Славяне и ихъ взаим. отношенія, III, 3–12, 35 38.

тей", называемыхъ рядомъ съ другими классами общества (1175, 1203) и какъ, видно, игравшихъ значителную роль въ общественныхъ отношеніяхъ, а въ случаѣ княжескихъ междоусобій становившихся и жертвою послѣднихъ (въ 1175 г., при Ярославѣ Изяславичѣ)[2]). Въ „Словѣ о полку Игоревѣ", по поводу погрома, нанесеннаго въ 1183 г. вел. княземъ Святославомъ Всеволодовичемъ половцамъ, когда Кобякъ былъ приведенъ во дворецъ кіевскаго князя, читаемъ: „ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава, поютъ славу Святославлю"[3]). Въ „Словѣ о латинахъ", приписываемомъ теперь Θеодосію греку, читаемъ: „*исполнися и наша земля* злыя тоя вѣры людей"[4]). На раннія торговыя связи съ Западомъ указываетъ и весьма распространенное въ Россіи (Лавр. лѣт., гг. 885 и 964) названіе древней монеты шелягъ=англосаксонское scilling; такъ какъ народы обыкновенно называють вещи тѣмъ именемъ, какимъ назывались эти послѣднія на языкѣ націи, отъ которой они впервые узнали о нихъ, или научились употреблять[5]).

---

[1]) П. С. Р. Л., I, 156; III, 26; Лавр., 348. По поводу нападенія Рюрика съ Ольговичами и половцами на Кіевъ (1202) читаемъ: „а что гости иноземныя всякаго языка затворишася въ цьрквахъ и въдаша имъ животъ, а товары съ ними раздѣлиша на полы" (Новгор. 1-ая, 26). О многоязычіи въ Кіевѣ свидѣтельствуетъ и Патерикъ печерскій (по изд. Яковлева, cxxx, cxxxviii). Соображенія о степени распространенія греч. языка въ Кіевѣ—Лопарева (Ж. М. Н. Пр. 1897. № 6, 412—415).

[2]) „Попрода Ярославъ весь Кіевъ, игумены и попы, черньци и черницы, *Латину*, и затвору, *и гости*, и всѣ кыяны, и много зла сотворивъ Кыеву, поиде Чернигову" (Лавр., 348). Затворь—темница (Срезневскій, Словарь, I, 953), а не помѣщеніе затворниковъ, какъ думаетъ Голубинскій (II, 546).

[3]) Русск. Достопамят., III, 110.

[4]) Въ разсказѣ Поликарпа о Никитѣ затворникѣ представленъ инокъ, увлекшійся жидовствомъ и находившійся въ связи съ евреями (ibid, cxxviii—cxxix). Къ Лаврентію затворнику привели одержимаго бѣсомъ, который началъ говорить „жидовскы, потомъ латынскы, тоже греческы, и спроста рещи, всѣми языкы, ихъ же никтоже слышалъ" (ib., cxxx). Любопытное объясненіе, почему, больные говорятъ иногда на разныхъ языкахъ (Карпентеръ, Физіологія ума, II, 12—13): они, безъ сомнѣнія, слышатъ ранѣе подобныя рѣчи.

[5]) Кругъ, Критич. разыск. о древн. русскихъ монетахъ 268; Григорьевъ, Россія и Азія (167—168). Тѣмъ не менѣе необходимо имѣть въ виду слѣдующее замѣчаніе И. И. Срезневскаго: „щьлягъ—шелягъ, польское szeląg, тоже что готө. skillings, англо-саксон. scilling, древне-сѣв. scilingr, франц. escalin, итальян. scellino и т. д., съ греч. σικλα, латин. siclus". Щьлягь=греч. златницѣ, какъ видно изъ Судебника ц. Константина" (Чт. о рус. лѣт., 43). Въ Россіи находимы были и находятъ не только восточныя монеты (VIII—X вв.), но и западно-европейскія, главн. образомъ, англо-саксонскія (см. Кене, Савельевъ, Григорьевъ, Уваровъ—Меря), навѣрно занесенныя сюда скандинавами и, вѣроятно, составлявшія часть той датской дани (Danegeld), замѣчаетъ Томсенъ, которую такъ часто приходилось уплачивать

Если около половины XI вѣка варяги перестаютъ играть видную роль въ Кіевѣ, то связи съ сѣверомъ не прекращались. Посредниками въ этомъ отношеніи служили новгородцы. Они имѣли свою церковь (св. Михаила) въ Кіевѣ, на Торговищѣ [1]), и вообще пребываніе новгородцевъ на югѣ было дѣломъ обыкновеннымъ [2]). Въ Кіевѣ они жили по торговымъ дѣламъ [3]). Купцы изъ Галича и Перемышля привозили сюда соль [4]).

Служа торговымъ пунктомъ между Западомъ и Византіей, Кіевъ не оставался чуждымъ и восточной торговлѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ съ одной стороны раннія связи Приднѣпровья съ Поволжьемъ, а съ другой съ Прикавказьемъ [5]); названія одеждъ, встрѣчаемыя

Англіи, равно какъ предметы вооруженія и украшенія несомнѣнно сѣвернаго (норманскаго) типа (76). Лѣтописецъ XI—XII вв. прекрасно зналъ, что „Варязи сѣдятъ къ западу до землѣ Агнянски" (3—4) и онъ точно различаетъ „варяговъ"—Русь, Свеевъ, Урманъ, Готовъ, Англянъ (18—19). Эти послѣдніе могли быть извѣстны ему не только черезъ норманновъ. но и черезъ Византію, гдѣ они тогда служили (ср. Новгородъ лѣт. по Синод. списку, 187). Годфридъ Малатерра въ Сицил. исторіи (оконч. 1099) выражается точно также: „Angli, quos Waringos appelant." Другой писатель XII в., Эккегардъ, англійскій отрядъ въ Константинополѣ называетъ Варангами (Васильевскій, Ж. М. Н. Пр., 1875, № 3, с. 139—144). Слово Warghing. производимое отъ varg—бѣглецъ, изгнанникъ, существуетъ во всѣхъ древнихъ германскихъ нарѣчіяхъ (Ducange, Glossar. ad script. mediae et infimae latinitatis; ср. Тьерри, I, 199—200). Во всякомъ случаѣ лѣтописецъ зналъ это лучше, чѣмъ позволяютъ заключать позднѣйшія догадки (см. о Варягахъ и лѣтописи, А. Малинина, Чт. въ Общ. ист. 1891, III).

[1]) Лавр., 302; ср. Кіев. Стар. 1896 № 5, стр. 33—34; Закревскій (II, 585—586).

[2]) Ипат. лѣт., 605.

[3]) Ibid., 350; П. С. Р. Л., II. 88. Безъ сомнѣнія такимъ же торговцемъ въ Кіевѣ былъ Гюрята (Георгій) Роговичъ, посылавшій своихъ людей къ Югрѣ за мѣхами (Лаврент., 226—227). Поэтому не зачѣмъ отсылать разсказчика о его странствованіяхъ на сѣверъ. Новыя раскопки въ предѣлахъ Кіев. губ. бросаютъ свѣтъ на раннія сношенія жителей этого района съ Востокомъ и Греціей (Арх. Изв. 1898, № 7—8, с. 246, 254: Кіевлян., №№ 267, 283; ср. Каталогъ археол. выставки Кіев. Общ. древн. и искус., К. 1897); находимыя здѣсь гирки—представляютъ восточный вѣсъ (Древнія гирки, найденныя въ Кіевѣ и отношеніе ихъ къ различнымъ вѣсовымъ системамъ, съ 2 таблицами рисунковъ, К. Болсуновскаго, К. 1898 (ср. Кіев. Стар. 1898, № 7—8, библіогр., 41—44).

[4]) Кіев. сказанія (Патерикъ, CLIV).

[5]) Г. Расмуссенъ, Историч. и геогр. опытъ о торговлѣ и сношеніяхъ арабовъ и персовъ съ Россіей и Скандинавіей въ среднемъ вѣкѣ (Рус. Зритель, 1828, чч. I и II, №№ 7 и 8, въ датскомъ журн. „Аѳины", 1814 г., перевед. въ Edinb. Magazine; отд. 1825); Френъ (Ибнъ-Фодланъ); П. Савельевъ, Мухаммед. Нумизматика.

въ древней лѣтописи [1]); наконецъ, находки восточныхъ монетъ, о которыхъ скажемъ далѣе. По словамъ Константина Багрян. русскіе старались жить въ мирѣ съ печенѣгами, которые получали изъ Руси товары, а сами сбывали туда коней, овецъ и рогатый скотъ [2]). Мы упоминали, что м. Іоаннъ II (22 правило) укорялъ русскихъ купцовъ за то, что они ходятъ къ поганымъ (и жидамъ) купли ради и *челядь продаютъ* [3]). Во время княжескихъ усобицъ и союза съ половцами, плѣнные доставались этимъ послѣднимъ [4]). Съ другой стороны, послѣ побѣдъ надъ половцами, русскіе брали съ собою золото, паволоки и „дѣвки половецкія", по выраженію Слова о полку Игоревѣ, а ортмами и кожухами стлали мосты. Позже съ Плано-Карпини отправлялись черезъ Россію съ товарами купцы изъ Бреславля [5]), Польши, Австріи, а также ѣздили купцы генуэзскіе и пизанскіе [6]). Конечно, и здѣсь не обходилось безъ посредства евреевъ [7]). По словамъ Ибнъ-Хордадбе, еврейскіе купцы знали языки, а также языкъ славянъ, и черезъ ихъ земли съ запада вывозили въ землю хазаръ и на Каспійское море рабовъ, золотыя ткани, кожи, мѣха и мечи [8]). Въ XIII в. татары получали мѣха изъ Россіи (южной), Болгаріи и земли Мордовской [9]). И. И. Срезневскій полагалъ, что торговыя связи были одною изъ главныхъ причинъ основанія Тмутараканскаго княжества на устьѣ Кубани [10]); а Васильевскій находитъ, что возникновеніе итальянскихъ

---

[1]) Лѣт. зан. Арх. ком., V, проток., 169—170; о восточныхъ словахъ въ русскомъ языкѣ, И. Березина (Изв. Акад. Наукъ, II, 323). Въ самую раннюю пору даннаго періода (VIII—XIII ст.) русскихъ древностей мы видимъ господство восточнаго вліянія, прежде всего приносимаго самими передвигающимися племенами, а затѣмъ, черезъ посредство завязанныхъ ими торговыхъ сношеній, передаваемаго изъ Средней Азіи, Кавказа, Персіи и М. Азіи; мы наблюдаемъ этотъ греко-восточный стиль на разныхъ предметахъ (Рус. Древности, V, 11; III, 2—3).

[2]) Stritter., II, 980 981; ср. выше, с. 156.

[3]) Рус. Достопамятн., III, 206; Рус. Историч. библ., VI, 11—12.

[4]) П. С. Р. Л., III, 26; Новгор. Синод. л., 179.

[5]) По изд. Языкова, 217.

[6]) О дарахъ „дѣвками половецкими" князьямъ (Лавр., 478).

[7]) Незнаніе рус. языка на Западѣ въ XIII в. подтверждается свидѣтельствомъ Плано-Карпини (Путеш. 8, 54).

[8]) Зап. Арх. общ., VI, 46; Сказанія мусульм. писателей, А. Гаркави, 48—49.

[9]) Ист. Госуд. рос., IV, 54; Чт. М. Общ. ист. 1864, IV, 174.

[10]) Изв. Акад. Наукъ, XIII, 314. Объ отдаленныхъ связяхъ съ Востокомъ см. изслѣдов. В. И. Ламанскаго: Славяне въ М. Азіи, Африкѣ и Испаніи (Уч. Зап. Ак. Наукъ, V). О торговлѣ рабами: М. Ковалевскій (О русскихъ и др. правосл. рабахъ въ Испаніи XIV—XVII вв., Юрид. Вѣст. 1886, № 2); И. В. Лучицкій

колоній въ Крыму, независимо отъ татарскаго погрома 1240 г., должно было содѣйствовать упадку кіевской торговли: торговый путь сталъ направляться изъ Таны черезъ Аккерманъ, Львовъ и далѣе. Не только греческіе товары, но и русскіе направлялись теперь въ Крымъ и Тану и распространялись отсюда далѣе, минуя Кіевъ [1]).

X.

Какъ извѣстно, арабскихъ монетъ VIII—X вв. открыто въ кладахъ громадное количество; онѣ разсѣяны по всей Россіи. Ихъ находятъ въ земляхъ Кривичей, Вятичей и Радимичей, въ землѣ Новгородской [2]). Понятно, что Кіевъ занимаетъ въ этомъ отношеніи весьма видное мѣсто. Еще въ 1707 г. въ немъ былъ найденъ кладъ на Печерскѣ съ 2380 куфическими монетами. Въ 1851 г. (тамъ же) найдено было 2000—3000 серебрян. диргемовъ аббасидскихъ, тигиридскихъ и саманидскихъ; а въ 1863 г., на погостѣ Іорданской церкви (Плоскій участокъ) вырытъ кладъ изъ 192 серебр. саманидскихъ диргемовъ IX и X стол., не считая менѣе крупныхъ находокъ, заключившихъ въ себѣ монеты VII—VIII вв. [3]). Полагаютъ, что переворотъ, вызванный вторженіемъ тюркскихъ племенъ въ Хоросанъ и Персію, выразился прекращеніемъ торговли этихъ странъ съ Европою черезъ Россію и ввоза денегъ (И. А. Баторломей) [4]).

Въ Швеціи найдена была масса арабскихъ монетъ (около 20000 штукъ), относящихся по времени къ 698—1002 гг., а въ большинствѣ случаевъ къ періоду 880—955, т. е. къ тому времени, когда, по всѣмъ сви-

(О русскихъ рабахъ въ Руссильонѣ въ XIV и XV вв., Универ. Изв. 1886, № 11; Рабство и русскіе рабы во Флоренціи въ XIV и XV вв., ib. 1885, № 11 и 12). Славяне въ Греціи, А. Васильева (Визант. Времен. 1898, III. 404—438; IV, 626—70). Въ 1027 поляки и русскіе проникали до Сициліи (Caraccioli Antiq. Chronol.; Neap. 1626, p. 104; Даниловичъ, 165).

[1]) Торговля съ Регенсбургомъ.

[2]) Савельевъ, XVII, XXV, CIX.

[3]) Тр. Моск. Арх. общ., IX, проток. 22—23; Рус. Стар. 1882, № 10. с. 60; В. Б. Антоновичъ, Арх. карта Кіев. губ., 30—31, 40. О раскопкѣ 1787 г. (Сборн. матер. о Кіевѣ, изд. Кіев. ком., 166); Клады великокняж. эпохи, найд. въ Кіевѣ, Н. Ѳ. Бѣляшевскаго (Кіев. Стар. 1888, XXII, № 7, с. 136—143); Монетн. клады, принадлеж. Минцъ-кабинету унив. св. Владиміра, В. С. Даниловича (Унив. Изв. 1892 и 1893).

[4]) Цитир. у гр. И. И. Толстого (163).

дѣтельствамъ, норманскому элементу принадлежала столь важная роль. Въ X в. центромъ торговыхъ сношеній между Скандинавіей и Востокомъ служилъ преимущественно остр. Готландъ, на которомъ найдены самые крупные монетные клады (около 13000 штукъ). Между этими монетами встрѣчаются также другіе иноземные денежные знаки, очевидно занесенные торговцами съ Востока, между прочимъ византійскія монеты X и XI стол. (Томсенъ, 76).

Въ 1770 г. Г. Тепловъ писалъ, что въ предѣлахъ Малороссіи находимы были римскія монеты (съ вещами) отъ Тиберія до Коммода [1]). Изъ недавнихъ же находокъ видно, что въ предѣлахъ Кіевской и Полтавской губ. встрѣчаются римскія монеты II—IV вѣковъ [2]). Данныя эти позволяютъ заключать, что уже въ исходѣ IV столѣтія на устьѣ Почайны (въ Кіевѣ) существовало торговое поселеніе, сношенія котораго были на столько развиты, что къ его жителямъ проникали монеты римскія, византійскія и малоазіатскія и скоплялись въ значительномъ количествѣ въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ [3]). Страненъ только тотъ фактъ, что, не смотря на частыя сношенія Кіева съ Византіей, здѣсь до сихъ поръ не найдено ни одного *клада* византійскихъ монетъ, а попадались лишь находки отдѣльныхъ экземпляровъ [4]).

---

[1]) Краткое историч. описаніе Малой Россіи, прилож., 53 54 (Чт. въ Общ. ист. 1848, № 6); Самокваcовъ. О причинѣ появленія кладовъ римскихъ монетъ въ землѣ древнихъ руссовъ и ляховъ (Труды Моск. Арх. съѣзда, т. III, 31—54); его же: Хронологич. классификація могилъ Ю. Россіи (Варш. Унив. Изв 1890. V и отдѣльно; ср. Варшав. Дневникъ 1886, № 194). О визант. кадильницѣ VI-VIII вв. (Чтен. въ Общ. Нестора лѣт., I, 260-261).

[2]) Кіевлян. 1897, №№ 221, 227; Антоновичъ, Монеты Минцъ-кабинета унив. св. Владиміра, 252 (Оболонскій кладъ): Н. Бѣляшевскій, Монетные клады Кіевской губ., К. 1889; Археолог. карта, стр. 31, 40, 42, 45, 54, 72, 75 78. 95, 113, 115, 120; Арх. Извѣстія 1897, № 9, стр. 288—289; Историч. Вѣст. № 9, с. 244; Кіев. Стар. 1898, № 4, с. 12—13. О боспорскихъ монетахъ (Арх. карта, 66, 72).

[3]) Антоновичъ, Обозр. предметовъ эпохи великокняж (Кіев. Стар. 1888, № 7, с. 118); Данилевичъ, Монетные клады Кіев. губ. до 1-й чет. XV в. (Тр. Вилен. Арх. с., I 260—64).

[4]) Ibid., стр. 137-138; Археол. карта, 36, 38, 39. Въ 1894 г. бар. де-Баю удалось найти принадлежности женской могилы близъ Кіева, въ которой между прочимъ оказались бронзовыя фибулы, скандинавскаго происхожденія, и византійскія монеты 928--944 гг. съ именами Романа I, Константина X и Стефана (Арх. Изв, 1894. № 11, стр. 363).

Благодаря, конечно, тѣмъ же торговымъ связямъ, сложились преданія о богатыхъ и многочисленныхъ кладахъ въ Кіевѣ и его окрестностяхъ (Кіев. Стар. 1883, VII, с. 387, 582).

Зато вліяніе Византіи широко выразилось въ монетномъ дѣлѣ, начиная съ Владиміра св. [1]), замѣтное, впрочемъ, очень долго и на монетахъ чешскихъ, англо-саксонскихъ, скандинавскихъ и др. (Куникъ) [2]). Въ настоящее время указываютъ еще на серебряники вел. кн. Изяслава Ярославича, притомъ отмѣчаютъ, что какъ первыя монеты представляютъ чеканъ византійскаго происхожденія, такъ послѣднія —болѣе грубый, мѣстныхъ русскихъ мастеровъ [3]). Доставлялись изъ Византіи а также выдѣлывались въ Россіи металлическія гривны (змѣевики) съ изображеніями Богородицы и святыхъ, украшенныя узорами и

---

[1]). О монетахъ Владиміра св., Д. И. Прозоровскаго (Труды Казан. Арх. съѣзда, I, 23—27, съ обозр. литер.). До насъ дошли золотыя и серебр. монеты Владиміра I, серебр. монеты Святополка I и Ярослава I. Объ изображеніи Владиміра св. на монетахъ и др. замѣтки Л. П. (К. Стар. 1888, № 5; также 1889, № 4, с. 233-36; ср. Древнія изображенія Владиміра и Ольги, И. И. Срезневскаго (Арх. Вѣсти. Моск. Арх. общ., январь—февраль, 1—7); П. В. Зубовъ, Матеріалы по рус. нумизматикѣ. Съ 10 таблиц. монетъ, М. 1897 (три монеты отнесены ко времени Владиміра I). Ср. Арх. Изв. 1897, № 11, стр. 362, а также Н. П. Петровъ, Древнія изображ. св. Владиміра (Владим. Сборн., К. 1888).

[2]) Обстоятельное описаніе всѣхъ этихъ монетъ съ извлеченіями изъ другихъ трудовъ въ соч. гр. И. И. Толстаго: „Древнѣйшія русскія монеты В. К. Кіевскаго", Спб. 1882, стр. 129—164; о монетахъ Болеслава II съ кирил. надписью, 213—217. Его же: Древнѣйшія русскія монеты X—XI в. Спб. 1893. Обозр. предметовъ великокняж. эпохи, найденныхъ въ Кіевѣ и ближайшихъ его окрестностяхъ, В. Антоновича (К. Стар. 1888, XXII, 117—132); ср. О рѣдкой монетѣ Ярослава I, Густафсона (найденной вмѣстѣ съ монет. англо-саксон., нѣмец. и арабскими X—XI вв. близъ Мольде)—не оригиналъ, а норманское подражаніе монетѣ Ярослава I (Тр. Моск. Нумизм. общ. I, 1893; Арх. Изв. 1893, №№ 3—4, с. 135). Полагаютъ, что монеты съ славянскою надписью: „Болеславь" чеканены въ Кіевѣ (Меѳодіев. юбил. сборн., стр. 10). Недавно найденный кладъ въ усадьбѣ Л. И. Бродскаго (между прочимъ 1 араб. мон. XI в. и 16 золот. визант. монетъ періода 963—1059 гг.), важенъ по находкѣ въ немъ 2-хъ золотыхъ гривенъ-монетъ, которыя до сихъ поръ попадались весьма рѣдко въ нѣкоторыхъ собраніяхъ, а между тѣмъ существованіе ихъ засвидѣтельствовано лѣтописью (Лавр. лѣт. 167, 239, 259, 301, 329; Ипат., 175, 239; Новгор. Синод. лѣтоп. 454—56, 475, 468; ср. Куникъ, О русско-визант. монетахъ, Спб. 1860; сообщенія о кладѣ, Арх. Изв. 1899, № 8—10, стр. 234, № 11—12, стр. 365-67; Кіев. Стар., № 10, стр. 56 и 127; 1900, № 1, 053; Истор. Вѣст., № 12, стр. 1284).

[3]) Монеты в. к. кіев. Изяслава Ярославича, Н. И. Петрова (Труды Вилен. Арх. съѣзда. I, 109—115). Печать м. Константина XII в., сдѣланная въ Кіевѣ и найден. въ Звенигородѣ (въ Галиціи). Зап. Общ. Шевченка 1898, т. XXII; Кіев. Стар., № 11, с. 67. О развитіи кузнечнаго дѣла въ Кіевѣ и спабженіи этими предметами Чехіи см. А. Н. Ясинскаго: „Чешское свидѣтельство XIV в. о русскомъ металлич. производствѣ" (Сборникъ Учено-литер. Общ. при Имп. Юрьев. Унив. в. I и отд. стр. 8—9).

змѣиными головами, съ надписями, имѣвшія значеніе амулетовъ [1]), которыя слѣдуетъ отличать отъ настоящихъ гривенъ [2]).

Въ лѣтописи (1147) читаемъ: „Михаля же (боярина) бьюще, и отторгоша на немъ крестъ и *чепи въ гривну золота*" (Лавр., 301; въ Ипат., 248, изложено иначе); подъ 1213 г.: „Михалка же Скулу убиша, а главу его осѣкоша, *трои чепи* сняша золоты и принесоша главу его ко Коломанови" (Ипат., 490). Подобныя цѣпи составляли принадлежность военноначальниковъ и у норманновъ (Тьерри, I, 29, 99, 129, 329). Въ Патерикѣ печерскомъ о Моисеѣ, „родомъ угринѣ", говорится: „братъ же Георгія, на него же св. Борисъ *возложи гривну злата*, его же убиша со св. Борисомъ на Алтѣ и главу его отрѣзоша, *златыя ради гривны*" (Кіев. сказанія, CXLIV).

Понятно, что предметы роскоши и домашней обстановки въ быту высшаго класса общества доставлялись изъ Византіи, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя раскопки, относящіяся къ этому періоду. Нѣкоторыя изъ находокъ можно назвать вполнѣ греческими; другія же, по своей оригинальной формѣ и рисунку, были результатомъ требованія древне-русскаго вкуса [3]). Сначала, конечно, производство означенныхъ предметовъ находилось въ рукахъ византійцевъ, но впослѣдствіи могло быть унаслѣдовано и русскими мастерами. Всѣ эти вещи отличаются изяществомъ формы и художественной работой, что, въ свою очередь, указываетъ на развитость вкуса [4]).

---

[1]) О древней гривнѣ, архим. Амфилохія (Труды Моск. Арх. общ., III, в. 2 177—179); Зам. о мѣдныхъ гривнахъ (амулетахъ) XII в., Л. В. Даля (ibid. IV, в. II, 74—76); Бѣлогородка и найд. въ ней змѣевикъ, И. П. Хрущова (Чт. въ Общ. Нестора лѣт., I, стр. 262—64). Подробн. изслѣд. въ статьяхъ М. И. Соколова: Апокрифич. матер. для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣевиками (Ж. М. Н. Пр., 1889, ч. CCLXIII, отд. 2-ой, стр. 339—368); Новые матер. для объясн. амулетовъ, назыв. змѣевиками (Тр. Славян. ком. Импер. Моск. Арх. общ., т. I, 134—202).

[2]) Гривна (не считая денежной)—металлическій обручъ, который князья и знатныя лица (по пожалованію) носили на шеѣ поверхъ одежды (Тр. Моск. Арх. общ., IV, вып. 2, 74, примѣч.). Подобныя вѣсомъ въ $1^1/_2$ ф. серебр. цѣпи находимы были въ кіевскихъ кладахъ (Антоновичъ, loc. cit., 125): ср. лѣтописи: Лаврент. 131, 301; Ипат., 248; гривна золот. съ жемчугомъ, повѣшенная въ даръ на образъ св. Георгія (610); Новгор. Синод. 79; Новгор. лѣт., изд. 1879, стр. 68, 145. Подробности см. Н. Кондаковъ, Русскіе клады великокняж. періода (183—186); Русскія Древности, I, 58—59; III, 48; V 127—136, 151—153.

[3]) Вообще, замѣчено стремленіе греческихъ художниковъ подражать вкусамъ народовъ, интересовавшихся ихъ искусствомъ (Кондаковъ, Рус. Древн., I, 113; III, 134—137).

[4]) Клады велико-княж. эпохи, Н. Ѳ. Бѣляшевскаго (Кіев Стар. 1888 XXII, № 7, стр. 143).

Въ числѣ предметовъ, находимыхъ въ Кіевѣ (В. Б. Антоновичъ, loc. cit., —132), между прочимъ заслуживаютъ вниманія обоюдоострые мечи, отли-ющіеся отъ кривыхъ сабель кочевниковъ и подтверждающіе извѣстія описи (Ипат., 9 и 43). Подобные мечи были принадлежностью въ сред- вѣка германскихъ народовъ и скандинавовъ. Рисунокъ меча, найден-о въ Англіи, совершенно тожественъ съ кіевскимъ экземпляромъ. Та-же точно (норманскій) мечъ былъ найденъ въ Трубчевскомъ у. Орлов-і губ. (Труды М. Арх. общ., III, в. 2, стр. 176). Находки эти свой-нны всему сѣверу (Томсенъ, 77). Мечи отдѣлывали въ моржевую кость, вознмую изъ Біарміи, откуда получались также желѣзо и мечи. О ъ говорятъ и лѣтописныя извѣстія, и древнія саги. Была извѣстна сѣвер-пляска „съ мечами"; у византійцевъ были въ употребленіи короткіе и (Стрингольмъ, I, 34, 58, 125, 222, 230; II, 98, 113, 246, 275, 347; ики доставлялись иногда изъ Волжской Болгаріи). Мечъ составлялъ бходимую принадлежность во всѣхъ случаяхъ саксонскаго и норман-го воина (Тьерри, II, 35, 42, 64, 71, 142, 156, 189, 194, 260, 201, —gladium bis acutum ....exercuit; 169: мечъ при бедрѣ отличительный знакъ норманской свободы). Въ смертной пѣснѣ Рагнара Лодброка дая строфа начинается словами: „Мы рубимъ мечами" (I, 82—83).

О мечахъ постоянно говорится въ русской лѣтописи въ отличіе отъ очныхъ сабель (Лавр., стр. 16—обоюдоострые, какъ признакъ; 47, 51, -клятва мечами; 65, 69, 76, 131, 144, 167; 199, 239, 242, 285, 308; ь св. Бориса, 350; въ сѣвер. Руси, 351, 377, 401, 415, 418, 448, 456). ударѣ мечомъ упоминается въ Русской Правдѣ. Главнымъ оружіемъ ерманцевъ и норманновъ считался мечъ (Вейсъ, II, ч. II, с. 95; мечи ародовъ ю. Европы, короткіе и длинные, подобно употребляемымъ на ерѣ, 223; у франковъ битвы рѣшались главнымъ образомъ мечомъ,). Другимъ постояннымъ оружіемъ сѣвера была сѣкира, топоръ, кото- нерѣдко употреблялся въ дѣло (Тьерри, I, 115, 229—289; двуострая, 2, 40; любимое оружіе, 181, 190, 412). Византійскіе писатели, говоря арягахъ, что они б. ч. были англичане, пришедшіе изъ Британніи, при-яютъ, что они всѣ вооружены сѣкирами (Стрингольмъ, I, 270). Подоб- оружіе было находимо и въ курганахъ (II, 166). Норвежецъ Эрикъ, ѣстный путешествіями въ Біармію, былъ прозванъ Блодиксомъ (крова-сѣкира), за свои военные подвиги (ib., I, 222). Сѣкиры и мечи слы- въ сагахъ „огнемъ крови или ранъ", а также „огнемъ Одена" (II, . И Руссы, по словамъ Ибнъ-Фодлана, всегда носили при себѣ сѣкиру, калъ и мечъ; безъ этого оружія никогда не видали ихъ. Мечи у нихъ окіе, европейской работы, и съ одной стороны, отъ острія до ефеса, ашены фигурами, деревьями и т. п. (II, 251). Топоръ былъ постоян-ъ орудіемъ и у русскихъ славянъ (поступокъ Яна съ волхвами на

Бѣлоозерѣ и Глѣба въ Новгородѣ, Лавр. лѣт. 171, 176; сѣкиры въ обмѣнъ на мѣха съ юграми, 227; „Сбыславъ Якуновичъ новгородецъ бьяшеся единѣмъ топоромъ", со шведами, 456; битва на Липицѣ—въ топоры, причемъ у кн. Мстислава Мстиславича топоръ былъ „съ наворозою на руцѣ", ibid. 472, какъ и на Западѣ, см. Вейса, II, ч. 2, с. 224). О мечахъ и сѣкирахъ см. еще у Котляревскаго (Погребальн. обычаи славянъ, прилож. 020), Конечно, это не исключаетъ и употребленія сабель, которыя захватывались вмѣстѣ съ добычею, вымѣнивались и т. п. (Лавр. лѣт., стр. 15, 65, 199, 350). С. Гедеоновъ (Варяги и Русь) злоупотребляетъ иногда толкованіями на счетъ вида сѣкиръ (I, 369—372; II, lxxv; ср. Васильевскій, Ж. М. Н. Пр. 1875, № 3, стр. 117, 144—149; Тьерри, II, 40, 190; I, 229).

Въ ряду мѣстъ названныхъ кладовъ Кіевъ является главнымъ центромъ вліянія восточно-византійскаго искусства въ разсматриваемый періодъ и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи [1]). Понятно, что если культурное значеніе Византіи чувствуется въ сферѣ искусства на Западѣ вплоть до XV стол., причемъ особенно усиливается въ X и XI ст., а въ XII и XIII стол. достигаетъ наибольшаго значенія въ Италіи [2]), то оно не могло не имѣть мѣста въ Россіи. Напомнимъ о вывезенныхъ изъ Херсонеса Владиміромъ памятникахъ греческаго искусства въ Кіевъ, которымъ пришлось бы быть можетъ надолго уцѣлѣть, если бы не пронеслись надъ Кіевомъ послѣдующіе погромы, уничтожившіе городъ. Какъ извѣстно, многіе предметы древняго искусства въ Россіи (въ Кіевѣ, Новгородѣ и др.), начиная отъ колоколовъ и кончая предметами живописи и утвари, носили названіе *корсунскихъ*, хотя собственно Херсонесъ никогда не славился ни роскошью, ни художествами. Поэтому весьма вѣроятна догадка, высказанная еще Аделунгомъ, что (какъ видно изъ лѣтописи) Владиміръ дѣйствительно взялъ изъ Корсуня лучшія утвари, а супруга его привезла въ Кіевъ множество изящныхъ издѣлій своего отечества, получившихъ названіе того мѣста, гдѣ она сочеталась бракомъ съ вел. княземъ, а ея прибытіе въ Кіевъ заставило многихъ греческихъ купцовъ и художниковъ отправиться туда же и вслѣдствіе этого вошло въ обычай всѣ греческія изящныя и цѣнныя утвари называть *корсунскими*. Имя это такъ часто встрѣчается въ древнѣй-

[1]) Кондаковъ, Русскіе клады великокняж. періода, Спб. 1896.

[2]) E. Muntz, Les artistes byzantins dans l'Europe latine du V-me au XV-me siècle (Revue de l'art chretien, 1893, l. I).

шее время русскаго искусства, что въ исторіи его первый періодъ можно назвать *корсунскимъ* [1]).

Вообще, кіевскія древности представляютъ воспроизведеніе византійскихъ образцовъ, предметовъ и формъ, такъ что могли бы составить отдѣлъ русско-византійскихъ древностей. Самыя утонченныя художественныя издѣлія существовали въ Кіевѣ (какъ перегородочная эмаль по золоту) и ими занимались русскіе мастера, произведенія которыхъ расходились въ другіе города. Въ заключеніе прибавимъ, что для изслѣдователей кіевской старины тѣсная связь Кіева съ Херсонесомъ и даже ихъ культурная преемственность не подлежатъ сомнѣнію [2]).

---

[1]) Корсунскія врата, находящ. въ Новгор. Соф. соборѣ, М. 1834. Объ ошибочномъ названіи новгородскихъ вратъ корсунскими—они западнаго производства (ibid. 33). О греко-восточномъ стилѣ IX—X стол., извѣстномъ подъ именемъ *корсунскаго* см. въ соч. Кондакова (Русскіе клады, стр. 11—47; Рус. Древности, V, 27—32).

[2]) Кондаковъ, Рус. Древности, V, 6, 10, 12, 26—27, 33; ср. 37, 87, 106—108, 112—113, 123, 143—146. О серебряномъ потирѣ кіевскаго издѣлія (106); о музык. инструментахъ, заимств. изъ Византіи (К. Стар. 1892, № 11, с. 224).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Гражданскій бытъ. Города.—Церковное устройство. Первыя училища.—Вліяніе христіанскихъ воззрѣній. Возникновеніе монашества.—Монастыри въ Кіевской области.—Путешествія на Востокъ.

I.

Несомнѣнно, что уже на первыхъ страницахъ лѣтописи мы встрѣчаемся, по крайней мѣрѣ, въ центральной области (поляне, древляне, вятичи), съ сплошнымъ земледѣльческимъ населеніемъ [1]). Свидѣтельствомъ этой осѣдлой жизни представляются также городки, число которыхъ оказывается довольно значительнымъ. Соловьевъ насчитывалъ въ Кіевской области болѣе 40, въ Черниговской (или Сѣверской) 70, въ Переяславской до 40, а во всей Руси до 300 [2]), но ихъ было гораздо больше [3]). Городки эти тянулись по всей славянской области вплоть до Дуная [4]). Но уже при первыхъ князьяхъ мы видимъ болѣе значительные центры—областные (договоры съ греками), ставшіе въ скоромъ времени главными городами отдѣльныхъ княжествъ. Строительная дѣятельность Владиміра I ясно выдвигается въ этомъ отношеніи. По словамъ лѣтописца (988 г.), онъ началъ ставить города по Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ, Стугнѣ и населять ихъ лучшими мужами изъ кривичей, чуди, вятичей. Точно также поступилъ онъ (992) при построеніи Бѣлгорода (и наруби въ нъ отъ инѣхъ градъ, и *много людий сведе въ онь*) [5]). М. Иларіонъ въ похвалу ему ставитъ еще то, что онъ, будучи проникнутъ христіан-

---

[1]) Рус Древности, V, 4.

[2]) Исторія Россіи, III. 39.

[3]) Ипат. лѣт., 7. Ср. Брунъ, Черноморье, 273.

[4]) Хотя и не въ такомъ широкомъ смыслѣ, какъ допускалъ Д. Самоквасовъ, (Древніе города Россіи, Спб. 1873).

[5]) Ипат. лѣт., 83.

скою идеей, „выкупалъ изъ неволи рабовъ и плѣнныхъ“ [1]), которыхъ конечно, поселялъ въ своихъ городахъ и селахъ [2]).

Съ распространеніемъ территоріи, вновь создаваемые города заселяются путемъ призыва и торговли. Въ періодъ до полов. XIII стол., въ предѣлахъ Кіевской земли по лѣтописямъ насчитываютъ до 200 городовъ и мѣстъ, случайно упоминаемыхъ, многіе изъ которыхъ относятся къ болѣе ранней эпохѣ [3]); а нѣкоторые изъ нихъ были извѣстны уже Константину Багрянородному, какъ Вышгородъ и Витичевъ [4]). Въ ряду этихъ городовъ, кромѣ названныхъ выше, упомянемъ слѣдующіе: Искоростень (945) [5]), Вручій (977—Овручъ), Родня (980), Ростовецъ (1071), Владиміръ (988), Туровъ (980, 1078), Луцкъ (1085), Звенигородъ (1097), Триполь (1093), Торческъ (1093), Юрьевъ, Святопольчъ (1095), Перемышль (981, 1097), Теребовль (1097), Пинскъ (1097), Берестье (1097)—одни считаютъ въ Луцкомъ у., другіе—Брестъ, Звиждень (1097), Всеволожъ (1097), Бужскъ (1097), Червень (близъ Холма, 1097), Дубенъ (Дубно, 1100), Острогъ (1110), Черторыйскъ (тоже), Случескъ (Слуцкъ, 1116), Василевъ (Васильковъ, 1136), Пересопница (1149), Межибожье (1146), Брягинъ (1147), Володаревъ (1150, село Володарка), Корческъ (1150—Корецъ), Каневъ (1150), Ушескъ (1150), Мичскъ (нынѣ Радомысль, 1150), Болохово (1150), Пересѣченъ (1154), Мозырь (1155), Ярополчъ (1160), Корсунь (1169), Полонный (1169), Чернобыль (1193), Богуславль (1195), Каменецъ (1196—сел. Каменка на лѣв. бер. Случи) и др. Обыкновенно города эти упоминаются случайно, по поводу событій, относящихся къ нимъ, а потому возникновеніе ихъ от-

[1]) Памятн. древне-рус. литер., изд. А. Пономаревымъ, I, 73; ср. 78. Также поступалъ пражскій епископъ Войтѣхъ (Адальбертъ), бывшій тогда въ Чехіи, а его примѣру слѣдовала Юдиѳь (жена Владислава-Германа, мать Болеслава III), въ Польшѣ (Мартинъ Галлъ, по изд. Бѣлевскаго, 429: „multos christianos de servitute judaeorum suis facultatibus redimebat Juditha“. Въ ж. св. Адальберта рѣчь идетъ о еврейскихъ купцахъ.

[2]) Въ этомъ отношеніи любопытно свидѣтельство Титмара, что населеніе Кіева, въ концѣ княж. Владиміра, въ значительномъ числѣ состояло изъ бѣглыхъ рабовъ отовсюду сюда стекавшихся (Monum. Polon., I, 318), благодаря, конечно, его покровительству. Ярославъ I по р. Роси поселилъ плѣнныхъ поляковъ (Длугошъ).

[3]) Погодинъ, Изслѣд. IV, 145—209; дополнит. данныя о нихъ (Грушевскій, Очеркъ исторіи Кіевской земли, 8—56).

[4]) De admin. imperio, cap. 9. Въ лѣтописи первый упоминается подъ 946, а второй подъ 1095 (Лавр., 221).

[5]) Какъ полагаютъ, племенной центръ Древлянской земли

носится къ болѣе раннему времени. Впрочемъ города эти не отличались населенностью, какъ и вообще не приходится показаніямъ средневѣковхъ лѣтописей придавать большаго значенія въ этомъ отношеніи [1]). Въ Кіевской лѣтописи мы находимъ указаніе, что во время мора въ 1092 г., въ теченіе $2^1/_2$ мѣсяцевъ, умерло до 7000 человѣкъ [2]),—количество, свидѣтельствующее (даже при преувеличенномъ представленіи) о значительной населенности города, тѣмъ не менѣе мы не рѣшаемся сдѣлать отсюда заключеніе о громадномъ количествѣ жителей, вообще, доходящемъ, по крайней мѣрѣ, до 100000 чел. [3]).

II.

Христіанская стихія внесла новый элементъ въ жизнь страны и въ частности—Кіева. Въ немъ стали видѣть „матерь городовъ русскихъ.“ Здѣсь въ уста Олега лѣтописецъ очевидно вложилъ позднѣйшее представленіе христіанской эпохи [4]); точно такъ же, какъ Владиміръ въ похвалѣ Иларіона приравнивается къ одному изъ апостоловъ [5]), а у лѣтописца къ Константину В. [6])., подобно Карлу В. у

[1]) Гиббонъ, VII, 495, 508–509; И. В. Лучицкій, Очерки по экономической исторіи Западной Европы. К. 1893 I. Вопросъ о населенности германскихъ городовъ въ XIV и XV вв.

[2]) Ипат. лѣт., 150–151.

[3]) Иловайскій, II, с. 14; Грушевскій, 18.

[4]) Кругъ весьма удачно замѣтилъ: „So wie Sam. XX, 19, Jerusalem матерь градовъ Израилевыхъ, die Mutter der Städte Israels(μητρόπολις ἐν Ἰσραήλ) genannt wird“ (Forschungen. II, 427).

[5]) Почитаніе Владиміра возникло позже, а именно оно относится къ 1240–41 г. (служба ему и П. С. Р. Л., I, 205; V, 177). Черноризецъ Іаковъ (XI в.) писалъ: „не будемъ дивиться возлюбленные, если онъ по смерти не творитъ чудесъ: многіе праведники не творили чудесъ, однако святы“, и далѣе ссылается на Іоанна Златоуста, который училъ, что святые люди узнаются *не по чудесамъ, а по дѣламъ*“ (Хр. Чт., 1849, II, 324—325). Ср. Рус. святые, Филарета (стр. 103—105). Чествованіе памяти св. Владиміра, П. Петрова (Владимір. Сбор., стр. 1–24).

Въ какомъ году крестился Владиміръ св., А. И. Соболевскаго (Ж. М. Н. Пр. 1888, № 6). По поводу 900-лѣтія крещенія Руси явилась литература вопросовъ, касающихся этихъ фактовъ (см. Историч. Обозр., II, 246—248). Ср. Кіев. Стар. 1888, №№ 4, 5, 6, 7 (статьи и библ. обз. по поводу праздн. крещенія Руси); Библіографъ № 9 и 10 (обз. юбил. изд.); Странникъ, №№ 4—7 (ср. К. Стар. № 9, стр. 20–24; № 10, обз. засѣд. обществъ, стр. 38 и д.); Отвѣтъ Н. Левицкаго по вопросу о Владимірѣ св. (Хр. Чтен. 1890, №№ 7—8); Соврем. состояніе вопроса объ обстоятельствахъ крещенія Руси, И. Линниченка (Тр. К. Д. акад. 1886, № 12); Владиміръ св. какъ политическій дѣятель, В. Завитневича (Владим. Сборн. К. 1888).

[6]) Лавр., 128 (ср. Новгор. Синод., 76): „Сей есть новый Костянтинъ великаго Рима, иже крестився самъ и люди своя крести“; какъ Ольга приравнивается къ его

Ольга [1]) сдѣлала дальнѣйшій шагъ: сама приняла христіанство [2]). Любопытно, что при Владимірѣ защитниками христіанства являются варяги, прибывшіе изъ Греціи [3]). Процессъ обращенія въ христіанство на Руси шелъ тѣмъ же путемъ, какъ и у нѣкоторыхъ народовъ Запада (совѣтъ старшинъ); иногда предшествовали тому походы противъ врага и требованіе руки дочери предводителя послѣдняго, а примѣръ вождя обезпечивалъ торжество новаго ученія среди народа [4]).

Поступокъ кіевлянъ и новгородцевъ съ Перуномъ совершенно напоминаетъ низверженіе статуи Діаны въ Трирской области, по разсказу Григорія Турскаго (Собр. памяти., относ. къ ист. Франціи, изд. Гизо, I, 440—444; Гизо, Ист. цивилизац. во Франціи, I, 245), или кор. датскимъ Вальдемаромъ (1168) у покоренныхъ Ругіянъ—Святовита, какъ разсказываетъ Гельмгольдъ (lib. II. cap. 12). Низверженіе боговъ—обычный пріемъ при господствѣ новаго ученія, какъ и построеніе церквей на мѣстѣ языческихъ храмовъ и святилищъ (Тьерри, I, 52; Грегоровіусъ, I, 88, 416; II, 444—445; III, 511, 568). Владиміръ св. дѣйствуетъ также (Лавр. 77, 116). Рядъ извѣстій указываетъ на возникновеніе церквей на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ прежде стояли идолы (извѣстія эти собраны въ ж. Владиміра у Филарета, стр. 99), какъ было и на Западѣ: языческія святыни и праздники замѣнялись христіанскими (Тьерри, I, 52). Папа Григорій В. по этому поводу писалъ: „если эти храмы хорошо выстроены, то доброе дѣло будетъ обратить ихъ отъ демонскихъ обрядовъ на служеніе истинному Богу, а народъ, видя цѣлость прежняго своего поклоненія, по привычкѣ,

---

человѣческой жертвы, принесенной язычникомъ Владиміромъ, слѣдуетъ замѣтить, что подобныя жертвы существовали и у славянъ, и у норманновъ (Голубинскій, I, 130—131—собраны извѣстія, сюда относящіяся; ср. Стрингольмъ, II, 22—23; 338—342; Иловайскій, Ист. Россіи, I, прим. 22 и 23).

[1]) Настойчивая защита ея варяжскаго происхожденія и крещенія въ Кіевѣ, а не въ Константинополѣ (Голубинскій, 64—70); сводъ данныхъ (ib., 84—94).—Обмѣнъ мнѣній по поводу предположенія архим. Леонида о ея болгарскомъ происхожденіи (Рус. Стар. 1888, LIX. № 7) и И. И. Малышевскаго (Кіев. Стар. 1889, №№ 7, 8 и 10). Послѣдній считаетъ ее русской славянкой. Литература вопроса о происхожденіи вел. княг. Ольги, по поводу мнѣнія архим. Леонида, Хр. Лопарева (Библіографъ, 1891, № 1, с. 9—14).

[2]) Въ бытность въ Константинополѣ свита ея (родственники, купцы и ея штатъ) осматривали церковныя святыни. Разборъ мнѣній о крещеніи Ольги и ея пріемѣ въ Константинополѣ (Иловайскій, I, 294—95).

[3]) Лавр. лѣт., 80—81.

[4]) Тьерри, Ист. зав. Англіи норман., I, 36—37, 50, 52, 63, 125—129, 141; Голубинскій, I, 132.

пойдетъ туда охотнѣе для поклоненія истинному Богу“. Онъ рекомендуетъ вмѣсто жертвы быковъ ввести освященіе животныхъ, сопровождаемое пиршествами.

Принятіе христіанства дало иное направленіе и существовавшимъ до того отношеніямъ Руси къ Византіи. Первымъ дѣломъ Владиміра, по принятіи его, было установленіе церковной іерархіи. Если въ Кіевѣ уже были прежде священники, и, кромѣ того, могли быть взяты болгары, то вполнѣ естественно, что греческій элементъ не долженъ былъ остаться въ сторонѣ: Анастасъ, выведенный изъ Корсуня, быть можетъ, за оказанную услугу Владиміру, вѣроятно зналъ русскій языкъ (онъ былъ поставленъ во главѣ соборнаго клира въ Кіевѣ) [1]), а въ Новгородѣ мы видимъ епископа Іоакима, также корсунянина (991) [2]). Въ глазахъ византійской власти фактъ принятія христіанства являлся уже какъ бы подчиненіемъ Руси протекторату Византіи [3]). Такимъ образомъ значеніе греческой іерархіи въ Россіи было обезпечено и канонически [4]). Дѣйствительно, въ до-монгольскій періодъ было всего три случая, когда въ Россіи воспользовались назначеніемъ митрополитовъ помимо константинопольскаго патріарха [5]); первый епископъ изъ русскихъ поставленъ былъ въ 1036 (Лука Жидята въ Новгородѣ) [6]) и даже во второй половинѣ XII в.

---

[1]) О немъ Лавр. лѣт., 107, 112, 119, 122, 140

[2]) О немъ Новгор. Синод. л., 65, 69, 443.

По Никон. лѣт. (I., 103, 105) съ м. Михаиломъ прибыло шесть епископовъ (990 г.), которые ходили по разнымъ областямъ.

[3]) Одновременно съ тѣмъ являлись и послы отъ папы (Голубинскій, I, 138–139). Въ полов. XIV в. султанъ египетскій титулуетъ константинои. императора „rex Graecorum, rex Bulgarorum, Asaniorum, Blachorum, *Rhossorum* et Alanorum“ (Stritter, Mem popul., II. 1027), вѣроятно основываясь на прецедентѣ. Какъ извѣстно, на ектеніяхъ имена императора и патріарха предшествовали именамъ князей и сами патріархи указывали на императоровъ, какъ обладающихъ властью и авторитетомъ относительно князей (Acta patr., II. 182 192; Рус. Истор. библ., VI, 272–276). На патріаршемъ Синодѣ 1171 (при имиер. Мануилѣ Комненѣ), на которомъ присутствовалъ и русскій митр. Михаилъ III установлена была присяга для архіереевъ передъ императоромъ и его наслѣдникомъ, впослѣдствіи вышедшая изъ употребленія (Виз. Времен. 1895, III, 390; ср. 1898, III, 583–584). О политическомъ отношеніи Византіи къ Россіи въ статьѣ В. И. Ламанскаго (Славян. Сб., т. I, 426–36).

[4]) Макарій, I, 168, 171.

[5]) Впервые въ 1051 г. (Иларіонъ), вѣроятно вслѣдствіе неудовольствія противъ грековъ за жестокое обращеніе съ русскими плѣнниками (Никон., I, 139).

[6]) Быть можетъ Жирята, но, во всякомъ случаѣ, нельзя дѣлать отсюда вывода объ его еврейскомъ происхожденіи, какъ допускаетъ И. Н. Малышевскій (Евреи въ Ю. Руси). Ср. зам. А. И. Соболевскаго (Чт. въ Общ. Нест. лѣт., VI, 6–7).

въ одно время было 5 епископовъ изъ грековъ [1]). Одновременно съ установленіемъ христіанства строились по городамъ церкви [2]) и появлялись епископы въ болѣе значительныхъ городахъ [3]), что указываетъ, въ свою очередь, на географическое распространеніе христіанства; но на долю собственно Кіевской области ихъ пришлось больше: такъ, мы видимъ, что епископы были (митрополиты одно время жили въ Переяславѣ, при Ярославѣ—епископъ) въ Бѣлгородѣ, любимомъ городѣ Владиміра [4]), а позже въ Юрьевѣ (при Ярославѣ I) [5]) и Каневѣ [6]). Въ этомъ отношеніи, Кіеву, какъ религіозному центру предстояло развиваться дальше: по существующимъ даннымъ, въ домонгольскій періодъ, въ Кіевѣ можно насчитать лишь до 30 церквей; но ихъ, конечно, было гораздо больше, о чемъ свидѣтельствуетъ извѣстіе Суздальской лѣтописи (впрочемъ преувеличенное), что во время пожара 1124 г. въ Кіевѣ однѣхъ церквей сгорѣло до 600 [7]). Еще

---

[1]) Опытъ изслѣд. о культурн. значеніи Византіи (281—287), причемъ и религіозныя отношенія не остались безъ вліянія на мнѣнія о грекахъ: „греки льстивы до сего дня", говоритъ лѣтописецъ. Народныя пословицы на счетъ грековъ собраны у Голубинскаго (I, 275 - 276). Монахъ Одо Діогильскій, принимавшій участіе въ крестовомъ (2-мъ) походѣ франц короля Людовика VII, говоря о невѣрности грековъ, замѣчаетъ: „несомнѣнно, что никто не можетъ знать грека, кто не испыталъ его лично, или не обладаетъ даромъ провидѣнія" (Guizot, Collect. t. XXIV, liv. IV).

[2]) Лавр., 115—116, 122.

[3]) Никон. лѣт., I, 103, 105. Это были Новгородъ, Черниговъ, Владиміръ (Волынскій), Полоцкъ, Туровъ, Бѣлгородъ, Ростовъ, Тмутаракань (по этому вопросу см. у Голубинскаго, I, 290—294, 545). Въ Ник. лѣт сказано: „и по инымъ многимъ градомъ епископы постави" (105).

[4]) Лавр., 78, 119, 434 (1231 г.).

[5]) Лавр., 127, 202, 221, 276, 278; Ипат., 199, 201, 428, 448, 473—474; Кіев. сказ., изд. Яковлева, cxxv, cLxxxix—cxc; Голубинскій, I 294—296. По однимъ Юрьевъ на р. Роси—нынѣ Бѣлая церковь. По другимъ—городище Райгородокъ близь сел. Ольшаницы, Васильковскаго у. См. Лѣтописный Юрьевъ на р. Роси, топограф. разыск. съ прилож. карты, М. Андреевскаго (К. Стар. 1883, VII, 1—38). Временно изъ Юрьева былъ переведенъ (при Святополкѣ, 1095), послѣ сожженія половцами, въ г Святополчъ, построен. на Витичевомъ холмѣ; но потомъ снова является въ Юрьевѣ (Ипат., 473).

[6]) Упоминается подъ 1155 г. еп. Даміанъ (Ипат., 327; Царствен. лѣт., 92), исполнявшій посольскія обязанности отъ кіевлянъ къ Изяславу Давидовичу.

[7]) На сколько молва о величіи и богатствѣ отдаленныхъ городовъ преувеличиваетъ дѣйствительное положеніе вещей, служитъ подтвержденіемъ извѣстіе Титмара, насчитывающаго въ Кіевѣ 400 церквей, 8 рынковъ и несмѣтное множество народа (Chronicon, l. VIII, cap. 16; Monum. Polon. hist., I, 318), и Адама Бременскаго (lib., II, cap. 19; Script. rer. German. 1846, 62), который называетъ Кіевъ соперникомъ Константинополя и славнѣйшимъ украшеніемъ Греціи (по представ-

Владиміръ озаботился постройкою великолѣпнаго соборнаго храма, какимъ былъ на первыхъ порахъ храмъ Богородицы, возведенный греческими мастерами (989—996), куда онъ передалъ всѣ церковныя украшенія, взятыя имъ въ Корсунѣ [1]) и перенесъ сюда мощи св. Ольги [2]) Здѣсь былъ устроенъ корсунскій клиръ, а на церковь была назначена десятина отъ городовъ и княжескаго имущества [3]).

Временное пребываніе митрополита въ Переяславѣ вѣроятно зависѣло отъ того вліянія, какимъ пользовался Анастасъ. Во время нападенія на Кіевъ Болеслава I (1018 г.) послѣдній вошелъ въ его довѣріе („бѣ бо ся ему ввѣрилъ лестью"—общая характеристика грековъ) и получилъ надзоръ надъ имуществомъ, захваченнымъ въ Кіевѣ (Лавр., 140), слѣдов. онъ измѣнилъ Ярославу I въ пользу Святополка, какъ нѣкогда въ Корсунѣ. По вопросу о мѣстѣ пребыванія первыхъ митрополитовъ см. статью Н. Г. Лебединцева: „Гдѣ жили первые кіевскіе митрополиты въ Переяславѣ или Кіевѣ"? (Кіев. Стар. 1885. № 1). По вопросу о первомъ митроп. Михаилѣ см. статьи П. Г. Лебединцева и А. С. Павлова (Чтен. въ Общ. Нестора лѣт., кн. X и XI). Ср. В. Калининковъ: „Митрополиты и епископы при св. Владимірѣ" (Труды Кіев. Дух. акад. 1888, № 7, с. 463—593); И. Н. Малышевскій: „Кто былъ первый митр. кіевскій" 1883, № 10, с. 123—171).

III.

Еще болѣе Владиміръ упрочилъ свое дѣло утвержденіемъ книжности („бѣ бо любя словеса книжная"). И здѣсь онъ является тѣмъ же, чѣмъ былъ на Западѣ Карлъ Вел.—мы говоримъ объ устройствѣ училищъ для дѣтей, способѣ болѣе прочномъ для утвержденія новой религіи, чѣмъ одно крещеніе, какъ понималъ и лѣтописецъ [4]).

Мы знаемъ, какъ поступилъ Владиміръ съ вирами, подъ вліяніемъ епископовъ. Карлъ В. въ герстальскомъ капитуляріѣ 779 г. говоритъ: „Пусть пришлютъ ко мнѣ того, кто не хочетъ мириться, а я отправлю его туда,

---

ленію западныхъ писателей). Сосѣдство съ Греціей и церковная подчиненность поддерживали подобныя мнѣнія (Карамз., II, прим. 42) откуда идутъ преувеличенія Титмара (Фортинскій, 198). Впрочемъ Иларіонъ говоритъ: „Виждь же и градъ величествомъ сіяющъ, виждь церкви цвѣтущи" (Памяти., изд. Пономаревымъ, 75).

[1]) Лавр., 119; ср. 127. „Придоша изъ Грекъ въ Кіевъ къ Володимеру каменосѣчцы и зиздатели полатъ каменныхъ" (Никон., I, 103). „Сеже и по всей землѣ русской во всѣхъ княженіяхъ соборные церкви епископомъ сотвори" (105).

[2]) Голубинскій—разборъ извѣстій (I, 72).

[3]) Лавр., 121 - 122.

[4]) Лавр., 116—118. Ср выше, стр. 44.

гдѣ онъ никому не будетъ вреденъ" (П. Виноградовъ, Происхожд. феодаль отношеній въ лангобард. Италіи 292—93). Вѣроятно къ этому же време относится уничтоженіе обычая сожигать мертвыхъ и кости выставлять сосудахъ на столбахъ, при дорогахъ, который существовалъ у радимиче сѣверянъ и вятичей, а у этихъ послѣднихъ удерживался до време лѣтописца (Лавр., 12—13). Разборъ восточныхъ извѣстій, въ сравненіи русскими лѣтописями и западными источниками (Котляревскій, Погребал ные обычаи славянъ, 54—82; 116—124, 236). У полянъ, при существ ваніи погребенія встрѣчается и трупосожженіе (Ж. М. Н. Пр. 189 № 8, стр. 323). Въ курганахъ близъ Чернигова находили глиняные с суды съ человѣческими костями, поставленными наверху насыпи, соглас съ указаніемъ лѣтописи (Кондаковъ, Древности, V, 71). Точно также падеборнскомъ капитуляріѣ Карла В. о саксонскихъ областяхъ читаем „Если кто по обычаю язычниковъ предастъ пламени тѣло покойнаго кости его обратитъ въ пепелъ, то смертію да умретъ" (Pertz, Monu German. t. I, Leg., 50). Въ Норвегіи сожженіе замѣняется погребеніе въ началѣ IX в.; въ Даніи еще раньше и вообще введеніе христіанст имѣло въ настоящемъ вопросѣ существенное значеніе (Стрингольмъ, 344—351). Тѣло Эдуарда мученика, убитаго въ 978 г., было преда сожженію его друзьями, а пепелъ былъ положенъ въ Уоргемѣ, но э единственный извѣстный случай въ историческомъ періодѣ сожженія тру англосаксами (Спенсеръ, Англія, 154; о сожженіи вообще, 152—15 Трупосожженіе у древнихъ латинянъ считаютъ доказательствомъ ихъ арі скаго происхожденія (Ж. М. Н. Пр. 1898, № 11, стр. 36). О погребен и сожженіи въ разные періоды и у разныхъ народовъ (Нидерле, 152—15 276, 354, 487, 564—66).

Владиміръ скончался 15 іюля 1015 г.; но онъ нашелъ ревнос наго продолжателя своему дѣлу въ лицѣ своего сына Ярослава. Н напрасно такъ смотритъ на это дѣло и древнѣйшій кіевскій лѣт писецъ [1]).

Владиміръ былъ погребенъ въ Десятинной церкви. При этомъ лѣт писецъ (127—128) говоритъ, что тѣло его возложили на *сани*. Прип мнимъ другое замѣчаніе лѣтописца (ib., 59), что „сани Ольги стоятъ и сего дне въ Плесковѣ" (Псковѣ). Любопытно, что во всѣхъ болѣе важны случаяхъ, даже въ лѣтнее время (перенес. мощей Бориса и Глѣба, погр Ѳеодосія, Изяслава I и др.), упоминаются сани (Лавр., 128, 177, 181, 19 Ипат., 198). Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи говоритъ: „сѣдя на с нехъ" (232)—такъ было почетнѣе, важнѣе, а потому во всѣхъ торжественны случаяхъ и впослѣдствіи въ Москвѣ (въѣздъ въ Москву Филарета Никитич

[1]) Лаврент. л., 148—149.

по возвращеніи изъ плѣна и др.) даже лѣтомъ употреблялись сани (Соловьевъ, IX, 163); о погребеніи въ іюнѣ ц-ча Симеона Алексѣевича, 1669 (Древн. и Нов. Россія 1879, III, 174). О саняхъ, употреблявшихся при погребеніи рус. вел. князей, царей и царицъ, А. Н. Труворова (Р. Стар. 1887, LVI, 837—842; 1889, LXII, 451—457); О саняхъ въ похоронномъ обрядѣ до позднѣйшаго времени (Кіев. Стар., 1893, № 4; 1894, № 9, стр. 457). Ср. Д. Н. Анучинъ. Сани, ладья и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда. М. 1890, 146 стр. „Возможно, что гробъ предназначался быть лодкою“ (Спенсеръ, 152; Нидерле 512). Однако слѣдуетъ имѣть въ виду, что санями назывался также экипажъ на колесахъ, напр., для вербы (Забѣлинъ, Бытъ рус. царей, 1872, стр. 351; Путеш. патр. Макарія, вып. III, 175); а путные бояре назывались и санничими (Соловьевъ, V, 224).

По поводу обученія преп. Θеодосія въ Курскѣ Несторъ прямо говоритъ о существованіи тамъ *училища:* „Къ симъ же и датися веля на ученіе божественныхъ книгъ *единому отъ учитель*, якоже и створивъ скорѣ извыче вся грамоты, яко всѣмъ чудитися о премудрости и разума дѣтища и о скоромъ его ученіи; покореніе же его и повиновеніе кто исповѣсть, еже стяжа въ ученіи своемъ, не токмо же къ учителю своему, *но и ко всѣмъ учащимъ*“ (Кіев. сказ., IV—V). Ясно, что здѣсь идетъ рѣчь объ училищѣ, въ которомъ было не мало учащихся и нѣсколько учителей (Голубинскій допускаетъ здѣсь существованіе даже нѣсколькихъ училищъ, II, 473). Вѣроятно такъ было и въ другихъ городахъ. Но такъ какъ грамотность преимущественно должна была служить интересамъ церкви, то отсюда является враждебное отношеніе родителей къ насильному отобранію дѣтей въ училища и неизбѣжность поставленія въ духовный санъ рабовъ, получавшихъ такимъ образомъ свободу (Руская Историч. библіот., VI, стр. 79—84: грам. патр. Германа II м. Кириллу I, 1228 г.), какъ было и на Западѣ (Гизо, Ист. цивил. во Франціи, II, 416). На Ахенскомъ соборѣ 816 г. было заявлено, что нѣкоторые епископы берутъ въ дух. званіе исключительно церковныхъ крѣпостныхъ, такъ какъ подобные священники не смѣютъ роптать ни на какое обращеніе съ ними. Поэтому воспрещалось отстранять отъ духовнаго званія людей свободныхъ (Hefele, Conciliengeschichte, IV, 10). На основаніи капитулярія Карла В. никто не долженъ склонять чужого раба въ клерики и монахи, безъ согласія его господина (Pertz, I, Leg., стр. 23).

При Ярославѣ I (1019—1054) значительно расширенъ былъ городъ („великый Кіевъ“)[1]), возведены Золотыя ворота, какъ думаютъ по образу константинопольскихъ, „великій дворъ“—(дворецъ), построена

[1]) „Славный градъ твой Кіевъ величествомъ яко вѣнцемъ обложилъ“, говоритъ Иларіонъ о времени Ярослава (Памятники, 74).

новая соборная церковь—Софіи (залож. 1037), при которой устроена митрополія и библіотека, для пополненія которой собраны были писцы и переводчики, перелагавшіе книги съ греческаго языка [1]). Несомнѣнно, что Ярославъ могъ воспользоваться и болгарскими переводчиками [2]); но были призваны также греки и явились русскіе переводчики и писцы, о чемъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые изъ древнѣйшихъ рукописей. Во всякомъ случаѣ, составленіе библіотеки („собра писцѣ многи", „списаша книгы многи и списка", „многи написавъ, положи въ церкви св. Софьи")—требовало не мало времени, матеріальныхъ средствъ и труда. Кромѣ того Ярославу принадлежитъ построеніе двухъ княжескихъ монастырей—мужскаго (св. Георгія—въ честь христіанскаго его имени) и женскаго (св. Ирины—по имени его жены) [3]), а также многихъ церквей по городамъ и селамъ, по свидѣтельству лѣтописи") [4]), а, назначая содержаніе духовенству, онъ обязывалъ послѣднее учить людей [5]). Здѣсь несомнѣнно идетъ рѣчь объ училищахъ. Такой же характеръ имѣла дѣятельность Ярослава и въ Новгородѣ: по прибытіи сюда въ 1030 г., онъ распорядился собрать дѣтей поповскихъ и другихъ, при посредствѣ старостъ, числомъ до 300, и велѣлъ учить ихъ книгамъ [6]). Сынъ его Владиміръ построилъ Софійскій соборъ въ Новгородѣ, въ которомъ былъ и погребенъ [7]). Съ именемъ Ярослава соединяется часть сборника законовъ,

[1]) Лавр., 148—149. Здѣсь совершался обрядъ посаженія на столъ (Лавр., 239, 241. 276) и погребались многіе князья (Ярослава I, его сынъ Всеволодъ, ib., 158, 208, Ростиславъ Всеволодовичъ, Владиміръ Моном. и его сынъ Вячеславъ, 213 280, 325; Ипат., 114, 151, 154, 208. 325). Пріѣзжая въ Кіевъ, князья обыкновенно посѣщали Софійскій соборъ, Десятинную церковь, Печерскій монастырь и Вышгородъ, гдѣ находились мощи Бориса и Глѣба (Ипат., 280).

[2]) Голубинскій, I, 164—167; 604-605.

[3]) Лавр., 148—149, 152. Въ Георгіевскомъ м. былъ погребенъ Судиславъ, братъ Ярослава (159; Ипат. 106).

[4]) Объ украшеніи города и церквей говоритъ м. Иларіонъ (74).

[5]) Какъ и волхвы, духовенство не пользовалось расположеніемъ населенія. Преп. Ѳеодосій говоритъ: „Себо не погански ли живемъ? Аще бо кто усрящеть черноризца, то възвращается, ли единець (монахъ), ли свинью; то не поганьскы ли се есть?.. Видимъ бо игрища утолочена и людей много множество на нихъ, яко упихати начнуть другъ друга, позоры дѣюще отъ бѣса, а церкви стоять; егда же бываеть годъ (время, польское godzina) молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви" (Лавр лѣт., 165—166). Тѣ же суевѣрія обличались и на Западѣ—встрѣча съ монахомъ, чехъ (Спенсеръ, Англія, 210—212. 217—218, 222).

[6]) П. С. Л., V. 136; Никон. л., I. 132.

[7]) Лавр. лѣт., 151, 156; Синод. Новгор., 90.

извѣстнаго подъ именемъ „Русской Правды“ [1]) и ему же новгородцами приписывается льготная грамота, данная имъ, которая не дошла до насъ [2]).

Постройка церквей въ Кіевѣ и Новгородѣ XI—XII вв. (Десятинной, обоихъ Софійскихъ соборовъ, Михайловскаго мон., Кирилловскаго мон. и др.) содѣйствовала значительному распространенію художественной отдѣлки и живописи (мраморъ, мозаика, фрески), представляющихъ строго выдержанный византійскій стиль того времени [3]). Приходили также „пѣвцы“ въ Кіевъ и Печерскій монастырь, съ которыми соединяется введеніе демественнаго пѣнія [4]).

Ближайшій свидѣтель этой дѣятельности, м. Иларіонъ, въ своемъ „словѣ“, о Софіи кіевской говоритъ: „*церкви дивна и славна всѣмъ округнымъ странамъ*, яко же ина не обрящется *во всѣмъ полунощи земленѣмъ* отъ востока до запада“. Софійскій соборъ даже въ XVII в. возбуждалъ удивленіе. Такъ, Павелъ алеппскій писалъ: „Вся загадка въ томъ, откуда они (русскіе) добываютъ этотъ мраморъ, эти огромныя колонны, находящіяся внѣ церкви, потому что въ цѣлой этой странѣ нѣтъ ничего похо-

[1]) Законы эти, сравнительно съ подобными западными памятниками, отражаютъ въ себѣ духъ времени (Н. Д. Иванишевъ, О платѣ за убійство въ древнерус. и другихъ славян. законодательствахъ въ сравненіи съ германскою вирою, Собр. сочин.; Ведровъ, О денежныхъ пеняхъ по Рус. Правдѣ сравнительно съ законами салическихъ франковъ, Чтен. М. О. ист. 1877; Н. Рожковъ, Очерки юрид. быта по Русск. Правдѣ, Ж. М. Н. Пр. 1897, № 11, стр. 50, 59).

[2]) Впослѣдствіи грамота Ярослава въ глазахъ новгородцевъ служила такою же фикціей, какъ законы Эдуарда I для англичанъ (Тьерри, II, 25, 27, 143, 211; III, 298).

[3]) Подробности и литературу вопроса см. въ соч. Н. В. Покровскаго: „Стѣнныя росписи въ древнихъ церквахъ греческихъ и русскихъ“ (Труды Ярослав. Арх. съѣзда, I, 170 -186); ср. замѣчаніе по поводу софійскихъ фресокъ (Кіев. Стар., 1892, № 11, с. 224; Кондаковъ и гр. Толстой, Древности, IV, 113—159, 162—164). О соединеніи въ византійскомъ искусствѣ греческаго и варварскаго элементовъ и бытовыхъ сценъ изъ современной жизни (158—159). О болѣе низкомъ типѣ фресокъ Михайловскаго и Кирилловскаго монастырей (162, 164).

[4]) П. С. Р. Л. I, 142; III, 212, V, 138; Никон. I, 142; Татищевъ, 114; Памятн. XII в., изд. Яковлевымъ (Патерикъ), cxvii; Степен. книга, I, 244; Макарій, II, 6; А. Ряжскій, О происхожденіи русскаго церков. пѣнія (Прав. Обозр. 1866, №№ 9, 10 и 11). По поводу прибытія въ Россію грека Мануила, поставленнаго епископомъ въ Смоленскъ, лѣтописецъ отзывается о немъ: „пѣвецъ гораздый“ (Ипат., 215), причемъ необходимо имѣть въ виду, что онъ былъ и „скопецъ“ (Лавр., 289), -обстоятельство, важное для пѣвца. Съ этою цѣлью весьма часто производилась кастрація мальчиковъ (Н. Сперанскій, Очерки по исторіи народной школы въ З. Европѣ, М. 1896, сс. 85, 189).

жаго на ломки мрамора. Оказывается, что они возили это черезъ Черное море изъ Marmora, находящагося въ окрестностяхъ Константинополя, *и потомъ поднимались большою рѣкою* Niepros (Днѣпръ), впадающей въ это море; выгружали же въ городѣ Кіевѣ" (Матер. для топографіи Кіева, изд. Арх. ком., II, 81; подроб. описаніе Соф. собора въ „Путеш. ант. патр. Макарія въ Россію, опис. его сыномъ архидіак. Павломъ Алеппскимъ", перев. съ араб. Г. Муркоса, вып. II, М. 1897, с. 67—72). А другому путешественнику (XVI в.), Лассотѣ, показывали близъ церкви мѣсто, гдѣ похоронены были художники, составлявшіе планы и строившіе храмъ, „но памятника надъ ними нѣтъ никакого", прибавляетъ онъ (Матер., 17—18), какъ привыкшій видѣть монументы на Западѣ. Ср. еще: „О св. Софіи кіевской", Н. Г. Лебединцева (Тр. III Арх. с., I, 53—93) и „Кіевская архитектура X—XII вв.", П. А. Лашкарева (263—282 и Церк. археол. очерки, К. 1898).

IV.

Несомнѣнно, что весьма важнымъ фактомъ въ исторіи просвѣщенія этого періода было возникновеніе Печерскаго монастыря въ Кіевѣ, давшаго дальнѣйшее развитіе церковной жизни и книжности въ Россіи. Процессъ развитія аскетизма въ своемъ основаніи былъ вездѣ одинъ и тотъ же. Позитивистъ Литтре („Варвары въ средніе вѣка"), указавъ какъ варварство достигло своего апогея, а цивилизація пала до самаго низкаго уровня, и что общество искало необходимаго выхода, замѣчаетъ далѣе, что изъ тѣхъ же наличныхъ силъ тогдашняго общества, продукта древней цивилизаціи и новой религіи, долженъ былъ возникнуть элементъ, который былъ бы способенъ подчинить себѣ варварство и одержать верхъ. Ни литература, ни наука, говоритъ онъ, ни искусство не могли выполнить этой задачи. Сила эта—христіанская религія, созданная лучшими людьми Востока и Запада, гордая своей недавней побѣдой надъ язычествомъ и одушевленная ревностнымъ прозелитизмомъ. Прозелитизмъ одержалъ верхъ: варвары были побѣждены и перешли на сторону побѣдителя; трудно рѣшить, во что превратился бы Западъ, если бы этого не случилось [1]). Христіанство, не смотря на введенныя въ него смягченія главнаго принципа, есть, по своей сущности, религія аскетическая и, подобно

[1]) Горячая защита фанатизма, какъ сильной дѣятельной страсти, направленная противъ скептицизма Бэйля, у Руссо (Эмиль, IV). Идеалы и стремленія монашества по поводу соч. Karl Holl'я: ‚Enthusiasmus und Bussgewalt beim griechisch Mönchthum". Leipz. 1898 (Визант. Времен. 1899, в. 3—4. 475—524). О важности аскетизма въ исторіи. Lacombe De l'histoire considérée comme science, P. 1894, p. 81).

аскетическому буддизму, оно породило монашество. При разгромѣ варварами Римской имперіи, погибло много городовъ и деревень: культура понизилась и столѣтніе лѣса выросли на мѣстахъ, гдѣ нѣкогда трудились руки цивилизованнаго населенія. Монахи явились смѣлыми піонерами лучшаго порядка вещей столько же относительно одичалой почвы, какъ и относительно варварскихъ нравовъ. Такова точка зрѣнія, съ которой слѣдуетъ оцѣнивать роль монашества и монастырей въ теченіе этой несчастной эпохи... Раскрывъ карту древней Франціи, замѣчаетъ онъ далѣе, или какой бы то ни было нашей провинціи, увидишь на каждомъ шагу названія аббатствъ, капитуловъ, монастырей, церквей, пустынь, которыя обозначаютъ мѣста столькихъ же монашескихъ колоній. Есть-ли хоть одинъ городъ, который не былъ бы основанъ, обогащенъ или защищенъ какимъ нибудь братствомъ? Есть ли гдѣ нибудь густой лѣсъ, чистый источникъ, или величественная возвышенность, то можно быть увѣреннымъ, что церковь оставила на немъ свой слѣдъ, благодаря рукамъ монаха. Это вліяніе еще дальше удержалось въ законахъ, искусствахъ, правахъ, во всемъ строѣ стараго общества, которое провело свою молодость подъ руководствомъ, наставленіемъ и поддержкою монашескаго духа, и такъ было не только во Франціи, но во всей Европѣ [1]). Монастыри были пріютами мира и спасенія, разсадниками науки; убѣжищемъ послѣднихъ остатковъ эллинской и римской культуры. Будучи сами земледѣльцами, они явились основателями городовъ и колоній, а дѣвственные участки земли обязаны были имъ населенностью и плодородіемъ [2]).

---

[1]) При этомъ Литтре пользуется выраженіями Монталамбера

[2]) Gregorovius, III, 335–37. При продолжительномъ господствѣ Византіи надъ Италіей, здѣсь долго чувствовалось греческое вліяніе, а на папскомъ престолѣ сидѣли иногда сирійцы и греки (II, 269). Въ Римѣ, Равеннѣ, Неаполѣ и др мѣстахъ были греческія общины, церкви, монастыри (мѣстность Влахернъ въ Римѣ. III, 415), греческіе художники, и многія мѣстности напоминали своими именами ихъ родину. Въ церквахъ раздавалось греческое киріе-елейсонъ; у гроба св. Петра и Павла (IX в.) можно было видѣть символъ вѣры, написанный погречески и полатыни; въ церкви св. Цециліи мазаическая фигура Христа изображена была съ рукою, благословляющею погречески (Gregorovius, II, 410, 460. 524; III, 29, 54—55, 134, 137—138, 166, 242, 252, 415, 423. 457). О греческихъ монастыряхъ въ Италіи см. еще у И. Соколова (Состояніе монашества въ Визант. имперіи XI—XIII в., Каз. 1894, гл. 1-я и 2-я). Позже греческій языкъ утрачиваетъ здѣсь свое значеніе и Петрарка уже не встрѣтилъ въ Римѣ ни одного, знакомаго съ нимъ (Gregorovius. VI, 666–67).

Монашество являлось тогда идеаломъ для лучшихъ и высшихъ натуръ [1]). Оно покорило себѣ и слабыхъ, и сильныхъ міра сего. Такимъ образомъ Іеронимъ могъ уже воскликнуть: „Въ наше время Римъ обладаетъ тѣмъ, чего не зналъ міръ. Нѣкогда было мало христіанъ между мудрыми, сильными и благородными, нынѣ же многіе сильные, мудрые и благородные стали монахами". Нечестивый Римъ древнихъ—обратился въ священный городъ церкви. Подобно тому, какъ Востокъ шелъ въ Іерусалимъ, Мекку и Медину, благочестивыя толпы направлялись изъ Франціи, Испаніи и Британіи, чтобы увидѣть вѣчный Римъ и распростереться у гроба св. Петра. Короли (Конрадъ мерсійскій, Оффа остсаксонскій, Рахисъ лангобардскій, его жена Тазія и дочь Ротруда, имп. Лотарь I) стремились промѣнять пурпуръ на монашескую мантію. Сестра импер. Оттона II Матильда была аббатиссою въ Кведлинбургѣ. Оттонъ III въ одеждѣ кающагося совершаетъ пилигримство въ Монте-Кассино и на гору Гарганъ,—этотъ западный Аѳонъ, гдѣ посѣщаетъ отшельника, грека Нила; Политичеткія неудачи и преслѣдованія, въ свою очередь, влекли въ монастырь. Старая народная поэзія, бывшая національнымъ достояніемъ, стала падать, держась лишь въ низшихъ классахъ [2]). Музыканты и пѣвцы, пришедшіе на свадьбу къ импер. Генриху Ш, были отпущены безъ подарковъ, какъ ненужные. Адальбертъ Бременскій, любившій давать пиры, не пускалъ къ себѣ странствующихъ музыкантовъ и пѣвцовъ. Люди переставали цѣнить старинныя пѣсни и преданія. Дворянство рѣзко отдѣлилось отъ народа; рыцари и воины по ремеслу презирали послѣдній, а это отозвалось и на народной поэзіи: ею стали пренебрегать.

Уже въ капитуляріяхъ Карла В. находятся строгія запрещенія нѣмецкихъ народныхъ пѣсенъ, которыя пѣлись близъ церквей. Точно также, изъ постановленій соборовъ видно, что французское духовенство было враждебно простонародной поэзіи и въ особенности старалось искоренить народныя драматическія представленія на народномъ языкѣ, какъ нѣмецкое духовенство преслѣдовало старыя народныя пѣсни, въ которыхъ сохранялись языческія понятія и преданія. Ирландскій апостолъ св. Патри-

---

[1]) Гейсеръ, Ист. реформаціи, 4. Иначе смотритъ на монашество Кольбъ въ своей „исторіи культуры" (т. I); ср. Грегоровіусъ, III, 248—9, 251, 254.

[2]) Gregorovius, I, 140; II, 5—6, 209—210, 214, 293—296, 371; III, 133, 405, 418—419, 430, 490—491, 504; V, 257.

кій велѣлъ сжечь 300 свертковъ древнихъ языческихъ стихотвореній; а монахъ Гильда враждебно относится къ произведеніямъ бритовъ и умалчиваетъ объ ихъ національныхъ преданіяхъ. Иначе говорятъ о кор. Артурѣ эти преданія и иначе—Гильда. Пѣвцы и жонглеры считались лишенными спасенія (Шлоссеръ V, 291; Веберъ, V, 402, 642; VI, 161, 397—98; Коршъ, Всеоб. литер., II, 140—144).

Пустынножительство, при дѣвственной еще природѣ, было пока возможно и на Западѣ [1]. И здѣсь не было въ началѣ недостатка въ отшельникахъ, затворникахъ и другихъ видахъ аскетической жизни [2]; но потомъ монашество на Западѣ избрало другое, болѣе дѣятельное направленіе. Попытка столпничества не удалась: столпъ, построенный Вульфилайхомъ въ Трирской области, былъ разрушенъ по приказанію епископа. Такую же неудачу потерпѣло столпничество и въ Россіи [3]. Кириллъ Туровскій сошелъ со столпа и сталъ епископомъ [4]... Въ Византіи, напротивъ, столпничество пользовалось наибольшимъ уваженіемъ изъ всѣхъ видовъ подвижничества, а Евстафій Өессалоникійскій столпничество называетъ самымъ знаменитымъ изъ всѣхъ родовъ жизни [5]. Но монашество носило въ себѣ болѣе, нежели другіе церковные и политическіе институты, основной зародышъ разложенія [6]...

V.

Тѣ же стадіи развитія пережило монашество и въ Россіи. Начало монашества и здѣсь совпадаетъ съ первыми опытами распро-

[1] О разныхъ видахъ подвижничества на востокѣ см. Соколовъ, Сост. монашества въ Византійской имперіи IX - XIII вв., Каз. 1894, 340 - 346); и на Западѣ монахи носили имена по своимъ подвигамъ: молчаливый, невинный, добрый, простой и т. д. (Грегоровіусъ. III, 429); козья шкура и власяница и здѣсь имѣли свое значеніе (ib., 505).

[2] Григорій Турскій, I, 443 - 444: Гизо, Ист. цивилиз. во Франціи, I 245.

[3] Въ ранней русской литературѣ есть „Слово къ брату Столпнику", которое нѣкоторые приписываютъ м. Иларіону (М. П. Петровскій издалъ его въ Учен. Зап. Казан. унив. 1865, I, 47—84, по серб. списку XIV—XV в.; Срезневскій, Памят. рус. письма, 19; ср. Порфирьевъ, I, 371).

[4] Въ XII-мъ же в. близъ Переяславля Залѣсскаго подвизался на столпѣ—Никита; но онъ былъ убитъ изъ корыстныхъ цѣлей.

[5] Соколовъ, 346—347. Въ VI и VII вв. число стилитовъ было уже столь значительно, особенно въ Сиріи, что въ Византіи они были признаны закономъ (Базилики, кн. VII, отд. VIII, 2) за особое сословіе въ государствѣ (Ж. преп. Симеона Дивногорца, по мюнх. греч. рук. XI в., А. Ө Семенова, К. 1898).

[6] Грегоровіусъ, III, 335—337.

страненія христіанства. Иларіонъ[1]) и мнихъ Іаковъ прямо относятъ его ко времени Владиміра[2]), но они, конечно, говорятъ объ оффиціальномъ. открытомъ признаніи монашества. Иларіонъ (священникъ дворцоваго села Берестова—будущій митрополитъ) предупредилъ своимъ отшельничествомъ на горахъ Печерскихъ Антонія (родомъ изъ Любеча)[3]), который въ началѣ XI в. отправился въ Грецію и въ 1012—13 г. посѣтилъ Аѳонъ: прійдя же въ Кіевъ, онъ засталъ уже нѣсколько монастырей[4]), но жизнь въ нихъ ему не понравилась и тогда онъ рѣшился поселиться въ пещерѣ, принадлежавшей Иларіону. Во время смутъ, наступившихъ по смерти Владиміра I, Антоній вторично ходилъ на Аѳонъ, а по возвращеніи снова поселился въ пещерѣ (1028). Постепенно слава его на столько распространилась, что къ нему пришелъ на поклонъ вел. князь Изяславъ Ярославичъ со своею дружиною; а затѣмъ стало сходиться братство (12)[5]); но Антоній не былъ расположенъ къ мірскимъ связямъ и, устроивъ монастырь, самъ ушелъ въ пещеру[6]). Въ числѣ первыхъ послѣдователей Антонія мы видимъ „великаго Никона“, Ѳеодосія (родомъ изъ Василева—Василькова; затѣмъ переселившагося съ родителями въ Курскъ)[7]), Варлаама, сына знатнаго кіевскаго боярина (одни полагаютъ Ивана Творимирича, воеводы вел. князя Ярослава, участвовавшаго въ походѣ его сына Владиміра противъ грековъ. въ 1043 г., другіе—Яна Вышатича[8]),—всѣ три будущіе игумены[9]). Ефрема, главнаго евнуха („каженикъ“, т. е. иска-

[1]) Слово о законѣ и благодати.

[2]) Похвала кн. Владиміру. Въ одной изъ краткихъ лѣтописей (Супр. рукоп., изд. кн. Оболенскимъ, 11) сообщается, что при Десятинной церкви былъ основанъ и мон. Богородицы. Указываютъ также на основаніе Спасскаго мон. близъ Вышгорода монахами, прибывшими съ первымъ митрополитомъ (Макарій, II, 151, прим. 312).

[3]) По нѣкоторымъ указаніямъ (Лѣт. Переясл. сузд., 45; Супрасльск. лѣт., 164) въ мірѣ Антоній носилъ имя Антипы, а по замѣчанію Ассемани, монахи обыкновенно принимали имя (обычай, существующій и до сихъ поръ), начинающееся съ той же буквы, какъ и мірское.

[4]) О существованіи въ то время нѣсколькихъ монастырей въ Кіевѣ свидѣтельствуетъ и Несторъ (ж. Ѳеодосія, IX, X, XIII, XVIII).

[5]) Лавр., 152–154., ср. Изв. Ак. наукъ V, 154.

[6]) Соображенія о времени основанія Печерскаго мон. и др. хронолог. данныя, относящіяся къ нему, П. Казанскаго (Времен. Общ. ист., кн. XIX).

[7]) На основаніи ж. Ѳеодосія, написан. Несторомъ, полагаютъ, что онъ былъ сынъ служащаго лица, быть можетъ тіуна (Голубинскій, II, 472, примѣч. 4)

[8]) Лавр., 150; Голубинскій, II, 472, прим. 2. О нихъ см. ниже.

[9]) Въ такомъ порядкѣ: Варлаамъ, Ѳеодосій, Стефанъ, Никонъ (Лавр. 185—186).

женный) вел. кн. Изяслава, ставшаго потомъ, епископомъ переяславскимъ и митрополитомъ [1]), и др.

„Каженичество", хотя порицалось (см. подборъ извѣстій и отзывовъ о немъ въ Словарѣ Срезневскаго, I, с. 1173), но сильно было распространено въ предѣлахъ Византійской имперіи и зашло въ Россію. Происхожденіе евнушевства приписывали Семирамидѣ, и римляне, по связямъ съ Востокомъ, содержали евнуховъ въ большомъ числѣ, начиная отъ мальчиковъ до стариковъ (Am. Marcellinus. Rerum gestarum, lib. XIV, 6). Въ предѣлахъ Византійской имперіи евнушество настолько процвѣтало, что въ монастырскихъ уставахъ предписывались относительно ихъ особыя правила, а на Аѳонѣ скопцевъ считали виновниками „скоромнаго зла". Въ другихъ монастыряхъ, напротивъ, разрѣшалось предпочтительно принимать ихъ, какъ людей безстрастныхъ. Въ женскихъ монастыряхъ только изъ нихъ могли быть избираемы священники, экономы и врачи (Соколовъ, 330—333). Во время пребыванія въ Константинополѣ, въ эпоху крестовыхъ походовъ, французы плѣнялись мелодическимъ пѣніемъ греческихъ хоровъ, въ которыхъ участвовало много евнуховъ (Odo de Diogilo, De profectione Ludovici VII regis Francorum in Orientem. Migne, Patrol., CXCV; Guizot. Collect., XXIV, liv. IV). Тѣ же „безбожные греки", которые съ такимъ успѣхомъ торговали рабами въ Константинополѣ (изъ Руси отправлялась „челядь", по выраженію Святослава), доставляли ихъ отъ лангобардовъ въ Римъ, гдѣ конкуррировали въ этомъ торгѣ съ венеціанцами и евреями, и въ числѣ ихъ (конечно изъ Византіи) продавались и *евнухи*. Подобно венеціанцамъ, греки разъѣзжали по берегамъ Адріатическаго и Тирренскаго мм. Венеція, Равенна, Неаполь, Амальфи, Пиза были мѣстомъ сбыта и покупки рабовъ и оскопленныхъ мальчиковъ, почему папа Адріанъ I принялъ энергическія мѣры, чтобы пресѣчь этотъ грубый торгъ, а именно онъ распорядился сжечь греческіе корабли, а экипажъ ихъ ввергнуть въ темницу (Gregorovius, II, 410). При дворѣ Оттона III упоминаются также евнухи (III, 530; припомнимъ, что отецъ его былъ женатъ на греческой царевнѣ Ѳеофаніи), и этотъ обычай изъ Византіи зашелъ въ Россію. Полагаютъ, что при княжескихъ дворахъ евнухи вѣдали женскую половину дома, которая, при множествѣ рабовъ, была значительна (Голубинскій, II, 472, примѣч. 2). Въ 1089 г. дочь Всеволода Янка, ходившая въ Византію, привела съ собою м. Іоанна скопца, а когда его увидѣли люди, то въ одинъ голосъ сказали: „вотъ мертвецъ пришелъ" („се навье пришелъ") и онъ вскорѣ умеръ (Лавр., 202); а въ 1137 г. сразу были поставлены два

[1]) „Сий бо Ефремъ бѣ скопецъ, высокъ тѣломъ", замѣчаетъ лѣтописецъ (Лавр., 201).

епископа—скопцы: въ Смоленскъ Мануилъ и во Владиміръ—Θеодоръ (289). Еретикъ Адріанъ (въ Кіевѣ, 1004), также былъ скопецъ (Голубинскій, I. 784). „Навье"—мертвецъ, трупъ; чешск. nav—гробъ; готское naus—мертвый (Срезневскій, II, 272; Котляревскій, Погреб. обыч. у славянъ, 190). Аскетическому воображенію скопцы представлялись какими-то особенными свѣтлыми существами (сказанія Поликарпа; Макарій, II, прим. 109) и даже ангелы являлись монахамъ въ видѣ скопцевъ (Кіев. сказ., стр. cix, cxvii, cxviii, cLxxxi).—Въ Печерскомъ патерикѣ находимъ слѣдующія любопытныя сказанія: „Моисей, родомъ угринъ, любимецъ Бориса, во время нахожденія поляковъ на Кіевъ, былъ взятъ въ плѣнъ и достался на долю одной знатной женѣ, которая плѣнилась его красотою; но онъ принялъ монашество отъ одного проходившаго съ Аѳона монаха и отвергъ ея предложенія. Тогда мстительная женщина „повелѣ ему тайныя уды отрѣзати, глаголющи: не пощажу сего доброты. Моисей же лежаше аки мертвъ отъ теченія крови".... Въ ж. Моисея сообщается, что, по прибытіи его въ Печерскій мон., одинъ подвижникъ сильно боролся съ своею страстью, „святый же, имѣя въ руцѣ своей жезлъ.... удари его въ лоно и абіе омертвѣша уды его и оттолѣ не бысть пакости брату". (Патерикъ, cL—cLi). Другой случай съ Іоанномъ Затворникомъ (cxLiv): онъ закопался по перси. Извѣстна мѣстная легенда о его постепенномъ вхожденіи въ землю, съ которымъ связывается кончина міра.

Постриженіе Варлаама и Ефрема вызвало жалобы и сожалѣніе со стороны родителей перваго и гнѣвъ противъ Антонія вел. князя Изяслава, грозившаго разрушить пещеру; но когда князь узналъ о намѣреніи послѣдняго уйти изъ Кіева, то долженъ былъ смириться и подчиниться непреклонной волѣ иноковъ [1]). По благословенію Антонія былъ поставленъ первый игуменъ (1056) и построенъ небольшой деревянный храмъ въ честь Успенія Богородицы. Когда же в. кн. Изяславъ предоставилъ монастырю всю гору, послѣдній сталъ быстро устраиваться и распространяться. Такъ возникъ Печерскій монастырь; но вскорѣ Изяславъ взялъ на игуменство въ построенный имъ монастырь св. Димитрія—Варлаама; тогда братія испросила у Антонія поставить на его мѣсто новаго игумена. Выборъ Антонія палъ на Θеодосія, хотя еще молодого инока, но уже заявившаго настойчивость въ избранномъ имъ пути [2]) и монашескими добродѣтелями („кто болій васъ по-

[1]) Кіев, сказанія, xv—xviii, Li, cxiv, cxxxix, cLii, cLv, cLxx (ж. Θеодосія, сказ. о преп. Григоріѣ, Василіѣ, Прохорѣ и др.).

[2]) Противодѣйствовавшая этимъ влеченіямъ сына мать Θеодосія, при всемъ своемъ мужественномъ характерѣ, подчинилась его настоянію и приняла монашество въ Никольскомъ мон., близъ Печерскаго.

слушный, кроткій, смиренный, яко же Θеодосій, да сь будетъ вамъ игуменъ", сказалъ имъ Антоній). Самому же Антонію пришлось перенести непріятности вслѣдствіе заступничества въ княжеской борьбѣ за Всеслава, удалиться въ Черниговъ къ Святославу [1]), благодаря чему на мѣстѣ его подвижничества (Болдинскія горы) возникъ монастырь [2]). По возвращеніи въ Кіевъ Антоній вскорѣ скончался (1073). Однако не ему, а ученику его Θеодосію пришлось стать русскимъ Θеодоромъ Студитомъ († 826—послѣдній знаменитый возродитель монашества предшествовавшаго періода его упадка) и Бенедиктомъ Нурсійскимъ. При Θеодосіѣ монастырь значительно расширился: вмѣсто прежнихъ 20, въ немъ насчитывали до 100 монаховъ и тогда же введенъ былъ Студійскій уставъ [3]) и заложена великая каменная церковь (1073), постройку которой продолжали и окончили преемники Θеодосія († 1074)—игумены Стефанъ, Никонъ и Іоаннъ (1074—1089) [4]). Строилась она греческими мастерами и художниками [5]); но только въ к. XII в. (при игуменѣ Василіѣ, избран. въ 1182) монастырь былъ обнесенъ каменной стѣною [6]).

Θеодосій служилъ примѣромъ трудолюбія и послушанія, а въ его монастырѣ можно былъ встрѣтить всѣ виды тогдашняго аскетизма: затворничество, юродство, усиленный постъ, ношеніе веригъ, власяницы [7])

---

[1]) Событія 1067—69 гг Разборъ ихъ у Голубинскаго (II, 477—78, примѣч.).

[2]) Лѣтописецъ подъ 1074 г. упоминаетъ объ Успенскомъ мон., какъ возникшемъ, благодаря его подвижничеству (Лавр. лѣт., 188).

[3]) Студійскій уставъ сталъ образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ монастырскихъ правилъ (Макарій, III, 59—60). Преп. Θеодоръ и его время (759—826), свящ. Василія Преображенскаго, М. 1896, 356 стр. (изъ Пастыр. Собесѣдн. 1895—96); Студійскій уставъ и особенности богослуженія по нему, Н. С. (Вятск. Епарх. Вѣд. 1894, № 19, 20; 1895, № 4 и дал.). Замѣч. на это изслѣд. (Визант. Врем. 1895, III, с. 475—476; Историч. Вѣстн. 1897, № 3, стр. 1111—1113). Вотъ почему Студ. уставъ такъ чтится у раскольниковъ-старообрядцевъ (Рус. Стар. 1896, № 1, стр. 108). Въ Студійскомъ м. было до 1000 монаховъ.

[4]) Голубинскій, II, 481—482.

[5]) Яковлевъ, Кіев. сказанія XII в., ccxxi—xxiii.

[6]) Въ лѣтописяхъ и Патерикѣ упоминаются слѣд. игумены: Варлаамъ (—1062), Θеодосій (1062—1074), Стефанъ († 1078), Никонъ († 1088) Іоаннъ (1089—), Θеоктистъ (1103—1112, еп. черниговъ.), Прохоръ (1112—1126), Тимоѳей († 1130), Пименъ постникъ († 1141), Θеодосій II (1156), Поликарпъ (1168, 1171, первый архимандритъ, † 1182) Василій († 1197), Акиндинъ 2-й (1203—1231), Серапіонъ, 1240—1274 (Ипат., 187, 197, 209, 211, 366, 374, 424, 426, 473; Лавр., 186, 196—201, 329; Патерикъ, lxiii, lxxxi, lxxxiv, xci—xcii, clxxiii—clxxiv). Въ промежуткѣ помѣщ.: Акиндинъ 1-й (1156—1164), Θеодосій III (1198—1203), Поликарпъ 2-й (1232—38), Агапитъ (1238—1249) и т. д.

[7]) Кіев. сказ. (ж. Θеодосія и Патерикъ, lvi, civ, cxli—cxlii).

и козлиной шкуры [1]), безусловное молчаніе и т. п. способы добровольнаго истязанія, безъ сомнѣнія привлекавшіе вниманіе другихъ своею необычайностію [2]). Но Ѳеодосій, подобно прочимъ дѣятельнымъ натурамъ, не могъ замкнуться въ однѣ монашескія обязанности. По примѣру византійскихъ монастырей [3]), онъ построилъ близъ своей обители (въ честь ап. Стефана) особый дворъ съ церковью, принималъ сюда для жительства нищихъ, слѣпыхъ, хромыхъ и прокаженныхъ и на содержаніе ихъ удѣлялъ десятую часть всего монастырскаго имѣнія, а каждую субботу разсылалъ возъ хлѣбовъ находившимся въ темницахъ [4]).

Понятно, какое вліяніе долженъ былъ оказывать монастырь на современное общество, какъ извѣстная нравственная сила. Вел. кн. Изяславъ I часто приходилъ сюда, раздѣлялъ трапезу съ монахами, любилъ бесѣдовать съ Ѳеодосіемъ и приглашалъ его къ себѣ; вельможи подчинялись его вліяніямъ и приговорамъ. И во время занятія Кіева Святославомъ Ѳеодосій не призналъ его власти, прекратилъ сношенія съ послѣднимъ и продолжалъ поминать вел. кн. Изяслава. Но потомъ они примирились; стали посѣщать другъ друга, а Святославъ открыто заявлялъ свою преданность Ѳеодосію [5]) и полную готовность подчиняться его требованіямъ. Однажды, когда Ѳеодосій пришелъ къ Святославу, въ палатахъ его раздавались музыка и пѣсни. Ѳеодосій сѣлъ подлѣ князя, потупивъ глаза въ землю, потомъ взглянулъ на него и сказалъ: „будетъ ли такъ на томъ свѣтѣ?“ Князь

[1]) Лавр. лѣт., 186 (Исаакій, бывшій торопецкій купецъ).

[2]) Нѣкоторые изъ подвижниковъ носили особыя названія по своимъ подвигамъ: Пименъ постникъ (xcviii), Іоаннъ многострадальный (cxli), Лаврентій затворникъ (какъ и на Западѣ, см. выше, стр. 187).

[3]) Пантократорскій константинопольскій мон. и его типикъ, данный импер. Іоанномъ Комненомъ (Тр. Кіев. акад. 1895. № 8, стр. 537—585).

[4]) Въ одномъ изъ своихъ поученій Ѳеодосій обличаетъ монаховъ за то, что они ропщутъ на него за принятіе въ обитель и содержаніе на ея счетъ странниковъ и бѣдныхъ. Подобное же благотворительное значеніе, какъ полагаютъ, имѣло и „банное строеніе“ въ Переяславлѣ „сего же не бысть преже въ Руси“ (Лавр., 204), воздвигнутое м. Ефремомъ, долго жившимъ въ Константинополѣ, гдѣ постройка общественныхъ бань вмѣнялась въ заслугу нѣкоторымъ императорамъ (Ѳ. А. Терновскій, Изуч. визант. исторіи въ древней Руси, I, 76). Другія мнѣнія (Соловьевъ, III, пр. 114).

[5]) „Глаголаше Святославъ преподобному: „се, Отче, истину ти глаголю, яко же ми возвѣстили отца вставша отъ мертвыхъ, то не бы тако порадовался, яко же о приходѣ твоемъ, не быхся того тако боялъ или усумнѣлъ, яко же преподобныя твоея души“ (ж. Ѳеодосія). Предъ кончиною Ѳеодосія, его посѣтилъ Святославъ (съ сыномъ Глѣбомъ, Лавр., 182), которому и поручилъ онъ свой монастырь.

прослезился и велѣлъ прекратить игры. Послѣ этого случая игры всегда прекращались во дворцѣ, когда извѣщали князя о приходѣ Ѳеодосія. И не смотря на свою любовь къ Святославу, послѣдній не переставалъ при всякомъ случаѣ убѣждать его примириться съ братомъ и возвратить ему престолъ [1]). Ѳеодосій бралъ на себя защиту виновныхъ и обиженныхъ передъ князьями и судьями [2]).

Примѣру князей слѣдовали бояре и знатные люди. Многіе изъ нихъ имѣли Ѳеодосія своимъ духовникомъ, часто посѣщали его и принимали въ своихъ домахъ. Въ числѣ этихъ любимцевъ Ѳеодосія были варягъ Шимонъ (Симонъ) [3]) и кіевскій воевода Янъ съ своею женою Маріей [4]). Многіе князья и бояре приносили къ нему часть отъ своихъ имѣній на устройство монастыря и нужды братіи, а нѣкоторые жертвовали и села, гдѣ, подъ надзоромъ иноковъ, жили тіуны, приставники и слуги. Въ случаяхъ истощенія средствъ, какъ бы неожиданно являлась помощь отъ тѣхъ же благотворителей. Мѣсто для новой церкви, заложенной Ѳеодосіемъ на Берестовомъ полѣ, было подарено вел. княз. Святославомъ Ярославичемъ (1073) и онъ же началъ копать ровъ для основанія ея и первый пожертвовалъ на сооруженіе храма 100 гривенъ золота. Значительныя пожертвованія были сдѣланы также варягомъ Симономъ [5]), бояриномъ Климентомъ [6]) и др. При такой любви къ этому мѣсту и значительныхъ средствахъ нѣтъ ничего удивительнаго, что иконостасъ и стѣны храма блистали золотомъ, живописью и мозаикою, привезенною изъ Константинополя. Придѣлъ въ честь Іоанна Предтечи былъ устроенъ въ память бояр.

---

[1]) Сочувствіе къ Изяславу, проходящее красною нитью черезъ ж. Ѳеодосія у Нестора и др. печерскія сказанія (стр. 15–16, 25. 26, 30. 36, 38, 45, 51, 54, 128, 151), рѣзко отличается отъ отношенія къ нему кіевлянъ (Лавр., 166—178). Понятно, что лѣтописцы-монахи судятъ о немъ съ своей точки зрѣнія (196—198). Ср. какъ монахи-лѣтописцы смотрятъ на Альбрехта австрійскаго въ силу его церковныхъ отношеній и т. д. (Lorenz, I, 29—31, 149; ср. 232; II, 257 и выше, 59—60).

[2]) Ж. Ѳеодосія, LVI.

[3]) Братъ Якуна (см. с. 139–40), пришедшій еще къ Ярославу I и назначенный имъ въ старшіе бояре къ Всеволоду (Кіев. сказ., CXI). Варяжскій элементъ игралъ важную роль въ основаніи Печерскаго мон. (Кіев. сказ. CXXII, CXX). Ср. И. И. Малышевскій, Варяги въ начальной исторіи христіанства въ Кіевѣ, К. 1887.

[4]) О немъ см. Лавр., 205–206; Кіев. сказ. (Патерикъ), изд. Яковлевымъ, CXI—CXIV.

[5]) Ж. Ѳеодосія и Кіев. сказ. (Патерикъ), 111—114.

[6]) Ibid. XXXVII. Въ средніе вѣка и на Западѣ было въ употребленіи обозначеніе лицъ одними именами и прозваніями (Gregorovius, III, 406).

Іоанна и сына его Захаріи, который для этой цѣли пожертвовалъ 2000 грив. серебра и 200—золота и самъ постригся въ Печерскомъ мон. [1]). Постриженіе (1106 г.) подобныхъ лицъ, какъ черниг. князь Святославъ-Панкратій (Святоша) Давидовичъ (внукъ Святослава), въ монашествѣ Никола [2]), Іоаннъ и Сергій („отъ великихъ града того"—Кіева [3]), смоленскій купецъ Прохоръ и др., должно было отражаться и на благосостояніи монастыря. Не смотря на нестяжательность Θеодосія, монастырь имѣлъ свои села, гдѣ жили монахи, своихъ тіуновъ, слугъ и рабовъ [4]). Благосостояніе монастыря настолько было упрочено, что разореніе его половцами (1096), напавшими подъ предводительствомъ Боняка, вскорѣ могло быть изглажено безслѣдно [5]). Понятно, что нѣк. князья, какъ Всеволодъ и Владиміръ Мономахъ (обязанный исцѣленіемъ монастырю и защитившій этотъ послѣдній отъ гнѣва Святополка) [6]), являвшіеся покровителями обители, вызывали полное сочувствіе у монастырскихъ лѣтописцевъ. При Святополкѣ Изяславичѣ установлено было уже чествованіе Θеодосію [7]). Ростиславъ Мстиславичъ, будучи вел. княземъ, питалъ особенное уваженіе къ Печерскому мон., часто бесѣдовалъ съ игуменомъ Поликарпомъ и въ опредѣленные дни приглашалъ его и 12 чернецовъ къ своему столу. Онъ желалъ окончить дни въ стѣнахъ этого монастыря [8]). Сильный своимъ значеніемъ и поддержкою, монастырь не убоялся и неразборчиваго на средства Святополка во время голода и недостатка соли въ Кіевѣ, когда съ такою яркостію проявилась дѣятельность Прохора, прозваннаго Лебедникомъ, вслѣдствіе чего Святополкъ долженъ былъ сми-

[1]) Кіев. сказ., cxxiii cxxiv.

[2]) Дочь его была замужемъ за Всеволодомъ Мстиславичемъ (Карамзинъ, II, 109). Въ междукняжеской распрѣ 1097 г. онъ не отличался вѣрностью слова (Лавр., 260—262); постригся въ 1106 г. (271). Впослѣдствіи (1142) онъ является посредникомъ въ распрѣ князей (Ипат., 223; Патерикъ, сказаніе о немъ, стр. lxxxiii. c, cv); Карамзинъ, II, 109, пр. 210, 264, 280.

[3]) Кіев. сказ., cxxiii. Въ Печер. мон. (Опис. К. Печер. лавры) онъ построилъ церковь св. Троицы, надъ вратами, въ 1106 г., возобновленную Мазепою (ср. Ж. М. Н. Пр. 1898, № 5, с. 215).

[4]) Ж. Θеодосія и Патерикъ, xlvi, l, lii, lvi, lx, lxxxi, cxxxix.

[5]) Лавр. лѣт. 224—225; Кіев. сказ., xciii—vii (о Евстратіѣ и Никонѣ Сухомъ, взятыхъ въ плѣнъ половцами).

[6]) Кіев. сказ., cxxi—cxxii, cxxxi—cxxxiii, cxl, clvi.

[7]) Лавр. лѣт., 272 273. Послѣ того митр. распорядился внести имя его въ Синодикъ по всѣмъ епархіямъ.

[8]) Ипат. лѣт., 362—364.

риться передъ нимъ и игуменомъ Іоанномъ [1]). Напротивъ неуваженіе къ святому мѣсту и его поклонникамъ влекло за собою жестокую кару (эпизодъ о кн. Ростиславѣ Всеволодовичѣ и его слугахъ [2]).

Въ разсказѣ о соли видятъ обыкновенный фактъ снабженія ею жителей, благодаря значительнымъ запасамъ, имѣвшимся въ монастырѣ (Богослов. Вѣст. 1896, № 10, с. 22); но есть еще указаніе на добываніе соли изъ растительнаго „пепла" (Генъ, 10), а пр. Прохоръ происходилъ изъ смоленскихъ купцовъ. Лебеда принадлежитъ къ сем. маревыхъ, растетъ въ изобиліи, особенно въ посѣвахъ ржи, и идетъ въ примѣсь къ мукѣ, не смотря на всю непригодность такого хлѣба. Объ употребленіи ея часто упоминается при неурожаяхъ и голодахъ въ Россіи (Ф. Эрисманъ, Слов. Брокгауза, т. XXVII, 412; Кіевлян. 1898, № 325, изъ „Самарской Газеты"). Точно также, во время осады Мефкинга боэрами, гарнизону и жителямъ его раздавался хлѣбъ изъ лебеды, но причинялъ много болѣзней (телегр. отъ 9 апр. н. ст. 1900). По русской пословицѣ „не то бѣда, что во ржи лебеда, а то бѣда, какъ ни ржи, ни лебеды", которой соотвѣтствуетъ малорусская поговорка: „якъ є лобода, такъ и не біда" и т. п. (Яковлевъ, Древне-кіев. сказ., 148). По словамъ Рад. Глабера, во время голода 1047 близъ Макона, жители смѣшивали остатки муки и отрубей съ какой-то глиной и дѣлали изъ этой смѣси хлѣбъ, но это имъ не принесло пользы (Hist. sui temp., кн. V).

Благоговѣніе къ обители выражалось значительными приношеніями изъ другихъ мѣстъ. Такъ, Ярополкъ Изяславичъ, князь владиміро-волынскій († 1086) отдалъ въ монастырь все свое состояніе — волости Небльскую, Деревскую, Луцкую и земли близъ Кіева [3]); зять его Глѣбъ Всеславичъ (1108) минскій далъ средства на построеніе каменной трапезы [4]) и, кромѣ того, 600 гривенъ серебра и 50 грив. золота; по смерти же его (1119), жена князя, Анастасія, дала 100 грив. серебра и 50 грив. золота, а по смерти своей еще 5 селъ со всѣми слугами и имуществомъ [5]); тысяцкій сузд. князя Георгій, сынъ варяга Симона, управлявшій при Юріѣ Суздальской землей, въ 1130 г. прислалъ въ монастырь 500 грив. серебра и 50—золота на окованіе раки Θеодосія, а затѣмъ пожертвовалъ и ту гривну, которую носилъ на себѣ, заключавшую 100 грив. золота [6]) и т. п.

---

[1]) Сказанія, LIV—LVI.
[2]) Сказаніе о преп. Григоріѣ (CXXXIX—XL)
[3]) Ипат. лѣт., с. 338; Лавр. 199—200.
[4]) Лавр. лѣт., с. 272; Ипат., 187.
[5]) Ипат. лѣт, с. 338; Опис. К. Печ. л., 134.
[6]) Ипат., 211; Кіев. сказанія, CIV, CXV—CXVI.

Но расширялся монастырь и въ количественномъ отношеніи: уже въ первой четв. XII в. въ немъ считалось 180 иноковъ [1]). Конечно, контингентъ столь многочисленной братіи не могъ быть однообразнымъ какъ по своимъ нравственнымъ, такъ и по умственнымъ качествамъ. Нѣкоторые не могли оставить своихъ мірскихъ привычекъ, и въ мон-рѣ вели тяжелую и упорную борьбу, въ особенности съ двумя страстями: стяжаніемъ и властолюбіемъ [2]), столь несвойственными инокамъ и вызывавшими обличенія со стороны современныхъ „прозорливцевъ“ (Іеремія, Онисифоръ [3]), одинъ изъ которыхъ, Матѳей, отличался при томъ несомнѣннымъ юморомъ [4]). Слабость тѣла (Варлаамъ оставилъ свою жену, другіе подвергались оскопленію, см. выше) побѣждалась легче, но слабость духа давала себя чувствовать сильнѣе и рѣзче. Такъ, братія не пожелала имѣть игуменомъ Іакова, предложеннаго Ѳеодосіемъ, а выпросила Стефана („се же вы свою волю сотворити хощете“.... сказалъ Ѳеодосій и согласился [5]), но черезъ четыре года (1078) [6]) она позорно изгнала его [7]). Стефанъ нашелъ поддержку въ своихъ почитателяхъ (при основаніи монастыря на Кловѣ [8]), а затѣмъ былъ епископомъ владиміро-волынскимъ. Была попытка поднять крамолу и противъ его преемника—Никона. Но лѣтописецъ не пожелалъ распространяться объ этомъ дѣлѣ [9]). Въ 1180 г., по

[1]) Кіев. сказ., cxxx.

[2]) Сказанія, xlii, lii, lxxxvii—xc, xci—xcii, xcviii, cvi cviii, cix, cxvi, cxviii, clxv. Какъ оказывается, нѣкоторые, вопреки требованіямъ Ѳеодосія (xxxix), сохраняли въ монастырѣ свои богатства (xxxix, xli, xcviii, cvi, cvii, cxxiii, clxiv) и подавали поводъ къ похищенію ихъ (lxi, clxxvii).

[3]) Ibid., lxxvii, xci.

[4]) Сказанія, lxxvii—cxviii; Лавр. лѣт. 184—187. О ранахъ, нанесенныхъ Исакію отъ игум. Никона за юродство (lxxxi). Строгость „великаго Никона“, вѣроятно была причиною неудовольствія противъ него (Лавр., тамъ же). Такъ, Матѳею прозорливому представилось однажды на заутрени, что на мѣстѣ игумена стоитъ оселъ, а самъ игуменъ ее проспалъ (ibid.). Въ позднѣйшей ред. Патерика уже прибавлено, что игуменъ, узнавъ объ этомъ, поскорбѣлъ о своемъ поступкѣ, и вообще черты наивнаго изложенія здѣсь стерты напрасною поучительностью (см. Составители Кіево-печер. Патерика и позднѣйшая его судьба, М. А. Викторовой Ворон. 1871). Случай со старцемъ Мих. Тольбековичемъ, который „скочилъ со столпья по заутрени“, разсказанный Матѳеемъ (Лавр. л.), конечно былъ до построенія каменной стѣны.

[5]) Лавр. лѣт., 182.

[6]) Голубинскій, II, 481.

[7]) Патерикъ (ж. Ѳеодосія, xliii: Ипат., 131.

[8]) Голубинскій, 483—485.

[9]) Ж. Ѳеодосія, xciii.

смерти арх. Поликарпа, въ монастырѣ произошелъ даже мятежъ, такъ какъ братія не могла избрать изъ среды своей игумена и затѣмъ призвала постороннее лицо—попа Василія [1]). Посланіе еп. Симона по поводу подобныхъ стремленій одного изъ братіи Печерскаго мон. извѣстно (см. ниже). Богатые члены братіи не всегда охотно разставались со своими привычками (сказ. объ Ареѳѣ, Ѳеодорѣ), но обнаруживалась иногда наклонность къ захвату и со стороны монастырскихъ властей [2]). Нельзя не замѣтить, что современный бытописатель видѣлъ слабую сторону учрежденія, основаннаго на очевидномъ противорѣчіи двухъ противоположныхъ принциповъ: „многіе монастыри, говоритъ лѣтописецъ, отъ царей, отъ бояръ и отъ богатства поставлены, но не суть такіе, какъ поставленные слезами, пощеніемъ и бдѣніемъ“ [3]).

VI.

Нравственное вліяніе, обезпеченное за Печерскимъ монастыремъ его первыми основателями, создало ему не маловажное политическое значеніе. Сюда приходили князья передъ началомъ своихъ предпріятій [4]); событія въ Печерскомъ мон. привлекали ихъ вниманіе [5]), а пренебреженіе къ нему вызывало кару свыше [6]). Въ немъ устраивались княжескіе съѣзды и совѣты [7]). „Кіево-печерское сказаніе (о построеніи церкви

[1]) Патерикъ, LXXXV.

[2]) „Въ се же лѣто (1128) говоритъ лѣтописецъ, преяша церковь (т. е. монастырь) св. Димитрія печеряне, и нарѣкоша ю Петра, *съ грѣхомъ великимъ и не право*“ (П. С. Р. Л., I, 131; Лавр. л. 284).

[3]) Похвала св. Ѳеодосію (Кіев. сказ., LXXV). Въ лѣтописи впервые игумены Печерскаго мон. называются архимандритами въ 1174 г. (Лавр. и Ипат.). О болѣе раннихъ притязаніяхъ (Макарій, III, 29).

[4]) Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ Ярославичи передъ походомъ на половцевъ (Сказанія, CXI); Святополкъ Изяславичъ, Владиміръ Мон. (CXXXII—CXXXIII, CXXXIX, CXL, CLVII; Лавр. лѣт., 163, 211—213). Когда въ 1107 г. Святополкъ, побѣдивъ половцевъ, пришелъ въ Печерскій мон. на заутреню (15 августа), то „братья, говоритъ лѣтописецъ, цѣловаша й съ радостью великою, глаголюще, яко врази наша побѣждены быша молитвами св. Богородицы и св. отца нашего Ѳеодосія (т. е. благодаря молитвамъ монастыря); таковъ обычай имѣяше Святополкъ: коли идяше на войну или инамо, толи поклоньси у гроба Ѳеодосьева и молитву веемъ у игумена, ту сущаго, идяше на путь“ (Лавр., 272).

[5]) Ibid., CXXII.

[6]) Ibid. CLXXII, LXXIII.

[7]) Лавр. лѣт. 250, 366. Вообще, князья имѣли обычай звать монаховъ извѣстныхъ монастырей къ себѣ на трапезу (Ипат. лѣт.. 363, 458).

въ монастырѣ), говоритъ Ѳ. И. Буслаевъ, составилось и образовалось въ интересахъ дома и княжескаго рода Всеволода Ярославича Переяславскаго и Мономаховичей". Во время болѣзни сына (Владиміра Мономаха) Всеволодъ спѣшилъ сюда, чтобы возложить на него чудесный золотой поясъ Спасителя, вывезенный и подаренный варягомъ Шимономъ, первымъ бояриномъ Всеволода, о чемъ разсказывается въ особомъ сказаніи, связывающемъ появленіе его въ Печерскомъ мон. съ построеніемъ церкви [1]). Въ другой разъ Владиміръ М. (въ Черниговѣ) былъ исцѣленъ Агапитомъ, посредствомъ „зелья" посланнаго ему послѣднимъ [2]). Владиміръ Мономахъ беретъ мѣру кіево-печерской церкви и строитъ по образцу ея церковь въ Ростовѣ [3]), куда посылаетъ одну изъ „чудныхъ иконъ, писанныхъ Алимпіемъ", а сынъ Владиміра Георгій, наслушавшись отъ отца своего о чудесахъ кіево-печерскаго храма, въ ту же мѣру сооружаетъ храмъ въ своемъ княженіи, городѣ Суздалѣ [4]). Здѣсь находился постоянный дворъ Печерскаго мон. съ церковью св. Димитрія, устроенною митр. Ефремомъ и обезпеченный селами, прикрѣпленными къ ней [5]). Въ отдаленной Тмутаракани Никонъ, прозванный за свои подвиги великимъ, основываетъ монастырь во имя Богородицы, по образцу Печерскаго [6]); а въ этомъ послѣднемъ онъ самъ былъ потомъ игуменомъ [7]).

Слава Печерскаго монастыря усердно поддерживалась его учениками „Разумѣй брате, пишетъ Симонъ († 1226), еписк. владимірскій, Поликарпу, какая слава и честь монастыря того"... и, назвавъ

[1]) Варягъ Симонъ первый былъ погребенъ въ церкви Печерскаго мон. и первый получилъ отъ Ѳеодосія разрѣшительную молитву: „и оттолѣ утвердися таковое написаніе полагати умершимъ; прежде же сего нинъ не сотвори сицевыя вещи въ Руси" (Кіев. сказанія, cxxii—xiv). Объ этомъ обычаѣ упоминается и въ ж. Александра Невскаго († 1263; Срезневскій, Памят. письма, 129). Разрѣш. молитва, сочин. м. Кипріаномъ (Опис. Сборн. XV стол. Кирил. Бѣлозер. мон., Уч. Зап. Ак. Н. по 2-му отдѣл., V, 49—50). Сынъ Симона Георгій унаслѣдовалъ отъ отца любовь къ Печер. мон. и завѣщалъ хранить ее всѣмъ своимъ потомкамъ: „вездѣ бо молитва Ѳеодосія заступаетъ" (Кіев. сказ., cxiv, cxvi).

[2]) Сказанія, cxxxii—xxxiii.

[3]) Тамъ же, clxxviii—ix.

[4]) Буслаевъ, Очерки рус. народ. словесн., II. 109

[5]) Лавр. лѣт. подъ 1096 г. (230).

[6]) Ж. Ѳеодосія, напис. Несторомъ: „бысть монастырь славенъ (въ Тмутаракани), иже и до нынѣ есть, прикладъ имый всякъ въ Печерскы монастырь".

[7]) Историч. Вѣст. 1896, LXIII, 204: позднѣйшая попытка связать возникновеніе мон. въ предѣлахъ Тверскаго края съ Печерскою обителью.

рядъ епископовъ, вышедшихъ оттуда въ раздые города (Переяславль, Ростовъ [1]), Новгородъ [2]), Владиміръ, Юрьевъ, Полоцкъ, Тмутаракань, Черниговъ, Туровъ, Бѣлгородъ, Суздаль и др.), онъ продолжаетъ: „до насъ грѣшныхъ, думаю, ихъ было около 50 [3]). Я бы радъ оставить свою епископію и работать игумену, но ты знаешь, какая вещь удерживаетъ меня. И кто не знаетъ меня, грѣшнаго епископа Симона, и сей соборной церкви владимірской красоты и другой суздальской церкви, которую я самъ создалъ. Сколько имѣютъ они городовъ и селъ и десятину собираютъ по всей землѣ той, а тѣмъ всѣмъ владѣетъ наша худость. Но знай, говорю тебѣ, что всю сію славу и честь, какъ калъ вмѣнилъ бы, чтобы только мнѣ трескою торчать за воротами или сметіемъ валяться въ Печерскомъ монастырѣ и попираему быть людьми (или быть однимъ изъ убогихъ передъ вратами честныя лавры просителемъ); такъ лучше бы мнѣ временной сей чести одинъ день въ домѣ Божіей Матери, чѣмъ тысяча лѣтъ, и въ немъ желалъ бы я пребывать лучше, нежели жить въ селеніяхъ грѣшничихъ“ [4]). Приверженность къ Печерскому м. поддерживалась мнѣніемъ, утвердившимся уже тогда, что всякій, кто умретъ въ стѣнахъ монастыря и будетъ въ немъ погребенъ, даже грѣшникъ,—помилованъ будетъ и не подвергнется мученіямъ въ будущемъ вѣкѣ [5]). Сохранились весьма поэтическія сказанія объ этомъ влеченіи на концѣ дней къ

---

[1]) Первые два епископа въ Ростовѣ- Леонтій и Исаія взяты были изъ Печерскаго мон.; а позже (XIII в.)—Пахомій.

[2]) Въ Новгородѣ въ періодъ 1078--1156 г. были три епископа изъ Печерскаго мон.: Германъ, Никита, Нифонтъ (см. Новгор. лѣт. 1878, 185—191; Сказ., xc).

[3]) Вел. кн. Изяславъ, пытавшійся противопоставить Печерскому монастырю основанный имъ Дмитріевскій м., беретъ игуменовъ для него изъ Печерскаго м. (Варлаамъ, Исаія, потомъ еп. ростовскій). Современный бытописатель, по поводу этой распри, замѣчаетъ: „хотя сотворити свой монастырь выше Печерскаго, надѣясь на богатство“ (Сказанія, lxxv). Въ другихъ городахъ игумены нерѣдко ставились изъ Печерскаго мон. (Николай въ Переяславлѣ, Пахомій въ Ростовѣ, Симонъ во Владимірѣ и др., Лавр. лѣт., 416, 417).

[4]) Сказанія, xc—xci; ср. cxxix.

[5]) Ibid., xcii. Такъ, въ немъ погребаются кн. Евпраксія Всеволодовна, бояринъ Янъ, его жена Марія, похороненная по указанію Θеодосія вблизи его гроба, и сынъ ихъ Варлаамъ, завѣщавшій похоронить его въ Печерск. мон. (Лавр. лѣт., 205, 271; Ипат., 188 и Патерикъ). Въ 1158 г. здѣсь была погребена дочь Ярополка Изяславича (волын.), бывшая за Глѣбомъ Всеславичемъ минскимъ (см. стр. 195), въ одномъ съ нимъ гробѣ, „въ головахъ у св. Θеодосія“. Отсюда понятно сочувствіе кіевскаго лѣтописца къ Ярополку, по поводу его смерти (Лавр., 199—200; Ипат., 144--45, 338; Карамзинъ, II, пр. 211, 223).

Печерской обители, чтобы быть положену у гроба Θеодосія (о вел. кн. Ростиславѣ Мстиславичѣ, о еписк. Нифонтѣ)[1]. Противъ нѣкоторыхъ крайностей этого рода приходилось уже бороться самимъ печерскимъ подвижникамъ, представлявшимъ себѣ религіозный идеалъ все-таки выше, чѣмъ онъ является въ послѣдующій періодъ.

На Западѣ мысль эта прекрасно выражена еще Алкуиномъ: „Не пугайся мірскаго платья, говоритъ онъ, которое ты носишь, или твоей свѣтской жизни, какъ будто въ этой одеждѣ ты не въ состояніи перейти порогъ царствія небеснаго. Ибо какъ блаженство Божьяго царства проповѣдуется всѣмъ безъ различія, точно также и входъ въ это царство открытъ, по степени достоинства, одинаково всѣмъ поламъ, возрастамъ и лицамъ“ и т. д. „Alcuini Opera, II, 145; Гизо, Ист. цивил. во Франціи, II, 130). И въ печерскихъ сказаніяхъ сообщается, что игуменъ Никонъ отговаривалъ инока Никиту отъ затвора, говоря ему: „о чадо, нѣтъ тебѣ пользы сидѣть празднымъ, ибо ты юнъ еще! Лучше было бы, чтобы ты остался среди братіи и поработалъ ей“ и т. д.; но онъ настоялъ на своемъ и за такое высокоуміе подвергся искушенію отъ бѣсовъ (cxxvii -xxviii). Въ посланіи Поликарпа къ Акиндину читаемъ: „Глаголяй сице: аще видите мя умирающа, тогда постризите мя, сего суетна вѣра и постриженіе.... Постриженіе скымное ничто же пользуетъ, аще сего добрыя дѣла отъ муки не избавятъ“ (cʟxxxv—ʟxxxvi); а архим. Поликарпъ I-й удержалъ отъ постриженія вел. кн. Ростислава Мстиславича, сказавъ ему: „Вамъ Богъ тако велѣлъ быти: правду дѣяти на семъ свѣтѣ, въ правду судъ судити и въ крестномъ цѣлованіи вы стояти“ (Ипат. 362 -363). Но подобныя наставленія не всегда достигали цѣли. Въ XII -XIII вв. обычай этотъ уже утвердился (Голубинскій, II, 557 558). Въ московскій періодъ постриженіе передъ смертью сдѣлалось обычнымъ въ княжеской семьѣ и въ высшей средѣ (Н. Я. Аристовъ, Невольное и неохотное постриженіе въ монахи у нашихъ предковъ, Древн. и Нов. Рос. 1878 г., №№ 5 9). Подобныя же воззрѣнія пропагандировались и на Западѣ. Такъ, въ XIV в., въ Англіи, францисканскіе монахи распространяли, что принявшій схиму и вступившій хотя бы передъ смертію въ ряды ихъ братіи избѣжитъ мученій и попадетъ прямо въ рай (Англ. пугачевщина, М. Ковалевскаго, Р. Мысль 1895, № 5, стр. 17).

Составъ печерской братіи былъ весьма разнообразный какъ по мѣсту происхожденія (Антоній былъ родомъ изъ Любеча, Θеодосій изъ Васильева, Исаакій—торопчанинъ, Ареθа—полочанинъ, Прохоръ—изъ

[1]) Ипат. лѣт., 332, 362 363.

Смоленска, Моисей изъ Венгріи и т. п. [1]), такъ и по своему положенію: Никола-Святоша Давидовичъ—изъ черниговскихъ князей; Варлаамъ—сынъ боярина; Ефремъ (евнухъ), завѣдывалъ дѣлами при великокняж. дворѣ, впослѣдствіи митрополитъ; Іоаннъ и Сергій—были бояре „отъ великихъ града"; извѣстные уже намъ Никонъ и Стефанъ, вѣроятно, также были изъ бояръ [2]); Моисей, славный своею красотою, съ братомъ Георгіемъ, служилъ при дворѣ кн. Бориса, убитаго на Альтѣ; Исаакій, Θеодоръ, Евстратій, Прохоръ, Пименъ, Ареθа, Еразмъ были купцы, или люди зажиточные [3]); неизвѣстный по имени армянинъ—искусный врачъ) [4]). Съ именемъ Никона соединяются церковныя и политическія отношенія Кіева къ отдаленной Тмутаракани [5]); препод. Кукша палъ жертвою миссіонерской дѣятельности среди вятичей [6]). Попавъ въ плѣнъ, печерскіе черноризцы содѣйствовали иногда обращенію въ христіанство половцевъ и евреевъ (сказанія о Евстратіѣ и Никонѣ Сухомъ).

Печерскій монастырь поддерживаетъ постоянныя связи съ Константинополемъ, откуда получаетъ онъ уставъ (Студійскій), книги и художниковъ, полагающихъ здѣсь начало иконописной школѣ (Алимпій), произведенія которой расходились тогда по всей Россіи [7]). Преп. Григорій († ок. 1120) составляетъ богослужебные каноны и пѣсни въ честь русскихъ святыхъ и празднествъ [8]). Вел. княг. Верхуслава

[1]) См. Памяти. XII вѣка, III, LXXIX, CVII, CXLV, CLI—LII.

[2]) Голубинскій, II, 483, 486. Такъ было и въ др. монастыряхъ (Кіев. сказ., XVIII).

[3]) Ibid. 483. Ср. сказанія, CII.

[4]) Кіев. сказанія, CXXIII, CXXXV, CLXIV, CLXXXI—LXXII, CLXIV. Другой врачъ Петръ сирянинъ служилъ при кн. Николѣ-Святошѣ и умеръ при немъ въ монастырѣ (ibid. C—CIV).

[5]) Ibid. XVIII, XXVIII, LIV. Отъ него же вѣроятно достались Печер. лѣтописцу извѣстія объ этомъ отдаленномъ краѣ, нѣкоторыя изъ событій котораго несомнѣнно были записаны на мѣстѣ (Бутковъ, 439: Б—въ Рюминъ, 53, 54—56).

[6]) Кіев. сказанія XCVII. Г. Пясецкій. О св. Кукшѣ, какъ просвѣтителѣ Орловскаго края. Орелъ 1894, 122 стр.

Въ 1147 г. монахъ кіев. Глушенскаго м. Герасимъ проповѣдывалъ христіанство въ Вологодскомъ краѣ и основалъ монастырь, гдѣ впослѣдствіи возникъ г. Вологда (Соловьевъ, III, 62; Ключевскій, Житія, 332). Сомнѣнія (Голубинскій, II, 638).

[7]) Ibid. XVIII, XXI, XXVII, CXVII, CXX, CXXI, CLXXIV, CLXXVI, CLXXXIX. Быть можетъ съ этой школой имѣетъ связь слѣд. запись Псков. лѣт. (1409): „Подписана бысть церковь св. Троица во Псковѣ городѣ; а писалъ Антоній инокъ кіевлянинъ съ ученикомъ съ Игнатіемъ" (П. С. Р. Л., IV, 308).

[8]) Въ рук. службѣ вел. кн. Владиміру (15 іюля), приписываемой Григорію, читаемъ: „Веселится и радуется *великій градъ твой Кіевъ*" и т. д. (Филаретъ, Обз.

(Анастасія) Всеволодовна, жена Ростислава Рюриковича, переписывается съ еп. Симономъ, а этотъ послѣдній съ Поликарпомъ,—печерскимъ инокомъ, о поставленіи его епископомъ, которая рисуетъ передъ нами все значеніе Печерскаго мон. въ выборѣ лицъ на высшія іерархическія мѣста, способы, употреблявшіеся иногда для поддержанія предлагаемыхъ кандидатовъ, и страсти, которыхъ не чужды были печеряне; наконецъ взгляды лучшихъ представителей на эти отношенія [1]). Такимъ образ. Печерскій мон. не напрасно считался архимандріей всей Россіи [2]).

Первоначально медицина тѣсно была связана съ религіознымъ культомъ. Взглядъ этотъ удержался и въ средніе вѣка. Такъ, духовныя лица стояли во главѣ больницъ въ Александріи и Константинополѣ. Въ XII в. они повсемѣстно были врачами. Въ Англіи выдача докторскихъ дипломовъ зависѣла отъ епископской власти и только въ XV в. была основана коллегія медиковъ, получившая право выдавать дипломы; но еще въ XVI в. медициной продолжали заниматься монахи (Physicians and surgeons, by H. Spencer, Contemp. Review и Popular Science Monthly, 1895, july; Les médecins grecs à Rome, par. M. Albert, P. 1895; Англія Спенсера, 140, 236, 238; Историч. Вѣст. 1895, т. LXI, № 9, стр. 787—790). И въ Россіи на первыхъ порахъ видимъ врачами волхвовъ и монаховъ, но упоминаются и врачи по профессіи. Прокаженнаго богача въ Кіевѣ мочили водою изъ колодца Өеодосія и мазали какимъ-то составомъ, отъ котораго онъ „весь гноемъ вскипѣ, за невѣрствіе его"; но названный выше Алимпій помазалъ его „вапой, ею же иконы писаше" и исцѣлилъ... (Кіев. сказ., clxxvi—vii). При Николаѣ-Святошѣ служилъ врачемъ Петръ Сирянинъ (сиріецъ). Послѣ отхода князя въ монастырь, онъ остался въ Кіевѣ „врачуя многы"; однако, когда самъ заболѣлъ и сталъ пить „зелія", то не выздоровѣлъ до тѣхъ поръ, пока Николай Святоша не исцѣлилъ его силою молитвы. Вел. кн. Изяславъ лѣчился водою изъ печерскаго колодца, которою обтерли гробъ пр. Өеодосія, и надѣвалъ на себя власяницу Николы Святоши (тамъ же, ci—cv). Нѣсколько ранѣе жилъ въ Кіевѣ врачъ армянинъ, соперникомъ котораго является пр. Агапитъ, уроженецъ Кіева, постригшійся еще при Антоніѣ

рус. дух. литер., 23; ср. отзывы м. Иларіонъ объ Ярославѣ выше, стр. 181). При Олегѣ Кіевъ считался еще „малымъ градомъ" (Лавр. лѣт., 20).

[1]) Яковлевъ, Сказанія, lxxxviii—ix; Памятн. языка, Срезневскаго, 94—95.

Переписка Кирилла Туровскаго съ игум. Печер. мон. Василіемъ (посвящ. въ 1182 г.) одними принимается (Приб. къ Твор. св. отц., X, 341), а нѣк. полагаютъ, что письма Кирилла были писаны къ другому лицу (Голубинскій, I, 669—70).

[2]) Яковлевъ, lxiv, cxxvi; ж. Авр. Смоленскаго (Прав. Соб. 1858, III, 143, 283). Ср. Значеніе Печерскаго мон. въ начальной исторіи русской церкви и общества, С. Смирнова (Богосл. Вѣст. 1896, № 10, стр. 1—23).

и принявшій на себя обязанность ухода за больными (см. выше). Онъ прославился лѣченіемъ послѣ исцѣленія перваго боярина вел. кн. Всеволода. Агапитъ лѣчилъ не только молитвою, но и травами и умѣлъ лѣчить даже противъ отравленія. Въ особенности авторитетъ Агапита поднялся, когда ему удалось исцѣлить (травами же) Владиміра Мономаха, послѣ неудачнаго лѣченія его армяниномъ. Изъ бесѣды съ Агапитомъ армянинъ вывелъ заключеніе, что онъ лѣчитъ александрійскими травами, но замѣчаніе это вызвало насмѣшку со стороны Агапита. Впослѣдствіи армянинъ вступилъ въ Печерскій мон., гдѣ и окончилъ свои дни (тамъ же, cxxx—xxxv). Въ церк. уставѣ Владиміра св. „лѣчецъ" отнесенъ къ церковнымъ людямъ; а въ Рус. Правдѣ (по акад. спис., ст. 2-я) полагается плата „лѣтцю" (лѣкарю) за лѣченіе послѣ нанесенной раны.

Монастырь не чуждался еще тогда связей съ западнымъ міромъ. Идея о построеніи печерскаго храма принадлежала западнымъ выходцамъ, служившимъ въ княжеской дружинѣ, а важнѣйшія святыни этого храма, поясъ и вѣнецъ Христовъ, принесены были изъ Варяжской земли и самое изображеніе Христа, чудесно повѣдавшее о сооруженіи кіево-печерскаго храма было сдѣлано варягомъ (скульптурное), „якоже латыни чтутъ", и осталось въ Варяжской землѣ. Сказанія о построеніи церквей въ мѣру пояса также распространены на Западѣ, въ особенности въ нѣмецкихъ преданіяхъ [1]). Печерскіе иноки интересовались иноземными событіями, какъ видно изъ одной записи въ повѣствованіяхъ Поликарпа о жизни отшельниковъ [2]). Простой поселянинъ, поступивъ въ монастырь, считалъ нужнымъ научиться чтенію книгъ [3]). Впрочемъ, увлеченіе книжностью приводило иногда къ еретическимъ толкованіямъ и вызывало подозрѣніе со стороны братіи; такое самомнѣніе считалось результатомъ искушенія дьявола, требовавшимъ религіознаго исцѣленія (сказанія о Никитѣ, Лаврентіѣ и Исаакіѣ) [4]). Борьба со страстями въ той или другой формѣ, съ

---

[1]) Слово о созданіи церкви въ Памятн. XII в., изд. Яковлевымъ, cx—cxiv; также изслѣдованіе, 129—130 (по Дюканжу и Гримму).

[2]) „Во едину убо нощь Болеславъ (польскій) напрасно умре; и бысть мятежъ великъ во всей Лядской землѣ и вставше людіе избиша епископы своя и боляры своя (яже и въ лѣтописцы повѣдаетъ тогда) (Памятн. XII в., cl—cli). Почти дословно мѣсто этого находится въ русской лѣтописи (Лавр. спис. 146; ср. у Мартина Галла, lib. I, cap. 19); ср. Карамзинъ (II, прим. 30) и Бобржинскій (I, 89).

[3]) Ibid., clxxiii—clxxiv.

[4]) Ibid., cxxviii, cxxx; изслѣд. 137—138.

Въ одномъ изъ капитуляріевъ Карла В. (Capit. eccles., Pertz, Leges, I, § 20)

искушеніями, противопоставляемыми дьяволомъ, составляетъ общую канву сказаній о печерскихъ подвижникахъ, которые славились этимъ и за предѣлами своей обители. Можно сказать, что дьяволъ находился въ полномъ распоряженіи печерскихъ подвижниковъ [1]). И когда прославленный уже даромъ исцѣленій Лаврентій затворникъ (въ Дмитріевскомъ мон.) не могъ выгнать бѣса изъ приведеннаго къ нему больнаго, то отослалъ его въ Печерскій мон., причемъ больной засвидѣтельствовалъ, что въ этомъ послѣднемъ есть 30 иноковъ, которые могутъ изгнать изъ него бѣса однимъ словомъ [2]). Необычайность чудесъ, совершенныхъ въ немъ, составляетъ отличительную черту Печерскаго патерика. Не разъ названный нами Симонъ, указывая на эту особенность ихъ Поликарпу, говоритъ: „по истинѣ, братъ Поликарпъ, гдѣ слышалъ ты о такихъ дивныхъ чудесахъ, какія творились во св. Печерскомъ монастырѣ“? А разсказавъ о чудесахъ, бывшихъ при построеніи главной церкви, онъ замѣчаетъ: „прошли мы книги Ветхаго и Новаго Завѣта и нигдѣ не находили о святыхъ церквахъ такихъ чудесъ, какъ объ этой“ [3]).

говорится что, каноники должны читать книги только въ церкви (со ссылкой на Лаодик. соборъ).

[1]) Кіев. сказанія, clxviii—ix. По этимъ сказаніямъ бѣсъ принималъ различные образы: то свиньи (Лавр. лѣт. 185), въ соотвѣтствіе извѣстнымъ евангельскимъ повѣствованіямъ (Сказ., clxix), то чернаго ворона (lxxxi), то ангеловъ и даже Христа (lxxix—lxxxi; cxxvii—cxxviii). Но въ нихъ мы не встрѣчаемъ такого подвига, какой былъ совершенъ Іоанномъ новгородскимъ. Въ сказаніяхъ о Фаустѣ есть разсказъ, изъ котораго видно, что онъ направилъ къ одному богобоязненному, но недогадливому старцу діавола, который забрался къ нему въ спальню и началъ устрашать его свинымъ хрюканьемъ, но старецъ превозмогъ его своими насмѣшками и терпѣніемъ. Самъ Фаустъ совершаетъ путешествія по всѣмъ городамъ (и въ Римъ) верхомъ на летающемъ духѣ, принявшемъ видъ лошади (Ж. М. Н. Пр. 1880, № 10, стр. 381—382, 392). Въ нашихъ сказаніяхъ, какъ и на Западѣ, означенные образы заимствовались изъ отеческой литературы, извѣстной уже въ переводахъ (Яковлевъ, изслѣд., 80—126; A. Maury, Essai sur les legendes; Историч. Вѣстн., т. XV, 158—172).

Любопытно, что въ извѣстномъ стихѣ „о злой травѣ шихъ“ всѣ соблазны иноческой жизни, въ которыхъ замѣшанъ женскій полъ, приписываются дѣйствію этой травы, а въ томъ числѣ и все совершившееся съ Моисеемъ Угриномъ (Чт. Общ. ист. и древн. рос. 1894, IV, стр. 4).

[2]) Кіев. сказ., cxxx.

[3]) Кіев. сказ., xcvii, cxix, cxxvi; Голубинскій, I, 632.

Поликарпъ однако свидѣтельствуетъ, что нѣкоторымъ непріятны были разсказы о великихъ подвигахъ печерскихъ иноковъ (cxxxv).

VII.

Одновременно съ Печерскимъ и въ ближайшее за тѣмъ время въ Кіевѣ возникаетъ рядъ монастырей:(Димитріевъ), основ. Изяславомъ (Димитріемъ) Ярославичемъ (ок. 1062 г. [1]); Выдубецкій, основ. вел. кн. Всеволодомъ Ярославичемъ (Всеволожій) [2]), съ мѣстомъ котораго соединялось преданіе о Перунѣ [3]); Спасскій, на Берестовѣ, иначе „Германечь“, по игумену его Герману) [4]); Симеоновскій, основан. в. кн. Святославомъ Ярославичемъ (1073—1077) и считавшійся фамильнымъ въ его потомствѣ [5]). въ Копыревѣ концѣ [5]); Кловскій или „Стефанечь“, названный по имени Стефана, бывшаго игуменомъ Печерскаго мон. и основ. имъ въ 1103 г., при содѣйствіи богатыхъ бояръ (по уставу Печер. мон., въ честь Влахернской иконы) [6]); Андреевскій или Янчинъ, заложенный въ 1086 г. кн. Всеволодомъ Ярославичемъ, гдѣ постриглась дочь его Анна (Янка, „дѣвою сущи“) и сестра ея Евпраксія, въ которомъ было много монахинь [7]); Николаевскій-женскій [8]) и Лазаревъ-женскій [9]);

[1]) Лавр. 155, 200; Ипат., 112, 145. Здѣсь погребенъ былъ (въ мраморномъ гробѣ) сынъ его Ярополкъ, кн. владимірскій (волынскій), въ церкви ап. Петра, которую онъ началъ строить. Объ Изяславѣ часто упоминается въ ж. Ѳеодосія и патерикѣ. Димитріевскій монастырь, П. Г. Лебединцевъ (Чт. въ Общ. Нест. лѣт. I, 28—36).

На мѣстѣ погребенія знатныхъ лицъ въ монастыряхъ ставились божницы (боженки), templum parvum, sacellum (Лавр. лѣт., 273); подобныя же божницы ставились и на открытыхъ мѣстахъ: „Поѣхаста на устье Припети на Давыдову боженку“ (Ипат. лѣт., 6658. 6659).

[2]) Лавр. лѣт., с. 169, 176, 201, 211, 248, 274, 297, 434; Ипат. 122, 145, 168, 233, 261, 355; жит. Ѳеодосія (xxv).

[3]) Макарій. I, прим. 311.

[4]) Макарій, II. 68; Голубинскій. II, 483, 627; Лавр. л., 224; Ипат. 162, 425, Въ немъ были погребены: Евѳимія Владиміровна, корол. венгерская (Лавр., 289). вел. кн. Юрій Влад. и сынъ его Глѣбъ (ibid. 330, 345; Ипат. 336. 384). О его игуменахъ (Лавр., 176, 370, 433—34; Ипат. 425). Церк. арх. очерки, П. Лашкарева (105—16).

[5]) Лавр., 302. Здѣсь, вѣроятно, погребена и дочь его, монахиня Предслава (Ипат. 204). Въ немъ же постригся и погребенъ былъ въ 1147 г. внукъ Святослава Игорь Ольговичъ, уб. кіевлянами (ib., с. 250: „бѣ бо монастырь отца его и дѣда его Святослава“). Тѣло его перенесено потомъ въ Черниговъ (283). О м. св. Симеона и Коп. концѣ (Лашкаревъ, 160 87).

[6]) Ж. Ѳеодосія, Лавр., с. 224, 273; Ипат., с. 162. Здѣсь погребенъ былъ Давидъ Игоровичъ кн. влад.-волын., извѣстный ослѣпленіемъ Василька (197).

[7]) Лавр. л., 199, 434; Ипат., 197, 210, 212. Здѣсь погребены в. кн. Ярополкъ Владиміровичъ († 1139), его жена Елена, красавица ясыня, Янка и Владиміръ Андреевичъ, кн дорогобужскій (Лавр. 275, 277, 291, 296, 344; Ипат., 196, 204, 217, 374—375).

[8]) Ж. Ѳеодосія, xııı—xvı. Преобразованъ вскорѣ въ мужской (Макарій. II, 71).

[9]) Ипат., с. 199

мон. св. Мины [1]). Далѣе слѣдуютъ: Ѳеодоровскій мон., постр. въ 1128 г. вел. кн. Мстиславомъ Владиміровичемъ (†1132), гдѣ онъ и былъ погребенъ (почему назывался въ его потомствѣ „вотчимъ" [2]); Кирилловскій, основ. в. кн. Всеволодомъ Ольговичемъ (†1146) и точно также называвшійся между его потомками, „вотчимъ", гдѣ они и погребены [3]); Михайловскій, великолѣпно отстроенный (1108) Святополкомъ (Михаиломъ) Изяславичемъ (собственно каменная церковь украшенная мозаикой) и названный *Златоверхимъ*, по существовавшій раньше [4]). Въ послѣдующее время до 1240 г. упоминаются еще нѣкоторые монастыри (Космодаміанскій, Васильевскій, Воскресенскій [5]). Возникали монастыри и въ другихъ извѣстныхъ городахъ, о которыхъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ [6]). Вообще, за этотъ періодъ въ Кіевской землѣ насчитываютъ до 18 монастырей, изъ которыхъ половина была основана князьями и считалась ихъ фамильными монастырями [7]); но ихъ, конечно, было гораздо больше.

При монастыряхъ обыкновенно ведутся синодики съ записями объ ихъ основателяхъ и лицахъ, въ нихъ погребенныхъ, о которыхъ встѣчаются весьма раннія извѣстія. Такъ, еп. Симонъ, въ своемъ посланіи къ Поликарпу дважды упоминаетъ о помянникахъ Печерскаго м. и лицахъ, въ нихъ записанныхъ, съ краткими ихъ характеристиками [8]). Подобныя записи дѣлались и въ другихъ монастыряхъ, какъ южной, такъ и сѣверной Руси. Въ нихъ вносились также имена

---

[1]) Ж. Ѳеодосія, xviii

[2]) Лавр., с. 281, 301, 434: Ипат. с. 239, 246-249 (объ убіеніи Игоря Ольговича, взятаго изъ монастыря). Здѣсь погребены сыновья Мстислава: Изяславъ (Лавр., 324). Ростиславъ (Ипат., 364), Владиміръ (ib. 386) и внукъ его; а также Мстиславъ Ярополкъ (369). Давидовичъ, князь вышгородскій (440—441).

[3]) Лавр., с. 391, 434. Здѣсь погребены: Всеволодъ и его жена, вел. кн. Святославъ Всеволодовичъ (Лавр. л., 391) и жена Всеволода Чермнаго. Марія Казиміровна, дочь польскаго короля (Ипат., 414 451: Карамзинъ, III, пр. 90).

[4]) Лавр., 272. Здѣсь похоронены были Святополкъ и правнуки его Святополкъ и Глѣбъ Юрьевичи (Ипат. л., 448, 466).

[5]) Лавр. 434; Ипат., 106; Патерикъ (о Космодаміанскомъ мон. въ посл. Симона къ Поликарпу, lxxxviii).

[6]) Макарій, I. 150 и д.; III, 28—37: Голубинскій, II, 626—653.

[7]) Голубинскій, II, 626; Грушевскій, Ист. Кіев. земли, 415. На Западѣ м-ри также были излюбленными мѣстами погребенія князей и знати (Hauck, I 232) и служили центрами благотворительныхъ учрежденій (Спенсеръ, Англія, 124)

[8]) Древнія кіев. сказ., xciv, xcvii, ci. Нѣк. князья погребались въ церквахъ (Изяславъ I и Ростиславъ Мстиславичъ въ Десятинной): другіе въ своихъ удѣлахъ (Ипат. л., 96, 141, 157).

павшихъ воиновъ [1]). Понятно, какое важное значеніе должны были имѣть эти записи для лѣтописцевъ [2]).

Въ Кіевѣ ранѣе и прочнѣе должно было утвердиться христіанство, чѣмъ въ другихъ, болѣе отдаленныхъ мѣстахъ Руси. Вотъ почему, въ то время, какъ въ Ростовской землѣ (1024, 1071) и Новгородѣ волхвы могли еще имѣть успѣхъ [3]) появленіе волхва въ Кіевѣ (1071) вызвало насмѣшки со стороны „вѣрныхъ“, хотя прежде они пользовались довѣріемъ даже у власти [4]). Понятно, что введеніе христіанства расширило сношенія съ Византіей и Востокомъ въ другомъ отношеніи—религіозномъ. Съ появленіемъ греческой іерархіи обнаруживается приливъ греческаго клира и монаховъ [5]) и возникаютъ сношенія по дѣламъ церковнымъ, требовавшимъ иногда поѣздки митрополитовъ (1073 г.—м. Георгій, 1145—м. Михаилъ (II), 1171—м. Михаилъ (III) [6]) въ Константинополь [7]). Вопросы и споры церковнаго характера, въ свою очередь, вызывали сношенія (1146, 1164) [8]). Благодаря же этимъ

[1]) Срезневскій, Памятн. языка, 43, 243, 279, 295; Некрасовъ, Зарожд. націон. литер., 32 и дал. Позднѣйшіе синодики несомнѣнно списывались съ древнѣйшихъ (П. Лавровскій, Изслѣд. о Якимов. лѣт., Уч. Зап. Ак. Наукъ по 2-му отдѣл., 151). Подобное значеніе они имѣли и на Западѣ (Zappert, Ueber Verbrüderungsbücher und Necrologien im Mittelalter, Sitzungsberichte der Wiener Akademie, philos. hist. Classe 1853. Bde X u. XI).

[2]) О значеніи ихъ для исторіи (М. Горчаковъ, Отчетъ о XXIII присужд. Уваров. наградъ).

[3]) Лавр., 144, 151, 170—171, 176, 207.

[4]) Лавр. лѣт., 37—41.

[5]) Лавр., 156 О монахѣ Студійскаго мон. Михаилѣ ср. Голубинскій (II, 480). О путешествіяхъ русскихъ монаховъ въ Константинополь (ж. Θеодосія, XVIII, XXVII); о приходѣ аѳонскихъ монаховъ (CXLVII).

[6]) Кратковременное правленіе этого митрополита (грека) указано А. С. Павловымъ на основаніи синодальнаго акта 1171 г., свидѣтельствующаго о присутствіи его на патріаршемъ синодѣ, опредѣлившемъ, по требованію имиер. Мануила Комнена, чтобы архіереи также давали присягу на вѣрность императору. Такимъ образомъ выясняется полная зависимость грековъ-митрополитовъ отъ византійскаго базилевса (Визант. Времен. 1895, III, 388—390). Михаилъ (III) долженъ занимать мѣсто между м. Константиномъ (упоминаемомъ въ послѣдній разъ подъ 1169 г). и Никифоромъ (упомин. въ первый разъ подъ 1182 г.). Лѣтописи молчатъ о немъ.

[7]) Лавр. лѣт., 178, 296. Митрополиты-греки, во время поѣздокъ, конечно служили посредниками и въ политическихъ отношеніяхъ (Васильевскій, Ж. Н. Пр. 1875, № 12). Въ архивѣ Константинопольскаго патріархата хранились древнія русскія грамоты (Макарій, III, 30, 260).

[8]) Лавр. лѣт., 334. Ср. Кіевскіе церковные соборы И. И. Малышевскаго (Тр. Кіев. Д. акад. 1884, № 12, стр. 487—538).

послѣднимъ на Руси въ обиліи появляются греческія святыни [1]). Церковныя постройки (Десятинная церковь, Софійскій соборъ, Печерскій и Михайловскій монастыри) соединялись съ вызовомъ греческихъ мастеровъ и художниковъ [2]), съ которыми приходили купцы и доставлялись иконы, мощи, книги (при Всеволодѣ Ярославичѣ) [3]). Уже въ XI вѣкѣ путешествуютъ на Востокъ и живутъ въ Константинополѣ русскіе монахи (Варлаамъ, внукъ ослѣпленнаго Вышаты, Ефремъ и др.), присылавшіе съ собою церковные утвари и принадлежности [4]). Такимъ образомъ, подобно тому, какъ на Западѣ развивается паломничество въ Іерусалимъ и Римъ, изъ Россіи оно направляется въ Константинополь, на Аѳонъ и въ Іерусалимъ. Византійскіе императоры приложили не мало стараній къ тому, чтобы сосредоточить въ Византіи не только мѣстную, но и общехристіанскую святыню, передъ которой одинаково благоговѣли бы греки, римляне и всѣ остальные христіанскіе народы [5]). Константинополь считалъ своимъ просвѣтителемъ и покровителемъ ап. Андрея, съ пребываніемъ котораго здѣсь соединяли происхожденіе одного каменнаго креста, привлекавшаго вниманіе паломниковъ, а по другимъ онъ основалъ даже церковь въ Аргирополѣ (Пера). И русскій лѣтописецъ сообщаетъ преданіе о посѣщеніи ап. Андреемъ Кіева и Новгорода [6]). Независимо отъ

[1]) Макарій, II, 179 и д.; III, 234—235.

[2]) Лавр., 119, 148; Патерикъ, cxx—xxII.

[3]) Патерикъ, cxx—cxxI, CLXXIV. „Суть же и нынѣ свиты ихъ на полатяхъ и книгы ихъ греческія блюдомы" (cxxII).

Художники и купцы шли тѣмъ же воднымъ путемъ, на Каневъ и Треполь. Къ XI в. относятъ еще принесеніе мощей св. Варвары, положенныхъ въ Кіево-Михайловскомъ Златоверхомъ мон. (Опис. Кіев. губ., изд. Фундуклеемъ, I, 339); но Антоній новгородецъ, бывшій въ 1200 г. въ Константинополѣ, пишетъ: „А св. муч. Варвары мощи во церкви ея; и отъ сосцу шла кровь и млеко па землю, и учинилъ Богъ каменнъ сосецъ" (158—159). Древніе памятники не знаютъ и Варвары, первой супруги Святополка-Михаила, принесшей эти мощи, которая будто бы была дочерью импер. Алексѣя Комнена (Терновскій, II, 39).

[4]) Патерикъ xvIII, xxI, xxvII, cxvII, cxx, cxxI, CLXXIV.

[5]) Перечень предметовъ, на которые обращали вниманіе русскіе паломники (Опытъ изслѣд. о культ. знач. Византіи, 69—72).

[6]) Лавр. лѣт., 7—8. Объ ап. Андреѣ см. Славян. Сборн., Ростиславлева, Спб. 1845 (ср. Ж. М. Н. Пр., XLVIII); В. Г. Васильевскій Хожденіе ап. Андрея въ страну Мирмидонянъ (Ж. М. Н. Пр. 1877, №№ 1 и 2); Голубинскій, Христіанство въ Россіи до Владиміра св. (ibid. 1876, №№ 9 и 10); Ист. рус. церкви (I, 1—16); И. И. Малышевскій, Сказаніе о посѣщеніи руской страны ап. Андреемъ (Владимір. Сборн., 1—51); С. В. Петровскій (Апокрифич. сказаніе объ апостольской проповѣди

того вниманіе паломниковъ привлекалось и богатствами греческой столицы. „Если твои воины, писалъ Алексѣй Комненъ графу Роберту Фландрскому, не захотятъ сражаться ради такихъ святыхъ и предпочитаютъ золото, я напоминаю о безчисленныхъ богатствахъ и драгоцѣнностяхъ, которыя накоплены въ столицѣ нашей“. По его словамъ богатства церквей, вельможъ и купцовъ греческой столицы превосходятъ всѣ сокровища міра, а въ императорской казнѣ сохранялись богатства не только прежнихъ правителей, но и римскихъ императоровъ [1]).

VIII.

О возникновеніи русскаго паломничества мы имѣемъ весьма раннія извѣстія [2]). Антоній, прежде чѣмъ пришелъ въ Кіевъ, побывалъ на Востокѣ; Өеодосій желалъ въ юности посѣтить Іерусалимъ. Приходили странники и съ Востока, съ которыми онъ намѣревался уйти туда [3]). Игуменъ Печерскаго, а потомъ Дмитріевскаго мон., Варлаамъ сначала совершилъ путешествіе въ Іерусалимъ и въ др. св. мѣста, а потомъ въ Константинополь и по окрестнымъ мон. [4]). Никонъ, удалившійся изъ Печерскаго мон. въ Тмутаракань, имѣлъ своимъ спутникомъ до Чернаго моря монаха изъ монастыря св. Мины (боярина), который, разставшись съ нимъ у моря, отправился въ Константино-

по Черноморскому побережью (Зап. Одес. Общ. исторіи, т. XX. 1898). Въ Шотландіи чествованіе ап. Андрея вызвано преданіемъ о принесеніи его мощей сюда въ 369 г. (Script. rer. Britannic., см. Catalogue by Th. Hardy, I, 36—37). Существуютъ также легенды, связанныя съ именемъ ап. Андрея у армянъ и грузинъ. Попытка объяснить легенду о баняхъ въ Новгородѣ (А. Котляревскій, Чт. въ Общ. Нестора лѣтописца, I. 288—90).

[1]) Васильевскій: Письмо Алексѣя I Комнина къ гр. Роберту Фландрскому (Ж. М. Н. Пр. 1880, ч. CCVII, № 1, с. 230—231, 239).

[2]) Уставы вел. кн. Владиміра и Ярослава о церковномъ судѣ (по списку XV в.) признаютъ паломниковъ, подлежащими вѣдѣнію церкви (Учен. Зап. II отд. Ак. Наукъ. V, 54). Точно такъ же папа передъ началомъ 2-го крестоваго похода объявилъ имущество и семьи всѣхъ, отправлявшихся въ походъ, подъ защитою церкви (Оттонъ Фрейзингенскій).

[3]) Житіе Өеодосія (Уч. Зап. Акад. Наукъ по 2-му отд., т. II; Кіев. сказанія, v—vi). Думаютъ, однако, что это были не странники въ прямомъ смыслѣ, а торговцы или сборщики милостыни (Голубинскій, II, 474). Сводъ данныхъ о паломничествѣ по поводу „бесѣды о святыняхъ Константинополя,“ Л. Майкова (Сборн. Ак. Наукъ, т. LI); библіогр. путешествій, С. И. Пономарева (ib., т. XVII).

[4]) Житіе Өеодосія и Кіев. сказ., xxvii, lxvii, lxxiv („и тако паки поѣде на конихъ въ страну свою“).

поль и тамъ долго жилъ въ одномъ изъ монастырей, какъ полагаютъ, на Принцевыхъ островахъ [1]). Въ 1089 г. путешествовала въ Грецію Янка (Анна), дочь Всеволода, откуда возвратилась съ митр. Іоанномъ I [2]). Во 2-й половинѣ XII в. отправилась въ Іерусалимъ Евфросинія Полоцкая съ сестрою и кн. Давидомъ Всесл. и останавливалась тамъ *въ русскомъ монастырѣ*, а это даетъ право заключать, что уже въ то время здѣсь была русская колонія [3]). Одновременно съ тѣмъ называются на Аѳонѣ два русскихъ монастыря (Ксилургу и Пантелеймоновъ—Русикъ), изъ которыхъ первый существовалъ вѣроятно и ранѣе того [4]). Странствованія эти не прекращались и въ послѣдующее время. Около 1120 г. путешествовалъ на Аѳонъ печерскій архим. Досиѳей (по другому имени Ѳеодосій), который принесъ оттуда чинъ пѣнія 22 псалмовъ и написалъ отвѣты на предложенные ему вопросы о жизни аѳонскихъ иноковъ, не вполнѣ уцѣлѣвшіе въ рукописяхъ [5]). На Аѳонъ и въ Іерусалимъ ходилъ также печерскій инокъ Аммоній [6]). Еще къ началу XII в. (1106 г.) относится путешествіе въ Царьградъ и Палестину игумена Даніила, оставившаго намъ замѣчательное описаніе своего „хожденія“, въ которомъ, говоря о своихъ спутникахъ, онъ выражается такъ: „вся дружина моя русскіе сынове, приключившіеся тогда, и *новгородцы и кіяне*, Седѣславъ Иванковичъ, Гордиславъ Михайловичъ, Кашкича два *и иніи мнози*“; а въ концѣ XII и нач. XIII в. (1200) новгородскій путешественникъ Добрыня Ядрейковичъ (архіеп. Антоній) упоминаетъ о св. Леонтіѣ попѣ Русинѣ: „лежитъ въ тѣлѣ, великъ человѣкъ“) на уболѣ (ἔμβολος, крытый, галерея, улица) св. Георгія, который „трижды въ Іерусалимъ пѣшъ ходилъ“ [7]).

Мѣсто это вызвало въ послѣднее время толкованіе Хр. Лопарева въ смыслѣ „попъ брусинъ“ (изъ Бруссы, не нашедшее впрочемъ поддержки

[1]) Голубинскій, II, 622.

[2]) Лавр. лѣт., 201—202.

[3]) О путеш. древнихъ христіанъ и нашихъ старинныхъ паломниковъ въ Св. землю, Римъ и Царьградъ. А. Голубцова (Богосл. Вѣстн. 1894, №№ 3 и 4; № 4, стр. 81).

[4]) Голубинскій, II, 622 625.

[5]) Макарій, III, 261; Филаретъ. Рус. святые (28 авг.): Срезневскій. Памятн. языка. 96. Въ описи мон. Ксилургу упоминаются русскія книги (Срезневскій, 57). Акты русскаго на св. Аѳонѣ м-ря, изд. Ф. Терновскій (К. 1873).

[6]) „Кланяючись мѣстамъ святымъ и ревнуючи житію блаженныхъ св. отецъ“; но трудно опредѣлить время его странствованія (Филаретъ, ibid., 26).

[7]) Путеш. Антонія, изд. Саввантовымъ, 152. О „русскихъ“ (Золотыхъ) воротахъ и русской дорогѣ въ Константинополѣ (ib., 154, прим.).

въ Общ. люб. древн. письмен., замѣч. А. Ѳ. Бычкова, А. И. Соболевскаго, А. И. Кирпичникова. См. Опытъ толкованія нѣкоторыхъ мѣстъ въ памятн. русской письменности, Хр. Лопарева, Ж. М. Н. Пр. 1897, № 6, 405—411; Историч. Вѣстн. 1897, т. LXVIII, № 5, стр. 658—659). Въ одномъ же сборникѣ недавно открыта лѣтописная запись 1163 г. (новгородская) о 40 новгородскихъ калѣкахъ, ходившихъ въ Іерусалимъ и принесшихъ оттуда разныя святыни, которыя они разносили по городамъ (Отчетъ Имп. Публ. библ. за 1894, стр. 110, 114). О паломническихъ дружинахъ свидѣтельствуетъ и былина „*Сорокъ* каликъ съ каликою", и былина о „Василіѣ Буслаевѣ". Счетъ сороками имѣлъ мѣсто и въ Византіи, и на Западѣ (Соч. Грановскаго, I, 452; Спенсеръ, Англія, 233). Въ Литовской и Галицкой Руси, въ XV в., сотни дѣлились на *сороки* (Черты изъ ист. Галицкой Руси, И. А. Линниченка, 115, примѣч.; ср. еще Ж. М. Н. Пр. 1868, № 11, с. 549). См. также: Калики перехожіе и богомильскіе странники, А. Веселовскаго (Вѣстн. Евр., 1872, II, 682—722).

Насколько эти странствованія были обыкновенны въ то время служитъ подтвержденіемъ слѣдующій случай. Въ 1283 г. въ Курской области произошла стычка у русскихъ съ татарами и мѣстнымъ баскакомъ, причемъ татары взяли въ плѣнъ нѣсколькихъ бояръ и убили ихъ, а вмѣстѣ съ ними были захвачены („переимани") и странники („переходници"), которые, говоритъ лѣтописецъ, ходятъ по землямъ, прося милостыню, „и тѣхъ татары отпустили, раздавъ имъ одежду (порты) избитыхъ бояръ и сказавъ: странствуя по землямъ, говорите такъ: „кто будетъ имѣть споръ со своимъ боскакомъ, тотъ получитъ такое же возмездіе" [1]). И въ памятникахъ народной поэзіи „калики перехожіе" занимаютъ на пирахъ Владиміра весьма почетное мѣсто [2]).

Но тѣ же паломники нерѣдко являлись источникомъ невѣрныхъ разсказовъ о видѣнныхъ ими странахъ и событіяхъ [3]) и вызывали нареканія

---

[1]) Воскресен. лѣт. (П. С. Р. Л., VII, 177). Въ Лавр. лѣт. эти странники прямо названы „паломниками" (457). Игуменъ Даніилъ называетъ себя „паломникомъ". Исландцы богомольцевъ также называли „пальмарами", отъ слова palm—посохъ, а у англичанъ palmer—значитъ странникъ (Карамзинъ, IV, примѣч. 167).

[2]) Голубцовъ, 81. Постоянное упоминаніе въ былинахъ „шляпы земли греческой" (сорочинской), названіе „каликъ" (caliga—обувь), пилигримъ (peregrinus) паломникъ (отъ пальмовыхъ вѣтвей), даютъ право предполагать, что одѣяніе нашихъ пилигримовъ сложилось подъ вліяніемъ общаго паломническаго обычая, какъ греческаго, такъ и западнаго (Вѣстн. Евр. 1896, № 8, стр. 732).

[3]) Въ посланіи къ архим. Акиндину черноризецъ Поликарпъ говоритъ: „и сія написахъ твоему отчеству и нѣсть николиже отходихъ св. мѣстъ, ни Іерусалима видѣхъ, ни Синайскія горы, не быхъ что приложихъ къ повѣсти (еже ми

по поводу злоупотребленій, связанныхъ съ этими постоянными странствованіями. Вотъ почему уже въ извѣстныхъ правилахъ Кирика (XII вѣка) мы находимъ слѣдующее любопытное мѣсто. На вопросъ свящ. Иліи, „не грѣхъ ли возбранять странствованія въ Іерусалимъ и вообще къ святымъ мѣстамъ? я имъ возбраняю, говоритъ онъ, не велю идти, здѣсь велю доброму быть“.—„Не только не грѣхъ, а напротивъ хорошо дѣлаешь, отвѣчалъ епископъ Нифонтъ“ (1130—1156), „ибо потому такъ они поступаютъ, чтобы быть праздными, только ѣсть да пить“; а на указаніе, что иные клятву даютъ, чтобы идти имъ въ Іерусалимъ, еп. Нифонтъ велѣлъ наложить на такихъ епитиміи, прибавивъ: „ибо присяга эта губитъ нашу землю„ [1]). Заключеніе это указываетъ, что уже въ то время странствованія на Востокъ сдѣлались чрезвычайно распространенными и вызывали со стороны благоразумныхъ людей, воодушевленныхъ болѣе возвышенной религіозной идеей, какъ и на Западѣ, не поощренія, а необходимыя порицанія.

Въ болѣе позднихъ редакціяхъ назв. правила осложняются новыми бытовыми чертами. Такъ, въ одномъ Сборникѣ XVI в. „Кириково вопрошаніе“ въ редакціи XIII—XIV вв. читается въ такомъ видѣ: „Вопросъ 40“: „Кто въ Іерусалимъ идетъ къ святымъ творяся, да инымъ азъ браню велми, и здѣ въ правдѣ пожити цѣ грѣхъ будетъ“. Отвѣтъ: Велми и добро будетъ, рече, аже бранити; идетъ бо и да ему не дѣлати, туне ѣсти, въ праздности обходити чюжая домы, яды и пія чужая, не трудяся; и то не еще одино, прилыгая начнетъ повѣдати: тако на онои земли. Возбраняи вельми да не шли бы, велика бы за се мзда отъ Бога; чюжъ

сказа преп. епископъ Симонъ). *якоже обычаи имутъ хитрословесници симъ краситися*, мнѣ же да не будетъ похвалитися“ и т. д. (Патерикъ, CLVII CLVIII). Отсюда вѣроятно идутъ разсказы о царствѣ свящ. Іоанна (Моск. Телегр. 1825. III. ср. Пыпинъ, Очеркъ литер. ист. пов. и сказокъ, 89—91), распространен. какъ на Западѣ, такъ и у насъ. Въ свою очередь, игуменъ Даніилъ свидѣтельствуетъ, что „мнози, доходивше до св. сихъ мѣстъ возносятся умомъ, яко нѣчто добро сотворивше“ (какъ дѣлали и на Западѣ, см. ниже).

Будучи издано на франц. языкѣ А. С. Норовымъ (1864), путешествіе Даніила вызвало вниманіе западныхъ ученыхъ. Вюрцбургскій проф. Зеппъ о немъ отозвался: „Einer der best unterrichteten und selbstständig forschenden Pilger, der russische Abt. Daniel“ (Sepp, Neue architektonische Studien und histor.-topogr. Forschungen in Palästina, 1867, 203 и д.). Позже оно было переведено и на нѣмец. языкъ (Die Pilgerfahrt des russisch. Abtes Daniel ins Heilige Land 1113—15. Uebers. v. A. Leskien. Leipz. 1884).

[1]) Калайдовичъ. Памятники XII вѣка, 176, 179, 203; Рус. Историч. библ., VI, столбцы 27 и 61.

бо есть вѣры порознъ ходя, яды и пія туне: лютъ судъ будетъ" (Сборн. Им. публ. библ. Q. XVII, № 178, лл. 147, об.; Свѣд. о малоизвѣст. пам. Срезневскаго, № LVII, с. 311). Въ той же рукописи (л. 257, об.) читаемъ еще: „Слово св. Даніила о мятущихся. Слышихъ убо отъ нашихъ нѣкія блазнящихся о законѣ женитвы, недостойна творяща спасенія живущая въ мирѣ семъ; друзіи же отъ женъ отходяща не по закону острижаются и отходятъ во Іерусалимъ и въ прочая грады и тамо помятшеся возвращаются въ домы своя, кающеся безумнаго труда своего" (Свѣд. о малоизв., пам., с. 318; ср. Бесѣда о Царьградѣ, изд. Л. Н. Майковымъ, Сборн. Импер. Ак. Наукъ, LI, прилож., стр. 45—46).

Путешествія на Востокъ изъ западныхъ странъ начались очень рано и не уменьшились даже послѣ завоеванія Палестины арабами (Гиббонъ, II, 555; VI, 414). Съ Запада пилигримы стремились въ Римъ и Іерусалимъ, притомъ нерѣдко подъ давленіемъ угрызенія совѣсти, для искупленія своихъ грѣховъ (Гиббонъ, III, 303, V, 402; VII, 412; Тьерри, Ист. завоев. Англіи норман., I, 172, 178; Стрингольмъ, I, 281—282; II, 331; Gregorovius, II, 392—94; III, 84—88, 97; IV, 237, 238). Паломничество было на столько распространено, что въ средніе вѣка думали, по старой франц. поговоркѣ, что флотъ держится лишь богомольцами (point de marine sans pèlerinages) и только въ к. XV в. привѣтствовали Англію за ея корабли и шерсть (Міръ-Божій 1897, № 3. Общество, государство и культура Запада въ XVI в., Р. Виппера, стр. 48—49). Еще въ 1213 г. не существовало королевскаго флота и для веденія войны брали купеческія суда (Спенсеръ, Англія, 354). Не смотря на многія препятствія (опасности пути, незнаніе языка), путешествія эти были болѣе обыкновенными, чѣмъ можно было бы полагать (см. жизнь Ѳ. Бекета). Подобно русскимъ извѣстіямъ, монахъ Глаберъ (въ Historiar. sui temporis, l. IV, cap. VI, въ концѣ) замѣчаетъ, что многіе христіане ходили въ Іерусалимъ съ цѣлью изумлять собою и разсказывать по возвращеніи о видѣнныхъ ими чудесахъ. Но еще Августинъ (Sermon. I et III), Григорій Нисскій (въ письмѣ De euntibus Hierosalymam) и Іеронимъ (въ одномъ изъ писемъ, Eclaircissem. къ т. I, № 2, p. 546) возставали противъ подобной страсти къ пилигримству. Послѣдній говоритъ: „Небесное царство одинаково открыто, какъ изъ Іерусалима, такъ и изъ Британніи", и прибавляетъ, что „безчисленное множество святыхъ и богослововъ наслаждаются вѣчно жизнью, никогда не видавъ Іерусалима". А извѣстный въ южной Италіи отшельникъ Нилъ (родомъ грекъ) запретилъ еп. пражскому Адальберту, собравшемуся, незадолго до истеченія 1000 года отъ Р. Х., идти на поклоненіе въ Іерусалимъ, слѣдовать этому намѣренію и направилъ его въ м. св. Бонифація въ Римѣ (Грегоровіусъ, III, 429). Мотивы и подробности этихъ странствованій изложены у Michaud (Histoire des croisades, I, 39—77). Уже въ IX в. на Западѣ упоминается объ огнѣ,

сходящемъ на гробъ Господень (см. Гиббонъ, съ объясненіями, VI, 415—419). Западные писатели (монахъ Радульфъ Глаберъ, Historiar. sui temporis lib. IV, cap. IV; Fulcherius Carnotensis, Gesta peregrin. Francorum, cap. XXIV; также у Мишо), какъ и русскій игуменъ Даніилъ (XII в.), съ одинаковою вѣрою повѣствуютъ о схожденіи его въ великую субботу. Свѣтъ этотъ обращалъ на себя вниманіе и др. путешественниковъ (Арсенія Селунскаго, Зосимы, Трифона Коробейникова). Нѣкоторые относилить даже къ нему сначала скептически, а потомъ каялись въ томъ, какъ русскій купецъ Василій Гагара (1632), разсказывающій объ опытѣ надъ своею бородою (Сахаровъ, т. II; Времен. М. О. ист., кн. X; Опытъ изслѣд. о культ. значеніи Византіи, 70—71). Такимъ же способомъ совершается дѣйствіе огня до позднѣйшаго времени (Еп. Порфирій, Автобіографія, III, 257). Объясненіе его происхожденія даетъ тотъ же авторъ (I, 671 и особенно III, 299—302). Любопытны еще замѣчанія о цвѣтѣ огня иг. Даніила и позднѣйшаго путешественника (тамъ же, 299).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Племенныя отношенія. Варяги и славяне.—Возникновеніе письма. Характеръ письменности.—Древнѣйшіе памятники. Лѣтопись.—Мірская стихія въ литературѣ и жизни. Неблагопріятныя условія для ея развитія. Причины исчезновенія письменныхъ памятниковъ.

I.

Лѣтописецъ XI—XII в. зналъ различіе, существовавшее между „варягами“ и славянами, но онъ засталъ оба эти элемента уже слившимися [1]). Даже болѣе многочисленныя дружины норманновъ [2]), поселившіяся въ Галліи, менѣе чѣмъ въ три столѣтія почти слились съ туземцами: скандинавъ отличался отъ галло-франка только родословной [3]). Вполнѣ естественно, что, при существованіи многихъ мѣстныхъ нарѣчій и продолжительной враждѣ къ завоевателямъ, въ Англіи подобное сліяніе шло медленнѣе; тѣмъ не менѣе, замѣчаетъ Эд. Фриманъ, мы имѣемъ точное свидѣтельство, что во всѣхъ классахъ общества, начиная съ высшаго и кончая низшимъ, различіе норманна и англичанина было забыто менѣе, чѣмъ въ 100 лѣтъ съ того времени, какъ король Вильгельмъ вступилъ завоевателемъ въ Англію [4]).

По салическимъ законамъ за смерть франка уплачивалось вдвое противъ галла и, наоборотъ, вина перваго каралась вдвое менѣе противъ преступленія послѣдняго [5]). По русской Правдѣ русинъ и славянинъ

[1]) „А словенскій и русскій языкъ одно есть, отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а первое быша словене; аще и Поляне звахуся, но словенска рѣчь бѣ. Полями прозвани быша, зане въ поли сѣдяху, а языкъ словенски имъ *единъ*“ (Лавр. лѣт., 27–28).

[2]) Извѣстно, что дружины вообще были не велики (Гизо, I, 147—148).

[3]) Тьерри, I, 129, 134—135, 244, 286, 288, 297.

[4]) Norman Conquest, I, 176 идал. Ср. замѣч. Тэна (Ист. англ. литер., т. I, 76—30).

[5]) Thierry, Lettres sur l'hist. de France (письмо 7-е).

различаются, но виновность ихъ оцѣнивается уже одинаково[1],— фактъ, свидѣтельствующій о сліяніи обоихъ элементовъ. **Памятниковъ** варяжскаго господства въ языкѣ до насъ не дошло, кромѣ именъ, названій и нѣкоторыхъ терминовъ[2]). Но вопросъ о письменности въ дохристіанскую эпоху представляется весьма важнымъ не только для выясненія ея возникновенія вообще, но и появленія первоначальныхъ лѣтописныхъ извѣстій.

Еще Френъ указалъ на одного восточнаго писателя (Ибнъ-Якубъ эль-Недимъ, „Списокъ книгъ", 987), который свидѣтельствуетъ о существованіи у русовъ письменъ, вырѣзываемыхъ на деревѣ (Mém de l'Acad, sér. VI, t. III. 516; Библ. для Чт. 1836, IV; Изслѣд. Погодина, I, 103). Припомнимъ здѣсь же свидѣтельство болгарскаго монаха Храбра (X в.) о „чертахъ и рѣзахъ", бывшихъ въ употребленіи у славянъ (Карамзинъ, I, пр. 260, 262, Калайдовичъ, 189 и дал.; Срезневскій, Древнія письмена славянскія, Ж. М. Н. пр. 1848, LIX, № 7, отд. п, стр. 18 и д.; Труды I Арх., с. cxv.; Бодянскій, О времени происхожденіи славянск. письменъ, М. 1855, стр 51—61; Зографскій списокъ сказанія черноризца Храбра, Изв. Ак. Наукъ 1896, III), въ извѣстіи котораго нѣк. видятъ прямое указаніе на существованіе у славянъ, при ихъ обращеніи въ христіанство Кирилломъ и Меѳодіемъ, глаголицы, при чемъ полагаютъ, что и самъ Храбръ писалъ поглагольски (Ганушъ, А. В. Горскій; Ягичъ, Ист. сербо-хорв. литер., 68, съ оговоркою). Но Иречекъ замѣчаетъ, „что черты и рѣзы" (зарубки), о которыхъ говоритъ Храбръ (ок. 900 г.), служили только для религіозныхъ и экономическихъ цѣлей; книгъ такими знаками не писали. Рѣзы напоминаютъ намъ о биркахъ, которыя еще недавно замѣняли счетныя книги въ Венгріи, Чехіи, Болгаріи... До изобрѣтенія же кириллицы „вѣроятно" писали греческими буквами (Ист. Болгаріи.

[1]) Русскія достопам., I, 28. Въ Рус. Правдѣ постоянно употребляется терминъ: варягъ или колбягъ, соединенный еще съ извѣстными преимуществами: съ обиженнаго требуется представленіе свидѣтелей, а съ варяговъ—лишь присяга: рабы иногда укрывались у варяговъ (постановлено о выдачѣ ихъ хозяину и 3 гривны за обиду). Любопытное указаніе на Колбяговъ рядомъ съ русскими Варягами, Англянами, Франками—въ хрисовулахъ импер. Михаила VI (1075 г.) и Алексѣя Комнена (1088 г.). Судя по перечню, Колбяги—мѣстное племенное названіе и на сѣверѣ есть много мѣстъ, сходныхъ съ названіемъ колбь (Ж. М. Н. Пр. 1875, № 3, с. 128—130).

[2]) На пространствѣ IX—XI вв. въ древней лѣтописи Варяги упоминаются до 60 разъ (Погодинъ, Изслѣд., I, 47—48). Сводъ именъ и названій, заимствованныхъ изъ языка варяговъ, у Томсена сдѣланъ по Гроту (Филологич. наблюденія). О значеніи именъ въ связи съ завоеваніемъ (Gregorovius. II. 160).

543; о русскихъ, Ист. В. 1898, № 9, с. 918). Сѣверныя руны вырѣзывались на деревѣ, воскѣ и камнѣ и на разныхъ предметахъ (мечахъ). Онѣ служили для генеалогическихъ и др. краткихъ записей, а также для опредѣленій закона и пѣсенъ, иногда въ соединеніи съ латинскими буквами и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оставлены были уже въ XVIII стол. (Стринтольмъ, II, 153—174; Нидерле, „Человѣчество въ доисторич. времена", 512—513). Нѣкоторые полагали (Нарбутъ), что древнія записи въ Литвѣ дѣлались на дощечкахъ (Ж. М. Н. пр. 1838, № 1, с. 113). Напомнимъ еще доски съ записями объ имуществѣ посадника Дмитрія Мирошкинича, упоминаемыя въ Новгор. лѣт. подъ 1209 г. (ср. Лавр., 466; Срезневскій, Древ. памят. языка, 87—88); но это были краткія, отрывочныя замѣтки, какія дѣлались и на Западѣ (см. выше, стр. 37). Нѣкоторые изъ позднѣйшихъ изслѣдователей, при всемъ своемъ скептитизмѣ къ свидѣтельствамъ ранней эпохи, допускають употребленіе греческихъ или готскихъ буквъ, заимствованныхъ, какъ извѣстно, изъ греческаго алфавита и руническихъ знаковъ (Голубинскій, I, 83; ср. 30, со ссылкой на свидѣтельство Валафрида Страбона о богослуженіи на готскомъ языкѣ еще въ IX вѣкѣ). Любопытно, что на соборѣ 1000 г., бывшемъ въ Салонѣ (въ Далмаціи), римское духовенство, запрещая отправленіе богослуженія на славянскомъ языкѣ, между прочимъ выражалось: „ибо *готскія письмена* изобрѣтены нѣкоторымъ еретикомъ Меѳодіемъ, который много ложнаго написалъ на славянскомъ языкѣ" и т. д. (Добнеръ, 184; Шлецеръ—Несторъ, II, 520, примѣч.). Больше чѣмъ вѣроятно, какъ утверждають, что греческими по основѣ буквами написаны были тѣ русскія Евангеліе и Псалтирь, которыя нашелъ въ Крыму нашъ Философъ ок. 860 г. (Будиловичъ, Меѳод. Сборн., 47—52; замѣч. Первольфа, 21—26; Н. А. Лавровскаго, 13—16). В. Г. Васильевскій, въ свою очередь, замѣтилъ: „Но мы первые скажемъ, что подъ русскими письменами, найденными въ Корсунѣ Кирилломъ, слѣдуетъ разумѣть готскія письмена, Евангеліе и Псалтирь въ переводѣ Ульфилы" (Русско-визант. излѣд., II, ccxcix—ccc), къ чему склоняется и Ягичъ (Ист. литер. 65—66). Прибавимъ къ этому, что готская теорія (А. С. Будиловичъ, Ѳ. И. Успенскій и др.) въ вопросѣ о происхожденіи Руси занимала видное мѣсто на ученыхъ съѣздахъ въ Москвѣ и Вильнѣ (см. отчеты о съѣздахъ, П. Н. Милюкова Рус. Мысль 1890, № 4; Изв. Арх. с. въ Вильнѣ 1893, № 12; Ист. Обозр., VII, 129; Baron de Baye, La bijouterie des Goths en Russie, P. 1892; ср. Souvenir du congrès internat. d'anthrop. de Moscou, P. 1893; Rapport sur le congrès internat. d'anthropol. de Moscou. P. 1893); замѣчанія на рефератъ А. С. Будиловича, Ф. Брауна (Зап. Неофил. общ. 1894, № 1). Съ другой стороны, вопросъ о началѣ славянской письменности тѣсно связанъ съ вопросомъ о происхожденіи глаголицы. Сжатое, обстоятельное изложеніе этого послѣдняго см. въ трудѣ А. А. Котляревскаго (Библіол. опытъ о

древне-рус. письмен., 189—210). И. И. Срезневскій замѣчаетъ, что кирилловскія формы буквъ скопированы съ греческихъ письменъ VII—VIII в., такъ что тк. нз. кириллица древнѣе самого Кирилла (Древн. глаголич. памятники, Спб. 1866). И. В. Ягичъ говоритъ: „нѣкоторые кирилловскіе памятники XI в. ничто иное, какъ списки съ глагольскихъ оригиналовъ" и т. д. (Ист. литер., 149—152). К. I. Иречекъ даетъ сводъ прежнихъ мнѣній въ пользу глаголицы, не рѣшая этого вопроса (Ист. Болгаръ, 548—550). О позднѣйшей постановкѣ его см. рец. Т. Д. Флоринскаго (Унив. Изв. 1890, № 11; 1894, № 12). По мнѣнію Фридриха (въ сообщ., читан. въ засѣд. Бавар. акад. наукъ 1892) славянская азбука существовала до Константина и лишь впослѣдствіи изобрѣтеніе ея было неправильно приписано ему, какъ переводчику Евангелія. По вопросу о дѣятельности Кирилла и Меѳодія см. еще: Ягичъ (Вновь найд. свид. о дѣят. Константина Фил., Зап. Ак. Н., LXXII, кн. I, 1—44); рец. Н. Н. Сперанскаго (Древн. М. Арх. общ. Тр. славян. ком., I; II, 16); Письмо Анаст. Библіотекаря, А. Петрова (Ж. М. Н. Пр. 1893, № 1); О хазар. миссіи Кирилла и Меѳодія, С. Недѣльскаго (Тр. К. Д. акад. 1895, № 8); Спорные вопросы миссіон. дѣят. св. Кирилла фил. на Востокѣ, А. Н. Петрова (Лѣт. Ист. фил. Общ. при Новор. ун., в. IV). Если славянская глаголица есть систематизированное курсивное, т. е. домашнее, обиходное письмо грековъ VIII—IX стол., замѣчаетъ А. А. Кочубинскій, то русское письмо, найденное въ употребленіи Кирилломъ въ Херсонѣ, коммерческомъ городѣ, ведшемъ живыя торговыя сношенія съ приднѣпровскою Русью, получаетъ особый интересъ. Греческій курсивъ могъ быть впервые примѣненъ къ славянской рѣчи, напр. въ записяхъ, завѣщаніяхъ и пр. гражданскихъ актахъ. Первую до-кирилловскую глаголицу можно было бы назвать торговымъ коммерческимъ письмомъ Кіевской и прочей приднѣпровской Руси (Тысячелѣтіе славянства, Ист. Вѣст. 1895, т. XIX, 614, примѣч.). Тѣмъ не менѣе вопросъ о принадлежности глаголицы или кириллицы славянскимъ апостоламъ продолжаетъ раздѣлять ученыхъ (см. замѣч. В. Н. Щепкина, Чт. въ Общ. ист. и древн. 1895, кн. I, стр. 5; II. А. Лаврова, Труды славян. ком. М. Арх. общ., II, проток., 16). Замѣтимъ кстати, что В. Ѳ. Миллеръ (Тр. М. Арх. общ., гл. IX, проток., 23—25) и Гастеръ (см. Унив. Изв. 1887, № 12, стр. 136) указывали на близость глаголицы къ армянскому и грузинскому алфавиту и тоже повторилъ недавно D-r R. Abicht, лекторъ польск. и рус. яз. въ Бреславлѣ (Jst die Aehnlichkeit des glagolitischen mit dem grusinischen Alphabet Zufall? Leipz. 1895). Понятно, что грузинскіе ученые принимаютъ эту теорію съ полнымъ сочувствіемъ, указывая на связь славянскихъ учителей съ Аѳономъ, гдѣ существовала грузинская школа переводчиковъ (А. С. Хахановъ. Чтен. въ Общ. ист. 1898, I, 21, примѣч.).

II.

Какъ бы то ни было, но употребленіе письменъ среди русскихъ до принятія христіанства не подлежитъ сомнѣнію. Въ извѣстіяхъ византійскихъ писателей и русскихъ договорахъ мы постоянно встрѣчаемъ упоминанія о грамотахъ и письменныхъ сношеніяхъ между Русью и греками; а въ договорѣ 912 г. называется и лицо (Иванъ), принимавшее учестіе въ написаніи договора („бывшій миръ сотворихомъ написаніемъ на двою харатью царя вашего и своею рукою“ [1]). Точно такъ же въ одной изъ лѣтописей (Переясл.-сузд.) объ Ольгѣ читаемъ: „и посла къ древлянамъ, *написавъ*“ и т. д. [2]). Само собою понятно, что утвержденіе христіанства на Руси должно было содѣйствовать и распространенію письменности на той общеславянской основѣ которая выразилась въ трудахъ Кирилла и Меѳодія [3]). Въ переводѣ этихъ послѣднихъ создавался литературный славянскій языкъ [4]), понятный народу, котораго долго были лишены Польша и даже Чехія. Возникшая во времена цц. Симеона и Петра болгаро-славянская письменность оказала въ свою очередь вліяніе на южное и восточное славянство [5]).

---

[1]) Лавр. лѣт., 36. Объ Ивановомъ написаніи, Д. Прозоровскаго (Труды, II Арх. с., т. I). Въ томъ же договорѣ о завѣщаніи русскихъ выражено: „кому будетъ писалъ наслѣдити имѣнье“. „Слѣды глаголицы, замѣчаетъ Срезневскій рѣзко выдаются въ Татищевскомъ спискѣ Игорева договора и не менѣе рѣзко въ грамотѣ Святославова какъ въ обозначеніи года, такъ и въ имени ц. Іоанна Цимисхія“ (Изв. Импер. Ак. Наукъ, Слѣды глаголицы въ памятн. X вѣка, VII, 337—352; Изв. Археол. Общ., I, 359—372; повторено въ Славян. палеогр., 98; ср. Памятн. языка. сс. 5 и 17).

[2]) Отмѣчено Соловьевымъ (III, прим 231). Естъ указаніе позднѣйшее и быть можетъ слишкомъ преувеличенное, въ интересахъ даннаго факта, о бывшихъ въ патріаршемъ архивѣ грамотахъ, данныхъ русскому духовенству и монастырямъ Ольгою и Владиміромъ I (Ист. церкви, Макарія, I, прим. 69). Если существовали церковныя отношенія къ Византіи и христіанство на Руси въ означенный періодъ, то должны были имѣть мѣсто и письменныя сношенія подобнаго рода. Впослѣдствіи мы постоянно встрѣчаемъ извѣстія о посыльныхъ грамотахъ князей (Кириллъ Туровскій въ сборн. Пономарева, 175; Лавр. лѣт. 470; Памят. языка, 58, 61, 66, 67, 71, 73).

[3]) Лавр. лѣт., 25—28. См. Меѳодіевскій Юбилейн. сборн., изд. Имп. Варшав. унив., Варш. 1885 (статьи Н. А. Лавровскаго, А. С. Будиловича, О. О. Первольфа К. Я. Грота, Ѳ. Ѳ. Зигеля).

[4]) Нѣкоторые въ этомъ актѣ ихъ дѣятельности видятъ вліяніе болгарскаго элемента (Иловайскій, Розыск. о началѣ Руси, 296—300; Л. Добровъ, Южное славянство, Спб. 1879, стр. 47; рец. В. Качановскаго Ж. М. Н. Пр. 1879, № 12, стр. 209),

[5]) Зигель, 7—11 (тамъ же).

Переведенное Меѳодіемъ собраніе церковныхъ законовъ (сборникъ каноновъ конст. патр. Іоанна Схоластика), съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ другихъ положеній (законъ судный людямъ, различныя апокрифическія статьи, заключающія въ себѣ, подъ именемъ заповѣдей и поученій св. отцевъ, правила объ епитиміяхъ и др. церковныхъ наказаніяхъ), стали извѣстны и въ Россіи и составили древнѣйшій кодексъ церковныхъ законовъ, сообщивъ вмѣстѣ съ тѣмъ первыя юридическія понятія, получившія значеніе не въ одной церковной практикѣ. Въ Русской Правдѣ и первыхъ церковныхъ уставныхъ грамотахъ замѣтны ясны слѣды „закона суднаго людямъ" [1]); а вмѣстѣ съ первымъ Номоканономъ въ Россіи стала извѣстна эклога импер. Льва и Константина Копронима. Уже Ярославу I приписывается „уставъ о земскихъ дѣлахъ" (визант. земледѣльч. законы): а въ составѣ сербской Кормчей появляется въ Россіи и Прохиронъ импер. Василія I, 870 г. [2]) Такое же вліяніе оказали эти памятники и на законодательство южныхъ славянъ [3]).

Умственное и нравственное развитіе Европы (въ разсматриваемый періодъ), говоритъ Гизо, есть въ сущности богословское. Пробѣгите исторію съ V и до XVI в.: богословіе правитъ мыслію человѣческою, всѣ мнѣнія носятъ печать богословія; вопросы философскіе, политическіе, историческіе разсматриваются постоянно съ точки зрѣнія богословской [4]). Съ этой точки зрѣнія, лица неученыя, некраснорѣчивыя и даже недостатачно свѣдущія въ Св. писаніи признавались пригодными для защиты высшихъ религіозныхъ истинъ [5]). Папа Левъ II, родомъ грекъ, считался ученымъ, такъ какъ могъ говорить на двухъ языкахъ (греческомъ и латинскомъ) и имѣлъ понятіе о метрикѣ и псалмопѣніи [6]). Знаніе наизусть псалмовъ считалось уже признакомъ хорошаго образованія. Карлъ В. хотя и любилъ слушать дѣянія древнихъ героевъ [7]), но еще лучше зналъ дѣянія римскихъ

---

[1]) Павловъ, Первонач. слав. рус. Номоканонъ, с. 24, прим. 44. Ср. Вѣстн. Арх. инст., X, 22.

[2]) Павловъ, 81. Ср. Визант. Времен. 1898, вв. 3—4, с. 544-60.

[3]) Зигель, 13—20.

[4]) Ист. цивил. въ Европѣ, лекція 6-я.

[5]) Gregorovius, II. 182.

[6]) Ibidem, I, 195.

[7]) Gregorovius, II. 269, 376, 395: Wattenbach, II. 4—6.

святыхъ [1]). По словамъ Видукинда (кн. II, гл. 36) Оттонъ I, уже по смерти своей жены научился читать настолько хорошо, что въ состояніи былъ понимать книги, хотя могъ говорить полатыни и пославянски; а одинъ изъ лѣтописцевъ франконской эпохи сообщаетъ, какъ фактъ необыкновеный, что Фридрихъ, пфальцграфъ саксонскій († 1088), самъ умѣлъ прочесть и, читая, понималъ приходившія къ нему письма [2]). Важнѣйшія лица въ Англіи (свѣтскаго званія) еще въ послѣднія времена сакской династіи не умѣли писать, а часто, быть можетъ, и читать; хартіи они подписывали прикладываніемъ креста [3]). Подъ понятіе doctrina подводили лишь религіозные предметы и грамматику; а въ тѣхъ случаяхъ, когда въ біографіяхъ папъ упоминаются книги, то обыкновенно разумѣются евангелія, собраніе антифоновъ, миссалы, дарить которыя церкви вошло въ обычай [4]). Отсутствіе правильнаго школьнаго образованія отражалось на языкѣ письменныхъ памятниковъ и лѣтописей [5]) и импер. Михаилъ въ письмѣ къ папѣ Николаю I назвалъ латинскій языкъ „языкомъ варваровъ и скиѳовъ“ [6]).

Понятно, что въ Византіи это дѣло стояло гораздо лучше. Достаточно напомнить имена патр. Фотія, котораго называютъ „новымъ Пливіемъ или Аристотелемъ“, цесаря Варды, Льва Философа, Константина Багрянороднаго и. т. п. [7]). И на Западѣ знали цѣну греческой мудрости [8]). Не слѣдуетъ, однако, забывать, что, какъ на Западѣ [9]), такъ и въ Византіи самое имя „философа“ [10]) стало при-

---

[1]) По словамъ Эйнгарда, онъ никакъ не могъ выучиться хорошо писать, хотя постоянно имѣлъ подъ подушкой таблички и тетрадь, чтобы въ свободное время пріучить руку выводить буквы, но трудъ этотъ, такъ поздно начатый, не имѣлъ успѣха (cap. 25).

[2]) Pertz, Script., X. 148; Wattenbach, II, 5.

[3]) Спенсеръ, Англія, 235. Король Альфредъ В. жаловался на плохое состояніе грамотности среди бѣлаго духовенства (Маколей, III, 282).

[4]) Gregorovius, III, 152—160.

[5]) Ibid., III, 340, 375—393, 528—530.

[6]) Ibid., 161—163.

[7]) Ibid. 161—163; 387—88.

[8]) Ibid., III, 166—167, 529—530. Ср. еще Д. К. Петровъ, Генрихъ Сеттимелло и его значеніе для исторіи итальянскаго возрожденія (Ж. М. Н. Пр., 1894. № 11, стр. 140—143).

[9]) Gregorovius, II, 161.

[10]) Шлецеръ, Несторъ, II, 270—271: φιλοσοφεῖν —значитъ постричься въ монахи или жить въ монашескомъ состояніи (по Дюканжу). Въ такомъ же смыслѣ и за-

сваиваться уже монаху или книжнику. На самомъ дѣлѣ, въ Византіи, не смотря на ея болѣе тѣсную и близкую связь съ древней образованностью, существовавшія школы, а онѣ были многочислены и разнообразны (царскія, патріаршія, епископскія, церковныя, монастырскія, частныя), находились почти исключительно въ рукахъ монаховъ и клириковъ, хотя въ нихъ преподавались грамматика, а иногда піитика, географія и исторія, при чемъ самое обученіе носило вполнѣ церковно-религіозный характеръ [1]). Поэтому какъ бы ученъ ни былъ византіецъ, церковная стихія всегда даетъ себя чувствовать въ его произведеніяхъ (см. выше, стр. 80), и хотя монастыри издавна были втянуты въ водоворотъ мірской и политической жизни Византіи, но они, въ свою очередь, сильно вліяли на общественный строй и образъ мыслей византійцевъ. Публичныя церемоніи увеличились до безконечности. Богослуженія сдѣлались чрезвычайно продолжительными.... Цѣлая имперія, а въ особенности столица и ея окрестности, были наполнены монастырями. Притомъ значительная часть войнъ Византіи въ VIII и послѣдующихъ вѣкахъ носила на себѣ отпечатокъ войнъ религіозныхъ, что́ вполнѣ сознавалость всѣмъ обществомъ, какъ указываютъ на это приготовленія къ походамъ и самый характеръ рѣчей, произносимыхъ передъ войскомъ во время рѣшительныхъ битвъ.... Слова „отечество“ и „національность не имѣли значенія въ это время. Церковь была единственною могущественною связью, соединяющею всѣ народы Имперіи въ исповѣданіи одного и того же ученія и въ подчиненіи одному и тому же религіозному главѣ [2]). Послѣ этого вполнѣ понятно, почему, при связи Византіи съ древнимъ міромъ, сказавшейся въ ея ересяхъ (восточныя ученія, преимущественно неоплатонизмъ [3]),

---

падные писатели принимаютъ слова philosophus, philosophari. Въ капитулахъ имѣвшій надзоръ за преподованіемъ ученія назывался philosophus.

[1]) О народныхъ школахъ въ Византіи съ полов. IX до полов. XV в. (842—1453). Рѣчь И. Соколова (Церковн. Вѣдом. 1897, прибавлен., №№ 7 и 8; ср. Виз. Времен. 1897, вв. 1—2. стр. 263); Очерки по исторіи христіан. законоучительства. Византійское законоучительство, св. С. В. Петровскаго (Странникъ, 1897—рядъ статей, съ обращеніемъ вниманія и на школы въ Византіи,—объ упадкѣ проповѣдничества въ XII и д. вѣкахъ).

[2]) Histoire de la civilisation héllén., par Paparrygopoulo, pp. 170—180.

[3]) Ibid., 107—110. И въ Византіи, какъ на Западѣ, знаніе часто соединялось съ представленіемъ о волшебствѣ (патр. Фотій и Іоаннъ VI), а статуи подвергались низверженію и уничтоженію, въ силу суевѣрнаго предубѣжденія (Ж. М. Н. Пр. 1890, № 1, стр. 3, 7, 18, 22, 24; ср. Gregorovius, V, 467).

церковная идея возобладала надъ остальными теченіями. Она возобладала и въ области искусства [1]).

III.

Русская письменность начальнаго періода носитъ на себѣ исключительно церковный характеръ. Кириллъ и Меѳодій озаботилась уже переводомъ книгъ на славянскій языкъ, необходимыхъ для богослуженія и почти всей Библіи (за исключеніемъ книги Маккавеевъ [2]), Номоканона (Іоанна Схоластика) и „книгъ отеческихъ", чѣмъ вмѣстѣ съ тѣмъ было положено основаніе литературнаго языка того времени [3]). Полученіе книгъ изъ Болгаріи (переводная дѣятельность въ которой связана съ именемъ ц. Симеона Борисовича, получившаго въ Константинополѣ греческое образованіе, и его сотрудника Іоанна экзарха болгарскаго [4]), переводы съ греческаго языка, исполненные въ Россіи, при Ярославѣ I (и основаніе имъ библіотеки) и несомнѣнно продолжавшіеся потомъ и, наконецъ, получаемые изъ Византіи [5]), въ монастыряхъ которой нерѣдко жили славянскіе и русскіе монахи [6]). Такимъ образомъ уже въ періодъ X—XIII вв. были въ употребленіи въ Россіи переводы слѣдующихъ писателей и произведеній въ отдѣльномъ видѣ или въ

---

[1]) Зап. Имп. Ак. Наукъ, т. LXXV, кн. II, 283—284.

[2]) Зигель, 35—39; ср. Арх. Изв. 1899 № 12, с. 385. О существованіе перевода всего Ветхаго Завѣта свидѣтельствуетъ и Патерикъ печерскій (сказаніе о Никитѣ затворникѣ, потомъ епископѣ новгородскомъ. Послѣдній, читаемъ тамъ, настолько изучилъ весь Ветхій Завѣтъ (вся книгы жидовскыя свѣдяше добре), что „не можаше никто же стязатися снимъ книгами ветхаго завѣта" (cxxvii—cxxviii). Замѣчаніе И. И. Малышевскаго (Евреи въ Ю. Руси, 73 -75). Въ Кіевѣ были іудействующіе христіане (тамъ же, 74—75). Раннее появленіе у насъ Палеи (Толковой) объясняется броженіемъ въ обществѣ іудейскихъ идей, чѣмъ было вызвано и „Слово о законѣ и благодати" м. Иларіона (А. Архангельскій. Новый трудъ по ист. русской литер., т. I, соч. Пыпина, Ж. М. Н. Пр. 1898, № 9, с. 213).

[3]) Отъ XI—XII вв. до насъ дошелъ рядъ тк. нз. Толковыхъ Псалтирей; есть рукописи съ гадальными приписками (припомнимъ обращеніе Владиміра Мон.). М. Сперанскій, Изъ исторіи отреч. книгъ. Гаданія по Псалтири, Спб. 1899.

[4]) Палаузовъ, Вѣкъ болгар. царя Симеона, Спб. 1852; К. Калайдовичъ, Іоаннъ экзархъ болгарскій, М. 1824.

[5]) О библіотекѣ Ярослава I (въ Соф. соборѣ) замѣчаніе Голубинскаго I, 164—166, 604—605). Ср. Замѣтки по древ. славян. переводамъ св. Писанія (о перев. книги „Есѳирь" съ греч. языка), И. Евсѣева (Изв. Ак. Н. 1898, т. VIII, май).

[6]) Постоянное пребываніе русскихъ въ Константинополѣ дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе о существованіи тамъ школы на первыхъ порахъ.

разныхъ сборникахъ и Четьи-Минеяхъ: отвѣты Анастасія Синаита, составляющіе главное содержаніе Сборника Святослава 1073 г., соч. Андрея Іерусалимскаго (или Критскаго), инока Антіоха (Пандектъ, изъ 130 нравоучительныхъ главъ), Аѳанасія Александрійскаго (черыре слова противъ аріанъ), Василія Вел., Геннадія патр. конст-го (Стословецъ, содержащій правила христіанской нравственности), Григорія Богослова (слова), Евсевія Александрійскаго, Ефрема Сирина [1]). Златыя Чепи (сборникъ [2]), соч. Іоанна Дамаскина („Небеса" или богословіе и „Логика" или „Діалектика„ [3]), Іоанна экзарха болгарскаго (Шестодневъ [4]) и его слова), Іоанна Златоуста (весьма обширное собраніе его словъ [5]), Іоанна Лѣствичника (Лѣствица [6]), Кирилла Іерусалимскаго (Огласительныя поученія [7]), Климента еп. Словенскаго, Константина, ученика Меѳодія (слова [8]), Косьмы пресвитера болгарскаго (слово на еретики—противъ богомиловъ [9]), Меѳодія Патарскаго [10]), Минеи-четьи [11]). сочиненія Михаила Синкелла (о правой вѣрѣ въ Изборн. 1073 г.), Никона Черногорца (Пандекты, сборникъ словъ, представляющій выписки изъ отцевъ церкви—нравоучительнаго характера [12]), Нила Синайскаго (о молитвѣ [13]), Палея [14]), творенія Гри-

---

[1]) На него ссылается Симонъ въ Патерикѣ и житіе Авраамія Смоленскаго.

[2]) Ссылка того же житія.

[3]) По Синод. списку XII—XIII в. напеч. въ Чт. Общ. ист. и древн. 1877, кн. IV; Опис. рукоп. Синод. библ., отд. II. № 155.

[4]) По Синод. сп. 1263 г. въ Опис. рукоп. Синод. библ., отд. II, 1, № 54.

[5]) Сборникъ ихъ, переведенный ц. Симеономъ, подъ именемъ Златоструя (о немъ В. Н. Малинина, Изслѣд. Златоструя по рукоп. XII в. Им. Пуб. библ., К. 1878); другой сборникъ подъ тѣмъ же заглавіемъ; третій сборникъ, извѣстный подъ именемъ Андріятика (собр. словъ, говоренныхъ І. Златоустомъ въ Антіохіи, по поводу низверженія императорскихъ статуй, отъ ἀνδριάς—статуя, Опис. р. Синод. библ. II. 2, № 125); а также его слова въ Минеяхъ.

[6]) Опис. р. Син библ. отд. II. 2, № 141; Востоковъ, Опис. р. Рум. м, № 198 На Лѣствицу ссылаются Симонъ и Поликарпъ (Патер. печер., cv, clxiii).

[7]) Опис. р. Син. б., отд. 2. № 114; Опис. р. Рум. м., с 244.

[8]) Опис. Син. б., № 163.

[9]) Прав. Соб. 1864, чч. I и II; Опис. р. Син. библ., № 188.

[10]) Опис. рукоп. Синод. библ., № 110.

[11]) О нихъ упоминаетъ лѣтописецъ (1037) и житіе Бориса и Глѣба; Учен Зап. II отд. Имп. Ак. Н., II, 80, опис. Востокова; Чт. Общ. ист. 1879, I, опис. А. Н. Попова.

[12]) Срезневскій, Свѣд. о малоизв. памятн., № xli—lxxx. Позже былъ переведенъ и другой его сборникъ Тактиконъ (Опис. рукоп. Син. библ. №№ 217–225). Срезневскій, Памятники языка, 40 301; 156–267, 298.

[13]) Опис. рукоп. Син. б, № 154.

[14]) Срезневскій (111—112. 127, 199 294); ср. Рус. Ист. б., VI, 14. Памятникъ

горія Амиритскаго, переведенныя на русскій языкъ Антоніемъ (Печерскимъ?), которыми могъ уже пользоваться Несторъ (ж. Θеодосія [1]), Патерики (Синайскій или Лимонарь, Іоанна Мосха [2]), Патерикъ Скитскій (іерус.) и Азбучный [3]), Прологъ (Синаксарь) [4]); кромѣ того извѣстны были житія Саввы Освященнаго, Антонія В., Евθимія [5]), Θеодора Студита, Нифонта [6]), Евстаθія Плакиды, Романа Сладкопѣвца, Димитрія Солунскаго (Несторъ въ житіяхъ); Пчела (сборникъ изреченій изъ св. писанія, отцевъ церкви и древнихъ писателей, нравственнаго содержанія, расположенный въ систематическомъ порядкѣ [7]); соч. патр. Фотія (поучит. посланіе къ новокрещен. ц. болгарскому Борису-Михаилу), толкованія (на кн. Іова, Псалтирь, пророковъ, Даніила, Апокалипсисъ), Аθанасія Александрійскаго, Θеодорита Кирскаго, Ипполита Римскаго и др. [8]), соч. Θеодора Раиθскаго (главы логическія и онтологическія въ Изборникѣ 1073 г.), Θеодора Студита (собраніе поученій къ монахамъ, рукоп. нач. XIV в., но полагаютъ, что переводъ сдѣланъ ранѣе, такъ какъ ему подражалъ въ своихъ поученіяхъ Θеодосій Печерскій), черноризца Храбра (болгаринъ, IX—X вв., современникъ Іоанна экз. болг., о „славянскихъ письме-

---

этотъ имѣетъ обширную литературу (Архангельскій, рец. ист. литер. Пыпина, Ж. М. Н. Пр., 211—217). Ср. еще: В. Истринъ (Изв. Акад. Наукъ 1897, кн. I и II; 1898, кн. II); А. Д. Карнѣевъ (Ж. М. Н. Пр. 1900, № 2—объ отношеніи Толковой Палеи къ Златой Матицѣ и Физіологу); А. В. Михайловъ (Варш. Ун. Изв. 1895—96).

[1]) Изв. Ак. Наукъ 1896, I, 48

[2]) О сочин. I. Мосха и историч. значеніи его, св. М. I. Хитрова (Изданія Историч. общ. при Москов. Унивнвер. Рефераты, чит. въ 1895 году, М. 1897).

[3]) На Пат. ссылаются Симонъ и Поликарпъ. О переводахъ Патериковъ на славян. языкъ въ X—XIII вв. см. у арх. Леонида (Чт. Общ. ист., 1890, кн. III и IV); Буслаевъ, Историч. Христоматія; Срезневскій, Памятники языка, 40, 301; 155, 267, 298.

[4]) Н. Владимірскій, Нѣск. словъ о Прологѣ (Каз. 1875); Пономаревъ, Памятники, II, 1896; Срезневскій; Архангельскій (рец.).

[5]) Изв. Ак. Наукъ 1896, I, 64—65; ж. Саввы, изд. Общ. люб. древн. письм.

[6]) Изв. Археологич. Общ., 471; Изв. Ак. Н., X, 374—87. Изд. Общ. люб.

[7]) Врем. Общ. ист. и древн. рос., кн. XXV, изд. Безсонова; Сборн. Ак. Наукъ, кн. LIV; М. И. Сухомлиновъ, Замѣчанія о сборникахъ, извѣстныхъ подъ назв. Пчелъ (Изв. Ак. Наукъ, II); Къ вопросу о греко-визант. и славян. сборникахъ изреченій, А. Михайлова (Ж. М. Н. Пр., 1893, № 1); В. А. Семеновъ Матер. къ литер. исторіи рус. Пчелъ (Чт. Общ. ист. 1895, II, 1—76); E. Kurtz (Byz. Zeitschr., II, 340—341); И. Тимошенко, Виз. пословицы и слав. параллели, (Р. Ф. Вѣст. 1894—95); Греческій источникъ изреченій Исихія, В. Семенова (Ж. М. Н. Пр. 1893, № 7).

[8]) На соч. Епифанія Кипрскаго (толк. на кн. Бытія) и Ипполита Римскаго (толк. на прор. Даніила) ссылается лѣтописецъ (1111 годъ).

нахъ“ [1]); хронографы Георгія Амартола и Іоанна Малалы были извѣстны—первый начальному лѣтописцу, а второй его продолжателю—кіевскому лѣтописцу (1114 годъ) [2]); наконецъ, упомянемъ рядъ апокрифовъ (Глубинныя книги [3]), сказаніе Афродитіана, Хожденіе Богородицы по мукамъ, Видѣніе пророка Исаіи, Лѣствица патр. Іакова, Слово о царствѣ языкъ послѣднихъ временъ, припис. Меѳодію Патарскому [4]), Завѣты патріарховъ [5]), не говоря о многихъ другихъ сочин., вовсе не дошедшихъ до насъ или неизвѣстныхъ въ древнихъ спискахъ [6]).

Несомнѣнно, что появленіе этихъ памятниковъ въ значительной степени обязано первымъ училищамъ и той поддержкѣ книжной дѣятельности, какую оказали на первыхъ порахъ Владиміръ св. и Ярославъ I. Говоря объ этой дѣятельности, лѣтописецъ прибавляетъ, что оба они любили „словеса книжная“, а о послѣднемъ, что онъ читалъ книги часто днемъ и ночью [7]). О другомъ сынѣ Владиміра, Борисѣ, Несторъ говоритъ, что онъ читалъ книги, а именно житія и мученія святыхъ [8]). О сынѣ Владиміра Изяславѣ лѣтописецъ выражается, что онъ „прилежалъ къ прочитанію божественныхъ книгъ“ (подъ 1000 г. [9]). Любовь къ образованію, замѣчаетъ Бестужевъ Рюминъ,

---

[1]) Калайдовичъ, Іон. экз. болгар. 189; Срезневскій (Ж. М. Н. Пр. 1848, № 7).

[2]) На І. Малалу ссылается также м. Іоаннъ II (Врем. М. О. ист., кн. IX, стр. x). Въ хроногр. Малалы читается подробная пов. о плѣненіи греками Трои.

[3]) Книга „Глубина“ помѣщается въ числѣ истинныхъ (Калайдовичъ, 209; ср. Голубинскій, I, 757). Замѣтимъ при этомъ, что Злат. Матица иногда называлась „Глубиной“ (Ж. М. Н. Пр. 1900, № 2, с. 365).

[4]) Оно было извѣстно начальному лѣтописцу.

[5]) См. библіогр. историч. сочин. извѣстныхъ въ до-монгольскій періодъ (Голубинскій, I, 715—757); ср. М. Истринъ, Откровеніе М. Патарскаго и апокрифич. видѣнія Даніила въ славян. и рус. литер. (Чт. Общ. ист. 1897, II, I—250); Александрія русскихъ хронографовъ (1894, кн. I и II):

[6]) О появленіи апокрифовъ въ раннее время письменности (см. Меѳ. Сборникъ 61); Творенія св. отцевъ церкви въ древне-русской письменности, А. С. Архангельскаго, I—IV, Казань, 1889—90; Особенности русскихъ переводовъ до-монг. періода, А. И. Соболевскаго (Труды IX Арх. съѣзда. т. II); о попыткѣ перевода на русск. яз. (Голубинскій, II 287—288; О способахъ духовнаго просвѣщенія древней Россіи внѣ училищъ (Прав. Соб. 1858, I); О чтеніи книгъ въ древней Россіи (ib., II); о припискахъ въ рукописяхъ, Покровскаго (ib. 1897, № 7 и 8); Н. В. Волкова (Ж. М. Н. Пр. 1897, № 11). Литературу вопроса о древнихъ переводахъ см. у Пыпина (Ист. рус. литер-ы, I, 103—107) и въ рец. Архангельскаго Ж. М. Н. Пр. 1898, № 9); П. В. Владиміровъ (Чт. въ Общ. Нестора, кн. IX).

[7]) Лавр. лѣт., 122, 148.

[8]) Житіе Бориса и Глѣба (Чтен. въ Общ. исторіи и древн. рос. 1859, I).

[9]) Никон. лѣт., I, 111. Ср. Wattenbach, II, 5—6.

была наслѣдственна въ семьѣ Ярослава: онъ самъ велѣлъ переводить книги; отъ Святослава Ярославича сохранились два извѣстныхъ сборника [1]). Правда, первый изъ нихъ былъ переведенъ съ греческаго, для болг. ц. Симеона [2]), но писанъ русскимъ писцомъ первоначально для вел. кн. Изяслава, а потомъ перешелъ къ кн. Святославу и заключаетъ въ себѣ рисунокъ съ изображеніемъ его семейства. Въ этомъ сборникѣ помѣщены разныя разсужденія богословскаго, философскаго и частью церковно-историческаго содержанія, извлеченныя изъ сочиненій Василія Вел., Іоанна Богослова и др., но большую часть занимаютъ такъ наз. отвѣты Анастасія Синаита на предложенные ему вопросы. Сборникъ 1076 г. (Имп. Пуб. библ.) сходенъ съ предыдущимъ, но богатъ больше статьями нравоучительнаго содержанія, при чемъ замѣчено: „избрано изъ *многихъ книгъ* княжьихъ“ [3]). Внукъ его Святославъ - Николай Давидовичъ (Николай Святоша), извѣстный намъ суровыми подвигами въ Печерскомъ мон., тратилъ на книги свою казну: онъ имѣлъ много книгъ, которыя по свидѣтельству Симона, сохранялись въ монастырѣ еще въ нач. XIII в. [4]).

Если строго-аскетическому взгляду печерскаго монаха знаніе многихъ языковъ, какъ и знаніе наизусть всего Ветхаго Завѣта, могло представляться навожденіемъ дьявола [5]), то Владиміръ Мономахъ иначе думалъ объ этомъ: онъ даетъ наставленіе своимъ дѣтямъ (и всякому, кто прочтетъ его „грамотицю“), чтобы они часто читали, отчего ему не будетъ стыда, а имъ будетъ добро [6]), а чего не умѣютъ, тому пусть

---

[1]) Русская исторія, I, 165.

[2]) Подлинникъ въ Синод. библ. Рукопись издана дважды (Чт. Общ. ист. 1882, IV и фотографич. способомъ Общ. люб. древн. письмен., folio, 1880). По составу греч. подлинникъ его относятъ къ IX стол. (Опис. рук. Синод. б., II, в. 3, с. 368); но съ теченіемъ времени онъ пополнялся продолж. прежнихъ и новыми статьями (Соч. Тихонравова, I, 67). Библіографія обоихъ сборниковъ у Срезневскаго (Древн. памятн. письма и языка, подъ 1073, 1076). Замѣч. Голубинскаго (I, 753—755).

[3]) Соловьевъ говоритъ: „Святославъ собиралъ книги, которыми наполнилъ свои клѣти; отъ этихъ книгъ дошло до насъ два сборника“ (III, 88, прим. 201). Ср. Сборн. Святослава 1076 г., В. Шимановскаго, 2-е изд. 1894, Варш. (рец. Н. П. Некрасова, съ указ. литер., Ж. М. Н. Пр. 1897, № 10, и С. Кульбакина, ibid. 1898, № 2).

[4]) Патерикъ, с—сі. Князь Никола постригся въ 1106 году.

[5]) Патерикъ (сказаніе о Лаврентіѣ и Никитѣ).

[6]) Въ пути Владиміръ М. имѣлъ съ собою Псалтирь, которую и читалъ. Онъ былъ знакомъ съ тогдашними сборниками, Палеей и апокрифическою литературою (Порфирьевъ, I, 392—97; Архангельскій, 215, 237; Н. В. Шляковъ, О поуч. Владиміра, М. Ж. М. Н. Пр. 1900, № 6). Онъ выражается о себѣ, что отцемъ и матерью былъ „въ благочестіи наказанъ“.

учатся, а именно, какъ отецъ его (Всеволодъ), который, сидя дома, изучилъ 5 языковъ, и въ томъ честь, прибавляетъ онъ, отъ иныхъ земель [1]). Тогдашнія связи Кіевской Руси съ Востокомъ, Византіей и Западомъ [2]) указывали на необходимость этихъ знаній [3]). Понятно, что книжность и въ семьѣ Владиміра М. должна была быть распространена. По поводу смерти его сына, вел. кн. Ярополка Владиміровича († 1138, отъ первой жены—Гиды), лѣтописецъ замѣчаетъ, что онъ „любилъ прочитанья божественныхъ словесъ" [4]). „Если властели міра сего и люди, занятые житейскими заботами, обнаруживаютъ *сильную охоту къ чтенію*, говоритъ одинъ писатель XII в., то тѣмъ больше нужно учиться намъ (т. е. духовенству) и всѣми средствами искать свѣдѣнія о словѣ божіемъ, писанномъ о спасеніи душъ нашихъ" [5]). Такъ характеризуетъ Кириллъ Туровскій требованія своей эпохи.

IV.

Съ греческой іерархіей въ Россіи появляется книжность въ духѣ византійской церковной литературы. До насъ дошли нѣкоторые памятники литературной дѣятельности митрополитовъ-грековъ, каковы:

[1]) Лавр. лѣт. 232—38. Здѣсь же о славѣ Владиміра М. во всѣхъ земляхъ (273; ср. Ипат., 208). Напомнимъ, что онъ ходилъ въ Ляхи и на Чеховъ, сажалъ посадниковъ по Дунаю; о его брачныхъ связяхъ см. выше (стр. 141—44).

[2]) Лѣтописецъ замѣчаетъ, что слава о русскихъ побѣдахъ распространялась до Греціи, Венгріи, Польши, Чехіи и Рима (Ипат. 196). Сношенія съ Римомъ (и Италіей) продолжались и въ XI стол. (Friesius, De episcopatu Kioviensi, Vars. 1763). Въ 1098 г., на соборѣ въ Бари присутствовали греческіе епископы и русскій посолъ отъ м. Ефрема (Assemani, Kalend. eccles., VI, 333).

[3]) Соображенія о языкахъ, которыми владѣлъ Всеволодъ (Сухомлиновъ. О языкозн. въ древней Россіи, Уч. Зап. Акад. Наукъ, I, 200—201), а именно греческимъ, латинскимъ, нѣмецкимъ, венгерскимъ (или польскимъ) и однимъ изъ сосѣднихъ—инородческихъ. Всеволодъ былъ женататъ на гречанкѣ и на половецкой княжнѣ. Томсенъ соглашается съ Карамзинымъ, что однимъ изъ языковъ былъ несомнѣнно скандинавскій (113). Знаніе языковъ на Западѣ вызывало похвалы у современниковъ, но также было рѣдко. Эпитафія папы Григорія V прославляетъ его за то, что онъ могъ на трехъ языкахъ писать—родномъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и народномъ, итальянскомъ. Знаменитый обширностью своихъ знаній Эккегардъ, переводчикъ библейскихъ книгъ и древнихъ писателей на нѣмецкій языкъ, владѣлъ четырьмя языками (Gregorovius, III, 534).

[4]) Ник. лѣт., II, 77. Дочь Ростислава Рюр. и Верхуславы Всеволодовны Евфросинія (Измарагдъ) воспитывалась у дѣда своего Рюрика Рост-ча и бабки (см. выше, с. 201—202), въ Кіевѣ (Ипат. л. 474).

[5]) Памятн. словесн. XII вѣка, изд. Калайдовичемъ, 133.

Стязаніе съ латиною (объ опрѣснокахъ) м. Леонтія (992—1007 [1]) въ греч. подлинникѣ и славянскомъ переводѣ; Сказаніе съ Латиною и церковныя правила м. Георгія (ок. 1068—77) въ изложеніи еп. Нифонта [2]); посланіе къ папѣ Клименту III м. Іоанна II (1080—1089) и его церковныя правила [3]), также первоначально писанныя погречески; посланія къ Владиміру Мономаху о постѣ и латинской вѣрѣ м. Никифора (1104—1121 [4]) и посланіе о латинской вѣрѣ Ярославу Святополковичу, княжившему во Владимірѣ Волынскомъ († 1123), того же м. Никифора („понеже чадо блаженне и сыну свѣта земля Лядская въ сусѣдахъ у тебе есть, живущеи же на ней суть оплатки служащіи") [5]). Всѣ эти полемическія сочиненія, направленныя противъ латинянъ, переведены съ греческаго и написаны на основаніи византійскихъ полемическихъ произведеній (патр. Фотія, Никиты Стифата, Михаила Керуларія и др. [6]). Вызванныя послѣдовавшимъ незадолго до того раздѣленіемъ церквей и близкими отношеніями Руси къ за-

---

[1]) Макарій, I, 103 и д.; А. Н. Поповъ. Истор.-литер. обзоръ древн. рус. полемич. соч., 27-37; А. С. Павловъ, Критич. опыты по истор. древн. греко-рус. полем., 26-39; Полемика м. греками и латинами по вопросу объ опрѣснокахъ въ XI и XII в., М. Чельцова, Спб. 1879; Римскіе папы въ ихъ отношеніи къ церкви византійской въ IX-XI в., А. Лебедева, М. 1875; Bréhier, Le schisme oriental du XI-me siècle, P. 1898; ср. еще Виз. Времен. 1898, III, 587. Сочиненіе Леонтія вызвано попытками папы подчинить русскую церковь (Голубинскій, I, 694).

[2]) Макарій, II, 140, 309; Поповъ, 81—91; Голубинскій, I, 695—96; Павловъ, 28—58, 191—198; 234-44. Послѣдній полагаетъ, что „Сказаніе" не болѣе какъ позднѣйшая передѣлка изъ посл. м. Никифора и Слова Θеодосія.

[3]) Макарій, II, 345-352; Рус. Достопамятн., I, 88; Уч. Зап. по 2-му отд., т. I. в. 2, с. 1-20; Памятн. XII в., 209—218; Поповъ, 92—99; Павловъ, 58-62, 169—186. Отрывки греч. текста канонич. отвѣтовъ (Зап. Ак. Наукъ, XXII); полный славян. текстъ (Р. Истор. библ., VI, 1—20). Ему же, какъ полагаютъ, принадлежитъ служба Борису и Глѣбу (Срезневскій, 31).

[4]) Памятн. XII в., Калайдовича, 157—163; Рус. Достопам., I, 61—75. Онъ былъ родомъ изъ Ликіи въ М. Азіи. Въ посланіи его о постѣ, обнаруживающемъ наклонность къ философствованію, не видятъ однако ни платонизма, ни плотинизма, а лишь свойственный автору дуализмъ, котораго держится и авторъ извѣстной въ Россіи „Діоптры"; между тѣмъ какъ въ изреченіяхъ Кирилла Философа, слѣдующаго Діалектикѣ І. Дамаскина, отмѣчаютъ послѣдователя мнѣній Аристотеля (М. В. Безобразова, Изреч. св. Кирилла и посл. м. Никифора, Изв. Ак. Наукъ 1898, IV, с. 1072—1075.

[5]) Макарій, II, 314, 320—326; Поповъ, 99—118; Павловъ, 62—65; Послан. м. Никифора къ волын. кн. Ярославу Святополковичу, О. Фотинскаго (Волын. истор.-археол. сборн., кн. I; Кіев. Стар., 1896, № 11, с. 58).

[6]) Поповъ, 7-15, 35-39. 45, 72-76, 88, 92, 95, 107—111; Павловъ; Срезневскій (Памят. языка).

падному міру, сочиненія эти оказали несомнѣнно вліяніе на религіозныя воззрѣнія современнаго общества. Но, чтобы имѣть успѣхъ, они должны были быть переведены на славянскій языкъ кѣмъ либо изъ грековъ, болгаръ или русскихъ; а есть свѣдѣнія, что вмѣстѣ съ митрополитами и епископами-греками приходили въ Россію и другія духовныя лица. Такъ, съ м. Георгіемъ (1068) пріѣхалъ сюда монахъ Студійскаго мон. Михаилъ, у котораго Ѳеодосій досталъ уставъ Ѳеодора Студита и изложилъ его для своей братіи (слѣдовательно онъ былъ тогда же переведенъ [1]). По просьбѣ Николая Святоши, инокъ Ѳеодосій, родомъ грекъ, занимался переводомъ съ греч. (онъ перевелъ „богомудрую и догматскую епистолію“ св. Льва п. римскаго къ патр. Флавіану, присоединивъ посвященіе князю и повѣсть „о халкидонскомъ соборѣ“), а нѣкоторые съ большимъ основаніемъ приписываютъ ему и „слово о вѣрѣ варяжской“, обозначенное въ рукописяхъ именемъ Ѳеодосія Печерскаго, написанное по просьбѣ вел. кн. Изяслава Мстиславича (1146—54). Другое посланіе къ тому же князю касается соблюденія воскреснаго дня и поста въ среду и пятницу [2]). По поводу же поставленія въ епископы грека Мануила, въ лѣтописи замѣчено, что онъ „пришелъ изъ Греціи *самъ-третей* къ боголюбивому князю (смолен.) Мстиславу“ (1137 [3]). Въ XI в. были извѣстны уже „житіе“ и чудеса св. Николая съ дополненіемъ о чудесахъ, совершенныхъ въ Константинополѣ (33—34) и записанныхъ русскимъ, бывшимъ тамъ раньше, и чуда, имѣвшаго мѣсто въ Кіевѣ (40-ое) и

---

[1]) Лавр. лѣт., 156.

[2]) Поповъ, 69—81; Павловъ, 45—48; Голубинскій, I, 699—700.

Послѣдній полагаетъ, что Ѳеодосій состоялъ при митрополичьей каѳедрѣ въ качествѣ клирика или чиновника. А. А. Шахматовъ, соглашаясь съ доводами въ пользу авторства грека Ѳеодосія относительно „Слова“, написаннаго въ такомъ случаѣ къ Изяславу Мстиславичу (сидѣлъ въ Кіевѣ съ 1146—1154, съ небольшими перерывами), называетъ его игуменомъ Печерск. м. послѣ Пимена, а именно 1142—1156 (Изв. Ак. по отд. рус. яз. и словесн., 1897, кн. III, 827—833). Новыя подтвержденія въ ст. А. И. Яцимирскаго (ibid. 1899, II, 438—41). Кромѣ того, Е. Е. Голубинскій склоненъ приписать ему то житіе Владиміра св., по которому послѣдній посылалъ пословъ для смотрѣнія вѣръ и изъ котораго возникла повѣсть о его крещеніи, помѣщенная въ лѣтописи (I, 116, 146, 194. 709, 761; ср. м. Макарій, Чтенія о языкѣ и словесн., I, 154—158; Изв. Им. Ак. Н., т. IV). А. И. Соболевскій полагаетъ, что авторъ житія составилъ свою повѣсть на основаніи лѣтописи и относитъ его къ болѣе позднему времени (Чтенія въ Общ. Нестора, II, 284).

[3]) Ипат. л., 215, Срезневскій, 57; Филаретъ, 31—32.

записаннаго, какъ полагаютъ, до 1113 г. [1]), а также похвальное слово на перенесеніе его мощей въ Баръ, написанное по случаю празднества, установленнаго м. Ефремомъ [2]).

Не всѣ, конечно, изъ греческихъ іерарховъ, оставили добрую память по себѣ у современниковъ [3]). Напротивъ, дѣйствія нѣкоторыхъ изъ нихъ вызывали нелестные отзывы у лѣтописцевъ о грекахъ вообще [4]). Другіе во что бы то ни стало являлись защитниками вліянія и власти констант-хъ патріарховъ (по поводу дѣла Климента Смолятича), тягость и несправедливость которой уже тогда признавались и князьями, и болѣе образованнымъ классомъ [5]). Понятно, что дѣятельность большинства греческихъ іерарховъ была стѣснена ихъ происхожденіемъ и незнаніемъ русскаго языка. Тѣмъ не менѣе заслуги нѣкоторыхъ изъ нихъ были оцѣнены современниками. Такъ, объ Іоаннѣ II (1080—1089) лѣтописецъ говоритъ, что онъ былъ „мужъ хитрый книгамъ и ученію, милостивъ къ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ ко всякому богату и убогу, смиренъ и кротокъ, рѣчистъ, книгами святыми утѣшая печальныя, какого не было прежде и не будетъ потомъ“ [6]), и потому, вѣроятно, онъ былъ прозванъ „пророкомъ Хрис-

---

[1]) Житіе и чудеса св. Николая Мурликійскаго и похвала ему. Изслѣд. архим. Леонида, Спб. 1881 (Памятн. письмен., № xxxiv). Сводъ составленъ русскимъ писателемъ по греческимъ источникамъ. Составитель, какъ видно изъ чудесъ 33 и 34, былъ въ Кон--лѣ при имп. Михаилѣ Керуларіѣ (1040—58). Сказавъ о почитаніи св. Николая греками, латинами и сиріянами, авторъ прибавляетъ: „Пріиди въ Русь и виждь, яко нѣсть града, ни села, идѣже не бѣша чюдеса многа умножена св. Николы“.

[2]) Срезневскій, 33; Филаретъ, Обз. литер., 23—24; Голубинскій I, 641—643; ср. Труды Кіев. Дух. Акад. 1863, № 6; 1873, № 12 и 1874; Русское поученіе XI вѣка о перенесеніи мощей Николая Чудотворца и его отношеніи къ западнымъ источникамъ, Спб. 1881 (съ предисл. И. А. Шляпкина). См. выше, стр. 137. Издатель полагаетъ, что источниками его служили греческія сказанія, заимствованныя въ Италіи, при существованіи здѣсь греческихъ монастырей. Въ 1041 г. русскія войска бьются въ греческихъ рядахъ противъ норманновъ (Monum. Germ., V, 153). Русскіе пилигримы ходили къ мощамъ, а въ 1091 г. въ Кіевѣ былъ м. Ѳеодоръ грекъ съ мощами изъ Рима.

[3]) Относительно порядка ихъ и происхожденія нѣкоторыхъ существуютъ разногласія (Терновскій, Изуч. визант. ист., I, 31—32; Голубинскій, I, 249—54).

[4]) См. выше, стр. 178; отзывъ по поводу клятвопреступленія черниговскаго еп. Антонія (Ипат., 357—58).

[5]) Опытъ изслѣд. о культурномъ значеніи Византіи, 283—286. Въ Константинополь нельзя было являться съ пустыми руками (Никон., I, 206; П. С. П. Л., IX, 239).

[6]) Лавр. лѣт., 201.

товымъ". Уже долго спустя, о м. Кириллѣ II (1224—33) лѣтописецъ выражается, что онъ былъ „учителенъ зѣло и хитръ ученію божественныхъ книгъ" [1]). Впрочемъ, нѣкоторые изъ митрополитовъ, по краткости своего правленія, и не могли оказать особеннаго вліянія въ чуждой имъ странѣ (Іоаннъ III, 1089—90, Константинъ I, 1156—58, бѣжавшій изъ Кіева отъ Мстислава Изяславича, Θеодоръ, 1162—63, Іоаннъ IV, 1164—66 [2]); но въ умолчаніи лѣтописцевъ о большинствѣ ихъ могло сказаться и національное нерасположеніе къ грекамъ, вызванное политическими отношеніями и церковною зависимостью [3]).

При всемъ томъ школа, созданная Владиміромъ и Ярославомъ I дала блестящіе плоды. Изъ нея могъ уже выйти первый митрополитъ изъ русскихъ—Иларіонъ (по предположенію одних онъ скончался въ 1066 [4]), а по другимъ въ 1071 [5]), и его похвала „кагану Владиміру" есть дань благодарнаго сердца за просвѣщеніе страны. Сочиненія Иларіона (кромѣ названнаго „о законѣ и благодати", направленнаго противъ іудейства, имѣвшаго значеніе въ Кіевѣ, „исповѣданіе вѣры" и „поученіе"), по мнѣнію изслѣдователей, даже скептически относящихся къ тогдашней образованности, свидѣтельствуютъ, что „онъ былъ ораторъ, образованный въ наукѣ ораторства и знавшій его въ совершенствѣ". При этомъ онъ обнаруживаетъ полное чувство мѣры. Будучи одинаково краснорѣчивымъ и изящнымъ, онъ нигдѣ не доводитъ своего краснорѣчія до излишества... Хотя Иларіонъ учился искусству ораторства по греческой реторикѣ XI вѣка и ему слѣдовало бы быть поэтому ораторомъ со всѣми недостатками греческаго ораторства позднѣйшаго времени, но силою своего природнаго

---

[1]) Ibid., 425.

[2]) Голубинскій, I, 249—253: Терновскій, Изуч. визант. ист., II, 31—32.

[3]) Нѣкоторые изъ нихъ оказывали очевидное, свойственное грекамъ, пренебреженіе къ чуждой національности. Такъ, по поводу перенесенія мощей Бориса и Глѣба (1072) при вел. кн. Изяславѣ въ созданную имъ церковь, лѣтописецъ замѣчаетъ: „и принесше въ новую церковь, отверзоша раку, исполнися благоуханія церкы, видѣвше се, прославиша Бога. И митрополита (Георгія) ужесть обиде, *бѣ бо не твердъ вѣрою к нима*, и падъ ницъ, просяше прощенья" (Лавр. 176—177). Въ свою очередь (1108), печерскіе монахи съ просьбою о канонизаціи Θеодосія обращаются къ вел. кн. Святополку, который и „повелѣлъ митрополиту" (Никифору) внести его въ Синодикъ (Лавр., 272—273). Въ 1200 г. Антоній новгородскій упоминаетъ уже объ образѣ въ Соф. соб. ц. церкви Бориса и Глѣба въ Константинополѣ.

[4]) Филаретъ, Рус. святые, августъ, 105, примѣч. 186.

[5]) Терновскій, II, 31.

таланта, онъ возвысился надъ ними и представляетъ изъ себя не ритора худшихъ временъ греческаго ораторства, а настоящаго оратора временъ его процвѣтанія.... Какъ писатель, Иларіонъ составляетъ для насъ не малую загадку [1]). Но для насъ важно еще то, что Иларіонъ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, говоритъ: „Мы пишемъ не для незнающихъ, *а для насытившихся съ избыткомъ книжною сладостію*" [2]). Слѣдовательно въ Кіевѣ было уже достаточно книжныхъ людей, къ которымъ могла быть обращена подобная рѣчь. Не менѣе заслуживаетъ вниманія и то, что нѣсколько позже въ Кіевѣ, по случаю обновленія неизвѣстнымъ княземъ Десятинной церкви, произнесено было похвальное слово св. Клименту Римскому, мощи котораго, принесенныя Владиміромъ изъ Корсуня, хранились въ ней. Судя, по дошедшему до насъ отрывку, слово это оказывается вполнѣ „ораторскимъ" и даетъ право подозрѣвать въ авторѣ „настоящаго оратора", даже въ родѣ Кирилла Туровскаго [3]). Если же мы примемъ во вниманіе, что нѣсколько позже (1091—1096) въ Кіевѣ занималъ митрополитскій престолъ извѣстный уже намъ Ефремъ, долго жившій въ Константинополѣ, и что полвѣка спустя (1147—1155) на немъ встрѣчаемъ снова русскаго—Климента Смолятича, позднѣйшія изслѣдованія о которомъ сообщаютъ данныя о весьма широкомъ по тому времени его образованіи, каковы знаніе греческаго языка и знакомство съ свѣтскими науками (см. ниже) [4]), то мы должны заключить, что въ XI и XII вв. въ Кіевѣ и болѣе крупныхъ центрахъ, существовала своего рода школа, имѣвшая традицію и находившая поддержку въ свѣтской и духовной власти. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и появленіе въ послѣдней четверти XII в. такого писателя, какъ Кириллъ, уроженецъ г. Турова, сынъ богатыхъ родителей, прославившійся своими аскетическими подвигами и, наконецъ, занимавшій здѣсь епископскую каѳедру. Его несомнѣнный ораторскій талантъ заста-

---

[1]) Голубинскій, Ист. рус. церкви, I, 691, 694. Мѣстная лѣтопись о немъ говоритъ: „Иларіонъ мужъ *благъ и книженъ и постникъ*" (Ипат. лѣтоп., 109). Его назначеніе пресвитеромъ церкви дворцоваго села Берестова, любимаго Ярославомъ I, показываетъ, что послѣдній цѣнилъ его достоинства и объясняетъ намъ потомъ его выборъ въ митрополиты (1051). Объ отношеніи Иларіона къ возникновенію Печерскаго мон. мы уже знаемъ. На эту связь указываетъ и Симонъ (Патерикъ, хс): Иларіонъ постриженникъ Антонія. Сомнѣнія (Голубинскій, II, 471).

[2]) Твор. св. отц. Прибавл., II, 1844, с. 225—258.

[3]) Голубинскій, I. 678; Макарій, III, 215 и д.

[4]) О немъ будетъ рѣчь въ очеркѣ исторіи Смоленской земли.

вляетъ даже предполагать въ немъ ученика кого либо изъ грековъ, жившихъ въ Россіи [1]), при томъ изучившаго науку ораторства по извѣстнымъ образцамъ и усвоившаго ее со всѣми ея недостатками, свойственными риторизму того времени [2]). Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи не одни переводныя произведенія, но и въ греческомъ подлинникѣ. До насъ дошло отъ него девять „словъ" (начиная съ недѣли вай до недѣли святыхъ и на день вознесенія) и поученія мірянамъ и монахамъ, а также два посланія къ игумену Василію (печерскому, какъ нѣкоторые полагаютъ [3]). При всемъ обиліи произведеній, которыми могъ пользоваться Кириллъ, его не считаютъ компиляторомъ, а, напротивъ, признаютъ, что онъ имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы считаться самостоятельнымъ писателемъ [4]).

Вполнѣ естественно, что Кириллъ Туровскій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и большимъ почитателемъ книжнаго ученія. „Сладко медвенъ сотъ и добро есть сахаръ, говоритъ онъ, обоего же добрѣе книжный разумъ", и онъ настаиваетъ на почитаніи священныхъ книгъ [5]). Припомнимъ, что еще къ нач. XII в. относится поученіе Владиміра Мономаха, которое представляетъ не только завѣщаніе своимъ дѣтямъ и наставленіе современникамъ, по идеальному пониманію одного изъ лучшихъ правителей, подкрѣпленныя удачными цитатами изъ Священнаго писанія, но и заключаетъ въ себѣ значительный запасъ фактовъ, вынесенныхъ имъ изъ собственнаго правительственнаго опыта и умѣнье изложить ихъ въ ясной, назидательной формѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ автобіографическую записку, которая, по количеству сообщаемыхъ данныхъ, очевидно должна была основываться на веденныхъ въ свое время записяхъ [6]). Съ другой стороны, опытъ его по-

---

[1]) О постоянномъ пребываніи грековъ въ Кіевѣ свидѣтельствуютъ сказаніе Іакова о Борисѣ и Глѣбѣ и "Слово о полку Игоревѣ".

[2]) Нѣкоторыя замѣчанія по поводу отзыва Голубинскаго сдѣланы были архіеп. Антоніемъ (нынѣ митр.) Вадковскимъ (Изъ исторіи христ. проповѣди).

[3]) Памятн. рус. словесн. XII в., Калайдовича, М. 1821; Рукописи гр. А. С. Уварова, т. II (со введен. М. И. Сухомлинова), Макарій, т. III и др. Молитвы Кирилла Тур. (Прав. Собес. 1857, стр. 212, 273; Макарій, 158, 168); Пономаревъ, I.

[4]) Голубинскій, 656—670, 689—690; ср. Никольскій, Климентъ Смолятичъ, 87

[5]) Памят. XII вѣка, 132—133.

[6]) Нѣкоторые видятъ въ „поученіи" Владиміра Мономаха именно дневникъ, лѣтопись, веденную въ періодъ 1096—1118 г. (А. А. Шахматовъ, Арх. Изв. 1897, № 3, стр. 89); ср. замѣтку о времени записей см. у Васильевскаго (Ж. М. Н. Пр. 1875, № 12, сс. 294—95). Другіе устанавливаютъ дату ихъ 1072—1118 г. и отмѣчаютъ

казываетъ, что авторъ поученія могъ быть хорошимъ писателемъ, если бы посвятилъ себя этому дѣлу вполнѣ[1]). Къ началу же XII в. (1106—1107) относится и „хожденіе игумена Даніила“ [2]). ко св. мѣстамъ (въ Палестину) съ описаніемъ пути отъ Константинополя до Іерусалима и подробнымъ разсказомъ „о свѣтѣ святѣмъ“, како сходитъ съ небесе къ гробу Господню[3]). Авторъ его заявляетъ, что писалъ „не хитро, но просто“, хотя повидимому и обладалъ способностью написать витіевато. Благодаря этому качеству, трудъ игумена Даніила получилъ особенное значеніе и въ глазахъ современниковъ, о чемъ можно судить по количеству его списковъ (до 70), и въ глазахъ изслѣдователей, по своимъ фактическимъ даннымъ и обстоятельности описанія[4]). Все это даетъ право признать хожденіе Даніила замѣчательнымъ произведеніемъ литературы[5]).

При взаимной связи и отношеніяхъ тогдашнихъ русскихъ земель, книжность должна была имѣть не одно мѣстное значеніе; но Кіевъ, конечно, стоялъ во главѣ другихъ областей. Такъ, въ южной лѣтописи мы находимъ слѣдующую любопытную запись (подъ 1205 г): „Бѣ бо Тимоѳей въ Галичѣ *премудръ книжникъ, отцевство имѣя въ градѣ Кіевѣ*, притчею рече слово о семъ томителѣ Бенедиктѣ“ (венгерскомъ воеводѣ)—мучителѣ галичанъ,—лицо очевидно свѣтское и своимъ образованіемъ обратившее на себя вниманіе мѣстнаго лѣтописца[6]).

строгую хронологическую послѣдовательность въ изложеніи (Ж. М. Н. Пр. 1899, № 5: О поученіи Владиміра Мон., Н. В. Шлякова).

[1]) Голубинскій, I, 778. Другіе, по стилю и изложенію, произведеніе это ставятъ весьма высоко (Ж. М. Н. Пр. 1899, № 6).

[2]) Уроженецъ Черниговской земли. Какъ полагаютъ, онъ странствовалъ въ Іерусалимъ въ 1106—1107 г., а съ 1115—1122 былъ епископъ г. Юрьева-южнаго (Карамзинъ и Веневитиновъ).

[3]) См. выше, стр. 213—214. Авторъ разсказываетъ здѣсь о своихъ отношеніяхъ къ кор. Балдуину I.

[4]) Изданія: Сахарова 1837, 1839, 1849 гг.; Археогр. ком. подъ ред. А. С. Норова (Путеш. иг. Даніила по св. Землѣ, Спб. 1864); Прав. Палест. Общ., Спб. 1885. Ср. М. А. Веневитинова: Хожд. игумена Даніила въ св. Землю въ нач. XII в. съ библіогр. обзор. рукописей (Лѣтопись Арх. ком., вып. VII). Передѣлка „Хожденія“ въ сборн. Димитрія Рост. (Чт. въ Общ. ист, 1889, III, 1—25); Свѣдѣнія о рукопис., содерж. въ себѣ Хожд. въ св. Землю рус. игум. Даніила въ нач. XII в., Н. В. Рузскаго (Чтенія 1891, III, 1—172). Ср. выше, стр. 212.

[5]) Голубинскій, I, 685; Опытъ рус. исторіогр. (см. по указателю).

[6]) Ипат. лѣт., 483; ср. 499.

V.

Вполнѣ понятно, что Печерскій монастырь не остался въ сторонѣ отъ книжныхъ интересовъ и литературнаго вліянія. Уже Θеодосій принималъ старанія о составленіи библіотеки [1]). По словамъ Нестора, при Θеодосіѣ былъ монахъ Иларіонъ „хитрый писать книги“, который занимался списываніемъ ихъ въ келліи Θеодосія день и ночь; Никонъ переплеталъ книги, а самъ Θеодосій пряль нити для сшиванія ихъ [2]). Нѣкоторые изъ братіи имѣли собственныя библіотеки. Одинъ изъ ближайшихъ учениковъ Θеодосія, Григорій, владѣлъ значительнымъ собраніемъ книгъ („не бѣ иного ничто имѣя развѣ книгъ“), которыя сдѣлались предметомъ воровства, а потому, чтобы не служить болѣе соблазномъ, онъ отдалъ часть книгъ „властелину града“, а другія продалъ и раздалъ вырученныя деньги нищимъ; но потомъ онъ снова сталъ собирать книги [3]). Другой монахъ, Никита, изучилъ наизусть весь Ветхій Завѣтъ, а слѣдовательно книги эти имѣлись въ монастырѣ [4]). Пресвитеръ Даміанъ, современникъ Θеодосія, не спалъ ночи и съ прилежаніемъ читалъ книги [5]), а Θеодосій, обращаясь къ братіи, увѣщевалъ ихъ быть добрыми „на преданья *отечьская* и почитанья *книжная*“ [6]). Никонъ читалъ книги [7]). Книги, принесенныя изъ Греціи, мастерами и живописцами, а также книги [8]), пріобрѣтенныя кн. Николаемъ Святошей (онъ былъ въ монастырѣ 1106—1142 [9]), тщательно сохранялись здѣсь до болѣе поздняго времени [10]). Уже въ то время существовалъ обычай жертвовать книги

---

[1]) По Студійскому уставу библіотека служила непремѣнною принадлежностью каждаго монастыря, а въ числѣ должностныхъ лицъ въ немъ называется и библіотекарь. Братія, по его распоряженію, должна была являться въ опредѣленные часы для чтенія книгъ (Голубинскій, I, 514, 580). Кромѣ того, часть братіи занималась списываніемъ книгъ (II, 619).

[2]) Житіе Θеодосія.

[3]) Кіев. сказанія, cxxxvii—cxxxviii.

Другому Григорію, „творцу канововъ“ (ib., cxxix), приписываютъ службы вел. кн. Владиміру и преп. Θеодосію (Филаретъ, Обзоръ, 22: Срезневскій, 30—31).

[4]) Сказанія, cxxvii—cxxix.

[5]) Несторъ (ж. Θеодосія). Въ сказаніяхъ, изд. Яковлевымъ, cxxxiv. См. еще lxxvii, cxxxv.

[6]) Лавр. лѣт. (1074 годъ).

[7]) Кіев. сказанія (ж. Θеодосія, xxviii).

[8]) См. выше, стр. 208.

[9]) Ibid., lxxxiii, c—cv; Ипат. лѣт., 223.

[10]) Замѣчаніе о библіотекѣ Печерскаго мон. (Голубинскій, II, 619 20).

въ церкви и монастыри [1]). Благодаря, конечно, этимъ благопріятнымъ условіямъ и процвѣтанію книжности въ Кіевѣ, въ Печерскомъ мон. возникаетъ болѣе широкая литературная дѣятельность. Самъ Θеодосій выступаетъ какъ авторъ посланій. Таковы его посланія къ Святославу по поводу отнятія имъ престола у брата Изяслава, къ сожалѣнію до насъ недошедшія [2]), и поученія къ печерскимъ монахамъ, касающіяся ихъ жизни и нравовъ. Съ именемъ же Θеодосія связаны два поученія къ народу—одно „о казняхъ божіихъ", помѣщенное въ сборникахъ и вошедшее въ лѣтопись [3]) и другое—противъ пьянства и обычая пѣть за столомъ тропари при осушеніи каждой чаши; а также краткія слова, молитвы и т. п. [4]). Въ означенныхъ произведеніяхъ Θеодосій подражалъ Θеодору Студиту, который составилъ собраніе краткихъ поученій, обращенныхъ къ монахамъ (такъ наз. малый катихизисъ [5]), или пользовался другими греческими образцами, находившимися въ тогдашнихъ сборникахъ (Златоструй [6]). Впрочемъ одни оспариваютъ принадлежность нѣкоторыхъ изъ названныхъ сочиненій Θеодосію [7]), но другіе настойчиво поддерживаютъ прежнее мнѣніе [8]).

Нѣкоторые изъ монаховъ Печерскаго мон. заявили себя на поприщѣ агіографической литературы. Такъ, Іаковъ настолько былъ извѣстенъ своею жизнею и образованіемъ, что Θеодосій въ 1074 г. предлагалъ его братіи въ свои преемники по игуменству, а вел. кн. Изяславъ и м. Іоаннъ II удостоивали его своей дружеской бесѣды (онъ

---

[1]) Голубинскій, II, 617; ср. Кіев. сказ., cxxxvii.

[2]) Несторъ пишетъ: „Не престаше обличая его, ово *епистолія* пиша, посылаше къ нему: сице же и послѣ вписа къ нему епистолію *велику зѣло*, обличая того".

[3]) Оно любопытно по указаніямъ на остатки язычества. Кромѣ того, здѣсь онъ возстаетъ противъ скомороховъ, сопѣлей и всякихъ игръ наравнѣ съ разными пороками (волхвованіе, росты, драки и пр.).

[4]) Срезневскій, Памятн. языка, 25-26, 298; Свѣд. о малоизв. памятн., I, 36—42. Всѣ соч. его, извѣстныя подъ его именемъ, изд. пр. Макаріемъ (Уч. Зап., II отд., II, в. 2-ой. стр. 193—224 и Ист. церкви, т. II); ср. также Прав. Собес., 1858, ч. III.

[5]) Макарій, II, 111, 206; Голубинскій, I, 755.

[6]) Срезневскій, Свѣд. о малоизвѣст. памятн., I, № xxiv; II, 35.

[7]) А. Вадковскій (Правосл. Соб., 1876, №№ 10 и 11 и отд. въ сборникѣ, подъ заглавіемъ: „Изъ исторіи христіанской проповѣди", изд. 2-е Спб. 1895). А. А. Шахматовъ (Изв. Акад. Наукъ, III, 1897, с. 828—30).

[8]) Голубинскій, I, 676; Н. И. Петровъ (Труды Кіев. дух. Акад. 1887, № 5, стр. 79—94; Изв. отд. рус. яз. и словесн. Им. Ак. Н. 1897, № 5, с. 783—785). Ср. рец. А. Архангельскаго (Ж. М. Н. Пр. 1898, № 9, стр, 234—235).

былъ духовникомъ перваго; а м. Іоаннъ отвѣчалъ на его вопросы—„правило церковное вкратцѣ"). Іаковъ написалъ: 1) житіе св. Владиміра (и Ольги) и 2) сказаніе о св. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ (болѣе раннее). Въ первомъ изъ нихъ подробно разсказывается о совѣщаніяхъ Владиміра относительно перемѣны вѣры, о походѣ на Корсунь, о крещеніи Руси, о построеніи Десятинной церкви, о христіанскихъ подвигахъ и кончинѣ Владиміра. Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ написано весьма краснорѣчиво и назидательно, представляя въ нихъ примѣръ братолюбія и повиновенія старшимъ. Судя же по множеству списковъ, до насъ дошедшихъ, видно, что оно было любимымъ чтеніемъ предковъ. Оба эти произведенія служили источникомъ для начальной лѣтописи. Кромѣ того, Іакову принадлежитъ посланіе къ Изяславу I, содержащее въ себѣ нравственныя наставленія и, между прочимъ, касающееся двухъ пороковъ, имѣвшихъ частный характеръ: пьянства („запойство") и „беззаконнаго смѣшенія", съ указаніемъ на гибельные примѣры знакомства съ дурными женщинами въ лицѣ Сампсона, Давида, Соломона, и настояніемъ довольствоваться своею законною женою [1]). Къ этому же періоду относятся житіе Антонія и жж., написанныя Несторомъ, но о нихъ мы скажемъ ниже.

Если не можетъ быть сомнѣнія въ существованіи весьма раннихъ памятниковъ письменныхъ сношеній, вызванныхъ политическими и торговыми интересами, то естественна была забота или потребность въ сохраненіи этихъ памятниковъ. Поэтому изслѣдователи, готовые допустить пребываніе (до Владиміра) постоянной миссіи при соборной церкви Иліи въ Кіевѣ, которая имѣла свой архивъ, а также доставляла свѣдѣнія о Руси въ Константинополь, полагаютъ, что этими данными (и

---

[1]) Сочин. Іакова напеч. пр. Макаріемъ (Христ. Чт. 1849 г., II, 316—335. 377—407); посланіе къ Изяславу (Ист. рус. церкви, II, 303—306); житія писаны въ 1070-хъ годахъ. Житіе Бориса и Глѣба напеч. также по сп. XII в. Успен. соб. (Чт. Общ. ист. 1870, I, со снимками); по Сильвестр. сборн. XIV в.—Срезневскимъ въ Сказаніяхъ о Борисѣ и Глѣбѣ (41—90, 58—147); Чудова мон. XIV в. (Чт., ibid.). Житіе Владиміра и др. памятн., съ предисл. А. И. Соболевскаго (Чт. въ Общ. Нестора лѣтописца, кн. II, прилож. 1—68). Объ Іаковѣ см. Изв. Ак. Наукъ, замѣч. Погодина и др. (I, 326; II, 81, 113, 145, 147, 209); Срезневскій, Памятн. языка, 29—30; „житіе и похвала благовѣрной княг. Ольгѣ", сохранились въ отрывкѣ въ Прологахъ, частію довольно древнихъ (XIII—XIV в., въ Румянц. муз.; Голубинскій, I, 615—625). Нѣкоторыя мѣста этого житія дословно сходны съ мѣстами, находящимися въ „памяти и похвалѣ Владиміру черноризца Іакова"; жж. Ольги и Владиміра сохранились въ позднихъ спискахъ, но ими пользовался древній лѣтописецъ (гг 955, 987—988; Срезневскій, ibid., стр. 6, 46).

между прочимъ договорами) могъ пользоваться русскій лѣтописецъ [1]). Тогда же могли возникнуть и первыя памятныя записи въ церковныхъ книгахъ, гдѣ помѣщались пасхальныя таблицы, о случаяхъ и лицахъ почему либо важныхъ для церковной общины [2]). Съ другой стороны, если не принимать исключительнаго мнѣнія кн. М. А. Оболенскаго о первомъ лѣтописцѣ, болгарскомъ пресв. Григоріѣ, наставникѣ кн. Ольги, и его широкой литературной дѣятельности въ Россіи [3]), которое нашло себѣ поддержку въ недавнее время [4]), и не придавать особеннаго значенія участію болгаръ въ переводѣ договоровъ русскихъ съ греками [5]), то введеніе христіанства само собою уже вело къ распространенію письменности на Руси, а покровительство книжному ученію при Владимірѣ и Ярославѣ должно было оказать свое вліяніе на развитіе послѣдней и возникновеніе библіотекъ при соборныхъ храмахъ по кр. мѣрѣ въ важнѣйшихъ городахъ, какъ Кіевъ, Новгородъ, Ростовъ и др., въ которыхъ обыкновенно хранились также торговые и оффиціальные акты [6]). Какъ извѣстно, при соборныхъ храмахъ появляются и первыя лѣтописныя записи, пріобрѣтающія болѣе широкое распространеніе въ монастыряхъ, какъ было и на Западѣ. Въ Кіевѣ такимъ мѣстомъ является Софійскій соборъ: здѣсь совершалось посаженіе на столъ вел. князей [7]), сюда являлись на поклоненіе князья, пріѣзжавшіе въ Кіевъ [8]), здѣсь жили митрополиты [9]) и здѣсь же собиралось иногда (на дворѣ) народное вѣче [10]). При такомъ значеніи соборнаго храма, самыя записи не могли имѣть исключительно церковнаго характера. Такимъ образомъ, по весьма вѣрному замѣчанію Бестужева-Рюмина, „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ является архивомъ, въ которомъ хранятся слѣды погибшихъ для насъ произведеній первоначальной литературы; а большую часть „повѣсти“

---

[1]) Н. Ламбинъ, Славяне на сѣверн. Черноморьѣ (Ж. М. Н. Пр. 1877, № 5, с. 57).

[2]) И. Забѣлинъ, Исторія русской жизни, I, 474—75.

[3]) О первонач. русской лѣтописи, М. 1870; Изслѣд. по рус. и славян. древностямъ, какъ прилож. къ предъидущему, Спб. 1875.

[4]) Архим. Леонидъ, Древняя рукопись (Р. Вѣст. 1889, № 4).

[5]) Шафарикъ, I, кн. 1-я, 29; Погодинъ, I, 124; Н. Лавровскій (о договорахъ).

[6]) Опытъ исторіогр., I, 100—103; ср. Трайль, I, 74; Тьерри, II, 88.

[7]) Ипат. лѣт., 233, 276, 288, 290.

[8]) Ипат. 280, 300, 305, 353,

[9]) Лавр., 278, 300, 397, 425, 434.

[10]) Лавр. 300; Ипат., 245.

придется отнести ко времени, значительно предшествовавшему ея окончательному составленію, и главнымъ ея источникомъ признать записи, веденныя въ Кіевѣ, которыя начинаются съ перваго года правленія Олега. Но „повѣсть“ не исчерпываетъ всего историческаго матеріала, завѣщаннаго намъ первоначальною эпохою русской письменности; слѣды его находятся также въ разныхъ лѣтописныхъ сборникахъ и памятникахъ [1]). Нѣкоторыя записи о болѣе раннихъ событіяхъ существуютъ въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ, стоящихъ отдѣльно отъ лѣтописей или представляющихъ довольно важныя разнорѣчія [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что уже во времена Святослава нѣкоторыя событія записывались въ лѣтопись въ самомъ Кіевѣ, такъ какъ позднѣйшій лѣтописецъ перепуталъ бы хронологію еще больше: нѣкоторыя изъ событій въ лѣтописи записаны раньше только годомъ [3]). Чѣмъ далѣе, тѣмъ полнѣе и разнообразнѣе становилась лѣтопись. Извѣстій о княженіи Ярослава Владиміровича въ „повѣсти“ дошло до насъ уже не мало, особенно если сравнить ихъ по количеству съ разсказомъ о предыдущихъ княженіяхъ. Кромѣ того, эти извѣстія отличаются относительно обиліемъ годовыхъ чиселъ, а это даетъ право заключать, что эти годы записаны современниками и, судя по нѣкоторымъ намекамъ, людьми, близко стоявшими къ вел. князю. Такимъ обр. „повѣсть“ являлась уже въ извѣстномъ смыслѣ государственной лѣтописью. Весьма вѣрно замѣчаетъ Погодинъ, что лѣтописцы жили въ монастыряхъ; а записи велись при князьяхъ, даже въ походахъ, какъ видно изъ описанія нѣкоторыхъ лѣтъ (1111, 1147 гг. и др. [4]).

По исключеніи изъ лѣтописныхъ сказаній („Повѣсти“) извѣстій, которыя могли быть заимствованы изъ византійскихъ или болгарскихъ источниковъ, все-таки остается значительное количество фактовъ, о которыхъ лѣтописецъ могъ узнать только изъ источниковъ домашнихъ. Таковы краткія извѣстія подъ опредѣленными годами: о дани, наложенной на славянскія племена варягами, хазарами (859 годъ), начинающіяся съ

---

[1]) О составѣ русской лѣтописи, 48—49, 55—60.

[2]) Опис. славян. и русск. рукоп. сборн. Импер. Публ. библ., составл. А. Ѳ. Бычковымъ, Спб. 1878, стр. 51, 63, 153—54; Оп. рус. исторіогр., I, 652 и замѣч. Буткова о дефектѣ въ Лавр. и др. спискахъ за время Олега и Игоря (Оборона, прим. 410).

[3]) А. Куникъ Аль-Бекри, стр. 72.

[4]) Излѣд., IV, с. 11; Ипат., 374. Ср. поученіе Владиміра Мономаха.

60-хъ годовъ IX стол.; замѣтки о дани, установленной Олегомъ съ Новгорода въ пользу варяговъ; о дани, наложенной Олегомъ на древлянъ, сѣверянъ и радимичей; о голодѣ 867 г.; о дани, опредѣленной Игоремъ и Ольгою; о первыхъ нашествіяхъ печенѣговъ, объ убіеніи Игоря, о смерти Ольги (11 іюля 969 г.)—всѣ эти записи до того кратки и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленны, что заимствованіе ихъ путемъ одного преданія было бы немыслимо. Болѣе наглядно положеніе это подтверждается тѣми фактами, которые могутъ быть провѣрены другими свидѣтельствами, или прямо указываютъ на голосъ современника. Такъ, подъ 912 г. читаемъ: „явися звѣзда велика на западѣ копѣйнымъ образомъ", извѣстіе, подтверждаемое и западными лѣтописями (Ann. Alaman. Colon. Besuen. Corbeien. Mellic. у Пертца, Script. R. G., I, 55, 98; II, 249; III, 4; IX, 496 и др. [1]). Въ другомъ мѣстѣ, касающемся возвращенія Святослава изъ Болгаріи (Дунайской) и зимовки у Бѣлобережья (971), лѣтописецъ прибавляетъ: „бѣ бо зима приспѣла, и не бѣ у нихъ брашна уже, и бѣ гладъ великъ, яко по полугривнѣ голова копяча",—такъ могъ сказать лишь спутникъ Святослава, избѣжавшій печенѣжскаго плѣна вмѣстѣ съ воеводою Свѣнельдомъ или по освобожденіи изъ плѣна. Равнымъ образомъ не могли быть взяты изъ Новгор. лѣт. извѣстія о событіяхъ южныхъ въ точномъ смыслѣ слова, напр. о печенѣжскихъ набѣгахъ, находящіяся въ Никон. лѣт. подъ 990, 992, 1001, и отличающіяся краткостью, но не имѣвшія значенія для позднѣйшаго лѣтописца; извѣстія о крещеніи болгарскихъ и печенѣжскихъ князей, о смерти печенѣжскаго князя Темира и т. п. Такимъ образомъ, замѣчаетъ Соловьевъ, начальная лѣтопись, сохранившаяся въ древнихъ спискахъ, есть сокращенная сравнительно съ тою, которая сохранилась въ позднѣйшихъ (Ист. Россіи, Ш, 119—120).

Само собою разумѣется, что это не исключаетъ участія духовныхъ лицъ въ веденіи лѣтописей, какъ было и на Западѣ, при весьма близкомъ отношеніи ихъ въ то время къ дѣятелямъ, стоявшимъ во главѣ управленія [2]), а также къ событіямъ. Лица эти нерѣдко несли обязанности, связанныя не только съ ихъ церковнымъ саномъ: припомнимъ пресв. Григорія при Ольгѣ, Анастаса при Владимірѣ, игумена Никона, который по желанію жителей Тмутаракани, отправляется къ князю Святославу въ Черниговъ (1065) и проситъ дать имъ сына

---

[1]) 912. Stella cometis; cometae visae sunt; cometae aparuit; cometae videntur.

[2]) А. Куникъ, Русскій источникъ похода 1043 г. въ соч. Дорна „Каспій, 47—48). „Понятно, почему древнѣйшія русскія лѣтописи (до Нестора), по своему содержанію, были исключительно свѣтскія, военныя", замѣчаетъ Срезневскій (Изв. Акад. Наукъ, Ш, 64).

его Глѣба, а затѣмъ сопровождаетъ его въ Тмутаракань[1]); посольства изъ Новгорода въ Кіевъ игум. Исаіи, еп. Нифонта[2]) и др., какъ бывало и въ послѣдующее время[3]), а также и на Западѣ[4]). Владиміръ Мономахъ выражается: „пославъ солъ свой или пископа“[5]). Соловьевъ замѣчаетъ, что духовныя лица, какъ первые грамотѣи, были первыми дьяками, первыми секретарями нашихъ древнихъ князей[6]).

Принимая во вниманіе перечень лѣтъ по княженіямъ, находящійся въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, И. И. Срезневскій замѣчаетъ, что этотъ перечень оканчивается такимъ заключеніемъ: отъ смерти Святослава до смерти Ярослава 85 лѣтъ, а отъ смерти Ярослава до смерти Святополка 60 лѣтъ, и отсюда дѣлаетъ выводъ, что по этой схемѣ счетъ лѣтъ начальной лѣтописи раздѣляется на три части: 1) до смерти Святослава, 2) до смерти Ярослава и 3) до смерти Святополка, а это раздѣленіе въ свою очередь можетъ указывать на краткія лѣтописи, которыми пользовался позднѣйшій лѣтописецъ, какъ матеріаломъ[7]). По этому вычисленію одна изъ древнѣйшихъ лѣтописей доведена была не далѣе, какъ до 972 г.; но и она не могла быть первоначальною, какъ видно изъ современныхъ замѣтокъ подъ болѣе ранними годами. Притомъ византійскія и болгарскія извѣстія, встрѣчающіяся въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, не идутъ далѣе 943 г. Такимъ образомъ необходимо допустить, что кромѣ пасхальныхъ таблицъ съ годами отъ С. М., могли быть и другія таблицы—нецерковныя съ годами княженія того или другаго князя, какъ было и на Западѣ[8]).

[1]) Кіев. сказ., xxviii; Лавр. лѣт., 159–62.

[2]) Новгор. синод., 127, 128.

[3]) Лавр. лѣт., 255, 383, 433; Ипат., 327, 374: Карамз., III, пр. 118; Собр. госуд. грам., II, № 1-й; Рус. лив. акты, № 2 и др. Дьячекъ въ послахъ (Ипат., 366).

[4]) Гизо, Ист. цивил. во Франціи, III, 233: Тьерри, I, 286; Gregorovius, II, 319, 330, 336, 374, 390, 505, 534 и др.

[5]) Лавр. лѣт.. 245.

[6]) Исторія Россіи, III, 116.

[7]) Подъ 6390 г., когда установлено было давать дань варягамъ 300 грив., читаемъ: „юже и нынѣ даютъ“, т. е. до смерти Ярослава. Чтенія о древн. рус. лѣт., 7—8.

[8]) Напомнимъ, что роспись княженій до Святополка-Михаила († 1113 г.). находится въ старѣйшихъ спискахъ (Лавр., Ипат., Соф. и др.), а въ другихъ она доводится до нач. XIII в. и даже гораздо далѣе (Бутковъ, Оборона лѣт. русской и пр., с. 175). Заслуживаетъ вниманія, что сгорѣвшій Троицкій списокъ лѣтописи доходилъ до 1015 г. (уб. Бориса и Глѣба). См. 3-е изд. Лавр. лѣт., с. xiii.

Примѣры подобныхъ перечней можно видѣть въ нѣкоторыхъ западныхъ лѣтописяхъ (Pertz, II, 307; Bouquet. II, 696). „Разногласіе постановки событій отъ С. М. и по лѣтамъ княженія позволяетъ думать, что хоть нѣкоторыя изъ древнѣйшихъ лѣт. были составляемы по годамъ княженій каждаго князя, какъ было и на Западѣ Европы" (И. И. Срезневскій, Изв. Имп. Ак. Наукъ, Ш, 64). К. Н. Бестужевъ-Рюминъ указываетъ на древній обычай обозначать происшествія годовъ правленія князя въ хронологической таблицѣ „Похвалы Іакова" (О составѣ лѣтоп., 37). Первоначальная сѣть могла быть ведена по князьямъ и по епископамъ: на это намекаетъ и перечень, и постоянное упоминаніе о кончинѣ и вступленіи князей и епископовъ. Да и какъ возможно было обходиться безъ нея до нач. XII в., на протяженіи двухъ столѣтій съ половиною. Поддерживать преданіемъ годы событій на такомъ пространствѣ времени народная память не могла; далѣе—о разницѣ между перечнемъ и лѣтописною сѣтью, какъ бы указывающей на независимое ихъ происхожденіе (Срезневскій, Излѣд. о лѣт. новгород., Изв. Ак. Н., II, 73—75). Образцы перечней (князей, епископовъ, посадниковъ и т. п.) въ лѣтописяхъ и позднѣйшихъ сводахъ (П. С. Р. Л., Ш, 179—182: VI, с. 128; VII, 238—248; въ Полетик. спис. Нестора, Шлецеръ, II, 783; Прод. Древ. Рос. Вивл., II, 311—318; Новгор. лѣт., изд. 1872, с. 130; Опис. Сборн. И. Пуб. биб., I, 68—69). Роспись новгор. князей и посадниковъ имѣетъ ближайшую связь съ первонач. Новгор. хроникой (Янишъ, Новг. лѣт., 41).

Хронологическое распредѣленіе носитъ вполнѣ искусственный характеръ и явилось позже, какъ необходимое стремленіе создать хронологическій порядокъ для событій, дошедшихъ до лѣтописца тѣмъ или другимъ путемъ. Подобный примѣръ хронологическаго распредѣленія представляетъ и начальная римская лѣтопись (Легенда о римскихъ царяхъ, А. Энмана, Ж. М. Н. Пр. 1894, № 9, отд., 5, с. 126). „Волынская лѣтопись (въ Ипат. спискѣ) замѣчательна невѣрностью показаній лѣтъ событій, доказывающею, что годы выставлены позже" (Срезневскій, Древн. памятн. письма и языка, изд. 2-ое, с. 86—87; ср. Карамзинъ, II, примѣч. 113, и Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ лѣт., с. 72). Соловьевъ полагаетъ, что и „Повѣсть временныхъ лѣтъ" первоначально писана безъ чиселъ и что числа разставлены въ ней позднѣе и къ этому мнѣнію склоняется Бестужевъ-Рюминъ (О составѣ лѣт., 46 и 49).

Неполнота лѣтописей и необходимость дополнять ихъ взаимно показываютъ, что отъ самаго древняго времени лѣтопись велась не одна. Тоже подтверждаютъ разнообразіе въ счетѣ лѣтъ и отличія въ изложеніи однихъ и тѣхъ же событій. Выдѣливши изъ лѣтописи

все, что прибавлено составителемъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ или послѣ него, мы получимъ значительную часть состава древнихъ лѣтописей, не обильныхъ подробностями, сжатыхъ въ изложеніи, отрывочныхъ въ сдержаніи, но все таки лѣтописей, гдѣ замѣтки о событіяхъ были внесены въ погодныя таблицы [1]).

VI.

Иной характеръ пріобрѣтаетъ лѣтопись съ возникновеніемъ и устройствомъ Печерскаго монастыря. И въ немъ должны были вестись краткія записи о текущихъ событіяхъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ намъ опредѣленность и обиліе данныхъ, находящихся въ жит. Θеодосія Нестора [2]), и сказаніяхъ о житіи печерскихъ подвижниковъ [3]), притомъ не ограничивающихся тѣснымъ кругомъ монастырскихъ событій, не говоря уже о фактахъ послѣдняго рода (посѣщенія извѣстныхъ лицъ, пожертвованія, исцѣленія и т. п.), которыя обыкновенно вносились въ монастырскія записи и помянники и о которыхъ упоминается въ тѣхъ же сказаніяхъ [4]).

Историческая традиція продолжала сохраняться и поддерживалась въ Печерскомъ монастырѣ. Еще въ XIII в. было извѣстно не дошедшее до насъ житіе Антонія Печерскаго, важное какъ одна изъ первыхъ попытокъ соединить въ одно цѣлое рядъ историческихъ и легендарныхъ преданій о возникновеніи названнаго монастыря, составленное, какъ можно думать, въ послѣдней четверти XI в. Нѣкоторые изъ первыхъ подвижниковъ были еще близки къ болѣе отдаленнымъ событіямъ [5]). Одинъ изъ братіи, Іеремія, былъ извѣстенъ тѣмъ, что онъ

---

[1]) Срезневскій, Чтенія о лѣтописяхъ, I, 13; Изв. Имп. Ак. Наукъ, III, 49—66.

[2]) Ж. Θеодосія по изд. Яковлева, XXI LX.

[3]) Сказ., LXXIII, XC, XCVI, XCVII, XCVIII, C, CIV, CXI, CXIII, CXVI, CXXII, CXXIII, CXXVII, CXXXV, CLI, CLIV, CLXXXIII, CLXXIV. Хронологическія указанія въ ж. Θеодосія не принадлежатъ Нестору (Уч. зап. Ак. Н. по 2-му отд., II, 138, примѣч.).

[4]) Эти данныя располагались, очевидно, по игуменствамъ (CXXXVI).

[5]) Кіев. сказ. XII в. (Патерикъ, XC, CLI). Здѣсь замѣчено, что о житіяхъ Даміана, Іереміи, Матѳея, Исаакія говорится въ лѣтописи Нестора, а о жж. всѣхъ подвижниковъ, хотя вкратцѣ, сообщается въ ж. Антонія (ibid., CXXXV). Въ немъ упоминалось о Варяжской пещерѣ съ драгоцѣнными сосудами (CLXXI); на него есть многократныя ссылки въ печерскихъ сказаніяхъ (стр. XC, XCIX, CXIX, CXXXV, CLI, CLXXI), съ указаніемъ на нѣк. подробности (CXIX, CXXXV). Житіе Антонія оказало вліяніе и на лѣтописный сводъ XII в. (Изв. Ак. Н. 1897, № 3, стр. 826). Подробно вопросъ о житіи Антонія разсмотрѣнъ А. А. Шахматовымъ (Ж. М. Н. Пр. 1898, № 3). Въ XV в. оно было уже потеряно, въ XVI в. его напрасно розыскивали

„помнилъ крещеніе Русской земли" [1]). Объ отношеніяхъ варяга Симона къ Өеодосію мы уже знаемъ [2]). Близокъ былъ къ Өеодосію и Янъ, одинъ изъ мужей княжескяго совѣта, сражавшійся противъ половцевъ на р. Стугнѣ въ 1093 г. [3]). Многіе полагаютъ, начиная съ Карамзина [4]) и Буткова [5]) до Голубинскаго [6]), что это былъ кіевскій тысяцкій (Вышатичъ), неоднократно упоминаемый въ лѣтописи [7]) и Патерикѣ [8]), сынъ котораго Варлаамъ (по однимъ) былъ игуменомъ Печерскаго мон., и вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ старецъ Янъ, умершій 90 лѣтъ (1106), о смерти котораго сообщаетъ лѣтописецъ, прибавляя, что отъ него онъ многое слышалъ, что́ и записалъ въ свою лѣтопись [9]). Сначала враждебно настроенный противъ монастыря за отнятіе сына, онъ является потомъ его покровителемъ; но другіе [10]) видятъ въ нихъ разныхъ лицъ. Необходимо замѣтить, что отзывы лѣтописца о Янѣ Вышатичѣ почти вездѣ сопровождаются присоединеніемъ его отчества или званія и, напротивъ, о Янѣ старцѣ лѣтопись говоритъ безъ подобныхъ опредѣленій [11]). Близость боярина Яна къ Өеодосію видна изъ посѣщенія послѣднимъ дома Яна и обѣщанія, что жену его, Марію († 1091), похоронятъ вблизи его, что̀ и исполнилось, говоритъ лѣтописецъ [12]). Несомнѣнно, что какъ разсказы „старца" Яна, такъ и близкія отношенія къ Печерскому мон. друга Өеодосія не

(Кубаревъ, О Патер. Печерскомъ; Чт. въ Общ. ист. 1847, кн. 9; Бычковъ, Опис. сборниковъ, I, 143; ср. Г. Георгіевскаго, Печаг. Печер. патерикъ, Рус. Обозр. 1893, № 5, с. 258; Шахматовъ, 106, 149).

[1]) Сказанія LXXVII; Лавр. лѣт., 184.

[2]) Сказанія, CXI—CXIV. См. выше, сс. 198 -204.

[3]) Лавр. лѣт., 212.

[4]) Карамзинъ, II, 53, 54, 63, 88 и примѣч. 138, 141, 165, 202, 213. Во время битвы на р. Стугнѣ Карамзинъ даетъ ему 77 лѣтъ (ibid., пр. 213).

[5]) Отвѣтъ на новый во просъ о Несторѣ (Современ. 1852, апр., стр. 13, 44, пр. 77).

[6]) Ист. рус. церкви, I, 650; II, 472. Авторъ полагаетъ, что Варлаамъ былъ сынъ боярина Ивана Творимировича (1043) а не Ивана Вышатича. Ср. Карамзинъ (II, 17, пр. 38) и Соловьевъ, (I, 230, пр. 437; II, 87).

[7]) Лавр. лѣт., 150, 170—173, 261, 270.

[8]) Житіе Өеодосія и сказ., XIV, XVI, XVII, XIX, XXVII, XL, LXVI, LXXIV, LXXV, CII CXXIV, CLI.

[9]) Лавр. лѣт., 270; Ипат. л., 241.

[10]) Погодинъ, I. 34; Соловьевъ (см. выше, примѣч.).

[11]) Лавр. лѣт., 205, 212, 270—271; 150, 171, 201; ср. Густын. лѣт., 270 (о битвѣ, на Альтѣ 1068; ср. Лавр. и Ипат. лѣт. о томъ же).

[12]) Ипат. лѣт., 148—149; Лавр., 270.

могли остаться безъ вліянія на монастырское лѣтописаніе. Никонъ хорошо зналъ дѣла въ Тмутаракани [1]).

Но здѣсь мы уже встрѣчаемся съ весьма виднымъ писателемъ— Несторомъ. Несомнѣнно ему принадлежатъ два агіографическихъ труда: 1) житіе Бориса и Глѣба, писанное имъ послѣ житія, составленнаго Іаковомъ, и подъ сильнымъ его вліяніемъ, но отличающееся отъ послѣдняго внѣшней формой и нѣкоторыми частностями [2]), и 2) житіе Ѳеодосія, обширный и обстоятельный въ фактическомъ отношеніи памятникъ этого рода [3]), притомъ обладающій и несомнѣнными литературными достоинствами даже при болѣе строгихъ требованіяхъ позднѣйшей критики [4]). Житіе Ѳеодосія можетъ быть названо образцомъ лѣтописной біографіи. Оно выгодно отличается особенною полнотою, стройностію въ описаніи жизни Ѳеодосія и отчетливымъ изображеніемъ его подвижническаго характера [5]).

Въ Патерикѣ, вслѣдъ за ж. Ѳеодосія, помѣщается „похвала" ему, также приписываемая Нестору, а нѣкоторыми (архим. Леонидомъ)—Се-

---

[1]) Житіе Ѳеодосія, xvii. xxviii. Никонъ былъ въ Тмутаракани въ 1059—1066 и 1073—77 (о немъ см. ст. В. Сысоева, Изв. Общ. люб. изуч. Кубан. обл., I, 74—94).

[2]) „Несторово сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ представляетъ собою совершенно первый у насъ опытъ настоящаго житія—трудъ Іакова лишь повѣсть объ ихъ убіеніи" (Голубинскій, I, 620).

[3]) Оба житія писаны Несторомъ въ юные годы. Въ житіи Бориса и Глѣба есть указанія на событія 1078—79 гг.; въ житіи Ѳеодосія упоминается о смерти Изяслава Яр. († 1078), а писано оно при игуменѣ Никонѣ († 1088).

Въ жж. Бориса и Глѣба Несторъ упоминаетъ о жж. Романа Сладкопѣвца, Евстаѳія Плакиды и Д. Солунскаго. Въ ж. Ѳеодосія указываютъ на вліяніе ж. св. Саввы Освященнаго (А. А. Шахматовъ, Изв. Ак. Наукъ 1896, I, 48—49—65; Д. Абрамовичъ, Къ вопросу объ источникахъ Несторова ж. Ѳеодосія Печерскаго; ib. 1898, I, 243—46, конечно въ переводѣ), какъ въ изложеніи, такъ и въ фактическомъ отношеніи. Но, кромѣ того, автору были извѣстны ж. Антонія В. и быть можетъ Евѳимія. Обширная по тому времени начитанность давала Нестору возможность заимствовать слова и выраженія, а также дѣлать сравненія изъ соч. греческой богословской литературы, извѣстныхъ въ Кіевѣ по болгарскимъ и рус. переводамъ. Ср. Ж. Саввы, изд. И. В. Помяловскимъ (Общ. люб., Спб. 1890).

[4]) Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ по Сильвестр. сп. XIV в., изд. Срезневскимъ, Спб. 1860; ж. пр. Ѳеодосія въ перев. на рус. яз. Филарета, архіеп. черниговъ. (Уч. Зап. Ак. Наукъ, II); оба въ Чт. общ. ист. 1858, кн. III; ср. Срезневскій, Памятн. языка, 33—34; Макарій, II, гл. 3-я; Голубинскій, 620—627; Прав. Собесѣд. 1858.

[5]) Порфирьевъ, Ист. рус. словесн., I, 358. Несторъ говоритъ, что онъ написалъ о Ѳеодосіѣ все, что слышалъ, „съ испытаніемъ", „отъ старѣйшихъ отцевъ, бывшихъ въ его время". Онъ пользовался разсказами келаря Ѳеодора и писца Иларіона (xxix, xxxii).

рапіону, такъ какъ въ ней, по мнѣнію послѣдняго, говорится весьма живо объ опустошеніи „градовъ, селъ и монастырей отъ языка незнаема" (Кіев. сказ., LXXI; Чт. Общ. ист. 1890, II, 24—25); но описаніе это вполнѣ соотвѣтствуетъ лѣтописному разсказу о нашествіи половцевъ въ 1093 г. (Лавр., 213—218) съ соотвѣтственными размышленіями по этому поводу. Обстоятельство это еще разъ служитъ подтвержденіемъ распространенности лѣтописи. Противъ признанія „похвалы" произведеніемъ Нестора можно указать лишь выраженіе въ ея началѣ: „Кдѣ бо сія радости болѣ, еже *сподобихомся* видѣти отца нашего и правителя отшествіе ко Господу" и т. д.. (LXIV), какъ не соотвѣтствующее біографіи Нестора.

Но въ мѣстной печерской письменности и преданіяхъ Несторъ былъ извѣстенъ *какъ лѣтописецъ* въ собственномъ смыслѣ слова [1]). Поликарпъ (до 1232) дважды упоминаетъ о немъ: въ числѣ нѣкоторыхъ изъ братіи (какъ видно наиболѣе почтенныхъ) онъ посѣтилъ прельщеннаго затворника Никиту („Несторъ же, иже написа лѣтописецъ" [2]), а, говоря о своемъ намѣреніи написать для памяти о жизни нѣкоторыхъ подвижниковъ, онъ упоминаетъ о Даміанѣ, Іереміѣ, Матѳеѣ и Исаакіѣ „яко же (о нихъ) блаженный Нестеръ въ лѣтописцѣ написа" [3]) и дѣйствительно въ древнемъ сводѣ подъ 1074 г. мы находимъ въ томъ же порядкѣ описаніе обстоятельствъ жизни этихъ подвижниковъ [4]). Въ свою очередь, въ повѣсти о Пименѣ многострадальномъ, Поликарпъ замѣчаетъ, что во время его кончины явилось три столпа надъ трапезницею и оттуда перешли наверхъ церкви

---

[1]) Въ Печерскомъ мон. сохранялась память даже о мѣстахъ, которыя занимаемы были въ церкви подвижниками (напр. Николы Святоши, Ипат. лѣт., 332); хранились вещи, иконы (Еразма), книги, принадлежавшія лицамъ, связаннымъ съ событіями въ мон. (Сказанія, CI, CVI, CXXII). Лѣтописи упоминаютъ объ обычаѣ сохранять въ монастыряхъ и церквахъ „порты (одежды) блаженныхъ первыхъ князей на память" (Лавр. л., 397, 440). Надъ гробомъ кн. Довмонта въ Псковѣ висѣли его мечъ и княж. одѣяніе (П. С. Р. Л., IX, 264; V, 39), какъ дѣлалось и въ Византіи (см. реф. Ф. Терновскаго. Труды III Арх. съѣзда, I, 111—13).

[2]) Въ такомъ порядкѣ: Никонъ игуменъ (1078—88), Иванъ, потомъ игуменъ (1089—103), Пименъ постникъ, также игуменъ (1130—40), Исаія, потомъ епиcк. ростовскій (съ 1077), Матѳей прозорливецъ, Исаакій пещерникъ, Агапитъ лѣчецъ, Григорій чуд-цъ, (†1093) Николай, потомъ еписк. тмутар., Несторъ лѣт-цъ, Григорій, твор. каноновъ (с. 201), Ѳеоктистъ, потомъ (1103—1112) черниг. еписк., Онисифоръ прозорливецъ, а самъ Никита также былъ (1096—1107) еп. новгородскимъ (Сказ., CXXIX).

[3]) Иногда лѣтописцемъ назывались и „житіе" (Опис. рук. Арх. ком.. 59), и надпись подъ крестомъ (Рус. Истор. библ., III, 350), и предисловіе къ книгѣ (напр. къ Минеямъ м. Макарія); но это вѣроятно позднѣйшія усвоенія.

[4]) Кіев. сказанія, CXXIX, CXXXV; Лавр., 183—192; Ипат., 133—139.

(„о нихъ же речено бысть въ лѣтописци“ [1]). Несомнѣнно, что здѣсь идетъ рѣчь объ огненномъ столпѣ, появившемся „надъ трапезницею“, надъ гробомъ Ѳеодосія и наверху церкви, записанномъ въ лѣтописи подъ 1110 г. [2]). Но есть и другія указанія въ печерскихъ сказаніяхъ объ извѣстности въ то время нашей лѣтописи: такъ, извѣстіе о бунтѣ въ Польской землѣ (связываемое Поликарпомъ съ событіемъ въ жизни Моисея Угрина), сопровождавшемся избіеніемъ епископовъ и бояръ, дословно изложено [3]) какъ въ лѣтописи, со ссылкою на нее [4]); подробный разсказъ о гибели кн. Ростислава Всеволодовича въ р. Стугнѣ (1093), сообщенный лѣтописцемъ [5]), передается и въ одномъ изъ сказаній монаха Поликарпа [6]), гдѣ онъ пріурочивается къ поучительному обстоятельству изъ жизни Григорія чудотворца. Повѣствователь объ этомъ случаѣ читалъ именно лѣтопись, какъ видно по изложенію фактовъ [7]). Случай, описанный у Поликарпа съ двумя подвижниками (Ѳеодоромъ и Василіемъ), закопавшими кладъ, который добивался получить кн. Мстиславъ, незаконный сынъ Святополка Изяславича и замучившій ихъ („шуменъ бывъ отъ вина“ [8]), почти дословно взятъ изъ лѣтописи, въ которой нѣтъ только поучительнаго эпизода, внесеннаго въ Патерикъ [9]).

Такимъ образомъ въ Печерскомъ монастырѣ опредѣленно знали и лѣтописца Нестора, и лѣтопись, сохранившуюся въ извѣстныхъ сводахъ, конечно, не въ томъ видѣ, какъ она дошла до нашего времени. Прибавимъ, что нѣкоторые списки (Хлѣбниковскій и три списка. извѣстныхъ Татищеву) этой лѣтописи удержали имя Нестора, усвоен-

---

[1]) Кіев. сказанія, CLXXXIV; П. С. Р. лѣт., II, 288.

[2]) Лавр., 273; Ипат., 188.

[3]) Кіев. сказ. XII в., CL—CLI.

[4]) Лавр., 146. „Яже и въ лѣтописцы повѣдаетъ тогда“ (CLI).

[5]) Лавр., 211—214.

[6]) Памятн. XII в., CXXXIX—CXLI. Въ глазахъ защитника Печер. мон. смерть князя представляется наказаніемъ свыше.

[7]) Лѣтописецъ, напротивъ сочувственно относится къ смерти Ростислава „уности его ради“ (Лавр., 213); а „Слово о полку Игоровѣ“ даже выражаетъ скорбь о погибели князя, и очевидно со словъ лѣтописца: „Не тако ли, рече, рѣка Стугна, худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи, и стругы ростре на кусту, уношу князю Ростиславу затвори Днѣпръ? Темнѣ березѣ плачется мати“ и т. д. (по издан. Тихонравова, стр. 12, 67).

[8]) Кіев. сказанія, CLXXII—CLXXIII.

[9]) Подъ 1097 г. читаемъ: „Внезапу ударенъ бысть подъ пазуху стрѣлою *на заборолѣхъ* —въ Володимерѣ“ (Лавр. лѣт., 262).

ное послѣдней (въ Ипат., Радзив. и Троицкомъ спискахъ сказано только: „Повѣсть временныхъ лѣтъ черноризца Θеодосьева монастыря Печерскаго“ и т. д., пропускъ имени очевиденъ). Не касаясь здѣсь настоящаго вопроса, замѣтимъ, что, если не въ этомъ смыслѣ понимаютъ теперь (въ большинствѣ) авторство Нестора, какъ составителя древнѣйшаго свода, то не отказываютъ ему въ извѣстной части лѣтописи, вошедшей въ этотъ сводъ или по крайней мѣрѣ считаютъ его составителемъ лѣтописи Печерскаго монастыря [1]).

Веденіе названной лѣтописи относится по крайней мѣрѣ ко времени игуменства Θеодосія (1051—1074) и лицо, сообщающее о своемъ приходѣ къ этому послѣднему 17 лѣтъ отъ роду, быть можетъ и было первымъ монастырскимъ лѣтописцемъ [2]). Если Θеодосій такъ цѣнилъ чтеніе книгъ [3]), то при извѣстныхъ отношеніяхъ къ власти и значеніи, пріобрѣтенномъ въ это время Печерскимъ монастыремъ, онъ не могъ не интересоваться его судьбою. Какъ и на Западѣ, веденіе записей лѣтописцемъ было своего рода подвигомъ, обязанностью; но и самое почитаніе Θеодосія вызывало на это [4]). Вотъ почему уже въ ближайшемъ поколѣніи является потребность въ такомъ актѣ (ж. Θеодосія и похвала ему), а описаніе жизни печер. подвижниковъ въ сущности было опять прославленіемъ того же Θеодосія и его монастыря. Несторъ прямо говоритъ, что все, пріобрѣтенное монастыремъ, получено по молитвамъ отца Θеодосія, который хотя и отлучился тѣломъ, но, какъ самъ сказалъ, духомъ всегда присутствуетъ здѣсь [5]). Печерскій мон-рь вѣрные хранители преданій Θеодосія называли „лаврой св. и великаго отца нашего Θеодосія“ [6]).

---

[1]) Лѣтописное извѣстіе о Ярославѣ (стр. 150) вошло въ прологъ Соф. библ. XIII в. (Врем. Общ. ист., т. XXIV, 54—55). Позже извѣстія лѣтописи проникаютъ къ юж. славянамъ (Иречекъ, Ист. Болгаръ, 566; Ягичъ, Ист. литер., 486); о варягахъ мученикахъ въ славянскомъ палимпсестѣ (Сборн. Ак. Наукъ, I, стр. xxvii)

[2]) Онъ ясно говоритъ: „Се же написахъ и положихъ въ кое лѣто почалъ быти монастырь, и что ради зовется Печерьскый“ (Лавр. лѣт., 156). Монастырская лѣтопись, какъ и на Западѣ, имѣла преимущественно мѣстный, частный характеръ.

[3]) Въ похвалѣ ему лѣтописецъ говоритъ: „въ словесѣхъ книжныхъ веселуяся“ (Лавр. 206), а Никону онъ повелѣвалъ поучать изъ книгъ (ж. Θеодосія, xxviii).

[4]) Кончина (1074) его (ж. Θеодосія), сопровождалась появленіемъ огненнаго столпа надъ Печерскимъ мон. (lix), а переложеніе мощей (1091)—3-хъ столповъ и „великой зари“ надъ пещерою (Лавр., 204). Въ 1108 г. установлено было почитаніе его памяти (Ипат., 187); на показаніе Нестора ссылается Симонъ (cxix).

[5]) Житіе, lx. О раннихъ стремленіяхъ Печ. мон. къ независимости отъ митрополіи (Соловьевъ, III, 79, пр. 181).

[6]) Кіев. сказ., cx.

Если записи объ основаніи Печерскаго мон-ря, о жизни и перенес. мощей Θеодосія, занесенныя въ лѣтопись, не могли принадлежать Нестору [1]), по явнымъ ихъ противорѣчіямъ съ данными, сообщенными послѣднимъ въ ж. Θеодосія, несомнѣнно ему принадлежащемъ, то повѣсти о др. подвижникахъ (Даміанѣ, Іеремiѣ, Матѳеѣ, Исаакiѣ), „якоже блаж. Несторъ въ лѣтописцѣ написа“, безъ сомнѣнія принадлежатъ его перу. Объ этомъ ясно говоритъ намъ близкая, по времени, традиція, идущая изъ среды монастырской братіи, притомъ наиболѣе книжной и интересовавшейся сохраненіемъ памяти о замѣчательныхъ подвижникахъ монастыря и его исторіей [2]). Связи Печерскаго мон. съ политическими событіями того времени настолько являются очевидными, что нѣкоторыя событія въ печерскихъ сказаніяхъ представляются болѣе полными и обстоятельными, нежели въ самой лѣтописи [3]); а это можетъ выяснить до извѣстной степени и близкое отношеніе монастырской лѣтописи къ современнымъ событіямъ и знакомство ея съ этими послѣдними.

VII.

Уже Н. И. Костомаровъ точно и опредѣленно выдѣляетъ въ лѣтописномъ сводѣ „Кіево печерскую лѣтопись“, однимъ изъ составителей которой былъ монахъ Несторъ [4]), при чемъ въ первоначаль-

[1]) Лавр. лѣт., 152—156. 202—207. Въ Патерикѣ (рукоп. XV—XVI в.) въ означенный разсказъ дважды вставлено имя Нестора (П. С. Р. Л., I, 265, 267). Въ позднѣйшихъ спискахъ лѣтописи (Воскресен.) о лицѣ, описывающемъ открытіе мощей Θеодосія, прибавлено: „иже и лѣтописаніе се въ то время писахъ“ (П. С. Р. Л., VII, 5).

[2]) Кіев. сказ. (Поликарпъ), CLXXXV. Авторъ прямо заявляетъ, что онъ передаетъ то, что было ему сообщено Симономъ, еп. владимірскимъ (CXXVI, CXXXV, CLVII). Въ нѣк. случаяхъ онъ ссылается на ж. Антонія, а въ другихъ на ж. Θеодосія (о Моисеѣ Угринѣ, со словъ жены Изяслава, дочери Казиміра, с. XVI, полнѣе въ ж. Антонія, CLI).

[3]) Напр. весь разсказъ объ отношеніяхъ Святополка къ евреямъ, о монополіи соли, о голодѣ, бывшемъ при немъ, которыя вполнѣ объясняютъ вражду къ нему кіевлянъ и бунтъ, послѣдовавшій тотчасъ по его смерти (о Прохорѣ черноризцѣ, CLII—CLVII; ср. блѣдную замѣтку объ этомъ въ Кіев. лѣтописи, Ипат. списокъ, 198).

[4]) Въ ж. Θеодосія онъ заявляетъ, что пришелъ въ монастырь при игуменѣ Стефанѣ (1070—1078) и отъ него получилъ постриженіе и санъ діакона, себя называетъ меньшимъ изъ всей братіи („мній всѣхъ в монастырѣ преп. отца нашего Θеодосія“) и говоритъ, что описывалъ его жизнь по слухамъ или по разсказамъ старѣйшей братіи (Сказанія, LXIII—LXIV); а повѣствователь о началѣ Печерскаго мон., о житіи

ную часть относитъ сказаніе о началѣ мон-ря (6559—1061, продолжающееся подъ 1074 г.), объ открытіи мощей Өеодосія (подъ 1091 г.), исключая повѣствованія о нѣкоторыхъ подвижникахъ, принадлежащихъ несомнѣнно Нестору [1]). Продолженіе этой Печерской лѣтописи авторъ видитъ и въ описаніи нападенія Боняка на Кіевъ и монастыри и разоренія Печерскаго мон. („намъ сущимъ по кѣльямъ почивающимъ по заутрени" [2]). Бестужевъ-Рюминъ идетъ далѣе и отмѣчаетъ рядъ записей, касающихся Печерскаго мон-ря: гг. 6559 (основаніе Печерскаго мон.), 6581 (заложеніе церкви), 6582 (о кончинѣ Өеодосія и печерскихъ подвижникахъ), 6583 (построеніе церкви), 6596, 6597 (освященіе церкви), 6599 (перенесеніе мощей), 6604 (нападеніе Боняка), 6614 (о старцѣ Янѣ и постриженіи Николы Святоши), 6615 (о приходѣ Святополка въ Печер. мон.), 6616 (окончаніе трапезницы въ мон-рѣ и внесеніе Өеодосія въ Синодикъ), 6617 (погребеніе Евпраксіи Всеволодовны въ Печерскомъ мон.), 6618 (видѣніе столпа надъ гробомъ Өеодосія [3]). Но вопросъ о Печерской лѣт. не остановился на этомъ. Въ послѣднее время А. А. Шахматовъ [4]) прослѣдилъ печерскія извѣстія за XII ст. (до 1182), которыя въ обиліи находятся въ Ипат. спискѣ [5]) и нерѣдко отличаются подробностью изложенія [6]); но и въ этотъ сводъ вошли не всѣ извѣстія изъ Печерской лѣтописи [7]). Это даетъ право заключать о существованіи въ XII в. Печерской лѣтописи, обнимающей событія, относившіяся къ назв. монастырю, начиная отъ его возникновенія до послѣдней четверти XII в., и хотя

Өеодосія, о его погребеніи и открытіи мощей, помѣщенныхъ въ лѣтописи, пришелъ къ Өеодосію 17 лѣтъ и вездѣ говоритъ, какъ очевидецъ и близкій свидѣтель.

[1]) Лекціи по рус. исторіи, I, 27—28. „Сильвестръ внесъ въ свой трудъ Несторову лѣтопись Кіево-печерскаго монастыря, относящуюся до дѣлъ этой обители и составляющую только незначительную часть всей лѣтописи" (30).

[2]) Ibid., 36; ср. Лавр. лѣт., 223—226.

[3]) О составѣ лѣтописей, 6—8—18, 56, 122. Подъ 6602 (Лавр. лѣт.) упоминается о кончинѣ бывш. игумена Стефана (еп. владимірскаго).

[4]) Кіево-печерскій патерикъ и Печерская лѣтопись (Изв. отд. рус. языка и словесности. Им. Ак. Наукъ, 1897, III, 820—824); дополненіе Д. И. Абрамовича (1898, II, 636—640).

[5]) См. стр. 187, 197, 209, 332, 338, 362—364, 374, 423—424.

[6]) Извѣстіе о кончинѣ новгор. еп. Нифонта, похороненнаго въ пещерѣ Өеодосія: „бѣ бо имѣя велику любовь къ св. Богородици и къ отцю Өеодосію". Нифонтъ интересовалъ лѣтописца и по вопросу о выборѣ русскаго митрополита (Ипат. лѣт., 332—333).

[7]) Нѣкоторыя изъ нихъ находятся въ краткомъ видѣ въ Лавр. лѣтописи (стр. 329, 336).

авторъ оставляетъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, велъ ли въ XI и нач. XII в. Печерскую лѣтопись Несторъ или кто либо другой изъ монаховъ Печерскаго мон., но признаетъ, что „сказаніе о Печер. монастырѣ“ и „слово о перенесеніи мощей Θеодосія“ принадлежатъ перу автора ж. Θеодосія и чтенія о Борисѣ и Глѣбѣ, хотя и дѣлаетъ оговорку вь томъ смыслѣ, что повѣствованіе о началѣ Печерскаго мон. потерпѣло измѣненіе подъ вліяніемъ ж. Антонія. Далѣе, онъ полагаетъ, что эти сказанія были извѣстны съ заглавіями, въ которыхъ находилось имя Нестора, и что Печерская лѣтопись составилась, главнымъ образомъ, на основаніи сочиненій Нестора [1]). Замѣтимъ однако, что едва ли ближайшее потомство усвоило бы Нестору имя „лѣтописца“ въ такомъ тѣсномъ смыслѣ [2]).

VIII.

Къ нач. XIII вѣка относится новый циклъ сказаній о Печерскомъ монастырѣ—это еп. владимірскаго Симона († 1216 г.) въ его посланіи къ монаху Поликарпу (въ немъ упоминаются: Онисифоръ, Евстратій, Никонъ сухой, Кукша, Пименъ постникъ [3]), Аѳанасій, Николай Святоша, Еразмъ, Ареѳа, Титъ и Евагрій; пов. о созданіи церкви въ Печер. мон., о св. трапезѣ, о посвященіи церкви и о чудѣ, объ Іоаннѣ и Сергіѣ [4]), и посланіе Поликарпа къ архим. Акиндину (здѣсь называются: Никита затворникъ, Лаврентій затвор., Агапитъ врачъ, Григорій чуд., Іоаннъ многотерпѣливый, Моисей Угринъ, Прохоръ черноризецъ, Маркъ пещерникъ, Θеодоръ и Василій, Спиридонъ просвирникъ, Алимпій, Пименъ многострадальный). Эти сказанія и повѣствованія лѣтописи о печерскихъ подвижникахъ легли въ основаніе древнѣйшей редакціи Патерика Печерскаго, начало котораго въ означенномъ объемѣ относятъ къ XIII в. и уже позже въ составъ его вошли ж. Θеодосія и похвала ему, соч. Несторомъ, а равно и другія

---

[1]) Ibid., стр. 826–836.

[2]) Прибавимъ, что если въ XV в. (Никонов., л., V, с. 28) на сѣверѣ имя Сильвестра заслонило уже имя Нестора, то на югѣ оно долго удержалось: составитель Густынской лѣт. (XVII в.) древнѣйшую лѣтопись постоянно называетъ его именемъ (П. С. Р. лѣт., II, 251, 252, 253, 254, 256). Впрочемъ, мѣсто въ Никон. сводѣ возбуждаетъ толкованіе о „начальномъ лѣтописцѣ“.

[3]) См. Кіев. сказанія XII вѣка. Былъ игумен. († 1141).

[4]) Объ однихъ изъ нихъ Симонъ говоритъ по преданію, о другихъ на основаніи показаній очевидцевъ, о третьихъ какъ очевидецъ.

лѣтописныя замѣтки [1]). Не касаясь здѣсь этого вопроса, замѣтимъ, что, если труды Іакова и Нестора (житія) могутъ быть признаны вполнѣ удовлетворительными для своего времени, а нѣкоторые изъ нихъ (какъ ж. Ѳеодосія) даже образцовыми; соч. Симона и Поликарпа весьма удовлетворительными, а обличительное письмо Симона къ Поликарпу даетъ право видѣть въ авторѣ не простого разсказчика, но вообще писателя и оратора очень замѣчательнаго (Голубинскій, I, 618, 620—622, 626—27, 633), то общій приговоръ о низкомъ уровнѣ тогдашней школы въ Печерскомъ монастырѣ представляется намъ слишкомъ преувеличеннымъ (777). Во всякомъ случаѣ Печерскій монастырь является здѣсь на первомъ мѣстѣ, по своимъ связямъ и значенію. Онъ является первою духовною школою, которая распространила свое вліяніе на всю тогдашнюю Россію и съ его же именемъ соединяется начало лѣтописнаго дѣла и агіографіи въ настоящемъ смыслѣ слова, т. е. тѣхъ основныхъ видовъ бытопосанія, которые были тогда возможны.

„Печерскій монастырь море есть и не держитъ въ себѣ ничего гнилаго, а выбрасываетъ вонъ", говоритъ еп. Симонъ, и потому онъ вмѣняетъ въ славу его то, что отъ основанія его до нач. XIII в. вышло изъ этого монастыря до 50 епископовъ въ разныя русскія области [2]). Но и послѣ того Печерскій монастырь не потерялъ своего образовательнаго значенія. Такъ, о современникѣ Симона еп. ростовскомъ (1214—1216) Пахоміѣ, подвизавшемся пять лѣтъ въ Печерскомъ мон., а затѣмъ (13 лѣтъ) игуменѣ Петровскаго монастыря въ Ростовѣ († 1216 г.), лѣтописецъ отзывается въ лестныхъ выраженіяхъ, какъ о пастырѣ, „исполненномъ книжнаго ученія" [3]). Въ 1274—75 гг. во Владимірѣ епископомъ былъ Серапіонъ, также изъ архим. Печерскаго мон. [4]), авторъ нѣсколькихъ поученій, любопытныхъ по характеристикѣ остатковъ язычества и нравовъ сѣверной Руси [5]), а вмѣстѣ съ тѣмъ состоя-

---

[1]) Кіево-печер. патерикъ и Печерская лѣтопись, А. А. Шахматова (Изв. Ак. Наукъ, 1897, № 3, стр. 795—844). О дальнѣйшей судьбѣ Патерика (Голубинскій, I, 639—640); объ отношеніи русскаго Патерика къ польскому Сильв. Коссова (Отеч., Зап., т. CXLI, Пекарскій, Представ. кіев. учености, 373). О цензурѣ Патерика въ 1702 г. съ „резонами" Петра В. (Рус. Обозр. 1893, № 6, с. 708—732).

[2]) Кіев. сказ., LXXXVIII, XC. Подвиги печерскихъ иноковъ почитались въ Смоленскѣ (Буслаевъ, II, 119) и др. мѣстахъ (см. выше с. 198).

[3]) Лавр. лѣт. 416—417; ср. Карамзинъ, III, прим. 208.

[4]) Карамзинъ, IV, пр. 153 и 154 (Троицкая лѣтопись).

[5]) Срезневскій, Памятн. языка (140—141).

нія страны послѣ нашествія татаръ, но ихъ было, конечно гораздо болѣе („многажды глаголахъ вамъ“, говоритъ онъ), а лѣтопись называетъ Серапіона „зѣло учительнымъ и сильнымъ въ божественномъ писаніи“. (ibid. [1]). Съ 1364—1385 епископомъ суздальскимъ былъ Діонисій, вышедшій оттуда же и основавшій Печерскій мон. въ Н. Новгородѣ, одинъ изъ кандидатовъ на митрополію при Димитріѣ Донскомъ и съ именемъ котораго соединяется происхожденіе Лаврентіевскаго списка лѣтописи. При м. Кипріанѣ завѣдывалъ дѣлами Арсеній, родомъ тверитянинъ, взятый имъ изъ Печерскаго мон., затѣмъ епископъ тверской (1390—1409), которому принадлежитъ одна изъ древнихъ редакцій Печерскаго патерика (1406). Вліяніе Печерскаго мон. сказалось и въ развитіи монашества на сѣверѣ. Такъ, при Иванѣ II изъ Кіева прибылъ Стефанъ съ нѣсколькими кіевлянами, положившій основаніе монастырю на р. Махрицѣ, близъ Троицкаго мон., а потомъ въ Вологодскомъ краѣ на р. Авнежѣ. Въ XV ст. нѣкто Козма удалился въ Печерскій мон., а затѣмъ возвратился на родину и основалъ монастырь близъ Юрьева Польскаго [2]).

IX.

Лѣтописныя записи несомнѣнно велись и въ другухъ кіевскихъ монастыряхъ, которыми могъ воспользоваться составитель позднѣйшаго свода. Синодики и помянники—необходимая принадлежность монастырскаго быта [3]). Но мы имѣемъ уже опредѣленное извѣстіе о веденіи

[1]) Поученія его напеч. въ Прибавл. къ Твор. св. отц. 1843, 428—432; Макарій, V, 134—140 и прилож.; Шевыревъ, поѣздка въ Кирил. мон., II, 36; Прав. Соб. 1858; Христом. Буслаева. 493—498, 525—528. Два изъ поученій писаны еще на югѣ, а нѣкоторыя приписываются ему по догадкѣ. Подробное изслѣдованіе о немъ въ связи съ явленіями, затронутыми его поученіями, см. А. Е. Пѣтуховъ, Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка, Спб. 1888.

[2]) Макарій, VII, 17: Филаретъ, Житія, февр., 125. Иконы изъ Кіева въ Холмѣ (Ипат., 559).

[3]) Судя же по болѣе позднимъ записямъ, онѣ велись въ мм. Андреевскомъ (Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ рус. лѣт., 133; Костомаровъ, Лекціи по рус. ист., 36—40), въ Симеоновскомъ (Бестужевъ-Рюминъ, 136), Златоверхо-Михайловскомъ, 146, прилож., 63). Напр. подоб. запись: „Явися въ Кіевѣ на церкви св. арх. Михаила Златоверхаго птица незнаема величествомъ бѣ съ овна и сіяша всякими цвѣты и пѣсни безпрестанно и много сладости имуще изношашеся отъ нея; и сѣде на церквѣ той 6 дней, *и никто-же нигдѣ-же можаше видѣти еа къ тому*“ (6617 г., Никон. лѣт. въ П. С. Р. Л., IX, 141), конечно вполнѣ мѣстнаго характера.

лѣтописи въ монастырѣ, близкомъ къ Печерскому по своему положенію и важномъ по своимъ связямъ—Выдубецкомъ (залож. 1070). Въ этомъ монастырѣ чтили память Ѳеодосія [1]). Какъ бы ни смотрѣть на происхожденіе лѣтописнаго свода XII в., но связь его съ именемъ игумена Выудбецкаго мон.—Сильвестра не подлежитъ сомнѣнію [2]), и есть основаніе полагать, что лѣтопись здѣсь велась до начала XIII вѣка [3]). Данныя эти послужили необходимымъ матеріаломъ при составленіи лѣтописныхъ сводовъ.

Понятно, что распространеніе христіанства и монастырей должно было оказать свое вліяніе и на развитіе письменности, прежде всего въ предѣлахъ Кіевской области, а затѣмъ и въ другихъ мѣстахъ.

Мы знаемъ, какого характера была эта письменность въ разсматриваемый періодъ, и если Кіевъ стоялъ въ центрѣ письменной дѣятельности, то несомнѣнно на его долю должна была бы приходиться и наибольшая часть письменныхъ памятниковъ. Но далеко не такъ оказывается въ дѣйствительности. Въ настоящее время наши свѣдѣнія о письменныхъ памятникахъ въ Россіи въ періодъ XI—XIV в. значительно возрасли [4]). Нѣтъ надобности доказывать, что сохранившіяся древнерусскія книги далеко не составляютъ всего того, что было писано въ

---

[1]) Ж. Ѳеодосія, XXV; ср. Ипат. лѣт. 127.

[2]) Лавр. лѣт., 274. Игумены Выд. м. принимаютъ участіе въ важнѣйшихъ церковныхъ торжествахъ (Лавр, 176, 201, Ипат. 127, 474). Возлѣ него часто сходились князья (Лавр., 211, 248, 297, 434: Ипат. 145. 168, 233, 261, 355, 365) Отсюда брались иногда епископы (Лавр. 277, Ипат. 448).

[3]) Срезневскій. Памят. письма 84; Ипат. лѣт., 476—77. Объ отношеніи Сильвестра къ лѣтописи и Нестору будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

[4]) Такъ, у Срезневскаго (по 2-му изд. Древн. памятн. рус. письма и языка Спб. 1882 г., сдѣланному А. Ѳ. Бычковымъ) книгъ за этотъ періодъ показано 309. А. И. Соболевскій (Лекціи по исторіи рус. языка, 1-ое изд. 1888, 2-ое 1891) насчитываетъ книгъ и грамотъ до 500, а за исключеніемъ послѣднихъ (до 67), остается—433. Наконецъ Н. В. Волковъ, спеціально занявшійся этимъ вопросомъ, въ періодъ XI—XIV в. полагаетъ до 700 (691) книгъ, допуская, что при дальнѣйшихъ тщательныхъ поискахъ и просмотрахъ, оно должно еще увеличиться (Статистич. свѣдѣнія о сохранившихся древне-русскихъ книгахъ XI—XIV вв. Спб. 1897, стр. 1—5). По вѣкамъ онѣ могутъ быть распредѣлены такъ: рукописи XI в.—22; XII в.—59; къ к. XII—нач. XIII в.—27; къ XIII—110; къ к. XIII—нач. XIV в.—32; къ XIV—359; къ к. XIV—нач. XV в.—82 (Ibid., 22—24). При этомъ для опредѣленія времени рукописи, кромѣ указаній этихъ послѣднихъ, приходится пользоваться палеографическими и филологическими данными, тк. кк. изъ означеннаго числа только 95 рук. могутъ быть подведены подъ болѣе или менѣе опредѣленные годы (21).

эти вѣка, т. е. XI—XIV в., и что могло бы уцѣлѣть при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Въ лѣтописяхъ и записяхъ на рукописяхъ въ болѣе позднихъ спискахъ дошли до насъ свѣдѣнія о болѣе значительномъ числѣ книгъ, нѣкогда существовавшихъ, но не уцѣлѣвшихъ до позднѣйшаго времени. При этомъ необходимо принять во вниманіе назначеніе книжности въ то время, трудность письма (уставъ, позже полууставъ), дороговизну матеріала (пергаментъ, бумага) и степень грамотности [1]), болѣе распространенной въ духовномъ званіи, чтобы вполнѣ правильно оцѣнить положеніе книжнаго дѣла въ разсматриваемый періодъ. Еще труднѣе распредѣлить всю массу рукописей по извѣстнымъ мѣстностямъ безъ болѣе точныхъ опредѣленныхъ указаній. Такъ, есть основаніе полагать что первоначально письменность сосредоточивалась лишь въ одномъ Кіевѣ и главнымъ образомъ въ Печерскомъ монастырѣ, но число дошедшихъ до насъ рукописей далеко не соотвѣтствуетъ этому факту и въ значительной степени уступаетъ напр. Новгороду [2]). Обстоятельство это находитъ себѣ объясненіе въ частыхъ опустошеніяхъ, пожарахъ и другихъ бѣдствіяхъ, которымъ подвергались южныя области Руси и въ особенности Кіевъ.

Въ періодъ съ пол. XI в. до первой четверти XIII в. Кіевское княжество подвергалось болѣе другихъ невзгодамъ отъ княжескихъ усобицъ, а именно оно было мѣстомъ усобицъ 23 раза, Черниговское не болѣе 20, Волынское 15, Галицкое, Туровское, Смоленское не свыше 6 разъ (Соловьевъ, III, 40). Борьба изъ-за Кіева 1141—1151 и 1169 дорого обошлась послѣднему. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что съ русскимъ войскомъ почти постоянно находились толпы половцевъ, славныхъ своими грабежами; но они и сами по себѣ нерѣдко опустошали русскія области: лѣтопись указываетъ 37 значительныхъ половецкихъ нападеній, отъ которыхъ послѣ Переяславскаго княж, наиболѣе доставалось Кіевскому княжеству (ibid. 40—41; Погодинъ, V, 148). Въ особенности памятны были нападенія ихъ на Кіевъ и его окрестности въ 1093, 1096, 1136, 1149, 1151, 1161, 1171, 1173, 1180, 1203, 1207. Въ 1096 г. половцы сожгли монастыри Стефановъ, Германичъ [3]) и Печерскій, пограбивъ и уничтоживъ его до тла, что вызвало на размышленіе Печерскаго лѣтописца о народахъ, заклепанныхъ въ го-

[1]) Опытъ рус. исторіографіи, I. 95—98.

[2]) Ibid., 101—102.

[3]) Рѣчь идетъ о Германовомъ мон., а не о деревнѣ (см. Ж. М. Н. Пр. 1900 г., № 5, с. 116).

рахъ Александромъ Македонскимъ, которые должны выдти оттуда *на концѣ вѣка* (Лавр. лѣт., 225—227). Въ 1171 г. марта 8 „взять бысть Кіевъ.... и грабиша за два дни весь градъ, Подолье и Гору и манастыри, и Софью и Десятиньную Богородицю, и не бысть помилованія никому же, ни откуду же, церквамъ горящимъ, крестьяномъ убиваемымъ, другымъ вяжемымъ, жены ведоми быша въ плѣнъ.... и взяша имѣнья множьство, и церкви обнажиша иконами и *книгами* и ризами, и колоколы изнесоша всѣ, Смолняне и Суждалци и Черниговци, и Олгова дружина, и вся святыни взята бысть; зажьженъ бысть и манастырь Печерьскый святыя Богородица *отъ поганыхъ*, но Богъ молитвами св. Богородица соблюде и отъ таковыя нужа" и т. д. (Ипат., 373). Въ 1203 г.—взятъ былъ Кіевъ Рюрикомъ и Ольговичами „и всею половецкою землею. И сотворися зло велико въ Русстѣй земли, якого же зла не было отъ крещенья надъ Кіевомъ, напасти были и взятья: не токмо едино Подолье взяша и пожгоша, ино Гору взяша, и митрополью *св. Софью разграбиша, и Десятиньную св. Богородицю разграбиша, и манастыри всѣ*, и иконы одраша,... и кресты,... и сосуды и *книгы*, и порты блаженыхъ первыхъ князей, еже бяху повѣшали въ церквахъ святыхъ, на память собѣ, то положиша все собѣ въ полонъ" и т. д. (Лавр., 397—398). По поводу разысканій древняго ж. Антонія прямо заявлялось, что оно исчезло вслѣдствіе опустошенія (см. выше, с. 244, прим. 5). Не рѣдки также были опустошительные пожары: 1017 г. погорѣли церкви; 1124 (23—24 іюня)—въ теченіе двухъ дней горѣли Подолъ и нагорная часть города, однѣхъ церквей сгорѣло до 600 (!); 1145—сгорѣла половина Подола; 1180—погорѣла св. Софія.

Потребность въ книгахъ росла по мѣрѣ развитія государственной жизни и распространенія просвѣщенія, а главнымъ образомъ стояла въ зависимости отъ утвержденія христіанства и увеличенія церквей и монастырей. На значительное усиленіе письменности въ XII в. указываютъ довольно частыя упоминанія лѣтописей, житій и др. памятниковъ о недошедшихъ, но несомнѣнно существовавшихъ въ XII вѣкѣ книгахъ, а также поздніе списки съ произведеній XII в. или передѣлки ихъ, а между тѣмъ, относительно, книги XI в. уцѣлѣли лучше, чѣмъ книги XII в. (отношеніе 1 къ 4) и еще хуже сохранились книги XIII в., число которыхъ превышаетъ число книгъ XII в. немного болѣе чѣмъ въ $1^1/_2$ раза. Напротивъ, XIV вѣкъ, бывшій въ нѣсколько лучшихъ условіяхъ, оставилъ книгъ слишкомъ втрое болѣе, чѣмъ всѣ три первые вѣка русской письменности. Наконецъ, XV в. представляетъ вдвое болѣе рукописей, чѣмъ всѣ предшествовавшіе четыре вѣка [1]).

Волковъ, 24—25.

X.

При всемъ томъ Кіеву принадлежитъ нѣсколько весьма цѣнныхъ памятниковъ, дошедшихъ до нашего времени или несомнѣнно относящихся къ его книжной дѣятельности. Таковы: 1) Изборникъ Святослава 1073 г. [1]) 2) Изборникъ его же 1076 г., писцемъ которыхъ называетъ себя нѣкто Іоаннъ (въ первомъ случаѣ діакъ, во второмъ „грѣшный", но въ нихъ различаютъ характеръ письма); 3) въ XVI вѣкѣ нашимъ книжникамъ были извѣстны списки Номоканона патр. Фотія въ болгарской редакціи и въ переводѣ, одинъ изъ которыхъ писанъ былъ во 2-ой полов. XI в. при вел. кн. Изяславѣ Ярославичѣ [2]); 4) Туровское Евангеліе (названное такъ по мѣсту нахожденія въ 1865 г., нынѣ въ Вилен. П. б.), писанное на хорошемъ пергаментѣ, красивымъ уставомъ XI в., и отнесенное къ группѣ кіевскихъ памятниковъ, такъ какъ въ языкѣ его нѣтъ ничего бѣлорусскаго [3]), а быть можетъ и Оршанское (XIII в.) и нѣк. др. [4]); 5) нѣкоторые изслѣдователи въ Кирилловской части Реймсскаго Евангелія видятъ также памятникъ южно-русской письменности XI—XII в. [5]), быть можетъ кіевской; 6) Тріодь постная и цвѣтная Типографской библ. XII—XIII в. („а Моисей писалъ грѣшный Киянинъ") [6]); 7) кіевскій списокъ Кормчей, не дошедшій до насъ, но послужившій оригиналомъ той копіи, которая была переписана по распоряженію ряз. еп. Іосифа въ 1284 г. [7]); 8) Лицевая псалтирь 1397 г. (повелѣніемъ смирен. владыки Михаила, рукою грѣшнаго раба Спиридона протодіакона, а писана въ градѣ Кіевѣ [8]); 9) Лѣствица, писан. въ 1455 г., въ Печерскомъ мон., при вел. кн. Казимирѣ, при архіеп. Іонѣ всея Руси,

---

[1]) Въ настоящее время указываютъ аналогичный по составу съ извѣстнымъ Симеоновымъ (Свят.) сборникомъ, сохранившимся въ сп. 1073, — это сборникъ XIII—XIV в. въ Хиландар. мон. (Арх. Изв. 1895, № 4, с. 134). На извѣстности въ Россіи обширной энциклопедіи въ XI в. настаиваетъ Шахметовъ (Виз. Врем. 1900, I, 34).

[2]) А. Павловъ, Первонач. Славяно-русскій Номоканонъ, Каз. 1869, с. 16—22.

[3]) Универ. Изв. 1887, № 5, с. 53, ст. А. И. Соболевскаго; Чт. Общ. истор. 1896, I, 31 (ст. Г. Воскресенскаго).

[4]) Воскресенскій, 47; П. Пылаевъ, Тр. Кіев. ак. 1876, № 12.

[5]) Кирилловская часть Реймсскаго Евангелія, А. И. Соболевскаго (Рус. Филогич. Вѣст., 1887, съ указаніемъ литературы изданіе Л. Леже.

[6]) Срезневскій, 78.

[7]) Ibid., 139, 144. Свѣд. о неизв. памятн., II, 147—176.

[8]) Срезневскій, 283.

благовѣрныхъ князьяхъ Семенѣ и Михаилѣ Олельковичахъ и при архим. Николѣ, іеромон. Варсонофіемъ [1]); 10) списокъ Патерика печерскаго, писан. въ Печерскомъ мон. и оконченный въ Николо-Пустынскомъ мон. въ 1462 г., при чемъ въ записи сказано, что онъ „писанъ въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, въ *обители царстѣй* Пречистыя Богоматере и препод. отець нашихъ Антонія и Θеодосія“ [2]); 11) Златоструй Ондрея Тферитина, 1474 г., писан. тамъ же, принадл. Моск. дух. акад. и др. [3]). Прибавимъ, что къ памятникамъ кіевской письменности одни (Ягичъ) присоединяютъ еще нѣкоторыя рукописи изъ группы галицко-волынскихъ [4]); а другіе—такіе памятники, какъ Остромирово (XI в.) Евангеліе [5]), Мстиславово и Юрьевское Евангелія (1-й четв. XII в.), писанныя въ Новгородѣ (быть можетъ кіевлянами) или для Новгорода.

Мстиславово (велик. князя Мстислава Владиміровича) Евангеліе вмѣстѣ съ Остромировымъ принадлежитъ къ числу самыхъ красивыхъ древнихъ рукописей русскихъ и отличается отъ Остромирова обиліемъ чтеній (Срезневскій, 50; подробно К. И. Невоструевъ въ Изв. Ак. Наукъ, т. IX и X; Г. Д. Филимоновъ въ Чт. Общ. ист. и древн. 1859, кн. III; Волковъ, 30—31; также Арх. Изв. 1896, № 1, с. 21; Ист. Вѣстн. 1896, № 2, с. 730; впрочемъ ср. Срезневскій, 49—53, и А. И. Соболевскій, loc. cit.). Въ данномъ случаѣ для насъ любопытна запись тіуна (?) Наслава, возившаго Евангеліе, написанное по порученію Мстислава (кн. новгор., съ 1125 г.—вел. кн. кіев.) въ Царьградъ для того, чтобы тамъ облечь его въ драгоцѣнный переплетъ, не вполнѣ до насъ сохранившійся. Вотъ эта запись: „Азъ рабъ божии недостойныи худыи грѣшьныи. съписахъ памяти дѣля, царю нашему и людемъ о съконьчаньи еуангелия. еже бяшеть казалъ Мьстиславъ кънязь хоудому Наславу. и возивъ Царюгороду. и оучиниxъ химипетъ. божиею же волею възвратихъся исъ Царягорода. исъправихъ вьсе злато и сребро и драгыи камень. пришедъ Кыевоу и съкончася вьсе дѣло. мца авгоуста въ ҃i. Цѣноу же евангелия сего единъ Богъ вѣдае“. и т. д. (Срезневскій, 52).

[1]) Лѣт. зан. Арх. ком. V, протоколы, 25—26.

[2]) Строевъ, Библіогр. Слов., 371—372; Опис. Рум. м., 427, Царскій, № 145. Это такъ наз. Кассіановская редакція Патерика (см. А. А. Шахматовъ, Кіево-Печерскій патерикъ, Изв. отд. рус. яз. и словесн. Им. Ак. Наукъ, 1897, кн. 3-я).

[3]) Кіев. Стар. 1899, № 9, с. 300—301, примѣч.

[4]) Наприм. ж. Саввы Освященнаго (Кіев. Стар. 1898, № 6, с. 355),

[5]) Діаконъ Григорій, писецъ Евангелія, перешелъ въ Новгородъ изъ Кіева, а искусные писцы появляются тамъ лишь со 2-ой полов. XII в. (Ж. М. Н. Пр. 1897, № 12, стр. 443—46).

Въ Мстиславовомъ Евангеліи (бывш. въ Арханг. соборѣ, нынѣ въ Синод. библ.) находятъ правописаніе русское, отличающееся отсутствіемъ чертъ спеціально новгородскихъ и галицко-волынскихъ (Воскресенскій, 31—32). Вообще, кіевскіе писцы дорожили древнимъ правописаніемъ (И. В. Ягичъ. Четыре крит.-палеограф. статьи, Спб. 1884, с. 98).

Во всякомъ случаѣ эти факты свидѣтельствуютъ о томъ, что Кіевъ, по крайней мѣрѣ въ первый періодъ исторіи, въ эпоху своего политическаго значенія, служилъ книжнымъ рынкомъ, откуда книги разносились по различнымъ русскимъ областямъ [1]). Но въ историческомъ отношеніи и болѣе видное мѣсто должны занять—наиболѣе цѣнныедля на съ памятники письменности—Начальная русская лѣтопись и ея продолженіе—лѣтопись Кіевская (съ Волын. л.), сохранившіяся въ сѣверныхъ монастыряхъ Россіи,—Рождественскомъ владимірскомъ и Ипатьевскомъ костромскомъ. Эти памятники даютъ наиболѣе выгодное представленіе о значеніи и характерѣ кіевской письменности въ указанный періодъ. Притомъ въ начальной Кіевской лѣтописи, писанной несомнѣнно печерскимъ монахомъ, важно то высокое уваженіе къ книжности, какое онъ высказываетъ въ своихъ похвалахъ по поводу дѣятельности Ярослава I и основанія имъ библіотеки въ Кіевѣ. „Велика бываетъ польза отъ ученія книжнаго, говоритъ онъ; книги—это *источникъ мудрости*; *въ книгахъ—неисчетная глубина*; *ими утѣшаемся въ печали*... и если поищешь въ книгахъ мудрости прилежно, то найдешь великую пользу для души своей". [2]) Подобное отношеніе русскаго лѣтописца къ книжной мудрости дало право одному изъ нашихъ изслѣдователей замѣтить, что въ данномъ случаѣ онъ не только слѣдуетъ своему образцу—Георгію Амартолу, а, напротивъ, стоитъ съ нимъ въ прямой противоположности. Амартолъ, какъ видно изъ его отзыва объ Оригенѣ (350), не благоволитъ къ книжной учености, какъ вселяющей духовную гордость, и полагаютъ, что эта разница во взглядѣ зависѣла отъ различія положенія грека—Амартола, пресытившагося книжною ученостію, и славянина—лѣтописца, воспринимавшаго ее со всею жадностію прозелита; грека, имѣвшаго подъ руками литературу не только церковно-

---

[1]) Волковъ, 31. Въ заставкахъ XI—XII в., изображающихъ змѣевъ, нѣк. усматриваютъ, вопреки византійскому, скандинавское вліяніе (Тр. М. Арх. общ., IV, в. 2, с. 76).

[2]) Лавр. лѣт., 148—149.

христіанскую, но и языческую, и еретическую, и славянина,—знакомаго съ книгами, только какъ проводниками божественнаго ученія [1]). Къ этому слѣдуетъ прибавить, конечно, чисто монашескій взглядъ, преобладающій въ хроникѣ Амартола, и сравнительно мягкій тонъ, проходящій чрезъ всю начальную русскою лѣтопись, которому она и обязана своими привлекательными чертами, вызывающими къ ней симпатіи позднѣйшихъ ученыхъ. Съ другой стороны, замѣтимъ, что представленіе объ исторіи въ періодъ лѣтописанія не восходило выше того, какимъ руководился авторъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“: позднѣйшіе писатели не шли дальше механическаго свода отдѣльныхъ частей лѣтописей [2]). Даже въ XV в. русскій лѣтописецъ не находилъ высшаго образца для своего труда въ оцѣнкѣ описываемыхъ явленій, какъ тоже произведеніе начальнаго лѣтописца [3]), и въ этомъ обращеніи, пожалуй, заключается даже хорошая сторона, свидѣтельствующая въ пользу историческаго вкуса позднѣйшаго писателя.

Конечно, свѣтская исторія, т. е. лѣтопись, имѣла у насъ тотъ же церковный характеръ житій и другихъ религіозныхъ повѣствованій, не потому только, что лѣтописцами были лица духовнаго чина, а потому особенно, что церковный стиль былъ господствующимъ въ древне-русской литературѣ. Писатель не зналъ другихъ руководящихъ идей въ изложеніи историческихъ событій, кромѣ тѣхъ, которыми вѣрующее благочестіе опредѣляетъ отношеніе всего земнаго къ небесному, и изъ этого основнаго воззрѣнія выводилъ онъ всѣ нити, связывающія въ его писаніи мелочныя лѣтописныя подробности. И на Западѣ въ XII или XIII в., какъ и у насъ даже въ XVI—XVII в., чувствуется та же невозмутимая глубина благочестія, тотъ же благочестивый символизмъ и та же наивность художественныхъ пріемовъ, замѣчаетъ Буслаевъ [4]).

Но эта преобладающая идея даетъ себя чувствовать въ самыхъ мелочахъ, если онѣ вызываются общими условіями жизни. Наивный тонъ, свойственный извѣстнымъ вопросомъ Кирика съ отвѣтами на нихъ нисколько не теряетъ своей цѣны при сравненіи ихъ съ извѣстными „Responsa“ папы Николая I болгарамъ. Едва ли оказались

---

[1]) Ф. А. Терновскій, Изуч. визант. ист., I, 25. Съ точки зрѣнія даже ученаго патр. Фотія язычество отождествлялось уже съ „еллинствомъ“ (Успенскій, Византія и Русь, 9); ср. Виз. Врем. 1898, III, 415.

[2]) Пыпинъ, Ист, рус. литер., I. Спб. 1898, стр. 162.

[3]) Никонов. лѣт., V, 28—29.

[4]) Очерки, II, 304—305. Ср. выше, стр.220—21.

хоть одна обязанность или случай гражданской жизни, на которые простодушные болгары не требовали бы разъясненія: они спрашивали, при какихъ обрядахъ должны были жениться, въ какіе часы совершать супружескія сношенія, когда ѣсть, какъ быть, что вмѣсто знамени они привыкли употреблять конскій хвостъ и т. п. Любопытны и отвѣты папы по этому поводу [1]).

XI.

Еще Карамзинъ замѣтилъ, что если бы Россія не подчинилась татарскому игу, то, находясь въ тѣсныхъ связяхъ съ Греціей, заимствуя ея художества и просвѣщеніе, она не отстала бы отъ иныхъ европейскихъ земель въ гражданскомъ образованіи [2]).

Разсмотрѣнныя нами явленія позволяютъ позднѣйшимъ изслѣдователямъ утверждать о преимуществѣ до-монгольскаго образованія надъ послѣдующимъ періодомъ, благодаря непрерывавшимся связямъ съ Константинополемъ и Западомъ [3]).

Несомнѣнно, что свѣтская стихія нашла себѣ выраженіе въ начальномъ періодѣ. Если до насъ дошелъ только единственный въ своемъ родѣ памятникъ, остающійся пока единственнымъ и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи,—„Слово о полку Игоревѣ", то и онъ даетъ право, при наличности другихъ данныхъ, отмѣченныхъ нами, заключать о болѣе благопріятныхъ условіяхъ эпохи, содѣйствовавшихъ тому, что̀ признаютъ даже изслѣдователи, скептически относящіеся къ этимъ послѣднимъ. Поэтому считая „Слово о полку Игоревѣ" самымъ яркимъ выраженіемъ древней поэзіи, нѣкоторые даже заключаютъ о потерѣ, можетъ быть, многихъ памятниковъ до-монгольскаго періода, утрата которыхъ дѣлаетъ исторію означеннаго періода только предположительной, и не смотря на внѣшнее несовершенство формы, въ

---

[1]) Gregorovius, III, 142.

[2]) Ист. госуд. Рос., III, 135—136.; ср. Полевой, Ист. рус. нар., I, 277.

[3]) Голубинскій, I, 707—708. Ср. Кондаковъ, Русскіе клады, с. 6—7. Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ, первый изъ нихъ говоритъ: „Послѣ Ярослава у насъ исчезло просвѣщеніе и знаніе греческаго языка и слѣдовательно не стало людей, способныхъ переводить. Послѣ него, говоритъ авторъ, переводы могли быть дѣлаемы только или греками, долго жившими въ Россіи, или русскими, долго жившими на Востокѣ и пріобрѣвшими знаніе языка греческаго, или наконецъ, тѣми, являвшимися въ видѣ рѣдкаго исключенія русскими, которые пріобрѣли настоящее образованіе отъ грековъ, жившихъ въ Россіи" (I, 604—605).

какой дошло до насъ это произведеніе, оно сравнивается здѣсь съ лучшими созданіями западнаго средневѣковаго эпоса, Нибелунгами или пѣсьню о Роландѣ, хотя и есть между ними разница, состоящая въ томъ, что Слово не испытало въ такой мѣрѣ литературной обработки и сохранило поразительныя и чрезвычайно любопытныя черты свѣжей бытовой и поэтической непосредственности. Наконецъ, оно является замѣчательнымъ свидѣтелемъ той ступени литературнаго развитія, какой достигалъ XII вѣкъ,—таковы позднѣйшіе выводы объ этомъ, одиноко стоящемъ памятникѣ древней письменности [1]). Поэтому въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ нѣкоторые не только видятъ произведеніе совершенно національное, вполнѣ самостоятельное, не стоящее ни подъ малѣйшимъ вліяніемъ нашей переводной литературы, но даже остатокъ нашего до-монгольскаго трубадурства, другіе памятники котораго или погибли отъ невниманія, или пока скрываются еще въ неизвѣстности. Такимъ образомъ, кто сталъ бы думать о нашихъ князьяхъ до-монгольскаго періода, что имъ присущъ былъ только духъ смиренной молитвы и монашескихъ помысловъ, подобно ц. Алексѣю Михайловичу, и нисколько не былъ свойственъ духъ западнаго рыцарства, тотъ совершенно ошибся бы [2]).

XII.

Съ другой стороны указываютъ на южно-русскую лѣтопись XII вѣка, разсказъ которой напоминаетъ „Слово о полку Игоревѣ“ и служитъ подтвержденіемъ, какъ будто образовалась уже извѣстная литературная школа, отличіемъ которой была большая близость къ

---

[1]) Пыпинъ. Ист. рус. литер; I, 123—126.

О Словѣ о полку Игоревѣ. I, Литература Слова со времени открытія его до 1876. А. Смирнова, Ворон. 1877: Литература Слова о полку Игоревѣ, И. Н. Жданова, К. 1880: Слово о полку Игоревѣ, П. В. Владимірова, в. I (литература), К. 1894.

[2]) Голубинскій, I, 702—705: „Наши князья были потомками норманновъ, которые были рыцарями попреимуществу, и, переставъ быть норманнами въ смыслѣ разбойниковъ они вполнѣ остались ими въ смыслѣ рыцарей, ищущихъ славныхъ дѣлъ“. Авторъ ссылается на исповѣдь Василька Ростиславича (подъ 1097 г.), поученіе Мономаха и походъ Игоря Святославича, мечтавшаго превзойти отцовъ и дѣдовъ и до конца взять славу и честь (Лавр. лѣт., 374—376; Ипат., 429 и д.: ср. 545, 554), какъ выраженіе истиннаго рыцарскаго духа. Ср. по этому поводу отзывъ Павла Алеппскаго о бдѣніяхъ „тишайшаго“ ц. Алексѣя Михайловича, приправляемыхъ внушительною, хотя и простодушною, бранью (Путешествіе, в. IV, 125—125).

народной рѣчи, живописность, проблески поэтическаго воодушевленія, свойственнаго не монаху, но скорѣе свѣтскому лицу, быть можетъ участнику событій [1]). Если справедливо замѣчаніе, что прозаическимъ источникомъ „Слова о полку Игоревѣ" служила повѣсть о походѣ Игоря, помѣщенная въ Ипатьевской лѣтописи [2]), то, съ другой стороны, южный лѣтописецъ не прочь былъ позаимствоваться поэтическими образами „Слова о полку" [3]). И любопытно, что въ томъ же сборникѣ, въ которомъ находился единственный списокъ Слова о полку Игоревѣ и который сдѣлался жертвою пожара 1812 г., заключались и другія героическія и апокрифическія произведенія южной переводной письменности, которыя стали извѣстны теперь почти только въ позднѣйшихъ спискахъ, каковы „Девгиніево дѣяніе", византійскій романъ, греческій подлинникъ котораго отысканъ недавно [4]); „сказаніе о богатой Индіи", т. е. о знаменитомъ въ средніе вѣка пресвитерѣ Іоаннѣ [5]); „сказаніе о Синагрипѣ", сказка изъ „тысячи и одной ночи" [6]);—любопытно, такъ какъ сборникъ этотъ вѣроятно былъ лишь спискомъ съ болѣе древняго сборника [7]).

---

[1]) Пыпинъ, I, 162.

[2]) Голубинскій, I, 704: „въ нѣкоторыхъ случаяхъ проза выше поэзіи" (Ипат. лѣт., 429 и д.). Подъ 1151: „полци же начаша доспѣвати" и Слово о полку: „Олговичи храбрыи князи доспѣли на брань"; разсказъ лѣтописи о Всеславѣ, проникнутый эпическимъ элементомъ, и т. п. Другіе видятъ здѣсь „одинаковые древніе пѣсенные элементы въ лѣтописяхъ и Словѣ" (см. Владиміровъ, Разборъ Изслѣд. сказанія о походѣ сѣвернаго князя Игоря Святославича на половцевъ въ 1185 г., изъ отчета о Х-мъ присужд. Пушкин. преміи. Спб. 1895, стр. 16). Эти мѣста Галицко-Волынской лѣтописи „несомнѣнно пѣсеннаго происхожденія" (ibid).

[3]) Подъ 1201 г. лѣтописецъ о Романѣ галицкомъ говоритъ, что онъ „устремился на поганыхъ какъ левъ, сердитъ же былъ какъ рысь, губилъ ихъ какъ крокодилъ, проходилъ ихъ землю какъ орелъ, а храбръ былъ какъ туръ". Онъ вспоминаетъ подвиги Владиміра Мономаха, который пилъ золотымъ шеломомъ Донъ (Ипат. лѣт., 480). Въ словѣ читаемъ: „хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону". Воспоминанія о Донѣ и Дунаѣ въ „Словѣ" находили себѣ подтвержденіе въ успѣхахъ русскаго оружія на этихъ послѣднихъ въ теченіи всего XII в. (1116, 1144, 1159, 1162, 1187, 1192 и д., по Ипат. лѣт., ibid., стр. 18).

[4]) Поэма о Дигенисѣ, А. Н. Веселовскаго (В. Евр. 1875, № 4; съ дополн. въ Russ. Revue, VI II.); Разыскан. о греч. богатырскихъ былинахъ средневѣк. періода, Д. Дестуниса (Сборн. Ак. Наукъ, т. XXXIV).

[5]) А. Н. Пыпинъ, Опытъ литер. исторіи русскихъ повѣстей и сказокъ (Учен. Зап. Ак. Наукъ по 2-му отд., кн. IV, 89—91).

[6]) Ibidem, стр. 63—75.

[7]) Пыпинъ, Исторія литературы, I, 163.

Всякая героическая пѣсня, по выраженію Миклошича, въ своихъ главныхъ чертахъ, современна воспѣваемому событію, и Начальная русская лѣтопись не пренебрегала этимъ элементомъ, какъ можно судить по сказаніямъ объ Олегѣ, Игорѣ, Ольгѣ, Святославѣ, Владимірѣ и вообще первыхъ вѣкахъ исторіи, дошедшихъ скорѣе въ этой формѣ [1]), чѣмъ въ болѣе обширныхъ записяхъ: такъ было и у другихъ народовъ. Съ извѣстнымъ основаніемъ указываютъ на пѣсенный мотивъ въ словахъ Даніила Заточника о Святославѣ („Святославъ князь, Игоревъ, идый на царя съ малою дружиною, рече" и т. д.). Авторъ Слова о полку Игоревѣ вспоминаетъ старинныя пѣсни [2]). Онѣ были обычнымъ явленіемъ на пирахъ у Святослава [3]). Владиміръ Мономахъ упоминаетъ о пѣсняхъ, которыя имѣли мѣсто на свадебныхъ пирахъ [4]). До насъ

---

[1]) „Слово о Полку" ссылается на „Святославля пѣснотворца", на „старое время, Ярославля", на „пѣснь старымъ князьямъ"; припоминаетъ храбраго Мстислава, сына Владиміра, и краснаго Романа Святославича († 1079); а въ воспоминаніи о Гориславичахъ выходитъ изъ легендарнаго повѣствованія Кіевской лѣтописи (Лавр. 1128 г.) о Гориславѣ полоцкой, женѣ Владиміра I (со словъ „вѣдущихъ"), объясняющей почему „мечь взимаютъ Роговоложи внуци противу Ярославлимъ внукомъ" (284—285). Нѣкоторые изслѣдователи въ „вѣдущихъ людяхъ" (см. С. М. Гедеоновъ, О варяж. вопросѣ, Зап. Акад. Наукъ, III, 259; Бестужевъ-Рюминъ. О составѣ лѣтописи, 43; Ягичъ, О славян. поэзіи, 205) видятъ поэтовъ, пѣвцовъ, которые слыли „вѣщими" (Боянъ въ Словѣ о полку; у грековъ ἀοιδός, ἀείδω, οἶδα, εἴδω; сага объ Олафѣ Триггвисонѣ: sva segia virrir menn oc fródir (dicunt viri scientes et rerum periti, Antiq. Russes, I, 421). Ср. замѣчаніе о „вѣдущихъ людяхъ", (выше, стр. 4). Авторъ „Слова о полку" не одобрялъ выспренняго полета Бояна и по его мнѣнію нужно, чтобы эпическое сказаніе было по былинамъ, т. е. какъ было на самомъ дѣлѣ (Ягичъ, О славянской народной поэзіи, Славян. Ежегодникъ, Кіевъ, 1878, 144).

[2]) „Рекъ Боянъ и ходы на Святославля пѣснотворца стараго времени, Ярославля", читаемъ въ Словѣ. И. Е. Забѣлинъ предлагаетъ читать: Боянъ и Ходына, т. е. пѣвцы Святославли, относя это мѣсто къ Святославу Ярославичу (см. ниже).

[3]) Въ ж. Ѳеодосія разсказывается, что онъ, придя однажды къ вел. князю, засталъ у него обычное веселье: „*многіе играюще предъ нимъ, одни гусельные гласы другіе органные гласы* поюще, а иные замарьные писки гласяще; и тако всѣмъ играющимъ и веселящимся, *яко обычай есть предъ княземъ*" (ср. Арх. Изв. 1894, № 10, стр. 298—299). Замъра—музык. инструментъ.

[4]) Лавр. лѣт., 244. Вотъ это прочувствованное мѣсто стараго кіевскаго князя „а сноху мою послати ко мнѣ, пишетъ онъ Олегу черниговскому, зане нѣсть въ ней ни зла, ни добра, да быхъ обуимъ оплакалъ мужа ея и оны сватьбы ею *въ пѣсний мѣсто:* не видѣхъ бо ею, первѣе радости, ни вѣнчанья ею, за грѣхы своя: а Бога дѣля пусти ю ко мнѣ вборзѣ спервымъ сломь, да съ нею кончавъ слезы; посажю на мѣстѣ, и сядеть акы горлица на сусѣ древѣ желѣючи, а язъ утѣшюся о Бозѣ. *Тѣмъ бо путемъ шли дѣди и отци наши*".

дошли лишь остатки пѣсеннаго цикла о Романѣ Мстиславичѣ галицкомъ [1]). Когда же Даніилъ Романовичъ галицкій возвратился съ братомъ Василькомъ, послѣ побѣды надъ ятвягами (1251), то „пѣснь славну подаху има", говоритъ лѣтописецъ [2]). Южный лѣтописецъ знаетъ славнаго (словутьнаго) пѣвца Митусу (Димитрій), служившаго при томъ же Даніилѣ [3]) и наказаннаго безчестіемъ за отказъ отъ этой службы („за гордость... раздранаго, аки связаного приведоша"); а панегиристъ вел. кн. Димитрія Ивановича вспоминаетъ и „кіевскаго гудца" [4]).

Совершенно напоминаетъ старую былину или думу тотъ текстъ „Задонщины", который въ числѣ другихъ издалъ Срезневскій (Изв. Акад. Наукъ. 1858, VI; сокращен. текстъ въ Учен. Зап. 1859, V, 57—60); но и въ другихъ варіантахъ есть больше или меньше поэтическихъ остатковъ. Значеніе „Задонщины" состоитъ именно въ томъ, что она даетъ новое подтвержденіе подлинности „Слова о полку Игоревѣ", ибо въ томъ не можетъ быть сомнѣнія, что составитель „Задонщины" хорошо зналъ „Слово", когда цѣлыя мѣста изъ него, почти слово въ слово, внесъ въ свое описаніе (со ссылками на „старыя словесы", „пѣсни по былинамъ", на „струны Бояна", которыя „княземъ славу рокотаху" и т. д. (рядъ параллельныхъ мѣстъ у Ягича, 227—228). Полагаютъ что рукопись въ которой найдено „Слово" (не старше XVI в.), позднѣе рукописи съ „Задонщиной" (2-ой полов. XV в., ibid., 229). О сходствѣ „Слова о полку" съ южно-славянскими старинными пѣснями (Сумцовъ, Кіев. Стар. 1893, № 7, с. 85 и д.). О значеніи имени „Троянъ" въ Словѣ о полку (Максимовичъ, II, 426—433); ср. К. Стар. 1898, № 11). „Слово о Задонщинѣ" и находка „Слова о полку Игоревѣ" въ предѣлахъ сѣв. Руси свидѣтельствуютъ о близкомъ знакомствѣ съ этимъ памятникомъ сѣверорусскихъ книжниковъ; такое же знакомство съ „Словомъ" или пѣснями того времени обнаруживаетъ и памятникъ XIII в.—„Слово о погибели земли русской", по крайней мѣрѣ отличающійся общей имъ тенденціей (изд. Общ. люб. древн. письмен., Спб. 1892, стр. 10—12). Кстати прибавимъ, что былины сохранились какъ на

[1]) Ср. отзывъ о немъ Ипат. лѣт., годъ 1202 и Слово о полку; а по свидѣтельству Длугоша (XV в.) еще въ его время пѣлись въ Польшѣ пѣсни о пораженіи Романа. Разборъ пѣсеннаго элемента см. И. Н. Ждановъ, Рус. былевой эпосъ (425—523). Ср. предложенное сопоставленіе Н. П. Дашкевича: Древне-кельт. эпосъ и былев. пѣсни Кіево-галиц. Руси (Унив. Изв. 1886, №№ 9, 10, 12).

[2]) Ипат. лѣт., 540.

[3]) Ibid., 528. Замѣтка о немъ (Соч. Максимовича, I, 129—130.

[4]) Слово о Задонщинѣ или сказ. о Мамаевомъ побоищѣ. Ср. Срезневскій (Памятн. языка, 42).

отдаленномъ сѣверѣ, такъ и на далекомъ юго-востокѣ (Русскій былевой эпосъ на Терекѣ,—объ Ильѣ Муромцѣ, Ал. Поповичѣ, Дюкѣ Степановичѣ и др, Сборн., изд. Кавказ. учебн. окр., т. XXII).

Древняя лѣтопись сохранила намъ мотивъ о знаменитыхъ пирахъ Владиміра, легшій въ основу былиннаго эпоса о богатыряхъ („храбрыхъ", по древнѣйшему выраженію) Владимірова цикла (столы для бояръ, дружины и бѣдныхъ), въ полномъ смыслѣ дружиннаго князя, какимъ онъ является въ лѣтописи [1]) и въ былинахъ [2]). Объ этихъ же пирахъ, конечно, вспоминаетъ и м. Иларіонъ, когда говоритъ: „твои щедроты и милостыня *поминаются въ людяхъ*" [3]). Былины эти вращаются около именъ Ильи Муромцы, Добрыни, Алеши Поповича и др. богатырей, родственныхъ съ ними [4]). Не напрасно (позднѣйшая) лѣтопись соединяетъ самые пиры Владиміра съ подвигами Алеши Поповича противъ печенѣговъ („и возложи нань гривну злату и сотвори вельможа в полате своемъ"), Рагдая Удалого („наеждяше сей на триста воинъ" [5]), Яна Усмошвеца, убившаго печенѣжскаго бога-

---

[1]) Лавр. лѣт., 123—124.

„Древнѣйшія произведенія народной фантазіи относятся ко временамъ Владиміра св; содержаніе ихъ составляютъ подвиги богатырей, борьба ихъ съ степными варварами, съ которою былъ соединенъ важнѣйшій интересъ для народа" (Соловьевъ, III, 106—107).

[2]) Былина-быль, что́ было, случилось; иногда вымыселъ, но сбыточный несказочный (см. замѣтку А. С. Архангельскаго, Два слова о словѣ былина, Изв. Акад. Наукъ 1898, кн. IV, 1331—32).

[3]) Похвала кагану нашему Владиміру. Жуковскій сравнивалъ циклъ сказаній о Владимірѣ св. съ подобными сказаніями о Карлѣ Вел. („Владиміръ", Рус. Арх. 1895, № 3, стр. 61—68).

[4]) Л. Н. Майковъ, О былинахъ Владимірова цикла, Спб. 1862; О. Ѳ. Миллеръ, Илья Муромецъ и богатырство кіевское, Спб. 1869; А. Н. Веселовскій, Южнорускія былины (Сборн. Имп. Ак. Наукъ, тт. XXII, XXXVI, 1881, 1884); И. Н. Ждановъ, Русская поэзія въ до-монг. эпоху (Унив. Изв. 1879); Къ литер. исторіи русской былевой поэзіи, 1881 и отд.); М. Халанскій, Великорус. былины кіев. цикла, В. 1885 (изъ Рус. Филол. Вѣстн.); В. Ѳ. Миллеръ, Экскурсы въ область рус. народн. эпоса, I—VIII, 1892 и 97; Лобода, Богатырскій эпосъ, К. 1896; Южно-русскія легенды, Н. И. Петрова (Тр. Кіев. Дух. Ак. 1877, I, 1878, II). Ср. также: K. Busse, Wladimir und dessen Tafelrunde. Altrussische Helden., Leipz. 1819; Bernh. Stern, Fürst Wladimirs Tafelrunde. Altrussische Heldensagen mit Einleitung und Bibliographie, Berl. 1892, VII+L+219 S.

[5]) По поводу его лѣтописецъ прибавляетъ: „1000. Преставися Рахдай удалой и плакася по немъ Владиміръ и погребе его со отцемъ своимъ митр. Леонтомъ" (Никон., I, 111).

тыря и множество печенѣговъ и т. п.[1]). Былина о Владимірѣ знаетъ о его походѣ на грековъ[2]). Но любопытно также, что гибель богатырей (къ которой опять пріурочивается Алеша Поповичъ) соединяется то съ Липецкой битвой[3]), надолго раздѣлившей судьбы сѣверной и южной Руси, то съ битвой на Калкѣ (1224), печально отразившейся на послѣдующей исторіи Руси[4]), хотя и впослѣдствіи наши лѣтописи знаютъ еще богатырей, вплоть до XVI в.; а въ Кіевѣ помнили въ это время[5]) Илью Муромца (и Чеботка[6]), притомъ какъ „богатыря" и „великана": не показываетъ-ли это, что о немъ ходили тогда былины и разсказы на югѣ?[7]) И народная память объ

---

[1]) Никон. лѣт., I, 111 (подъ 1000 г). Подъ 1004 г. тоже лѣтописецъ упоминаетъ еще „Андриха храбраго отравою окормиша свои его слуги". Ср. однако замѣчанія Бестужева-Рюмина (О составѣ лѣтописей, 87)". „Тождество лѣтописнаго Александра Поповича и былиннаго Алеши Поповича несомнѣнно" (Майковъ, О. Ѳ. Миллеръ и др.).На тождествѣ былиннаго и лѣтописнагоДобрыни настаиваетъ иЯгичъ (О славянской народной поэзіи, 202—205), вопреки мнѣнію другихъ о его рязанскомъ происхожденіи. „Только въ Алешѣ Поповичѣ и Добрынѣ Никитичѣ соглашается лѣтописное сказаніе съ нынѣшней народной эпикой, по крайней мѣрѣ настолько, какъ мы видѣли, что оба и тутъ, и тамъ, являются народными богатырями".

[2]) Ждановъ, Былевой эпосъ, 150--151.

[3]) П С. Р. Л., XV, 323.

[4]) Ibid., 326; Никон., II, 323. Также Троицкая I-ая (П. С. Р. Л. I, 219); Новгород. 4-ая (IV, 28); Воскресен. (VII, 132) и др. Объ Алекс. Поповичѣ упоминается и въ краткой лѣтописи Игнатія Смольнянина (Палестин. Сборн., вып. XII).

Бѣльскій (Kronika Polska, t. II) и Сарницкій (Annales regni Pol., t. II) упоминаютъ о могилахъ богатырей въ Кіевѣ; а первый говоритъ и о погребеніи среди нихъ Романа галицкаго какъ богатыря.

[5]) Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ не осталось на Руси богатырей, Н. П. Дашкевича, К. 1883; ср. Чтен. въ Общ. Нестора лѣт-ца, III, К. 1889. Карамзинъ отмѣчаетъ даже игры богатырей (III, пр. 346; IV, пр. 45; V, 139. пр. 251; VII, 122).

[6]) Эрикъ Лассота, Путевыя записки 1594 г., Спб. 1873, стр. 21. Припомнимъ здѣсь разсказъ о мощахъ народнаго героя, короля валлійцевъ Артура (Тьерри, Ист. завоев. Англіи, III, 105—107). „И нашли, говорятъ современники, металлическую доску съ латинскою надписью и кости скелета необыкновенной величины" (при Генрихѣ II, въ 1189 г.). Память объ Ильѣ Муромцѣ могла поддержаться мощами Иліи въ Печерскомъ мон. (Кальнофойскій). Въ какомъ вѣкѣ жилъ Илья Муромецъ? (Максимовичъ, Сочин., I, 123—128. Авторъ стоитъ за показаніе Кальнофойскаго—въ XII вѣкѣ). Ср. Изъ кіевской рукописи (Патер. 1667) объ Ильѣ Муромцѣ (Изв. Калуж. учен. архив. ком. 1898, № 2).

[7]) „Если скажемъ, что „Слово„ (о полку Игоревѣ) былина, то этимъ обозначимъ его значеніе и положеніе въ южно-руской литературѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразимъ, что „Слово". дѣйствительно, благодаря своей ближайшей связи съ думами,

Ильѣ нашла себѣ олицетвореніе въ чествованіи его, какъ святого, подобно тому, какъ въ Сибири стали чествовать Ермака и его военные доспѣхи [1]).

XIII.

Творецъ „Слова о полку Игоревѣ" говоритъ, что Боянъ пѣлъ пѣсни старому Ярославу, храброму Мстиславу, „иже зарѣза Редедю предъ полки косожскими, красному Роману Святославичю". Дѣйствительно, извѣстный поединокъ Мстислава съ Редедею, какъ онъ записанъ въ лѣтописи, сильно отзывается эпическимъ сказаніемъ, а по поводу смерти Романа въ лѣтописи читаемъ: „суть кости его и доселѣ тамо лежаче, сына Святославля, внука Ярославля" [2]),—способъ выраженія, свойственный пѣсенному складу. Слѣды поэтическихъ сказаній, относящихся къ Владиміру Мономаху и Роману галицкому, отмѣчаютъ въ началѣ Волынской лѣт. (по спискамъ Ипат. и сходнымъ съ нимъ [3]).

Но, какъ политическая жизнь тогдашней Руси не была разобщена съ центрами восточнаго и западнаго міра, такъ и въ литературѣ это сближеніе находило себѣ благодарную почву. Событія за-

---

еще очень родственно съ сѣверо-восточными былинами, *во всякомъ случаѣ родственнѣе позднѣйшихъ думъ*". (Ягичъ, 225). Впервые о думахъ упоминается въ анналахъ Сарницкаго, подъ 1506 г., гдѣ сообщается, что на Руси пѣлись элегіи въ память двухъ храбрыхъ братьевъ Струсовъ, павшихъ въ битвахъ съ валахами (quas *dumas* Russi vocant).

[1]) Опытъ рус. исторіографіи, I, 77.

[2]) Лавр. лѣт., 198.

[3]) Соловьевъ, III, 107; Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ, 40—41. Послѣдній прибавляетъ: „Въ первоначальной лѣтописи мы не видимъ такихъ ясныхъ свидѣтельствъ прямого записыванія изъ пѣсенъ и потому не можемъ навѣрное рѣшить, какъ зашли въ нее преданія: изъ пѣсенъ, изъ прозаическаго словеснаго пересказа или изъ писанныхъ источниковъ. Можетъ быть и то, и другое, и третье".

Петрей передаетъ разсказъ русскихъ о чудномъ конѣ Владиміра Мономаха, происходившаго отъ знаменитаго Буцефала (А. Веселовскій, Мелкія замѣтки, Ж. М. Н. Пр. 1885, № 12, с. 190—191). Объ историческихъ событіяхъ (лѣтописныхъ), сохранившихся въ народной памяти (Кіев. Стар. 1884, III, 87—96). Преданія о Бонякѣ собраны въ статьяхъ Вагилевича (Bibl. Ossolinskich 1843, t. VI, p 151 sq., 1844, t XI, 181 sq.; ср. Вѣнокъ Русинамъ 1847, II, p. 165. Отчетъ о 19 присужд. наградъ гр. Уварова, замѣч. А. А. Котляревскаго, 181). Мнѣнія о степени подлинности этихъ преданій (Ждановъ, Рус. былев. эпосъ, 145, примѣч.).

падной исторіи не были чужды русской лѣтописи [1]); а выдающіяся явленія русской жизни отражаются въ записяхъ западныхъ лѣтописцевъ и современниковъ [2]). Въ германскомъ эпосѣ были извѣстны нѣкоторыя черты русскихъ героическихъ сказаній (Илья „русскій"—Муромецъ упоминается въ германской сагѣ XIII в.). Такъ, указываютъ на связь Ильи Муромца съ „Ilias af Greca" (западные лѣтописцы называли иногда Русь Греціей, напр. Адамъ Бременскій) или von Riuzen въ сагѣ о Дитрихѣ Бернскомъ, относимой къ XIII в., написанной на скандинавскомъ, старошведскомъ языкѣ и составленной по разсказамъ нѣмецкихъ людей, а отчасти даже по ихъ пѣснямъ. Въ ней разсказывается о войнѣ короля Вилькина (отсюда Вилькинова сага) съ Польшей и Русью, упоминаются города Смоленскъ, Кіевъ, Полоцкъ и Holmgard (Новгородъ), государь, русской земли Valldimar и братъ его Илія, ярлъ (графъ или князь) греческой земли [3]). Въ древне-русской письменности извѣстны сказанія объ эпическихъ германскихъ герояхъ: такъ, лѣтопись упоминаетъ „поганаго, злаго Дидриха" [4]), подъ которымъ надо разумѣть Дитриха Берн-

[1]) Лавр. лѣт., 193 (годъ 1079).

[2]) Въ старой нѣмецкой пѣснѣ (Annolied) говорится о дарахъ, принесенныхъ Генриху IV, въ числѣ другихъ странъ, изъ Россіи. По разсказу Іордана, который былъ вице-министромъ францисканцевъ въ Чехіи, современника татарскаго нашествія, татарами были убиты въ Россіи въ 1244 г. 72 князя (et in Russia septuaginta et duos principes pertransierunt (Erben, Regesta, 485),—извѣстіе, заимствованное у Матѳея Парижскаго (Hist. Angliae Additam), но любопытное при сопоставленіи его съ 70-ю богатырями, убитыми на Калкѣ (Дашкевичъ, 16). Матѳей Парижскій получилъ это извѣстіе черезъ Петра, епископа галичскаго, изгнаннаго изъ Россіи (см. Филаретъ, Обз. рус. дух. литер., 62—64). На Западѣ вѣсть о первомъ нашествіи татаръ быстро распространилась и произвела глубокое впечатлѣніе (Куникъ, Уч. Зап. Ак. Наукъ по 1-му и 3-му отд., II, 760).

[3]) Ягичъ, 216—221. Разсказъ Мартина Галла о походѣ Болеслава польскаго на Русь изъ-за Святополка, какъ полагаютъ нѣкоторые, основанъ на эпической пѣснѣ, и о ней же сообщается въ Эймундовой сагѣ (М. Довнаръ-Запольскій, Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII вѣка, К. 1891, стр. 73—74).

[4]) Новгородская 1-ая (Синодальн.) лѣт., подъ 1204 годомъ, въ пов. о взятіи Константинополя латинами читаемъ: „Се же имена воеводамъ ихъ (латинянъ): 1) Маркосъ *отъ Рима, въ градѣ Берне, идѣ же бѣжалъ* поганый злый *Дедрикъ*" (стр. 187). Слѣдоват. воспоминаніе о немъ перешло черезъ „повѣсть" не русскаго, а византійскаго происхожденія (ср. стр. 180, примѣч.). А въ записи какого-то Терешицы въ Псалтири Арханг. семин. упоминается о конѣ Редрика, нѣмецкаго богатыря (см. А. Веселовскій, Мелкія замѣтки къ былинамъ, Ж. М. Н. Пр. 1896. № 8, стр. 250—254).

скаго, героя нѣмецкихъ средневѣковыхъ поэмъ [1]). Въ былинахъ о Волхѣ Всеславичѣ нѣкоторые видятъ отголоски сказаній объ Александрѣ [2]); въ разсказѣ о бѣлгородскомъ киселѣ (977 г. [3])—отраженіе мудраго поступка Соломона, упоминаемаго въ сказаніи о Китоврасѣ [4]); въ преданіи о мести Ольги (птицы)—мотивы, извѣстные и въ западной, и въ восточной письменности и т. п. [5]). Не смотря на все болѣе усиливающую аскетическую стихію, эта литература, подобно литературѣ кельтійскихъ бардовъ [6]), сохранилась въ своей неприкосновенности.

Нѣкоторые памятники древнѣйшей славянской письменности, по перенесеніи ихъ на русскую почву, удержали образцы стихотворнаго размѣра, который такъ любили греки византійской эпохи, какъ свѣтскія, такъ и духовныя лица, въ числѣ которыхъ встрѣчаются имена Григорія Богослова и Ѳеодора Студита. Размѣръ, которымъ воспользовались церковно-славянскіе писатели, былъ употребителенъ у современныхъ имъ грековъ,—это искаженный шестистопный ямбъ, сводившійся къ 12-ти тождественнымъ между собою слогамъ. Образцы подобныхъ стихотвореній имѣютъ мѣсто въ „Похвалѣ царю Симеону“ (имя котораго замѣнено именемъ вел. кн. Святослава), находящейся въ Сборникѣ 1073 г., и въ „Прологѣ“ Константина Болгарскаго, особенность котораго, въ сравненіи съ предыдущею, составляетъ употребленіе акростиха (соблюдающаго порядокъ азбуки). Памятники эти дошли въ русскихъ спискахъ к. XI—начала XIII вѣковъ, а подражаніе имъ, не отличающееся впрочемъ строгою выдержанностію, встрѣчается въ русскихъ памятникахъ (молитвахъ) съ к. XV вѣка [7]). Какъ извѣстно, южно-русскій лѣтописецъ не пренебрегаетъ авторитетомъ Гомера (Омира), хотя и не точно ссылается на него [8]).

---

[1]) Пыпинъ, Ист. рус. лите-ры, I, 55, 165.

[2]) В. Ѳ. Миллеръ (Ж. М. Н. Пр. 1877, № 10, стр. 126; 1878, № 12, с. 261)

[3]) Лавр. лѣт., 125–126.

[4]) Опис. рук. Румянц. муз., 728.

[5]) Сводъ извѣстій (о птицахъ) въ разныхъ произведеніяхъ см. у Васильевскаго (Ж. М. Н. Пр. 1875, № 2, с. 403—404). Параллелизмъ отмѣчалъ уже Каченовскій. Карамзинъ видѣлъ въ нихъ только народную сказку. Другіе (А. А. Шахматовъ) считаютъ ихъ вставкой болѣе поздняго свода.

[6]) E. Renan, Essais de morale et de critique, P. 1859, p. 375 и д.

[7]) Церковно-славянскія стихотворенія к. IX—нач. X вв. Проф. А. И. Соболевскаго (Библіографъ 1892 г.).

[8]) Ипат. лѣт., подъ 1233 г.: „О лесть зла есть! якоже Омиръ пишеть до обличенья сладка есть, обличѣна же зла есть, кто въ нѣй ходить, конѣць золъ прииметь; злѣе зла зло есть“! (стр. 513) — словъ этихъ нѣтъ ни въ Иліадѣ, ни въ Одиссеѣ (ср. Пыпинъ, Очеркъ литерат. исторіи повѣстей, 50—51). Грекъ Ѳеодо-

XIV.

Слово о полку Игоревѣ свидѣтельствуетъ о разноплеменномъ составѣ, какимъ отличался Кіевъ въ то время, благодаря своимъ политическимъ отношеніямъ и брачнымъ связямъ князей (см. выше стр. 160—161 [1]). Религіозное отчужденіе еще не пустило глубокихъ корней и потому сношенія были болѣе часты и менѣе требовательны (см. 136—137, 160). Если религіозныя связи кіев. Руси съ юж. славянами отличались бо́льшимъ согласіемъ [2]), то, при извѣстныхъ политическихъ условіяхъ, русскіе не чуждались близкихъ отношеній и съ западными славянами. Борисъ читалъ ж. Вячеслава чешскаго [3]), свв. Вячеславъ и Людмила чествовались въ Россіи [4]) и еще въ XII—XIII в. существовали постоянныя религіозныя сношенія между Россіей и Чехіей [5]). О Польшѣ мы упоминали выше (см. с. 160 прим.). При брачныхъ связяхъ князей съ инородческими княжнами, подобная терпимость получала также болѣе широкое примѣненіе [6]).

сій, въ предисл. къ переводу соч. папы Льва (см. выше, с. 230), заявляетъ, что онъ не учился „Омирскимъ и риторскимъ книгамъ"; но это, быть можетъ, обычное монашеское смиренномудріе (Чт. въ Общ. ист. 1848, № 7, с. xvi).

[1]) Лавр. лѣт., 306, 310, 312, 348 (поляки); 260, 310, 312, 315 (угры); 198, 308 (нѣмцы). О большихъ пирахъ князей съ участіемъ иноземцевъ (Погодинъ, VI, 72, 137, 138). Въ періодъ отъ Ярослава до татаръ изъ 10 королей польскихъ только трое были женаты не на рускихъ княжнахъ, не говоря о князьяхъ удѣльныхъ (Погодинъ, V, 218).

[2]) Въ серб. Прологѣ XIII в. упоминаются Борисъ и Глѣбъ и благов. князь Мстиславъ (Уч. зап. Ак. Наукъ по II отд., II, 102—103; Опис. рук. Рум. муз., № 319), перешедшіе сюда изъ болгар. оригинала (Ягичъ, Ист. хорват. литер., 217). Въ болгарскомъ Синаксарѣ 1370 г. находимъ жизнеоп. Ольги, Бориса и Глѣба (Иречекъ, Ист. Болгаріи, 565). Легко объяснить, что такое событіе, какъ крещеніе болгаръ и русскихъ могло найти себѣ мѣсто въ серб. лѣтописи (Споменикъ, III, 124; П. А. Сырку, Крат. отчетъ о зан. за гран. въ 1893—94 г., Изв. Ак. Н. 1895, II, № 5, ccIV—ccV; Арх. Изв. 1895, № 7—8, с. 286—287). Серб. писатель Дометіанъ (XIII в.) восхваляетъ Неманю въ такихъ же выраженіяхъ, какъ Иларіонъ кн. Владиміра (Порфирьевъ, I, 368, по 4-му изд.). Появляются и статьи изъ рус. лѣтописи у южныхъ славянъ (см. выше, с. 209, прим.).

[3]) Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ (Іакова).

[4]) Зам. А. Д. Воронова (Чтен. въ Общ. Нестора, II, 24—26); Свв. Людмила и Вячеславъ, Н. И. Малышевскаго (Тр. Кіев. Д. акад. 1890, № 1); Срезневскій, 13, 76.

[5]) Славян. Сборн., I, 563—64; Первольфъ, III, 9—10.

[6]) Любопытно, что Святополкъ II нашелъ возможнымъ, послѣ битвы на рѣкѣ Трубежѣ (1096), взять тѣло убитаго „тестя своего и врага" Тугоркана въ Кіевъ и похоронить его на Берестовѣ, по пути къ монастырю (Лавр. л., 224). Изъ области отношеній къ половцамъ заслуживаетъ вниманія легенда о плѣнномъ половчинѣ (Памят. старин. литер., I, 71—85), сохранившая современныя черты быта, хотя въ позднемъ пересказѣ.

Позже, подъ вліяніемъ византійскихъ внушеній о латинахъ, началось болѣе сдержанное и даже презрительное отношеніе къ этимъ послѣднимъ, доходившее до того, что строгое благочестивое чувство гнушалось общей съ ними трапезы и сближенія, какъ впрочемъ случалось и относительно церковныхъ противниковъ на Западѣ [1]).

Религіозное чувство не оскорблялось вначалѣ такими памятниками гражданскаго искусства (с. 127—128), какіе впослѣдствіи не считались достойными его съ церковной точки зрѣнія. Титмаръ свидѣтельствуетъ о саркофагѣ Владиміра I, который стоялъ посреди церкви, возлѣ гробницы его супруги [2]); русскія лѣтописи упоминаютъ о мечахъ и стягахъ, которые ставились на могилахъ и гробницахъ князей въ церквахъ [3]); а лѣтописцы продолжаютъ отмѣчать событія языческой хронологіи [4]). Даже женскій элементъ встрѣчалъ себѣ сочувствіе не только въ средѣ дружинниковъ, какъ это видно изъ „Слова о полку Игоревѣ“ [5]), но и въ духовной средѣ: Θеодосій посѣщалъ знакомыхъ, не чуждался жены Яна, которую завѣщалъ похоронить рядомъ съ собою въ монастырѣ и братія выполнила его завѣтъ; мать Θеодосія, по принятіи монашества, могла навѣщать его [6]); а когда разболѣлся одинъ изъ братій—Пименъ, то рядомъ съ его келліей помѣстились его родители и слуги [7]). Аскетическая стихія стала брать верхъ позже и главнымъ образомъ подъ вліяніемъ все болѣе надвигавшихся опасностей.

XV.

Новыя вѣрованія несомнѣнно вліяютъ на древнія религіозныя понятія: они искажаются, замѣняются новыми представленіями, преслѣдуются и уничтожаются. Такъ, въ сборникѣ древней „Эдды“ былъ

[1]) Тьерри, Ист. завоев. Англіи норманнами, II, 66; Макарій, т. II, гл. 3-я.

[2]) Chronici lib. VII, cap. 52; Карамзинъ, I, примѣч. 488.

[3]) Въ Словѣ о полку Игоревѣ вспоминается: „бѣла хоруговь. сребряно оружіе (древко ея) храброму Святославичю“.

[4]) „Придоша половци на русскую землю на *русалной* недѣли“ и др. подобныя (Ипат. лѣт., гг. 1174, 1177, 1195, 1262): „на капунъ Ивана дня, на самая *купалья*“ (1262 и др.); ср. с. 120.

[5]) „Дѣвици поютъ на Дунаи“, плачъ Ярославны и т. п.

[6]) Житіе Θеодосія, Нестора (Уч. Зап. Ак. Наукъ, II, 140; Кіевскія сказанія, XIII).

[7]) Кіевскія сказанія, CLXXXI—CLXXXII. Θеодосій обличалъ современниковъ за то, что они считаютъ за дурное предзнаменованіе встрѣтить лысаго коня, свинью или монаха (Лавр. л. и сочин.), слѣдов. встрѣча съ монахомъ въ міру не считалась невозможною.

прибавленъ одинъ христіанскій гимнъ, а въ „Новой Эддѣ" подобныхъ вставокъ (евр. и христ. преданій) встрѣчается уже много. Вторженіе мусульманъ въ Персію, низвергнувъ парсскую религію, прервало потокъ національныхъ преданій. Духовенство содѣйствовало искаженію галльскихъ друидическихъ, валлійскихъ и ирландскихъ преданій, и тоже самое можно сказать о финскихъ и славянскихъ пѣсняхъ и преданіяхъ [1]). Дѣйствительно, рядомъ съ рекомендаціей, чтобы пѣлась „сладостная пѣснь „cyrie eleison" [2]), является запрещеніе свѣтскихъ пѣсенъ. На цѣломъ рядѣ соборовъ объявлялось запрещеніе мірскихъ пѣсенъ и празднествъ сначала духовенству, а затѣмъ и мірянамъ, у которыхъ существовалъ обычай сопровождать нѣкоторые установленные обряды мірскими пѣснями. Запрещенія эти касаются западныхъ народовъ [3]), славянъ [4]) и русскихъ въ частности. Мы знаемъ уже отношеніе Ѳеодосія печерскаго къ пѣснямъ на пирахъ Святослава [5]). Пѣсни эти

[1]) Бокль, I, 222—227. Но пѣсня падаетъ также вмѣстѣ съ утратой политической независимости (Стринтольмъ, I, 200). Подобно Карлу В., Альфредъ В. озаботился собраніемъ англо-саксонскихъ пѣсенъ и преданій (онъ и самъ умѣлъ пѣть), а съ именемъ Эдуарда I соединяется преслѣдованіе валлійскихъ бардовъ. Знаменитѣйшіе изъ нихъ погибли въ битвахъ и возмущеніяхъ, а пережившіе своихъ собратьевъ, лишенные покровительства и вынужденные скитаться изъ города въ городъ, были причислены англо-норманскими судьями къ разряду тунеядцевъ, не имѣющимъ права на пріѣздъ (Тьерри, III, 215—216; ср. Трайль, II, 236—240).

[2]) Пѣснь эта была общеупотребительною какъ на Западѣ, такъ и у славянъ и русскихъ (Gregorovius, II, 398; III, 269; Ж. М. Н. Пр. 1894, № 11, с. 140—141; Pertz, III, Script., 149, 755; Ягичъ, О славян. народной поэзіи, Славян. Ежегод. 1878, 149—152; Сказаніе Іакова о Борисѣ и Глѣбѣ, Лавр. лѣт., 236; Ипат. лѣт., 303, 533). Духовныя нѣмецкія пѣсни дѣлятся на куплеты и каждый куплетъ заканчивается тѣмъ же возгласомъ; поэтому и духовные стихи назывались leise (Hoffmann v. Fallersleben, Gesch. d. deutschen Kirchenliedes bis auf Luthers Zeit, 1854; Буслаевъ, Очерки, II, 75—76). Тотъ же возгласъ служилъ обыкновенно и военнымъ кличемъ.

[3]) Въ Германіи попытки эти дѣлались въ IX—X вв. Такъ, нѣкто Отфридъ (IX в.) составилъ евангелистарій въ стихахъ для пѣнія: „Когда звуки, говоритъ онъ, негодныхъ пѣсенъ достигали ушей нѣкоторыхъ извѣстныхъ мужей и святость ихъ тревожило безстыдное пѣніе, я написалъ часть Евангелія стихами, чтобы хотя немного пѣніе этихъ стиховъ заглушило звуки свѣтскихъ пѣсенъ". Безъ сомнѣнія тѣмъ же побужденіемъ,—устранить языческій элементъ, объясняется распоряженіе майнцскаго архіеп. 1486 г., запрещавшее переводить на нѣмецкій языкъ греческихъ и римскихъ писателей (Истор. Вѣстн., т. XXIII, 257—260). Ср. выше, с. 186—87.

[4]) Ягичъ, 153—166.

[5]) Въ распространенномъ текстѣ Татищева есть любопытное указаніе на свѣтскія пѣсни: „Пришелъ митр. Георгій изъ Царьграда и съ нимъ три человѣка съ роды своими демоственники, и учаху въ Руси пѣти на 8 голосовъ, отличиша церковное отъ мірскихъ пѣсенъ, употребляемыхъ ко увеселенію" (II, 114).

продолжались до тѣхъ поръ, пока монастырское начало жизни не изгнало ихъ совсѣмъ изъ княжескихъ дворцовъ и не сомкнуло уста ихъ творцовъ на вѣки, и намъ остался одинъ краснорѣчивый свидѣтель о погибшей безвозвратно не совсѣмъ бѣдной пѣснотворческой литературѣ, одно „Слово“ отъ множества другихъ подобныхъ старыхъ словесъ [1]). Запрещенія мірскихъ пѣсенъ проходятъ красною нитью до Стоглаваго собора включительно, который подводитъ подъ общее осужденіе „бѣсовскія пѣсни, плясаніе и богомерзкія дѣла“ (глава 24), и отъ времени до времени повторяются потомъ, а въ одномъ сборникѣ к. XVII вѣка сообщается любопытный разсказъ о томъ, какъ были наказаны „дѣвицы“, собравшіяся на игрища близъ Чернигова: онѣ не послушали увѣщаній св. Георгія и въ тотъ же часъ окаменѣли и еще теперь на одномъ полѣ видны стоящіе какъ бы окаменѣвшіе люди, въ поученіе грѣшнымъ, чтобы они не дѣлали такъ, а иначе будутъ осуждены на муки вѣчныя [2]).

XVI.

Въ печальныхъ выраженіяхъ повѣствуетъ англо-саксонская хроника о насиліяхъ и притѣсненіяхъ со стороны норманновъ (гг. 1103, 1105, 1110 [3]). Въ связи съ подобными фактами является стремленіе найти утѣшеніе въ прошедшемъ, проявленіе чудесъ, которымъ легко вѣрило напуганное воображеніе [4]). Страданія утомляли духъ и повидимому усиливали суевѣрныя стремленія вѣка и народа... Тѣ же лѣтописцы разсказываютъ о грозныхъ видѣніяхъ и таинственныхъ звукахъ, которыхъ видѣли и слышали люди, вполнѣ заслуживавшіе довѣрія [5]). Нападеніямъ половцевъ на Кіевскую область въ 1093—1096 гг. пред-

---

[1]) И. Забѣлинъ, Замѣтка объ одномъ темномъ мѣстѣ въ Словѣ о полку Игоревомъ (Арх. Изв. 1894, № 10, с. 300). Максимовичъ „Слово о полку Игоревѣ“ называетъ лебединою пѣснью древней Руси (Сочин., III, 563).

[2]) Буслаевъ, Очерки, II, 14. Ср. замѣчаніе, почему на Западѣ имѣли мѣсто національный героическій эпосъ, рыцарскій романъ и веселыя фабулы, а у насъ точно все застыло; въ то время, какъ тамъ прогрессировала умственная жизнь, у насъ грамота служила лишь для безконечнаго варьированья свято-отеческихъ отрывковъ и однообразныхъ разсказовъ патериковъ и сборниковъ (А. И. Кирпичниковъ, Пушкинскій періодъ литературы, Ист. Вѣст. 1898, № 12, стр. 1021).

[3]) Chron. saxon., ed. Gibson, pp. 212, 213, 216, 220 (Тьерри, II, 152, примѣч.).

[4]) „Воздухъ былъ наполненъ суевѣріями“ (Froude, I, 308; ср. 310, 313).

[5]) Chron. saxon., 232 (тамъ же, 68, 159—160).

шествовали знаменія въ солнцѣ, спаденіе змѣя съ небесъ, землетрясенія и т. п., а бѣдствія, причиненныя ими, заставили лѣтописца припомнить сказаніе Меѳодія Патарскаго о людяхъ, заклепанныхъ Александромъ Македонскимъ въ горахъ, которые выйдутъ оттуда передъ кончиною міра [1]).

Совершенно также объясняетъ другой лѣтописецъ появленіе татаръ [2]), которое сопровождалось опять необычайными явленіями. Но если половцы оставляли своими набѣгами такой глубокій слѣдъ на русскихъ областяхъ, что, по выраженію Святослава Ольговича черниговскаго, города у него запустѣли и жили въ нихъ только псари, да половцы, а, по словамъ Владиміра Глѣбовича переяславскаго, волость его опустѣла отъ половцевъ [3]); то эти послѣдніе все таки не были владѣтелями Русской земли. Появленіе татаръ произвело глубокое впечатлѣніе на всю Европу, какъ впослѣдствіи нашествіе турокъ и какъ произвело бы въ наше время нашествіе китайской орды, призракъ которой смущаетъ иногда Западную Европу. О появленіи татаръ говорятъ лѣтописи Австріи, Германіи и даже Англіи [4]), при чемъ онѣ выражаются почти дословно съ русскими лѣтописями [5]). Дальнѣйшія нападенія

[1]) Лавр. лѣт., 207—226. Мнѣніе это было извѣстно и на Западѣ (см. Kętrziński, Rozprawy 1897, сер. 2-я, IX, 207), и на Востокѣ (сказаніе киргизовъ о злыхъ духахъ, заключенныхъ Александромъ Мак., Археол. Изв. 1897, № 3, с. 93—94).

[2]) Ibid., 423—425, 477 (со ссылкою на того же Меѳодія Патарскаго).

[3]) Соловьевъ, III, 41; Ипат., 343; Лавр., 375.

[4]) Лѣтопись Нейбургская (Die Chronik von Kloster Neuburg, по монастырю этого имени въ Австріи); Цезарій Гейстербахскій, Матвѣй Парижскій и др. (О походѣ татаръ въ 1223 г., по Нейбургской лѣтописи, А. Куника, Уч. Зап. Им. Ак. Наукъ, II, 760).

[5]) Quaedam etiam gens anno praeterito intravit regna Ruthenorum et totam ibidem gentem Unam (половцы) delevit: de qua nobis non constat, quae sit, unde veniat, vel quo tendat" (Цезарій).

„Того же лѣта (1223) явишася языци, ихже никто же добре ясно не вѣсть, кто суть и отколѣ изидоша, и что языкъ ихъ; и зовуть я́ татары, а наши глаголють *Таурмены* (Веніаминъ Тудельскій турокъ называетъ также *тагорменами*, 30), а друзии печенизи, инии глаголють, якоже суть, о нихъ же Мефодій Патарскій епископъ свидѣтельствуетъ... Богъ же единъ вѣсть ихъ, кто суть и отколѣ изидоша, премудрии же мужи вѣдять я добрѣ, кто книгы разумно умѣеть; мы же ихъ не вѣмы кто суть, но сдѣ вписахомъ о нихъ памяти ради русскыхъ князей бѣды, яже бысть отъ нихъ" (Лавр. лѣт., 423—424). Первое время русскіе въ нападеніи татаръ на половцевъ готовы были видѣть возмездіе свыше, совершившееся надъ послѣдними за разоренія Русской земли („много бо зла сотвориша ти окаянни Половци Русской земли, того ради всемилостивый Богъ хотя погубити и наказати

на русскіе города (1237—40) только усиливали это впечатлѣніе [1]), а какъ они дѣйствовали на воображеніе жителей видно изъ того, что во Владимірѣ (на Клязьмѣ), въ моментъ нападенія татаръ (1238), княжеская семья, многіе вельможи и жители спѣшили постричься въ монахи [2]). Уже самое появленіе татаръ вызывало общій непонятный страхъ и люди разбѣгались въ разныя стороны [3]).

Въ нашей литературѣ существуетъ ясно выраженное мнѣніе, что татарское иго не имѣло того подавляющаго вліянія, которое позволяло бы говорить о немъ, какъ о главной причинѣ нравственнаго и умственнаго упадка страны въ этотъ періодъ [4]). Вполнѣ вѣрно, что монголы не претендовали на полное господство надъ Россіей; но господство ихъ не исключаетъ вмѣшательства областныхъ начальниковъ (баскаковъ [5]), нерѣдко весьма тяжелаго, какъ въ южной, такъ и въ сѣверной Руси; посягательства на матеріальныя средства жителей; неожиданныхъ вторженій, о которыхъ свидѣтельствуютъ лѣтописи, обыкновенно связанныхъ съ выводомъ плѣнныхъ, разрушеніемъ и пожарами городовъ, избіеніемъ населенія и т. п. Понятно, что эти явленія не обезпечивали прочнаго существованія населенію и отража-

безбожныя сыны Измаиловы, Куманы, яко да отмстятъ кровь хрестьяньску, еже и бысть надъ ними беззаконными" (Лавр. лѣт., 424; ср. 226).

1) Лавр., 437—447.

2) Карамзинъ, III, примѣч. 364, по Новгород. лѣтописи. Тверск. лѣт. (П. С. Р. Л., XV, 368—369) и Троиц. лѣт. (Ростов.): „Бысть наутріе увидѣвши князь Всеволодъ и владыка Митрофанъ, яко уже взяту быти граду, и внидоша въ церковь въ св. Богородицю и *остригошася вси* въ ангельскій образъ отъ владыки Митрофана" (П. С. Р. Л., I, 223: Лавр., изд. 2-ое, 490). Къ принятію монашества побуждалъ ихъ самъ еп. Митрофанъ (Ипат. лѣт., 519).

3) Подъ 1239 г въ Ростов. лѣт. читаемъ: „Того же лѣта взяша Татарове Черниговъ. Того же лѣта взяша Мордовскую землю, Муромъ, по Клязьмѣ повоеваша, городъ святѣй Богородици (Владиміръ) взята. *Того же лѣта бысть полохъ золъ по всей земли, не вѣдяху и сами кто гдѣ бѣжитъ*" (495).

4) Соловьевъ, IV, 345; Макарій, V, 257 258; Голубинскій, I, 585—595: „Монголы, одинъ разъ опустошительнымъ образомъ прошедъ по Россіи, сѣли потомъ въ сторонѣ и нисколько не вмѣшивались въ наши внутреннія дѣла"... и т. д. Пыпинъ значительно усиливаетъ вліянія татарскаго нашествія и его послѣдствія (Ист. литер., I, 179 - 182, 199 и д.).

5) Хотя бы и съ ограниченіемъ относительно ихъ власти (Соловьевъ, IV, 178, 246). О необходимости согласія хана и присутствія его чиновниковъ при земельныхъ передѣлахъ и наслѣдованіи (Ипат. лѣт., 611). „Тогда бо бяхуть вси князи Русции в воли татарьской" (Ипат. л., 575, 585). Они обязаны были идти на помощь татарамъ въ ихъ набѣгахъ на польскія и литовскія земли (ib. 560, 581). По словамъ же Пахимера всѣ подвластные татарамъ народы: аланы, зихи, готы, русскіе принимали языкъ, одежду и обычаи татарскіе (I, pag. 345, B).

лись подавляющимъ образомъ на умахъ современниковъ. Если принять общую цифру опустошеній, при чемъ на долю татаръ придутся наиболѣе крупныя [1]), то легко понять все значеніе этихъ послѣднихъ. Подобныя явленія, какъ и вообще бѣдствія, часто посѣщавшія тогда русскія области, возбуждали мистическое настроеніе, выразившееся, между прочимъ, въ развитіи монашества [2]) и умноженіи монастырей: съ XI до XIII стол. ихъ насчитываютъ до 90, а въ XIV стол. вновь возникло 80 [3]).

Точно такъ же есть два противорѣчивыя мнѣнія о запустѣніи Кіевской области и вообще южной Руси послѣ татарскаго нашествія, въ связи съ которымъ ставятъ и вопросъ объ извѣстныхъ этнографическихъ отношеніяхъ, поднятый Срезневскимъ, П. Лавровскимъ (съ филологической точки зрѣнія) и Погодинымъ (съ исторической) и вызвавшій въ свое время полемику (Максимовичъ, Котляревскій). И въ настоящее время одни не придаютъ особеннаго значенія опустошеніямъ, нанесеннымъ Кіеву и его области татарами [4]), а другія видятъ въ этихъ опустошеніяхъ (XIII—XV вв.)—фактъ, повліявшій не только на положеніе Кіевской области, но и коренныъ образомъ измѣнившій составъ населенія: вмѣсто разбитаго и разогнаннаго населенія, имѣвшаго говоръ, общій съ великорусскимъ, явились колонисты изъ Подоліи, Волыни и Галича, ассимилировавшіе остатки стараго кіевскаго населенія и положившіе основаніе въ этомъ краѣ малорусскому языку [5]).

---

[1]) Соловьевъ, IV, 236, 244—245.

[2]) Явленіе, отмѣченное кн. М. М. Щербатовымъ (Рос. исторія, II, 574).

[3]) Макарій, IV, 209, 210; Правос. Соб. 1860, III, 204.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ бѣдствія (моръ и т. п.) прямо соединяются съ принятіемъ монашества, какъ ихъ слѣдствіемъ (Никон., III, 196; Новгор. 4-ая, 60: 2-ая Псков., 18, 23; Акты истор., I, 59; Ист. рос. іерар., IV, 152). Ср. Невольное постриженіе въ монашество, Н. Аристова (Др. и Нов. Рос. 1878, №№ 5—9).

[4]) В. Б. Антоновичъ, Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV—XVI стол. (Кіев. Стар. 1882, I и Монографіи, I): М. С. Грушевскій (Очеркъ исторіи Кіевской земли, глава VI-я). Громадьскій рухъ на Вкраіні-Руси въ XIII віці (Зап. тов. им. Шевч., 1892, I, 1—28).

[5]) Къ вопросу объ историческихъ судьбахъ Кіева, А. И. Соболевскаго (Унив. Изв. 1885, № 8, стр. 281—291); Очерки изъ исторіи русскаго языка, К. 1884; Лекціи по исторіи рус. языка, 199 и д.; Чт. Общ. Нестора лѣт., II, 215—216. Возраженія Ягича (Четыре критико-палеографич. статьи, 1887; Критич. замѣтки по ист. рус. языка, 1889); другіе въ Чт. Общ. Нест. (ibid.): отвѣтъ А. И. С—го (Ж. М. Н. Пр., 1885, II). Позднѣйшая полемика (Филологія и Погод. гипотеза, Н. А. Крымскаго, Кіев Стар. 1898, №№ 6, 9; 1899, №№ 1, 5, 9, выводы, стр. 298—307). Ср. еще: А. А. Шахматовъ, Къ вопросу объ образ. рус. нарѣчій и рус. народности (Ж. М. Н. Пр.

Не касаясь послѣдняго вопроса, какъ не имѣющаго ближайшаго отношенія къ нашему предмету, мы дожны однако сказать, что фактъ о послѣдовательномъ запустѣніи Кіева и его окрестностей едва ли можетъ быть оспариваемъ. Если не принимать во вниманіе свидѣтельствъ ближайшаго времени (напр. Лавр. лѣт., XIV в. [1]) и позднѣйшихъ сводовъ (Воскресен., Соф. и др. подъ 1416, 1483 гг.), то необходимо быть послѣдовательнымъ и не принимать ихъ во вниманіе во всѣхъ другихъ случаяхъ, чтó мы не всегда видимъ у изслѣдователей, а въ настоящее время и самое отношеніе къ позднѣйшимъ сводамъ не представляется въ такомъ отрицательномъ видѣ, какъ это было раньше.

Для насъ вопросъ о запустѣніи Кіева имѣетъ другой интересъ, а именно, насколько этотъ фактъ повліялъ на сохраненіе письменныхъ памятниковъ. Еще въ 1237 г. былъ взятъ („въ силѣ тяжцѣ“) и выжженъ Черниговъ [2]). Въ 1240 г. Батый взялъ Кіевъ, при чемъ была совершенно разрушена Десятинная церковь [3]), пограблены Софійскій соборъ и всѣ монастыри, а люди перебиты („отъ мала до велика вся“ [4]). По поводу этого разоренія сказаніе о св. Михаилѣ черниговскомъ сообщаетъ, что при нашествіи татаръ многіе жители бѣжали другіе скрывались въ горахъ, лѣсахъ и пещерахъ, а иные затворялись въ городахъ и были избиваемы татарами [5]). И Плано-Карпини, проѣзжавшій по Волынской и Кіевской землѣ спустя 15 лѣтъ послѣ этого разоренія, свидѣтельствуетъ о множествѣ костей и череповъ, встрѣ-

1899, № 4; замѣч. Е. Θ. Будде и отвѣтъ послѣднему, тамъ же. № 9). Авторъ говоритъ: „Говоръ князей и дружины имѣлъ, несомнѣнно, общерусскій характеръ благодаря ихъ постояннымъ передвиженіямъ“ (стр. 345). „Словарный составъ нашихъ кіевскихъ лѣтописей также доказываетъ смѣшанный характеръ кіевскаго говора“ (тамъ же). Что же касается количества населенія, то этотъ вопросъ требуетъ значительной осторожности. Нѣк. соображенія см. Лешковъ (Русскій народъ и госуд., 200—202; 269—281): Погодинъ (VII. 174—186).

1) Лавр., с. 438.

2) Лавр. лѣт., 520.

3) Ипат. лѣт., 522—523. „Бѣ исполнена земля русская (т. е. Кіевская, преимущественно такъ называвшаяся) ратныхъ“—понятно, какъ они распоряжались. Подъ Кіевъ же Батый пришелъ „*въ силѣ тяжцѣ многомъ множествомъ силы своей*. и окружи градъ и остаяше *сила татарьская*, и бысть градъ *въ обдержаньи велицѣ*... и не бѣ слышати отъ гласа скрипания *телѣгъ его*, *множества* ревения вельблудъ его и рьжания отъ гласа *стадъ конь его*“. Не думаемъ. чтобы это было только военная прогулка.

4) Лавр., 447; ср. 495.

5) Воскресен. лѣт., 153.

чавшихся ему по пути, прибавляя, что большая часть жителей была побита или отведена въ плѣнъ татарами [1]), и какъ бы ни ограничивать эти свидѣтельства (totam Russiam, въ сказаніи о Михаилѣ—„земля крестьянская“ [2]), мы впадемъ въ непозволительное для историка толкованіе текста, вполнѣ яснаго, иначе всѣ другія подобныя извѣстія о нападеніяхъ половцевъ и татаръ должны быть также отвергнуты. Постоянные отъѣзды м. Кирилла на сѣверъ, продолжительное пребываніе тамъ и кончина († 1250), а затѣмъ перенесеніе митрополичьей каѳедры во Владиміръ при м. Максимѣ, вызванное насиліями татаръ и запустѣніемъ Кіева [3]), свидѣтельствуютъ о печальномъ положеніи южной Руси въ этотъ періодъ. Объ этомъ говорятъ намъ и переселенія болѣе значительной части княжеской дружины на сѣверъ: такъ, въ к. XIII в. или въ нач. XIV в. (по свидѣтельству Родословной) кіевскій бояринъ Родіонъ Несторовичъ съ 1700 человѣкъ дружины выѣхалъ изъ Кіева въ Москву, гдѣ онъ является (1304) начальникомъ войска [4]); изъ Чернигова перешелъ бояринъ Плещеевъ.

XVII.

По завоеваніи Кіева и его области татарами, они подчинены были власти суздальскихъ князей, но зависимость эта была номинальная. Притязанія Даніила галицкаго (ранѣе) на Кіевъ не осуществились, а сидѣвшіе въ Кіевѣ (въ XIV в.) князь Святославъ [5]), разбитый Гедиминомъ, и князь Ѳеодоръ, прогнанный въ 1362 г. Ольгердомъ [6]), по всей вѣроятности правили отъ имени татаръ. Послѣдній учинялъ даже набѣги вмѣстѣ съ баскакомъ, сидѣвшимъ въ Кіевѣ (1331), *на рус-*

---

[1]) Собр. путеш., изд. Языковымъ. 154.

[2]) Грушевскій. 431 - 437; 463—465.

[3]) Плано-Карпини (2-ой полов. XIII в.) насчитывалъ въ немъ не болѣе 200 домовъ (Соловьевъ, IV, 257; ср. 264).

Подъ 1300 г. въ лѣтописи читаемъ: „того же лѣта м. Максимъ, не терпя татарскаго *насилья*, оставя митрополію, *избѣжа* ис Кіева и *весь Кіевъ разбѣжалься*“ (Лавр., 461). Извѣстіе это подтверждается не менѣе опредѣленнымъ показаніемъ грамоты константиноп. патріарш. собора 1354 г. о разореніи Кіева, какъ причинѣ переселенія митрополита на сѣверъ (Рус. Историч. библ., VI, отд. 2-й, стр. 63—70).

[4]) Извлечено Карамзинымъ изъ Ростов. лѣт. XVII в. (IV, пр. 324). Ср. Максимовичъ (I, 136): Владимірскій-Будановъ (Насел. Ю. З. Россіи до полов. XV в., 40).

[5]) Литов. лѣт., изд. Нарбутомъ (Быховца), 15—17.

[6]) Новгор. лѣт. 1-ая. 76; 2-ое изд., 327: Густын. лѣт. (П. С. Р. Л., II, 350); Супр., 55; Авраамки (П. С. Р. Л., XVI, 68); 4-я Новгор., 52; Соф. 1-ая, 320: Воскрес. VII, 203; Никон., III, 205.

скихъ, по выраженію лѣтописи, *разбоемъ* [1]). Каневъ, вблизи Кіева, также, повидимому, находился во власти татаръ [2]). При этомъ необходимо принять во вниманіе свидѣтельства лѣтописи объ управленіи баскаковъ въ разныхъ городахъ, въ которыхъ они распоряжаются полными господами (отсюда въ народѣ сложилось представленіе: татаринъ—князь [3]); а наглядною иллюстраціей этихъ порядковъ могутъ служить дѣйствія курскаго баскака, описанныя въ лѣтописи (1282 г. [4]): онъ, какъ и другіе баскаки, содержалъ откупъ на ордынскія дани; строилъ слободы на чужихъ земляхъ и заселялъ ихъ бѣглецами, охотно являвшимися къ сильному человѣку; дѣлалъ такія насилія окрестнымъ жителямъ, что ханъ Телебуга велѣлъ ихъ разорить (тогда онъ отдался подъ власть Ногая); но онъ не унимался: собралъ добычу людьми, скотомъ и всякимъ богатствомъ, а плѣнниковъ заковывалъ въ „нѣмецкія желѣза" (подобныя орудія цивилизаціи легко усваиваются; иное дѣло условія быта и идеи). Бояръ и простыхъ людей онъ вѣшалъ и избивалъ; его путешествіе въ Орду на всѣхъ станахъ сопровождалось подобнымъ же избіеніемъ, а, отпуская странниковъ и иноземныхъ купцовъ, онъ приказывалъ имъ вездѣ разсказывать, что̀ бываетъ тому, кто станетъ спорить со своимъ баскакомъ. Еще въ XV в. (а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ XVI в.) въ юго-западной Руси (Подоліи и Волыни) удерживаются названія атамановъ и баскаковъ, завѣдывавшихъ нѣкогда управленіемъ и сборомъ дани [5]); а

[1]) Предположенія о его происхожденіи собраны въ трудѣ Грушевскаго (468—469).

[2]) Плано-Карпини. Впрочемъ см. Н. П. Дашкевичъ, Еще разыск. о Болоховѣ и Болоховцахъ (Унив. Изв. 1899, № 1, с. 52—55).

[3]) Соловьевъ, III, 182, 196, 201, 207, 218, 234.

[4]) Воскресен. лѣт., VII, 177; ср. Лавр. лѣт., 457. Лѣтопись замѣчаетъ (Воскрес.): „бѣже видити стыдно, и велми страшно руганіе отъ окаянныхъ православному христіанству" (177).

[5]) „Положени были на Подоли атоманы, которые всѣ доходы заведали, а къ нимъ пріѣжджали баскаки татарскіе и въ тыхъ атамановъ беручи дани, къ Орде вроживали" (Pomn. до dz. Litev., s. 19; Учен. Зап. Ак. Наукъ по 2-му отд., I, 44: Литов. лѣтопись). О баскакѣ въ Бакотѣ, Галиц. княж. (Ипат., 550), въ Понизьѣ (объ отношеніи Понизья XIII в. къ Подолью XIV в., Н. В. Молчановскій, Очеркъ ист. Подольск. земли, 148—153; Н. П. Дашкевичъ, Еще разыск. о Болоховѣ и Болоховцахъ, Унив. Изв. 1899, 1, с. 54, 60). Ср. И. А. Линниченко: Черты изъ исторіи сословій въ Ю. З. Руси XIV—XV вв., 166. Нѣк. города, чтобы пользоваться защитою, отдавались въ волю татаръ („городы, сидящія за татары", Ипат. л. 555). Болоховцевъ „оставили татарове да имъ орють пшеницю и проса", Ип. л., 526).

около Балты, въ с. Казавчинѣ, сохранились гробницы татарскихъ баскаковъ XIV в. съ надписями [1]). Но матеріальныя выгоды не могли не соблазнять татаръ: тотъ же Ахматъ оказывалъ покровительство торговлѣ и когда къ нему привели цареградскихъ и нѣмецкихъ купцовъ [2]), то онъ отпустилъ ихъ, давъ приведенный выше грозный совѣтъ. Точно такъ же, вмѣстѣ съ Плано-Карпини въ Кіевъ пріѣхали купцы изъ Бреславля, а потомъ приходило сюда много купцовъ изъ Польши, Австріи, Константинополя. Послѣдніе были итальянцы: генуэзцы, венеціане, пизанцы [3]).

Черноморская торговля производилась черезъ городъ Солдаю или Судакъ, въ Тавридѣ: сюда приставали всѣ купцы, шедшіе изъ Россіи на Востокъ и обратно. Рубруквисъ разсказываетъ о крытыхъ телѣгахъ, запряженныхъ волами, въ которыхъ русскіе купцы возили мѣха, и, по словамъ того же Рубруквиса, купцы изо всей Россіи пріѣзжали въ Крымъ за солью и съ каждой нагруженной телѣги давали татарамъ двѣ бумажныхъ ткани пошлины [4]). Черезъ Кіевъ проходили караваны съ „коштовными" (цѣнными) товарами изъ Москвы въ Турцію и Крымъ. Уже въ XV в. въ Кіевѣ существовала армянская колонія, члены которой владѣли домами и лавками въ городѣ и землями въ кіевскихъ повѣтахъ. Въ XV же вѣкѣ въ Кіевѣ имѣли торговый дворъ генуэзцы и проживали многочисленные торговцы турецкіе, татарскіе, московскіе, греческіе, молдавскіе и польскіе. Съ XIV стол. въ Кіевѣ находился и монетный дворъ: до насъ дошли монеты кіевскаго чекана, носящія имена князей: Владиміра Ольгердовича, Витовта и Казимира. Полагаютъ, что онѣ чеканились по образцу генуэзскихъ монетъ г. Кафы и очевидно возникли вслѣдствіе потребности облегчить торговыя сношенія съ Крымомъ:

[1]) Ист. Вѣстн. 1890, т. XLII, № 12, с. 784.

По всей вѣроятности отсюда ведутъ начало паны Аксаки въ Браилав. староствѣ (Арх. Зап. Россіи, VII, ч. I, 433).

[2]) Прибавка въ Никон. лѣт. Тексты сведены у Карамзина (IV, прим. 167: ср. Соловьевъ, III, 267).

[3]) Соловьевъ, III, 48; IV, 257—258; ср. 264.

[4]) Ibid., 258. „Чумакъ", столь извѣстный по своей профессіи въ южной Руси,— носитъ татарское названіе (Смирновъ, Исторія Крыма, 556).

Еще въ нач. XV в. Качи-бей или Хаджи-бей, нынѣшняя Одесса, была извѣстна какъ гавань, принадлежавшая къ литовско-русскимъ владѣніямъ: изъ нея въ 1415 г. Ягайло отправлялъ подольскую пшеницу въ Конст-ль (Wapowski, Dz. Kor. pol., I, 376; Соловьевъ, IV, примѣч. 416).

нѣкоторыя изъ нихъ носятъ на лицевой сторонѣ изображенія и надписи христіанскія, на оборотѣ же тамги и надписи татарскія [1]). Судя по находкамъ, въ краѣ обращались монеты чешскія (пражскіе гроши XIV в.), золотоордынскія (XIV в.), генуэзскія, литовскія, новгородскія гривны и галицко-польскіе денары [2]).

XVIII.

Татарское господство, однако, какъ и вездѣ, до конца оставалось грабительскимъ, какъ потомъ турецкое, какъ бы ни идеализировали его защитники чистоты славянской расы [3]). Такъ, въ к. XIV вѣка, татары, подъ начальствомъ Темиръ-Кутлука разорили Кіевскую и Волынскую земли, а съ Кіева взяли окупъ въ 3000 р. (при чемъ съ Печерскаго монастыря было взято особо 30 руб.) и посадили въ немъ намѣстниковъ [4]); въ 1416 г. Кіевъ былъ взятъ и разграбленъ татарами подъ предводительствомъ Едигея [5]) и тогда же были опустошены Кіевщина и Волынь, а въ 1483 г. совершилось разореніе Кіева и Кіевской области—Менгли-Гиреемъ [6]). Положеніе южной Руси при

[1]) Кіевъ съ XIV—XVI стол., В. Б. Антоновича (Кіев. Стар. 1882, I, 36—38; Моногр., т. I). Въ договорѣ твер. князя Бориса Александровича (1427) съ Витовтомъ говорится о тверскихъ купцахъ, посѣщающихъ Кіевъ (Ак. З. Рос., I, № 33; ср. № 51; Срезневскій, Свѣдѣнія о малоизвѣстн. памятн., I, № LIV).

[2]) Грушевскій, 501—505; Бѣляшевскій (Монетные клады, loc. tit.)

[3]) Въ періодъ монгольскаго владычества, въ XIV и XV вв., отмѣчаютъ отсутствіе усовершенствованія промышленныхъ производствъ, а въ отношеніи одежды, украшеній и построекъ можно установить даже фактъ нѣкотораго пониженія, чтó заставило вновь обратиться къ первоначальному источнику культуры—Византіи. Въ приходѣ заграничныхъ мастеровъ для кладки самыхъ обыкновенныхъ каменныхъ церквей въ этомъ періодѣ слѣдуетъ видѣть такой же упадокъ мастерства и ремеслъ (Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, Древности, V, 2—3). Между тѣмъ, по словамъ черноризца Іакова, рака, для мощей Бориса и Глѣба, лампады и подсвѣчники, сооруж. Владиміромъ Мон., отличалась такимъ изяществомъ, что приходившіе въ Россію греки и др. иноземцы утверждали, что они нигдѣ не видѣли „такой красоты“ (Чтен. въ Общ. ист. 1870, I, 14). Для этой работы въ дѣло были употреблены золото, серебро и хрусталь.

[4]) Рус.-литов. лѣт., изд. Поповымъ, 38—42; 1-ая Новгор., 101; Густын., 352, Никон., IV, 279—283; Воскрес., 72—73; Соф., 420; Авраамки, 145; 4-ая Новгор., 104: разница въ цифрѣ окупа. Кромеръ, Бѣльскій и Стрыйковскій - 1000 червонц. (Грушевскій, 501—502).

[5]) Густын. лѣт. (П. С. Р. Л., II, 353 354).

[6]) „Землю учини пусту Кіевскую... и градъ Кіевъ взя и огнемъ пожже“. (П. С. Р. Л., VIII, 215; Никон., VI, 118). Изъ документовъ видно, что еще до нашествія

татарахъ облегчило подчиненіе ея Литвѣ, а этой послѣдней— Польшѣ. Митр. Іосифъ, заставшій нашествіе Батыя, погибъ безъ вѣсти [1]); а преемники его утверждаютъ свой престолъ на сѣверѣ, хотя и наѣзжали сюда. Нѣкоторыя епископскіе столы (Бѣлгородъ, Юрьевъ) болѣе не возобновлялись. Отъ времени до времени являются особые митрополиты на югѣ Россіи, пока въ 1448 г. не послѣдовало окончательное раздѣленіе митрополіи, вслѣдъ за политическимъ подчиненіемъ южно-русскихъ земель Литвѣ: но, хотя западнорускіе митрополиты назывались кіевскими, съ начала раздѣленія митрополіи до уніи они жили не въ Кіевѣ, а въ Вильнѣ и др. [2]). Съ правленіемъ же литовскихъ князей въ Кіевѣ связано возстановленіе его святынь [3]). Всѣ эти перипетіи отражались на состояніи Кіева и его церквей. Когда Едигей взялъ этотъ городъ, то онъ сжегъ Печерскій монастырь и сравнялъ его съ землей, „и съ тѣхъ поръ, говоритъ лѣтописецъ, Кіевъ погубилъ красоту свою и даже доселѣ не можетъ быть таковъ, какъ былъ" [4]). Менгли-Гирей, взявъ городъ, снова опустошилъ его, сжегъ Печерскій монастырь, ограбилъ сокровища города и, захвативъ дискосъ и потиръ въ Софійскомъ соборѣ, вылитые изъ золота, отослалъ ихъ въ Москву, въ знакъ дружбы къ Ивану III [5]).

XIX.

Печальныя событія, должны были конечно, отразится на состояніи такихъ монастырей, какъ Печерскій и Михайловскій въ Кіевѣ: общежитіе здѣсь нарушалось, грамоты, обезпечивавшія ихъ права, оказались потерянными, а другіе монастыри совсѣмъ прекратили свое существованіе [6]). Но опасность надвигалась съ другой стороны.

Менгли-Гирея въ 1483 г. нѣкоторыя мѣстности областей Кіевской и Переяславской были уже пустынны и почти лишены населенія (А. В. Стороженко, Очерки Переяславской старины, К. 1900, сс. 73—74).

[1]) Макарій, IV, 2.

[2]) Чистовичъ, Очерки ист. западно-русской церкви, I, 121, 135; II, 151.

[3]) Макарій, IX, 28—29.

[4]) Густын. лѣт. (П. С. Р. Л., II), 364. По другимъ извѣстіямъ, онъ ограбилъ и сжегъ всѣ тамошнія церкви и увелъ въ плѣнъ нѣсколько тысячъ жителей (Карамзинъ, V, 120).

[5]) Никон. лѣт., V, 118; Синопсисъ; Карамзинъ, VI, 107, прим. 268.

[6]) Макарій, IX, 273—280, 289—290, 348—350, 393, 457, 467, 605.

Еще въ первой четверти XVII стол. уніатскому духовенству удалось захватить Софійскій соборъ, Выдубецкій и Михайловскій мон. (хотя номинально) и заявить притязанія на Печерскую лавру [1]). Въ 1651 г. занятіе Кіева поляками сопровождалось пожаромъ, истребившимъ множество храмовъ и домовъ [2]). Понятно, какъ всѣ эти условія должны были отражаться на состояніе письменности. Борьба съ татарами, литовцами и поляками, нерѣдко сопровождавшаяся грабежами и пожарами, имѣла слѣдствіемъ уничтоженіе почти всѣхъ древнѣйшихъ памятниковъ западной и отчасти юго-западной Россіи [3]). И уже въ описи имущества Печерскаго мон., составленной въ 1554 г., послѣ исчисленія богослужебныхъ книгъ, отмѣчено только: „и опрычъ тыхъ вышей описанныхъ книгъ и иныхъ къ тому книгъ посполитыхъ (гражданскихъ) полтретядцать“ [4]). Бопланъ (1640), говоря о малолюдствѣ и ничтожествѣ Кіева, прибавляетъ, что безпрерывныя войны, опустошая Украину, не пощадили книгохранилищъ и предали ихъ въ жертву пламени [5]). При всемъ томъ, въ Печерскомъ мон. все еще находилась замѣчательная библіотека и цѣнныя книги (1653 [6]). Въ пожарѣ 1697 г. погибъ архивъ Кіевской митрополіи [7]), а въ 1760 г., на запросъ Академіи наукъ о достопримѣчательностяхъ Кіева, губернская канцелярія отвѣчала, что послѣ большого пожара, бывшаго въ 1718 г., никакихъ извѣстій и лѣтописцевъ не прислано ей [8]). Пожары 1780 и 1811 гг. уничтожили замѣчательную библіотеку Кіевской дух. акад. [9]). Впрочемъ,

---

[1]) Ibid., X. 252, 317, 325, 390, 467 469, 478, 498. Въ 1630 г. волынскіе дворяне заявляли, что въ числѣ прочихъ мон-рей и Пустынно-Николаевскій не избѣгъ общей участи: онъ былъ ограбленъ уніатами, а книги выброшены въ Днѣпръ и т. п. (Арх. Ю. З. Рос. ч. I, т. II, 154).

[2]) Сборникъ матеріаловъ о Кіевѣ, изд. Арх. ком., 98.

[3]) Русско-ливон. акты, Спб. 1868, предисловіе, с. IV.

[4]) П. Л., Кіево-Печер. лавра въ ея прошедшемъ и наст. состояніи, К. 1886, с. 52. Въ той же 2-й полов. XVI в. даже ж. Антонія въ Печерскомъ мон. не оказалось (Опис. сборн. Имп. пуб. библ., I, 143—144) и утрату его приписывали (въ XVII в.) войнамъ (Ж. М. Н. Пр. 1898, № 3, стр. 106).

[5]) Сборн. матерьял., изд. Арх. Ком. К. 1874, стр. 46.

[6]) Сборн. матерьял. (Павелъ Алеппскій), стр. 58. Полагаютъ что съ 1554—1718 г., съ образованіемъ въ лаврѣ (въ XVII в.) кружка ученыхъ монаховъ, могло вновь составиться собраніе рѣдкихъ книгъ и рукописей (П. Л., Кіево-Печер. лавра, 52).

[7]) П. Г. Лебединцевъ, Опис. Кіево-Соф. собора, 87.

[8]) Историч. матер. изъ архива Кіевск. губерн. правл., III, 141.

[9]) Кіев. Стар. 1885, т. XI, 589; 1890, XXVIII, № 3, прилож. (лѣтописн. замѣтки), стр. 61, „въ которой хранилось весьма много рукописныхъ книгъ“, гово-

на запросъ о рукописяхъ, сдѣланный при Екатеринѣ II, м. Самуилъ въ 1791 г. представилъ при описи найденныя въ библіотекѣ Печерской лавры *шесть лѣтописей*, а затѣмъ доставилъ еще реестръ рукописямъ, найденнымъ въ лаврѣ и Кіево-Софійскомъ соборѣ [1]), которыя вѣроятно постигла такая же участь, какъ и другія собранныя тогда рукописи [2]). Такимъ образомъ это были послѣдніе остатки, уцѣлѣвшихъ историческихъ памятниковъ Кіева.

Необходимо, однако, прибавить, что вслѣдствіе названныхъ условій, важнѣйшіе памятники письменности южной Руси (Лавр., въ Рожд. владим. мон., Ипат. лѣт.—въ костромскомъ Ипатьев. мон., Изборникъ-Святослава 1073, въ Воскресен. мон., Слово о полку Игоревѣ, Спасо-Яросл. м., и др.) были найдены въ книгохранилищахъ сѣверно-русскихъ мм., а это показываетъ, что ими тамъ интересовались и какъ мы знаемъ (Слово о погибели, Похвальное слово Димитрію Донскому), имъ старались подражать, а потому и нѣтъ основанія настаивать на какой-то грани, рѣзко раздѣлявшей литературные вкусы и стремленія сѣверной и южной Руси въ разсматриваемый нами періодъ ихъ взаимныхъ отношеній и связи.

рится о пожарѣ 1780 г.). Тимковскій, однако, упоминаетъ только объ учебныхъ книгахъ (Сбор. о Кіевѣ, 165).

[1]) Д. Полѣновъ, О лѣтописяхъ, изд. отъ св. Синода, 28.

[2]) Опытъ рус. исторіографіи, I, 115—116.

Означенные памятники (за исключеніемъ Изборника) дошли до насъ въ сп. XIV—XVI в., слѣдов. ими интересовались въ это время. Нѣк. полагаютъ, что Ипат сп. въ послѣдній разъ былъ переписанъ въ сѣв. Руси (Колосовъ).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отношеніе русской лѣтописи къ византійской и западной хронографіи.—Пасхальныя таблицы. Хронологія.—Источники Начальной лѣтописи и ея содержаніе.—Значеніе кіевскаго свода.—Мѣстный элементъ.—Лѣтописныя параллели. Міросозерцаніе лѣтописца.—Государственное значеніе лѣтописи.

I.

Несомнѣнно, что Начальная русская лѣтопись примкнула къ библейской и византійской исторіи, какъ единственному историческому поученію, которое могло имѣть здѣсь мѣсто, тѣмъ не менѣе начальный лѣтописецъ, а за нимъ и другіе, не пошли вполнѣ по слѣдамъ своего первоисточника. Въ Византіи изложеніе событій отъ сотворенія міра и погодный разсказъ также вошли въ употребленіе у составителей хронографовъ; но тамъ не считали однако необходимымъ означать годы, въ которыхъ событія не были описаны и предпочитали слѣдовать не столько лѣтописному, сколько хронологическому порядку (Георгій Синкеллъ, Ѳеофанъ, Кедринъ и др.) и даже тѣ изъ византійскихъ писателей, которые были извѣстны въ древней Россіи (Г. Амартолъ, I. Зонара) вовсе не выставляли лѣтъ въ началѣ событій (см. выше, стр. 81). Способъ изложенія греческихъ хронографовъ представляетъ уже извѣстную степень искусственной обработки.

„Вообще древнерусскія лѣтописи изобилуютъ хронологическими данными, богаты годовыми и мѣсячными числами и вполнѣ заслуживаютъ названія *анналъ* въ буквальномъ смыслѣ этого слова, византійскія же, за исключеніемъ немногихъ, скорѣе принадлежатъ къ типу средневѣковыхъ *хроникъ*, обладающихъ скудными хронологическими данными“ (зам. А. А. Куника, Бюллет. Имп. Ак. Наукъ 1895, № 2, с. cxiii). Составители нашихъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборниковъ (напр. Воскресен.) пропускали вовсе годы, не отмѣченные древнимъ лѣтописцемъ событіями. Боль-

шое количество пустыхъ годовъ въ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописи и придаетъ ей видъ, напоминающій не столько византійскія хроники, сколько средневѣковые анналы Западной Европы (Сухомлиновъ, О древн. рус. лѣтописи, Уч. Зап. Им. Ак. Наукъ по 2-му отд., III, 30—33).

Русская лѣтопись есть временникъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, въ естественномъ порядкѣ годовъ, т. е. та *первичная форма*, съ которой обыкновенно начинается лѣтописаніе (ἐτεογραφία). Она отмѣчаетъ года не только съ описаніемъ событій, но даже и безъ этихъ послѣднихъ. Въ этой безъискусственности быть можетъ заключается и достоинство самой лѣтописи, такъ какъ едва ли другая форма была бы вполнѣ по силамъ лѣтописцу, судя по тому, сколько хлопотъ причиняла изслѣдователямъ Волынская лѣтопись, составитель которой рѣшился отступить отъ обычнаго лѣтописнаго порядка [1]).

На эту особенность русской лѣтописи, при естественной и весьма близкой связи русской хронографіи съ византійской, обратилъ вниманіе еще Шлецеръ: „Русскіе временники, говоритъ онъ, подобно англо-саксонскимъ, имѣютъ странный обычай означать и тотъ годъ, въ которомъ ничего не сдѣлалось" [2]). Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, наши лѣтописи сходны не столько съ византійскими хрониками, сколько съ тѣми временниками (annales), которые ведены были издавна, съ VIII вѣка, въ монастыряхъ романской и германской Европы, независимо отъ историческихъ образцовъ классической древности. Первоначальною основою этихъ анналовъ были *пасхальныя таблицы*; потомъ стали отдѣлять историческія замѣтки отъ пасхальныхъ записокъ: ихъ переписывали въ особыхъ тетрадяхъ, но все еще держались прежняго порядка лѣтъ изъ года въ годъ; гораздо позже стали заботиться уже о подробностяхъ самаго описанія событій и не столько заботиться о перечнѣ лѣтъ, опуская тѣ изъ нихъ, подъ которыми не было никакихъ замѣтокъ" (см. выше стр. 37).

Тотъ же Шлецеръ замѣчаетъ: „Слишкомъ за 30 лѣтъ старался я ввести въ употребленіе слово: *Русскія лѣтописи*, а теперь называю ихъ только *временниками* (старое же названіе удержалъ на

---

[1]) Голубинскій, Ист. рус. церкви, I, 647—648.

[2]) Несторъ, I, 259. „Однако же это не значитъ, чтобы настоящій годъ происшествія не былъ имъ извѣстенъ и чтобы оно относилось къ которому нибудь изъ пяти, шести или болѣе поставленныхъ тутъ годовъ" (ibid).

одномъ заглавіи, чтобы быть вразумительнымъ [1]). Мнѣ кажется, что слово: *лѣтописи* слишкомъ громко: нельзя удержаться, чтобы при этомъ не вспомнить превосходнаго произведенія въ исторіи: „Тацитовыхъ лѣтописей", отъ которыхъ столь отличны русскіе временники! Съ послѣдними можно сравнить временники среднихъ вѣковъ, печатаемые Гамбергеромъ (ad Freheri Director histor. 1772), также многіе изъ Annales Francici, Corbeienses и пр.; нѣмецкіе Stadtchroniken, кои всѣ во времена всеобщаго невѣжества сочинялись по большей части неучеными монахами или даже мірянами, не имѣвшими никакого познанія; а впослѣдствіи еще болѣе перепорчены были глупыми переписчиками" [2]).

Въ подобномъ общемъ происхожденіи русскихъ лѣтописей съ западными можно убѣдиться и на основаніи ихъ состава. Лѣтописей на таблицахъ мы не имѣемъ; но въ лѣтописныхъ сводахъ сохранились перечни лѣтъ, при которыхъ событія не отмѣчены [3]). Въ такомъ видѣ послѣдній годъ въ древней лѣтописи обозначенъ 1087-й; но такая же форма удерживается и въ продолженіи Лаврентьевскаго списка (6670—6794), и въ Ипатьевской лѣт. (6722—6783—10 пустыхъ лѣтъ), и въ первой Новгородской, въ начальной части которой, помѣщены цѣлые ряды годовъ неописанными и этотъ порядокъ удерживается еще въ нач. XIV вѣка.

Въ Повѣсти времен. лѣтъ изъ 259 лѣтъ (6360—6618) — 107 пустыхъ: въ 1-й Новгор. (6525—6622) изъ 97—47. Кромѣ того встрѣчаются отмѣтки: „тишина бысть", „мирно бысть", „ничего не бысть" (Срезневскій, Чт. о лѣтоп., I, с. 11). Chronicon Bohemorum Козьмы Пражскаго представляетъ перечень лѣтъ съ 894—до 1125, безъ пропуска тѣхъ, подъ которыми нечего было записать. Ряды пустыхъ лѣтъ очень значительны, напр. съ 895—929, 933—967 гг. и т. п.; точно такъ же и въ другихъ средневѣковыхъ лѣтописяхъ. Въ Погодин. спискѣ (въ Имп. Публ. библ.) лѣтописи (опис. его въ Москвит. 1852, № 14) обращаетъ на себя вниманіе слѣдующая особенность: Волынскій лѣт. въ немъ безъ годовъ, но

---

[1]) „Временникъ, отъ слова *время*, составлено точно по греческому: *хроника*, отъ слова χρόνος" (время). Но чаще называются они *Лѣтопись*, *Лѣтописецъ*, *Лѣтописаніе*=ετεογράφος, ετεοραφία, отъ сущ. *лѣто* и глагола *писать*".

[2]) Ibib. 1, 5 Ср. Полн. Собр. Рус. лѣт., III, 169.

[3]) Любопытный образецъ представляютъ „Правило пасхаліи" 1450—1492 съ историческими замѣтками, изъ коихъ нѣкоторыя не находятся въ лѣтописяхъ (сообщ. архим. Леонидомъ, Р. Арх. 1894, II, 161—164), а также Святцы съ лѣтописью (Рукоп. Хлудова, 1, 356).

мѣста для годовъ оставлены; замѣчательно также, что выраженія: „бысть тишина“ и пр., которыми иногда, при разстановкѣ годовъ, отдѣляются двѣ части періода, не встрѣчаются въ этомъ спискѣ, какъ и въ спискахъ Хлѣбниковскомъ и Ермолаевскомъ (Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ русскихъ лѣт., с. 70, примѣч.). Какъ произвольно распоряжались иногда лѣтописцы размѣщеніемъ событій по годамъ см. тамъ же (прилож., с. 46). Механизмъ составленія лѣтописи по разнымъ источникамъ наглядно описанъ однимъ писателемъ XVI вѣка (Соловьевъ, III, примѣч. 236). Обиліе отмѣтокъ не только по годамъ, но и по мѣсяцамъ (П. С. Р. лѣт. III. 151—174). Способъ размѣщенія событій у разныхъ лѣтописцевъ (Новгор. 1-я, 1178—1179; Ипат., 1178).

Другіе лѣтописцы, хотя опускали неописанные годы, но не всегда выдерживали это строго до конца, а иногда, вслѣдствіе указаннаго обстоятельства, оказывался большой пробѣлъ въ годахъ, какъ напр. въ началѣ Новгород. 2-ой лѣт., въ которой изъ 125 годовъ описано всего 4. Позднѣйшіе составители сборниковъ обыкновенно уже опускали неописанные годы тѣхъ источниковъ, которыми они пользовались, какъ видно изъ сравненія Начальной лѣтописи по Лаврент. списку со спискомъ Воскресенскимъ. Косвенное указаніе на существованіе у насъ лѣтописей въ таблицахъ, повидимому, подтверждается несоотвѣтствіемъ лѣтописнаго перечня въ началѣ древняго свода съ послѣдующею хронологіею въ этомъ послѣднемъ, напоминающимъ подобныя же несообразности въ западныхъ анналахъ. Внесеніе замѣтокъ о событіяхъ сначала въ пасхальныя таблицы, а затѣмъ въ лѣтописные перечни и своды могло происходить одновременно въ разныхъ мѣстахъ, отчего образовалось различіе въ описаніяхъ нѣкоторыхъ лѣтъ, въ выборѣ событій и хронологіи, при одинаковости многихъ другихъ данныхъ, различіе, замѣчаемое даже между списками одной и той же лѣтописи [1]).

Въ Изборникѣ Святослава 1073 г. находимъ выписи изъ Евсевія Кесарійскаго „Отъ лѣтнихъ“—о времени Р. Х., о крещ. и смерти Іисуса Хр., о различіи времясчисленія у разныхъ народовъ (Голубинскій, I, 725) Практическія цѣли побудили и на Руси весьма рано заняться хронологическими вычисленіями. По крайней мѣрѣ уже къ XII в. (1136 г.) от-

[1]) Срезневскій, Изслѣд. о новгород. лѣтописяхъ. Изв. Имп. Ак. Наукъ, II. 70—76; Памятн. X вѣка до Владиміра св., его же (ibid., III, 40—66)—о лѣтописномъ дѣлѣ въ Россіи до Начальной лѣтописи.

носится составленіе подобной статьи діакономъ новгород. Антоніева мон. Кирикомъ, озаглавленной „Ученіе, имъ же вѣдати человѣку числа всѣхъ лѣтъ“ (см. Труды и лѣт. Общ. ист. и древн., ч. IV, кн. I, сообщ. м. Евгеніемъ; перепеч. Хавскимъ въ Чт. Общ. ист. 1847, № 6, с. 25; отзывъ о ней у Голубинскаго, I, 655—656). Хронологическія вычисленія не рѣдки въ рукописяхъ (см. 1284 и 1307 гг. въ Памятн. языка Срезневскаго, 144, 146, 170). Замѣчаніе Ламбина о пользованіи лѣтописцами данными пасхальныхъ таблицъ (Ж. М. Н. Пр. 1877, № 5, 65—66). Составленіе пасхальныхъ таблицъ было весьма распространено на Руси, какъ видно по количеству ихъ, дошедшихъ до насъ въ разныхъ рукописяхъ. Кромѣ того, пасхальныя разысканія составляли предметъ особенныхъ сочиненій. Съ приближеніемъ 1492 (съ 7000 л. отъ С. М.), вызвавшимъ волненіе въ русскомъ обществѣ (исторія этого вопроса въ связи съ мнѣніями, существовавшими въ Византіи, на Западѣ и въ Россіи, см. въ нашемъ изслѣд. „Максимъ Грекъ“, с. 224—242), снова возникъ вопросъ о пересмотрѣ „пасхаліи“ и ея продолженіи (О пасхаліи новгород. архіеп. Геннадія, см. у Макарія, VI, 272—283). Въ Имп. Публ. библ. имѣется рукопись XVII в., озаглавленная „Полная русская пасхалія“, на 672 листахъ (Сухомлиновъ, О древн. русской лѣтописи, с. 36). Въ Россіи была извѣстна (Сборн. XVI в.) статья Исидора Испаленскаго „о счетѣ лѣтъ“. Въ ней помѣщенъ перечень лѣтъ отъ сотворенія міра до импер. Ираклія, раздѣленный на 6 временъ (эпохъ). „Прочее (сверхъ) шестаго вѣка время единому Богу извѣстно“ (Сборн. Ак. Н., т. I, Свѣдѣн. о малоизвѣст. памятн., № XL, с. 96). Равнымъ образомъ средневѣковой лѣтописецъ, монахъ Глаберъ (см. выше, 52), полов. XI в., говоря о 6 вѣкахъ исторіи въ соотвѣтствіи 6 днямъ творенія, къ шестому періоду относитъ и свое время, а затѣмъ прибавляетъ: „полагаютъ теперь, что въ 7-мъ тысячелѣтіи труды міра должны покончиться, чтобы міръ также почилъ отъ дѣлъ своихъ и нашелъ свой конецъ въ томъ, кто далъ ему существованіе“.

II.

Пасхальныя таблицы въ древнихъ рукописяхъ встрѣчаются довольно часто, и въ лѣтописяхъ находимъ иногда указаніе всѣхъ терминовъ пасхаліи, принятыхъ для обозначенія лѣтъ (индиктъ, ключъ границъ, кругъ солнца, вруцѣлѣто, кругъ луны, еврейск. и христіан. пасха [1]). При этомъ въ особенности заслуживаютъ вниманія краткій перечень, помѣщенный въ Синод. Кормчей XIII в., за 862—1277 гг.

[1]) П. Собр. Р. лѣт., IV, 175 и др.

(съ отличіями по списку XVII в.), вмѣстившійся на одной печатной страницѣ [1]) и харат. рукопись Синод. библ. XIV в. съ пасхальными таблицами, въ одной изъ которыхъ помѣщены краткія историческія замѣтки, относящіяся къ 1015—1340 гг. и вполнѣ подтверждающіяся лѣтописными данными, съ тою лишь разницею, что нѣкоторыя изъ нихъ помѣщены здѣсь годомъ раньше или позже [2]). Сухомлиновъ выражается однако, что едва ли всѣ древнія извѣстія обозначены были *впервые* непремѣнно на пасхальныхъ таблицахъ и *не иначе* какъ черезъ нихъ перешли въ лѣтопись; но что *многія* извѣстія въ лѣтописяхъ весьма сходны по свойству и по формѣ съ пасхальными замѣтками; что послѣднія, по всѣмъ соображеніямъ, древнѣе первыхъ и что лѣтописныя извѣстія, сходныя съ табличными замѣтками, принадлежатъ къ древнѣйшимъ и самостоятельнымъ (28—45). К. Н. Бестужевъ-Рюминъ еще болѣе ограничиваетъ это мнѣніе, указывая на нѣсколько древнѣйшихъ извѣстій, записанныхъ очевидно современникомъ и весьма краткихъ, которыя едва-ли могутъ быть приняты за пасхальныя записи и, напротивъ, скорѣе могли быть взяты изъ отдѣльныхъ сказаній, несомнѣнно существовавшихъ, и, быть можетъ, къ новгородскимъ лѣтописямъ, по ихъ сжатости, скорѣе приложимо подобное разсужденіе. Далѣе онъ полагаетъ, что краткія записи, помѣщенныя на пасхальной таблицѣ XIV вѣка скорѣе занесены были любителемъ изъ лѣтописи; однако тутъ же прибавляетъ: „Впрочемъ, мы не хотимъ совершенно отвергать пасхальныхъ таблицъ: для объясненія пустыхъ годовъ это единственное средство, можетъ быть, лучшее средство объяснить и то обстоятельство, почему въ одной лѣтописи годъ одинъ, а въ другой—другой" [3]). Н. И. Костомаровъ говоритъ: „Извѣстія въ первой Новгород. лѣтописи до того кратки, что похожи болѣе на оглавленіе, чѣмъ на сказаніе... Предположеніе Сухомлинова о пасхальныхъ таблицахъ здѣсь ближе всего къ истинѣ" [4]). На весьма раннія извлеченія изъ лѣтописи отдѣльныхъ извѣстій мы уже указывали (см. выше, стр. 249, пр. 1). „Погодныя таблицы, замѣчаетъ И. И. Срезневскій, примѣненныя къ кругу церковныхъ праздниковъ, ежегодно измѣняющихся во времени, были занесены къ намъ,

[1]) Сообщ. И. И. Срезневскій (И. Ак. Н., VIII, 390–393); ср. И. Хрущовъ, Сказ., 4.

[2]) М. И. Сухомлиновъ, О древ. рус. лѣтописи (Зап. Ак. Наукъ по 2-му отд., II, 36—45, съ таблицами).

[3]) О составѣ русскихъ лѣтописей, 31—40.

[4]) Лекціи по русской исторіи, 59–60.

безъ сомнѣнія, изъ Греціи; но таблицы, а не образцы лѣтописей. Погодныя таблицы русскія могли быть начаты и прежде появленія таблицъ церковныхъ—таблицъ иного рода, съ цифрами не годовъ отъ С. М., а съ какими нибудь другими... Развѣ не высказываютъ онѣ сами собою младенчества письменности? Развѣ такія лѣтописи были въ ходу у грековъ того времени, когда у насъ начиналась дѣятельность лѣтописная?... Образцы греческіе могли въ свое время найти себѣ у насъ сочувствіе, и дѣйствительно нашли; но первоначальные наши лѣтописцы не имѣли нужды выжидать ихъ появленія, чтобы начать свои замѣтки. Несомнѣннымъ кажется, что у насъ было въ этомъ отношеніи то же, что и на Западѣ Европы. Требованія историческаго искусства проникли тамъ на сѣверъ съ юга довольно рано: они отразились уже на повѣствованіяхъ Іорнанда въ VI вѣкѣ, такъ же, какъ послѣ на повѣствованіяхъ Григорія Турскаго, Фредегара, Павла Діакона и т. д. И однако монастырскіе лѣтописцы долго не слѣдовали этимъ образцамъ, а заносили замѣтки о событіяхъ въ погодныя таблицы безъ связи, безъ подробностей, минуя цѣлые ряды лѣтъ безъ всякихъ замѣтокъ. Сравнивая эти лѣтописи съ нашими, не найдемъ въ формѣ ихъ никакой разницы. Только постепенно лѣтописи этого рода пріобрѣтали тамъ ту занимательность подробностей и связности событій, за которою, наконецъ, должна была скрыться ихъ первоначальная сухость и безжизненность; только постепенно дошли онѣ до такой послѣдовательности въ разсказѣ, какова напр. въ запискахъ Титмара или Гельмольда. Не разомъ у нихъ явились „*повѣсти* временныхъ лѣтъ". Не разомъ онѣ могли явиться и у насъ" [1]).

Подтвержденіемъ существованія краткихъ замѣтокъ и отдѣльныхъ сказаній могутъ служить, между прочимъ, позднѣйшія записи на книгахъ, перешедшія и въ лѣтописи (Свѣд. о неизвѣст. и малоизвѣст. памятн., И. Срезневскаго, I, 58—64; 87—88, записи XI—XV вв.), краткія извѣстія въ таблицѣ, приложенной къ псаломнику XIV в., и т. п. (Пам. письма, Срезневскаго, 202; изд. 1-е, прилож.). Ср. еще помѣсячныя замѣтки въ древнихъ церковныхъ книгахъ XII—XV вв. (въ статьѣ Срезневскаго, Изв. Им. Ак. Наукъ, т. V, 218—219); о другихъ записяхъ, сдѣланныхъ независимо отъ лѣтописей (И. П. Хрущовъ, О древне-рус. историч. повѣстяхъ, стр. 90, 125—130). Церковныя книги, а затѣмъ и другія нерѣдко служили для погодныхъ замѣтокъ, таковы: приписки въ Синодикѣ XVI в., писан.

[1]) Чтенія о древ. рус. лѣтописяхъ, 11—19: Изв. Ак. Наукъ, III, 49—66.

въ Новгородѣ (Времен. М. О. И., кн. XXIV); послѣсловіе на Евангеліи, относ. къ 1612 г. (Ж. М. Н. Пр., XIII); запись въ Сборникѣ XVII в. о князьяхъ Мстиславскихъ (Проток. Арх. ком., Ж. М. Н. Пр. 1859, № 12. 5—10); Яросл. замѣтки на старин. рукописяхъ, принадлеж. Е. В. Трехлѣтову (Яр. Губ. Вѣд. 1850, № 7); любопыт. замѣтки на старин. рукописяхъ, кас. Кіевскаго края, сообщ. В. Аскоченскимъ (К. Губ. Вѣд. 1856. № 34); историч. приписки на финской псалтири, изд. въ Абовѣ 1761 (Сѣв. Арх. 1825, ч. XV, №№ 11 и 12, сс. 189 и 383, съ примѣч. П. Буткова—это краткія извѣстія, касающіяся исторіи Финляндіи и споровъ за эту страну Россіи съ Швеціей въ хронологическомъ порядкѣ). Недавно на одномъ Евангеліи XVI в. найдена точная запись о времени основ. г. Саратова (2 іюля 1590 г.), которое не было до послѣдняго времени установлено (Археол. Изв. Имп. Моск. Археол. общ., 1894, №№ 6—7, с. 221). „Карамзинъ, говоритъ Калайдовичъ, приписываетъ подробныя извѣстія о сраженіяхъ, находящіяся въ лѣтописяхъ, ни иному чему, какъ тому, что извѣстія сіи были вѣроятно обнародываемы въ церквахъ“ (Записки К. Ѳ. Калайдовича, Лѣт. рус. литер., изд. Тихонравовымъ, III, 115). Срезневскій указываетъ на обычай посылать извѣстія съ поля битвы (Памят. языка, 234), которыми могли пользоваться и лѣтописцы. Постоянное же упоминаніе въ лѣтописяхъ о крестныхъ грамотахъ, обыкновенно представляемыхъ противной сторонѣ при нарушеніи мира, показываетъ, что эти акты были извѣстны послѣднимъ (тамъ же, 58, 61, 66. 67, 71, 73, 92).

III.

Послѣ всего сказаннаго, другой выводъ **Шлецера** о происхожденіи древней русской лѣтописи, сдѣланный на основаніи догадки, а не ближайшаго изслѣдованія настоящаго вопроса, слѣдуетъ признать и неточнымъ, и во многомъ невѣрнымъ. Онъ говоритъ: „Весь временникъ Нестора сдѣланъ на покрой византійскій; цѣлыя мѣста изъ византійскихъ историковъ, переведенныя слово въ слово, внесъ онъ въ свое твореніе; также очевидно подражалъ онъ и въ хронологическомъ расположеніи... Такимъ образомъ этотъ Руссъ вздумалъ быть историкомъ своего народа“ [1]). И нѣкоторые изслѣдователи, слѣдуя далѣе за Шлецеромъ, полагали даже, что первый русскій лѣтописецъ былъ только переводчикомъ одного изъ византійскихъ хро-

---

[1]) Несторъ, I, ҁі—ііі.

нографовъ (съ оговоркою: „положимъ хоть и списатель съ перевода, сдѣланнаго болгарами, если будутъ оспаривать, что до XIV вѣка греческій языкъ не могъ быть извѣстенъ у насъ"), дополнивъ его собственными извѣстіями о Россіи, народными и монастырскими преданіями и происшествіями, случившимися въ его монастырѣ [1]).

Но отношеніе византійской хронографіи къ русской было совсѣмъ иное.

При настоящемъ взглядѣ на древнюю лѣтопись какъ сводъ, мѣста, заимствованныя изъ греческаго хронографа, являются только одною изъ составныхъ его частей. Разсказъ византійскаго хронографа понадобился лѣтописцу для описанія быта другихъ народовъ и сопоставленія русскихъ событій съ чужеземными [2]). Лѣтописецъ воспользовался также, до извѣстной степени, формою разсказа и изложеніемъ послѣдняго отъ С. М., какъ принято было излагать событія и въ византійскихъ хронографахъ; тѣмъ не менѣе онъ удержалъ мѣстный счетъ лѣтъ съ марта мѣсяца, какъ было вначалѣ и на Западѣ [3]). Самое начало лѣтописи русскимъ лѣтописцемъ поставлено въ связь съ началомъ цар. импер. Михаила III (842—867 [4]), согласно съ хроникою Георгія Амартола, который писалъ именно при немъ [5]) и для котораго вступленіе на престолъ Михаила III было важно, какъ торжество православія, т. е. возстановленія монашества и иконопочитанія, вторично утвержденнаго соборомъ 842 г.; а для русскаго лѣтописца какъ время появленія русскихъ подъ стѣнами Константинополя (собственно у продолжателя Г. Амартола [6]). Войдя въ ближайшія отношенія къ Имперіи, въ Россіи стали придавать этому факту и по-

[1]) Сборн. кн. Оболенскаго, М. 1840, № 11, с. 46—47 (Нѣсколько замѣчаній для издателей русскихъ лѣтописей).

[2]) Заимствованія эти не буквальны (Сухомлиновъ, Барсовъ, Терновскій).

[3]) Погодинъ, Изслѣд., I, 103. Подробнѣе см. Опытъ рус. исторіографіи, т. I. с. 149*—151*. О славяно-русскомъ счисл. до-христіанскаго времени, Д. Прозоровскаго (Тр. М. Арх. съѣзда, III, 1897). Въ какихъ лѣт. мартов. и сент. счетъ (Голубинскій. Сергій Радонеж., 95—96).

[4]) Лѣт. по Лаврент. списку, изд. 2-ое Археогр. ком., с. 17—18. Ср. Древн. памятн. письма, Срезневскаго, изд. 2-е, 22—23. Объ источникѣ хронол. ошибки лѣтописца (см. выше, с. 98). Лѣт. патр. Никифора былъ извѣстенъ въ весьма раннихъ памятникахъ (Виз. Врем. 1900, I, 34) и помѣщался иногда съ перечнями.

[5]) Krumbacher, 129—130; изд. 2-е, с. 352

[6]) Разборъ извѣстій, сюда относящихся см. у Голубинскаго, I, 16—33. Лѣтописецъ примѣняетъ къ этому извѣстію походъ Аскольда и Дира.

литическое значеніе [1]). Вставки изъ византійскихъ лѣтописей въ позднѣйшемъ, Никоновскомъ, сводѣ изложены даже такъ, что онѣ могутъ быть совершенно отдѣлены, не нарушая тѣмъ самымъ повѣствованія о русскихъ событіяхъ. Наконецъ, здѣсь должно было имѣть мѣсто извѣстное вліяніе воззрѣній на событія и характеры дѣйствующихъ лицъ.

IV.

„Повѣсть временныхъ лѣтъ", въ своемъ общемъ видѣ, какъ сводъ XI—XII в., состоитъ изъ погодныхъ, краткихъ или болѣе обширныхъ записей, заимствованныхъ изъ болѣе раннихъ лѣтописей или внесённыхъ современникомъ, и отдѣльныхъ сказаній, посвященныхъ болѣе выдающимся событіямъ. Въ такомъ видѣ представляется и самое названіе „Повѣсти", ограничиваемое нѣкоторыми весьма тѣсными предѣлами (Костомаровъ), а другими расширяемое до болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ (Соловьевъ, Срезневскій, Бестужевъ-Рюминъ); но объ отдѣльныхъ статьяхъ лѣтописи мы скажемъ ниже, въ изложеніи мнѣній о происхожденіи лѣтописнаго свода, постепенно выяснившихъ его образованіе и составъ.

Всѣ извѣстія, входящія въ лѣтопись, не смотря на свой объемъ, подведены подъ опредѣленные, въ послѣдовательномъ порядкѣ идущіе годы. Поэтому рядъ лѣтъ является древнѣйшею и необходимою особенностью лѣтописи, опредѣлившею навсегда ея форму; а первоначальными извѣстіями оказываются тѣ, которыя сообщаютъ свѣдѣнія о наиболѣе древнихъ событіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отличаются своею краткостью [2]). Постепенно краткія извѣстія пополняются фактами и

[1]) Кирикъ говоритъ: „писахъ же въ Велицѣмъ Новгородѣ азъ грѣшный и худый калугеръ... Кирикъ діаковъ при ц. греческомъ Іоаннѣ, князю Святославу сыну Ольгову въ княженіи живущу въ Новгородѣ лѣто l, а отъ рода лѣтъ 30 и т. д. Въ росписи княженій, въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ спискахъ лѣтописей, перечень доводится до времени переписчиковъ. напр. по 1203 г.. до греческихъ императоровъ Александра (Алексѣя) и Исаакія (Соф. Времен.. I, 11; П. С. Р. лѣт.. V, 87) и даже до паденія Константинополя; а затѣмъ слѣдуетъ еще перечень турецкихъ султановъ до Солимана II (1520 г., Воскрес. лѣт., П. С. Р. Л., VII, 251). Объ обычаѣ поминанія визант. царей въ Россіи и о настояніи патріарха по поводу отмѣны этого обычая при Василіѣ Дмитріевичѣ (Опытъ изслѣд. о культ. знач. Византіи, 297—298).

[2]) Въ лѣто 6419. Явися звѣзда велика на Западѣ копѣйнымъ образомъ.

Въ лѣто 6481. Нача княжити Ярополкъ

расширяются въ своемъ объемѣ[1]), другія же событія описываются болѣе подробно. Сравненіе разныхъ списковъ лѣтописей и болѣе позднихъ съ древнѣйшими показываетъ, какъ распространялся объемъ сказаній подробными опредѣленіями и новыми дополненіями, на основанія преданія, а иногда личнаго воспоминанія лѣтописца. Но и съ постепеннымъ распространеніемъ повѣствованія, краткія записи продолжаютъ сохранять свое мѣсто (см. гг. 6588, 6589, 6613, 6616 и т. п.), а иногда слѣдуютъ непосредственно за болѣе подробнымъ изложеніемъ (1091). Запись о кончинѣ извѣстнаго лица часто вызываетъ на характеристику этого послѣдняго сообразно съ характеромъ его дѣятельности[2]). По мѣстамъ въ сводѣ находимъ отдѣльныя статьи, внесенныя составителемъ, вставочный характеръ которыхъ обнаруживается иногда нарушеніемъ нити лѣтописнаго изложенія. Не распространяемся здѣсь о молитвенныхъ обращеніяхъ и поученіяхъ, служащихъ часто выраженіемъ личныхъ чувствъ лѣтописца, какъ и его продолжателей.

Открываясь этнографіей извѣстнаго лѣтописцу міра и разселеніемъ славянскихъ племенъ, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на бытъ и нравы этихъ послѣднихъ, лѣтопись даетъ обстоятельный географическій очеркъ европейскаго сѣвера, достоинства котораго были въ свое время признаны такимъ строгимъ судьею, какимъ былъ Шлецеръ[3]), и принимаются въ томъ же смыслѣ позднѣйшими изслѣдователями[4]). Въ географическомъ обзорѣ основной источникъ составителя „повѣсти", Георгій Амартолъ, существенно дополняется сообщеніями норманновъ, которымъ были близко знакомы европейскія

Въ лѣто 6515. Принесени святіи (т. е. иконы) въ св. Богородицю.

Въ лѣто 6519. Преставися царица Володимеряя Анна.

Въ лѣто 6528. Родися у Ярослава сынъ, и нарече имя ему Володимеръ.

Въ лѣто 6541. Мстиславичъ Еустафій умре.

Въ лѣто 6546. Ярославъ иде на Ятвягы и т. д.

[1]) Въ лѣто 6489. Иде Володимеръ къ Ляхамъ и зая грады... *Въ семъ же лѣтѣ* и Вятичи побѣди и възложи нань дань... Въ се же лѣто и т. д.

Впрочемъ, нѣк. (А. Разсудовъ, см. ниже) полагаютъ, что и краткія записи не древняго происхожденія.

[2]) Къ кіевскимъ замѣткамъ относятся записи о поставленіи и преставленіи митрополитовъ и епископовъ, обыкновенно отличающіяся точностію лѣтъ, мѣсяцевъ и даже дней (Е. Е. Замысловскій, Къ вопросу о составѣ Пов. врем. лѣтъ, Ж. М. Н. Пр. 1889, № 5, с. 47—54). См. стр. 239.

[3]) Несторъ. I. 38 41.

[4]) Н. Барсовъ, Очерки русской историч. географіи; Замѣтки по геогр. древн. Руси. по нов. соч. Барсова, Л. Майкова, Спб. 1874.

побережья, съ VIII вѣка посѣщаемыя ими для торговли, а еще болѣе для нападеній и грабежа, а потому и описаніе, помѣщенное въ лѣтописи, должно быть отнесено ко времени не позже X вѣка [1]). При этомъ самое представленіе Балтійскаго моря, въ связи съ океаномъ. омывающимъ сѣверные берега обитаемаго материка, подтверждается весьма наглядно картами того времени, и въ особенности англо-саксонскою картою X вѣка, наход. въ Британскомъ музеѣ и изданною Лелевелемъ и Сенъ-Мартеномъ [2]). Ближайшее изученіе этого отрывка даетъ право заключать, что лѣтописецъ довольно отчетливо разумѣлъ, какими признаками одинъ народъ можетъ отличаться отъ другого и что въ уразумѣніи этихъ признаковъ ему помогли, съ одной стороны его византійскій источникъ, а съ другой—непосредственныя столкновенія съ иноплеменниками, при чемъ понятія нашего лѣтописца, выработанныя самостоятельнымъ путемъ, были значительно выше, чѣмъ, напр., воззрѣнія грековъ, долгое время представлявшихъ себѣ всѣ чуждые имъ народы въ видѣ одной безразличной группы варваровъ, къ языку которыхъ эллинъ относился съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ [3]). Вполнѣ понятно, что на долю извѣстій IX—X в. приходится наиболѣе преданій, не считая погодныхъ извѣстій, излагаемыхъ въ видѣ краткаго перечня фактовъ [4]). Только такія событія, какъ утвержденіе власти варяговъ, изобрѣтеніе славянской азбуки, походы на грековъ (и договоры съ ними), начало и распространеніе христіанства (варяги—христіане [5]), при Ольгѣ (ея путешествіе въ Константинополь [6]) и Владимірѣ, законченное низверженіемъ язычества.

[1]) О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи, И. Д. Бѣляева (Зап. Имп. Геогр. общ., VI, 2 -4).

[2]) Майковъ, 8—9.

[3]) Ibid., 14, 15.

[4]) Срезневскій, Чтенія, 20—31. Въ особенности подробенъ разсказъ о мести Ольги (Лавр. 53—58). Легенды касаются основанія Кіева (8—9), смерти Олега (37—38), походовъ на грековъ, борьбы съ печенѣгами (64—66, 119—121, 124—126), выразившейся въ цѣломъ циклѣ сказаній, свидѣтельствующихъ о томъ глубокомъ впечатлѣніи, какое оставили они въ ближайшемъ потомствѣ своими нападеніями (138—140, 147) и которое заставляло не разъ припоминать о бѣдствіяхъ ими причиненныхъ (226, 256; ср. 423). Ср. о нихъ В. Г. Васильевскій: „Византія и Печенѣги" (Ж. М. Н. Пр. 1872, №№ 11 и 12).

[5]) „Мнози бо бѣша Варязи хрестеяни" (Лавр., 53, ср. 80).

[6]) Лавр., 59—63, 66—67.

построеніемъ церквей и торжествомъ книжнаго ученія [1]), являются передъ читателемъ въ подробномъ повѣствовательномъ изложеніи. Обширный разсказъ объ этихъ крупныхъ фактахъ только по мѣстамъ прерывается отдѣльными, текущими событіями. Пространность изложенія дѣяній Владиміра, сопровождаемыхъ опять, помимо церковнаго, чисто народнымъ элементомъ, свидѣтельствуетъ о несомнѣнной симпатіи къ нему лѣтописца. „Владиміра можно назвать главнымъ лицомъ лѣтописи, замѣчаетъ Сухомлиновъ; подвиги его изображены съ наибольшею подробностью и съ живымъ сочувствіемъ" [2]).

Подробное сказаніе объ убіеніи Бориса и Глѣба служитъ переходомъ къ княженію Святополка. Тройное убійство (кромѣ нихъ и Святослава [3]) не могло не вызвать религіознаго размышленія лѣтописца-монаха на тему о высокоуміи и въ противоположность тому о власти, исходящей отъ Бога. Здѣсь напрасно было бы ожидать отъ него того ровнаго тона и мѣры справедливости, которая, по мнѣнію нѣкоторыхъ, никогда не переходитъ въ пристрастіе [4]). Самые эпитеты, постоянно сопровождающіе имя Святополка („окаянный и злый"), свидѣтельствуютъ, что онъ будетъ судить о фактахъ не съ точки зрѣнія современныхъ политическихъ отношеній, а съ общей религіозной, не руководящейся подобными соображеніями [5]), что̀ онъ и даетъ чувствовать, начиная съ замѣчанія о происхожденіи Святополка и кончая его постыдною смертью [6]). Наведеніе ляховъ, а потомъ печенѣговъ на Русскую землю усугубляло вину Святополка [7]); но была и другая причина неудачи послѣдняго, мимоходомъ отмѣченная лѣтописцемъ [8]).

---

[1]) Лавр. л., 80—129.

[2]) О древ. рус. лѣтописи, 123.

[3]) Лавр., 129—136.

[4]) Сухомлиновъ, 173.

[5]) Лавр. л., 78, 142. См. выше, стр. 135, пр. 9.

[6]) Лавр. л., 141-142. „Не можаше терпѣти на единомъ мѣстѣ, и пробѣжа Лядьскую землю, гонимъ Божіимъ гнѣвомъ, прибѣжа в пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже злѣ животъ свой.... Есть же могила его въ пустыни *и до сего дне*, исходитъ же изъ нея смрадъ золъ. Се же Богъ показа на наказанье княземъ Русьскымъ, да аще еще сие сотворять"... и т. д., съ доводами изъ Св. писанія (Авель, Ламехъ, Авимелехъ).

[7]) Лавр. л., 139—141.

[8]) „*И не бѣ сердце ихъ* (кіевлянъ) *съ нимъ, яко братія ихъ бѣша съ Борисомъ*" (129).

Ярославъ въ глазахъ лѣт-ца является непосредственнымъ преемникомъ отца [1], побѣду котораго надъ соперникомъ онъ привѣтствуетъ [2]). Попрежнему, представляя рядъ краткихъ записей (рожд. и смерть князей, построеніе монастырей, церквей и городовъ, походы—на Чудь, Ляховъ, Литву, Мазовію, небесныя явленія и т. п.), лѣтопись даетъ нѣсколько подробныхъ извѣстій (борьба Ярослава съ Мстиславомъ, появленіе волхвовъ на сѣверѣ, походъ Владиміра на грековъ 1043 г.). За то съ особеннымъ вниманіемъ лѣтописецъ останавливается на той сторонѣ дѣятельности Ярослава, которая служила продолженіемъ роли Владиміра, какъ просвѣтителя страны: онъ сообщаетъ о расширеніе г. Кіева, постр. св. Софіи и покровительствѣ книжной дѣятельности, наконецъ, о возникновеніе Печерскаго мон. и началѣ дѣятельности Θеодосія [3]). Значеніе этого монастыря настолько очевидно, что вполнѣ понятно, почему составитель лѣтописи отвелъ ему значительное мѣсто въ ней, касается не разъ жизни его основателя и др. подвижниковъ, отношенія къ нему власти и выдающихся лицъ, его матеріальнаго положенія и бѣдствій, постигавшихъ обитель [4]).

Изяславъ привлекаетъ вниманіе лѣтописца потому, что онъ, не смотря на печальныя обстоятельства жизни, не воздалъ зла за зло; ибо сколько зла ни сдѣлали ему кіевляне, онъ не отомстилъ имъ; но лѣт-цъ знаетъ слабыя его стороны: невѣрность клятвѣ (1068: Всеславъ же сѣде Кыевѣ). Этимъ обстоятельствомъ объясняется нахожденіе половцевъ и недовольство кіевлянъ [5]). Половцы являются теперь наиболѣе опаснымъ врагомъ, и потому ихъ нападеніямъ и разореніямъ посвящены болѣе подробныя описанія (1069 и далѣе). Другое выдающееся обстоятельство—отношенія къ ляхамъ, вслѣдствіе помощи, оказанной ими Изяславу (1069; ср. 1073, 1077). Но лѣтописецъ не благоволитъ и къ Святославу за захватъ власти (1073). Борьба язычества съ христіанствомъ еще не улеглась: подробные разсказы (1071) посвя-

[1]) „Святополкъ бѣжа въ Ляхы, Ярославъ же сѣде Кыевѣ на столѣ отни и дѣдни" (139).

[2]) „Ярославъ же сѣде Кыевѣ (вторичное упоминаніе), утеръ пота съ дружиною своею, показавъ побѣду и трудъ великъ" (142).

[3]) Лавр., 148—156.

[4]) Лавр. лѣт., 178, 180—192, 201—205, 219, 224, 225, 230, 271—273. Безъ сомнѣнія, связь Печерскаго м. (черезъ Никона) съ отдаленною Тмутараканью была причиною вниманія къ ея событіямъ и кiев. лѣтописца (б. м. печерскаго). См. стр. 159—161 (ср. 193, 195, 198, 218). Ср. выше, стр. 198, 201.

[5]) Объ отношеніяхъ къ нему кіевлянъ и лѣт-цевъ см. выше, стр. 192—193.

щены дѣйствіямъ волхвовъ на сѣверѣ и устройству (1074) Печерскаго монастыря. Битва на Нѣжатиной нивѣ, окончившаяся печально для Изяслава (1078), составляетъ отдѣльный эпизодъ, сопровождающійся характеристикою князя и общими размышленіями лѣт-ца.

Княженіе Всеволода, любимаго сына Ярослава (1078—93), наполнено междоусобіями князей, болѣзнями, особенными небесными явленіями; только смерть митр. Іоанна II, съ характеристикой его дѣятельности, строительная дѣятельность м. Ефрема въ Переяславлѣ и открытіе мощей Ѳеодосія въ Печерскомъ мон. выдѣляются въ ряду отмѣченныхъ фактовъ. Означенныя событія даютъ право лѣтописцу, при характеристикѣ в. кн. Всеволода, упомянуть о „большихъ печаляхъ“, перенесенныхъ послѣднимъ, о надвигающихся опасностяхъ отъ несогласій князей, искавшихъ власти, о притѣсненіяхъ и неправдахъ, имѣвшихъ мѣсто при немъ, хотя здѣсь слышится скорѣе голосъ недовольной старшей дружины, находившейся въ пренебреженіи [1]). Не думаемъ, чтобы такой отзывъ о вел. князѣ могъ сдѣлать лѣтописецъ „Всеволожа мон-ря“, церковь котораго была такъ недавно (1088) торжественно освящена м. Іоанномъ II. Княженіе Святополка (1093—1113) ознаменовалось рядомъ (1093—96) тяжкихъ походовъ противъ половцевъ, сопровождавшихся гибелью Ростислава Владиміровича, бракомъ вел. кн. на половецкой княжнѣ, измѣною Олега Святославича и разореніемъ Кіева и его монастырей половцами, вызвавшимъ печальныя размышленія лѣтописца на тему изъ слова Меѳодія Патарскаго. Разсказъ этотъ заканчивается изложеніемъ дальнѣйшихъ подвиговъ Олега („но мы на предняя взратимся“). 1097 годъ занятъ Любечскимъ съѣздомъ и эпизодомъ, излагающимъ дѣло Василька съ его послѣдствіями [2]), а 1098—1113 гг. опять представляютъ рядъ записей: о княжескихъ усобицахъ и съѣздѣ въ Витичевѣ, о поставленіи епископовъ, о постр. Злат. Михайловскаго м., о занесеніи имени Ѳеодосія въ Синодикъ, о рожденіи и кончинѣ князей и извѣстныхъ лицъ — старца Яна, о постриж. кн. Святослава Дав. и дочери Всеволода Евпраксіи, о бракахъ съ иноземными князьями и т. п.) и снова болѣе подробно изложено повѣствованіе о походѣ на половцевъ послѣ Долобскаго съѣзда, въ 1103 г., который окончился блистательною побѣдою надъ ними, огромнымъ плѣномъ и богатою добычею [3]).

---

[1]) „И нача любити смыслъ уныхъ, свѣтъ творя с ними“.

[2]) Лавр., 217—263; Ипат., 167—179. Повѣсть Василія.

[3]) Лавр. лѣт., 267—269; Ипат. 182—185.

Нѣсколько позже [1]) подробный разсказъ объ удачномъ походѣ (1111 г.) на тѣхъ же половцевъ, вызвалъ у лѣтописца пространныя религіозныя размышленія, сопровождаемыя ссылками на разныя творенія отцевъ церкви. Таково въ общихъ чертахъ содержаніе той части лѣтописи, которая заключаетъ въ себѣ погодныя записи, состоящія изъ краткихъ извѣстій чисто лѣтописнаго характера и болѣе подробныхъ эпизодовъ, имѣющихъ уже повѣствовательный характеръ. При этомъ необходимо замѣтить, что нѣкоторыя изъ нихъ получаютъ подобное значеніе лишь вслѣдствіе внесенія посторонняго элемента—подтвердительныхъ мотивовъ, заимствованныхъ изъ Св. писанія или отеческихъ сочиненій, но еще болѣе вслѣдствіе усвоеннаго лѣтописцемъ (отчасти надъ вліяніемъ тѣхъ же источниковъ) діалогическаго изложенія рѣчи, вообще свойственнаго древней и средневѣковой литературѣ (см. выше, стр. 43).

V.

Представляя въ цѣломъ описаніе въ 260 лѣтъ (852—1110 гг.), Начальная лѣтопись, составленная изъ отдѣльныхъ замѣтокъ и болѣе или менѣе обширныхъ записей, сказаній, оффиціальныхъ документовъ (договоры, письма и т. д.), устныхъ преданій (легенды, пѣсни [2]), даетъ возможность указать рядъ мѣстъ, свидѣтельствующихъ, что на этомъ трудѣ отразилась рука позднѣйшаго составителя свода. Это

---

[1]) Ипат.. 191—196. Въ Лавр. лѣт. лишь краткая запись (275).

[2]) О значеніи преданія, которымъ пользовались лѣтописцы для своихъ записей, мы имѣемъ ясныя указанія: припомнимъ значеніе старца Яна для древняго лѣтописца (см. выше, стр. 215). Въ Новгор. церк. лѣт. находимъ слѣд. любопытное мѣсто: „лѣта 6947 обрѣтено бысть тѣло архіеп. Ивана, при которомъ были Суздалцы подъ Новымъградомъ, понеже отъ многихъ лѣтъ и отъ многихъ моровъ *старинные памятухи извелися*, и быша мощи его невѣдомы гдѣ лежатъ“ (П. С. Р. Л., Ш, 183). Гробъ епископа Никиты разыскивали также „по памятованіямъ“ (Макарій, П, 2/1 прим. 54). Другой лѣтописецъ выражается: „Слышахомъ *отъ древнихъ* повѣдающе писаніе, наче же извѣстно увѣдахомъ *прочитающе старые лѣтописци*, о нашествіи водномъ, еже бысть въ Вел. Новѣградѣ въ древняя лѣта“ и т. д. (ibid., 138). Ссылка на „старцевъ“ о существовавшихъ обычаяхъ, о юридическихъ отношеніяхъ и въ историческихъ показаніяхъ хорошо освѣдомленныхъ лицъ (напр. данныхъ фамильнаго характера) постоянно имѣла значеніе (Дюканжъ, см. у Болтина, П, 311; ср. сводъ выше, с. 4: М. Горчаковъ, Землевлад. патріарховъ, митропол. и пр., 76, 299; о сбивчивости, И. Бриллiантовъ, Ѳерапонт. мон-рь, 86; Ж. М. Н. Пр. 1890, № 1, с. 11). Упомянемъ еще о тенденціозномъ желаніи Вельтмана въ Боянѣ видѣть лѣтописнаго старца Яна (Москвит. 1842, № 2, с. 213—215).

видно изъ тѣхъ прибавокъ, въ которыхъ лѣтописецъ отмѣчаетъ существованіе извѣстныхъ явленій въ ближайшее къ нему время или современныхъ ему, начиная съ болѣе древнихъ событій [1]). Необходимо прибавить, что самое распредѣленіе событій по годамъ въ древней лѣтописи, какъ и въ другихъ, есть дѣло того же составителя свода [2]). Но составители сводовъ смотрятъ уже на событія до извѣстной степени какъ историки, внося свои взгляды на нихъ [3]).

Съ X вѣка лѣтописныя извѣстія съ опредѣленными и вмѣстѣ съ тѣмъ точными датами являются въ лѣтописи („Повѣсти") все чаще, но трудно рѣшить пока, списаны ли всѣ эти даты съ какихъ нибудь замѣтокъ на пасхальныхъ таблицахъ или онѣ заимствованы въ полномъ либо сокращенномъ видѣ изъ недошедшихъ до насъ лѣтописныхъ статей. Начало лѣтописанія у другихъ европейскихъ народовъ представляетъ намъ нѣкоторую аналогію въ этомъ отношеніи. Какъ поступали позднѣйшіе переписчики и сократители съ первоначальнымъ, не дошедшимъ до насъ текстомъ Кіевской лѣтописи XII вѣка, можно видѣть, сравнивая параллельныя мѣста по Ипат. и Лаврент. спискамъ съ Воскресенскимъ или Никоновскимъ списками [4]). То, что за-

[1]) Лѣт. по Лавр. списку (стр. 23, 114, 143, 151, 188). Говоря въ началѣ своей лѣтописи объ обычаяхъ разныхъ народовъ по Г. Амартолу, лѣтописецъ прибавляетъ: „Яко же се и при насъ нынѣ Половци законъ держать отецъ своихъ" и т. д. (стр. 15); сравненіе угровъ (г. 898) съ половцами (бѣша бо ходящи аки се Половци, стр. 24). Половцы появляются на стр. лѣтописи съ 1054 г. (158); но какъ завоеватели называются въ 1061 г. („Придоша Половци первое на Руськую землю воевать.... Се бысть первое зло отъ поганыхъ" и т. д., стр. 159). „Что съ 1060 г. и до конца пишетъ одинъ человѣкъ, это для насъ не подлежитъ сомнѣнію" (Голубинскій, I, 651). Число большихъ статей—записей къ концу свода все болѣе увеличивается. О болѣе подробн. хронологич. отмѣткахъ съ 1061 г. (Погодинъ, IV, 89).

[2]) Хронол. изслѣд. въ области рус. и ливон. исторіи, Авг. Энгельмана, 120, 148.

[3]) Экземплярскій, Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси. Біографич. очерки, II, с. 207. Разница въ хронологіи лѣтописей также часто объясняется сводным҄ ихъ характеромъ (ib. I, 243).

[4]) Составитель 2-й Псков. лѣт., помѣстивъ подъ 1352 г. извѣстіе о морѣ, бывшемъ во Псковѣ, замѣчаетъ: „о семъ пространнѣ обрящеши написано въ Русскомъ лѣтописци". Никон. лѣт., сообщивъ вкратцѣ подъ 1445 г. о приходѣ литовцевъ на Калугу, вслѣдъ за тѣмъ помѣщаетъ два другихъ пространнѣйшихъ извѣстія, прибавляя: „Отъ иного лѣт-ца о томъ же". До насъ дошла лѣт-сь первой половины XV в., въ которой говорится, что она есть сокращеніе древнѣйшихъ (Лѣт-цъ Литвы и хроника Русская стараніемъ и трудомъ Игн. Даниловича, Вил. 1827). Точно такой ходъ лѣтописнаго дѣла замѣчается и въ западной (см. выше, стр. 42), и въ византійской хронографіи (Шестаковъ, Г. Амартолъ, стр. 12). Къ какой пу-

мѣчается въ XII вѣкѣ, могло въ нѣкоторомъ отношеніи случиться въ XI вѣкѣ и раньше. Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время нельзя не согласиться, что такъ называемый Несторовъ текстъ—textus receptus не только мѣстами искаженъ вставками (и не одного лѣтописца или переписчика), но и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сокращенъ. Слѣды первобытнаго текста сохранились и въ лѣтописныхъ сборникахъ, которые къ сожалѣнію дошли до насъ въ довольно позднихъ рукописяхъ [1]).

Несогласіе разныхъ списковъ лѣтописи относительно однихъ и тѣхъ же событій (такъ, въ Лавр. л. Рюрикъ садится въ Новгородѣ; въ Ипат. сначала въ Ладогѣ, а потомъ рубитъ городъ на Волховѣ—Новгородъ), пропуски въ однихъ спискахъ нѣкоторыхъ изъ болѣе раннихъ событій, упоминаемыхъ въ другихъ; разнообразіе въ счетѣ лѣтъ—все это показываетъ, что съ самаго древняго времени лѣтопись велась не одна; а такъ какъ большая часть происшествій сосредоточивается около Новгорода и Кіева, то можно заключить, что древнѣйшія лѣтописи велись и въ Новгородѣ, и въ Кіевѣ и, судя по нѣкоторымъ намекамъ въ Волынской и Ростовской земляхъ [2]); но теперь трудно уже отдѣлить первоначальныя части этихъ лѣтописей [3]).

Мы не можемъ принять теперь, говоритъ Соловьевъ, выраженій о лѣтописяхъ XII вѣка: „Кіевская лѣтопись, Суздальская лѣтопись, Кіевская, дошедшая до насъ въ Ипатьевскомъ спискѣ, Суздальская въ Лаврентьевскомъ и т. д. Во всѣхъ спискахъ мы встрѣчаемъ одно и то же содержаніе: въ Лавр. сп. мы находимъ собственно кіевскія событія, разсказанныя также подробно, или еще подробнѣе, чѣмъ въ Ипатьевскомъ, и наоборотъ, въ Ипатьевскомъ суздальскія происшествія разсказаны гораздо подробнѣе, чѣмъ въ Лаврентьевскомъ; неправильность этихъ названій для общей лѣтописи XII вѣка тѣмъ очевиднѣе, что у насъ есть дѣйствительно лѣтописи, принадлежащія по содержанію одному городу или одной волости: таковы лѣтописи

танпцѣ и противорѣчіямъ вела иногда подобная работа см. Срезневскій, Древн. памятн. яз, изд. 2-ое, 23; П. С. Р. лѣт., III, 169 и 4-ю Новгород. лѣтопись.

[1]) См. замѣтку А. А. Куника въ соч. Дорна „Каспій", стр. 47—48.

[2]) На „стараго ростовскаго лѣтописца" ссылается Симонъ въ посл. къ Поликарпу (Памят. XII вѣка, изд. Яковлевымъ, с. хс).

[3]) Голубинскій напротивъ полагаетъ, что дополненія къ Начальной лѣтописи, встрѣчающіяся въ позднѣйшихъ сборникахъ (Соф., Воскрес., Никон.), заимствованы изъ болѣе полныхъ списковъ этой лѣтописи, а не изъ другихъ отдѣльныхъ лѣтописей, существованіе которыхъ представляется ему сомнительнымъ (I, 654—655).

новгородскія, псковскія, тогда какъ этого вовсе не замѣчается въ спискахъ Лавр., Ипат. и другихъ, содержащихъ въ себѣ *общую* или *княжескую лѣтопись.* Лѣтописатели кіевскіе и суздальскіе записывали одно и тоже или разныя событія независимо, не переписывая ихъ другъ у друга и не сокращая, брали же у тѣхъ и другихъ эти событія и сшивали позднѣйшіе составители списковъ, до насъ дошедшихъ, отъ сего и вышло, что мы для XII вѣка не имѣемъ ни Кіевской, ни Суздальской лѣтописей" [1]).

Разсматривая рядъ извѣстій, встрѣчающихся въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ", можно видѣть, что многія изъ нихъ были записаны въ Новгородѣ, Полоцкѣ, Переяславѣ, Черниговѣ и др. Въ самомъ Кіевѣ извѣстія записывались не въ одномъ мѣстѣ, но въ разныхъ. Князья любили строить монастыри, по большей части въ честь своихъ именъ. Передъ важными предпріятіями или послѣ нихъ князья и близкіе къ нимъ люди имѣли обыкновеніе являться сюда для возношенія молитвъ за успѣхъ дѣла. Въ поминальныя записи вносились имена не только погребенныхъ здѣсь, но и лицъ, павшихъ въ битвахъ. Изъ этихъ записей лѣтописецъ бралъ необходимыя свѣдѣнія— другимъ путемъ едва ли можно объяснить такую краткость и вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко точность отмѣтокъ по годамъ и днямъ. На мѣстѣ, гдѣ происходила жестокая битва (напр во время занятія Новгорода Всеславомъ и битвы съ нимъ кн. Глѣба: „велика же бѣ бѣда въ часъ той", читаемъ въ 1-й Новгор.-лѣт.), иногда сооружался монастырь. Отсюда ясно, что монастырскіе Синодики должны были имѣть большое значеніе для составителя свода XII в. [2]).

Нѣкоторые изъ изслѣдователей, возражающіе противъ веденія раннихъ лѣтописныхъ записей, допускаютъ, однако, существованіе замѣтокъ и надгробныхъ надписей, на которыхъ могли быть обозначены годы смерти князей и по которымъ могли составлятся первыя хронологическія таблицы, такъ какъ уже въ первыхъ извѣстіяхъ часто упоминается о смерти даже женщинъ княжескаго семейства, чѣмъ могъ воспользоваться первый лѣт-цъ. (Разсудовъ. Нѣсколькихъ словъ по вопросу о первой русской лѣтописи. Моск. Унив. Изв. 1868, № 9, с. 756). Существованіе надписей подтверждается извѣстными камнями тмутараканскимъ (см. в., с. 149), Рогволодовымъ

[1]) Исторія Россіи, III, прим. 242.

[2]) Костомаровъ, Лекціи, 60—62. О многочисленности синодиковъ и ихъ значеніи см. выше, с. 254 и Ваттенбахъ, т. I, 437—460.

1171 г., Смядинскимъ, нач. XIII в.; о крестѣ XIII в. надъ убитымъ, упомин. въ Волын. лѣт. (6721) и т. п. (Срезневскій, Памят. языка, 67, 82, 90, 107, 108, 123, 124, 142; Тр. М. Арх. общ., т. IV, в. III; Чт. Общ. ист. 1872, кн. IV; Труды М. О. ист., т. III, кн. I, 197; Брунъ, I, 16); о камнѣ въ Путивлѣ 1205, съ надписью (Ист. Вѣст. 1897, № 9, с. 849). На мѣстѣ татарской битвы подъ Смоленскомъ былъ поставленъ столпъ, о которомъ помнили еще въ XVI в. (Филол. Зап. 1882, с. 52). Надгроб. кам. XV в. съ надп. (Арх. Изв. 1894, № 11, с. 345); о поздн. надгроб. надписяхъ (С. Отеч. 1850, № 4); Собр. надписей съ древн. рус. памятниковъ (Москвит. 1850, № 8); иконы съ лѣтописью (Арх. Изв. 1894, № 11, с. 391). На могилахъ князей ставились часовни, которыя посѣщались потомками (см. выше, стр. 205). Кн. Андрей Юрьевичъ поставилъ памятникъ надъ р. Стыремъ (1150) коню, вынесшему его изъ неравнаго боя (Лавр. 308; Ипат. 272). Припомнимъ свидѣтельство Ибнъ Фодлана (921) объ обычаѣ Русовъ ставить на холмѣ, насыпанномъ надъ покойникомъ, деревянный столбъ съ именемъ умершаго и князя русскаго (Гаркави, Сказ. мусульм. писат. о славян. и русахъ, Спб. 1870, с. 101). Ср. Степ. кн., I, 315.

При этомъ обращаетъ на себя вниманіе слѣдующая черта. Въ древнѣйшихъ извѣстіяхъ преобладаетъ свѣтскій элементъ: они говорятъ, главнымъ образомъ о походахъ, военныхъ событіяхъ, дѣятельности князей. Свѣдѣнія о подвигахъ Кирилла и Меѳодія, о крещеніи Аскольда и Дира, о крещеніи Ольги, носятъ на себѣ черты болѣе поздняго разсказа и позднѣйшаго изложенія, которое могло воспользоваться извѣстіями византійскими и славянскими, но свѣдѣнія о христіанствѣ до Владиміра отличаются подробностями и церковнымъ характеромъ, какой замѣчается въ дальнѣйшемъ изложеніи лѣтописи. Поэтому означенныя извѣстія могли быть записаны лицами близкими къ князьямъ [1]), хотя это и не исключаетъ участія въ нихъ духовныхъ лицъ [2]).

[1]) Срезневскій (Изв. А. Н., III, 64). Куникъ въ обиліи извѣстій такого рода въ княж. Ярослава I видитъ участіе близкихъ къ нему лицъ, а въ извѣстіи о походѣ 1043 г. — одного изъ Вышатичей (Касній, 48).

[2]) Къ такимъ лицамъ слѣдуетъ отнести и дьяковъ. Названіе дьяка, отъ греч. слова διάκονος, вошло въ употребленіе для означенія должности не позже Ярослава I. Этимъ именемъ сначала обозначались чисто-церковныя должности, а потомъ названіе перешло и къ должностямъ внѣ церковнаго управленія (М. Горчаковъ, О земельныхъ владѣн. митр., патріар. и св. синода, 245—246; ср. Словарь Срезневскаго, I, 668, по памят. XI в; Голубинскій I, 769). Значеніе это дьяки пріобрѣтаютъ довольно рано (см. выше, стр. 242). Въ близкихъ по времени памятникахъ они являются писцами (Памятн. языка, Срезневскаго, 27) и обыкновенно называются поповичами (Ak. grod., XI, p. 343; XIV, p. 50). Они несутъ обязанности секретарей у князей и бояръ. Позже, въ юж. Руси, они достигали дворянства и владѣли имѣ-

VI.

Процессъ развитія лѣтописнаго дѣла въ Россіи во многомъ напоминаетъ ходъ его на Западѣ. Еще Шлецеръ указалъ, что такъ наз. лѣтопись Нестора служитъ основнымъ источникомъ, къ которому примыкаютъ дальнѣйшіе ея продолжатели и мѣстныя лѣтописи (таковы списки Сузд., Ипат., 1-ая Новгород. съ сокращен. древ. Кіев. лѣт., Соф. Времен., Типограф. лѣтоп., изд. подъ заглавіемъ Лѣтописецъ, который служитъ продолженіемъ Несторову лѣтописцу, М. 1781, довед. до 1534 [1]), Воскресен. лѣт., Густын. лѣт. съ передѣлкою Нестора и др.). Погодинъ, въ свою очередь, обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что начало XIII в. послужило какъ бы переломомъ въ нашемъ лѣтописаніи: тутъ оканчивается Кіевская лѣтопись по Ипатьев. списку, Радзивил. сп. Сузд. лѣтописи, а Соф. Времен. хотѣлъ довести свое повѣствованіе до этого времени. Другими словами, отъ начала XIII в. до насъ дошло три свода—обстоятельство чрезвычайно важное въ вопросѣ о достовѣрности нашего лѣтописанія, прибавляетъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ [2]).

Подобное единство въ лѣтописномъ дѣлѣ свидѣтельствуетъ о сознаніи идеи единства Руси, при существованіи племенной раздѣльности, о чемъ говорятъ намъ и литературные памятники, какъ Слово о полку Игоревѣ, Слово о погибели русской земли и др., не говоря уже о произведеніяхъ церковнаго характера. Сознаніе это поддерживалось признаніемъ политическаго и церковнаго главенства Кіева, выражавшагося, между прочимъ, въ правѣ располагать княжескими и епископскими столами, при чемъ на эти послѣдніе часто назначались кіевскіе выходцы. Въ такомъ же духѣ дѣйствовала и константинопольская іерархія, преслѣдуя въ значительной степени свои политическія цѣли [3]). Начальная лѣтопись болѣе другихъ изъ назв. памятниковъ говоритъ намъ о сознаніи этого единства въ средѣ княж-

---

віями; а, являясь въ качествѣ секретарей на судѣ, становились нерѣдко и сами судьями (Ж. М. Н. Пр. 1891, № 7; крит. и библіогр., 163—164). Ср. Погодинъ, IV, 11.

[1]) Началомъ его служитъ списокъ Нестора, сходный съ Радзивил., изданнымъ въ 1767 г., а потому онъ и не напечатанъ здѣсь.

[2]) Погодинъ, Изслѣд. IV, 60, пр. 55; Б.-Рюминъ, О составѣ рус. лѣт., 72, прим. Татищевъ пользовался Кіев. лѣт., но безъ Волынской, въ Голицын. спискѣ.

[3]) См. Синод. дѣяніе 1389 г. о духовномъ единствѣ Россіи (Арх. ист. юрид. свѣд. о Рос., Калачова, III, 1—20).

ныхъ людей и политическихъ дѣятелей въ разсматриваемый періодъ исторіи [1]). Въ свою очередь, XV и XVI вѣка, отмѣченные собраніемъ многочисленныхъ литературныхъ памятниковъ въ болѣе или менѣе обширные сборники (Библія Геннадія, Четьи-Минеи Макарія, Домострой Сильвестра, Судебники и пр.), представляютъ аналогичное явленіе и въ лѣтописномъ дѣлѣ. Къ этому времени относятся лѣтописные сборники (1 и 2-ая Соф. лѣт., 4-ая Новгор., Никон. и сходные съ нимъ своды).

VII.

Ближайшее сопоставленіе русской (преимущественно Начальной) лѣтописи съ западно-европейскими произведеніями этого рода, можетъ выяснить наглядно ихъ сходство и отличія. Послѣдовательность, строго наблюдаемая въ русской лѣтописи, есть хронологическая: года описываются одинъ за другимъ; въ событіяхъ одного года принятъ порядокъ мѣсяцевъ. Въ большей части древнихъ европейскихъ лѣтописей наблюдается такой же порядокъ. Но отъ времени до времени являлась необходимость въ помѣщеніи эпизодовъ, которые искусственно соединяются съ погоднымъ разсказомъ, и самый переходъ къ прерванному изложенію обозначается выраженіями: „но мы на предняя взратимся“, „послѣ же скажемъ“, „и се да скажемъ“ и т. п., соответствующія у западныхъ лѣтописцевъ: „sed ad coeptum, unde digressi sumus, redeamus“; „ad coeptum potius revertamur“ (у Ламберта); „nec tacere cupio; nec praetereundum censeo“ (у Козьмы Пражскаго); „и до сего дне“, соотвѣтствующее „usque hodie“ (у Григорія Турскаго). Какъ у русскаго лѣтописца, такъ и у западныхъ, изложеніе состоитъ частію изъ *краткихъ замѣтокъ*, частію изъ *подробныхъ описаній*. Въ краткихъ замѣткахъ говорится о нашествіи непріятелей, о небесныхъ явленіяхъ, о бракахъ государей, объ избраніи духовныхъ лицъ, о

[1]) Древность понятія объ единствѣ Русской земли (сводъ лѣтописныхъ выраженій, Москвитян. 1850, VI, 21—22); Владимірскій-Будановъ (Обз. ист. русскаго права, I, 10, 91). Нашествіе иноплеменниковъ—гнѣвъ Божій, а усобицы—дьявольскій соблазнъ (Лавр., 163; ср. 145).

Объ отсутствіи такого единства (включая и лѣтописи) представилъ въ последнее время сводъ данныхъ Ѳ. И. Леонтовичъ (Націон. вопросъ въ древней Россіи, Варшав. Унив. Извѣстія 1894, кн. IX; 1895, кн. I, 1—65). Впрочемъ, на стр. 48, авторъ говоритъ: „Политика мѣстныхъ интересовъ въ особенности начинаетъ руководить князьями съ к. XII вѣка“.

смерти выдающихся дѣятелей и т. п. Главное мѣсто въ лѣтописяхъ (тѣхъ и другихъ) занимаютъ описанія *внѣшняго*, а *не внутренняго* быта. Войны, междоусобія, защита отъ нападенія враговъ, пріобрѣтеніе добычи и т. п. заслуживали подробнаго описанія. Это объясняется близостью средневѣковаго писателя къ интересамъ остального общества, и въ теченіе многихъ вѣковъ внѣшнія событія привлекали общее вниманіе гораздо болѣе, чѣмъ внутренній міръ, скрытый отъ глазъ обыкновеннаго наблюдателя. Затѣмъ, видное мѣсто въ лѣтописяхъ занимаютъ, по положенію лѣтописцевъ, церковныя и монастырскія событія. Въ разсказахъ о дѣйствіяхъ извѣстныхъ лицъ, при описаніи нравственныхъ и физическихъ свойствъ этихъ послѣднихъ, отзывы лѣтописцевъ большею частію кратки и общи и составлены какъ бы по одной и той же схемѣ [1]).

Лѣтописцы пользовались преданіями: таковы описанія древняго быта племенъ у Нестора и Козьмы Пражскаго; но первый сообщаетъ извѣстія въ томъ видѣ, какъ они дошли до него; Козьма Пражскій иделизируетъ прошлое, которое представляется ему золотымъ вѣкомъ и, напротивъ, сурово отзывается о настоящемъ. Еще историки XVIII в. обратили вниманіе на то, что древній русскій лѣт-цъ менѣе другихъ упоминаетъ о чудесныхъ знаменіяхъ (у Григорія Турскаго о нихъ говорится почти столько же, сколько объ обыкновенныхъ событіяхъ, а иногда даже подробнѣе, чѣмъ объ этихъ послѣднихъ); но и русскій лѣтописецъ, подобно другимъ средневѣковымъ писателямъ, любитъ связывать эти явленія съ извѣстными событіями, какъ предзнаменованіе съ слѣдствіемъ.

„Знаменья бо бываютъ ова на зло, ова ли на добро“, какъ указаніе на „неправды“ людей (Лавр. лѣт., 161, 166, 208, 266). Въ подтвержденіе этого онъ приводитъ рядъ примѣровъ изъ хроники Г. Амартола. У Григорія Турскаго, при разсказѣ о появленіи трехъ или четырехъ свѣтилъ вокругъ солнца, прибавляется, что народъ (rustici—невѣгласи по рус. лѣтописи) выражался: „вотъ три, вотъ четыре солнца на небѣ“. О четырехъ солнцахъ въ Новгор. лѣт. (III, 128). Подобныя же разсужденія по поводу затменія 14 мая 1230 г. (Лавр. лѣт., 432; Карамз., III, прим. 330). Въ ряду этихъ явленій особенный интересъ представляютъ видѣнія сражающихся воиновъ въ воздухѣ (Лавр. л., 160—161, изъ Г. Амартола, о событіи, быв-

---

[1]) Ср. лѣтоп. по Лавр. сп. 193 (Глѣбъ Святославичъ), 196 (Изяславъ Яр.), 209 (Всеволодъ Яр.) и др.; Pertz, Script., V, 171, 228; VII, 171, 228; IX, 48.

Внесеніе мелкихъ фактовъ (паденіе церк. купола, Ипат., 185=O. Lorenz I, 225).

шемъ при Антіохѣ IV Епифанѣ въ 166 г. до Р. Х., въ Іерусалимѣ; ср. греч. текстъ по изд. Муральта, pag. 208, cap. xcix; Лѣтовникъ Георгія грѣшнаго инока, по изд. Общ. люб. древ. письмен., вв. I, II, л. 117). Подробный разсказъ объ этомъ мы находимъ у Ибнъ-Фодлана (X в.), который говоритъ (въ Булгарѣ на Волгѣ), что онъ видѣлъ облако, красное какъ огонь, изъ котораго исходили шумъ и голоса и въ нихъ видны были кони и люди, державшіе въ рукахъ копья и мечи („я различалъ и представлялъ ихъ себѣ“); затѣмъ точно такъ же явилось другое облако, и между людьми завязался настоящій бой и т. д. (Сказ. мусульм. писат., изд. Гаркави, 88—89). Попом. Тарасій сообщаетъ о множествѣ ангеловъ, стрѣлявшихъ огненными стрѣлами „аки дождь сильный“ (П. С. Р. Л., III, 246; ср. Ипат., 193; Пам. стар. лит., I, 283—286). Въ Татищ. сводѣ находимъ слѣд. извѣстіе: „6420. Сея же зимы погорѣ небо и столбы огненные ходили отъ Руси ко Греціи сражающося“ (изъ Раскол. и Хрущ. списк., т. II, 25; ср. прим. 96). А одинъ русскій лѣт-цъ сообщаетъ, что онъ слышалъ отъ очевидца, какъ во время битвы Александра Невскаго на Чудскомъ озерѣ явился полкъ божій на воздухѣ, пришедшій на помощь Александру (Синод. Новгор. лѣт., 260). Къ подобнымъ же явленіямъ относится и видѣніе („въ мечтѣ“) ристающихъ бѣсовъ въ Полоцкѣ (Лавр. л., 207). Въ древнихъ переводахъ по поводу этихъ явленій встрѣчаемъ выраженія: „си есть фантазма или мечта“; „о фантазмахъ демонскихъ, сирѣчь призракахъ“ (см. статью „Демонъ, Летавецъ“, по рукоп. И. Пуб. библ., въ прилож. къ соч. И. Н. Жданова „Русскій былевой эпосъ, Спб. 1895, стр. 611—612). Припомнимъ еще мечтанія Симона волхва (Лавр. л., 175). Во время Саламинской битвы энтузіасты слышали въ воздухѣ голоса и видѣли, какъ поднявшійся столбъ пыли разостлался въ тяжелое облако, которое покрыло тѣнью персидскій флотъ (Геродотъ, VIII, 65), при чемъ нѣк. утверждали, что видѣли героевъ Аякса, Тевкра и Ахиллеса, которые сражались за свои жилища въ Саламинѣ и Эгинѣ. У Діонисія Галикарнасскаго помѣщенъ разсказъ (преданіе) о томъ, что въ битвѣ на Регильскомъ оз. гдѣ рѣшилась участь царя Тарквинія, диктаторъ Авлъ Постумій видѣлъ Кастора и Поллукса, сражавшихся впереди римскихъ воиновъ на бѣлыхъ коняхъ, которые за тѣмъ являются въ городъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ (VI, 13). Передъ 65—66 г. по Р. Х. въ Іудеѣ общая тревога поддерживалась и усиливалась повсюду распрями и ужасающими разсказами. Одни видѣли на небѣ огненные мечи, другіе арміи, сражающіяся въ облакахъ, третьи жертвенныхъ животныхъ, производящихъ на свѣтъ чудовищъ....; слышали голоса въ святилищѣ, когда никого тамъ не было и т. п. (Іудея и Римъ по Ренану, Р. Мысль 1896, № 3, Іос. Флавій). По словамъ Прокопія и Павла Діакона, чума, бывшая при Юстиніанѣ въ Византіи, возбуждала настолько воображеніе, что въ воздухѣ слышались сонмы роговъ, а по улицамъ,

казалось, блуждалъ самъ духъ чумы или *призракъ* (φάσματα δαιμόνων), поражавшій прохожаго, и подобнымъ же образомъ описываетъ Григорій В. чуму (590) въ Римѣ (Gregorovius, II, 25—27; ср. о чумѣ 680 г., ibid., 183—185; извѣстіе о таин. голосахъ и камен. дождѣ въ Римѣ у Т. Ливія, I, 31).

Мы уже знаемъ, что весьма рано въ русской литературѣ (см. выше, с. 225), стало извѣстнымъ толкованіе Епифанія Кипрскаго на книгу Бытія, въ которой подробно развивается мысль, что ангелы приставлены управлять стихіями и явленіями природы. Тотъ же Епифаній, согласно съ мнѣніями другихъ греко-восточныхъ учителей, признавалъ особыхъ ангеловъ, геніевъ народныхъ. Толкованіе его переписывалось въ многочисленныхъ рукописяхъ и занесено было преимущественно въ такіе сборники, которые наполнялись статьями для народнаго чтенія. Древній лѣтописецъ воспользовался его толкованіемъ по поводу огненнаго столпа, явившагося надъ Печер. монастыремъ 11 февр. 1110 г. (Лавр. л. стр. 274; въ Ипат. и сход. съ нимъ Хлѣбниковъ —подр. выписка, 189; П. С. Р. Л., IX 142; Никон., II, 43). Мысль, что и погаными управляютъ ангелы подкрѣпляется успѣхами Александра Макед. (ср. ж. Кирилла Бѣлозерскаго и т. п.). Въ одномъ изъ сборниковъ сообщается, какъ „300 ангеловъ солнце воротятъ“; въ другихъ статьяхъ такимъ властителемъ воздушнаго пространства, согласно съ библейскимъ воззрѣніемъ, является уже прор. Илія (см. А. Щаповъ, Историч. очерки народн. міросозерц. и суевѣрія, Журн. Мин. Нар. Пр. 1863, I, 1—17). Любопытны еще позднѣйшія записи о подобныхъ явленіяхъ (облаковъ, имѣвшихъ видъ разныхъ фигуръ или войскъ, наступавшихъ другъ на друга или совершавшихъ военныя эволюціи и т. п.), которыя очевидцы относили къ современнымъ событіямъ (Записки Шишкова, 1831, с. 33—34; А. Кирпичниковъ, Очерки по миѳологіи XIX в., Этногр. Обозр. IV, 1894, 24—28; Одес. Вѣстн. 1886, № 89, 1897, № 213), при чемъ объясняются эти явленія фата-морганой или миражемъ.

VIII.

Иногда лѣтописецъ нарушаетъ обычную хронологію, чтобы связать предсказаніе съ совершившимся событіемъ (напр. предсказаніе кудесниковъ о смерти Олега). Высшею причиною, дающею ходъ и направленіе событіямъ, лѣтописецъ признаетъ волю Бога („вложи Богъ мысль добру“; „Богъ князю вложи въ сердце“; „се бо на ны Богъ напусти поганыхъ“ и т. п. [1]). Вражда и ненависть приписываются кознямъ дьявола („воздвиже дьяволъ котору въ братьи сей

[1]) Поэтому хорошій князь дается въ награду отъ Бога (Лавр. лѣт., 361: ср. Псков. 2-я, с. 2).

Ярославичихъ"): но дѣйствія его являются иногда необходимымъ предостереженіемъ отъ грозящихъ бѣдствій [1]). Такая точка зрѣнія явилась у лѣтописца подъ вліяніемъ Г. Амартола, изъ котораго онъ заимствуетъ рядъ примѣровъ (изъ библейской, римской и византійской исторіи), хотя и не достигла такихъ широкихъ размѣровъ, какъ у этого послѣдняго, который дѣлаетъ значительныя отступленія въ указанномъ направленіи (обычный его оборотъ „тѣмъ поучаемся"). Но подобная же точка зрѣнія на отношенія невидимой таинственной силы къ человѣку господствовала и у западныхъ лѣтописцевъ [2]). При господствовавшимъ взглядѣ на міръ и бѣдствіяхъ, поражавшихъ воображеніе лѣтописцевъ, естественно встрѣтить и мрачныя краски въ описаніи событій [3]).

Видукиндъ пишетъ: „Въ этомъ году (942) случилось много небесныхъ знаменій.... Слухъ ходилъ, что гора, гдѣ былъ погребенъ всемогущій Господь, во многихъ мѣстахъ извергала пламя. Также у одного человѣка снова выросла во снѣ лѣвая рука, которую ему отрубили мечемъ... За тѣми же кометами послѣдовало страшное наводненіе, а за наводненіемъ скотскій падежъ". Титмаръ Мерзебургскій: „Въ 989 г. явилась комета: она предсказывала тяжелыя потери, которыя должна была принесть съ собою наступающая чума. Въ 989 г. 21 окт. въ 5 ч. дня было солнечное затменіе. Я уговаривалъ христіанъ, чтобъ они не вѣрили, будто оно производится волшебствомъ злыхъ женщинъ или происходитъ отъ того, что солнце поглощается кѣмъ нибудь и будто этому можно помочь земными средствами" и т. д. Правда, Титмаръ могъ объяснить это явленіе такъ, какъ учили о томъ Макробій (писатель V в., въ комментаріяхъ на соч. Цицерона о сновидѣніяхъ) и др. мудрецы, а именно, что затменіе производится луною (по сборн. Стасюлевича). Мнѣніе о съѣданіи солнца было извѣстно и въ Россіи (Лавр. л., 160), однако самъ лѣтописецъ не раздѣлялъ этого мнѣнія („его же невѣгласи глаголють снѣдаему сущю"; ср. объясненіе по другому поводу, ibid. 432). Въ русскихъ лѣтописяхъ о затменіи солнца постоянно говорится какъ о гибели его (гг. 1091, 1112, 1113, 1124, 1187, 1236, 1360, 1366, 1399, 1415). Взглядъ этотъ удержался въ народѣ до позднѣйшаго времени (Мельниковъ, Солнечныя затменія, видѣнныя въ Россіи до XVI в., Отеч. Зап. 1842. № 6; Барсуковъ, Жизнь и труды Пого-

[1]) Смерть (убійство мятежнаго боярина) объясняется изволеніемъ божіимъ (Опис. рук. И. Пуб. библ., I, 139). Воины враговъ избиваются ангеломъ божіимъ (Лавр. л., 457; Новгор. Синод., 257. 317, 318). Собаки не трогаютъ труповъ своихъ воиновъ, а пожираютъ враговъ (Никита Хоніатъ, Царств. Андроника Комнена, I, 9).

[2]) Трайль, I, 361.

[3]) Ламбертъ, 173, 207, 257; Козьма Пражскій, 95.

дина. IX, 324). Когда случится солнечное затменіе, въ Краинѣ думаютъ: „да нека аждаја Врколак хоче да прогута (проглотить) сунце". Поэтому всѣ выбѣгаютъ въ поле и ударяютъ въ котлы и тазы, чтобы напугать змѣю-оборотня (Аѳанасьевъ. III, 805). По даннымъ, собраннымъ Е. Б. Тайлоромъ (Доисторич. бытъ человѣчества, стр. 215—216), оказывается, что понятіе, будто бы солнце и мѣсяцъ во время затменія проглатываются или съѣдаются драконами, огромными собаками или дугими животными не только весьма обыкновенно въ Старомъ Свѣтѣ, но также имѣетъ мѣсто въ Сѣверной и Южной Америкѣ и въ Полинезіи. У англосаксовъ, французовъ, скандинавовъ, литовцевъ, славянъ, финновъ солнечныя и лунныя затменія соединяются съ дѣйствіемъ дьявола, дракона и волка. Въ новогреческой сказкѣ волкулакъ играетъ такую же роль, какая въ русскихъ и нѣмецкихъ сказкахъ дается дракону. Въ Кормчей книгѣ находимъ слѣдующее мѣсто: „Облакы-гонеште и отъ селянъ влъкодлаци нарицаються; егда убо погыбнетъ луна или слънце глаголютъ: влъкодлаци лоуну изъѣдоша или слънце: си же вся басни и лъжа суть" (А. Афанасьевъ, Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу. I, 735—766). Но патр. Филоѳей (1370 г.) самъ вѣрилъ въ силу волкодлаковъ (Рус. Истор. библ., VI, отд. 2-й, с. 124). Въ Каталогѣ аѳонскихъ рукописей Ламброса значится рукопись XVI вѣка инока Марка Серрскаго: „разысканіе о волкудлакахъ" (Βουρκολάκων), какъ и почему св. Божія церковь отвергаетъ, чтобы отъ нихъ происходили моровыя язвы и чтобы онѣ насъ поѣдали, какъ мы предполагаемъ (Ж. М. Н. Пр. 1881, № 2, с. 168). Русскій лѣтоп. замѣчаетъ, что литов. князя „Вида люди звали волкомъ" (П. С. Р. Лѣт., VII, 254). Напомнимъ миѳъ о превращеніи царя Аркадіи Ликаона въ волка, разсказы Геродота о неврахъ, Всеслава полоцкаго. Въ 1521 г. во Франціи два лица подверглись сожженію за превращеніе въ волковъ, по дѣйствію дьявола, за сношеніе съ волчицей и т. п. (В. Евр. 1895, № 8, с. 499—502; Calmeil, De la folie, considérée sous le point de vue pathologique, historique et judiciaire, Paris, 1845, 2vv; Leubuscheur, Ueber die Wehrwölfe und Thierverwandlungen im Mittelalter, Berl. 1850). Позднѣйшія народныя представленія о волкодлакахъ—волкулакахъ (Аѳанасьевъ I, 792; т. II, 333; т. III, 527—532, 549—551, 586, 593; Ликантропы—люди-волки, люди-медвѣди, (Олонец. Губ. Вѣд. 1853, № 20); объ упыряхъ и волкодлакахъ на югѣ Россіи (Кіев. Стар. 1883, № 6, с. 371 и д.; 1884, № 1, 169—171; 1890, № 2, с. 338, 1893, № 6, с. 543; 1894, № 6; с. 543, № 12, с. 497; 1890, № 4, с. 101—120—судеб. дѣла, убійства и т. п). О превращеніяхъ въ малорус. сказкахъ, Х. Ящуржинскаго (1891, №№ 3—4, сс. 445—462, 82—96).

Подробно объ отношеніи дьявола къ человѣческимъ дѣяніямъ говоритъ монахъ Рад. Глаберъ Hist. sii temporis (кн. V-я). Описаніе уродовъ: у Геродота (VII, 57), Г. Амартола (Лѣт. по Лавр. сп., с. 160) и родившагося въ де-

ревнѣ Горторнѣ у Титмара Мерзеб. (кн. IV, 17) напоминаетъ запись объ уродѣ у русскаго лѣтописца, выволоченномъ изъ р. Сѣтомли, подъ 1065 г. (Лавр. сп., изд. 2-ое, с. 160). Споръ о немъ Погодина со скептиками и сообщеніе о подобномъ же уродѣ въ Мюнхен. кабин. натуралистовъ (Барсуковъ, М. П. Погодинъ, V, 305—306); ср. Новгород. лѣтоп. (III, 250) съ одинаковымъ заключеніемъ, что подобныя знаменія бываютъ не на добро („проявленіе рати, гладу ли смерти", ib. 161; у Титмара: „рожденіе урода, за наши злодѣянія, повлекло за собою моровую язву"). Но подобные взгляды стояли въ связи съ общимъ средневѣковымъ міросозерцаніемъ: необыкновенныя явленія вызывали даже трактаты о нихъ (Бокль, I, 245--246). Любопытны позднѣйшія „дѣла" на почвѣ, неправильныхъ рожденій (Кiев. Стар. 1896, № 5, с. 39 и д.; дѣло 1743 г., Чтен. въ Общ. Нестора лѣт., XII, 332 и д., дѣло 1798 г.). Рядъ извѣстій о разныхъ явленіяхъ и знаменіяхъ въ нашихъ лѣтописяхъ вполнѣ подтверждаютъ эту точку зрѣнія (годы 1063, 1091, 1102, 1104, 1110, 1141, 1143, 1161, 1135—рѣчь идетъ о бѣдствіяхъ физическихъ и общественныхъ—войнахъ, междоусобіяхъ и т. п.). Затменіе 1113 г. предвѣщало смерть вел. князя Святополка; знаменіе въ лунѣ 1161—смерть Изяслава Давидовича (убитаго); землетрясеніе 1195—усобицу Мономаховичей и Ольговичей. Подъ 912 г. въ лѣтописяхъ (см. выше, с. 241) читаемъ: Stella cometis: et Ruodolfus rex obiit felici exitu, filiusque eius rex nomine patris elevatus (Pertz, I, 55; въ болѣе краткомъ изложеніи 2-я половина опущена, I, 98). Cometae apparuit. Oddo comes obiit (III, 4). Cometae videntur. Ungarii Alamanniam depopulantur (IX, 496). У Титмара Мерз. затменіе 989 г. предвѣщаетъ смерть королевы Θеофаніи († 990). О кометахъ и затменіяхъ въ русскихъ лѣтописяхъ въ связи съ астрономич. показаніями (Карамзинъ, по указат. см. означен. слова; Погодинъ, Изслѣдов., IV, 135—144, на основ. вычисленій Д. М. Перевощикова).

Англійскій лѣтописецъ конца XII в. о царствованіи Вильгельма Рыжаго говоритъ: „Въ царствованіе этого короля въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ видимы были многія знаменія, море часто выходило изъ береговъ, потопляло людей и животныхъ, много разъ разрушало селенія и дома. Въ мѣстности, называемой Беркширъ, передъ убійствомъ короля, въ теченіе трехъ недѣль, показывалась *кровь* изъ источниковъ. Многимъ норманнамъ часто являлся въ лѣсахъ дьяволъ въ ужасномъ видѣ и много говорилъ имъ о королѣ Ранульфѣ и кое-чемъ другомъ. Неудивительно, что въ то время молчала правда законовъ, и въ дѣлахъ, подлежащихъ суду, господствовали только деньги" (Rog. de Hoveden, Annales, Script. post Bedam, 268; ср. еще pp. 356—358; также Matthaei Westmon., Flores hist., part I, 266, 289; part II, 298; ср. Бокль, I, 227—28, примѣч.).

Древній русскій лѣтописецъ пишетъ: „Въ се же лѣто Новѣгородѣ иде Волховъ вспять дній 5; се же знаменье не добро бысть, на 4-ое бо лѣто пожже Всеславъ градъ“ (Лавр., 2-ое изд., 159, годъ 6571—1063; ср. естестественное объясненіе этого явленія у Татищева и Карамзина, Ист. госуд. Рос., II, прим. 113; подобныя же явленія въ другихъ случаяхъ у Карамзина, III, прим. 44; т. V, прим. 137: годы 1176 и 1373). Взятіе Цареграда крестоносцами и Кіева Ольговичами при содѣйствіи половцевъ въ 1204 г. нашли подтвержденіе у лѣтописца въ страшныхъ явленіяхъ, предшествовавшихъ этимъ событіямъ. „Тое же зимы бысть знаменія многа на небеси; едино же отъ нихъ скажемъ, въ пятый часъ въ нощи потече нобо все и бысть червлено; на земли же и по хоромомъ и по снѣгу видѣти человѣкомъ, яко кровь проліяну. Видѣша же нѣціи, теченіе звѣздное бысть на небеси, отторгахуть бо ся звѣзды на землю и мнѣти бяше зрящимъ, яко уже кончина міра“ и т. д. (Карамзинъ, III, прим. 148). Самое широкое толкованіе подобной связи явленій даетъ одна изъ позднихъ записей (XVI в.) русской лѣтописи (П. С. Р. Л., IV, 294). И еще въ к. XVII в. (1691) извѣстному скептику Бэйлю съ большимъ опасеніемъ, но съ замѣчательною настойчивостью пришлось доказывать, что „кометы никоимъ образомъ не предвѣщаютъ несчастія“. Даже въ XVIII в. нѣмецкіе публицисты все еще высказывали на событія сѣверной войны лѣтописный взглядъ (Р. Арх. 1896, № 21, сс. 7 и 13).

Въ русскихъ лѣтописяхъ не разъ упоминается о спаденіи съ неба огненныхъ зміевъ, наводившихъ ужасъ на всѣхъ людей (1028, 1091, 1144, 1215, 1556 гг., см. П. С. Р. Л., I, 92; II, 19; III, 121; IV, 309; Карамз. II, прим. 152; т. III, прим. 208),—явленіе, иногда прямо соединяемое съ грозою. Въ отпискахъ 1662—63 гг. мы находимъ болѣе обстоятельное описаніе метеоровъ, видѣнныхъ въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ: „явися, *аки звѣзда великая и покатилась по небу съ скоростію, яко молнія,* и небу раздвоится, *и протяжеся по небу яко змій, голова въ огни и хоботъ*— и стояло съ полчаса“; „сталъ яко облакъ мутенъ, и протяжеся отъ него по небу *яко змій великій, голова въ огни, и пошелъ изъ него дымъ*, и учалъ въ немъ быть шумъ, *яко громъ*“ (Акты историч., IV, 170). Для сравненія любопытна замѣтка въ дневникѣ Гордона (1 іюня 1684), во время преб. его въ Кіевѣ: „Вечеромъ, вскорѣ послѣ заката солнца, показался на Западѣ огненный змѣй, который сперва поднимался къ верху, подобно ракетѣ, потомъ сталъ блѣднѣть и чрезъ $1/2$ часа исчезъ“. Подобныя представленія существовали у всѣхъ народовъ. По словамъ Никиты Хоніата, комета, имѣвшая видъ змѣи, предвѣщала бѣдствіе (Царств. Алексѣя Комн., 12). У грековъ „ἕλιξ“ означаетъ и молнію, и змѣю; у нѣмцевъ „schlängelt sich der Blitz“—„змѣится (извивается) молнія“; сѣверо-американскіе индійцы называютъ громъ шипѣніемъ большой змѣи, а древніе

татары признавали (въ XIII в.) молнію огненнымъ дракономъ, падающимъ съ неба и могущимъ оплодотворять женщинъ, по словамъ путешественниковъ (Соловьевъ, III, 179). Въ Тамбовской губ. крестьяне толкуютъ, что во время грозы летаютъ огненные змѣи и, подобно дьяволу, стараются спрятаться отъ громоваго удара, но Богъ преслѣдуетъ ихъ своими мѣткими стрѣлами. Въ апокрифической бесѣдѣ Панагіота съ Азимитомъ преслѣдованіе приписывается ангельской силѣ, испускающей громъ и молнію. Вообще у индо-еврейскихъ народовъ понятія змѣя, дракона, свѣта и огня отождествляются. Рядомъ съ этимъ встрѣчаются преданія, въ которыхъ кровь дракона сопоставляется съ дождемъ, а змѣй представляется владыкой дождевыхъ источниковъ и т. п. (Аѳанасьевъ, Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу, т. II, с. 505. 509—521. 552, 558; ср. т. I, 367, 382; т. III, 479, 805). Заслуживаютъ вниманія старинныя гравюры съ изображеніемъ летающихъ змѣй (Археол. Изв. 1897, №№ 5 - 6, с. 158). Современныя описанія метеоровъ напоминаютъ указанныя явленія (Кіевлян. 1895, №№ 222, 225; 1896, №№ 33, 36, 55, 193, 269; 1897, № 307). О поклоненіи метеоритамъ у разныхъ народовъ, ст. Губерта Ньютона (American Journ. of science 1897 г.). Въ англійской иллюстраціи XVII в. сохранилось не мало описаній и изображеній чудесныхъ явленій, видѣнныхъ въ то время. Въ нихъ появляются партіи сражающихся въ облакахъ и кровавые дожди, черти и ангелы. Въ брошюрѣ, изданной въ 1627 г. разсказывается о паденіи метеоритовъ въ Беркширѣ, съ иллюстраціей, изображающей крестьянина, убитаго метеорнымъ камнемъ на полѣ, а въ облакахъ пушки, изъ которыхъ ангелы стрѣляютъ метеорными и падающими звѣздами. Брошюра утверждаетъ положительно, что для наказанія грѣшниковъ Богъ приказываетъ открыть форточки въ небѣ и громить оттуда людей небесною артиллеріею (Очеркъ исторіи англійскихъ иллюстрацій. В. Р. Зотова, Ист. Вѣст. 1887, т. XXVII, с. 165—166).

Въ связи съ „огненными", „летающими" и т. п. змѣями стоятъ представленія о посѣщеніи змѣями женщинъ, о дьяволѣ-инкубѣ, удерживающіяся во многихъ мѣстахъ (напр. въ Бретани, какъ и у насъ) до позднѣйшаго времени (А. Н. Веселовскій, Разыск. въ области русскихъ дух. стиховъ, прилож. къ XXXVII т. Зап. Ак. Н., с. 124; также вып. V гл. XI, вып. VI, гл. XX; Всеоб. литер., изд. Коршемъ, II, 247—48; Докум. ист. чорта, В. Р. Зотова, Ист. В. 1884, XV, 168—170). Въ древне-русской литературѣ имѣется переводная статья „Демонъ-Летавецъ" (Ждановъ, Былевой эпосъ, 611—614; др. сказанія, Мышкин. Сборн., изд. Общ. люб. древ. письмен., с. 15; о похожд. бѣса въ рус. сказан., Буслаевъ, Мои досуги; въ соч. протоп. Аввакума, Матер. для ист. раск., изд. Субботинымъ, VIII, 31; Воспом. Аѳанасьева, Ист. Вѣст. 1890, № 7, с. 31, разсказъ, относ. къ Перми въ 20-хъ годахъ). Въ муромской легендѣ говорится о змѣѣ, блудив-

немъ съ женою князя (Памят. старин. литер., I. 31; Буслаевъ, Очерки. I. 294; Голубинскій, II, 557, прим.). Въ рожд. Роберта нормандскаго, прозв. Дьяволомъ, также примѣшано участіе этого послѣдняго (Трайль, II. 267). Уродство наводило уже на мысль о связи съ нечистою силою (Маколей. IX. 252).

IX.

Многіе изъ западныхъ лѣтописцевъ, знакомые съ классическою литературою, щедро пользовались цитатами изъ древнихъ писателей, но рядомъ съ тѣмъ у нихъ идутъ многочисленныя ссылки на Библію, которыя нерѣдко представляютъ длинный рядъ текстовъ. Русскій лѣтописецъ заимствуетъ свои ссылки изъ этой послѣдней и часто вполнѣ независимо отъ своего прототипа Амартола. Но въ самомъ пользованіи этими мѣстами замѣчается поразительное совпаденіе у русскихъ и западныхъ лѣтописцевъ [1]). Также общи имъ сравненія, заимствованныя изъ того же источника (напр. Владиміра съ Соломономъ у Нестора, Андрея Боголюбскаго у суздальскаго лѣтописца, Брячислава у Козьмы Пражскаго). Будучи всецѣло сосредоточенъ на интересахъ судьбы „Русской земли", лѣтописецъ ея представляется однако болѣе объективнымъ свидѣтелемъ описываемыхъ дѣяній; онъ не впадаетъ въ преувеличенныя похвалы, какъ дѣлаютъ другіе мѣстные лѣтописцы (Козьма Пражскій, Мартинъ Галлъ). Даже въ описаніи войны между Болеславомъ польскимъ и Ярославомъ онъ выдерживаетъ тотъ же объективный тонъ, отсутствіе котораго чувствуется у Мартина Галла [2]), хотя племенная неpріязнь не была чужда и кіевскому лѣтописцу [3]). Свойственныя лѣтописцу объектив-

[1]) Сухомлиновъ, О древней рус. лѣтописи, 53, 168, 208. Ср. также „Взглядъ древнихъ русскихъ лѣтописцевъ на событія міра". Н. Я. Аристова (Первыя времена христіанства въ Россіи по церковно-историческому содержанію русскихъ лѣтописей, Спб. 1888, стр. 69—108; изъ Прав. Соб.)).

[2]) Укоръ русскаго воеводы Болеславу за толстоту не имѣетъ обиднаго выраженія со стороны самого лѣтописца и былъ въ духѣ того времени, напоминая, по словомъ Карамзина (II, прим. 12), подобную же насмѣшку короля французскаго надъ тучностью Вильгельма Завоевателя во время войны за Вексинъ въ 1078 г.

[3]) Матѳею Прозорливому „бѣсъ" представился въ видъ ляха (Лавр. сп., 2-ое изд., 184); а если принять во вниманіе отзывы лѣтописей о грекахъ (см. выше), то очевидно антипатія эта основывались на реальныхъ отношеніяхъ. Г. Амартолъ уподобляетъ діавола мурину или эѳіопу (по изд. Общ. любит. древ. письмен., III, 302. об.). Въ оффиц. актѣ XVII в. читаемъ: „О государствѣ Абиссинскомъ. Мурин-

ность и простота разсказа подкупали въ пользу этого послѣдняго всѣ симпатіи даже такого строгаго судьи, какимъ былъ знаменитый Шлецеръ (см. ниже, гл. IV). Простота и безъискусственность въ изложеніи русскаго лѣтописца напоминаютъ лучшія изъ средневѣковыхъ хроникъ Западной Европы и, напротивъ, рѣзко отличаются отъ искусственнаго краснорѣчія Козьмы Пражскаго, уснащаемаго постоянно стихотворною рѣчью и миѳологическими оборотами и т. п. [1]). Послѣдній любитъ распространяться о красотѣ женщинъ, какъ дѣлаютъ и другіе средневѣковые лѣтописцы, не смотря на свой духовный санъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ знакомства съ классическими писателями [2]); но русскій лѣтописецъ говоритъ объ этомъ въ общихъ выраженіяхъ („красоты ради лица ея"—замѣчаетъ онъ о гречанкѣ, выданной Святославомъ за сына своего Ярополка). Форма выраженій (simus unianimes—имемся въ одино сердце) и способъ изложенія (разговорная рѣчь) одинаково свойственны, какъ западнымъ, такъ и русскимъ лѣтописцамъ [3]). Хитрость грековъ какъ мы видѣли была отмѣчена и тѣми [4]), и другими. Наконецъ, поражаетъ иногда и одинаковость юмора, при описаніи картинъ, заимствованныхъ изъ общей имъ монастырской жизни, при естественной идеализаціи этой послѣдней у лѣтописцевъ—монаховъ. Таковы замѣчательныя черты изъ жизни подвижниковъ Печерскаго мон. у Нестора, проникнутыя чувствомъ и легкой ироніей [5]).

ское тожъ" (Р. Арх. 1888, № 2, с. 206). У византійскихъ и западныхъ лѣтописцевъ національная вражда проявлялась иногда въ болѣе рѣзкихъ краскахъ (O. Lorenz, Geschichtsquellen, II, 20; см. в., с. 47; Никона Хон., I, 8). Но лѣт-цъ объективно передаетъ чувства другихъ, гдѣ рѣчь идетъ о русскихъ воинахъ (Лавр. л., 145).

[1]) Посылая однако свою лѣтопись другу Гервасію, Козьма пишетъ ему: „я тебѣ послалъ лѣтопись Чехіи, составленную безъ риторическихъ прикрасъ".

[2]) O. Lorenz (Deutschlands Geschichtsquellen, II. 140).

[3]) Сухомлиновъ, 206.

[4]) См. выше стр. 178; также Лавр. л., 162.

[5]) Лавр. лѣт., 183—192. Rad. Glaber, Hist. s. temp., lib. V, разсказы изъ монастыр. быта; здѣсь же эпизодъ, сходный съ поступкомъ монаха Тольбековича. Въ Скитскомъ патерикѣ читаемъ болѣе простой разсказъ: „Когда св. Аполлосъ кончилъ молитву, видитъ *эѳіопа*, стоящаго близъ келліи и пускающаго стрѣлы (въ лѣтоп. дьяволъ бросаетъ цвѣтокъ лѣпки) на старца. Будучи уязвленъ ими, старецъ тотчасъ, какъ отъ упоенія, сталъ колебаться туда и сюда и не могши терпѣть, пошелъ въ міръ" (Древ. патер., стр. 84). Въ „Лугѣ духовномъ" дьяволъ раздаетъ братіи кошельки, чтобы отвлечь ея отъ молитвы. Въ параллель разсказу нашей лѣтописи о соблазнѣ, учиненномъ дьяволомъ игумену Никону (см. выше, с. 196), можно указать на эпизодъ въ книгѣ аббата Рихальмуса, жив. въ цистер. мон. близъ Шенталя,

Если поучительная сторона (примѣры, чудеса, даже подробности разсказа) у тѣхъ и другихъ оказывается часто заимствованною изъ древней отеческой литературы (патериковъ, сборниковъ), хорошо извѣстной какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ [1]), то въ примѣненіи ихъ къ данному случаю (описаніе монастырскихъ нравовъ, голода, болѣзней, отношеній братіи къ игумену, свѣтской власти къ монастырю и т. п.) нерѣдко видны оригинальныя черты, заслуживающія вниманія историка.

Частыя бѣдствія, поражавшія въ то время населеніе, лишенное необходимыхъ предупредительныхъ и охранительныхъ мѣръ, въ самыхъ яркихъ краскахъ рисуются въ воображеніи лѣтописцевъ. Поэтому картины голода, сопровождавшагося страшною смертностью, употребленіемъ въ пищу коры, листьевъ, мха, нечистыхъ животныхъ и даже людей, разбоями, грабежами и т. п. явленіями, описываются въ одинаковыхъ чертахъ, какъ западными, такъ и русскими лѣтописцами [2]).

X.

Усвоивъ хронологію отъ С. М., принятую греческимъ хронистомъ, русскіе лѣтописцы удержали однако счетъ мартовскій, бывшій въ употребленіи у русскихъ славянъ до принятія христіанства и господствовавшій до конца XIV вѣка, когда совершился переходъ къ сентябрьскому счету, по примѣру Византіи [3]). Впрочемъ, это измѣненіе не было одновременнымъ. Такъ, въ новгородскихъ лѣтописяхъ

во Франконіи, въ полов. XIII в., и написавшаго книгу о хитростяхъ и уловкахъ демона относительно людей. Одинъ послушникъ говорилъ, что ему часто слышится странный звукъ, похожій на храпѣнье и исходящій съ того мѣста на хорахъ, гдѣ сидитъ аббатъ. Звукъ этотъ, сынъ мой, производятъ демоны, отвѣчалъ догадливый аббатъ. Перипатетикъ же Аммоній, читавшій философію въ Александріи (въ V вѣкѣ) утверждалъ, что его лекціи дьяволъ приходилъ слушать въ видѣ *осла* (Докум. ист. чорта. Ист. Вѣст. 1884, XV, 165, 168).

1) См. выше, стр. 195.

2) См. русскія лѣтописи: гг. 1024, 1070, 1092, 1128, 1230—31 (подробное описаніе въ Новгор. 1-ой лѣт., 46). Ср. Лешковъ, Рус. народъ и госуд., 451—498; Голодовки въ Россіи до к. прошлаго столѣтія, Ѳ. Леонтовича, (Наблюдатель 1892): Истор. Вѣст. 1885, XVII, 671. Голода въUžд. и Ростовской землѣ 1024 и 1070 гг. стоятъ въ связи съ вѣрою въ волхвовъ, какъ было и на Западѣ при Карлѣ В. (Лешковъ, 452—457). Ср. замѣч. Рошера (II, 223—25).

3) Въ собраніи Черткова была псалтирь XII в. вмѣстѣ съ мѣсяцесловомъ, гдѣ годъ начинается съ мѣс. марта (Обз. дух. литер., 53). Ср. Кормч. книгу—рязан. (Срезневскій, Пам. яз., 144).

мартовскій годъ оставляется не ранѣе покоренія Новгорода московскимъ княземъ. Вообще, въ лѣтописяхъ рядомъ съ указаніемъ года, ставятъ часто индиктъ и другія отмѣтки, заимствованныя изъ пасхальныхъ таблицъ; но также часто время опредѣляется по кругу церковныхъ праздниковъ, постовъ и замѣчательныхъ дней, евангельскими недѣлями, народными праздниками и обычаями [1]). Новгородскій лѣтописецъ, вслѣдствіе сношеній съ Западомъ, обнаруживаетъ знакомство съ римскимъ календаремъ (обозначеніе календъ), а южный лѣтописецъ, на основаніи Евсевія Памфила, знаетъ олимпіады и римскій календарь [2]). Тотъ же южный лѣтописецъ (по Ипат. списку) сдѣлалъ попытку, хотя и неудачную, обойтись безъ погоднаго изложенія и связать между собою событія, происходившія на пространствѣ нѣсколькихъ лѣтъ [3]). Тѣмъ не менѣе, Начальная лѣтопись надолго сохранила значеніе образца, которому считали нужнымъ слѣдовать позднѣйшіе лѣтописцы [4]); такъ, у нѣкоторыхъ изъ нихъ нельзя не видѣть подражанія его выраженіямъ и характеристикамъ [5]). При всемъ томъ въ лѣтописяхъ болѣе или менѣе отражается мѣстный народный характеръ, который оказываетъ вліяніе на способъ изложенія и языкъ повѣствованій. Въ этомъ отношеніи въ особенности рѣзкое различіе замѣчается

[1]). П. С. Р. Л. II. 81; 1 ая Псков., 218, 294, 313.

[2]) См. Опытъ рус. историогр. I, 147*—149*.

Въ Новгор. лѣт., въ отличіе отъ Начальной, индиктъ и годъ ставятся въ концѣ (Соловьевъ, III, 131). О хронол. лѣтописи см. Погодинъ (IV, 80—135); ср. Рус. или тавроскиѳ. хронол., Куника (Извѣстія Акад. Наукъ, V-я серія. 1894, № 3, с. 52).

[3]) „Времени минувшу, хронографу же нужа есть писати все и вся бывшая овогда же писати в передняя, овогда же возступати в задняя: чьтый мудрый разумѣеть“ (подъ 1254 г., изд. 1-ое, 189; 2-ое, 544). Сообразно съ этимъ взглядомъ лѣтописный порядокъ изложенія онъ замѣняетъ извѣстною системою: „Якоже сказахомъ о ратехъ многихъ, си же написахомъ о Романѣ; древле бо бѣ писати си, *нынѣ же здѣ вписано бысть в послѣдняя*“ (годъ 1257, П. С. Р. Л. II, 194; Ипат. лѣт., изд. 2-ое, 554). А. Н. Поповъ сближаетъ это мѣсто съ словами Еллинск. лѣтописца (Обз. хроногр. 69; Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ. 151, примѣч.).

[4]). Свидѣтельство XV вѣка (Никон. лѣт., V, с. 17).

[5]). П. С. Р. Л., II, 94, 102, 106. 121, 123, 134, 135, 144, 151. Древній лѣтописецъ сравниваетъ Святослава съ пардусомъ (легко ходя, аки пардусъ, Лавр., 63), и подобный же отзывъ мы встрѣчаемъ у позднѣйшаго лѣтописца относительно I. Грознаго: „легокъ ногами аки пардусъ“ (П. С. Р. Л., III, 250). Такъ поступаютъ и западные лѣтописцы; напр. Іоаннъ Виктрингъ, характеристику Рудольфа Габсбургскаго дѣлаетъ словами Эйнгарда о Карлѣ Вел. (O. Lorenz, D. Geschichtsquellen. II, 255). О Козьмѣ Пражскомъ см. выше (с. 72); Рудольфъ Фульдскій характеризуетъ саксовъ словами Тацита (Ваттенбахъ, I, 239)

между лѣтописями южными и сѣверными. Независимо отъ того, особенности лѣтописей зависѣли также отъ личнаго образованія и характера составителей ихъ [1]). Умственное развитіе, степень начитанности по тѣмъ или другимъ книгамъ, своеобразныя размышленія, пристрастіе къ любимымъ идеямъ, различіе въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ, заставляли лѣтописцевъ излагать событія самостоятельно, сообразно съ своею личностью и были причиною различія взглядовъ на историческіе факты (см. выше, с. 58—61). Кромѣ этихъ общихъ побужденій, у многихъ писателей были разныя цѣли и потребности, которымъ старались они удовлетворить. Одни вели записи по требованію высшихъ лицъ, другіе желали подѣлиться своимъ книжнымъ ученіемъ и познаніями. Любовь къ тѣмъ или инымъ предметамъ, желаніе вызвать сочувствіе къ нимъ другихъ налагали на лѣтописи особенныя черты. Почерпая свѣдѣнія изъ различныхъ источниковъ, имѣя подъ руками не одинаковые образцы, лѣтописцы могли дѣлать своеобразныя заключенія и придавать разсказу свой смыслъ и значеніе. Даже пользуясь одними источниками, лѣтописцы употребляли ихъ по своему. Хотя личность лѣтописца всегда почти остается въ тѣни, но все-таки они выражали движеніе своего духа; иногда взглядъ на нѣкоторыя событія бываетъ очень рѣзокъ въ одной лѣтописи и нисколько не похожъ на взглядъ въ другой [2]).

Имѣя въ виду подобное различіе въ повѣствованіи и рядомъ съ тѣмъ почти дословное повтореніе другихъ сказаній, нельзя не заключить, что мы имѣемъ теперь только переработанные своды лѣтописей болѣе древнихъ. Подобныхъ мѣстъ, въ которыхъ съ замѣчаніемъ одного лѣтописца соединяется замѣчаніе другого, довольно много. Отдѣлить теперь всѣ составныя части каждой изъ лѣтописей, до насъ дошедшихъ, есть дѣло невозможное.

XI.

Веденіе лѣтописи признавалось, какъ видно, важнымъ общественнымъ актомъ. Усматривая въ важнѣйшихъ событіяхъ жизни народа

[1]) Хотя Несторъ въ ж. Θеодосія говоритъ о себѣ, что онъ „грубъ и невѣжа“. (по изд. Яковлева, LXIII); но это обычный оборотъ, не всегда согласный съ истиной.

[2]) Аристовъ, ibid, 113-116: П. С. Р. Л., IV, 282, 295—296, 298, 320—321. 344—345.

результатъ непосредственнаго проявленія Высшей силы (Заступницы Богородицы), лѣтописецъ, по поводу спасенія русской земли отъ нашествія Тимура, замѣчаетъ, что онъ записалъ извѣстіе объ этомъ во славу Господа Іисуса и пречистыя Его Матери [1]). По словамъ другого лѣтописца „добродѣянья во вѣки святятся, какъ написалъ премудрый хронографъ“ [2]). „Старые лѣтописцы къ нашему наказанію писаны“, прибавляетъ авторъ „повѣсти о нашествіи водномъ“ и поучаетъ читателей слѣдовать словамъ Соломона: „се же есть мудръ, еже вѣсть *древняя повѣсть*“ [3]). Одинъ изъ лѣтописцевъ, въ началѣ своего труда, побуждаетъ читателей подражать примѣру древнихъ князей въ отношеніяхъ къ подвластнымъ и въ образѣ ихъ жизни [4]).

Уже на первыхъ порахъ гражданственности лѣтописи имѣютъ цѣлью не одинъ историческій интересъ или частную пользу. Онѣ служатъ выраженіемъ политическихъ соображеній, подтвержденіемъ существующихъ правъ, справочнымъ кодексомъ и выраженіемъ воли власти. Такимъ образомъ, можно сказать, онѣ получаютъ оффиціальный характеръ, который долго сохраняютъ и потомъ. Подобный же характеръ, какъ мы видѣли, нѣк. лѣтописи имѣли и на Западѣ (см. выше, стр. 46, 60—61).

Вотъ почему уже первые русскіе князья сами заботились о веденіи лѣтописей. Приводимъ здѣсь классическое мѣсто объ этомъ изъ одного лѣтописца начала XV в. Описавъ нашествіе Едигея на Москву въ 1409 г., онъ заключаетъ, что, быть можетъ, нѣкоторые найдутъ описаніе этихъ бѣдствій излишнимъ, но онъ считалъ необходимымъ написать о нихъ, чтобы возбудить въ читателяхъ стремленіе къ добру, вспомнивъ при этомъ не только *начальнаго кіевскаго лѣтописца*, который, не обинуясь, описываетъ всѣ событія, случившіяся тогда; но и первыхъ властодержцевъ нашихъ, *повелѣвавшихъ* безъ гнѣва записывать все случившееся, какъ доброе, такъ и недоброе. Далѣе, онъ вспоминаетъ и *послѣ нихъ* бывшаго, при Владимірѣ Мономахѣ, Сильвестра, игумета Выдубецкаго монастыря, не украшая писавшаго. И мы, говоритъ онъ, подражая старшимъ нашимъ предшественникамъ,

[1]) П. С. Р. Л., VI, 128.
[2]) Ibid. II, 194 (годъ 1257); 2-изд. 554.
[3]) П. С. Р. Л., III, 138—139.
[4]) 1-я Соф., П. С. Р. Л., VI, 87.

описываемъ все по правдѣ, *предъ очами нашихъ князей, прилежно намъ внимающихъ* [1]).

Древнія лѣтописи являются поэтому важнымъ историческимъ источникомъ, какъ заключающія въ себѣ и оффиціальныя извѣстія, и документы. Такъ, лѣтописецъ, сообщающій разсказъ о битвѣ Александра Невскаго со шведами, прибавляетъ: „Си же вся слышахъ отъ господина своего вел. князя Александра и инѣхъ, иже въ то время обрѣташася въ той сѣчи“ [2]); а Мстиславъ Даниловичъ, въ грамотѣ своей 1289 г., говоритъ, что онъ записалъ въ лѣтопись крамолу жителей Берестья, призвавшихъ къ себѣ на княженіе Юрія Львовича, за что и наложилъ на нихъ тяжелый налогъ (ловчее [3]). Въ лѣтописяхъ помѣщены договоры русскихъ съ греками, выписка изъ грамоты Владиміра св., данной Десятинной церкви, Русская Правда, указанія на другія грамоты Ярослава, поученіе Владиміра М., подробности котораго составлены по записямъ, и его посл. къ Олегу Святославичу (подъ 1098 г.), письмо Изяслава Мст. къ Ростиславу [4]), позднѣе— ханскіе ярлыки, на основаніи которыхъ давались разныя льготы и привилегіи русской церкви [5]) и т. п. Указаніе на оффиціальное участіе въ веденіи лѣтописи можно видѣть въ постоянныхъ перечисленіяхъ убитыхъ на полѣ битвы, именъ пословъ, татар. воеводъ, литов. князей, участвовавшихъ при заключеніи мира и т. п. [6]). Похвалы князьямъ, которыя сплетали имъ монастырскіе лѣтописцы за участіе въ религіозномъ подвигѣ не были имъ безъизвѣстны [7]). Въ подробномъ изложе-

---

[1]) Никонов. лѣт., V, 23. Ср. Древн. лѣтописца повѣсть происшествій etc., II, Спб. 1775, с. 389.

[2]) Лавр. лѣт., с. 456 (подъ 1263 г.).

[3]) П. С. Р. Л., II, 223—25; Ипат., 610—613, гдѣ помѣщена и самая грамота.

[4]) Ипат. лѣт., 298. Лѣтописецъ, зналъ содержаніе крестныхъ грамотъ, утверждавшихъ раздѣлъ русской земли по договору 1216 г. (Троиц., П. С. Р. Л., I, 213; Соф. Врем., I, 223 и др).

[5]) Древн. Рос. Вивл., изд. Новиковымъ, I-ое изд., т. I, 448—475; 2-ое изд., т. VI, 10—27; ср. Шлецеръ, Несторъ, I, ꙑ҃ѯі; Григорьевъ (О достовѣрности ярлыковъ); Срезневскій (Памят. языка, 11, 64, 92, 114, 123, 136, 137, 150).

[6]) П. С. Р. Л. II, 158, 161-162, 173, 177, 187, 202. Аристовъ полагаетъ, что подобныя записи вели „княжескіе писцы“, подобные Ѳедорцу, составившему завѣщаніе Владиміра Васильковича, или тому писцу, который внесъ, по повелѣнію Мстислава, крамолу берестянъ въ лѣтопись (loc cit, 131).

[7]) Ипат. л., годъ 1200, стр. 476—77. Представляя похвалу князю Рюрику Ростиславичу за построеніе стѣны у Выдубецкаго м., игуменъ вручилъ ее князю и позаботился о внесеніи ея въ лѣтопись.

ніи дѣла ростов еписк. Ѳеодора Соловьевъ справедливо видитъ вліяніе оффиціальнаго акта [1]). Подъ 1254 (6762 г.) читаемъ: „и ѣха во Нѣмцѣ (король угорскій) съ Романомъ и да сестру герцикову (герц. Фридриха) за Романа и створивъ *обѣтъ*, его же за множествомъ *не списахомъ*" [2]). Подъ 1287 г. (6795) лѣтописецъ помѣщаетъ „рукописаніе" (завѣщаніе) кн. Владиміра Васильковича [3]). Въ другой лѣтописи встрѣчаемъ грамоту митр. Исидора и посла папы Евгенія IV къ вел. кн. Василію Васильевичу [4]). Самымъ грамотамъ присвоивается даже иногда названіе лѣтописи [5]). Послѣ этого понятно, что и представители власти интересовались имѣть у себя лѣтописи [6]). Подобное значеніе лѣтописи придавало ей характеръ оффиціальнаго источника. Такимъ обр., епископы, участвовавшіе въ избраніи Григорія Цамвлака въ митрополиты, поддерживаютъ свое право ссылкою на лѣтописи: „при вел. кн. Изяславѣ Кіевскомъ, пишутъ они, събрався епископи зборомъ, и поставиша митрополита Кіеву и всеи Руси; *а то нашли есмо*, написано стоитъ *въ лѣтописцѣхъ Русскыхъ*. въ Кіевскомъ и въ Володимерскомъ и въ иныхъ" [7]).

Тѣмъ не менѣе, совершенно справедливо замѣчаетъ Соловьевъ, въ своихъ возраженіяхъ на мнѣніе Погодина, относительно оффиціальнаго характера лѣтописи, что собственно дворцовыхъ лѣтописей не было не только въ XII, но даже и въ первой половинѣ XV вѣка, какъ видно изъ словъ лѣтописца этого времени (см. выше), который говоритъ, что пишетъ и хочетъ писать лѣтопись, какъ писали ее въ старину, записывать всѣ событія безъ украшенія, чего не могъ бы сказать дьякъ, обязанный писать то, что ему велятъ. Древняя русская лѣтопись можетъ быть названа оффиціальною съ такимъ же правомъ и въ такой же степени, въ какихъ представляются въ этомъ отношеніи и нѣкоторыя лѣтописи западныя. Нѣсколько позже лѣтопись монастырская съ прежнимъ характеромъ, который хочетъ поддержать лѣтописецъ XV вѣка, очевидно исчезаетъ и замѣняется лѣтописью дворцовою со второй половины XV вѣка, что всякій можетъ

[1]) Ист. Россіи, т. III, пр. 143.
[2]) Ипат. лѣт., стр. 544—545.
[3]) Ibid., 594—595.
[4]) Рус. лѣт., изд. Львовымъ, II, 306—310.
[5]) Ж. М. Н. Пр. 1847, LV, смѣсь, 28, какъ и другимъ записямъ.
[6]) Лавр. лѣт., изд. 2-ое, с. 463.
[7]) Ак. Зап. Рос., I, 36.

легко усмотрѣть изъ дошедшихъ до насъ лѣтописей того времени; слова лѣтописца первой половины XV в. указываютъ на приближеніе этого перехода и его необходимость, вслѣдствіе измѣненія историческихъ обстоятельствъ [1]).

Нѣтъ надобности распространяться, что въ Россіи, какъ и на Западѣ, лѣтописное дѣло сосредоточивалось въ монастыряхъ и находилось въ рукахъ монаховъ, которые вели ихъ преемственно, какъ лица, обладавшія наибольшею образованностію и досугомъ [2]); въ монастыряхъ же, какъ и на Западѣ, находились значительныя книжныя сокровища, удовлетворявшія этой цѣли. Даже и въ XVIII в. искусные писцы были все-таки среди монаховъ, о чемъ свидѣтельствуетъ [3]) и вся исторія нашей письменности до того времени. „Неоспоримо, замѣчаетъ Шлецеръ, что *монастыри* и *монахи* доставили много пользы въ первыя столѣтія своей невинности" [4]).

Вполнѣ понятно желаніе свѣтской власти оказывать извѣстное вліяніе на лѣтописное дѣло, и нѣкоторые думаютъ, что зародыши оффиціальной лѣтописи встрѣчаются уже въ XIII в. въ Галичѣ, гдѣ могъ дѣйствовать примѣръ Германіи, имѣвшей государственныя лѣтописи [5]); но только въ Москвѣ лѣтопись вполнѣ достигаетъ оффиціальнаго характера, благодаря чему она получаетъ извѣстную тенденціозную окраску [6]).

---

[1]) Ист. Россіи, III, пр. 230. Впрочемъ, самъ Погодинъ ограничилъ потомъ свое мнѣніе въ указанномъ смыслѣ (Изв. Акад. Н., VI, 231).

[2]) Наглядный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ Лисицкій лѣтописецъ, веденный въ обители Рожд. Богородицы на Лисьей горѣ, въ Новгородѣ. Подъ 6958 г. (1450) находимъ относящуюся сюда запись (П С. Р. Л., III, 118), а подъ 1572 г. указаніе на просмотръ лѣтописи (141, 169). Досмотръ лѣтописца очевидно принадлежалъ кому нибудь изъ духовныхъ властей; но едва ли здѣсь можетъ идти рѣчь о какой либо цензурѣ въ позднѣйшемъ смыслѣ слова (Маркевичъ, О лѣт., I, 73—74).

[3]) А. Е. Прѣсняковъ, Царствен. книга, ея составъ и происхожденіе, Спб. 1893 г., с. 32.

[4]) Несторъ, I, ѣі.

[5]) П. С. Р. Л. II, 225 (см. выше, 76). Къ вопросу о московскомъ оффиціальномъ лѣтописаніи, С. Шумакова (Книговѣдѣніе, 1894, № 5, с. 12),

[6]) Лѣтописецъ служ. продолж. Нест. лѣт., 388; П. С. Р. Л. IV, 295; Герберштейнъ, Rer. Moscovit. comment., 18—19; А. Е. Прѣсняковъ, 19—20; Шумаковъ, 12.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Научная разработка древней лѣтописи. XVIII вѣкъ.—Русскіе историки. Вопросъ объ Іоакимовской лѣтописи.—Нѣмецкая критика. Шлецеръ.—XIX вѣкъ. Карамзинъ и его послѣдователи.—Скептическая школа и ея противники.—Разработка отдѣльныхъ вопросовъ. Позднѣйшая критика.—Списки лѣтописи, ея изданія и переводы.

I.

Вопросъ о происхожденіи и составѣ древней русской лѣтописи есть вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о началѣ и развитіи лѣтописнаго дѣла въ Россіи. Вотъ почему мы должны остановиться на этой лѣтописи подробнѣе, чѣмъ на другихъ; притомъ едва ли другой какой нибудь вопросъ по литературѣ древнихъ русскихъ памятниковъ занималъ такъ много и долго вниманіе нашихъ изслѣдователей, какъ вопросъ о началѣ и характерѣ древней лѣтописи.

Имя Нестора какъ лѣтописца хорошо было извѣстно въ древней Руси; но у перваго русскаго историка вопросъ о происхожденіи древней лѣтописи тѣсно связанъ съ другимъ. Прежде всего необходимо замѣтить, что Татищевъ допускалъ существованіе историческихъ писателей до Нестора, которые положили начало русскому лѣтописанію, но произведенія которыхъ, по его мнѣнію, погибли или не были отысканы [1]), и однимъ изъ такихъ писателей онъ, хотя и съ оговорками, принимаетъ перваго новгородскаго епископа Іоакима Корсунянина († 1030 г. [2]). Обстоятельства, сопровождавшія полученіе этого отрывка Татищевымъ отъ свойственника его архим. Мельхисе-

[1]) Исторія россійская, I, 29—52.

[2]) О немъ см. 3-ю Новгород. лѣт. (П. С. Р. Л., III, 121, 179, 206—210; ср. II, 258; IV, 121, 136; VII, 239, 313); Новгор. Лѣтописи, изд. 1876 и 1888 гг. (по указат.).

дека Борщова, управлявшаго Бизюковымъ монастыремъ (1744—48 [1]), послужили впослѣдствіи обвиненіемъ противъ добросовѣстности Татищева, какъ историка, и достоинства заподозрѣннаго отрывка; но замѣтка Татищева: „Веніаминъ монахъ (на котораго сослался Мельхиседекъ въ письмѣ, какъ на лицо, доставившее ему отрывокъ) токмо для закрытія вымышленъ“ [2]), представляетъ лишь догадку Татищева и ничего, заслуживающаго подозрѣнія, въ себѣ не заключаетъ относительно происхожденія самой рукописи, тѣмъ болѣе, что Татищевъ откровенно разсказываетъ о безполезности дальнѣйшихъ поисковъ о ней [3]). Самъ Татищевъ, принимая этотъ отрывокъ за часть труда одного изъ древнѣйшихъ, предшествовавшихъ Нестору, лѣтописцевъ, въ то же время обставилъ свое мнѣніе такими оговорками, которыя вполнѣ подрываютъ историческое значеніе означеннаго отрывка, какъ первоначальнаго источника. Онъ не внесъ его въ лѣтописный сводъ, а отвелъ ему отдѣльную главу, присоединивъ къ ней лишь свои примѣчанія [4]). Онъ отмѣчаетъ, что въ эту исторію „нѣчто и баснословное по тогдашнему обычаю внесено“; что въ ней „письмо новое, но худое, складъ старый, смѣшанный съ новымъ, но самый простой и нарѣчіе новгородское“; что и въ рукописи кое-что является „неполнымъ и поврежденнымъ“ [5]). Онъ даже высказываетъ догадку о возможномъ происхожденіи этой исторіи: „начало видимо, что писано о народахъ, какъ у Нестора *съ изъясненіями изъ польскихъ*, но много весьма неправильно, яко Славянъ Сарматами и Сарматскіе народы Славянами именовалъ и не въ тѣхъ мѣстѣхъ, гдѣ надлежало, клалъ, *въ чемъ онъ, вѣря польскимъ*, обманулся“. Татищевъ не помѣстилъ однако присланнаго ему отрывка цѣликомъ и, такимъ образомъ, лишилъ возможности установить степень заимствованія рукописи у Нестора. Татищевъ говоритъ: „По окончаніи же описанія народовъ и ихъ поступковъ, началъ то писать,

[1]) Списки Строева, 598. Бизюковъ монастырь находился въ 9 верст. отъ Дорогобужа (осн. ок. 1621 г. съ дозволенія кор Владислава IV, измѣнившимъ Россіи бояр. Мих. Глѣб. Салтыковымъ, который здѣсь погребенъ съ сыновьями). Внукъ основателя, бояр. Θедоръ Петр. Салтыковъ, отецъ цар-цы Прасковіи Θед., исходатайствовалъ монастырю въ 1681 г. ставропигію. Въ 1803 г., по ветхости зданій, монастырь переведенъ въ Григорьевскій, (Херсонской губ.), быв. Софроніеву пустынь, близъ Берислава (Ратшинъ, 498, 534—535).

[2]) Исторія россійская, Татищева, II, 30—31, 42.

[3]) Ibid., I. 41.

[4]) Исторія россійская, I, глава IV-ая, стр. 29—51.

[5]) Ibidem, I. 29—30. 31, 51.

чего у Нестора нѣтъ, *изъ которыхъ я выбралъ токмо то, чего у Нестора не находится,* или здѣсь иначе положено, какъ слѣдуетъ" [1]). И не смотря на соблазнъ, какой представлялся для русскаго историка XVIII стол. въ настоящей рукописи, чѣмъ и объясняется то, что Татищевъ питался комментировать означенный отрывокъ и поправлять посредствомъ его нѣкоторыя данныя лѣтописи Нестора, все-таки онъ рѣшился откровенно высказать свое мнѣніе о рукописи. „Я намѣренъ былъ, говоритъ онъ, все сіе въ Несторову дополнить, но разсудя, что мнѣ *ни на какой манускриптъ извѣстно сослаться нельзя,* и хотя вѣрно, что сей архимандритъ (Мельхиседекъ), яко мало грамотѣ изученъ, сего не сложилъ; ибо требуется къ тому человѣкъ многихъ древнихъ книгъ читателя и въ языкѣ греческомъ искуснаго; къ тому же много въ ней находится, чего я ни въ одномъ древнихъ Несторовыхъ манускриптахъ не нахожу, *а находится въ прологахъ и польскихъ исторіяхъ*, которыя, какъ Стрыковскій говоритъ, изъ русскихъ сочинили и здѣсь тѣ находятся, о которыхъ въ изъясненіи показано" [2]). Но иногда онъ готовъ былъ видѣть обратное вліяніе—мнимой Іоакимовой лѣтописи на Стрыйковскаго [3]), и Степенную новгородскую книгу „большими баснями умноженную" [4]). Представляя комментаріи на отрывокъ изъ другихъ источниковъ русскихъ и иностранныхъ, Татищевъ указываетъ на сходство нѣкоторыхъ разсказовъ (о снѣ Гостомысла) съ повѣствованіемъ Геродота (сонъ Астіага [5]), или заимствованія изъ народныхъ пѣсенъ, которымъ онъ придаетъ извѣстную цѣну. „Пѣсни древнихъ, говоритъ онъ, хотя онѣ и не такимъ порядкомъ складываны, чтобъ за исторію принять было можно, однакожъ много можно въ недостаткѣ исторіи изъ оныхъ нѣчто къ изъясненію и въ дополненіе употребить, какъ видимъ Омера пѣснями нѣчто въ память оставившаго. Стрыковскій въ недостаткѣ исторіи Литовской сказывалъ, что изъ пѣсенъ бралъ. Я прежде у скомороховъ пѣсни старинныя о князѣ Владимірѣ слыхалъ, въ которыхъ женъ его именами, такожъ о славныхъ людѣхъ Ильѣ Муромцѣ, Алексѣѣ Поповичѣ. Соловьѣ разбойникѣ, Дюкѣ Стефановичѣ и пр. упоминаютъ и дѣла ихъ прославляютъ, а въ исторіи весьма мало или ничего (нѣтъ); въ

[1]) Татищевъ, I, 31.
[2]) Ibidem, I, 41.
[3]) Ibidem, I. 48.
[4]) Ibidem, I, 42, О ней см. главу XXXIII, с. 426—27.
[5]) Ibidem, I, 33-34, 46.

примѣръ сему о Путятѣ (примѣч. 45) я изъ пѣсни изъяснилъ, но я жалѣю, *что нынѣ такихъ пѣсенъ списать не досталъ*" [1]). Замѣчаніе это тѣмъ болѣе имѣетъ значеніе, что даже гораздо позже такой критикъ, какъ Болтинъ, не придавалъ никакой цѣны народнымъ пѣснямъ для историка, не находя въ нихъ ни складу, ни ладу [2]). Мало этого. Татищевъ прекрасно понималъ достоинство историка, замѣтивъ, что „дѣла вымысля приписать съ честью историка не согласуетъ, и лучше незнаніе свое признать, нежели ложью хвалиться" [3]).

Вотъ почему даже такой строгій критикъ, какъ Шлецеръ, признавая въ Іоакимовской лѣтописи „бредни", „глупость" и „пустую выдумку какого нибудь монаха", не считалъ однако Татищева виновнымъ въ подлогѣ [4]). Точно такъ же Болтинъ, котораго, въ свою очередь, весьма цѣнилъ Шлецеръ, находя въ Іоакимовской лѣтописи нѣчто „баснешное", полагалъ, что это не помѣшаетъ „историку разсудительному и свѣдущему пользоватья тѣмъ, что находится въ ней истинное или вѣроятное, по сношенію съ другими тѣхъ временъ историками и лѣтописателями своими и чужестранными" [5]). Карамзинъ, напротивъ, въ поступкѣ Татищева увидѣлъ „шутку" и „вымыселъ" [6]), которымъ повѣрили другіе, и онъ не щадить его въ своихъ примѣчаніяхъ, запо-

[1]) Ibidem, I, 44—45.

[2]) Въ своихъ замѣткахъ „о сочиненіи исторіи и географіи" Татищевъ говоритъ: „нѣтъ-ли пѣсенъ такихъ или сказокъ, въ которыхъ старинныя дѣйства вспоминаются, оныя списать, а иноязычныя перевести" (Поповъ, 689).

[3]) Исторія россійская, I, 44.

[4]) Несторъ, I, ѳі, 19—21. „Онъ думалъ, какъ я сначала, говоритъ Шлецеръ, что существуетъ только одинъ Несторъ и одна лѣтопись.... Въ немъ уже вѣялъ критическій духъ.... Татищевъ мало-по-малу собралъ десять списковъ, по нимъ и сообщеннымъ ему другимъ варіантамъ составилъ одиннадцатый. Съ истинною критическою достовѣрностью онъ сохранилъ въ текстѣ темныя для него мѣста и объяснялъ ихъ въ примѣчаніяхъ, какъ могъ. По рукамъ ходило много какъ исправныхъ, такъ и неисправныхъ списковъ этого сочиненія (т. е. Россійской исторіи), высокой цѣны котораго нельзя не признать" (Автобіогр. 52—55). Тутъ же онъ называетъ его трудъ „знаменитымъ", а самого автора „истиннымъ историческимъ геніемъ", даже „со способностями къ критикѣ словъ и предметовъ", но безъ всякаго научнаго образованія и надлежащей подготовки. „Съ истинною критическою добросовѣстностью онъ сохранилъ въ текстѣ темныя для него мѣста и объяснялъ ихъ въ примѣчаніяхъ, какъ могъ" (ibid., 51—52).

[5]) Отвѣтъ ген. м. Болтина на письмо князя Щербатова, 1789, с. 11—14.

[6]) Ист. госуд. рос., I, с. XV, примѣч. 3.

дозрѣвая вмѣстѣ съ тѣмъ и многія изъ его литературныхъ показаній [1]). Вопросъ объ Іоакимовской лѣтописи и до сихъ поръ раздѣляетъ нашихъ ученыхъ на два противоположныхъ лагеря, сужденія которыхъ о Татищевѣ часто доходятъ до непримиримыхъ крайностей [2]).

Татищевъ представилъ только извлеченіе изъ лѣтописи Іоакима... Крекшинъ утверждалъ, что у него есть полный списокъ этой лѣтописи. Екатена II приняла Іоакима въ свои „Записки касательно россійской исторіи" и впослѣдствіи, основываясь на немъ, написала двѣ драмы: „Историческое представленіе изъ жизни Рюрика" и „Начальное правленіе Ольги". Болтинъ сдѣлалъ примѣчанія ко 2-му изданію первой (1793), взятыя имъ изъ Іоакимова отрывка. Фелькнеръ перевелъ эту драму на нѣмец. языкъ и въ предисловіи своемъ старался доказать подлинность Іоак. лѣтописи. Шлецеръ назвалъ Іоакимовскую лѣтоп. бреднями, а автора ея „сѣвернымъ грѣшникомъ" (см. Поповъ, Татищевъ и его время, 457—458). Ср. П. А. Лавровскаго: „Изслѣдованіе о лѣтописи Якимовской" (Уч. Зап. И. Ак. Н. по II отд.; II, 77—160); рец. на это изслѣд. (Современ. 1855, № 8; Отеч. Зап. 1856, № 7; Москвитянинъ 1856, №№ 11—12); О такъ наз. Іоак. лѣт. Татищева (рѣчь, произнесенная въ Моск. Дух. акад. Е. Е. Голубинскимъ, Приб. къ Твор. св. отц. 1881, IV, 602—640)—самая рѣзкая изъ критикъ по этому вопросу; замѣч. на нее (въ защиту Татищева, а не лѣтописи)— И. А. Линниченка: „Краледворская рукопись и Іоакимов. лѣтопись (Ж. М. Н. Пр. 1883, № 10, 237—258); Историко-критич. изслѣд. о новгород. лѣтописяхъ и о Рос. исторіи В. Н. Татищева, І. Сенигова (Чт. М. О. И. 1887, IV, 149—435). Прибавимъ къ этому еще, что П. Г. Буткову, кромѣ замѣчаній въ его „Оборонѣ" (стр. 224—227), принадлежитъ изслѣдованіе объ Іоаким. лѣт., съ доказат. ея достоин., которое собиралась издать Ак. Н. (Изв. А. Н., VII, прим. 7); ср. А. И. Никитскій: „Разборъ сказанія Якимов. лѣт. о крещеніи новгородцевъ" (въ изслѣд. „Очеркъ внутр. ист. церкви въ Вел. Новгородѣ", Спб. 1879, с. 199—202), направленный противъ показаній означеннаго отрывка и признаваемый И. И. Срезневскимъ „важнымъ по своимъ замѣчаніямъ" (Памятн. рус. яз., изд. 2, с. 15). В. И. Григоровичъ склоненъ былъ авторомъ отрывка признать одного изъ предшественниковъ Мельхиседека, архим. Іоакима (1712—13 гг., см. Строевъ. 598) и полагалъ, что этотъ вопросъ могъ бы выясниться изъ ближайшаго

[1]) Ibid. I, примѣч. 317, 378, 385; II, примѣч. 184, 186; т. X, примѣч. 349.

Бутковъ, сторонникъ Татищева, сдѣлалъ поправку о времени полученія послѣднимъ этого отрывка (Оборона лѣтописи Нестора, стр. 426).

[2]) Обзоръ прежнихъ мнѣній см. у Н. А. Иванова: „Общее понятіе о хронографахъ" (Уч. Зап. Каз. унив. 1843, кн. II и III, 99—100).

ознакомленія съ судьбой Бизюкова монастыря (Труды III-го археолог. съѣзда, I, стр. LXV). Пренія въ Общ. люб. древ. письмен.—объ Іоакимѣ Корсунянинѣ (Отчетъ 1892—93 гг., с. 10).

Отрывокъ, приписываемый Іоакиму, принято раздѣлять на двѣ части. Первая изъ нихъ, заключающая разсказъ о судьбѣ русскихъ славянъ до Рюрика, наполнена извѣстіями почти рѣшительно не подтверждающимися другими источниками; она носитъ на себѣ очевидные слѣды вымысла среднедѣковой фантазіи о происхожденіи народовъ и разселеніи ихъ и представляетъ заимствованія изъ писателей польскихъ, чешскихъ и русскихъ хронографовъ XVI—XVII вв., а также нѣмецкихъ и латинскихъ книгъ (на что указываетъ знакомство автора отрывка съ скандинавскими сагами), чѣмъ опредѣляется и время происхожденія отрывка (нач. XVIII в.). Что же касается второй половины этого послѣдняго, извѣстій о событіяхъ отъ Рюрика до Владиміра, оканчивающейся крещеніемъ Новгорода и перечисленіемъ дѣтей Владиміра, то въ ней указываютъ на факты, не всегда находящіеся въ древней лѣтописи (Нестора), но не противорѣчащіе нимало общему ходу событій въ первое время русскаго государства и оправдываемые другими источниками, достовѣрность которыхъ отвергнуть трудно (Патерикъ печерскій, позднѣйшія лѣтописи, Степенная книга и т. п.). Такое отношеніе этой части отрывка къ историческимъ фактамъ и было причиною, что нѣкоторые изъ выдающихся писателей допускаютъ возможность пользоваться ею, насколько она представляетъ данныя, не противорѣчащія вообще исторической достовѣрности [1]).

Вникая, однако, ближе въ положеніе настоящаго вопроса, мы должны замѣтить, что раздѣлять обѣ половины отрывка мы не имѣемъ никакого основанія—въ такомъ видѣ онъ дошелъ до насъ отъ Татищева. Принимая же его въ цѣломъ видѣ, слѣдуетъ признать, что онъ относится къ тому времени, когда (съ XVI—XVII в.) въ нашей исторіографіи, подъ вліяніемъ польской и славянской письменности, обнаруживается, съ одной стороны, стремленіе къ систематизаціи историческихъ данныхъ по этимъ образцамъ, а съ другой—къ генеало-

[1]) Соловьевъ, Писатели рус. исторіи XVIII стол.—о Татищевѣ (Арх. истор-юрид. свѣд., изд. Калачова, кн. I; Истор. Россіи, т. I, стр. 169, 184—185, 253, 257; т. III, стр. 140; Макарій, Ист. христ. въ Россіи, стр. XII—XIII); П. Лавровскій и др.

гическимъ и баснословнымъ упражненіямъ (таковы: оффиціальная родословная отъ импер. Августа, имѣющая свою литературу; многочисленныя родословныя князей и разныхъ фамилій съ выведеніемъ ихъ отъ миѳическихъ предковъ или знаменитымъ историческимъ дѣятелей), къ излишнему риторизму и амплификаціямъ, часто затемняющимъ простой смыслъ основного источника. Въ этой передачѣ лѣтописный разсказъ дѣлается иногда уже совершенно неузнаваемымъ. Подобныя стремленія можно наблюдать и въ западной исторіографіи, а за нею въ славянской вообще и въ польской въ частности (см. выше, стр. 72, 76). Примѣромъ подобнаго изложенія можетъ служить польско-латинскій писатель XV в. Длугошъ. Сравнивая его изложеніе русскихъ событій съ фактами нашей лѣтописи, можно видѣть какой безцеремонной передѣлкѣ подвергъ онъ простой лѣтописный текстъ. Такой способъ лѣтописанія, подъ вліяніемъ Польши, проникаетъ въ Литовскую Русь и Малороссію: достаточно вспомнить лѣтопись Быховца, такъ наз. Густынскую лѣтопись и нѣкоторыя изъ малороссійскихъ лѣтописей [1]). Въ подобномъ же родѣ появляются историческія статьи въ нашей исторіографіи, касающіяся начала Русскаго государства, въ которыхъ и языкъ („звыкли", „зась", „свѣчать" и т. п.), и ссылки на польскія хроники, и обычная народная генеалогія, указываютъ намъ на настоящее происхожденіе этихъ статей [2]).

Русскіе лѣтописные своды XVI и XVII вв., какъ Воскресенскій и Никоновскій, еще сравнительно мало обладаютъ подобными свойствами: авторы ихъ сводили въ одно разные лѣтописные списки, значительно подновляя языкъ, объясняя по своему непонятные термины и по мѣстамъ, какъ бы для округленія, распространяя разсказъ. Но русскіе хронографы и позднѣйшія лѣтописи XVI—XVII стол. уже

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1883 г., № 10, с. 252—253

[2]) Наглядный примѣръ представляетъ въ этомъ отношеніи отрывокъ изъ одной рукописи Кіево-Выдубецкаго мон., XVII стол., подъ заглавіемъ „О Руси и о крещеніи" (Кіев. Епарх. Вѣд. 1875, № 16, стр. 530—537). Вообще, въ XVII и XVIII стол. обнаруживается наклонность къ составленію витіеватыхъ и подробныхъ статей о событіяхъ, вкратцѣ сообщенныхъ лѣтописями, со внесеніемъ въ нихъ современныхъ понятій и взглядовъ (см. отрывокъ изъ исторіи Полоц. княж. у Татищева подъ 1217 г.); рѣчь галицк. кн. Романа, обращенную къ князьямъ и боярамъ по поводу кіевскаго престола 1203 г. и т. п. (см. Два памфлета времени Анны Іоан., Лыжина, Изв. 2-го отд. Имп. Ак. Наукъ, VII, 49—61; Лѣтопись Тихонравова, I 63—68; Н. Поповъ, Татищевъ, 460—461; Корсаковъ, Древ. Рос. 1877, II 281—285).

широко пользуются польскими хрониками [1]). Какъ постепенно распространялись сказанія въ широту, можно видѣть на эпизодѣ о Гостомыслѣ [2]). Между тѣмъ, по мѣрѣ отдаленія отъ перваго лѣтописца, въ позднѣйшихъ сводахъ замѣчается уже наклонность къ сокращенію „Повѣсти временныхъ лѣтъ [3]).

Къ категоріи историческихъ компиляцій, составленныхъ подъ вліяніемъ произведеній польско-славянской литературы, принадлежитъ несомнѣнно и отрывокъ, извѣстный подъ именемъ Іоаким. лѣтописи. Уже Татищевъ самъ замѣтилъ, что въ немъ онъ нашелъ много такого, чего ни въ одномъ изъ древнихъ Несторовыхъ манускриптовъ не находится, а помѣщено въ *прологахъ и польскихъ исторіяхъ*, которыя, по словамъ Стрыйковскаго, взяты, изъ русскихъ источниковъ [4]). Вторая часть отрывка представляетъ подобную же компиляцію, написанную на основаніи позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ и между прочимъ Степенной книги [5]), съ риторическими распространеніями, свойственными эпохѣ отрывка, и отчасти по лѣтописнымъ спискамъ, до насъ не дошедшимъ [6]) К. Н. Бестужевъ-Рюминъ давно высказалъ желаніе, чтобы Іоакимовская лѣтопись была подвергнута болѣе тщательному изученію, для чего важнымъ пособіемъ могла бы послужить одна рукопись XVII в., найденная въ Шуѣ (извѣстіе о ней было напеч. во Влад. Губ. Вѣд. 1866 г. [7]).

Какъ извѣстно, Карамзинъ не вѣрилъ въ показанія Татищева о бывшихъ въ его рукахъ лѣтописяхъ, до насъ не дошедшихъ [8]), и заподозрѣвалъ ссылки его на постановленія 1597, 1601 и 1606 гг. о

[1]) Обзоръ хронографовъ, II, 111—215, passim; Опис. рукоп. Рум. муз. № ccccLVII, с. 767. Въ „Подробн. лѣтописи отъ начала Россіи до Полтав. баталіи“, изд. Львовымъ (Спб. 1798), на 14—15 стр. читаемъ: „Обрѣтается же въ лѣтописцѣхъ польскихъ, яко власть славяно-россійская и Рима досяже“; а на стр. 27 сдѣлана ссылка на Стрыйковскаго, когда говорится о наслѣдникахъ Кія, Щека и Хорева.

[2]) Обзоръ хронографовъ, I, 117; Изборникъ Попова, 447; Лавровскій, О лѣт. Якимовской, 113- 115.

[3]) Сен納говъ, 90—91.

[4]) Татищевъ, Ист. рос. I, 41.

[5]) Образчикъ историческихъ распространеній въ Степенной книгѣ, не чуждыхъ извѣстной цѣли (Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ лѣт., прилож., стр. 29—30).

[6]) Ж. М. Н. Пр. 1883, № 10, стр. 254—255.

[7]) О составѣ рус. лѣт., 59, прим.

[8]) Ист. госуд. рос. т. I, примѣч. 378, 382; т. II, примѣч. 151.

крестьянахъ [1]). Но еще Бутковъ замѣтилъ, что теперь найдены не только современные списки этихъ грамотъ, но и самый подлинникъ одной изъ нихъ. Безъ сомнѣнія, прибавляетъ онъ, не повѣрили бы также извѣстію Татищева, что Іоаннъ III издалъ разные законы, если бы экземпляръ оныхъ, доселѣ единственный, не былъ отысканъ въ 1817 г. [2]) Карамзинъ также сомнѣвался въ существованіи Нижегородской лѣтописи, но она показана въ описи книгъ библіотеки Татищева (Нижняго Новгорода лѣтопись до 1347 г. [3]).

Послѣ этого необходимаго отступленія перейдемъ къ вопросу о Несторѣ, какъ онъ разсматривается въ исторіи В. Н. Татищева.

„Между явными намъ русскими историками говоритъ Татищевъ, есть древнѣйшій Несторъ, бывшій монахъ Печерскаго монастыря". Мало этого: онъ прибавляетъ, что Несторъ можетъ не только въ русскихъ, но и во всѣхъ славянскихъ народахъ между оставившими намъ исторіи первѣйшимъ или старѣйшимъ почитаться [4]). Послѣднему Татищевъ посвятилъ особую главу (5-ю), но и въ другихъ мѣстахъ своей исторіи онъ касается его лѣтописи. Онъ разсматриваетъ вопросы о степени извѣстности Нестора, какъ лѣтописца, до позднѣйшаго времени, и доказательства, что лѣтопись принадлежитъ именно ему. Онъ замѣтилъ уже, что древняя лѣтопись не дошла до насъ въ своемъ первоночальномъ видѣ, а подверглась вставкамъ, добавленіямъ и продолженіямъ, отъ чего самый трудъ лѣтописца сливается съ позднѣйшими продолжателями, какъ это было въ западныхъ лѣтописяхъ. „Дополнители тѣ исторіи, исправя и дополня, своими именовали, а прежнихъ писателей имена и времена умолчали или имена ихъ положа, времени, когда или до коихъ мѣстъ кто писалъ, не объявили". Поэтому произошли и существенныя измѣненія въ слогѣ, въ порядкѣ изложенія, пропуски и замѣна однихъ мѣстъ другими, разнообразія въ спискахъ и даже искаженія основнаго текста. „Всѣ манускрипты, говоритъ онъ, колико я въ рукахъ моихъ имѣлъ, хотя Несторово начало имѣютъ, но въ продолженіи ни одинъ съ другимъ точно не сходенъ, въ одномъ то, въ другомъ другое прибавлено или сокращено". При этомъ онъ ссылается на Стрыйковскаго, который,

[1]) Ibid., X. прим. 349.

[2]) Оборона, с. 224.

[3]) Нов изв. о Татищевѣ, Пекарскаго, 58. Ср. Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ лѣт., стр. 56. См. ниже.

[4]) Ист. рос., I. 51—52.

„прилежно въ русской и литовской исторіи трудясь, изъ русскихъ 15 разныхъ лѣтописцевъ собралъ, и хотя онъ порядокъ перемѣнилъ и во многихъ сокращалъ, однакожъ у него много такихъ обстоятельствъ находится, которыхъ въ собранныхъ мною нѣтъ, а наипаче дѣла такія, каковыхъ ему какъ чужеземцу, и въ вѣрѣ съ нами противному, къ чести русской вымысля прибавить нужды не было". Татищевъ обращалъ также вниманіе на пропускъ русскихъ извѣстій въ отечественныхъ лѣтописяхъ, а между тѣмъ польскіе лѣтописцы, заимствовавшіе свои извѣстія изъ русскихъ источниковъ, о нихъ упоминаютъ. Такимъ образомъ, Татищевъ не сомнѣвается въ томъ, что Несторъ есть авторъ древней лѣтописи („безсомнѣнно, что Несторъ есть творецъ тоя лѣтописи" [1]); онъ отмѣчаетъ что трудъ его сталъ основнымъ для древнѣйшаго русскаго лѣтописанія („Несторовъ временникъ здѣсь за основаніе положенъ" [2]).

Возможность происхожденія древней лѣтописи Татищевъ объясняетъ существованіемъ у русскихъ письма до Владиміра св., даже прежде Константина (Кирилла); такъ какъ „законъ или уложеніе древнее русское" (Русская Правда) заключаетъ въ себѣ такія реченія и обстоятельства, которыхъ задолго до Владиміра нигдѣ уже у славянъ не было, но были въ самой древности"; а если было письмо, то были и исторіи (записки [3]). Договоры съ греками не могли быть записаны со словъ, какъ равно и многія древнія событія, записанныя въ лѣтопись. Преданія служили матеріаломъ для лѣтописца [4]); но онъ также многое извлекъ изъ книгъ и писемъ. Несторъ былъ ученикомъ грековъ и пользовался *греческими писателями*, между прочимъ *Кедриномъ* [5]). Договоры съ греками Татищевъ признаетъ возможными по обстоятельствамъ того времени, и думаетъ, что они были извѣстны Нестору въ славянскомъ, а именно въ болгарскомъ переводѣ и во время лѣтописца быть можетъ хранились *въ архивѣ* [6]). Татищевъ пытался опредѣлить мѣсто, до котораго продолжалъ свой трудъ лѣтописецъ. „О концѣ же лѣтописи Несторовой, говоритъ онъ,

[1]) Ист. россійская. кн. I, с. 55. Конечно мысль о лѣтописи, какъ сводѣ, не могла еще имѣть мѣста у Татищева.

[2]) Ibid., с. XI.

[3]) Ист. рос. I, с. 1—7.

[4]) Ibid., II, с. 359, 391, пр. 132.

[5]) Ibidem, II, 72, 349. 358, 360.

[6]) Ibidem, II, 395.

сказать точно не можно, для того, что Сильвестръ и другіе продолжающіе по Несторѣ хотя въ надписаніи имя Нестора полагали, но своего начала отъ Несторова окончанія не отличали, или послѣ описыватели отъ неразсудности въ томъ погрѣша смѣшали. Однакожъ мнится, что оное въ 1093 г., гдѣ онъ пиша о казняхъ божіихъ за грѣхи кончилъ рѣчь такимъ порядкомъ, какъ обыкновенно книги русскія кончатся, *аминь*, что *и послѣдователь его Сильвестръ* въ окончаніи своей лѣтописи равномѣрно положилъ" [1]). Изъ продолжателей Нестора онъ отмѣчаетъ Сильвестра (по 1116), игумена Выдубецкаго мон., и Нифонта, бывшаго игуменомъ на Волыни († 1156). Съ этого времени до 1202 г. идетъ новое продолженіе, послѣ чего порядокъ изложенія въ лѣтописи по различнымъ спискамъ существенно разнится. Писателями лѣтописи въ этотъ періодъ Татищевъ считаетъ Симона еписк. суздальскаго († 1226) и Іоанна, попа новгородскаго, упоминающаго о себѣ въ одномъ спискѣ подъ 1230 г. [2]). Около этого времени, по замѣчанію Татищева явилось уже много лѣтописцевъ въ разныхъ мѣстахъ, отъ сего и списки лѣтописей болѣе разнятся между собою. Въ другомъ мѣстѣ Татищевъ хвалитъ Нестора, впрочемъ вмѣстѣ съ Іоакимомъ, за то, что они не увлекались излишними подробностями, подобно польскимъ и чешскимъ лѣтописцамъ, о древнѣйшихъ временахъ, „имѣя лучшую совѣсть и опасаясь, чтобы лжи за истину невѣдѣньемъ не принять или можетъ быть болѣе отъ нихъ показано было, да утрачено" [3]).

Съ 1093—1116 г. Татищевъ считаетъ продолжателемъ лѣтописи Нестора—извѣстнаго Сильвестра, игумена Выдубецкаго монастыря. Въ его сводѣ подъ 1110 г. читаемъ: „Того же году февр. 11 дня въ 1 часу нощи видно было знаменіе въ Печерскомъ монастырѣ. Съ начала былъ громъ и молнія, потомъ явился столбъ огненный отъ земли до небеси, и освѣтилъ монастырь, яже съ великимъ ужасомъ вси видѣли: и азъ многогрѣшный Сильвестръ, игуменъ монастыря св. Михаила, видѣвъ написалъ въ книгѣ сей лѣтописанія, надѣявся милость пріять отъ Господа, при владѣніи вел. князя Владиміра, мнѣ бо тогда бывшу игуменомъ святого Михаила" (Ист. рос., II, 206). Запись эта очевидно значительно отличается отъ помѣщенной въ лѣтописи по списку Лаврент. (стр. 273—274), за которой слѣдуетъ

[1]) Ibid., I, 53—54. Ср. т. II, 151, примѣч. 309 (со словомъ аминь, отсутствующимъ въ другихъ спискахъ).

[2]) Татищевъ, I, с. 54—58.

[3]) Ibid, стр. 71—72.

извѣстная приписка Сильвестра. Въ примѣчаніи же къ своему тексту (350, стр. 456), Татищевъ говоритъ: „Сіи слова писателя Сильвестра о себѣ сказующаго, взяты изъ манускриптовъ Голицынскаго (кн. Д. М. Голицына) и Волынскаго (Артемія), о чемъ ниже яснѣе явится, но не во всѣхъ спискахъ такъ ясно положено, а особливо въ нѣкоторыхъ имя проронено". Объ окончаніи записей Сильвестра, какъ продолжателя Нестора, въ 1116 г. Онъ сообщаетъ на основаніи приписки въ Никоновскомъ сводѣ подъ 1116 г., болѣе пространной, чѣмъ въ Лавр. спискѣ (см. по изд. Археогр. ком., П. С. Р. Л., т. IX, 149; Татищевъ, т. I, 57; т. II, 218, 460, прим. 366). Все это показываетъ, на сколько уже при сводѣ лѣтописей съ личными заявленіями писателей поступали произвольно. Бѣлевскій, въ своемъ изданіи лѣтописи (Monum Polon., I, 531) полагаетъ, что Сильвестръ описалъ лишь чудо, о которомъ идетъ рѣчь.

Наконецъ, Татищевъ описываетъ списки лѣтописей, которыми онъ пользовался въ своемъ трудѣ. Изъ 11 списковъ, бывшихъ въ его рукахъ,—8 заключали въ себѣ начальную лѣтопись, 3 списка писаны были съ *юсами*, 3 имѣли надписаніе съ именемъ Нестора [1]). Въ особенности же заслуживаетъ вниманія такъ наз. Раскольничій списокъ (полученный имъ въ Сибири отъ одного раскольника), который былъ весьма древняго письма, на пергаментѣ, съ именемъ Нестора, а по начертанію письма могъ быть списанъ только раскольникомъ. Онъ оканчивался 1197 г. и отличался отъ другихъ по изложенію [2]).

[1]) Списки эти слѣдующіе: 1) полученный отъ гофъ-интенданта Мошкова, съ изображеніями, пис. юсами, по 1239 г., безъ конца; 2) Раскольничій (о немъ въ текстѣ); 3) сходный съ Кенигсбергскимъ, но съ именемъ Нестора, по 1206 г., безъ конца; 4) изъ библ. кн. Д. М. Голицына, съ именемъ Нестора, по 1198 г., неполный и безъ конца; 5) Кирилло-Бѣлозерскій, вначалѣ съ греч. хронографомъ, съ краткими изложеніями русскихъ событій, до цар. Іоанна II; 6) Новгородскій, пис. въ 1444 г., съ Русской Правдой (полученъ отъ раскольника); 7) Псковской отъ времени Ярослава по 1468 г.; 8) Новгородскій отъ Крекшина, съ юсами, по 1525 г.; 9) Лѣтописецъ Воскресенскаго монастыря, по 1630 г., подписанный рукою патр. Никона, съ перемѣнами, сдѣланными въ интересахъ возвышенія духовной власти надъ свѣтскою; 10) Нижегородскій, писанный лѣтъ 300 назадъ, вначалѣ съ изложеніемъ разныхъ дѣлъ изъ древнихъ писателей, за которыми слѣдуетъ Несторъ и продолженіе по 1347 г.; 11) списокъ, пріобрѣтенный на рынкѣ, съ юсами и именемъ Нестора, начинается 860 г. (Исторія рос., I, глава VII-я, стр. 60—64).

[2]) „Господинъ тайн. сов. Татищевъ, говоритъ Миллеръ, хвалилъ нѣкоторый старинный списокъ Несторовой лѣт., который у него самого находился. Превосходная онаго древность, доказывается отчасти по письменамъ, кои на квадратныя греческія и римскія походятъ, отчасти потому, что написанъ на пергаментѣ, отчасти изъ многихъ, находящихся въ немъ и въ нынѣшнія времена совсѣмъ не

Въ связи съ лѣтописью Татищевъ разсматриваетъ въ особой главѣ вопросъ о хронологіи вообще и въ частности о хронологіи русской лѣтописи (о счисленіи времени и началѣ года). Татищевъ обратилъ уже вниманіе на мартовское счисленіе въ древней Руси [1]).

II.

Всѣ эти замѣчанія показываютъ, что Татищевъ вѣрно памѣтилъ главныя стороны вопроса и уже считалъ необходимымъ ввести въ оцѣнку лѣтописи критику текста [2]). Но первый, высоко поставившій Нестора въ глазахъ изслѣдователей русской исторіи (минуя „Θеодосія", съ которымъ ему долго не давали покоя [3]) былъ Ф. Г. Миллеръ. Въ своемъ журналѣ „Ежемѣсячныя Сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія" (апрѣль 1755) онъ помѣстилъ статью „О россійскомъ лѣтописателѣ преп. Несторѣ", въ которой сдѣлалъ отзывъ о его лѣтописи въ такомъ смыслѣ, что подобной лѣтописи не имѣютъ прочіе славяне, отзывъ еще болѣе расширенный Шлецеромъ и усвоенный нѣк. послѣдующими писателями.

Миллеръ добросовѣстно отнесся къ сочиненію Татищева, бумагами котораго онъ пользовался еще до изданія его труда. Съ своей стороны онъ сопоставляетъ извѣстія лѣтописи съ печерскимъ Патерикомъ для выясненія личности лѣтописца; онъ признаетъ существованіе записокъ до Нестора, которыми послѣдній пользовался при составленіи своей лѣтописи, устанавливаетъ время окончанія его лѣ-

---

употребляемыхъ рѣчей и, наконецъ, изъ того, что оный не далѣе 1197 г. простирается. По сему послѣднему обстоятельству не безъ вѣроятности заключается, что сей списокъ въ концѣ XII вѣка писанъ. Имя преп. Нестора въ началѣ онаго ясно означено" (О рос. лѣтописцѣ преп. Несторѣ, Ежемѣс. Соч. 1755, апрѣль, 295—296). Заслуживаетъ еще упоминанія, что въ раскольн. сочиненіи: „Керженскіе или дьяконовы отвѣты" Несторъ называется лѣтописцемъ кіевскимъ, а за тѣмъ Поликарпъ лѣтописецъ, печерскій описатель (Керженск. или дьяконовы отвѣты. А. П. Мельникова, изд. Нижегор. уч. архив. Ком., засѣд. 25 сент. 1892 г., стр. 158).

[1]) Глава VIII, стр. 65—69. Куникъ называетъ его даже наставникомъ Круга въ этомъ отношеніи (Извѣстны ли намъ годъ и день смерти вел. кн. Ярослава Влад.").

[2]) Подробнѣе о Татищевѣ въ моногр. Н. А. Попова, К. Н. Бестужева-Рюмина, I. Сенигова; а объ его исторіи и трудахъ см. въ дальн. части наст. сочиненія.

[3]) Пекарскій, Ист. Имп. Ак. наукъ, I, 339.

Миллеръ самъ исправилъ эту ошибку, сдѣланную въ I т. Samml. Russ. Gesch. 1739, въ переводѣ изъ лѣт. Нестора (Θеодосія) на нѣмец. языкѣ (см. Ежем. Соч. 1755, апрѣль, 281).

тописи (1115 [1]), отмѣчаетъ продолжателей перваго лѣтописца и прежде всего Сильвестра, расходясь съ Татищевымъ въ опредѣленіи части, написанной этимъ послѣднимъ (Миллеръ полагаетъ, что Сильвестръ описалъ лишь время 1116—1123 г. [2]). Въ указаніи дальнѣйшихъ продолжателей онъ слѣдуетъ вполнѣ Татищеву, а именно, что періодъ по 1157 г. описанъ лѣтописцемъ, жившимъ на Волыни, такъ какъ извѣстія о Волыни и Червонной Руси становятся здѣсь обстоятельнѣе прежняго; слѣдующее за тѣмъ продолженіе идетъ, по его мнѣнію, до 1203 г. До сего времени, говоритъ онъ, разные списки лѣтописи Несторовой, также и продолженія оной, почти во всемъ между собой согласны, по крайней мѣрѣ въ томъ, что до главныхъ приключеній касается, хотя въ рѣчахъ и замѣчается разница въ отдѣльныхъ спискахъ, зависящая отъ разныхъ списателей. Упомянувъ затѣмъ о вліяніи послѣдующей печальной эпохи на лѣтописное дѣло, Миллеръ отмѣчаетъ появленіе мѣстныхъ лѣтописей и утверждаетъ, что ихъ авторы были всѣ изъ духовенства, ибо въ Россіи, какъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ, знаніе и науки по большей части не выступали тогда изъ предѣловъ монастырскихъ; далѣе, слѣдуя опять Татищеву, Миллеръ упоминаетъ о продолжателяхъ лѣтописи Симонѣ еп. суздальскомъ и новгор. свящ. Іоаннѣ; о возникновеніи Степенныхъ книгъ (Кипріанъ и Макарій) до окончанія лѣтописнаго дѣла въ 1630 г. (Никонъ), о Радзивиловскомъ спискѣ древней лѣтописи, и въ заключеніе рекомендуетъ иностранцамъ дѣлать переводы лѣтописи Нестора на свои языки, чтобы такимъ образомъ древняя русская исторія стала для нихъ извѣстною.

III.

Литературные антагонисты на поприщѣ русской исторіи—кн. М. М. Щербатовъ и И. Н. Болтинъ смотрѣли на древнюю

[1]) Возражая Татищеву по вопросу объ окончаніи Несторомъ лѣт. въ 1093 г., Миллеръ указалъ, что подъ 1096 г., гдѣ сообщается о нападеніи половецкаго князя Боняка на Печерскій монастырь, замѣчено: „намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ“, чего не могъ сказать Сильвестръ, *„ибо онъ монахомъ Печерскаю мон. не бывалъ*, какъ то и въ Патерикѣ житія его не описано“ (Ежем. Соч., 287).

[2]) „Слова Сильвестра (приписка) въ началѣ 1116 г. положенныя, не меньше походятъ на начало (его труда), какъ и на окончаніе. Онъ говоритъ, что писалъ при владѣніи вел. кн. Владиміра Мономаха, которое началось въ 1113 г. и ника-

лѣтопись и ея составъ, слѣдуя мнѣніямъ, высказаннымъ одинъ—Миллеромъ, а другой—Татищевымъ. Князь Щербатовъ прямо утверждаетъ, что „первый нашъ лѣтописецъ былъ преподобный Несторъ". Онъ не рѣшался противорѣчить Миллеру, что Несторъ „конечно имѣлъ нѣкія прежнія записки, съ которыхъ написалъ предшедшихъ ему временъ исторію; но если бы и не имѣлъ, *единое изустное преложеніе* (преданіе) можетъ довольно послужить для такого сочиненія за два столѣтія". Онъ соглашается съ Миллеромъ, что другіе не имѣютъ подобной лѣтописи, а потому и Стрыйковскій, славный польскій писатель, не нашелъ лучшаго основанія, кромѣ нашего Нестора, къ сочиненію своей польской и россійской хроники. Сверхъ того Несторъ былъ не только свидѣтель, но и участникъ описываемыхъ имъ нѣкоторыхъ дѣлъ, какъ напр. происшедшихъ во время ослѣпленія Василька. Такимъ образомъ извѣстное повѣствованіе объ этихъ событіяхъ Щербатовъ прямо приписываетъ Нестору. О продолжателяхъ Нестора Щербатовъ говоритъ согласно съ мнѣніемъ Миллера. И такъ, заключаетъ онъ, „можно сказать, что вся исторія Россійская сочинена современными писателями и слѣдственно великой вѣроятности достойна; но несомнѣнно, что таковыя лѣтописи, бывъ часто переписываемы, великій могли вредъ претерпѣть отъ невѣжества списателей" [1]). Щербатовъ задаетъ при этомъ вопросъ, почему въ русскихъ лѣтописяхъ нѣтъ такихъ басенъ, какъ у иностранныхъ писателей, которыя могли бы многія древности объяснить? и рѣшаетъ его слѣдующимъ образомъ: „Сіе произошло отъ того, что Россія не такъ, какъ другія страны, которыя по степенямъ изъ грубѣйшаго невѣжества выходили; но можно сказать, что вдругъ сдѣлала одинъ шагъ изъ самой грубости, каковую *кочевой* народъ можетъ имѣть, къ великому просвѣщенію, т. е. что, принявши вдругъ *христіанскій* законъ, обще съ нимъ пріобрѣлъ смягченіе своихъ суровыхъ нравовъ и письмена, которыхъ конечно прежде не имѣлъ" и т. д. „Вотъ причина, заключаетъ кн. Щербатовъ, почему оныхъ совсѣмъ у насъ въ памяти не осталось и Россійская исторія, хотя поздно, но уже освобожденная отъ всѣхъ баснословій, начинается" [2]).

кой причины для чего бы ему перестать писать прежде своей кончины не видно (съ 1119 г. епископъ въ Переяславлѣ, † 23 апрѣля 1123 г.).

[1]) Ист. рос., I, с. VIII—X.

[2]) Ibid., I, II—III.

Болтинъ утверждаетъ, что Несторъ вовсе не былъ первымъ русскимъ лѣтописцемъ, доказательства чему онъ находитъ въ самомъ содержаніи и составѣ русскихъ лѣтописей, начиная съ древнѣйшихъ ихъ списковъ. Несторъ, по его мнѣнію, писалъ свою знаменитую лѣтопись не со словъ другихъ, а пользуясь письменными сказаніями своихъ предшественниковъ; равнымъ образомъ и послѣдующіе бытописцы, внося въ свои лѣтописи много такого, чего нѣтъ у Нестора, брали это не изъ устныхъ преданій, а изъ другихъ лѣтописей, составители которыхъ намъ неизвѣстны[1]). О лѣтописи, извѣстной подъ именемъ Нестора, Болтинъ замѣчаетъ, что въ ней всего менѣе чудесъ, суевѣрій и явленій сверхъестественныхъ и подтверждаетъ это сравненіемъ древней лѣтописи не только съ позднѣйшими русскими, но и съ западно-европейскими лѣтописями[2]).

Относительно разности списковъ древней лѣтописи Болтинъ замѣчаетъ: „Изъ премногихъ списковъ съ лѣтописей, находящихся въ государственныхъ книгохранилищахъ и у людей частныхъ, не найдется двухъ во всемъ между собою согласныхъ. Я имѣлъ у себя *семь*, и всѣ весьма стариннаго письма, въ томъ числѣ *два съ юсами* и на пергаментѣ писанныхъ; но всѣ между собою разнствовали: одинъ другаго или полнѣе или сокращеннѣе: въ одномъ того бытія или обстоятельства, а въ другомъ другаго недоставало, а иные написаны совсѣмъ иначе. Который назвать изъ нихъ правильнымъ *и Нестору принадлежащимъ, рѣшить едва ли возможно*. Сколько есть повѣствованій въ прологахъ, въ лѣтописи Никоновской, въ польскихъ и другихъ иностранныхъ писателяхъ, коихъ ни въ одномъ Несторовомъ нѣтъ. Какъ же намъ изъ сея трудности выпутаться, ежели кромѣ Нестора никому другому не вѣрить?“ Доводы эти Болтинъ приводитъ, какъ въ подтвержденіе существованія у насъ лѣтописцевъ прежде Нестора, хотя имена ихъ остались намъ неизвѣстными, такъ и въ защиту Іоакимовской лѣтописи, которую онъ принимаетъ вслѣдъ за Татищевымъ. Упоминая объ Іоакимовской лѣтописи, онъ считаетъ нужнымъ защитить ее хотя бы изъ благодарности за то, что она на

[1]) „Нѣтъ сомнѣнія, что, и окромѣ Іоакима, были прежде Нестора лѣтописцы, но писанія ихъ отъ времени утратились“.

[2]) Отвѣтъ Болтина на письмо кн. Щербатова, с. 132; Примѣчанія на Леклерка, I, 58–59; Критическія примѣчанія на I-ый томъ исторіи Щербатова, с. 26–27. Отзывъ о Болтинѣ Шлецера (Несторъ, I, рӧг—рӧд, 380–382).

многія мѣста Нестора доставила намъ толкъ и ясность [1]). Онъ не отрицаетъ, „чтобы въ ней не было относительно времени до Рюрика повѣствованій баснословныхъ, какъ и во всѣхъ вообще исторіяхъ первобытныхъ вѣковъ, кои справедливо Плутархъ называетъ государствами мечтаній и чудовищъ. Но сіе не помѣшаетъ историку разсудительному и свѣдущему пользоваться тѣмъ, что находится въ ней истинное и вѣроятное по сношенію съ другими историками и лѣтописателями тѣхъ временъ, своими и чужестранными“ [2]).

IV.

Сличеніе трудовъ Длугоша и Стрыйковскаго съ лѣтописью, приписываемой Нестору, подтверждаетъ знакомство ихъ съ этимъ источникомъ и заимствованія изъ него [3]). Изъ предѣловъ Польши вышелъ и такъ наз. Радзив. списокъ лѣтописи (списокъ этотъ находился здѣсь еще въ к. XVI в., а въ 1671 г. кн. Богусл. Радзивиломъ подаренъ въ Кенигсберг. библіот.). Петръ Могила не обнаруживаетъ знакомства съ лѣтоп. Нестора (въ предисл. къ Патерику), но Синопсисъ не разъ ея называетъ [4]). Зналъ ее и Ѳеодосій Софоновичъ [5]); однако честь возстановленія имени Нестора, какъ лѣтописца, принадлежитъ XVIII вѣку.

До XVIII стол. иностранцамъ вообще не было извѣстно имя Нестора, хотя нѣкоторые изъ нихъ, бывшіе въ Россіи, упоминаютъ о русскихъ лѣтописяхъ. [6]). Миллеръ впервые познакомилъ иностранныхъ

[1]) Доводъ, приведенный потомъ Соловьевымъ.

[2]) Отвѣтъ ген. маіора Болтина на письмо князя Щербатова, Спб. 1789, с. 11—16.— I. Бакмейстеръ, въ своемъ „Опытѣ о библіотекѣ“, обозрѣвая судьбу книжнаго просвѣщенія въ Россіи, держится мнѣнія о существованіи лѣтописцевъ до Нестора (J. Backmeister, Essai sur la Bibliothéque de l'Academie des sciences. S.-Pt. 1776. p. 24; рус. перев. Костыгова „Опытъ о библіотекѣ“, 1779, стр. 16).

[3]) П. Лавровскій, Изслѣд. о Яким. лѣтописи (Уч. Зап. И. Ак. Н., II, 120 - 124, примѣч.). Ср Ежем. Соч. 1755, I, 276; Шлецеръ, Несторъ, ҁл—ҁлв.

[4]) Татищевъ, 52—53. Погодин. спис. Ипат. л. (сход. съ Хлѣбник.) писанъ въ Запад. Руси (см. Рус. лѣт. по Ипат. спис., изд. 2-е, с. VIII - IX).

[5]) Погодинъ, I, 72 73.

[6]) Герберштейнъ не упоминаетъ имени Нестора, и Шлецеръ сомнѣвается, чтобы онъ пользовался его лѣтописью (I, XXI, ҁкг, ҁлв—ҁлг; ср. Замысловскій, Герберштейнъ, 57.). Впервые упомянулъ о немъ въ 1775 г. Гербиній въ книгѣ Religiosae Kijovienses cryptae, Jena, 1675 г.; Шлецеръ, Несторъ, I, ҁко—ҁлѕ. О Гербиніѣ см. Як. Новицкаго: „Іоаннъ Гербиній, вилен. пасторъ пол. XVII в. и его подзем-

ученыхъ, хотя и не въ удовлетворительномъ переводѣ (Samml. Russ. Gesch., I, 1732) съ лѣтописью Нестора, заставлявшемъ желать нѣкоторыхъ (напр. шведскаго ученаго В. Бринга) лучшаго и полнаго изданія послѣдней [1]). „Знаменитый Лейбницъ, говоритъ Шлецеръ, зналъ также (Epp. ad. Diver., Лейпц. 1734, 410) это почтенное имя“ [2]). Уже съ нетерпѣніемъ ожидали иностранцы появленія въ печати русскихъ лѣтописей, при чемъ нѣкоторые думали, что чтеніе ихъ не представитъ затрудненій, такъ какъ онѣ писаны полатыни и Шлецеръ привезъ въ Россію высокое понятіе о нихъ [3]), въ то время, какъ здѣсь дѣлали всяческія затрудненія къ ихъ напечатанію [4]).

Между тѣмъ извѣстному геттингенскому проф. Гаттереру удалось, при содѣйствіи одного изъ русскихъ, учившихся тамъ (Дм. Семенова-Руднева, впослѣдствіи еп. Дамаскинъ), получить сокращеніе изъ Нестора для своего изданія (Einleit. in die synchron. Universalhistorie, Götting. 1771, 979—1000 [5]), а нѣсколько позже (1774) въ Лейпцигѣ появился, по словамъ Шлецера, „жалкій нѣмецкій переводъ съ жалкаго русскаго изданія жалкаго Радзивиловскаго Нестора“ (4°, 206 стр.) и съ тѣхъ поръ вошло въ обычай ссылаться на имя Нестора [6]). Но безъ сомнѣнія не эти неудачныя попытки создали славу Нестору, а старанія знаменитаго А. Л. Шлецера.

Еще ни одному русскому писателю не выпадало такой чести, чтобы стать предметомъ изслѣдованія извѣстнаго критика своего вѣка, какимъ былъ уже въ то время Шлецеръ. Честь эта выпала на долю Не-

ный Кіевъ—Пещеры“ (Вѣстн. Зап. Рос. 1871, № 4), а затѣмъ лифляндецъ Бергъ, De statu eccles. Moscovit, pp. 48, 50, 52, гдѣ Н-ръ называется Petzurski (Печерскій и Ruthenorum chronographus, Шлецеръ, рлг). Ср. еще замѣч. Буткова (Оборона, 128—131).

1) Шлецеръ, Несторъ, I, 367; III, 219; ср. I, рие—риг.

2) Ibid., рлѕ.

3) См. также Автобіогр., 45—46.

4) Опытъ рус. исторіогр., I, с. 114—115.

5) Ibid., xxi, и въ біогр. Семенова-Руднева (Сухомлиновъ, Ист. Рос. акад., т. I, 145; Дамаскинъ Семеновъ-Рудневъ, еп. нижегородскій, 1737—1795, его жизнь и труды, Як. Горожанскаго, Кіевъ, 1891, изъ Труд. Кіев. дух. акад. стр. 92—96). Переводъ сдѣланъ былъ по издан. Ак. Наукъ Радзив. списку лѣтописи и сравненъ съ Никон. спискомъ.

6) Ibid., I, рѯз, 232; II, 371, 384). Дурныя стороны изданія Радзив. сп. Шлецеромъ преувеличены (Полѣновъ, Библ. обозр. рус. лѣт., Спб. 1850, с. 24 - 27).

стора. Съ этого времени ихъ имена стали неразлучными. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шлецеръ положилъ начало критической разработкѣ древней русской лѣтописи.

Мы не имѣемъ въ виду подробно останавливаться здѣсь на дѣятельности Шлецера въ разработкѣ вопросовъ русской исторіи [1]), а ограничимся лишь важнѣйшими его положеніями, касающимися лѣтописи.

Еще въ „Опытѣ о русскихъ лѣтописяхъ“ Шлецеръ говоритъ: „Раскройте лѣтописи всѣхъ временъ и земель и покажите исторію, которая превосходила бы или только равнялась бы съ русскою. Она безконечно пространна, по множеству народовъ, составляющихъ политическое тѣло Россіи; чрезвычайно важна, по непосредственному вліянію на прочую исторію европейскую и азіатскую, и очень вѣрна по богатству въ достовѣрныхъ историческихъ памятникахъ“ [2]). Но слава Нестору была составлена уже знаменитымъ произведеніемъ Шлецера, носящимъ имя лѣтописца и вышедшимъ въ 5 частяхъ на нѣмецкомъ языкѣ (1802—1809) до смерти Ярополка (980 г.), которое вскорѣ затѣмъ было переведено (въ 3-хъ тт.) на рус. языкъ Д. Языковымъ (1809—1819 [3]). Въ своемъ изслѣдованіи авторъ сообщаетъ замѣчанія объ исторической критикѣ и критикѣ текста древнихъ рукописей: даетъ объясненія текста русской лѣтописи и замѣчанія о состояніи общества и просвѣщенія въ разсматриваемую эпоху; помѣщаетъ разсужденіе о развитіи и образованіи политическихъ обществъ; сообщаетъ географическія и этнографическія изслѣдованія и т. п. Замѣчанія автора богаты сравненіями и библіографическими указаніями. Касаясь лѣтописи въ частности, Шлецеръ обращаетъ вниманіе на отличія списковъ матеріалъ, на которомъ она писана, форматъ, языкъ, письмо и т. п. Въ своемъ трудѣ онъ даетъ массу свѣдѣній по отдѣльнымъ, частнымъ вопросамъ (о славянахъ, о русахъ и др. упоминаемыхъ племенахъ, объ отношеніяхъ къ Византіи, о славянской азбукѣ и дѣятельности Кирилла и Меѳодія, о введеніи христіанства, о деньгахъ и т. п. [4]). Таковъ,

[1]) Ему будетъ посвящена особая глава въ дальнѣйшей части настоящаго труда.

[2]) Probe Russ. Annalen. S. 43.

[3]) Переводъ лѣтописи и критика текста выполнены авторомъ до 980 г.; но онъ надѣялся довести свои комментаріи до смерти Ярослава (III, 108).

[4]) Исторія варяж. вопроса (I, 359—390), о дѣят. Кирилла и Меѳодія (III, 406—582)—болѣе обширные отдѣлы.

въ общихъ чертахъ, планъ труда Шлецера. Главныя положенія его исторической критики были отчасти изложены нами во введеніи (глава 1-я) къ I тому настоящаго труда. Здѣсь же мы каснемся его мнѣній настолько, насколько они относятся къ разсматриваемому вопросу. „Знанія свѣта и философскихъ идей объ исторіи народовъ никто не можетъ ожидать отъ днѣпровскаго монаха, говоритъ Шлецеръ, жившаго въ 1100 г., почему и доставляетъ онъ мало для исторіи просвѣщенія Руси, а занимается болѣе чудесами и знаменіями, а еще болѣе войнами и повѣстями о смертоубійствахъ. Но развѣ временники современныхъ южно-европейскихъ монаховъ отличнѣе въ этомъ? Развѣ не разсказываютъ они такихъ же глупыхъ чудесъ и пустяковъ? Но этотъ Руссъ, въ сравненіи съ позднѣйшими исландцами и поляками, такъ превосходенъ, какъ разсудокъ, иногда затмѣвающійся, въ сравненіи съ безпрестанною глупостью. Можетъ быть въ послѣдующее время, при строгомъ критическомъ сличеніи списковъ, окажется, что многія глупыя мѣста принадлежатъ не Нестору, а подправщикамъ, жившимъ послѣ него болѣе 400 лѣтъ“ (I, кв.)

Образцомъ древнѣйшей русской лѣтописи онъ считалъ византійскіе хронографы. „Весь временникъ Нестора сдѣланъ на покрой византійскій“, замѣчаетъ Шлецеръ, настойчиво связывая зарожденіе лѣтописнаго дѣла на Руси съ вліяніемъ византійской образованности [1]). Онъ указываетъ на четырехъ писателей, жившихъ въ одно съ нимъ столѣтіе: Георгія Кедрина, Іоанна Скилицу, Іоанна Ксифилина и Зонару (въ другомъ мѣстѣ, какъ источникъ, онъ приводитъ уже Георгія Синкелла, нач. IX в. [2]), Кедрина и безъименную пасх. хронику), которыхъ, т. е. по крайней мѣрѣ нѣк. изъ нихъ, могъ знать русскій лѣтописецъ, а затѣмъ прибавляетъ: „Цѣлыя мѣста изъ послѣднихъ, переведенныя слово въ слово, внесъ онъ въ свое твореніе; также, очевидно, подражалъ и въ хронологическомъ расположеніи. Разумѣлъ-ли онъ самъ греческій языкъ (которому могъ научиться отъ монаха Михаила, принесшаго въ Кіевъ Студійскій уставъ) или употреблялъ переводъ другихъ, я не знаю, да въ томъ и нужды нѣтъ. Такимъ образомъ, этотъ

[1]) „Въ продолженіе цѣлаго средняго вѣка въ Россіи было все византійское: религія и суевѣріе, науки и художества, законы и наказанія, даже множество обычаевъ и пороковъ перенесено было въ Кіевъ изъ Константинополя“ (I. 261).

[2]) Необходимо замѣтить, что нѣкоторыя рукописи Г. Амартола представляютъ смѣшеніе въ заглавіи этого писателя съ Г. Синкелломъ (Виз. Врем. 1897. в. III—IV, 693), но это, конечно не имѣлось въ виду Шлецеромъ.

Руссъ вздумалъ быть историкомъ своего народа [1]). Образцы его, замѣчаетъ онъ, хотя и не были Θукидиды, но важные, честные, любящіе истину писатели временниковъ, а не врали и сказочники. Счастливъ онъ и мы, что не попался къ трубадурамъ". Шлецеръ допускалъ возможность знанія Несторомъ греческаго языка настолько, чтобъ пользоваться имъ; но онъ цѣнитъ всю важность того, что лѣтописецъ писалъ на своемъ языкѣ [2]). Объ однихъ событіяхъ лѣтописецъ писалъ какъ современникъ, о другихъ по разсказамъ знающихъ людей (старецъ Янъ); Шлецеръ допускаетъ и существованіе письменныхъ источниковъ до Нестора, только не іоакимовскихъ бредней. Договоры русскихъ съ греками, внесенные въ лѣтопись, Шлецеръ признаетъ для себя загадкою, которую рѣшить, по его словамъ, гораздо труднѣе Гомерова списка кораблей. Столь пространные памятники въ прозѣ, не могли никакъ сохраниться словеснымъ преданіемъ; но неужели тогда уже умѣли писать необразованные *норманны?* [3]). Онъ отмѣчаетъ

[1]) Несторъ, I, ҃з, ҃зі—ні, 14—15, Ср. еще, т. III, 46, 56, 75, 496. Въ другомъ мѣстѣ Шлецеръ замѣчаетъ однако: „Слогъ повѣствованія его не похожъ на византійскій, но на библейскій: онъ заставляетъ дѣйствующія лица говорить самихъ, точно какъ въ историческихъ книгахъ Ветхаго Завѣта; часто кстати и не кстати приводитъ изреченія изъ Библіи и дѣлаетъ набожныя размышленія" (҃кв). Заслуживаетъ вниманія, что ученикъ Геттингенскаго университета, еписк. Дамаскинъ Рудневъ, держится той же точки зрѣнія на источники Нестора (Ученая исторія,—предислов. къ его Библіотекѣ россійской § 14), а именно, что Несторъ пользовался Кедриномъ, Зонарою и Синкелломъ, а начало своей лѣтописи взялъ почти слово въ слово изъ Синкелла (Чт. въ Общ. ист. и древн. 1891, кн. I); ср.. Бакмейстеръ, 16.

[2]) Несторъ, I, ҃оѕ—҃оз; подробно въ ııı-мъ отдѣлѣ. Такъ же высоко ставитъ это обстоятельство и Фридр. Шлегель. „Между славянскими націями, говоритъ онъ, Россія въ средніе вѣка имѣла рано уже своихъ національныхъ бытописателей на отечественномъ языкѣ—*преимущество неоцѣненное и доказательство неопровержимое начинанія умственной національной образованности*, которая, до опустошеній, причиненныхъ монголами, *долженствовала быть болѣе общею* и распространенною въ Россіи. Процвѣтаніе торговли, старинныя связи съ Константинополемъ и другія историческія обстоятельства дѣлаютъ это весьма вѣроятнымъ" (Исторія древней и новой литературы, II, 47).

[3]) Ibidem. I, ҃ѳі. О степени образованности послѣднихъ мнѣніе Шлецера см. выше (стр. 127). Къ договорамъ онъ возвращается неоднократно. Онъ утверждаетъ что многія статьи ихъ совершенно приличны тогдашнему положенію у руссовъ и грековъ и взаимнымъ ихъ отношеніямъ; онъ ожидалъ успѣшнаго разъясненія отъ разысканія *лучшихъ* и *древнѣйшихъ* списковъ; онъ совѣтовалъ не спѣшить съ заключеніемъ, но выждать и только подъ конецъ произнесъ свой приговоръ о ихъ подложности, относя происхожденіе ихъ къ XIII—XIV вв. и думая защитить такимъ образомъ еще разъ правдивость Нестора (III, 598—600, 683—86).

важность географическихъ и этнографическихъ данныхъ въ древней лѣтописи для исторіи сѣверной Европы [1]); но его хронологію до Владиміра В. считаетъ сомнительною и невѣрною. Онъ тщательно выдѣляетъ баснословный элементъ въ лѣтописи (саги), полагая, что только національное увлеченіе позволило Нестору говорить о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ (разсказъ о Вяткѣ и Влдимѣ онъ прямо называетъ баснями); но онъ не можетъ потерпѣть, что есть позднѣйшіе писатели, которые готовы разыскивать время основанія Кіева.

Татищевъ и Миллеръ уже выдѣляли рядъ невѣрныхъ повѣствованій въ древней лѣтописи (о первыхъ князьяхъ, объ Игорѣ, Ольгѣ и т. п.); но Шлецеръ предпочитаетъ объяснять эти сказанія тѣмъ, что они суть вставки позднѣйшихъ писателей: простодушіе и правдивость Нестора ручались ему за то, что онъ не могъ помѣстить неправду въ свою лѣтопись; однако такое толкованіе было прилично XVIII, а вовсе не XI стол. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шлецеръ совсѣмъ не цѣнилъ сѣверныхъ сагъ, такъ какъ онъ находилъ въ нихъ лабиринтъ противорѣчій и считалъ ихъ не старѣе Сноррe Стурлесона [2]). За то онъ высоко ставитъ достоинство русской лѣтописи, а, представивъ перечень лѣтописцевъ сѣвера IX—XVI стол., восхваляетъ „богатство свѣдѣній въ ней заключающихся, сравнительно съ бѣдностью всей остальной верхне-сѣверной исторіи"; „древность" Нестора передъ молодостью скандинавскихъ, венгерскихъ и остальныхъ славянскихъ историковъ; „полноту и правдивость" передъ „отрывочностью и легкомысленностью" тѣхъ же писателей. На всемъ этомъ пространствѣ (800—1500 г.), говоритъ онъ, Несторъ есть одинъ только настоящій въ своемъ родѣ полный и справедливый лѣтописецъ [3]). Всѣ же недостатки лѣтописи Шлецеръ относитъ на счетъ позднѣйшихъ вставокъ, дополненій переписчиковъ и даже поддѣлывателей [4]). Критика Шлецера чрезвычайной мелочна. Взявъ за основаніе небольшой отрывокъ (б. ч. по Радзивил. списку), онъ сличаетъ его по всѣмъ остальнымъ, бывшимъ въ его распоряженіи спискамъ, сводитъ ва-

Эверсъ дѣлаетъ сравненіе ихъ съ договор. грековъ, заключенными съ арабами и персами (Древ. право, 137, 147; ср. выше, с. 123).

[1]) См. выше, стр. 297—299.

[2]) Несторъ, I, ме-ми, нд-не, 173, 180—183, II, 760—770.

[3]) Несторъ, I, мѕ-мз.

[4]) Ibid., I, пе-пз.

ріанты и даетъ правильное, по его мнѣнію, чтеніе. Въ отдѣльныхъ объясненіяхъ и мнѣніяхъ по извѣстному вопросу онъ предлагаетъ ихъ исторію и ведетъ борьбу со своими противниками, обыкновенно въ рѣзкомъ, полемическомъ тонѣ.

Татищевъ принималъ за окончаніе древней лѣтописи 1093 г („аминь"); Миллеръ—1115 г.; Шлецеръ—1116, къ которому относится запись Сильвестра (помѣщенная подъ 1110 г.). Шлецеръ полагаетъ, что только съ этого года началъ писать послѣдній († 1123, по показанію лѣтописи). Далѣе, Шлецеръ отмѣчаетъ еще двухъ продолжателей древней лѣтописи *безъименныхъ*: одного до 1157 г., предполагая въ немъ *волынца*, и другого до 1203 г., съ которымъ, по его мнѣнію (согласному съ Татищевымъ и Миллеромъ), оканчивается первый разрядъ русскихъ лѣтописей, преемственно продолжавшихъ трудъ другъ друга, что̀ подтверждается согласіемъ списковъ до этого времени [1]). Затѣмъ идутъ частныя лѣтописи, по землямъ (въ Кіевѣ, Новгородѣ, Бѣлоруссіи), неудачная попытка слить которыя воедино выразилась въ Степенныхъ книгахъ; но онѣ произвели замѣшательство въ лѣтописномъ дѣлѣ. Окончаніе составленія рус. временниковъ Шлецеръ признаетъ съ Никоновскимъ сборникомъ (1630) и съ удивленіемъ восклицаетъ: „Сколько же исторической истины зарыто еще до сихъ поръ въ этихъ сотняхъ, а можетъ быть тысячахъ рукописей (не смотря на всѣ ихъ погрѣшности), продолжающихся безпрерывно чрезъ 500 лѣтъ (ҁ҃ӡ—҃ѯ҃д). Въ этомъ отношеніи Шлецеръ собственно только полнѣе развилъ мнѣніе о ходѣ лѣтописнаго дѣла въ Россіи—Миллера. Но Шлецеръ чувствовалъ всю трудность и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость въ рѣшеніи вопроса: кто же изъ византійскихъ писателей послужилъ образцомъ и источникомъ для Нестора, и потому неоднократно возвращается къ этому вопросу. „Вѣроятно, говоритъ онъ, что, съ нѣкоторыми опущеніями, Кедринъ списывалъ Синкелла, а Несторъ Кедрина. *Но можетъ быть кому нибудь удастся отъискать еще четвертаго или пятаго византійскаго историка, съ которымъ Несторъ болѣе согласуется, нежели съ Кедриномъ*". Онъ готовъ былъ допустить даже знакомство лѣтописца съ греческимъ подлинникомъ Евсевія или другаго писателя (для космографіи) и наконецъ объяснить невозможность рѣшенія этого во-

[1]) „Шлецеръ имѣлъ подъ руками 12 (11) списковъ, изъ которыхъ нѣсколько Соф. ред." (Строевъ).

проса невѣжественнымъ обращеніемъ съ подлинниками лѣтописей переписчиковъ, исказившихъ выраженія и слова, столь затрудняющія изслѣдователя, или своимъ невѣдѣніемъ. Тѣмъ не менѣе нельзя не сказать, что Шлецеръ предчувствовалъ близкое рѣшеніе этого вопроса [1]). Онъ чувствовалъ присутствіе Г. Амартола [2]). Въ связи съ этимъ Шлецеръ ставилъ важность изученія греческаго языка и византиновѣдѣнія вообще, удивляясь непростительному пренебреженію къ нимъ въ Россіи [3]).

Между тѣмъ еще въ 1799 г. Альтеръ указывалъ въ извѣстныхъ мѣстахъ лѣтописи Нестора слѣды Георгія Амартола [4]); а въ 1806 г., подъ его же вліяніемъ, окончательно выяснилъ этотъ вопросъ Кругъ, допуская, однако, что Несторъ самъ сдѣлалъ переводъ необходимыхъ мѣстъ изъ Георгія Амартола [5]). Немного позже сталъ извѣстенъ славянскій переводъ Г. Амартола, выяснившій другую сторону настоящаго вопроса [6]). Подозрительность Шлецера въ ученыхъ вопросахъ, крайнее недовѣріе къ существующимъ спискамъ и скептицизмъ, свойственный его критикѣ вообще, привели къ тому, что онъ часто

---

[1]) Ibidem, I, 14—16, 108, 226—232: „Несторъ перевелъ одного изъ нихъ: кажется опять Кедрина" (232, 233); „нѣсколько лѣтъ вотще искалъ я источника, считая всегда сочинителемъ *Георгія*. Впрочемъ, кажется, что Несторъ бралъ болѣе изъ Кедрина"..... (имя Кедрина, тожественное съ именемъ Амартола, могло еще болѣе поддерживать эту иллюзію). Ср. еще, с. 262.

[2]) „Но я не могу еще именно показать *того византійца*, изъ котораго переведено это (мѣста въ лѣтописи изъ греч. хронографа) порусски *слово въ слово*" (II, 771).

[3]) Ibib., 261—262.

[4]) Проф. Альтеръ, по поводу мѣста Нестора объ амазонкахъ, замѣтилъ: „Es scheint, dass Nestor dieses aus dem Chronicon Georgii Hamartoli geschöpft habe. —Dieses Chronicon, dass noch unedirt ist, und in der K. K. Hofbibliothek (въ Вѣнѣ), unter den Griechischen historischen Handschriften Num. XC. existirt, liest so:" u. s. w. (Philol.-krit. Miscellen, Wien 1799, S. 99—100). Кругъ сносился по этому поводу съ извѣстнымъ оріенталистомъ въ Парижѣ Газе, и онъ доставилъ ему извлеченіе изъ Г. Амартола по рукоп. Королев. (нынѣ Націон.) библ., съ варіантами, которые окончательно убѣдили Круга въ этомъ источникѣ Нестора. На Западѣ давно интересовались Георгіемъ Амартоломъ; намѣревался издать его и гр. Румянцовъ, но желаніе его осуществилось лишь въ наше время (см. Ивановъ, Обзоръ русскихъ временниковъ, стр. 130—133). Карамзинъ обходитъ вопросъ о Г. Амартолѣ.

[5]) Forschungen, I, cxxxv, clxv, 162—163.

[6]) Онъ былъ найденъ Кругомъ и Ермолаевымъ въ 1813 г. въ Петербургѣ; но не былъ обнародованъ и потому о немъ знали немногіе (Ивановъ, 111; Сухомлиновъ, 105).

недовѣрялъ болѣе простымъ фактамъ и въ то же время готовъ былъ приписать древнему лѣтописцу болѣе широкое знакомство съ византійскою литературою, чѣмъ то могло быть на самомъ дѣлѣ [1]).

V.

Авторитетъ Шлецера имѣлъ, можно сказать, рѣшающее вліяніе на приговоры ближайшихъ писателей о Несторѣ, при чемъ это вліяніе отразилось въ двухъ крайнихъ направленіяхъ, выходившихъ изъ одного источника—одни старались указать ближайшіе источники Нестора, не уклоняясь отъ мнѣній Шлецера, другіе, выходя изъ скептическихъ положеній послѣдняго о политическомъ бытѣ древнихъ славянъ, о недостаткѣ образовательныхъ средствъ и сомнительномъ характерѣ древнихъ памятниковъ, развили эти положенія далѣе и заподозрили возможность возникновенія подобной лѣтописи въ то время.

Н. М. Карамзинъ считалъ вопросъ о Несторѣ почти поконченнымъ и выразился о лѣтописцѣ только: „Несторъ, прозванный отцемъ рос. исторіи, жилъ въ XI в.; одаренный умомъ любопытнымъ, слушалъ со вниманіемъ изустныя преданія древности, народныя историческія сказки; видѣлъ памятники, могилы князей; бесѣдовалъ съ вельможами, старцами кіевскими, путешественниками, жителями иныхъ областей россійскихъ; *читалъ византійскія хроники, записки церковныя* (по которымъ Карамзинъ полагаетъ Несторъ и означалъ дни смерти древнихъ князей) и сдѣлался первымъ лѣтописцемъ нашего отечества. Онъ безусловно отвергаетъ Іоак. лѣтопись, а Сильвестра считаетъ лишь переписчикомъ лѣтописи Нестора. Еще Татищевъ замѣтилъ, что второй продолжатель былъ на Волыни или въ Кіевѣ „понеже часто восточную страну Днѣпра къ Чернигову за Кіевомъ и за Днѣпромъ именуетъ" [2]). Карамзинъ ближайшимъ писателемъ считаемъ свящ. Василія, о которомъ идетъ рѣчь въ лѣтописи [3]). „Сей Василій, говоритъ Карамзинъ, будучи жителемъ Червенской или Волынской области, какъ вѣроятно, *допол-*

[1]) „Въ царствованіе имп. Траяна читали на Днѣпрѣ Гомера и Платона (Mascow, Gesch. der Deutschen, II, 186). Послѣ того прекрасныя украинскія долины покрылись мрачною ночью, продолжавшеюся почти тысячу лѣтъ; не прежде какъ около 1100 г. возвратилась опять въ Кіевъ византійская словесность. Монахъ Несторъ образовался въ этомъ училищѣ и сдѣлался первымъ историкомъ своего отечества" (Несторъ, I, 14).

[2]) Ист. рос., I, 57.

[3]) Ист. госуд. рос., I, с. xv—xvi

нилъ Нестора, зналъ лучше происшествія страны своей, но оставилъ и краткія хронологическія его извѣстія, отчего вышли повторенія" [1]). Затѣмъ, дальнѣйшихъ продолжателей Нестора онъ называетъ безъименными [2]), но отмѣчаетъ ихъ пребываніе въ Новгородѣ (1144), во Владимірѣ на Клязьмѣ при Всеволодѣ III, въ Кіевѣ, при Рюрикѣ II, на Волыни и во Псковѣ въ к. XIII в. [3]). Карамзину же принадлежитъ находка Волынской лѣтописи вмѣстѣ съ Кіевской [4]).

По мнѣнію м. Евгенія Несторъ, выучился греческому языку у грековъ, бывшихъ въ Кіевѣ, и читалъ византійскихъ писателей въ подлинникѣ. Вообще въ своихъ выводахъ онъ безусловно слѣдуетъ Шлецеру [5]). По поводу же предположеннаго Обществомъ исторіи и древностей изданія начальной лѣтописи, онъ писалъ: „Подлинника Несторова мы уже не отыщемъ, а разнорѣчивые списки съ него уже не его, и они-то требуютъ соглашенія". Онъ предлагалъ Обществу, по совѣту и примѣру Шлецера, приняться за сводпаго Нестора [6]). Авторитетъ Шлецера оказалъ вліяніе и на мнѣнія м. Евгенія объ Іоакимовской лѣтописи, хотя съ нѣкоторыми оговорками [7]).

Археографъ П.М.Строевъ прямо заявляетъ. „Критическія изслѣдованія Шлецера принесли великую пользу, онъ первый указалъ вѣрную стезю, по которой должно намъ слѣдовать" [8]). Первымъ лѣтописцемъ С-въ считаетъ Нестора, который по его словамъ, писалъ *по преданію*, по нѣкоторымъ *письменнымъ свидѣтельствамъ* и по *византійскимъ хроникамъ*. „Но Временникъ его, говоритъ Строевъ, не дошелъ до насъ въ видѣ отдѣльномъ. Въ *историческихъ сборникахъ* онъ сливается съ записками своихъ продолжателей.... *Продолжателями* и даже *допол-*

[1]) Ibid., II, прим. 181. Статья Бр. „О Несторѣ и продолжателяхъ его лѣтописи" (В. Евр. 1810, № 20) есть лишь общій сводъ мнѣній извѣстныхъ въ XVIII ст.

[2]) Карамзинъ отмѣтилъ, что съ 1125 или 1127 г. извѣстія вдругъ дѣлаются несравненно подробнѣе и потому догадывается, что тогда начался трудъ другого безъименнаго лѣтописателя. Окончаніе же труда Нестора онъ полагаетъ ок. 1110 г. (II, примѣч. 213).

[3]) Ibid., I, с. XVI, XXIX; т. II, пр. 184; III, пр. 24, 36, 153; т. IV, пр. 175.

„Почтенный исторіографъ не вошелъ въ обстоятельное изысканіе сего предмета (о Несторѣ), безъ сомнѣнія потому, что питалъ неослабное довѣріе къ Шлецеру и полагалъ, что задача о ходѣ отечественнаго лѣтописанія уже окончательно разрѣшена имъ" (Ивановъ, Общее понятіе о хронографахъ, 112).

[4]) См. выше, стр. 307, прим. 2.

[5]) Словарь духовн. писат., II, 88—92.

[6]) Сборн. Акад. Наукъ, V, ч. I, 231.

[7]) Словарь, I, 220—225; Е. Ф. Шмурло, М. Евгеній, с. 143

[8]) Зап. Акад. Наукъ, VI, 131.

нителями Временника Нестора отъ исхода XI стол. до полов. XVI были, безъ сомнѣнія, весьма многіе.... Монахи среднихъ вѣковъ, сочинители хроникъ во всей Европѣ, по набожному смиренію, скрывали имена свои; тоже самое было въ обыкновеніи и у нашихъ бытописателей.... Позднѣйшіе *сборщики* сберегли разсѣянные труды сихъ дѣятельныхъ писцовъ; но не почтили ихъ памяти должнымъ воспоминаніемъ. Древнѣйшей изъ нашихъ сборниковъ—Пушкинская или Лаврентьевская лѣт., оканчив. 1303 г., другія продолжаются до XV, а самые полнѣйшіе за половину XVI в. Мы не знаемъ, *кто первый* началъ собирать эти отдѣльныя бытописанія; но, какъ кажется, *сборники ведутъ свое начало отъ временъ близкихъ къ Нестору*". Хотя С-въ не рѣшается отнять у Нестора честь быть первымъ лѣтописцемъ, но не хочетъ и отрицать, чтобы не было другихъ, ему современныхъ. „Въ Новгородѣ, Смоленскѣ, Полоцкѣ и иныхъ знатнѣйшихъ городахъ Россіи были, безъ сомнѣнія, люди, столь же любопытные, какъ и Несторъ.... При этомъ онъ задаетъ вопросъ: не могли ли и самые правители областей записывать примѣчательнѣйшихъ событій, кои въ нихъ случались? Руководствуясь подобными *записками*, первые продолжатели Нестора прибавили къ нему нѣкоторые частные случаи, другіе пополнили недостатокъ въ подробностяхъ, а болѣе смѣлые коснулись и самаго слога... *Каждый вѣкъ и каждое значительное княжество имѣло своихъ, почти непрерывныхъ бытописателей*; даже въ нѣкоторыхъ областяхъ вели частныя *монастырскія записки*. Изъ сихъ-то отдѣльныхъ бытописаній составлялись по временамъ *общіе сборники*... Непрерывная нить сихъ сборниковъ продолжается до шестидесятыхъ годовъ XVI в." [1]).

Въ 1819 г. Строеву удалось встрѣтить древній славянскій переводъ Георгія, грѣшнаго монаха (рукопись поступила затѣмъ въ библ. гр. Толстого), который сначала онъ принялъ, слѣдуя Шлецеру, за хронику Георгія Кедрина, а сличеніе этой хроники съ древнею русскою лѣтописью убѣдило Строева въ буквальномъ заимствованіи семи мѣстъ изъ Кедрина [2]), но далѣе онъ надѣялся найти еще болѣе подобныхъ

[1]) Предисл. къ Софійской Времен., изд. Строевымъ, VI—XI.

[2]) Мѣста эти слѣдующія: 1) о правахъ древнихъ народовъ, 2) дѣлежъ міра между сыновьями Ноя, 3) о волхвѣ Аполлоніѣ, 4) о звѣздѣ Ламиадіи, 5) объ уродливомъ дѣтищѣ и шестиногомъ псѣ, 6) о набѣгѣ Аскольда и Дира на Царьградъ, 7) о разбитіи греками Игоря. Кромѣ того, онъ указываетъ на рядъ передѣлокъ изъ того же хронографа и даже можно разложить, прибавляетъ онъ, весь

параллелей. Затѣмъ Кругъ указалъ, что это хроника не Кедрина, а Георгія Амартола, еще не изданная, и потому ни Шлецеръ, ни Эверсъ не знали о ея существованіи; но гр. Румянцовъ тогда же хлопоталъ объ изданіи греческаго текста ея Газе [1]). Строевъ продолжалъ, вслѣдъ за Шлецеромъ, признавать широкое вліяніе визант. хронографіи на русскую. „Исключивъ, говоритъ онъ, топо-этнографію древней Россіи, три договора и нѣкоторыя сказки (о смерти Олега, бѣлогородскомъ киселѣ и пр., но и эти сказки, какъ доказалъ Шлецеръ, суть пародіи иноземныхъ), все остальное почти византійское... Устное преданіе мало руководствовало Нестора; домашнихъ источниковъ на письмѣ не было: оставалось придерживаться византійцевъ. Я почти увѣренъ, что описанія первыхъ походовъ подъ Царьградъ, даже самые договоры заимствованы изъ такой византійской хроники, которая до насъ не дошла, или забыта: слогъ, подробности, самая темнота—не Несторовы". Упомянувъ затѣмъ о тогдашнихъ близкихъ отношеніяхъ Руси съ Византіей (греческая іерархія, любовь къ чтенію Владиміра и Ярослава), онъ заключаетъ категорически: „Начало Временника Нестора (до XI столѣтія) *неоспоримо пересажденіе византійцевъ*" [2]). Далѣе, сдѣлавъ замѣчаніе о мнѣніи Н. А. Полевого, высказанномъ въ Обществѣ исторіи, что начальная хронологія Нестора могла быть заимствована изъ краткаго лѣтописца патр. Никифора, встрѣчающагося въ раннемъ переводѣ (есть рук. XIII в.), онъ прибавляетъ, что и въ Георгіѣ много мѣстъ хронологическихъ, сходныхъ съ Несторомъ. „Не здѣсь ли, спрашиваетъ онъ, настоящій источникъ лѣточислительной системы нашего перваго бытописателя?" Какъ увидимъ далѣе, замѣчаніе это не прошло безслѣдно въ нашей литературѣ. Любопытно, однако, что Строевъ, послѣ ознакомленія съ обширнымъ запасомъ литературныхъ памятниковъ во время своей ученой экспедиціи, въ общемъ сводѣ своихъ результатовъ вполнѣ сталъ на точку

разсказъ философа-анонима, повѣствующаго св. Владиміру библейскую исторію, мѣста изъ которой онъ считаетъ заимствованными изъ того же Георгія, признаннаго имъ потомъ Амартоломъ, подъ вліяніемъ однако настояній Круга и др., а не самостоятельно, какъ нѣк. полагаютъ (Ундольскій, Барсуковъ).

[1]) Исторія этого вопроса изложена нами въ „Опытѣ рус. исторіографіи" (I, стр. 217—220); ср. Ивановъ, 64—65; Барсуковъ, П. М. Строевъ, стр. 49—52, 314—316, 527—530.

[2]) О византійскомъ источникѣ Нестора (Сѣверн. Арх. 1826, №№ 11, 19 и. 20; статьи эти сведены въ Трудахъ и лѣтописяхъ Моск. Общ. ист. 1828, ч. IV, кн. I, 167—183).

зрѣнія скептиковъ. „Много писано въ новѣйшее время о Несторѣ лѣтописателѣ, говоритъ онъ тамъ; но критика не довольствуется *ипотезами* (ссылка на I-ый томъ Шлецерова „Нестора"). Да и *гдѣ лѣтопись Несторова?* Ужели въ сборникахъ позднѣйшихъ вѣковъ, въ коихъ она *будто-бы* образуетъ начало (до 1110 или 1116 г.)? Подобное мнѣніе доселѣ всеобщее, указываетъ только на отсутствіе критики въ нашей исторіи. Не болѣе можно сказать о Василіѣ, Сильвестрѣ и др. *будто бы продолжателяхъ* Нестора". Онъ не сомнѣвается только въ принадлежности Нестору житія Ѳеодосія и сказанія о кончинѣ Бориса и Глѣба [1]).

Къ тому же направленію, признававшему всецѣло византійское вліяніе на первоначальную русскую лѣтопись, принадлежалъ и баронъ Густавъ Розенкампфъ. Одновременно съ Строевымъ онъ напечаталъ статью „Объясненіе нѣкоторыхъ мѣстъ Несторовой лѣтописи" [2]), въ которой, ссылаясь на славянскій переводъ Г. Амартола, найденый Строевымъ, говоритъ: „Каждая страница начала тк. наз. Несторовой лѣтописи доказываетъ, что почти всѣ происшествія выписаны изъ византійцевъ, исключая *токмо нѣкоторыя*, собственно русскія преданія и свѣдѣнія о внутреннемъ положеніи Россіи, кои однакожъ также могли быть заимствованны изъ болгарскаго и греческаго подлинника". А въ изданномъ вслѣдъ за тѣмъ (М. 1829) „Обозрѣніи Кормчей книги" (стр. 1—5) онъ повторилъ главныя положенія Строева.

Изъ того же византійскаго источника выводитъ начало русской лѣтописи и Н. А. Полевой (Ист. рус. народа, I, 1829; т. II, 1830). Его хронологію онъ указываетъ въ „Краткомъ лѣтописцѣ" патр. Никифора и объясняетъ причину неправильнаго разсчета лѣтописца относительно исходнаго пункта счисленія—нач. цар. Михаила III,—въ ошибкѣ при перепискѣ источника (I, 279—285). Въ географическомъ обзорѣ лѣтописи онъ видитъ вліяніе Г. Амартола, впрочемъ не буквальное, и другого неизвѣстнаго источника и предлагаетъ свои поправки (I, 306—313); но въ подробности вопроса о древней лѣ-

---

[1]) Хронологич. указатель матеріаловъ отеч. исторіи, литературы, правовѣдѣнія до нач. XVIII стол. (Ж. М. Н. Пр. 1834, № 2, с. 152—188).

И. П. Сахаровъ уже въ 1843 г. писалъ: „Строевъ, смотрѣвшій всегда сквозь очки Каченовскаго, надѣлаетъ новыхъ сомнѣній" (Др. и Нов. Россія 1880, I, 521).

[2]) Труды и лѣтописи, IV, кн. I, 139—166. Статья И. В. „О характерѣ русскихъ лѣтописей"—касается внѣшней стороны лѣтописи, а именно на какомъ языкѣ, какимъ шрифтомъ и на чемъ она писана (Рус. Зритель, 1828, ч. IV, №№ 13 и 14).

тописи Полевой не входитъ. Вслѣдъ за Нибуромъ (онъ прямо на него ссылается), Полевой отмѣчаетъ въ лѣтописи цѣлый рядъ поэмъ (именно 12), въ которыхъ изложена древняя исторія (II, 266—276), и скальдовъ, сопровождавшихъ князей, но умолкнувшихъ со введеніемъ христіанства.

Чтобы не возвращаться къ этому вопросу, замѣтимъ здѣсь, что такое же значеніе византійскимъ источникамъ придавалъ И. П. Сахаровъ[1]); но еще въ болѣе широкомъ смыслѣ кн. М. А. Оболенскій. Послѣдній говоритъ: „Первый авторъ древней лѣтописи былъ никто иной, какъ переводчикъ одного изъ византійскихъ хронографовъ. Затѣмъ онъ присоединилъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ собственныя свои свѣдѣнія о внутреннемъ положеніи Россіи, прибавилъ народныя и монастырскія преданія и обозначилъ главныя происшествія, случавшіяся въ его монастырѣ“ [2]). Авторъ старается установить преимущественную древность „Лѣтописца русскихъ царей“ (Переяслав. сузд. спис., древн. лѣт., изд. имъ во Времен. Общ. ист. и древн., кн. IX, 1851 г.), считая авторомъ древнѣйшей его части пресв. Григорія, сотрудника ц. Симеона въ дѣлѣ просвѣщенія Болгаріи и ближайшаго руководителя кияг. Ольги во время путешествія ея въ Константинополь, который и былъ по его мнѣнію переводчикомъ хроники І. Малалы (конечно и Г. Амартола), а также лѣтописцемъ [3]).

Уже въ 1856 г. появился рукописный трудъ В. М. Ундольскаго, извѣстнаго собирателя славянскихъ рукописей (нынѣ въ Румянц. музеѣ),

[1]) Древн. и Нов. Россія 1880 г., І. Русскіе палеологи (переписка), стр. 277 и 520. Кромѣ того Сахаровъ указалъ мѣста въ лѣтописи, взятыя изъ богослужебныхъ книгъ (Сказанія и службы, Москвит. 1843, № 9).

[2]) Объ источникѣ Несторовой лѣтоп. (Чт. въ Общ. ист. 1847, № 3, 86—88 о перев. Г. Амартола); Нѣсколько словъ о первонач. р. лѣтописи, М. 1870 (объясненіе, на основ. Лѣтописца рус. царей, вопросовъ: 1) о крещ. въ Царьградѣ Ольги и о походѣ на Царьградъ Олега); Изслѣдов. и замѣт. по русскимъ и славянскимъ древностямъ (прилож. къ предъид. соч.), Спб. 1875. Толкованія кн. Оболенскаго своеобразны; о болѣе раннихъ рѣзко отозвался Бодянскій (Древн. Росс. 1880, I). О ходѣ лѣтоп. дѣла см. также предисл. кн. Оболенскаго къ изд. Супрасльск. рукоп., стр. XIII—XVII. Кн. Оболенскій указывалъ на пользованіе древнимъ лѣтоп. хроникою І. Малалы (о столпотв. Вавилонскомъ, см. предисл. къ издан. Лѣтоп. по списку Переясл. суздальск., стр. VI, XIX); за нимъ послѣдовали архіеп. Филаретъ (Обз. дух. литер. 23) и архим. Леонидъ (Р. Вѣстн. 1889, № 4, с. 8 и д.). Проф. И. М. Снегиревъ (1830) сообщилъ описаніе славян. перевода Времен. Г. Амартола, принадлеж. библіот. Моск. дух акад. (Труды М. О. ист., ч. V, 258—264); а Н. А. Ивановъ—свѣдѣнія о Г. Амартолѣ на Западѣ (Обз. временник., 1843, с. 129—133).

[3]) Мнѣніе это въ послѣднее время поддерживалъ архим. Леонидъ (loc. cit.).

собравшаго всѣ существовавшія тогда данныя о славянскомъ переводѣ Г. Амартола, о греческихъ его кодексахъ и мнѣнія ученыхъ, къ нимъ относящіяся. Такъ какъ Георгій является въ литературѣ подъ названіемъ „мниха“ и „грѣшнаго“ и существуетъ двѣ редакціи его перевода, болгарская и сербская (см. выше, стр. 84—87), то изслѣдователь пришелъ къ заключенію о существованіи двухъ византійскихъ писателей, изъ которыхъ хроника Г. Амартола является въ болгарскомъ перев., а Г. Мниха—въ сербскомъ. Трудность рѣшенія этого вопроса заключалась въ томъ, что ни греческій, ни славянскій тексты не были тогда изданы. Авторъ полагалъ, что въ обѣихъ хроникахъ являются двѣ особенныя, хотя во многомъ сходныя, но въ цѣломъ самостоятельныя редакціи хронографа отъ С. М., въ одномъ по 839, а въ другомъ по 867 г. и что затѣмъ обѣ редакціи были продолжены двумя разными лицами до 948 г. Отъ разрѣшенія этой задачи ученые ожидали весьма существенныхъ результатовъ для изслѣдованій въ области византійской хронографіи [1]; но трудъ автора, начатый печатаніемъ, по возникшимъ у него сомнѣніямъ, былъ оставленъ (рук. и коррект. листы находятся въ Рум. м. [2]). Мнѣніе Ундольскаго было вполнѣ принято А. Н. Поповымъ [3]) и все еще удерживалось представленіе, что въ двухъ славянскихъ оригиналахъ скрываются два перевода [4]).

VI.

Но такъ наз. скептическая школа, къ которой примыкалъ Строевъ, шла гораздо далѣе. Выходя изъ мнѣній того же Шлецера, представитель этой школы, проф. Моск. унив. М. Т. Каченовскій, сначала старался уяснить возможные источники лѣтописи (греч., сношенія съ Греціей, отдѣльн. записки, преданія, полагая предѣлъ лѣтописи Нестора до 1116 г.) и выдѣлить баснословный элементъ въ русской лѣтописи [5]) и позднѣйшія вставки, занесенныя въ лѣтопись изъ чужеземныхъ книгъ; но затѣмъ, возражая противъ идеализаціи древняго быта,

---

[1]) А. А. Куникъ (Отчетъ о XXII присужд. Демидов. наградъ, Спб. 1856; Ж. М. Н. Пр., XCI, 8—13).

[2]) Барсуковъ, П. М. Строевъ, 527—29.

[3]) Обзоръ хронографовъ, II, 15.

[4]) Пыпинъ, Ист. славян. литер., I, 57.

[5]) Объ источникахъ рус. исторіи (Вѣстн. Евр. 1809, №№ 3, 5, 6, 15); Параллельныя мѣста въ рус. лѣтописяхъ (ibid. № 18, с. 136—145, Геродотъ, саги и т. п.).

внесенной въ исторію Карамзинымъ и находясь уже вполнѣ на точкѣ зрѣнія Нибура, заподозрившаго поэтическія сказанія Т. Ливія, Каченовскій сталъ подвергать сомнѣнію и древнія показанія юридическаго и экономическаго характера (Рус. Правда, кожан. деньги [1]). Въ это время онъ писалъ уже о скудости и сомнительности происшествій перваго вѣка рус. исторіи и о баснословномъ времени въ рос. исторіи, а критику самаго Шлецера считалъ низшею. Всѣ эти возраженія имѣли чисто отрицательный характеръ. „Мы ничего не опредѣляемъ, а только показываемъ сбивчивость и невѣрность происшествій“, говоритъ Каченовскій. Не допуская въ тотъ вѣкъ ни городовъ (civitas), ни правильныхъ торговыхъ сообщеній, ни опредѣленной металлической системы, ни грамотности до христіанства (относительно договоровъ), онъ переноситъ сказанныя явленія къ нач. XIII в., когда въ сѣверной Европѣ возникаютъ благопріятныя условія для развитія городской жизни, которыя втягиваютъ въ эти отношенія и Новгородъ. Древніе списки лѣтописи не дошли до насъ ранѣе, какъ отъ XIII в., а потому возстановлять Нестора, какъ хотѣлъ сдѣлать Шлецеръ, совершенно невозможно и даже напрасно. Такимъ образомъ, соображаясь съ духомъ времени и характеромъ образованности, и древнюю лѣтопись въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ, слѣдуетъ отнести къ позднѣйшему времени, а до того времени могли существовать лишь монастырскія записки, авторомъ одной изъ которыхъ могъ быть и Несторъ (о Печерскомъ монастырѣ); но отъ этого достовѣрность исторіи мало выигрываетъ; а, возражая Шлецеру на его названіе Нестора единственнымъ настоящимъ „лѣтописцемъ“, Каченовскій замѣчаетъ: „не знаю можно ли будетъ тогда назвать его лѣтописцемъ—въ томъ смыслѣ, въ какомъ донынѣ его почитаемъ“ [2]). Съ другой стороны, Каченовскій не признаетъ и возможности возстановленія Нестора въ его настоящемъ видѣ. „Возстановленіе истиннаго Нестора... остается по крайней мѣрѣ сомнительнымъ, говоритъ онъ, если нѣтъ надежды открыть какую нибудь древнѣйшую рукопись, которая бы, являя всѣ признаки подлинности, заключала его одного, и посему могла бы считаться вѣрнымъ спискомъ“. По его мнѣнію,

[1]) Учен. Зап. Моск. унив. и Вѣстн. Евр. (1828—30 гг.).

[2]) Учен. Зап. Моск. университ., I, 298. Подробнѣе въ нашемъ моногр: „Скептическая школа въ рус. исторіографіи“, К. 1871; а также Погодинъ, Изслѣдованія, т. I, 235—255; 324—360 (замѣчанія носятъ полемич. характеръ).

„дошедшія до насъ русскія лѣтописи IX—XI вв. суть *сборники* XIII и даже XIV ст., коихъ источники б. ч. намъ неизвѣстны; домашніе древнѣйшіе (только не лѣтописи XI стол.) предполагаются, а о внѣшнихъ—современныхъ и древнихъ не сдѣлано еще надлежащаго разысканія“ [1]).

Между тѣмъ проф. Моск. университета Р. Ѳ. Тимковскій, ученикъ филолога Гейне и издатель лѣтописи по Лаврентьев. списку (М. 1824, къ которому онъ примѣнилъ его правила критики [2]), по поводу изученія сочиненій, приписываемыхъ Нестору, высказался (на основаніи существующихъ противорѣчій между лѣтописью и жж. Ѳеодосія и Бориса и Глѣба) въ пользу его авторства лишь какъ лѣтописца [3]),—аргументъ, послужившій потомъ для изслѣдователей въ подтвержденіе обратнаго заключенія. Кромѣ того, онъ утверждалъ, что первые 40 листовъ Лавр. списка, судя по почерку и по чернидамъ, пожелтѣлымъ отъ времени, далеко отличаются отъ приписки Лаврентія (1377) и поэтому, сколько онъ могъ судить, означенная часть лѣтописи *„гораздо древнѣе* этой приписки“, замѣчаніе, поддержанное потомъ и Погодинымъ [4]).

Вопросы, возбужденные скептиками, не остались, однако безъ вліянія въ литературѣ. Такъ, В. М. Перевощиковъ въ небольшомъ очеркѣ: „О русскихъ лѣтописяхъ и лѣтописателяхъ по 1240 г.“ (Спб. 1836 [5]), представляющемъ библіографическое описаніе извѣстныхъ въ то время списковъ лѣтописи до позднѣйшихъ (Никон. и Царств. лѣт.), заключаетъ: „Всѣ разсмотрѣнныя и описанныя нами книги, какъ рукописи, такъ и напечатанныя, содержащія россійскія лѣтописи, суть только *сборники* и *списки*, т. е. въ нихъ помѣщены сочиненія древнѣйшихъ нашихъ лѣтописателей, нераздѣльно одно отъ другого, безъ означенія, гдѣ одинъ кончилъ и другой началъ“ и т. д. Приписываніе древ-

[1]) См. Скептич. школа, стр. 35; Уч. Зап. М. ун., I, 283. Погодинъ лукаво замѣтилъ, что въ Вѣст. Евр. 1824 (№ 24) было выражено одобреніе мысли Добровскаго, что Далматская лѣтопись, доведенная до 1079, первоначально сочинена около этого времени (182).

[2]) Опытъ русской исторіографіи, I, стр. 10, 147.

[3]) Краткое изслѣдованіе о Патерикѣ (Зап. и Труды Общ-ва исторіи I, 1815, стр. 53—73). Мнѣніе Т-го о житіяхъ, напис. Несторомъ, принято Перевощиковымъ.

[4]) Біографич. Словарь профессоровъ Москов. универ., II, 498; Несторъ, 80: „Востоковъ о почеркѣ свидѣтельствуетъ тоже“.

[5]) Съ дополн. въ Труд. Рос. Акад., ч. IV, 1841, с. 77—130. Позже библіографію списковъ лѣтописи далъ Д. В. Полѣновъ (Ж. М. Н. Пр. 1850, ч. LXIV и отд.—Библіографическое обозрѣніе русскихъ лѣтописей).

ней лѣтописи Нестору онъ признаетъ лишь *преданіемъ* и готовъ заподозрить позднѣйшую вставку даже въ показаніи Поликарпа; однако рѣшается называть лѣт-ца Несторомъ, „чтобы называть его какимъ либо именемъ, вспоминая при семъ маститаго Нестора Гомерова"; но онъ придаетъ значеніе и припискѣ Сильвестра, принимая во вниманіе болѣе распостраненную редакцію ея въ позднѣйшемъ спискѣ (Никон., II, 51; Царствен. лѣт., 5; ср. Ник., V, 28; повтор. въ Древн. лѣт., II, 389—390). Ссылаясь же на то, что подъ 1074 г. находится слово „аминь", а изложеніе лѣтописи до означеннаго года и продолженіе ея существенно различаются, какъ въ выборѣ фактовъ, такъ и въ слогѣ, П-въ полагаетъ, что Несторъ окончилъ лѣтопись въ 1074 г., т. е. преданіями объ инокахъ Кіево-печерскаго монастыря. Продолжателемъ его онъ называетъ Василія, упоминаемаго подъ 1097 г., который и закончилъ свое изложеніе между 1110—1113 г. (П-въ допускаетъ принятіе имъ монашества подъ именемъ Сильвестра), а затѣмъ въ южной Руси отмѣчаетъ еще двухъ неизвѣстныхъ продолжателей [1]).

VII.

Еще Г. Эверсъ указывалъ [2]) на поверхностность нѣкоторыхъ сужденій Шлецера о Несторѣ [3]); но и онъ въ опредѣленіи источниковъ не пошелъ далѣе *преданій*, неизвѣстнаго *византійскаго писателя* (напр. Кедрина) и источниковъ (напр. договоровъ), допуская, что Несторъ заимствовалъ ихъ изъ какого нибудь греческаго подлинника [4]). Скептическое отношеніе къ основному источнику рус. исторіи вызвало болѣе серьезную обработку этого вопроса. Благодаря ему и отчасти именно противъ него появилось два труда—М. П. Погодина: „Несторъ, историко-критич. разсужденіе о началѣ русскихъ лѣтописей" (М. 1839 [5]).

---

[1]) См. стр. 24—39. Даниловичъ также полагалъ, что вся лѣтопись Нестора не шла далѣе 1074 г. (Ж. М. Н. Пр. ч. XVIII, 103).

[2]) Предварительныя критич. изслѣдованія, М. 1825 (нѣмец. изд. Dorpat, 1814); Древнѣйшее рус. право въ историч. раскрытіи, Спб. 1835 (нѣмец. изд. Dorpat, 1826).

[3]) Наиболѣе рѣзкое мѣсто въ „Предвар. изслѣдованіяхъ", нѣмец. изд., 227—228; русское, 209.

[4]) Предварит. изслѣд., нѣмец. изд., 222, 251—255; рус. изд., 233, 238, 249; Древн. право, нѣмец. изд., 16, 151—122; рус. изд., 138.

[5]) Даже противники скептиковъ признавали, что, благодаря нападкамъ послѣднихъ, „мы обязаны появленіемъ двухъ весьма важныхъ сочиненій—Погодина и

и П. Г. Буткова: „Оборона лѣтописи русской, Несторовой, отъ навѣта скептиковъ“ (Спб. 1840 г.). Погодинъ призналъ недостаточность той защиты достоинства древней рус. лѣтописи, къ которой постоянно прибѣгалъ Шлецеръ: „Нельзя ссылаться съ Шлецеромъ на переписчиковъ; нельзя обвинять вставщиковъ со всѣми нашими изслѣдователями: лѣтопись дошла до насъ въ томъ видѣ, въ какомъ написана первымъ своимъ сочинителемъ“ (80). Съ своей стороны, чтобы подтвердить возможность возникновенія подобнаго памятника въ тотъ вѣкъ, Погодинъ воспользовался весьма обширною литературою по всѣмъ входящимъ вопросамъ и разсмотрѣлъ лѣтопись въ слѣдующихъ отношеніяхъ: свидѣтельства иностранныхъ современныхъ извѣстій о происшествіяхъ, описываемыхъ въ лѣтописи; о времени и мѣстѣ сочиненія первой лѣтописи,—а именно въ Кіевѣ и подтвержденіе этого лѣтописью и древними свидѣтельствами; о лѣтописцѣ Несторѣ; объ источникахъ лѣтописи (иностр., русскіе, документы, преданія, пѣсни, съ замѣчаніемъ о степени грамотности въ то время); о договорахъ русскихъ князей, подтверждаемыхъ другими свидѣтельствами и степенью дипломатической достовѣрности; о сказкахъ-сагахъ; о достовѣрности лѣтописи по русскимъ и иностраннымъ показаніямъ, географическимъ даннымъ, позднѣйшимъ свидѣтельствамъ и т. д. Авторъ приходитъ къ заключенію, что древняя лѣтопись принадлежитъ Нестору, кіево-печерскому монаху и что въ ней мы обладаемъ такимъ сокровищемъ, какого не представляетъ намъ латинская Европа и какому завидуютъ другіе славяне (226).

Въ своемъ изслѣдованіи о древ. лѣтописи, Погодинъ рѣшаетъ что она написана въ Кіевѣ (заглавія, мѣстныя показанія, общій характеръ лѣтописи), въ XI или по кр. мѣрѣ въ началѣ XII в. (приписка Сильвестра безразлична относительно пониманія слова „написахъ“ [1]). Современныя свидѣтельства о событіяхъ [2]), устраняютъ возможность какого бы то ни было подлога; хронологическая таблица, древность языка, драматическая форма изложенія и значительное количество

Буткова“ (Ивановъ, 151). Не касаемся статей, незначительныхъ по возраженіямъ (С. Руссовъ, Опытъ о подлинности Нестор. лѣт. или разборъ статьи о скудости и сомнительности и т. д., Славянинъ 1830, ч. XIV, № 23, с. 371—416).

[1]) Объ отношеніи труда Сильвестра къ лѣтописи Нестора подробно въ Изслѣд., т. IV, 26 41.

[2]) Преимущественно годы: 1051, 1065, 1089, 1090, 1093, 1094, 1096, 1097, 1098, 1106.

духовныхъ размышленій въ начальной части, указываютъ на то, что начало лѣтописи и ея дальнѣйшее изложеніе принадлежатъ разнымъ авторамъ. Онъ обращаетъ вниманіе на генеалогію князей XI и XII вв. (300 слишкомъ лицъ), множество междоусобныхъ войнъ, небесныхъ явленій (кометъ, затменій), подтверждаемыхъ историческими данными, точное опредѣленіе дней, праздниковъ и т. п., въ которые случились извѣстныя событія и т. п., какъ свидѣтельсва неопровержимости ранняго появленія лѣтописи, и заключаетъ эти доводы восклицаніемъ: „Однимъ словомъ, только люди сумасшедшіе или безумные могутъ дѣлать такія нелѣпыя предположенія“ [1]), т. е. какъ вопросъ о недостовѣрности лѣтописи, выставленный скептиками.

Для Погодина не существуетъ сомнѣнія, что древняя лѣтопись принадлежитъ Нестору (имя лѣтописца на нѣкоторыхъ спискахъ, которое, однако, онъ признаетъ вставленнымъ послѣ переписчиками, на основаніи *преданія*; свидѣтельство Поликарпа, подтверждаемое упоминаніемъ о жизни печерскихъ подвижниковъ въ лѣтописи, на которое онъ ссылается и т. п.) и притомъ „въ томъ видѣ, въ какомъ лѣтопись дошла до насъ“. Доказательствомъ этого служитъ и то, что всѣ списки и всѣ извѣстія до XII в. во всѣхъ спискахъ идутъ въ одномъ порядкѣ и почти совершенно сходны [2]). Источниками лѣтописи онъ называетъ: прежнія записки [3]), собственныя свидѣтельства лѣтописца, извѣстія современниковъ, болгарскія лѣтописи (предположительно), греческія лѣтописи, извѣстія варяговъ (на долю которыхъ онъ относитъ и сказочный элементъ въ лѣтописи), извѣстія жителей и сосѣдей, преданіе, которое у народа безграмотнаго бываетъ гораздо живѣе, письменные документы, народныя пѣсни [4]), какъ было и у

[1]) Несторъ 1839; тоже Изслѣд., I. 1846, стр. 53—54 (нумер. общая).

[2]) Несторъ, 61--73; 79—84.

„Я думаю, говоритъ Погодинъ, что настоящее, собственное заглавіе, сохранилось въ Ипат. и Кенигсб. спискахъ: „Повѣсть временныхъ лѣтъ черноризца Θеодосіева монастыря Печерскаго. Какъ ясно выражается въ ней смиреніе, простота Печерскаго отшельника XI вѣка“ (66).

[3]) Къ нимъ онъ прибавляетъ также „хронографическія (календарныя) отмѣтки (правильнѣе было бы сказать: пасхальныя таблицы съ замѣтками) и поминанья“ (синодики). „Несторъ“, 189--191.

[4]) „У малороссіянъ, къ которымъ вѣроятно принадлежалъ и Несторъ, было и есть теперь особенное расположеніе къ пѣснямъ, и преимущественно историческимъ“ (108), со ссылкою на соч. Бодянскаго (Расужденіе о народной поэзіи племенъ славянскихъ, 1837).

другихъ народовъ (сюда относятся древнѣйшія сказанія о славянахъ и Кіевѣ, о притѣсненіяхъ со стороны валаховъ и обровъ и т. п.[1]). Баснословныя сказанія („сказки") нашли мѣсто, кромѣ того, въ отдѣльной главѣ[2]). Наконецъ, достовѣрность лѣтописи онъ подкрѣпляетъ другими современными свидѣтельствами русскими и иностранными, географическими свѣдѣніями, заключающимися въ ней, и самымъ характеромъ лѣтописи[3]). Погодинъ высказывалъ даже надежду, что „въ хронографахъ, о которыхъ мы не имѣемъ до сихъ поръ еще никакого порядочнаго понятія, отыщется *первоначальная основа Несторовой лѣтописи*"[4]). Но доводы Погодина въ защиту Нестора, основанные на свидѣтельствѣ позднѣйшаго Патерика и Святцевъ (гдѣ онъ названъ лѣтописцемъ) ничего не прибавляли[5]). Понятно, что Погодинъ стоитъ за современность, правдивость и безпристрастіе русской лѣтописи, какъ заносившей свои извѣстія по слѣдамъ событій. Онъ же опредѣленно и даже рѣзко выставилъ вопросъ объ оффиціальномъ значеніи лѣтописи, возбудившій не мало споровъ.

Не смотря на обстоятельную аргументацію автора „Нестора", впервые строго проведенную отъ начала до конца (трудъ Шлецера окончeнъ не былъ), изслѣдованіе Погодина вызвало рядъ статей со стороны С. М. Строева, писавшаго обыкновенно подъ псевдонимомъ Скромненка и также сочувствоваавшаго мнѣніямъ скептиковъ, въ защиту положеній, высказанныхъ этими послѣдними („О недостовѣрности

[1]) Несторъ, 89—108.

[2]) Ibid., 175—195. О сагахъ и пѣсняхъ см. еще т. III, 441—452.

Погодинъ въ „Несторѣ" отличаетъ пѣсни и сказки, циклъ которыхъ идетъ вплоть до Владиміра; а какъ послѣдователь норманской теоріи, онъ указываетъ что сказочный элементъ во многомъ можетъ быть объясненъ этимъ вліяніемъ (суда на колесахъ, щитъ Олега, взятія Коростена и т. п.), а отчасти пѣснями и даже въ разсказѣ о выборѣ вѣръ Владиміромъ видитъ, вопреки Карамзину, подобную сказку, но послѣдній значительно отличается книжнымъ характеромъ.

[3]) Ibid, 197—226.

Современная ученая (Кругъ въ IX присужд. Демид. наградъ) и позднѣйшая критика (Б.-Рюминъ) признавали, что соч. Погодина дает чрезвычайно остроумное возстановленіе древней исторіи въ главныхъ чертахъ, безъ помощи первоначальной лѣтописи, на основаніи иностранныхъ источниковъ, которые приводятъ въ необходимость вполнѣ признать лѣтопись произведеніемъ XI вѣка и что это сочиненіе, по стройности построенія, по полнотѣ матеріала, самое лучшее изъ всѣхъ трудовъ Погодина (Характеристки, 247; ср. Ивановъ, 153—154). О полемкѣ того времени (Барсуковъ., V, 399 и 404).

[4]) Несторъ, 95.

[5]) Ibid., 69—71.

древней русской исторіи и о ложности мнѣнія касательно древности русскихъ лѣтописей“ [1]); „О первобытномъ видѣ и источникахъ нынѣ намъ извѣстныхъ лѣтописей“ [2]) и „Кто писалъ нынѣ намъ извѣстныя лѣтописи“ [3]). Онъ поддерживаетъ мнѣніе, высказанное раньше П. М. Строевымъ, о нашихъ лѣтописныхъ *сборникахъ*, въ которые вносились отдѣльныя сочиненія и куда они вошли со всѣми личными заявленіями писавшихъ (азъ, ми, мнѣ). Точно также до 1110 г. можно отличать трехъ лицъ, которыя говорятъ о себѣ (подъ 1096 г.— Несторъ, подъ 1098 г.—Василій, подъ 1110 г.—Сильвестръ), и Погодинъ впослѣдствіи призналъ основательность этого возраженія. Строевъ готовъ былъ видѣть въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ лѣтописи заимствованія даже изъ „западныхъ хроникъ“; а замѣчаніе Погодина о болгарскихъ лѣтописяхъ, какъ возможномъ источникѣ для русской, онъ подвергъ посмѣянію и наконецъ заявляетъ, что скептики не отвергаютъ, что Несторъ былъ лѣтописцемъ Печерскаго монастыря, т. е. велъ *монастырскія записки*; они утверждаютъ только, что Нестору не принадлежитъ нынѣ намъ извѣстная лѣтопись, составленная гораздо позднѣе его, а именно въ к. XIII стол. „Что существовали *монастырскія записки*, говоритъ Строевъ, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія,—потому что, признавъ даже Нестора за сочинителя нынѣ намъ извѣстныхъ лѣтописей, спрашиваю, какимъ образомъ лѣтописецъ, жившій въ к. XI стол., знаетъ годы рожденія и смерти вел. князей X вѣка? Какимъ образомъ могъ бы онъ означать время *солнечныхъ и лунныхъ затменій*, если бы не имѣлъ подъ руками краткихъ монастырскихъ записокъ? Въ существованіи ихъ былъ убѣжденъ и Карамзинъ... Монастырскія записки должно отличать отъ нынѣ намъ извѣстныхъ лѣтописей—*сборниковъ* (по позднѣйшему термину сводовъ), заключающихъ въ себѣ б. ч. историческія свѣдѣнія, простирающіяся не на одно какое нибудь княжество, а на всѣ; свѣдѣнія, приведенныя въ нѣкоторый родъ системы *по образцу греческихъ временниковъ*; м. т. какъ кругъ монастырскихъ записокъ былъ весьма тѣсенъ и ограничивался тѣмъ городомъ (много княжествомъ), гдѣ находился монастырь, въ коемъ трудолюбивый монахъ велъ *дневникъ* главнѣйшихъ событій.

[1]) Сынъ Отеч. 1834, ч. CLXVIII, №№ 49—50, 184-207.
[2]) Ibid. 1835, ч. CLXX, № 11, с. 184—207.
[3]) Ibid. 1835, ч. CLXIX, № 3, с. 161-176. См. также отдѣльное изданіе: „О мнимой древности, первобытномъ состояніи и источникахъ нашихъ лѣтописей“. Спб. 1835.

Пришествіе въ обитель богомольцевъ, смерть благочестивыхъ иноковъ, любопытные случаи ихъ примѣрной жизни, перемѣны въ монастырѣ случавшіяся, нашествія непріятелей, рожденіе и смерть князей и т. п.— вотъ что вносилось въ монастырскія записки, изъ коихъ впослѣдствіи составились *сборники*, извѣстные нынѣ *подъ именемъ лѣтописей*" [1]).

Нападки Строева побудили Погодина приняться за разборъ не только его возраженій, но и мнѣній скептиковъ по русской исторіи вообще: такъ появилось его полемическое изслѣдованіе „О скептическомъ повѣтріи" [2]), въ которомъ онъ повторяетъ свои прежнія положенія и доводы и еще съ бо́льшимъ жаромъ обрушивается на своихъ противниковъ. Понятно, что онъ не признаетъ западныхъ хроникъ источниками русской лѣтописи и съ бо́льшимъ основаніемъ указываетъ на варяговъ и новгородцевъ, какъ живыхъ свидѣтелей о событіяхъ сѣверной исторіи; но онъ впадаетъ въ крайнее преувеличеніе, отстаивая цѣлость лѣтописи въ ея древнемъ происхожденіи, такъ какъ въ извѣстномъ смыслѣ *сборниками* являются не одни позднѣйшіе своды, но и болѣе древнія лѣтописи [3]).

Подобно Погодину, и Бутковъ не менѣе подробно изслѣдовалъ вопросы, входящіе въ изученіе древней лѣтописи: о степени образованности Россіи въ XI в.; источники лѣтописи; отношеніе такъ наз. Несторовой лѣтописи къ жж. Бориса и Глѣба и Ѳеодосія, имъ написаннымъ; о Василіѣ, Сильвестрѣ и Татищевѣ съ его Іоакимовской лѣтописью, впрочемъ въ его защиту [4]). При этомъ авторъ сообщаетъ обширный сводъ данныхъ, относящихся къ нимъ, даже побочныхъ, не всегда прямо идущихъ къ дѣлу. По словамъ Погодина, онъ

[1]) Сынъ Отеч. 1835, № 3; Изслѣд. Погодина, I, 435—436.

[2]) Изслѣд., т. I, 324—446. Не касаемся мнѣнія Сенковскаго (О сканд. сагахъ' Библ. для Чтенія, 1834 г., I, 55—66; ср. Ивановъ, 188—189) о Несторѣ, который видитъ въ его лѣтописи то „ложную ученость и историческое безвкусіе византійцевъ", то разсматриваетъ его, „какъ историка". „Несторъ первый нашъ риторъ".

[3]) Изслѣд., I, 370—376, 437 и д. По поводу же вызова о болгарскихъ лѣтописяхъ онъ говоритъ: „Г. Амартолъ по своимъ продолженіямъ и вставкамъ есть болгарская лѣтопись. Константинъ Манассія также. Увѣренъ, что найдемъ тоже въ С. Логоѳетѣ и Зонарѣ" (442).

Позднѣйшіе споры Погодина (съ Костомаровымъ, Иловайскимъ и др., между прочимъ о лѣтописи) вошли въ сборникъ статей его, подъ заглавіемъ: „Борьба не на жизнь, а на смерть съ учеными ересями" (М. 1874).

[4]) Оборона, 161—162, 173, 224—230.

Въ С. Отечества Бутковъ помѣстилъ статьи: О Руси и Рюссаландѣ (1836, CLXXV, 26—44); О Новгородѣ въ VI в. (CLXXVIII. 19—42); объ Алдейгаборгѣ (Шлиссельбургъ или Ладога. CLXXVII, 241—258).

„шелъ совершенно своимъ путемъ, дѣлалъ излѣдованія съ своей точки зрѣнія и представилъ доказательства своимъ собственнымъ, ему принадлежащимъ образомъ.... Мы сходимся только въ заключеніяхъ, прошедъ по разнымъ путямъ къ одной цѣли: убѣжденію въ подлинности, достовѣрности и древности Несторовой лѣтописи“ [1]). Книга Буткова раздѣляется на 12 главъ въ соотвѣтствіе тѣмъ нунктамъ, на которые направлены его возраженія противъ скептиковъ. Принимая же во вниманіе, что лѣтописецъ (въ росписи князей) обозначилъ, что отъ смерти Ярослава до кончины Святополка-Михаила († 1113) прошло 60 лѣтъ, а (отдѣльную) повѣсть свою о Борисѣ и Глѣбѣ, заключилъ, не доведши ея до перенесенія ихъ мощей (1115) въ Вышгородскую церковь, авторъ полагаетъ, что Несторъ прекратилъ свою лѣтопись въ 1113 г., съ какого года и начинается разность въ спискахъ Лавр. и Ипатьевскомъ. Сильвестръ, согласно съ Карамзинымъ, былъ не сочинитель а только переписчикъ Несторовой лѣтописи, полученной имъ изъ Печерскаго мон.; а ближайшаго продолжателя Нестора Б-въ указываетъ въ лѣтописи подъ 1128 г., при томъ, по его мнѣнію, это уже не монахъ Печер. мон , хотя въ означенномъ извѣстіи идетъ рѣчь именно о послѣднемъ [2]). Но онъ впадаетъ въ тѣ же крайности, какія были плодомъ прежнихъ недоразумѣній, утверждая напр. знаніе лѣтописцамъ греческаго языка [3]), а, заботясь о чести Нестора, какъ перваго кіевскаго лѣтописца, онъ не соглашается допустить даже существованія до него монастырскихъ записокъ [4]),хотя въ другомъ мѣстѣ (о Василіѣ [5]) онъ говоритъ о мѣстныхъ запискахъ и повѣстяхъ [6]). Въ нѣкоторыхъ

[1]) Изслѣдов. I, стр. 471. О толкахъ, возбужденныхъ сочиненіемъ Буткова (Барсуковъ V, 402—406). Оно было удостоено Демидов. премін. См. еще рецензію Ѳ. Менцова (Ж. М. Н. Пр. 1840, ч. XXVII).

[2]) Оборона, 212—214; особенно 174.

[3]) Оборона, 170, 173.

[4]) Оборона, 180, 186. По его мнѣнію даже „Повѣсть о началѣ Печерскаго мон.“, обним. собою 63 года (1009—1072), составлена не изъ монастырскихъ записокъ, а изъ преданій (183) и самая мысль о лѣтописаніи пришла Нестору „отъ бесѣдъ съ собратіями своими о происшествіяхъ россійскихъ“ (172). Онъ находилъ въ обители „живыя записки въ цѣлой сотнѣ ея иноковъ“ (198). Вообще, личнымъ сношеніямъ лѣтописца Бутковъ придаетъ весьма широкое значеніе (199—208).

[5]) Оборона, стр. 209—212.

[6]) Точно такъ же онъ говоритъ: „Въ изображеніи войнъ 1078, 1093, 1096, 1103, 1111 гг. находятся подробности, подающія собою удостовѣреніе, что онѣ доставлены Нестору участниками походовъ и даже въ видѣ дневныхъ записокъ“ (стр. 198—201, 205—207).

случаяхъ авторъ дѣлаетъ иногда преувеличенные выводы о степени цивилизаціи въ то время [1]), но иные изъ доводовъ обставлены съ большимъ основаніемъ и эрудиціей (какъ доказательства достовѣрности договоровъ въ главѣ 3-ей и вообще литература вопросовъ извѣстна автору вполнѣ [2]).

Къ этой защитѣ Нестора примыкаетъ цѣлый рядъ писателей, не всегда согласныхъ въ частностяхъ, но настоятельно поддерживающихъ общія основанія означеннаго направленія. Такъ, А. М. Кубаревъ, не считая разнорѣчія лѣтописи и сочиненій Нестора существенными и приписывая ихъ разновременности составленія, старался подтвердить достовѣрность и принадлежность лѣтописи Нестору общимъ характеромъ, обнаруживающимъ въ авторѣ ея одного художника. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отстаиваетъ принадлежность Нестору всѣхъ трехъ произведеній, связанныхъ съ его именемъ: лѣтописи, повѣсти о Борисѣ и Глѣбѣ и ж. Θеодосія, въ подтвержденіе чего онъ приводитъ отрывки изъ этихъ сочиненій и по этому поводу замѣчаетъ: „Я оставляю читателя его собственному эстетическому чувству; я поведу его въ галерею картинъ, по разнообразію и изяществу плѣнительныхъ для воображенія и чувства. И если вкусъ его столько образованъ, что онъ умѣетъ узнавать художника по его кисти, то онъ несомнѣнно скажетъ, что всѣ сіи очаровательныя картины принадлежатъ одному мастеру“ [3]). Одновременно съ нимъ Н. А. Ивановъ (проф. Казан. унив.), представивъ весьма обстоятелсный по тому времени обзоръ мнѣній о Несторовой лѣтописи отъ Татищева до Погодина и Буткова включительно [4]), примыкаетъ къ выводамъ

[1]) Ibid., 27—28.

[2]) Бутковъ думалъ ослабить значеніе похвалы Владиміру св. и ж. Бориса и Глѣба мон. Іакова въ вопросѣ о лѣтописи Нестора (Разборъ трехъ древ. памят. рус. духовной литер. напеч. въ Христ. Чт. 1849 г., Современ., т. XXXII, с. 87—106), доказывая принадлежность этихъ памятниковъ полов. XII в. (а за нимъ и А. Θ. Тюринъ, изложившій его мнѣніе въ Изв. Ак. Наукъ, II, 21—95); но иначе полагаетъ И. И. Срезневскій (тамъ же, 113—130, 209—221).

[3]) О Патерикѣ Печерскомъ (Ж. М. Н. Пр. 1838, ч. XX; съ измѣн. въ Чт. Общ. исторіи 1847, № 9, с. 1—40; ср. О редакціяхъ Пат. Печер. вообще, Чтенія 1858, III, 95—128); Несторъ первый писатель рос-кой церк. и гражд. исторіи (Рус. Историч. сборн., IV, 1842, с. 367—417; извлеч. изъ памятн., 438—480). Въ этомъ послѣднемъ заслуживаетъ вниманія попытка автора установить хронологію событій, излагаемыхъ въ соч. Нестора и лѣтописи, приписываемой ему (409—427).

[4]) Краткій обзоръ русскихъ временниковъ находящихся въ библ. моск. и петербургскихъ и общее понятіе о хронограф., 1—396 стр. (Учен. Зап. Казан. унив.

этихъ послѣднихъ, настойчиво однако оспаривая преувеличенныя мнѣнія обоихъ изслѣдователей о древнихъ училищахъ, знаніи лѣтописцемъ греческаго языка и пользованіи имъ непосредственно источниками [1]). Съ своей стороны, авторъ выдвигаетъ на видъ значеніе болгарскихъ переводовъ и литературы и значительно расширяетъ кругъ источниковъ лѣтописца въ этомъ отношеніи [2]). Онъ не вполнѣ удовлетворяется характеромъ нашей критики вообще и указываетъ на нѣкоторые образцы изученія историческихъ источниковъ на Западѣ [3]).

Московскій проф. И. Д. Бѣляевъ посвятилъ лѣтописямъ рядъ статей. Въ статьѣ „Хронологія Нестора и его продолжателей" [4]) онъ доказываетъ, что Несторъ, а за нимъ и др. лѣтописцы, принявъ за основаніе „церковный" годичный кругъ (сентябрьскій) и переложивъ славянскія названія мѣсяцевъ на римскія, слѣдуя въ этомъ отношеніи византійской хронологіи, удержали однако прежній (народный и правительственный) счетъ мѣсяцевъ съ марта. Въ другой статьѣ: „О Несторовой лѣтописи" [5]) авторъ разсматриваетъ эту послѣднюю, какъ цѣльное произведеніе Нестора (по 1110 г.), ярко выдѣляющее его, какъ писателя, и художественное по исполненію, но подвергшееся позднѣйшимъ передѣлкамъ (вставкамъ). Представляя же далѣе подробный обзоръ лѣтописи, Б-въ отмѣчаетъ источники повѣствованія лѣтописца: преданія, въ которыхъ онъ видитъ крѣпость народныхъ началъ, и письменные—русскія и византійскія произведенія, въ болгарскихъ переводахъ, при чемъ особенное значеніе придаетъ договорамъ [6]). Трудъ Нестора, по мнѣнію Бѣляева, обличаетъ въ немъ большую начитанность въ византійскихъ лѣтописяхъ; но, касаясь войны

1843, кн. II и III; с. 81—295); ср. разборъ (Ж. М. Н. Пр. XL, VI, 55—72) Авторъ въ своемъ трудѣ даетъ описаніе свыше 70 списковъ лѣтописей и сборниковъ (1—57).

[1]) Ibid., стр. 179—184, 202—217. Погодину и Буткову посвящены стр. 157—298.

[2]) Ibid., 391—394.

[3]) Ibidem, 278: „Весьма жалко, что отечественные критики упорно пренебрегаютъ превосходными заграничными образцами изслѣдованій такого рода."

[4]) Чтен. въ Общ. ист. 1846, № 2, стр. 1—38.

„Каждый лѣтописецъ оставлялъ мартовскій годъ тогда, когда онъ выходилъ уже изъ употребленія на его родинѣ" (въ Троиц. лѣт. съ 1407; въ Новгородѣ—послѣ покоренія). Начальной хронологіи лѣтописца была посвящена также статья Д. Дубенскаго (Времен. Общ. ист., т. XXI, 1—16).

[5]) Чтенія 1847, № 5, 1—72.

[6]) Въ другомъ мѣстѣ онъ подробно говоритъ уже о скальдахъ, бывшихъ при первыхъ князьяхъ, и сагахъ, внесенныхъ въ лѣтописи (Врем. Общ. ист., V, 5, 22—23).

Святослава съ греками, онъ прибавляетъ, что хотя лѣтописецъ Льва Діакона и не читалъ, тѣмъ не менѣе его собственный разсказъ вѣрнѣе повѣствованія византійца и въ сущности не противорѣчить ему. Въ повѣствованіяхъ о корсунскомъ походѣ авторъ видитъ—произведеніе византійца, а въ выборѣ вѣръ Владиміромъ обдуманное сочиненіе, принадлежащее также перу грека. Поученіе Владиміра Мон. и разсказъ объ ослѣпленіи Василька—позднѣйшія вставки нарушающія единство повѣствованія лѣтописца. Въ этомъ послѣднемъ онъ отмѣчаетъ „умъ" и „геній", которые не позволяютъ видѣть продолженіе его разсказа далѣе отмѣченнаго выше термина (1110 г.). Въ статьѣ: „Русскія лѣтописи по Лавр. списку съ 1111—1169 годъ" [1]) Бѣляевъ возражаетъ противъ мнѣнія издателя лѣтописей (Бередникова), доказывая, что составитель Лавр. сборника не былъ сократителемъ Ипат., но только частью пользовался одинаковыми съ нимъ источниками и имѣлъ въ то же время подъ руками источники, неизвѣстные составителю Ипат. сборника. Поэтому Лавр. сборникомъ необходимо пользоваться какъ отдѣльнымъ и самостоятельнымъ источникомъ свѣдѣній о древней Руси [2]). Наконецъ въ статьѣ: „О разныхъ видахъ русскихъ лѣтописей" [3]) Бѣляевъ останавливается на оффиціальномъ характерѣ извѣстій въ русскихъ лѣтописяхъ и отмѣчаетъ лѣтописцы государственные [4]), фамильные или частные, монастырскіе, церковные и лѣтописные сборники или лѣтописи литературныя, въ общихъ чертахъ, характеризуя при этомъ и мѣстныя особенности лѣтописей [5]).

VIII.

Постановка вопроса о происхожденіи древней лѣтописи и ея авторѣ значительно измѣнилась, когда она была сведена съ отвлеченной и эстетической точки зрѣнія на фактическую. До сихъ поръ она главнымъ образомъ сосредоточивается на двухъ положеніяхъ: 1) что время образованія лѣтописца, по своимъ условіямъ и задаткамъ, было

---

[1]) Времен. Общ. ист., II, 1849, с. 1—26.

[2]) Ср. выше, стр. 251 и Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ рус. лѣт., 71.

[3]) Временникъ, V, 1850, с. 1—34.

[4]) Веденіе ихъ, по мнѣнію автора, поручалось и духовнымъ лицамъ, но были особые писцы, а лѣтописи хранились у князей.

[5]) Рѣзкій отзывъ Погодина о статьяхъ Бѣляева, кас. лѣт. Нестора (Барсуковъ, X, 481—482).

вполнѣ благопріятно для появленія лѣтописи въ XI—XII вѣкѣ и что такимъ лѣтописцемъ могъ быть именно печерскій монахъ Несторъ. Однако, уже въ 1849 г. появилась статья П. С. Казанскаго (проф. Моск. дух. акад.). „Еще вопросъ о Несторѣ“ [1]), который поставилъ его на иную почву. Онъ говоритъ: „Изслѣдованія Погодина, Буткова, Кубарева утвердили славу перваго лѣтописца за Несторомъ, написавшимъ ж. Бориса и Глѣба и ж. Θеодосія Печерскаго. Но, при всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ, все еще остается мѣсто сомнѣнію. Представляется, что не столько внутреннее убѣжденіе, сколько выгода приписать составленіе лѣтописи извѣстному лицу, заставляетъ настаивать на этомъ положеніи“—и высказываетъ свое мнѣніе, что „лѣтопись, извѣстная подъ именемъ Нестора, не можетъ быть приписана Нестору, писавшему житіе Θеодосія Печерскаго“.

Такъ, принадлежность житій Бориса и Глѣба и Θеодосія Нестору не подлежитъ сомнѣнію—онъ самъ заявляетъ объ этомъ въ нихъ; въ послѣднемъ же изъ нихъ онъ говоритъ о себѣ, какъ о самомъ младшемъ изъ братіи монастыря, пришедшемъ туда уже при Стефанѣ игуменѣ, а о Θеодосіѣ разсказываетъ по словамъ другихъ. Между тѣмъ въ лѣтописи, въ разсказѣ о Печерскомъ мон., авторъ его сообщаетъ, что онъ самъ пришелъ къ Θеодосію и далѣе называетъ себя ученикомъ послѣдняго. Казанскій замѣчаетъ, что здѣсь готовы допустить толкованіе, что лѣтописецъ могъ взять для лѣтописи житіе, описанное другимъ лицомъ; однако, далѣе слѣдуетъ рядъ противорѣчій между ж. Θеодосія и лѣтописью (объ Антоніѣ и устройствѣ пещеръ, объ устройствѣ монастыря при Θеодосіѣ). Даже защитники лѣтописи Нестора (Кубаревъ) признаютъ эти противорѣчія непримиримыми; притомъ разсказъ лѣтописца, въ сравненіи съ житіемъ, оказывается отчетливѣе и опредѣленнѣе, какъ и слѣдуетъ ожидать отъ ученика Θеодосія. Предположенія, что въ лѣтописи Несторъ самъ поправлялъ себя, нельзя допустить, такъ какъ есть разница въ фактахъ, касающихся біографіи Нестора. Во вторыхъ, игуменъ Стефанъ былъ изгнанъ братіею, и Несторъ, разсказывая въ житіи о его выборѣ, передаетъ только, что Θеодосій одобрилъ этотъ выборъ; но въ лѣтописи сооб-

---

[1]) Времен. Общ. ист., кн. I, 23—30; дополн., кн. III, 1849, с. 4—5; письмо къ Погодину (Москвитян. 1849, кн. V, 9—13). Въ послѣднемъ онъ указывалъ на необходимость изученія географіи лѣтописи съ помощью актовъ, въ которыхъ упоминаются мѣстныя названія (ср. также Барсуковъ, X, 404—405).

щается о несогласіи, бывшемъ при выборѣ между Ѳеодосіемъ и братіею, которая успѣла въ своемъ желаніи, и лѣтописецъ старается оправдать мятежъ братіи противъ Стефана, какъ избраннаго не по желанію Ѳеодосія („се азъ по Божью повелѣнію нареклъ бяхъ Іакова; се же вы свою волю сотворити хощете"). Несторъ, напротивъ, съ большимъ сожалѣніемъ разсказываетъ объ изгнаніи Стефана и какъ бы въ оправданіе ему указываетъ на волненія въ монастырѣ, бывшія при великомъ Никонѣ. Казанскій допускаетъ усвоенное Нестору названіе лѣтописца, какъ автору житій (Бориса и Глѣба, Ѳеодосія) и, вѣроятно, существовавшей отдѣльно записки о началѣ Печерскаго мон. и знаменитыхъ подвижникахъ, тамъ бывшихъ, которыми пользовался составитель лѣтописи, поправляя ихъ по своимъ свѣдѣніямъ и взгляду на вещи. Въ этомъ сказаніи встрѣчается извѣстіе о двукратномъ путешествіи Антонія на Аѳонъ, которое никакъ не принадлежитъ Кассіану, редакціи Патерика котораго (вопреки Кубареву) онъ отдаетъ преимущество передъ Берсеневскимъ спискомъ. Въ заключеніе онъ замѣчаетъ, что напеч. Археогр. ком. лѣтопись, названная ею древнимъ текстомъ Нестора, во всемъ ея составѣ не можетъ принадлежать ему. Особое изслѣдованіе Казанскій посвятилъ „критическому разбору свидѣтельствъ Патерика печерскаго о лѣтописи Нестора" [1]), важныхъ потому, что они касаются древней лѣтописи [2]). Дѣло вотъ въ чемъ. Еписк. владимірскій Симонъ въ посланіи къ Поликарпу, монаху Печерскаго монастыря, желая указать на важность этого монастыря въ Россіи, перечисляетъ рядъ епископовъ, вышедшихъ оттуда, при чемъ предлагаетъ ему прочесть стараго ростовскаго лѣтописца. Нѣкоторые (Карамзинъ) думали, что здѣсь указываетъся на лѣт. Нестора, переписанную въ Ростовѣ; но едва-ли могъ сдѣлать Симонъ подобное замѣчаніе лицу, жившему въ Кіевѣ. Вѣрнѣе, что здѣсь идетъ рѣчь о другой лѣтописи. Притомъ нѣкоторыхъ лицъ, означенныхъ въ перечнѣ,—нѣтъ въ лѣтописи, приписываемой Нестору; самъ же Симонъ, въ разсказѣ о Печер. монастырѣ, слѣдуетъ

---

[1]) Временникъ, кн. VII, 1850, с. 1—16.

[2]) Въ этомъ вопросѣ онъ слѣдуетъ Кубареву, который, признавая лѣтопись Несторовою, высказалъ, однако, мнѣніе, что встрѣчающееся въ Патерикѣ дополненіе имени Нестора въ лѣтописной статьѣ о Печер. мон. (Кассіанов. ред. XV в.) оказывается позднѣйшею вставкою, и вообще относится скептически къ составу Патерика. Разборъ мнѣній Казанскаго у Буткова (Отвѣтъ на новый вопросъ о Несторѣ, Современ. 1850 г., № 9).

другимъ источникамъ, а не этой лѣтописи. Однако Поликарпъ, въ посланіи къ Акиндину, прямо называетъ Нестора, „который написалъ (иже написа) лѣтописецъ", но его сказанія о печерскихъ подвижникахъ, при сличеніи съ лѣтописью, не даютъ права заключать, что это была та лѣтопись, которая стала извѣстна у насъ, подъ именемъ Несторовой; а быть можетъ здѣсь идетъ рѣчь о лѣтописи Печерскаго мон. Относительно же дошедшей до насъ древней лѣтописи Казанскій склоняется въ пользу Сильвестра, какъ составителя свода, и не допускаетъ веденія подобной лѣтописи, конечно въ позднѣйшей ея части, однимъ лицомъ (противъ Бѣляева). Въ подобномъ же родѣ отмѣчены разногласія между лѣтописью и сказаніемъ о житіи Бориса и Глѣба Нестора (о назначеніи имъ городовъ, объ убіеніи и др. [1]).

Мнѣнія Казанскаго, высказанныя выше, вызвали въ свое время возраженія со стороны Буткова [2]), по главнымъ вопросамъ, и С. П. Шевырева [3]). Послѣдній отстаивалъ установившуюся точку зрѣнія на лѣтопись, какъ всецѣло принадлежащую Нестору; а, какъ славянофилъ, онъ выставляетъ особенную заслугу лѣтописца—его *безличность*, столь отличающую русскую лѣтопись отъ западныхъ и обнаруживающую въ ея авторѣ какъ бы самую народную совѣсть [4]). Бутковъ, признавая, что находящееся въ лѣтописи сказаніе объ убіеніи Бориса и Глѣба, принадлежитъ не Нестору, а Іакову, полагалъ, что оно внесено было потомъ переписчикомъ вмѣсто повѣсти Нестора [5]); однако этому противорѣчить то, что оно встрѣчается въ такомъ же видѣ во всѣхъ спискахъ [6]). Отвѣчая Буткову, Казанскій развилъ далѣе свои сомнѣнія объ указанныхъ памятникахъ. Такъ, въ сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ Несторъ заявляетъ, что русская земля не слыхала христіанской проповѣди ни отъ какого апостола, между тѣмъ въ лѣтописи

---

[1]) Разборъ отвѣта П. Б. (Буткова) на новый вопросъ о Несторѣ (Отеч. Зап. 1851 г., т. LXXIV, № 1, с. 80 и д.).

[2]) Современникъ, 1850 г., № 9.

[3]) Замѣчанія на критич. разборъ свидѣтельствъ Патерика Печерскаго и. лѣтоп. Нестора (Времен., кн. X, с. 1—10).

[4]) Ист. русской словесности, I, лекція 7-я.

[5]) Современ., стр. 97.

[6]) Иловайскій, вслѣдъ за Бутковымъ, утверждаетъ, что сказанія эти не принадлежатъ извѣстному Іакову, а заимствованы позже изъ лѣтописи (Ист. Рос., I, прим. 59); но предположеніе это не оправдывается (см. Владимірскій, Нѣсколько вопросовъ изъ древней литературы, Уч. Зап. Казан. унив. 1875, № 5, с. 865—866).

разсказывается о путешествіи ап. Андрея и это сказаніе древнѣе. Притомъ Іаковъ не былъ безвѣстнымъ лицомъ. Θеодосій прочилъ его въ преемники себѣ; онъ пришелъ въ монастырь съ Альты, гдѣ былъ убитъ Борисъ и потому имѣлъ побужденіе описать кончину пострадавшаго князя и его брата; самъ Іаковъ извѣстенъ какъ писатель, а его сказанія о нихъ были даже болѣе распространены, чѣмъ Нестора [1]. Въ другомъ мѣстѣ Казанскій [2]) прямо говоритъ, что для славы Нестора, какъ писателя, лучше будетъ, если мы отнимемъ у его имени одно произведеніе, нежели припишемъ ему разногласія съ самимъ собою. Онъ доказываетъ, что такой выводъ нисколько не можетъ умалить святости Нестора: таковы были условія тогдашняго способа изслѣдованія научныхъ вопросовъ [3]). Замѣчанія автора о способѣ составленія Патерика (не Поликарпомъ и Симономъ) и позднѣшемъ происхожденіи его, о распространеніи сказаній о Печерскомъ мон. въ Патерикѣ по лѣтописнымъ разсказамъ (простран. сказ. о Печер. мон. встрѣчается не ранѣе XVI в., а помѣщенное въ приложеніи къ I т. изданія Археограф. ком. XIV—XVI в. сходно съ лѣтописнымъ), о разногласіяхъ лѣтописи съ Патерикомъ о Печер. мон-рѣ, конечно, заслуживали вниманія.

Заканчивая свою изслѣдованіе полнымъ убѣжденіемъ въ принадлежности ихъ разнымъ писателямъ, авторъ говоритъ: „Въ отысканіи, въ возстановленіи этого первоначальнаго текста лѣтописи лежитъ ключъ къ разрѣшенію нашихъ недоумѣній“ (стр. 99). Этотъ трудъ взяли на себя послѣдующіе ученые.

IX.

Такимъ образомъ начался рядъ отступленій отъ Нестора, какъ автора свода древней лѣтописи. Соловьевъ предпочитаетъ еще называть его Несторомъ; но онъ приводитъ доводы и въ пользу Сильвестра, и въ пользу Нестора. Относительно самой приписки Сильвестра онъ замѣчаетъ: „Написахъ можетъ значить переписалъ, но не

---

[1]) Объясненіе нѣкоторыхъ недоумѣній касательно лѣт. Нестора (Времен., кн. XIII, 21—23).

[2]) Отеч. Зап. 1851 г., ч. LXXIV, № 1, стр. 99.

[3]) Въ воспоминаніяхъ о немъ (Правосл. Обозр. 1879), сообщалось о непріятностяхъ, причиненныхъ ему сомнѣніями о Несторѣ, какъ лѣтописцѣ.

должно означать этого непремѣнно; въ противномъ случаѣ и Несторъ будетъ только переписчикомъ, ибо о немъ сказано: „Несторъ иже написа лѣтопись“ (Ш, пр. 240). Представивъ два противоположныя мнѣнія о происхожденіи древней лѣтописи, Соловьевъ замѣчаетъ, что изъ этого, по мнѣнію однихъ, должно принять, что или Несторова лѣтопись подверглась *большимъ измѣненіямъ и дополненіямъ*, или что не Несторъ, *а другой кто либо* составлялъ дошедшую до насъ первую лѣтопись. Онъ готовъ отдать предпочтеніе первому мнѣнію; но прибавляетъ, что для насъ важно одновременное существованіе нѣсколькихъ лѣтописцевъ (новгородскаго, волынскаго и др.), что дошедшіе до насъ списки Начальной лѣтописи представляютъ *сборники*, составленные изъ разныхъ лѣтописей, что *древнѣйшіе списки* этой лѣтописи заключаютъ въ себѣ лѣтопись сокращенную, пополненія которой должно искать въ извѣстіяхъ, содержащихся въ позднѣйшихъ спискахъ, напр. Никоновскомъ и др.; извѣстія эти не могутъ подлежать никакому сомнѣнію, не выдуманы позднѣйшими составителями лѣтописей; выраженія въ родѣ такихъ, „что извѣстіе Никон. списка выдумано, потому что его нѣтъ въ харатейномъ Несторѣ“—не имѣетъ болѣе смысла въ наукѣ. (Ш, 133—134). Впослѣдствіи онъ высказался, что извѣстія о пришествіи князей и утвержденіи ихъ первоначально составляли отдѣльный сплошной разсказъ безъ годовъ [1]), которые внесены послѣ; насильственный разрывъ разсказа внесеніемъ годовъ особенно замѣтенъ въ извѣстіи о походѣ Аскольда и Дира на грековъ (лѣта 6371—6374). Къ этому первоначальному сказанію вмѣстѣ съ предисловіемъ о дорюриковскомъ времени и можетъ только относиться заглавіе: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ“ и т. д. (VШ, 482—483). Соловьевъ не признаетъ веденія краткихъ записокъ внѣ монастыря; но онъ пользуется нѣкоторыми извѣстіями изъ отрывка Іоакимовской лѣтописи [2]).

Оба историка церкви не внесли въ литературу лѣтописи новыхъ дополненій.

Пр. Филаретъ (черниговскій) признаетъ лѣтопись Нестора за его трудъ, оконченный имъ не позже 1112 г. (въ ж. Θеодосія упо-

[1]) Кубаревъ замѣчаетъ, что отсутствіе года служитъ признакомъ древности разсказа (Др. и Нов. Рос. 1880, I, 525; а также Соловьевъ, III, прим. 236).

[2]) Ib., III, 230, пр. 116, 243, 403. Замѣч. объ Іоак. лѣт. (III, 140; подробнѣе въ статьѣ о Татищевѣ, въ Архивѣ Калачова). Въ 1856 г. П. А. Лавровскій написалъ подробное изслѣдованіе въ защиту этого отрывка и Татищева (Уч. Зап. по 2-му отдѣл., кн. III).

минается о посвященіи Ѳеоктиста въ епископы, что было 12 янв. 1112 г.); а Сильвестра онъ считаетъ списателемъ и продолжателемъ лѣтописи по 1123 г., при чемъ въ самомъ сводѣ отмѣчаетъ участіе его руки (вставка поуч. Владиміра Мон. не у мѣста, разрывающая разсказъ о сѣверныхъ народахъ; вставка подъ 1097 г. подробнаго разсказа объ ослѣпленіи Василька съ удержаніемъ записей подъ 1098 и 1099 гг., повторяющихъ сообщенныя уже извѣстія [1]). Пр. Макарій ограничивается замѣчаніемъ, что самое важное сочиненіе Нестора, навсегда обезсмертившее его имя, есть его русская лѣтопись, доведенная имъ до 1110 г. [2]).

X.

Между тѣмъ, въ небольшихъ, но весьма продуманныхъ статьяхъ, посвященныхъ лѣтописямъ [3]), И. И. Срезневскій далъ рядъ цѣнныхъ замѣчаній о возникновеніи лѣтописнаго дѣла въ Россіи и его главныхъ чертахъ: онъ указалъ на раннее веденіе погодныхъ записей (по крайней мѣрѣ съ нач. X в.), на существованіе хронологическихъ перечней (по княженіямъ), связанныхъ съ пасхальными таблицами [4]), на бо́льшую близость древнихъ русскихъ лѣтописей съ западными анналами, какъ по ихъ формѣ, такъ и по способу изложенія, нежели съ византійскими образцами, которые хотя были извѣстны лѣт-цу, но не служили для него прототипомъ. Въ связи съ этимъ получаетъ значеніе и другое замѣчаніе Срезневскаго—о свѣтскомъ элементѣ въ древнѣйшихъ извѣстіяхъ русской лѣтописи (см. выше, с. 241). Наконецъ, онъ задаетъ вопросъ, на какомъ языкѣ были писаны древнѣйшія лѣтописи? Очевидно говоритъ онъ, онѣ писаны на языкѣ, который наши предки могли назвать своимъ роднымъ. Писали ли сами русскіе,

---

[1]) Обзоръ духов. литер., 21—23.

[2]) Ист. рус. церкви, II, 131.

[3]) Изслѣдованіе о лѣт-хъ новгородскихъ (Изв. И. Ак. Н. по 2-му отд., II, 18—27, 70—78); Памятники X вѣка до Владиміра св. (тамъ же, III, 1854, 49—66; перепеч. въ Чтен. о языкѣ и словесности, кн. I, 1—27); Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ (прилож. ко II т. Зап. И. Ак. Н. 1862, 1—48, отчасти повтореніе). Бестужевъ-Рюминъ (О составѣ, 26) пользовался и продолженіемъ, оставшимся въ рукописи. Въ концѣ послѣдней статьи (3-е чтеніе) авторъ присоединяетъ „черты быта русскаго народа по лѣтоп. сказаніямъ X вѣка“.

[4]) Срезневскій напечаталъ два подобныхъ перечня, по Синод. Кормчей XIII в. и изъ сборника XVII в., о событіяхъ съ IX—XIII в. (см. выше, стр. 291—92).

или же варяги, греки, болгары—все равно, лишь бы писали для русскихъ и порусски... И тутъ огромная разница между лѣтописями Западной Европы, гдѣ сказанія о подвигахъ предковъ и современниковъ, не облеченныя въ поэтическія формы пѣсенъ и сагъ, сколько бы ни были народны по содержанію, по своему чужеродному языку, латинскому, долгое время оставались чуждыми народу [1]). Немногіе памятники этого рода, подобно лѣтописи Англо-саксонской и Бретонской, избѣгли этой участи. Нѣтъ и слѣдовъ того, что русскія лѣтописи были когда нибудь писаны не порусски, какъ нѣтъ слѣдовъ, что и договоры съ греками, съ ними одновременные, переведены были съ греческаго на какой нибудь другой языкъ, кромѣ славянскаго, или что писалось на Руси для русскихъ чтобы то ни было не пославянски. Конечно, все это было не безъ важныхъ причинъ, какъ и то, что напр. франки и норманны утратили во Франціи свой языкъ, передѣлавшись въ романцевъ, или что болгары на Дунаѣ исчезли безъ слѣда въ покоренныхъ славянахъ [2]). Выдѣливъ же на страницахъ лѣтописи древнѣйшія преданія (о первоначальной родинѣ славянъ, объ ап. Андреѣ, объ осн. Кіева, о дулѣбахъ и обрахъ, о Поднѣстровьи, при чемъ онъ сопоставляетъ извѣстіе объ угличахъ, ихъ множествѣ и городахъ ихъ,—съ антами виз. сказаній и unlizi populus multus etc. Баварскаго географа; о Радимѣ и Вяткѣ, о приходѣ козаръ къ Кіеву, о новгор. посад. Гостомыслѣ по Соф. лѣт., о дани варягамъ, о приходѣ варяговъ, объ Аскольдѣ и Дирѣ), Срезневскій попытался представить сводъ лѣтописныхъ извѣстій за время 859—986 гг., прерываемыхъ иногда преданіями или соединенныхъ съ ними, и затѣмъ повторяетъ, что древнѣйшая лѣтопись продолжалась только до смерти Святослава [3]). Срезневскій полагалъ, что извѣстный сводъ составленъ не ранѣе 1113 г. (годъ смерти Святополка-Михаила) и не позже 1116 г., въ которомъ *написалъ* книги игуменъ Сильвестръ. Игуменъ важнаго кіевскаго монастыря (Выдубецкаго), спустя два года возведенный въ санъ епископа переясл. и спустя 5 лѣтъ скончавшійся, заинтересованный лѣтописью, не могъ быть простымъ переписчикомъ, а потому необходимо допустить, что и въ самомъ сводѣ есть часть

---

[1]) На это преимущество указывали также Шлецеръ и Шлегель (см выше, стр. 346).

[2]) Ср. однако замѣчанія о варяж. стихіи въ современномъ быту (Буслаевъ, Очерки II, 77—81).

[3]) Чтенія, 20—31.

его труда, откуда уже слѣдуетъ выводъ, что ничто не мѣшаетъ признать въ этомъ сводѣ трудъ Сильвестра [1]).

Вскорѣ за тѣмъ (1859 г.) вышло изслѣдованіе М. И. Сухомлинова: „О древне-русской лѣтописи какъ памятникѣ литературномъ“ [2]), авторъ котораго также обратилъ особенное вниманіе на связь лѣтописи съ пасхальными таблицами [3]), на сродство ея съ западно-европейскими анналами и на ея литературные источники, при чемъ обставилъ свои доводы болѣе обширнымъ матеріаломъ. Изслѣдованіе его распадается на слѣдующія части: 1) списки русскихъ лѣтописей [4]); 2) начало и ходъ лѣтописанія въ Россіи; 3) заимствованія въ древней лѣтописи; 4) самостоятельная часть древней лѣтописи (лѣтописныя извѣстія); 5) языкъ и слогъ древней лѣтописи; 6) выводы и литература лѣтописи.

Что касается составныхъ частей лѣтописи, то авторъ остановился съ особеннымъ вниманіемъ на ея источникахъ, къ которымъ относитъ: 1) книги Св. писанія, 2) Палею (библейскія заимствованія); 3) исповѣданіе вѣры, предложенное Владиміру св. при его крещеніи и представляющее сокращеніе изъ находящагося у Михаила Синкелла [5]); 4) жизнеописанія св. Кирилла и Меѳодія (такъ наз. паннон.

[1]) Чтенія, II, 32—33: ср. Бестужевъ-Рюминъ (26). Но въ другомъ мѣстѣ Ср-кій говоритъ: „Нестора или же Сильвестра“ (Изв. Ак. Н., II, 75).

[2]) Зап. И. Ак. Наукъ по 2-му отд., т. III, с. 1—230

[3]) Мнѣніе объ этомъ см. выше, стр. 292.

[4]) „Сравнительно съ другими древностью состава отличаются списки Лавр. категоріи и Новгородскіе, а потому въ этихъ двухъ родахъ списковъ надобно искать текста древней лѣтописи.... Названіе „древней русской лѣтописи“ всего справедливѣе можно придать повѣствованію до нач. XII в., преимущественно по тексту списковъ Лавр. категоріи“ (23—25). Это списки, Лавр., Ипат., Кенисб. и однород. съ ними. Сп. Соф., Воскр. и Ник. и однород. съ ними по отношенію къ древ. лѣт, заключающіе въ себѣ повѣствованіе съ древ-шихъ временъ до нач. XII в. и дал., составлены по сп. Лавр. категоріи съ разн. дополн. (7—8).

[5]) Послѣднее въ переводѣ находится уже въ Сборн. Святослава 1073 г; но разсказъ о 7-ми вселен соб. не соотвѣтствуетъ изложенію у Синкелла (здѣсь короче и говорится о 6 соборахъ). А. Поповъ (Полем. соч. прот. латинянъ, 5—7) сближаетъ его съ посл. патр. Фотія къ болг. ц Михаилу (но это послѣднее подробнѣе и есть отличія). А. С. Павловъ считаетъ его заимств. изъ Палеи при всемъ отличіи въ изложеніи (Крит. опыты по исторіи древ. греко-рус. полем. противъ латин., 9—14), а обличительную статью противъ латинянъ (тамъ же) составленною въ Россіи при помощи той же Палеи, соч. о вѣрѣ варяжской“, припис. пр. Ѳеодосія и др. (ibid. 17—26) Замѣчанія о религіи магометанъ могли быть заимствованы изъ жизнеописаній Магомета, извѣстныхъ въ визант. литературѣ и славянскихъ переводахъ (Сухомлиновъ).

житія [1]); 5) ж. Владиміра св. (Іакова); 6) сказ. о Борисѣ и Глѣбѣ (Іакова); 7) поученія Ѳеодосія; 8) разсказъ Василія; 9) хроника Г. Амартола; 10) Слово (откровеніе) Меѳодія Патарскаго, неправильно ему приписываемое; 11) договоры русскихъ князей съ греками. Подробно разсматриваетъ авторъ отношеніе лѣтописи къ хроникѣ Г. Амартола, какъ относительно статей, заимствованныхъ изъ нея, такъ равно и сравненій, выводовъ, сдѣланныхъ на ея основаніи, и т. п. (стр. 85—106, 157—158). Необходимымъ дополненіемъ къ этому изслѣдованію служитъ статья того же автора „О преданіяхъ въ древ. русской лѣтописи" [2]), представляющая опытъ сближенія разсказовъ, Начальной лѣтописи съ преданіями родственныхъ народовъ [3]). Наконецъ, въ изслѣдованіи [4]) отмѣчается характеръ изложенія лѣтописи, ея языкъ, состоящій изъ двухъ элементовъ церковно-славянскаго и русскаго, съ очевиднымъ преобладаніемъ этого послѣдняго [5]).

Н. И. Костомаровъ прямо и рѣшительно высказывается въ пользу свода Сильвестра, а Нестора онъ считаетъ авторомъ и то лишь части лѣтописи Печерскаго мон. (см. выше, стр. 250—51), ссылаясь на

[1]) О нихъ см. статью А. В. Горскаго (безъ подписи, Москвит. 1843, № 6) изслѣд.-Воронова: Спорные вопросы миссіонер. дѣят-ти св. Кирилла философа на Востокѣ, А. Н. Петрова, съ указ. позд. литер. (Лѣтоп. Ист. фил. Общ. при Новорос. унив., IV, 53--54). Свидѣт. л-си о Кириллѣ и Меѳ. разсмотрѣно также К. Я. Гротомъ (Мадьяры, 117—119—135) и др.; иностр. литер. въ библіогр. Финкеля, I, 367—368

[2]) Основа 1861, № 4; ср. Кир. Кожемяка, малорос. легенда Кулишъ, Зап. о южной Руси, т. II, 27—30, а также изслѣдованія о былинахъ.

[3]) Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ рус. лѣт-сей, 42, прим. 133.

[4]) Исторію легенды, въ связи съ разсказомъ озаключенныхъ въ горахъ людяхъ (Гогѣ и Магогѣ) и пр. см. „Опыты по исторіи развитія христ. легенды", А. Н. Весловскаго (Ж. М. Н. Пр. 1875", №№ 4 и 5); Александрія русскихъ хронографовъ, В. М. Истрина (Чт. Общ. ист 1894, кн. I и II; о славян. переводахъ Слова, I, 189—191); о греч. редакціяхъ, латин. и славян. переводахъ въ изслѣд. В. М. Истрина: „Откровеніе Меѳодія Патарскаго и апокрафическія видѣнія Даніила въ византійской и славяно-русской литературѣ" (Чтенія въ Общ. исторіи 1897, II, 1-208); замѣч. о докладѣ Истрина (Арх. Изв. 1897, № 3, с. 86—87). Въ Хроногр. (Рум. муз., № 456) и Сборникахъ со статьями объ Александрѣ Макед. подробно исчисляются народы, затворенные Александромъ въ горахъ сѣверскихъ (Лѣтоп. занят. Арх. ком., III, 101); текстъ слова Меѳодія Патар. (Памятн. отречен. литер., I, № 62); J. Bömer, Wer ist Gog und Magog (Zeitschr. f. wissenschaftl. Theologie 1847, 40, 3).

[5]) Исключительность церк. слав. яз. въ лѣтописи еще ранѣе была отвергнута Срезневскимъ (Мысли объ ист. русскаго языка). Сух-овъ, отмѣчая достоинства труда Миклошича (Ueber die Sprache der ältesten russisch. Chronisten, vorzüglich Nestors, Wien 1855), возражаетъ противъ его наклонности къ преимуществу перваго вслѣдствіе принятаго метода (229 - 230). По поводу замѣчаній Сухомлинова о

указанныя противорѣчія между данными лѣтописи и біографическими свѣдѣніями о Несторѣ, а также другими его сочиненіями. Выдѣляя „Повѣсть временнымъ лѣтъ", какъ предисловіе до начала лѣтосчисленія (6360 г. [1]), авторъ раздѣляетъ лѣтопись на „повѣсть древнихъ лѣтъ" предположительно до 1043 г. (послѣдній походъ русскихъ на грековъ), такъ какъ впослѣдствіи тонъ разсказа значительно измѣняется и становится ощутительнымъ господство риторики, и на лѣтопись или повѣсть о Печерскомъ мон., прерываемую составителемъ свода вставками о другихъ событіяхъ. Наконецъ, Костомаровъ, вслѣдъ за Сухомлиновымъ, выдѣляетъ рядъ отдѣльныхъ статей и эпизодовъ [2]). Мнѣніе его о пасхальныхъ таблицахъ мы привели выше. Признавая главный источникъ лѣтописи до Владиміра въ преданіяхъ, Костомаровъ указываетъ на принятіе христіанства какъ время, съ котораго начинаются записи изустныхъ сказаній и мелкихъ замѣтокъ; съ Владиміра возникаетъ усвоеніе литературныхъ образцовъ византійской письменности и вліяніе ихъ на ходъ лѣтописнаго дѣла. Установку лѣтъ въ лѣтописи онъ приписываетъ составителю свода, т. е. Сильвестру. Независимо отъ того, Костомаровъ напечаталъ рядъ статей о преданіяхъ первоначальной русской лѣтописи (въ связи съ русскими пѣснями, сказаніями и обычаями народа), въ которыхъ собралъ всѣ данныя, по его мнѣнію, легендарнаго характера, легшія въ основаніе лѣтописи до Владиміра св. включительно [3]). Онъ настолько считалъ не-

---

языкѣ были сдѣланы въ свое время дополненія Ѳ. И. Буслаевымъ (Очерки, II, 82–84), попутно касаясь и спора Погодина съ Максимовичемъ (Изв. Акад. Наукъ и Рус. Бесѣда).

[1]) По кр. мѣрѣ до Олега (въ хронол. таблицѣ счетъ лѣтъ ведется съ Олега „понеже сѣде въ Кіевѣ"). Самая форма ея изложенія (безъ годовъ) можетъ указывать на ея отдѣльность. Соловьевъ, а за нимъ и Бестужевъ-Рюминъ „повѣсть" доводятъ до Аскольда и Дира („кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити"). Послѣдній видитъ въ ней кіевское произведеніе написанное б. м. съ цѣлью показать преимущество Кіева передъ Новгородомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ допускаетъ въ ней и позднѣйшія интерполяціи.

[2]) Лекціи по русской исторіи, 26–38 (Спб. 1861).

[3]) Вѣстн. Европы 1873, №№ 1–3; Изслѣд. и моногр., т. XIII, стр. 1–207. Того же вопроса касаются Гедеоновъ (Варяги и Русь), Буслаевъ, Квашнинъ-Самаринъ и др.; но и до сихъ поръ преданія эти признаются недостаточно выясненными, при чемъ трудно рѣшить были ли это лѣтописные отголоски законченныхъ эпическихъ пѣсенъ или только разсказы, ходившіе въ народѣ и несумѣвшіе сложиться въ пѣсню. Болѣе вѣроятнымъ считается послѣднее (В. Европы 1893, № 12, с. 777–78). Кстати прибавимъ, что А. Н. Майковъ тоже полагаетъ, что лѣтопись

обходимымъ выдѣлить этотъ элементъ, что и свои очерки по русской исторіи начинаетъ лишь съ Владиміра.

Одновременно (1862) съ рядомъ названныхъ трудовъ въ области изученія древней лѣтописи занялся излѣдованіемъ одного изъ спорныхъ вопросовъ, а именно объ отношеніи разсказа лѣтописи о Борисѣ и Глѣбѣ и сказанія Нестора о томъ же, притомъ на основаніи исключительно филологическихъ данныхъ, П. С. Билярскій [1]). Сказавъ о всѣхъ трудностяхъ подобнаго изслѣдованія, авторъ предлагаетъ лишь опытъ, далеко неполный, сравнительнаго изученія памятниковъ. Сказаніе, по его словамъ, поражаетъ читателя выдержанностью старославянской рѣчи. Въ употребленіи словъ по ихъ значенію, сочинитель его какъ будто нарочно избѣгаетъ русскихъ выраженій и употребляетъ старо-славянскія и ему удается выдержать этотъ стиль. Въ лѣтописи замѣчается обратное явленіе (сказ.—страна, лѣт.—земля; сказ.—елинъ вѣрою—о язычествѣ Владиміра, лѣт. о язычникахъ—погани; сказ. предпочитаетъ вельможи, лѣт.—боляре, лѣпшіе муже; сказ.—область, лѣт.—волость, власть; сказ. часто употребляетъ: царю, цесарю, цесарствовати,—лѣт. говоритъ такъ лишь о византійскихъ царяхъ, въ лѣт. володѣти; въ сказ.—проповѣдникъ, въ лѣт. биричь; въ сказ. верста, возрастъ, въ лѣт. вовсе нѣтъ этого слова; сказ. сулица, лѣт.-копье; сказ.—стадіи, лѣт.—версты; сказ. древодѣли, лѣт.—плотники). Уклоненія въ лѣт. встрѣчаются собственно тамъ, гдѣ она находится подъ вліяніемъ какого либо письменнаго источника. Приведенные примѣры Билярскій заключаетъ словами: „Выставленныя мною разности ведутъ къ заключенію, что сочинитель сказанія не одно и тоже лицо съ лѣтописцемъ“ (119). Это вѣское замѣчаніе повидимому склонило одного изъ изслѣдователей принять обратное установившемуся мнѣнію утвержденіе, что лѣтопись принадлежитъ несомнѣнно Нестору, а ж. Бориса и Глѣба, какъ стоящее къ ней въ противорѣчіи, не могло ему принадлежать, а приписано было въ силу популярности его имени, какъ писателя, а быть можетъ принадлежало другому Нестору [1]).

о древнѣйшихъ временахъ написана по пѣснямъ (Соч, II, 493–94); объ остаткахъ историч. пѣсенъ (495, 500).

[1]) Замѣчанія о языкѣ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, приписываемаго Нестору, сравнительно съ языкомъ лѣтописи (Зап. Акад. Наукъ, т. II, кн. 2 (стр. 109—120).

[1]) Н. А. Владимірскій, Нѣсколько словъ о Прологѣ, памятникѣ древне-русской письм-ти, и нѣсколько литер. вопросовъ изъ древнѣйшей эпохи нашего просвѣщенія (Учен. Зап. Казан. унив-та, 1875, № 5, стр. 851—881).

XI.

Весьма важнымъ трудомъ, соединявшимъ въ себѣ результаты предшествовавшихъ работъ по разработкѣ древней лѣтописи и надолго упрочившимъ главныя положенія о лѣтописи была монографія К. Н. Бестужева-Рюмина: „О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка", ограничившаяся впрочемъ лишь Начальной и южнорусскими (Кіевской и Галицко-Волынской) лѣтописями [1]). Вслѣдъ за Срезневскимъ, изслѣдованіямъ котораго авторъ отдаетъ преимущество передъ другими, онъ признаетъ болѣе раннее веденіе лѣтописныхъ замѣтокъ (въ X в., а быть можетъ даже въ IX) на Руси; но въ тоже время онъ тщательно отмѣчаетъ слѣды преданія и пѣсни въ лѣтописи (41—44 [2]). Большую заслугу изслѣдованія представляетъ привлеченіе къ лѣтописному матеріалу всей массы извѣстій (по 1110), сохранившихся въ позднѣйшихъ сводахъ и др. источникахъ (разборъ на стр. 60—69) до труда Татищева включительно, не исключая и извѣстій баснословнаго характера [3]). Предполагая возникновеніе лѣтописныхъ записей въ Кіевѣ, онъ возводитъ начало ихъ къ утвержденію въ немъ Олега. Записи велись при церквахъ и монастыряхъ, но другія могли быть записаны при дворѣ вел. князей и пріобрѣтаютъ такимъ образомъ оффиціальный характеръ, значеніе котораго онъ, впрочемъ, ограничиваетъ (33). Рядомъ съ тѣмъ идутъ извѣстія, очевидно записанныя въ другихъ мѣстахъ или центрахъ тогдашней политической жизни—Новгородѣ, Ростовѣ, Черниговѣ, на Волыни и т. д. (49—57). Бестужевъ-Рюминъ представляетъ подробный анализъ лѣтописи, разлагая ее на составныя части—отдѣльныя сказанія и мѣст-

[1]) Изслѣдованіе это было напеч. въ Лѣт. зан. Археогр. ком., т. IV, 1868 и вышло отдѣльно. 1—157 (изслѣд.); 1—378 (прилож.). Выводы по вопросу о лѣтописяхъ изложены имъ также въ Рус. исторіи, т. I, с. 18—35. Ср. Е. Ф. Шмурло, Бестужевъ-Рюминъ, 89—90.

[2]) Перечисляя (46—47) отд. сказанія, вошедшія въ лѣтопись (походъ Олега на грековъ, смертъ Олега, смерть Игоря и месть Ольги, крещеніе Ольги, онъ прибавляетъ: „эти четыре сказанія могли быть записаны и изъ народныхъ пѣсенъ"); вліяніе пѣсни онъ видитъ и въ разсказѣ о битвѣ при Листвинѣ, въ которой принималъ участіе варягъ Якунъ (42).

[3]). См. прилож. I-е, стр. 1—66 (извѣстія, не вошедшія въ составъ первонач. свода, въ разн. спискахъ лѣтоп., Степ. книгѣ, историч. статьяхъ, лѣт. Стрыйковскаго, свода Татищева). Во II-мъ прилож. сдѣлано извлеченіе изъ Длугоша (до 1386 г.)

ныя лѣтописныя извѣстія [1]). Основной выводъ Б. Р.—тотъ, что Начальная лѣт. въ дошедшемъ до насъ видѣ, есть лѣт. сводъ; что сводъ этотъ составленъ въ нач. XII в. и что есть возможность опредѣлить и до извѣстной степени возстановить его письменные источники. Бестужевъ-Рюминъ не признаетъ возраженій Буткова противъ Сильвестра, какъ лѣтописца (а именно онъ не помѣстилъ въ таблицу Владиміра Мон., а м. т. писалъ въ 1116 г.; заглавіе лѣт. съ указаніемъ на черноризца Ѳеодосіева мон.; неупоминаніе о времени осн. Михайловскаго Выдубецкаго мон.; отсутствіе личныхъ указаній припеpенесеніи мощей Бориса и Глѣба, о назначеніи Сильвестра епископомъ) особенно вѣскими, за исключеніемъ одного, а именно, что въ лѣтописи весьма мало извѣстій о Выдубецкомъ мон. Къ доводамъ же въ пользу Сильвестра онъ приводитъ и то, что нѣкоторыя даты, обнаруживающія въ составителѣ свода лицо XII в., ближе всего подходятъ къ нему; такъ, о Василькѣ говорится какъ о живомъ еще, а онъ умеръ годъ спустя послѣ Сильвестра. Съ своей стороны онъ прибавляетъ рядъ фактовъ, показывающихъ, что въ нѣк. спискахъ (Ипат. и сход. съ нимъ) больше извѣстій, относящихся къ роду Владиміра Мон. и вообще въ лѣтописи нѣтъ особенной вражды къ Святополку, какая видна въ продолженіи свода, и благопріятнаго отношенія къ Владиміру Мон. (исключая пов. Василія), какая прилична была бы игум. Всеволож. мон. Поэтому Бестужевъ-Рюминъ заявляетъ, что положительно считать составителелемъ свода Сильвестра, какъ и Нестора, нельзя [2]), и онъ указываетъ нѣк. данныя, позволяющія предполагать о существованія свода первоначальнаго. Въ лѣт. сохранились указанія на современника въ разсказѣ о Всеславѣ (до сего дне, повторенія о Василькѣ), перерывы, въ нѣк. спискахъ болѣе ранніе, чѣмъ оканчивается такъ наз. сводъ Сильвестра (Воскр. и Соф. представляютъ разницу съ 1075 г.; средній текстъ лѣт. въ П. С. Р. Л. прерывается на погреб. Ѳеодосія; одни поэтому принимають за окончаніе 1074 г.—Перевощиковъ; другіе 1093—Татищевъ и т. д.). Вслѣдъ за Сухомлиновымъ, Бестужевъ-Рюминъ отмѣчаетъ выдающіяся

---

[1]) Кромѣ указанныхъ выше четырехъ сказаній, Б. Р. выдѣляетъ слѣдующія: борьба между сын. Святослава, ж. Владиміра (источникъ ж., напис. Іаковомъ) съ разнымъ легенд. вставками; убіеніе Бориса и Глѣба; печерскія сказанія; разсказъ о волхвахъ; ослѣпленіе Василька;, разсказъ Гюряты; война Мстислава съ Олегомъ; явленіе столпа надъ Печер. м. и походъ на Половцевъ 1111 г. (46—48).

[2]) Русская исторія, 22.

литературныя достоинства составителя свода, особенно бросающіяся въ глаза въ жизнеописаніи Владиміра [1]). При всей важности изслѣдованія Бестужева-Рюмина, нельзя не указать недостатковъ въ немъ: это слишкомъ мелкое выдѣленіе изъ лѣтописи посторонних, не принадлежащихъ лѣтописцу извѣстій, болѣе обширныя изъ которыхъ авторъ готовъ непремѣнно считать отдѣльными повѣствованіями, и подобное же выдѣленіе извѣстій, не относящихся къ Кіеву и его области, въ число записей, возникшихъ въ другихъ мѣстностяхъ.

Почти одновременно съ названнымъ трудомъ появились два сочиненія о лѣтописи, одно, веденное въ скептическомъ направленіи, и другое, пытавшееся укрѣпить прежній взглядъ на происхожденіе и характеръ русскаго лѣтописанія. Мы разумѣемъ статью А. Разсудова: „Нѣсколько словъ по вопросу о первыхъ русскихъ лѣтописцахъ“ [2]) и лекціи И. В. Лашнюкова, посвященныя лѣтописямъ, въ его „Очеркахъ русской исторіографіи“ [3]). Первая изъ нихъ направлена противъ мнѣнія Срезневскаго, принятаго и Бестужевъ-Рюминымъ, о существованіи русскихъ лѣтописцевъ въ X и быть можетъ въ IX в. Устраняя извѣстія, заимствованныя изъ греческаго или болгарскаго источника (включая сюда и извѣстіе о кометѣ подъ 6419 г.) или записи о даняхъ, которыя могли помниться вслѣдствіе продолжительнаго практическаго ихъ примѣненія [4]); замѣчая, что болѣе раннія даты изъ жизни князей, касаются лишь кончины, для чего могли послужить источникомъ надгробныя надписи (757), а не рожденій и т. п., а продолжительность княженій поражаетъ значительнымъ количествомъ неотмѣченныхъ годовъ (на 31 г. княж. Олега, по исключеніи легендарныхъ разсказовъ, договора, который могъ быть внесенъ позже, и т. п., придется не болѣе четырехъ отмѣченныхъ годовъ, *какъ будто* современныхъ событіямъ), и возстановляя первоначальное изложеніе лѣтописи опущеніемъ годовъ, причемъ разсказъ получаетъ естественную связь [5]), авторъ утверждаетъ, что хронологическія данныя—дѣло позднѣйшаго составителя, а потому хронологическія отмѣтки никоимъ об-

---

[1]) О составѣ, 22—23.

[2]) Москов. Унив. Изв. 1868, № 9, с. 739—774.

[3]) Унив. Изв. (Кіевъ), 1869, № 8; 1872, № 5.

[4]) Авторъ допускаетъ, что если народное преданіе можетъ выдержать 100, то и 250 лѣтъ (748). См. однако Опытъ рус. исторіогр., I, 43—44.

[5]) Понятно, что подобная разбивка разсказа вставкою лѣтъ должна была вести и къ хронологической неточности.

разомъ не могутъ служить доказательствомъ существованія у насъ лѣтописей въ IX и X вѣкахъ (747—755). Далѣе, авторъ указываетъ, что до самаго начала XI в., почти на 150 хронологически отмѣченныхъ лѣтъ, приходятся около 10 такихъ, повидимому современныхъ событіямъ отмѣтокъ и никакъ неболѣе 10 подобныхъ краткихъ замѣтокъ о событіяхъ IX и X вв. (755). Современникъ событій говоритъ о себѣ впервые лишь подъ 1051 г. (764), а впервые точная запись (день, недѣля 1-я поста, имя святого) относится къ смерти в. кн. Ярослава—1054 (763 [1]). Принимая же во вниманіе, что въ лѣтописи наиболѣе говорится о Печер .мон. и др. свидѣтельства о лѣт. Нестора, автора склоненъ допустить что первымъ южнымъ лѣт. былъ Несторъ, причемъ трудъ его слѣдуетъ отнести не къ нач. XII. в., а къ полов. послѣдней четв. XI в., который однако въ первоначальномъ своемъ видѣ до насъ не дошелъ, а находится въ лѣтописномъ сборникѣ, сост. въ нач. XII в., и одновременно же съ лѣтописью Нестора появляются лѣт. Новгородская, Волынская, Полоцкая, Ростовская. Составителемъ свода, въ который вошла лѣт. Нестора (съ прибавками изъ греч. хроногр. и др.), авторъ считаетъ Сильвестра (запись 1116 г.); послѣднему же онъ приписываетъ и опредѣленіе хронологическихъ данныхъ въ начальной части лѣтописи (772). Слѣдуетъ еще замѣтить, что, при всемъ своемъ скептицизмѣ, авторъ признаетъ достовѣрность такъ наз. Іоакимовской лѣтописи, впрочемъ на основаніи лишь изслѣдованія Лавровскаго (769—770). Лашнюковъ, напротивъ, стоитъ вполнѣ на старой, традиціонной точки зрѣнія на лѣтопись. Онъ ратуетъ за Нестора даже въ томъ случаѣ, если допустить, что древняя лѣтопись есть сводъ или сборникъ письменныхъ памятниковъ того времени, и приписываетъ ему литературную обработку этого послѣдняго. Участіе духовенства въ лѣтописномъ дѣлѣ онъ доказываетъ близкимъ отношеніемъ его къ политическимъ и общественнымъ интересамъ того времени.

[1]) Въ нѣк. спискахъ о смерти Ольги и Владиміра; но здѣсь авторъ опять привлекаетъ къ объясненію датъ—надгробныя надписи или записки на церк. книгахъ, или же наконецъ Синодикъ. Ср. изслѣд. А А. Куника: „Извѣстны ли намъ годъ и день смерти вел. кн. Ярослава Владиміровича“, Спб. 1896, стр. 1—28

XII.

Независимо отъ того появились труды, посвященные древнему періоду рус. исторіи и лѣтописи—Д. И. Иловайскаго[1]) и И. Е. Забѣлина[2]). Первый изъ нихъ не отдѣляетъ „Повѣсть врем. лѣтъ" отъ кіевскаго свода и потому относитъ составленіе его (редакцію) къ к. XII или нач. XIII в.; многія событія, принимаемыя за достовѣрныя, онъ признаетъ легендарными[3]); а нѣк. изъ преданій считаетъ заимствованными книжнымъ путемъ въ бо́льшей степени, чѣмъ принято, изъ византійскаго источника[4]). Такъ мало домашнихъ свѣдѣній имѣли наши лѣтописцы даже о X вѣкѣ, замѣчаетъ онъ. Начало лѣтописанія онъ ведетъ отъ временъ Ярослава I; связь лѣтописныхъ записей съ пасхальными таблицами онъ принимаетъ безусловно[5]). Доводы, приводимое обыкновенно въ пользу авторства Сильвестра (приписка, хронологическая таблица) онъ признаетъ несомнѣнными и прибавляетъ, что свѣдѣнія, добытыя для „повѣсти врем. лѣт". отъ разныхъ лицъ, бояръ и князей (договорныя грамоты) и нѣсколько оффиціальный характеръ лѣтописи—указываютъ, что она принадлежитъ не простому, смиренному иноку, а игумену, который былъ вхожъ въ княжескій дворецъ, призывался иногда въ княжескую думу, участвовалъ въ торжествахъ, посольствахъ, что лѣт. была даже предпринята при поощреніи Владиміра Мон., покровительствовавшаго мон. своего отца, а потому въ лѣт., послѣ Печ. мон., болѣе всѣхъ другихъ м-рей говорится о Выдуб. м. и замѣтно благоволительное отношеніе къ Владиміру М. (по мнѣнію И-го, отъ него лѣтописецъ могъ получить не только его поученіе и письмо къ Олегу, но и

---

[1]) Разысканія о началѣ Руси, М. 1874; изд. 2-е. 1882; „Еще о норманизмѣ"—первонач. въ Рус. Вѣст. 1872, № 11; (гл. IV и V-я) и рец. на статьи Костомарова „о преданіяхъ" (Рус. Арх. 1873, с. 653—666; Исторія Россіи, ч. I, 1876, гл. VII, 100—167 и прим. 59.

[2]) Исторія русской жизни, ч. I, М. 1876 (см. гл. V-ю).

[3]) Наша лѣтопись, какъ и всѣ другія, начинается легендами и становится болѣе и болѣе достовѣрною по мѣрѣ приближенія событій къ эпохѣ самого лѣтописца (Разыск., 100). По языку, впрочемъ подновленному, весь кіевскій сводъ представляетъ цѣлое (103; тутъ же черты его поздняго составленія).

[4]) Такъ, преданію объ обрахъ соотвѣтствуетъ византійская поговорка: „погибли какъ гунны"; преданіе о призваніи князей онъ сравниваетъ съ разсказомъ Прокопія о герулахъ; взятіе Святославомъ 80 городовъ на Дунаѣ срав. съ построеніемъ Юстиніаномъ 80 дунайскихъ крѣпостей и т. п. (Разыск. о нач. Руси, изд. 2-е, 1882, с. 155—166, изъ Русск Арх. 1873 г.).

[5]) Рус. исторія, I, 177.

договоры съ греками, переводы съ которыхъ, конечно хранились въ Кіевѣ [1]), а то, что авторъ, не будучи самъ монахомъ Печер. м., отвелъ ему наибольше мѣста, оправдывается общимъ значеніемъ въ то время послѣдняго. Извѣстія о немъ могъ записать самъ Сильвестръ, по близости Выдуб. мон. къ Печерскому, но Сильвестръ могъ быть даже монахомъ Печ. м., откуда брали игуменовъ въ другіе м-ри и епископовъ [2]). Въ такомъ случаѣ къ нему должны относиться слова о приходѣ къ Ѳеодосію въ Печер. м. 17 лѣтъ отъ роду. И-кій высказывается противъ напраснаго выдѣленія мнимыхъ позднѣйшихъ вставокъ и болѣе пространныхъ повѣстей, которыя могли принадлежать тому же составителю свода, не исключая болѣе обширной изъ нихъ—повѣсти объ ослѣпленіи Василька [3]). Лѣтопись Сильвестръ велъ до 1116 г. (какъ записано о томъ въ Никон. лѣт.); такъ какъ подъ 1115 г. говорится о третьемъ перенесеніи мощей Бориса и Глѣба, участникомъ въ которомъ упоминается и Сильвестръ (317—320). Самое назначеніе Сильвестра епископомъ И-кій считаетъ наградою Владиміра Мон. за лѣтописный трудъ. Образцомъ для труда Сильвестра онъ признаетъ Г. Амартола—а составителемъ свода (Начальной и Кіев. лѣтописи) архим. Выдубецкаго мон. Моисея, по связи съ тѣмъ же мон. Рюрика Ростиславовича, строителя каменной стѣны вокругъ него.—И. Е. Забѣлинъ принимаетъ связь лѣтописныхъ записей съ пасхальными или вообще церковными книгами (святцы, синодики и болѣе раннія, IX в., краткія замѣтки, которыя могли вноситься въ нихъ по примѣру грековъ [4]). Образцомъ для подобныхъ замѣтокъ, по его мнѣнію, могли служить греческія лѣтописи, въ родѣ „Лѣтописца вкратцѣ“ патр. Никифора, гдѣ находятся перечни годовъ и владѣтельныхъ лицъ, которые помѣщались и въ церк. книгахъ (напр. при Номоканонѣ). Въ частности, Забѣлинъ относитъ возникновеніе лѣтописныхъ записей

---

[1]) Съ его именемъ И-кій готовъ соединять и происхожденіе легенды о призваніи князей изъ-за моря подъ вліяніемъ подвиговъ норманновъ, родственныхъ связей князей и желанія удовлетворить тщеславію о происхожденіи князей отъ знатныхъ иноземныхъ выходцевъ (Исторія Рос., I, 180).

[2]) Нестору, по мнѣнію автора, принадлежали только житія.

[3]) При этомъ онъ указываетъ на отношенія Василька Ростиславича къ Выдуб. мон. (Исторія Россіи, I, примѣч. 59).

[4]) По вопросу о лѣтописи онъ слѣдуетъ трудамъ Срезневскаго, Сухомлинова и Бестужева-Рюмина (I, 474), а въ оцѣнкѣ достоинствъ древней лѣтописи (Нестора), постоянно ссылается на авторитетъ Шлецера (483, 485, 495, 498, 500, 502).

къ болѣе раннему періоду христіанства въ Россіи[1]), принимая, что онѣ ведены были въ Кіевѣ, а сводъ этихъ данныхъ въ лѣтопись ко времени Ярослава I, полагая, что составителями первыхъ замѣтокъ были лица духовныя, потомъ же лѣтописцами являются и другіе: лѣтописи могли писаться во дворѣ князя, епископа, тысяцкаго, даже въ схожей вѣчевой избѣ горожанъ, при чемъ могъ имѣть свое мѣсто приговоръ дружины, подтверждавшій вѣрность записей (въ Новгородѣ и Псковѣ). Такимъ образомъ лѣтопись получаетъ оффиціальное значеніе, такъ какъ въ удѣльный періодъ мон-рь имѣлъ общественное значеніе и могъ служить городскою канцеляріею, вслѣдствіе того, что монахи были наиболѣе образованными людьми, а каждый городъ считалъ необходимымъ имѣть и свою лѣтопись. На этомъ началѣ (духѣ общественности) авторъ основываетъ и правдивость начальныхъ русскихъ лѣтописей [2]). Признавая же авторомъ Начальной лѣт. Нестора, З-нъ объясняетъ существующія противорѣчія поправками, какъ самого лѣтописца, такъ и послѣдующихъ писателей, и замѣчаетъ, что лѣт. Нестора въ чистомъ видѣ поэтому никогда не существовала [3]). Къ мнѣнію Иловайскаго о составителѣ лѣтописнаго свода, Сильвестрѣ, примыкаетъ И. П. Хрущовъ[4]). Нестора онъ считаетъ авторомъ первоначальной „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, во всякомъ случаѣ не нисходившей до преданія о языческомъ времени и даже до разсказовъ о битвахъ. Сверхъ того, если Несторъ и довелъ свою повѣсть до Владиміра, то и окончилъ ее ничѣмъ другимъ, какъ изложеніемъ вѣроученія и прославленіемъ второго Константина [5]). Сильвестръ былъ *преданъ* Печерскому мон. и *оттуда* заимствовалъ (мон-ри эти вблизи одинъ отъ другого)

---

[1]) Такимъ религіознымъ интересомъ объясняются первыя записи о христіанствѣ при Аскольдѣ и Дирѣ, хотя и находятся онѣ въ лѣтоп. сборникѣ XVI в.

[2]) Ibid., I, 499—500. Рецензентъ на книгу Забѣлина, А. А. Котляревскій, особенно удачными и во многихъ отношеніяхъ новыми признавалъ тѣ ея страницы, которыя посвящены русскому лѣтописанію. Съ сочувствіемъ останавливается онъ и на значеніи города въ этомъ отношеніи (Унив. Изв. 1880, № 11). Укажемъ здѣсь же на замѣтку Котляревскаго относительно лѣтописнаго извѣстія о новгородскихъ баняхъ (Чт. въ Общ. Нест. лѣт., I, с. 288—90).

[3]) Напомнимъ здѣсь, что нѣк. (напр. издатель лѣтописей Бередниковъ) объясняли повторенія въ лѣтописи тѣмъ, что вставки были сдѣланы мон. Лаврентіемъ при выборѣ извѣстій изъ лѣтописей въ сводъ.

[4]) О древне-русскихъ историч. повѣстяхъ и сказаніяхъ XI—XII стол., Кіевъ 1878 (изъ Унив. Изв.).

[5]) Ibid., 100—101.

многіе отдѣльные и уже *готовые* труды [1]). Близкое отношеніе свода къ Печерскому мон. очевидно, а сочувствіе составителя свода къ дому Всеволода не менѣе ясно. Игуменъ Сильвестръ былъ, по всей вѣроятности, изъ Переяславля, а потому отношеніе составителя свода къ этому послѣднему также бросается въ глаза. Къ византійскимъ источникамъ составитель относился не подобострастно. Творецъ „лѣтописца" былъ скорѣе изъ людей похожихъ на Василя, автора сказанія о Василькѣ, чѣмъ на холоднаго созерцателя духовныхъ совершенствъ избранниковъ божіихъ, каковъ былъ Несторъ. Система, руководящая составителемъ свода,—хронологія. Что же касается собственно преданій, то Х-въ отмѣчаетъ въ нихъ мѣстный характеръ: большая часть ихъ касается Кіева и ближайшихъ къ нему мѣстъ: Переяславля, Бѣлгорода, Древлянской земли.

XIII.

Весьма широкое мѣсто отводитъ византійскому элементу въ лѣтописи Н. П. Ламбинъ, касавшійся этой послѣдней въ цѣломъ рядѣ своихъ статей [2]). Слѣды вліянія пасхальныхъ таблицъ онъ видитъ въ раннихъ краткихъ записяхъ изъ византійской исторіи; но весьма важное значеніе онъ отводитъ церковной миссіи въ Кіевѣ, существовавшей еще до Владиміра св. и имѣвшей свой архивъ (см. выше, стр. 238), а так же

[1]) Между прочимъ авторъ отмѣчаетъ три разсказа о нападеніи половцевъ на Кіевъ (1061, 1068, 1091), отличные по характеру и изложенію и только третье (1091), о нашествіи Боняка, онъ считаетъ печерскимъ сказаніемъ (25—30).

[2]) Объясненіе сказаній Нестора о началѣ Руси. Возраж. на стат. Костомарова Спб. 1860, 52 стр.; Опытъ возстан. и объясн. Несторовой лѣт. (рукопись). О Свѣнельдѣ и Угличахъ (Четырнадц. присужд. Уваров. нагр., Зап. Акад. Н., XX, кн. I; ср. Ж. М. Н. Пр. 1871, № 11, с. 134—147); Дѣйствительно ли походъ Олега подъ Царьградъ, —сказка? (Ж. М. Н. Пр. 1873, № 7, с. 115—127); Источникъ лѣтоп. сказ. о происх. Руси (ib. 1874, № 6, с. 225—263; № 7, с. 53—119); О тмутараканской Руси. Отрывокъ изъ соч. „Опытъ возстановленія" и пр. (1874, № 1, с. 158—195); Славяне на сѣверномъ Черноморьѣ. I. Лѣтописныя извѣстія о племенахъ черноморскихъ славянъ Угличи (ib. 1877, № 5, с. 48—75); II. Сказаніе о войнѣ Свѣнельда съ Угличами, его достовѣрность и несомнѣн. принадлежность Нестору, исправл. текста (ibid., № 6, с. 234—259); III. Извѣстія средневѣк. греко-латин. писат. о черномор. Славянахъ и др. древ-шихъ славян. народахъ въ Вост. Европѣ; IV. Источники Нестора о славян. и др. народахъ, обитавш. въ Россіи во 2-й полов. IX и въ X вѣкѣ (ibid. 1879, № 12, 141—155); О годѣ смерти Святослава Игоревича, в. кн. кіевскаго (Зап. Ак. Н. 1876, XXVI, 119—156).

болѣе широкимъ письменнымъ сношеніямъ съ Константинополемъ, которыя состояли въ видѣ отчетовъ (реляцій), посылавшихся туда, о событіяхъ въ Россіи, и посредниками въ которыхъ могли быть варяги-христіане. Въ первыхъ страницахъ лѣтописи онъ усматриваетъ вліяніе подобныхъ отчетовъ, черновыми оригиналовъ которыхъ воспользовался лѣтописецъ (бѣловыми донесеніями пользовался Константинъ Багрян.), какъ равно пасхальными таблицами и нѣкоторыми документами (напр. договорами, оффиц. перепиской и т. п.), хранившимися тамъ же [1]). Такимъ образомъ, въ описаніи похода Олега Л-нъ видитъ участіе современнаго письменнаго источника и преданій, записанныхъ позднѣе (не ранѣе полов. XI в. [2]). Въ извѣстіи лѣтописи о дунайскихъ славянахъ и ихъ разселеніи съ присоединеніемъ легенды о посѣщеніи ап. Павломъ Иллирика, въ которомъ онъ училъ славянъ и поставилъ учителемъ вмѣсто себя Андроника, авторъ отмѣчаетъ повѣсть западно-славянскаго происхожденія. Слѣдуя по стопамъ Шлецера, Л-нъ старался возстановить (по разнымъ спискамъ) „очищенный текстъ“ лѣтописи, приписываемой имъ Нестору [3]). С. М. Гедеоновъ [4]) говоритъ: „Какъ писатель, Несторъ прежде всего ученикъ византійцевъ и ихъ болгарскихъ учениковъ; отсюда почти совершенное въ немъ отсутствіе языческаго сказочнаго начала, такъ не кстати превозносимаго Шлецеромъ, подъ вліяніемъ всемогущей въ его время энциклопедической школы. Изъ народныхъ преданій, сохранившихся въ пѣсняхъ и въ былинахъ древнихъ славянъ, выбралъ онъ свою исторію переселенія славянскихъ племенъ, очистивъ ее предварительно отъ всѣхъ миѳологическихъ легендъ и намековъ, связавъ его повизантійски съ библейскимъ преданіемъ о столпокрушеніи; подвигъ благочестія и разумности, которому радоваться мы не можемъ, но обличающій въ лѣтописцѣ критическую сообразительность, до которой не возвысился и Титъ

---

[1]) Въ Византіи употреблялась эра александрійская (5500 л. отъ С. М.) и константинопольская (5508 л. отъ С. М.), которыя часто ставятся безразлично (напр. Г. Амартоломъ и патр. Никифоромъ) и это смѣшеніе хронологіи отразилось въ русскихъ лѣтописяхъ (Ламбинъ, Источн. лѣтоп. сказанія, Ж. М. Н. Пр. 1874, №7, с. 98—102, примѣч.). Доказывая, что Несторъ пользовался „Лѣтописцемъ вкратцѣ“ п. Никифора, Л-нъ уже подробно останавливается на причинѣ ошибки русской лѣтописи относительно времени царств. Михаила III.

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1875, № 6; ср. 1877, № 5, с. 72, примѣч.

[3]) Ж. М. Н. Пр. 1875, № 6, с. 241—242; ср. 245—259; № 7, с. 55—61, 96, примѣч., 105—106, 116; 1877, № 6, с. 246—259 и др.

[4]) Варяги и Русь. Историч. изслѣд. Спб. 1876, 2 тт., ч. II, 444—465.

Ливій. Критикомъ является онъ и въ разсказѣ объ основаніи Кіева. Такой складъ ума далекъ отъ первобытной наивности какого нибудь нотаріуса короля Белы, съ его: quid plura? iter historiae teneamus. Греческій разсказъ о пораженіи Игоря онъ умѣетъ и сократить, и облечь въ историческую русскую форму; умѣетъ приноровить къ Руси и самыя греческія присловія (объ образхъ). Несторъ былъ ученикъ византійцевъ; для него византійскіе хронографы, хронографъ Г. Амартола, были ученою святынею.... Для него вся классическая литература сосредоточивалась въ Г. Амартолѣ и его одного (въ переводѣ) съ продолженіемъ по 963 г. имѣлъ онъ въ своихъ рукахъ изъ греческихъ лѣтописей. Понятно, что ни о какихъ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ ранняго періода Г-въ не говоритъ; но онъ не склоненъ относить ихъ всецѣло и на долю однихъ преданій. Онъ допускаетъ вліяніе варяжскихъ сказаній, ставитъ лѣт-цу въ укоръ значительное пренебреженіе къ языческой старинѣ и вполнѣ обвиняетъ въ слѣдованіи извѣстной системѣ, такъ неудачно примѣненной нѣкоторыми изслѣдователями въ интересахъ норманства Руси. Ф. А. Терновскій[1]) подробно слѣдитъ за параллелями въ извѣстіяхъ русскаго лѣтописца и его прототипа Г. Амартола, обращая вниманіе не только на фактическія заимствованія, но также на выраженія и мотивы, усвоенные лѣтописцемъ (I, 1—25; II, 112—115, 119); тѣмъ не менѣе и преданіямъ, заимствованнымъ изъ былинъ (I, 117), онъ отводитъ значительное мѣсто. Въ эпизодѣ о Янѣ Усмошвецѣ Сухомлиновъ указывалъ мотивъ изъ исторіи Давида и Голіаѳа; Терновскій видитъ подражаніе разсказу І. Малалы о единоборствѣ гота съ персомъ при имп. Ѳеодосіѣ Младшемъ (8—9); о Малалѣ же напоминаетъ ему и фраза въ разсказѣ о борьбѣ Мстислава съ Редедею. Г. Амартола Т-кій считаетъ полнымъ первообразомъ подражавшаго ему Нестора, который, быть можетъ, почерпнулъ у него идею приняться за историческій трудъ (I, 20, 23—25, 119—20), но взглядъ на міръ и отношенія значительно смягченъ у русскаго лѣтописца (25; см. выше, стр. 260). Продолжателемъ Г. Амартола пользуется лѣтописецъ для хронологіи (I, 107; ср. 139) и для изложенія о походѣ 941г., связавъ разсказъ греческаго источника съ русскими преданіями дружиннаго эпоса (117[2]).

---

[1]) Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси. К. 1875—76, 2 т. (изъ Унив. Изв.).

[2]) Защита Нестора Куникомъ отъ упрека въ пропускѣ неблаговиднаго отзыва греческаго писателя о дѣйствіяхъ русовъ въ 941 г. (Ал-Бекри, 177—178).

Въ 1880 г. вышелъ новый трудъ, посвященный „исторіи русской церкви“, Е. Е. Голубинскаго, въ которомъ древней русской лѣтописи отведено соотвѣтственное мѣсто. Относя начало русской грамотности ко времени Игоря, авторъ полагаетъ, что отдѣльныя лѣтописныя записи и замѣтки, а также и отдѣльныя лѣтописныя повѣствованія о важнѣйшихъ событіяхъ, начали составляться съ самыхъ первыхъ временъ грамотности; что прежде теперешней Начальной лѣтописи, написанной въ нач. XII в., были дѣлаемы попытки и настоящихъ лѣтописей или обработанныхъ лѣтописныхъ сводовъ изъ существовавшаго матеріала. Но первую лѣтопись, дошедшую до насъ, написалъ въ нач. XII в. монахъ Печерскаго мон. Голубинскій безусловно отрицаетъ принадлежность этой лѣтописи Нестору, въ силу указанныхъ раньше противорѣчій между лѣтописью и сочиненіями послѣдняго [1]). По его мнѣнію Поликарпъ, упоминая дважды о лѣтописцѣ (см. выше, стр. 247—48), несомнѣнно разумѣлъ извѣстную намъ Начальную лѣтопись, имя же Нестора указано имъ по преданію, существовавшему въ Печерскомъ мон., какъ объ авторѣ извѣстныхъ сочиненій и современникѣ лѣтописца. Но лѣтописецъ несомнѣнно былъ монахъ Печерскаго мон., о чемъ свидѣтельствуютъ показанія самой лѣтописи (1051, 1091, 1096). Онъ былъ родомъ кіевлянинъ (1065), пользовавшійся уваженіемъ въ монастырѣ, и къ нему то относятся біографическія указанія въ лѣтописи (1074, 1091). Авторъ готовъ видѣть въ Сильвестрѣ скорѣе лѣтописца, нежели переписчика, но подъ условіемъ, что онъ былъ взятъ въ игумены изъ монаховъ Печерскаго монастыря. Образцомъ для лѣтописца служили греческіе хронографы (Г. Амартолъ, Іоаннъ Малала), однако внѣшняя форма нашей лѣтописи не есть форма греческихъ хронографовъ, а отличная отъ нихъ, своя собственная, представляющая относительно обработки болѣе низшую, первоначальную ступень. Самое названіе (Повѣсть временныхъ лѣтъ) указываетъ на намѣреніе лѣтописца излагать событія по хронологіи, т. е. по годамъ [2]). Составныя части лѣтописи авторъ опредѣляетъ на основаніи предшествовавшихъ изслѣдованій (Сухомлинова, Срезневскаго, Костомарова, Б-ва-Рюмина) и признаетъ, что лѣтопись дошла до насъ не въ своемъ подлинномъ видѣ, а подвергшись боль-

---

[1]) Исторія русской церкви, ч. I, 644—645; ч. II, 479—80.

[2]) Впрочемъ оно соотвѣтствуетъ выраженію Г. Амартола βιβλία χρονικά, т. е. книги временныя, повѣсть, снабженная хронологіей.

шимъ или меньшимъ измѣненіямъ, несомнѣнно дополненная позднѣйшими вставками и потерпѣвъ нѣкоторыя, а можетъ быть даже довольно значительныя сокращенія. Голубинскій возражаетъ, однако, противъ мнѣнія, допускающаго, что первоначальная лѣтопись, въ своемъ настоящемъ видѣ, есть произведеденіе не одного автора, а нѣсколькихъ. „Мы съ своей стороны того рѣшительнаго мнѣнія, что она есть произведеніе не нѣсколькихъ, а одного автора (при указанныхъ выше источникахъ). Для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что съ 1060 г. и до конца пишетъ одинъ человѣкъ". Съ другой стороны, принимая подлинныя древнія извѣстія, помѣщенныя въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборникахъ (XV—XVI вв.), Г-кій не соглашается, чтобы составители ихъ имѣли подъ руками другія лѣтописи, кромѣ извѣстныхъ намъ, а полагаетъ, что они заимствовали эти извѣстія изъ болѣе полныхъ сводовъ дошедшихъ до насъ сборниковъ—Лавр. и Ипатьевскаго [1]). Понятно, что къ старой Ростовской лѣтописи онъ относится скептически, видя въ ней лишь ростовскій списокъ той же общерусской лѣтописи, и вообще выражается, что, кромѣ новгородской, другихъ частныхъ лѣтописей въ до-монголескій періодъ вовсе неизвѣстно [2]). Обращаясь къ продолженіямъ Начальной лѣтописи, Голубинскій принимаетъ, что съ 1111 г. лѣтопись заразъ была продолжена нѣсколькими лицами, такъ что съ этого момента мы имѣемъ не одну, а нѣсколько лѣтописей, которыя выражаются въ Лавр. и Ипат. спискахъ. Продолженіе Лавр. сборника ведено было сначала на югѣ, въ Кіевѣ или Переяславлѣ, хотя вѣрнѣе въ первомъ; а потомъ (съ 1164 г.) во Владимірѣ на Клязьмѣ. Поэтому продолженія Лавр. сборника Г-кій характеризуетъ названіемъ Кіево-Сузд. лѣтописи, полагая, что трудъ перваго продолжателя на сѣверѣ оканчивается 1205 г. (оконч. спис. Радзив., Троиц., Академ., Переясл. сузд.), а съ 1206 года начинаетъ писать другой продолжатель. Продолженіе Ипат. сборника, доведенное до 1200 г., принадлежитъ неизвѣстнымъ лѣтописцамъ юга [3]).

---

[1]) Мнѣніе Голубинскаго объ Іоак. лѣтописи см. выше (стр. 330).

[2]) Мы не согласны, однако, что составитель Никон. лѣтописи, подъ именемъ начальнаго лѣт-ца, разумѣлъ именно Сильвестра (ib., 655, примѣч.). См. выше наше изложеніе этого мѣста (стр. 322).

[3]) Ibid., I, 643—655; ср. 103, 105. Рецензентъ соч. Голубинскаго, И. И. Малышевскій, вопроса о лѣтописи не касается.

Совершенно особнякомъ стоитъ недавно высказанное мнѣніе А. А. Кочубинскимъ[1]) подъ вліяніемъ, съ одной стороны, широты подвига Кирилла и Меѳодія, а съ другой—позднѣйшихъ политическихъ отношеній, а именно, что уже тогда сдѣлана была попытка, въ подражаніе монастырской лѣтописи сосѣдней Германіи, создать свою лѣтопись и что первыя основанія знаменитой нашей „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, можетъ быть, нужно вести изъ Панноніи, а не просто изъ пасхальныхъ таблицъ Византіи. Такимъ образомъ между Панноніей и Кіевомъ посредникомъ были Прикарпатскія земли, а Болгарія въ нашемъ раннемъ просвѣщеніи не при чемъ.

XIV.

Независимо отъ того были разсмотрѣны нѣкоторые вопросы, тѣсно связанные съ исторіей Начальной лѣтописи. В. А. Яковлевъ въ изслѣдованіи о Печерскомъ патерикѣ касается его отношеній къ лѣтописи[2]). Н. А. Владимірскій указалъ на апокрифическій источникъ лѣтописи въ разсказѣ о Симонѣ волхвѣ, подъ 6579 г.[3]), по поводу появленія волхвовъ на сѣверѣ, и ранѣе о волхвахъ Фараоновыхъ: онъ отмѣчаетъ здѣсь вліяніе евангелія Никодима, которымъ вѣроятно пользовался и м. Иларіонъ въ своемъ Словѣ о законѣ и благодати. Е. Е. Замысловскій сдѣлалъ возраженія по поводу отнесенія Бестужевъ-Рюминымъ нѣкоторыхъ записей къ разнымъ городамъ, въ пользу ихъ кіевскаго происхожденія[4]). А. Н. Веселовскій подвергъ изслѣдованію легенду мнимаго Меѳодія Патарскаго[5]) и указалъ на источникъ лѣтописца въ извѣстіи о походѣ Игоря (941)—въ ж. Василія Новаго[6]). На этотъ же источникъ, объясняющій отступленіе

---

[1]) Тысячелѣтіе славянства (Историч. Вѣст. 1885, т. XIX, 613—614).

[2]) Древне-кіев. религіоз. сказ. XII в., 28—29, 40, 61.

[3]) О Прологѣ (Уч. Зап. Казан. ун., 1875, № 5, с. 854—861).

[4]) Къ вопросу о составѣ Пов. врем. лѣт. (Ж. М. Н. Пр. 1889, № 5, с. 47—54).

[5]) Ж. М. Н. Пр. 1875, № 4: Опыты по ист. христ. легенды. Откровенія Меѳодія и пр. (283—331; о Гогѣ и Магогѣ, 313—325). Замѣч. М. Истрина объ откров. Меѳодія Патарскаго (Александрія, Чт. въ Общ. ист. 1894, I, 189—191). Откровеніе Меѳодія Патарскаго и апокрифич. видѣнія Даніила въ визант. и славяно-рус. литер. Изслѣд. и тексты, В. М. Истрина (Чтен. въ Общ. ист. 1897, II, 1—250).

[6]) Видѣніе Василія Новаго о походѣ русскихъ на Византію въ 941 г. (Ж. М. Н. Пр. 1889, № 1, с. 80—92). Отрывокъ ж. напеч. по рукоп. Синод. библ.

лѣтописца отъ извѣстія продолжателя Г. Амартола, обратилъ вниманіе и В. Г. Васильевскій [1]), который, кромѣ того, разсмотрѣлъ сказаніе о путеш. ап. Андрея въ Россію, откуда видно, что лѣт-цъ пользовался сказаніемъ въ болѣе древней редакціи [2]). Л. Н. Майковъ обратилъ преимущественное вниманіе на сближеніе данныхъ былинъ съ лѣтописнымъ матеріаломъ [3]). А. И. Кирпичниковъ прослѣдилъ лѣтописныя сказанія по разнымъ спискамъ лѣтописи въ ихъ литературномъ развитіи [4]). Но въ особенности посчастливилось въ области изученія—*Палеѣ*. Въ настоящее время различается три ея типа: 1) *Толковая Палея*, списки которой идутъ съ XIV в. [5]); 2) *Историческая* [6]) и 3) *Сокращенная Палея русской редакціи* (списокъ XVI в.),—русская, болѣе поздняя передѣлка [7]). Намъ нѣтъ необходимости входить въ подробности вопроса о составѣ и содержаніи Палеи и объ ея вліяніи на литературные памятники, а скажемъ только, что одни изъ нашихъ ученыхъ полагаютъ, что Толк. Палея явилась на греческой почвѣ, (Срезневскій); другіе, что она, при существованіи ея источниковъ въ славянскомъ переводѣ, могла составиться изъ готовыхъ источниковъ на славянской почвѣ (В. Успенскій, М. И. Соколовъ); а третьи (А. В. Михайловъ) склоняются къ выводу, что она составлена въ XIII—XIV в. въ Россіи и русскимъ авторомъ; наконецъ, различаютъ болѣе древнюю Палею, имѣющую въ основаніи

---

[1]) Русско-визант. изслѣд., II, CXLVI—VII; CCXCII. При этомъ онъ замѣчаетъ, по поводу напеч. отрывка житія, что даже наиболѣе фантастическія произведенія агіографической литературы могутъ хотя бы подъ формой видѣнія—содержать въ остальномъ совершенно трезвый отчетъ объ историческихъ фактахъ.

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1877, №№ 1 и 2.

[3]) О былинахъ Владимірова цикла, Спб. 1863.

[4]) Къ литер. исторіи русскихъ лѣтописныхъ сказаній (Изв. Ак. Н. по отд. рус. яз. и словес. 1897, № 1, с. 54—64), по поводу изданія Ѳ. А. Гилярова: „Преданія русской начальной лѣтописи“. М. 1878, 325 стр.

[5]) Списки Александро-нев., сред. XIV в., Коломен. 1406 г. (см. Коломен. Палея, изд. учен. Тихонравова, М. 1892—96, по означ. двумъ и др. поздн. спискамъ); по списку 1477 г. изд. Имп. Общ. люб. древ. письм., Спб. 1892, № XCIII. Опис. Алекс. нев. списка въ Опис. рукоп. Спб. Дух. акад., А. С. Родосскаго (Хр. Чтен. 1882, № 9—10, с. 590—609, и отд.).

[6]) По лучшимъ спискамъ изд. А. Н. Поповымъ (Книга бытія небеси и земли, въ Чт. М. О. ист. 1880). По серб. спискамъ напеч. М. Н. Сперанскимъ (Историјska Paleja, Бѣлгр. 1892; Споменикъ, XVI; ср. замѣт. Библіогр. 1893, № 1, стр. 85—86). Ср. еще Историч. Палею въ сборникѣ Аѳ. Васильева Anecdota graeco-byzantina“, М. 1893, № 13, стр. 188—292, по вѣн. рукоп XVI в. Ср. Виз. Врем. 1894, I, 180—207.

[7]) Напеч. Поповымъ, въ прилож. къ предъид. изд.

своемъ греческій источникъ и явившуюся гораздо ранѣе XIII в., и позднѣйшую, представляющую славянскую передѣлку и даже вѣроятно русскую (В. М. Истринъ [1]). Историческая Палея значительно сокращаетъ экзегетико-полемическій матеріалъ и пополняется историческимъ; но основа ея (въ греческомъ оригиналѣ) также библейская съ примѣсью апокрифовъ. Составители хронографовъ, какъ полагаютъ, пользовались Толковою и краткою, Историческою Палеею (Тихонравовъ, Ждановъ и др.). Но еще М. И. Сухомлиновъ посвятилъ цѣлую главу въ подтвержденіе значительнаго вліянія Толк. Палеи на древнюю русскую лѣтопись (стр. 54—64) и это мнѣніе поддерживалось другими излѣдователями (В. Успенскій, Ждановъ). Тихонравовъ, напротивъ, утверждалъ, что заимствованія эти идутъ не изъ Толковой, а изъ Исторической Палеи, отличной отъ Толковой. Наконецъ, недавно Истринъ снова подтвердилъ, что Несторъ (какъ лѣтописецъ) въ своихъ разсказахъ о столпотвореніи и объ Авраамѣ пользовался независимо отъ Толк. Палеи тѣми же источниками и главнымъ образомъ хроникою Іоанна Малалы [2]).

Древняя лѣтопись подвергалась изученію и съ точки зрѣнія религіозно-нравственныхъ вопросовъ, въ ней затронутыхъ [3]). Неоднократно

---

[1]) Востоковъ (Опис, рукоп. Рум. муз.); Горскій и Невоструевъ (Опис. рукоп. Синод библ.); Тихонравовъ (Р. Вѣст. 1862, № 1; Собр. сочин., т. I); Срезневскій (Свѣд. о малоизв. памят.); Толковая Палея, В. Успенскаго (Прав. Соб. 1876 и отд.); Палея, В. Успенскаго, рец. И. Н. Жданова (Унив. Изв. 1881, № 9, с. 235-258; № 10, с. 309—322); Крит. библ. замѣтка П. В. Владимірова (тамъ же, 1893, № 1, с. 1—15; по поводу означ. выше изданій Палеи); рец. на ист. рус. слов. Пыпина А. С. Архангельскаго (Ж. М. Н. Пр. 1898, № 9, с. 211—217); Матер. и зам. по старин. славян литер., М. Н. Соколова, вып., I, 1888; Общее обозр. состава, редакціи и литер. источниковъ Толковой Палеи, А. В. Михайлова (Варшав. Унив. Изв. 1895, №№ VII IX); Замѣчанія о составѣ Толковой Палеи, В. М. Истрина (Изв. Ак. Н. по отд. рус. яз. и словесн. 1897, кн. I, IV; 1898. кн. II; Арх. Изв 1897, №№ 7 и 8, с. 242 243: также Сборн. Ак. Наукъ, LXV. 1—156); Отчетъ В М. Истрина (Ж. М. Н. Пр. 1896, № 6, с. 67 и дал.), рец. на изд. Франкомъ сборн. апокрифовъ, Львовъ. 1896 (Ж. М. Н Пр. 1898, № 1, с. 119-128). Рус. Истор. Палея, Ф. А. Веревскаго (Фил. Зап. 1888, № 2, с. 1—18).

[2]) Арх. Извѣстія 1894, № 2, стр. 53; Изв. Ак. Н. по отд. рус. яз. и словесн. 1897, кн. I, стр. 175-209.

[3]) А. Клевановъ (О значеніи русской лѣтописи въ духовномъ развитіи народа, Чт. въ Общ. ист. и древ. рос. 1848, I, с. 1—66); Н. Я. Аристовъ (Взглядъ на церк. историч. содерж. русск. лѣт., Духъ христіанина 1861, окт.-ноябрь, кн. II и III; Обзоръ русск. лѣтописей въ содержаніи и характерѣ ихъ преимущественно церк. историческомъ, Прав. Соб. 1860, №№ 4, 5, 6; Взглядъ древнихъ рус. лѣт-цевъ на событія міра, тамъ же 1859, №№ 5 и 8 всѣ статьи вошли въ изд.

предметомъ изслѣдованія служилъ языкъ лѣтописи [1]). Географія „Начальной лѣтописи“ нашла прилежнаго изслѣдователя въ трудѣ Н. П. Барсова [2]). Библіографическому обзору литературы лѣтописи посвящены были труды А. И. Маркевича [3]), который, при обиліи фактическаго матеріала, страдаетъ нѣкоторою отрывочностію и эклектизмомъ, и А. С. Архангельскаго, монографія котораго даетъ обстоятельное систематическое изложеніе хода разработки русской лѣтописи и мнѣній представителей разныхъ школъ отъ Татищева до Погодина и Буткова включительно [4]). Въ двухъ позднѣйшихъ трудахъ

„Первыя времена христ-ва въ Россіи по церковно-историч. содерж. русскихъ лѣтописей, Спб. 1888).

[1]) Взглядъ на рос. лѣтописи въ филол. отношеніи, Ѳ. Косцѣша (В. Евр. 1830, № 8, с. 285—292); Литер. привязки, G. C, по нов. предъид. статьи (тамъ же, №№ 13, 19—20, 21—22); Замѣч. на литер. привязки, Ѳ. Косцѣша (тамъ же, №№ 15—16, с. 305—311). Въ 1849 г. было удостоено Петерб. ун. соч. студ. Н. И. Карелкина. „Разсмотрѣніе языка лѣт. Нестора въ отнош. фонетич., этимол. и синтакс., съ обращеніемъ вниманія на смѣшеніе въ немъ элементовъ языка старо-славян. церковнаго и русскаго народнаго и на особен. этого послѣдняго“. Соч. это было признано въ свое время чрезвычайно замѣчательнымъ опытомъ разбора древняго памятника русской письменности и сопровождалось этимологическимъ словаремъ лѣтописи, который, по обработкѣ его, предполагала издать Акад. Наукъ (Спб. унив. Григорьева, с. xliv; Сухомлиновъ, 230, подробнѣе—Сбор. сочин. студ. Спб. унив., 353—354). О трудѣ Миклошича (Ueber die Sprache der ältesten russischen Chronisten, vorzüglich Nestor's, Wien 1855), см. выше (стр. 377, прим.), а также въ трудахъ Потебни (Рус. Фил. Вѣст.), Колосова (Очеркъ исторіи звуковъ и формъ рус. языка съ XI—XV стол.. Варш. 1872), А. И. Соболевскаго; Матер. для археол. слав. (Тр. М. арх. общ., т. VIII); Словарь И. И. Срезневскаго и др. Въ послѣднее время появились спеціальныя изслѣдованія по тому же предмету (Е. Будде, Изъ занятій по языку Лавр. списка Нач. лѣтописи, Филол. Зап. 1889, в. 1; 1891 вып. 3; Н. П. Некрасовъ, Замѣтки о языкѣ Пов. времен. лѣтъ по Лавр. сп. лѣтописи. Спб. 1897, изъ Изв. Ак. Н. по отд. яз.). Замѣч. Петровскаго на соч. Некрасова (Рус. Фил. Вѣст. 1897, №№ 3—4); По поводу замѣч. Петровскаго, Н. Некрасова (Изв. Ак. Наукъ 1898, кн. III, 358—373). Галицкій ученый Огоновскій полагалъ, что такъ наз. лѣт. Нестора и Слово о полку Игоревѣ написаны на малорос. языкѣ (ср. рец. В. Макушева, Ж. М. Н. Пр. 1881, № 5, 127—163, O przyimkach w językach starostow rusk. i polsk.).

[2]) Очерки русской исторической географіи. Варш. 1873, 2-изд. 1885; ср. Замѣтки по геогр. древ. Руси, по нов. соч. Барсова, Л. Майкова, Спб. 1874 (изъ Ж. М. Н. Пр., № 8); рец. Е. Е. Замысловскаго (ibid. 1875, № 2); А. И. Соболевскаго (ib. 1885, № 4; отвѣтъ, ib. № 7).

[3]) О лѣтописяхъ. Изъ лекцій по рус. исторіографіи. Од. 1883, 188 стр.

[4]) Первые труды по изуч. начальной русской лѣтописи (до начала изд. Полн. Собр. рус. лѣт.), Казань 1886, 62 стр. (изъ Уч. Зап. Казан. унив.). Общій обзоръ вопроса о лѣтописи см. въ лекціи П. В. Голубовскаго: „Очеркъ исторіи постепен. появл. главнѣйшихъ вопросовъ по разработкѣ лѣтописей“ (Унив. Изв. 1886, № 10, с. 201—212); ср. его же: „О началѣ русской письменности“ (ibid. 1895, № 11, с. 21—32).

по „исторіи русской словесности“ вопросъ о древней лѣтописи ставится различно: И. Я. Порфирьевъ считаетъ основу лѣтописи принадлежащею Нестору (по 1110 г.), Сильвестра же списателемъ и дополнителемъ или редакторомъ лѣтописи, а также продолжателемъ труда Нестора. Другой —А. Н. Пыпинъ даетъ сводъ мнѣній обоихъ противоположныхъ направленій, не предрѣшая вопроса о принадлежности лѣтописи опредѣленному лицу, но отводя ей высокое мѣсто, какъ литературному памятнику (I, 284—297).

Литература вопросовъ, кас. лѣтописи. Географическія свѣдѣнія въ древней Россіи, IX—XV в., И. Д. Бѣляева (Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. VI, 1852); О сѣверныхъ берегахъ Чернаго м. до водвор. въ этомъ краѣ монголовъ, И. Бѣляева (Зап. Одес. Общ. ист., III 1—47); О мѣстоположеніи древняго города Пересѣчена, Н. Надеждина (ib., 243—257); Anonymus Tauricus, по нов. соч. П. Ламбина: Опытъ возстановл. и объясн. Нестор. лѣт. А. Куника (XIV присужд. Уваров. наградъ, 106—110); О Бѣлобережьѣ и 7 островахъ, на которыхъ жили, по словамъ Димешки, Руссы-разбойники, А. Д. Черткова (Ж. М. Н. Пр., ч. XLVII); Объ островѣ Эѳерія, В. Латышева (ів. 1899 № 5); ср. у Бруна (т. I, 14—32); Остр. Хортица. (тамъ же, II, 363—79); Замѣчанія на соч. Д. Хвольсона о Волжской Руси, А. Куника (Зап. Ак. Н. 1871, II, 152—154); о томъ же, М. П. Погодина (тамъ же, 137—150); О времени и причинахъ пересел. славянъ на бер. Волхова, М. Каченовскаго (Уч. Зап. Моск. ун., III); Рѣшеніе публичной задачи Моск. унив. о томъ, когда славяне переселились въ Россію и кого лѣт. Несторъ наз. Волохами, Спб. 1806; О Волохахъ, Нестора, изъ Шафарика, II. Прейса (Ж. М. Н. Пр., ч. XIV); Объ Обрахъ, Ю. И. Венелина (Чтен. въ Общ. ист., годъ 3-й, № 3-й); Критико-историч. замѣчанія и догадки о народѣ Голядѣ, Н. Ѳ. Андреева (Тульск. Губ. Вѣд. 1856, №№ 22, 23, 26—28); W. Tomaschek, Die alten Thraker, eine ethnolog. Untersuchung (Sitzenber. de phil. hist. Classe d. k. Acad. der Wissensch. in Wien. T. CXXVIII, S. 130; CXXX, S. 70; CXXXI, S. 103); Имя Русь въ географическомъ отношеніи. П. А. Муханова (Труды и Лѣт. Общ. исторіи, ч. IV, кн. I); О Руссахъ 886 г., Ѳедотова-Чеховскаго (ibid., ч. V); О полянахъ и о Кіевѣ, Н. Буткова; (Сѣв. Арх. 1824, № 3); О Кіевѣ и Кіевцѣ, И. Липранди (С. Отеч. 1831, ч. CXLIII); Сочин. М. А. Максимовича (т. I: о землѣ Кіевской и Волынской; о еп. Переяславской; Переясл. отрокъ Янъ Усмошвецъ; В. кн. кіев. Святославъ Яр-чъ; т. II: о Кіевѣ и его урочищѣ, Копыревомъ концѣ, церк. св. Андрея, Соф. соб., м. св. Георгія, Выдуб. мон. и др.; о Звенигородѣ кіевскомъ и Перея-

славлѣ; о нѣк. лѣтописн. назв. мѣстностей; о городахъ: Устьѣ, Степанѣ, Пересопницѣ, Дубровицахъ и др.; о древнемъ валѣ, быв. еще при Владимірѣ; о фофудіяхъ); Объяснит. параграфы о Кіевѣ Максимовича, замѣч. свящ. А. Иванцова-Платонова (Вѣст. Зап. Рос. 1868, № 12); О древнихъ мѣстахъ и урочищахъ кіевскихъ, упом. въ лѣтописи (Кіев. Губ. вѣд. 1855, №№ 23 и 24; Памят. кн. Кіев. Губ. на 1857 и 1858 гг.); Бѣлгородка—о древн. этого села (Кіев. Г. Вѣд. 1859, № 33); Село Предславино на р. Лыбеди (№ 6); Бѣлгородка и найденный въ ней змѣевикъ, съ рисунк., И. П. Хрущова (Чтен. въ Истор. Общ. Нестора лѣт., I, 262—264; отчетъ о поѣздкѣ въ Б. съ археол. цѣлью, с. 302—303); О мѣстополож. древ. кіев. Звенигорода (съ картою), В. Б. Антоновича (ibid. 37—43); Какая мѣстн. въ древности называлась Олеговой могилой П. Г. Лебединцева (ibid., 22—27); Дмитріевскій мон., устроен. въ Кіевѣ в. кн. Изяславомъ Яр., его судьба и мѣстность (ib., 28—36); О мѣстопол. древн. кіев. гор. Торческа, П. Г. Лебединцева (ibid., II, 46—48); Св. Владиміръ—строитель городовъ, М. Н. Бережкова (69—91); О церкви и иконѣ св. Богородицы „Пирогощи", И. Малышевскаго (ib., V, 113—133); Замокъ кн. Симеона Олельк. и лѣтопис. Городецъ подъ Кіевомъ, В. З. Завитневича (134—141) О лѣтописной Нѣжатиной нивѣ, М. И. Лилеева (кн. XIII, 113—114); О мѣстопол. лѣтоп. г. Шумска, В. Б. Антоновича (ib., 166—167); Къ вопросу о происхожденіи названія и о мѣстоположеніи кіев. церкви св. Богородицы Пирогощей, В. Завитневича (Тр. Кіев. Дух. акад. 1891, № 1, с. 156—164); Замокъ кн. Симеона Олельковича и лѣтописный Городокъ подъ Кіевомъ, В. Гошкевича (ib. 1890, № 2, 228—54); Историко-топогр. очеркъ древняго Кіева, Н. И. Петрова (ib. 1896, №№ 5, 6, 7; 1897, №№ 4, 7); Ист. топогр. изыск. и замѣтки и древнемъ Кіевѣ, С. Т. Голубева (ib. 1899, № 12, 574—599); Древнѣйшее араб. изв. о Кіевѣ, А. Я. Гаркави (Труды III-го Арх. с., I, 345—352); О св. Софіи Кіевской, П. Г. Лебединцева (I, 53—93; ср. о фрескахъ К. Соф. соб., П. В. Павлова, 283—287); О золотыхъ воротахъ въ Кіевѣ, В. А. Толстого (II, 323—325); Кіево-кирил. Троиц. церковь, В. Г. Антонова (1—12); О происх. назв. Лядскихъ воротъ въ Кіевѣ, П. О. Юрченка (59—61); Къ ист. Кіев. золотыхъ воротъ, Сапожникова (Кіев. Стар. 1886, № 5, с. 163—168); Давыдова боженка, изъ лѣтоп. топографіи Кіев. полѣсья, М. Андріевскаго, съ план. (1885, № 6, 184—204); Лѣтописный Юрьевъ на Роси, топогр. разыск., съ прилож. карты, его же (1883 № 9—10, с. 1-38); Перепетово поле, разыск. въ обл. лѣтоп. топогр., его же, съ картой (1882, № 9, с. 436—56; Десятин. церковь, съ рис. (1888, № 7, с. 3—8); Зам. къ историч. геогр. южнорус. степей, Пл. Бурачкова (1886, № 4, с. 659—83); отв. Бурачкову, П. Голубовскаго (1886, № 5, с. 168—173); Давно-забытая древнѣй-

шая кіев. святыня (1884, № 11, с. 534—541); Искоросгь—древ. Коростень или Скоростень (1882, № 6, с. 546—48); Церковь св. Василія въ Кіевѣ, *П. Г.* (1888, № 7, с. 1—2); Спасъ на Берестовѣ, *П. Г.* (№ 7, с. 8—11); Еще одна изъ древн. церквей въ Кіевѣ, *П. Л—въ* (1887, № 12, с. 779—82); О дворцахъ княжескихъ, бывшихъ въ Кіевѣ и упомин. въ лѣтописяхъ (Кіев. Губ. Вѣд. 1855, № 33; Пам. кн. Кіев. Губ. на 1856); Замѣч. объ Олеговой могилѣ по Арханг. лѣт. (Лѣт. зан. Арх. ком., в. III, проток. с. 38—40); О мѣдныхъ капищахъ и мѣдныхъ коняхъ, упом. въ лѣт. Нестора Н. Полевого (Отеч. Зап. 1823, ч. XVI, 52—72, 198—233); Опытъ о идолахъ, Владиміромъ въ Кіевѣ поставленныхъ, С. Руссова (С. Отеч. 1824, № 50—не важна); По вопросу объ уничт. Ярославова вала, В. Б. Антоновича (Чт. въ Общ. Нестора, X, 52—70, съ картою); лѣтопись раскопокъ (Чтен. въ общ. Нест. лѣт. и Кіевъ Стар.); О городахъ и селеніяхъ Черниrов. губ., упомин. въ Несторов. лѣт., какъ они слѣдуютъ въ ней по порядку годовъ, М. Маркова (Період. Собр. Мин. нар. просв., № 40). Отчего происходитъ назв. Чернигова, П. Ефименка (Черн. Листокъ 1863, № 8); Города на Руси до монголовъ, И. Бѣляева (Ж. М. Н. Пр., ч. LVII); Звенигородъ галицкій, М. Грушевскаго (Зап. Общ. Шевченка 1899, т. V и VI, 1—28); Крат. истор. описан. древ. Саркела или нынѣ Бѣлгорода, изъ историч свид. и древ. мѣстн. пред., собр. Алекс. Анненковымъ, изд. 2-е, Кур. 1853 (ср. Отеч. Зап. 1853, № 5); Изслѣдованіе баннаго строенія, о которомъ повѣствуетъ лѣт-цъ Несторъ, Спб. 1809— И. Д. Мартоса (объ авторѣ см. въ Чт. Общ. Нест. лѣт., кн. X); споръ его съ Каченовскимъ (В. Евр. 1810, №№ 18, 23; др. замѣч. 1810, № 22; 1811, № 1; 1812, № 1); Еще нѣск. словъ о бан. строеніи, М. Каченовскаго (1812, № 17).

Несторъ и Карамзинъ. Опытъ обстоят. уясн. нѣк. данныхъ въ ист. госуд. Рос. (критика толков. и излож. Карамзинымъ лѣтоп. данныхъ), переводъ изъ „Studien" 1830, изд. Эверсомъ,—Неймана (Архивъ ист. юр. свѣд. о Россіи, изд. Н. Калачова, кн. I, 1—46; III, 1—55); Пятидесятилѣтіе научной разработки славян. источниковъ для біогр. Кирилла и Меѳ. (1843—94), Андр. Петрова, М. 1894 (изъ Чт. въ Общ. люб. дух. просв.; рец. въ Ж. М. Н. Пр. 1894, № 10, с. 428)—обзоръ критики первоисточ. отъ времени Горскаго; Спорные вопросы миссіон. дѣят. св. Кирилла Философа на Востокѣ, А. Н. Петрова, Од. 1894; Сумнительства, кас. до рос. исторіи (Геснера и др.)—о хронол. лѣт., о церем. виз. двора, объ Ольгѣ и т. п. (Ежем. Сочин. 1755, май, с. 394—403); о русахъ по житію Г. Амастрійскаго, объ источн., кас. Аскольда, о рѣчахъ Фотія и т. п., А. Куника (Bullet. hist. phil., T. III; Mél. russes, t. I); Разыск. о приш. Рюрика въ Ладогу, К. Калайдовича (Зап. и Тр. Общ. ист., кн. I); Что побудило Олега перенести столицу изъ Новгорода въ Кіевъ, *А. Л.* (В. Европы

1825, № 9); О приближеніи Олегова флота къ стѣнамъ Константинополя по сухому пути, *А. Л.* (ib., 1825, № 9); Историч. розыск. о врем. крещ. в. кн. Ольги (lat. et. rus), Евг. Булгара, изд. А. Мусинымъ-Пушкинымъ), Спб. 1792; о времени крещ. Ольги въ изслѣд. Тунмана, см. О трудахъ Шлецера и Тунмана для русской исторіи (В. Евр. 1825, № 18); Сказаніе Пов. времен. лѣтъ—о мести Ольги Древлянамъ, *И. Ч-на* (Филол. Зап., 1878, VI); Ист. изслѣд. о войнѣ в. кн. Святослава съ греками, Н. Брусилова (Спб. Вѣст. 1812, № 3); Замѣч. о двухъ маловажныхъ историч. ошибкахъ, его же (объясн. лѣтопис. свид. о Свѣнельдѣ и пох. Владиміра на Рогволода, В. Евр. 1810, № 20); О главной цѣли похода Владимірова подъ Корсунь, Ив. Кожина (цѣль похода—требованіе руки ц-ны Анны, тамъ же, 1827 № 13); Смѣлая догадка, *О.* (ib. 1805, № 10, дѣйствительно смѣлая; мысль о крещеніи приписывается греческой монахинѣ, наложницѣ брата Владиміра, сочинившей драму для представленія предъ нимъ; драма эта выборъ вѣръ, не понятая лѣтописцемъ); Объ испытаніи вѣръ Владиміромъ св., І. Берхина (К. Стар. 1884, № 12; ср. легенду о крещ. Руси въ сборн. Регеля и зам. о ней, тамъ же, 1892, № 8, с. 282); Два съѣзда князей или конецъ XI стол. въ Рос., по лѣт. Нестора и др., Н. Арцыбышева (В. Евр. 1823, № 12); Ярославъ, его же (М. Вѣстн. 1827, ч. VI, № 21, 24); Изяславъ II, вел. кн. или средина XII стол. въ Россіи, его же (ib. 1824, №№ 14--21); Уничт. Кіева и мятежи владимірскіе, его же (1825, №№ 14, 15, 17); О войнѣ вел. кн. Святополка съ половец. княз. Тугорканомъ 1096, *П. Б.* (С. Отеч. 1836, ч. CLXVIII); о шелудивомъ Бонякѣ (К. Стар. 1891, № 8, с. 299 и д.); объ обычаѣ постригъ—у казаковъ (Соч. Максимовича III, 384; ср. К. Стар. 1895, № 10, с. 119; о постригахъ и обрѣз. бороды какъ остаткахъ язычества, Gregorovius, I, 196—197,283); Объ обычаяхъ у славянъ при рожд. дитяти до его возмужалости, А. А. Котляревскаго. (Чт. въ Общ. Нестора, I, 290—292); Умык. дѣвицъ, сохран. въ Перемышл. еп. въ XVI в. (Кіев. Стар., 1895, № 9, с. 215); О происхожденіи сказанія о новгород. баняхъ, А. А. Котляревскаго (Чт. въ Общ. Нест. л., I, 288—290); ср. замѣч. о баняхъ у славянъ въ рец. Готвальда на изд. Хвольсона о руссахъ и славянахъ (XIII присужд. Уваров. нагр., 383—384); о распростран. бань съ сѣвера (Сборн. Вост. Обозр. 1886, I, 180).

Объясн. нѣкоторыхъ мѣстъ Нест. лѣт. въ разсужденіи вопр. о происхожденіи древнихъ Руссовъ, Г. Розенкампфа (Труды и Лѣт. Общ. ист., т. IV, кн. 1, 139—166 г.; Отеч. Зап. 1827, ч. XXIX, 300—321); О словѣ Русь, А. Ѳедотова-Чеховскаго (Р. Ист. сборн., I); Ueber die Sprache der Russen im IX und X Jahrhundert (Forschungen v. Phil. Krug, II, 239—284); Abstammung und Erklärung einiger russischen Wörter in Nestors Chronik und Jaroslavs Gesetzen—князь, пѣнязь, дума, ябетникъ (Forschungen in der älteren Gesch. Russlands, v. Phil. Krug., II, 285—314);

Ueber den Ursprung der Namen Russen und Varäger—у Нестора,, (I, 157—238); Welchem Völke giebt Nestor den Namen Корлязи? (ib., I, 143—156); изъсн. двухъ мѣстъ въ Нест. лѣт., М. Погодина (Русь и Руска земля, Тр. и Зап. общ. ист., ч. III, кн. I, 89—99); „И пояша по себѣ всю Русь",—все русскихъ, И. Кожина (В. Евр. 1827, № 11, с. 222—27); Замѣч. на нѣк. мѣста въ Несторѣ, М. Погодина (1824. №№ 6, 9, 10, 11,—о Варягахъ, Руси, Варяжскомъ морѣ); Объясн. одного мѣста въ лѣт. Нестора, Д. Дубенскаго (Атеней 1828, № 6, с. 142—146); Древнія и новыя божбы, клятвы и присяги русскія, М. Н. Макарова (Тр. и Лѣт. Общ. ист., IV, кн. I, с. 184—218); Нѣсколько замѣчаній для издателей рус. лѣтописей, кн. М. А. Оболенскаго (Сборникъ кн. Об-го, № 11, 1840, 1—51, объясн. именъ, словъ и терминовъ на перв. стран. древн. лѣтописи). Дополн. къ статьѣ: что значитъ въ Несторовой лѣт. „и поидоша изъ Нѣмецъ" или нѣск. словъ о Варяжской Руси, Святнаго, Рев. 1844; О словѣ „ключъ" въ Нестор. лѣтописи, Г. Кульжинскаго (Кіев. Губ. Вѣд. 1857, № 39); о двухъ словахъ лѣтописи (по нов. толковъ о древ. рус. женщинѣ, Молва 1857, № 2); Объясненіе и исправленіе нѣкоторыхъ темныхъ и испорченныхъ мѣстъ древнѣйшей русской лѣт., А. К. Эрбена (Зап. Акад. Н., т. XVI, кн. 2, 1870, с. 117—130; также Сборн. Ак. Н., т. VII, 1—16); Н. П. Ламбинъ (см. выше, стр. 387); О слѣнотѣ Якуна и его златотканной лудѣ, его же (Ж. М. Н. Пр., ч. XCVIII); о наузахъ—чешск. navusi (О современ. задачахъ изуч. древ. рус. литер., И. Некрасова, Од. 1869, с. 11); Смыслъ словъ въ договорѣ Святослава „и да будемъ колоти яко золоти" *И. Ч-на* (Фил. Записки 1879, I); Рѣшеніе одного лѣтописнаго вопроса, И. Д. Четыркина (1880, I); Двѣ лѣт. замѣтки: какъ читать мѣсто въ лѣт. по Лавр. сп. „но ли или убиша"; Невѣрность исправл. текста С. М. Соловьевымъ и Археогр. ком., его же (ib., V—VI); объ идолахъ (1881, II); О клятвѣ обруч. въ догов. Игоря, В. З. Завитневича (Чтен. въ Общ. Нест. II с. 262—63); Нѣсколько мѣстъ Начальной лѣт., А. И. Соболевскаго (V, 1—10, племен. назв., варіанты словъ, объясн. текста; тоже, (т. VIII, 3—10); Uwagi nad tlumaczeniem latopisu Nestora prz. Bielowskiego i Wagilewicza. Prz. P. Stachurskiego, Lwów 1869; Объ именахъ у славяно-руссовъ, м. Евгенія (Тр. и Лѣт., т. III, кн. I, 65—76); Замѣч. о личныхъ именахъ въ древ. рус. исторіи, А. Куника (Зап. Ак. Н., т. III и IV); Славянскій именословъ или собр. славянскихъ личныхъ именъ въ алфавит. порядкѣ, М. Морошкина, Спб. 1867, 108+213 (рец. И. Срезневскаго въ VI присужд. Увар. наградъ); Н. Туниковъ, Зам. къ ист. древне-русскихъ личныхъ именъ, I—VIII, Спб., 1892; Fragmente einer russ. Chronologie (Krug, II, 713–722, годы 842—1093); Хронологія войны Святослава съ болгарами и греками (Куникъ, Ал-Бекри, 72—74); О годѣ смерти Святослава, хронол. разыск. Н. Ламбина, А.

Куника, В. Васильевскаго (Зап. Акад. Наукъ., XXVI, 1876); Хронологич. указатель древ. рус. исторіи, М. Погодина, ст. 2, 3 и 4-я (Уч. Зап. Ак. Н. по 2 отд., кн. VII, с. 45—150, обним. 1078—1139 г.; первая статья, отпечат. для Учен. Зап., сохранилась только въ нѣк. отд. оттиск. Хрон. указ., см. указаніе въ слѣд. статьѣ); Извѣстны ли намъ годъ и день смерти в. кн. Ярослава Влад.? А. Куника, изд. Арх. ком., Спб. 1896, стр.1—28, объясн. лѣтоп. данныхъ; Хронологическая таблица, А. Куника, 842—1795, дан. визант. и рус. ист. (Уч. Зап. Ак. Н. по 1 и 3. отд., II, 801—824); Справочная книга для занят. удѣльнымъ пер. рус. исторіи, 1015—1238, Д. Сонцова, М. 1869, 42 стр. и 3 таблицы. Былъ ли Несторъ лѣт-цъ полякъ и уніатъ (Вѣст. Ю. З. Россіи 1862, № 3, стр. 158—175); Staromiejskie. Ziemia i ludność, oprac. Zofia Strzetelska Grynbergowa, Lw. 1899 (поляне—поляки); крит. замѣт. (Зап. тов. Шевченка, XXXIV, 38—46). Труды по исторіи языка, Словари Акад. наукъ, Востокова, Срезневскаго, геогр. словари Н. Барсова, Я. Головацкаго и т. п., указатели къ изданіямъ лѣтописей, къ трудамъ Карамзина, Соловьева, и др. справочныя изданія.

XV.

Въ послѣднее время вопросъ о древней, начальной лѣтописи вступилъ въ новый фазисъ. Она снова стала привлекать вниманіе и русскихъ, и иностранныхъ ученыхъ. Въ 1896 г. появилась небольшая работа D-г. Ст. Сркуля [1]), касающаяся вопроса о древней русской лѣтописи въ его общей постановкѣ (происхожденіе лѣтописи, источники ея, объ авторѣ лѣт.). Srkulj цѣликомъ пользуется данными и выводами русской литературы (Срезневскій, Погодинъ, Сухомлиновъ, Бестужевъ-Рюминъ, Голубинскій, Костомаровъ, Билярскій). Онъ имѣлъ подъ руками изданія лѣтописи Арх. ком., Миклошича, Леже; жж. Θеодосія и Бориса и Глѣба въ изданіяхъ Срезневскаго и Бодянскаго; а руководящими указаніями въ основной точкѣ зрѣнія служилъ этюдъ его наставника [2]). Въ указаніи письменныхъ источ-

---

[1]) Die Entstehung der ältesten russischen sogenannten Nestorchronik mit besonderer Rücksicht auf Svjatoslav's Zug nach der Balkanhalbinsel. Literar-historische Studie. Požega, 1—33, 34—57. Сочин. посв. Максу Бюдингеру, члену Вѣн. ак. наукъ. Въ Лѣтописи, изд. Словенской матицей (1881 г.), была также статья о Несторѣ (Унив. Изв. 1886, № 2: Словен. мат. и ея изданія, Т. Д. Флоринскаго, стр. 15).

[2]) Büdinger, Nachrichten zur österreichischen Geschichte in den altruss. Jahrbüchern (Jahrb. für vaterländische Geschichte, Wien, 1860).

никовъ лѣтописи авторъ слѣдуетъ вполнѣ Сухомлинову; въ начальныхъ преданіяхъ видитъ варяжскія легенды; въ сказаніи Василія отрицаетъ вставку; въ краткихъ записяхъ онъ видитъ современныя извѣстія и самое возникновеніе ихъ относитъ къ утвержденію Олега въ Кіевѣ (882), допуская веденіе ихъ норманнами (шведами, быть можетъ записанныя рунами) и затѣмъ переводъ ихъ на славянскій языкъ. Вслѣдъ за Бестужевымъ, онъ принимаетъ цѣлый рядъ мѣстныхъ записей (новгородскихъ, черниговскихъ и др.) и раннее возникновеніе лѣтописи въ Новгородѣ. Первоначальный сводъ, по его мнѣнію, оканчивается 1110 г., а лѣтопись стоитъ въ непосредственной связи съ Печерскимъ мон., монахъ котораго былъ и составителемъ свода. Разобравъ отношеніе лѣтописи къ жж., писаннымъ Несторомъ, онъ тѣмъ не менѣе полагаетъ, что наименѣе можно говорить объ авторствѣ Сильвестра и готовъ принять невозможное предположеніе Бюдингера, что быть можетъ подъ именемъ Василія (автора разсказа о Василькѣ) скрывается также Несторъ, названный такъ въ крещеніи. Незначительный по своимъ выводамъ трудъ Сркуля вызвалъ замѣчанія Е. Н. Щепкина[1]), болѣе важныя по собственнымъ заключеніямъ ихъ автора. Прежде всего онъ отмѣчаетъ тѣ мѣста въ лѣтописи, въ которыхъ ясно выступаетъ личность лѣтописца (1051, 1074, 1091, 1106, 1110, 1116). Принимая во вниманіе противорѣчія, существующія между ж. Ѳеодосія и лѣтописнымъ изложеніемъ о немъ, не допускающія видѣть въ нихъ одного и того же автора, онъ указываетъ однако на извѣстное сходство въ расположеніи матеріала въ этихъ памятникахъ и приходитъ къ выводу, что монахъ Печерскаго мон., написавшій разсказы подъ 1051 и 1074 г., слѣдовалъ плану, изложенному въ ж. Ѳеодосія; что же касается лѣтописнаго изложенія Борисѣ и Глѣбѣ (1015 и д.), то здѣсь источникомъ его, вѣроятно, служило сказаніе Іакова. Показаніе Поликарпа о лѣт. Несторѣ основывалось на ж. Антонія, послужившемъ источникомъ для писаній Симона и Поликарпа, но наполненномъ апокрифическими разсказами, притомъ житіе это авторъ относитъ къ болѣе позднему времени (2-й пол. XII в.). Допуская присутствіе въ разсказахъ подъ 1051 и 1074 гг. даже двухъ или трехъ авторовъ, никакъ нельзя видѣть въ нихъ Нестора, хотя во

---

[1]) Archiv f. slav. Philologie, B. XIX, 498—554; отзывы: А. А. Шахматова (Изв. Акад. Н. по отд. рус. яз. и словесн. 1898, кн. I, 116—140) и М. С. Грушевскаго (Зап. Тов. Шевченка, т XVII).

всякомъ случаѣ—они монахи Печерскаго мон. Въ остальныхъ мѣстахъ, указанныхъ выше, въ которыхъ проявляется личность лѣтописца, слѣдуетъ видѣть тѣхъ же монаховъ. Поэтому „Пов. врем. лѣтъ“ есть сводъ, составленный преимущественно на основаніи коллективнаго труда Печерской общины. Разсказы о чудесныхъ знаменіяхъ и небесныхъ явленіяхъ, въ которыхъ заявляетъ о себѣ лѣтописецъ, а также сообщеніе Гюряты Роговича, слышанное лѣтописцемъ (1096), и объ Югрѣ и Самояди (1114, Ипат. лѣт.), какъ и вставки изъ греческаго хронографа, по мнѣнію автора, могутъ быть приписаны одному писателю. При этомъ Е. Н. Щ-нъ высказываетъ мысль, что въ числѣ матеріаловъ у составителя свода была *лѣтопись Нестора*, до насъ не дошедшая, но онъ не входитъ въ болѣе близкое рѣшеніе этого вопроса; наконецъ, онъ полагаетъ, что сводъ въ настоящемъ видѣ (Пов. врем. лѣтъ) сложился ок. 1116 г. и быть можетъ по распоряженію игумена Сильвестра (прототипъ этотъ отразился въ Лавр. сп. и сходныхъ съ нимъ), между тѣмъ какъ подлинникъ, сохранившійся въ Печер. мон. (доведен. до 1118 г.), послужилъ основаніемъ Ипат. и др. списковъ. Въ авторѣ разсказа объ ослѣпленіи Василька—Василіѣ Е. Н. Щ-нъ склоняется признать посадника Василія, который называется намѣстникомъ Святополка въ описаніи войны его съ Давидомъ Игоревичемъ (годъ 1097).

Затѣмъ намъ остается еще обратиться къ цѣлому ряду изслѣдованій, посвященныхъ вопросу о древнѣйшей лѣтописи, А. А. Шахматова, который представляетъ, по выраженію автора, „все еще темную область“ [1]). Давно уже вопросъ о древней лѣтописи не подвергался такому всестороннему разбору, какъ въ этихъ послѣднихъ.

Выше намъ приходилось упоминать объ изслѣдованіяхъ автора, касающихся отношенія Начальной лѣтописи къ Печерскому патерику (см. выше, стр. 251—253), Печерской лѣтописи и вліянія ж. Антонія [2]) на лѣтопись и печерскія сказанія (см. 244—45). Еще раньше русскіе историки

[1]) Изв Ак. Наукъ по отд. рус. яз 1898, I, 116.

[2]) Въ замѣч. своихъ на статью Е. Н. Щепкина, А А. Шахматовъ вновь отстаиваетъ сравнительную древность послѣдняго („составленіе ж. Антонія принадлежитъ глубокой древности и можетъ быть даже относимо къ XI вѣку“) и значеніе его какъ источника Печерской лѣтописи (Изв. Ак. Н., 1898, I, 116—130; ср. Изв. Ак. Н., сер. 5-я, 1895, № 5, с. CLXXXVI). Еще въ 1842—43 г. доискивался и вѣрилъ въ существованіе ж. Антонія—И. П. Сахаровъ (Древ. и Н. Рос. 1880, I, сс. 275, 283, 518, 521, 526; ср. выше, стр. 355).

обращали вниманіе на ошибочность основной хронологической даты „Пов. временныхъ лѣтъ“ (см. выше стр. 353, 354 [1]). Одинъ изъ этюдовъ, посвященныхъ изученію древней лѣтописи, А. А. Шахматова, касается того же вопроса (см. выше, с. 97—98 [2]). Въ другомъ изслѣдованіи, посвященномъ хронологіи лѣтописи [3]), авторъ прежде всего ставитъ положеніе, что въ основаніи „Пов. врем. лѣтъ“ лежитъ древнѣйшій лѣтоп. сводъ, составленный во 2-й пол. XI стол. Въ части своей до 1074 г. включительно (быть можетъ не полной) этотъ сводъ сохранился въ спискахъ 2-й ред. Новгор. лѣт. (т. е. во всѣхъ сп. кромѣ Синод.), которая составлена была въ первой четв. XIV в. въ Новгородѣ на основаніи рукописи 1-й ред., для возстановленія утраченной ея части. Съ этой цѣлью 2-й редакторъ изложилъ древнѣйшія событія по найденному имъ лѣтоп. своду (не Новгородскому), сходному съ Пов. врем. лѣтъ. Сводъ этотъ (см. 2-е изд. Новгор. лѣт. Археогр. ком.) онъ называетъ Начальнымъ сводомъ, а Пов. врем. лѣтъ представляется лишь распространеніемъ послѣдняго. Въ свою очередь она была извѣстна въ 2-хъ ред. *Первая*, древнѣйшая, составленная въ 1116 г., сохранилась, хотя не въ первоначальномъ видѣ, въ спис. Лавр., Академ., Радзив. и съ позднѣйшими добавленіями въ Никон., т. е. въ тѣхъ сп., гдѣ находится запись игум. Сильвестра. *Вторая ред.* составлена на осн. первой въ 1118 г. и отличается отъ нея тѣмъ, что доводитъ разсказъ не до 1110 г., а до 1118 г. и, кромѣ того, существенными варіантами въ текстѣ. Къ ней относятся списки Ипат. и сходные съ нимъ, а также рядъ списковъ, соединенныхъ съ такъ наз. Соф. Временникомъ (позднѣйшимъ изводомъ 2-й ред. Новгор. 1-й лѣт.), списки Твер., Соф. 1-й, Новгор. 4-й, Воскрес. и др. лѣтописей. Списки 1-й ред. (Лавр. и сход.) и первой категоріи 2-й ред. (Ипат. и сход.) имѣютъ между собою ближайшее сходство, которое объясняется ихъ взаимнымъ вліяніемъ. Въ Лавр. и сход. спискахъ, вслѣдъ за Пов. врем. лѣтъ, помѣщена лѣтопись, въ составѣ которой отразились два источника—Сузд. и Кіевскій, а въ Ипат. и сходныхъ съ нимъ находится лѣтопись, составленная на основаніи тѣхъ же главныхъ

---

[1]) Также А. А. Куникъ (Хронол. ошибка Нестора вслѣдствіе неясности системы, Спб. 1864; Mél. russe, V, l. 1, p. 30); Ѳ. И. Успенскій (Ж. М Н. Пр. 1890 № 1, с. 30).

[2]) Ср. Изв Ак. Н. по отд. рус. языка 1898, IV, с. 1356—57.

[3]) Хронологія древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ (Ж. М. Н. Пр. 1897, № 4, с. 463—482)

источниковъ, но взаимное вліяніе ихъ отразилось не только на лѣтописномъ разсказѣ XII в., но и на предшествующей ему Пов. врем. лѣтъ. Соф. 1-й, Воскр. и сход. — списки 2-й ред., измѣнили много мѣстъ въ первонач. текстѣ подъ вліян. Соф. Врем., заключавшаго въ себѣ Нач. сводъ. Далѣе, авторъ опредѣляетъ хронологическіе источники Начальнаго свода, которыхъ считаетъ два: 1) русскія данныя о числѣ лѣтъ, сколько каждый изъ князей княжилъ и 2) греческую хронику Г. Амартола [1]). Представивъ же повѣрку хронологическихъ данныхъ, онъ приходитъ къ заключенію, что въ нашей древней исторіи до 945 г. достовѣрными могутъ быть признаны лишь слѣд. годы, занесенные въ лѣтопись: 901 (догов. Олега съ греками), 912 (2-й договоръ его же), 941 (походъ Игоря на грековъ), 945 (договоръ Игоря съ греками и смерть послѣдняго). Въ особомъ этюдѣ [2]) Ш-въ старается опредѣлить составъ и характеръ 2-й ред. Пов. врем. лѣтъ и въ связи съ этимъ обращается къ изслѣдованію Новгородскаго свода XIII в. и его видоизмѣненій въ разныхъ спискахъ (см. выше), причемъ отмѣчаетъ всю важность Никоновской лѣтописи, такъ какъ въ ней наиболѣе точно отразились не только тѣ статьи указаннаго извода, которыя заимствованы изъ 1-й Новгор. лѣт., но и тѣ, которыя попали въ Новгородскій изводъ изъ искомой 2-й ред. Пов. врем. лѣтъ, такъ что Ник. лѣт. оказывается наиболѣе цѣннымъ и лучшимъ источникомъ для знакомства съ этимъ памятникомъ древне-русскаго лѣтописанія. Путемъ заимствованій изъ Соф. Врем., одного изъ главныхъ ея источниковъ, въ ней отразились слѣд. первоисточники: 1) Новгор. 1-я лѣт. (Начальный сводъ), 2) Сузд. лѣтопись въ Сузд. сводѣ XIII в., 3) Южно-рус. лѣтопись, вошедшая вмѣстѣ съ Суздаль-

---

[1]) 2-й редакторъ исправлялъ хрон. 1-й ред. по лѣт. патр. Никифора и не былъ знакомъ съ хрон. Г. Амартола;но ему былъ извѣстенъ рядъ другихъ греческихъ сочиненій, отразившихся какъ на части съ 1111—1158, такъ и на предшетвующей. Такъ, ему были извѣстны соч. Меѳодія Пат., Ипполита папы рим., Епифанія Кипр. и какой-то греч. хронографъ (1114).

[2]) Древнѣйшія ред. Пов. врем. лѣтъ (Ж. М. Н. Пр. 1897, № 10, стр. 209—259). Замѣтимъ при этомъ, что авторъ выражаетъ свое полное сочувствіе положеніямъ, высказаннымъ въ книгѣ И. П. Филевича (Ист. древ. Руси, т. I, гл. 5-я, стр. 242—374), который указалъ на важность Новгор. свода XIII в. и Никон. лѣт. въ вопросѣ о возстановленіи Начальнаго свода древней лѣтописи. Авторъ послѣдняго труда отмѣчаетъ значеніе утвержденія Олега въ Кіевѣ для начала лѣтописанія и далѣе говоритъ: „древнѣйшій сводъ начинался сводомъ преданій, а за преданіями слѣдовали записи отдѣльныхъ фактовъ“ (365, 367, 372).

скою лѣт. въ составъ Сузд. свода XIII в., и въ которой находилась та особая редакція Пов. врем. лѣтъ, которая называется 2-ю редакціею. Въ другомъ мѣстѣ [1]) А. А. Ш-въ указываетъ еще на важность Архангелогородскаго лѣтописца (неисправ. изд. 1781, 1819 гг.), какъ представляющаго въ себѣ сокращеніе какого-то лѣтописнаго свода, отразившаго въ древнѣйшей своей части вліяніе двухъ источниковъ—Пов. врем. лѣтъ и Нач. свода, находившагося въ какомъ ниб. изъ позднѣйшихъ сводовъ, причемъ лѣтописныя статьи Нач. свода передаются здѣсь въ болѣе древней и *полной* редакціи, чѣмъ та которая даетъ себя чувствовать въ Соф. Временникѣ. Поэтому Арханг. лѣт-цъ представляется весьма важнымъ источникомъ при изслѣдованіи нашего лѣтописанія. Изслѣдователь старается намѣтить здѣсь возможный составъ Нач. свода и отношеніе его къ Пов. врем. лѣтъ. По его предположенію, въ первомъ изъ нихъ не было мѣстъ, взятыхъ изъ Г. Амартола, договоровъ съ греками, преданія объ обрахъ, объ обычаяхъ славянскихъ племенъ, населявшихъ Россію, объ ап. Андреѣ, сказанія о Кириллѣ и Меѳодіѣ и тѣсно связаннаго съ нимъ извѣстія объ уграхъ: эпизода о мести Ольги—сожженія города древлянъ посредствомъ воробьевъ; разсказа о Кожемякѣ (992); эпизода о бѣлгородскомъ киселѣ (997); извѣстія же о походахъ Олега (на древлянъ, сѣверянъ, радимичей) 883—85 л. находились подъ 884 г. и приписывались Игорю. Кромѣ того, онъ дѣлаетъ поправки и дополненія въ Нач. сводѣ на основаніи Арханг. лѣтописца; а въ числѣ русскихъ источниковъ считаетъ Сказаніе о началѣ Руси, быть можетъ доходившее до княженія Владиміра, въ которомъ вѣроятно находились данныя о числѣ лѣтъ княж. Игоря, Святослава, Ярополка и т. д. Составитель свода размѣстилъ это сказаніе въ хронологическую сѣть, имъ составленную. При этомъ, въ числѣ источниковъ Нач. свода, указываются лѣтописныя записи новгородскаго происхожденія (стр. 37—58 [2]).

---

[1]) О начальномъ Кіевскомъ лѣтоп. сводѣ (Чтенія въ Общ. ист. 1897 и отд., 1—58 стр.; ср. также Изв. Ак. Наукъ 1898, I, 129—130; IV, 1358—59). Замѣч. И. А. Тихомирова (Ж. Н. М. Пр. 1897, № 12, с. 488—499; ср. Кіев. Стар. 1898, № 1, с. 22—34).

[2]) Въ связи съ процессомъ составленія лѣтоп. свода XII в. отмѣтимъ, что, по мнѣнію автора, составителю 2-й ред. Пов. (1118 г.) была доступна великокняж. казна, изъ которой онъ взялъ для своего труда договоры съ греками и лѣтопись Владиміра Мон. (Поученіе), которую онъ и внесъ въ сокращеніи подъ 1096 г. лѣтописи.

Въ отдѣльной статьѣ [1]) А. А. Шахматовъ останавливается на возможныхъ источникахъ Начальнаго свода. Указавъ на независимость древнѣйшихъ хронологическихъ датъ (854, 920, 922) въ Новгор. 1-й лѣт. (по всѣмъ спис. кромѣ Синод.) отъ Пов. врем. лѣтъ (въ которой имъ соотвѣтствуютъ 866, 862, 907, 941) и въ извѣстіяхъ, относящихся какъ къ византійской исторіи, такъ и русскимъ событіямъ, оказывающимся въ болѣе распространенномъ видѣ въ Пов. врем. лѣтъ, а также обративъ вниманіе на существованіе въ ранній періодъ обширной исторической энциклопедіи, слѣды которой обнаруживаются въ нѣк., дошедшихъ до насъ рукописяхъ (Еллин. лѣтописецъ Троиц. Серг. лав. № 728=Унд. № 1), А. А. Шахматовъ дѣлаетъ слѣд. выводы. Еллинскій лѣт. возникшій въ Болгаріи и представлявшій своеобразную энциклопедію историческихъ знаній, сталъ извѣстенъ въ Россіи уже въ XI в. и въ томъ же вѣкѣ существовало на Руси своеобразное изложеніе библ. событій, отразившееся въ извѣстной рѣчи философа Владиміру. Въ XI в. возникъ Нач. сводъ, который, *въ 1-й своей ред.*, изъ греч. переводныхъ источниковъ, пользовался указаннымъ выше памятникомъ. Вскорѣ послѣ появленія Нач. свода возникла сокращ. ред. Еллин. лѣтописца, гдѣ главное мѣсто отводилось библ. книгамъ (протографъ сп. Троиц. и Унд.). Составитель этой редакціи прибавилъ въ концѣ своего труда два разсказа о русскихъ событіяхъ, извлеченныхъ изъ 1-й ред. Нач. свода. Сокращ. ред. Еллин. лѣт. вызвала пересмотръ Нач. свода: *во 2-ю ред.* его внесены изъ Еллин. лѣт. разсказы о столпотвореніи Вавилонскомъ и о несчастныхъ походахъ руссовъ; въ связи съ этимъ установлена хронологія древнѣйшихъ русскихъ событій, передававшихся въ первой ред. внѣ хронологической сѣти. Основнымъ источникомъ 1-й ред. Пов. врем. лѣтъ, составленной въ 1116 г. иг. Сильвестромъ, была эта самая 2-я ред. Нач. свода [2]). Наконецъ, въ другомъ мѣстѣ, авторъ касается возникновенія лѣтописнаго дѣла въ Новгородѣ, связывая его съ преданіемъ о лѣтописи еп. Іоакима и признаетъ вліяніе этой послѣдней (въ иномъ видѣ), какъ главнаго источника, на Пов. времен. лѣтъ [3]).

Этою же послѣднею онъ пользовался въ редакціи игум. Сильвестра (Арх. Изв. 1897, № 3, с. 88-89).

[1]) Начальный Кіевскій лѣтописный сводъ и его источники (Юбил. Сборн. въ честь В. Ѳ. Миллера, М. 1900, стр. 1—10).

[2]) Изв. Ак. Н., сер. V, 1898, № 4, стр. XXIII, XXXVI—XXXVII.

[3]) Общерус. лѣтопис. своды (Ж. М. Н. Пр. 1900, № 11, с. 183—193).

Въ такомъ видѣ представляются разныя стороны вопроса о древнѣйшей лѣтописи въ его позднѣйшей постановкѣ. Прибавимъ еще, что недавно появился трудъ Д. И. Абрамовича, посвященный изученію сочиненій, приписываемыхъ Нестору, въ которомъ авторъ имѣлъ въ виду прослѣдить исторію вопроса о происхожденіи Пов. врем. лѣтъ и отношеніе къ ней Нестора, какъ автора ж. Ѳеодосія Печ. и чтенія о Борисѣ и Глѣбѣ; указать составъ предполагаемой Несторовой лѣт. и отношеніе ея къ сказаніямъ Печер. патерика, а также подтвердить, что Пов. врем. лѣтъ есть лѣтописный сводъ, а Несторова лѣт.—одна изъ составныхъ частей этого свода. На основаніи же историко-литературныхъ данныхъ, которыми мы нынѣ располагаемъ, можно думать, что въ составъ предполагаемой Несторовой лѣтописи входили: Сказаніе, чего ради прозвася Печерскый мон-рь, Слово о первыхъ подвижникахъ печерскихъ (о Даміанѣ, Іереміи, Матѳеѣ и Исаакіи), Слово объ обрѣтеніи и перенесеніи мощей пр. Ѳеодосія и нѣсколько мелкихъ лѣтописныхъ замѣтокъ [1]). Разныхъ вопросовъ по древней русской лѣтописи, въ связи съ ея исторіей и литературой, касался еще М. С. Грушевскій [2])

XVI.

Итакъ несомнѣнно, что начальное лѣтописаніе въ Россіи было тѣсно связано съ судьбами Печерскаго монастыря въ Кіевѣ. Ему отводится значительное мѣсто въ дошедшихъ до насъ сводахъ и его лѣтопись (въ неполномъ видѣ) нашла мѣсто на страницахъ болѣе древнихъ изъ нихъ. Но есть основаніе полагать, что и первый сводъ лѣтописи въ ея настоящемъ смыслѣ получилъ начало въ этомъ монастырѣ. Если бы этотъ сводъ былъ составленъ въ Выдубецкомъ или другомъ монастырѣ, то имъ, конечно, отведено было бы болѣе выдающееся мѣсто въ трудѣ составителя. Но этого мы не видимъ.

Уже Миллеръ обратилъ вниманіе на то, что Сильвестръ монахомъ Печерскаго монастыря не былъ и потому не могъ быть авто-

[1]) Кіево-Печерскій патерикъ, какъ источникъ для изученія литературной дѣятельности преп. Нестора лѣтописца (отчетъ о рефератахъ, читан. на XI Арх. съѣздѣ въ Кіевѣ, Изв. Ак. Н. по отд. рус. яз. и слов., 1900, I, с. 329—330); Изслѣд. о Кіево-Печерскомъ патерикѣ, какъ историко-литер. памятникѣ (ibid., 1901, кн. III и IV).

[2]) История Україны-Руси, т. I, Льв. 1898, стр. 439-459 (съ библіогр. и главн. выводами); Несторъ і літопись, Л. 1898 (сборн. „Привітъ“ 1898).

ромъ извѣстной намъ лѣтописи [1]). Обстоятельство это на столько существенно, что и одинъ изъ позднѣйшихъ изслѣдователей допускаетъ авторство Сильвестра лишь подъ условіемъ, если онъ до своего игуменства въ Выдубецкомъ монастырѣ былъ печерскимъ монахомъ, хотя онъ и считаетъ его именно лѣтописцемъ [2]), какъ автора извѣстной приписки, притомъ въ болѣе опредѣленной формѣ, помѣщенной въ Никоновскомъ сводѣ [3]). Уже это обстоятельство показываетъ, что въ то время не стѣснялись въ измѣненіи такого текста, который долженъ былъ бы оставаться неприкосновеннымъ.

Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли, на основаніи той же приписки, считать Сильвестра только переписчикомъ или лѣтописцемъ такъ же старъ, какъ и вопросъ о происхожденіи самой лѣтописи. Повидимому Татищевъ изложилъ запись такъ, какъ самъ склоненъ былъ смотрѣть на роль Сильвестра; тѣмъ не менѣе одинъ изъ позднѣйшихъ толкователей лѣтописи поддерживаетъ это мнѣніе [4]). Карамзинъ, на основаніи *многихъ* приписокъ къ рукописямъ, принимаетъ выраженіе „написалъ" въ смыслѣ „списалъ" [5]). Этому же мнѣнію слѣдовалъ и Бутковъ [6]). Соловьевъ высказываетъ соображенія *за* и *противъ*, но го-

¹) Ежемѣс. Соч 1755, апрѣль, стр 287.

²) Голубинскій, Ист. рус. церкви, I, стр. 646—647; ср. т. II, 476. Печерскія сказанія не упоминаютъ о Сильвестрѣ (Яковлевъ, сс. хс, сxxix) въ перечнѣ монаховъ этого монастыря и лѣтопись не называетъ его таковымъ (Лавр. 278; Ипат. 206). Догадка, почему въ Печерскомъ мон. смѣшали Нестора и автора лѣтописи слишкомъ искусственна (Голубинскій, I, 646). Вообще, личныя заявленія лѣтописца болѣе всего связаны съ Печерскимъ мон. (204, 219, 224, 226, 230, 271, 272, 274).

³) Въ Лаврент. спискѣ послѣ 1110 г. находимъ слѣдующую запись: „Игуменъ Силивестръ св. Михаила написахъ книги си лѣтописець, надѣяся отъ Бога милость прияти при князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ в то время игуменящю у св. Михаила, въ 6624 (т. е. 1116), индикта 9 лѣта; а иже чтеть книги сия, то буди ми въ молитвахъ" (2-ое изд., стр. 274); а въ Никоновскомъ читаемъ ту же запись въ болѣе пространенномъ видѣ, съ заключеніемъ: „Писа же вся сія любве ради Г. Бога и преч. Богородицы и святыхъ его, и своего ради отечества русскія земли, во спасеніе и пользу всѣмъ" и т. д. Лѣтописецъ XV в. вспоминаетъ поэтому опять Сильвестра (V, 28). О передѣлкѣ записи (Голубинскій, I, 655). Въ сводѣ Татищева эта запись изложена такъ, какъ будто бы Сильвестръ записалъ только одно послѣднее извѣстіе о чудѣ (знаменіи), относящееся къ Печерскому мон. (II, 206).

⁴) Бѣлевскій (Monum. Polon., I, 531).

⁵) Исторія, II, пр. 213; ср. 215, 225.

⁶) Оборона лѣтописи, 393—395.

товъ удержать и авторство Нестора, какъ болѣе древняго лѣтописца, предшествовавшаго Сильвестру [1].

Мы не станемъ утверждать, что Сильвестръ, по своему сану и положенію, не могъ быть переписчикомъ хотя бы такого важнаго произведенія, какъ лѣтопись [2]. Но есть одна запись весьма любопытная въ этомъ отношеніи, въ которой упоминается названный выше терминъ въ двоякомъ видѣ и даетъ болѣе опредѣленный смыслъ выраженію Сильвестра, тѣмъ болѣе заслуживающій вниманія, что онъ относится къ книгѣ, которая не могла быть предметомъ авторскаго труда [3]. Напомнимъ, что въ Новгород. лѣтописи (1-ой) замѣна одного имени другимъ сдѣлана еще въ болѣе простомъ видѣ: а именно въ Синод. сп. читаемъ: „и мнѣ грѣшному Тимоѳею пономарю“, а въ сп. Толстовскомъ и Академич. сп.—„и мнѣ грѣшному Іоанну попови“, создавшая также вопросъ объ авторѣ этой лѣтописи (см. ниже); но Срезневскій прибавляетъ даже: „и пономарь Тимоѳей, и попъ Іоаннъ, каждый самъ за себя могъ поставить свое имя не только какъ лѣтописецъ, но и какъ простой переписчикъ лѣтописи, вмѣсто другого имени, прежде тутъ стоявшаго“ [4]. Приписка монаха Лаврентія въ концѣ списка лѣтописи, названнаго его именемъ (изд. 2-ое, 463—464), по своей формѣ и смыслу, въ сущности тождественна съ припискою Сильвестра и однако Лаврентій не считается лѣтописцемъ въ смыслѣ составителя всей лѣтописи. И въ западной исторіографіи встрѣчаются примѣры (напр. въ Ливонской стихотворной хроникѣ XIII в.),

---

[1]) Исторія, III, 134—136, 141; прим. 230; IV, 372.

[2]) Чтенія о древней лѣтописи, II, 32—33.

[3]) Четвероевангеліе Типогр. библ. 1-ой четв. XIII в. На послѣднемъ листѣ помѣщена слѣд. запись: „Се азъ рабъ божии Яковъ сынъ Домашинъ Сумовича намѣстникъ владычнь, староста св. Ивана, *написахъ* евангеліе св. Ивану въ своемъ старощении, при игумении Улите Черкосиновѣи, при попѣ Мануилѣ Петриловичи. *А писалъ Явило*, послушающимъ евангелия сего на спасение“ и т. д. (Памятн. письма, Срезневскаго, 106). Здѣсь слово „списалъ“ стоитъ въ смыслѣ „*распорядиться написать*“. Ср. запись на Пророч. книгахъ Упыря Лихого (Опис. рукоп. Синод. библ., I, 84—124, послѣсловіе). Діаконъ Григорій (въ Остром. Еванг.) не разъ употребляетъ выраженіе: „написахъ“ и „писати“ (Срезневскій, 22). О сочиненіяхъ и посланіяхъ Кирилла Туровскаго читаемъ „написа“ (ib. 69). Точно также одинъ изъ переписчиковъ лѣтописи Лисицкаго мон. въ Новгородѣ пишетъ: „Въ лѣто 6958, (1450) написана бысть сія книга Лѣтописецъ въ обители преч. Рождества на Лисьи гори повелѣніемъ раба божия дьякона инока Геронтія“, т. е. была имъ заказана.

[4]) Памятники русск. письма и языка, 105; Изв. Акад. Н., VI (Погодинъ) 230; Сениговъ, 122, 126. Въ заглавіи посланія Поликарпа къ Акиндину читаемъ: „списано (написано, сочинено) бысть Поликарпомъ“ и т. д. (Яковлевъ, стр. cxxxvi);

въ которыхъ приписка возбуждаетъ сомнѣнія, былъ ли написавшій ея авторомъ или только переписчикомъ рукописи [1]).

Въ средніе вѣка существовало совсѣмъ иное отношеніе къ книгѣ, чѣмъ въ новое время, по введеніи книгопечатанія. Списывавшій для себя экземпляръ считалъ имѣющимъ на него право въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ на печатное произведеніе. Поэтому здѣсь возникаетъ особенное отношеніе между писавшимъ и списывавшимъ. Нѣкоторые, пользуясь имѣвшимися въ нхъ распоряженіи источниками (напр. путешествіями), передаютъ ихъ отъ своего имени. Стоимость матеріала и потеря времени на воспроизведеніе рукописи какъ будто давали владѣльцу ея право на полное присвоеніе [2]). „Каждый переписчикъ, говоритъ Каченовскій, былъ вмѣстѣ и сочинителемъ. Всякая рукопись тѣхъ вѣковъ есть *особенная* книга, *единственная* въ своемъ родѣ. Даже актъ публичный, вышедъ изъ рукъ переписчика, обыкновенно является уже съ измѣненіями въ словахъ и цѣлыхъ фразахъ, съ пропусками и прибавками, часто умышленными! Чтобы увѣриться надобно лишь сравнить договоръ смоленскаго князя Мстислава съ Ригою (списокъ съ подлин., напеч. въ Сбор. госуд. грам., ч. II, и *древняя* копія въ И. Г. Р., т. III). Даже св. Писаніе страдало отъ невозможныхъ рукъ переписчиковъ" [3]). „Относительно вставокъ и раз-

---

а м. Кипріанъ пишетъ: „Сии служебникъ *преписалъ отъ грецкыхъ книгъ на русскыи языкъ* рукою своею Кипріанъ смиреныи митр. Кыевскыи и всея Руси" (Срезневскій, 297). И Соловьевъ справедливо дѣлаетъ различіе по другому поводу (И. С. Р. Л., II, 222—223) въ выраженіяхъ „самъ списалъ" и просто „списа" (IV, примѣч. 687).

Монахъ Θеодосій въ сп. Патер. XV в. вписываетъ свое имя то вмѣсто Поликарпа, то вмѣсто еп. Симона (Изв. Ак. Н., IV, 114—115; Чтен. о языкѣ 1854—55, 156; Филаретъ, Обз. литер., 118). Какъ поступали позднѣйшіе передѣлыватели прежнихъ сочин. (Ключевскій, Житія, 310; Опис. рукописей Спб. Дух. акад., Родосскаго, 75). Также безцеремонно поступали византійскіе писатели въ отношеніи своихъ предшественниковъ (I. Скилица, Кедринъ, Никифоръ, Вріенній, Зонара и др., см. В. Г. Васильевскій, Ж. М. Н. Пр. 1874, № 11, с. 108; также Виз. Врем. 1901, I, 3—7).

[1]) Ottok. Lorenz, II, 226.

[2]) Ottok. Lorenz. Deutschlands Geschichtsquellen, I, 4—5: „Scribere heisst zunächst nicht schriftstellern, sondern mit der Feder manipuliren. Erst in übertragener Bedeutung bezieht es sich auf den Autor" (S. 5, примѣч.). О способѣ обработки житій Сим. Метафрастомъ (Ж. М. Н. Пр. 1880, № 12, с. 413).

[3]) О кожаныхъ деньгахъ (Учен. Зап. Моск. унив., ч. VII, 335—326, примѣч.). Вообще, въ старой литературѣ почти невозможно или даже совсѣмъ невозможно найти произведенія, которое въ разныхъ спискахъ не представляло бы разночтеній (Вѣстн. Евр. 1896, № 8, с. 762).

норѣчій въ спискахъ старыхъ рукописей должно вообще замѣтить, говоритъ И. Е. Забѣлинъ, что наши переписчики книгъ никогда не бывали настоящими копіистами, но всегда были и редакторами тѣхъ статей, которыя они списывали, несомнѣнно переставляя необходимыя по ихъ мнѣнію рѣченія для полноты или ясности, а затѣмъ и передѣлывая самый текстъ, особенно въ молитвенныхъ выраженіяхъ, гдѣ требовалось извѣстное риторство" [1]). Еще въ XVII в. въ русской литературѣ не всегда дѣлалось строгое различіе между чужимъ и и своимъ [2]). Вотъ почему, зная этотъ обычай средневѣковыхъ переписчиковъ, Плано-Карпини считалъ нужнымъ въ концѣ своего „Путешествія"—умолять и просить всѣхъ, кто будетъ читать его сочиненіе, „не убавлять и не прибавлять въ немъ ничего и клясться, что онъ написалъ только то, что самъ видѣлъ или слышалъ отъ достовѣрныхъ людей" [3]). Такимъ обр. имѣютъ полное основаніе слова Бестужева-Рюмина, по поводу личныхъ заявленій, встрѣчающихся въ лѣтописи, что всѣ эти мѣста лишь свидѣтельствуютъ, что лѣтопись („Повѣсть") составлена изъ сказаній современниковъ, но ничего не говоритъ о лицѣ составителя или собственномъ участіи въ трудѣ [4]).

При указанномъ компилятивномъ характерѣ лѣтописи, свойственномъ средневѣковой литературѣ, вполнѣ естественной является неодинаковость стиля [5]) и даже противорѣчія, отъ которыхъ еще Шлецеръ старался защитить русскаго лѣтописца [6]). Тѣмъ не менѣе есть основаніе думать что настоящій лѣтописный сводъ не есть первоначальный. Такъ, Татищевъ полагалъ, что начальная лѣтопись оканчивалась 1093 г. [7]), Перевощиковъ—1074 [8]), а Бестужевъ-Рюминъ, отмѣчая, что въ позднѣйшихъ сборникахъ (Соф., Воскр.) текстъ начинаетъ

---

[1]) Археолог. Изв. 1895, № 2—3, 48; ср. Татищевъ, I, 52.

[2]) Ключевскій, loc. cit., 353.

[3]) Изд. Языкова, 217.

[4]) О составѣ русскихъ лѣтоп. 41—42.

[5]) Ж. М. Н. Пр. 1880, № 12 (О жизни и трудахъ Симеона Метафраста, сс. 406—409. 413); Хрущовъ, Сказанія, 15—16, 42—43.

[6]) Несторъ, I, 4. Наши изслѣдователи отмѣчаютъ единство въ изложеніи то съ 1043 г. (Костомаровъ), то съ 1060 (Голубинскій), то съ 1096 г. (Погодинъ), но другіе (Забѣлинъ) не видятъ разницы даже и въ болѣе позднемъ лѣтописаніи сравнительно съ древнею лѣтописью.

[7]) Ист. рос. I, 53—54.

[8]) О рус. лѣт. (Труды Рос. акад., IV, XXXIII). Въ нѣкоторыхъ спискахъ изложеніе заканчивается словомъ „аминь".

представлять большія разницы съ древнимъ текстомъ съ 1075, а такъ наз. средній текстъ Нестора (въ Полн. собр. лѣт.) перерывается именно на погребеніи Өеодосія, заключаетъ, что отрицать безусловно существованіе предпредшествующаго свода нельзя [1]).

На это же указываютъ и личныя заявленія современника. Говоря о полянахъ, лѣтописецъ замѣчаетъ, что они живутъ „въ Кіевѣ и до сего дне" [2]). Упоминая объ обрахъ и ихъ исчезновеніи, онъ прибавляетъ, что „есть притча въ Руси до сего дне: погибоша аки обрѣ" [3]). Сообщая объ угличахъ и тиверцахъ сидѣвшихъ до Дуная, онъ говоритъ: „суть гради ихъ и до сего дне" [4]). По словамъ лѣтописи хазары владѣли русскими князьями „до днешняго дне" [5]); а хазары, какъ участники въ событіяхъ, упоминаются въ послѣдній разъ въ томъ же сводѣ въ 1083 [6]). Мѣстоположеніе „Угорскаго" урочища лѣт-цъ обозначаетъ жилищемъ современника („гдѣ нынѣ Ольминъ дворъ"), а упоминая о дани съ Новгорода варягамъ, онъ замѣчаетъ, что ее давали и до смерти Ярослава († 1054 г. [7]). Сани Ольги стоятъ во Псковѣ „до сего дне", а село Ольжичи носитъ тоже названіе „доселе" [8]). Лѣтописецъ зналъ и мѣдныхъ коней, и мѣдныя статуи, привезенныя Владиміромъ изъ Корсуня, „иже и нынѣ стоять за св. Богородицею (Десятинною церковью), якоже невѣдуще мнять я́ мраморяны суща" [9]). Церковь Богородицы, построенная Мстиславомъ (1022) въ Тмутаракани, „стоитъ до сего дне" [10]). Иларіонъ ходилъ изъ с. Берестова къ Днѣпру на холмъ, „гдѣ нынѣ *ветхый* манастырь Печерскый" [11]). Ярославъ, напавъ на Ляшскую землю (1031), захватилъ много плѣнныхъ, которыхъ посадилъ на Роси: „и суть до сего дне" [12]). Упоминая о вступленіи на княжескій столъ въ Полоцкѣ Всеслава Брячиславича (1044), лѣтописецъ напоминаетъ, что онъ родился отъ волхвованія, имѣетъ язву на головѣ и носитъ на ней повязку „до сего дне" [13]), а умеръ онъ въ 1101 г. [14]). Лѣтописецъ зналъ новую (1072 г.) церковь

---

[1]) О составѣ рус. лѣт., 31. О лѣтописяхъ, въ которыхъ замѣчается отличіе съ 1075 г. см. Библіогр. обозр. рус. лѣт. Д. Полѣнова, стр. 56, 80, 93.

[2]) Лаврент. сп., с. 9.

[3]) Ibid., 11.

[4]) Ibid., 12

[5]) Ibid., 16.

[6]) Ibid., 198. Вопреки мнѣнію Григорьева (Рос. и Азія, 63—64).

[7]) Лавр. сп., 23.

[8]) Лавр. сп., 59. [9]) Ibid., 114. [10]) Ibid., 143. [11]) Ibid., 152. [12]) Ibid., 146. [13]) Ibid., 151. [14]) Ibid., 264.

въ Вышгородѣ, въ которой положены были мощи Бориса и Глѣба, „яже стоить и нынѣ“, а въ 1115 была освящена уже каменная церковь [1]). Подъ 1074 г. лѣтописецъ вспоминаетъ Антонія и его пребываніе на Болдиныхъ горахъ (близъ Чернигова), гдѣ онъ основалъ монастырь: „и есть ту до сего дни“, прибавляетъ онъ [2]). Подъ 1079 г. лѣтописецъ говоритъ объ убіеніи кн. Романа Святославича половцами и замѣчаетъ: „Суть кости его и доселѣ лежаче тамо“ [3]). Это послѣдняя замѣтка въ подобномъ смыслѣ [4]).

Всѣ эти мѣста подтверждаютъ, что первоначальный сводъ лѣтописи относится ко 2-ой половинѣ XI столѣтія и къ этому выводу приводятъ позднѣйшія изслѣдованія о составѣ болѣе древняго свода, причемъ сводъ съ извѣстною припискою—Сильвестра (1116 г.) признается именно позднѣйшимъ, какъ появившійся въ нач. XII в. [5]).

XVII.

Мы не имѣемъ въ виду касаться здѣсь всего хода изданія лѣтописей, о которомъ будетъ рѣчь далѣе, въ своемъ мѣстѣ, а ограничимся обзоромъ его лишь по отношенію къ древнѣйшей русской лѣтописи.

Знакомство съ этой послѣдней, вслѣдствіе поздняго примѣненія печатнаго искусства въ Россіи къ книгамъ гражданскаго содержанія, [6]) началось довольно поздно. Не напрасно поэтому, приступая къ печатанію русскихъ лѣтописей въ XVIII в., Шлецеръ указывалъ [7]) на примѣръ другихъ странъ до Польши включительно, которыя еще съ XV в. стали печатать свои лѣтописи, какъ въ отдѣльномъ видѣ такъ и въ сборникахъ, и тѣмъ положили начало правильному научному изученію своего прошлаго. Иначе было у насъ. Если связь съ

[1]) Ibid., 176. 276. [2]) Ibid., 188.

[3]) Ibib., 198. Подобныя же замѣчанія о Давидѣ Игоревичѣ († 1113) и Василіѣ Ростиславичѣ († 1123, Лавр. 199, 261, 275, 279) свидѣтельствуютъ, что по нимъ прошла позднѣйшая рука.

[4]) Составитель лѣтописи любилъ при упоминаніи о древней мѣстности сопоставлять современную топографію (Лавр., 12, 23, 53, 54, 59, 73, 75, 77, 80, 114).

[5]) А. А. Шахматовъ, О начальномъ Кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ (Чт. въ Общ. ист. и древн. 1897, кн. III, 37—58).

[6]) Опытъ рус. историогр., I, 103, прим. 2.

[7]) Лѣтоп. Нестора по Кенигсб. списку, Спб. 1767 г., стр. 1—18.

древнею лѣтописью поддерживалась въ средѣ книжниковъ (см стр. 342—343), то для иностранцевъ прежде явилась возможность воспользоваться, хотя и не въ полномъ, и въ неисправномъ видѣ, печатнымъ изданіемъ Нестора [1]). Любопытно, что и составителю общаго лѣтописнаго свода (Татищеву [2]), и первымъ переводчикамъ (Миллеръ, Gotting. 1771; лейпцигское изданіе 1774 г.—перев. Шерера [3]), и комментатору лѣтописи, Шлецеру, пришлось въ основаніе положить Радзив. списокъ, вывезенный (сначала въ спискѣ, а потомъ въ подлинникѣ) изъ-за границы [4]). Въ томъ же видѣ, т. е. въ Радзивил.

---

[1]) Въ XVIII в. былъ еще почитатель Нестора—датчанинъ Адамъ Селлій, принявшій монашество въ Алекс. Невской лаврѣ подъ именемъ Никодима (Евгеній Словарь писателей духовн. чина, II, 107) и оставившій послѣ себя собраніе русскихъ лѣтописей, нѣсколько сочиненій по русской исторіи и, между прочимъ, „Каталогъ писателей, сочиненіями своими объясняющихъ граждан. и церковную россійскую исторію" (издан. на латин. яз., Ревель, 1736, переведен. въ Вологод. семинаріи, по порученію м. Евгенія), М. 1815, 68. Въ этомъ послѣднемъ лѣтоп. онъ прямо называетъ Нестора (стр. 47).

[2]) Сениговъ, Татищевъ, 198, 202, 211 и др. Какими списками пользовался Татищевъ см. выше (стр. 337). Кн. Щербатовъ пользовался Радзивил. и Никон. сп. и неполными списками (вначалѣ) Новгород. лѣтописей (см. предислов. къ первому тому и ссылки на нихъ. О Болтинѣ см. выше стр. 341. Щербатовъ (т. I, с. xiv) и Болтинъ (Критич. примѣч. на ист. кн. Щербатова I, 250) особенное преимущество отдавали лѣтописи, принадлеж. (подпись 1604 г.) кн. Ѳ. И. Кривоборскому (въ библ. гр. А. И. Мусина-Пушкина, купившаго его у внука Крекшина, см. Москвитян. 1855, V, № 17, с. 10—12), писанной съ юсами, „которая есть не что иное, говоритъ Карамзинъ. какъ сокращеніе Несторовой, наполненной ошибками, она теперь у меня" (II, прим. 153).

[3]) Шлецеръ, I, предислов. i—ii, **рма, рмн—мѳ**. Шлецеръ упрекалъ Тауберта за позволеніе и даже приказаніе, данное неученому Баркову, выпускать, прибавлять, а также поновлять древній языкъ" (**рѯζ**; ср. выше 343). О преувеличеніи недостатковъ этого изданія Шлецеромъ говорилось не разъ (Перевощиковъ, 16 и Труды Имп. Рос. академіи 1840, III, 89; Полѣновъ, 25; Автобіогр. Шлецера, 63, примѣч.). Иначе думаютъ м. Евгеній (по поводу выписокъ изъ ист. Татищева и самаго изданія, Труды Общ. ист., III, кн. 2, стр. 34; Словарь, II, 87); отзывъ Общ. исторіи, въ его исторіи, сост. Н. А. Поповымъ, I, с. 15), Карамзинъ („напечатанъ весьма неисправно", I, xvi), Срезневскій (Памятн. рус. письма, 47) и Бестужевъ-Рюминъ (Исторія, I, 21; Біографіи, 209). Строгіе цѣнители дипломатической точности насчитывали въ одномъ Игоревомъ договорѣ Кенигсб. сп. 180 ошибокъ (Москвитян. 1855, V, № 17, с 10).

[4]) Въ трудѣ о „Несторѣ" Шлецеръ пользовался *„своимъ* вѣрнымъ спискомъ *съ подлинника"* (предисл., с. ii). А. И. Ермолаевъ на прокладныхъ листахъ печатнаго изданія Радзив. сп. сдѣлалъ поправки по рукописи (Арцыбашевъ, I, viii; Полѣновъ, 27; Барсуковъ-Погодинъ, II, 136); такой же экземпляръ былъ у Карам-

спискѣ пришлось Нестору появиться впервые (1767) и на отечественномъ языкѣ. Это была: *Библіотека Россійская, содержащая древнія лѣтописи и всякія записки, способствующія къ объясненію исторіи и географіи Россійской, древнихъ и среднихъ временъ.* Ч. I, въ Спб., при Имп. Ак. Н. 1767, 4°. На другомъ листѣ: *Лѣтопись Нестора съ продолжателями* по Кенигсбергскому списку *до 1206 года.* Въ предисл. с. 1—33,—объ изданіи лѣтописей въ разныхъ европейскихъ государствахъ; I—XII—житіе Нестора, сочинителя сея лѣтописи, сост., какъ и предъид., издателемъ лѣт.; но въ нихъ выражены мысли свойственныя Шлецеру [1]); 1—301—лѣтопись; реестръ, 1—50.

Иниціатива въ изданіи русскихъ лѣтописей, на этотъ разъ, принадлежала Шлецеру [2]) а распоряженіе — тогдашнему factotum'у Академіи наукъ Іог. Тауберту, по настоянію котораго былъ перевезенъ (1760) этотъ списокъ изъ Кенигсберга въ Петербургъ [3]); но продолженія названнаго предпріятія (Библіотеки) не послѣдовало. Радзив. (Кенигсб.) сп. писанъ полууставомъ въ к. XV в., на 251 л., и украшенъ 604 рис., имѣющими археологическое значеніе, хотя и отличающимися грубымъ исполненіемъ (образецъ въ П. С. Р. Л., т. I, табл. 2-я). Въ текстѣ лѣтописи недостаетъ двухъ листовъ (сс. 14, 284, которые пополнены изъ другихъ списковъ); по мѣстамъ же дѣлаются поправки (24, 30, 231, 236, 237, 238, 242, 287, 299); во многихъ мѣстахъ встрѣчаются пропуски, иногда довольно значительные, очевидно существовавшіе уже въ рукописи, съ которой списывался Радзив. сп.; а въ концѣ рукописи нѣсколько мѣстъ перемѣшано [4]). Въ концѣ же послѣдней находятся пис. полууст. XVII в., сказаніе Даніила игумена о хожденіи его на Востокъ; слово св. Дороѳея, еп. турскаго, о св. 12 апост. и слово св. Епифанія, сказаніе

зина съ собственноручными его отмѣтками, поступившій въ библ. М. главн. арх. М. ин. дѣлъ (Полѣновъ, 27; о немъ ниже).

[1]) Ср. Полѣновъ, с. 26.

[2]) Ежемѣсячн. Сочин. 1755 стр. 275.

[3]) Шлецеръ, I, р҃м. Ранѣе начатая печатаніемъ, лѣтопись эта вышла нѣсколько позже I-го тома Никонов. лѣт., изд. Шлецеромъ въ томъ же году (р҃ѯ).

[4]) Дополн. дѣлаются по Новгор. и Никонов. лѣт. и по Татищеву (14, 145, 175, 231, 236, 244, 271, 284, 299). — Поясненія текста — незначительны и б. ч. не важны (сс. 24, 46, 154, 158, 172, 173, 174, 177, 181, 197, 210. 231, 249, 252, 255, 261, 270, 271, 273, 275, 285, 287, 295, 296, 298, 299). Сильвестр. лѣт. за рукоп. Никона (175, 210, 255, 270)=Никонов. лѣт. (ср. Полѣновъ, Обозр. лѣт., 25—26).

о пророцѣхъ и пророчицахъ. Кромѣ того на листѣ, приклеенномъ къ переплету и на лицевой сторонѣ перваго листа помѣщены приписки к. XVI и нач. XVII в., показывающія, что рукопись эта находилась въ предѣлахъ Западной Россіи, а приписка въ к. рукописи свидѣтельствуетъ о поступленіи ея въ собственность кн. Ян. Радзивила и въ 1671 г. отъ Бог. Р-ла въ Кенигсб. библ. Наконецъ, къ рукописи присоединены двѣ замѣтки Миллера о содержаніи ея текста. Въ началѣ лѣтописи находится извѣстное заглавіе: „Повѣсть времянныхъ лѣтъ черноризца Ѳеодосіева монастыря Печерскаго, откуда есть пошла Руская земля, и кто въ ней началъ перьвое княжити“ [1]). Извѣстная же приписка Сильвестра, находящаяся въ рукописи подъ 1110 г., перенесена издателемъ подъ 1116 г. (стр. 178), для того, какъ полагаютъ, чтобы отнести ее къ великокняженію Владиміра Мон., слѣдуя Никонов. списку [2]). Допуская поправки, издатель И. С. Барковъ [3]) дѣлалъ и существенныя отступленія отъ текста; таковы: сокращеніе изложенія вѣры греческимъ философомъ (75—76; ср. Лѣт. по Лавр. сп., изд. 2-е, с. 85—104); пропускъ въ пов. Меѳодія Патарскаго (145); опущеніе разсказа объ уродахъ (116; ср. Лавр. лѣт. 160—161); значительныя сокращенія въ разсказѣ о перенесеніи мощей Ѳеодосія (130—132; Лавр. 202—207); пропускъ имени Василія (стр. 158) въ разсказѣ объ ослѣпленіи Василька, причемъ въ примѣч., издатель этотъ разсказъ прямо приписалъ Нестору. Мнѣнію этому

[1]) Подобное заглавіе читается въ Ипат., Хлѣбник., Троицк. и во многихъ новыхъ. Въ Хлѣбник. прибавлено „Нестера“ и тоже имя читалось въ трехъ Татищевскихъ списк. (см. стр. 249, 337). Миллеръ также говоритъ, что имя Нестора есть на нѣкоторыхъ спискахъ (Ежемѣсячн. Соч. 1755, I, с. 281). Въ одномъ сборникѣ Архив., XV в., принадл. имп. Екатеринѣ II, а затѣмъ поступившемъ въ библ. Моск. арх. ин. дѣлъ, противъ словъ лѣт-ца: „къ нему же и азъ пріидохъ худый“— на полѣ тою же рукою приписано: „Нестеръ“ (Труды Общ. ист., VIII, 251; Погодинъ, Изслѣд., 62—63; Перевощиковъ, 8; Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ лѣт., 6, 18). Въ Воскрес. сп. лѣтописецъ, при описаніи перенесенія мощей Ѳеодосія, говоря о своемъ участіи, прибавляетъ: „азъ грѣшный, иже и лѣтописаніе се в то время писахъ“,— мѣсто, какъ находящееся въ одномъ спискѣ, принимается за вставку (Карамз., II, пр. 151; ср. прим. 114). См. еще показаніе м. Евгенія (Погодинъ, Барсукова, IV, 295). Въ Тверск. лѣт. лѣтописецъ назв. Георгіемъ (П. С. Р. Л., XV, 108), вѣроятно вслѣдствіе смѣшенія съ Г. Амартоломъ.

[2]) Бутковъ, Оборона, 213; Полѣновъ, 24. Приписка эта въ Кенигсб. и Никон. сп. находится подъ 1116 г., а въ Лаврент. подъ 1110 г.

[3]) Шлецеръ, I, pïн; ср. Словарь м. Евгенія, I, 20; Труды М. Общ. ист., III, кн. 2, с. 34.

слѣдуетъ и кн. Щербатовъ (Рос. исторія, I, с. VIII); опущеніе записей о спаденіи змѣя, о ристающихъ бѣсахъ въ Полоцкѣ и др. подобныхъ явленій (131—132; Лавр., 207—208), текстовъ изъ свящ. Писанія, вѣроятно „какъ не относящихся совсѣмъ къ исторіи" (предисл., 32), или слѣдуя взглядамъ того времени на чудесныя явленія вообще [1]), наконецъ, въ изложеніи похода на половцевъ, 1111 г. (стр. 175). Шлецеръ называетъ Радз. сп, „удивительно сходнымъ съ Ипат. спискомъ" [2]). Другіе сближаютъ его съ Лавр., а еще болѣе (почти буквально) сходенъ онъ съ Троицкой лѣт. [3]), которая принята была Арх. ком. для варіантовъ при изданіи Лавр. лѣтописи: но текстъ ея исправнѣе текста Радз. списка.

Историкъ Арцыбашевъ упоминаетъ о печат. экз. Радзив. списка съ исправленіями А. И. Ермолаева, сдѣланными на прокладныхъ бѣлыхъ листахъ по рукоп. Кенигсб. списка (Повѣствов. о Россіи, I, с. VIII); а въ библ. Моск. Главн. арх. Мин. ин. дѣлъ хранится такой же печатный экз. лѣтописи (№ 45). изд. по Радз. сп., съ отмѣтками Миллера и Карамзина, важными, въ особенности потому, что первый изъ нихъ сличалъ этотъ текстъ съ пергам. Троицк. списк. Нестор. лѣтописи и отмѣчалъ на поляхъ его не только всѣ варіанты и разнословія, но поправлялъ и орѳографію печатн. экземп., держась въ точности правописанія Троицк. сп. (другого). Къ сожалѣнію, сличеніе это прекращается словами: „Словѣномъ же живущимъ крещеномъ, княземъ ихъ, Ростиславъ, и Святославъ и Коцелъ".... (Нѣсколько замѣч. для издателей рус. лѣт., Сборн. кн Оболенскаго, № 11, М. 1840, с. 1—14). Троиц. пергам. списокъ (собственно писан. на телятинѣ—грубомъ пергам.), XV в., находился въ библ. Троиц. дух. сем., помѣщавшейся въ Троиц. лаврѣ, былъ вытребованъ въ Общ. ист. и древ. рос. для

[1]) Указываютъ на перепечатки первыхъ листовъ Радз. списка и изд. А. И. Оленина, извѣстныя лишь библіографамъ (Б.-Рюминъ, Исторія, I, 21, прим.). Въ 1863 г. былъ изданъ: „Преподоб. Нестора россійскій лѣтописецъ (по Кенигсб. списку). Съ академ. изд.—1767 г. безъ пропусковъ". Издалъ А. Ситенскій-Селявинъ, Спб.. 16°, 62 стр. Въ полномъ видѣ Радз. сп. возстановляется по варіант., приведен. въ изд. Арх. ком. (Лавр. лѣт., изд, 2-ое, до стр. 404, изд. 3-е, 1897; П. С. Р. Л. I, до стр. 179). Въ настоящее время предположено точное (фототипическое) изданіе Радзивил. списка лѣт., съ рисунками, Общ. любит. древней письменности.

[2]) Несторъ, предисл., с. п. Ср. Срезневскій: „Одна изъ замѣтокъ объ образованіи словъ Ипатьевскій—Ипатскій" (Зап. Ак. Н. 1872, XX, 382—383).

[3]) Предисл. къ I т. П. С. Р Л., с. XV; 2-ое изд., стр. XIII; Полѣновъ, 20; А. А. Шахматовъ (Общерус. лѣтоп. своды, Ж. М. Н. Пр. 1900 г., № 9, стр. 119). Карамзинъ, въ своихъ ссылкахъ, Кенигсб. лѣт. называетъ просто „Несторомъ" или „печатнымъ Несторомъ". Названіе это долго удерживалось въ ученой литературѣ.

предпринятаго, въ нач. XIX в., изданія своднаго списка Несторов. лѣтописи, найденъ здѣсь Карамзинымъ, но сгорѣлъ въ 1812 году (см. ниже) (ср. Новыя свѣдѣнія о Троиц. сп. Нестор. лѣтописи, погибшемъ въ Москов. пожарѣ 1812 г., архим. Леонида, Чт. въ Общ. ист. и древн. 1880, II, 47—50, съ поправк. къ предисл. изд. лѣтописи по Лавр. сп. Арх. ком.; ср. Библіогр. Гартье, 1880, № 15, 343; Барсуковъ, Жизнь Погодина, VI, 110). Нужно, однако, замѣтить, что, въ „описи" на которую ссылается архим. Леонидъ или не точно описана „лѣтопись", или рѣчь идетъ въ ней (по 1050 г., рук. XIII—XIV в.) о другой лѣтописи. Въ настоящее время устанавливается мнѣніе о полномъ сходствѣ, а мѣстами и тождествѣ (по 1305 г., на которомъ прерывается Лавр. лѣт.), Троицкой лѣт. (сгорѣвшей) съ Лавр. и о близости къ первой изъ нихъ недавно найденной Симеоновской лѣт., въ части ея съ 1177—1390, за небольшими исключеніями, заимствованными изъ другого источника (А. А. Шахматовъ, Симеон. лѣт. XVI в. и Троиц. нач. XV в., Изв. отд. рус. яз. и словесн. 1900, II, 451—453, особенно 517, 518, 522—532, 544, 553).

Одновременно съ Радз. сп., подъ наблюденіемъ А. Шлецера и С. Башилова, вышла въ свѣтъ: *Руская лѣтопись по Никонову списку*, изд. при Акад. Наукъ, 4°, ч. I, до 1094 г. (1767, хх безъ помѣты, 198+18 стр.); ч. II (однимъ Башиловымъ), до 1237 г. (1768, viii+379 стр.), важность котораго для изученія древней руской лѣтописи признается несомнѣнной (см. выше, 405). Всѣ признаки первыхъ нашихъ лѣтописей находятся и въ Ник. лѣт., напр. самое заглавіе (откуда пошла Руская земля), подробная космографія, описаніе убіенія Бориса и Глѣба и ихъ погребенія; помѣщены исторія Печерскаго мон., ж. Антонія и Θеодосія, о кончинѣ послѣдняго, о перенесеніи его мощей; сказанія о печерскихъ подвижникахъ, нашествіе Боняка съ личными заявленіями лѣтописца, разсказъ объ ослѣпленіи Василька съ именемъ Василія [1]), запись о смерти старца Яна, отъ котораго лѣтописецъ слышалъ о многомъ, наконецъ приписка Сильвестра, въ болѣе пространномъ лишь изложеніи (см. выше, стр. 322) и др. мѣста, хотя съ нѣкот. измѣненіями и поправками въ слогѣ [2]). Подъ 912 г. помѣщенъ договоръ Олега съ греками (31); подъ 971 г. подтвержденіе Святославомъ прежняго договора (59); но договора Игоря нѣтъ

---

[1]) О спискахъ, въ которыхъ оно находится (Погодинъ, IV, 24—25).

[2]) О зависимости Никон. сп. отъ Лавр. (Древ. ред. Пов. врем. лѣтъ, А. Шахматова, Ж. М. Н. Пр. 1897, № 10, стр. 220—27; замѣч. М. Грушевскаго, Зап. Тов. Шевченка 1900, II, 08).

и, вообще, княженіе послѣдняго и Ольги изложены весьма кратко: зато упоминается о Правдѣ Ярослава (129) и т. п.

Въ послѣдующихъ изданіяхъ русскихъ лѣтописей (Архангелогор. лѣт., М. 1781: 1819 [1]); Руская лѣт. съ Воскрес. спис, ч I—II. при Акад. Н. 1793—94; П. С. Р. Л., т. VII, 1856 [2]); Рос. лѣт. по Соф. сп., ч. I, Спб. 1795; Соф. Врем., изд. П. Строевъ, ч. I, 1820; П. С. Р. Л., т. V, 1851). древняя лѣтопись, въ болѣе или менѣе полномъ видѣ, какъ вступительная часть, занимаетъ необходимое мѣсто, въ качествѣ основного источника [3]). Съ своей стороны А. Шлецеръ, предпринявъ составленіе сводпаго „Нестора“, воспользовался уже болѣе значительнымъ количествомъ списковъ, не ограничиваясь однѣми изданными лѣтописями. Это были списки: Радзив., Ипат. [4]), Патр. (=Никон. [5]), Никон. (по изд. 1767 г.), отрывокъ.

[1]) Ср. любопытную запись Архангелогор. лѣт-ца объ Олеговой могилѣ въ Ладогѣ, на которую обратилъ вниманіе Соловьевъ (I, 109). а Бычковъ указалъ на подобное же извѣстіе въ Новгор. лѣт. по Толстов. списку (Лѣт. зан. Арх. ком., III, проток., 38—40). Ср. выше, стр. 397.

[2]) Воскресенская лѣт-сь въ первой своей части вообще сходна съ текстомъ Лавр. и Ипат. лѣт. (со внесеніемъ разсказа Василія. но безъ личныхъ заявленій лѣтописца, а также нѣтъ приписки Сильвестра). Держась ближе первой, послѣ того, какъ онѣ расходятся, она сближается съ послѣдней и слѣдуетъ ей до 1176 г., послѣ котораго опять слѣдуетъ Лавр списку. Отъ нихъ она отличается позднимъ составомъ и большимъ количествомъ вставокъ (см. предисл. къ VII т. П С. Р. Л: Полѣновъ, 75—84; Сухомлиновъ, 16—17; Погодинъ, IV, 71 75). Къ этой же категоріи относится Ростовскій лѣтописецъ, писанный разными почерками, нач. XVIII в., принадл. кн. С. Д. Кантемиру, а затѣмъ Н. Н. Бантышу-Каменскому и подаренный имъ Моск. арх. ин. дѣлъ. Поэтому Археогр. ком.—названъ онъ „архивскимъ“ (см. Карамзинъ, I, стр. xvi: Сухомлиновъ, 21; П. С. Р. Л., VII. с. viii—x). Недавно еще признана была важность этого списка при сравн. его съ Никонов. и Воскр. сп. (Обозр. лѣтоп. сводовъ сѣв. вост. Руси, А. А. Шахматова, Спб. 1899, с. 67, примѣч.).

[3]) О древности этихъ списковъ (Погодинъ, I, 81—84). Существенныя отличія въ ихъ составѣ указаны Полѣновымъ (Обозр. лѣтоп., сс. 58—60, 80—81, 84; ср. Л. И. Лейбовичъ, Свод. лѣтопись, Спб. 1876, с. xxviii—xxix).

[4]) „Сей списокъ, говоритъ онъ, доставленъ въ академію уже послѣ меня; но покойный Башиловъ прислалъ мнѣ вѣрный противень съ онаго, съ начала до Рюриковой смерти и съ описаніемъ сего древняго важнаго списка, напечатаннымъ мною въ Гаттереровой Allgem. Histor. Bibl., кн VI, стр. 304“ (Несторъ, I, с. ii). Ипат. списокъ въ первой своей части (Пов. времен. лѣтъ, по 1113 г.), по своему составу за небольшими отступленіями (заглавіе, отсутствіе поуч. Владиміра Мон. и приписки Сильвестра, Рюрикъ помѣщается не въ Новгородѣ, а въ Ладогѣ). близокъ къ Лавр. сп.. отличаясь отъ него орѳографіей и южно-русскимъ складомъ рѣчи (въ рѣчахъ и разговорахъ князей).

[5]) „Очень сходенъ съ Никоновскимъ“ (см. предисл. къ IX т. П. С. Р. Л, принадлеж. Ак наукъ).

присоединенный къ Патр. лѣт., до Рюрик. смерти, отличный отъ послѣдняго, Воскресен., Алатырская, сходная съ нею (обѣ изъ библ. Ак. наукъ [1]), Софійская (Спб. 1795 [2]), Новгород. (Спб. 1786), Новгор. 2-ой (М. 1781), Архангелогор. (М. 1781), безъименный [3]), списки Полетики [4]) и сводъ Татищева.

XIX.

Начало XIX стол. должно было ознаменоваться появленіемъ въ свѣтъ двухъ новыхъ важныхъ списковъ древней лѣтописи: Лаврентьевскаго и Троицкаго. Съ возникновеніемъ въ Москвѣ (1804), по иниціативѣ Ш л е ц е р а, Общества исторіи и древностей, на первыхъ порахъ положено было осуществить его мысль объ ученомъ изданіи русскихъ лѣтописей [5]). Извѣстному собирателю рукописей при Екатеринѣ II, гр. А. И. М у с и н у - П у ш к и н у удалось пріобрѣсть нѣсколько лѣтописей, принадлежавшихъ современнику Петра В., коммис. Крекшину, въ числѣ которыхъ была и лѣтопись по Лавр. списку,

[1]) О нихъ Шлецеръ, I, IV; II, 99, ρξв; П. С. Р. Л. т. VII, предисл.

[2]) О ней въ Götting. Gel. Anz. 1802, S. 31; введ. къ Шлецер. Нестору (I, ρξв).

[3]) Издатель (Лѣтописецъ, содерж. Россійскую исторію отъ $\frac{6714}{1206}$ до $\frac{7042}{1534}$ лѣта, т. е. до цар. Іоанна Васильевича, который служитъ продолженіемъ Несторову лѣтцу, Моск 1784) назвалъ его Типографскимъ (по Типогр. библ. № 48). Рукопись начинается полнымъ спискомъ Нестора и его продолжателей съ договорами Олега, Игоря и Святослава, а въ теченіе XII в. событія описываются кратко. Видя, что начало рукописи сходно съ изданными уже въ то время лѣт. Никон. и Кенигсб., содержащими происш. до 1206 г., изд. оставилъ ненапечатан. первые листы лѣтописи и, начавъ съ этого года, назвалъ свое изданіе *продолженіемъ Нестора*. Шлецеръ назвалъ его *безъименнымъ* (Несторъ, I, v, ρξв; Полѣновъ, 60–61).

[4]) О нихъ „Несторъ". I, с. v—vI. О другихъ, выход. за предѣлы Начальной лѣтописи, не упоминаемъ. Ср. Russische Annalen in ihrer slavonischen Grundsprache verglichen, übersetzt und. erklärt v. A. L. Schlözer, Göt. 2 Th., 1802, т. е.: Русскія лѣтописи на коренномъ словенскомъ языкѣ, сравнены, переведены и объяснены Авг. Люд. Шлецеромъ. Статья J. Th. (Моск. Учен. Вѣдом. 1805, №№ 1 и 4; 1807, №№ 7, 10, 13). Догадки, замѣчанія и дополненія при чтеніи „Нестора" Шлецера (Рус. Вѣстн. 1811, №№ 4, 9, 11. Замѣч. К., В. Евр., № 18 и 19). Переводъ всѣхъ частей (пяти) „Нестора" Шлецера, независимо отъ изданія Языкова, былъ сдѣланъ еще подъ руководствомъ Евгенія, въ бытность его вологод. (1808—1813) и калужскимъ (1813—1816) епископомъ, учениками семинаріи и хранится въ Кіево-софійской библ. (П. Полетаевъ, Труды м. кіев. Евгенія по ист. русской церкви, 36).

[5]) Опытъ русской исторіографіи, I, 298.

несомнѣнно извѣстная историкамъ XVIII стол., пользовавшимся собраніемъ М.-Пушкина, но не оцѣненная тогда.

Иностранцы обратили вниманіе на значительную цѣнность названной рукописи. Представляя же импер. Александру I рукопись въ даръ (она была передана въ Имп. Публ. библ.), Мусинъ-Пушкинъ писалъ по этому поводу: „Опасаясь, чтобы находящійся у меня списокъ впослѣдствіи времени не имѣлъ равнаго жребія съ такъ наз. Кенигсб., который даже и изданъ иностранцемъ, я пріемлю дерзновеніе, поднести свой списокъ Г. Импер-у. Тогда уже безполезны останутся всѣ усилія иностранцевъ, неоднократно покушавшихся о пріобрѣтеніи драгоцѣннаго сего источника нашихъ бытописаній; во свидѣтельство чего, между прочимъ прилагаю письма бывшаго у насъ англинскаго посла г-на Дугласа, предлагавшаго мнѣ чрезъ банкира своего за сію лѣтопись и имѣвшееся у меня греческое Евангеліе 1000 червонныхъ или даже какую самъ положу за оныя цѣну" (Москвит. 1855, V, № 17, с. 12; ср. Барсукова, Погодинъ, XIV, 391—392). Румянцовъ предполагалъ издать ее (Барсуковъ, II, 136). Здѣсь же видна вся неясность тогдашнихъ представленій о лѣтописяхъ: Арцыбашевъ принималъ было Лавр. и Пушкин. списки за разныя лѣтописи. Впослѣдствіи его примѣчанія къ лѣтописямъ заслужили вниманіе и похвалы изслѣдователей (см. Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ русск. лѣтописей, примѣч.).

Лѣтописный сборникъ, именуемый Лавр. спискомъ, по имени переписчика XIV в. (подпись его 1377 г.), писанъ по порученію сузд. епископа Діонисія (наз. поэтому Сузд. спискомъ, а по владѣльцу Пушкинскимъ), заключаетъ въ себѣ лѣтописный сводъ, въ который вошли Пов. времен. лѣтъ, въ редакціи нач. XII в., и ея продолженія, преимущественно излагающія событія сѣвер. Руси (Сузд. княж-ва). Разнообразіе состава отразилось на правописаніи списка, писаннаго, притомъ, разными писцами. Рукопись въ бол. 4° на 173 лл., первые 40 лл. писаны въ одну строку, уставнымъ почеркомъ, а остальные, въ два столбца, полуустав. (за небольшимъ исключеніемъ къ концу текста—157, 161—167 лл.), близко подходящимъ къ скорописи, и другими чернилами. Она неполная: вначалѣ (за 9 листомъ) пропускъ 24 лѣтъ (ср. Карамз., I, прим. 309), 6406—6430 гг., а также на лл. 169—170, 20 лѣтъ (6671—91) и 170—171, 7 лѣтъ (6795—802). Переписчики повторили хронологич. ошибки и не на мѣстѣ поставили Поученіе Владиміра Мон.,—присутствіе этого послѣдняго—исключительная принадлежность Лавр. списка (описаніе списка у Востокова, въ изд. Тимковскаго, v—viii, а также Учен. Зап. Ак. Н. по 2-му отд., II, 54—56; Сухомлиновъ, О древней рус. лѣтоп., 7—13; Полѣновъ, Обозр., 118—128; Срезневскій, Памятн. письма, 167, 233—234; предисл. ко 2-му и 3-му

изд. Арх. ком.). Въ 1793 г. Мусинъ-Пушкинъ по Лавр. сп. издалъ „Духовную в. к Владиміра Мономаха дѣтямъ своимъ“, Спб.).

Первая попытка издать Лаврент. списокъ принадлежитъ Общ. ист. и древн рос., поручившему это дѣло проф. Х. А. Чеботареву и Н. Е. Черепанову, которые сличали его текстъ со спискомъ Троицкимъ и Радзивил. (Кенигсб.) Въ теченіе 7 лѣтъ издатели напечатали 10 листовъ (по 6415 г.); затѣмъ изданіе остановилось, будучи признано неудобнымъ (въ немъ слишкомъ обширныя примѣчанія) и погибло въ пожарѣ Москвы, за исключеніемъ немногихъ экземпляровъ [1]), а вмѣстѣ съ нимъ и Троицкій списокъ лѣтописи. Новое изданіе Лавр сп., предпринятое тѣмъ же Обществомъ въ 1811 г., возложено было на проф. Р. Ѳ. Тимковскаго [2]), но также не было доведено до конца, а именно отпечатано было 13 листовъ, до рожденія Владиміра Яр-ча (1020 г. [3]). Для варіантовъ этого изданія приняты были Троицк. пергам. (тотъ же), Бекетовскій, доходящій до 1675,— Котельницкій (проф. К-го), доведенный до 1563, также погибшіе въ 1812 г. [4]); печатные—Никон., Кенигсб., исправл. по подлиннику, Воскрес. и „Несторъ“ Шлецера. Карамзинъ, въ своей исторіи, пользовался уже всѣми лучшими списками древней лѣтописи—Лавр., (основной [5]), Троиц. и Ипатскимъ, найденнымъ имъ *въ дефектахъ* Академіи Наукъ, и сходнымъ съ нимъ Хлѣбниковскимъ [6]).

---

[1]) О рѣдкости ихъ А. Чертковъ: Всеобщ. библ. Россіи, отд. I. М. 1863, № 1362; Полѣновъ 105 Изданіе это перепечатано теперь въ прилож. къ 3-му изд Арх. ком. Лѣтоп. по Лавр. сп., Спб. 1897, 40 стр. Карамзинъ положилъ въ основаніе своего разсказа Лавр сп., а въ примѣч. помѣщаетъ выписки изъ Троиц. списка, (т. I—V, примѣч.), но очень часто въ сокращенномъ видѣ и безъ строгой послѣдовательности. Онъ отмѣтилъ, что хронологія Троицкаго сп. отстаетъ на одинъ годъ (Карамз. I, пр. 317; II, пр. 335; ср. Лавр. сп., изд. 2-ое, с. 32). На основаніи Троиц. сп. нѣкоторыя мѣста Лавр. сп. существенно дополняются (2-е и 3-е изд., VII).

[2]) Объ особенности его сравнительно со Шлецеров. (Опытъ исторіогр. I, стр. 10). Разборъ изданія Нестор. лѣт., изд. Тимковскимъ, Н. Полевого (Сѣв. Арх. 1824, ч. XI, №№ 13 и 14). Замѣч. Полѣнова (Обозр., 105); ср. Разсужд. объ изд. русскихъ лѣт-сей (М. Телегр. 1825, ч. I, стр. 67, 132, 228). Къ исторіи изданія Пушкин. (Лавр.) списка Несторовой лѣтописи, П. Барсукова (Рус. Арх. 1896, с. 449—455).

[3]) Лѣтопись Несторова по древнѣйшему списку мниха Лаврентія. Изд. проф Тимковскаго, прерывающееся 1019 г. Напеч. при Общ. ист. и древн. рос. М. 1824 г. (предисл. написано К. Калайдовичемъ).

[4]) Въ нихъ есть существенныя вставки, напр. поуч. Луки Жидяты вслѣдъ за его оправданіемъ (Рус. Достопам I, стр. 3; Сухомлиновъ, 51 .

[5]) Москвитян. 1855, V, № 17, с. 10.

[6]) Исторія, I, с. XV—XVI и примѣчанія.

Такимъ образомъ долгое время одному изъ лучшихъ списковъ древней лѣтописи все-таки не удалось увидѣть свѣтъ. Только въ 1846 г., спустя 10 лѣтъ со времени своего учрежденія, Арх. ком. напечатала, подъ ред. Я. И. Бередникова, древнюю лѣтопись, положивъ въ основаніе Лавр. спис., а варіантами къ ней принявъ Ипат. и сходный съ нимъ Хлѣбниковскій [1]), Радзив. и Троицкій (другой, № 182), писанный въ четверку полууставомъ XV в., на 261 л., текстъ котораго болѣе исправный, чѣмъ Радзив. списокъ, но съ 1206 г. значительно отличающійся отъ текста Лавр. сп. (а послѣ описанія нашествія татаръ, онъ сосредоточивается преимущ. на событіяхъ Ростов. княж.); а потому въ изд. Арх. ком. выдѣленный въ приложеніе. Въ 1843 г. былъ напечатанъ Ипат. сп. лѣтописи (съ 1111 г., до этого года помѣщенъ въ варіантахъ Лавр. сп., т. I) и еще въ 1841 г. вышла Новгородская лѣт. по Синод. сп. (съ 1016 г., т. е. безъ отсутствующаго въ немъ начала, съ вар. по Акад. и Толст. сп.).

Въ П. С. Р. Л., т. I, 1846 г. Лавр. спис. (основной текстъ съ указан. варіантами) раздѣленъ по 1110 и 1111—1305; Троиц. лѣт. (1206—1419); въ прилож. помѣщены паралл. мѣста къ лѣтописи изъ Г. Амартола (славян. перев.), харат. Паремейника, Соф. харат. Номоканона и Патерика печерскаго. Въ П. С. Р. Л., т. II, 1843 г., напеч. Ипат. лѣт. (съ 1111—1292) съ варіант. по Хлѣбник. и Ермол. сп. (оконч. 1299—1305 по Ермол. сп.). Ермолаевскій списокъ (принадл. И. П. библ.), писанъ на 312 листахъ (fol.) уставомъ нач. XVIII в. и сходенъ съ Ипат., а еще болѣе съ Хлѣбник. спискомъ, оканчив. пов. о Мамаевомъ побоищѣ (предисл. ко 2-му изд. Ипат. лѣт., с. II). Изданіе лѣтописей Арх. ком. печаталось гражданскимъ шриф-

---

[1]) Названъ по имени извѣстнаго любителя П. К. Хлѣбникова, пис. въ листъ на 788 стр., на лощеной бумагѣ, уставнымъ четкимъ письмомъ 2-ой полов. XVI в., съ отмѣтками на поляхъ и припискою въ концѣ, указывающими запад. русское происхожденіе списка. По составу списокъ этотъ сходенъ съ Ипат., но отличается правописаніемъ и исправляетъ и дополняетъ его въ нѣкотор. случаяхъ. Нынѣ принадлеж. Им. Публ. библ. Въ 1809 г. Карамзинъ обратилъ вниманіе на списокъ Хлѣбникова, заключавшій въ себѣ Кіев. и Волын. лѣт., а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ нашелъ и Ипат. сп. ихъ „между дефектами Ак. н.“ (I, XVI). Румянцовъ предполагалъ его издать, почему Карамзинъ и дѣлалъ означенные выше отмѣтки на печатн. экземплярѣ Радз. списка по Троицк. списку (Барсуковъ, I, 331). Подготовительныя работы по своду Кіев. и Волын. лѣт. по тремъ списк. (Ипат., Хлѣбн. и Ермол.) были выполнены (двѣ трети) библіогр. Анастасевичемъ и представлены въ Акад. наукъ, но, за смертію канцлера (1826), доведены до конца не были. Трудъ этотъ находился въ распоряженіи Арх. ком., а потомъ возвращенъ акад. вѣроятно самому Анастасевичу (Протok. Арх. к., II, 160).

томъ, съ устраненіемъ ненужныхъ, для него нѣкоторыхъ славянскихъ буквъ и съ допущеніемъ поправокъ въ интересахъ единообразія въ правописаніи (см. т. I, предисл.; ср. замѣчанія Погодина о разныхъ спискахъ, IV, 56—57, 67).

Первый редакторъ П. С. Р. Л., по поводу изданія древней лѣтописи, замѣчаетъ: „Временникъ Нестора, входящій въ составъ 53 списковъ, поступившихъ въ Арх. ком. (изъ 168 всѣхъ списковъ лѣтописей), по изложенію своему раздѣляется на четыре текста: *древній*, *средній*, *новый* и *сокращенный*. Въ древнемъ текстѣ Временникъ сохранился въ томъ видѣ, въ какомъ должно признать его наиболѣе сходнымъ съ утраченнымъ подлинникомъ; основной списокъ этого текста — Лаврентьевскій: слѣдующіе два текста имѣютъ главными списками Соф. и Патр.; послѣдній же текстъ, состоящій въ краткихъ выпискахъ, по запутанности списковъ, неудобенъ для отдѣльнаго изданія, но служитъ къ объясненію прочихъ варіантовъ“ [1]).

Въ XVIII в. издавали, обыкновенно, отдѣльные списки, безъ сличенія ихъ съ другими однородными списками, буква въ букву со всѣми ошибками переписчиковъ, увеличивая, иногда, ихъ собственными недосмотрами и непониманіемъ, а иногда исправляя, по своимъ соображеніямъ, пропусками и дополненіями. Такъ были напечатаны списки Кенигсбергскій или Радзивиловскій, лѣтописи, изд. Львовымъ, и др.—Шлецеръ, вѣрный экзегетикѣ Михаэлиса, держался другихъ правилъ. Свой сводъ онъ составлялъ изъ многихъ списковъ, раздѣливъ каждый изъ нихъ на сегменты въ нѣсколько строкъ (3—15); онъ приводилъ сначала слова одного списка, потомъ другого и т. д.; соображалъ всѣ показанія, пояснялъ ихъ выписками изъ византійскихъ хроникъ и др. источниковъ и выводилъ изъ нихъ свое чтеніе. Такимъ способомъ онъ надѣялся „*изъ десяти* найденныхъ разнословій опредѣлить *одно* настоящее слово или *отгадать*, что, собственно, хотѣлъ сказать лѣтописецъ“. При такомъ способѣ, въ теченіе 40 лѣтъ, онъ успѣлъ довести свой сводъ до Владиміра св.—Проф. Москов. университета Р. Ѳ. Тимковскій, ученикъ моск. филолога Маттеи и гёттинген. филологовъ Гейне и Мичерлиха, привыкшій къ изученію классиковъ, считалъ полезнѣе издавать отдѣльно лучшіе списки и, принявъ въ основаніе одинъ древнѣйшій списокъ, передавать съ точностью его слова, буква въ букву, объясняя и исправляя его отъ ошибокъ переписчиковъ посредствомъ варіантовъ, которые онъ

[1]) П. С. Р Л., I, стр. XVII—XVIII. Ср. Строевъ, Н. П. Барсукова, с. 444—445 и главу XVII.

заимствовалъ изъ другихъ однородныхъ списковъ. Онъ трудился 10 лѣтъ и успѣлъ напечатать 13 листовъ (о немъ см. Словарь проф. Моск. унив. II, 486—488; Н. Барсуковъ, Къ исторіи изданія Пушкин. (Лавр.) списка лѣтописи преп. Нестора, Р. Арх. 1896, I, 449—455). Изданіе Тимковскаго, не чуждое недостатковъ, отличается большою точностью. „Точность, съ какою онъ слѣдовалъ за образцомъ своимъ и изъ которой столь ясно и положительно можно судить объ орѳографіи оригинала; наконецъ, выборъ варіантовъ, изъ которыхъ можно вывести настоящее чтеніе въ мѣстахъ сомнительныхъ. были первымъ у насъ еще невиданнымъ примѣромъ, которому потомъ, съ такою похвалою, подражали Калайдовичъ и Востоковъ. Я слышалъ отъ него самъ, что онъ, трудясь надъ этимъ изданіемъ, притупилъ и ослабилъ свое зрѣніе“, говоритъ Кубаревъ (Біогр. словарь проф. Моск. унив., II, 498).

Методъ Шлецера неудобенъ потому, что пришлось бы повторять одно и тоже столько разъ, сколько существуетъ списковъ, а во вторыхъ потому, что такъ можно издавать начальную лѣтопись, болѣе или менѣе сходную въ своихъ спискахъ до XII в. Способъ Тимковскаго также пригоденъ преимущественно для этой лѣтописи, такъ какъ онъ имѣетъ въ виду изданіе отдѣльнаго списка. Карамзинъ, по поводу изданія въ прежнее время лѣтописей, замѣчаетъ: „Какая нужда печатать одно въ 20 книгахъ? не благоразумнѣе ли взять за основаніе лучшій, древнѣйшій списокъ и только излагать важныя отмѣны, прибавленія другихъ? Въ 10 большихъ томахъ мы помѣстили бы всѣ лѣтописи отъ XI до XVII в. Устряловъ, признавая также неудобство способовъ Шлецера и Тимковскаго для всѣхъ вообще лѣтописей, высказалъ въ 1837 г. мнѣніе о необходимости раздѣленія лѣтописей на разряды, соотвѣтственно съ которыми распредѣлить и самое изданіе лѣтописей: 1) такъ, издать прежде всего древнюю лѣтопись до конца XI в., какъ повторяющуюся во всѣхъ почти древнихъ спискахъ, съ разными прибавленіями и пропусками, *по лучшему списку*, снабдивъ его варіантами изъ всѣхъ другихъ списковъ 2) Продолжатели первоначальной лѣтописи должны быть раздѣлены на нѣсколько отдѣльныхъ лѣтописей, по своему содержанію и изложенію (Волын., Псков., Новгор. etc.). Въ каждомъ изъ нихъ необходимо принять за основаніе одинъ изъ лучшихъ списковъ, если можно, полнѣйшій списокъ, который печатать въ видѣ текста, изъ прочихъ же однородныхъ приводить варіанты отчасти подъ текстомъ, отчасти въ примѣчаніяхъ или отдѣльными статьями въ видѣ дополненій. 3) Лѣтописные сборники, также раздѣленные на разряды, издавать по тѣмъ же правиламъ. 4) Напечатать лучшій изъ хронографовъ вполнѣ, а изъ остальныхъ выбрать то, что относится къ рус. исторіи. Въ предисловіи должны быть отмѣчены всѣ палеографическія особенности употребленныхъ списковъ и приложены образцы болѣе замѣчательныхъ

рукописей; отдѣльныя статьи и повѣсти выписать въ дополненія. Варіанты должны быть обозначены съ дипломатическою точностью, причемъ необходимо слѣдовать однообразному правописанію, но сохраняя древнія формы языка. Наконецъ, пояснить текстъ критическими примѣчаніями о его особенностяхъ, разности списковъ и т. п. (Ж. М. Н. Пр. 1837, № 2, Объ изд. рус. лѣт. и госуд. актовъ). Эти правила были приняты въ основаніе при первомъ изданіи лѣтописей Археогр. ком., третій томъ которыхъ появился въ 1841 году, второй въ 1843 г. а третій въ 1846 г. Впослѣдствіи (1870), приступая къ переизданію лѣтописей, Арх. ком., обратилась къ разнымъ ученымъ съ вопросами на счетъ изданія. Заявленія эти клонились къ необходимости сохраненія возможной точности лучшихъ списковъ, но предлагалось пользоваться и другими списками для исправленія ошибокъ и очевидныхъ неисправностей ихъ, а въ интересахъ филологическаго и палеографическаго изученія лѣтописей издать фотографическіе списки Ипат., Лавр. и Синод. Новгор. лѣт. Въ такомъ видѣ изданы теперь вновь означенныя лѣтописи. При этомъ, однако, не было принято во вниманіе заявленіе нѣкоторыхъ ученыхъ (Костомарова и Соловьева) о необходимости изданія „Пов. времен. лѣтъ“ со всѣми варіантами, не исключая и позднѣйшихъ (даже Никон.), такъ какъ Лавр. спис. могъ быть сокращеніемъ, а не основнымъ спискомъ (мнѣнія объ изд. лѣтоп въ Лѣтоп. зан. Арх. ком., V, 115—128; ср. предислов. къ 2-му издан. Лавр. и Ипат. сп.), и не смотря на то, что въ исторической критикѣ давно принято не считать свѣдѣній, внесенныхъ въ позднѣйшіе списки, невѣрными, или чтеній позднѣйшаго списка неточными (Опытъ русской исторіографіи, I, 104*—105*).

Первое изданіе лѣтописей, предпринятое Арх. ком., вызвало рядъ замѣчаній [1]), преимущественно не важныхъ; но оно не удовлетворяло даже лицъ, принадлежавшихъ къ противнымъ лагерямъ, какъ П. М. Строевъ и Погодинъ, не только въ отношеніи порядка и пріемовъ издателя, но и самаго названія лѣтописей [2]). Позднѣйшій издатель

---

[1]) Москвитянинъ 1843, № 12, с. 425—463 (С. Шевырева, о 2 т.); Отеч. Зап. 1846, № 8 (о 1-мъ т); Моск. Вѣд. 1841, № 77 (о 3-мъ т.); Рус. Инв. 1841, № 3 (Л. Бранта, о 3-мъ т.); Спб Вѣд. 1841, XLII, № 209 (о 3-мъ т.); 1843, № 141 (о 2-мъ т.); 1846, № 53 (о 1-мъ т.); Соврем. 1842, т. XXVI (о 3-мъ т.); 1846, т. XLII (о 1-мъ т.) Сѣв. Пчела 1841, № 206 (о 3-мъ т.); 1843, № 141 (о 2-мъ т.), 1846, № 54 (о 1-мъ т.).

[2]) Барсуковъ, стр. 445—446, 456—461; Бѣляевъ (Времен. Общ. ист., кн. 2); И. П. Сахаровъ выражается: „Вотъ, думалъ я, выдетъ и нашъ Несторъ. Не тутъ-то было. Та же пѣсня. Нѣтъ, какъ нѣтъ Нестора!.. Пора указать безграмотнымъ, что такое было въ Кіевѣ, когда написана была лѣтопись“! (Древн. и Нов. Рос. 1880 г., I. 536). Замѣч. на лѣт. Нестора по Лавр. сп., изд. Арх. ком. (К. Аксаковъ, Сочин., I, 431—444). Погодинъ преслѣдовалъ по пятамъ Бередникова на всѣхъ пунктахъ

Лаврент. списка замѣчаетъ: „Часть этого списка, содержащая въ себѣ „Пов. времен. лѣтъ", вслѣдствіе сличенія ея съ списками южнаго извода (Ипат. и др.), отличающагося, какъ формами языка, такъ и нѣкоторыми особенностями состава, явилась изданною не совершенно удовлетворительно" [1]). Между тѣмъ, въ 1851 г., кн. М. А. Оболенскимъ былъ изданъ „Лѣтописецъ Переяславля суздальскаго", оканчив. 1214 г., по сборнику, 2-ой полов. XV в. [2]), который, начинаясь извѣстіемъ о разселеніи славянъ и до 1206 г. (6714), сходенъ съ Лавр. сп. и т. под., излагая иногда событія кратко, а иногда внося весьма важныя подробности.

Лѣтопись Нестора, изданная Ф. Миклошичемъ въ Вѣнѣ, въ 1860 г. [3]), есть собственно перепечатка Пов. времен. лѣтъ (по 1110 г.), помѣщенной въ П. С. Р. Л., изд. Арх. ком., т. е. Лавр. сп. лѣтописи, языку котораго издатель придаетъ правильность и однообразное правописаніе, слѣдуя своей грамматикѣ, въ интересахъ славяно-русской стихіи (см. выше, с. 377, пр. 5), но уничтоживъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ своемъ чтеніи почти всѣ особенности древняго русскаго языка и передѣлавъ его въ другой, искусственный [4]). Заслуживаютъ однако вниманія нѣкоторыя его догадки въ чтеніи темныхъ мѣстъ, объясненія собственныхъ именъ скандинавскаго происхожденія и т. п. [5]).

печатной лѣтописи (Изслѣдов., IV, 18–25, 33, 38, 88; Барсуковъ, VI, 108—110; VII, 191—192; VIII, 381–382). Ему въ особенности не нравилось названіе лѣтописей по спискамъ, а не по мѣсту происхожденія (XI, 464; XII, 69—70). Арх. ком. затруднялась кому поручить изд. Ипат. лѣтоп. и предполагала отдать ее въ руки даже Краевскаго (V, 112—13; 199—200). Бѣлинскій незналъ о существованіи этой лѣтописи (IX, 36); но Самаринъ привѣтствовалъ въ ней лѣтопись, съ которой открывается исторія Кіевскаго княж. (IX, 141).

[1]) См. предисл. къ Лѣтоп. по Лавр. сп. (изд. 2-ое, стр. IX; изд. 3-е, с. IX).

[2]) Времен. Моск. Общ. ист., т. IX, стр. 1—112. Вторично по сборн. к. XV в. библ. Н. П. Никифорова, изд. С. А. Бѣлокуровымъ (неполный, Чт. въ Общ. ист. с. 7—17). Подробное библіогр. опис. Д. А. Полѣнова (Учен. зап. Ак. Н. по 2-му отд., I, 59—98).

[3]) Chronica Nestoris, textum russico-slovenicum, versionem latinamglossarium, edid. Fr Miklosich. Vol. I, textum continens, Vind. 1860, 8°, XIX+223 pp. Текстъ, примѣч. къ нему и нѣкотор. приложенія. II-ой томъ долженъ былъ составлять латинскій переводъ и глоссарій, но онъ не появился за смертію молодого галицкаго ученаго, принявшаго на себя переводъ (Archiv, herausgegeb. v. V. Jagić, VIII, 583).

[4]) „Lingua, qua Nestor scripsit, ei a palaeoslovenica non videtur differe", говоритъ Миклошичъ (Proleg., VII).

[5]) Отзывъ объ изданіи Бередникова и Миклошича (Изв. Ак. Н., IX, 239—247). По изд. Арх. ком. были напечатаны: Лѣтопись преп. Нестора по Лавр. сп.

Авг. Бѣлевскій, при участіи русинскаго ученаго Я. Вагилевича (для славянскаго текста), въ своемъ изданіи [1]), положилъ въ основаніи текстъ Ипат. списка и сопровождаетъ его предисловіемъ и комментаріями, которыя впрочемъ представляютъ повтореніе извѣстныхъ уже мнѣній и замѣчаній. Притомъ издатель часто дѣлаетъ излишнія поправки, заимствованія изъ позднѣйшихъ списковъ и измѣненія въ правописаніи, подкрѣпляющія его собственные взгляды. Передѣлка же всего текста Несторова, по замѣчанію М. А. Максимовича, на правописаніе Остромирова Евангелія съ *юсами* и пр. придаетъ видъ, не свойственный для кіевскаго лѣтописанья временъ Мономаховыхъ [2]). Одновременно съ Миклошичемъ предпринялъ было изданіе лѣтописи Котков-

съ прилож. словаря древне-рус. словъ, М. 1864, 172 стр.; Несторова лѣтопись. Изданіе для учащихся съ прим. и словаремъ, составл. П. Басистовымъ, М. 1869, 203+12 (по 1110 годъ) Есть переводъ на литературный языкъ лѣтописи Соловьева и отч. на простонародный (начала) съ освѣщеніемъ нѣкоторыми былинами о кн. Владимірѣ, Добрынѣ Ник., Микулѣ Селян. и др. въ „Нашей старинѣ" Н. А. Чаева (М. 1862). а также въ христом. Ѳ. А. Гилярова (рец. Отеч. Зап. 1862, № 8, с. 252-54; Ист. Вѣст. 1901, № 1, с. 168); ср. Разсказы преп. Нестора лѣт., отрывки въ рус. перев. для народ. чтенія (Приб. къ Херсон. Еп. В. 1862, №№ 13, 14, 18, 19, 22).

[1]) Monum. Pol. historica, I, Lw. 1864. Latopis Nestora (предисл. 521-549; текстъ лѣтописи напечатанъ въ двѣ колонны: русскій славянскими буквами и польскій переводъ, по 1113 годъ, стр 550—834; объясн. къ Нестору, стр. 835—862, касающіяся текста и событій). Въ прилож. помѣщены: поученіе и письмо Владиміра Мон. по Лавр. сп. (съ переводомъ), поправки къ лѣтописи и указатель именъ (863—946) Варіантами къ тексту Ипат. лѣт. служитъ преимущественно спис. Лавр. и отчасти Троицк.. Радз.. Хлѣбников., которыми располагала Арх. ком. и Переясл.-сузд., изд. кн. Оболенскимъ, а также издатель пользуется ссылками редактора на книги св. Писанія. Концомъ Несторовой рукописи Бѣлевскій признаетъ 1113 годъ, слѣдуя хронологич. таблицѣ князей въ началѣ лѣтописи и мнѣніямъ Погодина (Несторъ, 39) и Кубарева (Рус. Ист. сборн., IV, 432), который говоритъ: „Лѣтопись Несторова, какъ должно полагать, начата быть писана не раньше 1113 г." (Monum. Pol., I, 526). Бѣл-кій дѣлаетъ также оцѣнку предшествовавшихъ изданій лѣтописи (545-549). Вообще, по замѣчанію славистовъ, трудъ этотъ, по изданію текста, не далеко ушелъ отъ изданія Миклошича (см. Объясненіе темныхъ мѣстъ и пр., Я. К. Эрбена, Сборн. Ак. Н., VII, с. 4—5). Замѣчанія Стахурскаго (см. выше, с. 400). По указанію Я. Ѳ. Головацкаго, переводъ лѣтописи на польскій языкъ и комментаріи въ изд. Monum. Pol. принадлежатъ Вагилевичу (Кіев. Стар. 1887, т. VII, 446).

[2]) Сочин., II, 353—354. Показаніе Миллера о переводѣ лѣтописи на польскій яз. м. кіев. Сильвестромъ Коссовымъ († 1635) не подтверждается (Ежемѣс. Сочин. I, 297). Но имя Нестора называетъ въ своемъ сокращенномъ переводѣ лѣтописи на польскій языкъ, съ продолж. по 1200 г., Левъ Кишка, митр. уніатскій († 1728). Mon. Pol. 548-49). О трудѣ этомъ въ біогр. его (Ун. митр. Левъ Кишка, С. Недѣльскаго, Вил. 1894) не упоминается.

скій съ переводомъ ея на польскій языкъ [1]). Текстъ лѣтописи напечатанъ латинскими буквами попольски, въ концѣ книги помѣщены примѣчанія, а въ началѣ ея жизнь Нестора и предисловіе на польскомъ языкѣ. Но издатель ограничился для текста П. С. Р. Л., Несторомъ Шлецера, Кенигсб. лѣт., Соф. лѣт. и словаремъ Акад. наукъ; а изданная часть текста не пошла далѣе 980 г., на которомъ остановился трудъ Шлецера [2]).

Древняя русская лѣтопись не переставала привлекать вниманіе иностранныхъ ученыхъ. Еще въ началѣ XIX стол. былъ сдѣланъ переводъ ея на нѣмецкій яз. Іос. Миллеромъ, впрочемъ неоконченный и не отличающійся особенными достоинствами [3]). Нѣмецкій историкъ Россіи, Ф. Штраль брался перевести лѣтопись на нѣмецкій языкъ по изданію проф. Тимковскаго. Подобно Шлецеру, онъ полагалъ, что Несторъ раскрываетъ передъ историкомъ новый міръ на сѣверѣ, ибо въ ней упоминаются и описываются народы и страны, о которыхъ нельзя получить свѣдѣній изъ другихъ источниковъ [4]). Въ то же время, въ Парижѣ, Луи Пари напечаталъ переводъ лѣтописи на французскомъ языкѣ по Кенигсб. списку (1767 [5]); но, въ сущности, онъ слѣдовалъ нѣмецкому переводу І. Б. Шерера, изд. въ Лейпцигѣ въ 1774 г. [6]), о которомъ еще Шлецеръ произнесъ суровый при-

---

[1]) Latopis Nestora. Stary tekst mnicha Ławrentego z XIV wieku. Oddział pierwszy. Część prz. Schlözera krytycznie wypracowana, przepolsczył Jul. Kotkowski. Kijów 1860, 8°, xxiv+271. Издатель, основываясь на томъ, что въ ж. Бориса и Глѣба не упоминается о перенесеніи ихъ мощей, полагаетъ, что Несторъ умеръ въ исходѣ 1115 г.

[2]) Замѣтку о немъ см. Изв. Ак. Н., IX, 247; статья Бартошевича (Варшав. Библ. 1860, IV; Бѣлевскій, 548: Изданіе лѣт. Нестора на польск. яз. Критич. ст. Бартошевича по поводу этого изданія. Выводы, сдѣланные Котковскимъ изъ лѣт. Нестора. Происхожденіе Нестора (Вѣсти изъ Варшавы, Спб. Вѣд. 1861, № 37).

[3]) Altrussische Geschichte, nach Nestor. Mit Rücksicht auf Schlötzer's russische Annalen. Berlin 1812, 8° (см. Я. К. Эрбенъ, Сборн. Им. Ак. Н., т. VII, с. 3).

[4]) Барсуковъ, Погодинъ, IV, 321, 416. Объявленіе объ изданіи лѣтописи на славян. и нѣмецк. языкахъ съ объясненіемъ словъ и предметовъ и прилож этногр. карты Россіи въ IX стол. (Славян. новости, Ж. М. Н. Пр., 1837, № 6, с 288; № 8 с. 442).

[5]) La chronique de Nestor traduite en français d'après l'édition Impériale de Petersbourg (Manuscrit de Koenigsberg, accompagnée de notes et d'un receueil de pièces inédites touchant les anciennes relations de la Russie avec la France, P. 1834. T. I, xxiv (предисл.), 1—298 (по 1113 г.), 299—450 (матеріалы, касающіеся сношеній Россіи съ Франціей XVI—XVII стол.); T. II, 1835, 1-190 (1113—1206), 1—212 (объясн. словарь геогр. назв. и предмет.). Зам. С. Строева (С. Пчела, №№ 166 и 167).

[6]) Der heilige Nestor älteste Jahrbücher der russ. Geschichte v. J. 850—1203. 4°.

говоръ (см. стр. 343), причемъ французскій издатель повторилъ и всѣ ошибки своего руководителя. Въ примѣчаніяхъ онъ пользуется трудами Шлецера, Карамзина (во франц. переводѣ), Антидотомъ Екатерины II, а также ссылается на Татищева, Ломоносова и др., впрочемъ, изъ вторыхъ рукъ. Вообще, примѣчанія Шлецера (для древнѣйшаго періода) и Карамзина дали автору обильный матеріалъ для извлеченій изъ средневѣковыхъ писателей и объясненій. Текстъ лѣтописи раздѣленъ по княженіямъ. Нѣсколько позже лекторъ русскаго языка при Александровскомъ унив. въ Гельсингфорсѣ (въ 1849 году) издалъ „извлеченія изъ русскихъ лѣтописей" (Utdrag ur Ryska Annaler) въ шведскомъ переводѣ, съ примѣчаніями и варіантами, представляющія не только всѣ мѣста русскихъ лѣтописей, относящіяся къ финскимъ племенамъ, но и всѣ извѣстія, заключающія въ себѣ свѣдѣнія о явленіяхъ природы, народныхъ бѣдствіяхъ, солнечныхъ и лунныхъ затменіяхъ. Онъ располагалъ для этого одиннадцатью источниками, но, главнымъ образомъ, новгородскими лѣтописями, а для примѣчаній—исторіей Карамзина. Извлеченія эти расположены въ хронологическомъ порядкѣ и оканчиваются 1710 годомъ [1]).

Съ выходомъ въ свѣтъ изданія (перваго) Арх. комиссіи, это послѣднее служило главнымъ образомъ основаніемъ всѣхъ, сдѣланныхъ въ послѣднее время западно-славянскихъ изданій и переводовъ, такъ наз. Несторовой лѣтописи [2]). Уже въ 1867 г. Яромиръ Эрбенъ напечаталъ чешскій переводъ лѣтописи по сп. Лавр. и Ипат. [3]), а въ 1869 г. проф. Смитъ—датскій переводъ съ комментаріями [4]).

Между тѣмъ, въ 1870 г. Арх. ком. приступила къ новому изданію древнѣйшихъ списковъ лѣтописи, на другихъ началахъ противъ прежняго, и въ 1871 г. вышла въ свѣтъ „Лѣтопись по Ипатскому списку" (по 1292 г., 8°, 616+72), сличенная со спискомъ Хлѣбник. и Погодин. [5]), причемъ пропуски въ текстѣ основного списка попол-

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1851 г., LXX, смѣсь, 65—66.

[2]) Дорнъ, Каспій, 49 (зам. Куника).

[3]) Nestorův letopis Ruský. Přeložil J. K. Erben, v. Praze 1867, 8°. Переводъ Эрбенъ раздѣляетъ на главы, съ указаніемъ ихъ содержанія. Его объясненія и поправки къ древней русской лѣтописи см. выше (стр. 400).

[4]) Nestors Russiske krönike oversat og forklaret af C. W. Smith, Kjöbenhavn, 1869. О трудахъ Петрушевича и Шараневича, кас. Ипат. лѣт., скажемъ ниже.

[5]) Погод. спис., пріобрѣтенный имъ въ 1852 г., при посредствѣ извѣстнаго библіографа, тогда студ. Кіев. унив. С. И. Пономарева (Барсуковъ, XII, 68), и поступившій потомъ въ Им. П. библ. изъ древнехранил. П-на, писанъ крупнымъ

нены изъ подобныхъ ему, а варіанты помѣщены въ примѣчаніяхъ [1]). Недавно былъ указанъ еще одинъ списокъ, близкій къ Ипат. редакціи [2]).

Ипат. сп. не имѣетъ хронол. даты, а такъ какъ онъ принадлежитъ къ разряду памятниковъ, языкъ которыхъ не даетъ надлежащаго матеріала для точнаго опредѣленія времени его написанія, то ученые и издатели (Сухомлиновъ, Палаузовъ, Колосовъ) относили его то къ 1-й полов. XIV в., то къ к. XIV или нач. XV в., то наконецъ ко 2-й полов. XV в. Въ настоящее время, на основаніи водяныхъ знаковъ бумаги, на которой онъ писанъ, видно что онъ написанъ на франц. бумагѣ ок. 1425 г. (Н. П. Лихачевъ, Бумага и древнія бумаж. мельницы въ Моск. госуд., Спб. 1891). Ипат. сп. писанъ въ большую четв., въ 2 столбца. Всѣхъ стран. лѣт.—612. Въ Пов. вр. лѣт.—195 стр., не вездѣ заполненныхъ. Въ нѣк. мѣстахъ не достаетъ листовъ; въ печ. изд. они пополнены изъ Хлѣбник. и Погод. сп. На поляхъ и выноскахъ много поправокъ и дополненій. „Повѣсть“ пис. 3 разн. почерками (по словамъ издателя вся рукоп.—4-мя почерками), полууст. (А. Никольскій, О яз. Ипат. л., Рус. Фил. Вѣст. 1899, № 1—2, с. 239—42). Въ Ипат. л. встрѣчается большое количество употребленія двойств. числа, что свидѣтельствуетъ не о существованіи этихъ формъ въ живомъ народномъ языкѣ того времени (XV в.), а лишь о знакомствѣ

полууст. к. XVI в., на лощеной бумагѣ, въ листъ, во всю строку, на 656 стр. Первые листы рукописи утрачены, а также одинъ листъ въ срединѣ (80-й), текстъ спутанъ и т. п. На поляхъ рукоп. сдѣланы отмѣтки на яз бѣлорус., латин. и польскомъ. Описаніе его (Москвитян. 1852, № 14, с. 22 и предисл. къ изд. Арх. ком.). Всѣ внѣшнія признаки Погод. сп. показываютъ тождество его съ Хлѣбн.—тоже правописаніе, тоже содержаніе и тѣже вставки мѣстъ, недостающихъ въ Ипат сп., что указываетъ на общее ихъ происхожденіе.

[1]) Изданіе сдѣлано гражданскимъ шрифтомъ, буква въ букву, раскрывъ титла и соблюдая даже грам. неправильности, но допустивъ замѣну ОУ, Ѡ, Ѧ и Ꙗ — буквами у, о, я. Явно испорченныя мѣста, исправленныя въ текстѣ по другимъ сп. или соображеніямъ редактора, помѣщены въ примѣчаніяхъ. Въ концѣ изданія помѣщенъ указ. именъ, геогр. названій и предметовъ. Редакція его принадлежитъ Е. И. Палаузову. Для ближайшаго изученія разныхъ списковъ отмѣтимъ хронологическія особенности по Лавр. сп., 2-ое изд., стр. 119, 161, 168, 178, 202; по Ипат., 83, 104, 117, 121, 144, 180 и отличія въ записяхъ: гг. 6450, 6488, 6533, 6536, 6542, 6543, 6554, 6558, 6562, 6572, 6584, 6586, 6594, 6597, 6606, 6607, 6609, 6610, 6613, 6615, 6616, 6617.

[2]) Въ Краков. библ кн. Чарторижскихъ имѣется списокъ русской лѣт. 1621 г., сдѣланный въ Животовѣ по повел. кн. Ад. Четвертинскаго, ближе всего подходящій къ Хлѣбн. сп., но съ варіантами, вѣрнѣе составл. по нѣсколькимъ спискамъ (сообщ. А. В. Башкирова въ собр. Рус. Арх. Общ. 6 ноября 1899 г., см. Ист. Вѣстн. 1900, т. I, 423; Зап. Общ. по отдѣл. славян. и рус. археол., кн. V, 1901, с. 388).

писца съ литературнымъ ц.-слав. языкомъ (№ 3—4, с. 82). Хронологія Ипат. л. до 1111 г. почти согласна съ Лавр. л. (Погодинъ, IV, 116). Въ „Переписныхъ книгахъ“ костром. Ипат. мон. 1595 г., отмѣченный такъ: „Лѣтописецъ русскій“, въ десть, на бумагѣ (Чт. въ Общ. ист. 1890, III, 33), конечно другой, какъ и книга „Лѣтописецъ“ въ полдесть, по описи 1672 г. (тамъ же, 1848, № 8), судя по записи на Ип. спискѣ.

Въ 1872 г. была издана „Лѣтопись по Лавр. списку“ (512+63) съ соблюденіемъ тѣхъ же правилъ, какъ и въ предыдущемъ. Списокъ этотъ сличенъ съ Радзив., Москов. дух. акад. XV в. (Троицкая 1-я, употребл. въ 1-мъ изд.) и Троиц., сгорѣвшимъ въ 1812 г., насколько послѣдній сохранился въ печатныхъ листахъ.[1]). Такимъ образомъ настоящее изданіе, имѣло цѣлью дать вѣрный противень съ Лавр. сп., а нѣкот.болѣе правильныя чтенія текста, приведеніе въ порядокъ разсказа 6711—14 г. и указаніе на результаты повѣрки хронологич. данныхъ составляютъ его отличіе отъ изданія 1846 г. Третье изданіе того же списка 1897 г. (512+40+63) составляетъ перепечатку 2-го изданія, но въ концѣ къ нему прибавлены начало поученія Владиміра Мономаха[2]) и текстъ Лавр. списка, сличеннаго съ Троиц. и Радзив. сп., по изд. Чеботарева и Черепанова.

Въ 1876 г. сдѣлана была попытка Л. И. Лейбовичемъ составленія „сводной лѣтописи“, имѣвшая цѣлью свести и сравнить извѣстія русскихъ *лѣтописей*, относящіяся *къ исторіи Россіи*, но ограничившаяся лишь сводомъ извѣстій, входящихъ въ составъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ [3]). Въ основаніе своего труда авторъ полагаетъ Лавр. сп. лѣтописи, какъ харатейный, одинъ изъ древнѣйшихъ и наиболѣе исправный, а для варіантовъ имъ взяты 20 другихъ извѣстныхъ списковъ, включая и позднѣйшіе (какъ Львов.), а также сводъ Татищева, имѣющій значеніе по содержанію извѣстій, а не относительно текста (поэтому они обозначаются особо, въ выноскахъ); но Степен-

---

[1]) Лавр. сп. по 1305 г. (съ записью мон. Лаврентія 1377):Užд. лѣт. по Акад. сп. (Троиц. 1-я) 1205—1419. Въ примѣчаніяхъ приняты во вниманіе изданія Миклошича и отчасти Бѣлевскаго, Эрбена и Смита. Редакція этого изданія принадлежитъ А. Ѳ. Бычкову.

[2]) Пис. полууст. к. XVIII в., по рукоп. XV в., принадл. Арх. ком.

Для филологовъ и палеографовъ Арх. ком. издала фототипич. снимки Пов. времен. лѣтъ по Ипат. (1871), Лавр. (1872) и Новгор. по Синод. спискамъ (1875).

[3]) Сводная лѣтопись, составлен. по всѣмъ изданнымъ спискамъ лѣтописи Л. И. Лейбовичемъ. В. I. Повѣсть времен. лѣтъ. Спб. 1876, XL+414 (216—337 прилож. отд. статей; 339—414 указатели).

ная книга, по своему особенному характеру, въ соображеніе не принята, а такъ какъ „сводная лѣтопись" имѣетъ цѣлью дать сводъ извѣстій, касающихся Россіи, то свѣдѣнія, относящіяся къ исторіи Византіи, Болгаріи, Польши и Литвы, не вносятся въ нее, а дѣлаются лишь указанія, въ какихъ спискахъ лѣтописи они находятся. Годы, какъ и въ изданіяхъ лѣтописей, отмѣчаются отъ С. М. и отъ Р. Х. [1]).

Еще въ 1868 г. извѣстный славистъ Луи Леже напечаталъ докторскую диссертацію „о Несторѣ", въ которой перевелъ нѣкоторые отрывки изъ лѣтописи и высказалъ обѣщаніе вскорѣ издать ея переводъ на франц. языкъ [2]). Трудъ этотъ вышелъ въ свѣтъ въ 1884 году [3]). Переводчикъ въ теченіе 20 лѣтъ занимался этимъ дѣломъ, а появленіе новыхъ изданій текста дало ему возможность лучше выполнить свою задачу. Въ предисловіи авторъ разсматриваетъ вопросъ о Несторѣ (принадлежность лѣтописи послѣднему онъ отклоняетъ, но не рѣшается приписать и Сильвестру) и даетъ библіографію изданій, переводовъ и изслѣдованій (впрочемъ трудомъ Н. П. Барсова по географіи лѣтописи, т. е. словаремъ, онъ не пользовался). Слѣдуя мнѣнію Бѣлевскаго, онъ доводитъ изданіе до 1113 г., а по примѣру Эрбена, раздѣляетъ его на главы. Переводъ, вообще, отличается правильностью и даже изяществомъ, а въ нѣкоторыхъ, даже трудныхъ мѣстахъ, представляетъ удачное толкованіе, но все-таки и въ немъ встрѣчаются неточности и ошибки. Въ концѣ предлагается переводъ поученія Владиміра Мономаха, его письма къ Олегу и молитвы, сопровождаемый біографіей Мономаха и характеристикой его сочиненій на основаніи статьи Протопопова. Книга заключается обстоятельнымъ указателемъ. Наконецъ, въ томъ же 1884 г. появился и переводъ

---

[1]) Представляя весьма удобное для пользованія изданіе, трудъ этотъ соединяетъ въ себѣ недостатки, зависящіе всегда отъ личнаго выбора извѣстныхъ данныхъ, и не освобождаетъ отъ необходимости обращаться къ ихъ оригиналамъ, не говоря о чисто-филологич. соображеніяхъ (ср. Archiv f. slav. Phil., II, 688—89).

[2]) De Nestore, rerum russicarum scriptore. facultati lilterarum Parisiensis thesim proponebat L. Leger. Lutetiae Parisiorum, 44 pp., Franck. См. Polybiblion 1888, II, 255—58.

[3]) Chronique dite de Nestor (Несторова или Первоначальная лѣтопись), traduite sur le texte slavon-russe, avec introduction et commentaire critique, par Louis Leger, prof. à l'Éc. des langues orientales vivantes, P. 1884. Трудъ этотъ составляетъ 20-й томъ Publications того же учрежденія (8°, xxviii+399). Рецензіи К. Н. Бестужева-Рюмина (Ж. М. Н. Пр. 1884 г., № 10, с. 366—380) и В. Ягича (Archiv f. slav. Phil., 1885, VIII, 578-583). Издатель пользовался и другими переводами.

лѣтописи на латинскій языкъ, исполненный К. Лучаковскимъ [1]). Переводъ этотъ доведенъ до 1073, а обѣщанное продолженіе его не появилось. Въ основу переводчикъ положилъ изданія Миклошича и Бѣлевскаго. Въ началѣ онъ говоритъ объ источникахъ Несторовой лѣтописи, ея спискахъ и изданіяхъ, не особенно отчетливо, и перечисляетъ труды Миклошича по славяновѣдѣнію. Въ примѣчаніяхъ указываются заимствованія изъ Г. Амартола, отношеніе лѣтописной исторіи Кирилла и Меѳодія къ другимъ памятникамъ, сходство нѣк. эпизодовъ лѣтописи съ Цвѣтникомъ Вѣн. Hofbibl., № 88 (о немъ въ примѣч. къ 1-й статьѣ, съ прилож. факсимиле рукоп.) и др. менѣе важныя свѣдѣнія. Отдѣльно этотъ трудъ не появлялся; а переводъ вообще не считается точнымъ [2]).

XX.

Лѣтописи дошли до насъ въ значительномъ количествѣ списковъ XIV—XVIII стол. Древнѣйшіе изъ дошедшихъ до насъ списковъ писаны вообще не ранѣе XIV в., большая же часть ихъ принадлежитъ XV и XVI вв. Въ 1846 г. Арх. ком. насчитала до 168 лѣтописныхъ списковъ, признанныхъ ею годными къ употребленію [3]). Новыхъ списковъ, послѣ того, прибавилось весьма немного. По матеріалу, на которомъ они писаны, списки раздѣляются на *харатейные* (Лавр. сп. Сузд. лѣт., Синод. сп. Новгор. лѣт.: сюда же принадлежалъ Троиц. сп., сгорѣвшій въ 1812 г.) и писанные на *бумагѣ*. По времени, котораго касаются разные списки лѣтописей, а также по времени и мѣсту составленія или описанія, они дѣлятся на *разряды* (лѣт. Кіевская начальная, Кіевская—продолженіе ея и Галицко-Волынская—Ипат. сп.; Суздальская—сп. Лавр., Академ., Переясл. сузд.; лѣт. Новгородскія сп. Синод., Архив., Софійскіе: Псковскія и т. д.). Списки лѣтописи одного разряда отли-

[1]) Nestoris rem litterariam adumbravit eiusque Chronicon capp. 1- -20 in Romanorum sermonem convertit Constantinus Luczakowski. Leopoli 1884 (Справоздане дирекціѣ ц. к. гимназіѣ академичноѣ у Львовѣ); capp. 21—25 (ibid. за рôк шкôльный 1886--87), у Львовѣ 1887; capp. 26—40 (ibid. за рôк шкôльный 1888); capp. 41—56 (ibid. за рôк шкôльный 1889); capp. 57—67 (ibid. за р. шк. 1891).

[2]) См. Acrchiv f. slav. Phil., B. VIII, 583—584; B. XI, 637. Нѣкоторыя свѣдѣнія сообщены намъ проф. М. С. Грушевскимъ, которому приносимъ благодарность за провѣрку данныхъ по мало-доступному изданію.

[3]) П. С. Р. Л., I, предисл., с. VI

чаются другъ отъ друга не только въ словахъ и выраженіяхъ, но и выборомъ извѣстій, вслѣдствіе чего они дѣлятся еще на *редакціи (изводы* [1]), какъ-то лѣтопись Начальная южнаго извода (спис. Ипат. и сходные съ нимъ), лѣт. Начальная сузд. извода (Лавр. и сходные съ нимъ); нѣкоторые изъ нихъ по формѣ изложенія—*пространны*, другіе—*кратки* или соединяютъ въ себѣ краткую форму изложенія съ пространной (такъ Псков. 1-я лѣт. излагается до извѣстнаго момента кратко, а потомъ пространно; Архангелогород. лѣт., наоборотъ, редактированъ сначала болѣе пространно, а послѣ 1035 г. весьма кратко; лѣт. Переяславля сузд. представляетъ смѣшанное изложеніе, то краткое, то болѣе пространное), а это опять указываетъ, что русскія лѣтописи суть *сборники* и что ихъ первоначальные источники не дошли до насъ въ полномъ видѣ [2]). Рядомъ со списками опредѣленныхъ изводовъ существуютъ собственно сборники, составленные по спискамъ разныхъ изводовъ, какъ-то Никоновская, Воскресенская, Тверская, Львовская, лѣт. Авраамки. Многіе списки принадлежатъ къ одному изводу и въ тоже время весьма близки между собою по редакціи, а потому, при изданіи извѣстной лѣтописи ихъ удобно соединять. Такъ, Лавр. сп. Сузд. лѣт. сличенъ съ Акад., Троиц. и Кенигсб. (Радзивил.); Ипат. сп. Кіево-Волынской лѣт.—съ Хлѣбн. и Погодин. сп.; Новгородскія, Никонов. и Воскресен. лѣт. въ изданіи комиссіи напечатаны по нѣсколькимъ спискамъ и т. д. Другія печатались по одному списку (Твер., Переясл. сузд., Авраамки), а прибавленія къ нимъ (Псков. 2-я лѣт.)—по разнымъ спискамъ [3]).

Въ *историческомъ отношеніи* лѣтописи раздѣляются: a) на южнорусскія; b) сѣверно-русскія; c) лѣтописи восточной Россіи; d) западнорусскія и e) сибирскія. Въ первыхъ двухъ отдѣлахъ заключаются первобытные памятники лѣтописнаго дѣла въ Россіи, отличающіеся

---

[1]) Слово *изводъ* въ этомъ смыслѣ извѣстно было въ употребленіи въ старину (XIV в.—Опис. рукоп. Востокова, 44, примѣч.; XVI в., Словарь Срезневскаго, I, 1040). Шлецеръ, Добровскій и нѣкот. др. употребляютъ терминъ „рецензіи".

[2]) Впервые эту мысль ясно выразилъ П. М. Строевъ (см. предисл. къ Соф. Временнику). Ср. выше, стр. 352—54, 363. И. П. Сахаровъ разницу списковъ объяснялъ позднѣйшими вставками (Барсуковъ, X, 461). Погодинъ также догадывался о сводномъ характерѣ лѣтописей (X, 496).

[3]) См. предисловія къ П. Собр. Рус. лѣт., т. I и II; Погодинъ, Изслѣд., IV, 18—41; Бестужевъ-Рюминъ, Исторія, I, 19—20; Лейбовичъ, I-VI и др. О преимуществахъ иногда позднѣйшаго списка передъ болѣе древними (см. выше, с. 427).

языкомъ и изложеніемъ отъ позднѣйшихъ (московскихъ). Циклъ южнорусскихъ лѣт. заканчивается нашествіемъ монголовъ и завоеваніемъ западной Руси литовцами (XIII—XIV в.), а второй отдѣлъ, къ которымъ относятся лѣтописи новгор. и псковскія (въ описаніи событій) соединеніемъ Новгорода и Пскова съ Москов. государствомъ въ XV—XVI вв. Къ восточно-русскимъ лѣтописямъ относятся временники, описывающіе событія восточно-русскихъ княжествъ и впослѣдствіи Москов. государства, на пространствѣ времени XIV—XVIII вв. Подъ западнорусскими лѣтописями разумѣются лѣтописи западной Россіи и Малороссіи, находившихся уже подъ владычествомъ Литвы и Польши, съ XIV до XVII в. Въ сибирскихъ лѣтописяхъ помѣщены извѣстія о тамошнихъ событіяхъ, со времени открытія и пріобрѣтенія этого края Россіею до XVIII вѣка.

Обращаемся къ обозрѣнію лѣтописей въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Продолженіе Начальной лѣтописи. Кіевская лѣтопись. — Очеркъ исторіи Переяславскаго княжества. Лѣтописныя извѣстія.— Очеркъ исторіи Черниговскаго княжества. Черниговская лѣтопись. — Очеркъ исторіи Смоленскаго княжества. Смоленскія лѣтописи. — Полоцкое княжество; извѣстія о немъ. Вопросъ о Полоцкой лѣтописи.

I.

Имѣя передъ собою Начальную лѣтопись, веденную въ Кіевѣ, трудно и даже невозможно было бы допустить отсутствіе непосредственнаго ея продолженія и прежде всего въ томъ же Печерскомъ мон. [1]) Такимъ образомъ, въ Ипат. редакціи мы имѣемъ списокъ, стоящій въ ближайшемъ отношеніи къ своему прототипу—Кіевской лѣтописи, въ ея первоначальномъ видѣ. За это говоритъ и большее количество событій, касающихся Печерскаго мон-ря (см. стр. 251), и болѣе подробное изложеніе событій, относящихся къ Кіевской землѣ, что́ давало право нѣкоторымъ изслѣдователямъ (Бередниковъ, см. стр.

[1]) Въ обѣихъ, дошедшихъ до насъ, редакціяхъ XII в. (см. стр. 404). извѣстія послѣ 1110 г. непосредственно примыкаютъ къ предъидущимъ, а въ Ипат. сп. (стр. 193) подъ 1111 г. сдѣлана ссылка на знаменіе, отмѣченное подъ 1110 г. Какъ бы ни смотрѣть на происхожденіе обѣихъ редакцій, но слѣдуетъ имѣть въ виду относительную полноту Ипат. списка въ Нач. лѣтописи (см. стр. 368) и въ продолжающейся ея части, сравнительно съ ред. Лавр. и сходныхъ съ нимъ списковъ. Будучи близокъ съ Лавр. (по 1200 г.) въ порядкѣ изложенія событій, Ипат. списокъ даетъ себя чувствовать на всемъ пространствѣ Кіев. лѣт. какъ въ расположеніи извѣстій (заглавія княженій, какъ и въ предыдущей части, порядокъ записей, хронологическія особенности), такъ и въ полнотѣ фактовъ, хотя это не исключаетъ *иногда* преимущества въ послѣднемъ смыслѣ Лавр. сп. относительно кіевскихъ событій.

368, 424; Костомаровъ, 45) заключать даже, что изложеніе Кіевскихъ событій въ XII вѣкѣ въ Лавр. спискѣ представляетъ лишь сокращеніе Кіевской лѣтописи, изложенной полнѣе въ Ипат. спискѣ [1]). Бестужевъ-Рюминъ, отмѣчая, что въ Ипат. сп. и сходныхъ съ нимъ, встрѣчается нѣсколько извѣстій (въ Начальной лѣт.), которыхъ нѣтъ въ Лавр. и др. и которые не всѣ перешли въ позднѣйшія компиляціи (всѣ эти извѣстія почти исключительно относятся къ XI в. и преимущественно касаются рода Всеволода Яр. или скорѣе Владиміра Мон., его дѣтей, городовъ, въ которыхъ онъ княжилъ, и т. п.),— полагаетъ, что ихъ не было въ первоначальномъ сводѣ (иначе они встрѣчались бы въ большемъ числѣ списковъ; а источникомъ южнорусскаго свода, слѣдующаго за сводомъ первоначальнымъ, была лѣтопись, сильно благопріятствующая Владиміру Мономаху [2]). Вообще, въ Нач. лѣт. („Повѣсти") незамѣтно того нерасположенія къ Святополку, какое мы видимъ въ послѣдующемъ сводѣ (Кіев. лѣт.), напр. при описаніи волненій послѣ его смерти (см. 158, 301, 302; ср. Ипат., 198); ни особаго расположенія къ Владиміру М., если исключить похвалу ему въ разсказѣ объ ослѣпленіи Василька, которая могла принадлежать особому сказанію [3]). Отмѣченное выше сочувствіе видно и въ изложеніи борьбы Мономаховичей и Ольговичей.

Кіевскій сводъ, оканчивающійся во всѣхъ своихъ спискахъ (Ипат., Хлѣбн., Ерм., Погод.; см. выше, стр. 424) 1200 г., состоитъ изъ погодныхъ, болѣе краткихъ записей и подробныхъ разсказовъ, имѣющихъ по своему изложенію много общаго съ разсказами, вошедшими въ составъ первоначальной лѣтописи [4]). На существованіе особой

---

[1]) Взглядъ Костомарова, кромѣ того, былъ проведенъ въ мнѣніи, представленномъ въ Арх ком. по поводу изданія лѣтописей (Лѣт. занятій Арх. Ком., V, 119—120). Къ этому же мнѣнію склоняются И. В. Лашнюковъ (Унив. Изв. 1872, № 5, с. 6 - 7) и Аристовъ (39). Противоположный взглядъ высказалъ Бѣляевъ (см. стр. 368) и ту же точку зрѣнія поддерживаетъ Б-въ-Рюминъ (О составѣ, 71), прибавляя однако, что „основнымъ сводомъ" при изученіи южно-русскихъ лѣтописей слѣдуетъ признать все-таки Ипат. списокъ.

[2]) Ипат. лѣт. (гг. 1113—1126, стр. 190—208).

[3]) Кубаревъ (Рус. Ист. сборн., II), а за нимъ Бѣлевскій (Mon. Pol. hist., I, 526 , полагаютъ, что похвала Владиміру Мон. (1097; Лавр. 154—255; ср. П. С. Р. Л., VII, 25; IX, 152; Ипат., 172—173) вставлена по смерти послѣдняго, къ чему склоняется и Б-въ-Р-нъ (О составѣ, 29—30), отмѣчая при этомъ особенность рѣчи (прошедшее время глаголовъ). Но вѣрнѣе, что эта похвала составляетъ часть означеннаго разсказа: она находится въ спискахъ разныхъ редакцій.

[4]) Б.-Рюминъ, Рус. исторія, 27.

Кіевской лѣтописи указываетъ то обстоятельство, что въ такомъ видѣ (т. е. безъ Волынской) пользовался ею въ свое время Татищевъ въ Голицынскомъ спискѣ [1]), и къ этому заключенію приводятъ позднѣйшія изслѣдованія [2]). Уже въ началѣ XV в. она была извѣстна въ средѣ людей читающихъ подъ этимъ именемъ (т. е. Кіевской лѣтописи [3]).

Главными источниками для южно-русскаго свода служили лѣтописныя замѣтки и сказанія, писанныя въ разныхъ мѣстахъ южной Руси [4]), но преимущественно кіевскія записи. Пересматривая одно за другимъ извѣстія означеннаго свода до 6654 г. (1146), можно замѣтить, что главнымъ источникомъ его за этотъ періодъ были погодныя кіевскія замѣтки, преимущественно касающіяся дома Мономаха и разныхъ кіевскихъ монастырей (о кончинѣ князей, о пожертвованіяхъ и т. п. [5]). Къ Владиміру М. и роду его нерѣдко высказывается сочувствіе: это относится къ извѣстіямъ, въ которыхъ выводится на сцену Мономахъ и его дѣти [6]). Вообще, тѣ событія, которыя случились въ Кіевѣ, носятъ на себѣ характеръ бо́льшей подробности [7]).

Мы ни имѣемъ ни одного лѣтописца съ названіемъ монастырскаго; а потому трудно опредѣлить положительно содержаніе лѣтописцевъ этого рода. Безъ сомнѣнія главною основою такихъ лѣтописцевъ были происшествія, относящіяся къ монастырю, т. е. объ его основаніи, объ его распространеніи, о разныхъ пріобрѣтеніяхъ, о построеніи и украшеніи монастырскихъ церквей, о монастырскихъ настоятеляхъ, объ инокахъ, оказавшихъ услуги монастырю, или прославившихся своею жизнію, о князьяхъ и боярахъ, принимавшихъ участіе въ судьбѣ монастыря и т. п. Полнота и подробности лѣтописей, касающіяся событій, выходящихъ за предѣлы монастырской жизни, зависѣли отъ личныхъ качествъ лѣтописцевъ болѣе или менѣе свѣдущихъ въ дѣлахъ и отъ значенія того или другого монастыря [8]).

---

[1]) Ист. рос., I. 61–62. Списокъ этотъ не былъ изъ хорошихъ, но оказывался иногда полнѣе тѣхъ, которыми пользовался Карамзинъ (Ист. госуд. рос., II, прим. 386 и 414).

[2]) А. А. Шахматовъ. Общерусскіе лѣтопис. своды (Ж. М. Н. Пр. 1900, № 11, стр. 154).

[3]) Такъ называютъ ее епископы въ обращеніи къ Витовту, по поводу поставленія митрополита въ Кіевѣ (Ак. Зап. Рос., I, с. 36; ср. Ипат. лѣт. 1147 г.).

[4]) Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ 70; Голубинскій, I. 651–653.

[5]) Бестужевъ-Рюминъ, 116.

[6]) Ibid., 119–124, 127, 129, 130 139, 140.

[7]) Костомаровъ, 42.

[8]) Бѣляевъ. О разныхъ видахъ рус. лѣтописей (Врем. Общ. ист., V, 18).

Таковы прежде всего отмѣченныя нами выше записи, касающіяся Печерскаго мон. (стр. 251 [1]). Заглавіе Ипатскаго списка лѣтописи (см. стр. 417) и отсутствіе въ немъ записи Сильвестра даетъ право признать въ этомъ сп. продолженіе свода получившаго свое начало въ Печерскомъ мон. Независимо отъ того, въ сводъ вошли и другія монастырскія записи. Такъ, подробный разсказъ о погребеніи князя Владиміра Андр. (1171—72), въ которомъ заявляетъ о себѣ одинъ изъ участниковъ въ немъ, съ большою вѣроятностью могъ быть записанъ въ Андреевскомъ мон., игуменъ котораго принималъ въ этомъ дѣлѣ участіе, а погребеніе состоялось въ томъ же монастырѣ [2]). Нѣкоторыя изъ записей, касающіяся черниговскихъ князей, могли быть заимствованы изъ помянниковъ Симеонова мон. въ Кіевѣ на Копыревѣ концѣ, который былъ семейнымъ монастыремъ этихъ князей (см. выше, стр. 205 [3]). Подобныя же записи велись и въ Михайловскомъ мон-рѣ въ Кіевѣ [4]). Несомнѣнно, что обиліе датъ, касающихся Кіевской митрополіи и іерархіи вообще, о поставленіи епископовъ и ихъ кончинѣ, о построеніи и освященіи церквей, о кончинѣ другихъ духовныхъ лицъ, о выдающихся знаменіяхъ, о пожарѣ Софійскаго собора (1185 [5]), а также о рожденіи и кончинѣ князей, о посаженіи

---

[1]) Сюда относятся записи: объ избраніи игуменовъ (1112), о кончинѣ ихъ (1128, 1182); о погребеніи въ мон. извѣстныхъ лицъ (1156, Ипат.; ср. кратк. запись и погребеніе княгини, 1158); воспом о вел. кн. Ростиславѣ, почитателѣ мон-ря (1168); объ ограбленіи Кіева и монастырей союзными войсками Андрея Боголюбскаго съ сочувственной отмѣткой, что Богъ пощадилъ Печерскій мон. (1171). Подробная запись о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба (1115), приписываемая Татищевымъ, а за нимъ Костомаровымъ, Сильвестру, съ такимъ же основаніемъ могла бы принадлежать и Печерскому лѣт-цу, такъ какъ на этомъ торжествѣ присутствовалъ игуменъ этого мон-ря Прохоръ.

[2]) Ипат., 374—375. Краткая запись въ Лавр. (316). Но разсказъ объ этомъ событіи сообщенъ несомнѣнно лицомъ, близкимъ къ князю, а не духовнымъ (ср. Костомаровъ, 39—40; Бестужевъ-Рюминъ, 133).

[3]) Разсказъ объ убіеніе Игоря Ольговича (съ чудесами), сочувственный послѣднему и проникнутый религіознымъ колоритомъ, могъ быть записанъ здѣсь (Ипат., 245—250; ср. Лавр., 299—302, съ опущеніемъ этихъ мѣстъ).

[4]) Бестужевъ-Рюминъ, 146. Монастырская запись о кончинѣ Святослава Ольговича, погребеннаго въ Кирилловомъ мон. (Ипат. л., 457).

[5]) Ипат. лѣт., 196, 197, 199, 204, 205, 206, 209, 211, 221. 224, 227, 228, 241, 333, 342, 352. 357, 358, 359, 366. 415, 425, 428, 448, 474.

ихъ на столъ, о бракахъ и т. п. [1]) слѣдуетъ отнести на счетъ записей, веденныхъ при Софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ [2]).

Въ концѣ Кіевской лѣт. (1199) есть подробная запись о построеніи стѣны вокругъ Выдубецкаго мон. вел. княз. Рюрикомъ Ростиславичемъ съ его родословной (отъ Всеволода, строителя мон-ря) и похвала его дѣятельности [3]), которая даетъ право нѣкоторымъ изслѣдователямъ [4]) настаивать на веденіи лѣтописи въ Выдубецкомъ мон. на пространствѣ всего XII в., а другимъ (какъ Д. И. Иловайскій, см. стр. 385) считать игумена Моисея авторомъ и свода Кіевской лѣтописи [5]); но эта запись ничѣмъ не отличается отъ монастырскихъ записей вообще, внесенныхъ въ сводъ, и какъ иг. Сильвестръ могъ воспользоваться Начальной лѣт. для своего свода, такъ и печерскій лѣтописецъ могъ занести въ свой сводъ запись Выдуб. мон., тѣмъ болѣе, что Владиміръ Мон. и его потомство пользовались уваженіемъ и въ Печерскомъ монастырѣ [6]). Запись эта, конечно, принадлежитъ

---

[1]) Ibid., 205, 206, 207, 208, 211, 212, 217, 219, 221, 224, 227; 233, 268, 275, 290, 308, 322, 323, 329, 336, 337, 345, 355, 359, 360, 361, 364, 373, 377, 383, 384, 386, 387, 393, 415, 420, 422, 443, 448, 449, 457, 464, 474. Подъ 1122 г. (стр. 206)—о бракѣ дочери Мстислава Влад. съ сыномъ греч. ц. Іоанна-Алексѣемъ, названной въ Византіи Зоей (о ней сообщ. Х. М. Лопарева, въ Общ. люб. древн. письмен.; Истор. Вѣстн. 1902, № 1, с. 393).

[2]) И. Д. Бѣляевъ указывалъ на преемственное веденіе записей при Десятинномъ и Софійскомъ соб. (Времен. Общ. ист., V, 22). Десятинная церковь продолжала сохранять свое значеніе и впослѣдствіи (Ипат. л., подъ 1172, стр. 179, 181), когда уже первенство Софійскаго соб. было неоспоримо: „но Богъ за нашимъ княземъ и св. Софія“, говорятъ кіевляне въ 1147 г. (Лавр. л., 302; Ипат. л., 249). Замѣчаніе о Кіево-соф. помянникѣ, которымъ пользовались позднѣйшіе историки Кіевской митрополіи (Голубинскій, I, 247-248). Ср. Куникъ, 22—23 (см. выше стр. 401); Сочин. Максимовича, I, 166—167; Е. Г. Замысловскій (с. 392). Въ Вышгородѣ велись записи чудесъ у гроба Бориса и Глѣба (сказаніе Іакова, по изд. Бодянскаго, стр. 13).

[3]) Она стоитъ отдѣльно отъ похвалы игум. Выдуб. мон. Моисея (1200). Любопытно, что, вручая эту послѣднюю князю, авторъ проситъ сохранить ее въ газъфулакіи княжеской (γαζοφυλάκιον—казнохранилище), примѣръ, указывающій, что въ ранній періодъ письменные документы хранились именно въ княжескихъ казнахъ. Ср. Татищевъ, III, 328 и прим. 565.

[4]) Срезневскій, Памятн., 84; Бередниковъ (П. С. Р. Л., II, 128).

[5]) Къ этому мнѣнію примыкаетъ и М. С. Грушевскій (Ист. Руси, III, 466).

[6]) Здѣсь же могли храниться и лѣтописи, которыми князья интересовались (Ж. М. Н. Пр. 1900, № 5, с. 130)

Выдубецкому мон. [1]), гдѣ должны были вестись подобныя записи и ранѣе, хотя бы вслѣдствіе примѣра, даннаго Сильвестромъ [2]).

II.

Само собою ясно, что на пространствѣ цѣлаго столѣтія не могъ писать одинъ лѣтописецъ, и мы видѣли, что вслѣдъ за окончаніемъ Начальной лѣтописи, хотя различно, отмѣчаютъ нѣсколькихъ продолжателей (336, 338, 339, 340, 351, 354, 359, 365, 374, 391). Такъ, М. П. Погодинъ указывалъ [3]), что первый продолжатель писалъ до 1130—40-хъ годовъ; второй 1140-хъ—1170-хъ и третій до 1199 г. Костомаровъ разбиваетъ [4]) Кіевскую лѣтопись на слѣд. части: 1111—1140, 1140—1146, 1146—1156, 1156—1175, 1175—1202. Е. Е. Голубинскій отмѣчаетъ рядъ личныхъ заявленій (1144, 1151, 1156, 1162, 1171, 1174, 1187, 1199—1200), въ которыхъ видны не всегда кіевляне и иногда недуховныя лица [5]). К. Н. Бестужевъ-Рюминъ слѣдуя основному взгляду на эту лѣтопись какъ *сводъ*, видитъ въ ней лишь обломки *мѣстныхъ лѣтописей*, на которыя въ иныхъ случаяхъ указываютъ личныя заявленія, причемъ изъ нѣкоторыхъ

---

[1]) См. Бестужевъ-Рюминъ. 115.

[2]) Нѣкоторые полагаютъ что Сильвестръ изготовилъ 3 списка (свода) „Повѣсти врем. лѣтъ“: одинъ для какого-то уважаемаго лица (съ извѣстной припиской), другой (по указ. А. А. Шахматова- въ 4-й годъ правленія Владиміра Мон., см. Никон., Соф., Новг. 4-я „а Володимеръ Всев. лѣта 4“; Ж. М. Н. Пр. 1897, № 4, с. 481) до 1116 г. и 3-й продолжалъ до сент. 1117, когда (янв. 1118) занялъ еп. престолъ въ Переяславѣ, отчего описаніе событій 1110—1117 г. носитъ на себѣ слѣды писателя современника, живущаго при храмѣ св. арх. Михаила; 3-й сп. предназначался для большой публикѣ (приписка въ Никон. сп., IX, 149). Соображенія эти высказаны, хотя нѣсколько искусственно въ ст. Н. В. Шлякова (О поуч. Влад. Мон., Ж. М. Н. Пр. 1900, № 7, с. 17—18; отд. стр. 111—112). Любопытно, что въ Ипат. сп. нѣтъ даже и о поставленіи Сильвестра еп. въ Переяславъ, хотя упоминается о смерти его предшественника—еп. Лазаря. Въ Лавр. сп. обѣ записи стоятъ одна за другой, съ разницей въ датѣ (см. Лавр. 1117; Ипат. 1118; см. стр. 403: замѣчаніе Е. Н. Щепкина). Голубинскій въ первомъ продолжателѣ лѣтописи послѣ 1110 г. видитъ того же Сильвестра, который, уничтоживъ приписку (Ипат. сп.), продолжалъ записывать далѣе (за исключеніемъ разсказа о посѣщеніи Ладоги—вставка, I, 652—653, примѣч.).

[3]) Изслѣд., IV, 42—49.

[4]) Лекціи, 41—46.

[5]) Ист. р. церкви, I, 652—53

намековъ и указаній можно вывести заключеніе, что лѣтопись дошла до насъ не въ полномъ видѣ [1]).

Подобно Начальной лѣт., продолженіе ея не отличается однообразіемъ изложенія. Представляя вообще подробные разсказы о событіяхъ, она распадается на нѣсколько неравныхъ частей, въ которыхъ повѣствованіе дѣлается то болѣе подробнымъ, то болѣе краткимъ, а иногда и весьма пространнымъ [2]). Съ другой стороны, если событія, которыя случились въ Кіевѣ, носять на себѣ характеръ бóльшей подробности и обстоятельности [3]), то присутствіе кіевскаго лѣтописца и автора свода чувствуется въ многочисленныхъ отмѣткахъ и личныхъ заявленіяхъ по поводу современныхъ событій и участія въ нихъ писавшихъ лицъ, небесныхъ явленій, молитвенныхъ обращеній, сочувственнаго отношенія къ сообщаемымъ фактамъ [4]).

Въ извѣстной записи о стеклянныхъ глазкахъ, видѣнныхъ въ Ладогѣ и вообще въ Новгор. области и о бѣлкахъ и оленяхъ, падающихъ съ облаковъ въ Югрѣ, со ссылкой на подобныя явленія въ хронографѣ (Малалы) и съ экскурсомъ въ область миѳологіи, значительно преувеличенномъ (предисл. къ Переясл. сузд. лѣт., Врем. М. О. ист., IX, с. XXII—

[1]) См. годъ 6653 (1145, по поводу смерти мужа ляшскаго князя Владислава—Петрока припоминается о его насиліи надъ Володаремъ съ замѣчаніемъ: „о немъ же бѣ *въ заднихъ лѣтахъ писано*", а между тѣмъ объ этомъ ничего раньше не говорится). Ср. замѣч. А. А. Шахматова (Ж. М. Н. Пр. 1900, № 11, с. 157) и И. А. Линниченка (о Петрѣ Властѣ—Взаимныя отношенія, с. 67—70). Погодинъ указалъ на очевидное сокращеніе въ описаніи похода на Полоцкое княж., предпринятаго по приказанію в. кн. Мстислава (IV, 49). Бестужевъ-Рюминъ отмѣчаетъ пропускъ въ Ипат. лѣт. сравнительно съ Лавр. и подробности въ описаніи событій въ княж. Вячеслава, находящіяся въ Воскр. сп. и повидимому принадлежащія „древнему тексту" (стр. 77, примѣч. 26). Другія соображенія о пропускахъ (Погодинъ, IV, 48—56) даютъ право сказать, что „до насъ дошелъ списокъ ея очень сокращенный и поврежденный" (IV, 56).

[2]) Подобные перерывы можно отмѣтить на пространствѣ лѣтъ: 1112—1135 крат.; 1136—1137—подроб: 1138—1140 крат.; 1140—1146 - подроб; 1446—1153 простран. повѣств.; 1153—1168 мелк. изв.; 1169—1173 подр.; 1174-1179—мелк., съ подр. повѣств. объ Андреѣ Боголюб—подъ 1175: 1180—1185—подроб.; 1186—1187-1199—болѣе краткія записи.

[3]) Костомаровъ, 42.

[4]) См. годы: 1111, 1123, 1136, 1140, 1144, 1147, 1151, 1158, 1171, 1180, 1182. 1187, 1195, 1199. По поводу извѣстія 1151 (Ипат. 1152), обозначающаго расположеніе кіев. войска подъ Черниговомъ, Погодинъ (IV, 46) сдѣлалъ поправку на замѣчаніе Карамзина (II, пр. 35), видѣвшаго въ этомъ извѣстіи показаніе черниговца. Впрочемъ мнѣніе послѣдняго принято Соловьевымъ (III, 137). Замѣчанія Б.-Рюмина (102) и Голубинскаго (I, 653).

xxIII; Поповъ, Обзоръ хрон., 18; ср. Бестужевъ-Рюминъ, 78, прим. 28)— одни видятъ особый разсказъ (Костомаровъ 41); другіе—отрывокъ отъ разсказа Г. Роговича, разбитаго на части (Б.-Рюминъ, 79), по общему ихъ содержанію. И хотя нѣкоторые не хотятъ признать въ немъ мѣстныхъ особенностей (Соловьевъ, Ш, 135), но удивленіе повѣствователя по поводу сообщаемыхъ явленій, обнаруживаетъ въ немъ южнаго жителя, при тогдашнихъ же связяхъ Кіева съ Новгородомъ (стр. 162) скорѣе всего указываетъ на кіевлянина. Объясненіе этому разсказу находятъ въ торговлѣ бисеромъ, который доставлялся съ востока арабами. Въ большомъ количествѣ его находятъ въ могилахъ мери, ливовъ и сѣверянъ (Бережковъ, О торговлѣ русскихъ съ Ганзою до к. XV в., 33).

III.

Если начальная часть лѣтописи представляетъ болѣе отрывочный характеръ, то съ большею вѣроятностью можно сказать, что дальнѣйшую часть ея составляетъ повѣствованіе о событіяхъ княженія Изяслава II Мстиславича въ Кіевѣ (1146—1154), которое можно считать частью лѣтописи, веденной его соратникомъ, имѣющіяся же въ ней вставки доказываютъ только, что сказаніе лѣтописца не дошло до насъ въ своей цѣлости[1]). „Невозможно предполагать, замѣчаетъ Н. И. Костомаровъ, чтобы составитель его былъ монахъ; участіе, принимаемое имъ въ военныхъ событіяхъ, знакомитъ съ военною жизнію и заставляетъ думать, что это былъ кто нибудь изъ міранъ“. Въ борьбѣ Изяслава съ Юріемъ Владим. авторъ заявляетъ себя сторонникомъ перваго; онъ передаетъ его слова и распоряженія („слышахомъ“); онъ не прибѣгаетъ вовсе къ нравственнымъ сентенціямъ и цитатамъ изъ Св. писанія, какъ любятъ духовные писатели; за то

¹) Бестужевъ-Рюминъ, 79—105. Уже Карамзинъ (II, пр. 351) и Соловьевъ (Ш, 135—137) отмѣтили въ сказаніи вставки и перерывы. Въ разсказѣ о постриженіи Игоря Ольговича готовы видѣть особое повѣствованіе, которое отличается отъ помѣщеннаго въ Сузд. сводѣ (Лавр.), а въ поздн. сводахъ (Никон.) есть и другія подробности. Походъ же Изяслава съ новгородцами въ Суздальскую землю имѣетъ 3 ред.—подроб. южную (Ипат. лѣт., разсказъ очевидца), краткую (Новгор. л., Ш, 10) и основанную на слухахъ (Лавр., с. 304), съ указаніемъ причины возвращенія (въ Сузд.—кони охромѣли; въ Ипат. и Новг.—распутица); въ Воскр. л. оба разсказа сливаются въ одинъ—примѣръ своднаго способа изложенія въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ. Въ войскѣ Изяслава Мст. появляется богатырь Демьянъ Куденевичъ (Никон. л., II, 104; П. С. Р. лѣт., IX, 177—178; ср. замѣч. Б-ва-Рюмина, 87). О полнотѣ Воскр. лѣт. замѣч. Погодина (IV, 73).

въ его разсказѣ очень развита драматическая форма изложенія, князьямъ влагаются въ уста длинныя рѣчи; движенія войска, его количество, вооруженіе описаны съ большими подробностями. Авторъ почтительно относится и къ м. Клименту, поставленному Изяславомъ; между тѣмъ въ послѣдующую часть лѣтописи внесены отзывы и неблагопріятные для него [1]). Полагають, что тотъ же лѣтописецъ могъ продолжать свой трудъ до 70 годовъ XII стол. [2]). Но ни характеръ изложенія (болѣе отрывочный, причемъ больше сообщается о церковныхъ событіяхъ), ни симпатіи [3]) продолжателя свода, благопріятныя архіеп. Нифонту и даже митр. Константину—греку, не говорятъ, въ пользу этого мнѣнія. Разсказъ о кончинѣ Игоря Ольговича павшаго жертвой кіевской смуты, при всемъ несочувствіи его насильственной смерти (авторъ разсказываетъ о чудесахъ надъ его тѣломъ въ ц. св. Михаила на Торговищѣ—новгор.), на Подолѣ, о которыхъ м. Климентъ даже велѣлъ умолчать, благопріятенъ Изяславу: лѣтописецъ слагаетъ съ него вину въ этомъ дѣлѣ и, напротивъ, выставляетъ на видъ его правоту [4]).

При томъ общемъ интересѣ, какой представляли отношенія Сѣверной Руси для Кіева при Юріѣ Долгорукомъ и Андреѣ Боголюб-

---

[1]) Ср. Ипат. лѣт. 241, 245, 268, 305, 322—334, 345 и 357. Описаніе княженія Изяслава, по выраженію Б.-Рюмина „сказаніе", „жизнеописаніе" или, быть можетъ, часть подробной лѣтописи, которую велъ его соратникъ и продолжилъ до 70-хъ годовъ XII в. (стр. 79, 87, 89, 98, 103, 105). Сказаніе это, не дошедшее до насъ въ полномъ видѣ, разбито въ лѣтописи вставками, которыя обличаютъ записи, взятыя изъ другихъ источниковъ (черниговскихъ извѣстій, по мнѣнію того же автора), неблагопріятныхъ Изяславу. И. П. Хрущовъ полагаетъ, что о немъ было нѣсколько памятей, сведенныхъ въ лѣтописи.

[2]) Бестужевъ-Рюминъ, 103.

[3]) Подъ 1156 г. занесено извѣстіе о смерти новгор. архіеп. Нифонта, противника Климента, явно сочувственное первому, съ выраженіемъ его почитанія къ Печерскому мон., гдѣ онъ и былъ погребенъ (вѣроятно и печерская запись). Это описаніе кончины Нифонта (сл. Воскрес. л., П. С. Р. Л., VII, 61), встрѣчающееся въ новомъ ж. послѣдняго, очевидно заимствовано изъ лѣтописи (Пам. старин. рус. литер., в. IV, 5), вопреки высказанному мнѣнію (Б.-Рюминъ, 104, примѣч. 94).

[4]) Ипат. л., 247, 250. Ср. замѣчанія Татищева (I, 57; II, 313); Карамзина (II, пр. 288); Б.-Рюмина (86, пр. 47). Есть проложное житіе Игоря Ольговича, которымъ пользовались позднѣйшіе составители лѣтописей (Густ. лѣт., 298) и Четій-Миней (5 іюня, со ссылкою на Печер. лѣт. и Прологъ). Нѣк. изслѣдователи (И. П. Хрущовъ) указываютъ на первонач. редак. повѣсти въ Сузд. сводѣ (Лавр.), въ Ипат. же л. видятъ позднѣйшую,—распространенную, съ цѣлью оправданія Изяслава. Авторомъ повѣсти могъ быть инокъ Симеон. мон., построеннаго Ольговичами. Сказаніе о

скомъ, понятно и вниманіе къ ней южнаго лѣтописца [1]). Подъ 6683 г. (1175) помѣщено подробное сказаніе „объ убіеніи Андрея Юрьевича владимірскаго“. Оно записано во многихъ спискахъ и показываетъ свою распространенность [2]). При всемъ разнообразіи въ этой передачѣ, замѣтно, что у всѣхъ повѣствователей былъ одинъ источникъ, но въ южно-русскомъ сводѣ оно оказывается наиболѣе полнымъ, и, можно думать, что авторомъ его былъ Кузьма кіевлянинъ, служившій при князѣ [3]). Разсказъ этотъ начинается описаніемъ добродѣтелей послѣдняго, а оканчивается молитвеннымъ обращеніемъ къ нему. Заслуживаетъ еще вниманія, что послѣднее, находясь въ разныхъ спискахъ, допускаетъ замѣну имени одного князя другимъ, при которомъ писано (въ южномъ—о землѣ; въ переясл. — Ярослава, въ сузд.—Всеволода) и, судя по записи сузд. списка, можно заключать, что оно записано здѣсь не позже 1212 г. [4]). Занесеніе въ лѣтопись (1172) пространнаго извѣстія объ осужденіи владимірскаго епископа Θеодора (лживаго владыку Θедорца [5]) объясняется какъ тѣмъ, что со-

---

смерти Игоря встрѣчается и отдѣльно (Опис. рукоп. Царскаго, № 636), но оно сходно съ разсказомъ, помѣщеннымъ въ Степен. книгѣ и быть можетъ заимствованъ оттуда или изъ лѣтописей (Б.-Рюминъ).

[1]) Любопытенъ отвѣтъ курянъ Мстиславу Изясл. у того же лѣтописца: „Оже ся идуть Олговичь, ради ся за тя бьемъ и с дѣтьми, а на Володимере племя на Гюргевича неможемъ руки подьяти. Мстиславъ же то слышавъ, поѣде къ отцю своему. Кюряне же послаша къ Гюргевичю, и пояша у него посадникъ к собѣ“ (250—251). Точно также говорятъ и кіевляне въ 1147 г. (Ипат. л., 243; Лавр. л., 299).

[2]) Ипат. 394 - 403; Лавр. 348—352; П. С. Р. лѣт., V, 164 - 165; Воскр. (VII, 89 - 90); Никон. (IX, 249—250); Твер. (XV, 250—54); Переясл. (83--84).

[3]) Замѣч. Погодина (IV, 59). Д. И. Иловайскій не считаетъ это сказаніе даже отдѣльною повѣстью, а полагаетъ, что она записана просто кіевскимъ лѣтописцемъ со словъ очевидца, м. б. того же Кузьмы кіевлянина. Къ этому онъ прибавляетъ, что если бы всѣ тѣ части сводовъ, которыя стали у насъ считать отдѣльными повѣстями, были дѣйствительно таковыми, то нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы онѣ дошли до насъ только въ лѣтописныхъ сводахъ и хотя нѣк. изъ нихъ навѣрное сохранились бы въ какихъ либо рукописныхъ сборникахъ (II, 555—556).

[4]) Въ Твер. лѣт. есть нѣк. подробности (о женѣ Андрея - болгаркѣ, подстрекавшей на убійство; собраніе у Петра Кучковича объясняется его именинами, П. С. Р. Л., XV, 251).

[5]) Ипат., 377—379; ср. Лавр. 337 - 339. Соловьевъ видѣлъ въ изложеніи этого дѣла вліяніе оффиціальнаго акта (приговора). Чт. въ Общ. исторіи (Взглядъ на сост. духовенства), годъ 2-й, № 6, с. 11. Б.-Рюминъ—извѣстіе, составленное духовнымъ лицомъ (134). Но интересъ къ Θеодору, могъ основыватся и на томъ, что онъ былъ южанинъ: „сестричичь Петра Бориславича“. О немъ извѣстно, что онъ (т. е. Θеодоръ) ходилъ въ Константинополь и добивался получить митрополію, но, по отказѣ патріарха, выпросилъ у него поставленіе въ епископы (Ник. лѣт., IX, 239).

бытія сѣверной Руси еще имѣли тѣсную связь съ исторіей южной, такъ и тѣмъ, что приговоръ этотъ состоялся на судѣ у кіевскаго митрополита, и самая святыня („изгна Богъ и святая Богородица Владимірская“), покровительству которой приписывается лѣтописцемъ благопріятный исходъ дѣла, какъ и въ другихъ случаяхъ, въ сущности, была кіевская, но перенесенная на сѣверъ Андреемъ Боголюбскимъ [1]). Если смерть Андрея Боголюбскаго могла интересовать составителя южнаго свода, то и борьба, возникшая послѣ него на почвѣ соперничества Владиміра съ Ростовомъ, между братьями и племянниками Андрея, не менѣе должна была привлечь его вниманіе [2]). Владимірскій лѣтописецъ торжество своего города приписываетъ опять покровительству той же святыни [3]).

Періодъ 1155—1174 обращаетъ на себя вниманіе частыми смѣнами лицъ, княжившихъ въ Кіевѣ, и пестротою событій, которыя отражаются на изложеніи лѣтописи, имѣющемъ болѣе отрывочный характеръ, хотя и богатомъ мелкими извѣстіями [4]). Послѣднія ближе подходятъ къ погоднымъ записямъ.

IV.

Болѣе подробное описаніе событій 1175—1185 отличается драматизмомъ изложенія, характеристиками лицъ и народа, нравственными и религіозными сентенціями, а касаясь борьбы съ половцами, лѣтописецъ останавливается на описаніи ихъ быта и нравовъ. Подъ

---

[1]) Ипат. л. 331: „И взя изъ Вышгорода икону святоѣ Богородицы юже принесоша с Пирогощею (Хлѣб., Погод. „с Пирогощь“) исъ Царяграда въ одином кораблн, и въскова на ню боле 30 грив. золота, проче серебра, и проче камени дорогого и великого жемчюга; украсивъ постави ю́ въ церквѣ своей святоѣ Богородица Володимири“.

[2]) Сказаніе это владимірскаго происхожденія (Лавр. 352—360; Ипат. 403—406; ср. VII, 90—95; XV, 254—264; Переясл. 85—91; Никон. II, 222—229; П. С. Р. Л., IX, 252—56; Львов. 304—320. Въ этомъ сказаніи находится извѣстное классическое мѣсто объ отношеніи пригородовъ къ городамъ и о вѣчахъ въ древней Россіи. Ср. Корсаковъ, Меря и Ростовское княжество (стр. 117, прим. 2).

[3]) Впослѣдствіи это чудо заняло свое мѣсто въ ряду другихъ чудесъ образа Владимірской Б. М. (Сказаніе о чудесахъ Владим. иконы Б. М., Спб. 1878, изд. Общ. любит. древ. письм.). Ср. Ст. книга, I, 534—557. Въ этомъ сказаніи собраны всѣ ея чудеса.

[4]) Нѣкоторыя извѣстія, кас. княженія Ярослава Изяславича, точнѣе изложены въ Лавр., нежели въ Ипат. лѣт (ср. 347—348; Ипат. 393); см. также Переясл., Воскр., Никон. (чѣмъ устраняется недоразумѣніе Погодина, IV, стр. 54).

1185 находится подробное описаніе похода Игоря на половцевъ [1]). Подробности разсказа (о лицахъ принимавшихъ участіе, о половецкихъ ханахъ, о лицѣ, сообщившемъ о пораженіи русскихъ—въ Черниговъ [2]) и числовыя данныя показываютъ, что онъ писанъ современникомъ. Въ южномъ сводѣ нападенія половцевъ объясняются религіозными мотивами, но въ суздальскомъ указывается также на гордость Ольговичей (Святославичей). Любопытна, при одинаковости предмета, вся разница въ изложеніи лѣтописи и Слова о полку Игоревѣ [3]). Въ последней части Кіевской лѣтописи мы имѣемъ рядъ записей въ видѣ болѣе краткихъ извѣстій, касающихся разныхъ княжествъ (Галича Чернигова, Переяславля, Смоленска, Владиміра), но въ особенности отношеній къ половцамъ [4]).

Изъ другихъ извѣстій заслуживаютъ вниманія двѣ записи: одна, подъ 1187 г., по поводу затменія, бывшаго 15 сент., [5]) о взятіи (въ той день) Іерусалима „безбожными срацины" [6]). По поводу этого извѣстія авторъ дѣлаетъ свои заключенія, ссылаясь на книгу Судей и Царственныя книги [7]). Другая запись, подъ 1190 г., сообщаетъ о крестовомъ походѣ нѣмцевъ, предпринятомъ за гробъ Господенъ, по повелѣнію ангела божія; но неудачно окончившемся „за грѣхи наша". При этомъ лѣтописецъ замѣчаетъ: „Сіи же нѣмцы, какъ мученики, пролили кровь свою за Христа, съ царями своими. О сихъ-то Господь нашъ знаменія проявилъ: если кто изъ нихъ въ брани отъ иноплеменниковъ убитъ былъ, то спустя три дня тѣла ихъ невидимо изъ гроба ангеломъ взяты были и прочіи, видя то, спѣшили, чтобы по-

---

[1]) П. С. Р. Л., II, 129–134; I, 167—168; Ипат., 429—438; VII, 99, XV, 272—274; Никон., II, 247–249; Львов. I, 331—333; Переясл. 96—98. Источникъ для всѣхъUžд. сводъ, переданный вполнѣ въ Переясл. лѣт.; а въ Соф. (П. С. Р. Л., V, 168) и Новгор. 4-й (IV, 17) въ сокращеніи. При разности изложенія въ юж. и сѣв. сводахъ—источникъ ихъ былъ общій.

[2]) Это былъ гонецъ Бѣлоdouлодъ Просовичъ (Ипат., 435; въ Лавр.—нѣтъ).

[3]) Б.-Рюминъ, 114; ср. выше, с. 264; а также И. П. Хрущовъ, О древне-русскихъ историческихъ повѣстяхъ, стр. 195—204.

[4]) Ипат. лѣт., 439–474 (гг. 1186–1199)

[5]) Запись кіевская, такъ какъ здѣсь говорится: „Тогда бо глаголахуть тму бывшюю в Галичи, яко и звѣзды видѣти, середѣ дни солнцю померькшю; *въ Киевьской сторонѣ никто же не види въ тъ часъ*" (441).

[6]) Солнечное затменіе, по астрономическимъ даннымъ, было 4 сент. Іерусалимъ же отнятъ у крестоносцевъ 2 октября, а 4 сент. былъ взятъ Аскалонъ.

[7]) Напротивъ въUžд. сводѣ встрѣчаются частыя ссылки на пророч. Исаіи, чего нѣтъ въ Ипат. лѣт. (см. Лавр. лѣт., стр. 235, 373, 375, 376, 385, 386, 389).

страдать за Христа“ (449). Очевидно, здѣсь идетъ рѣчь о 3-мъ крестовомъ походѣ, предпринятомъ импер. Фридрихомъ I и нѣмецкими князьями черезъ византійскія области, въ 1189г., и такъ печально окончившемся: въ іюнѣ 1190 г. утонулъ имп. Фридрихъ, а остатокъ его войска, приведенный подъ Акку 7 окт. 1190 г., снова лишился своего вождя, герц. Фридриха швабскаго († 20 янв. 1191). Изъ множества воиновъ, отправившихся съ императоромъ въ походъ, уцѣлѣли немногіе. Съ кончиною императора счастье покинуло нѣмецкихъ крестоносцевъ и почти всѣ они погибли. Постоянныя сношенія южной Руси съ Венгріей и Польшей должны были поддерживать интересъ къ западнымъ событіямъ [1]). Взглядъ кіевскаго лѣтописца конца XII в. на эти событія любопытенъ съ той точки зрѣнія, на которую мы указали выше (стр. 160—161).

Независимо отъ того, въ Кіевской лѣт. заслуживаютъ вниманія извѣстія, благопріятныя Ростиславичамъ (1168—о Ростиславѣ Мстисл.: 1172—похв. Святославу Рост.; 1177—объ отдачѣ Кіева Ростиславичами—Святославу Всеволодовичу съ неблагосклоннымъ отзывамъ о послѣднемъ и похвалою первымъ; 1174—о распрѣ Ростиславичей съ Андреемъ; борьба Р-чей съ Святославомъ, призвавшимъ на помощь половцевъ; 1187—походъ на половцевъ; 1189—о ссорѣ вел. кн. Святослава Всев. съ Рюрикомъ Рост.; 1190, 1192 гг.—походы Ростислава Рюр. на половцевъ; 1194—прибытіе Рюрика Рост. на княженіе въ Кіевъ; 1195—столкновенія его съ Ольговичами; 1197—похв. Давиду Рост.) безразлично, сидѣли ли они въ Кіевѣ или не сидѣли, а это наводитъ на мысль объ особенныхъ лѣтописяхъ, веденныхъ при княжескихъ дворахъ или въ монастыряхъ извѣстнаго княжескаго рода [2]). Напомнимъ здѣсь значеніе „поученія“ В. Мономаха, какъ основаннаго на фамильныхъ записяхъ этого послѣдняго (см. выше стр. 323 [3]).

Подобно Начальной лѣтописи, продолженіе ея, наз. обыкновенно Кіевской лѣт., въ значительной степени имѣетъ обще-русскій харак-

[1]) Извѣстія 1173 и 1190 гг. нѣкоторые принимаютъ за внесенныя изъ посторонняго источника (М. С. Грушевскій, Исторія Руси, III, 466).

[2]) Бестужевъ-Рюминъ, 149—150.

То, что могло быть извѣстно людямъ, близкимъ къ князю, могло быть извѣстно и въ Кіевѣ, по близости князей смоленскихъ къ Мстиславу Изяславичу (тамъ же, 131). Иная точка зрѣнія на Рюрика Рост. (годъ 1203), какъ виновника разграбленія Кіева, высказана кіевляниномъ (Лавр. л., 396—397).

[3]) См. Ж. М. Н. Пр. 1900, № 5, с 130.

теръ [1]) и съ этой точки зрѣнія пріобрѣтаетъ государственное значеніе. Лѣтопись эта представляетъ событія, обнимающія обширный кругъ отношеній, въ какихъ находилась тогда южная Русь, а именно: Переяславль, Черниговъ, Смоленскъ, Полоцкъ, Новгородъ, Волынь, Галичъ, Суздаль, Рязань [2]), міръ западный (Венгрія, Польша, Чехія), но съ особенною подробностію рисуетъ походы въ степь—на половцевъ, проходящіе красною нитью почти чрезъ всю лѣтопись, какъ мѣста героическихъ подвиговъ русскихъ князей и войска. Если начальный лѣт. могъ интересоваться отдаленнымъ походомъ Владиміра I на болгаръ, то съ неменьшимъ вниманіемъ отнесся и составитель Кіевскаго свода къ походамъ на тѣхъ-же болгаръ Юрія, Андрея Богол. и Всеволода (1120, 1173, 1182 [3]). Не напрасно поэтому она является въ соединеніи какъ въ южныхъ сводахъ (Ипат. и др.), такъ и въ нѣкоторой переработкѣ или въ сокращеніи въ сѣверныхъ сводахъ (Лавр. и др.). По своимъ достоинствамъ, не смотря на явныя сокращенія и передѣлки текста [4]), послѣ Начальной лѣт., эта лѣтопись признается самой драгоцѣнной изъ всѣхъ, до насъ дошедшихъ [5]). Правда, лѣтопись эта преимущественно останавливается на междоусобіяхъ князей, на походахъ противъ внѣшнихъ враговъ и набѣгахъ послѣднихъ, а лѣтописецъ передаетъ самыя мелкія подробности о военныхъ дѣйствіяхъ: но не менѣе рельефно изображаетъ онъ черты вѣче-

[1]) Интересъ къ болѣе отдаленнымъ мѣстамъ поддерживался общимъ происхожденіемъ и родствомъ князей (355, 367, 408, 456, 474). О Владимірѣ Мст. дорогобужскомъ лѣтописецъ говоритъ: „Се же много подья бѣды, бѣгая передо Мьстиславомъ (Изясл.), ово в Галичь, ово Угры, ово в Рязань, ово в Половцихъ, за свою вину, занеже не устояше в крестномъ цѣлованьи, всегда же и то гоняше“ (1174). Отношенія къ событіямъ западной исторіи, на основаніи Начальной и Кіевской лѣтописи, при помощи венгерскихъ, польскихъ и др. источниковъ, разсмотрѣны Исид. Шараневичемъ въ его изслѣд. объ Ипат. лѣтописи (см. ниже, въ библіографіи лѣтописи). См. также моногр. И. А. Линниченка и ист. М. С. Грушевскаго.

[2]) Мелкія извѣстія, относящіяся къ разнымъ княжествамъ, нерѣдко безъ опредѣленныхъ датъ, могли быть записаны и въ Кіевѣ. Въ Кіевской лѣт. суздальскія отношенія и событія описаны иногда обстоятельнѣе и подробнѣе, чѣмъ въ сѣверной (Погодинъ, IV, 58).

[3]) Походъ войскъ Андрея на болгаръ, описанный дословно въ обоихъ сводахъ, записанъ въ землѣ Суздальской: „слышавше же *наши* се, прославиша Бога“ (Б.-Рюминъ, 137). Слѣд. Сузд. лѣт. была въ рукахъ кіевскаго лѣт-ца (Погодинъ, IV, 58).

[4]) Погодинъ, IV, 56, 116-117.

[5]) Погодинъ, IV, 48.

вого быта и городской жизни того времени [1]); онъ съ любовью обращаетъ вниманіе на устройство и расположеніе войска, на обстоятельства похода и на военное искусство [2]). Его занимаютъ военныя игры и потѣхи, подарки конями и оружіемъ, красивое вооруженіе и убранство, пиры и веселье, музыка и пѣсни [3]). Онъ охотно отмѣчаетъ черты мужества и личной храбрости [4]). Онъ приводитъ рѣчи, обращенныя къ войску (1151, 1154) и вообще, военные мотивы занимаютъ видное мѣсто въ изложеніи лѣтописи (1140, 1146, 1148, 1150, 1151, 1152, 1154, 1160, 1171, 1174, 1176, 1178, 1183, 1193). При господствующемъ религіозномъ воззрѣніи на событія міра и оцѣнку человѣческихъ дѣйствій, лѣтописецъ ссылается на языческую миѳологію [5]) и языческое времясчисленіе [6]). Составителю свода были извѣстны хронографы Г. Амартола и I. Малалы [7]). Языкъ Кіевской лѣтописи въ общемъ мало отличается отъ Начальной: всѣ части Ипат. списка написаны подъ сильнымъ вліяніемъ церк. слав. языка, такъ что на ряду съ фактами живого народнаго слова мы встрѣчаемся и съ фактами книжнаго языка; но церковно-славянскихъ словъ и выраженій

[1]) Ипат. лѣт., 229 - 230, 246, 259, 340, 368. Въ Кіевѣ вѣче собиралось на Ярославомъ дворѣ, у Туровой божницы (Ипат., 1146) и на дворѣ Софійскаго собора (Ипат. 1147; въ 1067 г.—на торговищѣ, Лавр. л.). Въ послѣднемъ случаѣ (1147 - на Соф. дворѣ) сошлись кіевляне всѣ, отъ мала до велика, и здѣсь вели переговоры съ посломъ вел. кн. Изяслава Мстиславича (Ипат., стр. 245—246). Въ 1169 г. новгородцы собирали тайныя вѣча противъ кн. Святослава Рост. по дворамъ (Ипат. л., 368). Въ Лондонѣ вѣче собиралось въ оградѣ св. Павла при ударахъ большаго колокола (Трайль, I, 221).

[2]) Ипат. л., гг. 1150, 1151, 1152, 1153.

[3]) Ibid., 1149, 1150, 1151, 1161 (см. выше, с. 138).

[4]) Ibid., 1146, 1149, 1187, 1196 О черниговъ. воеводѣ Петрѣ Ильичѣ (1147), Въ подробномъ разсказѣ посла кіев. кн. Изяслава Мстиславича (1152) къ Владиміру Володаревичу галицкому видятъ сообщеніе, докладъ (318—320) самого посла Петра Бориславича (Хрущовъ, 181). По мнѣнію Погодина разсказъ этотъ сокращенъ (IV, 52), съ чѣмъ согласенъ и Б.-Рюминъ (101). Подобныхъ „сообщеній" не мало въ лѣтописи.

[5]) Ипат., 200 (см. замѣч. Срезневскаго, Изв. Акад. Наукъ IV, 171).

[6]) Ibid., 386, 408; ср. 120 (русальная недѣля).

[7]) Ср. Ж. М. Н. Пр. 1900, № 11, стр. 185.

Лѣтописецъ, приводя извѣстіе изъ греч. хронографа (I. Малалы) о египетскихъ божествахъ, переименовываетъ (годъ 1114) одно изъ этихъ божествъ славянскимъ именемъ (Сварога), которое употреблялось въ другихъ случаяхъ какъ назв. славянскаго божества: одни принимали это за новое свидѣтельство о славян. язычествѣ, другіе видѣли здѣсь лишь попытку перевода на славян. языкъ имени, находящагося въ греческомъ хронографѣ (толкованія имени Сварога, Ягича и Крека; ср. В. Европы 1893, № 12, стр. 753; М. Грушевскій, I, 404—405).

въ Кіевской лѣтописи, вообще, меньше, чѣмъ въ Начальной. Оригиналъ лѣтописи несомнѣнно южно-русскаго происхожденія; но, попавши въ сѣв. Русь (какъ было и съ Галицко-Волынской лѣт.), онъ, какъ полагаютъ, нѣсколько разъ былъ потомъ переписанъ тамъ или по кр. мѣрѣ въ послѣдній разъ, а нѣкоторые допускаютъ даже возможность мѣстами передѣлки лѣтописи. Поэтому послѣдняя заключаетъ въ себѣ массу особенностей южно-русскаго и сѣверно-русскаго нарѣчій [1]).

Хронологія Кіевской лѣт. не отличается точностію. Съ 1125 (до этого термина она почти согласна съ Лавр. сп.) по 1200 г. показанія ея не разъ колеблются, то совпадая съ Лавр. сп., то уходя впередъ на годъ, а иногда на два и даже на три года [2]).

Едва ли, впрочемъ, Кіевская лѣтопись въ первоначальномъ своемъ видѣ оканчивалась указаннымъ годомъ. Въ Голицынскомъ спискѣ, бывшемъ у Татищева, который оканчивался 1198 г. (1199 г.?), не доставало, судя по его описанію, конца рукописи [3]). Какъ извѣстно, въ Сузд. спискѣ (Лавр.), на пространствѣ разсмотрѣнной нами Кіевской лѣт., есть извѣстія, относящіяся къ тѣмъ же кіевскимъ событіямъ, но не вошедшія (вполнѣ или отч.) въ составъ послѣдней [4]). Любопытно, что даже извѣстія за періодъ времени отъ смерти Владиміра Мон. до Всеволода Ольговича и даже, отчасти, при Всеволодѣ, во многихъ случаяхъ лучше и полнѣе сохранились въ Суздальскомъ сводѣ, чѣмъ въ

[1]) Житецкій, Очерки звуковой исторіи малорус. нарѣчія, 10, 42, 49, 379; Колосовъ, Очеркъ исторіи звуковъ, 150—160, 177; Соболевскій, Очерки изъ исторіи русск. языка, 64; А. А. Никольскій, О языкѣ Ипатской лѣтописи (Рус. Фил. Вѣстн. 1899, № 1—2, стр. 249, 258, 263; № 3—4, с. 64, 82). „Самое убѣдительное доказательство, что послѣдній разъ Ип. лѣт. была переписана на сѣверѣ Руси, это взаимная мѣна *ч* и *ц*, составляющая характерную особенность новгородскаго нарѣчія“ (№ 3-4, стр. 39).

[2]) Погодинъ, IV, 89—117, 125—132; Грушевскій, III, 331 и дальн.

[3]) Исторія россійская, I, 61—62. О дефектахъ этого списка (II, 457, 478; III, 489, 499, 501, 505 - о выдуб. стѣнѣ).

[4]) Ср. Лавр. и Ипат. лѣт., 1122, 1128, (о захватѣ печерскими монахами м. св. Димитрія); 1132 (о Ярополкѣ); 1144, 1146 (о пох. Давидовичей и Мстислава Изясл. на Новгородъ Сѣв.); 1147 (мотивы похода); 1148 (объ отказѣ Ростислава Юр. соединиться съ Ольговичами); 1151 (о дѣйствіяхъ Владиміра галицкаго подъ Кіевомъ; о вооруженіи половцевъ,—о сраженіи на р. Рутѣ); 1186 (въ походѣ Игоря участвуютъ два его сына и сходятся у Переяславля; въ Сузд. л. указаніе, послѣ разгрома князей: „и поиде путемъ гость“, стр. 378; о запутанности этого мѣста, Б.-Рюминъ, 114). Подъ 1146 г. (Ипат. л.) упоминается о дарахъ, данныхъ половцамъ Святославомъ Ольг., о которыхъ сказано было выше; но этого мѣста нѣтъ въ лѣтописи.

южно-русскомъ [1]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ видно, что этотъ лѣтописецъ лучше зналъ (а иногда иначе передавалъ) событія, касающіяся Кіева и южной Руси [2]), чтó, въ свою очередь, даетъ право заключать, что у суздальскаго составителя свода былъ списокъ Кіевской лѣтописи не тотъ, который дошелъ до насъ, а болѣе полный [3]).

Перерывы въ нѣкоторыхъ спискахъ въ к. XII в. (Голиц., Ипат. [4]) и позднѣйшее окончаніе другихъ сп. (Радзив., Переясл.), въ записяхъ которыхъ, какъ и въ другихъ, сходныхъ съ ними (Лавр.) идутъ южныя и въ частности, кіевскія событія (гг. 1199, 1201, 1202, 1203, 1205, 1206, 1207), указываютъ на существованіе свода начала XIII вѣка, которымъ пользовались лѣтописцы въ извѣстныхъ намъ спискахъ [5]). Кіевскій лѣтописецъ несомнѣнно пользовался Галицко-Волынскою лѣтописью, болѣе раннія извѣстія которой вошли въ ея составъ (см. ниже), Новгородскою лѣтописью [6]), Суздальскою [7]) и др., о которыхъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Извѣстія же, касающіяся южной Руси и

---

[1]) Бестужевъ-Рюминъ, 117—118. ВъUžд. сводѣ помѣщенъ болѣе обширный „плачъ“ о смерти Владиміра М., причемъ указаны мѣсто его кончины и возрастъ: церковь на р. Альтѣ, 73 лѣтъ отъ роду (Лавр. л. 1125 г.; Ипат. л. 1126 г.).

[2]) Лавр. л., гг. 1132, 1134, 1135, 1138. 1185, 1206.

[3]) Погодинъ, IV, 67—70. Впрочемъ, мнѣніе Погодина, умаляющее значеніе Лавр. сп., направлено противъ Бередникова и оказывается одностороннимъ.

[4]) О смѣшеніи записей подъ 1203 (Радзив., Троиц. 1-я или Москов. духов. акад.), см. Лавр., стр. 398, прим.; ср. Погодинъ, IV, 60, прим. Подъ 1224 г. краткая, но точная запись о поставленіи въ Кіево-Соф. соборѣ митр. Кирилла грека очевидно принадлежитъ мѣстной лѣтописи (Лавр. лѣт.). Но подробная запись подъ 1230 г. о землетрясеніи въ Кіевѣ и Переяславлѣ южномъ принадлежитъ сѣверному (владимірскому) лѣтописцу, такъ какъ въ ней сказано два раза: *„тако слышахомъ у самовидець, бывшихъ тамо въ то время“*; „тако сказаша намъ *самовидци, бывши тамъ“*. (Лавр. 431—432; ср. Воскрес. лѣт., т. VII, 136—137).

[5]) Указываютъ на трудъ этого составителя приблизительно въ моментъ Калкской битвы (въ таблицѣ Владимірскаго полихрона послѣдній терминъ читаемъ такъ: „и отъ взятія Кіевскаго до Калкскаго бою лѣтъ 20“), т. е. между 1223 г. и 1224 г. „Очевидно, это былъ южанинъ или кіевлянинъ: взятіе Кіева 1203 г. и Калкская битва—эти два событія были особенно важны въ жизни южной Руси; суздалецъ вспомнилъ бы скорѣе Юрьевскую рать 1216 года“. (А. А. Шахматовъ. Общерус. лѣтописн. своды, Ж. М. Н. Пр. 1900 г. № 11, стр. 170—171; ср. Погодинъ, 60, прим. 55; Бестужевъ-Рюминъ, 72, 85, прим. 6 и 44). Костомаровъ описаніе гг. 1203 (о походѣ Ольговичей на Кіевъ) и 1224 (походъ князей противъ татаръ) въ Лавр. лѣт. относитъ къ Кіевской лѣтописи.

[6]) Бестужевъ-Рюминъ, 78, 126.

[7]) Погодинъ, IV, 58. Ср. Б.-Рюминъ, 85.

въ частности Кіева можно найти также въ Новгородской [1]) и Воскресенской [2]) лѣтописяхъ. Что же касается извѣстій этой послѣдней послѣ 1206 г., то они не такъ обильны, какъ можно было бы ожидать: во первыхъ они касаются лишь перемѣнъ на кіевскомъ престолѣ и въ церковной іерархіи, галицкихъ дѣлъ и отношеній къ половцамъ и татарамъ [3]); а во-вторыхъ составитель этого свода почти всѣ свои свѣдѣнія заимствовалъ изъ извѣстныхъ уже сводовъ (Лавр., Троиц., Ипат. со включеніемъ Галицко-Волынской и Новгородской лѣт.), причемъ извѣстія эти не идутъ далѣе татарскаго погрома, на долго раздѣлившаго сѣверную и южную Русь.

V.

Въ лѣтописномъ сборникѣ, изданномъ кн. М. А. Оболенскимъ, есть краткая Кіевская лѣтопись (862—1240, далѣе идутъ сѣверныя дѣла), занимающая всего нѣсколько страницъ, но эта именно ея часть менѣе значительна. Утверждають еще, что одинъ польскій каноникъ въ Плоцкѣ, въ нач. XIII в., имѣлъ въ рукахъ русскую лѣтопись [4]), а Длугошъ и Стрыйковскій пользовались даже многими русскими лѣтописями [5]). По времени, обнимаемомъ этими компиляціями,

[1]) Погодинъ, IV, 60, 78.

[2]) П. С. Р. лѣт., VIII, гг. 1140, 1149, 1157, 1181. Дополн. и поправки изъ него (Б.-Рюминъ, 82, 85, 89, 104, 122, 124, 128. 131, 132).

[3]) П. С. Р. Л., VIII, гг. 1210, 1212, 1214, 1215, 1219, 1220, 1221—1224, 1230, 1233, 1234, 1235, 1237, 1238, 1240, 1247.

[4]) I. Первольфъ. Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи, III, ч. 2, с. 14; Погодинъ, I, 56. Полагаютъ, что отъ него (пресвит. Ярославъ Плоцкій) пользовался ею древнѣйшій прусскій лѣт-цъ, еписк. Христіанъ (т. е. ок. 1210—1239), отрывки изъ лѣтописи котораго сохранились у позднѣйшихъ лѣтописцевъ, Луки Давида и Симона Грунау (см. Joh. Voigt, Gesch. Preussens, I, Beil., 667—78). Однако, относительно этого источника существуютъ большія сомнѣнія. Такъ, А. Мѣржинскій доказываетъ, что ни пресловутая лѣтопись Ярослава, ни дневникъ Девониса не существовали вовсе, а вымышлены Симон. Грунау для большей достовѣрности своего разсказа (O władzy Kriwego nad wszystką Litwą въ сборникѣ Charitas, Spt. 1894; Nuncius cum baculo, Warsz. 1895; Арх. Изв. 1895, № 9—10, с. 346—47).

[5]) Стрыйковскій († к. XVI в.) говоритъ о громадномъ числѣ (болѣе 100) литовско-русскихъ лѣтописей, собранныхъ имъ. Если даже это огромное преувеличеніе, то все-таки свидѣтельствуетъ о тѣхъ значительныхъ потеряхъ, которыя потерпѣло русское лѣтописаніе вслѣдствіе военныхъ тревогъ, губительныхъ пожаровъ и политическихъ условій, когда русскія книги стали подвергаться истребленіямъ. Бѣлевскій къ польскимъ писателямъ, пользовавшимся рус. лѣтоп., присоединяетъ еще Бѣльскаго (Monum Pol., I, 548).

большая часть извѣстій приходится на долю разсмотрѣнной нами Кіевской лѣтописи [1]). Многія данныя, сообщаемыя Длугошемъ, значительно распространены, а другія вовсе на находятся въ извѣстныхъ намъ русскихъ лѣтописяхъ, которыя, какъ мы уже знаемъ, не дошли до насъ въ полномъ видѣ. Свѣдѣнія эти требуютъ, однако, критическаго отношенія къ источнику [2]). Уніатскій митр. Левъ Кишка († 1728 [3]) сдѣлалъ было переводъ сокращенной начальной лѣтописи съ дополненіемъ изъ Кіевской по 1200 г. [4]) на польскій языкъ, что указываетъ на распространенность ея въ западномъ краѣ, какъ видно и по спискамъ, бывшимъ здѣсь въ употребленіи (Хлѣбник. и Погодинскій). Наконецъ, упомянемъ, что Густынская лѣт. въ своемъ изложеніи по 1296 годъ представляетъ сокращеніе Кіевской лѣт. по Ипат. списку [5]); но въ ней есть указаніе на рядъ князей, правившихъ въ Кіевѣ послѣ монгольскаго разоренія до литовскаго завоеванія, чего нѣтъ въ другихъ лѣтописяхъ [6]), и кіевскія записи XV столѣтія (с. 358).

Литература: Ипат., Лавр. и Воскрес. списки (см. стр. 424—433); Новгор. и Кіевская сокращенныя лѣтописи (Супрасльск. рукоп., принадл. Синод. библ.), изд. кн. М. А. Оболенскимъ, М. (1836); Библіографическое обозр. русскихъ лѣтоп., Д. Перевощикова (стр. 125—131) и Д. Полѣнова (стр. 10—13); Изслѣдованія и лекціи Погодина, т. IV, М. 1850, стр. 42—60, 71—75, 80—147; Филаретъ, Обозоръ рус. дух. лит., 22—23; Лекціи по русской исторіи, Н. И. Костомарова, ч. I. Источники русской исторіи, Спб. 1861. Лѣтописи. стр. 39—47; 96—97; О составѣ русскихъ лѣтописей, К. Н. Бестужева-Рюмина, Спб. 1868, стр. 70—151; 64—259; О русскихъ лѣтописяхъ, А. И. Маркевича, вып. 2, Од. 1885, с. 1—28; Пер-

---

[1]) Въ соч. К. Н. Б-ва-Рюмина (О составѣ рус. лѣт., прилож., с. 64 и 378) сведены параллельн. мѣста къ Длугошу отъ нач. Руси по 1383 годъ, по спискамъ Лавр., Соф., Воскрес., Никонов., Твер., Новгор. и Густ. лѣтописей. Ошибки Длугоша сравнительно съ русскими лѣтописями отмѣчалъ еще Карамзинъ (II, прим. 30 и др., по указателю).

[2]) См. Б. Рюминъ, 150 и прилож.

[3]) См. выше, 429. Не показываетъ ли это, что и онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ списокъ безъ Волынской лѣтописи?

[4]) Monum. Polon. I, 548—549.

[5]) Н. Молчановскій, Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 г., стр. 11, примѣч.

[6]) Антоновичъ, Источн. для исторіи Ю. З. Россіи, с. 14 (литогр.).

выя времена христіанства въ Россіи по церковно-историч. содержанію русскихъ лѣтописей, Н. Я. Аристова, Спб. 1888 (изъ Правосл. Соб. и Хр. Чтен.), стр. 127—149; О Лаврентьевской лѣт., И. А. Тихомирова, (Ж. М. Н. Пр. 1884, № 10, с. 239--270); зам. о Малалѣ относительно Ипат. лѣт. (Ягичъ, Ист. сербо-хорв. литер., 118—119, 128); Терновскій, (Изуч. виз. исторіи, I, 13—14 и примѣч.; II, 119); Бестужевъ-Рюминъ (О составѣ, 61—о вліяніи на Ипат. сводъ Еллин. лѣт-ца); Хронографъ Ипатскаго списка лѣтописи подъ 1114 г., В. М. Истрина (Ж. М. Н. П., 1897, № 11, стр. 83—91); Общерусскіе лѣтописные своды XIV и XV вв., А. А. Шахматова (тамъ же, 1900, № 11, 135—200); Rozbiór krytyczny dziejów Dlugosza, Semkowicza, Krak. 1877, объ извѣстіяхъ изъ русск. лѣтописей, 53—54; Die Hypatios-Chronik als Quellen-Beitrag izur österreichischen Geschichte, v. Dr. Isidor Szaraniewicz, Lemb. 1872 (сюда относятся, стр. 1—38); сводъ прежнихъ мнѣній о языкѣ лѣтописи (Погодинъ, VII, 410—442); Історія Укр. Руси, М. Грушевскаго, III, Львовъ, 1901, стр. 465—466, 655—656; О языкѣ Ипатской лѣтописи, А. А. Никольскаго (Рус. Фил. Вѣст. 1899, № 1—2; стр. 238- 275; № 3—4, стр. 23—110, со словаремъ къ лѣтописи); Опытъ словаря изъ Ипатской лѣтописи, Н. Г. Чернышевскаго (Матер. для сравнит. и объяснит. словаря и грамматики, въ прилож. къ Изв. И. Ак. Наукъ, т. II, 1853, стр. 512—576); По поводу слова „кощей" Слова о полку Игоревѣ и Ипат. л., В. Каллаша (Р. Филол. Вѣст. 1890, № 1, с. 112—113—и др. вост. слова); Хронологическій указатель, Погодина (Уч. Зап. Имп. Ак. Н. по 2-му отд., ч. VII, с. 401; начало осталось не напечатаннымъ, затерявшись въ бумагахъ Куника, см. О годѣ смерти Ярослава I, А. Куника, 18, прим.); Сравнительныя таблицы различныхъ лѣтосчисленій, А. Куника, Спб. 1871; для географіи лѣтописи: Арцыбашевъ, Погодинъ (т. IV), Барсовъ, Головацкій (словари), Сулемерскій (польскій), М. С. Грушевскій (Ист. Кіевской земли); указатели Карамзина, Соловьева, а также при лѣтописяхъ (о небрежности и неточности указателя къ Ипат. лѣт., составлен. А. Труворовымъ) Кіев. Стар. 1888, т. XXI, 90—92; атласы Е. Е. Замысловскаго и др.

I.

Въ тѣсной связи съ Кіевомъ долгое время находился Переяславль—русскій или южный. Культура Переяславской земли въ значительной степени опредѣлялась культурой Приднѣпровья вообще (см. отд. II-й, гл. 1-я). Археологическія находки, составляющія нынѣ принадлежность мѣстныхъ музеевъ [1]), свидѣтельствуютъ о раннемъ заселеніи

[1]) Раскопки В. Б. Антоновича, Д. Я. Самовласова, Мазараки, Ө. Каминскаго и др.

этого края [1]). Намъ приходилось упоминать о нерѣдкихъ находкахъ въ томъ же районѣ монетъ временъ римской имперіи и византійской эпохи (стр. 165), преимущественно VIII—X вв. На территоріи бывшаго Переяславскаго княж. встрѣчаются и саманидскія диргемы IX—X в., хотя сравнительно рѣдко [2]). Съ утвержденіемъ владычества хазаръ въ степяхъ, послѣдніе являются распорядителями здѣсь восточной торговли: но, по своему значенію, Переяславскій край былъ скорѣе транзитнымъ путемъ, нежели самостоятельнымъ вкладчикомъ въ сношеніяхъ Востока съ Кіевской землей [3]). Благодаря этимъ связямъ попадаются, въ незначительномъ количествѣ, и западныя монеты [4]). Святославъ, отправляясь на Донъ, а оттуда на Волгу и Владиміръ св., сопровождавшій нѣмецкаго миссіонера въ землю Печенѣговъ, не могли миновать Переяславской земли [5]). Обиліе рѣкъ (это лѣвые притоки Днѣпра: Десна, съ впад. въ нее Сеймомъ и Остромъ: Пселъ съ Хороломъ и мн. др., Трубежъ, Супой, Сула съ впад. въ нее Удаемъ и др.. Ворскла), содѣйствовало заселенію этого

[1]) Полтавскій земскій еств. истор. музей, Полт. 1892; В. П. Горленко, Лубенскій музей, Е. Н. Скаржинской, К. 1891 (также Кіев. Стар. 1890, № 10); Д. Я. Самоквасовъ (см. ниже); Веществ. памят. древности въ предѣлахъ Малоросіи, М. 1879 (Проток. Археол. выставки); К. Мельникъ, Каталогъ коллекціи древ. А. Поля въ Екатеринославѣ, К. 1893; Отчетъ Имп. Арх. ком. за 1882—88 и 1893 гг. Въ Курской губ. большинство найденныхъ предметовъ относится къ XI в. и позже. Изъ болѣе раннихъ самымъ цѣннымъ является обоянскій кладъ 1849 г. съ предметами римской эпохи (II в.), извѣстными по прежнимъ описаніямъ, и арабскими монетами VIII—IX вв., найденными въ 1866, 68, 76—79 гг. (Курскій Сборникъ съ путеводит. и планомъ города. Изд. Кур. стат. ком. подъ ред. Н. И. Златоверховникова, I, 1901: Обозр. Курской губ. въ археол. отношеніи, А. А. Спицына). Объ археол. экскурсіи въ 1901 г. въ Роменскій у., Полтав. губ. и Сумской у., Харьков. губ. (Кіевлянинъ 1901, № 107). Южнѣе Переяславля находокъ русскихъ древностей IX—XI вв. уже не встрѣчается, такъ какъ тамъ начиналась мѣстность, мѣнявшая своихъ жителей съ каждымъ временемъ года, земля разныхъ кочевниковъ, торковъ, печенѣговъ, половцевъ и татаръ" (Гр. Толстой и Н. П. Кондаковъ, Русскія древности, V, с. 6).

[2]) Д. Самоквасовъ, Основ. хронол. классификаціи, описаніе и каталогъ коллекціи, Варш. 1892, 63. - 77.

[3]) Въ нач. XIX стол., въ Борисполѣ были найдены двѣ монеты съ надписью: съ одной стороны: „Владиміръ на столѣ", съ другой: „а се его серебро" (Труды М. Общ. ист., III, кн. I, стр. 198). О типѣ этой монеты въ соч. гр. И. И. Толстого: Древнѣйшія рус. монеты В. К. Кіевскаго, 37; о серебр. монетахъ в. к. Владиміра (11 -46).

[4]) Извѣстія Имп. Археол. общ., VII, 2; Самоквасовъ, xxvii—xxxi.

[5]) Подробности объ этомъ пути см. Ипат. л., годъ 1111-й, а также Поученіе Владиміра Мономаха.

края [1]) и сближенію его съ областію Оки съ одной стороны и Дона (при посредствѣ Сѣв. Донца) съ другой. Самыя названія рѣкъ указываютъ на раннее занятіе этого края славянскимъ населеніемъ (какъ другія свидѣтельствуютъ о тюркскомъ элементѣ). По свидѣтельству же лѣтописи насельниками этой территоріи были сѣверяне [2]). Извѣстіе древняго лѣтописца [3]), о существовавшемъ у сѣверянъ обычаѣ трупосожженія, подтверждается и позднѣйшими раскопками [4]). Обиліе земляныхъ насыпей вблизи Переяславля свидѣтельствуетъ о его раннемъ заселеніи и необходимости защиты отъ нападеній [5]), какъ и вообще на этой окраинѣ, причемъ часть княжества, прилегавшая къ Днѣпру и граничившая съ Кіевской землей, оказывается и наиболѣе заселенною. Лѣтописныя и византійскія извѣстія (Константинъ Багрян.) сообщаютъ свѣдѣнія о значительномъ судоходствѣ по Днѣпру (стоянки Треполь, Витичевъ, Зарубъ, Каневъ); причемъ и Переяславль, какъ лежавшій на пути, не могъ оставаться въ сторонѣ отъ этого движенія. Многочисленные остатки судовъ, находимые по берегамъ рѣкъ, отличавшихся мелководьемъ, указываютъ на существовавшія въ ранній періодъ сношенія по рѣкамъ (сплавное судоходство) и торговлю [6]). По богатству находимыхъ предметовъ древности, среднее

[1]) Раннеее заселеніе Остра, Трубежа, Супоя и др. подтверждаютъ и археологическія данныя.

[2]) Ипат., 4, 7; Лавр., 6, 12: по Деснѣ, Сейму и Сулѣ, а слѣд. распространялись и далѣе къ югу. Но ни въ какомъ случая нельзя допускать здѣсь еще тиверцевъ и уличей. Никон. лѣт. (I, 26; вопреки исторіи Переясл. земли, К. 1897 (Вас. Ляскорскаго, 119—120, 125), говоритъ лишь о низовьяхъ Днѣпра; другія же свидѣтельства ничего не прибавляютъ (см. Брунъ, I, 104—106, 167; Н. Ламбинъ, см. выше, с. 387). Въ началѣ XII в. славянскія поселенія, собственно сѣверскія, отмѣчаютъ на Сѣв. (Сѣверскомъ) Донцѣ (Н. Барсовъ, Очерки рус. истор. географіи, 131).

[3]) Ипат. лѣт.. 7—8.

[4]) Д. Самоквасовъ, Сѣверян. курганы и ихъ значеніе въ наукѣ (Труды 3-го Арх. съѣзда, I, 194—303); Основ. хронолог. классифик.; Дмитрюковъ, Тр. Курск. стат. комит., I, 507 и д.); Спицынъ (Ж. М. Н. Пр. 1899. № 8, с. 308).

[5]) Самоквасовъ. Древніе города Россіи, Спб. 1873, прилож., 23—25—42; Шафонскій, Черниговъ. намѣстнич. топографич описаніе. 447—463; 603—657. Католическій миссіонеръ Бруно, бывшій въ Россіи при Владимірѣ I, пишетъ: „Duos dies cum exercitu duxit (князь) me ipse usque ad regni sui terminum, quem propter vagum hostem firmissima et longissima sepe undique circumclausit“ — отъ печенѣговъ (Рус. Бес. 1856, I, с. 12; Mon. Polon. hist., I. 224—25).

[6]) Аристовъ, Промышленность древней Руси, 95—96; Ипат. лѣт., 17.

Поднѣпровье даетъ обильный матеріалъ [1]). Договоры Олега и Игоря свидѣтельствуютъ, что переяславскіе купцы (гости) занимали въ Константинополѣ почетное мѣсто на ряду съ кіевлянами, а слѣд. и Переяславль существовалъ задолго до извѣстной легенды, относимой лѣтописцемъ ко времени Владиміра св. [2]). Подобно полянамъ, сѣверяне подчинялись господству хазаръ, пока кіевскіе князья не подчинили ихъ своей власти. Перемѣны въ степи (господство печенѣговъ, торковъ, половцевъ) всецѣло отражались на положеніи Переяславской земли [3]). По рр. Хоролу и Ворсклѣ русскіе купцы ходили въ половецкія степи (XII в. [4]), а въ это время въ предѣлахъ Дона существовало уже нѣсколько городовъ (Сугровъ, Шарукань, Балинъ, Чешуевъ и Донецъ), поддерживавшихъ эти сношенія [5]). Связи эти поддерживались богатствомъ хлѣба, которымъ снабжала Переяславская земля степныхъ народовъ (торковъ, половцевъ [6]) и отъ которыхъ получала или добывала рогатый скотъ и лошадей [7]). Пограничное положеніе края дѣлало населеніе его предпріимчивымъ и храбрымъ [8]); но это не избавляло его отъ постоянныхъ набѣговъ кочевниковъ [9]). По числу этихъ послѣднихъ Переяславская область занимаетъ первое мѣсто [10]); а это не могло обезпечить ей прочнаго политическаго существованія.

---

[1]) Лаппо-Данилевскій, Скиѳскія древности, с. 20—30; ср. А. П. Богдановъ, О могилахъ скиѳосармат. эпохи въ Полтавской губ. и о краніологіи скиѳовъ (Проток. Антропол. выставки 1879, М.).

[2]) Ипат. лѣт., 18, 30, 83—85; Лаврент., 48.

[3]) По лѣтописи напуганные союзомъ князей торки разбѣжались (1060), а ихъ мѣсто заняли половцы (1061). Впрочемъ часть торковъ (турпеи) была поселена близъ Переяславля (1080, 1150), но также вызывала вмѣшательство вслѣдствіе вторженій (Ипат. лѣт. 143, 277). О нихъ см. А. В. Стороженко (Очерки Переяславской старины, К. 1900, стр. 33—43).

[4]) Ипат. лѣт., 429. На этотъ путь въ болѣе раннюю эпоху указываетъ обиліе восточныхъ монетъ VII—IX вв., найденныхъ въ Харьков. губ. (Зап. Арх. общ., II, 425).

[5]) Ibid., 204, 438; Лавр., 277.

[6]) Ипат. лѣт., 183; Лавр., 215, 294; Воскресен., 33, 62.

[7]) Лавр., 271, 287, 294, 312, 332; Ипат. 153, 184, 186, 193, 274, 369, 370, 429, 451, 522; Аристовъ, Промышленность древней Руси, 41—43.

[8]) Лѣтописецъ называетъ переяславцевъ „дерзкими на бой" (Лавр. лѣт., 341; Ипат. лѣт., 381).

[9]) Владиміръ Мономахъ говоритъ: „И сѣдѣхъ въ Переяславли три лѣта и три зимы (съ 1094 г.) и съ дружиною своею; и многы бѣды прияхомъ отъ рати и отъ голода" (Лавр., лѣт. 240).

[10]) См. выше, стр. 256.

II.

Уже на первыхъ порахъ (со времени Олега) Переяславль является въ соединеніи съ Кіевскимъ княжествомъ [1]). Владиміръ строитъ города по Деснѣ, Остру, Сулѣ, Трубежу и населяетъ ихъ лучшими людьми, созванными изъ другихъ мѣстъ (новгородцевъ, кривичей, вятичей, чудь), чтобы оградить свою юго-восточную границу отъ вторженія печенѣговъ [2]). Борьба съ этимъ врагомъ заставила тогда Владиміра (993) укрѣпить и Переяславль [3]). Въ концѣ его княженія, по случаю нападеній печенѣговъ и внутреннихъ смутъ въ краѣ, мы видимъ здѣсь кн. Бориса [4]); но берега Альты (близъ Переяславля) были вскорѣ свидѣтелями кончины послѣдняго, а затѣмъ побѣды (1019 г.) Ярослава надъ Святополкомъ [5]); а нѣсколько позже (1068) здѣсь потерпѣлъ пораженіе отъ половцевъ Всеволодъ Ярославичъ съ братьями [6]). Борьба Мстислава тмутараканскаго съ Ярославомъ отторгла на время

---

[1]) Ипат. л., 18, 83; Лавр. 30—31, 48, 119.

[2]) Ипат. л., 83; Лавр. 119.

[3]) „Заложи городъ на бродѣ томъ“—“на Трубежи, на бродѣ, идѣ же нынѣ Переяславль“ (Лавр. л., 191, 121; Ипат. л., 83—85).

[4]) Ипат. л., 92; Лавр. л., 127. „Умиривъ грады вся (Борисъ), взвратися вспять“. (Сказ. о Борисѣ и глѣбѣ, изд. Срезневскимъ, 11).

[5]) Ипат. лѣт., 101—102; Лавр. л., 141.

[6]) Въ XII в. князья нерѣдко сходились здѣсь для военныхъ предпріятій, а въ 1154 г. половцы сожгли „Летьскую божницю“ (Лавр. л., 326; Ипат. лѣт., 328), „въ пей же множество богатства, все пограбиша“, прибавлено въ Никон. лѣт. Въ эпоху польскаго владычества мѣсто это досталось (въ к. XV в.) татарскому толмачу Солтану Албѣевичу, а имъ продано было Пустынно-Николаев. мон. въ Кіевѣ. Въ нач. XVII в. земли эти присвоены были канцл. Стан. Жолкевскимъ и тогда еще существовала церковь „спустошоная на крве, где княжати русского, именемъ Бориса Волод-ча, забито, змурованая“ (актъ 1629 г.). Жолкевскій, заселивъ это мѣсто, назвалъ его Борисполемъ. Возлѣ этой церкви называется еще „дворецъ“, быть можетъ остатокъ построекъ Владиміра Мон. Церковь Бориса и Глѣба въ м. Борисполѣ упоминается въ актѣ 1663 г., но уже деревянная, а въ 1812 г., послѣ пожара, построена каменная, причемъ на этомъ мѣстѣ найденъ былъ фундаментъ изъ дикаго камня (Мѣсто пролитія крови св. кн. Бориса въ сборникѣ А. В. Стороженка: „Очерки Переяславской старины“, К. 1900, с. 18—32). По указаніямъ Павла Алеппскаго (1654), церковь Бориса и Глѣба была умышленно разрушена поляками (слѣд. до 1648 г.), а изъ ея камня построенъ въ Кіевѣ новый костелъ (рядомъ со старымъ, на мѣстѣ нынѣшняго семинарскаго корпуса), отличавшійся великолѣпной отдѣлкой, но тогда уже запущенный (Путеш. П. Алеппскаго, I, 76; IV, 189—190; ср. Стороженка, 228—232).

отъ власти послѣдняго Заднѣпровье (1026—1036). По завѣщанію же Ярослава Переяславль былъ отданъ Всеволоду (1055—1073), занимая по прежнему третье мѣсто въ ряду русскихъ городовъ; но къ нему же принадлежала тогда и обширная Суздальская область [1]). Съ утвержденіемъ Всеволода въ Черниговѣ (1073), до занятія имъ кіевскаго престола (1078—1093), Переяславль становится предметомъ притязаній Святославичей черниговскихъ; но Всеволоду удается удержать его въ своихъ рукахъ. Не разъ онъ поручалъ своему сыну Владиміру (Мон.) завѣдываніе дѣлами въ Переяславлѣ и веденіе борьбы съ половцами (1076, 1078, 1080), а послѣ непродолжительнаго пребыванія здѣсь Ростислава Всевол. (1093 г., утонувшаго въ р. Стугнѣ во время неудачнаго похода на половцевъ), въ немъ окончательно утверждается Владиміръ М. (1093—1113), который и получилъ признаніе за нимъ этой земли („отчину Всеволожю") по Любечскому договору (1097 г. [2]), продолжая располагать и Смоленскою землею, куда онъ посылалъ своихъ намѣстниковъ. Въ это время (1089) Переяславль былъ укрѣпленъ каменными стѣнами [3]) и построенъ городъ (1098) на р. Острѣ [4]), какъ опорные пункты противъ половцевъ и черниговскихъ князей. Почти не проходило года, чтобы Владиміръ М. не предпринималъ похода отдѣльно или вмѣстѣ съ другими князьями противъ половцевъ (къ Ромнамъ, за Рось, на Сулу, въ глубь степей, подъ Лубны, на Донъ и въ окрестности Переяславля). Насилія половцевъ надъ торками, берендѣями и печенѣгами заставили ихъ обратиться къ Владиміру М. съ просьбою о поселеніи ихъ въ русскихъ предѣлахъ и онъ отвелъ имъ земли на югъ отъ Переяславля [5]); а бѣловежцы были поселены на сѣверѣ (г. Бѣловежъ), въ Черниговскомъ княжествѣ [6]).

---

[1]) Погодинъ. IV, 294—295; V, 307—308. Владиміръ Мон., отдавъ Ростовскую и Суздальскую области сыну Юрію, положилъ такимъ образомъ начало независимости Суздальскаго княжества.

[2]) Лавр. л., 247; Ипат. л., 167. Посадникомъ при немъ въ Переяславлѣ былъ Ратиборъ (ib. 158—159, 180), а однимъ изъ дружинниковъ сынъ его Ольбегъ (Лавр. 220; въ Ипат. Елбегъ, 159),—очевидно варяги.

[3]) Въ 1136 г. Переяславль выдержалъ осаду Ольговичей (Ипат. л., 214). Юрій Долг. также не могъ сразу завладѣть имъ (265; Лавр., 306).

[4]) Лавр. л., 202; Ипат. л., 146, 179: „Того же лѣта Володимеръ Мон. заложи городъ на Въстри" (ср. 289).

[5]) Ипат. л., 204; Карамзинъ, II, 99. Въ 1121 г. Владиміръ Мон. прогналъ этихъ безпокойныхъ сосѣдей (Ипат. л., 205; Лавр., 277; Воскрес., 25; Никон., 151). Опустошительные набѣги ихъ иногда достигали Курска (1138, Никон. л. 161) и Путивля (по Переясл. землѣ, Ипат. л. 437), Посулья (1153) и Супоя (1155).

[6]) Ипат. л., 205, 252, 264. Ср. Грушевскій, I, 378—379, II, 271.

Утвердившись въ Кіевѣ (1113—1125), Владиміръ М. посылаетъ въ Переяславль своихъ сыновей (1113—Святослава; 1114—1132 Ярополка [1]); но и самъ не забываетъ этотъ край: въ 1115 г. онъ построилъ мостъ черезъ Днѣпръ [2]), для соединенія Кіева съ своею областью; въ томъ же году онъ устроилъ перенесеніе мощей Бориса и Глѣба въ каменную церковь и оковалъ раку ихъ серебромъ и золотомъ; въ 1117 г. онъ заложилъ въ честь ихъ каменную церковь—на Альтѣ, во время посѣщенія которой въ 1125 г. и скончался [3]), и это показываетъ, что онъ часто наѣзжалъ въ свою отчину. Со времени Владиміра М. Переяславское княжество считалось ступенью къ Кіевскому; оно предоставлялось обыкновенно старшимъ сыновьямъ или племянникамъ кіевскаго князя [4]). Отъ смерти Владиміра М. до владычества татаръ, на переяславскомъ столѣ смѣнилось свыше 20 князей, причемъ нѣкоторые изъ нихъ сидѣли здѣсь по два раза. Несогласія среди сыновей Владиміра М. и борьба между Мономаховичами и Ольговичами, послѣдніе же часто прибѣгали къ помощи половцевъ, всецѣло отражается на судьбѣ Переяславскаго края [5]). Троекратное занятіе Кіева Юріемъ Долгорукимъ (1149, 1150, 1154), гдѣ онъ умеръ и погребенъ [6]), завладѣніе Кіевомъ Андреемъ Боголюбскимъ и признаніе за нимъ первенства въ русской землѣ (1169 г.) поддерживали болѣе тѣсную связь Пере-

---

[1]) Ипат. л., 199, 208. О его походахъ на половцевъ (1116, 1120, 1125).

[2]) Постройка моста составляла важное явленіе въ жизни города и на Западѣ (Трайль, I, 221; II, 218).

[3]) „Тѣмъ (Борису и Глѣбу) и церковь прекрасну созда на Лтѣ, во имя ею, идеже св. Бориса кровь прольяна бысть....; преставися на Лтѣ у милое церкве, юже созда потщаньемъ многымъ, живъ отъ рожества всего лѣтъ 73" (Лавр., 280; Ипат., 208—упоминаетъ о кончинѣ безъ излишнихъ похвалъ и подробностей). Св. Бориса Владиміръ Мон. называетъ своимъ покровителемъ въ трудныхъ обстоятельствахъ (поученіе). На Альтѣ, въ день Бориса и Глѣба, совершалось ежегодно церковное торжество, на которомъ присутствовали и князья (Лавр. л., 318; Ипат. 331; Никон., IX, 190).

[4]) Лавр., 218, 305, 325—326.

[5]) Въ 1127 г. вел. кн. Мстиславъ I посадилъ въ Курскѣ своего сына Изяслава (Лавр., 282), чтобы оградить Переяславское княжество отъ посягательствъ Ольговичей. Отвѣтъ курскаго вѣча во время княжескихъ усобицъ (Ипат. лѣт., 1147 см. выше, стр. 447). Въ 1133—1149 г. въ Переяславлѣ княжили: Всеволодъ Мстисл., Юрій Влад. (Долгорукій), Изяславъ Мстисл., Вячеславъ Влад., Андрей Владим., Мстиславъ Изяславичъ.

[6]) Въ войнахъ между Изяславомъ Мстисл. и Юріемъ Долгорукимъ (1147—1152) и отъ половецкихъ набѣговъ (1172—1187 гг.) Переяславское княжество много пострадало (Погодинъ, V, 295).

славля съ Суздалемъ [1]). Во время господства надъ Кіевомъ суздальскихъ князей, они посылали въ Переяславль своихъ посаженниковъ: Всеволодъ III—сына Константина (1194 [2]), племянника Ярослава Мстисл. (1199 г. [3]) и опять сына Ярослава (1202 [4]).

Борьба изъ-за Кіева между Ростиславичами и Ольговичами и суздальскими князьями всецѣло отражается въ частой смѣнѣ князей въ Переяславлѣ, въ которомъ подъ конецъ его независимости опять сидятъ князья суздальскаго дома. Перипетіи этой чисто-родовой борьбы значительно облегчали доступъ половецкимъ ордамъ, пока окончательно Переяславль ни сталъ жертвою татарскаго погрома (1239) и ни былъ занятъ татарскимъ гарнизономъ [5]). Принадлежавшій нѣкогда къ Переяславскому княжеству, отдаленный Курскъ становится мѣстопребываніемъ баскака (Ахмата), который заселилъ его окрестности татарскими слободами, разбойничавшими здѣсь и захватывавшими странниковъ и купцовъ, проходившихъ мимо нихъ [6]).

III.

Переяславское княжество, гранича на западѣ съ Кіевскимъ княжествомъ (по Днѣпръ), на сѣверѣ прилегало къ Черниговскому и Сѣверскому, на востокѣ—къ Рязанскому княж. на югѣ, соприкаса-

---

[1]) Въ это время въ Переяславлѣ сидѣли: Ростиславъ Юрьевичъ (1149—51, въ 1151—Глѣбъ Юрьев.), Мстиславъ Изяслав. (вторично, 1151—54), Глѣбъ Юр. 1154—1171), Владиміръ Глѣбов. (1171—1187). Глѣбъ участвовалъ въ походѣ Андрея на Кіевъ, гдѣ и былъ посаженъ на столъ. Съ его именемъ, вѣроятно, соединяется возникновеніе г. Глѣбова близъ Переяславля (Ипат. л., г. 1185). Владиміръ съ 12 лѣтъ сидѣлъ въ Переяславлѣ, извѣстенъ своимъ походомъ на половцевъ и личною храбростью (1183—1187), обнаруженною при этомъ. Слово о полку Игоревѣ не разъ вспоминаетъ его. „Се у Рим (Римовѣ) кричатъ подъ саблями половецкими, а Володимеръ подъ ранами, туга и тоска сыну Глѣбову". Римовъ жестоко поплатился тогда отъ половцевъ, не смотря на свои укрѣпленія (Ипат., 436—38).

[2]) Татищевъ, III, 324, 328—331.

[3]) Воскр. л., 107; П. С. Р. лѣт., X, 31; Татищевъ, 329; Густын. лѣт., 326 (о кончинѣ его).

[4]) Воскр. лѣт., 107. Въ то время Всеволодъ III съ сыновьями Константиномъ и Юріемъ былъ въ Переяславлѣ Залѣсскомъ (Лавр. 395; Карамзинъ, III, пр. 103). Въ 1206 г. онъ женилъ Ярослава на половецкой княжнѣ, дочери Юрія Кончаковича (Лавр. 405; Никон., П. С. Р. Л., X, 50; Воскрес., 112). Замѣч. о позди. судьбѣ Пер. южнаго (Грушевскій, III, 225 и пр. стр. 590, и А. В. Стороженко, 72—203).

[5]) Ипат. л., 520, 535.

[6]) Воскр. (П. С. Р. Л., т. VII, 178, годъ 1284, съ дополн. изъ Троиц. лѣт.; Карамзинъ IV, прим. 167).

лось съ половецкими кочевьями. Хотя границы эти не отличались постоянствомъ, но изъ нихъ сѣверная приблизительно совпадала съ теченіемъ р. Остра и верховьевъ Сейма, а юго-восточная шла по верховью Сѣвернаго Донца и южному теченію Ворсклы [1]). На западѣ Десна и Днѣпръ отдѣляли Переяславское княжество отъ Черниговскаго и Кіевскаго (не считая узкой побережной полосы этого послѣдняго въ Заднѣпровьи). Въ ряду городовъ и болѣе важныхъ мѣстъ Переяславской земли, кромѣ Переяславля [2]), заслуживаютъ упоминанія: Воинъ (1079), Хоролъ (1084), Горошинъ (1084, 1107), Прилукъ (—Прилуки, 1085), Варинъ (1085), Песоченъ (1092), Переволока (1092), Голтва (1095), Курскъ (1095, 1125 [3]); Римовъ, Роменъ (1096), Устье (1096), Городокъ (у сліянія Десны и Днѣпра [4]). Городокъ Вострскій [5]) — Гюргевъ городокъ (1098, 1141, 1147, 1151, 1152), Вороница (1104), Зарѣческъ (1106), Снятинъ (1106), Радосынь (1111), Лубно (Лубны, 1107), Желни (Желди, 1116 [6]), Барочъ (1125, 1133, 1174), Бронь-Княжь (1174), Полкостѣнъ (1125), Ратьмиря Дуброва (1128), Нѣжатинъ (1135, по однимъ Нѣжинъ на р. Острѣ, по другимъ — между Альтою и Супоемъ), Корань (1140), Малотинъ (1140), Русотина (1147), Выяхань, Попашь (1147), Куд-

[1]) Въ 1136 г., по миру съ Ольговичами, Ярополкъ Владиміровичъ уступилъ имъ все Посемье (Ипат., 215; ср. Соловьевъ, II, 102) и вскорѣ затѣмъ (1139), по договору въ Моравійскѣ онъ уступилъ имъ и Курскъ съ окрестными мѣстами (Ипат. л., 218, 221, 233, 236, 250, 268, 298, 351, 431). Такъ слѣдуетъ на основаніи указанныхъ мѣстъ лѣтописи (Иловайскій, I, 202; Соловьевъ, II, 104). Въ 1141 г. Всеволодъ Ольговичъ временно захватилъ Остеръ (Ипат., 221, 289). Потомъ въ Курскѣ сидѣли Глѣбъ Ольговичъ и Святославъ Ольговичъ (Погодинъ, VI, 81, 76—77). Въ 1223—26 г. княжилъ въ Курскѣ Олегъ Святославичъ (Ипат., 497; Лавр., 426, 481; ср. Погодинъ, VI, 198, 285; Ипат. 298). „Слово о полку" знаетъ Курскъ уже черниговскимъ и хвалитъ воинственность населенія. Ср. М. Грушевскій (III, 246, 251).

[2]) Въ немъ называются трое воротъ: княжьи, епископскія и кузнечьи (Ипат. л., 214, 226). Благодаря своимъ укрѣпленіямъ (с. 146), онъ могъ выдержать продолжительную осаду (см. выше). Вокругъ города шли валы (158, 265), а вблизи его находился „красный дворъ" княжескій (Ипат., 266; П. С. Р. Л., VII, 44: Владиміра Мон., Труды М. О. ист., III, кн. I, 197).

[3]) По житію Ѳеодосія—онъ упоминается раньше.

[4]) См. Гошкевичъ (выше, стр. 397), мѣсто заключенія мира (1026) между Ярославомъ I и Мстиславомъ и здѣсь же встрѣчали кіевляне тѣло Изяслава I (1078), павшаго въ битвѣ съ половцами.

[5]) Въ 1148 г. здѣсь былъ княжскій съѣздъ; въ 1195 г. Всеволодъ Юр. распорядился возобновить остерскія укрѣпленія и церковь, уже разрушенныя, для чего посылалъ тіуна Гюрю (Лавр. л. 391; Воскр. л., 102).

[6]) Здѣсь поселены были плѣнные дрючане, взятые Ярополкомъ Владиміровичемъ.

ново, Янчино (1149), Родунь (1151), Мажево (1151), Пирятинъ (1154), Дубенецъ, Деменескъ (1155), Лтава (какъ полагаютъ Карамз., Арцыб. и др., Полтава на Ворсклѣ [1]), Серебреный (1174), Лукомль—городище (1179), Дмитровъ (1184), Глѣбовъ (1185) Донецъ (1185). Размѣщеніе этихъ поселеній, преимущественно по рѣчнымъ теченіямъ, свидѣтельствуетъ объ ихъ значеніи для населенія въ торговыхъ и административныхъ сношеніяхъ, а положеніе другихъ (со стороны степей или на сѣверѣ, по границѣ Черниговскаго княжества) указываетъ (нѣкоторые носятъ и названія городищъ или городковъ) на ихъ стратегическое назначеніе. Кромѣ этихъ поселеній, на территоріи Переяславскаго княжества сохранились многочисленные слѣды прежнихъ городищъ, несомнѣнно принадлежавшихъ къ болѣе раннему періоду. Города управлялись посадниками, которые мѣнялись съ переходомъ въ чужія руки, отъ чего часто терпѣло населеніе, какъ и отъ половцевъ [2]). Князья сообща охраняли торговые пути, а въ особенности греческій путь по Днѣпру [3]). Въ 1164 г., на судѣ по дѣлу ростовскаго епископа Леонтія, передъ императоромъ Мануиломъ присутствовали послы князей кіевскаго, черниговскаго, суздальскаго и *переяславскаго* [4]). Повидимому даже въ татарскую эпоху, западные и греческіе купцы не боялись посѣщать мѣста, принадлежавшія прежде Переяславскому краю [5]).

IV.

Христіанство получило здѣсь начало вскорѣ по введеніи его въ Кіевѣ; въ 1108 г. въ Переяславлѣ была построена каменная церковь въ честь Воздвиженія креста [6]); Переяславль же былъ одно время мѣстопребываніемъ митрополита (см. выше, стр. 178—179). По мѣст-

---

[1]) Впрочемъ ср. статью Л. В. Падалки: „По вопросу о времени основанія г. Полтавы“ (Чтенія въ Общ. Нестора лѣт., кн. X, стр. 15—33.

[2]) Ипат. лѣт., 209, 251, 274, 313; Лавр. 289; ср. Татищевъ, 255. Мстиславъ, Из., захвативъ главнаго совѣтника Глѣба, Станиславича, въ Переяславлѣ, подвергъ его мучительной казни (Ип. л., 256; Татищевъ, II, 323).

[3]) Ibid., 268 - 261, 361. Въ преданіяхъ Переяславщины до позднѣйшаго времени былъ извѣстенъ „цареградскій путь“ (Максимовичъ, II, 340).

[4]) Лавр. л., 334.

[5]) Въ лѣтописи говорится о Курскѣ (см. выше стр. 281—284). Въ XII в. донская рыба и икра доставлялись въ Константинополь (Евстаѳій Ѳессалоникійскій).

[6]) Никон. лѣт. (П. С. Р. Л., IX), с. 69.

нымъ синодикамъ первымъ епископомъ его называется Николай [1]), вторымъ Петръ [2]), третьимъ—извѣстный Ефремъ, митр., изъ печерскихъ монаховъ (о немъ см. выше, стр. 188—190 [3]), славный своими постройками въ Переяславлѣ, Кіевѣ и Суздалѣ [4]). За ними слѣдовали: Лазарь (1105—1118 [5]), Сильвестръ, изъ выдубецкихъ игуменовъ (1118—1123 [6]), лѣтописецъ, Іоаннъ († 1126 [7]), Маркъ (1126—1134), б. игуменъ переяслав. мон. св. Іоанна [8]), Макарій (1134—1141 [9]), Евѳимій (1141 — послѣднее упоминаніе о немъ подъ

[1]) Сочин. Максимовича, I, 112. Николай, изъ печерскихъ монаховъ, упоминается въ посланіи Симона (Патерикъ, изд. Яковлевымъ, xc), какъ старѣйшій епископъ.

[2]) Ипат., 127; Лавр., 176 (упоминается подъ 1072 г., по случаю торжественнаго перенесенія мощей Бориса и Глѣба въ новую церковь въ Вышгородѣ); Патерикъ, xc.

[3]) Ипат. л., 146; Лавр., 202; Патерикъ, xv, xviii, xxi (ж. Ѳеодосія); xc (посл. Симона), cii (посл. Поликарпа). Въ 1091 г. онъ первенствовалъ среди епископовъ на перенесеніи мощей св. Ѳеодосія (Ипат. л., 148; Лавр., 204).

[4]) По лѣтописи онъ построилъ каменную церковь значительныхъ размѣровъ и изящно украшенную, св. Михаила; церковь муч. Ѳеодора на городскихъ воротахъ и св. Андрея у церковныхъ вратъ; каменный городъ, банное строеніе („сего же не бысть въ Руси"). „И вкраси городъ Переяславскый зданьи церковными и прочими зданьи" (тамъ же). Ср. П. А. Лашкаревъ, Остатки древней церк. въ г. Переясл. (Церк. арх. очерки, К. 1898—о ц. св. Михаила). Построеніе церквей въ честь св. Андрея, какъ христ. имени Всеволода и Ѳеодора—Владиміра Мономаха (см. Лавр. лѣт., 3-е изд., прилож. 2-е, с. 41). Появленіе въ печати начала поученія Владиміра Мон. (по рук. XV в.) подтвердило указаніе Татищева на означенное имя послѣдняго въ крещеніи, а не Василія (Ист. рос., II, 211; ср. Карамзинъ, II, прим. 230). О Суздалѣ (Лавр. 230, 432 - очевидно о Ефремѣ же, вопреки Максимовичу, I, 115). Припомнимъ связь Суздаля съ Переяславлемъ, а Ефремъ современникъ Владиміра Мон. Въ 1123 г. церковь св. Михаила, вслѣдствіе землетрясенія, разрушилась; но была исправлена (Ипат. л., 207, 221). Въ 1230 г. вновь пострадала отъ землетрясенія (Лавр., 432). Передъ походомъ въ ней брали князья благословеніе у епископовъ (Ипат., 230); здѣсь благодарили за побѣду (268); здѣсь совершали церковныя празднества (281). Въ 1237 г., взявъ городъ, Батый разрушилъ церковь и забралъ ея сокровища („сосуды цьрьковьныя бесчисленыя златыя и драгаго каменья", 520 Ср. Лавр, 278, 293, 297, 305, 312, 313). Въ ней были погребены князья: Святославъ Влад. (1114), Андрей Влад. (1141), Ростиславъ Юр. (1151), Владиміръ Глѣб. (1187) Ярославъ Мстисл. (1199). См. Ипат., Лавр., Воскр., Густ. и здѣсь же, конечно, погребались епископы.

[5]) Въ 1115 г. онъ участвовалъ въ третьемъ перенесеніи мощей Бориса и Глѣба (Лавр., 270, 277; Ипат., 185, 201, 205.

[6]) Лавр., 277, 278; Ипат., 206.

[7]) Воскр., 26; Густын., 338.

[8]) Лавр., 281, 287; Ипат., 212; Воскр., 29 (Маркеллъ).

[9]) По синодикамъ (Максимовичъ, I, 115—116).

1149 г.[1]), Василій (1157[2]), Антоній (упом. 1168[3]), Павелъ (1198, присланный Всеволодомъ Юрьев. изъ сѣверной Руси[4]), Симеонъ, убитый татарами во время разоренія Переяславля (1238[5]). Необходимо еще прибавить, что первое время (до 1137 г.) въ зависимости отъ Переяславской епархіи находился и Смоленскъ[6]).

Время строительной дѣятельности въ Переяславлѣ приходится главнымъ образомъ на княженіе Владиміра Мон. и м. Ефрема[7]). При церкви св. Михаила, какъ полагаютъ, былъ и монастырь того же имени[8]). Въ болѣе позднихъ извѣстіяхъ упоминаются монастыри, существовавшіе раньше, а именно: Іоанновскій[9]), Рождества Богородицы, Бориса и Глѣба и св. Саввы[10]). Въ Переяславлѣ былъ и женскій мон., основанный Славятой, явившимся посломъ отъ Святополка кіевскаго къ Владиміру Мон. (1095), во время нападенія по-

---

[1]) Ипат., 221, 230, 239, 241 (участвовалъ въ поставленіи митр. Климента), 266; Лавр., 204; П. С. Р. Л, II, 338; Вокрес., 38, 39, 46 (старался о примиреніи Изяслава Мстислав. съ Юріемъ Долгор.). Въ указат. къ Ипат. лѣт. показанъ Евѳимій, еп. кіевскій, какого не было,—это тотъ же переясл. епископъ.

[2]) Воскр., 66. Въ Густын. л. (338) и синодикахъ (Максимовичъ, I, 116) о немъ не упоминается.

[3]) Максимовичъ, I, 116.

[4]) Лавр., 393; Воскр., 106; Густын., 338.

[5]) Ипат., 520; Лавр., 446 14. Въ Густын. лѣт. замѣчено: „и оттолѣ не бысть епископа въ Переяславли даже и до сего дне" (338). Однако, на основаніи синодиковъ, указываютъ еще Ѳеодора, поставленнаго м. Кирилломъ III въ половинѣ XIII в. (Максимовичъ, I, 116), послѣ котораго епархія Переяславская была возставлена лишь въ 1701 г.

[6]) Дополн. къ акт. историч., I, № 4; Макарій, II, 12.

[7]) Послѣдній „докончалъ" постройку церкви св. Михаила (1089), заложенную ранѣе и украсилъ ее. О построеніи церкви Богородицы на княжьемъ дворѣ Владиміромъ Мон. (1098).

[8]) Макарій, II, 74; Ист. іерархіи, V, 79; Ипат. лѣт., 146. Напомнимъ, что Всеволодъ, княжившій въ Переяславлѣ, былъ основателемъ Михайловскаго (выдубец.) мон. въ Кіевѣ. Остатки назв. церкви (дикій камень и кирпичъ) были найдены въ позднѣйшее время (Лашкаревъ). Въ 1072 г., по поводу перенесенія мощей Бориса и Глѣба, упоминается игум. переяславскій Николай (Ипат., 127), безъ обозначенія названія мон., быть можетъ именно этого княжескаго. Потомство Всеволода считало св. Михаила своимъ патрономъ (233).

[9]) Лавр., 281 (годъ 1126), 297; Ипат., 233 (годъ 1146, по случаю временнаго заключенія здѣсь Игоря Ольговича упоминается о каменномъ погребѣ, а слѣдов. и церковь была каменная).

[10]) Никон. л. (П. С. Р. Л., IX, 201); по случаю сож. ихъ половцами (1155; ср. Лавр., 326). Подъ 1152 г. упоминается о сожженіи церкви (божницы) Михаила въ Юрьевомъ городкѣ (Городокъ Остерскій) во время нападенія союзниковъ Изяслава Мстисл., причемъ замѣчено: „церковь камена, а верхъ ея древомъ нарубленъ, и то сгорѣ" (Лавр., Ипат., Воскр.).

ловцевъ [1]). Сынъ его Жирославъ (Жидиславъ, ср. Жирята—Жидята) былъ воеводою при Юріѣ Долгорукомъ и извѣстенъ по отношеніямъ къ Переяславлю его сыновей Глѣба и Андрея [2]). Внукъ же его Борисъ служилъ при Андреѣ Боголюбскомъ и попалъ въ плѣнъ къ половцамъ (1177 [3]). Дочь Жидислава Марія—была игуменьей названнаго монастыря. По древнему сказанію она—ослѣпла, но исцѣлилась водой, которой омытъ былъ образъ Владимірской Богородицы [4]).

Если Переяславль находился въ близкой связи съ Кіевомъ, то, какъ христіанство, такъ и письменность должны были рано проникнуть сюда. Какъ извѣстно, съ Альты пришелъ къ Ѳеодосію Іаковъ, котораго онъ находилъ достойнымъ по себѣ преемникомъ и который славится какъ одинъ изъ лучшихъ писателей того времени. Первый епископъ Переяславля взятъ былъ изъ Печерскаго монастыря; третій Ефремъ также печерскій инокъ, долго жившій на Востокѣ и извѣстный какъ писатель [5]), а однимъ изъ ближайшихъ его преемниковъ является—Сильвестръ, бывшій игуменъ Выдубецкаго мон. и авторъ лѣтописнаго свода. То было время Владиміра Мон., также выдающагося писателя, богатаго историческими воспоминаніями; поэтому указанныя условія не могли пройти безслѣдно для Переяславля. Владиміръ Мон. часто наѣзжалъ сюда, княжилъ здѣсь и здѣсь же скончался, а многіе факты въ его воспоминаніяхъ (или записяхъ) относятся прямо къ Переяславлю [6]).

---

[1]) Лавр., 219—220; Ипат., 158—159.

[2]) Лавр., 302, 307, 328; Ипат. 253, 327, 330.

[3]) Лавр., 345, 346, 353, 365; Ипат. 372, 382, 390.

[4]) Сказанія о чудесахъ Владим. иконы Б. М., изд. Общ. любит. древн. письм. Спб. 1878 (XXX), с. 28—39—памятникъ XIII в.

[5]) Ему приписываютъ описаніе чудесъ св. Николая и житіе его (см. изд. Общ. люб. древн. письмен., №№ xxxiv и ꙇxxii ср. Сборн. Типограф. библ., 42). Нѣкоторыя лѣтописи распространяются о его постройкахъ въ Переяславлѣ, о банномъ строеніи, о больницахъ съ безплатнымъ лѣченіемъ для населенія и т. п., заведенныхъ имъ и въ др. городахъ митрополіи, „тако же и въ Милитинѣ въ своемъ градѣ устрои: се же не бысть преже въ Руси“ (Никон., IX, 116; ср. Густын. л., П. С. Р. Л., II, 277: „во Греціи бо бывъ и тамо всякой красотѣ научився“). Замѣчанія Максимовича о трехъ Ефремахъ (Соч., I, 114—115); Шляковъ (О поуч. Владим. Мон., 32; Ж. М. Н. Пр., 1900, № 5, с. 127). Замѣтимъ, что на малорос. языкѣ „баня“ означаетъ и куполъ (Ж. М. Н. Пр., 1896, № 8, с. 247).

[6]) Лавр., 237—241. Въ послѣднее время явилась попытка признать въ моленіи Даніила заточника—южанина, служившаго въ дружинѣ бывш. переясл. князя

V.

Возникновеніе монастырей или соборнаго храма въ томъ или другомъ княжествѣ обыкновенно сопровождалось началомъ лѣтописныхъ записей.

Конечно, мы не должны въ каждомъ подобномъ случаѣ предполагать веденіе обширной лѣтописи, но мѣстныя извѣстія вѣроятно записывались, какъ можно судить по тѣмъ даннымъ о Переяславскомъ краѣ, какія мы предложили выше; но эти извѣстія вошли затѣмъ въ общіе лѣтописные своды и сборники.

Политическія и церковныя связи Переяславля съ Кіевомъ должны были служить достаточнымъ побужденіемъ для первыхъ лѣтописныхъ записей. Впослѣдствіи, при постоянныхъ отношеніяхъ къ Печерскому и Выдубецкому мон., онѣ могли стать извѣстными здѣсь и войти въ общую Кіевскую лѣтопись. Связи эти были на столько близки, что является естественнымъ заключеніе—о продолженіи Начальной лѣтов. въ Кіевѣ или Переяславлѣ [1]). Запись о строительной дѣятельности м. Ефрема въ Переяславлѣ (1090 г.) несомнѣнно мѣстнаго происхожденія. Извѣстія о прибытии половецкихъ пословъ къ Владиміру Мон. въ Переяславль (1095); о прибытіи къ нему посла Святополка—Славяты (выраженіе „пришелъ“ къ Владиміру) и описаніе поступка съ половецкими послами — такого же характера [2]). Подъ 1098 г. мы имѣемъ три краткія записи, связанныя съ именемъ Владиміра Мон., который сидѣлъ тогда въ Переяславлѣ: „Прииде Володимэръ, и Давыдъ, и Олегъ на Святополка, и сташа у Городца, и створиша миръ“.— „Въ се же лѣто заложи Володимеръ церковь каменну святоѣ Бог-цѣ Переяславли, на княжѣ дворѣ“.—„Того же лѣта заложи Володимеръ Мон. городъ на Въстри“. Сюда же повидимому относится и запись 1107 г.: „Въ се же лѣто преставися Володимеря княгини (2-я жена Владиміра) мѣс. маия въ 7 день. Того же мѣсяца воева Бонякъ и заа конѣ у Переяславлѣ“ [3]). Далѣе, идетъ краткая запись о походѣ на половцевъ

Ярослава Всевол. (см. выше, 464), по тону изложенія („школа его украинская“). См. Ист. Укр. Русп, М. С. Грушевскаго, III, 469 70; Зап. Товар. Шевченка 1901, III, 03—04.

[1]) Голубинскій, I, 651; ср. Голубовскій, Иваничская минея (21, 36).

[2]) Ипат., 149, 158. [3]) Ипат. лѣт., 187.

Владиміра М., Давида и Олега черниговскихъ и о бракахъ сыновей Владиміра (Юрія) и Олега (Святослава?) съ половецкими княжнами [1]). Подъ 1124 занесена краткая запись о землетрясеніи, отъ котораго пала церковь Михаила въ П-лѣ [2]). Между тѣмъ какъ въ Кіевской лѣт. о смерти Владиміра М. (1125) помѣщена запись мѣстнаго происхожденія, въ Лавр. сп. находимъ болѣе подробное сообщеніе о кончинѣ вел. князя на Альтѣ съ сочувственной замѣткой о томъ, что смерть постигла его на излюбленномъ имъ мѣстѣ „у милой церкви", гдѣ была пролита кровь Бориса, память котораго такъ чтилъ Владиміръ Мономахъ (см. выше, стр. 454 и 463 [3]). По поводу борьбы вел. кн. Всеволода Ольговича съ Андреемъ Владиміровичемъ переяславскимъ (1140), лѣтописецъ выражаетъ радость, что „Богъ помогъ" Андреевичамъ [4]). Подъ 1141 г. сообщается о кончинѣ кн. Владиміра Андреевича, съ обозначеніемъ времени ея (22 янв.) и погребенія (23 янв.), а также небесныхъ знаменій, явившихся, когда его несли, съ замѣчаніемъ, что „стояши знамения та, доньдеже его похорониши й" [5]). Подъ 1150 г. занесено извѣстіе о приходѣ половцевъ въ Переяславль въ помощь Юрію Долг. противъ Изяслава, которые стали, однако, чинить насиліе жителямъ, почему Юрій послалъ къ нимъ сына своего Андрея. По заключеніи мира, послѣдній остался на праздникъ Воздвиженія у брата Ростислава, и на другой день уѣхалъ въ Кіевъ—тонъ этой записи, очевидно, мѣстный. Далѣе слѣдуетъ запись (1150) о кончинѣ кн. Ростислава и его погребеніи въ ц. св. Михаила, „близъ стрыя своего Андрея и Святослава" [6]). Подъ 1154 г. находимъ краткое извѣстіе о сожженіи подъ Переяславлемъ всѣхъ селъ и божницы Бориса и Глѣба половцами [7]). Съ вѣроятностью можно сказать, что многія извѣстія, касающія междукняжескихъ отношеній въ періодъ борьбы Мономаховичей, и Ольговичей, а также войнъ съ половцами, вошедшія въ Кіевскую лѣтопись, основаны на переяславскихъ записяхъ, но въ настоящее время ихъ трудно выдѣлить изъ общаго описанія тамъ, гдѣ оно имѣетъ характеръ болѣе пространнаго изложенія, а не простой записи. Походъ южно-русскихъ князей на половцевъ (1185), описанный въ Лавр. сводѣ приверженн-

---

[1]) Ibid., 207. [2]) Ibid., 207. [3]) Лавр. л., 280. [4]) Ипат. л., 218—219. [5]) Ibid., 221. [6]) Ibid., 281, 290. [7]) Ibid., 328. См. выше, с. 461

цемъ Владиміра Глѣбовича, вѣроятно, принадлежитъ къ переяславскимъ записямъ [1]). Онъ побѣждаетъ „Божьей помощью и св. Богородицы и дѣда своего святаго молитвами" [2]). Подъ 1187 г. находится подробная запись о походѣ переясл. кн. Владиміра Глѣбовича въ степь, на половцевъ, о бѣгствѣ ихъ, о болѣзни князя, принесеннаго на носилкахъ въ Переяславль, гдѣ онъ скончался 18 апр. и погребенъ въ ц. св. Михаила; лѣтописецъ не благоволитъ къ вел. кн. Святославу Всеволодовичу, который не хотѣлъ пустить Владиміра на половцевъ впереди своихъ сыновей, хотя онъ былъ мужъ бодрый и дерзкій на рати, всегда стремившійся на добрыя дѣла. Запись свою лѣтописецъ заключаетъ слѣдующими словами: „И плакашася по немъ вси переяславци: бѣ бо любя дружину и злата не сбирашеть. имѣнія не щадяшеть, но даяшеть дружинѣ; бѣ бо князь добръ и крѣпокъ на рати и мужествомъ крѣпкомъ показался и всякими добродѣтельми наполненъ, *о немъ же Украина много постона*" [3]). Приведенное мѣсто—послѣдняя запись о Переяславлѣ въ Кіевской лѣт., которая затѣмъ сосредоточивается на другихъ интересахъ, покинувъ судьбу этого края, какъ она является передъ нами въ дошедшемъ южномъ сводѣ. При зависимости Переяславля отъ Суздаля въ княж Всеволода III и Юрія II, въ Лавр. лѣт. встрѣчаются лишь краткія записи о назначеніи отсюда князей и епископовъ (Павла), которыя, очевидно, были занесены въ мѣстную сѣверную лѣтопись [4]) и даже болѣе подробная запись (1230) о землетрясеніи въ Переяславлѣ, отъ котораго пострадала церковь св. Михаила, и небесныхъ знаменіяхъ, видѣнныхъ тамъ, записано со словъ очевидцевъ, вѣроятно однимъ изъ суздальцевъ, часто посѣщавшихъ тогда Перея

---

[1]) Лавр., лѣт., 374—376.

[2]) „Никогда бы южноруссъ не употребилъ этого эпитета, говоря объ Юріѣ Долгорукомъ", замѣчаетъ Б.-Рюминъ; поэтому онъ допускаетъ, что могъ писать суздалецъ, но въ Переяславлѣ (144; ср. 114); также Тихомировъ (Ж. М. Н. Пр. 1884, № 10, с. 251).

[3]) Ипат. лѣт., 439. Въ Лавр. лѣт. краткая замѣтка о кончинѣ Владиміра Глѣбовича (385, подъ 1188 г.), а другія свѣдѣнія вошли въ запись подъ 1186 г. но въ иной передачѣ. „Украина" въ смыслѣ пограничнаго положенія края, какъ называются Галиція (490) и сосѣдніе ляхи (571),—„пограничная марка" (М. Грушевскій, II, 262).

[4]) Лавр. л., стр. 394, 395, 406, 407, 413. 416, 417, 427. Запись о женитьбѣ Владиміра Всев. (1215) въ Переяславлѣ на доч. Глѣба Свят. черниговскаго (416) могла быть занесена въ сѣв. лѣтопись; но слѣд. мѣсто: „Того же лѣта Володимеръ, сынъ Всеволожь, слышавъ, аже идуть Половци к Переяслю и пр., о боѣ съ ними,

славль (при Святославѣ Всеволодовичѣ [1]). Извѣстіе о разореніи Переяславля татарами (1239) также не мѣстнаго происхожденія [2]).

Въ такомъ видѣ представляются теперь остатки переяславскаго лѣтописанія въ дошедшихъ до насъ сводахъ.

Литература: Ипат., Лавр., Воскрес., Никон. лл., Кіевская краткая л., по изд. кн. М. А. Оболенскаго; И. Д. Бѣляевъ (см. 395; с. 89—96); Очерки рус. историч. географіи. Географія Нач. лѣтописи, Н. П. Барсова (гл. 7-я); Погодинъ, Изслѣд., т. IV, 42—60, 261—296 (Кіев. лѣтоп.; Переясл. княж.); т. V, 294—295 (Переясл. княж.); т. VI (списки князей); Соч. Максимовича (т. I: О древ. епар. Переяслав., 111—116; также Чт. въ Общ. ист. и древн. 1858, IV; Переясл. отрокъ Янъ Усмошвецъ, 117—118; т. II: Оч. Переяславля въ первонач. времена; Сказ. о праздникѣ св. Бориса подъ Пер-мъ; О древнемъ валѣ, быв. еще при Владимірѣ св. южнѣе Кіева, на гран. земли Печенѣговъ; О десяти городахъ и нѣк. селахъ древней Украины, Зам. о нѣк. лѣтоп. названіяхъ мѣстностей; Объ изд. Несторовой лѣт. и о г. Устьѣ; Путевое воспом. о Полтавѣ; Воспом. о Золотоношѣ; 325—379); Исторія Переяславской земли съ др-шихъ врем. до полов. XIII стол., Вас. Лясковонскаго, К. 1897, 486+VII+XIII, съ картой); рец. И. Тихомирова (Журн. Мин. нар. Просв. 1898, № 6); Остатки древняго храма въ Переяславлѣ (Кіев. Стар. 1889, № 1 и 8); Церковно-археологическіе очерки, изслѣд. и рефераты, П. Лашкарева, К. 1898; Епископы Переяславля Русскаго и предѣлы ихъ епархіи со времени учрежденія въ г. Переяславлѣ каѳедры до перенес. ея въ г. Сарай (XI—XIII в.), I. Яновскаго (Полт. Еп. Вѣд. 1899, № 22); Очерки Переяславской старины. В. Стороженка, К. 1900 (Какой юбилей предстоитъ праздновать г. Переяславу? Мѣсто пролитія крови св. князя Бориса; Гдѣ жили Переяславскіе торки? Михайловская и Покровская цц. въ Переяславлѣ; Старые владѣльцы Переяславскаго побережья; Изъ первоначальной исторіи м. Борисполя; дополненія); О лѣтописной Нѣжатиной нивѣ, М. И. Лилеева (Чтен. въ Общ. Нестора, XIII, 113—114); Н. Аристовъ, О землѣ Половецкой, К. 1877 (Изв. Ист. фил. инст. кн. Безбородка); П. Голубовскій, Печенѣги, Торки и Половцы, К. 1884.

о побѣдѣ половцевъ („за умноженье грѣхъ нашихъ, одолѣша Половци“) и о плѣнѣ князя Владиміра“ (417), конечно южнаго происхожденія. Запись о прибытіи Всеволода Конст-ча („посла вел. князь Гюрги“), могла быть сообщена спутникомъ Всеволода (427).

[1]) Ibid., 432. [2]) Ibid., 446.

I.

Родственнымъ по племенному составу съ Переяславской землей былъ Черниговскій край, границы которыхъ часто взаимно нарушались и никогда не могли имѣть прочнаго значенія. Ядро означеннаго края составляли тѣже сѣверяне (см. выше, стр. 459); но въ составъ его вошли также радимичи и вятичи [1]). Вторые изъ нихъ жили по р. Сожу, притоку Днѣпра, распространяясь до р. Ипути, притока Сожа. Послѣдніе занимали верховья Оки съ ея притоками Жиздрою и Зушею. Лѣтописецъ называетъ ихъ выходцами изъ ляховъ; но имѣвшими одинаковый обычай съ сѣверянами [2]). Всѣ они платили дань хазарамъ и были подчинны Олегомъ; но обладаніе это далеко было непрочнымъ: радимечей пришлось покорять Владиміру, а вятичей Святославу, Владиміру I, а потомъ Владиміру Мономаху [3]). Городъ сѣверянъ—Черниговъ—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Русской

---

[1]) Лавр. лѣт., 12—13. Здѣсь же о трупосожженіи. Ср. выше, стр. 180. Въ странѣ сѣверянъ курганы съ сожженіями найдены въ значительномъ количествѣ. Болѣе распространеный сѣверянскій обычай погребенія состоялъ въ томъ, что остатки отъ сожженнаго на сторонѣ трупа помѣщались въ верхней части невысокихъ курганныхъ насыпей. Курганы эти въ большомъ числѣ находятся между Любечемъ и Черниговомъ по обоимъ берегамъ нижняго теченія р. Сейма, въ окрест. Курска, а также въ верховьяхъ рр. Псла и Ворсклы. Въ радимичскихъ кургаиахъ обрядъ трупосожженія не представляетъ никакихъ мѣстныхъ особенностей. (А. Спицынъ, Разсел. древне-русскихъ племенъ, Ж. М. Н. Пр.. 1899, № 8, с. 315—317; 331—34). Подборъ курганныхъ предметовъ (пряжки, браслеты, перстни, серьги, шейныя гривны и пр.) вообще отличается изяществомъ, особенно въ шейныхъ украшеніяхъ (332). Множество (301) разрытыхъ кургановъ въ Черниговской и Курской губ. подтверждаютъ типъ погребенія, описанный лѣтописью (Самоквасовъ, Сѣверян. курганы и ихъ значеніе для исторіи, Тр. 3-го Арх. съѣзда, I, 185). Бѣлоруссы Черниговской губ. до послѣдняго времени ставили на могилахъ срубы вмѣсто могильныхъ насыпей (М. Домонтовичъ, Черниговъ. губ., 533). О деревянныхъ столбахъ, домикахъ и т. п. у нѣмцевъ (Нидерле, 495).

[2]) Раскопки кургановъ и кладбищъ близъ Чернигова и въ предѣлахъ Черниговской губерн. обнаруживаютъ два типа населенія: первые даютъ длинноголовые (славянскіе) черепа (Курганные жители Сѣверянской земли по раскопкамъ въ Черниговской губ., А. П. Богданова, Проток. Антроп. выставки 1879; Курган. черепа суджан. длинногол. насел. по р. Пслу, его же, (тамъ-же). „Племя (курганное) по краніологическимъ свойствамъ, было не славянское и не монголо-татарское. Оно всего болѣе подходило къ длинноголовой угрской или урало-алтайской вѣтви Фин. племени" (29).

[3]) Лавр. л., 63—64, 80, 239; ср. 23-24, 29

земли, какъ показываютъ это и раскопки, произведенныя въ его окрестностяхъ [1]). Онъ упоминается подъ 907 годомъ лѣтописи, какъ имѣвшій тогда своего князя подъ властью Олега; а въ числѣ городовъ, которымъ, по договору съ греками, назначены были опредѣленные уклады, первымъ послѣ Кіева названъ Черниговъ, а на пятомъ мѣстѣ одинъ изъ городовъ его области—Любечъ (родина Антонія Печерскаго [2]). Очевидно, Черниговъ велъ торговлю съ Константинополемъ. Черниговскіе князья потомъ, вмѣстѣ съ кіевскими, ходили защищать „греческій, соляной и залозный, *отецъ* и *дѣдъ* своихъ, пути". Походы первыхъ князей на Константинополь и въ Прикаспійскій край (стр. 122—124, 458) значительно расширили территорію русскаго вліянія и ослабили господство хазаръ въ предѣлахъ южной степи. Съ именемъ Ольги связано утвержденіе болѣе прочныхъ связей съ Заднѣпровьемъ и управленія въ этомъ краѣ (г. 947); а Владиміру принадлежитъ постройка городовъ въ области переяславскихъ и черниговскихъ сѣверянъ и населеніе ихъ русскими поселенцами (см. выше, стр. 461). Но колонизація славянскаго племени шла дальше. Съ Сѣверской землей въ политической связи находилась отдаленная Тмутаракань (см. стр. 148—149); на востокѣ и юго-востокѣ поселенія сѣверянъ шли по С.-Донцу, притоку Дона, а далѣе по Дону и Волгѣ, какъ свидѣтельствуютъ арабскіе писатели и позднѣйшія русскія извѣстія, напр. объ обстоятельствахъ похода русскихъ князей на половцевъ въ 1111 году [3]). Сношенія со степью содѣйствовали, въ свою очередь, переселеніямъ степняковъ на русскую территорію. Такъ, въ 1117 г. въ Черниговскомъ княж. поселяются „бѣловежцы" (указываютъ мѣсто у верх. Остра [4]) и тамъ же есть селенія, носящія названіе „Козары" [5]). Позже на территоріи Черниговскаго княж. утверждаются и половцы [6]).

---

[1]) Геогр. Словарь, изд. Геогр. Общ., V, 660.

[2]) Ипат. лѣт., 268; ср. 360, 361, 370; Брунъ, Черноморье, I, 98—133.

[3]) Ипат. лѣт., 192. О раннихъ поселеніяхъ въ Муромской землѣ (Лавр. л., 222 231, 245, 282).

[4]) Ипат. лѣт, 205. Въ Густын. лѣт., прибавлено: „си есть Козаре" (П. С. Р. лѣт., II, 291).

[5]) М. Домонтовичъ, Черниговъ. губ., Спб. 1865; Списки населенныхъ мѣстъ Рос. имп. Черниг. губ., Спб. 1866, съ подроб. картами.

[6]) Ипат. лѣт., 343. Степные половцы въ отличіе отъ осѣдлыхъ назывались „дикими (Ипат., 293, 463, 468).

Въ эпоху дѣятельности первыхъ князей Сѣверская земля находилась въ тѣсной связи съ Кіевомъ; но вскорѣ по смерти Владиміра I обстоятельства измѣнились. Сынъ его Мстиславъ, князь тмутараканскій, побѣдитель косоговъ, рѣшился вступить въ борьбу съ братомъ Ярославомъ I. Помощь, оказанная послѣднему варягами съ Якуномъ см. стр. 140 во главѣ, не принесла пользы. Битва у гор. Листвена (1024) рѣшила судьбу соперниковъ. Ярославъ бѣжалъ въ Новгородъ, а Якунъ за море; но Мстиславъ предложилъ раздѣлиться владѣніями такъ, чтобы ему досталась лѣвая сторона Днѣпра; однако только спустя два года Ярославъ возвратился въ Кіевъ. Съ этого времени Черниговъ пріобрѣтаетъ значеніе стольнаго города отдѣльнаго княжества; но въ 1036 г., по смерти Мстислава, умершаго бездѣтнымъ (сынъ его Евстаѳій † 1033 г.), онъ снова вошелъ въ составъ Кіевской земли.

Впрочемъ положеніе это продолжалось не долго. По раздѣлу Ярослава I (1054) второй сынъ его, Святославъ, получилъ Черниговъ и пространство до Мурома, захватъ которого Владиміромъ Мон. (1096) считался нарушеніемъ справедливости [1]). Съ этого времени Черниговъ является постояннымъ удѣломъ потомковъ Святослава Ярославича. Въ Тмутаракани сидѣлъ сынъ его Глѣбъ [2]), дважды изгнанный Ростиславомъ Владиміровичемъ, на защиту котораго ходилъ самъ Святославъ и водворенный тамъ снова, по смерти Ростислава, по просьбѣ жителей (см. выше, стр. 148, 300). Затѣмъ Глѣба мы видимъ въ Новгородѣ, гдѣ онъ расправился съ волхвомъ, смущавшимъ христіанъ (1071). Въ то же время воевода Святослава (Янъ Вышатичъ) собиралъ дань на Бѣлоозерѣ и имѣлъ дѣло также съ волхвами [3]). По смерти Святослава Глѣбъ погибъ въ Заволочьѣ (1078). Между тѣмъ вслѣдствіе сближенія съ восточной окраиной, Святославу пришлось имѣть дѣло съ торками (1060 г., близъ Славянска сохранились мѣстныя названія, получившія свое имя отъ торковъ), а потомъ съ половцами. Битва на р. Альтѣ (1068) окончилась неудачно для русскихъ князей; но вскорѣ затѣмъ онъ нанесъ имъ пораженіе на р. Сновскѣ. Теперь Святославъ воспользовался неудовольствіемъ противъ Изяслава въ Кіевѣ, склонилъ на свою сторону Всеволода („желая большая власти“) и занялъ

---

[1]) Лавр. лѣт., 157, 221—222, 228—229, 245, 282; ср. Карамзинъ, II, прим. 50.
[2]) П. С Р. лѣт., V, 143—144
[3]) Лавр. лѣт., 170—171; Ипат., 123—127.

Кіевъ (1073). Повидимому, Черниговъ онъ удержалъ за собою; но, по смерти Святослава (1076) и съ переходомъ въ Черниговъ Всеволода (изъ Переяславля), сыновья его (Олегъ и Романъ) получаютъ лишь Муромъ и Тмутаракань. Тогда возникаетъ продолжительная борьба изъ-за Чернигова, стоившая жизни кіев. князю Изяславу,—подавшему помощь Всеволоду: онъ палъ въ битвѣ на Нѣжатиной нивѣ (1078). Вторая попытка завладѣть Черниговомъ привела къ смерти Романа, выступившаго изъ Тмутаракани, но поспѣшившаго возвратиться изъ-подъ Переяславля и убитаго на пути половцами, б. м. по подговору Всеволода, между тѣмъ какъ братъ его Олегъ былъ сосланъ хазарами, тяготившимся его пребываніемъ въ Тмумаракани, въ Константинополь, откуда онъ былъ заточенъ на ос. Родосъ [1]). Въ Тмутаракани теперь находился посадникъ Всеволода—Ратиборъ (1079—1081 [2]). Въ это время сидѣлъ въ Черниговѣ Владиміръ Мон., которому удалось отбить половцевъ отъ Стародуба и Новгородъ-Сѣверска и снова покорить вятичей [3]). Дальнѣйшая дѣятельность Владиміра въ борьбѣ съ половцами связана съ пребываніемъ его въ Переяславлѣ; но въ 1093 и 94 гг. онъ снова сидѣлъ въ Черниговѣ. Конечно, Олегъ, по своему характеру, не могъ успокоится. Бѣжавъ изъ мѣста заточенія (1083), онъ захватилъ Тмутаракань и отмстилъ хазарамъ; а, получивъ помощь отъ половцевъ, онъ опустошилъ на пути села и монастыри и вторгся въ Черниговскую область (1094). Послѣ жаркой битвы подъ Черниговомъ Владиміръ Мон. уступилъ ему послѣдній и ушелъ въ Переяславль. Олегъ отказался отъ предложенія князей (Святополка и Владиміра) идти на половцевъ, а затѣмъ и явиться на судъ въ Кіевъ, заявляя, что неприлично судить его „ни епископамъ, ни чернецамъ, ни смердамъ“ [4]). Тогда князья рѣшили изгнать его изъ Чернигова. Узнавъ объ этомъ, онъ бѣжалъ и затворился въ Стародубѣ, но, послѣ продолжительной осады (33 дня), сталъ просить мира. Ему позволено было уйти въ Смоленскъ, гдѣ княжилъ старшій братъ его Давидъ. Взявъ войско, онъ направился къ Мурому, который еще ранѣе былъ захваченъ сыномъ Владиміра М.—Изяславомъ. Послѣд-

---

[1]) Ипат. л., 140—143, Хожд. игум. Даніила въ св. Землю, по изд. Палестин. общ., 8—9.

[2]) Ипат. лѣт. 143—144; Лавр. л. 198.

[3]) Лавр. л., 239; Ипат., 160.

[4]) Ипат, лѣт., I, 159—160; Лавр. л., 222.

ній отказался уступить ему волость и палъ въ битвѣ. Послѣ этого Олегъ захватилъ Суздаль и Ростовъ и только успѣшныя дѣйствія старшаго сына Владиміра М., Мстислава, княжившаго въ Новгородѣ, заставили Олега смириться [1]). Съ этими событіями связано извѣстное оправдательное посланіе Владиміра Мон. къ Олегу, убѣждавшее послѣдняго примириться, однако не оказавшее своего дѣйствія [2]). Княжескій съѣздъ въ Любечѣ (1097) долженъ былъ положить конецъ этимъ спорамъ, рѣшивъ, чтобы каждый владѣлъ своею отчиною. Такимъ образомъ Святославичи получили Сѣверскую землю съ Муромо-рязанскими владѣніями. Въ свою очередь послѣднія раздѣлились на княжества: Черниговское (Давидъ), Новгородъ-Сѣверское (Олегъ) и Муромо-рязанское (Ярославъ). Давидъ отличался кротостью нрава и вполнѣ подчинялся требованіямъ вел. князя [3]). Современный проповѣдникъ хвалитъ его смиреніе, вѣрность слову и любовь къ миру [4]). И Олегъ принимаетъ участіе въ обще-русскихъ дѣлахъ (съѣздъ въ Витичевѣ, перенес. мощей Бориса и Глѣба [5]); но онъ уклонялся отъ предпріятій противъ половцевъ и, будучи самъ женатъ на половчанкѣ, женилъ и сына своего на дочери половчанина, впрочемъ какъ одновременно съ тѣмъ поступилъ и Владиміръ Мономахъ [6]). Въ памяти потомства Олегъ († 1115) сохранилъ печальное имя „гориславича", благодаря которому ковалась въ землѣ русской крамола и сѣялись усобицы (Слово о полку Игоревѣ). Предполагаютъ, что извѣстная печать съ греческою надписью, гласящей, что она принадлежала Өеофаніи, княгинѣ русской, Музалониссѣ, т. е. изъ рода Музалоновъ, относится именно ко второй супругѣ князя, на которой онъ женился во время своего пребыванія въ Греціи, и съ этимъ связываютъ то сознаніе своего достоинства, которое проявилъ Олегъ по

---

[1]) Ипат. лѣт., 164—167; Лавр., 230—231.

[2]) Лавр. лѣт., 243—246.

[3]) Ипат. лѣт., 191.

[4]) Слово о князьяхъ (см. ниже).

[5]) Вопреки требованію Владиміра Мон., желавшаго поставить раки Бориса и Глѣба среди церкви и сдѣлать надъ ними шатеръ, онъ съ братомъ Давидомъ настаивалъ, чтобы поставить ихъ такъ, какъ пожелалъ раньше отецъ, у стѣны, въ комарѣ. Жребій рѣшилъ споръ въ ихъ пользу (Ипат. лѣт., 201).

[6]) Ипат. лѣт., 187; Лавр. л., 272.

поводу вызова его на судъ въ Кіевъ [1]). По смерти Давида († 1123 [2]) въ Черниговѣ сѣлъ Ярославъ Святославичъ: но спустя 5 лѣтъ его выгналъ сынъ Олега—Всеволодъ, призвавшій половцевъ, а затѣмъ нашедшій поддержку въ своемъ тестѣ Мстиславѣ Влад. кіевскомъ и духовномъ соборѣ. Такимъ обр. Ярославъ возвратился въ Муромъ († 1129). Всеволодъ находился въ полной зависимости отъ Мстислава: онъ участвовалъ въ походахъ на Всеславичей полоцкихъ (1128) и на литовцевъ (1132); а во время борьбы изъ-за Переяславля, по смерти Мстислава, когда возникъ споръ въ семьѣ Мономаха, Всеволодъ держалъ сторону его сыновей (Всеволода и Изяслава противъ Ярополка). Борьба эта ознаменовалась опять связью Ольговичей съ половцами и взаимными опустошеніями Переяславскаго, Черниговскаго и Кіевскаго княжествъ, во время которой Всеволоду, вѣроятно, удалось присоединить Курскъ и др. города по Сейму (въ Новгородѣ находился сынъ его Святославъ [3]); а по смерти Ярополка († 1139), когда въ Кіевѣ на время сѣлъ братъ его Вячеславъ туровскій, Всеволодъ, съ помощью своего брата Игоря и Владиміра Давидовича, захватилъ Кіевъ. Онъ отпраздновалъ свою побѣду торжественнымъ пиромъ, даннымъ боярамъ, духовенству и гражданамъ, а по монастырямъ и церквамъ роздалъ щедрую милостыню [4]). Всеволоду Ольговичу удалось удержаться въ Кіевѣ до смерти († 1146). Въ Черниговѣ онъ посадилъ двоюроднаго брата Владиміра Давидовича (1140—1151); но попытка ихъ усилиться на счетъ Мономаховичей въ Переяславской, Волынской и Туровской земляхъ не имѣла успѣха. Въ то же время Святославъ Ольговичъ оставилъ Новгородъ и поселился въ Новгородъ-Сѣверскѣ, владѣя Курскомъ и Стародубомъ [5]); а Игорь Ольговичъ землей Радимичей съ г. Гомелемъ [6]). Долго еще приходилось Всеволоду переговариваться

---

[1]) Х. Лопаревъ, Визант. печать съ именемъ русской княгини (Визант. Времен. 1894. I, 159-166). Въ Любечскомъ синодикѣ сказано: „князя Михаила (Олега) Черниговскаго и княгиню его Ѳеофанну". (Зотовъ, О черниг. князьяхъ, Спб. 1892, стр 24; Лѣтоп. занят. Арх. ком., в. IX). Изъ рода Музалоновъ происходилъ констант. патр. Николай IV, которому приписываютъ посл. къ новг. еп. Нифонту, защищавшему права конст. патр. въ Россіи.

[2]) Сынъ его Святославъ-Никола, монахъ Печерскаго мон. (см. стр. 194). Въ одномъ изъ сборниковъ Кирилло-Бѣлозер. мон. (XV в.) есть статья „о кн. Святошѣ кіевскомъ"—объ его постриженіи (Уч. Зап. Акад. Наукъ, по 2-му отд, V, 25).

[3]) Лавр. лѣт., 282—283, 291; Никон. лѣт., II, 79, 92; П. С. Р. лѣт., VII, 32.

[4]) Ипат. лѣт., 216—217; Никон., II, 78.

[5]) Ипат. лѣт., 221, 236.

[6]) Д. И. Багалѣй, Исторія Сѣверской земли, 196.

съ братьями, чтобы достигнуть какого нибудь соглашенія, причемъ пришлось прибѣгнуть къ посредничеству брата-монаха, Николы Святоши. Но братья не могли простить ему постоянной дружбы съ Мономаховичами, поддержкой которыхъ онъ и самъ держался на кіевскомъ престолѣ, за что, вѣроятно, кіевскій лѣтописецъ и называетъ его „смышленымъ". Притомъ онъ удерживалъ за собой нѣкоторую часть черниговскихъ волостей (Вятичи), которыми не хотѣлъ поступиться [1]). Передъ смертью Всеволодъ пожелалъ утвердить Кіевъ за братомъ своимъ Игоремъ [2]).

Примѣръ Всеволода соблазнилъ послѣдняго. По смерти его (1146), Игорь рѣшился овладѣть Кіевомъ, но это стоило ему свободы (постриженіе) и жизни (1147). Въ Кіевѣ утвердился Изяславъ (II) Мстиславичъ, которому удалось посѣять раздоръ между Ольговичами и Давидовичами, склонившимися на его сторону.

II.

Продолжительная борьба (по 1155), привлекшая для поддержки интересовъ Ольговичей половцевъ и Юрія суздальскаго и ознаменивавшаяся опустошеніемъ черниговскихъ городовъ (Н. Сѣверска, Путивля, Карачева) вплоть до земли Вятичей, распространилась на Переяславскую область и привела къ неоднократному занятію Кіева Юріемъ Долгорукимъ (1149, 1150 и 1154), причемъ черниговскому князю Изяславу Давидовичу (1151—58) удалось таки посидѣть на кіевскомъ столѣ (1154—55). Съ возвращеніемъ же послѣдняго въ Черниговъ, Святославъ Ольговичъ ушелъ въ Н. Сѣверскъ [3]). Изяславъ не хотѣлъ примириться съ этимъ и замышлялъ идти войной на Юрія, но былъ удержанъ Святославомъ Ольговичемъ. Распря эта закончилась миромъ въ Лутавѣ: Юрій далъ Изяславу Корческъ, а Святославу Мозырь и просваталъ у перваго изъ нихъ дочь за сына своего Глѣба. Впрочемъ, безпокойный Изяславъ не унимался: онъ сталъ было собирать силы противъ Юрія, какъ тотъ умеръ (1156 [4]). Изяславъ (III) снова занялъ кіевскій престолъ; но, чтобы успокоить недовольство среди черниговскихъ князей, Черниговъ былъ отданъ Святославу Ольго-

---

[1]) Ипат. лѣт., 222
[2]) Ibid., 229; ср. Лавр. л., 296—298.
[3]) Ипат. лѣт., 328—29 [4]) Ibid., 329, 331.

вичу, однако не со всею областью, а лишь съ 7-ю запустѣлыми городами [1]), а Новгородъ-Сѣв.— Святославу Всеволодовичу. Но у Изяслава возникли неудовольствія съ Ярославомъ галицкимъ изъ-за покровительства, какое оказывалъ первый его двоюрод брату Ивану Рост. Берладнику: походъ его противъ Ярослава печально окончился подъ Бѣлгородомъ, послѣ чего, мстя за неодобреніе этого похода, Святославу Ольговичу, онъ опустошилъ его города и захватилъ землю Вятичей. Тогда Святославъ вступилъ въ тѣсный союзъ съ Ростиславомъ Мст. смоленскимъ, занявшимъ кіевскій престолъ (1159). Союзъ этотъ ознаменовался взаимными пирами и щедрыми подарками [1]). Опустошивъ затѣмъ черниговскія и смоленскія волости, Изяславъ рѣшился отнять Кіевъ у Ростислава (12 февр. 1161); послѣдній удалился въ Бѣлгородъ, куда явилась къ нему значительная помощь (галичане, берендѣи, торки, печенѣги и др.). Узнавъ объ этомъ, Изяславъ бѣжалъ, былъ смертельно раненъ и, скончавшись, принесенъ въ Кіевъ въ мон. св. Симеона, а оттуда для погребенія въ Черниговъ: а вскорѣ послѣ того умеръ (1164) и Святославъ Ольговичъ [2]).

Съ утвержденіемъ въ Черниговѣ Святослава Всеволодовича, а въ Новгородъ-Сѣверскѣ Олега Святославича наступаютъ весьма бурныя времена для Черниговской области; братья не жили въ мирѣ и вели непрестанную борьбу между собою. Они принимаютъ участіе въ нападеніи войскъ Андрея Боголюбскаго на Кіевъ. Самому Святославу не разъ удавалось (1173, 1176—1177) посидѣть на кіевскомъ престолѣ: онъ принимаетъ участіе въ борьбѣ, возникшей въ Суздальской землѣ по смерти Андрея Боголюбскаго и, наконецъ, въ четвертый разъ (1180 –1194) окончательно утвердился въ Кіевѣ, предоставивъ Черниговъ брату своему Ярославу (1179—1198 [3]). Въ Новгородъ-Сѣверскѣ въ это время сидѣлъ Игорь Святославовичъ (1178—1198). Между тѣмъ черниговскіе князья то продолжаютъ вести

---

[1]) Ипат. лѣт., 343—346.

[2]) По свидѣтельству печерскихъ сказаній, онъ не надѣлъ, вопреки обыкновенію, власяницы Николы Святоши и палъ въ битвѣ (см. стр. 202).

[3]) Святославъ основывалъ свои притязанія на Кіевъ на томъ, что отецъ его былъ кіевскимъ княземъ, а когда его соперникъ Ярославъ Изясл. луцкій занялъ было Кіевъ, сказавъ: „къ чему тебѣ наша отчина? тебѣ эта сторона не надобна“, то онъ отвѣчалъ: „я не угринъ и не ляхъ, но мы одного дѣда внуки и сколько тебѣ дѣла до Кіева, столько и мнѣ; если не стоишь въ первомъ ряду, то въ томъ ты воленъ“ (Ипат. л., 398).

борьбу съ половцами (1167—1180), то пользоваться ими въ своихъ походахъ (напр. на Кіевъ). Но особенно прославился своими походами въ глубь половецкихъ кочевьевъ Игорь Святославичъ (1183—1187, см. выше, стр. 449 [1]). Спустя четыре года умеръ Ярославъ Всев. черниговскій и мѣсто его занялъ этотъ послѣдній (1198—1202).

Родъ Ольговичей, по родственнымъ отношеніямъ, постоянно вмѣшивается въ кіевскія и галицкія дѣла. Сыновьямъ Игоря удается утвердиться въ галицкихъ городахъ; но преслѣдованіе бояръ дорого стоило имъ: съ помощью венгровъ послѣдніе успѣли одолѣть своихъ враговъ, послѣ чего они повѣсили князей Игоровичей (1211 [2]). Въ свою очередь, Всеволодъ Свят. Чермный, княжившій въ Черниговѣ (1202—1210) сталъ добиваться Кіева, выгналъ оттуда Рюрика Ростиславича и, съ согласія Всеволода суздальскаго, утвердился тамъ, а Рюрикъ перешелъ въ Черниговъ (1210—1215), послѣ котораго здѣсь сидѣли: Глѣбъ Святославичъ [3]), Мстиславъ Святославичъ, князь козельскій (1224 [4]), погибшій въ Калкской битвѣ, и Михаилъ Всеволодовичъ. Во время же нашествіи татаръ въ 1237 г., на Черниговскую область, прославился мужествомъ городъ Козельскъ съ своимъ княз. Василіемъ; Черниговъ былъ взятъ и сожженъ, а защищавшій его князь Мстиславъ Глѣбовичъ бѣжалъ въ Венгрію [5]). Потомъ здѣсь утверждается Михаилъ Всеволодовичъ, сынъ Всеволода Чермнаго и дочери польскаго кор. Казимира II—Маріи. Послѣдній участвовалъ въ Калкской битвѣ, сидѣлъ въ Новгородѣ Вел., подтвердилъ прежнія права новгородцевъ (1228), оставилъ у нихъ своего сына Ростислава, велъ борьбу съ Олегомъ Святославичемъ (курскимъ), съ Ярославомъ Всеволодовичемъ, княземъ Переяславля-Залѣсскаго, изъ-за новгородскихъ отношеній, и, наконецъ, выдержалъ упорную борьбу съ Владиміромъ Рюр. кіевскимъ и Даніиломъ галицкимъ, которые вторглись въ Черниговскую область и разорили ее (1231). Затѣмъ онъ сидѣлъ въ Галичѣ (1234) и Кіевѣ (1235), но, опасаясь татаръ, бѣжалъ въ Венгрію и Польшу, скитался по разнымъ странамъ, а по возвращеніи въ Черниговъ (1245), былъ вызванъ въ Орду, гдѣ не захотѣлъ подчиниться требованію Батыя—пройти сквозь священный огонь, и погибъ

[1]) Ипат. л.. 423—441. О полнотѣ состава черниговскаго вѣча (1180). Ib. 417.

[2]) Замѣчаніе о числѣ повѣшенныхъ князей (Грушевскій, III, 533).

[3]) П. С. Рус. лѣт., VII, 118; Никон., II, 310.

[4]) Ипат. лѣт., 495.

[5]) Никон. л., III, 5; П. С. Р. лѣт., I, 200. „Козляне ножи рѣзахуся съ ними" (Ипат. л.).

вмѣстѣ съ бояриномъ своимъ Θеодоромъ, 20 сент. 1246 г. Внукъ его (по дочери), князь Борисъ Вас. получилъ дозволеніе возвратиться въ свой удѣлъ. Сынъ же его Ростиславъ (всѣхъ ихъ было 5), женатый на доч. короля Белы IV, хотѣлъ овладѣть нѣкоторыми галицкими городами [1]), сталъ княземъ г. Мачвы на Дунаѣ и сдѣлался родоначальникамъ герцоговъ боснійскихъ [2]). Позже (въ 1261 г.) упоминается въ Черниговѣ братъ Михаила Всеволодовича, кн. Андрей Всеволодовичъ, зять Василька, брата Даніила галицкаго [3]); а послѣ него Черниговомъ и, вѣроятно, Н. Сѣверскимъ владѣлъ сынъ Михаила—Романъ, утвердившій свою резиденцію въ болѣе безопасномъ мѣстѣ—Брянскѣ и съ помощью татаръ отстаивавшій независимость своего княжества [4]). Второй сынъ Михаила, Семенъ, владѣлъ Глуховомъ, Новосилемъ, Орловомъ, Бѣлевомъ, Воротынскомъ; третій, Мстиславъ—Карачевомъ, Козельскомъ, Мосальскомъ, Звенигородомъ, Ельцемъ; четвертый, Юрій—Торусою и Оболенскомъ. Другіе князья черниговскаго дома сидѣли въ Рыльскѣ, Курскѣ, Воргольскѣ и Липецкѣ [5]).

Со времени покоренія Черниговской области татарами, въ ней продолжалась мелкая борьба между князьями за волости, сопровождавшаяся нерѣдко обычными разореніями и убійствами; но также происходили столкновенія съ баскаками, обыкновенно печально кончавшіяся въ Ордѣ. Такъ, въ к. XIII в. князь рыльскій и воргольскій Олегъ тягался съ курскимъ баскакомъ Ахматомъ, въ ссору съ которымъ впутался кн. липецкій Святославъ и оба они печально кончили свою жизнь [6]). Въ нач. XIV в. изъ-за Брянска спорили Святославъ Глѣбовичъ и племянникъ его Василій, поддерживаемый татарами. Митр. Петру не удалось примирить соперниковъ и Свято-

---

[1]) Ипат. лѣт.. 524.

[2]) Ibid., 523—537 Монографіи о немъ Палацкаго и Палаузова (см. ниже); также Зотовъ, 68, 284—85, 289, 290. [3]) Ibid., 562.

[4]) Ипат. лѣт., 568—569, 575.

[5]) Родосл. книга (Врем. М. О. и др., X, 68 и д.). Отъ этихъ князей пошли извѣстныя потомъ княжескія фамиліи и выдѣлившіяся изъ нихъ: Одоевскіе, Мезецкіе, Барятинскія, Горчаковы, Волконскіе, Хотетовскіе, Конинскіе, Мышецкіе (Мышега-торусская волость) и др. Первый трубчевскій князь Всеволодъ Свят., братъ Игоря (Карамзинъ, III, 41); о трубчевскихъ князьяхъ (лѣт. 1223, 1232). Подробно см. у Квашнина-Самарина и Р. В. Зотова.

[6]) П. С. Р. лѣт., VII, 176—178; Ник. лѣт., III, 76—84. См. выше, стр. 281 Предполагаютъ, что этотъ Олегъ былъ сынъ Игоря Свят. сѣверскаго (Квашнинъ-Самаринъ, 8—9; Зотовъ, 111—112).

славъ сложилъ голову въ битвѣ (1310 [1]), а нѣсколько позже брянцы, сойдясь на вѣче, убили и сына его (1339), князя Глѣба [2]). Тотъ же кн. Василій ходилъ съ татарами и убилъ кн. карачевскаго Святослава Мстиславича [3]). Въ 1339 г. Андрей Мстисл. князь козельскій, былъ убитъ своимъ племянникомъ, кн. Василіемъ Пантелейм. [4]). Съ усиленіемъ Литвы Сѣверская земля не могла устоять противъ ея давленія. Ольгердъ захватилъ Новгородъ-Сѣверскъ и Брянскъ: послѣднимъ княземъ, посаженнымъ здѣсь татарами, былъ Василій († 1356 [5]). Послѣ этого по городамъ Черниговскаго княжества были посажены сыновья и племянники Ольгерда [6]). Указываютъ что передъ занятіемъ Кіева Ольгердомъ (1362) тамъ сидѣли Ольговичи—это князья путивльскіе и упомянутый нами кн. Ѳеодоръ (Ивановичъ) происходилъ изъ этой линіи черниговскихъ князей [7]). Въ 1331 г. онъ рѣшился сдѣлать нападеніе на Черниговъ всего съ 50-ю воинами: до такого печальнаго состоянія низошелъ стольный городъ [8]). Постепенно въ Сѣверской землѣ, какъ мы видѣли, явилась цѣлая сѣть удѣловъ.

Во время битвы на Калкѣ присутствовали князья: курскій (Олегъ Святославичъ, сынъ Святослава Игоревича), трубчевскій, путивльскій [9]); а къ концу же XIII и въ нач. XIV стол. почти каждый незначительный городъ имѣлъ своего, отдѣльнаго князя.

III.

Военное положеніе края, административныя цѣли и дробленіе на удѣлы по необходимости вели къ возникновенію новыхъ поселеній. Такимъ образомъ въ Черниговскомъ княж. находимъ слѣд. города и болѣе важныя мѣста: Любечъ (1015, 1147), Моравійскъ (1139, 1152), Гомій, нын. Гомель (1142), Чичерскъ (1159), Ропескъ (1159), Хо-

---

[1]) Никон. лѣт., III, 106—107. Князь Василій изъ смоленской вѣтви Мономаховичей (Зотовъ, 292).

[2]) Никон. лѣт., III, 172; Твер. и Новгор. IV-я лѣт. (1341 г.).

[3]) Никон. лѣт., III, 106-107.

[4]) П. С. Рус. лѣт., VII, 205; XV, 422. Истребленіе мелкихъ князей отъ взаимныхъ усобицъ, татаръ и т. п. (Зотовъ, 110, 292—293).

[5]) Никон. лѣт., III, 207.

[6]) Антоновичъ, Очеркъ ист. вел. княж. Литовскаго, 135.

[7]) О черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику, Р. В. Зотова (116—120). Другіе отвергаютъ это, утверждая, что Кіевъ вполнѣ принадлежалъ тогда татарамъ (Грушевскій, III, 221-225). Ср. выше, с. 280.

[8]) П. С. Рус. лѣт., III, 76; Новг. синод., 327.

[9]) Ипат. лѣт., 495; П. С. Р. лѣт., VII, 130.

робръ (1153), Всеволожъ (нын. село Сиволожъ, 1147), Глѣбль, Бѣловежъ, Бохмачъ, Уненѣжъ (всѣ въ 1147), Лутава (1155), Оргощъ (1159), Носовъ на Рудѣ (1147), Боловось (1148), Стояничи (1160), Семынь (1152), Гюричевъ (id.), Березой (id., ср. 1156), Канинъ (1152), Ярышево, Бѣлавежа старая, Сожица (1078), Сновскъ (1067), Сосница (1234), Блестова (1151), Мелтеково (1146), Нѣжатина нива (1078), Олжичи (1142) и др. Къ собственно Новгородъ-Сѣверской территоріи относились мѣстности: Новгородъ-Сѣверскъ (1041), Радощь, иначе Радогощъ (1155, б. м. нын. Погаръ), Вырь, Стародубъ, (1096), Сининъ мостъ (1155), Глуховъ (1152), Сѣвскъ (1146), Болдыжъ (1146), Кромы (1147) Спашъ (1152), Зартый (1160), Воробьинъ (1147), Росуха (1169), Ормина (1142), Вщижъ (1142), Брянскъ (1146, Добрянскъ), Трубчевскъ (Трубецкъ, 1185), Блове (1147). Въ полов. XII в. (1146) въ предѣлахъ Сѣверскаго княж. упоминаются: Курскъ, Путивль, Ольговъ (Льговъ, 1152), Рыльскъ (1152). Въ землѣ Вятичей называются: Вятическъ, Ржавскъ, Козельскъ, Мценскъ, Свирѣльскъ, Дѣдославичъ (Дѣдиловъ), Серенскъ, Колтескъ, Неринскъ, Девягорскъ, Домагощъ, Облове (Обловескъ, Оболескъ, ср. р. Болва, 1146—1147), Карачевъ, Новосиль (1155), Воротинекъ (id.), Мосальскъ (1231), Уполозы (1231). Кромѣ того, въ лѣтописяхъ, во время военныхъ нападеній, отмѣчается, что въ Черниговской области были заняты „многіе города“ [1]), и въ какомъ бы смыслѣ ни принимать теорію такъ наз. городищъ, но они служатъ мѣриломъ извѣстной степени заселенности края, а въ предѣлахъ Черниговской губ. издавна насчитывается свыше 130 городищъ [2]).

Опасности того времени вызывали необходимость возникновенія болѣе укрѣпленныхъ мѣстъ, но нерѣдко приводили къ опустошенію послѣднихъ. Святославъ Ольговичъ, владѣвшій Черниговомъ и 7-ю городами, жаловался на запустѣніе (1159) и заявлялъ, что въ нихъ живутъ только псари да половцы [3]). Политическія отношенія, то мирныя, то враждебныя, ставили Черниговъ въ близкія связи съ Новгородомъ [4]), Кіевомъ, Смоленскомъ, Суздалемъ и Галичемъ. Его князья роднились съ князьями кіевскими (Всеволодъ Ольг. былъ женатъ на доч. Мстислава Влад.; Олегъ Свят. сѣв. на доч. Юрія Долг. и Ростислава Мстисл.; Всеволодъ Свят. сѣв. на доч. Глѣба Юр.; Глѣбъ Свят. черн. и

[1]) П. С. Р. Л., III, 32; Ипат. л., 514.
[2]) Самоквасовъ, Древ. города, 98; Труды III-го А. с., I, 235.
[3]) Ипат. лѣт., 343.
[4]) О нападеніи новгородцевъ на черниговскіе города (П. С. Р. Л., III, 32).

Святославъ Игоревичъ сѣверскій на дочеряхъ Рюрика Рост.), смоленскими (дочь Святослава Ольг. вышла за Романа Рост.), полоцкими (Святославъ Всевол. жен. на дочери Василька Рогвол.—Маріи), владимірскими (Святославъ Влад. вщижскій на Ростиславѣ, доч. Андрея Богол., Владиміръ Свят. черниг. на доч. Михаила Юр., Мстиславъ Свят. черниг. на свояченицѣ Всеволода Юр., ясынѣ, Ростиславъ Яр. сновскій на Всеславѣ доч. Всеволода Юр.), галицкими (Игорь Свят. сѣверскій на доч. Ярослава Осмомысла, дочь Святослава Всев. за Владиміромъ Яр. галиц., Михаилъ Всевол. черн. на сестрѣ галиц. кн. Даніила Ром., Анна Всевол. за теребовльск. княз. Игоремъ Васильк.); позже съ рязанскими (Иванъ Титовичъ козельскій на доч. Олега Иван.) и литовскими (Андрей Мстисл. козельскій на доч. литов. кн. Гаманта(?); Святославъ Титовичъ кн. карачевскій на дочери Ольгерда Ѳеодорѣ). Связи эти распространялись на Польшу (дочь Святослава Яр., Вышеслава, была за польск. королемъ Болеславомъ II Смѣлымъ; дочь Всеволода Ольг. Звенислава-Анастасія за кн. вратислав. Болеславомъ Владисл. Высокимъ; Всеволодъ Чермный былъ женатъ на доч. Казимира II [1]), Венгрію (Ростислав. Мих. на доч. венг. короля Белы IV Аннѣ) и Византію. О бракѣ Олега Святославича черн. мы упоминали. Въ 1194 г. дочь Глѣба Святославича вышла замужъ за греч. царевича, ставшаго потомъ импер., Алексѣя (IV) Исааковича.

IV.

Находясь въ близкой связи съ Кіевомъ и Новгородомъ и на пути въ Суздальскій край, Черниговская земля не могла остаться въ сторонѣ отъ торговыхъ отношеній съ Византіей и Поволжьемъ. Ближайшій путь въ Булгаръ на Волгѣ изъ Кіева лежалъ по Деснѣ и волокомъ въ Оку. Этотъ путь и разумѣли арабскіе писатели (Истахри, Ибнъ-Хаукалъ), говоря, что купцы изъ Булгара доходили до Кіева черезъ Мордовскую землю [2]). Въ 1822 г. было найдено 82 куфич. мон. въ м. Гомелѣ, IX и X вв.; а въ Тульской губ. до 300 вост.

---

[1]) Польскіе браки см. Бобржинскій, т. I; Линниченко, Взаимныя отношенія Руси и Польши до полов. XIV в.; Зотовъ, О черниговскихъ князьяхъ (здѣсь и другіе).

[2]) Савельевъ, Мухаммед. нумизм., CLXXX—CLXXXII; Гаркави, Сказ. мусульм. писат. о Славян. и Русахъ, 193.

мон. VIII—IX вв.[1]). По словамъ Константина Багрян., въ числѣ мѣстъ, изъ которыхъ пріѣзжали купцы (въ лодкахъ) для торговли въ Константинополь, находились Черниговъ и Любечъ[2]). Византійскія монеты, попадающіяся на территоріи Черниговской губ., восходятъ къ полов. X вѣка[3]). Въ числѣ замѣчательныхъ предметовъ, найденныхъ въ такъ наз. Черной могилѣ, близъ Чернигова, заслуживаетъ упоминанія пара турьихъ роговъ въ серебряной оправѣ, относимая къ восточнымъ издѣліямъ VIII—IX вв.[4]). Заслуживаютъ также вниманія шейныя гривны (серебр. и золотыя), найденныя въ Курской губ., и въ Трубчевскомъ у. Орловской губ.[5]); серебряныя денежныя гривны, найд. въ 1878 въ с. Горбовѣ Новгородъ-Сѣв. уѣзда, по вѣсу (46—47 зол.) приближающіяся къ новгородскимъ; такъ наз. нѣжинскій кладъ (1852 г.), заключавшій въ себѣ ок. 200 серебр. монетъ, относящихся къ періоду 988—1157 гг. и признаваемыхъ за русскія[6]); золотыя и серебряныя издѣлія съ эмалевыми украшеніями, въ Черниговской и Курской губ.[7]), и такъ наз. черниговская (золотая, шейная) гривна, съ греч. и русской надписями, возбудившая большое вниманіе среди ученыхъ въ первой четв. XIX стол.[8]). Въ Трубчевскомъ уѣздѣ Орлов. губ. найденъ былъ мечъ съ украшеніями звѣринаго стиля на черенкѣ, признаваемый франкскимъ, прирейнскаго происхожденія[9]). Новгородъ, о торговыхъ сношеніяхъ съ которымъ заботились черниговскіе князья, вѣроятно, доставлялъ сюда предметы западныхъ рынковъ[10]).

Предметы эти, могутъ, служить подтвержденіемъ извѣстнаго достатка въ краѣ. Однако опасности того времени мѣшали болѣе прочному утвержденію культурныхъ связей. Тѣмъ не менѣе, до насъ до-

---

[1]) Савельевъ, xxxix, 17—18, 25—27.

[2]) De admin. imperio, cap. 9.

[3]) Труды III-го Арх. съѣзда, I, 202—210.

[4]) Кондаковъ, Рус. Древности. V, стр. 14—19

[5]) Ibid., 153.

[6]) Подробности см. въ соч. гр. И. И. Толстого: Монеты вел. кн. Кіевскаго.

[7]) Кондаковъ, 108, 117.

[8]) Опытъ, русск. исторіогр., I, 171 172. По начертанію буквъ, гривну относятъ къ XI в. (Срезневскій. 41); но, какъ выяснилось (Лавр лѣт., изд. 3-е), христ. имя Владиміра М. было не Василій, а Өеодоръ. „Черниговскій змѣевикъ—несомнѣнно русское издѣліе XI—XII в., замѣчательно тонкой работы“ (Кондаковъ, V, 162).

[9]) Кондаковъ, V, 19.

[10]) П. С. Рус. лѣт., VII, 133: X, 92; Никон. лѣт., II, 354—355.

шли нѣкоторыя извѣстія, свидѣтельствующія о зажиточности высшаго класса, главнымъ образомъ князей, о ихъ вкусахъ и заботахъ о внѣшнихъ условіяхъ жизни. Въ Черниговѣ былъ „красный дворъ"—княжескій, и Владиміръ М., пріѣхавъ сюда, поднесъ отцу 300 гривенъ золота. Въ Путивлѣ находился богатый дворъ Святослава Ольговича [1]). Иванъ Берладникъ, уходя отъ Святослава Ольговича, взялъ, за службу ему, 200 грив. серебра и 12 грив. золота [2]). Самъ онъ отъ Юрія Долгорукаго получилъ щедрые подарки, состоявшіе изъ кожъ и шелковыхъ тканей [3]). Тотъ же Святославъ посылалъ Юрію пардуса [4]); а, получивъ отъ Ростислава смоленскаго дорогіе мѣха (соболи, горностаи, черныя куницы, песцы, бѣлые волки) и рыбьи зубы, отдарилъ его двумя конями, кованнымъ сѣдломъ и пардусомъ [5]). Близъ Новгородъ-Сѣверска, на р. Рахнѣ, у Ольговичей находились табуны въ 1000 коней и 3000 кобылъ; въ селѣ Игоревѣ, въ погребахъ, хранилось множество вина и меду, а въ кладовыхъ—желѣза и мѣди, изъ которыхъ всего Давидовичи не могли забрать съ собою. Взявъ Путивль, Изяславъ Мстиславичъ кіевскій нашелъ въ княжескихъ погребахъ 500 берк. меда и 80 корчагъ вина, а во дворѣ—700 чел. челяди, которыми онъ и подѣлился со своими союзниками — Давидовичами [6]). При этомъ же упоминается о значительныхъ запасахъ сѣна (стоговъ 900 [7]). Любечъ сосредоточивалъ въ себѣ „всю жизнь" черниговскихъ князей, а потому, въ свою очередь, служилъ приманкою во время войнъ [8]).

V.

Учрежденіе церковной іерархіи въ Черниговѣ восходитъ ко времени Владиміра св. (см. выше, стр. 178—179). Первымъ епископомъ здѣсь былъ Неофитъ [9]). За нимъ слѣдовали: Мартирій, Ѳеодулъ [10]), Неофитъ II, участвовавшій въ перенесеніи мощей Бориса и Глѣба, въ

[1]) Лавр. лѣт., 239; Ипат., 237. Множество всякаго товара (издѣлій) тяжелаго (236). - Въ Черниговѣ упоминаются „восточныя ворота" (Лавр. л., 195).

[2]) Ипат. лѣт., 239. [3]) Ibid., 240. [4]) Ibid., 241. Ср. 358.

[5]) Ibid., 345—346. Извѣстно сравненіе Святослава кіевскаго лѣтописцемъ съ пардусомъ (ib. 41). Мѣха, въ обиліи добывавшіеся въ районѣ Днѣпра, потомъ вывелись (Савельевъ, Мухам. нумизм., ccv).

[6]) Ипат. лѣт., 235-237. [7]) Ibid., 236. [8]) Ibid., 254-255.

[9]) Никон. лѣт., I, 105 (подъ 992 годомъ). [10]) Никон. лѣт., прибавл.

1072 г.[1]): Іоаннъ (ок. 1087—1113), принимавшій участіе въ освященіи церкви св. Михаила въ Выдубецкомъ м., Успенской ц. въ Печерской лаврѣ и перенесеніи мощей Ѳеодосія[2]); Ѳеоктистъ, изъ игуменовъ Печерскаго мон. (1113—1123), духовникъ Давида Святославича и его жены (Ѳеодосіи[3]), участвовавшій въ третьемъ перенесеніи мощей Бориса и Глѣба (1115) въ новый каменный храмъ, построенный Владиміромъ Мономахомъ, Давидомъ и Олегомъ Святославичами (см. стр. 478); Парѳеній, извѣстный по синодикамъ (приб. къ Никон. лѣт., Гераклидъ), Пантелеймонъ († 1142[4]): Онуфрій (съ 1143), первенствовавшій на соборѣ 1147 г., по поводу избранія кіевскаго митрополита, и отстаивавшій право русскихъ епископовъ на избраніе безъ участія патріарха[5]); Евѳимій, при которомъ перенесены изъ Кіева въ Черниговъ мощи князя Игоря; Антоній грекъ (упом. 1159 г.), извѣстный нарушеніемъ клятвы, данной женѣ Святослава Ольговича и боярамъ, въ пользу Святослава Всевол. (1164), и изгнанный потомъ этимъ послѣднимъ (1169), какъ стоявшій за сохраненіе поста въ господскіе праздники[6]); Порфирій I (1177), на котораго возлагались переговоры съ рязанскими князьями (1187[7]), и Порфирій II, принимавшій участіе въ примиреніи черниг. кн. Михаила Всев. съ суздальскими князьями (1230), поплатившійся плѣномъ во время нашествія татаръ (1239) и снова возвратившійся въ свою епархію[8]). Въ половинѣ XIV в. Черниговская епархія была перенесена въ Брянскъ; но въ 1390 для Чернигова и Брянска вновь посвященъ въ Константинополѣ еп. Исаакій[9]), который упоминается и въ 1415 г.[10]).

Памятникомъ церковнаго зодчества древняго Чернигова остается Спасо-Преображенскій соборъ, древнѣйшій изъ уцѣлѣвшихъ русскихъ храмовъ. Основаніе его связано съ именемъ Мстислава Владиміровича, при которомъ началась постройка стѣнъ (1034), а окончена она была при Святославѣ Яр.[11]); но соборъ нѣсколько разъ страдалъ

[1]) П. С. Р. лѣт., I, 78. Въ мѣстныхъ синодикахъ есть отличія въ перечнѣ епископовъ.

[2]) Ипат. лѣт., 146, 148, 196; Лавр., 201, 204, 275.

[3]) Ипат. лѣт., 197; Густын. лѣт., 289.

[4]) Ипат. л., 222. [5]) Ibid., 224, 231. 241.

[6]) Ibid., 357; Лавр. л., 331, 336; П. С. Р. лѣт, II, 308; IV, 10; VII. 70, 84.

[7]) Ипат. л, 411; Лавр. л., 383—84.

[8]) Лавр. лѣт. 433-34, 446. [9]) П. Собр. Рус. лѣт., VIII, 60.

[10]) Макарій, IV, 78, 108, 113. [11]) Его строили византійскіе зодчіе (Иловайскій, II, 58).

отъ разоренія и пожаровъ (1239, 1611, 1750). Стѣны его отличаются массивностью и прочностью. Украшеніемъ этого храма служили мраморныя колонны и фрески [1]). Въ 1288 г. для него же („въ епископью") волынскій князь Владиміръ Васильковичъ прислалъ Евангеліе апракосъ, писанное золотомъ и окованное серебромъ съ жемчугами, съ изображеніемъ посрединѣ Спаса, отдѣланнымъ финифтью [2]). Давидъ (Глѣбъ) Свят., отличавшійся благочестіемъ и кротостью, построилъ церковь въ честь Бориса и Глѣба, гдѣ похороненъ былъ онъ самъ и сынъ его Изяславъ [3]). Вблизи Спаскаго собора находился каменный храмъ арх. Михаила, построенный Святославомъ Всевол. на княж. дворѣ (1174 [4]) и имъ же была построена церковь Благовѣщенія [5]). Возникновеніе монастырской жизни (Антоній) и миссіонерской дѣятельности въ этомъ краѣ (Кукша среди вятичей) тѣсно связаны съ Печерскимъ мон. Лѣтопись соединяетъ удаленіе Антонія (который былъ урож. г. Любеча) изъ Кіева—въ Черниговъ, подъ защиту кн. Святослава Ярослав., съ началомъ монашества въ краѣ: такъ, возникли въ Черниговѣ мон. Богородицы (Елецкій) и близъ него Троицкій, на Болдиныхъ горахъ (нынѣ Ильинскій мон. [6]). Церковь св. Бориса и Глѣба, вѣроятно, была обращена въ монастырь [7]). Полагаютъ, что былъ и женскій м-рь Параскевы-Пятницы, б. м. основанный княж. Предславою, сестрою Давида Свят., храмъ котораго напоминаетъ византійско-русскій стиль архитектуры домонг. періода [8]).

[1]) Въ немъ погребены: Мстиславъ Влад., Святославъ Яросл., Глѣбъ и Олегъ Свят., Владиміръ Дав., Ярославъ Всев., Игорь (съ 1150 г.) и Святославъ Ольг., (Ипат л., 105, 139, 140, 203, 283, 304. 474; П. С. Р. лѣт., VII, 77; Зотовъ, 39). Михаилъ Всевол. похороненъ былъ сначала въ Черниговѣ, а потомъ тѣло его перенесено въ москов. Архангельскій соборъ. Здѣсь же, вѣроятно, хоронились и епископы; такъ былъ погребенъ митр. Константинъ I (1159), бѣжавшій изъ Кіева и завѣщавшій отдать трупъ свой на съѣденіе псамъ (Лавр. лѣт., 329, 331).

[2]) Ипат. л., 609. [3]) Ипат., 354—355; ср. Зотовъ, 37, 258; Степен. кн., I, 235.

[4]) Ипат. л., 388.

[5]) Ипат. л., 439. Въ ней погребенъ Всеволодъ Свят., сынъ Святослава Ольг. (467), князь трубчевскій (потомъ сѣвер.) называемый „буй-туромъ" (Слово о п. Игоревѣ).

[6]) Ипат. л., 136; Лавр., 188. Печер. патер., по изд. Яковлева, стр. о҃, п҃з—п҃и. Въ 1177 г. Святославъ Всев. черниговъ. отправилъ еп. Порфирія съ игум. Богородицкаго мон. Ефремомъ къ Всеволоду Юр. съ просьбою объ освобожденіи рязан. кн. Глѣба (Ипат. л., 411).

[7]) Въ 1231 г., при посвящ. ростов. еп. Кирилла въ Кіевѣ, присутствовалъ и отъ Чернигова Іоаннъ, игуменъ „мученическій" (Лавр. л., 434).

[8]) Иловайскій, II, 60.

Кромѣ того, роду черниговскихъ князей принадлежали монастыри въ Кіевѣ: Симеоновъ, въ Копыревомъ концѣ, построенный Святославомъ Яр., въ которомъ временно былъ погребенъ кн. Игорь Ольговичъ (1147), и Кирилловскій, построенный Всеволодомъ Ольговичемъ, княжившимъ въ Кіевѣ, гдѣ погребены были его жена и нѣкоторые изъ его потомковъ (см. стр. 206 [1]). Изъ словъ же Нестора (ж. Θеодосія) можно заключить, что въ его время въ Черниговской области было нѣсколько монастырей [2]). Въ Новгородъ-Сѣверскѣ называются Успенскій соборъ и Спасо-Преображенскій мон. [3]). Въ Путивлѣ упоминается храмъ Вознесенія, устроенный серебряными сосудами, шитыми золотомъ покровами, Евангеліемъ въ кованномъ переплетѣ и др. книгами, потерпѣвшій разграбленіе во время княжеской усобицы 1146 г. [4]). Въ то же время сожжена была церковь св. Георгія въ княжескомъ сельцѣ Игоревѣ [5]).

Мы видѣли, что представители черниговской іерархіи и члены духовнаго клира принимали дѣятельное участіе въ общихъ церковныхъ и политическихъ дѣлахъ. Въ 1164 г., по поводу спора о постѣ въ среду и пятницу, поднятаго ростовскимъ епископомъ Леонтіемъ, на соборъ въ Византію, въ числѣ четырехъ русскихъ представителей, былъ отправленъ и посолъ черниговскій [6]).

VI.

Печальныя обстоятельства края всею своею тяжестью отразились на положеніи черниговской письменности (см. стр. 256, 277, 279).

Тѣмъ не менѣе, если мы припомнимъ, что на черниговскомъ престолѣ послѣдовательно сидѣли такіе любители книжной мудрости, какъ Святославъ Яр., Всеволодъ Яросл. и Владиміръ Мон. (1054—

[1]) Вблизи Кириллова мон. находился загородный дворецъ Святославичей— „новый дворъ“ (Ипат. л., 457). Всеволодъ Ольгов. во время болѣзни искалъ исцѣленія у мощей Бориса и Глѣба, здѣсь скончался и былъ погребенъ въ ихъ церкви, въ Вышгородѣ (Ипат. лѣт., 229, 457). Святославъ Всев., будучи боленъ, передъ смертью также посѣщаетъ Вышгородъ. Въ Кирилловомъ мон. была и церковь въ честь Бориса и Глѣба (Ипат., 457; П. С. Р. Л., II, 295; VII, 75). Ср. сс. 206 и 441.

[2]) Ср. Голубинскій, II, 628-629.

[3]) Въ лѣтописи объ Олегѣ Свят. (1180), старшемъ братѣ Игоря, героя „Слово о полку“, замѣчено, что его положили „у св. Михаила въ Преображ. мон.“ (Д. Багалѣй. Ист. Сѣвер. земли, 291). Полагаютъ, что здѣсь идетъ рѣчь о придѣлѣ св Михаила въ Преобр. м.

[4]) Ипат. л., 237. [5]) Ibid., 236 [6]) Лавр. лѣт, 334.

1094 [1]), что въ средѣ черниговскихъ князей этого періода былъ Святославъ (Никола) Давидовичъ (род. 1080, † ок. 1142), большой любитель книгъ, что между Черниговомъ и Кіевомъ, съ одной стороны, и Черниговомъ и Константинополемъ, съ другой, поддерживались постоянныя связи; то мы должны признать, что отношенія эти вполнѣ благопріятствовали утвержденію книжности въ Черниговской области. Многія изъ воспоминаній Владиміра Мономаха относятся къ Чернигову. Отсюда онъ дѣлалъ многочисленные походы и охоты (238—242) и здѣсь онъ велъ борьбу со своимъ соперникомъ Олегомъ (245). Одному изъ сѣверянъ (сравненіе р. Снови съ Іорданомъ), современнику Владиміра М., игумену Даніилу, принадлежитъ лучшій изъ русскихъ паломниковъ въ Царьградъ и Іерусалимъ, о которомъ намъ приходилось упоминать (см. стр. 210—212 [2]). Быть можетъ не безучастными оставались въ дѣлѣ составленія одной изъ редакцій службы Борису и Глѣбу Святославичи черниговскіе, игравшіе столь дѣятельную роль въ событіи 1115 г. [3]) и передавшіе тоже почитаніе ближайшимъ потомкамъ (стр. 478). Нѣсколько позже здѣсь появляется „Слово о князьяхъ", написанное въ день памяти тѣхъ же мучениковъ [4]), представляющее рѣзкое обличеніе, обращенное къ князьямъ за ихъ междоусобія и непокорность старшимъ. Одни видятъ въ немъ произведеніе, написанное для чтенія [5]), а другіе—поученіе, произнесенное въ храмѣ и имѣвшее успѣхъ [6]). Повидимому „слово" имѣетъ въ виду внутреннюю княжескую усобицу въ Черниговскомъ княж. и можетъ быть отнесено къ событіямъ 1174—75 гг., вызваннымъ нарушеніемъ клятвы кн. Олегомъ Святославичемъ.

[1]) Къ свидѣтельству Владиміра Мон. о знаніи его отцемъ пяти языковъ припомнимъ сообщеніе Геродота, что еще скиѳы, жившіе въ области Борисѳена (Днѣпра), вели сношенія съ сѣверными жителями при посредствѣ переводчиковъ, на семи языкахъ (IV, 24).

[2]) Ср. Нѣчто о Даніилѣ Паломникѣ (Сообщенія Имп. Палестин. Общ. 1900, янв.—февр., 110—111), Г. Ласкина (дополн. къ комментарію Веневитинова на текстъ сказанія).

[3]) Служба св. муч. Борису и Глѣбу въ Иваничской минеѣ 1547—49 г., Н. Голубовскаго, К. 1901 (Чт. въ Общ. Нестора лѣт. 1900, III, 125—166; отд. стр. 38).

[4]) Отрывки въ Москвитян. 1873, VI, 413 и д.; Изслѣд. Погодина, VII, 393, 406—408. Вполнѣ изд. Лопаревымъ въ коллек. Общ. люб. древ. письм. (Памятники, 1894, № xcviii).

[5]) Голубинскій, I, 678.

[6]) Опытъ пріуроч. древне-русской проповѣди „Слово о князьяхъ" къ опредѣлен. хронол. датѣ, П. В. Голубовскаго (Труды Археогр. ком. Моск. Археол. общ., I, в. 3-й. с. 491—510).

Самое сказаніе о чудѣ при кончинѣ „миролюбца" Давида Святославича († 1123) могло быть записано въ церкви св Бориса и Глѣба въ Черниговѣ, имъ построенной, въ которой онъ былъ погребенъ, откуда попало и въ лѣтописи [1]). Еще указываютъ на „Слово въ недѣлю сыропустную", въ которомъ упоминается объ убіеніи князя Игоря въ 1147 г., приписываемое Клименту Смолятичу, но вѣрнѣе принадлежащее приверженцу Игоря въ Черниговской области [2]). Вѣроятно въ той же мѣстности составлено было и житіе князя-мученика Игоря Ольговича, мощи котораго были перенесены (1150) въ Черниговъ, вошедшее потомъ въ передѣлкѣ въ Прологъ [3]). Нѣсколько позже [4]) появляется произведеніе сѣверскаго писателя о походѣ на половцевъ въ 1185 г., важное какъ въ историческомъ, такъ и въ бытовомъ отношеніи, а также по сравненію его съ изложеніемъ Кіевской лѣтописи [5]). Такое событіе, какъ завоеваніе Черниговской области татарами и судьба вел. кн. Михаила Всеволодовича и бояр. его Ѳеодора, постигшая ихъ въ ордѣ, не могли не оставитъ слѣда въ мѣстной письменности. Повѣсть о мученической ихъ кончинѣ, припис. свящ. Андрею [6]), появляется довольно рано (древ. спис. въ синод. Прологѣ XIV и XV в. [7]). Въ XV в. она была переработана Пахоміемъ Логоѳетомъ [8]).

---

[1]) Оно уцѣлѣло въ Степен. книгѣ (I, 234—235).

[2]) Новоизд. памятники древ.-русской письменности, М. С. Грушевскаго (Зап. Тов. Шевченка, т. V; ср. Отчеты Общ. люб. древ. письм. 1895 - 96 г., 61—62)

[3]) П. С. Р. лѣт., II, 298, 300. Кіевскій Прологъ окончивался Михаиломъ черниговскимъ (Некрасовъ, Пахомій Логоѳетъ, 62).

[4]) О пріуроченіи „Слово о полку" къ 1187 г. (Отчеты Общ. любит. 1895 - 96, с. 65).

[5]) Къ сказанному (стр. 263), присоединимъ: Нѣк. черты сходства Слова о полку съ старин. южно-славян. пѣснями, Н. Сумцова (К. Стар. 1893, № 7); Прозою или стихами писано Слово о полку, Ю. Тиховскаго (ibid, №№ 10 и 11); А. С. Петрушевичъ о Словѣ о полку (XVI, 728—30). Въ былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ (Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, в. III) указываютъ черты дружественныхъ сношеній сѣверскихъ князей съ половцами (Багалѣй, 304, примѣч.). Другіе въ Иванѣ гостиномъ сынѣ видятъ черниговца (Всев. Миллеръ, Ж. М. Н. Пр. 1895, XI; 1895, XI; 1896, IV).

[6]) По другому мнѣнію, оно написано св. Іоанномъ, духовникомъ Михаила Всевол. (А. А. Шахматовъ, Ж. М. Н. Пр. 1900, № 11, с. 159).

[7]) По списку Соф. рукоп. сказаніе напеч. пр. Макаріемъ (Ист. р. цер., V, 409—); по сп. И. Пуб. библ. (П. Собр. Рус. лѣт., т. X, прил.).

[8]) Ключевскій, Житія, 146 - 147.

VII.

Есть основаніе полагать, что существовала и *Черниговская лѣтопись* княжеской эпохи. Наши изслѣдователи давно отмѣчали, въ числѣ мѣстныхъ извѣстій разныхъ сводовъ, черниговскія записи [1]). Можно полагать, что и здѣсь лѣтописныя извѣстія получили начало съ возникновеніемъ церковно-политической жизни края. Такимъ фактомъ, необходимо признать утвержденіе Мстислава Влад. въ Черниговѣ (1024) и построеніе имъ церкви Спаса, причемъ указывается высота стѣнъ, выведенныхъ при немъ, и дѣлается характеристика князя [2]). Записи о построеніи церквей и монастырей, о рожденіи, смерти и погребеніи князей и епископовъ, конечно, принадлежатъ мѣстной лѣтописи [3]). Такова же подробная запись о поставленіи еп. Ѳеоктиста (1112 [4]). Въ дошедшихъ до насъ сводахъ (Ипат. ред. и Твер. лѣт., пользовавшейся Владимірскимъ полихрономъ) сохранились лишь отрывки лѣтописи, которые вошли въ эти сборники.

Черниговская лѣтопись, была, какъ полагаютъ, одной изъ составныхъ частей этихъ послѣднихъ. Записи о вступленіи на престолъ въ Черниговѣ Всеволода Яросл. (1076) и точное обозначеніе кратковременнаго пребыванія въ Черниговѣ Бориса Вячеславича (1077) имѣютъ мѣстный характеръ. Черниговскому же лѣтописанію принадлежатъ: изложеніе событій въ Черниговѣ по утвержденіи въ Кіевѣ Изяслава Мстиславича и переговоровъ, веденныхъ Святославомъ Ольговичемъ съ братьями Давидовичами [5]); запись о свиданіи Святослава Ольговича съ Юріемъ суздальскимъ, по приглашенію послѣдняго („приславъ“) и о кончинѣ на обратномъ пути „добраго старца Петра Ильича, иже бѣ отца его мужъ, уже бо отъ старости не

---

[1]) Весьма настойчиво говорятъ въ пользу существовавшей нѣкогда Черниговской лѣтописи Соловьевъ (III, 136, 137, 149; IV, 372 — выражаясь обыкновенно „Черниговской“ или „Сѣверской“); Костомаровъ, Лѣтописи, 44; Бестужевъ-Рюминъ, 136—144; Д. И. Багалѣй, 199, 256, 299; а въ особенности А. А. Шахматовъ (Общерус. лѣтопис. своды XIV и XV вв., Ж. М. Н. Пр. Пр. 1900, № 11, с. 157—180).

[2]) Ипат. лѣт., 105; Лавр. л., 146—147.

[3]) Ипат. лѣт., 203, 222, 283, 355, 388, 405, 439, 474; Лавр. 146, 193, 331, 427 428 и мн. др. См. перечень князей у Р. В. Зотова (О черниговскихъ князьяхъ, стр. 256—327: ср. Погодинъ, кн. VI, passim).

[4]) Ипат. л., 197.

[5]) Ипат. л., 233—235.

можаше ни на коня всѣсти, бѣ ему лѣтъ 90" [1]); сообщеніе о сношеніяхъ (1147) Давидовичей съ Изяславомъ Мстиславичемъ по поводу обидъ Святослава Ольговича объединяющее кіевскія извѣстія съ черниговскими [2]); повѣсть объ убіеніи Игоря Ольговича въ 1147 г. съ записью о чудѣ надъ его гробомъ и сочувственнымъ отзывомъ о немъ („добрый поборникъ отечества своего" [3]); подъ 1148 г.—обращеніе Владиміра Давидовича къ Святославу Ольговичу и Юрію суздальскому о помощи противъ Изяслава Мстислав., разорявшаго черниговскія волости [4]); запись подъ 1150 г. о перенесеніи мощей Игоря въ Черниговъ [5]); въ описаніи борьбы Изяслава Мстисл. съ Святославомъ Ольг. и Юріемъ въ 1152 г., подъ Черниговомъ,—нѣкоторыя свѣдѣнія взяты изъ мѣстныхъ записей [6]); подъ 1153 г.—о союзѣ, заключенномъ у Хоробра между Святославомъ Ольг. и Изяславомъ Давид. [7]); подъ 1155 г.—о черниговскихъ событіяхъ [8]); о присягѣ, данной Святославу Ольговичу племянникомъ Святославомъ Всеволодовичемъ [9]); подъ 1156 г.—объ отношеніи еп. новгород. Нифонта къ Святославу Ольг., княжившему въ Новгородѣ [10]), и о захватѣ Святославомъ Владимір. подесненскихъ городовъ у дяди своего Изяслава Давидовича [11]); подъ 1159 г.—объ отношеніяхъ Изяслава Давид. къ Ярославу галицкому; о событіяхъ въ Черниговскомъ княжествѣ и объ отношеніяхъ къ половцамъ [12]); подъ 1160 г.—о походѣ Изяслава Давидов. съ половцами на Святослава Ольг.; о нападеніи Изяслава на Смоленскую область, объ отношеніяхъ его къ Андрею Юрьев. и о бракѣ дочери послѣдняго съ племянникомъ Изяслава Святославомъ Влад. [13]); подъ 1161—о войнѣ Изяслава съ Ростиславомъ Мстиславичемъ, съ сочувствіемъ къ первому изъ нихъ при занятіи имъ Кіева [14]); подъ 1162 г.—о походѣ его подъ Бѣлгородъ, убіеніи и погребеніи въ Черниговѣ съ точными датами [15]); подъ 1164 г.—о событіяхъ по смерти Святослава Ольговича и о клятвѣ, нарушенной еп. Антоніемъ, съ обозначеніемъ чиселъ и подробностей самой бесѣды [16]); подъ 1166—67 г. записанъ цѣлый рядъ мелкихъ извѣстій (о выдачѣ дочери Святослава Ольг. за Ярополка Изяслав.; о кончинѣ ж. Святослава Ольг.; о кончинѣ

---

[1]) Ипат., 241. [2]) Ibid., 242-244.

[3]) Ibid., 247-250; ср. Новгород. 4 я, Никонов. л., П. С. Р. л., 173 и д.

[4]) Ипат. л., 255. [5]) Ibid., 283. [6]) Ibid., 314—318. [7]) Ibid., 320. [8]) Ibid., 328.

[9]) Ипат. л. 329. [10]) Ibid., 333. [11]) Ibid. [12]) Ibid., 342-344.

[13]) Ипат. л, 346-349. [14]) Ibid., 352—53. [15]) Ibid., 354—355.

[16]) Ипат. л., 393-394.

Святослава Влад., внука Давида, во Вщижѣ; о войнѣ Святослава Всев. съ Олегомъ Свят. изъ-за Вщижа; о рожденіи у Олега с. Свят. Бориса; о кончинѣ дочери Андрея, бывшей за Свят. Влад.; о рати Олега съ Бонякомъ [1]); подъ 1168 г.—о походѣ Олега на половцевъ и лютой зимѣ [2]); подъ 1174 г.—о походѣ Игоря Свят. на Ворсклу противъ половцевъ [3]) и о войнѣ Олега Свят. сѣверскаго съ Святославомъ Всевол. черниговскимъ [4]). Подъ 1175—76 г.—помѣщенъ разсказъ о походѣ Олега Святосл. на Святослава Всеволод. и затѣмъ о занятіи имъ г. Свирѣльска [5]). Записи о поѣздкѣ Святослава Всев. въ Кіевъ для переговоровъ съ Романомъ Рост. [6]), о войнѣ съ нимъ и о рожденіи у Игоря Свят. сына Святослава (въ крещеніи Адріана), подъ 1177 г.—черниговскаго происхожденія, какъ и записи о кончинѣ Олега Свят. (1178, съ обозначеніемъ числа), о размѣщеніи столовъ (Игорь братъ его въ Новгородъ-Сѣверскъ, а Ярославъ Всевол. въ Черниговъ) и о приведеніи Святославомъ Всев. за сына Всеволода „жены изъ Ляховъ Казимѣрны, во Филипово говѣнье" [7]); подъ 1183 г.—о походѣ Игоря Свят. на половцевъ. Подробный разсказъ о большомъ походѣ Игоря Свят. на половцевъ (1185) записанъ въ Черниговѣ кѣмъ либо изъ его спутниковъ [8]); подъ 1191 г. находимъ извѣстіе о походѣ Ольговичей на Осколъ противъ половцевъ [9]); подъ 1196 г. помѣщена подробная запись о кончинѣ Всеволода Свят. съ описаніемъ его качествъ [10]) и другая—о распрѣ въ Черниговскомъ княжествѣ въ княженіе Ярослава Всев.; а подъ 1198 г.—объ его кончинѣ [11]).

Въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ также можно отмѣтить болѣе или менѣе подробныя записи, относящіяся къ Черниговскому княжеству: такова замѣтка (1151 г.), что Владиміръ Давидовичъ похороненъ братомъ Изяславомъ у св. Спаса въ Черниговѣ [12]); по поводу битвы на р. Рутѣ (1151) помѣщена вставка, благосклонная Ольговичамъ [13]); подъ 1159 г.—подробное извѣстіе о смерти кіевск. митр. Константина I въ Чер-

---

[1]) Ипат. л., 359—361. [2]) Ibid., 364. [3]) Ibid., 387. [4]) Ibid., 393—394. [5]) Ibid., 406-408.

[6]) Кіевскій лѣт., по поводу распри князей и нападенія половцевъ (1177), которому радовался тотъ же Святославъ, замѣчаетъ: „То слышавши Ольговичи, обрадовашася, аки невѣдущи Божия казни" (Ипат. л., 409).

[7]) Ипат., 409—415. [8]) Ibid, 424—430—434—436. [9]) Ibid., 452—453.

[10]) Ипат. л., 467. [11]) Ibid., 468—470, 474.

[12]) П. С. Р. Л., VII, 55; IX, 189.

[13]) П. С. Р. лѣт., VII, 54; ср. Ипат. л., 301.

ниговѣ[1]), котораго нѣтъ въ Ипат. сводѣ, хотя вслѣдъ затѣмъ излагается запись о походѣ на половцевъ[2]); подъ 1161 г.—подробности о кончинѣ Изяслава Давидовича[3]). Полагаютъ, что лѣтописныя записи, судя по обгатству свѣдѣній о Сѣверскомъ краѣ (Слово о полку), велись и въ Новгородъ-Сѣверскѣ[4]). Повидимому Черниговская лѣтопись продолжала вестись и въ XIII стол. Такъ, быть можетъ, ей принадлежатъ записи подъ 1204 г.—о кончинѣ Олега Свят.; подъ 1212 г,—о смерти Всеволода Свят.; объ осадѣ Чернигова и пр.; подъ 1220 г.—о побѣдѣ Мстислава Свят. надъ Литвой[5]); подъ 1237—разсказъ о взятіи Батыемъ Козельска и Чернигова[6]); сказаніе объ убіеніи Михаила черниговскаго (1246) отъ царя Батыя въ Ордѣ[7]). Послѣдней статьей, занесенной въ разные своды и имѣющей отношеніе къ Черниговской лѣтописи, слѣдуетъ признать повѣсть о Курскомъ княженіи, помѣщенную подъ 1283 и 84 гг.[8]). Для указанныхъ сводовъ Черниговская лѣтопись служила весьма важнымъ источникомъ, который, быть можетъ, въ болѣе полномъ видѣ, входилъ раньше въ одну изъ лѣтописныхъ компиляцій начала XIV вѣка[9]).

До насъ дошло нѣсколько синодиковъ (5 черниг. мон. и 1 кіев., впрочемъ, въ поздн. спискахъ), имѣющихъ значеніе для выясненія генеалогіи многочисленныхъ черниговскихъ князей[10]).

Литература: Ипат., Лавр., Твер., Никон., Воскр. лѣтоп.; 2) Погодинъ, IV, 217—260; V, 289—294; VI (списки князей); О достопамятн. Чернигова, М. Е. Маркова (Чт. въ Общ. исторіи и древн. 1848, I, с. 1—26); перепечатка, Черн. 1882 (замѣтка объ этомъ очеркѣ, какъ неимѣющемъ научной цѣны, Н. В. Голубовскаго, Кіев. Стар. 1883, т. VI, 742—744); О городахъ и селеніяхъ въ Черниг. губ., упомин. въ Несторовой лѣт., М. Маркова (Період. собр. Деп. Мин. Н. Пр., № 40); Черни-

[1]) Лавр. л.. 331; подроб. П. С. Р. Л., VII, 70—71; XV, 228—289; IX, 214—215.

[2]) Лавр., 331—333; Ипат., 346—348.

[3]) Ипат. л., 354; ср П. С. Р. Л. VII; Софіев. 1-ая; Новгор. 4-ая; Твер. лѣт.

[4]) Бестужевъ-Рюминъ, 144.

[5]) Воскрес. л. (т. VII), Никонов., Тверская.

[6]) Ипат., 519-521; Твер. лѣт. (полихронъ), 372—373; П. С. Р. Л., VII, 143—144; Софіев. 1-я (1239).

[7]) Ипат. л. вкратцѣ, 528—529; вполнѣ Тверская лѣт. 386—393; ср. Софіев. 1-я, 182—86; VII, 152—159.

[8]) Лавр., 457—459; Никон., 162—166; Троиц. л. у Карамзина.

[9]) Шахматовъ, Ж. М. Н. Пр. 1900, № 11, 168—171; 177—180.

[10]) О нихъ см. у Филарета (Ист. Черн. еп.), Квашнина-Самарина и Зотова.

говъ, историч. и статистич. описаніе, Н. А. Маркевича, Ч. 1852 (изъ Черн. Губ. Вѣд. 1852, №№ 8--11), 176 стр.; Географическія свѣдѣнія на Руси въ IX—XII стол., И. Д. Бѣляева (Записки Геогр. Общ., кн. VI, 1852, стр. 97—111); Исторія Сѣверской земли до полов. XIV ст., съ карт. и рисунк., Д. И. Багалѣя (Ун. Изв., Сборн. соч. студ. Унив. св. Влад., в. IV, 1882, 1—310); Исторія Сѣверской земли до пол. XIV ст., П. В. Голубовскаго (Сборн. соч. студ. унив. в. III; К. 1881, 1—201); По поводу Любецкаго синодика Н. Кашнина-Самарина (Чт. въ Общ. ист. 1874, кн. IV, 213—226); Любечъ. Черниговск губ Городниц. у., родина преп. Антонія Печерскаго, гр. Г. А. Милорадовича (Чт. въ Общ. ист. 1871, кн. II, 1—160; Любечъ. одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Россіи, *его же*, Черн. 1884; Любецкій синодикъ, *его же* (Черн. Губ. Вѣд. 1886, №№ 69 и 71); О черниговск. князьяхъ по Любец. синод. и о Черниговск. княж. въ татар. время, Р. В. Зотова, Спб. 1892 (изъ Лѣт. занят. Арх. ком., т. IX, 327+47); Матеріалы для геогр. и стат. Россіи, изд. ген. штаба. Черниговская губ., Спб. 1865, М. И. Домонтовича; Церковно-историческое изслѣдованіе о древ. области Вятичей, архим. Леонида (Чт. въ Общ. исторіи 1862, кн. II, 1—156); Исторія церкви въ Калужской губ., *его же*, Калуга 1876; Ист. стат. опис. Черниговск. епархіи Филарета, архіеп. черниг., 5 кн., Черн. 1873; Трубчевскій Спасо-Чолн. монастырь, Ист. оч., И. А. Богданова—направлено противъ мнѣнія Г. М. Пясецкаго, что монастырь этотъ существовалъ уже во 2-й полов. XIV в. (Труды Орлов. учен. архивн. ком. 1897, в. 2-й, с. 7—70); Изъ лѣтописей г. Новосиля, С. П. Молчанова (Тульск. Губ. Вѣд. 1872, №№ 31—34); Изъ лѣтописей гор. Одоева (тамъ же, 1872, №№ 43—49); Слѣды христіанства на Дону въ домонг. періодъ, св. С. Звѣрева (Хр. Чт. 1897, № 10); Историч. изслѣд. сказанія о походѣ сѣвер. князя Игоря Свят. на половцевъ въ 1185 г., А. В. Лонгинова, Од. 1892 (рец. П. В. Владимірова въ Отч. Имп. Ак. наукъ о X-мъ присужд. Пушкин. премій, Спб. 1895); Литература „Слова о полку Игоревѣ“ (Жданова, Смирнова и Владимірова); труды о лѣтописяхъ Костомарова, Бестужева-Рюмина; Общерусскіе лѣтоп. своды XIV и XV вв., А. А. Шахматова (Ж. М. Н. Пр. 1900, № 11); М. Е. Марковъ и его рукописный сборникъ о черниговской старинѣ, М. П. Бережкова, Нѣжинъ, 1902; справочныя изданія (словари Щекатова, Семенова, Барсова, Головацкаго). Списки населенныхъ мѣстъ Полтав. и Черниговск. губ., съ картами; Очерки исторіи Литовско-русскаго права, Ѳ. И. Леонтовича, Спб. 1894 (глава 5-я); Блаж. Игорь Ольговичъ, кн. новг. сѣв. и вел. кн. кіев. Ист. оч. М. Н. Бережкова, Черн. 1893; Родъ князей Мосальскихъ, Н. Е. Бранденбурга, 1892 (рец. В. Улянинцкаго, Отчетъ о XXXVI присужд. наградъ гр. Уварова, стр. 113—192).

I.

Къ сѣверу отъ радимичей (верховья Волги, Двины и Днѣпра) лежала земля Смоленскихъ кривичей, археологическія изслѣдованія которой дали хотя немногочисленные, но интересные экземпляры вещей скандинавскаго типа (характерные мечи, мѣдныя фибулы, бляхи съ скандинавскимъ узоромъ, пряжки и т. п.) и восточнаго происхожденія [1]), съ остатками трупосожженія, [2]). Восточныя монеты, найденныя въ предѣлахъ Смоленской губ., принадлежатъ VIII—XI вв. [3]). Мѣстныя названія, находящіяся на территоріи, занятой нѣкогда кривичами, указываютъ на ихъ предшественниковъ угро-финскаго племени [4]). Позже въ составъ смоленской территоріи входитъ отрасль литовскаго племени—голядь, жившая по р. Протвѣ [5]). Принадлежа къ сѣверной федераціи племенъ, платившихъ дань варягамъ [6]), кривичи безпрекословно подчиняются новымъ, пришлымъ князьямъ и участвуютъ въ ихъ походахъ на Константинополь [7]). Владиміръ I вполнѣ располагалъ ими [8]). Названіе племени долго удерживалось, не смотря на происшедшія политическія перемѣны въ краѣ [9]). По словамъ одной лѣтописи, Аскольдъ и Диръ не рѣшились занять Смоленскъ, такъ какъ онъ былъ великъ и многъ людьми [10]); между

---

[1]) А. Спицынъ (Ж. М. Н. Пр. 1899, № 8, с. 314—315, 324, 327—328); Курган. черепа Юхнов. у. Смол. губ. А. П. Богданова (Антроп. выставка, М. 1878). О грубой русской копіи змѣевика, найд. въ Смолен. губ. въ 1887 г. (Кондаковъ, V, 162).

[2]) Приблизительно на 90 кург. въ разныхъ мѣстахъ Смолен. губ., 50 заключали въ себѣ обрядъ сожженія, а 15 — погребенія (Труды Моск. Арх. общ., тт. IX и XI). По лѣтописи обрядъ погребенія у кривичей одинаковый съ вятичами (Ипат. л., 8). Гробы изъ цѣлой соснов. или дубов. колоды на старомъ кладбищѣ въ Смоленскѣ (Р. Арх. 1900, № 12, с. 578).

[3]) Савельевъ, xxvi, 27—28 и Труды М. Арх. общ., т. XI, проток., 87—88; Аристовъ, 205.

[4]) См. труды Шегрена и Кастрена; Европеусъ, Объ угорскомъ народѣ, Спб. 1874; Веске, Славяно-финскія культур. отношенія по даннымъ языка, Каз. 1890, с. 4.

[5]) Новгор. I, 93; П. С. Р. Л., XV, 153; Ипат. лѣт., 240. Голяди народонасел. нын. Можайск. у. Моск. г. и Гжатскаго Смол. г. (Барсовъ, Словарь, 53).

[6]) Ипат. лѣт., 10—11; Лавр. л. 10.

[7]) Ипат. лѣт., 13, 17, 28; Лавр. 18—19, 22—23, 44.

[8]) Ипат. лѣт., 50, 83; Лавр. 74.

[9]) Ипат. л. 210, 215; Лавр., 282.

[10]) Архангелогор. лѣт., М. 1781, с. 5. Шлецеръ обратилъ вниманіе на это мѣсто и придавалъ значеніе Арх. списку, какъ древнему (II, 11, 99, 206—208). Дру-

тѣмъ какъ Кіевъ тамъ же называется еще „малымъ градкомъ“ [1]). Олегъ подчинилъ кривичей своей власти [2]), и хотя имя Смоленска не упоминается въ договорахъ съ греками на ряду съ Кіевомъ, Черниговомъ и Переяславлемъ, но, конечно, подразумѣвается подъ тѣми „прочими городами“, для которыхъ выговаривались „уклады“ и отъ которыхъ бывали послы и гости въ Константинополѣ [3]). Въ землѣ Кривичей существовалъ еще городъ, рано упоминаемый въ лѣтописи, который, сталъ потомъ достояніемъ Пскова, это Изборскъ [4]), гдѣ сидѣлъ Труворъ; а Полоцкъ, также кривскій городъ, пользовался даже преимуществомъ передъ Смоленскомъ [5]). Богатые лѣсами, кривичи издавна занимались приготовленіемъ лодокъ—однодеревокъ (моноксилъ), которыя весной сплавлялись по Днѣпру въ Кіевъ, а оттуда въ Константинополь, о чемъ упоминаетъ Константинъ Багрян. [6]). Находки значительныхъ запасовъ смолы [7]), необходимой для смоленія судовъ и отъ которой произошло самое названіе города [8]), подтверждаютъ достовѣрность приведеннаго извѣстія.

II.

Со времени Ярослава I въ Смоленскѣ сидятъ его сыновья (Вячеславъ, Игорь, Всеволодъ), а съ 1097 г. онъ окончательно утверждается въ родѣ Владиміра Мономаха: въ немъ сидятъ то сыновья (Святославъ, Вячеславъ), то посадники послѣдняго. Въ это время Смоленскъ чувствовалъ на себѣ какъ политическую, такъ и церковную зависимость отъ Переяславля (стр. 462, 468). Попытка Всеслава Брячиславича полоцкаго и его сына Глѣба подчинить Смоленскъ была окон-

---

гіе, считая его позднѣйшимъ, признаютъ его важность (Бычковъ, Проток Арх. ком., III, 391; ср. Полѣновъ, Обозр., 59; Шахматовъ, см. выше, стр. 406).

[1]) Арханг. лѣт., 5. [2]) Ипат. лѣт., 13.

[3]) Ипат. лѣт., 18, 30; Лавр., 29—30; Воскр., VII, 272. Въ Твер. лѣт. вставленъ и Смоленскъ (стр. 38).

[4]) Ипат. лѣт., 11; „а то нынѣ пригородъ псковскій, а тогда былъ въ Кривичехъ большій городъ“ (Архангелогород. лѣт., стр. 4).

[5]) Ипат. л., 18; Лавр. л., 30.

[6]) De admin. imperio, cap. 9.

[7]) Рокачевскій, Опытъ собранія историч. записокъ о г. Рославлѣ (Изв. Арх. Общ., т. IX, 509). Отсюда же впослѣдствіи смола отпускалась и за границу (Флетчеръ, гл. 3).

[8]) Голубинскій, I, 2, прим.

чательно устранена Владиміромъ М., хотя и съ уступкою Минска [1]). Внукъ послѣдняго Ростиславъ Мстиславичъ является (1127—1159) родоначальникомъ князей смоленскихъ. Онъ втягиваетъ Смоленскъ въ распри своего брата Изяслава, самъ является не разъ въ Кіевѣ и остается здѣсь вел. княземъ († 1168 [2]). При немъ же возникаетъ въ Смоленскомъ княж. Торопецкій удѣлъ [3]). Съ другой стороны, пользуясь распрями князей въ Полоцкѣ, онъ полагаетъ основаніе протекторату надъ Полоцкой землей, который прочно устанавливается въ началѣ XIII в. [4]), а его сыновья сидятъ въ Новгородѣ [5]). Сынъ его Романъ (1159—1180) слѣдуетъ той же политикѣ: онъ дважды былъ на кіевскомъ престолѣ, пока не былъ изгнанъ. Въ его отсутствіе въ Смоленскѣ правилъ сынъ его Ярополкъ (1174—75). Вообще, оба они много терпѣли („досады") отъ смольнянъ [6]), вслѣдствіе большого вліянія на дѣла вѣча, которое давало сильно чувствовать себя въ это время [7]). Пришлось испытать Роману давленіе и болѣе сильнаго князя суздальскаго—Андрея Боголюбскаго. Той же политики держался братъ его Давидъ (1180—1197). Онъ отдавалъ свои войска въ распоряженіе Всеволода III противъ болгаръ. Благодаря поддержкѣ сѣвернаго князя, смоленскимъ князьямъ удается утвердиться въ Кіевѣ и оградить себя отъ притязаній Ольговичей черниговскихъ, которые являются часто союзниками полочанъ противъ Смоленска. По смерти же Всеволода Юрьевича

---

[1]) Ипат. лѣт., 117, 185, 203, 205, 308, 340, 346, 351.

[2]) Отзывъ о немъ лѣт. (Ипат., 362—363).

[3]) Въ немъ княжили: Мстиславъ Рост. Храбрый и сыновья его Мстиславъ Мст. Удалой (отъ первой жены), Давидъ Мстисл., Владиміръ Мстисл. (оба отъ второй жены, по предположенію Карамзина) и, вѣроятно, сынъ посл. Ярославъ, оба извѣстные своими связями съ нѣмцами. Жена послѣдняго была уб. пасынкомъ (П. С. Р. лѣт., III, 54; V. 182; VII, 152), похоронена во Псковѣ и причислена къ лику святыхъ.

[4]) Ипат., 338—340. Въ 1165—67, въ Витебскѣ, по занятіи его у полочанъ, былъ посаженъ Давидъ Рост.

[5]) Ibid., 332; Лавр., 324; Новг. 1-я, 140—142.

[6]) Ипат. лѣт., 417.

[7]) Сергѣевичъ, Вѣче, 6—7. Слова древняго лѣтописца извѣстны (Лавр. лѣт., стр. 358). Лѣтопись и акты представляютъ наглядные примѣры вліянія вѣча во внутреннемъ управленіи, въ торговыхъ дѣлахъ и въ лагерѣ (Ипат. лѣт., 344, 416, 485—36, 464—66; Новгор. 1-я, 195). Ср. уставн. грам. Ростислава Мстисл. смолен. епископіи, 1150 г. (Дополн. къ акт. историч., I, № 4, п. 1: „сдумавъ съ людьми своими"). Столкновенія съ властью оканчивались иногда жестокою расправою (Новгор. I, 161). Позднее упоминаніе о вѣчѣ (Лѣтопись, изд. Поповымъ, Уч. Зап. Ак. Н., I, годъ 1440).

наступаетъ болѣе благопріятный періодъ для Смоленска. Князья его (Мстиславъ Романовичъ, 1197—1214: Владиміръ Рюриковичъ,—1219), становятся распорядителями въ Новгородѣ [1]), Кіевѣ и Галичѣ и рѣшаютъ судьбу Липецкой битвы, заслуживъ похвалы своей опытности и мужеству даже у противниковъ [2]). Быть можетъ здѣсь имѣло значеніе и преимущество вооруженія смольнянъ, вслѣдствіе частыхъ сношеній съ Западомъ и постоянныхъ походовъ то на югъ, изъ-за Кіева, то на западъ, вслѣдствіе борьбы съ Полоцкомъ и нѣмцами. Съ этого момента Суздальская земля сосредоточивается на сѣверныхъ дѣлахъ, а Смоленскъ является защитникомъ Новгорода въ борьбѣ его съ нѣмцами и финнами (Мстиславъ Мстиславичъ; Святославъ и Всеволодъ, оба сс. Мстислава Романовича). Послѣ удаленія Всеволода Чермнаго, Ростиславичи (Мстиславъ Романовичъ, заслужившій у суздальскаго лѣт. имя „стараго добраго князя" [3]), сидятъ, въ Кіевѣ и получаютъ надѣлы въ Кіевской землѣ [4]), претендуютъ на Галичъ (тотъ же Мстиславъ Мст.); впрочемъ здѣсь имъ приходилось уже бороться съ венграми и поляками. Однако предпріятіе ихъ противъ татаръ (1224), во главѣ котораго они стояли, было неудачно: послѣ убитаго на Калкѣ Мстислава Романовича въ Кіевѣ утвердился Владиміръ Рюриковичъ, мѣсто же его въ Смоленскѣ еще ранѣе занялъ Мстиславъ Давидовичъ; а Мстиславъ Мст., послѣ неудачъ, постигшихъ его въ Галичѣ, умеръ на пути въ Кіевъ, принявъ схиму. Съ наступленіемъ татарскаго владычества вліяніе Смоленска на Кіевъ прекращается; и все вниманіе Мстислава Давидовича сосредоточивается на борьбѣ съ Литвою и утвержденіемъ протектората въ Полоцкѣ (1219—1230); а затѣмъ наступаетъ смутное время для Смоленска: въ немъ распоряжаются то полоцкіе князья, то Литва, то Суздаль, пока престолъ

---

[1]) Такъ, сыновья Мстислава, Всеволодъ и Святославъ, и назв. выше Владиміръ Мст., сидятъ въ Новгородѣ, Псковѣ и Лукахъ (Голубовскій, 175—176).

[2]) Суздальскіе бояре о Ростиславичахъ отзывались такъ: „Князи *мудри* суть и *рядни* и *хоробри*, а мужи ихъ Новгородци и Смолняни *дерзи к боеви*, а Мьстислава Мьстиславича и сами вѣдаета в томъ племяни, оже дана ему отъ Бога храбрость изо всѣхъ". (Лавр. лѣт., 470—72). Этотъ Ростиславичъ, извѣстный своими рыцарскими качествами, прозванный Удалымъ (сынъ Мстислава Рост. Храбраго), пользовался общими симпатіями. Онъ княжилъ въ Новгородѣ.

[3]) Лавр. лѣт., 424.

[4]) Грушевскій, Ист., Кіев. земли, 275.

не перешелъ къ внуку Давида Ростиславича — Ростиславу Мстиславичу (Θед.), въ семьѣ котораго и оставался Смоленскъ до паденія политической независимости княжества.

III.

Смоленскъ долгое время оставался въ сторонѣ отъ того погрома, который былъ нанесенъ всей Россіи нашествіемъ татаръ. Попытка татаръ утвердить свое господство здѣсь, по возвращеніи изъ Венгріи, окончилась неудачно [1]); тѣмъ не менѣе въ 1274 г. смолен. князь получаетъ приказаніе изъ Орды—отправиться, вмѣстѣ съ другими князьями, противъ Литвы [2]). Въ Смоленскѣ жили татарскіе чиновники, чѣмъ и вызывается прибавленіе условія въ торговомъ договорѣ о свободѣ отъ подобныхъ постоевъ помѣщеній нѣмецкихъ купцовъ [3]). Правда, къ концу этого столѣтія смоленскимъ князьямъ удалось захватить въ Сѣверской землѣ г. Брянскъ, но уже со 2-й полов. XIII ст. въ Смоленскомъ княж. выдѣляется Можайскій удѣлъ, который начинаетъ тяготѣть къ Поволжью, а въ к. того же столѣтія появляются удѣлы Вяземскій [4]) и Брянскій, стремящіеся къ независимости во внутреннемъ управленіи [5]). Θедоръ Рост. можайскій, прозванный Чернымъ [6]), обдѣленный своими братьями, уѣзжаетъ въ Ярославль (ок. 1267), женится на дочери умершаго князя Василія Всевол., Маріи, и управляетъ княжествомъ вмѣстѣ съ тещей кн. Ксеніей, а получивъ Смоленскъ, назначаетъ въ него намѣстни-

---

[1]) Ипат. лѣт., 528. Дѣйствія татаръ подъ Смоленскомъ соединяются съ подвигами пр. Меркурія (см. ниже). Въ память этого событія смольняне поставили столпъ (ср. Никитинъ, Ист. г. Смоленска, 70).

[2]) Ипат. лѣт., 575.

[3]) Русско-Ливон. акты, 420—445. Въ послѣдующій періодъ вел. князьями въ Смоленскѣ были: Глѣбъ Ростиславичъ (—1277), Михаилъ Рост. (1277—79), Θедоръ Рост. (1280—1299), Александръ Глѣб. (1299—1313), Иванъ Алекс. (1313—1358), Святославъ Иван. (1358—1386), Юрій Свят. (1386—1392, 1401—1406), Глѣбъ Свят. (1392—1395). Замѣч. о титулѣ „вел. князя" въ отд. княжествахъ (Грушевскій, Ш, 251—52).

[4]) Князья: Андрей Влад. Долгая Рука; Андрей Мих. 1300, Михаилъ Ив. 1386, Иванъ Святосл. 1404, Θедоръ Свят., 1344. Потомъ отъ нихъ отдѣляются отчины кн. Козловскихъ, Глинскихъ и др. (Леонтовичъ, 108).

[5]) Князья: Романъ Глѣб., 1286, Василій Алекс., 1309, Святославъ Глѣб., Димитрій Ром. 1333, 1341, Василій Ив., 1359.

[6]) Сынъ кн. Ростислава Мст. О немъ Лавр. лѣт. 459—461; Сузд. лѣт. по Академ. сп., 499—500; Никон., III, 62; ср. Карамзинъ, IV, 69, 87; примѣч. 138.

Кн. можайскіе: Θедоръ Рост., до 1267; Святославъ Глѣб., 1303.

комъ своего племянника Андрея Мих. Обстоятельство это подало поводъ брянскому князю Роману Глѣбовичу сдѣлать нападеніе на Смоленскъ, а затѣмъ войти въ соглашеніе съ Ѳедоромъ Рост. и стать намѣстникомъ его въ Смоленскѣ, гдѣ онъ и оставался до 1293 г.; а въ 1297 г. овладѣлъ Смоленскомъ („лестью“) братъ Романа Александръ и, послѣ неудачной осады его Ѳедоромъ Рост. (1299), сталъ въ немъ вел. княземъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ обозначается усиленное стремленіе удѣловъ къ обособленію: въ 1300 г. Дорогобужъ примыкаетъ къ Вяземскому уд.: въ 1303 г. моск. князь Юрій Дан. захватываетъ Можайскъ, а князя его Святослава Глѣб. уводитъ въ плѣнъ; въ 1313 г. снова отдѣляется Брянскъ, взявъ къ себѣ въ князья Дмитрія Ром.; а нѣсколько позже встрѣчается еще князь Ѳедоръ (Юр.?) ѳоминскій, державшій сторону противниковъ смол. князя [2]). Продолжительное (1313—58) княженіе Ивана Александр. наполнено подобными же явленіями. Въ борьбѣ его съ кн. брянскимъ (Дмитріемъ Ром.) принимаютъ участіе Литва, Рязань и татары. Дочь Дмитрія Ром. вышла замужъ за моск. кн. Ивана Ивановича; князь вяземскій и дорогобужскій Ѳедоръ Свят. вступаетъ на службу къ моск. князю и получаетъ отъ него въ удѣлъ г. Волокъ, а затѣмъ выдаетъ свою дочь (Евпраксію) за вел. кн. Симеона Гордаго.

Между тѣмъ еще съ XIII в. Смоленское княж. становится предметомъ постоянныхъ нападеній со стороны Литвы (Торопецъ), а однажды въ ея рукахъ оказался и Смоленскъ [3]). Однако общіе интересы сближаютъ послѣдній съ Литвою въ опасностяхъ со стороны Ливонскаго ордена (1348) и Москвы (1355), хотя это не помѣшало Ольгерду присоединить гг. Ржевскъ, Бѣлый, Брянскъ. Правленіе такого

---

[1]) Лавр. лѣт., 500.

[2]) Ѳоминское княж. занимало ю.-з. часть Зубцовскаго у., а большая часть его была расположена по нижнему теченію р. Вазузы. Г. Ѳоминскъ, нынѣ с. Ѳоминское городище—при сліяніи Вазузы и Осуги, представляетъ довольно крѣпкое мѣсто, обнесенное валомъ. Въ XIV в. въ этомъ удѣлѣ выдѣляются еще Хлепенъ и Березуй, а кн. Ѳоминскіе сидятъ и во Ржевѣ (см. изслѣд. Н. Д. Квашнина-Самарина).

[3]) Торопецкое княж. заключало въ себѣ, кромѣ пространства, заним. теперь Торопецкимъ, Осташковскимъ и Ржевскимъ уу., весьма значительныя части уу. Велижскаго, Холмскаго и Бѣльскаго и части Порѣцкаго и Великолуцкаго уу. Такимъ обр. вся сѣв. половина Смоленскаго княж. во 2-й пол. XII в. составляла удѣльное Торопецкое княж. (Чт. въ Общ. ист. 1897, I, 3). Съ 1355—1500 Торопецъ принадлежалъ литовцамъ, а съ 1503—Москвѣ.

энергическаго князя, какъ Святославъ Ив., все ушло на защиту отъ притязаній Москвы и Литвы. Захваты послѣдней (Мстиславль, Орша, Родня) заставили Святослава примкнуть къ союзу съ Ольгердомъ; но помощь, оказанная ему, вызвала церковное отлученіе со стороны м. Алексѣя, подкрѣпленное поддержкою патріарха (1370), и въ 1375 г. мы уже видимъ войска смоленскаго князя дѣйствующими заодно съ московскими противъ Твери. Попытка Святослава по смерти Ольгерда возвратить захваченные раньше города, привела къ кровопролитной битвѣ подъ стѣнами Мстиславля (1386), жертвою которой сталъ самъ Святославъ и много другихъ смоленскихъ князей, и къ осадѣ Смоленска. Витовтъ и Скиргайло, руководившіе военными дѣйствіями, заставили смольнянъ принять тяжкія условія, а Юрій Свят. (жен. на плем. Скиргайла) долженъ былъ признать свою зависимость отъ Ягелла и затѣмъ отправиться въ Вильну для подтвержденія договора присягою. Впрочемъ этотъ послѣдній былъ только шагомъ къ полному подчиненію Смоленска Литвѣ. Утвердившись на престолѣ (1392) и будучи обезпеченъ родствомъ съ моск. княземъ (вслѣдствіе брака Софіи Вит. съ Василіемъ Дм.), Витовтъ сначала посадилъ въ Смоленскѣ Глѣба Свят., а затѣмъ хитростью овладѣлъ Смоленскомъ, захватилъ его князей и посадилъ въ немъ своихъ намѣстниковъ (1395). Противодѣйствіе его власти влекло обыкновенно за собою смертную казнь и конфискацію имущества, и онъ нашелъ поддержку въ боярахъ. Попытка кн. Юрья Святославича (1401), съ помощью тестя своего Олега рязанскаго, овладѣть городомъ, сопровождавшаяся жестокою расправою, не привела ни къ чему [1]). Въ 1403 г. Витовту удалось занять Вяземскій удѣлъ и хотя, не смотря на хорошую артиллерію, онъ вынужденъ былъ снять осаду Смоленска, однако Юрію, подъ давленіемъ внутренней борьбы партій, пришлось таки оставить Смоленскъ и удалиться въ Москву вмѣстѣ съ сыномъ Ѳедоромъ и братомъ Владиміромъ. Призванный своими сторонниками, Витовтъ снова осадилъ Смоленскъ, а 26 іюня 1404 г. послѣдній сдался. Князь Юрій нашелъ пріютъ въ Новгородѣ; попытка же его получить помощь отъ прусскаго ордена не имѣла успѣха. Впослѣдствіи онъ снова возвратился въ Москву и былъ намѣстникомъ въ Торжкѣ. Конецъ жизни

---

[1]) Витовтъ казнилъ князя Ивана Михайловича, уже раньше захваченнаго съ своимъ семействомъ и потерпѣвшаго разграбленіе, быть можетъ вслѣдствіе сношеній съ нимъ партіи, желавшей посадить его на престолъ (Голубовскій, 181, 332).

его ознаменовался романическимъ приключеніемъ, вызваннымъ страстью къ женѣ друга своего князя Симеона Мстисл. (вяз.)—Юліаніи, кончившейся убійствомъ ихъ обоихъ. Послѣ этого Юрій скрылся въ Орду, скитался въ степяхъ и окончилъ жизнь въ монастырѣ близъ Венева (14 сент. 1408 г.[1]). Сынъ его Өедоръ также былъ принятъ новгородцами[2]).

IV.

Брачныя связи соединяли родъ смоленскихъ князей съ домами князей черниговскихъ, полоцкихъ, суздальскихъ ярославскихъ и московскихъ, которыми отчасти опредѣлялся и ходъ событій въ Смоленскомъ княжествѣ[3]). Важнѣйшіе города и волости княжества составляли слѣдующія поселенія: Дорогобужъ (1084), Орша (1116, укрѣпленный городъ), Голеди (1147[4]), Вержавицы Вел., Врочницы, Хотшинъ, Жабачевъ, Шуйская вол., Ветская, Былевъ, Каспля, Жидчичи, Жижецъ (1150), Торопецъ (1150, 1168[5]), Бортники, Витринъ, Воротовичи, Дешняны, Басея, Мирятичи, Добрятинъ, Доброчково, Бобровницы, Дѣдогостичи, Зарубъ[6]), Ження, Пацинь, Солодовники, Путтинъ, Бѣлницы, Копысь, Пруной (Пропойскъ), Дѣдичи, Кречютъ (1150), Лучинъ (1150, 1173), Исконь, Вержавскъ, Лодейницы, Дросенское, Ясенское (села), Мойшинская вол., Оболвь (1150), Холмъ (Мойш. вол.[7]). Ельна, Круплль (1150), Изяславль, Ростиславль (Рославль, 1150), Зарой (1154), Мстиславль (1156), Красный, Василевъ (1165), Кричевъ[8]), Ржевка (1216, нын. Ржевъ), Можайскъ (1277, съ значит. укрѣпленіями), Клинъ (1234), Дубровна (id), Вязьма (1239, 1408), Бѣлый (1359, Никон. лѣт.), Болонескъ, Колоча, Поротва, Медынь (1389, духов. Дмитрія Дон.), Ховрачь (1367, Никон.), Рудня и др. Еще

---

[1]) П. С. Р. лѣт., IV, 109-110; V, 256—257; VI, 133—35; VIII, 81.

[2]) Ibid., III, 105; IV, 114; V, 259; VIII, 86

[3]) О послѣдующей судьбѣ его земель см. Ө. Леонтовичъ, Очерки исторіи литовско-русскаго права, Спб. 1894 (стр. 105-121).

[4]) П. С. Р. лѣт., IX, 172. Въ Смол. губ. есть р. Голяда, вытек. изъ Бѣлаго озерка и впад. въ р. Москву съ лѣвой стороны.

[5]) Торопецъ, по печер. сказаніямъ, извѣстенъ еще въ к. XI в.

[6]) Село сестры Ростислава Мстисл.—Рогнѣды (Ипат., 1168).

[7]) Онъ существовалъ еще при Владимірѣ Мон. (Дополн. къ акт. ист., I, с. 7). Ср. Карамзинъ, V, прим. 116.

[8]) См. П. С. Р. лѣт., VII, 241.

въ XII в. (по грамотѣ Ростислава) въ Смоленскомъ княж. насчитывалось до 25 городовъ и до 30 селъ, которые (не всѣ) платили значительную по тому времени дань въ княжскую казну и на церковныя нужды.

Благопріятныя условія первобытнаго хозяйства (бортничество, земледѣліе, лѣса, богатые звѣремъ [1]), давали обезпеченіе въ борьбѣ за существованіе съ суровыми условіями жизни, а выгодное географическое положеніе края, находившагося въ узлѣ рѣчныхъ системъ, обезпечивало торговое значеніе: здѣсь сходились торговые пути съ Волги, изъ Прибалтійскаго края и съ юга, изъ области Днѣпра. Въ курганахъ Смоленской и Витебской губ., какъ въ Даніи и Швеціи, находятъ массу граненыхъ сердоликовъ овальной формы, стеклянныхъ бусъ, нанизанныхъ на винтообразную проволоку, шейныхъ браслетъ, свитыхъ изъ проволоки жгутомъ, перстней и т. п., представляющихъ слѣды арабской культуры и отчасти Византіи, гдѣ искусство стеклянной мозаики было доведено до совершенства [2]). Въ названіи одной изъ волостей (Мойшинской) нѣкоторые видятъ присутствіе въ Смоленской области, въ полов. XII в., евреевъ, еще ранѣе извѣстныхъ въ Кіевѣ [3]) и служившихъ обыкновенно посредниками въ торговлѣ съ Востокомъ. Полагаютъ также, что подъ „Измилинискомъ“ или „Азмилинскомъ“ арабскіе писатели разумѣютъ Смоленскъ [4]). Кромѣ того, торгово-промышленною дѣятельностью отличались Вязьма и Дорогобужъ, находившіеся на великомъ водномъ пути.

Не говоря о тѣсной связи съ Новгородомъ, куда смольняне доставляли обыкновенно хлѣбъ и воскъ [5]), ихъ купцы, вмѣстѣ съ новгородцами, бывали въ Переяславлѣ-Залѣскомъ [6]). Любопытно, что вмѣ-

---

[1]) Въ Смоленскомъ краѣ водились: лоси, вепри, лисицы, куницы, барсуки бобры (Историч. Обозр., VII, 104). У князя были свои „тетеревники“ (грамота Ростислава). Цифру всего дохода въ 600000 р. (Голубовскій, 231) мы считаемъ крайне высокою. Погодинъ предлагаетъ такой разсчетъ: по грамотѣ Ростислава доходъ= 2977 грив. и 1 ногатѣ; гривна сер.=5 р. сер. (Изслѣд., VII, 343). Нѣк. (Ист. Обозр.) считаютъ доходъ=50000 рублямъ; а другіе отъ 30000 (Лешковъ) до 100000 р. (Бѣляевъ).

[2]) Савельевъ, О восточн. нумизмат. (Ж. М. Н. Пр., 1847, III, 46); Богдановъ (loc. cit.); Григорьевъ, Россія и Азія, 155—157. Относительно же стеклянныхъ бусъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что, подъ вліяніемъ разсказовъ Марко Поло (XIII в.), ихъ стали выдѣлывать въ Венеціи въ усовершенствованномъ видѣ (эмальированныя бусы) и распространять на всемъ пространствѣ отъ Западной Европы до Китая (Чт. въ Общ. Нестора лѣт., VI, 104, примѣч.).

[3]) Историч. Обозр., VII, 75.

[4]) Гаркави, Древнѣйшее араб. извѣстіе о Кіевѣ (Тр. III-го Арх. с., I, 349—351).

[5]) Аристовъ, 176; Новгор. лѣт. по изд. 1888, 131.

[6]) П. С. Р. лѣт., IV, 25; Лавр. л., 474.

стѣ съ тѣми же новгородцами смольняне дѣлали отдаленные набѣги на Каму и Волгу, вплоть до Астрахани, а во главѣ одного отряда ушкуйниковъ (1375) находился между прочимъ смольнянинъ [1]). Отъ степныхъ кочевниковъ смольняне пріобрѣтали коней [2]), обиліе которыхъ позволяло имъ потомъ сбывать этотъ товаръ нѣмцамъ [3]). Заслуживаетъ еще вниманія, что во время голода и недостатка соли въ Кіевѣ предотвратилъ жителей отъ печальныхъ послѣдствій, познакомивъ съ другими способами питанія, печерскій монахъ Прохоръ, пришедшій изъ Смоленска [4]), и въ томъ же мон. подвизался торопецкій купецъ Исаакій Чернь [5]). Между тѣмъ, со второй полов. XII стол. завязываются торговыя сношенія Полоцка и Смоленска [6]) съ нѣмецкими городами, входившими въ составъ ганзейскаго союза [7]). Въ Смоленскѣ проживали и нѣмецкіе купцы (Лудольфъ въ 1210 г., Тумашъ въ 1229 [8]). Они имѣли свою церковь (св. Маріи) и свой дворъ, а позже (пол. XIII в.) нѣсколько дворовъ и даже особою слободу (на бер. Днѣпра и р. Качевки). Предметомъ вывоза служили не только сырыя произведенія: лѣсъ, кожи, смола, пенька, хлѣбъ, медъ и въ особенности воскъ, скотъ, но также издѣлія Византіи и дальняго Востока [9]); а получались: сукна (ипрское, трирское, скарлатъ — красное французское), полотна, шелковыя матеріи, сладости, морская рыба, пиво, вина, колбасы, соль, чулки, перчатки, шпоры, издѣлія изъ серебра и

[1]) Воскрес. л., П. С. Р. Л., VIII, 23; Никон. л., IV, 44; Супрасл. л., 93.

[2]) Лавр. л., 482. [3]) Аристовъ, 205, 265. [4]) См. выше, стр 194—195. [5]) Кіев. сказанія, LXXIX.

[6]) Bonnel, Russ. liv. Chronogr., 12; Тихомировъ, Торг. и мирные снош. русскихъ княж. съ Ливоніей (Ж. М. Н. Пр. 1876, № 5).

[7]) Въ смоленскихъ грамотахъ они перечисляются такъ: Любекъ, Бременъ, Сестъ (Жатъ), Кассель, Грёнингенъ, Мюнстеръ, Дортмундъ, Брауншвейгъ, Рига, ос. Готландъ (съ г. Висби). Въ к. XIII в. въ Ригѣ жило до 80 сем. русскихъ (конечно и смольнянъ), населявшихъ особую улицу, имѣвшихъ свою церковь и госпиталь, а передъ Песочными воротами была расположена цѣлая деревня, жители которой занимались земледѣліемъ и промышленностью (И. Тихомировъ, Торгов. снош. Полоцка съ Лив. въ XIV в., Ж. М. Н. Пр. 1877, № 12; Bunge, Die Stadt Riga, 75). Смоленская гривна серебра=новгородской, приближавшейся къ рижской маркѣ (Аристовъ, 234). Очевидно, сюда тянула и торговля. О цѣнѣ гривнъ ср. замѣч. Ключевскаго (Боярская Дума 543).

[8]) Въ ж. Авраамія упоминается инокъ Лука Прусинъ.

[9]) Мѣстное производство въ болѣе позднюю эпоху (1440 г.) выражалось въ слѣд. чергахъ. Въ одной лѣтописи читаемъ: „Здумали смолняне черныи люди, кузнеци, кожомяки, шевники, мясники, котельники“ (Лѣтопись по изд. Попова, Уч. Зап. Ак. Н. по 2-му отд., I, 54).

золота. Торговля пользовалась покровительствомъ церкви (образцовые вѣсы хранились въ церкви Богородицы—русской и въ нѣмецкой) и обезпечивалась рядомъ договоровъ съ 1229—1330-хъ годовъ [1]), впрочемъ не всегда строго соблюдавшихся. Внутренняя торговля нѣмецкихъ купцовъ въ Смоленскомъ княж. сильно затруднялась многочисленными заставами. Съ XIV в. положеніе торговли значительно ухудшилось, какъ по причинѣ опасеній со стороны нѣмцевъ русской конкурренціи, такъ и вслѣдствіе возвышенія Риги, стремившейся всю торговлю въ области Двины сосредоточить въ своихъ рукахъ. Съ подпаденіемъ же Смоленска подъ власть Литвы, вслѣдствіе привилегій, данныхъ евреямъ Витовтомъ (1388), торговля вполнѣ перешла въ ихъ руки. Конечно, послѣдняя много страдала и отъ военныхъ нападеній [2]). Съ возвышеніемъ Литвы возникаетъ цѣлая сѣть путей, проходившихъ по ней, съ центральнымъ узломъ въ Ковнѣ. Пути эти связывали Вильну, Троки, Полоцкъ, Смоленскъ—съ Данцигомъ, который сталъ играть первенствующую торговую роль, главнымъ образомъ со времени заключенія мирнаго договора 12 окт. 1398 г. между Витовтомъ и Нѣмецкимъ орденомъ. Появляются значительныя торговыя конторы въ Ковнѣ и, вѣроятно, въ Вильнѣ, находившіяся въ рукахъ данцигскихъ купцовъ [3]).

V.

Еще въ XII и XIII вв. на географическихъ картахъ и въ скандинавскихъ сказаніяхъ, на ряду съ Кіевомъ, Новгородомъ и Полоцкомъ, упоминается Смоленскъ [4]). Сравнительно съ другими княжествами Смоленское менѣе страдало отъ междоусобій; такъ, въ періодъ 1055—1230 гг. оно всего 6 разъ подвергалось опустошеніямъ [5]), хотя

---

[1]) Напіерскій; Грамоты, кас. до сношеній С. З. Россіи съ Ригою и ганз. городами, изд. Арх. ком., Спб. 1857, и Русско-ливонскіе акты, изд. Археогр. ком., Спб. 1868.

[2]) Лавр. лѣт., 483 („и гости биша").

[3]) И. В. Лучицкій, Къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ сѣв зап. и юж. Русью (Чтен. въ Общ. Нест. лѣт., VI, 97—99). Въ XV славились смоленскія кожи въ обработанномъ видѣ (smolenskisches Werk), продававшіяся въ Данцигѣ и Брюгге по дорогой цѣнѣ (черныя и красныя кожи).

[4]) Antiquitès russes, v. II, 395-396, 403, 453—455.

[5]) Соловьевъ, III, 42.

они отличались иногда большою интенсивностью [1]). Тѣмъ не менѣе, едвали можно принять слишкомъ высокую цифру населенія для Смоленска въ первой полов. XIII стол., на основаніи лѣтописнаго показанія о потерпѣвшихъ отъ мора въ 1230 г. (въ 4-хъ скудельницахъ положено было до 32000 чел. [2]), въ 35—40000 чел. [3]), судя по общей населенности въ то время городовъ даже на Западѣ, и вѣроятно означенная цифра умершихъ или значительно преувеличена, или приходится на болѣе широкій районъ [4]). Больше страдало населеніе отъ другихъ бѣдствій: съ 1092 г. по 1435 Смоленское княж. 16 разъ подвергалась опустошенію отъ моровой язвы, послѣдствія которой мы видѣли выше. Въ 1387 г. моръ такъ свирѣпствовалъ въ народѣ, что оставшіеся 5 чел. вышли изъ города и затворили за собою ворота [5]). Другимъ бѣдствіемъ, поражавшимъ населеніе, были неурожаи и голода (1215—220, 1230, 1308, 1313, 1332 и др.). Все это не могло поддерживать правильнаго прироста населенія. Въ 1346 г. Смоленскъ былъ истребленъ пожаромъ; а въ 1337—погорѣлъ и затопленъ былъ Торопецъ [6]).

Въ Смоленской землѣ обнаруживаются два теченія, вліявшія на ея политическія и общественныя условія: византійское и нѣмецкое. Первое изъ нихъ основывалось на церковныхъ отношеніяхъ и отразилось отчасти въ мѣстной литературѣ. Непосредственныя же политическія сношенія съ Византіей Смоленская земля едва-ли имѣла [7]). Западное вліяніе, благодаря торговымъ сношеніямъ и связямъ, отражалось

[1]) Въ 1160 г. войска, бывшія съ Изяславомъ Давид., вывели изъ Смоленской земли свыше 1000 чел. („взяша душъ болѣ тмы"; Ипат. л., 348); въ 1157 г. Мстиславъ пошелъ къ Дорогобужу, „воюя и жга села и много зла сотвори" (Ипат. л., 335).

[2]) Лавр. лѣт., 485; Воскрес. (П. С. Р. лѣт., VII, 137).

[3]) Историч. Обозр., VII, 101.

[4]) По количеству дани, вносимой въ казну,=567000 чел. (ibid., 101; ср. Лешковъ, Русскій народъ, 201). Послѣдній для Черниговской, Переяславской, Полоцкой и Смоленской обл., въ XI в., полагаетъ по 150000 жит., а для Кіевской, Новгородской и Суздальской 200--250000 (для послѣд. времени ср. 270).

[5]) П. С. Рус. лѣт., V, 133. [6]) Новгор. л., 333.

[7]) Сношенія Ростислава Мстисл. съ Византіей, по поводу утвержденія Климента митрополитомъ (Ипат. лѣт., 357; Густын., 308) относятся къ тому времени (1164), когда онъ сидѣлъ уже въ Кіевѣ; а посл. констант. патр. Филоѳея къ смол. кн. Святославу Ивановичу (по поводу отказа въ помощи вел. кн. Дмитрію Иван. и союза съ Ольгердомъ) обращено и къ др. князьямъ (Рус. Ист. библ., VI, №№ 20 и 21); а потому факты эти не могутъ служить подтвержденіемъ „оживленныхъ сношеній" между Византіей и Смоленскомъ.

въ усвоеніи внѣшней культуры, вещественныхъ памятникахъ и до извѣстной степени вліяло на образъ жизни и мыслей. Въ XIV в. въ торговыхъ дѣлахъ получаютъ значеніе армяне и евреи, особенно же послѣдніе, благодаря привилегіямъ, даннымъ имъ Витовтомъ, и преслѣдованій на Западѣ. Такимъ обр. въ к. XIV в. они заселяютъ Полоцкую и Смоленскую области и становятся главными посредниками въ торговлѣ [1]).

VI.

Проникнувъ весьма рано сюда, христіанство поддерживалось въ Смоленской землѣ общими связями съ Кіевомъ [2]). Въ церковномъ отношеніи Смоленскъ находился сначала въ зависимости отъ переяславскаго епископа, (стр. 468). Владиміръ Мономахъ (1101 г.) закладываетъ каменную соборную церковь въ Смоленскѣ (Успенія [3]) и только къ 1137 г. относится основаніе въ немъ постоянной епископіи, по желанію вел. кн. Мстислава Влад., въ лицѣ епископа Мануила—скопца: это былъ строгій защитникъ правъ патріарха (въ дѣлѣ Климента Смолятича) и знатокъ церковнаго пѣнія [4]). Въ 1150 г. Ростиславъ надѣлилъ епископію широкими привилегіями (десятиной и др. доходами [5]). Одновремѣнно съ тѣмъ въ предѣлахъ Смоленска и его об-

---

[1]) Историч. Обозр., VII, 99.

[2]) Въ Смоленскѣ и Полоцкѣ преданіе возводило его ко времени Владиміра св. (П. С. Р. Л., VIII, 160).

[3]) Ипат. лѣт., 181. Повидимому при Владимірѣ М. здѣсь былъ еп. Симеонъ, которому онъ отдалъ Холмъ. Ростиславъ говоритъ: „и Холмъ даю св. Богородици и епископу, якоже дано дѣдомъ моимъ Володимеромъ Симеонови преже епископу, строить нарядъ церковный и утверженье". Съ учрежденіемъ епархіи на епископа налагалась клятва, если онъ уйдетъ въ Переяславль (Доп. къ Акт. ист. I, 7—8). Въ соб. церкви погребены: Святославъ Ростисл. (Ипат. л., 417), Романъ Рост. (376).

[4]) Лавр. лѣт., 289; Ипат. л., 215, 241, 333, 362.

[5]) Дополн. къ акт. ист., I, № 4; перепеч. съ объясн. въ Христомат. Утина и Владимірскаго-Буданова. Изъ этой грам. очевидно участіе вѣча въ законодательствѣ, кромѣ, конечно, Новгородской и Псков. земель (ср. у послѣдняго, I, 221, пр. 2; 226, пр. 32). Грам. еп. Мануила (тамъ же). Вообще, духовенство принимало дѣятельное участіе въ торговыхъ дѣлахъ, въ посольствахъ, въ княжескихъ совѣтахъ и договорахъ: печать еп. Порфирія на договорѣ 1229 г. (Голубовскій, 267—38).

ласти возникаютъ монастыри: Борисо-Глѣбскій на Смядыни, мѣстѣ убіенія князя Глѣба (упом. подъ 1138 г. [1]), Отрочій, упоминаемый подъ 1206 г., Крестовоздвиженскій (въ Смоленскѣ), Богородицкій, называемый Селище, близъ города (въ 6 верст.), Ризположенскій-Авраамієвъ, постр. еп. Игнатіемъ и названный по имени его игумена—Авраамія, и арх. Михаила, упоминаемые въ житіи того же Авраамія (к. XII—XIII в. [3]). Кромѣ того, упоминается нѣсколько церквей въ Смоленскѣ [4]). Въ Торопцѣ былъ соборный храмъ св. Георгія и 3 церкви, при одной изъ которой былъ женскій мон., и, какъ полагаютъ, существовалъ муж. монастырь (о ссылкѣ сюда въ 1211 г. кн. Мстиславомъ Мстисл. новгор. архіеп. Митрофана [5]). Патрономъ Можайска считался св. Николай. Въ 1398 г. жена вел. кн. Василія Дмитріева—Софія Витовтовна ѣздила въ Смоленскъ на свиданіе съ родителями, откуда привезла много иконъ, обложенныхъ золотомъ и серебромъ, и часть „страстей Спасовыхъ", которыя нѣкогда принесены были въ Смоленскъ изъ Константинополя [6]).

Послѣ Мануила епископами въ Смоленскѣ были: Константинъ (упомин. подъ 1180 г. [7]), Симеонъ (подъ 1197 [8]), названный выше Игнатій [9]), Лазарь [10]), оставившій епископію по причинѣ возникшихъ неудовольствій на церковныя привилегіи, данныя Ростиславомъ [11]): а затѣмъ до XVI в. ихъ было еще 19 [12]). При постоянныхъ связяхъ

[1]) Новгор. 1-я лѣт., 80. П. С. Р. лѣт., III, 208—209; V, 128—131; VII, 231. Въ 1146 въ немъ воздвигнута была церковь (Никон. лѣт., II, 94). Здѣсь былъ погребенъ Давидъ Рост. (Ипат., 471-72). Передъ смертью онъ, а затѣмъ и его жена приняли монашество.

[2]) Лавр. л., 404. Судя по изложенію, скорѣе въ самомъ Смоленскѣ

[3]) Голубинскій, II, 631; Макарій, III, 47—50; житіе (прилож., 268—271); а также см. ниже церковь Михаила, постр. Давидомъ Ростислав., 1180 г. (Ипат. л. 417).

[4]) Апостоловъ Петра и Павла, Козьмы и Даміана, Иліи, постр. въ 1146 г. Ростиславомъ Мстисл. (Никон. л., II, 94), и I. Богослова, постр. Романомъ Рост. и украшенная золотомъ и финифтью (Ипат. л., 418).

[5]) Новгор. лѣт., 133. Уже въ XII в. Торопецъ былъ довольно населенъ (148).

[6]) П. С. Р. Л., VIII, 72.

[7]) Ипат. л., 417. [8]) Ibid., 471.

[9]) Карамзинъ, III, пр. 118 и ж. Авраамія.

[10]) Упом. въ 1219, въ посл. Симона къ Поликарпу. Въ 1225 г. онъ уже не былъ епископомъ.

[11]) Голубинскій, I, 569; Ключевскій, 56.

[12]) См. критич. оцѣнку данныхъ о нихъ (требникъ, синодикъ, лѣтописи и др.), Е. Н. Кашировскаго (Сборн. Ист. филол. общ. при Нѣжин. инст, I, 156—219).

Въ 1433 еп. Герасимъ добился въ Константинополѣ сана митрополита всея Руси (Макарій, VI, 9). „За перевѣтъ" кор. Сигизмунду на Свидригайла, послѣдній

Смоленска съ Кіевомъ и торговыхъ сношеніяхъ съ Константинополемъ, греческая стихія должна была получить здѣсь извѣстное значеніе. Въ перв. пол. XII в. еписк. въ Смоленскѣ былъ грекъ Мануилъ (1137—1163): а въ 1147 г. на митрополичій престолъ въ Кіевѣ, по волѣ вел. кн. Изяслава Мстиславича, избранъ былъ Климентъ Смолятичъ, подвизавшійся до того въ Зарубѣ [1]). Хотя Климентъ и отличался аскетическимъ характеромъ (схимникъ), но лѣтопись называетъ его книжникомъ и философомъ, какого прежде не бывало въ русской землѣ [2]); а, по словамъ другаго лѣтописца, онъ „многа писанія, оставивъ, предаде" [3]). Ему приписываютъ „слово о любви" и „слово въ недѣлю всѣхъ святыхъ", впрочемъ предположительно, а Кирикъ приводитъ нѣсколько правилъ съ его именемъ, указывающихъ на знакомство съ греческими обычаями и канонами [4]). Отчасти это объясняетъ, почему на него палъ выборъ Изяслава II. Посланіе Климента къ смоленскому свящ. Ѳомѣ свидѣтельствуетъ о его литературныхъ вкусахъ и характерѣ тогдашней образованности въ Смоленской землѣ, конечно въ книжной средѣ [5]). Наставникомъ Ѳомы въ этомъ дѣлѣ былъ нѣкто

захватилъ его, держалъ 4 мѣс. въ Витебскѣ и сжегъ 26 іюля 1435 (П. С. Р. лѣт., IV, 209; V, 28).

[1]) Срезневскій полагаетъ, что Зарубъ, о которомъ идетъ рѣчь, лежалъ на правой сторонѣ Днѣпра, насупротивъ Переяславля южнаго (Свѣдѣнія о малоизв. памятн., I, №№ VII и XIII, и Памятники, 62; ср. Голубинскій, I, 266). Вѣрнѣе, однако, что тутъ имѣется въ виду Зарубъ Смолен. области, о которомъ упоминается въ уставной грамотѣ Ростислава. Село это, принадлежавшее сестрѣ князя Рогнѣдѣ (Ипат. л., 362-364), было значительное, судя по тому, что съ него шло въ казну 30 гривенъ и весьма возможно, что близъ него былъ монастырь (см. карту Смол. земли — на прав. стор. Днѣпра, южнѣе Копыся,—Голубовскій, 92 и прилож.).

[2]) Ипат. лѣт., 241. [3]) Никонов. лѣт., II, 98; ср. П. С. Р. Л., VII, 38—39.

[4]) Срезневскій, Памятн., 62; Филаретъ, Обз. духовн. литер. 32; Рус. Ист. библ., VI, 29, 31—33, 52; Н. Никольскій, О литературныхъ трудахъ Климента Смолятича, Спб. 1892, стр. 1-2; дополненія — Л. Я. Лавровскій, Посланіе м. Климента къ Ѳомѣ, пресвит. смоленскому какъ историко-литер. памятникъ XII в., Смол. 1894; Къ вопросу о неиздан. поученіи Климента Смол., Н. Никольскаго (Изв. Ак. Наукъ 1897, I, 65—73 — направлено противъ мнѣнія Срезневскаго о принадлежности ему „Слова о любви"). Ср. Ист. р. церкви, Голубинскаго, 2-е изд., I, 846—853.

[5]) Оно напеч. по рук. XV в. Хр. Лопаревымъ (въ изд. Общ. люб. древ. письм., № XC, 1892, по рукоп. библ. Общ.) и Никольскимъ, по рук. Кир. бѣлоз. библ. въ Спб. дух. акад., по сп. к. XV вѣка. Замѣчанія о немъ въ рец. П. В. Владимірова (Унив. Изв. 1893, № 1, 15-31); М. С. Грушевскаго (Зап. Тов. Шевченка 1895, т. V; ср. Отчеты Общ. люб. древ. письмен. за 1895—96 г., с. 60—61); Л. Я. Лавровскій (см. выше); въ концѣ послѣдняго соч. приложенъ переводъ „посланія" на современный русскій языкъ (84—107); Проток. Общ. люб. древн. письмен. за 1891-92 г..

Григорій, повидимому знавшій греческій языкъ (стр. 26). Самъ Климентъ не отрицалъ, что онъ, толкуя текстъ Свящ. писанія, не стѣснялся подкрѣплять свои мысли словами Гомера, Платона и Аристотеля [1]). Онъ допускалъ *иносказательное* толкованіе въ Св. писаніи и тѣмъ вызвалъ на объясненіе назв. выше Ѳому. Предлогомъ же къ объясненію митр. Климента послужило его посланіе (изъ Кіева) къ смолен. князю Ростиславу [2]), который бесѣдовалъ по этому поводу съ Ѳомою и Григоріемъ, державшимся, какъ видно, другого, *буквальнаго* толкованія текста Свящ. писанія и поручилъ Ѳомѣ написать отвѣтъ Клименту, вызвавшій его, въ свою очередь, на возраженіе [3]); такъ какъ въ данномъ случаѣ затрогивались существенныя мнѣнія толкователя [4]). По тону письма Ѳомы, отвѣтъ Климента не чуждъ укоризнъ, хотя учителя его Григорія послѣдній называетъ „смѣло святымъ" [5]). Клименту Смолятичу послѣдній былъ хорошо извѣстенъ, будучи, какъ и онъ, „черноризцемъ Зарубской пещеры" (монастырка), а если при-

---

сс. 4–5, 16–17. Пересмотръ вопроса о соч. Климента Смол.—К. В. Харламповичъ: Къ вопросу о просв. на Руси въ домонг. періодъ (Науч. литер. Сборн. Галиц. рус. Матицы за 1901 г. и отд. Львовъ, 1902), съ отрицат. выводами.

[1]) Мы знаемъ уже, въ какомъ смыслѣ можно принимать свѣдѣнія о древнихъ писателяхъ среди книжниковъ того времени (стр. 271).

[2]) Въ письмѣ къ кн. Ростиславу, въ которомъ онъ разсказалъ между прочимъ притчу Соломона „объ ужахъ". Ѳома порицалъ Климента за его гордость и исканіе славы (изученіе философіи)—обстоятельство, любопытное для характеристики умственнаго кругозора послѣдняго.

[3]) Отвѣтъ Ѳомы былъ читанъ передъ вел. кн. Изяславомъ и многими свидѣтелями—черты, любопытныя для характеристики тогдашнихъ литературныхъ интересовъ. О Григоріѣ, замѣтка Х. Лопарева (Ж. М. Н. Пр. 1897, № 6, с. 412–415).

[4]) Неудовольствіе противъ Климента могло поддерживаться и смолен. епископомъ Мануиломъ, который противодѣйствовалъ возведенію его въ митрополиты, а потомъ избѣгалъ свиданія съ нимъ („иже бѣ бѣгалъ передъ Климомъ", Ипат., 333) и успѣлъ подѣйствоватать даже на князя Ростислава, отношенія котораго къ Клименту значительно измѣнились; но потомъ послѣдній отстаивалъ его права въ Константинополѣ (345, 357). Въ Кіево-соф. помянникѣ (синодикѣ) имя Климента въ ряду митрополитовъ было опущено (Голубинскій, I, 250); а въ одномъ позднѣйшемъ сборникѣ перечень митрополитовъ русскихъ начинается оговоркою: „развѣ (кромѣ) Клима, и Діонисія, и Григорія Цамвлака, и Герасима, и Исидора", т. е. онъ включенъ былъ въ число незаконныхъ (Опис. рукопис. Сборниковъ, А. Ѳ. Бычкова, I, 68–69).

[5]) Послан. митр. Климента къ смол. пресвитеру Ѳомѣ, изд. Хр. Лопаревымъ (Памяти древн. письмен., № хс, Спб. 1892) и въ книгѣ Никольскаго „О литературныхъ трудахъ митр. Климента Смолятича, писателя XII в., Спб. 1892). Прибавимъ, что въ его посланіи упоминается о „сябрахъ" и „изгояхъ".

нять наше указаніе, что въ данномъ случаѣ идетъ дѣло о смоленскомъ Зарубѣ [1]), то и „поученіе грѣшнаго Георгія къ духовному чаду", помѣщенное въ извѣстномъ спискѣ поученій Ефрема Сирина, принадлежитъ тому же лицу и такимъ образомъ ближе выясняетъ намъ личность писателя. Поученіе это, обращенное къ одному благородному юношѣ, съ нравственными наставленіями, по аскетическимъ взглядамъ на жизнь и пріемамъ автора („ни философомъ, ни красными лици ни любьмымъ си"), по мыслямъ и времени написанія (до татарскаго нашествія), можетъ быть приписано тому же Григорію [2]).

Если же допустить вѣроятное предположеніе о принятіи монашества Кирилломъ Туровскимъ и пребываніи его въ Зарубскомъ монастырѣ [3]); то связь его со школою, воспитавшею Климента Смолятича, вполнѣ выясняетъ намъ и происхожденіе его образованія [4]), и характеръ усвоенной имъ школы. Уроженецъ Турова, сынъ богатыхъ родителей, по возрасту онъ является младшимъ современникомъ (род. ок 1130—34 г. [5]) Климента Смолятича и такимъ образомъ могъ пройти ту же школу, какъ и онъ. Обоимъ имъ свойственны духъ аскетизма (Климентъ—схимникъ, Кириллъ—столпникъ), символически-аллегорическое толкованіе Св. писанія и наклонность къ занятіямъ византійской отеческой словесностью; а вермя IX до XII в. было своего рода эпохою возрожденія литературы въ Византіи, временемъ процвѣтанія школъ въ Константинополѣ, и къ этому періоду относится большая часть рукописей, сохранившихъ произведенія древнихъ писателей [6]).

---

[1]) Въ пользу этого мнѣнія говоритъ и одновременное пребываніе въ Смоленской землѣ Григорія и Ѳомы. Л. Я. Лавровскій допускаетъ полученіе образованія Климентомъ въ Смоленскѣ (с. 3, 54, 57).

[2]) См. Свѣдѣнія о малоизв. памят., I, 53—57 (изд. по сп. XV в.); ср. Чт. въ Общ. Нестора лѣт., IV, 140—142, изд. по списку, принадл. Кіев. духов. акад., проф. П. В. Владиміровымъ). Поученіе зарубскаго старца отсюда скорѣе всего могло попасть на Волынь, гдѣ списано было собр. поученій Ефрема Сирина. Второй сборникъ найденъ также на Волыни, въ рук. Мѣлецкаго мон.

[3]) Памятники древне-русской церковно-учительной литературы, В. I, подъ ред. А. И. Пономарева (изд. журн. Странникъ), Спб. 1895, стр. 95.

[4]) Голубинскій, I, 657—658.

[5]) Голубинскій, I, 657; Памятн., изд. Пономаревымъ, 90.

Быть можетъ эти факты подали Татищеву мысль о покровительствѣ греческому языку и школамъ Романа Рост. (II, 239).

[6]) Lavisse et Rambaud, Histoire générale du IV siècle à nos jours, I, 676—677; Krumbacher (введеніе).

Во всякомъ случаѣ сопоставленіе Византіи и Руси XI – XII вв. до извѣстной степени объясняетъ намъ ту умственную среду, съ которой, при посредствѣ пришлыхъ грековъ [1]), должны были соприкасаться русскіе писатели этого періода и къ которой, какъ высшей школѣ, должны были тяготѣть и въ своихъ литературныхъ пріемахъ. Климентъ Смолятичъ и Кириллъ Туровскій являются представителями этого направленія [2]). Даже самая выдающаяся сторона произведеній Кирилла Туровскаго—ораторская, является не болѣе, какъ подражаніемъ византійскому риторству XII вѣка со всѣми недостатками этого послѣдняго [3]). Въ одномъ же изъ словъ Кирилла Тур. („Слово на соборъ 318 отцевъ") мы находимъ указаніе на то, что ему не чужды были и образцы свѣтской византійской литературы. „Яко же исторіи (историцы) и вѣтіа, рекше лѣтописци и пѣснотворци (поэты), читаемъ тамъ, приклоняють своа слухы въ бывшая между царей рати и ополченіа, да украсять словесы слышащая и възвеличять крѣпко храбровавшая и мужествовшая по своемъ цари, и не давшихъ въ брани плещи врагомъ, и тѣхъ славяще похвалами вѣнчаеть: то кольми паче намъ лѣпо есть и хвалу къ хвалѣ приложити храбрымъ и великимъ воеводамъ Божіимъ" и т. д. [4]).

Продолжительное политическое тяготѣніе Смоленска и Турова [5]) къ Кіеву объяснетъ намъ образовательное значеніе этого послѣдняго въ областяхъ, имѣвшихъ въ разсматриваемый періодъ болѣе тѣсную взаим-

[1]) При подчиненномъ отношеніи русской іерархіи къ Константинополю и пребываніи грековъ въ важнѣйшихъ городахъ Россіи, являлась необходимость сношеній на греческомъ языкѣ, а дипломатическіе документы должны были переводиться на мѣстѣ или въ Константинополѣ (см. выше, стр. 238, 271, 387—388; ср. Отч. Общ. люб. древн. письмен. за 1899 - 1900 г., прилож. стр. 1—2). Въ Кіевѣ же обыкновенно пребывало не мало грековъ (Макарій, II, 183; ср. Слово о полку Игоревѣ). Васильевскій даетъ любопытное объясненіе къ прозванію рус. митр. Іоанна II (см. стр. 231), родомъ грека († 1089), Продрома—Христа, о которомъ сообщаетъ его племянникъ, придворный поэтъ Ѳеодоръ Птохо-Продромъ (см. Византія и Печенѣги, Ж. М. Н. Пр., CLXIV, 331 - 332).

[2]) Памятн., изд. Пономаревымъ, стр. 85 - 95.

[3]) Голубинскій, I, 659—660. Ср. выше, стр. 221—223.

[4]) Памятники, ibid., 95, 167. Что же касается указанія, что въ 1095 г. Филиппъ пустынникъ написалъ для смолен. князя Калинника (?) „Діоптру" на греч. языкѣ—духовно-нравственное сочиненіе, переведенное впослѣдствіи (XIV в.) на русскій языкъ (Филаретъ, Обзоръ, 17; Опис. рукоп. гр. Толстого, № 7), то оно не безъ основанія оспаривается (Опис. рукоп. Синод. библ., I, № 170; Голубинскій I. 174—175).

[5]) О Туровѣ см. ниже, въ связи съ исторіей Волынской земли.

ную связь, чѣмъ впослѣдствіи, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей [1]). На это сознаніе единства и духовной связи указывалъ и ближайшій свидѣтель событій—м. Иларіонъ [2]).

Съ другой стороны, интересъ къ книжному дѣлу въ Смоленской области подтверждается житіемъ Авраамія Смоленскаго, написаннымъ его ученикомъ Ефремомъ и отличающимся живостію изложенія и бытовыми чертами... Вообще, это одно изъ лучшихъ произведеній подобнаго рода (авторъ избралъ для себя образцомъ жж., сост. Несторомъ. Извѣстія XII в. показываютъ, что въ развитіи книжнаго образованія Смоленскъ шелъ въ ряду первыхъ русскихъ городовъ, въ обиліи пользуясь книжными сокровищами Кіева. По словамъ автора житія, игумена Селищскаго подгороднаго мон., Авраамій такъ былъ хитръ въ божественныхъ книгахъ, что никто не смѣлъ передъ нимъ разсуждать по книгамъ. Изъ библіотеки мон-ря Авраамій бралъ для чтенія житія вост. святыхъ, Антонія, Саввы и др., Θеодосія Печерскаго, соч. І. Златоуста, Ефрема Сирина и т. п. [3]). Начитанность Авраамія въ отеческой (ему былъ извѣстенъ и сборникъ „Златая Чѣпь“) и даже въ апокрифической литературѣ (Голубиныя книги, б. можетъ книга „Глубина“ [4]) отмѣчена біографомъ: а Клименту было извѣстно апокрифич. соч. „Вопросы и отвѣты Іоанна“ [5]). По словамъ біогр. Авраамія, переписка книгъ въ его монастырѣ велась правильно и на широкихъ основаніяхъ [6]). Въ подробностяхъ о пребываніи кн. Глѣба въ Смоленской землѣ, сообщаемыхъ въ житіи Бориса и Глѣба, напис. Іаковомъ, и нѣсколько подробнѣе въ Лѣт. Переяславля суздальскаго,

---

[1]) См. Θ. И. Леонтовичъ: Національный вопросъ въ древней Россіи (Варш. Унив. Изв., 1894, № 9, и 1895, № 1).

[2]) Памятники, изд. Пономаревымъ, I, 69—70.

[3]) Ключевскій, Житія, 52-54. Событія жизни Авраамія пріурочиваются ко времени еп. Игнатія, упом. въ лѣтописи подъ 1206 г., слѣд. къ XII—XIII в. (56—57). Оцѣнка дѣятельности Авраамія и его житія (Голубинскій, I, 640).

[4]) Впрочемъ м. Кипріанъ помѣщаетъ ее въ числѣ дозволенныхъ. Напомнимъ стихъ о Голубиной книгѣ (Срезневскій, Памят. языка, 87); но едвали о немъ здѣсь идетъ рѣчь (сводъ разныхъ мнѣній у Буслаева—Очерки, 119). Голубинскій полагаетъ, что подъ Голубиными книгами разумѣются такъ наз. книги „маθиматійскія“, астрологическія (I, 757).

[5]) Прав. Соб. 1858, №№ 8, 9. Христ. Аристова; Макарій, Ист. церкви, т. III; Буслаевъ, Истор. очерки, II. 180—120; Голубинскій, I, 640-641; Ключевскій, 52-58.

[6]) Какъ и въ др. мѣстахъ, князья имѣли своихъ печатниковъ и писцовъ (см. Русско-ливон. акты). О вислыхъ печатяхъ (см. библіогр.).

видятъ слѣды бывшей смоленской редакціи этого сказанія [1]). Къ смоленскому же циклу сказаній относятъ еще повѣсть о св. Меркуріѣ, „чудотворцѣ смоленскомъ", иноземное происхожденіе котораго соединяютъ съ отношеніями Смоленска къ Ригѣ и нѣмцамъ [2]), а героическій мотивъ сказанія—съ начальною эпохою (1242) борьбы съ татарами [3]). Подвигъ Меркурія занесенъ въ одну изъ поздн. лѣтописей [4]).

Съ именемъ Смоленскаго края связано происхожденіе нѣкоторыхъ рукописей. Такъ, одному изъ монастырей г. Орши принадлежало Евангеліе XIII в., хранящ. нынѣ въ Церковно-археолог. музеѣ при Кiев. дух. академіи [5]). Полагаютъ, что Псалтирь 1397 г., въ записи которой упоминается еп. Михаилъ, была заказана смоленскимъ епископомъ въ Кіевѣ; послѣдній, возвращаясь изъ Константинополя въ свитѣ м. Кипріана, познакомился здѣсь съ ея списателемъ, протодіак. Спиридономъ [6]). Въ Имп. Публ. библ. имѣется списокъ словъ Исаака Сирина, съ двойною записью, одной 1420 г., показывающей, что оригиналъ ея написанъ въ Константинополѣ, по повелѣнію еп. волынскаго Герасима, а другой 1428 г., о написаніи списка съ него, по

---

[1]) Голубовскій, Ист. Смол. земли, 247—248.

[2]) Ни въ Прологахъ, ни въ Минеяхъ нѣтъ ж. Меркурія. Въ слѣдованной Псалтири сказано, что онъ убитъ въ 1247 г., слѣд. гораздо позже того, какъ Батый взялъ Кіевъ (Карамзинъ, IV, прим. 12). Творцомъ легенды о Меркуріѣ Буслаевъ считаетъ пономаря церкви Богородицы.

[3]) Памятн. старин. рус. литер.; Буслаевъ. Очерки, II, 173–198; Рукописный памятникъ Смоленск. Авраамьева мон. и его литер. значеніе, С. П. Писарева (Филол. Зап. 1881, I; 1882, II III и V).

[4]) Рус. Временникъ, изд. 1791 г., I, 113; Карамзинъ, IV, прим. 12. Выписка изъ (той же) Костром. лѣтописи помѣщ. въ прилож. къ соч. Никитина (Исторія Смоленска, № 5; ср. 69–70). Въ сборникѣ Авраамьев. мон. служба, похвала и ж. Авраамія Смолен. соединены со службою Меркурію и повѣстью о немъ (Филол. Зап. 1881, I, стр. 1) Сомнѣнія въ историч. основѣ повѣсти—А. Кадлубовскій (см. библіогр.).

Въ одной рукописи, принадл. гр. Уварову (Книга, глаголемая о россійскихъ святыхъ) между кіевскими святыми читаемъ: „св. великомученикъ Меркурій воинъ, смоленскій чудотворецъ, въ лѣто 6747 (1239) ноемврия въ 14 день *во гробѣ въ Кіевъ приплы*", мотивъ очень распространенный въ средневѣковыхъ легендахъ (Буслаевъ, II, 194–195; ср. Грегоровіусъ, I, 106; II, 180, 351; III, 80). Припомнимъ также Антонія Римл., Василія Рязан., Кукшу Печерскаго, образъ Богородицы Одигитріи Тихвинской, обр. Николая чудотворца Липненскаго (Новгород. лѣт., 187–188).

[5]) Г. Воскресенскій, Характ. черты четырехъ ред. славян. перев. Евангелія по рук. XI—XVI в. (Чт. въ Об. ист. 1896, I, 47). Впрочемъ, см. выше, стр. 258.

[6]) Отчеты Имп. Общ. люб. древ. письмен. 1899—900 г., стр. 19.

повелѣнію того же Герасима, епископа смоленскаго[1]). Кромѣ того сохранилось нѣсколько памятниковъ съ древними надписями[2]).

Къ XIV вѣку относятся два путешествія на Востокъ, описанныя смольнянами. Первое изъ нихъ принадлежитъ архим. обители Богородицы (Ризпол.-Авраамьевой), въ Смоленскѣ, Агриппину (Агриппію), совершенное ок. 1370 г.[3]). Описаніе его отличается полнотою и систематичностью изложенія; оно носитъ на себѣ печать свѣжести и внимательнаго изученія описываемыхъ мѣстъ и предметовъ. Въ немъ описываются святыни Іерусалима, Геѳсиманіи, Елеонской горы, Виѳлеема, Виѳаніи, Назарета, мм. св. Герасима и Саввы. Второе—„хожденіе м. Пимена" (третье) въ Царьградъ, описанное сопутствовавшимъ ему вмѣстѣ съ смоленскимъ еп. Михаиломъ чернецомъ (діакономъ) Игнатіемъ. Первая часть этихъ записокъ заключаетъ въ себѣ замѣтки о пути изъ Москвы въ Пандораклію и Константинополь и о странствованіяхъ по константинопольскимъ святынямъ (13 апр. до конца окт. 1389 г.); а вторая—описаніе вѣнчанія на царство Мануила Палеолога патріархомъ Антоніемъ (11 февр. 1392 г.[4]).

VII.

Татищевъ упоминаетъ о Смоленской лѣтописи, полученной имъ отъ совѣтника Хрущова, сочиненной въ Смоленскѣ[5]) и до насъ не до-

---

[1]) Запись нач. XV в., А. Соболевскаго (Чт. въ Общ. Нестора лѣт., IX, 219—222). Изъ той же записи видно, что еп. Герасимъ былъ родомъ москвитянинъ, сынъ Титова, внукъ Болванова. О рукописи, подаренной въ Супр. мон. торопчаниномъ. (1507; Чт. въ Об. ист. 1897, I, 30, прим. 67).

[2]) Вновь открытая русская старина, кн. А. М. Дондукова-Корсакова (Тр. Моск. Арх. общ., IV, в. 3); О надписи на камнѣ надгробномъ, найд. въ Смоленскѣ въ 1872, (Чт. въ Общ. ист. 1872, IV). Возраженіе Срезневского (Памятн. языка, 82). Надпись на крестѣ 1133 г. (Ист. Ѳоминск. княж., с. 4).

[3]) Хожденіе архим. Агреѳенья обѣтели пресвятыя Богородица, около 1370 г. (по рукоп. Церк. арх. музея Кіев. дух. акад.), съ предисловіемъ архим. Леонида (изд. Прав. Палест. общ. Сборн., вып. XLVIII, 1896, x+29).

[4]) Никон. лѣт., IV, 158—184; Рус. Времен., 1791, I, 241—260; Сказ. Рус. народа, Сахарова; VIII, 97—108; Карамзинъ, V, прим. 128—133; Палестин. Сборн., вып. XII; Учен. Зап. Ак. Н. по 2 отд. V; Опис. Сборн. Кирил. Бѣлозер. мон., 97—98; Памятн. рус. яз., Срезневскаго, 272—273; Филаретъ, Обзоръ, 98—99. Что же касается третьей статьи, описанія палестинской святыни, то она повидимому Игнатію не принадлежитъ (см. О припис. Игнатію Смольнянину описанія Іерусалима, Н. Мисникова, Чт. въ Общ. ист. 1901, II, 07—014).

[5]) Рос. ист., I, 59, 64.

шедшей [1]), но по этому указанію трудно судить о ея характерѣ; тѣмъ не менѣе есть основаніе полагать, что Смоленская лѣтопись существовала. Отрывки смоленскихъ извѣстій находятся въ древнѣйшихъ сводахъ и позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборникахъ. Такъ, въ Архагелогородской лѣтописи находимъ слѣд. мѣсто, по поводу прихода Аскольда и Дира: „и по Днѣпру внизъ *мимо Смоленскъ, и не явистося въ Смоленску, зане градъ великъ и многъ людьми*" [2]). Въ одномъ сборникѣ, въ числѣ другихъ записей, помѣщено краткое извѣстіе: „Въ лѣто ѕѵ҃ч҃и-ое (990) крести Владиміръ всю землю Смоленскую" [3]). Напомнимъ указаніе Бестужева-Рюмина о связи лѣтописанія въ Смоленскѣ съ интересами рода Ростиславичей, свидѣтельствующей о близости къ нимъ лѣтописцевъ (см. выше, стр. 450 [4]).

Въ южномъ сводѣ находимъ слѣдующія извѣстія, имѣющія мѣстный характеръ: подъ 1127 (6645) о поставленіи скопца Мануила епископомъ въ Смоленскъ (см. стр. 183, 511 [5]); подъ 1148 г. (6656) о приведеніи доч. Святослава Ольг. въ Смоленскъ за Романа Рост. [6]); подъ 6663 (1155) о пріѣздѣ въ Смоленскъ жены Юрія суздальскаго съ дѣтьми къ Ростиславу и о союзѣ его съ Юріемъ [7]); подъ 1168 (6676) о смерти Ростислава Мстиславича, съ подробностями, которыя могли быть сообщены только его спутникомъ [8]); подъ 1172 г. (6680) о кончинѣ Святослава Ростиславича съ его характеристикой [9]): подъ 1173 (6681) о рожденіи у Рюрика Рост. с. Ростислава (Михаила), съ мѣстными подробностями [10]): подъ 1180 (6688) о кончинѣ Романа Рост. съ подробной его характеристикой [11]); подъ 1193 (6700) о походѣ Ростислава Рюр. на половцевъ и рожденіи у вел. кн. Давида Рост. сына Ѳедора [12]); подъ 1197 (6705) о конч. Давида Р., его характеристика, постр. имъ ц. Михаила, красотѣ которой всѣ удивлялись [13]). Въ сѣвер. сводѣ помѣщены извѣстія: подъ 1285 (6793) о нападеніи

---

[1]) Карамзинъ, I, примѣч. 468; III, примѣч. 87.

[2]) Мѣсто, отмѣч. Шлецеромъ (II, 11; ср. 206–208). См выше, стр. 499.

[3]) Опис. рукоп. Сборниковъ. А. О. Бычковъ, I, 51. Списки смоленскихъ князей и родословія послѣднихъ см. тамъ же, I. 69, 181; 139, 257, 259, 291, 321, 325.

[4]) Заслуживаетъ вниманія, что еще въ полов. XII в. счисленіе употреблялось здѣсь съ сентября (см. уставн. грамоты кн. Ростислава Мстисл. и еп. Мануила, Допол. къ акт. истор., I, с. 8, прим. къ № 4: Зап. Р. Арх. общ., XI, 226); ср. А. М. Дондуковъ-Корсаковъ, (стр. 118–124).

[5]) Ипат. л., 215. [6]) Ibid., 258.

[7]) Ипат., 330. [8]) Ипат., 361. [9]) Ibid., 386. [10]) Ibid., 386. [11]) Ibid., 417.

[12]) Ипат. л., 455—456. [13]) Ibid., 471—473.

брянскаго князя Романа на Смоленскъ [1]); подъ 1299 (6807) о приходѣ подъ Смоленскъ Ѳедора Ростиславича [2]). Въ такъ наз. Суздальской лѣт., по Академич. списку: подъ 1216 (6724) объ участіи Мстислава Мстиславича и смольнянъ въ Липецкой битвѣ со всѣми подробностями, наиболѣе благопріятными смольнянамъ [3]); подъ 1230 (6738) подробности о морѣ, бывшемъ въ Смоленскѣ [4]). Въ такъ наз. Тверской лѣтописи (собственно сборникъ) встрѣчаются смоленскія извѣстія подъ 1386 (6894) о нападеніи Святослава Ивановича на Мстиславль. Описаніе этого похода, какъ видно изъ подробностей, составлено современникомъ; въ немъ довольно подробно описываются мученія, которымъ подвергали смольняне своихъ жертвъ. Далѣе сообщается о прибытіи литовскихъ войскъ: смольняне были разбиты и самъ Святославъ убитъ [5]). Подъ 1395 помѣщено извѣстіе о взятіи Смоленска Витовтомъ [6]). Въ Софійскомъ Временникѣ (1-ая Соф. лѣт.) смоленскія извѣстія находятся подъ 1386, 1387, 1395 и 1400 г., а подъ 1418 г. [7])—объ острожскомъ князѣ Дашкѣ Ѳедоровичѣ (взятіе имъ Кременца), какъ полагаютъ, также заимствованное отсюда [8]). Нѣкоторыя извѣстія находятся и въ сборникѣ, извѣстномъ подъ именемъ 4-ой Новгор. лѣтописи. Такъ, въ этой послѣдней дважды разсказывается (подъ 1386 г.) о походѣ смоленскихъ князей подъ Мстиславль, сначала короче, а потомъ пространнѣе; подъ 1404 г. два раза разсказывается о взятіи Смоленска Витовтомъ [9]). Точно также передаются извѣстія о Смоленскѣ подъ 1386—1401, 1415, 1418 гг. въ сводахъ Воскресенскомъ и Никоновскомъ [10]): подъ 1341 (6849 г.) въ

---

[1]) Лавр. л., 459; Никон. (П. С. Р. Л., X, 206). [2]) Лавр., 461.

[3]) Лавр. лѣт., 2-ое изд., 470—476. [4]) Ibid., 485.

[5]) П. С. Р. Л., XV, 443—444 (ср. Воскр., VIII, 51—52). Въ Соф. 1-ой подробнѣе (V, 239—240).

[6]) П. С. Р. Л., XV, 457 (ср. Воскр., VIII, 68 - 69).

[7]) П. С. Р. Л., V, стр 242—262.

[8]) Костомаровъ, 94; ср. Никон., Воскр., 4-ю Новгор. лѣт; Лѣт. Авраамки. Другіе относятъ его къ лѣт. извѣстіямъ Подоліи (И. Тихомировъ, Ж. М. Н. Пр. 1891, № 2, с. 405).

[9]) Отмѣчено Соловьевымъ (IV, 381); ср. Никон. и Воскр. лѣт.

[10]) „Всѣ своды передаютъ смоленскія извѣстія сходно, почти дословно“ (Тихомировъ, Москов. своды, Лѣтопись зан. Арх. ком., X, 17). Взятіе Смоленска Витовтомъ, пропущенное въ Никон. сп. и находящееся въ его варіантѣ Древн. лѣтописцѣ (Спб. 1775, II, с. 280), — пространнѣе, чѣмъ въ Софійск. лѣт. (по изд. Строева, I, 413; П. С. Р. Л., V, 246—247; ср. Полѣновъ, 37, 59, 97). Подъ 6938 г. (1430) о появленіи въ Смоленскѣ голаго волка (Никон., V, 96; Соф. V, 264; Соф. 2-ая, VI, 143; Воскр., VIII, 95): „шерсти не было на немъ, да люди ѣлъ“.

Никон. сводѣ — о нападеніи Литвы на Тѣшиловъ [1]; подъ 1359 г. (6867) о смерти кн. Ивана Александровича и другихъ смоленскихъ дѣлахъ [2]. Къ смоленскимъ же записямъ принадлежатъ извѣстія, касающіяся отношеній Литвы къ нѣмцамъ и татарамъ (1394, 1398, 1399, 1410, 1414, 1416), а также записи объ уступкѣ Ягайломъ Витовту Литовскаго княж. (1392), о взятіи Лугвенемъ Вязьмы (1403), о возвращеніи Свидригайла изъ Венгріи въ Литву (1420), о походѣ Ягайла и Витовта къ Марьину городку (1422) въ тѣхъ же сводахъ (Никон., Воскр., Новгород. 4-я, Соф. 2-я [3]). Въ указанномъ нами выше Архангелогородскимъ лѣтописцѣ [4]) подъ 1514 г. (7022) помѣщено сказаніе о взятіи Смоленска [5], въ которое внесены подробности, не встрѣчающіяся въ Никоновой лѣтописи.

Въ 1836 г. была издана кн. М. А. Оболенскимъ (см. 455) отъ Общ. ист. и древностей россійскихъ такъ назыв. „Супрасльская рукопись, содержащая въ себѣ Новгородскую и Кіевскую сокращенную лѣтописи“ (славянскимъ шрифтомъ). При ближайшемъ разсмотрѣніи изданной рукописи оказывается, что 2-я половина ея распадается на отдѣльныя неравныя части, причемъ до 1240 г. идетъ сжатое изложеніе событій, извлеченныхъ изъ Кіевской лѣтописи (по Лавр. сп.), а съ 1100 г. (также отрывочно), то въ видѣ краткихъ записей, то болѣе подробныхъ, по 1515 г. помѣщены смоленскія извѣстія, въ связи съ событіями Литовскаго княжества, находящіяся и въ указанныхъ сводахъ, иногда съ мѣстными отличіями (1401, 1493 [6]), и есть основаніе полагать, что вся рукопись была объединена общей редакціей въ Смоленскѣ. Въ лѣтописи ясно выступаетъ

---

[1]) П. С. Р. Л., X, 213. Тѣшиловъ - смоленская волость (Соловьевъ, V, прим. 179) Крошенскихъ князей (ср. ibid., V, 123, 130; VII, 128). О нихъ см. еще Ѳ. И. Леонтовичъ, Очерки ист. литов.-русскаго права, 109—110.

[2]) П. С. Р. Л., X, 228, 230—231. Подъ 1396 - о казни кн. Ивана Мих. Витовтомъ; подъ 1415 - о пожарѣ Смоленска.

[3]) А. А. Шахматовъ, Общерусскіе своды (Ж. М. Н. Пр. 1901, № 11, стр. 57—58).

[4]) Изданномъ подъ заглавіемъ: „Лѣтописецъ, содерж. въ себѣ рос. исторію отъ $\frac{6360}{852}$ до $\frac{7106}{1598}$, т. е. по кончину царя и вел. кн. Ѳеодора Іоан.“ (Москва, 1781; 2-е изд. 1819). Архангелогор. лѣт. наз. онъ по принадлежности арханг. архіер. дому.

[5]) Лѣтописецъ, 213—22.

[6]) Лѣтописецъ называетъ Смоленскъ „славный великій градъ“ - по поводу его взятія москов. княземъ (147). Составитель лѣтописца предполагалъ его пополнить (149, прим.). Въ к. XVI в. въ Смоленскѣ насчитывалось до 8000 домовъ (В. Ключевскій, Москов. госуд. по описанію иностранцевъ, 210).

интересъ къ Новгороду и Литвѣ [1]), близкимъ къ послѣднему по своимъ отношеніямъ.

Къ концу XIV в. относится „Лѣтописецъ вкратцѣ“ 1254—1423 г. соединяемый съ именемъ Игнатія Смольнянина, странствовавшаго съ м. Пименомъ въ Константинополь, и въ нѣкоторыхъ спискахъ его „хожденія“ лѣтописецъ составляетъ часть этого послѣдняго [2]). Представляя большею частью краткій перечень событій [3]), лѣтопись касается преимущественно Смоленскаго княжества и довольно подробно излагаетъ описаніе похода смоленскаго князя Святослава Ивановича на Москву въ 1370 г.; потомъ онъ сосредоточивается на путешествіи м. Пимена въ Царьградъ (1379), на землетрясеніяхъ, причинившихъ бѣды Солуню и Аѳонской горѣ (1396—1397) и на смерти еп. Михаила (1402)—все это позволяетъ видѣть въ авторѣ именно Игнатія. Повидимому онъ провелъ эти годы въ Троицкой лаврѣ, въ которой былъ погребенъ еп. Михаилъ, и къ ней же относятся послѣднія записи (1405 [4]). Заслуживаетъ еще вниманія, что въ „Древнемъ лѣтописцѣ“ есть запись (XVIII ст.), въ которой сказано, что лѣтописецъ этотъ (2-я часть его) писанъ Игнатіемъ [5]), такъ что съ его именемъ соединяется представленіе какъ о лѣтописцѣ. Если бы дата оказалась вѣрною, то, быть можетъ, онъ занимался списываніемъ названнаго лѣтописца въ Троицкой лаврѣ.

Другимъ цѣннымъ свидѣтельствомъ любви къ лѣтописанію въ Смоленскѣ служитъ сборникъ, найденный въ 60-хъ годахъ въ Полоцкѣ, заключающій въ себѣ до 450 листовъ [6]). Онъ состоитъ изъ 3-хъ отдѣловъ: 1) Краткаго хронографа и Новгородской лѣтописи краткой редакціи; 2) отрывка части лѣт., сходной съ Соф. Временникомъ и 3) перечней князей и епископовъ и юридическихъ памятниковъ древней Руси, съ припискою: „Въ лѣто 7003 написана бысть сіа книга,

---

[1]) Кіев. Стар., 1893, XLII, № 9, с. 364—374.

[2]) Палестин. Сборн., вып. XII, стр. 29—33. На лѣтопись его давно указывали (Евгеній. Словарь пис. дух. чина и Сахаровъ, въ Собр. путеш., предисл.). Пр. Филаретъ, вслѣдъ за другими, ошибочно приписываетъ его Мисаилу (Михаилу), еписк. смоленскому (Обзоръ, 117; Срезневскій, Памятн., 272).

[3]) Говоря о Калкской битвѣ, лѣтописецъ прибавляетъ однако: „Тогда убиша и Александра Поповича“ (30).

[4]) Нѣкоторыя даты оказываются точнѣе другихъ лѣтописей (Голубовскій, 315).

[5]) „Сія книга писана Игнатіемъ чернцомъ Михаила архіерея Смоленского“ (П. С. Р. Л., XI, 99 и предисл.). Онъ ум., какъ полагаютъ, на Аѳонѣ (Сборн., XII, с. II и 25).

[6]) Лѣт. занят. Арх. ком., V, проток., 47; Проток. Арх. ком., III, 449, 454.

глаголемый лѣтописецъ, во градѣ Смоленсцѣ, при държавѣ вел. кн. Александра, изволеніемъ Божіемъ и повелѣніемъ господина владыки епископа смоленъскаго Іосифа (Солтана) рукою многогрѣшнаго раба Божіа Авраамки", что дало поводъ и весь сборникъ назвать его именемъ. Сборникъ оканчивается краткимъ спискомъ Литовской лѣтописи, изданной по другимъ спискамъ Поповымъ и Даниловичемъ: но эта часть сборника выдѣлена въ собраніе литов. лѣтописей, предпринятое Арх. ком. и до сихъ поръ не выпущенное въ свѣтъ [1]). Смоленскія же извѣстія оказываются въ немъ заимствованными изъ источника, общаго и другимъ лѣтописнымъ сборникамъ.

Что же касается такъ назыв. Литовскихъ лѣтописей, то это собственно *бѣлорусскія* или *западно-русскія* лѣтописи, отличающіяся мѣстнымъ языкомъ и представляющія, вслѣдствіе исторической связи, соединеніе событій литовской и смоленской исторіи. Въ основѣ означенныхъ лѣтописей лежитъ мѣстная Смоленская лѣтопись [2]). Мы здѣсь не касаемся этихъ послѣднихъ въ полномъ составѣ, а разсмотримъ ихъ въ своемъ мѣстѣ: но должны сказать лишь о той ихъ части, которая относится къ Смоленской землѣ. По настоящее время издано нѣсколько списковъ названныхъ лѣтописей, а именно: проф. И. Н. Даниловичемъ [3]), Ал. Н. Поповымъ (краткая ред., въ послѣднемъ изд. оба списка сведены [4]), Нарбуттомъ (полная [5]) и С. А. Бѣлокуровымъ [6]) (сходный съ первымъ). Нѣкоторые выдѣляютъ еще среднюю редакцію (списки Познан. и библ. Красинскихъ, рук. XVI в. [7]). Смоленскія со-

[1]) П. С. Р. Лѣт., т. XVI, 1889 г., предисл. Запись на стр 319—320. Ср. Кіев. Стар. 1890, № 5, стр. 393.

[2]) А. Барбашевъ, Лѣтопис. источники для исторіи Литвы въ средніе вѣка, Спб. 1888 г., стр. 4—5.

[3]) Latopisiec Litwy i Kronika Ruska (латин. букв., Wileń. Dzien. 1823—1824 гг. и перепеч. А. Марцинковскимъ (1827), а затѣмъ рус. букв. въ Воспомин. Руссова 1832.

[4]) По рукоп. гр. А. С. Уварова. Уч. З. Ак. наукъ по 2 отд., I, 27—58. Сюда же относится и списокъ Авраамія: ср. Бестужевъ-Рюминъ: Русск. исторія, I, 30.

[5]) Pomn. do dziejów litewsk. W. 1846 (иначе лѣтопись Быховца, по ея владѣльцу): другой спис., описан. Бодянскимъ (Познан. библ., Чт. Общ. ист. 1846, кн. I), войдетъ также въ изд. Арх. ком. (Б.-Рюминъ, Рус. ист., I, 36, прим. 68 и 69). Есть еще списокъ Синод. библ., XVII в., по 1475 г. (Указ. арх. Саввы, № 790), вмѣстѣ съ Баркулаб. лѣтописью. Онъ издается М. В. Довнаръ-Запольскимъ (въ Унив. Изв.), съ дополн. пропусковъ и варіант. по сп. Быховца и Красинскихъ.

[6]) Чт. въ Общ. ист. 1897 и отд. Русскія лѣтописи. III. Хроника русская, лѣтописецъ вкратцѣ, 18—78, съ подробнымъ указаніемъ мѣстъ по другимъ спискамъ и лѣтописямъ.

[7]) Ж. М. Н. Пр. 1890, № 7, стр. 168. (О лѣтописномъ сборникѣ Авраамки, И. А. Тихомирова). Арх. ком. предположено изданіе по всѣмъ извѣстнымъ спи-

бытія представляють въ нихъ двѣ группы: одна вставлена въ изложеніе событій въ Литвѣ при Витовтѣ до его кончины, сопровождаемой похвалою ему, послѣ чего событія Литовской исторіи продолжаются до вел. кн. Сигизмунда Кейстутовича [1]); въ концѣ же идеть краткое изложеніе событій 1432—1446 гг., иногда въ видѣ мелкихъ церковныхъ записей. „Можно съ большою вѣроятностью полагать, замѣчаеть Костомаровъ, что эти мѣста составляють отрывки изъ существовавшей прежде Смоленской лѣтописи" [2]). Въ Импер. Публ. библ. есть списокъ словъ Исаака Сирина съ записью (с. 518), написанною писцомъ книги въ Смоленскѣ, въ 1420 г., сообщающей біогр. данныя о смоленскомъ епископѣ Герасимѣ, поставленномъ въ митрополиты послѣ Фотія и сожженномъ въ 1435 г., и о значеніи Витовта въ концѣ княженія съ сочувствіемъ къ нему [3]).

Въ послѣднее время литовскія лѣтописи сдѣлались предметомъ изслѣдованія нѣсколькихъ ученыхъ за границею, а именно: Стан. Смольки, А. Прохаски и Ис. Шараневича. Смолька полагаютъ, что лѣтописи появились въ Смоленскѣ со времени м. Герасима [4]). Онъ даеть подробное изложеніе хода и состава лѣтописей. Прохаска не соглашается съ этимъ мнѣніемъ, доказывая, что лѣтописи въ Смоленскѣ велись и до Герасима, и послѣ него. Трудно, говорить онъ, примириться съ мыслію, что извѣстія о междоусобной войнѣ Свид-

---

скамъ, а Краковская академія въ свою очередь готовитъ изданіе этихъ лѣтописей (Е. Карскій, О языкѣ литов. лѣтоп., 6—7); замѣч. М. С. Грушевскаго (Зап. Тов. Шевченка, 1895, кн. IV). Трудъ Тихомирова о русско-литов. лѣтописяхъ, представл. въ 1881 г. въ Акад. наукъ, рѣшено было напечатать; но, кажется, онъ удержанъ былъ въ рукахъ Куника.

[1]) Ср. Похвала вел. кн. Витовту, кілька уваг про склад найдавнійшої русько-литовскої літописи, С. М. Грушевскаго (Зап. Тов. Шевченка, VIII, 1—16, м. 2). Ея же касается Смолька въ своемъ изслѣдованіе о русско-литов. лѣтописяхъ (см. библіогр.).

[2]) Лекціи, 53—58; ср. Источн. Ю. З. исторіи, проф. В. Б. Антоновича (литогр. курсъ, с. 7—8). О составѣ разныхъ списковъ западно-русскихъ лѣтописей —А. А. Шахматова (Лѣт. зап. Арх. ком., т. X: О Супрасл. спискѣ; Ж. М. Н. Пр. 1900, № 9, с. 127—137).

[3]) Запись начала XV в., сообщ. А. И. Соболевскимъ (Чт. Общ. Нестора лѣтпца, IX, 219—222). М. С. Грушевскій полагаетъ, что лѣт-цъ пользовался этою записью.

[4]) А. С. Бѣлокуровъ, а за нимъ и М. Н. Бережковъ также утверждаютъ, что западно-русская лѣт. (Литовская) въ сборн. Никифоровскаго ведетъ начало отъ м. Герасима (предисл. къ изд. сборн. Никифоровскаго въ Чт. Общ. ист. и древ. рос. 1897 и огд.; ср. Труды Моск Археогр. ком., II, библіогр. и Сборн. Истор филологич. Общ. при инстит. кн. Безбородка, III, 65).

ригайла съ Сигизмундомъ записаны не при дворѣ смоленскаго князя и потому, что походы и военныя передвиженія соперниковъ едва ли могли быть извѣстны какому либо чернецу изъ митроп. свиты. Лучше предположить, что эта часть, какъ и предшествующая, опираясь на смоленскія лѣтописи, появилась въ литовской канцеляріи, гдѣ, какъ можно допустить, хорошо была освѣдомлены о военныхъ движеніяхъ противниковъ. Что же касается смоленскихъ лѣтописей въ сводѣ литовскихъ, то Прохаска, вопреки мнѣнію Смольки, признаетъ только одну лѣтопись, въ чемъ соглашаются съ нимъ и нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей [1]). Смолька выдѣляетъ въ составѣ литовскихъ лѣтописей смоленскія лѣтописи отъ 1395—1418 [2]); 1432—1446 и смоленскую хронику съ введ. о княженіи Витовта. Шараневичъ, анализируя литовскія лѣтописи, пришелъ къ заключенію, что общими для всѣхъ сборниковъ литовско-русскихъ лѣтописей, были лѣтописи Смоленскія, затѣмъ Лѣтописецъ литовскихъ князей, входящій впрочемъ не во всѣ сборники, и наконецъ мѣстныя лѣтописи: Волынская, Кіевская и Подольская [3]).

Въ заключеніе упомянемъ, что въ лѣтописномъ сборникѣ Кощаков (Львовъ, библ. Инст. Оссолин. подъ № 2168 [4]) находится отрывокъ, представляющій извлеченіе изъ мѣстной Смоленской лѣтописи (1162—1492), въ которомъ болѣе пространно разсказаны событія смоленскія и прибавлены къ нимъ краткія замѣтки о событіяхъ литовскихъ, московскихъ и кіевскихъ: однако смоленскія извѣстія, помѣщенныя въ этомъ сборникѣ, опять находятся въ двухъ извѣстныхъ русскихъ сво-

---

[1]) И. Тихомировъ (Ж. М. Н. Пр. 1893, № 5).

[2]) Замѣтки эти имѣетъ мѣсто въ рукописи, изд. Поповымъ и др. сход. Впрочемъ значит. часть ихъ находится въ Воскр., Новгород. (4-я), Соф. 1-мъ, Твер. лѣт., Авраам., Супр. рук. и Новгор. 1-й (Ж. М. Н. Пр. 1891, № 2, с. 404).

[3]) Рядъ замѣчаній о литовскихъ лѣтописяхъ въ этой ихъ части см. еще у Н. П. Дашкевича, Замѣтки по истор. Литовско-русскаго государства, К. 1883, стр. 13, 42, 45, 47, 49, 54, 75, 76, 80 и дал. О лѣтописи библ. Оссолинскихъ, касающ начальной исторіи Литвы (тамъ же, 32—33).

[4]) Опис. его въ статьѣ В. Б. Антоновича (Кіев. Стар. 1882, Ш, 97 - 99). Такъ наз. Межигорская рукопись (Н. П. Дашкевича, loc. cit., 55—58, 62—63). Послѣдній полагаетъ, что лѣт. Быховца и авторъ Межигорской рукоп. (нн. Кіево-печер. рук.) пользовались однимъ источникомъ, независимо другъ отъ друга. Объ отношеніи той же лѣтописи (Межигор. рукоп.) къ Стрыйковскому (58, прим.), а также объ источникахъ для исторіи Подоліи въ XIV в. (реф. въ Общ. Нестора лѣт-ца, отчасти вошедшій въ указанную монографію). Лѣт. Быховца извѣстна была Стрыйковскому подъ именемъ Берестовицкой лѣт. (Kron. Mac. Stryjkowskiego. W. 1846, I, str. 28, 51—53).

дахъ (Никонов., Воскрес.) и литовско-русскихъ лѣтописяхъ, указанныхъ нами выше [1]).

Такимъ обр. всѣ эти данныя приводятъ къ заключенію о существованіи Смоленской лѣтописи средняго періода.

Языкъ такъ наз. литовско-русскихъ лѣтописей въ изданіи Попова и Арх. ком. (лѣт. Авраамки) представляетъ признаки стараго западно-русскаго нарѣчія. Подобнымъ же характеромъ отличается и списокъ библіотеки Красинскихъ (въ Варшавѣ), въ сборникѣ XVI в.; списокъ же, изд. Нарбуттомъ, какъ и латин. списокъ библ. Красинскихъ (XVIII в.), носитъ на себѣ отпечатокъ малорусскаго нарѣчія, а въ этомъ послѣднемъ, какъ и близкомъ къ нему Познан. спискѣ— еще больше полонизмовъ и весьма незначителенъ церковно славянскій элементъ.

Литература: Ипат., Лавр., Архангелогород., Супрасльск. лѣтописи (см. выше, стр. 424 и д., 456); Лѣтописный сборникъ, имен. лѣтописью Авраамки (П. С. Р. лѣт., т. XVI, Спб. 1889, 320 столбц.+69); Литовско-русскія лѣтописи по изд. Даниловича, Попова и Нарбутта (см. выше, стр. 524); Русскія лѣтописи, по рукописи, принадл. Н. П. Никифорову, съ пред. С. Бѣлокурова, (М. 1898, сборн. XV в.) Ш. Хрон. русская Лѣт-цъ вкратцѣ проф. И. Даниловича (18—89); О русской лѣтописи въ Литвѣ, наз. хроника Быховца, изд. Нарбуттомъ (Ж. М. Н. Пр. 1838, ч. XVIII); О литовскихъ лѣтописяхъ, И. Даниловича (Журн. М. Н. Пр. 1840, ч. XXVIII), а также при изд. Хроники Стрыйковскаго, 1846; О поискахъ моихъ въ Познан. библ., О. Бодянскаго (Чт. въ Общ. ист. и древн. 1846, кн. I); Ein weissrussischer Codex miscellaneus der Gräflich-Raczyńskischen Bibliothek in Posen v. Al. Brückner (Archiv f. slavische Philologie, IX, 345—391)—о Познанскомъ спискѣ хроники; также: Костомаровъ (лекціи); В. Б. Антоновичъ (лекціи); Опис. сборн. Кощаковскаго (Кіев. Стар. 1882, III, 97—99); Лѣтописный сборникъ, имен. Лѣтописью Авраамки, И. А. Тихомирова (Ж. М. Н. Пр. 1890, № 7, стр. 168—171); О Супрасльскомъ спискѣ Западно-русской лѣтописи, А. А. Шахматова (Опис. рукописи, которой пользовался Даниловичъ, хран. въ Археогр. ком., Лѣтоп. зан. Арх. ком., в. XIII, Спб. 1901, 1—16); O latopisach i kronikach ruskich XVI и XVII wieku, a zwłaczcza o latopisie „welikoho kniažtwa Litowsk. i Žomojtskoho“, Jzyd. Szaraniewicza (Rozpr. i sprawozdania z posiedzeń wydz. hist. filoz. Akad. Um., T. XV, Krak. 1882, str. 351—413); Najdawniejsze pomniki dziejopi-

[1]) Сборн. лѣт., изд. Кіев. Арх. ком., К. 1888, стр. XVIII, XXIV, XXVI.

sarstwa rusko-litewskiego. Rozb. krytyczny. Napis. Stan. Smolka, Krak. 1880. 55 str. (Pamięt. wydz. filoz. hist. Akad. Um., t. VIII); Два польск. труда о западно-рус. лѣтоп., И Тихомирова (Ж. М. Н. Пр. 1891, № 2, стр. 397—412); замѣтка В. Антоновича объ изслѣд. Шараневича (Кіев. Стар. 1883, V, 177—179); Latopis litewski. Rozb. krytyczny napis. Ant. Prochaska, Lw. 1890, 58 стр.; ср. И. А. Тихомирова (Ж. М. Н. Пр. 1893, № 5, стр. 253—266); Судьба Супр. рукописи, со снимк. и дополнит. замѣткою, П. Бобровскаго, Спб. 1887; Къ біогр. М. К. Бобровскаго, *его же*, Спб. 1890, (III. Отрыв. изъ неизд. переписки о рук. Лѣтоп-цъ Подола); О языкѣ такъ наз. литовскихъ лѣтописей, Варш. 1894 (изъ Унив. Изв.), Е. Карскаго; Особенности письма и языка рукопис. сборника XV в., именуемаго лѣтописью Авраамки, *его же*, Варш. 1899.—Княжеская мѣстность и храмъ князей въ Смоленскѣ. Ист. археол. изслѣд. въ связи съ исторіей Смоленска. С. Писарева, См. 1894; Смоленская стѣна, В. И. Грачева (Р. Арх. 1900, № 12); Исторія губерн. г. Смоленска, отъ древнѣйш. временъ до 1804 г., съ прилож. правъ и привилегій, данныхъ смолен. обществу въ разныя времена отъ государей рос., королей польск. и вел. княз. литов., Д. П. Мурзакевича. Смол. 1804; Исторія г. Смоленска, П. Никитина, М. 1848; Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до к. XII стол., М. Довнара-Запольскаго, К. 1891 (24—43, 99—149); Исторія Смоленской земли до нач. XV стол., П. В. Голубовскаго, К. 1895 (съ картою); Исторія гор. Торонца, до 1503 г.—по лѣтопис. и актамъ, И. И. Побойнина (Чт. въ Общ. ист., 1891, I, 1—92); Опытъ собранія историческихъ записокъ о гор. Рославлѣ, С. Ракочевскаго (Изв. И. Рус. Арх. общ., IX, 483—527; замѣч. А. Савельева о немъ, X, 218—220); Князь торопецкій Мстиславъ Мстиславичъ, В. П. Бузескула (Ж. М. Н. Пр. 1883, № 4, с. 221—269; № 6, с. 240—287; № 8, с. 188—220); Удѣльный князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ѳоминскій, П. А. Астрова (ibid, 1872, № 9, с. 61—75); Изслѣдованіе объ исторіи княж. Ржевскаго и Ѳоминскаго. П. Д. Квашнина-Самарина, Тв. 1887 (о княж. Ѳоминскомъ ср. Карамзинъ, IV, 147, пр. 317; V, пр. 165; VI, пр. 396; Соловьевъ, III, пр. 477; Филаретъ, Житія, окт., с. 89—91; Рус. Историч. библ., X, 460.; Торговыя и мирныя сношенія русскихъ княж. съ Ливоніей, И. Тихомирова (Ж. М. Н. Пр. 1876, № 5); Очеркъ промышлен. и торговли Смоленскаго княж. съ древн. временъ до XV в., И. М. Красноперова (Истор. Обозр., VII, 64—111); Нѣкоторыя данныя по географіи Смолен. и Тверскаго края въ XII в., *его же* (Ж. М. Н. Пр. 1901, № 6); Общинно-вѣчевой строй и просвѣщеніе въ Смолен. княж. въ XII и XIII вв., *его же* (Міръ Божій 1893, № 12); Матер для геогр. и стат. Россіи, изд. офиц. генер. штаба. Смол. губ., М. Цебрикова, Спб. 1862; Списки насел. мѣстъ (Смолен. губ., Спб. 1868); Историко-статистическое опис. Смоленской епархіи, Спб. 1864, 381

стр.; Учрежденіе Смоленской епископіи, Е. И. Кашпровскаго (Сборн. Истор. фил. Общ. при Инст. кн. Безбородка, I, 156—219); Смоленскія и полоцкія вислыя печати (Арх. Изв. 1897, № 4, с. 134—135); Изъ ист. древне-гражд. и умств. жизни смолянъ (Смол. Еп. Вѣд. 1894, № 5); Рукоп. памятникъ смолен. Авраам. мон. и его литературное значеніе, С. П. Писарева (Филол. Зап. 1881, I; 1882, II—III, V); Очерки по ист. древнерусской литературы жж. святыхъ, А. Кадлубовскаго (Рус. Фил. Вѣст. 1897, №№ 1—2: о св. Меркуріѣ); Смол. Еп. Вѣд. 1875, № 2 (ж. Авраамія Смол.); замѣтка Д. А. Корсакова (Ист. Вѣст. 1895, № 11, с. 612—617).

I.

Полоцкая земля въ этнографическомъ отношеніи тѣсно связана со Смоленской [1]; но болѣе ранними поселенцами здѣсь были насельники угро-финскаго происхожденія; а позже (XI—XII ст.) полоцкіе князья подчиняютъ себѣ ливовъ и нѣкоторыя литовскія племена [2]). Полоцкъ могъ соперничать по древности съ Кіевомъ и Новгородомъ [3]) и, подобно имъ, хорошо былъ извѣстенъ въ скандинавскихъ сагахъ [4]). Олегъ подчинилъ его своей власти. Полоцкъ имѣлъ въ то время первенствующее значеніе въ землѣ кривичей и занимаетъ четвертое мѣсто въ перечнѣ городовъ, обезпеченныхъ торговыми правами въ договорѣ Олега съ греками [5]); а затѣмъ мы видимъ здѣсь самостоятельнаго князя Рогволода (одни считаютъ его родственнымъ княжеской семьѣ, а другіе мѣстнымъ кривскимъ княземъ [6]). Владимиръ истребилъ его семью и женился на дочери его Рогнѣдѣ, отъ которой имѣлъ нѣсколькихъ сы-

---

[1]) Лавр., л., 5, 9—10; Ипат. л. 11; Арханг. лѣт., 4; ср. Густ. л., 235—236. „Общій характеръ кургановъ полоцкихъ, смоленскихъ и псков. кривичей“ (Ж. М. Н. Пр. 1899, № 8, с. 311-312—315); А. И. Соболевскій, Смоленско-полоцкій говоръ, въ XIII—XV вв., 20—23. (Р. Фил. Вѣст. 1886).

[2]) Ипат. лѣт., 419. Константинъ Багр. не отличаетъ полочанъ и знаетъ только кривичей, какъ племя (ср. Гедеоновъ, Варяги и Русь, I, 123).

[3]) Лавр. л., 19, 30, 74; Ипат. л., 11, 18, 50.

[4]) Antiq. russes, II, 179, 236—237. Для Двинской области, впослѣдствіи Полоцкаго княж., особенно характернымъ представляется Люцинскій могильникъ и тѣсныя связи его формъ съ восточными или поволжскими могильниками: бѣдность природы неплодороднаго Полоц. княж. и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удобства сообщенія съ моремъ и востокомъ вызвали здѣсь своего рода транзитный путь заморской русской торговли (Кондаковъ, V, 5—6; 12, 28—40, 49—53).

[5]) Ипат. лѣт., 18. [6]) Ibid. 53; Лавр. л. 74.

новей и дочерей [1]). Впослѣдствіи онъ выдѣлилъ Полоцкъ старшему сыну Изяславу, который и сталъ родоначальникомъ полоцкихъ князей, враждебно относившихся къ потомкамъ Ярослава кіевскаго [2]). Сынъ Изяслава († 1001; Всеславъ, † 1003), Брячиславъ предпринимаетъ походъ на Новгородъ (1021) и вступаетъ въ борьбу съ Ярославомъ I, вынужденнымъ сдѣлать ему уступки (Витебскъ, Усвятъ). Сынъ Брячислава, Всеславъ, самое рожденіе котораго связывается съ волхвованіемъ [3]), дѣлаетъ нападенія на Псковъ (1065) и Новгородъ (1066), вступаетъ въ борьбу съ тѣмъ же противникомъ—Ярославичами (на р. Немизѣ), терпитъ заключеніе въ Кіевѣ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ княжитъ здѣсь (1068) и, наконецъ, утверждается въ Полоцкѣ. Но только напряженная дѣятельность Владиміра М. (1077, 1078, 1083) предотвратила дальнѣйшія притязанія Всеслава. По смерти послѣдняго (1101), Полоцкая земля распадается на удѣлы; а уклоненіе отъ требованій (по поводу похода на половцевъ) вел. князя вызвали со стороны Мстислава I ссылку нѣсколькихъ князей въ Грецію (см. стр. 130). Событія въ Кіевѣ и сосѣднемъ Смоленскѣ давали сильно чувствовать себя въ Полоцкѣ, а внутренняя борьба между князьями, въ свою очередь, содѣйствовала усиленію вѣча [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ для Полоцкой земли явилась опасность съ двухъ сторонъ: въ лицѣ Ливонскаго ордена, успѣвшаго подчинить ливовъ и захватить нѣк. полоцкіе города (Кукейносъ, Герцика и др.), и Литвы. Такимъ обр. уже въ первой половинѣ XIII в., Полоцкая земля [5]) ста-

[1]) Ипат. л., 53; Лавр. л., 78.

[2] Лавр. л., 284—285 (поздняя легенда). „Какъ будто Ярославъ не сынъ той же Рогнѣды"? (Бестужевъ-Рюминъ, Исторія, I, 180, примѣч.). Вражда эта скорѣе вытекала изъ политическихъ причинъ - исключенія изъ общаго надѣла рода. Въ позднѣйшихъ лѣт. сборникахъ Изяславу приписываются христіанскія добродѣтели (Никон., I, 68), а о матери его сообщается, что Рогнѣда послѣдовала за сыномъ въ Полоцкъ († 1000) и приняла монашество подъ именемъ Анастасіи (Твер. лѣт., 112—113; ср. П. С. Р. Л., II, 258).

[3]) Повидимому языческая старина долго сохраняла здѣсь свою силу (Ипат. л. 109, 150; Лавр. л., 207; Слово о полку).

[4]) Рядъ мѣстъ въ лѣтописяхъ указываетъ на ря́ды полочанъ съ князьями, на призваніе князей, на цѣлованіе послѣдними креста (Лавр., Ипат., Никон., лл. гг. 1127, 1132, 1151, 1159, 1167).

[5]) До этого времени въ ней княжило до 15 князей изъ рода Изяславичей. Въ то время какъ поздн. русскія лѣтописи (П. С. Р. Л., VII, 253) выводятъ литовскихъ князей отъ полоцкихъ, бѣжавшихъ отъ преслѣдованій Мстислава, литовскія (см. Быховецъ, Стрыйковскій) утверждаютъ, что уже въ к. XII в литовскіе князья сидѣли въ Полоцкѣ. Ср. Опис. Сборн., Бычкова, 63.

новится владѣніемъ литовскихъ князей въ родѣ Миндовга, а въ нач. XIV в., при Витенѣ, окончательно присоединяется къ ней [1]). Въ теченіе XI—XIII вв. въ предѣлахъ Полоцкой земли образовались слѣд. удѣлы: Изяславль, Минскъ, Стрѣжевъ, Друцкъ [2]), Городецъ, Витебскъ, Логожскъ, Городенъ, Герцика, Кукейносъ.

Выгодное географическое положеніе [3]) содѣйствовало торговымъ связямъ Полоцка съ Новгородомъ, Псковомъ, Смоленскомъ, а потомъ съ Тверью, Москвою, Литвою и нѣмцами, многочисленные договоры съ которыми Полоцка и Витебска обнимаютъ время съ нач. XIII до конца XV в. [4]).

II.

Есть основаніе полагать, что Полоцкая епархія была учреждена еще при Владимірѣ I [5]); а одинъ изъ первыхъ епископовъ ея, Мина, (1105—1116) былъ взятъ изъ кіевскаго Печерскаго мон. [6]). Въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ упоминается рядъ послѣдующихъ епископовъ: Илія, ок. 1129 г. [7]), Козма, удаленный м. Климентомъ, 1143,

---

[1]) Леонтовичъ, Очерки, 82 - 93 (о дальнѣшый судьбѣ ея владѣній).

[2]) Съ именемъ Бориса Всесл. и сына его Рогволода (кн. друцкаго) находятся въ связи камни съ надписями (первый найд. бл. г. Дисны, а второй бл. Орши, о которыхъ много сообщалось въ литературѣ). Карамзинъ, II, пр. 386; Арцыбашевъ, II, пр. 427; Гр. К. Тышкевичъ и гр. А. Уваровъ—о древнихъ камняхъ-памятн., Древн. М. Арх. общ., VI, 291; Арх. Вѣст. 1867, с. 154 – 160; Тр. I Арх. с., о Рогвол. камнѣ, LXX—LXXVI; Уч. Зап. И. Ак. Н., по 1 и 3 отд., III, 64—69 (П. Кеппенъ); Срезневскій (Памятн. языка, 53, 67); Двинскіе или Борисовы камни, А. Сапунова, съ рис. и обозр. литер., Вит. 1890.

[3]) Нач. лѣтописецъ говоритъ: „тѣмьже изъ Руси можеть ити по Двинѣ въ Варягы и изъ Варягъ и до Рима". До 1158 г. устье Двины находилось въ рукахъ полоцкихъ князей (Аристовъ, 205).

[4]) О характерѣ торговли см. выше, о Смолен. княж., 508 – 511). Большинство русскихъ поселенцевъ Риги было изъ Полоцка и вообще изъ Двинской области. Въ Полоцкѣ рижскіе купцы составляли значительную колонію; а при Витовтѣ имъ было отведено мѣсто для церкви. Гильдебрандъ, Прибалт. Сборн., т. II; Бережковъ, О торговлѣ Руси съ Ганзою., 106 - 107).

[5]) Макарій, II, прим. 45; Бѣляевъ, 193 – 194; Голубинскій, I, 291—292, 784 (992 г.). См. выше, 511.

[6]) Лавр. лѣт., 270, 276; Ипат. л., 185; Памят. XII в., изд. Яковлевымъ, хс; Степ. книга, I, 212 (здѣсь указано, что онъ присутствовалъ на 2-мъ перенесеніи мощей Бориса и Глѣба, въ 1102 г.).

[7]) Памят. стар. рус. литер., IV, с. 174.

1156 [1]), Діонисій († 1183 [2]), Николай грекъ, поставленный сначала въ Ростовъ, на settingsѣ, съ 1183 [3]); Владиміръ, путешествовавшій въ Константинополь и на обратномъ пути (1218) заѣзжавшій во Владиміръ къ вел. кн. Константину Всеволодовичу съ разными святынями [4]); Алексій, присутствовавшій въ Кіевѣ на посвященіи еп. Кирилла (1231) въ Ростовѣ [5]); Симеонъ, изъ князей полоцкихъ, участвовавшій въ посвященіи еп. Серапіона во Владиміръ и въ церковномъ соборѣ, созванномъ м. Кирилломъ, въ Кіевѣ, въ 1274 г., и касавшемся нравовъ духовенства и міряпъ—онъ былъ первымъ еп. тверскимъ [6]); Іаковъ, бывшій еп. при Витенѣ [7]); Григорій, въ 40-хъ годахъ XIV стол. [8]); Адріанъ, прибывшій въ 1390 г. изъ Константинополя, вмѣстѣ съ митр. Кипріаномъ [9]); Ѳеодосій, родомъ грекъ, желательный Витовту и поставленный въ 1392 г. м. Кипріаномъ [10]). Вмѣстѣ съ послѣднимъ онъ посѣщалъ Новгородъ (1395); ѣздилъ, по его порученію, во Псковъ съ патр. грамотою (1396), участвовалъ въ поставленіи еп. ростовскаго Георгія (1397 [11]). По смерти Кипріана (1406) онъ добивался митрополіи и много расточилъ средствъ на это въ Константинополѣ, однако не имѣлъ успѣха [12]); а въ 1415 г., подъ его предсѣдательствомъ, состоялся соборъ, избравшій въ литовскіе митр. Григорія Цамблака [13]), причемъ онъ называется архіепископомъ. Затѣмъ упомянемъ еще о епископахъ Симеонѣ II, къ которому обращался м. Іона съ внушеніемъ за его гордость (1456 [14]) и Каллистѣ [15]), къ которому съ сочувствіемъ писалъ тотъ же м. Іона. Такимъ образ., цер-

---

[1]) Ипат. л.. 224, 333; П. С. Р. Л., II, 297, 301 (Густ. лѣт.); Татищевъ, II, 268

[2]) Ипат. лѣт., 425; II. С. Р. Л., II, 319 (Густ. лѣт.).

[3]) Лавр. л., 371; Ипат. л., 425; II. С. Р. Л., VII, 97 (Воскрес. л.); II, 319 (Густ. лѣт.); Памят. XII в., LXXXV (посѣщеніе имъ Кіева); Татищевъ, III, 254.

[4]) Лавр. л., 419; Твер., 327; Воскрес., 125; Никон., II, 79; Типогр. л., 7; Львов., I; 382; Татищевъ, II, 410.

[5]) Лавр. лѣт., 434.

[6]) Лавр. л., 459; Воскр., 179; Рус. Ист. библ., VI, 83; Никон. лѣт., IX, XIV (II, 5)

[7]) Русско-лив. акты, № 38. О немъ см. замѣч. у Даниловича (234).

[8]) Русско-лив. акты, № 74.

[9]) Типогр. лѣт., с. 190; Львов., II, 194.

[10]) Древ. лѣт., II, 186; Воскрес., VIII, 62; Львов., II, 197; Татищевъ, IV, 365. ср. Макарій, IV. 86.

[11] II. С. Р. лѣт., IV, 194; VI, 128; VIII, 69.

[12]) Рус. Истор. библ, VI, 329.

[13]) Ibid, 309. II. С. Р. лѣт., II, 353; III, 106; IV, 114; V, 259; VI, 140; VIII, 88.

[14]) Рус. Ист. библ., VI, 611—612. [15]) Ibid. 613—616.

ковныя отношенія и связи Полоцкой епископіи были довольно широки: они обнимали Константинополъ, Кіевъ, сѣверную Русь и В. Новгородъ. Тотъ же демократическій духъ, который давалъ себя чувствовать въ политическихъ отношеніяхъ, отражался и на церковномъ устройствѣ. Въ 1159 г., полочане, недовольные княземъ Ростиславомъ Глѣб., призывали его на братчину, существовавшую при древнемъ храмѣ Богородицы, чтобы объявить ему свое рѣшеніе [1]).

Брячиславъ Из. построилъ церковь Богородицы (упом. въ 1007), въ Полоцкѣ [2]), при которой существовала названная „братчина" [3]), и воздвигъ соборъ св. Софіи, каменный, „о семи верхахъ" [4]). Вблизи города, въ Сельцѣ, находилась деревянная церковь св. Спаса, упоминаемая въ XII стол., въ которой погребались полоцкіе епископы [5]). Въ XII в. называется въ городѣ женскій монастырь куда вступила дочь князя Святослава-Георгія Предслава-Евфросинія [6]) и въ которомъ находилась тетка ея, супруга Романа Всеславича († 1116). Въ Сельцѣ же Евфросинія основала мужской (Богородицы) и женскій (Спаса) мм., построивъ въ нихъ каменныя церкви. Въ этомъ послѣднемъ она постригла родную сестру Гориславу и двоюродную Звениславу, дочь Бориса, и двухъ племянницъ, дочерей своего брата Вячеслава(?). Обѣ обители еще при жизни ея достигли цвѣтущаго состоянія [7]). Къ концу XIII в. относится основаніе Борисоглѣбскаго м., на Бѣльчицѣ [8]); а въ к. XIV в. упоминаются мон. Троицкій и Іоанна Предтечи, на островѣ, по случаю данныхъ имъ князьями земельныхъ надѣловъ [9]). Въ к. XIII в. существовалъ мужской монастырь въ Витебскѣ [10]); а въ XIV в. м. св. Духа, построеніе котораго приписывается женѣ

---

[1]) Ипат. лѣт., 340.

[2]) Твер. лѣт., с. 121; Новг. синод., 75; Ипат., с. 240. Здѣсь погребены останки Изяслава и Всеслава (Твер. лѣт., 121).

[3]) Торжественнымъ днемъ ея собраній былъ Петровъ день, обычный и въ другихъ братчинахъ (Ждановъ, Былевой эпосъ, 156-157),

[4]) Слово о полку Игоревѣ; Воскресен., 240—241; Новгор., 447—49; Карамзинъ, II, пр. 251; IX, 23, 29, 176, пр. 93.

[5]) Памят. старин. рус. лит., IV, 174. [6]) Ibid., 173—174.

[7]) Ibid., 175—177. Ср. Соловьевъ, Исторія, II, прим. 434. „До сихъ поръ еще неясна генеалогія знаменитой Евфросиніи, ходившей въ Царьградъ" (Б.-Рюминъ, Исторія, I, 181); ср. Погодинъ, VI, 101; Иловайскій, II, 105-106.

[8]) Соболевскій, Смол.-полоц. говоръ, с. 18-19; Даниловичъ, 17.

[9]) Акты Запад. Россіи, I, №№ 13 и 14.

[10]) Русско-лив. акты, № 49.

Ольгерда Юліаніи, и здѣсь же, кромѣ того, называются 3 церкви [1]. Построеніе всѣхъ монастырей и церквей связано съ именами членовъ княжеской фамиліи, а съ к. XIV в., въ Полоцкой землѣ, подъ вліяніемъ новыхъ условій политической жизни, возникаютъ католическіе храмы.

Поселившись вначалѣ при соборной церкви, Евфросинія занималась списываніемъ книгъ, которыми снабжала всѣхъ, нуждавшихся въ нихъ [2]. Подъ конецъ жизни она посѣтила Константинополь (еще ранѣе импер. Мануилъ Комненъ и патр. Лука Хрисовергъ, по ея просьбѣ, прислали ей нѣкоторыя святыни), а оттуда отправилась въ Іерусалимъ, гдѣ скончалась и погребена была въ русскомъ мон. св. Богородицы; но мощи ея указываютъ въ Кіевѣ, въ Печерской лаврѣ. Время кончины ея относится къ 70-мъ гг. [3]. До насъ дошло житіе Евфросиніи, по литературнымъ пріемамъ напоминающее риторическія житія XV—XVI в. [4]; хотя живость изложенія и обиліе біографическихъ данныхъ, съ сохранившимися остатками стариннаго языка, позволяютъ предполагать, что біографъ располагалъ болѣе древнимъ источникомъ. Торговыя сношенія (договоры) и связи съ Кіевомъ и Константинополемъ поддерживали интересъ къ письменнымъ памятникамъ [5]. Полоцку принадлежитъ мѣстный „свитокъ правъ“, основанный на уставѣ Ярослава I, которымъ руководствовалось духовенство въ церковныхъ дѣлахъ, и утвержденный вновь литовскими князьями [6]. Епископа Симеона I называютъ учительнымъ и сильнымъ въ книгахъ божественнаго писанія [7]. Съ его именемъ соединяется извѣстное сказаніе о бесѣдѣ съ

---

[1]) Даниловичъ, 18, 244; Соболевскій (Смолен. полоц. говоръ въ XIII—XV в., вклад. въ Еванг., И. Публ. библ.), 12.

[2]) Житіе ея (Памят. старин. рус. литер., в. IV); ср. Голубинскій, II, 562.

[3]) Житіе (ibid.); Карамзинъ, II, прим. 251; Даниловичъ, 240-242 (доводъ неубѣдителенъ).

Крестъ Евфросиніи съ надписью о его пожертв. въ 1161 г. (Изв. Ак. Н., X. 101, 499—501: ср. 577; VII, 61; Срезневскій 65—66: въ Спасскій монастырь).

[4]) Въ Мин. Макарія, 23 мая; Срезневскій, 67—68; Ключевскій, 262; Повѣсть о житіи по сп. XVI в. (Памят. стар. рус. литер., IV, 172—179; Степен. кн., I, 269).

[5]) Рядъ договоровъ см. въ Рус. лив. актахъ; замѣч. о нихъ у Срезневскаго (Памят. письма 1210-1399).

[6]) Сборникъ Муханова, с. 314.

[7]) Татищевъ, IV, 70.

княз. полоцкимъ Константиномъ Безрукимъ (Владиміровичъ? 1264 — 1271) о неправедныхъ тіунахъ и князьяхъ, сохранившееся въ древнихъ спискахъ, между прочимъ, въ Мѣрилѣ праведномъ XIV вѣка [1]). Симеона II м. Іона называетъ разумнымъ и искуснымъ въ Св. писаніи [2]). Полоцкъ не разъ страдалъ отъ пожара [3]) и разграбленія. Любопытно, что въ 1579 г., во время взятія Полоцка Баторіемъ, самую драгоцѣнную часть добычи, доставшейся полякамъ, составляла библіотека, хранившаяся при Софійскомъ соборѣ и содержавшая въ себѣ *много лѣтописей* и *твореній* св. отцовъ греческихъ *въ славянскомъ переводѣ:* все это погибло [4]). Конечно, подобное собраніе книгъ могло образоваться въ теченіе продолжительнаго времени и обнаруживаетъ интересъ по кр. мѣрѣ среди высшаго клира въ Полоцкѣ къ лѣтописи и отеческой литературѣ, въ то время, когда Курбскому приходилось жаловаться на недостатокъ славянскихъ книгъ въ Западной Россіи [5]).

III.

Подъ 1217 г. Татищевъ ссылается на Полоцкую лѣтопись Еропкина (пріятеля извѣстнаго Волынскаго), въ разсказѣ о князѣ Борисѣ Давидовичѣ и женѣ его Святохнѣ, дочери померанскаго князя Казимира [6]). Карамзинъ, вообще относящійся отрицательно къ подобнымъ показаніямъ Татищева, только привелъ содержаніе „повѣсти“ въ примѣчаніи [7]). Соловьевъ нашелъ этотъ разсказъ лишь „лыбопытнымъ“ [8]). Н. П. Лыжинъ видитъ въ немъ памфлетъ на событія царствованія Анны Ивановны, на власть Бирона и положеніе Елисаветы Петровны. По тону разсказа онъ готовъ признать сходство съ под-

---

[1]) Карамзинъ, IV, прим. 178; Розенкампфъ, Обозр. Кормчей, с. 217—218, примѣч.; Архивъ ист. юрид. свѣд., Калачова, I, 28—40; Уч. Зап. Ак. Наукъ по 2-му отд., V, 66; Срезневскій, 151; Филаретъ, Обз., 60—66.

[2]) Рус. Историч. библ., VI, 611—612.

[3]) Въ 1440 г. онъ весь выгорѣлъ (Новгор. синод., 419).

[4]) Зап. Гейденштейна, 71; Соловьевъ, VI, 367. [5]) Сказ. Курбскаго, изд. 2-е, 257—258.

[6]) Исторія, III, стр. 403 и дал.

[7]) Ист. госуд. рос., III, прим. 208. Погодинъ въ мнимой Плоцкой лѣт. хотѣлъ видѣть Полоцкую (I, 56).

[8]) Два памфлета временъ Анны Іоанновны (Изв. Акад. Наукъ, по 2-му отдѣлъ VII, 1858, 49—64; Замѣтка, его же (Рус. Вѣст. 1860, № 20, стр. 337—88). Возраж. П. Пекарскаго (Спб. Вѣд. 1859, № 177: Воображаемый подлогъ).

ложной первой частью Іоакимовской лѣт. и слѣдовательно сочиненнымъ въ XVII в., которымъ и воспользовался Еропкинъ съ указанной политической цѣлью. Къ мнѣнію, что отрывокъ изъ „полоцкихъ лѣтописей“, помѣщенный у Татищева, есть поддѣлка, склоняется и Бестужевъ-Рюминъ, не смотря на благоволительное отношеніе къ этому послѣднему вообще [1]). Съ другой стороны, авторъ изслѣдованія о Татищевѣ, Н. А. Поповъ, замѣтилъ, что событіе, разсказанное въ отрывкѣ, нисколько не противорѣчитъ исторіи Полоцкаго княжества [2]); а въ послѣднее время настойчиво поддерживалъ достовѣрность этого отрывка и родословной, сообщаемой имъ, А. П. Сапуновъ [3]) и къ этому мнѣнію склоняется В. О. Ключевскій [4]). Быть можетъ, однако, разсказъ этотъ представляетъ передѣлку одного изъ сказаній, ходившихъ о Всеславичахъ, находившихся во враждебныхъ отношеніяхъ къ кіевскимъ князьямъ. Извѣстный эпизодъ о Рогнѣдѣ и Владимірѣ кіевскій лѣтописецъ озаглавливаетъ такъ: „О сихъ же Всеславичехъ сице есть, *яко же сказаша вѣдущіи*; (преже) мы здѣ написахомъ о нихъ“ и т. д. [5]).

Такъ какъ до насъ дошли лишь своды первоначальныхъ лѣтописей и прежде всего возникшіе въ Кіевѣ, который являлся центромъ политической жизни Руси, то извѣстія о Полоцкомъ княжествѣ, записанныя въ этомъ послѣднемъ, оказываются занесенными въ начальный сводъ и продолженіе его—Кіевскую лѣтопись. Такимъ образомъ являются мѣстными записи: о видѣніяхъ въ Полоцкѣ (1092 [6]); о смерти Всеслава Изясл., съ точнымъ обозначеніемъ числа, часа и дня (1101); о смерти (1128) Бориса Всеславича и сказаніе о Всеславичахъ, раздѣленныя кіевскими извѣстіями, но связь ихъ очевидна [7]) и т. п. Всѣ они отрывочны или слиты вмѣстѣ съ другими извѣстіями. Соловьевъ еще замѣтилъ, что разсказъ подъ 1159 г. въ Ипатьевскомъ спискѣ о полоцкихъ происшествіяхъ (о призваніи Рогволода Борис. и борьбѣ его съ Ростиславомъ Глѣб. [8]), по своимъ подробностямъ и

---

1) Русская исторія, I, 181, прим. 18.

2) Татищевъ и его время. М 1861, 459 - 461.

3) Достовѣрность отрывка изъ Полоцкихъ лѣтописей, помѣщеннаго въ Ист. рос. Татищева подъ 1217 г. (Чтен. въ Общ ист 1898, III, 3—13, проток.; ср. кн. II, проток., 64; Арх. Изв. 1898, № 2, с. 73).

4) Чт. О. И. 1898, III, с. 13, примѣч

5) П. С. Р. лѣт., 131; Лавр лѣт., 284—285; Воскрес. лѣт., 1793, I, 267; по изд. Арх. Ком., VII, 28. Б.-Рюминъ видитъ въ немъ новгор. запись (О составѣ, 50).

6) Лавр. лѣт., 207—208; Ипат., 150. 7) Лавр. л., 265, 284—286.

8) Ипат. лѣт., 338—340, 346, 351, 355.

вмѣстѣ отрывочности, обличаетъ вставку изъ Полоцкой лѣтописи [1]), и онъ неоднократно напоминаетъ о присутствіи въ Кіевской лѣт. извѣстій изъ того же источника [2]). Напротивъ, Новгородскія лѣтописи, не смотря на всю близость къ Полоцку, оказываются весьма скудными извѣстіями о полоцкихъ событіяхъ или заимствуютъ ихъ изъ того же источника.

Такимъ образомъ Кіевская лѣтопись является незамѣнимымъ источникомъ для исторіи Переяславской, Черниговской, Смоленской, Полоцкой и отчасти Гал.-Волынской (см. ниже) земель въ княжескій періодъ; а представленныя выше записи могутъ быть разсматриваемы какъ остатки тѣхъ *краткихъ,* мѣстныхъ лѣтописей, которыя послужили матеріаломъ для позднѣйшихъ сводовъ и образцы которыхъ мы видѣли какъ въ западной, такъ и въ славянской исторіографіи.

Литература: лѣтописи Лавр., Ипат., Воскр. (см. выше); Татищевъ, кн. III (см. выше); Поморье быв. удѣльнаго княж. Полоцкаго, Пскова и В. Новгорода. Тарасенка-Атрѣшкова (Фин. Вѣст. 1847, № 12); Историческія свѣдѣнія о примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ въ Бѣлоруссіи. Сост. М. Ѳ. Безъ-Корниловичемъ, Спб. 1855; Обозр. ист. Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ, О. Турчиновича Спб 1857; Лекціи по ист. Зап. Россіи, М. О. Кояловича, М. 1864; Чтенія по ист. З. Руси, *его же,* Спб. 1884; Разсказы изъ русской исторіи, И. Д. Бѣляева, М. 1872 (Исторія Полотска или С. З. Руси отъ древ-шихъ временъ); Очеркъ исторіи Кривичской и Древичской земель до к. XII ст., М. Довнара-Запольскаго, К. 1891 (изъ Унив. Изв.); Очеркъ исторіи Полоцкой земли до к. XIV стол., В. Е. Данилевича, К. 1896 (изъ Унив. Изв., съ подроб. обзор. литературы и картою); рец. И. А. Тихомирова (Ж. М. Н. Пр. 1897, № 7); О Всеславѣ Брячиславичѣ, С. Сабинина и О. Бодянскаго (Чт. въ О. ист. и древ. 1846—47, № 9, с. 15—23); Очерки исторіи Литовско-русскаго права, Ѳ. И. Леонтовича, Спб. 1894; Пути сообщенія Полоцкой земли до к. XIV в., В. Данилевича (Ж. М. Н. Пр.); Нѣмецкая контора въ Полоцкѣ, Г. Гильдебранда (Balt. Monatsschrift, B. XXII, 1873; Прибалт. Сборн., т. II, 44—

---

[1]) Исторія Россіи, III, 137; Ипат. лѣт., 338-340. — Бестужевъ-Рюминъ говоритъ (О составѣ, 126): „не объясняется ли связью князей полоцкихъ со смоленскими довольно значительное количество полоцкихъ извѣстій въ эту эпоху", т. е. за время Ростислава. Ср. 130).

[2]) Ист. Россіи, III, 134, 149; ср. Костомаровъ, Лѣтописи, 43.

80). О торговлѣ русскихъ съ Ригою въ XIII и XIV вв., М. Н. Бережкова (ibid, 1877, № 2); Торговыя и мирныя сношенія русскихъ княжествъ съ Ливоніей въ XIII в., И. А. Тихомирова (ibid., 1876, № 5, с. 162—174; Торговыя сношенія Полоцка съ Ливоніей въ XIV в, *его же* (ibid. 1877, № 12); Das livische und lettische Düna-Gebiet und die Fürste v. Polozk, Gercike und Kokenhusen am Ausgang d. XII und zu Beginn des XIII Jahrh., v. F. Keussler, R. 1895; Beziehungen zu den Eingebornen der gegenwärtigen Ostseeprovinzen im XII u. XIII J., Riga 1891, *его же*; Витебская Старина, изд. Сапуновымъ, т. I—V (лѣтописныя статьи, родословныя, акты, опис. монастырей); Очерки и описанія церквей и достопамятностей Полоцкой епархіи, его же, Вит. 1888, съ фотогр. снимк и полит (Полоцкій Соф. соборъ; Спасо-Евфрос. дѣв. мон.; ж преп. Евфросиніи Полоцкой по тремъ редак.; древнія иконы Б. М. въ Полоцкѣ; католич. легенда о Параскевѣ кн. полоцкой); Къ исторіи города Герцеке въ Ливоніи, Н. Харузина (Арх. Изв., 1895, №№ 2—3); Объясн. записка къ картѣ Полоцкаго повѣта во 2-й полов. XVI в., II. Н. Оглоблина (Сборн. Археол. инст., кн. III и IV, 1880); Матер. для геогр. и стат. Россіи, собр. офиц. генер. штаба (губ. Витеб., Гродн., Минская, Могилев.).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Волынь и Галичъ. Очеркъ ихъ исторіи.—Туровская земля.—Культурныя связи и вліянія.—Письменные памятники.—Галицко-Волынская лѣтопись.

I.

На западъ отъ Кіевской области лежала Волынь, находившаяся сначала въ политической связи съ нею, нерѣдко игравшая роль въ событіяхъ ея исторіи и часто служившая предлогомъ къ вмѣшательству въ русскія дѣла западныхъ сосѣдей. Древнѣйшіе славянскіе поселенцы (дулѣбы, бужане-волыняне [1]) рано выступаютъ въ исторіи съ своимъ племеннымъ названіемъ: лѣтопись называетъ ихъ современниками аваровъ (обровъ), воевавшихъ съ импер. Иракліемъ (610—614), отъ которыхъ пострадали и дулѣбы („примучиша"). Впослѣдствіе волыняне принимали участіе въ нападеніяхъ на предѣлы Византійской имп. Занимая первоначально верховья обоихъ Буговъ и правыхъ притоковъ Припети, вдоль горъ Кременца (прод Карпатъ) и ихъ отроговъ, Волыняне, подъ напоромъ другихъ племенъ и естественной колонизаціи, распространились далѣе на сѣверъ, занявъ земли по теченію Горыни (пр. прит. Припети), по среднему теч. З. Буга и по среднимъ лѣвымъ прит. Нѣмана. Съ X—нач. XIV в., въ предѣлахъ Галицко-Волынской земли, по лѣтописямъ и актамъ, насчитывается до 100 городовъ и др. поселеній.

---

[1]) Ипат. лѣт., 6-7; Лавр. и др.

Баварскій географъ 2-й полов. IX в. знаетъ бужанъ (Buzani) и велынянъ (Velunzani) и говоритъ о множествѣ городовъ у тѣхъ и другихъ (Mon Pol. hist., I, 10--11). Массуди (пол. X в.) отличаетъ велынянъ (Валинана) и дулѣбовъ (Дулаба), какъ имѣвшихъ отдѣльныхъ правителей (Гаркави, 135—136). По лѣтописи, г. Владиміръ упом. съ 988, Волынь, близъ него, съ 1018, и Бужскъ съ 1097 г. Изъ другихъ, близкихъ по времени, лѣтопись называетъ: Берестье (1019), Дорогобужъ (1084), Луцкъ (1085), Микулинъ, Сутейскъ (1096) и др. Червенскіе города, взятые у Польши Владиміромъ I и вторично Ярославомъ I, были: Червенъ, Перемышль, Бельзъ и ближ. къ нимъ (Ип. л., 54, 101, 105).

Волыняне управлялись племенными князьями, а въ нач. X в. входятъ въ составъ Кіевскаго княж. Въ 907 г. они участвуютъ въ походѣ Олега на Константинополь [1]); при Владимірѣ I здѣсь сидитъ сынъ его Всеволодъ [2]), а по смерти его другой сынъ Владиміра—Святославъ (древлянскій), убитый Святополкомъ [3]). Борьба между Ярославомъ и Святополкомъ дорого обошлась волынскимъ городамъ [4]). По смерти Ярослава на Волыни сидѣли сынъ его Игорь (1054—57), перешедшій въ Смоленскъ [5]), а потомъ внукъ—Ростиславъ Владиміровичъ [6]), бѣжавшій въ 1064 въ Тмутаракань [7]). Великіе князья обыкновенно посылали на Волынь своихъ сыновей, которые, однако, не успѣли тамъ утвердиться (Олегъ Святославичъ, 1073—76). Въ 1073—78 гг. волынскіе города опять много пострадали, благодаря поддержкѣ, оказанной Изяславу I Болеславомъ (II) Смѣлымъ [8]).

По смерти (1078) Изяслава в. кн. Всеволодъ отдалъ Волынь вмѣстѣ съ Туровскою волостью сыну его—Ярополку [9]), которому съ большимъ трудомъ удалось удержаться въ борьбѣ съ князьями-изгоями—Ростиславичами (Василькомъ и Рюрикомъ). Такимъ обр. послѣдніе получили Галицко-Перемышльскую землю, а попытка Ярополка возвратить потерянную часть своихъ владѣній окончилась его смертью отъ руки подосланнаго убійцы (1086 [10]). Третій изъ противниковъ Ярополка—Давидъ Игоревичъ занялъ столъ во Владимирѣ. Попытка же его отдѣлаться отъ этихъ послѣднихъ (ослѣпленіе Василька) привела къ новой усобицѣ и наконецъ лишенію Давида его волости († въ Дорогобужѣ, 1112 [11]); а притязанія на Волынь Ярослава Яроп.

---

[1]) Ипат., 17; Лавр., 29

[2]) Ипат., 83; Лавр., 118. Во Владимирѣ.

[3]) Ипат., 97; Лавр., 136. [4]) Ипат., 100; Лавр., 140.

[5]) Ипат., 114; Лавр., 157-158.

[6]) Татищевъ (II, 117). Соображенія Соловьева (II, прим. 32).

[7]) Ипат. л., 115; Лавр., 159. [8]) Ипат. л., 139; Лавр., 238.

[9]) Ипат. л., 140; Лавр., 199.

[10]) Ипат. л., 143—145; Лавр., 198—199. Смерть Ярополка Из., А. Тюрина (Современ., т. XLI: авторъ винитъ Давида); Соловьевъ (II, 29—31, пр. 85) возражаетъ и обвиняетъ Рюрика, что́ вѣрнѣе. Противъ Давида нѣтъ уликъ (Грушевскій, II, 327).

[11]) Ипат. л., 167—197. Отступившись отъ Давида, Святополкъ посадилъ во Владимирѣ своего незаконнаго сына Мстислава. Послѣдній палъ, пораженный стрѣлою во время осады Давидомъ Владимира (1099), пущенною въ городъ, находясь „на заборолѣхъ“ (Ип., 177—180; Лавр., 261—262; Патерикъ, clxxi—ııı).

окончились заключеніемъ его въ темницѣ въ Кіевѣ (1102 [1]). На Волыни утвердился (1100) сынъ Святополка—Ярославъ, отличавшійся предпріимчивостью и мужествомъ—въ походахъ противъ ятвяговъ (1112—13).

Послѣдній удержаться здѣсь, однако, не могъ, отпустивъ свою жену (внуку Владиміра М.) и вступивъ въ союзъ съ поляками, чѣмъ вызвалъ вмѣшательство Владиміра, который сажаетъ на его мѣсто своихъ сыновей—Романа († 1118) и Андрея, а въ этихъ событіяхъ принимаютъ уже участіе—поляки, венгры и чехи. Ярославъ былъ убитъ (1023) подъ стѣнами Владимира, двумя поляками, склоненными, вѣроятно, сторонниками Андрея [2]). Съ переходомъ послѣдняго въ Переяславль (1135) во Владимирѣ сидятъ Изяславъ Мст., а потомъ его братья (Святополкъ, Владиміръ); но затѣмъ на Волыни всецѣло отражается борьба изъ-за кіевскаго престола, въ которой князья ея принимаютъ весьма дѣятельное участіе (Владиміръ Мст., Мст. Изясл., † 1172 [3]). Такимъ обр. Волынь досталась Мономаховичамъ и осталась въ ихъ родѣ, съ небольшими перерывами, до пресѣченія ихъ линіи (въ пол. XIV в.). Послѣ Мстислава Изясл. Владимиръ Вол. былъ занятъ сыномъ его Романомъ; Святославъ Мст. сидѣлъ въ Червенѣ (1173) и Бужскѣ; Всеволодъ Мст. въ Бельзѣ (1188—95); Владиміръ Мст. въ Берестьи, владѣя землями по Горыни [4]). Попытка волынскихъ князей (Владиміръ Мст., † 1172; Ярославъ Из., † ок. 1176—80 въ Луцкѣ) утвердиться въ Кіевѣ не имѣла успѣха [5]).

Между тѣмъ въ Галицкой землѣ происходили постоянныя несогласія, вызвавшія вмѣшательство поляковъ и венгровъ, пока Владиміру Волод. удалось соединить Галицкую область въ своихъ рукахъ, избравъ столицею Галичъ (впервые упом. въ 1140 г. [6]) и лишивъ доли плем. своего Ивана Рост. (Берладника),—этого „русскаго кондотьери“ XII в. [7]), причинившаго много хлопотъ русскимъ князьямъ [8]).

---

[1]) Ипат л., 181—182. Ср. М. С. Грушевскій, Волынскій вопросъ 1097—1102 (К. Стар. 1891, №№ 1 и 5).

[2]) Ипат, 196, 206—207; Лавр., 277; Никон., II, 53.

[3]) Ипат. л, 214—333, 335, 356, 357—361, 381—382; Лавр., 288—321, 316.

[4]) Ипат. л., 385, 446; Лавр., 396; Никон., II, 215.

[5]) Ипат. л., 383—87; 3.2 -401; Никон., II, 215.

[6]) Ипат. л., 228.

[7]) Бестужевъ-Рюминъ, Исторія, I, 183. Подъ 1162 г. въ лѣт. читаемъ: „Том же лѣтѣ преставися князь Ив Рост., рекомый Берладникъ въ Селуни; инии тако молвяхуть, яко съ отравы бѣ ему смерть“ (ibid., 355).

[8]) Ibid., 234, 237, 239, 335.

Чистокровный политикъ, Владимиръ не признавалъ ни обязательствъ, ни клятвъ [1]). Онъ задался цѣлью—не допустить усиленія волынскихъ князей († 1152). Преемникъ его Ярославъ Осмомысль (жен. на Ольгѣ, доч. Юрія Влад. сузд.), прославленный авторомъ „Слово о полку Игоревѣ", постоянно вмѣшивался въ дѣла Волыни и Кіева и заботился объ улучшеніи своего войска [2]); но семейными несогласіями и щедрыми раздачами на монастыри онъ († 1187) разстроилъ свои финансы и содѣйствовалъ усиленію боярства [3]). Раздоры между его сыновьями, Владиміромъ и Олегомъ (незак.) и произвольныя дѣйствія перваго привели къ вмѣшательству Романа Мстисл. и Белы III венгерскаго и наконецъ къ насильственному утвержденію на престолѣ, съ помощью поляковъ и нѣмецкаго имп., того же Владиміра, который, благодаря поддержкѣ Всеволода III, спокойно прокняжилъ въ Галичѣ и даже успѣлъ отомстить недругу своему Роману [4]). Пользуясь обстоятельствами, примѣромъ Польши и матеріальной обезпеченностью, вслѣдствіе постояннаго пребыванія въ краѣ, какъ то было и въ Новгородѣ, галицкое боярство является сильнымъ владѣльческимъ классомъ [5]), которое только крутыми мѣрами Романа, успѣвшаго утвердиться въ Галичѣ (1199)

---

[1]) Ibid., 303—313. 318--319.

[2]) Ibid., 441—442; ср. Татищевъ, III, 280. [3]) Ibid., гг. 1173, 1174, 1183.

[4]) Ibid., 445—449; ср. Карамзинъ, III, прим. 104; Погодинъ, VI, 275.

[5]) Въ Кіевской и Галицко-Вол. лѣт. находимъ слѣд. мѣста о галицкомъ боярствѣ: о значеніи бояръ (Ип. л., 444, 445); объ ихъ службѣ (228, 384, 484, 488); о преемствѣ званія (485); объ ихъ богатствѣ (485, 487, 490, 506); о владѣніи значительнымъ числомъ рабовъ, которые добывались въ качествѣ плѣнныхъ (485, 488. 493, 504, 505, 516); о собственныхъ полкахъ, которыми они располагали (444, 490. 505); о получ. боярства и власти лицами дух. званія и смердами (525; объ отношеніи къ князьямъ (506). Въ первой полов. XIII в. упоминаются слѣд. властныя лица: Владиславъ (1202--1211), Судиславъ (1208–1234), Глѣбъ Еремѣевичъ (1226–34), Владиславъ (1229, 1241--1249). Ипат. л., 490, 493. 506, 509, 514, 529. Послѣ татарскаго наш. въ Галичѣ утверждается бояр. Доброславъ Судьичъ, поповъ внукъ. Онъ вступилъ въ Бакоту и захватилъ все Понизье, а Григорій Васильевичъ думалъ присвоить Перемышльскую землю: „и бысть мятежъ великъ въ землѣ и грабежъ отъ нихъ" (ib. 525). О гордости Доброслава лѣт. замѣчаетъ: „галичаномъ текущимъ у стремени его" (тамъ же). Въ 1241 г объ этихъ грабительствахъ производилось слѣдствіе, по порученію Даніила и Василька, печатникомъ Кирилломъ (526). Ср. Дашкевичъ, Даніилъ Гал., 45–48. Въ одномъ изъ списковъ Волын. лѣт. (484, вар. 5) сказано, что Игоревичи избили до 500 бояръ; однако Костомаровъ сомнѣвается въ этой цифрѣ (Моногр., I, 212; Грушевскій, III, 53). О земельномъ обезпеченіи бояръ и стоимости земли въ то время (ib., 104–105). Боярство на Волыни не достигло такого значенія, какъ въ Галичѣ (ib., III, 34--35).

съ помощью поляковъ, было на нѣкоторое время усмирено [1]). Зато оно дало себя почувствовато тотчасъ послѣ его смерти, когда призванные на княженье сыновья Игоря Свят. были повѣшены (см. выше, стр. 482, 486), а власть въ землѣ захватилъ бояр. Владиславъ, вскорѣ впрочемъ изгнанный (1210 [2]).

Имя Романа оставило глубокій слѣдъ въ исторіи Волыни. Его борьба съ ятвагами и литовцами отмѣчена лѣтописью [3]) и авторомъ „Слово о полку Игоревѣ Онъ помогалъ имп. Алексѣю III Ангелу противъ половцевъ (см. 130), нападавшихъ на Ѳракію, и открылъ пріютъ тому же императору, по изгнаніи его крестоносцами изъ Константинополя [4]). Не смотря на помощь и поддержку, оказанныя ему тестемъ Рюрикомъ Рост., онъ дважды овладѣвалъ Кіевомъ, посадилъ въ немъ (1202) своего подручника (Ингваря Яр. луцкаго), а въ другой разъ постригъ тестя, его жену и дочь (свою жену [5]); дважды вмѣшивался въ польскія распри [6]), въ защиту правъ Лешка Бѣлаго (1195 и 1206), причемъ въ первый разъ былъ раненъ и привезенъ во Владиміръ, а во второй разъ (близъ г. Завихвоста) окруженъ и убитъ, едва достигнувъ 50 лѣтъ. О мѣстѣ его погребенія существуетъ разногласіе (см. ниже [7]) Византійскій историкъ (Никита Хон.) называетъ его человѣкомъ „мощнымъ и дѣятельнымъ“; а Волынскій лѣтописецъ—„самодержцемъ всей Русской земли“ [8]). Папа Иннокентій III предлагалъ ему корону, подъ условіемъ признанія его власти; но онъ отказался отъ этой чести [9]).

---

[1]) Кадлубекъ, Mon. Polon. hist., II, 440—41; Dlugosz, 1 VI, 580; Стрыйковскій; ср. Карамзинъ, III, пр. 105, 106, 114; Ипат. лѣт., 461.

[2]) Ипат л., 484, 488—489. [3]) Ibid., 471, 479 -480. [4]) Никита Хоніатъ. III, 5: Густ., 327.

[5], Ипат, 400; Новгор., I, 26; Лавр. л., 398—400.

[6]) Романъ былъ сынъ дочери Болеслава III Кривоустаго, кор. польскаго (Погодинъ, VI, 291), а Лешко Б. также внукъ послѣдняго.

[7]) Лавр., 401—405; Воскрес., I, 113; Густ., 329; Никон., II, 276, 292; Dlugosz, VI, 599. О смерти его записано не только въ польскихъ рочникахъ, но и въ некрологѣ эрфуртскаго мон. св. Петра, которому онъ пожертвовалъ 30 марокъ: „XIII kal. Julii Romanus, Rex Ruthenorum: hic dedit nobis xxx marcas“ (Карамзинъ, III, прим. 113).

[8]) Ипат. л., 479; ср. Стрыйковскій, I, 210.

[9]) Кенигсб. лѣт., 300—301 (мѣста этого нѣтъ въ другихъ спискахъ лѣтописи). Ср. Карамзинъ, III, 68, прим. 112. Нѣкоторые находятъ, что стиль этого мѣста отличается новизною (Дашкевичъ, Переговоры папъ съ Дан. Гал. объ уніи. Унив. Изв. 1884, № 8, стр. 174, пр. 2).

Слава его долго сохранялась въ памяти потомствѣ [1]) и воспѣвалась въ эпическихъ пѣсняхъ (см. выше, стр. 266).

II.

Малолѣтство сыновей Романа (Даніилъ р. 1201; Василько р. 1203) открыло обширное поле враждебнымъ притязаніямъ (Рюрикъ Рост., князья черниговскіе) и заставило ихъ искать убѣжища въ Венгріи и Польшѣ [2]). Только постепенно имъ удалось возстановить свои права на Галицко-Вол. земли, при чемъ Даніилъ утвердился въ Галичѣ, а Василько во Владимирѣ (1234—36 [3]). Братья жили въ полномъ согласіи между собою. Василько раздѣлялъ почти всѣ невзгоды и предпріятія съ братомъ. Вмѣстѣ съ нимъ онъ велъ борьбу съ безпокойнымъ кн. бельзскимъ Александромъ Всев., ходилъ на Кіевъ противъ Владиміра Рюр. и Михаила Всев. черниговскаго; противъ литовцевъ, ятвяговъ, поляковъ и угровъ, то отстаивая свои земли отъ ихъ вторженій, то вмѣшиваясь въ ихъ внутреннія дѣла [4]). Даніилъ принималъ участіе въ битвѣ на Калкѣ, обнаруживъ при этомъ личную храбрость [5]). Въ 1240 г., во время похода на Польшу и Венгрію и на обратномъ пути, Батый разрушилъ многіе города на Волыни и въ Галицкой землѣ [6]). Обезпечивъ защиту Кіева, Даніилъ съ братомъ удалился на западъ, а потомъ они должны были позаботиться о возстановленіи городовъ и собраніи населенія; однако въ 1245 г. Даніилъ отправился въ Орду и вынужденъ былъ признать себя холопомъ хана [7]).

---

[1]) Ипат. л., 578, 605. Любопытное эпическое сочетаніе похвалъ его храбрости и силѣ (480). Ср. Слово о полку Игоревѣ: „а ты буй-туръ Романе и Мстиславе! Тѣми тресну земля и многи страны“ и т. д.

[2]) Имя второй жены Романа неизвѣстно. Полагаютъ, что она была венгерская княжна (Погодинъ, VI, 296).

[3]) Ипат. л., 481—482; 524.

[4]) Даніилъ былъ жен. на Аннѣ, доч. Мстислава Мст. Удалаго, принимавшаго участіе въ галицкихъ дѣлахъ; а Василько на Еленѣ, доч. Юрія II в. к. владим., къ которому ѣздилъ въ 1229 г., на свадьбу своего шурина (Ипат., 505).

[5]) Ипат. л., 496. [6]) Ibid., 523, 528.

[7]) Ibid., 521–23, 535—536, 555, 557, 560–562; ср. 491, 501.

О военныхъ дѣйствіяхъ монголовъ см. соч. М. И. Иванина (Спб. 1875, 252 стр., съ карт. и чертеж.); о походахъ ихъ въ Западную Европу см. соч. G. Bachfeld'a (Jnnsbr 1889, 89 Ss.); G. Strakosch-Grassmann'a (м. проч. по русск источ., съ карт., Jnnsbr. 1893, 227 Ss), L. Cahun'a, Paris 1896, 516 pp. и прилож. къ VII т. новаго изданія соч. Гиббона съ примѣч. I. B. Bury, 1900 (2-й экскурсъ).

Впрочемъ онъ рѣшался уже выступать противъ нападеній татаръ (1254) и хотя не имѣлъ успѣха, но имя его почиталось въ Ордѣ. Тѣмъ не менѣе обоимъ братьямъ пришлось подчиняться требованіямъ баскаковъ (Куремса и Бурундай) и даже срыть возведенныя укрѣпленія [1]). Даніилъ обратилъ вниманіе на опасность, угрожавшую Руси отъ Нѣмецкаго орд. (тепличей—темпліеровъ [2]); а, вступивъ въ борьбу съ литовцами, онъ разсчитывалъ на союзъ съ поляками и Ригою [3]).

Первое время Даніилъ долженъ былъ довольствоваться небольшимъ (1213) удѣломъ (Тихомль, Перемиль); но постепенно (1219) онъ присоединяетъ другіе города (Украйну, см. ниже, 551, пр. 9), а, послѣ продолжительной борьбы съ Александромъ Всев., его удѣлъ Бельзъ и Червенъ (1234 [4]); подчиняетъ своему вліянію пинскихъ князей [5]); овладѣваетъ городами по Тетереву, Бугу, въ Поднѣпровьи и болох. князей [6]). Мстиславъ Яр. Нѣмой поручилъ ему свой Луцкій удѣлъ [7]). Союзниками въ предпріятіяхъ Даніила нерѣдко являлись половцы, часть которыхъ находилась на его службѣ и была поселена въ предѣлахъ его княжества [8]). Кромѣ того, Даніилъ построилъ цѣлый рядъ городовъ: Холмъ, Даниловъ, Львовъ, укрѣпилъ Угровскъ и др. [9]).

Неоднократно призываемый въ Галичъ то населеніемъ [10]), то боярами, онъ испыталъ всю непрочность симпатій послѣднихъ [11]). Одно время онъ думалъ опереться на волынскихъ бояръ [12]); но затѣмъ вынужденъ былъ все-таки раздать города въ управленіе мѣстнымъ боярамъ и воеводамъ (1234 [13]) и только послѣ пораженія, нанесеннаго

[1]) Ibid. 550, 560—564. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ трудовъ зависимость галицко-волынскихъ земель отъ татаръ, подобная другимъ русскимъ землямъ, ослабляется (М. Грушевскій, III, 556); но мнѣніе это встрѣтило возраженія (Лѣтопись Ист. фил. Общ. при Новорос. унив., IX, 37).

[2]) Ипат. л., 517, 531. Одно время они владѣли Дрогичиномъ (1237—38). Даніилъ просилъ папу запретить крестоносцамъ и духовнымъ лицамъ селиться и занимать земли безъ дозволенія князя (Hist. Rus. monum., I, № LXIX).

[3]) Ипат. л., 542—543. [4]) Ипат. л., 516. 557. [5]) Ibid., 530, 543.

[6]) Болоховскими городами лѣтопись называетъ: Болоховъ (277, 376, 555), Губинъ, Деревичъ, Дьяковъ, Кобудъ. Кудинъ (ib. 526), Мунаревъ (278, 343). О границѣ Болоховскаго края (Бѣляевъ, 146—152). О болоховцахъ (Н. П. Дашкевичъ, Даніилъ Гал., 51—54 и др. въ библіогр.); Молчановскій (тамъ же).

[7]) Ibid., 501. Повидимому слѣдуетъ разумѣть здѣсь опеку.

[8]) Ипат. л, 528. 533, 538, 542, 543. Ханъ Тегакъ называется его сватомъ (543).

[9]) Ibid., 531, 558, 559, 562, 570 „Созда городы многи и церкви постави“.

[10]) Ibid., 501 506, 514, 517. [11]) Ibid., 506, 510, 514. [12]) Ibid., 515—516; ср. 490, 497.

[13]) Ibid., 534. Лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что бояре (1240) всего землю держали въ своихъ рукахъ (525). Отзывъ о нихъ (508)

Ростиславу Мих. подъ Ярославомъ (1245 [1]), Даніилъ вполнѣ утвердился въ Галичѣ. Впрочемъ, была еще попытка (1254) захватить Галичъ (Изяслава Влад.), пользуясь отсутствіемъ Даніила, съ помощью татаръ, но она была легко подавлена [2]).

Западныя отношенія играли весьма видную роль въ дѣятельности Даніила. Венгры не хотѣли допустить независимости Галича и постоянно вмѣшивались въ его дѣла [3]). Въ 1235 г. Даніилъ съ братомъ Василькомъ, присутствовалъ на коронаціи кор. Белы IV [4]). Выдавъ за сына Даніила, Льва, дочь Констанцію (1247), послѣдній не разъ обращался къ его помощи; такъ, Даніилъ помогалъ ему въ борьбѣ изъ-за австрійскаго герцогства [5]). Пользуясь же смертью герцога, король вызвалъ Даніила съ сыномъ Романомъ, объявилъ себя защитникомъ правъ племянницы герцога—Гертруды противъ притязаній кор. чешскаго Оттокара II, женилъ Романа на этой послѣдней, обезпечивъ свою поддержку договоромъ, однако не сдержалъ обѣщанія. Между тѣмъ Даніилъ (1253), съ краковскимъ герц. Болеславомъ Стыдл. (с. Лешка Бѣл.) вторгся въ предѣлы Чехіи, взялъ Носсельтъ и выжегъ окрестности Троппау (Опава [6]). Столь же перемѣнчивы были отношенія между Даніиломъ и поляками, опредѣлявшіяся его внутренними дѣлами и междоусобіями въ Польшѣ, которыя также приводили войска Даніила въ предѣлы послѣдней [7]). Такимъ образомъ лѣт-цъ былъ правъ, назвавъ эпоху Даніила исполненной безчисленныхъ ратей, великихъ трудовъ, многихъ крамолъ, возстаній и мятежей [8]), которыя удалось ему, наконецъ, преодолѣть.

Слава о немъ достигла Рима; но и у самаго Даніила было желаніе завязать сношенія съ послѣднимъ, въ интересахъ утвержденія

[1]) Ibid, 532 [2]) Ibid. 550.

[3]) Ипат. лѣт, 523, 528, 537.

[4]) Ibid., 517; p. Script. rer. Hung. 1746, I, 149. Ср. замѣч. М. С. Грушевскаго, III, 545—546.

Будучи потомъ у Белы, Даніилъ хотѣлъ вмѣшаться на защиту австр. герц. Фридриха Воинственнаго противъ импер. Фридриха II; но венгерскій король не допустилъ его до того (Ипат. лѣт, 517).

[5]) Въ 1250 г. (1252, см. Ипат. лѣт, 537, 540—541).

[6]) Ипат. лѣт., 544—548; ср. Карамзинъ, IV, 51—52 и примѣч.; Дашкевичъ, Даніилъ Галицкій, 101—102. О неудачномъ походѣ 1260 г. (Pertz, IX, 184—185); ср. Грушевскій, III, 552.

[7]) Ипат. л., 505, 516, 521—524, 534, 537. Еще въ 1229 г. обѣ стороны (Конрадъ мазов., Даніилъ и Василько) положили между собою не воевать своихъ областей 504). Другой договоръ (1262) состоялся въ Терновѣ, между Болеславомъ Стыд., Даніиломъ съ сыновьями и Василькомъ съ сыномъ Владиміромъ (567). [8]) Ibid., 501.

своей власти и предотвращенія бѣдствій, грозившихъ съ Востока, когда и сами папы собирались устроить крестовый походъ противъ татаръ. Послѣ взаимныхъ сношеній (папская булла упоминаетъ о письмахъ Даніила), ему были присланы Иннокентіемъ IV знаки королевскаго сана, а затѣмъ состоялось и коронованіе (1253) въ Дрогичинѣ [1]), въ интересахъ соединенія церквей и общаго похода противъ „поганыхъ" [2]). Однако, вскорѣ между Римомъ и Даніиломъ наступило охлажденіе и даже разрывъ (1256 [3]), вслѣдствіе притязаній съ одной стороны и недовѣрія съ другой.

Лѣтописецъ называетъ Даніила княземъ „добрымъ", „храбрымъ и мудрымъ" [4]). Идеальная дружба съ братомъ Василькомъ дополняетъ намъ эту характеристику [5]), а въ другомъ мѣстѣ лѣт. съ гордостію замѣчаетъ, что Даніилъ былъ великъ, обладалъ вмѣстѣ съ братомъ Русскою землею, Кіевомъ, Владимиромъ, Галичемъ и иными странами [6]). Даніилъ отличался большою религіозностью, которая проявлялась въ разнообразныхъ случаяхъ [7]); оставался вѣренъ слову, искалъ правды и требовалъ того же отъ своихъ сыновей [8]); легко мирился съ врагами (Александръ бельзскій, Михаилъ черниговскій); помнилъ сдѣланныя ему услуги [9]); иногда являлся посредникомъ въ примиреніи [10]); а его побѣды вызывали благодарность у современниковъ, которые слагали въ честь ихъ пѣсни [11]). Онъ былъ искусный

---

[1]) Ипат. л., 541. О времени коронованія (Н. П. Дашкевичъ, 99; Грушевскій III, 162—164: Хронологія подій Г. Вол. літ., с. 36 - 37). Лѣтописецъ говоритъ: „Приня вѣнецъ отъ Бога, отъ церкве св. апостолъ *и отъ стола св. Петра и отъ отца своего папы Никѣнтія* и отъ всѣхъ епископовъ своихъ". Папскимъ легатомъ былъ Опизо.

[2]) Ипат. л., 548—549. Королемъ называется Даніилъ въ лѣтописи (562, 567, 570, 590, 600), въ пап. буллахъ (Н. R. M., I, №№ LXII, LXIV, XCV), въ другихъ актахъ и западныхъ анналахъ (Pertz, IX, 181; XIX, 636—637). Полагаютъ, что Даніилъ соглашался, какъ и греки, только на унію (Дашкевичъ, Даніилъ Г., 154 - 155); о приглашеніи папъ къ крестовому походу противъ татаръ отчасти по сообщеніямъ Даніила объ ихъ набѣгахъ (ibid.. 140). Ср. Переговоры папъ съ Даніиломъ Г. объ уніи Ю. З. Руси съ католичествомъ, его же (Унив. Изв. 1884, № 8, стр. 136—181).

[3]) Въ 1257 г. папа Александръ IV укорялъ Даніила за отступленіе отъ католической вѣры и предлагалъ обратиться въ ея лоно (Н. R. M., I, 84—85).

[4]) Ипат. лѣт. 570: „вторымъ по Соломонѣ".

[5]) Ibid., 502, 512, 535. 537, 666. [6]) Ипат. лѣт., 535.

[7]) Ibid., 501, 507, 509, 511, 516, 524, 525, 532, 535, 548, 558—560.

[8]) Ibid., 489, 500, 501, 554—555. [9]) Ibid., 506, 511, 534.

[10]) Ibid, 542. [11]) Ibid., 539.

охотникъ [1]) и считался знатокомъ военнаго дѣла, заимствуя усовершенствованія и съ востока, и съ запада [2]). Ятвяги, поляки, венгры и нѣмцы одинаково хвалятъ устройство и храбрость русскихъ войскъ [3]). Даніилъ самъ руководилъ войскомъ и раздѣлялъ съ нимъ всѣ опасности [4]), такъ что „русскій бой" вошелъ тогда въ славу на Западѣ. Даніилъ не признавалъ отступленія, а только побѣду или смерть [5]). Но и мирныя средства въ развитіи края не менѣе привлекали его заботы. Строя города, онъ заселялъ ихъ иноземными колонистами: къ нему охотно шли ляхи и нѣмцы [6]), а, занимая литовскіе города, онъ переселялъ жителей въ свои владѣнія [7]). Галичъ сталъ при немъ богаче Владимира [8]). Даніилъ умеръ въ 1264 г. (?) и похороненъ былъ въ Холмѣ [9]), ставшемъ въ послѣднее время его мѣстопребываніемъ.

Посредствомъ браковъ своихъ сыновей, Романа († ран. отца) съ Гертрудой Бабенбергской [10]), Льва съ дочерью Белы, Констанціей [11]), Шварна съ доч. Миндовга [12]), Даніилъ, въ извѣстной степени, обезпечилъ положеніе своей семьи и княжества. Повидимому, въ к. его княженія Левъ раздѣлялъ съ нимъ власть [13]), Шварнъ постоянно жилъ въ Холмѣ [14]), къ удѣлу котораго отошли Червенъ, Бельзъ и др., а Войшелгъ передалъ ему Литву, гдѣ онъ и умеръ (1268). Тогда Левъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ удѣлъ брата, убивъ передъ тѣмъ, по зависти къ послѣднему, Войшелга [15]). Мстиславъ Даниловичъ (жен. на доч.

---

[1]) „Ѣдущу же ему до Грубешева, и уби вепревъ шесть, а самъ же уби й рогатиною 3, а три отроци его: и вдасть мяса воемъ на путь" (550).

[2]) „Нѣмци же дивляхуся оружью татарскому (въ полкахъ Даніила): бѣша бо кони въ личинахъ и въ коярѣхъ кожаныхъ, и людье во ярыцѣхъ" (ib. 540; ср. 510).

[3]) Ibid., 551, 553; 504, 535; 541. Послы отъ имп. Фридриха II, прибывшіе въ 1248 къ Белѣ IV, въ числѣ которыхъ находился „пискупъ Жалошь Пурьскый"— Зальцбурскій („рекомый Сольскый"), съ удивленіемъ смотрѣли на войско Даніила.

[4]) Ibid, 497, 514, 533, 550, 553, 561. Сыновья обыкновенно сопутствовали ему въ походахъ.

[5]) Ibid., 515, 543, 545 („славы хотя"), 546. [6]) Ibid., 525, 531, 558.

[7]) Ibid., 538, 539, 553, 556. Мѣстныя названія также указываютъ на присутствіе въ краѣ литовцевъ и пруссовъ.

[8]) Дашкевичъ, 82, примѣч. [9]) Ипат. лѣт., 570.

[10]) Ипат. л., 545. Ср. Карамзинъ, IV, прим. 102, ст. 34. [11]) Idib., 537; ст. 489.

[12]) Ibid, 567. Дочь онъ выдалъ за сына сузд. кн. Ярослава Всев. Андрея (П. С. Р. л.. I, 202. Ср. Н. П. Дашкевичъ, 77, примѣч.).

[13]) Н. R. M., I, № LXVII. Потомъ онъ владѣлъ Галичемъ, Перемышлемъ, Дрогичиномъ (Ипат. л., 575, 599).

[14]) Ипат. л., 567, 572. [15]) Ibid., 570–574.

Тегака? [1]) владѣлъ Луцкомъ, Дубномъ, Брестомъ, Бельземъ и др. [2]). Наглый убійца Войшелга, Левъ, не пользовался расположеніемъ ни братьевъ, ни населенія, и угождалъ татарамъ [3]), а по смерти Шварна, онъ сближается съ Тройденомъ, представителемъ національной партіи въ Литвѣ и постояннымъ врагомъ Владиміра Вас. [4]). По требованію татаръ (Ногай и Телебуга), всѣ русскіе князья должны были участвовать въ походахъ на Литву, Угрію, Польшу, причемъ на обратномъ пути татары жестоко расправлялись въ Галиціи и на Волыни. Нѣсколько разъ лѣт-цъ настойчиво замѣчаетъ, что въ то время русскіе князья находились „въ неволѣ татарской" [5]).

III.

Спустя нѣсколько лѣтъ по смерти Даніила скончался братъ его Василько (1269). По словамъ лѣт-ца, онъ былъ „великъ умомъ, дерзостью" и много разъ побѣждалъ поганыхъ [6]). Папа почтилъ его титуломъ короля [7]). Впрочемъ, роль его при Даніилѣ была второстепенною. Преемникъ его, Владиміръ отличался болѣе мирными качествами— правдолюбіемъ къ окружающимъ [8]) и миролюбіемъ къ сосѣдямъ [9]). Въ своемъ княжествѣ онъ является строителемъ городовъ (Каменецъ на Лѣснѣ [10]), укрѣпленія Берестья [11]), монастырей и церквей (см. ниже).

[1]) Ср. стр. 545, пр. 8 и Карамз., IV, пр. 102, ст. 33. [2]) Ib., 596-97, 611--613.

[3]) Ibid., 573, 576-577, 578, 581, 592, 593, 599, 611. Впрочемъ мѣстный лѣт-цъ хвалитъ его „мудрость и храбрость" (615).

[4]) Ibid., 574-577.

[5]) Ипат. л., 575, 585, 588, 591. [6]) Ibid 581; ср. 566—о его войскѣ.

[7]) Н. R. M. I, №№ LXVII, LXIX, LXXIV, LXXVI. Даніилъ именовался въ буллахъ Rex Russiae, a Василько Rex Lodomeriae или Laudemeriae. Впрочемъ о титулахъ ср. Грушевскій, III, 560. О бракѣ дочери Василька Ольги, съ кн. Андреемъ, с. Всеволода черниг. и свадебномъ пирѣ (Ипат., л., 563).

[8]) Ипат. л., 574. [9]) Ibid., 586, 596, 599, 605.

[10]) Въ предѣлахъ Галицко-Вол. земли упоминаются три Каменца: на р. Лѣснѣ, иначе К. литовскій (Ип. л. 502—503, 610—13). К. на р. Случѣ (Ип. л., 503, 506; ср. 468), К. Каширскій (Камень, въ с. з. части Волыни, Ип. л., 565, 577; ср. 487-88). Грушевскій (III, 668—669 и др. мнѣнія). Мнѣнія о К. Подольскомъ (Молчановскій, 145-146, примѣч.).

[11]) Ипат., л 608, 610. Въ обоихъ названныхъ городахъ Владиміръ устроилъ каменныя вежи (столпы—башни), выс. до 17 саж., которымъ удивлялисъ современники. Подобныя вежи были въ Холмѣ (559), Городнѣ литов. (Гродно, 579), Люблинѣ польскомъ (599) и Черторыйскѣ (616). Каменецкая башня сохранилась до нашего времени. О вежахъ см. Дашкевичъ (Даніилъ, 92—93), Иловайскій (Сочин. II,

Владиміръ блисталъ при немъ своимъ величіемъ [1]). По выраженію современника, Владиміръ Вас. былъ „великій книжникъ и философъ, какого не было во всей землѣ" [2])—обычная похвала любителямъ книжной мудрости въ устахъ лѣтописцевъ. Отличаясь же храбростью и мужествомъ, онъ не менѣе того славился нѣжностью чувствъ и кротостью нрава [3]). Онъ страстно любилъ охоту, которой предавался даже во время болѣзни [4]). Послѣдніе четыре года Владиміръ болѣлъ тяжкимъ недугомъ (ракъ нижней челюсти), отъ которой и умеръ 10 дек. 1288 г. [5]). Передъ своей кончиной онъ распорядился перелить всѣ драгоцѣнные сосуды и металлическія издѣлія въ гривны и разослалъ ихъ, какъ милостыню, по всей землѣ, а богатыя стада коней раздалъ неимущимъ или потерпѣвшимъ во время похода татаръ [6]), ходившихъ съ Ногаемъ и Телебугой на Венгрію и Польшу (1286—87 [7]). Смерть его оплакивали народъ и иноземцы, купцы и евреи, „какъ во взятіе Іерусалима" [8]).

Будучи бездѣтнымъ и не любя, „за гордость", двоюр. брата Льва и сына его Юрія, Владиміръ передалъ свои владѣнія другому брату Мстиславу Дан., который на первыхъ порахъ проявилъ было су-

---

40—41), Петрушевичъ (Encykl. powsz., V, Chielmskie wiezy), Бобровскій (Гродн. губ., II, 1047—каменец. вежа), Срезневскій (Свѣд. о малоизв. памят., I, 5—10), Хрусцевичъ (Бѣлавин. въ 2 вер. отъ Холма и Столпьенская, Холм. Русь, 44—63, авторъ полагаетъ, что это были охотничьи дворцы князей), П. Ревякинъ (Столпы или вежи подъ г. Холмомъ, Холм. Мѣсяц. 1868, 131—142, съ рисунк.). О столпахъ—вежахъ въ Польшѣ и Венгріи (Ипат. л., 448). Безъ сомнѣнія они имѣли военное назначеніе.

[1]) Ипат. л., 606. [2]) Ibid., 601.

[3]) Ипат. л, 593, 605. Принятіе монашества онъ передаетъ на волю жены, какъ и выдачу замужъ своего пріемыша Изяславы: „не отдать еѣ неволею ни за кого же", говоритъ онъ (593, 595). Владиміръ Вас. б. женатъ на кн. брянской Ольгѣ Романовнѣ (съ 1264), раздѣлявшей съ нимъ его труды (569. 593, 595, 604, 608; Опис. рук. Рум. муз., стр. 312).

[4]) Ипат. л., 596 (ходилъ самъ на вепрей и медвѣдей).

[5]) Ипат. л., 603. Указаніе это подтвердилось, при реставраціи собора во Владимірѣ, находкою черепа въ княжеской могилѣ, поврежденнаго въ нижней части язвою (Арх. Изв. 1898, №№ 9—10, стр. 292—293).

[6]) По словамъ Льва Дан., въ одной Галиціи погибло тогда 12½ тыс. населенія (Ипат. л., 588—589).

[7]) Ibid., 601—602. О времени похода (Карамзинъ, IV, 91). Владиміръ Вас. объявляетъ свое завѣщаніе „при царѣхъ и при его рядцѣхъ" (1287), а распоряженія его требовали утвержденія хана (591—92). См. выше, стр. 545, пр. 1; 549. Завѣщаніе (Ипат. л., 594-596).

[8]) Ibid., 605.

ровость надъ Берестьемъ [1]). Послѣднему удалось, однако, защитить Волынь отъ посягательствъ Юрія Льв., утвердить союзника Владиміра Вас., Конрада мазов., въ Сендомирѣ, пріобрѣсть у литовцевъ Волковыйскъ и укрѣпить Черторыйскъ [2]), но онъ не передалъ власти своему сыну Даніилу [3]). Такимъ обр. Юрій Льв. соединяетъ въ своихъ рукахъ Галицію и Волынь и принимаетъ титулъ „rex Russiae et princeps Ladimeriae [4]); однако легко потерялъ Люблинъ [5]), а изъ-за союза съ Нѣм. орденомъ ему пришлось вступить въ борьбу и съ Литвою. По смерти его (ок. 1308 [6]), Волынь и Галичина достались его сыновьямъ Андрею и Льву († 1322—23), а послѣ него переходятъ къ Юрію II Болеславу (с. сестры ихъ Маріи и мазов. кн. Тройдена [7]), который посадилъ потомъ во Владимірѣ и Луцкѣ Любарта Гед. (жен. на дочери одного изъ Юрьевичей) и рѣшился вступить въ ожесточенную борьбу съ боярствомъ, окончившуюся его отравленіемъ (1340 [8]). Кончина послѣдняго и борьба мелкихъ князей (Изяславичей [9]) уско-

---

[1]) Ипат., лѣт., 593, 611. [2]) Ibid., 612, 614, 616.

[3]) Ibid., 581. Запись его сына Юрія, будто бы княж. въ Холмѣ (Опис. Рум. м., 1376, № CVI, с. 174; ср. Зубрицкій, Ист. Галиц. Рус. кн., III, пр. 219), заподозрѣвается (Грушевскій, III, 190; Лѣтоп. Ист. фил. Общ. при Новорос. ун., IX, 37).

[4]) Карамзинъ, IV, пр. 204; Зубрицкій, Крит. ист. пов., М. 1845, 63—64, пр. 36; Грушевскій, III, 192—193. Вторично былъ жен. на Евфиміи, д. Казимира куявскаго, сес. Локетка, внуч. Конрада мазов. (III, 192) Первая ж.—дочь Ярослава сузд. (Ипат., 583).

[5]) Ипат. л., 529, 571, 586, 598—99; Дашкевичъ, Даніилъ, 70; Андріяшевъ, 199—200; Иловайскій, II, 512; Грушевскій, III, 192. [6]) Грушевскій, III, 194, 560—561.

[7]) О тожествѣ Юрія II и Болеслава (литература, тамъ же, III, 562; Лѣтоп. Ист. фил. Общ., IX, 37).

[8]) Разборъ всѣхъ извѣстій, часто противорѣчивыхъ, объ этихъ отношеніяхъ и событіяхъ (Грушевскій, III, 198—204; 564—568).

[9]) Въ теченіе XI—XIV в. въ предѣлахъ разсмотрѣнной территоріи упоминаются удѣлы: Дорогобужскій (Ипат. лѣт., 144, 176, 179, 181, 275—276, 280, 286, 305, 321, 335, 367, 370—374, 386, 420—422, 426, 428, 485), Луцкій (ib., 179—180, 273—279, 330, 361, 415, 417, 425—26, 428, 482—485, 487, 501, 521, 526, 562, 596—597), Пересопницкій (ib., 275, 281, 284, 289, 297, 308, 330, 335, 501, 530), Городненскій (221, 225, 272, 285, 287, 294—296, 299—300, 301, 365, 426, 452), Берестейскій (181, 220, 223, 321, 365, 383, 483, 490, 501, 524, 560, 576, 577, 580, 583—592, 597, 599—601, 608—614), Бельзскій (445—446, 459, 483, 485, 488, 494, 498, 509, 510, 557, 572, 599, 611—612), Бужскій (ibid., 502, 515), Червенскій (ibid., 361, 384—385, 483, 487, 488, 494, 510, 516, 571, 572, 599), Шумскій (Ипат. л., 485; Лавр., 482 Никон., II, 353). Отъ времени до времени появлялись князья въ Котельничѣ и Полонномъ (ib., 374), въ Понизьи (Мстиславъ Мст. Удалой), въ Кременцѣ, въ Ратнѣ (при литовскомъ влад.). Понизье—поздн. Подолія (Барсовъ, 166); территорія м. Вепремъ и Бугомъ наз. Украйной (Ип. л., 490, 586; ср. 571). Галиція понималась еще какъ часть М. Россіи (I. Киннамъ, Н. Хоніатъ).

рили подчиненіе Галичины (1354) Польшѣ, а Волыни, по смерти Любарта, Витовту. Во второй же половинѣ XIV в. въ Галицко-Волынской землѣ, а затѣмъ и въ Подоліи существовало уже нѣсколько латинскихъ епископскихъ каѳедръ [1]).

IV.

Въ близкихъ отношеніяхъ къ Кіевской и Волынской землямъ находилась Туровская область, населенная дреговичами [2]), городъ которыхъ—Туровъ, встрѣчается весьма рано (980), а въ теченіе XI—XIII вв. упоминается еще нѣсколько городовъ (Пинскъ, Мозырь, Брягинъ, Рогачевъ, Небль, Случескъ, Здитовъ, Черторыйскъ, Рѣчица), отчасти отошедшихъ потомъ къ другимъ, сосѣднимъ княжествамъ. Владиміръ I посадилъ здѣсь Святополка, жен. на дочери Болеслава Храбраго (см. выше, стр. 135),—обстоятельство, имѣвшее значеніе для взаимныхъ отношеній Руси и Польши того времени. Потомъ Туровъ управлялся то посадниками кіевскихъ князей, то князьями, присланными изъ Кіева, пока въ лицѣ Юрія Яросл. (с. Святополка Изяславича) не началась (1157—1167) самостоятельная линія турово-пинскихъ князей [3]). Явнымъ выраженіемъ связи Турова съ Кіевомъ служило и то, что князья его погребались (Святополкъ, 1190, Глѣбъ 1196) въ Михайловскомъ Златов. мон., построенномъ прадѣдомъ ихъ Святополкомъ [4]). Вообще, на событіяхъ въ Туровѣ отражаются кіевскія и волынскія отношенія [5]), а послѣ татарскаго нашествія возвышается Пинскъ [6]). Затѣмъ, подъ давленіемъ Литвы,

[1]) Н. R. M., I, № cxvm; Ак. З. Рос., II, № 148. Ср Н. П. Дашкевичъ (Переговоры папъ съ Даніиломъ); Грушевскій, (Исторія, т. III).

[2]) Ипат. л., сс. 3 и 6. Другубиты—Константина Багр.

[3]) Ипат. л., 356, 370. 374, 426, 428, 452, 466; ср. Лавр. л., 407.

[4]) Ibid, 448, 466. Въ записяхъ о погребеніи видятъ указаніе синодика Мих. мон. (А. С. Грушевскій, 58). О Туров. княж. сжатый, но полный очеркъ въ „Исторіи“ М. С. Грушевскаго (II, 220 - 228); также см. въ предисл. къ соч. Кирилла Тур., изд. И. И. Малышевскаго, и въ моногр. о Туров. княж., А. С. Грушевскаго (см. библіогр.).

[5]) О родствѣ съ волын. князьями (Ип. л., 361).

[6]) Лѣтопись упоминаетъ рядъ пинскихъ князей (Ип. л., 426, 4-2, 502 — 503, 530, 566, 616); замѣч. А. С. Грушевскго (59—60). Какъ полагаютъ, с. Юрія Влад. пинскаго († 1292), Дмитрій, былъ женатъ на волын. кн. Елисаветѣ, за которою получилъ волость съ г. Острогомъ (упом. съ 1100) и сталъ родонач. кн. Острожскихъ (см.

пинскіе князья все болѣе сближаются съ галицко-волынскими и постепенно подчиняются ихъ вліянію и власти. Въ 1248 г. литовцы повоевали всю землю Пинскую [1]), и не разъ на ней отражались событія, происходившія въ Литвѣ [2]); окончательно же литовское владычество утверждается въ Турово-Пинской области со времени Гедимина, когда является она во власти сына его Наримунта [3]).

V.

Судя по находкамъ прекрасной техники X и XI вв., волыняне и древляне далеко не были такъ бѣдны предметами искусства, какъ это можно предполагать по ихъ курганамъ (большія серьги съ филигранью, лунницы, цѣпи, гривны и т. п. [4]). Скандинавскій элементъ въ волынскихъ кладахъ почти совершенно отсутствуетъ, а подѣлки, встрѣчаемыя въ курганахъ, съ одинаковымъ правомъ могутъ быть отнесены и на счетъ востока, и на счетъ запада [5]). Уже на первыхъ страницахъ лѣтописи Волынь является страною земледѣльческою [6]), а въ болѣе трудныя времена хлѣбъ вывозился отсюда въ другія мѣста, между прочимъ въ Литву и Черниговскую область [7]). Не меньшимъ достаткомъ отличались скотоводство [8]) и рыболовство [9]): лѣса доста-

---

о нихъ по синодикамъ Печер. м., Максимовичъ, Соч., I, 166—167). Отъ пинскихъ же князей произошли кн. Дубровицкіе, Святополкъ-Четвертинскіе и др. (Малышевскій, xxxvi).

[1]) Ипат. л., 531. [2]) Ibid., 568—69; Воскрес., 254.

[3]) Лѣтоп., изд. Даниловичемъ, 26; лѣт. Быховца, 17; Антоновичъ (Моногр.), 25; Дашкевичъ, 125; Барбашевъ, Витовтъ. 14; А. Грушевскій, 69.

[4]) О гривнахъ въ издѣліяхъ (Ипат л., 610; ср. 248). Обиліе дорогихъ кладовъ (складовъ) въ средней Европѣ объясняется необходимостью сбереженія ихъ въ смутныя времена и торговыми цѣлями (Нидерле, Человѣч. въ доисторич. времена, 236).

[5]) Подр. см. А. Спицынъ, Разсел. древне-рус. племенъ (Ж. М. Н. Пр. 1899. № 8. сс. 308, 317, 321—322, 325—326). О поляхъ урнъ въ Кіев. обл., на Волыни и у сѣверянъ (Зап. Имп. Арх. Общ. по отд. рус. археол., V, 1901, с. 408). Кургановъ съ трупосожженіемъ какъ на Волыни, такъ и въ Галиціи, найдено весьма мало.

[6]) Ипат. лѣт., 37; Лавр. л., 57.

[7]) Пшеница, просо, жито, рожь (Ипат. л., 441, 491, 521, 523, 580, 599, 613).

[8]) Ibid., 521, 613; ср. Ак. Зап. Россіи, I, №№ 2. 63.

[9]) Въ полов. XII в. галицкіе рыболовы вели торгъ въ подунайскихъ городахъ (Ип. л., 341).

вляли богатый матеріалъ для охоты и торговли мѣхами [1]); а употребленіе кожаныхъ личинъ и коярь для лошадей б. м. указываетъ на кожевенное производство [2]). Въ Галиціи (Удечь и Коломыя) въ изобиліи добывалась соль, доставлявшаяся галицкими и перемышльскими купцами за границу и въ Кіевъ [3]). Благодаря обилію камня, являлась возможность возводить и каменныя постройки (вежи, см. 549—50), а нѣкоторые города носили названія по свойству почвы (три Каменца [4]). Закамень, Кременецъ). Полагаютъ также, что красный шиферъ, встрѣчающійся въ древнихъ постройкахъ Кіева (церкви, Золотыя ворота) доставлялся изъ Овручскаго уѣзда [5]).

Какъ извѣстно, русскія поселенія по Дунаю, Пруту, Днѣстру и Бугу существовали изстари. Залозный путь, ведшій въ Грецію, шелъ

---

[1]) См. выше, стр. 159. Въ прежнее время здѣсь водились: олени, рыси, выдры, черныя куницы (встрѣчаются и теперь), бобры (въ пинскихъ привилеяхъ указывается на богатые бобр. гоны), лоси (рѣдко), туры (ср. р. Турію, Турово болото), и по наст. время водятся: кабаны, серны, медвѣди, волки, лисицы (Ип. лѣт., 480. 528, 550, 599, 613; Лавр. л., 212; Михалонъ Литвинъ, Арх. ист. юрид. свѣд. о Россіи, Калачова, II, 61—63). Слуги перемышльск. еписк. имѣли бобровыя тулы (колчаны) и прилбицы волчьи и барсуковыя (Ипат. л., 528; ср. 381). О прилбицѣ (при-лбица, чахолъ для шлема) см. замѣч. Д. И. Иловайскаго (Сочин., II, 62—63); по другимъ—шлемъ.

[2]) Ипат. л., 510. Даніилъ носилъ сапоги изъ зеленаго сафьяна, шитые золотомъ (ibid., 541).

[3]) Памят. XII в., изд. Яковлевымъ, CLV—CLV. Въ полов. XII число этихъ купцовъ достигало свыше 300 (Ип. лѣт., 358, 525, 550).

[4]) Ипат. л., 578: „и нарече имя ему Каменѣць (на Лѣснѣ) зане бысть земля камена". „И не остася камень на камени въ Берестьи и въ Каменци, и въ Бѣлски" (г. 1289, стр. 612). Мстиславъ Дан. „созда гробницу камену надъ гробомъ бабы своей Романовой", во Владимирѣ (Ипат. л., 616). О выдѣлкѣ каменныхъ плитъ (Памят. XII в., изд. Яковлевымъ, CXXIV—CXXV), пріурочиваемой сюда. Ср. О находкахъ предметовъ камен. вѣка въ Волын. губ. (Тр. III Арх. съѣзда, I, 177—178).

[5]) Овручъ (Вручій), извѣстный по усобицѣ Олега и Ярополка Свят. (977), находился въ постоянной связи съ Кіевомъ, какъ видно изъ событій 1169, 1203. 1207 гг. (см. лѣт.).—Г. О. Оссовскій. „Откуда привозился красный шиферъ, встрѣчаемый какъ въ древнихъ храмахъ, такъ и въ др. памятникахъ Кіева" (Труды III, Арх. с., II, 159—164). Глина наз. „зьдъ" (отсюда зданіе); кирпичъ—„плинтъ" (πλίνθος)—онъ выдѣлывался изъ глины и обжигался (Пам. XII в., 117), а известь изъ рѣчн. камня, по примѣру грековъ (Лербергъ, Изслѣд., 326—27; Аристовъ, 102; Голубинскій, II, 557, прим.). Слово „ванно", взятое изъ греч., означало только краску (Пам. XII в., CLXXVI—VII), а слова „известь" и „кирпичъ" появляются лишь съ XIV в. (Словарь Срезневскаго, с. 1209; Нидерле, 529; ср. П. С. Р. Л., V, 270). О способѣ кладки кирпича въ кіев. постройкахъ (В. Б. Антоновичъ, Публ. лекціи по геологіи и ист. Кіева, К. 1897, с. 72—73). Въ Англію кирпичъ проникаетъ изъ сѣв. Германіи въ XIV в., замѣнивъ постепенно употреблявшійся до того времени мате-

изъ Галиціи по Днѣстру [1]), гдѣ любили хозяйничать извѣстные своими набѣгами *берладники* [2]). Впослѣдствіи здѣсь находимъ галицкихъ промышленниковъ; отсюда же, съ Чернаго м., получались рыба, вино и греческіе товары [3]). Старинныя связи съ Византіей продолжали поддерживаться. Дочь Володаря, плем. Василька, была выдана за греч. ц-ча (1106), сына Алексѣя Комнена [4]). Сынъ его Владимірко и внукъ Ярославъ Осмомыслъ поддерживали союзъ съ Мануиломъ Комн. [5]) и тотъ же Ярославъ принялъ къ себѣ Андроника Комн., с. Исаака, бѣжавшаго отъ преслѣдованій Мануила, и далъ ему въ удѣлъ нѣсколько городовъ. Онъ ѣздилъ на охоту съ Ярославомъ (на зубровъ), присутствовалъ въ его совѣтѣ, жилъ во дворцѣ, обѣдалъ съ княземъ и собиралъ для себя войско. Отпущенный съ честью, по просьбѣ Мануила, онъ возвратился въ Константинополь, по прежнему любилъ охоту и бѣганье въ запуски, а, достигнувъ престола и будучи низверженъ, хотѣлъ снова бѣжать въ Россію, но былъ схваченъ и подвергнутъ мучительной смерти [6]). Мы упоминали что, по просьбѣ имп. Алексѣя III Ангела (с. 543), Романъ Мст., вторгся въ землю половцевъ, которые опустошали Ѳракію, и тѣмъ отвлекъ опасность, грозившую Константинополю [7]). По поводу же предстоявшаго похода велись переговоры, и посольство волын. князя съ Твердятинымъ Остромирицей во главѣ было тогда въ столицѣ Греціи [8]). Благодаря близкимъ связямъ съ Византіей, оттуда получались дорогія матеріи:

ріалъ изъ каменоломень Іоркшира или Нормандіи (Трайль, II, 218, 323—24, 492; ср. еще ниже—о городахъ). Образа Срѣтенія и др. у Даніила изъ Овруча (Ипат. л., 559).

[1]) Ипат. л., 108, 204; ср. Изв. Акад. Наукъ, VIII, 314; Аристовъ, 187.

[2]) Берладь (нын. Бирлатъ), неподалеку отъ ниж. Дуная, служилъ пристанищемъ для бездольныхъ князей, какъ Тмутаракань въ XI в для князей-изгоевъ (Грушевскій, II. 145).

[3]) Ипат. л., 341, 491. О заселеніи окраинъ русскими колонистами (Смѣна народностей въ юж. Руси, Ир. Житецкаго, Кіев. Стар. 1883, VI, 432—34).

[4]) Карамзинъ, II, 85, прим. 209; ср. Ипат. л, 204—205. Какъ полагаютъ, Исаака.

[5]) I. Киннамъ (III, 11; V, 10, 12). О родствѣ Андроника (К. Гротъ, Угрія, 196).

[6]) Никита Хон., Ц. Ман. Комн., IV, 2; Царств. Андроника Комн., II, 11, 12; Ипат. л., 359; ср. Карамзинъ, II, 184—185, прим. 413; Ж. М. Н. Пр., 1897, № 6, стр. 416—418 (замѣтка Х. Лопарева). Въ построенномъ имъ дворцѣ близъ ц. 40 мучениковъ Андроникъ велѣлъ написать картину, изображавшую сцены изъ его прошлой жизни и между прочимъ эпизоды изъ охоты во время пребыванія въ Галичѣ. (Никита Хон., II, 6).

[7]) Никита Хон., Ц. Алексѣя Комн., III, 5, 7; ср. Карамзинъ, III, 66, прим. 108.

[8]) Путеш. новгор. архіеп. Антонія въ Царьградъ, 85—89.

Даніилъ носилъ кожухъ изъ греч. оловира [1]), а Владиміръ Вас. былъ богатъ паволоками, аксамитами, шитыми золотомъ, съ жемчугами, и кружевами. Большой любитель книгъ, онъ и книги велѣлъ отдѣлывать въ оловиръ (см. стр. 154, прим. 1). Вѣроятно оттуда же были привезены ему кованые сосуды и кресты, украшенные драгоцѣнными камнями, пожертвованные имъ въ разныя церкви; а также золотые и серебряные сосуды (блюда, кубки) и мониста, доставшіеся отъ *бабки* и *матери*, которые онъ распорядился передъ смертію перелить въ гривны (см. в., стр. 550). При немъ бывали во Владимірѣ купцы—„сурожане". Вторженіе татаръ затруднило прежнія сношенія съ Византіей (см. 155): такъ, Даніилъ посылалъ (1246) Кирилла для поставленія въ митрополиты въ Константинополь черезъ Венгрію, и король, за выгодную сдѣлку, обѣщалъ проводить его съ честью [2]); а Войшелгъ не могъ дойти до Аѳона (1256—57?) вслѣдствіе мятежей въ тѣхъ странахъ и возвратился съ пути [3]).

На галицкихъ князей смотрѣли въ Руси (Слово о полку) какъ на оплотъ и защиту отъ венгровъ. Между тѣмъ, вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, въ теченіе XII и XIII вв., множество угровъ перебывало въ Галичѣ и на Волыни. Они принимаютъ участіе въ военныхъ дѣлахъ, въ княжескихъ совѣтахъ, въ усобицахъ [4]). Галичъ не разъ доставался въ руки венгровъ (1188—89, 1210, 1214, 1230—34 [5]). Но владычество ихъ оставило печальную память въ русскихъ лѣтописяхъ [6]). Одинъ изъ ихъ воеводъ, Бенедиктъ Лысый (1210, 1216) прозванъ былъ „антихристомъ", а другой—Фильній (Филя, 1219, 1221, 1245)—„прегордымъ" [7]). Съ подобнымъ же характеромъ представляются и отношенія къ Польшѣ, сношенія съ которой то мирныя, то враж-

---

[1]) Ипат лѣт., 541.

[2]) Ibid., 601-604, 609—610. Мониста и украшенія Владиміра Вас. (Чт. въ Общ. Нестора лѣт., II, 98). Константинъ Багр. и Кедринъ свидѣтельствуютъ, что русскіе имѣли обыкновеніе требовать одежды и золото. Вообще греч. издѣлія были распространены въ Галицкой землѣ (Dlugosz, IV, col. 418).

[1]) Ипат. л., 605. [2]) Ibid., 537. [3]) Ibid., 568.

[4]) Ипат. л., 283-285, 287, 310, 481, 484, 488, 490, 50?, 506, 507, 513, 515, 580.

[5]) Ibid., 445—448, 480, 483, 503, 517. Порядокъ въ Галичѣ поддерживался иногда сильнымъ венгерскимъ гарнизономъ.

[6]) Подъ 1189 г. отмѣчено: „въ божницахъ начаша кони ставляти и въ избахъ иная многая насилія дѣяти" (447—48).

[7]) Ibid., 483-484, 489, 492, 533-534.

дебныя, были еще чаще [1]). Еще у Мстислава Изясл. былъ отрядъ, состоявшій изъ поляковъ [2]), а вмѣстѣ съ уграми и поляками въ войскахъ появляются чехи и моравы [3]). Взаимныя нападенія обыкновенно сопровождались выводомъ плѣнныхъ, не смотря на состоявшійся договоръ (1229 [4]); а, по словамъ папы Григорія XI, многіе люди бѣжали изъ Польши въ Русь отъ притѣсненій [5]). Волынскіе и галицкіе князья состояли въ близкихъ родственныхъ связяхъ съ польскимъ [6]) и венгерскимъ домами [7]); но, вслѣдствіе внутреннихъ смутъ и политическихъ отношеній, особенно часто пришлось побывать въ Венгріи и Польшѣ Даніилу съ матерью, братомъ Василькомъ [8]) и сыновьми (1206, 1211, 1235, 1238, 1240, 1247, 1253, 1260, 1262), въ сопровожденіи свиты, а иногда и войска [9]). Брачныя связи венгерскихъ и польскихъ бояръ съ галицкими въ это время стали довольно частыми, о чемъ свидѣтельствуютъ между прочимъ имена, общія Польшѣ и Галичу и неупотребительныя въ остальной Руси [10]). Политическія отношенія къ Венгріи и Польшѣ приводили къ сношеніямъ съ Имперіею, Нѣмецкимъ орденомъ и Литвою [11]).

Политическія связи, въ свою очередь, вели къ извѣстнымъ культурнымъ вліяніямъ, начиная съ матеріальныхъ условій быта до болѣе

---

[1]) Ibid., 311, 330, 332, 341, 357, 365, 384, 389, 445, 461—63, 481—486, 488, 492—494, 503, 507, 516, 529, 531—35, 538, 572, 582, 584, 586.

[2]) Dlugosz, ap. a. 1159, col. 499.

[3]) Ипат. л., 488; Никон. л., II, 318. Владиміръ галицкій, посылая помощь Льву, отправилъ съ войскомъ силезца Кафилата, какъ видно, въ качествѣ нач. отряда (Ип. л., 582).

[4]) Ипат. л., 505, 572, 582, 584. Въ 1286 г. множество челяди захвачено было подъ Люблиномъ (586).

[5]) Hist. Rus mon., I, 32.

[6]) Ibid., 182, 445, 482, 538; П. С. Р. лѣт., 300; II, Dlugosz, 302; Андріяшевъ, 112, 116, 143, 145; Линниченко (Взаим. отнош.), 66 и д., Бобржинскій (I, passim); ср. выше, стр., 145—146; Грушевскій, III, 665—66.

[7]) Ипат. л., 283, 332, 480, 482, 487, 499; П. С. Р. лѣт., II, 300; ср. Карамзинъ, II, 146—148; прим. 328, 333. См. выше, с. 145—146; К. Гротъ (библіогр.).

[8]) Романъ Мст. воспитывался при дворѣ своего дяди по матери кн. Казиміра Справедливаго, и былъ потомъ сыну его Лешку Бѣлому „вмѣсто отца". Даніилъ жилъ въ малолѣтствѣ у дяди Лешка, а потомъ у Андрея II, венг. короля, а мать его съ сыномъ Василькомъ—въ Польшѣ (Ип. л., 492—93; ср. Погодинъ, VI, 291).

[9]) Ипат. л., 481—84, 487, 522, 530, 516, 562, 566.

[10]) Ср. Линниченко, 51, 67—71. [11]) Ипат. лѣт., 448, 547.

Поэтому, говоря о вступленіи на престолъ Мстислава Дан., лѣт-цъ замѣчаетъ: „мир держа с околными сторонами, с Ляхами, Нѣмцами и Литвою" (613).

широкихъ—въ области искусства [1]) и религіозной терпимости. Возвратившись изъ Венгріи, мать Владиміра Мстисл. (1155) привезла съ собою много товаровъ, подаренныхъ ей королемъ [2]); а, заботясь о своей конницѣ, князья получали изъ Венгріи хорошихъ коней—„скакуновъ и иноходцевъ" (фари, см. выше, с. 138, пр. 3), извѣстныхъ еще Святославу [3]); но борзые кони получались и съ востока [4]). Близость къ западу и политическія отношенія должны были оказывать вліяніе на торговыя связи. Такъ, въ 1188 г., Фридрихъ саксонскій освободилъ отъ пошлинъ, въ числѣ другихъ народовъ, русскихъ купцовъ [5]). Какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и въ грамотѣ Леопольда австрійскаго (1190), о взаимной торговлѣ русскихъ и нѣмцевъ, скорѣе всего могли имѣться въ виду купцы изъ Галиціи [6]). Если въ X в. русскіе купцы посѣщали Прагу (Ибнъ-Якубъ), то вполнѣ естественно, что въ XIII и XIV вв. торговыя сношенія галичанъ съ чехами должны были значительно расшириться. Такъ, въ письмѣ корол. Кунгуты, ж. Оттокара II (назв. дочерью русскаго кн. Ростислава), упоминается о дѣлѣ опавскаго купца, который ок. 1270 г. подвергся разграбленію въ Галичѣ; а въ 1350 г. чешскіе купцы жаловались имп. Карлу IV на краковскихъ мѣщанъ, затруднявшихъ имъ торговлю съ Русью и Пруссіей, какъ на нарушеніе древняго обычая и имперскихъ правъ [7]). Одновременно съ тѣмъ встрѣчаемъ въ Галичѣ торнскихъ купцовъ [8]), которымъ кн. Андреемъ Юр. съ 1320 г. предоставлена была свобода безпошлинной торговли сукнами и др. товарами, *какъ было при отцѣ*

---

[1]) Обращаясь къ князьямъ Роману и Мстиславу, авторъ „Слова о полку Игоревѣ" говоритъ: „суть у ваю желѣзныи папорози подъ *шеломы латиньскими*"; а, обращаясь къ тремъ Мстиславичамъ, онъ восклицаетъ: „кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкыи и щиты".

[2]) Ипат. л., 332—333

[3]) Ипат. лѣт., 44, 288, 491—92, 493, 507, 541.

[4]) У кн. Мстислава Мст. былъ борзый конь актазъ (498), подаренный имъ зятю Даніилу, въ числѣ другихъ дорогихъ даровъ. „Актазъ", потюркски актá,—меринъ (Словарь Срезневскаго, I, 13).

[5]) Погодинъ, III, 267; Бестужевъ-Рюминъ, Исторія, 261. Въ Галичѣ одни ворота назывались „нѣмецкими" (Ипат. л., 518).

[6]) Sartorius. II, 9., Аристовъ, 234. Названіе „цеберъ", какъ мѣры сыпучихъ тѣлъ, въ грам. Мстислава Дан. (Ипат. л., 613), считаютъ занесеннымъ нѣмец. колонистами (М. Грушевскій, III, 96); но оно могло быть усвоено и отъ поляковъ.

[7]) Ferd Tadra, Kulturni styky Čech, Pr. 1897, с. 41. 119—150; А. Ясинскій, Чешск. свид. XIV в. о рус. метал. производствѣ (Сборн. Учено-литер. общ. при Юрьев. ун., I. 9—10).

[8]) Въ одномъ актѣ 1350 г. упом. о торно-владимирской дорогѣ.

его, а послѣ того Гедиминовичи, княжившіе на Волыни, не хотѣли пропускать купцовъ изъ Польши и Германіи, на востокъ, чтобы удержать складъ товаровъ во Владимирѣ, Луцкѣ и Львовѣ, какъ было *изстари*. О торговлѣ галичанъ и подольцевъ въ Молдавіи, Бессарабіи и Венгріи можно заключать на основаніи грамоты, данной купцамъ молдавскимъ господаремъ въ 1407 г. [1]). Брестъ литов. и Дрогичинъ служили важнѣйшими торговыми пунктами, связывавшими Торнъ и Данцигъ съ Галичиной и Волынью. Послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется и находка многочисленныхъ пломбъ близъ Дрогичина въ 1864 г., съ обозначеніемъ торговыхъ знаковъ, бывшихъ въ употребленіи въ средніе вѣка; а документы Данцигскаго и др. архивовъ подтверждаютъ существованіе торговыхъ связей Данцига съ сѣв. зап. и юж. Русью въ XIII—XV вв. Главными предметами вывоза отсюда служили лѣсъ и лѣсныя произведенія, поташъ (въ Кенигсбергъ), хлѣбъ, пряжа и пенька. Изъ-за границы же вѣроятно доставлялись матеріи, сукна, соленая рыба, пряности и т. п., привозившіяся въ Литву, Львовъ и др. мѣста, между прочимъ изъ Нюренберга (черезъ Пруссію), соперничавшаго съ Ганзою, которая постоянно мѣшала его торговымъ операціямъ [2]). Еще недавно найдено было нѣсколько именныхъ печатей близъ Галича, Самбора и въ Звенигородѣ, относящихся къ періоду XII—XIV вв. [3]).

Построивъ Холмъ, Даніилъ галицкій призывалъ для его заселенія русскихъ, нѣмцевъ, поляковъ и другихъ иноземцевъ; а изъ Орды онъ принималъ всѣхъ бѣглыхъ плѣнныхъ, особенно же мастеровъ какъ-то сѣдельниковъ, лучниковъ, тульниковъ, кузнецовъ, занимавшихся выдѣлкою желѣза, мѣди и серебра [4]). При возведеніи новыхъ храмовъ (въ Холмѣ), Даніилъ пользовался услугами опытнаго архитектора („хитреца“), который утвердилъ своды („комары, καμάραι“) на четырехъ изваянныхъ человѣческихъ головахъ (въ ц. Іоанна Злат.),

---

[1]) Акты Зап. Россіи, I, № 21; Supplem. ad hist. Rus. monum., №№ xII, xxvIII. Ср. Соловьевъ, IV, 258. Послѣдующіе акты обыкновенно ссылаются на прецеденты: „какъ изъ вѣка пошло“ (Arch. Sang., 1; Stecki, 37).

[2]) По поводу дрогичин. древностей. Къ исторіи торг. сношеній Ганзы съ зап. и юж. Русью, И. В. Лучицкаго (Чт. въ Общ. Нестора лѣт., VI, 73—104).

[3]) Зап. Тов. Шевченка, 1899, т. V—VI; 1900 г., т. VI, зам. М. С. Грушевскаго; Кіев. Стар., 1899, № 5, с. 110—112; № 12, с. 145—146.

[4]) „И бѣ жизнь, и наполниша дворы, окрестъ града, поле и села“ (Ипат. лѣт., 558). Батый велѣлъ пропустить западныхъ купцовъ черезъ южную Русь (Плано-Карпини, по изданію Языкова, 215—217).

окна украсилъ „римскими стеклами", передъ алтаремъ воздвигъ два столпа изъ цѣльнаго камня, отдѣлалъ верхъ золотыми звѣздами на лазуревомъ фонѣ, внутренній помостъ слилъ изъ мѣди и чистаго олова, а двое дверей украсилъ галицкимъ бѣлымъ и холмскимъ зеленымъ камнемъ, выписаннымъ и отдѣланнымъ узорами„ хитрецомъ Авдіемъ", съ рельефными изображеніями Спаса и св. Іоанна. Образа для храма были принесены изъ Кіева; а колокола отсюда же и частью слиты на мѣстѣ. Колонны въ цц. Козмы и Даміана и Димитрія сдѣланы были изъ камня, привезеннаго издалека. Кромѣ того Даніилъ поставилъ посреди Холма каменную вежу, высотою въ 15 локтей, вырылъ колодезь глубиною въ 35 саж., развелъ прекрасный садъ, устроилъ за версту отъ города каменный столпъ съ *двуглавымъ орломъ* высотою въ 12 локтей. Большая часть этихъ построекъ сдѣлалась жертвою пламени въ 1255 г. (?). Церковь Богородицы, построенная послѣ того, была украшена образами „чудной живописи"; а передъ царскими вратами—поставлена чаша изъ краснаго мрамора съ змѣиными головами вокругъ нея, принесенная изъ Венгріи и служившая для крещенія [1]).

Благосостояніе Волынской земли было обязано дѣятельности Владиміра Васильковича. Въ его землѣ пользовались покровительствомъ

[1]) Ibid., 557—560. О г. Холмѣ см. Андріяшевъ, 91; Соч. Иловайскаго, II, 32—40; Грушевскій, III, 17—20, 425—428. Стекла, раскрашенныя живописью, входятъ въ употребленіе въ Германіи къ к. X вѣка (Куглеръ, Ист. искусства, I, 375 — 376)· а распространіе ихъ стоитъ въ связи (XII—XIII вв.) съ готическимъ стилемъ оконъ (М. Карьеръ, Искусство въ связи съ развитіемъ культуры, III, 567; ср. еще замѣтку гр. А. С. Уварова о холмскихъ постройкахъ въ Соч. Иловайскаго, II, 41—42). Введеніе въ Вестминстер. аббатствѣ разноцвѣтныхъ стеколъ и фресокъ въ XIII в. (подъ вліяніемъ Франціи) вызвало удивленіе англичанъ и лѣтописцевъ того времени (Трайль, I, 408—410; II, 46; ср. 220, 345, 495). Нѣмец. монахъ Ѳеофилъ (кодексъ XII в. „Theophili presbyteri diversarum artium schedula") хвалитъ русскихъ за отдѣлку предметовъ чернью и приготовленіе цвѣтныхъ стеколъ, коему они, по предположенію, выучились у грековъ (И. Снегиревъ, Памятн. Москов. древн., М. 1842, стр. x — xi). Только ваяніе, достигшее и въ Германіи расцвѣта въ XIII в., не могло, по религіознымъ причинамъ, получить широкаго примѣненія въ церковномъ задчествѣ Россіи (Любке, Ист. пластики, 302—305). Подъ „камнемъ зеленымъ холмскимъ" слѣдуетъ разумѣть серпентинъ (змѣевикъ), который изобилуетъ въ Чехіи и Саксоніи, или діоритъ, часто попадающійся въ южной Руси. „Прилѣпы отъ всѣхъ шаровъ и злата"—вѣроятно образныя украшенія, расписанныя шаровыми красками и вызолоченныя, чтó указываетъ на употребленіе полихроміи. Описаніе крестильницы или купели, украшенной снаружи символическими изображеніями („змѣевы главы бѣша вкругъ ея"), соотвѣтствуетъ каменнымъ купелямъ романскаго стиля, которыя встрѣчаются почти во всѣхъ древнихъ церквахъ (гр. А. С. Уваровъ). Часть построекъ была возобновлена Даніиломъ.

новгородцы, сурожане, нѣмцы и евреи, очевидно ведшіе здѣсь торговлю и оплакивавшіе князя по случаю смерти [1]). Нѣмцы занимали на столько видное положеніе, что были приглашаемы вмѣстѣ съ боярами и гражданами для выслушанія распоряженій князя [2]). Въ 1232 г., король венгерскій Андрей II, увидавъ Владиміръ, воскликнулъ: „такого города я не находилъ и въ нѣмецкихъ земляхъ“ [3]); но при Владимірѣ Вас. городъ значительно возвысился и украсился („величествомъ аки вѣнцемъ обложенъ“), а его церковныя постройки славились на западѣ и превосходили всѣ извѣстныя въ сѣверныхъ странахъ [4]). При Василькѣ Романовичѣ и Владимірѣ Вас. прославился, какъ строитель городовъ, „хитрецъ“ Алексѣй, построившій между прочимъ Каменецъ на Лѣснѣ. Во Владимірѣ, Бѣльскѣ, Каменцѣ, Перемышлѣ, Луцкѣ, Любомлѣ, Берестьѣ, Владиміръ построилъ церкви,

---

[1]) Ибнъ-Хордадбе замѣтилъ о евреяхъ: „они говорятъ поперсидски, погречески, поарабски, пофранцузски, поиспански и пославянски и ѣздятъ съ запада на востокъ по водѣ и сушѣ“ (Гаркави, 48; Нидерле, 583).

[2]) Ibid., 596, 605. Въ полов. XII в. упоминаются на службѣ въ Луцкѣ нѣмцы (272). Въ 1268 г. нѣмецъ Марколтъ угощалъ князей во Владимірѣ—Василька, Льва, Войшелга—обѣдомъ (573). Это было передъ уб. Войшелга. Ср. Стрыйковскій, I, 305. Пл. Карпини сообщаетъ о радушномъ пріемѣ, оказанномъ ему Даніиломъ и Василькомъ

[3]) Ипат. лѣт., 510 (подъ 1231 г.).

[4]) Ibid., 606. Во Владимірѣ упоминаются двое воротъ—Гридшины и Кіевскія (Ипат. лѣт., 334). Описаніе города (Андріяшевъ, 54—57). Объ его обширности (Дашкевичъ, 94). Впрочемъ, въ 1259 г., по требованію татаръ, укрѣпленія его были разрушены. Необходимо имѣть въ виду, что не только въ X в., особенно на сѣверѣ Германіи (Куглеръ, I, 361, 403. 451--452; II, 55), но даже въ нач. XIII в. строительный матеріалъ состоялъ преимущественно изъ дерева, глины, соломы и тростника и только мало-по-малу уступилъ мѣсто болѣе прочному матеріалу—кирпичу и камню. Вообще до XIV в. города въ З. Европѣ были невзрачны и тѣсны. Изъ камня или кирпича строились лишь храмы, общественныя зданія, монетные дворы, и только съ XIV в. подобныя постройки распространяются на частные дома, а въ XV в. ихъ было возведено уже очень много, хотя улицы все еще были кривыя и узкія, а жилища тѣсныя. Въ нѣкоторыхъ городахъ не существовало ремеслъ и вообще они не отличались населенностью. По Domesday Book въ 80 городахъ Англіи населеніе не доходило до 200000 чел. Въ XIV в. въ Англіи насчитывалось $1^1/_2$—2 мил. чел. (Трайль, I, 222, 238, 363, 438); а въ Германіи многіе города (Франкфуртъ на М., Майнцъ, Гейдельбергъ, Дрезденъ и т. п.) имѣли населеніе 5—10000 чел. (Бюхеръ, Лампрехтъ, Шмоллеръ, Гюльманнъ, т. IV). Въ Польшѣ, въ XIII в., города были деревянные съ соломенными крышами и даже на каменныхъ церквахъ крыши бывали деревянныя (Ип. л., 564; ср. 590). Поэтому нѣкоторые полагаютъ, что до нѣмецкаго права въ Польшѣ городомъ называлась обыкновенно деревня большого объема, построенная вокругъ замка и обнесенная рвомъ или деревяннымъ тыномъ (Tzschoppe, Urkundenbuch, 100). Ср. замѣч. очевидца о позднѣйшихъ (нач. XIX в.) польскихъ городахъ (Р. Стар. 1902, № 2. с. 238).

а существовавшія надѣлилъ драгоцѣнными сосудами и книгами (см. выше, с. 556[1]).

Раздѣляя всѣ предпріятія брата, Василько не разъ побывалъ за границею. Владиміръ, по западному обычаю[2], стригъ бороду[3]. Онъ употреблялъ дорогое французское сукно — *скарлатъ*, краснаго цвѣта[4]), стоимость котораго видна изъ того, что кусокъ его въ 5 локтей пошелъ въ счетъ платы за купленное княземъ село Березовичи[5]). Мстиславъ Даниловичъ дарилъ Конрада Семовитовича „конями красными въ дивныхъ сѣдлахъ, дорогими портами и иными дарами" [6]). Любимое мѣстопребываніе его—Гай (предмѣстье Луцка) было прекрасно устроено, а хоромы и церковь, воздвигнутыя здѣсь, отличались изящною отдѣлкою[7]).

Заслуживаетъ вниманія недавняя находка клада въ восточной Галиціи (у с. Демидова, часть с. Молотова), состоявшая изъ 15 украшеній и 65 монетъ. Въ числѣ предметовъ въ немъ находились браслеты и серьги, по типу соотвѣтствующіе украшеніямъ княжеской эпохи болѣе ранняго времени, найденнымъ въ кладахъ Кіева и Чернигова, и три перстня съ надписями, служившіе печатями. Кладъ этотъ является выраженіемъ вліянія византійскаго искусства, долго имѣвшаго значеніе въ районѣ юго-западной Руси, но свидѣтельствуетъ

---

[1]) Ипат. лѣт., 601—602. У князей были значительныя богатства въ золотѣ и серебрѣ. Василько Рост. далъ большой выкупъ ляхамъ за Володаря серебромъ (1122 г.. въ Густ. л., 20000 грив. сер., по польск. изв., взятымъ у Длугоша, годъ 1121); Володимірко далъ Всеволоду Ольг. за трудъ 1400 грив. сер (1144); Ярославъ галицкій за помощь ляхамъ заплатилъ 3000 грив. сер. (1174) и т. д. Въ это время (1204) дружина стала наряжать своихъ женъ вмѣсто серебра въ золото (ср. Аристовъ, 127, 131). Съ городовъ нерѣдко брались значительныя суммы серебромъ (Ипат. л., 289). Подарки, получаемые королями въ то время, обыкновенно состояли изъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, утвари, стекляныхъ сосудовъ, издѣлій изъ кости и т. п. (Вейсъ, II, ч. 2, стр. 332). Приборъ золотой и серебряной посуды имп. Фридриха II († 1250) не превышалъ цѣнностью своею тысячи марокъ, а все количество серебра и золота, коимъ уставленъ былъ столъ при коронованіи Вячеслава II чеш. (1297). цѣнилось въ 6000 марокъ (384). Въ Базелѣ, въ нач. XV в., было всего 13 лицъ, располагавшихъ имуществомъ до 10000 гульд. и т. п.

[2]) Рыцарство и почетнѣйшіе граждане съ к. XII в. почти до конца XIV, съ малыми исключеніями, брили бороду (Вейсъ, Внѣшній бытъ, II, ч. 2, стр. 202—203; ср. 415; III, ч. 1, 51; Hüllmann, IV, 146; Трайль, I, 461—462).

[3]) Ипат. лѣт., 605. Остричь насильно бороду считалось обидою (Погодинъ, VI, 232); а русскихъ поляки обзывали „великими бородами" (Ип. л., 534).

[4]) Аристовъ—о цѣнѣ сукна (156, 204, 305); но это не мѣшало ему спать на соломѣ (Ип. л., 600).

[5]) Ипат. лѣт., 595. [6]) Ипат. лѣт., 598. [7]) Ипат. лѣт., 597.

и о связяхъ съ Западомъ. Такъ, монеты его состоятъ изъ большихъ и малыхъ чешскихъ грошей Вячеслава II, 1278—1305 гг., и Іоанна Люксембургскаго, 1311—1346 гг. [1]). По всѣмъ даннымъ, можно заключать, что въ Волынской и Галицкой землѣ имѣла мѣсто общерусская монета того времени и гривенная система. Кромѣ того, были въ употребленіи монеты восточныя и западныя, вслѣдствіе значительныхъ торговыхъ сношеній, чешскіе гроши (съ XIII в.), имѣвшіе широкое распространеніе, и польскіе гроши, и только съ полов. XIV в., при польскомъ владычествѣ, стали бить серебряную и мѣдную монету для Галицкой Руси, а во Львовѣ появляется монетный дворъ [2]).

Уже въ 1287 г. указываютъ на существованіе войтовъ во Львовѣ Владимірѣ и Луцкѣ [3]), и есть основаніе полагать, что еще князья Рюриковичи давали городамъ и деревнямъ нѣмецкое право „со всею властью и юрисдикціею тевтонскою“ [4]). При Владимірѣ Васильковичѣ прочно утвердились на Волыни евреи и, какъ самое названіе ихъ (жиды) показываетъ [5]), они перешли сюда изъ Польши. Съ половины XIV в. они жили во многихъ городахъ Галиціи и Волыни [6]). Въ то же время появляются здѣсь (во Львовѣ) и армяне, которые успѣваютъ захватить всю восточную торговлю въ свои руки, а иногда

---

[1]) Молотівське срібло, съ рисунками, М. Грушевскаго (Зап. Тов. Шевченка, 1898, т. V (XXV); 1899, V—VI. Ср. также Кіев. Стар. 1899, №№ 5—6, с. 110—12; № 12, с. 145—146. Недавно найденный кладъ въ Кіево-печерской лаврѣ, состоящій изъ татарскихъ и чешскихъ монетъ XIII—XIV вв., подтверждаетъ торговыя связи южной Россіи того времени съ Западомъ и Востокомъ (Кіевлянинъ 1902, №№ 59 и 86).

[2]) O monetach halicko-ruskich, prz. x. Jana Stupnickiego (Bibliot. Ossolińskich, pocz. nowy, VII, 1865, str. 64—173; Монеты, чекан. польск. корол. для Галицкой Руси въ XIV и XV вв., В. А. Улянницкаго (Труды Москов. Нумизмат. общ., I-й полутомъ. М. 1873); ср. Шодуаръ, Обозр. русскихъ денегъ, II, 338.

[3]) Зубрицкій, Ист. Галичско-Русскаго княж., III, 254. Грамоты и печати послѣднихъ галицко-волынскихъ князей—латинскія (Грушевскій, III, 96).

[4]) Владимірскій-Будановъ, Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ (Ж. М. Н Пр., 1868, № 8, стр. 471—472). Основываясь на документахъ Данц. архива, Гиршъ замѣчаетъ, что многочисленные городки на З. Бугѣ и Наревѣ имѣли городовое устройство по образцу нѣмецкихъ городовъ въ Силезіи (Danzigs-Handels und Gewerbsgeschichte, Leipz. 1858, S. 188—189).

[5]) Ипат. лѣт., 605.

[6]) Ир. Житецкій: Евреи въ южной Россіи (К. Стар. 1901, № 1, с. 63—65), О названіи г. Жидичина (Андріяшевъ, 63). Въ львовскихъ магистрат. книгахъ к. XIV в. они являются въ роли ростовщиковъ, а позже въ Холмѣ появляются—доктора и еврейск. госпиталь (Линниченко, Черты изъ исторіи сословій въ Ю. З. Руси 232—234).

служатъ толмачами въ сношеніяхъ русскихъ съ турками и др. восточными народами [1]). Потомъ они имѣли свою отдѣльную епархію. Въ Луцкѣ у нихъ была своя церковь—св. Стефана, а у евреевъ синагога, по архитектурѣ относящаяся къ XIV в. [2]).

VI.

Учрежденіе епархіи на Волыни относится ко времени Владиміра I (992), первымъ епископомъ которой былъ Стефанъ I [3]); за нимъ же слѣдовали: Стефанъ II (упом. 1091 г.; † 1094), намѣченный самимъ Ѳеодосіемъ въ игумены печерскіе, основатель Кловскаго мон. въ Кіевѣ [4]); Амфилохій (1105—1122 [5]); Симеонъ (1123—1136 [6]): Ѳеодоръ скопецъ (1137—), вѣроятно грекъ, въ числѣ другихъ протествовавшій (1147) противъ поставленія въ митр. Климента [7]). Спустя нѣк. время упоминаются: Іоасафъ (1223, 1229), взятый изъ Святогорскаго мон. (см. ниже), извѣстный своей жизнью („блаженный и преподобный") и потому выставленный одной изъ партій въ Новгородѣ въ кандидаты на архіепископскій престолъ [8]); Василій, взятый изъ того же мон-ря; Никифоръ Станило, бывшій слуга волынск. князя Василька Роман., Козма называемый лѣтописцемъ „кроткимъ и смиреннымъ" [9]), Маркъ (1287 [10]), Евсигній, участвовавшій въ переговорахъ, по порученію Владиміра Васильк., съ двоюрод. братомъ его Мстиславомъ Дан., въ благословеніи на престолъ этого послѣдняго и въ переговорахъ, по его порученію, съ его братомъ Львомъ Дан. (1287, 1288, 1289 [11]); Аѳанасій, принимавшій участіе (1331) въ посвященіи новгор.

---

[1]) Линниченко (ibid., 232; Чтен. въ Общ. Нестора лѣт., IX, 240—248); Зубрицкій, Крит. ист. пов. Галицкой Руси, 153—156.

[2]) Stecki, Luck, 211, 219; Андріяшевъ, 65; А. Перлштейнъ (Времен. Общ. ист., кн. IX).

[3]) Макарій, I, 25—29, прим. 41; Голубинскій, I, 291; Никон. лѣт., I, 105.

[4]) Лавр. лѣт, 204, 219, 273; Ипат. л., 147, 148, 158, 188; житіе Ѳеодосія.

[5]) Ипат. лѣт., 185, 206; Лавр. л., 270, 278; П. С. Р. Л., III, 3; II, 292; VII, 20, 25.

[6]) Ипат. л., 206; Лавр., 278, 289; VII, 25, 31.

[7]) Лавр. л., 289; Ипат. л., 241; VII, 30, 39

[8]) Ипат. л., 294; Лавр, 484; III, 45; IV, 29*; V, 173*.

[9]) Всѣ три упоминаются только какъ современники кн. Василька Роман. († 1269). Ипат. л., 494.

[10]) Ипат. лѣт., 592. [11]) Ипат. л., 593, 596, 604, 608.

архіеп. Василія и погребеніи м. Θеогноста († 1354 [1]). Въ XIV в. называютъ еще двухъ епископовъ: Іону (1359 — 1388) и Аθанасія II (1388—1391 [2]). Въ 1405 г. м. Кипріанъ поставилъ во Владимиръ епископомъ свящ. Іоанна Гоголя [3]).

Есть извѣстіе, что при Владимірѣ Васильковичѣ существовала Луцкая епископія [4]). Въ XIV в. здѣсь были епископы: Θеодосій, участвовавшій въ погребеніи м. Петра (1326) и избраніи еписк. владим. Аθанасія и галиц. Θеодора (1328 [5]); Трифонъ, возведенный въ санъ епископа въ дек. 1331 и участвовавшій въ избраніи черниг. еп. Іоанна (1335 [6]), Арсеній и Климентъ, упоминаемые въ княженіе Любарта Гед [7]), Іоаннъ, успѣвшій захватить (1391—98?) галицкую митрополію, и Θеодоръ, отправившійся въ Москву съ м. Кипріаномъ, гдѣ и умеръ [8]). По нѣкоторымъ извѣстіямъ въ первой полов. XII в. [9]), а по другимъ въ первой четв. XIII в. (1220 [10]) учреждена была епархія въ Перемышлѣ. Во всякомъ случаѣ епископы въ ней извѣстны только съ XIII в. Это были: Антоній (1220—1225), переведенный изъ Новгорода [11]), безыменный (1241 [12]), Мемнонъ (1288 [13]), отпра-

---

[1]) П. С. Р лѣт., III. 75; IV, 55; V, 219; VII, 217; XVI, 67; Никон., IV, 157, 158. Онъ рукоположенъ былъ м. Θеогностомъ въ 1328 г. (Записи о поставл. русск. епископовъ по рук. Ватик. арх., Ж. М. Н. Пр. 1888, № 2. с. 450 - 452). Съ его же именемъ соединяеться поставленіе въ игумены Сергія Радон. (П. С. Р. лѣт., VI, 121; XI, 131—136).

[2]) О. И. Левицкій, Ист. опис. Владим. волын. Успен. храма, 126—128; Н. И. Теодоровичъ, Г. Владимиръ, Волын. губ., 39 и дал.

[3]) П. С. Р. лѣт., VIII, 77.

[4]) Ипат. л., 609. Одни принимаютъ это свидѣтельство (Филаретъ, Ист. рус. ц., изд. 6-е, 267); другіе относятъ возникновеніе ея къ болѣе позднему времени—1326 г. (Чистовичъ, Очеркъ исторіи Зап. рус. церкви, I, 7). Впрочемъ есть указаніе (Бартошевичъ) и на болѣе раннее ея существованіе (см. у А. М. Андріяшева, 63—64).

[5]) П. С. Р. лѣт., VII. 200; Карамз. IV, пр. 283; Ж. М. Н. Пр. 1888. № 2, стр. 450—52.

[6]) Ж. М. Н. Пр. (ibid.).

[7]) Archivum Sang., I, str. 1; Stecki, Luck, 40—41.

[8]) П. С. Р. лѣт., VIII, 71; Рус. Ист. библ., изд. Арх. ком., VI, 035, 039, 042, 043—45; Протог. Конст. патр. (Ж. М. Н. Пр. 1847, LIV, 158—159); Макарій, IV, 79—83.

[9]) Татищевъ (см. Карамзинъ, II, прим. 381; ср. Чистовичъ, I, 7—о возстановленіи въ XIII в.).

[10]) Голубинскій, I, 789; Макарій, III, прим. 47.

[11]) П. С. Р. Л., III, 37, 42, 180, 219; IV, 28.

[12]) П. С. Р. Л., II, 180; Ипат. л., 527.

[13]) П. С. Р. Л., II, 218; Ипат. л., 600.

влявшій посольство отъ кн. Льва Дан. къ кн. Владиміру Вас., чтобы выпросить для перваго Берестье.

Къ половинѣ XII в. относится начало Галицкой епископіи: здѣсь упоминаются еписк. Козма (1157 г. [1]), Артемій (1235, 1241 [2]), Ѳеодоръ (1331), участвовавшій при поставленія во Владимирѣ волынскомъ новгор. архіеп. Василія [3]), Антоній (ок. 1370 г., см. ниже). Даніилъ Романовичъ основалъ было епархію въ Угровскѣ, единственнымъ епископомъ которой былъ Іоасафъ, старавшійся захватить митрополію въ Кіевѣ, но, потерпѣвши неудачу, лишился своего стола, послѣ чего епархія была переведена въ любимый Даніиломъ г. Холмъ [4]), а первымъ епископомъ ея былъ Іоаннъ, взятый изъ владимирскаго соборнаго клира (1223, 1259, 1260, 1261 [5]). Въ 1374 г. еписк. холмскимъ и бельзскимъ, по одной записи, называется Каллистъ [6]).

Въ началѣ XIV в., въ лицѣ одного изъ послѣднихъ Даниловичей, Юрія Львовича, возникаетъ стремленіе къ образованію отдѣльной Галицкой митрополіи, въ которую входили бы епархіи Владимирская, Перемышльская, Луцкая, Холмская и Туровская. Надежды эти тогда же оправдались и въ числѣ первыхъ митрополитовъ ея былъ между прочимъ, Петръ (1303), переселившійся отсюда (1309) въ Москву (первымъ называютъ Нифонта, а третьимъ Гавріила, правленіе коихъ нѣкоторыми заподозривается). Позже здѣсь мы встрѣчаемъ мм. Ѳеодора, намѣченнаго Петромъ въ свои преемники (1331—1336?), Антонія (1361), поставленнаго по настоянію кор. Казимира В., и Іоанна (изъ луц. епи-

---

[1]) Воскр., VII, 66; упомин. также въ 1165 г. (Ипат., 359; VII, 78).

[2]) Ипат. л., 527, 528; ср П. С. Р. л., II, 175, 180. Недавно близъ Галича найдены три оловянныя печати, изъ нихъ одна съ именемъ Ѳеодосія, а двѣ съ изобр. Богородицы и І. Хр. и греческою надписью, гласящею: „М. Божія сохрани меня Косму еп. галицкаго“ (Зап. Тов. Шевч. 1900, VI, с. 1—4: „Печатки з околиць Галича“, со снимк., М. Грушевскаго; ср. Кіев. Стар. 1900, № 5). Нѣсколько именъ епископовъ въ Галичѣ и Перемышлѣ XIII и XIV вв. упоминается въ галицкихъ грамотахъ, признаваемыхъ подложными (Чистовичъ, I, 7—8).

[3]) П. С. Р. Л., III, 75; IV, 52; V, 219; ср. Зубрицкій, III, 253.

[4]) Ипат. лѣт., 494; П. С. Р. л., II, 163. Въ Указателѣ къ русск. лѣтоп., изд. Арх. ком. (I, 451), напрасно онъ смѣшивается съ Іоасафомъ, еп. владим.-волынскимъ. Нравственная характеристика послѣдняго, сдѣланная лѣтописцемъ, не дозволяетъ принять такого толкованія текста.

[5]) Ипат. лѣт., 494, 559, 560, 562. О другихъ (Теодоровичъ, Г. Влад. Вол., 25).

[6]) Опис. рукоп. Рум. муз., 174.

скоповъ), получившаго престолъ при поддержкѣ кор. Ягайла. Онъ сохранилъ свою власть до к. XIV в. [1]).

Патрональными храмами на Волыни были: во Владимирѣ—Успенія Богородицы, основанный Владиміромъ I (дерев.), освященный при Ярославѣ I (1039 [2]), вновь отстроенный (камен.) и расширенный Мстиславомъ Изясл., пострадавшій въ 1240 г. [3]) и вновь украшенный при Владимірѣ Вас. [4]), гдѣ и погребались князья [5]); въ Луцкѣ—св. Василія (?) но князья его погребались иногда въ Кіевѣ [6]); въ Галичѣ—соборъ Богородицы [7]), съ усыпальницей князей [8]); въ Холмѣ, созданномъ Даніиломъ, того же имени, не уступавшій лучшимъ храмамъ, украшенный княземъ и еп. Іоанномъ, гдѣ похоронены самъ Даніилъ и другіе члены его семьи [9]); въ Перемышлѣ — св. Іоанна [10]). Кромѣ того упоминаются церкви: во Владимирѣ—св. Василія, осн., по преданію, Владиміромъ I; св. Димитрія, расписанная и украшенная Владиміромъ Вас. [11]), Николая Мѵрликійскаго [12]); близъ Луцка, въ любимомъ загородномъ мѣстопребываніи Мстислава Дан.—Гаѣ, красивая дворцовая церковь [13]):

---

[1]) Вопросъ о Галицкой митрополіи, заключающій въ себѣ не мало сомнѣній, имѣетъ свою литературу (см. ниже).

[2]) Ипат. л., 108; упомин. 482, 494, 574. Развалины его сохранялись до позднѣйшаго времени, когда онъ былъ реставрированъ.

[3]) Ипат. л., 381, 523; Никон, IX, 229. [4]) Ипат. л. 609.

[5]) Здѣсь погребены: Мстиславъ Изясл. (ib., 381), Всеволодъ Мст. (459), Елена ж. Василька (570), Василько Ром. (574), Владиміръ Вас. (604) и, быть можетъ, Романъ Мст. (Длугошъ, VI, 599). По словамъ Длугоша, онъ былъ похороненъ сперва въ Сендомирѣ, а затѣмъ рус. вельможами перенесенъ во Владимирь. По рус. лѣт. (Лавр, 405; Никон., II. 292)—въ Галичѣ, въ ц. Богородицы. Жена его—погребена во Владимирѣ, въ мон.? (Ипат. л. 616). Повидимому она была венг. княжна и носила имя Анны (Погодинъ, VI, 296; Грушевскій, Ш, 118, 665). Ср. О. Левицкій, 29, 32.

[6]) „Преставися кн. Изяславъ Мст. Меньшій . . . . . и положиша тѣло его во св. Ѳеодорѣ, близъ отня гроба" (Ипат. л., 464). Къ XIV в. относится постр. соб. св. Іоанна съ владычнимъ дворомъ - дѣло Любарта (Н. П. Батюшковъ, Волынь, 24).

[7]) Лавр. л., 405; Ипат. л., 518. Въ ней сажали на княж. столъ (486).

[8]) Владиміръ Володаревичъ (Ипат. л., 319—320; П. С. Р. л., II, 302, ср. 321); Ярославъ Осмомыслъ (Ипат. л., 441).

[9]) Ипат. л., 560, 570, 571—572 (Шварнъ), 600 (Романъ Дан. и др.); 590 (Михаилъ Юр). Ср. Грушевскій (Ш, 557—58).

[10]) Ibid., 601. Здѣсь похор. Володарь Рост. (П. С. Р. л., II, 292).

[11]) Ипат. л., 608.

[12]) Ibid., 516. Въ предмѣстьѣ Владимира, с. Зимнѣ, указываютъ ц. Успенія, построеніе которой относятъ ко времени Владиміра I (Иловайскій, II, 23; Памятн стар. въ Зап. губ., в. I).

[13]) Ипат. л., 597. Въ нач. XV в. въ Луцкѣ было 15 цц., извѣстныхъ изъ другихъ источниковъ (Андріяшевъ, 64—65). Съ Любарта Луцкъ сталъ столицею Волыни.

въ Городнѣ—каменная ц., сгорѣвшая отъ молніи въ 1184 г.[1]); въ Берестьѣ ц. св. Петра, построеннвя и великолѣпно отдѣланная Владиміромъ Вас.[2]); въ Мельникѣ—ц. Богородицы съ образомъ Спаса, пользовавшимся почитаніемъ[3]); въ Бѣльскѣ—церковь, надѣленная образами и книгами Владиміромъ Вас; въ Каменцѣ на Лѣснѣ—ц. Благовѣщенія; въ Любомлѣ (любимое мѣстопребываніе того же князя во время охоты, гдѣ онъ и умеръ)—ц. св. Георгія, постр. и украшенная имъ же[4]); въ Галичѣ--ц. Спаса, повидимому дворцовая[5]); ц. св. Пантелеймона, представляющая соединеніе византійскаго стиля съ западной орнаментикой[6]); близъ Галича (въ Крылосѣ)—ц. Успенія[7]); въ Василевѣ галиц.—Благовѣщенія[8]); въ Грубешевѣ и Жидичинѣ—цц. св. Николая (послѣд. пользовалась почитаніемъ у Даніила, б. м. монастырь[9]); въ Дрогичинѣ—Богородицы[10]); въ Холмѣ—св. Іоанна Злат., постр. Даніиломъ въ знакъ особеннаго почитанія къ этому святому[11]). Кромѣ того, онъ здѣсь построилъ цц. Троицкую и Козмодаміанскую и вообще заботился о городѣ, желая въ немъ утвердиться[12]).

Въ ж. Ѳеодосія Печерскаго упоминается Святогорскій мон. (Рождественскій), близъ Владимира, поддерживавшій связи съ Печерскимъ[13]), откуда нерѣдко брались епископы, вѣроятно изъ бывшихъ игуменовъ[14]). Въ 1268 г. упом. Михайловскій м.[15]), въ стѣнахъ котораго палъ и погребенъ Войшелгъ (см. стр. 549). Близъ Турійска находился м. св. Апостоловъ, основанный („свой") и надѣленный Владиміромъ Вас.[16]); въ окрестностяхъ Шумска—м. св. Симеона[17]); на р. Ратѣ

---

[1]) Ипат. л., 428. 484. [2]) Ibid., 610. [3]) Ibid., 560 [4]) Ibid., 603—609; ср. 604.

[5]) Ипат. л., 319.

[6]) Ист. изв. о ц. св. Пант-на, А. Петрушевича, Льв. 1881: Грушевскій, III, 96.

[7]) Карамзинъ, I, пр. 529; IV, 103, пр. 203.

[8]) Ипат. л., 511, 608. Въ постройкѣ церквей выдерживался кіев. стиль (Грушевскій, III, 424—25).

[9]) Ibid., 501, 550. Древняя Жидичинская архимандрія на Волыни, А. Маневича (Волын. Еп. Вѣд. 1899, №№ 22—24).

[10]) Ibid., 524. [11]) Ibid., 548, 558. [12]) Ibid., 559.

[13]) Здѣсь на пути изъ Кон-ля ум. Варлаамъ, быв. игум. Печер. м., а потомъ Дмитріевскаго (Пам. XII в., изд. Яковлевымъ, xix, xxvii). Святог. м. не имѣетъ ничего общаго съ Загоровскимъ (Голубинскій, I, 629; ср Н. Теодоровичъ, 167—177).

[14]) Ипат. л., 494. Пр. Филаретъ полагаетъ, что подъ Святог. м. разумѣется Аѳонская гора (Ист. р. ц., 267); но это невѣрно (Грушевскій, III, 16).

[15]) Ипат. л., 673. Еще указываютъ на Св. горѣ—Предтеч. жен. мон., устр. Мстиславомъ Влад. (Батюшковъ, Памятники, II).

[16]) Ипат. лѣт., 595. 609; ср. Андріяшевъ, 58. [17]) Ипат. лѣт., 511.

Ратенскій м., основанный игум. Петромъ, будущимъ митр-мъ [1]); въ Галичѣ—Іоанновскій (упом. 1189), въ которомъ былъ погребенъ сынъ Ивана Берладника—Ростиславъ [2]); Лелесовъ, близъ Галича, упом. въ 1210 г. [3]); Синеволодскій Богородичный, близъ г. Стрыя (сел. Синевускъ), въ 1240 [4]); Даниловскій—въ Угровскѣ, (подъ 1268 г., въ которомъ Войшелгъ облекся въ монашескія одежды [5]); наконецъ, въ г. Полонинѣ, бл. Галича, упом. подъ 1262 г. (1255—56) мон., прославленный жизнію своего основателя Григорія, у котораго три года прожилъ Войшелгъ литовскій, принявшій крещеніе послѣ совершенныхъ имъ неистовствъ и вызывавшій потомъ его въ Даниловъ м., когда, послѣ убіенія отца, Миндовга, и утвержденія на престолѣ, онъ жестоко расправился съ виновниками (1263 г.) и своими врагами, а затѣмъ вторично облекся въ монашеское платье и искалъ утѣшенія у своего наставника [6]). О Владимірѣ Вас. лѣт-цъ выражается вообще, что онъ „много монастырей создалъ" [7]). Волынскіе и галицкіе м-ри поддерживали связь съ Печерскимъ м. въ Кіевѣ [8]).

При Владимірѣ I появляется епархія въ Туровѣ [9]), а первымъ епископомъ ея называютъ Ѳому (1005); но вообще списокъ туровскихъ епископовъ можетъ быть установленъ [10]) лишь предположительно (Симеонъ, Игнатій, Іоакимъ [11]), Георгій [12]), Кириллъ—извѣстный пропо-

---

[1]) Степен. книга, 412 - 414. Ср. Шараневичъ, Изслѣд. на поли отеч. геогр., 87 (нын. уроч. Петрова долина, по народн. преданію); Макарій, IV, 169—170

[2]) Ипат. л., 447.

[3]) Ibid., 487. О немъ и его хозяйств. условіяхъ (Грушевскій, Ш, 101—102, 106, 108—110, 670).

[4]) Ипат. лѣт., 523. [5]) Ипат. лѣт., 573.

[6]) Ипат. л., 567—68, 573; ср. Голубинскій, 496—97, 630.

[7]) Ипат. л., 605. [8]) Ипат. л., 559, 604.

[9]) Лавр. лѣт., 276; ср. Чт. въ Общ. ист. и древ. рос. 1846, № 4 (Ундольскій, Іосифъ Тризна, ред. Печер. Патерика, съ перечисл. городовъ Туров. еп., с. 4); Малышевскій, Творенія Кирилла Тур., XLII—XLIII; Голубинскій, I, 291.

[10]) Слово о Мартинѣ мнисѣ туровскомъ (Макарій, Ш, примѣч. 44; Малышевскій, прилож. 295), относ. къ к. XV или нач. XVI в. (LII). Онъ служилъ поваромъ у четырехъ еп-повъ, а потомъ принялъ монашество.

[11]) Ипат. л., 225 (г. 1143). Въ 1146 г. выведенъ въ Кіевъ вм. съ посадн. Жирославомъ Ивановичемъ, во время распри Изяслава Мст. съ дядей Вячеславомъ; владѣвшимъ Туровомъ (234—235; Лавр. л., 298). Въ 1147 г. онъ участвовалъ въ поставленіи Климента Смол. въ м-ты.

[12]) Современникъ кн. Ярослава, втораго сына Юрія Яр., родоноч. Туровопинскихъ князей, упомин. въ лѣтописи (1183) какъ кн. пинскій (Ипат. л., 426); Малышевскій, LIV.

вѣдникъ [1]), Лаврентій [2]), послѣ котораго извѣстій о туровской еп. мы не встрѣчаемъ до 1345 г., за исключеніемъ позднихъ синодиковъ, не дающихъ точныхъ хронологическихъ свѣдѣній. Въ 1390 г. пришелъ въ Туровъ еп. Ѳеодосій, поставленный патріархомъ [3]). Въ Туровѣ находились м-ри: Бориса и Глѣба [4]), служившій б. м. усыпальницей епископовъ, и Николаевскій [5]).

VI.

Политическія и общественныя условія Гал. Вол. области благопріятствовали развитію письменности. Такимъ образомъ до насъ дошло не мало мѣстныхъ памятниковъ. Сюда относятся: галицкія Ев. 1144. 1164 (пис. попомъ Добриломъ [6]): выголексинскій Сборникъ XII—XIII в. (жж. Нифонта и Ѳеодора Студита); Ирмолой, XII—XIII в., галицкое Ев. 1266—1301 г., Ев. XIII—XIV.: Пандекты Антіоха 1307; Евангеліе 1329; Ев. XIV в., холмское, луцкое; Ев. XIV в., перемышльское; Прологъ 1406 г., бѣльскій; Ев. 1411 г., каменецкое; Псалтирь 1472, пис. во Владимирѣ, Четья 1482, пис. въ Каменцѣ [7]): Толковое евангеліе 1493 г., пис. во Львовѣ; Четвероевангеліе галичское, к. XV в.; списокъ сборника Святослава Яр. 1073 г., к. XV в., найд. въ Перемышлѣ; Сборникъ XV в. съ переводомъ хрон. I. Малалы; Сборникъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, нач. XV в.;

---

[1]) Около 1169—82 г. Послѣдніе годы жилъ на покоѣ, ум. въ к. XII в. (Голубинскій, I, 560. 657).

[2]) Упом. въ лѣтописи подъ 1182 г. (Ипат., 424), принималъ участіе въ поставленіи игум. Печер. м. Василія и въ немъ же видятъ того затворника, который, не будучи допущенъ до этого подвига, перешелъ въ Дмитр. мон. (Пам. XII в., LXXXV, XC). Кириллъ и Лаврентій признаны были святыми (Малышевскій, LXXV—LXXVI; Св. Лаврентій еп. туров., Ѳ. Ѳ. Серно-Соловьевича. Истор. замѣтка, Мин. Еп. Вѣд. 1896, № 3). Къ XIII в. относятъ проложное ж. Кирилла Туровскаго (Обзоръ литер. Филарета, 66 Макарій, III, пр. 44: Н. Барсуковъ, Агіографія, 308).

[3]) П. С. Р. лѣт., VII, 60; Никон., IV, 193.

[4]) Слово Мартина; ср. Голубинскій, 561. [5]) Малышевскій, LXXIV.

[6]) Галицкое четвероевангеліе 1144 г. Архим. Амфилохія, Спб. 1885, 4°. Евангеліе это (иначе Крылосское) представляетъ попытку перевода на русскій языкъ (см. Матер. для исторіи письменъ, Ѳ. Буслаева стр. 11; Голубинскій, II, 288, прим.).

[7]) Она списана съ болѣе древняго галицко-волынскаго оригинала (А. И. Соболевскій, Очерки изъ исторіи рус. языка, 72, 88; Срезневскій, Памятн. языка, 304; Зап. русская Четья 1489 г. съ прилож. ж. Бориса и Глѣба, М. Карпинскаго, Рус. Фил. Вѣстн. 1889 и отд.).

Номоканонъ XV в., хран. во Львовѣ [1]). Церковныя постройки Даніила и Владиміра Васильковича вызывали потребность въ книгахъ. Послѣдній изъ нихъ былъ „великій книжникъ“: разумѣлъ хорошо древнюю исторію („древняя и задняя“), притчи и много бесѣдовалъ отъ книгъ съ епископомъ [2]). Вновь построенныя и украшенныя имъ церкви онъ снабжалъ книгами въ дорогихъ окладахъ, а живопись на образахъ и переплетахъ книгъ отдѣлывалъ финифтью [3]). Въ монастырь св. Апостоловъ онъ далъ собственноручно списанное Евангеліе и „Сборникъ великій“ своего отца; въ перемышльскую епископію—самъ списалъ Евангеліе: въ церковь св. Георгія далъ Апостолъ, Прологъ, Минею, Тріодь, Октоихъ, Ермолой и другія служебныя книги и купилъ молитвенникъ, за который заплатилъ 8 грив. кунъ. Кромѣ того, онъ послалъ въ Черниговъ Евангеліе апракосъ, писанное золотомъ и роскошно отдѣланное [4]). По его распоряженію, списаны были полное житіе Димитрія Солунскаго и Кормчая книга, представляющая списокъ съ Кормчей, присланной въ 1262 г. м. Кириллу, съ толкованіями Зонары [5]). Вѣроятно по его распоряженію переведены были „Бесѣды“ Григорія Двоеслова о жизни святыхъ, указывающія на близость сноше-

---

[1]) Владиміровъ, Южно-и западно-русскія рукописи (Чт. въ Общ. Нестора лѣт., IV); Г. Воскресенскій, Характ. черты слав. перевода Евангелія и пр. (Чт. въ Общ. ист. 1896, I, сс. 11, 34, 37, 38, 40, 45, 254). Въ обоихъ изслѣдованіяхъ указана и литература спорныхъ вопросовъ: Краткій отчетъ о занятіяхъ за гран. въ 1893 и 94 гг., П. А. Сырку—о перемышльск. Еванг. XIV в. и львов. Апостолѣ XII—XIII вв. (Изв. Импер. Акад. наукъ, II, № 5, 1895); Двѣ замѣчательныя рукописи XIII в. (галицко-волын.), А. И. Соболевскаго (Чтен. въ Общ. Нестора лѣт., кн. XII, 1-10). О путяхъ проникновенія славянскихъ книгъ въ древней Руси, Ягича (см. Сборн. Акад. наукъ, XXXIII, 71-72). Болѣе позднія рукописи въ ст. Г. К. Богуславскаго: Волынскія рукоп. евангелія и апостолы, съ таблиц. заставокъ (Труды IX-го Арх. съѣзда, II, 277—307).

[2]) Ibid., 601. „Глаголаше ясно отъ книгъ, зане бысть философъ великъ“ (605).

[3]) Ипат. лѣт., 609. Финифть вошла въ употребленіе изъ Византіи и стала замѣнять рельефныя изображенія. Въ Германіи это искусство распространилось въ періодъ XI--XIII в. (Вейсъ, II, ч. 2, с. 348; Куглеръ, I, 428-429). Ср. Исторія и памятники византійской эмали. Изд. Звенигородскаго (текстъ Н. П. Кондакова), Спб. 1892.

[4]) Ипат. лѣт., 608—610; П. С. Р. Л., II, 219, 222-223. См. выше (стр. 490). Ср. описаніе Евангеліарія съ богатыми картинами и дорогимъ окладомъ, заказан. импер. Генрихомъ II (Куглеръ, I, 418—419).

[5]) Волынская Кормчая 1286 г., переписанная по заказу Владиміра Вас. и жены его Ольги Романовны, имѣетъ отличія отъ владимирскаго и рязанскаго списковъ (Опис. рукоп. Синод. библ.; Срезневскій, Памят. письм., 139, 147; Малоизвѣстн. памятн., II, 147—176; Опис. Румянц. музея, 312). Въ записи сообщается о поѣздкѣ князя къ хану Ногаю и болѣзни княгини, удержавшей ее во Владимирѣ.

ній Волыни съ Западомъ. Служившіе при дворѣ князя старались подражать ему въ книголюбіи. Такъ, до насъ дошелъ списокъ поученій Ефрема Сирина, написанный для княжескаго тіуна Петра [1]). Вообще, интересъ къ письменности въ Галицко-Волынской землѣ былъ довольно развитъ. Одинъ галицкій священникъ переписалъ книгу Судей для венгерскаго монаха Юліана (послѣ 1247) и сообщилъ ему свѣдѣнія о татарахъ [2]) Другимъ священникомъ переписана была книга Еванг. чтеній при вел. кн. Львѣ Дан. († 1301) и сынѣ его Юріѣ бельзскомъ [3]). Впрочемъ, древнѣйшіе памятники галицко-волынской письменности или утратились во время смутъ [4]), постигавшихъ такъ часто этотъ край въ XIII и XIV стол., или унесены были въ сѣв. вост. предѣлы Россіи [5]).

Благодаря благопріятнымъ условіямъ, Волынь могла выставить такого дѣятеля, какъ м. Петръ, по поводу котораго м. Кипріанъ въ его житіи говоритъ: „Тогда же была въ чести и времени земля Волынская, превосходящая всякимъ изобиліемъ и славою“ [6]). Въ нач. XIII в. славился въ Галичѣ премудрый Тимоѳей, родомъ изъ Кіева, вызвавшій противъ себя гоненіе венгерскаго правителя Бенедикта за обличенія его деспотизма [7]). У Владиміра Вас. былъ писецъ Ѳедорецъ, писавшій ему грамоты [8]); у Даніила — печатникъ Кириллъ [9]);

---

[1]) Свѣд. о малоизв. памятн., I, 37—50. Книга эта переписана „мастеромъ Іовомъ“, т. е. лицомъ спеціально занимавшимся перепиской книгъ.

[2]) D-r Dudik, Iter Romanum, I, 335. Есть указанія, что архіепископъ Петръ, удалившійся изъ Россіи отъ опасностей, сообщилъ на Западѣ извѣстія о татарахъ, которыя приводятся англ. лѣтописцемъ Матвѣемъ Парижскимъ въ его Chronica maiora an. 1244; а также въ Annales de Burton; ср. замѣч. Филарета, Обзоръ, 62—64; Срезневскій, 99, 112—113; Андріяшевъ, 195. 205. Оба они (Петръ и переводчикъ книги Судей) ссылаются на изв. мѣсто Меѳодія Патарскаго. Однако соотвѣтственнаго по времени епископа съ именемъ Петра нѣтъ. По этому нѣкоторые видятъ въ немъ католическаго епископа, находившагося въ одномъ изъ южно-рус. городовъ или православ. еп. внѣ предѣловъ Руси (см. разныя мнѣнія у Дашкевича Даніилъ Галицкій, 135—136; Переговоры папъ, Унив. Изв. 1884, № 8, стр. 146—154).

[3]) Срезневскій, Памятники, 158.

[4]) Нападенія татаръ въ 1240 и 1260 гг., сопровождавшіяся разрушеніемъ городовъ, пожаръ Холма и т. п., не могли остаться безслѣдными для письменности (Ипат. л., 524, 557, 562).

[5]) Калужняцкій, Обз. слав. рус. памятниковъ, хран. въ Львов. библ. и архивахъ (Труды III Арх. с., II, 280).

[6]) Степен. книга, 413. [7]) Ипат. л., 483. [8]) Ibid., 594.

[9]) Ibid., 526. По поводу извѣстій Татищева о школахъ см. сводъ мнѣній у М. С. Грушевскаго (III, 646—647).

но еще большей извѣстностью пользовался славный пѣвецъ Митуса (Дмитрій), не хотѣвшій подчиниться требованіямъ Даніила (см. выше, стр. 266) и, очевидно, принадлежавшій къ дружинникамъ, свободно переходившимъ отъ одного князя къ другому [1]). Во всякомъ случаѣ здѣсь, благодаря общественнымъ условіямъ, долѣе удержался типъ подобнаго пѣвца. Сношенія Галича съ Византіей въ XII в. нашли отраженіе въ былинахъ о Дюкѣ и Михаилѣ Казарянинѣ [2]); а борьба Романа Мст. съ князьями, Польшей и Литвою—ближайшее выраженіе въ народномъ эпосѣ—былинахъ и пѣсняхъ [3]). Въ обрывкѣ повѣствованія о Романѣ Мст. (1201) мѣстный лѣтописецъ, повидимому сохранилъ черты, заимствованныя изъ такого же поэтическаго „слова“ [4]). Длугошъ (подъ 1209 г.) въ разсказѣ о побѣдѣ Мстислава Удалого надъ уграми и изгнаніи ихъ изъ Галича, приводитъ отрывокъ пѣсни, сложенной въ честь его, и онъ же свидѣтельствуетъ, что еще въ его время (XV в.) пѣлись пѣсни (въ Польшѣ) о пораженіи Романа (ср. выше, с. 266, прим.). Послѣ побѣдъ Даніила и Василька надъ ятвягами пѣлись въ честь ихъ пѣсни [5]); а въ пѣсняхъ о Дунаѣ нѣкоторые усматриваютъ отголоски лѣтописнаго повѣствованія о воеводѣ волын. князя Владиміра Вас.—Дунаѣ, извѣстномъ своими походами на Польшу [6]). Въ другомъ мѣстѣ лѣт-цъ съ очевиднымъ участіемъ раз-

[1]) Ibid., 528. Соловьевъ полагаетъ, что онъ находился въ службѣ „крамольнаго перемышльскаго епископа, имѣвшаго свой отрядъ слугъ, хорошо вооруженныхъ, и стоявшаго за интересы Ростислава Мих.“ (ibid., 527—528; Соловьевъ, IV, 382). Максимовичъ прямо дѣлаетъ его церковнымъ пѣвчимъ (Основа 1861, № 6; Сочин., т. II, 129 - 130). Костомаровъ считаетъ его поэтомъ (Грушевскій, III, 441—442); Иловайскій утверждаетъ, что онъ служилъ тогда Ростиславу Мих. и попался въ плѣнъ вмѣстѣ съ слугами (въ отрядѣ) владыки (Исторія, II, 558 и Сочин., II, 370, съ настойчивостью, что это былъ придворный княж. поэтъ-дружинникъ). Грушевскій склоняется къ мнѣнію Максимовича (III, 79, 441, 646). Поступокъ съ нимъ напоминаетъ подобныя же отношенія къ пѣвцамъ на Западѣ (Трайль, I, 467).

[2]) См. сообщ. В. Θ. Миллера (Арх. Изв. 1895, №№ 2—3, с. 70; Виз. Врем. 1895, III, 495—96).

[3]) Ждановъ, Былевой эпосъ (492 - 514 и дал.); Живая Старина 1890, кн. I и II. Весенняя игра—пѣсня Воротаръ и пѣсни о кн. Романѣ, Н. И. Коробки (Изв. Ак. Н. по отд. рус. яз. и слов. 1899, II, 589—610, о связи съ поздн. обычаями).

[4]) Ипат. л., 480; ср. 540. Лѣтописецъ отмѣчаетъ половецкія пѣсни и называетъ „гудца Ореву“ (ibid.).

[5]) Ibid., 540.

[6]) Ипат. л., 585—86, 598—99. Ср. В. Θ. Миллеръ: „Галицко-волынскіе отголоски въ современныхъ былинахъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1896, № 6). Напомнимъ здѣсь мнѣніе А. С. Петрушевича, который автора „Слова о полку Игоревѣ“ считаетъ

сказываетъ, какъ два воина изъ полка того же князя, бояр. сынъ Рахъ Мих. и Прусинъ, „сотворили дѣло, достойное памяти", вступивъ въ открытый бой: Прусинъ съѣхался съ Болеславомъ мазовецкимъ и тутъ былъ убитъ, а Рахъ убилъ знатнаго боярина Болеслава, но и самъ принялъ такой же конецъ, „оставивъ по себѣ славу до послѣдняго вѣка", прибавляетъ лѣтописецъ [1]). Западные обычаи не могли пройти безслѣдно для мѣстнаго наблюдателя, связаннаго съ ними многочисленными отношеніями [2]).

Близкія связи съ Западомъ значительно смягчали отношенія въ религіозному вопросу. Мы знаемъ, что м. Никифоръ предостерегалъ Ярослава Святоп. (нач. XII в.) волынскаго отъ сближенія съ католиками (см. стр. 229); но Романъ дѣлаетъ пожертвованія въ католическій монастырь (стр. 543, пр.). Когда же Даніилъ колебался по поводу предложенія венгерскаго короля выдать свою дочь за его сына, то Василько

выходцемъ изъ галицкой Руси, отправившимся вмѣстѣ съ доч. Ярослава Влад. Евфросиніею (въ замуж. за Игоремъ сѣвер.) ко двору сѣверскаго князя, что́ онъ подтверждаетъ знакомствомъ автора „Слова" съ политикою и отношеніями галицкаго кн. Ярослава къ сосѣднимъ державамъ, мѣстными особенностями (упом. о Плесненскѣ), плачемъ Ярославны и рельефнымъ изображеніемъ степей, поразившихъ автора своимъ контрастомъ съ предкарпатской природой (Литер. сборн., изд. Галицко-русской Мат., подъ ред. Б. Дѣдицкаго, В. I, 1886; ср. Кіев. Стар., XVI, 728 - 730).

[1]) Ипат. л., 585. Въ былинахъ Волынь и Галицкая земля представляются странами несмѣтнаго богатства.

[2]) Быть можетъ сюда же слѣдуетъ отнести оригинальное мѣсто въ Переясл. сузд. лѣтописи (Врем. Общ. ист., IX, с. 3), порицающее латинянъ за рыцарское служеніе женщинамъ: „Начали къ чужимъ женамъ мысли держати и предстояти предъ дѣвами и женами, службы содѣвающи и знамя носити ихъ (т. е. ихъ девизы и цвѣта), а своихъ женъ нелюбити, и начаша пристрояти собѣ *кошюли, а не срачицы*, и межиножие показывати, *кротополи носити*, и яки гваръ (шумъ) въ ноговице створяше, образъ килы имуще, и не стыдашеся отънинуду яко скомраси". Мѣсто это представляетъ позднѣйшую вставку (Буслаевъ, II, 336). Описаніе же одежды указываетъ на измѣненія въ ней, происшедшія не ранѣе XIII в., а можетъ быть даже въ XIV в. въ средней Европѣ (Вейсъ, т. II, ч. 2, стр. 415—416; т. III, ч. I. 136—138). Нѣкоторыя видятъ въ приведенномъ мѣстѣ указаніе на латино-польское вліяніе въ предѣлахъ Кіевской земли послѣ того, какъ она вошла въ составъ вел. кн. Литовскаго (Н. М. Бережковъ, Еще нѣск. словъ о лѣт-цѣ Переяславля сузд.. 13; см. Сборн. Истор. фил. Общ. при Инст. кн. Безбор., т. III); но такъ какъ сборникъ (XV в.), въ которомъ помѣщена означ. лѣтопись, принадлежитъ западной Руси (Владиміровъ, Чт. въ Общ. Нест. лѣт., IV. 121—122) и, кромѣ того, въ немъ находится еще классическое мѣсто, кас. литовской миѳологіи, то можно заключать, что данныя эти скорѣе относятся къ болѣе западному краю, какова Галицко-Волынская земля.

рѣшительно сказалъ ему: „ступай къ нему, вѣдь онъ христіанинъ“, и Даніилъ поступилъ такъ [1]). Лѣтописецъ выражаетъ уваженіе къ дѣятелямъ католической церкви (св. Елисавета-Кинга, д. Андрея II), къ христіанскимъ добродѣтелямъ политическихъ дѣятелей католическаго міра (Болеславъ V Стыдливый), къ святынямъ въ Краковѣ [2]), а одна изъ русскихъ княженъ (дочь или сестра Льва Дан.), Святослава, поступаетъ (1302) въ католическій мон-рь, основанный въ 1279 г. въ Новомъ Сандечѣ, ея своячен., угорской королевной Кингой, ж. Болеслава V [3]). Въ эпоху подчиненія Руси Польшѣ (XIV—XV в.) понятіе христіанинъ (католикъ) и русскій стали уже строго различаться [4]) и обличенія духовенства противъ латинянъ (см. выше, с. 229) пріобрѣтаютъ свое основаніе, пока введеніе церковной уніи не вызвало болѣе ожесточенныя отношенія, не прекращавшіяся до позднѣйшаго времени. Въ 1367 г. во Львовѣ возникаетъ армянское епископство (съ XVII в. архіепископство) и вотъ въ это время появляются статьи противъ ученія армянъ. Въ 1452 г. Даніилъ, владиміро-волынскій епис-

---

[1]) Ипат. лѣт., 537. [2]) Ипат. лѣт., 484, 581.

[3]) Monum. Pol., II, 853, 879; III, 188—189; Карамзинъ, III, прим. 176; Грушевскій, III, 97, 508, 532. Кунгута (Кинга)—сестра Констанціи (см. выше, стр. 548).

[4]) Линниченко, Черты изъ исторіи сословій Ю. З. Руси, 87—89.

Памятникомъ весьма близкихъ культурныхъ и церковныхъ связей между южной Россіей и Западомъ (ср. выше, стр. 136—137) служитъ и такъ наз. Трирская псалтирь, находящаяся въ ризн. собора небольшаго итальянскаго городка Чивидале, близъ Тріеста, возбудившая большое вниманіе среди западныхъ и русскихъ ученыхъ. Она заключаетъ м. прочимъ 5 визант. рус. миніатюръ, изъ которыхъ двѣ съ изображеніемъ русскаго князя (славян. надпись: „Ярополкъ“). Нѣмецкіе издатели описанія ставятъ ихъ въ связь съ современ. русск. миніатюрами и въ частности съ миніат. Остромирова Евангелія и Святославова Сборника. По мнѣнію русскихъ ученыхъ (Кондаковъ) въ нихъ выдержанъ византійскій стиль, что̀ предполагаетъ исполнителемъ грека или хорошаго ученика греч. каллиграфа. Особеннаго вниманія заслуживаетъ костюмъ и головной уборъ князя на миніат., изображающей вѣнчаніе на княженіе. Корона на князѣ и др. орнаменты—не императорскіе. Полагаютъ, что Псалтирь принадлежала Гертрудѣ, кор-нѣ польской, предполагаемой первой женѣ вел. князя Изяслава Яр., разведшейся съ мужемъ и такимъ образомъ Ярополкъ является не младшимъ (какъ въ лѣтописи), а старшимъ сыномъ, откуда и объясняется притязаніе его на велико-княж. престолъ, не увѣнчавшееся успѣхомъ, по причинѣ смерти (см. выше, стр. 540). Если эти предположенія имѣютъ основаніе, то означенная сцена могла быть воспроизведена по повелѣнію матери князя, на основаніи буллъ папы. Рукопись, пис. на пергаменѣ, заключаетъ въ себѣ молитвы и псалмы, а также церковный календарь, въ которомъ записаны имена умершихъ лицъ, между которыми встрѣчаются имена поляковъ, чеховъ, венгерцевъ и

копъ, даетъ клятвенное обѣщаніе не имѣть никакого общенія съ латинами и армянами и не позволять вступать съ ними въ сношенія [1]).

VII.

До насъ дошелъ лишь сводъ Волынской лѣтописи, подобный другимъ лѣтописнымъ сборникамъ [2]), въ который вошло не мало кіевскихъ, но главнымъ образ. волынскихъ и галицкихъ извѣстій, почему предпочитаютъ называть его Галицко-Волынскою лѣтописью [3]), выдѣляя отдѣльныя части той и другой: но никоимъ образомъ она не является лишь Волынской лѣт., какъ предлагаютъ обозначать ее издатели лѣтописи (Ипат., 191, 479). Въ настоящемъ своемъ видѣ она обнимаетъ періодъ почти въ 100 лѣтъ (1202—1294 г.); однако есть основаніе полагать, что первоначальная лѣтопись или лѣтописныя извѣстія о Волынской землѣ, послужившія ей матеріаломъ, восходили къ болѣе раннему времени. Еще Соловьевъ замѣтилъ, что въ XI вѣкѣ открываются извѣстія, обличающія волынскаго лѣтописца, а дошедшіе до насъ списки начальной лѣтописи [4]) несомнѣнно представляютъ сборники, составленные изъ Кіевской, Волынской и Новгородской лѣтописей [5]). И онъ полагаетъ, что разсказъ Василія объ ослѣпленіи Василька теребовльскаго слѣдуетъ признать, по одинаковости слога „сказанія" съ Волынскою лѣтописью, а не съ первоначальной, куда

русскихъ. Западныя миніатюры относятся къ типу ирландскихъ. Гертруда молилась за сына Петра—христіан. имя Ярополка (Ист. Вѣстн., 1901, № 12, с. 1290; 1902, I, с. 393—394; Кіев. Стар. 1901, № 1, 016; № 12, с. 197—198; Кіев. мин. XI в. и портретъ Ярополка Изясл. въ Псалтырѣ Егберта, архіеп. трирскаго, гр. А. А. Бобринскаго, Зап. И. Р. Арх. общ., V, 1901, стр. 351—371). При Изяславѣ Ярополкъ ѣздилъ въ Римъ (см. выше, 136, пр. 6; ср. Погодинъ, VI, 35).

[1]) Карамзинъ, V, прим. 311.

[2]) Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ, 154, 156, 157.

[3]) Костомаровъ, 47, 51. Другіе—прямо Галичской (Голубинскій, I, 652).

[4]) Въ этомъ смыслѣ лѣтопись, извѣстная подъ именемъ Несторовой съ продолженіями, въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, есть лѣтопись „всероссійская" (Соловьевъ, III, 138). И. В. Лашнюковъ, отвергая сводный характеръ лѣтописи вообще, прибавляетъ: „По всему видно, что въ Кіевѣ до к. XIII в. велась непрерывная лѣтопись всей Русской земли преемственно нѣсколькими лицами. Въ настоящемъ видѣ этой лѣтописи трудно указать, гдѣ оканчивается трудъ одного лѣтописца и гдѣ начинается трудъ другого" (Унив. Изв. 1872, № 5, стр. 4).

[5]) Ист. Россіи, III, 133.

она вставлена (подъ 1097 г), за отрывокъ изъ первой части Волынской лѣтописи, которая не дошла до насъ [1]).

Срезневскій готовъ видѣть подтвержденіе, что лѣтопись издревле велась въ Волынской области, въ такихъ показаніяхъ, какъ сравненіе даней, взятыхъ съ древлянъ Олегомъ и Игоремъ, подробное напоминаніе о дѣлахъ Свѣнельда въ землѣ Уличей, упоминаніе о Мистишѣ с. Свѣнельда, который (если не былъ одно лицо съ Лютомъ, а только братомъ его), подобно отцу (и брату) могъ имѣть свои владѣнія скорѣе всего въ землѣ Деревской (Чтенія о русск. лѣтописяхъ, 16; ср. Б.-Рюминъ, 4). Съ другой стороны, отмѣчаютъ болѣе раннія извѣстія, записанныя на Волыни или въ Галичинѣ (1089—сочувственная запись по поводу кончины Ярополка Из. и построенія ц. св. Петра въ Димитр. мон.; 1092—о походѣ на ляховъ Василька Рост. и смерти брата его Ростислава; ср. Б.-Рюминъ, 57, 120, 151). Принимая же во вниманіе указанное Бестужевымъ-Рюминымъ отсутствіе въ Сильвестровомъ сводѣ нерасположенія къ Святополку и его роду, при замѣченныхъ давно особенностяхъ сказанія Василія, И. П. Филевичъ полагаетъ, что въ означенномъ сводѣ столкнулись двѣ волынскія редакціи—древнѣйшая, благопріятная Святополковичамъ, и позднѣйшая сочувственная Мономаховичамъ. Къ этому онъ привлекаетъ и извѣстія о ю. з. окраинахъ Русскаго міра за время Святослава и Владиміра у Татищева: „ихъ нѣтъ въ другихъ сводахъ, но, конечно, они не выдуманы", прибавляетъ авторъ (Ист. древ. Руси, I, 356, примѣч.).

---

[1]) Бестужевъ-Рюминъ смотритъ на этотъ вопросъ иначе. „Нѣтъ никакого сомнѣнія, говоритъ онъ, что на Волыни велись лѣтописи, слѣды которыхъ сохранились въ русскихъ сводахъ и въ пересказахъ Длугоша; слѣды ихъ можетъ быть внимательный взглядъ откроетъ и въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ" (Срезневскій, Чтенія о лѣтописяхъ, I, 16), но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что разсказъ Василія есть отрывокъ, а не цѣлое законченное произведеніе. Сходство въ слогѣ тутъ ничего не значитъ, ибо странно было бы допустить, чтобы и ослѣпленіе Василька, и строеніе Холма Даніиломъ описало одно лицо; а коль скоро мы должны допустить нѣсколькихъ волынскихъ лѣтописцевъ (особенно если вспомнить, что и „Слово о полку Игоревѣ" по слогу сродни Волынской лѣтописи), то нѣтъ невозможности допустить и существованіе отдѣльныхъ сказаній, а попало ли это сказаніе въ Кіевскій сводъ изъ волынскаго (предполагаемаго) или внесено прямо въ кіевскій—это вопросъ для насъ неразрѣшимый" (О составѣ, стр. 4, прим. 1). Разсказъ Василька одни ведутъ отъ прибытія Святополка и Давида въ Кіевъ (см. по Ипат. лѣт., 168), другіе отъ посольства Василія („Василькови же сущю во Владимѣрѣ", 173 по 179), а предъидущее изложеніе считаютъ лишь пересказомъ изъ того же письменнаго источника (Сухомлиновъ, 83—84). Василій былъ волынецъ и жилъ во Владимирѣ. Судя по хронологическимъ даннымъ, сказаніе писано м. 1112—1117 г. (Хрущовъ, 35). Мнѣніе Карамзина (выше, стр. 350—351).

Нѣкоторые стараются найти отрывки начальной части лѣтописи— въ Кіевскомъ сводѣ, гдѣ идетъ рѣчь о волынскихъ и галицкихъ событіяхъ и полагаютъ, что извѣстія эти были записаны на Волыни, въ Галичѣ, Перемышлѣ и б. м. Звенигородѣ галицкомъ [1]). Таковы извѣстія: *волынскія*: о бурѣ, свирѣпствовавшей подъ Котельничами (1143): о болѣзни Мстислава Изясл. и погребеніи его въ соборной ц. (1172, стр. 381); о смерти сына его Всеволода (1195) во Владимирѣ (459); немногія записи о Романѣ: о распрѣ его съ Рюрикомъ Рост. 1196, о походѣ на ятвяговъ (471); ср. замѣч. Татищева о Романѣ Мст., Ш, 505, пр. 569; *галицкія:* о смерти Ивана Васильковича и вокняженіи во Теребовлѣ съ Галичемъ Владиміра Володаревича, 1141; о походѣ Ольговичей на Владиміра, 1144; о призывѣ галичанами Ивана Рост. и жестокой расправѣ Владиміра съ галичанами за измѣну, 1144; о походѣ Всеволода Ольг. на Галичъ и неудачной осадѣ Звенигорода, 1146; о наводненіи въ Галицкой землѣ, 1164; о побѣгѣ къ Ярославу галицкому греческаго царевича Андроника, 1165: о бракѣ сына Ярослава—Владиміра, 1167; о бѣгствѣ жены Ярослава въ Польшу съ сыномъ Владиміромъ и боярами и о сожженіи Настасьи, 1173; о кончинѣ Ярослава Влад. галицкаго съ его характеристикой и завѣщаніемъ, 1187; подробныя записи — о поведеніи Владиміра, плѣнѣ его и посаженіи на столъ въ Галичѣ сына венгер. короля—Андрея, 1188; приглашеніе въ Галичъ Ростислава Ив. Берладника; о вмѣшательствѣ венгровъ и кончинѣ его, 1189; о бѣгствѣ Владиміра Яр. изъ Венгріи и утвержденіи его въ Галичѣ, 1190. Независимо отъ того, есть извѣстія у Длугоша, относящіяся къ болѣе раннимъ событіямъ, повидимому взятыя изъ русскихъ источниковъ. Сюда относятся записи: о нападеніяхъ Володаря на Польшу и его плѣненіи (1122 [2]); о смерти Володаря съ обозначеніемъ дня, мѣста

[1]) Бестужевъ-Рюминъ, 57—58.—Онъ колеблется признать цѣлость Гал.-Вол. лѣт. въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ (153). Костомаровъ говоритъ: „Можетъ быть внесенныя въ Кіевскую лѣт. мѣста, подробно разсказывающія о галицкихъ дѣлахъ, принадлежатъ ей; и дѣйствительно, есть извѣстія до 1202 г., напоминающія тонъ и складъ Гал.-Вол. лѣтописи больше, нежели остальныхъ мѣстъ Кіевской" (47). М. Грушевскій, напротивъ, настойчиво подтверждаетъ цѣлость лѣтописи въ ея настоящемъ видѣ, а въ извѣстіяхъ Кіев. лѣт. ни по характеру, ни по изложенію, не видитъ ничего общаго съ Гал.-Вол. лѣтописью (Хронольогія подій Гал.-Вол. літописи, с. 2, прим. 2).

[2]) О плѣнѣ Володаря есть два нѣмец. извѣстія—Ортлиба, аб. Цвифальтенскаго мон., въ Швабіи, въ его исторіи мон., и Герборда, въ его біогр. Оттона бам-

погребенія и распредѣленія волостей между его дѣтьми (1126); о ссорѣ Владиміра съ братомъ Ростиславомъ (1127); о борьбѣ сыновей Володаря между собою; объ уходѣ Владиміра въ Угрію за помощью (1128),—извѣстія [1]), записанныя, быть можетъ, въ Галичѣ и указывающія на веденіе тамъ болѣе раннихъ записей [2]). Вообще, одиноко стоятъ извѣстія, сообщаемыя Длугошемъ, о галицкихъ дѣлахъ по смерти Ростиславичей, между 1124—1140 гг. Сюда же слѣдуетъ отнести исторію Романа Мстисл., его послѣдній походъ на Польшу и смерть, о чемъ сохранились, впрочемъ, извѣстія и у польскаго историка Кадлубка; но другія событія, сообщаемыя Длугошемъ, иногда вовсе не находятся у польскихъ лѣтописцевъ [3]).

Существованіе болѣе ранней части повидимому подтверждается надписаніемъ: „Начало княжения великаго князя Романа, самодержца бывша всей Руской земли, князя Галичкого“; между тѣмъ, вмѣсто этого тотчасъ послѣ заглавія, читаемъ: „по смерти же вел. кн. Романа“ и т. д. [4]). Правда, о Романѣ Мст. мы находимъ нѣсколько извѣстій въ Кіевской лѣт.; но они незначительны и такъ слиты съ кіевскими извѣстіями, что могли быть заимствованы составителемъ свода изъ мѣстной лѣтописи (см. ниже). Послѣднее упоминаніе о немъ относится къ 1196 г., а о смерти его вовсе нѣтъ записи († 1205), между тѣмъ о ней находимъ извѣстіе въ Лавр. лѣт., съ описаніемъ событій, сопровождавшихъ кончину князя (404—405). По мѣстамъ

бергскаго (см. Wattenbach, II, 188, 304; ср. Mon. Pol. hist., II, 3, 74—75); легенд. разсказъ Кадлубка (ib., II, 350-52).

[1]) Извлеченія изъ Длугоша (Бестужевъ-Рюминъ, прилож., 185—187).

[2]) Б.-Рюминъ, 151. Извлеченія изъ Длугоша (ibid., прилож., 185—187). Ср. выше, стр. 457; Цейсбергъ, см. выше, стр. 76; Caro, Gesch. Pol., III, 603, прим. 34. Roepell, G. Pol. (7 Beil.). М. С. Грушевскій, вновь пересмотрѣвшій извѣстія Длугоша, допускаетъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ русскій источникъ; однако признаетъ, что въ другихъ случаяхъ онъ не зависѣлъ отъ послѣдняго. Извѣстія эти авторъ „Исторіи Руси“ считаетъ вообще цѣнными (III, 489-490). Здѣсь же замѣчанія о Длугошѣ вообще (см. къ стр. 426). Сколько можно видѣть изъ сравненія разсказа Длугоша съ Г.-Вол. лѣт., для юго-зап. Руси у него была лѣтопись, отличная отъ дошедшей до насъ (Н. П. Дашкевичъ, Даніилъ Галицкій, стр. 7, прим. 6; ср. Цейсбергъ, 298).

[3]) Карамзинъ, III, пр. 193; Костомаровъ, 47; Б.-Рюминъ, прилож., 57, 58, 64, 120, 136, 140, 144, 146, 150, 157; Monum. Pol. hist., I, 548. Замѣчанія объ извѣстіяхъ у Кадлубка (Грушевскій, III, 113, 119 и др., 656). Ср. о немъ ст. Я. Ярмоховича (Унив. Изв. 1878, № 12).

[4]) Соловьевъ, 138; Ипат. л., 479. См. ниже, стр. 590, прим. 3.

въ лѣтописи встрѣчаются выраженія, обличающія отсутствіе требуемой полноты разсказа или извѣстій[1]). Такъ, подъ 6714 г. (1206) лѣтописецъ обѣщаетъ разсказать объ основаніи г. Галича (484) и забываетъ сказать объ этомъ[2]). Въ другихъ мѣстахъ находятся намеки, которые свидѣтельствуютъ о неполнотѣ изложенія или пропускахъ составителя: гг. 6710 (1202)—о кормиличичѣ; 6727 (1219)—о Жирославѣ; 6756 (1248)—о множествѣ убитыхъ, о которыхъ составитель не хотѣлъ писать; 6767 (1259)—о пожарѣ въ Холмѣ. Онъ не исполнилъ обѣщанія дать показанія лѣтъ по разнымъ способамъ счисленія, которое, очевидно, понималъ (544). Такимъ обр., Галицко-Волынская лѣтопись, какъ видно, потерпѣла существенныя измѣненія и между прочимъ, это можно заключать изъ того, что Татищевъ зналъ отдѣльно существовавшую Кіевскую лѣтопись (см. выше), въ такъ наз. Галицынскомъ спискѣ, писанномъ на Волыни[3]). Притомъ есть списки Волынской лѣтописи (Хлѣбн. и Погодин., Ерм.) безъ годовъ[4]), такъ что хронологія, имѣющаяся въ Ипат. спискѣ, является уже составленною позже, а именно тѣмъ лицомъ, кто присоединилъ ее къ Кіевскому своду или тѣмъ, кто нашелъ ее присоединенной къ ней[5]).

Лѣтописцы неоднократно заявляютъ о себѣ на значительномъ пространствѣ времени (1213, 1224, 1226, 1250, 1251, 1259, 1283,

---

[1]) Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ, 153.

[2]) Указаніе Костомарова по поводу уб. Евстафія Константиновича Войшелгомъ, со ссылкою (6672—1264) на описанное выше событіе, какъ отсутствующее въ лѣтописи, не подтверждается (см. г. 6770—1262). Ипат. лѣт., 565, 569.

[3]) Исторія, I, 59, 61—62. Онъ доходилъ до 1198 г. и во многомъ былъ то полнѣе, то съ пропусками, а далѣе шли позднѣйшія замѣтки въ безпорядкѣ (лѣтъ 19, а затѣмъ лѣтъ 50 спустя), если это продолж. не та же Волын. лѣтопись. Слѣды Волын. лѣтописца Т-въ отмѣчаетъ подъ 1143 и 1146 гг. Первымъ продолжателемъ Нестора здѣсь онъ называетъ Нифонта, бывшаго игуменомъ на Волыни, потомъ еписк. новгород. (57—58); ср. замѣчаніе Бестужева-Рюмина (86). Шлецеръ въ Кіевской лѣтописи подъ 1157 годомъ также видитъ волынца (см. выше, стр. 348).

[4]) Карамзинъ, III, прим. 113; Бестужевъ-Рюминъ, стр. 70. Въ означенныхъ спискахъ опущены также выраженія: „бысть тишина", „не бысть ничтоже", часто встрѣчающіяся въ Ипат. сп. Впрочемъ, въ разныхъ спискахъ есть и свои отличія.

[5]) Бестужевъ-Рюминъ, 153. Вслѣдствіе этого Волынскій сводъ отличается запутанною хронологіей (Карамзинъ, III, прим. 113; Срезневскій, Памятн., 87); объ окончаніи и дальнѣйшихъ замѣткахъ (ib., 152, 184—185; П. С. Р. Л., II, 226—227). Лѣт. Волынская, есть та самая, въ которую Мстиславъ Дан. велѣлъ записать крамолу берестьянъ и въ которой находится его грамота (Соловьевъ, III, пр. 230, въ концѣ).

1289). Поэтому одни признаютъ *двухъ лѣтописцевъ,* писавшихъ въ разное время и разныхъ мѣстностяхъ [1]); другіе (Б.-Рюминъ) считаютъ этотъ памятникъ—трудомъ *нѣсколькихъ лѣтописцевъ,* извѣстія которыхъ послужили матеріаломъ для *свода,* а третьи авторомъ послѣдняго называютъ того современника, который описалъ позднѣйшія событія и воспользовался для своего труда разными лѣтописями, такъ какъ послѣдній представляется строго выдержаннымъ отъ начала до конца по своему изложенію и отличнымъ отъ другихъ лѣтописей по концепціи [2]). Но съ этимъ нельзя согласиться на основаніи характера и общаго состава разсматриваемой лѣтописи [3]). Что конецъ ея писанъ современникомъ событій, это доказывается, между прочимъ, ссылкою на самовидцевъ при описаніи бѣдствій, постигшихъ татаръ въ Бескидахъ въ 1286 г. и похвалою Владиміру Васильковичу, въ которой вдова его, княг. Ольга, и преемникъ его, Мстиславъ Даниловичъ, представлены живыми [4]). Въ концѣ свода сдѣланы позднѣйшія приписки (послѣ 1292 года [5]).

Близость съ Западомъ отразилась на характерѣ Галицко-Волынской лѣтописи: она въ значительной степени проникнута свѣтскимъ характеромъ. Подробныя описанія военныхъ дѣлъ и сравнительно менѣе церковныхъ [6]), характеристики лицъ, наконецъ поэтическое изложеніе—все это указываетъ на участіе въ описаніяхъ очевидцевъ—міряпъ или по крайней мѣрѣ свидѣтельствуетъ, что этотъ элементъ не былъ чуждъ лѣтописанія [7]). Лѣтописецъ упоминаетъ и о

---

[1]) Погодинъ, IV, 60—62. При этомъ Погодинъ и Костомаровъ въ первомъ видятъ свѣтское лицо и участника въ военныхъ событіяхъ; а Зубрицкій—духовника Мстислава Удалаго, подъ которымъ онъ разумѣетъ Тимоѳея книжника, упоминаемаго въ лѣтописи (Исторія древн. Галичско-рус. княж., ч. III, Льв. 1855, с. 99, прим. 78). И. В. Лашнюковъ замѣчаетъ, что Гал.-Вол. лѣтописецъ былъ оффиціальнымъ историографомъ (Унив. Изв. 1872, № 25, стр. 9), притомъ духовнымъ лицомъ. Ср. еще Соловьевъ (III, пр. 230).

[2]) Срезневскій, Памятники языка и Чтенія о лѣтописяхъ.

[3]) Многія мѣста лѣтописи съ прибавленіями позднѣйшихъ замѣчаній свидѣтельствуютъ о болѣе поздней редакціи послѣдней (гг. 1207, 1213, 1217, 1221, 1255, 1256, стр. 489, 490, 492, 549, 554). Хронологическія подтвержденія этого обстоятельства (Дашкевичъ, Даніилъ Галицкій, стр. 3).

[4]) Срезневскій, Памятн., 152.

[5]) Ibid., 184. См. П. С. Р. Л. II, 226—227; 2-е изд., 606.

[6]) Упоминанія о епископахъ и церковныхъ дѣлахъ очевидно взяты изъ церковныхъ записей (см. выше, с. 566). Волын. синодики дошли до насъ сравнительно поздніе (900-лѣтіе православія на Волыни, I, 577—619).

[7]) Костомаровъ, 48—49. И. В. Лашнюковъ, принимая во вниманіе, что духовныя лица несли тогда разныя гражданскія обязанности (печатники, послы),

пѣсняхъ, которыя пѣлись князьямъ въ честь ихъ побѣдъ (Владиміру Мономаху, а также Даніилу и Васильку за ихъ побѣды надъ ятвягами), и о пѣвцахъ, служившихъ при княжьемъ дворѣ (Митуса [1]).

Близость лѣтописцевъ къ правительственныхъ лицамъ, свѣтскій характеръ лѣтописи (л-цъ любитъ отмѣчать военное убранство, масть лошадей, любимыя привычки князей и др. лицъ [2]), частое обращеніе къ документамъ и т. п. показываютъ, что лѣтопись имѣла и оффиціальное значеніе (см. стр. 325). Такъ, въ лѣтописи упоминается (1254) брачный договоръ Романа Даниловича съ дочерью австр. герцога Гертрудой (см. стр. 545), котораго не списалъ лѣт-цъ по причинѣ его обширности; ему извѣстны были грамоты Батыя (1255 [3]); онъ помѣщаетъ (1287—88) завѣщаніе Владиміра Васильк. и распоряженіе его о престолонаслѣдіи и упоминаетъ о грамотѣ того же князя къ Мстиславу Данил.; здѣсь помѣщены запись (1289) о крамолѣ Берестья и грам. Мстислава Дан. о ловчемъ, установленномъ имъ за ту же крамолу [4]). Наконецъ, здѣсь мы находимъ постоянныя перечисленія убитыхъ воиновъ, именъ пословъ, татарскихъ воеводъ и др. лицъ, участвовавшихъ при заключеніи мира и переговорахъ и т. п. [5]) Бѣляевъ въ подробномъ описаніи многихъ мятежей и ратей въ Галицкой землѣ видитъ признакъ оффиціальнаго характера лѣтописи, а если мы примемъ во вниманіе отзывъ лѣтописца XV в. о древнихъ

признаетъ, что и эта лѣтопись писана духовнымъ лицомъ. В. Ѳ. Миллеръ, напротивъ, говоритъ „Событія церковныя, аскетическія легенды, занимающія столь видное мѣсто въ Кіевской лѣт., почти не входятъ въ Гал.-Вол-кую. Все обличаетъ въ составителѣ человѣка мірскаго, граждански развитаго и хорошо образованнаго для своего времени. Составитель повидимому принадлежалъ къ людямъ того же направленія, какъ авторъ „Слова“. (Всев. Миллеръ. Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ, 137). Авторъ указываетъ на общія черты и возможность вліянія „Слова“ на лѣтопись, въ особенности въ отрывкѣ подъ 1201 г. (137—142). Н. П. Дашкевичъ склоняется въ пользу мнѣнія Костомарова, основываясь м. прочимъ на нѣк. мѣстахъ самой лѣтописи (с. 500) и отсутствіи нравственныхъ сентенцій и хотя допускаетъ участіе дух. лицъ, но въ такомъ случаѣ лишь бѣлаго духовенства (Даніилъ Г., с. 4, примѣч.).

[1]) Срезневскій, 114, 117; Ипат. лѣт., гг. 1201, 1241 и 1251. Соображенія о немъ, выше, стр. 573. Ср. Журн. Мин. Нар. Пр. 1898, № 8, стр. 345.

[2]) Ibid., 491, 498, 500, 515.

[3]) Замѣч. Срезневскаго о выдачѣ Батыемъ ярлыковъ (Памятники, 123).

[4]) Хронологич. соображенья объ этихъ документахъ (ibid., 150—151).

[5]) На это обратилъ вниманіе Н. Я. Аристовъ, полагавшій, что Гал. Вол. лѣтопись вели княжескіе писцы, подобные Ѳедорцу, составившему завѣщаніе Владиміра Вас., или тому, который внесъ въ лѣт. крамолу Берестьянъ (с. 131; см. выше, стр. 323).

лѣтописцахъ, писавшихъ по повелѣнію князей все доброе и недоброе (см. выше, 322 [1]), а съ другой стороны—свидѣтельство одной мѣстной записи о „княжескомъ лѣтописцѣ" [2]), то подобный характеръ Гал. Вол. лѣтописи, какъ близко стоящей къ княжескому дому, будетъ для насъ вполнѣ яснымъ.

Галицко-Волынская лѣт, по содержанію своему, раздѣляется на двѣ неравныя части; первая изъ нихъ (по 1261 г., стр. 479—561, въ концѣ) обнимаетъ время Даніила, сосредоточивается на событіяхъ въ Галичѣ, весьма благосклонно относится къ дѣятельности того же князя и составляетъ какъ бы частную княжескую лѣт. Она имѣетъ въ виду разсказать о бѣдствіяхъ, мятежахъ и войнахъ, которыми сопровождалось княж. Даніила (501, 508) и изъ которыхъ онъ вышелъ побѣдителемъ. Лѣтописецъ проникнутъ негодованіемъ противъ галицкихъ бояръ и смутъ, причиняемыхъ ими своей землѣ: а Даніилъ представляется ему подъ покровительствомъ высшихъ силъ (499, 507, 508, 509, 511, 517, 518). Лѣтописецъ не любитъ излишней самонадѣянности и склоненъ отдавать предпочтеніе смиренію (511); враговъ Даніила онъ надѣляетъ нелестными эпитетами; однако, и здѣсь соблюдаетъ извѣстную мѣру. Изложеніе этой части отличается болѣе сплошнымъ разсказомъ, прерываемымъ иногда обычными лѣтописными пріемами („тишина бысть", „ничтоже не бысть") или побочными вставками [3]). Вторая часть (561—616) представляетъ болѣе отрывочное изложеніе; а подъ конецъ приближается къ обыкновенной лѣтописи. Она писана, очевидно, во Владимирѣ, лицами, расположенными къ волынскимъ князьямъ, а на первомъ планѣ здѣсь стоятъ братъ Даніила—Василько и его сынъ Владиміръ, при которомъ, вѣроятно, и составленъ былъ сводъ Волынской лѣт., а, по мнѣнію А. С. Петрушевича,—его придворнымъ исторіографомъ [4]). Составитель лѣтописи о княженіи Да-

[1]) Не смотря на это, нѣкоторые ученые (напр. Лашнюковъ, впрочемъ по общему своему взгляду на лѣтописи) признаютъ Гал. Вол. лѣтопись все-таки составленною однимъ лицомъ, притомъ духовнымъ, лѣтописцемъ по призванію, знакомымъ съ греческими хронографами, въ одно время интересующимся и церковными событіями, и благосклоннымъ къ княжескому дому (Унив. Изв. 1872, № 5).

[2]) П. С. Р. лѣт., XV, Твер. лѣт., 405, подъ 6784 г. (1276).

[3]) Единство, отмѣчаемое въ составѣ этой части, объясняютъ дѣломъ ея редактора (Н. П. Дашкевичъ, Даніилъ Г., стр. 5, пр. 1). Подъ 1231 г. упом. о вѣчѣ.

[4]) Ср. Грушевскій, III, 466. Въ подробностяхъ о ятвяжскихъ походахъ Даніила видятъ свидѣтельство участника ихъ—лѣтописца (Иловайскій, II, 572, прим. 67). Въ начальной части есть также волынскія извѣстія (гг. 1202, 1208 — о дѣйствіяхъ ж. Романа). Притомъ обѣ части лѣт. трудно разграничить.

ніила, кромѣ Св. писанія (494, 499, 528, 552), зналъ хронографы: I. Малалы, въ переводѣ, уже тогда извѣстномъ (507), Евсевія Кесарійскаго и, быть можетъ, другіе греч. хроники (544), а по имени и Гомера (513 [1]), между тѣмъ какъ авторъ 2-й части ссылается лишь на Св. писаніе (577). Первый изъ нихъ понималъ задачи своего труда шире, чѣмъ обыкновенный лѣтописецъ, а потому вдавался въ своего рода прагматизмъ, нарушая обычное, погодное изложеніе событій (544, 554 [2]). Можно полагать, что лѣтопись подвергалась неоднократнымъ перемѣнамъ, пройдя черезъ руки нѣсколькихъ редакторовъ [3]). Въ половинѣ XIII в. появляются посторонні́я извѣстія, вслѣдствіе позднѣйшихъ вставокъ, это пинскія записи, въ связи съ которыми могли стоять данныя, касающіяся литовскаго княж. и русско-литовскихъ отношеній, особенно въ 50—70-хъ годахъ. Быть можетъ это остатки лѣтописи сѣверной Волыни, сосѣдней съ Пинской областью и Литвою. Вторая часть лѣт., вѣроятно, оканчивалась 1289 г., а дальнѣйшія извѣстія принадлежатъ уже другому лѣтописцу. Подъ конецъ ея опять встрѣчаются пинскія извѣстія, заимствованныя, какъ видно, изъ того же, указаннаго выше, источника. Такимъ образомъ Гал. Вол. лѣтопись является произведеніемъ не одного или двухъ, а нѣсколькихъ лицъ, объединеннымъ въ одно цѣлое. Настоящій сводъ болѣе другихъ преставляется живымъ памятникомъ самостоятельной литературной работы, не зависѣвшей отъ шаблонныхъ формъ тѣхъ историческихъ хроникъ византійской письменности, которыя были извѣстны въ этотъ періодъ. Риторическія украшенія, свойственныя лѣ-

---

[1]) Мы уже знаемъ, что имя Гомера упомянуто въ лѣтописи не кстати и что оно было извѣстно изъ памятниковъ русской письменности начальнаго періода (см. выше, стр. 271). См. о знакомствѣ авторовъ средневѣковой письменности съ именами писателей изъ вторыхъ рукъ (Визант. Врем. 1901, I, 43). Ср. М. Н. Сперанскій, Перевод. сборники изреченій въ славянорусск. письмен. (Чт. въ Общ. ист. и древ. рос. 1901, IV, 1—154). Изъ Св. пис. лѣт-цъ ссылается на Притчи, кн. Іова, посл. ап. Іакова. Тройдена онъ сравниваетъ съ извѣстными мучителями (Антіохъ IV, Иродъ, Неронъ) и не хочетъ о немъ распространяться (Ип. л., 574).

[2]) А. Н. Поповъ сближаетъ это мѣсто со словами Еллин. хронографа (Обз. хрон., I, 69). Другіе воздерживаются пока выразить опредѣленное сужденіе, вслѣдствіе малой разработки источника (М. Грушевскій, III, 660).

[3]) Срезневскій (Памятн. письма и пр.) замѣчаетъ однако, что, вникая въ изложеніе всей этой лѣтописи, насколько она извѣстна, можно думать, что она, въ томъ видѣ, какъ дошла до насъ, есть произведеніе одного лица, воспроизведеніе другихъ лѣтописей, до насъ не дошедшихъ въ своемъ первоначальномъ видѣ (152). За подобный прагматизмъ говоритъ и частое употребленіе выраженія: „на предняя взвратимся“.

тописи, явились результатомъ уже того литературнаго образованія, которое было присущимъ мѣстнымъ книжнымъ людямъ подъ вліяніемъ усвоенныхъ литературныхъ формъ или своего рода школы. Религіозный колоритъ, дающій себя чувствовать въ Кіевской лѣт., въ характеристикахъ Ростиславичей, въ описаніи ихъ кончины, можно подмѣтить и въ Гал. Вол. лѣтописи на пространствѣ 70—80 годовъ XIII стол., но рядомъ съ тѣмъ, какъ и тамъ, но еще въ большей степени, сильно даетъ себя чувствовать элементъ свѣтскій, предпочтеніе, оказываемое лѣтописцемъ общественнымъ дѣламъ передъ церковными интересами, хотя и послѣдніе не оставляются въ сторонѣ. Конечно, эти особенности, замѣчаемыя въ разныхъ частяхъ какъ Кіевской, такъ и Гал.-Волын. лѣтописи, вполнѣ зависѣли отъ личныхъ качествъ того или другого лѣтописца, безразлично былъ ли онъ лицомъ духовнымъ или нѣтъ, какъ это можно видѣть и на примѣрахъ, взятыхъ изъ западно-европейской исторіографіи (см. стр. 58).

Находясь въ близкой связи съ княжеской средой, лѣтописецъ, не смотря на то, былъ ли онъ свѣтскимъ лѣтописцемъ-дружинникомъ, или духовнымъ лицомъ, не является противникомъ власти или ея авторитета. Самая литературная форма, столь отличающая Гал. Вол. отъ другихъ, ея риторизмъ, наклонность къ цвѣтистой, украшенной и образной рѣчи, сближающія ея съ „Словомъ о полку Игоревѣ“ (стр. 522, 533), почти постоянное употребленіе дательнаго самостоятельнаго (dativus absolutus), а въ то же время выраженій, часто даже затемняющихъ прямой смыслъ рѣчи, быть можетъ вслѣдствіе трудности справиться съ мало-выроботанными литературными пріемами и формами—все это даетъ себя чувствовать при чтеніи лѣтописи и рѣзко выдѣляетъ этотъ памятникъ въ ряду другихъ подобныхъ [1]). Вообще, Галицко-Волынская лѣтопись, по подробностямъ, обыкновенно пропускаемымъ нашими лѣтописцами, и по изложенію, служитъ драгоцѣннымъ памятникомъ для изученія быта Галича и Волыни [2]), безъ котораго немыслимо было бы самое описаніе событій этого края въ послѣдовательномъ изложеніи. Представленный нами выше очеркъ событій и отношеній лучше всего свидѣтельствуетъ о всемъ разнообразіи и богатствѣ свѣдѣній, заключающихся въ разсматриваемомъ источникѣ. Выдающуюся толерантность волынскихъ лѣтописцевъ мы

[1]) Костомаровъ, 48—49; Грушевскій, III, 466—469.

[2]) Погодинъ, IV, 60—61; Бестужевъ-Рюминъ, Исторія, 28—29.

отмѣтили уже выше (стр. 574—75). Вообще, эта лѣтопись состоитъ не изъ сухихъ, отрывочныхъ, погодныхъ записей разнообразныхъ событій; а имѣетъ характеръ цѣльнаго произведенія, сосредоточивающагося на извѣстныхъ мѣстностяхъ, разсказа, отличающагося живостію, сравнительною полнотою и удивительною, сравнительно съ другими лѣтописями, пластичностью, яркостью и рѣзкостью характеристикъ [1]).

Независимо отъ того, въ Гал. Вол. лѣтописи можно отмѣтить нѣсколько отдѣльныхъ сказаній: таковы—описаніе Калкской битвы, которое, судя по нѣкоторымъ выраженіямъ, писано современникомъ, но едва ли волынцемъ или галичаниномъ [2]); побоище Батыево (1237), причемъ о Кіевѣ въ Волын. лѣт. передается во всей подробности; повѣствованіе о смерти Василька (1288 годъ), съ обращеніемъ къ преемнику его Мстиславу Дан. и б. м. писанное по его желанію, которое отличается и характеромъ разсказа и содержаніемъ, и языкомъ [3]). Полагаютъ, что здѣсь и оканчивается Волынская лѣт. (т. е. вѣрнѣе 1289 г.—о Мстиславѣ Дан.), такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ (1290, 1291, 1292) идутъ извѣстія собственно не волынскія, тѣмъ болѣе, что о Львѣ Дан. здѣсь говорится съ большимъ расположеніемъ, чѣмъ прежде. Записи эти, вѣроятно, принадлежатъ мѣстной Галицкой лѣт. Но къ Вол. лѣт. относятся, конечно, краткія извѣстія подъ 1291—о созданіи Мстиславомъ Дан. гробницы надъ бабкою, женою Романа, и подъ 1292 г.—о кончинѣ пинскаго князя Юрія Влад. и степаньскаго кн. Ивана Глѣбовича. Наконецъ, въ лѣтописи идутъ еще приписки (1292—1305 гг.), касающіяся Литвы, Польши и Пруссовъ, отличающіяся позднѣйшимъ слогомъ и, очевидно, выписанныя изъ другого источника [4]). По близости къ западному міру, въ Гал. Вол. лѣт. мы встрѣчаемъ рядъ записей, имѣющихъ прямое отношеніе къ исторіи послѣдняго: 1207—объ убіеніи имп. Филиппа Гогенштауфена (484) и событіяхъ, его сопровождавшихъ; 1251—о смерти польскихъ князей (537); 1252, 1254, объ отношеніяхъ къ венг. королю

---

[1]) Ср. Дашкевичъ, Даніилъ Гал., 5—6.

[2]) Какъ думаетъ Б-въ-Рюминъ (154, здѣсь и варіанты); ср. Срезневскій, 98—99 (кіевское). Костомаровъ разсказы подъ 1204 г. (о разореніи Кіева Ольговичами и половцами) и подъ 1224 г. (о походѣ князей на татаръ и о битвѣ при Калкѣ) относитъ къ Кіев. лѣтописи (46).

[3]) Ипат. л., (П. С. Р. лѣт., II, 219—222; 2-е изд., 601—608). Обращеніе лѣтописца къ Владиміру Вас. имѣетъ характеръ церковной похвалы (606—608).

[4]) П. С. Р. лѣт., II, 226—227 (по Ермол. списку). Въ основѣ нѣк. изъ нихъ имѣютъ источникъ, общій съ Длугошемъ (Грушевскій, III, 559).

Белѣ IV по поводу нѣмецкихъ дѣлъ (546—541; 544—545 [1]); 1276—о пришествіи пруссовъ къ Тройдену (577); 1279—о кончинѣ Болеслава краковскаго (581); 1285—о наводненіи въ Нѣмецкой землѣ, сообщенномъ по слухамъ (590 [2]); о войнѣ между Лешкомъ Казимировичемъ и Конрадомъ Семовитовичемъ; о кончинѣ Лешка и погребеніи его въ Краковѣ (591); 1290—о событіяхъ по смерти Лешка, съ живыми чертами мѣстныхъ извѣстій (614). Въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ извѣстій одни видятъ прямое заимствованіе изъ западныхъ хроникъ, а другіе—позднѣйшія вставки, не всегда удачныя (какъ раньше о Петрѣ Властѣ), хотя и допускають знакомство лѣтописцевъ съ польскимъ [3]), латинскимъ и венгерскимъ языками, на основаніи выраженій, попадающихся въ лѣтописи [4]).

Галицко-Вол. лѣт. занимается исключительно дѣлами юго-зап. Руси и главнымъ образомъ Галича и Волыни; она вполнѣ отрѣшается отъ восточной Руси и вводитъ насъ въ свой особый міръ. Съ этой точки зрѣнія она чисто мѣстная лѣтопись, насколько она не выходитъ изъ круга близкихъ ей отношеній. Напротивъ, гораздо чаще и полнѣе, по своей взаимной связи, излагаются въ ней дѣла польскія и венгерскія. Видно, что Червонная Русь вошла тогда въ ближайшія отношенія съ западнымъ міромъ, включая сюда не только Польшу и Венгрію, но также Чехію, Имперію и отдаленный Римъ. Все значеніе этой лѣтописи для первыхъ изъ нихъ выясняется при сопоставленіи этихъ извѣстій съ иностранными источниками [5]). Кромѣ того, Вол. лѣт важна по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ ею о Литвѣ, Ятвягахъ и Нѣмецкомъ орденѣ. Она представляетъ лучшій источникъ для исторіи Литвы въ періодъ появленія послѣдней на политическомъ поприщѣ, такъ какъ описываетъ набѣги литовцевъ на южную Русь съ нач. XIII в. и затѣмъ событія при Миндовгѣ, Войшелгѣ и болѣе отрывочно при Тройденѣ; она даетъ свѣдѣнія о вѣрованіяхъ и бытѣ ятвяговъ, вообще мало извѣстныхъ; она отмѣчаетъ вліяніе и силу волхвовъ у венгровъ, татаръ и ятвяговъ [6]). Можно пожалѣть, что лѣто-

---

[1]) Вопросъ объ австр. наслѣдствѣ подробно разсмотрѣнъ И. Шараневичемъ (Die Hyp. Chron., 50-88, пр. 326, 365). Лѣт-цу извѣстна была и легенда о св. Кингѣ.

[2]) Подъ наводненіемъ здѣсь разумѣется образованіе залива Зюдерзее въ 1282 г. (Шараневичъ, 6 и пр. 36).

[3]) Дашкевичъ, 5. [4]) Линниченко, Взаим. отнош., 4—6; дополн., 12.

[5]) См. труды Шараневича, H. Marczali (Ungarnsgeschichtsquellen im Zeitalter der Arpaden, Berl. 1882, S. 157) и Грушевскаго (т. III, особенно примѣчанія).

[6]) Ипат. л., стр. 500, 531, 535. О суевѣріи венгровъ (К. Гротъ, Угрія, 344).

писецъ часто уклонялся отъ болѣе подробнаго изложенія событій и документовъ, которыми онъ располагалъ, по причинѣ ихъ обширности [1]).

При существованіи во главѣ Туровской еп. такихъ лицъ, какъ Кириллъ Туровскій и Лаврентій, по связямъ послѣдняго съ Кіевомъ, и слабыхъ остатковъ литературы (сказаніе Мартина мниха, ж. Кирилла Тур. въ Прологѣ), можно заключать, что въ Туровѣ велись и лѣтописныя записи, но онѣ лишь въ незначительномъ количествѣ вошли въ Кіевскую и Галицко-Волынскую лѣтописи. Вообще, эти записи (см. стр. 537), какъ и въ другихъ мѣстахъ, вѣроятно велись при епископской каѳедрѣ или соборномъ храмѣ, не говоря о монастырскихъ записяхъ, которыя, въ извѣстныхъ случаяхъ, должны были имѣть свое мѣсто.

Галицкая лѣт. писана безъ обозначенія лѣтъ, составитель которой повидимому хотѣлъ придать ей прагматическое изложеніе (544), подражая греческимъ хронографамъ и надѣясь установить хронологію по окончаніи труда („вся лѣта спишемь росчетше во задняя"); но этого онъ не сдѣлалъ [2]). Если разстановку лѣтъ одни приписываютъ или послѣднему редактору, или тому лицу, кто присоединилъ ее къ Кіев. лѣт. (Срезневскій, Б.-Рюминъ, Шараневичъ), то есть также мнѣніе (Грушевскій), что хронологія установлена была не этими послѣдними а дополнителемъ и продолжателемъ лѣтописи по 1290 г., такъ какъ есть списки, въ которыхъ совсѣмъ нѣтъ лѣтъ [3]). Во всякомъ случаѣ, установитель хронологіи дѣлалъ это не основательно, начавъ не съ 1205 г,, которымъ открывается лѣтопись, а съ 1200 г., которымъ оканчивается Кіевская лѣтопись [4]), а также соединяя по нѣскольку лѣтъ вмѣстѣ (напр. 1233 г.) или разрывая разсказъ одного года на части. Нѣкоторыя даты, какъ полагаютъ, онъ почерпнулъ изъ сѣверныхъ лѣтописей, съ которыми былъ знакомъ [4]), какъ битва на Калкѣ (1224), приходъ Батыя (1237), осада Кіева (1240), а осталь-

---

[1]) Ипат. л., 531, 545.

[2]) Попытку хрон. датъ можно видѣть въ нѣк. показаніяхъ Ип., Хлѣбн. и Погод. спис. (по изд. 1871, стр. 578, 604, 613), которыя могли принадлежать основному источнику. Означенное выраженіе напоминаетъ слова Пахимера (I, p. 392).

[3]) Въ Хлѣб., Погод. и Ерм. ставятся отмѣтки: „Въ тоже лѣто, время, въ лѣто, тогда же, противу же сему, наставши же зимѣ" и т. п.

[4]) А. А. Шахматовъ разсматриваетъ Ип. л. какъ историч. сборникъ, сост. на Волыни въ к. XIII в., въ числѣ источниковъ котораго были юж.-рус. лѣт. к. XIII в., черниг. происхожденія, и Сузд. сводъ к. XII в., легшій въ основаніе Лавр. и Радз. лѣт. (Лѣт. зан. Арх. к., XIII, 38).

ныя событія онъ распредѣлялъ произвольно, по соображенію, выпуская даже тѣ выраженія, которыя могутъ служить нерѣдко для хронологическихъ выводовъ („въ тоже лѣто", „зимѣ бывши" и пр.), а потому, при изученіи хронологіи лѣтописи, предпочитаютъ употреблять списки, которые дошли до насъ безъ обозначенія лѣтъ (Хлѣбн. и Погод.).

Еще Карамзинъ отрицательно отнесся къ хронологіи Ипат. списка [1]; но слѣдовавшіе за нимъ ученые ограничивались б. ч. общими замѣчаніями относительно степени точности лѣтописи [2], а при пользованіи ею часто и не обращали вниманія на эти недостатки. Другіе, относясь критически къ показаніямъ лѣтописи, многія изъ ея данныхъ, однако, принимали, какъ достовѣрныя [3]. Но Ис. Шараневичъ, въ новомъ трудѣ своемъ [4], на основаніи обширнаго матеріала заимствованнаго изъ польскихъ, венгерскихъ и нѣмецкихъ источниковъ, значительно расширилъ кругъ изслѣдованія въ области хронологіи Ипат. лѣт. вообще и Гал. Вол. въ частности [5]. Гораздо рѣшительнѣе высказался Н. П. Дашкевичъ, признавшій хронолонологію лѣтописи работою копіиста, настаивавшій на повѣркѣ ея другими источниками [6] и сообщившій не мало датъ, на основаніи собственныхъ изслѣдованій. Тѣмъ не менѣе и прежняя точка зрѣнія, старавшаяся примирить данныя этой хронологіи съ другими свидѣствами, продолжала имѣть мѣсто [7]. Наконецъ, въ послѣднее время, спеціальную работу по изслѣдованію хронологіи, признанной вполнѣ неудовлетворительной для научныхъ цѣлей, далъ С. М. Грушевскій, который привлекъ для этого болѣе обширный матеріалъ, и представилъ его какъ въ видѣ изслѣдованія, такъ и справочной хро-

---

[1]) Ист. госуд. рос., III, прим. 113 Ему же принадлежатъ многія важныя замѣчанія въ этомъ отношеніи, оправдавшіяся позднѣйшими изслѣдованіями (Грушевскій. 10, 12, 14). Соединеніе разныхъ фактовъ подъ однимъ годомъ отмѣчаетъ и Б.-Рюминъ (151—153).

[2]) Погодинъ (IV, 61, 101—103); Костомаровъ (49); Бестужевъ-Рюминъ (153).

[3]) Зубрицкій (III, 1855); Шараневичъ, Ист. Гал. Володим. Руси.

[4]) Die Hyp. Chronik, 1872 (см. ниже).

[5]) См. стр. 6—7 и гл. IV и V. Тѣмъ не менѣе онъ допускаетъ въ ней лишь ошибки (отъ одного до четырехъ лѣтъ впередъ или назадъ), вслѣдствіе наклонности къ прагматизму и перенесенія счисленія съ янв. года на сент. По хронологіи нѣк. поправки дѣлались также Андріяшевымъ и Иловайскимъ.

[6]) Даніилъ Гал., К. 1873. стр. 6—7. Иловайскій также относится сомнительно къ хронологіи лѣтописи и принимаетъ иныя даты (II, 570—571).

[7]) В. Б. Антоновичъ, Оч. ист. В. К. Литовскаго, К. 1878; въ польской исторіографіи—Дроба, Бальцеръ, Лятковскій (см. у Грушевскаго, III, 5—6).

нологической таблицы, причемъ призналъ, что важнымъ коррективомъ для установленія этихъ датъ могутъ служить отчасти показанія Сузд. свода, но еще чаще и обстоятельнѣе — Воскресенская лѣтопись [1]). Впрочемъ въ нѣк. случаяхъ авторъ изслѣдованія самъ колеблется въ опредѣленіи точной даты.

Галицко-Волынская лѣт. дошла до насъ въ соединеніи съ Начальной и Кіев. лѣт. (см. стр. 431—434) и была изд. Археогр. ком. два раза: въ 1843 г. въ II. Собр, рус. лѣт. 155—277, по Ипат. сп., принадл. библ. Ак. Наукъ, т. II (см. стр. 424), съ вар. по Хлѣбник. и Ермолаев. сп., принадл. И. П. библ., уставный нач. XVIII в., близкая копія Хлѣбн., но въ к. 2-й части, съ 1283, сближ. съ Ипат. л. и продолж. до 1305 г.), которые представляютъ множество разночтеній иногда весьма существенныхъ (такъ, въ Хлѣб. и Ерм. сп., какъ и въ Погод. спискѣ, нѣтъ упоминанія о числѣ бояръ, избитыхъ по распоряженію Игоревичей, см. стр. 544), а иногда яснѣе передаютъ смыслъ текста [2]). По окончаніи Ипат. и Хлѣбн. списковъ (1292), продолженіе (1299—1305), касающееся польскихъ и литовскихъ событій, напечатано по Ермол. списку. Вторично Гал. Вол. лѣт. напеч. по Ипат. сп. въ 1871 г. (см. стр. 431—432), съ вар. по сп. Хлѣбн. и Погодин. (нынѣ сп. И. Публ. библ. [3]), пис. полууст. к. XVI в., сходн. съ Хлѣб., но крайне спутан.). Вообще, всѣ эти списки исправляютъ или дополняютъ другъ друга [4]). Въ 1871 г. А. С. Петрушевичъ на-

[1]) Исторія, II, 334—348 и Хронологія (см. библіогр.). Для хронологіи угорско-русскихъ отношеній имѣетъ значеніе Codex nov. Arpadianus Венцеля.

[2]) О разности текстовъ, иногда существенной см. въ варіантахъ къ изданію (стр. 429, 484, 499, 501, 517, 518, 543 и др.). Ермолаев. списокъ, отброшенный во 2-мъ изд., заслуживаетъ однако вниманія (Грушевскій, 660). Замѣч. къ тексту лѣтописи М. С. Грушевскаго, см. въ Зап. Тов. Шевченка (т. VIII, 1—5; см. библіогр.).

[3]) Во всѣхъ спискахъ (Хлѣбн., Погод., Ерм.), кромѣ Ипат., заглавія: „Начало княжения в. к. Романа, самодержца бывша всей Руской земли, князя Галичкого“—нѣтъ.

Судя по каталогамъ, въ библ. собора перемышльскихъ клирошанъ до недавняго времени была извѣстна копія Волын. лѣт., теперь утраченная (Калужняцкій, 271; см. библіогр.). О Краков. сп. Ипат. л. см. выше, с. 432, и сообщеніе И. А. Линниченка (Кіев. Стар 1888, № 10, с. 206 207).

[4]) Таковы напр. подробности о погреб. кн. Владиміра Васильковича (дополн. изъ Хлѣбн. и Погод. списк., Ипат. л., 608), исправляющія ошибку въ годѣ его смерти (Грушевскій, Хронологія, 576); о церковныхъ и др. постройкахъ и книжной дѣятельности того же князя (608—610). Признавая, вслѣдъ за Карамзинымъ, хрон. Гал.-Вол. лѣтописи почти совсѣмъ непригодной, М. С. Грушевскій предлагаетъ издать лѣтопись, положивъ въ основаніе списки, не имѣющіе хронологіи (стр. 3, прим. 2),—Хлѣбн. и Погод., которые по редакціи, оказываются старшими (с. 660).

печаталъ ее отдѣльнымъ изданіемъ, по Ипат. списку, подъ заглавіемъ „Волынско-Галицкая лѣтопись, составленная съ концемъ XIII вѣка“ (1205—1292). Иждив. Галицко Русской матицы (Львовъ, 20+146+2); но обѣщанныя авторомъ объясненія къ ней не появились. Не появлялось и предположенное Бѣлевскимъ изданіе Гал.-Вол. лѣтописи (во II т. Monum. Pol.[1]).

Незначительныя по количеству, хотя иногда весьма важныя дополненія можно найти въ Лавр. (1206), Кенигсб. (1205, с. 300[2]) и Воскр. лѣт. (напр. 1210 годъ[3]), въ сбор., извѣстномъ подъ именемъ IV-й Новгор. лѣт.[4]), и Густин. лѣт., составъ которой все еще остается мало изслѣдованнымъ[5]). Съ другой стороны не могутъ быть устранены извѣстія сообщаемыя Длугошемъ, по связи ихъ съ событіями польской исторіи, и Быховцемъ, относ. Литвы[6]), а отчасти и Татищева[7]), относительно котораго замѣчаютъ, что онъ пользовался для исторіи Галича и Волыни не Гал. Вол. лѣт., которой ему было извѣстно только начало (характ. Романа, наход. подъ 1301 г., см. выше, стр. 580), а какою-то другою, писанною не на мѣстѣ.

Прекрасные образцы южно-русскаго лѣтописанія, дошедшіе до насъ въ цѣломъ рядѣ сводовъ до нач. XIV в., въ ихъ настоящихъ представителяхъ (Нач. лѣтопись, Кіев. и Гал. Вол. лѣтописи), съ наступленіемъ политическихъ бурь и упадка книжныхъ интересовъ, не нашли себѣ достойныхъ продолжателей и только въ к. XV в. вновь пробуждаются лѣтописные интересы въ Кіевѣ и на Волыни[8]), свидѣтельствующіе о перемѣнахъ, происшедшихъ въ бытѣ и условіяхъ по-

---

[1]) I. Szaraniewicz, 97. Арх. ком. предполагаетъ издать Ипат. лѣт. по всѣмъ спискамъ.

[2]) Ср. Андріяшевъ, 147. См. выше, стр. 543, пр. 9. Другіе видятъ въ этой записи распространеніе извѣстія Длугоша (Грушевскій, Ш, 528—29).

[3]) Важность ея текста отмѣчана Б.-Рюминымъ (77 82, 85, 89, 122, 124, 128, 131, 132) и М. С. Грушевскимъ для хронологіи (Ш, 533, 584, 594—95).

[4]) П. С. Р. лѣт., т. IV, с. VII. [5]) Грушевскій, Ш, 494—95. [6]) Дашкевичъ, 7.

„Читая лѣтописи южной Руси, убѣждаешься въ значительномъ успѣхѣ въ искусствѣ писанія, котораго достигли наши книжники въ періодъ до нашествія татаръ; встрѣчаемъ множество поэтическихъ оборотовъ, стиль „Слова о полку Игоревѣ“, которое такимъ образомъ является не одиночнымъ произведеніемъ, а представителемъ цѣлой школы“ и т. д. (Б.-Рюминъ, Исторія, I, 254).

[7]) Погодинъ; Карамзинъ, II, 126; Дашкевичъ, Даніилъ Гал., 9, 27, 35, 48, 49, 82; а также у Грушевскаго (Ш, 478—489). Ср. Татищевъ, I, ч. I, 59, 61—62; Ш, пр. 589, 602. Стрыйковскій несомнѣнно пользовался извѣстіями Гал.-Вол. лѣтописи (ср. Ипат. л., сс. 541, 551, 567, 568, 569, 573 и др.; Стрыйковскій, I, 297—299, 305, 320).

[8]) См. Супр. лѣтопись, изд. кн. Оболенскимъ.

литическаго существованія края; но объ этомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Литература: Ипат. лѣт. (см. выше, стр. 424—433); Волынско-Галицкая лѣтопись, составленная съ концемъ XIII в. (1205—1292). Изд. и объяснилъ А. С. Петрушевичъ. Иждивеніемъ Галицко-Русской матицы, Львовъ, въ типогр. Ставропигійскаго завед., в. I, стр. 1—96, 1871; в. II, 1872, стр. 97—146; предисл. заним. 1—20 стр.; изд. по П. С. Р. лѣт., безъ варіант., въ послѣсл. сообщается о выходѣ 2-го изд. Арх. ком.; обѣщанныхъ примѣч. филологич., этногр. и историч. сдѣлано не было; Лѣтописный разсказъ событій Кіевской, Волынской и Галицкой Руси отъ ея начала до полов. XIV в. Изд. съ приложеніемъ двухъ изслѣдованій о значеніи русской лѣтописи въ духов. развитіи рус. народа и о феодализмѣ на Руси. Ал. Клеванова, М. 1871, cxxviii+498 (Лавр., Ипатьев. и Волынская лѣтописи); Филаретъ (Обзоръ, 68); Костомаровъ, Лѣтописи (47—51); Срезневскій (Памятники языка и письма, 86—87, 90, 98, 114, 117, 123, 132, 140, 148—152, 182, 184); Погодинъ, Изслѣдованія, зам. и лекціи (IV, 60—62; хронологія, 100—103); Бестужевъ-Рюминъ (О составѣ, 57—58, 120—121, 135, 136, 145—146, 148, 150—151; 151—157— Гал.-Вол. лѣтопись; ср. Исторію, I, 28—29); А. И. Маркевичъ (О русск. лѣт., II, 29—52); Die Hypatios-Chronik als Quellen-Beitrag zur österreichischen Geschichte v. D-r Isidor Szaraniewicz, Lemb. 1872, 150+xvii; рец. въ H. Zeitschrift v. Sybel, B. XXXIII, 227 - 28); Дашкевичъ Княженіе Даніила Галицкаго, по рус. и иностр. извѣстіямъ (Унив. Изв. 1873, №№ 6, 9, 10, отд. 156 стр.; о лѣтописи, стр. 2—6; 18, 104, 114—115): Н. Аристовъ (см. выше, с. 457); История України-Руси, написав М. Грушевський, Льв., 1900—1901, т. III, 1—204, 523—524, 624—672, съ картой и генеал. таблицей, какъ равно и для др. русскихъ земель; о лѣтописи, стр. 95 - 96, 366—373, 466—469, 471, 506, 532—533, 536, 559, 584, 593, 660). Примітки до тексту Галицько-волинскої літописи, *его же* I—V (Зап. Тов. Шевч., VIII, 1—5, м. 5); Хронольогія подій Галицько-волинської літописи, *его же*, у Льв. 1901, 72 стр. (оттискъ изъ XLI т. Зап. Науков. Тов. ім. Шевч.); Содержаніе и характеристика Гал.-Вол. лѣт. по Ипатіевскому списку, Н. Ѳирсова (Уч. Зап. Казан. унив. 1892, янв.-февр. 119—130; рец. Кіев. Стар., № 4, стр. 156); Складня причасників в Волиньско-Гал. літописи, О. Макарушки (Справозданнє академ. гімназії 1896—о слогѣ лѣтописи; рец. Зап. Тов. Шевч. 1897, IV, 58—59); По поводу слова „кощей“ Слова о полку Игоревѣ и Ипат. лѣт., Вл. Каллаша (Русск. Фил. Вѣст. 1890, № 1, с. 112—113, съ указ. на вост. слова); Чи

Домамири чи Домажири? М. Грушевскаго (Ипат. л., 1241, с. 527; Зап. Наук. Тов. 1895, I, смѣсь, 1—2); Гдѣ искать землю Нальцанскую Ипат. лѣт., Э. А. Вольтера (Ж. М. Н. Пр. 1900, № 5, с. 195—201); Новыя открытія въ области древле-волын. бытописанія. Волынца. По пов. мнимой Почаевской лѣт-си (Кіев. Стар. 1896, № 10, с. 93—109); О древне-русскихъ сказаніяхъ и повѣстяхъ, И. П. Хрущова, К. 1878 (изъ Ун. Изв.).

И. Д. Бѣляевъ (Геогр. свѣдѣн., 119—152); Погодинъ (Изслѣд., IV, 149—216; V, 295—299; VI (списки); Н. Арцыбашевъ (Повѣств. о Россіи, т. I, прим.); Соч. Максимовича (см. выше, сс. 396—397; также т. I, письма о кн. Острожскихъ); Черноморье, Ф. К. Бруна, чч. I и II; Славяне на сѣв. Черноморьи, П. Ламбина (Ж. М. Н. Пр. 1876, №№ 5 и 6; рец. А. Ѳ. Бычкова, Отч. о XIV прис. наградъ гр. Уварова—объ угличахъ и тиверцахъ, Зап. Ак. Наукъ, т. LXX; ср. о тиверцахъ—толковинахъ—у С. П. Микуцкаго, Изв. Ак. Н. по 2-му отд., II, 32; В. И. Григоровича, Записка объ арх. изслѣд. Днѣстр. побережья, с. 2; Партицкій, Діло 1893, ч. XXI, Льв.; И. Филевичъ, Ист. древ. Руси, I, с. 301—16); Забужная Русь, Е. Крыжановскаго (Собр. сочин., К. 1890, II): Червенскіе города. Историч. очеркъ, въ связи съ этногр. и топогр. Червонной Руси. Соч. А. В. Лонгинова, Варш. 1885, 368 стр.; Gränzen zwischen der russ. und polnischen Nation in Galizien, D. Subrizki, 1849; Карпатская Русь, Я. Ѳ. Головацкаго (Ж. М. Н. Пр. 1875, № 6); О западныхъ границахъ Подкарпатской Руси со врем. Владиміра св., *его же* (ib., 1880, № 3); Славяне, ихъ взаимн. отношенія и связи, I. Первольфа, т. III, Варш. 1893; Суспільни верстви та політичні въ Галицкім князівстві до пол. XIII стол. Д-ра Мир. Кордубы (Зап. Тов. Шевч. 1899, тт. VI и VII); Смѣна народностей въ южной Россіи, Ир. Житецкаго (Кіев. Стар. 1883, т. VI, о колонизаціи края); Wolyń pod względem statyst., histor. i archeol., prz. Steckiego, I—II, Lw. 1864—71; Luck starożytny i dzisiejszy, 1876 (*его же*); Galicya pod względem topogr.-georgr.-statyst., prz. Stupnickiego, L. 1869; Стародавный Галичъ, И. Шараневича (Заря Галицка на р. 1860 и отд.); Старорусскій княжій гор. Галичъ, *его же* (тамъ же 1880 и отд.); Trzy opisy histor. staroksiążęgo gradu Halicza w roku 1860, 1880 i 1882 skreślone, Льв. 1883 (перепеч. двухъ предъид. работъ и ст. Захарьевича о Галичѣ); Было ли два Галича, княжескіи города, одинъ въ Угорско-словацкой области, а другой по сю сторону Карпатъ надъ Днѣстромъ или нѣтъ? А. С. Петрушевича (Наук. Сборн., изд. Гал.-Рус. матицы, 1865, кн. I); Г. Галичъ на Днѣстрѣ, Д. И. Иловайскаго (Мелкія сочин., М. 1880, с. 188—194; Истор. сочин., II, 1897, с. 368—369): Указанія въ писан. источникахъ, а особенно въ докум. и актахъ до арх. изслѣдованій, И. Шараневича, Льв. 1886 (о Галичѣ и Львовѣ); O położeniu starego Halicza, prz. A. Czolowskiego, Lw. 1899;

Стародавныи галицкіе городы; Стародавный Львовъ, **И. Шараневича**, Льв. 1861; Лингвистическо-историч. изслѣдованія о началахъ г. Львова и окрестн. его съ воззрѣніемъ на предъист. времена пересел. славян. и румын. племенъ изъ придун. странъ въ предкарпат. области. Напис. А. С. Петрушевичъ, Льв., I—Ш, 1893, 96, 97, 600 стр. (не оконч.); Historya miasta Lwowa, prz. J. Zimorowicza, wyd. prz. M. Piwockiego, Lw. 1835 (ср. Оп. рус. историогр., I, 795); Pisma do dziejów Lwowa odnoszące, *его же*, Льв. 1899, XLIV+423; Powiat Trembowelski (Теребовльскій), prz. G. A. Bayger'a, Lw. 1899, стр. 319; Powiat Sokalski, Lw. 1899, стр. 496; Звенигородъ-Галицкій, М. Грушевскаго (Зап. Тов. Шевч., 1899, V—VI, 1—22); Описаніе Острога, А. Перлштейна (Чт. въ Общ. ист. и древн. рос. 1847—48, IV, 137—142); Нѣск. словъ о княж. Острож., *его же* (Вр. Общ. ист., XIV, 33—48); Луцкъ и его древности, *его же* (ibid., IX, 30—37; о Луцкомъ брат., 37—45); Основаніе г. Гродны и его исторія до 1241 г., Е. Ф. Орловскаго (Труды IX Арх. с., II, 197—200); изданія Н. П. Батюшкова: Памятники русской старины въ Зап. губ. Имперіи, I—VII вып., съ атлас. рис., Спб. 1868—86; *его же*: Подолія, Холмская Русь, Волынь, Бѣлоруссія и Литва, Бессарабія, съ рисунк., 1886—1892; Военно-статист. обозр. Волын. губ., сост. подп. А. Забѣлинъ, ч. I, К. 1887 (геогр. и этн. оч., города, съ картой); Матеріалы для геогр. и стат. Россіи, изд. офиц. генер. штаба (губ. Бессарабская, Гродн., Ковенская, Минская); Путевые очерки Подолія, *М. К.*, (Кіев. Стар., 1884, т. IX, 1—32); Матеріалы для археологіи Волыни, В. П. Рогге (Тр. III Арх. с., I, 161—169); Область Дреговичей какъ предметъ арх. изслѣдованія, В. З. Завитневича (Тр. К. Дух. акад. 1886, № 8); Изъ археол. экскурсіи въ Припет. Полѣсьѣ, съ рисунк., *его же* (Чт. въ Общ. Нест. лѣт., кн. IV, с. 1—29); Вторая арх. экск. въ Припетское Полѣсье, съ рис., *его же* (ibid., VI, 11—72; ср. VIII, 8—10); Сборникъ топогр. свѣд. о курганахъ и городищахъ въ Россіи. Волын. губ., Д. Самоквасова, литогр. изд. Имп. Арх. ком., Спб. 1888; Арх. карты: Волыни, В. Б. Антоновича, и Подоліи, св. Е. Сѣцинскаго (для XI Арх. с. въ Кіевѣ); Матер. по археол. Россіи, издав. Имп. Арх. ком. № 11. Древн. Ю. З. края. Раскопки въ странѣ Древлянъ, В. Б. Антоновича, съ 7 план. и 47 полит., Спб. 1893; Житомир. могильникъ, С. Гамченка, Ж. 1888, 124+LIV табл. рисунк.); Городище и могильн. р. Корчеватый, съ табл., *его же* (Тр. IX Арх. с., II, 89—137); Къ изслѣд. кургановъ и городищъ на вост. окр. соврем. Литвы, съ табл., Ѳ. В. Покровскаго (ibid., 138—196); Археол. карта Гродн. губ., *его же* (ib., I, 1—65); Краткія извѣстія о Бѣльскомъ у. Гродн. губ., Н. П. Авенаріуса (Тр. VIII Арх. с., III, 324—325—о дрогичин. городищѣ); Опис. ятвяжскихъ древн., хран. въ Вилен. музеѣ, *его же* (ibid., 323); Дрогичинъ надбужскій и его древности, *его же* (Матер. по арх. Россіи, изд. Имп.

Арх. ком., № 1, Спб. 1890); Дрогичинскія пломбы изъ коллекціи К. В. Болсуновскаго, К. 1892, 70 стр.+xxi табл.); Еще нѣск. словъ о дрогичинскихъ пломбахъ, Н. Авенаріуса (Тр. IX Арх. с., II, 325—328); По поводу дрогичинскихъ древностей. Замѣтка къ ист. торгов. снош. Ганзы съ сѣв. зап. и юж. Русью, И. В. Лучицкаго (Чт. въ Общ. Нест. лѣт., VI, 73—105); Критико-ист. повѣсть времен. лѣтъ Червон. или Галицкой Руси, Д. Зубрицкаго, М. 1845; Исторія Галичско-русскаго княж., т. I—III, *его же*, Льв. 1852—55; Исторія Ю. З. Руси до полов. XIV в. (исключ. по русск. лѣтописямъ), А. Клеванова (рец. въ Отеч. Зап. 1850, ч. LXXII); Судьбы Червонной или Гал. Руси, М. П. Смирнова, Спб. 1860; Ист. Галицко-Влодимірской Руси, И. Шараневича, Л., 1863; Изслѣдованіе на поли отеч. географіи и исторіи, *его же*, Л., 1869; Halicko-wladzimierskie xięstwo, póżnei królewstwo, prz. Aug. Bielowskiego (по русск. и польск. источн.), Bibl. Ossoliń., pocz. nowy, t. IV, Lw. 1864, str. 1—27); Князь Василько Рост. теребовльскій, М. П. Погодина (Москвит. 1849, ч. XXII); Даніилъ Галицкій, С. М. Соловьева (Соврем. 1847, т. I, стр. 100 и д.); Н. П. Дашкевичъ (см. стр. 592); Переговоры папъ съ Даніиломъ Г. объ уніи Ю. З. Руси съ католичествомъ, *его же*, (Унив. Изв. 1884, № 8, с. 136—181); Участь Данила въ битві під Крессенбрунномъ, Мир. Кордубы (Зап. Тов. Шев., X, 1—2, м. 4); Даніилъ Ром. Гал. и начало Холма, Д. И. Иловайскаго (Соч., II, 1897, стр. 32—41); Зъиздъ галицкого кн. Данила з угорскимъ королемъ Белею IV въ Прешбурзі 1250 р., історично-критична анализа, Богд. Барвиньского, Львів. 1901, 18 стр. (ср. возраж. *Н. М.*, Кіев. Стар. 1902, № 1, стр. 38—39). Даніилъ Романовичъ Галицкій въ сношеніяхъ съ Римомъ, К. Мурковскаго (Кіев. Еп. Вѣд. 1873, №№ 1, 2, 4); Даніилъ, король русскій. Ист. оч. Н. И. Павлищева (Холм. Греко-ун. мѣсяцесловъ на 1869, с. 93—125; на 1870, с. 1—43; на 1871, с. 1—24); Владиміръ Васильковичъ, кн. влад. волынскій (Вѣст. Зап. Рос. 1871, IV); Александръ кн. бельзскій, В. Ильницкаго (Заря Галицкая на 1860 г.); Мстиславъ Мст. кн. торопецкій, В. П. Бузескула (Ж. М. Н. Пр, 1883, №№ 4, 6, 8); О занятіи Галича Мстиславомъ Удалымъ (хрон. справка), *его же* (ibid. 1881, № 3, стр. 86—92); О русскомъ кн. Ростиславѣ, отцѣ чеш. королевы Кунгуты и родѣ его, Ф. Палацкаго, перев. О. Бодянскаго (Чт. въ Общ. ист. 1846, кн. II, 1—16; ср. о потомкахъ Ростислава, у Р. В. Зотова и М. Уляницкаго, см. выше, стр. 498); Ростиславъ Мих., рус. князь на Дунаѣ, С. Палаузова, Спб. 1857 (изъ Ж. М. Н. Пр.); Догадка касательно участія русскихъ въ дѣлахъ болгарскихъ въ XIII и XIV вв., Ф. Бруна (Ж. М. Н. Пр. 1878, № 12; Черноморье, II, 347—362, о немъ же); Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи, Н. П. Дашкевича, К. 1873 (Труды III Арх. с., II, 69—139 и отд.)

Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ и болоховцахъ, *его же* (Унив. Изв. 1884, № 6, с. 155—186, со сводомъ мнѣній); Еще разысканія и вопросы о Болоховѣ и болоховцахъ, *его же* (ibid. 1899, № 1, стр. 1-63); Вопросъ о Болоховѣ (съ картою), М. С. Грушевскаго (Чт. въ Общ. Нест. лѣт., VII, 3—10; ср. тамъ же, XIII, 58—60); Волынскія записки, Ст. Руссова, Спб. 1809, с. 196+xxiv; Историческ. очеркъ Волыни, Л. Крушинскаго, Жит. 1867; Волынскій вопросъ 1097—1102 г., М. Грушевскаго (Кіев. Старина 1891, №№ 1 и 5); Галицьке боярство XII—XIII в., *его же* (Зап. Тов. Шевч., XX, 1—20, м. 1); Очеркъ исторіи Волынской земли до к. XIV стол., съ картой и литер. вопроса, А. М. Андріяшева, К. 1887; Историч. судьбы Волын. земли съ древнѣйшихъ врем. до к. XIV в., П. Иванова, Од. 1895; Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 г., съ картой, Н. Молчановскаго, К. 1885 (м. проч. о болоховцахъ, стр. 104—143): М. С. Грушевскій (см. Ист. Руси); Пинское Полѣсье. Ист. очеркъ, ч. I, XI—XIII в., К. 1901, съ картою, Ал. Грушевскаго (Изъ Унив. Изв.; продолж. по XVI вѣкъ, тамъ же, 1902); Взаим. отношенія Руси и Польши до к. XII в., И. А. Линниченка (Унив. Изв. 1882—83 и отд.); Картка з історії Волині на початку XIV в., Іванова (Зап. Тов. Шевч., II, 119—146); Очеркъ исторіи вел. кн. Литовскаго, В. Б. Антоновича (Унив. Изв. 1878; 2-е изд. въ Моногр., т. I, К. 1885); Замѣтки по исторіи Литовско-русскаго государства, Н. Дашкевича (К. 1885, изъ Унив. Изв.); Борьба культуръ и народностей въ Литовско-русск. госуд. въ періодъ династ. уніи Литвы съ Польшей, *его же* (ibid. 1884, № 10, с. 269—316; № 12, с. 317—330); J. Řežábek, Iiří II, poslední kníže věškeré Malé Rusi, v Praze, 1883; Грамоты малорус. князя Юрія II и вкладная запись кн. холмскаго XIV в., А. В. Лонгинова (Чт. въ Общ. ист. 1887, II, 1—50); Князь Любартъ-Ѳеодоръ Ольгердовичъ и его потомки кн. Сангушки, А. В. Лонгинова (Тр. Предвар. комит. IX Арх. съѣзда, II, 275—311); рец. П. А. Иванова (Чт. въ Общ. Нестора лѣт., кн. VIII; 23—35); Нѣсколько словъ по поводу статьи А. В. Лонгинова: „Князь Любартъ Ольгердовичъ" и проч., С. В. Любы-Радзиминскаго (Тр. IX Арх. съѣзда, II, 201—203); Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе, И. П. Филевича (Ж. М. Н. Пр. 1889—90 и отд. 1890); Къ вопросу о борьбѣ Польши и Литвы-Руси за Гал. Влад. наслѣдіе, *его же* (ibid., 1891, № 12, с. 318—342); Ист. очеркъ русско-литов. взаимно-отношеній, *его же* (Р. Обозр. 1894, №№ 3—4); Політичні подиї на Галицкій Руси въ р. 1340, Ом. Терлецького (Зап. Тов. Шевч. 1896, VI; ср. Ж. М. Н. Пр. 1900, № 11, с. 237—244); Stosunki Leszka Białego z Rusią i Węgrami, prz. Lud. Droba (Rozpr. hist. fil., XIII, 1881); Połączenie Rusi Czerwonej z Polską prz. Kaziemierza W., pr. K. Horżyckiego, Lw. 1889 (рец. Ж. М. Н. Пр.

1891, № 6); Моравія и Мадъяры съ пол. IX до нач. X в., К. Я. Грота, Спб. 1881 (древ. отнош. Руси и Угріи); Изъ исторій Угріи и Славянства въ XII вѣкѣ (1141—1173), *его же*, Варш. 1889 (объ отнош. Руси и Венгріи, м. проч. по русск. лѣтоп.); Der polnisch-ungarische Streit um Halizien und Ladomirien, v. Joh. Matiów, Lemb. 1886; О взаимныхъ отношеніяхъ Ю. З. Руси и Нѣмецкаго ордена съ полов. XIII в. до паденія Галицко-Вол. княжества, Н. П. Дашкевича (реф. въ Общ. Нест. лѣт., ненапечанный, Двадцатипятилѣтіе Ист. Общ. Нестора лѣт. К. 1899, стр. 64); Ханъ Ногай и его вліяніе на Русь и южныхъ славянъ, архим. Леонида (Чт. въ Общ. ист. и древн. 1868, кн. III—о пох. Телебуги и Ногая); О Русскомъ племени въ Дунайскомъ залѣсьѣ, А. А. Кочубинскаго (Тр. VII Арх. с., II, с. 9—67); Стародавні грецькі кольоніі боспорьскі в межах теперішньоі Кубаньскоі области та суміжних з нею місць (з картою давноі прибоспорьскоі области), Паначовного (Зап. Об. Шевч., II, 1—61); Населеніе Ю. З. Россіи отъ полов. XIII до пол. XVII в., М. Ф. Владимірскаго-Буданова, К 1886 (изъ Арх. Ю. З. Россіи, т. I, ч. III, 1—85); Помѣстное право въ древ. эпоху Литовско-Русск. госуд., *его же* (Чт. въ Общ. Нестора лѣт., III, 63—114); Област. дѣленіе и мѣст. управл. Лит. рус. госуд., М. К. Любавскаго (Чт. въ Общ. Ист. и древн. 1892, кн. III и IV; 1893, кн. III и IV); По вопросу объ организаціи управленія и суда въ Подольской землѣ въ XIV и XV вв., М. С. Грушевскаго (Чт. въ Общ. Нест. лѣт., т. VIII, 15—16); Черты изъ ист. сословій въ Ю. З. (Галицкой) Руси XIV—XV в., И. А. Линниченка, М. 1894; Очерки исторіи Литовско-рус. права, Ѳ. И. Леонтовича, Спб. 1894 (изъ Ж. М. Н. Пр., судьба каждой изъ земель, вошед. въ составъ Литов. государства).

О замужствѣ дочери Володаря Рост.; О прибытіи Андроника въ Галичъ въ 1164; О годѣ восш. Мстислава Ром. на кіев. престолъ, А. Куника (Уч. Зап. Ак. Наукъ по 1 и 3 отд. II, 788—89, 793—94); Еще о замужствѣ доч. Володаря Рост. (ib. III, 742); Thad. Wojciechowski, Podział i zakres dziejów polskich, Lw. 1884 (рец. И. А. Линниченка, Ж. М. Н. Пр. 1888, № 10, с. 341—43—о бракахъ съ рус. княз.); Критическій обзоръ новѣйшей литературы по исторіи Галицкой Руси, И. Линниченка (труды А. В. Лонгинова, К. Горжицкаго, Э. Брейтера, Р. Губе), *его же* (ib. 1891, № 5, 6, 7); Подольская земля, рец. на соч. Молчановскаго, П. А. С—скаго (ib., 1886, № 8, с. 339—348); Ким сьвидчився Отокар. Проба інтерпретаціи оповидання Галицько-волинськоі лїтописи 1257 р., Богд. Барьвиньского (Зап. Тов. Шевченка 1902, III, 1—3); Киïвскі мінятюри при Тріреькии Псалтири, М. Грушевского (ib., V, 1—11).

Краткое ист. изв. о введеніи христ. въ предкарпатскихъ странахъ, А. Петрушевича, Льв. 1882; Труды по исторіи церкви (м. Макарія, архіеп. Филарета, Голубинскаго, Чистовича); Оч. исторіи правосл. ц. на Волыни, Пл. Карашевича, Спб. 1855; Историч. изсл. объ епископахъ Волын. епархіи, Г. У—дскаго (Вол. Еп. В. 1867, № 1); О Туровѣ и Туровской епархіи, споръ Каченовскаго и Калайдовича (Вѣст. Евр. 1822, №№ 1, 2, 6); Ист. статист. описаніе Подольской еп., I, К.-Под. 1895; Нѣсколько словъ о Галицкой митрополіи въ XIV стол., Г. Ѳ. Карпова (Чт. въ Общ. ист. и древн. и рос. 1864, кн. IV); О началѣ Галицкой и Литовской митр. и о первыхъ тамошнихъ митрополитахъ по визант. докум. источникамъ XIV в., А. С. Павлова (Р. Обозр. 1894, № 5): Записи о поставл. русскихъ епископовъ при м. Ѳеогностѣ, по Ватик. сборн. XV в., сообщ. В. Э. Регелемъ и В. Васильевскимъ (Ж. М. Н. Пр. 1888, № 2, стр. 445—463); Галицкая м-лія. Церк. ист. изслѣд. Н. Тихомирова (Благвѣст. 1895, май—окт., 1—189 и отд., Спб.; ср. замѣч. о немъ, Ист. В. 1896, № 12, с. 1052—55; Виз. Врем., I, 181); Biskupstwa greckie w ziemiach ruskich od połowy v. XIV na podstawie zródł greckich, pr. ks. J. Fialka (Kwart. hist. 1897, № 1, s. 1—63); Списокъ галицкихъ епископовъ (Гал. ист. Сборн., I, 145; ср. т. II); Археологическія изслѣдованія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ и его окрестностяхъ, Е. Н. Дверницкаго (Кіев. Стар. 1887, т. XVII, 36—50); Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ Волынскомъ (опис. церквей и монастырей, съ рисунк.), *его же*, К. 1889; Г. Владиміръ Волынской губ. въ связи съ ист. Волын. іерархіи, съ гравюр. Н. И. Теодоровича, Поч. 1893; Волынь въ описаніяхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ въ церк. ист., геогр., этногр., археол. и др. отношеніяхъ; Ист. опис. церквей и приходовъ Волын. еп., *его же*, Поч. I—IV, 1899; Девятисотлѣтіе православія на Волыни, 992—1892, 2 ч., Ж. 1892, 532+593 съ кар.; Ист. опис. владиміро-волын. Успенскаго храма, построен. въ полов. XII в. в. кн: Мстиславомъ Изясл., О. И. Левицкаго, К. 1892, 132 стр., съ план., раскрашен. изображ. храма и рисунк.; Древняя Жидичинская архимандрія на Волыни, А. Маневича (Вол. Еп. Вѣд. 1899, №№ 22—24); Г. Брестъ-Литовскъ и его древніе храмы, св. Л. Паевскаго (Тр. IX Арх. с., I, 304—349); Краткія свѣдѣнія о монаст. на Волыни, Н. И. Петрова (Волын. Епарх. Вѣд. 1867, №№ 2—8; ср. 1865, №№ 4, 6, 7); Ист. свѣд. о правосл. цц. и мон. въ г. Луцкѣ, нынѣ несуществ., А. Хойнацкаго (ib. 1872, №№ 11 и 13); Древнѣйшій мон-рь въ с. Ставкахъ близъ Турійска, А. Перлштейна (Вол. Губ. Вѣд. 1854, № 5, им. отношеніе къ мон. св. Апостоловъ); О соборной Богородичной ц. и святителяхъ въ Галичѣ, А. Петрушевича (Заря Галицкая 1852—53 гг. и перепеч. въ Галиц. ист. Сборн., чч. I—III, 1853—60; также Льв. 1899, 736

стр.); Историч. извѣстіе о ц. св. Пантелеймона близъ г. Галича теперь костелѣ Станислава оо. Францискановъ, яко древнѣйшемъ памятникѣ романскаго зодчества на Галицкой Руси съ 1-й полов. XIII ст., *его же*, Льв. 1881; Die Franciskanerkirche d. h. Stanislaus in Halicz 1888 (Mittheil. d. k. k. Centralcommission f. Erforschung d. kunst-und historischen Denkmale); Памятники древняго прав-вія въ Люблинѣ - прав. храмъ и существовавшее при немъ братство, А. В. Лонгинова, Варш. 1883; Армяне въ Подоліи и первая церковь ихъ въ г. Каменцѣ, нынѣ град. св. Николая, прот. Моисея Дороновича (Тр. комит. для ист. стат. опис. Под., епархіи, II, 161—296); Рим. католицизмъ и его іерархія въ Подоліи, М. Симашкевича, К. Под. 1872, 528 стр.; Памятники рос. словесн. XII в., изд. К. Калайдовичемъ, М. 1821 (соч. Кирилла Туровскаго); Рукописи гр. А. С. Уварова, III, II, 1858 (соч. Кирилла Т., со статей М. И. Сухомлинова и прилож. ж. Кирилла); Творенія св. отца нашего Кирилла еписк. туровскаго съ предвар. очеркомъ исторіи Турова и Туровской іерархіи до XIII в., Кіевъ 1880, сп+296 (предисл. принадл. И. И. Малышевскому; въ приложеніяхъ, 295—96: древнія сказанія о Мартинѣ, инокѣ туровскомъ, и Кириллѣ еп. тур. пролож. житіе съ изд. Сухомлинова); Св. Кириллъ еп. тур. какъ писатель, м. Макарія (Историч. чтен. о яз. и слов. на 1856—57 г., 119—174); Еще замѣтки о творен. Кирилла Тур., И. И. Срезневскаго (ib., 175—186); Харат. спис. XIV в. молитвъ Кирилла Тур., Е. В. Барсова (Тр. VII Арх. с., III, 46—51); Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятн. письменности отъ XI до XVII стол., П. В. Владимірова (Чт. въ Истор. Общ. Нестора лѣт., IV, 101—139); Четыре критико-палеогр. статьи И. В. Ягича, Спб. 1884; Критич. замѣтки по ист. русскаго языка, *его же*, Спб. 1889; А. И. Соболевскій (см. в., с. 571); Воскресенскій (см. тамъ же); Свѣд. о малоизв. и неизв. памятникахъ, И. И. Срезневскаго (т. I и II); Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV вв.), *его же* (1-е изд въ Изв. Имп. Ак. Н., т. X, съ таблиц.; 2-е изд. Спб 1882, съ дополн., но безъ прилож.); Каталогъ церк. слав. рукописей, А. Петрушевича Льв. 1888; Кіев. рукописи XIV и XV вв. (Кіев. Стар. 1899, № 8, стр. 300—301); Обзоръ славяно-русскихъ памятниковъ языка и письма, находящихся въ библ. и архивахъ львовскихъ, Г. Калужняцкаго (Труды III-го Арх. съѣзда, II, 213—321); Богусловскій (стр. 571); И. Н Ждановъ (Рус. был эпосъ, 425 и дал.); В. Ѳ. Миллеръ (см. выше, с. 573 и Очерки рус. нар. поэзіи М. 1897); Рыцарство на Руси въ жизни и поэзіи, Н. П. Дашкевича (Чт. въ Общ. Нест., лѣт., кн. XV, в. IV, 129—178); Дорогобужъ Волынскій, О. А. Фотинскаго (Труды Общ. изслѣдователей Волыни, 1902, т. I); Башня вол. князя Владиміра Васильковича въ м. Каменцѣ Литовскомъ (съ рис.), Н П. Авенаріуса (тамъ же);

Исторія одного древ. волын. (луцкаго) храма, О. Левицкаго (К. Стар. 1903, № 1, с. 70—90; ср. Чт. въ Общ. Нест. л., кн. V: Луцкая Старина, с. 54—90); Бакота—древняя столица Понизья, Е. Сѣцинскаго, 1889: Г. Каменецъ-Подольскій, *его же*, К. 1895; Старая Брацлавщина и ея люди, И. Г. Неймана (К. Стар. 1889, № 5—6 и 10).

Справочныя изданія (см. выше, с. 401); атласы Ахматова (по Карамзину), Спб. 1845; Погодина (1871); Замысловскаго (1887); Полѣсье. Библіогр. матеріалы по ист., геогр., стат., этногр. и эконом. состоянію Полѣсья (С.-запад. и Ю.-запад. край вообще и губ. Мин., Гродн., Волын., Кіев. и Могилев. въ частности). Сост. З. Пенкина, Спб. 1883; Bibliografia Historyi Polskiej, zebr. i ułoż. Dr. Lud. Finkel, cz. I i II, 1891—96.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Новгородъ Великій.—Политическій и общественный бытъ. Отношенія къ югу.—Притязанія суздальскихъ князей. Вольности Новгорода.—Внѣшніе враги. Удары Москвы.—Внутренній строй. Значеніе торговли.—Колонизація. Города и волости.—Частныя богатства. Предметы искусства. Вліяніе западной культуры.—Церковь.—Письменность. Еретическое движеніе.—Возникновеніе лѣтописи. Церковныя записи, списки князей, епископовъ и должностныхъ лицъ.—Лѣтописные своды. Позднѣйшія лѣтописи. Общая характеристика лѣтописнаго дѣла.

I.

На основаніи археологическихъ данныхъ можно полагать, что родственные кривичамъ ильменскіе славяне въ теченіе IX и нач. X вв. пользовались предметами культуры, общими съ культурой Литвы, а въ теченіе X в.—вещами скандинавскаго происхожденія и предметами, привозимыми съ Востока [1]). Вообще, названная область представляетъ обиліе и разнообразіе культурныхъ вліяній, едва ли уступающихъ въ этомъ отношеніи югу [2]). Мы упоминали объ обиліи восточныхъ монетъ, найденныхъ въ предѣлахъ Скандинавіи (стр. 165); а на долю Новгородской области приходятся клады съ монетами VIII—X вв.,

[1]) А. Спицынъ (Ж. М. Н. Пр. 1899, № 8, с. 318—319, 328—331). О погребеніи въ христ. эпоху (см. выше, с. 153; ср. сказ. объ Іаковѣ Боровицкомъ, Жж. Филарета, 23 окт.; Котляревскій, О погреб. обыч., 235, прим.; письмо И. Купріянова, Москвит. 1853, № 12, с. 81—82).

[2]) Кондаковъ, Древн., V, 5; К. Тіандеръ, Взглядъ на развитіе и задачи сканд. филологіи (Ж. М. Н. Пр. 1902, № 9, с. 47); ср. О снош. норманновъ съ Востокомъ (ч. LXXX, с. 32 и д.).

оцѣниваемые весьма высоко [1]). И по своему топографическому положенію Новгородъ долженъ былъ стать средоточіемъ торговли балтійскаго, волжскаго и днѣпровскаго бассейновъ [2]).

Мѣстныя названія (Ладога, Нева и др.) и древнѣйшее названіе судовъ, находящееся въ лѣтописяхъ (лойва—laiwa), то замѣняющееся иногда шведскимъ (шнеки—snacka, loida—лодьи), указываютъ на господствовавшій здѣсь нѣкогда финскій элементъ [3]), который сталъ, однако, уступать славянскому [4]). „Путь изъ Варягъ въ Греки", о которомъ говорится на первыхъ страницахъ лѣтописи, былъ мѣстомъ общихъ предпріятій варяговъ и славянъ, хорошо извѣстныхъ въ Византіи и, быть можетъ, не безъ основанія было высказано предположеніе, что 9-я глава соч. Константина Багр. „о народахъ" (о русскихъ, приходящихъ въ Константинополь), написана со словъ какого нибудь новгородца [5]). Послѣ Востока Византія служила другимъ важнымъ источ-

---

[1]) Савельевъ, CLVI—CLXX, CCXXVII; 1—24, 107—108; Отч. Арх. ком. 1882, с. XXIII; Бережковъ, О торговлѣ Руси съ Ганзою, 10 и д.; Ист. Вѣст. 1901, № 11, с. 706. Въ Псковской обл. (CLIX, 22—24). Ср. Григорьевъ (Россія и Азія, 66—169); Отч. Арх. ком. 1875, XXXVI; 1878, XXXVIII. Часть клада, найд. близъ Вел. Лукъ, оцѣнивалась до 6300 руб. по количеству серебра, а по мѣновой цѣнности должна быть значительно повышена (Савельевъ, XXIV; Ж. М. Н. Пр. 1896, № 12, с. 385).

[2]) Савельевъ, CLVI, 21—24, 107—108, 121—125, 154.

[3]) Ibid., LXIX—LXX. Славянское названіе „судно" совсѣмъ не употребляется и не встрѣчается въ древ. Новг. лѣтописи. Новыя изслѣд. проф. О. Монтеліуса подтверждаютъ важность этого с. в. пути, который шелъ отъ Волги къ Новгороду, по Волхову, черезъ Ладогу, къ сканд. землямъ. Около Ладоги и въ Финляндіи указываютъ могилы викинговъ, а въ курганахъ этой послѣдней оружіе и украшенія скандинавскаго происхожденія (Арх. Изв. 1897, №№ 5—6, с. 199—200).

[4]) Славянская колониз. въ бассейнѣ Ильменя (Др. и Н. Россія 1881, № 3), А. В. Евсѣева. О новгородцахъ, какъ первыхъ заселителяхъ мѣстности вокругъ Петербурга, былъ рефер. А. И. Никитскаго на Одес. Арх. с., въ Труды съѣзда не попавшій. Ср. Савельевъ, CLXI. Это—Водская земля, впосл. Вотская пятина. Вожане постоянно участвуютъ въ новгор. войскахъ (1069, 1149, 1270, 1319). Въ 1240—41 г. ими овладѣли было нѣмцы; а въ 1348 г. они подверглись нашествію шведовъ. Ижоряне (на бер. Невы), принадлежавшіе къ корельской вѣтви, раздѣляли участь вмѣстѣ съ Водью. Въ 1300 г. шведы построили Ландскрону—„Вѣнецъ земли", на мѣстѣ нын. Петербурга (Новгор. Син. л., 307).

[5]) Гедеоновъ, Варяги и Русь, II, 533; ср. Визант. Времен. 1898, вып. 4, с. 738; 1894, вв. 3 и 4, с. 574; Отч. Общ. люб. др. письм. 1899—900, прилож., с. 1. Слово torg,—мѣсто торговли, одни считаютъ шведскаго происхожденія: древняя столица Финляндіи Або наз. прежде Тюрку, что значитъ пошведски рынокъ (см. у Бокля, I, 221); но другіе (J. Mikkola, Berührung zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen, Hels. 1893, S. 79—94) слово торгъ, какъ и рядъ другихъ, признаютъ переданными славянами финнамъ (ср. Слав. фин. отнош., Веске, 224).

никомъ матеріальной культуры. „Всѣ дорогія ткани,—парча, галуны и т. п., получались изъ Византіи черезъ посредство варяговъ, кіевскихъ и новгородскихъ торговцевъ“ [1]). Типъ новгородскаго купца былъ хорошо извѣстенъ на югѣ. Олегъ съ своей дружиной, желая завладѣть Кіевомъ, прибѣгъ къ хитрости: они назвались купцами („яко гостье есмы“), отправляющимися въ Грецію [2]).

Съ перенесеніемъ столицы на югъ Новгородъ лишился той гегемоніи, которая принадлежала ему по праву [3]); но за свободу, ему предоставленную, онъ долженъ былъ уплачивать дань въ пользу варяговъ („мира дѣля“)—300 гривенъ въ годъ [4]), впослѣдствіи значительно увеличенную [5]). Новгородскіе славяне участвуютъ въ походахъ Олега, Игоря [6]) и, вѣроятно, Святослава. Они вполнѣ подчиняются распоряженіемъ, исходящимъ изъ Кіева (947—погосты и дани Ольги по Мстѣ и Лугѣ; 970—Владиміръ; 977—посадники Ярополка; 980—Добрыня; 988—Вышеславъ [7]); Ярославъ—1015; при Изяславѣ I посадникъ Остромиръ). Владиміръ и Ярославъ пользуются новгородскими войсками. Услуги, оказанныя Ярославу новгородцами, побудили его дать имъ грамоты [8]), а ими, повидимому, опредѣлялись не однѣ

---

[1]) Кондаковъ, V, 87; ср. Лавр. лѣт., 31, 37, 45, 48, 60, 69, 192, 276, 351, 372.

[2]) Лавр. лѣт., 22; Ипат. л., 13; Конст.-Багрян., гл. 9-я; Бон. изд. 74. Въ ж. Антонія Римл. сообщается, что онъ, придя въ Новгородъ, „обрѣте человѣка греческія земли гостьбу дѣюща, купецкій чинъ имуща, иже умѣяше римскимъ, греческимъ и русскимъ языкомъ“ (Прав. Соб. 1858, № 5, по сп. XVI в.). Лазарь Мурманскій (XIV в.) пришелъ изъ Константинополя съ купцами, принесъ драгоцѣнныя вещи и получалъ оттуда письма.

[3]) Въ 1206 г. Всеволодъ III говорилъ: „а Новгородъ Великый старѣйшинство имать княженью во всей Русьской земли“ (Лавр. л., 401). „Новгородъ былъ какимъ-то почетнымъ майоратомъ“ (Погодинъ, V, 361).

[4]) Лавр. л., 23 („еже до смерти Ярославлѣ даяше варягомъ“); П. С. Р. л., II, 239; V, 89; VII, 270.

[5]) Подъ 1014 г. находимъ запись, что Ярославъ, сидя въ Новгородѣ, не выплачивалъ въ Кіевъ установленной дани въ 2000 грив., почему Владиміръ собирался заставить платить его силою (см. Лавр., Новгор. 3-ю, Соф. 1-ю, Воскрес., Густ.). Хомяковъ полагалъ, что дань эта составляла четвертую часть всего окупа, взятаго норманнами съ Англіи (Погодинъ, Барсукова, X, 63—64).

[6]) Лавр. лѣт., 29, 44.

[7]) См. соотвѣт. годы въ лѣт. Въ перечнѣ князей новгор сказано: „Первый князь по крещенію Вышеславъ, сынъ Володимерь“ (Опис. Сборн. Имп. Публ. библ., I, 69).

[8]) П. С. Р. лѣт., V, 134; VII, 323; IX, 77; XV, 141; Прод. Др. Рос. Вивл. II, 335); ср. Соловьевъ, III, пр. 71.

финансовыя льготы, но и нѣкоторыя политическія права [1]); которыми воспользовались новгородцы при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Ярославъ отдалъ Новгородъ въ управленіе старшему сыну Владиміру (1036—52) и это какъ-бы служило прецедентомъ на будущее время —посылать въ Новгородъ преимущественно старшихъ князей [2]).

Тѣмъ не менѣе, Ярославъ произвольно распоряжался въ Новгородѣ [3]). Владиміръ Мон. вызывалъ новгородцевъ на судъ въ Кіевъ [4]). Посадники посылались изъ Кіева [5]). Епископы не были выборными и вызывались на судъ въ Кіевъ [6]). Князья (какъ Всеволодъ-Гавріилъ) иногда предпочитали Переяславль (южный) Новгороду [7]). Во время междукняжеской борьбы, въ полов. XII в., князья въ Новгородѣ постоянно смѣнялись, смотря по успѣхамъ той или другой партіи, хотя южные князья изъ рода Мстислава пользовались предпочтеніемъ. Борьба между кіевскимъ (Изяславомъ II) и суздальскимъ князьями выдвигала на очередь другой вопросъ—о свободѣ торговли по Днѣпру или по Волгѣ [8]), отъ поддержки которой зависѣли отношенія партій

---

[1]) Лавр. лѣт., 343—344. Наши историки расходятся въ этомъ вопросѣ: одни признаютъ лишь финансовое значеніе грамотъ (Соловьевъ, Б. Рюминъ; сюда же склоняется—Грушевскій, II, 312); другіе придаютъ имъ болѣе широкій смыслъ (Бѣляевъ, Костомаровъ). Не слѣдуетъ, однако, упускать изъ вида, что политическія права обыкновенно возникали на финансовой почвѣ. Сводъ лѣтоп. данныхъ о грамотахъ Ярослава (Погодинъ, VI, 357—59; Синод. Новг. лѣт., 66, 84, 229, 230, 296, 336, 439). Въ 1776 г. одинъ изъ лангедок. городовъ ходатайствовалъ о подтвержденіи его привилегій, ведущихъ свое начало отъ Кловиса (Ж. М. Н. Пр. 1900. № 8, с. 291, прим. 4).

[2]) См. роспись новгор. князей; ср. Синод. Новгор. л., 188.

[3]) П. С. Р. лѣт., V, 134; VII, 328; IX, 77; XV, 142.

[4]) Новг. л., 1118 г.

[5]) Ibid., 1120, 1129 гг.

[6]) Гг. 1055, 1156. Мстиславъ Удалой заточилъ архіеп. Митрофана (1211) въ Торопецъ, не смотря на то, что самъ онъ явился защитникомъ Новгорода отъ насилій князя (Новг. 1-я, 194, 444).

[7]) Ibid., 129.

[8]) Ипат. лѣт., 350 и ниже. Въ теченіе XII стол. смѣнилось до 30 князей (Иловайскій, II, 160) и рѣдкому изъ нихъ удавалось усидѣть здѣсь болѣе 3 лѣтъ; а нѣк. были призываемы и изгоняемы по нѣскольку разъ. Иногда Новг. подолгу оставался безъ князя (1141, 1167, 1196). Полагаютъ, что уже въ к. XI в. состоялось переселеніе княжескаго мѣстопребыванія съ Ярославова двора на Городище (въ 3-хъ верст. отъ города, мѣсто быв. города) помимо воли князя, а въ к. XIII в. утверждается власть Прав. совѣта. Иванъ III, подчинивъ Новгородъ, выговорилъ и обладаніе Яросл. дворомъ. О судьбѣ этого мѣста, о составѣ совѣта и пр. (Никитскій, Прав. совѣтъ, Ж. М. Н. Пр. 1869, № 10, см. стр. 296—302)

въ Новгородѣ; но эта борьба принесла съ собою другой результатъ: утвержденіе независимости Новгорода, выразившейся, между прочимъ, въ выборѣ сановниковъ [1]) и епископа (въ 1156 г. Аркадія), по волѣ вѣча [2]). Недовольные сѣверными князьями, новгородцы ищутъ поддержки опять на югѣ.

Власть суздальскихъ князей давала себя чувствовать при Андреѣ Богол. и Всеволодѣ III подчиненіемъ ихъ волѣ въ выборѣ князей, смѣною посадниковъ, открытымъ нападеніемъ на Новгородъ (при Андреѣ), участіемъ въ походѣ (при Всеволодѣ—на Рязань) и въ задержкѣ княземъ болѣе видныхъ лицъ въ качествѣ заложниковъ; а одной изъ рѣшительныхъ мѣръ является прекращеніе подвоза хлѣба съ Волги и захватъ купцовъ [3]); такъ, экономическія условія все болѣе становились насущными въ политической жизни Новгорода. Всеволодъ, однако, подтвердилъ права Новгорода, данныя ему прежними князьями [4]). Тѣмъ не менѣе, сынъ его Ярославъ, сидѣвшій, то въ

[1]) До Василія Дм. всѣхъ князей въ Новгородѣ было до 60.

[2]) Первымъ выборнымъ посадникомъ былъ Мирославъ Гюрятиничъ (1126); но тысяцкій Ратиборъ Клуксовичъ въ 1269 г. былъ посаженъ „по волѣ князя“ Ярослава Яр-ча (Синод. Новг., 123, 291). Дѣленіе Новгорода и его волостей на сотни указываютъ грам. Всеволода Мстисл. (Рус. Дост., I, 78), уставъ о мостахъ (Синод. Новгор. л., 488, прилож.), договоры (Собр. госуд. грам., I, № 3 и др.; Ак. экспед. I, 8, 62), лѣтописи (1195, 1230; Псков. лѣт., 226) и важное значеніе тысяцкаго и сотскихъ въ дѣлахъ управленія. Даже впослѣдствіи ссылка на предка посадника имѣла мѣсто въ спорѣ о мѣстничествѣ (Разр. кн., I, 1115; Маркевичъ, Ист. мѣстн., 433).

[3]) П. С. Р. лѣт. и Новг. Синод., 1169, 1196, 1209, 1215. Торговлю хлѣбомъ новгородцы вели съ смольнянами, полочанами, кіевлянами и др., а главнымъ пунктомъ низовой торговли служилъ Торжокъ, гдѣ иногда заразъ собиралось до 2000 новгородцевъ (1215, 1225, 1364, 1372). Менѣе важнымъ пунктомъ служилъ Волокъ Ламскій (Лавр., 163; Троиц., 215; ср. Аристовъ, 176–177, 180). Изъ Низовой земли хлѣбъ направлялся на Тверь и Торжокъ (Борзаковскій, Истор. Твер. княж. 61—62). Послѣдній (упом. съ 1136 г.) служилъ мѣстомъ размѣна низовыхъ и новгор. товаровъ и велъ собственную торговлю хлѣбомъ и воскомъ. О богатствѣ его товаровъ (Новгор. Синод., 427). Боязнь Новгорода изъ-за соперничества (200).

[4]) „И вда имъ волю всю и уставы старыхъ князь, его же хотѣху новгородьци“ (1209). „А Новгородъ выложиша вси князи въ свободу, кде имъ любо, туже собе князя поимають“ (1196). Ср. Ипат. лѣт. 220. О даняхъ, установленныхъ прежними князьями (1229). Новгородцы строго ограничивали право охоты князя относительно ея мѣста и времени (П. С. Р. лѣт., 61; Новг. Синод. л., 292; Собр. госуд. грам., I, № 1; Акты Арх. экспед., I, №№ 1–3). Враждебное чувство кіевскаго лѣтописца (1173) по поводу непочитанія новгородцами князей (Ипат. лѣт.. 383). „Новгородцы и Псковичи яко хотять, тако творять“ (П. С. Р. лѣт., X, 96).

Переяславѣ южномъ, то въ сѣверномъ и Новгородѣ, причинилъ много бѣдъ послѣднему и его волостямъ (Торжку, Волоку). Своевластный и жестокій [1]), онъ не стѣснялся въ выборѣ средствъ: чтобы побудить новгородцевъ и псковитянъ подчиниться его требованіямъ, онъ не пропускалъ (въ Торжкѣ) хлѣбъ, шедшій въ Новгородъ, не обращая вниманія на голодъ и страшную смертность (1215) [2]), а во Псковъ—соль (1232), и, не довѣряя имъ, постоянно бралъ заложниковъ съ того и другого (1230, 1232, 1233, 1236), или являлся въ Новгородъ, подъ предлогомъ войны съ нѣмцами, съ сильнымъ (переяславскимъ) войскомъ (1225). Его произвольныя дѣйствія [3]) вызвали на энергическую защиту Новгорода сначала—Мстислава Удалого (1216 [4]), который,

---

[1]) П. С. Р. лѣт., III, 34; Новгор. Синод., 201. Посаженный отцомъ въ Рязани, онъ возбудилъ неудовольствіе жителей (I, 183; VII, 116). Когда онъ ѣхалъ во Псковъ (1228), тамъ испугались, прослышавъ, что онъ везетъ съ собой „оковы“, а онъ лукаво объяснялъ потомъ, что въ его коробьяхъ были подарки (Новг. Син. лѣт., 225; П. С. Р. лѣт., IV, 297).

[2]) Голода и неурожаи въ Новгород. области были: въ 1127, 1137, 1141, 1145, 1161, 1188, 1214. 1215, 1228, 1230, 1231, 1291, 1297, 1298. 1303, 1314. 1384, 1422, 1442, 1445 (10-лѣтній). Послѣдній ужасный голодъ заставилъ жителей идти въ Литву, въ западныя страны, къ татарамъ и продаваться даже евреямъ ради хлѣба. Большой неурожай былъ также въ 1471 году, что ускорило развязку въ Новгородѣ. Напомнимъ извѣстные голода во Франціи 1030—32, въ Германіи 1125, въ Англіи 1280, 1316—1317 и др., по описаніямъ не уступающіе русскимъ (Рошеръ, II, 523—524). Обыкновенно за каждой дороговизной слѣдуютъ повальныя болѣзни отъ недостатка или вредной для здоровья пищи. Въ Англо-саксонской хроникѣ отъ 1070 по 1100 г. приводится не менѣе 9 голодовъ. Затѣмъ встрѣчаемъ рядъ голодовъ, сопровождавшихся иногда болѣзнями и чумой: въ 1196, 1216—1217, 1223, 1233, 1257, 1259, 1289—96, 1316, 1317, 1319, 1322 и т. д. (Трайль, I, 356, 437, 454, 455, 460; II, 95—96, 98; Тьерри, II, 295, 297). Черный ржаной хлѣбъ губительно дѣйствовалъ на населеніе во Франціи и Англіи (Трайль, I, 366).

[3]) Изъ столкновеній съ Ярославомъ выясняется, въ чемъ состояли его произвольныя нарушенія правъ: „забожничье (особый видъ налога) отложи, судей по волостямъ не слать“ (1228); а Михаилъ, пріѣхавъ въ Новгородъ (1229), далъ льготу крестьянамъ, переселившимся на чужую землю, пять лѣтъ не платить податей, возстановилъ прежній порядокъ дани („како уставили передніи князи“) и наложилъ пени на приверженцевъ Ярослава (П. С. Р лѣт., III, 44). Сводъ данныхъ о Ярославѣ см. у Погодина (VI, 257—267). Вслѣдствіе бѣдствій, постигшихъ его отъ татаръ, онъ мѣстно чтится во Владимірѣ, но канонизованъ не былъ (Барсуковъ, Агіогр., 583). Какъ извѣстно, Людовикъ VII, не смотря на свое добродушіе, казнилъ орлеанскихъ гражданъ за просьбу ихъ объ общинныхъ учрежденіяхъ, которыя возникали въ другихъ городахъ съ согласія короля (Грановскій, Сочин., I, 351—252; ср. 329).

[4]) Послѣдній былъ его тестемъ. Недовольный имъ, онъ вытребовалъ къ себѣ дочь (П. С. Р. лѣт., I, 215; VII, 124; ср. тт. III, IV и V).

разбивъ Ярослава, заставилъ его смириться, а затѣмъ—Михаила Всев. черниговскаго (1228), и хотя онъ призналъ требованіе новгородцевъ—править ими „на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ“ [1]); но не измѣнилъ своего нрава и продолжалъ самовластно распоряжаться въ Новгородѣ, пока не ушелъ въ Кіевъ (1236), оставивъ тамъ сына своего Александра. Дополненіемъ къ этой характеристикѣ Ярослава служитъ извѣстное „Слово Даніила Заточника“, рисующее передъ нами произволъ власти и вліяніе княжескихъ любимцевъ, жертвою которыхъ сталъ и авторъ „Слова“ [2]). Ярославъ является прототипомъ тѣхъ сѣверныхъ самовластныхъ князей, которымъ суждено было сломить свободу Новгорода. Правленіе Александра Невскаго (1236—1246) ушло на защиту Новгорода и Пскова отъ шведовъ и нѣмцевъ, утвердившихся въ Ливоніи. Если отдаленность Новгорода спасла его отъ подчиненія татарамъ, то политика того же Александра втянула послѣдній въ данническія отношенія къ нимъ [3]). Вообще, съ потерею значенія юга, новгородская политика представляетъ колебанія между сѣверными князьями—соперниками, ведущими борьбу изъ за власти (Тверь, Суздаль, Москва) и все чаще беретъ перевѣсъ удовлетвореніе противника выдачею выкупа или чернаго бора [4]); а славившіяся нѣкогда предпріимчивостью и храбростью новгородцы [5]) находятъ исходъ своимъ военнымъ подвигамъ въ Заволочьѣ и ушкуйничествѣ—на Волгѣ, процвѣтавшемъ въ XIV вѣкѣ [6]). Силы пригородовъ были вообще недостаточны (1257—Торжокъ, 1314—Ладога) и, въ случаѣ нападеній, они должны были обращаться къ митрополіи [7]). Поэтому для защиты своихъ волостей новгородцы нерѣдко принимали литовскихъ князей (XIV—XV вв.); а съ возникновеніемъ соперничества между

---

[1]) „А на Ярославлихъ любъвницѣхъ поимаша Новгородци кунъ много и на Городищанохъ, а дворовъ ихъ не грабяче, и даша на великый мостъ“ (1229), постр. тогда въ Новгородѣ.

[2]) О немъ въ своемъ мѣстѣ.

[3]) Новг. Синод. лѣт., 270—280, 323; П. С. Р. лѣт., IV, 39.

[4]) Еще Юрій II дважды бралъ съ Новгорода по 7000 (Новгор. Синод., 221).

[5]) Лавр. лѣт., 470—72: Никон., III, 57. Въ походѣ на Чудь (1178) Мстиславъ Рост. насчиталъ 20000 воиновъ (Ипат., 412).

[6]) Въ періодъ 1320—1409 г., при чемъ бывало 90—250 ушк. заразъ, а, полагая по 50 чел. въ каждомъ, принимаютъ до 10000 участниковъ (Шпилевскій, Древ. гор. Булгаръ, 170—175; Бережковъ, 42, 44). Вмѣстѣ съ тѣмъ они являлись здѣсь колонизаторами края.

[7]) Костомаровъ, II, 86.

Москвою и Литвою, Новгородъ не обнаруживаетъ ясной и опредѣленной политики, какъ было наприм. при Василіѣ Дм., когда Витовтъ также воспользовался богатымъ съ него окупомъ (1428). Новгородъ охотно давалъ въ своихъ стѣнахъ пріютъ князьямъ—изгнанникамъ, нуждаясь въ представителѣ княжеской власти и не безъ основанія надѣясь на ихъ поддержку; но тѣмъ самымъ вызывалъ неудовольствіе со стороны противниковъ. Походы Василія Темнаго (1441, 1456) дорого обошлись Новгороду и привели къ Яжелбицкому договору, заключавшему въ себѣ шагъ къ подчиненію его Москвѣ. Понятно, почему здѣсь питали такую ненависть къ московскому князю и это обнаружилось, когда онъ пріѣхалъ въ Новгородъ вмѣстѣ съ сын. Юріемъ и Андреемъ (1460), въ заговорѣ на ихъ жизнь, который съ большимъ трудомъ былъ отстраненъ архіеп. Іоною [1]). Между тѣмъ борьба партій на почвѣ отношеній „большихъ“ и „меньшихъ“ людей [2]), сторонниковъ Литвы и Москвы, церковной независимости и единства съ послѣдней, возгорѣлась съ прежней силой и еще съ большимъ ожесточеніемъ. Она проявилась въ обычномъ преслѣдованіи противниковъ и неправомъ судѣ, который отражался даже въ рѣшеніяхъ вѣча,—этого наиболѣе чувствительнаго и вліятельнаго органа общественной власти [3]). И въ то время, какъ московскій князь готовился уже занести руку на независимость Новгорода, олигархическая партія договаривалась съ Казимиромъ IV. Три похода Ивана III (1471, 1477, 1479) на Новгородъ, предпринятые во имя нарушенныхъ правъ и суда, сравняли Новгородъ съ положеніемъ прочихъ московскихъ областей, но дорого обошлись, какъ ему, такъ и его волостямъ.

Впрочемъ, чтобы ясно опредѣлить все значеніе совершившихся событій, необходимо имѣть въ виду, что одновременно съ тѣмъ происходило объединеніе государствъ на Западѣ—на развалинахъ феода-

---

[1]) П. С. Р. лѣт., VI, 182.

[2]) Названія свойственныя и западно-европ. город. общинамъ: „majores et minores“, „popolo grasso“ и „popolo minuto“ (П. Сабатье, Жизнь Франциска Ассиз. с. VIII). „Boni homines de Communi“,—обычное выраженіе во всѣхъ итальянскихъ демократіяхъ (Gregorovius, V, 44, 310, 340); ср. „вящшіе“, „лѣпшіе“, „добрые люди“ (Новг. Синод. л., 133, 276, 280, 351, 360). Замѣчаніе о политикѣ большихъ и меньшихъ людей въ Новгородѣ (Б. Рюминъ, Исторія, I, 343—345).

[3]) П. С. Р. лѣт., IV, 124—126; Новгор. лѣт., 1446, 1470. Порицаніе борьбы партій, соединенной съ нарушеніемъ правды въ посл. м. Іоны въ Новгородъ (Р. Ист. библ., VI, 544—550).

лизма и упадокъ городскихъ общинъ, и что современникомъ Ивана III былъ Людовикъ XI во Франціи [1]); хотя средства, которыми совершилось это объединеніе, не могутъ вызвать сочувствія у историка и поэтому слово „опасъ" (защита) въ устахъ Ивана III звучитъ ироніей, заставляющей невольно припоминать слова Тацита въ рѣчи Церіала, обращенной къ тревирамъ: „тѣ, которые домогаются поработить себѣ другихъ, обыкновенно выставляютъ на видъ, что они приносятъ имъ свободу" [2]).

II.

Политическія условія, благопріятствовавшія независимости Новгорода [3]), содѣйствовали развитію въ его отношеніяхъ къ князьямъ договорнаго начала [4]), обезпечивавшаго за нимъ неприкосновенность его волостей, мѣстный судъ [5]) и финансовыя права, точно опредѣлявшія доходы князя и дани [6]). Слѣдуетъ отмѣтить еще особенность: въ

[1]) Въ XV в. отмѣчается упадокъ городскихъ общинъ въ Италіи и утвержденіе идей монархизма (Gregorovius, VI, 645; ср. V, 338). Франція уже въ полов. XV в. является типичнымъ представителемъ централизованнаго монархическаго государства въ З. Европѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ образцомъ для подражанія на континентѣ. Въ Германіи объединительныя стремленія систематически проводились Максимиліаномъ I (Гейсеръ, Ист. реформаціи, 28—30, 35, 46—50; И. В. Лучицкій, Максим. I и его реформы въ Австр. земляхъ, по поводу соч. Ульмана и Адлера, Унив. Изв. 1887, № 4). Въ Польшѣ объ этомъ хлопочетъ Казимиръ IV (Бобржинскій, I, 265—270), тотъ самый, покровительства котораго искали новгородцы.

[2]) Historiarum IV, 73.

[3]) Въ Новгородѣ иногда сидѣли малолѣтніе князья, какъ случалось, впрочемъ, и въ др. земляхъ (Погодинъ, VI, 269; VII, 451—52); но князь былъ необходимъ (П. С. Р. л., III, 14; Новгор. Синод. л., 148). Позже смотрѣли иначе (294).

[4]) Договоры (1264—1471) см. въ Собр. госуд. грам. и догов., т. I; Акты арх. экспед., т. I, Акты ист., т. I; перечень у Срезневскаго (Памят. письма) и Соловьева (Объ отнош. Новгорода къ вел. князьямъ, 128—154).

[5]) По грамотѣ Людовика VI члены ланской коммуны не могли быть судимы внѣ города (Aug. Thierry, Lettres sur l'hist. de France, chap. IV). Краковскіе мѣщане могли судиться только въ стѣнахъ города (Бобржинскій, I, 275). Любопытное нарушеніе этого права (съ примѣненіемъ смертной казни и уплатой значительной пени) тѣмъ же Казимиромъ IV (ibid., 277). Суздальскіе и моск. князья обязывались не судить новгородцевъ въ своей землѣ.

[6]) Продержавъ кн. Мстислава Всев. (съ семейст.) 2 мѣс. и 4 дня, новгородцы такъ объявили его вины: „не блюлъ черныхъ людей; хотѣлъ оставить Новгородъ и сѣсть въ Переяславлѣ (южномъ); поднявъ войну на суздальцевъ и ростовцевъ, не крѣпко бился и бѣжалъ прежде всѣхъ; полюбилъ веселиться и утѣшаться, а не управлять; собралъ ястребовъ и собакъ, а людей не судилъ; велѣлъ намъ присоединиться къ Всеволоду Ольг. и потомъ отступить; собрали и др. многія вины про-

XII в. князья нерѣдко женились на новгородкахъ [1]). Въ противовѣсъ князю сильное развитіе пріобрѣтаетъ вѣче, имѣвшее мѣсто не только въ Новгородѣ, но и въ пригородахъ; однако, воля перваго становилась обязательною для послѣднихъ [2]). Власть вѣча обнимаетъ всѣ стороны новгородской жизни [3]). Представительныя учрежденія, по справедливому замѣчанію Чичерина, у всѣхъ европейскихъ народовъ имѣютъ одинакія историческія основы; вездѣ они одинаково подвергались болѣе или менѣе продолжительному затменію; потомъ они возникаютъ снова, въ измѣненной формѣ, у иныхъ ранѣе, у другихъ позднѣе [4]). Аккламація и единогласіе были обычными пріемами въ рѣшеніи дѣлъ этихъ собраній, откуда слѣдовали и многіе ихъ недостатки [5]). Но уже весьма рано сталъ выдѣляться верхній слой новгородскаго гражданства, по мнѣнію однихъ, благодаря сильному зе-

---

тивъ него и „не пустили, пока не придетъ другой князь“ (Новг. Син. л., 129; Никон., IX, 159). По изгнаніи, сторонники его стрѣляли въ преемника его—Святослава Ольг., „но живъ остался“ (1136). Въ другомъ случаѣ (1270) князь (Ярославъ Яр.) вызвалъ неудовольствіе захватомъ мѣстъ для своей охоты и удаленіемъ иноземцевъ, получившихъ уже значеніе для Новгорода.

[1]) Мстиславъ Влад. (1122), Всеволодъ Мст. (1123), Мстиславъ Юр. (1155), Мстиславъ Рост. (1176). Ср. Погодинъ, VII, 458. Въ 1136 г. Святославъ Ольг. женился въ Нов-дѣ и вѣнчался у своихъ поповъ, такъ какъ еп. Нифонтъ запретилъ его вѣнчать попамъ и монахамъ, сказавъ: „не достойно тебѣ ее взять“ (Новг. Син. л., 129). Нифонтъ былъ присланъ изъ Кіева.

[2]) Бѣляевъ, 165. Въ Новгородѣ иногда участвовали представители пригородовъ (1136, 1270, 1384).

[3]) П. С. Р. лѣт. и Новг. лѣт. (1209, 1218, 1228, 1230, 1270). Уже въ полов. XII вѣка вѣче беретъ въ свои руки важнѣйшія дѣла и собирается весьма часто (Ипат. лѣт., 349).

[4]) О народномъ представительствѣ, 200. Ср. труды по исторіи вѣчевыхъ собраній: Сергѣевича, Градовскаго, Лимберта, Дьячана и др. О позднихъ остаткахъ ихъ (въ Волын. землѣ, Соч. Иванишева, 231—247; въ Германіи, Мауреръ, Введеніе въ ист. общин. и город. устройства, 209; въ Аппенцелѣ, Ист. Вѣстн. 1895, № 12, с. 981). О „вѣчевой степени“, объ участіи народа въ вѣчѣ и значеніи архіепископа (Зап. Ак. Н., кн. I, зам. Пекарскаго; Древн. М. Арх. общ., I, 95—100; Сочин. Иловайскаго, II, 48—53). Полный составъ новгор. вѣча опредѣляется такъ: „посадникъ степенный Вел. Новг. и старые посадники, тысяцкой степенный и старые тысяцкіе, и бояре, и житьи люди, и купцы, и черные люди, и весь господинъ государь В. Н-дъ“ (Ак. Арх. экспед., I, 47). Въ одномъ сказ. о чудѣ отъ образа въ Вел. Новгородѣ 6867 (1359) читаемъ: „Сицѣ убо живущимъ новгородцемъ владѣюще по своей области, *яже имъ Богъ повелѣ, а князи держаху по своей воли*“ и т. д. (Отч. И. Пуб. библ. 1898, стр. 110). „У насъ князя нѣгуть, но Богъ, правда и св. Софья“ (Новг. л., 294).

[5]) Gregorovius, III, 323, 378; VI, 144; Дьячанъ, 27, 98, 116. Способъ этотъ, обычный въ древности (Аристотель, Политика, 97; ср. Эсхилъ, „Просящіе защиты“)

млевладѣльческому классу [1]); а по другимъ [2])—торговымъ оборотамъ; но вѣрнѣе соединенію того и другого въ однѣхъ рукахъ. Такимъ образомъ, какъ въ Венеціи, мы здѣсь видимъ сосредоточеніе власти почти въ однѣхъ и тѣхъ же фамиліяхъ. Такъ, съ 1126—1400 г., по лѣтописямъ, насчитывается не болѣе сорока фамилій, изъ которыхъ выбирались посадники и тысяцкіе; а изъ нихъ нѣкоторые дали по нѣскольку посадниковъ, почти слѣдовавшихъ одинъ за другимъ [3]), причемъ самый срокъ ихъ все чаще сталъ зависѣть отъ настроенія вѣча и борьбы партій [4]). Вначалѣ представители новгородскаго боярства (господа) нерѣдко являлись защитниками интересовъ народной массы, но къ к. XIV в. и въ XV в. берутъ верхъ узко-классовыя тенденціи, вслѣдствіе чего представители купечества вытѣсняются изъ правит. совѣта [5]).

Мы видѣли, что уже на первыхъ порахъ новгородцы являются въ роли купцовъ: послѣднихъ мы находимъ во всѣхъ извѣстныхъ

и въ средніе вѣка (Гизо, Ист. цив. во Франціи, IV, 48—49), какъ и жребій (ср. избраніе архіеп. въ Новгородѣ и др. акты). Способъ созыва вѣча—набатъ (Gregorovius, VI, 46, 81, 139, 218, 298, 308, 486, 561, 563, 596; Thierry, Lettres, chap. VIII). Партійная борьба, характеризующая новг. вѣче (о тайныхъ вѣчахъ по дворамъ, Ипат. л., 368) едва ли отличалась болѣе непривлекательными чертами, чѣмъ подобныя собранія въ древности (Гаст. Буасье, Цицеронъ, 187—188) и средніе вѣка (Gregorovius, VI, 643). Попытки сближенія въ устройствѣ сѣв. русскихъ общинъ съ древними и средневѣковыми не разъ дѣлались въ нашей литературѣ (Карамзинъ, VI, 82; А. И. Никитскій, Очеркъ внутр. ист. Пскова, Спб. 1873; Н. И. Карѣевъ, Городъ—государство, Спб. 1903). „Концы (въ Новгородѣ и Псковѣ) были не что иное какъ трибы или филы, какъ послѣднія были сформированы Клисѳеномъ, т. е. мѣстные политическіе союзы“ и т. д. (Никитскій, 161—162).

[1]) Иловайскій, II, 343—344; Сочин., II, 53—57; Б. Рюминъ, I, 343—345; Бѣляевъ (грам. о „скотникахъ и помужникахъ“, Новгородъ, 57—59).

[2]) Гильфердингъ, Никитскій; собственно промышленнымъ предпріятіямъ (Ключевскій, Боярская Дума, глава 8-я).

[3]) Бѣляевъ, 168—170, 180. Посадники въ пригородахъ почти также выбирались изъ новгородскихъ бояръ (171). Родъ Михаила Степановича съ 1180—1388 г. далъ 12 посадниковъ (168); Степанъ Твердиславичъ († 1243) посадничалъ почти 13 лѣтъ (П. С. Р. лѣт., III, 54; Новгор. Синод., 263).

[4]) По указанію Ланнуа, въ XV в. посадники и тысяцкіе смѣнялись ежегодно (р. 34). Всѣхъ посадниковъ въ Новгородѣ насчитывается до 132 (Прозоровскій, Вѣстн. Арх. инст., вып. IX). Въ лѣтописяхъ весьма часто упоминается о постриженіи посадниковъ, особенно во время народныхъ бѣдствій (Новг. Син. лѣт., 179, 188, 189, 212, 382, 394, 398, 405, 411; бояръ, 189, 388). О бояр. семьѣ Алфановыхъ въ к. XIV в. (Жж. Филарета, іюнь, 98—100); о Василіѣ Шенкурскомъ (ibid., 100).

[5]) Никитскій (Прав. совѣтъ); Ключевскій (Боярская Дума, с. 214).

русскихъ областяхъ [1]), нерѣдко въ значительномъ числѣ, обладающими своими храмами и дворами и ведущими торговлю на широкихъ основаніяхъ: въ Кіевѣ (1096), Черниговѣ (1225), Смоленскѣ, Владимірѣ Вол. (1228), Владимірѣ на Клязьмѣ (1273), Переяславлѣ, Залѣсскомъ, Твери и др. поволжскихъ городахъ [2]), гдѣ ихъ предпріятія сливаются съ набѣгами ушкуйниковъ. Нѣмецкая торговля (съ к. XII в.) содѣйствовала возникновенію класса капиталистовъ. Дѣло посадника Дм. Мирошкинича (1209) и его братьевъ (доски Дмитрія—долговыя обязательства) показываетъ, къ какимъ средствамъ прибѣгали уже властвовавшія лица въ интересахъ своего обогащенія. Опасенія за военные расходы и торговые убытки заставляли новгородскихъ бояръ предпочитать уплату дани (1391) болѣе почетному миру [3]), и, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, новгородцы въ теченіе XIV и перв. пол. XV стол. въ состояніи были уплатить тверскимъ и москов. князьямъ до $1^1/_2$ мил. деньгами на нашъ счетъ; а въ 1476 и 78 гг., не считая дорогихъ иностранныхъ произведеній, винъ, суконъ, шелковыхъ тканей, сосудовъ, золотыхъ и серебр. издѣлій, поднесенныхъ въ даръ Ивану III, они уплатили ему до 300000 рублей. Пользуясь денежными средствами и вліяніемъ новгородскіе бояре и гости пріобрѣтаютъ значительную земельную собственность. Такъ, въ XIV в., на Вагѣ возникаетъ обширная боярская вотчина Своеземцевыхъ; а затѣмъ, на Вагѣ же и по Двинѣ, появляется еще 12 боярщинъ, заводится въ широкихъ размѣрахъ хлѣбопашество, строятся городки и возникаетъ мон-рь (ок. 1450), основан. посадн. Вас. Степ. Своеземцевымъ [4]). Заволочье было мѣстомъ подвиговъ боярской молодежи, которая вела борьбу съ инородцами и моск. отрядами, а нерѣдко отказывала въ повиновеніи и самому Вел. Новго-

---

[1]) См. выше, сс. 162, 482, 486—87, 502, 507—508, 531, 561, 565.

[2]) Ипат. л., 350, 503, 605; П. С. Р. лѣт., VII, 123; X, 92; Лавр. л., 483. Ср. лѣт. разсказъ о Гюрятѣ Роговичѣ, имѣвшемъ дѣла въ Югрѣ и Кіевѣ (226—227; П. С. Рус. лѣт., I, 107; IX, 127; VII, 10). Торговля льномъ между Новгородомъ, Суздалемъ и Тверью производилась еще до 1236 г. (Собр. гос. грам., I, №№ 1 и 15). Въ 1216 г. въ Переяславлѣ Залѣсскомъ было заразъ 150 новгор. купцовъ (П. С. Р. лѣт., 215). Типы новг. купцовъ выведены въ сказаніяхъ о Щилѣ (поздняя редакція, Ключевскій, 201—202) и Садкѣ.

[3]) Бѣляевъ, 475.

[4]) Историч. опис. Ваги и Шенкурска, сост. по докум. М. Мясниковымъ, Отеч. Зап. 1829, чч. XXXVII—VIII; Сѣв. Арх. 1827, ч. XXVII; Ист. взглядъ на Važ. двин. удѣльн. крест., П. Воронова, Этн. Сборн., V, 8—9.

роду [1]). Такимъ образомъ, посѣтившій въ 1413 г. Новгородъ камерг. бург. герц. де-Ланнуа, замѣтилъ, что въ этомъ послѣднемъ много знатныхъ господъ, которыхъ называютъ боярами, а у иного изъ нихъ земли миль на 200 въ длину. „Удивительно богаты и могущественны они", прибавляетъ Ланнуа [2]). Постепенно боярство и духовенство успѣли захватить и всѣ земли, лежавшія въ окрестностяхъ Новгорода [3]); а въ связи съ указанными условіями наблюдается упадокъ крестьянской общины. Въ к. XV в. классъ поземельныхъ собственниковъ въ ближайшихъ къ Новгороду погостахъ имѣлъ уже весьма ничтожное число представителей, за исключеніемъ сѣверныхъ частей новгородскихъ пятинъ [4]). И въ значительной степени этой экономической подкладкой объясняется рядъ народныхъ волненій въ Новгородѣ въ теченіе XIV и XV стол., направленныхъ противъ „бояръ и житыхъ людей", сопровождавшихся обыкновенно разграбленіемъ ихъ домовъ, имущества и селъ (напр. 1310, 1332, 1340, 1351, 1418, 1421, 1445 гг., по новгор. лѣт-мъ) и дающихъ право указывать на существенныя измѣненія въ соціальныхъ отношеніяхъ, происшедшія въ этотъ періодъ [5]). Возникновеніе внутренней борьбы иногда соединялось съ большимъ

---

[1]) „Знаменитѣйшія новгородскія фамиліи, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалась власть, были въ то же время главными землевладѣльцами въ Заволочьѣ" (Бѣляевъ, Новгородъ Великій, 37—39). Въ 30-хъ годахъ XIV в. насчитывалось въ Новгородѣ до 300 бояръ „золотыхъ кушаковъ" (Рус. лив. акты, 57—58) и, какъ полагаютъ, это было внѣшнее ихъ отличіе, быть можетъ членовъ правит. совѣта (Бережковъ, 250). По другимъ, въ составъ полнаго совѣта (ок. полов. XV в.) входило до 50 чел. (должн. лица, включая старостъ концовъ и сотскихъ и старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ), чему какъ бы соотвѣтствуетъ извѣстная грамота, выданная въ 1478 г. московскимъ боярамъ и скрѣпленная 58 печатями (Ключевскій, Бояр. Дума, 215). Въ пригородахъ были свои бояре (Костомаровъ, II, 28).

[2]) Oeuvres de Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste, rec. et publ. par. Ch. Potvin, Louv. 1878, p. 33; ср. П. С. Р. л., VI; 236. Болѣе видные примѣры ранняго обогащенія и торговой предпріимчивости—Гюрята Роговичъ и посадн. Дм. Мирошкиничъ: его богатство, способы пріобрѣтенія, разграбленіе и преслѣдованіе рода (П. С. Р. лѣт., I, 210-211; III, 29—31; IV, 19; V, 172; VII, 115—116).

[3]) Никитскій; ср. архим. Сергій, Новгор. у. Вотской пятины (Чт. въ Общ. ист. и древн. 1899, IV, 47—54: „въ рукахъ дух. передъ паденіемъ Н-да могла быть ½ новгор. земель").

[4]) Никитскій, 191—192; Записная книга крѣпост. актамъ по Вел. Новгороду XV—XVI вв. (Рус. Ист. библ., т. XVII).

[5]) Бѣляевъ, 517. Иногда прямо говорится о нападеніяхъ на „дома бояръ", а иногда—на „торгъ" (Новг. Синод. л., 302).

голодомъ или неурожаемъ (1421, 1445). Въ самый моментъ появленія Ивана III подъ Новгородомъ (1471) въ городѣ обнаружился хлѣбный кризисъ: отсутствіе ржаного хлѣба на рынкѣ и малое количество пшеничнаго, чтò вызвало вражду между потребителями того и другого и ускорило заключеніе мира [1]). Въ связи съ этими обстоятельствами находятся два весьма важныя распоряженія, указывающія на крайнее обостреніе взаимныхъ отношеній въ соціальномъ строѣ Новгорода. Въ договоръ послѣдняго съ Казимиромъ IV (ок. 1470) было внесено условіе, чтобы доносы смердовъ на своихъ господъ не принимались во вниманіе [2]); а въ моментъ борьбы съ Москвою (1471), Мароа и ея сторонники, чтобы пріобрѣсть поддержку, прибѣгли къ весьма важной мѣрѣ: они стали раздавать софійскую казну многимъ людямъ съ тѣмъ, чтобы смерды могли откупиться на свободу [3]). Заслуживаетъ также вниманія, что въ политическомъ движеніи послѣднихъ лѣтъ самостоятельности Новгорода принимали дѣятельное участіе женщины, вытекавшее изъ значенія женщины—вдовы вообще и особенностей новгородскаго быта. Это были: Мароа посадница (Борецкая), Анастасія, ж. бояр. Ивана Григорьевича, и Евоимія, ж. посад. Есипа Андр. Горошкова [4]), обладавшія значительными средствами и землями, какъ то видно изъ лѣтописей и новгор. писцовыхъ книгъ [5]). Вотъ почему, какъ можно полагать, Иванъ III, покончивъ съ свободою Новгорода, велѣлъ взять присягу (1478) не только со всѣхъ людей, но и съ женъ боярскихъ и вдовъ [6]).

III.

Новгородцы были ранними насельниками сѣверо-вост. края Россіи, то какъ колонизаторы и промышленники, въ Ростово-Суздальской

---

[1]) П. С. Р. лѣт., IV, 128.

[2]) Акты Арх. экспед., I, № 87, стр. 64.

[3]) П. Собр. рус. лѣт., VI, с. 6. При перечисленіи состава имущества частныхъ лицъ почти всегда упоминаются рабы (Никитскій, Эконом. быть Новгорода Вел., с. 10), цѣна которыхъ по актамъ пол. XV в. = $1\frac{1}{2}$—3 р., а благодаря увеличенію капиталовъ, контингентъ ихъ возрастаетъ въ силу укрѣпленія по кабальнымъ сдѣлкамъ; Кабальныя новгор. книги 1597—1600 (Р. Ист. библ., т. XV); Запис. книга крѣпостн. актамъ XV—XVI стол. въ Новгородѣ (ibid., т. XVII).

[4]) П. С. Р. лѣт., III, 111, 142; IV, 121, 214; VI, 16, 201—203.

[5]) Писцов. книги, изд. Арх. ком.; Врем. Общ. ист. и древн., кн. VI, XI и XII (Писц. и Оклад. книги).

[6]) П. С. Рус. лѣт., VI, 219; VIII, 197.

области, то какъ промышленники и землевладѣльцы, въ предѣлахъ Двинскаго края, Еми (Финляндія) и Югры [1]). Однако, въ распространеніи своемъ на западъ новгородцы рано встрѣтили противодѣйствіе въ борьбѣ съ чудью и емью, претендентами на земли которыхъ являются сначала шведы, а затѣмъ и нѣмцы. Такимъ образомъ, съ первой полов. XII в. между Новгородомъ и Швеціей возникаетъ изъ-за обладанія Емью рядъ взаимныхъ нападеній и болѣе или менѣе ожесточенныхъ войнъ (1142, 1176, 1187—88, 1190, 1191, 1213, 1217, 1227, 1240—битва на р. Невѣ, 1249, 1256, 1284, 1292, 1295, 1300, 1310, 1312, 1313, 1320, 1323, 1337—38, 1340, 1348, 1392—1396, 1411, 1446), преградившихъ, однако, путь новгородской колонизаціи въ этомъ направленіи; а воздвигнутые на этой территоріи города (Копорье, 1270, съ камен. стѣною, вновь укрѣпл. въ 1297 г., Орѣховъ, 1323, Ямъ, укрѣпл. въ 1393 г., а шведами Выборгъ въ 1293, Корела—Кексгольмъ, 1295 и Ландскрона, 1393), постоянно являлись предметомъ военныхъ операцій съ обѣихъ сторонъ, часто переходя изъ рукъ въ руки. Между тѣмъ, съ начала XIII в. Новгороду стала угрожать опасность съ другой стороны, по утвержденіи на Балтійскомъ м. Ливонскаго ордена, въ предѣлахъ Чуди (ливы и эсты). Уже въ 1224 г. нѣмцы успѣли занять Юрьевъ (Дерптъ), основанный Ярославомъ I, послѣдній городъ въ Чудской землѣ, вытѣснили совершенно новгородцевъ изъ Эстоніи, а затѣмъ временно захватываютъ (1233) Изборскъ и вступаютъ въ продолжительную борьбу съ Новгородомъ и Псковомъ (1233, 1237, 1241—Ледовое побоище, 1253, 1262, 1268—Раковорская битва, съ участіемъ датчанъ; 1283, 1294, 1298, 1445, 1447,—въ союзѣ со шведами [2]). И почти одновременно

---

[1]) О путяхъ этого народнаго движенія см. И. Д. Бѣляевъ: „О великорусскомъ племени“ (Сборн. антроп. и археол. статей о Россіи 1868, I, 118—129); Никитскій (с. 9—о народн. значеніи ея); Бережковъ (объ участіи ушкуйниковъ, 42—44); Русскій языкъ въ Сибири, Сынъ Отеч. 1840, V; Опытъ областн. Великорус. словаря, изд. 2-мъ Отд. И. Ак. Н., рец. В. И. Даля (Вѣст. Геогр. Общ. 1852, VI); Е. В. Барсовъ (Изъ ист. колониз. и культуры Ростов. края, Тр. Яросл. област. съѣзда, 164—170); А. И. Соболевскій (Откуда шла рус. колониз. въ Рост. Сузд. обл., ib., 99—103). А. В. Оксеновъ и др. (см. библіогр.).

[2]) У древнихъ римлянъ и германцевъ былъ строй, извѣстный подъ именемъ „клина“ (per cuneos, Тацитъ; ср. о гуннахъ у Ам. Марцеллина, lib. XXI, 2; Велишскій, Бытъ грековъ и римлянъ, 579), употреблявшійся также и англами (Трайль, I, 163, кабанья голова, boar's head array).—Нѣмцы и чудь (1242) „прошибошася свиньею сквозѣ полкъ“ (Новг. Синод. лѣт., 260); „Новгородци же сташа в лице желѣзному полку противу великой свиньи“ (1268; с. 288); „и узрѣша иныи

начались нападенія на новгородскія владѣнія литовцевъ (1183—на Псковъ; 1213—опять на Псковъ и мѣста по Шелони; 1224—на Русу; 1225—на Торжокъ; 1229—1234—на Русу; 1245—на окрестн. Торжка, Бѣжичей и Торопца; 1253—на Торопецъ; 1285—на мѣста по Ловати). Послѣ кратковременнаго союза съ Гедиминомъ, въ защиту отъ притязаній московскаго князя (1333), враждебныя отношенія Новгорода къ Литвѣ не прекращались: при Ольгердѣ (1345) и Витовтѣ (1328), а съ Свидригайломъ (1431), Сигизмундомъ (1435) и Казимиромъ (1440) пришлось заключить договоры, предоставлявшіе литовскимъ князьямъ въ Ржевѣ, В. Лукахъ и др. пограничныхъ мѣстахъ собирать дани и пошлины и держать своихъ тіуновъ, а литовцамъ пользоваться правами свободной торговли.

Встрѣтивъ противодѣйствіе на югѣ и западѣ, новгородцы безпрепятственно распространяли свое господство въ предѣлахъ с. в. Россіи. Главною приманкою ихъ здѣсь служили серебро (закамское [1]), на которое такъ льстились потомъ моск. князья, и мѣха, находившіе сбытъ не только въ Россіи, но и на Западѣ, и на Востокѣ [2]). Въ предѣлы Заволочской чуди новгородцы проникли весьма рано (1032), хотя и терпѣли неудачи (Глѣбъ Свят. былъ убитъ въ 1079) и куда проникали иногда противники Новгорода изъ низовой земли (1169—суздальцы); но только въ XIV в. встрѣчаемъ здѣсь болѣе прочные опорные пункты (гг. Емецъ, Орлецъ) и болѣе плотную новгородскую

полчищь свинью великую, которая бяше вразилася в возникы Новгородьскыѣ" (290).

[1]) Новгор. Синод. лѣт., 328. При нападеніи новгородцевъ на Югру (1193), послѣдняя говорила: „копимъ сребро, соболи и ина узорочья" (ibid., 167). О даньщикахъ въ Югрѣ (1187, 1445; стр. 161, 426); о набѣгахъ на Югру съ цѣлью грабежей (Новгор. лѣт., 169, 320, 324); о богатствѣ новгородцевъ серебромъ и мѣхами (169, 192, 292, 319, 320, 323, 340, 410, 413). Еще въ XIII в. (1216, 1222) скандинавы (шведы и норвежцы) являлись въ предѣлы Біарміи (Перми) и получали тамъ серебро и мѣха (Карамзинъ, III, 126—127).

[2]) Въ X вѣкѣ упоминается о русскихъ мѣхахъ, какъ о почетныхъ подаркахъ, которыми обмѣнивались государи. Ад. Бременскій (XI в.) и Гельмольдъ (XII в.) жалуются на смертоносную заразу и причину „гордости и тщеславія, внесенныя дорогими мѣхами, приходившими изъ сѣверныхъ странъ". Дороже всего цѣнились соболь, бобрь и горностай. Въ XII и XIII вв. издавались строгія мѣры относительно права ношенія мѣховой одежды, которымъ пользовалось рыцарское сословіе и по прежнему раздаются жалобы на то, что многіе гораздо болѣе заботятся о пріобрѣтеніи дорогихъ куньихъ мѣховъ, нежели о спасеніи душъ (Вейсъ, Внѣш. бытъ, II, ч. II, 167. 181—182, 417, 421; ср. выше, с. 159, прим.). Объ обиліи получаемыхъ на Западѣ мѣховъ (Васильевскій, Древ. торг. Кіева съ Регенсб., Ж.

колонизацію (см. выше, стр. 607[1]). Въ началѣ XIII в. новгородцы утвердились на Терскомъ берегу (зап. бер. Бѣлаго моря[2]), въ предѣлахъ которыхъ не разъ имъ приходилось отбиваться отъ норвежцевъ и вторгаться въ ихъ предѣлы, по Бѣлому морю (1320, 1348, 1411, 1419, 1445). Весьма рано новгородцы располагали Печорою, платившею имъ дань (1092), а затѣмъ и Пермью (1187)[3]), хотя послѣдняя продолжала управляться своими князьями вплоть до XV в., причемъ христіанство распространилось здѣсь не изъ предѣловъ Новгорода, а изъ Москвы (XIV в.); нѣкоторые же изъ князей ея приняли его гораздо позже (1463). — Въ такомъ же отношеніи стояла къ Новгороду и Югра, издавна привлекавшая сюда новгородцевъ (см. выше, стр. 612) мѣхами, серебромъ и золотомъ[4]); но сборъ дани съ инородцевъ соединялся нерѣдко съ большими препятствіями (1184, 1193). Тѣмъ не менѣе Пермь и Югра достались Москвѣ уже послѣ подчиненія Новгорода (1472, 1484—85).

Подобнымъ же образомъ, какъ возникали другія новгородскія колоніи, на отдаленномъ востокѣ, среди вотяковъ, были основаны (XIV—XV в.) гг. Хлыновъ (Вятка), Никулицынъ, Котельничъ (Кокшаровъ), Орловъ, Шестаковъ, въ которыхъ появляются церкви и погосты; но съ Новгородомъ эта область (Вятка) сохраняла весьма слабую связь, нерѣдко давала пріютъ новгородскимъ удальцамъ, а ея жители вмѣстѣ съ ними нападали на татаръ, по Камѣ и Волгѣ, и на новгородскія поселенія (1417—по Двинѣ, 1436, 1438—на Устюгъ и Гледенъ). Предоставивши пріютъ противникамъ москов.

М. Н. Пр. 1888, № 7; Трайль, I, 219, 362; II. 102; Тьерри, I, 294). Въ свою очередь, отдаленный Востокъ уже съ VIII в. получалъ мѣха изъ Руси, а при Сельджукахъ они становятся обязательною одеждою высшаго класса, и въ 1187 г., послѣ Тиверіадской битвы, воины набросились на лагерь крестоносцевъ, чтобы захватить прежде всего мѣховой товаръ, какъ любимый предметъ роскоши (Вейсъ, II, ч. I, 176—177, 189—190). Булгары служили посредниками въ доставленіи мѣховъ на Востокъ (Савельевъ, LXXVI-LXXX, CCI—CCVIII). О высокой цѣнѣ бобра свидѣтельствуетъ и Русская Правда (въ ней полагается 12 грив. пени съ того, кто украдетъ бобра). Ср. Ѳ. П. Кеппенъ, О прежн. и нын. распространеніи бобра въ предѣлахъ Россіи (Ж. М. Н. Пр. 1902, № 6).

[1]) Новгор. Синод. лѣт., 343, 449.

[2]) П. С. Р. лѣт., VI, 24. Ср. Тіандеръ (Поѣздки норманновъ въ Б. море, Изв. Акад. Н. 1902, № 3, с. 127—155).

[3]) Лавр. л., 10; Новгор. Синод. л., 161; ср. догов. Новгор. 1265 и 1270 (Собр. госуд. догов., I, №№ 2 и 3); Карамзинъ, II, прим. 64.

[4]) Лавр. лѣт., 226—27; Ипат. л., 163—164, 199.

князя (Василію Косому и Дмитрію Шемякѣ [1]), вятчане поддерживали въ немъ неудовольствіе (1456, 1457—походы противъ Вятки); а, принявъ участіе въ войнѣ противъ Новгорода (1471), не спасли тѣмъ своей независимости [2]). Но и въ предѣлахъ Двины, гдѣ новгородскія владѣнія соприкасались съ московскими, Новгородъ стремился къ расширенію своей территоріи: такъ, значительныя вотчины ростовскихъ князей, лежавшія по рр. Вагѣ, Юмышу, Велѣ, Кулую и др. или вотчина вел. князя Великая Слобода были захвачены новгородскими боярами и владычними волостелями [3]). Двинская область была мѣстомъ постоянныхъ столкновеній и борьбы между отрядами московскихъ и новгородскихъ людей (1337 и дал. [4]), а за захваты своихъ волостей новгородцы мстили набѣгами на Бѣлозерскъ, Кубенскія волости, Вологду, Орлецъ, почти до Галича (1398 [5]) и подобныя отношенія все чаще стали имѣть свое мѣсто (1401, 1417, 1426). Въ моментъ паденія Новгорода Заволочью, какъ и Псков}, пришлось сыграть рѣшающую роль.

Занятый торговыми интересами, Новгородъ, повидимому, мало заботился о внѣшнихъ опасностяхъ. Каменныя стѣны вокругъ Новгорода появляются лишь въ 1331—33 гг.; а каменныя постройки въ

[1]) Еще въ XIII в. Устюгъ бывалъ то въ рукахъ суздальскихъ князей, то булгаръ (1213). Бережковъ, 42.

[2]) О Вяткѣ см. лѣт. Новгор., Соф. Врем., Арханг. лѣт., Воскрес. и Никон. лл.; ср. Костомаровъ, Сѣв. рус. народоправ. I, 241—251; Бѣляевъ, 39—40; С. Васильевъ и Н. Бехтеревъ, Исторія Вятскаго края съ древ. временъ до нач. XIX ст. т. I. Отъ приб. Новг-цевъ на Вятку до нач. XVIII ст., Вят. 1870; А. С. Верещагинъ, Заселена ли была Вятка новгор. выходцами въ XII в? Откуда почерпнуты и насколько достовѣрны вообще показанія „Вятскаго лѣтописца" (Труды Яросл. Арх. с., I, 104—134). Ср. Старый Холопій городокъ на Мологѣ и его ярмарка, М. Бережкова (ibid., 43—53).

[3]) Бѣляевъ, В. Новгородъ, 567—568.

[4]) Получая право отъ Новгорода на возвращеніе захваченныхъ земель, новгородскія власти испрашивали благословеніе владыки на разысканіе „отчины св. Софіи и вел. Новгорода и головы сложить за нихъ" (Новгор. Синод. л., 385). Въ 1386 г. Новгородъ предоставилъ вел. князю взять на заволочанахъ, за грабежи на Волгѣ, 5000 р. Въ 1426 г. новгородцы взяли съ устюжанъ, за нападеніе на Заволочье, 8000 бѣлокъ и 6 сороковъ соболей (Новг. Синод. л., 413; П. С. Р. лѣтоп., IV, 120). Въ какихъ размѣрахъ происходили здѣсь столкновенія на экономической почвѣ, см. любопытную грамоту Василія Темнаго (Н. Лихачевъ, Разрядные дьяки, 106).

[5]) Новг. Синод. л., 386—388. Двиняне за измѣну уплатили 2000 р. и 3000 коней. Много поплатились здѣсь и моск. купцы, прочно утвердившіеся въ краѣ.

другихъ городахъ возводятся еще позже (1384, 1385). Псковъ въ к. XIV в. былъ еще плохо укрѣпленнымъ (1397 [1]). Въ 1387 г. Порховъ былъ укрѣпленъ каменною стѣною; въ 1430 г.—другою. Любопытно, что уже въ полов. XV в., спутникъ м. Исидора, побывавъ въ Новгородѣ и Псковѣ, а затѣмъ въ Юрьевѣ, сдѣлалъ такое замѣчаніе: „Городъ Юрьевъ—великій и каменный, нѣтъ такихъ у насъ“ [2]). Вѣрные торговой политикѣ, новгородцы въ 1397 году отвѣчали москов. и литов. князьямъ: „княже Василій (Дм.), съ тобою свой миръ, а съ Витовтомъ инъ, а съ нѣмцами инъ“ [3]), а во время опасности отъ шведовъ, передъ грознымъ походомъ кор. Магнуса (1348), они должны были войти въ соглашеніе со Псковомъ, признать его младшимъ братомъ, отказаться отъ своихъ правъ на управленіе и судъ во Псковѣ и ограничить вліяніе архіепископа въ церковныхъ дѣлахъ [4]); но и другіе пригороды отлагались иногда отъ Новгорода: въ 1435 г.—Ржева и В. Луки [5]), а заволоцкіе города постоянно переходили изъ рукъ въ руки.

Металлическія издѣлія доставлялись въ Новгородъ нѣмцами; но въ 1295 г. шведскій кор. Биргеръ не дозволилъ привозить русскимъ изъ Любека, Выборга и др. мѣстъ ни оружія, ни желѣза, ни стали [6]); подобныя же запрещенія не могли не отражаться на военномъ дѣлѣ. И въ то время, какъ болѣе сильные сосѣди стремятся къ захвату новг. волостей, новг. политика все чаще уклоняется отъ болѣе

---

[1]) Ланнуа (36—37) утверждаетъ, что Псковъ былъ лучше укрѣпленъ, чѣмъ Н-дъ.

[2]) Сахаровъ, Сказ. рус. народа, II, 82. Юрьевъ уже въ XIII—XIV вв. былъ хорошо обстроенъ, несмотря на жестокіе пожары 1328 и 1335 гг. (Новг. Син. лѣт., 93, 126, 164, 214, 243, 281, 323, 332, 350, 358, 360, 377). О новгородскомъ „дѣтинцѣ“ см. Новгор. Синод., 119, 120, 293, 325, 328, 330—32. Городъ, владычній домъ („дворъ“) и св. Софія сильно погорѣли въ 1368; исправленъ городъ въ 1400. Вновь отстроенъ въ 1491 г. Псковъ обводился частью деревянною, частью плитяною стѣною 1309—1406 г. (Псков. лѣт.). На Западѣ первоначально города довольствовались валомъ и рвомъ и только съ XIII в. каменныя стѣны считаются принадлежностью всякаго города. Въ спискѣ „русскихъ городовъ“ каменными городами отмѣчены: Новгородъ (дѣтинецъ), Ладога, Копорье, Ямъ, Порховъ, Псковъ („о четырехъ стѣнахъ“), Изборскъ и Островъ (449). Обыкновенныя постройки въ Новгородѣ наз. „избами“ (Синод., 118, 131; Новг. лѣт., 74, 92, 102) и даже „дьячья изба“ была деревянная, какъ и на „царскомъ дворѣ“ (79, 86, 110, 115). При избахъ упоминаются иногда бани (мыльня), 112; ср. П. С. Р. лѣт., VI, 286. О Юрьевѣ у Ланнуа (37).

[3]) П. С. Р. лѣт., IV, 102.

[4]) Ibid., 59: „посадникамъ новгородскимъ не быть и на судъ въ Н-дъ не звать“.

[5]) Новгор. Синод., 416; П. С. Р. лѣт., V, 89.

[6]) Cod. dipl. Lubec., I, DCXXXI; U. G. Hans., 271; Карамз., III, пр. 244; Аристовъ, 204.

рѣшительнаго и прямого образа дѣйствій: правители Новгорода предоставляютъ своимъ пригородамъ и волостямъ самимъ отдѣлываться отъ нападеній, а въ болѣе серьезныхъ случаяхъ предпочитаютъ уплатить требуемый выкупъ [1]). Не имѣя собственныхъ военныхъ вождей, Новгородъ легко открывалъ доступъ служилымъ князьямъ и кормленщикамъ, назначая имъ въ управленіе города и волости и требуя лишь отъ нихъ защиты въ минуту опасности: таковъ былъ въ теченіе XIV и XV в. цѣлый рядъ литовскихъ князей (1333, 1383—87, 1389, 1394, 1407, 1411, 1432, 1434, 1444, 1446, 1470), много содѣйствовавшихъ образованію здѣсь литовской партіи. Василій Ивановичъ смоленскій (1387), Константинъ Ивановичъ бѣлозерскій (1393), Василій и Иванъ Ѳед., сидѣвшіе въ Копорьѣ (1399), Юрій Свят. смол., изгнанный Витовтомъ и получившій въ надѣлъ 13 пригородовъ, Константинъ Дм. (1419), Василій Юр. Косой (1434), Дмитрій Юрьевичъ Шемяка (1452—53), Вас. Вас. Шуйскій-Гребенка (1470). Въ послѣдній періодъ самостоятельности Новгорода, здѣсь ясно обозначились двѣ партіи: *литовская* и *московская*, но послѣдняя, по религіознымъ и инымъ побужденіямъ, была гораздо сильнѣе [2]). Она дѣйствовала настойчивѣе и рѣшительнѣе, пользуясь всѣми промахами противниковъ.

Съ 1394 г. вел. кн. Василій Дм. держалъ своихъ намѣстниковъ въ Новгородѣ; онъ продержалъ почти три съ полов. года архіеп. Іоанна въ Москвѣ (по 1404); а Яжелбицкій договоръ, заключенный при его преемникѣ (1456), настолько ограничилъ сферу управленія и суда, что паденіе независимости Новгорода при Иванѣ III является лишь естественнымъ и прямымъ послѣдствіемъ этого договора.

По перенесеніи данныхъ, заключающихся въ писцовыхъ книгахъ, на карту, площадь Новгородской области, въ предѣлахъ такъ наз. пятинъ, можетъ быть обозначена въ количествѣ 282127 квадр. верстъ [3]). Что же касается населенія, жившаго на этомъ пространствѣ, то его полагаютъ въ пол. XI в. въ количествѣ 200000 чел., а для XV—XVI ст., одни, основываясь на данныхъ писцовыхъ и переписныхъ книгъ, а другіе на свидѣтельствахъ лѣтописей о количе-

[1]) См. Бѣляевъ, 470—471, 478, 486—487, 493, 508, 567. Сосѣди, даже литовцы и москвитяне, были лучше вооружены, а пушки появляются въ Новгородѣ не ранѣе 2-й пол. XV в. (Новг. Сип. л., 386, 392, 404; П. С. Р. л., IV, 128, 241; Карамзинъ, V, 70, 145, 234: пр. 136; VI, 28, 108; Костомаровъ, II, 84). Ср. Трайль, II, 149—152.

[2]) Бѣляевъ, 490, 493.

[3]) К. Неволинъ. Пятины и погосты новгор., сс. 55, 57.

ствѣ войска и степени смертности, свыше 1 мил. чел. [1]); но, принимая во вниманіе послѣднюю, едва ли оно достигало этой цифры. Въ ряду населенныхъ мѣстъ области первое мѣсто принадлежитъ, конечно, Новгороду. И тотъ же путешественникъ (см. выше, с. 613), посѣтившій городъ въ нач. XV ст. (р. 32), называетъ его „изумительно большимъ городомъ“: однако необходимо имѣть въ виду населенность тогдашнихъ городовъ вообще (см. выше, с. 561), чтобы не дѣлать изъ этого указанія слишкомъ широкаго обобщенія. Вопросъ о населенности Новгорода имѣетъ свою литературу и насколько онъ требуетъ осторожности въ рѣшеніи, видно изъ того, что, по разнымъ соображеніямъ (смертность, описи концовъ, число казненныхъ при Иванѣ Грозномъ и пр.), ее опредѣляли отъ 8000 до 400000 чел. [2]). Впрочемъ и болѣе умѣренная цифра (50000) является преувеличенной вслѣдствіе предположенія о болѣе населенномъ составѣ дворовъ. По даннымъ же 1545 г. видно, что количество дворовъ въ Новгородѣ=5096 [3]) или,

[1]) В. Лешковъ, Рус. народъ и государство, 201, 270; Ю. Гагемейстеръ, Разыск. о финан. древ. Россіи, 223, прим. 86. По извѣстію Альб. Кранца. писав. въ к. XV в. (Wandalia), въ Новгородѣ, въ 1390 г, въ теченіе 6 мѣсяцевъ отъ мора умерло 80000 чел. (Карамзинъ. V, 124, пр. 222; Соловьевъ, IV, 236). На основаніи договора Новгорода съ Витовтомъ 1426 г., Карамзинъ полагаетъ, что въ Новгородской землѣ было не свыше 110000 людей, платившихъ государственныя подати (V, 145). Въ Архив. Новгор. лѣт., по поводу мора 1467 г., показано, что во всѣхъ новгор. пятинахъ умерло отъ мора 250652 чел. (Карамз., VI, прим. 10; ср. И. Купріяновъ, Указаніе на нѣк. рукоп. новг. церквей и монаст., Ж. М. Н. П., ч. LXXX, с. 122—125), въ томъ числѣ въ одномъ Н-дѣ 48408 чел.,—цифра необычайная. Соображенія о степени возрастанія населенія въ Англіи со времени среднихъ вѣковъ (Ист. Вѣстн. 1880, III, 605; Ковалевскій, Общ. строй Англіи, 11).

[2]) Сводъ данныхъ см. въ ст. И. Красова: „Разборъ мнѣній о населеніи древняго Новгорода“ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1854, ч. LXXXI, 108—142; ср. еще опущенную имъ ст. Мудролюбова: „Свѣд. о простр., народонасел., силѣ и богатствѣ древ. Вел. Н-да“, Сѣв. Арх. 1828, ч. XXXI, № 2, впрочемъ неважную). Красовъ полагаетъ насел. въ 50—60000 чел.

[3]) Акты экспед., I, № 205; ср. Проток. Арх. ком., III, 80. Въ пожарѣ 1211 г. сгорѣло 4300 дворовъ (Новг. Син. л., 194). Любопытно, что Поссевинъ (XVI в.) въ мирное время считалъ въ Новгородѣ не болѣе 20000 жит. (ed. Starcz., 289). Въ Кремлѣ, кромѣ собора и зданій, въ которомъ жило духовенство, было нѣсколько деревян. хижинъ. Костомаровъ, на основаніи лѣтописей, насчитываетъ 18000 сем., выведенныхъ Иваномъ III изъ Новгорода въ московскіе предѣлы, или 72000 жит. (Историч. моногр., I, 381), но это безъ сомнѣнія преувеличеніе (см. его же Сѣв. рус. народоправ., изд. 1863, I, 234—235; Соловьевъ, т. V, 47; Бѣляевъ, 625; Арцыбашевъ, III, 57); а также нашу рец. „Смутное время Московск. госуд. въ нач. XVII в.“ (Ж. М. Н. Пр. 1900, №№ 2 и 3); Нѣк. стат. данныя по ист. рус. города XVII ст., Богословскаго (Труды Арх. ком. при Моск. Арх. общ., в. III-й). Въ

какъ принимаютъ нынѣ, нѣсколько болѣе 20000 чел. [1]). Въ Старой Русѣ считалось 1542 дв.; въ Корелѣ (нач. XVI в.) 177 дв. (=223 чел.); въ Ямѣ (1500) 201 (=257), въ Ладогѣ—84 дв. (=174); въ Орѣшкѣ—172 дв. и т. д. [2]). Вообще, въ Новгородской области было разсѣяно до 30 пригородовъ, извѣстныхъ по лѣтописямъ, важнѣйшими изъ которыхъ были: Ладога (862), Изборскъ (съ 862), Псковъ (914), Торжокъ (1134), Холмъ (1134), Бѣжичи (1137), Волокъ-Ламскій (1138), Великія Луки (1166), Руса (1167), Ржева (1216), Тесовъ (1233), Городецъ (1239), Копорье (1270), Вологда (1272), Корела (1295), Орѣховъ (1323), Порховъ (1346), Яма (1394), Тиверскій городокъ (1411), Демань (1442), Каргополь (1457). Судя по расположенію пригородовъ, построеніе ихъ преимущественно вызывалось не столько потребностью въ защитѣ края, сколько промышленными цѣлями [3]) и необходимостью укрѣпленія власти Новгорода въ земляхъ, заселенныхъ инородцами [4]). Каждый пригородъ, какъ и Новгородъ, имѣлъ свою волость или присудъ, а эти послѣдніе дѣлились на погосты, обыкновенно состоявшіе изъ нѣсколькихъ селеній [5]). Кромѣ того, въ новгор. погостахъ бывали еще *рядки* или селенія, занимавшіяся преимущественно не земледѣліемъ, а торгово-промышленною дѣятельностью, и хотя, по своему характеру, они приближались къ городскимъ населеніямъ, но населеніе ихъ было немногочисленно [6]).

1377 г. въ Лондонѣ считалось 35000 жж., въ XVI в.—50000 и только въ Парижѣ въ XIII в. насчитывалось до 120000 чел., а въ к. XVI в.—200000.

[1]) Н. Д. Чечулинъ, Города Моск. гос. въ XVI в., Спб. 1889, с. 51—52. Конечно, дворы были иногда менѣе населенными, а иногда пустыми (см. нашу статью).

[2]) Чечулинъ, 35—38, 41, 52—54; Никитскій, 87.

[3]) Въ пригородахъ упоминаются купцы и ремесленники, но отрасли торговли не были спеціализированы (Лаппо-Данилевскій, 387, 391; Костомаровъ, II, 222).

[4]) Бѣляевъ, 13—14.

[5]) По даннымъ Окладной книги 1500 г. въ Ладожскомъ присудѣ считалось: въ Ильинскомъ погостѣ 28 дерев., 31 дворъ (= 53 чел.), въ Песотцкомъ погостѣ—43 дерев., 69 дв. (= 106 чел.), въ Теребужскомъ пог. 137 дерев., 201 дв. (= 337 чел.) и т. п.

[6]) Такъ, въ 8 рядкахъ Вотской пятины было 114 тягл. дв. и 66 дв. пуст.; въ 5 рядкахъ Бѣжецкой пят.—306 дв. и 39 пуст. и т. д. См. Бѣляевъ, 22, 29; Ильинскій, Город. насел. въ Новгор. обл. въ XVI в. (Ж. М. Н. Пр. 1876, № 7 и Истор. Обозр., кн. IX); также Бѣляевъ, О позем. влад. въ Московск. госуд. (Времен., кн. IX, 40); Чечулинъ, 52—54.

IV.

Скудость природы, связи съ югомъ и востокомъ, выгоды географическаго положенія должны были содѣйствовать болѣе раннему пробужденію торговыхъ интересовъ и отношеній. Такимъ образомъ, западная торговля Новгорода явилась продолженіемъ арабско-булгарской торговли IX—X вв. [1]). Монеты разныхъ нѣмецкихъ городовъ и англосаксонскія IX—XI вв., найденныя въ курганахъ южнаго Приладожья, въ Псковской и Олонецкой губ., указываютъ на эти раннія связи съ Западомъ [2]). Въ уставѣ Ярослава (по однимъ Ярослава I, а по другимъ Яр. Всеволодовича) о мостахъ упоминается о пребываніи въ Новгородѣ готовъ, пруссовъ и нѣмцевъ (статью эту считаютъ, впрочемъ, болѣе раннею [3]). Начиная же со 2-й четв. XII в. новгородскіе купцы ходили въ ладьяхъ съ товаромъ на ос. Готландъ и въ Данію (Новг. лѣт., 1131, 1134), причемъ иногда подвергались опасности со стороны шведовъ (1142) и датчанъ (1157). Тѣмъ не менѣе, новгородцы прочно утверждаются въ г. Визби на Готландѣ, гдѣ у нихъ былъ свой дворъ и своя церковь и посѣщаютъ Любекъ [4]), а не позже к. XII в. въ Новгородѣ было уже два торговыхъ двора: готскій [5]) и нѣмецкій [6]); но, съ возникновеніемъ Ганзы и возвышеніемъ Любека,

[1]) Савельевъ, CLVI — LIX; Бережковъ, О торговлѣ Руси съ Ганзой, 10—11.

[2]) Б. Кёне, Описаніе европ. монетъ X—XII вв., найден. въ Россіи (Зап. Рус. Арх. общ., т. IV, 1—224); Н. Бранденбургъ, Курганы юж. Приладожья (Матер. по археол. Россіи, № 18, Спб. 1895), сс. 3—4; Отчеты Имп. Арх. ком. 1878, с. XXXVIII; 1887, с. CCI; 1889, с. 94

[3]) Въ лѣт. упоминаются Варяжская (съ 1299) и Прусская (съ 1230) улицы (Новг. лѣт., см. указатель), а также весьма часто пруссы (съ 1215 г.). Прусская торговля является самостоятельной съ послѣдней четв. XIV в. (Бережковъ, 121).

[4]) Въ 1187 г. Фридрихъ I далъ русскимъ купцамъ права, одинаковыя съ готландцами и норманнами, на безпошлинную торговлю съ Любекомъ (Urkund. Gesch. des Ursprunges der deutschen Hanse, v. Sartorius, II, 9). Въ этой грам. русскіе названы на первомъ мѣстѣ Ср. Ж. М. Н. Пр. 1839, № 6: о потерѣ русскими товаровъ во время осады Шлезвига, 1157 г. О новгор. дворѣ на Готландѣ упоминается въ договорѣ 1260 г. съ нѣмцами (Русско-ливон. акты, 9).

[5]) По сѣвернымъ сагамъ, въ 1060 г. нѣмецкіе (готскіе) купцы жили въ Ладогѣ и построили тамъ ц. св. Николая (Behrman, De Scra van Nougarden, Copenh. 1828, S. 39). Здѣсь жила постоянная нѣмецкая колонія (догов. 1270 г., Рус. лив. акты). Въ книгѣ Вотской пятины 1500 г. въ Ладогѣ называется еще Варяжская ул. (Неволинъ, прилож., 46—47). Въ Новг-дѣ по лѣт. до 1569; Прусская—до 1611 г.

[6]) Карамзинъ, III, пр. 243; A. Winckler, Die deutsche Hansa in Russland, S. 7. Въ догов. 1195 дѣлается ссылка на утвержденіе „стараго мира“, выраженіе, напо-

послѣдній беретъ верхъ надъ первымъ: въ полов. XIV в. готскій дворъ состоялъ въ полномъ подчиненіи у нѣмецкаго. Какъ нѣмецкая[1]), такъ и новгородская торговля находилась подъ покровительствомъ церкви[2]). Съ согласія Новгорода нѣмцы торговли у ижорянъ, карелъ, по Невѣ[3]), и проникли въ Новый торгъ (1188[4]). Возникновеніе въ XII—XIII в. цѣлаго ряда нѣмецкихъ городовъ по Балтійскому побережью значительно расширило районъ нѣмецкой торговли, а въ ряду ихъ Рига начинаетъ соперничать съ Ганзою, стремится затруднить непосредственныя сношенія русскихъ и старается сосредоточить торговлю въ своихъ рукахъ. Съ 1363 г. она имѣла въ Новгородѣ свой дворъ[5]), а нѣсколько позже здѣсь являются и ревельцы[6]). Рядъ дошедшихъ до насъ договоровъ съ нѣмцами и Ригою или из-

---

минающее договоры русскихъ съ греками (Изв. Ак. Наукъ, VI, 155—166). Объ употребленіи слова hansa въ 1126 г. (Русско-лив. акты, 406).

¹) Въ Новгор. лѣт. (Синод.) упоминаются церкви: варяжская (1152, 1181) и нѣмецкая (съ 1184 г.), а также „варяжскій товаръ" (Новг. Синод., 206). Изъ договора 1270 г. видно, что готская ц. была въ честь св. Олафа, а нѣмецкая—св. Петра.

²) Новг. купцы, ведшіе иноземную торговлю, имѣли своимъ патрономъ ц. св. Пятницы (1156, 1345); а ц. Ивана на Опокахъ была патрономъ (грам. Всеволода Мст. 1130) богатой Иванической компаніи съ думой и судомъ при церкви, которому въ извѣстныхъ случаяхъ подчинялись и нѣмцы (А. И. Никитскій, Св. Иванъ на Опокахъ, Ж. М. Н. Пр. 1870, № 8). Но существовали и др. компаніи, менѣе важныя (Das rigische Schuldbuch, №№ 44, 50, 59 и др.). О почитаніи св. Пятницы на Западѣ (Thierry, Lettres, chap. viii).

³) Sartorius, 37.

⁴) Новгор. лѣт., 162. Впрочемъ ср. Бережковъ, 78. На дальнѣйшіе успѣхи нѣмецкой торговли указываетъ находка въ 1847 г. въ предѣлахъ Московской губ. до 1000 нѣмец. и англо-саксон. монетъ (Кёне, 16—18). По Клязьмѣ новгородцамъ удобнѣе и безопаснѣе было добраться до Волги Камскихъ болгаръ, захватывая въ свои торговыя руки и самую долину Клязьмы, а Москвою рѣкою нов-цы должны были ходить и къ рязанской Окѣ, и на Донъ (И. Е. Забѣлинъ, Исторія г. Москвы стр. 16). Въ 1899 г. въ Зарайскомъ у. была найдена коллекція московскихъ монетъ вмѣстѣ съ новг. и псковскими (Вѣстн. Арх. инст., XIV, 162).

⁵) Die Recesse und anden Aktere, II, S. 236.

⁶) Аристовъ, 201. Новгородцы имѣли здѣсь свою церковь (Г. Гильдебрандъ, Отчетъ о разыск. въ Риж. и Ревел. архивахъ, с. 42). Въ путникѣ м. Исидора сообщается, что въ Юрьевѣ (Дерптѣ) было двѣ православныя („крестьянскіи") церкви—св. Николая и св. Юрія, „крестьянъ же мало" (Древ. Рос. Вивл., I, 295; Сахаровъ, 82). Въ договорѣ Новгорода и Пскова съ юрьевскимъ епископомъ 1474 г. и ливон. магистромъ 1481 г. упоминается о тѣхъ же церквахъ и „Русскомъ концѣ", которымъ выговаривается покровительство „по старинѣ" (Ак. Зап. Рос., I, №№ 69, 75). Въ Ревелѣ въ пол. XIII в. была ц. св. Николая.

вѣстій о нихъ, съ нач. XIII в. до послѣдней четв. XV ст.[1]), свидѣтельствуетъ о массѣ недоразумѣній и препятствій, сопровождавшихъ веденіе торговли, и только выгоды этой послѣдней заставляли такъ часто пренебрегать всѣми неудобствами[2]).

Въ теченіе означеннаго времени съ Новгородомъ и Псковомъ вели торговлю: Бременъ, Визби[3]), Любекъ, Шлезвигъ, Дерптъ, Рига, Ревель, Выборгъ, Вильневъ, Стральзундъ, Стокгольмъ, Мюнстеръ, Ростокъ, Унна, Дортмундъ, Дюисбургъ, Эйнбекъ, Кёльнъ, Дудерштадтъ, Брауншвейгъ, Магдебургъ[4]). Главнымъ предметомъ нѣмецкаго привоза въ Новгородъ служили сукна, преимущественно фландрскія, отчасти англійскія, нѣмецкія и польскія[5]), а наибольшею извѣстностью пользовалось сукно ипрское[6]). Затѣмъ слѣдовали полотна (валансьенское и др.), вина, пиво, медъ, соль[7]), соленая рыба, желѣзо, олово, свинецъ и металлическія издѣлія[8]), иголки, пряжа, сѣра, са-

¹) См. обзоръ ихъ (Бережковъ, 179—224).

²) Въ лѣтопись занесены поѣздки новгородцевъ на Готландъ и въ Данію подъ 1130, 1134, 1188, 1302 (Новг. Синод. л.). На торговлю съ Даніей указываетъ договоръ 1302 г. (ib., с. 308); о торговлѣ съ Швеціей и Норвегіей свидѣтельствуютъ договоры XIV в. (Antiq. russes, II). Ср. К. Лёнстремъ, О мирн. договорахъ Россіи съ Швеціей въ XIV стол. (Уч. Зап. Казан. ун. 1855, II, 103 — 151). Объ Орѣховскомъ дог. 1323 (Новг. л. 320), писан. порусски и полатыни въ швед. изд договоровъ съ иностр. держ. Рюдберга, Стокг. 1877, I (ср. Гротъ, Зап. Ак. Н., т. XXXI, прилож., № 3). Гости иноземные назывались: поморскіе, заморскіе, нѣмецкіе (Новг. Синод. л., 134, 149, 189, 357).

³) На ос. Готландѣ были найдены рус. монеты: „Ярославле серебро“ (Ист. Вѣстн. 1891, № 1, с. 290—291, реф. С. Арсеньева въ Р. Арх. общ.), если это не подражаніе (см. выше, с. 166, прим. 2)

⁴) Въ догов. грам. 1436 г. нѣмец. послы ручались за всѣ 73 нѣм. города (Ropp, Hanserecesse, № 586, S. 509—510).

⁵) Любопытно, что въ монаст. уставахъ не одобрялось ношеніе нѣмецкаго сукна, а допускалось „обычное“ (Ак ист., I, № 5, с. 8). Уже въ XIV в. новгородскіе купцы-суконники пріобрѣтаютъ большое значеніе въ Ивановскомъ товариществѣ и они же, вѣроятно, доставляли сукна въ Москву (П. С. Р. лѣт., VI, 99).

⁶) Упоминается уже въ уставѣ (1136) Всеволода Мст. (Новгор. Синод. лѣт., 489, 490): „ипское и тумаское“.

⁷) Между прочимъ изъ Франціи.

⁸) Литейныя и др. металлическія работы производились въ Новгородѣ иностранными мастерами (И. Забѣлинъ, О металлич. производствѣ въ Россіи до XVII в., Зап. Р. Арх. общ., V, 10). Такъ наз. „корсунскія врата“, западныя входныя двери въ соборъ, какъ полагаютъ, были отлиты въ Магдебургѣ (Аделунгъ, Корсун. врата, Спб. 1834). Впрочемъ, на это указалъ еще Коксъ въ своемъ путеш. въ Россію (ср. Гиббонъ, VI, 309). Въ Новгородѣ любили связывать возникновеніе церковныхъ предметовъ съ именемъ Владиміра (Герберштейнъ). Ср. выше, стр. 169—170. На ихъ западное происхожденіе указываютъ миѳологическія изображенія, фигуры и латинскія надписи.

фьянъ, пергаментъ, четки, перчатки[1]) и т. п., а въ трудные моменты (во время голода и разрыва съ низовскими князьями) и хлѣбъ[2]). Дорогія издѣлія, поднесенныя Ивану III во время его наѣзда на Новгородъ, въ значительномъ количествѣ были такого же происхожденія[3]).

Одни (Лелевель, а за нимъ Цейсберъ, Die polnische Geschischtsschreibung des Mittelalters, 41) считаютъ корс. врата взятыми изъ Плоцка, а другіе захваченными русскими во время разрушенія Сигнуты въ 1188 г., по шведскимъ лѣтописямъ (Коркуновъ, Отрывки изъ путев. записокъ, Арх. истор. и практич. свѣд., I, 1859, с. 64—65; ср. Плоцкій соборъ, Г. Воробьева, Ист. Вѣст. 1895, № 1, с. 547—48); но въ Соф. соборѣ, при входѣ въ придѣлъ Рожд. Богор., есть другія мѣдныя врата, наз. шведскими (Коркуновъ, 65). Отъ этихъ вратъ слѣдуетъ отличать врата, находящіяся со времени погрома Новгорода при Иванѣ Грозномъ (1569) въ Александровѣ (Александровская слоб.), въ нын. Успен. жен. мон-рѣ, о которыхъ упоминается въ лѣтописи (1336 г.) и также наз. корсунскими (Ратшинъ, 39—40). О нихъ см. Н. Н. Мурзакевичъ (Ж. М. Н. П., ч. XVI, 600 и д.; Истор. Вѣст. 1901, № 12, с. 1151—57, съ рисунк., иначе наз. Васильевскими); а также замѣч. о вратахъ Соф. собора въ связи съ подобными предметами на Западѣ (Н. Кондаковъ, Древности, VI, 111—129). Побѣда надъ врагомъ обыкновенно влекла за собою снятіе колоколовъ и городскихъ или церковныхъ воротъ: такъ поступили Филиппъ VI съ Ланомъ (Thierry, Lettres, ch. VI); Генрихъ II англ. послѣ осады Лейчестера (Ист. завоев. Англіи, III, 48); Всеславъ, послѣ нападенія на Новгородъ, снялъ колокола въ Соф. соборѣ (лѣт. 1096 г.); Иванъ Калита захватилъ колоколъ въ Твери у св. Спаса (Никон. л., г. 1338). Ср. преданіе о Винетѣ (Грановскій, I, 251).

Предметомъ отпуска были: воскъ, который скупали новгородцы и въ другихъ русскихъ земляхъ и торговля которымъ сосредоточивалась въ рукахъ Ивановской компаніи; мѣха[4]), ленъ, особенно сла-

---

[1]) „Рукавицѣ перстаты готьскне" (Рус. лив. акты, стр. 433).

[2]) П. С. Р. лѣт., III, 47—48 (1230); Новг. Син., 230. Хлѣбъ привозился и въ другихъ случаяхъ, судя по запрещеніямъ Ордена 1442, 1446 (Карамзинъ, V, пр. 316; Гильдебрандъ, Отчетъ, 47). Въ 1300 г. жито доставлялось изъ Риги въ Полоцкъ (Грам. о снош. съ Ригою, № 6).

[3]) П. С. Р. лѣт., III, 142—143; IV, 261; V, 38; VI, 16—17, 19, 33, 201—205, 220—221; VIII, 199; Новг. л., 54—57.

[4]) Л. Х. Штида, О различныхъ именахъ сортовъ мѣха въ ганзейское время (Труды IX Арх. с., II, 45—52).

вившійся между иностранными купцами [1]); хмель, кожи, иногда въ отдѣланномъ видѣ (юфть); строевой лѣсъ, смола, зола и т. п. Чтобы судить о размѣрахъ этой торговли, отмѣтимъ случайныя указанія на количество иноземныхъ купцовъ въ Новгородѣ: такъ, въ XIV в. упоминается до 40 хозяевъ, жившихъ на нѣмецкомъ дворѣ [2]); въ 1425 г. Новгородъ арестовалъ 150 ганзейскихъ купцовъ [3]); при закрытіи нѣмецкаго двора Иваномъ III, въ Новгородѣ взято было 49 купцовъ изъ 14 городовъ [4]). При этомъ убытки купцовъ въ 1425 г. простирались до 4000 марокъ серебра, а въ 1495 г.—96000 марокъ серебра [5]). Такое значеніе нѣмецкой торговли выразилось въ усвоеніи новгородцами западнаго вѣса, какъ нѣкогда восточнаго [6]). Благодаря новгородцамъ усилились торговыя сношенія съ Поволжьемъ, вслѣдствіе оживленія восточной торговли въ XIV вѣкѣ [7]). Торговыя сношенія съ Западомъ и накопленіе иноземной монеты въ Новгородѣ содѣйствовали развитію денежнаго хозяйства (XIII—до нач. XV в. [8]) и въ связи съ тѣмъ перемѣнѣ денежной системы (1410, 1425, см. по лѣтоп.), которая сопровождалась, однако, большими злоупотребленіями, вызвавшими озлобленіе противъ богатыхъ и сильныхъ людей (1447 [9]).

---

[1]) Hacl., I, 287, 468.

[2]) Sartorius-Lappenberg, II, 269.

[3]) Ropp, Hanserecesse, 510.

[4]) Бережковъ, 176, 262—263. Въ 1436 г. во Псковѣ было захвачено 24 нѣмец. купца (П. С. Р. лѣт., IV, 210).

[5]) Рус. Ист. библ., т. XV, Акты Ревел. город. архива, №№ 17—20, 34, 35.

[6]) Бережковъ, 53, 158.

[7]) Соловьевъ, IV, 264; Бережковъ, 177—178. О причинахъ упадка вост. торговли см. Савельевъ, ccп—ccıv; Погодинъ, III, 294; Труды М. Арх. общ., VI, 29.

[8]) Замѣчанія о возникновеніи кредита и начаткахъ вексельнаго права см. въ рец. А. Лаппо-Данилевскаго на соч. А. Никитскаго (Ист. эконом. быта В. Новгорода, Ж. М. Н. Пр. 1895, № 12, стр. 382—383; также D-r H. Hildebrand, Das rigische Schuldbuch, 1286—1352, S. Pt. 1872). Въ XII в. монастыри и церкви играли уже роль банковъ въ городахъ и уѣздахъ (Ак. юрид., № 409; Доп. къ акт. ист., I, № 3).

[9]) Новгор. Синод., 398, 410, 412, 427. „Рижская система, цѣликомъ заимствованная новгородцами (1410), вскорѣ смѣнилась болѣе самостоятельною, новгородскою и псковскою въ 1424 или 1425 г." (пр. 3, с. 381). О денежной системѣ въ Новгородѣ см. Никитскій (Чт. М. О. ист. 1893, I, 101, 192—194); Лаппо-Данилевскій (ibid., 375—384); также гр. И. И. Толстой: Монеты новгор., Спб. 1884; Монеты псков., Спб. 1886; Прозоровскій, Мон. и вѣсъ въ Россіи (Зап. Арх. общ., т. XII). Ср. выписку изъ Пролога XIV в., въ которой слово „куны" употреблено въ смыслѣ монеты металлической (Вѣст. Евр. 1828, ч. CLX, № 13, с. 17); о новгор. мон. и

Не смотря, однако, на столь оживленныя связи Новгорода съ Западомъ, торговля его не вышла изъ предѣловъ суровой зависимости отъ иноземныхъ рынковъ. Такимъ образомъ, хотя онъ былъ и важною, но только лишь конторою ганзейскаго союза [1]). Зависимость эта обусловливалась общимъ характеромъ хозяйства. Рѣдкость населенія, трудность сообщеній, отсутствіе конкурренціи, при господствѣ натуральнаго хозяйства и удовлетвореніи необходимыхъ нуждъ домашними средствами (владыка, монастыри, капиталисты держали своихъ мастеровъ и ремесленниковъ даже въ позднѣйшій періодъ), вліяли на слабое развитіе обрабатывающей промышленности въ Новг. области. Можно сказать, что юфть была единственнымъ товаромъ, который отпускался въ обработанномъ видѣ [2]). Наиболѣе развитыми, по связи съ церковными потребностями, оказываются отливка колоколовъ и живопись [3]); впрочемъ послѣдняя, какъ и въ Кіевѣ, должна была явиться при участіи и поддержкѣ грековъ, о которыхъ нерѣдко упоминается въ лѣтописи [4]). Любопытно также, что для отливки большого колокола къ Софійскому собору архіеп. Василій привелъ мастеровъ изъ Москвы [5]) и не менѣе любопытно, что, для покрытія собора св. Троицы свинцовыми досками, псковичѣ

цѣнѣ денегъ (Срезневскій, Свѣд. о малоизв. памятникахъ, I, 61—64, 92—96); о мордкахъ (Тр. Ряз. уч. арх. ком. 1895, III, с. xviii—xix). Свидѣтельство Татищева о новгор. кожан. деньгахъ (Ж. М. Н. Пр. 1886, № 6, с. 238). Сводъ извѣстій о нихъ (Костомаровъ, II, 244—245).

[1]) Бѣляевъ, 564.

[2]) Костомаровъ, II, 220. Новгородскіе воины носили сапоги (1216). Въ битвѣ съ шведами (1240) „былъ убитъ Нездыловъ, сынъ кожевника, новгородецъ" (Новг. Синод. л.). Арсеній Коневскій, живя въ Новгородѣ, занимался въ юности кожевничествомъ. О Кожевницкомъ концѣ см. ниже. Ср. Лавр. л., с. 82.

[3]) Объ иконописаніи (1125—1445) Новгор. Синод., 123, 135, 141, 163, 177, 224, 336, 338, 340, 349, 358, 391, 417, 420, 422, 424, 425. О новгор. изографахъ и новг. школѣ иконописанія (Н. Покровскій, Стѣнныя росписи въ древ. храмахъ греч. и русскихъ, Труды VII Арх. съѣз., М. 1890, с. 182—203). Новгородцы же расписывали и нѣм. церковь въ Новгородѣ (Пам. стар. лит., I, 252).

[4]) Новг. л., 172 (1196), 334 (1338); Новг. 3-я (1378); образа Соф. соб. (см. ниже с. 640, пр. 2). На греческихъ мастеровъ, какъ главныхъ руководителей въ этомъ дѣлѣ указываетъ и попъ Сильвестръ (Ак. Арх. экспед., I, 247—48). О зависимости въ рисункѣ фигуръ, въ украшеніи одеждъ (крестами и клѣтками) и пр. отъ визант. образца см. у Д. А. Ровинскаго (Зап. Арх. общ., VIII, 3—4, 11—16, 152). Ср. еще Кондаковъ (Древ., VI, 130—131). О фрескахъ въ новг. церквахъ, характерѣ живописи, южно-славян. стилѣ (147—156). Если Нифонтъ былъ грекъ, хотя бы изъ Кіева, то покрытіе Соф. собора свинцомъ (1151) и помазка вокругъ известью, быть можетъ, также дѣло грековъ (Новг. Син. л., 139).

[5]) Новг. лѣт., 341.

тяне не нашли мастеровъ ни у себя, ни въ Новгородѣ (1420), а получили такого мастера опять изъ Москвы, отъ митр. Фотія (грека [1]). Точно также, хотя желѣзо было издавна въ широкомъ употребленіи [2]), а въ Ненуксѣ (въ Заволочьѣ), Устюжнѣ Желѣзопольской и др. мѣстахъ оно выдѣлывалось [3]), но, очевидно, въ такомъ маломъ размѣрѣ, что желѣзо, мѣдь, олово, свинецъ шли изъ-за границы въ большомъ количествѣ [4]). Новгородцы добывали уже соль на Б. морѣ, въ Ст. Русѣ, въ Двинской и Новоторжской обл. [5]); но въ значительной степени зависѣли отъ привоза иностранной соли (изъ Даніи, Франціи, Италіи) и въ этомъ случаѣ она часто играла такую же роль, какъ доставка иноземнаго хлѣба (см. выше). Знаменитыя постройки (1436) архіеп. Евѳимія II (каменныя палаты съ 30 дверями и звонящими часами, погреба и т. п. [6]) возводились нѣмецкими и новгородскими мастерами [7]). Зато новгородцы издавна славились плотничествомъ, которое обратилось для нихъ въ прозвище [8]), а ихъ мастера вызывались даже въ Мос-

---

[1]) П. С. Р. лѣт., IV, 23. О литейщикахъ денегъ въ Новгородѣ (126). Кромѣ того упоминаются: вѣсчикъ серебра и серебреникъ (Новг. Синод. лѣт., 178, 244), котельникъ (204), щитники (244), позолотники (419), опонники (опона—завѣса, 204). О церк. золотыхъ и серебр. издѣліяхъ (Аристовъ, 121) и т. п. Ср. Ак. юрид., № 71, ш. При Иванѣ Грозномъ серебреники, рѣзчики и разноцвѣтныя стекла выписывались изъ Новгорода (Соловьевъ, VII, 56). Въ 1268 г. упоминаются „порочные мастера" (Синод. л.). Порокъ—орудіе.

[2]) Желѣзная пошлина въ уставѣ Владиміра Всев. (Новг. л., 472).

[3]) Аристовъ, 111—112. Въ Писцевой книгѣ Вотской пятины к. XV в. о выдѣлкѣ его въ разныхъ мѣстахъ (Неволинъ, 50—54).

[4]) Бережковъ, 166. Новгородцы доставляли „нѣмецкое желѣзо" и въ Москву (Рост. лѣт., Карамзинъ, VI, прим. 103).

[5]) Аристовъ, 70—71; Никитскій, 158—159; Бережковъ, 163—164. Соль доставлялась въ Полоцкъ, Псковъ, Смоленскъ, Литву; а въ ковенской конторѣ данцигскіе купцы держали большіе склады ея. Впрочемъ и Англія въ XIII—XIV вв. много страдала отъ дурной соли и послѣдняя привозилась изъ-за границы (Трайль, I, 366, 438).

[6]) Въ 1477 г. владыка Ѳеофилъ велѣлъ своимъ мастерамъ поставить самозвонные часы на Снѣтогорскомъ дворѣ во Псковѣ, которые онъ еще раньше прислалъ въ домъ „св. Троицы", но они стояли безъ употребленія (П. С. Р. лѣт., IV, 254). Въ 1536 г. въ Хутынскомъ мон. была воздвигнута каменная колокольня съ часами (Новгор. лѣт., 126). Знаменитые часы подлѣ Вестминстеръ-Голля были устроены въ 1288 г., чтобы удары ихъ были слышны въ судѣ (Спенсеръ, Англія, 354).

[7]) Новгор. Синод. л., 415, 417, 422, 424—25.

[8]) Ibid., 12, 83, 247, 255, 321. Въ Новгородѣ существовали концы: Плотницкій, упом. съ 1197 (ibid., 174), Гончарный, съ 1359 г. (355), хотя гончарное производство и торговля имъ—весьма раннія (65), Кожевницкій (1546) и урочище Ко-

кву[1]). Заслуживаетъ, однако, вниманія, что при частыхъ плаваніяхъ по морямъ и рѣкамъ, новгородцы не создали своего флота, а потому и заморское купечество не развилось на степень большой купеческой корпораціи и постепенно было вытѣснено съ моря шведами и нѣмцами, между тѣмъ какъ уже въ XIV в. Ганза имѣла большія когги, вооруженныя пушками[2]).

Если уже изстари Новгородъ отчасти замащивался, быть можетъ не безъ участія нѣмцевъ (уставъ Ярослава, по кр. мѣрѣ съ XII в.), то устройство водопровода, о проведеніи котораго хлопотали нѣмцы въ 1436 г., на отведенной имъ территоріи (отъ нѣмецкаго двора до готскаго[3]), не вызвало подражанія, а между тѣмъ спутникъ Исидора разсказываетъ, что въ Любекѣ, Люнебургѣ, Гамбургѣ, Брауншвейгѣ, Нюренбергѣ, Аугсбургѣ по всѣмъ улицамъ устроены водопроводы и фонтаны и что даже въ Юрьевѣ палаты такія чудныя, что русскіе дивились, не видя подобныхъ имъ[4]). Попытка архіеп. Макарія (1518) устроить каменную мельницу на Волховѣ не имѣла успѣха: мельница была разрушена напоромъ воды[5]). Любопытно, однако, что нѣкоторымъ не понравилась эта затѣя и они съ неудовольствіемъ говорили: „Волховъ нашъ съ молоду не мололъ, развѣ онъ станетъ молоть на старости?“[6]). Такимъ обр., относительно внутренняго благоустройства,

---

жевники (1541, 1547, 1558). Названіе мѣстъ по роду занятій въ городахъ было обычнымъ въ средніе вѣка (Спенсеръ, Англія, с. 2).

[1]) Карамзинъ, VI, прим. 103.

[2]) Бережковъ, 76, 241, 254, 255.

[3]) Kopp, Hanserecesse, S. 146—147; Гильдебрандъ, Отчетъ, с. 42. Рус. Правда и уставъ Владиміра Всев. упоминаютъ только о мостахъ (Новг. Син. лѣт., 88, 473). Уст. Ярослава о мостахъ, относимый то къ Ярославу Влад., то къ Ярославу Всев. (соображенія, Бережковъ, 135—136; ср. Новг. л., 487—88). Въ 1469 г. лѣт. отмѣчаетъ посадку тополей на Славковой ул. (П. С. Р. лѣт., IV, 127). Въ 1308 и 1397 гг. во Псковѣ мостили (конечно деревомъ) торговище (Псков. л.). Парижъ былъ вымощенъ при Филиппѣ-Августѣ (Гизо, Ш, 142). Нѣсколько главныхъ улицъ въ Лондонѣ были вымощены лишь въ 1417 г., а другія при Генрихѣ VIII и позже (Спенсеръ, 318).

[4]) О постройкахъ каменныхъ палатъ и др. зданій архіеп. Василіемъ и Евѳиміемъ II, какъ нѣчто необычайное, занесено въ лѣтопись, какъ потомъ лѣт. отмѣтилъ чудный дворъ Марѳы посад. (Новг. Синод. лѣт., 415—418, 322—423; П. С. Р. лѣт., IV, 130).

[5]) П. С. Р. лѣт., VI, 286. Строилъ ее псков. мастеръ—Невѣжа, оказавшійся такимъ же на дѣлѣ. Остатки матеріала пошли на постройку архіерейской конюшни. Другія мельницы (на р. Мстѣ Юрьев. м., на р. Веряжи) очевидно были деревянныя (Новг. л., 90, 98; ср. 123).

[6]) П. С. Р. лѣт., IV, 297.

Новгородъ не представлялъ ничего замѣчательнаго. Богатыя художественныя издѣлія, поднесенныя новгородскими боярами и владыкой Ивану III, были, конечно, западнаго производства; но и церковная живопись не осталась безъ его вліянія: извѣстныя инкрустированныя иконы, приписываемыя Антонію Римлянину, оказываются лиможскими эмалями XII—XIII в. [1]). Дошедшія же до насъ произведенія русской живописи XVI в. указываютъ на заимствованіе съ произведеній Чимабуэ и Перуджино, которыя, при посредствѣ новгородскихъ и псковскихъ мастеровъ, становятся извѣстными въ Москвѣ, гдѣ вызываютъ уже опасный соблазнъ [2]). Вѣроятно Новгороду обязана русская живопись первыми началами свѣтской исторической и портретной живописи. Такъ, въ XV в. въ Новгородѣ на образахъ подписывали портреты тѣхъ семей, которыми они заказывались [3]). Полагаютъ, что извѣстная „Царственная книга", представляющая замѣчательный образецъ русской исторической живописи, украшенная множествомъ миніатюръ, расписана была новгородскими рисовальщиками [4]). Заслуживаютъ также вниманія новгородскія рѣзныя изображенія, стоявшія подъ нѣкоторымъ вліяніемъ западной средневѣковой пластики, какъ и амвонъ Софійскаго собора, устроенный архіеп. Макаріемъ (XVI в.), о которомъ упоминаетъ лѣтопись, неправильно назыв. иногда халдейской пещью [5]).

Немногочисленные отстатки церковныхъ сосудовъ и другихъ принадлежностей, если указываютъ на свое византійское происхожденіе или вліяніе, то не менѣе того могутъ служить и предметами непосредственнаго вліянія западныхъ образцовъ [6]). О софійскихъ церковныхъ вратахъ мы уже упоминали. Само собою понятно, что взаим-

---

[1]) Вѣстн. древ. рус. искус. 1874—76, №№ 4—5, сс. 29—30; Кондаковъ, Древн., VI, 159—160.

[2]) Д. Ровинскій, Ист. рус. иконопис. (Зап. Арх. общ., VIII, 15); Буслаевъ, (II, 327—329). Объ особенностяхъ новгор. и москов. живописи см. еще Сборникъ актовъ, Н. Лихачева, предисл., с. ix.

[3]) Буслаевъ, II, 206, 282, 308, 362—365 (со снимк. съ рукописей); Новгородъ XVI в. по изобр. на Хутын. иконѣ „Видѣніе пономаря Тарасія", съ 24 рис., П. А. Гусева, Спб. 1900 (Вѣст. Арх. инст., т. XIII, 7—66). О западномъ и южно-славян. вліяніи на орнаментъ рукописей, принадлеж. Новгороду, см. статью Буслаева „Русское искусство" (Критич. Обозр. 1879, № 2, стр. 1—25). О вліяніи новгор. церк. стиля на москов. постройки (И. Забѣлинъ, Исторія г. Москвы, 136).

[4]) Н. Кондаковъ, VI, 153—154. О переплетахъ (Отч. О. люб. письм. 1901, с. 32).

[5]) Ibid., 154—157; Ист. Вѣст. 1899, № 8, с. 725; П. С. Р. лѣт., VI, 291.

[6]) Кондаковъ, 160—168.

ныя торговыя сношенія вызывали необходимость обученія языкамъ [1]). Съ другой стороны, не могли обойтись безъ извѣстнаго вліянія идей и литературныхъ интересовъ. Связи съ Византіей постоянно поддерживались. Въ 1186 г. въ Новгородъ пріѣзжалъ двоюр. внукъ имп. Мануила Алексѣй Комненъ, назвавшійся его сыномъ, и просилъ поддержать деньгами и войскомъ [2]). Обманувшись въ своихъ разсчетахъ, онъ обратился въ Сицилію. Вильгельмъ II пошелъ съ нимъ на Византію, но въ томъ же году Алексѣй К. былъ схваченъ и ослѣпленъ. Въ Новгородѣ знали и „злаго Дидриха Бернскаго" [3]), и подробности о взятіи Константинополя латинами [4]). Здѣсь бывали не только купцы, но также послы иностранныхъ государствъ и городовъ и любознательные путешественники (Ланнуа). Черезъ Новгородъ и Псковъ проѣзжалъ м. Исидоръ [5]) со своими спутниками въ Италію [6]); а Софія Палеологъ, по пути въ Москву, ѣхала черезъ Псковъ и Новгородъ [7]). Близкія связи приводили къ религіозной терпимости [8]); нѣмцы поступали иногда на службу (Ратша въ Новгородѣ, Доль во Псковѣ, а потомъ въ Твери [9]), а другіе принимали и русскую вѣру (преп. Прокопій Устюжскій, въ к. XIII в.—нѣмецкій купецъ [10]); но религіозная непріязнь принимала иногда черты средневѣковаго фанатизма (крестовый походъ Магнуса шведскаго [11]). Въ к. XV в. въ Новгородѣ об-

---

[1]) Въ переговорахъ 1436 г. заявлялось, что холопы бояр. Зах. Кириллова избили двоихъ нѣмцевъ, жившихъ у него для обученія языку (Ropp, Hanserecesse, № 586).

[2]) Новгор. Синод. лѣт., 160; Никита Хон., Ц. Андр. Комн., I, 7; II, 1, 2; Ц. Исаака Анг., I, 3; зам. Х. Лопарева (Виз. Врем. 1897, №№ 1—2, с. 307; Арх. Изв., №№ 5—6, с. 201—202; Ж. М. Н. Пр. 1897, № 6, с. 415—420; Истор. Вѣстн. № 5, с. 657).

[3]) Новг. Син. л., 187; ср. выше, с. 270—271.

[4]) Новгор. Синод., 180—188.

[5]) Ibid., 418.

[6]) См. изд. Новикова и Сахарова.

[7]) П. С. Р. лѣт., IV, 244—246; V, 36; VI, 16; VIII, 175; Никон., XII, 142.

[8]) Въ XII в. Кирикъ спрашивалъ, что дѣлать съ тѣми, которые носятъ дѣтей на молитву къ варяж. попу? Епископъ опредѣлилъ налагать на нихъ епитимію, какъ на двоевѣрцевъ (Пам. XII в., 202). Вопросы Кирика, свидѣтельствующіе о религіозной простотѣ, напоминаютъ нѣк. вопросы Карла Вел., обращенные къ духовенству (Д. Н. Егоровъ, Этюды о Карлѣ Вел., Ж. М. Н. Пр. 1902, №№ 11 и 12). Такою же простотою отличались поученія, припис. Лукѣ Жидятѣ.

[9]) Карамзинъ, IV, прим. 304.

[10]) Филаретъ, іюль, 52; Ключевскій, 277.

[11]) Новгор. Синод., 346—350; П. С. Р. лѣт., тт. III, IV, V, VII.

ращались старопечатныя латинскія изданія, напр. Вульгата и Псалтирь еписк. Брунона, а вмѣстѣ съ братомъ Софіи, Андреемъ, и русскими послами, привезшими художниковъ, прибылъ въ Россію доминиканецъ Веніаминъ, родомъ славянинъ, содѣйствовавшій Геннадію, вмѣстѣ съ Д. Герасимовымъ, въ переводѣ нѣкоторыхъ частей Библіи [1]). Тотъ же Геннадій бесѣдовалъ здѣсь съ цесарскимъ посломъ, который разсказывалъ ему, какъ „шпанскій король" (Фердинандъ Католикъ) очистилъ свою землю отъ еретиковъ (рѣчь идетъ о введеніи инквизиціи). Бесѣда эта, вѣроятно, происходила при посредствѣ тѣхъ же переводчиковъ; а Геннадій писалъ о томъ м. Зосимѣ [2]).

Торговый эгоизмъ Ганзы (см. выше, стр. 623—624 [3]) и соперничество ея съ Ригою, а этой послѣдней съ Орденомъ, вредно отражались на торговлѣ Новгорода и Пскова, а къ концу ихъ самобытности отношенія эти все болѣе обострялись [4]). Лифляндскіе города радовались закрытію ганзейской торговли въ Новгородѣ (1494), надѣясь на собственное обогащеніе [5]); но вскорѣ уже ихъ постигла (1495) та же участь, причемъ Иванъ III припомнилъ старыя обиды новгородцамъ и своимъ посламъ, проѣзжавшимъ на Западъ черезъ Ливонію [6]). Почти при такихъ же условіяхъ и по тѣмъ же мотивамъ была прекращена, въ теченіе XVI в., торговля Ганзы въ Даніи, Швеціи и Англіи (1598 [7]). Была попытка московскаго правительства возобновить ганзейскія сношенія—въ 1514 г. (договоръ съ 70 городами [8]) и вновь,

[1]) Опис. рукоп. Рум. музея (южный славянинъ) 128, 164. По другому предположенію, онъ былъ родомъ чехъ (Вѣст. Арх. инст., X, 23—24).

[2]) Акты Арх. экспед., I, № 380; Рус. Ист. библ., т. VI, стр. 775. Посломъ этимъ называютъ Николая Поппеля (1486, 1488; Голубинскій, Чт. въ Общ. ист. 1901, с. 571, примѣч.); но быть можетъ это былъ Де-Латуръ (Делаторъ), пріѣзжавшій отъ Максимиліана въ іюлѣ 1490 (Пам. дипл. снош., I, 24—25) черезъ Псковъ и Новгородъ (посл. Геннадія писано въ окт. 1490 г.; а Зосима возведенъ въ митр. въ сент. 1490 г.).

[3]) Чтен. въ Общ. Нестора лѣт., VI, 95, 104 (препят. въ изуч. языка); запрещ. шотл., франц. и испанцамъ ѣздить черезъ Ливонію въ Россію (Hanserec., II, 450, 1450 г.; ср. Никитскій, 181).

[4]) Гильдебрандъ, Отчетъ, 48, 49, 51—54.

[5]) Monum. Livoniae antiqua, II, S. 33.

[6]) П. С. Р. лѣт., IV, 164.

[7]) А. Бэръ, Исторія всемір. торговли, II, 257—58; 334—341.

[8]) Собр. госуд. грам., V, № 65. О торговлѣ въ перв. полов. XVI в. см. Рус. акты Ревел. город. архива (Рус. Ист. библ., т. XV). Съ 1525—35 гг. здѣсь показаны цифры утерянныхъ товаровъ, вывезенныхъ изъ Новгорода въ лифлянд. города, на суммы 200 - 900 и отъ 300—350 руб., въ разное время, отдѣльными лицами. Ср. также, Ключевскій, Сказанія иностранцевъ, 250—251.

при Борисѣ Годуновѣ, съ 59 городами[1]), и хотя торговля съ нѣмцами велась весьма бойко въ Новгородѣ и особенно во Псковѣ, ставшемъ даже его преемникомъ въ этомъ дѣлѣ, однако прежняго значенія она уже не достигла, тѣмъ болѣе, что правительство всѣми мѣрами дѣйствовало въ пользу Москвы и здѣсь опять таки, въ значительной степени, вели ее московскіе купцы[2]).

Торговый эгоизмъ, свойственный Ганзѣ, пріобрѣлъ мѣсто и въ Новгородѣ. Новгородцы твердо и рѣшительно охраняли свои торговые интересы въ Новгородѣ и Суздальской землѣ. Мало этого: они старались вредить торговлѣ Пскова, не оказывали помощи противъ нѣмцевъ и Литвы и даже вступали въ союзъ съ Орденомъ противъ Пскова[3]). Однако въ 1327 г. они должны были предоставить свободный путь суздальскимъ гостямъ[4]): въ 1348 г. сдѣлать значительныя уступки Пскову (см. стр. 619); а въ XV в.—литовцамъ (см. выше стр. 416). Съ возвышеніемъ Москвы ея купцы являются дѣятельными посредниками въ заграничной торговлѣ (1436[5]), не смотря на то, что новгородцы въ договорахъ съ вел. княземъ (нач. съ 1270 г.) постоянно добивались того, чтобы онъ торговалъ съ нѣмцами не иначе, какъ при посредствѣ новгородскихъ купцовъ, а торговля съ Поволжьемъ въ XIV и XV стол. стала уже сосредоточиваться въ рукахъ москвитянъ. Въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ паденіе Новгорода и Пскова, защита московскаго купечества и передача въ его руки иноземной торговли, въ интересахъ московской казны, играли одну изъ главныхъ причинъ экономическаго разоренія торговыхъ общинъ.

Связь Новгорода съ болѣе отдаленными его областями была весьма слаба и ограничивалась едва ли не однимъ сборомъ дани, вызывавшимъ часто неудовольствіе противъ его господства[6]); но даже новгородскіе архіепископы до 1446 г. не бывали въ Заволочьѣ[7]);

[1]) Müller, Samml. russ. Gesch., V, 164; Соловьевъ, VIII, 37.

[2]) См. Кихель и Вундереръ (Аделунгъ, Обз. путеш., I, 236, 276, 280); Костомаровъ, Очеркъ торгов. Москов. госуд., 1—5.

[3]) Бережковъ, 85—88.

[4]) Собр. госуд. грам., I, № 15.

[5]) Гильдебрандъ, 41; Ropp, Hanserecesse, № 589.

[6]) Объ отношеніяхъ Н. къ пригородамъ и волостямъ (Костомаровъ, II, 56—81); Никитскій, Оч. вн. ист. церкви, 64.

[7]) Бѣляевъ, 524. Архіеп. Антоній ѣздилъ въ Торжокъ (Новг. лѣт., 210); архіеп. Алексѣй въ 1364 г. освящалъ ц. въ Торжкѣ; въ 1419 г. архіеп. Симеонъ посѣтилъ Корельскую землю, послѣ опустошенія ея норвежцами; въ 1442 г. Евѳимій II освя-

между тѣмъ какъ они охотно посѣщали Псковъ, гдѣ главнымъ образомъ, интересовались сборомъ подъѣздныхъ денегъ и церковныхъ пошлинъ: въ результатѣ получилось движеніе стригольниковъ, а позже устройство пресвитеріанскаго управленія во Псковѣ и независимо отъ того въ Вяткѣ ,вызвавшее вмѣшательство московской власти. Впрочемъ, новгор. владыка давно сталъ такимъ же купцомъ, какими были князья, бояре и другія власти. Въ казнѣ его хранилось много заграничныхъ суконъ и монеты; онъ покровительствовалъ иноземной торговлѣ и продавалъ нѣмцамъ произведенія, доставляемыя церковными землями [1]). И епископу наравнѣ съ боярами пришлось поплатиться своими богатствами во время наѣзда Ивана III на Новгородъ; а ихъ связывали не одни гражданскія чувства, но и матеріальные интересы. Чего не докончилъ Иванъ III, то довершилъ его внукъ. Волненія и мятежи съ вѣча перенеслись въ корчмы [2]). Спустя почти каждое столѣтіе послѣ погрома Новгорода (1569) мы имѣмъ свидѣтельства (въ 1673 г. швед. агента Пальмквиста, въ 1764 г.—Сиверса, въ 1858—Погодина) о послѣдствіяхъ этого „удивительнаго coup d'état", сопровождавшагося разореніемъ, конфискаціями имуществъ, массовыми переселеніями и казнями, которыя навсегда „вытравили" прежній духъ и, не смотря на „выгоды географическаго положенія", не могли поднять экономическаго и политическаго значенія города. „Очевидно, писалъ Сиверсъ Екатеринѣ II, существуютъ физическія, политическія и моральныя причины такого упадка" [3]).

щалъ ц. въ Русѣ, въ Спасскомъ м.; въ 1446 г. онъ ѣздилъ за Волокъ благословить Новгородскую вотчину (ibid. и П. С. Р. лѣт., IV, 119, 125). Ср. Макарій, V, 108.

[1]) Бережковъ, 160, 167, 239. Никитскій, Отношенія новгор. владыки къ нѣмец. купеч. по новымъ даннымъ (Ж. М. Н. Пр. 1883, № 7, с. 1—15). Конфликтъ между Новгородомъ и нѣмецкими городами, вслѣдствіе грабежа, постигшаго новгородскихъ купцовъ, былъ улаженъ въ 1425 г., исключительно благодаря посредничеству архіеп. Евѳимія I (Bunge, B. IV).

[2]) Новг. архіеп. Ѳеодосій писалъ Ивану Грозному: „Бога ради, государь, потщися и промысли о своей отчинѣ, о В. Новгородѣ, что въ ней теперь дѣлается: въ корчмахъ безпрестанно души погибаютъ, безъ покаянія и безъ причастія, въ домахъ, на дорогахъ, на торжищахъ, въ городѣ и по погостамъ грабежи и убійства великіе, проходу и проѣзду нѣтъ; кромѣ тебя, государь, этого душевнаго вреда и внѣшняго треволненія уставить некому" (Др. Рос. Вивл., XIV, 238). Въ 1548 г. корчмы и кабаки въ Новгородѣ были отмѣнены (Новг. лѣт., 78, 128).

[3]) Арх. Изв., изд. Моск. Арх. общ. 1899, №№ 3-5, с. 7—8 (Пальмквистъ); Denkwürdigkeiten v. Graf G. Sievers, B. I, 177; Барсуковъ, Погодинъ, XVI, 147—148. Ср. любопытное замѣчаніе П. М. Строева (Жизнь его, 198).

V.

Связанный съ югомъ политически, Новгородъ долгое время зависѣлъ отъ него и въ церковномъ отношеніи. Однако, начиная съ еп. Аркадія, избраннаго на вѣчѣ въ 1156 г., идетъ уже рядъ избираемыхъ представителей новгородской церкви, не всегда носившихъ прежде монашество, а иногда и долго управлявшихъ послѣднею безъ каноническаго посвященія [1]). Преемникъ Аркадія (Илія, въ монашествѣ Іоаннъ II) получилъ санъ архіеп-па. Онъ извѣстенъ былъ аскетическими подвигами и защитою независимости Новгорода во время нашествія суздальцевъ (1169 [2]). Преемникомъ его былъ братъ его Гавріилъ (1186—1193 [3]). Если не сразу въ Новгородѣ свыклись съ обычаемъ избранія [4]), то политическія условія, благопріятствовавшія

[1]) Голубинскій, I, 554—57. Избраніе производилось жребіемъ (Синод. Новг. л., 166, 231, 354, 373, 374, 402, 411, 412, 413; Новг. л., 8, 33, 36, 39, 49, 50, 112, 138. 266, 309), какъ часто и въ другихъ случаяхъ—постр. церкви, опредѣленіе мѣста погребенія, въ Новгородѣ и Псковѣ, ibid., 147, 324—325, 333; во Псковѣ пригороды были причислены къ концамъ по жребію, въ 1468, П. С. Р. л., IV, 23', 298); въ судѣ (догов. Ярослава Владим., 1189—99). Но епископы по прежнему ставятся въ Кіевѣ (Новг. Синод. л., 166, 231, 354, 373, 374, 402, 411—413; Новг. лѣт., изд. 1879, сс. 8, 33, 36, 39, 49, 50, 112, 138, 266, 309). Арсеній и Ѳеодосій посвящены не были; Евѳимій II (1428) не былъ посвященъ 6 лѣтъ. Въ 1482 г. жребіемъ былъ избранъ въ Успен. соб., въ Москвѣ, старецъ Троиц. мон. Сергій (П. С. Р. лѣт., IV, 155). Послѣдующіе архіеп. (Геннадій, Серапіонъ, Макарій и др.) уже назначались изъ Москвы; но долго новгородцы не могли примириться съ ними: Сергій былъ заподозрѣнъ въ потерѣ ума, а Геннадій обличенъ въ мздоимствѣ.

[2]) Въ случаяхъ разногласія (1219), новг-цы признавали авторитетъ кіев. митрополита (Синод., 211).

[3]) За нимъ слѣдовали: Мартирій (1193—99), Митрофанъ (1199-1211, 1219—23), Антоній, въ мірѣ Добрыня Ядрейковичъ (1211—1219, 1225—28, 1229), Арсеній (1223—1225, 1228), Спиридонъ (1229—1249), Далматъ (—1274), Климентъ (—1299), Ѳеоктистъ (—1308), Давидъ (—1324), Моисей (—1329, 1352—1359), Григорій Калѣка, переим. Василіемъ (1329—1352), Алексѣй (1359—1388), Іоаннъ III (—1415), Самсонъ, переим. въ Симеона (—1421), Ѳеодосій (—1424), Емельянъ, назв. Евѳиміемъ I (—1428), Евѳимій II (—1458), Іона (—1471), Ѳеофилъ (—1482).

[4]) Въ 1229 г. одни склонялись къ избранію жребіемъ, другіе желали имѣть грека, а третьи кого дастъ митрополитъ (Новг. Син. лѣт., 231). Митрополиты посѣщали Новгородъ: въ 1251 (Кириллъ II, посв. архіеп. Далмата), 1300 (Максимъ, посв. Ѳеоктиста), 1341 (Ѳеогностъ), 1391, 1395 (Кипріанъ). Новг. епископы посвящались въ Кіевѣ, во Владимірѣ Вол. (Василій, гдѣ былъ тогда м. Ѳеогностъ); во Владимірѣ на Клязьмѣ (Давидъ м. Петромъ, Алексѣй м. Алексѣемъ), въ Смоленскѣ (Евѳимій II), въ Москвѣ (Моисей, Іоаннъ III, Самсонъ, Евѳимій I, Іона, Ѳеофилъ). Москву посѣщали: Василій, Моисей, Алексѣй, Іоаннъ III, Евѳимій II, Іона.

независимости, вполнѣ содѣйствовали тому. Борьба партій въ свою очередь отражалась на положеніи представителей церкви и сообщала ей вполнѣ общественный характеръ [1]); а съ умаленіемъ значенія князя, когда видное мѣсто занялъ правит. совѣтъ съ посадникомъ во главѣ (XIII—XIV в.), то первое время онъ собирался даже во владычнемъ дворѣ [2]). Церковь въ Новгородѣ настолько была общественнымъ учрежденіемъ, что отступленія церковнаго клира въ мірскихъ цѣляхъ и интересахъ могли наиболѣе проявлять себя здѣсь [3]). Простые монахи и церковные дьяки, въ случаѣ надобности (1148), несли военную службу [4]). До позднѣйшаго времени церковныя трапезы служили мѣстомъ собранія не только по церковнымъ, но и по гражданскимъ дѣламъ [5]). При монастыряхъ и церквахъ устраивались пріюты для нищихъ [6]). Какъ видно изъ грам. Святослава Ольг. 1137 г., новг. церковь уже отъ первыхъ князей обладала щедрыми надѣлами [7]), а позже ея недвижимыя имѣнія занимали обширную область [8]), разбросанную въ разныхъ мѣстахъ новгородской территоріи [9]). Въ значи-

---

[1]) Замѣчанія касательно устройства древней новгор. іерархіи (Прав. Собес. 1863, №№ 2 и 3).

[2]) Никитскій, Прав. совѣтъ (Ж. М. Н. Пр. 1869, № 10, с. 298—299).

[3]) Голубинскій, I, 774. Ланнуа замѣчаетъ: „sy ont ung evesque, qui est comme leur souverain“ (p. 33; ср. 34).

[4]) Ипат. лѣт., 259; ср. Древ. и Нов. Рос. 1878, II, с. 68.

[5]) Неволинъ, О пятинахъ, 105. Вѣча бывали: у св. Николы на Дв. (1218), у св. Софіи, на владычнемъ дворѣ (1228, 1385). Въ важныхъ случаяхъ (1425, с. 635, пр. 1) архіеп. (Евѳимій I) являлся на вѣчѣ (ср. 1342 г.). „Вѣсти“ о случившемся въ волости и ея окрестности еще въ XVI и XVII вв. можно было получить въ Устюгѣ въ Успен. соборѣ; а трапезы приходскихъ церквей, особенно находившихся въ волостяхъ, до к. XVII в. сохраняли свое древнее значеніе—мѣста народныхъ собраній; только совѣты о мірскихъ и земскихъ дѣлахъ, по настоянію церк. власти, были отсюда выведены (см. Акты Холмог. и Устюж. епархіи 1500—1699 гг., Рус. Ист., библ., т. XII, предисл.). Въ Реймсѣ совѣщанія гражданъ происходили въ ц. св. Симфорьена (Aug. Thierry, Lettres sur l'hist. de France, ch. VIII).

[6]) Неволинъ, 151, 153, 335, 345, 352.

[7]) Голубинскій, I, 772; Костомаровъ, II, 283--286. По уставу Святослава доходъ = 200 грив. кунъ (Никитскій, Оч. внутр. ист. церкви въ Вел. Новгородѣ, 27—29, 205—207). Есть основаніе полагать, что въ пользу владыки шла десятина отъ всѣхъ доходовъ новг. князя, а не только съ получаемыхъ имъ судебныхъ штрафовъ (Макарій, II, 359—60; замѣч. Замысловскаго на соч. Никитскаго, Ж. М. Н. Пр. 1880, № 1, с. 221—22; Отвѣтъ, № 6, с. 354—382 и др. рец.).

[8]) При обширности территоріи, Новг. епархія была менѣе населенной и имѣла въ значительной своей части инородческое и языческое населеніе (Голубинскій, I, 557).

[9]) Никитскій, Оч. внутр. ист. церкви въ Вел. Новгородѣ, 49.

тельной степени этому содѣйствовала религіозность, свойственная новгородцамъ, которая выразилась въ длинной лѣтописи о постройкѣ церквей и монастырей на средства частныхъ лицъ [1]) и принятіи монашества сановниками и боярами, что̀ обыкновенно соединялось съ богатыми вкладами [2]). Какъ и на Западѣ [3]), церкви и монастыри являлись убѣжищами для обвиняемыхъ [4]), хранилищами частныхъ сокровищъ и товаровъ [5]), а послѣдніе своего рода банками [6]), что̀ въ свою очередь доставляло имъ значительныя матеріальныя выгоды. По уст. грам. Всеволода Мст. надзоръ за мѣрами и вѣсами былъ врученъ Софійскому соб. вмѣстѣ съ Ивановскимъ товариществомъ и сотскими, отъ котораго они пользовались доходами [7]). Являясь однимъ изъ крупныхъ поставщиковъ своихъ произведеній въ торговлѣ съ нѣмцами; владыка обладалъ богатою казною, состоявшею изъ нѣмецкихъ суконъ и золота [8]). У новг. владыки былъ свой штатъ, свои бояре, дѣти боярскія, дьяки (софьяне), свой полкъ [9]), свои волости и городки [10]). Отъ древнихъ временъ росла и софійская казна; но, въ

---

[1]) Новгор. лѣт. по изд. 1879 и 1888 гг., см. указатель (списки церквей).

[2]) Новгор. Синод. лѣт., 179, 188, 189, 212, 378, 382, 388, 394, 398, 401, 405, 411. О братьяхъ Алфановыхъ (Филаретъ, Жж., іюнь, 98—100); о семьѣ Алфановыхъ (П. С. Р. лѣт., Ш, 99—101; 138; IV, 103, 104; 16, 111, 141—142; V, 250—251, 257—258, 261; VI, 130, 139, 141; VIII, 71, 84—85; 90; Новг. Синод. л., 387, 388, 391, 392; Новг. л., 45).

[3]) Gregorovius, V, 415; Тьерри, Ист. завоев. Англіи, Ш, 97. Часто укрѣпляли имѣнія за церквами, чтобы обезопасить ихъ отъ посягательства со стороны враговъ (II, 97—98); но часто и грабили ихъ, въ случаѣ нужды (Gregorovius, ibid.).

[4]) Новг. лѣт., 1270, 1287, 1290, 1477.

[5]) Новг. Синод. л., 205, 338, 377. Разсказывая о борьбѣ богатыхъ и меньшихъ (1418) лѣт. сообщаетъ объ ограбленіи мон. св. Николы, причемъ участники въ томъ заявляли: „здѣ животы христіанскія и болярскія" (2-я Новг.); по другому же тексту: „здѣ животы бояръ" (П. С. Р. лѣт., IV, 117). Подъ 1447 г. „и изъ церквей вывозиша животы ихъ, а преже того по церквамъ не искивали" (IV, 126).

[6]) Сводъ данныхъ (Никитскій, 97—98). Въ 1410 г. м. Фотій запретилъ попамъ и игуменамъ въ Новгородѣ торговать и отдавать деньги на проценты (Рус. Ист. библ., VI, 275).

[7]) Макарій, II, прилож. № 14; Никитскій, Св. великій Иванъ на Опокахъ (Ж. М. Н. Пр. 1870, № 9).

[8]) Бережковъ, 240. Еще архіеп. Іоаннъ II говорилъ: „Свята бо Софія не убога есть, да мочно ми есть и въ церковь ввести и хлѣба дасти" (Ж. М. Н. Пр. 1890, № 10, с. 21).

[9]) Мы уже знаемъ, какъ богата была новг. церковь землями (см. выше, с. 613, пр. 3). Ср. Никитскій, стр. 49, 92—93. „Новг. владыка былъ однимъ изъ самыхъ могущественныхъ поземельныхъ собственниковъ Вел. Новгорода".

[10]) П. С. Р. лѣт., Ш, 101; Новг. Син. лѣт., 391.

силу того же общественнаго воззрѣнія на ея значеніе, новгородцы прибѣгали къ ея помощи въ трудные и важные моменты: такъ, архіеп. Спиридонъ устроилъ на средства ея скудельницу (1230); владыка Василій построилъ каменныя укрѣпленія города (1331—34) и острогъ на Торговой стор. (1335), возобновилъ мостъ (1338 [1]); отсюда же, въ 1363 г., была взята сумма на возобновленіе стѣнъ [2]), а также брались суммы (3000 р.) на умиротвореніе Дмитрія Донскаго [3]), на построеніе костровъ (башенъ) по обѣимъ сторонамъ острога и въ помощь всѣмъ концамъ (10000 р.), потерпѣвшимъ (1391) отъ пожара [4]); на выкупъ плѣнныхъ и за миръ (1428), заключенный съ Витовтомъ (11000 р.), значительная часть котораго, повидимому, была уплачена владыкою Евѳиміемъ II [5]), и отсюда же ключникъ Пименъ передалъ не мало денегъ для раздачи сторонникамъ Марѳы посадницы [6]). Софійская казна много пострадала при Иванѣ III (подарки и проторы владыки [7]); но еще болѣе во время наѣзда на Новгородъ Ивана Грознаго [8]).

Какъ византійцы ввѣряли себя всецѣло защитѣ „Влахернской Богородицы“ [9]); какъ въ Англіи ополченіе шло подъ знаменемъ св. Павла [10]); какъ кіевляне возлагали свои надежды „на Бога и св. Софію“ [11]); такъ новгородцы всѣ успѣхи, предпріятія и бѣдствія соединяли съ покровительствомъ или гнѣвомъ своего патрона—„св. Софіи“.

---

[1]) Новгор. Синод. лѣт., 330—31, 335.

[2]) Новг. лѣт., 235—236: „Моисеева копленія“.

[3]) П. С. Р. лѣт., IV, 94.

[4]) Новгор. лѣт., 247: „скопленія владычня Алексіа архіепископа“.

[5]) Новгор. Синод. лѣт, 413; ср. Новг. лѣт., изд. 1879, с. 268; П. С. Р. лѣт., IV, 121.

[6]) П. С. Р. лѣт., IV, 236; VI, 6.

[7]) Будучи взята въ Москву Иваномъ Ш, новг. казна сохранялась здѣсь въ цѣлости и была возвращена въ 1524 г.: „Тоя же зимы, въ вел. постъ, взялъ князь великій изъ Можайска архим. Макарія и постави его архіепископомъ въ В. Новгородъ, *и да ему всю казну старыхъ архіепископовъ*“ (Псков. 1-я лѣт., П. С. Р. лѣт., IV, 296). Баснословные разсказы Длугоша о вывезенныхъ Иваномъ III богатствахъ, относятся, конечно, не къ одной софійской казнѣ, но и къ конфискованнымъ имуществамъ вообще (ср. Карамзинъ, VI, 81; VШ, прим. 153; Бѣляевъ, 621—622; Е. Прилежаевъ, Новгор. Соф. казна, Ж. М. Н. Пр. 1875, №№ 7, 8, 10; Никитскій, 128—129).

[8]) Новг. лѣт., 338, 341, 343, 395, 399—400.

[9]) Похв. слово хартофил. Георгія (Виз. Врем. 1895, IV, 588—90).

[10]) Трайль, I, 22.

[11]) Лаврент. лѣт., 322.

VI.

Начало церковной іерархіи въ Новгородѣ относится ко времени Владиміра I въ лицѣ грека Іоакима корсуняна, который управлялъ ею въ теченіе 38 лѣтъ (989—1030), и на эту связь съ Кіевомъ новгородцы любили указывать впослѣдствіи [1]). Съ именемъ Іоакима соединяются: основаніе Софійскаго соб. (деревяннаго о 13 верхахъ, вскорѣ сгорѣвшаго и замѣненнаго каменнымъ, на нын. мѣстѣ [2]), при второмъ еп. Лукѣ, изд. церковныхъ правилъ (Кормчей) въ переводѣ съ греческаго [3]) и утвержденіе христіанства при помощи ученія и проповѣди [4]). Повидимому Іоакимъ желалъ передать правленіе новг. церковью своему ученику Ефрему, но это почему-то не состоялось [5]); а годъ кончины еп. Іоакима совпалъ съ началомъ училища, основаннаго здѣсь Ярославомъ I [6]).

---

[1]) Новг. Синод. л., 103; Новг. лѣт., 139, 272. О Владимірѣ лѣтописецъ выражается: „Новый Константинъ великаго Рима“ (76).

[2]) Въ 1041 г. онъ былъ расписанъ греч. мастерами (Новг. 3-я лѣт., с. 181—182). О послѣднихъ упом. еще въ 1196 (распис. ц. Богородицы), 1338 (ц. Входа въ Іерусалимъ), 1341 (вѣр. соб. св. Софіи обновили послѣ пожара), 1378 (ц. Преображенія на Ильинской ул.).

[3]) По свидѣтельству Зиновія Отенскаго (Срезневскій, Памят. языка, 15, 20); Павловъ, Первонач. Номокан., Каз. 1869; Славяно-рус. Номок., 16.

[4]) Нѣк. указываютъ въ Н. литературную школу (писцовъ и переводчиковъ), существовавшую при Іоакимѣ (П. Лавровскій, Яким. лѣт., 158; ср. Погодинъ, Слѣды глаголич. буквъ въ Новгородѣ въ нач. XI в., Москвитян. 1843, кн. VII). См. однако ниже.

[5]) Новг. 2-я, с. 2; Новг. 3-я, 179—180; Крат. лѣт. Новг. владыкъ, 130. Нѣк. отождествляютъ его съ кіев. митр. Ефремомъ и отсюда объясняютъ преслѣдованіе Луки Жидяты (Пам. древ. рус. лит., изд. Пономаревымъ, I, 23—24).

[6]) П. С. Р. лѣт., V, 136; Никон. л., I, 132. Разборъ этого извѣстія у Н. Лавровскаго: „О древне-рус. училищахъ“, Спб. 1854, с. 19—24; Никитскій, Оч. ист. ц. Вел. Новг., 203—205.

Уже въ 1699 г. мощи (кости) Іоакима перенесены были изъ камен. палатки въ соборъ и погребены въ Золотой паперти, рядомъ съ еп. Лукою (Новг. л., 379; П. С. Р. лѣт., 275). Онъ же построилъ первую камен. ц.—Іоакима и Анны (здѣсь онъ и былъ погребенъ вначалѣ). О назв. „корсунская паперть“ въ Соф. соб. (Новг. л., с. 160; ср. П. Соловьевъ, 95 и д.). Въ Соф. соб. погребались епископы, за исключеніемъ нѣк., погребен. въ своихъ монастыряхъ (Моисей въ Сковородскомъ; Алексѣй и Іоаннъ III въ Деревяницкомъ; Өеоктистъ въ Благовѣщенскомъ; съ 1786—въ Юрьевскомъ), и нѣк. князья: Владиміръ Яр., † 1052, и мать его Анна (Новг. Син. л., 91, 419), Изяславъ Влад., с. Владиміра Мон. (1095), Мстиславъ Рост., внукъ Юрія (1178), Василій Мст. (1219). См. Новгор. лѣтописи.

Связи Новгорода съ Византіей постоянно поддерживались. Послѣдній изъ епископовъ, Нифонтъ († 1156), пришедшій изъ Кіева, много содѣйствовавшій украшенію Софійскаго собора [1]), считавшійся знатокомъ церковныхъ правилъ и строгимъ защитникомъ правъ константинопольскаго патріарха, принимается иногда за грека [2]). Еще въ XIII в. (1229) въ Новгородѣ была партія, желавшая имѣть епископомъ—грека и духовныя лица бывали изъ грековъ [3]). Съ Востока постоянно приносились разныя святыни (1134, 1145, 1211, 1383 [4]), а хожденіе новгородцевъ въ Константинополь и на Востокъ было весьма обычнымъ дѣломъ [5]); въ Новгородѣ бывали греческіе купцы [6]) и сюда же приходили греческія духовныя власти за милостынею (1376, 1394, 1407). На требованіе кор. Магнуса прислать „философовъ" для спора о вѣрѣ, новгородцы отвѣчали: „пошли въ Царьградъ къ патріарху; мы приняли вѣру отъ грековъ" [7]). Любопытно, что Новгородъ охотнѣе посѣщали митрополиты-иноземцы, а не русскіе (см. выше, стр. 636 [8]). Вообще, подчиненіе новг. церкви митрополиту дорого обходилось архіепископу и монастырямъ, въ особенности отъ тѣхъ же иноземцевъ [9]), и въ 1395 г. новгородцы грозили даже

---

[1]) Новг. Синод. л., 135, 139, 141, съ нареканіями за разграбленіе при отъѣздѣ въ Кіевъ, гдѣ онъ и умеръ.

[2]) См. выше, стр. 610; А. Зернинъ (Арх. ист. юрид. свѣд., кн. II, 1, с. 107—15; Никитскій, Очеркъ, 17.

[3]) Новг. Синод. л., 223, 231.

[4]) Новг. Синод. л., 194; Новг. л., 182—183; Ипат. л., 212; Изв. Ак. Н. 1899, I, 243—246; Сказ. о Тихв. иконѣ Богор. (Одигитріи).

[5]) См. ниже. П. С. Р. лѣт., VI, 135. Въ XIII в. туда ходили Антоній Ядрейковичъ, Антоній Дымскій; въ XIV—архіеп. Василій Калѣка, Иларіонъ (на Аѳонъ), принесшій „Тактиконъ" Никона Черногорца (Срезневскій, 273); ср. сказаніе о 40 калѣкахъ и др.; 1353—пос. въ Константинополь отъ архіеп. Моисея.

[6]) Въ ж. Антонія Римлянина упоминается греческій купецъ, разумѣвшій русскій яз. (см. выше, с. 603, пр. 2; ср. Кондаковъ, VI, 110). Лазарь Мурманскій (XIV в.) пришелъ изъ Константинополя (см. выше) въ сопровожденіи другихъ лицъ, а потомъ къ нему прибылъ мон. Ѳеодосій, книжный, съ Аѳона (см. Е. Барсовъ, Олон. Губ. Вѣд. 1867, № 43; Олонец. Сборн. 1886, II; Ист. іерар., V; Пам. древ. письм., № CXI, Н. И. Петровъ, Тр. Кіев. Д. ак. 1872, II; Ж. М. Н. Пр. 1901, № 12, с. 487—88, рец. А. И. Соболевскаго на соч. В. Н. Малинина). О новгородцахъ въ Константинополѣ ок. 1383 (Сказ. о Тихв. иконѣ Богор.). Буслаевъ, II, 276.

[7]) Новгор. Синод. лѣт., с. 347.

[8]) Въ 1134 (Синод., 127) Новгородъ посѣтилъ м. Михаилъ—грекъ, наложившій было запрещеніе по поводу войны новгородцевъ съ Суздалемъ (ср. П. С. Р. лѣт., IV, 4; V, 157).

[9]) Новг., Соф., Воскр., 1341 г. (при Ѳеогностѣ).

принять латинство, если патріархъ будетъ продолжать поддерживать требованія митрополита [1]). Въ этихъ финансовыхъ цѣляхъ сказался тотъ же коммерческій духъ, который давалъ себя знать и въ отношеніяхъ греческой іерархіи къ русской церкви вообще [2]). До второй пол. XII в. епископы не были избираемы, а присылались обыкновенно изъ Кіева [3]) и часто (Германъ, Никита, Нифонтъ) изъ монаховъ Печерскаго мон. [4]), а первые монахи въ Новгородѣ, вѣроятно, также были кіевляне [5]). По дѣламъ и за свои дѣйствія на судъ епископы вызывались въ Кіевъ [6]). Въ распряхъ съ князьями митрополитъ являлся посредникомъ между ними и Новгородомъ [7]).

Вслѣдствіе политическихъ и экономическихъ условій, потребность въ „рядѣ", договорѣ, была обычнымъ актомъ въ жизни Новгорода [8]), а это, въ свою очередь, заставляло заботиться объ ихъ сохраненіи [9]). Благодаря этому обстоятельству, до насъ дошелъ рядъ новгородскихъ грамотъ или извѣстій о нихъ, занесенныхъ въ лѣтописи, представляющихъ богатый матеріалъ для исторіи Новгорода [10]). Въ актѣ 1391 г.

---

[1]) При Кипріанѣ (П. С. Р. лѣт., IV, 92).

[2]) Макарій, т. V, кн. 2, с. 286.

[3]) Голубинскій, I, 310. Послѣ Луки были: Стефанъ (1060—1069, удавленъ своими слугами), Θеодоръ (1069—78, заѣденъ псомъ), Германъ (1078—1096), Никита (1096—1109), Іоаннъ (—1130), Нифонтъ (—1156). За нимъ слѣдовалъ Аркадій (см. выше 636).

[4]) Памят. XII стол., изд. Яковлевымъ, хс, схххvііі—іх; Новг. лѣт., 2—8, 130—131, 180—181.

[5]) Голубинскій, I, 310. О прибытіи образа Николая Мурлик. изъ Кіева (1113) и построеніи церкви (Синод. л., 120, 302). Кіев. архим. въ Новгородѣ (4-я Новг., 1408 г.).

[6]) Лука, Стефанъ, Германъ, Нифонтъ (Новг. л., 3, 130); ср. Голубинскій, 553—54.

[7]) Никон. лѣт. (1270), IX, 148—149.

[8]) Новгор. Синод. лѣт., годъ 1270.

[9]) Ibid., стр. 377—378, 383. Иванъ IV дважды отбиралъ „рядовыя и жалованныя монастырскія грамоты" въ Новгородѣ въ свою казну (Новг. л., 100, 126. гг. 1550, 1570). Въ Соф. соборѣ хранились книги, относящіяся къ церковному и домовому всякому строенію, истребленныя пожаромъ въ к. XVII в. (ibid., 163).

[10]) См. Собр. госуд. грам. и договоровъ, т. I; Акты, изд. Археографич. ком., т. I; Грам., изд. Напіерскимъ; Русско-ливон. акты и т. п. Перечень у Срезневскаго (Памятн. рус. письма и языка, изд. 2-ое, стр. 14, 15, 20, 53, 54, 56, 59, 75, 109, 110, 131, 135, 136, 153—154, 165, 168, 174, 175, 190, 205, 228, 230, 232, 242, 251—253, 259, 262). Примѣръ подобнаго значенія грамотъ представляетъ составленіе письменнаго акта по дѣлу князя Патрикія Наримунтовича (1384 г.). „Бысть жалоба на Патракія князя къ Новугороду отъ Городчанъ", читаемъ въ лѣтописи, „и выѣха князь въ Новъгородъ, и подня посуломъ Славеньскій конець на тысяцкаго и смути Новъгородъ. Съ вѣча... доспѣша три конци: Неревьскій, Загородскій, Людинъ на Славеньскій конецъ... и три конци списаша *три грамоты* въ одина слова обѣт-

упоминаются „межевыя обводныя книги“ [1]). Практическая надобность въ церковныхъ дѣлахъ побудила іеродіакона Антоніева мон. Кирика составить: „Ученіе имъ же вѣдати человѣку число всѣхъ лѣтъ“ (т. е. хронологію въ видѣ пасхалии [2]), а позже „Вопросы“, съ которыми онъ обращался къ разнымъ духовнымъ лицамъ и „отвѣты“ на нихъ, будучи внесены въ Кормчую книгу, получили каноническое значеніе. Помимо выписокъ изъ правилъ отцевъ церкви и русскихъ писателей (правила м. Георгія, Θеодосія Печерскаго), въ составъ его труда вошли отвѣты преимущественно Нифонта, еп. новгородскаго, а также Климента Смолятича, преемниковъ Нифонта—Аркадія, Иліи (Іоанна II), неизв. епископа Саввы, чернеца Луки, игуменьи Марины [3]). Церковныя правила Ильи сохранились въ Кормчей 1282 г. и въ другихъ, болѣе позднихъ спискахъ [4]). Въ недавно изданномъ поученіи еп. Иліи [5]), обращенномъ къ попамъ, находимъ любопытныя черты современнаго новгородскаго быта, въ значительной степени сохранившаго еще остатки языческой старины, поддерживаемой между прочимъ духовенствомъ, противъ котораго собственно и направлено названное выше обличеніе [6]). Вообще, кромѣ небольшихъ произведе-

ныи... И по усобной той рати пондоша вся пять концевъ въ одиначество, отняша тыи городы у князя (Орѣховецъ и Корельскій), а даша ему Русу, да Ладогу, и Наровьскій берегъ; *и грамоту списаша съ княземъ и запечаташа на вѣчи на Ярославлѣ дворѣ*“ (4-ая Новгор. лѣт. П. С. Р. Л. IV, 90—91).

[1]) Акты, относ. до юрид. быта. II, 145—149; Срезневскій, Памятн., 268. Отправляясь въ походъ, новгородцы запечатывали „обчины“ печатями (Новг. Синод. л. г. 1342; П. С. Р. лѣт., III, 81).

[2]) Труды Моск. Общ. ист., IV, 123—129.

[3]) Памятн. XII в., изд. Калайдовичемъ, стр. 173 и д.; полнѣе и правильнѣе изд. въ Рус. Истор. библ., VI, 21—51.

[4]) Памятн. XII в., изд. Калайдовичемъ, 223; Срезневскій, Памятн. русск. яз., 71.

[5]) Неиздан. памятникъ русскаго церковнаго права XII стол., А. Павлова, Спб. 1890 г. (изъ Журн. Мин. Нар. Просв., № 10).

[6]) Авторъ его говоритъ: „А се ми ся годило вѣдати и слышати у прьвыхъ поповъ“. „Вы сами вѣдаете, оже наша земля недавно хрещена“ и т. д. (20). Въ своемъ наставленіи, кромѣ свящ. писанія, авторъ ссылается на Номоканонъ, Іоанна Златоуста, Василія Вел., Филарета Милостиваго. Если даже Илія (1164—1186) называетъ Новгородскую землю „недавно крещеной“, то мятежъ, возбужденный волхвомъ въ Новгородѣ въ 1071 г. (см. Лавр. лѣт. и Новгор. по Синод. сп.) вполнѣ понятенъ. Въ массѣ христіанство было еще болѣе номинальнымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ (Голубинскій, I, 184). Объ этомъ свидѣтельствуютъ и вопросы Кирика (XII в.) и новгор. „Азбуковникъ XIII в.“. „Понеже бо злочестивіи волхвы и чародѣи в различныхъ ихъ *заговорныхъ молитвахъ* пишутъ иностранною рѣчью

ній Луки Жидяты, Іоанна II (см. выше, 640, 643), поученія Іоанна III (1410) о суевѣріяхъ [1]), архіеп. Симеона о неприкосновенности церк. имуществъ и пошлинъ [2]), грамотъ новг. архіеп. Евѳимія псковскому духовенству [3]), быть можетъ посланій Моисея [4]) и, наконецъ, ряда посланій Геннадія, вызванныхъ ересью, новгородская литература не выходила изъ предѣловъ книжной письменности, и означенныя произведенія имѣли болѣе практическій, нежели схоластическій характеръ, причемъ вопросъ о неприкосновенности церковныхъ имуществъ занимаетъ въ ней видное мѣсто [5]). Въ борьбѣ съ ересями принимали участіе Стефанъ Пермскій [6]) и Геннадій—опять не новгородцы.

Понятно, что и въ Новгородѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, весьма важнымъ проводникомъ христіанства служили монастыри; хотя здѣсь они возникаютъ значительно позже. Есть указаніе, что около 1113 г. новгородскій князь Мстиславъ Владиміровичъ положилъ основаніе мон. на остр. Липнѣ (Липенскій мон.), по случаю явленія образа Николая чуд., отъ котораго онъ получилъ исцѣленіе [7]). Впрочемъ

бѣсовская имена, такоже творятъ и надъ яствою и надъ питіемъ, шепчюче призываютъ та злая имена...." (Опис. семи рукописей, П. А. Лавровскаго, Чт. М. О. ист. 1858, IV, с. 54). Подъ 1227 г. опять читаемъ: „Того же лѣта нжгоша (сожгоша) волхвы 4, творяхуть е потворы дѣюще, а Богъ вѣсть; и съжгоша ихъ на Ярославли дворе" (Новгор. лѣт. по Синод. сп., 224). Впрочемъ суевѣрный страхъ еще вполнѣ господствовалъ и на Западѣ (Грановскій, I, 297, 336; Тьерри, II, 39, 80; Трайль, II, 309—310; III, 289).

[1]) Рус. Ист. библ., VI, 305—306. О сомнѣніяхъ касательно соч. Луки Жидяты и др. (Н. Никольскій, Ближайшія задачи изученія древне-русск. книжн., Спб. 1902).

[2]) Р. И. библ., VI, 401—402.

[3]) Ibid., 473—476.

[4]) Новгор. лѣт., 2-е изд., 136.

[5]) Рус. Ист. библ., 742—44; ср. 230—31. Посл. Симеона 1419 (401—402), м. Ѳеодосія 690—694. О причинахъ этой вражды (Никитскій, 150—151). Сочин. „противъ мірянъ, вступающихся въ имущество церкви", въ моментъ еретическаго движенія въ Новгородѣ, переводились даже съ латинскаго на русскій языкъ (А. И. Соболевскій, Перевод. литер., 193—194).

[6]) По этому поводу (1386) онъ пріѣзжалъ въ Новгородъ (П. С. Р. лѣт., IV, 94); Рус. Ист. библ., VI, 211 и д.

[7]) Макарій, II, 73 и прим. 172. Подъ 1113 г. въ „Лѣтописцѣ новгор. церквамъ божіимъ" читаемъ: „Того же лѣта образъ Ніколы чюдотворца Мірликійскаго приплылъ ис Кіева въ Великій Новградъ, дска круглая, и взяли на Липнѣ, при епископѣ Іоаннѣ (I); и тое ікону устроиша въ томъ превеликомъ храмѣ, на Ярославле дворище, в церкви" (Николая чуд., заложенной вел. кн. Мстиславомъ Владиміровичемъ). Новгор. лѣтописи, 187—188. Ср. Срезневскій, 152—153.

во главѣ новгородскаго монашества стоитъ назв. выше Антоній, по однимъ—выходецъ изъ Рима [1]), согласно съ житіемъ, дошедшимъ до насъ уже въ позднѣйшей передѣлкѣ [2]); по другимъ—нѣмецъ или иноземецъ римскаго исповѣданія [3]); а по инымъ [4])—богатый уроженецъ Новгорода [5]). Начало его монастыря относится къ 1117 г. и почти одновременно съ нимъ (1119) появляется Юрьевскій мон. (Георгіевъ), основанный новгородскимъ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ, при участіи, какъ полагаютъ, игумена и иноковъ, выведенныхъ изъ Кіева [6]), и, быть можетъ, Пантелеймоновъ [7]), а затѣмъ рядъ другихъ мм., какъ-то: Успенскій (Аркажъ), построенный игуменомъ Аркадіемъ (1153 [8]), потомъ еписк. новгородскимъ (1156—1162), Свято-Духовъ (упомин. въ 1162), Рождественскій (упомин. въ 1162 г. [9]), Благовѣщенскій (1170), построенный архіеп. Иліею (Іоанномъ II) съ братомъ Гавріиломъ, его преемникомъ (1186—1193 [10]); Хутынскій, основанный въ 1192 г. преп. Варлаамомъ, происходившимъ изъ богатой семьи, въ 10 верстахъ отъ Новгорода,—до насъ дошла подлинная вкладная грамота Варлаама на земли, села и др. угодія, завѣщанныя имъ монастырю [11]); Кирилловскій въ Нелѣзинѣ (въ 3-хъ верст. отъ города),

---

[1]) Макарій, II, 72.

[2]) Правосл. Собесѣд., 1858, II, 159 и 310.

[3]) Кондаковъ (Древности, VI, 110).

[4]) Голубинскій, II, 488—490.

[5]) Грамота Антонія основанному имъ монастырю (данная на землю вокругъ монастыря) и духовная о томъ, какъ должно быть въ монастырѣ послѣ Антонія, сохранились въ позднихъ спискахъ (Ист. рос. іерархіи, 123—126, 144—146). О нихъ см. у Голубинскаго, II, 489, и Житія, Ключевскаго, 308—311; Срезневскій, 58.

[6]) Голубинскій, II, 631. Сохранилась духовная грамота новгор. купца Климента, 2-ой половины XIII в., завѣщавшаго свое имущество Юрьевскому мон. (Свѣд. о малоизв. памятн. Срезневскаго, I, № xxxv). О жалованныхъ грам., книгахъ, пожертв., съ записями и др. (Пам. языка, 50, 53, 55, 135, 189, 216, 268). Въ немъ погребены: кн. Ѳеодоръ Яр. († 1244), мать его Ѳеодосія, въ монаш. Евфросинія, ж. Ярослава Всев., Изяславъ и Ростиславъ Яр. (1198), Дмитрій Юр. Шемяка и нѣк. новгор. посадники. Мощи перваго изъ нихъ перенесены въ 1614 г. въ Соф. соборъ.

[7]) Древ. грамоты и книга съ записью (Срезневскій, Памят. яз., 55, 59, 170).

[8]) Срезневскій, 294.

[9]) Макарій, III, 58, прим. 128.

[10]) Новгор. лѣт., 11, 195—197 и о др. мон. см. Новгор. лѣт., изд. 1879 и 1888 (по указателямъ).

[11]) Дополн. къ акт. ист. I, № 5; по подлиннику съ прилож. снимка въ Памятн. рус. письма и языка, 1-ое изд. (Изв. Им. Ак. Наукъ, т. X). Нѣкот. сообр. о монастырѣ (Голубинскій, I, 491—492); Срезневскій, Памятники рус. яз., 2-е изд., 72 (о служебникѣ и крестѣ Варлаама), 88, 281.

упомин. въ 1196 г. [1]); Евѳиміевскій, Николо-Островскій, близъ города, построенные тѣмъ же архіеп. Мартиріемъ въ 1197 г. [2]); Спасо-Нередицкій, постр. въ 1198 г., кн. Ярославомъ Владиміровичемъ, и др. и до 10 монастырей женскихъ. Такимъ образомъ, Новгородъ уже до нач. XIII в., по выраженію м. Макарія, былъ не только наполненъ, но и какъ бы опоясанъ монастырями [3]).

Независимо отъ того, въ пригородахъ Новгорода, въ этотъ періодъ извѣстны были монастыри: во Псковѣ—Спасскій-Мирожскій, построенный еписк. Нифонтомъ, въ Старой Ладогѣ — Георгіевскій (XII—XIII в.), въ Русѣ—Спасо-Преображенскій, постр. въ 1192 г. игум. Мартиріемъ, потомъ архіепископомъ; а также указываютъ: въ Торжкѣ—Борисо-Глѣбскій, осн. Ефремомъ; близъ Тихвина—Дымскій, при дер. Дымахъ, осн. Антоніемъ; въ Вологдѣ—Троицкій, осн. Герасимомъ [4]). Сохранился спиcокъ Студ. устава съ лѣтописными приписками новг. письма, въ которомъ послѣднимъ архіеп. названъ Гавріилъ, въ монашествѣ Григорій († 1193 [5]), чтб показываетъ весьма раннее его примѣненіе.

Въ періодъ съ 1240 до полов. XV стол. въ предѣлахъ Новгородской обл. (не считая Пскова) было основано вновь до 45 мм. Въ это время

[1]) По случаю постр. камен. церкви братьями Дм. и Конст. Крованковичами (Новг. лѣт., 12, 197), отдѣл. фресками (Ист. Вѣст. 1901, № 11, ст. А. Г. Слезскинскаго, сс. 700—716).

[2]) Новгор. лѣт., 12—13, 89, 92, 197; Новгор. Синод., 174, 401.

[3]) Макарій, III, 56—58; Голубинскій, 632—633.

Землевладѣніе было главнымъ средствомъ обезпеченія монастырей и зависѣло отъ утвержденія кончанскихъ старостъ или даже вѣча, причемъ нерѣдко происходили несогласія и споры изъ-за земли и столкновенія съ крестьянами (см. завѣщ. Лазаря Мурм., жж. Саввы Вишерскаго, Зосимы Соловец. и др.). Также враждебны бывали отношенія землевладѣльцевъ къ монастырямъ (Некрасовъ, Зарожд. націон. литер., 131—изъ ж. Михаила Клопскаго). Лазарь пріобрѣлъ островъ за 100 грив. серебр. и дорогія вещи, которыя онъ привезъ изъ Константинополя. Частыя напоминанія моск. митр. и новгор. архіепископовъ о неприкосновенности имущественныхъ правъ церкви, обращенныя къ новгородцамъ и псковитянамъ, показываютъ всю обостренность этихъ отношеній (Рус. Ист. библ., VI, 401—402, 498—500, 696—98). Наиболѣе богатыми, по земельнымъ надѣламъ, были мм. Юрьевъ, Аркажъ, Благовѣщенскій, Никольскій, Антоніевъ, Михайловскій (Новг. лѣт., 56; П. С. Р. лѣт., III, 143; VI, 216). Юрьев. игум. носилъ титулъ архим. новгор. (1226, 1230) и имѣлъ свой дворъ (Чт. въ Об. ист. 1858, II, 54).

[4]) Макарій, II, 73—74; III, 58—59; Костомаровъ, II, 318—378—о новгор. и псков. мм.—Нѣк. сомнѣваются относительно мм. въ Торжкѣ и Вологдѣ (Голубинскій, I, 182; II, 635—638).

[5]) Макарій, III, 59—60; Срезневскій, Памятники языка, 72—73.

мы находимъ ихъ уже въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ, какъ Валаамскій, Коневскій, Мурманскій, Шенкурскій, Корельскій, Соловецкій и др. Во Псковѣ и его пригородахъ (XIII–XV вв.) насчитываютъ до 25 мм. [1]). Общее число церквей въ Новгородѣ въ полов. XV в., включая и монастырскія, насчитываютъ до 230, изъ нихъ свыше 100 каменныхъ [2]). Кромѣ того, въ каждомъ изъ пригородовъ были свои патрональные храмы [3]), а въ болѣе важныхъ изъ нихъ (Ладога, Руса, Торжокъ) упоминается о нѣсколькихъ церквахъ. Во Псковѣ до к. XV в. было до 50 церквей, изъ нихъ свыше 25 каменныхъ.

Многочисленныя церковныя постройки Новгорода предполагаютъ существованіе мастерскихъ, руководимыхъ греческими художниками. Стѣнная иконопись (Соф. соб., мм. Юрьев., Нередиц., Кирил. и др.) воспроизводитъ всѣ основы византійскаго храмоваго живописнаго цикла [4]). Св. Софія является роскошнымъ храмомъ, для котораго не жалѣли расходовъ, въ которомъ собирали все, наиболѣе цѣнное, и которымъ интересовались даже въ Константинополѣ (завѣщ. Лазаря).

---

[1]) Макарій, IV, 197–204. Во время нашествія Дмитрія Дон. на Новгородъ, въ его окрестностяхъ было выжжено (1386) 24 мон. (П. С. Р. лѣт., IV, 94). Въ 1467 г. отъ моровой язвы умерло въ Новгородѣ монаховъ и монахинь 7652 чел., а свящ. и діаконовъ до 350; въ Старой Русѣ 1300 мон. (?) и 28 свящ. (Карамзинъ, VI, пр. 10, по Архив. Новг. лѣт.). Вообще, показаніе мало вѣроятное, какъ и др. подобныя (Gregorovius, VI, 353).

[2]) Соловьевъ, III, 34; IV, 231. Ср. Опис. семи новг. соборовъ по сп. XVI в., А. Никольскаго (Вѣст. Арх. инст., X, 76—81); Н. В. Волковъ, Статист. свѣд. о книгахъ, 13—14; Д. Прозоровскій, Новгородъ и Псковъ по мѣстн. лѣтоп. (Зап. Имп. Р. Арх. Общ. по отд. рус. археол., IV). Церкви вообще были небольшія.

[3]) Костомаровъ, II, 410. Весьма рано утвердилось въ Новгородѣ почитаніе Бориса и Глѣба (П. Л. Гусевъ, Новг. икона св. Бориса и Глѣба. Вѣстн. Арх. инст., X, 86–115) и, напротивъ, почитаніе московскихъ святынь принадлежитъ къ болѣе позднему времени (см. ниже), которое усердно пропагандировали архіепископы, назначенные изъ Москвы (Никитскій, 133 и дал.).

[4]) Кондаковъ, VI, 104, 130–131, 152—153. О церк. древностяхъ Новгорода (97—173, съ рисунк.); П. Соловьевъ (Новг. Соф. соборъ, Зап. Рус. Арх. общ., XI, 1—269); Стѣн. иконопись въ ц. св. Георгія въ Рюрик. крѣп. въ Старой Ладогѣ, В. Прахова, съ 35 лист. хромолит. (Рус. Древ.); Стѣнныя росписи въ древ. храм. греч. и русскихъ, Н. В. Покровскаго (Труды Яросл. Арх. с., I, 135—305). О фрескахъ, украш. цц. въ Новгородѣ, Ладогѣ и др. (Тр. VIII-го Арх. с., быв. въ Москвѣ, II); Пам. древ. письм. 1881, № VIII (объ архит. въ сѣв. Руси). Если въ отдѣлкѣ книгъ очевидно участіе Византіи (эмаль), то въ орнаментѣ рукописей указываютъ и скандинав. вліяніе (Арх. Изв. 1897, №№ 5—6; с. 155, 158; ср. в., с. 259—60). О новг. живописи см. еще Изв. Ак. Н. 1902, № 3, с. 190—215.

VII.

Основывая монастыри и церкви князья и другія лица надѣляли ихъ книгами. Такъ, уже въ грам. Всеволода, данной ц. Іоанна Предтечи на Опокахъ, прямо сказано: „и всѣми книгами исполнь" [1]. И до насъ дошелъ рядъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о значительномъ развитіи письменности въ Новгородѣ, отличающейся притомъ особенностями и наиболѣе богатой своими образцами [2]. Однако, до пол. XII в. Новгородъ не имѣлъ собственныхъ искусныхъ писцовъ, а пользовался трудами кіевлянъ (см. 259); но затѣмъ, благодаря болѣе благопріятнымъ условіямъ, число новгор. книгъ за XI—до нач. XV в. достигаетъ не менѣе половины всѣхъ дошедшихъ до насъ, а быть можетъ и болѣе того [3]. Правда, всѣ эти книги принадлежатъ къ тому кругу произведеній, который можетъ быть охарактеризованъ названіемъ богослужебныхъ и близкихъ къ нему (Прологи—Синаксари, Трефологіи, Кормчія, Октоихи, Канонники, Сборники съ житіями, Параклитики, Тактиконы (Никона Черн.), Стихирари, Діоптры и пр. [4]), и только весьма немногія изъ нихъ выходятъ изъ этого круга, какъ хрон. Г. Амартола, принадл. Софійскому собору (сп. XVI—XVII в.), Іудейская война Іос. Флавія въ сп. XV в, съ перевода, принес. изъ Константинополя [5]), Сокращенная Палея, сост. въ Новгородѣ [6]), такъ называемый Пушкинскій сборникъ 1414 г., писанный въ

---

[1]) Доп. къ акт. ист., I, 2—5.

[2]) Опытъ рус. исторіографіи, I, 102.

[3]) Волковъ, Стат. свѣд. о сохран. древне-рус. книгахъ XI—XIV вв., с. 28; его же: „О неновгород. происх. діакона Григорія, писца Остромирова Евангелія" (Ж. М. Н. Пр. 1897, № 12, с. 443—446).

[4]) Срезневскій, 17, 22, 38, 40, 49, 50, 52, 56, 60, 66, 72, 76, 77, 90, 91, 96, 97. 100, 117, 119, 120, 126, 135, 138, 143, 161, 170, 172, 178, 201, 208, 211, 218, 267, 282. 296—297; И. Купріяновъ, Обз. пергам. рукоп. Новгор. Соф. библ. (Изв. Ак. Н., VI, 34—66, 276—320, рук. XI—XVI в.); Воскресенскій, Волковъ; Опис. сборн., прин. Новг. Соф. библ. (Лѣт. зан. Арх. к., III, 1—106); П. С. Р. лѣт., XV, 195; П. В. Владиміровъ (Чт. въ Общ. Нестора лѣт., IV, 113, 115 и др.); А. И. Соболевскій (Изсл. въ обл. рус. грам., Варш. 1881, 2; Тр. Яросл. област. с., 100); Пыпинъ, I, 104; Н. Никольскій, Ближ. задачи изуч. древ. рус. книжн. (Пам. древ. письм. № CXLVII, Спб. 1902).

[5]) Строевъ, Библ. Словарь, 400—401.

[6]) Архангельскій (Ж. М. Н. Пр. 1898, № 9, рец. на „Ист. р. слов." Пыпина. с. 216).

Н-дѣ [1]), Космографія Космы Индикоплова съ миніат., пис. въ Нов-дѣ (XVI в. [2]), путешествія (см. ниже), словари [3]), русско-греч. разговоры, обнимающіе не одни церковные предметы, но и обыденныя отношенія (XV—XVI в. [4]). Въ такъ наз. „сборникахъ" встрѣчаются статьи, представляющія соединеніе лѣтописныхъ извѣстій изъ византійской и русской исторіи [5]).

Нѣкоторые изъ князей сами принимали дѣятельное участіе въ поддержаніи книжнаго дѣла. Таковы извѣстныя Евангеліе Мстислава Владиміровича (см. стр. 259) и Кормчая, писан. для Соф. собора по повелѣнію кн. Дмитрія Александровича, стяжаніемъ архіеп. Климента. Примѣру ихъ слѣдовали посадники (Остромиръ, его Евангеліе) и богатые новгородцы (какъ семья Лукиничей, упомин. при постр. каменной ц. Петра и Павла [6]). Но еще болѣе содѣйствовали его успѣху представители церкви, дававшіе порученіе списывать книги и распредѣлявшіе ихъ по своему усмотрѣнію,—таковы заказы архіеп. Спиридона (+1249), Өеоктиста (ок. 1300 г.), Іоанна III (1397, 1398 и 1400 [7]). Иногда подобные заказы дѣлались для извѣстной церкви старостами (какъ напр. владычнимъ намѣстникомъ Яков. Домашинымъ Сумовичемъ, стар. церкви св. Іоанна [8]), или по порученію „бояръ и жителей всей улицы" (Прологъ), на общій счетъ [9]). Понятно, что переписчиками рукописей были преимущественно монахи, духовныя лица и ихъ сыновья [10]); однако въ Новгородѣ не мало встрѣчается писцовъ

[1]) Зап. Ак. Н., т. LXXII, с. 1. Есть основаніе полагать, что игум. Пантел. мон. Изосимъ (1307) зналъ „Слово о полку Игоревѣ" (Срезневскій, 170—171).

[2]) Буслаевъ, Очерки, II, 206, 282, 308, 323–324.

[3]) Сахаровъ, Сказанія, т. II.

[4]) Рѣчь тонкословія греческаго, сообщ. Н. Никольскаго, изд. Общ. люб. древ. письм., 1896, № cxiv. Ср. также „Новгор. надписи Graffiti", В. Н. Щепкина, съ 9 фотогр. табл. (Тр. М. А. общ., т. XIX, 26–46).

[5]) Лѣт. зап. Арх. ком., III, с. 15. Пергаментъ и бумага, итальянская, а потомъ французская (съ к. XV ст.) получались изъ ганз. городовъ и Риги (Лихачевъ, Бумага и бумаж мельн., 9, 28, 73, 93; Бережковъ, 168) и шли въ др. мѣста.

[6]) Срезневскій, 52, 91, 143. Миніатюры Остр. Евангелія (Соч. К. Гёрца, VI, 174—77); Ист. виз. эмали (ib., 105—136); И. Забѣлинъ (Ист. обозр. финифт. и ценин. дѣла въ Россіи (Зап. Р. Арх. о., VI. 238—338); ср. стр. 259 и 571: χειμευτὸν или χυμευτὸν = финифть, эмаль.

[7]) Срезневскій, 117, 163, 283, 285—286, 296.

[8]) Ibid., 106.

[9]) Ibidem, 296—297; ср. Купріяновъ, 304.

[10]) Ibid., 49, 60, 91, 96, 136, 138, 204, 284, 296. Одинъ (1386 г.) изъ нихъ подписался: „а писалъ книги сія многогрѣшный Стефанъ Засковичъ, дьякъ св. Софіи"

изъ свѣтскаго званія; таковы: были Путята[1]), Іоаннъ[2]), Угринецъ[3]), Явило[4]), Леонидъ Аѳанасьевичъ Языковичъ[5]), владычній паробокъ Микула[6]), Маркъ Демидовъ Вечеровичъ[7]), Фролъ[8]), Ѳома[9]); а нѣкоторые изъ нихъ прямо говорятъ: „Лаврентій (к. XII в.) писалъ много" (полуглаголическая приписка на полѣ[10]); „Захарій (к. XIII в.) издѣтьска обычая много написавъ книгъ до старости"[11]). Въ Новгородѣ писались книги по заказу псковитянъ[12]), шенкурца Остафія Васильевича къ св. Спасу[13]), въ Ладогу[14]), въ Матигорье на Двинѣ (1271[15]). Писали иногда по неволѣ, по принужденію властей, при неудобной обстановкѣ[16]) и т. п. Но въ ряду всѣхъ этихъ любителей книжнаго дѣла особенно выдѣляется дѣятельность двухъ новгородскихъ архіепископовъ: Моисея (1325—1359, 1334 и 1352—1359) и его преемника Алексѣя (1359—1389). Первый изъ нихъ, сынъ состоятельныхъ родителей, потомъ архим. Юрьевскаго мон. и архіеп. новгородскій. Онъ основалъ нѣсколько монастырей въ Новгородѣ[17]) и отличался энергическою защитою своихъ правъ противъ вмѣшательства московскаго митрополита, и съ такимъ значеніемъ память его перешла въ потом-

---

(253). Переписчикомъ Пролога 1262 г. (библ. Лобкова) былъ попом. ц. св. Іакова Тимоѳей, принимаемый одними за лѣтописца, а другими за списателя лѣтописи. Весьма рѣзкій отзывъ о немъ у Голубинскаго (I, 653). Иначе судятъ о пономаряхъ того времени Филаретъ (Обзоръ, 45) и Буслаевъ (II, 138). Ср. еще (Ключевскій. Житія, 68, примѣч.). Конечно, за переписку брались иногда и неискусные писцы (Срезневскій, 78).

[1]) Ibidem, 38. М. Макарій сопоставляетъ его съ другими, извѣстными по лѣтописи Путятами (I, 70, 235, примѣч. 180).

[2]) Ibid., 41. [3]) Ibidem, 50.

[4]) Ibidem, 106. [5]) Ibid, 211. [6]) Ibid., 218. [7]) Ibid., 222. [8]) Купріяновъ, 284 (съ обозначеніемъ стоимости матеріала и переписки). [9]) Срезневскій, 297. [10]) Ibid, 77. [11]) Опис. рукоп. Синод. б., I, 184—185.

[12]) Ibid., III, 473—74. Собственно псковскихъ рукописей дошло до насъ весьма мало (Волковъ, 33): „Древнѣе XIII в. не уцѣлѣло ни одной псковской рукописи, главнымъ образомъ оттого, что Псковъ въ первые вѣка письменности снабжался новгородскими списками, какъ и др. новгородскіе пригороды".

[13]) Срезневскій, 99.

[14]) Срезневскій, 171.

[15]) Срезневскій, 138.

[16]) Строевъ, Библіол. Словарь, 374-375.

[17]) Деревяницкій, Волотовъ, Сковородскій, женскій св. Духа и Богородичный въ Радоковицахъ (Обз. дух. литер. 71—72; П. С. Р. Л., т. Ш, 73, 74, 77, 85, 86, 180; Новгор. лѣт.).

ство[1]). Будучи еще игуменомъ онъ заботился о перепискѣ книгъ: такъ, по его распоряженію нѣкто Иродіонъ списалъ „Книгу Еванг. чтеній“ [2]). Его любовь къ книгамъ отмѣчена и лѣтописцами [3]). Пользуясь значительными средствами (см. стр. 639), онъ могъ взяться за это дѣло на болѣе широкихъ основаніяхъ; но отъ его трудовъ,—списанія книгъ, до насъ дошли весьма немногіе [4]).

Преемникъ Моисея по второмъ его призваніи, архіеп. Алексѣй служившій при немъ въ званіи ключника при Софійскомъ соборѣ [5]), не менѣе его стоялъ за интересы Новгорода [6]) и хотя, по примѣру Моисея, увеличивалъ средства софійской казны, но и жертвовалъ ими на нужды города [7]). Сохранилось нѣсколько памятниковъ, написанныхъ по распоряженію архіеп. Алексѣя (книга Евангельскихъ чтеній, замѣчательная по изяществу письма, разрисовкѣ буквъ и заставокъ, Минея служебная), съ именами писцовъ (Микула, Филица и Самсонъ названы владычними писцами [8]). Труды, совершенные по волѣ архіеп. Алексѣя, признаются лучшими по исполненію [9]).

Не смотря на рядъ бывшихъ пожаровъ (1045, 1096, 1112, 1134, 1136, 1148, 1152, 1175, 1181, 1194, 1211, 1217, 1252, 1261, 1275, 1299, 1340, 1345, 1368, 1385, 1390, 1391, 1394, 1395, 1397,

---

[1]) Новгор. лѣтописи, стр. 27—33, 134—137, 140, 215—218, 233—236; Макарій, IV, 31—32. Какъ бы въ утѣшеніе патр. прислалъ ему крещатыя ризы, но съ требованіемъ подчиняться митрополиту (Проток. Конст. патр. Григоровича, № 10; Acta patr. Const., I, № clvi; Памятн. древне-рус. канон. права въ Рус. Ист. библ., VI, столб. 51—60; Новгор. 1-ая лѣт., подъ 6862; Новгор. лѣт., 1879, с. 135). У преемника его (Алексѣя) отличіе это было отнято (Проток. № 22; Acta, cclxvii, Рус. Ист. библ., столб. 97—117), подъ угрозою снятія сана.

[2]) Опис. рукоп. Хлудова, А. Н. Попова, I, 26—27.

[3]) П. С. Р. лѣт., III, 182; 2-е изд., 136. По поводу построенныхъ имъ монастырей и церквей вездѣ говорится: „и книгами умножи“.

[4]) Срезневскій, Памятники, 211—218; также въ рец. на Опис. рукоп. Хлудова (Зап. Ак. Наукъ, т. XIX, кн. 2); Купріяновъ, 277. Замѣчательно, что Моисей заклинаетъ не только не похищать его книгъ, данныхъ вкладомъ (въ Юрьев. мон.), но даже и тѣхъ поповъ и діаконовъ, которые, читая, не застегиваютъ всѣхъ застежекъ (216),—очевидная предосторожность противъ порчи книгъ.

[5]) Новгор. лѣтописи, 33—38, 135, 137, 234, 238, 242—247.

[6]) Ibid., 244. Соф. и Никон. лѣт. подъ 6893, 6899, 6901.

[7]) Ibid., 247.

[8]) Ibid., 218, 220, 223; ср. Купріяновъ, с. 52, 279, 289.

[9]) Срезневскій, Древнія книги, с. 19. О значеніи дѣятельности архіеп. Моисея и Алексѣя, какъ образовавшихъ у себя штатъ писцовъ, см. Н. Волковъ: „Дѣйствительно ли безыменна была большая часть трудовъ древне-русскихъ переписчиковъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1897, № 11, с. 70—82).

1403, 1405, 1414, 1419, 1442, 1471, 1508, 1541, 1548, 1551, 1555, 1558, 1560, 1568, 1582, 1600, 1606 и др. [1]), въ которыхъ нерѣдко упоминается объ истребленіи книгъ (при церквахъ), Новгородъ успѣлъ сохранить большой запасъ рукописей, дошедшихъ до насъ. Въ значительной степени это объясняется письменною дѣятельностію, процвѣтавшею въ немъ.

VIII.

Само собою разумѣется, что развитіе книжнаго дѣла указываетъ уже на распространеніе грамотности. Въ жж. Варлаама Хут. [2]), Моисея (сп. XVI в. [3]) и Евѳимія (сп. XVI в. [4]) новгор. архіеп., упоминается объ обученіи ихъ грамотѣ и изученіи церковныхъ книгъ. Выдающееся положеніе занимаетъ въ этомъ отношеніи Лазаревскій (Воскресенскій) мон. бл. Новгорода, отъ котораго дошло до насъ нѣсколько рукописей XI—XIII вв., писанныхъ въ немъ [5]). Игуменъ одного новгородскаго мо-

[1]) Новг. лѣт. Вообще, съ 1045 по 1712 въ Новгородѣ насчитываютъ до 110 пожаровъ (см. Зап. Имп. Рус. Арх. общ. по отд. рус. и славян. археол., IV, 158—177). Ср. замѣч. Волкова (Стат. свѣд., 13—15). Подъ 1541 г. лѣтописецъ отмѣчаетъ „пожаръ 21-ый". Въ это время сгорѣло 1455 дворовъ и погорѣло или пострадало до 40 церквей (ibid., 327—328). Понятно, что въ представленіи современниковъ пожары являлись наказаніемъ свыше. Лицъ, заподозрѣнныхъ въ поджогахъ, жгли на огнѣ и бросали съ моста (Новгор. лѣт. по Синод. сп., 243). Въ связи же съ опасностями вообще, какъ органическое явленіе, бывали видѣнія (Новг. лѣт., 368, 370, 417, 427, 430). Подъ гнетомъ моровой язвы (1417), многіе постригались въ монахи (Синод. Новгор. 405). См. еще слово „пожары" въ монастыряхъ въ указателѣ къ лѣтописямъ; также Псков. 1-ая лѣт. (П. С. Р. Л., IV, 242, 278). Во время наводненія, 1421 г., въ Новгородѣ „книгъ потопе много", говоритъ лѣтописецъ (Псковск. 1-ая лѣт., П. С. Р. Л., IV, 202, 242).

Въ 1869 г. въ Ак. наукъ были присланы изъ Финляндіи 166 оборванныхъ и полуобгорѣлыхъ листковъ, представлявшихъ собою, какъ оказалось, по разсмотрѣніи ихъ Срезневскимъ, остатки 48 древ. книгъ. Часть ихъ носила слѣды, свидѣтельствовавшіе, что они служили переплетами и обертками финляндскихъ дѣловыхъ бумагъ или закладками въ нихъ и ярлыками. Судя по числу листковъ изъ разныхъ списковъ—прологовъ, сборниковъ, житій и пр., эти рукописи были унесены шведами изъ 12 разграбленныхъ церквей, лишившихся при этомъ до 200 книгъ (В. Европы 1898, № 10, с. 832—33).

[2]) Прологъ 1356, Типогр. библ., 66 па обор. А. И. Соболевскій, Образованность М. Руси, 20.

[3]) Пам. стар. лит., IV, 11.

[4]) Сборн. Спб. дух. акад. (Христ. Чт. 1853, с. 392; Лавровскій, О древ. рус. учил., 53); ср. ibid., IV, 17.

[5]) Волковъ, 32 33.

настыря, написавшій въ 1438 г. Мѣсячную минею, обращаясь къ читателю съ обычною просьбою о прощеніи, прибавляетъ: „аще гдѣ буду описался или съ другомъ глаголя, *или дѣти уча*" [1]); а современникъ его архіеп. Іона разсказываетъ, что онъ, ставъ рано сиротою, былъ взятъ на воспитаніе вдовой Наталіей, матерью Як. Дм. Медоварцева, которая отдала его дьяку учиться грамотѣ. Въ училищѣ, по его словамъ, было *множество учащихся*, и когда они однажды играли вмѣстѣ и бросали камешки и соръ въ проходившаго мимо юродиваго Михаила Клопскаго, а Іоаннъ (будущій архіеп. Іона), отличаясь тихимъ нравомъ, стоялъ въ сторонѣ, то Михаилъ подошелъ къ нему и, поднявъ его выше себя, сказалъ: „учись, быть тебѣ архіепископомъ въ Новгородѣ" [2]). Въ посланіи къ новгородцамъ м. Іона писалъ: „вѣмъ, что въ св. книгахъ божественному писанію *сами искусны есте всякой мудрости книжной*" [3]). И по свидѣтельству Стоглава (пол. XVI в.) прежде училища бывали—въ Москвѣ, Новгородѣ и др. городахъ, а такимъ временемъ безъ сомнѣнія была для Новгорода по крайней мѣрѣ первая пол. XV в. [4]), т. е. время до его паденія, когда политическія потрясенія значительно съузили сферу и другихъ болѣе благопріятныхъ условій существованія. Геннадій свидѣтельствуетъ объ упадкѣ обученія, о господствѣ мастеровъ грамоты, забравшихъ обученіе въ свои руки [5]). Само собою понятно, что эти данныя не могутъ распространяться на массу населенія даже средняго класса [6]), если принять во вниманіе, что и на Западѣ еще въ XV в. отъ купцовъ требовались не столько письменныя свидѣтельства, сколько ихъ знаки и печати, безъ которыхъ самый документъ (вексель) не признавался дѣйствительнымъ [7]).

---

1) Купріяновъ, Обозр. пергам. рукописей Соф. библ., № 41. Въ ж.ж. XV в. часто говорится объ обученіи грамотѣ (Соболевскій, Образован. Моск. Руси, 17, 20).

Воспитаніе дѣтей въ монастыряхъ, съ выполненіемъ монастырскаго устава, было обычнымъ явленіемъ въ средніе вѣка (Ист. завоев. Англіи, О. Тьерри, I, 86).

2) Житія св., изд. архіеп. Филаретомъ, кн. XI, стр. 308—309; Памят., IV, 28.

3) Русск. Ист. библ., VI, 554.

4) Соболевскій, Образованность Моск. Руси XV—XVI вв.; 16, 17, 20.

5) Бываютъ эпохи, когда обнаруживается упадокъ умственной и общественной дѣятельности (см. Трайль, III, 116—117, 161—162, 234).

Въ XV в. среди новгор. населенія и даже духовенства суевѣрія имѣли полное право гражданства (Рус. Ист. библ., VI, 274, 305—308).

6) Литературными достоинствами новгор. произведенія не отличались, а были писаны просто (П. С. Р. лѣт., VI, 301).

7) Hirsch, Danzigs Handelsgeschichte, 223; Чтен. въ Общ. Нестора, VI, 88.

Новгородцамъ хорошо былъ извѣстенъ „путь изъ Варягъ въ Греки". Со времени утвержденія христіанства къ прежнимъ побужденіямъ этихъ странствованій, прибавился новый мотивъ—религіозный [1]). И странствованія эти, на столько были распространены, что именно здѣсь, въ Новгородѣ, возникла мысль о необходимости ихъ ограниченія (см. выше, стр. 212). До насъ дошло нѣсколько описаній путешествій, совершенныхъ новгородцами [2]). Такова „Книга Паломникъ, сказаніе мѣстъ святыхъ въ Царыградѣ", относящаяся къ концу XII в. (1200). Она принадлежитъ Добрынѣ Ядрейковичу. По словамъ лѣтописца, онъ привезъ съ собою „гробъ Господень" и частицу древа Господня (креста), а затѣмъ постригся въ Хутынскомъ монастырѣ [3]) подъ именемъ Антонія. Далѣе, изъ словъ лѣтописца можно заключить, что Добрыня очень понравился князю Мстиславу и всѣмъ новгородцамъ, былъ избранъ въ архіепископы и посвященъ въ этотъ санъ въ Кіевѣ (1211). Въ первый разъ онъ управлялъ новгородскою церковью 8 лѣтъ (—1219), послѣ чего митрополитъ предложилъ ему Перемышльскую епархію, а затѣмъ, во время смутъ въ новгородской епископіи, онъ снова дважды управлялъ ею (1225—1228 и 1229 гг.), но, лишившись употребленія языка (1228 [4]), онъ вынужденъ былъ оставить каѳедру († 1233). Свой трудъ онъ написалъ въ санѣ арх-па и потомъ вторично переработалъ его. Нужно замѣтить, что изъ всѣхъ, до сихъ поръ извѣстныхъ, описаній Софійскаго храма [5]), послѣ описанія Прокопія и Павла Силентіарія до разграбленія его западными христіа-

---

[1]) По народному сказанію, Василій Буслаевичъ отправляется въ Іерусалимъ, потому что съ молоду было много бито—граблено (о немъ см. А. Н. Веселовскій, Разыск. въ обл. рус. дух. стиха,—о камнѣ Алатырѣ, Ш, с. 1, 23—25; Ждановъ, Эпосъ).

[2]) Подъ вліяніемъ тѣхъ же странствованій сложились былины (Былина о калѣкахъ въ ст. В. Ѳ. Миллера, Ж. М. Н. Пр. 1899, № 8, с. 488 и д.). Ср. также новг. запись о 40 калѣкахъ, ходившихъ въ Іерусалимъ, получившихъ тамъ святыни и разносившихъ ихъ по городамъ, б. м. указывающую на промышленный характеръ въ этомъ дѣлѣ, вообще свойственный новгородцамъ (см. стр. 211).

[3]) О немъ см. Новг. Синод. л., 194, 204, 206, 210, 211, 222—24, 228, 241. „Гробъ Господень"—мѣра гроба, по объясненію Саввантова; по другимъ—частица гроба (Изв. Ак. Н. по отд. рус. яз. 1899, I, 243—44).

[4]) Новгор. лѣт., 16—19, 133, 201—203.

[5]) Въ новгородской письменности „сказанія о созданіи великіа божіа церкви святыя Софѣя, яже есть въ Константинѣ градѣ" и статьи, относящіяся къ ней, были довольно распространены (см. Опис. Сборниковъ, Лѣтопись зан. Археогр. ком., III, 38, 75, 105). Ср. Сказаніе о созд. ц. св. Софіи въ К-лѣ, К. К. Герца и Ѳ. И. Буслаева (Лѣт. рус. литер., Н. Тихонравова, т. I, 1—15).

нами, ни одно не можетъ сравниться съ путешествіемъ Антонія по обилію своихъ подробностей, за исключеніемъ развѣ того, что сообщаетъ объ этомъ книга Константина Порфиророднаго ("Ἔκθεσις τῆς βασιλείου τάξεως") по частямъ, въ разныхъ главахъ. Латиняне же вовсе не даютъ подробнаго описанія Софійскаго храма [1]). Съ другой стороны, ближайшее изученіе „путешествія" архіеп. Антонія убѣждаетъ, что оно заключаетъ въ себѣ многія подробности, существенно уясняющія топографію древняго Константинополя [2]); но для этого онъ, безъ сомнѣнія, воспользовался письменнымъ источникомъ и разсказами своего вожака или путеводителя, а также другими матеріалами (Сказ. о св. Софіи, Прологъ, разсказъ о крещеніи Ольги и т. п.), о чемъ свидѣтельствуетъ также значительное количество грецизмовъ въ его трудѣ [3]). Если Добрыня возвратился изъ Константинополя не задолго до сверженія архіеп. Митрофана [4]), то быть можетъ съ нимъ зашла въ Россію „Повѣсть о погибели греческаго царства" (1204), переведенная съ греческаго или быть можетъ составленная по греческимъ

[1]) Путешествіе Антонія издано по списку Строева, П. И. Савваитовымъ, Спб. 1872, и по списку Копенгаг. И. И. Срезневскимъ (Свѣд. о малоизв. памятникахъ, т. II, 340—352, въ Сборн. Ак. Наукъ, т. XII). Списокъ Савваитова находится теперь въ И. П. библ. (Отчетъ 1896, с. 11). Ср. еще Памят. рус. письма и языка (88-89); Филаретъ, Обзоръ, 40; Новый списокъ Описанія Цареграда Антонія новг. (по сп. автора), зам. Х. Лопарева (съ замѣч. о пут. кн. Ольги въ К—ль), Библіографъ 1888, с. 380—92; Новыя данныя о хожд. Антонія въ Царьградъ, А. И. Яцимирскаго (по нов. его списка, съ замѣч. о рус. попѣ Леонтіѣ, ход. трижды въ Іер—мъ), Изв. Ак. Н. 1899, с. 223-263 (отд. 42 стр.); ср. Тр. славян. ком. М. Арх. общ., Ш, 1902; Виз. Врем. 1897, в. 1—2, с. 309; Ист. Вѣст., № 5, с. 658; Ж. М. Н. Пр. 1897, № 6, с. 405-411; Арх. Изв. 1897, №№ 5-6, с. 204—205 (зам. Х Лопарева о попѣ Леонтіѣ и возраж.). Вновь изд. по 6 извѣстн. списк. Х. М. Лопаревымъ: „Книга Паломникъ. Сказаніе мѣстъ святыхъ во Цареградѣ", Антонія архіеп. новгор., въ 1200 г., Спб. 1899 (Прав. Палест. Сборн., т. XVII, в. 3-й, CXLIV + 111, съ литер. вопроса, картою Цареграда при виз. имп-хъ по А. Мордтманну и указ. именъ (зам. въ Виз. Врем. 1900, Ш, 484-88).—Въ 1878 г. хожд. Антонія почти цѣликомъ было перевед. на латин. яз. о. И. М. Мартыновымъ и изд. гр. Ріаномъ (по сп. Савваитова и Копенг.), подъ загл.: „Exuviae sacrae constantinopolitanae etc., Genevae 1878" (П, 218—230). Есть и англ. переводъ разсказа Антонія о храмѣ св. Софіи (см. Виз. Врем. 1896, I, 198).

[2]) Кондаковъ, Визант. церкви и памятн. Конст-ля, Одесса 1896, 89 стр. (см. Тр. VI Арх. съѣзда, т. Ш); Д. Н. Анучинъ, Нѣск. словъ о развитіи рус. землевѣд. (Землевѣд. 1894, с. 711).

[3]) Перечни и краткіе путеводители по святынямъ были распространены и въ Римѣ (Gregorovius, III, 546); ср. О древностяхъ Константинополя, Г. Ласкина (Чтен. въ общ. Ист. лѣт., т. XV, прилож., вв. 2, 3 и д.).

[4]) Новгор. лѣт., 16.

сказаніямъ, съ приложеніемъ объясненія объ образѣ Димитрія и о ризѣ Влахернской иконы, упоминаемыхъ въ Повѣсти [1]).

Другой „путникъ" принадлежитъ Стефану Новгородцу. Онъ отправился въ Царьградъ въ сопровожденіи 8-ми новгородцевъ, съ цѣлью поклониться святымъ мѣстамъ. Въ Софійскомъ храмѣ путешественники видѣли патріарха Исидора (1347—49) и бесѣдовали съ нимъ [2]). Кромѣ святынь, Стефанъ Новгородецъ описываетъ памятники искусства (статуя Юстиніана и др.) и постройки. Важнѣе другихъ было бы указаніе Стефана о двухъ новгородцахъ, считавшихся пропавшими, а они сказали ему, что живутъ здѣсь, списывая въ Студійскомъ монастырѣ *книги* Свящ. писанія [3]). Полагаютъ, что самъ Стефанъ, судя по языку, привезъ отсюда въ Россію болѣе древній списокъ „Пчелы" [4]).

Не задолго до Стефана путешествовалъ на Востокъ (какъ полагаютъ въ 1321—23 гг.) свящ. Козмо-Демьян. церкви Григорій, прозванный Калѣкой, потомъ архіепископъ новгородскій [5]), извѣстный подъ именемъ Василія (1331—1352 [6]), который говоритъ о путеше-

---

[1]) Занесеніе „Повѣсти" въ Новгор. лѣт. какъ бы подтверждаетъ эту связь (П. С. Р. Л., III, 20—29; 2 ое изд. 180—188; VII, 109—111). Такъ полагаютъ Д. И. Иловайскій (I, 328—329) и Голубинскій (I, 686)—перев. съ латинскаго.

[2]) Въ печатномъ изданіи читаемъ: „и той патріархъ призва ны, и благословихомся, и цѣловахомъ руку, и бесѣдова съ нами, понеже бо вельми любитъ Русь. *О великое чудо! Колико смиренія бысть ему*, иже бесѣдова съ странники ны грѣшными, *не нашъ-бо обычай имѣетъ*".

[3]) Сахаровъ „Путеш. русскихъ людей", II, 13—28; Сказанія рус. народа, VIII, 51—56. Есть списки „путешествія", въ которыхъ не находятся сообщенія о новгородцахъ и п. Исидорѣ (Ист. Вѣст. 1898, № 10, с. 362). Проф. Соболевскій первое изъ нихъ считаетъ позднѣйшимъ измышленіемъ (Южно-слав. вліяніе, 11; ср. Пыпинъ, Ист. литер., I, 408).

[4]) Филаретъ, Обзоръ, 71.

[5]) Καλίκιοι—башмаки; caliga—солдатская обувь, полусапогъ,—обувь, которую носили странники. Ср. о каликахъ—странникахъ (Даніилъ игум., Антоній и Стефанъ Новгор. путеш.). Сопоставленіе каликъ съ нищими въ русскихъ памятникахъ, какъ въ итальян. и волош. языкахъ. Сводъ данныхъ по памятникамъ см. Словарь Срезневскаго, стр. 1182; Ср. его же замѣч. о русскихъ каликахъ и ихъ одеждѣ (Зап. Ак. Наукъ, т. I, кн. 2; Изв. Арх. общ., т. IV). „Плетохъ бо калиги лычны и посылахъ по весемъ христианомъ" (Пов. о ж. преп. Мартирія и т. д., Отч. Имп. Публ. библ. 1894, прилож., стр. 343). На бумагѣ итальянскаго производства (собственно генуэзскаго) XVI в. встрѣчается знакъ, изображающій пилигрима въ длинномъ одѣяніи, съ посохомъ на плечѣ, иногда въ дорожной шляпѣ съ широкими полями (Н. П. Лихачевъ, Бумага и древ-шія бум. мельницы въ Моск. госуд., 42).

[6]) О его городскихъ постройкахъ см. выше, стр. 639.

ствіи *многихъ новгородцевъ* и въ томъ числѣ Моислава съ сыномъ Яковомъ за Каспійское море [1]). Обстоятельства эти стали извѣстны, благодаря посланію архіеп. Василія къ твер. епископу (въ XIV в. ихъ было два) Ѳеодору (писано вѣроятно ко 2-му), по поводу спора, происходившаго въ Твери [2]) о раѣ, причемъ и епископъ утверждалъ, что рай, въ которомъ былъ Адамъ, погибъ [3]). Мысль же, которую защищалъ Василій, видна изъ слѣдующаго обращенія: „А что, брате, молвишь рай *мысленный*, и той такъ есть, мысленъ и будетъ, а *насажденный не погибъ и нынѣ есть*, и нѣсть до него достигнути, понеже запята твердо есть“. Любопытно, что помимо свидѣтельствъ отъ „писаній“, Василій приводитъ еще показаніе *новгородцевъ:* „А то мѣсто святаго рая находилъ Моиславъ Новгородецъ и сынъ его Іаковъ и всѣхъ ихъ было три юмы и едина отъ нихъ погибла много блудивъ, а двѣ потомъ долго носило море вѣтромъ и принесло ко высокимъ горамъ (далѣе слѣдуетъ описаніе этого мѣста). Тоже, брате, прибавляетъ Василій, не речено Богомъ видѣти святаго рая человѣкомъ, а муки и нынѣ суть *на западѣ. Много дѣтей моихъ новгородцевъ видаки тому:* на дышущемъ море червь неусыпающій, и скрежетъ зубный, и рѣка огненная“ и т. д. [4]).

Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь два типа новгородцевъ: однихъ, странствовавшихъ на Востокъ, и другихъ, ѣздившихъ на Западъ, и сообщавшихъ, по возвращеніи, свои впечатлѣнія и фантастическіе разсказы [5]). Въ подтвержденіе своего мнѣнія архіеп. Васи-

---

[1]) Новгородскіе послы ходили также въ Орду (1328, 1329, 1353).

[2]) Въ Новгор. лѣт. (1341) отмѣчено: „Той же зимы приихалъ Михаилъ княжичь Олександровичь, со Тьфѣри въ Новгородъ, ко владыцѣ, сынъ хрестьный, *грамотѣ учится*“ (стр. 340). Воспитателемъ Людовика Дитяти былъ Адальберъ, еписк. аугсбургскій (хрон. аб. Регино); наст. имп. Оттона II—с. гал. монахъ Эккегардъ II, (Wattenbach, I, 317); дочь шотланд. кор. Малькольма, Эдифь, воспитывалась въ Рюмзейскомъ аб. (Тьерри, Ист. завоев. Англіи, П, 144, 146); сынъ Филиппа I французскаго, Людовикъ (VI), три года находился на воспитаніи у аб. Адама въ С. Дени (Грановскій, I, 290).

[3]) По указанію Татищева, подобное мнѣніе, возникнувъ въ Новгородѣ еще въ началѣ XIV в., нашло себѣ поддержку въ Твери (Ист. рос., IV, 92—93); Борзаковскій, Ист. Твер. княж., 247—249; ср. замѣч. Макарія (IV, 312—313).

[4]) Посл. помѣщено въ Новгор. (3-й) лѣт. (стр. 224—230); П. С. Р. Л., VI, 87—89; VП, 212—214. Соф. Времен. по изд. Строева, I, 330—334; Степен. книга, I, 480—84; Буслаевъ, Истор. христом., 1963—69. Ср. Просвѣтитель, 56.

[5]) Путешественники играли въ этихъ сообщеніяхъ важную роль. Такъ, Алексѣй новгородецъ разсказалъ архіеп. Геннадію о землетрясеніи, бывшемъ въ Константинополѣ въ 1488 г. (А. И. Соболевскій, Перевод. литер. въ Моск. Руси XIV—

лій ссылается на апокрифическія сказанія прологовъ и сборниковъ. Такъ какъ мнѣніе о сохранившемся первобытномъ раѣ принимается яковитами и несторіянами на Востокѣ, съ которыми, несомнѣнно, имѣли сношенія славянскіе и русскіе паломники, то отсюда оно, вѣроятно, перешло въ Россію вмѣстѣ съ болгарскими сборниками апокрифическихъ сказаній. Это подтверждается между прочимъ тѣмъ, что сказаніе о Макаріѣ, на которое ссылается Василій, по Купріянову index'у запрещенныхъ книгъ—принесено съ Востока именно паломниками: „о Макаріѣ Римстѣмъ, что три черноризцы ходили на востокъ“ [1]). Вопросъ этотъ продолжалъ занимать книжниковъ, и въ Синод. библ. есть рукопись XV в., въ которой помѣщена статья на тему „о чувственномъ раѣ“ [2]).

Въ настоящее время тому же архіеп. (свящ.) Василію приписывають происхожденіе статьи: „Бесѣда о святыняхъ Цареграда“, въ которой сообщаются свѣдѣнія не только объ этихъ послѣднихъ, но и о другихъ памятникахъ столицы, а также легенды, распространенныя

XVII в., Спб. 1903, с. 385-395). Подъ 1542 г., со словъ любчанъ, записанъ разсказъ о землетрясеніи во Франціи, Италіи и Турціи (въ Салоникахъ). Новгор. лѣт., с. 73.

[1]) Памятн. стар. рус. лит., III, 135-142; ср. А. С. Архангельскій, Нилъ Сорскій, 230-232. По русскимъ сказаніямъ, со словъ путешественниковъ въ перенначенномъ видѣ, рай находился на югѣ отъ Каспійскаго м. и Кавказскихъ горъ. Въ одномъ сборникѣ XVI в. (Соф. библ.) рай помѣщается между Тигромъ и Евфратомъ (Уч. Зап. Ак. II. по 2-му отд., II, 233).

[2]) Филаретъ, Обзоръ, 70; ср. А. Н. Веселовскій „Параллели къ новгор. сказанію о раѣ“ (Филолог. Зап. 1875, т. III). Также многочисленны и разнообразны сказанія объ адѣ, начиная съ классическихъ представленій у Платона (Респубд., кн. X, 614, разсказъ объ Эрѣ) до Данте. Въ средневѣковыхъ легендахъ мѣсто ада и чистилища назначалось различно: въ подземельѣ, въ кратерѣ вулкана (Gregorovius, II, 28, 84). Видѣнія „ада“ представлялись то во снѣ, то въ летаргіи; одни отправлялись въ него въ видѣ душъ, другіе и плотію (Спенсеръ, Англія, 208, 209, 211—13); чистилище помѣщали въ воздухѣ; а извѣстный путеш. Дж. Мандевилль входъ въ адскія области указываетъ въ цар. пресв. Іоанна (214). По разсказу Веттина (перелож. въ стихи Валафридомъ), онъ видѣлъ Карла В. въ чистилищѣ, гдѣ онъ искупалъ свои грѣхи мучительными страданіями,—легенда, напом. нов. о посад. Щилѣ (Пам. рус стар., I, 1—29). Игум. Даніилъ помѣщаетъ адъ у іерус. стѣны, подъ мѣстомъ страданія Іисуса. Сказанія объ адѣ и раѣ были весьма распространены въ рус. литературѣ (Памят., ib., III, 120-142; Чт. Об. ист. 1879, I; о ж. св. Агапія и хожд. его въ рай, В. Н. Малинина, Чт. въ Общ. Нест. лѣт., II, 164). Объ изображеніи „ада“ въ церк. представленіяхъ (Р. Стар. 1894, № 7, с. 114); о запад. предст. ада, сходныхъ съ русскими (В. Евр. 1882, VII, 287—88); объ адѣ Теодорика (Трайль, II, 294); рец. Тихонравова на ист. лит. Галахова (Сочин., I, 105—106).

о нихъ [1]), между прочимъ о жабѣ, которая ночью ходила по Царьграду и подметала улицы [2]. По мнѣнію изслѣдователей, „бесѣда“ представляетъ лучшее изъ русскихъ описаній святынь и достопамятностей средневѣковаго Константинополя.

Въ новгородскихъ же лѣтописяхъ съ именемъ Василія соединяется еще два важныхъ событія—это пожалованіе новгор. архіепископу „бѣлаго клобука“ іерусалимскимъ патріархомъ, которое возвысило его значеніе въ ряду другихъ епископовъ и относительно митрополита [3]), и крестовый походъ Магнуса (1347) шведскаго противъ

---

[1]) „Бесѣда“ была издана Л. Н. Майковымъ (Сборн. Имп. Ак. Н., т. LI, Спб. 1890, прил., 1—50; ср. Виз. Врем., 1894, № 1, с. 167—72). Д. Θ. Кобеко приписыв. „Бесѣду“ Василію (ibid., 1897, № 1—2, стр. 309—310; Истор. Вѣст. 1897, № 5, с. 658—660; Опытъ исправл. текста Бесѣды о святыняхъ Царяграда, Д. Кобеко, Спб. 1897; Дополнит. замѣтка къ статьѣ „Опытъ“ и пр., Спб. 1897; замѣч. Виз. Врем. 1898, I, 292—293; обѣ статьи отт. изъ Изв. по отд. рус. яз. и словесн. 1897, №№ 3 и 4; Топогр. указанія Бесѣды о св. Ц-да, его же, Виз. Вр. 1901, I, 106—114; зам. Г. Ласкина, ib., 1898, № 4, с. 738—746); Хр. Лопаревъ: „Рус. аноним. опис. Конст-ля ок. 1321“, Изв. Ак. Н., ibid., 1898, № 2, с. 239—257—авторъ доказ. компилятивность этого сочиненія; ср. Виз. Врем. 1899, I, с. 229; см. еще Дестунисъ, рец. на изд. Майковымъ Бесѣды, Ж. М. Н. Пр. 1890, № 9, стр. 233—269; Арх. Изв. 1897, № 7—8, с. 253—55.

[2]) Сообщеніе о жабѣ (см. также пут. Зосимы) находитъ подтвержденіе въ лѣт. Іероѳея Монемвасійскаго (см. Ждановъ, Эпосъ. 64, сводъ данныхъ). Ср. статью А. И. Кирпичникова: „Чудесныя статуи въ Константинополѣ“, съ поправкою рус. текста о жабѣ у Зосимы въ изд. Сахарова (Лѣтоп. Ист. фил. общ. при Новорос. ун., IV. Визант. отд., т. II, 23—47).

[3]) Въ лѣто 6343 (1335). „При семъ архіепископѣ Василіи принесенъ бысть бѣлый клобукъ отъ царя Константина и папы Сильвестра въ Великій Новградъ“.... „Клобукъ бѣлый далъ патріархъ іерусалимскій владыкѣ Василію, а патріарху далъ папа римскій и съ тѣхъ мѣстъ клобукъ бѣлый въ Новгородѣ“ (Новгор. лѣт. 51, 218); Пов. о бѣломъ клобукѣ, Памят. старин. рус. литер., в. I; въ изд. Кожанчикова, Спб. 1861 (полн. ред.). Разборъ этихъ сказаній: Буслаевъ, Очерки, II, 274—280; Ф. Терновскій, Изуч. виз. исторіи, I, 89—90, II, 171—174; Н. И. Петровъ, О судьбѣ вѣна Константина В. въ русской церкви, Труды К. Д. акад. 1865, № 12; Макарій, IV, 300 и дал.; правдоподобное объясненіе у Голубинскаго, I, 775—776; ср. вставку въ завѣщ. Лазаря Мурм., Жж. Филарета, мартъ, 55; Тр. Кіев. Дух. акад. 1872, II, 60—61 (о Лазарѣ Мурм.); М. А. Дьяконовъ, Власть моск. князя, стр. 70—71, примѣч.; замѣч. Л. Н. Майкова въ изд. „Бесѣды о Цареградѣ“, изъ Сборн. новгор. состава, о посл. архіеп. Геннадію изъ вел. града Рима и повѣсти, относимой въ простр. ред. къ XVI в., Сборн. Ак. Н., т. LI, приложеніе, стр. 5 и 11; А. С. Павловъ, Подлож. дарств. грам. Константина Вел., съ извлеч. изъ рук Общ. ист. и древ. краткой редакціи повѣсти (Виз. Врем. 1896, I, 49—53). Объясн., почему эта пов. пользуется особеннымъ уваженіемъ у раскольниковъ (Какъ изд. у насъ книжки о расколѣ, Рус. Вѣст. 1862, № 5, с. 368—370).

Новгорода, заставившій новгородцевъ обратиться даже за помощью къ Москвѣ, а потомъ, въ благодарность за поддержку, оказанную псковитянами, дать Пскову важныя льготы въ церковномъ и гражданскомъ судѣ и признать его „младшимъ братомъ" Новгорода[1]). Далѣе, за разсказомъ объ этихъ обстоятельствахъ, въ новгор. (3-я и 4-я) лѣтописи помѣщается „Рукописаніе Магнуса" (завѣщаніе), который, признавая въ своихъ неудачахъ гнѣвъ божій[2]), заповѣдалъ дѣтямъ своимъ, подъ жестокою клятвою, не наступать болѣе на Русь[3]).

Вѣроятно, также Новгороду принадлежитъ путешествіе на Востокъ, дважды совершенное (1456 и 1461—62) инокомъ Варсонофіемъ (въ языкѣ его отмѣчаютъ черты сѣв.-зап. говора, смоленскаго или полоцкаго), который былъ, по возвращеніи изъ второго путешествія, игуменомъ въ Бѣльчицкомъ мон. (въ Полоцкѣ), а потомъ въ Новгородѣ, гдѣ состоялъ владычнимъ духовникомъ, а въ 1471 г., по смерти архіеп. Іоны, былъ намѣченъ въ кандидаты въ архіепископы, но выборъ палъ тогда на Ѳеофила. Въ первый разъ онъ отправился изъ Кіева черезъ Бѣлгородъ, Константинополь, на Критъ, Родосъ, Кипръ, Лаодикію, Триполь, Бейрутъ и Дамаскъ, въ Іерусалимъ, гдѣ прожилъ два мѣсяца Онъ даетъ любопытныя свѣдѣнія о Іерусалимѣ и его окрестностяхъ. Во второе путешествіе онъ посѣтилъ Египетъ и Синай, святыни котораго онъ также подробно описалъ. Вообще, разсказъ Варсонофія отличается простотою, свѣжестью и теплотою; но особенный интересъ представляетъ описаніе Синая, такъ какъ Варсонофій былъ первымъ изъ русскихъ путешественниковъ, описавшихъ эту гору, а, по точности и обилію сообщаемыхъ свѣдѣній, его описаніе стоитъ гораздо выше позднѣйшихъ русскихъ извѣстій и не уступаетъ даже западнымъ и греческимъ современнымъ сообщеніямъ

---

[1]) Новгор. Синод. л., 346—49; Новг. л. (3-я), 221—224.

[2]) На ос. Валаамѣ, въ Преображ. мон., показывали могилу Магнуса (Карамзинъ, IV, пр. 348).

[3]) Въ шведской хроникѣ сообщается, что Магнусъ распорядился захваченнымъ въ плѣнъ, по обращеніи въ латинство, стричь бороды, но русскіе скоро показали, что у нихъ бороды опять отросли (Geijer, Gesch. Schwedens, I, 185; Соловьевъ, III, 323, прим. 449). Ср. выше, стр. 562, пр. 3. Многія саксонскія фамиліи въ Англіи давали вѣчный обѣтъ, переходившій отъ отца къ сыну, носить длинныя бороды, въ воспоминаніе о своей древней отчизнѣ и въ знакъ презрѣнія къ обычаямъ, введеннымъ завевателями; норманны же въ насмѣшку называли саксовъ „бородатыми" (Матв. Пар., Матв. Вестминст., Тьерри, III, 165—166, 168). Какъ и на Западѣ (Gregorovius, VI, 364), прикосновеніе къ бородѣ считалось большой обидой (Р. Правда; Псков. суд. грам.).

о Синаѣ. Къ сожалѣнію рукопись 2-го путешествія Варсонофія въ изданномъ спискѣ (XVII в.) не имѣетъ конца [1]).

Благодаря развитію письменности и политической самобытности, въ мѣстной литературѣ является рядъ сказаній, тѣсно связанныхъ съ политическими отношеніями и внутреннею жизнію Новгорода, отчасти вошедшія въ лѣтописи, а частію дошедшія до насъ въ отдѣльномъ видѣ. Таковы статьи: „о построеніи варяжской божницы" (католической церкви) въ Новгородѣ, „сказаніе о церкви св. Софѣа Премудрости Божіа, иже въ вел. Новградѣ, како создана бысть вел. кн. Ярославомъ, сыномъ Владимера, въ лѣто 6965" (съ разсказомъ о гласѣ отъ образа Спасителя о судьбѣ Новгорода), встрѣчающееся и въ сборникахъ (см. ниже), и въ лѣтописяхъ [2]); ж. Варлаама Хутынскаго въ краткой ред. и сказанія о преп. Варлаамѣ и новгородскомъ судѣ (по поводу обычая свергать преступниковъ съ моста въ Волховъ), о чудесахъ преп. Варлаама (видѣніе пономаря Тарасія [3]), повѣсть объ Антоніѣ Римлянинѣ [4]), пов. о побѣдѣ новгородцевъ надъ суздальцами, о чудесномъ путешествіи (въ Іерусалимъ) Іоанна архіеп. новгородскаго [5]), о посадникѣ новгородскомъ Щилѣ [6]), о построеніи

[1]) Н. С. Тихонравовъ и С. Долговъ, Хожд. свящ. инока Варсонофія ко св. граду Іерусалиму въ 1456 и 1461—62 гг. (Прав. Палест. Сборн., в. XLV); сообщенія Тихонравова (Арх. Изв. М. Арх. общ. 1893, № 11); Д. Ѳ. Кобеко (Сообщ. Палест. общ. 1895, окт.); замѣтки (Виз. Врем. 1896, I, 183—184; 1897, I, 242; Арх. Изв. 1896, № 5—6, с. 171); Соч. Тихонравова, I, 282—299.

[2]) Лѣт. зан. Археогр. Ком. III (Опис. Сборн. Соф. библ., с. 11, 75: сборн. со сказ. о Царегр. и Соф. новгор., Арх. Изв. 1897, № 9, с. 284). Уже въ 1620 г., поставленный первымъ архіеп. тобольскимъ и сибирскимъ, Кипріанъ, изъ архим. Хутынскаго мон., „домъ Софіи Премудрости Божіей въ Сибири устроилъ" (Новгор. лѣт., 152).

[3]) Видѣніе это сложилось подъ вліяніемъ бѣдствій,—пожара и мора, ок. 1508 г. (Арх. Изв. 1897, № 7—8, с. 257). Подобныя видѣнія, подъ вліяніемъ физическихъ и гражданскихъ бѣдствій, были очень распространены и на Западѣ (напр. „Видѣніе пахаря Пирса", см. М. Ковалевскій, Общ. строй Англіи, 217).

Древній Прологъ сохранилъ краткое ж. Варлаама, очевидно сложившееся въ средѣ, близкой къ событіямъ, а потомъ осложнившееся цикломъ позднѣйшихъ легендъ (Ключевскій, 58—59; Барсуковъ, 79; И. Некрасовъ, 121—123). Ж. Варлаама Хутын., изд. Общ. любит. древ. письм., №№ XLI, LXXI.

[4]) Ж. его въ спискахъ XVI—XVII в., но у автора были несомнѣнно письменные источники (Ключевскій, 306—311; см. выше, с. 645); Барсуковъ, 48—51.

[5]) О способѣ мести дьявола иноку весьма распростр. легенда въ разн. житіяхъ (Ключевскій, 30); о ѣздѣ по воздуху (В. Европы 1882, № 11, с. 287; Ж. М. Н. Пр. 1880, № 10, с. 381—382; Исторія суевѣрій по Кальмэ, см. Живопис. Обозр. 1883, № 7; ср. выше, стр. 204). Ж. его писано по разсказамъ многолѣт. старцевъ

Благовѣщенскаго мон. въ Новгородѣ, при архіеп. Іоаннѣ и т. п.[1]): легенда о видѣніи пономаря Соф. собора Аарона[2]); циклъ новгородскихъ житій: Никиты[3]), Аркадія[4]), Іоанна II[5]), Моисея, Евѳимія, Іоны, Николы Качанова и Ѳеодора (XIV в.) юродивыхъ[6]), ж. Михаила Клопскаго юродиваго[7]), важное по историческимъ чертамъ, касающимся Новгорода[8]), а именно отношеній къ богатымъ землевладѣльцамъ, къ Москвѣ, къ пребыванію Дм. Шемяки въ Новгородѣ, не

(Лѣт. зан. Арх. ком., III, 87). О болѣе исправныхъ мѣстахъ сравнит. съ Мин. и пропуск. въ Памят. стар. рус. литер. см. Опис. рук. Общ. любит., II, 369—370.

[6]) О немъ ср. Новгор. лѣт., 26, 214, 253. Опытъ о посадникахъ новгородскихъ. І. Григоровича, стр. 303—305. Извѣстная редакція сказанія сложилась не ранѣе к. XV стол. (Ключевскій, Бояр. Дума, 201—202, примѣч.). Ср. Пѣтуховъ, Синодикъ. сс. 147, 223.

[1]) Памятн. старин. рус. литер., вып. I, 241—286. Сборн. XVII в. съ словомъ о избавленіи Новгорода въ 1169 г. (Отч. И. П. библ. 1891, стр. 89).

[2]) П. С. Р. Л., III, 239; Новгор. лѣт., изд. 1879, 271.

[3]) Ж. его поздн., Макар. періода (Ключевскій, 252, 260; Барсуковъ, 391). Въ сбор. XVI в. Общ. люб. древ. письм. сообщаются подробности о дѣятельности Никиты въ Новгородѣ (Опис. рук. Общ. люб. древ. письмен., II, 370).

[4]) Краткая записка о немъ, внесенная въ Четьи-Минеи Макарія, по внѣшней формѣ, указываетъ на древность своего происхожденія (Ключевскій, 64—65). Въ наст. время изд. А. С. Орловымъ по сп. XIV в. (Прологъ Типогр. библ.) въ Чт. Об. ист. и древн. 1899, III, 1—16.

[5]) До насъ дошло житіе его въ поздней редакціи, но съ его именемъ соединяется рядъ новгородскихъ легендъ, начиная отъ чуда Знаменской Богор. до бѣдствія, постигшаго архіеп. Сергія, ставленника изъ Москвы (см. Памятн. стар. рус. литер., I, 251—285; П. С. Р. Л., III, 218; Ключевскій, 161—164). Поэтому память о немъ жила въ Новгородѣ на ряду съ національными торжествами (Синод. Новгор. лѣт., 418; Новгор. лѣт., изд. 1879, с. 138). Ср. еще сказаніе о русскихъ и славянск. святыхъ, извлеч. изъ Четьи Минеи, изд. Археогр. ком., Спб. 1868 г., вып. I; Лѣт. зан. Археогр. ком., VI, 87—сомнѣніе въ его святости карается болѣзнію.

[6]) Сказанія о нихъ дошли въ позднѣйшихъ спискахъ (Ключевскій, 268—269; Филаретъ, Рус. свят. подъ 19 янв., стр. 84—89). Въ 1554 г. надъ гробомъ Николы заложена была церковь во имя св. Пантелеймона (Новгор. лѣт., изд. 2-ое, 86, 334). Разсказъ о нихъ расирѣ въ подражаніе борьбѣ новгор. партій см. у Филарета (ib., 85).

[7]) Пам. стар. лит., вып. IV; о нихъ Буслаевъ, Лѣт. рус. литер., томъ III.

[8]) О его редакціяхъ, Ключевскій, Житія, 209—217; Барсуковъ, Агіографія, 365—370; ср. Памятн. старин. рус. литер., в. IV. О Михаилѣ въ Новгор. лѣт. читаемъ: „Пріиде (1408) Преподобный Михаилъ Клопскій, сродникъ вел. князя московскаго, въ Великій Новгородъ, съ Москвы и пророчество его Іонѣ архіепископу о взятіи Вел. Новгорода“ (П. С. Р. Л., III, 235, 2-ое изд. 252; ср. П. С. Р. Л., VIII, 108). О первичной редакціи житія, имѣющей значеніе для ист. Новгорода передъ его паденіемъ (И. Некрасовъ, Зарожд. націон. литер. въ сѣв. Руси, 70, 120, 130—134).

говоря о позднѣйшихъ [1]); „повѣсть о Выдропусской иконѣ Богоматери“ [2]), съ мотивами о походѣ на Новгородъ Ивана III, сопровождавшемся присвоеніемъ нѣк. святынь [3]).

Архіеп. Евѳимій II (1430—1458), славный своими постройками [4]) и покровительствомъ иноземцамъ, озаботился установленіемъ поминанія о новгородскихъ князьяхъ и епископахъ, а, по приглашенію его и преемника его Іоны (1460—1471) пріѣзжалъ изъ Москвы въ Новгородъ сербъ Пахомій Логоѳетъ, искусный въ книжномъ дѣлѣ, на котораго возложено было составленіе каноновъ иконѣ „Знаменія пресв. Богородицы“, связаннаго съ нападеніемъ суздальцевъ (1169) на Новгородъ [5]), житій княгини Ольги, Варлаама Хутынскаго [6]), Евѳимія (II) и Саввы Вишер-

---

[1]) Ж. новгор. еп. Нифонта (Пам. стар. литер., IV, 5 и д.; Опис. рук. Общ. любит. древ. письм., II, 370).

[2]) Памят. стар. рус. лит., IV, 180—183: „Понеже Новгородъ В. въ то время бысть въ своей воли“. Ср. Сказ. о чудѣ Бог-цы 1359 г., см. выше, стр. 610, пр. 4.

[3]) Какъ извѣстно, по присоединеніи Н-да, многія изъ его церк. древностей послужили украшеніемъ моск. соборовъ (Кондаковъ, VI, 154).

[4]) Синод. Новг. л., 413, 415, 417, 419, 422, 423, 424, 425; Новг. л., 270.

[5]) Память объ этой побѣдѣ постоянно поддерживалась въ Новгородѣ, а событіе считалось своего рода эрою (Новгор. лѣт. по изд. 1879, сс. 216, 233, 380). См. также Минеи XIV—XV ст. (Изв. Имп. Ак. Наукъ, VI, 291—293). Преданіе сохранило память о чудѣ отъ образа (3-я Новгор. л., 1169 г.); а стоустая молва сообщала уже („слышахомъ“) о томъ, что „въ трѣхъ церквахъ новг-хъ плакала на трехъ иконахъ св. Богородица“ и т. д. (Ипат. л., 382). Въ XIV—XV вв., подъ вліяніемъ отношенія къ Москвѣ, въ Новгородѣ неоднократно являются подобныя же знаменія—явленіе слезъ (иногда крови) на иконахъ Богородицы, занесенныя въ лѣтописи (П. С. Р. Л., IV, 127; III, 241, 136; VIII, 158; Новгор. лѣт. по изд. 1879, сс. 246, 258, 305), особенно передъ паденіемъ Новгорода (ib., 40—45, 305); ср. Ключевскій, Житія, 127—128, примѣч. Въ 1339 г. слезъ насобирали двѣ вощаницы (Синод., 336, 405). Политическія и общественныя бѣдствія (голода, неурожаи, болѣзни) поддерживали постоянное возбужденіе и заставляли самыя обыкновенныя явленія (напр. большіе дожди) объяснять, какъ нѣчто прогностическое (Новг. л., 14, 21, 155, 204 и др.; ср. указат., слова *чудеса*, *явленія*, *знаменія*), хотя выпаденіе во множествѣ червей, красный снѣгъ, кровавый дождь „рыбій дождь“ находятъ извѣстное объясненіе (ср. выше, с. 315; Ж. М. Н. Пр., XV, 458—59; Р. Арх. 1902, № 7, с. 390; Кіевл. 1885, № 18; 1887, № 7; 1898, № 67; 1901, № 62). О нѣк. изъ нихъ говорятъ др. писатели (Гомеръ, Плутархъ), средневѣк. лѣтописи и позднѣйшія извѣстія. О выпаденіи вмѣстѣ съ дождемъ и градомъ камней, кусковъ дерева, мелкой рыбы, поднятыхъ сильнымъ восходящимъ токомъ воздуха (П. И. Броуновъ, Гроза, Унив. Изв. 1896, № 7, с. 20). Впрочемъ и теперь атмосферныя явленія эксплуатируются иногда въ пользу подтвержденія общественныхъ бѣдствій (каковы напр. предсказанія Фальба и Корригана въ 1897 г., Кіевл., № 307).

[6]) Существовало болѣе раннее житіе Варлаама (Обзоръ дух. литер., 112; Ключевскій, 58—59). См. стр. 661.

скаго, каноновъ, стихиръ и словъ, относящихся къ новгородскимъ святымъ [1]). По побужденію же архіеп. Іоны, онъ написалъ жж. Сергія [2]) и митр. Іоны. Послѣднее обстоятельство объясняется личными отношеніями Іоны къ Москвѣ, которыя, быть можетъ, и отдалили надвигавшійся политическій кризисъ его отечества. Послѣ кіевскаго Патерика, имѣвшаго интересъ болѣе аскетическій, новгородскія памяти, по мысли архіеп. Евѳимія, давали обширный матеріалъ для цѣлаго житейника новгородскаго, къ которому уже сами собою прилагались новыя данныя въ теченіе XVI вѣка [3]). Съ другой стороны, въ этихъ сказаніяхъ со всею ясностію выразилась мѣстная тенденція, въ интересахъ возвеличенія Новгорода надъ Москвою (сказаніе о бѣломъ клобукѣ, объ иконѣ Тихвинской Богородицы Одигитріи [4]).

Въ житіяхъ выражается религіозная идея новгородскаго богатырства; выраженіемъ гражданской стихіи его въ поэтическихъ образахъ—служитъ особый циклъ новгородскихъ былинъ. Въ былинахъ о новгородскомъ купцѣ, Садкѣ, въ поэтическихъ чертахъ изображаются торговая и промышленная жизнь и богатство Новгорода. Ему хорошо извѣстенъ и путь за море, со всѣми его опасностями. Чтобы утишить бурю—вынимаютъ жребій, кого бросить въ море,—обычный способъ въ Новгородѣ рѣшенія дѣлъ въ болѣе трудныхъ обстоятельствахъ (см. выше, стр. 636). Обязанный своимъ возвращеніемъ изъ морского царства св. Николаю—покровителю мореходцевъ [5]),—онъ строитъ въ

[1]) О времени ихъ составленія—Ключевскій, ib., 121—167.

[2]) Въ честь его архіеп. Іона построилъ первую церковь въ Новгородѣ *при архіепископскихъ палатахъ* (по житію въ 1460, а по лѣт. въ 1463). Точно также церковь митр. Петра была построена *надъ вратами Соф. собора*, въ 1415 г. стяжаніемъ архіеп. Симеона"; вновь отстроена въ 1437; а въ 1670 г. снова разобрана старая, расширена и выстроена новая съ папертью. Упоминается о ней въ 1695 г. (Новгор. лѣт. по Синод. спис. 403; Новгор. лѣт. по изд. 1879, 162, 255, 270, 379; ср. Ключевскій, Житія, 184—186). Архіеп. Іона не разъ бывалъ въ Москвѣ и ему же приписывается предсказаніе о паденіи татарскаго царства и расширеніи русскаго (вмѣстѣ съ м. Іоною). Позже (XVI в.) новгородцы ходили на поклоненіе въ Троицкій м. и писали для него книги (Чт. въ Общ. люб. дух. просв. 1892, № 10, с. 465). Съ утвержденіемъ моск. владычества возникаетъ чествованіе моск. святынь, о чемъ хлопоталъ уже архіеп. Геннадій (Никитскій, 133). Честв. „Владимірской Богородицы" относится къ 1571 г. (Новг. лѣт., 103).

[3]) Буслаевъ, Лекція изъ ист. рус. литер. (Лѣтоп. рус. литер. Тихонравова, II, 78, 82—87). Ср. о Сборникѣ Имп. Публ. библ. съ новгород. житіями (Новгород. лѣт. по изд. 1879, предисл., с. xi—xii).

[4]) Очерки Буслаева, II (Новгородъ и Москва), стр. 274, 276.

[5]) Почитаніе св. Николая путешествовавшими по морямъ хорошо извѣстно. Ср. выше, с. 230-31.

честь послѣдняго церковь—обычай постройки обѣтныхъ частныхъ церквей, весьма распространенный въ Новгородѣ [1]). Древняя Новгородская лѣтопись подъ 1167 г. упоминаетъ о Садкѣ Сытиничѣ, который построилъ церковь св. Бориса и Глѣба на мѣстѣ сгорѣвшей церкви (1049 г.) св. Софіи, въ концѣ епископской улицы, надъ Волховомъ [2]).

Въ былинахъ о Василіѣ Буслаевичѣ изображается другая сторона новгородскаго быта—вольная жизнь новгородской молодежи, борьба партій, такъ часто разыгрывавшаяся въ своихъ крайнихъ проявленіяхъ на Волховскомъ мосту, причемъ Буслаевъ не слушается даже Старчища Пилигримища [3]), но онъ подчиняется, по одной изъ былинъ, голосу Богородицы, которая велѣла его матери унять своего сына: здѣсь видно все значеніе „вдовы-матери“ въ Новгородѣ, а также духовной власти, которая нерѣдко являлась единственною примирительницею враждующихъ сторонъ, если сама не стояла на сторонѣ партіи (см. стр. 635). Однако этимъ не заканчиваются подвиги Василія: съ согласія матери, онъ отправляется со своею дружиною, по обычаю того времени, въ Іерусалимъ, но нарушаетъ обѣщаніе, данное матери,—не скакать вдоль заколдованнаго камня,—и убивается подъ нимъ [4]).

Не менѣе любопытенъ и типъ новгородскаго боярина Ставра съ женою. По былинамъ онъ похваливался передъ княземъ своимъ бо-

---

[1]) На 189 церквей, поименованныхъ въ Новгор. лѣтописяхъ, наибольшее изъ нихъ число приходится на долю св. Николая, а именно—26 (см. Новгор. лѣт. по изд. 1879 г., указатель, 46—52). Въ пѣснѣ о Василіи Буслаевичѣ называется „братчина Никольщина“, въ которую вступаетъ Василій и его дружина по внесеніи требуемой платы. О братчинахъ см. Христ. Владимірскаго-Буданова, I, с. 216, прим. 1.

[2]) Новгор. лѣт. по Синод. списку, стр. 90 и 146; Новгор. 3-я (по изд. 1879 г.), стр. 230, воспоминаніе о немъ. Былина о Садкѣ (А. Н. Веселовскій, Ж. М. Н. Пр. 1886, № 12, с. 251—84). Срав. миѳа, сообщаемаго Геродотомъ, съ был. о Садкѣ богатомъ гостѣ (Древ. М. Арх. Общ., I, 16).

[3]) Догадка Срезневскаго, что здѣсь разумѣется „калика-странникъ“ наиболѣе близка къ истинѣ по извѣстному значенію пилигримовъ въ Новгородѣ (Крута каличья, см. выше, 656, прим. 5—сопоставленіе одежды русскихъ и западныхъ пилигримовъ).

[4]) Запись о немъ въ Никон. л. (1171 г.), т. II, 215; П. С. Р. лѣт., IX, 247. Ср. Карамзинъ, III, пр. 33; I. Григоровичъ, Опытъ о новг. посадникахъ, 91, 301. Въ лѣтописи участники вольныхъ дружинъ прямо называются „молодцами“ (Новгор. лѣт. по Синод. списку, 160).—А. В. Марковъ. Бѣломорская былина о походѣ новгор. на Югру въ XIV в. (Камское побоище). Юбил. Сборн. В. Ѳ. Миллера, 150—162.

гатствомъ и за то терпитъ преслѣдованіе; а изъ лѣтописи (подъ 1118 г.) извѣстно, что Владиміръ Мон. (былина отодвигаетъ Ставра, по обыкновенію, ко временамъ Владиміра Святославича) разсердился на новгородскаго сотскаго Ставра и другихъ бояръ за грабежи, учиненные ими надъ двумя гражданами, привелъ ихъ въ Кіевъ, однихъ отпустилъ, а другихъ, въ томъ числѣ и Ставра--заточилъ—мотивъ, общій лѣтописи и былинѣ [1]). Ставру также извѣстны Іерусалимъ и Царьградъ [2]). Той же свободной вольницѣ посвящена пѣснь про „матерую вдову во славномъ великомъ Новгородѣ, у которой было девять сыновъ, а десятая-то дочь горькая". Эту послѣднюю мать выдаетъ замужъ „за морянина", богатаго торговца, а спустя три года она отправляется въ гости къ матери съ кораблями, нагруженными серебромъ и жемчугомъ, на которые нападаютъ разбойники (ея братья) и убиваютъ мужа, послѣ чего она разсказываетъ имъ о своемъ происхожденіи: „А я роду посадскаго, а отчество мое—Великій Новгородъ" [3]).

Таковы обрывки историческаго эпоса Вел. Новгорода,—эти, своего рода, варіанты на лѣтописные мотивы.

IX.

Если архіеп. Василій могъ выступить на защиту мнѣнія о существованіи рая на Востокѣ и въ то же время подозрительно относиться къ Западу, какъ вмѣстилищу ада, то сношенія съ Востокомъ [4])

---

[1]) Новгор. лѣт. по Синод. сп., 122.

[2]) О новгородскихъ былинахъ см. сборники Кирши Данилова и Рыбникова (чч. I—II); также Соловьевъ, III, 110 – 114; Костомаровъ (Сѣвер. рус. народоправства, II, 119—124; 246—260); Майковъ (О былинахъ Владимірова цикла, Спб. 1863, с. 28, 34, 47). О Чурилѣ—В. Ѳ. Миллеръ (Починъ 1895, 1896; Ж. М. Н. Пр. 1895, № 11; 1896, № 4); Былина о Вольгѣ (1894, № 11); Мелкія замѣтки къ былинамъ (м. проч. о Новгородѣ), А. Н. Веселовскаго (Ж. М. Н. Пр. 1896, № 8, 242--243); замѣч. М. С. Грушевскаго (Зап. Общ. Шевч. 1897, III, 48). Сопоставленіе сказ. о Вас. Буслаевичѣ и Роб. Дьяволѣ (Ждановъ, Ж. М. Н. Пр. 1894, №№ 2 и 3).

[3]) Записано въ Курской губ. (Ворон. Бесѣда на 1861-й годъ, с. 386; перепеч. въ сборн. „Великорусскія народныя пѣсни", изд. А. И. Соболевскимъ, I, Спб. 1895, с. 268—270).

[4]) См. о важности изученія тв. Николая Меѳонскаго (XII в.) для выясненія неоплатонизма и еретичества въ Византіи (Ж. М. Н. Пр. 1893, № 7, с. 247—249; о распространеніи жидовства среди греческой [солунской митрополіи XIV в. и связи солунскихъ жидовствующихъ начала 2-й четв. XIV в. съ болгарскими ере-

и Западомъ, въ свою очередь, не мало содѣйствовали тому религіозному движенію, которое возникло въ Псковѣ и Новгородѣ въ XIV и XV стол. [1]), не говоря о мѣстныхъ условіяхъ (отношенія іерархіи къ клиру и населенію, см. выше, стр. 635 [2]), какъ связь черной смерти (въ XIV в.) съ флагеллантствомъ, повидимому, имѣвшая мѣсто, какъ на Западѣ, такъ и въ Россіи [3]) и тому же Геннадію, ссылавшемуся для подавленія ереси на примѣръ инквизиціи, принадлежитъ примѣненіе способа поруганія еретиковъ, употреблявшагося въ разныхъ случаяхъ на Западѣ. По словамъ Іосифа Волоцкаго онъ распорядился посадить еретиковъ на коней лицомъ къ хвостамъ, въ вывернутой одеждѣ, надѣть на ихъ головы берестяные остроконечные шлемы съ вѣнками изъ соломы и сѣна, съ надписью: „се сатанино воинство“ и водить въ такомъ видѣ по городу, причемъ встрѣчавшіе ихъ плевали на нихъ и подвергали ругательствамъ, а затѣмъ шлемы на ихъ головахъ были сожжены [4]).

тиками 40-хъ и 50-хъ гг. того же столѣтія (Б. Меліоранскій, Къ ист. противоцерк. движ. въ Македоніи въ XIV в., Сборн. стат. въ честь Ѳ. Ѳ. Соколова, Спб. 1895, с. 62—72; ср. Виз. Врем., кн. IV, 676); объ отношеніи виз. ересей къ болг. религ. движенію (К. Радченко, Религ. и литер. движ. въ Болгаріи передъ турец. завоев., К. 1898); о богум. мнѣніяхъ (Н. Тихонравовъ, рец. на соч. Галахова въ XIX прис. Уваров. наградъ, 82—86 и Сочин., т. I, 69—73; Ѳ. И. Успенскій, Очерки по ист. виз. образов., Спб. 1892, гл. 5-я; А. Н. Пыпинъ, В. Евр. 1894, № 5; пренія въ связи съ вопросомъ о западномъ вліяніи на секту стриг. и жидов. въ Общ. люб. древ. письм., Арх. Изв. 1895, № 2—3, с. 74; Отч. Общ. люб. древ. письм. 1894—95, с. 23; VIII-й Арх. съѣздъ, Е. Ф. Шмурло, с. 77—79; о сектѣ жидовств. на югѣ Франціи (Сабатье, Франц. Ассизскій, с. 38); въ юж. Россіи (Перемышл. субботники XVIII в., В. Антоновича, Зап. Тов. Шевч. 1897, в. 2-й).

[1]) О распр. ереси въ Псковѣ и Новгородѣ (П. С. Р. лѣт., IV, 72; V, 235; ср. Никон., V, 46). О связи стриг. съ поздн. ересью жидовств. (М. Грандицкій, Геннадій архіеп. новг., Прав. Обозр. 1878, № 9, с. 105—106; ср. Рус. Ист. библ., VI. 777, Виз. Врем. 1895, IV, 496—97; Е. Е. Замысловскій въ рец. на соч. А. Никитскаго, Оч. вн. ист. цер. въ Вел. Новгородѣ, Спб. 1879; Ж. М. Н. Пр. 1889, № 1, с. 218, примѣч.). О жидовств. элем. (Жмакинъ, М. Даніилъ, 107, прим.; споръ Д. И. Иловайскаго, Рус. Ист., II, примѣч., и А. С. Павлова, Соврем. Изв. 1884, №№ 253, 266). Преемственность еретическихъ движеній часто выражается въ дословныхъ заимствованіяхъ (Loserth, Hus und Wiklif; ср. Ж. М. Н. Пр. 1884, № 6, с. 330).

[2]) Акты ист., № 6; Р. И. библ., VI, № 25; Макарій, V, 420—421, 2-е изд. 146.

[3]) Страсб. лѣт.; Gregorovius, VI, 117, 193, 315, 335, 541. О мистич. элементѣ въ ереси жидовст., какъ пляска попа Дениса въ алтарѣ во время литургіи (Р. Ист. библ., VI, 768); соч. Тихонравова, I, 215—228, 328. См. еще ниже.

[4]) Просвѣтитель, 56—57; ср. Карамзинъ, VI, пр. 324. Въ лѣтоп. этихъ подробностей нѣтъ (III, 143, 184, 244; Новг. лѣт., 57, 141, 311); но говорится о казняхъ.

Въ средніе вѣка въ Римѣ и Константинополѣ виновныхъ и побѣжденныхъ

Ересь вызвала рядъ переводовъ и сочиненій, принадлежащихъ еретикамъ, но они были уничтожены усердными противниками [1]), какъ дѣлалось и въ другихъ подобныхъ случаяхъ [2]). Что же касается раціоналистической стороны ученія, свойственнаго еретическимъ движеніямъ, то она легко была подавлена и не оказала глубокаго вліянія на общество [3]). Напротивъ, религіозный формализмъ всецѣло владѣлъ его умами [4]). Только долго спустя (въ пол. XVI и XVII вв.), на сѣверѣ, въ предѣлахъ бывшей Новгородской области, возникаютъ ученія, повидимому, на прежней раціоналистической основѣ [5]).

Съ другой стороны, тотъ же Геннадій, въ интересахъ защиты церкви противъ еретиковъ, предпринялъ составленіе полнаго кодекса Библіи (1499), въ который вошли нѣкоторыя части ея въ древнемъ

враговъ сажали для посмѣянія наословъ или верблюдовъ и водили по улицамъ (Гиббонъ, III, 536; V. 334, 379); виновнаго въ оскорбленіи величества возили на паршивомъ ослѣ; рим. префекта Петра, за участіе въ заговорѣ, папа Іоаннъ XIII велѣлъ посадить голаго задомъ на осла, а на голову его надѣли кожаный мѣхъ съ перьями и въ такомъ видѣ возили по городу; возили также въ козлиной шкурѣ на выворотъ; на духовныхъ лицъ надѣвали такія же митры; иногда сожигали соломенныя чучелы и т. п. (Gregorovius, III, 87, 391, 455, 458; IV, 375, 569; V, 488; VI, 156). Подобные же способы посмѣянія употреблялись и позже (въ 1649 г. въ Англіи—на лошадяхъ, Гизо, Ист. англ. револ., II, 30; въ 1716 г. въ Парижѣ, Горнъ, Джонъ Ло, 220: въ 1798—Наполеономъ въ Египтѣ, Аѳанасьевъ, 40). Употребленіе соломенныхъ вѣнковъ при наказаніи обычно (Якушкинъ, Обычное право, I, с. xxxx). Въ Россіи оселъ употреблялся въ церковныхъ процессіяхъ (Карамзинъ, VI, пр. 326).

[1]) Рус. Истор. библ., VI, 222, 227; Опытъ изсл. о культ. знач. Византіи, 403, 416, 421.

[2]) Литтре, Этюды, 361. Ср. жестокое преслѣдованіе лоллардовъ (виклефитовъ) и ихъ сочиненій при Генрихѣ V въ Англіи (Трайль, II, 243—44) и др. сектантовъ въ эпоху революціи (Гизо, II, 171); во Франціи въ XVI вѣкѣ и т. п.

[3]) О сверженіи съ моста стригольниковъ (П. С. Р. лѣт., IV, 72; V, 235; въ Никон. л., IV, 46, прямо сказано: „въ Новгородѣ“. О преслѣдованіяхъ жидовствующихъ мѣстныя лѣтописи упоминаютъ безъ видимаго участія (П. С. Р. лѣт., III, 143, 184, 244; Новгор. лѣт., 57, 141, 242, 311).

[4]) Припомнимъ, что здѣсь-то появились такіе „философы“, которые придавали значеніе, какъ пѣть „Господи помилуй“ (въ Новгородѣ) или аллилуіа (во Псковѣ). П. С. Р. лѣт., IV, 130; Пам. стар. лит., IV, 87 - предшественники будущаго раскола. Ср. еще посл. Д. Герасимова къ Геннадію объ аллилуіа. И здѣсь же мы находимъ благопріятную почву для вѣры въ необычайныя сказанія. Одинъ изъ изслѣдователей ереси, замѣчая, что скептическое направленіе проявилось, какъ противодѣйствіе преобладанію въ обществѣ одной религіозной внѣшности и обрядности, прибавляетъ, что это направленіе, при всѣхъ своихъ крайностяхъ, было лучше существовавшаго (Свящ. Булгаковъ, Іос. Волоколамскій, 15).

[5]) Опытъ изслѣд. о культ. знач. Византіи, 455.

переводѣ съ греческаго, другія — изъ разныхъ толкованій, третьи въ переводѣ съ еврейскаго, четвертыя изъ Іеронимовой Вульгаты и, наконецъ, нѣкоторыя въ переводѣ изъ нѣмецкой Библіи. Изъ сотрудниковъ Геннадія въ этомъ дѣлѣ извѣстны: доминиканецъ Веніаминъ, участвовавшій и въ другихъ трудахъ того времени [1]), съ именемъ котораго еще соединяется запись (1491) о взятіи Константинополя турками Мурадомъ II (собственно Магометомъ II [2]), и Дмитрій Герасимовъ, учившійся въ Ливоніи, знавшій латинскій яз., участвовавшій въ посольствахъ въ Вѣну и Римъ, переводившій сочиненія противъ іудеевъ, толковую Псалтирь Брунона, еп. вюрцбургскаго (1535), принимавшій участіе въ исправленіи пасхаліи и, какъ „новгородецъ", старавшійся поднять значеніе новгородскаго владыки въ извѣстномъ сказаніи о бѣломъ клобукѣ [3]). Кстати прибавимъ, что подобная же тенденція въ пользу Новгорода выражена и въ „сказаніяхъ объ иконѣ Богородицы Одигитріи" (иначе Лидской), которая странствовала изъ Константинополя по водѣ въ Римъ, снова возвращалась въ Византію и оттуда переходитъ въ обладаніе новгородцевъ, разсказъ о чемъ послѣдніе получили отъ конст. патріарха [4]).

По настоянію же Геннадія [5]), ученикъ Зосимы, Досиѳей, предпринялъ составленіе жж. Савватія и Зосимы, почитаніе которыхъ вскорѣ заняло видное мѣсто въ новгор. агіографіи [6]). На островѣ существовали записки о ихъ жизни (Германа и Досиѳея), потомъ исчезнувшія, а чтобы достойнымъ образомъ написать о нихъ, пришлось обращаться опять къ постороннимъ лицамъ (м. Спиридонъ, сербъ Левъ Фило-

---

1) См. о немъ А. И. Соболевскаго, Переводная литер. XVI и XVII вв., Спб. 1903, стр. 40, 193, 254. 385; Опис. рукоп. Син. библ., I, 128; О составѣ Библіи въ др Россіи, К. Невоструева (Сборн. Ак. Н., т. VII, стр. 1—78).

2) Опис. Рум. муз., 164. Здѣсь событіе это отнесено „по римскому счисленію" къ 1451, по русскимъ лѣт. къ 1459 г. Ср. Филаретъ, 121—122.

3) О немъ см. Гамель, Англичане въ Россіи, 173—179; Соболевскій, Перевод. литер., указатель; Опис. рук. Синод. б., I, № 77; Филаретъ, 122—124. Авторъ повѣсти о бѣломъ клобукѣ зналъ, что, по завоеваніи Константинополя, „нѣцыи благочестивые мужи Цареграда взяли множество греческихъ книгъ, хотяще соблюсти греческія вѣры отъ безбожныхъ турокъ, и отплыша моремъ въ Римъ".

4) Буслаевъ, II, 276—278. Ср. Сказ. объ ик. Б. М. Одигитріи, изд. Об. люб. д. письм., 1878.

5) Геннадій—ученикъ Савватія на Валаамѣ, потомъ чудов. архимандритъ.

6) П. С. Р. лѣт., III, 190, 191 (вар.), 201, 249, 272, 273. Въ Псков. лѣт. подъ 1592 г. читаемъ: „При ц. Ѳеодорѣ Ив. взыде въ морѣ китъ рыба и хотя потопити Солов. мон. и островъ и молитвами преподобныхъ опять въ море пошелъ" (П. С. Р. Л., IV, 321). О страхѣ на сѣверѣ отъ морскихъ животныхъ (ib, 320).

логъ, Максимъ Грекъ [1]),—лучшее доказательство, что въ самомъ Новгородѣ не нашлось людей, подготовленныхъ для того литературнымъ способомъ. Съ именемъ Досиѳея связано осн. Соловецкой библіотеки, которая многимъ обязана тогдашней новгородской письменности. Съ этою цѣлью Досиѳей жилъ въ Новгородѣ, заказывалъ списывать книги, но и другія лица жертвовали ихъ. Впрочемъ, въ монастырѣ были и свои писцы [2]). Чтобы судить, въ какихъ широкихъ размѣрахъ велось это дѣло вообще, достаточно сказать, что, по количеству книгъ, Соловецкая библ. заняла потомъ одно изъ видныхъ мѣстъ [3]).

Еще бóльшій интересъ представляла собственная библ. Новгорода—при Софійскомъ соборѣ, о богатомъ собраніи книгъ которой свидѣтельствуетъ одно изъ современныхъ сказаній [4]). Дѣятельность Макарія въ Новгородѣ вполнѣ подтверждаетъ все значеніе книжныхъ сокровищъ Новгорода [5]). Важнѣйшій изъ трудовъ Макарія—Четья Минея—эта энциклопедія тогдашней письменности, въ своей первой редакціи, на составленіе которой было употреблено 12 лѣтъ, много денежныхъ средствъ, переписчиковъ и переводчиковъ (на нѣкоторыхъ книгахъ находятся собственноручныя поправки и замѣчанія Макарія), была выполнена въ Новгородѣ, а въ болѣе полномъ видѣ потомъ—въ Москвѣ [6]). Но Макарій не ограничился собираніемъ церковно-ист. памятниковъ и житій. Въ 1539 г. въ Новгородъ пришли двое монаховъ съ Аѳона, на основаніи разсказовъ которыхъ іером. архіеп. дома Илія составилъ тогда же сказаніе о мученіи св. Георгія, родомъ

---

[1]) Ключевскій, 198—203, 269—270; Свѣд. о Филологѣ черноризцѣ (Приб. къ Твор. св. отц., ч. XVIII; Строевъ, Библ. Слов., 274—275).

[2]) Въ числѣ книгъ уцѣлѣли нѣкоторыя изъ принадлежавшихъ Зосимѣ, Герману и Досиѳею (Опис. Солов. мон., 1, 287—88).

[3]) Соловецкая библ., А. И. Лилеева (Прав. Соб. 1859, I, 31, 205—211); А. Е. Викторовъ, Описи рукописн. собр. въ книгохранил. сѣв. Россіи, Спб. 1890, с. 125—133.

Соловец. библ. перешла въ Казанскую дух. акад. Опис. ея рукоп. сост. Порфирьевымъ (3 кн.).

[4]) Сказаніе о Максимѣ Грекѣ (С. А. Бѣлокуровъ, О библ. моск. государей въ XVI в., 212—213).

[5]) Отзывъ о немъ (Псков. лѣт., П. С. Р. лѣт., IV, 296). Труды о немъ (см. библіогр.).

[6]) Въ 1541 г. Макарій далъ Минеи въ новг. Соф. библ. (Строевъ, Библ. Слов., 399). Перечень важн. памятниковъ этого сборника въ Обз. Филарета (149—153), въ Оглавл. Миней архим. Іосифа, въ Лѣт. рус. литер., изд. Тихонравовымъ, 1859, кн. I, 68—73, замѣтки еп. (митр.) Макарія.

болгарина, жителя Средца (Софіи) въ 1514—15 гг., въ которомъ сообщаются любопытныя извѣстія о янычарахъ и объ отношеніяхъ турокъ къ христіанамъ въ XVI в., занесенное и въ Четьи Минеи Макарія [1]). Вѣроятно, тому же Иліѣ принадлежитъ разсказъ о крещеніи дикой Лопи въ 1534 г. съ характеристикой языческихъ обычаевъ, сохранившихся на сѣверѣ Россіи, помѣщенной въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ [2]). Прибавимъ, что, по порученію Макарія, свящ. Агаѳонъ составилъ въ 1540 г. пасхалію на 532 года, руководствуясь упомянутымъ выше трудомъ Геннадія, но расположивъ его въ болѣе удобномъ порядкѣ [3]).

Современникъ Макарія Сильвестръ, подобно послѣднему, былъ обязанъ своимъ литературнымъ образованіемъ—Новгороду [4]). Здѣсь познакомился онъ съ книжными сокровищами, пріобрѣлъ любовь къ книгамъ [5]) и, быть можетъ, не безъ основанія указываютъ, что въ Домостроѣ, не говоря объ его источникахъ, слышится отголосокъ практическаго, торговаго взгляда тѣхъ же новгородцевъ. Говоря вообще, письменность Новгорода отличалась не поэтическимъ характеромъ, не живостью своихъ чертъ, подобно южно-русской, а практическою постановкою вопросовъ и сжатостью, простотою изложенія, будетъ ли рѣчь идти о каноническихъ правилахъ, литературныхъ произведеніяхъ, поученіяхъ или лѣтописяхъ [6]).

Наконецъ, если принять во вниманіе, что въ обширной библ. патр. Никона часть книгъ оказывается также пріобрѣтенною въ Новгородѣ, въ бытность его тамъ митрополитомъ [7]), то это снова под-

---

[1]) Ключевскій, 235—37; по сп. серб. ред. напеч. Гильфердингомъ въ Лѣт. зан Арх. ком., II, прилож. 1-е. Ср. Строевъ, Словарь, 115. Въ Мин. находится и переводъ латин. соч. Рихарда (Риклада)-о магометанской (срацынской) вѣрѣ (ibid. 1399).

[2]) Прилож. къ Псков. лѣт. (П. С. Р. лѣт., V, 73—74).

[3]) Ундольскій, Альманахъ, индиктіонъ, кругъ міротворный и пр. (Арх. Ист. юрид. свѣд. Калачова, I, 3—10, о рукописяхъ; Филаретъ, 141—142). Онъ былъ весьма распространенъ въ сѣверныхъ монастыряхъ (Викторовъ. Описи рукописныхъ собраній, Спб. 1890, с. 127—146).

[4]) Буслаевъ, Очерки, I, 323—24; Прѣсняковъ, 39.

[5]) Книги изъ его собранія въ Кирил. и Соловец. библ.

[6]) И. Некрасовъ, О соврем. задачахъ изуч. древ. рус. литер. (рѣчь), Од. 1869, с. 16; Опытъ ист. лит. изслѣд. о происх. Домостроя (Чтен. въ Общ. ист. 1872, III: Ж. М. Н. Пр. 1889, № 6), А. В. Михайловъ, Къ вопр. о ред. Дом. (ib., №№ 2, 3; 1890, № 8). Вновь найд. спис. Домостроя, А. И. Яцимирскаго (Арх. Изв. 1897, № 9, с. 272—285).

[7]) См. нашъ очеркъ: „Нов. матер. о п. Никонѣ“, 48. Какія книги купилъ Никонъ въ Новгородѣ (Времен. Общ. ист., XV, 133—35). При этомъ нѣк. полагаютъ, что со-

тверждаетъ намъ все значеніе послѣдняго, какъ литературнаго центра [1]). Въ XVII в., по поводу исправленія книгъ, и въ XVIII в. (1720, 1735), рукописи Софійской библ. неоднократно требовались въ Москву и затѣмъ поступили въ Патр. (Синод.) библ. Нѣкоторыя рукописи ея достались Татищеву, Крекшину, Мусину-Пушкину; а другія высылались въ Синодъ по указамъ 1780 и 1791 гг. и также, вѣроятно, перешли потомъ къ этому послѣднему. Несомнѣнно, что библіотека Соф. собора много пострадала при Иванѣ IV и во время нашествія шведовъ; но при всемъ томъ, во время приведенія ея въ порядокъ (при Евгеніѣ) и затѣмъ при передачѣ въ Спб. дух. акад., въ ней найдены были весьма цѣнныя рукописи XI—XV вв. и важные историческіе памятники, свидѣтельствующіе о томъ значеніи письменности, какое она имѣла въ свое время въ Новгородѣ [2]).

X.

Мы знаемъ, что письменность въ Новгородѣ получила гражданство позже и что долгое время тамъ пользовались еще кіевскими писцами (см. стр. 648) Однако, есть основаніе полагать, что если рядомъ съ кіевскими извѣстіями появляются подобныя же записи въ другихъ городахъ, имѣвшихъ политическое значеніе, то въ числѣ ихъ первое мѣсто послѣ Кіева должно быть отведено Новгороду (см. стр. 304—5). Повидимому, вскорѣ уже по утвержденіи христіанства въ Новгородѣ, здѣсь стали вестись и краткія лѣтописныя замѣтки [3]) и нѣкоторые принимаютъ, что самое начало лѣтописнаго дѣла въ Новгородѣ тѣсно связано съ именемъ перваго епископа—Іоакима († 1030). Объ отношеніи одного изъ лѣтописцевъ, безъ сомнѣнія древнѣйшаго, къ двору епископа, говоритъ современная запись, по поводу его кончины [4]). На эту же традицію указываетъ также—позднее

ставители Никон. лѣт. въ значительной степени пользовались новгор. рукописями и лѣт. (Филаретъ, Обзоръ, 226, 228).

[1]) Въ нач. XVII в. въ Новгородѣ упом. „книжный рядъ“ (Врем. Общ. ист., VIII, Опись имущ. новг. воев. Мих. Татищева, 32-33).

[2]) Подр. см. Опытъ рус. исторіогр., I, 732—735.

[3]) „Съ крещенія Новгорода начинается рядъ новгородскихъ извѣстій, записанныхъ несомнѣнно въ одно время съ самымъ событіемъ“ (Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ, 63).

[4]) Въ лѣто 6538. „Преставися архиепископъ (запись передѣлана, очевидно, позже) Акимъ Новгородцкій и бѣше ученикъ его Ефрѣмъ, иже ны учаше“ и т. д.

надписаніе, помѣщенное въ видѣ заглавія къ Коммис. списку Новгородской (1-й) лѣтописи [1]); а Татищевъ передалъ подобное же мнѣніе, связавъ (самъ или по указаніямъ другихъ) съ именемъ Іоакима произведеніе „позднѣйшаго сочинительства", по выраженію А. А. Шахматова [2]). Конечно, какъ и въ другихъ княжескихъ городахъ или резиденціяхъ епископовъ, древнѣйшая Новг. лѣтопись велась при ихъ дворѣ, тѣсно связанномъ съ соборнымъ храмомъ и нѣтъ основанія думать, что она сразу получила широкіе размѣры. Событія X—XII в. въ Новг. лѣтописяхъ обозначены большею частію кратко, какъ будто для памяти того, кто ихъ зналъ подробно, часто безъ объясненій, кто именно были тѣ или другія изъ лицъ, въ нихъ участвовавшихъ, съ обозначеніемъ лишь ихъ именъ, какъ общеизвѣстныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ мелочными подробностями, которыя могли бы скоро быть забыты, если бы удерживались одною памятью. Таковы записи о поставленіи и кончинѣ князей (1052—Владиміра Яр., съ

(Новг. 2-я лѣт. по изд. 1879, с. 2; ср. Сборн. к. XV в. или нач. XVI въ Рум. муз., Бутковъ, 504; Погодинъ, V, 347—48).

[1]) „Лѣтопись Акима епископа новгородскаго. Откуду пошла роусская земля и кто въ неи преже нача княжити и откуду Роузкая земля пошла есть именемъ о семь начнемь повесть сію вкратце изъ великаго лѣтописанія" (с. vii). Любопытно, что въ Новг. лѣт. по Акад. сп. I недостающіе вначалѣ листы замѣнены уже баснословною повѣстью о началѣ Новгорода, сочин. въ XVII вѣкѣ (П. С. Р. лѣт., IV, с. v), въ угоду современнымъ требованіямъ. По Хронографу Пахомія, Новгородъ оказывается основаннымъ въ 3113 г. отъ С. М. (Ивановъ, 65—66; ср. Хрон. 1679 г., Изборн. Попова, 443—444), а при Елисаветѣ Петр. уже оффиціально утверждали, что онъ возникъ во времена Ноя (Отч. Общ. люб. древ. письм. 1893—94, с. 14). См. также варіаціи на эту тему (М. Е. Халанскій, Къ ист. поэт. сказ. объ Олегѣ Вѣщемъ, Ж. М. Н. Пр. 1902, № 8, стр. 288 и дал.). Другіе вымыслы (Карамз. I, пр. 532; IV, пр. 159).

[2]) Общерус. лѣт. своды XIV и XV вв. (Ж. М. Н. Пр. 1900, № 11, с. 183). Тѣмъ не менѣе авторъ прибавляетъ: „Вчитываясь внимательно въ изд. Татищевымъ Іоакимову лѣт., мы приходимъ къ слѣд. выводу: разсказъ о крещеніи Новгорода содержитъ черты, обличающія современника; нѣкоторыя *части* его *могутъ* принадлежать первому епископу новг. Іоакиму" (ibid.). См. стр. 407. Соловьевъ полагалъ, что составитель отрывка, помѣщеннаго у Татищева, пользовался начальною новгор. лѣт., которая не дошла до насъ и которую онъ приписываетъ первому новг. еп. Іоакиму, быть можетъ, основываясь на одномъ мѣстѣ разсказа о крещеніи новгородцевъ: „Мы же стояхомъ на торговой сторонѣ, ходихомъ по торжищамъ и улицамъ, учахомъ люди, елико можахомъ" (III, 140; ср. еще I, 169—170: „Если бы даже это объясненіе,—о принятіи христіанства Владиміромъ, было выдумано, то и тогда нужно было бы упомянуть о немъ, какъ о догадкѣ, очень остроумной и вѣроятной"). Отзывъ о Татищевѣ въ „Исторіи" (XX, 260—267; Арх.

обозначеніемъ дня), епископовъ [1]), игуменовъ, посадниковъ, сотниковъ, о построеніи церквей (св. Софіи и др.), о пожарахъ (св. Софіи, съ обознач. дня и часа, и постр. вновь Владиміромъ Яр. въ 1-й Новг. л.), о цѣнахъ хлѣба и бѣдствіяхъ во время неурожая, о небесныхъ знаменіяхъ, нерѣдко тѣсно связанныхъ съ этими бѣдствіями, по представленію того времени, о битвахъ, мятежахъ и т. п. Изъ X в. ихъ очень немного: изъ XI—гораздо болѣе и еще болѣе изъ XII стол. [2]). Въ нѣкоторыхъ записяхъ XI—XII, не говоря о позднѣйшихъ (1030, 1058, 1138, 1144, 1145, 1161, 1167, 1188; ср. 1230) ясно видны слѣды современнаго извѣстія (Новг. 1-я и 2-я, Соф. 1-я, Никон.), что́, въ свою очередь, указываетъ на послѣдовательное записываніе событій въ Новгородѣ. Въ „Кіевскомъ сводѣ“ *нѣтъ* многихъ извѣстій, имѣющихъ отношеніе къ Новгороду: о старѣйшинѣ Гостомыслѣ (Соф. I, 85; Ник., 5); о возмущеніи новгородцевъ противъ Рюрика съ Вадимомъ во главѣ (864); о наказаніи его и его сторонниковъ: о бѣгствѣ нѣкоторыхъ новгородцевъ (867, Ник.);

ист. юр. свѣд. Калачова, II, пол. 1-я, с. 15—40). Ссылки на Іоак. лѣт. въ Ист., I, 161, 169, 170, 184, 208, пр. 180, 187, 260, 264, 290; II, 104—106; Ш, 140. Макарій допускаетъ лѣт. Іоакима условно (I, с. xiii—xiv), но его лѣтописцемъ не считаетъ. Филаретъ настаиваетъ на ней (Обз. дух. лит., 11—12); изъ новѣйшихъ изслѣдователей одни принимаютъ съ извѣстными ограниченіями, другіе иначе ставятъ вопросъ о ней (см. выше, стр. 330—331; 407; Сениговъ, Филевичъ, 368; Шахматовъ; рец. на соч. Сенигова Н. В. Голубовскаго, К. Стар. 1885, XI, 558—563—въ защиту Татищева).

[1]) Срезневскій, Изслѣд. о лѣтописяхъ Новгор. (Изв. Ак. Н., II, 1853, с. 23—24). Перечень соб. начальн. новгор. исторіи, не вошедшихъ въ Кіев. лѣт. (Бутковъ, Оборона, 229—230, 407—408, 428; Погодинъ, V, 334—342; Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ, 61—64: „Извѣстія достовѣрныя въ особенномъ обиліи предлагаютъ намъ лѣт. новгородскія, сохранившіяся въ разныхъ редакціяхъ“ и т. д.).

[2]) О клеветѣ на еп. Луку, а клеветнику „Дудицѣ холопу оскомина, урѣзаша ему носа и обѣ руцѣ“ (Новг. 1-я, 2-я, Соф. 1-я, Твер., Никон.). Б. Рюминъ въ прибавленіи Никон. л. (П. С. Р. Л., IX, 91) именъ его совѣтниковъ Козмы и Даміана, какъ безразличныхъ для компилятора, видитъ какъ бы подтвержденіе разсказа (63, пр. 196). А. А. Шахматовъ полагаетъ (тамъ же, 182, прим.), что это—распространенный текстъ вслѣдствіе недоумѣнія позднѣйшаго компилятора, а указаніе именъ относится ко дню казни (2 окт.). Далѣе, о еп. Стефанѣ говорится, что его убили холопы (Роспись владыкъ, П. С. Р. лѣт., III, 179; Новг. 3-я, Никон.); о еп. Ѳеодорѣ, что его уялъ песъ (Росп. влад., Новг. 3-я). См. еще Б. Рюминъ 61—63—перечень соб. изъ др. лѣт., не вошедшихъ въ Пов. вр. лѣтъ. Полагаютъ, что рядъ записей, внесенныхъ въ Пов. врем. лѣтъ о новг. епископахъ, извлеченъ изъ краткихъ записей, веденныхъ въ Новгородѣ (Е. Замысловскій, Къ вопросу о составѣ Пов. врем. лѣтъ, Ж. М. Н. Пр. 1889, № 3, с. 17).

о прибытіи еп. Іоакима въ Новгородъ, о сверженіи Перуна, съ разсказомъ, чисто мѣстнаго характера, о „пидблянинѣ“, везшемъ въ городъ горнцы и увидѣвшемъ приплывшаго къ берегу Перуна (989, Новгор. 2-я, Соф. 1-я, Новг. 3-я, Воскр., Никон., Густ.). Въ *Кіевскій сводъ* занесены извѣстія: о поѣздкѣ Ольги въ Новгородъ и знаменіяхъ ея въ той землѣ (947 г. [1]); о посаженіи въ Новгородѣ Владиміромъ Добрыни и поставленіи имъ кумира на Волховѣ (г. 980); объ избіеніи въ Новгородѣ варяговъ (г. 1015) и мести за то Ярослава (отмѣчено Соловьевымъ); о войнѣ Брячислава съ Новгородомъ и Ярославомъ (1021), о походѣ Владиміра Яр. на Ямь (1042), съ подробностями мѣстной записи [2]): запись объ обратномъ теченіи Волхова съ замѣчаніемъ по этому поводу [3]); объ уходѣ изъ Новгорода Давида Свят. и прибытіи Мстислава Влад. (1095) и затѣмъ о неудовольствіи новгородцевъ на Святополка (1102), желавшаго посадить въ Новгородѣ своего сына и вывести оттуда Мстислава, котораго, послѣ спора съ вел. княземъ, не смотря на договоръ его съ Владиміромъ Мон., насильно увели въ Новгородъ (поимше Мстислава, *придоша* Новугороду). Въ *другихъ сводахъ* находимъ: о ссылкѣ Константина Добрынича въ Ростовъ, а оттуда въ Муромъ и убіеніи его по приказанію Ярослава (1022—Соф. 1-я, Воскр., Ник., Твер.) и тутъ же о награжденіи Ярославомъ воиновъ за поддержку, а особенно новгородцевъ и о дарованіи Правды и устава (грамоты [4]), причемъ во многихъ спискахъ помѣщена первая [5]); объ отдачѣ (1030) въ ученіе 300 мальчиковъ [6]); о походѣ Улѣба къ Желѣзнымъ воротамъ (1032 [7]): о заложеніи Владиміромъ Яр. крѣпости въ Новго-

---

[1]) Въ такомъ случаѣ Кіев. лѣт-цъ обобщилъ то, что болѣе подробно вычиталъ въ другомъ мѣстѣ.

[2]) „И помроша кони у вой Володимерь, яко и еще дышющимъ конемъ, съдираху хъзы (кожи) съ нихъ: толикъ бо бѣ моръ въ конихъ“.

[3]) 6571 (1063). „В се же лѣто Новѣгородѣ иде Волховъ вспять, дний 5; се же знаменье не на добро бысть; на 4-е бо лѣто пожже Всеславъ градъ“.

[4]) Татищевъ упоминаетъ о древней лѣтописи, хранившейся въ Новгородѣ у діакона архіер. дома, будто бы заключавшей въ себѣ грамоту Ярослава о новгор. вольностяхъ, только никакъ онъ не могъ получить этой лѣтописи въ свои руки (Ист. рос., I, 42, 58—60, 64; ср. Бутковъ, 227; Погодинъ, V, 360).

[5]) Новг. 1-я по сп. Ком., Акад. (Прод. Рос. Вивл., II, 335 — 341); Толст.; Соф. 1-я (134), Твер. (141), Воскр. (328), съ указаніемъ на Правду; Ник. (IX, 77)—въ послѣдней сказано глухо. Сп. сюда годъ 6542.

[6]) Соф. 1-я (136); Ник. (79); Твер. (146); ср. Степ. кн. (223).

[7]) Соф. 1-я, Воскр., Ник., Твер.

родѣ (1044 [1]); о назначеніи Изяславомъ Остромира посадникомъ въ Новгородъ (1054); о походѣ его на Чудь и смерти [2]); о походѣ Изяслава на Чудь и Ссоловъ изъ Новгорода (тамъ же [3]). Не смотря на дословное сходство многихъ мѣстъ 1-й и 2-й Новгор. лѣт., онѣ заключаютъ въ себѣ особенности, какъ въ главныхъ чертахъ, такъ и въ подробностяхъ: такъ, на пространствѣ 6525 (1017)—6622 (1114) въ первой изъ нихъ отмѣчено событіями 50 лѣтъ, а во второй—22 года и въ этотъ промежутокъ времени можно назвать рядъ извѣстій, находящихся въ одной и опущенныхъ въ другой, и событія эти касаются небесныхъ знаменій, поставленія и кончины епископовъ, кончины князей и т. п. [4]), т. е. того матеріала, какой является обычною канвою лѣтописнаго изложенія. Обиліе краткихъ записей, свойственныхъ новгородскому лѣтописанію, даетъ право заключать, что если къ какимъ изъ русскихъ лѣтописей примѣнимо предположеніе о зависимости ихъ отъ пасхальныхъ таблицъ, то именно къ новгородскимъ (см. стр. 291—93).

Зависимость Новгорода отъ кіевской письменности сказалась и на возникновеніи лѣтописнаго дѣла. Положеніе это вполнѣ вѣроятно, такъ какъ всѣ новгородскія лѣтописи содержатъ въ началѣ кіевскія статьи и извѣстія, и даже полагаютъ, что если Іоакимъ составилъ лѣтописный сводъ, то въ основаніи его долженъ былъ лежать какой нибудь кіевскій сводъ [5]). Какъ извѣстно, нѣкоторыми учеными (П. М. Строевъ, Срезневскій [6]), а за ними Яничъ, въ виду утраты на-

[1]) Новг. 1-я по сп. Ком. и Ак. (Прод. Рос. Вивл., II, 342), Толст.; Соф. 1-я. Воскр., Ник., Новг. 3-я.

[2]) Соф., Воскр., Ник., Твер. По припискѣ на Еванг. Остромиръ былъ живъ въ 1057 г., но лѣт. соединилъ въ одну запись извѣстія о немъ.

[3]) Соловьевъ (III, 131), а за нимъ Б—въ-Рюминъ (О составѣ, 4, 48)—полагаютъ, что разсказъ о войнѣ Мстислава Влад. съ Олегомъ Святосл. (съ обращеніемъ къ молитвамъ преп. еп. Никиты новгор. и отмѣткою года и индикта въ концѣ), помѣщенный въ Лавр. лѣт. (1096), долженъ принадлежать къ Новгор. повѣствованіямъ. На особенность этого разсказа, сравнительно съ другими мѣстами, обратилъ вниманіе еще Карамзинъ (II, прим. 178). О битвѣ на Кулакшѣ (вкратцѣ запис. и въ Новг. Син. лѣт., с. 118), новгородцы вспоминали во время Липецкой битвы (ibid., г. 1216, с. 203), что еще болѣе подтверждаетъ высказанное предположеніе.

[4]) Срезневскій, 76: „разница, хотя и не столь значительная, есть и между списками одной и той же лѣтописи: напр. между сп. Новг. 1-й—Синод. и Акад.“.

[5]) А. А. Шахматовъ, 83—84.

[6]) Изв. Ак. Наукъ, II, 20. Обширность дефекта (по 8 листовъ въ тетрадяхъ) допускали дѣлать разныя догадки и одинъ изъ изслѣдователей предположилъ даже,

чальныхъ тетрадей (15) въ Синод. сп. (древнѣйшемъ) 1-й Новг. лѣт., было высказано предположеніе, что мы такимъ образомъ, быть можетъ, навсегда лишены важнаго пособія для рѣшенія вопроса о содержаніи древнѣйшаго періода новгородскаго лѣтописанія. Но еще Карамзинъ смотрѣлъ на это дѣло иначе [1]). Погодинъ замѣтилъ: „Синодальный (изд. въ Москвѣ, 1781, 1819), Академическій (поступившій въ библ. Ак. Н. отъ Татищева въ 1783 г., начин. отъ 946 г. и напеч. въ Прод. Древ. Рос. Вивл. при Ак. Н., въ 1786 г.), Толстовскій (бывшій въ распоряженіи издателя Полн. собр. рус. лѣт. лишь съ 1317 г.) суть три списка одной и той же лѣтописи. Начало ея сохранилось въ Толстовской. Оно слѣдовательно было и въ прочихъ, но утратилось“ [2]). На основаніи же изданнаго Акад. сп. Новг. лѣт., Погодинъ пришелъ къ заключенію, что составитель ея положилъ въ основаніе своего труда лѣтопись Нестора, нѣсколько сокращенную. Затѣмъ, прослѣдивъ небольшое число извѣстій, имѣющихъ отношеніе къ Новгороду, не находящихся въ Кіевскомъ сводѣ, начиная съ крещенія новгородцевъ, онъ замѣчаетъ, что ясные слѣды новгородскихъ записокъ (записей) встрѣчаются со времени нашествія Всеслава, но опять въ смѣшеніи съ кіевскими и только съ 1117 г., съ отбытія Мстислава, начинаются собственно однѣ новгородскія происшествія, сперва краткія, а потомъ, послѣ 1125 (конч. Владиміра М.)—подробныя. „Замѣчательно, прибавляетъ онъ, что начало Новгородской лѣт. совпадаетъ съ окончаніемъ Несторовой... Слѣдовательно, около этого времени, полагаю я, жилъ первый новгород-

---

что составитель Синод. (=Акад. сп.) списка безпощадно урѣзалъ и исказилъ древній лѣтописный матеріалъ, которымъ онъ пользовался“, что̀ стоитъ въ связи съ съ общимъ его взглядомъ на новгор. лѣтописи (Новгор. лѣт. и ея московск. передѣлки, Н. Н. Янишa. Чтен. въ Общ. ист. 1874, II, 43, 44; ср. 46—48). Дальнѣйшее искаженіе въ этомъ направленіи, по его мнѣнію, представляетъ трудъ составителя 1-й Соф. лѣт. (53). Ср. также И. Д. Бѣляевъ, О Нест. лѣтописи (Чт. въ Общ. ист. и древн. рос. 1847, № 5, с. 10). Но если отсутствіе начальной части Новгор. лѣт. является не дѣломъ случайности, то почему же уцѣлѣли дальнѣйшія ея части, въ которыхъ факты политической и церковной независимости выступаютъ въ такихъ яркихъ чертахъ? Само собою ясно, что, допустивъ въ основаніе изслѣдованія однѣ догадки, трудно выдти изъ ихъ круга.

[1]) „*Особенныя* сказанія сей лѣтописи (т. е. Новг.) начинаются со временъ Ярослава Вел.; предъидущее взято изъ Нестора“ (I, с. xvi, прим. 3).

[2]) Изв. Ак. Н., VI; ср. Изслѣд. V, 332. Впрочемъ того же мнѣнія держался и Я. И. Бередниковъ, на основаніи сходства Синод. и Акад. списковъ (П. С. Р. лѣт., III, с. vi).

скій лѣтописатель, который, положивъ въ основаніе лѣт. Нестора, вставилъ свои свѣдѣнія, кои зналъ по преданію, или нашелъ *въ краткихъ запискахъ* и началъ изъ года въ годъ вести собственно Новг. лѣтопись. Если лѣт. Нестора (т. е. Кіев. сводъ) кончилась ок. 1111 г., то къ 1120 г. могъ попасться въ Новгородъ списокъ, подавшій мысль о продолженіи“ [1]). Конечно, не такъ искусственно возникло лѣтописное дѣло въ Новгородѣ, какъ представляется изслѣдователю въ настоящемъ случаѣ; а при частыхъ сношеніяхъ, существовавшихъ между Новгородомъ и Кіевомъ, едва ли необходимо было столь продолжительное время на заимствованіе рукописи однимъ у другого. Тѣмъ не менѣе, этимъ обстоятельствомъ опредѣляется возникновеніе перваго *свода* Новгородской лѣтописи [2]).

Съ другой стороны, отсутствіе обилія новгородскихъ извѣстій за начальный періодъ въ дошедшемъ сводѣ и значительный объемъ недостающей части Синод. сп., побудило другого изслѣдователя отыскать возможный прототипъ начальной Новгородской лѣтописи въ предполагаемомъ Соф. временникѣ, который авторъ видитъ, основываясь на палеографическихъ, филологическихъ и историческихъ соображеніяхъ, въ Синод. сп. 1-й Новг. лѣт. до 1200 г. (или по кр. мѣрѣ списокъ такого временника, близкій, по времени, къ составителю), а сопоставляя разницу въ объемѣ того же сп. съ близкимъ къ нему спис. Арх. ком., принятымъ во вниманіе при 2-мъ изд. Новгор. лѣтописей (1888 [3]), онъ приходитъ къ заключенію, что недостающая часть Синод. сп. должна была превышать, по объему, соотвѣтственную часть

---

[1]) Изслѣд., V, 331—342.

[2]) Голубинскій, I, 653—654. Авторъ указываетъ на заключительное слово „аминь“ подъ 1196 г. (с. 172). А. А. Шахматовъ раздѣляетъ лѣтопись такъ: Пов. врем. лѣтъ; лѣт. Германа Вояты (до 1187, см. запись), продолженіе ея (1187—96) и 1197—200 трудъ сводчика (О нач. сводѣ, 14—17). Лѣтописецъ обѣщалъ изложить (2-е изд., с. 2, въ концѣ) событія до импер. Александра и Исаакія (Ангела). Послѣдній царствовалъ съ 1185 — 1195 г., а подъ первымъ вѣроятно разумѣется сынъ его Алексѣй IV. Въ хронографіи Муральта (I, pag. 273) подъ 1203 г. читаемъ: „Alexis IV est couronné avec son père Isaac“. О перипетіяхъ этой драмы и судьбѣ обоихъ см. Гиббонъ (VI, 595—601). Имя имп. Александра по всей вѣроятности явилось отъ Алекса—Алексѣй (Голубинскій, I, 653). Какъ извѣстно, Кирикъ также ссылается на греч. царя (Іоанна) и кн. Святослава Ольг., при которыхъ писалъ (Тр. Общ. ист., IV, 129).

[3]) І. Сениговъ, О первонач. лѣтописи Вел. Новгорода, Спб. 1884 (изъ Ж. М. Н. Пр. 1886, № 6); О древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ Вел. Новгорода, Спб. 1886 (изъ VIII вып. Лѣт. зап. Арх. ком.), стр. 4—7, 11, 57—59.

Коммис. сп. на пространствѣ 854—1016 гг., а такимъ основнымъ источникомъ былъ Софійскій временникъ, не дошедшій въ начальной своей части и въ продолженіи его по Синод. сп. (Новгор. 1-я лѣт.) по 1200 г. [1]), и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ попытку возстановить его при помощи введенія къ нѣк. спискамъ Новг. 1-й лѣт. (Толст. полн. и Арх. ком. безъ нач. предисл.) и поздн. сводовъ (Соф., Воскр. и Твер.), а отсюда признаетъ возможность возстановленія и предполагаемаго Соф. Врем. съ помощью трехъ послѣднихъ сводовъ и состава событій, относящихся, какъ къ части не-новгородскихъ извѣстій по 989 г. (изъ Пов. врем. лѣт.), такъ и новгородскихъ съ 989 г. [2]). Но, насколько являются убѣдительными доводы изслѣдователя противъ признанія тенденціозной порчи Новгородской лѣт., какъ въ изложеніи событій, такъ и отдѣльныхъ выраженій текста, попытка возстановить утраченную часть текста предложеннымъ путемъ едва ли можетъ быть принята. Такимъ образомъ, необходимо возвратиться къ мнѣнію, признающему общность текстовъ Синод., Ком., Акад. и Толст. списковъ, сведенныхъ въ изд. 1-й Новгор. лѣт. 1888 г. Новгородское лѣтописаніе вполнѣ примкнуло къ общерусскому основному источнику „Повѣсти временныхъ лѣтъ", дополнивъ его краткими мѣстными записями, не отличавшимися вначалѣ богатствомъ содержанія, которое вполнѣ зависѣло отъ политическаго положенія Новгорода въ начальный періодъ его исторіи. Какъ бы ни смотрѣть на утраченную часть 1-й Новгор. лѣт. (по Синод. сп.), но приходится признать, что редакторъ (2-я ред. 1-й четв. XIII в.) изложилъ древнѣйшія событія на найденному имъ *не-Новгород.* лѣтописному своду, сходному съ „Пов. врем. лѣтъ" [3]). Но

[1]) Ibid., О древн. лѣт. сводѣ, 3—4, прим. 1.

[2]) Ibid., 87 и прилож. 105—124 (предисл. въ сводномъ текстѣ и перечень соб., не вошед. въ Пов. врем. лѣтъ и наход. въ Соф. I, Воскр. и Твер.). Сводъ древн. новгор. извѣстій по тѣмъ же лѣт. спискамъ, не наход. въ Пов. врем. лѣтъ (64—71). При этомъ авторъ замѣчаетъ: „Тверская лѣтопись является наиболѣе богатою и точною въ передачѣ данныхъ Соф. временника" (54). А. А. Шахматовъ, одобряя вполнѣ попытку Сенигова опредѣлить основной источникъ древнѣйшаго новгор. лѣтописанія (О нач. сводѣ, сс. 3, 5, 26), измѣняетъ однако постановку вопроса, полагая въ основаніе искомаго Соф. врем. не Синод. сп., а списки 2-й ред. Новгор. 1-й лѣт. (Акад., Коммис., Толст., ibid., сс. 3—6), и вмѣстѣ съ нимъ отводитъ большое значеніе тексту Твер. лѣт. (сс. 5, 9, 13, 20); а также полагаетъ, что и составитель 2-й ред. Новгор. 1-й лѣт. (Акад. сп.), и составитель Соф. врем. пользовались болѣе раннимъ сводомъ той же лѣт., доведеннымъ до наш. Батыя на Новгор. область (14).

[3]) А. А. Шахматовъ, Хронол. древн. рус. лѣтоп. сводовъ (Ж. М. Н. Пр. 1897, № 4, с. 463). „На первыхъ 15 утраченныхъ тетрадяхъ помѣщалась Пов. врем. лѣтъ

если на пространствѣ съ 1016 г. (съ котораго нач. Синод. сп.) по 1074 (предѣлъ древ. Кіев. свода въ Новгор. 1-й лѣт.) мы замѣчаемъ въ Синод. сп. сокращеніе (пропуски) преимущественно кіевскихъ (южнорусскихъ) событій (на этомъ пространствѣ лишь 3 новгор. событія опущены или иначе изложены сравнительно съ другими списками, гг. 1044, 1050, 1052), то весьма вѣроятно, что подобное сокращеніе сдѣлано было и въ недошедшей до насъ части рукописи, чѣмъ и объясняется дефектъ въ количествѣ строкъ, приходящихся на долю Пов. врем. лѣтъ въ недостающей части, а не иными соображеніями [1]). Разсматривая же списки 1-й Новгор. лѣт. обѣихъ редакцій послѣ 1074 г., слѣдуетъ отмѣтить, что краткость Синод. сп. и сравнительная полнота другихъ даютъ себя чувствовать, на пространствѣ 1193—1251 гг. [2]), лишь въ нѣсколькихъ случаяхъ (1193, 1203, 1204, 1222, 1240, 1242, 1245, 1246, 1251), а до к. Синод. сп. (1333) это различіе не выходитъ изъ прежнихъ предѣловъ, причемъ спис. Арх. ком. (XV в.) иногда замѣтно выдѣляется отъ другихъ сп. 2-й ред. и сближается съ Синод. спискомъ [3]). Давно уже было замѣчено, что

до 1016 г." (его же „О начальн. Кіев. сводѣ, с. 14—15"). Ср. Срезневскій (Изв. Ак. Наукъ, II, с. 20: „На потерянныхъ мѣстахъ могла помѣститься *почти вся* лѣтопись Нестора до 1016 г.)". „Не-новгородскія извѣстія Синод. сп. не имѣютъ оригинальнаго характера, а представляются выборкою изъ Пов. врем. лѣтъ", за небольшими исключеніями (А. А. Шахматовъ, О нач. сводѣ, 24—25); „во 2-й сводъ всѣ не-новгор. извѣстія попали именно изъ этого источника, если не по Лавр. и Ипат. сп., то по сп. позднѣйшимъ, пользовавшимся болѣе древнею ред. Повѣсти" (25—26). „До 1117 г. только подъ 1045, 1097, 1108, 1113 г. находимъ по два новгор. извѣстія, заимствованныхъ не изъ Пов. врем. лѣтъ; подъ 1117 г. разсказано четыре новгор. извѣстія" (29, прим. 1-е). „Съ этого именно года начинается бо́льшее число новг. извѣстій и уменьшается число извѣстій общерусскихъ, заимствованныхъ изъ Пов. врем. и ея продолженія и вставленныхъ сводчикомъ 1-го Новгор. свода" и т. д. (ibid., текстъ). Вліяніе „Повѣсти" отмѣчается и на пространствѣ 854—1074 г. (37—38).

[1]) Срезневскій: „почти вся" (20); ср. Сенниговъ (О древ. сводѣ, 58—59). „Весьма вѣроятно, что Новг. лѣтописаніе тѣсно примкнуло къ кіевскому: дѣйствительно *всѣ* новг. лѣтописи содержатъ вначалѣ кіевскія статьи и извѣстія" (А. Шахматовъ. Общерус. своды, Ж. М. Н. Пр. 1900, № 11, с. 183). И далѣе: „Сравненіе Новг. 1-й лѣт. въ обѣихъ ред. съ лѣт. Лавр. ведетъ къ возстановленію общаго для нихъ источника, имѣющаго притомъ не мѣстный, а общерусскій характеръ" (ib., 149—150, 177—178 189).

[2]) Въ промежутокъ 1075—1192, какъ и далѣе (вообще), отличія состоятъ лишь въ правописаніи и незначительныхъ поясненіяхъ спп. 2-й ред. (имена князей, назв. мѣсяцевъ, дней, дополн. словъ).

[3]) См. варіанты и вставки, отмѣч. знаками (*, **, *** и т. д.).

„Обѣ главныя, дошедшія до насъ, редакціи Новгор. 1-й лѣтописи дожны быть

почти нѣть разницы между первымъ (по 1199) и вторымъ (по 1234 г.) почерками Синод. списка [1]) и что первую часть лѣтописи слѣдуетъ относить, на основаніи палеографическихъ особенностей, ко 2-й полов. XIII в., а не къ XIV в., и этимъ моментомъ опредѣляется время составленія 2-го свода въ Новгородѣ. Третій сводъ той же лѣтописи относится къ 30-мъ годамъ XIV стол. (оконч. Синод. сп. подъ 1333 годомъ), другую редакцію котораго съ продолженіями составляютъ списки Акад. [2]), Толстов. [3]) и Археогр. ком. [4]), доведенные первый до 1441 г., второй до 1443 г. и третій до 1446 г. [5]). „Всѣ черты языка древняго, по замѣчанію И. А. Лавровскаго, такъ твердо выдержанныя въ первомъ почеркѣ Синод. сп., въ третьемъ поч. представляются уже потрясенными, хотя и не столь еще сильно, какъ въ лѣтописяхъ послѣдующихъ, или даже въ двухъ остальныхъ спискахъ той же первой Новгор. лѣт., Академическомъ и Толстовскомъ“ [6]).

возведены къ одному общему первоисточнику“ (А. Шахматовъ, Общерус. лѣтоп. своды, Ж. М. Н. Пр. 1900, № 11, с. 183).

[1]) И. Лавровскій, О языкѣ сѣв. рус. лѣтописей, 149—150. „Въ самомъ дѣлѣ, черты языка обоихъ почерковъ такъ сходны, такъ близки другъ къ другу, что нѣтъ никакой возможности предполагать значительнаго промежутка между появленіемъ того и другаго“ (153). А. И. Соболевскій 1-й и 2-й поч. прямо считаетъ однимъ (Древній церк. слав. яз. Изъ лекцій. М. 1891) почеркомъ или почеркомъ писцовъ одной школы, 3-й почеркъ—другой школы. Б. М. Ляпуновъ (Изслѣд. о языкѣ Синод. сп. 1-й Новгор. лѣт., 16 -17) замѣчаетъ: „нѣтъ несомнѣнныхъ данныхъ для различенія 1-го и 2-го поч.; рѣзкая разница на стр. 124 можетъ происходить отъ разницы въ чернилахъ; почерки могутъ быть различаемы въ нѣкоторыхъ пріемахъ“.

[2]) Пис. на толст. лощ. бумагѣ, въ 4-ю долю, полууставомъ, 2-й пол. XV в., а окончаніе на неполной фразѣ говоритъ о томъ, что онъ не дописанъ до конца.

[3]) Пис. на бѣлой толстой бум., четкой скорописью XVIII в., въ листъ.

[4]) Пис. на лощеной бум. съ проведен. на ней чертами, въ большую 8-ю д., полууст. пол. XV в.

[5]) Въ противоположность высказанному нѣк. мнѣнію (Прозоровскій, О перв. писателѣ 1-й Новг. лѣт., см. ниже), что Синод. и Татищев. лѣт. (т. е. Академ.) суть двѣ различныя лѣтописи, имѣющія различныхъ сочинителей (какъ и Яншъ), другіе замѣчаютъ, что Синод. лѣт. (1-я Новгор.) представляетъ не отдѣльную лѣт., а искусственное соединеніе нѣсколькихъ лѣтописей, подтверждаемое палеогр., филологич. (см. выше) и историческими (заявленія о личности лѣтописцевъ, см. выше) данными (Сениговъ, О древн. лѣтоп. сводѣ, с. 5—6; ср. также Ляпуновъ, стр. 16, примѣч.).

[6]) О языкѣ сѣв. рус. лѣт., 158. „Изъ трехъ поздн. сп. 1-й Новг. лѣт. (Коммис., Акад., Толст.) самымъ древнимъ должно признать, по нашему мнѣнію, Коммис. списокъ. На бо́льшую древность этого сп. указываетъ фактъ существованія бо́льшаго сходства между Соф. врем., сохранившимся въ древнѣйшей части Синод. сп. 1-й Новгор. лѣт. (до 1200 г.) и соотвѣтвеннаго спп. Акад. и Толстовскаго“ (Сениговъ, О древн. лѣт. сводѣ, с. 7).

Не подлежитъ сомнѣнію, что древнѣйшія новгородскія извѣстія въ лѣтописномъ изложеніи восходятъ по кр. мѣрѣ къ первой четв. XI вѣка [1]) и затѣмъ они велись уже, хотя кратко, но непрерывно [2]); велись также *списки* князей, епископовъ, посадниковъ, тысяцкихъ, которые потомъ были внесены въ сводъ [3]). Другою особенностью Новгор. 1-й лѣт. (Син., Тол., Акад., Ком.) является помѣщеніе Русской Правды (подъ 1016 г., стр. 86—88 [4]).

Въ дошедшемъ до насъ сводѣ Новгородская 1-я лѣт. не отличается однообразнымъ изложеніемъ. Съ 1117 г. лѣтопись начинаетъ пополняться особенно въ перечнѣ событій, касающихся Новгорода: пустые года почти отсутствуютъ; извѣстія о бурѣ (1125) и голодѣ (1128) описаны болѣе подробно; но записи касаются лишь перемѣнъ на престолѣ, женитьбы и смерти князей, постройки церквей и монастырей, поставленія епископовъ, назначенія посадниковъ, небесныхъ знаменій, походовъ (вкратцѣ). Обстоятельнѣе изложены событія княженія Всеволода Мстиславича, неудовольствія противъ него и рѣшеніе общаго вѣча (новгородцы, псковитяне, ладожане, 1132—1137). Нѣсколько подробнѣе становится изложеніе съ 1138, съ очевиднымъ интересомъ къ

[1]) Сюда должны относиться тѣ соображенія, которыя переносятся на лѣт. предполагаемаго Іоакима (не-Татищевскаго) и касаются „начальнаго свода". Бестужевъ-Рюминъ (61-62); А. Шахматовъ (Общерус. своды, № 11, с. 183-186: О нач. сводѣ, 58).

[2]) Принадлежность этихъ записей мѣстнымъ лѣтописямъ опредѣляется часто способомъ выраженія „приде" (въ Новгородъ), „иде" (изъ Новгорода), „ходи" и т. п.

[3]) Подъ 989 г., который повторенъ и въ концѣ, что̀ указываетъ на вставочный характеръ статьи. См. 1-ю Новгор. лѣт., стр. 66-71; въ сп. Арх. ком. (XV в.), статьи эти выдѣлены изъ лѣтописи и помѣщены вначалѣ (см. с. VII и прилож.). Въ спискѣ кіевскихъ князей, послѣдніе заканчиваются Ростиславомъ Мстисл. (см. стр. 66), княж. въ 1157 (недѣлю) и съ 1158-1167 г., что̀ даетъ право заключать, что одно изъ продолженій Начальной лѣтописи (или свода) заканчивалось на правленіи Ростислава (Погодинъ, V, 335; Голубинскій, I, 654). Новгор. князья оканч. (вел. кн.) Василіемъ Вас. (съ 1425), митрополиты Герасимомъ (1433—35), новгор. архіеп. Евѳиміемъ I (1424—29); посадники Тимоѳеемъ Васильевичемъ (1422—26) въ Толст. и Ком. спис., а въ приписках до покоренія Новгорода, чѣмъ опредѣляется объемъ послѣдняго свода настоящей лѣтописи (ср. Шахматовъ, Обозр. лѣт. сводовъ, 54).

[4]) Въ концѣ Коммис. сп. находится нѣсколько статей юридич. содержанія (см. ниже). По всей вѣроятности Рус. Правда издавна была включена въ Новгор. владычній сводъ, на что указываетъ присутствіе ея въ древн. редакц. Новгор. 1-й лѣтописи подъ 1016 г. (Ж. М. Н. Пр. 1901, № 11, с. 72; о спискахъ ея см. у В. И. Сергѣевича, ib. 1899, № 1, с. 1—41).

политическимъ явленіямъ [1]); но затѣмъ преобладаетъ снова тотъ же способъ изложенія, преимущественно останавливающійся на церковныхъ событіяхъ. Сообщая о походахъ новгородцевъ и отношеніяхъ Новгорода къ Кіеву, Суздалю, Югрѣ, Чуди, къ Литвѣ и шведамъ, лѣтописецъ такъ же кратокъ, какъ и при упоминаніи о постройкѣ церкви или выборѣ посадника и владыки; онъ часто говоритъ о походѣ безъ указанія мотивовъ или о результатахъ нападенія безъ упоминанія о причинахъ послѣдняго. Его больше поражало физическое явленіе, соединяемое обыкновенно съ бѣдствіемъ, неурожай или голодъ, вызывавшіе на замѣчанія о грѣховности, или смерть извѣстнаго лица (обыкновенно духовнаго), привлекавшая вниманіе на религіозное размышленіе [2]). Отношенія къ событіямъ, происходившимъ въ остальной Руси, отмѣчались лѣтописцами, но въ самыхъ общихъ чертахъ (какъ походы Юрія Долгорукаго на Кіевъ, 1144, 1155; убіеніе Андрея Богол., 1174): а перемѣны вел. князей и митрополитовъ въ Кіевѣ— въ видѣ краткихъ записей и, повидимому, Кіевская лѣтопись была въ распоряженіи новгородскихъ лѣтописцевъ. Такою представляется вся часть лѣтописи по 1209 годъ.

Съ этого момента лѣтописное изложеніе значительно распространяется; политическіе интересы видимо выдвигаются на первый планъ; приводятся рѣчи князей; сочувствіе лѣтописца становится болѣе очевиднымъ. Такъ, обстоятельно разсказывается дѣло посадн. Дмитрія (Мирошкинича) по поводу долговыхъ записей (1209 г.); лѣтописецъ печалуется по случаю ссылки архіеп. Митрофана въ Торопецъ (1211). Весьма обстоятельно ведутся записи о княж. Мстислава Мст. Удалого (1210- 1218): о походѣ его на Кіевъ, о борьбѣ съ зятемъ его Ярославомъ изъ-за притѣсненій новгородцевъ, о Липецкой битвѣ, въ которой принимали участіе послѣдніе, съ размышленіями лѣтописца [3]).

---

[1]) Костомаровъ прибавляетъ: „тутъ лѣтописецъ начинаетъ непрерывную исторію, а все, что внесено въ лѣтопись прежде этого событія, взято или изъ церковныхъ замѣтокъ или изъ особыхъ записей, писанныхъ не для того, чтобы предать памяти прошлыя событія, а для особыхъ цѣлей... Кажется, что именно съ этого времени начинается собственно Новг. лѣтопись" (63).

[2]) Гг. 1145, 1158, 1161, 1187, 1188, 1194.

[3]) Мы лишены описанія Липецкой битвы, которое было бы составлено приверженцемъ Ярослава Всев. и, слѣдовательно, союзника его Юрія; приверженецъ Константина намѣренно смолчалъ о ней; то же описаніе битвы, которое находимъ въ извѣстныхъ лѣтописяхъ, отзывается новгородскимъ составленіемъ (Соловьевъ, IV, 374). Въ Новг. 1-й л. разсказано очень кратко, но, безъ сомнѣнія приверженцемъ

Иногда лѣтописецъ вдается въ подробности о другихъ княжествахъ (1218—о злодѣяніи князя Глѣба Святосл. рязанскаго; 1219—о походѣ князей на Галичъ): неоднократно упоминается о вѣчѣ: на Ярославовомъ дворѣ, въ походѣ (1211, 1214, 1215—дважды; 1218—дважды; 1219); подробно разсказанъ мятежъ противъ посадника Твердислава Мих., лишеніе его посадничества и вторичное избраніе, новый мятежъ и постриженіе его и жены его (1218, 1219, 1220). Время это характеризуется частою смѣною князей, назначаемыхъ то изъ Кіева, то изъ Владиміра („на всей воли новгородской"). Перечень другихъ фактовъ не выходитъ изъ прежнихъ рамокъ. Подъ 1224 г. вставлено, среди мелкихъ извѣстій, обширное сказаніе о нашествіи татаръ (стр. 215—221 [1]). Весьма сочувственно относится лѣт. къ кн. Михаилу Всев. черниг. („и бысть легко по волости Новгороду", 1225) и весьма живо, но несочувственно описано (1225—28) княж. Ярослава Всеволодовича (см. выше, стр. 605—607), безчинствовавшаго въ Новгородѣ, Псковѣ, Торжкѣ, въ связи съ перемѣнами епископовъ (Антоній, Арсеній), частыми вѣчами (на Ярославовомъ и владычнемъ дворахъ), мятежами и грабежами. Лѣтописецъ явно не сочувствуетъ, какъ и въ дѣлѣ архіеп. Митрофана (1211), посягательству на неприкосновенность церковнаго сана, относя эти дѣйствія къ источнику всякаго зла—діаволу (194, 228, 241). Подобная точка зрѣнія указываетъ на веденіе лѣтописи духовными лицами, близко стоявшими къ церковной власти. Прибытіе кн. Михаила Всев. въ Новгородъ (1229), избраніе архіеп. Спиридона и посаженіе на столъ малолѣтняго сына Всеволода—Ростислава („сотвори пострѣгы сынови своему Ростиславу Новегородѣ у св. Софии и уя власъ архіеп. Спиридонъ и посади его на столѣ, а самъ пойде въ Цьрниговъ", 1230) закончили эту распрю; но не прекратились тѣмъ мятежи. Они вспыхнули вскорѣ (1230) съ новою силою и ознаменовались печальными явленіями: грабежами, убійствами, волненіями, удаленіемъ посадника, нѣк. духовныхъ лицъ и князя Ростислава и призваніемъ столь нена-

Мстислава Мст. (Гр. А. С. Уваровъ, Двѣ битвы 1177 и 1216 гг. по лѣтописямъ и по археологич. изысканіямъ, Тр. М. Арх. общ., т. II и отд., с. 7). Въ Новг. 4-й подробно, какъ въ Троиц. сп. Въ другихъ лѣт. (Воскр., Соф., Ник.) более или менѣе подробно или съ позди. дополн.

[1]) Общее всѣмъ лѣтописямъ, съ большими или меньшими подробностями. Въ Новг. 1-й лѣт. почти буквально сходно съ Троиц. лѣтоп. (П. С. Р. лѣт., I. 216—219). Ср. замѣч. Бестужева-Рюмина (О составѣ, 154 и примѣч.).

вистнаго Ярослава, такъ что наступившій голодъ и моръ, описанные яркими красками въ лѣтописи (и хотя онъ былъ „во всей землѣ“, кромѣ Кіева), прямо связываются въ ней съ карою небесъ („и тако ны Богъ възда по дѣломъ нашимъ“), какъ и большой пожаръ слѣдующаго года (1231). Рядъ перемѣнъ въ правящихъ лицахъ Новгорода, постоянныхъ отъѣздовъ ихъ то въ Черниговъ (къ Всеволоду Мих.), то въ Переяславль (къ Ярославу), ясно указываетъ, что борьба эта велась между сторонниками того и другого и удачно поддерживалась властолюбивымъ и мстительнымъ Ярославомъ (1232—1233 гг.), который долженъ былъ все таки поцѣловать на вѣчѣ „св. Богородицу“ въ подтвержденіе того, что онъ будетъ править „на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ“ (236). Счастливые походы Ярослава, явившагося съ большимъ войскомъ, противъ нѣмцевъ и Литвы (1234) повидимому примирили съ нимъ новгородцевъ („пособи Богъ и крестъ честный и св. Софія, прѣмудрость Божия, надъ погаными кн. Ярославу съ Новгородци“). Также сочувственно говоритъ лѣтописецъ и о занятіи престола Ярославомъ въ Кіевѣ, куда сопутствовалъ ему отрядъ новгородцевъ, которыхъ онъ спустя недѣлю отпустилъ съ дарами (1236).

Въ связи съ разсмотрѣнною частью лѣтописи стоитъ вопросъ о личности новгородскихъ лѣтописцевъ, по поводу нѣкоторыхъ указаній, находящихся въ ней.

Еще Татищевъ обратилъ вниманіе на запись подъ 1230 г., имѣвшуюся въ его спискѣ (=Академ.), въ которой сказано: „И дай Богъ молитва его святая (иг. Юрьев. мон. Саввы, смѣщеннаго ранѣе и ум. въ этомъ году) всѣмъ крестьяномъ и мнѣ грѣшному Іоанну попови“ (по изд. 1888 г., с. 237), и заключилъ отсюда, что лѣт-сь писана попомъ Іоанномъ (Ист. рос., I, с. 59). М. Евгеній, возражая Татищеву, указалъ на древнѣйшій пергам. списокъ той же лѣтописи (Синод. библ., см. выше), въ которомъ, вмѣсто тѣхъ словъ, написано: „и мнѣ грѣшному Тимофею пономарю“ (Слов. дух. пис., I, 255—257) и, замѣчая, что слѣдуетъ предположить двухъ, сперва попа, потомъ пономаря и многихъ сочинителей сей книги (лѣтописи), судя по разности слога и лѣтъ, однако согласился съ Татищевымъ и отнесъ показаніе записи къ св. Іоанну (II), первому новгородскому архіепископу, находившемуся до того свящ. въ ц. св. Власія; но указанная догадка могла бы быть отнесена и къ другимъ лицамъ съ

этимъ именемъ. Карамзинъ замѣтилъ: „Второй списокъ (Академ.) идетъ далѣе; въ немъ именуетъ себя попъ Иванъ, безъ сомнѣнія не авторъ, а переписчикъ: ибо тутъ же въ харатейномъ Синод. и тѣми же словами говоритъ о себѣ пономарь Тимоѳей“ (Ист. госуд. рос., I, с. XVI, прим. 3); но далѣе онъ называетъ лѣтописца попомъ Іоанномъ, а не пон. Тимоѳеемъ (I, прим. 274; II, пр. 37; III, пр. 369; IV, пр. 148, 156, 358; V, пр. 217, 298). Д. В. Полѣновъ (Библ. обозр. русск. лѣтоп., Ж. М. Н. П. 1849 и отд., с. 86) признаетъ пон. Тимоѳея только переписчикомъ. Въ пользу этого послѣдняго, какъ лѣтописца, высказался архіеп. Филаретъ (Обз. дух. литер., стр. 44—45), опираясь на то, что лѣтописецъ очень занятъ церк. св. Іакова, при которой онъ служилъ. Макарій попа Іоанна и пономар. Тимоѳея считаетъ только переписчиками (III, 203, по 2-му изд.). Д. И. Прозоровскій, въ силу указанныхъ выше доводовъ, раздѣляетъ оба списка и видитъ въ нихъ отдѣльныя лѣтописи, причемъ, кромѣ Татищ. лѣт. (Акад. спис.), пользовался Синод. сп., какъ однимъ изъ источниковъ. Лѣтописца этого онъ относитъ уже къ болѣе позднему времени (нач. XVI в.), а однимъ изъ лѣтописцевъ Синод. сп. (лѣт.) признаетъ пономаря Тимоѳея ц. св. Іакова на Добрыниной улицѣ, но какъ второго продолжателя болѣе древняго лѣтописца и въ то же время списателя Пролога, принадлежавшаго Лобкову. Первымъ же лѣтописцемъ онъ считаетъ свящ. той же церкви Германа Вояту, упоминаемаго подъ 1188 г., по случаю кончины, съ указаніемъ, что онъ прослужилъ въ ней 45 лѣтъ („полъпятадьсятъ лѣтъ“), а подъ 1144 г. говорится о поставленіи кого-то въ попы еписк. Нифонтомъ (это мѣсто отличается путаницею: см. дословную запись о мостѣ подъ 1144 и 1188 г.). Прозоровскій составъ лѣтописи раздѣляетъ такимъ образомъ: отъ нач. до 1188 г. писалъ Германъ, потомъ велъ ее первый продолжатель: вторымъ былъ Тимоѳей, запись котораго (1230) приходится на средину его труда; съ 1273—1209 находится пропускъ, а далѣе писали разныя неизвѣстныя лица (Кто былъ первымъ писателемъ 1-й Новгор. лѣтописи, Ж. М. Н. Пр. 1852, ч. LXXV, 1—28). Срезневскій категорически высказался противъ принятія обоихъ виновниковъ этого спора (Тимоѳея и Іоанна) за лѣтописцевъ (Изв. Ак. Н., II, 26—27), а Погодинъ, отвергая обоихъ послѣднихъ, присоединяетъ къ нимъ и Вояту, считая всѣхъ ихъ лишь переписчиками. Принимая въ основаніе мнѣніе Перевощикова, полагавшаго перваго составителя до 1164 г. (отсюда идетъ разница въ

стилѣ, въ перечнѣ событій и пр.), онъ заключаетъ, что одинъ изъ первыхъ лѣтописателей, если не первый, покончилъ свой трудъ ок. 1164 г. Около этого времени переписалъ его св. Іаковлевской ц. Германъ Воята († 1188). Съ его списка дошелъ до насъ списокъ (харат., Синод.), писанный ок. 1200 г., до котораго простирается первый почеркъ: это можетъ быть подлинникъ Тимоѳея, почеркъ котораго продолжался до к. 1234 г. Очень соблазнительно счесть его за одно лицо съ писцемъ Пролога. Если это такъ, то оказывается, что при ц. св. Іакова переписывалась постоянно Новгор. лѣтопись, которая велась при Соф. соборѣ. Нѣтъ основаній положительныхъ думать, а кажется, что лѣтопись велась при ц. св. Софіи (Изслѣд., V, 342—350). Слѣдуетъ еще прибавить, что въ одномъ изъ сп. (Коммис.) запись о Тимоѳеѣ совсѣмъ опущена (по изд. 1888 г., с. 237, примѣч. 11). Соловьевъ, напротивъ, въ этихъ указаніяхъ готовъ видѣть „примѣту“ о лицахъ, писавшихъ лѣтопись (IV, 380). Костомаровъ склоняется къ мнѣнію Прозоровскаго (64—65). Н. А. Лавровскій (О языкѣ сѣв. лѣт.), соглашаясь съ послѣднимъ же, прибавляетъ, что попъ Іоаннъ скончался подъ именемъ Германа Вояты, и полагаетъ, что лѣт., доведенная Іоанномъ до 1188 г., была потомъ переписана кѣмъ либо другимъ и продолжена до 1200 г. (154, пр.); а Голубинскій допускаетъ, что подстановку имени сдѣлалъ не попъ Іоаннъ, а Тимоѳей (I, 653). Д. И. Иловайскій думаетъ, что однимъ изъ первыхъ лѣтописцевъ Новгородскаго свода былъ св. Іоаннъ Воята (при ц. св. Іакова), поставленный Нифонтомъ и занявшійся лѣтописью по порученію архіеп. Іоанна II, усерднаго поборника новгородской самобытности и очевидно былъ лицомъ, приближеннымъ къ архіеп. дому. Г. Воята скончался при братѣ Іоанна архіеп. Гавріилѣ, сопровождая его на пути въ Псковъ. Въ числѣ его продолжателей въ 1-й полов. XIII в. былъ поном. Тимоѳей, который является собственно переписчикомъ, а если и велъ лѣтопись, то, конечно, со словъ своего священника; ибо трудно предположить, чтобы такое дѣло было поручено пономарю. Близкое участіе въ составленіи лѣтописи, какъ полагаетъ авторъ „исторіи“, принималъ и архіеп. Антоній, быв. бояр. Добрыня Адрейковичъ, новгородскій патріотъ, паломникъ и писатель. Въ особомъ примѣчаніи авторъ отстаиваетъ мнѣніе Прозоровскаго и возражаетъ на замѣчанія Погодина (Ист. Рос., II, Владим. пер., 340—341, 555—56, прим. 46). І. П. Сениговъ, признавая (О древн. лѣт. сводѣ, 93—104) за указанными записями извѣстное значеніе,

считаетъ Г. Вояту однимъ изъ первыхъ лѣтописателей; но, принимая во вниманіе намѣреніе лѣтописца изложить событія до имп. Алексѣя и Исаака, до котораго не дожилъ лѣтописецъ, онъ старался найти лицо, близко стоящее по времени и отмѣченное въ лѣтописи, какимъ признаетъ монаха Порфирія, въ мірѣ Прокопа Малышевича, о кончинѣ котораго лѣтопись говоритъ подъ 1207 г. По мнѣнію Сенигова, онъ и былъ составителемъ свода нач. XIII в. (1-й почеркъ Синод. сп.), продолжателемъ котораго является пон. Тимоѳей (2-й почеркъ). И. А. Тихомировъ признаетъ доводы Сенигова въ пользу мон. Порфирія недостаточными и видитъ въ упоминаніи о немъ обычную лѣтописную запись, какъ о выдающемся лицѣ (въ рец. на предыд. соч., Ж. М. Н. Пр. 1886, № 10, стр. 326—336); а въ отдѣльномъ изслѣдованіи (О Тимоѳеѣ пономарѣ, упомин. въ Синод. сп. 1-й Новгор. лѣт., Ж. М. Н. Пр. 1887, № 3, стр. 28—37), опираясь на сводный характеръ событій (хронологическая спутанность изложенія, иногда явныя вставки позднѣйшаго характера), утверждаетъ, что Тимоѳей не былъ ни составителемъ, ни переписчикомъ лѣтописнаго свода, а лишь авторомъ нѣсколькихъ записей, внесенныхъ въ сводъ другимъ лицомъ. А. А. Шахматовъ признаетъ, что Прозоровскому удалось неопровержимо доказать, что первымъ или однимъ изъ первыхъ новгородскихъ лѣтописцевъ былъ Германъ Воята; но и онъ принимаетъ, что въ части съ 1188—1200 Синод. сп. видны слѣды двухъ лѣтописныхъ источниковъ (ср. Срезневскій, Извѣстія, I, 77), что въ нѣкоторыхъ годахъ даютъ себя чувствовать повторенія (1190, 1191, 1196) и сокращенія сравнительно съ другими спис. (1193), что запись о смерти Г. Вояты подъ 1188 г. (см. дословное повтореніе записи о постр. моста подъ 1144, 1188) представляется не подлинною, а копіею съ нея, внесенною въ лѣтопись, и что за лѣт. Вояты слѣдуетъ признать два продолженія, отличныя другъ отъ друга по своему характеру, съ 1188—1196 и съ 1197—1200. Тѣмъ не менѣе, далѣе онъ принимаетъ, что лѣтопись Вояты и ея продолженія, а равно и сводъ 1200 г. были составлены при ц. св. Іакова (на Добр. ул.) и что сводъ этотъ б. дополненъ (по Соф. врем.) пономаремъ св. Іакова Тимоѳеемъ, а слѣд. и сводъ хранился при этой церкви. Онъ доказываетъ, что лѣт. Г. Вояты послужила основаніемъ для 1-го и 2-го сводовъ Новгор. лѣт. (до 1200 и до 1236 гг.) и имѣла исключительно мѣстный, новгородскій характеръ, а въ сводахъ она является въ связи съ общерусскими источниками Пов. врем. лѣтъ и сходнымъ съ

нею лѣтописнымъ сводомъ; но она же послужила источникомъ (непосредственно или чрезъ посредство другого источника) и для такъ наз. 2-й и 3-й Новгор. лѣтописи (О нач. Кіев. сводѣ, 11, 15—17, 22—24, 26—27, 37; ср. Общерус. лѣтоп. своды XIV и XV вв., Ж. М. Н. Пр. 1900, № 11, с. 188—189). Предполагаемымъ 3-мъ сводомъ (Соф. врем., по 1255) воспользовался поном. Тимоѳей, трудившійся въ 60-хъ годахъ XIII стол., который вписалъ (Синод. сп.) въ сводъ описаніе лѣтъ съ 1200—1255, вставилъ нѣк. повѣсти (см. ниже) въ текстъ подъ соотвѣтствующими годами (находившіяся въ приложеніи къ своду); но трудъ его не дошелъ до насъ въ полномъ видѣ, а прерывается на фразѣ подъ 1234 г. (конецъ 2-го почерка, см. Синод. сп., стр. 244). Кромѣ того, авторъ признаетъ тождество поп. Тимоѳея, списателя лѣтописи съ писцемъ Пролога 1262 года (см. стр. 6—7, 20, 21). Слѣдуетъ однако сказать, что тождество Тимоѳея въ этомъ случаѣ болѣе „соблазнительно", чѣмъ „вѣроятно" (Погодинъ, V, 349—350). Противъ этого говорятъ сомнительность чтенія даты записи на Прологѣ (ibid., 350: Ключевскій, Житія, 68; ср. еще И. Тихомировъ, О Тимоѳеѣ пономарѣ, Ж. М. Н. Пр. 1887, № 3, стр. 37, примѣч.) и колебанія въ признаніи тождества почерковъ одного и другого памятника (Ляпуновъ, 16, примѣч.; ср. 30). Притомъ записи въ лѣтописяхъ (Германа Вояты, открываемаго лишь изъ позднѣйшаго указанія, подъ 1188 г.: Порфирія, Тимоѳея) принадлежатъ къ тождественнымъ приписка мъ—о кончинѣ другихъ лицъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ, и могли быть взяты изъ разныхъ источниковъ, какъ записи на книгахъ (см. выше) или на церковныхъ предметахъ (см. Срезневскій, Памятники, 123; Тихомировъ, Ж. М. Н. Пр. 1886, № 10, с. 334), и настолько не казались важными, что въ иныхъ спискахъ совсѣмъ опускались или замѣнялись другими (Новг. лѣт., 237; Оп. Рум. м., 352). Так. обр. едва ли всѣ эти указанія говорятъ намъ о лѣтописцахъ и если могутъ быть приняты, то не болѣе какъ о переписчикахъ, до извѣстной степени бывшихъ, какъ мы видѣли (стр. 409—413), и авторами. Чтобы примирить авторство означенныхъ лицъ съ мѣстомъ происхожденія 1-й Новгор. лѣтописи приходится прибѣгнуть къ фикціи, а именно, что 1-я Новгородская лѣт. (сводъ) постоянно переписывалась (Погодинъ, V, 350) и хранилась при ц. св. Іакова, а дополненія къ ней сдѣланы были Тимоѳеемъ по порученію ея причта (А. А. Шахматовъ, О нач. сводѣ, 8, 17, 20; ср. при ц. Іакова въ Неревскомъ концѣ, Ж. М. Н. Пр. 1900, № 11, с. 188).

Другой важный вопросъ, заслуживающій вниманія, это мѣсто веденія лѣтописныхъ записей. Введеніе христіанства въ Новгородѣ, какъ и въ Кіевѣ, дало толчокъ возникновенію начальной Новгородской лѣтописи. Съ другой стороны, вполнѣ вѣрно, что развитію лѣтописнаго дѣла въ Новгородѣ въ к. XII и нач. XIII стол. способствовали нѣкоторыя событія политической и внутренней жизни города, каковы неудачный походъ Андрея Богол. на Новгородъ (1160 г. [1]); пораженіе суздальцевъ въ Липецкой битвѣ (1216), въ которой новгородцы принимали участіе, избраніе князей, посадниковъ и архіепископовъ „на всей волѣ своей“ и распространеніе христіанства въ Новгородской области, выразившееся, между прочимъ, въ построеніи значительнаго числа церквей и монастырей,—всѣ эти обстоятельства содѣйствовали подъему нравственнаго духа среди новгородцевъ и сознанію въ нихъ потребности политической независимости и самобытности, въ связи съ чѣмъ находится развитіе новгородской письменности вообще и лѣтописнаго дѣла въ частности; точно такъ же, какъ появленіе лѣтописи Нестора совпадаетъ съ самою блестящею эпохою въ исторіи Кіевскаго княжества [2]).

Уже Строевъ [3]), а за нимъ Погодинъ [4]) принимали, что составитель первой лѣтописи начала XIII в. (а быть можетъ и его предшественники по замѣчанію послѣдняго) тѣсно связанъ съ патрональнымъ храмомъ св. Софіи [5]). Въ пользу этого можетъ говорить и тотъ интересъ, съ которымъ относится лѣтопись къ патрону Новгорода—св. Софіи [6]); но это не значитъ, что не велись лѣтописи при

---

[1]) Память объ этомъ событіи сохранялась до позднѣйшаго времени (1692). Новгор. лѣт., изд. 1879, с. 380. Пов. особ. ред. (Опис. Сб. И. П. б., I, 438, 536).

[2]) Сениговъ, О новг. лѣтописяхъ (Чт. въ Общ. ист. 1887, IV, 127—128).

[3]) Соф. Времен., предисл., стр. XIII—XIV.

[4]) Изслѣд., V, 347.

[5]) „Краткія записи также велись, вѣроятно, и сохранились до времени лѣтописателя при церкви св. Софіи“ (Погодинъ, 347). Редакторъ перваго изданія Новг. лѣт. (П. С. Р. Л., III, предисл.), принимая во вниманіе, что заглавіе, помѣщенное въ Соф. Временникѣ, которому оно служило источникомъ, находится въ Академ. и Толстов. спискахъ, приписываетъ названіе (Соф. Времен.) именно Новгородской лѣтописи. Заглавію этому (Погодинъ, ibid.) теперь придается особенное значеніе въ виду разысканія состава одного изъ древнихъ сводовъ (Сениговъ, Шахматовъ).

[6]) „Гдѣ св. Софія, ту Новгородъ“ (200); „по Богомъ дьяволъ попранъ бысть и св. Софією“ (209); „хотѣша умрети за св. Софію“ (221); „зло сдумавъ на св. Софію“ (229); „и ту пособи Богъ и крестъ честный и св. Софія“ (244); молитва „за пролившихъ кровь свою за св. Софію и за кровь христіанскую“ (245); „Новгородъ же за-

другихъ церквахъ или монастыряхъ Новгорода: „Большая часть новгородскихъ извѣстій записаны при церквахъ или монастыряхъ“, говоритъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ [1]), о чемъ свидѣтельствуютъ и записи, вошедшія въ настоящій сводъ, о судьбѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ и обстоятельствахъ, относящихся къ нимъ, болѣе частнаго характера. Можно допустить, что къ числу такихъ записей относятся и указанія объ одномъ изъ членовъ клира церкви св. Іакова [2]), или монаховъ Хутынскаго мон. [3]), однако принимать данное указаніе какъ бы объ авторѣ извѣстной части лѣтописи едва ли возможно [4]).

Изъ дошедшихъ до насъ списковъ новгородскихъ лѣтописей можно видѣть, что онѣ велись одновременно въ разныхъ мѣстахъ, нѣсколькими лицами, такъ какъ одни и тѣ же событія разсказываются въ нихъ различно, повторяются въ одномъ и томъ же сводѣ [5]), а иногда представляютъ очевидную спутанность въ хронологіи и повѣствованіи (см. выше, с. 677, 686). Такъ, на страницахъ лѣтописнаго

ступи Богъ и *святая великая и соборная апостольская церковь св. Софія*“ (251); „*побѣди силою* св. Софіи и *молитвами* владычицы нашея Богородицы“ (255); „*Богъ и св. Софія*“ (276); „умремъ честно за св. Софію“, „положимъ главы за св. Софію“ (279—80, 289) и т. д. „Богъ, правда и св. Софія“—высшій авторитетъ для новгородцевъ (2-е изд., 294). „Богъ и св. Софія низлагаютъ всегда же высокія мысли“ (ibid., 326), замѣчаетъ лѣтописецъ по поводу измѣны Пскова. Въ сборникѣ, принадлежавшемъ А. Ѳ. Малиновскому, въ ряду лѣтописныхъ статей, помѣщено „Слово о святѣй Софѣи Премудрости Божіи о церкви въ Вел. Новѣгороди, иже како сотворена бысть“ (Новгор. лѣт., изд. 2-ое, VII). См. еще указатель: „Софія премудр.“, Соф. соборъ, Соф. клиросъ.

[1]) Русская исторія, 25.

[2]) Погодинъ, IV, 350.

[3]) Сенигов, 123—128. Иначе объясняетъ А. А. Шахматовъ (О нач. Кіев. сводѣ, 19).

[4]) Замѣна имени пономаря Тимоѳея (Синод. спис.), какъ списателя (см. выше, стр. 689), несомнѣнно жившаго въ это время, именемъ попа Іоанна (въ Академ. и Толстов., позднѣйшихъ, см. Новгор. лѣт. по Синод. спис., стр. 237 и варіанты), свидѣтельствуетъ о нихъ, какъ о списателяхъ лѣтописей. Въ повѣствованіи о нашествіи татаръ (1224) и сказаніи объ Александрѣ Невскомъ виденъ современникъ событій (215—222, 252—274),—послѣднее вставлено по мѣстамъ въ позднѣйшихъ спискахъ и пополнено данными, сообщенными м. Кирилломъ, но сохранились и мѣстныя черты разсказа. Любопытно между прочимъ сообщеніе, что въ Новгородъ приходилъ ливонскій рыцарь Андріяшъ (Andreas—Андрей, „слуга божій“), чтобы видѣть Александра, прославившагося своими побѣдами (253), а старѣйшина Ижерской земли Пелгуй принялъ христіанство и оказалъ услугу Александру во время нападенія ярла Биргера (255—56). Въ другой разъ Александръ захватилъ въ плѣнъ много нѣм. „рыторей“ (рыцарей). Ibid., 261. Ср. выше, стр. 632.

[5]) Срезневскій, Памятники, 201.

свода съ 1200—1234 г. и далѣе можно замѣтить слѣды записей, веденныхъ при мм. Аркадіевскомъ (1206), Хутынскомъ (1211, 1228, 1232, 1243, 1247) и Юрьевскомъ (1226, 1230, 1233, 1244), а одинаковость пріемовъ послѣднихъ записей указываетъ, быть можетъ, на принадлежность ихъ одному и тому же лицу, какимъ могъ быть именно Тимоѳей, пономарь не ц. св. Іакова, а Юрьевскаго мон., отличающійся отъ послѣдняго, переписчика Пролога [1]); но и при ц. Іакова (той или иной), какъ и при нѣк. другихъ, могли вестись записи [2]), имѣющія чисто-церковный характеръ: о построеніи церкви, о новыхъ сооруженіяхъ, о поставленіи и кончинѣ лицъ, служившихъ въ ней, о строителяхъ храма, о кончинѣ извѣстныхъ лицъ, погребенныхъ въ ней и т. п., которыя внесены были потомъ въ дошедшіе до насъ своды [3]). Въ сводѣ обнаруживается нерѣдко, что то или другое извѣстіе было записано на Софійской или Торговой сторонѣ, въ томъ или другомъ концѣ, и имѣетъ, такимъ образомъ, вполнѣ мѣстный характеръ [4]).

Обращаясь къ дальнѣйшему изложенію (съ 1236 г.), слѣдуетъ замѣтить, что среди краткихъ и мелкихъ извѣстій (объ общемъ походѣ рижанъ, чуди, псковичей на Литву; небесныя знаменія; построеніе церквей) вставлено сказаніе о нашествіи татаръ на Русскую землю (1238), общее русскимъ лѣтописямъ, съ тѣмъ же упоминаніемъ о подступленіи къ Новгороду и спасеніи его заступничествомъ св. Софіи, но съ сокращеніями (ср. Новг. 1-я, 4-я, Соф.) и прибавками въ видѣ религіозныхъ размышленій на тему о грѣхахъ и покаяніи (247—252). Съ 1239—1263 лѣтописецъ больше говоритъ о дѣятельности Александра Невскаго, о борьбѣ его съ чудью, нѣмцами, шведами и Литвою, о поѣздкахъ въ Орду и т. п., причемъ въ нѣкоторыхъ спискахъ (Коммис., деф. Акад., Толст.) помѣщено (подъ 1240 г.) обширное сказаніе о немъ (252—274), съ разными варіантами. Подъ 1245 г., въ тѣхъ же спискахъ, находимъ сказаніе о смерти черниг. князя

[1]) И. Тихомировъ, О Тимоѳеѣ пономарѣ (Ж. М. Н. Пр. 1887, № 3, стр. 35—37).

[2]) Погодинъ, V, 350; ср. еще А. А. Шахматовъ (Общерус. лѣтоп. своды 1900, № 11, стр. 188—объ оффиц., владычней, Соф. лѣтописи и др.—частныхъ лѣтописяхъ, пользовавшихся ею и др. источниками). Мѣста о цц. св. Іакова см. въ указ. къ лѣтописи.

[3]) И. П. Тихомировъ (Ж. М. Н. Пр. 1886, № 10, сс. 333—334; 1892, № 9, с. 144—152); А. А. Шахматовъ (О нач. сводѣ, 16, 20).

[4]) Прозоровскій, Тихомировъ (ibid.).

Михаила въ Ордѣ (263—270, съ приб. въ Ком. спискѣ о хожденіи въ Орду вел. кн. Александра и страхѣ, наведенномъ имъ, изъ житія). По прежнему идутъ мелкія извѣстія о новг. событіяхъ (неурожаѣ, дождяхъ, пожарѣ, покрытіи крыши св. Софіи свинцомъ и т. п. [1]). Обстоятельно сообщаетъ лѣт-цъ о столкновеніи, возникшемъ (1255) изъ-за удаленія сына Александра Нев. Василія изъ Новгорода („выгнаша вонъ"), между большими и меньшими людьми, такъ какъ первые хотѣли поставить князя „на своей волѣ". Борьба, вызвавшая походъ Александра на Новгородъ, окончилась смѣною посадника (вм. Ананіи посадили Михаила Степановича, уб. въ 1257 г. новгородцами). Лѣтописецъ стоитъ въ этомъ дѣлѣ на сторонѣ интересовъ черныхъ людей. Тотъ же мотивъ имѣлъ мѣсто и по поводу дани (тамги и десятины), наложенной татарами на Новгородъ (1257, 1259): „творяху бо бояре собѣ легко, а меншимъ зло" (с. 280). Краткая запись о кончинѣ Александра Невскаго (Синод., 1263) пополняется въ другихъ спискахъ статьею о „преставленіи кн. Александра" (273), взятаго изъ того же сказанія о немъ. Подъ 1265 г. лѣтописецъ разсказываетъ о событіяхъ въ Литвѣ по смерти Миндовга и дѣятельности Войшелга, иначе, чѣмъ о томъ говорится въ Волынской лѣтописи, ближе знакомой съ положеніемъ дѣлъ (годъ 1264 [2]). Далѣе, лѣт-цъ касается борьбы псковичей и новгородцевъ съ Литвою подъ предводительствомъ Довмонта (1266—1267). Подъ 1268 г. подробно описана Раковорская битва, причемъ погибель многихъ знатныхъ бояръ и множества черныхъ людей отнесена на счетъ человѣческихъ грѣховъ (286—290). Столь же подробно (1270) изложенъ разсказъ о распрѣ новгородцевъ съ Ярославомъ Яр. (тверскимъ), окончившейся, при посредствѣ митрополита, „на всей волѣ новгородской" („и посадиша Ярослава и водиша и́ ко кресту").

Вполнѣ вѣрно замѣчаніе Костомарова, что съ 1271 г. тонъ лѣтописи значительно измѣняется, а это даетъ ему право заключать,

---

[1]) Папа Адріанъ I (772—795), извѣстный своими постройками, покрылъ ц. св. Петра свинцомъ и украсилъ колокольню большими бронзовыми дверями, о чемъ сообщаютъ лѣтописи, какъ нѣсколько позже (801), по поводу землетрясенія, нѣмецкіе и итальянскіе лѣтописцы повѣствуютъ, какъ о чемъ-то важномъ, о провалѣ крыши св. Павла близъ Рима, и вовсе не упоминаютъ о древн. памятникахъ (Gregorovius, II, 272, 438).

[2]) Костомаровъ выражается: „лѣтописецъ касается дѣлъ литовскихъ, которыхъ впрочемъ хорошо не знаетъ: онъ расточаетъ похвалы Войшелгу, воображая его апостоломъ христіанской вѣры и радуясь погибели тѣхъ, которыхъ В—гъ извелъ за смерть отца своего Миндовга" (66).

что здѣсь начинаетъ писать не тотъ, который писалъ до этого года. Опять видимъ краткость извѣстій и достаточное безпристрастіе. Это сухой перечень событій о борьбѣ съ князьями-претендентами на Новгородъ, о внутреннихъ усобицахъ, о вѣчахъ по поводу этихъ послѣднихъ, о внѣшнихъ столкновеніяхъ и т. п. Въ такомъ видѣ лѣтопись продолжается по 1298 годъ. Съ 1299 г. характеръ лѣтописи опять нѣсколько мѣняется. Подъ 1299 г. и 1311 г. подробно описаны пожары, сопровождавшіеся грабежами и убійствами и вызвавшіе лѣтописца на печальныя размышленія. Болѣе отчетливо выступаютъ внѣшнія отношенія Новгорода (къ шведамъ и нѣмцамъ). Внутреннія событія политической жизни Новгорода (смѣна посадниковъ, вѣча, грабежи, избраніе епископовъ, походы въ Заволъчье) излагаются кратко и часто въ видѣ простыхъ записей. По временамъ встрѣчаются указанія на событія въ другихъ русскихъ земляхъ (борьба тверскихъ князей съ московскими, событія въ Рязани, избіеніе татаръ въ Твери, отношенія къ Ордѣ). Иногда появляются пустые года (1306, 1307). Подъ 1327 г. упоминается объ уплатѣ 2000 серебра и множества даровъ новгородцами татарамъ. Подробно описано поставленіе въ архіепископы Василія въ Волынской землѣ и обстоятельства его возвращенія въ Новгородъ (1331); но съ этого года начинается разность въ почеркахъ Синод. сп. Затѣмъ, въ томъ же сп. занесенъ рядъ отдѣльныхъ извѣстій мѣстнаго характера (1332—1333—перемѣны посадниковъ, отношенія къ Москвѣ, постр. каменнаго города архіеп. Василіемъ и т. п.), нѣсколько отрывочныхъ (1337, 1345) записей церковнаго содержанія и извѣстіе (1352) о морѣ во Псковѣ, жертвою котораго сталъ архіеп. Василій, ѣздившій туда по желанію жителей (стр. 331; ср. обст. запись по сп. Арх. Ком., 351). Перерывъ этотъ свидѣтельствуетъ объ окончаніи одного изъ среднихъ сводовъ 1-й Новг. лѣтописи, такъ какъ съ того же 1333 г. въ другихъ спискахъ находится продолженіе той же лѣтописи. Тѣ же года и ближайшіе къ нимъ гораздо обстоятельнѣе изложены въ этихъ послѣднихъ. Здѣсь подробно описана строительная дѣятельность архіеп. Василія (1333—1345, 1350); его поѣздка во Псковъ, въ Переяславль—къ моск. князю, въ Москву (1335) съ посадникомъ, тысяцкимъ и „вятшими“ боярами „на честь“ (1333, 1335, 1346). Съ 1339 по 1396 событія излагаются болѣе подробно; но часто встрѣчаются и краткія записи (1355—1358, 1361, 1363—1365, 1368—1370, 1372, 1374). Отношенія къ нѣмцамъ и шведамъ (подъ 1348 г.

походъ Магнуса), частью враждебныя, а частью вызванныя торговыми интересами, занимаютъ болѣе видное мѣсто; Пскову, тѣсно связанному съ Новгородомъ по внутреннимъ дѣламъ (церковное подчиненіе, торговые интересы, болѣзни, вызывавшія особыя мѣры) отведено не менѣе важное положеніе; но еще большее значеніе пріобрѣтаетъ, какъ въ политическомъ (столкновенія въ Заволочьѣ и на Волгѣ; денежные поборы), такъ и въ церковномъ отношеніи (зависимость отъ митрополита, вмѣшательство въ эти дѣла патріарха) усилившееся въ XIV вѣкѣ подчиненіе Москвѣ. Изъ другихъ событій болѣе подробно описываются народныя бѣдствія (пожары, моръ, неурожаи) и внутреннія усобицы, вызываемыя борьбою партій. Бѣдствія эти сопровождаются часто физическими явленіями, имѣющими въ глазахъ современниковъ значеніе предзнаменованій, а нерѣдко сверхъестественными чудесами (въ нач. XIII в. записано однажды чудо— „плачъ Богородицы" въ ц. Іакова, въ Неревскомъ концѣ, подъ 1208 г., но затѣмъ подобныя чудеса упоминаются подъ 1243, 1339, 1396; въ XV в.—1409 звукъ въ маковицѣ церкви; 1410—знаменіе отъ ик. Богородицы и др.; 1413—исцѣленія; 1418—въ ц. св. Анастасіи шла какъ бы кровь отъ ик. Богородицы). Иногда упоминается о теченіи Волхова вспять (1372, 1376—по три лѣта [1]). Построеніе церквей и монастырей, избранія архіепископовъ, перемѣны посадниковъ и тысяцкихъ, борьба партій на вѣчахъ, городскія постройки и т. п. составляютъ живую лѣтопись Новгорода въ этотъ періодъ. Общерусскія событія (отношенія къ Литвѣ, перемѣны на великокняж. престолѣ, нападенія татаръ, Куликовская битва, столкновенія съ моск. отрядами въ Заволочьѣ, поѣздки въ Орду князей и митрополитовъ) въ краткомъ видѣ заносятся въ лѣтопись. Подъ 1372 г. находимъ подробную запись о нападеніи Михаила Ал-дровича тверскаго на Торжокъ. Подъ 1397 и 1398 гг. помѣщены подробныя сообщенія о столкновеніяхъ на Двинѣ съ московскими воеводами и приведеніи двинскихъ городковъ въ подчиненіе Новгороду, причемъ записи эти прерываются по мѣстамъ мелкими извѣстіями. Въ к. XIV и нач. XV в. выступаютъ на видъ литовскія событія, по связи ихъ съ отношеніемъ къ татарамъ, Смоленску, Рязани и Новгороду (1399—1415); однако и отношенія къ шведамъ и нѣмцамъ продолжаютъ имѣть свое значеніе. Лѣтопись отмѣчаетъ перемѣну монетной системы въ Новгородѣ и Псковѣ (1410,

---

[1]) Замѣчаніе Карамзина объ этомъ (II, прим. 113); ср. выше, стр. 315.

1420, 1424). Изложеніе этой части лѣтописи отличается то подробными извѣстіями, то краткими записями (1423—1432, 1438, 1439, 1443). Подробно описана народная смута 1418 г. (дѣло Божина); не забыты событія, связанныя съ именемъ м. Исидора (1437, 1441, 1442); отмѣчена строительная дѣятельность архіеп. Евѳимія II (1434—1445); убійство литов. князя Сигизмунда Кейст. и его послѣдствія (1440). Печальными событіями заканчивается лѣтопись: неурожаемъ и голодомъ въ Новгородѣ, вызвавшими переселеніе жителей въ предѣлы Литвы и отступленіе въ латинство; смутами по поводу порчи монеты, и борьбою партій, заставившей лѣтописца распространиться въ сѣтованіяхъ на отсутствіе „правды и праваго суда". Событія эти перебиваются неудачнымъ походомъ въ Югру и нападеніемъ шведовъ на Двину. Далѣе, сообщается, какъ вел. кн. Василій Вас. вступилъ въ жестокій бой съ Улу-Махметомъ, окончившійся пораженіемъ и плѣномъ князя, а кн. Борисъ Александровичъ тверской напалъ на Торжокъ и разграбилъ его (1445, 1446 [1]). По сп. Арх. ком. лѣтопись заканчивается (1446) описаніемъ сильнаго града, побившаго хлѣбъ въ окрестности Новгорода и освященіемъ ц. св. Евѳимія, 30 янв.; но въ сп. Акад. она прекращается на 1441 г, не закончивъ описанія посольства архіеп. Евѳимія къ вел. кн. Василію Темному, а въ Толст. сп. на 1443 г., указывая так. обр. на 40-е годы XV стол., какъ предѣлъ, до котораго былъ доведенъ послѣдній сводъ 1-й Новг. лѣтописи [2]).

Въ этотъ сводъ вошло нѣсколько отдѣльныхъ сказаній: 1) Объ убіеніи ряз. князьями Глѣбомъ и Константиномъ своей братіи рязанскихъ князей, 1218 (207 [3]); 2) О Калкской битвѣ, 1224 г. (215—220); 3) О нашествіи Батыя на Русскую землю, 1238 (247—252 [4]);

[1]) Въ Торжкѣ рано появляются сторонники Москвы (см. Зап. Р. Арх. общ., т. XII, нов. сер. Труды по рус. и слав. отд., V, 66).

[2]) На оборотѣ 169 л. (стр. 329, годъ 1352) сдѣлана помѣта: „Лѣт-цъ Новг-кой Харатѣйной № 616, № 617, в сеи книги 169 листовъ, метилъ певчіи Ѳедоръ Михайловъ" (см. предисл.); но едва ли послѣдній имѣлъ какое либо отношеніе къ составленію лѣтописи. А. А. Шахматовъ полагаетъ, что уже до 1-й полов. XV ст. образовались 6 редак. древ. Новг. лѣт., пополнявшейся то мѣстными, то общерусскими извѣстіями, и 6-ю изъ нихъ представляетъ Коммис. сп. (Ж. М. Н. Пр. 1900, № 11, с. 188—190).

[3]) Тихомировъ, О Тим. пономарѣ (Ж. М. Н. Пр. 1887, № 9, с. 30).

[4]) Нѣк. предполагаютъ, что повѣствователь событій подъ 1238 г. пользовался „Слов. о погибели Рус. земли" (см. предисл. къ Слову Хр. Лопарева, по изд. Общ. люб. др. письм., № LXXXIV, Спб. 1892, с. 11).

4) ж. Александра Невскаго, 1240 (252—261, 270—274); 5) Пов. объ убіеніи черниг. кн. Михаила Всев. и бояр. его Өеодора, 1245 (263—270); 6) Сказаніе о пох. Магнуса, 1348 (346—348): 7) Пов. о Куликовской битвѣ (сокращ.), 1380 (367—369). Подъ 1200 г. помѣщена „Пов. о взятіи Константинополя латинами“ (180—188 [1]).

Независимо отъ того, въ нач. сп. Арх. ком. находятся: два родословія русскихъ князей, перечень князей съ показаніемъ, сколько времени кто княжилъ, росписи князей русскихъ (общій списокъ вел. князей), сузд., твер., кіевскихъ (древнихъ), новгородскихъ, съ кратк. замѣч. о нихъ; списки посадниковъ, тысяцкихъ, митрополитовъ, новгор. епископовъ, архіеп. и архимандритовъ, русскихъ городовъ (въ печат. изданіи вынес. въ прилож., 431—449), а въ концѣ лѣтописи правило законьно о церковн. людѣхъ и о десятинахъ, и о мирилѣхъ градскыихъ и о судѣхъ епископскыихъ (449—452), роукописание св. князя, крестивъшаго Роускую землю (452—453); церк. уставъ Ярослава I (454—459); уст. в. кн. Всеволода о церк. соудѣхъ, и о людѣхъ и о мѣрилахъ торговыхъ (459—463); уставъ вел. кн. Ярослава (463—469—Правда Русьскаа); уставъ Владиміра Всев. (469—487); уставъ Ярослава о мостѣхъ (487—488); роукоп. кн. Всеволода, данное ц. Ивана на Опокахъ (488—490).

Бестужевъ-Рюминъ вѣрно замѣчаетъ: „Лѣтопись Новгородская ярко оттѣняется отъ Кіевской и Суздальской. Въ Новг-й почти нѣтъ слѣдовъ церковной письменности; это лѣтопись людей торговыхъ, занятыхъ, спѣшащихъ скорѣе записать, что видѣли“ [2]). „Хотя лѣтописцы и свободно пользовались трудами своихъ предшественниковъ,

[1]) Первый издатель Новг. лѣт., напеч. Арх. ком., полагалъ, что эта Повѣсть взята сокращенно изъ визант. или болгар. хронографовъ и сопоставлялъ ее съ изложеніемъ у Никиты Хон. (Бон. изд., 710—70), пов. Вильгардуэна и рус. рукоп. хронографомъ (П. С. Р. лѣт., III, 26), откуда примѣч. это перенесено и во 2-е изд. (с. 180). Въ ней упоминается о зломъ поганомъ Дедрикѣ (см. выше, с. 270, пр. 4) или Теодорикѣ, героѣ поэмы готско-лонгоб. цикла (ср. Владиміровъ, О Словѣ о полку Игоревѣ, I, 1—7). О рус. происхожденіи повѣсти (Терновскій, 148—149; Ляпуновъ, 29); замѣчаніе А. А. Шахматова о ней (О нач. Кіев. сводѣ, 11); о греческомъ происх. повѣсти (C. Klimke, Die Quellen zur Gesch. des vierten Kreuzzuges, Breslau 1875, S. 71 u. folg.).

[2]) Рус. исторія, I, 254. Практическая сторона лѣтописи сказывается въ массѣ данныхъ, касающихся цѣнъ на жизненные припасы и др. предметы, построекъ, частнаго обихода и т. п., встрѣчающихся во всѣхъ новгор. лѣтописяхъ (Н. Аристовъ, Первыя врем. христ. въ Россіи по церк. ист. содерж. рус. лѣтоп., 153—155); также подробны свѣдѣнія о болѣзняхъ (моръ), пожарахъ и т. п. (см. по указателю).

говоритъ Срезневскій [1]), но строже держались древняго состава лѣтописи, чѣмъ лѣтописцы южные, по кр. мѣрѣ, до XV в. Въ ихъ лѣтописи находимъ сухой оффиціальный разсказъ о событіяхъ, только иногда случайно оживляемый или вставкой изъ сказанія современника, или пересказомъ преданія, или, наконецъ, минутнымъ порывомъ чувства самого лѣтописца; напротивъ того, въ лѣтописяхъ южныхъ встрѣчаемъ многочисленныя выписки всякаго рода—изъ книгъ церковныхъ, изъ переводовъ отцевъ церкви, изъ греческихъ хронографовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ размышленія, нравоученія, молитвы и т. д. Только съ XV в. начинается и въ Новгородѣ этотъ обычай освѣщать лѣтопись искрами ума, чувства и знанія". Соловьевъ, въ свою очередь, даетъ слѣдующую характеристику: „Новгор. лѣт. отличается краткостью, сухостію разсказа; такое изложеніе происходитъ, во-первыхъ, отъ бѣдности содержанія: Новг. лѣтопись есть лѣтопись событій одного города, одной волости [2]); съ другой стороны, нельзя не замѣтить и вліянія народнаго характера, ибо въ рѣчахъ новгор. людей, внесенныхъ въ лѣтопись, замѣчаемъ также небыкновенную краткость и силу; какъ видно новг-цы не любили разглагольствовать; они не любятъ даже договаривать своей рѣчи, и однако хорошо понимаютъ другъ друга; можно сказать, что дѣло служитъ у нихъ окончаніемъ рѣчи; такова знаменитая рѣчь Твердислава: „тому есмь радъ, оже вины моея нѣту; а вы братье, въ посадничьствѣ и въ князѣхъ" (вольны [3]). Мѣстный патріотизмъ лѣтописца иногда выражается въ томъ, что онъ умалчиваетъ о неудачахъ новгородцевъ [4]) и въ рѣзкомъ враждебномъ духѣ относится къ Москвѣ [5]). Міросозерцаніе лѣтописца не выходитъ изъ предѣловъ средневѣковой точки зрѣнія на событія и явленія природы (см. выше, стр. 311—17 [6]).

[1]) Изв. Ак. Наукъ, II, 77—78.

[2]) Такимъ образ., если не считать сказанія о взятіи Кон-ля (1204), то въ Новг. 1-й лѣт., при частыхъ связяхъ съ Византіей, лишь однажды отмѣчено, по поводу присылки патр. архіеп. Моисею крещатыхъ ризъ и грамоты за „золотою печатью": „Бысть тогда ц. греч. Иванъ Кантакузенъ, а патр. Филофѣй, преже бывый праклинскимъ митр-томъ" (1353). Подъ 1349 г. сообщается о завоев. поляками Волынской земли (ср. стр. 551).

[3]) Соловьевъ, III, 149. Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: „Новг. лѣт. отличается тѣмъ же самымъ характеромъ, какой показанъ былъ прежде" (IV, 380). Ср. Аристовъ (Первыя врем. христ. въ Россіи и пр., 157—158).

[4]) М. И. Помяловскій, Изъ области новгор. лѣтопис. (Зап. Имп. рус. Арх. общ., Нов. сер., Тр. отд. рус. и слав. археол., V, 55—57, 66, 67, 68, 69).

[5]) Ibid., 71, 82, 84.

[6]) Въ Новг. 1-й лѣт. подъ 1128 г. читаемъ: „Въ л. 6635 паде метыль густъ

Новгородскія (какъ и псковскія) лѣтописи ведутъ счетъ лѣтъ съ марта [1]) и этотъ порядокъ удержался въ нихъ до паденія независимости [2]); однако, хронологія составителя 1-й Новгор. лѣт. не отличается точностію и въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отдать преимущество Лавр. своду [3]). Притомъ въ спи. 1-й Новг. лѣт. хронологическія неточности являются иногда вслѣдствіе неясности цифръ, обыкновенно обозначаемыхъ славянскимъ шрифтомъ [4]).

Изданія: Лѣтописецъ Новгородскій, начинающійся отъ $\frac{6525}{1017}$ году, и кончающійся $\frac{6860}{1352}$ годомъ. Печатанъ въ Московской типографіи, 1781 года (VII+184, 4⁰; 2-е изд., М. въ Синод. тип., 1819. (VII+224, 8⁰). Это первая лѣтопись, изд. въ Моск. тип. по повелѣнію Екатерины II (1778), подъ главнымъ наблюденіемъ м. Платона, а именно Синод. сп. Новг. лѣтописи.

по земли и по водѣ и по хоромомъ, по 2 нощи, а по 4 дни". По объясненію Карамзина мотылъ—гной (лекс. Кутеинскій)—желтоватая, нечистая влажность. Ясно, прибавляетъ онъ, что въ Н-дѣ шелъ такъ наз. сѣрный дождь, pluie de soufre (Бомаръ): „явленіе довольно обыкновенное въ окрестностяхъ сосноваго лѣса" (Ист. гос. рос., II, пр. 256); ephemera horaria, насѣкомое, принадл. къ роду мошекъ, по академ. словарю, со ссылкою на то же мѣсто въ Царст. лѣт. (с. 19; Слов., II, 631). Въ другой Новг. л. (2-й) подъ 1202 г. (6710) сообщается о выпаденіи снѣга 20 іюля: „и ако кровь проліяну по снѣгу" (изд. 1879, с. 14), въ чемъ видѣли указаніе на близость кончины міра. Сообщая же, подъ 1418 г. (6926), апр. 19, о чудѣ отъ иконы св. Бог-цы Покрова („акы кровь по обѣ стороны ризы ея"), лѣт-цъ связываетъ это явленіе съ междоусобіемъ, бывшимъ въ городѣ „наученіемъ діавола" (1-я Новг. л.). Ср. Роспись св. иконамъ разнымъ явленіямъ пресв. влад. нашея Б-цы въ разныхъ градѣхъ и мѣстехъ и въ разныхъ годѣхъ", по рук. Спб. дух. ак. (Чт. въ Общ. ист. и древ. рос. 1893, I, смѣсь, с. 8—13), между прочимъ, о плачѣ и истеченіи крови отъ образовъ Б-цы. Выпись эта касается не только Россіи и православныхъ земель, но также и р. католическихъ въ разныхъ странахъ. Ср. Gregorovius, III, 14; Ѳ. Калугинъ, Зиновій Отенскій, прилож., 5—6, сводъ данныхъ изъ хроногр., лѣтоп. и сказаній о сверхъест. явленіяхъ.

[1]) Твер. лѣт. по этому поводу замѣчаетъ: „пишетъ же въ Новг. лѣтописци лѣто весною починаеть, а осень и зиму глаголеть: тоя же осени и зимы" (П. С. Р. лѣт., XV, 285; Карамз., V, пр. 246; ср. Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ, 148, примѣч. Куникъ, 771). Соловьевъ отдаетъ иногда ей преимущество (II, пр. 421).

[2]) Опытъ рус. ист-фіи, I, с. 148*. Новг. лѣт-цъ знаетъ употребленіе калёндъ (1136 г.).

[3]) Куникъ (Уч. Зап. по 1-му и 3-му отд., II, 748, 749, 752, 788); И. Энгельманъ, О хронологіи, 15, 76; Погодинъ, Хронол. табл. въ Уч. Зап. Ак. Н., VII, 45—150; Изслѣд., V, 346—47; ср. Голубинскій, Сергій Радон., 95—96.

[4]) Сениговъ, Ист. крит. изслѣдованія о Новгор. лѣтописяхъ (Чтен. въ Общ. ист. и древн. рос. 1887, кн. I, с. 62).

Какъ показано, онъ безъ начала и имѣетъ пропускъ въ срединѣ, съ 1272—1298 г. Внизу страницъ помѣщены примѣчанія, объясняющія непонятныя слова или предполагаемыя ошибки рукописи. Годы показаны въ текстѣ арабскими цифрами. Большая часть объясненій или поправокъ взяты изъ Никон. лѣт. Самый же текстъ оставленъ нетронутымъ. „Новгор. лѣтопись, напеч. въ Москвѣ, говоритъ Карамзинъ, столь исправна, что я не замѣтилъ въ ней почти никакихъ ошибокъ“ [1]). Въ 1786 г. тотъ же лѣтописецъ, по списку принадл. Татищеву, а затѣмъ Академіи Наукъ, напеч. послѣднею въ Прод. Рос. Вивл., ч. II-й, б. к. (IV+257+712, $\frac{945}{1441}$ гг.). Въ срединѣ (есть и внач.) пропуски пополн. изъ Син. сп., а изъ пропущен. въ послѣднемъ недостаетъ съ полов. 1274—1282 [2]). Въ послѣднее время изданіе это перепечатано (Новгор. лѣтописецъ съ 946—1441 г. Изданіе Мышкин. земской библіотеки. Мышкинъ 1899). П. М. Строевъ говоритъ: „Новг. и Архан. лѣтописи изданы сносно“ (Барсуковъ, 108).

Въ 1841 г. Археогр. ком. издала III-й томъ Полн. собр. рус. лѣт., куда вошли Новгородскія лѣтописи. Въ этомъ изд. 1-я Новгор. лѣт. напечатана по тремъ спискамъ: Синод. (харат.), Академ. (Татищев.) и съ 72 стр. (съ 1317 г.) по Толстов. (Имп. Публ. библ.), а потому это изданіе начинается 1016 г. (Синод.), съ 1333 продолж. по Акад. и оконч. (по Толст.) 1444 годомъ. Мѣста, не сходныя между Синод. и Акад. сп. напечатаны въ двухъ столбцахъ. Пропущенныя мѣста въ Синод. сп. и Акад. сп. 1272—99 (см. выше) пополнены изъ Акад. и Толст. сп., а пропущенныя мѣста въ Акад. сп. послѣ 1333 г. дополнены по Толст. списку. Къ изданію приложены образцы трехъ почерковъ Синод. сп. и образцы Синод. и Акад. сп. (въ текстѣ 114 стр. 4° [3]). Потребность въ новомъ изданіи и недостатки предшествовавшаго (отсутствіе между прочимъ начала лѣтописи) побудили Арх. ком. [4]) приступить къ напечатанію Новгор. лѣт. по Синод. сп. со включе-

---

[1]) Ист. госуд. рос., I, с. XVI; IV. прим. 358. Иначе отозвался Бередниковъ (П. С. Р. лѣт., III, с. IX), какъ и объ изд. Акад. сп. 1786 г. („Оба изданія неисправны“).

[2]) Краткія библ. замѣчанія о нихъ см. у Перевощикова (Тр. Имп. Рос. акад., IV, 88; отд. 15—16); Полѣнова (52—58); подр. у Сенигова (Чтен. въ Общ. ист. 1887, IV, 42—88). Объ особенностяхъ сп. Новорос. ун. Новгор. лѣт. по 1437 г. (Лѣт. зан. Арх. ком., VI, 25—28).

[3]) О рец. на III-й т. П. С. Р. лѣт. см. стр. 427, пр. 1. Жестокія нападки на издателя Бередникова у Погодина (Изслѣд., V, 317—340). Библ. зам. (Полѣновъ, 131—132).

[4]) Соображенія см. въ Лѣт. зан. Арх. ком., т. I, с. 5—7. Списки Рум. м., №№ CCXLVII—VIII (стр. 340—350), позд. копія съ Троиц. рук. и сп. 1738 г. съ нѣк. сокращеніями, соотв. 1-й Новг. лѣт., заслуживаетъ вниманія при изданіи (Срезневскій, Изв. Акад. Н., II, 76; Шахматовъ, О началѣ Кіев. сводѣ, с. 3). Тамъ же

ніемъ недостающаго начала по спискамъ Толстов. и Арх. ком. и дословнымъ сводомъ всѣхъ варіантовъ, а недостающія мѣста пополнить изъ другихъ списковъ, причемъ въ правописаніи приняты и нѣкоторыя филологическія соображенія (Новгор. лѣтопись по Синод. харат. списку. Спб. 1888, изд. подъ ред. Н. И. Савваитова, съ 2 сним. почерковъ по спи. Арх. ком. и Акад. Наукъ, x+490, съ указ. именъ, геогр. назв. и предм., i+xcviii [1]). Во всякомъ случаѣ указатель именъ и предметовъ требуетъ пересмотра и дополненій. Полное воспроизведеніе этой лѣтописи посредствомъ свѣтопечати издано Арх. ком., подъ заглавіемъ: „Новгор. лѣт. по Синод. харат. сп., Спб. 1875" (338 стр. 4°), подъ наблюденіемъ П. И. Савваитова, съ краткимъ замѣчаніемъ вначалѣ, что этотъ списокъ есть „самый древній изъ всѣхъ обнародованныхъ списковъ отечественныхъ лѣтописей: первая часть его написана не позже первой половины XIII в., а послѣдняя не позже первой пол. XIV в.".

X.

Лѣтописное дѣло въ Новгородѣ было значительно развито. Самое количество дошедшихъ до насъ новгородскихъ лѣтописей, ихъ разнообразный характеръ, наконецъ указанія на недошедшія до насъ лѣтописи [2]), свидѣтельствуютъ уже, что лѣтописаніе стояло здѣсь на из-

---

№ ccxlix (с 250—253), списокъ, снятый для гр. Румянцова, сходенъ съ Академ.. доведенъ (новг. событія) до 1442 г. и далѣе до 1629 г.

[1]) Отсутствіе указателей въ П. С. Р. лѣт. устраняется теперь полнымъ именнымъ (пока) указателемъ къ I—VIII тт. изданія.

Рец. на указанное (2-е) изд. Арх. ком. А. И. Соболевскаго (Рус. Фил. Вѣст. 1888, № 1) и отвѣтъ Савваитова (Ж. М. Н. Пр. 1889, № 9, съ поправк. автора въ его экз., см. Отч. Имп. Пуб. биб. за 1898, стр. 020); зам. И. Тихомирова (Ж. М. Н. Пр. 1889, № 8).

[2]) Такъ, въ 3-й Новг. лѣт., подъ 6643 г. (1135 г.) записано о заложеніи каменной ц. св. Николая Чуд., въ Неревскомъ концѣ, на Яковл. улицѣ (ср. 1-ю Новг. лѣт.) и тутъ же прибавлено: *„А въ иномъ лѣт-цѣ* написано: 6652 (подробнѣе тоже) съ прибавкою, что она окончена „въ лѣто 6925" (см. 1-ю Новгор. лѣт.). Ни въ Новг. 1-й и 2-й, ни въ Соф. лѣт. объ этомъ подъ означеннымъ годомъ (6652) не упоминается. Подъ 6734 г. (1226): „Написано *въ другой рядъ из иной книги*" (ни въ 1-й, ни во 2-й Новг. лѣт. нѣтъ и притомъ сдѣлана ошибка въ источникѣ). Подобный способъ ссылки повторенъ и подъ 7037 (1529 г.). Во 2-й Новгор. лѣт. (ср. также 3-ю Новг. л.) подъ 6929 (1421 г.), по поводу наводненія въ Новгородѣ, читаемъ: „Слышахомъ отъ древнихъ повѣдающе писаніе, паче же извѣстно увѣдахомъ *прочитающе старыи лѣтописци*, о нашествіи водномъ, ***еже бысть въ Великомъ Новѣгородѣ въ древняя лѣта,*** колико множествомъ воднымъ и возмущеніемъ

вѣстной высотѣ и велось шире, чѣмъ въ другихъ русскихъ земляхъ. Въ этомъ случаѣ сказалось, быть можетъ, тоже явленіе, какое мы замѣчаемъ въ Италіи: въ то время, какъ Римъ не могъ похвалиться своею лѣтописью и историческими произведеніями, лѣтопись въ свободныхъ городскихъ общинахъ процвѣтала[1]). Здѣсь, т. е. въ Новгородѣ и Псковѣ, она, какъ было указано въ своемъ мѣстѣ, получила по преимуществу общественный характеръ[2]). Лѣтописцы неуклонно отмѣчаютъ всѣ перипетіи борьбы партій, причемъ „воля новгородская" имѣетъ для нихъ обязательную силу[3]). Впрочемъ, въ сказанномъ могло имѣть мѣсто и то обстоятельство, что вообще письменные памятники Новгорода дошли до насъ сравнительно въ большемъ количествѣ, чѣмъ другихъ русскихъ земель.

Первая Новгор. лѣтопись представляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ русской письменности для событій гражданской исторіи Новгорода и почти единственный источникъ за періодъ времени, обнимающій слишкомъ три столѣтія, такъ какъ позднѣйшія новгородскія лѣтописи очевидно черпали свѣдѣнія изъ нея и если пополняли ихъ добавочными извѣстіями, то преимущественно по дѣламъ церковнымъ[4]). При этомъ необходимо имѣть въ виду, что такъ наз. „владычняя (Софійская) лѣтопись" велась непрерывно, о чемъ свидѣтельствуетъ отрывокъ русской (новгородской) лѣтописи по Воскрес. Новоіерус. списку, представляющій между прочимъ хронику событій (1515—1539) церковнаго содержанія (постр. церквей, пожары, монастырская реформа архіеп. Макарія, украш. Софійскаго соб., религіозная миссія

волнъ исторжена быша мостная строенія; и елико такова *все то писаніемъ число обретохомъ*, и иная знаменна нѣкая бывающая, елико к наказанію нашему видѣхомъ въ писаніи и сказаніемъ мудрѣйшихъ мужъ, любящихъ почитати древняа писанія, слышахомъ отъ нихъ; яко же Соломонъ глаголаше: „се же есть мудръ, еже вѣсть древняа повѣданія. Нынѣ же убо, быша прежереченнаго нашима очима видѣхомъ великое нашествие водное и еже отъ небесе страшное явленіе" и пр. Описаніе древнихъ наводненій въ 1-й Новг. лѣт. не соотвѣтствуетъ означенному представленію (гг. 1125, 1127, 1128). Подъ 1508 (7016) лѣтописецъ (2-я и 3-я Новг. лѣт.), сообщая о большомъ пожарѣ, замѣчаетъ, что онъ не нашелъ ни въ лѣтописяхъ столь злаго пожара, ни въ прежніе года не бывало.

[1]) Gregorovius, III, 163—164, 545; VI, 669—671.

[2]) Забѣлинъ, см. выше, стр. 386.

[3]) Новгор. Синод. лѣт., 150, 179, 191, 213, 229, 230, 236, 275, 276, 291—93, 300, 315, 340, 364.

[4]) Янишъ, 21.

среди лопарей, крещеніе татаръ, чудесныя явленія и т. п. [1]). Продолжали, конечно, вестись, по прежнему, монастырскія и церковныя лѣтописи [2]). Между прочимъ съ полною опредѣленностью мы имѣемъ указанія на веденіе систематическихъ записей въ монастырѣ на Лисьей горѣ (Богородичномъ [3]). Такъ, въ одномъ изъ лѣтописныхъ сборниковъ (2-я Новгород. лѣт.) подъ 1450 г. занесена слѣдующая запись: „Въ лѣто 6958 (1450) написана бысть сея книга Лѣтописецъ во обители Пречистей Рождества на Лисьи гори, повелиниемъ раба Божія дьякона инока Геронтея, въ полдестъ, держанъ“ [4]); а подъ 1572 г. читаемъ въ немъ же: „Въ лѣто 7080, мѣс. февраля 5, вторникъ, а служилъ того дни в манастыри на Лисьи горѣ [5]) обидню и смотрѣлъ

---

[1]) П. С. Р. лѣт., VI, 277—303. Ср. А. А. Шахматовъ (Ж. М. Н. Пр. 1900, № 11, стр. 180—193).

[2]) Въ Новгор. лѣт., принадл. Антоніеву мон. и доведенномъ до 1676 г., внесены факты, кас. преимущественно Новгорода, Владиміра и Москвы, между которыми содержится нѣсколько новыхъ мелкихъ извѣстій, а другіе излагаются въ измѣненной или сокращенной редакціи. Подъ 6678 (1170) читаемъ: „выгнаша новгородцы князя Романа: таковъ бѣ обычай блядинымъ дѣтямъ. Ко князю Андрею послаша Новг-цы: на всей воли нашей дай намъ князя“... „Въ лѣто 7071 (1563) царь и в. князь Іванъ Вас. всеа Русні учинил опритчину во Александровы слободы и на Вологдѣ, и тако погуби, земше, люди многие всякимъ насилствомъ і продажею“ (Бычковъ, Опис. Сборниковъ, I, 373).

[3]) Въ 3-хъ верст. отъ Хутынскаго, на сѣверъ отъ Новгорода (Костомаровъ, Сѣв. рус. народоправ., II, 326). Впервые въ лѣтописи онъ упоминается, какъ существовавшій уже, подъ 1388 г. „Того же лѣта поставиша церковь древяну Рож. Богор. на Лисичьи горѣ при Іоаннѣ архіеп. и стояла 3 года и в лѣто 6900 (1392) згорѣ церковь древяная и весь мон-рь Лисицкой“ (Новгор. лѣт, 245); а въ 1393 г. поставлена была въ немъ каменная церковь (Синод. спис., 379). По преданію, въ немъ погребены были родители Варлаама Хутынскаго (Костомаровъ, II, 341).

[4]) Новгор. лѣт., 53; П. С. Р. лѣт., III, 141. Вмѣстѣ съ тѣмъ приписка эта свидѣтельствуетъ, что въ то время могли интересоваться лѣтописнымъ дѣломъ, какъ и вообще книжнымъ, и лица низшаго клира. Карамзинъ считаетъ Геронтія лѣтописцемъ (VI, прим. 140, 199). „Вѣроятно извѣстія Лис. л. отъ 911—1015 и 1334—1450 г. помѣщены во 2-й Новг. лѣт., гдѣ такъ нерѣдко видимъ двойныя извѣстія объ одномъ и томъ же случаѣ“, замѣчаетъ Филаретъ (Обзоръ, 115).

[5]) Бестужевъ-Рюминъ сближаетъ это мѣсто съ предшествующимъ сообщеніемъ (см. стр. 111—112; П. С. Р. лѣт., III, 169), въ которомъ говорится объ игум. Тихв. мон. Германѣ, и читаетъ: „служилъ игуменъ Германъ“ (Рус. ист., 25). Но въ томъ же сборникѣ мы встрѣчаемъ подобное мѣсто подъ 1572 г. зауряд съ другими, посторонними записями: „Да того же мѣсяца (августа) въ 8 (день), в пятокъ, на Лисьи горѣ говорилъ часы да и молебны пѣлъ въ церкви прі игумени Пѣмине“— рѣчь идетъ объ архіеп. новгор. Леонидѣ (въ такой же формѣ и другія записи о немъ тутъ же). Очевидно, что и приведенная запись относится къ тому же архіеп. Леониду, служившему тогда въ мон-рѣ (посторонній игуменъ едва ли служилъ бы

въ мон-ри книги литописца церковнаго, а сказывали, что лит-ць Лѣсицкой добри сполна, ажо не сполна, развіе написано в лѣт-цѣ в Лѣсицкомъ владыкы новгороцькые не вси сполна, писаны развіе до владыкы Еуѳимія новгороцького[1]); а смотрилъ въ кельи у старца у келаря у Деонисья" [2]).

Необходимо прибавить, что въ Лисицкомъ мон. вообще была развита письменность: до насъ дошли „Тактиконъ Никона Черног.", принесенный съ Аѳона игум. Лисиц. м. Иларіономъ и спис., по распоряженію архіеп. Іоанна, въ 1397 г. иноками того же мон. для этого послѣдняго[3]); Сборникъ съ поученіями Ефрема Сирина, спис. ок. 1400 г., по желанію игум. Тарасія и братіи, инокомъ Саввою[4]); въ 1431 г. были переписаны поученія Исаака Сирина, іером. Симономъ[5]), въ спискѣ которыхъ помѣщено „Толкованіе неудобь познаваемымъ въ писаніяхъ рѣчемъ"[6]); а въ 1679 г. бояр. сыномъ сузд. архіепископа были списаны въ Лисицкомъ мон. лѣтописныя статьи отъ древн. временъ до начала XVII в.[7]). Наконецъ тотъ же лѣтописный сборникъ даетъ возможность заключать, что въ Новгородѣ, по крайней мѣрѣ въ болѣе поздній періодъ, велись и частныя записи (1529—1587 гг.). Онѣ имѣли личный или хозяйственный характеръ. Въ нихъ говорится о рожденіи и смерти близкихъ лицъ; объ устройствѣ „избы" (1535 г.);

въ другомъ мон-рѣ). Досмотрѣ лѣт-ца могъ сдѣлать только архіеп., а запись сдѣлалъ мѣстный монастырскій лѣт-цъ. Вообще, архіеп. Леонидъ отличался строгостью къ духовенству и печально окончилъ жизнь при Иванѣ Грозномъ (Новг. лѣт., 102, 104, 108—110, 112—114, 118, 345). Ему могла не понравиться неполнота свѣдѣній о новгородскихъ владыкахъ. Съ другой стороны, записи эти знакомятъ насъ ближе съ характеромъ монастырскихъ лѣтописей, способахъ ихъ составленія и просмотра со стороны духовныхъ властей, интересовавшихся ихъ веденіемъ. Вѣроятно къ тому же Леониду относятся записи (1571) о постриженіи дьяка Вашани, о врученіи посоха игум. Деревяницкаго мон. Варлааму (мелкій шрифтъ).

[1]) Рѣчь идетъ о новгор. архіеп. Евѳиміѣ II, взятомъ изъ игуменовъ Лисицкаго мон. (1428—58; ср. Новг. лѣт. по Синод. сп., 413 и Новгор. лѣт. церкв. бож., 268). До него доведенъ и списокъ епископовъ 1-й Новг. лѣт. по Акад., Ком. и Толст. спис. (Син. лѣт., 69; ср. 446). Дата эта опредѣляетъ и время составленія Лисицкаго лѣт., потомъ продолженнаго. Лисицкій мон-рь нерѣдко страдалъ отъ пожаровъ: 1392, 1560. 1568 (Синод. л., 37, 93, 96, 245). Замѣтки о немъ (91, 248, 252).

[2]) Новгор. лѣт., 111—112.

[3]) Срезневскій, Памятн. языка, 283.

[4]) Ibid., 298; ср. Изв. Ак. Н., VI, 298: также Строевъ, Библ. Слов., 141 (о списываніи житій).

[5]) Макарій, V, 248; Опис. рукоп. Синод. б., II, кн. 2, с. 176.

[6]) Калайдовичъ, Іоаннъ экз. Болг., прилож., xш; Филаретъ, Обзоръ, 106.

[7]) Бычковъ, Опис. рукописн. Сборниковъ И. П. библ., I, 374.

о кошеніи сѣна подъ Новгородомъ (1571): о пожарѣ (1572). Въ одной изъ записей сказано (1552), что въ „лѣто 7060 мѣс. окт. въ 17 день, въ суботу, написанъ сій тетратъ Федши *волосною діака*". Другія записи относятся къ церковнымъ дѣламъ (1571 [1]).

Вторая Новгородская лѣт. обнимаетъ, съ перерывами, событія 911 по 1587 г. Такимъ образомъ, имѣя въ своемъ основаніи 1-ю Новг. лѣт. [2]), она дополнена извлеченіями изъ другихъ новгородскихъ лѣтописей, монастырскими лѣтописцами и частными записями, которыя заносились въ отдѣльныя тетради [3]) или могли помѣщаться въ церковныхъ книгахъ, синодикахъ и т. п. Подъ 1421 г., дѣлая сообщеніе о большомъ наводненіи въ Новгородѣ (есть въ 1-й Нов. иначе изложенное; въ Ник. и Соф. лѣт.—сокращено и переиначено), лѣтописецъ помѣщаетъ витіеватое размышленіе на тему о грѣхахъ и ссылается на *старыя лѣтописи*, въ которыхъ онъ не нашелъ описанія подобнаго бѣдствія (см. выше). Полагаютъ, что это подробное описаніе наводненія составляло отдѣльное сказаніе [4]). Затѣмъ, съ 1421—

---

[1]) Въ приписках къ книгамъ часто встрѣчаются записи лѣтописнаго характера. Такъ, на Книгѣ апост. чтеній новгор. письма, помѣченной 1307 г., сдѣланы записи о боѣ между Михаиломъ твер. и Юріемъ моск. изъ-за Новгорода (Срезневскій, Памят. яз., 170—171; ср. Новг. 1-ю и 3-ю, 1304. 1307); на Еванг. 1362 г. о постр. каменной церк. Р. Богор. на владычнемъ дворѣ (Изв. Ак. Н., VI, 279; ср. Новг. 1-ю, 1362); на Минеѣ 1398 г. отмѣчено, что она написана, когда нов-цы послали рать за Волокъ (Срезневскій, 286; ср. Новгор. 1-ю), съ обозначеніемъ имени посадника.

[2]) Въ первомъ ея изданіи (П. С. Р. лѣт., т. III), сходныя мѣста часто не приводятся, а дѣлаются прямо ссылки на 1-ю Новг. лѣт. въ разныхъ ея спискахъ. Прочія мѣста излагаются въ сокращеніи или въ соединеніи съ извѣстіями, заимствованными изъ другихъ лѣтописей. Мѣста эти идутъ съ 1045 (6553) по 1422 (6930) годъ. Многія извѣстія 2-й Новг. лѣт. представляютъ лишь сокращенное (совсѣмъ краткое) изложеніе болѣе подробнаго текста 1-й Новг. лѣт. (ср. подъ 6719 г. описаніе пожара на Рядитиной ул.; подъ 6722 г.—о голодѣ въ Новгородѣ и осадѣ Торжка Ярославомъ Всев.; 1-я Новг. л., подъ 6723 и т. п., причемъ имена, обстоятельства и размышленія обыкновенно опускаются). Заимствованія изъ другихъ новгор. лѣтописей подтверждаются сличеніемъ текста 2-й Новгор. лѣт. съ текстомъ Соф., Никон. съ 911 по 1407 г. (6419—6915). Несомнѣнно, что записи велись не только въ Новгородѣ, но и въ другихъ городахъ, напр. въ Русѣ (Новг. лѣт. по Коммис. сп., с. 421, 422; ср. Тихомировъ, Ж. М. Н. Пр. 1892, № 9, с. 152); въ Торжкѣ (В. Ѳ. Миллеръ, ib. 1899, № 8, с. 496) и т. п. См. еще А. А. Шахматовъ, О нач. Кіев. сводѣ, 37.

[3]) О тетрадяхъ см. выше. Дважды упоминается о дороговизнѣ бумаги (1545, 1555).

[4]) П. С. Р. лѣт., III, 138, прим. Въ другомъ мѣстѣ (7050—1542) помѣщено сказаніе, озаглавленное: „Повѣсть зѣло страшна и плача достойна, еже бысть въ

1471 идутъ погодныя краткія замѣтки, причемъ до 1446 г. составитель лѣтописи все-таки придерживается главнымъ образомъ 1-й Новг. лѣт., не всегда держась ея хронологическаго порядка, иначе размѣщая взятыя изъ нея мѣста или сокращая ихъ и, наконецъ, по мѣстамъ, дополняя изъ другого источника. Подъ 1476 г. (6984) помѣщено описаніе похода Ивана III Вас. на Новгородъ, причемъ послѣдній слитъ съ походомъ 1478 г. (6986 [1]), а въ немъ заслуживаетъ вниманія подробный перечень подарковъ, поднесенныхъ Ивану III, и пріемовъ, оказанныхъ ему въ Новгородѣ [2]). О послѣднемъ наѣздѣ (6988) Ивана III на Новгородъ занесена лишь краткая запись. Подъ 1485 сообщается о поставленіи архіеп. Геннадія; подъ 1491—о преслѣдованіи имъ новгородскихъ еретиковъ, а подъ 1503—о соборѣ, запретившемъ служеніе вдовымъ священникамъ и діаконамъ. Вкратцѣ же записи говорятъ о взятіи Иваномъ III Твери (6993) и Казани (6995). Подробно (1493) описаны крестные ходы, совершенные Геннадіемъ вокругъ каменнаго и деревяннаго города (7008). Описаніе это можетъ служить образцомъ тѣхъ записей, какія велись при церквахъ и монастыряхъ и заносились потомъ въ общіе своды. По прежнему мѣстная лѣтопись сосредоточивается на пожарахъ, жестоко опустошавшихъ Новгородъ (6998, 7002, 7016, 7049, 7051, 7053, 7054, 7055, 7056, 7057, 7059, 7060, 7062 г.); на наводненіяхъ (7048, 7052); на дороговизнѣ (7052, 7053); на построеніи церквей (7019, 7029, 7055, 7056); на перемѣнахъ владыкъ (7014—сведеніе и конч. Геннадія, назнач. Серапіона; 7017—сведеніе Серапіона „за то, что не благословилъ старца Іосифа на Ламскомъ Волоцѣ, что онъ изъ архіепископіи изъ Новгородской перешелъ, съ монастыремъ отказался въ митрополію"); 7024—о смерти Серапіона и виновникахъ его бѣдствія, съ явнымъ сочувствіемъ къ нему и замѣчаніемъ, что „послѣ Серапіона до Макарія бысть 17 лѣтъ промежка"; 7034—о поставленіи архіеп.

Римской земли, во градѣ Шимборіи, такоже и въ Турской землѣ бысть Божіе попущеніе и погибель граду, именемъ Солонихіи"—описаніе землетрясенія со словъ „любчанъ", пріѣзжавшихъ торговать въ г. Колывань (2-е изд. стр. 71—73). Наконецъ, подъ 7080 г. (8 февр.) помѣщена обширная выписка (въ печати опущена) изъ Скитскаго Патерика).

[1]) Въ Соф. Врем. (II, 164—173; 176—200; П. С. Рус. лѣт., VI, 200—205, 207—220) они раздѣлены. Подъ 6984 г. (ошибочно поставлено 6986) все-таки вкратцѣ сказано о пріѣздѣ Ивана III въ Новгородъ (ср. с. 608).

[2]) Перечень этотъ несомнѣнно взятъ изъ оффиціальнаго источника (см. ниже).

Макарія, изобиліи при немъ хлѣба и дешевизнѣ; 7050—о поставленіи Ѳеодосія, украшеніи имъ церквей и посѣщеніи при немъ В. Новгорода вел. кн. Иваномъ IV (7059—о возведеніи архіеп. Ѳеодосія въ митр. и поставленіи архіеп. Серапіона Курцова—подроб. и краткая записи рядомъ). Составной характеръ лѣтописи явно бросается въ глаза въ отсутствіи хронологической послѣдовательности: подъ 7038 г. сообщается о рожденіи Ивана IV, сопровождавшемся страшными физическими явленіями, какъ бы предсказывавшими жестокость его царствованія; а, говоря о поставленіи архіеп. Макарія, лѣт-цъ сообщаетъ о возведеніи его въ митрополиты; послѣ чего упоминаетъ о кончинѣ вел. кн. Василія Ивановича (7042). Весь историческій интересъ въ лѣтописи сводится, главнымъ образомъ, къ церковнымъ событіямъ. „Видно, замѣчаетъ Костомаровъ, что писали духовныя лица“ [1]), притомъ другія, съ иными чувствами и складомъ мысли. Если самый сводъ вырабатывался (по всей вѣроятности) при владычнемъ дворѣ [2]), то и архіепископы—москвитяне по происхожденію и воспитанію, не могли не вліять на міросозерцаніе писавшихъ, однако не въ такой степени, чтобы подавить вполнѣ нерасположеніе къ нимъ. Подъ 7038 г. читаемъ слѣдующую любопытную запись: „тогда въ великомъ Новѣгородѣ вылили колоколъ къ соборной церкви св. Софіи, повелѣніемъ боголюбиваго архіеп. Вел. Новагорода и Пскова владыки Макарія, *великъ добре;* и *такова величествомъ* нѣтъ въ Новѣгородѣ и во всей Новгородской области, яко страшной трубѣ гласящи“ [3]). Повидимому новгородцы примирились съ колоколомъ, который затмилъ своимъ „величествомъ“ и „гласомъ“ славный нѣкогда вѣчевой колоколъ, хотя и не отличавшійся подобнымъ объемомъ; какъ и самая жизнь, связанная съ его существованіемъ, отъ шумныхъ вѣчъ до кровавыхъ дракъ, какъ бы стерта была съ лица земли; такъ какъ лѣтописецъ ни разу не обмолвился о нихъ, за исключеніемъ суровыхъ расправъ Ивана Грознаго, возникшихъ на другой почвѣ, или безсмысленныхъ забавъ моск. дьяка съ медвѣдемъ (7080). Факты другого характера сообщаются въ видѣ простыхъ записей (7055—о посѣщеніи Новгорода и Пскова Иваномъ IV; 7056—объ

[1]) Лѣтописи, стр. 68. Преим. монаст. лѣтописцы и м. проч. Лисицкій (Аристовъ, 162); ср. предисл. къ изд. лѣт.

[2]) Вторая Новг. лѣт. стала составляться вскорѣ послѣ взятія Новгорода (Янишъ, стр. 83—84; М. И. Помяловскій, Изъ области новг. лѣтописанія, Зап. Имп. Арх. общ., Труды отд. слав. и рус. археол., V, 58).

[3]) П. С. Р. лѣт., III, 148; Новгор. лѣт., 67.

отмѣнѣ корчмъ и кабаковъ; 7060 о проѣздѣ дерптскаго еп. въ Москву; 7060—о молебнахъ по случаю взятія Казани и о присылкѣ плѣнныхъ казанскихъ татаръ въ новгор. тюрьмы и насильственномъ крещеніи ихъ (7063[1]); 7060—о недопущеніи псковскихъ купцовъ въ Новгородъ по случаю мора; 7066—о взятіи ливонскихъ городовъ; 7069—о женитьбѣ ц. Ивана на Маріи Черкасской; 7076—77—о пріѣздѣ ц. Ивана въ Новгородъ и Псковъ, съ отдѣльной записью о пребываніи его въ городѣ; о кормахъ на царя, и краткою записью о столкновеніи м. Филиппа съ государемъ „о опришнинѣ".

Вообще, съ 1552—1570 г. лѣтопись становится отрывочнѣе. Самыя описанія пожаровъ часто привлекали вниманіе лѣтописца потому, что отъ нихъ много страдали церкви и монастыри[2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ эти данныя сообщаютъ много свѣдѣній о древней мѣстности Новгорода и его урочищъ. Построеніе церквей, ихъ освященія, поставленіе и кончина игуменовъ, введеніе монастырскаго общежитія и т. п. факты церковной жизни занимаютъ весьма видное мѣсто въ этой части разсматриваемаго свода. Лѣтописецъ сообщаетъ о наложеніи поста по случаю мора (7060), объ исцѣленіяхъ отъ глазной болѣзни у гроба еп. Никиты (7060, 7066, 7079), у св. Пятницы (7066), отъ св. Духа (7068, 7074), о посылкѣ въ Москву образовъ, шапки Іоанна Злат., одеждъ чуд. Никиты и св. воды отъ его гроба, о составленіи ему житія (7066, 7069) и т. п. Въ особенности большое возбужденіе вызвали случайное открытіе, при копаніи земли „на подшевъ"[3]), 12 цѣльныхъ труповъ, потребовавшее сношеній съ царемъ и митрополитомъ и затѣмъ торжественнаго погребенія ихъ за алтаремъ св. Софіи

---

[1]) „Которые не захотѣли креститися, ино ихъ метали в воду" (87).

[2]) Описанія эти даютъ бытовой матеріалъ. Въ числѣ пострадавшихъ упоминаются: „денежники", „извозники", „молодожники" (молодизна—пѣна на новомъ пивѣ), „кафтанники", „сермяжники". По прежнему, въ пол. XVI продолжала существовать „Варяжская ул.", былъ „дворъ Сурожской", „платеной" на Дворищѣ и т. п. (гг. 7049. 7057, 7077). Упоминается о мѣрахъ противъ пожаровъ, принятыхъ московскою властью (7068, 7079). Говоря подъ 7059 г. о пожарѣ, лѣт. замѣчаетъ: „въ *третій* часъ нощи по московскимъ часамъ, *а по новгородцкимъ часамъ* на шестомъ часѣ", что указываетъ на употребленіе разнаго счета времени съ перемѣною обычаевъ, какъ стараго и новаго стиля въ наше время. О разницѣ въ счетѣ часовъ см. Д. Прозоровскій: „О старинномъ рус. счисленіи часовъ" (Труды 2-го Арх. съѣзда, II, 105—194); ср. М. Н. Ясинскаго: „Счисленія суточнаго времени въ З. Россіи и въ Польшѣ въ XVI—XVII в." (Чтен. въ Общ. Ист. лѣт., кн. XVI, 1902. в. IV, стр. 24—39).

[3]) Подшевъ—основа, фундаментъ (Новг. лѣт.. 79, 117—118).

(7057), и обрѣтеніе поверхъ земли на Легощей ул. гроба съ нетлѣннымъ тѣломъ дѣвицы Гликеріи, сопровождавшееся церковнымъ торжествомъ и цѣлымъ рядомъ „прощеній" (7080, въ началѣ и въ срединѣ текста[1]). Все это еще разъ подтверждаетъ преобладаніе церковныхъ интересовъ въ Новгородѣ въ этотъ періодъ надъ политическими и о веденіи этихъ записей лицами, близкими къ духовной власти. Но записи съ 1568 по 1572 пріобрѣтаютъ еще другой интересъ. Въ нихъ мы находимъ свѣдѣнія о столкновеніи Ивана Грознаго съ м. Филиппомъ и опричнинѣ (7076); подробное исчисленіе продовольствія, собраннаго на царя и его свиту во время „государева разгрома", по выраженію лѣтописца (7077[2]); о заточеніи въ Хутынскій м. архим. Сергіева м. Памвы (7078[3]); объ уничтоженіи дворовъ на Торговой площади и постройкѣ на ихъ мѣстѣ государева двора (ср. о постройкѣ избъ, 7080, на своемъ дворѣ); объ отобраніи у монастырей въ Новгородѣ жалованныхъ грамотъ и объ устройствѣ вмѣсто владычняго мѣста („Пимена"[4]), въ Софійскомъ соборѣ „государскаго мѣста" (7078),—такъ стирались послѣдніе слѣды новгородской самобытности (ср. годъ 7080, о возстановленіи этого мѣста). Представительство духовной власти теряло уже свой смыслъ. Теперь даже игумены и архимандриты стали присылаться изъ московскихъ городовъ (7080—Ѳеоктистъ въ Юрьевъ м.; Германъ въ Тихвинъ). Далѣе, сообщается объ установленіи опричнины въ Новгородѣ (7079) и рядомъ съ тѣмъ объ отпѣваніи „всѣми семью соборами", на полѣ, за городомъ, умершихъ, надъ скудельницею, „и загребли скудельницу, а душъ въ той скудельницѣ было 10000", которыхъ погребалъ „нищій старецъ Иванъ Жегальцо" (7079[5]). Подъ 7079 г (1571) помѣщена запись объ увозѣ казны, собранной съ монастырей (13 т.), въ Москву; о правежѣ денегъ

[1]) Перечень исцѣленій — типическій образчикъ старыхъ монастырскихъ лѣтописей (Ключевскій, Житія, 326) и вмѣстѣ съ тѣмъ однообразный.

[2]) Костомаровъ (69) полагаетъ, что эта роспись попала сюда вѣроятно случайно и была приписана не кстати; но вѣрнѣе, что она досталась въ руки лѣтописца изъ оффиціальнаго документа, какимъ онъ могъ располагать по своему положенію.

[3]) Возвращенъ въ 1572 г. (7080).

[4]) О смерти Пимена въ веневскомъ Никольскомъ мон. (7080), съ замѣчаніемъ о времени его правленія, удаленія и промежуткѣ ок. 2 лѣтъ до назначенія новаго архіеп., съ точными датами мѣсяцевъ и дней, очевидно по оффиціальнымъ даннымъ.

[5]) Рѣчь идетъ объ оставшихся неотпѣтыми послѣ погрома (см. Карамзинъ, IX. 89).

на попахъ и монастыряхъ; о столкновеніи архіеп. Леонида съ новгор. духовенствомъ; о торжественной встрѣчѣ „Пречистой Владимірской"; о крестномъ ходѣ и празднествѣ, въ которомъ принималъ участіе царь; о водосвятіи съ положеніемъ въ воду мощей святыхъ, отъ чего *вода вскипѣла въ чарѣ*, причемъ два раза настойчиво повторяется, что стихи многіе въ то время пѣли „московскіе дьяки" и о пирѣ царя и ц-ча Ивана Ивановича у владыки. Вся эта запись писана въ строго оффиціальномъ тонѣ[1]). Такимъ образомъ для водворенія полнаго порядка въ Новгородѣ понадобилось даже обращеніе къ московской святынѣ. Далѣе лѣтописецъ сообщаетъ о дѣйствіяхъ опричнины въ Новгородѣ, о полицейскихъ порядкахъ, принятыхъ ею; о страшномъ переполохѣ, вызвавшемъ бѣгство многочисленнаго народа, находившагося у обѣдни въ ц. св. Пятницы на Дворищѣ: „и побѣжали люди, весь народъ, мужи и жены, отъ церкви по всѣмъ странамъ, и другъ на друга металися, невидимымъ страхомъ божіимъ гонимы, и товаровъ много истеряли" (7079). И было отъ чего, если припомнить недавнюю расправу и дѣйствія водворенной въ Новгородѣ „опричнины", если самый ходъ событій опредѣлялся уже лѣтописцемъ словами: „послѣ государева разгрому" (7078, 7079); „а въ тѣ поры, прибавляетъ лѣт-цъ, много въ людехъ учинилось изрону" (7080). Слѣдующая запись (7080) говоритъ о взятіи въ Москву, на государя, „веселыхъ людей", объ описи всѣхъ медвѣдей и объ отправкѣ въ Москву скомороховъ и медвѣдей. Мимоходомъ упоминается о московскихъ событіяхъ (о свадьбахъ царя, царевича Ивана). Лѣтописецъ намѣчаетъ, что новый пріѣздъ царя съ ц-чемъ Ѳедоромъ и духовными лицами былъ „миромъ" (1572), съ своею казною, которую прятали подъ церковными сводами, „конюшень смотрѣти"[2]) и слободу устраивать на Голыни; объ установленіи „намѣстниковъ по старинѣ", о возстановленіи „поля"; о нарядѣ монастырскихъ слугъ на службу въ Москву „съ лошадьми, панцырями и со всѣмъ нарядомъ"; о выведеніи изъ земщины и опричнины семей „веденыхъ гостей". Повидимому, въ видѣ благоволенія, ц. Иванъ велѣлъ слить въ Александровой слободѣ колоколъ для Новгорода (7080). А новыя святыни Новгорода все

---

[1]) Между прочимъ она прерывается замѣткою, что „на третьей недѣлѣ великаго поста татарове везли изъ Свицской земли много полону, женъ и дѣвицъ, и мужеска полу".

[2]) Далѣе сообщается, что изъ Москвы привезли еще государевой казны „триста возовъ" и снова „полтораста возовъ".

прибывали: въ 1572 состоялось свидѣтельствованіе мощей Іакова Боровичскаго, послѣ чего владыкѣ донесли, что „чюдесъ исцѣленія много есть отъ тѣлесѣ св. Іакова". Въ то же время царь объявилъ о намѣреніи пріѣхать въ Новгородъ, о приготовленіи кормовъ по старинѣ и предупреждалъ не бояться болѣе его гнѣва („ничего"[1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ были установлены царское и владычнее мѣста въ Софійскомъ соборѣ. Слѣдующая запись подробно говоритъ о пріѣздѣ царя въ Новгородъ и его встрѣчѣ, о пирѣ въ Юрьевомъ мон. и т. п.[2]), а также о столкновеніи архіеп. Леонида съ духовенствомъ изъ-за настольныхъ грамотъ. Въ особой записи сообщается о чтеніи поученія м. Антонія къ духовенству; о поѣздкѣ архіеп. Леонида въ Саввинъ мон. и бѣдствіяхъ, причиненныхъ монастырямъ и церквамъ жестокою бурею. Далѣе, упоминается о возвращеніи изъ Москвы въ Софійскій соборъ нѣкоторыхъ святынь (Спасова образа и образа ап. Петра и Павла), а затѣмъ идетъ рядъ записей, касающихся церковныхъ дѣлъ Новгорода (крестные ходы, чудеса, порядки церк. службъ и т. п.) и московскихъ событій (бракъ царскаго шурина, отправка пушекъ во Псковъ, о нападеніи крымскаго хана и т. п.); подробности о пріѣздѣ Ивана Грознаго въ Новгородъ; о гнѣвѣ на боярскихъ дѣтей („металъ въ Волховъ съ каменіемъ, топилъ"); о вызовѣ кабальныхъ и монастырскихъ людей въ государеву слободу съ выдачею имъ по 5 рублей и льготою на 5 лѣтъ[3]).

Лѣтопись заканчивается тремя мелкими записями 7081 (1573), 7089 (1581), 7095 (1587).

Вторая Новг. лѣт, о которой шла рѣчь выше, составлена въ к. XVI в. изъ нѣсколькихъ, недошедшихъ до насъ лѣтописей, что подтверждается, какъ передачею одного и того же событія въ разныхъ

---

[1]) Наѣзды Ивана IV въ Новгородъ заставили обратить вниманіе на его санитарное состояніе. Такъ, въ 1572 г. были приняты строгія мѣры по поводу мора. „А учнетъ который священникъ тѣхъ людей каяти, бояръ не доложа, прибавляется по этому поводу, *ино тѣхъ священниковъ велѣли жечи* съ тѣми же людьми съ больными".

[2]) Передъ въѣздомъ царя въ городъ, для него, царицы Анны (Колтовской), царевичей и свиты заняты были келліи въ Хутын. м. (с. 114).

[3]) Сверженіе въ Волховъ какъ бы напоминало прежній обычай новгородцевъ. Замѣтимъ кстати, что въ XVI в. на мосту св. Михаила въ Парижѣ была поставлена желѣзная клѣтка, въ которой погружали еретиковъ въ рѣку, пока они не захлебывались (Н. И. Стороженко, Вольнодумецъ эпохи возрожденія, М. 1897, с. 8; ср. также Мотлей, Ист. нидерл. респуб., II, 344, 397).

редакціяхъ, спутанностью въ хронологическихъ датахъ[1]), такъ и очевидными вставками цѣлаго ряда приписокъ[2]). До 2-й пол. XV в. лѣтопись эта сходна съ 1-ю Новг. лѣт. по Синод. сп. и другими, излагающими новгородскія событія, преимущественно съ Соф. Временникомъ, но съ XVI в. и особенно со 2-й его половины она, по своему содержанію, представляетъ самостоятельное изложеніе, поясняетъ топографію древняго Новгорода и сообщаетъ многія подробности о событіяхъ царствованія Ивана Грознаго, опять-таки главнымъ образомъ по отношенію къ Новгороду, преимущественно же въ эпоху опричнины, заимствованныя, очевидно, изъ записей современниковъ и мѣстныхъ оффиціальныхъ данныхъ. Лѣтопись эта дошла до насъ, къ сожалѣнію, въ единственномъ, крайне неисправномъ спискѣ (пис. въ к. XVI или нач. XVII в. четырьмя почерками, полууставомъ) принадлежащемъ Моск. арх. ин. дѣлъ (отсюда назв. его Архивскимъ спис. или Малиновскаго, которому она принадлежала, какъ наз. ее Карамзинъ[3]).

Изданія: Первое изданіе 2-й Новг. лѣт. выполнено было Я. И. Бередниковымъ (П. С. Р. лѣт., т. III, стр. 121—174), причемъ годы, перемѣшанные въ ней, приведены въ порядокъ, а однѣ и тѣ же статьи, помѣщенныя въ разныхъ мѣстахъ, поставлены въ соотвѣтствующихъ годахъ, хронологическія ошибки исправлены по другимъ лѣтописямъ или по Пасхальному кругу; текстъ, испорченный переписчикомъ, возстановленъ по сличеніи его съ текстомъ другихъ лѣтописей. Во второмъ ея изданіи Арх. ком., выполненномъ А. Ѳ. Бычковымъ (Новг. лѣтописи, Спб. 1879, 1—122, съ общимъ указателемъ для всѣхъ лѣтописей, изд. въ немъ), кромѣ того, обозначены, въ какомъ мѣстѣ въ рукописи находились событія, неправильно занесенныя въ нее, и сохранены особенности языка.

XI.

При томъ значеніи, какое занимала церковь и ея представитель въ жизни Новгорода, а въ судьбѣ автономій, лишенныхъ политической независимости, орудіемъ національнаго объединенія является

[1]) Примѣч къ П. С. Р. лѣт., т. III и предисл. ко 2-му изд., стр. IX.
[2]) П. С. Р. лѣт., III, 169, примѣч. и др.
[3]) Иначе наз. имъ Архив. или лѣт. іерод. Геронтія (см., V, пр. 140, 199; IX, пр. 398 и предисл. къ III т. П. С. Р. л. и 2-му изд. Новг. лѣт.).

обыкновенно религія, не удивительно, что въ Новгородѣ мы находимъ рядъ лѣтописцевъ, тѣсно связанныхъ съ исторіей новгородской іерархіи и Софійскаго собора.

Если гдѣ либо вопросъ о древнихъ церковныхъ лѣтописяхъ имѣетъ болѣе широкое значеніе, то именно въ Новгородѣ. Въ такъ наз. *Третьей Новгор. лѣт.* мы читаемъ рядъ записей, указывающихъ на веденіе мѣстныхъ церковныхъ записокъ (п. 6643, 6769, 6868, 6938). Значеніе этихъ указаній въ свое время было оцѣнено И. Д. Бѣляевымъ[1]). Но до насъ дошла полная составная лѣтопись (сводъ), озаглавленная „Книга глаголемая лѣтописецъ Новгородской въ кратцѣ церквамъ Божіимъ", слѣд., это церковная лѣтопись, представляющая сокращеніе изъ другихъ лѣтописей[2]). Есть основаніе полагать, что однимъ изъ составителей этого свода былъ современникъ архіеп. Геннадія и авторъ ж. Михаила Клопскаго (2-й ред.[3]).

Лѣтопись начинается съ крещенія Руси и поставленія еп. Іоакима въ Новгородѣ (988) и доходитъ въ нѣк. спискахъ до к. XVII в., а въ другихъ даже до 1722 г.[4]). По 1017 г. въ ней помѣщены болѣе общія и подробныя свѣдѣнія, касающіяся водворенія христіанства въ Кіевѣ и Новгородѣ, начала монашества, правленія Ярослава I въ Новгородѣ, положенія варяговъ и т. п., а съ основанія Софійскаго собора въ этомъ послѣднемъ—идетъ частная лѣтопись „церквей" (и монастырей), построенныхъ въ Новгородѣ и его области[5]). Подъ 1075 г. (6553) помѣщено сказаніе объ образѣ Спаса въ Софійскомъ соборѣ, съ которымъ новгородцы связывали судьбу своего города[6]),

---

[1]) О разныхъ видахъ русскихъ лѣт. (Врем. Общ. ист. и древ., V. 18—19).

[2]) Подъ 1283 г., говоря о переселеніи м. Максима въ Москву, лѣт. прибавляетъ: „а въ Кіевѣ токмо намѣстники бяху, *по свидѣтельству харатейныхъ древнихъ лѣтописцевъ*" (по другимъ лѣт въ 1299 г. и первоначально во Владимірѣ).

[3]) И. Некрасовъ, Зарожд. націон. литер.. 113—115.

[4]) М. Евгеній, въ своей переепискѣ съ гр. Н. П. Румянцовымъ, упоминаетъ о сп., найденномъ въ Вологдѣ и доведенномъ до 1701 г. (см. стр. 28). Первонач. редакція (Яншъ, 84) относится къ XVI в. Ср. Рук. Арх. ком , с. 12.

[5]) Въ особенности интересны извѣстія о судьбѣ первыхъ новгор. епископовъ (1059, 1068, 1077, 1078, 1096. 1097, 1107, 1156) и монастырей (1106, 1130,—преп. Антоній Римлянинъ; 1119 - о Юрьев. мон.).

[6]) Объ этомъ сказаніи см. у Буслаева, Лекціи изъ курса (Лѣт. рус. литер., Ш, 73—75). Посѣтивъ въ 1858 г. Новгородъ и его соборъ, Погодинъ записалъ: „Я взглянулъ на верхъ: десница Спасителя была сжата по прежнему, а Новгорода древняго не существовало,—и грустно стало мнѣ по старинѣ! Я вышелъ изъ церкви" (Барсуковъ, XVI, 140).

и „о чудномъ видѣніи Спасова образа царю Мануилу“, явившагося послѣднему во снѣ, съ угрозою за восхищеніе святительскаго суда[1]). Далѣе, лѣтопись представляетъ краткія записи о кончинѣ князей, поставленіи, времени правленія, кончинѣ епископовъ (между прочимъ также о перенесеніи митрополіи въ Москву, о конч. м. Петра, о посѣщеніи Новгорода митрополитами), объ отлитіи колоколовъ, о покрытіи крышъ въ церквахъ (св. Софіи, Юрьева, Антоніева мм.) свинцомъ; о пожарахъ, опустошавшихъ Новгородъ, а иногда и болѣе замѣчательныхъ событій, какъ-то: болѣзни, голода, народныя смуты, построеніе городовъ (укрѣпленій): а также о выдающихся небесныхъ явленіяхъ. Подъ 1199 г. помѣщено „Сказаніе о Михалицкомъ мон., иже нарицается Молотково дѣвичь мон-рь“. Подъ 1294 г. внесена запись о написаніи образа Николы Липенскаго и поновленіи его при Иванѣ IV[2]). Подъ 1335 г. лѣт-цъ отмѣчаетъ, что при архіеп. Василіи принесенъ былъ въ Новгородъ „бѣлый клобукъ отъ ц. Константина и папы Сильвестра“. Подъ 1347 г. занесено посл. архіеп. Василія твер. еп. Ѳеодору „о раѣ“; подъ 1352—рукописаніе Магнуса. Подъ 1380 г. лѣт-цъ отмѣтилъ вкратцѣ о побоищѣ, бывшемъ на Дону съ безбожнымъ Мамаемъ. Подъ 1386 г. онъ говоритъ, что, по поводу похода вел. кн. Димитрія на Новгородъ, новгородцы „пожгли 24 монастыря, по благословенію владыки“ (нѣтъ ни въ 1-й ни во 2-й Новг. лѣт.[3]). Лѣтопись сообщаетъ, хотя отрывочныя, свѣдѣнія о софійской казнѣ, скопленной архіеп. Моисеемъ и Алексѣемъ, которая употреблялась на общественныя дѣла (1364, 1391—въ 1-й и 2-й Новг. лѣт. нѣтъ о томъ). Подъ 1408 г. находимъ краткое извѣстіе о приходѣ въ Н-дъ Михаила Клопскаго „сродника вел. кн. московскихъ“ съ упоминаніемъ о пророч. его архіеп. Іонѣ о взятіи В. Новгорода. Нѣкоторые видятъ въ этой записи вліяніе Москвы[4]); но запись очень кратка и внесена, вѣроятно, въ то время, когда бѣдствія Новгорода съ религіозной точки зрѣнія могли казаться имѣющими оправданіе. Подъ 1421 помѣщено подробное извѣстіе о бывшемъ наводненіи въ Нов-

[1]) О Мануилѣ Комн. см. Никита Хон., VII, 3, 5, 6.

[2]) Полагаютъ, что эта запись (Срезневскій, Памятн. яз., 153) занесена съ образа, на которомъ она находилась. Это еще разъ можетъ указывать, что многія записи о рожденіи и о кончинѣ, о бракахъ частныхъ лицъ и т. п. были взяты изъ книгъ и съ др. предметовъ.

[3]) Ср. замѣч. у М. В. Помяловскаго (Труды Р. Арх. Общ., V, 55—58).

[4]) М. И. Помяловскій, 87.

городѣ (отмѣченное во 2-й Новг. лѣт.), но изложенное въ болѣе исправномъ и полномъ видѣ[1]). Подъ 1439 г. запесено „Сказаніе о видѣніи софійскаго пономаря Аарона“ (шествіе всѣхъ новгор. епископовъ въ алтарь и обратно) вполнѣ въ новгородскомъ духѣ, съ присоединеніемъ утѣшенія, что „Богъ не оставитъ сего мѣста“. Подъ 1453 находится опять краткая запись о взятіи Царьграда турками. Вообще, лѣтопись эта систематически пользуется извѣстіями 1-й и 2-й Новг. лѣтописи на всемъ ихъ пространствѣ, часто сокращая только изложеніе до простого перечня (владыки, постройки и т. п.): но въ иныхъ статьяхъ дополняетъ ихъ изъ другихъ источниковъ[2]), въ особенности по части топографіи Новгорода (1014—о Варяж. ул., 1092, 1103, 1113, 1115, 1135, 1153, 1163, 1165, 1167, 1172 и др. - о церквахъ). Въ начальной части этого свода видно вліяніе лѣтописи, сходной съ Лаврент. спискомъ[3]). Нѣкоторыя извѣстія лѣтописецъ распространяетъ посредствомъ витіеватаго изложенія (ср. 1372 г. въ 1-й и 3-й Новг. лѣт.), или болѣе подробно передавая свой источникъ (ср 1421 г. и 2-я Новг., г. 1422). Подъ 1471 г. помѣщено подробное описаніе похода Ивана III на Новгородъ, увѣщаній м. Филиппа и послѣдующихъ за тѣмъ обстоятельствъ.

Сказаніе это написано съ московской, при томъ церковной точки зрѣнія на событія, такъ какъ главною виною новгородцевъ является „неправда и отступленіе ихъ къ латинству“, а, судя по пріемамъ автора (ссылки на Св. писаніе, риторизмъ изложенія), оно должно было бы принадлежать духовному лицу[4]). При этомъ авторъ въ особенности

---

[1]) Варіантъ у Карамзина (V, пр. 422, по Голиц. Новгор. лѣт.).

[2]) Подъ 1016 г. записано: „прен. отецъ нашъ Ефремъ Новоторжскій бѣ въ сія времена“ (нѣт. въ 1 и 2-й Новг. л.); подъ 1045—о греч. иконописцахъ въ Новгородѣ; подъ 1052—о приходѣ трехъ греч. пѣвцовъ въ Кіевъ (ср. Никон. л.). О Ефремѣ см. Филаретъ, янв., 118; Ключевскій, Жж., 335; Барсуковъ, 195.

[3]) См. гг. 990, 1011, 1015, 1016, 1017, 1020, 1024—45, 1052, 1054, 1067. Отношеніемъ 3-й Новг. л. къ Лавр. занимался А. А. Дмитріевъ, но трудъ его остался неизданнымъ (Ист. Вѣст. 1903, № 8, с. 575).

[4]) Новгор. лѣт., изд. 1879, стр. 276—305 до слова „аминь“; ср. Соф. 1-я лѣт.. П. С. Р. Л., т. V, 77; Соф. 2-я лѣт., т. VI, 1—15. Повѣсть эта отличается отъ прочихъ лѣтописныхъ сказаній и подробностью, и особеннымъ негодованіемъ на новгородцевъ. Писана она до 1472 г., когда ум. упоминаемый въ ней литов. митроп. Григорій (Бестужевъ-Рюминъ, I, 42, примѣч.), въ Акт. ист., I, № 80, по ошибкѣ назв. Памвлакомъ (II, 145). По мнѣнію пр. Филарета, она если не сочинена вся м. Филиппомъ, то несомнѣнно писана подъ его смотрѣніемъ и имъ исправлена. Заключеніе свое онъ основываетъ на сходствѣ языка и слога съ посл. м. Филиппа, напеч. въ Ист. Акт. №№ 280—282 (Обз. литер., 114). Несомнѣнно, однако, что подоб-

жестоко отзывается о Мароѣ посадницѣ, какъ главной виновницѣ всей смуты, которую и сравниваетъ онъ съ Иродіадой, Евдоксіей, Далидой и Іезавелью. Повѣсть представляетъ, однако, весьма цѣнныя фактическія данныя и, хотя не скрываетъ, что *„вся земля новгородская* грозою вел. государя и вел. князя *вывоена* и *выжжена* и лучшими людьми *выбита* и *вытравлена* и *вся опустошена, чего отъ вѣка не бывало*", но авторъ ея прибавляетъ, что все зло и пагуба сталася по винѣ новгородцевъ, за ихъ лукавство и неправду и за ихъ отступленіе *къ латинству*, и та земская бѣда будетъ взыскана на тѣхъ головахъ на измѣнныхъ и на ихъ душахъ въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ". Рядомъ съ этимъ лѣт-цъ помѣщаетъ слухи („яко же слышахомъ отъ *тамо сущихъ* житель") о бывшихъ въ Новгородѣ „знаменіяхъ", какъ предсказывавшихъ паденіе послѣдняго — запись, очевидно сдѣланная „не-новгородцемъ". Другая легенда касается требованія Ивана III—открыть мощи Варлаама Хутынскаго, считавшагося покровителемъ Новгорода, но когда стали копать землю, „то отъ гроба чуд-ца явился дымъ великій, опалившій церковную стѣну, потомъ показалось большое пламя, а это такъ напугало вел. князя и его свиту, что онъ велѣлъ прекратить копать гробъ Варлаама и въ страхѣ и ужасѣ удалился изъ церкви, бросивъ въ монастырѣ и свой жезлъ. Повѣсть о взятіи Новгорода и оба означенные разсказа внесены въ лѣтопись впослѣдствіи, такъ какъ за ними слѣдуетъ обычная краткая запись о походѣ Ивана III и возвращеніи въ Москву, съ подробными датами.

Въ связи съ нею стоятъ краткія записи: о проѣздѣ черезъ Новгородъ Софіи (1473); о приходѣ татарскихъ пословъ въ Москву (1474); о рожденіи в. кн. Василія Ив. „отъ ц-цы Софіи Римской" (1479), какъ и о новыхъ походахъ на Новгородъ (1478 „и намѣстники свои посади"; 1480—о взятіи Ѳеофила въ Москву и его кончинѣ); объ избраніи „жребіемъ" на архіеп. въ Новгородъ Сергія „старца троицкаго" (1483); а затѣмъ (1484) помѣщена опять новгородская легенда о томъ же Сергіѣ, какъ онъ, подобно Ивану III, посѣтивъ Сковородскій мон., пожелалъ вскрыть гробъ основателя мон. архіеп. Моисея, а когда священникъ предложилъ ему самому это сдѣлать („подобаетъ святителю святителя скрывати"), то онъ „возвысися

ныя посланія писались митр. дьяками, т. е. приказнымъ, канцелярскимъ порядкомъ. Г. Ѳ. Карповъ видитъ въ ней вліяніе записи разряда похода (Ист. борьбы Моск. госуд. съ Пол. литов., Чт. въ О. ист. и древн., 1866, III, 62).

умомъ, высоты ради сана своего и величества, *яко отъ Москвы пріиде къ гражданомъ плѣненнымъ*", отвѣчалъ: „что смотрѣть сего смердовича" и пошелъ изъ мон-ря („и всѣдъ на конь пріиде въ В. Новгородъ"). „И бысть отъ того времени *изумленъ*", прибавляетъ легенда: овогда видяху его въ Евѳиміевской паперти въ одной ряскѣ сѣдяща, иногда же видяху его въ полдень у св. Софіи сѣдяща въ одной ряскѣ, безъ клобука и безъ мантіи; *и сведоша его болна* къ Троицѣ въ Сергіевъ мон. Бысть во архіепископіи 9 мѣсяцевъ и 24 дни". Внесеніе въ лѣтопись неблагопріятныхъ Москвѣ сказаній, свидѣтельствующее о живучести духа протеста, показываетъ, что редакція ея пополнена была, когда враждебныя отношенія значительно уже изгладились.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи, продолжая давать краткія записи о мѣстныхъ событіяхъ (построеніе и осв. церквей, поставленіе архіеп-въ, пожары, моръ и т. п.), то заимствуя ихъ изъ 2-й Новг. лѣт., то изъ другихъ источниковъ (такъ подъ 1508 и 1541 гг. оба пожара описаны подробнѣе, чѣмъ во 2-й Новг. лѣт.; подъ 1552—подр. описаніе мора[1]), лѣтописецъ сообщаетъ о преслѣдованіи архіеп. Геннадіемъ еретиковъ, составленіи пасхаліи и соборѣ противъ вдовыхъ священниковъ (1490, 1492, 1505); о взятіи Пскова (1510); о поставленіи на царство Ивана IV (1548); подъ 1553—1560 г.г. идутъ краткія записи мѣстнаго характера (чудеса, постр. церквей и т. п.), то общія со 2-й Новг. лѣт., то принадлежащія этой лѣтописи. Вкратцѣ отмѣчаетъ лѣт. (1569) объ убіеніи кн. Владиміра Андр. и м. Филиппа II и затѣмъ (подъ 1570) приводитъ подробную повѣсть „о приходѣ ц. и вел. кн. Іоанна Вас...., како казнилъ вел. Новъградъ, еже *опришнина* и *разгромъ именуется*" (337—345). Во 2-й Новг. упоминается о „разгромѣ" (100); но подробнаго разсказа нѣтъ[2]). Подъ 1571 г. лѣт. сообщаетъ о поставленіи архіеп. Леонида и его печальной участи: „удавленъ бысть кзенью, у Пречистой на площади"[3]) и рядомъ съ

---

[1]) Подъ 1508, говоря о пожарѣ, лѣт. помѣщаетъ выписку изъ ж. Варлаама Хут. „чудо о пожарѣ и потопѣ" изъ видѣнія попом. Тарасія, предрекавшаго бѣдствія городу и заступничество Богородицы. Число ум. въ Новгор. области въ 1552 г. показано = 279594 чел.

[2]) Та же пов. съ нѣк. варіантами, съ предисл. и заключительнымъ словомъ „аминь", напеч. въ прилож. къ лѣтописи, по изд. 1879 г. (393--404).

[3]) „Кзенью"; въ Толст. сп. „Казенью", въ сп. Арх. ком. пропускъ. Вѣроятно слѣдуетъ разумѣть *мѣсто*, а не орудіе или средство. Кзень или Гзень—ручей и урочище, о которыхъ часто упоминаютъ лѣтописи (Синод., 103, 376, 401, 413; Новг. л., 51, 247, 255, 267: П. С. Р. л., IV, 98). Въ Псков. лѣт., принадл. Арх. М. ин. д., подъ 1575 г., читаемъ: „Опалися царь И. В. на архіеп. новг. Леонида и взя къ Москвѣ

тѣмъ объ ужасѣ, овладѣвшемъ новгородцами (см. 2-я Новг. лѣт.), а затѣмъ, по поводу извѣстія объ освященіи ц. въ мон. Саввы Вишерскаго и устройства новой раки для него, прибавлено: „послѣ государева разгрому, какъ *ратные* люди чудотворцовъ гробъ разломали", на другой годъ, — новое свидѣтельство поруганія новгор. святынь московскими войсками. Подъ 1572 г. занесены записи о поставленіи царскаго мѣста въ Соф. соборѣ и возвращеніи изъ Москвы образовъ Спаса и ап. Петра и Павла, взятыя изъ 2-й Новг. лѣт. (см. стр. 111 и 117). Наконецъ, съ 1580—1606 идутъ краткія записи: о пожарѣ въ Новгородѣ; о взятіи городовъ литовскимъ королемъ; о поставленіи м. Діонисія (изъ хутын. архим.); о посольствѣ на Востокъ съ милостынею; о вступленіи на престолъ ц. Θеодора и ссылкѣ м. Діонисія въ Хутынскій м.; о пришествіи въ Москву митр. Іереміи и поставленіи на патр. Іова: о кончинѣ новг. митр. Антонія; о поставленіи митр. новг. Варлаама; о вѣнчаніи на цар. Бориса Годунова; о конч. Варлаама и поставленіи м. Исидора; о большихъ пожарахъ въ Новгородѣ (1600, 1606).

Такимъ образомъ, всякій интересъ во внутренней исторіи Новгорода какъ будто исчезъ. Пожары, моръ и внѣшнія событія церковной жизни являются единственными признаками существованія города. Подъ 1611 г. въ лѣтопись занесено сказаніе „О взятіи В. Новгорода отъ Немецъ (шведовъ) и о разореніи его"; подъ 1613 и 1614 г.г.[1]) „Сказаніе о осадѣ и о сидѣніи въ преч. обители чест. и слав. ея Одигитріи чюдотв. образа обрѣтенія Тихвинскія"[2]). Вставка этихъ „повѣстей" очевидна, такъ какъ далѣе (1620—1722[3]) идетъ рядъ записей б. ч. краткихъ, о поставленіи и кончинѣ новг. митрополитовъ и др. епископовъ, о совершеніи ими церк. службъ, объ освященіи церквей и т. п. Изъ другихъ записей можно отмѣтить: о затменіи (1706), пожарѣ и наводненіи (1709), объ измѣнѣ Мазепы и Полтав-

---

и санъ на немъ оборвалъ и, въ медвѣдно ошивъ, собаками затравилъ". О его суровомъ управленіи въ Новгородѣ говорится во 2-й Новг. л. Ср. Ляпуновъ, 37, пр. 2.

[1]) Новгор. лѣт., 352—357.

[2]) Ibid, 357—373.

Любопытно, что въ этомъ сказаніи шведы обыкновенно наз. „окаянными еллинами". О другомъ сказаніи, помѣщенномъ въ приложеніяхъ, будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

[3]) Одни списки прекращаются на 1674 г. (При семъ м. Іоакимѣ поставлены бысть часы на митр. дворѣ, надъ воротами на каменной церкви); другіе идутъ дальше.

ской битвѣ (1709), о взятіи Риги и морѣ въ ея окрестностяхъ (1710), о наложеніи поста по случаю мора (1711), о пожарѣ во Псковѣ (1711), о пожарѣ въ Новгородѣ (1712), о чудѣ отъ образа Казанской Богородицы (1714) и перенесеніи его въ Новгородъ (1715), о событіяхъ въ царской семьѣ (1716). Въ концѣ лѣтописи помѣщены записи объ обстоятельствахъ, касающихся Варлаама Хут. и его обители отъ объявленія его мощей (XV в.) до поставленія серебр. раки при Михаилѣ Ѳедоровичѣ (записано подъ 1722 г.).

Изданія: Третья Новг. лѣт. была издана Археогр. ком. въ Полн. Собр. Рус. лѣт. (т. III, 207—305, съ прилож.), въ 1841 г., и въ собр. Новгор. лѣт. Спб. 1879, стр. 172—390, съ двумя прилож. 391—448 (Пов. о прих. ц. Ивана В. и объ осадѣ Тихв. мон.), по 8 спискамъ (Рум. м., Имп. П. б., быв. Строева, Имп. Пуб. биб., быв. Толстого, Моск. Синод. б., Кіев. Духов. ак., Арх. ком. и 2 для пов. о прих. ц. Іоанна Вас.—Ак. Н. и Моск. арх. ин. д.).

XII.

Какъ мы видѣли, „Лѣтописецъ церквамъ божіимъ“ весь сосредоточивается на судьбѣ новгородской іерархіи и церквей и напоминаетъ собою западныя епископскія хроники[1]) — это перечень епископовъ, церковныхъ построекъ и украшеній (живописью, колоколами, вратами, свинцовой крышей и т. п.), совершенныхъ ими или другими лицами; пожаровъ, бѣдствій, церковныхъ торжествъ и т. п. Лѣтопись (до XVI в.) имѣетъ вполнѣ мѣстный характеръ; но, сообщая обильный матеріалъ по церковной исторіи Новгорода, она даетъ не мало свѣдѣній и обще-историческаго содержанія (даже иногда въ начальной своей части или, напр., о приходѣ Ивана IV на Новгородъ).

Независимо отъ того въ Новгородѣ составлялись перечни или списки церквей: таково описаніе семи новгор. соборовъ въ сп. Спб. библ. св. Синода XVI в. и Рум. м. (поздн.[2]). Можно указать еще на

---

[1]) Составной характеръ этого памятника явствуетъ и изъ того, что весьма часто въ немъ подъ извѣстіемъ о событіи упоминаются и позднѣйшія свѣдѣнія, относящіяся къ нимъ, или число лѣтъ прошедшихъ съ того времени и т. п. См. стр. 180, 184, 187, 188, 196, 210, 216, 218, 233, 276, 321, 323, 334, 347, 373—377, 382 (по изд. 1879 г.).

[2]) Принимая во вниманіе, что въ сп. показаны придѣлы имени м. Петра, Сергія Радон., св. Владиміра и не названы Алексѣя м. и Стефана Сурож., Восто-

рукописную церковную лѣтопись, которою пользовались нѣкоторые историки[1]), и т. п.

Мы упоминали уже о краткихъ перечняхъ, заключавшихъ въ себѣ списки князей, епископовъ, посадниковъ и тысяцкихъ (см. стр. 682). Но до насъ дошла болѣе подробная „Роспись или Краткій лѣтописецъ новгородскихъ владыкъ“ (прилож. ко 2-й Новгор. лѣт.), въ основаніи которой лежатъ, несомнѣнно, прежніе списки[2]), значительно пополненные церковными записями и лѣтописными извѣстіями. Означенная „Роспись“ до еп. Аркадія представляетъ вполнѣ краткій видъ и соотвѣтствуетъ даннымъ, имѣющимся въ такихъ спискахъ[3]); но со времени архіеп. Іоанна II (Иліи) идутъ болѣе подробныя записи о новгородскихъ владыкахъ. Н. Я. Аристовъ высказалъ мнѣніе[4]), что „Роспись“ была составлена по лѣтописцу Лисицкаго мон., о которомъ упоминается во 2-й Новг. лѣтописи (см. выше, стр. 704).

Костомаровъ полагаетъ, что перечень этотъ можетъ служить образцомъ тѣхъ записокъ, которыя, вѣроятно, велись повсемѣстно; о первыхъ епископахъ извѣстія очень кратки, о дальнѣйшихъ извѣстія распространяются все болѣе: о раннихъ не говорится ничего болѣе, кромѣ того, когда былъ поставленъ, сколько лѣтъ былъ на епископіи и когда умеръ. О смерти однихъ означены дни, о другихъ нѣтъ: изъ чего, кажется, можно заключить, что эти древнѣйшія извѣстія почерпнуты впослѣдствіи изъ *синодиковъ*, гдѣ случившееся записывалось какъ попало, не обращая вниманія, какъ были записаны прежнія извѣстія... Со времени переименованія новг. епископовъ въ архіепископы видно, что уже велись послѣдовательныя записи о нихъ; почти вездѣ обозначается съ точностью день смерти и мѣсто погре-

ковъ полагалъ, что списокъ этотъ относится къ XV или нач. XVI в. (Опис. рукоп. Рум. м., стр. 41—42), съ чѣмъ соглашается и позднѣйшій его издатель А. Никольскій (Вѣстн., изд. Арх. инст., вып. X, стр, 76—81). Въ немъ показано большихъ церквей, кромѣ придѣловъ и загородныхъ монастырей, —80, а придѣловъ въ нихъ и въ окрестности Новгорода—78, а всѣхъ престоловъ въ Н-дѣ и „околоткѣ“, кромѣ монастырей, 161.

[1]) Макарій, Опис. церковн. древн. Новгорода. Спб. 1860; Д. П. Прозоровскій (ссылки). Зап. Р. Арх Общ. по отд. рус. и слав. археол., т. IV (50—51, 65, 123). Въ этихъ данныхъ есть отличія отъ „Лѣт. церквамъ божіимъ“ (3-я Новг. л.).

[2]) П. С. Р. лѣт., III, 179—197; 2-е изд., 1879, стр. 130—171. Издана по 5 списк. (Архив, Царск.—Уварова, И. Пуб. биб. и двумъ Акад., XVI—XVIII стол.).

[3]) Ср. прилож. къ 1-й Новг. лѣт. по 2-му изд., 1888. стр. 443 и 3-ю Новгор. лѣт.

[4]) Ibid., 168.

бенія, а съ 1230 г. говорится постоянно, кто кѣмъ былъ поставленъ въ санъ. Подъ 1353 г. помѣщена подробная запись объ архіеп. Моисеѣ (послѣ записи о его вторичномъ возведеніи на престолъ [1]). И здѣсь, подъ 1484 г., мы встрѣчаемъ легенду объ „изумленіи“ архіеп. Сергія, присланнаго изъ Москвы и не почтившаго новгор. „святителя изъ гордости“ (подроб. см. с. 717 [2]). Только съ Геннадія (1485), а не съ 1353 (ибо записи 1359—1472 идутъ въ прежнемъ стилѣ), какъ полагалъ Костомаровъ, въ перечень архіепископовъ вносятся историческія и другія мѣстныя подробности. „Собственно, прибавляетъ онъ, этотъ отрывокъ (Роспись) не принадлежитъ ни къ какой лѣтописи, а составляетъ самобытную лѣтопись Софійскаго собора“ [3]). Намъ кажется, что такое заключеніе не совсѣмъ точно. Источники „Росписи“ опредѣляются, кромѣ обычныхъ списковъ болѣе краткаго содержанія, которыя встрѣчаются въ лѣтописяхъ (Новгор., Воскрес.), извѣстнымъ намъ лѣтописнымъ матеріаломъ. Почти всѣ ея записи восходятъ къ 3-й Новгор. лѣт., причемъ „Роспись“ часто объединяетъ показанія лѣтописи, помѣщенныя подъ разными годами и отступаетъ въ хронологическихъ данныхъ. Но есть рядъ записей, заимствованныхъ „Росписью“ изъ 1-й Новгор. лѣт. (1388, о торговлѣ новгородцевъ литовскими и нѣмецкими деньгами: 1410, 1420); другія соотвѣтствуютъ извѣстіямъ, помѣщеннымъ то во 2-й (1485, 1506, 1526—1542, 1551, 1572), то въ 3-й Новгор. лѣт. (1551, 1552, 1553, 1592, 1601). На указанномъ пространствѣ встрѣчаются только незначительныя прибавленія въ разсматриваемой „Росписи“ (1471, о погреб. архіеп.

[1]) Несомнѣнно, это краткая первичная біографическая записка о Моисеѣ, послужившая потомъ источникомъ для житія, связаннаго съ именемъ Пахомія (Ключевскій, 150). Она объединяетъ біографическія свѣдѣнія о немъ (Новг. лѣт., 2-е изд., с. 135 и д.).

[2]) Новг. лѣт., 2-е изд., 139—140; ср. 3-ю Новг. лѣт., ibid., 309—310. Такъ сложилось это сказаніе въ Сковородскомъ мон., основ. Моисеемъ, гдѣ онъ и былъ погребенъ. Псков. лѣт. (П. С. Р. лѣт., IV, 42) обвиняетъ Сергія въ принятіи престола при живомъ епископѣ (Ѳеофилъ). Московскіе книжники приписывали его болѣзнь „волшебству новгородцевъ“, которые не взлюбили его за то, что онъ не хотѣлъ ходить по ихъ мысли: „не смѣяше бо, понеже князь великій посла боярина своего съ нимъ и казначея и діака“; а сами новгородцы объясняли такъ: „Іоаннъ чюдотворець (Іоаннъ II, архіеп. Новгор.), что на бѣсѣ ѣздилъ, тотъ сотвори ему“ (П. С. Р. лѣт., VI, 236). Приведенная въ „Росписи“ легенда помѣщена и въ ж. Моисея, сост. Пахоміемъ (Пам. стар. русск. литер., IV, 12). Разборъ (Ключевскій, 147—151).

[3]) Лѣтописи 69—70.

Іоны „въ Отни пустыни"; 1482—о мѣстѣ погреб. архіеп. Ѳеофила въ Чудовомъ м., вопреки нѣкот. лѣт.; 1576—объ опалѣ архіеп. Леонида и погреб. его въ Новинскомъ м., въ Москвѣ; 1577—подр. о поставленіи архіеп. Александра). Затѣмъ записи 1603—1673 отличаются значительной (часто не столько въ фактахъ, сколько въ изложеніи) полнотой сравнительно съ тѣми же записями, находящимися въ 3-й Новгор. лѣт. Подъ 1672 г. въ „Росписи" помѣщена „духовная грамота новг. митр. Питирима (163—169); а подъ 1673 г. изложенъ указъ митр. Іоакима о степеняхъ службы духовныхъ чиновъ, причемъ прибавлено, что „сіе повелѣніе должно быть внесено въ „Чиновную книгу" (169—171), которая вѣроятно велась при Соф. соборѣ лицомъ, служившимъ при митр., б. м. Аѳанасіемъ [1]).

Принимая во вниманіе, что въ нѣк. спискахъ (Архив.) текстъ заканчивается 1551 г., за которымъ слѣдуетъ сказаніе о построеніи ц. Софіи въ Новгородѣ (стр. 145—146), можно думать, что составленіе „Росписи" относится къ полов. XVI в., а затѣмъ она пополнена была въ первой полов. XVII в. (съ 1649 г. начинается опять разность списковъ), причемъ Толст. спис. оканчивается 1663 г., одинъ Акад. 1663 г., а другой 1664 г. Окончательный составъ свой „Роспись" получила при митр. Іоакимѣ, такъ какъ другіе списки (Царскаго= гр. Уварова) оканчиваются 1673 г. и быть можетъ составителемъ этой части и свода былъ названный выше Аѳанасій. Въ этомъ видѣ пользовался „Росписью" послѣдній продолжатель 3-й Новгор. лѣт., которая также въ большей части списковъ оканчивается 1673 г. Отсюда ясно видно, что способъ составленія „Лѣтописца владыкъ" не соотвѣтствуетъ предположенію, высказанному Костомаровымъ.

XII.

Весьма важное дополненіе къ новгородскому лѣтописанію представляетъ *Четвертая Новгор. лѣтопись*. На счетъ этого памятника существуютъ большія разногласія: одни считаютъ его *новгородскимъ* (Костомаровъ, Бестужевъ-Рюминъ) другіе *московскимъ* сводомъ [2]). Но

[1]) См. Врем. Общ. ист., кн. XXII (выписки за 1674—76 г., с. 20—24) и XXIV (за 1675, стр. 45—100), въ патр. Іоакима, сообщ. архим. Макаріемъ.

[2]) А. Е. Прѣсняковъ (Ж. М. Н. Пр. 1896, № 9, рец. X т. Лѣт. зап. Арх. ком., стр. 157—158). Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ авторъ о ней замѣчаетъ: „Новгор. переработка общерусскаго (= московскаго) лѣтоп. свода" (Записка о Новгор. 4-й лѣт., Лѣт. зап. Арх. ком., XII. 19—21).

еще Соловьевъ весьма вѣрно замѣтилъ: „Всякому съ перваго же взгляда на нее будетъ ясно, что это названіе неправильно, ибо означенная лѣтопись есть довольно полный сборникъ разныхъ лѣтописей, въ томъ числѣ *и Новгородской*; но, конечно, онъ не можетъ получить названія отъ одной только составной части своей". Соловьевъ отмѣчаетъ соединеніе въ этомъ сводѣ лѣтописей: Псковской (1352), Московской (1371), Новгородской и разныхъ извѣстій объ одномъ и томъ же событіи, очевидно, заимствованныхъ изъ различныхъ источниковъ [1]). Костомаровъ замѣчаетъ, что 4-я Новг. лѣт. есть не что иное, какъ позднѣйшій сводъ прежнихъ лѣтописей. Извѣстія въ ней, по большей части, взяты изъ 1-й и 2-й лѣт., но сверхъ того прибавлены событія Суздальской, Тверской и Литовской земель. Впрочемъ, онъ не касается вопроса, какимъ путемъ появились эти извѣстія въ сводѣ. Также довольно вѣрно отмѣтилъ онъ отличія разныхъ списковъ, чисто компилятивный характеръ сборника, съ преобладаніемъ въ нѣкоторыхъ спискахъ *преимущественно новгородскихъ*, а въ другихъ *общерусскихъ* извѣстій; неравномѣрность извѣстій, зависѣвшую отъ источниковъ, которыми располагали составители свода; отсутствіе связи между событіями и запутанность хронологіи; наконецъ, особыя статьи, составлявшія отдѣльные разсказы или акты, вошедшіе въ составъ этого свода [2]). При всемъ томъ А. А. Шахматовъ вѣрно указалъ, что 4-я Новгор. лѣт. въ основаніи своемъ—*не московскій* сводъ [3]).

Въ началѣ свода, во всѣхъ полныхъ спискахъ, помѣщена лѣтопись, извѣстная подъ именемъ Временника Нестора, такъ наз. *средній текстъ* его [4]). Затѣмъ, съ 1113 г., основнымъ источникомъ свода служитъ 1-я Новг. лѣт., на всемъ пространствѣ ея, по 1446 годъ, причемъ многія извѣстія, недостающія въ ней, отчасти находятся во 2-й Новгор. лѣт. (1113, 1121, 1124, 1125, 1141, 1196, 1198, 1204, 1207, 1354, 1389, 1418, 1419, 1421, 1422, 1425), или принадлежатъ особому своду, до насъ не дошедшему [5]), а отчасти сближаются съ 3-й Новг.

---

[1]) Исторія Россіи, IV, 380—381. Подъ 1386 г. два раза разсказано о походѣ смоленскихъ князей подъ Мстиславль, сначала короче, а потомъ пространнѣе; подъ 1404 г. два раза разсказано о взятіи Смоленска Витовтомъ.

[2]) Костомаровъ, Лѣтописи (лекціи), 71—73.

[3]) Обозр. лѣтоп. сводовъ Руси сѣв. вост. И. А. Тихомирова. Критич. отзывъ (отд. оттискъ изъ Отч. о XL присужд. наградъ гр. Уварова). Спб. 1899, стр. 35).

[4]) Костомаровъ, 93; ср. введ. къ изд. Въ сп. Новорос. ун.—договоръ Олега.

[5]) А. А. Шахматовъ высказываетъ предположеніе, что Новгор. 4-я лѣт. составлена на основаніи двухъ лѣтописныхъ сводовъ: Новгор. 1-й лѣт. и того об-

(1308, 1347, 1348, 1372, 1391, и далѣе—1480, 1508, 1510) и Псков. лѣт. (1323, 1341—42, 1352, 1437, 1474). Въ древней части лѣтопись имѣла источникомъ своды Лавр. (1127, 1138, 1139, 1154, 1155, 1159, 1160, 1164, 1166, 1172—75, 1177, 1185, 1186, 1202, 1238, 1240, 1262), Ипат. (1156, 1179, 1180, 1239) и Троиц. (1216, 1235, 1237, 1238) относительно событій, касающихся южн. и сузд. Руси; но есть основаніе полагать, что въ рукахъ составителя былъ и ранній московскій сводъ (XIV в.); а для событій новгородской лѣтописи XIII и XIV вв.—источникъ [1]), изъ котораго онъ дополнялъ текстъ Новгор. 1-й лѣт. [2]). Такимъ образомъ, подъ 1384 г. мы имѣемъ подробное описаніе вѣча и порядка составленія вѣчевыхъ грамотъ (ср. в., стр. 642—643, прим. 10), между тѣмъ, какъ въ 1-й Новг. лѣт. объ этомъ говорится вкратцѣ, а во 2-й и 3-й лѣт. совсѣмъ не упоминается; подъ 1385—86 гг.—объ установленіи церк. суда въ Новгородѣ и т. п. (см. 1387—1390, 1399; ср. 1404, 1405, 1428).

Таковъ составъ названной компиляціи. Почти всѣ ея извѣстія могутъ быть возведены къ опредѣленному источнику. Поэтому болѣе важное значеніе имѣетъ ея заключительная часть, та, которая слѣдуетъ за окончаніемъ 1-й Новгор. лѣт. и которая существенно отличается отъ 2-й и 3-й Новгор. лѣт. Такъ, подъ 1447 лѣтопись сообщаетъ о народномъ движеніи въ Новгородѣ по поводу поддѣлки серебряныхъ денегъ (дѣло Ѳедора Жеребца); подъ 1449—о построеніи архіеп. Ев-

---

ширнаго, сложнаго по своему составу свода, который послужилъ источникомъ Соф. 1-й лѣт. Сводъ этотъ относился къ 1448 г. (Ж. М. Н. Пр. 1900, № 9, сс. 103, 107, 109, 113), а онъ былъ преимущественно Новг. лѣтописью (ср. 110—111, 113, 115). Моск. обработки его мы не касаемся здѣсь. „Въ основаніи *древнѣйшей* редакціи Новг. 4-й лѣт. лежитъ москов. лѣт. сводъ, подвергшійся новгород. обработкѣ" (Обозр. сводовъ, 35, 53 и д.; ср. Къ вопр. о происх. Хроногр., 82—85).

[1]) А. А. Шахматовъ, Обозр. лѣтоп. сводовъ, 62—63. Слѣды его устанавливаются событіями, не находящимися въ Лавр. и Ипат. свод. и имѣющими мѣсто въ Никон. (см. 1160, 1193, 1214).

[2]) Такъ, указываютъ на гг. 1270, 1321, 1323, 1352, 1364, 1366, 1381 (ib., 62). Однако, событія, сообщаемыя здѣсь, соотвѣтствуютъ Новг. 2 и 3-й, а изв. 1323 г. (о напад. нѣмцевъ на Псковъ)=Псков. 1-й; 1358 (того же лѣта цѣловаша бочекъ не бити)=Ник.; 1364—самост. (о постр. костра въ Корельскомъ городкѣ, ср. Соф. 1-ю); 1366 (о напад. новг-цевъ на Нижній=ibid.). На составной характеръ лѣт. есть указанія въ ней самой (145, примѣч.). Подъ 1375, 1382, 1405, 1406, 1411 находимъ записи о рожд. Матѳея Михайлова, о смерти его отца, матери, о его бракѣ, о рожденіи у него сына, которыя взяты, конечно, изъ домашнихъ или частныхъ записей, по близости лицъ къ лѣтописцу. Быть можетъ онѣ принадлежали и самому лѣтописцу (Н. П. Лихачевъ); но едва ли непремѣнно составителю свода (А. А. Шахматовъ, Ж. М. Н. Пр. 1900, № 9, с. 114; Обозр. сводовъ, 57—58).

ѳиміемъ II „часозвони"; подъ 1453—о погребеніи кн. Дмитрія Юр. Шемяки въ Юрьевомъ мон. (ср. Новгор. 2-ю; Псков. 1-ю; Соф. 1-ю и 2-ю[1]); подъ 1455—о постр. Евѳиміемъ камен. колокольни (у св. Софіи) и ц. Иліи, въ Славнѣ, на старой основѣ; подъ 1458 г. опредѣляется мѣсто ц. Усп. Богор. (на Торгу), постр. въ годъ его кончины; подъ 1461 г.— о пріѣздѣ въ Новгородъ вел. кн. Василія Вас. съ сыновьями и объ исцѣл. у гроба Варлаама Хут. княж. отрока Григорія („Тумгеня" [2]); подъ 1462—о затменіи въ декабрѣ; подъ 1463—о постр. камен. ц. Димитрія въ Славковой ул. [3]); подъ 1467 г.—о морѣ въ Новгородѣ и Псковѣ и постр. камен. ц. Симеона—подробнѣе, чѣмъ во 2-й Новг. л.; подъ 1468 г.—о посадкѣ топольцевъ на Славковой ул.; подъ 1469 г.— о поѣздкѣ въ Заволочье кн. Василія Вас. (Шуйскаго) съ воев. новгор. Василіемъ Никиф.; о разныхъ чудесахъ; о кончинѣ архіеп. Іоны; объ избр. Ѳеофила; но въ особенности важны: изложеніе событій подъ 1471 г., въ новгородскомъ духѣ и, между прочимъ, эпизодъ о „перевѣтникѣ Упадышѣ", заколотившемъ пушки (по сп. Строева 5, по Синод. 55), встрѣчающійся только въ этой лѣтописи (П. С. Р. лѣт., IV, 127—128); между тѣмъ какъ разсказъ объ этихъ событіяхъ во 2-й и 3-й Новг. лѣт. заимствованъ изъ московскихъ источниковъ [4]). Далѣе, въ той же лѣт. сообщается о бѣдствіяхъ, бывшихъ въ Новгородѣ и т. п. (пожары, страшныя грозы, бури, засуха, затменіе, землетрясеніе въ Москвѣ, явленіе кометы и пр.), а, говоря о поставленіи и

[1]) Подъ 1453 г. (6961) въ Акад. сп. находится запись: „Князь Дм. Юр. Шемяка умре со отравы въ Вел. Новѣградѣ. Того же лѣта ц. Мояметъ Турьскый взялъ Царьградъ" (П. С. Р. лѣт., IV, 132). Извѣстіе объ „отравѣ" находится еще въ одномъ изъ вар. 1-й Соф. лѣт. и въ подробн. излож. Лѣ-ца, изд. Львовымъ.

[2]) См. запись объ этомъ въ Соф. Врем. (П. С. Р. лѣт., VI, 182) и сказаніе о немъ (ibid., 321—25). По поводу этого чуда въ Москвѣ былъ устроенъ въ ц. І. Пред. придѣлъ преп. Варлаама и стала праздноваться его память (184).

[3]) Въ сп. Синод. (Хроногр., № XXIII). Подъ 1363 г. (6971) находимъ слѣдующую любопытную запись, явно иронизирующую на счетъ ярославскихъ князей и захватовъ Москвы: „Въ градѣ Ярославлѣ, при княженіи кн. Александра Ѳед., у св. Спаса въ мон-рѣ, явшаася чуд-ци Ѳедоръ Рост. смол. съ дѣтми, почало отъ гроба ихъ людей прощати много. А княземъ ярославскимъ прощеніе же доспѣлося со всѣми вотчинами, отдавали ихъ вел. князю Ивану Вас-чю, а печялованіемъ изъ старины Олексѣевымъ Полуехтовича діака вел. князя. И послѣ того у нихъ Иванъ Сухой чюдеса творити почалъ по всей Ярославской вотчинѣ" (П. С. Р. лѣт., IV, 148—149). Въ другихъ лѣт. объ явленіи мощей сказано весьма кратко, а приведенной замѣтки совсѣмъ нѣтъ (IV, 132; V, 274; VI, 184; VIII, 150; VII, 226).

[4]) Такая вставка понятна, если вспомнить, что въ это время въ Новгородѣ сидѣли уже архіепископы изъ москов. ставленниковъ, а лѣтописи составлялись при ихъ дворѣ.

возвращеніи изъ Москвы архіеп. Өеофила, лѣт-цъ выражаетъ радость, свойственную новгородцу [1]).

Подъ 1472 и 1474 находимъ извѣстія о подобныхъ же явленіяхъ въ Новгородѣ и о помощи, оказанной псковичамъ противъ нѣмцевъ, съ замѣткою, что „въ то время много бысть пакости и убытка новгородскимъ волостямъ". Подъ 1476 г. лѣтописецъ, снова повѣствуя о разныхъ бѣдствіяхъ (затменіе, пожаръ), о философахъ, которые стали пѣть иначе „Господи помилуй" (Осподи...), сообщаетъ вкратцѣ о приходѣ Ивана Ш въ Новгородъ „въ силѣ велицѣ, на миру", о захватѣ имъ выдающихся вождей боярской партіи, и прибавляетъ, что „въ то время Новгородской области было много убытка *съ кровью*". Затѣмъ (1477 г.), сообщивъ о пожарѣ, охватившемъ значительную часть города, причемъ сгорѣлъ чудный дворъ Марөы посадницы, онъ заканчиваетъ свою запись словомъ „аминь".

Ближайшее изученіе многочисленныхъ списковъ 4-й Новгор. лѣтописи приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ относительно ихъ редакцій и времени составленія [2]). Такъ какъ всѣ, дошедшіе до насъ, списки этой лѣт., по которымъ она издана (Строев. I, Акад. I, Синод. V, Спб. Публ. биб. I, Хрон. XXIII Синод., конца XV или XVI в., полууст., въ листъ и полул.; Толст., пис. въ четв. и заключающій событія лишь съ 1383—1418 гг.), представляютъ передачу общаго источника ихъ по 1447 г. (Хрон., по оконч. 1-й Новг. лѣт., продолжаетъ этотъ годъ и затѣмъ расходится съ остальными; Акад. продолжаетъ тотъ же годъ далѣе и также расходится, а Пуб. библ., западно-рус. письма, съ такими же приписками, совсѣмъ прекращается на 1448 г., причемъ Хрон. Синод. биб. представляетъ существен-

[1]) Внутренняя борьба въ Новгородѣ и Псковѣ во многомъ напоминаетъ разложеніе коммунальнаго строя на Западѣ. „Коммунальная аристократія, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ историковъ, присваиваетъ и сохраняетъ за собой всѣ преимущества власти: она освобождаетъ себя отъ податей, растрачиваетъ общественное имущество, передаетъ по наслѣдству должности. Совмѣстная жизнь въ городѣ становится невыносимой: люди дерутся между собой изъ-за самыхъ пустячныхъ привилегій, изъ-за притязаній, обнаруживающихъ въ одно и то же время и скаредность, и жадность. Борятся одна часть города съ другой, улица съ улицей, домъ съ домомъ. Монтекки возстаютъ противъ Капулетти, и каждый возводитъ свою башню, протягиваетъ свои цѣпи. ...Иногда въ этихъ крошечныхъ *Польшахъ* отказъ одного являлся препятствіемъ для соглашенія всѣхъ—такъ велико было могущество индивидуалистической идеи. И, не смотря на это, отдѣльное лицо не было счастливо" (Г. Ганото, Франція передъ Ришелье, 61—62; ср. Гизо, IV, 58—69).

[2]) Особенности ихъ заключаются въ болѣе или менѣе полной передачѣ текста 1-й Новг. л. и др. входящихъ источниковъ.

ныя отличія и дополненія въ изложеніи съ 1385—1405 г. (Пол. Собр. Рус. лѣт., IV, стр. 91 и 109, прилож., 138—145 [1]) то, поэтому, на основаніи сказаннаго, есть возможность обозначить послѣдовательный рядъ редакцій 4-й Новгор. лѣт., а именно к. XIV в.—основной сводъ (б. м. оканч. 1384 г.), св. начала XV в. (ок. 1405—1418 г.), полов. XV в. (ок. 1447—48 гг.) и позднѣйшій (к. XV—нач. XVI в. [2]). Въ к. 1477 г. заканчивается важнѣйшая часть лѣтописи (по сп. Строева и Син. V, № 152), представляющая самостоятельную Новгор. лѣтопись до его паденія [3]). Принимая же во вниманіе, что, съ утвержденіемъ въ новгородской іерархіи лицъ московскаго происхожденія, явилась надобность въ составленіи сводовъ, въ которыхъ новгородскія событія представляли бы соединеніе съ извѣстіями общерусскаго содержанія или московскимъ сводомъ, становится яснымъ, почему въ нѣк. спискахъ 4-й Новг. лѣтописи, какъ Академическомъ (1447—1515, въ прилож. къ 4-й Новг. лѣт., П. С. Р. лѣт., IV, стр. 131—137) и Синод.

---

[1]) Съ нимъ сходны до 1447 г. Погод. № 1404, № 1402, Акад. № 391 (3), Кар. и нѣк. др., послѣ чего слѣдуетъ Псков. лѣтопись (П. С. Р. лѣт., IV, 170, 213; Шахматовъ, 53, 55, 57, прим. 1). Карамзинъ пользовался еще Синод. сп. № 46 (VI, пр 36, 49, 52, 61, 63 и д.). Палеогр. замѣч. (Лихачевъ, 161).

[2]) Для выясненія ея редакцій и списковъ см. А. А. Шахматовъ (Общерус. лѣтопис. своды 1900, № 9, с. 94—103, 133—134; № 11, с. 189—190; 1901, № 11, с. 178—179; Обозр. лѣтоп. сводовъ, 53—63). Спис. Новорос. унив. (XV в.), окончив. 1437 г., признается однимъ изъ старѣйшихъ (ib. 1900, № 9, сс. 94, 132—133); ср. замѣтку А. С. Павлова (Лѣт. зан. Арх. к., VI, отд. IV, 25—27) и записку А. Е. Прѣснякова (ibid., XII, 1903, с. 16—21) о Новг. 4-й лѣт., предполагаемой къ переизд. Археогр. ком-ею. Въ настоящее время насчитывается 14 спис. 4-й Новг. л. и лѣтопис. сборниковъ, въ которыхъ эта лѣтопись является въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, доводя извѣстія до 1428 (Кар.), до 1437 (Новорос.), до 1447 (Фролов.), до 1477 (Строев. и Синод.), до 1496 (Хрон. Синод.), до 1515 (Акад.), до 1515 (Голиц., заключающій съ 1447 г. въ себѣ рядъ лишнихъ извѣстій), не говоря о нѣкоторыхъ переработкахъ (Хрон. XV в. И. П. библ., Супр. рук., изд. кн. Оболенскимъ, рук. Син. библ. изъ Кир. Бѣлоз., лѣт. Авраамки). Строевскій сп. представляется и теперь лучшимъ; Карамз. сохраняетъ б. ч. первонач. чтеній; Хрон. сп. Син. библ. заслуживаетъ вниманія по своему составу; а нѣк. сп. (Погод. 1-й и сх. съ нимъ) составляютъ особую ред., отличающуюся то сокращеніемъ, то добавл. изъ 1-й Новг. лѣт.

[3]) Въ концѣ Син. сп. (с. 130) находится приписка: „А сій лѣт-цъ писалъ Катовасья Юрьевъ сынъ л. 7052“ (1544). Кн. Щербатовъ, пользовавшійся этимъ спискомъ (Рос. ист., I, стр. XI — XII), а за нимъ Филаретъ (Обзоръ, 142) утверждаютъ, что монахъ Катавасья сочинилъ лѣтопись отъ нач. прозванія Рус. земли до 1544 г. Но это недоразумѣніе. Онъ, конечно, списалъ лѣтопись. По листамъ ея помѣчено: „Лѣтописецъ старца Симона Шубина“ (с. VI), мон. Троиц. мон., о которомъ упоминаетъ Иванъ Грозный въ своемъ посл. (1578) въ Бѣлозер. мон-рь (Ак. ист., I, 382), а потомъ лѣтопись принадлежала Троицкому м-рю.

Хрон. (1447—1496, прилож., стр. 146—165) мы находимъ или значительное количество мѣстныхъ новгородскихъ событій (1478, 1480, 1485, 1489, 1490, 1492, 1506, 1508, 1509, 1510), представляющихъ сокращеніе, или краткія извѣстія, общія со 2-й и 3-й Новг. лѣт. (Акад. сп.), съ болѣе подробными московскими, или подробное изложеніе общерусскихъ событій съ присоединеніемъ новгородскихъ (Хронографъ, гг. 1491, 1495—о закрытіи ганзейскаго двора, съ москов. точки зрѣнія). Подъ 1496 г. находится запись о поставленіи митр. Симона, причемъ сообщается, что архіеп. Геннадій *посылъ* грам. свою единосовѣтную [1]). Затѣмъ слѣдуетъ запись о приходѣ вел. кн. въ Новгородъ (въ т. VI, 40). Такимъ образомъ, если и была составлена 4-я Новгор. лѣт. при архіеп. Геннадіѣ [2]), то, конечно, въ этой послѣдней своей части по этому послѣднему списку. Мы упоминали, что лѣтопись велась при архіепископскомъ дворѣ и въ XVI вѣкѣ; но она имѣетъ преимущественно церковный характеръ и составлялась при ближайшемъ участіи архіеп. Макарія.

Въ 4-й Новгор. лѣтописи находится рядъ вставочныхъ посторонихъ памятниковъ [3]). Таковы статьи: „Рукописаніе Магнусово" (П. С. Р. лѣт., IV, 59—60, во всѣхъ списк., кромѣ Хрон.); „О побоищѣ, иже на Дону" и пр. (во всѣхъ сп., 75—83); „О плѣненіи и о прихожденіи Тахтамыша царя и о московскомъ взятьи" (во всѣхъ сп., 84—90). „Слово о ж. и престав. вел. кн. Дмитрія Ив., ц. Русьскаго", въ Ак. и Толст., 96—98, см. прибавл.); „Сказаніе „діакона" Александра о Царѣградѣ", 101, во всѣхъ спис., см. прибавл. [4]); „Пов. о престав. кн. Михаила Тверскаго", 104, во всѣхъ спискахъ, см. приб. и Твер. лѣт.); „Пов. о конч. м. Кипріана", со включеніемъ его грамоты, во всѣхъ спискахъ, (109, см. приб. къ V т. П. С. Р. лѣт.); посланіе (ярлыкъ) отъ Едигея къ вел. князю (110—111; ср.

---

[1]) Окончаніе въ П. С. Р. лѣт., VI, 39—40.

[2]) Филаретъ, Обзоръ, 121. Ср. еще А. А. Шахматовъ, Обозр. лѣтоп. сводовъ, 79—80.

[3]) Почти всѣ назв. ниже статьи находятся и въ Лѣт. Авраамки.

[4]) Подъ 1395 г., вѣрнѣе „дьяка" Александра, бывшаго тамъ по торговымъ дѣламъ („куплею"), при патр. Антоніѣ (1387—1396) и имп. Мануилѣ II (1391—1425). Это голый перечень святынь, не болѣе какъ каталогъ ихъ, подобный тѣмъ, какіе дѣлались и пилигримами, приходившими на поклоненіе святынямъ въ Римѣ (Gregorovius, III, 546). Говоря о мон. Продромѣ, авторъ дѣлаетъ замѣтку, что „у сего мон. нѣтъ ни селъ, ни городовъ, но Божіей милостію всѣхъ монастырей богатѣе"— вопросъ уже тогда занимавшій умы въ Россіи.

Ник. V, 26—29); поученіе владыки Симеона псковичамъ въ защиту своихъ правъ (118; ср. Никон. л., V, 72); посл. митр. русскаго (Фотія) къ христіанамъ на Кіевъ о м. Григоріѣ Цамвлакѣ (116—117; ср. V, 260; VI, 141; VIII, 89—90). Затѣмъ заслуживаютъ еще вниманія заимствованія цѣлыхъ сказаній: подъ 1352 о морѣ во Псковѣ (60—62, изъ Псков. лѣт., ib. 190—191); подъ 1375 г.—о нашествіи Димитрія Ив. московскаго на Тверь (69—71; ср. П. С. Р. лѣт., V, 233—235; XV, 434—435); подъ 1399 г.—слово о томъ, какъ бился Витовтъ съ ордою съ царемъ Темиркутлуемъ (103—104; ср. V, 251; VI, 130; VIII, 72—73); подъ 1409 г.—о тверскомъ владыцѣ—Арсеніѣ (111—112; въ Твер. лѣт. нѣтъ, стр. 485; лѣт. Авраамки, 318—319; передѣлка этой записки современника въ Никон. лѣт. V, 30). Подъ 1419 г. лѣт-цъ дѣлаетъ выписку изъ „Писанія о громѣхъ и о молніяхъ" (118—119; ср. Ник., Авр.).

Изданіе: Четвертая Новгородская лѣт. напечатана Археогр. ком. въ Полн. собр. рус. лѣт., т. IV-й, стр. 1—165, 4°, по 6 спискамъ XV—XVI вв. (Строев., Акад., Синод., Имп. Пуб. б., Хрон. Син. б., Толст.—И. П. б., съ прилож. образцовъ письма первыхъ четырехъ). Предположено переизданіе ея по большему количеству списковъ (стр. 727, пр. 2).

XIII.

Мы уже знаемъ, что при архіеп. Макаріѣ (1526—1542) велись подробныя записи о его дѣятельности въ Новгородѣ (см. выше, 702, 728 [1]). Полагаютъ, что тогда же была составлена новая редакція Хронографа, при ближайшемъ участіи Макарія, чѣмъ и объясняется то обстоятельство, что въ ней помѣщенъ рядъ новгородскихъ извѣстій, большая часть которыхъ связывается съ его именемъ и дѣятельностію (ср. П. С. Р. лѣт., VI, 277—303 [1]). Записи эти отличаются замѣчательною полнотою, обстоятельностію и хотя проникнуты церковнымъ элементомъ, но сообщаютъ подробныя свѣдѣнія о Новгородѣ и его области въ означенный періодъ.

---

[1]) А. А. Шахматовъ, Обозр. лѣтоп. сводовъ, 82—83. О близкой связи этого „отрывка" съ Акад. и еще болѣе Синод. сп. № 280 IV-й Новг. лѣт. (ibid., 27—29), начиная съ 1463 года. Ср. Къ вопросу о происх. Хрон., его же, 119. Подъ 1519 г. въ назв. отрывкѣ (по Воскр. Новоіерус. списку) сообщается объ установленіи новаго суда въ Новгородѣ; подъ 1524 г. объ открытіи большаго клада съ серебр. новгор. рублями и полтинами подъ помостомъ ц. св. Пятницы на Торговой стор. при ея обновленіи (282). Повидимому отрывокъ этотъ примыкалъ къ Соф. 1-й лѣт. съ дополн. изъ Хронографа (ibid., 91—99).

Въ томъ же сборникѣ, въ которомъ находится 2-я Новгор. лѣт., помѣщенъ „*Отрывокъ* Новгор. лѣт. съ 1510—1569 г.“ [1]), представляющій соединеніе новгородскихъ извѣстій съ общерусскими (московскими), какъ взятіе Пскова (1510), Смоленска (1514), набѣги крымцевъ, копаніе прудовъ въ Москвѣ, по приказанію в. кн. Василія Ив., постриженіе Соломоніи, пожары въ московскихъ городахъ, походъ на Казань, пониманіе кн. Юрія Ивановича и т. п. [2]). Что же касается, собственно, новгородскихъ извѣстій, то они большею частью примыкаютъ ко 2-й Новгор. лѣт. (1537, 1540—1542, 1548, 1555, 1558) или общи съ 3-й Новгор. лѣт. (1523, 1533, 1535, 1536, 1553, 1558, 1561); но есть нѣсколько записей совершенно не зависящихъ отъ нихъ (1523—о пожарѣ и великомъ снѣгѣ; 1533—объ освященіи ц. въ Евѳиміевомъ мон. [3]): 1534—объ обложеніи архіеп. Макаріемъ Софійской стор. стѣною; 1535—о пріѣздѣ изъ Москвы архіеп. Макарія; о пожарѣ, о градѣ, о запрещеніи торговать обрѣзными деньгами [4]); 1550—о взятіи въ Москву „рядовъ и грамотъ“ новгородскихъ; 1569—о вывозѣ въ Москву 150 сем. изъ Новгорода и 500 сем. изъ Пскова [5]). Вѣроятно, отрывокъ этотъ, въ настоящемъ своемъ видѣ, представляетъ лишь сокращеніе не дошедшей до насъ Новгородской лѣтописи.

Какъ въ „*Супрасльской рукописи*“, изд. кн. М. А. Оболенскимъ (М. 1836, стр. 1—123 [6]), такъ и въ почти сходной съ ней „*Лѣтописи*“ Авраамки (П. С. Р. лѣт., т. XV, 1—224 столб., съ введ., представляющимъ краткій хронографъ общаго содержанія, 1—33 [7]), та часть, которая излагаетъ новгородскія событія (о племенахъ и лѣт.

[1]) П. С. Р. лѣт., III, 198—201; 2-е изд., 1879, с. 123—129.

[2]) Нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ свои особенности (1529—о конч. Василія Ив. Шемячича, въ монаш. Игнатія,—въ другихъ лѣт. нѣтъ; 1516—копаніе прудовъ и устр. каменной мельн. на Неглинной и т. п.).

[3]) Ср. Соф. лѣт. (П. С. Р. Л., VI, 290).

[4]) П. С. Р. лѣт., VI (Соф. лѣт.), 292—296; Никон. лѣт., VII, 7.

[5]) Въ другихъ лѣт. нѣтъ этого извѣстія.

[6]) Изд. по сп. Моск. глав. арх. М. ин. дѣлъ и Кир. Бѣлоз. мон., хран. въ Синод. б., № 154 (см. у Обол., с. 159). Карамзину она была извѣстна, хотя онъ не всегда точно обозначаетъ ее (I, с. XVI, пр. 71; II, пр. 20, столб. 12; пр. 118, 238; V, пр. 241); ср. Соловьевъ, II, пр. 55.

[7]) Изд. по рук. Виден. Публ. библ., найд. въ Полоцкѣ и перед. въ 1866 г. въ Арх. ком. Подл. пис. въ 4-ю долю листа, уст. к. XV и нач. XVI в., а въ концѣ (436—450 лл.) скорон. того же времени. За этой лѣт. въ изд. напеч. лѣт. отрывокъ (= Соф. лѣт., 945—988), перечни вел. князей, епископовъ, родословія князей, юрид. памятники, см. слѣд. прим.).

859—1382, а все изложеніе въ Супр. рук. заканчивается разореніемъ Москвы Тохтамышемъ до словъ „всякаго добра", с. 123; у Авр. столб. 126), восходить къ ихъ общему источнику[1]), служившему основаніемъ для этой новгор. лѣт. съ нѣк. варіантами отъ печатныхъ списковъ[2]). Но такъ какъ эта часть Супр. рукоп. заканчивается безъ какихъ либо дефектовъ, то очевидно въ рукахъ составителя сборника „Краткая новгор. лѣт". была въ своемъ настоящемъ видѣ или неполной редакціи. Заслуживаетъ еще вниманія, что „Рукопис. Магнуса" помѣщено именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно находится въ Хрон. Синод. библ. № 280 (подъ 1352 г., въ другихъ спискахъ нѣсколько ниже). Часть же съ 1385 — 1447 лѣт. Авраамки вполнѣ соотвѣтствуетъ изложенію въ указанномъ Хрон., какъ извѣстно, значительно расходящемся съ другими списками на пространствѣ 1385—1405 г. Она слѣдуетъ ему и въ хронологіи съ 6952—6955 (въ нѣк. спис. ея событія идутъ на годъ впередъ). Разница же въ изложеніи между ними не выходитъ изъ предѣловъ отличія въ словахъ и выраженіяхъ. Не менѣе любопытно, что послѣдовательныя извлеченія изъ 4-й Новг. лѣт. (или источника, съ ней сходнаго) прерываются на томъ же мѣстѣ (6956: „и Пудогу повоеваше и пограбиша шестники"[3]), какимъ заканчивается списокъ Имп. Пуб. библ. I, который именно находился въ предѣлахъ Западной Россіи (см. предисл. къ IV т. П. С. Р. лѣт.). Слѣд., можно думать, что въ рукахъ составителя былъ другой списокъ, не вполнѣ соотвѣтствующій имѣющимся теперь въ нашемъ распоряженіи. Подтверждается это и тѣмъ, что въ заключительной своей части (1447 — 1469 г.) лѣтопись Авраамки вовсе не слѣдуетъ Хронографу Синод. библ. (№ 280), а даетъ самостоятельное изложеніе, только въ нѣк. мѣстахъ, и то въ отдѣльныхъ событіяхъ,

---

[1]) „Краткая лѣтопись" (Сказанія о князьяхъ русскихъ и пр.)—сходна съ помѣщ. въ нач. лѣт., издан. Даниловичемъ и лѣт., изд. Бѣлокуровымъ (18 и сл.); а статьи, заключающія въ себѣ сп. князей (до вел. кн. Василія Вас.), митр-овъ (до Герасима, непризнаннаго въ Москвѣ, † 1485), новгор. еписк., родосл. князей, юридическіе памятники, вполнѣ соотвѣтствуютъ по содержанію, а нѣк. близки и по своему тексту, тѣмъ же пам., наход. въ Коммис. сп. 1-й Новг. лѣт., что указываетъ на знакомство составителя сборника съ новгор. лѣтописями. Ср. Обозр. лѣт. сводовъ, 99—100.

[2]) Шахматовъ, ibid., с. 60, прим. 1. И. Тихомировъ утверждаетъ, что сходство ихъ съ 4-й Новг. л. начинается съ к. XIV в., но это неточно. Его можно прослѣдить и въ болѣе ранней части.

[3]) Шестникъ — пѣшеходъ, переселенецъ и недѣльщикъ (Акад. Слов.; Филаретъ, Жж., мартъ, 134). Новг. лѣт., 138; Новг. Синод. л., 277, 354; Новг. 4-я, 120, 126.

соотвѣтствующее извѣстіямъ, находящимся въ 3-й и 4-й Новг. лѣт. (гг. 6966, 6970, 6971, 6972). Подробности эти тѣмъ цѣннѣе, что въ этой именно части 4-я Новгор. лѣтопись оказывается совсѣмъ краткою. Вообще, означенный періодъ въ указанномъ изложеніи является особенно важнымъ, такъ какъ представляетъ вполнѣ оригинальную часть лѣтописи (столбцы 190—224[1]). Событія, помѣщенныя въ сборникѣ Авраамки, почти не находятся въ другихъ новгородскихъ лѣтописяхъ, а между тѣмъ, они касаются взаимныхъ отношеній Новгорода, Пскова и Москвы въ періодъ[2]), предшествовавшій паденію Новгорода, его непріязненныхъ отношеній къ Пскову и руководящей роли архіеп. Іоны. Съ момента избранія послѣдняго (1458) и почти до его кончины († 1470) лѣтопись сосредоточивается на его дѣятельности: а такъ какъ повѣствователь вездѣ отстаиваетъ церковные интересы (относительно Пскова) архіепископа, хвалитъ его дѣла (какъ отказъ ѣхать въ Москву при Василіѣ Вас.) по мотивамъ, основаннымъ на религіозныхъ соображеніяхъ („чтобы не положить Божіи власти[3]) подъ власть земную", ст. 207), а въ самой лѣтописи, главнымъ образомъ, говоритъ о церковныхъ дѣлахъ (о поставленіи дух. лицъ, о кончинѣ лицъ, благопріятныхъ церкви, о постр. и освящ. церквей, о пожарахъ, отъ которыхъ онѣ страдали, и морѣ, служившихъ выраженіемъ гнѣва Божія; о чудесахъ, особенно отъ Варлаама Хут.; о посѣщеніи Новгорода м. іерус. Іосифомъ, въ 1464, которому умылъ ноги архіеп. Іона въ вел. четвергъ; о пріѣздѣ Іосифа м. кесарійскаго; о нѣк. лицахъ софійскаго клира—ключникѣ Романѣ, протодіак. Θедорѣ, ключникѣ Пименѣ, завѣдывавшемъ дѣлами въ отсутствіи Іоны), наконецъ дѣлаетъ ссылки на Свящ. писаніе и т. п., то подобный характеръ разсматриваемой части лѣтописи даетъ право думать, что авторомъ ея было лицо, близкое къ архіеп. Іонѣ и вѣроятно принадлежавшее къ софійскому клиру. Лѣт-цъ не разъ говоритъ о себѣ, какъ о современникѣ событій. Такъ, сообщая о кончинѣ архіеп. Евѳимія II, онъ прибавляетъ „мнимъ его свята" (197; ср. 4-ю Новг. лѣт., с. 127); по поводу нарушенія мира нѣмцами и Псковомъ онъ выражается: „не вѣмъ кто не устоиша" (213); а, говоря о пожарѣ, прибавляетъ „азъ

[1]) Подъ 1467 г. помѣщено описаніе постр. церкви Симеона міромъ и избраніе имени ея посредствомъ жребія (ср. 2-ю Новг.—кратко).

[2]) На важность этой лѣт. для ист. Литвы и современный характеръ ея извѣстій указалъ еще Даниловичъ (Ж. М. Н. Пр., XXVIII, 108).

[3]) Ср. П. С. Р. лѣт., V, 273; Филаретъ, Житія, ноябрь, 314.

писецъ многогрѣшный" (219). Быть можетъ настоящій отрывокъ представляетъ часть той же церковной лѣтописи, которая велась при Соф. соборѣ, относящуюся ко времени архіеп. Іоны. Большое значеніе пріобрѣтаетъ разсказъ благодаря цифровымъ записямъ, сопровождающимъ извѣстія. Что же касается политическихъ событій, то лѣтопись даетъ любопытныя свѣдѣнія, болѣе подробныя или вовсе неизвѣстныя, объ отношеніяхъ Новгорода къ нѣмцамъ и Казимиру IV, о припятіи Новгородомъ въ 1464 г. кн. Ив. Ив. Бѣлозерскаго [1]), о столкновеніяхъ съ Москвою, о неудовольствіяхъ между Новгородомъ и Псковомъ, игравшихъ видную роль и въ церковныхъ, и въ политическихъ дѣлахъ обѣихъ общинъ. Псковитянъ лѣт-цъ обвиняетъ въ „лукавствѣ" и „небратолюбіи" (213) и обзываетъ ихъ „неразумными" и „величавыми" (219). Онъ вполнѣ сочувствуетъ обращенію къ защитѣ Казимира, притязанія вел. князя готовъ считать „возмущеніемъ" на Новгородъ, а умиротвореніе, состоявшееся тогда, приписываетъ молитвамъ Богородицы и Варлаама Хут. „за *градъ нашъ*, который сохраняетъ Богъ, *какъ зѣницу ока*" (198, 214 [2]). Печальный тонъ слышится въ послѣдней записи лѣтописца (1469), по поводу написанія грамоты, цѣлованія креста на ней и несоблюденія правды, съ обращеніемъ къ Богу о пощадѣ за грѣхи людей. Рядъ физическихъ бѣдствій заставляетъ его видѣть указаніе свыше на грядущія бѣдствія (222—224). Такимъ образомъ лѣтописецъ является горячимъ защитникомъ новгородскихъ правъ, хотя и сознаетъ всю трудность и опасность положенія, занятаго Новгородомъ не задолго до похода противъ него Ивана III [3]).

„*Супрасльская лѣтопись*" въ изд. Даниловича (см. выше, стр. 524, пр. 3), представляющая замѣчательный памятникъ смоленскаго и литовско-русскаго лѣтописанія, заключаетъ въ себѣ изложеніе русскихъ событій, а именно въ первой своей части (Сказанія о вѣрныхъ святыхъ князей русскихъ и д.) — краткое извлеченіе изъ русскаго лѣтописнаго

---

[1]) Подъ 1463 г. (212—214) упоминается тысяц. Яковъ Игнат. Лозьевъ, построившій церк. „Образа Нерукотв. на Полѣ", отличавшійся милостью къ нищимъ и ум. „въ мгновеніе оку", о которомъ не говорятъ другія лѣтописи.

[2]) Нѣсколько замѣчаній о враждебномъ тонѣ лѣт. Авраамки въ отношеніи къ Москвѣ въ опис. 60-хъ годовъ XV стол., съ подозрѣніемъ объ испорченности нѣк. мѣстъ, см. у М. И. Помяловскаго (92—94).

[3]) У москвичей сложилась пословица: „такали, такали новгородцы свою вольность, да и протакали" (Карамзинъ, V, пр. 430 и стр. 240).

свода и оканчивается разсказомъ о событіяхъ 1427 г., вслѣдъ за которымъ помѣщена статья, содержащая въ себѣ географическое описаніе русскихъ рѣкъ (Latopisiec Litwy i Kronika ruska, изд. Даниловичемъ, с. 249; Бѣлокуровъ, с. 69[1]); во второй части, начин. съ 1431, описываются смерть Витовта и послѣдовавшія затѣмъ литовско-русскія событія до 1435 г.,—она оканчивается разсказомъ, обнимающимъ литовско-русскія отношенія и московскія событія 1432—1446 г. (за исключеніемъ 1434, 1436—39, 1441, 1442 гг.); третья же часть сосредоточивается на южно-русскихъ и западно-русскихъ событіяхъ. Соединеніе общерусскихъ событій первой и второй части, за выдѣленіемъ смоленскихъ и литовскихъ событій, представляетъ собою сводъ общерусскихъ извѣстій по 1446 годъ, сходный съ Соф. 1-й и Новгор. 4-й лѣт. (исключая событій, отсутствующихъ въ нихъ и др. лѣтописяхъ) и притомъ имѣющій ближайшую связь именно съ 4-й Новгор., а не Соф. лѣт.; а ближайшее изученіе этого памятника приводитъ къ заключенію, что, имѣя въ своемъ основаніи 4-ю Новгор. лѣт., онъ былъ дополненъ извѣстіями, заимствованными изъ общерусскаго (московскаго) лѣтописнаго свода одной изъ позднѣйшихъ его редакцій, составленной во 2-й полов. XV вѣка[2]).

Но и указанными выше сводами не исчерпывается новгородское лѣтописаніе. Независимо отъ близкаго отношенія къ 4-й Новг. л., *Софійская 1-я лѣт.* (собственно моск. сводъ) въ такъ наз. 2-й ред. (сп. Карамз. и кн. Оболенскаго[3]), отличается вставкой новгородскихъ извѣстій съ 1030 по 1418 г., причемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ нѣтъ въ такихъ обширныхъ и полныхъ сводахъ, какъ 1-я и 4-я Новг. лл. (1030, 1048, 1062 и др., 1337, 1375—изложено иначе), что указываетъ на заимствованія составителя изъ неизвѣстной въ настоящее время Новгор. лѣтописи[4]). Кромѣ того, новгородскія извѣстія нашли

---

[1]) Списокъ Н. П. Никифорова, изд. А. С. Бѣлокуровымъ, М. 1898, сравнительно со сп. Даниловича,—не полонъ, а въ сп. Уварова имѣется только двѣ послѣднія части.

[2]) Шахматовъ, Общерус. своды (Ж. М. Н. Пр. 1900, № 9, стр. 127—137).

[3]) Соф. 1-я лѣт. по Соф. спис., изд. Ак. Наукъ 1795, Спб.; Соф. Врем. (1 и 2 Соф. лѣт.), изд. по Толст. сп. и 3 другимъ П. Строевымъ, М. 1820, 2 тт.; Соф. 1-я лѣт., изд. Арх. ком. по 7 спис. (П. С. Р. лѣт., т. V, Спб. 1851, стр. 81—285); Соф. 2-я, по 5 сп. (П. С. Р. лѣт., т. VI, 119—276).

[4]) Полѣновъ, 89—90; Костомаровъ, 91—95; А. А. Шахматовъ, ibid., 103, 116—118. „Вообще, лѣтописные списки, распредѣленные издателями П. С. Р. лѣт. на три группы, составившія Соф. 1-ю, Соф. 2-ю и Новг. 4-ю лл., повидимому, родственны

мѣсто въ лл. *Псковскихъ*, по весьма понятной близкой связи Новгорода и Пскова (П. С. Р. лѣт., т. IV и V, см. ниже); *Тверской* (П. С. Р. лѣт., т. XV), составитель которой, какъ видно, пользовался спис., отчасти соотвѣтствующимъ сп. 1-й ред. 1-й Новг. л., а также ук. сп. Соф. 1-й лѣт., отчасти другимъ[1]); но есть въ ней и мѣстныя новгородскія извѣстія (1428, 1440, 1471, 1478); *Воскресенской* (П. С. Р. лѣт., тт. VII и VIII), которая, очевидно, пользовалась сводами, сходными со 2-й, 4-й Новг. и Соф. 1-й лѣт.[2]), а иногда излагаетъ ихъ пространнѣе[3]); *Никоновской* (П. С. Р. лѣт., тт. IX—XII и д.), оказывающейся въ нѣк. случаяхъ болѣе полнымъ сводомъ (XIV—XV стол.), чѣмъ изданные до сихъ поръ своды Новг. лл.[4]). Такъ наз. *Ростовская лѣт.* (Воскр. л. по Архив. сп. III, П. С. Р. Л., VII, нач. XVIII в.), содержитъ въ себѣ сводъ XV в., послужившій источникомъ для Воскр. и Никон. лл., а съ 1482 г. представляетъ Новг. сводъ 1539 г., тожественный съ тѣмъ, который въ соединеніи съ Соф. 1-й л. составилъ сводъ, часть коего (1445—1538) сопровождаетъ Новоіерус. сп. Соф. 2-й лѣт. (П. С. Р. л., VI, 277[5]).

Уже въ начальной части *Архангельскаго лѣтописца* открывается близость его (см. выше, стр. 406) съ Новгор. лѣт. (своды Соф. 1-й, Новгор. 4-й, Твер. и т. п.[6]). Въ ней же помѣщенъ (вкратцѣ) уставъ

между собою и даютъ возможность изучать первые шаги къ объединенію историческаго матеріала съ московской точки зрѣнія; но московская точка зрѣнія не выдержана въ нихъ вполнѣ" (А. Шахматовъ, Ж. М. Н. Пр. 1896, № 9, стр. 157—158). „Одного характера съ Новг. 4-й лѣт.—сборники, носящіе названіе Соф. лѣтописей" (Соловьевъ, IV, пр. 684).

[1]) И. Тихомировъ, О сборн., имен. Твер. лѣт. (Ж. М. Н. Пр. 1876, № 12, с. 263—264, 271, 299—302); А. Шахматовъ (ibid. 1900, № 11, с. 135—137). „Сравнительное изученіе данныхъ позднѣйшихъ лѣтописей (Твер., Ник., Воскр., Соф. 1-й и поздн. спис. 1-й Новг. лѣт.), заключающихъ въ себѣ болѣе или менѣе значительное количество новгор. извѣстій, приводитъ къ тому заключенію, что изъ всѣхъ позднѣйшихъ лѣтописей Твер. л. отличается наибольшею полнотою и точностью въ сохраненіи древне-новгор. лѣт-хъ извѣстій" (Сенигов, О первонач. лѣт. Вел. Новгорода, 36—37, примѣч.).

[2]) И. Тихомировъ, Моск. своды, 4—13, 29-31, 41—47.

[3]) Костомаровъ, 97. Впрочемъ, записи Соф., Воскр. и Ник. сводовъ, касающіеся паденія Новгорода, изложены съ моск. точки зрѣнія.

[4]) Тихомировъ, 65—67; ср. А. Шахматовъ, О древ. ред. Пов. врем. лѣтъ, Ж. М. Н. Пр. 1897, № 10; ср. выше, с. 405. Взаим. отношеній сп. Новгор., Псков., Воскр., Никон., Арханг. и ихъ хронолог. данныхъ, касается И. Энгельманъ (Хронолог. изслѣд., 75, 149 и др.) и Боннель.

[5]) А. А. Шахматовъ. Обозр. лѣт. сводовъ, 67, прим.; ср. 27—29. См. выше, с. 729.

[6]) А. А. Шахматовъ, О нач. Кіев. сводѣ, 52—57.

Ярослава I о неподсудности духовенства мірской власти (г. 1033, 1-е изд. стр. 47; 2-е, с. 56), рѣдко встрѣчающійся въ лѣтописяхъ [1]). Изложеніе лѣтописи вообще краткое и слогъ поновленъ [2]). Происхожденіе этой лѣтописи несомнѣнно позднее [3]), чѣмъ и объясняется пользованіе составителемъ разнообразнымъ лѣтописнымъ матеріаломъ [4]).

---

[1]) Переясл. лѣт., 42—43; Соф. 1-я лѣт. (П. С. Р. лѣт., V, 134; см. прибавл. къ ней, т. VI, 84—86).

[2]) Въ уставѣ Ярослава употребляется слово „тамга". Вмѣсто „убрусы" (Твер. 6524; ср. Никон.) воины Ярослава повиваютъ головы „ширинками"; но упоминаніе имени Торопа въ Калкской битвѣ указываетъ на вліяніе Твер. лѣт. (336); иногда чувствуется вліяніе Твер. и Соф. лѣт. (6786).

[3]) Карамзинъ, I, прим. 418.

[4]) Подъ 6825 г. говорится объ умерщвленіи жены Юрія Даниловича—Кончаки „зеліемъ", какъ въ Воскр. (VII, 188; въ Никон. условно, X, 181); о женитьбѣ кн. Константина Вас. рост. (6836, ср. Воскр., Троиц.); 6859—о чудесахъ отъ гроба м. Петра (ср. Воскр.); 6860—о морѣ во Псковѣ (4-я Новгор.); въ разсказѣ о набѣгѣ новгор. на Кострому и Ярославль (6879) и о походѣ новг. на Двину (6906) есть особенности, не встрѣчающіяся въ др. лѣтописяхъ; изложеніе Мамаева побоища (6888) какъ въ Ростов. лѣт. (Карамз, V, 80); 6907—917—Новгор. 4-я, Соф.; 6918 (о м. Фотіѣ=Воскр., гдѣ впрочемъ 22 апр.; въ др. лѣт. иначе); 6919—20—4-я Новг., Воскр.; 6921—о Лукѣ Колоцкомъ (Воскр.); о конч. Юрія Андр. рост. (Троиц.); 6922—23—Воскр., Троиц.; 6925—26, Воскр., Соф.; 6927, 6929, 4-я Новг., Воскр., съ приб. о снѣгѣ (ср. 6928, Новг. 3-я); 6930—32, Соф., Воскр.; а объ архіеп. Евѳиміѣ—Новг. 4-я; 6933—Соф. (ср. 6931), Воскр, Соф. 2-я: приб. о Новг. (Новг. 4-я); 6934—36, Новг. 4-я, Соф., Воскр. (о рубляхъ приб. „рижскихъ"); о см. игум. Никона, вѣр. по ошибкѣ вм. Кирилла (6935); 6937—39—Соф., Воскр.; 6940-44, Соф., Воскр. съ допол. о кн. Андрѣ Ѳед. Брюхатомъ и дѣйствіяхъ вятчанъ подъ Ярославлемъ; 6945 (о м. Исидорѣ, посаж. въ Чуд. мон.); 6946—Воскр., Соф. 2-я (приб. объ измѣнѣ воеводы Григорія Протасьева и прих. вятчанъ подъ Гледенъ); 6947 (приб. о залож. г. Устюга); 6948—Воскр.; 6949 - Соф. съ дополн.; а также объ откр. мощей Іоанна, архіеп. новг.; 6950—Воскр., Соф., съ доп. имени игумена; 6561—68, Воскр., Соф. съ доп. объ Устюгѣ; 6959-60—Соф., Воскр.; 6969—Воскр., Соф. съ доб. о дѣйствіяхъ Дмитрія Шемяки на Двинѣ; 6962, Воскр., Соф.; 6963, Воскр., Соф. съ доб. о вогулахъ; 6965, Соф. Воскр. (см. 6966); 6973, доп. о походѣ воев. Скрябы на Югру; 6974—походъ на Вятку; 6975—76, Воскр.; 6977—Новг. 4-я; 6978—79, пох. на Казань, съ подр. объ устюжанахъ, ходившихъ съ моск. воеводами (ср. Воскр. лѣт.); 6979—о пох. (1471) Ивана III на Новгородъ, Новг. 4-я, стр. 127—128, 150; ср. еще 146 и д., и Воскр.; 6980—81, новг., моск. соб., пріѣздъ Софіи, наш. Ахмата, 4-я Новг. съ дополн.; 6982, 4-я Новг. съ дополн. о морѣ въ Новг. и Устюгѣ; 6983, пох. Ивана на Новгородъ, 4-я Новгор. (стр. 130); 4984, о бѣдствіяхъ въ Новгородѣ (ibid.), съ дополн.; 6985—о Новгородѣ, Воскр. съ доп. о большомъ пожарѣ; 6986—о конч. Зосимы Солов; 6986—87, 4-я Новг. съ доп. о походѣ на Устюгъ казан. татаръ и устюжанъ на Емцу; 6988—о походѣ на Угру, Воскр, съ особенностями (поруч. еп. перм. Филоѳея); 6989, о напад. на Ахмата хапа Ивака, Воскр., Новгор. 4-я, съ дополн. о напад. Андрея Мишнева съ шильниками и устюжанами на вогуличей; 6990—91, походы на Казань и вогуличей.

Излагая событія обще-русскія (московскія, отношенія къ Литвѣ, татарамъ, нѣмцамъ и пр.[1]), лѣтопись, можно сказать, съ особеннымъ вниманіемъ и съ преобладающимъ интересомъ останавливается на новгородскихъ дѣлахъ, внося иногда свои подробности. Но особенную цѣнность пріобрѣтаютъ извѣстія лѣтописи, въ теченіе XV и XVI столѣтій[2]), о событіяхъ двинскихъ, устюжскихъ, югорскихъ, пермскихъ, вятскихъ и казанскихъ, большей части которыхъ нѣтъ въ пространныхъ лѣтописяхъ или они изложены иначе и болѣе кратко. Съ 7038 (рожд. Ивана Грознаго) — 7106 (конч. Ѳеодора Иван.) идутъ краткія записи, — не представляющія особеннаго интереса (рожденіе, смерть царств. лицъ, походъ на Литву, набѣгъ крым. хана и т. п.). Принимая же въ соображеніе, что лѣтопись съ преимущественнымъ вниманіемъ изъ названныхъ выше событій, происходившихъ на сѣв.-вост. Россіи, останавливается на участіи въ нихъ устюжанъ, и вообще судьба Устюга (залож. города, постр. церкви, болѣзни, пожары, чудеса, опасности, нападенія на Устюгъ и походы устюжанъ, о проходѣ мимо Устюга русскаго посольства въ Данію и датскаго посла въ Москву) занимаетъ главнымъ образомъ лѣтописца, сохраняя этотъ интересъ до конца лѣтописи (7023 — чудеса отъ образа Одигитріи; 7024 — наводненіе и рядъ чудесъ въ мон. св. Михаила; 7040—пох. на Вятку; 7042, 7062—присяга въ Устюгѣ; 7060—пожаръ соборной церкви отъ молніи; 7065—введеніе „земскихъ судей" и встрѣча образа Николы Великорѣцкаго, несеннаго изъ Вятки въ Москву и обратно; 7065—66 о сильномъ голодѣ въ Устюгѣ; 7079—о морѣ, съ показаніемъ цифры умершихъ), можно полагать, что въ Устюгѣ велась мѣстная лѣтопись и что самъ составитель Арханг. свода принадлежалъ къ устюжанамъ. Арханг. лѣтопись послужила источникомъ для позднѣйшихъ лѣтописей— „Двинской" и „Великоустюжской", о которыхъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ[3]).

Ознакомившись съ этимъ краемъ лично, быть можетъ, не безъ основанія П. М. Строевъ замѣтилъ; „Двиняне, Онежане, Пинежцы, Важане мало измѣнились отъ времени и нововведеній: ихъ харак-

---

[1]) Подъ 7022 подр. разсказъ о взятіи Смоленска (ср. Воскр. и др.).

[2]) Таковы, кромѣ названныхъ выше, извѣстія подъ слѣд. годами: 6991, 6992, 6994, 6996—7707, 7711, 7713—7714, 7023—7024.

[3]) По утвержденію Бычкова, изд. Новг. и Арханг. лл. 1781 г. безупречны (Обз. изд. лѣт., 7—9).

теръ *свободы*, волостное управленіе, образъ селитьбы, пути сообщенія, нравы, самое нарѣчіе, полное архаизмовъ, и выговоръ невольно увлекаютъ мысль въ плѣнительный міръ самобытія новгородцевъ. Скажу болѣе: Двина и Поморье суть земля классическая для русскаго историка. Только тамъ можно постигать вполнѣ народный духъ нашихъ предковъ и физіогномію естественную и государственную древней Россіи. Самыя новгородскія и др. сѣверныя лѣтописи дѣлаются вразумительнѣе во многомъ" [1]). Позднѣйшіе акты вполнѣ подтверждаютъ этотъ отзывъ археографа [2]).

Наконецъ, есть указанія на другіе памятники лѣтописнаго дѣла Новгорода: такъ, Карамзинъ ссылается на пространную Новгор. лѣт. (Архив. Новг. лѣт. № 1 [3]), на Новг. лѣтопись (Архив.) по 1717 годъ [4]) и Синод. Новгор. лѣтопись № 349 [5]); П. М. Строевъ называетъ большой лѣт-цъ (кажется) новгородскаго типа [6]); Н. А. Ивановъ указываетъ новг. лѣтописи, не принятыя во вниманіе при печатаніи лѣтописей [7]). Любопытны новг. извѣстія въ Сборникѣ XVI, кас. Новгорода, Торжка (1329—37) и хожденія новг. каликъ въ Іерусалимъ (1163 [8]); новг. Сборники съ лѣтописными извѣстіями (изъ Нестора, новгор. лѣтописей, съ большими подробностями, доходящими до 1530 г. [9]). Съ именемъ Новгорода соединяютъ еще происхожденіе двухъ историческихъ произведеній: Хронографа въ ред. 1533 г. [10]) и (новгородской) Степенной книги [11]). Напомнимъ также сказанія о смутномъ

---

[1]) Барсуковъ, 198. Ср. подробную запись о каликахъ (XII в.), см. пр. 9.

[2]) Акты Холмогорской и Устюжеской епархіи (Рус. Ист. биб., изд. Археогр. ком., тт. XII и XIV).

[3]) Ист. госуд. рос., VI, пр. 10 и дал. Ср. Никольскій лѣт. (Ж. М. Н. Пр., ч. LXXX. Указаніе на нѣк. рукописи новгор. церквей и мон-рей).

[4]) Ibid., I, прим. 204.

[5]) Ibid., V, пр. 313, 314, 316, 319, 327, 332, 348 и др. = 4-й Новг. л. съ отлич.

[6]) Барсуковъ, 349. Также Рус. лѣт. изъ разр. новг., подроб., до 1646, въ рук. Царскаго (№ 233; нынѣ гр. Уварова, № 1391).

[7]) Краткій обз. рус. Временниковъ, с. 22 и дал. Ср. Варіантъ Новгор. лѣт., П. Н. Рыбникова (Олонец. Губ. Вѣд. 1863, №№ 37—40, 42).

[8]) Отч. Общ. люб. древ. письм. 1891—92 гг., сообщ. А. Ѳ. Бычкова, с. 14; Отч. И. Пуб. библ. 1894, с. 113—115; ср. Новгор. 1-ю лѣт.

[9]) Опис. Сборниковъ Соф. библ. (Лѣт. зан. Арх. к., III, 106).

[10]) А. А. Шахматовъ, Къ вопр. о происх. Хроногр., 74—75, 82, 91, 119; Обозр. лѣтоп. сводовъ, 82 и д. См. выше, стр. 729.

[11]) Татищевъ, I, 42, 426; Опис. рук. Рум. муз., 643; Филаретъ, Обзоръ, с. 149; ср. 154; Соловьевъ, III, 33, пр. 71. Подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

времени, не вошедшія въ лѣтописи новгородскаго происхожденія и встрѣчающіяся въ другихъ памятникахъ (Иное сказаніе, Хронографы [1]). Подтвержденіемъ поздняго веденія лѣтописей въ Новгородѣ служитъ Сборникъ, принадлежавшій Николаевскому Дворищенскому собору, пис. въ к. XVIII и нач. XIX в. (на 386 листахъ), въ которомъ помѣщена лѣтопись, состоящая изъ двухъ частей и составленная на основаніи разныхъ лѣтописей, преимущественно новгородскихъ, а также извлеченій изъ Синопсиса и Ядра россійской исторіи, изъ замѣтокъ частныхъ лицъ и оффиціальныхъ актовъ. Два отрывка изъ этого Сборника напечатаны въ собр. новг. лѣтописей 1879 г., вышедшемъ подъ ред. А. Ѳ. Бычкова: первый изъ нихъ обнимаетъ время 1583—1767, а второй 1571—1824 г. (стр. 449—488).

Несомнѣнно, что памятники новгородскаго лѣтописанія дошли до насъ далеко не въ полномъ видѣ или не всѣ и по этому поводу высказаны два противоположныхъ мнѣнія: одни полагаютъ, что часть ихъ могла быть утрачена [2]), а другіе, что лѣтописи были умышленно уничтожены и передѣланы вновь въ московскомъ духѣ: такъ пострадали 2-я и 3-я Новг. лѣт., совсѣмъ уничтожена начальная часть 1-й Новгор. лѣт., а образецъ умышленной передѣлки новг. извѣстій въ московскомъ духѣ представляетъ Софійскій Временникъ [3]).

Однако, мы имѣемъ вполнѣ сохранившіеся остатки свободнаго новгород. лѣтописанія (4-я Новг. л. и лѣт. Авраамки, см. в., с. 731—33); отсутствіе начальной лѣтописи Новгорода въ Синод. сп.—дѣло случайности (с. 677) и не представляется теперь въ подобномъ свѣтѣ, а самъ авторъ означеннаго мнѣнія указываетъ на отрывокъ Новгор. лѣт. (Арх. XX, 1510—1569, приб. ко 2-й Новгор. лѣт.), въ которомъ древній духъ Новгорода съ достаточною ясностію высказывается даже въ сухихъ и блѣдныхъ отмѣткахъ лѣтописца: чертами робкой нелюбви къ Москвѣ, невольнаго сочувствія къ ея жертвамъ и благоговѣнія передъ новгородскою святынею [4]). Притомъ 1-я Новг. л. дошла до насъ въ древнѣйшемъ, сравнительно съ другими, спискѣ (XIII—XIV), а сохранившаяся ея часть относится къ тому періоду, когда новгород-

---

[1]) Поповъ, Изборникъ, 278, 388; Платоновъ, Сказ. о смут. врем., 80.

[2]) Г. Карповъ (Чт. въ Общ. ист. 1866, III, стр. 64).

[3]) Янишъ, Новг. лѣт. и ея моск. передѣлки (Чт. въ Общ. ист. 1874, II, 84—85), взглядъ котораго проводитъ и М. И. Пампловскій (стр, 86, 89, 94).

[4]) Янишъ, 82.

ская независимость давала себя чувствовать въ наиболѣе ясныхъ и опредѣленныхъ чертахъ; другія части лѣтописей, указанныя выше, и еще въ болѣе независимомъ тонѣ проявляющія свое отношеніе къ московскимъ дѣламъ—Псковскія лѣтописи—также дошли до насъ. Особенная ненависть въ лѣтописяхъ выражена къ Ивану III, его сыну Василію и Ивану IV, положившимъ конецъ новгородской и псковской свободѣ. Позднѣйшія части Новгор. лѣт. писаны въ иномъ духѣ потому, что ихъ писали другіе люди и другіе дѣятели, смѣнившіе прежнихъ въ стѣнахъ Великаго Новгорода (стр. 635).

Литература: Лѣтописи (см. выше, стр. 699, 712, 719, 729—735); Л. И. Лейбовичъ (стр. 433); рец. на изд. 1-й Новгор. лѣт., А. И. Соболевскаго (Рус. Фил. Вѣст. 1889, № 1; отвѣтъ П. И. Савваитова. Ж. М. Н. Просв. 1889, № 9, с. 173—179; поправки, № 10, с. 360); рец. на изд. лѣт. Авраамки, П. В. Голубовскаго (К. Стар. 1890, № 5, с. 392—393—о новгор. изв.); рец. И. А. Тихомирова (Ж. М. Н. Пр. 1900, № 7, с. 168—171); Н. Ивановъ, Кратк. обз. русскихъ Временниковъ, Каз. 1843 (стр. 16—57); Погодинъ, Изслѣдованія (т. IV, 75; т. V, 315—464, лѣтописи и исторія; т. VI, біогр. князей; тоже о новгор. лѣт. въ Изв. Ак. Наукъ, т. VI, 209—233); Соловьевъ, Исторія (тт. I—VII, замѣч. о лѣтописяхъ, см. по указат.); Д. Полѣновъ (Библ. обозр. русскихъ лѣт., Спб. 1850, изъ Журн. М. Н. Пр., обз. въ хронол. порядкѣ изданія лѣт.); А. А. Куникъ (О перенес. иконы св. Николая изъ Корсуня въ Новгородъ, въ 1223 г., Матер., служ. къ возстан. первобыт. Новг. лѣт., съ 1208—1224; Уч. Зап. Ак. Н. по 1 и 3 отд., II, 747—759; ср. 791—92); П. А. Лавровскій (Изслѣд. о лѣт. Якимовской, Уч. Зап. Ак. Н. по 2 отд., т. II, 77—160) и др. (см. в., с. 330—31, 672); И. И. Срезневскій (Изслѣд. о лѣт. новгор., Изв. Ак. Н., II, 18—27, 70—78; Чтенія о рус. лѣт., см. выше, с. 374; Памят. русск. письма и языка, Изв. Ак. Н., т. X; 2-е изд. 1882); Д. Прозоровскій (Кто былъ первымъ писат. 1-й Новгор. лѣт., Ж. М. Н. Пр., ч. LXXV, 1858, № 7, стр. 1—28); Н. И. Костомаровъ (Лекціи по рус. исторіи, ч. I, Источники, Спб. 1861, 59—78); К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (О составѣ и пр., отд. замѣч.; Русская исторія, т. I, Новгородъ и Псковъ); Н. Н. Янишъ (Новгор. лѣтопись и ея моск. передѣлки, Чт. въ Общ. исторіи, 1874, II, 1—96); I. П. Сениговъ (О первоначальной лѣт. Вел. Новгорода, Ж. М. Н. Пр. 1884, № 6, стр. 198—236; О древнѣйшемъ лѣтоп. сводѣ Вел. Новгорода, Лѣт. зан. Арх. ком., в. VIII, стр. 1—125 и отд.; Ист. критич. изслѣдованія о Новг. лѣт-хъ и о Рос. исторіи Татищева, Чт. въ Общ. ист. 1887, IV, 1—436; рец. на послѣд. И.

А. Линниченка, Ж. М. Н. Пр. 1888, № 9, с. 221—225); И. А. Тихомировъ (О Тимоѳеѣ пономарѣ, упомин. въ Синод. сп. 1-й Новгор. лѣт., Ж. М. Н. Пр. 1887, № 3, стр. 28—37; Новгор. лѣт. по Синод. харат. списку, 1889, № 8, с. 380—386; О древн. лѣт. сводѣ, рец. на соч. Сенигова, 1886, № 10, с. 326—336); Лѣтоп. Сборн., имен. Лѣт. Авраамки, 1890, № 7, с. 168—171; Нѣсколько замѣтокъ о Новгор. лѣтописяхъ, 1892, № 9, с. 144—152; рец. на соч. А. А. Шахматова: „О нач. Кiев. сводѣ, 1897, № 12, с. 488—495; см. 735); Ю. Тиховскiй (Такъ наз. „Краткая Кiевская лѣтопись"—о Супр. рук., изд. кн. Оболенскимъ, Кiев. Стар. 1893, № 9, стр. 364—374). А. А. Шахматовъ (Обще-русскiе лѣтоп. своды XIV и XV в., Ж. М. Н. Пр. 1900, № 9, с. 90—176; № 11, с. 52—80; О нач. Кiев. сводѣ, Чт. въ Общ. ист. 1897, кн. III, 1—58; Къ вопр. о происх. Хронографа, Спб. 1899, о Хроногр. въ ред. 1533; Обозр. лѣтопис. сводовъ Руси сѣв. восточной И. А. Тихомирова, Критич. отзывъ А. А. Шахматова, Спб. 1899; отд. от. изъ Отч. о XL присужд. наградъ гр. Уварова); М. И. Помяловскiй (Изъ области новгор. лѣтописанiя, Зап. Имп. Рус. Арх. общ. Труды Отд. славян. и рус. археол., кн. V, 1901, стр. 55—94); Гр. А. С. Уваровъ (Двѣ битвы 1177 и 1216 г. по лѣт. и археолог. изыск., Труды М. Арх. общ., т. II); Извлеч. изъ Новг. лѣт. (Новг. Г. Вѣд. 1850, № 1).

Выборъ словъ изъ лѣт-й новгор. и псковскихъ, П. А. Лавровскаго (Изв. Ак Н. по 2-му отд., т. III, прибавл., стр. 1—32); Словарь къ Новгор. 1-й лѣт., А. Н. Пыпина (ibid., 33—126; ср. указ. имен., геогр. и предметный ко 2-му изд. Новгор. лѣтописей); О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей, П. Лавровскаго, Спб. 1852; Изслѣдованiе о языкѣ Синод. списка 1-й Новгор. лѣтописи. Трудъ Б. М. Ляпунова. В. I. Изд. Отд. рус. яз. и слов. И. Ак. Н., Спб. 1900; рец. Е. Будде (Уч. Зап. Казан. унив. 1901, кн. III, с. 1—30; опечатки, № IV, с. 13); А. И. Соболевскаго (Ж. М. Н. Пр. 1900, № 1 и отвѣтъ, № 6); М. Г. Халанскаго (Рус. Фил. Вѣстн. 1900, III и IV, с. 116—130); замѣч. Б. М. Ляпунова на рец. и отв. А. И. Соболевскаго (Ж. М. Н. Пр. 1900, №№ 6 и 11); О языкѣ новгор. грамотъ XIII и XIV вв., А. Шахматова, Спб. 1886; рец. А. И. Соболевскаго (Ж. М. Н. Пр. 1887, № 11, с. 103—111).

Матерiалы къ вопросу о первонач. родинѣ и первобытномъ родствѣ индо-европ. и финно-угорскаго племени, Ѳ. П. Кеппена (Ж. М. Н. Пр. 1886, №№ 8, 10, 11, 12); Д. П. Европеусъ (Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ Сред. и Сѣв. Россiи до прибытiя славянъ, Ж. М. Н. Пр. 1868, № 7, стр. 55—71; Объ Угорскомъ народѣ, Спб. 1874); Славянофинскiя отношенiя по даннымъ языка, М. П. Веске, Каз. 1888; J. Mikkola (см. стр. 602, пр. 5); К. Тiандеръ (см. в., стр. 601, пр. 1 и стр. 617, пр. 2; Пермь, объясн. сканд. bherm—берег. полоса, Ж. М. Н. Пр. 1901, № 1); А. Спицынъ (см. выше, стр. 601, пр. 1); О Финнахъ, П. Сума (Чт. въ

Общ. ист. 1847, № 9); Изслѣдованія къ объясн. древней рус. исторіи, А. Хр. Лерберга, изд. Ф. Кругомъ, Спб. 1819; О Суми, упоминаемой въ рус. лѣтописяхъ Ф. Гаге (Вѣст. Евр. 1828, № 12, с. 241—259); Водь и Вотская пятина, П. И. Кеппена (Ж. М. Н. Пр. 1839, ч. XVII, стр. 41—67; 100—146); Обзоръ прежней судьбы и нын. состоянія ливовъ, Ф. И. Видемана (прил. къ Зап. Имп. Ак. Наукъ, 1870, т. XVIII, стр. 1—140); О происх. и яз. курл. кревиновъ, *его же* (ibid., т. XXI, 1878, 1—118); О древней культурѣ западныхъ финновъ по даннымъ ихъ языка. По сочин. Авг. Алквиста: Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen. Сост. А. Майковъ, Спб. 1877, с. 1—107 (изъ Ж. М. Н. Пр.); Финскіе элементы въ Гдовскомъ у. Спб. губ., Ю. А. Трусмана (Изв. Имп. Р. Арх. общ. 1885, вып. 3-й); О фин. племен., насел. Петерб. губ. въ Сборн. статей, приготовл. Геогр. Общ. по случаю юбилея г. Петербурга (Ижора= великоросы, см. Литер. Вѣст. 1903, № 4, стр. 536—537); Списки населен. мѣстъ: губ. Архангельская, Вологодская, Вятская, Олонецкая, С.-Петербургская, Спб. 1859—1879; Объясн. къ учебн. атласу по рус. ист. Е. Е. Замысловскаго, Спб. 1887; Матер. для геогр. и стат. Россіи, собр. офиц. ген. штаба; Лифл. губ., Ф. Веймарна; Курлянд. губ., А. Орановскаго; Перм. губ., Х. Мозеля, Спб. 1862—64; А. А. Дмитріевъ, Пермская Старина, вып. I и II, Пермь, 1889; Мурманскій и Терскій бер. по книгѣ Б. Чертежа, Е. К. Огородникова, Спб. 1869; Арханг. и Вологод. губ. по книгѣ Б. Чертежа, Е. К. Огородникова (Изв. И. Р. Геогр. общ., т. X, 1874); Вят. и Перм. губ., *его же* (id., XIV, 1878); Прибрежья Ледов. и Бѣлаго морей, *его же* (Зап. по Отд. этногр., т. VI, 1880); Волжскій бассейнъ, *его же*, рѣки Кама и Вятка (ib., т. IX, 1882; рец. Л. Н. Майкова на изслѣд. Огородникова въ Отчетахъ Уваров. премій); Изслѣд. по камен. вѣку въ Олонец. губ., въ дол. Оки и на верх. Волги, И. С. Полякова, съ примѣч. Л. Н. Майкова (о засел. берег. р. Моши, о преп. Лазарѣ Мурман., о панахъ въ Мошин. краѣ; о Чуди въ Олонец. губ., о раскопкахъ Н. Е. Бранденбурга въ Новоладож. у., ibid., т. IX, 1882); Объ археол. изслѣд. въ Старой Ладогѣ въ 1886—87 гг., Н. Е. Бранденбурга (Вѣстн. Арх. инст. VIII, 157—169, ср. выше, с. 623, пр. 1); Старая Ладога, *его же*, Спб. 1896 (fol., изд. Р. Арх. общ.); Курганы Спб. губ. въ раскопкахъ Л. К. Ивановскаго, А. Спицына, Спб. 1896 (fol., изд. Имп. Арх. ком.); Топографія кладовъ съ восточ. монетами и издѣліями VII—XI вв. въ Россіи и прибалт. странахъ, Спб. 1846 (Мухаммеданская нумизм.); Обозр. нѣк. губ. и областей Россіи въ арх. отношеніи (Зап. Имп. Рус. Арх. общ. Труды славян. и рус. арх., Спб., кн. IX и XI, 1899); Нѣк. древн. Шелонской пятины и Бѣжецкаго конца, Н. К. Рериха (ibid.. т. IX, 349—378); Древн. Новг. г., финифт. и ценин. изд. (Зап. И. Арх. О. 1851, I, 49—79, 21—24),

Историческіе разговоры о древностяхъ Вел. Новгорода, м. Евгенія, М. 1808 (о многолюдствѣ древ. Н-да; о древнемъ богопочитаніи славянъ новгор.; о ихъ обращеніи въ христ. вѣру и о новгор. іерархіи; о возвышеніи и упадкѣ В. Н-да): Опытъ о посадникахъ новгор., І. Григоровича, М. 1821; М. Мясниковъ (см. 612, пр. 4); Ѳ. Аделунгъ (Корсунскія врата, наход. въ новг. Соф. соборѣ, М. 1834; нѣм. изд. 1823 г., Berlin; ср. К. Буссе, Вѣст. Евр. 1818, № 8; С. Руссовъ, Отеч. Зап. 1825); Н. М. Муравьевъ, Ист. изслѣд. о древностяхъ Новг., Спб. 1828; А. Вельтманъ, О господинѣ В. Новгородѣ, М. 1838; С. Соловьевъ, Объ отношеніяхъ Нов. къ вел. князьямъ, М. 1845; Славянскій, Ист. обозр. торговыхъ сношеній Н. съ Готландомъ и Любекомъ, Спб. 1847; Опис. Соф. новгор собора, Аполлоса (М. 1847), Анд. Павлова (1848); Гр. Метафраста (Новг. 1849); прот. П. И. Соловьева (Спб. 1858; Зап. Рус. Арх. общ., т. XI, 1—269); Ив. Красовъ (О мѣстополож. древ. Нов-да, Н. 1851; рец. И. Купріянова, Москвит. 1851, № 23; Разборъ мнѣній о населеніи древ. Новгорода, Ж. М. Н. Пр. 1854, ч. LXXXV, 108—142); И. Купріяновъ (Письма изъ Новг. къ Погодину, Москв. 1851, № 22; 1853, №№ 8, 10, 11, 12; а также Матер. для ист. и геогр. Новгор. обл., Вѣст. Геогр. общ. 1852, VI); К. О. Малковскій, Критическія изсл. о происх. В. Новгорода (Врем. Общ. Ист., кн. XII, 1852, с. 1—46); К. А. Неволинъ, О пятинахъ и погостахъ новгор. въ XVI в., съ картою (Зап. И. Р. Геогр. Общ., т. VIII, 1853); И. Е. Андреевскій (О договорѣ Новгорода съ нѣмец. городами, Спб. 1855; рец. А. Е. Энгельмана, Отеч. Зап., т. C); Краткое обозр. древнихъ церквей въ Новгородѣ, построен. до 1478 г. (Христ. Чт. 1855, № 8; ср. Ж. М. Н. Пр.; Обозр. журн., ч. LXXXIII, с. 88 и д.); А. Энгельманъ (Хронол. изслѣдованія въ области рус. и ливон. исторіи въ XIII и XIV стол., Спб. 1858); А. Васильевъ (О древнѣйшей исторіи сѣв. славянъ до временъ Рюрика и откуда пришелъ Рюрикъ и его варяги, Спб. 1858); Архим. Макарій, Археол. опис. церк. древ. въ Новгородѣ, М. 1860; Гр. М. Толстой, Святыни и древн. Вел. Новгорода, М. 1862; В. В. Мстиславскій (Что такое Славно, Чт. въ Общ. ист. 1861, кн. III, 65—70); Н. И. Костомаровъ (Сѣв. рус. народоправства во времена удѣльно-вѣчеваго уклада, 2 т., Спб. 1863; также Истор. моногр., съ подр. указ. литературы; О знач. Вел. Новгорода, Ист. мон., т. I; Очеркъ торговли Моск. госуд. въ XVI и XVII стол., Спб. 1862 и Моногр., глава 1-я); Н. *З-въ* (Замѣчанія касательно устр. древней новгор. іерархіи, Прав. Соб. 1863, №№ 2 и 3); И. Д. Бѣляевъ (О географ. свѣд. въ древней Россіи, Записки Геогр. общ. 1852, кн. VI, стр. 36—46, 203—209; Разсказы изъ рус. ист. Кн. II. Исторія Вел. Новгорода, М. 1864; Писц. новгор. книги 1582—83, съ предисл. Б-ва, Врем. Общ. ист., кн. VI; О позем. влад. въ Моск. госуд., кн. XI, 1—82; Перепис. оклад. книга по Новугор. Вот. пя-

тины, 1500 г., ibid. и кн. XII, сообщ. кн. М. А. Оболенскимъ, съ предисл. Б-ва); Н. Аристовъ (Промышленность древней Руси, Спб. 1866); Г. Ѳ. Карповъ, Ист. борьбы Моск. госуд. съ польско-литов., гл. 2-я, Новгородъ (Чт. О. И. и древ. 1866. III, 41—96); В. И. Сергѣевичъ, Вѣче и князь, М. 1867 и др. (Древн. рус. права, т. I, кн. II; Землевладѣніе, тягло, порядокъ обложенія, тамъ же, т. Ш, Спб. 1903); А. Ильинскій (см. выше, стр. 622, прим. 6); В. Пассекъ (Новгородъ самъ въ себѣ, Чт. въ Общ. ист. и древн. рос. 1869, IV, 1—187); А. И. Никитскій (Очерки изъ жизни Вел. Новгорода, Ж. М. Н. Пр. 1869, № 10, с. 294—309: Правит. совѣтъ; 1870, № 8, с. 201—224: Св. вел. Иванъ на Опокахъ; Воен. бытъ В. Новгородъ, Р. Стар. 1870, № 3; Очеркъ внутр. ист. церкви въ В. Новгор., Ж. М. Н. П. 1879, №№ 2, 3, 5, 6, 7 и отд.; Отнош. новг. владыки къ нѣмец. купечеству по нов. даннымъ, 1883, № 7, с. 1—15; рец. на „Очеркъ ист. церкви", Е. Е. Замысловскаго, 1880, № 1, с. 213—222; Отвѣтъ нашимъ критикамъ, по нов. рец. Кояловича, Костомарова и Замысловскаго, ib., № 6, с. 354—382; Замѣтки объ изд. новгор. писцов. книгъ, 1880, № 12, с. 268—296; Исторія экономич. быта В. Новгорода, Чт. въ Общ. ист. 1893, кн. I и II, 1—306 стр.; рец. А. С. Лаппо-Данилевскаго, Ж. М. Н. Пр. 1895, № 12, с. 343—397; Къ вопросу о мѣрахъ въ древней Руси, ib. 1894, № 4, с. 373—420, м. проч. повѣрка прежн. мнѣній о мѣрахъ и цѣнахъ); И. А. Тихомировъ (см. выше, стр. 538); М. Бережковъ (О торговлѣ Руси съ Ганзой до к. XV в., Спб. 1879; рец. на соч., Ѳ. Я. Фортинскаго, Примор. венд. города и ихъ вліяніе на образов. Ганз. союза до 1370, Ж. М. Н. Пр. 1877, № 4, с. 306—315; О торговлѣ русскихъ съ Ригою въ XIII и XIV вв., ib., № 2, с. 330—357); Е. Прилежаевъ, Новгородская Софійская казна (ibid. №№ 7, 8, 10); Ал. Лимбертъ (Предметы вѣдомства вѣча въ княж. періодъ древней Россіи, Варш. 1877, изъ Унив. Изв.); В. Дьячанъ (Участіе народа въ верхов. власти въ славян. госуд. до XIV—XV вв., Варш. 1882, изъ В. Ун. Изв., гл. 4-я); М. Кочановичъ (Полит. устр. Новгор. республики, Варш. Унив. Изв. 1885, № 2; с. 330—357); Д. И. Прозоровскій (Вел. Новгородъ по четыремъ новгор. лѣт. съ дополн. по другимъ источ. до к. первой четв. XVIII в., Зап. Отд. рус. и славян. археол. Имп. Рус. Арх. общ., IV, 1887, с. 1—177; Новыя разысканія о новгородскихъ посадникахъ, Вѣст. Арх. инст., в. X, 1892, с. 98—131); Г. Лыткинъ (Пятисотлѣтіе Зырянскаго края—о Югрѣ, Ж. М. Н. Пр. 1883, № 12, стр. 275—326); А. Оксеновъ (Политич. отношенія Моск. госуд. къ Югорской землѣ 1455—1499, Ж. М. Н. Пр. 1891, № 2, с. 245—273; Торговыя сношенія русскихъ съ обитат. Сѣв. зап. Азіи до эпохи Ермака, Томскъ 1888; рец. Ж. М. Н. Пр., № 8, с. 514—515); Фр. фонъ-Кейсслеръ (Окончаніе первонач. русск. владыч. въ Прибалт. краѣ въ XIII стол., Спб. 1900, съ карт., нѣмец. изд.

St. Pet. 1897); В. И. Помяловскій (По вопросу о московско-новгородскихъ отношеніяхъ XV и XVI вв., Ж. М. Н. Пр. 1898, № 1, с. 40—60); П. И. Сумароковъ (Новгород. исторія, сост. въ 1809 г., Чт. въ Общ. ист. 1899, кн. II и III, с. 1—322); Архим. Сергій (Новгор. уѣздъ Вот. пятины по писцов. книгѣ 1500 г. (ib. 1900, кн. IV, с. 1—119); Н. А. Рожковъ (Политич. партіи въ Вел. Новгородѣ въ XII—XV стол. (Ж. М. Н. Пр. 1901, № 4, стр. 241—286); Семья Борецкихъ и Марѳа посадница (Русскій Біографич. Словарь, изд. Имп. Рус. Историч. общ., съ указан. литер., относ. къ ней и Новгороду того времени); Указатель литературы по исторіи Новгорода (Новг. Епарх. Вѣд. 1896, №№ 5 и 6); Архим. Леонидъ (Обозр. царегр. памятн. и святынь XIV и XV вв. по рус. паломникамъ, М. 1870 (Чт. въ Общ. ист.).

Буслаевъ (Лекціи изъ ист. рус. литер., Лѣтоп. рус. лит.. изд. Тихонравовымъ, т. III, 63—88; Мѣстныя сказанія, т. IV, Памятники древ. рус. письмен., см. „Очерки", II, 97—132; Новгородъ и Москва, ib., 269—280; Для ист. рус. живописи XVI в., ib., 281—329); В. О. Ключевскій (Хозяйств. дѣят. Соловец. мон. въ Бѣломорск. краѣ, Московск. Унив. Изв. 1866—67, стр. 541—574; Древне-рус. жж. святыхъ, какъ ист. источникъ, М. 1871); Филаретъ, архіеп. черниговск. (Русскіе святые; Обзоръ русск. духов. литер.); Макарій (Ист. церкви, тт. I—V); Голубинскій (Ист. церкви, тт. I и II); П. Тихоміровъ, Каѳедра новгор. святителей со времени введенія христіанства въ Новгородѣ (992) до покор. его моск. державѣ (въ 1478). Съ изобр. святителей, Новгор., 1891—97, 3 тт.; Арх. Леонидъ, Опис. Новгор. 1-клас. Юрьев. мон. (Чт. въ Общ. ист. 1858, II, 1—118); о другихъ мон. (Опытъ рус. исторіогр., 665—86); І. Сырцовъ (Соловец. острова, ист. оч., Морск. Сборн. 1867, № 9, с. 84—111); П. О. Ѳедоровъ (Соловки, Зап. Геогр. общ. по Отд. этн., т. XIX, 1889, с. 1—344); И. Купріяновъ (Обозр. пергам. рукоп. новгор. Соф. библ., Изв. Ак. Наукъ, т. III и VI, 1857; Отрывки изъ расход. книгъ Софійск. дома, Изв. Арх. Общ., т. III, 32—54); А. И. Сервицкій (Ересь новгор. еретиковъ или жидовств. (Прав. Обозр. 1862, №№ 6, 7, 8); *М. Л.* (Геннадій архіеп. новгор., Чт. въ Общ. люб. дух. просв. 1875, № 5, с. 463—508); И. Пановъ (Ересь жидов-хъ, Ж. М. Н. Пр. 1877, № 1, 2, 3); Н. Лебедевъ (Макарій м. всерос., М. 1881); К. Заусцинскій (Макарій м. вс. Рос., Ж. М. Н. Пр. 1881, №№ 10, 11); А. П. Бѣльскій (Антоній архіеп. новгор. и его путеш. въ Царьградъ, Спб. 1890, изъ Памят. литер.); Н. Волковъ (Статист. свѣдѣнія о сохранившихся древнерусск. книгахъ XI—XIV вв. и ихъ указатель, Спб. 1897); А. Никольскій (Опис. семи новгор. соборовъ по сп. XVI в., Вѣст. Археол., инст. в. X, 1898, 76—81; Описаніе св. Софіи въ Новгородѣ и святыни древней Великоновгор. области до 1654 г., XIV, 219—226); П. А. Гусевъ (Новое, неизв. въ печати,

чудо преп. Варлаама Хут, 86—115; Новгор. икона св. Бориса и Глѣба въ дѣяніяхъ, ib. 86—115; Новгородъ XVI в. по изображ. на хутын. иконѣ: „Видѣніе поном. Тарасія", ib., в. XIII, с. 7—66, съ план. города, друг. изображ. и литерат.; ср. о томъ же замѣч. Бестужева-Рюмина, Рус. ист., I, с. 310, прим. 13; Икона св. Іоанна (Иліи) архіеп. въ дѣяніяхъ и чудесахъ, хран. въ ц. св. Власія и важная для быт. ист. Новг. XIII в, ib., т. XV, 34—105); Н. Н. Мурзакевичъ (Васильевскія двери въ г. Александровѣ, Ж. М. Н. Пр. 1838, ч. XVI, с. 600—22); Гр. А. С. Уваровъ (Архит. первыхъ деревян. цц. на Руси, Тр. 2-го Арх. съѣзда, I, 1—24); Новг. большой пожаръ церквей въ 1745, А. Никольскаго (Вѣстн. Арх. инст., т. XV, 161—334); В. И. Успенскій (Черты Зап. европ. религіоз. живописи и слѣды иностр. вліяній въ русск. иконопис., ibid.. XII, 82—118); Гр. И. И. Толстой и Н. П. Кондаковъ (Русскія древности, вып. VI-й, памятники Новгорода и Пскова, Спб. 1899). По исторіи монетнаго дѣла см. труды Шодуара, Черткова, Сонцова, Бѣляева, Куника, Казанскаго, Кёне и въ особенности гр. И. И. Толстого: „Деньги В. Новгорода", Спб. 1884 (рец. П. Н. Петрова, Ж. М. Н. Пр. 1885, № 12).

Сборники пѣсенъ и былинъ—Кирши Данилова, Рыбникова, Соболевскаго; изслѣд. о народныхъ сказ. и былинахъ (Н. А. Веселовскаго, В. Ѳ. Миллера, Н. П. Дашкевича и др.); А. В. Марковъ, Бѣломор. былина о пох. новгор. въ Югру въ XIV в.—Камское побоище (Юбил. сборн. въ честь В. Ѳ. Миллера, 150—162); Что такое „море Вирянское" и „городъ Леденецъ". Справка къ вопросу о времени и мѣстѣ происх. былины о Соловьѣ Будимировичѣ, П. М. Милюкова (ib., 314—315; ср. о Линданисѣ и г. Леденцѣ, Уч. Зап. Ак. Н. по 1 и 3 отд., т. II, стр. 756); В. Ѳ. Миллеръ (Къ был. о Соловьѣ Буд., Ж. М. Н. Пр. 1895, № 11, с. 57—76); Э. А. Вольтеръ (Что такое Линданиса, Изв. Ак. Наукъ 1900, IV, 1326—331); С. Шамбинаго (Древ. русское жилище по былинамъ, Юбил. Сборн., ibid. 129—149); А. И. Соболевскій (см. стр. 669, пр. 1).

H. Behrmann, De Scra van Nougarden, Copenh. 1828; G. Sartorius (Urkundliche Gesch. des Ursprungs der Deutschen Hanse, Hamb. 1830; ср. Ж. М. Н. Пр. 1839, ч. XVII); Ern. Hermann, Beiträge z. Gesch. der russischen Reiches (Über die Verbind. Nowgorods mit Wisby und der Deutschen mit den Russen, Leipz. 1843); Kurd v. Schlözer (Die Hansa etc. Berl. 1853; Verfall und Untergang der Hanse etc., B. 1853; ср. О торговыхъ сношеніяхъ Н. съ Любекомъ въ сред. вѣка, Ж. М. Н. Пр., 1841, ч. XXV); N. G. Riesenkampf (Der deutsche Hof zu Nowgorod bis zu seiner Schliessung durch Iwan Wass. III im Jahre 1494, Dorp. 1854); Herm. Hildebrand (Das rigische Schuldbuch 1286—1352, S. Pt. 1872); G. Jakob (Der Nordisch-baltische Handel der Araber im Mittelalter, Leipz. 1887); A. Winckler (Die deutsche Hansa in Russland, Berl. 1886); W. v. Gutzeit (Nagaten und

Mordken. Eine Erläuterung zur Münzkunge des alten Russland, Riga 1887); W. Buck (Der deutsche Handel in Nowgorod bis zur Mitte XIV Jahrh., S. Pt. 1895); E. Bonnell (Russisch-Livländische Chronographie von der Mitte des IX-ten Jahrhunderts bis zum Jahre 1410, S. Pet. 1862; ср. рец. Погодина (31 прис. Демид. нагр.) и Куника (Бюллет. Ак. Н., т. V); труды Шёгрена (О Ями, Заволоц. чуди, Ятвягахъ и пр., Gesam. Schrif., B. I); ср. также „Опытъ рус. ист-фіи", I, 318, 353—54, 566—67; мелкія статьи (Межовъ, Рус. Ист. библ. 1800—1854, I, 302, 354—357; II, 323—324; III, 36—37; 1855—76, I, 233, 327—28, 362, 394; V, 290).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Псковъ.—Географическія условія. Общественный строй. Торговля.—Политическія отношенія. Столкновенія съ Новгородомъ.—Борьба на Западѣ.—Стремленія къ независимости. Подчиненіе Москвѣ.—Церковь. Письменность.—Псковскія лѣтописи.

I.

Есть основаніе полагать, что было время, когда литовцы жили гораздо далѣе на югъ и востокъ (см. стр. 543—45), а финны гораздо южнѣе и западнѣе (стр. 474, 499), такъ что тѣ и другіе были непосредственными сосѣдями и между ними ни кривичей, ни новгор. славянъ, ни вятичей не было [1]). Мѣстныя названія въ предѣлахъ разсматриваемой области подтверждаютъ сказанное [2]). Между тѣмъ, какъ имя Новгорода является уже съ чисто славянской физіогноміей [3]), названіе Пскова (отъ р. Псковы, Piskawa—поливски, Pihkwa-Piskwa — поэстонски, что значитъ смолистая вода, а въ предѣлахъ Пскова много мѣстностей носитъ названія, связанныя съ происхожденіемъ ихъ отъ смолы), какъ и Изборска (р. Иза, поэст.—отецъ, борскъ—burg), имѣвшаго сначала преобладаніе въ этой мѣстности (Труворъ), указываютъ на господствующее нѣкогда значеніе западнофинскаго элемента [4]). Съ другой стороны, археологическія разыска-

---

[1]) Указаніе П. И. Прейса, недавно поддержанное В. И. Ламанскимъ (Ж. М. Н. Пр. 1903, № 5, с. 143).

[2]) Д. П. Европеусъ, см. выше, стр. 741.

[3]) По словамъ того же автора, въ одномъ документѣ Гельсингфорскаго архива встрѣчается древне-корельское названіе р. Волхова въ формѣ Ohlawa, съ удареніемъ на *o* (Ж. М. Н. Пр. 1889, № 8, с. 377, прим. 1).

[4]) П. И. Прейсъ (Эстонское названіе г. Пскова—Pihkwa, въ Das Inland 1839, № 13, перевед. въ Ж. М. Н. Пр. 1889, № 8, с. 376-379) пытался производить названіе Пскова отъ славян. пѣсъкъ, перешедшее въ указанной формѣ къ эстамъ; но объясненіе это не принято. Ср. Ю. Трусманъ, О происх. названія г. Пскова

нія свидѣтельствуютъ о весьма раннемъ заселеніи этой мѣстности[1]), и хотя въ племенномъ отношеніи населеніе Псковской области было родственно полоцкимъ и смоленскимъ кривичамъ (499, 529), но весьма рано оно вошло уже въ болѣе тѣсную связь съ ильменскими славянами. Вмѣстѣ съ послѣдними (см. 947), Псковъ подчиняется кіевскимъ князьямъ (при Игорѣ и Ольгѣ, которую лѣтопись выводитъ изъ Пскова[2]), а съ выдѣленіемъ Новгорода изъ общаго союза русскихъ княжествъ—этому послѣднему[3]). Попытка Всеслава полоцкаго подчинить себѣ Новгородъ и Псковъ не увѣнчалась успѣхомъ (см. стр. 530). Какъ пригородъ Новгорода, Псковъ вполнѣ зависѣлъ отъ этого послѣдняго: посылалъ своихъ гражданъ на вѣче въ Новгородъ и получалъ оттуда посадниковъ (стр. 607); но, какъ важнѣйшій изъ пригородовъ, имѣлъ и нѣкоторыя преимущества[4]).

Находясь между новгородскими, литовскими и нѣмецкими владѣніями, Псковская земля имѣла видъ длинной и узкой полосы, на всемъ протяженіи запада и юга открытой для вторженія сосѣднихъ народовъ. Длина ея по восточной границѣ, по счету псковичей, достигала трехсотъ верстъ, а ширина едва ли доходила до 100. Самый Псковъ, расположенный по рр. Псковѣ и Великой, находился отъ вост. границы на разстояніи не болѣе 50 вер., а отъ западной ок. 40 в.[5]). Подобное положеніе края заставляло жителей постоянно думать объ опасностяхъ и этимъ объясняются непрерывныя заботы ихъ объ укрѣпленіи города (1309, 1330, 1337, 1375, 1377, 1385, 1387, 1393,

(Живая Стар. 1894, I, 120—122); О происх. назв. г. Изборска и древняго населенія его окрестностей (ibid., 549—554).

[1]) Псковскій Городецъ и Мирожъ, какъ мѣста первыхъ псковскихъ поселеній, Ф. А. Ушакова (Тр. Рус. Арх. общ. по Отд. рус. и славян. арх., V, 312—322).

[2]) А. К. Спасскій, Вопросъ о возникновеніи Пскова (Ж. М. Н. Пр. 1887, № 3, с. 1—20). Ср. мѣстныя назв. въ связи съ именемъ Ольги въ Псковскомъ краѣ (Филаретъ, Житія, іюль, с. 72—73); Памятники просвѣт. дѣятельности св. благов. вел. княг. Ольги россійской въ Псковской странѣ. Изд. Псков. Арх. общ., Спб. 1883; см. выше, стр. 125, пр. 1. Мѣстная лѣтопись (П. С. Р. лѣт., IV, 174) начало Пскова возводитъ къ отдаленнымъ временамъ.

[3]) Ярославъ, сидя въ Новгородѣ, посадилъ брата своего Судислава въ заключеніе во Псковѣ (1036).

[4]) Въ 1228 г. новгородцы, узнавъ, что псковичи не желаютъ идти войной на Ригу, по предложенію кн. Ярослава Всев., и сами отказались отъ нея.

[5]) П. С. Р. лѣт., IV, 201. 255, 293. „Псковичи едва насчитывали какихъ нибудь сто три версты вдоль своихъ владѣній" (Бѣляевъ. 385), которыя лежали по р. Великой и ея притокамъ, около Псковскаго и частью Чудскаго оз. и по одному берегу Наровы.

1394, 1397, 1399, 1400—1402, 1404, 1407, 1417, 1419, 1420, 1421, 1431, 1432, 1434, 1453, 1458, 1462, 1463, 1465, 1471, 1484, 1508, 1517 и д.) деревянными, плитяными (кирпичными [1]) и каменными стѣнами и башнями, превосходившими новгородскія (стр. 613 [2]); о перенесеніи на гору и укрѣпленіи Изборска (1330), второго города послѣ Пскова (см. 1343 годъ [3]) и о построеніи и укрѣпленіи цѣлаго ряда пригородовъ, сначала появляющихся преимущественно на южной и западной окраинѣ (Островъ до 1341 г., Коложе и Велье, 1406, Опочка, 1414, 1441, Вороначъ, 1426, Гдовъ, 1431, укрѣпл. въ 1434, Кобылій, 1462, Красный, 1464, Вышгородъ (Городецъ, 1476), а потомъ и на восточной, обращенной къ Новгороду (Вревъ, 1426, Котельный-Выборъ, 1431, Володимірецъ, 1462 [4]). Псковъ дѣлился на шесть концовъ [5]), къ которымъ тянули и пригороды [6]). Городское населеніе дѣлилось еще на улицы и сотни; остальное на волости и губы (въ пограничныхъ мѣстахъ [7]). Въ моментъ паденія Пскова, въ городѣ (Сред-

---

[1]) О выдѣлкѣ кирпича (плиту жгли) упоминается въ лѣтописи (Псков. 1-я, 1420). Въ 1375 г. была заложена четвертая плитяная стѣна отъ р. Псковы до р. Великой. Русло этой послѣдней доставляло камень (Поссевинъ). Ср. Евгеній, I, 23—24.

[2]) Нѣмецкій лѣт., современный Довмонту, говоритъ о Псковѣ: „Этотъ городъ такъ обширенъ, что его окружность обнимаетъ пространство многихъ городовъ и въ Германіи нѣтъ города, равнаго Пскову". Поэтому полагаютъ, что онъ уже въ то время обнималъ всѣ части (Дѣтинецъ, Кромъ, Полонище, Запсковье и Завеличье). Бѣляевъ, Исторія г. Пскова, 236—237. Герберштейнъ замѣчаетъ, что Псковъ единственный городъ въ государствѣ, который весь окруженъ стѣнами. По словамъ лѣтописца крѣпость стѣнъ надолго предохранила Псковъ и отъ посягательствъ Москвы (IV, 283). Упом. ворота „Великія" и 7 другихъ (195, 215, 222, 233, 288, 294, 326).

[3]) Петръ Зухенвиртъ (XIV в.) въ одномъ изъ своихъ стихотвореній называетъ Изборскъ (Eysenburk) „прекраснымъ и хорошо защищеннымъ городомъ" (Аделунгъ, Обз. путеш., I, 88).

[4]) Лѣтоп. Новгор. и Псков.; ср. Никитскій, 112, 129—30, 134—35; 164, 245—250; Бѣляевъ, 246, 265, 269—70, 284, 285, 304, 315. Кобылій (Новый городецъ) и Вышгородъ считались городищами (Пск. 1-я, 221, 228).

[5]) Никитскій, 61, 115, 162—163; П. С. Р. лѣт., IV, 231. Каждый конецъ въ Псковѣ имѣлъ свой складъ пороха (П. С. Р. лѣт., IV, г. 1507). Раскладка повинностей дѣлалась также по концамъ (1474; ср. Бѣляевъ, 8—9) и т. п. Города имѣли свои волости (191, 221, 230, 252, 262, 266).

[6]) Изборскъ, какъ старѣйшій, пользовался иногда рѣшающимъ голосомъ наравнѣ со Псковомъ, напр. относительно похода противъ нѣмцевъ (1343), на общемъ вѣчѣ. Такія совѣщанія бывали и у Новгорода со Псковомъ и Ладогой (см. у стр. 610, пр. 2), съ Торжкомъ (вѣча 1372, 1373).

[7]) Никитскій, 164, 177. Другіе считаютъ ихъ = присудамъ въ Новгородѣ (Бѣляевъ, 18). Улицы по управленію и суду тянули къ „лавицамъ" (214, 215, 218, 267, 268, 278, 294; ср. Бѣляевъ, 10).

немъ, въ Застѣньи) считалось 6500 дворовъ, а Кремль былъ пустъ [1]) Въ посадѣ, въ 30-хъ годахъ XVII в., было всего 1057 чел. [2]). Упраленіе и судъ [3]) сосредоточивались въ рукахъ—посадниковъ, сотскихъ, старостъ и судей [4]). Завися до пол. XIV в. отъ Новгорода, Псковъ получалъ отъ него посадниковъ; но затѣмъ (стр. 619) они становятся выборными и во Псковѣ устанавливаются порядки, общіе съ Новгородомъ: многіе подолгу остаются посадниками; выборъ часто останавливается на лицахъ одной и той же фамиліи; а эти послѣднія пріобрѣтаютъ большое вліяніе на дѣла. Съ к. XIV устанавливается двойное посадничество, а со 2-й полов. XV в. и частая, почти ежегодная смѣна посадниковъ [5]). Въ пригородахъ являются также посадники, по выбору мѣстныхъ жителей; но пригороды, тѣмъ не менѣе, вполнѣ зависѣли отъ Пскова, будучи скорѣе селами, чѣмъ городами, такъ какъ въ нихъ преобладало земледѣліе, и служа лишь укрѣпленными пунктами на случай военныхъ нуждъ [6]). Населенность псковскихъ пригородовъ, сравнительно съ новгородскими, была еще незначительнѣе [7]), хотя данныя эти относятся къ болѣе позднему и, быть можетъ, худшему времени. Постоянно отвлекаемый внѣшними опасно-

---

[1]) П. С. Р. лѣт., IV, 282; ср. 306. Въ Кремлѣ, какъ полагаютъ, были лишь клѣти для осаднаго сидѣнья (Н. Д. Чечулинъ, Города Моск. гос., 154; ср. Евгеній, I, 25).

[2]) Н. Харузинъ, Псковъ и его пригороды (Тр. Арх. ком. М. Арх. общ., I, 3, с. 398).

[3]) М. Іона въ Псковъ писалъ такъ: „всему священству, боярамъ, купцамъ и житьимъ людямъ". Псков. суд. грам. составлялась на вѣчѣ, „по благословенію поповъ всѣхъ 5 соборовъ, священноиноковъ, діаконовъ, священниковъ и всего Божія священства, всѣмъ Псковомъ". Псковъ о себѣ выражался: „посадники псковскіе степенные и старые посадники, сыновья посадничьи, и бояре, и купцы, и житьи люди и весь Псковъ челомъ бьетъ" (грам. кор. Казимиру 1480 г.; ср. Псков. 1-я лѣт., гг. 1397, 1510).

[4]) Кромѣ того, судьи несли важныя обязанности по управленію, при заключеніи договоровъ, наравнѣ съ посадниками и старостами (1445, 1461, 1472, 1501), а иногда въ качествѣ начальниковъ отряда (1463). О посадникахъ въ пригородахъ (1426).

[5]) О нихъ см. Псков. и Новгор. лѣт. Общее число посадниковъ доходитъ до 90. Неполный списокъ у м. Евгенія (Ист. княж. Псков., II, 38—45); перепеч. у кн. Голицына (Ист. Пскова, Арх. ист. и практич. свѣд. 1860 - 61, VI, 146—148). Иногда называется заразъ 7—13 посадниковъ (1-я Псков., 1461, 1478).

[6]) П. С. Р. лѣт., IV, 187, 204, 224, 254, 270; Бѣляевъ, 14; Никитскій, 172—173. Псковъ вмѣшивался даже въ судеб. постановленія пригородовъ (1477).

[7]) Н. Чечулинъ, Города, 83—103; ср. 34—55. Въ 1501 г. Плеттенбергъ истребилъ г. Островъ, въ которомъ погибло 4000 жителей.

стями, Псковъ меньше подвергался внутреннимъ раздорамъ [1]). Въ періодъ подчиненія Новгороду, въ немъ преимущественно отражалось вліяніе новгородскихъ партій [2]); а впослѣдствіи, мѣстное боярство [3]), не столь богатое, какъ въ Новгородѣ, и менѣе сплоченное въ своихъ стремленіяхъ, не такъ злоупотребляло своею властью. Поэтому одни готовы видѣть во внутренней исторіи Пскова „почти невозмутимый порядокъ" и полное отсутствіе „шумныхъ вѣчъ и междуусобій" [4]), а другіе—равенство въ правахъ (голоса) большихъ и меньшихъ людей, умѣнье первыхъ приноровиться къ желаніямъ послѣднихъ и отсюда „демократическій" строй „Псковской республики" [5]). Однако, взаимныя неудовольствія на почвѣ сословныхъ и экономическихъ отношеній проявлялись иногда въ весьма рѣзкихъ чертахъ [6]), а къ концу самостоятельнаго существованія Пскова въ этихъ смутахъ получаетъ большое значеніе вліяніе Москвы (гг. 1483, 1484, 1485).

Герберштейнъ называетъ нравы псковитянъ гуманными, но потомъ испорченными завоеваніемъ москвитянъ (ed. Starcz., 52). Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что частыя войны, соединенныя съ обычными явленіями, нарушенія торговыхъ договоровъ и сѣтованія лѣтописцевъ на нравы современниковъ, давали себя чувствовать. Притомъ здѣсь имѣло мѣсто и то политическое угнетеніе, которое сохраняетъ свое значеніе вездѣ и съ одинаковою силою. Современникъ погрома, нанесеннаго Нидерландамъ Филиппомъ II, заявляетъ, что тогда „исчезло всякое довѣріе, даже самое естественное, между родителями и дѣтьми и между братьями" (Прескоттъ, III, 225). И здѣсь, какъ въ Новгородѣ и Псковѣ, отмѣчаютъ упадокъ кредита со стороны иностранныхъ купцовъ (ibid., 225—26). Вопреки законамъ

---

[1]) Б. Рюминъ, I, 366.

[2]) Бѣляевъ, 191—198, 213—214, 218—220, 222—23, 256.

[3]) Въ лѣтописи часто упоминается „много бояръ" (П. С. Р. лѣт., IV, 201, 204, 216, 226, 252). Любопытно, что „сынъ поповъ, раздьяконъ" могъ стать бояриномъ (ib., 254).

[4]) Никитскій, 179—180.

[5]) Бѣляевъ, 222—223.

[6]) Въ 1-й Новг. л. замѣчено: „а въ Пльсковѣ почали бяху грабити недобрии люди села і дворы в городѣ и клѣти на городѣ, і ізбиша іхъ Пльсковичи съ 50 человѣкъ; і потомь бысть тіхо" (1314). „Бысть сѣча Псковичомъ промеже себе, *и много бысть мертвыхъ*", читаемъ (1385) въ Новгор. 4-й лѣт. „Прибавиша Псковичи зобници (мѣра для зерноваго хлѣба) и палицу привишили къ позобенью, при посадникѣ степенномъ Алексѣѣ Васильевичѣ, а старыхъ посадниковъ избивъ на вѣчи" (1-я Псков., 1458). Въ 1483 г. побиты дворы у 6 посад. и много другихъ (ib.).

(Псков. суд. грам.), судебные приговоры во Псковѣ нерѣдко отличались крайнею суровостью (П. С. Р. лѣт., IV, 254, 270; въ 1509 г. сожженіе пономаря за кражу денегъ изъ лари, а между тѣмъ въ Новгородѣ, за ту же вину, монахъ Пименъ былъ только подвергнутъ безчестью и пенѣ (ib., 236). Напрасно полагаетъ (г. 1509) Костомаровъ, (II, 97), что кнутъ былъ результатомъ лишь московскаго вліянія. Подобныя позорныя наказанія существовали и раньше (батогъ въ Р. Правдѣ, см. Христом. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, I, 23—24; ср. Лавр. лѣт., г. 1093; Ипат. л., г. 1177). Притомъ не безъ основанія указываютъ, какъ на источникъ означеннаго орудія наказанія —Византію (см. в., стр. 134) или Скандинавію (Срезневскій, Словарь, стр. 1239; ср. 45); а вмѣшательство въ судебные приговоры до подчиненія Пскова не могло имѣть мѣста. Уже въ XVI в. Самуилъ Кихель писалъ: „Народъ здѣсь дикъ, суровъ, неблаговоспитанъ" (Аделунгъ, 236). Какъ и въ Новгородѣ, во Псковѣ подвергали сожженію за колдовство: въ 1411 г.—12 вѣщихъ женщинъ, хотя лѣт-цъ сомнѣвается въ ихъ виновности; но такъ поступали и на Западѣ, въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Разбойниковъ во Псковѣ вѣшали, не стѣсняясь числомъ (П. С. Р. лѣт., IV, 250; о смертной казни вообще —ср. замѣч. Бережкова, 191, прим. 33). Система жестокихъ наказаній вполнѣ царила и на Западѣ (Прескоттъ, Ист. цар. Филиппа II, кн. II, 11, 14, 67, 142, 152), а грубость нравовъ и пьянство были такими пороками въ городахъ Англіи и Германіи, на которые въ XIV—XVI вв. постоянно жалуются современные писатели (Hüllmann, IV, 180—184; Г. Фойгтъ, Возрожденіе, II, 219—224, 248, 275—76; Мотлей, Ист. нидерл. революціи, III, 70, 78, 381).

Во Псковѣ твердо держалось мнѣніе, что онъ городъ „вольный", „пренменитый", въ которомъ нѣтъ иного „правителя", кромѣ вѣча [1]). Поэтому и дѣятельность послѣдняго проявлялась въ самомъ широкомъ смыслѣ: въ вопросахъ о войнѣ и мирѣ, въ законодательствѣ, въ дипломатическихъ сношеніяхъ [2]) - вѣчу дѣлались доклады, сообщались отчеты о посольствахъ и т. п. [3]), въ судебныхъ рѣшеніяхъ (какъ высшей инстанціи [4]), наконецъ, въ церковныхъ дѣлахъ (см. ниже). Стѣсненный въ своей территоріи, Псковъ не могъ, подобно Новгороду, распространять сво-

[1]) Псков. 1-я лѣт., 232, 283, 337. Иногда вѣче называется „міромъ" (238); а псковитяне именовали себя „добровольными людьми" (219, 221, 226).

[2]) Ibid. 232, 233, 238, 243, 266; Псков. суд. грам.

[3]) Псков. 1-я лѣт., 222, 225, 257, 262, 266, 270, 271, 274.

[4]) Ibid., стр. 232, 233, 269, 283. Въ важныхъ случаяхъ вѣче созывалось и почью (262). Въ Германіи гораздо раньше эти функціи переходятъ къ совѣту, хотя формально вѣче существуетъ, а въ XIV в. оно совершенно исчезаетъ. Ср. Мотлей (II, 356).

ихъ владѣній путемъ широкой колонизаціи и долженъ былъ отступать передъ напоромъ нѣмцевъ (1224, 1283), а потомъ и Литвы, вслѣдствіе чего земельныя владѣнія псковскихъ бояръ не могли достигнуть такого значенія, какъ въ Новгородѣ; а права другихъ гражданъ не потерпѣли большихъ ограниченій [1]). Въ Псковской землѣ была развита мелкая поземельная собственность, сябренное владѣніе [2]) землей (на паяхъ), а пользуясь бо́льшимъ вліяніемъ на дѣла, псковитянамъ удалось обезпечить закономъ (Псков. суд. грам.) права мелкихъ владѣльцевъ и крестьянъ отъ захватовъ земли и посягательствъ на ихъ трудъ. Так. обр. во Псковѣ вѣче значительно было ограждено отъ вліянія боярскихъ партій, поддерживаемыхъ ихъ многочисленными кліентами. Повидимому, на этой почвѣ разыгралось извѣстное дѣло о смердахъ (1483—1485 гг. [3]), сопровождавшееся похищеніемъ старой грамоты, въ которой были опредѣлены ихъ обязанности, и составленіемъ новой посадниками и большими людьми, помимо вѣча, внесенной въ книги (постановленій) и на храненіе въ ларь св. Троицы. Дѣло это вызвало негодованіе меньшихъ людей, сопровождалось убійствомъ на вѣчѣ посадника, смертнымъ приговоромъ и конфискаціей имущества другихъ посадниковъ, бѣжавшихъ въ Москву, стоило многихъ хлопотъ и средствъ и окончилось вмѣшательствомъ вел. князя, который все-таки поддержалъ своего намѣстника и бояръ [4]). Люди, несшіе военную службу (земцы), также надѣлялись землею (кормлею), которую они не имѣли права передавать другимъ. Вообще, почти вся земля Псковская была использована, въ противоположность Новгородской, гдѣ всякій могъ „притеребить или захватить изъ дикаго поля или лѣса". Лишенные другихъ промысловъ.

---

[1]) Не подлежитъ сомнѣнію, что въ Псковѣ, какъ и въ Новгородѣ, основной элементъ богатства составляло землевладѣніе: но богатые землевладѣльцы являлись вмѣстѣ съ тѣмъ и купцами, подобно тому, какъ бывало и на Западѣ въ средніе вѣка (В. Зомбартъ, Современный капитализмъ, I, 299, 301, 313—315, 322, 325).

[2]) О сябрахъ (см. Псков. суд. грам., ст. 92, 106; С. Отеч. 1840, № 1: псковскія записи; ср. выше, стр. 514, пр. 5); В. И. Сергѣевичъ (Древ. рус. право, III, 69—76, съ литер. вопр.); Лакіеръ (Ж. М. Н. Пр., ч. LXVII, с. 106, рец. на Суд. грам.); Сябринная земля въ проц. крест. Черниговъ. губ. (Кіевлян. 1880, № 256); Г. М. Барацъ, Оп. возстан. текста и объясн. древне-рус. юрид. памятник., Спб. 1903 (изъ Вѣстн. Права); И. В. Лучицкій (Сябр. землевлад. въ Малор.. Сѣв. Вѣст. 1889, №№ 1—2).

[3]) Собственно половникахъ (Никитскій, 281—82). Въ 1476 г., по случаю тяжбы съ намѣстникомъ, упоминаются „конныя дѣла" (= конные суды въ Юго-зап. Россіи, см. Костомаровъ, Сѣв. рус. народоправ., I, 290).

[4]) П. С. Р. лѣт., IV, 266.

псковитяне вполнѣ отдавались земледѣлію; имѣли достаточное количество хлѣбныхъ запасовъ и почти не терпѣли голодовъ, а, напротивъ снабжали своимъ хлѣбомъ другихъ и продавали его за границу, наравнѣ съ прочими произведеніями земледѣлія (какъ ленъ, пенька, солодъ, хмель [1]). Самое законодательство, касающееся землевладѣнія и земледѣлія, во Псковѣ стояло гораздо выше, чѣмъ въ Новгородѣ (Суд грам. Новг. и Пскова [2]).

За то ремесла и мастерства въ Псковѣ, повидимому, были менѣе развиты, чѣмъ въ Новгородѣ, судя по упоминанію о нихъ въ лѣтописяхъ того и другого. Каменныя постройки не отличались прочностью [3]); въ кровельщикахъ чувствовался недостатокъ [4]); упоминаются кожевники (дворъ), суконники (участвовалъ посломъ въ Дерптъ), кузнецкая улица [5]), плотники, мясники, не говоря о домашнихъ занятіяхъ [6]), но

---

[1]) П. С. Р. лѣт., IV, 1230, 1407, 1422. Нерѣдко говорится о большихъ урожаяхъ и дешевизнѣ хлѣба (1403, 1404, 1409, 1455, 1467, 1524), хотя встрѣчаются и жалобы на недородъ или гибель урожаевъ отъ дурной погоды—дождя, морозовъ, и отсюда на дороговизну (1302, 1313, 1403, 1407, 1421, 1435, 1453, 1499). Въ лѣт. упоминаются: жито (1314, 1403, 1433), рожь (1409, 1434, 1435, 1437, 1453, 1467), пшеничный хлѣбъ (1478, 1499, 1501), сѣно, овесъ, толокно (1407, 1427, 1437, 1474, 1501), хмель (1467), капуста, рѣпа (1565), бортники (1427), медъ (1437, 1471), пиво (1474), вино (1471). Въ 1474 г. Псковъ долженъ былъ поставить для войска вел. князя: хлѣбъ, калачи, пшеничную муку, рыбу и медъ. Часто употребл. въ лѣтоп. (ср. 1471) названіе „волога“ —съѣстныя снадобья, получавшіяся отъ коровъ (Костомаровъ, II, 156). Въ 1364 г. сдѣлана была попытка завести солевареніе на р. Рухѣ, но она не имѣла успѣха и была оставлена; соль покупалась на сторонѣ и жители иногда терпѣли нужду въ ней (1233, 1409, 1499). Вообще, домашнее хозяйство не отличалось широкими пріемами (Псков. суд. грам., ст. 66, 86, 112, 118; лѣт., 239, 247); а иностранцы жаловались на недостатокъ во Псковѣ овощей и фруктовъ (Аделунгъ, I, 236). Нѣмецкихъ коней лѣт-цъ называетъ „великими“, слѣд. своя порода была мелкая (IV, 199), хотя постоянно говорится о конной рати (1323, 1348, 1407, 1433, 1480, 1495, 1500). Отмѣтимъ еще, что собаки употреблялись какъ крѣпостная стража и содержались на счетъ города (П. С. Р. лѣт., 267; ср. Соловьевъ, V, 246); а по словамъ Вундерера (XVI в.) во Псковѣ было особое зданіе, въ которомъ держали бѣлыхъ медвѣдей, бѣлыхъ волковъ и буйволовъ для боя.

[2]) Бѣляевъ, 391 – 397.

[3]) П. С. Р. лѣт., IV (Псков. лѣт.), гг. 1362, 1415, 1423, 1517; Карамзинъ, VI, 47.

[4]) См. выше, с. 629. Подобное явленіе въ средніе вѣка встрѣчается и на Западѣ. Даже въ XIV и первой полов. XV в. мы видимъ, что часто цѣлые города стараются заполучить одного или нѣсколькихъ красильщиковъ; а это былъ уже относительно поздній періодъ развитія (Зомбартъ, 159).

[5]) Пск. л., 1451, 1460, 1463, 1466, 1485, 1488.—Кузнецкій рядъ (1519); Рыбный торгъ (1517).

[6]) Псков. суд. грам., ст. 39, 41, въ которой опредѣляются отношенія хозяина и работника. Въ ней говорится также о „мастерахъ и ученикахъ“ (ст. 102).

болѣе культурныя нужды удовлетворялись иноземною торговлею[1]). Судостроеніе и торговыя сношенія на судахъ были довольно распространены[2]). Въ 1477 г., по требованію вел. князя, Псковъ выслалъ подъ Новгородъ „мастеровъ дѣлать мосты“[3]).

Подобно Новгороду, торговля находилась подъ покровительствомъ патрональнаго храма св. Софіи; во Псковѣ былъ особый конецъ—торговскій. Псковъ, какъ тѣсно связанный съ Новгородомъ, рано вошелъ въ районъ торговыхъ сношеній съ Востокомъ и Западомъ (стр. 602). Еще въ 1158 г. бременскіе купцы проложили себѣ путь во Псковъ, а потомъ уже стали ѣздить въ Новгородъ[4]). Изъ Риги и Ревеля обыкновенно ѣздили на Псковъ[5]). Въ 1363 г. во Псковѣ были купцы поморскіе и заморскіе[6]). Позже въ Завеличьѣ стоялъ нѣмецкій дворъ, служившій средоточіемъ иноземной торговли[7]). Но, даже послѣ утвержденія своей независимости, Псковъ нерѣдко договаривался съ нѣмцами вмѣстѣ съ Новгородомъ (1391—въ Изборскѣ, 1363, 1370, 1402[8]), 1477 (догов. грам.), однако, при постоянныхъ враждебныхъ отношеніяхъ къ нѣмцамъ, торговля Пскова на его территоріи еще

---

[1]) Это были сукна, матеріи, мелкія издѣлія и т. п., обмѣнивавшіяся на мѣха, воскъ, ленъ, пеньку, щетину, кожи (Аделунгъ, I, 236).

[2]) Псков. лѣт., IV, 1459, 1463, 1473.

[3]) Во Псковѣ часто строили мосты (Псков. 1-я лѣт., 1412, 1415, 1418, 1429, 1435, 1471). Въ 1456 г. намостили большой мостъ черезъ р. Пскову и дали мастерамъ 80 р. (ibid.). По поводу постройки стѣнъ, мостовъ и церквей упоминается отъ 150 до 400 рабочихъ, которымъ платили отъ 30 до 1000 рублей (1364, 1365, 1421, 1431, 1458, 1464, 1469). Въ 1421 г. работало 200 чел., $3^1/_2$ года (полчетверта года) и получили 1000 руб., а за выдѣлку кирпича было уплочено особо 200 р. Во Псковѣ мостились ц. погосты (у Троицы), нѣк. улицы (1418) и торг. площадь (1308, 1397, 1429; Мощеная улица, 1458). Мосты и мостовая были деревянные (см. в., стр. 630. пр. 3). Каменные мосты на Западѣ появляются въ к. XI в., но рѣдко, а чаще въ XII и XIII вв. Во Флоренціи камен. мостъ заложенъ былъ въ 1236 г., а до того времени было два деревянныхъ. Мостовыя (см. 630) въ Италіи распространяются въ XIII в.: въ Германіи—въ XIV—XV вв. (Hüllmann, IV, 35—39). Жилыя помѣщенія, какъ и въ Новгородѣ, наз. во Псковѣ „избами“ и „хоромами“ (= хранить). Въ XV в. впервые (съ 1400) камен. постройки въ Новгородѣ назв. „комнатой“ (1422), безъ сомнѣнія съ нѣмец. Kemenate (см. K. B. Stark, Das Heidelberg. Schloss, Hist. Zeitschr. v. Sybel, VI, 103) = итальян. camminetto, помѣщеніе съ печью, каминомъ.

[4]) Лербергъ, Изслѣдов., 219—220; ср. Генриха Латыша, а также Г. Трусманъ. Введ. христ. въ Лифляндіи, Спб. 1884.

[5]) Аристовъ, 201.

[6]) 1-я Новгор. и 1-я Псков. лѣт.

[7]) Костомаровъ, II, 14; ср. Зап. И. Р. А. об., IV, 204.

[8]) Ibid., 209, 211.

чаще [1]), чѣмъ въ Новгородѣ, подвергались разореніямъ (1323, 1363, 1369, 1403, 1415, 1436 и др.[2]). Псковскіе купцы посѣщали Дерптъ, Ригу, Ревель, Литву (Вильну, 1349, 1471). Псковъ имѣлъ свои дворы въ Новгородѣ [3]), Смоленскѣ [4]) и, вѣроятно, въ Полоцкѣ (1348). Купцы составляли товарищества, дѣлились на ряды, имѣли свою патрональную церковь (св. Софіи) и старость, которые принимають дѣятельное участіе въ дѣлахъ города [5]). Гривенная система просуществовала во Псковѣ до нач. XV в. (см. выше, стр. 627), когда гривна была замѣнена рублемъ (1 р.=30 кунъ [6]), а нѣсколько позже (1420) вполнѣ перешли къ серебряной валютѣ [7]). Съ основаніемъ утверждають, что значительная часть войнъ Пскова съ Литвою и Нѣмцами велась изъ-за торговыхъ интересовъ и обидъ, причиненныхъ псковскимъ купцамъ [8]).

Военныя столкновенія и торговые интересы вызывали потребность частыхъ дипломатическихъ сношеній и договоровъ. Такимъ образомъ, во Псковѣ мы видимъ нѣмецкихъ пословъ (1323, 1369, 1377—нѣмец. рыцари, 1460, 1461; въ 1463—отъ риж. магистра пріѣзжали Иванъ „князча Сивалдайскій, итолкъ его Индрикъ и иные добрые нѣмцы"—о мирѣ; въ 1464 г.—отъ юрьев. епископа и всѣхъ юрьевцевъ—нѣмецкій князецъ и 30 чел. добрыхъ людей; въ 1471 г.—братъ риж. маг. Пантелей кн. Олыскій (маріенб.) съ дружиною и пробыли двѣ недѣли; въ 1474—снова пріѣзжалъ „итолкъ Индрикъ—Генрихъ (*итолкъ, толкъ*, не объясн. у Срезневскаго, безъ сомнѣнія = толковинъ, по Азбуковнику — помощникъ, толковникъ, см. В. И. Григоровичъ, Записка объ арх. изслѣд. Днѣстр. побережья, с. 2, прим. 1), вѣроятно служившій посредникомъ, переводчи-

---

[1]) Ibid., 227.

[2]) Въ 1403 г. было захвачено 9 псков. купцовъ на оз. Нещердѣ. Въ 1436 г. во Псковѣ были задержаны 24 нѣм. купца (Псков. 1-я лѣт., 210); въ 1501—нѣмцы задержали въ Дерптѣ 25 учановъ съ товарами и 150 купцовъ. Въ 1477 г. въ Дерптѣ было 45 купцовъ. Псковитяне рано почувствовали (1362) преимущество нѣм. торговли. Ср. еще 1463 г.

[3]) Новгор. 1-я и 4-я лѣт. (1406 г.); Псков. 1-я (1477).

[4]) Псков. 1-я лѣт. (1403, 1476).

[5]) Псков. 2-я лѣт., V, 1415; Псков. 1-я лѣт. (т. IV), 1416, 1510.

[6]) Псков. 1-я лѣт., IV, 198 (1407); 199, 200, 238. О пѣнязяхъ—пфеннигахъ (Евгеній, I, 69—70). О псков. монетной системѣ см. выше, стр. 627, прим. 9. Ср. И. В. Лучицкій, Возникновеніе денежн. металлич. знаковъ и мѣрила ихъ вѣса (В. Міръ 1894, № 11).

[7]) Ibid., 203, 205, 245. Золото упоминается позже (265).

[8]) Бѣляевъ, 45.

комъ. Съ другой стороны, псковитяне ѣздили къ нѣмцамъ (1341, 1392—въ Новгородъ для перегов. съ нѣмцами; 1444, въ 1445—на съѣздъ съ шведами въ Выборгъ; 1449—въ Нарову; 1463—въ Юрьевъ; въ 1471—въ Нарову вмѣстѣ съ новгородцами; 1474, 1478—въ Ригу). Находясь на пути, Псковъ принималъ въ своихъ стѣнахъ: въ 1413 г. Ланнуа; въ 1436 г. литов. князя (Друцкаго) Ивана Бабу; въ 1438 м. Исидора, на пути въ Италію, пробывшаго въ немъ 7 недѣль; въ 1454 г. кн. Ивана Дм. Шемякина (3 недѣли) на пути изъ Новгорода въ Литву, и конст. митр. Игнатія (4 недѣли) на пути въ Новгородъ; въ 1471 г. цар. Софію (5 дней) на пути въ Москву; въ 1490 г.—нѣм. посл. Де-Латура (см. выше, стр. 632, 633; П. С. Р. лѣт., IV, 215—216).

II.

Псковъ служилъ передовымъ постомъ на Западѣ въ борьбѣ съ Чудью (эстами и ливами) и Летголой (латыши), то вмѣстѣ съ новгородцами, то отдѣльно (1030, 1060 [1]), 1111, 1130, 1133, 1171, 1191, 1192, 1200, 1212, 1214), и долженъ былъ выдерживать жестокія нападенія (1176, 1190) на свои владѣнія; но вскорѣ уже болѣе опасными соперниками за обладаніе Балтійскимъ побережьемъ становятся нѣмцы, подчинившіе себѣ западно-финскія племена. Такимъ образомъ, открывается ожесточенная борьба на западной границѣ псковскихъ владѣній (съ 1217 г.) и наполняетъ собою XIII—XVI стол. (1219, 1222, 1223, 1232, 1234, 1240, 1253, 1262, 1268, 1269, 1272, 1299, 1307, 1323, 1324, 1341—1343, 1348, 1362, 1363, 1406, 1407, 1408, 1414, 1424, 1427, 1436, 1448, 1458, 1461, 1469, 1480—1481 и д.), вслѣдствіе чего уже въ первой четв. XIII стол. Псковъ потерялъ свои прежнія колоніи въ Чудской землѣ, а одно время въ руки нѣмцевъ достались Изборскъ (1232, 1240) и самый Псковъ (1240—1241 [2]), чаще другихъ городовъ подвергавшіеся нападенію со стороны нѣмцевъ и ихъ союзниковъ [3]).

---

[1]) Въ 1060 г. состоялся большой походъ новгородцевъ и псковитянъ на сосоловъ, въ которыхъ одни видятъ сакаланъ, а другіе эзельцевъ (Трусманъ, 167).

[2]) Сдача Пскова нѣмцамъ было дѣломъ бояр. Твердила Иванковича, которому они и вручили управленіе (П. С. Р. Л., IV, 179; Script. rer. Livon, I, 560), причемъ поставили своихъ фохтовъ въ краѣ. Иногда нѣмцы дѣйствовали вмѣстѣ съ шведами (1444). Для выясненія этихъ отношеній важны лѣт. Г. Латыша, Стих. хрон. и лѣт. Вартберга.

[3]) Во время нападеній псковитяне и нѣмцы взаимно захватывали церковные предметы (1448, 1501), о возвращеніи которыхъ велись потомъ переговоры. Впро-

Нѣсколько раньше начались враждебныя отношенія литовцевъ и хотя они не отличались подобною интенсивностью, но часто были не менѣе жестоки и пагубны для Пскова и его земли (1183, 1188, 1214, 1247, 1263, 1285, 1350, 1406 [1]). Постоянной войны не было, но не было и прочнаго мира (1470), между тѣмъ, какъ со стороны нѣмцевъ грозила непрерывная опасность. Неоднократно псковитяне вступали въ союзъ съ литовцами противъ нѣмцевъ (въ 1262 г.—союзъ съ Миндовгомъ; 1331—союзъ съ Гедиминомъ, 1342—съ Ольгердомъ) и тогда успѣхъ ихъ оказывался болѣе несомнѣннымъ; но постояннаго мира между ними не могло быть, а иногда (1237) Псковъ или Литва вступали даже въ открытый союзъ съ нѣмцами, послѣ чего снова платились жестокими нападеніями. Въ этой розни между двумя естественными союзниками и соперничествѣ Пскова и Новгорода, который не оказывалъ необходимой поддержки Пскову, а часто и отказывалъ въ ней [2]), конечно, заключалась главная причина всей трудности борьбы съ нѣмцами, выпавшей на долю послѣдняго. Нельзя сказать, чтобы нѣмцы [3]) или литовцы [4]) отличались всегда превосходствомъ своихъ силъ надъ противниками [5]); но, несомнѣнно, они обладали пре-

---

чемъ и московскія войска не щадили новгородскихъ святынь (см. выше, стр. 718). какъ и правовѣрные испанцы католическихъ святынь въ Нидерландахъ (Мотлей, II, 388). Въ 1482 г. псковитяне захватили 8 колок. въ Феллинѣ (Соф. 1-я).

[1]) Въ 1341 г. Псковъ пожелалъ имѣть княземъ Ольгерда подъ условіемъ крещенія, а онъ далъ имъ своего сына Андрея (188); но въ особенности тяжки были для Пскова времена Витовта (1406—1407, 1426—27).

[2]) Псковское войско, подобно новгородскому, раздѣлялось на собранное по раскладкѣ съ сохъ („рубленые люди") и „охочихъ" людей („молодые"). Псков. 1-я, стр. 187, 192, 197, 223, 224, 241, 263. Предводителями его были б. ч. старые посадники, но также воеводы, выбранные на вѣчѣ (223), а иногда отрядами начальствовали судьи (225), дьяки (241) и даже „калеки" (187).

[3]) Въ 1217 г. подъ Оденпе (Медв. голова) нѣмцы выслали на помощь туда 3000 ратниковъ; въ 1269 г. сдѣлали набѣгъ съ 800 чел.; въ 1272 г. они располагали 18000 (по нѣмец. извѣст.); въ 1307 г.—2000 чел., прислан. изъ Пруссіи; въ 1342 въ Маріенбургѣ нѣм. гарнизонъ состоялъ изъ 300 чел., который былъ истребленъ псковитянами; въ 1502 г. арріергардъ Плеттенберга состоялъ изъ 1500 чел.

[4]) Въ 1262 г. Миндовгъ прислалъ на помощь 500 чел.; въ 1266 г. кн. Герденъ располагалъ 700 чел.

[5]) Въ 1217 новг. и псков. войско имѣло до 20000 чел. (ср. 1223 г.); въ 1237 г. псковитяне посылали въ помощь нѣмцамъ 200 чел.; въ 1341 г. они же сдѣлали набѣгъ за р. Нарову съ отрядомъ въ 50 чел.; въ 1343 г. они предприняли отдаленный походъ (за Оденпе) съ войскомъ въ 5000 чел.; въ 1407, при нападеніи на Псковъ маг. Фитингофа со всею нѣмецкою ратью, псковитяне на Псковскомъ оз. потеряли 700 чел., а по нѣм. показанію 7000 чел.; во время похода Витовта на

восходствомъ военнаго искусства. При ихъ нападеніяхъ и осадахъ постоянно упоминается о стѣнобитныхъ орудіяхъ, самострѣлахъ, пищаляхъ, пушкахъ (м. прочимъ на шнекахъ), каменныхъ ядрахъ, висячихъ лѣстницахъ, подвижныхъ городкахъ и другихъ „замыслахъ" (1342, 1363, 1408, 1478, 1501, 1502). Довмонтъ пришелъ въ Псковъ съ 300 чел. дружины, которая обнаружила чудеса храбрости (1266, 1269); кн. Чарторижскій держалъ при себѣ 300 чел. „кованой рати", не считая кошовыхъ (1460 [1]). Нѣмцы являлись обыкновенно на большихъ судахъ (корабляхъ), въ лодьяхъ и на коняхъ (1265, 1272, 1478 [2]): а псковичи расчитывали больше на свою удаль, крѣпость стѣнъ [3]), за которыми выдерживали продолжительную и опасную осаду, и на помощь св. Троицы и св. князей Всеволода и Тимоѳея; а вооружались иногда чѣмъ попало (1478) и должны были отступать передъ дѣйствіемъ нѣмецкаго огня, который производилъ на псковскихъ и новгородскихъ ратниковъ внушительное впечатлѣніе [4]). Новгородскія и псковскія лѣтописи отмѣчаютъ преимущества нѣмецкаго военнаго дѣла, но не видно, чтобы оно оказало свое вліяніе на улучшенія послѣдняго во Псковѣ (ср. выше, стр. 620). Понятно, что военныя нападенія сопровождались взаимными грабежами и выводомъ плѣнныхъ, остававшихся въ краѣ [5]).

Псковъ, засада подъ Котельной состояла изъ 400 чел.; въ 1470, по приказанію вел. князя, Псковъ противъ Новгорода собралъ 10000 войска и, кромѣ того, снарядилъ отрядъ изъ охочихъ людей (1500 чел.), а новгородцы выслали противъ нихъ 40000 чел. и успѣли отрѣзать путь. Въ 1480 г. подъ Кобыльимъ гор. нѣмцами было побито 4015 чел., въ томъ числѣ и дѣтей.

[1]) Въ 1471 г. у псковитянъ было 100 чел. своей „кованой рати" (243).

[2]) Псков. суда въ лѣтописяхъ называются „учанами", „ушкуями" и „лодьями", на которыхъ ѣздили преимущественно охотники (1348, 1501). Конная рать была въ постоянномъ употребленіи. Въ 1217 г. новг. и псков. захватили у нѣмцевъ 760 коней; въ 1240 г. нѣмцы захватили на р. Лугѣ коней и скотъ; въ 1343 г. набѣгъ на нѣмцевъ и чудь большой рати былъ сдѣланъ на коняхъ. Въ 1471 г. моск. бояринъ привелъ до 300 захваченныхъ у новг. клячъ (шкабатовъ) и распродалъ ихъ псковитянамъ.

[3]) Въ 1392 г. новгородцы не могли взять Пскова и, удалившись, побросали свои стѣнобитныя машины и пушки: „порочная веретенища и пущичи, чимъ ся били, пометаша" (Псков. 1-я, 194). О крѣпости Изборска (1342, 1369, 1501, 1502).

[4]) Псков. 1-я лѣт., 184, 200, 222, 264, 273, 274, 275, 276 и д. Въ 1463 г. псковское войско сняло осаду Нейгаузена вслѣдствіе плохихъ орудій (разрывались); въ 1503 г. отъ сшибки съ нѣмцами псковское войско разбрелось и бѣжало въ кусты (276). Псков. лѣт-цъ хвалитъ „множество" и „богатство" нѣм. и литов. воиновъ (1435). Иногда псковитяне вступали въ бой пьяные (289).

[5]) Въ 1491 войска вернулись во Псковъ (псков., новгор. и москов.) „со многимъ добыткомъ, а Чюдь и Нѣмецъ иныхъ изсѣкли, а иныхъ живыхъ много ко

III.

Предоставленный самому себѣ, Псковъ охотно принималъ въ свои стѣны того или другаго князя, съ пребываніемъ котораго въ городѣ всегда соединялось обязательство защиты края. Такими князьями во Псковѣ были Всеволодъ (Гавріилъ) Мстиславичъ, удаленный изъ Новгорода (1137) и вскорѣ скончавшійся здѣсь; братъ его Святополкъ (—1142); Борисъ Игоревичъ (1178), посаженный дядею своимъ Мстиславомъ Рост., княжившимъ въ Новгородѣ; Владиміръ Мст. (1180—1211, 1213; 1216–22), братъ Мстислава Удалаго, считавшійся другомъ нѣмцевъ и нѣкоторое время управлявшій одной изъ рижскихъ волостей (см. выше, с. 501 [1]); Всеволодъ Борис. полоцкій (1213—14); Ярославъ, сынъ Владиміра (1214), ушедшій къ рыцарямъ, но не оставившій притязаній на Псковъ [2]). Послѣ этого Псковъ вступилъ въ союзъ съ нѣмцами съ обязательствомъ взаимной помощи (1228) противъ Литвы и Новгорода [3]), но потомъ принялъ отъ Ярослава Всев. княж. тамъ шурина его Юрія Мст. (1232—1240)—оба они вели борьбу съ нѣмцами; однако послѣдніе скоро овладѣли и Псковомъ (см. стр. 758, пр. 2 [4]), пока Александръ Яр., послѣ битвы на Чудскомъ оз., не освободилъ Псковъ отъ нѣмцевъ и, очевидно, подчинилъ его вполнѣ Новгороду, а потомъ правилъ во Псковѣ (1254—55) Ярославъ Яр. тверской, изгнанный татарами изъ Владиміра, послѣ котораго сидѣлъ во Псковѣ сынъ его Святославъ (1265). Продолжительную и важную эпоху въ исторіи Пскова занимаетъ княженіе Довмонта (въ крещеніи Тимоѳея), сына Миндовга (1266—99), по однимъ бѣжавшій отъ наступившихъ преслѣдованій за смерть послѣдняго, по вступленіи на престолъ Войшелга, а по другимъ самъ убійца, вмѣстѣ съ своими приверженцами [5]). Ревностный защитникъ Пскова отъ нѣм-

---

Пскову привели... и чюдакъ, и робятъ много множество безъ числа" (263). Впрочемъ б. ч. ихъ уведено было въ Москву. Нѣмецкая лѣтопись подтверждаетъ этотъ разгромъ, выражаясь, что русскіе тысячами гнали людей изъ Ливоніи, какъ скотъ.

[1]) Ср. у Генриха Лат.; Евгеній, II, 6—7.

[2]) Наз. нѣм. писателями княземъ на Герцикѣ (на Городищѣ). Костомаровъ, I, 260—261; ср. выше, стр. 531.

[3]) Новгор. 1-я, П. С. Р. лѣт., III, 43; 2-е изд., 227; Евгеній, IV, 15.

[4]) До 1240 г. всѣ псковскіе князья безъ исключенія были изъ дома Мстиславова (Никитскій, 93).

[5]) См. Новг. 4-ю, 40; Псков. 1-я, 180; Воскрес. VII, 166; ср. Костомаровъ, I, 261.

цевъ и литовцевъ, „олицетворяющій въ себѣ героическій періодъ псковской исторіи" (насчитываютъ 9 знаменитыхъ его походовъ), онъ является вмѣстѣ съ Всеволодомъ и церковнымъ его покровителемъ[1]). Довмонтъ былъ женатъ на дочери кн. Дмитрія Алекс., Маріи, и передалъ власть свою сыну Давиду (– 1323), который управлялъ, однако, черезъ намѣстниковъ, живя б. ч. въ Полоцкѣ. Послѣднимъ самостоятельнымъ княземъ во Псковѣ былъ Александръ Мих. (1327—37), нашедшій здѣсь пріютъ отъ преслѣдованій татаръ и моск. князя, но, по требованію послѣдняго (отлученіе, наложенное на городъ м. Θеогностомъ, 1328), долженъ былъ на время оставить Псковъ. Послѣ него во Псковѣ сидѣли, то сынъ Ольгерда Андрей, то литовскіе[2]) и московскіе намѣстники[3]).

Причиною появленія ихъ здѣсь часто служили внѣшнія опасности, постигавшія Псковъ, и эгоистическая политика Новгорода, не всегда охотно склонная поддерживать послѣдній (1228), и хотя Псковъ иногда давалъ Новгороду существенную помощь (1316, противъ Твери), но недоразумѣнія не замедлили себя ждать (1322—26, 1342) и привели къ извѣстному Болотовскому договору (1348), обезпечившему дальнѣйшее независимое положеніе Пскова[4]); тѣмъ чувствительнѣе становились возникавшія все чаще притязанія съ обѣихъ сторонъ[5]), приводившія иногда къ открытому столкновенію (1390, 1392—97, 1406, 1412, 1426, 1432—34 продолж. размирье); а иногда

---

[1]) Мечъ Довмонта—орифлама Пскова. О Довмонтѣ лѣт-цъ говоритъ, что онъ „много пострадалъ за домъ св. Троицы и за мужей—за псковитянъ, стояніемъ дому св. Троицы" (IV, 183). Опоясаніе мечемъ игуменомъ Довмонта (182).

[2]) Недостатка въ подобныхъ *кондотьери* не было, такъ какъ неудачи на родинѣ побуждали многихъ князей, особенно младшихъ, искать пріюта, службы и счастья на чужбинѣ (Никитскій, 73).

[3]) Новг. 1-я, 81, 97; Псков. 1-я, 187—188, 191—193, 195; Новг. 4-я, 59, 100; Никон., III, 177.

[4]) По этому поводу Пскову дана была жалованная грамота, въ которой онъ названъ былъ „младшимъ братомъ" (П. С. Р. лѣт., IV, 58—59; V, 226; VII, 212; Новгор. лѣт., 224); но старѣйшинство Н-да Псковъ признавалъ до конца независимости послѣдняго (IV, 229). Съ подобнымъ титуломъ обращался ко Пскову и вел. князь въ оффиціальныхъ сношеніяхъ (ibid., 228).

[5]) Въ послушествѣ передъ Новгородомъ псковитяне приравнивались къ иноземцамъ (Новгор. суд. грам., прим. 22). По догов. съ Казиміромъ IV судъ, печать и земли В. Новгорода во Псковѣ сохранялись по старинѣ (ст. 25). Ср. Христом. М. Ф. Владимірскаго-Буданова и Н. Н. Дебольскій, Гражд. дѣеспособность по рус. праву, 72 и дал.

Псковъ давалъ помощь Москвѣ по причинѣ опасности отъ нѣмцевъ и Новгорода (1441), пока послѣдняя не заставила дѣйствовать ихъ сообща (1449, 1456, 1458), однако прежняя рознь вскорѣ взяла верхъ (1462, 1465), такъ что оба соперника предпочитали иногда союзъ съ нѣмцами собственному миру [1]).

Опасность грозила обѣимъ городскимъ общинамъ съ другой стороны—отъ усиленія Москвы. Вліяніе послѣдней рано даетъ себя чувствовать (въ 1318 г. Новгородъ и Псковъ принимали участіе въ походѣ на Тверь по требованію моск. князя). Въ особенности чувствительнымъ оказалось недовольство Ивана Калиты по поводу пребыванія во Псковѣ кн. Александра Мих. тверскаго, чтобы удалить котораго м. Θеогностъ прибѣгнулъ къ наложенію отлученія на князя и весь Псковъ (1327). Въ XIV в. власть московскаго князя не подвергалась уже сомнѣнію (1368, 1377). Когда Новгородъ не всегда оказывалъ помощь Пскову, моск. князь бралъ на себя посредничество въ переговорахъ съ Нѣмцами (1369, 1474), и Литвою (1399, 1407—1409, 1421, 1426) и давалъ на помощь свое войско, которое поступало на содержаніе Пскова и занимало городъ (1461, 1473, 1480, 1491, 1501 [2]). Понятно, что Псковъ не могъ уже отказываться отъ требованій вел. князя и въ свою очередь оказывалъ ему поддержку противъ Новгорода (1441, 1470, 1477), нѣмцевъ (1461) и шведовъ (1496), причемъ пользовался всѣми выгодами мира, а иногда и богатой добычей.

IV.

Съ 1400 г. во Псковѣ находился уже постоянно намѣстникъ, призванный по волѣ вѣча, съ своею дружиной, обыкновенно избираемый изъ служилыхъ московскихъ или литовскихъ князей, но утвержденный вел. княземъ и посаженный на столъ въ Троицкомъ соборѣ. Вскорѣ, однако, стали появляться и намѣстники, присылаемые изъ Москвы (1436—кн. Борисъ Вас.), а затѣмъ и обязанные давать присягу не только Пскову, но и вел. князю (1443—кн. А. В. Чарторижскій, призванный вторично въ 1458 г., отказался дать ее и уѣхалъ).

---

[1]) Причина неудовольствія противъ Пскова заключалась въ принятіи бѣглыхъ должниковъ и рабовъ и въ грабежахъ на Волгѣ (4-я Новгор., 97).

[2]) Повинность эта была одною изъ тяжелыхъ, пріучала къ занятію города еще до покоренія Пскова и не всегда соотвѣтствовала цѣли (П. С. Р. лѣт., IV, 273).

„Въ сущности, по справедливому замѣчанію Бѣляева, князь-намѣстникъ представлялъ собою тотъ проломъ въ Псковской крѣпости, посредствомъ котораго власть моск. князя открыла свободную дорогу для своихъ вмѣшательствъ, какъ во внутреннія, такъ и во внѣшнія дѣла Пскова“ [1]). Такимъ образомъ, по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ приходилось отправлять пословъ съ просьбами и дарами въ Москву или въ Новгородъ, во время пребыванія тамъ вел. князя (1460, 1461, 1463, 1464, 1467, 1470, 1474 и дал.). Стали иногда пріѣзжать намѣстники, прямо присылаемые изъ Москвы (1461)—кн. Владиміръ Андр., вскорѣ удаленный съ безчестьемъ), а затѣмъ (1464) они получаютъ право держать своихъ намѣстниковъ на всѣхъ пригородахъ (вмѣсто 7). Московская опека дорого обходилась псковичамъ: приходилось подносить дары вел. князю, намѣстникамъ и воеводамъ (1461, 1472, 1476, 1477, 1480 [2]); намѣстничьи ѣздовыя и судебныя пошлины были увеличены; начались нескончаемыя распри съ намѣстниками изъ-за поборовъ и насилій, намѣстники же поддерживали иногда рѣшенія, неблагопріятныя вѣчу [3]). Покончивъ съ Новгородомъ, вел. князь уже не справлялся съ желаніемъ Пскова имѣть того или другаго намѣстника; онъ прямо заявлялъ (1499), что онъ воленъ дать „княженіе, кому хочетъ“ и что онъ черезъ боярина своего „укажетъ“,

[1]) Исторія г. Пскова и Псков. земли, 292.

[2]) Въ дѣлѣ о смердахъ одни видятъ поддержку намѣстникомъ боярскихъ притязаній, имѣвшихъ цѣлью провести на вѣче зависимыхъ отъ бояръ смердовъ (Бѣляевъ, 48; Б.-Рюминъ, I, 371—72). Другіе объясняютъ его чисто-финансовыми соображеніями: желаніемъ смердовъ освободиться отъ непріятной повинности, а противниковъ этой мѣры—сохранить послѣднія (Никитскій, 281—287). Но могло быть и такъ, что не желали увеличивать контингентъ гражданъ, пользовавшихся полнымъ правомъ голоса на вѣчѣ; такъ какъ смерды составляли значительную силу. Во Псковѣ они занимали особую слободу (Евгеній, I, 17, 20). Въ 1373 г. называется Смердій мостъ, а въ 1462 г.—Смерды ворота (П. С. Р. Л., IV, 193, 222). Упоминаются также „Поровскіе смерды“ (V, 45). Вопросъ о смердахъ получилъ политическій характеръ и въ Новгородѣ (см. выше, стр. 614).

[3]) Сравнительно съ Новгородомъ (напр. въ 1441 г. онъ далъ Василію Вас. 2000 р., въ 1456 г.—$8^1/_2$ т. р.), взносы Пскова не были велики (30, 50, 100, 130, 200). Высшій размѣръ взноса былъ сдѣланъ, по миру съ Витовтомъ, въ 1426 г.,—1000 р., а это показываетъ, что Псковъ не былъ такъ богатъ, какъ Новгородъ. При встрѣчѣ ц. Софіи псковскіе посадники и бояре чествовали ее медомъ и виномъ въ позлащенныхъ кубкахъ и рогахъ и поднесли 50 р. „пѣнязями“ (Псков. 1-я лѣт., 245). Ср. еще цифры взносовъ (200, 212, 219, 220, 244). Иванъ III подарилъ Пскову однажды верблюда (1464), а въ другой разъ золоченый кубокъ (1478)—и только, но скупость его — извѣстна. Въ Нюренбергѣ Софіи поднесли богатый поясъ и бочку вина и сластей (Пирлингъ).

какъ управляться Пскову. Съ этого времени псковское вѣче болѣе и болѣе принимало характеръ сельской или волостной сходки, подчасъ болѣе грозной и шумной, чѣмъ прежде, но только въ кругу домашнихъ дѣлъ и не болѣе [1]). Въ послѣднія шесть лѣтъ смѣнилось 4 намѣстника [2]) и послѣдній изъ нихъ (кн. Репня-Оболенскій) уклонился даже отъ обычнаго церемоніала встрѣчи [3]). Тяжбы съ намѣстниками, „злые поклепы, лихія дѣла и кричаніе на вѣчѣ, до того, что глава не вѣдаетъ, что говоритъ языкъ, причемъ тѣ, кто не умѣетъ строить своего дома, хотѣли управлять городомъ",—это „самоволіе и непокореніе другъ другу, говоритъ лѣт-цъ, было виною всѣхъ золъ, насъ постигшихъ" [4]). По словамъ лѣт., только крѣпость города и боязнь Литвы удерживала вел. князя отъ рѣшительнаго шага. Паденіе (1510) Пскова совершилось безъ того шума (попытка оказать сопротивленіе была), съ какимъ произошло оно съ Новгородомъ; но со всѣми тѣми же аксессуарами: обѣщаніемъ дать „управу" (=опасъ, стр. 609) жалобщикамъ; „пойманіемъ Богомъ и вел. княземъ" пришедшихъ къ нему на судъ (не только гражданъ, но и ихъ женъ) по списку, конечно, заранѣе составленному; лишеніемъ вѣчеваго колокола (и другого—корсунскаго, въ который также звонили на вѣчѣ [5]); обращеніемъ вольныхъ людей въ „сиротъ" [6]); выводомъ богатѣйшихъ гражданъ (300 сем.) и выселеніемъ въ посадъ прочихъ [7]), съ замѣною ихъ московскими выходцами (иноземцы тогда же разошлись по своимъ землямъ) и установленіемъ новаго управленія изъ двухъ на-

---

[1]) Бѣляевъ, 363. Напр. изъ-за кочана капусты (Псков. 2-я, 1477).

[2]) Всѣхъ намѣстниковъ подъ властью Москвы (1400—1510 г.) было до 20.

[3]) П. С. Р. лѣт., IV, 282.

[4]) Псков. 1-я (П. С. Р. лѣт., IV), 287.

[5]) Ibid, 283. Моск. князь держалъ на готовѣ силу и псковичи „противиться не смѣли" (IV, 137).

Въ 1518 г. вел. кн. въ утѣшенье псковичамъ прислалъ два колокола большой и меньшій, вмѣсто нихъ (ibid.).

[6]) Крижаничъ говоритъ: „Слово „сирота" и по значенію, и по этимологіи равнозначуще слову „вассалъ", т. е. сирота или опекаемый, а между тѣмъ Готы (герм. племя) всѣ—и высшіе и низшіе—въ обращеніяхъ своихъ къ королямъ употребляли именно это слово и т. д. (А. Титовъ, Сибирь въ XVII в., М. 1890, стр. 165 - 166).

[7]) Массовыя выселенія изъ Новгорода и Пскова, вызванныя политическими условіями, могутъ быть сравнены съ примѣрами подобной же мобилизаціи населенія на Западѣ. Во время гоненій, поднятыхъ Филиппомъ II въ Нидерландахъ, отсюда до 1565 г. переселилось въ Англію ок. 30000 чел., не считая послѣдующихъ выселеній въ разныя мѣста, когда эмигрировали снова „десятками тысячъ" (Прескоттъ, Ист. ц. Филиппа II испанскаго, кн. II, 167—168; кн. III, 93—100, 129, 134). При

мѣстниковъ, 12 городничихъ и старость московскихъ и псковскихъ [1]); но жалобы по прежнему идутъ въ Москву на намѣстниковъ, на ихъ тіуновъ и дьяковъ. Подчинивъ Новгородъ и Псковъ, Москва приняла на себя и защиту западной границы отъ Нѣмцевъ и Литвы. Однако Псковъ, хотя и пріобрѣлъ нѣкоторыя преимущества надъ Новгородомъ послѣ его паденія (см. в., с. 633—34), не могъ уже подняться до прежняго своего значенія и нисколько не улучшился, какъ городъ порубежный съ Западомъ.

Иностранцы хвалятъ укрѣпленія Пскова, говорятъ о его многолюдствѣ (даже о 41500 домахъ), объ обиліи въ немъ ремесленниковъ (послѣ Нарвы торговля перешла сюда) и т. п.; но ближе будетъ къ истинѣ (см. стр. 621) показаніе Поссевина, что въ городѣ жителей было не болѣе, чѣмъ въ Новгородѣ, т. е. ок. 20000 (id. Starcz., 289). Жилища почти всѣ были деревянныя, окруженныя заборами и плетнями; а надъ воротами каждаго дома висѣлъ литой или писанный образъ. По прежнему замощена была собственно торговая площадь. Кладбища (ямы для простыхъ, едва прикрытыя, въ которыя сваливали тысячи и десятки тысячъ труповъ, пока не наполнятся) издавали ужасное зловоніе. Показаніе это (Сам. Кихеля) объясняетъ намъ весь вредъ общихъ скудельницъ, напоминающихъ индійскія ямы (Пьеръ Лоти, Въ голодной Индіи), которыя устраивались во время повальныхъ болѣзней и въ свою очередь служили причиною почти не прекращавшагося „мора“ какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Псковѣ (см. Новгор. 1-я лѣт., 198, 235, 238, 363, 376, 412; Новг. л. 2-я и 3-я, 16, 18, 19, 50, 101, 106, 203, 269; Псков. 1-я, 179, 189, 194, 197, 230, 294, 308; ср. Труды Моск. Арх. общ., т. VIII, Матер. для арх. словаря, 20—21; Снегиревъ, О скудельницахъ или убогихъ домахъ въ Россіи, М. 1826), быть можетъ происходившаго иногда и отъ дурнаго хлѣба (Историч. Обозр., I, 196). Понятно, что число погребенныхъ, какъ и другія большія цифры (населенія, войска и т. п.) требуютъ ограниченія: такъ, выраженія о 60000 рыцарей у Вильгельма Завоевателя или о 60000 марокъ въ казнѣ Генриха II, служатъ лишь гиперболическимъ обозначеніемъ

Кромвелѣ, по окончаніи войны въ Ирландіи, три ея провинціи изъ четырехъ были конфискованы въ пользу побѣдителей, а ирландскіе землевладѣльцы изгнаны изъ своихъ помѣстій и имъ было предоставлено существовать, какъ они хотятъ (Гардинеръ).

[1]) Позже Василій Ив. взялъ еще 1000 пищальниковъ и „псков. земцовъ“ подъ Смоленскъ, которые не были сведены, чтобы воспользоваться ихъ помѣстьями (П. С. Р. лѣт., IV, 289).

множества (Round, Feudal England, Lond. 1895). Вундереръ разсказываетъ, будто бы онъ видѣлъ во Псковѣ памятники, поставленные въ честь падшихъ воиновъ, съ надписями (Аделунгъ, I, 273; Reisen nach Danemarck, Russland und Schweden, Frankf. a. M. 1812, II, 202) Одежда псковитянъ состояла изъ полукафтанья хорошаго сукна; сапоги у мужчинъ и женщинъ были на гвоздяхъ, а, при выходѣ изъ дому, женщины набрасывали на голову покрывала, такъ что видны были только одни глаза и въ домахъ женщинамъ отводились особые покои (Аделунгъ, 236—237; Ключевскій, 207—209, 251). Герберштейнъ замѣчаетъ, что псковитяне носили до его времени прическу (проборъ) попольски, а не порусски. Онъ же хвалитъ чистосердечіе и простоту ихъ въ торговыхъ дѣлахъ, которыя стали портиться подъ вліяніемъ московскаго завоеванія, а именно они назначали цѣну товара „безъ запроса“ (по изд. Анонимова, 116). Привычка запрашивать свойственна была москвитянамъ какъ въ торговлѣ, такъ и въ политикѣ. Въ XVI в. Псковъ занялъ видное мѣсто въ русской торговлѣ съ Западомъ. Въ полов. XVII в. доходъ Пскова и 11 пригородовъ=20532 р., изъ которыхъ на долю его съ уѣздомъ приходилось $^3/_4$ всего сбора, а затѣмъ слѣдовалъ Гдовъ. Главную статью дохода давали косвенные сборы, преимущественно питейный, но $^2/_3$ всѣхъ доходовъ тратились на военныя нужды (Г. Шмелевъ, Годовой бюджетъ Пскова и его пригородовъ, 1658—59 г.; Тр. Арх. ком. М. Арх. общ., I, 2, с. 347—350). Понятно, что, при такихъ условіяхъ, городъ процвѣтать не могъ (см. Ближній бояринъ А. Л. Ординъ-Нащокинъ, Р. Стар. 1883, т. XL, 55).

Гражданскія отношенія, какъ въ Новгородѣ (Новг. суд. грам. 1470—71 гг., составленная на вѣчѣ, на основаніи прежней, выработанной въ 1440 или 1456 гг. и дополненная), такъ и въ Псковѣ (Псков. суд. грам. 1467 г., составл. на осн. грам. вел. кн. Александра Яр., по однимъ, а по другимъ Ал. Мих. тверскаго, что́ вѣрнѣе, Константина Дм., княж. 1407 — 1409, и всѣхъ приписокъ старыхъ обычаевъ [1]), требовавшія упорядоченія вслѣдствіе внутреннихъ смутъ и усложнявшихся отношеній къ власти вел. князя, представляются въ обоихъ актахъ, особенно же въ послѣднемъ, значительную степень гражданскаго быта [2]), причемъ псковское законодатель-

[1]) Изданія и литер. ихъ см. въ Христ. М. Ф. Вл-го-Буданова, вып. I и В. И. Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣд. по древ. ист. русскаго права, Спб. 1903.

[2]) Лѣтопись говоритъ о „рукописаніяхъ и рядницахъ“ (IV, 209). Въ Псков. судной грам. (Новгор. дошла безъ конца) постоянно говорится о писцахъ (дьякахъ княжескихъ, городскихъ, въ лѣт. вѣчныхъ), доскахъ, грамотахъ, записяхъ (ст. 10,

ство признается вообще выше новгородскаго (Бѣляевъ, Дюверну, Б.-Рюминъ и др. [1]). Однако, ни въ Новгородѣ, ни въ Псковѣ мы не видимъ попытки поставить на подобную же высоту свой политическій строй: здѣсь все основывалось на уваженіи къ сѣдой „старинѣ". Такимъ образомъ, заключая съ Казимиромъ IV тайный договоръ въ рѣшительную минуту, Новгородъ посвящаетъ лишь одну статью, касающуюся своего политическаго существованія, и та ссылается опять на „старину" [2]). Правда, нѣкоторые изслѣдователи готовы признать, что „смыслъ послѣдующихъ договоровъ имѣетъ свое основаніе въ древней великой хартіи свободы В. Новгорода",—т. е. въ Ярославовыхъ грамотахъ [3]); но какъ Новгородъ, такъ и Псковъ, не установили своихъ политическихъ отношеній на болѣе незыблемыхъ основаніяхъ, чѣмъ одна ссылка на послѣднія, и не выставили ни одной личности въ роли реформатора существующаго порядка. Весь опытъ прошлой политической жизни прошелъ для нихъ какъ бы безслѣдно.

13, 14, 19. 26, 30, 38, 50, 62, 72, 73, 75, 79, 82, 83, 88, 89, 93, 100—103, 104, 106, 108; въ ст. 112—упоминается „старая правда"), о печатяхъ (50, 83; ср. Новгор. суд. грам.; см. библіогр.) и общественномъ архивѣ—лари при ц. св. Троицы (ст. 14, 32, 38). Подъ „старой правдой" разумѣютъ жалов. грам. князей Александра Мих. и Константина Дм. (Никитскій, 107—109, 120, 241—245). Образцы печатей (Собр. госуд. грам. и догов., I; Лакіеръ, Русск. Геральдика; Ивановъ, Сборн. сним. съ древ. печатей, М. 1855; Сборн., изд. М. Гл. арх. ин. д. и др., см. библ.—новг., псков., город., архіеп., посадн., тысяц., конц., бояръ). Начертаніе фигуръ смолен. (льва), новгор. (мно. жив., соед. лош. и льва и т. п.) и псков. (барсъ), обнаруживаетъ знакомство съ современною геральдикою вслѣдствіе сношеній этихъ городовъ съ западными (Лакіеръ, 108. 153—154). Быть можетъ тѣмъ же объясняется и долго поддерживавшееся въ этихъ автономіяхъ примѣненіе *поля* (см. Смол. догов. 1228; Псков. суд. грам., рядъ статей). Въ 1572 г. Иванъ IV возстановилъ въ Новгородѣ поединки „постаринѣ" (Новгор. 2-я лѣт., 109). Напрасно боролся противъ нихъ Людовикъ св. (Гизо, III, 258; IV, 301—302). При Ричардѣ II число судебныхъ поединковъ въ Англіи увеличилось (Спенсеръ, 193).

[1]) „Р. Правда и Новг. суд. грам. имѣли въ виду кодифицировать обычай. Псков. же судная грам. была актомъ политическимъ, хартіей вольностей" (Н. П. Дебольскій, 71).

[2]) „А держать тебѣ, честны король, Великій Новгородъ въ воли мужей вольныхъ, по нашей старинѣ и по сей крестной грамотѣ" (ст. 29).

[3]) Костомаровъ, I, 151. Припомнимъ, какъ отмѣнялись и отбирались у общинъ жалованныя грамоты городамъ во Франціи, Англіи, Нидерландахъ и т. п. Почему онѣ пали и чего имъ недоставало (Гизо, IV, 53—55, 64, 334—36; Жири и Ревиль въ Hist. Générale Лависса и Рамбо; Мотлей, II, 210; Лампрехтъ, Ист. нѣмец. народа и др.). Паденіе коммунъ приходится во Франціи на кон. XIII и нач. XIV в.; въ Италіи на XIV-XV вв.; въ Германіи на XV и XVI вв. См. выше, стр. 609, прим. 1 и 726, прим. 1.

Отсюда ясно, что если въ отечествѣ вел. хартіи политическая свобода не была обезпечена въ эпоху Тюдоровъ и Стюартовъ, а во Франціи, съ усиленіемъ королевской власти, права парламентовъ подвергались сомнѣніямъ, а иногда и полной отмѣнѣ, то слабыя политически городскія общины сѣверной Руси не могли устоять передъ напоромъ московской силы. Новгородъ еще попытался было вступить въ неравный бой; но Псковъ не могъ рѣшиться на подобное предпріятіе. Ссылка его на „старыя пошлины" не имѣла значенія въ глазахъ московскаго князя, а въ отвѣтъ на учиненную ему „ремонстрацію" (1475 г.), политическія права Пскова были заподозрѣны въ своемъ историческомъ основаніи („это грамоты не самихъ вел. князей"), а ему велѣно было слушаться „указа" вел. князя и подчиняться всѣмъ требованіямъ его намѣстника (1476). Покорившись новому порядку, Псковъ нѣсколько времени (до 1510 г.), можно сказать, печально влачилъ свое существованіе [1]). Впрочемъ даже историки, склонные въ лицѣ Пскова видѣть „такой свѣтлый образъ, какой немногіе города представляютъ въ исторіи", признаютъ въ его катастрофѣ „только непреложный законъ историческихъ судебъ" [2]). Очевидно, что, обладая политической свободой и основывая свое положеніе на торговлѣ, Новгородъ и Псковъ не были, однако, Нидерландами XVI столѣтія [3]).

V.

Какъ пригородъ, Псковъ въ церковномъ отношеніи вполнѣ подчинялся Новгороду и эта зависимость его не прекратилась съ окончаніемъ политическаго существованія. Но уже въ 1307 г., во время разрыва съ Новгородомъ и архіеп. Ѳеоктистомъ, возникло серьезное неудовольствіе между обѣими сторонами [4]), а въ 1331, по случаю удаленія

[1]) Отъ погрома Ивана IV Псковъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, былъ спасенъ неустрашимостью юрод. Николы, и хотя царь распорядился снять вторично колоколъ у св. Троицы, но ушелъ изъ города, не причинивъ ему вреда (см. Карамзинъ, IX, прим. 297 и 298; Соловьевъ, VI, прим. 91; Дж. Флетчеръ, гл. 21, въ концѣ; ср. ниже).

[2]) Бѣляевъ, 381—382; Костомаровъ, 325.

[3]) Не смотря на борьбу съ естественными условіями, они создали множество городовъ, съ многочисленнымъ населеніемъ и широкой грамотностью, готовыхъ до конца стоять за свои хартіи (Прескоттъ, II, 5—6, 9, 76, 78, 160, 168; Мотлей, II, 247, 343—345, 356), а борьба за политическую свободу идетъ здѣсь (ibid., 10, 76), какъ и въ Англіи, рука объ руку съ религіозной. См. замѣч. о пространствѣ (II, 637).

[4]) Псков. 1-я, 183. Посѣщенія Пскова новгор. архіеп. встрѣчаются весьма рано: Гавріилъ въ 1188 г. (Новг. Синод. лѣт., 162).

архіеп. Моисея въ монастырь, псковитяне добивались у м. Ѳеогноста поставленія отдѣльнаго для себя епископа (Арсенія), но желаніе ихъ было отвергнуто [1]). Отношенія къ архіеп. Василію, обострившіяся предъидущимъ обстоятельствомъ, трижды посѣтившаго Псковъ, были то мирныя (1333), то настолько враждебныя, что вызвали наложеніе имъ проклятія (1337) на городъ [2]) и эти натянутыя отношенія не смягчились даже тѣмъ, что Василій пріѣхалъ во Псковъ во время мора (1352), чтобы благословить городъ („не въ свою череду") и умеръ на обратномъ пути [3]). Неудовольствія эти тѣмъ понятнѣе, что съ 1348 г. (см. выше, стр. 762) Псковъ и въ церковномъ отношеніи получилъ значительныя права, а именно избраніе намѣстника и печатника изъ псковитянъ [4]), и съ этого времени духовенство пріобрѣтаетъ право голоса на вѣчѣ [5]), участвуя въ важнѣйшихъ актахъ его дѣятельности. Во время несогласій Новгорода съ митрополитомъ, Псковъ пользовался его покровительствомъ, присылалъ къ нему своихъ пословъ (въ Новгородъ), а отъ митр. пріѣзжалъ во Псковъ полоц. епископъ Ѳеодосій съ патр. грамотой [6]), а потомъ псковитяне посылали въ Москву за поставленіемъ своихъ духовныхъ лицъ [7]). Вслѣдствіе отсутствія епископа и частыхъ неудовольствій съ Новгородомъ, псковитяне нерѣдко ощущали недостатокъ въ попахъ, которыхъ должны были брать со стороны: изъ Твери, Москвы, Литвы и Новгорода [8]). Въ опредѣленные сроки Псковъ уплачивалъ подъѣздъ и съ почетомъ встрѣчалъ представителей духовной власти (1360, 1373 и 1384—Алексѣя, 1389, 1400, 1413—Ивана III, 1419—Симеона, 1450, 1453, 1457—Евѳимія II [9]): но сурово относился ко всякой попыткѣ

[1]) Новгор. Синод. л., 326—27 (разсказано въ непріязненномъ, съ точки зрѣнія новгородцевъ, тонѣ). Ср. 4-ю Новг., 52. Притязанія Пскова поддерживали литовцы.

[2]) Псков. 1-я, 186; Новгор. л., 333; 4-я, 53.

[3]) Лѣтописецъ выражается: „Сана свѣтлостью не умолена была смерть: на всѣхъ вынизаетъ многоядныя своя зубы" (191). По Новгор. лѣт. (Синод., 351; 4-я, 62), псковичи умолили владыку пріѣхать къ нимъ. Череда назначалась на 4-й годъ и продолжалась мѣсяцъ (Новг. Синод. л., 391; П. С. Р. лѣт., IV, 118).

[4]) Новгор. 4-я лѣт., 58—59, 209.

[5]) Бѣляевъ, 70—71.

[6]) Псков. 1-я лѣт., 194.

[7]) Акты историч., I, 17.

[8]) Новгор. 4-я лѣт., 96 (1388 г.); Ак. ист., I, № 31 (1420); Евгеній, Ист. Пск. княж., II, 82—83 (1528).

[9]) Псков. 1-я лѣт., 193, 202, 214, 215, 391, 405; V, 23 (2-я); Новг. 4-я, 118. Въ 1453 г. Евѳимій присоединилъ, однако, волость Ремду и Ремедскую воду къ своимъ владѣніямъ.

нарушить установившіяся отношенія (въ 1411, когда владыка Иванъ III прислалъ протопопа собрать подъѣздъ [1]), тѣмъ болѣе, что у новгородскихъ владыкъ было стремленіе возвратиться къ прежнему порядку управленія, т. е. черезъ новгор. намѣстника и печатника. Такое требованіе въ 1435 г. со стороны Евѳимія II вызвало общее негодованіе и псковитяне вступили даже въ открытый бой съ софьянами [2]). Вѣроятно, вслѣдствіе тѣхъ же враждебныхъ отношеній къ новгор. архіеп., м. Исидоръ, во время пребыванія во Псковѣ, отнялъ судъ и печать, воды и земли владычни и вручилъ ихъ своему намѣстнику, архим. Геласію, который и является первенствующимъ духовнымъ лицомъ во Псковѣ (1438—41), а на обратномъ пути изъ Италіи черезъ Литву вызвалъ его и замѣнилъ архим. Григоріемъ (1441—42 [3]). Какъ видно, псковитяне благосклонно отнеслись къ приведенной мѣрѣ. Только уже гораздо позже они примирились съ Евѳиміемъ и принимали его съ честью (1450, 1453, 1457 [4]). Однако, прочнаго мира между Псковомъ и новг. владыками все-таки не было. При преемникѣ Евѳимія, Іонѣ, обнаружилась новая попытка получить отдѣльнаго епископа (1464), притомъ природнаго „псковитянина", отстраненная вел. княземъ и, хотя въ 1466 г. Псковъ принялъ Іону [5]); но въ 1469 г. предпринялъ болѣе рѣшительное намѣреніе, установивъ священническое управленіе изъ двухъ правителей, утвержденное на вѣчѣ, которые должны были въ своихъ дѣйствіяхъ руководствоваться Номоканономъ, въ какомъ смыслѣ составлена была грамота, положенная въ архивъ (ларь). Конечно, порядокъ этотъ вызвалъ осужденіе со стороны архіеп. Іоны, посѣтившаго по этому поводу Псковъ, а затѣмъ, по требованію митрополита Филиппа, была уничтожена и самая грамота [6]). Тогда начались новыя пререканія между Псковомъ и архіепископомъ изъ-за суда и его доходовъ, отразившіяся и въ отзывѣ лѣт-ца объ Іонѣ, напоминающемъ сужденія лѣтописи по поводу кончины Василія [7]). Пресвитеріанское правленіе не могло найти под-

---

[1]) Псков. 1-я лѣт., 201.

[2]) Ibid., 209.

[3]) Ibid., 211—212. Въ 1-й Псков.—„позва" (211); во 2-й: „сведе" (29).

[4]) Ibid., 214, 215, 217.

[5]) Ibid., 228, 230. Въ 1466 г. (229—230) былъ подтвержденъ договоръ между Новгородомъ и Псковомъ, чтобы владыкѣ во Псковъ „ѣздить по старинѣ", т. е на четвертый годъ.

[6]) Псков. 1-я, 232-233.

[7]) Ibid., 233—234.

державки въ Москвѣ, такъ какъ вело за собою посягательство на прерогативы власти духовной и свѣтской [1]). Потеря независимости Новгородомъ нѣсколько смягчила непріязненныя отношенія архіепископа: Ѳеофилъ дважды былъ во Псковѣ (1473, 1477), подарилъ псковитянамъ „самозвонные часы" и прожилъ весь свой срокъ [2]). Геннадій хотѣлъ назначить во Псковъ своего намѣстника и распорядился сдѣлать опись церквамъ, монастырямъ и духовенству [3]); нѣсколько разъ бывалъ во Псковѣ (1486, 1495, 1499), причемъ въ последній разъ его не хотѣли допустить къ служенію, чтобы онъ не поминалъ имени Василія Ивановича, назначеннаго княземъ во Псковъ [4]). Для ревизіи псковскаго духовенства онъ посылалъ своихъ духовныхъ лицъ [5]). Такого же близкаго участія къ нуждамъ города со стороны владыкъ, какъ въ Новгородѣ, мы, однако, не видимъ, а брали со Пскова они не мало [6]). Макарій посѣщалъ Псковъ (1528, 1536 [7]) и построилъ здѣсь (1535) свой дворъ [8]). Посѣщеніе Пскова архіепископомъ имѣло для перваго важное значеніе, такъ какъ въ это время совершалось обыкновенно чтеніе въ соборѣ Синодика—храмовой поминальной книги [9]). Послѣ завоеванія во Псковѣ возникаетъ чествованіе московскихъ святыхъ [10]); но только въ 1589 г. Псковъ получилъ отдѣльнаго епископа. Псковское духовенство дѣлилось по соборамъ (ку-

[1]) Извѣстенъ отвѣтъ Іакова I на требованія пресвитеріанъ: „Шотландскіе пресвитеры, вскричалъ онъ, по поводу ихъ заявленій, настолько же въ согласіи съ монархіей, насколько дьяволъ съ Богомъ" (Трайль, IV, 14).

[2]) „А былъ (1477) во Псковѣ весь свой мѣсяцъ, всѣ 4 недѣли ни замного время иные владыки во Псковѣ такъ всего мѣсяца во свой пріѣздъ не живали" (246, 254). Въ пренебреженіи къ этимъ часамъ нѣк. видятъ враждебное отношеніе къ Ѳеофилу.

[3]) Псков. 2-я лѣт., 45 (1485); 2-я ревизія 1500 г. (1-я Пск. лѣт.).

[4]) П. С. Р. лѣт., V, 46; IV, 269; VI, 23; IV, 271; VI, 23. Въ 1510 вел. кн. Василій припомнилъ это псковитянамъ (IV, 137, 287).

[5]) П. С. Р. лѣт., IV, 272; VI, 23.

[6]) Геннадій прислалъ псковитянамъ „турій рогъ, окованный золотомъ" и „икону локотницу на златѣ" (Псков. 2-я лѣт., V, 43); Ѳеофилъ—часы (1-я Псков. л., IV, 254). Влад. Иванъ III далъ свое серебро на постр. костра надъ Псковою (195),—„нѣколико" (V, 18).

[7]) Псков. 1-я лѣт., 297. 301. Во второмъ случаѣ замѣчено, что онъ пріѣхалъ на 4-й годъ (ср. VI, 299). О дальн. борьбѣ съ іерархій. (Никитскій, 326—340).

[8]) Ibid., 300. Вообще, духовенство тяготилось пошлинами (306).

[9]) О древности этого обычая свидѣтельствуетъ м. Кипріанъ, который писалъ въ 1395 г.: „А Синодикъ есмь послалъ къ вамъ правы царегородскый, почему и мы здѣ се поминаемъ или еретиковъ проклинаемъ, а вы потому дѣите" (Ак. ист., I. № 18, стр. 17—18). П. С. Р. лѣт., IV, 214, 230, 232, 271, 287, 297.

[10]) Ibid., 291, 305, 313. О пренебреж. москвитянами мѣстн. святыхъ (ж. Ефрос., 112).

памъ), какъ бы въ соотвѣтствіе концамъ города (2-й изъ нихъ былъ учрежденъ въ 1357, 3-й въ 1417, 4-й въ 1453, 5-й 1462 и 6-й—въ 1471, каждый разъ съ согласія вѣча [1]), и только въ 1481 г. была устроена „общая изба", для собранія духовенства по своимъ дѣламъ и церковный архивъ [2]). Какъ и въ Новгородѣ, купечество [3]) имѣло свою патрональную церковь—св. Софіи, обращенную въ 1357 г. въ соборную, чтó указываетъ на важность торговаго класса [4]). При наклонности Пскова къ демократическому строю, здѣсь проявляются стремленія подчинить духовенство юрисдикціи вѣча въ отношеніи управленія, суда и повинностей [5]), вызывавшія большія неудовольствія и вмѣшательство духовной власти. Вѣче считало себя въ правѣ распоряжаться имуществами (землею), отданными во владѣніе церкви [6]), и поэтому весьма рано принялось за упорядоченіе этихъ отношеній, чему, конечно, не могла сочувствовать высшая іерархія (см. стр. 770—71 [7]). Попы являются послами на ряду съ посадниками и боярами, а ихъ дѣти служатъ въ войскѣ [8]). Впрочемъ, псковское духовенство не отличалось высокими нравственными качествами. Поэтому вопросъ о вдовыхъ попахъ и діаконахъ и объ отношеніяхъ духовенства къ населенію

---

[1]) Псков. 1-я лѣт., 191, 215, 221, 230, 232, 243, 277. Всѣхъ церквей, по лѣтописямъ, насчитывается (до 1510 г.) ок. 50. Ср. 313.

[2]) Ibid., 265; Евгеній, II, 89.

[3]) О торговыхъ братчинахъ-гильдіяхъ въ Новгородѣ и Псковѣ (Никитскій, Псковъ, 168—172).

[4]) Псков. 1-я лѣт., 191: „Церковь св. Софья и чадъ ея св. мученицъ поставиша купцы, деревяну, новую" (1353); съ 1415—каменная (202); а „большій верхъ позолоченъ" (206). Въ 1465 г. вся церковь была покрыта желѣзомъ (228). Западные лѣт-цы также отмѣчаютъ посадку липъ и тополей въ городахъ, украшеніе церкви свинцовымъ шпицомъ, напр. въ Гарлемѣ (Мотлей, II, 411) и т. п. См. о ней Евгеній, III, 136, 139.

[5]) Псков. 1-я лѣт., 232, 238, 269; Ак. ист., I, № 9, грам. м. Кипріана 1395 г.; № 50, грам. архіеп. Симеона (1416—1421) и слѣд. прим.

[6]) Псков. 1-я лѣт., 238—240. Посл. м. Кипріана, 1395 г. и архіеп. Симеона, 1419 (Никон. л., V, 72—73; Рус. Ист. библ., VI, 401—402) съ запрещеніемъ касаться церковныхъ земель.

[7]) Въ 1463—65 гг. псковитяне захватили доходы съ „земли и воды" архіеп. на нужды города (229). Даже въ к. XVII в. дух. іерархія жаловалась на строптивый духъ псковитянъ и вмѣшательство ихъ въ церк. дѣла (Ак. истор., V, 122, 172).

[8]) П. С. Р. лѣт., IV, 185, 192. Посл. м. Фотія (Рус. Ист. библ., VI, №№ 34 и 43). Участіе духовенства въ гражданскихъ дѣлахъ объясняется также его грамотностью. И на Западѣ, вплоть до XVI в., за исключеніемъ Италіи, письменность въ торговомъ классѣ стояла на низкой степени, а искусство счисленія еще ниже (Зомбартъ, I, 185—186, 200—201). Ср. выше, стр. 45, 58, 769, пр. 3.

пріобрѣтаетъ здѣсь весьма острый характеръ и вызываетъ запрещенія церковной службы [1]). Высшей іерархіи приходилось принимать мѣры противъ вдовцовъ, открыто жившихъ съ наложницами, противъ общихъ мужскихъ и женскихъ монастырей [2]). Напротивъ, общежительный уставъ былъ достояніемъ весьма немногихъ монастырей (Снѣтогорскій), причемъ постоянно нарушался [3]), а въ Новгородѣ принялся вводить его „съ принужденіемъ" архіеп. Макарій, дѣятельность котораго въ этомъ отношеніи отмѣчена и во Псковѣ [4]). Съ другой стороны, духовныя лица, поставленныя во главѣ управленія, не всегда оказывались на высотѣ своего положенія [5]); а въ обществѣ до позднѣйшаго времени вполнѣ господствовали обычаи языческой старины [6]).

Первый монастырь во Псковѣ [7])—Спасскій—Мирожскій или Завеличскій получилъ свое начало, благодаря новгор. епископу Нифонту [8]), а главная святыня Пскова, равная по своему значенію св. Софіи новгородской, церковь св. Троицы построена была Всеволодомъ (вѣроятно поставлена была собственно каменная церковь [9])

[1]) П. С. Р. лѣт., IV, 234, 277, 297, 308.

[2]) Посл. архіеп. Симеона (Рус. Ист. библ., VI, № 45); митр. Фотія (ibid., № 34) и Симона 1504 г. (П. С. Р. лѣт., IV, 277—78).

[3]) Костомаровъ, II, 381—382. См. посланія.

[4]) Псков. 1-я лѣт., 296.

[5]) Псков. 1-я лѣт., IV, 282; Пск. 2-я л., V. 45.

[6]) Псков. 1-я лѣт., 278—280. (посл. игум. Памфила и митр. Фотія, № 34). О Новгородѣ см. 648, 650, 653.

[7]) Вѣчевой колоколъ во Псковѣ также назывался „корсунскимъ" (ibid., IV, 291, 292). Позже возникаетъ почитаніе кіевскихъ святынь, съ основаніемъ въ XV в. Печерскаго мон. съ храмами въ честь Успенія Богородицы и Антонія и Θеодосія Печерскихъ (П. С. Р. лѣт., IV, 293—295), а также появляются здѣсь кіевляне-иконописцы (ib., 308).

[8]) Макарій, III, 58; Костомаровъ, 366; Голубинскій, II, 633, 634. Онъ привлекалъ почитателей образомъ Знаменія Богородицы съ изображеніемъ на немъ князя Довмонта и его супруги. Въ послѣднее время въ немъ открыты фрески, относимые къ XII в., въ строго-выдержанномъ греческомъ стилѣ, вполнѣ соотвѣтствующіе новгородскимъ (нередицкимъ и ладожскимъ, Арх. Изв. 1899, № 3—5, с. 134; ср. Кондаковъ, VI, 182—186; см. планъ Пскова и др. древности). Въ Мир. мон. погребенъ лит. кн. Аведъ, постр. во Псковѣ (1144) ц. св. Димитрія, „съ кирпичемъ" (IV, 296).

[9]) П. С. Р. Л., IV, 176—177. „Того же лѣта (1365), по владычню благословенію по Алексѣеву почаша дѣлати церкву камену въ Плесковѣ св. Троицю по старой основѣ" (Новгор. лѣт. по Синод. списку, 359, освящена въ 1367 г., ib., стр. 360; Псков. 1-я, 192). Въ 1421 г. покрыта новымъ свинцомъ (203). Ср. выше, с. 628—629. Въ 1465 г. снова покрыли храмъ свинц. досками и поставили колокольню на стѣнѣ, „на персѣхъ" (229); въ 1466 г.—расписали притворъ и только къ этому времени (1465, 1466) относится покрытіе ц. св. Троицы и нѣк. другихъ желѣзомъ

Мстиславичемъ (Гавріиломъ), княжившимъ передъ тѣмъ въ Новгородѣ и изгнаннымъ оттуда. Съ тѣхъ поръ (†1137) она становится патрономъ Пскова [1]). Въ XIII в. здѣсь появляются монастыри: Іоанно-Предтеченскій (женскій [2]), связанный съ именемъ Евпраксіи, супруги князя Ярослава Владиміровича, и Снѣтогорскій (на Снятной горѣ, близъ Пскова [3]). Затѣмъ въ теченіе XIV—XV стол. во Псковѣ и его окрестностяхъ появляется до 20 монастырей, въ числѣ которыхъ болѣе важными были: Елеазаровскій, Крыпецкій и Псково-Печерскій, возникшіе уже въ XV в. Основаніе перваго изъ нихъ (1425 г.) принадлежитъ Евфросину, родомъ псковитянину, путешествовавшему потомъ въ Константинополь [4]), а втораго—его спутнику Саввѣ, уроженцу Востока (по нѣкоторымъ мнѣніямъ—сербъ или уроженецъ Аѳона [5]). Церковь св.

(229, 230). Въ 1485 г. архіеп. Геннадій прислалъ сюда образъ, писанный „на золотѣ" (V, 43). Въ 1594 г. псковитяне хотѣли позолотить главу собора и не могли, а Борисъ Годуновъ, узнавъ объ ихъ желаніи, распорядился позолотить, заплативъ за это 2300 р. (IV, 345). Новг. Софія была вызолочена еще въ 1408 г. (Синод. л., 369)

[1]) Въ общемъ предпріятіи съ Новгородомъ, какъ Раковорская битва, которая во Псковѣ такъ же высоко ставилась, какъ въ Новгородѣ побѣда надъ суздальцами (см. стр. 199), псковитяне приписываютъ побѣду „помощи св. Софіи Премудрости Божія и св. Троицѣ" (Псков. 1-я, 181); во Псковѣ строится церковь св. Софіи (см. выше, 773, пр. 4) и устраивается при ней „другій соборъ" (191); а имя св. Софіи и Троицы является рядомъ (184, 186, 187, 198, 214, 219, 265, 272); но затѣмъ на первый планъ (см. стр. 201, 216, 232, 234) выступаетъ авторитетъ мѣстной святыни: всякій успѣхъ и помощь соединяются съ покровительствомъ послѣдней (иногда понятіе это выражается въ формѣ: „Богъ и св. Троица", Псков 1-я лѣт., 215, 217, 218, 219, 229, 231), или къ ней присоединяются имена Всеволода и Тимоѳея (181, 189, 198, 204, 264, 328, 343). Какъ Новгородъ представляется территоріей св. Софіи, такъ Псковъ—св. Троицы (ib., 214), а послѣдній называется „домомъ и землею св. Троицы", какъ въ лѣтописи (Псков. 1-я, 181—183, 203, 210, 214, 215, 218, 221, 223, 228, 237, 245, 247—249, 253, 258, 265, 270, 272, 275—276, 281, 283, 285, 327; ср. 2-ю), такъ и въ грамотахъ (Ратшинъ, 457). Старостами св. Троицы состояли посадники (195). О святынѣ Троицкаго собора (П. С. Р. лѣт., IV, 202; V, 23; ср. Макарій, IV, 247). Изборскъ называется „домомъ св. Николы" (IV, 264, 275, 276).

[2]) Въ немъ погребались княжны, умершія во Псковѣ (Евгеній, II, 33, 37; Костомаровъ, II, 367). Посадники хоронились при своихъ монаст. и церквахъ (IV, 261).

[3]) Здѣсь погребенъ изб. князь Григорій Евст. († 1417) и постригся кн. Ѳедоръ Алдр. Ростовскій (1418—1420), во время моровой язвы, а по выздоровленіи отъѣхалъ въ Москву († 1426).

[4]) Полагаютъ, что онъ побывалъ здѣсь до 1437 г. (Памятн. стар. рус. литер., IV, 118—119). О монастыряхъ, Макарій, IV, 201, 202; VII, 39—43. Костомаровъ, II, 365—368. Во время мора и взятія Пскова многіе принимали монашество (V, 23).

[5]) Костомаровъ, II, 367—378; Ключевскій, Житія, 259.

Троицы служила государственнымъ архивомъ, которымъ завѣдывало особое лицо—ларникъ [1]), и мѣстомъ погребенія важнѣйшихъ лицъ [2]). Въ пригородахъ были свои патрональные храмы [3]). Остатки старинныхъ четырехъ церквей волости сохранились до сихъ поръ [4]).

Мы видѣли, что въ Новгородѣ и Псковѣ были условія, благопріятствовавшія проявленію свободнаго религіознаго движенія, которое выразилось въ ересяхъ стригольниковъ и жидовствующихъ [5]); вопросы догматическіе становились иногда (XV в.) предметомъ заботъ вѣча [6]), а споръ объ аллилуіа и другіе обрядовые вопросы поглощали продолжительное вниманіе гражданъ и духовенства (Евфросинъ со своимъ монастыремъ, съ одной стороны, и свящ. Іовъ Столпъ, „философъ“ по выраженію біографа [7]), со своими послѣдователями съ другой [8]), и

---

[1]) Псков. суд. грам., ст. 14, 32, 38; П. С. Р. Л., IV, 232, 233, 243, 266, 278; V, 45. Значеніе архива въ юридическомъ отношеніи (И. Энгельманъ, Гражд. законы Псков. суд. грам., 14—15).

[2]) Въ ц. св. Троицы погребены князья: Всеволодъ (1166), Довмонтъ (1299), Юрій Витовтовичъ (нам. кн. Андрея Ольгерд., 1348), кн. Даніилъ Александровичъ (1409), кн. Григорій Ивановичъ (внукъ или правнукъ Ольгерда, пріѣхав. въ 1439 изъ Твери, † 1442), Ярославъ Вас. (1487), избор. кн. Евстаѳій (1332—1360). Нѣсколько княж. именъ упом. еще въ Синодикѣ (Евгеній, II, 37).

На Западѣ, соборы были народными церквами... Выстроенные народомъ, они были вмѣстѣ съ тѣмъ общественнымъ домомъ старинныхъ городовъ. Въ тоже время они были музеями, запасными магазинами, архивами, торговыми складами (см. Жизнь Франциска Ассизскаго, II, Сабатье, стр. v). Представители трехъ сословій Франціи въ 1302 г. были созваны въ парижскомъ соборѣ Богоматери; въ 1413 г. университетъ и парриж. граждане собрались для представленія королю о своихъ нуждахъ въ галереѣ ц. св. Павла и т. п. (Thierry, Essai sur l'hist. de la formation et des progrès du tiers état, chap. II et III). Въ Англіи хартія Генриха I была предъявлена на соборѣ въ ц. св. Павла (Трайль, I, 277). Ср. Ипат. л., 596.

[3]) Костомаровъ, II, 410. О ц. св. Николы въ Наверехской губѣ въ лѣт. замѣчено: „велми чюдна и преудивлена: таковы не было во всей Псковской волости о полътретью десяти углахъ“ (Псков. 1-я лѣт., 240). О золотыхъ украшеніяхъ на образахъ въ Пантел. и I. Предт. мон. (IV, 207, 235).

[4]) Н. П. Кондаковъ, VI, 178.

[5]) М. Фотій, допуская наказаніе стригольниковъ, прибавлялъ: „только не смертной казни“ (Р. И. библ., VI, № 55; Ак. ист., I, № 33). Ср. выше, 667.

[6]) Строевъ, Библіол. Слов., 287; Рус. Истор. библ., VI, № 42; Акты историч. I, № 21.

[7]) Житіе Евфросина, Памятн. стар. рус. литер., в. IV, 81. Ученикъ его Иларіонъ Гдовскій (Филаретъ, мартъ, 133).

[8]) Любопытно обращеніе автора этой повѣсти къ Пскову: „Слыши же убо, паче слыши и зѣло внемли, христолюбивый градъ Пскове, *земля свободная*“! Пр. Филаретъ по поводу двойной аллилуіа обращается съ укоромъ и къ Евфросину, и къ его болѣе позднему біографу. Но Н. С. Тихонравовъ нашелъ въ библіотекѣ

проявлялись иногда въ рѣзкихъ чертахъ. Для характеристики псковскихъ нравовъ того времени заслуживаютъ вниманія нѣкоторыя подробности біографіи Евфросина. Такъ, изъ нея видно, что Іовъ, по смерти жены, оставилъ свой санъ, вторично женился, а затѣмъ и въ третій разъ, но, по замѣчанію біографа, „не умалися чрезъ то отъ псковичъ честью и славою, но паче кичашеся, яко ничтоже изронивъ мудрости философскія". Сторонникъ его, діаконъ Филиппъ, по смерти жены, также оставилъ духовное званіе и вступилъ во второй бракъ. Далѣе авторъ распространяется въ похвалахъ разуму и начитанности этого послѣдняго (83—84). Въ спорѣ съ нимъ Евфросинъ опирался на примѣръ византійской церкви, прибавляя, что онъ былъ въ Константинополѣ въ добрую пору, „въ царство благочестиваго царя Кальянина и при преосвященной паствѣ патр. Іосифа.... задолго до взятія богохранимаго града царскаго отъ безбожнаго и поганаго царя турскаго" [1]). Въ такомъ же смыслѣ написалъ Евфросинъ оправдательное посланіе къ архіеп. новгор. Евѳимію II, для котораго ссылка на примѣръ Византіи имѣла извѣстное значеніе и онъ принялъ сторону послѣдняго [2]). Но уже при Геннадіѣ дьякъ Филиппъ

Троицкой лавры служебникъ XII в. съ сугубой аллилуіа, затѣмъ оно встрѣчается въ спискахъ Златоуста XIV—XV вв. и т. д. и въ другихъ памятникахъ (Ключевскій, Житія, 256). Гораздо правильнѣе судилъ о подобныхъ мнѣніяхъ Дмитрій Грекъ, который на вопросъ Геннадія объ аллилуіа, отвѣчалъ: „Мнѣ ся помнитъ, что и у насъ о томъ споръ бывалъ межъ великихъ людей: *иніи обоя единако судили.....* Ино какъ ни молвитъ человѣкъ тако мыслію, такъ добро" (Ключевскій, 257). Наконецъ оказывается, что эти черты заимствованы позднѣйшими біографами (свящ. Василіемъ) изъ болѣе древняго житія, уцѣлѣвшаго въ коллекціи рукоп. Ундольскаго (ibid., 252—253). Объ этихъ основаніяхъ см. еще Каптеревъ (П. Никонъ) и Голубинскій (Богосл. Вѣст. 1892, № 22 и Чт. въ Общ. ист. 1896, I).

[1]) Въ приведенномъ мѣстѣ очевидный анахронизмъ. Іоаннъ II Комненъ или Кало-Іоаннъ, Красивый (прозванный такъ въ ироническомъ смыслѣ, но извѣстный своими прекрасными душевными качествами, см. Гиббонъ, V, 365—366) царствовалъ 1116—1143 гг.; такое же имя носилъ Іоаннъ IV сынъ импер. Андроника († 1410) какъ почетное прозвище (о немъ въ путешест. Игнатія Смольянина, 12—13); быть можетъ оно давалось въ народѣ и импер. Іоанну II Палеологу и въ такомъ видѣ дошло до Евфросина. Въ Псков. лѣт. читаемъ: „царевна (Софія), дщи Ѳомина князя Аморѣйскаго, а цареградскаго царя Костянтинова и *Калуянова братина* (т. е. племянница по брату), а внука Іоана Паліологова, а князя великаго Василья Дмитреевича зятя, нарицаемая Софія" (П. С. Р. Л., IV, 244). Ср. еще Никон. л., I (прилож.), 17; II, 50; Срезневскій, Пам. яз., 280; Поѣзд. въ Кир. Бѣлоз. м., II, 39; Майковъ, Сборн. Ак. Н., L, 40—41.

[2]) См. оба посланія, Пам. стар. лит. (94—96).

Петровъ въ посланіи къ Аѳанасію „великія лавры св. Николы ктитору“, писанномъ въ отвѣтъ на его писаніе, присланное въ соборы священниковъ, рѣзко нападаетъ на грековъ и современную ему греческую церковь за двойную аллилуіа, привлекая къ отвѣту и „аѳонянъ“ [1]).

Вполнѣ вѣроятно, что византійская литература богомильскаго характера, при посредствѣ памятниковъ славянской письменности, была извѣстна во Псковѣ [2]); но также не лишено основанія замѣчаніе, что Псковъ, при своихъ отношеніяхъ къ Западу, не былъ чуждъ и вліянія, этого послѣдняго; а движеніе стригольниковъ обнаруживается одновременно въ такихъ же чертахъ, какъ движеніе нѣмецкихъ крестовыхъ братьевъ. Оно поддерживалось мистическимъ настроеніемъ общества, подъ впечатлѣніемъ недавно свирѣпствовавшей черной смерти [3]). При близкихъ отношеніяхъ къ Западу вліянія и заимствованія на религіозной почвѣ были неизбѣжны. М. Фотій, въ посланіи къ посадникамъ и духовенству (ок. 1430) упрекалъ, что послѣднее при мѵропомазаніи употребляетъ мѵро, получаемое отъ латинянъ [4]). Нѣсколько позже (ок. 1472—75 г.) въ Юрьевѣ имѣлъ столкновеніе съ населеніемъ (6 янв.) свящ. Исидоръ, а его товарищъ—Іона (въ мірѣ Іоаннъ), присланный изъ Москвы, долженъ былъ оставить городъ. Послѣ этого, на гран. Лифляндіи, на р. Камянкѣ, онъ основалъ монастырь, на который дѣлали нападенія нѣмцы [5]). Еще позже (1491) дьякъ Петровъ сообщалъ архіеп. Геннадію о приходѣ латинскихъ монаховъ („изъ нѣмецъ“) во Псковъ и о спорѣ съ ними о восьмомъ соборѣ псковскихъ священниковъ [6]).

---

[1]) Лѣт. занятій Арх. ком., III. Опис. рукоп. Сборниковъ, 53--54.

[2]) Ѳ. И. Успенскій, Очерки по исторіи визант. образованности, Спб. 1892 г. 365—388.

[3]) Н. С. Тихонравовъ, Труды II-го археологич. съѣзда, II, 35 и д. и Соч., т. I.

[4]) Акты ист. I, № 35; Рус. Ист. библ., № 58.

[5]) Филаретъ, мартъ, 134—135. Объ Исидорѣ упоминаютъ и наши историки (Соловьевъ, VII, 236; Макарій, VIII, 378--82). На основаніи хронологическихъ несообразностей и неточности фактовъ, ж. Исидора, напис. свящ. Василіемъ, по порученію Макарія, витіеватое и многословное, заподозрѣвается, и лѣтописи умалчиваютъ объ этомъ событіи (Ключевскій, 259). Разборъ мнѣній и данныхъ по этому вопросу въ статьѣ А. С. Будиловича: „Историч. замѣтка о русскомъ Юрьевѣ стараго времени въ связи съ ж. св. Исидора и 72 юрьев. мучениковъ“, Юр. 1901, 72 стр. (изъ Сборн. Уч. литер. Общ. при Юрьев. унив., т. IV).

[6]) Акт. историч., I, № 286; тоже въ Древн. Рос. Вивл., т. XIV, стр. 216—218. У Филарета ошибочно показано, что здѣсь напечатано особое соч. о 8-мъ соборѣ (Обзоръ, 121); это только грамота, донесеніе.

Подъ 1540 г. въ Псковской лѣтописи читаемъ извѣстіе, что къ Успеньеву дню старцы—*переходцы „привезли съ иныя земли“* образъ святого Николы да святую Пятницу (особенно почитаемыхъ) „которыхъ прежде не бывало, на рѣзи въ храмцахъ, а многіе невѣжливые люди поставиша то за *болванное поклоненіе* и бысть въ людехъ молва велика и смятеніе“. Поэтому означенные образа были отправлены въ Новгородъ съ нарочными лицами, къ архіеп. Макарію, который, однако, оказалъ имъ требуемое почтеніе и распорядился торжественно принять ихъ во Псковѣ [1]). Еще позже, какъ видно изъ дѣла Башкина, троицкій игум. Артемій, живя во Псковѣ, нарочно ѣздилъ въ Нейгаузенъ, гдѣ велъ бесѣду объ ученіи Лютера [2]), которое не осталось безъ вліянія на его мнѣніяхъ. При всемъ томъ, какъ прежде ереси стригольниковъ и жидовствующихъ, такъ и западныя религіозныя ученія не нашли себѣ широкаго распространенія въ предѣлахъ Новгородской области.

Мы знаемъ, что въ началѣ Псковъ въ книжномъ дѣлѣ вполнѣ зависѣлъ отъ Новгорода (см. стр. 648); но впослѣдствіи онъ принимаетъ участіе въ мѣстной письменности и веденіи лѣтописи [3]). Книги писались въ самомъ Псковѣ или посылались туда изъ Новгорода и Москвы [4]). Суздальскій архіеп. Діонисій, отправляя уставную грамоту Снѣтогорскому монастырю (ок. 1382 г. [5]), очевидно полагалъ, что всѣ необходимыя книги во Псковѣ легко найти. Однако нѣсколько позже митр. Кипріанъ считалъ нужнымъ посылать туда богослужебныя книги, церковные уставы и Синодикъ правый цареградскій („а что есми слышали, что нѣтъ у васъ церковнаго правила праваго“ [6]). Между прочимъ псковской письменности принадлежатъ: книга Евангельскихъ чтеній 1279 года; Прологъ, писанный

---

[1]) Псков. 1-я лѣт., 303—304. Въ то время къ рѣзнымъ изображеніямъ (рельефнымъ) относились такъ же подозрительно, какъ и къ литымъ (ibid., 245), считая ихъ католическими. Ср. выше, стр. 653; Макарій, VIII, 21—24; Снегиревъ, Памят. Моск. древн., с. x, 629, 680.

[2]) Акты Арх. экспед., I, № 239. Во Псковѣ имѣли успѣхъ также врачи (ж. Евфросина, 110), вѣроятно нѣмецкіе.

[3]) Въ одной рядной к. XIII в. замѣчено: „а псалъ Довмонтовъ писецъ“, съ печатью при ней князя (Зап. Арх. общ., III, 210—267; Срезневскій, Памят. языка, 157). См. еще выше, о писцахъ и дьякахъ, стр. 767, пр. 2.

[4]) Памятн. языка, 204, 222, 248, 279.

[5]) Акты историч., I, № 5.

[6]) Акты историч., I, № 8.

ок. пол. XIV в. [1]); Параклитикъ 1386 г. [2]); лучшій списокъ Палеи (2-ой полов. XV в., писан. дьякомъ церкви Рождества Несторомъ, со множествомъ раскрашенныхъ картинокъ и лѣтописными замѣтками [3]). Впрочемъ пожары и здѣсь нанесли большія опустошенія книжнымъ сокровищамъ; таковы пожары: 1213, 1320 1336 („погорѣлъ Псковъ весь, что ни есть дворовъ за стѣною и церквей"), 1386 (погорѣ городъ весь Псковъ", 1406 („выгорѣ городъ Псковъ), 1433, 1451 („погорѣ весь градъ"), 1454, 1458, 1459, 1466 („погорѣ весь Псковъ"), 1470, 1471, 1478 („погорѣ весь Псковъ"), 1500, 1507, 1539, 1541, 1544, 1550, 1561, 1562 („таковъ пожаръ не бывалъ николи же"), 1565, 1590, 1606 („погорѣша всѣ торги"), 1607, 1609 („весь градъ выгорѣ"), 1711 (тоже [4]).

Военныя тревоги и удаленіе Пскова отъ высшей духовной власти были причиною того, что онъ мало принималъ участія въ литературной дѣятельности и позже выступилъ на это поприще. Торговые интересы, подобно Новгороду, также значительно отвлекали его вниманіе. Движеніе стригольниковъ было направлено противъ духовенства [5]), нерасположеніе къ которому проходитъ чрезъ весь періодъ независимости Пскова, а сюда нерѣдко присылались духовныя власти для наставленія, котораго очевидно недоставало на мѣстѣ (какъ Діонисій архіеп сузд. [6]), Θеодосій еп. полоцкій [7]).

---

[1]) Срезневскій, Памятники языка, 142, 204: Чт. въ Общ. ист. 1896, I; Прологъ Типогр. библ. писанъ къ ц. Воздвиженья, на княжій дворъ, поп. Андреемъ Микулинскимъ съ сыномъ. Камен. ц. постр. въ 1384 г., а попъ Андрей отправленъ былъ посломъ къ князю Ивану Дан. (см. выше, стр. 763), въ 1327 г. (Пск. 1-я лѣт.; ср. Срезневскій, 204).

[2]) Писанъ для мон. ап. Петра и Павла (Сироткина) дьякомъ ц. св. Софія Степ. Засковичемъ (Опис. рук. Син. б., III, 482; Срезневскій, 253; см. выше, стр. 649, пр. 10).

[3]) Строевъ, Библіолог. Словарь, 369.

[4]) Новгор. лѣт. по Синод. списку, 258, 333, 372, 394; Псков. 1-я лѣт., 207, 214, 231, 235, 238, 257, 272, 281, 304, 306, 308, 313, 343, 345; Псков. 2-я лѣт., 32, 35, 37. Ср. отмѣтку на книгѣ 1386 г. „погорѣ Псковъ городъ весь" (Срезневскій, Памятн. языка, 253). Въ 1428 г. погорѣла Котельна; въ 1441 г. выгорѣла вся Опочка; въ 1472—погорѣлъ Островъ; въ 1512 г. (23 апр., въ обѣдню) погорѣлъ весь Изборскъ. Во время своего пребыванія во Псковѣ (въ 1570 г.), Иванъ Грозный „церковную казну *по обителемъ и по церквамъ* иконы и кресты и пелены и сосуды *и книги* и колоколы, поима съ собою" (IV, 344). Поздн. пожары: 1777, 1788 (Евгеній. IV, 176, 178).

[5]) Рус. Истор. библ., VI, №№ 22, 25.

[6]) Ib., стр. 196.

[7]) Псков. 1-я лѣт., 194.

Едва ли не первымъ историческимъ повѣствованіемъ появившимся во Псковѣ, слѣдуетъ признать сказаніе о Довмонтѣ [1]), подвиги котораго произвели извѣстное впечатлѣніе, и если не описаны, то пересказаны были ихъ участниками [2]). Участіе духовенства, судей и купцовъ въ общественныхъ, дипломатическихъ и военныхъ дѣлахъ заставляло ихъ со вниманіемъ относиться къ событіямъ, въ которыхъ они принимали участіе. Отсюда объясняются подробныя описанія и отчеты, попавшіе въ лѣтопись, очевидно изъ оффиціальныхъ записей, въ которыя они были внесены. Такими являются извѣстія съ первой четверти XIV стол., самое изложеніе которыхъ указываетъ на этотъ оффиціальный источникъ (описаніе походовъ, посольствъ, переговоровъ и пр.), вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждающій, что лѣтопись во Псковѣ имѣла вполнѣ общественный характеръ (см. стр. 386). Чтеніе ея предлагалось читателямъ въ поученіе (Псков. 1-я, 234); она велась въ наставленіе потомкамъ (242); въ ней искали объясненія своихъ отношеній (283) и на нее ссылались въ подкрѣпленіе своихъ правъ (285). Представляя въ себѣ исключительно мѣстныя данныя, лѣтопись должна была служить какъ бы народною книгою, къ которой обращались въ нужныхъ случаяхъ за справками. Мало этого: Псковъ настолько былъ сосредоточенъ на общихъ интересахъ, что до самаго паденія его мы не встрѣчаемъ другихъ сказаній, кромѣ повѣсти о Псковскомъ взятіи (1510) вел. кн. Василіемъ Иван. (см. ниже) и уже гораздо позже появляются сказанія о приходѣ подъ Псковъ (1582) Стефана Баторія, Литвы и Нѣмцевъ (на Печер. мон. 1612) и Густава Адольфа (1615), и объ отступленіи Пскова отъ Москов. государства въ смутное время, которыя встрѣчаются въ лѣтописи или въ отдѣльномъ видѣ. Изъ другихъ памятниковъ заслуживаютъ вниманія посланія: 1) игумена Елеазарова мон. Памфила, написанное къ княжескому намѣстнику кн. Дм. Вл. Ростовскому, 1505 г. о языческомъ праздновании Ивановской ночи, важное въ бытовомъ отношеніи, внесен-

[1]) Срезневскій, 162. Указываютъ на образецъ его въ ж. Александра Нев. (Энгельманъ).

[2]) П. С. Р. лѣт., IV, 180—183; V, 6—8. Въ остальныхъ лѣт. или сокращена (Рус. Врем., Прод. Нест. лѣт.) или разбита по годамъ (Соф., 4-я Новгор., Львов., Воскр., Никон.) и въ кратк. извлеченіи (Супр. рук., Арханг. лѣт.). Въ текстахъ 1-й и 2-й Псков. лѣт. видятъ двѣ редакціи одного и того же сказанія. Одни признаютъ первонач. повѣсть безъ хрон. данныхъ (Карамзинъ, Костомаровъ); другіе склонны думать, что эти данныя были отброшены и возстановлены потомъ, по догадкѣ, составителемъ лѣтописи (подроб. хронол. разборъ у Энгельмана, 45—93). Впрочемъ, еще Карамзинъ указалъ на его хронол. несообразности (IV, пр. 128).

ное и въ лѣтописи [1]) и 2) старца Филоѳея, того же монастыря, къ псков. дьяку Мисюрю Мунехину, вел. кн. Василію Ивановичу и ц. Ивану Васильевичу, касающіяся звѣздочества, жестокости княжескихъ намѣстниковъ, содоміи и т. п. явленій, и въ которыхъ между прочимъ впервые выясняется сложившаяся уже тогда политическая теорія о 3-хъ Римахъ, изъ которыхъ два первыхъ—древній Римъ и Римъ новый—Константинополь пали, а 3-й—Москва никогда не падетъ, пока пребудетъ вѣрнымъ православію [2]). Труды этихъ двухъ писателей знакомятъ насъ съ литературною дѣятельностію въ обители, основанной Евфросиномъ [3]). Прибавимъ къ этому что въ полов. XVI в. было написано житіе этого послѣдняго псковск. свящ. Василіемъ (въ монашествѣ Варлаамомъ, который пользовался и прежнимъ житіемъ его, т. е. собственно повѣстью о спорѣ по поводу аллилуіа), вошедшее въ Макар. Минеи [4]), и ему же принадлежатъ житія: Саввы Крыпецкаго, кн. Всеволода Мстиславича (помѣщен. въ Минеяхъ и отд.), священномученика Исидора, напис. по благослов. м. Макарія (однако въ Минеяхъ его нѣтъ), Никиты и Нифонта еп. новгор., сказаніе объ иконѣ Богородицы Мирожской, повѣсть объ Александрѣ Невскомъ и рядъ церковныхъ службъ мѣстнымъ святымъ [5]). Во Псковѣ появился также рядъ сказаній, относящихся къ мѣстнымъ святымъ [6]). Наконецъ упомянемъ о „Псково-Печерскомъ патерикѣ", представляющемъ полную хронику этого монастыря, въ который входятъ сказанія о Печерскомъ монастырѣ, о чудесахъ, случившихся въ немъ, и объ осадахъ и нападеніяхъ, которымъ онъ под-

[1]) П. С. Р. Л., IV, 278—280; Чт. М. О. ист. 1846, № 4.

[2]) Прав. Соб. 1861, т. I, 1863, т. I; Доп. къ акт. ист., I, №№ 2—3; статья о немъ В. Н. Малинина въ Труд. Кіев. Акад. 1888, № 5, съ прилож. неизд. посланія къ ц. Ивану Васильевичу (о немъ и въ ст. г. Жмакина: „Одинъ неизв. памятн. XVI в." Ж. М. Н. Пр. 1882, № 6); Неизв. посл. Филоѳея (Отч. Имп. Публ. библ. 1890, с. 18). О другихъ собственно церковныхъ соч. Филоѳея (канонахъ) см. у Филарета (Обзоръ, 138). Подробный трудъ В. Н. Малинина: „Старецъ Елеаз. мон. Филоѳей и его посланія", К. 1901. Рец. А. И. Соболевскаго (Ж. М. Н. Пр. 1901, № 12. и замѣч. на нее С. П. Казанскаго (ib. 1902, № 10).

[3]) Въ 1514 г. въ Елеаз. мон. называется библіотекарь (Лѣт. зан. Арх. ком. IV, 121); упомин. еще больница (ж. Евфросина, 110) и живописцы (103).

[4]) Въ службѣ преп. Евфросину Василій, какъ и въ житіи, держится двойной аллилуіа (Филаретъ, 154).

[5]) Библіолог. Словарь. Строева, 37—41; Филаретъ, 154; Ключевскій, 251—259.

[6]) Строевъ, 353—424. И въ лѣтописи есть указаніе на обычай составленія житій во Псковѣ при чествованіи святыхъ (Псков. 1-я лѣт., IV, 306).

вергался, упомянутыхъ нами выше [1]). При этомъ заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что въ „Повѣсти о Печерскомъ монастырѣ“, дополненной въ началѣ XVII в., сообщается, что еще за 14 лѣтъ до осады Пскова Баторіемъ „игуменъ Корнилій († 1570, за 11 лѣтъ до осады) въ книгѣ *лѣтонаписаніи своемъ*, разсказалъ о видѣніи, предвозвѣщавшемъ осаду [2]). Трудно опредѣлить литературное отношеніе этой исчезнувшей монастырской лѣтописи къ повѣсти объ основаніи Печерскаго мон., сохранившейся въ немногихъ спискахъ; но, по извѣстіямъ о Печерскомъ мон., занесеннымъ въ Псковскую лѣтопись, можно предположить, что составитель послѣдней пользовался и лѣтописью Корнилія [3]). Повѣсть составлена ранѣе указанной монастырской лѣтописи, а именно въ 1531 г., какъ сказано въ концѣ ея, и авторомъ ея былъ Корнилій, постриженный въ Печерской обители вскорѣ по ея возникновеніи. Онъ засталъ еще въ живыхъ свидѣтелей ея основанія, почему его сказаніе является однимъ изъ важныхъ памятниковъ для исторіи монастырской колонизаціи, по даннымъ, сообщеннымъ въ немъ [4]). Такимъ образомъ Псково-Печерскій мон. былъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ въ развитіи лѣтописнаго дѣла во Псковѣ, въ которомъ, какъ можно видѣть, вполнѣ сознавалась и вся важность подобнаго труда [5]).

VI.

Политическая и литературная зависимость Пскова отъ Новгорода (стр. 650) вела за собою подчиненность его послѣднему и въ лѣтопис-

---

[1]) Строевъ, 378—380.

[2]) По словамъ же Курбскаго, иг. Корнилій оставилъ описаніе бѣдствій въ цар. Ивана Грознаго (см. о немъ въ обз. лѣтоп.; Бычковъ, Опис. Сборн. Имп. Публ. библ., 87—89). Припомнимъ о пребываніи Курбскаго въ Псково-Печер. мон. и его опасенія о тетрадкахъ, оставленныхъ дома (см. Петровскій, Библ. замѣч. о соч. Курбскаго, 15; Москвит. 1843, № 9). Ученикъ Корнилія—Вассіанъ Муромцевъ—другъ Курбскаго. Здѣсь же жилъ одно время иг. Артемій и здѣсь же было найдено „Слово о погибели Русскія земли“. Реф. Е. В. Пѣтухова: „О нѣк. историч. и литер. фактахъ, связан. съ именемъ Успенскаго Псково-Печер. мон. въ XVI и XVII вв.“ (Труды X-го Арх. съѣзда, I, 256—263).

[3]) Ключевскій, Житія святыхъ, 249; П. С. Р. Л., IV, 293, 295, 302, 303, 306, 310, 312, 316, 318, въ примѣч. и далѣе.; Бычковъ, 88 (съ именемъ Корнилія).

[4]) Ключевскій, 249—250.

[5]) Въ предисловіи къ „Повѣсти“ читаемъ: „Вся убо яже въ лѣтѣ и яже подъ лѣтомъ бываемая божія благодѣянія о человѣцѣхъ нелѣпе есть таити“ (ibid., 249).

номъ дѣлѣ. До насъ дошло двѣ лѣтописи, носящихъ названіе Псковскихъ и близкихъ другъ другу по своему составу.

Первая Псковская лѣтопись, изданная дважды по нѣсколькимъ спискамъ (см. ниже), начинается (въ нѣк. изъ нихъ) выпискою изъ хронографа о шестидневномъ твореніи съ присоединеніемъ родословія отъ Адама до Р. Х. и далѣе до крещенія Руси при кн. Владимірѣ (ср. Лѣтописецъ патр. Никифора въ П. С. Р. лѣт., I, 248 – 252). Затѣмъ слѣдуетъ краткое извлеченіе изъ „Пов. врем. лѣтъ", отличное отъ вступительной части Новг. л., съ нѣк. собственными варьяціями [1]), въ видѣ перечня событій, съ значительными промежутками годовъ, съ 859—989 и 1030—1059, близкаго къ Лавр. сп. (см. 6387, 6414, 6538, 6544 [2]). Вторымъ и главнымъ источникомъ для Псковскаго свода служила 1-я Новг. лѣтопись почти на всемъ ея пространствѣ (1054—1433; см. стр. 696) въ болѣе подробныхъ извлеченіяхъ или въ краткомъ изложеніи, съ присоединеніемъ къ нимъ псковскихъ извѣстій [3]), притомъ въ спискѣ 2-й ред. (1054, 1234, 1241, 1262 [4]); нѣкоторыя извѣстія восходятъ къ источнику, общему отчасти со 2-й (напр. 989, 1202), а отчасти съ 4-й Новг. лѣт. (1169—чудо отъ обр. Богородицы при нападеніи суздальцевъ; 1327, 1384, 1453, 1471, 1474); а такъ какъ немногія общерусскія событія въ ней заимствованы очевидно изъ источника=Соф. 1-й лѣт. (1328, 1410, 1431, 1432, 1433, 1434, 1446, 1453, 1481, 1482, 1489, 1496, 1499, 1510), то можно заключить, что такимъ источникомъ здѣсь служила лѣтопись, общая имъ обѣимъ. Зависимость Псков. лѣт. отъ 1-й Новгор. настолько велика, что, безъ извлеченій изъ этой послѣдней, псковскій сводъ представлялъ бы часто сухой и голый перечень мѣстныхъ событій безъ прочной хронологической связи съ событіями нов-

---

[1]) Въ Псков. лѣт. читаемъ: „Въ лѣто 6362 бяху три браты; единому имя Кый... И поставиша градъ на горѣ и нарекоша имя граду тому Кыевъ". Итакъ, замѣчаетъ Карамзинъ, онъ будто бы основанъ уже въ 854 г. и пр. (I, пр. 71).

[2]) За отсутствіемъ прямыхъ указаній о началѣ Пскова, лѣт-цъ связываетъ его съ преданіемъ о происхожденіи отсюда Ольги (IV, 174); а другой лѣт-цъ, представивъ родословную первыхъ князей до Всеволода Яр., прибавляетъ: „вси ти князи отъ единаго Варяга отъ Рюрика, и отъ сына его Игоря и отъ княгыни *Ольгы псковкы расплодишася*" (V, 2). Объ Ольгиныхъ мѣстахъ см. Филаретъ (Житія, 11 іюля, с 72).

[3]) Примѣръ подобнаго изложенія—6736 г. (1227), въ которомъ описываются событія новгор. и псковскія.

[4]) Видно это и въ пользованіи ж. Александра Нев. (сп. Арх. b).

городскими, столь близкими для исторіи Пскова, и отношеніями его къ ближайшимъ сосѣдямъ. При всемъ томъ Псковская лѣт. не исчерпываетъ матеріала, находящагося въ Новг. лѣт. и касающагося исторіи Пскова (см. гг. 1192, 1213 [1]), 1228, 1232, 1237, 1242, сокр.; 1253, 1255, 1257, 1269, 1270, 1314, 1316, 1318, 1331, 1333, 1335, 1337, 1338, 1362, 1363, 1367, 1382, 1389, 1444 [2]).

Кромѣ того, въ распоряженіи составителей свода были и другія лѣтописи, болѣе полныя, чѣмъ дошедшіе до насъ списки [3]).

Впрочемъ систематическое заимствованіе Псков. лѣт. изъ Новг. 1-й не показываетъ еще, что лѣтопись во Псковѣ стала вестись довольно поздно. Такъ, подъ 1138 г. мы находимъ въ ней мѣстную подробность о прибытіи кн. Всеволода Мст., причемъ на пути ему оказана была честь полоц. кн. Василькомъ Рогволод., „забывъ заповѣди ради Божія злобу отца его, что бяше сотворилъ всему роду его къ нему... яко же подобаше по человѣчеству, но и крестъ межи собою цѣловаста... и тако добрѣ и̑ проводи“ (стр. 176; ср. 1-ю и 4-ю Новг. лѣт. [4]). Краткія записи подъ 1238 (поставлена подъ 6744), 1239, 1240—объ избіеніи псковитянъ Литвою на Камени, объ избіеніи у Изборска нѣмцами псковичей 600 чел. и о взятіи нѣмцами Пскова—мѣстнаго характера. Подъ 1247 находимъ краткую же запись объ избіеніи литовцами псковичей на Кудепи, съ обозначеніемъ дня (іюня 3). Подъ 1265 г. (6673) помѣщено сказаніе о Довмонтѣ, разбитое по годамъ (по 1299 г. [5]). Заслуживаетъ вниманія, что въ разныхъ мѣстахъ свода (гг. 989, 1229, 1239, 1241) проставлена хро-

[1]) Прибавка въ Псков. лѣт. о Владимірѣ Мстисл. „князя литовскаго“ зависитъ отъ Новг. лѣт. (1210, 1211).

[2]) Въ свою очередь, начиная съ 4-го свода Новгор. 1-й лѣт. (см. стр. 681, 684, 686), составители ея пользовались уже Псков. лѣт. (см. гг. 1336, 1337, 1403, 1406, 1407, 1409, 1424, 1437), что̀ можетъ указывать и на время появленія одного изъ раннихъ сводовъ во Псковѣ.

[3]) Такъ, подъ 6738 г. (1230) лѣт-цъ хотя говоритъ о затменіи солнца съ показаніемъ часа, какъ въ Воскр. лѣт. (VII, 136, въ другихъ лѣт. безъ точнаго опредѣленія времени); но о смерти Владиміра Рюр. (подъ 6738, съ указаніемъ спустя 8 лѣтъ) и о *днѣ* взятія Чернигова (18 окт. во вторникъ) сказано только здѣсь, какъ и о взятіи Кіева (понед. 19 нояб., съ показаніемъ времени стоянія подъ нимъ (1240). Въ другихъ лѣт. изложено иначе.

[4]) Извѣстія о смерти Всеволода во Псковѣ сходны съ помѣщенными въ южно-рус. сводѣ (Ипат. л., 216; иначе Лавр., 289). Такимъ обр., быть можетъ, означенныя выше извѣстія (предыд. прим.) принадлежали части Кіев. лѣт., до насъ не дошедшей. Первонач. видъ Псковской лѣт.—пасх. таблица (Энгельманъ, 119, 120).

[5]) Какъ святой, Довмонтъ творитъ потомъ чудеса (1538).

нологическая сѣть съ указаніемъ количества лѣтъ отъ крещ. Владиміромъ Рус. земли до убіенія Миндовга (к. 1264; Энгельманъ, 158—67 [1]); далѣе слѣдуетъ нѣсколько записей, а по смерти Довмонта уже систематически ведется лѣтопись. Поэтому можно думать, что составитель свода долженъ былъ установить хронологію для начальной части лѣтописи, мѣстныя извѣстія которой представляютъ лишь отрывочный видъ.

Дальнѣйшее изложеніе лѣтописи, начиная съ 6792—1284 (1-й годъ послѣ сказанія о Довмонтѣ), распадается на два рода извѣстій: одни изъ нихъ, продолжаютъ давать, съ большими или меньшими промежутками лѣтъ, *краткую* лѣтопись Псковской земли, преимущественно касающуюся внутренней исторіи города, начиная отъ болѣе важныхъ событій до малозначительныхъ, почти не выходя изъ круга обыденныхъ отношеній, представлявшихъ лишь мѣстный интересъ съ современной точки зрѣнія, каковы: небесныя явленія (съ замѣчаніемъ, что они бываютъ на добро или на зло), прибытіе или отъѣздъ какого нибудь князя, состояніе погоды, отражающейся на урожаѣ, цѣны хлѣба, замощеніе площади, построеніе церкви или монастыря, многочисленныя упоминанія о постройкѣ городскихъ стѣнъ, укрѣпленій и мостовъ, иногда съ обозначеніемъ числа мастеровъ и стоимости работы, постройка городовъ, кончина извѣстныхъ лицъ, пожары, наводненія и болѣзни (болѣе подробно, часто съ показаніемъ числа умершихъ, какъ событія, наиболѣе поражавшія воображеніе современниковъ), пріѣздъ архіепископовъ и ихъ посланныхъ въ Псковъ для суда, мелкія сшибки съ сосѣдними инородцами или нападенія на тотъ или другой изъ псковскихъ городовъ, перемѣна монеты (1407, 1409), пріѣздъ почетныхъ гостей во Псковъ (см. стр. 758), выдающееся чудо и т. п. По мѣстамъ лѣтопись пользуется новгородскими извѣстіями, число которыхъ до к. XIV в. весьма значительно. Мѣстныя *краткія* записи почти непрерывно идутъ до первой четв. XV стол. Впрочемъ, это не значитъ, что ихъ нѣтъ въ послѣдующемъ изложеніи; но только подавляющее большинство извѣстій приходится уже на болѣе пространныя записи, а иногда и весьма подробныя

---

[1]) Сѣть эта составлена въ такомъ порядкѣ: „Отъ крещенія Руси при Владимірѣ до убіенія Бориса и Глѣба 28 л.; отъ уб. ихъ до 1-го перенес. мощей 57 л.; отъ 1-го перенес. до 2-го 43 года; отъ 2-го перенесенія до взятія Кіева (половцами) 87 л.; отъ взятія Кіева до Калкской битвы—20 л.; отъ битвы при Калкѣ до землетряс. 8 л.; отъ землетряс. до взятія Рязани и Владиміра татарами 8 л.; отъ взятія Кіева до числа Русской зем. 18 л.; отъ числа Рус. зем. до смерти кн. Александра и до убитія кн. литов. Миндовга (въ одной Архив. b, число не проставлено).

описанія лѣтъ. Значительные промежутки неописанныхъ лѣтъ (за XII и XIII стол. ихъ весьма много; ок. полов. XIII встрѣчается даже значительный перерывъ, 6750—6769, причемъ только въ одномъ сп. подъ 6750 помѣщено изв. Новг. лѣт., а подъ 6755—лаконическая запись о побоищѣ на Кудепи и снова пропуски 6777—6806, 6808—6791, 6793 - 6800, 6802—6809, 6812—6814, 6823—27, 6832—34, 6840—43, 6857—61), смѣняются почти *погодными* записями лишь со второй половины XIV стол. (6862—1354); но опять по 1367 г. (6875) онѣ очень *кратки*. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что подъ 1327 г. (6835) внесенъ отрывокъ изъ ж. Александра Мих. тверского, сходный съ „повѣстью“, помѣщенною въ другихъ лѣт. (Соф. 1-й, Новг. 4-й, Воскр., Никон.) и близкой къ ред. Воскр. сп., но въ изложеніи лишь событій, интересныхъ для псковитянъ (Псков. 1-я и 2-я лѣт.) и съ подробностями, извѣстными этимъ послѣднимъ, какъ перечисленіе лицъ, посланныхъ къ моск. кн. (Ивану Дан.) для заключенія съ нимъ мира послѣ бѣгства въ Литву кн. Александра. Подъ 1352 г. (6860) помѣщено „сказаніе“ о морѣ, бывшемъ во Псковѣ (ср. Новг. 1-ю—крат. запись; въ Новг. 4-й=Псков., но съ отд. заглавіемъ [1]).

Другой рядъ извѣстій на пространствѣ отъ первой четв. XIV (1323) до 1367 г. представляютъ тѣ годы (1323, 1341, 1343, 1348), въ которыхъ идетъ рѣчь о борьбѣ съ нѣмцами: здѣсь разсказъ отличается полнотою, сообщается ходъ битвы, называются лица, участвовавшія въ ней, приводятся переговоры и условія мира. Такого же характера записи подъ 1368 и 1369 гг., въ которыхъ нерѣдко соединяются событія нѣсколькихъ лѣтъ. Склонны думать, что эти извѣстія о борьбѣ съ нѣмцами составляли прежде отдѣльную запись, не пріуроченную къ опредѣленному году; позднѣйшій же составитель лѣтописи разбилъ ее на года, притомъ неправильно [2]). Однако, подобнымъ искусственнымъ оборотомъ едва ли можно объяснить каждое повѣствованіе, соединяющее въ себѣ событія за болѣе или менѣе продол-

---

[1]) Во всѣхъ спискахъ, кромѣ Строев., оно сдѣлано киноварью такъ: „О мору великомъ псковскомъ“. Нѣк. склоняются къ признанію его за отд. сказаніе (И. А. Тихомировъ, въ Ж. М. Н. Пр. 1883, № 10, с. 217—218). Лѣтописецъ могъ сократить его („отъ многого мало написалъ“). На болѣе позднюю вставку этого сказанія можетъ указывать и то, что подъ 1360 г. (6868) моръ названъ вторымъ (1-й показанъ подъ 6849—1341). Ср. иное объясненіе у Костомарова (74).

[2]) Повѣрка этихъ данныхъ на основаніи хрон. Герм. Вартберга (И. Тихомировъ, 218—219).

[3]) Тамъ же, 219.

жительное время. Пользуясь оффиціальными записями, представлявшими отчеты о ходѣ военныхъ дѣйствій и условіяхъ мира, которыя вносились на разсмотрѣніе вѣча (см. стран. 753) и хранились для справокъ въ общественной „лари“, позднѣйшій составитель свода могъ воспользоваться ими, какъ и другими описаніями для своего изложенія, которое влекло за собою уже необходимость соединенія данныхъ въ одно цѣлое. Въ трудѣ составителя свода заключалась потребность извѣстной систематизаціи, хотя бы и весьма примитивной (напр. въ біографическихъ данныхъ, см. выше, стр. 721). Отсюда является и такое признаніе, какъ „объ этомъ послѣ напишемъ, а возвратимся на иное сказаніе“ (Псков. л., 190[1]), или: „вотъ я отъ многаго написалъ мало, что мой умъ, въ худости же и память принесли“ (191).

Записи съ 6878 (1370)—6912 (1404) представляютъ рядъ *краткихъ* извѣстій о построеніи церквей и стѣнъ, о пожарахъ и знаменіяхъ—небесныхъ и земныхъ, о болѣзняхъ, мелкихъ сшибкахъ на границѣ и т. п., съ преобладающимъ, однако, церковнымъ характеромъ и показаніемъ индикта, чтó отчасти указываетъ на церковный источникъ этихъ записей. Напротивъ, нападеніе Витовта на Псковскую землю (6914—1406) и вторичная битва съ нѣмцами на Камнѣ, напомнившая Ледовое и Раковорское (Везенбергъ) побоища, храбрая защита Ворончанъ (1408) и послѣдующія непріязненныя отношенія нѣмцевъ и литовцевъ занимаютъ наиболѣе выдающееся мѣсто въ этой части лѣтописи (6917—18). Слѣдуетъ еще отмѣтить, что лѣтописецъ съ большой похвалой отзывается о двухъ князьяхъ, бывшихъ въ это время во Псковѣ—Константинѣ Бѣлозерскомъ (1407—1408), выѣхавшемъ изъ Пскова, послѣ неудачной защиты его отъ нѣмцевъ, и Даніилѣ Александр., здѣсь умершемъ и погребенномъ (1408—1409). Перваго лѣтописецъ хвалитъ за умъ не по лѣтамъ, а послѣдняго за привѣтливость, кротость и нищелюбіе. Описаніе 1411—1422 (6919—6929; далѣе пропускъ) и съ 1426—1434 (6933—42) гг. даетъ опять *краткій* перечень со-

---

[1]) Даже въ *краткихъ записяхъ* подобный способъ соединенія естественъ въ сводѣ: „6873. Заложиша церковь св. Троицу, и даше мастеромъ дѣлу изды 400 рублевъ дара и добрѣ потчиваху ихъ; *дѣлаше же по 3 лѣта*, и свершенъ бысть храмъ св. Троица“. Или: „6942. Князь Александръ Ѳед. поѣха изо Пскова на Москву, со всею челядью своею, февр. 28, а того же дни зять его Володимеръ Дан. пріѣха во Псковъ изъ Литвы и пріяша его Псковичи въ той же день февр. 28, а былъ той же князь Волод. Дан. въ Литвѣ *десять годъ*, а Олександръ Ростовскій князь былъ во Псковѣ *трижды*, а житія его во Псковѣ *12 лѣтъ*“. О конч. его упом. подъ 6950 г., въ монашествѣ. О псков. записяхъ на книгахъ (Срезневскій, 222, 253).

бытій въ прежнемъ стилѣ, часто въ безпорядочномъ нагроможденіи болѣе важныхъ и мелочныхъ фактовъ, относящихся то къ внѣшней, то къ внутренней исторіи Псковской земли и въ частности Пскова, которое свидѣтельствуетъ о разнообразіи источниковъ, бывшихъ въ распоряженіи составителя. Матеріалъ этотъ очевидно умножался и сводчикъ терялся въ его распредѣленіи, то повторяясь, то возвращаясь къ предыдущему. Вообще, какъ въ предшествовавшей части, такъ и въ настоящей (см. гг. 1236, 1237, 1240, 1264, 1354, 1355, 1426 и д.), повтореніе событій ясно указываетъ на соединеніе ихъ изъ разныхъ источниковъ [1]; а сопоставленіе тѣхъ же извѣстій съ помѣщенными во 2-й Псков. лѣт., обнаруживающее хронологическія отступленія, разницу въ подробностяхъ, упоминаніе другихъ лицъ въ данномъ событіи (1406, 1409, 1410, 1411—1432), показываетъ, что они отличались и разнообразіемъ. Извѣстія 1406—1409 и 1426—1433 гг. особенно важны по отношеніямъ Пскова къ Витовту и для исторіи Литвы вообще даже въ своихъ краткихъ замѣткахъ, тѣмъ болѣе, что въ нихъ идетъ рѣчь о литовскихъ событіяхъ безотносительно къ Пскову, хотя бы и записанныхъ по слуху.

Съ 30-хъ годовъ XV стол. отношенія Пскова значительно расширяются и осложняются политическими событіями во сосѣднихъ государствахъ: съ одной стороны, лѣтописца занимаютъ междоусобія въ Литвѣ и дѣло м. Герасима, а съ другой—смуты въ Московскомъ княжествѣ (1433—34—1340), которыя перебиваются мелкими мѣстными извѣстіями (какъ дороговизна хлѣба въ Нѣмецкой землѣ и дешевизна его во Псковѣ, постр. церквей, морозъ, побившій хлѣбъ на другой годъ и т. п.). Болѣе важны непріязненныя отношенія архіеп. Евѳимія II, пребываніе во Псковѣ м. Исидора, ознаменовавшееся вмѣшательствомъ въ церковное управленіе Пскова (1435, 1438, 1440, 1441), и участіе псковитянъ въ походѣ на Новгородъ вел. кн. Василія Вас., по требованію послѣдняго, безъ видимаго сожалѣнія, проложившее путь къ открытому вмѣшательству Пскова въ новгородскія дѣла въ

[1] Примѣръ такого соединенія подъ однимъ годомъ: „6934. Колоколы повѣшаху Псковичи на першехъ ко св. Троицы, на новой колокольници, на новой стѣнѣ, мѣс. сент. въ 23, на Зач. Іоанна Предотеча“. Послѣ изложенія другихъ событій, снова читаемъ: „Того же лѣта поставлена бысть колоколница древяная, на старомъ мѣстѣ, ко св. Троици, на першехъ, и колоколы повѣшены быша“. Ср. еще гг. 6862, 6863. Подъ 6967 (1459) г. сказано: „въ великій постъ“; но очевидно, что псковичи косить сѣно и потомъ нѣмцы придти въ вел. постъ въ одномъ и томъ же году не могли“ (отмѣчено Соловьевымъ, IV, пр. 146).

качествѣ вѣрнаго союзника Москвы (1441). Записи 1437—1448, относящіяся къ мѣстнымъ дѣламъ (смѣна князей, отношеніе къ нѣмцамъ и шведамъ, моръ и т. п.) изложены кратко, быть можетъ указывая тѣмъ на принадлежность ихъ другому лицу. Напротивъ, слѣдующія затѣмъ записи даютъ сочувственный отзывъ объ удачѣ новгородскаго похода, подъ нач. кн. Александра Вас. Чарторижскаго, противъ нѣмцевъ, пруссовъ и шведовъ, описаніе посаженія на столъ Василія Вас. (Гребенки), изъ князей суздальскихъ (1448); о выгодномъ договорѣ (на р. Наровѣ) съ магистр. рижскимъ и еп. юрьевскимъ, съ перечисленіемъ новг. и псков. пословъ (1449); о двукратномъ посѣщеніи Пскова архіеп. Евѳиміемъ II, торжественномъ чтеніи въ соб. св. Троицы Синодика и учрежденіи 4-го собора (1453); только записи о пожарѣ всего Пскова, о постр. стѣны отъ Вел. до Мал. воротъ, о морозѣ, уничтожившемъ хлѣбъ, по прежнему, кратки. Подробнѣе говоритъ лѣтописецъ о почетныхъ гостяхъ, посѣтившихъ Псковъ (1453, см. стр. 758). Съ грустью говоритъ лѣтописецъ о враждебныхъ чувствахъ Василія Темнаго (1455) къ Пскову; подробно разсказываетъ о новомъ походѣ своихъ войскъ съ московскими на Новгородъ (1456)—„въ силѣ велицѣ", съ исчисленіемъ новгородскихъ и псковскихъ вождей; о походахъ на нѣмцевъ и переговорахъ съ ними кн. Александра Вас. и затѣмъ объ отказѣ его принести присягу моск. князю и присылкѣ во Псковъ кн. Ивана Вас. (Стриги-Оболенскаго), по челобитью псковитянъ; о заключеніи мира съ нѣмцами и прибытіи во Псковъ намѣстника кн. Владиміра Андр. „не по псковскому прошенію, ни по старинѣ" (1459—61)—„псковичи незванъ, а на народъ не благъ, и изъ Пскова съ безчестьемъ поѣха на Москву—жалитися на псковичь; а былъ во Псковѣ съ полтора года на столу". Новый намѣстникъ, кн. Иванъ Александровичъ Звенигородскій былъ присланъ снова по челобитью псковитянъ. Слѣдующее затѣмъ обширное предпріятіе противъ нѣмцевъ, сопровождавшееся битвами на р. Колпиной и подъ Новымъ городкомъ (нѣмец.), съ участіемъ моск. войска, приведшее къ выгодному миру, съ подтвержденіемъ дани отъ юрьевскаго епископа „по старинѣ", въ пользу вел. князя, нашло соотвѣтственное мѣсто въ лѣтописи, лишь по мѣстамъ прерываясь мелкими замѣтками (1463), и представляетъ одно изъ подробныхъ фактическихъ описаній лѣтописи (222—226).

Дальнѣйшее изложеніе даетъ рядъ подробныхъ записей по вопросамъ, близко касавшимся интересовъ Пскова; таковы: посольства

къ вел. князю о дарованіи особаго епископа для Пскова (1464); тяжба съ Новгородомъ о владычней землѣ (1465); пріемъ архіеп. Іоны и подробное описаніе мира (1466); рѣшеніе вел. князя о намѣстничьемъ судѣ (1467); объ установленіи священническаго управленія (1469—70), съ отзывомъ объ архіеп. Іонѣ; о съѣздахъ съ литовскими послами по поводу пограничныхъ споровъ, не имѣвшихъ, впрочемъ, успѣха (1470—1471). Намѣстникомъ съ 1467 г. былъ кн. Ѳед. Юр. Шуйскій, принятый съ честью.—Извѣстія эти перебиваются другими сообщеніями и представляютъ, по сей вѣроятности, заимствованіе изъ источника, въ которомъ они записывались по мѣрѣ полученія свѣдѣній о переговорахъ то съ одной, то съ другой стороны. Записи о гражданскихъ дѣлахъ чужды церковнаго характера, а отсутствіе этого элемента въ церковныхъ дѣлахъ легко объясняется враждебнымъ настроеніемъ къ новгор. владыкѣ, имѣвшимъ мѣсто и въ средѣ псковскаго клира. Такимъ образомъ, вопросъ о церковномъ управленіи рѣшался на вѣчѣ, съ участіемъ духовенства и обращеніемъ этого послѣдняго къ власти Пскова. Къ дѣйствіямъ архіеп. Іоны лѣт-цъ относился враждебно, съ осужденіемъ, обвиняя его въ томъ, что онъ поступалъ не по правиламъ св. отецъ и апостоловъ, какъ обѣщалъ самъ Пскову—править по Номоканону—о всякой церковной вещи и о вдовствующихъ священникахъ, о чемъ и *записалъ* лѣт-цъ, чтобы прочли на память, и далѣе онъ ссылается на книги Левитъ, Правила св. апостоловъ и Номоканонъ, какъ приводитъ и мѣста изъ Евангелія, по поводу смерти того же Іоны. Такой характеръ записи (234) несомнѣнно указываетъ, что она принадлежитъ духовному лицу.

Подобнаго же рода запись (1471) о притязаніяхъ вѣча распорядиться землями, данными раньше ц. св. Троицы (Матутина земля и Нежатино данье, его прадѣда, прежняго стараго посадника), въ пользу одного изъ монастырей, игуменъ котораго успѣлъ склонить вѣче на свою сторону,—опять со ссылками на Св. писаніе (Давидъ, Евангеліе, ап. Павелъ), Филона, Іоанна Злат., церк. правила и посл. Кирилла Алекс. къ Іоанну Антіох., съ которыми могъ быть знакомъ столь близко лишь кто либо изъ церк. клира, а, судя по горячей защитѣ правъ ц. св. Троицы, онъ долженъ былъ принадлежать къ этому послѣднему. Рядомъ съ этимъ, по близкимъ отношеніямъ Новгорода и Пскова, лѣт-цъ интересуется литовскими дѣлами. Онъ хвалитъ Симеона Олельковича, княжившаго въ Кіевѣ, за защиту Русской земли отъ татаръ, а, упомянувъ о пребываніи въ Новгородѣ его

брата Михаила, съ подробнымъ обозначеніемъ времени (4 мѣс. и 8 дней), лѣт. прибавляетъ, что Новгороду „отъ него было истомно силно кормы и вологою и великими дарами“, а когда князь Михаилъ поѣхалъ оттуда, то, пріѣхавъ въ Русу, всѣ оброки пограбилъ силою, „а отъ Русы до рубежа и животъ и головы войною великою пограбивъ, повезе животы съ собою, а головы поведе до самого рубежа, неизреченно шкоты почини Новгородской волости“, о чемъ не говорятъ другія лѣтописи, „а все то, заключаетъ псков. лѣт-цъ, они, новгородцы, забавливая у себе *старины своихъ государей*, а требуя помощи отъ литовскихъ князей и отъ самого короля, такову наводятъ на себе истору, *а отъ вел. князя всеа Руси немилосердіе* и великую нелюбовь и на свои волости кровопролитіе“ (236, 237). Какъ видно, точка зрѣнія Псков. л-си въ настоящемъ случаѣ вполнѣ совпадаетъ со взглядами на эти отношенія моск. лѣтописцевъ (ср. 3-ю Новг. л., 1-ю и 2-ю Соф., Воскр. лл.). Враждебное чувство лѣт-ца къ Литвѣ понятно. Тутъ же лѣт-цъ сообщаетъ о большомъ посольствѣ, отправленномъ изъ Пскова въ Вильну, гдѣ жилъ тогда король, по поводу пограничныхъ дѣлъ, не имѣвшихъ, впрочемъ, успѣха. Со словъ этихъ пословъ, дававшихъ отчетъ на вѣчѣ, лѣт-сь разсказываетъ о большомъ пожарѣ, бывшемъ въ Вильнѣ, едва не уничтожившемъ всего города (сгорѣло 400 дворовъ и божницы въ Ляцкомъ концѣ), такъ что самъ король съ дворомъ и казной „выбѣжалъ въ поле“; „а Руского конца и св. божіихъ церквей Богъ ублюде, христіанскыхъ дворовъ и своихъ храмовъ, а иновѣрныя на вѣру приводя, а христіанъ на покаяніе, понеже посполу толко промежи улица съ латынскимъ дворомъ“ (237, 239).

Подъ тѣмъ же 1471 г. занесенъ подробный разсказъ о сношеніяхъ Ивана III съ Псковомъ, по поводу похода на Новгородъ, и объ участіи псковитянъ въ этомъ походѣ. Переговоры обѣихъ сторонъ передаются дословно въ разговорной формѣ, а говоря о столкновеніяхъ своего и новгор. отрядовъ, авторъ вездѣ выражается о псковичахъ „наши“; онъ обозначаетъ числа событій и количество новгородской контрибуціи; онъ радуется, что миръ между Новгородомъ и Псковомъ былъ установленъ по старинѣ, по „псковской волѣ“; радуется также, что псковитяне возвратились во-свояси здоровы, съ великою честью, со многимъ добыткомъ, не замѣчая даже всѣхъ послѣдствій этого разгрома не только для Новгорода, но и для Пскова. Разсказъ псков. лѣтописца служитъ существеннымъ дополненіемъ къ повѣствованію о походѣ, изложенному съ московской точки зрѣнія

(Софійск. лѣт., VI, 1—15),—тѣмъ болѣе важнымъ, что Новг. лѣт., по весьма понятной причинѣ, не даютъ всѣхъ подробностей [1]). Можно только пожалѣть, что авторъ написалъ „отъ многаго мало, чтобы не было забыто въ послѣдующіе роды“ (239—242).

Съ другой стороны, это обстоятельство привлекло снова вниманіе лѣтописца къ Новгороду. Такъ, онъ сообщаетъ свѣдѣнія (1472) о большомъ пожарѣ, бывшемъ здѣсь, о погибели на Ильмени множества новгородцевъ, о поставленіи въ Москвѣ архіеп. Ѳеофила (ср. 4-ю Новгор., 129), очевидно, взятыя изъ Новг. лѣт., присоединяя къ нимъ псковскія извѣстія: объ учр. 6-го собора, объ уничтоженіи льняной грамоты [2]), о появленіи „необычайной звѣзды съ хвостомъ“, которую видно было не во всей Руси, „а въ Нѣмцѣхъ видѣвше“ (ср. 4-ю Новг.); объ обѣщаніи вел. кн. Ивана III „жаловать свою отчину Псковъ“, но чтобы псковитяне не безчестили его намѣстника, если онъ будетъ „творить сильно“; о столкновеніи псковитянъ съ нам. кн. Ѳедоромъ Юрьевичемъ, объ отъѣздѣ его и ограбленіи на рубежѣ провожавшихъ его посадника, сотскихъ и др. лицъ; о сношеніяхъ съ вел. кн. по поводу назначенія новаго намѣстника (вм. кн. Ивана Стриги и кн. Ивана Бабича, какъ просили прежде,—кн. Ярослава Вас. Стриги-Оболенскаго) и объ общемъ съѣздѣ съ рижскими послами. Подъ 1473 г. подробно описана торжественная встрѣча царевны Софіи изъ „нѣмецъ“, которые ее „много чтиша и дариша“ [3]), о папскомъ легатѣ, сопровождавшемъ ее, передъ которымъ несли крестъ („распятіе осязаему, вылитое, на высокое древо воткнуто“) и объ обѣщаніи, данномъ царевною: „а буду на Москвѣ у своего и у вашего государя, а гдѣ вамъ паки надобно будетъ, ино азъ царевна о вашихъ дѣлѣхъ хощу печаловатися велми“. Лѣтописецъ сообщаетъ о ея поѣздкѣ на Новгородъ и прибытіи въ Москву. Упомянувъ далѣе о рядѣ отдѣльныхъ событій (пріѣздъ нѣм. пословъ, архіеп. Ѳеофила,

[1]) Такъ, лѣт-цъ сообщаетъ нѣк. свѣдѣнія о Марѳѣ посад., ея партіи и мон. Пименѣ, которыхъ нѣтъ въ другихъ лѣтописяхъ (ср. Псков. 1-ю, 235—236, и Соф. 1-ю, 5—6).

[2]) Подъ 1472 г. упоминается о „льняной грамотѣ“ (объясн. см. Оп. рус. исторіогр., 199, прим.), причинившей много „истомы и убытковъ“ христіанамъ (крестьянамъ), но подъ 1464 г. нѣтъ о томъ извѣстій, что указываетъ на пропуски въ лѣтописномъ сводѣ.

[3]) Въ однихъ спискахъ пребываніе ея во Псковѣ описано подробно, въ другихъ (Кар., Акад., Снегир.) кратко, но здѣсь прибавлено, что „быша у нея люди черны, а иные сини“ (244, прав. столб.), по одеждѣ (ср. Др. Р. Вивл., XIV, 216; Вейсъ, III, ч. I, 225).

конч. мм. Григорія въ Литвѣ и Филиппа I въ Москвѣ), онъ разсказываетъ о прибытіи новаго нам. кн. Ярослава Вас. и о посаженіи его на столъ, о цѣлованіи имъ креста „на вѣчѣ къ Пскову на суду, и на пошлинныхъ грамотахъ, и *на всѣхъ старинахъ псковскихъ*“ (246) и подробно говоритъ о сношеніяхъ Пскова съ вел. княземъ (1473—74), изъ-за обидъ нѣмцевъ, съ просьбой о защитѣ противъ послѣднихъ. Далѣе, слѣдуетъ подробное описаніе прибытія во Псковъ московскаго войска и татаръ, подъ нач. кн. Д. Д. Холмскаго, пребываніе котораго здѣсь дорого обошлось жителямъ („притужно отъ нихъ исперва велми было“, „начаша бо они чинити надъ псковичи силно, а иное собою всячину у Псковичь грабити“). Лѣтописецъ приводитъ на память ненадежность человѣческихъ дѣлъ, ссылаясь на слова Святослава Игор., предпринявшаго походъ на грековъ, и изреченіе ц. Давида (249). Наступилъ разливъ рѣкъ и помѣшалъ походу; но нѣмцы, узнавъ о великой силѣ, собравшейся противъ нихъ, прислали пословъ и заключили миръ на 20 лѣтъ, сначала магистръ, а потомъ и еп. дерптскій. Въ это время побывали въ Псковѣ новгор. воеводы съ отрядомъ войска и послы, также заключившіе миръ съ нѣмцами. Проводивъ моск. войско, псковитяне щедро одарили кн. Холмскаго и др. воеводъ; но посольство ихъ дважды не было принято въ Москвѣ („5 дней шатромъ стояли на поли“, благо былъ іюнь мѣсяцъ), а затѣмъ отъ нихъ потребовали представить „старыя пошлинныя грамоты“, которыя въ Москвѣ были заподозрѣны (см. выше, стр. 769). Вел. кн. побуждалъ уступить въ требованіяхъ намѣстнику и обѣщалъ уладить несогласія (1475). Разсказъ о наѣздѣ Ивана III въ Новгородъ въ 1476 г., очевидно, сообщенъ со словъ псковскихъ пословъ, а жаловались, что „люди житіи и моложшіи сами его призвали на тыя управы, что на нихъ насилье держатъ какъ посадники и великіе бояре, никому ихъ судити немочи, тіи насилники творили, то ихъ такоже иметъ князь великой судомъ по ихъ насилству по мздѣ судити“ (251). Лѣтопись сообщаетъ и объ опалѣ, постигшей виновниковъ. Въ это время пріѣхали псковскіе послы. Они были свидѣтелями „великаго переполоха“ въ Новгородѣ и небесныхъ явленій, сопровождавшихъ эти бѣдствія [1]). Разсказъ лѣт-ца безучастенъ и сопровождается обращеніемъ къ

---

[1]) Псков. лѣт. упомин., что сынъ Мареы Өедоръ наз. „Дурнемъ“ и что онъ, по заточеніи, ум. въ Муромѣ, принявъ постриженіе, 9 мая (252), чего нѣтъ въ другихъ лѣтописяхъ. Лѣт. указываетъ и годъ смерти м. Өеодосія (ibid., 1476).

грѣшникамъ, отъ которыхъ Богъ ждетъ исправленія. Онъ дополняетъ нѣкоторыми чертами извѣстія Московской лѣтописи (см. 1 и 2 Соф. лѣт.). Зато подробный разсказъ посвященъ отношеніямъ Пскова къ тому же князю Ярославу, которому псковитяне должны были уплатить всѣ проторы и обязаться впредь исполнять требованія его намѣстниковъ; тѣмъ не менѣе и теперь вел. кн. обѣщалъ держать Псковъ „въ старинѣ". По поводу же пребыванія его въ Новгородѣ, лѣт-цъ замѣчаетъ, „что вся сила московская стояла по монастырямъ по обѣ стороны около всего Вел. Новгорода" (см. выше, стр. 608), „и отъ нихъ (т. е. войскъ) сильно много христіанъ было пограблено по дорогамъ, и по селамъ, и по монастырямъ", „а также владыкѣ, посадникамъ и всему Новгороду—кормами и дарами и всѣмъ числа края нѣтъ, сколько золота и серебра вывезъ отъ нихъ". Упомянувъ затѣмъ о кончинѣ во Владимірѣ, въ монашествѣ, быв. псков. нам. кн. Ѳед. Юр. Шуйскаго (только въ этой лѣтописи), о неудачномъ ходатайствѣ архіеп. Ѳеофила за опальныхъ бояръ (ср. Соф. лѣт. VI, 18, 33, 205; Воскр. 182), о затменіи солнца, о заложеніи, по просьбѣ жителей Кокшинской волости и по рѣшенію вѣча, на р. Лодѣ укрѣпленія (у Городца), лѣт-цъ снова заявляетъ о жалобахъ („съ плачемъ") псковитянъ вел. князю на кн. Ярослава Вас. съ просьбой, чтобы онъ взялъ его отсюда, а далъ имъ кн. Ив. Алек. Звенигородскаго, такъ какъ кн. Ярославъ „надъ всѣмъ Псковомъ чинитъ великое насиліе, а его намѣстники по пригородамъ и по волостямъ; но вел. князь рѣшилъ было послать своего посла для суда надъ псковитянами по своимъ „засыльнымъ грамотамъ, а не по старинамъ, какъ его прародители держали свою отчину Псковъ". Тогда псковитяне отправили новое посольство въ Москву съ челобитьемъ—дать имъ князя Ивана Бабича по своимъ старинамъ, „кой намъ любъ", такъ какъ кн. Ив. Звенигородскій, постригшись, умеръ во Владимірѣ.

Не успѣлъ еще князь Ярославъ умириться со псковитянами, какъ его „княжедворцы" („шестники"[1]), вступивъ въ распрю съ людьми на княжьемъ дворѣ, учинили побоище, пустивъ въ ходъ ножи и луки, а оттуда прибѣжавъ на торгъ, причемъ самъ князь Ярославъ, будучи пьянъ, выйдя въ панцырѣ, сталъ стрѣлять въ толпу (1477). Псковскіе люди защищались отъ нихъ „камнями и деревомъ", а это

---

[1]) О нихъ см. стр. 731, пр. 3. Въ Псков. лѣт. они упоминаются на стр. 226, 227, 253.

вызвало общее негодованіе въ городѣ, вслѣдствіе чего посадники, бояре и житейскіе люди бросились на торгъ съ военными запасами. Съ большимъ трудомъ удалось унять обѣ стороны и только наступленіе вечера, какъ бы само собою, прекратило побоище; но многіе псковитяне оказались ранеными и убитыми. Былъ слухъ, что „шестники" хотятъ зажечь городъ, а потому всю ночь стояла на торговой площади стража въ полномъ вооруженіи. На другой день вѣче отказало князю Ярославу, а захваченныхъ и закованныхъ имъ людей освободило и послало въ Москву нарочное посольство. Какъ видно, и продолжительное пребываніе Ѳеофила во Псковѣ (весь мѣсяцъ, чего давно не бывало) не успокоило волненія. Пришлось, однако, не разъ Пскову обмѣняться посольствами съ Москвою, прежде чѣмъ вел. кн. велѣлъ своему намѣстнику съ семьей и дворомъ выѣхать изъ Пскова. Дѣло это тянулось съ 5 сент. до 12 февр., а выѣхалъ князь Ярославъ изъ Пскова 23 сент., сложивъ при этомъ крестное цѣлованіе на вѣчѣ. Пробылъ онъ во Псковѣ 4 года и 4 дня, говоритъ лѣт-цъ, „только не бывалъ во Псковѣ ни за много временъ такой князь злосердъ, каковъ былъ онъ до Пскова и до посадниковъ псковскихъ, какъ и его намѣстники по пригородамъ, многое множество насилія надъ крестьянами чиня; а когда онъ ѣздилъ въ Москву и Новгородъ, то постоянно жаловался вел. князю и жалобы отъ себя посылалъ и великихъ князей на гнѣвъ противъ Пскова воздвигалъ". По отъѣздѣ же своемъ, на всемъ пути, до рубежа, не смотря на доставленные ему кормы, волости опустошалъ, а сопровождавшихъ его до границы сотскихъ, губныхъ старостъ и др. добрыхъ людей (18 чел.) схватилъ, связалъ и увелъ въ Москву. Такимъ обр., пришлось снова псковитянамъ обращаться въ Москву съ жалобой на кн. Ярослава, посылать съ поминками къ вел. кн. (100 р.) и съ просьбой дать имъ или кн. Василія (Шуйскаго-Гребенку) изъ Новгорода, или кн. Ивана Владиміровича. Въ это время у вел. кн. и Новгорода возникла серьезная распря изъ-за признанія его „государемъ" [1]) и суда надъ новгородцами, которые настаивали на строгомъ соблюденіи Коростенскаго договора; а моск. князь потребовалъ, чтобы Псковъ снова былъ готовъ дать ему помощь. Псковитяне чувствовали еще свою силу и

[1]) Возставъ противъ папы, англ. король Генрихъ VIII, назвалъ себя королемъ Ирландіи, а его предшественники употребляли только титулъ „Dominus Hiberniae" (Брайсъ, Св. Рим. имперія, 268). Вопросъ о „государѣ" во Псковѣ не имѣлъ мѣста, такъ какъ онъ давно былъ рѣшенъ въ этомъ смыслѣ (IV, 254).

потому предложили Новгороду посредничество; новгородцы же желали полнаго согласія съ ними, иначе отказывались отъ всякаго „пригожества до великихъ князей, челобитья и пословъ" (253—256). Соглашеніе не могло состояться на этой почвѣ. Моск. князь потребовалъ отъ Пскова „вскинуть грам. Вел. Новгороду"—и онъ повиновался. Новгородъ и вел. князь другъ передъ другомъ засылали пословъ во Псковъ [1]). Псковитяне воспользовались этимъ случаемъ, а вел. князь настолько интересовался помощью Пскова, что, не вспомнивъ о недавнемъ гнѣвѣ, далъ имъ въ намѣстники кн. Вас. Вас. Шуйскаго-Нѣмого, котораго они и посадили на столѣ въ присутствіи великокняж. воеводы Дятла, а кн. Василій поцѣловалъ на вѣчѣ крестъ „на всѣхъ псковскихъ пошлинахъ и старинахъ" (25 нояб. 1498). Подъ нач. его и моск. воеводы, псковитяне принимали участіе въ походѣ подъ Новгородъ, а потому вся эта запись даетъ живыя подробности о событіяхъ до отмѣны вѣча и независимаго суда въ Новгородѣ [2]). Во всякомъ случаѣ разсказъ объ этихъ событіяхъ существенно дополняетъ свѣдѣнія, сообщаемыя Новгородскою (см. 2-ю Новг. лѣт.; въ 3-й—краткая запись, въ 4-й отсутствіе записи) и Москов. (Соф. 2-я лѣт., Воскр. л.) лѣтописями.

Послѣ паденія Новгорода Псковъ больше сосредоточивается на своихъ отношеніяхъ къ нѣмцамъ (1479—размолвка изъ-за насилія надъ купцами; 1480—81 рядъ военныхъ дѣйствій подъ Изборскомъ, Юрьевомъ, на Цецкой губѣ, подъ Островомъ, Псковомъ, Каркусомъ и Феллиномъ—Вельядъ [3]), то съ пом. вел. князя, то независимо отъ

---

[1]) При этомъ, какъ поступали намѣстники во Псковѣ, такъ же поступали и моск. послы, наѣзжавшіе сюда (IV, 260—61).

[2]) Разсказъ о событіяхъ различается подробностями въ разныхъ спискахъ, дополняющихъ другъ друга, а потому вѣроятно сначала представлялъ цѣльное повѣствованіе (256—262), причемъ часть его составляла оффиціальный отчетъ о походѣ, оканчивающійся передъ словами: „Доздѣ же убо вся кончашася Пскову о новгородской войнѣ" (261). Въ Акад. сп., въ началѣ извѣстія объ осадѣ Новгорода, стоитъ заглавіе: „Взятіе новгородское отъ вел. кн. Іоанна Вас." (257, прим. 10). Ср. у Тихомирова (229), который сопоставляетъ разногласія въ спискахъ этого разсказа. Сказаніе (Карамз., Акад. и Снег. сп., прав. столб.), по обращенію, указанію мѣстъ и сочувствію къ Новгороду („иво бы писалъ и не имѣю что писати отъ многія жалобы", с. 259), должно быть признано новгородскимъ.

[3]) Походъ въ Ливонію доставилъ псковитянамъ много золота, серебра и плѣнниковъ (1480, 1481). Въ 1481 г. отношенія къ нѣмцамъ были столь натянуты, что псковичи рѣшились пригласить на помощь отъѣхавшихъ отъ вел. кн. братьевъ его Андрея старшаго и Бориса. Они помощи не оказали, а волости пограбили (265).

того), закончившихся миромъ на 10 лѣтъ, на основаніи стараго договора („въ Даниловъ миръ“), съ написаніемъ 4 грамотъ—Новгороду, Пскову, магистру ливонскому и Юрьеву, послѣ чего псковитяне пропустили нѣмецкихъ пословъ въ Москву, съ которыми ѣздили и ихъ послы.

Съ расширеніемъ политическихъ интересовъ Пскова, мелкія извѣстія теряютъ свое значеніе и почти отсутствуютъ (1479—большое наводненіе). Однако и князь Василій Шуйскій оказался вскорѣ ему не милъ: „И бяше тогда во градѣ Псковѣ князь невойскъ и грубый, токмо прилежаше многому питью и грабленію и много всей земли грубости учини“, читаемъ въ лѣтописи (1480). А затѣмъ здѣсь (опять) является кн. Ярославъ Вас. (1482—87).—Слѣдуетъ еще прибавить, что чрезъ всю лѣтопись Пскова красною нитью проходитъ недовольство на Новгородъ и даже враждебное чувство къ нему. Она охотно отмѣчаетъ неудачи новгородцевъ (1137), ихъ безучастіе къ дѣламъ Пскова, отказъ въ помощи послѣднему (1323, 1341, 1391, 1392, 1406, 1407, 1408, 1409, 1410, 1426, 1432, 1463, 1465), иронизируетъ по случаю неудачнаго нападенія новгородцевъ на Псковъ (1394), и только однажды проявилась радость лѣт-ца по поводу мира, заключеннаго между Новгородомъ и Псковомъ (1434), впрочемъ не надолго [1]). И даже въ опасный моментъ для Новгорода (1476), боярскіе люди не стѣснялись дѣлать набѣги на псковскія волости, за которые потерпѣли жестокую расправу. Всѣ эти факты въ Новгор. лѣт. или замалчиваются или объясняются въ другомъ смыслѣ (см. 1342, 1362, 1391, 1394, 1405, 1407, 1409, 1432, 1476), хотя сильнаго враждебнаго чувства въ Новг. лѣт. и не видно. Такимъ образомъ, въ моментъ борьбы съ Москвою, Новгородъ не встрѣтилъ поддержки отъ Пскова, которой требовалъ, и псковскаго посла въ Москву не пропустилъ (236). Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ новгородцевъ псковитяне готовы были видѣть измѣну или нарушеніе старины, за которую сами такъ упорно стояли. И, напротивъ, говоря о дарованіи вел. кн. Новгороду въ 1471 г. мира „по старинѣ“ послѣ покоренія его, въ которомъ принимали столь дѣятельное участіе и псковитяне, лѣт-цъ выражаетъ радость, что вел. кн. свою отчину Псковъ съ Вел. Новгородомъ *по старинѣ смирилъ, а по псковской волѣ* (242),

[1]) Въ 1464 г. псковитяне жаловались, что боялись послать въ Москву большихъ пословъ, такъ какъ Новгородъ могъ ихъ не пропустить, что̀ удивило вел. князя (226—227), по поводу помощи, оказанной послѣднимъ противъ нѣмцевъ.

признавая, такимъ образомъ, въ этомъ актѣ достойное для себя удовлетвореніе.

Сопоставляя различіе въ характерѣ записей за 6974—6979 (1466—1470) и 6980 (1471)—6985 (1477), въ первой части которыхъ преобладаютъ поучительный тонъ и ссылки на Св. писаніе (см. выше), а во второй виденъ свѣтскій стиль, нѣкоторые изслѣдователи заключаютъ [1]), что въ первомъ случаѣ авторомъ должно было быть духовное лицо, а во второмъ наоборотъ. Такое различіе, конечно, зависѣло отъ содержанія самыхъ записей. Но слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду и другое обстоятельство. Псковская лѣт., почти на всемъ своемъ пространствѣ, рѣзко раздѣляется на два рода записей: *краткія* въ полномъ смыслѣ слова, которыя тянутся нерѣдко на значительномъ пространствѣ времени, а иногда присоединяются къ болѣе подробнымъ, и *пространныя*, излагающія преимущественно исторію походовъ, дипломатическія сношенія или выдающіяся происшествія (хотя бы церковныя). Въ первыхъ можно видѣть записи, веденныя при ц. св. Троицы, о которой такъ часто говорится въ нихъ и къ покровительству которой обращается лѣт-цъ почти на каждой страницѣ. Сюда же слѣдуетъ отнести и болѣе подробныя записи, касавшіяся церковныхъ дѣлъ, какъ интересовавшія лѣтописца и нерѣдко важныя по тому или иному ихъ рѣшенію духовной властью или приговоромъ вѣча. Но записи, заключающія въ себѣ изложеніе военныхъ дѣйствій и дипломатическихъ сношеній, вѣроятно, заимствовались изъ особенныхъ *отчетовъ* или *реляцій* [2]), которыя предъявлялись на вѣчѣ (см. 1463, 1474, 1476—два раза, 1477—три раза, 1478, 1480, 1482, 1485, 1486, 1498, 1499—три раза, 1501, 1502 [3]), а такъ какъ всѣ важнѣйшіе документы хранились въ лари при ц. св. Троицы, то они равно были доступны и клиру, и свѣтскимъ чиновникамъ, а такъ какъ и клиръ во Псковѣ имѣлъ не вполнѣ церковный характеръ, то и Псков. лѣт., даже сравнительно съ Новгор.,

---

[1]) И. А. Тихомировъ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1883, № 10, стр. 227—228).

[2]) Подобныя реляціи имѣли мѣсто и въ западной исторіографіи и служили иногда матеріаломъ для лѣтописцевъ (Wattenbach, II, 48, 186, 330, 428, 463, 474).

[3]) Для этого существовало особое выраженіе: „пословать“, „повѣствовать на вѣчѣ“. О псковичахъ, на слова моск. посла, сказано: „учинили отвѣтъ“. Въ лѣтописи иногда прописываются дословно выраженія посыльныхъ грамотъ (227—28), очевидно взятыя изъ документа, какъ и изъ рѣчей, передаваемыхъ послами—своими и великокняжескими (240).

носитъ на себѣ болѣе гражданскій отпечатокъ, какъ это можно судить и по отсутствію значительнаго количества мѣстъ, взятыхъ изъ Св. пис., и по общему содержанію лѣтописи, о которомъ намъ приходилось говорить выше. При обиліи дѣловыхъ и цифровыхъ записей и болѣе или менѣе обширныхъ статей, относящихся къ области юридическихъ и политическихъ отношеній, мы склонны думать, что, по крайней мѣрѣ позднѣйшія части свода, съ развитіемъ власти вѣча (XIV—XV вв.), были дѣломъ рукъ вѣчевыхъ дьяковъ или другихъ правительственныхъ лицъ, и если подобный трудъ поручался духовному лицу, то участіе свѣтской власти въ видѣ указаній, надзора и выбора статей (рѣшеній, договоровъ) едва ли можетъ подлежать сомнѣнію.

Записи 1482 (6990)—1510 (7018), т. е. до паденія Пскова, представляются опять въ краткомъ изложеніи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, принадлежащихъ не основнымъ, а параллельнымъ спп. (Кар. Акад., Снегир.), которыми впрочемъ иногда пользовался и составитель основного свода (Арх. IVа). Записи эти касаются преимущественно построенія церквей, затменій, погоды, взятія Твери, мора [1]), знаменій, пожаровъ, пріѣзда на службу къ вел. князю кн. Воротынскихъ, татарскихъ царевичей, кончины бр. вел. князя Ивана III, сведеніи м. Зосимы, отъѣзда кн. Елены Иван. въ Литву, посаженія на столъ внука вел. кн., Дмитрія Ив., отобранія церк. вотчинъ въ Новгородѣ, пріѣзда архіеп. Геннадія (пробылъ весь мѣсяцъ), войны вел. кн. съ Литвою, кончины вел. кн. Ивана III и литов. кн. Александра, заложенія камен. стѣнъ на Гремячей горѣ, похода на Казань, приговора надъ дьякомъ Курицынымъ и его единомышленниками,—большею частью въ видѣ простого перечня, причемъ въ тѣхъ же спискахъ нѣкоторыя изъ этихъ записей изложены полнѣе [2]). Заслуживаютъ вниманія нѣкоторыя изъ записей, касающіяся болѣе важныхъ сторонъ жизни Пскова, по своему болѣе подробному изложенію, которыя находятся въ дополнительныхъ спискахъ,

---

[1]) Подъ 1487 г. говорится о смерти кн. Ярослава Вас. его жены и младшаго сына и мѣстѣ погребенія ихъ (перваго у св. Троицы, а послѣднихъ въ жен. мон. Іоанна Предт.); но въ сп. Ак., Кар. и Сн. точно сказано: 4 окт., въ моръ, а въ слѣд. упоминается объ отъѣздѣ въ Москву его старшаго сына Константина со всѣмъ дворомъ и назначеніи новаго нам.—кн. Сим. Романовича, котораго посадили у св. Троицы, а онъ цѣловалъ крестъ на вѣчѣ. Подъ 1491 г., о замѣнѣ его кн. Василіемъ Ѳед. († 1496); 1496, о назвач. кн. Александра Влад. Ростовскаго (по 1501) о призывѣ Ив. Ив. Горбатаго (по 1503); о назнач. кн. Дмитрія Влад. Ростовскаго (1503—1507).

[2]) Ср. Соф. 1-ю и 2-ю (24, 49, 244) и Воскр. лѣт. (VIII, 244).

каковы: о посѣченіи дворовъ посадничьихъ (1482) и убіеніи посадника на вѣчѣ (1483), о мятежѣ по поводу грамоты о смердахъ (1484, 1485), о поѣздкахъ псковитянъ въ Москву (1486), о посаженіи на столъ намѣстниковъ (1491, 1496), о вдовыхъ попахъ (1493), о вѣчѣ по дѣлу о сборѣ съ духовенства конной рати на общемъ основаніи (1495), о походахъ противъ нѣмцевъ (1495, 1496, 1498, 1500—1503, съ особ. подр. въ спп. Кар., Ак. Снег.); о распрѣ съ вел. княземъ по случаю назначенія на княженіе въ Новгородъ и Псковъ сына Василія, какъ нарушеніи старины, „который бы былъ князь великій на Москвѣ, тотъ бы и намъ былъ государь", при чемъ псковитяне долго спорили и не допускали архіеп. Геннадія служить въ соборѣ, чтобы не творить молитвы за кн. Василія, но должны были уступить, не ожидая возвращенія посольства (подр. изложеніе въ тѣхъ же спискахъ), которое было отпущено только послѣ новыхъ просьбъ (1500). Въ тѣхъ же спп., подъ 1505 г., помѣщена грам. м. Симона о вдовыхъ попахъ, а въ тѣхъ же спп. и Бальз., подъ 1506 г., по сл. иг. Елеазарова м. Панфила къ нам. кн. Дмитрію Влад. Ростовскому о языческихъ обрядахъ, совершаемыхъ въ навечеріе рожд. Іоанна Предтечи (277—281). Въ 1507 г. намѣстникомъ былъ назначенъ кн. П. В. Великой-Шуйскій, посаженный по старинѣ, а въ 1509 г. кн. И. М. Репня-Оболенскій, который пріѣхалъ во Псковъ, вопреки обычаю, тайно, и былъ разысканъ на загородномъ дворѣ, отчего и прозванъ „Найденомъ"; однако, по прежнему, на столѣ—посаженъ. Въ лѣтописи о немъ замѣчено вкратцѣ, что онъ „былъ лютъ до людей". Вольный періодъ жизни Пскова заканчивается печальной записью о похищеніи помон. ц. св. Троицы Иваномъ 400 р. изъ лари, за что онъ былъ наказанъ кнутомъ на вѣчѣ, а затѣмъ (1509) сожженъ (по спп. Кар., Акад. и Снег.).

VII.

Подъ 1510 г. находится обычная краткая запись, но изложенная въ весьма энергическихъ выраженіяхъ. Случилось это 24 янв., читаемъ въ ней. Вел. кн. Василій Ив., пріѣхавъ во Псковъ, „обычай псковской перемѣнилъ и старину порушилъ, *забывъ отца своего и дѣдовъ его* слова и жалованья до Псковичь и крестного цѣлованья, да уставилъ свои обычаи и пошлины новыя". Затѣмъ, сказавъ объ отнятіи у псковитянъ отчинъ, о назначеніи 2-хъ намѣст. и дьяка Мисюря (Мунехина), о выводѣ жителей и замѣнѣ ихъ новыми, своими гос-

тями (см. выше, стр. 765—766), о захватѣ еще ранѣе въ Новгородѣ до 300 жалобщиковъ, лѣт-цъ замѣчаетъ: „И бысть во Псковѣ плачь и скорбь велика, *разлученія ради*... А все писалъ Пскову мягко: „азъ деи князь великій Василій Ивановичъ васъ отчину хочю жаловать *по старинѣ*, а хочю побывать у св. Троицы, управы вамъ хочю учинити“. „А все то за наше согрѣшеніе такъ Богъ повелѣлъ быти“, прибавляетъ лѣт-цъ. Но любопытна дальнѣйшая ссылка лѣт-ца на текстъ изъ Св. писанія, ярко рисующая весь демократизмъ псковскаго гражданина, до котораго не договаривался даже болѣе предпріимчивый и склонный на открытую борьбу новгородецъ. „Занеже писано, продолжаетъ лѣт-цъ, во Апокалипсисѣ глава 54: пять бо царей минуло, а шестый есть, *но не у бѣ пришелъ; шестое бо царство* именуетъ въ Руси Скиѳскаго острова; си бо именуетъ шестый, и седмый потомъ еще, а осмый антихристъ[1]). Се бо Христосъ во св. Еуангиліи глагола: да не будетъ бѣжство ваше зимѣ, ни въ суботу; се убо приде на ны зима. Сему бо царству разширятися и злодѣйству умножитися. Охъ, увы! Да насъ Іисусъ Христосъ Богъ нашъ избавитъ отъ всего зла и вѣчнаго мученія и сподобитъ насъ вѣчныхъ благъ, молитвами св. Богородица и всѣхъ святыхъ, аминь“(стр. 282). Есть основаніе полагать, что этими словами закончилъ лѣтописецъ свой трудъ, т. е. послѣднюю часть лѣтописи „вольнаго“ Пскова.

Составитель свода нач. XVI в. внесъ затѣмъ повѣсть, озаглавленную „Псковское взятіе, како взятъ его кн. вел. Василій Ивановичь“ (283—288) и продолжалъ лѣтопись или воспользовался трудомъ другого лица, писавшаго хотя и съ прежнею любовью къ дѣлу, но не располагавшаго уже столь разнообразнымъ и интереснымъ матеріаломъ, какъ его предшественникъ. Что же касается разсказа о взятіи Пскова, то онъ, очевидно, составлялъ отдѣльное сказаніе о пережитыхъ печальныхъ событіяхъ, притомъ подвергшееся передѣлкамъ (ср. спп. 1-й Пск. л., въ Соф. 1-й лѣт., VI, 25—27, съ сокращ.; въ Соф.

---

[1]) Ср. выше, подобные примѣры въ западной лѣтописи (стр. 64, пр. 5). Въ средніе вѣка утвердилось мнѣніе, что Римская имперія, какъ четвертый звѣрь Даніилова видѣнія, какъ желѣзныя ноги и голени фигуры Небукаднаццара, должна быть послѣднимъ всемірнымъ царствомъ. Аббатъ Engelbert (De ortu et fine Imperii Romani) цитируетъ для этой цѣли Оригена и Іеронима, а затѣмъ, на основаніи 2-го посл. къ Ѳессал., доказываетъ, что пришествію антихриста должно предшествовать паденіе Имперіи и т. п. Есть цѣлый рядъ подобныхъ взглядовъ съ употребленіемъ въ дѣло м. прочимъ и Апокалипсиса (Брайсъ, Св. Римская имперія, 88—90).

2-й, VI, 250—251, и Воскр., VIII, 251, сход. между собою, изложено вкратцѣ); а въ одномъ изъ „повѣствованій" (Рум. муз.) разсказъ о паденіи Пскова оказывается весьма подробнымъ [1]).

„Повѣсть" излагаетъ эти событія издалека. Ссылаясь на Лѣтописную книгу, она говоритъ о покореніи Суздаля, Новгорода, Твери, а затѣмъ о силѣ укрѣпленій Пскова и множествѣ его населенія и объ опасеніи отъ Литвы, заставившихъ вел. кн. медлить съ покореніемъ Пскова, вслѣдствіе чего вел. князь льстилъ послѣднему и „лукавствомъ" своимъ поддерживалъ въ немъ вѣрность крестному цѣлованію [2]). Далѣе, авторъ упоминаетъ о намѣстникахъ, которые насиловали и грабили псковитянъ, но вел. князь то смѣнялъ ихъ по волѣ послѣднихъ, то присылалъ своихъ. Самая повѣсть излагаетъ ходъ этого дѣла съ отъѣзда вел. князя въ Новгородъ, сообщаетъ о жалобахъ псковитянъ на послѣдняго намѣстника Репню, о вызовѣ жалобщиковъ къ вел. кн. съ обѣщаніемъ дать управу („а сердечныя мысли никто же вѣсть"). При этомъ авторъ даетъ характеристику намѣстника, который пріѣхалъ во Псковъ „не пошлинно и сѣлъ на княженіе". Онъ сообщаетъ, какъ составлялись жалобы, поданныя вел. князю, какъ вызывались жалобщики на „государевъ дворъ", какъ они были „пойманы Богомъ и вел. княземъ"—типическое сочетаніе въ оффиціальной московской рѣчи, а когда стало извѣстно о томъ во Псковѣ, то какая „туга и печаль" постигла всѣхъ; „якоже многажды приходили Нѣмцы на нихъ, и таковы имъ скорби и печали не бывало тогда, якоже нынѣ", говоритъ лѣт-цъ. Въ самомъ дѣлѣ, ведя непрестанную борьбу съ нѣмцами, Псковъ не могъ и представить себѣ ничего хуже этой судьбы, но „пойманіе" московскимъ княземъ многихъ „честныхъ" гражданъ превзошло, конечно, всякую мѣру [3]). Вѣче судило о томъ, какъ быть дальше, но рѣшиться на борьбу не могло, такъ какъ цвѣтъ псковскихъ мужей былъ въ рукахъ вел. князя. Сдѣлана была попытка вступить въ переговоры; но участь

---

[1]) Костомаровъ, Лѣтописи, 75. Подробности изъ него переданы въ соч. того же автора: „Сѣв. рус. народоправства", I, 301–326. Въ нихъ вошли переписка и сношенія по этому поводу, бывшія въ распоряженіи составителя „Повѣсти".

[2]) Пов. выражается о Псковѣ такъ: „Отъ начала убо Рускія земли сей убо градъ Псковъ ни коимъ же княземъ владомъ бѣ, но на своей воли живяху въ немъ сущіи людіе" (283).

[3]) По поводу пріѣзда Софіи во Псковъ, лѣт. замѣчаетъ, что она пробыла недолго въ Юрьевѣ: „бѣ бо тамъ мало, нѣсть тоя чести, яко же здѣ" (245).

Пскова была ранѣе рѣшена; а въ просьбахъ, съ которыми псковитяне обратились къ вел. князю, они называютъ уже себя то „сиротами", то „людишками". Прибывшій въ Псковъ дьякъ Третьякъ передалъ на вѣчѣ требованіе вел. князя, какъ было и съ Новгородомъ: „первую новую пошлину, поклонъ отъ вел. князя, „что деи отчина моя посадники Псковскіе и Псковичи толке хотите еще въ старинѣ прожити, и вы бы есте *двѣ воли* мои изволили, *чтобъ у васъ вѣчья не было, да и колоколъ вѣчный* сняли, *а здѣсь быти двумъ намѣстникамъ, а по пригородамъ намѣстнику же* быти и вы еще въ старинѣ проживете; а толко тѣхъ двухъ *воль* не сотворите, *ино какъ государю Богъ по сердцу положитъ*, ино у него много силы готовой [1]), и то *кровопролитіе* на тѣхъ будетъ, кто государевы воли не сотворитъ". Въ заключеніе вел. кн. изъявлялъ желаніе пріѣхать на поклонъ къ св. Троицѣ. Сказавъ рѣчь, дьякъ сѣлъ на ступеняхъ вѣча. Со слезами на глазахъ, ударивъ челомъ въ землю, псковичи не могли проговорить ни слова; только младенцы и малоумные не плакали, говоритъ лѣт-цъ. Оправившись нѣсколько, они просили дать имъ отсрочку для отвѣта до утра, и снова горько всѣ заплакали. Моментъ этотъ изображенъ авторомъ въ патетическихъ словахъ. Раннимъ утромъ, 13 января 1510 г., было созвано послѣднее вѣче вольнаго Пскова. Въ отвѣтъ дьяку, со ссылкой на лѣтописи („тако у насъ написано въ Лѣтописцѣхъ") было сказано: „съ прадѣды и дѣды и со отцемъ его крестное цѣлованіе съ великими князми положено, что намъ Псковичамъ отъ государя своего вел. князя, *кой ни будетъ на Москвѣ*, не отоити ни въ Литву, ни въ Нѣмцы; *а намъ жити по старинѣ* въ добровольи; а мы Псковичи отоидемъ отъ вел. князя въ Литву, или въ Нѣмцы, *или о себѣ учнемъ жити безъ государя*, ино на насъ гнѣвъ Божій, гладъ и огнь и потопъ и нашествіе поганыхъ; *а государь* нашъ князь великій тое крестное цѣлованіе *не учнетъ на собѣ держати, ино на него тотъ же обѣтъ*, который *на насъ, коли насъ не учнетъ въ старинѣ держати*; а нынѣ Богъ воленъ да государь въ своей отчинѣ во градѣ Псковѣ, и въ насъ, и въ колоколѣ нашемъ, *а мы прежняго своего цѣлованія не хотимъ измѣнити* и на себе кровопролитія приняти, и мы на государя своего руки подняти и въ городѣ заперетися не хотимъ". Въ свою очередь, они изъявляли готовность принять вел. князя, пожелавшаго пріѣхать поклониться св.

[1]) Въ Новгородѣ было собрано до 30000 войска (Новгор. 4-я л., с. 137).

Троицѣ. Итакъ очевидно, что и здѣсь, какъ въ Новгородѣ, вопросъ о соблюденіи клятвы и боязнь отступиться къ невѣрнымъ имѣлъ въ глазахъ большинства рѣшающее значеніе. Псковитяне только съ достоинствомъ высказали, что не они отступники отъ принятыхъ взаимно условій существующаго порядка. Припомнивъ, какъ Нидерланды, несмотря на продолжительныя массовыя преслѣдованія, долго не рѣшались отступиться отъ Филиппа II[1]), мы легко поймемъ, почему и Новгородъ, и Псковъ не могли пойти по иному пути. Такимъ обр., вѣчевой колоколъ у св. Троицы былъ снятъ („и начаша Псковичи на колоколъ смотря плакати по своей старинѣ и по своей воли“) и отвезенъ сначала на намѣстничій дворъ, а потомъ, тѣмъ же дьякомъ Третьякомъ въ Новгородъ къ вел. князю, а затѣмъ, конечно (какъ и другой колоколъ), въ Москву,—въ общій складъ вѣчевыхъ достопримѣчательностей. Вел. князь былъ торжественно встрѣченъ во Псковѣ (24 янв.), псковитяне вторично заявили ему о своей покорности, а имъ обѣщано было жалованье, но всѣхъ посадниковъ, бояръ и купцовъ, вызванныхъ по списку, и тѣхъ, которыхъ взяли въ Новгородѣ, съ женами и дѣтьми (до 300 сем.), налегкѣ отправили въ Москву[2]). По понятіямъ вѣка, только постриженіе могло спасти отъ невольной ссылки („А иные во градѣ мнози постригахуся въ черньцы, а жены въ черницы, и въ монастыри поидоша, не хотяще въ полонъ поити отъ своего града во иные грады“). „И тогда отъятся слава Псковская, говоритъ повѣствователь, и бысть плѣненъ (Псковъ) не иновѣрными, но своими единовѣрными людми. И кто сего не восплачетъ и не возрыдаетъ?“ [3]). Торжество Василія надъ Псковомъ сопровождалось постановкою негасимыхъ свѣчей въ Псковѣ и Новгородѣ и постройкою ц. св. Ксеніи въ Псковѣ, въ память того дня, когда онъ въѣхалъ въ городъ. Во Псковъ были назначены два намѣстника (Гр. Ѳед. Морозовъ и Ив. Андр. Челяднинъ), дьяки (Мисюрь Мунехинъ и Анд.

---

[1]) Мотлей, II, 620.

[2]) Въ Москвѣ они образовали особую часть—„Псковичи“ (А. А. эксп., I, № 282).

[3]) Въ одномъ изъ сп. лѣтописи (Акад.) помѣщена вставка, объясняющая мотивы личной вражды Василія Иван. къ псковитянамъ: „Вина ихъ была: что былъ архіеп. Геннадій во Псковѣ, и Псковичи своимъ попомъ Троицкимъ не велѣли со владыкою служить, а просвирницамъ просвиръ про владыку не велѣли печи“ (287). Давно уже Геннадія въ Новгородѣ не было; но, конечно, Василій не могъ простить того, что псковитяне не хотѣли, чтобы Псковъ былъ отданъ ему вмѣстѣ съ Новгородомъ (при Иванѣ III), какъ пожалованный городъ, признавая своимъ княземъ только моск. вел. князя, а потому не допускали и Геннадія молиться за Василія (см. стр. 287; ср. Новг. 4-ю л., с. 137).

Волосатый), городничіе (12) и старосты (по 12 москв. и псков.), чтобы сидѣли съ нам-ми и тіунами въ судѣ „правды стеречи". По пригородамъ были посажены намѣстники, была взята со всѣхъ присяга; была установлена тамга, присланы пищальники и воротники; оставлены дѣти боярскія (1000) и новгородскіе пищальники (500); присланы были изъ 10 московскихъ городовъ 300 сем. гостей, которымъ отданы были дворы въ Среднемъ городѣ, а псковичей перевели въ окольный городъ и на посадъ; наконецъ, боярамъ были розданы земли бывшихъ псковскихъ бояръ, выведенныхъ изъ Пскова. Но всѣ эти мѣры не успокоили умовъ и не внесли безопасности въ общежитіе псковитянъ. „И у намѣстниковъ, и у ихъ тіуновъ, и у дьяковъ вел. князя, говоритъ Повѣсть, правда ихъ, крестное цѣлованіе, взлетѣла на небо и кривда въ нихъ нача ходити, и нача быти многая злая въ нихъ, быша немилостивы до Псковичь; а Псковичи бѣдныя не вѣдаша правды Московскія...: и начаша пригородскіе намѣстники пригорожаны торговати и продавати великимъ и злымъ умышленіемъ, подметомъ и поклепомъ, и бысть людемъ великъ налогъ тогда... И начаша намѣстники надъ Псковичами силу велику чинити, а приставы ихъ начаша отъ поруки имати по 10 рублевъ и по 7 рублевъ, и по 5 рублевъ; а Псковитянъ, кто молвитъ (сошлется) великого князя грамотою (уставною), по чему отъ поруки имати велѣно, и они того убьютъ, и отъ ихъ налоговъ и насилства многіе разбѣгошася по чюжимъ городомъ, пометавъ женъ и дѣтей. А кои иноземцы жили во Псковѣ, и ти разыдошеся во свои земли; ано не мочно во Псковѣ жити, толко одны Псковичи осташа, ано земля не разступится, а вверхъ не взлетѣть". По мѣстамъ изложеніе повѣствователя достигаетъ поэтическихъ образовъ, какъ напр. обращеніе къ Пскову: „О славнѣйшій граде Пскове великій! почто бо сѣтуеши и плачеши? И отвѣща прекрасный градъ Псковъ: како ми не сѣтовати, како ми не плакати и не скорбѣти своего опустѣнія? прилетѣлъ бо на мя многокрылный орелъ, исполнь крылѣ львовыхъ когтей, и взятъ отъ мене три кедра Ливанова, и красоту мою, и богатство, и чада моя восхити, Богу попустившу за грѣхи наша, и землю пусту сотвориша, и градъ нашъ разориша [1]), и люди моя плѣниша, и торжища моя раскопаша, а иные торжища коневымъ каломъ заметаша [1]), а отецъ и братію нашу

[1]) Здѣсь безъ сомнѣнія указывается на перемѣны, сдѣланныя въ устройствѣ города и потребовавшія выведенія „клѣтей" изъ Крема (282), мѣста для новаго торга (288), занятія частныхъ садовъ, при постройкѣ ц. Ксеніи (ib.), и т. п.

разведоша, гдѣ не бывали отцы и дѣды и прадѣды наша, и тамо отцы и братію нашу и други наша заведоша, и матери и сестры наша въ поруганіе даша“. Авторъ не скрываетъ и тѣхъ причинъ, которыя привели Псковъ къ такому печальному исходу. Онъ взываетъ къ покаянію, чтобы не случилось худшаго, въ особенности въ виду новыхъ золъ, проявившихся среди гражданъ: „злые поклепы и лихія дѣла и у вѣчьи кричаніе, а не вѣдущи глава, что языкъ глаголетъ, не умѣюще своего дому строити, а градомъ содержати хощемъ. *Сего ради самоволія и непокоренія другъ другу сія вся злая на ны*“ (287). Авторъ, несомнѣнно, проникнутъ демократическими тенденціями; онъ явный и сознательный противникъ московской власти и, можно сказать, что ни въ одной Новгородской лѣтописи нѣтъ такого открытаго протеста противъ новаго порядка вещей, и тѣмъ не менѣе онъ ясно обличаетъ отрицательныя стороны того режима, который, отчасти по винѣ ихъ, прекратилъ свое существованіе.

Представляя замѣчательный памятникъ псковской письменности, „Плачъ“ на взятіе Пскова не является, однако, произведеніемъ исключительнымъ и притомъ самостоятельнымъ. Подобныя обращенія во время политическихъ переворотовъ были употребительны, какъ въ западной, такъ и въ византійской литературѣ; таковы: поэма Флора Діакона (напеч. въ собр. бенедиктинцевъ и у Миня), содержащая горькія сѣтованія по поводу распаденія Каролингской монархіи [1]); заключеніе хроники Соректскаго монаха по поводу прибытія имп. Оттона I въ Римъ въ 964 г., начинающееся словами „Горе Риму!“ [2]), или „плачи“ и пѣсни въ обширныхъ стихотвореніяхъ на взятіе Константинополя латинами (1204) и турками Константинополя (1453) и Аѳинъ (1458 [3]), или, наконецъ, плачъ діакона Аѳанасія о бѣдствіяхъ Сербіи (XVII в.), посв. ц-нѣ Софіи [4]). „Плачъ“ о бѣдствіяхъ Пскова, прежде всего является подражаніемъ библейскимъ образцамъ, а именно сѣтованіямъ Іезекіиля по поводу вавилонскаго плѣна іудеевъ (XVII, 3, 4, гдѣ идетъ рѣчь о большомъ орлѣ, прилетѣвшемъ на Ливанъ и снявшемъ съ кедра верхушку и пр.), или Іереміи (Прор., XLIX,

[1]) Брайсъ, 66—67.

[2]) Gregorovius, III, 391—392.

[3]) Krumbacher, Gesch. d. byzant. Literatur, SS. 311. 393, 496, 498, 839. 1076—77, 1801; Sp. B. Lambros, Der Codex des Gedichtes über die Eroberung v. Konstantinopel (Byzant. Zeitschrift, herausgeg. v. K. Krumbacher, IX Band, 161—169); ср. Ник. Хон., Цар. Алексѣя Дуки, 5, 6, со ссыл. на Плачъ Іереміи, начин. словами: „Ὦ πόλις, πόλις“ etc.

[4]) Ист. Вѣст. 1893, № 3, с. 934; Проток. Об. люб. др. письм. 1892—93, с. 8.

23—33, XLIV, 25—28), которому принадлежитъ и особая „Книга плача“ о бѣдствіяхъ Іудеи.

Было бы напрасно доказывать, что Псковская лѣтопись (привлекая сюда и записи 2-й лѣт.) писана современниками. Тѣмъ не менѣе, въ ея записяхъ нерѣдко встрѣчаются личныя заявленія лѣтописцевъ, указывающія на время ихъ составленія и близость къ событіямъ (1230—о морѣ, хотя и бывшемъ по всей землѣ, но иначе изложенномъ, по личнымъ впечатлѣніямъ, ср. Лавр., Новгор. 1-ю и др.: 1236—о нападеніи нѣмцевъ; 1265—о Довмонтѣ; 1284—о знаменіи небесномъ, вызвавшемъ опасенія, и избіеніи нѣмцами псковичей; 1314—о тягости людямъ отъ дороговизны; 1323, 1341, 1348, 1349—подробности, личныя заявленія—„послѣди скажемъ“, и цифровыя данныя по поводу военныхъ дѣйствій съ нѣмцами; 1353—по поводу мора лѣт-цъ говоритъ о себѣ; 1360—о другомъ морѣ; 1368 и 1369—мелочныя подробности: 1406—точное обозначеніе времени; 1407—о числѣ захваченныхъ лицъ на мѣстѣ; 1408—указаніе на время событія—вечеромъ; 1409—приведеніе цифровыхъ данныхъ; 1426—о битвѣ съ литовцами и татарами, „а числа ихъ не вѣмы“; 1459—мелкія подробности; 1471—мелкія обиды по случаю размолвки Новгорода со Псковомъ, причемъ лѣт-цъ не захотѣлъ „многаго писать“; 1476—говоря о „пополохѣ“ въ Новгородѣ, онъ ссылается на свидѣтелей; 1477—мелкія подробности по случаю отношеній Новгорода къ Москвѣ; 1478, стр. 259, не хотѣлъ „писать больше“; 1480—говоря о количествѣ плѣнныхъ, ссылается на свидѣтельство другихъ, 1481—по поводу числа войска, прибавляетъ выраженіе „мню яко“; 1500—о пожарѣ во время заутрени и т. п.). Показанія эти свидѣтельствуютъ, что уже съ XIII в. лѣтопись велась систематически; а личныя заявленія лѣтописцевъ подтверждаютъ, что хотя они пользовались оффиціальными свѣдѣніями (отчетами, грамотами и т. п.) и самая лѣтопись служила своего рода справочной книгой, что такъ ясно выразилось въ критическій моментъ исторіи Пскова (дьяку Третьяку псковитяне на вѣчѣ отвѣчали: „тако у насъ написано въ Лѣтописцѣхъ“ и затѣмъ дѣлается ссылка на то, какъ положено имъ быть съ „прадѣды, дѣды и отцемъ вел. князя“), тѣмъ не менѣе они не были стѣснены въ выраженіи своихъ личныхъ мнѣній, а слѣд. лѣтопись имѣла и частный характеръ. Ее могли вести и лица духовныя, принадлежавшія къ клиру церкви св. Троицы, судя по частымъ обращеніямъ къ ней

и въ защиту ея интересовъ [1]), и вѣчевые дьяки, на обязанности которыхъ лежало веденіе письменныхъ дѣлъ, относящихся къ Псковской общинѣ. Можно одно только отмѣтить, что на всемъ пространствѣ лѣтописи, до паденія Пскова, не видно участія въ лѣтописи монастырей, какъ было, напротивъ, въ другихъ княжествахъ и Новгородѣ. Незначительныя записи, касающіяся монастырей, могли быть взяты изъ лѣтописныхъ замѣтокъ этихъ послѣднихъ, но едва ли представляли лѣтописи въ настоящемъ смыслѣ слова. Позже выступаетъ на сцену дѣятельность Псково-Печерскаго мон. (см. выше, стр. 775, 783). Извѣстія, касающіяся духовныхъ дѣлъ, носятъ на себѣ обще-церковный характеръ и могли принадлежать тому же клиру Троицкаго собора, сосредоточившаго въ своихъ рукахъ церковное управленіе Пскова. И въ гражданскомъ, и въ церковномъ отношеніяхъ Псковская лѣт. носитъ на себѣ практическій, дѣловой характеръ. Даже записи о чудесахъ не составляютъ въ ней (см. 194, 202, 203, 207, 211, 216, 251, 268) существенной части церковныхъ извѣстій. Такой заботливости о нихъ, какъ въ Новгор. лѣт., мы здѣсь не замѣчаемъ. По поводу краткихъ извѣстій Псков. лѣт. справедливо говорятъ: „Изложеніе ихъ самое безцвѣтное и содержаніе ихъ по преимуществу вертится около постройки церквей [2]) и городскихъ стѣнъ, физическихъ явленій, бѣдствій, описаній погоды" и т. п. [3]). Можно еще прибавить, что если выдѣлить всѣ эти записи въ сплошной рядъ лѣтъ, то получится скелетъ Псков. лѣт., съ болѣе или менѣе, а иногда и весьма значительными промежутками, представляющій со всею наглядностію, какими должны были быть мѣстныя *краткія лѣтописи*, въ отдѣльномъ видѣ до насъ не дошедшія. Съ другой стороны, указываютъ,

---

[1]) Костомаровъ справедливо замѣчаетъ: „Характеръ разсказа Псковской лѣт. указываетъ, что это были оффиціальныя записки, которыя велись при главномъ центрѣ управленія, вѣроятно, при св. Троицѣ" (75). Мы указывали на рядъ обращеній къ ней (см. стр. 775, прим 1). Лѣт-цъ усердно отстаиваетъ права ея на земли, радуется объ урожаѣ на нихъ, негодуетъ на нарушеніе ея правъ, а виновниковъ наз. крамольниками, посягающими на самую соборную и апост. церковь. Обидчики св. Троицы во время пріѣзда архіепископа подвергались проклятію, а защитники удостоивались вѣчной памяти (208, 214, 218, 238—39). При ней велся и Синодикъ, въ который вносились эти записи (см. выше, с. 772).

[2]) „Много извѣстій церковнаго характера, причемъ иныя вѣроятно взяты изъ какихъ либо отдѣльныхъ замѣтокъ, напр. на пасх. таблицѣ или можетъ быть просто на богослужебной книгѣ" (Ж. М. Н. Пр. 1883, № 10, с. 217).

[3]) Ibid., 233.

что „какъ только попадается извѣстіе о столкновеніяхъ псковичей съ нѣмцами, тонъ лѣтописца совершенно измѣняется: онъ дѣлается краснорѣчивѣе, враждебное чувство лѣтописца тотчасъ вырывается наружу—всѣ притязанія нѣмцевъ выставляются несправедливыми, а самые нѣмцы—надменными, гордыми: „безбожная латыня" нападаетъ на псковскія владѣнія; а псковичи спасаются отъ нихъ только „помощью св. Троицы и молитвою кн. Всеволода и Тимоѳея". Авторъ этого замѣчанія полагаетъ, что особенный тонъ и особенная подробность этихъ извѣстій заставляютъ предположить, что псковичи, сознавая свое историческое призваніе—быть оплотомъ для Россіи противъ Нѣмцевъ, уже давно описывали столкновенія съ ними; эти записи по всей вѣроятности велись отдѣльно и только впослѣдствіи внесены въ общій сводъ...; гдѣ такихъ записокъ не сохранилось, тамъ Псковская лѣт. страдаетъ безжизненностью и безцвѣтностью, значитъ отношеніе къ Нѣмцамъ для древняго Пскова было жизненнымъ нервомъ и всѣ князья и посадники псковскіе цѣнятся настолько, насколько они „боронили Псковскую отчину отъ этой безбожной латыни" [1]).

Вполнѣ соглашаясь съ важностью этой борьбы, мы должны, однако, сказать, что такое же важное значеніе имѣли для Пскова отношенія къ Новгороду, Москвѣ и Литвѣ (хотя бы при Витовтѣ), а первыя извѣстія о столкновеніяхъ съ нѣмцами не менѣе кратки или даже заимствуются изъ Новгор. лѣтописи (1228, 1231, 1236, 1240, 1241 и д.). Подробныя записи появляются уже съ XIV в., когда лѣтописное дѣло во Псковѣ пріобрѣтаетъ болѣе широкое развитіе, а можетъ быть и отчеты объ этихъ отношеніяхъ стали тогда вестись болѣе правильно, если не предположить, что болѣе ранніе изъ нихъ могли не дойти до составителя начальнаго свода. Притомъ, по важности означенныхъ выше отношеній, записи о сношеніяхъ и дѣлахъ съ Новгородомъ, Москвою и даже Литвою (напр., при Ольгердѣ, 1341, 1348, при Витовтѣ, 1406, 1426) представляютъ собою не менѣе подробныя и обстоятельныя извѣстія о событіяхъ, переговорахъ и установленіи мира, не говоря уже о болѣе жгучихъ отношеніяхъ въ моментъ паденія Новгорода и Пскова [2]).

---

[1]) Тамъ же, 233—234.

[2]) Значительная подробность событій XV в. передъ прежними объясняется тѣмъ, что отъ времени XV и начала XVI в. остались полнѣе современныя записки, чѣмъ отъ предшествовавшихъ. Пожары, разоренія (въ періодъ 1228—1462 Новг.

Псковскія лѣт-си строго мѣстныя. Событія, случившіяся въ другихъ земляхъ, приводятся въ нихъ только по отношеніямъ къ Пскову. Но Псковскія лѣтописи могутъ считаться въ числѣ лучшихъ указаній для исторіи народа, такъ какъ, сосредоточившись на мѣстныхъ отношеніяхъ, вводятъ насъ въ подробности внутренняго быта и народныхъ движеній въ разнообразныхъ ихъ проявленіяхъ [1]). При этомъ лѣтописцы ставятъ себя на такую точку зрѣнія, которая дѣлаетъ ихъ взглядъ не столько личнымъ, но цѣлой массы; даже самыя событія излагаются такъ, какъ излагались бы, если бы записывались по впечатлѣнію, произведенному на массу и по общему требованію записать ихъ и преимущественно то, что относится къ массѣ всего народа [2]). Наконецъ, ни въ одной лѣтописи нѣтъ такихъ прямыхъ и рѣзкихъ отзывовъ о лицахъ, какъ въ Псковской лѣтописи. Въ подробностяхъ изложенія о подчиненіи Новгорода есть много такого, чего нѣтъ въ самыхъ новгородскихъ лѣтописяхъ, что̀ объясняется близкимъ участіемъ Пскова къ этимъ событіямъ; а при описаніи дѣйствій вел. князей относительно послѣдняго вполнѣ выразился духъ независимости и свободы, свойственный псковитянамъ и лѣтописцамъ Пскова [3]), на которыхъ нисколько не видно принадлежности ихъ къ церковному чину, что̀ сообщаетъ и самой лѣтописи вполнѣ гражданскій характеръ. Духъ свободы во Псковѣ слагался подъ вліяніемъ неустанной борьбы за политическую независимость съ нѣмцами, постоянныхъ притязаній Новгорода на его подчиненіе (въ политическомъ

область подверглась внѣшнимъ опустошеніямъ 29 разъ, Псковская 24, болѣе всѣхъ другихъ, Сол. IV, 244), а впослѣдствіи переселенія изъ Пскова жителей—все вмѣстѣ уничтожило древнюю письменность (Костомаровъ, 76). Въ Псков. лѣт. весьма часто упоминается о грамотахъ и документахъ, болѣе обстоятельно, чѣмъ въ другихъ лѣтописяхъ; но грамоты (на р. яз.), о которыхъ говорится, до насъ не дошли, и въ извѣстныхъ сборникахъ ихъ (за исключеніемъ церковныхъ) также нѣтъ; между тѣмъ (за древн. пер.) онѣ имѣются, не говоря о Новгородѣ, отъ Смоленска, Полоцка и Витебска, а указанія на отношенія Пскова находятся въ другихъ документахъ (Рус. лив. акты; Собр. госуд. грам. и т. п.). Поэтому показанія Псков. лѣт. пріобрѣтаютъ особенное значеніе.

[1]) Если прослѣдить по Псков. лѣт. всѣ случаи, гдѣ видно участіе народнаго совѣщанія, собранія, приговора, вѣча въ обширномъ смыслѣ (хотя послѣднее слово не всегда употребляется, какъ и въ Новгор. лѣт., а отчасти и въ другихъ), то въ теченіе съ 1138—1510 г. можно насчитать до 220 народныхъ собр. или вѣчъ, имѣвшихъ мѣсто во Псковѣ. По Новгор. лѣт., съ 970—1478 г. ихъ было почти такое же количество.

[2]) Костомаровъ, 74, 76; Погодинъ; предисл. къ Псков. лѣт.

[3]) Аристовъ. Первыя врем. христ. и пр., 170—171.

и церковномъ отношеніяхъ) и признанія такой автономіи Москвою, изъ опасенія передъ Новгородомъ и Литвою.

VIII.

Ко 2-й полов. XV или нач. XVI в. слѣдуетъ отнести особую редакцію той же лѣт., извѣстной теперь подъ именемъ 2-й Псков. лѣтописи, дошедшей до насъ въ единственномъ сп. Синод. библіотеки. Костомаровъ справедливо назвалъ ее варіантомъ 1-й Псков. лѣт.[1]). Начинаясь вступленіемъ о началѣ Руси, она переходитъ къ перечню князей до сыновей Ярослава Вел. включительно, соединяя все его потомство съ происхожденіемъ отъ псковитянки Ольги (1—2, см. выше, стр. 784, пр. 2). Затѣмъ слѣдуютъ полный текстъ „Повѣсти о ж. и о храбрости благов. и вел. кн. Александра“ (2—6) и „Сказаніе о благов. кн. Домонтѣ и о храбрости его“, безъ обозначенія лѣтъ его дѣятельности (6—8). Подъ 6573 г. (1065) въ ней находится первая запись мѣстнаго характера о нападеніи на Псковъ кн. Всеслава полоцкаго, не имѣвшемъ успѣха, которой нѣтъ въ 1-й Псков. и др. лѣтописяхъ. Затѣмъ извѣстія ея сходятся то съ 1-й, то съ 4-й Новгор. лѣт. (6574, 6624, 6643, 6646). Подъ 6677 (1169) г. помѣщено „сказаніе о чудѣ отъ иконы Знаменія Богородицы, по случаю нашествія на Новгородъ суздальцевъ“, имѣющее особенное заглавіе („О знаменіи иже на острогу отъ иконы св. Богородица и о суздальцехъ“)—особенность этой лѣтописи, такъ какъ во всѣхъ другихъ находимъ одно упоминаніе или иное изложеніе событія (см. Новг. 1, 2, 3 и 4-я лѣт., Псков. 1-я, Соф. 1-я, Воскр.); а такъ какъ во 2-й Псков. лѣт. находятся (см. выше) два другихъ сказанія въ полномъ видѣ, то, и настоящее, вѣроятно, заимствовано составителемъ изъ отдѣльнаго повѣствованія (9—10[2]). Дальнѣйшія извѣстія, съ большими промежутками, представляютъ повтореніе или сокращеніе Псков. 1-й лѣт., на пространствѣ 6732—6917 (1224—1409), причемъ, однако, нѣк. записи указываютъ на вліяніе Акад. сп. (6750—объ Александрѣ Нев.), а иногда текста 1-й Новг. лѣт. (6694—въ Псков. 1-й—о прищ. въ Новгородъ

[1]) Всѣ особенности ея съ ясностію выступаютъ въ сводномъ изданіи Погодина. Кн. Н. Н. Голицынъ (Ист. Пскова), напротивъ, признаетъ ее за самостоятельную (Арх. ист. и практ. свѣд. 1860—61, V, с. 72—73).

[2]) Замѣтимъ, что въ рукоп. Синод. библ. (№ 154), въ которой находится Псков. лѣт. и о которой идетъ рѣчь, помѣщена за нею „Александрія“, озаглавленная: „Повѣсть о храбрости Александра ц. макидонскаго.... Створивый есть Аріанъ, ученикъ Епиктета философа“ (см. предисл. и Словарь Строева, 398).

греч. ц-ча Александра, а во 2-й, какъ и Новг. 1-й,—Алексія): подъ 6860—иначе изложено о морѣ во Псковѣ, который назв. „хракотнымъ" (см. Пск. 1-ю и 4-ю Новг.), со ссылкой на болѣе подр. описаніе въ „Рус. лѣтописци" [1]); другія записи представляютъ иногда лишь варіанты 1-й (6871, 6872, 6873, 6896, 6907, 6912); а иногда дополненія изъ 1-й Новг. лѣт. (о боѣ Витовта съ татарами, 6908). Нѣкоторыя записи заключаютъ въ себѣ прибавленія, представляющія фактическое значеніе (6747—объ обладаніи нѣмцами Псковомъ—3 года; 6908—о заложеніи стѣны отъ Бурковыхъ воротъ; о томъ, что влад. Иванъ III далъ на постройку костра „нѣколико" серебра, а не все, какъ въ 1-й Псков. лѣт.; 6912—о постриж. князя Григорія Евст. въ „Великыхъ Пустыняхъ"), а нѣк. поставлены годомъ позже противъ 1-й Псков. лѣт. или соединены подъ однимъ (6856—58). Записи 1410—1425 (6918—6933) даютъ существенныя дополненія для исторіи сношеній Пскова съ Литвою, Москвою, Нѣмцами (посольства, съ указаніемъ именъ, о походѣ Витовта на пруссовъ; о предварительныхъ сношеніяхъ съ моск. княземъ по поводу нападенія Витовта 1425 г. и т. п.) и внутренней жизни города (о посадникахъ, постройкахъ; въ Псков. 1-й л. выражено, что изъ Пскова выѣхалъ кн. Александръ Ѳед. на Москву, а во 2-й, что псковичи „выпровадиша кн. А. Ѳ."; подр. описаніе болѣзней, голода и дороговизны—записи эти или кратки или совсѣмъ отсутствуютъ въ 1-й лѣт. [2]); о побитіи крыши новыми свинцовыми досками на св. Троицѣ, о недостаткѣ своихъ мастеровъ, причемъ нѣмцы не дали ихъ, а прислалъ м. Фотій; болѣе подробно о церк. постройкахъ и т. п.). Записи 6936—6944 (1428—1436) соотвѣтствуютъ 1-й Псков. лѣт., но представляютъ или важныя дополненія къ нимъ или сокращенія; а записи 6945—6977 (1437—1469)—

[1]) Названіе слишкомъ общее: 4-я Новг. лѣт. Синод. библ. № 280 озаглавлена: „Лѣтописаніе Руской земля"; Соф. 1-я лѣт.—„Лѣт-цъ Руськыя земли" и т. п.; а другія—просто „Русскіе лѣт-цы" (см. у Иванова); но, какъ замѣтилъ еще Соловьевъ (IV, 382), ни въ какомъ случаѣ не разумѣется здѣсь „Псков. лѣтопись".

[2]) Что пропущенныя записи лѣтъ составляли часть общаго источника видно изъ того, что въ 1-й Псков. лѣт. говорится о пріѣздѣ и постриженіи кн. Ѳедора Александровича (6925, 6934), а во 2-й о посольствѣ къ вел. князю съ просьбой объ этомъ князѣ, о постриженіи его (= Архив. b), во время болѣзни (своя), о большомъ морѣ, во время котораго принимали постриженіе многіе и пр.; въ 1-й Псков. л. говорится о кончинѣ кн. Ѳедора Патрик. въ Москвѣ „наборзѣ" по пріѣздѣ изъ Пскова; а во 2-й о назначеніи его, пріѣздѣ и бѣгствѣ его съ челядью изъ Пскова во время мора.

варіанты къ изложенію 1-й Пск. лѣт. съ нѣкоторыми особенностями, не лишенными, однако, значенія для мѣстной исторіи (напр. 6949—объ архим. Геласіѣ, см. выше, стр. 771, пр. 3). Отсюда видно, что являясь необходимымъ дополненіемъ къ 1-й Псков. лѣт., 2-я Псков. лѣт. обнаруживаетъ такую же неполноту въ начальной части, зависимость отъ тѣхъ же источниковъ, какъ и 1-я, и близкое совпаденіе на значительномъ пространствѣ времени съ этой послѣдней. Ссылки на „Русскій лѣтописецъ" (с. 14, г. 6860: с. 35, г. 6979) въ извѣстіяхъ, касающихся Пскова (1-я Псков. лѣт. ссылается на него же въ другихъ случаяхъ, стр. 804), показываютъ, что обѣ дошедшія до насъ Псковскія лѣт., пользовались, вѣроятно, однимъ главнымъ источникомъ, который заключалъ въ себѣ болѣе обширную Псков. лѣтопись, а вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждаетъ, что обѣ названныя лѣт. дошли до насъ въ неисправномъ видѣ (2-я безъ конца) и представляютъ лишь части болѣе обширной лѣтописи, не говоря о другихъ источникахъ.

Болѣе важная часть 2-й Псков. лѣт. начинается собственно съ 1471 г. и, къ сожалѣнію, обрывается на неоконченномъ описаніи 1486 г. (П. С. Р. лѣт., V, 35—46). Подъ 1471 г., сославшись на подробный разсказъ въ „Рус. лѣт-цѣ", онъ его значительно сокращаетъ: „скажемъ отъ *велика* нѣкая мала" [1]). Въ изложеніи этихъ печальныхъ событій слышится голосъ обиженнаго псковича. Упомянувъ о присылкѣ вел. кн. „пословъ", чтобы поднять Псковъ противъ Новгорода, онъ сообщаетъ, что и послѣдній прислалъ „своего посла, моложшого боярина, подвойского, къ своему брату Пскову *не съ поклономъ, ни съ чолобитьемъ, ни съ моленіемъ, но съ гордынею*", требуя принять участіе въ борьбѣ, которую лѣт-цъ разсматриваетъ, какъ нарушеніе старины. Онъ говоритъ, что вел. князь „началъ искать на Новгородцѣхъ своихъ прародителей старинъ, земли и водѣ и всѣхъ пошлинъ, какъ пошло отъ вел. кн. Ярослава Владимировича (указаніе на его уставную грамоту), и хотя отмстити Вел. Новгороду древняя нечьсти и многіа грубости, бывшіа отъ нихъ вел. княземъ". Лѣт-цъ какъ будто и не замѣчаетъ, что на тѣхъ же самыхъ условіяхъ или „старинахъ" происходили у Пскова постоянныя разногласія и столкновенія съ московскими намѣстниками и требованіями вел. князя,

[1]) Другія извѣстія и далѣе представляютъ то краткую, то болѣе полную передачу извѣстій 1-й Псков. лѣт. (о 6-мъ соборѣ, о пріѣздѣ ц. Софіи, о сношеніяхъ съ нѣмцами, о постр. церквей, о наводненіи, о пожарѣ 1478, о покореніи Твери и т. п.).

такъ печально закончившіяся для него нѣсколько позже [1]). Разсказъ лѣт-ца о событіяхъ 1471 г. кратокъ. Онъ упоминаетъ о помощи, высланной вел. князю Псковомъ, которая стала воевать (попросту жечь и грабить) пограничныя волости и о высылкѣ новгородцами 40000-й рати, встрѣтившейся на Шелони съ московскимъ войскомъ и имъ разбитой; о захватѣ многихъ бояръ, которыхъ привели къ вел. князю и затѣмъ казнили: „сѣкирою отсѣкоша имъ главы, къ колодѣ прикладая". Подъ 6984 г. (1476) упоминается о затменіи солнца на сыропустной недѣлѣ съ замѣчаніемъ, что „сицевая знаменія проявляетъ Богъ на многыя пагубы людемъ". Подъ 1477 г. помѣщена запись, дополняющая разсказъ 1-й Пск. лѣт. тѣмъ, что столкновеніе между „княжедворцами" и псковитянами произошло изъ-за похищеніе „шестникомъ" „наручья капусты", везенной мимо княжьего двора, которое онъ далъ княжескому барану. А по поводу дѣйствій кн. Ярослава Васильевича при отъѣздѣ изъ Пскова замѣчено, что „князь вел. изополѣлся на Ярослава и онъ вся грабленая и людей со многымъ студомъ възврати". Подъ 1478 г. находимъ описаніе похода Ивана III на Новгородъ, представляющее лишь сокращеніе разсказа, помѣщеннаго въ 1-й Псков. лѣт. (основной текстъ, лѣв. столб., 256—263), начиная отъ описанія пожара во Псковѣ до мора (вкратцѣ), послѣдовавшаго „по войнѣ вел. князя", съ нѣкоторыми замѣчаніями отъ автора этой записи, а именно въ 1-й Пск. лѣт. сказано, что въ Новгородѣ возникло междоусобіе: „иныя хотяще битися съ вел. княземъ, а иніе за вел. кн. хотяще задати, а тѣхъ больше, которые хотятъ задатися за вел. князя" (с. 260); во 2-й же Псков. лѣт. читаемъ это мѣсто такъ: „И въсколебашася аки пьяни, и бяше въ нихъ непословича и многыя брани, мнози бо велможи и бояре *перевѣтъ* имѣаху князю вел., и того ради не изволиша въ единомысліи быти, *и въсташа чернь на бояръ, а бояри на чернь*". Но автору этой записи было извѣстно и сообщеніе въ ред. другихъ списковъ (Ак., Снег., Кар., см. цифры), самое замѣчаніе которой: „иное бы писалъ и не имѣю что писати отъ многія жалобы" (стр. 259, прав. столб.), онъ передаетъ словами: „Се же написахъ отъ многа мало бывшія пагубы Вел. Новгороду, елико слышахъ и елико ми умъ постиже"

[1]) Въ 1-й Псков. лѣт. разсказывается, какъ стали псковичи на вѣчѣ сводить счеты съ новгородцами и ограбили ихъ пословъ за подобный же поступокъ съ псков. людьми, ѣздившими по дѣламъ въ Новгородъ (236).

(V, 38). Прибавленія въ ней во всякомъ случаѣ незначительны. Подъ 1480 г. находимъ подробную запись о войнѣ съ нѣмцами и о ссорѣ вел. кн. съ братьями Андреемъ и Борисомъ, отъѣхавшими отъ него, опять сходную съ 1-й Псков. лѣт., но съ нѣк. подробностями въ однихъ извѣстіяхъ и опущеніями въ другихъ. Личное участіе автора видно при сообщеніи имъ цифры сторонниковъ бр. вел. князя: „а около ихъ множество бояръ и людій, яко мнѣти-ми до 20000“ (39), и объ опустошеніи ими волостей на пути: „а Луки безъ останка опустѣша, и бѣ видѣти многымъ плачь и рыданіе“. Подъ 1481 г. сообщается о предложеніи, сдѣланномъ кн. Андрею и Борису идти на нѣмцевъ; но мотивъ ихъ отказа правдоподобнѣе переданъ здѣсь, чѣмъ въ 1-й Пск. лѣт., а именно они соглашались остаться во Псковѣ, если псковитяне примутъ и ихъ семьи, а псковитяне не пожелали служить „двумъ господамъ“ и рѣшили „держаться“ вел. князя, что разгнѣвало его братьевъ и, уѣхавъ, они опустошили псковскія волости, церкви пограбили, „аки невѣрніи“, скотъ посѣкли, женъ и дѣвицъ осквернили и забрали въ плѣнъ („а отъ скоту не оставиша ни куряти“) и т. п. Чтобы избѣжать разгрома, Псковъ и волости уплатили имъ 215 р. (= Пск. 1-я) „и тако отъидоша въ Новгородскую землю съ многымъ вредомъ“. Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о походѣ на нѣмцевъ (= 1-й Пск. лѣт.) съ нѣкоторыми отличіями (наз. другіе города, о жестокости зимы и т. п.). Подъ 1482 г. говорится о мирѣ и пропускѣ нѣмецк. пословъ въ Москву (= Кар., Снег., Ак.[1]). Подъ 1483 г. находимъ запись о взятіи Кіева Менгли-Гиреемъ, изъ общерусскаго источника (ср. Соф. 2-ю лѣт.). Далѣе прибавляется: „Того же лѣта пріѣхаша послы отъ вел. князя, и ѣздиша къ кн. местеру въ Кесь *не вѣмы о чемъ*“. Подъ 1484 г.—о постр. каменныхъ церквей (= Псков. 1-я, подъ 1482) съ замѣчаніемъ „понеже обѣ распадошася“; о прибытіи въ Новгородъ архіеп. Сергія съ характеристикой: „и многы игумены и попы испродаде и многы новыя пошлины введе“ (41). Затѣмъ идетъ рядъ самостоятельныхъ записей объ отношеніяхъ (Пскова) къ Казиміру IV; объ укрѣпленіи Пскова; о большихъ дождяхъ, повредившихъ хлѣбъ; о разныхъ явленіяхъ; одна изъ легендъ объ архіеп. Сергіѣ (см. выше, стр. 721, пр. 2) и нѣкоторыя извѣстія, касающіяся Новгорода, не помѣщенныя въ мѣстныхъ лѣто-

[1]) Въ Соф. 1-й лѣт. сообщается, что псковитяне привезли вел. кн. изъ-подъ Феллина 8 колоколовъ (VI, 36).

писяхъ. Подъ 1485 и 1486 гг. сообщаются извѣстія о небесныхъ знаменіяхъ, о взятіи турками Киліи, Бѣлграда, о походѣ на турокъ Казимира IV, Стефана Волошскаго (по ошибкѣ Волынскаго) и венг. короля и объ отнятіи городовъ; о подчиненіи Твери Иваномъ III (ср. Соф. 2-ю и Воскр.); о постр. новаго моста черезъ р. Пскову; о назначеніи архіеп. Геннадія, о присылкѣ имъ благосл. грам., турьяго рога и иконы; объ убіеніи псков. пословъ въ Тверской землѣ разбойниками; подробная запись о неурожаѣ отъ дурной погоды и т. п.; но особенно обстоятельны извѣстія по дѣлу о смердахъ, отчасти совпадающія съ записями, помѣщенными въ 1-й Псков. лѣт. (по обоимъ параллельн. текстамъ), а отчасти сообщающія болѣе подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о немъ. Записи же о распоряженіи архіеп. Геннадія, данномъ игумену Евѳимію, быв. ларнику (Есипу), надѣлавшему много зла псковитянамъ, который затѣмъ бѣжалъ и постригся и котораго Геннадій задумалъ теперь сдѣлать своимъ намѣстникомъ во Псковѣ,—переписать церкви и монастыри въ Псковской землѣ, объ отказѣ въ томъ псковитянъ и о пріѣздѣ Геннадія во Псковъ,—совершенно отсутствуютъ въ текстахъ 1-й Псков. лѣт. Затѣмъ 2-я Псков. лѣт. прерывается на неоконченной фразѣ. Судя по извѣстіямъ современника, относящимся къ концу XV стол., можно видѣть, что она (лѣт. пис. полууставомъ к. XV или нач. XVI в.) не шла далѣе паденія Пскова и въ послѣдней своей части представляетъ не только дополненія къ тексту 1-й Псков. лѣт., но и личныя свѣдѣнія современника о событіяхъ.

Сличая тексты 1-й и 2-й Псков. лѣт., видно, что послѣдняя заключаетъ въ себѣ, то сокращеніе текста (6914, 6964, 6967—опущ. драмат. формы), то несогласіе съ нею въ обозначеніи времени (6915—о постр. церкви), то большую обстоятельность въ изложеніи событій (о времени преб. во Псковѣ кн. Даніила Алекс. и Константина Дм.), то разницу въ обозначеніи мѣстъ, числа убитыхъ (6916) и лицъ, принимавшихъ участіе въ дѣлахъ (пословъ, 6918; въ постр. стѣны, 6939), то значительную полноту въ описываемыхъ событіяхъ (6919—6929, 6936, о напад. Витовта; объ истребленіи пожаромъ пригорода Котельна, 6955 [1]). Существенныя различія лѣтописи за позднѣйшій періодъ мы прослѣдили выше. Вообще, отличія эти приводятъ къ заключенію, что въ основаніи обѣихъ лѣтописей лежалъ общій, болѣе про-

---

[1]) Сн. объ этомъ на стран. 780, прим. 4.

странный источникъ, который вошелъ въ болѣе подробномъ видѣ то въ одинъ, то въ другой изъ текстовъ, а нѣкоторыя извѣстія дополнялись каждымъ изъ сводовъ по другимъ мѣстнымъ свѣдѣніямъ, или прибавлялись по памяти и соображеніямъ современника, интересовавшагося событіями, какъ онъ и самъ говоритъ о томъ (V, 38). Его личныя сообщенія во всякомъ случаѣ весьма цѣнны не только относительно Пскова, но и Новгорода.

Въ то время, какъ для Кіевской и Суздальской Руси, а также для Новгорода мы имѣемъ своды лѣтописей, сохранившіеся въ значительной полнотѣ, этого нельзя сказать относительно Пскова. Значительные дефекты въ начальной части свода и болѣе или менѣе существенные пропуски и сокращенія въ срединѣ текста указываютъ, что до составителей позднѣйшаго свода или не дошли извѣстія и необходимые матеріалы въ болѣе полномъ видѣ, или, интересуясь близкими событіями, они дѣлали пропуски и сокращенія, какъ это можно наблюдать при сличеніи разныхъ списковъ 1-й Псков. лѣт. и сохранившагося списка 2-й Псков. л. Систематическія заимствованія изъ другихъ источниковъ (Новгор. лѣт.), частыя повторенія однихъ и тѣхъ же извѣстій, рѣзкіе переходы отъ мелкихъ записей къ обширнымъ описаніямъ, нежеланіе распространяться, предоставляя читателю обратиться къ болѣе подробному источнику, и отсутствіе иногда нѣкоторой литературной отдѣлки,—показываютъ, что Псков. лѣтопись потерпѣла существенныя перемѣны и невзгоды (2-я Псков. лѣт. такъ и дошла безъ конца).

Само собою понятно, что, представляя въ цѣломъ, сводъ за обширный періодъ времени (по 1645 годъ), Псковская лѣт., въ дошедшемъ до насъ видѣ, не могла быть составлена, какъ отдѣльный трудъ. Обращая же вниманіе на то, что въ начальной части лѣтописи хронологическая сѣть проведена до смерти Александра Невскаго (1263) и Миндовга (1265), хотя время кончины ихъ и не обозначено (стр. 179) и затѣмъ, послѣ замѣтки о смерти перваго (въ нѣк. сп. 1-й Псков. лѣт. помѣщено небольшое извлеченіе изъ его житія по Новг. лѣт., а въ Псков. 2-й все житіе), въ большинствѣ же спп. 1-й Псков. лѣт. и во 2-й Псков. л. находимъ сказаніе о Довмонтѣ (въ 1-й разбитое по годамъ, во 2-й безъ разбивки), между тѣмъ, какъ въ сп. Архив. XX (Малиновскаго) продолжаютъ идти краткія записи, взятыя изъ Новг. 1-й лѣт., съ присоединеніемъ лишь записи изъ сказанія о послѣднемъ подвигѣ Довмонта, а затѣмъ выписки продолжаются и да-

лѣе (по другимъ спп., сс. 180—184) и только съ 1303 г. ведутся болѣе обширныя записи о псковскихъ событіяхъ,—можно заключать, что 1-й сводъ Псков. лѣт. относится къ первой четв. XIV стол. [1]). Въ теченіе послѣдующаго времени смѣнилось нѣсколько лѣтописцевъ, качества которыхъ, быть можетъ, характеризуются смѣной то болѣе краткихъ, то болѣе пространныхъ записей [2]). Но уже во 2-й пол. XV в. можно отмѣтить появленіе новаго свода (рядъ списковъ начинается съ 1447 г. [3]), который, вѣроятно, заканчивался 1461 годомъ [4]). Въ началѣ XVI в., съ паденіемъ Пскова, снова наступилъ перерывъ въ лѣтописаніи, обозначающійся окончаніемъ нѣк. списковъ (сп. 2-й Псков. лѣт.; рядъ вставочныхъ статей—въ нѣк. сп. подъ 1504—посл. м. Симона; подъ 1505—старца Панфила, въ однихъ спп. одной ред., въ другихъ другой; подъ 1510—пов. о взятіи Пскова, а въ Бальз. сп. Пов. эта другого состава, см. 283а), чтб можетъ указывать и на составленіе разныхъ редакцій свода, явившихся какъ бы отвѣтомъ на желаніе собрать все относящееся къ псковской „старинѣ", получившей теперь историческое значеніе; а въ подобные моменты исторіи—послѣдняя обыкновенно пріобрѣтаетъ особенную привлекательность. Отсюда такое разнообразіе списковъ Псков. лѣт., касающихся съ разныхъ сторонъ послѣдняго періода самобытности Пскова и даже въ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ чувствуются тяжелыя указанія и обличенія, сочувствіе отжившимъ порядкамъ не перестаетъ сохранять всѣ свои права [5]).

[1]) Еще Карамзинъ замѣтилъ: „Подробный Псков. лѣт. начинается ок. 1303 г., а древнѣйшія въ немъ извѣстія взяты изъ Нестора и Новгор. лѣтописи" (I, с. xvi). Замѣтка съ замѣчаніемъ о знаменіяхъ изъ Хронографа (6792—1284) прибавлена, какъ заключеніе, уже сводчикомъ.

[2]) Указываемая перемѣна ок. 1369—70 (Филаретъ, Обзоръ. 72) не существенна.

[3]) Кар. I, Акад. XVIII, Снег. II; Бальзер. сп., сход. съ ними съ 1472, а полнѣе съ 1487. См. П. С. Р. лѣт., IV, 171, 267. Кар. сп.=Толст. (ib., с. 170). Акад. сп. иногда отличается отъ сходн. съ нимъ (1509 прим., о Серапіонѣ; 1510—о Геннадіѣ=4-й Новг. л.).

[4]) У Татищева читаемъ: „Псков. л. начинается временемъ Ярослава, а кончается смертію вел. кн. Василія Вас." (Рос. ист., I, 62). Въ „Каталогѣ" его библіотеки, изд. Пекарскимъ, отмѣчено: „Псков. лѣт. до 1461 г." (Новыя изв. о Татищевѣ, прилож. къ Зап. Ак. Наукъ 1863, с. 58). Заслуживаетъ вниманія, что дословныя выписки изъ 1-й Псков. лѣт. въ сп. 2-й Псков. лѣт. (Синод.) именно заканчиваются 1462, въ которомъ говорится о кончинѣ вел. кн. Василія Вас. (см. П. С. Р. лѣт., V, с. 34).

[5]) Нѣк. изъ сводовъ оканчивались 1481 г., такъ какъ съ этого момента начинаются значительныя разногласія въ спп. Псков. лѣтописи.

IX.

Въ нѣк. сборникахъ, вслѣдъ за Хронографомъ ред. 1512 г., считаемой псковскою и приписываемой старцу Елеазарова мон. Филоѳею [1]), помѣщаются сначала мелкія статьи историческаго и нравоучительнаго содержанія, потомъ каталогъ римскихъ царей и императоровъ римскихъ и византійскихъ, затѣмъ 4-я Новгор. лѣт. съ продолж. послѣ 1447 г., доходящими до 1547 г., заимствованными притомъ изъ Псков. лѣт., и, наконецъ, рядъ статей историческаго содержанія [2]). Въ означенныхъ двухъ сборн. (1 и 2-мъ) замѣчается тѣсная связь между Хрон. и послѣдующими статьями, а нѣк. статьи находятся и въ др. спискахъ сборниковъ. Разсматривая же Новг. и Псков. лѣтописи въ сборникѣ, представителями котораго служатъ Погод. 1404 а и Акад. 991 и въ которомъ Новг. 4-я лѣт. является нѣсколько сокращенной сравнительно съ прочими спи. (она доведена, какъ и источникъ всѣхъ прочихъ спи., до 1447 г.), а затѣмъ идетъ Псков. л. съ 1447—1547 г., можно видѣть, что эта послѣдняя въ редакціи, соединенной съ Хрон. (ср. спи. Кар., Акад., Снег.), до 1482 г. мѣстами сходна, а мѣстами разнится съ прочими спи. [3]); но съ 1482 по 1547 г. эта лѣт. полнѣе, чѣмъ текстъ остальныхъ спи., съ которыми она, однако, отчасти тождественна [4]). Означенный обширный отдѣлъ лѣтописи, кромѣ того, дѣлится на двѣ части: до 1509 (ср. Бальз. сп.) и съ 1510 (собств. съ Пов. о взятіи Пскова) по 1547 г. откуда заключаютъ, что Псков. лѣт., соединенная съ Хрон., доходила нѣкогда до 1509 г. включительно, обнимая событія съ 1447—81 въ сокращенномъ видѣ и съ 1482—1509 въ болѣе подробномъ и самостоятельномъ изложеніи. Такимъ обр., редакторъ Хрон. 1512 г., опустивъ въ немъ русскія событія 1452—1508 (собств. Моск. лѣтопись), имѣлъ въ виду замѣнить ихъ извлеченіемъ изъ Псков. лѣт. и продолженіемъ ея по 1509 г.

---

[1]) А. А. Шахматовъ. Къ вопросу о происхожденіи Хронографа, Спб. 1899, стр. 99—113 и, по связи съ нимъ см. Путеш. М. Г. Мисюря Мунехина на Востокъ и Хроногр. ред. 1512 г., его же (Изв. Ак. Н. по отд. рус. яз. и словесн. 1899, I, 200—222).

[2]) Таковы сборн. Погод. № 1404 а и Акад. № 991 (3), а также Погод. № 1402 и Акад. № 18, сходные съ ними, начиная съ Новг. 4-й лѣт. Ср. Лѣт. Псков. по 1547 г., хран. въ Холмогор. соборѣ (Библ. Слов., 360).

[3]) Полное почти сходство отмѣчено въ гг. 1447—63, 1479—1481; сокращ. текстъ 1463—66, 1472, 1473, 1478; опущ. 1467—71, 1474—77.

[4]) Полное сходство видно съ 1510—1517 г.

Позднѣйшій ред., пол. XVI в., встрѣтивъ за Хрон. 1512 г. отрывки Псков. лѣт., доведенные позднѣйшимъ лѣт. до 1547 г., связалъ ихъ со сп. 4-й Новг. лѣт. (ср. сп. Кар., Акад., Снег., отч. Бальз., предисл. къ 1-й Пск. лѣт.). А такъ какъ редакторомъ Хрон. 1512 г. можетъ быть признанъ старецъ Филоѳей (онъ воспользовался для этого ред. Хрон. 1508, привез. изъ Москвы дьяк. Мисюремъ Мунехинымъ), то полагаютъ, что онъ сдѣлалъ для него извлеченіе Псков. лѣт. по 1481 и продолжалъ ее по 1509 г., а можетъ быть и по 1523 г. (ср. Горюшк. сп. Соф. 1-й лѣт., закл. псков. событія съ 1481—1523, П. С. Р. лѣт., VI, 22—30[1]).

Съ этимъ мнѣніемъ, насколько оно касается самаго Хронографа, можно въ извѣстной степени согласиться, допустивъ подобную переработку послѣдняго во Псковѣ и, быть можетъ, именно Филоѳеемъ; но едвали онъ могъ быть авторомъ продолженія лѣтописи, какъ по внутреннимъ причинамъ, такъ и по внѣшнимъ основаніямъ. Въ текстахъ лѣтописи есть указанія, что и основные печатные тексты, и тотъ текстъ, который приписывается (въ періодъ съ 1482 г.) Филоѳею, пользовались какимъ-то общимъ источникомъ, изъ которыхъ одни излагаютъ послѣдній кратко, а другіе подробно (см. примѣч. мелкимъ шрифтомъ подъ 7008, 7009, 7010, а также гг. 7026, 7027—7032, по разн. сп.[2]). Притомъ, если Филоѳей писалъ лѣтопись по 1523 годъ, то приходится исключить изъ его произведенія записи подъ 1510 г., о паденіи Пскова, совершенно не согласныя съ его міросозерцаніемъ, а между тѣмъ онѣ находятся въ разныхъ спп. (см. 283 и 291, прим.), какъ и Пов. о взятіи Пскова, внесенная въ нихъ, хотя и въ нѣсколько отличныхъ редакціяхъ. Всматриваясь въ продолженіе лѣтописи (послѣ Пов. о взятіи) легко замѣтить, что разсказъ „Пов." долженъ заканчиваться словами: „ано земля не разступится, а вверхъ не взлетѣть". Запись же, слѣд. затѣмъ („Того же лѣта" и пр.), въ которой сообщается о прибытіи 300 сем. изъ московскихъ городовъ во Псковъ служитъ лишь прямымъ продолженіемъ записи 1510, помѣщенной передъ „Пов. о взятіи", и тонъ лѣтописи, выраженный въ „Пов. о взятіи", писанной уже послѣ событій („И у намѣстниковъ, и у ихъ тіуновъ, и у дьяковъ великаго князя правда ихъ, крестное

---

[1]) Ср. А. А. Шахматовъ, Обозр. лѣтоп. сводовъ, 36, 60; о Хрон., 112.

[2]) Въ лѣтописи нѣтъ указаній на Елеазаровскій мон-рь и хотя въ ней послѣ 1510 г. прекращается прежній обычай частаго обращенія къ помощи св. Троицы, Тимоѳея и Довмонта, но появляются другіе покровители города.

цѣлованіе, взлетѣла на небо и кривда въ нихъ нача ходити и быти многая злая въ нихъ, быша не милостивы до Псковичь; а Псковичи бѣдныя не вѣдаша правды Московскія" [1]), вполнѣ выдерживается и далѣе. Лѣтоп. говоритъ, что вел. кн. свелъ первыхъ намѣстниковъ и далъ вмѣсто нихъ новыхъ (1511)—кн. Петра Великого, бывшаго раньше [2]), пріятнаго псковичамъ, и кн. Семена Курбскаго (—1515), которые были добры къ нимъ, благодаря чему бѣжавшіе изъ Пскова стали возвращаться на свои мѣста. Едва ли Филоѳей, благосклонно относившійся къ дѣйствіямъ вел. князя и въ частности заправлявшаго дѣлами—Мисюря Мунехина, допустилъ бы подобныя сужденія. Подъ 1510—16 описаны походы вел. кн. подъ Смоленскъ и противъ Литвы, въ которыхъ дѣятельное участіе принимали и псковитяне (ср. Соф. 1-ю лѣт.). И въ этихъ извѣстіяхъ опять видно нерасположеніе къ походамъ („а все то было Псковичамъ не легость, тѣхъ людей поднимая", спп. Аа, Эрм.). Вообще, лѣт. (другіе спп.) замѣчаетъ, что вел. кн. „постоялъ по нарядѣ да и самъ отъѣхалъ, не учиня ничегоже, толко землю Литовскую пусту доспѣлъ ...И бысть непособіе Божіе Москвичамъ", и далѣе описывается безпорядокъ и бѣгство въ битвѣ подъ Оршею; а, говоря о взятіи Смоленска, лѣт-цъ сообщаетъ о замыслѣ на жизнь вел. князя. Весьма подробны и обстоятельны также извѣстія о походахъ Константина Острожскаго подъ Опочку, москвитянъ подъ Полоцкъ и псковитянъ на литовскіе города (1518, 1519); о мирѣ, заключенномъ съ нѣмцами (1521, по спп Кар., Акад. Сн.), указывающія на близкое отношеніе къ нимъ участника въ этихъ событіяхъ. Рядомъ съ этимъ идутъ обычныя записи о постройкѣ стѣнъ, церквей, морѣ, перемѣнѣ намѣстниковъ и т. п. Лѣтописецъ обнаруживаетъ близкое знакомство то со Св. писаніемъ (стр. 292), то съ произведеніями мірской литературы (по поводу битвы подъ Оршею онъ прибавляетъ: „и вскричаша и возопиша жены Оршанки на трубы московскія и слышати было и стуку и грому великому межу Москвичь и Литвою" и т. д. [3]). Все это показываетъ, что упомянутыя записи

[1]) Вникая въ историческую часть „Плача", можно сказать, что онъ писанъ на основаніи лѣтописныхъ данныхъ. Ламентаціи автора вставлены между ними, и иногда разрываютъ разсказъ на части, нарушая тѣмъ этотъ послѣдній.

[2]) Это кн. Петръ Вас. Шуйскій, упоминаемый подъ 1507 г. въ спп. Кар., Ак., Сп. (IV, 281). Ср. выше, стр. 801.

[3]) Карамзинъ (VII, пр. 123) и Погодинъ видятъ въ этомъ мѣстѣ знакомство автора съ „Слов. о полку Игоревѣ" (Псков. лѣт., предисл., стр. xvi); другіе—подражаніе Задонщинѣ (И. А. Тихомировъ, Ж. М. Н. Пр. 1890, № 2, с. 248-249).

едва ли могли принадлежать лицу, проникнутому той точкой зрѣнія на московскія отношенія, которая свойственна Филоѳею.

Записи 1519—1547 г. представляютъ два параллельныя текста, причемъ извѣстія въ спп. Кар., Ак., Снег. отличаются значительною подробностью, а извѣстія другихъ спп., даютъ изложеніе тѣхъ же событій въ краткомъ видѣ. Это не болѣе, какъ другая редакція тѣхъ же извѣстій, касающихся церковныхъ дѣлъ, внѣшнихъ отношеній (къ Литвѣ и Ливоніи), московскихъ дѣлъ, состоянія города (постройки, пожары, болѣзни и т. п.). Но между этими записями можно отмѣтить нѣсколько постороннихъ. Такими мы считаемъ: подъ 1523 г. извѣстіе о разводѣ Василія Ив. съ Соломоніей съ размышленіями о причинахъ, побудившихъ къ тому (ср. Соф. 1-ю лѣт., VI, 39—40[1]); подъ 1524 г., запись о пріѣздѣ архіеп. Макарія въ Новгородъ, судя по характеру извѣстія (тутъ же и объ устройствѣ мельницы на р. Волховѣ), заимствованная, вѣроятно, изъ Новгор. лѣт. (въ „отрывкѣ“ изъ Новг. лѣт., VI, 286, подробнѣе, но иначе), съ присоединеніемъ эпизода съ псков. мастеромъ Невѣжею. Подъ 1535 помѣщено подробное извѣстіе о походѣ вел. кн. на Литву, съ перечисленіемъ воеводъ, количества войска („мню 150000 силы“) и запасовъ на него („и съ татары многими, что на лыжахъ ходятъ, и мордвичи рязанскіе земли“). Въ отзывахъ разныхъ списковъ можно замѣтить иногда рѣзкое различіе относительно сообщаемыхъ извѣстій. Таковы: запись о кончинѣ вел. кн. Василія Ив. съ похвалою ему и о поставленіи на царство Ивана IV, причемъ сообщается о пойманіи дяди его Юрія Ив. (по спп. Кар., Сп., Ак.) и совсѣмъ краткая запись по спп. Арх., Строев. и др., съ замѣчаніемъ въ одной этой лѣтописи „и умориша„ и др. Всѣ списки съ разными подробностями (удушеніе въ тюрьмахъ, избіеніе дѣтей) говорятъ о жестокомъ обращеніи съ присланными во Псковъ плѣнными татарами (1535), съ явнымъ несочувствіемъ. Въ болѣе подроб-

Зная московскаго зодчаго Аристотеля, лѣт-цъ говоритъ, что въ войскѣ польскаго короля Сигизмунда I были отъ цесаря короля римскаго мудрые люди, ротмистры, арихтыхтаны, *аристотели*, далныхъ земель много“ и т. д. (291), опредѣляя тѣмъ превосходство литовскаго войска.

[1]) Такъ въ сп. Ак., Кар., Сн. Въ основныхъ спискахъ извѣстіе представляетъ соединеніе записей, занесенныхъ подъ 1523 и 1524 гг. въ краткомъ видѣ; но съ прибавленіемъ: „а все то за наше согрѣшеніе, якоже написалъ Апостолъ: „иже аще пуститъ жену, а оженится иною, прелюбы творитъ“ (295, лѣв. столб.), соотвѣтствующимъ настроенію псковитянъ. Въ подр. записи говорится, что вел. кн. ѣхалъ „на колесницѣ позлащенной“ (295). Замѣч. объ экипажахъ въ XVI в. (Зап. Отд. рус. и слав. арх. Арх. об., I, проток., 34). Кареты появились позже (Прескоттъ, II, 17).

ныхъ спп. (Кар. и пр.) упоминается (1545) о борьбѣ между „большими и меньшими людьми“ изъ-за новыхъ денегъ (копеекъ); но красною нитью проходитъ въ лѣтописи негодованіе противъ намѣстниковъ и дьяковъ. Намѣстники мѣнялись часто (1512, 1515, 1518, 1519, 1521, 1528, 1533, 1535, 1541, съ очевидными пропусками; лѣтопись о нихъ обыкновенно выражается „съѣхаша“, „наѣхалъ“), а дьяки, покровительствуемые властью въ правленіе Василія Ив. и Ивана IV, позволяли себѣ всякія злоупотребленія[1]). Типическимъ представителемъ этихъ послѣднихъ является дьякъ Мисюрь (Мих. Григ.) Мунехинъ. Назначенный въ годъ уничтоженія независимости Пскова, онъ пережилъ здѣсь рядъ намѣстниковъ и остался въ своей должности до марта 1528 г., когда скоропостижно скончался (П. С. Р. Л., IV, 297). Это человѣкъ бывалый (онъ путешествовалъ на Востокъ, разсказы о святыняхъ котораго переданы старц. Филоѳеемъ), очевидно книжный (посл. къ нему Дм. Герасимова, Николая Нѣмч. и Филоѳея, между прочимъ по поводу увлеченія современниками звѣздочетствомъ, распространителемъ котораго былъ Николай Нѣмчинъ, иначе Люевъ), близкій къ власти (ему поручаетъ вел. кн. переговоры съ ливонцами, строить каменную стрѣльницу и т. п.[2]), съумѣвшій поладить съ псковитянами и даже эксплоатировать ихъ религіозныя чувства. Посредникомъ его въ сношеніяхъ былъ мѣстный подъячій Артемій (Ортюша) Псковитинъ, орудовавшій его церковными порученіями и интимными дѣлами. Благодаря своему вліянію и средствамъ, Мунехину удалось перенести на гору и заново устроить Псково-Печерскій м-рь: вскорѣ открылись чудеса и слава монастыря достигла Москвы и даже Ливоніи. Большой храмъ въ честь Успенія съ придѣломъ Антонія и Ѳеодосія былъ отстроенъ отчасти на средства самого Мунехина, а отчасти на пожертвованія, собранныя при его участіи („волостми“), а затѣмъ уже изъ монастыря стали возить къ вел. князю просвиру и св. воду (см. г. 1519[3]). Подробная запись о смерти дьяка Мунехина

---

[1]) Въ одномъ изъ чудесъ, приписанныхъ къ Пов. о Евфросинѣ Псковскомъ, находимъ подобный разсказъ о дьякѣ Иванѣ Шамскомъ (при Василіѣ), безъ милости грабившемъ у христіанъ имѣнія насиліемъ и пораженномъ за то жестокою болѣзнію (Памят. стар. рус. литер., IV, 110). О немъ см. въ Псков. л. (г. 1533).

[2]) П. С. Р. лѣт., IV, 294, 297; ср. отношеніе къ архіеп. Макарію, который хотѣлъ пробыть мѣсяцъ, а ему указано быть 10 дней (1528 годъ); онъ прямо сносится съ вел. княземъ (1523); отзывъ Филоѳея о его близости (В. Н. Малининъ, 267). См. еще т. VI, сс. 27—29.

[3]) „И бысть проща велика и начаша множество народа приходити на праздникъ“ (1521, 1523, 1532).

(11 марта 1528) и погребеніи въ томъ же Печерскомъ мон. говоритъ намъ о близости его къ послѣднему [1]). Однако чувство безпристрастія взяло верхъ въ устахъ лѣтописца и онъ записалъ далѣе: „и нача вел. кн. животъ его сыскивати, а на его мѣсто прислалъ Володимера Племянникова; и наидоша въ его казнѣ книги вкратцѣ написаны, кому что далъ на Москвѣ бояромъ или дьякомъ или дѣтемъ боярскимъ, и князь вел. все то выискалъ на себя, а иныя его племянники и подъячей Ортюша Псковитинъ, *любезный его*, на Москвѣ и на пытки былъ; и бысть въ людехъ мятежъ великъ о его животахъ и взысканіе веліе. И быша по Мисюри дьяки частые, милосердый Богъ милостивъ до своего созданія, *и быша дьяки мудры, а земля пуста;* и нача казна великаго князя множитися во Псковѣ, а сами ни одинъ не съѣхаша поздорову со Пскова къ Москвѣ, другъ на друга воюя“ (по спп. К., Ак., Сн.). Въ этихъ словахъ замѣчается осужденіе не только всего дьяческаго управленія во Псковѣ, но и дѣятельности Мис. Мунехина, который съумѣлъ мягко стлать, хотя отъ того не легче было псковитянамъ [2]). Преемникъ его вскорѣ также былъ замѣненъ Колтыремъ Раковымъ (1533), о которомъ въ лѣт. читаемъ: „А дьяка К. Ракова *свелъ* кн. вел. на Москву, и бысть Псковичамъ *радость*, а онъ многіе пошлины во Псковѣ уставилъ, а нога у него крива“ (тѣ же спп., 1534). Лѣтопись (по всѣмъ спп.) крайне враждебно отзывается объ управленіи намѣстниковъ кн. А. М. Шуйскаго и кн. В. И. Репнина-Оболенскаго. По спп. Кар., Ак., Сн. читаемъ: „7049 (1541). Въ тыя же лѣта, Господу Богу попущшу за умноженіе грѣхъ ради нашихъ, быша намѣстники на Псковѣ *свирѣпы* аки лвове и люди ихъ аки звѣріе дивіи до крестьянъ, и начаша поклепцы добрыхъ людей клепати, и разбѣгошася добрые люди по инымъ городомъ, а игумены честные изъ монастырей избѣгоша въ Новгородъ, отъ кн. А. М. Шуйскаго да отъ кн. В. И. Репнина Оболенскихъ князей; и при ихъ намѣстничествѣ. за множество грѣховъ нашихъ, пожары частые, здѣ Полонище погорѣ. а се Запсковье погорѣ, нетокмо Псковичи *разыдошася отъ лихихъ намѣстниковъ, но и пригорожане не смѣли ѣздити во Псковъ*; а иные радъ бы повѣсти злые писати, но грубъ разумомъ и смысломъ“

---

[1]) По поводу присылки колоколовъ вел. кн. Василіемъ Иван. въ замѣнъ взятыхъ, лѣт. вспоминаетъ о вѣчѣ (1518). Сн. на стр. 822—823.

[2]) Поэтому съ характеристикой Мунехина въ трудѣ В. Н. Малинина (стр. 159—161) едва ли можно согласиться.

(304, прав. столб.). Въ другихъ спп. мѣсто это сокращено, но выражено въ болѣе рѣзкихъ словахъ: „7049, мѣс. сент. въ 19 день, въ недѣлю, ō заутрени, загорѣлося на Запсковьи..., да горѣло все Запсковье... и мало дворовъ оста. А кн. А. М. Шуйской, *а онъ былъ злодѣй*; не судя его писахъ, но дѣла его зла на пригородѣхъ, на волостехъ, старая дѣла исцы наряжая, правя на людехъ ово сто рублей, ово болѣ (ово двѣстѣ, ово триста), а во Псковѣ мастеровые люди все дѣлали на него *даромъ*, а болшіи люди подаваша къ нему дары; а и хлѣбъ тогда былъ дорогъ" (304, лѣв. столб.). Такимъ образомъ и пожары, и дороговизну хлѣба лѣт-цъ связываетъ съ дурнымъ управленіемъ намѣстниковъ. Оба эти явленія тѣмъ болѣе были печальны, что они вызывали обостреніе враждебныхъ отношеній между большими и меньшими людьми, которое всегда поддерживалось во Псковѣ. „А сій пожаръ, читаемъ въ лѣтописи, былъ тяжекъ велми отъ иныхъ пожаровъ, животамъ *грабежу было много*" (303). Въ другой разъ. говоря о сильномъ наводненіи (1544), испортившемъ хлѣбъ на корнѣ и заставившемъ привезти хлѣбъ изъ Юрьева и др. зарубежныхъ мѣстъ, который все-таки былъ дорогъ, лѣт-цъ прибавляетъ: *„а промежъ себя брань была велика во Псковѣ большимъ людемъ съ менщими"* (306, прав. столб.).

Повидимому, отъ произвола намѣстниковъ было найдено цѣлительное средство. Это предоставленіе Пскову самому вѣдаться судомъ въ уголовныхъ дѣлахъ. „И князь вел. Иванъ Вас. (1541), читаемъ въ лѣт-си, пожаловалъ свою отчину Псковъ, далъ грамоту судити и пытать и казнити Псковичамъ разбойниковъ и лихихъ людей; и бысть Псковичамъ въ радость, а злыя люди розбѣгошася, и бысть тишина, но не на много, *и паки намѣстники премогоша, а то было добро велми по всей земли*". Другой лѣт. (Кар., Акад., Си.) воздаетъ общую похвалу за эту реформу Ивану IV и вводитъ насъ въ нѣкоторыя подробности. „Тоя же зимы, говоритъ онъ, бысть жалованіе государя нашего великаго кн. Ивана Вас. всеа Русіи до всей своей Руской земли, *млада возрастомъ*, 11 лѣтъ, *и старѣйша умомъ*: до своей отчины милосердова, показа милость свою *и нача жаловати, грамоты давати* по всѣмъ градомъ болшимъ и по пригородомъ и по волостемъ, лихихъ людей обыскивати самымъ крестьяномъ межъ собя по крестному цѣлованію, и ихъ казнити смертною казнію, а не водя къ намѣстникомъ и къ ихъ тивуномъ лихихъ людей разбойниковъ и татей; и бысть намѣстникомъ по городомъ нелюбка велика на хря-

стіянъ; а Псковичи такову грамоту взяша, и начаша Псковскіе цѣловальники и соцкіе судити лихихъ людей на княжи дворѣ, въ судницы надъ Вел. рѣкою, и смертною казнью ихъ казнити; а нам. Псковскаго князя Ондрѣя Шуйского кн. вел. Иванъ Вас. къ себѣ *свелъ*, и бысть намѣстникъ во Псковѣ одинъ кн. Василей Репнинъ-Оболенской, *и была ему нелюбка до Псковичь велика, что у нихъ какъ зерцало государева грамота*; и бысть крестьяномъ радость и лгота велика отъ лихихъ людей и отъ поклепцовъ, и отъ намѣстниковъ, и отъ ихъ недѣльщиковъ, и отъ ѣздоковъ, кои по волостемъ ѣздятъ, и начаша Псковичи за государя Бога молити и преч. Богородицу и св. чюдотворцевъ о его жалованьи до своея отчины, что показа милость до сиротъ своихъ" (по спп. Кар., Ак., Снег.);—картина, ярко обрисовывающая положеніе вещей не только во Псковѣ, но и во всемъ государствѣ, на фонѣ которой стоитъ реформа Ивана Грознаго, оцѣненная лѣтописцемъ съ общей точки зрѣнія, но вскорѣ затемненная „премоганіемъ" намѣстниковъ,—не разъ одолѣвавшимъ ненавистныя имъ преобразованія въ разные періоды русской исторіи. Подъ 1547 г., подробною записью (болѣе подр., чѣмъ въ другихъ лѣт.) о посѣщеніи Иваномъ IV Новгорода и Пскова, о вѣнчаніи на царство, о бракѣ съ ц. Анастасіей и о пожарѣ въ Москвѣ, заканчивается одна изъ редакцій Псков. лѣт. (по спп. Кар. и Ак.).

По значительному количеству монастырскихъ записей (1519, 1521, 1522, 1523, 1524, 1534, 1535, 1537, 1538, 1541, 1543, 1544, 1546) и извѣстій о созданіи церквей и церковныхъ дѣлахъ (passim[1]) приходится заключать, что сводъ этой части извѣстій, если не самыя записи, вопреки утвержденію нѣкоторыхъ изслѣдователей[2]), былъ выполненъ въ одномъ изъ монастырей, ближе другихъ стоявшихъ къ современнымъ гражданскимъ отношеніямъ края. Подъ 1535 г. мы находимъ замѣтку, которая прямо говоритъ о такомъ вниманіи къ монастырскимъ интересамъ: „начаша дворъ дѣлати владычень во Псковѣ на площади за Всемил. Спасомъ; а священники ему не пособиша ни въ чемъ же во дворъ, а монастыри вси мшили горницы и повалушу склали". Припомнимъ, что въ этой части говорится о

[1]) По спп. Кар., Ак., Сн. сообщается о распрѣ между городскимъ и сельскимъ духов. по поводу излишней повинности, взятой съ послѣдняго по случаю пріѣзда архіеп. Ѳеодосія (1544); о взятіи „ямъ" на церковь отъ дьяковъ (1546). Въ другихъ спп. сказано, что ямы взяты у владыки Макарія, но едва ли вѣрно.

[2]) И. А. Тихомировъ (Ж. М. Н. Пр. 1890, № 2, стр. 248).

возникновеніи Печерскаго мон-ря, о посѣщеніи его населеніемъ, о распространеніи славы о чудесахъ, случившихся въ немъ, до предѣловъ Москвы и Ливоніи, и даются сочувственные отзывы о виновникахъ благоустройства монастыря, Мисюрѣ Мунехинѣ и Арт. Псковитинѣ, „его любезномъ“ и т. п., а потому весьма возможно, что извѣстія, занесенныя въ лѣтопись отъ паденія Пскова до окончанія означенныхъ спи., были записаны или внесены въ сводъ и пополнены въ Печерскомъ монастырѣ. Слѣдуетъ еще прибавить, что и въ послѣдней записи (1547), гдѣ идетъ рѣчь о посѣщеніи молодымъ царемъ (Иваномъ IV) Пскова, находится замѣчаніе: „да у Пречистые (храмъ Успенія) былъ въ Печерскомъ монастырѣ и деревень монастырю далъ много и исадами (пристанями для рыбной ловли) пожаловалъ многими“. Послѣ этого послѣдовательными являются тѣ пожеланія Ивану IV, которыя соединяются далѣе съ его вѣнчаніемъ. Если же записи эти могутъ принадлежать Псково-Печерскому мон., то легко предположить, что составителемъ свода, заканчивающаго списки Кар. и Акад., былъ никто иной, какъ игум. того же мон-ря извѣстный Корнилій (см. выше, стр. 782—83). Псково-Печ. мон., основанный на границѣ съ Ливоніей, былъ тѣмъ самымъ втянутъ въ непосредственныя отношенія съ политическими и военными событіями; онъ былъ хорошо обстроенъ и укрѣпленъ стѣнами; къ нему благоволилъ Василій Ив., а потомъ Иванъ IV, а слава, прошедшая о немъ, вызвала притокъ щедрыхъ пожертвованій, — настолько значительныхъ, что на этой почвѣ возникли впослѣдствіи непригдядныя явленія среди братіи, достигшей уже крупной цифры (до 100 чел. [1]), и Курбскій, лично знавшій Корнилія, съ похвалою отзывающійся о его дѣятельности, какъ строителя мон-ря, съ обличеніемъ обращается къ монахамъ, которые, когда умножились имѣнія и села, впали въ соблазнъ и роскошь и отвратили тѣмъ даръ чудесъ отъ обители [2]). Съ именемъ Корнилія соединяется составленіе Синодика Псково-Печер. мон. [3]) и „Повѣсти“ объ этомъ послѣднемъ (см. выше, стр. 783). Послѣ него она была дополнена: въ 1585 г. мон. Григоріемъ, въ 1587 г. игум. Мелетіемъ, а въ 1601 г.—иг. Іоакимомъ. Первый изъ нихъ внесъ въ нее пов.

[1]) См. посл. новг. архіеп. Θеодосія къ игум. Корнилію, 1543 (Доп. къ акт. ист., I, № 35). Объ укрѣпл. мон-ря, о нѣмецкихъ колок. и образахъ, о больницѣ и нищихъ, о казнѣ (2500 р.) см. опись м-ря 1586 г. (Стар. и Новизна, VII, 255—272).

[2]) Сказанія, 124. Корнилій занимался и живописью (Стар. и Нов., 260).

[3]) Филаретъ, Житія, февр., 128.

Серапіона, старца Елеаз. м, объ осадѣ Пскова и Печер. м. Баторіемъ [1]).

Въ то время, какъ спп. Кар., Ак., Сн. даютъ въ разсмотрѣнной части обстоятельныя свѣдѣнія по исторіи Пскова, другіе спп. сообщаютъ краткое изложеніе тѣхъ же событій съ нѣкоторыми (иногда лишь въ выраженіяхъ) варіантами; но съ 1547 г. они, напротивъ, снова распространяются и достигаютъ прежней обстоятельности. Здѣсь заслуживаетъ вниманіе то обстоятельство, что въ спп. Арх. IV (Аа=Эрмит.) за 1568 г. сдѣланъ перерывъ и внесены выписки изъ другого лѣт-ца (7000—7026, всего 9 выписокъ, въ печат. изд. онѣ внесены въ соотвѣт. мѣста, см. стр. 318 прим. и стр. 302, таблица статей), а въ Строев. спискѣ, оканчивающемся на этомъ (1568 г.) мѣстѣ, на послѣднемъ бѣломъ листѣ, другимъ почеркомъ приписано, что въ 7060 (1552) были отлиты колокола для Печерскаго мон., съ показаніемъ ихъ мастеровъ и вѣса, изъ чего выводится заключеніе, что сп. Строев. II принадлежалъ нѣкогда тому же монастырю; а такъ какъ нѣк. спп. (см. выше, стр. 819—820) Псков. лѣт. идутъ только до 1547 г., то весьма возможно, что часть лѣт., обнимающая періодъ съ 1547—1568 г. составляла отдѣльный трудъ, внесенный потомъ въ сводъ [2]).

Настоящая часть лѣтописи весьма важна по отношенію лѣтописца къ цар. Ивана Грознаго. Въ то время, какъ въ заключительной части спп. Кар., Акад. (см. выше) замѣтно еще благосклонное отношеніе писателя къ царю, лѣт., начин. съ 1547 г. сообщаетъ другія черты о пребываніи Ивана IV во Псковѣ. Сказавъ объ отъѣздѣ его и брата его Юрія въ Москву, она прибавляетъ: „а не управивъ своей отчины ничего, а князь вел. все гонялъ на мскахъ, а христіанамъ много проторъ и волокиды учинили“. Упомянувъ же далѣе о бракѣ царя съ Анастасіей и вѣнчаніи ихъ на царство, лѣт-цъ приводитъ извѣстное мѣсто изъ Апокалип., помѣщенное подъ 1510 г., примѣняя его къ современнымъ событіямъ: „и быша вѣнчаны царскими утварми, и восхотѣ царство устроити на Москвѣ; и якоже написано во Апокалип-сѣ гл. 54: пять бо царевъ минуло, а шестой

[1]) Москвитян. 1843, № 9, с. 139; Филаретъ, Обз., 157; Пов. о Псково-Печер. мон. помѣщена въ рукоп. Минеѣ св. Іоанна Милютина; напеч., Дерптъ 1821, М. 1831; ср. Опис. Псков. печер. мон., Дерптъ 1832; Пов. о нач. и осн. Пск. Печер. мон., взятая отъ древ. лѣтописцевъ, Пск. 1849; Псково-Печер. мон., Спб. 1860. О Корнилiѣ (Филаретъ, Жж., 20-е февр.).

[2]) П. Филаретъ лѣт. съ 1548 г.—1650 предлагаетъ называть 3-й Псков. лѣт. (Обзоръ, 233). Кн. Голицынъ дѣлитъ лѣт-сь на 3 ред.—до 1447, до 1547 и до 1650.

есть, но не убо пришло, но се абіе уже *настало и приде*; а вѣнчалися генв. 16 день, а бракомъ сочталися мѣс. февр. 2". И затѣмъ, какъ послѣдствіе того, помѣщено описаніе большаго пожара, истребившаго почти всю Москву. Далѣе находимъ запись (1547) объ отправкѣ въ Москву 70 псковичей съ жалобой на намѣстника Турунтая: „и князь вел. государь опалился (онъ былъ въ сельцѣ Островкѣ) на Псковичь, сихъ безчествовалъ, обливаючи виномъ горячимъ, палилъ бороды и волосы, да свѣчею зажигалъ, и повелѣлъ ихъ покласти нагихъ по землѣ; и въ ту пору колоколъ благовѣстникъ напрасно отпаде, и государь поѣде къ Москвѣ, а жалобщиковъ не истеря"—запись, характерная по внезапности дѣйствія Ивана IV и прекращенія издѣвательства вслѣдствіе суевѣрнаго страха отъ паденія колокола. И лѣт-цъ прибавляетъ, что явилось знаменіе: „на небеси кругъ надо всѣмъ Псковомъ бѣлъ, а отъ Москвы на той кругъ бѣлой иныя круги яко дуги видно на край наступили, страшни велми и на болшомъ круги перепояски а къ Опочки столпъ дуговиденъ". Опочкѣ угрожала опасность отъ нападенія пошлинника Салтана; но опасность для Пскова направлялась отъ Москвы.

Говоря о большомъ пожарѣ (1550) лѣт-цъ замѣчаетъ: *„а менщія люди начаша грабити богатыхъ людей животы*, а гасить не учали, а все то за наше согрѣшеніе рагоза и нелюбовь". Онъ отмѣчаетъ (1551) назначеніе архіеп. Сераніона въ Новгородъ и (1552; ср. Новгор. 2-ю л.) распоряженіе духовныхъ властей относительно вдовыхъ священниковъ (ср. Стоглавъ); подробно описываетъ большой моръ во Псковѣ (1553), когда въ теченіе года положили въ скудельницахъ 25000 чел., „а по буямъ (погосты) не вѣмъ колко числомъ". Онъ слѣдитъ за общерусскими событіями (взятіе Казани, Астрахани, битва съ Девлеть-Гиреемъ; чудеса отъ образа Николы, принес. съ Вятки; о военныхъ дѣйствіяхъ съ шведами подъ Выборгомъ [1]). Подъ 1556 г.—помѣщена запись объ описаніи Пскова и его пригородовъ писцами, объ измѣреніи земли и наложеніи тяжелыхъ оброковъ. Подъ 1558—1562 подробно описанъ походъ на Ливонію, занятіе нѣмецкихъ городковъ и взятіе Юрьева съ сохраненіемъ за нимъ правъ по старинѣ, на чемъ дали имъ свое слово воеводы и т. п. Что записи эти велись во Псковѣ, видно изъ сопоставленія съ ними рядомъ дру-

---

[1]) Источникъ этихъ записей см. въ Никон. лѣт., т. VII, и „Лѣт. рускій", по изд. А. Н. Лебедева (Чт. въ Общ. ист. 1895, кн. III). Св. Никола Великорѣцкій чтился во Псковскомъ краѣ (опись Пск. Печ. мон., 257).

гихъ мелкихъ извѣстій, касавшихся Пскова: о сожженіи нѣмцами мон. св Николы, объ успѣхѣ противъ нѣмцевъ, благодаря покровительству послѣдняго, о бѣдствіяхъ похода для псковитянъ („и Пскову, и пригородомъ, и селскимъ людемъ всей земли Псковской проторы стало въ посохи много“), о записяхъ на основаніи слуховъ („ловцы на озерѣ сказывали“). Подъ 1563 г. помѣщено подр. извѣстіе о походѣ на Полоцкъ Ивана IV, съ указаніемъ числа войска и количества падавшихъ на Псковъ повинностей, а также о потопленіи „жидовъ“ по взятіи города. Подъ 1564—1568 гг.—о военныхъ дѣйствіяхъ съ нѣмцами и литовцами, причемъ лѣтописецъ выражаетъ неудовольствіе, что нарушено было слово, данное юрьевцамъ, а ихъ вывели съ женами и дѣтьми въ московскіе города (316). Въ этихъ записяхъ отводится лѣт-цемъ извѣстное вниманіе псковитянамъ; видѣнія, тѣсно связанныя съ военными опасностями, также относятся къ Пскову (1565, 1568); дѣлаются частыя указанія на дѣйствія кн. Курбскаго въ ливонскую войну (310, 311, 312, 314, 315, до его бѣгства въ Литву), который хорошо былъ извѣстенъ въ Печерскомъ м. (онъ здѣсь жилъ, см. ниже), на участіе игум. Корнилія (310, 312) въ религіозныхъ торжествахъ по случаю военныхъ успѣховъ, на чудеса, сопровождавшія борьбу съ нѣмцами и отчасти вызванныя ею (309, 310, 311, 312, 313, 317) и имѣвшія особенное значеніе въ глазахъ монастырскаго лѣт-ца, наконецъ, на особенное участіе въ этихъ событіяхъ Печерскаго м-ря: дворъ его во Псковѣ уцѣлѣлъ во время пожара, строилась въ мон. ц. въ честь св. Николая, по случаю бывшихъ событій, вотчины его подверглись нападенію литовцевъ (313, 315, 316). Все это, конечно, опять подтверждаетъ, что лѣтопись означенныхъ событій могла вестись именно въ Печерскомъ монастырѣ.

Въ это время жилъ здѣсь ученикъ Корнилія—Вассіанъ Муромцевъ, другъ Курбскаго. Во время пребыванія своего во Псковѣ, Курбскій сблизился съ нимъ, велъ съ нимъ задушевныя бесѣды и имѣлъ денежныя дѣла съ монастыремъ. Курбскій выражается о немъ: „мужъ былъ ученый и искусный и во священныхъ писаніяхъ послѣдователь“ (Ист.). Припомнимъ, что Курбскій, побывавъ въ Печерскомъ м., во время похода на Ливонію (1558) и стоянки въ Вел. Лукахъ (1562—до марта 1563 [1]),

---

[1]) Посл. къ Вассіану (Сочин. Курб., 291); Курбскій писалъ ему неоднократно (293); ср. А. Н. Ясинскій, Сочин. кн. Курбскаго, 63, 65. Въ монаст. библіотекѣ были: Хронографъ, „Лѣтописецъ ветчанъ русской“, *грамоты римскаго языка*, Соборникъ Вассіана, соч. Максима Грека и др. (Стар. и Новизна, кн. VII, 265).

изложилъ на бумагѣ свое недовольство царемъ [1]); а обращеніе его по этому дѣлу въ тотъ же Псково-Печер. м., и вѣроятно къ тому же Вассіану Муромцеву, вполнѣ подтверждаетъ ихъ единомысліе. Впослѣдствіи, находясь въ изгнаніи, Курбскій обращался къ своимъ друзьямъ въ Печерскій мон. и за матеріальной помощью, и за покровительствомъ, но не получилъ ихъ, конечно, по причинѣ той опасности, которая грозила бы лицамъ, ихъ оказавшимъ. Между тѣмъ, вслѣдствіе такого отказа, а отчасти и какъ ученикъ Максима Грека, онъ съ упрекомъ относится къ полученію монастыремъ отъ царя щедрыхъ угодій [2]) и даже прекращеніе „чудесъ" въ монастырѣ приписываетъ тому, что монахи начали любить стяжанія, и еще болѣе недвижимыя вещи, т. е. села и веси: „тогда угасоша божественныя чудеса" [3]). Тѣмъ не менѣе Курбскій почтилъ память своихъ друзей, павшихъ жертвою тиранніи І. Грознаго. „Тогда жъ (1570) убіенъ былъ отъ него, читаемъ въ его „Исторіи", Корнилій, игуменъ, Печер. м. начальникъ, мужъ святый и въ преподобіи многъ и славенъ... И тогда вкупѣ убіенъ съ нимъ другій мнихъ, ученикъ Корнилія, Вассіанъ Муромцовъ, мужъ ученый и искусный..." [4]). Нѣкоторые по-

---

[1]) „Вымите Бога ради, писалъ онъ неизв. лицу изъ Дерпта, положено писаніе подъ печью, *страха ради смертнаго, а писано въ Печеры*, одно въ столбцѣхъ, а другое въ тетратях; а положено под печью в избушке в моей в *малой. Писано дѣло государьское*, и вы то отошлите любо къ гос-рю, *а любо ко Пречистой в Печеры*. Да осталися тетратки переплетены, а кожа на нихъ не положена, и вы и тѣхъ, Бога ради не затеряйте" (Бычковъ, Опис. слав. и рус. рукоп. Сборн. Имп. Пуб. библ., I. 142; ср. Москвит. 1843, № 9). По одному предположенію это могъ быть или какой нибудь протестъ (обличеніе) противъ дѣятельности Ивана IV, или эпизодъ изъ его царствованія (М. Петровскій, Кн. Курбскій, Библ. зам. по пов. послѣд. изданія его сказаній, Каз. 1873, с. 14—15), описанный раньше. По другому мнѣнію, это было правдивое изложеніе дѣла, послужившаго обвиненіемъ Курбскаго въ измѣнѣ (А. Н. Ясинскій, Сочин. кн. Курбскаго, 72). Намъ кажется, что опасенія „страха смертнаго" и пересылка въ Печерскій мон. едва ли подтверждаютъ послѣднее.

[2]) Посл. къ Вассіану, 291. Другія посл. (Прав. Соб. 1863, № 8); ср. Оп. рук. Цар., 577.

[3]) Исторія кн. вел. московскаго, 124.

[4]) „И глаголютъ, прибавляетъ Курбскій, ихъ вкупѣ во единъ день орудіемъ мучительскимъ нѣкакимъ раздавленныхъ: вкупѣ и тѣлеса ихъ преподобно-мученическія погребены" (124). Въ одной краткой лѣтописи сказано: „Скончался Корнилій лѣта 7078 (1570) земнымъ царемъ посланъ къ Небесному царю февр. въ 20 день" (Карамз., IX, пр. 485; ср. Святцы и Корм. книгу Печер. мон., Филаретъ, Житія, февр., 134). Въ Синодикѣ Ивана IV читаемъ: „Игумена Корнилія изъ Пскова Печерскаго монастыря. Инока Вассіана—*Муромцевъ*" (368, 422). Вопреки умолчанію лѣтописей (стр. 769, пр. 1), въ Синодикѣ (Кирилловскомъ) записано: „Сто девяно-

лагали, что царю указали на твердыя стѣны монастырскія, какъ на подтвержденіе желанія отдѣлиться отъ Москвы [1]); но, если подобное подозрѣніе могло имѣть мѣсто относительно Новгорода и Пскова, то дѣйствія Ивана IV противъ печерскихъ монаховъ (въ Синод. обозначены и др.), вѣроятно, вызваны были отношеніями монастыря къ Курбскому, которыя стали извѣстны царю. И та часть лѣтописи, которой мы касались выше, по своему отношенію къ дѣйствіямъ Ивана IV, къ интересамъ Пскова и положенію Печерскаго мон. въ краѣ, скорѣе всего могла быть произведеніемъ лицъ, жившихъ въ этомъ монастырѣ и близкихъ, по своимъ мнѣніямъ, Курбскому и прежде всего Вассіана Муромцева [2]).

Подъ 7078 г. (1570) находится запись, раздѣляющая рядъ мелкихъ извѣстій (7077—о взятіи Литвою Изборска; 7080—о поставл. архіеп. Леонида; 7081—о взятіи г. Пайды—Вейсенштейна, „и многихъ нѣмецъ погуби лютою смертію“; 7083—объ опалѣ на архіеп. Леонида „и взя къ Москвѣ, и санъ на немъ оборвалъ и въ медвѣдно ошивъ, собаками затравилъ“; 7085—о поставл. въ Новгородъ и Псковъ архіеп. Александра; 7086—89—о военныхъ дѣйствіяхъ противъ Литвы и Нѣмцевъ, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на отношенія Пскова и съ указаніемъ количества войска) и внесенная позже, такъ какъ въ ней говорится о походѣ на Новгородъ (1570),

сто человѣкъ на Мѣдне, Псковичь съ женами и съ дѣтьми“ (изъ которыхъ 30 сожжено, по Спасо-прилуц. синод., Чт. въ Общ. ист. 1859, III, 95) и др. упоминанія (стр. 422, 424; а противъ „псковичъ“ проставленъ итогъ—700). Устряловъ полагаетъ, что дѣло не касается самаго Пскова (368, прим. 197). Однако, Курбскій прямо говоритъ: „Тако жъ и во Псковѣ великомъ и во иныхъ многихъ градѣхъ многія безчисленныя бѣды, и тщеты, и кровопролитія тогда быша, ихъ же по ряду исписати невозможно“ (124). И въ нѣк. спи. (Арх. *а*) Псков. лѣт. отмѣчено: „Въ лѣто 7078 пріиде царь и в. кн. Иванъ. Вас. съ опалою, опричиною, въ вел. Новгородъ, и многіе люди погубилъ различными смертьми и муками, во Твери и въ Торжку *и во Псковѣ* и по селамъ грабленіемъ имѣнія и пожженіемъ животовъ христіанскихъ“ (П. С. Р. лѣт., IV, 318, прим. *б*.). Объ укрѣпленіяхъ—Писц. кн. 1586 г.

[1]) Филаретъ, 133.—Въ лѣт. Іоаннъ шведскій назв. „Ганусъ Рюриковичъ“ (309).

[2]) Въ томъ же „краткомъ лѣт-цѣ“, по случаю смерти Корнилія замѣчено, что „въ его описаніи обрѣтеся, яко въ то время бысть мятежъ и нестроеніе въ Рос. земли и раздѣленіе Царству, и крамола, и смерть, и людямъ переселеніе, и имѣнію отъятіе, и пожары великіе по градомъ, и моръ и гладъ, и нашествіе на иноплеменныхъ“ (Карамзинъ, IX, пр. 485). Въ Печер. мон. можно было найти книги, какихъ не оказывалось въ Зап. Руси (ж. Августина и чудеса, переводъ съ лат.), за которыми слѣдовало обратиться къ тому же Вассіану (Москвит. 1843, № 9, с. 143).

о войнѣ съ Ливоніей, отъ которой (военная повинность и налоги) Новгородъ и Псковъ въ конецъ „обнищали“ и хотя сначала война была удачна „и наполни (царь) чюжіи грады рускими людми, а свои пусты сотвори“; но потомъ Литва и Нѣмцы собрались и все отняли, „а къ нему прислаша Нѣмчина лютого волхва нарицаемаго Елисѣя, и бысть ему любимъ, въ приближеніи“. Всѣ враждебныя дѣйствія къ русскимъ Ивана IV, его казни, любовь къ иноземцамъ, намѣреніе вступить въ бракъ съ Елисаветой англійской и бѣжать въ Англію, а своихъ остальныхъ бояръ побить, были слѣдствіемъ внушеній этого злого еретика и его гаданій („понеже рускіе люди прелестни и падки на волхвованіе“); но его не допустили до конца разорить русское царство и самого смерти предали (1579—указаніе на время записи). „Сицева бысть держава грозного царя Ивана Васильевича“, прибавляетъ авторъ записи (IV, 318). Что же касается Бомеля, то этотъ врачъ, слывшій въ Англіи за опытнаго астролога и колдуна, за что и угодилъ въ тюрьму, былъ освобожденъ изъ послѣдней только подъ условіемъ убраться изъ Англіи, послѣ чего прямо попалъ въ руки посланника Савина, съ которымъ уѣхалъ въ Россію (1570), гдѣ и умеръ (также въ тюрьмѣ, послѣ жестокихъ истязаній), обвиненный въ измѣнѣ въ пользу Швеціи и Польши [1]).

Не смотря на краткость приведенныхъ выше записей, эта часть лѣтописи проникнута крайне враждебнымъ отношеніемъ къ предпріятіямъ Ивана IV и главнымъ образомъ изъ-за Пскова. Въ нихъ не разъ повторяется, что „царь Иванъ не на велико время чюжую землю веземъ, а помалѣ и своей не удержа, а людей вдвое погуби“, съ поученіемъ, что по Св. писанію „кто чюжого похочетъ, помалѣ и своего останетъ“. Послѣ долгаго умолчанія о покровителяхъ Пскова, здѣсь впервые замѣчается, что Псковъ устоялъ передъ Баторіемъ (Обатуръ) „милостію Божіею, св. Живонач. Троица и преч. Богородица и молитвами благов. князей Гавріила и Тимоѳея“. Далѣе лѣт-цъ говоритъ, что хотя у ц. Ивана было собрано 300000 войска, „а на выручку бояръ своихъ не посылалъ подъ Псковъ, ни самъ не пошелъ, но страхомъ одержимъ бѣ; глаголютъ же нѣціи, яко сына своего ц-ча Ивана того ради остнемъ покололъ, что ему учалъ говорить о выручении града Пскова“. Лѣт-цъ утверждаетъ, что Иванъ Грозный былъ

[1]) Гамель, Англичане въ Россіи, 97—99; Карамзинъ, IX, 80, 111, 187, пр. 268, 366, 555, 603, 748; X, пр. 47. О волшебствѣ ср. Курбскій, 27, 29; Гейденштейнъ, 61.

обманутъ Антоніемъ Римскимъ (Поссевиномъ) и поспѣшилъ заключить миръ съ Баторіемъ. Подъ 7090 л. читаемъ: „Того же лѣта изыдоша крокодилы лютіи звѣріи изъ рѣки и путь затвориша, людей много поядоша и ужасошася людіе и молиша Бога по всей земли; и паки спряташася, а иныхъ избиша"—вѣроятно выписка изъ какого нибудь вычитаннаго сказанія или сборника. Подъ 6790 и 92 гг. стоятъ записи о конч. ц-ча Ивана Ив. и ц. Ивана Грознаго.

Въ томъ же, краткомъ видѣ, идутъ записи за время Θедора Ивановича и Бориса Годунова. Видно нерасположеніе лѣт-ца къ послѣднему въ указаніи на его „властолюбіе" и истребленіе имъ „боярскихъ великихъ родовъ"; много извѣстій собственно московскихъ: о проявленіи блаж. Василія Нагаго; о приходѣ татаръ; о походѣ на ливонскіе города; о приходѣ п. Іереміи; о поставленіи на патр-во Іова; о голодѣ и дороговизнѣ въ Новгородѣ; о закланіи ц-ча Димитрія, Борисовымъ повелѣніемъ, „за его же кровь обліяся Руская земля"; о кончинѣ Θедора Ив., присягѣ Иринѣ, а потомъ Борису. За все это время о Псковѣ лишь двѣ записи—о пожарѣ торговъ во Псковѣ и о морѣ, во время котораго ум. первый архіеп.—Мисаилъ. Здѣсь же (7100) читаемъ: „при ц. Θ. И. взыде въ морѣ китъ рыба и хотѣ потопити Соловецкій мон. и островъ и молитвами преподобныхъ опять въ море пошолъ". Записи, касающіяся москов. дѣлъ, повидимому имѣли источникъ, соотвѣтственный Новому лѣт-цу (сс. 11, 12, 24, 53). Подъ 7109 г. (1601) сообщается о большомъ морозѣ, истребившемъ хлѣбъ, о голодѣ, о страшной смертности, послѣ которой наступило пониженіе хлѣбной цѣны. По случаю кончины Ирины ц. Борисъ роздалъ множество казны, а по случаю голода—по всѣмъ городамъ. Подъ 7113 г. (1605) вкратцѣ[1]) сообщается о воцареніи „Гришки розстриги", „Божіимъ попущеніемъ и на отмщеніе неповинной крови". Успѣхъ Д. объясняется вѣрой народа въ то, что онъ дѣйствительно „спасся отъ убійства Борисова" и отсутствіемъ у послѣдняго людей, ему преданныхъ: „и отъ печали великія Борисъ опився умеръ" (т. е. отравился). Сѣвъ па царство, Д-й „всѣмъ землямъ страшенъ былъ татарскимъ и нѣмецкимъ". Недовольство противъ ц. Василія Шуйскаго объясняется тѣмъ, что онъ сѣлъ безъ „избранія земскаго" и жестоко расправился съ плѣнными, приведенными отъ самозванца (2-го). Сказавъ, что Московское

---

[1]) Записи съ 1605—1606 и д. взяты, вѣроятно, изъ другаго источника, такъ какъ онѣ обозначаются не по прежнему: 7109, 7112; а 113, 116 и т. д.

госуд-во было въ разореніи 9 лѣтъ, лѣт-цъ прибавляетъ. „а хлѣбъ былъ вшолъ цѣною въ 9 рублевъ четверть“ (322)—обычное мѣрило оцѣнки явленій въ Новгор. и Псков. лѣтописяхъ [1]). Замѣтивъ же вкратцѣ о событіяхъ до завладѣнія Москвою поляками, лѣт-цъ прибавляетъ здѣсь „грѣхъ ради нашихъ“. Записи 7113 и 7114 г.г. (1605—606) касаются Пскова, но въ нихъ сообщаются только извѣстія о необычайныхъ знаменіяхъ передъ разореніемъ Московскаго госуд.,—небесныхъ и земныхъ: напр. корова теля родила о *двухъ* головахъ, *двухъ* туловищахъ и *двухъ* ногахъ, жена родила отроча—тѣло едино, глава едина, хребты вмѣстѣ, руки *двои* и ноги *двои*, появилось *два* волка во Псковѣ, причемъ двойственность эта примѣняется къ раздѣленію царства надвое, со ссылкой на прор. Даніила и Іоанна Богослова. Знаменія въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ поддерживали подобный страхъ передъ событіями: „и начаша злая быти на всей Руской земли“.

Заслуживаетъ вниманія, что Снег. списокъ Псковской лѣт. имѣетъ другое окончаніе, чѣмъ прочіе, сходные съ нимъ списки (342—345)—обстоятельство, указывающее на иную редакцію перваго изъ нихъ. Подъ 7055 (1547) Снег. сп. дополняетъ данныя о пребываніи Ивана Грознаго въ Новгородѣ и Псковѣ. Онъ сообщаетъ о томъ, что послѣдній узналъ неизвѣстно отъ кого о богатствѣ древней софійской казны (см. выше, с. 639 и прим.), призвалъ ночью ключаря и пономаря собора и велѣлъ пытать, но ничего не добившись отъ нихъ, самъ отправился на церковныя полати и велѣлъ (на самомъ всходѣ, на правой сторонѣ) разломать стѣну, „и просыпася веліе сокровище, древнія слитки въ гривну и въ полтину и въ рубль, и, насыпавъ возы, послалъ къ Москвѣ“ (ср. с. 729, пр.); а сказавъ о посѣщеніи Вороннача (Преч. Богор. на Синичьей горѣ), Печерскаго мон., Пскова, гдѣ онъ пробылъ день, и объ отъѣздѣ въ Москву, лѣт. прибавляетъ: „Сій царь и вел. кн. Іоаннъ, по Бож. мил. и преч. Богор. и вел. чуд-цевъ, взятъ Казанское ц-во и Астраханское, и вознесеся гордостію, и начатъ братитися и дружбу имѣти съ далними цари и короли, съ Цысаремъ и съ Турскимъ, и съ ближними землями заратися и начатъ воеватися; и въ тѣхъ ратехъ и войнахъ ходя свою землю запустошилъ, а послѣди

[1]) Курбскій такъ объясняетъ значеніе Новгорода: „И слышахомъ, иже великія, проклятыя, кровавыя богатства тогда пріобрѣлъ (1570): бо въ томъ великомъ старожительномъ мѣстѣ, въ Новѣградѣ, родъ живетъ куплелюбенъ: бо маютъ отъ самаго мѣста портъ къ морю; сего ради и богати зѣло бываютъ; подобно, яко мню, великихъ ради богатствъ губилъ ихъ“, т. е. Иванъ IV (Сказ., 123).

отъ иновѣрца (Бомель) ума изступи и землю хотѣ погубити, аще не бы Господь животъ его прекратилъ (=выше, стр. 834). Напослѣди живота его и многомятежнаго житія умилосердися Господь Богъ, остави сына ему прекроткаго и незлобиваго ц-ча Өеодора на утишіе христіанамъ; и обрадовашася вси при немъ и Руская земля въ тишинѣ бысть молитвою его, и многихъ помилова, грады и села и монастыри и церкви одари, ихже отецъ его плѣни. Но божіими судбами и о семъ бысть: и на сего діаволъ завистника возстави, шурина своея ему царицы супруги, и смерть отъ него пріятъ, *яже напреди о всемъ узриши писана вкратцѣ*". Замѣтка эта относится къ выпискамъ изъ Новаго лѣт-ца (ср. выше, стр. 835) и продолж. Степен. книги, оканч. 167 г. (см. предисл. къ 1-й Псков. лѣт., сс. 171 и 343), помѣщеннымъ на послѣдующихъ листахъ сборника, а это отчасти показываетъ и способъ составленія лѣтописныхъ сводовъ позднѣйшаго времени.

Дальнѣйшія записи не представляютъ сплошного лѣтописнаго изложенія, а идутъ съ значительными промежутками. Слѣдующая изъ нихъ (7070—1562) говоритъ о тишинѣ, великомъ благоденствіи и военныхъ успѣхахъ въ началѣ цар. Ивана Грознаго; о взятіи Полоцка (1563) и затѣмъ о „мятежѣ и ненависти во всѣхъ людехъ: о междоусобной брани и бѣдѣ великой, по грѣхомъ Рускія земли": „и государя на гнѣвъ подвигли и за великую измѣну государь царь учинилъ опричнину (1564); и бысть мятежъ по всей земли и раздѣленіе. И сбыстся Христово слово: возста сынъ на отца, и отецъ на сына, и дщи на матерь, и мать на дщерь, и врази чоловѣку домашніи его. И оттого бысть запустѣніе веліе Руской земли". Запись эта не болѣе, какъ передача впечатлѣнія современника: но она не соотвѣтствуетъ отзывамъ объ Иванѣ IV, внесеннымъ въ Псков. лѣт. Подъ 7073 находимъ запись о пожарѣ во Псковѣ, отсутствующую въ другихъ спп. Подъ 7077 (1569) сообщается о клеветѣ злыхъ людей на Вел. Новгородъ и Псковъ, замысливщихъ будто бы отложиться отъ Моск. госуд. и подчиниться Литвѣ; объ опалѣ архіеп. Пимена; объ ограбленіи м-рей и церквей; о замученіи и потопленіи множества истребленныхъ людей въ Новгородѣ (60000); о бѣгствѣ многихъ оттуда [1];

[1]) Въ поздн. лѣтоп. отрывкѣ сообщается о доносѣ „нѣкоего Петра Волынца" и о поддѣлкѣ имъ грамоты (челобитной) къ польскому королю, положенной за образъ Софіи и т. п. подробности, не находящіяся въ др. новгор. лѣтописяхъ (см. Новг. лѣт., по изд. 1879 г., стр. 468—69). Объ источникѣ этого разсказа см. Карамз. IX, пр. 288.—О дѣйствіяхъ Карла Смѣлаго и Людовика XI, иллюстрирующихъ поступки Ивана IV (Michelet, H. de Fr., VIII, 148, 322).

о приходѣ ц. во Псковъ; о спасеніи его отъ участи Н-да заступленіемъ Б-цы, кн. Всеволода-Гавріила и находчивостію юродиваго Никола Саллоса съ легендарными сказаніями о немъ[1]), и о встрѣчѣ царя игум. Корниліемъ на площади у преп. Варлаама и у Спаса, а, при посѣщеніи своемъ Троицкаго собора, Иванъ IV распорядился снять колоколъ и, хотя самъ бѣжалъ отъ угрозъ юродиваго, но велѣлъ грабить гражданъ, взять церковную и монастырскую казну, книги, колокола и пр. Подъ 9089 (7581)—краткая запись объ осадѣ Литвою Пскова; подъ 7090 (1582)—отрывочныя извѣстія о дѣйствіяхъ литовцевъ подъ Псковомъ: подъ 7092 (1582)—о кончинѣ ц. Ивана Грознаго „чудомъ божіимъ", о благополучномъ цар. Θедора Ив. и мирѣ съ иноземными державами, причемъ замѣчено, что „правленіе земское и всякое строеніе и ратныхъ людей урядъ вѣдалъ и строилъ его государевъ шуринъ Борисъ Θедоровичь". Самый же успѣхъ въ дѣлахъ приписывается опять божьей милости, покровительству Б-цы, прошенію и счастью государя и промыслу правителя, боярина и конюшаго Бориса Θ-ча. Тутъ же сообщается о поставленіи патр. Іова, учрежденіи новыхъ епископскихъ столовъ и поставленіи перваго еп. во Псковъ—Мисаила; о приходѣ крымскихъ царевичей на службу въ Москву. Подъ 7100 г. (1594) говорится о морѣ во Псковѣ и конч. еп. Мисаила; подъ 7102 (1594) о поставленіи во Псковъ еп. Геннадія (игум. Снѣтогор. м.); подъ 7106 (1599)—о покрытіи главы ц. св. Троицы золотомъ при участіи Б. Годунова (см. стр. 775, пр.); подъ 7017 (1609)—о большомъ пожарѣ во Псковѣ, отъ котораго сгорѣлъ весь „городъ", ц. Троицы „съ образами, кузнію, *книгами*, ризами и со всею лѣпотою церковною, государева казна, зелье и нарядъ", разрушившіе стѣну; о приходѣ новг-цевъ на Псковъ.

Судя по отзывамъ лѣт-ца, не соотвѣтствующимъ въ другихъ спп. Псков. лѣт., можно признать, что эта часть Снег. сп. представляетъ отдѣльныя записи отъ упомянутыхъ выше и подтверждаетъ веденіе ихъ во Псковѣ въ разныхъ мѣстахъ, независимо другъ отъ друга. Для общихъ же событій составитель свода могъ пользоваться и Московскою лѣтописью (ср. Нов. лѣт.), хотя и давалъ извѣстіямъ послѣдней свою окраску[2]).

[1]) Въ древнемъ кондакѣ читается такъ: „чуд-цъ явися, Николае, царску державу и *смысла свирѣпство* на милость обративъ" (Филаретъ, февр., 141). Ср. выше, стр. 769, пр. 1. Любопытно отношеніе цензуры въ к. 40-хъ годовъ къ подобнымъ выраженіямъ. (Р. Стар. 1904, № 4. с. 53).

[2]) Послѣ присоединенія Пскова, на его территоріи являются защитные города: Себежъ или Иваньгородъ на Себежѣ (1545) и Заволочье, близъ Опочки, куда

X.

Возвращаясь къ изложенію лѣтописи по спп. Арх.а и Эрм., слѣдуетъ отмѣтить, что часть ея съ 114 (1606)—126 (1618) носитъ признаки отдѣльности, какъ по подробному описанію главнымъ образомъ псковскихъ событій, которое потомъ переходитъ въ краткія записи иного характера, такъ и по своему началу. По общему чувству, одушевляющему лѣтописца, по характеристикамъ дѣйствующихъ лицъ и по подробностямъ, сообщаемымъ имъ о западной окраинѣ въ смутное время (Новгородъ и Псковъ), отсутствующимъ въ другихъ лѣтописяхъ, можно сказать, что эта часть Псков. лѣт. принадлежитъ къ лучшимъ лѣтописнымъ эпизодамъ и напоминаетъ черты лѣтописанія послѣдняго времени свободы Пскова. Запись 114 г. (1606) повторяетъ вначалѣ объ убіеніи Димитрія Сам., о плѣнѣ ц. Василія и избіеніи литовцевъ въ Москвѣ; упоминаетъ о пожарѣ во Псковѣ и переходитъ къ „развращенію“, наступившему въ этомъ послѣднемъ, когда, по требованію ц. Василія дать „съ гостей денегъ“,—„славныхъ мужей и великихъ мнящихся предъ Богомъ и человѣки, богатьствомъ кипящихъ, кто сколько порадѣетъ“, а они собрали 900 руб. со всего Пскова, съ большихъ и меньшихъ людей и съ вдовицъ, по раскладкѣ, и послали съ ними не по выбору—лицъ, которыя противъ нихъ говорили „о градскомъ житіи и строеніи и за бѣдныхъ сиротъ“, да отписали со своими посланцами въ Новгородъ и Москву, что они „гости царю радѣютъ, а тѣ пять человѣкъ добра не хотятъ и мелкіе люди казны тебѣ не дали“. Съ этого момента, по всему изложенію означенныхъ событій, красною нитью проходитъ описаніе борьбы *большихъ* людей, ищущихъ себѣ выгодъ и вступающихъ въ связь съ врагами, и *меньшихъ* людей, желающихъ стоять за правду и интересы Пскова,—борьбы, доходившей до кро-

---

были переведены жители стараго Ржева (1536); кромѣ прежнихъ воротъ (Лужскія, Кумины, Бурковы, Великія, Малыя, Плоскія, Сысоевы, Смерды, Запсковскія), упоминаются новыя (Варлаамскія, 1521, 1614, 1615; Михайловскія, 1533, Трупеховскія или Полевыя, 1534, 1535, 1550; Княжьи, 1535; Свиныя, 1539; Петровскія, 1561; Покровскія, 1581; Егорьевскія, 1609; Рыбницкія, 1610; ср. Рыбники, 1563; Взвозскія, 1610, 1612; Власьевскія, 1610, 1634; кромѣ того: мотыльная гридница (1522); свѣчной рядъ (1543); мыльники (1547); коневая площадь (1550). Въ 1543 г., во время мора, въ скудельницы было положено 25000 чел., а по буямъ неизвѣстно сколько. Въ 1633 г. 8-й снопъ съ Псковской обл. давалъ 11011 четвертей безъ четверика дохода казнѣ. Въ трудѣ инжен. Годовикова (см. ниже) показанъ разсчетъ, сколько понадобилось на возведеніе стѣнъ и 37 башенъ укрѣпленій Пскова—рабочихъ рукъ и матеріала, и сдѣлано заключеніе „о колоссальности предпринятыхъ псковичами работъ“ (см. вып. II, 28—31). О поздн. сост. города (Прозоровскій, 544—556).

вавой расправы, насилія и преслѣдованій другъ друга, смотря по тому, чья партія возьметъ верхъ. Лѣтописецъ открыто заявляетъ себя сторонникомъ меньшихъ и черныхъ людей. Онъ обличаетъ „большихъ“ и „гостей“, которые являются въ его глазахъ измѣнниками, вмѣстѣ съ новгородцами, желающими предать Псковъ нѣмцамъ (шведамъ). Меньшіе люди противятся этому, казнятъ бояръ, а тѣ, въ свою очередь, получивъ перевѣсъ, мстятъ чернымъ людямъ. Правители города (Петръ Никитичъ Шереметевъ и дьякъ Ив. Тарас. Грамотинъ) поддерживали большихъ людей, чтó еще больше увеличивало смуту, о которой скорбитъ лѣт-цъ. Онъ негодуетъ на жестокую расправу ц. Василія съ врагами, на намѣстниковъ, потворствующихъ большимъ людямъ и боярамъ, которые мирволили сношеніямъ съ нѣмцами и новгородцами и склонили къ тому изборянъ и нѣкоторыхъ пригородныхъ людей, вслѣдствіе чего произошелъ открытый бой между псковитянами и изборянами (на Ригиной горѣ). Шереметевъ и Грамотинъ угнетали крестьянъ, захватили дворцовыя села, подвергали крестьянъ пыткамъ, сажали въ тюрьмы и грозили имъ и посадскимъ людямъ смертію. Шереметевъ во всемъ полагался на большихъ людей, а эти послѣдніе въ совѣтъ (и „всегородную“—вѣче, слово это уже не упоминается) не ходили и давали волю во всемъ малымъ людямъ, стрѣльцамъ и казакамъ. Бояре стакнулись со стрѣльцами и распустили ихъ по пригородамъ, а непріязненныхъ имъ засадили въ тюрьму. Въ жестокихъ выраженіяхъ жалуется лѣтописецъ на отсутствіе правды и неправые суды („міръ всколебаша всякими неправды и всякую правду выведоша (онъ изо Пскова и умножиша воровъ кормилцовъ своихъ, оманщиковъ, поклепщиковъ и подметчиковъ грабителей“) во Псковѣ, напоминающихъ отзывы лѣтописца не задолго до паденія послѣдняго („всколебашася яко пьяніи“). Онъ жалуется на „подымщину“, „поголовщину“ и др. сборы, которые пришлось выплачивать Пскову, благодаря этимъ несогласіямъ. Бояре, стрѣльцы, казаки и дѣти боярскія, сѣверныхъ городовъ, сидѣвшіе въ тюрьмахъ, даже большинство игуменовъ и духовенства склонялись, то къ „таборскому вору“, то къ нѣмцамъ (шведамъ) и новгородцамъ; только часть стрѣльцовъ, казаки, бывшіе во Псковѣ, мелкіе люди и поселяне, по крестномъ цѣлованіи, хотѣли крѣпко стоять за Псковъ. Нерасположеніе къ ц. Василію Шуйскому въ этой партіи[1]) основывалось на союзѣ, который онъ заключилъ съ

[1]) Лѣт. выражается весьма рѣзко и о бракѣ ц. Василія: „И видѣ діаволъ яко не преможе одолѣти христіанству, разже царя похотію на блудъ. Онъ же

шведами: такъ долго держалось во Псковѣ враждебное чувство къ иноземному вмѣшательству, которое позже снова проявилось въ псковскихъ бунтахъ [1]). Чтобы удержать бояръ отъ рѣшительнаго шага враги ихъ захватили было боярынь, засадили ихъ въ палаты и переписали ихъ имущество. Лѣт-цъ даетъ описаніе стычекъ, происходившихъ подъ Псковомъ, Ивангородомъ, Копорьемъ и Ямомъ, по челобитью тѣхъ городовъ, обращавшихся къ Пскову (1609). Но внутренняя смута не давала установиться порядку. Взаимныя жестокія преслѣдованія, пытки, убійства были обычными явленіями въ городѣ. Такъ, лѣт-цъ прибавляетъ: „И потомъ многи крови отъ нихъ (большихъ людей) быша мелкимъ людемъ, и стрѣльцомъ, и казакомъ, ищучи какъ бы имъ измѣнити мочно и ц. Василію приступити“ (327). Подъ 1610 г. лѣт-цъ помѣщаетъ рядъ извѣстій о знаменіяхъ, бывшихъ въ Москвѣ и Новгородѣ. Псковъ отказался отъ соединенія съ Новгородомъ; не цѣловалъ креста и королевичу: но рознь не прекращалась: бояре, гости, духовенство и ихъ люди съ одной стороны, готовые соединиться съ новгородцами и нѣмцами, и черные люди съ частью стрѣльцовъ съ другой образовали два враждебныхъ лагеря, не уступавшіе другъ другу ни въ противодѣйствіи, ни въ жестокости [2]). Теперь снова получаютъ значеніе звонъ колокола и собраніе на вѣче („дума“);

оставя все воинство свое, и иде во царство свое и поятъ жену, и начатъ оттолѣ ясти и пити и веселитися, а о брани небреже. Видѣ же себѣ воинство отъ царя оставлены и небрегомы, и воеводъ и начальниковъ не восхотѣ слушати, и разыдошась кождо во грады и въ домы своя, а иніи отыдоша къ ложному царю, желающе чести временныя“.

[1]) Вражда къ нѣмцамъ обнаруживается въ лѣтописи въ наиболѣе рѣзкихъ отзывахъ: такъ, говоря о грабежѣ псковскихъ волостей братьями вел. кн. Ивана III, лѣт-цъ замѣчаетъ: „учиниша Пскову горѣе и Нѣмецъ“ (V, 40); а, сообщая о злой участи, постигшей псковитянъ при Василіѣ (1510), авторъ „Повѣсти“ объ этихъ событіяхъ замѣчаетъ: „якоже *многажды* приходили Нѣмцы на нихъ, и таковы имъ скорби и печали *не бывало тогда*, якоже нынѣ“ (IV, 285). Бунты XVII вѣка снова напомнили объ этихъ бѣдствіяхъ: а указанныя сравненія подтверждаютъ всю тягость порабощенія псковитянъ. Видно это изъ того, что лѣт-цъ скептически относится къ завоеваніямъ Ивана Грознаго въ Ливоніи и указываетъ на опустошеніе собственной земли, забывая какъ бы о своемъ исконномъ врагѣ—Ливоніи (П. С. Р. лѣт., IV, 1570, 1581; стр. 318, 319). Ср. еще оцѣнку послѣдняго явленія (Никитскій, 310—311).

[2]) Въ „Пов. о смятеніи и междоусобіи и отступленіи Псковичь отъ Москов. государьства“, написанной въ интересахъ „большихъ“ людей, движеніе это называетъ „самовластіемъ смердовъ“: такъ живучи были во Псковѣ старыя чувства и отношенія партій (см. П. С. Р. лѣт., V, 69).

а успѣхъ меньшихъ людей (впрочемъ противники ихъ напуганы были близостью литовскихъ войскъ) лѣт-цъ по старому, почти забытому обычаю, приписываетъ милости св. Троицы и благов. князей Гавріила и Тимоѳея („далъ Богъ безъ крови разшедшеся, а чтобъ ихъ воля сотворилася, быти было крови много“). Наступили большія опасности для Пскова: нѣмцы (де-Лагарди), литовцы (Лисовскій), новгородцы и новый самозванецъ изъ Новгорода („послѣдній воръ“, назвавшійся ц-мъ Димитріемъ—діаконъ Исидоръ[1]) не давали покоя, а просьбы о помощи, обращенныя въ Москву, не имѣли успѣха. „Въ тѣ лѣта смутные воеводъ не было во Псковѣ, говоритъ лѣт-цъ, единъ былъ діакъ Иванъ Леонт. Луговской да посацкіе люди даны ему въ помочь, и съ тѣми людми всякіе дѣла и ратные и земскіе расправы чинилъ; и Бож. милостію иноземцы не совладѣли ни единымъ городомъ Псковскимъ, а совладѣли какъ воеводъ во Псковѣ умножило, и Псковщину пусту сотвориша и городы поимаша“. Далѣе слѣдуетъ перечень военныхъ дѣйствій подъ разными городами (1611, 1612) нѣмцевъ, литовцевъ, новгородцевъ и псковскихъ боярскихъ дѣтей; частыя смѣны воеводъ и т. п., причемъ нѣмцы взяли Яму, Копорье, а „тѣ городы оберегали Псковичи многіе лѣта“, и Ивангородъ, въ которомъ было много запасовъ, а помощи (о которой просили у кн. Д. Трубецкаго), изъ Москвы не дали, и городъ сдался отъ голода: „хлѣба не стало, ѣли кожи всякіе“. Лѣт-цъ прибавляетъ, какъ себежскіе и опочецкіе „всякіе люди“ взяли Заволочье у Лисовскаго и много суконъ, городъ сожгли, а дѣтей боярскихъ, которыя служили съ Лисовскимъ, прислали во Псковъ.

Подъ 1613 г., отмѣтивъ лишь о поставленіи на царство Михаила Ѳедоровича (на Вознесеньевъ день), лѣтописецъ продолжаетъ сообщать, что подъ Печорами шведы много зла сдѣлали, „побили стрѣльцовъ московскихъ и боярскихъ дѣтей“; потомъ взяли Гдовъ „городъ псковскій“, а воеводы во Псковѣ были кн. Ив. Хованскій да Мих. Мстиславскій; но на другой годъ (1614) „торговый человѣкъ“ Ѳед. Ѳедуловъ съ ратными людьми взялъ Гдовъ обратно „изгономъ“, и далѣе прибавляетъ о дѣйствіяхъ псковитянъ подъ Гдовомъ противъ швед. королевича и Еверта Горна и примиреніи съ Лисовскимъ, который ушелъ подъ Смоленскъ. Подъ 1615 и 1616 гг. сообщаются подр. извѣстія о дѣйствіяхъ подъ Псковомъ Густава Адольфа, о крѣпкой

[1]) Ср. о немъ Никон. лѣт. (Нов. лѣт.), VIII, 171—172.

защитѣ и стояніи псковитянъ, съ тѣмъ же враждебнымъ чувствомъ, что отъ воеводъ и изъ Москвы помощи имъ не было отъ бояръ, которые, когда казаки просили послать на защиту Пскова отъ шведскаго короля, зазвали („вманили") лучшихъ изъ нихъ въ Москву, а на остальныхъ сдѣлали вылазку и многихъ побили. Успѣхъ въ этой защитѣ лѣтоп-цъ приписываетъ исключительно покровительству Живонач. Троицы и преп. Варлаама. Въ концѣ записи находимъ упоминаніе о кончинѣ затворника Ивана, великаго молчальника, который 22 года въ стѣнѣ жилъ, „ядь же его рыба, а хлѣба не ѣлъ" [1]. Дальнѣйшія извѣстія совсѣмъ кратки (1616—о приходѣ швед. кор-ча Карла; 1617—о мирѣ съ шведами и поляками; о нападеніи на Литовскую землю турокъ и татаръ въ связи съ явленіемъ звѣзды, всходившей на востокѣ и заходившей на западѣ; 1618 — о поставл. на патр-во Филарета). Подъ 1618 г., упомянувъ о побитіи градомъ хлѣба на Покаменьи и о приходѣ во Псковъ кн. И. Ѳ. Троекурова, лѣт. замѣчаетъ: „и взялъ четвертой снопъ на государя съ монастырей и съ церквей изо всякаго хлѣба на ратные люди, а села государевы розданы боярамъ въ помѣстья, чѣмъ прежде кормили ратныхъ; *но той иже церкви оскорби и весь міръ погубилъ, вскорѣ злѣ живота исчезе, на Москвѣ испорченъ зеліемъ въ питіи отъ своихъ же, кровію изойде и умре, яко же и самъ о себѣ повѣда, каяся, иже толику бѣду сотворилъ всей Псковской земли*". Подъ 1622 (130) читаемъ: отдали нѣмцы (шведы) Гдовъ государю; объ исцѣленіи отъ образа Николы; подъ 1623 (131)—о голодѣ „въ западной странѣ" и о дороговизнѣ въ Гданскѣ, Ригѣ и др., о землетрясеніяхъ, наводненіи и пр. Подъ 1624 (132) лѣт-цъ отмѣчаетъ, что въ соборный храмъ св. Троицы на вечерни въ запад. двери вошла лошадь, а на утрени коза, и подъ 1625 г. (133)—рядъ явленій, относящихся къ той же ц. св. Троицы; а со словъ разказчиковъ, что на морѣ двѣ земли потонуло: „Аѳинея преславная, въ ней же со всѣхъ странъ приходяще учахуся мудрости, *о ней же многія книги пишутъ*, а въ Любкѣ потонули люди и скоты, а изъ полаты въ полату въ лодкахъ ѣздятъ по граду во все лѣто"; подъ 1626 г. (134)—объ обиліи снѣга во Псковѣ: подъ 1627 и 28 (135, 136) о заведеніи кабаковъ и водочной монополіи, причемъ даже церковное вино отняли на государя у торговыхъ людей, а церковныя вотчины и монастырскія („пустыхъ") отписали на государя, мона-

[1]) Болѣе подр. свѣдѣній о немъ нѣтъ (см. Филаретъ, окт., 253--254).

стырскихъ вкладчиковъ выбили вонъ, а монастырей и церквей совсѣмъ не „строили", такъ что и на праздники въ тѣхъ храмахъ обѣдни не было. Кромѣ того, на откупъ были отданы квасники, извозчики, дегтяри, бойники и площадные дьяки, съ большою прибылью. Лѣт-цъ и въ этомъ случаѣ приписываетъ вину не правительству, а воеводѣ кн. Василію Туренину и дьяку Третьяку Копнину („ихъ умышленіемъ"). Подъ 1629 г. (137) сообщаются подробности о введеніи откупа, „а кабаки купили на Москвѣ псковскіе москвичи" и продавали вино по 4 алтына стопу, а стопы убавили; указывается, кто и гдѣ ставили кабаки. Подъ 1630 г. (138) читаемъ о морѣ въ Печорахъ (умерло 1700 чел.): подъ 1621 (139) объ устройствѣ на устьѣ р. Псковы каменныхъ рѣшетокъ вм. деревянныхъ, а дѣлали псковскіе каменщики. Съ негодованіемъ разсказываетъ лѣт-цъ (1632), что при тѣхъ же властяхъ пришли во Псковъ много выходцевъ, русскіе люди изъ Литвы отъ голода и гоненій (насильства), а власти отдавали ихъ *дѣтямъ боярскимъ* въ крестьянство и многіе скованные ходили по городу, милостыни просили, а которые не хотѣли, тѣхъ держали въ тюрьмахъ, чтобы заставить идти въ кабалу; что не позволили возить изъ города соли сверхъ полупудка, кромѣ крестьянъ боярскихъ дѣтей — тѣмъ вольно; что явились во Псковъ нѣмцы съ торговой грамотой изъ Москвы, для устрйства нѣмецкаго двора и заведенія торговли, а архіеп. Іоасафъ за свое челобитье, чтобъ нѣмцамъ во Псковѣ не быть[1]), лишенъ (временно) службы и нѣмцы свободно входили и ѣздили по всему граду; русскихъ же, которые бѣжали изъ нѣмецкихъ предѣловъ, возвращали обратно (въ Новгородѣ болѣе 700 сем. отдали) и многихъ казнили, послѣ чего больше не переходили; далѣе сообщается о посылкѣ государю 3000 р. по прибытіи изъ Москвы „нѣмчина", для устройства двора внѣ Пскова. Подъ 1633 г. (141) говорится о стычкахъ псковитянъ съ литовцами, объ освобожденіи псковскихъ церквей и монастырей отъ 8-го снопа (=11000 четв. безъ четверика); о взятіи съ монастырей первой подати и даточныхъ людей на военныя нужды. Подъ 1634 г. (142) идетъ подробная запись о войнѣ съ Литвою, главнымъ образомъ въ предѣлахъ Псковской области, причемъ много говорится о тягости людямъ отъ военныхъ опасностей и налоговъ, а въ особенности „церквамъ и монастырямъ" („въ подводахъ много шкоты учинилося"), а также да-

[1]) Онъ былъ родомъ изъ бояр. дѣтей, постриж. Солов. м., архим. Псково-Печерскаго мон. (П. С. Р. лѣт., IV, 337), а потомъ патр. (Макарій. XI, 76—77).

точнымъ людямъ, которыхъ отправили въ Москву и Дорогобужъ, откуда вернулись они не скоро. а другіе померли. Подъ 1636 г. (144) сообщается объ отнятіи у псковитянъ торговли льномъ, а присланъ былъ „московскій гость“, которому велѣно было купить ее на государя по указной цѣнѣ: „и много шкоты монастыремъ и всякимъ людемъ сотворися, и насилству и грабежу достойно, денги корѣлки худые, и цѣна неволная, и куплы нелюбовная, и во всемъ скорбь великая и вражда несказанная и всей земли связь. ни купити, ни продати не смѣть никому же помимо“. Записи подъ 1637 и 1642 гг. (145, 150) наполнены необычайными явленіями и чудесами, среди которыхъ выдаются—явленіе человѣка съ крыльями безъ ногъ отроку 12 лѣтъ у ц. св. Анастасіи, самовозгараніе свѣчей въ церкви Бориса и Глѣба во время прихода священника, самовозгараніе свѣчи передъ чтимымъ образомъ, появленіе свѣтоносныхъ мужей одному христіанину и одной вдовѣ и пр., и пр., съ призывомъ иногда къ покаянію и угрозой гнѣва божія надъ Псковомъ. а также устройствомъ нарочныхъ моленій. Подъ 1642 и 43 гг. помѣщены извѣстія о проѣздѣ въ Москву и изъ Москвы датскаго королевича (1646) и русскаго послан. Проестева и о наѣздѣ по этому поводу во Псковъ многихъ бояръ и стрѣльцовъ, съ обычнымъ прибавленіемъ. что „шкоты учинилося въ кормахъ и подводахъ несмѣтная“; а подъ 1645 г. опять читаемъ, что былъ большой переполохъ отъ литовской границы до Новгорода и чуть не до Москвы, изъ монастырей и погостовъ монастырскія и церковныя казны привезли въ городъ, что датскіе нѣмцы и литовцы идутъ подъ Псковъ для осады и въ Москву пойдутъ выручать царевича. Подъ 1645 г. (153) находимъ краткую запись о кончинѣ царя Михаила Ѳед. и ц-цы Евдокіи.

Затѣмъ въ основномъ сп. (Арх.а,=Эрм. сп. на этомъ прекращается) слѣдуетъ перечень псковскихъ архіепископовъ до поставленія архіеп. Макарія (1650) и выписки изъ разрядовъ съ нареченія на государство ц. Алексѣя Мих. по 1650 (подъ 1649 г. разр. запись о московскомъ бунтѣ). Обращаясь къ послѣдней части лѣтописи, разсмотрѣнной нами выше, нельзя не замѣтить, что въ ней не мало мѣстъ церковнаго характера, чудесный элементъ играетъ выдающуюся роль, лѣт-цъ усердно стоитъ за монастырскіе и церковные интересы. и нерѣдко дѣлаются обращенія къ помощи св. Троицы или вносятся даже мелочныя записи. относящіяся къ храму этой послѣдней. Въ пользу того, что лѣт-цъ было лицо духовное или служившее при со-

борномъ храмѣ (какъ архіер. дьяки) говорятъ и ссылки его на книги (напр., объ Аѳинеѣ, конечно, древней), взятыя изъ какого нибудь сборника. Поэтому можно думать, что записи этой части лѣтописи принадлежатъ лицу, служившему при Троицкомъ соборѣ. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что, сообщая весьма важныя свѣдѣнія о смутномъ времени, а отчасти и въ цар. Михаила Ѳед., касающіяся одной изъ важныхъ окраинъ, записи эти выдерживаютъ вполнѣ мѣстный характеръ и отстаиваютъ до конца мѣстные интересы, а это придаетъ несомнѣнно важное значеніе и самой лѣтописи [1]). Наконецъ, Псковская лѣт свидѣтельствуетъ о живучести того духа, который творитъ исторію, не смотря на неблагопріятныя условія, окружающія лѣтописца; хотя, какъ было замѣчено еще раньше, изложеніе псковскихъ лѣтописей отличается особеннымъ простодушіемъ [2]).

Первоначальный псковскій лѣтописецъ слѣдовалъ, какъ и въ Новгородѣ, мартовскому счисленію; но составители сводовъ, живя въ то время, когда сентябрьскій счетъ былъ въ общемъ употребленіи и, пользуясь новгородскими лѣтописями, не всегда согласовали ихъ съ новымъ порядкомъ лѣтъ, и вообще хронологія ихъ требуетъ болѣе тщательнаго обращенія съ выводами, причемъ необходимо обращать вниманіе и на отдѣльные списки [3]). Составитель 2-й Псков. лѣт. считалъ годы съ 1 сент. (см. 6844, 6909, 6914, 6915, 6923 и др.), но онъ самъ дѣлаетъ неправильные обороты, обращаясь съ цифрами мартовскаго счета, какъ съ цифрами сентябрьскаго [4]).

[1]) Изъ записи на Архив. сп. *а*, видно, что лѣтопись эта принадлежала стольнику Вас. Никиф. Собакину, слѣд. сыну псков. воев. Никиф. Серг. Собакина (подъ 1648 г. есть запись о его пріѣздѣ во Псковъ, см. стр. 339); а писана трудами и тщаніемъ богоявл. дьячка изъ Бродовъ Андрея Ильина, по прозв. Пофы (сверху написано: Козы, см. предисл. и стр. 337). Слѣдов. окончательная ред. лѣтописи относится ко времени 1648—50 гг. Кн. Н. Н. Голицынъ (Исторія Пскова, Арх. ист. и практич. свѣд. о Россіи, 1860—61 г., V, 69—70) отличаетъ три свода лѣт. - по 1447, по 1547 г. и съ 1548 1650,—часть, составл. 3-ю лѣтопись. Первую (Арх. сп.) онъ приписываетъ свящ. Андрею Козѣ собора архang. Михаила (по Арх. сп., годъ 1467, стр. 232), а послѣднюю ред. до 1650 г. б. м. дьячку Андрею Козѣ; но послѣдній ясно говоритъ о себѣ, что онъ переписчикъ.

[2]) Соловьевъ, IV, 382.

[3]) Энгельманъ, 71—72, 120—21. По мнѣнію автора, Псковская 1-я лѣт. обнаруживаетъ, что первоначальной основой ея служили отмѣтки событій въ видѣ перечней лѣтъ изъ года въ годъ, въ связи съ пасхальными таблицами (119). О хронологіи псков. лѣт. см. еще Карамзинъ, V, пр. 246.

[4]) Энгельманъ, 91—92. Подъ 1471 г. (1-я Псков. лѣт.) называется „книжный мѣсяцъ“ (=4-я Новгор., 1409, стр. 112), понимаемый то въ смыслѣ мартовскаго

Мы упоминали въ своемъ мѣстѣ (стр. 820—821) о возможности составленія Хронографа въ ред. 1512 г. во Псковѣ. Одинъ изъ сп. Хронографа, 1494 г., пис. въ два столб. полулст., на 475 лл., принадл. Рум. музею, написанъ былъ въ Псковѣ же [1]); а все это, въ связи съ лѣтописями, свидѣтельствуетъ о любви псковитянъ къ исторической памяти и памятникамъ исторіи. Иг. Корнилій, въ своей „Повѣсти", говоритъ: „Ничто же вписахъ отъ своего ума, еже не бѣ, но еже бысть и бываетъ, и яже слышахомъ и яже видѣхомъ, и извопрошавше правое положихомъ" [2]). Такими правилами должны были руководствоваться и лѣтописцы.

Псковская лѣтопись служила источникомъ для другихъ сводовъ, каковы 4-я Новгородская лѣт. (см. выше, стр. 724), Софійская 1-я (на пространствѣ 1481—1523, Бальз.=Горюнкин. спис. [3]), представляя весьма важный варіантъ; но и раньше она пользуется Псков. лѣт. [4]) и Тверская (о войнѣ съ Витовтомъ и нѣмцами, 1404 и 1408, П. С. Р. лѣт., XV, 478—484 [5]).

Псковскія лѣтописи, какъ и Новгородскія, рано стали извѣстны въ исторической литературѣ. Судя по дошедшимъ до насъ спискамъ, Псков. лѣтопись находилась въ разныхъ библіотекахъ XVI—XVIII стол. Въ распоряженіи Татищева была Псковская лѣтопись по 1462 г.

счисленія (Исторіографія, I, 148, прим. 4), то замѣны славянскихъ названій мѣсяцевъ календарными (кн. Н. Н. Голицынъ, 68).

[1]) Востоковъ, Опис. рукоп. Рум. м., № ccccliii, стр. 725—735. Въ немъ къ концу есть слѣд. приписка: „въ лѣто ҂ЗК индикта ВІ написана быша сія книгы въ градѣ Богомъ спасаемомъ *во Псковѣ*, при в. кн. царѣ всея Руси Иванѣ Вас., и при кн. вел. внукѣ его Дмитріи Ив., и при всеосв. митр. всея Руси Изосимѣ, и при всеосв. архіеп. вел. Новагорода и Пскова владыцѣ Геннадіи, и при князи Псковскомъ Василіи Феодор., и при посадн. псков. степен. Яковѣ Афанасьевичѣ и Леонтіи Тим. Списахъ себѣ на утѣшеніе многогрѣш-му Самуилу діаку съ Дубкова, на послушаніе боголюб. христіаномъ" и т. д. (Ивановъ, 64—65). Ср. еще Лѣт. зан. Арх. ком., III, Опис. Сборниковъ, с. 49—50, прим. 128.

[2]) Бычковъ, Опис. Сборн. Имп. Публ. библ., I, 88.

[3]) А. А. Шахматовъ, Къ вопросу о происх. Хронографа, с. 112; ср. Тихомировъ, Москов. своды, 79, по спп. Кар., Акад. и Снег., а также см. выше стр. 819, пр. 3.

[4]) См. П. С. Р. лѣт., V (1242, 1265, 1271, 1272, 1299, 1323, 1330, 1341, 1342, 1343, 1368, 1407, 1425), Псков. извѣстія въ Воскр. сп. ближе стоятъ къ Соф. 1-й и 4-й Новгор., нежели къ Псков. лѣт. (см. означ. годы по Соф. лѣт., а также 1327 г.) и едва ли заимствованы непосредственно (ср. И. А. Тихомировъ, Москов. своды, стр. 7 и 8).

[5]) О сборн., имен. Твер. лѣт., И. Тихомирова (Ж. М. Н. Пр. 1876, № 12, стр. 284—285).

(см. выше, стр. 819, пр. 4), подаренная имъ Академіи Наукъ [1]). Князь М. М. Щербатовъ, хотя въ перечнѣ своихъ источниковъ и не упоминаетъ отдѣльно о Псков. лѣтописи, но, судя по изложенію имъ псковскихъ событій, онъ пользовался именно Псков. Синод. (2-й) лѣт. [2]). Екатеринѣ II была извѣстна Псковская лѣтопись въ 2-хъ чч. [3]).—это, безъ сомнѣнія, Эрмитаж. списокъ означенной лѣтописи [4]). Однако въ XVIII стол. ни одна изъ Псков. лѣтописей издана не была. Карамзинъ пользовался 4-мя списками: Арх. 1-мъ (быв. Н. Н. Бантышъ-Каменскаго), Архив. 2-мъ (быв. А. Ѳ. Малиновскаго), Синод. (2-я Псков. лѣт.) и гр. Ѳ. А. Толстого (нынѣ Имп. Пуб. библ. [5]). М. Евгеній ссылается на Псков. лѣт. по Архив. и Эрмит. сп. (=1-я Псков. лѣт. [6]). О позднѣйшихъ изслѣдователяхъ не упоминаемъ.

Изданія. Выписки изъ Псковской лѣтописи: a) о покореніи в. к. Василіемъ Іоан. г. Пскова со всѣми областями подъ царское самодержавіе 1510 г.; b) о пріѣздѣ въ Россію изъ Рима греч. ц-ны Софіи..., о бытности ея и угощеніи во Псковѣ въ 1473 г. (Сѣв. Арх 1822, ч. III, № 15 и ч. IV. № 22); c) Псков. взятіе, повѣсть (Ист. Христ. Ѳ. Буслаева, М. 1861). Впервые Псков. лѣт. была напечатана М. Погодинымъ отъ имени Общ. ист. и древн. рос.. съ посвящ. м. Евгенію (Псковская лѣтопись, изд. на иждив. Общ. ист. и древн. рос. при Москов. ун., М. 1837) по сп. Архив. (Бант. Кам., основ.) по 1650 г. (разряды опущены), Малиновскаго (Арх. b) и Синод. (по 1486. не оконч.) съ введен., указателями (имен. и геогр.) и прилож. образца почерковъ (xxx+243+245 280), 4° малое. Правописаніе употреблено новѣйшее, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ, по старинному

[1]) См. Опытъ рус. исторіогр., II, 886; Ист. рос., I, 62—63. Если это не списокъ, соотвѣт. 1-й части Псков. лѣт. по Эрмит. сп., оконч. также 1461 г. (Опис. Рум. муз., № ссlı).

[2]) См. Ист. рос., т. IV, кн. 2 (соб. 1471—1480 гг.). Въ то время она имѣла другой №, а нынѣ № 154 (Хроногр., потомъ Новгор. и Псков. лѣт. и пр. См. Указатель Саввы, стр. 200).

[3]) Кабин. зимн. дворца имп. Екатерины II, П. Мурзакевича (Ж. М. Н. Пр., 1872, № 8, стр. 340).

[4]) См. П. Собр. рус. лѣт., IV, 169; Опис. рукоп. Рум. музея, № ccı (см. выше, примѣч. 1), копія съ Эрмит. сп. Въ собр. гр. Уварова—Лѣт. Псков., по 2-мъ Архив. спи., до 1650 г. (см. т. III, № 1437, скороп. XIX в.). Въ сборн. Царскаго (№ 714) на стр. 550—603 помѣщена Лѣт. Псков. краткая 1164—1615 гг., въ сп. к. XVII в. (Опис. рук. Ц., с. 765).

[5]) Ист. госуд. рос., I, с. XVI, пр. 317, 335; IV, пр. 186, 197; V, пр. 144. 207, 246. Толст.=Карамз. (П. С. Р. лѣт., IV, 170).

[6]) Ист. Псков. княж., IV, источники (вначалѣ); но онъ пользовался и Синод. лѣт. въ выпискахъ Карамзина (ср. 1486 г.).

образу писанія, можно судить о мѣстномъ говорѣ. Лѣтосчисл. отъ С. М. оставлено въ текстѣ, а на поляхъ поставлены годы отъ Р. Х. Такимъ образ. въ этомъ изданіи 1 и 2-я Псков. лѣтописи сведены вмѣстѣ, что облегчаетъ сравненіе между ними. Въ 1848 г. 1-я Псков. лѣт. напеч. Археогр. ком., подъ ред. Бередникова вслѣдъ за 4-ю Новгор. (П. С. Р. лѣт., IV, 169—362, съ 1 табл. почерковъ) по спп. Архив. IV (Аа, быв. Бантыша-Каменскаго), въ четв., пис. скороп. XVII в.; Строев. II, сход. съ предъид., въ четв., пис. полууст. к. XVI в., безъ начала; Эрмит., сп. съ рукоп. XVII в., точная копія Арх. IV (поздн. копія съ Эрм. въ Рум. м.); Архив. XIX, мал. четв., пис. полууст. XVI в., безъ нач. и конца (быв. А. Ѳ. Малиновскаго, Ab); Кар. I, XVI в., въ листъ, пис. полууст., а въ сред. переход. въ скоропись, представл. выборку изъ Новг. лѣт. до 1447 и Псков. съ 1447—1547 г.; Акад. XVIII, пис. полууст., въ л., XVIII в., содерж. Новгор. лѣт., съ присоед. Псков. 1447—1547 г.; Снегир. II, пис. скороп. к. XVII в., содерж. Кіев., Новг. и Псков. л. (=Кар. I); Бальзер., пис. въ 2 колонны полууст. въ исх. XV в., съ отрывк. Рус. лѣт. 1472-1518 (съ 1487=Кар. I, Акад. XVIII, Снег. II). Первые два списка приняты въ основаніе; запутанные годы и перебитыя статьи въ Арх. XIX и отч. IV приведены въ порядокъ; отрывки Псков. лѣт. въ друг. спискахъ 1447—1547 гг., отличающіеся отъ осн. спп., помѣщены особой колонной съ правой стороны, параллельно съ главнымъ текстомъ. Лѣта отъ С. М., какъ и въ другихъ лѣт., изд. Арх. ком., оставлены въ текстѣ, а отъ Р. Х.—поставлены на поляхъ. На особой табл. отпечатаны образцы почерковъ обоихъ Архив. и Строевъ. спп.; Пов. о взятіи Пскова помѣщена подъ 1509 г. Прибавимъ, что Погодинъ высказывалъ сожалѣніе, что ему не удалось воспользоваться двумя спп. 1-й Псков. лѣт. Эрмит. (въ изд. Арх. ком. принятъ) и гр. Ѳ. А. Толстого (см. 813, пр. 3 и 848, пр. 5). Синод. же сп. Псков. лѣт., которымъ пользовался Погодинъ, былъ отпечатанъ Арх. ком. въ 1851 г. отдѣльно (П. С. Р. лѣт., V, стр. 1—80, по рук., пис. въ листъ, въ двѣ кол., полууст. къ XV или XVI в., съ прилож. повѣстей. кас. Пскова (см. выше, стр. 781), а также образца письма, 4-о большое. Въ передачѣ текста Арх. ком. сравн. съ изд. Погодина есть разница, происшедшая какъ отъ несходства правилъ, которымъ слѣдовали издатели, такъ отъ несогласнаго чтенія самыхъ рукописей и несогласной разстановки знаковъ препинанія, что необходимо имѣть въ виду при чтеніи текста. Разница обоихъ изданій становится чувствительной съ 1482 г., такъ какъ въ первомъ изъ нихъ (Погодина) принятъ въ сводъ текстъ Синод. сп., а во второмъ—извѣстія, взятыя изъ др. списковъ, кромѣ Синод. (а именно Кар., Акад., Снег.) и значительно пополняющія болѣе краткое изложеніе Арх. и Строев. спп. Разница эта продолжается до 1547 г., гдѣ прекращаются означенные спп. (стр. 307). Въ изд. Арх. ком. въ особомъ прилож. напечатано оконч. Псков.

лѣт. по Снег. сп. съ 1547—1609 г., впрочемъ не представляющее сплошного изложенія лѣтъ. Указатель къ осьми томамъ Полн. собр. рус. лѣт., изд. по Выс. повел. Археогр. ком. Спб. I—II тт. (указатель лицъ) 1868 и 1898 съ прилож. поправокъ къ лѣтоп.; Выборъ словъ изъ лѣтописей Новгор. и Псковскихъ, П. А. Лавровскаго (Изв. Имп. Акад. Наукъ по отд. рус. языка и словесности, III, 1—32).

Во всякомъ случаѣ Псков. лѣтописи требуютъ новаго изданія, болѣе тщательнаго сличенія съ Новгор. лѣтописями и обстоятельныхъ указателей, которыхъ онѣ лишены.

Литература: Лѣтописи Псковскія и Новгородскія; Сводная лѣтопись, сост. по всѣмъ издан. спи. лѣтописи, Л. И. Лейбовичемъ, Спб. 1876 (приводятся варіанты по 1110 годъ); Библіогр. обозр. рус. лѣт., Д. Полѣнова, стр. 110—114, 143—148); Лекціи по рус. ист. Источники. Н. И. Костомарова, Спб. 1861 (стр. 73—76); Н. А. Аристовъ (168—179); О первой Псковской лѣтописи, И. А. Тихомирова (Ж. М. Н. Пр. 1883, № 10, стр. 208—236); Первая Псков. лѣт. послѣ паденія Пскова, *его же* (ib. 1890, № 2, с. 245—252); Хронолог. изслѣд. въ области рус. и ливон. исторій въ XIII и XIV стол., соч. Авг. Энгельмана, Спб. 1858 (повѣрка хронол. рус. лѣтоп. иностр. изв., разборъ сказ. объ Александрѣ Нев., Довмонтѣ и др.); Боннель (см. стр. 747); Обозрѣніе Московь. лѣтоп. сводовъ, 1425—1533 гг. И. А. Тихомирова (Ж. М. Н. Пр. 1895, № 8, с. 416—451); Москов. лѣтописныя своды, *его же* (Лѣт. зан. Арх. ком., т. X, 1—84); Обозр. лѣтоп. сводовъ Руси сѣв. вост., рец. соч. Тихомирова, А. А. Шахматова (отд. оттискъ изъ Отч. о XL присужд. награды гр. Уварова, Спб. 1899, стр. 36—41; 60—61); Къ вопросу о происх. Хронографа, *его же*, Спб. 1899, стр. 106—121; неизд. повѣств. о паденіи Пскова, по рук. Рум. м. (Костомаровъ, Сѣв.-рус. народоправ., I, 326, примѣч.); Повѣсть о Евфросинѣ Псковскомъ (Пам. древ. рус. литер., т. IV, 67—119); Очерки изъ исторіи русскаго языка, А. Соболевскаго, г. I, К. 1884, стр. 118—156 (псковскій говоръ въ XIV вѣкѣ, съ опис. нѣк. рукоп., кромѣ указ. выше стр. 779—780, какъ два Апостола, 1307—1312, Параклитикъ 1369 г., Типогр. Псалтири XIV в., Еванг. XIV и XV в., съ замѣчаніемъ, что б. ч. псков. рукописей восходитъ къ новгор. оригиналамъ); Историческое описаніе г. Пскова и его древнихъ пригородовъ, съ самаго ихъ основанія, заключающее въ себѣ многія, достойныя любопытства происходимости, соч. Н. С. Ильинскаго, 6 ч., Спб. 1790—95; Лѣтопись древняго славяно-русскаго княжескаго г. Изборска, соч. Евгенія, м. кіев. Спб. 1825 (см. также Отеч. Зап. 1825, ч. XXII, 189—250, съ видомъ Изборска; Тр. Общ. ист. и древн. рос., ч. V, 131—162, съ видомъ Изборска; Нѣчто о родѣ вел. кн.

Ольги, М. Погодина (Отеч. Зап. 1826, ч. XXV, 361—371; Труды и лѣтоп. Общ. ист. и древн. 1828, ч. IV, 130—138; Москвит. 1847, ч. 10, 17—24; ср. выше, ст. 125, пр. 1); Монограммы и рядъ гербовыхъ знаковъ на стѣнахъ замка Изборскаго (Отеч. Зап. 1827, ч. XXIX, № 81, с. 28, съ рис.); Воспоминанія и наблюденія въ Псковѣ, П. Свиньина (Отеч. Зап. 1830, ч. XLIII); Исторія княж. Псковскаго съ присовокупл. плана гор. Пскова, соч. м. Евгенія, Кіевъ, 4 ч. 1831 (ч. IV—сокращ. Псков. лѣт., собр. изъ отеч. и иностр. лѣтописей; въ остальн., кромѣ исторіи, доведенной до поздн. врем., списки должн. лицъ, грамоты, опис. монетъ и печатей и т. п.); П. И. Прейсъ (см. стр. 748, прим. 4); Паденіе Пскова, Истор. характеристика, Н. Соловьева (Библ. для Чт. 1844, т. LXIII, № 3); О бытности и угощеніи во Псковѣ греч. ц-ны Софіи Ѳомин., нев. вел. кн. Іоанна Вас. въ 1472 (Псков. Губ. Вѣд. 1845, № 27, с. 109—111); Историч. воспоминанія о Псковѣ и Изборскѣ (Псков. Губ. Вѣд. 1847, №№ 43—45); Изслѣдованіе о времени основанія Пскова, Н. Иваницкаго, Пск. 1856, 35 стран. (также Пск. Губ. Вѣд. 1857, №№ 7—10) Исторія Пскова (862—1510), кн. Н. Н. Голицына (Архивъ историч. и практ. свѣд. Калачова, 1860—61, кн. V и VI: исторія, геогр. области, областн. словарь, древнія реченія, синтакс. особеннности; сказанія и лѣтопись, разб. ихъ, кн. V, стр. 69—76; исторія Пскова, кн. VI, 1—176, очеркъ внутр. отнош.—не оконч.); Сѣверно-русскія народоправства, Н. И. Костомарова, I—II, Спб. 1863, съ подр. указ. литер.; Исторія г. Пскова и Псковской земли, И. Д. Бѣляева, М. 1867 (ср. его же: Церковь и духовенство во Псковѣ, Чт. въ Общ. люб. дух. просв. 1863); Очеркъ внутр. ист. Пскова, А. Никитскаго, Спб. 1873 (также Вѣст. Евр. 1870 и Ж. М. Н. Пр. 1871—73); О торговлѣ Руси съ Ганзой до к. XV в. Рец. соч. М. Н. Бережкова, *его же* (Отч. о присужд. Уваров. нагр. 1879); Древній Псковъ по двумъ Псков. лѣтоп. съ дополн. изъ другихъ старыхъ источниковъ, до к. XVII в. (въ алфав. порядкѣ именъ и предметовъ), Д. Прозоровскаго (Зап. Отд. рус. и слав. археол., т. IV, 1887, сс. 178—254, 544—556); Памятники просвѣт. дѣятельн. св. Ольги въ Псковской странѣ, Спб. 1883; ср. Филаретъ (стр. 749, пр. 2); А. А. Спасскій (ibid.); Г. Трусманъ (стр. 756, 4); Псковъ и его достопримѣчательн., А. С. Князева (Р. Стар. 1890, № 11, с. 311—326, 578—79); 1891, о пренебреж. стариною, о постепен. разруш. древностей и запоздаломъ ихъ возстановленіи); Св. князь Всеволодъ-Гавріилъ и его знач. въ исторіи нашего отечества и въ частности, Е. Лебедева (Чт. въ Общ. ист. и древн. рос. 1894, I, 1—18); Г. Трусманъ (см. выше, с. 748, прим. 4); А. С. Будиловичъ (стр. 778, прим. 5); Къ исторіи поэтическихъ сказаній, М. Г. Халанскаго (Ж. М. Н. Пр. 1903, № 11—объ Ольгѣ).

О древностяхъ въ г. Островѣ, бар. Фитингофа (Псков. Губ. Вѣд. 1846, № 28); Археогрич. описаніе древностей г. Пскова, сохранившихся по

настоящее время, св. Н. Милевскаго (ibid. 1841, №№ 2--4, 16, 17); Археологія Пскова, В. Анастасевича (ib., №№ 12—15); Псковскія достопримѣчательности XVI в., И. Снегирева (Моск. Губ. Вѣд. 1841, №№ 45 и 46); Древности Псковской губ. (ib. 1844, №№ 11—14); Голосники въ древ. новгор. и псков. церквахъ, В. В. Стасова (Изв. Импер. Арх. общ., III, 1861, с. 126—142); Древнія укрѣпленія г. Пскова (Псков. Губ. Вѣд. 1868, №№ 1 и 2); Гдовскій у. въ раскопкахъ В. Н. Глазова, А. Спицына Спб. 1903 (изд. Имп. Арх. ком).

Опис. I. Предтеч. псков. мон., м. Евгенія, Дерп. 1821; другое о немъ же, Спб. 1874; Опис. Благовѣщ. Никандровой пуст., Евгенія, Д. 1821; Опис. псков. Печер. мон., Д. 1821, 1832; Описаніе мон. I. Богосл. Крыпец., Д. 1821; Опис. святогор. Усп. муж. мон., Д. 1821; Опис. Рожд. Богор. снѣтогор. Д. 1821 (всѣ м. Евгенія); Повѣсть о началѣ и основаніи Псково-Печерскаго мон., взятая отъ древнихъ лѣтописей, Пск. 1849; Историческая достовѣрность сказанія Степенной книги о первоначальной святынѣ г. Пскова, іером. Іосифа, Спб. 1858, 23 стран.; Историко-статист. опис. Псков. каѳедр. собора, А. Князева. Пск. 1858, 83 стр., съ 3 рисунками; Святыни и древности Пскова, гр. М. Толстого, М. 1861; Опис. Спасо-Елеаз. мон., іер. Іосифа, Спб. 1862; Псково-Печер. мон., еп. Аполлоса, съ рис., Новг. 1854; Спб. 1864; Псково-Печер. Елеазаровъ и Святогор. мм., М. Миротворцева (Пам. кн. Псков. губ. на 1860 и 61 г.); Псков. Спасо-Мирож. мон.; ист. стат. обз. 1156—1868, И. И. Василева, П. 1868; Опис. Псков. I. Предтеч. жен. мон., изд. 2-е, А. Пайова, Спб. 1874; Ист. стат. Сборн. Псков. еп., ист. оч. XI—XVII ст., сост. Вас. Смиречанскій, изд. Губ. Стат. ком., I, 1875, 232 стр.; Сборн. матер. для ист. и церк. археол. опис. Псков. губ., сост. И. Токмаковъ, 2 вып., Пск. 1885; вып. 2-й Святогор. мон., 87 стр. Въ числѣ рук. Псков. музея имѣется Синодикъ Троиц. собора (см. Оп. рус. исторіографіи, II, 1036); а въ Книгѣ тамож. сбора 1688 г. содержатся любопытныя свѣдѣнія о быв. нѣмец. гостин. дворѣ на Завеличьи (ibid.); Ueber heidnische Gräber Russisch-Litauens und einiger benachbarter Gegenden, insbes. Lettlands u. Weissrusslands, C. Grewingk., Dorp. (Verhand. d. gelehr. Estn. Gesel. zu Dorp. 1871, VI B.); О новгор. и псковскихъ церквахъ (Рус. Древн. 1872, № 1, с. 14—33); Протоколы засѣд. Археол. ком., сост. при Псков. Статист. ком, (1 и 2-го, Псков. Губ. Вѣд. 1872, №№ 39, 51, 52; 3 и 4-го, 1873, №№ 38, 39, 43; 5—9-го, 1874, №№ 5, 17, 24, 27; 10-го, 1876, №№ 27—30); Объ археол. экспед. для изслѣд. псков. подземелій, К. Евлентьева (ib. 1873, №№ 25, 26, 28, 30, 32, 34); Посѣщ. развалинъ прежн. нѣмец. гост. дв. на Завеличьи во Псковѣ (ib. 1873, № 36); О замурован. скелетѣ, найд. въ Изборской крѣп., Н. В. Кирпичникова (Псков. Губ. Вѣд. 1874, № 42); О древнемъ языческомъ кладбищѣ въ Псков. у., К. Евлентьева (ib. 1875,

№ 38); Псков. Археол, Общество (Ж. М. Н. Пр. 1883, № 10, с. 63—72; Сборн. чертежей Москвы, ея окрестн. и г. Пскова XVII стол. (Прилож. ко II т. Зап. Слав. рус. отд. Арх. общ.), Спб. 1861, 20 стр.+36 лл. черт. и плановъ (планъ Пскова на образѣ Срѣт. Богор., сохран. въ часов. Владыч. креста бл. Пскова, В. Стасова); Виды г. Пскова и его окрестности (30 фотогр. снимк. съ древ. зданій и предметовъ съ пояснит. текстомъ), П. 1872—78 (см. обзоръ этого изд., Н. В. Калачева и Р. М. Комповскаго, Сборн. Арх. инст., I, 86—92); Лѣтописное разъясненіе о владычнихъ палатахъ во Псковѣ, еп. Павла, Пск. 1880; Описаніе и изображеніе древностей Псковской губ. Посмертное изданіе инж. полк. Н. Ѳ. Годовикова. Изд. Псков. Археол. ком., 3 вып., Пск. 1880, 1881, 1882 (132+125+61 стр., 16-я д., изъ Псков. губ. Вѣд.), съ атлас. при немъ (опис. относится къ 40-мъ годамъ XIX стол. и важно для топографіи и археологіи Псковской области); Русскія древности въ памятникахъ искусства, изд. гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ, В. VI-й. Памят. Владимира, Новгорода и Пскова, съ 233 рис. въ текстѣ, Спб. 1899, 4°; Экскурсія слушателей Археол. инст. въ г. Псковъ и его окрестности 11—14 мая 1898 г., В. М. Страшкевича и В. К. Лотоцкаго (Вѣст. Арх. инст., XII, 1899, с. 29—40); Планъ г. Пскова, сост. на осн. лѣтописей, актовъ и старин. чертежей и плановъ 1581, 1694, 1740, 1778, 1821, 1859, 1896, Ф. А. Ушакова, съ прилож. опис. Пскова, П. 1901 (примѣн. мѣстъ, указан. лѣтоп. и актами, см. зам. въ Ж. М. Н. Пр. 1901, № 11, с. 232); Прошлое г. Пскова въ его историческихъ памятникахъ, сост. Гедиминъ, Пск. 1903.

Печеры (заштат. городъ), Студитскаго (Псков. Губ. Вѣд. 1840, №№ 14—17); Матеріалы для ист. Псков. губ. Происхож. г. Опочки (Пск. Г. Вѣд. 1843, №№ 9 и 10); Безуспѣшная осада Опочки кн. К. Острожскимъ въ 1517 или 1518 г., Ив. Бутырскаго (Псков. Губ. Вѣд. 1845 №№ 1, 4, 5, 6, 9); Опытъ древ. исторіи г. Опочки, съ критич. изслѣд., замѣч. и поясн. (ib. 1849, №№ 29, 30, 31, 33, 37, 38, 39; 1850, №№ 3—6, 46, 47; 1854 № 10); Ист. свѣд. и пред. Погостъ Камено, Ив. Бутырскаго (ib. 1848, №№ 19—25); Печеры, пригор. Псков. губ. (Ж. М. Вн. Дѣлъ 1850, ч. XXIX, № 3); Статистич. обозр. Псковской губ., сост. А. Петровымъ (Пам. кн. Псков. губ. 1858, VI, + 206 съ картою); Объ эстахъ или полувѣрцахъ Псков. губ. (1860, с. 45—61); Поѣздка во Псковъ и его окрестн., Н. Отто (Сѣв. Пчела 1861, №№ 162, 164—172, 175); Ист. статист. оч. Псковской губ., С. М. Бочкова, Пск. 1862 (Пам. кн., сс. 1—103). Псковъ, изъ дорож. замѣтокъ, М. Погодина (Псков. Губ. Вѣд. 1866, №№ 50, 51 и отд); Ист. стат. обозр. г. Острова и его уѣзда (ib. 1872, №№ 11, 12, 14, 20, 21, 24, 26, 29—32, 34); Историч. черты о бывш. рыцар. замкѣ Нейгаузенѣ, бар. Н. К. Богушевскаго (1874, №№ 6—8, 10); Краткія ист. свѣд. о псков. пригородахъ, *К. Е.* (Пск. Губ. Вѣд. 1876, № 24);

500-лѣтній юбилей псков. укрѣпленій, лекція И. Василева (1875, №№ 50; 51); Изборскъ, изъ лѣтнихъ экскурсій, *К. Е.* (ib., 1876, №№ 14, 15, 16), О Мелетовомъ погостѣ (въ истор. отн.), бар. Н. К. Богушевскаго (1876, №№ 18, 19, 25, 26, 31); Памятники стариннаго Пскова, М. Устинова (Др. и Н. Россія, 1876, III, 292—98); Зам. о с. Выбутахъ (Лыбутахъ), род. св. вел. кн. Ольги Россійской, бар. Н. Богушевскаго (Тр. III-го Арх. съѣзда, II, 139—144); Истор. стат. очеркъ г. Пскова, И. И. Василева, Пск. 18—102 стр; Нѣк. свѣдѣнія объ эстахъ, жив. въ предѣлахъ Псков. губ., И. И. Висковатова (Тр. VI-го Арх. съѣз. IV, Одесса, 1889, с. 83—86); Ueberblick über die Entwickelung d. archäol. Forschung in den Ostseeprovinzen während der letzten fünfzig Jare, v. R. Hausmann (Тр. X-го Арх. с., II, 1—8); Ueber altestnische Ortsnamen, v. D-r A. Hermann (Тр. X. Арх. съѣзда, II, 55—63).

Псковскія монеты 1424—1433 г., Ѳед. Шуберта (Чтен. въ Общ. ист., и древн. 1847, № 4, с. 127—136); Куфич. монеты, найд. въ Псковск. губ., В. В. Григорьева (Зап. Спб. Арх. нумизм. общ. 1850, II, 159—161; Изв. Арх. общ., III, 114—121); ср. такъ же выше, стр. 627, пр. 9; Нѣск. намековъ на экономич условія, при которыхъ жили здѣсь (во Псковѣ) 200 лѣтъ назадъ (Псков. Губ. Вѣд. 1864, № 16); Археол. замѣтка о Поганкиныхъ, П. 1870 (которымъ принадл. замѣч., сохранив. до сихъ поръ палаты), изд. К. Г. Евлентьева; Книги псковит. посад. торг. чел. Сергѣя Ив. сына Поганкина, пам. XVII в. (опис. недвиж. имущ.), П. 1870, *его же*; Памят. старин. псков. письменности: „Домашн. книги псковитян., посад. торгов. чел. Н. И. Ямского (матер. для ист. Пскова), К. Г. Евлентьева (Пск. Губ. Вѣд. 1873, №№ 23—29, 31, 33, 35, 38, 40 и отд.); Списокъ церквей г. Пскова въ 7204 г. (1696), сообщ. И. Д. Бѣляевъ (Чт. въ Общ. Ист. и древ. рос. 1847—48, № 1, с. 26).

Указатель достопамятностей Пскова, А. С. Князева, М. 1858; Указатель статей, касающихся Псковской губ., извлеченныхъ изъ неоффиц. части Псков. Губ. Вѣд., К. Г. Евлентьева (Псков. Г. Вѣд. 1870, №№ 1—9, 11. 13, 16. 17, 20, 23 и отд.); Хронолог. указ. статей и пр., Пск. 1870, с. 123+9); Второе прибавл. къ указателю статей, кас. Псков. г., помѣщ. въ неоффиц. части Псков. Губ. Вѣд. съ 1838—71 (ib. 1871, № 8); Матер. для археол. словаря (Труды М. Арх. общ., т. III, Псковъ, библ. указ., К. Евлентьева, стр. 37—39); Указатель веществ. памят. древности и старины, церковнымъ и гражданскимъ въ губ., г. Псковѣ и окрестн. его. Сост. К. Г. Евлентьевъ (Пск. Г. Вѣд. 1873, №№ 47—50); Историко-статистич. указатель г. Пскова, Н. Ильинскаго, Пск. 1890; Археол. указатель г. Пскова, И. И. Василева, Спб. 1898; Опытъ статист. геогр. словаря Псков. губ., *его же*.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Ростовско-Суздальская земля. Очеркъ исторіи Ростовскаго княжества. Колонизація.—Торговля.—Церковныя отношенія. Письменность.—Княжества Ярославское, Бѣлозерское, Угличское, Костромское и Галичское.—Устюгъ Великій.—Монастыри и письменность края.—Ростовская и другія мѣстныя лѣтописи.

I.

Если край, занимаемый Ростовскою областью, былъ прежде заселенъ двумя значительными финскими племенами—Мерью и Весью, то позднѣйшія раскопки свидѣтельствуютъ о раннемъ занятіи его русскими поселенцами и подчиненіи инородцевъ ихъ вліянію. Движеніе русскаго населенія въ эти предѣлы совершалось двоякимъ путемъ: съ сѣв. запада и юга. Ядро населенія Ростовской области составляли новгородцы и кривичи, что весьма естественно, такъ какъ для тѣхъ и другихъ земля эта была на пути ихъ торговыхъ предпріятій [1]). Обиліе монетъ и вещей въпредѣлахъ Ростовскаго края восточнаго происхожденія (VIII—XI стол.), а съ другой стороны западныхъ монетъ (X—XI вв. [2]), показываетъ, что еще до своего обрусенія населеніе этого края имѣло сношенія съ Востокомъ черезъ волжскихъ булгаръ

---

[1]) Разсел. древне-рус. племенъ по археологич. даннымъ, А. Спицына (Ж. М. Н. Пр. 1899, № 8, стр. 334—37); Гр. А. С. Уваровъ, Меря, М. 1870.

[2]) Савельевъ, 18—19, 52, 153. Древнія гирки показываютъ, что до XIV преобладалъ вост. вѣсъ, а съ этого времени западный (Изв. X-го Арх. съѣзда, 101—102). Ср. выше, с. 162, пр. 3.

и съ Западомъ черезъ норманновъ[1]). Колонизація съ сѣв. зап. имѣла преимущественно промышленный характеръ[2]). Данныя языка и этнографіи вполнѣ подтверждають это двойственное направленіе колонизаціи края съ сѣв. зап. и юга (черезъ землю Вятичей[3]). Въ свою очередь, географическія названія въ этой области обнаруживаютъ связи съ югомъ въ начальный періодъ исторіи: напомнимъ три Переяславля—южный, Рязанскій (н. Рязань) и Залѣсскій, стоящіе на рр. Трубежахъ; гг. Стародубъ, Юрьевъ Польскій, Ксnятинъ, Звенигородъ, Галичъ; рч. Лыбедь и Почайну (во Владимирѣ, Н. Новгородѣ и Рязани), р. Ирпень пр. Клязьмы, а имя Кіева въ разныхъ видахъ было распространено въ томъ же районѣ[4]). Старѣйшій изъ городовъ этого края,—Ростовъ, встрѣчается на первыхъ страницахъ древней лѣтописи[5]). Возникши среди финской Мери, онъ находился въ зависимости отъ Кіева, причемъ называется въ договорѣ Олега (907) въ числѣ городовъ, которымъ греки обязаны были платить опредѣленные уклады. По раздѣлу Владиміра I, Ростовъ достался Ярославу I (998 г.), а по переводѣ его въ Новгородъ—Борису (1010). Постепенно составилась область, получившая названіе Ростовско-Суздальской земли, въ составъ которой входили чч. нын. губ. Тверской и Ярославской, губ. Владимирская и Костромская и чч. губ. Московской, Нижегородской, Новгородской (Бѣлоозеро) и Вологодской[6]). Въ ней властвовали сс. Ярослава—Святославъ, Всеволодъ и с. его—Владиміръ Мон., основатель г.

---

[1]) „И по тѣмъ городомъ (Полоцкъ, Ростовъ, Бѣлозерскъ) суть находницѣ Варязи" (Лавр. 19).

Герберштейнъ указываетъ, что обиліе и расположеніе рѣкъ дѣлаетъ удобнымъ путь для товаровъ, идущихъ изъ Каспійскаго м. по Волгѣ „въ разныя страны" вплоть до Москвы (изд. Анонимова, 118).

[2]) Откуда шла рус. колон. въ Ростово-Užд. область А. И. Соболевскаго (Труды Ярослав. областн. съѣзда, 99—103); Изъ ист. колониз. и культуры Ростов. края, Е. В. Барсова (164—170); И. Д. Бѣляевъ (см. в., с. 615, пр. 1).

[3]) Путь Владиміра Мон. изъ Кіева въ Ростовъ (Лавр. лѣт., 1096).

[4]) Юрій Долг. строитъ цц. Преображенія во Владимирѣ Залѣсскомъ, Переяславѣ, Суздалѣ, Угличѣ, Москвѣ, въ память Преобр. храма въ Черниговѣ, гдѣ онъ родился (Ж. М. Н. Пр. 1900, № 7, стр. 15); ср. также соб. церкви Успенія и пр.

[5]) Ростовъ—колонія новгородскихъ славянъ (Корсаковъ, Меря и Ростовское княжество, 38, 61). Названіе его—русское; ср. имена другихъ городовъ (857, пр. 4), мѣстъ и рѣкъ. Суздаль впервые упоминается въ лѣтописи подъ 1024 (Лавр., 144), а не подъ 1096 г. какъ указываютъ (Корсаковъ, Меря и Ростов. княж., 68, прим. 13). Ярославль основанъ здѣсь Ярославомъ I (съ церковью св. Иліи—христіанское имя послѣдняго, ib. 70).

[6]) Ср. Замысловскій, Объясн. къ атласу, 39—40.

Владимира (1116[1]); причемъ Рост. область становится его волостью. Въ лицѣ сына его Юрія она получаетъ отдѣльнаго князя, съ именемъ котораго соединяется построеніе нѣсколькихъ городовъ (Кснятинъ или Константиновъ, въ 1148, Ип. л., Юрьевъ—Польскій, 1152, Новг. л., и Дмитровъ[2]) и при немъ же упоминаются впервые Москва, въ 1147 г., а также Углечъ-Поле (1148), Молога, (1149) Переяславль (1152[3]). Въ это время Ростовъ назывался уже *великимъ* городомъ[4]); однако Юрій предпочелъ основать свою резиденцію не въ немъ, а въ Суздалѣ[5]). Въ свою очередь, сынъ его Андрей, хотя по общему согласію ростовцевъ и суздальцевъ, былъ посаженъ на престолъ въ Ростовѣ, но избираетъ своею столицею—Владиміръ. Андрей Боголюбскій дорого поплатился за свои стремленія къ самовластію и вызвалъ послѣ своей смерти (уб. въ 1174 г.) междоусобіе въ странѣ, во время котораго Ростовъ (при поддержкѣ Суздаля и Переяславля) заявляетъ свои права на первенство, но въ лицѣ брата Андрея — Всеволода (III) Владиміръ окончательно беретъ верхъ (1176[6]). Раздѣлъ, совершенный Всеволодомъ († 1213), про-

---

[1]) Старый городъ Владиміръ былъ въ длину всего 620 саж. (лѣт. Синод. б. № 111; см. Карамзинъ, II, прим. 238). Опроверженіе, что онъ построенъ Владиміромъ I (ibid., III, пр. 28 и 37). О времени основанія г. Владимира на Клязьмѣ, А. Бунина. Археол. Изв., изд. Моск. Арх. общ., 1898, № 5—6, стр. 179—189; замѣч. В. О. Ключевскаго и др. (ibid., 200). Въ Львов. лѣт. сказано, что Владиміръ Мон. въ 1108 г. поставилъ г. Владиміръ на Клязьмѣ (т. е. стѣны).

[2]) Осн. въ честь рожд. сына Юрія—Димитрія (Всеволода, 1154).

[3]) Корсаковъ, 79. Указываютъ что Угличъ возникъ на мѣстѣ погоста Волга и получилъ имя отъ остатковъ угля на мѣстѣ пожара, быв. въ 1134 г. Въ 1880 г., близъ Углича былъ вырытъ кладъ съ серебр. арабскими монетами, относящимися къ ранней эпохѣ (Ж. М. Н. Пр. 1900, № 7, стр. 12, 20).

[4]) Ипатьев, лѣт., 298. До нашествія татаръ на сѣв. Русь (1239) въ Рост. Сузд. землѣ встрѣчаются еще города: Звенигородъ, построеніе котораго приписываютъ тому же Юрію, Радиловъ или Городецъ волжскій (1172), Кострома (1213), Унжа (1218), Руза, Бронницы, Гороховецъ—градъ Богородицы, Стародубъ или Клязенскій городокъ,[7] составлявшій уже въ 1228 г. удѣлъ, Ярополчъ (н. Вязники), Большія Соли, Галичъ-Мерьскій, Чухлома, Устюгъ Вел. (преж. Гледенъ), Бѣлозерскій городокъ, Клинъ, Шешва, Дубна (П. С. Р. лѣт., VII, 118, 119, 121, 124. 141; Лавр. л., 446—495; Кидекша на Нерли (1159, 1202, 1239); Зубцевъ (1216) и до 10 менѣе важныхъ посел. (Погодинъ. IV, 277—91).

[5]) Прозваніе его „Долгорукимъ" быть можетъ равносильно выраженію, употребленному аб. Сугеріемъ относительно его старшаго современника Людовика VI: Scitur enim regibus longas esse manus... (ср. Гизо, III, 217; Грановскій, 318).

[6]) Впрочемъ Всеволодъ часто посѣщалъ Ростовъ, а сынъ его—Константинъ и родился здѣсь.

званнымъ за свою многосемейность „Большимъ гнѣздомъ“, по примѣру Ярослава I, ведетъ къ обособленію отдѣльныхъ княженій въ Ростовско-Суздальской землѣ и новой усобицѣ, окончившейся Липецкою битвою (близъ Юрьева во Владимирской губ.). Княженія эти выдѣляются постепенно: ранѣе всего княжество *Ростовское*, затѣмъ *Переяславское* (1195), наконецъ *Суздальское* (1216). Но Владимиръ Клязьменскій, „стольный городъ“ великаго князя,—не составлялъ особаго удѣла[1]). Суздальское же княжество въ к. XIII в. выдѣляетъ изъ себя три удѣла: *Городецкій*[2]), *Нижегородскій*,[3]) и *Московскій* Переяславское княжество, увеличивая свою территорію владѣніями Новгорода Великаго, выдѣляетъ изъ себя въ XIII в. удѣлъ *Тверской*. Два столѣтія слишкомъ борятся эти княженія между собою изъ-за первенства и преобладанія на сѣверѣ[4]). Съ распространеніемъ русской территоріи въ означенныхъ предѣлахъ и съ возникновеніемъ новыхъ политическихъ центровъ усиливается развитіе народной колонизаціи, строятся новые города и основываются монастыри[5]).

Какъ извѣстно, за свою защиту старѣйшинства Ростова, старшій сынъ Всеволода—Константинъ, утвердившійся тамъ еще при жизни отца, поплатился было правами на великое княженіе и только Липецкая битва возвратила ихъ ему. По смерти Константина Ростовское княжество осталось во владѣніи его потомковъ, но уже никогда не достигало своего первоначальнаго значенія, раздѣленное на удѣлы[6]) и ослабленное внутри вмѣшательствомъ татаръ и Москвы. Уже Иванъ Калита сталъ скупать села и города у обѣднѣвшихъ ростовскихъ князей (покупаетъ также Бѣлоозеро и Угличъ), а Ростовъ подвергся

---

[1]) Погодинъ называетъ его „майоратомъ“ велик. князя (Истор. крит. отрывки, I, 26).

[2]) Впервые Городецъ упоминается подъ 1172 (Лавр.. 343).

[3]) Нижній Новгородъ основанъ въ 1221 г. Юріемъ II Всеволодовичемъ, памятнымъ своею борьбою съ болгарами и мордвою.

[4]) Корсаковъ, 117—124.

[5]) Ibidem, 125—137; ср. Я. Соловьевъ, Памятники и преданія Владимірской губ. (Отеч. Зап., ч. CXII, 521—568).

[6]) Главные удѣлы были: Ярославль, Бѣлоозеро, Угличъ, Кострома, и Галичъ, которые въ свою очередь распадаются на части и болѣе мелкія вотчины, вслѣдствіи чрезвычайнаго развѣтвленія нѣкоторыхъ линій ростовскихъ князей. Вообще, ростовскихъ князей Рюриковичей въ XIV и XV стол. было такъ много, что сложилась даже пословица: „у семи князей одинъ воинъ“, (А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885. с. 517). При множествѣ удѣльныхъ дворовъ естественно является значительный контингентъ мѣстнаго боярства (Опис. Сборн. Имп. Публ. библ.,

всѣмъ невзгодамъ намѣстническаго правленія [1]), съ чѣмъ соединяется и паденіе вѣча [2]). Съ Димитрія Донского устанавливается полное подчиненіе ростовскихъ князей Москвѣ. Перечисленіе послѣднихъ (17 вѣтвей) въ лѣтописи за XV в. представляетъ печальный некрологъ вымирающаго потомства Константина Всеволодовича: уступая свои владѣнія московскому князю, князья ростовскіе всѣ передъ смертію поступаютъ въ монахи или принимаютъ схиму [3]). Что же касается другихъ удѣловъ, то всѣ они къ концу XV в. входятъ въ составъ Московскаго княжества [4]).

Уступивъ первенство Владиміру, ростовцы сосредоточились преимущественно на мирной дѣятельности; по крайней мѣрѣ въ современной лѣтописи они называются людьми „кроткими" и „не дерзкими въ бою" [5]). Суздальская земля издавна служила мѣстомъ сбыта товаровъ изъ разныхъ областей Руси. Живя на сѣверѣ, Юрій Долгорукій дарилъ Святослава Ольг. его жену и дружину дорогими тканями (наволоками и кожами [6]); при Андреѣ Боголюбскомъ приходили сюда гости

I, 160) сравнительно съ другими княжествами и масса собственныхъ названій съ именами, фамиліями и прозваніями князей и бояръ въ Ростовскомъ краѣ (Титовъ, VI—VII.). До поздн. времени изъ князей собственно ростовскихъ сохранились фамиліи кн. Лобановыхъ-Р., Касаткиныхъ-Р. и Щепиныхъ-Р.

[1]) Иванъ Калита выдалъ дочерей своихъ за князей ярослав. (Василія Дав.) и ростовскаго (Константина Вас.). Карамзинъ, IV, пр. 303. Его намѣстникъ въ Ростовѣ, Кочева, свергнувъ мѣстнаго бояр. Аверкія, распоряжался судомъ, управленіемъ и имѣніями, какъ полновластный государь (ж. Сергія Радонежскаго).

[2]) Послѣднее упоминается въ Ростовѣ, Суздалѣ, Владимирѣ, Переяславлѣ (1158, 1164, 1175, 1177, 1213, 1214, 1216, 1262, 1289, 1303), въ Ярославлѣ (1262) и Костромѣ (1304). Ср. замѣч. о немъ в., с. 448, пр. 2 и 501, пр. 7.

[3]) Корсаковъ, 162—170, 178—181, 243. Въ теченіе 230 лѣтъ Ростовъ имѣлъ 16 удѣльн. князей, хотя не всегда жившихъ тамъ (Труды Яр. Стат. ком., V, 17—18).

[4]) Ibid., 170—187. Впрочемъ еще до 1474 г. ростовскіе князья владѣли половиною Ростова, когда продали и эту часть московскому князю, а Иванъ III отдалъ ее своей матери, которая владѣла уже частью Ростова по завѣщанію Василія Темнаго (Карамзинъ, V, 207, прим. 372; VI, 113, пр. 293). Позднѣйшее преданіе гласитъ, что одинъ изъ ростовскихъ князей, отдавая свой удѣлъ Ивану III, выговорилъ себѣ право, что, когда онъ будетъ пріѣзжать въ Ростовъ, то чтобы ему были воздаваемы княж. почести: „архіерей выходилъ бы съ крестомъ на встрѣчу и въ колокола бы звонили". Въ послѣдній разъ они воспользовались имъ при Екатеринѣ II, а когда одинъ изъ потомковъ вздумалъ осуществить это право при Павлѣ и представилъ на утвержденіе императора разысканную имъ грамоту, то получилъ весьма внушительный отказъ (Корниловичъ, Замѣч. богатства въ Россіи, 344—45; Ист. Вѣст. 1893, № 10, с. 763; ср. замѣч. Бестужева-Рюмина, I, 416).

[5]). Лавр. лѣтоп. (1169, 1218).

[6]) Ипат. лѣт., 240.

и иноземные купцы. Новгородскіе и новоторжскіе купцы торговали въ Суздальскй землѣ въ XII в. и постоянно заботились о безопасности своей торговли; они выхлопотали потомъ грамоту у хана, чтобы по Суздальской землѣ торговать безъ рубежа и опирались на нее въ ограждeніе свободной внутренней торговли[1]). Въ XII в. низовые купцы привозили въ Новгородъ перецъ, получавшійся съ Востока и считавшійся въ средніе вѣка рѣдкою и драгоцѣнною пряностію[2]); а изъ Ростовской земли въ Новгородъ доставлялись ленъ и хмель[3]); но и сами низовые купцы посѣщали Новг. область[4]). Въ 1216 г. въ Переяславлѣ было 15 смоленскихъ купцовъ[5]). Ростовская область славилась своими соляными варницами, о чемъ свидѣтельствуетъ названіе Варницкаго мон. близъ Ростова и названіе города Соль Великая въ Костромскомъ княж. (теперешній посадъ Большія Соли), упоминаемая въ лѣтописи еще въ нач. XIII в.; а въ нач. XV в. знаменитая Нерехта съ варницами[6]). Въ XV в. Троицкому-Сергіеву мон. принадлежало три соляныхъ варницы въ Галичѣ и 4 варницы у Соли Переяславской. Въ предѣлахъ бѣлозерскихъ и костромскихъ производилось добываніе желѣзной руды[7]). Въ Бѣлозерской волости Углахъ происходилъ торгъ „житомъ и всякимъ товаромъ“ съ Новгородомъ и Поволожьемъ[8]), а въ

---

[1]) Аристовъ, 178.

[2]) Новгор. лѣт. по Синод. сп. 489 (грам. Всеволода Мстисл. Ивановскому купечеству). Если вѣрить Татищеву, Юрій II заключилъ выгодный торговый договоръ съ болгарами и обезпечилъ Суздальскую землю отъ голода житомъ, привезеннымъ изъ Болгаріи (его покупали и въ 1024 г. въ Болгаріи), а въ благодарность за это, онъ послалъ болг. князю сукна, парчи, рыбьи кости и др. дорогія вещи (Ист. рос., III, 454—455). Вѣроятно въ связи съ указанными торговыми отношеніями стоитъ муч. кончина Авраамія Новаго („се бысть иного языка, не Рускаго, христіанъ же сы, имяше имѣніе много, гостешбу дѣя по градомъ“, Лавр. л. 1229; по мнѣнію Татищева богатый болгарскій купецъ, III, 454), мощи котораго торжественно были принесены во Владимиръ въ 1230 г. (Лар. л., 430); а въ 1323 г. лѣтоп. сборники упоминаютъ о мученической смерти въ Булгарѣ вост. купца (іерусалимлянина) и ученаго въ философіи, Θеодора, вызвавшаго фанатизмъ населенія религіозными спорами (Никон., III, 127; Львов., II, 83; Древ. лѣт. I, 112; Татищ. IV, 113).

[3]) Собр. госуд. грам., т. I, № 1—8; Грамоты, кас. снош. съ ганз. городами, №7.

[4]) Новгор. 1-ая (1272).

[5]) Лавр. лѣт., 474. Въ 1478 г. много низовыхъ гостей бѣжали изъ Н. во Псковъ и Литву (4-я Новг., 256).

[6]) Аристовъ, 73; Карамзинъ, V, прим. 372; Корсаковъ, 236—237.

[7]) Близъ Бѣлоозера находился Желѣзный Устюгъ (впослѣдствіи Устюжна-Желѣзнопольская).

[8]) Корсаковъ, 236—238; Аристовъ, 73.

Рижской долговой книгѣ сообщается, что воскъ доставлялся въ Ригу въ „булгарскихъ кускахъ" и въ Суздалѣ постоянно проживали нѣмецкіе купцы, коимъ въ XIII в. былъ нѣкто Люббертъ; что изъ Риги купцы часто ѣздили въ Суздаль, а торговля эта находилась въ рукахъ рижскихъ капиталистовъ [1]). Ордынскіе купцы проживали въ Ростовѣ и обмѣнивали восточные товары на западные (сукна [2]). До XV в. торги существовали уже во Владимирѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Костромѣ, Ярославлѣ, Переяславлѣ, Устюгѣ [3]); а въ XV в. славилась ярмарка въ Холопьемъ городѣ на р. Мологѣ [4]), гдѣ съѣзжались русскіе и иностранные купцы. Торговый путь изъ Суздальской земли въ Кіевъ лежалъ на Курскъ [5]). По Волгѣ ходили суда татарскія, армянскія, болгарскія и другихъ восточныхъ народовъ, обозначенныхъ въ русскихъ лѣтописяхъ общихъ именъ бесерменъ [6]). Князья ростовскіе, ярославскіе и угличскіе били свою монету. До насъ дошли серебряныя монеты нѣкоторыхъ изъ нихъ, XIV и XV стол. [7]). Тѣмъ не менѣе татары парализировали экономическое состояніе Руси. Покровительствуя торговлѣ на Волгѣ, они при каждомъ нападеніи прежде всего старались

---

[1]) Hildebrand, pp. 45, 69, 111.

Въ 1820—21-го недалеко отъ Владимира были вырыты монеты нѣм. импер. Оттоновъ и Генриха II, а въ Угличѣ и близъ Ростова и Устюга Вел. не разъ находимы были нѣмец. и англ. монеты въ небольшомъ количествѣ (Савельевъ, 18; Кёне, Опис. европ. мон., найден. въ Россіи, Зап. Арх. Общ., IV, 20). Множество иностр. денегъ въ Россіи объясняется тѣмъ, что купцы изъ Германіи, тогда еще мало промышленной, менѣе вывозили товаровъ въ Россію и болѣе старались вымѣнивать и покупать въ Россіи мѣха и др. естественныя произведенія, въ особенности же греческія матеріи и все, что доставлялъ Востокъ драгоцѣннаго (ibid., 34).

[2]) Карамзинъ, V, 232 (Изв. Рус. Арх. общ., VI, 152). Въ 1289 г. въ Ростовѣ было много татаръ, которыхъ пограбили (Cузд. лѣт. по акад. списку, 499).

[3]) Аристовъ, 171.

[4]) Соловьевъ, V, 468; Корсаковъ, 237. На эти отношенія указываетъ и ж. Исидора, ростовскаго юродиваго, к. XV в., помѣщенное въ Прологѣ, и свидѣтельствующее о его нѣмецкомъ происхожденіи (Филаретъ, май, 97). На гробѣ другого юрод. иноземца, Іоанна Власатаго, подвизавш. въ Ростовѣ, долго хранилась латинская Псалтирь, по которой онъ молился (ib., окт. 5—6). О ней ст. пр. Амфилохія (Тр. VIII Арх. с., т. II).

[5]) Аристовъ, 175. О русскихъ купцахъ въ Поволожьи постоянно говорятъ лѣтописи (ib., 192—196).

[6]) Въ развалинахъ Болгаръ на Волгѣ найдены были армянскія надписи XII в. (Татищевъ, II, 404, Карамзинъ, III, 123 и прим. 239). О торговыхъ сношеніяхъ Поволожья съ Запад. Индіей въ XIV стол. (Изв. Рус. Арх. Общ., VI, 152).

[7]) См. соч. Черткова, Рейхеля, бар. Шодуара и др.; ср. Зап. о древн. княж. монетахъ Ростова, Углича и Ярославля, Е. Люценка (Труды Яросл. Стат. ком., II, 5—28. Объ упадкѣ вост. торг. см. выше, с. 627, пр. 7 и Зап. Р. Арх. О. 1901, V, 381—82.

воспользоваться ея произведеніями и держали торговыхъ людей въ постоянномъ страхѣ, какъ въ поволжскихъ городахъ, такъ и между Дономъ и Волгою. Поэтому торговые караваны могли отправляться туда лишь подъ охраною самихъ татаръ или подъ прикрытіемъ военныхъ отрядовъ[1]). Если княжескія усобицы нерѣдко тяжелымъ бременемъ ложились на Ростовско-Суздальскую область[2]), то татарское иго сдѣлало этотъ порядокъ вещей неизбѣжнымъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ рядъ извѣстій о жестокихъ нападеніяхъ татаръ на Ростовъ и его окрестности[3]).

Ростовско-Суздальская земля поддерживала культурныя связи съ Греціей и Кіевомъ. Припомнимъ то вліяніе, какое оказывали на южныя отношенія Юрій I, Андрей Богол. и Всеволодъ III; изъ Кіева берутся многіе епископы (Леонтій, Исаія, Лука, Похомій, Симонъ, Θеодоръ I, Серапіонъ); по церковнымъ дѣламъ Андрей Богол. входитъ въ сношенія съ Константинополемъ[4]). По изгнаніи Андреемъ Боголюбскимъ (род. отъ половецкой княжны, дочери Аэпы) своихъ братьевъ (въ 1162 г.), Михаила и Всеволода, рожденныхъ отъ гречанки, послѣдніе вмѣстѣ съ матерью нашли пріютъ въ Константинополѣ у своего родственника, греческаго императора[5]). Какъ видно, связи эти съ Суздальскою землею поддерживались и въ послѣдующее время: Всеволодъ III получилъ изъ Солуня доску (изображеніе) и сорочку Димитрія Солунскаго

[1]) Аристовъ, 194, 247, 257.

[2]) Такъ, въ 1149 г. Изяславъ Мстиславичъ вывелъ изъ Ростовской области 7000 жит.; въ 1180 г. Святославъ съ союзниками „положиша всю Волгу пусту и городы всѣ пожгоша“ и др. Въ періодъ XIII—XV в. Ростовско-Ярославская область подвергалась 7 разъ усобицамъ и нападеніямъ (Соловьевъ, IV, 241). О количествѣ населенія ея см. выше (стр. 510, пр. 4). О плохомъ приростѣ его на Зап. до XVIII в. (Зомбартъ, I, 426), вслѣдствіе войнъ, голода и чумы (425). Въ Рост. обл. чума была въ 1364, 1365 и 1420 гг.

[3]) См. Лавр. лѣт. и Сузд. по акдемич. сп., гг. 1237, 1281, 1289, 1315 1316, 1318, 1320, 1393, 1409 (ср. П. С. Р. Л., VII, 187). Въ 1237 г.: „и нѣсть мѣста, ни вси (веси), ни селъ тацѣхъ рѣдко идеже не воеваша на Суждальской земли; и взяша городовъ 14, опрочѣ слободъ и погостовъ“ (Лавр. л.); по словамъ же Новгород. лѣт. (подъ 1238 г.), „Ростовъ и Суздаль разидеся розно“. Въ 1318 году ограблены были соборный храмъ, всѣ церкви и монастыри (Сузд. лѣт. по Акад. сп., 502); тѣмъ не менѣе въ ж. Исидора Ростовскаго (пол. XVI в.) Ростовъ называется „славнымъ и многонароднымъ городомъ“ (Корсаковъ, 198).

[4]) О сношеніяхъ его съ патр. Лукою Хрисовергомъ (Никон. лѣт., II, 179—189; ср. Макарій, III, 17—18, 251—253). Посл. его нѣк. считаютъ подложнымъ (Тат., III, 136, пр. 486; Кар. III, пр. 28; Иловайскій, II. пр. 29). Ср. Р. Ист. б., VI, 63.

[5]) Всеволодъ III род. въ 1154 г. Карамзинъ выражается о немъ: „Воспитанный въ Греціи, Всеволодъ могъ научиться тамъ хитрости“ (III, 82). Сынъ Андрея

для своего храма въ честь св. Димитрія во Владимірѣ; Константинъ Всеволодовичъ черезъ полоцкаго епископа (1218), изъ Константинополя, части мощей, которымъ устроена была торжественная встрѣча во Владимірѣ[1]). До татарскаго ига, Суздальская земля не представлялась вполнѣ изолированною отъ западнаго міра. Положеніе и вліяніе на дѣла Всеволода III создали ему славу не только на сѣверѣ, въ Кіевской и Галицкой Руси, но и въ Западной Европѣ[2]).

Ордынскія отношенія, въ свою очередь оставили слѣдъ въ исторіи Ростовской земли. Во время пребыванія въ Ордѣ еписк. Кирилла II (1252), успѣвшаго получить важныя льготы для своей епископіи (а именно предоставленіе ежегодной дани князей ростовскихъ и ярославскихъ „въ домъ пречистыя Богородицы"), ученіемъ его увлекся племянникъ хана Бергу (брата Батыя) до принятія магометанства татарами, тайно послѣдовалъ за нимъ въ Ростовъ, принялъ крещеніе подъ именемъ Петра и поселился въ епископскомъ домѣ, а при его преемникѣ Игнатіѣ построилъ монастырь въ честь Петра и Павла, который щедро надѣлилъ землями и лѣсами. Самъ же онъ, по убѣжденію епископа, женился на дочери ордынскаго вельможи, жившаго въ Ростовѣ и побратался съ ростовскимъ княземъ (Борисомъ), а не задолго до кончины принялъ монашество. Потомки Петра тягались изъ-за земли съ ростовскими князьями и выигрывали свои процессы въ Ордѣ. Современникъ Петра, Глѣбъ Васильковичъ, князь бѣлозерскій, а потомъ ростовскій, въ 1257 г. женился на родственницѣ хана, названной въ крещеніи Ѳеодорой[3]). Въ предѣлахъ Ростовскаго края встрѣчается много названій, происходящихъ отъ слова „баскакъ" [4]),

Боголюбскаго, Юрій, изгнанный въ свою очередь Всеволодомъ, вынужденъ былъ искать счастья въ Грузіи, гдѣ, по словамъ грузинскихъ лѣтописей, сталъ мужемъ знаменитой Тамары; но и послѣ того испыталъ много приключеній (Карамзинъ, III, 83—84; Соловьевъ, II, 280, прим. 344). Акад. Броссе защищалъ достовѣрность этого факта (Свѣдѣнія о грузин. царицѣ Тамарѣ въ древн. рус. литературѣ, Уч. Зап по 1—3 отд., I, 470—487; Mélanges asiatiques, t. I; Bullet. hist. phil., t. IX. № 19; П. Бутковъ, О бракахъ княз. рус. съ груз. и ясын. (Сѣв. Арх. 1825, XIII); ср. еще Иловайскій, II, 547.

[1]) Лавр. лѣт., 393, 415, 419.

[2]) Карамзинъ, III, 49. Полагаютъ, что Всеволодъ III, возвращаясь изъ изъ Грецiи (1166), избралъ путь черезъ западную Европу и представлялся Фридриху I Барбаросѣ, откуда и расположеніе послѣдняго къ нему (К. К. Гротъ, Изъ истор. Угріи и славянства, 352—353, примѣч; ср. Ипат. л., 448).

[3]) Житіе ц-ча Петра (ср. Толстой, 12—14; 49—53).

[4]) Баскаки упом. во Владимірѣ (Новг. Син. 1269); Твери (Кар., IV, 113); Москвѣ (V, 149); Тулѣ (Соб. г. гр., I, № 32), Боровскѣ (Филаретъ, Жж., май, 2)

а въ Ростовскомъ у. было открыто между прочимъ обширное кладбище, принадлежавшее богатымъ татарамъ, на основаніи чего заключаютъ о значительной татарской колонизаціи въ этой мѣстности въ XIII—XV вв.[1]).

II.

Въ одномъ изъ лѣтописныхъ сборниковъ[2]), въ числѣ немногихъ городовъ (Новгородъ, Черниговъ, Владиміръ волынскій, Бѣлгородъ), получившихъ епископовъ еще при Владимірѣ I, упоминается и Ростовъ, который, какъ мы видѣли, находился въ тѣсной связи съ Кіевской землей. Впрочемъ не скоро и не такъ легко утвердилось христіанство въ этомъ краѣ. Первые два епископа (Θеодоръ и Иларіонъ), присланные изъ Константинополя, должны были бѣжать оттуда[3]). Болѣе успѣшна была дѣятельность двухъ послѣдующихъ епископовъ Леонтія и Исаіи, относящаяся ко второй половинѣ XI в.[4]). „Леонтій убо святый просвѣти крещеніемъ градъ Ростовъ“, читаемъ въ мѣстной лѣтописи[5]), но и онъ поплатился за свою ревность мученичеством († 1073[6]). Трудность миссіонерскаго дѣла въ этомъ краѣ будетъ понятна, если мы примемъ во вниманіе сильную оппозицію волхвовъ, обнаружившуюся въ 1024 и 1071 г. (въ этотъ разъ они пришли изъ Ярославля), которые воспользовались для возбужденія населенія голодомъ, свирѣпствовавшимъ тогда, и вызвали волненіе („митежъ великъ“), подавленный во второмъ случаѣ военною силою[7]).

и др. (ср. Кар. IV, пр. 362; А. ист., I, № 3). Районъ татар. поселеній шелъ до Вятки (Иловайскій, II, 478). Ср. в., с. 280—83 и Сп. насел. мѣстъ Яросл. г., с. xxx.

[1]) Спис. насел. мѣстъ Яросл. г., с. xxx; Корсаковъ, 204—205.

[2]) Никонов. лѣт., I, 105.

[3]) Филаретъ, Ист. церкви, изд. 6-е, 33; Голубинскій, I, 299, 557; Корсаковъ, 85—86; ср. Никонов. лѣт. IX, 64, 219; Воскресен., VII, 313. Настойчивая защита греческаго ихъ происхожденія (Голубинскій I, 173, примѣч. 2).

[4]) Въ ж. Леонтія (поздн. ред.) сообщается, что онъ говорилъ померянски.

[5]) Лавр. спис. 435 (подъ 1231 г.). Еписк. владим. Симонъ (нач. XIII в.) называетъ Леонтія „первопрестольникомъ“, конечно потому, что первые два епископа были только временно тамъ. Съ нихъ ведетъ перечень епископовъ и мѣстная лѣтопись (ib., годъ 1231). Любопытно, что уже въ XV в. московскіе князья въ договорахъ съ другими ставятъ въ свидѣтели Бога, Богородицу, великихъ чудотворцевъ, святителя Николу, св. митр. Петра, свв. Леонтія Ростовскаго, Сергія и Кирилла, молитву родителей, отцевъ, дѣдовъ и прадѣдовъ (Соловьевъ, IV, 77).

[6]) Филаретъ, Рус. свят., май, с. 164; Ист. рус. церкви, 33 (ок. 1070).

[7]) Лавр. лѣт., 144, 170. Въ 1091 г. (с. 207) опять читаемъ: „В се же лѣто волхвъ явися Ростовѣ, иже вскорѣ погибе“. Подозрѣніе, взведенное волхвами на женщинъ, какъ виновницъ голода, долго удерживалось въ суевѣрномъ представле-

Преемникомъ Леонтія (1078—1090) былъ Исаія, который, при поддержкѣ Владиміра Мономаха, энергически истреблялъ остатки язычества [1]). Съ именемъ же послѣдняго связывается построеніе церкви въ Ростовѣ, по подобію Печерской церкви въ Кіевѣ, украшенной иконою живописи Алимпія Печерскаго [2]). Борьба съ остатками язычества соединяется также съ именемъ Авраамія Ростовскаго: ему приписывается разрушеніе камня Велеса [3]), служившаго предметомъ поклоненія въ „Чудскомъ концѣ", на мѣстѣ котораго возникаетъ Богоявленскій монастырь [4]). Съ именемъ Авраамія соединяется обученіе

нія народа. Въ лѣтописи Игнатія Смольянина подъ 1311 г. читаемъ: „хлѣбъ бысть дорогъ, сего ради сожгоша 4 жены злыхъ" (с. 30). Ср. в., с. 753; Трайль, II, 309—12; III, 288—90. На Западѣ Карлъ Вел. и другіе вѣрили, что неурожаи, влекущіе за собою дороговизну, а равно градобитія и т. п. причины неурожаевъ, происходятъ отъ волхвовъ (сводъ извѣстій, Лешковъ, Русскій народъ, 157). Въ Актахъ Кавк. Арх. ком. (IV, 958—59) находимъ извѣстіе, что въ одномъ сел. Ставроп. у. въ 1811 г. бросали въ воду женщинъ, какъ вѣдьмъ, во время бездождія, и которыя изъ нихъ не тонули, признавались таковыми и подвергались преслѣдованіямъ (Ж. Стар. 1894, I, 122—123).

[1]) При немъ христіанство въ Ростовѣ называется еще „новонасажденнымъ" (житіе Исаіи въ Прав. Соб. 1858, № 3, с. 438).

[2]) О церкви см. „Памятн. XII стол.", изд. Яковлевымъ (Патерикъ печер.), cxxii, clxxix. Быть можетъ ее лѣт. назыв. такой, „якова же не бывала, ни будетъ" (Лавр., Ипат. Воскр.), прибавляя: „соборная дивная церковь" и пр., по случаю пожара, истребившаго городъ и церкви въ 1160 г. Въ Твер. л. сообщается о заложеніи на ея мѣстѣ каменной церкви кн. Андреемъ („ту же обрѣтоша св. Леонтіа въ тѣлѣ") въ 1160 и освященіи въ 1162 г. (233—234), а расписана она была въ 1187 г. еписк. Лукою (Лавр. лѣт.). На еписк. дворѣ при ц. Богородицы находилась ц. Іоанна Предт., сгорѣвшая въ 1211 г., причемъ уцѣлѣли только образъ Θеодора Тирона и „вощаница съ виномъ", которую считали принадлежавшею еписк. Леонтію. О пожарѣ этомъ сообщаетъ еп. Симонъ (Патерикъ, clxxix), бывшій тогда игум. Рожд. мон. во Владимирѣ (Лавр. л., 403, 416) и случайно тамъ присутствовавшій. О ц. въ Ростовѣ см. еще гр. Толстой (19—21); Корсаковъ (230); о недоразумѣніяхъ (Голубинскій, II, 280). Рака Леонтія оцѣнивалась въ 50 т. р. (Кар., XII, пр. 299 и Толстой, 30). Объ украш. соб. ц. еп. Кирилломъ II (Лавр. 1231).

[3]) О почитаніи Волоса въ Ростовѣ см. Гедеоновъ, I, 63—64.

[4]) Ж. Авраамія Ростов. (Пам. стар. л., I, 221—25; В. М. Ч. и отд.); Ключевскій, 35—38. Подробный разборъ сказанія объ Авраамiѣ въ скептическомъ направленіи (Голубинскій, 641—652); ср. Шмурло, VIII-й Арх. съѣздъ, стр. 80—82; А. П. Кадлубовскій, Оч-ки по ист. литер. жж. святыхъ, В. 1902 (1—43)—за литер. характеръ житія и заимствованія изъ визант. житій, причемъ дѣятельность самого Авраамія относится къ XIII и XIV вв. Но наименованіе болгар. муч. Авраамія „новымъ" (см. выше, с. 860, пр. 2) свидѣтельствуетъ, что Авраамій Рост. жилъ до него. Созданіе христіанскихъ храмовъ на мѣстѣ языческихъ или вблизи нихъ—обычное явленіе и на Западѣ (см. выше, стр. 176—177). Чудскій конецъ упоминается какъ въ Ростовскихъ писцов. книгахъ, такъ и въ мѣстныхъ сказаніяхъ (А. А. Титовъ, Ростов. уѣздъ 26).

грамотѣ и утвержденіе монашества въ Ростовскомъ краѣ. Леонтій и Исаія—были ученики Печерскаго монастыря, о которыхъ съ гордостью упоминаетъ потомъ Симонъ. Съ этого времени въ Ростовѣ идетъ рядъ епископовъ [1]), сначала для всей Ростовско-Суздальской земли, а затѣмъ, по выдѣленіи Владимирской и Суздальской епархіи (1215), районъ ея значительно измѣняется [2]). Уже подъ 1096 г. упоминается въ Суздалѣ дворъ Печерскаго монастыря (подворье) и при немъ монастырь св. Димитрія, считавшійся „митрополичьимъ", какъ основанный и надѣленный землями митр. Ефремомъ [3]). Затѣмъ, при его участіи, Владиміръ Мономахъ построилъ здѣсь соборъ Р. Богородицы, на мѣстѣ котораго Юріемъ II заложенъ былъ каменный въ 1222 г. [4]). Сынъ же Владиміра Мономаха, Юрій Долгорукій, по плану Печерской церкви, построилъ церковь Спаса во Владимирѣ [5]). Вообще, Юрій является дѣятельнымъ строителемъ какъ городовъ, такъ и церквей. Такъ, имъ построены церкви во Владимирѣ (св. Георгія), Суздалѣ (Спаса), Переяславлѣ (Спаса), Юрьевѣ, Константиновѣ (Кснятинѣ): „много каменныхъ церквей созда по Суздальской землѣ", говоритъ лѣтописецъ [6]). Уже при немъ замѣчается стремленіе (еписк. Несторъ) къ отдѣленію Рост. земли отъ кіев. митрополита, окончившееся неудачею [7]). Попытка Андрея Бог. въ этомъ направленіи (при еписк. Ѳеодорѣ) также потерпѣла неудачу и въ Константинополѣ, и въ Кіевѣ [8]). Но онъ не щадилъ средствъ, чтобы обставить свою резиденцію [9]) всѣми аттри-

[1]) Голубинскій, I, 557—559. Подъ № 5 стоитъ здѣсь Ефремъ, изъ печерскихъ монаховъ, при Владимірѣ Мономахѣ, но это митр. Ефремъ.

[2]) Константинъ Всев. строитъ церк. Преображенія въ Ярославлѣ, какъ своемъ удѣлѣ (Кар. III, пр. 208). При поставленіи въ ростовскіе епископы Кирилла II (1231), Лавр. лѣт. выражается, что онъ былъ поставленъ епископомъ Ростову, Ярославлю и Угличу (434); но и Устюгъ входилъ въ составъ Ростовской епархіи (П. С. Р. Л, I, 227; 2-е изд. 499); а въ 1396 г. лѣт. говорятъ о поставленіи Григорія епископомъ Ростову, Ярославлю, Бѣлоозеру, Угличу, Устюгу и Мологѣ (VIII, 69; ср. Лавр. л., 442, 449, 500; Карамзинъ, IV, пр. 182, 201; V, пр. 254). Устюгъ—десятина ростовскихъ епископовъ (см. ниже, с. 883, прим. 4).

[3]) Лавр. лѣт., 230; ср. Никонов., IX, 128; Воскресен., VII, 11. Ефремъ, какъ митр., упоминается въ 1089—96.

[4]) Лавр. лѣт., 390, 423.

[5]) IV-ая Новгор. лѣт. (годъ 1152); Патерикъ, cxxiii; замѣч. Голубинскаго, II, 279.

[6]) П. С. Р. Л., IX, 158, 196—197; ср. тт. IV, V и VII.

[7]) Корсаковъ, 100; Голубинскій, I, 558.

[8]) Ср. замѣч. Карамзина (III, пр. 28).

[9]) „И сотвори градъ каменъ", говоритъ лѣт. о Владимирѣ.

бутами церковнаго преимущества: великолѣпно отстроилъ соборъ Богородицы во Владимирѣ [1]) и поставилъ въ немъ образъ Богородицы, принесенный изъ Вышгорода, писанный, по преданію, евангел. Лукою [2]) и сдѣлавшійся вскорѣ мѣстною святынею всей сѣверо-восточной Руси и, при его же непосредственномъ участіи, открыты были мощи Леонтія и Исаіи [3]). Впрочемъ, Андрей Боголюбскій, Всеволодъ и Юрій II сосредоточили уже все вниманіе на Владимирѣ. Пользуясь пребываніемъ иностранныхъ художниковъ въ этомъ послѣднемъ и развитіемъ каменнаго дѣла („наши холопи каменьници“ называютъ владимирцевъ ростовцы [4]) въ краѣ, Андрей и его ближайшіе преемники воздвигаютъ въ разныхъ городахъ—новыя каменныя церкви [5]). При Всеволодѣ III еп. Іоаннъ I нашелъ уже своихъ мастеровъ („отъ клевретъ св. Богородицы и отъ своихъ“), литейщиковъ (олова), кровельщиковъ и извëстчиковъ, которые могли обновить соборъ Богородицы въ Суздалѣ, пришедшую въ ветхость [6]). Въ 1233 г. она была расписана и вымощена краснымъ и разноличнымъ мраморомъ [7]). Князь Святославъ Всеволодовичъ, разобравъ въ Юрьевѣ-Польскомъ каменную церковь св. Георгія, построенную Юріемъ Долгорукимъ, „создалъ чудную рѣзаннымъ камнемъ“. Онъ самъ былъ хорошимъ рѣщикомъ на камнѣ и собственноручно изукрасилъ эту послѣднюю [8]).

---

[1]) Вмѣсто сгорѣвшей деревянной церкви—поставилъ каменную (ж. Леонтія, Прав. Соб. 1858, № 2, стр. 311).

[2]) Карамзинъ, II, примѣч. 383. Подр. описаніе см. въ Ист. Вѣст. 1895, № 10, стр. 292—293.

[3]) О значеніи этого событія для Сузд. земли (ж. Леонтія, Прав. Соб. 1858, № 2, с. 317—18).

[4]) Лавр. подъ 1175. Камень бѣлый доставлялся изъ Болгаріи, а болгары славились искусствомъ въ каменныхъ постройкахъ (см. Кондаковъ, Рус. Древности, VI, 5—6; ср. Сборн. Арх. инст., II, 50—51).

[5]) Перечень ихъ см. Корсаковъ, 141—142. О количествѣ существовавшихъ церквей можно судить по общимъ выраженіямъ „много поставилъ церквей“ и показаніямъ о сгорѣвшихъ церквахъ во время пожара (Корсаковъ, 201).

[6]) Лавр. лѣт., 1194 (стр. 436). См. стр. 866.

[7]) Ibid. (стр. 437). Змѣевикъ сузд. Рожд. соб. (Георгія Всев.) и Эмаль Андрея Богол. (Вѣст. древ. рус. искус., 1874 76, №№ 4—5, с. 21—26; №№ 6—10, с. 73—75, статьи Г. Д. Филимонова.

[8]) Лавр., 433, 437; Твер. лѣт. (П. С. Р. Л., XV, 355). Камен. крестъ Святослава Всевол. въ Юрьевѣ-Польскомъ 1234 г. съ надписью (Лѣт. и Труды Общ. ист. и древ., V, 195—197; Срезневск., Памятн. языка, 107). Въ 1471 г. церк. эта („а рѣзаны на камени вси“) развалилась до земли; но части ея были собраны и возстановлены вновь (Ермолин. лѣт., Изв. Ак. Н. по Отд. рус. яз. и слов. 1903, IV, 78). О цц. въ Юрьевѣ-Польскомъ (Р. Стар. XV, 637—638; Я. Соловьевъ, 523—26).

Въ слѣдующій періодъ ростовскіе епископы избирались уже преимущественно изъ мѣстныхъ монастырей и, только съ подчиненіемъ Ростова московскимъ князьямъ, они б. ч. стали назначаться изъ Москвы. Въ ряду ихъ заслуживаютъ упоминанія: Кириллъ I, извѣстный своимъ богатствомъ, Кириллъ II (см. ниже, с. 872), Игнатій, заявившій себя суровымъ поступкомъ съ тѣломъ умершаго кн. Глѣба (онъ велѣлъ извлечь его изъ могилы подъ соборомъ и похоронить въ Спасскомъ мон.), за который потерпѣлъ осужденіе отъ м. Кирилла, признанный при погребеніи святымъ [1]; Арсеній I (съ 1365 г.), происходившій изъ князей ростовскихъ, при которомъ принялъ монашество Стефанъ Пермскій; Іаковъ I св. (1386—1392), Θеодоръ II, плем. Сергія Радонежскаго, дважды посѣтившій Константинополь по порученію вел. князя Дмитрія Ивановича (1383, 1389) и тамъ возведенный въ санъ архіеп. († 1395); Григорій (см. выше, с. 866, пр. 2); Діонисій, изъ игуменовъ Спасо-Каменнаго мон., родомъ грекъ (1418—1425); Θеодосій Бывальцевъ (1455—1461), назначенный изъ чудов. архимандритовъ, устроившій церковный соборъ въ Бѣлозерскѣ въ 1458, съ цѣлью исправленія нравовъ клира [2]), а съ 1461 г. бывшій митрополитомъ въ Москвѣ, но оставившій свой постъ (1465), потерпѣвъ опять неудачу въ борьбѣ съ недостатками клира († 1475 въ Троицкой лаврѣ [3]); Вассіанъ Рыло (1467—1481), извѣстный своимъ посланіемъ на Угру (1480); Іоасафъ I, происходившій изъ князей Оболенскихъ (1487—89), возведенный въ санъ изъ игуменовъ Кирилло-Бѣлозерскаго мон. [4]); Вассіанъ II Санинъ, братъ Іосифа Волоцкаго (1506—1515), оказавшій сильную поддержку послѣднему въ незаконной тяжбѣ его съ архіепископомъ новгородскимъ Серапіономъ; Давидъ (1574—1583 [5]), отлученный за склонность къ ереси, и Евθимій (1583—85), убѣжденный противникъ ученія „іосифлянъ" [6]).

[1]) Его преемникъ Тарасій, поссорившись съ кн. Конст. Борисовичемъ въ 1295 г., отправился въ Устюгъ, но князь поѣхалъ за нимъ и взялъ его подъ стражу вмѣстѣ со всѣми епископскими людьми; а въ 1299 онъ оставилъ епархію († 1304). Воскр. и Рост. лл. (Кар. IV, пр. 201).

[2]) Акты историч., I, №№ 57 и 64.

[3]) Карамзинъ, VI, 10; Толстой, 72—73. Его преемникъ Трифонъ, присланный также изъ Москвы (1462), высказалъ сомнѣніе въ святости мощей ярославскихъ князей Θеодора Ростиславича и сыновей его Θеодора и Константина, при открытіи ихъ (1463). Затѣмъ онъ впалъ въ разслабленіе и въ 1467 г. оставилъ епархію.

[4]) Сынъ князя Михаила Ивановича (Толстой, 74).

[5]) О ереси Давида см. Чт. въ Об. ист. 1847, № 3, с. 24—30; Карамз. IX, пр. 627.

[6]) Толстой, 76. Лѣтопись о ростовскихъ архіереяхъ, съ примѣч. А. А. Титова, Спб. 1890, стр. 19. Всѣхъ епископовъ до к. XVI в. въ Ростовѣ было 45.

Въ разсматриваемое время въ городахъ Рост. края и бл. нихъ были мон.: въ Ростовѣ—Богоявленскій (Авраамієвъ), Петровскій, постр. орд. ц. Петромъ, вблизи него, Іоанновскій (XIII в.), Спасскій жен., осн. княг. Маріей Мих. († 1271), Борисоглѣбскій, въ 15 в., на р. Устьѣ (1363), Григорьевскій (ок. 1365), Іаковлевскій, постр. еп. Іаковомъ (ок. 1389), Рождественскій (Богор.), осн. архіеп. Ѳеодоромъ; Троицкій-варницкій, близъ Ростова, на мѣстѣ двора родителей Сергія Радон., Бѣлогостицкій, основаніе котораго относятъ къ древнему времени; въ Суздалѣ—Борисо-Глѣбскій (до 1155), Космодаміанскій, Дмитріевскій, Ризположенскій жен. (1207), Александровскій жен., устр. Александромъ Нев., гдѣ погребались сузд. княгини, Спасо-Евѳиміевскій (1352), Покровскій жен. (1364); во Владимирѣ—Георгіевскій (съ 1129), Вознесенскій, упом. въ 1187 г., Богородичный въ Боголюбовѣ и Покровскій, близъ него, постр. Андреемъ Богол., Рожд. Богор. близъ княж. двора во Владимирѣ, Успенскій жен., постр. Всеволодомъ, и Цареконстантиновъ уп. до 1239 г.; въ Переяславлѣ—Никитскій, связанный съ именемъ стольника Никиты, одного изъ должностныхъ лицъ города, принявшаго монашество послѣ бурной жизни, проведенной въ сообществѣ съ мытарями и градскими судьями; въ Ярославлѣ:—Спасскій, осн. Константиномъ Всев., Петропавловскій, упом. въ 1186 г., Толгскій, близъ гор. (ок. 1314); въ Н. Новгородѣ—Богородицкій, постр. Юріемъ II; Печерскій (ок. 1330), Николаевскій, Зачатьевскій, жен. (XIV—XV в.); въ Костромѣ—Спасскій (1239) и Ипатьевскій (XIV в.); въ Галичѣ Авраамієвъ (XIV в.); въ Юрьевѣ-Польскомъ—Архангельскій, существ. во 2-й пол. XIII в., и Успенскій, упом. въ 1428 г.; въ Устюгѣ—Троицкій-гледенскій (XII в.) и Архангельскій (съ 1212 г.). Въ XV стол. упом. три мон. близъ Углича [1]).

III.

Съ раздѣленіемъ Ростовско-Суздальской области на удѣльныя княжества, развивается монастырская колонизація и возникаютъ новые монастыри въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ (см. ниже), главнымъ обр., обязанные своимъ началомъ Сергію Радон. и его ученикамъ [2]). Но раз-

[1]) Макарій, II, 36—45, 74; III, 37—47; IV, 172—175, 192—196; Голубинскій, II, 638—641; Гр. Толстой (Древн. Ростова Вел.); Корсаковъ, 137, 200—224.

[2]) Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя назв. мѣстностей съ именемъ „пустыни" (Корсаковъ, 215). Епифаній въ ж. Сергія выражается „исказиша пустыню и не пощадѣша и составиша села и дворы многи", а въ церк. пѣснѣ Сте-

дѣленіе это, въ свою очередь, отразилось на церковныхъ отношеніяхъ. Если Юрію I и Андрею Боголюбскому не удалось видѣть отдѣленія Ростовской епархіи отъ зависимости къ Кіеву, то, вслѣдствіе татарскаго ига и политическихъ условій южной Руси, сѣверъ становится притягательнымъ центромъ для представителей церкви: митр. Кириллъ часто наѣзжаетъ сюда, долго живетъ во Владимірѣ и въ 1282 г. кончаетъ жизнь въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ [1]; преемникъ его Максимъ хотя и поставленъ былъ въ Кіевъ (1283), но, послѣ многихъ странствованій, въ 1299 г. окончательно поселяется во Владимірѣ, перемѣстивъ отсюда еп. Симеона въ Ростовъ. Митр. Максимъ скончался и погребенъ былъ уже не въ Кіевѣ, гдѣ по прежнему считалась митрополичья каѳедра, а во Владимірѣ, въ соборной церкви Богородицы [2]). Въ 1235 г., преемникъ м. Максима, Петръ переноситъ свою резиденцію изъ Владиміра въ Москву, содѣйствуя тѣмъ утвержденію ея политическаго господства [3]).

Съ распространеніемъ христіанства и возникновеніемъ монастырей явилась потребность въ памятникахъ церковной письменности. Объ этомъ должны были уже позаботиться первые дѣйствительные епископы Ростовской земли—Леонтій и Исаія, но ихъ преемники и князья не менѣе цѣнили книжное просвѣщеніе. Какъ видно, и здѣсь продолжали поддерживаться связи съ Греціей. Библіотекѣ Троицкой лавры принадлежитъ рукопись: „Житіе Нифонта“ (константинопольскаго), переписанная въ Ростовѣ въ 1219 г. (а быть можетъ и переведенная здѣсь) двумя писцами (Іоанномъ и Алексѣемъ) при князѣ

фану Перм., какъ похвала ему, говорится: „пустыни населилъ еси“. Такъ, на простр. одной Владимірской губ., въ теченіе каждаго стол., полагаютъ по 19 мон., вновь возникшихъ (Я. Соловьевъ, 535).

Вел. князья погребались въ владим. и ростов. соборахъ; удѣльные въ соборахъ и монастыряхъ своихъ княжествъ (см. Я. Соловьевъ, Ратшинъ, Звѣринскій и др., а также лѣтописи). Кн. Борисъ Юр. былъ похор. въ Бор.-Глѣб. ц. въ Кидекшѣ, постр. отцомъ его въ честь Бориса и Глѣба, гдѣ было ихъ становище (1159), а также ж. Бориса Юр. Марія и дочь Евфросинія (Лавр. 331, 394, 446; ср. Ратшинъ, 45). Въ подвалѣ ц. Бѣлогост. мон.—гробницы кн. Темкиныхъ-Рост., а въ ризницѣ его—много дорогихъ вещей, ими подаренныхъ (Семеновъ, I, 361).

[1]) Макарій, IV, 10—11. Тѣмъ не менѣе тѣло его, перенесенное сначала во Владиміръ, отправлено было въ Кіевъ и погребено въ Соф. соборѣ.

[2]) Макарій, IV, 15, 108. О Симеонѣ, Сузд. л. по Акад. сп., гг. 1295, 1296, 1299.

[3]) Макарій, IV, 20—23, 110—112 Впослѣдствіи Ростовская еп. продолжала, по количеству крестьянъ, занимать первое мѣсто послѣ патр. и въ числѣ первыхъ стоитъ по количеству монастырей (Никольскій, Кир. Бѣлоз. мон., прилож., сс. III, VI).

Василькѣ Константиновичѣ и епископѣ Кириллѣ (I), который испрашиваетъ себѣ въ записи избавленіе отъ вѣчныхъ мукъ,—очевидно по его иниціативѣ переписана и рукопись[1]). Въ XIII в., въ соб. ц. Богородицы, при еп. Кириллѣ II (1231—61) пѣли на правомъ клиросѣ порусски, а на лѣвомъ погречески[2]); а нѣсколько позже Стефанъ Пермскій научился погречески въ рост. Григорьевскомъ мон. [3]). Въ XIV в. сдѣланъ былъ переводъ Діоптры Филиппа Пустынника (1095 г., это поэма, состоящая изъ пяти книгъ или словъ, писанныхъ стихами, въ которыхъ душа бесѣдуетъ съ тѣломъ о предметахъ догматическихъ и нравственныхъ) *ростовцемъ*, дошедшій до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ[4]). Полагаютъ также, что въ 1385 г. въ Ростовѣ переведена Дмитріемъ Зоографомъ (т. е. живописцемъ) „Похвала Богу о сотвореніи всея твари", Георгія Писидійца[5])—писателя VII в.—это поэма, написанная въ подлинникѣ ямбическими стихами и представляющая важный комментарій къ иконописному искусству[6]), а появленіе перевода ея записано и въ лѣтопись[7]). Прибавимъ, что на ростовской

---

[1]) Филаретъ, Обзоръ, 56; Срезневскій, Памятники, 93; Строевъ. 141, 412; Мистич. пов. о Нифонтѣ, Н. Костомарова. Монографіи, I, 291--325; Д. В. Полѣновъ (Изв. Акад. Наукъ, X, 374—387); Изд. Общ. люб. древ. письм., №№ xxxix, lxii, lxx.

[2]) Сказ. о Петрѣ ц-чѣ ордын. (Прав. Соб. 1859, № 3, с. 362).

[3]) Ж. св. Стефана (Пам. стар. рус. литер., IV, 119—171, по рукоп. XVI в.); изд. Арх. ком., по рук. XV-XVI в., Спб. 1897; П. Д. Шестаковъ, Св. Стефанъ, еп. великопермскій (Уч. Зап. Казан. унив. 1868, кн. IV); отрывки, Макарій, IV, 341--351; Христом. Буслаева, 745--750; ср. Ключевскій, 92—98.

[4]) Опис. рукоп. Синод. библ. № 171; Рукоп. гр. Толстого, I, № 7; Филаретъ, 17; Срезневскій, 255; Костомаровъ, loc. cit., 294; Замѣтка о Діоптрѣ, М. В. Безобразовой (Жур. М. Н. Просв. 1893, № 11, с. 27—47). Списокъ „Діоптры" к. XIV в. Публ. библ. (= Толст., на 132 лл.), пергаменный, принадлежавшій нѣкогда Кирилло-Бѣлозер. мон., имѣетъ интересное послѣсловіе. Писецъ обращается въ немъ „къ начеиншему и совершившему сию божеств. книгу, глаголемую еллинскою рѣчью „Диоптру", *нашею же рекше ростовскою* рѣчию Зерцало, брату кир-Зиновію". Авторъ замѣтки не называетъ себя по имени, но обнаруживаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія и въ греческомъ языкѣ (Соболевскій, Южно-славянское вліяніе на рус. письмен. въ XIV—XV вв., 23).

[5]) Соболевскій, ibid., стр. 10.

[6]) Замѣчанія о ней см. у Тихонравова въ рец. на Ист. рус. словесн. Галахова (Отчетъ о 19 присужд. наградѣ гр. Уварова, 57—62); И. А. Шляпкинъ, Георгій Писидійскій и его поэма о міротвореніи въ славянорус. переводѣ 1385 г. (Ж. М. Н. Пр. 1890, № 6 и отд.); Замѣчанія къ тексту „Шестоднева Георгія Писидійскаго", П. В. Никитина (ibid. 1888, № 1, с. 1—29).

[7]) Никонов. лѣт. IV, 146; Татищ., IV. 313; какъ о Діоптрѣ въ Твер. лѣт. стр. 135. И западные лѣт-цы иногда отмѣчаютъ появленіе литературныхъ произведеній. Въ Фульдскихъ лѣт. читаемъ: „Rhabanus quoque, sophista et sui temporis poe-

епископіи сидѣли иногда греки (Матѳей, 1381—1385; Діонисій, 1418—1425).

Если не принимать даже извѣстій Татищева о дѣятельности ростовскаго князя Константина Всеволодовича на пользу просвѣщенія, то отзывы мѣстной лѣтописи о его любви къ книгамъ и духовнымъ бесѣдамъ, которую онъ старался сообщить и своимъ дѣтямъ („и книжнаго поученія слушайта" [1]), свидѣтельствуютъ о значительномъ интересѣ этого князя къ книгамъ. Напомнимъ, что онъ былъ современникомъ епп. Симона, Пахомія [2]) и Кирилла I, о богатствѣ котораго кунами, селами и *книгами* съ удивленіемъ говоритъ лѣтописецъ [3]). Ближайшій преемникъ его Кириллъ II (1231—1262) называется лѣтописцемъ „учительнымъ", а слова его записывались въ церкви авторомъ извѣстія о немъ, помѣщеннаго въ лѣтописи [4]). Безъ сомнѣнія обоимъ Кирилламъ принадлежитъ рядъ поученій, приписываемыхъ „еп. Кириллу", безъ точнаго указанія автора [5]); одинъ изъ послѣдующихъ епископовъ, Прохоръ (1311—1328), взятый изъ игуменовъ Спасскаго мон. въ Ярославлѣ, съ именемъ котораго связывается основаніе Толгскаго мон. въ 1314 г., составилъ житіе митр. Петра, которымъ пользовался Кипріанъ, при составленіи болѣе пространнаго житія, и канонъ митр. Петру [6]). Въ 1346—56 въ Ростовѣ былъ еписк. (изъ москов. Спасскаго мон.) Іоаннъ II, о которомъ лѣт-цъ

tarum nulli secundus, librum, quem de laude sanctae crucis Christi, figurarum varietate distinctum, difficili et mirando poemate composuit, per Aschricum et Ruotbertum, monachos monasterii Fuldensis, Sergio papae sancto Petro offerendum transmisit (Pertz, Monum. Germ., I, an. 844).

[1]) Лавр. лѣт., 1218 г. Въ лѣт. о немъ замѣчено, что онъ въ своей волости „многы церкви създа, въображая чудными въображеніи св. иконъ, испълняя *книгами* и всякыми украшеніи".

[2]) По утвержденіи своемъ во Владимирѣ (1216), Константинъ оставилъ 7-лѣтняго сына Василька въ Ростовѣ, на попеченіе еп. Пахомія, извѣстнаго своею книжностію („исполненъ книжнаго ученья").

[3]) Лавр. лѣт., г. 1223. Ср. Замѣтку А. И. Соболевскаго: „Остатки библіотеки XIII в."—о ростовской библ. еп. Кирилла (Библіографъ 1889, №№ 6—7, с. 144—145). Здѣсь авторъ высказываетъ догадку о принадлежности нѣкоторыхъ сохранившихся до сихъ поръ книгъ отъ XIII в. библіотекѣ еп. Кирилла. Нѣкоторыя изъ нихъ писаны были по его заказу. Поэтому отзывъ о немъ мѣстнаго изслѣдователя противорѣчитъ сказанному (А. А. Титовъ, Лѣтоп. о ростов. архіереяхъ, съ примѣч., стр. 8, прим. 14).

[4]) Лавр. лѣт., гг. 1231, 1262.

[5]) Филаретъ, Обзоръ, 57—58.

[6]) Филаретъ, 69, Макарій, Матеріалы для исторіи рус. церкви, Харьк. 1862; Ключевскій, 74—77.

выражается, что онъ былъ „мужъ честный, сказатель книгъ, разумный и словесный“ [1]). Заслуживаетъ также вниманія, что изъ Ростовской области вышли два извѣстныхъ дѣятеля въ исторіи просвѣщенія сѣверо-восточной Руси. Это Сергій Радонежскій, основатель Троицкаго мон. въ предѣлахъ Москов. княжества (ок. 1341 г.), много содѣйствовавшій распространенію монастырей на сѣверѣ, и Стефанъ Пермскій. Первый происходилъ отъ обѣднѣвшихъ, но извѣстныхъ бояръ, которые, спасаясь отъ насилій воеводы московскаго кн. Ивана Калиты (Кочева), переселился въ Радонежъ. Эпизодъ объ этомъ насиліи (1330 г.) занесенъ и въ житіе Сергія [2]). Стефанъ Пермскій, родомъ устюжанинъ [3]), постригся въ монахи въ Ростовѣ, въ мон. Григорія Богослова, „яко *многи книги* бяху ту“, прибавляетъ повѣствователь его жизни. Здѣсь же онъ познакомился съ греческимъ языкомъ [4]), и, какъ устюжанинъ, зналъ зырянскій [5]). Такимъ образомъ онъ сдѣлался просвѣтителемъ зырянъ, составителемъ зырянскаго алфавита и переводчикомъ богослужебныхъ книгъ на зырянскій языкъ (1378—1396 [6]); а о книжныхъ интересахъ въ означенномъ монастырѣ сви-

---

[1]) Лавр. лѣт., 504. Недавно было изд. его поученіе въ недѣлю цвѣтную, по рукоп. XVI в. (Отч. Имп. Публ. библ. за 1894 г., 39—40. 338).

[2]) Житіе прен. Сергія чуд-ца и похв. слово ему Епифанія, архим. Леонида, изд. Общ. люб. древ. письм., № LVIII, 18*4; Никон. лѣт., 1-е изд., IV, стр. 204; П. С. Рус. лѣт., XIII, 128; Филаретъ, 25 сент., 129—130; Карамзинъ, IV, пр. 172. Переселеніе его въ Рад. относятъ ко времени послѣ 1332 г. (Ключевскій, Жж., 107).

[3]) Отецъ его Симеонъ собралъ свѣдѣнія о Прокопіѣ, устюжскомъ юродивомъ, и его изреченія, на основаніи которыхъ составилъ записку о немъ (Рукоп. Ундольскаго, № 362; Филаретъ, Обзоръ, 70; Ключевскій, Житія, 277).

[4]) Памятн. старин. рус. лит., IV, 121—122. По вопросу о греч. языкѣ ср. еще: „Борьба школьныхъ вліяній въ до-петров. Руси“, К. Харламповича (Кіев. Стар. 1902, №№ 7—8, сс. 7—10).

[5]) Восторженныя похвалы ему, какъ учителю, Епифанія, который говоритъ, что онъ имѣлъ у себя греческія книги и переводилъ на зырянскій („пермскій“) языкъ съ русскаго и греческаго яз. (ibid., 122, 134), а также занимался списываніемъ книгъ (147). Своихъ учениковъ изъ новокрещенныхъ онъ заставлялъ учить другихъ и списывать книги (136). Стефану Перм. принадлежалъ „Сборникъ“, находившійся въ XVII в. въ Хутынскомъ м. (Опись книгъ Степен. монаст., Чт. Общ. ист. 1848, № 6, подъ № 1886; Филаре[illegible], Обзоръ, 84).

[6]) П. Д. Шестаковъ, Чтеніе древнѣйшей зырянской надписи, единственнаго сохранившагося до сего времени памятника времени св. Стефана Великоперм. (Ж. М. Н. Пр. 1871, № 1, с. 29—46); П. И. Савваитовъ, О зырян. деревян. календаряхъ и перм. азбукѣ, изобр. св. Стефаномъ (Тр. 1-го Арх. съѣзда, II, 408—416); И. С. Некрасовъ, „Пермскія письмена въ рукоп. XV в.“, Од. 1890. „Пермскія письмена можно характеризовать стремленіемъ удалиться отъ славянскихъ и греч. письменъ

дѣтельствуетъ самъ Епифаній, сообщая о бывшихъ спорахъ своихъ со Стефаномъ „о нѣкоихъ приключеніяхъ“, о какомъ нибудь словѣ, стихѣ или строкѣ. По словамъ Епифанія, Стефану принадлежали посланія къ вел. кн. Дмитрію Ивановичу объ уменьшеніи налоговъ на пермскій народъ и митр. Кипріану о новокрещенныхъ пермякахъ и ихъ странѣ [1]). Полагаютъ, что ему принадлежитъ и посланіе противъ стригольниковъ, приписываемое раньше патр. Антонію [2]).

Епифаній былъ уроженецъ Ростовской земли и жилъ одно время со Стефаномъ Пермскимъ въ Ростовѣ; онъ былъ большой цѣнитель книжной мудрости [3]), за что и прозванъ „премудрымъ“. Его постоянныя ссылки на Священное писаніе и на Палею, знакомство съ исторіей алфавитовъ, похвалы греческому языку и употребленіе греческихъ словъ обнаруживаютъ въ немъ любознательнаго книжника [4]). Затѣмъ мы его видимъ въ числѣ учениковъ Сергія въ Троицкомъ мон., а по смерти его—онъ побывалъ на Аѳонѣ, въ Константинополѣ и въ Іерусалимѣ, однако не былъ ревностнымъ защитникомъ этихъ странствованій (ср. выше, стр. 212—213); онъ скончался ок. 1420 г. Епифаній привелъ въ порядокъ существовавшія до него записи („ова въ свитцѣхъ, ова въ тетрадѣхъ, а еще и не по ряду, но предняя позади, а задняя напереди“) о Сергіѣ и дополнилъ ихъ свѣдѣніями, собранными отъ современниковъ послѣдняго; но житіе это, по рукописямъ, извѣстно лишь въ позднѣйшихъ спискахъ (XVI—XVIII стол.), а болѣе распространено было въ краткой передѣлкѣ—Пахомія Логоѳета [5]).

при знакомствѣ изобрѣтателя съ письменами еврейскими“ (ibid., 6; у русскихъ писцовъ XV в. пермскія письмена играли роль „криптографіи“, ib. 5); Пятисотлѣтіе Зырянскаго края, Г. С. Лыткина, съ изобр. зырян. азб., съ прилож. о зырян. святцахъ, письмен. и литургіи (Ж. М. Н. Пр. 1883, № 12); По вопросу о зырян. языкѣ и зырян. грам., отв. на замѣч. А. П., его же (ib. 1884, № 12; замѣч. напеч. тамъ же).

[1]) Лѣтописецъ XV в. въ некрологѣ о Стефанѣ Пермскомъ замѣчаетъ: „есть же отъ житія его и книги сложены, имущи тетрадей съ двадесятъ; здѣсь же мало нѣчто изрекохъ о немъ“ (П. С. Р. Л., VIII, 69—70). Очеркъ лѣтописца составленъ по житію, написанному Епифаніемъ. Поздн. изслѣдователи отмѣчаютъ у послѣдняго своего рода „ростовскій патріотизмъ“ (И. Некрасовъ, Нач. націон. литер., 86).

[2]) Филаретъ, Обзоръ, 84—86; Макарій, V, 182, 420—422; А. С. Павловъ въ примѣч. къ изд. канон. памятниковъ (Р. Ист. библ., VI, 211); о монаст. имъ осн-хъ (Макарій, IV, 208).

[3]) „Всякъ книжникъ, говоритъ онъ, научився царствію небесному, подобенъ есть человѣку дѣловитому, иже износитъ изъ сокровищъ своихъ ветхая и новая“ и т. п. (Памятн. стар. рус. литер., IV, 134).

[4]) Ibidem, 122, 134, 151—154.

[5]) Ключевскій, Житія, 99, 100, 107.

Произведенія Епифанія принадлежатъ къ числу самыхъ обширныхъ древне-русскихъ житій и отличаются замѣчательною витіеватостью (онъ умудряется подобрать для характеристики лица до 25 эпитетовъ), которая давала уже себя чувствовать въ житіяхъ этого періода, подъ вліяніемъ тогдашней славянской письменности [1]).

Въ житіи Іакова, епископа ростовскаго (1385—1392) находимъ любопытныя черты, касающіяся церковной жизни города. При немъ явился еретикъ Маркіанъ „армяновѣръ", по обыкновенію еретиковъ „зѣло хитръ въ словесахъ и въ писаніи книжномъ коваренъ". Онъ проповѣдывалъ, однако, противъ почитанія образовъ, какъ идоловъ, и другихъ обрядовъ и имѣлъ успѣхъ не только среди народа, но и между боярами, и у самого князя [2]). По этому поводу состоялось публичное преніе епископа съ еретикомъ, въ присутствіи князя, бояръ и народа, и еретикъ, будучи побѣжденъ, былъ изгнанъ изъ города [3]). Духовная побѣда эта воспѣвается и въ церковныхъ пѣсняхъ [4]). Другіе полагаютъ, что ученіе его стояло въ связи съ вліяніемъ магометан-

---

[1]) Ключевскій, 93, 100, 102, 112. Епифанію принадлежитъ также „похвальное слово Сергію", отличающееся подобными же качествами, но подвергшееся постороннимъ вставкамъ.

На основаніи литературныхъ пріемовъ автора нѣкоторые (Шевыревъ, впрочемъ Филаретъ возражаетъ ему, 94) приписываютъ Епифанію „Сказаніе о житіи и преставленіи вел. князя Димитрія Ивановича", внесенное въ лѣтопись (П. С. Р. Л., IV, 351—357; VI, 104—111; VIII, 53—60); а также „Сказаніе Епифанія мниха о пути въ св. градъ Іерусалимъ" (Обзоръ, 98).

[2]) Вѣроятно князя Александра Константиновича, въ монаш. Андрея († 1404, Сузд. лѣт. по Акад. списку, 510).

[3]) Макарій, IV, 247—248. Отрывки изъ житія св. Іакова въ Опис. Спасо-Яковлев. мон., Спб. 1849, с. 6—7; Св. Іаковъ, еп. ростовскій, состав. В. Талицкій, по рукоп. А. А. Титова, Яросл. 1892.

[4]) Армяне сами по себѣ вызывали вражду. М. Кипріанъ писалъ игум. Аѳанасію: „Армянская же ересь гнуснѣйши паче всѣхъ ересей; сего ради не достоитъ православному христіанину общеніе имѣти съ ними." (Русск. Историч. библ., VI, 250). Отвращеніе къ армянской ереси рано проникло въ русскую письменность (Памятн. XII в., изд. Яковлева, с. cxxxiv). Въ Кормчей (XVI в.) встрѣчается подр. статья объ армянской ереси съ грубыми разсказами до патріарха-женщины включительно (Опис. рук. Рум. м., с. 303); а въ обрядѣ анаѳематствованія ихъ предавали осужденію наравнѣ съ прочими еретиками (Павелъ Алеп., Путеш., вып. III. с. 133, съ примѣч. о поздн. исключеніи), хотя они мирно торговали въ Москвѣ (Сборн. Р. Ист. общ., XLI, 282—286, 295, 303, 391—97, 401). Въ лѣтописи вносятся обширныя обличительныя статьи противъ армянъ (Никон., II, 47—50; 2-е изд., I, 144—149; ср. Греческія сказки объ армян. вѣрѣ, перешедшія въ нашу древ. письмен.. архим. Леонида, Чт. въ Общ. ист. 1879, I, с. 1—4). Копты и ар-

ства [1]), имѣвшаго иногда успѣхъ и въ средѣ духовенства (припомнимъ сборщика дани—монаха Зосиму, убитаго толпою въ Ярославлѣ въ 1262 г. [2]). Заподозрѣнный „въ нечистой жизни“ (подобно Іоанну II новгор. и Василію рязанскому), Іаковъ удалился изъ города и положилъ основаніе Іаковлевскому мон., въ которомъ и умеръ (1391).

Книжные интересы и позже продолжали имѣть мѣсто въ Ростовскомъ краѣ. Такъ, свящ. Георгій Скрипица извѣстенъ своимъ посланіемъ на соборъ 1503 г., направленнымъ противъ запрещенія служить вдовымъ священникамъ [3]; а неизвѣстному жителю Ростовскаго края принадлежитъ составленіе (въ 1534 г.) лѣтописнаго сборника, носящаго названіе Тверской лѣтописи [4]) и заключающаго въ себѣ выписки изъ разныхъ лѣтописей и собственно Тверскую лѣтопись, авторъ котораго хотя и заявляетъ, что онъ не обученъ былъ „докторскому наказанію“, чтобы сочинять повѣсти и украшать ихъ премудрыми словесы, яко же обычай имуть риторы [5]); но эта оговорка—обычный литературный пріемъ того времени. Напротивъ, составитель сборника воспользовался обширнымъ матеріаломъ (лѣтописи, сказанія, повѣсти, житія и т. п.), свидѣтельствующимъ о значительномъ запасѣ его свѣдѣній и о сознательномъ пользованіи ими.

При указанныхъ выше условіяхъ, въ Ростовскомъ княжествѣ должны были установиться болѣе прочныя литературныя условія. Въ Ростовѣ были свои опытные писцы [6]). Кромѣ того, до насъ дошелъ циклъ религіозныхъ сказаній, касающихся наиболѣе выдающихся явленій церковной жизни Ростовскаго края. Сюда относятся: 1) жи-

---

мяне не еретики (Порфирій, Дневники, VII, 324): вліяніе грековъ въ этомъ отношеніи (II, 87, 192; ср. Русскую Мысль 1896, № 11, с. 114); М. Троицкій. Изложеніе вѣроуч. армян. церкви. Спб. 1873. А. Аннинскій, Ист. армян. церкви (до XIX в.). Кит. 1900.

[1]) Филаретъ. Житія. ноябрь, 467—69.

[2]) Карамзинъ, IV, 55, прим. 105 и 106; Лавр. лѣт., стр. 453, 497.

[3]) Чтенія въ Общ. ист. и древн. 1847, № I. Мѣстныя преданія о немъ, какъ внукѣ кн. И. П. Шубы, потомка ц-ча Петра (Титовъ. Ростов. уѣздъ, 58. 228).

[4]) Напеч. въ П. С. Р. Л., т. XV-й.

[5]) Твер. лѣт., стр. 142.

[6]) Журналъ Мин. Нар. Пр. 1897, № 11, сс. 77, 82; Опис. рук. Солов. мон., I, с. 191; Опис. рук. Рум. м., с. 245. Рукописи, наход. въ Яросл. архіер. домѣ, убѣждаютъ въ раннемъ происхожденіи нѣк. изъ нихъ, писан. въ предѣлахъ Рост. Яросл. области (Ист. Вѣст. 1899, № 2. с. 748). Въ 1545 г. ростовцемъ Богд. Якимовичемъ была переписана весьма четко и красиво рукопись, содерж. переводъ толкованій Іоанна Злат. на Еванг. Іоанна, сдѣланный Максимомъ Грекомъ, по повел. В. М. Тучкова-Морозова (Строевъ. Библ. Словарь, 200—201).

тіе епископа Леонтія, одно изъ наиболѣе распространенныхъ въ древнерусской письменности (всѣ извѣстные списки дѣлятся на 6 редакцій, древн. списокъ XIII—XIV в.), сказанія о которомъ сохранили несомнѣнные слѣды своего происхожденія, современнаго Андрею Боголюбскому [1]). Далѣе слѣдуютъ: 2) житіе епископа Исаіи (въ двухъ редакціяхъ [2]), при составленіи котораго авторъ пользовался ж. Θеодосія Печерскаго, печерскимъ Патерикомъ, лѣтописью Нестора и мѣстными преданіями; 3) житіе Авраамія Ростовскаго, дошедшее до насъ въ 3-хъ редакціяхъ [3]), съ значительными анахронизмами и легендарными эпизодами; 4) житіе ордынскаго цар-ча Петра, распространенное во многихъ спискахъ и отличающееся бытовыми чертами, представляетъ повѣсть, чуждую агіографическимъ пріемамъ и составленную съ цѣлью доказать неоспоримость правъ потомства ц-ча Петра и монастыря, основаннаго имъ, на земли и воды, купленныя послѣднимъ у ростовскаго князя Бориса, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ тяжбы, въ которой правнуки Бориса оспаривали эти права; какъ полагаютъ, не позже XIV в. [4]); 5) житіе епископа Игнатія, написанное

---

[1]) Ключевскій, 6—7. Древнѣйшій списокъ первой редакціи въ синод. Прологѣ XIII-XIV в., другой, XV в., въ синод. Сборникѣ; прочіе списки въ синод. Сборн. бывш. Волоколамской библ. (нынѣ моск. епарх.), Макар. Чт. мин., сборн. Унд. и др. (см. тамъ же, стр. 6, примѣч. 1; Макарій, Ист. церкви, II, примѣч. 23). По спис. Солов. библ. XVI в. житіе первой ред. напеч. въ Правосл Собесѣдникѣ 1858, № 2; житіе въ третьей ред. напеч. А. А. Титовымъ (Яросл. Губ. Вѣд. 1892, № 23) и четвертой ред. имъ же по сборнику собственной библ. (Чт. Общ. Ист. и древн. рос. 1893, кн. IV, стр. 1-35). Перечень всѣхъ списковъ Н. Барсуковъ, Источники русской агіографіи стр. 323—329. См. еще объ отношеніи житія къ мѣстной лѣтописи (ниже). Іоаннъ еп. ростов. (1190—1214), при которомъ установлено празднованіе памяти Леонтія (1194), написалъ канонъ въ честь его (Голубинскій, I, 688); см. „сказанія о мощахъ и чудесахъ“, „похвалы“ и поученіе о немъ (Барсуковъ, 327—329).

[2]) Списки 1-й ред. Солов. 6, Рум. сборн., 2-й ред. Макар. Ист. ц. (Синод. библ.), Синод. сборн., Румянц., Ундольск. По списку Солов. библ. (XVI в.) напеч. въ Прав. соб. 1858, № 3; см. Ключевскій, 22—26; Филаретъ, май; Н. Барсуковъ, Рус. агіогр. 227—233.

[3]) Ключевскій, 26—38. Списки XVI—XVII в.; ср. Макарій, I, 157—158, 203—205; Н. Барсуковъ, 1—5. О редакціяхъ житія, М. И. Соколова (Тр. VIII Арх. съѣзда, т. II, с. 236—241); ср. выше стр. 865, пр. 4.

[4]) Ключевскій, 38—42; Филаретъ, Рус. святые, 29 іюня; Н. Барсуковъ, 453—456; напеч. въ Правосл. Соб. 1860 г., т. I; отрывки у Макарія, IV, 339—341. Ср. Ростовская легенда о Петрѣ ц-чѣ ордынскомъ, Буслаева (Очерки литер. II, 155-169). Въ ж. Петра читаемъ: „Дай же Господи Петрову сему роду соблюденіе и умноженіе“, — слѣдов. это писано еще при потомкахъ Петра (Филаретъ, Обзоръ, 112).

тѣмъ же авторомъ, по пріемамъ обычныхъ житій, причемъ главную часть составляетъ описаніе чудесъ, но съ точнымъ обозначеніемъ именъ лицъ и хронологическими данными относительно времени управленія и смерти епископа, указывающими, что авторъ пользовался, между прочимъ, современною запискою [1]); 6) житіе Исидора, ростовскаго юродиваго, XV в., проникнутое легендарнымъ характеромъ, но заслуживающее вниманія по связи своей съ новгородскими преданіями [2]); 7) повѣсть о Борисоглѣбскомъ монастырѣ, относящаяся къ началу 2-ой половины XVI в., восполняющая отсутствіе житія ея основателей—Ѳеодора († 1409) и Павла, писанная въ самомъ монастырѣ и передающая событія въ простомъ, но ясномъ и фактическомъ разсказѣ, который отводитъ ей видное мѣсто въ ряду сказаній этого рода [3]). Назовемъ еще князя Василія (Василька) Константиновича (уб. татарами въ 1238 г.), еписк. Іакова († 1395), архіеп. Ѳеодора († 1394), о которыхъ сохранилась память въ краткихъ запискахъ и церковныхъ записяхъ [4]). Циклъ религіозныхъ сказаній постепенно пополнялся и распространялся, какъ можно видѣть изъ отдѣльныхъ записей, такъ и позднѣйшихъ редакцій житій [5]). Наконецъ упомянемъ, что въ Имп. Публ. библ. находится „Сборникъ житій ростовскихъ святыхъ", заключающій въ себѣ по нѣсколько списковъ

[1]) Ключевскій, 42—43; Н. Барсуковъ, 205-210: „Мѣстное чествованіе его началось съ его кончины" († 28 мая 1288, П. С. Р. Л. IV, 44). Въ 1480 г. архіеп. Вассіанъ Рыло, въ посланіи своемъ на Угру, призываетъ помощь Леонтія, Исаіи и Игнатія ростовскихъ „чюдотворецъ" (П. С. Р. Л., VIII, 213). О древнемъ образѣ съ ихъ изображеніями, находившемся въ замкѣ Шлесгеймѣ близъ Мюнхена (Строевъ, Памятн. слав. рус. литер., хран. въ библ. Германіи и Франціи, М. 1841, 144—145), а потомъ доставшемся кн. П. П. Вяземскому (Барсуковъ, 209).

[2]) Ключевскій, 280—281; перечень списковъ житія и службы у Н. Барсукова 231-233. Почитаніе Исидора возникаетъ съ XV в., а Иванъ Грозный приписывалъ его молитвамъ взятіе Полоцка въ 1563 г. (Акты историч., I, 320).

[3]) Ключевскій, 281. Повѣсть XVI в. издана Общ. люб. древн. письменности подъ тѣмъ же заглавіемъ (Спб. 1892); также Яр. Еп. Вѣд. 1873, с. 17—21.

[4]) Современная записка о кончинѣ Василька Константиновича помѣщена въ лѣтописяхъ, въ Степенной книгѣ I, 338—340 и Прологѣ. О ж. Іакова мы упоминали выше. Ср. Филаретъ, мартъ, 38—45; ноябрь, 467—470. Въ грамотѣ Іоанна Грознаго (1563) Іаковъ призывается на помощь вмѣстѣ съ другими рост. чудотворцами (Ист. Ак. I, 320; IV, 172; Ак. арх. экспед., I, 241). Епифаній собирался написать житіе Ѳеодора (Ключевскій, 353; Барсуковъ, 593); позднѣйшее (полов. XVII в.) имѣетъ компилятивный характеръ (ср. Филаретъ, ноябрь, 474—478).

[5]) Филаретъ, Обзоръ дух. литер., 112; Агіогр. Барсукова.

одного и того же житія [1]) и такіе же сборники имѣются въ мѣстныхъ библіотекахъ [2]). Этотъ послѣдній очевидно составленъ былъ въ Ростовѣ и, по словамъ мѣстныхъ изслѣдователей, принадлежалъ лицу, хорошо знакомому со своей епархіей. Такимъ образомъ, означенные сборники являются какъ бы мѣстнымъ Патерикомъ.

Многіе памятники ростовской старины погибли безслѣдно. Если причиною тому служили нерѣдко опустошенія и междоусобія, которымъ подвергалась Ростовская земля (см. в., стр. 862, пр. 1), то еще болѣе тяжкій періодъ наступилъ для нея со времени господства татаръ. Правда въ ханскихъ ярлыкахъ на первыхъ же порахъ ограждается церковное имущество отъ всякаго посягательства на него подъ страхомъ смертной казни и въ частности подъ защиту закона берутся „книги [3]"); но эти добрыя желанія не всегда были такими на самомъ дѣлѣ: такъ, напр. въ 1282 г., когда потерпѣла отъ татаръ вся Ростовско-Суздальская земля (Ростовъ, Суздаль, Владимиръ, Юрьевъ), причемъ были сожжены и ограблены дома, монастыри, церкви и церковные сосуды,—образа и книги подверглись лишенію богатыхъ украшеній и переплетовъ [4]); въ 1316 г. жертвою грабежа сдѣлался Ростовъ; въ 1318 г. татары опустошили Кострому и Ростовъ, похитивъ при этомъ церковныя сокровища [5]). Нападеніе Едигея въ 1408 г. опять сопровождалось грабежомъ церквей и монастырей [6]). Смутное время, въ свою очередь, оставило слѣды опустошенія. Въ 1608, 1609 и 1611 гг. Ростовъ, соборная церковь и весь уѣздъ подверглись нападеніямъ и грабежу со стороны литовцевъ, поляковъ и переяслав-

---

[1]) Корсаковъ, 87. Собр. Погодина № 640.

[2]) Сборникъ житій ростовскихъ подвижниковъ (Леонтія, Исаіи, Игнатія, Исидора, Авраамія) со службами имъ, рукопись на 224 листахъ въ библ. А. А. Титова (Охран. катал., вып. III, № 2059; Чт. въ Общ. ист. и древн. рос. 1893; кн. IV, ж. Леонтія, введ.).

[3]) Въ ярлыкѣ Менгу-Тимура (1266), ссылающагося на грамоты, данныя „первыми царями" (т. е. ханами), читаемъ: „Или что въ законѣ ихъ иконы и книги, или иное что, почему Бога молятъ, того да не емлютъ, ни издерутъ, ни испортятъ. Да не клепутъ насъ, но въ покоѣ молятся за насъ". (О достовѣрн. ханскихъ ярлыкахъ, В. Григорьева, Россія и Азія, стр. 251).

[4]) Карамзинъ, IV, 82, прим. 161.

[5]) Ibidem, IV, 117, прим. 220, 241: „посолъ лютъ, именемъ Кочка, пограби Ростовъ и церковь св. Богородицю разграбивъ, и монастыри пожже и села, и люди плѣни".

[6]) Карамзинъ, V, 114. Онъ опустошилъ Россію отъ Дона до Бѣлоозера.

цевъ, соединившихся съ ними [1]). По словамъ Томаса Смита, видѣвшаго Ростовъ въ 1604—1605 гг., это былъ, хотя старинный, но полуразрушенный большой городъ [2]), а описи XVII в. свидѣтельствуютъ о полномъ разрушеніи его укрѣпленій и упадкѣ населенія [3]). Но едва ли не болѣе опустошеній потерпѣли письменные памятники отъ пожаровъ города и его церквей. Таковы были губительные пожары: въ 1160 г. [4]), 1211 г. [5]), 1408 г. [6]), 1730 г., когда пожаръ уничтожилъ не только половину города, но и прилежащіе къ нему монастыри со всѣми, заключавшимися въ нихъ сокровищами, какъ вещественными, такъ и письменными [7]), и пожаръ 1758 г., послѣ которыхъ городъ пришелъ въ совершенное запущеніе и потребовалось немало энергіи и средствъ, чтобы привести его въ приличное состояніе [8]). Русскіе города еще менѣе были защищены отъ пожаровъ, чѣмъ западно-европейскіе въ средніе вѣка, для которыхъ они были также губительны (см. 561, пр. 4).

IV.

По дѣлежу Константина Всеволодовича второму его сыну Всеволоду былъ отданъ въ управленіе Ярославль (1218—1237 [9]);

---

[1]) Ibidem, XII, 72, прим. 299, 344, 425, 827: „Лисовскій съ Литвою грабили и плѣнили бяху славныя грады Ростовъ и Кострому, и обители и лавры честныя Паѳнотія въ Боровскѣ, и Колязинъ, и многія иныя и раки святыхъ разсѣчаху, и суды (сосуды) и окладу образнаго и полону множество женъ и дѣвицъ и отрокъ" и т. д. Псков. лѣт.; ср. Никон. лѣт. и Сказ. Авр. Палицына. Въ 1609 г. литовцы захватили золотую раку еп. Леонтія, вѣсомъ 8½ пуд., и еп. Исаіи, вѣсомъ 6½ пуд., и сожгли владычнія палаты (Бычковъ, Опис. рукоп. Сборн., I, 5).

[2]) Путешествіе и пребыв. въ Россіи сэра Том. Смита, по изд. гр. С. Д. Шереметьева, Спб. 1893, с. 25.

[3]) Очерки по ист. смутн. времени. С. Ѳ. Платонова. стр. 30. Въ 1632 г. построенъ въ немъ земляной городъ (Бычковъ, I, 5).

[4]) См. выше, с. 865, пр. 2.

[5]) „Мало не весь и церквей изгорѣ 15"; о пож. ц. I. Предтечи (Лавр. л., 414 и д.).

[6]) „Погорѣлъ городъ, соборная церковь и 14 другихъ, до 1000 человѣкъ и книги старина много" (Лавр. л., 510; Твер. л., 481—82; Никон., V, 15; Татищевъ, IV, 437—38; Карамзинъ, V, пр. 254, столб. 105). Въ 1411 г. соб. церковь была возобн. архіеп. Григоріемъ (Лавр., 511).

[7]) Лѣтоп. Археогр. ком., т. V, проток., стр. 29—30; А. А. Титовъ, Вел. рост. пожаръ 1730 г., Яр. 1902.

[8]) Матеріалы для исторіи Ростовской ярмарки, А. А. Титова, Яр. 1881 г., стр. 7—8.

[9]) Къ Ярославскому княж., кромѣ назв. ниже городовъ, (стр. 881—882), относились Угличъ и мѣста заволожскія до Кубенскаго оз. (Корсаковъ, 176. 180).

но Всеволодъ палъ въ битвѣ на р. Сити. вмѣстѣ съ вел. кн. Юріемъ II (Всеволодовичемъ). По смерти его Ярославлемъ управляли сыновья его Василій и Константинъ (1237—1249 [1]). Послѣ Василія остались вдова его Ксенія и малолѣтняя дочь Марія, по браку съ которой мож. кн. Θедора Рост. Чернаго Ярославль сталъ его удѣломъ (см. выше, стр. 503—504). По смерти Маріи, онъ женился на дочери Менгу-Тимура, названной въ крещеніи Анной [2]), отъ которой имѣлъ двухъ сыновей—Давида и Константина. Князь Θедоръ Ростиславичъ сталъ родоначальникомъ новой линіи князей ярославскихъ, которая впослѣдствіи разрослась, насчитывая въ XV—XVI вв. до 40 разныхъ вѣтвей. Сыновья Θедора не оставили слѣда въ лѣтописяхъ, хотя правленіе перваго изъ нихъ было продолжительно (1299—1321) и оба они, подобно отцу, причтены были къ лику святыхъ и похоронены вмѣстѣ съ послѣднимъ въ одномъ гробѣ. Напротивъ, сынъ Давида—Василій „Грозныя очи" (1321—1344), женатый (1328) на дочери Ивана Калиты (Евдокіи), считая себя происходящимъ отъ старшаго сына Владиміра Мономаха—Мстислава, не хотѣлъ подчиняться тестю (московскіе князья происходили отъ младшаго — Юрія Долг.), принялъ титулъ „вел. князя" ярославскаго и вступилъ даже въ союзъ съ постояннымъ противникомъ Ивана Калиты—Александромъ Мих. тверскимъ. По смерти Василія Давидовича владѣніе его раздѣлилось между его сыновьями на три удѣла (Ярославль, Пошехонье, Романовъ, названный по имени сына его), и кромѣ того, братъ его (Михаилъ) владѣлъ гор. Мологою съ землями на р. Мо-

---

[1]) Въ соборномъ храмѣ Успенія, заложенномъ (камен.) в. кн. Константиномъ (1215) находились мощи послѣдняго и князей Василія и Константина Всев., но въ пожарѣ 1744 г. онѣ сгорѣли и нынѣ части ихъ хранятся въ ковчегахъ.

[2]) Плѣнившейся (еще при жизни жены) его красотою (Степ. кн., I, 393). Онъ былъ величественнаго роста (П. С. Р. лѣт., IV, 185). Карамзинъ считаетъ его зятемъ Ногая (IV, 70). По поводу этого брака сарайскій еп. Θеогностъ ѣздилъ (въ 1279 г.) въ Константинополь и патріархъ разрѣшилъ бракъ подъ условіемъ принятія дочерью хана христіанства (П. С. Р. Л. VII, 174; Никонов. III, 168; Карамзинъ, IV, прим. 181; Степ. кн., I, 395). Прибавимъ, что въ это время дочь (побоч.) имп. Михаила Палеолога Евфросинія состояла уже въ супружествѣ съ ханомъ Ногаемъ (Pachymer Hist. lib. III, cap. v). Позже Тохта былъ жен. на доч. имп. Андроника Ст., а Узбекъ на доч. Андроника Мл. (ib. cap. xxvii Ибнъ-Батута, Travels, 83; ср. Мухлинскій, 141; Григорьевъ, Россія и Азія, 202). Однако бракъ Θедора вызвалъ негодованіе въ жителяхъ Ярославля, которое пришлось усмирять силою.

[3]) Въ Ярославск. княж. было 12 князей изъ сузд. и смоленской линій (Тр. Яросл. Стат. ком., V, 25—28).

логѣ [1]). Владѣнія эти въ свою очередь, по числу сыновей каждаго изъ нихъ, подраздѣлились на множество подъ-удѣловъ, которые дали начало многочисленнымъ княжескимъ фамиліямъ, носящимъ наименованія по своимъ вотчинамъ [2]). Исторія собственно Ярославскаго княж. при потомкахъ Василія Васильевича (1400—1471) представляетъ процессъ полнаго разложенія. Всѣ они—усердные подручники московъ. князей: послѣдній изъ нихъ кн. Александръ Ѳед. Брюхатый отказываетъ свою „отчизну" и „дѣдину" великому князю, а сынъ его (Даніилъ) является лишь „служилымъ княземъ" и воеводою Ивана III. Въ теченіе XV стол. Ярославское княжество раздробляется на множество мелкихъ вотчинъ, изъ которыхъ извѣстны: Курба (вотчина кн. Курбскаго [3]), Заозерье (Заозерское княжество по с. в. бер. Кубенскаго оз., близъ Вологды [4]), Новлень и Юхоть [5]).

Бѣлоозерское княж., утвердившееся въ родѣ Глѣба Васильк. [6]), послѣ того какъ онъ сталъ ростовскимъ княземъ (1277), существовало.

[1]) Въ соб. храмѣ Мологи (Вознесенія) погреб. кн. Ѳедоръ Мих. (въ монаш. Ѳеодоритъ), внукъ кн. Давида Ѳед. яросл., ум. въ 1408 г. (Карамзинъ, V, пр. 33. 254). Въ XV в. городъ славился своею ярмаркою (Герберштейнъ, 119). Ср. с. 618. пр. 2.

[2]) Сыновья кн. Михаила, Иванъ и Левъ, стали родонач. князей Сицкихъ, Ушатыхъ, Прозоровскихъ, Дуловыхъ и нѣк. двор. фамилій (Шаминыхъ, Шуморовскихъ и др.). Отъ Глѣба Вас. пошли князья Шехонскіе, Солнцевы, Засѣкины Щетинины. Шаховскіе; отъ Романа Вас. княж. и бояр. роды: Охлябинины. Дѣевы, Вѣкошкины, Зубатые, Морткины, Львовы. Шуховскіе, Безчестневы, Хворостинины, Бѣльскіе и др. При Иванѣ IV Романово было отдано въ помѣстье ногайскимъ мурзамъ, проживавшимъ тамъ съ татарщины, которые еще при Ѳедорѣ Ал. числились стольниками, но исповѣдывали магометанство, а въ 1760 переведены были въ Кострому, въ особую слободу (Ист. Вѣст. 1904. № 1, с. 234—35).

[3]) Въ 25 верст. отъ Ярославля. Правнукъ Василія Грозныя очи, Семенъ Ив. первый принялъ прозваніе кн. Курбскаго. Любопытна полемика Ивана Грознаго съ кн. А. М. Курбскимъ по поводу ссылки послѣдняго на свое происхожденіе отъ кн. Ѳедора ярославскаго.

[4]) По житію сына заоз. кн. Димитрія Вас.—Іоасафа видно что столица его (Городокъ на устьѣ р. Кубены, въ 45 вер. отъ Вологды) состояла изъ единственнаго княж. двора, вблизи котораго находилась ц. Димитрія Солунскаго, а вдали отъ нея расположена была дер. Чурково (н. Чурикова), составлявшая ея приходъ. Понятно, что такой князь не могъ оказать сопротивленія.

[5]) Отъ Василія Вас. яросл. идутъ Семенъ Вас. Новленскій; отъ Даніила Сем. II-го Иванъ Дан. Юхотскій и т. д. Отъ Вас. Вас. идутъ также фамиліи княз. Великогагиныхъ, Шастуновыхъ.

[6]) Собр. госуд. грам. и догов. I, № 34.

Въ составъ Бѣлоозерскаго кн. входили города: Вологда, Устюгъ, Бѣлоозеро села: Сугоръ, Шелешпань, Карголома, Каргополь, Андома, Вадбола, Бѣлое село и др. „А на Белѣ оз. два города, Карголомъ да Каргополь, а прежъ того было Белозерское вел. княженіе" (Арх. лѣт., 110).

какъ самостоятельный удѣлъ, до половины XIV в., когда Иванъ Калита покупаетъ Бѣлозерскъ у размножившихся и обѣднѣвшихъ его князей, которые продолжали княжить въ своей отчинѣ"[1]), не имѣя, впрочемъ, никакого политическаго значенія[2]), но давъ начало цѣлому ряду княжескихъ фамилій[3]). Въ 1450 г. въ Бѣлозерскѣ сидятъ московскіе намѣстники рядомъ съ княжескими, а Иванъ III окончательно присоединяетъ Бѣлоозеро къ Московскому государству и даетъ ему свою уставную грамоту (1488 г.).

Ярославское и Бѣлоозерское княжества во все время своего существованія сохраняли церковную связь съ Ростовомъ: ростовскіе епископы съ XIII в. называются ростовскими и ярославскими, съ к. XIV в.—ростовскими, ярославскими и бѣлоозерскими[4]). Кромѣ Спасскаго-Преображенскаго (к. XII в.[5]) и Петропавловскаго мон. (упом. въ 1186 г.), существовавшихъ уже въ Ярославлѣ[6]), при князѣ Давидѣ Өедоровичѣ основанъ былъ ростовскимъ архіеп. Трифономъ Толгскій м., въ 7 верстахъ отъ Ярославля. О степени населенности Ярославля можно судить по извѣстію о пожарѣ 1221 г., во время котораго погорѣло 17 церквей, причемъ Ярославль „мало не весь сго-

[1]) Бѣлозерскіе князья: Глѣбъ Вас. († 1278), Василій Глѣб. († 1283), Михаилъ Глѣб., Романъ Мих., Өедоръ Ром. († 1380), Іоаннъ Өед. († 1380), Константинъ Ив. Покупалась (какъ въ Галичѣ и Угличѣ) только служба этихъ князей, чѣмъ они приравнивались къ старшимъ боярамъ (Е. И. Забѣлинъ, Москов. единодержавіе, Ист. Вѣст. 1880, IV, 513).

[2]) Въ 1380 г., на Куликовомъ полѣ въ войскахъ моск. князя пали четыре бѣлозер. князя (П. С. Р. лѣт., VIII, 39)—Симеонъ и Өедоръ бѣлозерскіе, Андрей кемскій и Глѣбъ карголомскій.

[3]) Отъ князей бѣлоз. произошли роды: князей Шелешпанскихъ, Сугорскихъ, Кемскихъ (оба послѣдніе угасли), Ухтомскихъ, Андомскихъ (угас. въ XVIII в.), Вадбольскихъ, Бѣлосельскихъ (-Бѣлозерскихъ, прибав. съ имп. Павла).

[4]) Строевъ, Списки іерарховъ, 330—333. Въ лѣтописяхъ читаемъ: „Кипріанъ митр-тъ на Москвѣ поставилъ въ владыки Григорія епископомъ граду Ростову, и Ярославлю, и Бѣлуозеру, и Углечю полю, и Устюгу, и Молозѣ" (П. С. Р. лѣт., IV, 102; V. 149; VI, 128; VIII, 69; годъ 1396—6904; ср. Лавр. л., 195; Троиц. 227. Въ 1398 г. онъ былъ въ Устюгѣ съ рост. княз. Георгіемъ Андр., „понеже бяше Устюгъ его десятина".

[5]) Въ немъ находятся мощи князей Өедора Рост., сс. его Давида и Константина яросл. и потомка его, послѣдняго самостоятельнаго князя Александра Өед., а также рост. архіеп. Трифона. О значительныхъ вкладахъ въ него князей (Тр. VII-го Арх. с. II, 90).

[6]) Здѣсь находятся гробницы кн. Михаила Өед. (старшаго сына Өедора), матери его кн. Маріи Вас., бабки кн. Ксеніи, супр. Василія Всев. и тетки его кн. Анастасіи.

рѣлъ" [1]). Послѣ Константина строительною дѣятельностью отличался въ особенности кн. Ѳедоръ Ростиславичъ, который, по словамъ его біографа, „много поставилъ церквей по своей волости" [2]).

Не разъ Ярославль становился жертвою нападенія татаръ и жестокихъ пожаровъ (1237, 1249, 1262—татары выгнаны по рѣшенію мѣстныхъ вѣчъ одновременно въ Ростовѣ [3]), Суздалѣ и Ярославлѣ; 1322—нападеніе Ахмыла, наведеннаго І. Калитою [4]); 1536—сгорѣлъ весь городъ [5]); въ 1658 году—снова [6]); между тѣмъ еще въ началѣ XVII в. Ярославль представлялся „большимъ, красивымъ и богатымъ городомъ", по отзыву Томаса Смита [7]).

При всемъ томъ до насъ дошли нѣкоторые памятники мѣстной письменности или хранившіеся въ тамошнихъ библіотекахъ. Сюда относятся: яросл. списокъ „Пандектъ" Никона Черногорца, XII—XIII в., позволяющій признать его русскимъ переводомъ [8]); Псалтирь съ покаянными молитвами, пис. по порученію жены Всеволода Конст., Ольги Ольг. (кн. курской), въ монаш. Марины (4-о, на 338 лл.), писцомъ Захаріемъ [9]); Евангеліе XIII в., принадлежащее ярослав. архіерейскому дому; „Слова Григорія Богослова съ толков. Никиты Ираклійскаго" (на 275 лл., въ 2 столбца), писанныя (1392) для Спасскаго мон. въ Ярославлѣ при архіеп. Григоріѣ и архим. Варлаамѣ [10]),

---

1) Лавр. лѣт., 189; 2-е изд., 423.

2) Филаретъ, Житія, сент., 85.

3) Лавр. лѣт., 2-е изд., стр. 441, 452, 491, 497; Корсаковъ, 170 (о 1249 годѣ) Ожесточеніе противъ татаръ въ 1262 г. сопровождалось убійствомъ сборщика дани Зосимы въ Ярославлѣ (Никон. л., III, 41; Соф. 1-я, 271—72; Воскр., VII, 236).

4) Лавр. лѣт., 502.

5) Соловьевъ, VI, 35.

6) Въ одномъ изъ сборниковъ Царскаго (№ 415; ср. Рукоп. гр. Уварова IV, № 1839) есть опис. пожара 10 іюня 1658 г. (Сказ. вкратцѣ о быв. пожарѣ града Ярославля), которымъ былъ истребленъ городъ—разсказъ очевидца (лл. 102—110). Для города, его церквей и архивовъ были также пагубны пожары 2-й пол. XVIII стол. (Яросл. пожары въ 1767 и 1768 гг., А. А. Титова, по докум., Яр. 1889).

7) Путеш. Т. Смита, Спб. 1893, стр. 24. Изъ подвор. описи 1631 г. видно, что въ немъ было 29 иностр. купеч. конторъ (Сп. насел. м. Яр. губ., с. xxxvi). По описи 1669 г. въ немъ было, на посадѣ и въ слободахъ, 2803 двора (Платоновъ, Оч. смут. врем. 29—30).

8) Срезневскій, Свѣд. о малоизв. пам., II, 217—296 (Сборн. Ак. Наукъ, XII). Яросл. спис. Пандектъ Никона Черн., А. Тихвинскаго (Рус. Фил. Вѣст. 1892, т. XXVIII; 1894, тт. XXX и XXXI (четыре статьи).

9) Срезневскій, Пам. языка, 154—155. Опис. рук. Синод. библ., I, 181—186; Буслаевъ, Матеріалы, 23—29. См. о немъ выше, стр. 650.

10) Современники (Строевъ, 331 и 337). Но запись о князьяхъ невѣрна (замѣчено Н. П. Лихачевымъ въ невыпущенной въ свѣтъ брошюрѣ: „По поводу тру-

монахомъ Георгіевскаго (Бѣлогостицкаго) мон. Евфросиномъ; Палея, напис. въ XV в., въ Спасскомъ мон. діакономъ Иларіономъ [1]). Сохранились и образцы агіографической литературы, писанные въ Ярославлѣ: это двѣ редакціи ж. кн. Θедора Чернаго († 1298) и позднее сказаніе (XVI в.) о князьяхъ Василіѣ и Константинѣ Всеволодовичахъ, представляющее, впрочемъ, неудачную компиляцію [2]), невѣрную и въ хронологическомъ отношеніи [3]). Существовала краткая повѣсть о смерти кн. Θедора съ немногими извѣстіями о его жизни (некрологъ, *перечень*, по выраженію одного изъ позднѣйшихъ его біографовъ). Судя по изложенію и нѣкоторымъ подробностямъ въ описаніи кончины Θедора, можно думать что эта *проложная* статья была составлена вскорѣ по смерти князя, на основаніи современной ему мѣстной лѣтописи, записавшей названныя подробности [4]). Вскорѣ же по обрѣтеніи мощей (1463) князя описано было и это событіе съ чудесами, его сопровождавшими [5]). Позже, по порученію вел. кн. Ивана III и митр. Филиппа I, принялся за описаніе его жизни Антоній, іером. Спасскаго яросл. мон., въ которомъ погребенъ Θедоръ [6]). Для своего труда онъ пользовался ж. м. Алексѣя, напис. Пахоміемъ (въ предисловіи), другими житіями и старымъ некрологомъ. Болѣе важнымъ добавленіемъ къ нимъ служитъ разсказъ объ отношеніяхъ Θедора къ

довъ Ярославск. губ. ком"., Спб. 1894). Опис. Еванг., С. Долгова (Тр. Яросл. съѣзда, III).

[1]) Нѣкоторыя книги писались въ Кіевѣ и Константинополѣ (Лѣт. зан. Арх. ком., V, проток., 25—26). О библ. Спасо-яросл. мон. см. Библ. Слов. Строева (по указат.).

[2]) Филаретъ., сент. 19 ;Ключевскій, 171—175; Буслаевъ (Лѣт. рус. лит. кн. III). Въ сп. Унд. прибавлено мѣстное преданіе, что Батый стоялъ подъ Ярославлемъ два года съ половиной, отыскивая своего отца: „бяше бо той окаянный царь Батый родомъ града Ярославля, отъ веси Череможскія" (Ключевскій, 174, прим.).

[3]) Ключевскій, 175—176.

[4]) Сборн. Троиц. Серг. лав. 1505 г.; № 466; древнѣе спис. въ рукоп. Рум. муз., 1462 г., № 305. Архіеп. Филаретъ ошибочно смѣшиваетъ эту статью съ соч. Антонія (Рус. свят., сент., с. 81; Ключевскій, 171 прим. 1.).

[5]) Въ рукописяхъ статья эта также встрѣчается въ двухъ редакціяхъ: въ краткой — въ томъ же сборн. Троиц. мон. № 466 (гдѣ она вписана *на поляхъ*, рядомъ со статьей о преставленіи) и въ полной — въ волоколам. сборн., и этой редакціей пользовался Антоній, біографъ кн. Θедора; она же, безъ послѣднихъ чудесъ, въ П. С. Р. Л., V, 185—187, разбита по годамъ и перемѣшана съ другими лѣтописными извѣстіями (Ключевскій, 171, прим. 2). Вкратцѣ—П. С. Р. Л. лѣт., V, 274; VIII, 150; Кар., VI, пр. 629, столб. 88.

[6]) Трудъ Антонія въ сб. Тр л., М. Д. ак. и Унд.; съ перемѣнами помѣщенъ въ Степ. книгѣ (I, 392—397) и Никон. лѣт. (III, 62—68); ср. также Чет. Минеи (19 сент.);

Ордѣ, заимствованный повидимому у мѣстнаго лѣтописца и не занесенный въ лѣтописные своды [1]).

Угличъ, упоминаемый въ 1149 г. (см. Лавр. л.), по раздѣленіи Ростовско-Сузд. земли на удѣлы, отошелъ сначала (1207) къ Ростовскому, а потомъ (1219) къ Ярославскому княж., а съ переходомъ во владѣніе младшаго сына Константина Всев.—Владиміра (р. 1214, жен. на кн. Надеждѣ Ингв. рязан., въ монаш. Евдокіи; † 1249 во Владимирѣ, откуда отвезенъ въ Угличъ [2]), получаетъ значеніе удѣльнаго княж., въ которомъ потомъ сидѣли сыновья Владиміра, Андрей (1249—1261) и Романъ (1261—1268), умершіе бездѣтными, послѣ чего Угличъ перешелъ во владѣніе ихъ племянниковъ, князей рост. Дмитрія († 1292) и Константина Бор. (—1294) и сына послѣдняго —Александра [3]) и наконецъ былъ купленъ Иваномъ Калитою [4]). Дмитрій Дон. отдалъ его с. Петру, въ придачу къ Дмитрову; Василій Дм.—боров. кн. Вадиміру Андр. вмѣсто Ржева. Послѣдній завѣщалъ его сыновьямъ Андрею и Василію (1410—1427?). Затѣмъ онъ принадлежалъ Константину Дм. (1427—1434), Дмитрію Юр. Шемякѣ (1434—47), былъ отнятъ отъ него; далѣе—Андрею Вас. (1462—1491). Послѣдующіе князья владѣли имъ какъ моск. намѣстники (с. Ивана III—Дмитрій, 1505—1521; с. Василія III—Юрій,—1563 [5]). Наконецъ Угличъ бытъ отданъ въ удѣлъ с. Ивана Грознаго. До насъ дошли серебр. монеты угл. князя Петра Дм. [6]). Подобно другимъ городамъ, Угличъ подвергался разореніямъ татаръ (1237, 1293, 1408), тверскихъ князей (во время войны съ Москвою, 1371), литовцевъ (въ к. XIV и нач. XVII вв.) и терпѣлъ отъ пожаровъ (1491, 1726, 1793 [6]).

замѣч. Карамзина, IV, пр. 86; Филаретъ, Обз., 116—117; Сказанія о ж. и чуд. св. благ. кн. Θеодора, яросл. чуд., со сп., сдѣл. Бодянскимъ (съ рук. XVI в., Антонія), изд. А. Титовымъ М. 1889. Сомнѣнія еп. Трифона въ его святости и дѣло о свидѣт. мощей (П. С. Р. лѣт., VI, 185—187; ср. Арх. Изв. 1899, № 12, 388).

[1]) Другая перераб. некролога, какъ полагаютъ, лица свѣтскаго, жив. въ Ярославлѣ, Андрея Юрьева, начитаннаго въ агіогр. литературѣ, отличается витіеватостью (Ключевскій, 171—175). Ж. Θеодора, разн. ред., м. прочимъ и А. Юрьева (Яр. Еп. Вѣд. 1861, 1875, 1876). О причинѣ его почитанія (Слов. Венгерова, т. IV, 640).

[2]) О немъ Лавр. л., 416, 429, 436—38, 446—49, 489, 492, 494, 496; П. С. Р. лѣт. VII, 138, 174.

[3]) Ник. лѣт., III, 93; П. С. Р. лѣт., X, 170; Карамз. IV, 95; Корсак., 165, 180—182.

[4]) Собр. госуд. грам. I, 59.

[5]) Ibid., 69, 76, 108, 203, 399. Съ 1521—1550—бояринъ Θома Колычовъ.

[6]) Труды Яросл. Стат. комит., I, 20—22. Онъ былъ укрѣпленъ (Герберштейнъ). Къ Угличск. княж. относились города: Угличъ, Кашинъ (осн. 1238), Желѣзный

Монастыри возникаютъ здѣсь гораздо позже: такъ, въ XV ст. были основаны близъ Углича три мон. Паисіемъ (Покровскій, Никольскій, Богоявленскій), сын. бояр. кн. Андрея Вас. Большаго Ивана Гавренкова, племян. Макарія Колязинскаго [1]), который былъ воспріемникомъ дѣтей того же князя, и, кромѣ того,—монастыри Алексѣевскій и Вознесенскій въ Угличѣ, Николаевскій-Улейминскій, Рябова (Троицкая) пуст., осн. Вассіаномъ, уч. Паисія, и Учемскій м., осн. грекомъ или славяниномъ изъ Мореи, Кассіаномъ (въ мірѣ Константинъ), пріѣхавшимъ въ Россію вмѣстѣ съ Софіей Палеологъ, состоявшимъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ Паисіемъ и находившимся на службѣ у архіеп. Іоасафа и вмѣстѣ съ нимъ удалившимся изъ Ростова [2]). Въ предѣлахъ Углицкаго княж. находились значительныя вотчины, данныя тѣмъ же и Троицкому мм. мѣстными князьями или пріобрѣтенныя ими [3]). Заслуживаетъ вниманія, что въ 1485 г. въ Угличѣ была написана славянская Псалтирь съ миніатюрами Ѳед. Клим. Шараповымъ (н. въ И. П. библ.), копію съ которой б. м. представляетъ такъ наз. Годуновская Псалтирь 1600 г., только изящнѣе исполненная [4]). До насъ дошли двѣ ред. житія Паисія (XVII в.), авторъ котораго пользовался болѣе древнимъ сказаніемъ, и сказанія, указывающія на существованіе жж. кн. Романа, Вассіана Рябовскаго, Кассіана (есть въ Прологѣ), а также о Варлаамѣ, осн. Улейминскаго м. [5]). Указываютъ еще на лѣт. угличскаго Алексѣевскаго мон., которою пользовались авторъ „Повѣсти объ Угличѣ" и нѣкоторые историки; но, она относится къ позднѣйшимъ произведеніямъ [6]). По свидѣтельству

Устюгъ (Устюжна) и быть можетъ слободы Борисоглѣбская и Рыбная (Рыбинскъ); но сомнительно, чтобы и другіе города, упомин. мѣстными изслѣд. (Киссель, 71, ср. Корсаковъ, 196). Иванъ III третьему с. Андрею даетъ Угличъ, Мологу, Хлѣпень, вязем. волость (князья Хлѣпенскіе, Карамз. VI, пр. 396; Новгор. Губ. В. 1853, № 14), Зубцовъ, Опоки, полов. Ржевы, Мещовскъ и Опку (Собр. госуд. грам., I, № 144). Въ пожарѣ 1491 г. сгорѣлъ весь Угличъ, дв. 500, а цц. 15 (Карамз., VI, пр. 629, ст. 100; Киссель, 363—67).

[1]) Въ этомъ мон. хранилась въ XVII в. книга Григорія Бог., спис. Паисіемъ,

[2]) Ратшинъ, 552, 554, 558, 562; Филаретъ, 6 іюня и 2 окт. При соборн. храмѣ Преображенія (съ XIII в.) погребены князья Владиміръ Константиновичъ и его сын. Романъ и Андрей. Въ 1609 г мощи кн. Романа и Андрея сожжены литовцами; сохранились остатки (Тр. Яр. ком., I, 115, 129; Филаретъ, 3 февр.).

[3]) Корсаковъ, 214, 223, 224.

[4]) Буслаевъ, Очерки, II, 201—214.

[5]) Ключевскій, 317—318.

[6]) Корсаковъ, 182; Труды Яросл. арх. ком., I, с. 25.

Повѣсти объ Угличѣ" многіе письменные памятники его погибли въ литовское нашествіе [1]).

Какъ мы видѣли, въ составъ Ростовскаго княж. входилъ и Устюгъ Великій, связанный съ возникновеніемъ Гледенскаго м. и называвшійся вначалѣ этимъ именемъ [2]). Ростовскіе князья или сами правили имъ, или посылали туда своихъ намѣстниковъ [3]). Устюгъ входилъ въ составъ Ростовской епархіи [4]). Какъ городъ, расположенный на окраинѣ, онъ подвергался частымъ нападеніямъ и разоренію со стороны болгаръ (1219 г. [5]), новгородцевъ, иногда одновременно съ Бѣлозерскомъ, Вологдою и Кубенскими волостями (1323, 1324, 1393, 1398, 1417, 1425 и др. [6]), татаръ (1262 [7]), 1446 [8]), черемисъ [9]), а особенно во время Шемякинской смуты (1434, 1452 войсками Дмитрія Шемяки и вятчанами [10]). Самая защита Устюга, принадлежавшаго къ Ростовскому удѣлу, была крайне затруднительна, такъ какъ территорія этого удѣла не шла сплошь отъ Ростова до Устюга. Между Ростовомъ и Устюгомъ лежали удѣлы Ярославскій и Угличскій [11]). При Василіѣ Дмитріевичѣ въ Устюгѣ сидѣли уже московскіе намѣстники [12]). Устюгъ много терпѣлъ отъ пожаровъ (1398, 1468, 1496, 1499, 1552, 1620 [13]). Въ 1571 г. въ Устюгѣ (на посадахъ) ум. отъ

[1]) Киссель, 206; Корсаковъ 182.

[2]) Карамзинъ, III, 106; Ключевскій, Жж., 192

[3]) Карамз., IV, 123; примѣч. 168, 289; V, 3, ср. выше, с. 617—618 и пр.).

[4]) Сузд. лѣт. по акад. сп., 500—503, 505; Карамзинъ, IV, пр. 182, 201; ср. выше, с. 883, прим. 4.

Герберштейнъ говоритъ: „Эта область была прежде подвластна Новгороду. Хлѣба въ ней очень мало или почти совсѣмъ нѣтъ, пищею служитъ рыба и дичь. У жителей свой языкъ, хотя они больше говорятъ порусски; мѣха находятся въ изобиліи".

[5]) Карамзинъ, 122; Сузд. лѣт. по акад. спис. (Троицкая), 476, 500—505.

[6]) Новгор. лѣт. по Синод. сп. 320, 379, 386, 404, 413. Ср. выше, с. 618.

[7]) Карамзинъ, IV, 55.

[8]) Ibidem, V, 199, прим. 354.

[9]) Въ житіи Варнавы († 1445), у Филарета, іюнь, 64.

[10]) Карамзинъ, V, 155, 198—206.

[11]) Корсаковъ, 196.

[12]) Карамзинъ, V, 3, 94, 136—137, 201, прим. 244, 278.

[13]) Новг. Синод. л. 386; Карамзинъ, IV, пр. 629, столб. 90, 95; ср. выше, с. 737. Соборъ Успенія существовалъ съ XIII в. (дерев.), въ 1396 г. сгорѣлъ, а въ слѣд. году былъ вновь отстроенъ; въ 1398 сожженъ новгородцами и вновь построенъ („великая"). Послѣ этого церковь горѣла въ 1490 и въ 1492—построена „о 20 стѣнахъ" и опять сгорѣла въ 1496 г. Въ 1502 постр. каменная: „стояла 50 лѣтъ, а вы-

мора до 12000 чел.[1]). Однако, находясь въ узлѣ двухъ торговыхъ путей (къ Архангельску и въ Сибирь), онъ скоро оправлялся. Въ Устюгѣ и Вологдѣ въ XV стол. сходилась вся мѣховая торговля сѣвера[2]).

Возникновеніе Гледенскаго мон. относятъ къ XII в.; въ началѣ XIII в. (1212) землевладѣлецъ Двинской трети Устюжской волости Кипріанъ вблизи города положилъ основаніе Архангельскому мон. († 1276); а нѣсколько позже (послѣ 1262 г.), возникъ Предтеченскій м. (близъ Устюга, на Сокольей горѣ, — мѣсто охоты), постр. монгольскимъ чиновникомъ Бугою, творившимъ сначала насилія, а потомъ принявшимъ крещеніе (съ именемъ Іоанна) и женившимся на одной изъ своихъ жертвъ — Маріи, родомъ устюжанкѣ[3]). Съ семьею Іоанна былъ близокъ Прокопій юродивый. Родомъ иностранецъ („отъ латинска языка"), торговавшій въ Новгородѣ, онъ переселился въ Устюгъ, быть можетъ знакомый ему по прежнимъ торговымъ связямъ[4]), а потомъ († 1285) удостоился названія „стража и заступника града Устюга"[5]). Въ к. XV в. близъ Гледенскаго мон. основана была Ивановская пустынь, на мѣстѣ рожденія Іоанна юродиваго († 1494[6]). Упоминается

сота была до большихъ зубцовъ 100 зубцовъ безъ пяти" и сгорѣла въ 1552 г. (Арханг. лѣт., 114, 118, 199—204), отъ молніи. Въ 1681 г. здѣсь воздвигнутъ большой камен. соборъ (Труды Арх. ком. Моск. Арх. общ., I, 31). Кромѣ того въ Устюгѣ было еще 12 цц., упом. въ лѣтописяхъ (Архан. л. 199; Карамз. III, пр. 186; IV, пр. 55, 386; VI, пр. 629). Въ 1567 г. Иванъ IV взялъ образъ Уст. Богородицы въ Москву. О поздн. пожарахъ (1634, 1649, 1677, 1679, 1705, 1715, 1745, 1782) въ Велико-Уст. лѣт.

[1]) Арханг. лѣт., 228. Въ нач. XVII в. въ Устюгѣ было до 800 дворовъ, не считая стрѣлецкихъ, а въ торговыхъ рядахъ насчитывалось до 200 лавокъ и амбаровъ и, кромѣ того, гостиный дворъ (Платоновъ, 13, 394).

[2]) Герберштейнъ.

[3]) Арханг. лѣт. подъ 6670 г.; Карамзинъ, IV, 55. Изъ лѣт. о великомъ градѣ Устюгѣ (IV, прим. 106); Ратшинъ, 69; Н. Саввантовъ, Опис. Арханг. устюж. м., Спб. 1848, с. 34—40; Филаретъ, сент. 169—171.

[4]) Въ 1444 г. татары взяли съ Устюга окупъ мѣхами (Карамз. V, 199), а въ житіи Стефана Пермскаго, родомъ устюжанина, Епифаній много путешествовавшій и бывшій въ Константинополѣ, заставляетъ кудесника говорить: „нашею ловлею и ваши князи и бояре и вельможи обогащаемы суть, въ няже облачатся и ходятъ и величаются подолки ризъ своихъ, горьдящеся о народѣхъ людскихъ, *толикими долги времены изобилующе и многовременными лѣты изобилующе и промысльствующе*. Не наша ли ловля и въ орду посылаются и досязаютъ даже и до самаго того мнимаго царя? Но и въ Царьградъ и въ Нѣмці и въ Литву, и въ прочая грады и страны и въ далныя языки" (Пам. рус. лит. IV, 141; изд. Арх. К., 47).

[5]) Филаретъ, іюль, 59; Лѣтопись г. Устюга, Фриза (Сѣв. Арх. 1822, № 12).

[6]) Ратшинъ. 75; Филаретъ, май, 192—194.

еще Спасо-Преображ. м. [1]). Въ Сольвычегодскѣ, возникшемъ въ XV ст., на мѣстѣ новгор. городка Усольска, осн. былъ Борисоглѣбскій мон.[2]).

Будучи торговымъ городомъ, Устюгъ не былъ чуждъ и интересовъ книжныхъ. Отецъ Стефана Перм. записываетъ свѣдѣнія о Прокопіѣ юр. [3]), а самъ Стефанъ научился здѣсь „всей грамотичной хитрости и книжной силѣ“[4]). Устюж. Архангельскому собору принадлежитъ Кормчая въ сп. XIV в., отличающаяся нѣкоторыми особенностями въ своемъ составѣ, древностью языка и особенно тѣмъ, что она заключаетъ въ себѣ Номоканонъ Іоанна Схоластика[5]). Въ 1624 г. въ Устюгѣ былъ списанъ Хронографъ, на 476 листахъ[6]). Сольвычегодскому собору принадлежала Кормчая, въ которой помѣщены памятники древняго русскаго права[7]).

V.

Входившія въ составъ Ростовскаго княж. Кострома (въ лѣт. упом. въ 1213 г., какъ городъ уже существовавшій[8]) и Галичъ составляли одно время особые удѣлы, которыми владѣли сыновья Ярослава Всев.—Василій Квашня и Константинъ. Въ лицѣ перваго изъ нихъ Кострома принимаетъ дѣятельное участіе въ борьбѣ за владимирскій престолъ, причемъ съ 1272—76 г. она была столицей вел. князя. По смерти Василія († 1276), Кострома присоединяется къ Владимирскому княж., переходитъ изъ рукъ въ руки[9]), принимаетъ участіе въ борьбѣ Твери съ Москвою, пока Иванъ Калита не присоединяетъ

[1]) Въ м. Преобр. отъ иконы шло мvро у Спаса изъ грудей и такожъ у Моисея и у Иліи (Арханг. л., 203, г. 1492). Ср. Дневн. Снегирева (Р. Арх. 1904, № 3, с. 451) и Воспом. Ѳ. А. Гилярова (ib. 1904, № 5, с. 70).

[2]) Ратшинъ, 79; Семеновъ, 683.

[3]) Ключевскій, 277-278; Филаретъ, іюль, 51, 64.

[4]) Памятн. стар. литер. IV, 121.

[5]) Опис. Рук. Рум. музея, стр. 279: Розенкампфъ, Обозр. Кормчей, 110 и д.; Срезневскій, Памятники, 159.

[6]) Порфирьевъ, Опис. рук. Соловец. м., II. № 740 (стр. 106).

[7]) Прод. Рос. Вивл., т. III: церк. уставы Владиміра св. и Ярослава I и Рус. Правда (1—47).

[8]) Объ имени Костромы, связан. съ языч. обрядами (Геогр. Изв. 1850, с. 351); другіе (гр. А. С. Уваровъ) считаютъ его заимств. изъ мордов. языка (красивый городъ); произв. толк. на разныя темы (Кн. А. Козловскій, Взглядъ на ист. Костр. 6—8); сближеніе съ русск. производ. (острогъ и т. п., И. Миловидовъ, Оч. ист. Костромы, 7—19).

[9]) Въ 1293 г. здѣсь утвердился Иванъ Дм. (с. Дмитрія Андреевича); въ 1308 г. въ Костромѣ ум. кн. Борисъ Андр. (с. Андрея Александровича). См. Сузд. лѣт. по Акад. сп. (Троиц. лѣт.).

ее къ послѣдней; но и эта зависимость не спасла ее отъ военныхъ опасностей (нападенія татаръ, ушкуйниковъ и тверитянъ, 1370, 1375—76 [1]), 1386). Галичъ былъ купленъ Иваномъ Калитою у потомковъ Константина Яр. [2]). Къ Галицкому удѣлу принадлежалъ одно время и Дмитровъ; но только при Дмитріѣ Донскомъ — Бѣлоозеро, Галичъ, Дмитровъ и Угличъ окончательно были присоединены къ Москвѣ [3]). Въ XIV в. Кострома служила (до 1336) мѣстомъ церк. собора, а въ 1360 г. здѣсь судились русскіе князья передъ ханскимъ посломъ по случаю ограбленія болгаръ и, выдавъ виновныхъ, отправились въ Орду [4]). Считаясь болѣе безопаснымъ мѣстомъ, Кострома служила убѣжищемъ—въ 1382 г. для Дмитрія Дон.—отъ Тохтамыша и въ 1409 г., для Василія Дм.—отъ Едигея, какъ бывало впрочемъ и послѣ (1433, 1451 [5]). Въ 1416 г. городъ былъ укрѣпленъ [6]). Во время смуты при Василіѣ Темномъ сѣверные города (Кострома, Галичъ, Угличъ, Чухлома, Вологда, Устюгъ) сдѣлались мѣстомъ ожесточенной борьбы соперниковъ. Въ 1469 г., въ походѣ Ивана III на Казань и въ 1478 г.—на Новгородъ принимали участіе костромичи и галичане, затѣмъ (1489) сюда были сосланы выведенные новгородцы, а во время ливонской войны (1565) и плѣнные нѣмцы. Въ 1586 г.

---

[1]) Противъ ушкуйниковъ выступило тогда 5000 костромичей подъ нач. воеводы Плещея.

[2]) Корсаковъ, 182—185, 190 - 200. Подъ 1280 г. (Воскрес. лѣт., т. VII) говорится о кончинѣ здѣсь кн. Давида Конст.; а подъ 1310 г. въ той же лѣт. упоминается о рожд. у галиц. кн. Василія Конст. сына Өедора, слѣд. послѣ Давида княжилъ здѣсь братъ его Василій (Миловидовъ, 49). Въ 1361 г. Дмитрій Дон. прогналъ изъ Галича внука кн. Давида Конст.—Дмитрія Иван., добившагося въ Ордѣ права на княженіе, и взялъ въ плѣнъ его княгиню (Сузд. по акад. сп.; П. С. Р. лѣт., IV, 64; V, 229). Во время московской смуты здѣсь сидѣли Василій Косой и Дмитрій Красный († 1441), описаніе загадочной кончины котораго (б. м. летаргія) помѣщено въ лѣтописи (VIII, 109—110). Оттуда онъ былъ перевезенъ въ засмоленной колодѣ въ Москву. Затѣмъ Галичъ достался Д. Шемякѣ и былъ присоединенъ къ Угличу (ср. Миловидовъ, 81—83). Въ XV в. Галицкій удѣлъ простирался до Вятки (95). Имена и порядокъ княж. въ лѣт. галиц. Воскр. мон. признаются запутанными и неточными (см. Карамзинъ, IV, 152, 183. прим. 327; Крживоблоцкій, Костром. губ., с. 7; Корсаковъ, 185). Отъ князей галицкихъ происходятъ фамиліи: Березиныхъ, Осининыхъ, Ильиныхъ, Ивиныхъ (Долгоруковъ, II, 305).

[3]) Соловьевъ, IV, 139—140. На возвышенности близъ Галича указываютъ остатки княж. дворца (Списки насел. мѣстъ Костр. губ., LVI).

[4]) Карамзинъ IV, пр. 55; Соловьевъ, IV, 307; Акты ист., I, № 57.

[5]) Отзывъ объ этомъ (Воскр. л. 1541).

[6]) Въ 1420 Костромская область пострадала отъ мора; въ 1422 г.—отъ голода.

на Костромѣ былъ намѣстникомъ бояр. Ст. Вас. Годуновъ. Съ Галичемъ связана своими помѣстьями семья Огрепьевыхъ. Въ нач. XVII в. Кострома и Галичъ поддерживали движеніе, направленное противъ поляковъ.

Въ XIV и XV стол. въ предѣлахъ Костромы и Галича называются города: Нерехта, Соль (ок. 1385), Чухлома (съ 1379 [1]), Плесъ (съ 1410), Кинешма (1504) и до 25 волостей и селъ. Въ 1536 г. былъ построенъ г. Буй, въ 1546 г.—Кадый, въ 1572 г.—Судиславль [2]). Промышленность края заключалась въ хлѣбѣ, плодахъ, соли (отсюда названіе гор. Соль, Нерехта съ варницами [3]), Кинешма [4]), а мѣха (бѣлки, горностаи) составляли главный предметъ внѣшней торговли. Упоминаются также борти и бобровники и волость Желѣзный борокъ. Въ 1594 г. Костромская область была описана нарочно посланными писцами [5]). Въ XVII в. Галицкій уѣздъ считался однимъ изъ самыхъ богатыхъ по населенію въ Московскомъ государствѣ [6]).

Патрональнымъ храмомъ Костромы служилъ Успенскій соб., постр. ок. 1240 г. [7]); въ Галичѣ — Преображенскій [8]). Еще въ 1239 г. кн. Василій Яр. построилъ близъ Костромы Спасскій м.; а прибывшій въ 1330 г. въ Москву и принявшій крещеніе мурза Четъ (Захарія) положилъ основаніе Ипатьевскому м. [9]). Авраамій Галицкій или Чухломскій († 1375), уч. Сергія Рад., основалъ четыре общежительныхъ мм., въ окрест. Галичскаго и Чухломскаго оз.; Пахомій Нерехтскій († 1384), постриж. Рождественскаго м. во Владимирѣ, въ 42 вер. отъ Костромы, близъ Нерехты, основ. Троицкій м., а другой ученикъ Сергія—Іаковъ, при содѣйствіи в. кн. Василія Дм.,—мон. близъ с. Же-

[1]) Въ этомъ году сюда былъ сосланъ самозванный митр. Пименъ.

[2]) Миловидовъ, 61, 63, 64, 76, 79, 94, 108, 112, 114, 136.

[3]) Карамзинъ, V, пр. 372.

[4]) Въ нач. XVII в. соляварнями завѣдывалъ голландецъ Ейлофъ (ibid. VII пр. 342).

[5]) Миловидовъ. 64, 76, 94, 119.

[6]) Платоновъ, Смут. время, 34—35.

[7]) До того времени здѣсь была ц. Θеодора Стратилата, постр. Ярославомъ (Θедоромъ) Всевол., въ которой былъ погребенъ кн. Василій Яр. (Миловидовъ, 32, 44, 51), дважды горѣвшая (1249, 1304,—отъ молніи, см. Воскр. лѣт.). Соборъ сгорѣлъ въ 1773 г. и возобн. въ 1776 г. (Ратшинъ).

[8]) Карамзинъ, V, пр. 257.

[9]) Въ немъ погребенъ его основатель, а Ип. мон. сталъ родовымъ кладбищемъ Годуновыхъ. Обогащенный щедрыми вкладами, Ип. м. назывался „преименитою великою лаврою“ (Ратшинъ, 152). Уже при жизни основателя въ Ипат. м. было до 100 мон. (Макарій, IV, 209).

лѣзный боровъ. въ 40 вер. отъ Галича. Кромѣ того построены были три мон. нар. Лухѣ, при ов. Желтыя воды, и на правомъ бер. р. Унжи—Макаріемъ, учен. Діонисія Сузд. († ок. 1444). Въ XV в. въ Костромѣ существовали еще мм. Крестовоздвиженскій женскій и Богоявленскій мужской, а въ XVI в., въ 25 верст. отъ Галича, былъ построенъ м. Ѳерапонтомъ на р. Монзѣ [1]). Костромская область подчинялась въ церковномъ отношеніи ростовскому архіепископу [2]) и занимала выдающееся мѣсто въ монастырскомъ землевладѣніи сѣверной Россіи [3]).

Хотя Кострома, какъ и др. города, много страдала отъ пожаровъ (въ 1412 г. въ ней сгорѣло 30 церквей; въ 1493 г.—она снова выгорѣла [4]); но до насъ дошли нѣкоторые памятники мѣстной письменности или здѣсь сохранившіеся. Такъ, въ 1357 г. въ Галичѣ была списана книга Евангельскихъ чтеній („въ княж. вел. кн. Ивана Ивановича“ [5]); въ Ипат. м. хранилась Кормчая, пис. въ XVI в., съ уставами древнихъ русскихъ князей [6]), и здѣсь же была найдена одна изъ лучшихъ и древнѣйшихъ лѣтописей, назван. по имени мон-ря [7]). Мѣстныя житія б. ч. поздняго происхожденія, но они ссылаются на старыя записки, хранившіяся въ монастыряхъ (жж. Авраамія Чухл., Сергія Нуром., Пахомія Нерехт., Макарія Унж. и др. [8]). Въ сказаніи же о Паисіѣ Галичскомъ (XVIII в.) авторъ указываетъ на галицкіе древніе лѣтописцы [9]). Намъ извѣстенъ „Лѣтописецъ Воскрес. м., что у Соли“, очевидно поздняго происхожденія, дошедшій въ разныхъ редакціяхъ и отличающійся вообще неточными данными [10]). Извѣстія

---

[1]) Макарій, IV, 193—194; Филаретъ, Жж., мартъ 23. іюнь 20 и 25, дек. 12; Ратшинъ.

[2]) Миловидовъ, 113.

[3]) Никольскій, Кир. Бѣлоз. м., VI.

[4]) П. С. Р. лѣт., XV, 486; Никон. л. Позднѣйшій большой пожаръ—1773 г.

[5]) Срезневскій, Пам яз., 213—214; Воскресенскій (Чт. въ Общ. ист. 1896, I, 39).

[6]) Ж. М. Н. Пр. 1891, № 2, с. 434,

[7]) Строевъ. 360; Письма Калайдовича къ Малиновскому, 46.

[8]) Ключевскій 276—77; 311; Барсуковъ, Агіографія, см. подъ ихъ именами.

[9]) Ключевскій, 357, пр. 1

[10]) Карамзинъ IV, пр. 327; ср. Крживоблоцкій, с. 7; Корсаковъ, 185. Въ рук. Царскаго (=Уварова) № 438 лѣт. эта занимаетъ 21 листъ. Ср. Опис. рук. Сборн., Бычкова I, с 215—216; а также „Галич. лѣт-ць отъ л. 680 (1332) до л. 6961 (1452)“ по Антикв. кат. Клочкова № 294 (№ 24); Н И. Петровъ, Опис. рук. К. Соф. соб., М. 1904, с. 140. Лѣт. этотъ относитъ начало мон. къ 1335 г. и приписываетъ

XV стол. въ немъ заимствованы б. ч. изъ лѣтописей въ болѣе краткомъ изложеніи, а извѣстія XV в. обнаруживаютъ стремленія возвысить значеніе и вліяніе монастыря въ событіяхъ края и потому не отличаются достовѣрностью [1]). Дошла еще „Повѣсть о явленіи иконы Ѳеодоровской“, касающаяся, между прочимъ, исторіи города; но она также поздняго происхожденія [2]).

VI.

Окрестности Бѣлоозера и Вологодскій край были усѣяны пустынями и монастырями и хотя здѣсь сходились пути колонизація изъ Новгородской и Ростовской областей, но послѣдняя возобладала какъ вслѣдствіе слабости управленія Новгорода на окраинахъ и монастырскаго землевладѣнія (см. стр. 607, 617—618), такъ и политическихъ условій [3]). Возникновеніе монастырей въ Бѣлозерскомъ краѣ связано съ именемъ кн. Глѣба Васильковича († 1278), основателя Каргополя (Каркунъ-пуоли, Медвѣжья сторона [4]). Так. обр. получили начало мм. Троицкій устьшехонскій, близъ Бѣлозерска (на у. рѣки Шексны) и Преображенскій, на Каменномъ остр. Кубенскаго оз., гдѣ кн. Глѣбъ засталъ уже общину изъ 23 мон., по личнымъ обстоятельствамъ въ жизни князя, обезпечившаго ихъ и землями. Послѣдній изъ мон. достигъ процвѣтанія при игум. Діонисіѣ Грекѣ, пришедшемъ съ Аѳона, потомъ рост. архіепископѣ [5]). Близъ Каргополя возникаютъ мм.—Успенскій, на бер. р. Онеги, и Спасскій на горѣ Челмѣ (XIV в.).

постр. его галиц. кн. Ѳедору Сем. (?). Возлѣ мон. вскорѣ образовалось сел. и началась выварка соли, а въ 1340 г. Соль Галичская была куплена вм. съ Костромою Иваномъ Кал. (Кар. V. пр., 116, 122, 292, 372; Соловьевъ, II. 337; IV, 141, 155, пр. 278, 280; V, пр. 222. Подр. о солевареніи (Ак. ист. I, № 49; Ак. экспед.. I, № 252).

[1]) Миловидовъ, 151—157.

[2]) П. Островскій. Ист. записки о Костромѣ. 10—15.

[3]) Н. Никольскій, Кир. Бѣлоз. мон. и его устройство. Спб. 1897, с. 3—8; Н. Коноплевъ, Святые Вологод. края (Чт. въ Общ. ист. и древ. рос. 1895, IV. 23—24. 28); сост. края по житіямъ (123—126). О ближайшей связи его съ Ростовомъ (185, пр. 23; 121). Миссіонерское значеніе сѣв. мон-рей отмѣтилъ Герберштейнъ.

[4]) См. выше, стр. 457. Во 2-й полов. XVI. въ Каргополѣ считалось 476 тяглыхъ дворовъ (Платоновъ, 14).

Глѣбъ Вас. „многи церкви созда и украси иконами и книгами“ (Троиц. л. Карамзинъ, IV. пр. 160). Съ именемъ его соединяется улучшеніе судоходства по Сухонѣ и Вологдѣ (Толстой, прим. 36).

[5]) Ист. рос. іерар., VI, 584—87; поправка (Ключевскій. 192): Сказ. о Спасо-Кам. мон. (Прав. Соб. 1861. I, 199—202) нынѣ Бѣлавинская пустынь, Ратшинъ, 66—67); Макарій. IV, 203—204.

осн. Кирилломъ, вышедшимъ изъ м. Антонія Римлянина [1]), а выходцами Сергіева мон. былъ основанъ череповскій Воскресенскій м., получившій жал. грамоту отъ бѣлов. (можайскаго) кн. Андрея Дм. († 1432 [2]).

Въ Вологодскомъ краѣ, въ теченіе XIV и XV вв. [3]) появляются мм. Прилуцкій, Глушицкій, Сынжемскій (Спасо-Евѳиміевъ), Пельшемскій (наз. и Лопотовымъ, по фамиліи основателя его Григорія, происходившаго изъ галицкихъ бояръ), Рабангскій, Комельскій, Куштскій, Веркольскій, Сійскій и мн. др., построенные преимущественно у рѣкъ означенныхъ наименованій [4]); но главная роль въ распространеніи монашества на сѣверѣ принадлежитъ Кирилло-Бѣлозерскому м. Уроженецъ Москвы, родственникъ Вельяминовыхъ, ученикъ Сергія, затѣмъ игум. Симоновскаго мон., онъ положилъ основаніе м. на Бѣлоозерѣ, а его другъ Ѳерапонтъ, вблизи отъ него, изъ которыхъ вышелъ потомъ рядъ новыхъ колоній [5]). Послѣдній бѣлозерскій кн. Михаилъ

---

[1]) Филаретъ, дек., 537—38. Сюда была прислана на житье Дмитріемъ Шемякою Софія Витовтовна (1447) и здѣсь же спасалась отъ татаръ Софія Ѳом. въ 1482 г. (П. С. П. лѣт., VI, 177—178; VIII, 120—121, 213).

[2]) Макарій, IV, 206. Ср. Подвижники и мон-ри крайняго сѣвера, К. А. Докучаева—Баскова (Хр. Чтен. 1885, мартъ—апр.; Ист. Челм. пуст., 1889, мартъ—апр., іюль—авг., сент.—окт.). Акты Челм. пуст. подверглись уничтоженію (ibid. 1885 май—іюнь, 773).

[3]) Болѣе ранними мм. за Волгою были—ок. Вологды—Герасим. и Глѣденскій ок. Устюга (см. выше, с. 201, прим. 6; Ключевскій, 192). Въ XVI—нач. XVII в. Вологда представлялась большимъ городомъ съ хорошею крѣпостью (Герберштейнъ, Смитъ, Масса). Въ 1627 г. въ немъ было до 1000 жилыхъ дворовъ въ городѣ и на пасадѣ и свыше 500 пустыхъ дворовыхъ мѣстъ (Мерцаловъ, Вологодскя Старина, Спб. 1889). О его торговомъ значеніи (Платоновъ, 8, 27, 33, 141, 149, 381—82, 393, 402). Въ Вологдѣ въ XV в. писались и книги (Опис. Солов. библ, II, 358).

[4]) Ист. іер., III, 700—706; V, 555,—560; Филаретъ, іюнь, 11—18; Макарій, IV, 207—210; Оп. изсл. о культ. знач. Византіи, 113—117; также Докучаевъ-Басковъ (ср. рец. И. С. Некрасова, Отч. о нагр. гр. Уварова за 1892); Н. Коноплевъ.

[5]) Опытъ изслѣд., 111—115; С. Шевыревъ, Поѣздка въ Кир. Бѣлоз. м., М. 1850; Н. Никольскій, Кир. Бѣлоз. м. и его устр. до 2-й четв. XVII в., т. I, в. I, съ прилож. 52 рис. и хромолит., Спб. 1897. По монаст. синодикамъ съ осн. до 1526 г. насчитывается до 600 мон., умершихъ въ немъ (ib. 47). Въ одной рук. XVI в., содерж. сводный чинъ и уставъ мон. Кир. м., наравнѣ съ Троиц., наз. великой лаврой и пресловущей обителью (Библ. Слов., 336). Мастерами серебр. дѣлъ (сереброкузнецы) и иконописцами въ мон. были б. ч. псковитяне. Впрочемъ послѣднихъ было много также между ростовцами, бѣлозерц. и угличанами (Никольскій, 95—102, 105—106; желѣзо, употребл. въ дѣло, наз. „нѣмецкимъ“ (83, 178) и вѣроятно, доставлялось изъ Новг. обл. (см. выше, стр. 629). Впослѣдствіи по количеству кресть-

Андр. (1436—88) обезпечилъ оба мм. своими жалованными грамотами [2]). Іосифъ Волоц. выставляетъ строгость устава Кириллова м. среди упадка монастырскихъ нравовъ [3]); а Иванъ Грозный избираетъ его предметомъ своей сатиры, объясняя нарушеніе монастырскихъ правилъ обиліемъ бояръ, нашедшихъ въ немъ убѣжище [3]).

Кириллъ Бѣлоз. былъ большой цѣнитель книгъ, памятникомъ чего остались рукописи, писанныя имъ самимъ и его учениками. Преемникъ его, игум. Кассіанъ также заботится объ обогащеніи монаст. библіотеки и подъ его наблюденіемъ работало много писцовъ [4]). Вообще, Кирил. м., на пространствѣ XV—XVII вв., принадлежалъ къ числу монастырей, богатыхъ грамотными монахами, о чемъ даетъ право заключать его огромная библіотека, книги которой были писаны почти исключительно мѣстными писцами [5]). Повидимому подобная традиція поддерживалась и въ сосѣднемъ Ѳерапонтовскомъ мон. [6]). Нѣкоторыя рукописи въ Кирил. м. списывались въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Не касаясь здѣсь рукописей церк. содержанія, составлявшихъ

янъ, Кир. м. занималъ 3-е мѣсто (Опытъ изслѣд., 139). Бояр. Иванъ Хабаровъ на раку пр. Кирилла въ пол. XVI в. далъ 100 р. (Никольскій, 46, пр. 3. О торговыхъ операціяхъ (Костомаровъ, Оч. ист. торг. Моск. гос. 98) и хозяйственныхъ оборотахъ монастыря (Платоновъ, 33, 573).

[1]) Акты Арх. экспед. I, №№ 30, 31, 36 47, 65, 66 67, 100, 107, 114.

[2]) Сказ. о св. отцѣхъ (Чт. въ Общ. ист. и древн., годъ 2-й, № 7). Въ 1478 г. игум. и часть братіи („новые и отъ прихожихъ, а старые не хотѣша") его, научаемые кн. Михаиломъ Андр. („превознесясь богатствомъ и высокоуміемъ"), хотѣли выйти изъ подъ власти архіеп. и подчиниться непосредственно князю и нашли поддержку у митрополита; но вел. князь принялъ сторону архіепископа (Вассіана) и дѣло было потушено (П. С. Р. Л., VI, 33—34; VIII, 200; Карамз., VI, пр. 629, ст. 94—95). Мѣстная лѣтопись (ростовское сказаніе) осуждаетъ этотъ поступокъ (Отч Общ. люб. др. письм. 1894—95, с. 51—64; Арх. Изв. 1895, № 2—3, с. 73).

[3]) Ист. іерар., IV, 421—79; Акты истор., I, № 204.

[4]) И. Некрасовъ. Пахомій Логоѳетъ, с. 53. О переписчикахъ (Опис. рук. Рум м., 513; Словарь Строева, 19). О стоимости переписки (Срезневскій, Памят., 201; Оп. рус. ист-фін, I, 99).

[5]) При мон. находились дьяки (мірскіе), обязанность которыхъ состояла въ списываніи книгъ и обученіи „грамотныя хитрости" (ж. Мартиніана Бѣлозер., Лѣт. зап. Арх. ком., в. I); они называются „разумными и искусными" въ своемъ дѣлѣ (ж. Александра Ошевенскаго, Соболевскій, Образов. Моск. Руси, 17); а въ одномъ сборникѣ говорится объ обученіи дѣтей (ib., 22).

[6]) Въ одной изъ записей Кирил. мон., подъ 1513 г., отмѣчено, что въ Ѳер. м., „преставился старецъ Варлаамъ доброписецъ" (Бычковъ, Опис. рукоп. Сборн. I, 93); а въ 1530 г. чернецъ Іона пожертвовалъ въ Ѳер. м. „Маргаритъ I. Злат. на 623 лл., пис. полууставомъ „своего рукодѣлія" (Опис. рук. Рум. м., 215—216).

уже въ XV в. значительный запасъ книгъ [1]), въ числѣ другихъ заслуживаютъ вниманія: Сборникъ Святославовъ XV в. (а по другимъ XIII в. [2]), соч. Козмы Индикоплова, въ лицахъ, Хронографъ Г. Амартола (въ 5 экз. [3]), русскіе хронографы разнаго состава [4]), русскія лѣтописи (11 экз. [5]), памятники законодательства русскаго и византійскаго (очень хорошіе спп. Судебника Ивана IV и Стоглава, XVI в., татарскіе ярлыки въ сп. XV в., весьма хорошій сп. Тактикона, Номокан. въ сп. XVI в. со включеніемъ всѣхъ рус. статей, на 530 лл.), житія, литературныя произведенія, соч. Кирилла Туровскаго, Пахомія Логоѳета, поуч. Кирилла Бѣлоз., споръ съ іосифлянами, соч. Нила Сорскаго, Паисія Ярославова, Іосифа Волоцкаго, переводы и соч. Максима Грека, рѣдкое собр. соч. м Даніила [6]), полное собр. соч. и переводовъ кн. Курбскаго [7]), рядъ произведній апокрифической литературы [8]), многочисленные сборники, богатые статьями разнообразнаго содержанія и между прочимъ лѣтописнаго [9]), литератур-

---

[1]) Н. Никольскій, Опис. рук. Кир. Бѣл. м., сост. въ к. XV в., изд. Общ. люб. древ. письм., № CXVII (Спб. 1897, LIX+322); Шевыревъ, Поѣздка въ Кир. Бѣлоз. м., М. 1850; Архим. Варлаамъ, Опис. Сборн. XV стол. Кир. Бѣл. мон. (Уч. Зап. Ак. Н. по 2-му отд., V, стр. 1—66); Обозр. рук. собств. библ. Кир. Бѣлозер. (Чт. въ Общ. ист. 1860, III, 1—69); ср. Опис. ист. арх. древн. и рѣдк. вещей, наход. въ Кир. Бѣлоз. м. (ib. 1859, III, 1—140; Опись рукоп. степен. мон-рей (Чт. въ Общ. ист. 1848, кн. VI); Строевъ, 55, 80, 88, 133, 217, 244, 357.

[2]) Ист. Вѣст. 1898 № 5, с. 689.

[3]) Составители русскихъ статей въ сборникахъ пользовались его хроникою (Лѣт. зан. Арх. к., III, 19).

[4]) Поповъ, I, 2—3, 73. 215; II, 6—7; Строевъ, 80. 88, 183, 217, 244, 363.

[5]) Подроб., краткія, общія и мѣстныя—Псков. лѣт. (Указ. Саввы, 200—201; Словарь Строева, 362—365; ср. Врем. Общ. ист., VIII, Изъ лѣтоп. сборника).

[6]) Строевъ, 14, 44, 60, 80, 93, 105, 116. 134, 135, 151, 155, 166, 172. 200. 201, 217, 218, 226—31, 276, 334, 339, 368. 371, 381, 388—89—488.

[7]) Строевъ, 183—184. Карамзинъ пользовался этою рукописью.

[8]) Прав. Обозр. 1862, № 6, с. 187, примѣч.

[9]) До 30 изъ нихъ описаны (Лѣт. зан. Арх. к. III, 1—106). Въ одномъ изъ нихъ „Лѣт. вкратцѣ отъ Адама до крещ. Руси, а отъ крещ. Руси до к. седьмыя тысячи" (ib. 98). Въ другомъ сборн.—выборъ статей изъ лѣт., частію древ., а ч. Новгор. по 7038, болѣе подр. къ концу (106). Въ старой описи значатся еще „Святцы, при нихъ лѣт-сь отъ С. М. до рос. государей краткій, а пространнѣе о рос. государствѣ по 7142 г.—1634" (Викторовъ, Опис. рукоп. собр. въ книгохран. сѣв. Россіи, с. 150). О Паисіевскомъ сборн. со статьями о славян. язычествѣ и древними поученіями, сп. XIV—XV в. (Шевыревъ, II, 32—39; Срезневскій, Свѣд., II. 297—304, 334—339).

наго[1]), естественно-историческаго[2]). Заслуживаетъ еще вниманія лучшій списокъ „Пасхаліи", со множествомъ таблицъ, свящ. Агаѳона[3]). Въ 1582—83 г. въ Кирил. м. упоминается „книгохранитель" [4]). Въ XVII и XVIII стол. изъ его библ. рукописи часто требовались для исправленія и печатанія книгъ и поступили въ общественныя библіотеки и частную собственность, а остальныя вошли потомъ въ составъ библ. Спб. дух. академіи[5]).

Изъ постриженниковъ Кирил. мон. наибольшимъ значеніемъ пользовались Корнилій Комельскій и Нилъ Сорскій. Въ бѣлозерскихъ пустыняхъ возникло направленіе, явившееся противовѣсомъ господствовавшей церковности, представителемъ которой былъ Іосифъ Волоцкій, подвергавшее критикѣ такіе вопросы, какъ владѣніе монастырями недвижимой собственностью, право казнить еретиковъ, отрѣшеніе вдовыхъ поповъ отъ службы, и стоявшее за преимущество внутренней религіозности надъ внѣшней, преобладавшей въ современномъ обществѣ, полнымъ выраженіемъ которой въ жизни былъ потомъ Домострой [6]).

---

[1]) Напр. сказ. о Дракулѣ, объ Инд. царствѣ, о попѣ Іоаннѣ; жж. и подвиги Александра Макед. въ сборн. XV в., на стр. 13—183 съ раскраш. изобр. Александра вначалѣ, напис. для Евфросина псков. въ 1496 г. (Строевъ, 398—399, 436). Есть облич. статья противъ древнихъ мудрецовъ Платона, Аристотеля, Галена, Катона, Доната (Лѣт. занятій, III, 97). Вообще изъ церковныхъ сборн. визант. литер. читатель почерпалъ нѣкоторыя хотя и одностороннія свѣдѣнія о древнихъ писателяхъ и ихъ сочиненіяхъ, напр. изъ ж. св. Екатерины онъ узнавалъ о книгахъ виргильскихъ и витійскихъ, о Галенѣ, Аристотелѣ, Платонѣ, Омирѣ (Слов. Срезневскаго, I, 1391—1392). Напомнимъ отрицательные отзывы Алексѣя Комнена и Гр. Паламы или Петра Даміани и Бернарда Клервосскаго о тѣхъ же писателяхъ.

[2]) Лѣт. зан. Арх. к. Въ книгѣ церк. правилъ, принадлежавшей Кириллу Бѣлозер., находится нѣсколько выписокъ изъ Галена о происхожденіи грома и молніи, о падающихъ звѣздахъ, объ океанѣ, о моряхъ, о четырехъ стихіяхъ, о землетрясеніяхъ, объ облакахъ, объ устройствѣ земли (Шевыревъ, Поѣздка въ Кир. Бѣлоз. м., с. 24).

[3]) Строевъ, 54—55.

[4]) Акты ист., I, № 212; Лѣт. зан. Арх. ком., IV, 121.

[5]) Опытъ рус. исторіографіи, I, 107, 115; Шевыревъ, II, 28; Викторовъ. 135—150. Хорошо обстроившись, мон-рь является со временемъ надежною крѣпостью.

[6]) Преп. Нилъ Сорскій, А. Архангельскаго, Спб. 1882, стр. 283+26; ср. еще Чт. въ Общ. ист. и древн. рос. 1895, IV, 76—77. Любопытныя черты изъ жизни сѣв. мм. - о причинахъ вражды между мон. Кирил. и Іосиф. въ ст. А. В. Горскаго (Твор. св. отц., прибавл., кн. X, 505 и. д.). Сюда примыкаютъ Вассіанъ Косой, Артемій и др. По вкладной Хроногр. въ Кирил. мон. Кассіана, еп. рязан., замѣшаннаго въ дѣло еретиковъ XVI в., можно заключать о его симпатіяхъ идеямъ кирил. старцевъ (Поповъ, I, 2, 73; ср. Строевъ, 60).

Въ поуч. монахамъ Кириллъ говоритъ: „яко воистину ничто же насъ ни избавитъ на страшнемъ судѣ отъ мученіа, но токмо добрыя дѣла; ничто же бра-

Ученіе Нила Сорскаго въ значительной степени напоминаетъ мистическія ученія на Западѣ въ XIV и XV стол. Они расходились съ господствующимъ направленіемъ не какъ скептики, а какъ люди, для которыхъ суть религіи заключалась въ вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ[1]) и, какъ тамъ, такъ и здѣсь, имѣли вліяніе, помимо даже своего желанія, на послѣдующее еретическое движеніе—въ XVI вѣкѣ.

Въ Кирил. м. велись записи, имѣющія мѣстный лѣтописный интересъ. Таковы извѣстія, сохранившіяся въ сборникахъ, отъ конч. Кирилла, о событіяхъ въ монастырѣ, о постриженіи извѣстныхъ лицъ (между прочимъ Симеона Бекбулатовича, 1606), о присылкѣ опальныхъ на житье, о посѣщеніяхъ мон. (вел. кн. Софіей), о постр. храма (1496) и именахъ мастеровъ, съ ростовцемъ Прохоромъ во главѣ, о стоимости постройки (150 р.), о написаніи образа Успенія псковитяниномъ Алексѣемъ Малымъ (1521), списокъ игуменовъ (37) по 1615 г.[2]). Другой лѣтоп. отрывокъ касается событій въ Кирил. и Ѳерап. мм.[3]). Въ одномъ изъ сборниковъ (к. XV нач. XVI в.) находятся записи, относящіяся къ борьбѣ кирилловскихъ старцевъ съ іосифовскими, происходившей въ нач. XVI в.; лѣтоп. замѣтки 1501—1509 гг.[4]). Заслуживаетъ вниманія запись о нападеніи на Кирилловъ м. и Вологду литовцевъ въ 1612 г.[5]). Весьма цѣнны также приходо-расходныя книги Кириллова м., представляющія интересныя свѣдѣнія о лицахъ и событіяхъ на пространствѣ XV—XVII стол.[6]). Во время борьбы съ

тіа не утаено будетъ предъ Богомъ, ниже капля слезная, ниже капли часть нѣкоторая, то колми паче многая благотвореніа не забвена будетъ предъ Богомъ" (Изв. Акад. Н. по отд. рус. яз. 1897, I, 77).

[1]) Архангельскій, 56, 79, 105, 123; ср. Hagenbach, Kirchengesch., II, 498—501, 600—604. Jundt, Les amis de Dieu au XIV s., 32 и д.; Гейссеръ, Ист. реформ., 4—9.

Мистики и нищенствующіе монахи смягчили благочестіе X вѣка (Лампрехтъ, Истор. Герм. нар., II, 496—97); ср. Гаусратъ, Средневѣковые реформаторы, II, 235—274.

[2]) Бычковъ, 37—38. Полная вып. (Врем. Общ. ист., VIII, смѣсь, 50). Списки игуменовъ встрѣчаются и отд. (Бычковъ, 69). О Синодикахъ Кирил. мон. (Шевыревъ, II, 7—8; ср. выше, стр. 832, пр. 4).

[3]) Бычковъ, 37—39.

[4]) Отч. Общ. люб. древ. письм. 1894—95 г., с. 21. Арх. Изв. 1895, №№ 2—3, с. 73, Подр. изложеніе этихъ записей (м. прич. кас. Нила Сорскаго) см. Опис. рук. Кир. м., Н. Никольскаго, с. XXIX—XLIV.

[5]) Шевыревъ, II, 6—7.

[6]) Выписки изъ Кормовой книги Кир. Бѣлоз. м., И. Купріанова (Изв. Р Арх. общ., IV, 18—23); Кормовая кн. Кир. Бѣлоз. м., И. Сахарова (Зап. Р. Арх. Общ. по слав. рус. отд. I, 46—139, въ особ. любопытны вклады ц. Ивана Грознаго, простир. до 100 пудовъ серебра). Весьма обстоятельную лѣт. по архив. книг. и

ересью жидовствующихъ въ Новгородѣ, архіеп. Геннадій обращался къ *ростовскому* архіеп. Іоасафу (изъ князей Оболенскихъ, игум. Ѳерапонтова м., 1481—88 архіеп., † въ томъ же мон. [1]), съ просьбой о присылкѣ *книгъ* и двухъ старцевъ—Паисія Ярославова и Нила Полева. Первый—постриж. Спасо-Каменскаго мон., затѣмъ монахъ Кирил. м., игум. троицкій (1479—80), противникъ на соб. 1503 недвижимой собственности монастырей, близкій въ этомъ вопросѣ съ мнѣніями Нила Сорскаго, а потомъ Вассіана и Максима Грека. Ему принадлежатъ соч.: 1) Сказаніе (лѣтопись) о Сп.-Кам. м., написанное на основаніи монастырскихъ записокъ и преданій (напеч. въ Прав. Соб. 1861, т. I, стр. 195—216 [2]) и важное не только по своимъ свѣдѣніямъ о монастыряхъ на сѣверѣ, но и для исторіи распространенія христіанства и монашества въ означенномъ краѣ и исторіи того времени (оно касается Діонисія впослѣд. архіеп. ростов., Дм. Шемяки и т. п. [3]); 2) Повѣсть о второмъ бракѣ вел. кн. Василія Ив. (Чт. въ Общ. ист. и древн. рос., годъ 2-й, 1846—47, кн. VIII, 1—8, сп. неполн.), въ которомъ, какъ и въ вопросѣ о мон. имуществахъ, онъ примыкаетъ къ тому же направленію. Нилъ Полевъ—потомокъ князей смоленскихъ, постригся въ Волок. м., а потомъ поселился въ пуст. Нила Сорскаго [4]).

дѣламъ м-ря сост. архим. Іаковъ (Извлеч. изъ арх. книгъ и дѣлъ Кир. Бѣлоз. м., Древ. М. Арх. Общ., VIII, 135—154, за время XV—XVII стол.). Ср. еще „О больш. строителяхъ Кирил. м.", по прих. расх. книг., Н. Успенскаго (Чт. въ Общ. ист. и древн. 1897, I, 1—58). Перечень матер., кас. Кирил. м. (Опис. рус. исторіогр., I. 605—606; 732—739).

[1]) Списки Строева, 332.

[2]) Въ заглавной замѣткѣ этого соч. сказано: „той собра отъ многихъ отъ старыхъ книгъ послѣ пожара Каменскаго м-ря" (1476). Разборъ сказанія (Ключевскій, Житія, 189—192, 275, 281); ср. Филаретъ, Обзоръ. 118—119; замѣч. о Паисіѣ (Чт. въ Общ. ист. 1895, IV, 38—40).

[3]) „Трудъ Паисія прекращается на 6989 г., когда былъ вновь созданъ м-рь послѣ пожара; извѣстія 7051—79 гг., о разныхъ строеніяхъ, прибавлены послѣ. Безъим. авторъ службы и ж. преп. Іоасафа Каменскаго говоритъ, что пользовался трудомъ Паисія Ярославова" (Строевъ, Словарь, 221—222); ср. Филаретъ, Обз. 155—156. Строевъ приписываетъ ему еще статью, помѣщ. въ томъ же сборн. (Кирил. Новоез. м.) „О началѣ мон. преч. жив. Троицы, иже въ предѣлахъ града Бѣлоозера на устіи Шексны рѣки и пр., первѣе же всего о наш. Батыя царя татар. на нашу Рос. землю" (ibid.).

[4]) Посл. его касаются дѣла новг. архіеп. Серапіона съ Іосифомъ Волоцкимъ, а въ библ. Волок. мон. находилось нѣсколько рукоп., имъ списан. и пожертв. (Филаретъ, 135; Строевъ, 109, 219, 415).

Ростъ мон. колонизаціи, центромъ которой является Бѣлозерскій край, естественно долженъ былъ оказать свое вліяніе на развитіе агіографической литературы и письменности. Списываніе книгъ было обычнымъ занятіемъ многихъ подвижниковъ[1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ обиліи появляются житія основателей монастырей и пустыней, составляются записи о чудесахъ, передѣлываются и дополняются болѣе древнія редакціи житій[2]). Для насъ важно здѣсь то, что въ основу этихъ произведеній нерѣдко полагались монастырскія лѣтописныя замѣтки. Такимъ обр. авторъ ж. Діонисія Глушицкаго (Иринархъ, 1495) пишетъ о немъ на основаніи записей современниковъ въ лѣтописной формѣ (хронологическія данныя) и изустныхъ разсказовъ старцевъ, и житіе это принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ подобнаго рода[3]); авторъ ж. Мартиніана Бѣлоз., касаясь борьбы в. кн. Василія Вас. съ Д. Шемякою, ссылается опять на разсказы старцевъ и „лѣтописчія книги русскія земли“[4]): въ ж. Григорія Пельшемского сообщается весьма живой эпизодъ о вмѣшательствѣ его въ эту распрю (точнѣе, рѣчь идетъ, по времени, о Василіѣ Косомъ, 1435 г.), во время нападенія на Вологду[5]); въ ж. Димитрія Прилуцкаго, напис. въ XV в., въ описаніи его посмертныхъ чудесъ, сообщается о

1) Соболевскій, Образван. Моск. Руси, 6—8; Филаретъ, сент., 170. Братія Прилуц. м. побуждала Димитрія озаботиться увеличеніемъ книгъ (Филаретъ, февр., 80); Григорій Пельшем., Нилъ Сор., Корнилій Ком. занимались списываніемъ (февр., 173, апр. 33; Соболевскій, 9). За неумѣньемъ грамоты (Геннадій Костр.) записи (завѣщаніе) диктовались (Ключевскій, 303). При волог. архіеп. Іонѣ Толк. Псалт. (7100) писалась „не съ единаго списка, но съ разныхъ добрыхъ переводовъ“ (Опис. рук. Хлудова, № 4).

2) Ключевскій, 270—72, 275. Не слѣдуетъ однако преувеличивать ростъ письменности на сѣверѣ. Изъ 55 основателей мон. и пустынь, находившихся прежде въ уу. Олонецкомъ и Каргопольскомъ, занимавшихъ нѣкогда пространство гораздо большее нын. Олонецкой губ., до насъ сохранились жж. какихъ нибудь пяти основателей, несмотря на заботы объ этомъ. Изъ всего книжнаго матеріала до насъ дошли развѣ только синодики и приходо-расходныя книги (рец. И. С. Некрасова на трудъ Докучаева-Баскова, въ Отч. объ Увар. нагр. за 1892 годъ).

3) Ключевскій, 193—195.

4) Ключевскій, 273—277.

5) Ibid., 196—198, съ поправками; замѣч. на поправки (Чт. въ Общ. исторіи 1895, IV, 64—65). Характ. разсказъ приведенъ у Филарета (сент., 173—174). Авторъ ж. Прокопія Уст. заявляетъ: „а иное имѣхъ у себя и церковныя повѣстницы, за много лѣтъ свитцы, писанные, приготовлены быша про такого св. мужа“ (Ключевскій 277); авторъ ж. Стефана Махр. воспользовался свитками на хартіяхъ Серапіона (250). Въ поздн. записяхъ чудесъ Герасима Волог.—о его приходѣ на р. Вологду 1147 г. (ib., 332).

нападеніи Д. Шемяки на Вологду въ 1450 г. [1]); въ ж. Корнилія Комельскаго говорится о сожженіи мон-ря татарами въ 1536 г., вмѣстѣ съ чѣмъ соединяется и уничтоженіе пространныхъ („много писанія о святомъ бысть“) записокъ [2]). Существовалъ „лѣтописецъ Устьшехонскаго моря“, впрочемъ отличающійся большими анахронизмами [3]).

VII.

Епископъ Симонъ, въ посланіи къ Поликарпу, вспоминая о печерскихъ инокахъ, занимавшихъ епископскія каѳедры, замѣчаетъ: „и аще хощеши вся увѣдати, почти лѣтописца стараго Ростовскаго, есть бо всѣхъ болѣ л҃ (30), а еже потомъ и до насъ грѣшныхъ (по 1214 г.) мню близъ н҃ (50). Разумѣй, брате, колика слава и честь монастыря того“ [4]). Карамзинъ, по поводу словъ Симона, говоритъ: „Думаю, что онъ называетъ такъ Несторову лѣтопись, переписанную въ Ростовѣ“ [5]). Однако, въ ней мы не находимъ упоминанія о всѣхъ лицахъ, названныхъ Симономъ. Соловьевъ не сомнѣвается въ отдѣльной Ростовской лѣтописи [6]). Буслаевъ связываетъ съ ней происхожденіе древнѣйшихъ ростовскихъ житій [7]). Бестужевъ-Рюминъ, отмѣчая слѣды нѣсколькихъ ростовскихъ лѣтописей, во главѣ ихъ ставитъ „Лѣтописецъ Ростовскій старый“, къ сожалѣнію не сохранившійся, извѣстный Симону и стоявшій еще въ ближайшей связи съ Печерскимъ м., чѣмъ самая „Повѣсть врем. лѣтъ“ [8]). Другіе говорятъ объ исчезнувшей Ростовской лѣтописи, существованіе которой подтверждается авторитетнымъ свидѣтельствомъ еп. Симона, какъ лица ее читавшаго [9]). Но Е. Е. Голубинскій, напротивъ, выражается такъ:

---

[1]) Ключевскій, 188—189, 270—271.

[2]) Ibid., 303—304; ср. Воскр. лѣт., VIII, 291; Чт. въ Общ. истор. 1895. IV, 93.

[3]) Ист. іерар., VI, 584; Макарій, IV, 203.

[4]) Памятн. XII в., изд. Яковлевымъ, хс; Памят. XII вѣка, Калайдовича. 256.

[5]) Ист. госуд. рос., II, прим. 138.

[6]) Исторія Россіи, III, 92, 133.

[7]) Историч. Христом., 737.

[8]) О составѣ, сс. 11, 65.

[9]) Ключевскій, Житія, 8, 16. Костомаровъ ее допускаетъ (88). Корсаковъ принимаетъ вполнѣ (229—230). Въ пользу старой Ростов. лѣт. склоняется и пр. Макарій (II, 286; III, 23—24). А. А. Шахматовъ допускаетъ „старую Рост. лѣтопись“ условно (Обозр. лѣт. сводовъ, с. 9; ср. Изв. Ак. Наукъ 1902, III, 74—75).

„Симонъ Владимирскій говоритъ въ Патерикѣ о старой лѣтописи Ростовской. Но что это была не мѣстная лѣтопись Ростовская, а лѣтопись общерусская, видно изъ того, что въ ней читались многія записи объ епископахъ изъ монаховъ печерскихъ. Симонъ называетъ ее Ростовскою по мѣсту нахожденія списка, а старою вѣроятно потому, что она *много* не доведена была до его времени. Предполагать чтобы въ Ростовѣ велась своя мѣстная лѣтопись въ первую половину періода домонгольскаго, столько же, вѣроятно, какъ предполагать, что въ настоящее время ведутъ свои лѣтописи деревни“ [1]).

Послѣднее заключеніе едва ли можетъ имѣть мѣсто, какъ сравненіе. Ростовъ уже въ это время носитъ имя „великаго“ и является важнымъ административнымъ центромъ.

Тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „Ростовъ былъ административнымъ центромъ (Константинъ Всев. наз. его „начальнымъ городомъ“ въ смыслѣ старѣйшинства) *весьма обширной области*, а потому и *чиновниковъ* въ немъ и его области дòлжно было находиться *сравнительно много*. Равнымъ образомъ и о колоніи русскихъ слѣдуетъ думать, что она была здѣсь *болье многочисленна, чьмъ въ другихъ инородческихъ городахъ*: крѣпость Ростова къ Русскому государству съ самаго древняго времени видна изъ того, что уже при Олегѣ въ немъ сидѣлъ важный или перваго разряда намѣстникъ великокняжескій (лѣт. подъ 907 годомъ; Ист. рус. церкви, I, 172, прим. 1). И далѣе (650—651) онъ замѣчаетъ: „подъ 1159 г. столъ Андрея Боголюбскаго называется Ростовскимъ: ясно, что это пишетъ не суздалецъ и не владимирецъ, а человѣкъ сторонній, знающій и признающій дѣйствительный столъ области“ (слѣд. „ростовецъ“). Затѣмъ читаемъ: „Пишущій подъ 1231 г. о Кириллѣ епископѣ ростовскомъ, есть ростовецъ, повѣствованіе котораго вѣроятно, послѣ вставлено въ лѣтопись“ (ib. 652, примѣч.). Отсюда видно, что лѣтописная традиція въ Ростовѣ не прекращалась.

„Ростовскою“ лѣтопись называлась Симономъ въ такомъ же смыслѣ, какъ назывались лѣтописи „кіевская“, „новгородская“, „псковская“ и т. п.; а такъ какъ онъ выражается о ней, какъ о „старой“, причемъ заявляетъ, что списокъ епископовъ не былъ въ ней полонъ (30 изъ 50), то можно думать, что она не была еще доведена до него. Симонъ самъ

[1]) Ист. рус. цер., I, 654, примѣч. 1. Еще рѣзче на стр. 171—172, примѣч.

неоднократно бывалъ въ Ростовѣ [1]) и потому могъ хорошо знать о существованіи тамъ мѣстной лѣтописи. Уже перечень почти всѣхъ епископовъ, вышедшихъ изъ Печерскаго мон., указываетъ, что въ основаніи своемъ она была *церковною*, а происхожденіе первыхъ двухъ епископовъ въ Ростовѣ изъ Печерской обители даетъ право отнести и начало „стараго лѣтописца Ростовскаго“ именно къ этому времени. Пробѣлъ, образовавшійся потомъ, могъ явиться вслѣдствіе утраты старыхъ списковъ или сокращеній, допускавшихся лѣтописцами, а въ особенности составителями сводовъ (припомнимъ свидѣтельство лица, разсматривавшаго Лисицкій лѣтописецъ въ Новгородѣ). Точно также мы не можемъ согласиться съ тѣмъ же авторомъ, что Симонъ подъ лѣтописью разумѣлъ здѣсь „диптихъ или синодикъ“, т. е. поминальникъ Ростовской архіепископской каѳедры, ибо синодики даже прямо назывались лѣтописями, а слово „лѣтопись“ въ древнее время употреблялось нерѣдко въ обширномъ смыслѣ: какъ запись на книгѣ, надпись на иконѣ, на памятникѣ, на зданіи, житія [2]). Напротивъ, въ современномъ Симону посланіи Поликарпа [3]), какъ и въ лѣтописяхъ вообще, значеніе этого слова обыкновенно понимается въ смыслѣ историческаго произведенія, а не хронологической поминальной записи или надписи.

Сличая лѣтописныя вставки въ ж. еп. Леонтія (4-я ред., спис. XVI в.) съ ростовскими извѣстіями к. XII в. въ напеч. лѣтописныхъ сборникахъ, дѣлаютъ заключеніе, что и тѣ, и другіе взяты изъ одного источника, а именно изъ исчезнувшей „Ростовской лѣт.“, которая въ извѣстіи о ростовскомъ еп. Лукѣ (1185—1189), сохранившемся въ Лаврент. сборникѣ, обличаетъ въ своемъ составителѣ современника этого епископа. Четвертая ред. своими обильными лѣтописными вставками, сопровождаемыми точными хронологическими помѣтками, представляетъ наглядный примѣръ подобнаго образованія житія съ помощью лѣтописи. Съ другой стороны, свидѣтельство о выходѣ Леонтія изъ Печер. мон., стоящее въ противорѣчіи съ житіемъ, причемъ онъ ссылается на „старый ростовскій лѣтописецъ“, въ которомъ былъ перечисленъ рядъ другихъ епископовъ.

---

[1]) Лавр. лѣт., 417, 422: Памятники, изд. Яковлевымъ, clxxix.

[2]) Такъ въ одномъ произведеніи XVII в. читаемъ: „Лѣтописецъ Соловецкій, выписанъ вкратцѣ изъ житій преп. чуд. Зосимы и Савватія и сподвижника ихъ аввы Германа, какъ начаша жити на Соловецкомъ островѣ“. (Рук. Арх. ком., 59). Посланіе, письмо, грамота (Срезневскій, Матер. для словаря, I, с. 1394).

[3]) Памятн., изд. Яковлевымъ, cxxix. cxxxiv—xxxv.

взятыхъ изъ того же монастыря, подтверждаетъ, что онъ заимствовалъ это свѣдѣніе изъ послѣдняго источника (Ключевскій, Житія, 8—17).

Вслѣдствіе перемѣнъ въ историческихъ судьбахъ сѣверной Руси (политическихъ и церковныхъ) мѣстныя лѣтописи велись въ разныхъ городахъ, дополнялись, сводились въ одно цѣлое и дошли до насъ въ этомъ послѣднемъ видѣ. И ближайшее разсмотрѣніе сводовъ даетъ возможность выдѣлить извѣстія, имѣющія мѣстное происхожденіе. Съ теченіемъ времени Владимiръ заслонилъ собою Ростовъ и потому въ глазахъ суздальскаго составителя свода получилъ преобладающее значеніе; но и въ настоящемъ видѣ въ этомъ сводѣ можно признать записи и извѣстія, взятыя изъ *Ростовской* лѣтописи: таковы по своему мѣстному значенію, по характеру изложенія (сочувствіе извѣстному событію) и, наконецъ, по способу выраженія (записи эти отдѣляются словами: „того же лѣта"; отличаются краткостью и вмѣстѣ точностью: того же лѣта пріиде Леонтій на епископію Ростову"; по поводу пожара въ Ростовѣ о церкви Богородицы: „якое же не было, ни будетъ"; „пріѣха Ростову"; „тогда сущю князю Ростова въ полюдьи" и т. п.)—извѣстія, занесенныя подъ 1156[1]), 1158[2]), 1160[3]), 1177[4]), 1185[5]), 1187[6]), 1189[7]), 1190[8]) гг. Съ 1209 г. число извѣстій этихъ значительно возрастаетъ и ихъ можно прослѣдить вплоть по 1237 годъ[9]). Извѣстія, записанныя въ *Суздальскомъ*

[1]) „Того же лѣта Ростовци и Суждальци, задумавше вси, пояша Андрѣя сына его (Юрія) старѣйшаго и посадиша и въ Ростовѣ на отни столѣ и Суждали, занеже бѣ любимъ всѣми" и т. д. (330).

[2]) „Томже лѣтѣ приде Леонъ на епископью Ростову"" (331).

[3]) „Того же лѣта погорѣ Ростовъ, и церкви всѣ, и сборная дивная, и великая церквы св. Богородицѣ, яко же не было ни будеть" (333).

[4]) Призваніе ростовцами князь Мстислава Ростиславича (360—61).

[5]) О поставленіи Луки еп. Ростову, Владимиру, Суздалю и всѣ земли Ростовской, характеристика его и обращеніе къ нему земли Ростовской (371—72).

[6]) Росписаніе ц. Богородицы еп. Лукою (385).

[7]) Кончина еп. Луки и погреб. въ соборѣ во Владимирѣ (386—87).

[8]) Поставл. еп. Іоанна (387—88).

[9]) 1209 г.—рожд. у. кн. Константина Всев. сына Василія: 1210 рожд. сына Всеволода; 1211—подр. опис. пожара въ Ростовѣ; 1212—постриги сыновей Константина; 1213—постр. новой ц. въ Ростовѣ; 1214—объ уходѣ еп. Іоанна въ мон-рь; о поставл. еп. Пахомія; о рожд. у к. Константина—с. Владиміра, о постр. ц. на княжьемъ дворѣ—Бориса и Глѣба; 1215—постр. ц. Успенія въ Ярославлѣ на княжьемъ дворѣ; 1216—о конч. еп. Пахомія, похвала ему и поставл. еп. Кирилла; 1217—о распрѣ между сын. Всеволода и битвѣ у Юрьева; 1218—о праздн. освящ.

сводѣ[1]) и касающіяся правленія Константина Всеволодовича, столь близкаго ростовцамъ, по своему общему характеру и подробностямъ, имѣющимъ значеніе для Ростова, показываютъ, что они были записаны въ этомъ послѣднемъ и такимъ образомъ примыкаютъ къ предшествовавшимъ извѣстіямъ. Подробности о предсмертныхъ распоряженіяхъ Константина, пространная похвала ему, упоминаніе, что въ 1221 г. погорѣлъ городъ Ярославль, но дворъ княжій остался цѣлъ *молитвою добраю Константина* (какъ и въ 1223 г.—возвращеніе кн. Василька, избѣжавшаго татаръ, молитвою отца своего Константина), подтверждаютъ мнѣніе, что лѣтопись продолжала писаться и по смерти Констан-

ц. Бориса и Глѣба; о назнач. кн. Василька въ Ростовъ, а Всеволода въ Ярославль; настав. имъ и конч. кн. Константина, похв. ему и постриж. его жены; 1219—освящ. ц. Рожд. Богор. въ мон. еп. Симономъ; 1220—о конч. жены в кн. Константина Агаѳіи и погреб. въ ц. Богородицы въ Ростовѣ; 1221 — о пожарѣ въ Ярославлѣ; 1223 - радость по поводу возвращенія въ Ростовъ кн. Василька, избѣжавшаго бѣды отъ татаръ; 1224—объ осв. ц. Спаса въ Ярославлѣ, которую заложилъ Константинъ, а окончилъ с. его Всеволодъ и освящалъ еп. Кириллъ; 1227—о пріѣздѣ кн. Василька въ Ростовъ послѣ бракосоч,; 1229—о болѣзни еп. рост. Кирилла, богатствѣ его и тяжбѣ, лишившей послѣдняго; 1230—о призваніи въ Ростовъ (игум. Рожд. м. во Владимирѣ) еп. Кирилла II и пріемѣ, ему оказанномъ; о конч. Кирилла I, въ м. св. Димитрія въ Суздалѣ; 1231—о посв. въ Кіевѣ еп. Кирилла, торжествѣ въ Кіевѣ по этому поводу и торж. встрѣчѣ въ Ростовѣ; о рожд. у Василька с. Бориса; похв. еп. Кириллу, украш. имъ ц. Богородицы и т. п,; освящ. ея и торжествѣ въ Ростовѣ; 1237—объ уб. Василька татарами и погреб. его въ Ростовѣ съ похвалою князю (Лавр. лѣт., 413—414). Въ послѣднее время было высказано предположеніе, что эта часть лѣт. (до 1227 г) благопріятная рост. кн. Константину Всев. и его семьѣ, могла быть написана Кирилломъ I, поставлен. въ 1216 г. изъ чернецовъ мон. св. Димитрія въ епископы, сложившимъ санъ въ 1229 и ум. въ томъ же мон. въ 1230 г. Извѣстный своею книжностью и богатствомъ, онъ могъ интересоваться лѣтописнымъ дѣломъ и въ разсказѣ 1227 г. о посв. владим. еп. Митрофана видѣли именно личное заявленіе лѣт-ца о себѣ. Послѣ него лѣт. была продолжена и уже въ ред. 2-й полов. XIII в. (съ Пов. врем. лѣтъ) послужила однимъ изъ источниковъ мон. Лаврентію при составленіи его свода (А. А. Шахматовъ, Изсл. о Радзивил. или Кенигсб. лѣт., Спб. 1902 г. с. 59—60, 95—96).

[1]) Пр. Филаретъ въ современникѣ этихъ событій (1209—1240) видитъ инока ростовскаго Григорьевскаго монастыря (Обзоръ, 68). Насколько однако эти извѣстія дошли до насъ далеко не въ полномъ видѣ, можно заключить изъ того, напр., что въ Сузд. сводѣ по акад. списку (напеч. въ видѣ прилож. къ Лавр. лѣт.-въ обоихъ изданіяхъ, 2 изд., стр. 449) о смерти еписк. Игнатія сказано только: „того же лѣта (1288) преставися Игнатій еп. ростовскій“; а между тѣмъ въ его житіи время кончины обозначено съ лѣтописною точностью: „пребысть въ святительствѣ лѣтъ 23; въ лѣто 6796 преставися къ Богу священноеп. Игнатій мѣс. мая въ 25 день, въ пятокъ по вечерни“.

тина его приверженцемъ, который жилъ въ Ростовѣ, пользуясь расположеніемъ старшаго сына Константина—Василька; самое выраженіе (подъ 1227), въ разсказѣ о посвященіи епископа Митрофана: „приключися мнѣ грѣшному ту быти“ указываетъ на случайное пребываніе лѣтописца во Владимирѣ и позволяетъ думать, что самъ онъ напротивъ, постоянно жилъ въ Ростовѣ. Съ другой стороны описаніе посвященія ростовскаго епископа Кирилла II (1231) и встрѣчи ему въ Ростовѣ, похвала ему, наконецъ, замѣчаніе, что авторъ разсказа самъ записывалъ въ церкви поученія Кирилла, вполнѣ убѣждаютъ, что весь этотъ разсказъ ведется ростовскимъ лѣтописцемъ. Далѣе, въ извѣстіи о нашествіи Батыя ростовскаго лѣтописца обличаютъ подробности о кончинѣ ростовскаго князя Василька Константиновича, похвала ему и особенно слова, что бояре, служившіе доброму Васильку, не могли уже послѣ служить никакому другому князю: такъ онъ былъ добръ до своихъ слугъ. Указанія на ростовскаго лѣтописца можно видѣть и въ извѣстіяхъ подъ 1248 (о жен. кн. Бориса Васил. на кн. муромской и вѣнч. въ Ростовѣ; о посл. еп. Кирилломъ за тѣломъ кн. Михаила Яр., убитаго литовцами и погреб. во Владимирѣ); подъ 1251 г. (объ отъѣздѣ кн. Глѣба Васильк. на Бѣлоозеро въ свою отчизну); подъ 1253 г. (освященіе церкви Бориса и Глѣба и рожденіе у кн. Бориса Васильковича сына Дмитрія): 1254 (о рожд. у кн. Бориса Вас. сына Константина); 1258 (о пріѣздѣ князей Бориса и Глѣба Васильковичей съ матерью въ Ростовъ); 1259 (о пріѣздѣ Александра Невскаго въ Ростовъ) и подъ 1261 г., въ извѣстіи о епископѣ Кириллѣ и архимандритѣ Игнатіѣ [1]). Подробная запись (подъ 1262 г.) о насиліяхъ бусурманъ и изгнаніи ихъ по рѣшенію вѣчъ изъ Ростова, Суздаля и Ярославля и объ убіеніи въ этомъ послѣднемъ отступника монаха Зосимы съ отмѣткою о смерти еп. Кирилла и похвалою ему—также писана въ Ростовѣ [2]). Ростовскій лѣтописецъ въ указанномъ сводѣ нигдѣ не называетъ себя по имени, но изъ многихъ мѣстъ можно видѣть, что записи событій велись современниками (см. гг. 1160, 1231). Начиная съ Константина Всеволодовича, лѣтопись Ростовская постоянно восхваляетъ его и его потомство.

---

[1]) Соловьевъ, IV, 372—374.

[2]) Въ Лавр. лѣт. съ 6667—91 (20 лѣтъ) и 6795-6802 пропускъ (см. предисл. и стр. 457—459), т. е. съ 1263—83 и 1288—94.

Но ростовскія извѣстія не исчерпываются Суздальскимъ сводомъ. Мы уже знаемъ, что такъ назыв. „*Тверская лѣтопись*“ составлена уроженцемъ Ростовской земли. Весьма естественно поэтому видѣть въ его сборникѣ болѣе частыя упоминанія о своей родинѣ, заставляющія предполагать у составителя существованіе подъ руками ростовскихъ лѣтописей. И на страницахъ этого сборника мы находимъ извѣстія о построеніи въ Ростовѣ первымъ епископамъ—Ѳеодоромъ церкви Успенія Богородицы и крещеніи людей, очевидно записанныя современникомъ [1]). Далѣе, ростовскія извѣстія записаны: подъ 1072 г. о поставленіи Исаіи въ ростовскіе епископы [2]); подъ 1120 г.—о томъ, что во время войны Юрія Долгорукаго съ болгарами воеводою у него былъ „бояринъ Георгій Симоновичъ, внукъ Африкановъ, варяжскаго князя, брата Якупу слѣпому“ [3]); подъ 1156—о томъ, что Юрій заложилъ городъ Москву, на устьѣ Неглинной [4]); подъ 1161 г. —о заложеніи Андреемъ Боголюбскимъ каменной церкви въ Ростовѣ и обрѣтеніи мощей св. Леонтія [5]); подъ 1165—объ освященіи этой церкви [6]); подъ 1194 г.—объ установленіи ростовскимъ епископомъ Іоанномъ празднованія въ честь Леонтія [7])—таковы извѣстія, не встрѣчающіяся въ другихъ лѣтописяхъ. Кромѣ нихъ, въ Тверской лѣтописи находится не мало другихъ выписокъ изъ Ростовскихъ лѣтописей.

Составитель сборника, названнаго Тверскою лѣт. подъ 6784 г. (1276), послѣ перечня извѣстій, прибавляетъ: „По тоже лѣто *князя лѣтописецъ*“ (стр. 405), на что обратилъ вниманіе еще П. М. Строевъ въ своей копіи этой лѣтописи, сдѣланной въ 1852 г., замѣтивъ: „У собирателя или писца былъ какой-то *Княжъ лѣтописецъ*, окончившійся 1276 годомъ (Рук. Археогр. ком. стр. 14): а если принять во вниманіе, что на предыдущихъ страницахъ, по крайней мѣрѣ съ княженія Юрія Всеволодовича до кн. Бориса Васильковича идетъ изложеніе событій, относящихся преимущественно къ Ростовской землѣ (311—405), то позволительно

[1]) П. С. Р. Л., XV, 115. Полагаютъ, что съ этого времени могло начаться веденіе ростовскихъ лѣтописей (Ж. М. Н. Пр., 1876, № 12. И. Тихомировъ, О сборникѣ, именуемомъ Твер. лѣтописью, стр. 286).

[2]) Ibid., XV, 166.

[3]) Ibid., 193. См. выше, стр. 140, пр. 193.

[4]) Ibid., 225.

[5]) Ibid. 233. [6]) Ibid. 234—235. [7]) Ibid, 281. 282.

заключать, что лѣтописецъ этотъ могъ принадлежать именно ростовскому князю Борису Васильевичу, о которомъ идетъ рѣчь на послѣднихъ его страницахъ; а первая запись послѣ означенной отмѣтки говоритъ уже о смерти его „въ татарахъ" (405).

Извѣстія Тверской лѣт. о событіяхъ отъ 6756—6780 гг. (1248—1280) сходны съ извѣстіями Суздальскаго свода и Ростовской лѣтописи по академич. (Троицкому) списку (о ней см. ниже); но ростовскія извѣстія встрѣчаются и далѣе (6869—6871, 1366—68). Затѣмъ отмѣчены еще событія: пожаръ въ Ростовѣ 1408 г.[1]); о смерти еписк. Григорія, 3 мая 1417 г.[2]) и о поставленіи на его мѣсто Діонисія, 12 іюня 1418 г.[3]), помѣщенныя заурядъ съ тверскими. Ниже мы указываемъ (стр. 913) на болѣе важную редакцію „списка ростовскихъ епископовъ", помѣщеннаго въ „Тверской" лѣт., причемъ запись о пожарѣ (1160) сдѣлана мѣстнымъ лѣтописцемъ („се же великое зло сътворися грѣхъ ради *нашихъ*"). Подъ 1224 помѣщена повѣсть „о битвѣ при Калкѣ", къ которой присоединена другая—„о 70 богатыряхъ", находящаяся только въ одномъ Тверскомъ сборникѣ. Въ ней разсказывается о подвигахъ Алеши Поповича, „одного изъ ростовскихъ жителя", и слуги его Торопа. Повѣсть эта ростовскаго происхожденія. Она пріурочивается ко времени кн. Константина Всеволодовича и его борьбы съ Юріемъ; а обиліе географическихъ и топографическихъ данныхъ, относящихся къ Ростову, вполнѣ придаетъ ей мѣстный характеръ[4]).

Съ 1230 г. въ *Троицкой лѣт.* (списокъ Моск. дух. акад.[5]) идетъ „краткій лѣтописецъ ростовскихъ князей"[6]). Онъ представляетъ про-

---

[1]) П. С. Р. Л., XV, 481—482.

[2]) Ibid., 487.

[3]) Ibid., 488.

[4]) П. С. Р. Л., XV, 335—343. Въ повѣсти встрѣчаются выраженія „и до нынѣ", „и нынѣ", принадлежащія составителю или переписчику ея. Ср. выше, стран. 267—269.

[5]) П. С. Р. Л., I, 210-235; 2-ое изд. при Лавр. сп., 1872, с. 465—512.

Памятникъ этотъ разсматривается еще, какъ выборка изъ общерусскаго свода, сдѣланная ростовцемъ, для Ростова, быть можетъ въ виду предполагавшейся тамъ новой редакціи мѣстной лѣтописи, въ первой полов. XV в.; но прибавляется; „нѣтъ сомнѣнія, что ростовскія статьи и извѣстія попали въ общерусскій сводъ изъ ростовской лѣтописи" (см. А. А. Шахматовъ, Общерус. своды, Ж. М. Н. Пр. 1900, № 9, с. 119—123).

[6]) Событія, недостающія въ Лавр. л., но находящіяся въ Твер. лѣт. см. здѣсь (1271, 1273. 1277, 1278, 1292). Запись подъ 1268 г. (о рожд. у кн. Бориса Васил. с.

стой погодный перечень рожденій, бракосочетаній и кончинъ ростовскихъ князей съ упоминаніемъ иногда о нѣкоторыхъ народныхъ бѣдствіяхъ: пожарахъ, голодѣ, болѣзняхъ и церковныхъ дѣлахъ. Не смотря на свою краткость (многія извѣстія его буквально сходны съ помѣщенными въ Лавр. спискѣ, но переданы въ сокращенномъ изложеніи), этотъ лѣтописецъ есть единственный источникъ для исторіи ростовскихъ князей отъ пол. XIII до 1-ой четв. XV столѣтія [1], и нѣкоторые видятъ въ немъ именно княжескій лѣтописецъ рода ростовскихъ князей [2]).

Еще Соловьевъ замѣтилъ, что слѣды Ростовскаго лѣт-ца можно видѣть въ Никон. лѣт-си со 2- полов. XIII в. въ подробныхъ извѣстіяхъ о ростов. князьяхъ, ихъ поѣздкахъ въ Орду, женитьбахъ, характерахъ и усобицахъ [3]); а если мы обратимся къ этой лѣтописи, то увидимъ, что въ ней идетъ цѣлый рядъ извѣстій, относящихся къ Ростову и Ростовской землѣ, то имѣющихъ мѣсто въ указанныхъ сводахъ (1161, 1171, 1187, 1204, 1209, 1213—1216, 1249, 1251, 1253, 1254, 1256,—1259, 1261—63, 1268, 1271, 1278, 1291, 1294, 1304, 1318, 1327, 1335, 1354, 1411, 1418, 1454), то представляющихъ болѣе подробное изложеніе и извѣстія, не вошедшія въ названные своды (1266, 1868, другое соб.; 1277, 1279, 1280, 1287, 1288, два соб.); 1289, 1298, 1299, 1309, 1359, 1409, опис. пожара; 1416). Тѣмъ не менѣе послѣднія тождественны по своему характеру и, въ связи съ другими мѣстными записями, вошедшими въ Никон. сводъ, даютъ право заключать, что они заимствованы изъ того же источника. Костомаровъ указываетъ слѣды Рост. лѣтописи въ Соф. 1-й [4]); однако извѣстія эти отрывочны (1306, 1361, 1385, 1393, 1454) и находятся въ

Василія) въ Троиц. сводѣ отсутствуетъ, а запись 1259 г. о пріѣздѣ Александра Нев. въ Ростовъ представляетъ отличія отъ Лавр. и Твер. лѣт.

[1]) Послѣдняя запись 1419 года. Составитель лѣт., говоря о князьяхъ или Ростовской землѣ часто называетъ ихъ безъ обозначенія удѣловъ или точнаго указанія мѣста, предполагая извѣстность ихъ читателю,—конечно мѣстному (Корсаковъ, 162—163).

[2]) Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ рус. лѣт., 40; Корсаковъ, 232. Окончаніе ея (1419) указываетъ на существованіе свода нач. XV в. (А. А. Шахматовъ, Къ вопр. о происх. Хроногр., 84; Обозр. лѣт. сводовъ; 57, 109).

[3]) Исторія Россіи, IV, 377.

[4]) Лѣтописи, 93.

тѣхъ же сводахъ (Сузд., Твер. Никон.[1]), какъ равно и извѣстія Воскр. лѣт. (1394, 1396, 1408, 1411, 1416,=Сузд., Соф. 2-я, Никон.). При этомъ заслуживаютъ вниманія два эпизода. Первый изъ нихъ внесенный въ сводъ 1-й Соф. и нѣк. другихъ лѣт.—это извѣстіе о рас, прѣ между рост. архіеп. Вассіаномъ и Кирилловмонаст. (см. выше-с. 898, пр. 4) изъ за подчиненія послѣдняго суду арх-па, а не удѣльнаго князя, въ пользу котораго рѣшилъ дѣло м. Геронтій[2]). Основнымъ текстомъ означеннаго эпизода считаютъ разсказъ, помѣщенный въ 1-й Соф. лѣт. (П. С. Р. лѣт., VI, 33—34), въ которомъ сказаніе (1478) не осложнилось еще размышленіями лѣт-ца о высокоуміи и злобѣ кирил. братіи. Дальнѣйшія дополненія и отличія въ изложеніи этого событія находятся въ спп. Воскр. (VIII, 200) и Никон. (VI, 106—107); а болѣе краткая версія въ Рус. Врем. (II, 143). Въ изложеніи Татищева, придерживающагося текста Никон. лѣт. (т. IV, 76—77), внесены мотивы, касающіеся объясненія дѣла. Въ виду же очевиднаго сочувствія лѣт-ца интересамъ архіеп-па, слѣдуетъ признать, что сказаніе, внесенное въ лѣт-сь даже въ болѣе древней версіи (Соф.) ростовскаго происхожденія и входило въ составъ Ростовской лѣт., въ подтвержденіе чего говоритъ и то, что часть кирил. братіи возносила молитвы о прекращеніи этого спора не только Богу, Богородицѣ и преп. Кириллу, но и ростов. св. Леонтію[3]).

Другой эпизодъ помѣщенъ въ Соф. 2-й лѣт. и относится къ извѣстію о бѣгствѣ вел. кн. Софіи отъ татаръ на Бѣзоозеро (1482), „а не гонялъ ее никто“, прибавляетъ лѣт-цъ, присоединяя размышленія по поводу паденія Византіи. „Тѣмъ мѣстамъ, гдѣ ходили, продолжаетъ онъ, досталось хуже, чѣмъ отъ татаръ, отъ боярскихъ холоповъ и отъ кровопійцъ христіанскихъ. Воздай имъ, Господи, по ихъ дѣламъ. Тамъ проживали жены ихъ, а они любили женъ болѣе, чѣмъ вѣру; они готовы были предать св. церкви, въ которыхъ про-

[1]) Полнѣе только извѣстіе о поставленіи архіеп. Григорія (1396), какъ и въ др. лѣт. (4-я Новг., Соф. 2-я, Воскр.); но б. м. эта запись—московская. Ипат. л., на которую также указываютъ (Корсаковъ, 231), даетъ общеизвѣстныя свѣдѣнія.

[2]) Спис. правой грамоты, найден. въ рук. Спб. дух. акад., напеч. Н. К. Никольскимъ въ Отч. Общ. люб. древн. письм. за 1894—95 гг. съ разборомъ этого дѣла, причемъ авторъ поддерживаетъ каноническую правильность рѣшенія м. Геронтія (стр. 47—64).

[3]) Никольскій, ibid., 59.

свѣтились св. крещеніемъ. Милостивый Богъ не презрѣлъ слезъ христіанскихъ. Храбрые воины русскіе! Старайтесь охранять отчизну свою, землю Русскую, отъ нечестивыхъ, чтобы очи ваши не узрѣли разграбленія св. церкви и вашихъ домовъ и убіенія дѣтей и потери женъ и дочерей: какъ это потерпѣли отъ турокъ болгары, греки, трапезунтцы, морейцы, албанцы, хорваты, босняки, мангупцы и жители Кафы. Они скитаются по чужимъ странамъ бѣдственно, достойно укоряемые за малодушіе. Иные убѣгали съ большимъ имуществомъ, съ женами, съ дѣтьми, но вмѣстѣ съ золотомъ потеряли и земное счастіе. Богъ свидѣтель, своими глазами видѣлъ я государей, убѣжавшихъ отъ турокъ съ имѣніемъ, скитающихся странниками и просящихъ смерти, какъ милости" [1]). Судя по подробностямъ разсказа, полагаютъ, что запись эта сдѣлана со словъ такого свидѣтеля, какимъ былъ Константинъ грекъ, жившій въ то время при дворѣ архіеп. Іоасафа, а затѣмъ принявшій монашество подъ именемъ Кассіана (см. выше, стр. 887 [2]).

Зато можно указать рядъ извѣстій ростовскаго происхожденія въ такъ наз. *„Типогр. лѣт-цѣ"*, служ. продолж. Нест. лѣт., 1206—1531 (изд. въ 1784 г.), которыхъ нѣтъ въ другихъ сводахъ: 6938 (1430)—о пожарѣ въ Заторжьи; 6949 (1441)—о сильной бурѣ; 6970 (1462)—о поставл. архіеп. Трифона м. Θеодосіемъ; 6979 (1471)—о смерти архіеп. Трифона; 6984 (1476)—о постр. колок. архіеп. Вассіаномъ; 6988 (1480)—о пож. ц. св. Николая въ Никольскомъ, въ Ростовѣ; 6989 (1481)—о конч. архіеп. Вассіана; 6997 (1489) обстоятельное указаніе о поставленіи архіеп. Тихона [3]). Ростовская лѣт. служила источникомъ для Новг. 4-й, лѣт. Авраамки и сход. съ нею и Хроногр. въ ред. Пахомія [4]) Указанное сходство отдѣльныхъ частей Рост. лѣт-си еще болѣе убѣждаетъ въ томъ, что нѣкогда онѣ составляли общій лѣтописецъ Ростовской земли, который нашелъ мѣсто въ разныхъ сводахъ, то въ болѣе полномъ, то въ краткомъ из-

[1]) П. С. Р. лѣт., VI, 232; ср. Львов. лѣт., III, 174—176.

[2]) Филаретъ, Жж. святыхъ, окт., 184—189; ср. И. А. Тихомировъ (Москов. своды, Лѣт. зан. Арх. ком., т. X 32—36). Соловьевъ приписываетъ разсказъ дьяку Курицыну (V, 269); ср. Карповъ (Борьба Моск. госуд., 118); Шахматовъ самому Вассіану (Изв. Ак. Н. 1904, I, 23).

[3]) Другія извѣстія (6957—объ архіеп. Ефремѣ); 6979—о конч. княг. Маρθы рост. и кн. Александра Θед.; 6982—о продажѣ полов. Ростова моск. князю—находятся въ общеизв. сводахъ (Соф. 2-я, Воскр.). Ср. А. А. Шахматовъ.

[4]) А. Шахматовъ, О Хроногр. 83—84.

Въ такъ наз. Тверской лѣт. помѣщенъ списокъ ростовскихъ епископовъ (с. 481—482), отличный отъ другихъ подобныхъ списковъ (Рост., Новгор. 4-я, с. 102; Соф. 2-я, т. VI, 128; Воскрес. лѣт., т. VIII, 69; въ Ник., Соф. 1-й и др. совр.). Между тѣмъ, какъ въ послѣднихъ мы имѣемъ голый перечень именъ, въ первой указано, что у ц. св. Богородицы (по поводу пожара каменной ц., подъ 1408 г.) служили епископы: 1-й еп. Лука 4 лѣта и 8 мѣсяць; вторый еп. Иванъ 23 лѣта, иже отписася; 3-й еп. Симанъ 15 лѣтъ и т. д.; 25 архіеп. Васіанъ 13 лѣтъ и 3 мѣсяци и двѣ недѣли; 26 архіеп. Іасафъ князь 7 лѣтъ безъ 10 недѣль; 27 архіеп. Тихонъ. А въ прежнее лѣто 499 стоала тутъ церковь дубоваа Успеніе святыа Богородица, а поставленіе было архіеп. Феодоромъ Гречиномъ; а служило у той церкви 7 епископовъ: 1 еп. Феодоръ, 2 еп. Ларіонъ, 3 еп. Левонтей чюдотворецъ, 4 еп. Исаіа чюдотворець, 5 еп. Ефремей, 6 еп. Нестеръ, 7 епископъ Леонъ; а стоала та церковь дубовая 100 лѣтъ да 68 лѣтъ, и погорѣ градъ Ростовъ, и церковь дубоваа згорѣла, якоже не бывала такова въ Руской земли и потомъ не будетъ. И колоколы изгорѣша и разлившася; люди начаша мыкати изъ домовъ своихъ ко езеру въ суды, а иныи на плоты мыкаша ктоже своа бремена, и мнози вь езерѣ истопоша, а иніи отъ хыщникъ избіени быша надъ товаромъ и потоплени вь езерѣ; и бѣ всѣхъ истопльшихъ вь езерѣ болѣе 3-ю сотъ душь. Се же великое зло сътворися грѣхъ ради *нашихъ*" [1]). Такъ изложенъ перечень епископовъ въ Твер. лѣт. сборникѣ. Сравнительно съ другими въ немъ есть пропуски; но онъ важенъ въ томъ отношеніи, что указываетъ время управленія епископовъ, притомъ количествомъ лѣтъ, мѣсяцевъ и недѣль,—обычнымъ способомъ лѣтописнаго счисленія въ болѣе отдаленное время [2]). Быть можетъ записи эти указываютъ и на характеръ первоначальной Ростовской лѣтописи, которая должна была имѣть такой же типъ—*епископской лѣтописи* [3]). При сравненіи названныхъ выше перечней, можно видѣть, что начальный перечень епископовъ былъ внесенъ въ

[1]) Въ Воскр. лѣт. подъ 991 г. выписка о первыхъ епископахъ и постр. церкви, существовавшей до пожара, очевидно сокращена (VIII, 313—314).

[2]) Лавр. лѣт., 17; Воскр., VII, 246—251 и др.

[3]) „Часто повторяющійся списокъ ростов. епископовъ едва ли не служитъ доказательствомъ, что тамъ велась лѣтопись епископовъ" (Бестужевъ-Рюминъ, 66). Ср. А. А. Шахматовъ Общерус. лѣтоп. своды XIV и XV вв. (Журн. Мин. Нар. Пр. 1901, № 11, с. 55); И. А. Тихомировъ (Ж. М. Н. Пр. 1876, № 12, с. 287—288).

лѣтопись по случаю поставленія еп. Григорія (1396); затѣмъ въ нѣкоторыхъ спискахъ онъ доведенъ до архіеп. Ефрема (1448, число лѣтъ правленія не проставлено, см. 4-ю Новг. л.), а въ другихъ до архіеп. Тихона (Твер., Соф. 2-я, Воскр., Типогр. лѣт., 207—208, годъ правленія не проставленъ [1]). Полагаютъ, что извѣстіе въ той формѣ, какъ оно находится въ Твер. лѣт., можетъ относиться ко времени созданія церкви и заимствовано именно изъ *епископской* хроники. Сюда же слѣдуетъ отнести указанія на поставленіе въ епископы Исаіи въ 6580 г. (1072 [2]) и время его кончины [3]), а остаткомъ той же лѣт. можно признать описаніе (подъ 1107 г.) чуда, совершеннаго Богородицей по случаю нападенія на Суздаль болгаръ („сущіе же людіе въ градѣ, не могуще противу ихъ стати, не сущу князю у нихъ") въ одномъ изъ сп. Воскр. лѣт. (Архив. [4]). Само собою понятно, что епископская лѣтопись не ограничивалась одними церковными событіями. Въ нее могли входить и замѣтки о рожденіи, о смерти и погребеніи князей и княгинь, особенно выдающіяся событія, близкія къ церковнымъ отношеніямъ и т. п. и такъ часто упоминаемыя въ лѣтописяхъ перемѣны въ судьбѣ патрональнаго храма [5]). Дошли также перечни князей ростовскихъ, ярославскихъ и бѣлоэерскихъ, помѣщенные въ разныхъ сборникахъ [6]).

[1]) Так. обр. отмѣчаютъ 3 редакціи списка (Корсаковъ, 224—25, 232). Въ поздн. лѣт. (Степ. кн. I, 153 и Рус. Врем., I, 53, ср. ж. Леонтія) видятъ лишь заимствованіе изъ житій (Бестужевъ-Рюминъ, 66, пр. 208).

[2]) Твер. л., 115. Бестужевъ-Рюминъ, 65, 67.

[3]) Въ одномъ изъ спп. Соф. Врем., изд. Ак. Наукъ въ 1795 г. (Рос. лѣт. по сп. Соф.) читаемъ: „6597 преставися святитель Исаия еп. Ростовьскій чудотворецъ".

[4]) „Ослѣпи бо ратныя Болгары; тако изшедши изъ града всѣхъ избиша" (П. С. Р. лѣт., VII, 21, примѣч.).

[5]) Лавр. л., 150; Твер., XV, 15; Воскр., VII, 213—214.

„Части Ростов. лѣтописи, сохранившіяся въ сборникахъ, могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: краткихъ погодныхъ замѣтокъ и отд. сказаній. При внимательномъ изученіи погодныхъ замѣтокъ мы приходимъ къ заключенію, что это раздробленныя части нѣсколькихъ лѣтописцевъ, именно краткихъ, княжескихъ лѣтописцевъ ростовскихъ князей, и лѣтописца, быть можетъ, веденнаго при ростовской соборной Успенской церкви" (Корсаковъ, 232).

[6]) Бычковъ, Описаніе, I, 69, 181, 298. Ср. Леонидъ, Рукоп. гр. Уварова, III, №№ 1385, 1505; Строевъ, Библ. Словарь, 363; Родосл. запись въ Сборн. Е. В. Трехлѣтова, XVII в., признаваемая за мѣстное произведеніе (Корсаковъ, 172). Она изд. С. А. Серебрянниковымъ (Яр. Губ. Вѣд. 1851, № 36). Въ перечнѣ князей въ Ростов. лѣт. за XV стол. видятъ синодикъ, внесенный въ лѣтопись (ib., 171).

Нѣкоторые изслѣдователи выдѣляютъ отдѣльныя сказанія, вошедшія въ разныя лѣтописи, но принадлежащія Ростовской области [1]). Если же признать достовѣрнымъ показаніе Татищева, объ имѣвшемся въ его распоряженіи „Ростовской лѣтописи до 1313“ [2]), то, быть можетъ, это былъ одинъ изъ раннихъ сводовъ названной лѣтописи. Привлеченіе къ изслѣдованію одного изъ рукописныхъ лѣтописныхъ сборниковъ Троиц. лавры (нынѣ Моск. Дух. акад.), извѣстной Арх. ком. подъ именемъ Троицкой IV л., писаннаго тремя почерками XV—XVI вв., на 298 лл., и доведеннаго до 1481 г., съ припиской событій 1485—1488, даетъ возможность еще ближе установить послѣдовательное веденіе Рост. лѣт. По частому упоминанію въ немъ о дѣятельности строителя каменныхъ построекъ въ Москвѣ, Владимирѣ, Юрьевѣ-Польскомъ и Троицкомъ мон. Вас. Дм. Ермолина (1462—72 [3]), происхожденіе этой лѣтописи связываютъ съ его именемъ [4]). Нѣкоторыя изъ статей этой лѣтописи бросаютъ свѣтъ на характеръ ростовскаго лѣтописанія. Такъ, по поводу ужасной казни, постигшей боярскихъ дѣтей, задумавшихъ (1462) освободить боров. кн. Василія Яр., заточеннаго (1456 г.) въ Угличъ „безъ вины“ Василіемъ Темнымъ и сосланнаго затѣмъ въ Вологду (Никон., Воскр., Соф. 2-я, Львов.; 4-я Новг. въ Хрон. сп. и Соф. 1-я сп. Цар. съ отлич.), означенная лѣт. даетъ отзывъ объ общемъ негодованіи, вызванномъ казнію и прибавляетъ: „понеже бо и не достоино бяше православному великому осподарю, во всей подсолнечной сущю, и такими казньми казнити и кровь проливати, *во св. вел. постъ*“. Какъ извѣстно, открытіе мощей яросл. князей Өедора и его сыновей (см. выше, стр. 885—886), состоявшееся по желанію кн. Александра Өед. и по настоянію игум. Спас. мон.

---

[1]) Такъ, сюда относятъ разсказъ объ уб. Андрея Бог., помѣщенный въ Твер. лѣт. (250—253), отличающійся мѣстнымъ характеромъ; сказаніе о Липецкой битвѣ въ Троиц. лѣт. (211—215), написанное въ духѣ, благопріятномъ Константину Всевол.; сказаніе о кн. Василькѣ (Лавр. 198—199); сказаніе объ Александрѣ поповичѣ, одномъ изъ бояръ-богатырей ростовскихъ (Твер. л., 336—338) и сказ. о еп. Кириллѣ II (см. выше, стр. 872). См. Корсаковъ, 114, 152—160, 161—62, 244. Противъ перваго изъ нихъ сдѣлано возраженіе (И. Тихомировъ, Ж. М. Н. Пр. 1876, № 12, с. 269, пр. 2).

[2]) По каталогу его библ. Новыя изв. о Татищевѣ, Пекарскаго, с. 58 (ср. Рос. ист., с. 50). Показанію этому придаютъ значеніе (Бестужевъ-Рюминъ, Характеристики, с. 165, примѣч.).

[3]) Въ особенности любопытны подробности о паденіи (1472) ц. св. Георгія въ Юрьевѣ и возобновл. изъ того же матеріала новой.

[4]) А. А. Шахматовъ, Ермолинская лѣт. и Ростов. владычній сводъ (Изв. Ак. Наукъ 1904, I, 72—98).

Христофора, вызвало сомнѣнія у ростов. архіеп. Трифона, а посланный имъ для разслѣдованія этого дѣла прот. Константинъ даже съ гнѣвомъ напалъ на игумена („мня симъ чудотвореніемъ игуменъ много богатство пріобрѣте"); но его постигла кара свыше, а Трифонъ, узнавъ объ этомъ, покаялся, оставилъ епископію и удалился въ тотъ же Спасскій мон., гдѣ и плакался о своемъ поступкѣ до смерти [1]); однако въ лѣтописи проникло ироническое отношеніе къ указаннымъ обстоятельствамъ, связываемымъ притомъ съ лишеніемъ яросл. князей ихъ вотчинъ (см. 725, пр. 3 [2]). Въ названной лѣт. (Ерм.) фактъ этотъ выставленъ въ болѣе рѣзкой передачѣ („сии бо чюдотворци явишася, но не на добро всѣмъ княземъ ярославскимъ, простилися со всѣми своими отчинами на вѣкъ") и болѣе подробномъ изложеніи: „а послѣ того въ том же градѣ Ярославли явися новыи чюдотворець, Иоанъ Огафоновичь Сущеи, созиратаи [3]) ярославьскои земли, у кого село добро, инъ отнялъ, а у кого деревня добра инъ отнялъ, да отписалъ на вел. князя, а кто будеть сам добръ, бояринъ или сынъ боярской, инъ его самого записал, а иныхъ его чюдесъ множество, не можно исписати и исчести, понеж во плоти суще дьяволъ" (послѣднее слово написано тарабарскимъ письмомъ). Такимъ обр. въ настоящемъ изложеніе выясняется, что здѣсь рѣчь идетъ не о какомъ-то подвижникѣ Иванѣ Сухомъ (см. стр. 725), а о дѣйствіяхъ великокняжескаго чиновника, напоминающаго своимъ произволомъ перваго намѣстника Ростовской земли—Кочеву. Принимая же во вниманіе, что въ разныхъ спп. лѣтоп. (Хрон. 4-й Новг., Погод. 1409, Соф. 1-й, Царск., Соф. 2-й и Львов.), подобное ироническое отношеніе даетъ себя чувствовать въ изложеніи похода на Казань (1469), нападенія татаръ на Алексинъ (1472), похода Ивана III на Угру, сопровождавшагося обращеніемъ Вассіана Рыло съ посланіемъ къ нему (припомнимъ, архіеп. *ростовскаго*), бѣгства на Бѣлоозеро вел. кн. Софіи,

---

[1]) Разсказъ объ этомъ составленъ іером. Антоніемъ (житіе и сказаніе о чудесахъ Θеодора Смол. и Яросл.) по желанію м. Филиппа I и перешелъ въ повѣств. лѣтописей объ этомъ событіи (см. Соф. 2-ю, П. С. Р. лѣт., VI, 185—187 и Львов. л.), не безъ вліянія котораго, быть можетъ, и состоялось удаленіе Трифона. По лѣт. послѣдній приписывалъ чудеса волшебству.

[2]) Въ такомъ видѣ это извѣстіе передано и въ лѣт. „Отрывкѣ" по сп. Новоіерус. Воскр. м. (П. С. Р. лѣт., VI, 277; ср. Соф. Врем. по изд. Строева, 311) и лѣт. Погод. собр. № 1409.

[3]) Московскій намѣстникъ, блюститель.

заключаютъ (И. А. Тихомировъ [1]), что эти мѣста не могли принадлежать оффиціальной Московской лѣтописи, а указываютъ на слѣды и остатки частной лѣтописи, а съ другой стороны, что еще скорѣе, веденіе такой лѣтописи могло имѣть мѣсто въ Ростовѣ, по указанной связи событій [2]), а она въ свою очередь оказала вліяніе на соотвѣтственныя части сводовъ 4-й Новг. и сходныя съ нимъ. Основываясь же на разныхъ редакціяхъ списка ростовскихъ епископовъ, полагаютъ, что существовали своды ростовской лѣт. пол. XV стол. (до 1454 г.), послѣдней четв. XV стол. (до 1481) и начала XVI в. (ок. 1503 [3]). Означенныя черты Ростовской лѣт. указываютъ на ея мѣстный характеръ, такъ какъ и въ изложеніи общерусскихъ событій, вошедшихъ въ ея своды, мѣстныя симпатіи и тенденціи нашли мѣсто.

Долгое время полагали, что такъ наз. „Ростовскій лѣт-цъ", хран. въ М. Арх. Мин. ин. дѣлъ (принадл. кн. Кантемиру, а потомъ Бантышу-Каменскому [4]), которымъ пользовались въ своихъ трудахъ Карамзинъ [5]), Соловьевъ [6]) и Арх. ком. при изд. Воскресенской лѣт. [7]), представляетъ собою позднѣйшую переработку Воскресенской лѣтописи и есть мѣстная ростовская лѣтопись [8]); но позднѣйшія, болѣе обстоятельныя изслѣдованія всецѣло относятъ этотъ памятникъ къ московскимъ сводамъ [9]), въ числѣ которыхъ мы его и разсмотримъ.

Веденіе лѣтописныхъ записей въ Ростовѣ продолжалось до болѣе поздняго времени. Въ коллекціи рукописей Трехлѣтова сохранился „Апостолъ" 1521 г., писан. въ ростов. Борисо-Глѣбскомъ монастырѣ, съ мѣстными замѣтками, относящимися къ смутному времени (1601—1602—о цѣнахъ на хлѣбъ въ Ростовѣ и Москвѣ, о голодѣ, морозѣ и т. п. [10]); а въ нѣкоторыхъ сборникахъ попадаются извѣстія, относящіяся къ тому же и болѣе позднему времени (1609 г.—о сожже-

[1]) Обозр. Моск. сводовъ, 32—36. 82.

[2]) А. А. Шахматовъ, Ермол. лѣт., 88—95.

[3]) Ibid., стр. 92—94.

[4]) Ср. Новгор. лѣт., стр. xxix и Чт. въ Общ. ист. 1904, I, с. 1.

[5]) Ист. госуд. рос., I, с. xvi; II, пр. 141; IV, пр. 245 (ярлыкъ), 274. 324. 330 V, пр. 65, 118, 246.

[6]) Ист. Россіи, II, 106, пр. 258; III, пр. 264; V, пр. 13.

[7]) П. С. Р. лѣт., тт. VIII и IX (предисл.).

[8]) Сухомлиновъ, О древ. лѣтоп, 17—20; Корсаковъ, 64, 72, 104, 173, 231. Нѣк. припис. составл. Ростов. лѣт. п. Филарету (Киссель, Ист. г. Углича, 259).

[9]) А. А. Шахматовъ, О такъ наз. Ростов. лѣтописи (Чт. въ О. ист. и древ. 1904, I, 170—171).

[10]) Яросл. Губ. Вѣд. 1848, № 10; Филаретъ, Рус. святые. декабрь, 549—550.

ніи и разграбленіи Ростова литовцами, взятіе митр. Филарета въ плѣнъ, сожженіе владычнихъ хоромовъ съ людьми, захватъ золотыхъ ракъ Леонтія и Исаіи; запись 1630 г. о возведеніи землянаго города въ Ростовѣ—„мастеры были нѣмцы“ [1]).

VIII.

Возможно, что и въ другихъ городахъ Ростовской земли, по крайней мѣрѣ въ княжескихъ резиденціяхъ, велись записи, въ видѣ краткихъ лѣтописей. Таковы записи о Ярославлѣ (1215, 1221, 1294, 1300, Лавр. лѣт.; 1262, 1288, 1293, 1294, 1298, 1299, 1322, 1364, Сузд. Академ.; 1249, Твер. л.; 1279, 1292, 1298, 1321, 1463, Никон.), о Костромѣ (1303, 1305, Лавр. л.; 1293, 1364, 1416, Сузд. Акад.; 1413, Твер. л.; 1266, 1276, 1304, 1359, 1374, Никон.), о Галичѣ (1253, Твер. л.; 1280, 1310, Никон.), Угличѣ (1261, Лавр.; 1286, 1288, 1293, Сузд. по Ак. сп.; 1249, 1261, Твер. л.; 1261, 1278, 1287, 1491, Никон. л.), о Бѣлозерскѣ (1268, Твер. и Никон. лл.), которыя вошли въ Ростовскій сводъ, а оттуда въ другіе лѣтописные сборники [2]). Быть можетъ къ такимъ же краткимъ записямъ слѣдуетъ отнести и „вологодскія“ замѣтки, попавшія въ позднѣйшія лѣтописи. Такъ, въ одинъ „Русскихъ лѣт-цевъ“ нач. XVIII в., послѣ обычной вступительной части, заимствованной изъ нѣсколькихъ лѣтописей, излагающихъ общеизвѣстныя событія русской исторіи, начиная съ XIII в. идутъ замѣтки, касающіяся Ростова и Вологды [3]). Въ собраніи Царскаго (№ 236, ср. Рук. гр. Уварова) находится „Русская лѣт.“ нач. XVIII в., въ которой помѣщенъ „лѣт-цъ“ отъ начала до 1700 г., съ изложеніемъ событій преимущественно *вологодскихъ* и *сѣверныхъ*. Въ Спасо-Яросл. мон. находится лѣт-цъ, представляющій списокъ, снятый въ 1811 г. съ лѣт., бывшей въ собр. гр. А. И. Мусина-Пушкина и озаглавленный „Ростовскій“ (№ 874). Въ немъ, по

---

[1]) Опис. рукоп. Сборниковъ Имп. Публ. библ., I, 5.

[2]) Въ Воскр. лѣт. извѣстія о Костромѣ и Галичѣ идутъ съ 6937 (1429), т. е. прихода татаръ на Галичъ и взятія Костромы, Плеса и Луха, и оканч. 6961 (1453), конч. Димитрія Юр. Шемяки въ Новгородѣ и въ такомъ видѣ въ одномъ изъ Сборн. И. П. библ. помѣщены (Бычковъ, 216).

[3]) Описаніе „Русскаго лѣт-ца“, найд. въ Тотьмѣ въ 1847 г., сообщ. Н-й (Яросл. Губ. Вѣд. 1850, №№ 25—27, 43—46); ср. Корсаковъ, 234. О Вологод. лѣт. (Чт. Общ. ист. 1893, IV, Васильевъ, Исторія канониз. рус. св., 1895, IV; Вологод. святые, Н. Коноплева, 13 и д.). Между 1534—36 гг. въ Вологдѣ былъ составленъ Синодикъ (Бычковъ, Опис. Сборн., I, 298). См. также Синодикъ Спасо-Преобр. мон. въ Ярославлѣ, изд. А. А. Титова и И. А. Вахрамѣева, М. 1895, по сп. XVII—XVIII ст.

словамъ А. Ѳ. Бычкова, заключаются подробности о нѣкоторыхъ событіяхъ, происходившихъ во Владимирскомъ (съ Ростовскимъ) и Московскомъ княж. [1]); въ одномъ изъ сборниковъ XVI—XVII вв., доставленныхъ въ Арх. ком. гр. Мусинымъ-Пушкинымъ, пис. (2-я ч.) на 320 лл., съ 312 л. идутъ „погодныя записи происшествій, веденныя въ костром. Богоявленскомъ м.“ [2]); а въ другомъ сборникѣ, принадл. Имп. Публ. библ., находятся лѣтописныя замѣтки съ 1505—1603 г., значительная часть которыхъ относится къ Галичу, а нѣкоторыя къ событіямъ смутнаго времени [3]). Но усвоеніе „Рус. Временнику 862—1681“, дважды напеч. (2 ч. 1790, 1820) въ Моск. Синод. тип., имени „Костромской лѣт.“, упроченнаго Карамзинымъ [4]), хотя, быть можетъ, составленіе его и позволительно приписать костр. Богоявленскому мон., не подтверждается однако его содержаніемъ, какъ имѣющимъ общерусскій характеръ [5]). Въ концѣ же „Временника“ идутъ разныя монастырскія записи съ 1642 по 1680-й годъ [6]).

Счастливая случайность сохранила для насъ весьма важный, хотя и позднѣйшій по редакціи, списокъ „Архангелогородскаго лѣт-ца“ (см. выше, стр. 406), котораго мы касались выше по связи его съ Новгородскою лѣтописью (стр. 735—737). Содержаніе этой лѣтописи выяснило намъ, что она велась въ самомъ Устюгѣ и находилась вѣроятно въ тѣсной связи съ его соборнымъ храмомъ, судьба котораго привлекаетъ особенное вниманіе лѣтописца. Въ послѣднее время значеніе этой лѣтописи въ общемъ русскомъ лѣтописаніи достаточно оцѣнено (см. тамъ же, с. 406). Заслуживаетъ она вниманія и по составу внесенныхъ въ нее извѣстій въ начальной части (напр. о путешествіи на сѣверъ и смерти Олега въ Ладогѣ [7]), церк. уставъ Ярослава и т. п.). Въ распоряженіи издателей XVIII в. (изд. 1819 г.— перепечатка) было два списка—Архангелогородскій и Александро-

---

[1]) Лѣт. занятій Арх. ком., V. проток., 27.

[2]) Проток. Арх. ком., I, с. 347.

[3]) Отч. Имп. Публ. библ. 1884, стр. 114—116 (между прочимъ о цѣнахъ въ Москвѣ и Галичѣ, о голодѣ и т. п.).

[4]) Ист. госуд. рос., III, прим. 360, 361.

[5]) А. А. Шахматовъ, Къ вопр. о происх. Хронографа, 42—57, passim.

[6]) Полѣновъ, Библ. обозр. рус. лѣт., 63—70.

[7]) Карамзинъ обратилъ на него вниманіе, но не придавалъ ему значенія (II, пр. 331); Соловьевъ видитъ въ немъ тѣсную связь сѣвера съ югомъ (I, 109); Бычковъ сопоставляетъ съ тѣмъ же извѣстіемъ въ Новгор. лѣт. по Толст. сп. (Проток. Арх. ком., I, 391—392).

Нев. лавры; но въ недавнее время извѣстному любителю старины удалось пріобрѣсть въ Одессѣ рукописный сборникъ XVII в., пис. скорописью, въ 8-ю долю, весьма разнообразный и интересный по своему составу, большую часть котораго, какъ оказалось, занимаетъ „Арханг. лѣтописецъ“, отличающійся отъ печатнаго списка, съ одной стороны,—большею исправностью текста и существенными особенностями, а съ другой,—стремленіемъ къ краткости. Текстъ этотъ представляется болѣе яснымъ и лучше сохранившимся, чѣмъ изданный, а потому онъ можетъ имѣть значеніе не только для исправленія печатнаго текста, но и вообще для исторіи текста начальной русской лѣтописи (таковы варіанты словъ „судъ“, „перегбы“, „сустуги“ и т. п., нѣк. хронологическія даты). Новый списокъ полнѣе по своему объему. Печатный оканчивается извѣстіемъ о смерти ц. Өедора Ивановича (1592); въ новомъ спискѣ записаны вкратцѣ извѣстія о цар. Бориса, Василія Шуйскаго, о владѣніи поляками Москвою, избраніи Михаила Өед., приходѣ на Москву Владислава, о пріѣздѣ Филарета, о возведеніи его на патріаршество (1620), о пожарѣ въ Устюгѣ того же года („погорѣ Устюгъ Великій“, 7 церквей и 157 дворовъ), кончина Прокопія Уст. (҂ѕо҃л); заложеніе камен. ц. его имени (҂ѕр҃оѕ) и осв. ея (҂ѕр҃оз, въ сент.), залож. камен. соб. церкви (҂ѕрч҃а). Записи эти, какъ относящіяся непосредственно къ Устюгу, подтверждаютъ, что означенная лѣтопись писана въ этомъ городѣ [1]: но онѣ велись и позже какъ увидимъ въ обзорѣ позднѣйшихъ лѣтописей [2]). Данныя Архангелогор. лѣт-ца настолько важны (особенно для XIV и XV стол.), что имъ много пользовались наши историки—Карамзинъ [3]) и Соловьевъ [4]).

Ростовъ издавна служилъ книжнымъ рынкомъ, гдѣ продавались и пріобрѣтались книжныя рѣдкости и рукописи. Такимъ же спосо-

[1]) Рукоп. Сборн. XVII в. со сп. Архангелогор. лѣт-ца, Л. С. Мацѣевича (Тр. Археогр. ком. Моск. Арх. общ., т. I. стр. 31—40). Ср. Охр. кат. А. А. Титова, IV, № 3137.

[2]) Въ собр. новѣйшаго издателя „Великоуст. лѣт-ца“ (А. А. Титова), М. 1889. есть списокъ XVII в., безъ начала и конца, въ которомъ помѣщены такія событія. которыхъ нѣтъ въ другихъ лѣтописяхъ, а нѣкоторыя событія записаны въ немъ гораздо подробнѣе (предисл.). Между прочимъ, въ описаніи 1436 г. (с. v), говорится, что кн. Василій Косой послалъ съ Костромы вел. кн. Василію Вас. *книгу*, „а самъ пойде въ Галичь“—удержано старинное выраженіе „книга“, въ смыслѣ грамота (Матер. для словаря, Срезневскаго, I, с. 1394).

[3]) Ист. гос. рос., I, пр. 120, 282, 292, 331, 382, 397; IV, пр. 159; V, 196, 288; VI, пр. 15, 17, 26, 240.

[4]) Исторія Россіи, IV, пр. 9, 11, 15, 65, 82; V, пр. 22, 23, 46, 56, 62, 78, 93. 96, 100, 110, 111, 113, 116, 123, 124, 218, 343, 399. Ср. А. В. Оксеновъ, Полит. отношенія Моск. госуд. къ Югор. землѣ (преим. по Арх. л.).

бомъ разошлись по рукамъ и многія драгоцѣнности библіотеки ростовскаго Успенскаго собора [1]). Съ именемъ Ростова связаны имена извѣстнѣйшихъ русскихъ антикваріевъ и, благодаря тому, что въ послѣднее время нашлись цѣнители рукописнаго матеріала мѣстной старины (И. А. Вахрамѣевъ, А. А. Титовъ), составились новыя коллекціи, въ которыхъ получили мѣсто произведенія нѣкогда процвѣтавшей здѣсь лѣтописной дѣятельности болѣе поздняго времени: лѣтописи ростовскія, угличскія, устюжскія и др. [2]).

Мѣстные изслѣдователи указываютъ также на существованіе ярославскихъ лѣтописей [3]); а въ Сборникѣ историческихъ матеріаловъ (№ 638) купца С. Серебряникова помѣщены „выписки изъ стариннаго письменнаго лѣтописца, касающіяся Ярославля“ (стр. 39—57 [4]), конечно поздняго происхожденія. Наконецъ, напомнимъ, что авторъ старой исторіи г. Углича, Ѳ. Киссель (Яр. 1844), основанной на древнихъ манускриптахъ, находящихся въ разныхъ рукахъ угличскихъ гражданъ, а также при церквахъ и монастыряхъ (12), постоянно ссылается на угличскіе лѣтописцы и говоритъ, что ихъ было у него пять (одну изъ лѣт. онъ называетъ Супоньевскою, другую Серебряниковскою), списанныхъ очевидно одна съ другой, но изъ одной древней (понятіе древности—относительно, конечно) и т. п. (сс. 18, 343—45); но, судя по упоминанію о литовскомъ разореніи, едва ли извѣстія ея восходятъ къ болѣе раннему времени и притомъ они постоянно пополнялись (71, 121, 207, 212, 258, 309, 328, 367), а цифровыя данныя въ нихъ несомнѣнно преувеличены, съ цѣлью усилить значеніе литовскаго разоренія (309—310, 344, 347—349) и оспаривались уже прежними историками [5]).

Съ помощью лѣтописей, Синодика, Степенной книги, Четій-Миней, Синопсиса и т. п. матеріаловъ составлена весьма распростра-

[1]) Рукописи И. А. Вахрамѣева, I, 87.

[2]) См. Опытъ рус. исторіогр., II, 1302—1303; Новыя коллекціи рукописей, К. 1887; Охранный каталогъ А. А. Титова, №№ 2011, 2046, 2738, 2768, 2923, 2936. 3135, 3537, 3538, 3559, 4417.

[3]) Е. Трефолевъ, О Туговой горѣ (Яросл. Губ. Вѣд. 1848, № 49; Корсаковъ, 234).

[4]) Рукописи И. А. Вахрамѣева, описан. А. А. Титовымъ, II, стр. 430.

[5]) Перечень содержанія лѣт. Серебряникова, по сп. Е. В. Барсова, въ Труд. Яросл. Архив. ком., т. I (17—26), который слѣдуетъ отличать отъ другого лѣтописца того же имени, бывшаго въ распоряженіи Кисселя (26). Углич. лѣт., по рук. Арх. ком. изд. тамъ же (85—142), вмѣстѣ съ ист. Углича прот. Троицкаго (1—84). Ср. „Повѣсть о разор. гр. Углича“ (Яр. Еп. Вѣд. 1892, ст. 721, 737. 753).

ненная въ рукописяхъ „Лѣтопись ростовскимъ архіереямъ“, первоначальная редакція которой приписывается Димитрію Ростовскому, но она постоянно дополнялась и въ нѣкоторыхъ спискахъ доходитъ до 1824 г. и даже до болѣе поздняго времени [1]).

Въ Ростовскомъ краѣ отъ XIII в. сохранилось не мало легендъ и преданій съ признаками великокняжескихъ былинъ дружинной Руси [2]), большая часть которыхъ нашла мѣсто въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ и компиляціяхъ, какъ „Лѣтопись“, принадлежащая библ. Спасо-Яковлевскаго мон., XVII вѣка [3]), „Ростовскій лѣтописецъ“ (до цар. Ивана Грознаго), бывшій въ библ. Т. В. Хлѣбникова [4]) и сказанія по исторіи Ростова и ростовскихъ князей А. Артынова [5]), въ которыхъ историческая основа смѣшивается не только съ миѳологическимъ, но и сказочнымъ элементомъ, во вкусѣ словопроизводства XVIII столѣтія и т. п. аксессуаровъ: на сцену здѣсь сплошь и рядомъ выступаютъ богатыри и волшебники, а сухость и краткость древняго лѣтописнаго преданія восполняется романическимъ элементомъ [6]). Само собою ясно, что исторія здѣсь оставляетъ уже свою почву и переходитъ въ область гаданій и книжной фантазіи [7]).

Литература: Лѣтописи Лавр., Сузд. по Академ. списку, Твер., Соф. 1-ая и 2-ая, Воскр., Никон.; изслѣд. о нихъ: Полѣнова, Костомарова (стр. 740), Бестужева-Рюмина (стр. 740), И. А. Тихомирова (стр. 917), А. А. Шахматова (стр. 913, 915); Меряне и ихъ бытъ по курган-

[1]) Опис. Сборн. И. П. библіот., I, 369; Труды Яросл. Стат. комит., V, 185—216; Лѣт. рост. арх., изд. подъ ред. и съ примѣч. А. А. Титова, Спб. 1890 (изд. Общ. люб. др. письм.). Въ одномъ сборн. И. П. библ. помѣщенъ лѣтописный отрывокъ, содержащій извѣстія, кас. преимущественно Ростов. митрополіи (Бычковъ, I. 82). Митрополія въ Ростовѣ существовала съ 1589—1709 годъ (Строевъ, 333).

[2]) Историч. Вѣстн. 1893, № 9, с. 763.

[3]) Лѣтопись о ростов. архіер., изд. Общ. люб. древн. письм., съ примѣч. А. А. Титова, стр. 17, прим. 3. Ср. замѣч. м. Евгенія (Сборн. Имп. Ак. Наукъ, V, в. 1-й, стр. 240).

[4]) Списки его въ библ. А. А. Титова (Каталогъ, №№ 2768, 3494; ср. Лѣтопись о ростов. архіер. изд. Общ. люб. древн. письмен. Спб. 1890, введ., сс. ш—іѵ).

[5]) Чтенія въ Общ. ист. и древ. рос. 1882, I, 1—88.

[6]) Таковы разсказы о жрецѣ Кичѣ, епископѣ Ѳеодорѣ I, потомкахъ ц-ча Петра и многихъ князьяхъ.

[7]) Легенды эти переданы А. А. Титовымъ: „Преданія о Ростовскихъ князьяхъ“, М. 1885 г.; „Ростовскій уѣздъ“. М. 1885; Кекинскій лѣтописецъ, Яр. 1887. Ср. Историч. Вѣст. 1886, т. XX, 622; т. XXI, 226—227.

нымъ раскопкамъ, гр. А. С. Уварова (Тр. І-го Арх. съѣзда, II, 633—687, съ атлас. рис.); Меряне въ антропол. отнош., А. П. Богданова (Проток. Антроп. выставки 1879 г.); Матеріалы по археологіи Россіи, изд. Имп. Арх. ком. № 25. Древности бассейновъ рр. Оки и Камы. Въ обраб. А. А. Спицына, В. I, съ 30 табл. и 20 рис. (могильники IX, X и XI вв.), Спб. 1901; А. А. Спицынъ (см. выше, с. 885, примѣч. 1); Д. Европеусъ (с. 741; ср. Знаніе 1874, №№ 11 и 12); О культурѣ костром. кургановъ и о находим. въ нихъ украшеніяхъ и религіозныхъ символахъ, Д. Н. Анучина, М. 1899; Древн. Костр. губ., П. С. Савельева (Зап. отд. рус. яз. и слов. Имп. Рус. Арх. общ., I, с. 3); Кратк. зап. о древн., найден. близъ Галича, его же (Рус. Ист. Сборн. 1837, I, 102—105); Опис. кургановъ Молог. и др. уѣздовъ Яросл. губ., Л. Н. Сабанѣева (Тр. Яросл. Стат. ком., V, 29—99; ср. Тр. М. Арх. общ., т. III, 48—50); Костромскія находки, еп. Павла (Рус. Ист. Сборн., I, 101—102); зам. П. Свиньина (ib., 102—105); Древн. Яросл. губ., С. А. Серебряникова (Зап. отд. рус. яз. и пр., I, 17—20); Древности с. Архангельскаго Мышкин. у., А. Воскресенскаго (Яросл. Губ. Вѣд. 1852, №№ 37 и 38); О древностяхъ Сольвычегодска, Левитскаго (Волог. Губ. Вѣд., 1839, №№ 50—52); Археол. поиски въ окрестн. Устьсысольска, П. С. Савельева (Ж. М. Вн. Д., 1852, № 7; Зап. Имп. Арх. общ., т. IV, 122—125); О серебр. венцахъ, найден. во Владимирѣ и Яросл. губ. въ 1836—37 гг. гр. С. Строганова (Сборн. Общ. ист. и древн. рос., IV, 352—354).

О хорографическихъ мерянскихъ и черемисскихъ названіяхъ, И. А. Износкова (Тр. VII Арх. с., II, 223—225); Назв. рѣкъ въ Вологодской (и Астрах.) губ., его же (ib., 226—227); Географич. назв. рѣкъ, озеръ и пр., И. А. Голышева (ib. I, с. 1—3); Къ вопросу о родствѣ и связи мери съ черемисами, Т. Семенова (Тр. VIII Археол. съѣзда, 328—358); Родственна ли меря съ вогулами? П. Д. Шестакова (Уч. Зап. Казан. ун. 1873, № 1, с. 115—137); Какой народъ въ древности населялъ Костромскую сторону и что извѣстно объ этомъ народѣ, пр. М. Діева (Чтен. въ Общ. ист. и древн. рос., 1865, IV, с. 167—178); Заволжская чудь, П. Ефименка (Арханг. Губ. Вѣд. 1868, №№ 88—95; 1869, №№ 68—71, 73—75, 81—86; отд. Арх. 44 + 147); Объ историческомъ движеніи русскаго народонаселенія, С. М. Соловьева (Сборн. антроп. и этногр. статей о Россіи, изд. В. А. Дашковымъ, I, 111—117); И. Д. Бѣляевъ, А. И. Соболевскій, Е. В. Барсовъ (см. выше, стр. 856, примѣч. 2); П. С. Савельевъ (с. 855, пр. 2); О финскихъ словахъ въ русскомъ языкѣ, П. Буткова (Тр. Рос. Акад., т. V, с. 115—177); Къ вопр. о финскомъ вліяніи на Великорус. племя, А. И. Соболевскаго (Жив. Стар. 1893, т. I, с. 115—122); Замѣчанія о восточ. словахъ въ област. великорус. яз., И. Н. Березина (Матер. для словаря, Изв. Ак. Н., т. III, 186—192; 323—332); тоже, Эрдманъ (ib.,

II, 208; Уч. Зап. Каз. ун. 1857, II); Каземъ-Бекъ (Вѣстн. Геогр. общ. 1852, IV, 1—7); С. Шевыревъ (Москвитян. 1854, № 22); Опытъ областн. великорус. словаря, В. Даля (Вѣст. Геогр. общ. 1852, ч. VI, 1—72); Списки населенныхъ мѣстъ Рос. Имп., изд. Центр. Стат. ком. Мин. Вн. дѣлъ, VII, Вологодская губ., обраб. Е. Огородниковымъ, Спб. 1866, xxxvi+520; VI, Владимірская губ., обработ. М. Раевскимъ, Спб. 1863, LIII+283; XVIII, Костромская губ., обраб. М. Раевскимъ, Спб. 1877, LXXIII+465; XXIV, Москов. губ., обраб. Е. Огородниковымъ, Спб. 1862, xxvi+263; XXV, Нижегородская губ., обработ. Е. Огородниковымъ, Спб. 1863, xxxii+185; L, Ярославская губ., обработ. А. Артемьевымъ, Спб. 1865, LXIX+380; всѣ съ картами (мѣстн. назв., естеств. богат., геогр., археологич. и историко-этногр. свѣдѣнія о губерніяхъ, разнообразіе нарѣчій); Матер. для геогр. и стат. Россіи. Костромская губ., состав. Я. Крживоблоцкій, Спб. 1861, съ карт., 636 стр.; Топографич. изв. о г. Вологдѣ и Вологод. уѣздѣ, А. Засѣцкаго, 1777 г. (Волог. Епарх. Вѣд., 1873, №№ 13—15); Свѣдѣнія о городкахъ и городищахъ, находящ. въ Вологод. губ., Н. А. Поліевктова и Н. Е. Ордина (ib., 4—17); Историческое значеніе земель, вошедшихъ въ составъ Вологод. губ., отъ первыхъ извѣстій о нихъ до оконч. присоединенія къ вел. княж. Московскому, Ив. Муромцева (Вологод. Губ. Вѣд., 1846, №№ 13 и 14); О посел. новгор. въ Зырянскомъ краѣ, Е. Кичина (ibid. 1853, № 6); Вологодская хроника съ 900—1392 (ib. 1838. №№ 1, 4, 6, 7, 11): Нашествіе Шемяки на сѣв. страны Вологод. губ., Протопопова (Ж. М. Н. Пр., 1844, приб. 37—44; Вологод. Губ. Вѣд. 1843, № 28); Вологда въ нач. XVII в., Н. Бунакова (Волог. Губ. Вѣд. 1857, №№ 27—30); Пожары въ Вологдѣ въ XVII в. и XVIII стол. (Волог. Г. В., 1865, № 9); Исторія Бѣлозерско-Пошехонской страны и г. Пошехонья, И. Троицкаго—исторія Бѣлооз. княж. и князей его (Яросл. Губ. Вѣд. 1868, №№ 20—23); Заозерское княж., С. Серебряникова (ib. 1843, № 3); Свѣдѣнія объ Юхотской волости и ея прежнихъ владѣльцахъ, князьяхъ Юхотскихъ и Мстиславскихъ, съ приложеніемъ статьи объ юхотскихъ сокольихъ помытчиковъ, Ал. Барсукова, изд. гр. С. Д. Шереметьева, Спб. 1894, стр. 78; Объ основ. Устьсысольска, Е. Кичина (Волог. Г. В., 1853, №№ 47, 48, 49); Хроника Вел. Устюга (1840, №№ 25—30); О пожарахъ, наводн. и др. необыкнов. случаяхъ, быв. въ Устюгѣ, со времени его основанія на наст. мѣстѣ до XI ст. Изъ Устюг. лѣт-цевъ (1847, № 13); Собраніе историч. извѣстій, относ. до Костромы, И. Васькова, М. 1791; Взглядъ на ист. Костромы, кн. Ал. Козловскаго, М. 1840; Истор. зап. о Костромѣ и ея святынѣ, прот. II. Островскаго, К. 1864; Очеркъ ист. Костромы съ древнихъ временъ до цар. Михаила Ѳед., съ фотогр. снимк., сост. И. Миловидовъ, К. 1886; О Костром-

скомъ кремлѣ или стар. гор. Костромы (Костром. Губ. Вѣд. 1838, №№ 44—48; Ж. М. Вн. д. ч. XXVIII, № 6, с. 299—324); О Костромѣ въ истор. арх. отношеніи, И. Миловидова (Труды VII-го Арх. с., I, 54—72); О происх. г. Костромы и его названія (Костр. Губ. Вѣд., 1855, № 22); Догадка о происхожд. г. Костромы, В. Борисова (Костр. Губ. Вѣд. 1862, № 43); Письмо къ изд. изъ Костр. губ., кн. Ал. Козловскаго (Моск. Телегр. 1832, ч. XLVI, № 15, с. 447—49—о достоприм. мѣстн. Костром. губ.); Истор. свѣд. о нѣк. городахъ Костром. губ. (Ж. М. Вн. Д., 1848, ч. XXII, № 4, с. 3—27 и Костр. Г. В. 1849, №№ 3—8); Нѣкот. свѣд., относ. къ ист. г. Солигалича, собр. изъ сохран. въ Солигаличѣ запис., пред. и др. источниковъ, *S.* (Москвит. 1842, ч. II, № 3, с. 259—263—переч. кратк. изв. о Сол. въ лѣт. и др. истор. памятн.); Отъ Костромы до Соль-Галича. Изъ воспом. о зимней поѣздкѣ по Костром. губ. въ 1857, И. П. Корнилова (Арх. ист. и практ. свѣд. 1860, III, 1—43, геогр., этногр. и ист. зам.); Краткія свѣдѣнія о Кажировской пустыни, II. Д. Дементьева,—о напад. черемисъ въ XIV и XV вв. на предѣлы Галицкаго княж. (Костр. Стар., I, 1—16); О с. Ликургѣ, св. М. Я. Діева (Тр. и Лѣт. Общ. ист. и древн. рос. 1833, ч. VI, с. 124—130); О Юрьевцѣ, кн. Ал. Козловскаго (ib., ч. III, кн. II, с. 171—174); Замѣчанія, кас. до Нерехты, св. М. Діева (Ист., Стат. и Геогр. журн., 1830, ч. III, № 8, с. 130—138); Первыя два десятилѣтія XVII в. для Костромской страны (Костр. Г. Вѣд. 1854, №№ 44—47); О нѣк. городищахъ въ Костр. губ., Н. М. Бекаревича (Тр. Яр. обл. с., I, 125—129); О матер. по этн. Костром. края, В. А. Андронникова (ib., 103—125); Ист. изслѣд. о началѣ и основ. г. Ярославля (Яр. Губ. Вѣд. 1842, № 10); Ист. очеркъ событій въ г. Ярославлѣ отъ основанія онаго до вступл. Ярослав. княж. въ составъ госуд. Россійскаго, С. Серебряникова (ib. № 5); О времени основ. г. Ярославля, И. Рогозинникова (Яр. Губ. Вѣд. 1862, № 1); Ист. оч. г. Ярославля (1850, № 6); О мѣстоположеніи древн. укрѣпл. и распростр. г. Ярославля, *С. С.* (Яр. Губ. Вѣд. 1844, №№ 24, 25, 26); Опис. построен. г. Ярославля и залож. въ основаніе онаго ц. прор. Иліи в. кн. Ярославомъ I, М. Лѣнивцева (Отеч. Зап. 1827, ч. XXX, 3—28, 169—205); Изъ ист. г. Ярославля (1262 годъ), И. И. Рогозинникова (Яр. Г. В. 1863, № 1); Замѣч. мѣста и истор. событія въ Яросл. губ. (нѣчто объ осн. Яр-ля, ярослав. владѣт. князьяхъ, битвахъ на Сити и Которости, Холопій городокъ и пр.), С. Серебряникова (Яр. Г. Вѣд. 1835, №№ 22, 28, 29, 45, 46); Ярославль послѣ 1477 г. (Яр. Г. В. 1853, №№ 5, 6, 7); С. Курба, отчина и родина кн. Курбскихъ, въ 25 вер. отъ Ярославля (Москвит. 1852, № 17, с. 16—18); Хронолог. оч. истор. событій въ г. Ярославлѣ отъ основ. онаго до вступл. Ярослав. княж. въ составъ госуд. Рос-го, *С. С.* (Яр. Губ. В. 1843, № 3); Участіе ярославцевъ

въ бѣдствіяхъ съ 1608—1613 г., П. Шестернина (Яр. Губ. Вѣд. 1851. №№ 29—31); Исторія губ. г. Ярославля, сост. прот. I. Троицкимъ, Яр. 1853, стр. 118; Ярославль. Историч. монографія (новѣйшая, но маловажная) о времени основанія города, съ портретомъ (sic!) его основателя вел. кн. Ярослава Мудраго. Сост. и издалъ Н. Верховой, Рыб. 1904; Пожаръ 1768 г. въ Ярославлѣ, изъ журн. Губ. правл. (Яр. Губ. Вѣд. 1860, №№ 33—36); Замѣч. пожары въ Ярославлѣ (1221—1659), *С. С.* (ibid. 1843, № 47); Вел. пожаръ, бывш. въ Ярославлѣ въ 1658 г., Е. Трехлѣтова (ibid. 1850, № 10); Ярославскіе пожары въ 1767 и въ 1768 гг. А. А. Титова, Яр. 1889; Исторія Моложской страны, княжествъ, въ ней бывшихъ и г. Мологи, I. Троицкаго (Памятн. кн. на 1862 г. и Яр. Губ. Вѣд. 1863, с. 228—236); О Холопьемъ городѣ, изъ Герберштейна, *П. Г.* (С. Отеч. 1818 г., ч. XLV, № 14, с. 50—64); М. Н. Бережковъ (см. выше, с. 618, пр. 1; 744); Волость Покровско-Сицкая, Яросл. губ., Молог. у., св. А. Преображенскаго (Этногр. Сборн. В. I, 1853, с. 61—124, м. прочимъ преданія о мѣстѣ и битвѣ на р. Сити); Битва на р. Сити, М. П. Погодина (Яр. Губ. Вѣд. 1869, № 14); Замѣтки историч., И. Лажечникова (о мѣстѣ сраж. на р. Сити въ 1238 г. съ монголами, Приб. къ Рус. Инв. 1838, № 22); Мѣсто побоища на Сити, В. Лѣствицына (Яр. Г. В. 1868, № 41); Послѣднія междоусобія князей русскихъ и битвы ихъ въ Ярослав., Ростов. и Угличской обл., С. Серебряникова (Яр. Губ. Вѣд. 1856, №№ 7—8); Историч. взглядъ на г. Мологу, С. Серебряникова (Яр. Губ. Вѣд. 1842, № 40); Ист. взглядъ на г. Романовъ-Борисоглѣбскъ (ib. № 44); Исторія г. Романова-Борисоглѣбска и его уѣзда, И. Троицкаго (Яросл. Губ. Вѣд. 1865, №№ 25, 26, 29, 30); Ист. оч. г. Рыбинска, *его же* (ib. 1868, №№ 31 и 32); Княжій городокъ на р. Шекснѣ, Е. В. Барсова (Тр. VII Арх. с., II, 213—217); Очеркъ древней исторіи г. Ростова и политической системы ростовскихъ владѣтельныхъ князей. *С. С.* (Яр. Губ. Вѣд. 1842, №№ 6—7); Статист. опис. Яросл. губ. (м. прочимъ ист. Ростов. княж., 1850, №№ 1—47); О избавленіи Ростова отъ разграбл. татар. хана Ахмыла, *С. С.* (ib. 1843, № 34); Историч. свѣдѣнія о г. Ростовѣ (Яр. Еп. Вѣд. 1869, №№ 20, 21, 23, 25, 26, 28); Ростовскій кремль въ полов. XIX стол., *Н. П.* (Яр. Еп. В. 1863, с. 280—287; ср. День, № 10); Меря и Ростовское княж. Оч-ки изъ Ростовско-Суздальской земли, А. А. Корсакова, Каз. 1872, стр. 246; Ростовскій уѣздъ Яр. губ. Ист. археол. и статист. опис. А. А. Титова, М. 1885, IX + 630, съ рис., картою и радосл. ростов. князей; Ростовскія древности, П. Кайданова (Яр. Г. В. 1869, № 48); Особенности ростовскаго нарѣчія, П. Соколова (1868, №№ 38—40); Оч. древней исторіи г. Углича, С. Серебряникова (Яр. Г. В. 1842, № 19); Ист. г. Углича, соч. Ѳ. Кисселя, Яр. 1854, стр. 419; Исторія г. Углича (Яр. Еп. Вѣд. 1867, №№ 13, 16—21); Ист. о разор.

г. Углича въ 1611 г. (Яр. Г. Вѣд. 1872, №№ 45 и 46); О топогр. Угличскаго кремля въ XVI и XVII вв., С. Ѳ. Платонова (Тр. Яросл. обл. съѣзда, 84—87); Угличская крѣпость въ 1674—1676 гг. (изъ Писцов. Угл. кн.) В. Серебренникова (Яр. Губ. Вѣд. 1850, № 1): Яново поле и др. мѣстности Углича, Боголюбскаго—происхожд. назв. Угличье поле; недостов. нѣк. сказаній объ Угличѣ (1872, №№ 5, 7, 8); Разореніе г. Углича въ 1611 г., Ѳ. Кисселя (Ж. М. Н. Пр. 1840, № 10, с. 35—48); Угличъ въ послѣдней пол. XVII в., Ив. Серебренникова (Яр. Губ. Вѣд. 1851, № 11); Густавъ, принцъ шведскій, въ Угл. и Яр-лѣ, П. Шестернина (ib. № 13); Древняя и нынѣшняя торговля угличанъ и знатн. ея производители (ib. 1843, № 39).

Изслѣд., лекціи и замѣчанія Погодина (т. IV, 277—291; V, 307—311; VI, біогр. князей); Великіе и удѣльные князья сѣв. Руси въ татарскій періодъ съ 1238—1505, А. В. Экземплярскаго, тт. I и II, Спб. 1891; Вел. кн. Константинъ Всевол. Мудрый, И. Д. Бѣляева (Врем. Общ. ист. и др. рос., III, 50—78); Вел. княг. Агаѳія, супруга Константина Всев., кн. владим., С. С. (Яр. Губ. В. 1843, № 3); В. кн. Агаѳія, Кострова (1853, № 46); Василій Конст., князь ростов. (ib. 1843, № 9; Ростов. Еп. Вѣд. 1868, сс. 1 и 309); Василій Давид. Грозный, кн. яросл., С. С. (Яр. Губ. Вѣд. 1843, № 30); Ярославскіе князья въ Москов. госуд., А. И. Маркевича (Тр. VII Арх. съѣзда, II, 82—108); Князья угличскіе, св. К. Ярославскаго (Яр. Еп. Вѣд. 1892, три статьи, сс. 673, 689, 705); Записка о древнихъ княж. монетахъ Ростова, Углича и Ярославля (съ таблицами) Е. Е. Люценка (Тр. Яросл. Стат. комит., вып. V, 3—28); Золотыя Петра ц-ча копейки въ ростов. Петров. мон. въ 1764 г. (Яр. Еп. Вѣд. 1895, № 30); Диргемы на Юхоти (найд. въ юхот. курганахъ), В. Лѣствицына (Яр. Губ. Вѣд. 1864, № 32); Угличская Старина—нѣск. словъ о древн. княж. монетахъ Углича, В. Лѣствицына (1872, № 10); Кладъ въ Угличѣ—случайное открытіе серебряныхъ монетъ (1880 г. № 33); Еще объ угличскомъ кладѣ, В. Лѣствицына,—монеты сасанидскія, сасанидо-арабскія, табаристанскія, умейядскія, аббасидскія, западно-умейядскія; научное объясненіе появленія древн. монетъ въ этихъ мѣстахъ; значеніе углич. клада (1880, № 60, ср. выше, с. 857, примѣч. 3); Описаніе неизд. рус. монетъ, принадл. собр. кн. С. В. Долгорукова (Зап. Имп. Арх. общ., III, 33—50, см. стр. 41—42, серебро кн. Константина Дм. угличскаго: ср. Нумизм. изсл. Сонцова, I, с. 17, № 23; зам. А. Орѣшникова, Арх. Изв. 1897, № 12, с. 379—381); Родословіе ярославскихъ князей, 1838; Родосл. роспись ростов. князей, изд. С. А. Серебряниковымъ (Яр. Губ. Вѣд. 1851, № 36); Ростовскіе владѣтельные князья, А. В. Экземплярскаго, Яр. 1888 (изъ Яр. Губ. Вѣд.); также родосл. кн. Долгорукова, Лобанова-

Ростовскаго, гр. Бобринскаго, Голубцова и др. Оп. библ. указ. печатн. матеріаловъ по генеалогіи рус. дворянства, Ѳ. А. Б(ычкова), Спб. 1885.

Лѣтописецъ о ростовскихъ архіереяхъ, съ предислов.—Е. И. Якушкина (Тр. Яр. Ст. ком., V, 183—216); тоже: Лѣтопись о рост. арх., съ примѣч. А. А. Титова, изд. Общ. люб. древ. письм., № xciv, Спб. 1890, стр. 26 + 63 + 12); Хронологическій указатель іерарховъ рост. и яросл. паствы, архіеп. Нила, Яр. 1859; Обз. ист. стат. Ростовско-Ярослав. епархіи, Крылова, Яр. 1861, стр. 869+68; Іерархи Ростовско-Яросл. паствы, А. Крылова (Яр. Еп. Вѣд. 1862, №№ 1—48); Древнія святыни Ростова Вел. (съ родосл. князей), гр. М. В. Толстого (Чт. въ Общ. ист. и древ. рос., годъ 3-й, кн. II, стр. 1—86; 3-е изд. М. 1866); Яросл. іерархія въ опис. прот. І. Троицкаго, изд. А. А. Титова (изъ Яросл. Еп. Вѣд.), 2 вып., Яр. 1901 (опис. монастырей); Церковныя земли въ Ростов. у. XVII в. (по писцов. книг. 1629—31), съ предисл. и примѣч. А. А. Титова (Чт. въ Общ. ист. и древн. рос. 1896, II, 1—42); Вотчинныя владѣнія яросл. Спас. мон., св. Фл. Морева (Яр. Еп. Вѣд. 1878, с. 283, 354); Церковно-приход. жизнь въ Каргополѣ въ XVI в. К. Докучаева-Баскова (Чт. въ Общ. ист. и древн. 1900, III, 1—44); Порабощеніе Руси монголами и отношеніе хановъ монг. къ рус. церкви или къ вѣрѣ русскихъ и ея духовенству, Е. Голубинскаго (Богосл. Вѣст. 1893, № 7); Древняя языческая религія въ Ярослав. еп., І. Троицкаго (Яр. Еп. Вѣд. 1863, сс. 5, 16); Распростр. христіан. религіи въ Ростов. странѣ, его же (ib. стр. 80—223 съ промеж.); Начало монашества въ Ростов. области. Время жизни преп. Авраамія (Яр. Губ. Вѣд. 1852, №№ 8 и 16); Древнія пустыни и пустынножители на сѣверо-востокѣ Россіи (Прав. Соб. 1860, № 10, с. 196—221); Докучаевъ-Басковъ (см. выше, с. 895, пр. 2); Соч. о монастыряхъ (см. Оп. рус. историографіи, I, 610—615, 668—669); Древности яросл. и ростовскія, съ 23 табл. и 35 рис., А. А. Павлинова (Тр. VII Арх. с., 6—45); Ростовскій Успен. соб., ист. оч. (Яр. Еп. Вѣд. 1861, 516—571); Церк. Іоанна Бог. въ Ростов. кремлѣ. А. А. Титова (Тр. VII Арх. с., III, 337—341); Древн. Яр. губ., С. Серебрянникова (Зап. Р. Арх. общ. по отд. рус. и слав. арх., I, 17—21); Церковно-археологическое описаніе г. Ярославля, сост. прот. І. Троицкимъ, Яр. 1860, XVI + 288 стр.; Изъ ярославскихъ древностей, И. Рогозинникова. Первые каменные храмы въ Ярославлѣ. Причина большого количества церквей въ старыхъ городахъ, въ томъ числѣ и въ Ярославлѣ. Первыя каменныя церкви (Яр. Г. В. 1864, №№ 28, 29, 30); Очеркъ церквей (исторія) г. Яросл-ля, С. Серебряникова (Яр. Г. В. 1849, №№ 14—17); Надписи Спасо-Ярославскаго мон., В. Лѣствицына (1872, №№ 6 и 7 и Яр. Еп. Вѣд. 1877 г., с. 129); Истор. свѣд. объ угличск. Алексѣевскомъ мон., С. Серебрянникова (Яр. Губ. Вѣд. 1848 г., № 96 и Яр. Еп. Вѣд., 1860 г., с. 258); Ист. свѣд.

Учемская Кассіанова пустынь, А. Титова (Ист. Вѣстн. 1895, № 8); С. П. Шевыревъ и Никольскій (о Кирилло-Бѣлозер. мон., см. выше, стр. 895, пр. 5); Ростовскій Бѣлогост. м-рь, прот. І. Троицкаго (Яр. Г. Вѣд. 1858, №№ 1—4); Ростов. Борисоглѣбскій мон., что на р. Устьѣ, ист. оч. А. Боголюбскаго (Яр. Еп. Вѣд. 1864, с. 274—327); Яросл. Толгскій мон. (Яр. Еп. В. 1867, подр. опис.); Ярослав. первоклассный Толгскій мон., изд. 2-е, дополн., Яр. 1888; Историч. опис. Троицкаго—варниц. мон. А. А. Титова, Серг. посадъ, 1893; Объ упразднен. мон-ряхъ Рост. яросл. паствы, А. Крылова (Яр. Еп. Вѣд. 1860, сс. 39, 51); Усыпальница бояръ Годуновыхъ въ костром. Ипат. мон-рѣ, прот. І. Я. Сырцова (Труды Яр. обл. съѣзда, 76—84).

Указатель къ неоф. отд. Яросл. Губ. Вѣдом. съ 1831—1880. Сост. М. А. Липинскій (Труды Яросл. Стат. ком., т. IX, с. 1—357); Ярославскія Епарх. Вѣдомости. Неоф. часть. Списокъ и указатель статей, помѣщ. въ Вѣдом. за все время ихъ существованія 1860—1892. Сост. А. А. Титовъ, Серг. пос. 1893, стр. 1—203.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Возвышеніе Владиміра.—Суздаль и Н. Новгородъ.—Переяславль-Залѣсскій.—Политическія и церковныя отношенія.—Письменность.—Суздальская лѣтопись.—Владимирскій полихронъ.—Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго.—Нижегородскій лѣтописецъ.

I.

Возвышеніе Владимира увеличило его благосостояніе на счетъ Ростова, а этимъ онъ обязанъ былъ Андрею Боголюбскому и Всеволоду III [1]). Современники приписывали Андрею расширеніе города и обогащеніе его разными святынями, вещами и многимъ богатствомъ [2]). Постройки времени Андрея и Всеволода составляютъ эпоху въ исторіи рус. зодчества. Къ сожалѣнію онѣ потерпѣли болѣе или менѣе значительныя передѣлки. Зато хорошо сохранился прекрасный архи-

[1]) Считая послѣднихъ виновниками своего величія, мѣстный лѣтописецъ связываетъ ихъ дѣла съ волею Бога; такъ, „новые, мезинные люди владимирцы", поборая за правду, побѣдили „старѣйшихъ"—ростовцевъ и суздальцевъ (Лавр., 359; ср. с. 361—о власти, поставляемой отъ Бога). Впослѣдствіи, благодаря той же теоріи, Владимиръ долженъ былъ уступить свое мѣсто „мезинной" Москвѣ.

[2]) По одной Синод. лѣт. (Карамзинъ, II, 98, пр. 238), Владиміръ Мон. построилъ первую церковь—Спаса. Ср. выше, 857, пр. 1, 866. О богатствѣ украшенной Андреемъ ц. Богородицы (Никон. л., г. 1160). Гороховецъ, градъ Богородицы (Лавр. л., 446, 495), ея десятина. Описаніе великолѣпія храма (Ипат. л., 394 и д.) не признаютъ баснословнымъ, а сравниваютъ съ знаменитыми произведеніями Запада и Византіи (Голубинскій, 95, 101—105, 144). Его мѣдный полъ, уничт. татарами въ 1293. наз. „чудеснымъ" (Воскр. и Ник. лѣт.). О громадной стоимости образа Влад. Богородицы (Ист. Вѣст. 1895, № 10, с. 292—93). Въ пожаръ 1185 г. во Владимирѣ сгорѣло 32 церкви (Лавр. л., 372).

тектурный памятникъ XII столѣтія: Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ, построенный Всеволодомъ III[1]) и реставрированный въ 1847 г. Нашествіе монг. завоевателей надолго прекратило сооруженіе каменныхъ церквей[2]). Всеволоду же III принадлежатъ земляныя крѣпости во Владимирѣ[3]), Переяславлѣ-Залѣсскомъ и Суздалѣ[4]). Политическая дѣятельность Всеволода была оцѣнена современниками: это выражено и въ литературныхъ произведеніяхъ (Слово о полку, Слово о погибели рус. земли), и въ лѣтописи[5]). О дѣятельности сыновей (четырехъ) его, занимавшихъ великокняжескій престолъ, намъ приходилось упоминать[6]).

Культурныя связи сѣвера поддерживались сношеніями съ Константинополемъ[7]) и посѣщеніемъ иностранцами Суздальской земли[8]). При смерти сына Андрея Богол., молодого кн. Глѣба (неизвѣстнаго лѣтописямъ[9]), и погребеніи Андрея[10]), во Владимирѣ находилось множество иностранныхъ гостей—западныхъ (нѣмцевъ), восточныхъ (болгаръ и евреевъ[11]), грековъ и кіевлянъ, выражавшихъ сожалѣніе

[1]) Лавр. лѣт., 415, см. выше, с. 862.

[2]) Я. Соловьевъ, Памятн. Владим. губ. (Отеч. Зап., ч. CXII), 526—527.

[3]) О Владимирѣ см. выше, с. 866, пр. 9. При Владимірѣ Мон. городъ былъ окруженъ только валомъ („спомъ", Синод. л. у Карамз., II, пр. 238). Городъ дѣлился на „печерній" (Кремль) и „новый" и имѣлъ нѣсколько воротъ: Золотыя, Волжскія, Иринины, Мѣдныя (Лавр. л., 334, 360, 419, 438—440, 449—450, 490; П. С. Р. лѣт., XV, 369). Упоминается также „торговище" (Лавр. лѣт., 419, годъ 1218).

[4]) Лѣт. по Кенигсб. сп. 1191, 1194; Карамзинъ, III, 82, прим. 140; Іером. Іоасафъ, Владимир. достопамятн., 128. Владимир. земляныя укрѣпленія были довольно обширны.

[5]) Лавр. лѣт., 415.

[6]) См. выше, 605--607, 867.

[7]) Лавр., Никон. лл., г. 1164. См. выше, сс. 466, 866—867.

[8]) Подъ иноземными художниками одни разумѣютъ западныхъ мастеровъ (литер. см. у Иловайскаго, II, 552—553); другіе грековъ (Голубинскій); нѣк. допускаютъ южно-славянское вліяніе (Кондаковъ); наконецъ, указываютъ на галицкихъ художниковъ, гдѣ имѣло мѣсто благопріятное сочетаніе византійскаго и западнаго вліяній (Д. Н. Бережковъ, см. библіогр.). На участіе и „нѣмцевъ" указываетъ поздн. извѣстіе (Лавр. лѣт., 390). Любопытно, что Аристотель, осмотрѣвъ въ 1475 г. соборъ, и похваливъ работу, выразился: „нѣкіихъ *нашихъ* мастеровъ дѣло" (П. С. Р. лѣт., VI, 199; ср. Тр. М. Арх. общ., VI, 38). О соединеніи восточнаго и западнаго вліяній въ техникѣ сузд. искусства (Арх. Изв. 1897, № 5—6, с, 161—162); о стѣнописи (Тр. VII Арх. с., I, 202—208).

[9]) Погодинъ ошибочно называетъ его Всеволодовичемъ (Изслѣд. и лекціи, VII, 319; ср. Филаретъ, Рус. святые, подъ 20 іюня; Богосл. Вѣстн. 1894, № 8, с. 216).

[10]) Подр. опис. (Ипат. л., 401—402); ср. Врем. Общ. ист., XI, 26.

[11]) См. І. Берхинъ, Андрей Богол. и евреи (Восходъ, 1883, кн. 7—8). Повѣствователь Кузьма былъ кіевлянинъ; ключникъ Анбалъ—ясинъ (ср. 860, пр. 2).

по случаю смерти послѣдняго. Былина о Суровцѣ-суздальцѣ указываетъ на торговыя связи Ростовско-Суздальской земли съ древнимъ Сурожемъ [1]). Связи съ Константинополемъ поддерживались и при преемникахъ Всеволода [2]). Предметы внѣшняго быта правящихъ классовъ даютъ основаніе считать Суздальскую землю однимъ изъ выдающихся центровъ вліянія Византіи, рядомъ съ Кіевомъ и Черниговомъ, какъ видно изъ памятниковъ старины и кладовъ, найденныхъ во Владимирѣ (1865, 1896) и др. мѣстахъ [3]). Торговыя сношенія должны были создать для купцовъ привилегированное положеніе и мы видимъ, что они принимаютъ участіе въ политическихъ дѣлахъ наравнѣ съ боярами [4]). Съ другой стороны, частыя связи съ Востокомъ, содѣйствовали ознакомленью съ восточными языками: такъ, по словамъ Плано-Карпини, въ ставкѣ Батыя онъ встрѣтилъ одного суздальца (un Russien de Susdal), служившаго толмачемъ при сынѣ князя Ярослава [5]); а дошедшіе до насъ ханскіе ярлыки свидѣтельствуютъ, что переводы ихъ на русскій языкъ дѣлались въ свое время русскими [6]). И тотъ же Плано-Карпини сообщаетъ, что въ ставкѣ хана послы нашли также русскаго, по имени Косму, золотыхъ дѣлъ мастера, котораго ханъ очень любилъ и который оказывалъ имъ услуги. Онъ показывалъ посламъ ханскій престолъ, прежде чѣмъ его поставили на мѣсто, и ханскую печать, имъ же сдѣланную [7]).

До нашествія татаръ не существовало полнаго раздѣленія между сѣверною и южною Россіею; Юрій I, Андрей Бог., Всеволодъ III,

---

[1]) Корсаковъ, 239.

[2]) Лавр. лѣт., 419.

[3]) Русскіе клады, Кондакова, 46, 82; Владимирскій кладъ, В. Стасова (Изв. Арх. Общ., VI, 131 и д.); Новый арх. кладъ, найд. во Владимирѣ, В. Георгіевскаго (Арх. Изв. 1896, №№ 11—12, с. 366—371—гривна, серьги, наручники, браслетъ и т. п., XII—XIII в.); ср. Золотой перст. XI—XII в., русской работы, найд. на Куликовомъ полѣ (ib. 1897, № 12. с. 374); О серебр. вещахъ, найд. во Влад. и Яросл. губ. въ 1836—37 гг., гр. С. Строганова (Рус. Ист. Сборн., IV, 452—453, съ рис.); объ остаткахъ шелковыхъ одеждъ въ ризн. Успен. соб., снятыхъ при откр. гробницъ (Андрея Бог. и др.), Филимоновъ, Стасовъ (Сборн. Моск. Общ. древ.-рус. искус. 1866), Тихонравовъ (Изв. Арх. Общ., т. VI): Сузд. оплечье, гр. Уварова (Древн. М. Арх. Общ., V, 13 и д.—за западное вліяніе), Кондаковъ (ib., 86)--за византійское.

[4]) Лавр. лѣт., гг. 1177, 1206.

[5]) Путешествія къ татарамъ, изд. Языковымъ, 214—215.

[6]) Григорьевъ, О достовѣрности ханскихъ ярлыковъ (въ Сборн. „Россія и Азія"); Сухомлиновъ, О языкозн. въ древ. Россіи (Уч. Зап. Ак. Наукъ по 2 отд., I, 203--204). Впослѣдствіи татары употребляли и русскій языкъ (Никон. л., 1411).

[7]) Путешествія къ татарамъ, 54—55. О преемственной связи позднѣйшей торговли въ Сузд. краѣ (Вѣст. Геогр. общ. 1857, I, 88).

Юрій II располагаютъ судьбами Кіева и вмѣшиваются въ дѣла южной Руси. Всеволодъ III былъ женатъ на дочери Шварна чешскаго; Константинъ на княжнѣ смоленской, Юрій II—на черниговской. Папа Григорій IX обращается съ посланіемъ къ Юрію II, въ интересахъ своей власти и называетъ его королемъ (булла 1231 г.[1]). Наступившія усобицы и зависимость отъ завоевателей внесли существенныя перемѣны въ политическія отношенія Руси. Страхъ передъ нападеніями угнеталъ умы и производилъ всеобщую панику[2]), подъ вліяніемъ которыхъ заботы о высшихъ интересахъ должны были отойти на задній планъ; а въ связи съ этимъ усиливается мистицизмъ и стремленіе къ монашеству[3]), отмѣченныя историками въ эпохи бѣдствій[4]), результатомъ чего явилась масса чудесныхъ сказаній, находившая полную вѣру въ обществѣ[5]).

Владимирское княж. достигло полнаго значенія въ правленіе Александра Яросл. Невскаго (1252—1263), прославившагося своими побѣдами на Западѣ и пользовавшагося вліяніемъ въ Ордѣ[6]). „Я прошелъ многія страны, говорилъ о немъ нач. Ливонскаго ордена Андр. Вельвенъ, знаю свѣтъ, людей и государей; но видѣлъ и слушалъ Александра Невскаго съ удивленіемъ“[7]). Папа Иннокентій IV присылалъ къ нему своихъ пословъ съ предложеніемъ о соединеніи церквей[8]), и общихъ дѣйствій съ ливон. рыцарями противъ татаръ. По словамъ лѣт., Александръ далъ отвѣтъ „сдумавши съ хитреци своими“[9]).

---

[1]) Hist. Russ. mon., I, № 33. Впрочемъ, какъ и вообще назывались русскіе князья въ буллахъ 1227, 1247.

[2]) Подъ 1239 г. въ Ростов. лѣт. читаемъ: „Того же лѣта бысть пополохъ золъ по всей земли, не вѣдяху и сами, кто гдѣ бѣжитъ“ (Троиц. лѣт., въ прилож., 495). При Узбекѣ 9 князей погибло въ Ордѣ.

[3]) Новгор. лѣт. по Синод. сп., 379.

[4]) Щербатовъ, Рос. ист., т. II, 574; Карамзинъ, V, 223—224; съ оговорками Макарій, IV, 165; ср. Gregorovius, I, 140; II, 59; ср. выше, стр. 275—276.

[5]) См. Лѣт. Спасо-яросл. мон. (Титовъ, Лѣт. о ростов. архіер., примѣч. 17).

[6]) Новгор. лѣт. по Синод. спис., стр. 252—262, 270—275.

[7]) Арндъ, Liefl. Chron. II, 42—45. Ср. стр. 691, прим. 4 и Энгельманъ, Хрон. изслѣд., 132—135. „И нача слыти имя Александра по всѣмъ странамъ и до моря Хупожскаго и до горъ Аравитскихъ и обону страну моря Варяжского и до самаго Рима“, съ гордостью замѣчаетъ современникъ (Новгор. лѣт. по Синод. списку, 261).

[8]) Hist. R. mon, I, № 38. Онъ упоминаетъ объ изъявленномъ согласіи отцемъ Александра Ярославомъ, какъ сообщилъ ему посолъ, бывшій въ Ордѣ (Плано-Карпини). Въ путешествіи послѣдняго объ этомъ не говорится.

[9]) Новгор. лѣт. по Синод. сп., 273.

Послѣднею услугою Александра было заступничество въ Ордѣ, по случаю изгнанія изъ городовъ татарскихъ сборщиковъ дани (1262[1]). Александръ Невскій былъ привѣтливъ къ иностранцамъ[2]), которые охотно вступали въ его дружину[3]). Поэтому легко понять, что извѣстіе о смерти Александра (на пути изъ Орды) вызвало общую печаль, а погребеніе (въ ц. Рожд. Богородицы во Владимирѣ) сопровождалось разсказами о чудесахъ[4]).

Съ Александромъ окончилось политическое значеніе Владимира. Власть переходитъ теперь отъ одного удѣльнаго князя къ другому, которые захватываютъ Владимиръ силою или по волѣ хана, но сами продолжаютъ жить въ своихъ вотчинахъ и въ нихъ погребаются. Такъ другъ за другомъ слѣдуютъ: Ярославъ Ярославичъ *тверской* (1264—1272), Василій Ярославичъ *костромской* (1273—1276), Дмитрій Александровичъ *переяславскій* (1276—1293), Андрей Александровичъ *городецкій* (1293—1304[5]), Михаилъ Ярославичъ *тверской* (1304—1313), Дмитрій Михайловичъ *тверской,* по прозванію Грозныя очи (1322—25), Александръ Михайловичъ *тверской* (1325—27), Иванъ Даниловичъ *московскій,* прозванный Калитою. Съ этого времени князья московскіе носятъ титулъ „великаго князя"[6]), обладая вмѣстѣ съ тѣмъ старшимъ столомъ—владимирскимъ; но уже Иванъ Калита называется вел. княземъ „всея Руси" (какъ думаютъ одни въ соотвѣтствіе титулу митрополита) и его примѣру слѣдуютъ всѣ его преемники[7]). Однако, долгое время Владимиръ считался первопрестольнымъ, и въ титулѣ вел. князей „Владимирское великое княжество" ставилось выше „Московскаго", а въ первое время московскіе государи восходили на престолъ во Владимирѣ—въ Успенскомъ соборѣ и здѣсь же объявлялись повелѣнія ханскія[8]). Этимъ же

---

[1]) Лавр. лѣт. 452; Сузд. лѣт. по акад. списку, 497.

[2]) Новгор. лѣт. по Синод. сп., 272.

[3]) Ibid., 256—257; П. С. Р. Л., IV, 180.

[4]) Новгор. лѣт., 273—274.

[5]) Городецъ-Волжскій (нынѣ село Нижегор. губ.), древній Радиловъ.

[6]) Впервые такъ назвался твер. князь Михаилъ Ярославовичъ. Ср. М. Дьяконовъ, „Кто былъ первый вел. кн. всея Руси" (Библіографъ, 1889, № 1, с. 11—17). Сводъ данныхъ объ усвоеніи титула вел. кн. другими уд. князьями (И. Д. Бѣляевъ, О доходахъ Моск. госуд., Чтен. въ Общ. ист. 1884, I, 2—3, прим.).

[7]) Соловьевъ, Ист. Россіи, IV, 175; ср. Бестужевъ-Рюминъ, I, 395.

[8]) Карамзинъ, IV. 96, 133, 182, 184; V, 134. Обряды восшествія на престолъ совершались здѣсь по 1432 годъ. Уже Василій Темный, смѣшавъ всѣ удѣлы Московскаго княжества съ великокняжескою областью Владимирскою, раздѣлилъ ихъ

объясняется причина частыхъ посѣщеній его великими князьями и царями. Монастыри особенно связывали Владимиръ съ Москвою. Иноки этихъ монастырей воспринимали царскихъ дѣтей; жены и дочери царей скрывались отъ свѣта въ здѣшнихъ монастыряхъ. Черезъ Владимиръ лежала дорога въ царство Казанское. Въ предѣлахъ его области находилась значительная часть владѣній опричнины Ивана Грознаго съ его резиденціей—Александровской слободой. Преданія о посѣщеніяхъ этихъ мѣстъ доходятъ до временъ Василія Васильевича Темнаго; но въ особенности города, монастыри и храмы полны преданіями временъ Ивана Грознаго, начиная съ его наѣздовъ и кончая казнями [1]). Указаніе Татищева на существованіе отдѣльныхъ законовъ „по княженіямъ“ (какъ-то Ростовскому, по которымъ предоставилъ судить боярамъ Василій Темный, и Рязанскому, которые были подтверждены Иваномъ III [2]), было поддержано И. Д. Бѣляевымъ [3]).

Какъ мы видѣли, Юрію II удалось получить отдѣльнаго епископа (Симона) для Владимира и Суздаля (1215—1226)—слѣдствіе раздѣленія Ростовско-Суздальской земли на удѣлы. Въ самостоятельномъ видѣ епархія эта просуществовала до к. XVIII стол. [4]). Второй изъ епископовъ—Митрофанъ (1226—27) сдѣлался жертвою татарскаго нашествія во время осады Владимира. Нѣкоторое время послѣ того епархіею управлялъ епископъ ростовскій Кириллъ II [5]), а затѣмъ митр. Кириллъ (II), который участвовалъ въ посаженіи на престолъ Александра Невскаго (1252) и въ его погребеніи (1263), отсюда дѣлавшій поѣздки въ другіе города (Новгородъ, Кіевъ и др. [6]) и здѣсь же созвавшій въ 1274 г. церковный соборъ, важный въ каноническомъ отношеніи, во время котораго былъ поставленъ въ епископы владим.

между сыновьями, причемъ Владимиръ достался старшему (Соловьевъ, IV, 153). Но еще въ XV в. Владимиръ назывался „великимъ“ (Псков. Архив. л.; Карамзинъ, VI, пр. 156).

[1]) Я. Соловьевъ, Памятн. и преданія Владимир. губ., стр. 551—552.

[2]) Предисл. къ изд. Русской Правды.

[3]) О доходахъ Моск. госуд. (Чт. въ Об. ист. 1884, I, с. 10—11). Быть можетъ, вслѣдствіе отсутствія власти, вѣчевые порядки поддерживались во Владимирѣ (Карамзинъ, IV, пр. 302) и Суздалѣ (Чт. въ Об. ист. и древ. рос. 1884, IV, с. 11, прим.).

[4]) Въ составъ ея входили: Владимиръ, Суздаль, Юрьевъ Польскій, Переяславль Залѣсскій (съ 1226 г.) и Торуса (здѣсь сидѣли потомки Михаила черниговскаго). Амвросій, Ист. рос. іерархіи, I, 174—176; Карамз. IV, 25; V, 21; Лѣт. о ростов. іерархіи, примѣч., с. 8.

[5]) П. С. Р. Л., 201—204; Карамзинъ, III, прим. 369; IV, прим. 113.

[6]) Макарій, IV, 10—11.

Серапіонъ, изъ архим. Кіево-печерскаго монастыря (1274—76 [1]). Спустя четыре года м. Кириллъ снова посѣтилъ сѣверную Русь и умеръ (1280) въ Переяславлѣ (см. выше, стр. 870). Большинство владим. епископовъ были взяты изъ мѣстныхъ монастырей [2]). Отсюда совершалъ м. Максимъ свои поѣздки по русскимъ городамъ и въ Константинополь (1301), для присутствія на соборѣ, здѣсь скончался (1305) и былъ погребенъ. Благодаря указаннымъ обстоятельствамъ, особенное значеніе пріобрѣтаетъ клиръ владим. соб. церкви, составлявшій большой штатъ и пользовавшійся своими правами даже тогда, когда митр-ты жили въ Москвѣ [3]). Между тѣмъ, притязанія одного изъ игуменовъ (Геронтія) въ Константинополѣ, вслѣдствіе противодѣйствія вел. кн. Юрія Львовича, поддерживавшаго кандидатуру Петра, не осуществились [4]). Но южные князья ошиблись въ своемъ разсчетѣ: вскорѣ м. Петръ является во Владимирѣ (съ 1309 г.), а затѣмъ, послѣ неоднократныхъ посѣщеній Москвы, поселяется въ этой послѣдней (1325), гдѣ, по его же настоянію, положено было основаніе каменному Успенскому собору. Преемники Петра послѣдовали его примѣру, хотя и продолжали все еще называться митрополитами „кіевскими и всея Руси“ [5]). Теперь Владимиръ съ уѣздомъ былъ причисленъ къ митр. области и, такимъ образомъ, потерялъ значеніе самостоятельной епархіи. Правда, въ 1352 г. во Владимиръ посвященъ былъ епископъ Алексѣй (Плещеевъ), возведенный въ слѣдующемъ году въ санъ митрополита [6]), но это обстоятельство не могло имѣть особеннаго значенія. Политическая роль Владимира все болѣе падала. Изрѣдка только онъ служилъ мѣстомъ княжескихъ съѣздовъ (1297, 1357). Въ Успенскомъ соб. [7]) и монаст. Рождествен-

[1]) Рус. Историч. библ., VI. 83—84.

[2]) Ѳеодоръ (1276—86), Іаковъ (сведенъ 1295), Симеонъ (1299, перемѣщ. въ Ростовъ). Сузд. лѣт. по Акад. сп., 444—50.

[3]) Макарій, IV, 68—70. Ср. Ник. лѣт., IV. 38—39, 73; Кар., V. пр. 211—о богатствѣ ея казны.

[4]) Повидимому, Геронтій былъ выставленъ твер. княземъ, находившимся въ борьбѣ съ московскимъ (Макарій, IV, 17—18).

[5]) Макарій, IV, 21.

[6]) Ист. іерарх., I. 176.

[7]) Андрей Бог., сс. его Глѣбъ, Мстиславъ и Изяславъ; Михаилъ Юр. и его с. Борисъ; Всеволодъ III (Юр.), его сыновья: Юрій II (перенес. изъ Ростова въ XIII в.), Константинъ I, Святославъ (см. с. 867) и б. м. Борисъ и Іоаннъ Всев-чи; Константинъ I., Ярославъ II, Владиміръ; Михаилъ II Яр. (Хоробр.); Ярославъ Юр. (с. Юрія Долг.), Борисъ Дан. (бр. I Калиты); кн. Ольга, ж. Юрія Д., кн. Изяславъ Глѣб., внукъ его; а также погибшіе въ 1238 г. кн. Агаѳія Всев., ж. Юрія II, трое

скомъ [1]), Георгіевскомъ [2]) и Княгининомъ жен. [3]) обыкновенно погребались лица княжеской семьи и епископы.

Въ началѣ XIV столѣтія Владимиръ не имѣлъ даже стѣнъ и потому легко становился добычею небольшого отряда татаръ [4]). Василій Дмитріевичъ (1408) отдаетъ его въ удѣлъ пришлому литов. князю—Свидригайлу Ольгердовичу вмѣстѣ съ др. городами (Переяславль, Юрьевъ, Волокъ, Ржевъ и половина Коломны [5]). Мало этого: святыня Владимира (обр. Богородицы, принес. Андреемъ Бог.), какъ потомъ и др. мѣстныя (Ростова, Суздаля, Устюга, Н. Новгорода, Новгорода) была взята въ Москву (1395 [6]). Владимиръ много разъ страдалъ отъ нападеній татаръ (1237, 1252, 1282, 1293, 1382, 1412, 1521, 1539) и большихъ пожаровъ (1185—почти весь городъ, 32 цц. и соборъ съ книгами и цѣн. украш.; 1193—половина города и 14 церквей; 1198—16 цер.: 1227—27 цц.: 1491—9 цц. въ городѣ и 13 на посадѣ [7]); 1636).

II.

Имя Суздаля (Susudal) указываетъ на финское происхожденіе первоначальнаго поселенія [8]). Бунтъ волхвовъ въ 1024 г. заставилъ

ея сыновей, дочь и невѣстки; епп. Лука (рост.), Симонъ (1214--1226; ср. стр. 869), Митрофанъ († 1238). Серапіонъ (1274—75), Θеодоръ († 1286), м. Максимъ; много бояръ и др. О еп. Симонѣ см. ст. архіеп. Сергія (Тр. Владим. арх. ком., I, 1—30).

¹) Александръ Невскій (до 1724).

²) Дочь Юрія Долг. кн. Ольга (въ мон. Евфросинія), ж. кн. Ярослава Влад. галиц., бѣжавшая отъ него (см. стр. 542) и сынъ ихъ кн. Θедоръ.

³) Жена Всеволода III—Марія (въ мон. Марθа), сестра ея кн. Ярославля, и дочь Всеволода III, Елена († 1200), ж. Александра Нев. (Александра) и дочь Евдокія; ж. его с. Андрея Василиса. Гробы употреблялись каменные (Лавр. л., 351, 444, 445).

⁴) Ibid., V, 118. Подъ 1486 г. читаемъ: „Срубленъ градъ Владимеръ, а рубилъ дьякъ Вас. Мамыревъ“ (Карамз., VI, примѣч. 629. стр. 98); а въ 1534 г. устроена здѣсь крѣпость (ib., VII, 27).

⁵) Ibid., V, 109.

⁶) Лавр. лѣт. 354, 358; Карамз., V, 86. Легенда объ этомъ занесена въ лѣтописи (ibid., примѣч. 157). Впрочемъ, еще Глѣбъ Рост. рязан. дважды посягалъ на храмъ Богор. во Владимирѣ и его орифламу (1172, 1173).

⁷) „Сгорѣлъ градъ (23 мая) Влад. весь и посады и ц. Преч. Рожд. въ мон-рѣ... и тѣло кн. вел. Александра Невскаго сгорѣ“ (Кар. VI, пр. 629, ст. 100; въ Типогр. л. „сгорѣ“, въ печат. опущено, см. Полѣновъ, О лѣт., изд. отъ св. Синода, Спб. 1864, с. 17).

⁸) Карамзинъ, I, примѣч. 302, 432. „Здѣ же (въ Ростовской землѣ) старіи гради Ростовъ и Суздаль“ (П. С. Р. Л. I, 160; 2-ое изд., 358). Д. П. Европеусъ, (Труды 2-го Археолог. съѣзда 1876, отд. IV, 81—103 и отдѣльно; ср. Ж. М. Н. Пр. 1868, № 7, 55—71).

явиться сюда самого Ярослава [1]). Ростовско-Суздальская земля составляла наслѣдственную область Всеволодова дома, а правленіе Владиміра Мон. оставило въ ней глубокій слѣдъ. Юрій Долгорукій содѣйствовалъ возвышенію Суздаля, основавъ въ немъ свою резиденцію; но уже его преемникъ перенесъ ее во Владиміръ. Самая бливость Суздаля отъ послѣдняго (34 версты) ставила его въ непосредственную зависимость отъ него. По дѣлежу Всеволода III (1212 г.), Владиміръ и Суздаль достались Юрію II; но это вызвало борьбу между нимъ и старшимъ братомъ—Константиномъ, окончившуюся Липецкой битвой (1216). Константинъ предоставилъ Юрію въ удѣлъ Суздаль, которымъ онъ продолжалъ владѣть, ставъ вел. княземъ (1219—38 [2]). Въ 1229 г. Юрій II созвалъ здѣсь съѣздъ сѣверныхъ князей, по поводу ссоры, посѣянной братомъ его Ярославомъ. По вступленіи на престолъ Ярослава, Суздаль достается Святославу Всев., а, по вступленіи этого послѣдняго, племян. его Андрею Яр., извѣстному превратностью своей судьбы [3]).

Основываясь на нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣтописи (Никон. III, 43, 67 и 105), Карамзинъ отъ Андрея Яр. ведетъ родъ князей суздальскихъ—нижегородскихъ [4]). Соловьевъ [5]), принимая во вниманіе другія показанія той же лѣтописи (ibid., IV, 8 и 9) и генеалогію, помѣщенную царемъ Василіемъ Шуйскимъ въ своей избирательной грамотѣ (Собр. госуд. грам. и договоровъ, II, № 141), оспариваетъ это мнѣніе и выводитъ ихъ происхожденіе отъ сына Александра Невскаго Андрея, князя городецкаго [6]). Въ послѣднее время была сдѣ-

---

[1]) „Изъимавъ волхвы, расточи, а другая показни" (Лавр. лѣт., 144)—слѣдовательно ихъ было не мало (ср. 207).

[2]) Въ 1221 г. Юрій Всеволодовичъ „заложилъ каменную соборную церковь св. Богородицы" (П. С. Р. Л. IV, 27) вм. ветхой, постр. Владиміромъ Мон. (П. С. Р. Лѣт., I, 189; VII, 129). Въ ней погребены: кн. Святославъ Юр. (с. Юрія Долг.), ж. в. к. Михаила Юр. Февронія, кн. Юрій Андр., ж. кн. Глѣба Юр., с. Юрія Долг., кн. Горбатые-сузд., Шуйскіе (воев. Иванъ Иван.), Скопины-Ш., Бѣльскіе, Ногтевы.

[3]) Соловьевъ, III, 183, 193; ср. 207.

[4]) Ист. Госуд. Рос., IV, прим. 209.

[5]) Исторія Россіи, III, 281—282 и Арх. ист. практ. свѣд. Калачова, I, стр. 19—21: Князья Суздальскіе-Шуйскіе. „Надписи на гробницахъ князей нижегородскихъ производятъ ихъ также отъ Андрея Александровича: „безспорно, что надписи новѣйшія, но онѣ могли быть списаны съ древнѣйшихъ", замѣчаетъ Соловьевъ.

[6]) Онъ умеръ (1304) въ Городцѣ, гдѣ и погребенъ въ Михайловскомъ соборѣ (Карамзинъ, IV, прим. 192); кромѣ того онъ владѣлъ Н. Новгородомъ, а по смерти дяди Василія Ярославича († 1276) и Костромою. Смерть его сопровождалась въ

лана попытка, при помощи тѣхъ же лѣтописей, подтвердить основательность предположенія Карамзина [1]). Въ такомъ случаѣ ссылка Шуйскаго на свое происхожденіе отъ Александра Невскаго (т. е. отъ старшаго сына его, сравнительно съ московскими князьями) является не болѣе какъ полемическимъ пріемомъ въ защиту своихъ правъ на престолъ [2]).

Во всякомъ случаѣ, въ лицѣ суздальскихъ князей явились со временемъ не только дѣятельные соперники возраставшему значенію Москвы, но и защитники русскаго вліянія въ Низовскихъ земляхъ. Въ составъ этого княжества входили: Суздаль, Н. Новгородъ и Городецъ [3]); а позже здѣсь встрѣчаются еще города: Бережецъ на Клязьмѣ (съ 1365 [4]), Юрьевецъ — на Волгѣ (съ 1328 [5]) и Шуя (см. ниже). Кромѣ того, суздальскіе князья успѣли утвердить свое вліяніе и въ Вяткѣ [6]). Повидимому, они мало выдавались личными качествами до того момента, когда въ лицѣ Дмитрія Константиновича имъ пришлось вступить въ открытую борьбу съ Москвою [7]). Уже Александръ Васильевичъ Суздальскій, современникъ Ивана Калиты, успѣлъ выходить въ Ордѣ (у х. Узбека) признаніе своего права на Владиміръ, гдѣ онъ и княжилъ два съ половиною года († 1333), продолжая, однако, жить въ Суздалѣ (о легендѣ см. ниже); но, по смерти Александра, умершаго бездѣтнымъ, брату его Константину пришлось признать власть своего соперника и его преемниковъ, не

Костромѣ (1304) и Н. Новгородѣ (1305) бунтомъ противъ бояръ, возбудившихъ ненависть народа.

[1]) А. В. Экземплярскій: Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ съ 1238—1505 г., т. II, Спб. 1891 (см. стр. 388—389, слѣдуя указанію, сдѣланному въ лекціяхъ В. И. Сергѣевича, 1887); ср. еще II, 439, прим. 1247.

[2]) Напомнимъ, однако, что другой политическій полемистъ, кн. А. М. Курбскій, вспоминая о подвигахъ Шуйскаго-Горбатаго подъ Казанью, замѣчаетъ, „что тѣ кн. Суздальскіе влекомы отъ роду Великаго Владиміра, и была на нихъ власть старшая Русская, между всѣми княжаты“ (94).

[3]) Въ 1367 г. в. кн. Борисъ Конст. построилъ здѣсь соборъ (Никон. л.).

[4]) Карамзинъ, V, прим. 4. Нынѣ село Бережцы, Владим. губ. Горохов. уѣзда.

[5]) Соловьевъ, III, 349; Семеновъ, Словарь, V, 904.

[6]) Соловьевъ, IV, 3. Въ договорѣ Шемяки съ суздальскими князьями (Василіемъ и Ѳедоромъ Юрьевичами) первый обязывался не вступать въ прадѣдину, дѣдину и отчину обоихъ братьевъ: Суздаль, Н. Новгородъ, Городецъ и Вятку (ibid. IV, 76; Собр. госуд. грам. и договор., I, № 62).

[7]) Въ Суздальской землѣ сидѣли князья: Андрей, Юрій († 1279), Михаилъ (его братъ), Василій Михайл. († 1309), Александръ († 1332) и Константинъ Васильевичи.

смотря на поддержку, оказанную ему въ Ордѣ новгородцами, давать свое войско на помощь и являться на съѣздъ въ Москву [1]). Съ именемъ Константина связано возвышеніе Н. Новгорода: въ 1350 году онъ перенесъ сюда столицу, и вновь перестроилъ Преображенскій соб., ставшій усыпальницей нижегород. князей [2]). Сюда же онъ перенесъ изъ Суздаля образъ Спаса, писанный въ Греціи. При немъ (ок. 1335) было положено основаніе Вознесенскому печер. мон. — Діонисіемъ, выходцемъ изъ Кіева [3]), а, по просьбѣ городец. князя Бориса Конст., ученикъ Діонисія, Евѳимій, уроженецъ Н. Новгорода, основалъ въ Суздалѣ (1352) Спасо-Евѳиміевскій мон., въ которомъ число братіи при немъ († 1405) достигло 300 и это первый изъ суздальскихъ монастырей, въ которомъ введено было общежитіе [4]). Борисъ успѣлъ расширить свои владѣнія на счетъ мордвы, среди которой стало распространяться христіанство, а на новыя земли призывалъ жителей изъ Суздаля и другихъ мѣстъ, которые селились по рр. Волгѣ, Окѣ и Кудьмѣ [5]). Первая жена Константина была гречанка [6]). Отъ второго брака съ княг. Еленой († въ схимѣ въ 1355 г. [7]), у него было четверо сыновей: Андрей, Дмитрій-Ѳома, Борисъ и Дмитрій Ноготь, изъ которыхъ третій былъ женатъ на дочери Ольгерда — Агриппинѣ. Андрей не отличался честолюбіемъ [8]), раздалъ города своимъ братьямъ; но Дмитрій воспользовался ярлыкомъ на

---

[1]) Карамзинъ, IV, 147, 153, 172: примѣч. 302, 332, 373, 374. Въ лѣт. о Константинѣ сузд., говорится: „княжилъ честно и грозно; боронилъ отчину свою отъ сильныхъ князей и отъ татаръ".

[2]) Кн. Константинъ Вас., ж. его Анна, Дмитрій Конст., Иванъ Брюхатый, Симеонъ Дм., Андрей Конст., Борисъ Конст., Василій Дм. Кирдяпа, Іоаннъ Бор. Тугой лукъ, Симеонъ Ив. Въ другомъ соб. (арх. Михаила) также погреб. нѣк. изъ князей нижегор. (м. проч. сын. и внуки Василія Кирдяпы).

[3]) Филаретъ, октябрь, 232. Въ 1597 г. онъ разрушился и потому перенесенъ былъ на другое мѣсто (Храмцовскій, Оч. ист. Н. Новгорода, I, 54).

[4]) Филаретъ, апрѣль, 5—11; Макарій, IV, 192, 20?. Спасо Евѳ. мон. служилъ усыпальницей кн. Пожарскихъ. Кн. Д. М. Пожарскій пожертвовалъ сюда Еванг. съ собственноручною надписью. Здѣсь же похороненъ бояр. кн. Ив. Вас. Стрига-Оболенскій, ум. намѣстн. въ Новгородѣ (Кар., IV, 629, стр. 94—95). Въ числѣ монаховъ находился въ немъ Гр. Отрепьевъ. На пути въ Суздаль Евѳимій осн. мо-рь и въ Гороховцѣ.

[5]) Филаретъ, Ж. Іоанна еп. сузд. (октябрь, стр. 227—230); Нижегор. Губ. Вѣд. 1847, №№ 2—4; Храмцовскій, Очер. ист. Н. Новгорода, 15—16.

[6]) Карамзинъ, IV, пр. 376.

[7]) Карамзинъ, V, прим. 4.

[8]) Ср. Татищевъ, IV, 188.

Владиміръ (1360—62), захватилъ Переяславль Залѣсскій и заключилъ выгодныя условія съ Новгородомъ, пока моск. бояре и м. Алексѣй не вступились за права малолѣтняго Дмитрія Иван. Так. обр. онъ вынужденъ былъ искать убѣжища въ Н. Новгородѣ, гдѣ находили пріютъ и др. обиженные князья (Дмитрій галицкій, Иванъ стародубскій [1]). Андрей построилъ въ Суздалѣ Покровскій жен. мон., служившій впослѣдствіи мѣстопребываніемъ многихъ лицъ, извѣстныхъ превратностями своей судьбы [2]); а жена Андрея (Анастасія), родомъ тверитянка, основала Зачатьевскій мон., въ которомъ приняла (въ 1367 г.) монашество и своимъ примѣромъ увлекла многихъ боярскихъ женъ и дочерей [3]). При немъ еп. Алексѣй перенесъ свое пребываніе изъ Суздаля въ Н. Новгородъ [4]). Андрей умеръ бездѣтнымъ. По смерти его возникаетъ борьба между Борисомъ и Дмитріемъ, нашедшимъ поддержку въ Москвѣ, откуда былъ посланъ Сергій Рад. съ полномочіемъ прекратить богослуженіе въ городѣ въ случаѣ отказа въ покорности Бориса [5]), но только московское и суздальское войско заставило его подчиниться; ему былъ данъ Городецъ [6]); Суздаль Дмитрій передалъ своему сыну Василію (1365 [7]). Вторая дочь его Евдокія (въ янв. 1367) стала женою Дмитрія московскаго [8]).

---

1) Похвалы Андрею (Ник. лѣт., IV, 8; Степен. кн., I, 486).

2) Жена вел. кн. Василія Ив. Соломонія (въ монаш. Софія), 5-ая жена ц. Ивана Грознаго Анна (Васильчикова), жена ц. Василія Шуйскаго Марія (въ монаш. Елена), жена Петра Великаго Евдокія (Лопухина). Покр. дѣв. мон. въ г. Суздалѣ, М. И. Семевскаго (Рус. Вѣстн. 1860, дек., 559—599).

3) Въ Троицкой лѣт. помѣщенъ ей панегирикъ и показано 90 мон. (Карамзинъ, V, пр. 4 и 17); въ Ник. л. (IV, 79)—110. Въ числѣ ея достоинствъ отмѣчается, что она не мылась „въ мовницѣ“ и носила вмѣсто „срачицы“ власяницу.

4) Въ теченіе XIV в. между сузд. епископами и митрополитами шелъ длинный споръ изъ-за обладанія Н. Новгородомъ и Городцомъ, окончившійся, по рѣшенію патріарха, въ пользу послѣднихъ (Макарій, V, 110—111).

5) Нѣсколько позже (1371) Ольгердъ, добиваясь въ Константинополѣ поставленія отдѣльнаго кіев. митр., включалъ въ его территорію не только Смоленскъ, но и Н. Новгородъ (Ac. patr. Const., I, № CCCXX; Рус. Ист. библ., VI, 135—140; Григоровичъ, Проток. конст. патр., № 29).

6) Въ 1367 г. въ Городцѣ упом. Лазаревскій муж. и жен. мон. (Никон. л., IV, 17).

7) Позже мы видимъ въ Суздалѣ Бориса (Никон. IV, 53, 54), а Дмитрія въ Городцѣ (ib. 79; ср. Карамзинъ, V, 51—58).

8) Одновременно старшая, Марія, была выдана за сына московскаго тысяцкаго Ник. Вас. Вельяминова. Свадьба ихъ праздновалась въ Коломнѣ, причемъ Димитрій Конст. подарилъ своимъ дочерямъ по поясу, которымъ пришлось сыграть роль въ Шемякиной смутѣ.

Понимая опасность положенія Н. Новгорода на восточной окраинѣ, Дмитрій Конст. (1372) заложилъ въ немъ каменный кремль. Вся дѣятельность этого князя ушла на защиту своихъ владѣній отъ набѣговъ новгородскихъ ушкуйниковъ (1366, 1371), болгаръ, мордвы и татаръ (1367, 1370, 1374, 1375, 1376, 1377, 1378 [1]). Впрочемъ, ему удалось даже расширить свою территорію на счетъ болгаръ: такъ, въ 1376 г., повоевавъ ихъ землю, онъ посадилъ здѣсь своего *дарагу* и *таможенника* [2]). Но, во время нашествія Мамая (1380) и Тохтамыша (1382), онъ велъ себя уже болѣе осторожно и такимъ образомъ успѣлъ предупредить новое разореніе. Въ свою очередь Борисъ Конст. построилъ на мѣстѣ мордов. поселенія г. Курмышъ (К. помордовски значитъ деревня), на лѣв. бер. р. Суры, съ соборомъ, для защиты отъ набѣговъ мордвы, черемисъ и татаръ [3]). Нападенія ушкуйниковъ (въ 1366 г. на 150 судахъ) и татаръ (въ 1377 г. Арабъ-шахъ, по Абулгази, по рус. лѣт. Арапша, сынъ хана Фулата, господствовавшаго м. Яикомъ и Сыромъ, поступившій на службу къ Мамаю), причиняя жестокія опустошенія Н. Новгороду и его окрестностямъ, наносили большой вредъ восточнымъ (татарскимъ, хивинскимъ и армянскимъ) и русскимъ купцамъ [4]), во множествѣ посѣщавшимъ тотъ край [5]). Подъ вліяніемъ подобныхъ опасностей послѣдніе переселяются въ Москву, какъ Тарасъ Петровъ, самый богатый изъ гостей, который въ состояніи былъ откупить множество плѣнныхъ, владѣвшій вотчинами на рр. Кудьмѣ и Сундовикѣ [6]).

Мы упоминали о Діонисіѣ (Давидѣ), основателѣ Печерскаго монастыря. Онъ имѣлъ рядъ учениковъ, какъ Евѳимійužd., Мака-

---

[1]) Полагаютъ, что въ это время Н. Новгородъ имѣлъ 9000 жителей (Храмцовскій, 19).

[2]) П. С. Р. Л. VIII, 25. По ханскимъ ярлыкамъ *дарага*—собиратель пошлины (Карамз. V, прим. 42).

[3]) Карамзинъ, V, 62; Семеновъ, III, 863.

[4]) Карамзинъ (Троиц. лѣт., V, пр. 8; въ Никон. л. говорится о 200 ушкуяхъ, IV, 12; 53—54); Hist. des Tatars, 495. Во время нашествія татаръ въ 1377 г. погорѣлъ Н. Новгородъ, съ монастырями и церквами (38 церквей). Въ 1378 г.—жители разбѣжались, сгорѣлъ Преобр. соборъ со всѣми драгоцѣнностями и м. прочимъ мѣдныя, вызолоченныя двери, удивлявшія современниковъ. Онъ былъ возобновленъ Дмитріемъ (Ник., IV, 79; Карамзинъ, V, пр. 46).

[5]) Ушкуйники, захвативъ въ плѣнъ мужчинъ и женщинъ, продавали ихъ болгарамъ (3-я Новгор. лѣт., г. 1375).

[6]) Карамзинъ, V, пр. 45; Нижегор. лѣт., изд. Гацискимъ, с. 15—16. Р. Сундовикъ впадаетъ въ Волгу при с. Лысковѣ, въ 100 верст. отъ Н. Новгорода (Храмцовскій, I, пр. 49).

рій унжен. и Павелъ Высокій, прозванный философомъ. Макарій сталъ основателемъ Троицкаго м. на Желтомъ оз., въ 92 в. отъ Н. Новгорода, и на р. Унжѣ—оба мон. дали потомъ имя двумъ городамъ (Макарьевъ, Ниж. и Костр. губ.), а первый—извѣстной Макарьевской ярм. (съ 1620 г., въ 1817 г. перевед. въ Н. Новгородъ [1]). Нѣсколько другихъ учениковъ Діонисія основали мон-ри въ той же области [2]). Будучи въ Константинополѣ, Діонисій не пожалѣлъ значительныхъ средствъ, чтобы добыть нѣкоторыя святыни для Н. Новгорода и Суздаля, взятыя потомъ въ Москву [3]). По словамъ лѣт., Діонисій былъ „мужъ учительный" и знавшій Св. писаніе [4]), а по своему характеру—предпріимчивый и дѣятельный. Понятно, что м. Алексѣй, путешествуя не разъ въ Орду, могъ узнать его лично и въ 1374 г. возвелъ въ санъ епископа, а Сергій потомъ предлагалъ вел. кн. избрать его въ преемники м. Алексѣю. Въ дѣлѣ своего соперника Митяя (Михаила), поддерживаемаго придворною партіею, Діонисій заявилъ себя сторонникомъ правъ конст. патріарха и нашелъ въ немъ поддержку. Пробывъ въ Константинополѣ ок. 3-хъ лѣтъ, онъ понравился патр. Нилу, получилъ санъ архіеп. и нѣкоторыя отличія и, заручившись полномочіемъ (1382), вмѣшался въ новгородскія и псковскія дѣла, а при новыхъ смутахъ изъ-за митрополіи, добился послѣдней, употребивъ въ дѣло щедрые подарки (впрочемъ, какъ и его соперники); но на пути въ Россію былъ схваченъ въ Кіевѣ кн. Владиміромъ Ольгерд. и посаженъ подъ стражу, гдѣ и ум. въ 1385 г. [5]). Преемникъ Діонисія—Евфросинъ былъ взятъ изъ того же Печерскаго мон., онъ пользовался титуломъ архіепископа († 1407) и поддержи-

---

1) Въ 1439 Макарій былъ взятъ въ плѣнъ и вышелъ оттуда съ 400 плѣнниковъ (Филаретъ, іюль, 146 -154; Семеновъ, III, 138—141); Троицкій Желтовод. мон. у Стараго Макарія, 1438—1887, А. А. Титова, М. 1887.

2) Филаретъ, окт., 233.

3) Карамзинъ, V, пр. 254, стр. 102; Макарій, Памятн. церк. древ. Н. Новгорода, Спб. 1847, с. 43—44; Барсуковъ, Агіогр., 17.

4) П. С. Р. лѣт., VIII, 20—21; Степен. кн., 528.

5) Acta patr., II, 120, 31—34; Рус. Ист. библ., VI, №№ 23 и 24; Акты ист., I, №№ 250, 251, 252; Никон., л., IV, 76 и д.; письмо м. Кипріана (Прав. Соб., 1860, II, 103); Новг. и Псков. лѣт. Разные взгляды на его дѣйствія (Филаретъ, окт., 232—38; Макарій, IV, 73). Онъ погребенъ въ кіев. пещерахъ и чествуется какъ святой. „Глаголютъ же, яко и донынѣ во тѣли лежитъ" (лѣт. и Степ. кн., I, 528). Впослѣдствіи, частыя нашествія (1638—86) на Кіевъ истребили мощи Діонисія, какъ и др. печерскихъ подвижниковъ (Слов. истор. о святыхъ, 95; Барсуковъ, 172).

валъ сношенія съ Константинополемъ [1]; но затѣмъ епископская каѳедра снова была перенесена въ Суздаль и Н. Новгородъ не имѣлъ отдѣльнаго епископа до 1672 г. [2]).

По смерти Дмитрія Константиновича († въ схимѣ 5 іюля 1384), братъ его Борисъ получилъ отъ Тохтамыша ярлыкъ на Нижегородское княж., а его племянникамъ Василію (Кирдяпѣ) и Симеону было предоставлено княж. Суздальское; тѣмъ не менѣе ему пришлось вступить въ борьбу съ племянниками (1388—89), окончившуюся для нихъ весьма печально (они подверглись заточенію [3]). Впрочемъ, дни самостоятельнаго существованія Нижегородскаго княж. были сочтены: Борисъ встрѣтилъ болѣе сильнаго соперника въ лицѣ москов. князя Василія Дм., который получилъ отъ Тохтамыша право на Н. Новгородъ, Суздаль и Городецъ; а измѣна нижегородскихъ бояръ, во главѣ которыхъ стоялъ Румянецъ, ускорила развязку. Завладѣвъ княжествомъ, Василій разослалъ ниж. князей по городамъ, а въ Нижнемъ оставилъ своего намѣстника (1392). Борисъ (въ схимѣ) и его жена умерли въ Суздалѣ одинъ за другимъ (1393—94) и только впослѣдствіи тѣло его перенесено было въ Городецъ. Князья Василій и Симеонъ бѣжали изъ Суздаля и послѣднему удалось было, при помощи казанскихъ татаръ, захватить Н. Новгородъ (1399), но кромѣ разоренія, напомнившаго 1377 годъ, его успѣхъ ничего не принесъ. Смирившись передъ московскимъ княземъ, онъ кончилъ свои дни въ Вяткѣ (1402), а его братъ—въ Городцѣ (1403). Многочисленность княжеской семьи [4]) причиняла не мало смутъ княжеству. По милости моск. князя Н. Новгородъ съ титуломъ „вел. князя“ [5]) былъ предо-

---

[1]) Макарій, IV, 111.

[2]) Храмцовскій, I, 54; Списки Строева, 605, 653.

[3]) См. у Храмцовскаго, I, 31. Семенъ успѣлъ бѣжать. Ср. Никон., IV, 155—156.

[4]) Сыновья Бориса Конст.—Даніилъ и Иванъ Тугой лукъ. Кн. Курбскій называетъ послѣдняго „славнымъ богатыремъ въ земляхъ русскихъ“, прибавляя, что если бы о немъ все вспомнить, то „была бы цѣлая повѣсть рыцарства его“ (95). Сыновья Василія Кирдяпы: Иванъ († 1417), Юрій (кн. Шуйскій), Ѳедоръ, Даніилъ († 1411); сын. Юрія: Василій и Ѳедоръ, быв. въ договорѣ съ Д. Шемякой; с. Даніила Иванъ; сс. Василія Семен. Шуйскаго: Иванъ Горбатый, Александръ Глазатый, Василій Гребенка (воев. псков. и новг.); у Александра с. Иванъ Барбаша (отъ нихъ идутъ кн. Глазатые, Горбатые, Барбашины). Подр. см. Экземплярскій, II, 440—441. Горбатые дали прозвище с. Горбатову, изъ котораго образовался потомъ городъ.

[5]) Ср. замѣчаніе А. В. Экземплярскаго (II, 442—43).

ставленъ сыну Василія Кирдяпы—Ивану, что вызвало неудовольствіе въ средѣ другихъ князей: многіе изъ нихъ (Даніилъ и Иванъ Борис., Даніилъ Вас.) бѣжали въ Орду; а между тѣмъ Н. Новгородъ и Городецъ вмѣстѣ съ другими городами (Ростовъ, Переяславль, Дмитровъ, Серпуховъ) пострадали отъ нападенія Едигея (1408). Уже въ 1411 г., при содѣйствіи Витовта, Зелени-Салтанъ (Джелаледдинъ, с. Тохтамыша) выдалъ ярлыкъ Даніилу Б., а онъ, съ помощью болг. князей и татаръ (Талыча и др.), овладѣлъ Н. Новгородомъ (1412), сжегъ и ограбилъ Владиміръ. Однако, торжество его было непрочно. Иванъ Вас. продолжалъ владѣть Н. Новгородомъ и умеръ въ Москвѣ (1413). Тамъ же жилъ и его сынъ (по другимъ с. Ивана Тугого лука), наслѣдовавшій Н. Новгородъ,—Александръ Брюхатый [1]), женившійся на дочери московскаго князя (Василисѣ). Онъ умеръ въ 1419 г. Другіе князья (Иванъ и Даніилъ Борис., Иванъ Кирдяпинъ) то пріѣзжаютъ въ Москву, то бѣгутъ въ Орду. Между 1423—1442 гг. Даніилъ опять именуется „вел. княземъ" и выдаетъ жалованныя грамоты и монету со своимъ именемъ [2]). Во время усобицы въ Московскомъ княж. здѣсь скрывались, какъ бѣглецы, сначала Юрій Дмитр. (1425 г., с. Д. Шемяки), а потомъ самъ Василій (1434 г.), пока смерть его соперника не возвратила ему престола, и потомъ снова (1445), когда казанскій царь Улу-Махметъ захватилъ его въ плѣнъ. Внуки Василія Кирдяпы (Василій и Ѳедоръ) не преминули воспользоваться этою смутою (въ 1444 г. Василій бѣжалъ въ Новгородъ и получилъ отъ него г. Ямъ) и заключили весьма выгодныя условія съ Дмитріемъ Шемякою (см. выше, стр. 620); но послѣдній, овладѣвъ Москвою, не вполнѣ сдержалъ обѣщаніе, а затѣмъ князья нижегородскіе снова подчинились волѣ моск. князя. По смерти Василія Юр. († ок. 1450 г.) дѣти его Василій Блѣдный и Андрей Лугвица владѣли Нижегородскимъ княжествомъ въ его прежнемъ составѣ (Н.

---

[1]) Сомнѣнія о происхожденіи Александра Ив. Брюхатаго см. у Экземплярскаго (II, 435—37; 441—442); ср. родосл. у Карамзина; онъ именуется „вел. княземъ" и выдаетъ грамоты.

[2]) Карамзинъ, V, прим. 135. О монетахъ князей суздальскихъ и нижегородскихъ см. Чертковъ, „Опис. древн. рус. монетъ", М. 1834, стр. 136; Прибавл. 3-е, М. 1842, стр. 52; Баронъ С. Шодуаръ, Обз. русскихъ денегъ, Спб. 1841, II, 280, 304—308; кн. С. В. Долгоруковъ, Опис. неизд. рус. монетъ (Суздаль, кн. Даніила Бор.); Зап. И. Р. Арх. Общ., III, 39—40. Князья суздальскіе, нижегородскіе и городецкіе погребены въ своихъ удѣлахъ.

Новгородъ, Городецъ, Суздаль), на основаніи договора съ вел. кн. Василіемъ Темнымъ (1456 [1]). Но дядя ихъ кн. Василій Шуйскій-Гребенка [2]) питалъ честолюбивые планы, уѣхалъ въ Псковъ (1446—55), а потомъ въ Новгородъ (1455), дважды сражался противъ Ивана III, но, когда Новгородъ палъ, покорился ему и отъ его имени управлялъ сначала Псковомъ, а потомъ Н. Новгородомъ (1477). Что же касается другихъ Шуйскихъ, то имена ихъ связаны съ исторіей Пскова и Новгорода, въ которомъ они находили поддержку своимъ планамъ (см. выше, стр. 620, 769[3]). Насколько, впрочемъ, опасенія за ихъ сепаратизмъ потеряли свое значеніе, видно изъ того, что въ 1513 г. въ Н. Новгородѣ намѣстникомъ и воеводою былъ также одинъ изъ потомковъ князей нижегородскихъ, внукъ Ивана Вас. Горбатаго, князь Андрей Борис. Горбатый. [4])

Шуйскіе послѣ другихъ Рюриковичей вступили въ службу московскихъ князей и были въ тѣни при Иванѣ III; только въ княженіе сына его они добиваются первенствующаго положенія [5]). Попытка Шуйскихъ при Иванѣ Грозномъ завладѣть исключительнымъ вліяніемъ въ дѣлахъ правленія не увѣнчалась успѣхомъ и они должны были на долго отказаться отъ своихъ притязаній. Но, со вступленіемъ на престолъ его слабаго преемника, они не замедлили показать, что не позабыли еще о своихъ правахъ и близости къ престолу [6]). Въ лицѣ ц. Василія Шуйскаго означенныя стремленія нашли

[1]) Собр. гос. грам., I, стр. 185. При этомъ князья нижегородскіе отдали вел. князю древніе ханскіе ярлыки, данные ихъ роду и хранившіеся *въ княжеской казнѣ*.

[2]) По волости Шуѣ или Борисо-Глѣбской (отъ церкви Бориса и Глѣба, бывшей здѣсь), которая появляется съ этимъ именемъ не ранѣе начала XV в., а какъ городъ упоминается въ 1539. по случаю его опустошенія татарами. Въ 1565 г. Шуя зачислена была въ опричнину: а въ 1609 и 1610 гг. разорена поляками. Въ пятомъ колѣнѣ отъ кн. Василія происходилъ царь Василій Шуйскій. Въ 1606 г. онъ пожаловалъ г. Шуѣ уставную грамоту. Объ образѣ Усп. Богор. греческаго письма, вывезенномъ изъ Рима и принадл. знатному греку, служив. при имп. Ѳомѣ Палеологѣ, въ ц. Воздвиженія (Борисовъ, Опис. г. Шуи. 1—10; Семеновъ, V. 830; Ратшинъ, 59).

[3]) Царств. книга. г. 1541; Карамзинъ; VI, 63: VIII, 44.

[4]) Замѣтка С. Сухонина: „Послѣдніе Горбатые-Шуйскіе“ (Вѣст. Всем. Ист. 1900, № 7, с. 180—183) ничего не даетъ.

[5]) Соловьевъ. V, 433. Сохранилась легенда, что при немъ кн. Василій Шуйскій оказалъ неуваженіе къ гробу в. кн. Даніила моск. и былъ за то наказанъ (Филаретъ, Р. свят., мартъ, 49).

[6]) Соловьевъ. VII, 260; ср. 246—247.

свое удовлетвореніе (см. выше, с. 938—39). Но торжество его, какъ и его фамиліи, было не продолжительно, а съ нимъ и братьями его прекратился родъ Шуйскихъ [1]).

Еще Василій Дмитріевичъ завѣщалъ Н. Новгородъ своему сыну Василію, но о Суздалѣ онъ не упоминаетъ; Василій Темный отдаетъ уже старшему сыну вмѣстѣ съ Владимирскою областью Н. Новгородъ и Суздаль, а вскорѣ за тѣмъ и Городецъ переходитъ въ полное распоряженіе вел. князя [2]); но потомки суздальскихъ князей—князья Шуйскіе продолжаютъ владѣть вотчинами въ бывшемъ Суздальскомъ княжествѣ [3]). По окончательномъ присоединеніи послѣдняго къ Москвѣ, Н. Новгородъ служилъ съ одной стороны мѣстомъ заточенія для многочисленныхъ ссыльныхъ и плѣнныхъ (Марѳа посадница [4]) съ ея внукомъ, множество новгородцевъ въ 1478 и 1570 гг., литовцевъ въ 1500, татаръ въ 1530 и литовцевъ при Иванѣ Грозномъ), а съ другой важнымъ стратегическимъ пунктомъ въ борьбѣ съ Казанью, все болѣе дававшею чувствовать свои притязанія къ Москвѣ, причемъ Н. Новгородъ и его окрестности становились нерѣдко жертвою нападеній татаръ (1505, 1521). Поэтому, вслѣдъ за послѣднимъ нападеніемъ, Василій Ив. озаботился укрѣпленіемъ Н. Новгорода и постройкою кремля, которая была возложена на извѣстнаго Петра Фрязина, прибывшаго изъ Венеціи. Въ смутную эпоху Н. Новгородъ не помышлялъ объ отдѣленіи отъ Московскаго государства; но только въ 1610 г., когда въ Москвѣ задумали низложить царя Василія, его враги предложили отъ имени Думы: „бить челомъ Василію, да оставитъ царство и да возьметъ себѣ *въ удѣлъ Нижній Новго-*

[1]) Средній изъ сын. кн. Вас. Вас. Блѣднаго (с. Вас. Юр., см. выше, с. 945), Иванъ большой (меньшій носилъ прозв. Хрѣна), получилъ прозваніе Скопа и былъ родоначальникомъ вѣтвиСкопиныхъ-Шуйскихъ. Правнукомъ послѣднему приходился кн. М. В. Скопинъ-Шуйскій, со смертью котораго прекратилась и эта вѣтвь. У младшаго брата В. В. Блѣднаго Михаила Вас. было два сына, бездѣтный Иванъ и Андрей, дѣдъ ц. Василія Ив. (тамъ же). Ср. наше изсл. „Кн. М. В. Скопинъ-Шуйскій“ (Чт. въ Общ. Нест. лѣт., I, 102—173) и „Ц. Василій Шуйскій“ Д. Цвѣтаева. В. 1902.

[2]) Соловьевъ, IV, 5—6, 86, 122—123, 143—144, 153—155, прим. 590; Карамзинъ, V, 195, 205, прим. 366.

[3]) Соловьевъ, VIII, 254; О градѣ Суждалѣ, 48. Въ Суздалѣ, внутри кремля, былъ дворъ князей Шуйскихъ, отданный ц. Михаиломъ Ѳед. суздальской соборной церкви (см. О градѣ Суждалѣ, Времен. М. О. И., XXII, 16—17; о княжескихъ теремахъ, 17). О положеніи Шуйскихъ при дворѣ и ограниченіи ихъ вотчинныхъ правъ (Соловьевъ, VI, 83; VII, 8, 110).

[4]) Она приняла монашество въ нижегородскомъ Воскресенскомъ мон.

родъ" [1]). Такъ еще разъ промелькнула въ исторіи тѣнь независимаго нѣкогда Нижегородскаго княжества.

Прибавимъ, что Нижній Новгородъ подвергался жестокимъ пожарамъ въ 1513, 1520, 1531, 1535 [2]), 1658, 1683, 1684, 1711, 1715 [3]), 1722, 1784, 1809, 1816 и др. [4]). Въ Суздалѣ—значительныя опустошенія и пожары упоминаются въ 1237, 1281, 1293 и д. [5]).

III.

Выдѣлившійся вслѣдъ за Ростовомъ въ особый удѣлъ Переяславль Залѣсскій принадлежитъ къ древнѣйшимъ городамъ сѣверо-восточной Руси [6]). Въ междукняжеской борьбѣ по смерти Андрея Бог., онъ стоялъ на сторонѣ старѣйшихъ городовъ противъ Владимира; но вслѣдъ за первымъ торжествомъ братьевъ Андрея,—Михаила и Всеволода, сталъ удѣломъ послѣдняго (1176 [7]). Признавая важность стратегическаго положенія Переяславля, Всеволодъ III укрѣпилъ городъ (1195 г. [8]) и не разъ его посѣщалъ [9]). По смерти Всеволода Переяславль становится отчиною Ярослава Всеволодовича. Въ 1240 г. въ немъ княжилъ Александръ Невскій, послѣ ссоры съ новгородцами, а по смерти его (1269) имъ владѣлъ старшій сынъ его—Дмитрій, занявшій въ 1275 г. великокняжескій престолъ. Сынъ Дмитрія—Иванъ завѣщалъ свой удѣлъ московскому князю Даніилу Александровичу (1302 [10]). Составляя съ тѣхъ поръ вотчину князей московскихъ, Пе-

---

[1]) Карамзинъ, XII, 131, прим. 561. О суздальскихъ князьяхъ статьи Мельникова въ Нижегор. Губ. Вѣд. 1845—46 гг.

[2]) Въ этомъ пожарѣ сгорѣло *1400 дворовъ*, лавокъ и амбаровъ, не считая зданій внутри города.

[3]) „Погорѣ Нижній Новгородъ весь" (Новг. лѣт., изд. 2-ое, 387).

[4]) Никон., Львов. и Нижегород. лѣтописи; Храмцовскій, 47—50; Семеновъ, III, 447.

[5]) Поздн. въ 1719 г. (О градѣ Суждалѣ, 7, 61).

[6]) Зам. о соборѣ и потирѣ, относим. ко времени Юрія Долгорукаго, А. В. Орѣшникова (Арх. губ. 1897, № 11).

[7]) Лавр. лѣт., 2-е изд., 359, 363, 388.

[8]) Ibid. 391. Городъ былъ окруженъ двойною стѣною съ башнями и глубокимъ рвомъ (Карамзинъ, IV, 98).

[9]) Ibid. 388, 391. Ему принадлежали: Перехотъ (Лѣт. ПереяславляUžд., г. 1114), Зубцовъ, Тверь, Кснятинъ (ср. Иловайскій, II, 267).

[10]) Князья Дмитрій Александровичъ и его сынъ Иванъ погребены въ Преображенскомъ соборѣ (Троицкая лѣт., 500; Семеновъ, Геогр. Словарь, 52).

реяславль при Дмитріѣ Дон. и его сынѣ находился во временномъ владѣніи литовскихъ князей (Дмитрія и Свидригайла Ольгердовичей), служившихъ Москвѣ. Еще въ началѣ XIII в. Переяславль велъ оживленную торговлю съ новгородцами и смольнянами, какъ можно судить по количеству тѣхъ и другихъ, бывавшихъ въ немъ [1]. Въ 1303 г. здѣсь былъ съѣздъ всѣхъ сѣверныхъ князей въ присутствіи м. Максима; а въ 1315 г.—церковный соборъ. Городъ считался однимъ изъ наиболѣе населенныхъ сѣверныхъ городовъ и въ нач. XVI в. крѣпость его сохраняла еще значеніе [2]; но въ нач. XVII в. городъ и крѣпость были въ полномъ упадкѣ [3]

Въ церковномъ отношеніи Переяславль зависѣлъ отъ Ростова, а потомъ отъ Владимира [4]. Кромѣ древнѣйшаго Никитскаго м. (см. в.) въ Переяславлѣ и его окрестностяхъ находимъ монастыри: Князе-Андреевскій, возникшій на мѣстѣ церкви Николая, при которой служилъ (въ XIII в.) въ должности пономаря князь Андрей смоленскій [5]; Богородицкій-Горицкій, основанный супругою Дмитрія Дон., Евфросиніею, въ которомъ принялъ постриженіе Димитрій Прилуцкій; Николаевскій, основанный имъ же до перехода въ Вологду (прежде 1371 г.), близъ Плещеева оз. (иначе Никольскій на Болотѣ); Введенскій, существовавшій въ началѣ XV в.: Троицкій, основанный вблизи города („на Божьемъ дому"), въ 1508 г., Даніиломъ, уроженцемъ г. Мценска, принявшимъ монашество въ Пафнутьевомъ мон. Даніилъ былъ очень уважаемъ вел. кн. Василіемъ Темнымъ, у котораго крестилъ дѣтей, вел. кн. Ивана и кн. Георгія. Въ его мон. было 70 чел. братіи. Въ пол. XVI в. упоминается мон. Рождественскій [6].

Въ предѣлахъ Ростовско-Суздальской земли находились еще два княжества, не игравшія выдающейся роли и слившіяся затѣмъ съ

---

[1]) Лавр. лѣт., 474 (Троиц. л.). Послѣ Ростова Переяславъ считался богатѣйшимъ городомъ во всей области (Карамз., IV, 98). Ср. Объ археол. изслѣдов. въ Переяславѣ Залѣсскомъ, П. Савельева (Ж. М. Н. Пр., ч. LXXXIII).

[2]) Герберштейнъ, 119.

[3]) Платоновъ, Смутное время, 30—31. О преданіяхъ, сохран. отъ временъ Ивана Грознаго (Я. Соловьевъ, 554).

[4]) Въ Переяславлѣ ум. м. Кириллъ II, во время посѣщенія сѣв. Руси (1280). О предполагаемой въ древности Переяславской епархіи, св. А. Свирѣлина (Труды III-го Арх. с., II, 31—37; ср. Р. Ист. Б., VI, 83).

[5]) О немъ статья Е. П. Писарева (Тр. Яросл. Област. съѣзда, 143—151).

[6]) Макарій, IV, 194—195, 209; Ратшинъ, 47—49; Опис. Дан. Троиц. м., изъ подлин. бумагъ, М. 1834; Семеновъ, II, 8; Филаретъ, апр., 29.

остальными пріобрѣтеніями московскаго дома—это Стародубское и Юрьевское. Утвердившись на великокняжескомъ престолѣ, Ярославъ Всеволодовичъ отдалъ Кляземскій городокъ (Стародубъ) брату своему Ивану († ок. 1239), отъ котораго пошли князья Стародубскіе, находившіеся уже въ полномъ распоряженіи Дмитрія Донскаго[1]). Тѣмъ не менѣе волости Стародубскихъ князей не упоминаются въ числѣ его волостей и наслѣдниковъ его, слѣдовательно онѣ оставались за князьями-отчичами, вошедшими лишь въ служебныя отношенія къ московскимъ князьямъ[2]). Впослѣдствіи права ихъ на вотчинныя владѣнія подпадаютъ тѣмъ же ограниченіямъ и даже отнятію въ казну, какъ и другихъ служилыхъ князей[3]). Стародубъ былъ окончательно разоренъ въ 1609 г. поляками. Отъ города (нынѣ село Владим. губ., Ковровскаго уѣз.) уцѣлѣли только остатки земляного вала и часовня, окруженная древними могилами[4]).

Юрьевъ-Польскій достался Святославу Всеволодовичу († 1252) и остался въ его родѣ[5]). Дважды Юрьевъ былъ свидѣтелемъ битвъ, рѣшавшихъ участь великокняжескаго престола на сѣверѣ (1177—въ пользу Всеволода III, въ борьбѣ его съ Мстиславомъ Ростиславичемъ, и 1213—въ пользу Константина Всеволодовича въ борьбѣ его съ братомъ Юріемъ[6]). Здѣсь же сходились полки Михаила тверскаго и Даніила московскаго, чтобы воспрепатствовать Андрею Александровичу

[1]) Карамзинъ, IV, 5, 174; V, 2 - 3, 21, 53.

[2]) Соловьевъ, IV, 156; VI, 83.

[3]) Соловьевъ, VI, 8, 55, 110; IX, 403; Карамзинъ, IX, прим. 273. Отъ князей Стародубскихъ происходятъ многочисленныя княжескія фамиліи: Гундоровыхъ, Ряполовскихъ (отъ нихъ Хилковы), Пожарскихъ (волость Пожаръ), Туруновыхъ, Ромодановскихъ, Ковровыхъ, Кривозерскихъ, Нагаевыхъ, Палецкихъ (волость Палехъ), собственно Стародубскихъ (Карамзинъ, IX, прим. 849, стр. 181; Соловьевъ, III, прим 235; IV, 123, VII, 8; Экземплярскій, II, 174,—189, 191, 197—198, 381 402, 611). Ср. А. Малиновскій, Біогр. свѣд. о кн. Д. М. Пожарскомъ, М. 1817; М. Погодинъ, Излѣд. о мѣстѣ погреб. кн. Д. М. Пожарскаго, съ прилож.: 1) о вкладахъ кн. Пожарскихъ, 2) о родѣ кн. Пожарскихъ (Стародубъ сузд., а не черниг.), 3) объ отчинахъ кн. Пожарскихъ, изъ Синодика Спасо-Евѳ. мон. и Золотниковской пуст. (Москвитян. 1852, № 12, с. 39—80).

[4]) Семеновъ, Геогр.-статистич. Словарь, II, 637—638; К. Н. Тихонравовъ, Владимірскій Сборникъ, 61.

[5]) Соловьевъ, III, 207—208; IV, 129.

[6]) Лавр. лѣт. 362, 418; ср. 469, 473. На Липецкомъ полѣ, близъ Юрьева, найденъ шлемъ вел. кн. Ярослава-Ѳедора, хранящійся въ Оружейной палатѣ (Срезневскій, Памятн. языка, 92).

захватить Переяславль[1]) и вообще Юрьевъ нерѣдко служилъ сборнымъ военнымъ пунктомъ[2]). Уже съ Симеона Гордаго москов. князья дѣлаютъ пріобрѣтенія въ Юрьевскомъ удѣлѣ[3]); съ Дмитрія Донского юрьевскія войска являются подъ его знаменемъ[4]); Василій Дмитріевичъ, вмѣстѣ съ другими городами и Владимиромъ отдаетъ его въ удѣлъ Свидригайлу, пріѣхавшему служить въ Москву[5]); Василій Ивановичъ—бывшему казан. царю Летифу[6]); Иванъ Грозный—астрахан. царевичу Кайбулѣ[7]). Въ эпоху татарщины Юрьевъ не разъ страдалъ отъ опустошеній, вмѣстѣ съ прочими сѣверными городами (1237, 1282, 1293, 1382, 1404). Юрьевскіе князья не выдавались ни своими способностями, ни притязаніями на какое бы то ни было значеніе[8]), а потому легко примирились со своимъ зависимымъ положеніемъ. Въ 1488 г. многіе изъ выведенныхъ новгородцевъ были поселены въ предѣлахъ Юрьева[9]). Что же касается бывшихъ владѣльцевъ Юрьева-Польскаго, то они раздѣлили общую участь служилыхъ князей[10]). По низверженіи Василія Шуйскаго, Юрьевъ вмѣстѣ съ другими старыми городами Ростово-Суздальской земли (Ростовъ, Суздаль, Владимиръ, Галичъ) не хотѣлъ подчиниться Владиславу[11]). Подъ уставной же грамотой 1611 г., данной на имя правительственнаго тріумвирата, находимъ и рукоприкладство представителей отъ Юрьева-Польскаго[12]).

Еще въ XIII в. въ г. Юрьевѣ существовалъ Архангельскій монастырь, въ которомъ погребены вел. кн. Святославъ III Всеволодовичъ и сынъ его Дмитрій, умершій въ схимѣ (1269[13]). Въ началѣ

[1]) Лавр. лѣт., 460.

[2]) Карамзинъ, V, 180, прим. 322; VIII,74.

[3]) Соловьевъ IV, 135, 136, 139, 140, 142—144, 146, 152—153, 155; ср. 173, 175, 178, 196, 200; V, прим. 222. Московскіе князья „преимущественно наполнили своими куплями уѣздъ Юрьева-Польскаго" (ibid. IV, 157).

[4]) Ibidem, III, 353; Карамзинъ, V, 26, 53.

[5]) Карамзинъ, V, 109, прим. 200.

[6]) Ibidem, VII, 18; Соловьевъ, V, 333.

[7]) Карамзинъ, VIII, 87, IX, 105; ср. прим. 849, стр. 182; Соловьевъ, VI, 123.

[8]) Карамзинъ, IV, 70.

[9]) Карамзинъ, VI, 87; Соловьевъ, V, 47.

[10]) Соловьевъ, VI, 84.

[11]) Ibidem,VIII, 336.

[12]) Карамзинъ, XII, 185; примѣч. 794

[13]) Ратшинъ, 31; Семеновъ, V, 909. Въ рукописномъ описаніи святыхъ князь Святославъ-Гавріилъ Всеволодовичъ называется святымъ Юрьева-Польскаго (Русскіе святые, ноябрь, 398).

XV в. мѣстный уроженецъ Козьма отправился въ Кіевъ, принялъ монашество въ Печерскомъ м. и, возвратившись на родину, основалъ монастырь (ок. 1428 г., въ честь Богородицы) на р. Яхромѣ, въ 15 вер. отъ Юрьева[1]).

IV.

Не будемъ настаивать на существованіи большой библіотеки, основанной по показанію Татищева, Константиномъ Всеволодовичемъ во Владимирѣ, съ богатымъ собраніемь греческихъ книгъ, и завѣщанной имъ училищу, находившемуся будто бы при ц. (придворной) св. Михаила, въ которомъ трудились русскіе и греческіе монахи[2]). Но мы имѣемъ косвенныя и прямыя указанія на обиліе книгъ въ предѣлахъ разсматриваемаго края, конечно церковнаго характера[3]). Тотъ же Константинъ, создавая церкви, наполнялъ ихъ книгами[4]); а одинъ изъ владимирскихъ епископовъ (б. м. Симеонъ) XIII в. писалъ вел. кн. (вѣроятно извѣстному своими насиліями Андрею Александровичу): „Вижь, сыну князь, како ти были велиции князи, твои прадѣды и дѣды и отецъ твой вел. кн. Олександръ: украсили церковь Божію (ц. Богородицы во Владимирѣ) клирошаны и *книгами* и богатыми домы великыми, десятинами по всѣмъ городомъ и суды церковными". И далѣе онъ укоряетъ князя за грабежъ церкви и запустѣніе ея домовъ[5]). До насъ дошло нѣсколько памятниковъ суздальско-владимирской письменности; таковы: „Стихирарь" съ нотами, писанный въ Суздалѣ за годъ до смерти Юрія Долг.[6]); здѣсь же вѣроятно написана часть „Пандектовъ" съ записью о голодѣ въ Furthermore Сузд. землѣ 1269 г., который заставилъ многихъ идти въ Новгородскую область для пропитанія[7]); въ Переяславлѣ были написаны: Апокали-

¹) Макарій, IV, 126; Филаретъ, февр., 124—126.

²) Рос. ист., III, 415—416. 446, примѣч. 601 602, 625; ср. Лавр. л. 412, 427. Въ соч. архіеп. Нила „Яросл. Спасо-Преобр. мон„., Яр. 1869, с. 4,—большая путаница.

³) Лавр. лѣт., гг. 1176, 1185 (стр. 360, 372).

⁴) Ibid., 1218 г.

⁵) Русск. Ист. библ., VI, 117. При этомъ указано, на что предназначались богатства церкви, по даннымъ ей правамъ (118). О богатствѣ церкви не только дорогими вещами, но и деньгами (при нашествіи татаръ въ 1411 г. деньги брали мѣрками), Никон. л., IV, 38—39.

⁶) Буслаевъ, Матеріалы, М. 1855; Филаретъ, Обзоръ, 53.

⁷) Срезневскій, 155.

исисъ XIII в.[1]), „Поученія Ефрема Сирина“ въ 1377, съ записью о нападеніи на Н. Новгородъ иноплеменниковъ, при Дмитріѣ Конст., и приготовленіи его къ отраженію (затѣмъ оставленъ пробѣлъ въ 6 строкъ для дальнѣйшаго описанія) и Книга апост. чтеній, ок. 1389 г., пис. дьяками[2]); въ Ниж. Новгородѣ—Книга апост. посланій съ записью о смерти кн. Василія Данил. (1391) и въ нач. XV в.—Евангеліе, пис. въ Николаевскомъ Дудиномъ мон., бл. Н. Новгорода[3]). Прибавимъ къ этому, что въ ж. Пахомія Нерехтскаго († 1384), жившемъ въ юности во Владимирѣ[4]), и въ ж. Димитрія Прилуцкаго († 1392), происходившаго изъ торговаго класса въ Переяславлѣ, говорится объ обученіи ихъ грамотѣ[5]).

Самъ Андрей Богол. позаботился о записи чудесъ Владим. Богородицы[6]), имѣвшихъ отношеніе къ нему и дѣятельности его во Владимирѣ (постр. Золотыхъ воротъ, походы на болгаръ, сношенія съ Константинополемъ и т. п.), причемъ повѣствованіе о чудѣ по поводу похода на болгаръ (по сп. Пролога библ. И. Е. Забѣлина) приводитъ къ заключенію, что авторомъ его былъ именно Андрей[7]). Напомнимъ о сношеніяхъ его съ Константинополемъ (см. выше, с. 862) и перепискѣ съ Кирилломъ еп. туровскимъ[8]). Отзывъ лѣт-ца о книжной любви Константина Всев. (см. выше, с. 862), котораго онъ сравниваетъ по мудрости съ Соломономъ[9]), позволяетъ думать, что онъ принималъ близкое участіе въ распространеніи книжнаго ученія и, быть можетъ, переводной дѣятельности. Современникъ его. еп. владим. Симонъ, извѣстный уже намъ по своимъ сказаніямъ о Печерскомъ мон..

---

[1]) Филаретъ, 53. Сохранилась запись кнлг. Марины Констант., данная сузд. Васильевскому м. на села (Ак. юрид. быта, I, 439).

[2]) Ibid., 232—33, 261.

[3]) Памят. церк. древн. въ Нижегор. губ. (Зап. Археол. Общ., X, 240); Макарій, Ист. церкви, IV, 193.

[4]) Филаретъ, мартъ, 119.

[5]) Ibid., февр., с. 77; Соболевскій, (ж. Димитрія по сп. Унд.), Образов. Моск. Руси, с. 10, пр. 5 и с. 23, пр. 2.

[6]) Сказаніе о чудесахъ Владим. иковы Б. М., изд. Общ. люб. др. письм., № xxx, 1878, 18+43. Оно служитъ выраженіемъ торжества Владимира надъ Ростовомъ (с. 8).

[7]) Слѣды литер. трудовъ Андрея Богол., И. Е. Забѣлина (Арх. Изв. 1895, № 2—3, с. 37—49).

[8]) „Андрею же, Богол. князю, много послания написа отъ еванг. и пророч. писании“, говорится въ его житіи (Рум. м., № 322; Филаретъ, Обзоръ, 35).

[9]) Лавр. л. (г. 1207). 412.

состоялъ въ перепискѣ съ княг. Верхуславой (Анастасіей), доч. Всеволода III (ок. 1226 г.[1]). Ему приписываютъ еще „повѣсть о мужѣ святѣ“, сходную съ его сказаніями по общему характеру и понятіямъ[2]). Татищевъ утверждаетъ, что онъ видѣлъ списокъ лѣтописи, въ которой Симонъ записалъ сѣверныя событія съ 1200—1225 г., гдѣ онъ хвалитъ кн. Константина за его любовь къ просвѣщенію[3]). Карамзинъ скептически относился къ этому извѣстію[4]). Но если принять во вниманіе, что Симонъ питалъ большой интересъ къ Печерскому мон. и лѣтописи (ср. выше, с. 198—199, 862, 872, 902—903), что онъ былъ игум. Рождественскаго м. во Владимирѣ[5]), а Лавр. сп. лѣтописи принадлежалъ тому же мон.[6]), то можно предполагать, что списокъ Начальной лѣт. въ которомъ сохранилась приписка Сильвестра (см. стр. 408—411), былъ принесенъ на сѣверъ тѣмъ же Симономъ (Лаврентій говоритъ, что онъ писалъ съ „ветшаныхъ книгъ“, въ которыхъ не все можно было разобрать[7]). Нѣсколько позже владим. еп. былъ Серапіонъ (см. выше, сс. 246—47; 253—254 и примѣч.), приведенный сюда изъ Кіева м. Кирилломъ, авторъ нѣсколькихъ сочиненій[8]), рисующихъ м. прочимъ суевѣрія и нравы сѣв. Руси, какъ обычай сожигать волхвовъ, испытаніе виновныхъ водою[9]), вырываніе изъ земли утопленниковъ, во избѣжаніе бѣдствій—неурожаевъ и т. п.[10]).

---

[1]) Пам., изд. Яковлевымъ, с. LXXXVIII—IX; ср. Срезневскій, 94—95. Филаретъ, Обз., 42—44; Изв. Ак. Наукъ 1897, III, 796—98.

[2]) Филаретъ, 44; Срезневскій, 97.

[3]) Рос. ист., I, 58; ср. прим. 601 и 602. Филаретъ склоненъ поддерживать это мнѣніе (43—44).

[4]) „Татищевъ безъ всякаго основанія называетъ Симона лѣтописцемъ“ (III, прим. 171). „Тѣло его (Симона) было погребено въ соборной Владимирской церкви; какимъ же образомъ очутилось въ кіевской пещерѣ (гдѣ его показываютъ) не знаю“, прибавляетъ Карамзинъ (ibid.). Ср. Св. Симонъ еп. владим. иužд., архіеп. Сергія (Труды Влад. архив. ком., I, 1—30).

[5]) Лавр. лѣт., 403, 416.

[6]) Ibid., с. VII.

[7]) Ibid., стр. 464.

[8]) Ср. Die Zusammensetzung der sogenannten Похвала преп. о. Ѳеодосію Печерскому. Inaug.-Dissert. z. Erlang. der Doktorwürde etc., v. D. Leop. K. Göetz, Berl. 1903, а также статью Н. Я. Аристова: „Замѣтка о поученіяхъ еп. Серапіона“—объ исторической ихъ основѣ, убѣждающей въ начитанности и наблюдательности автора поученій (Тр. IV-го Арх. с., II, 41—48).

[9]) См. выше, стр. 865, прим.

[10]) Слово о маловѣріи. Мнѣніе это опровергалъ уже въ XVI в. Максимъ Грекъ (см. наше изслѣд., II, 247). Ср. Новг. Синод. лѣт., 135; но оно держалось до позднѣйшаго времени (Матер. для ист. крѣп. права въ Россіи, Берл. 1873, с. 162—163).

Пребываніе митрополитовъ во Владимірѣ [1]) могло имѣть извѣстное вліяніе на развитіе письменности. Такъ, на владим. соборѣ (1274), на которомъ присутствовали м. Кириллъ II и Серапіонъ [2]), первымъ былъ предъявленъ (новый) славянскій изводъ Кормчей, который и сталъ съ тѣхъ поръ распространяться на Руси [3]). По своему значенію и отношеніямъ къ митрополиту владим. клиръ долженъ былъ состоять изъ болѣе свѣдущихъ лицъ [4]). Къ XIII в. письменности сѣв. вост. Руси нѣк. относятъ: Толковую палею, полемическіе трактаты, моленіе Даніила Заточ., 2-ю ред. Александріи, сказаніе объ Индійскомъ цар., 2-ю ред. Еллин. лѣт-ца [5]).

Въ одномъ изъ сборниковъ, принадлежащихъ нынѣ Псково-Печер. мон. (рукоп. XV в.), находилось „Слово о смерти вел. кн. Ярослава" (Всев.), не оказавшееся въ рукописи, и отрывокъ „Слова о погибели земли рускыя", за которымъ слѣдуетъ ж. Александра Нев. Авторъ второго изъ нихъ называетъ переясл. кн. Ярослава „нынѣшнимъ" и упоминаетъ старшаго брата его, вел. кн. владим. Юрія II, указывая такимъ обр., что онъ самъ жилъ въ Переясл. княж. въ 30-хъ годахъ XIII стол. Онъ начинаетъ „свое слово" пламенною рѣчью о величіи и славѣ земли Русской при старыхъ князьяхъ—Владимірѣ Мон., Юріѣ

---

[1]) Опредѣленіе патр. соб. о перенесеніи стола въ 1354 г., когда митр-ты давно уже жили въ Москвѣ (Р. Ист. библ., VI, 63—68).

[2]) Правила Влад. соб. 1274 г. по разн. спи. (Р. И. библ., VI, 83—102).

[3]) Срезневскій, Памятн., 139; Свѣдѣнія, II, 147—176; Макарій, IV, 371--73; это сербская Кормчая, представляющая переводъ сборника сокращ. правилъ (Synopsis) съ толк. Аристина, отличавшійся сравн. съ Синтагмою Зонары меньшимъ объемомъ, но большимъ разнообразіемъ и богатствомъ каноническаго содержанія. Благодаря этому переводу (сербск. еп. Саввы) сталъ извѣстенъ у славянъ Фотіевъ Номок., т. е. Ном-нъ въ XIV тит. съ дополн. Фотія. До Кирилла II употреблялись въ славянск. переводѣ тѣ самые Ном-ны, какіе существовали въ греч. ц., а именно Ном. Іоанна Схол. и Ном. въ XIV тит., безъ правилъ Фотіевыхъ соборовъ и толкованій, но съ дополн. Эклоги Льва Исав. и Прохирона Василія Мак., изъ греко-болг.—Закона суднаго людѣмъ, изъ русскихъ—древнѣйшихъ великокняжескихъ грамотъ и правилъ м. Іоанна II, а въ мѣстныхъ спи. К-чей—и статей мѣстнаго рус. происхожденія. См. А. С. Павловъ, Первонач. рус, Н-нъ, Каз. 1869, сс. 66, 80—81; его же, Къ вопр. о хронол. отношеніи между Аристиномъ и Зонарою, какъ писателями толкованій на церк. правила (Ж. М. Н. Пр. 1896, № 1).

[4]) Лѣтопись о нихъ выражается „Крилошане, кто зритъ на св. Богородицу и владыку" (Лавр, лѣт., 451). Моск. князья посылали во Владиміръ объявлять о важнѣйшихъ событіяхъ, какъ Иванъ Калита о чудесахъ м. Петра (Ключевскій, 75—76).

[5]) Ж. М. Н. Пр. 1903, № 10, с. 217.

Долг. и Всеволодѣ III: онъ говоритъ объ обширности ея границъ и страхѣ, какой она вселяла на Западѣ до предѣловъ Нѣмецкой имперіи и на Востокѣ до Константинополя („и кюръ Мануилъ Цареградскій опасъ имѣя, поне и великыя дары посылаеше къ нему, абы подъ нимъ вел. кн. Володимеръ царя города не взялъ“ [1]), о ея естественныхъ богатствахъ; но, на этомъ поэтическомъ приступѣ прерывается единственный дошедшій до насъ списокъ „Слова“ [2]), въ которомъ хотятъ, однако, видѣть только начало „великолѣпной поэмы“, оплакивающей гибель Руси отъ междоусобій, очевидцемъ одного изъ тяжелыхъ эпизодовъ которой былъ авторъ, какъ одну изъ частей историко-литературной трилогіи, въ составъ которой входили „Слово о смерти Ярослава“ и ж. Александра Невскаго [3]); но такое соединеніе отдѣльныхъ памятниковъ не было исключительнымъ, какъ не представляются единичными и „плачи“ на темы о печальныхъ событіяхъ въ разныя эпохи исторіи [4]). По связи съ именемъ Ярослава слѣдуетъ поставить извѣстное „Слово“ Даніила Заточника, свидѣтельствующее о весьма раннемъ пробужденіи книжныхъ интересовъ въ предѣлахъ Владимирской области и въ частности—въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ [5]), весьма распространенное въ древней письменности и подвергшееся многочисленнымъ передѣлкамъ, причемъ память о его авторѣ перешла и въ лѣтописи [6]), и въ пословицы [7]). Повидимому наиболѣ соотвѣт-

---

[1]) Анахронизмъ, представляющій поэтическую вольность. Въ повѣствованіяхъ XII--XIII вв. не разъ говорится „о трепетаніи всѣхъ странъ“, съ присоединеніемъ иногда и греческихъ царей, передъ русскими князьями—то Владиміромъ Мон., то Всеволодомъ III (П. С. Р. лѣт., I, 184; Опис. рук. Общ. люб. древн. письм., I, 114: Врем. Общ. ист., XV, 21).

[2]) Издатель „Слова“ отличаетъ въ немъ стихотв. размѣръ (ср. выше. с. 262—68): ср. Буслаевъ, Очерки, II, 93, прим.

[3]) См. предисл. Х. Лопарева къ „Слову о погибели Рус. земли“, изд. Общ. люб. древ. письм., № LXXXIV, съ фотогр. снимкомъ памят., Спб. 1892; ср. Замѣч. М. Грушевскаго (Отч. люб. древн. письм. 1895--96, с. 58).

[4]) Ср. Плачъ вел. кн. Юрія Всевол. по Сборн. И. П. библ. XVII в., сообщ. М. Г. Халанскимъ (Изв. Ак. Н. 1903, кн. 2, с. 174—176).

[5]) „Едвали можно сомнѣваться въ томъ, что древнѣйшая и лучшая редакція его составлена въ старомъ Переяславлѣ и что самъ Заточникъ былъ родомъ изъ этого города“ (Буслаевъ, Очерки, II, 93).

[6]) Въ Троицкой, подъ 1378 (Карамзинъ, V, прим. 48), Никон. (годъ 1377). Древн. лѣт.; Татищевъ, IV, 256 (ошибочно „затворникъ“).

[7]) Слово Дан. Заточ. по всѣмъ изв. спискамъ, съ предисл. и примѣч. И. А. Шляпкина, изд. Общ. люб. древн. письмен., Спб. 1889. Ср. отзывъ А. С—го (Библіогр. 1890, с. 8—9).

ствуетъ обстоятельствамъ надписаніе слова, имѣющееся въ изводѣ XIII в., по рукоп. Ундольскаго и Чудов. м.—„Моленіе (посланіе) Даніила Заточ. своему (къ вел.) князю Ярославу Всев.“· Обращеніе къ послѣднему имѣетъ за себя согласіе историческихъ данныхъ съ біогр. свѣдѣніями о немъ (см. вѣше, стр. 606—607); а примѣры и уподобленія соотвѣтствуютъ событіямъ и мѣстностямъ, связаннымъ съ его дѣятельностью (Бѣлоозеро, Новгородъ, Галичъ, Ливонія [1]). Въ концѣ авторъ сообщаетъ дошедшее до него извѣстіе объ играхъ скомороховъ въ Византіи, въ XII в. [2]). „Слово“ и показанія самого автора свидѣтельствуютъ о большой его начитанности [3]). Начитанностью въ Св. писаніи (тексты, приводимыя имъ носятъ на себѣ отпечатокъ XIII—XIV ст., не смотря на подновленія—одно изъ вѣскихъ доказательствъ древности памятника), въ лѣтописяхъ и Пчелѣ (1-й ред.), если допустить, что ему не было извѣстно „Слово о злыхъ женахъ“, припис. Іоанну Злат., не подлежитъ сомнѣнію. Ему извѣстенъ былъ Ѳеофрастъ („азъ есмь не Ѳеофраста, ни Пинадры“—Пиндаръ?), знаменитый своими характеристиками, въ заимствованіи, вѣроятно изъ той же Пчелы или другого подобнаго сборника [4]). Онъ ссылается на лѣтопись, при-

---

[1]) Сюда слѣдуетъ отнести выраженія: „рытиры“, „магистровѣ“, „дужсовѣ“ и т. п. По отношенію къ Западу рус. лѣтопись знала уже „герцыковъ“ (герцоговъ), „крыжевниковъ,“, „темпличей“, т. е. храмовниковъ (Ипат. лѣт. подъ 1235, стр. 517; ср. 540), „иже нарицаются слуги Божья“ (Лавр. л., подъ 1263 г,, изъ ж. Александра Нев., с. 454), какъ и „рыторей“: „И тѣ имѣютъ честь и милость у поганыхъ салтановъ“ (см. Шляпкинъ, 52—53). Конечно, здѣсь идетъ рѣчь о дѣятельности рыцарей на Востокѣ, о чемъ въ Россіи могли знать отъ грековъ, въ особенности послѣ завоеванія Константинополя латинами (1204). Вмѣстѣ съ Плано-Карпини изъ Татаріи возвращались иностранные купцы и между ними константинопольскіе, ѣхавшіе черезъ Россію (Путеш., 217). Так. обр. замѣтку о „рытирахъ“ напрасно было бы считать вставкою, сдѣланною послѣ прибытія въ Россію Софіи Палеологъ (см. І. Яхонтовъ, Собр. дух. литер. трудовъ, X, Спб. 1884, с. 38).

[2]) А. Н. Веселовскій, Разыск. въ области рус. дух. стих., Спб. VI—VII, 1883, с. 188. Авторъ сближаетъ съ этимъ мѣстомъ соф. фрески (Кондаковъ. О фреск. лѣстн. Кіево-Соф. соб., Спб. 1888). Другіе допускаютъ, что въ означенномъ мѣстѣ идетъ рѣчь объ играхъ въ циркѣ и турнирахъ (Шляпкинъ, 79—80).

[3]) Онъ говоритъ о себѣ: „Бысть языкъ мой яко трость *книжника* скорописца, аще есьмъ на рати не весьма храбръ, но въ *словесѣхъ крѣпокъ*“; „азъ бо не въ Афинѣхъ ростохъ, ни отъ философовъ научихся, но быхъ жаждая аки пчела по *различнымъ цвѣтамъ* и оттуду избирая сладость *словесную* и совокупляя *мудрость* яко въ мѣхъ воду морскую“.

[4]) Мѣсто это въ нѣк. спи. отсутствуетъ, а въ другихъ крайне испорчено (44—45).

водя изъ нея опредѣленныя выраженія [1]). По своему положенію онъ, принадлежалъ къ младшей дружинѣ (дворянамъ [2]), но потерпѣлъ ссылку вслѣдствіе придворныхъ интригъ, отсюда главный мотивъ „слова"— вражда къ совѣтникамъ князя—боярамъ [3]), что не обошлось вѣроятно безъ женскаго вліянія (напомнимъ время Юрія I и Андрея Бог.), откуда длинныя тирады на тему о злыхъ женахъ [4]); но авторъ не благоволитъ и къ современнымъ явленіямъ монастырской жизни [5]). По своимъ литературнымъ пріемамъ „Слово" Даніила напоминаетъ просительныя элегіи, отправленныя изъ заточенія мон. Эрмольдомъ къ имп. Людовику Благоч., хотя первый уступаетъ послѣднему въ учено-витіеватыхъ аксессуарахъ [6]); а подобныя литературныя упражненія были вообще въ ходу у средневѣковыхъ книжниковъ, подвергшихся одинаковой участи съ Даніиломъ Заточникомъ (какъ въ XIII в. поученіе заточника въ Бари [7]). Крайне скептическое отношеніе въ настоящемъ случаѣ одного изъ церковныхъ изслѣдователей къ произведенію русскаго книжника XIII в. [8]), по общему признанію, обладавшаго юморомъ, едва ли можетъ быть принято и, напротивъ, ближе стоитъ къ истинѣ отзывъ Бѣлинскаго, сдѣланный еще въ 1841 г. [9]), а именно, что „Даніилъ былъ одною изъ личностей, которыя на бѣду себѣ умны, слишкомъ даровиты, слишкомъ много знаютъ, и, не умѣя прятать отъ людей своего превосходства, оскорбляютъ самолюбивую посредственность; которыхъ сердце болитъ, снѣдается ревностью по дѣламъ, имъ чуждымъ; которыя говорятъ тамъ, гдѣ лучше было бы молчать, и молчатъ тамъ, гдѣ выгодно говорить; словомъ одна изъ тѣхъ личностей, которыхъ люди сперва хвалятъ и холятъ, по-

---

[1]) О кн. Святославѣ Игор. и Ростиславѣ Мстисл. (по изд. Шляпкина, сс. 7 и 14); но слова о Курскомъ княженіи принадлежатъ Андрею Влад. (Лавр. 291), а тутъ же упоминается о Ростиславѣ.

[2]) Впервые это названіе встрѣчается въ лѣтописи подъ 1175 г. (Лавр. лѣт., 351); а Даніилъ Зат. говоритъ: „Великому дворянину тѣмъ имѣти честь и милость у князя, но ли ему мыкатися" (48).

[3]) По изд. Общ. люб. др. письм., 39—40.

[4]) Ibid., 48—52; ср. 20—28.

[5]) Ibid., 50—51.

[6]) О. Миллеръ, Оп. ист. обозр. рус. словесн., I, изд. 2-е, с. 24.

[7]) И. С. Некрасовъ, Оп. ист. литер. изслѣдов. о происх. древне-рус. Домостроя, 22.

[8]) Голубинскій. I, 705.

[9]) Сочин., V, 93; ср. Буслаевъ, II, 94.

томъ сживаютъ со свѣту и, наконецъ уморивши, снова начинаютъ хвалить [1])“.

До насъ дошло современное ж. Александра Невскаго въ единственномъ спискѣ (XV в., сборн. Моск. дух. акад., быв. Троиц. лав.). По всему видно, что авторъ его владимирецъ, на что указываютъ и подробности погребенія Александра во Владимирѣ, и слова м. Кирилла, переданныя авторомъ. Видно также, что онъ былъ близокъ къ князю: онъ былъ „самовидецъ возраста его“. О „невскомъ боѣ“ онъ писалъ со словъ самого Александра и лицъ, участвовавшихъ въ битвѣ, конечно дружинниковъ; о „ледовомъ побоищѣ“ онъ слышалъ отъ очевидца. Разсказъ житія не отличается большими подробностями и строгою системою; это рядъ эпизодовъ, изложенныхъ въ видѣ отрывочныхъ воспоминаній. Но самыя записки свидѣтельствуютъ о глубокомъ впечатлѣніи, произведенномъ на современниковъ личностью Александра. Изложеніе біографа далеко отъ изысканнаго слога и пріема житій позднѣйшихъ книжниковъ. Онъ знакамъ съ божественнымъ и человѣскимъ писаніемъ, хотя и заявляетъ, что пишетъ житіе „святаго“ какъ онъ называетъ Александра [2]). На этомъ произведеніи замѣтно еще вѣ-

---

Въ 1124 г, англ. кор. Генрихъ II, велѣлъ ослѣпить рыц. Luc de Barre за сатиру, сочин. на него. См. Ордерикъ Виталій Hist. eccles., pars III, c. xii, 19; ср. Ж. М. Н. Пр. 1900, № 2, с. 285.

[1]) Почти около того же времени, какъ составилось Слово Дан. Зат., въ Германіи явился цѣлый дидактическій эпосъ, сложенный изъ пословицъ, извѣстный подъ именемъ „Bescheidenheit des Freidank“ (Буслаевъ, II, 96).

Кромѣ назв. изслѣд. см. еще: О посл. Даніила Зат., Е. Модестова (Ж. М. Н. Пр. 1880 № 11); О моленіи Даніила Зат., А. Ляцкаго изъ Jahresbericht der Reformirten Kirchenschule f. 1895—96. и отд., Спб. 1896; ср. Отч. Общ. люб. древ. письм. 1896—97, стр. 13—14; О времени написанія Слова Даніила Заточ., его же (Тр. X Арх.. с., т. I, 290—297, авт. относитъ его къ 1223—1236 гг.); Слово Даніила Зат., Вас. Щурата (Зап. Наук. Общ. им. Шевч., т. IX. 1996, кн. I,—авторъ доказываетъ вліяніе просительныхъ поэмъ хрониста Мих. Гликн XII в. и его современника Θеодора Птохопродрома); Къ вопросу о редак. Моленія Даніила Зат., В. М. Гуссова, Од. 1899 (см. Лѣт. Истор. Фил. Общ. при Новор. унив., общ. нум. т. VIII, проток., 31—34); Даніилъ Зат., Е. Будде (Юб. Сборн. въ честь проф. Стороженка, М. 1891); В. М. Истринъ, въ рец. на соч. П. Владимирова (Ж. М. Н. Пр. 1902, № 8, с. 424—430); Былъ ли Д. З. дѣйств. заточенъ, его же (Лѣт. Ист. Фил. Общ., X, 55—74).

[2]) Вел. моск. кн. Иванъ Дан. и Иванъ Ивановичъ надѣлили селами Рождествен. мон. во Владимирѣ („къ св. Александру“); Дмитрій Иванов. подтвердилъ эти вклады, запретивъ къ нимъ касаться. При немъ состоялось открытіе мощей Александра послѣ Куликовской битвы (1381); но общее чествованіе было установлено лишь въ 1547 г. (см. предисл. къ изд. житія, архим. Леонида).

яніе стараго „кіевскаго стиля", изображающаго живыхъ людей, говорящихъ и дѣйствующихъ, причемъ авторъ мимоходомъ отмѣчаетъ иногда черты современнаго общественнаго взгляда или отношеніе къ извѣстному событію [1]). Житіе это въ свою очередь, оказало вліяніе на лѣтопитное дѣло: оно помѣщено въ разнымъ сп. лѣтописей съ пропусками и вставками или разбито на отдѣльныя статьи, перемѣшанныя съ лѣтописными произведеніями [2]).

Ростовской составитель „Тверской лѣт." (сборн.), говоря, что онъ не *кіевлянинъ*, не *новгородецъ* и не *владимирецъ* и потому не считаетъ себя способнымъ написать достойный писателя трудъ (XVI в.), тѣмъ самымъ указываетъ, что Владимиръ продолжалъ считаться книжнымъ центромъ [3]). Мы знаемъ, что сузд. еп. Діонисій отличался книжностью и тѣмъ обратилъ на себя вниманіе въ Москвѣ и Константинополѣ. Ученикъ его Павелъ Высокій за свою книжность пользовался любовью послѣдняго и м. Алексѣя, а у лѣтописца заслужилъ прозваніе „философа" [4]). Къ числу произведеній суздальской литературы относятся и сочин., кас. ферраро-флорентійскаго собора: это—путешествіе сузд. еп. Авраамія, сопровождавшаго м. Исидора на соборъ, въ сопутствіи нѣсколькихъ лицъ свиты, и описаніе преній, происходившихъ на соборѣ [5]), смягчающія до извѣстной степени суровый приговоръ м. Исидора о русскихъ епископахъ, которыхъ онъ называетъ вообще людьми „некнижными" [6]). Дошедшій до насъ рядъ житій суздальскаго происхожденія относится къ болѣе позднему времени, выходящему за предѣлы лѣтописи, а потому мы коснемся ихъ въ другомъ мѣстѣ. Нужно однако замѣтить, что они не возвышаются надъ уровнемъ посредствен-

---

[1]) Житіе напеч. въ изд. Общ. люб. древ. письм. архим. Леонидомъ: „Сказаніе о подвигахъ и жизни св. св. благ. и вел. кн. Александра Невскаго" (по тому же сп., см. Памятники № cxxxvi, Спб. 1882)

[2]) См. лѣт. Новгор. I-ю по сп. Ком., Ак., Толст., изд. 1888, с. 252—263; Псков. 2-ю, с. 2—6; Лаврент., Твер., 375—84, Соф. 1-я, 176—181, 191; Воскр., VII, 146—151. Ср. Срезневскій, Памятники, 129—130; Барсуковъ, Агіогр., 17—20, Филаретъ, 64; Ключевскій (65—71); Мѣстн. сказанія москов., владим., новгор., Ѳ. Буслаева (Лѣт. рус. лит., IV, 1—24).

[3]) Ключевскій, Житія, 74.

[4]) Никон. л., IV, 141. Татищевъ приписываетъ ему книжные труды; замѣч. м. Макарія (V, 181). Подъ книгами разумѣлись вообще „посланія" (Ник., IV, 89). Филаретъ сдѣлалъ попытку указать, какія соч. могли ему принадлежать (Обз. 82), но безъ достаточныхъ основаній (Срезневскій, Памятн., 143).

[5]) Сказанія эти будутъ разсмотрѣны въ своемъ мѣстѣ.

[6]) По словамъ одного изъ его спутниковъ (Макарій, V, 27).

ныхъ произведенiй. Въ древней письменности было весьма распространенно ж. Никиты столпника (см. выше, стр. 949), древнѣйшiй списокъ котораго относится къ к. XIV или нач. XV в.; оно сообщаетъ о переяславской жизни и дополняется позднѣйшими описанiями чудесъ и похвальнымъ словомъ, въ которыхъ можно найти нѣсколько чертъ для исторiи монастырской жизни XVI в. [1]). Къ тому же времени относится ж. Данiила Переяславскаго († 1540), принадлежащее къ самымъ обширнымъ и лучшимъ бiографiямъ Макарьевскаго перiода (рук. въ Синод., Унд., Толст. бб.), помѣщенное въ сокращенiи въ Степенной книгѣ и лѣтописи [2]). Въ житiи дается рѣзкая картина паденiя монастырскихъ нравовъ (Гориц. мон., при вступл. въ игумены Данiила, 1511—12 [3]). Прибавимъ, что въ сузд. Спасо-Евеимьевскомъ. мон. существовала библiотека, въ которомъ по описи 1660 г., считалось 163 книги б. ч. рукописныхъ [4]). Не касаясь обычныхъ монастырскихъ книгъ (Сборниковъ, Патериковъ, житiй, соч. извѣстныхъ русскихъ писателей), отмѣтимъ, что въ ней были двѣ лѣтописныя книги и Книга Царственная Гранографъ (написано ново). Монастырь рано занялъ видное мѣсто въ Суздальской землѣ, а монахи его занимались и списыванiемъ книгъ [5])

Мѣстныя сказанiя связываютъ Владимиръ съ кiевскими преданiями и видами русскихъ князей на Константинополь[6]). Въ предѣлахъ же Владимирской губ. до сихъ поръ поются былины и историческiя пѣсни [7]), а объ историческихъ преданiяхъ мы упоминали выше.

---

[1]) Ключевскiй, 49—50, 282—283; ср. Голубинскiй, II, 639—641. При исканiи мощей Никиты обнаружилось, что тѣло его было обернуто въ бересту, хотя послѣдняго не нашли тогда. См. А. А. Титовъ, Синодики Переясл. Никитскаго мон. (XVII в.). М. 1903.

[2]) Степ. кн., II, 218—236; Рус. Времян., II, 305—315.

[3]) Филаретъ, апр., 23—31; Ключевскiй, 282.

[4]) Врем. Общ. ист. и древн., кн. V; ср. Оп. рус. исторiогр., I, 635—636. Нѣк. изъ книгъ были подарены кн. Д. М. Пожарскимъ.

[5]) Филаретъ, апр., с. 10. Сузд. Евеим. мон. принадлежитъ старинный Синодикъ съ родосл. мѣстныхъ князей и бояръ (Москвит. 1852, V, № 19, с. 67—70).

[6]) См. „Сказанiе о владим. князьяхъ“ (разборъ въ соч. И. Н. Жданова, Рус. былев. эпосъ, стр. 133—151).

[7]) Нѣск. образц. народ. историч. пѣсенъ, записан. во Владим. губ., М. Н. Бережкова (Изв. Ист. фил. инст., Нѣж. XV, 1--31). Въ сборн. Кирѣевскаго самыя раннiя по содержанiю пѣсни относятся ко времени Ивана Грознаго.

VI.

Съ возвышеніемъ Владимира политическая жизнь сѣверной Руси сосредоточивается на его исторіи и Суздальская лѣтопись становится собственно Владимирскою, такъ какъ Суздаль не игралъ первенствующей роли, а съ нач. XIII в. до 2-ой полов. XIV в. и въ іерархическомъ отношеніи вполнѣ зависѣлъ отъ Владимира[1]. Но это не значитъ, что въ Суздалѣ не велись лѣтописныя записи.

Къ сожалѣнію Владимирская лѣтоп., какъ и Ростовская, не дошла до насъ въ своемъ настоящемъ видѣ; а въ спп. Лавр., Радзив., Переяслав. и Троицкомъ 1 (Сузд. лѣт. по Акад. сп.) владимирскія извѣстія слиты съ ростовскими. Кромѣ того, событія, касающіяся Суз-

[1]) Соловьевъ сѣв. лѣт-сь называетъ „Суздальскою" только по противоположности съ южной, а вообще выражается: „Владимиро-Ростовскій лѣт-цъ" и отмѣчаетъ, что лѣт-цъ пишетъ во „Владимирѣ" (III, 44, 65, 69, 136, 139, 140, 150; пр. 242; IV, 250, 367—369). Погодинъ называетъ лѣт. Суздальской, пис. во Владимирѣ, хотя и отмѣчаетъ событія, записанныя не во Владимирѣ (IV, 63—64). Костомаровъ говоритъ: „Лѣтопись велась во Владимирѣ... Лѣтописецъ пишетъ съ явнымъ пристрастіемъ къ княж. дому, властвовавшему во Владимирѣ и съ порицаніемъ тѣхъ, которые съ нимъ были въ несогласіи" и съ этой же лѣтописью связываетъ названіе „Владимирскій полихронъ", упоминаемое въ „Твер. лѣтописи" (83, 86). Срезневскій называетъ Сузд. лѣтопись и Владимирскою (Памят. рус. письма и яз. 84—85, 90, 105—106. 110, 161). Б.-Рюминъ очевидно склоняется въ пользу Владимира (О составѣ, стр. 106. 131—149, pass.). Въ этомъ же смыслѣ говоритъ Голубинскій, различая лѣтописцевъ ростовскаго (до 1162) и владимирскаго (съ 1164 г.), который заявляетъ о себѣ не разъ дальше (I, 651—652). Д. И. Иловайскій, напротивъ, указывая на то, что, уступивъ Владимиру первенство политическое, Ростовъ продолжалъ оставаться средоточіемъ просвѣщенія края, настаиваетъ на веденіи лѣтописи въ Ростовѣ, при непосредственномъ участіи рост. еп. Кирилла II, отличавшагося ревностью къ книжному дѣлу (II, 340). И. А. Тихомировъ, отдѣляя ростовскія извѣстія отъ владимирскихъ, въ то же время отмѣчаетъ и записи суздальскія (О Лавр. лѣт., Ж. М. Н. Пр. 1884, № 10, сс. 248. 249, 253, 255, 259, 264; гг. 1171, 1174, 1175, 1192 (рядъ событій въ Суздалѣ) 1194 (обновл. ц. въ Суздалѣ еп. Іоанномъ), 1202 (конч. княг. Февроніи), 1222 (постр. церкви), 1229 (съѣздъ князей, о прин. схимы рост. еп. Кирилломъ I въ м. св. Димитрія), 1230 (о роспис. ц. Богородицы въ Суздалѣ). А. А. Шахматовъ указываетъ на записи, веденныя въ Суздалѣ (въ сводѣ съ 1152) и во Владимирѣ (съ 1158; Изслѣд. о Радз. лѣт., 87—88), давшія матеріалы для свода, о которомъ скажемъ далѣе. Впрочемъ въ другомъ мѣстѣ авторъ замѣчаетъ: „Существованіе лѣт. записей въ Суздалѣ и Ярославлѣ (=Юрьевѣ, Костромѣ и др. городахъ) не доказано, такъ какъ онѣ могли быть записаны и въ одномъ изъ политическихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и литературныхъ центровъ сѣв. вост. Руси" (Обозр. сводовъ, сс. 5 и 8).

дальскаго кн., внесены въ лѣтоп. сборники—Соф., Воскр. и Никон. [1]) Въ Воскр. сп. есть даже заглавіе, какъ бы указывающее на существованіе отдѣльной лѣтописи: „Наста княженіе Суздальское кн. Андреемъ Юр. Боголюбскимъ, а столъ вел. кн. Володимерское, въ лѣто 6665" (1157[2]). Заложеніе каменной ц. Богородицы и расширеніе укрѣпленій города—первый фактъ, записанный лѣтописью [3]). Съ этого времени можно видѣть ясные слѣды непрерывной лѣтописи Сузд. края, веденной во Владимирѣ, такъ какъ событія въ немъ выступаютъ на первый планъ.

Изученіе близкихъ по своему содержанію спп. Суздальскаго лѣтописанія: Лавр., Радзив., Переясл., Троиц. (1409), Сузд. акад. и Ипат. (сузд. событія) приводитъ къ заключенію, что всѣ они стоятъ въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи другъ къ другу и прямо или косвенно восходятъ къ общему источнику въ отдѣльныхъ частяхъ. Такимъ образомъ Радзив. сп. (оконч. 1206 г. [4]) послужилъ оригина-

[1]) „Владим. записи восходятъ повидимому не къ самостоятельной лѣт. г. Владимира, а къ той митр. лѣтописи, которая велась въ Москвѣ или Владимирѣ изъ года въ годъ, подобно епископскимъ лѣт. въ отдѣльныхъ рус. епархіяхъ... Вѣроятно она цѣликомъ перешла въ Полихронъ" (А. А. Шахматовъ, Ж. М. Н. Пр. 1900, № 9, гл. 2-я, и 1901, № 11, с. 58).

[2]) П. С. Р. лѣт., т. VII, 66.

[3]) Подъ 6668 г. говорится объ окончаніи церкви и назначеніи ей десятины в. кн. Андреемъ, утвержденной грамотою, который сказалъ: „да будетъ митрополія си есть мати церквамъ рускимъ". Въ Никон. лѣт., подъ тѣмъ же годомъ, говорится весьма подробно о доходахъ церкви отъ лица князя, какъ будто лѣт-цъ пользовался и грамотою (Срезневскій, 65).

[4]) См. выше, стр. 416--418. Рукопись въ томъ видѣ, какъ она сохранилась теперь, состоитъ изъ 251 л. и по бумагѣ дѣлится на двѣ части: 1—245 (чернила сильно пожелтѣли) и 246—51 (черн. черныя, безъ рисунк.), форматъ -десть обыкн. бумаги, выдѣлки, какъ полагаютъ, старѣйшихъ польскихъ бум. мельницъ. Судя по знакамъ бумаги, время написанія Радз. сп. должно быть отнесено съ вѣроятностью къ послѣднему десятилѣтію XV в. (Ипат. л. написана на франц. бумагѣ ок. 1425 г.; до пол. XV в. преобладала итальянская бумага, Н. П. Лихаревъ. Бумага, с. LXV; Палеогр., 455—456). Тѣмъ не менѣе никакихъ данныхъ нѣтъ для утвержденія, что Радз. лѣт. возникла въ Запад. Руси. Первая часть рук. писана одной рукой (за исключеніемъ повидимому л. 38—38 об.). Текстъ лѣт. почти не искаженъ поздн. приписками и поправками. Особенную цѣнность придаютъ рукописи рисунки: ихъ всего 604. Рисунки раскрашены и изображаютъ тѣ событія, о которыхъ сообщается въ текстѣ и повидимому принадлежатъ тому лицу, которое писало текстъ. Полагаютъ, однако, что рук. представляетъ копію съ иллюстр. оригинала. Копія 1713 г., сдѣланная по повелѣнію Петра В., точно воспроизводитъ оригиналъ (въ листъ, на 311 нумер. и 5 ненум. л., въ зелен. сафьян. перепл. съ рисунк.). Оригиналъ и ко-

ломъ для Сузд. акад. лѣт., которая, кромѣ того, пользовалась Троиц., лѣт. (1409) или сходной съ ней [1]). Въ части 1138—1206 Радз. сп. представляетъ какъ бы сп. съ Переясл. лѣт. (съ нѣк. пропусками сравнительно съ Лавр. сп.), конечно не въ дошедшемъ до насъ спискѣ первой, но въ ея оригиналѣ, который вѣроятно также продолжался до 1214 г.; впрочемъ въ ней есть и такія извѣстія, которыхъ нѣтъ въ Переясл., а между тѣмъ они существуютъ въ Лавр. лѣт. Въ изд. этой послѣдней Арх. ком. всѣ варіанты съ начала лѣт. и по 1206 г. заимствованы изъ Радзив. сп. и такимъ обр. подтверждаютъ ихъ близость, и только съ 1193 г. по 1206 г. (1193, 1195, 201) можно отмѣтить значительное различіе между Лавр. и Радз. лѣт-ми. Тѣмъ не менѣе редакціонныя отличія между Л. и Р. лѣт. весьма значительны, начиная съ первыхъ строкъ Пов. врем. лѣтъ. Съ другой стороны, есть рядъ мѣстъ, свидѣтельствующихъ о совпаденіи чтеній Радз. и Лавр. лл. въ противоположность Пер. (1174, 1175—1177, 1185, 1196, 1198, 1212). Отсюда видно, что составитель Радзив. лѣт. согласовалъ текстъ Пер. и Лавр. лѣт.; но съ 1206 г. Лавр. лѣт. рѣзко расходится съ Переясл. и на этомъ годѣ превращается Радз. лѣт. Далѣе, какъ въ начальной части лѣт. (Пов. врем. лѣтъ), такъ и въ суздальскихъ извѣстіяхъ замѣчается близость между Радзив. и Ипат. спп., какой нѣтъ между Радз. и Лаврент. лѣт-ми (иногда эти отличія касаются только словъ и выраженій, но иногда вносятся обѣими ред. подробности въ именахъ, числахъ, опредѣленіи мѣстъ, и т. п.), Иногда ред. сузд. извѣстій въ Ипат. лѣт. совпадаетъ съ Радз., а иногда отличается какъ отъ Радз., такъ и отъ Лавр. Вообще, отсюда за-

---

пія хранятся въ библ. Акад. Наукъ. Въ той же библ. имѣется другая копія, безъ рисунковъ, нач. XIX в., но съ обознач. мѣстъ для рисун. словомъ фіг., безъ нач. и конца. Въ И. Пуб. библіотекѣ также имѣется копія, пис. разн. почерк., XVIII стол., на 278 лл. съ многочисленными приписками, указывающими на содержаніе текста. Копіей 1713 г. пользовались Татищевъ и Ломоносовъ; подлин. Радз. л.—Шлецеръ, Чеботаревъ и Черепановъ, Оленинъ, Тимковскій, Карамзинъ и Арх. ком. въ своихъ изд. Лавр. лѣтописи. Точное фототип. изд. Радз. лѣт. съ рисунк. сдѣлано въ 1904 г. Общ. люб. др. письм. Подр. опис. лѣт. текста см. въ Изслѣд. о ней А. А. Шахматова (1—17,30). Рисунки въ рукописи (разныхъ красокъ) принадлежатъ по кр. мѣрѣ 5 мастерамъ, изъ которыхъ три, вѣроятно, были русскіе, и два—нѣмцы или знакомые съ нѣмецкими худож. типами XV стол. и по всей вѣроятности принадлежали Новгороду, близкому къ западнымъ вліяніямъ (В. И. Сизовъ, Миніатюры Кенигсб. лѣт., Изв. Ак. Н. 1905, I, 1—50).

[1]) На зависимость Сузд. акад. лѣт. отъ Радзив. указали еще Строевъ (Библіол. Словарь, 361) и Полѣновъ (Обозр. лѣт., 20—21).

ключаютъ, что Сузд. лѣт., служившая источникомъ Ипат. лѣт., соединяла въ себѣ особенности Радз. и Лавр. лѣт., не считая основного источника, который отразился въ Переясл. лѣт. (включая и дефектъ рук.—путаницу событій 1203—1205 г. и утрату конца рук. 1206—1214 г.). Но такъ какъ Радз. лѣт. стоитъ въ ближайшей связи съ лѣт. Тверскою и Львовскою (Лѣт. рус., изд. Львовымъ, Спб. 1792), какъ въ нач. части (Пов. врем. лѣтъ), такъ и на всемъ пространствѣ Радз. списка по 1206 годъ [1]), то это обстоятельство приводитъ къ заключенію объ общемъ ихъ источникѣ—лѣт. сводѣ, сост. во Владимирѣ въ 1423, так. наз. „Владимирскомъ палихронѣ", который, однако, заключалъ въ себѣ болѣе древній памятникъ, выразившійся отчасти въ Переясл. (осн. источ. Радз.), а отчасти въ Лавр. и Новг. 1-ой лѣт. [2]). Такимъ памятникомъ признается болѣе древній общерусскій сводъ, возникшій во Владимирѣ, вѣроятно по мысли м. Петра (Лавр. лѣт. оконч. 1305 г.) и имѣвшій цѣлью объединить лѣтописныя записи Владимира, Новгорода, Твери, Рязани, Чернигова, Смоленска и другихъ городовъ. Но и этотъ сводъ не былъ первоначальнымъ. Указываютъ на болѣе ранніе своды, возникшіе во Владимирѣ: 1185 (слово аминь, хотя дальнѣйшее изложеніе не говоритъ о такомъ перерывѣ и принадлежитъ къ обычнымъ лѣтописнымъ оборотамъ [3]), который составился изъ общаго лѣтоп. источника (Кіев. лѣт.) и суздальскихъ извѣстій; св. 1192 г., включившій въ составъ послѣдняго нѣк. южно-русскія извѣстія (1171), извѣстія 1185 и 1186, заимствованныя изъ (предполагаемой) лѣтописи Переяславля южнаго, имѣвшей въ своемъ основаніи „Пов. врем. лѣтъ" въ иной ред. (=Ипат. л.), чѣмъ, напр., Кіевская, и продолженіе сузд. извѣстій. Этотъ сводъ послужилъ, въ свою очередь, основаніемъ для Владимирской лѣт., сост. ок. 1216 г. и лѣт. Переяславля сузд.; между тѣмъ, какъ сводъ 1185 г. легъ въ основаніе Ростовской лѣт. [4]). Эта послѣдняя, а также лѣт. Переяславля сузд. и общерусскій сводъ нач. XIV в. (куда вошла Владим. лѣт. нач.

---

[1]) А. А. Шахматовъ, Общерус. лѣтоп. своды XIV и XV в. в. (Ж. М. Н. Пр. 1900, № 11, с. 144 и д.).

[2]) Его же, Изслѣд. о Радзив. или Кенигсб. лѣт., Спб. 1902, 31—52; ср. оговорку (Изв. Ак. Наукъ 1904, I, 377, примѣч.).

[3]) Владимирское лѣтописаніе возникаетъ при Андреѣ Богол. (85—86)

[4]) Такъ наз. „Княжій лѣт-цъ", не имѣющій ничего общаго съ болѣе раннею Рост. лѣт., существованіе которой предполагается, какъ веденной въ городѣ болѣе древнемъ, чѣмъ Владимиръ (А. А. Шахматовъ, Обозр. лѣт. сводовъ, 8—16).

XIII в.), въ видѣ дополнительнаго матеріала, послужили источниками такъ наз. Лавр. свода. Въ свою очередь, общерусскій лѣт. сводъ нач. XIV в. легъ въ основаніе Ипат. лѣт., Полихрона 1423 г. и отчасти Новг. 1-й лѣт. Лавр. и Переясл. лѣт. послужили источниками для составителя Радзив. сп., который положилъ въ основаніе послѣднюю изъ нихъ, какъ полагаютъ, потому, что онъ имѣлъ въ виду воспроизвести заключавшіяся въ ней иллюстраціи, въ какомъ видѣ она была извѣстна уже тѣмъ составителямъ, которые пользовались ею въ XIV и XV стол. и даже думаютъ, что такой текстъ былъ составленъ еще въ 1-й четв. XIII в. для вел. кн. Ярослава Всеволодовича. Так. обр. Радзив. лѣт. представляетъ черты болѣе ранняго владимирскаго лѣтописанія и нашедшихъ въ немъ мѣсто остатковъ лѣтописи Переяславля южнаго. „Не только суздальскія событія 2-й полов. XIII в. представлены здѣсь почти въ томъ самомъ видѣ, какъ ихъ записывали современники, но и древнѣйшія русскія историческія данныя сохранили въ ней ту первоначальную редакцію, за которой слышится голосъ русскаго человѣка первой четв. XII вѣка" [1]).

Итакъ въ Суздальской области первой четв. XIII стол. обнаруживается одновременное существованіе трехъ лѣтописей: Ростовской, Владимирской и Переяславской [2]). Содержаніе 1-й изъ нихъ съ ея продолженіями мы разсмотрѣли выше. Прослѣдимъ составъ владимирскихъ извѣстій въ дошедшихъ до насъ сводахъ.

Подъ 1160 г.—помѣщено обращеніе новгородцевъ къ Андрею съ просьбой о князѣ; о созданіи во Владимирѣ ц. Богородицы и укрѣпленіи ея; подъ 1161 г. говорится о расписаніи церкви; подъ 1164 г.— о построеніи церквей во Владимирѣ; о ереси еписк. Леона [3]); о походѣ Андрея на болгаръ, съ обращеніемъ къ владим. Богородицѣ за совершеніе чуда; подъ 1165—о конч. и погреб. сына Андрея Бог. Изяслава въ ц. Богородицы; 1166—о погреб. тамъ же кн. Ярослава Юр.; 1168—о походѣ союзныхъ Андрею князей на Кіевъ подъ нач. его

---

1) Ibid., 53--114.

„Видно, что во Владимирѣ велась лѣт. въ XIII и XIV вв. (—записи, см. в., с. 963). Полихронъ показываетъ, что тогда уже лѣт-си начинали принимать значеніе общерусскихъ, обнимающихъ описаніе во всей русской землѣ". (Костомаровъ, 88).

2) Излѣд. о Радзив. лѣт., 67—68, 73.

3) Въ Ипат. лѣт. иначе (стр. 356), по южнымъ извѣстіямъ (Б. Рюминъ, 127—129). Воскр. сводъ соединяетъ оба извѣстія (VII, 76).

сына Мстислава; о взятіи и разграбленіи города („по отнѣ и дѣдинѣ“ молитвѣ) съ поуч. на неправильное толкованіе поста [1]); 1169—о результатахъ побѣды и дѣло еп. Ѳеодора съ присоединеніемъ событій въ юж. Руси (=Ипат. л. 339—42[2]); новгород. походъ подъ нач. сына Андрея Б. Мстислава, съ заключеніемъ, что „Богъ за грѣхи навелъ и наказалъ по достоянію рукою благ. кн. Андрея“ (342—344[3]); 1171—о рожд. у Мстислава Андр. сына Василія [3]) и обстоятельный разсказъ о походѣ на половцевъ Михаила и Всеволода Юр., посланныхъ вел. кн. Глѣбомъ Юр. (кіев.) съ благодарностью за побѣду, „по дѣдней и отней молитвѣ“ и прославленіемъ Богородицы; 1172—о походѣ Мстислава на болгаръ и покровительствѣ Богородицы; 1173—о кончинѣ Мстислава и погреб. въ ц. Богородицы; 1174—объ отношеніяхъ Андрея къ Кіеву и Новгороду; о смерти Святослава Юр. и погреб. его въ Суздалѣ [4]); 1175—о посольствѣ къ Андрею отъ Романа Рост. и братьевъ его съ просьбой о Кіевѣ. Очевидно, что всѣ означенныя записи составлены во Владимирѣ; ростовскихъ и суздальскихъ извѣстій между ними немного („почти нѣтъ“), но не мало извѣстій, заимствованныхъ изъ южно-русскихъ источниковъ, соединенныхъ съ ними по связи событій или независимо отъ того [5]). Въ разсказѣ объ убіеніи Андрея Б. лѣт-цъ обращается къ его душѣ съ просьбою помолиться за брата вел. кн. Всеволода, заявляетъ о своемъ сочувствіи его дѣламъ, взываетъ къ храму владим. Богородицы и пр. [6]) Въ извѣстномъ спорѣ сѣверныхъ городовъ (1175—77) о первенствѣ по смерти Андрея лѣтописецъ принимаетъ сторону Владимира и заявляетъ о себѣ

[1]) Иначе въ Ипат. лѣт. (372—73); въ Воскр. л. соединены оба разсказа (VII, 80—84). Ср. Карамзинъ, II, пр. 424; Бѣляевъ (Времен. Общ. ист., II, 26); Тихомировъ, 246.

[2]) См. выше, стр. 866.

[3]) Въ южномъ сводѣ приведены другіе мотивы (348—350).

[4]) Благочистивыя разсужденія по случаю болѣзни князя и сочувствіе ему указываютъ на суздальца.

[5]) Тихомировъ (Ж. М. Н. Пр. 1884, № 10, с. 249—250).

[6]) Въ сказ. объ убіеніи Андрея (Лавр. и Троиц. лл.) еще Карамзинъ видѣлъ (III, пр. 24) мѣстную запись (Лавр., 348—354). Другіе же, какъ въ немъ, такъ и въ разсказахъ о распрѣ братьевъ Андрея (Лавр., 354—366; дополн. другими источн. въ Ипат., 403—411); о походѣ Игоря на половцевъ, отлич. отъ помѣщеннаго въ Ипат. л. (430—38), по изложенію и взглядамъ на описываемое событіе; о нашествіи Батыя (соедин. кіев. повѣств. о нападеніи половцевъ съ мѣстными подробностями и замѣчаніями, 437—44), видятъ отд. сказанія (Б. Рюминъ, 110—115, 154—156; Тихомировъ, 240—242).

при описаніи событій, а торжество послѣдняго приписываетъ покровительству Богородицы[1]). Въ разсказѣ о походѣ Всеволодѣ III на Торжокъ спутники его владимирцы говорятъ о себѣ; въ разсказѣ о столкновеніи его съ Романомъ и о походѣ подъ Рязань (1180 г.) лѣтопись выражается: „наши"; подъ 1181—84 гг. описаны походы на Новгородъ (Торжокъ) и болгаръ съ тѣмъ же сочувствіемъ къ Всеволоду и обращеніемъ къ мѣстной святынѣ. Подъ 1185 г. помѣщены описанія распри между Всеволодомъ III и м. Никифоромъ изъза поставленія епископа въ Суздальскую землю; поставленіе еп. Луки и похвалы послѣднему; сообщается о большомъ пожарѣ во Владимирѣ „грѣхъ ради нашихъ", съ разсужденіемъ по этому поводу (372—373); подъ 1186 г.—описана распря рязанскихъ князей и отношеніе къ ней Всеволода III; подъ 1187—о мирныхъ переговорахъ съ нимъ при участіи черниг. еп. Порфирія („занеже суть Резань черниговская епископья") и Луки ростовскаго и объ измѣнѣ перваго изъ нихъ, обличеніи его и пр. и объ опустошеніи Рязанской земли Всеволодомъ; подъ 1189—объ осв. церкви Богородицы послѣ пожара; 1192—постр. ц. Рожд. Богородицы во Владимирѣ; 1193—о пожарѣ во Владимирѣ (388—390); подъ 1194 г.—о заложеніи дѣтинца; подъ 1195 г.—о постр. Всеволодомъ Городца на Острѣ („обнови свою отчину") и укрѣпленіи Переяславля; 1197—о походѣ Всеволода на Черниговъ и отношеніи къ югу; 1200—объ отношеніяхъ къ Новгороду; подъ 1201—отношенія къ Переяславлю южному; 1203, 1204, 1205, 1206, 1207, 1208—отношенія къ Новгороду, Чернигову, Рязани; 1209—нападеніе на Торжокъ; 1210—миръ съ черниговъ. князьями; 1212—о кончинѣ Всеволода. Записи 1213—1239 отличаются подробнымъ изложеніемъ, но сосредоточиваются на событіяхъ сѣверной Руси[2]) и только нашествіе татаръ (1223) привлекло

[1]) Владимирцы говорятъ еще о своей „волѣ" (355—56) и къ этому же эпизоду относятся извѣстныя слова лѣт-ца, что старые города (Новгородцы, Смольняне, Кіевляне и Полочане) „яко на думу на вѣча сходятся и на чемъ старшіе положатъ, на томъ пригороды станутъ" и т. д., съ предпочтеніемъ, однако, „мѣзинныхъ людей"—владимирцевъ, находившихся подъ покровительствомъ св. Богородицы (358—359).

[2]) Извѣстіе о Липецкой битвѣ (1217), неудачной для суздальцевъ, находится не въ Сузд. лѣт., а въ новгородскихъ, подробнѣе другихъ въ IV-й, откуда перешло въ поздн. своды—Соф., Воскр., Твер. Никон. (Иловайскій, II, с. 548, примѣч. 33). Сузд. лѣт. умалчиваетъ и о побѣдѣ новгор. надъ Андреемъ Бог. въ 1171, и впослѣдствіи, когда празднованіе чуда Знам. Богор. стало общерусскимъ, оно замалчивалось въ Суздалѣ (Барсуковъ, Погодинъ, XVI, 145—146).

вниманіе составителя свода къ южнымъ событіямъ. Подъ 1230 г. помѣщена подр. запись о принесеніи изъ Болгаръ мощей муч. Авраамія. Впрочемъ наш. татаръ (взятіе Владимира 1237 и послѣдствія завоеванія, 1239) и на сѣверѣ описано съ бо́льшею подробностью, чѣмъ другія современныя явленія. Въ Лавр. сводѣ описаніе послѣдняго представляетъ соединеніе владим. сказанія съ ростовскимъ. Рядомъ съ фактами, указанными выше, въ сводѣ идутъ краткія извѣстія о бракахъ, рожденіи, постригахъ и кончинѣ князей, о небесныхъ знаменіяхъ, о постриженіи, объ обновленіи и освященіи церквей, о пожарахъ и т. п., а событія Владимирскаго княжества перебиваются записями, касающимися южно-русскихъ (=Кіев. лѣт.), Ростовскаго (особенно, см. выше, с.905—906) и др. сѣверно-русскихъ княжествъ. Владимирскій лѣт-цъ пишетъ съ явнымъ пристрастіемъ къ своему княжескому дому и побѣды его всецѣло относитъ къ покровительству св. Богородицы (храма). Авторъ этихъ записей очевидно духовное лицо, что́ видно, какъ изъ частаго обращенія къ Св. писанію, такъ и изъ длинныхъ нравственно-религіозныхъ сентенцій и отступленій, вносимыхъ въ описаніе болѣе важныхъ событій (гг. 1206, 1207, 1212, 1217, 1227—пожаръ города, 1237).

Пользуемся случаемъ, чтобы привести здѣсь болѣе полно мнѣніе позднѣйшаго изслѣдователя лѣтописей (ср. выше, стр. 407—408) объ образованіи лѣтописныхъ сводовъ. „Несомнѣнно, что лѣтописаніе начинается съ *записей* и *сказаній*, но, переходя на почву интересующаго насъ русскаго лѣтописанія, мы видимъ, что уже въ началѣ XII в. въ Кіевѣ составился обширный лѣтописный сводъ „Пов. врем. лѣтъ“, имѣвшій весьма значительное распространеніе и оказавшій рѣшительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе лѣтописнаго дѣла не только въ южной, но также въ сѣверной (Новгородской) и сѣв. восточной (Сузд. и Московской) Руси. Врядъ ли въ разныхъ отдаленныхъ и глухихъ углахъ древней Руси могли самостоятельно возникнуть мѣстныя лѣтописи, самобытные лѣтописные своды, но Пов. вр. лѣт. и позднѣйшіе, составленные на основаніи ея своды, проникали и въ Новгородъ, и въ Тверь, и въ глухой Переяславль Залѣс.; здѣсь эти своды подвергались переработкѣ и дополнялись на основаніи мѣстныхъ извѣстій, сказаній и историческихъ преданій. Отрицая, так. образомъ, по крайней мѣрѣ, для древнѣйшей эпохи, самостоятельное существованіе мѣстныхъ лѣтописей, я думаю, что въ распоряженіи позднѣйшихъ сводчиковъ находились не погодныя записи, составленныя въ различныхъ городахъ и областяхъ, а лѣтописные своды, отражавшіе въ боль-

шинствѣ случаевъ свое мѣстное—ростовское, тверское, новгородское и т. п. происхожденіе. Поэтому изученіе позднѣйшихъ сводовъ приводитъ къ опредѣленію и возстановленію сводовъ древнѣйшихъ; анализъ древнѣйшихъ сводовъ и даже Пов. врем. лѣтъ указываетъ, какъ на ихъ источники, на еще болѣе древніе лѣтописные своды". Точно такъ же ближайшее изученіе Лавр. сборника, сопоставленіе его съ другими лѣт. сводами, показываетъ что составитель, жившій притомъ, вѣроятно, не въ концѣ, а въ нач. XIV в. (Лаврентій былъ простымъ переписчикомъ; его обращеніе къ читателю также книжное; ср. приписки въ Прологахъ, Ж. М. Н. Пр. 1883, № 5, крит., с. 73; Срезневскій, Слав. рус. палеогр., 190), имѣлъ въ своемъ распоряженіи весьма ограниченное число сводовъ, уже объединившихъ разнородный матеріалъ; одинъ изъ этихъ сводовъ-источниковъ Лавр. сборника—владимирскій 1206 г. —дошелъ и до насъ въ позднѣйшемъ спискѣ—Радзивиловскомъ (рец. на изслѣд. И. А. Тихомирова, Изв. Ак. Наукъ, V-я серія, 1898, № 4, стр. 288—289).

Одинъ изъ составителей Владим. лѣтописи, конечно, жилъ въ к. XII и нач. XIII вѣка; другой жилъ въ 1-й четв. XIII в. и пережилъ нашествіе Батыя [1]). Но записи, встрѣчаемыя въ сводѣ за указанное время и относящіяся между прочимъ къ судьбѣ разныхъ княжествъ, приводятъ нѣкоторыхъ къ заключенію, что дѣти и внуки Всеволода, размѣстившись по разнымъ городамъ сѣв-вост. Руси, способствовали развитію лѣтописанія въ своихъ стольныхъ городахъ; а потому каждый городъ, гдѣ сидитъ князь, старался сохранить память о важныхъ событіяхъ, какъ въ жизни княжеской, такъ и цѣлаго княжества, и родного города" [2]). Однако, такая широкая постановка настоящаго вопроса, какъ мы видѣли, вызвала возраженія [3]).

Послѣ нашествія татаръ записи въ Лавр. лѣт. становятся короче: 1240—о рожд. у Ярослава Всев. дочери Маріи; 1241—р. сына Василія; 1242—о посылкѣ вел. кн. въ Новгородъ сына Андрея въ помощь Александру противъ нѣмцевъ; 1243—о поѣздкѣ Ярослава къ

[1]) Погодинъ, Изслѣд. IV, 63, 66; ср. Срезневскій, Пам. языка; 84—85. О Сузд. сводѣ 2-й четв. XIII в. (А. А. Шахматовъ, Древнѣйшія ред. Пов. врем. лѣтъ, Ж. М. Н. Пр. 1897, № 10, стр. 255—259). Отношеніе этихъ извѣстій, какъ и дальнѣйшихъ, въ поздн. лѣтоп. сборникахъ (сокращенія, дополненія, варіанты) указано въ ст. И. А. Тихомирова, О Лаврент. лѣтописи (Ж. М. Н. Пр. 1884, № 10).

[2]) Тихомировъ, 266.

[3]) А. А. Шахматовъ, Обозр. лѣтописныхъ сводовъ, 8.

Батыю и полученіи отъ него утвержденія на вел. кн. престолѣ („Ярославе! буди ты старѣй всѣмъ княземъ в Русскомъ языцѣ"): 1244—о поѣздкѣ другихъ сѣв. князей къ Батыю за утвержденіемъ; 1245—о поѣздкѣ вел. кн. Ярослава съ братьями и племянниками къ Батыю; 1246—о конч. Ярослава Всев.; 1247—о пріѣздѣ Александра на погребеніе отца; о поѣздкѣ князей къ Батыю; 1248—объ уб. литовцами кн. Мстислава Яр. и погребеніи его во Владимирѣ; о побѣдѣužсузд. княземъ Литвы подъ Зубцевымъ; 1249—о назначеніи ханомъ Александра вел. кн. въ Кіевѣ и всей Руси и Андрея во Владимирѣ; о кончинѣ во Владимирѣ—кн. Владимира Конст. и Василія Всев. и погребеніи перваго въ Угличѣ, а второго въ Ярославлѣ; 1250—о поѣздкѣ князей къ Сартаку (с. Батыя); о пріѣздѣ м. Кирилла въUžсузд. землю; о женитьбѣ во Владимирѣ кн. Андрея Яр. на доч. Даніила Ром.; 1251—о поѣздкѣ митр. въ Новгородъ къ Александру и постав. Далмата епископомъ; о тяжкой болѣзни Александра; объ отъѣздѣ кн. Глѣба Васил. на Бѣлоозеро въ свою отчину; 1252—о поѣздкѣ Александра Яр. новгор. въ татары и утвержденіе его въ старѣйшинствѣ; о бѣгствѣ отъ татаръ Андрея, о нападеніи на него у Переяславля, о захватѣ княг. Ярославлей и дѣтей ея (Ярослава Всев.) и причиненіи зла всей землѣ, о посаженіи на столъ Александра Нев., „тисящю предержащю Роману Мих. и весь рядъ", о радости во всей землѣ; о конч. Святослава Всев.; 1255—о погреб. во Владимирѣ Константина Яр.; о распрѣ Александра съ новг-ми, изгнаніи его сына Василія; о примиреніи съ Новгородомъ; 1256—о посылкѣ даровъ Александромъ хану; о побѣдѣ его надъ Емью; 1257—о поѣздкѣ Александра и др. князей въ Орду; о прибытіи численниковъ татарскихъ и счисленіе всей Суздальской земли; 1258—о поѣздкѣ Александра и др. князей въ Орду, о прибытіи численниковъ во Владимиръ и поѣздкѣ ихъ съ Александромъ въ Новгородъ; 1261—о рожд. у Александра с. Даніила; о поставленіи митр. еп. Митрофана въ Сарай; 1263—запись о конч. Александра, а затѣмъ помѣщается житіе Александра въ сплошномъ видѣ (въ другихъ сводахъ оно разбито по годамъ), къ сожалѣнію не оконченное вслѣдствіе дефекта въ Лавр. сп. описанія 20 слѣд. лѣтъ 1263—83 (см. выше, стр. 907, пр. 2.[1]). Принимая же во

[1]) Во всѣхъ сборникахъ повѣсть одной ред. съ нѣк. отличіями (Ж. М. Н. Пр. 1884, № 10. с. 242—43, 269). Приписываніе ж. пином. Тимоѳею, одному изъ предполагаемыхъ составителей Новгор. лѣт., не имѣетъ основанія (Ключевскій, Житія, стр. 67—68). См. еще выше, стр. 685—689.

вниманіе, что авторъ ея ссылается на разсказы стараго поколѣнія („понеже слышахъ отъ отецъ своихъ“) и свою близость къ описываемымъ событіямъ („самовидець есмъ възрасту его“), а также на сообщенія самого Александра („си же вся слышахъ отъ *господина своего* вел. кн. и отъ инѣхъ, иже в то время обрѣтошася в той сѣчи“), а съ другой стороны, что о Ледовомъ побоищѣ онъ пишетъ со словъ „самовидца“, полагають, что онъ былъ владимирецъ, служившій въ княжеской дружинѣ, а не новгородецъ. Кое-что онъ слышалъ и отъ м. Кирилла, участвовавшаго въ погребеніи князя. Отношеніе къ этому послѣднему и частыя ссылки на Св. писаніе не позволяютъ, однако видѣть въ авторѣ непремѣнно духовное лицо. Событія 1283—84 гг. и частію 1285 г. относятся къ исторіи Курской окраины (см. в., стр. 497), а 1285—1305 гг. (съ пропускомъ 1288—1293, дефектъ рук.) преимущественно къ исторіи Твери и отчасти Владимира (наставл. епископа, отношенія къ Твери), Москвы, Рязани, Смоленска и т. п. Такимъ обр. судьба собственно Владимира не занимаетъ уже лѣтописца.

Въ Троиц. сп. Суздальской лѣт. (по Акад. сп., напеч. во всѣхъ изд. за Лавр. лѣт., П. С. Р. лѣт., т. I, 1846; изд. 2-е 1872; изд. 3-е 1897), подробныя извѣстія, кас. Сузд. земли, идутъ, какъ и въ Лавр. лѣт., по 1239 г. По 1206 г. оба сп. оказываются сходными (ср. Радзив. сп., оконч. 1206 г.). Прод. Троиц. л. представляетъ заимствованіе изъ 1-й Новг. лѣт.[1]). Описаніе нападенія татаръ на сѣв. Русь и преимущественно Владимиръ—владимирское (ср. выше, стр. 454 и пр. 4 и 5); извѣстія 1238—1261 гг. составляютъ то существенныя дополненія къ записямъ Лавр. лѣт. (1238 г.), то сокращенія этой последней до краткаго перечня владимирскихъ событій (рожд. и конч. князей, поѣздки ихъ въ Орду и т. п.[2]). Такое же сокращеніе вѣро-

---

[1]) Разсказъ о битвѣ на Липицѣ 1216 г. въ Троиц. сп. гораздо полнѣе (467—476), чѣмъ въ Новг. л. (200—204), но принадлежитъ тому же стороннику кн. Мстислава Мст. Удалого. Въ Лавр. краткая замѣтка, благосклонная къ Константину Всев. (418). Пов. о наш. татаръ подъ 1223 г. (въ Лавр. кратко) соотвѣтствуетъ помѣщенной въ Новг. 1-й лѣт., хотя полнѣе ея и имѣетъ отличія.

Замѣтимъ еще, что легенда о „вѣчьемъ колоколѣ“, перевезенномъ кн. Александромъ Вас. въ Суздаль и переставшемъ звонить и снова зазвонившемъ по возвращеніи во Владимиръ, наход. въ Синод. л. XV в., очевидно владимирскаго происхожденія. (Карамз. IV, пр. 302).

[2]) Хронологія Лавр. и Троиц. спп. различается: въ Троиц. сп. 6393 (885) г. соединенъ съ 6394 г. (886), почему Лавр. сп. уходитъ на годъ впередъ до 6453 (945), съ котораго хронологія обоихъ списковъ становится согласною.

ятно представляютъ и записи сравнительно съ недостающей частью Лавр. сп. (1263—1283, 1287—1293); но уже съ 1259—1419 г. Сузд. лѣт. въ изложеніи Троиц. сп. становится вполнѣ Ростовскою, сообщая лишь отдѣльныя извѣстія о другихъ княжествахъ и между прочимъ Владимирскомъ (1285, 1293, 1295, 1371—вначалѣ, 1410). Ближайшее изученіе состава Троиц. лѣт. по Акад. сп. выясняетъ, что она заключаетъ въ себѣ три части: 1) Владимирскую лѣт., доведенную до 1206 г. (=Радз. сп.); 2) заимствованія изъ 2-й ред. Соф. 1-й лѣт., 1205—1238 г. и 3) извлеченія изъ общерусскаго лѣтоп. свода 1238—1419 (сход. съ Соф. 1-го и Новг. 4-й) съ преобладающимъ количествомъ ростовскихъ извѣстій, находившихся въ этомъ сводѣ[1]. Текстъ Троиц. лѣт., доведенной до 1409 и сгорѣвшей въ 1812 г. (выписки изъ нея у Карамзина, см. примѣч.), до 2-й пол. XIII ст. почти тожественъ съ Лавр. лѣт.[2]. Вообще, Сузд. лѣт. дошла до насъ въ очень сокращенномъ видѣ[3].

Сузд. лѣтопись въ части, относящейся къ южной Руси, иногда сокращаетъ Кіевскую лѣтопись, но иногда полнѣе и точнѣе передаетъ[4] текстъ извѣстій (1125, 1127, 1129, 1132, 1133, 1135, 1136, 1139, 1146, 1147, 1148, 1186). Судя по этимъ послѣднимъ, занесеннымъ въ лѣтопись, полагаютъ, что составитель свода располагалъ Кіев. лѣтоп. въ ред. 1175 г.[5], лучше сказать начала послѣдней четв. XII стол. Но въ Кіев. лѣт. есть извѣстія о Владимирскомъ княж. болѣе подробныя, чѣмъ въ Сузд. лѣт., какъ напр. подробности о съѣздѣ Юрія Влад. съ Святославомъ Ольг. у Гюргева (1152); о бракѣ с. Святослава кіевскаго со своячен. Всеволода (1180); о смерти вел. кн. Андрея и его погребеніи, о походѣ на болгаръ (1174, 1175, 1182); подробности о пожарѣ въ ц. Богородицы во Владимирѣ (1183,

---

[1]) А. А. Шахматовъ, Общерус. лѣтоп. своды XIV и XV вв. (Ж. М. Н. Пр. 1900, № 9, с. 118—123).

[2]) А. А. Шахматовъ, Изслѣд. о Кенигсб. лѣт., 24—25. Отрицательная характеристика Сузд. лѣт. (Лавр. л.), пользующагося безъ разбора Св. пис., вездѣ стоящаго за интересы своихъ князей и отличающагося сухимъ шаблоннымъ изложеніемъ, дана Н. А. Аристовымъ (Перв. врем. христ. въ Рост. 139—149).

[3]) Погодинъ, IV, 66, 70, 78. На листѣ красной мѣди, покрывавшей крышу собора во Владимирѣ, найдена была надпись въ три строки (нацарапанная острымъ орудіемъ сквозь позолоту), сообщающая, что 13 іюня 1340 г. во Владимірѣ гремѣлъ громъ и тряслась земля (Изв. Ак. Наукъ 1901, III, 290—296).

[4]) Грушевскій, Ист. Руси, III, 491—492. „Выписки всѣ изъ Кіев. лѣт. въ Л. спискѣ сдѣланы очень дурно“ (Погодинъ, IV, 67).

[5]) А. А. Шахматовъ, Изслѣд. о Радзив. лѣт. (86—88).

о княж. одеждахъ); о пиршествѣ по поводу рожд. у в. кн. Всеволода сына Юрія (1187) и отъѣзда изъ Владимира Верхуславы [1]).

Лавр. сп., какъ извѣстно, оканчивается 1305 г.; но въ Воскр., Соф. и Никон. спп. Суздальскую лѣтопись можно прослѣдить черезъ весь рядъ событій XIII и XIV вв.[2]). Подобно Ростовской, Владим. лѣтопись подверглась сокращеніямъ и измѣненіямъ. Подробности же о событіяхъ, касающіяся вел. кн. Владимирскаго, какъ и вообще о мѣстныхъ событіяхъ сѣв. вост. Руси, занесенныя въ позднѣйшіе лѣтописные сборники (Соф., Воскр., Никон. и т. п.) различно, свидѣтельствуютъ о томъ, что они заимствованы изъ разныхъ первоначальныхъ источниковъ[3]). Извѣстія эти обнимаютъ весь районъ Суздальской области: Владиміръ, Переяславль, Суздаль, Н. Новгородъ и др. Таковы записи, внесенныя въ сп. 1-й *Софійскій* лѣт. (гг. 1251, 1262, 1282, 1283, 1286, 1291, 1293—1296, 1298, 1308, 1341, 1355, 1360, 1362, 1365, 1369, 1370, 1378, 1384, 1387); въ *Воскресенскую* (1210—объ отпущеніи в. к. Всеволодомъ рязанской княгини; 1220—подробнѣе другихъ лѣт. описанъ походъ войскъ Всеволода на болгаръ[4]); но въ особенности заслуживаютъ вниманія событія въ Суздальской землѣ послѣ татарскаго нашествія, и преимущественно въ Н. Новгородѣ, со смерти Симеона Гордаго (1353) по 1422 годъ[5]); *Никоновскую* лѣтопись (1186—о вторичной враждѣ Всеволода Юр. съ рязан. князьями и дождливомъ лѣтѣ; 1196—о женитьбѣ сына Всеволода Константина, съ перечисленіемъ князей, быв. на свадьбѣ, въ Воскр. кратко); о постригахъ с. Всеволода—Владимира=Переясл. лѣт.; 1203—о примиреніи Романа Мст. галицкаго съ Всеволодомъ иначе, чѣмъ въ Лавр.; 1214—о пожарѣ во Владимирѣ—сгорѣло 200 дворовъ, 1225—о явленіи звѣзды; 1248—знаменіе въ лунѣ; изгн. изъ

---

[1]) Б-въ-Рюминъ замѣчаетъ: „Странно было бы ограничиваться чисто внѣшними признаками и думать, что только въ Сузд. сводѣ найдемъ бо́льшія подробности о князьяхъ суздальскихъ (нежели въ южно-русскомъ), а надо исходить изъ той мысли, что въ томъ и другомъ сводѣ были разные матеріалы" (О составѣ, 103, примѣч. 92). Ср. стр. 103, 131—139, 141—143, 145, 147, 149.

[2]) Костомаровъ, 85, 97.

[3]) Костомаровъ, 82—86. 93; Филаретъ, 41—44. 53; Соловьевъ, IV, 375; Срезневскій, 65, 84-85, 110, 161.

[4]) Погодинъ, IV, 75. Ср. Никон. лѣт. (тоже).

[5]) Часть этихъ извѣстій, иногда буквально сходныхъ, находится въ Нижег. лѣт-цѣ (Тихомировъ, Моск. лѣтоп. своды. с. 13—14); но есть не мало и не вошедшихъ въ него (15).

Владимира Михаиломъ Яр. Хоробритомъ в. кн. Святослава Всевол.; 1258—о нападеніи татаръ на Литву и захватѣ богатствъ и плѣнныхъ; нѣк. частности междукняж. борьбы при Андреѣ Александровичѣ (1301—1304[1]); *Тверскую* (1175—сказ. объ уб. Андрея Богол. съ нѣк. отличіями отъ другихъ лѣт.[2]); 1225 г., о выдачѣ Юріемъ Всев. своей дочери за Василька Ром. галицкаго[3]); 1377—1423—нижегор. извѣстія; 1409—о нападеніи татаръ на Владиміръ'

„Владимирскій лѣтописецъ" былъ извѣстенъ въ началѣ XV в. и въ Западной Руси на ряду съ Кіевскимъ[4]). Тверской лѣтописецъ называетъ его „Владимирскій полихронъ" [5]). Суздальскій сводъ дошелъ до насъ въ спискѣ монаха Лаврентія и его помощниковъ (нѣсколько почерковъ), писанномъ въ 1377 г., по благословенію архіепископа Діонисія. Заслуживаетъ вниманія, что списокъ этотъ сдѣланъ былъ для вел. кн. Дмитрія Константиновича, княжившаго въ Н. Новгородѣ и Суздалѣ[6]). Занимаясь описаніемъ рукописей гр. А. С. Уварова, въ 1886 г. архим. Леонидъ нашелъ въ одномъ историческомъ сборникѣ 2-й пол. XV в. отрывокъ изъ древняго лѣтописца, который, по своему содержанію, можетъ быть названъ „Владимирскимъ". Неизвѣстный составитель этого лѣтописца (начинающагося родословіемъ русскихъ князей до 1490 г.) въ изложеніи событій слѣдуетъ указаніямъ первоначальной лѣтописи, но замѣтно уклоняется отъ повторенія всѣхъ легендарныхъ сказаній, встрѣчающихся на первыхъ ея страницахъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлаетъ дополненія и по-

[1]) Въ Никон. сводѣ подробнѣе чѣмъ въ другихъ нижегор. извѣстія съ 1363—1387 (Тихомировъ, Москов. своды, с. 60); но есть и болѣе раннія (1305, 1348, 1351, 1358, 1359, 1362) и затѣмъ въ прод. Ник. лѣт. (Ал. Нев. лѣт.) нижегор. изв. идутъ по 1411 г. (ibid., 73).

[2]) Оно вообще сходно съ помѣщ. въ Лавр. лѣт. и потому одними считается мѣстнымъ (Тихомировъ, Ж. М. Н. Пр. 1876, № 12, с. 268—270); а другими—ростовскимъ (Корсаковъ, Меря и Рост. княж., 114, пр. 18 и 239).

[3]) Извѣстія 1248—1255 взяты изъ Рост.-сузд. лѣтописи, но почти буквально сходны съ Сузд. сводомъ по Акад. сп.; гг. 1259—1283 сходны съ тѣмъ же и Лавр. спи., но нѣкоторые совпадаютъ съ поздн. сборн. (Соф., Воскр., Никон.). Тихомировъ (271—272); ср. А. А. Шахматовъ (Ж. М. Н. Пр. 1901, № 11, стр. 56).

Въ Супр. лѣт. есть сказаніе „о началѣ Владимира на Клязьмѣ", оконч. приходомъ Батыя (подроб. месть за смерть Андрея, постройки въ городѣ). Ср. замѣтку (Воспом., изд. С. Руссовымъ, 1832, VI, 64—68).

[4]) Ак. Зап. Руси, т. I, 36. Рѣчь идетъ о поставленіи Климента митр. всея Руси (Лавр. сп., стр. 299).

[5]) П. С. Р. Л., XV, 465.

[6]) Лавр. списокъ, стр. 463.

ясненія главнаго источника, между прочимъ напр. указаніе на происхожденіе кн. Ольги „изъ Болгаріи", вызвавшее въ свое время обширную полемику[1]). Означенный отрывокъ лѣтописи обнимаетъ событія съ 862 г. по 1174 г., т. е. до кончины Андрея Боголюбскаго.

Мы видѣли, что въ „Ростовскомъ лѣтописцѣ", принадлежавшемъ гр. Мусину-Пушкину, заключаются подробности о событіяхъ, совершавшихся во Владимирскомъ и Московскомъ княжествахъ (см. выше, стр. 919). Въ одномъ изъ сборниковъ, принадлежавшихъ Погодину, помѣщенъ отрывокъ, представляющій выписку изъ лѣтописной книги, которая начинается 6498 (990) годомъ, т. е. разсказомъ о приходѣ въ Залѣсскую землю вел. кн. Владиміра и оканчивается 6893 г. (1385), разсказомъ о перенесеніи изъ Владимира въ Москву Владимирской иконы Богородицы. Подъ 6498 г. занесено: „а сій лѣтописецъ изначала въ церкви Успенія Пречистыя Богородицы на тябле пишетъ, а въ тябле стояли иконы греческаго писма, и тѣ иконы и до днес целы". Передъ 6737 г. записано слѣдующее извѣстіе: „да въ той же соборной церкви лежитъ у переднихъ дверей священномученикъ грекъ ключаръ Патрикій[2]), замученъ Болшие орды отъ царевича въ Володимерѣ, за церковную утвар различными муками мученъ"[3]).

Въ генеалогическихъ перечняхъ находятся статьи (родословія) князей владимирскихъ, суздальскихъ и низовскихъ[4]). Точно такъ же въ одномъ сборникѣ XVIII стол., заключающемъ въ себѣ „Родословную книгу" и „Нижегородскій лѣтописецъ"[5]), на стр. 103—108 помѣ-

[1]) Архим. Леонидъ, Откуда родомъ была св. Ольга (Р. Стар. 1888, № 7, с. 215—224); Нѣск. новыхъ замѣчаній (К. Стар. 1889, № 10, с. I—VIII); Д. И. Иловайскій, Ист. крит. замѣтки (Р. Вѣст. 1888, № 12, с. 1—18); И. И. Малышевскій, Происх, рус. вел. кн. Ольги св. (К. Стар. 1889, № 7, с 1—27); Отрывокъ (начало) стараго рус. лѣт-ца к. XIV в., 862—1174, архим. Леонида (Владим. Епарх. Вѣд. 1886, № 10, стр. 295—99).

[2]) Подроб. о его подвигѣ (Никон. лѣт., V, 38).

[3]) А. Ф. Бычковъ, Опис. Сборниковъ, Импер. Публ. библ., 122; ср. П. С. Р. лѣт., т. VI, 139.

[4]) Ibid. 298, 397. Въ одной пергам. рук. Сергіев. лавры (библ. книги) помѣщенъ лѣтописный перечень отъ Владиміра до Всеволода Юргевича лѣтъ 200 (Филаретъ, Обзоръ, 53).

[5]) Сборникъ этотъ описанъ въ Лѣт. занят. Арх. ком., вып. I, отд. III—IV, с. 5—10. Нижегор. лѣт., изд. Гацискимъ, стр. VII—VIII.

щенъ „Родъ суздальскихъ и нижегородскихъ князей, начиная съ дѣтей вел. кн. Ярослава Всеволодовича и кончая дѣтьми князя Андрея—Даніила и Ивана". Въ извѣстномъ же собраніи А. А. Титова имѣется „Владимирскій лѣтописецъ" (на 27 листахъ), въ спискѣ съ рукописи XVIII стол., принадлежавшей Большакову, а нынѣ Е. В. Барсову. Начинаясь выписками изъ лѣтописей съ 6498 г., въ которомъ вел. кн. Владиміръ „прійде въ Залѣсскую землю въ Суздальскую и постави градъ Владимиръ и церковь деревянную дубовую постави и люди окрести". Лѣтопись кончается 6683 г.—обрѣтеніемъ мощей Андрея Боголюбскаго. Затѣмъ идетъ л. 8—апрѣля 8 дня, мученіе св. Авраамія Болгарскаго и Владимирскаго чудотворца; л. 11—убіеніе вел. кн. Георгія Всеволодовича Владимирскаго чудотворца, л. 20—повѣсть о чудесахъ св. вел. кн. Глѣба Андреевича, Владимир. чудотворца. „Всѣ эти житія и повѣсти имѣютъ неразрывную связь, какъ продолженіе лѣтописца" [1]).

Мы упоминали о значеніи Спасо-Евѳиміева монастыря въ Суздальскомъ краѣ и его замѣчательной библіотекѣ, какъ видно, составлявшейся въ теченіе продолжительнаго времени. Въ дошедшемъ до насъ каталогѣ этой послѣдней поименовано и нѣсколько лѣтописей. По связи съ этимъ же монастыремъ заслуживаетъ вниманія происхожденіе обширнаго „Лѣтописца Руского отъ пришествія Рурика до кончины царя Іоанна Васильевича", изданнаго Н. Л. (Львовымъ) въ 5 частяхъ (Спб. 1792 г., 408+367+438+456+315). Издатель полагалъ, что онъ тотъ самый не открытый лѣтописецъ, который извѣстенъ подъ именемъ *Суздальскаго*, но это названіе, какъ извѣстно, принадлежитъ той лѣтописи, которая называется и Лаврентьевскою (во время Львова въ печати еще не извѣстной). Для насъ важнѣе то обстоятельство, что въ немъ подробно описываются суздальскія событія, которыя не всегда находятся въ другихъ спискахъ, даже Никоновской, съ которымъ Львовскій лѣтописецъ имѣетъ болѣе близкое сходство [2]), а также и то, что въ концѣ лѣтописца (въ рукописи) помѣщены записки Спасо-Евѳиміева монастыря [3]), не вошедшія, къ сожалѣнію, въ печат-

[1]) Охранный каталогъ, № 774. Подробности сообщены владѣльцемъ.

[2]) Опытъ рус. исторіогр., I. 821, прим. 1.

[3]) Предисловіе къ изданію.

ное изданіе, но имѣвшія вѣроятно ближайшее отношеніе къ исторіи монастыря, а быть можетъ и мѣстныхъ событій.

Дошедшій до насъ „Нижегородскій лѣтописецъ" [1]), доведенный въ нѣкоторыхъ спискахъ до 1612 г., обыкновенно же до 1687 г., а въ другихъ даже до 1762 г.—очевидно принадлежитъ къ позднѣйшимъ памятникамъ, но такъ какъ въ немъ находятся извѣстія, не встрѣчающіяся въ другихъ лѣтописяхъ [2]), а нѣкоторыя событія въ болѣе обширныхъ отдѣльныхъ повѣстяхъ [3]), то есть основаніе полагать, что источникомъ для него послужили болѣе древнія лѣтописи мѣстнаго происхожденія. И въ заглавіи Нижегород. лѣтописца стоитъ надпись: „Выписано изъ лѣтописца шестыя тысящи о Нижнемъ Новѣ градѣ"[4]): въ нѣкоторыхъ же записяхъ можно видѣть слѣды современнаго повѣствователя [5]).

---

[1]) Изд. въ Древн. Рос. Вивл., ч. XVII; Уч. Зап. Казан. унив. 1836, кн. II, 126—150: „Выписка изъ лѣт-ца о Н. Новгородѣ" (ср. Ж. М. Н. Пр. 1837, № 8, с. 433) и А. С. Гацискимъ (Н. Новг. 1886, по 7 спискамъ) лучшій Арх. ком кромѣ того—новиков., казан., макарьев., брызгаловскій и два дополнит. Арх. ком.). Замѣч. о сп. Шафера, поздн. Арх. ком., съ дополн. стат. (Проток. Арх. ком., III, 307) Замѣтка о недостаткахъ изданія (А. В. Экземплярскій, Великіе и удѣльные князья, II, 383 384). Въ собр. А. А. Титова Нижегородскія лѣтописи не отличаются другими особенностями.

[2]) Карамзинъ, V, прим. 45, 322. О вотчинахъ купца Петрова (см. в. с. 942)

[3]) Нижегород. лѣт., изд. А. Гацискимъ, 106—108.

[4]) См. упомянутое изданіе, стр. 1. Татищевъ отмѣчаетъ: „Нижегородскій лѣтописецъ" не весьма стараго письма, однакожъ не меньше 300 лѣтъ. Сначала внесены дѣла разныя отъ древнихъ писателей, потомъ Несторъ, окончаніе же 6855 (1347) г.„ (Рос. ист. I, 63). Въ каталогѣ его библіотеки сказано: „Нижняго Новгорода лѣтопись до 1347 г." (Нов. изв. о Татищевѣ, 58). Но эта рукопись (иначе Алатырская лѣтопись) подарена Татищевымъ Импер. Академіи Наукъ и оказывается спискомъ Воскресенской лѣт., писан. въ концѣ XVI или нач. XVII в. съ позднѣйшими выписками изъ лѣтописей о событіяхъ, совершившихся въ Н. Новгородѣ 1212—1597 г. (См. П. С. Р. Л., VII, предисл. с. VII—VIII). Ср. Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ русскихъ лѣтописей, прилож. с. 56.

[5]) Нижегор. лѣт. изд. Гацискимъ, стр. 40. О нѣкоторыхъ спискахъ Нижегор. лѣтописца см. еще Отчетъ Имп. Публ. библ. за 1892 годъ, стр. 322—323. Въ Степен. кн. и Минеяхъ (Милютин.) помѣщено сказаніе о супр. кн. Андрея Конст. нижегор. Василисѣ, въ монаш. Ѳеодорѣ (Барсуковъ, 584), а въ одномъ сборн. XVII в.—описаніе „печерскаго труса", быв. въ Н. Новгородѣ въ 1597 г. (Опис. рукоп. Общ. люб. древ. письм., I, 309). Въ Нижегор. лѣт. подъ 1672 г. статья о самосожигателяхъ.

Архим. Макарій (потомъ архіеп.) въ перепискѣ съ Погодинымъ упоминаетъ о двухъ „Городецкихъ лѣтописцахъ"—вѣроятно Нижегородскихъ (Барсуковъ, X, 418). Дошло также нѣсколько „Синодиковъ", между прочимъ списанныхъ со ста-

VII

Существованіе двухъ такихъ памятниковъ, какъ названные выше (т. е. „Моленіе“ Даніила Заточника и „Слово о погибели“), оправдываетъ возможность появленія въ это время *Переяславской лѣтописи*, слѣды которой ясно выступаютъ въ „Лѣтописцѣ русскихъ царей“, изданномъ кн. М. А. Оболенскимъ подъ заглавіемъ: „Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, составленный въ началѣ XIII в.“ (между 1214 и 1219 г.), М. 1851 (по рукописи Московск. главн. арх. Мин. иностр. дѣлъ [1]). Назвавъ его такъ, кн. Оболенскій основывался на свидѣтельствѣ самаго памятника. Составитель лѣтописи, разсказавши подъ 1175 г. обстоятельства кончины Андрея Боголюбскаго, обращается къ нему въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Андрѣю, княже великый .... молися помиловати *князя нашего и господина Ярослава*, своего же приснаго и благороднаго сыновца и дай же ему на противныя, и многа лѣта съ княгинею [2]), *и прижитіе дѣтій благородныхъ* и мирну державу его и царство небесное въ безконечныя вѣкы, аминь“. Такимъ образомъ лѣтопись эта писана въ Переяславлѣ суздальскомъ, при кн. Ярославѣ Всеволодовичѣ, племянникѣ Андрея Боголюбскаго, а ближайшая дата составленія ея обозначается временемъ между назначеніемъ кн. Ярослава на княженіе въ Переяславлѣ (1213) и рожденіемъ перваго сына у него, кн. Θедора, въ 1219 г. Независимо отъ того, лѣтописецъ обнаруживаетъ близость свою къ событіямъ по поводу усобицы между Михаиломъ и Всеволодомъ Юрьевичами съ одной стороны и Мстиславомъ и Ярополкомъ Ростиславичами, съ другой, причемъ прибавляетъ извѣстія о Переяславлѣ, не находящіяся въ Лаврент. лѣтописи, а именно о расположеніи его гражданъ къ Михаилу и Всеволоду, объ участіи въ союзѣ противъ нихъ, по „принужденію“ ростовцевъ, и, напротивъ, о сочувствіи Переяславля владимирцамъ („а съ Переяславци имяхуть Володимирци едино сердце“). Затѣмъ, подъ 1213, передавая извѣстіе о войнѣ между Юріемъ II и

рыхъ (архим. Макарій, Памят. церков. древн. въ Нижегор. губ., Зап. Рус. Арх. общ., X, 81, 83. 102. 106, 212—216, 228, 300, 315. 361—365), въ которые внесены вклады мѣстныхъ князей и москов. царей.

[1]) Онъ помѣщенъ также во Времен. Общ. ист. и древн. рос., кн. IX, 1—112. Замѣчаніе В. М. Истрина (Ж. М. Н. Пр. 1905, № 8, с. 264).

[2]) Въ „Словѣ о погибели“ авторъ выражается: „и до нынѣшняго Ярослава, и до брата его Юрія, князя володимерьскаго“ (изд. Общ. люб. древней письмен., 24).

Константиномъ Всеволодовичемъ въ иномъ видѣ, чѣмъ сообщается о томъ же въ другихъ лѣтописяхъ, Переяславскій лѣтописецъ явно высказываетъ свое предпочтеніе къ сторонѣ Юрія Всеволодовича и Ярослава, между тѣмъ какъ другія лѣтописи (Троицкая, Новгород.) оправдываютъ въ дѣйствіяхъ Константина, слагая всю вину на его братьевъ. Сверхъ того, въ описаніи этой войны особенно подробно изложены тѣ ея обстоятельства, которыя касаются Переяславля Залѣсскаго.

До 1206 г., въ общемъ своемъ содержаніи, Переяславскій лѣтописецъ сходенъ съ Лавр. лѣт. и еще болѣе съ Радзивил. и Троицк. списками; но онъ отличается отъ нихъ нѣкоторыми подробностями и языкомъ. Есть въ немъ также подробности о византійскихъ событіяхъ, не находящіяся въ другихъ лѣтописяхъ, замѣтка объ отступничествѣ латинъ, заимствованная изъ неизвѣстнаго источника, и т. п.

Въ общей своей части Переяславскій лѣтописецъ представляетъ иногда существенныя разночтенія, сокращенія и дополненія съ Лавр. и сходнымъ съ ними списками. Замѣчательно, что подъ 987 и 993 гг. (вмѣсто печенѣговъ) и подъ 1092 г. (вмѣсто половцевъ) названы татары, о которыхъ ни одна изъ изданныхъ лѣтописей не говоритъ ранѣе 1224 г., изъ чего заключаютъ, что или названіе татаръ было извѣстно въ Россіи прежде ихъ общаго нашествія и что печенѣги, почитаемые нѣкоторыми историками за неизвѣстное племя, были именно татары, покорившіе впослѣдствіи Русскую землю, или же, что Переяславскій лѣтописецъ составленъ былъ послѣ 1224 г. Послѣднее соображеніе имѣетъ за себя, повидимому, бо́льшую вѣроятность, но не слѣдуетъ также забывать, что Переяславскій лѣтописецъ дошелъ до насъ въ спискѣ XV вѣка [1]). Поэтому вѣроятно другое заключеніе кн. Оболен-

[1]) Сборникъ, изъ котораго извлечена лѣтопись, состоялъ изъ Шестоднева, перевода (не полнаго) хронографа Малалы, Апокалипсиса, Соборника и Пчелы, какъ видно изъ перечня главъ, но не сохранился вполнѣ. Онъ писанъ съ рукописи, переписанной въ 1261 г. (см. предисловіе, с. LIX; ср. Отеч. Зап. 1851, т. LXXVII, 67—70; о лѣт. Малалы, въ томъ же сборн., Палаузовъ, Вѣкъ болг. ц. Бориса, с. 114—117).

Недавно изд. новый списокъ, по рук., принадл. Н. П. Никифорову С. А. Бѣлокуровымъ (см. выше, с. 734, пр. 1.), наход. въ сборн. к. XV стол., къ сожалѣнію не полный (оконч. 6415 г., т. е. 907, а въ Арх. сп. 6722—1214 г.). Отличія его отъ другихъ лѣт. указаны издателемъ, с. V—IX). Изданіе же кн. Оболенскаго не отличается точностію (ср. Отч. Общ. люб. древ. письм. 1896—97 гг., с. 17; Арх. Изв. 1897, № 1, с. 22; Ист. Вѣст., 1897, № 2, с. 766). Составъ сборника, опис. кн. Обо-

скаго, что лѣт-цъ составленъ между 1214—1219 г. (до рожд. у Ярослава с. Ѳедора и послѣ брака его съ Ростиславой Мстиславной, 1214 г.). Въ основаніе Переясл. лѣт. положенъ Владимирскій сводъ[1]). Въ Переяславскомъ сводѣ помѣщены взятые изъ греческаго Номоканона „Завѣтъ Володимировъ" и „Судъ Ярослава", въ которыхъ обозначены предметы и преступленія, подлежащіе суду духовенства,—вообще рѣдко встрѣчающіеся въ лѣтописяхъ (см. выше, с. 736). И напротивъ, въ Переяславской лѣт. нѣтъ поученія Владиміра Мономаха (въ Лавр. лѣтописи оно помѣщено подъ 1096 год.), промежутокъ же лѣтъ съ 1092—1108 г. представляетъ полное отсутствіе извѣстій. Незначительное число разнорѣчій на пространствѣ 1138—1187 гг. показываетъ, что составитель Переяслав. лѣтописца и монахъ Лаврентій, списывая свои лѣтописи съ одного источника, не держались строго подлинника, а каждый слѣдовалъ своему разумѣнію и языку своего времени. Но съ 1187 г. различіе обоихъ сводовъ становится довольно явственнымъ, а съ 1206 г. еще болѣе замѣтнымъ. Въ особенности оно ясно выступаетъ въ описаніи событій 1212—1213 г., въ которомъ сообщается о кончинѣ вел. кн. Всеволода и раздѣленіи имъ областей своихъ между сыновьями и о завѣтѣ его; о распряхъ старшаго сына Всеволода—Константина съ младшими—Юріемъ и Ярославомъ—все это описано довольно подробно, какъ относящееся преимущественно до Переяславскаго княжества. При этомъ любопытна еще одна подробность: „Ярославъ же, читаемъ въ лѣтописи, пріѣхавъ въ Переяславль, мѣсяца апрѣля въ 18 день (1213 г.), и созвавъ *вси* Переяславци къ святому Спасу (соборный храмъ), и рече имъ: братія Переяславци, се отецъ мой иде къ Богови, а васъ удалъ мнѣ, а мене вдалъ вамъ на руцѣ, да рците ми братия, *аще хощете мя имѣти собѣ, якоже имѣсте отца моего*, и головы своя за мя сложити. Они же вси тогда рекоша: велми, Господине, тако буди ты нашъ господинъ, ты нашъ Всеволодъ. И цѣловаша къ нему вси крестъ. И тако сѣде Ярославъ въ Переяславли на столѣ идѣ же родися"[2]). Подъ 1214 г. Переясл. лѣт. сообщаетъ о второмъ бракѣ Ярослава Всеволодовича на Ростиславѣ

ленскимъ (м. прочимъ статьи противъ латинянъ), указываетъ на его возникновеніе въ Ю. З. Руси (Шахматовъ, Изслѣд. о Радзив. лѣт., 32; ср. выше. с. 574, пр. 2). Составъ рук. Никифорова приводитъ къ такому же заключенію насчетъ послѣдней.

[1]) А. А. Шахматовъ, Изслѣд. о Радзив. лѣтоп., 72, 91—94.

[2]) Лѣтоп. Переяслав. Суздальскаго, 110. Ср. Сениговъ (Чт. О. И. 1887, IV, 96).

(въ монаш. Евфосиніи), дочери Мстислава Мстиславича новгородскаго (Удалаго) и затѣмъ описываетъ новую распрю Константина Всеволодовича съ братьями Юріемъ II и Ярославомъ, окончившуюся миромъ. Наконецъ онъ упоминаетъ о голодѣ, бывшемъ въ Суздальской землѣ съ присоединеніемъ благочестивыхъ размышленій и текстовъ изъ Св. писанія, и помѣщаетъ нѣсколько мелкихъ извѣстій (о перемѣнахъ на епископскихъ престолахъ во Владимирѣ и Ростовѣ), между тѣмъ какъ о распрѣ князей въ Лавр. лѣт. сообщено весьма кратко, а о голодѣ совсѣмъ не упоминается. Но заключительная замѣтка: „се же бысть лѣто високостное" оказывается невѣрною, такъ какъ высокосный годъ приходился не въ 1214, а въ 1212 и 1216 гг.,—очевидно запись эта сдѣлана позже этого времени. Въ заключеніе замѣтимъ, что языкъ Переясл. лѣтописи, отличающійся нѣкоторыми выдающимися особенностями, каковы краткость и вмѣстѣ съ тѣмъ ясность, большая обработанность (сравнительно съ языкомъ Лавр. лѣт.), даетъ право отвести этому памятнику видное мѣсто въ ряду русскихъ лѣтописей [1]).

С. М. Соловьевъ замѣчаетъ: „Въ большей части извѣстій лѣтописцы Владимирско-Ростовскій (т. е. въ Лавр. сводѣ) и Переяславскій буквально сходны. Но трудно предположить, чтобы они не были современниками, чтобы не составляли своихъ лѣтописей одновременно, и потому трудно предположить, чтобы одинъ списывалъ у другого, прибавляя кое-что свое. Гораздо проще предположить, что такъ наз. Переяславская лѣтопись, по своему составу, есть позднѣйшій сборникъ, составитель котораго относительно событій к. XII и нач. XIII в. пользовался обѣими лѣтописями, и Переяславскою и Владимирско-Ростовскою, написанными первоначально безъ всякаго отношенія другъ къ другу.... Мы думаемъ, что въ „Лѣтописцѣ русскихъ царей", который въ печати названъ „Лѣтописцемъ Переяславля Суздальскаго", находятся извѣстія, взятыя изъ *Переяславской лѣтописи XIII вѣка;* но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы весь этотъ сборникъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, былъ составленъ лѣтописцемъ, жив

[1]) Предисл. кн. Оболенскаго къ изданію (Времен. М. О. И., кн. IX); Обозрѣніе лѣтописца Переяславскаго, Д. В. Полѣнова (Уч. Зап. Имп. Ак. Наукъ, по II отд., I, 59—98); Свѣд. о малоизвѣстн. памятн. Срезневскаго (опис. сборника, въ которомъ помѣщена лѣтопись), III, 110—144; Памятники, его же, 91; Филаретъ, 42; Костомаровъ. Лѣтописи, 86—87; Шахматовъ (Общерус. своды 1900, № 11, с. 157; Изслѣд. о Радзивил. лѣт. 172—195); Замѣчат. слова изъ Переясл. лѣт., П. А. Лавровскаго (Изв. Ак. Наукъ, т. III, Матер. для слов. и граммат., 126—128); А. И. Кирпичниковъ (Отч. Общ. люб. др. письм. 1903—4, с. 17).

шимъ въ XIII вѣкѣ"[1]). Отсюда слѣдуетъ конечно, что лѣтописныя записи въ Переяславской лѣтописи могли идти далѣе того предѣла, до котораго онѣ доведены въ названномъ сборникѣ[2]). Полагаютъ также, что Переясл. лѣт-цъ, послужившій источникомъ для Радзив. списка лѣт., заключалъ уже въ себѣ иллюстраціи, воспроизведенныя составителемъ послѣдняго.

Литература: лѣтописи и изслѣд. о нихъ (см. выше, стр. 922—923); архим. Леонидъ (см. выше, с.976, пр. 1); А. А. Шахматовъ: Общерусскіе лѣтоп. своды XIV и XV вв. (Ж. М. Н. пр. 1900, №№ 9 и 11 1901, № 1); И. А. Тихомировъ, О Лаврент. лѣтописи (Ж. М. Н. Пр. 1884, № 10, стр. 239—270) и Москов. лѣтоп. своды (Лѣт. зан. Археогр. ком., X, 1—84; тоже, Ж. М. Н. Пр. 1895, № 8, с. 416—451); А. А. Шахматовъ, Обозр. лѣтоп. сводовъ Руси сѣв. вост. (Отч. о XL присуж. Увар. наградъ; отд. оттискъ, Спб. 1899, с. 1—134); *его же*, Изслѣд. о Радзивиловской или Кенигсб. лѣтописи, Спб. 1902, 114 стр., 4°; В. И. Сизовъ (стр. 964, пр.).

Общій обзоръ (см. в., с. 923—924, 927); Бѣляевъ (О геогр. свѣд. въ древ. Россіи, 46—70); Погодинъ (Изслѣд., IV, 261—296; V, 307—311; VI, списки князей); П. Савельевъ, Топографія кладовъ съ вост. мон. и издѣліями VII—XI в. въ Россіи и Прибалт. странахъ, объясн. истор. свидѣтельствами о торговлѣ с. востока Европы въ эпоху основанія и утвержденія Русскаго государства Спб. 1846 (см. губ. Владим. и Ярослав.: Археол. розыск. во Владимирской губ., Ж. М. Н. Пр., ч. XCIII, отд. VII, 156 и д.; Изв. Имп. Арх. общ., т. I); Объ арх. изслѣд. въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, *его же* (ibid., ч. LXXXIV, отд. VI стр. 173 и д.); Краткое извѣстіе о владимирскихъ древностяхъ, Ѳ. Ѳ. Калайдовича (Зап. и Тр. Общ. ист. и древн. рос. 1815, ч. I, 159—163; замѣч. А., ч. III, кн. I, 169—171, м. проч. о мѣстѣ погреб. князей); Историч. очеркъ археол. и историч. изслѣд. во Владимир. губ., К. Тихонравова (Влад. Губ. Вѣд. 1866 № 21); Опис. нѣк. памят. и древн. во Владим. губ. (Журн. Мин. Вн. дѣлъ 1839, № 9, с. 429—512); Древн. Владим. губ., К. Н. Тихонравова (Зап. Отд. рус. и славян. археол. Рус. Арх. Общ. 1851, I, 24—26); Пам. древн. во Владимирѣ Клязем., В. Д-ва, М. 1849; Арх. находка въ г. Владимирѣ, В. Доброхотова (Влад. Губ. Вѣд 1851, № 20); Древности Боголюбова,

[1]) Соловьевъ, Ист. Россіи, IV, 375—376.

[2]) Изъ „оглавленія" Сборника ясно, однако, что въ рукахъ его составителя лѣтопись была уже въ своемъ настоящемъ видѣ, такъ какъ она оканчивается на стр. 324, а на стр. 325 начинается „Сборникъ", представляющій извлеченіе статей изъ разныхъ церковныхъ писателей по религіозно-нравственнымъ вопросамъ.

его же; М. 1852; Г. Владимиръ на Клязьмѣ и его достопам., *его же*; Крат. зап. по части исторіи и археол. (ib. 1856, № 33); Достопам. г. Владимира Кляз., К. Тихонравова (ib. 1870, № 30); Г. Владимиръ и его достопамятности, Як. Березина-Ширяева (Петерб. Газета 1868, №№ 140, 143, 147, 150. 156); Хронолог. обозр. подзем. археол. находокъ во Владим. губ. съ 1839—1854, К. Тихонравова (Влад. Губ. Вѣд. 1854, № 20); Свѣдѣнія объ археол. мѣстн. Владим. губ., В. Борисова (ibid., № 25); Замѣтки о. суздальскихъ древностяхъ (ibid. 1840, №№ 9—16); Арх. замѣтки о гг. Суздалѣ и Шуѣ, К. Н. Тихонравова (Зап. Отд. рус. и славян. арх., I, 81—107); Суздальскія древности, А. Терещенка (Библ. для Чтенія 1851, CVII, 101—125); Памятники и преданія Владим. губ., Я. А. Соловьева (Отеч. Зап. 1857, т. CXII, № 6, с. 521—568; т. CXIII, № 7, с. 139—170); Путевыя письма изъ древней Суздальской области, гр. М. Толстого (Душеп. Чтеніе 1869, чч. I и II).

О началѣ Владимира, что на Клязьмѣ, о перенесеніи въ оной изъ Кіева рос. столицы и о быв. въ ономъ рос. князьяхъ. Собралъ изъ древ. лѣтописцевъ и новой исторіи, съ прилож. потребн. изъясненій Ив. Дмитріевскій, Спб. 1802; Извѣстія о началѣ Владимира Залѣсскаго, съ крат. обозр. исторіи сего города, А. Ѳедотова (В. Евр. 1827, №№ 1—3); Владимиръ, столица вел. князей русскихъ. Ист. очеркъ (Влад. Г. Вѣд. 1839, №№ 49, 50, 52); В. Доброхотовъ, Общій взглядъ на Владимиръ и сказанія о времени его основанія (ibid. 1849, № 20); Время постр. Владимира на Клязьмѣ, отзывъ г. Погодину, А. Вельтмана (Сѣв. Пчела 1850, №№ 165 и 166); Владимиръ въ княж. Всеволода III (Влад. Г. В. 1843, №№ 8, 9, 10); Очеркъ исторіи г. Владимира на Клязьмѣ. Сост. св. В. Косаткинъ, Влад. 1881 (в. I, 990—1237); Владимиръ на Клязьмѣ и его достопримѣчательности, В. 1896: О томъ, куда и какою дорогою шелъ Андрей Юр. Богол. изъ Владимира, В. Доброхотова (ib. 1852, № 16); Путь в. кн. Андрея Бог. изъ Вышгорода во Владимиръ, К. Тихонравова (ibid. 1853, № 48); Взятіе Владимира Батыемъ въ 1238г. (ibid. 1841, №№ 48 и 49); Нападеніе Карамышева и Талыча на Владимиръ въ 1411 г., *Я. П.* (ibid. 1840, №№ 41 и 42); О пажарахъ и др. необыч. происшествіяхъ, случив. во Владимирѣ въ древнія времена и упомин. въ лѣтописи (ibid. 1842, № 41); О пожарахъ, быв. во Владимирѣ 1 окт. 1719, К. Тихонравова (ib 1847, №№ 40 и 41); Ист. свѣд. о г. Гороховцѣ (ib. 1842, № 36); Происх. слова „Гороховецъ" (С. Пчела, 1844, № 3); Ист. оч. Переяславля Залѣсскаго, *Я. П.* (Влад. Г. В. 1840, №№ 30—34); Ист., геогр и топогр. очер. г. Переяславля-Залѣсскаго и пр., П. Плишкина, М. 1802: Древній и нын. Переясл. Залѣсскій въ ист. и стат. отношеніяхъ, А. Савельева-Ростиславича, Спб. 1848 (изъ Сына Отеч.); Ист. Суздаля и

его древности, Д. Кисленскаго (Ж. М. Н. Пр. 1848, прибавл.); Суздаль отъ княженія въ немъ Георгія Долг. до наш. татаръ, Протопопова (Влад. Г. Вѣд. 1839, №№ 25 и 26); Суздаль отъ наш. татаръ до присоед. его къ Москов. княж. и до наст. времени, *его же* (ib. 1839, №№ 27, 30, 35, 36, 37): О вліяніи татаръ на Сузд. землю, Я. Н. Гарелина (Ежегод. Влад. Стат., ком., в. IV, с. 7 и д.); О древнѣйшихъ княж. лицахъ, похор. въ сузд. соборн. храмѣ (ib. 1842, № 29); Лица, погреб. въ Сузд. дѣвич. мон., К. Тихонравова (ib. 1854, № 13); Сузд. достопамятности, іером. Іоасафа (начало христ., іерархія, о вел. княженіи и вел. князьяхъ, ib. 1849, №№ 3—13); Преданія о нач. г. Шуи, В. Борисова (ib. 1846, № 9); Опис. г. Шуи и его окрестн. съ прилож. старин. актовъ, сост. В. Борисовымъ. М. 1851; Ист. замѣтки о г. Шуѣ и его окрестн., Д. Миловидова (В. Г. В. 1847, №№ 21 и 22); Свѣд. о пожарахъ, быв. въ Шуѣ въ XVII и XVIII ст. В. Борисова (ib. 1847, № 36; 1849, № 34): Краткія ист. свѣд. о г. Юрьевѣ Польскомъ, *Я. П.* (ib. 1841, №№ 44 и 45); Ист. замѣтки о г. Юрьевѣ, К. Тихонравова (ib. 1854, № 5); О нѣк. селеніяхъ Владим. губ., быв. прежде собств. вел. кн. московскихъ или ихъ сем. и упом. въ ихъ древ. грам. (ib. 1841, №№ 12—14); Стародубъ или нын. Клязем. городокъ, Н. Шаганова (ib. 1844, № 133 и Москвитянинъ 1844, № 7); Ярополчь городокъ, К. Тихонравова (Влад. Г. В. 1847, № 33); Опытъ іслѣд. номенклатуры селъ, селецъ, деревень и пустыней Переясл. у. Владим. губ., св. А. Свирѣлина (Труды III-го Арх. съѣзда, II, 39—42); Къ ист. топогр. г. Владимира на Клязьмѣ, А. И. Бунина, съ план. древ. города (Тр. Влад. Арх. ком., II, 39—54); Г. Юрьевъ-Польскій, М. С. Померанцева (ibid., VI, 81—94); Осн-ль Н. Новгорода в. к. Георгій II Всев. Ист. оч. А. М. Меморскаго, Н. Н. 1889.

П. И. Мельниковъ, Ист. Влад. сузд. вел. княж. и происшед. изъ него отд. княж. и ист. изв. о Н. Новгородѣ (Отеч. Зап. 1840, № 7); М. Погодинъ, Кн. Андрей Богол. (Ж. М. Н. пр. 1849, тт. LXIII и LXIV и отд.): В. Кн. Константинъ Всев., И. Д. Бѣляева (Врем. Общ. ист., т. III, 59—73); В. кн. Александръ Яр. Невскій, И. Бѣляева (ibid., IV, 1—42; также Филаретъ, Р. святые, ноябрь, 384—405; ср. Влад. Губ. Вѣд. 1843, №№ 19—20; Яросл. Губ. Вѣд. № 19—20); Гдѣ сконч. Александръ Невскій, П. И. Мельникова (Отеч. Зап. 1842, № 7); Объ обрядѣ постриж. у др. слав., П. Лавровскаго (Москвитян. 1855, № 3); Іоасафъ Гапоновъ, іером., Церк. ист. и стат. опис. Владим. епар., Влад. 1853, рукопись, 2 т. 680+398; Іер. Іоасафъ, Церк. ист. опис. владим. древности. Влад. 1857; Памятники церк. древн. въ Нижегор. губ., архим. Макарія (Зап. Имп. Арх. Общ., X, 1857, стр. 514, съ рисунк.); Св. Симонъ, еп. владим. и сузд., архіеп. Сергія (Тр. Влад. архив. к., 1—30); А. А. Титовъ, Суздальская іерархія. Матер. для ист. рус, церкви, М. 1892; Св. А. Свирѣ-

линъ, Древ. Переясл. епархія (предполож. о Переясл. еписк. въ XIII в., Тр. III-го Арх. съѣзда, II, 31—37); В. Доброхотовъ, Памятники древн. во Владимирѣ клязем. (соборы каѳ. Успен. и быв. придвор. в. к. Всеволода —Дмитровскій, В. 1849); Дмитріев.соб. во Владимирѣ на Клязьмѣ, изд. гр. С. Г. Строгонова, М. 1849; О церквахъ и монастыряхъ въ Суздальской землѣ (см. Опытъ рус. исторіогр., I, стр. 670—671); Владим. коѳедр. Успенскій соборъ, Г. Нарбекова (Влад. Еп. Вѣд. 1865, №№ 1, 3, 4, 9); Прот. А. Виноградовъ, Ист. каѳ. Успен. собора въ г. Владимирѣ, съ 14 иллюстр., Влад. 1891; Дмитріевская ц. въ г. Суздалѣ по указ. лѣтоп. и др. памятниковъ письмен. (Влад. Еп. В. 1874, №№ 2, 5, 7); Борисоглѣб. ц. въ с. Кидекшѣ, К. Тихонравова (Тр. Влад. Губ. стат. ком., III, 1—16; ср. Влад. Г. Вѣд. 1865, № 18); Влад. Рожд. м-рь Матер. для ист. и археол. (ibid. 1869. №№ 24—26, 29, 31, 32, 34, 39, 40); также К. Тихонравова, Влад. 1869; Ист. опис. судз. Спасо-Евѳ. мон., Л. Сахарова. Влад. 1870; Упраздн. мон. во Владим. еп., А. И. Сервицкаго (Влад. Еп. Вѣд. 1873, № 8); В. Георгіевскій, Судз. Ризполож. жен. мон. Ист. арх. опис., Влад. 1900 (см. Тр. Влад. Арх. ком., II, 1—68, съ 37 рис. и 42 план.); Соборъ св. Георгія въ Юрьевѣ Польскомъ (Тр. Владим. архив. ком., I. 27—29, съ рисунк.); Древнія гробницы Георгіевской ц. въ г. Владимирѣ (ibid. IV, 1—28; ср. т. VI, 157—164); О храмахъ Влад. Судз. княж. XII—XIII вв., съ рис., Д. Н. Бережкова (V, 1—146); Петромитр. церк. въ г. Переяславлѣ Залѣс., П. В. Ильинскаго (VI, 95—108).

И. Е. Забѣлинъ, Черты самобытности въ древ. рус. зодчествѣ (Древ. и Нов. Рос. 1878, I, 185—203; 281—303, съ рисунк.); Гр. А. С. Уваровъ, Взглядъ на архитектуру XII в. въ Судз. княж. (Тр. I-го Арх. съѣзда, I, 252—266); мнѣнія Н. А. Лашкарева (267—271); И. Д. Мансветова (272—276); Л. В. Даля (277—281); И. И. Василева (282—287); Н. А. Артлебена (288—299); Древности Судз. Влад. области, сохранившіяся въ памятн. зодчества въ пред. Владим. губ. В. I, Влад. 1880. Вѣкъ XII. I. Общ. обз. пам. Судз. обл. II. Пам. княж. Юрія Влад. Долг. Изд. Влад. Стат. ком. И. А. Артлебена съ введ. К. Н. Тихонравова, съ рис., 4°, 48 стр.; П. Н. Полевой, Рус. ист. въ памят. быта, Спб. 1880, вып. II, Владимиръ-Суздал.; В. А. Прохоровъ, Христ. древн., Спб. 1871—75 (о древ. Судз. края); Н. Султановъ, Образцы древ. рус. зодчества въ миніатюр. изобр. (Пам. древ. письм., VIII, 1881, 1—41, съ рис.); Прот. А. Виноградовъ, Владимир. Успен. соб. и откр. въ немъ фрески, Влад. 1884; Святыня Владим. пр. Усп. соб., истор. значенія его и реставрація, Влад. 1888; Гр. И. И. Толстой и Н. П. Кондаковъ, Рус. древности въ памятн. искусства, в. V, Спб. 1897 (кург. древн. и клады до-монг. періода, съ рисунк.); в. VI, 1899 (древн. Владимира, Новг. и Пскова, съ рис.; А.

А. Потаповъ, Памят. древней русской гражд. архитектуры во Владим. губ. (Тр. Влад. Арх. ком., VI, 49—79, съ 9 лист. рис.; ср. Тр. Моск. Арх. общ.); И. А. Голышевъ, Памят. деревян. церк. сооруженій, Влад. 1878; Памят. старины Влад. губ., Вл. 1882; О научныхъ задачахъ ист. древ. рус. искус. (Пам. древ. рус. письм., № CXXII, Спб. 1899); А. Мартыновъ, Рус. стар. въ памят. церк. и граж. зодч., М. 1846; ср. Рихтеръ, Пам. древ. рус. зодч., М. 1881; А. П. Новицкій, Исторія рус. искусства, М. 1899—1903, со множ. рис.; Н. В. Покровскій, Стѣн. росписи въ древ. храмахъ греч. и русскихъ (гл. V-я, влад. сузд. стѣнописи, Тр. VII-го Арх. с., I, 202—213); Д. Ѳ. Кобеко, О сузд. иконописаніи — остат. стар. и интер. къ нему Гёте (Изв. Ак. Н. 1896, III, 587—590; ср. Р. Арх. 1901, № 10); В. Иларіоновъ, Иконописцы—суздальцы (Р. Обозр. 1895, № 3); Д. Филимоновъ, Древ. украшенія великокняж. одеждъ, найд. во Владимирѣ въ 1865 г. (Сборн. Моск. Общ. древ. рус. иск. 1866); *его же*, Отчетъ объ изгот. снимковъ съ пам. древ. рус. искус. для Рус. ист. музея на Париж. выставкѣ — Переясл., Владиміръ, Суздаль (Вѣст. Общ. древ. рус. иск. 1874—76, №№ 1—12, сс. 45—77); тоже, В. Стасова и К. Тихонравова (Изв. Р. Арх. общ., т. VI); В. А. Прохоровъ, Матер. для ист. рус. одеждъ (Рус. древ., Спб. 1871); К. Н. Тихонравовъ, Владим. Сборн., М. 1857 (матер. для ист. и археол.); нумизм. труды Черткова, Рейхеля Сонцева, Шодуара и др. [1]); Замѣтка о родѣ князей Шуйскихъ и младшей его вѣтви князей Горбатовыхъ-Шуйскихъ (Р. Стар. 1896, № 7, с. 115—125; ср. выше, с. 938, пр. 2; с. 946, пр. 4).

Н. С. Стромиловъ, Володимерщина. Роспись печатнаго и издан. о Владим. епархіи и губ., Влад, 1884; А. В. Смирновъ. Указ-ль содержанія неоф. части Влад. Губ. Вѣд. съ 1838—1900 г. включительно и Влад. Еп. Вѣд. съ 1865—1900 включ., Влад. 1902, 561 стр. съ 63 портр.

---

[1]) Объѣхавъ въ 1849 г. сѣв. города Россіи, Погодинъ писалъ: „Ни въ одномъ русскомъ городѣ не сохранилось столько древностей какъ въ Суздалѣ“ (Барсуковъ, X, 441).

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Начало Твери. Положеніе ея въ Суздальскомъ краѣ.—Великое княжество и удѣлы. Присоединеніе къ Москвѣ.—Торговля и промыслы.—Церковь; монастыри.—Письменные памятники.—Лѣтопись.

I.

Если Тверь вначалѣ находилась подъ вліяніемъ новгородской колонизаціи, то вскорѣ уже суздальскіе князья создаютъ изъ нея „аванпостъ“ противъ нападенія тѣхъ же новгородцевъ [1]). Сперва Тверь входила въ составъ Переяславскаго княж., но ок. 1241—43 гг. выдѣляется въ самостоятельный удѣлъ, въ лицѣ кн. Ярослава Яр. [2]). Послѣ него на твер. престолѣ смѣняется 13 князей [3]), изъ которыхъ особенную извѣстность пріобрѣли: третій—Михаилъ Яр., впервые

[1]) По „Сказ. о чудесахъ Владим. иконы Б. М.“ (изд. Общ. люб. древ. письм., № ххх) видно, что въ полов. XII в. г. Тверь существовалъ (см. стр. 8, 41), что подтверждаетъ и свидѣтельство грам. Всеволода, дошедшей, впрочемъ, до насъ въ поздн. спискахъ (XVI и XVII вв.) о „тверскомъ гостѣ“. Полагаютъ, что новгор. поселеніе Тверь (допуская колонизацію верх. Волги новгородцами,—Тверь, а м. б. также Углече-поле, Молога, Кострома) было расположено на прав. берегу р. Тверцы при впаденіи ея въ Волгу; а послѣ 1181 г. Всеволодъ III строитъ (Татищевъ) г. Тверь (укрѣпленіе) на прав. бер. р. Волги, въ интересахъ обезпеченія сношенія съ Суздалемъ. Впервые въ лѣт. Тверь упоминается въ 1208 и 1209 гг. (Лавр., Воскр.). Ср. Борзаковскій, 18—19; В. И. Колосовъ, Время осн. г. Твери (Тр. Яр. обл. съѣзда. с. 151—157). Городъ былъ деревянный: „мазали глиной“ (см. гг. 1316, 1369, 1413). Въ немъ упоминается 4 воротъ и 2 моста.

[2]) Борзаковскій, 69.

[3]) Это были: Святославъ Яр., Михаилъ Яр., Дмитрій Мих., Александръ Мих., Константинъ Мих., Василій Мих. (кашинскій), Всеволодъ Александр. (холмскій), Михаилъ Ал., Иванъ Мих. (Юрій Всев.), Александръ Ив., Юрій Ал., Борисъ Ал., Михаилъ Борис.

принявшій титулъ „вел. кн. всея Руси“ [1]), замученный въ Ордѣ (1319); пятый—Александръ Мих., убитый въ Ордѣ вмѣстѣ съ сыномъ Ѳедоромъ (1338) и восьмой—Михаилъ Ал. († 1399), знаменитый борьбою съ московскими князьями за независимость своего княж. Послѣ бѣгства Михаила Борис. въ Литву (1486), на княж. престолѣ былъ посаженъ сынъ Ивана III—Иванъ Молодой, по смерти котораго (1490) Тверское кн. вполнѣ вошло въ составъ Московскаго государства.

Образованіе множества удѣловъ (Холмъ, городъ упом. съ 1237 г., Микулинъ, съ 1234, Телятьево, Старица, съ 1297, Зубцовъ, съ 1216, Дорогобужъ, Чернятинъ, Кашинъ, съ 1237, Коснятинъ, съ 1134 [2]), соперничество между ними и колебаніе между Москвою и Литвою много содѣйствовали ослабленію автономіи, а затѣмъ и паденію княжества. Въ 1577 г. Тверь была отдана Иваномъ Грознымъ во владѣніе [3]) касимовскому хану Симеону Бекбулатовичу (Саинъ-Булатъ) послѣ того, какъ онъ возсѣдалъ на московскомъ престолѣ (1575—76), по прихоти того же Грознаго [4]).

По количеству домовъ и населенія Тверь уступала Пскову и Смоленску, т. е. въ ней не было и 20000 чел., какъ считали въ

---

[1]) М. А. Дьяконовъ. Кто былъ первый вел. кн. всея Руси (Библіографъ 1889, № 1, с. 11—17). Съ возвышеніемъ Твери сюда переѣзжали знаменитые бояре изъ другихъ княжествъ, какъ Борисъ Ѳед. изъ Чернигова, родъ котораго далъ рядъ тысяцкихъ; какъ тыс. Вельяминовъ изъ Москвы. По присоединеніи Тверскаго кн. къ Москвѣ, въ Твер. уѣздѣ (какъ и на территоріи др. удѣльныхъ владѣній) служба съ земель велась не одному вел. государю, но и частнымъ государямъ и даже простымъ боярамъ. Такъ, въ Твер. у. изъ 272 вотчинъ по кр. мѣрѣ съ 53 владѣльцы ихъ несли службу потомкамъ быв. князей и бояръ. Рѣшительный ударъ такому порядку былъ нанесенъ опричниной Ивана Грознаго (Платоновъ, Оч. смут. врем., 147, 151).

[2]) Борзаковскій, 57. По пространству Тверское княж. было невелико (ib.). Кромѣ назв. городовъ въ немъ были еще: Калязинъ, Клинъ, Радиловъ, Опоки, Ржева, Буйгородъ, Колнь и др. Въ лѣт. упоминается три раза о вѣчахъ въ Твер. кн. (1293, 1317, 1327). Въ Твер. кн., какъ и въ Новгород. области, мірскіе сходы устраивались въ церк. трапезахъ (Чт. въ О. ист. 1894, IV, 51. 61). Въ 1348 и 1399 лѣт. отмѣчають умноженіе населенія въ Твер. области (Никон. л., III, 191—192; IV, 287; П. С. Р. лѣт. IV, 359). Перечень селъ и городищъ (Борзаковскій, 13—39).

[3]) Въ составъ его владѣнія входили: Тверь, Торжокъ и Микулинъ съ ихъ удѣлами.

[4]) О немъ см. М. Телегр. 1831; В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, Из. о касим. царяхъ и царевичахъ, изд. Имп. Арх. Общ. (Труды Вост. отд., т. X, и отд. т. II, с. 1—26) и Симеонъ Бекб. ханъ касим., вел. кн. всея Руси, впослѣд. князь тверской, 1557—1616. Ист. оч. Н. В. Лилеева, Тв. 1891. Онъ погребенъ въ Симоновомъ м. въ Москвѣ.

нихъ иностранцы (Герберштейнъ, Поссевинъ). Значительное число церквей (до 160 деревян., Мѣховскій) вѣроятно также было преувеличено. По словамъ иностранцевъ, Тверское княж. могло выставить въ поле до 40 т. всадниковъ. Однако укрѣпленія его не считались важными. Въ смутное время Тверь подверглась страшнымъ опустошеніямъ, отъ которыхъ не могла долго оправиться, и отъ прежнихъ стѣнъ ея не осталось и слѣда[1]). Въ пол. XVII в. Тверь была маленькимъ городкомъ, окруженнымъ деревянными укрѣпленіями и имѣла не болѣе 150 домовъ[2]). Политическія отношенія къ Новгороду и Пскову (см. выше) содѣйствовали развитію торговыхъ сношеній съ ними и установленію договоровъ, обезпечивавшихъ взаимное пребываніе и имущественныя права гражданъ[3]). Тверь служила транзитнымъ пунктомъ для провоза хлѣба съ Поволжья въ Новгородъ. Предметами сбыта служили также: хмель, воскъ, медъ, мѣха; существовали бобровые гоны; велась торговля лошадьми[4]). Зажиточные купцы, какъ въ Новгородѣ и Псковѣ, носили названіе „житейскихъ“[5]). Новгородъ не разъ вносилъ значительныя суммы въ казну тверскихъ князей[6]). Тверскіе купцы посѣщали Кіевъ (см. выше, с. 283, пр. 1) и вели оживленную торговлю съ Литвою. Въ договорныхъ грамотахъ начала XV в. обѣ стороны постоянно ссылаются на „давнія пошлины“,

[1]) По дозорной книгѣ Твери 1616 г. въ ней считалось 970 дворовъ, изъ которыхъ 507 было въ городѣ и только 463 на посадахъ, причемъ собственно городскому сословію принадлежало 277 дв. (а съ пустыми 477), остальные же распредѣлялись между разными владѣльцами и не менѣе 300 дв. считались за служилыми людьми. Подобная же слабость посада замѣчается и въ др. тверскихъ городахъ (Платоновъ, Оч. по ист. смуты, 42—43).

[2]) Ключевскій, Сказ. иностр., 211.

[3]) Собр. госуд. грам. и догов., I, №№ 1—18; Борзаковскій, 230.

Въ Твер. музеѣ находится крестъ съ надписью, въ которой упоминается имя Ивана Павловича, новг. посад. 1133 г, найд. у истоковъ Волги, въ Осташковскомъ у., гдѣ найденъ былъ (1879) и кладъ съ монетами (до 700) богем. кор. Венцеслава III (уб 1306 г.) и нѣск. монетъ Карла IV, вступившаго на богем. престолъ въ 1345 г. (Тр. М. Арх. общ., VIII, 179—183)—перепутье изъ Твери въ Новгородъ.

[4]) Борзаковскій, 60—61; Аристовъ, 203.

[5]) Борзаковскій, 232—234.

[6]) Ibidem, 239—240. Въ 1372 г. в. кн. Михаилъ Ал. взялъ Торжокъ, разрушилъ его и захватилъ все имущество гражданъ, не исключая и церковнаго, а потомъ за щедрый выкупъ предлагалъ монастырю возвратить ж. Ефрема Новоторжскаго (Некрасовъ, Зарожд. націон. литер., 31—32). Съ его времени Тверь владѣла новоторж. губами совмѣстно съ Новгородомъ (Борзаковскій, 52—53).

которыя взимались съ ихъ купцовъ [1]). По кончинѣ в. кн. Михаила Ал. гости изъ разныхъ странъ оплакивали его смерть, а въ рядахъ служилаго класса въ Твери встрѣчаемъ литовцевъ и нѣмцевъ [2]). Въ Тверь, кромѣ того, наѣзжали купцы изъ разныхъ поволжскихъ городовъ [3]).

Въ нач. XIV в. Тверь посѣщали татарскіе и хопыльскіе купцы (Хопыль, Копысъ—на р. Кубани [4]); а въ извѣстномъ описаніи путешествія Аѳ. Никитина, родомъ тверитянина (1466—72) мы имѣемъ свидѣтельство о предпріимчивости и торговыхъ связяхъ тверитянъ съ прикаспійскимъ краемъ. Воспользовавшись отправкою отвѣтнаго посольства Ивана III (пос. Вас. Папина) къ влад. Шемахи, твер. купцы взяли грамоту отъ своего князя (Михаила Бор.) и посадника (Бориса Захарьича), отправились въ Шемаху на Кострому (здѣсь кн. Александръ Вас. далъ имъ великокняж. грамоту за границу), Н. Новгородъ, по Волгѣ, везя съ собой товары на двухъ судахъ; но подъ Астраханью они выдержали бурю и нападеніе татаръ, причемъ потерпѣли разграбленіе (они везли съ собой однорядки, полотно и пр. [5]), такъ что изъ Астрахани выѣхали на двухъ судахъ (одно посла Асанъ-бега) лишь купцы бухарскіе, 10 русскихъ, 6 московскихъ и 6 тверскихъ; но, по пріѣздѣ въ Шемаху, и они разбрелись въ разныя стороны, послѣ чего авторъ записокъ отправился на свой страхъ въ Дербентъ и далѣе. Несмотря на всѣ трудности въ пути, онъ пространствовалъ 6 лѣтъ, освоился съ мѣстными языками и нравами, велъ

---

[1]) Ibidem, 218. Въ Твери упоминаются „гостиное" и „мытъ" (Аристовъ, 222).

[2]) Борзаковскій, 226—227.

[3]) Ibidem, 232—234.

[4]) Аристовъ, 189. 195. Въ разсказѣ объ уб. вел. кн. Михаила (1319) сообщается, что въ ставкѣ, на торгу находилось много грековъ, нѣмцевъ, литовцевъ и русскихъ и среди гостей (въ Маджарахъ) были знавшіе вел. князя. Въ 1320 г. пріѣзжалъ въ Кашинъ татар. Гачна „съ жидовиномъ-должникомъ и много тягости учиниша Кашину" (П. С. Р. лѣт., т. XV, 414; Карамзинъ, IV. пр. 247). Съ Шевкаломъ (1327) въ Твери были ордынскіе купцы, а съ Вельяминовымъ сюда переѣхалъ Некоматъ сурожанинъ (Соф. лѣт.). Позже въ Твери называются „татарскій дворъ" и „татарская улица" (Борзаковскій, 24).

[5]) Клавихо, ѣздившій ко двору Тамерлана (1404), видѣлъ въ Самаркандѣ купцовъ съ русскими и татарскими товарами, а именно съ кожами и льняными тканями (Днев. его путеш., изд. Ак. Наукъ, Спб. 1881, с. 329); а, по словамъ вост. писателей о походѣ Тамерлана на Русь, добычей его войска были золото, серебро, драгоцѣнные мѣха и куски тонкаго полотна антіохійскаго и русскаго (Карамзинъ, V, 150).

въ пути записки, побывалъ на важнѣйшихъ ярмаркахъ и рынкахъ, не потерявъ интереса къ торговому дѣлу (въ одномъ мѣстѣ онъ купилъ жеребца въ 100 р., въ другомъ—сообщаетъ подробности о торговлѣ алмазами въ такомъ смыслѣ, какъ будто онъ самъ занимался ею и т. п.), останавливаясь съ не меньшимъ вниманіемъ на описаніи торговыхъ мѣстъ, морскихъ пристаней и т. п. Все это придаетъ его дневнику, въ противоположность обычнымъ религіознымъ „путникамъ", значеніе свѣтскихъ торговыхъ записокъ [1]).

Въ Твери называются свои мастера: каменщики (кирпичъ выво зился), живописцы, колокольники, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, денежники [2]). Тверь имѣла свою монетную систему: до насъ дошли серебряныя и мѣдныя деньги тверскихъ великихъ и удѣльныхъ князей [3]). Къ грамотамъ тверскіе князья прикладывали серебряныя вызолоченныя печати [4]).

II.

Съ образованіемъ самостоятельнаго княжества, Тверь была выдѣлена въ особую епископію. Первымъ епископамъ ея былъ Симеонъ (1271—1289), изъ князей (и епископовъ) полоцкихъ. [5]) При немъ (1285) возникъ патрональный храмъ въ Твери—св. Спаса, по имени котораго иногда Тверь называется домомъ св. Спаса. [6]). Преемникомъ

[1]) Уч. Зап. Ак. Н. по II отд., II 225—307: Хожд. за три моря Аѳ. Никитина, съ предисл. и примѣч. И. И. Срезневскаго.

[2]) Никон. л., IV, 284; Борзаковскій, 59—60.

[3]) Шодуаръ, Чертковъ, Рейхель и др.; Твер монеты, А. К. Жизневскаго (Тр. Моск. Нум. общ., I; Арх. Изв. 1893, №№ 3--4, с. 136); А. Орѣшниковъ (ib 1897, № 12, с. 384—386); Колодѣй (Сборникъ Твер. Общ. люб. ист., арх. и естеств., подъ ред. В. И. Колосова. Тв., I, 1903; ср. Ист. Вѣст. 1904, № 1, с. 308) Въ 1888 г. въ Москвѣ былъ найденъ кладъ пулъ (мелкихъ мѣдныхъ монетъ), состоявшій изъ 900 слишкомъ мон., б. ч. тверскихъ, въ числѣ которыхъ было 13 мон. съ татарскою надписью (Арх. Изв. 1893, № 2, с. 82). О монетной системѣ (Борзаковскій, 239—240).

[4]) Собр. госуд. грам., I, №№ 4 и 5.

[5]) См. выше, 534—535. 536-537; ср. Ник. лѣт., III, 86. Біогр. его у Филарета (Р. святые, февр., 1—9).

[6]) Собр. госуд. грам. I, 209. До того времени на его мѣстѣ существовала деревянная ц. Козмы и Даміана, разобранная при еп. Симеонѣ, который заложилъ камен. соборъ, освященный въ 1290 г. еп. Андреемъ, а въ 1292 г. онъ былъ расписанъ. При еп. Ѳеодорѣ I (1341—1359) въ соборѣ были сдѣланы „мѣдныя двери" и „мраморный полъ" и онъ же заботился объ украшеніи другихъ храмовъ (мѣдныя двери и золоченый крестъ на ц. св. Спаса въ еписк. дворѣ, постановка золоченыхъ крестовъ на цц. Введенія и св. Димитрія и т. п., Ник. III, 181 211). Въ 1399 г в. кн. Михаилъ Ал. воздвигъ новый соб. храмъ съ позлащеннымъ верхомъ

Симеона былъ Андрей изъ игум. Пречистенскаго мон., сынъ литов. кн. Герденя, вступившій въ борьбу съ м. Петромъ на Переяславскомъ соб. и потомъ оставившій епископію (1315). Вся дѣятельность тверскихъ епископовъ уходитъ на построеніе церквей и монастырей и охраненіе своей власти отъ вмѣшательства московскихъ митрополитовъ [1]). Обвиненіе еп. Андрея связываютъ съ ересью, проникшею въ Тверь изъ Новгорода и направленною противъ монашества, вслѣдствіе чего многіе монахи оставили монастыри и переженились, а также съ ученіемъ о земномъ раѣ, котораго держался еп. Андрей (ср. выше, с. 656—657 [2]). Впрочемъ вѣрнѣе, что столкновеніе обоихъ противниковъ возникло на почвѣ іерархическихъ отношеній: вел. князь Михаилъ Яр. имѣлъ своихъ кандидатовъ на митр. престолъ (иг. Геронтія, еп. Андрея), а присланный изъ Константинополя м. Петръ былъ недружелюбно принятъ нѣк. епископами сѣв. Россіи и встрѣтилъ явное противодѣйствіе въ лицѣ еп. Андрея, гордаго своимъ происхожденіемъ, которой отправилъ патріарху доносъ на м. Петра [3]), а на соборѣ послѣдній нашелъ поддержку въ лицѣ Ивана Даниловича, дѣйствовавшаго отъ имени брата своего Юрія, и еп. Андрей долженъ былъ удалиться въ монастырь (+1328 [4]).

Церковныя распри по поводу раздѣленія митрополіи отражались и въ Твери (при м. Алексѣѣ съ одной стороны и мм. Романѣ и Кипріанѣ—съ другой [5]), которая, по своему политическому значенію считалась весьма важнымъ союзникомъ, и потому Ольгердъ старался

(Филаретъ, ib; Ратшинъ, 519) „Спасъ Златоверхій" въ путеш. Аѳ. Никитина (Уч. Зап. Ак. Н., II, 257). Съ возвышеніемъ Твери, въ XIV и XV ст. въ лѣт. находимъ рядъ извѣстій о замѣнѣ дерев. церквей каменными (Борзаковскій, 207—210).

[1]) Борзаковскій, 207, 210.

[2]) Подробное объясненіе (Тихонравовъ, I, 222—25). Если принять мнѣніе послѣдняго, то придется допустить, что ученіе о раѣ стало извѣстнымъ въ Новгородѣ еще до путеш. (архіеп.) Василія на Востокъ.

[3]) Въ Константинополѣ вѣрили въ виновность м. Петра по управленію (Р. Ист. библ., VI, 147—155).

[4]) Борзаковскій, 96—97, 245—252 (съ зам. о Переясл. соборѣ). До насъ дошелъ Прологъ (Типогр. библ.) съ упоминаніемъ о его кончинѣ и др. отмѣтками (Срезневскій. Памят. языка, 180). Впослѣдствіи вел. кн. Александръ Мих. недовѣрчиво относился къ чудесамъ м. Петра (Ключевскій, 75—76).

[5]) Вслѣдствіе родственныхъ и дружескихъ отношеній къ Литвѣ, м. Романа чествовали твер. князья во время пріѣзда его въ Тверь, не смотря на несочувствіе еп. Ѳеодора (Макарій, IV, 44—45).

включить ее въ сферу своего вліянія [1]). Вліяніе митрополита давало себя чувствовать, когда возникали разногласія между твер. князьями [2]) или между свѣтской и духовной властью въ Твери при такомъ блюстителѣ ея, какъ кн. Александръ Мих.[3]). Споры эти тянулись нѣсколько лѣтъ и закончились на церк. соборѣ въ Твери (1390), на которомъ присутствовали м. Кипріанъ, два греческихъ и два русскихъ епископа (Михаилъ смол. и Стефанъ перм.), осудившіе еп. Евѳимія Висленя (онъ былъ вызванъ въ Москву и заточенъ въ Чудовомъ м.[4]). Столь же суровыя послѣдствія грозили епископу за неповиновеніе власти митрополита [5]). Тѣмъ не менѣе, до паденія независимости Твери, на епископской каѳедрѣ мы видимъ постоянно лицъ, взятыхъ изъ мѣстныхъ монастырей (преимущественно Отроча мон.; послѣдній—Вассіанъ, изъ князей Стригиныхъ-Оболенскихъ); но, съ утратою свободы, здѣсь являются уже московскіе ставленники (въ 1509—Нилъ, родомъ грекъ, Акакій изъ игум. Возмицкаго мон. и т. д.[6]). Съ другой стороны, митрополиты заявляютъ себя строгими поборниками авторитета московскихъ князей, въ защиту которыхъ поднимался иногда и голосъ конст. патріарха, какъ было въ 1370 г., во время борьбы Димитрія Иван. съ Ольгердомъ, и въ 1451—52, по случаю похода вел. к. Василія Вас. противъ казанскихъ татаръ [7]),—такъ дѣйствовали мм. Алексѣй и Іона.

Тверь поддерживала сношенія съ Константинополемъ [8]). Вслѣдствіе неудовольствія на м. Петра вел. кн. Михаилъ Яр. и еп. Андрей

---

[1]) Борзаковскій, 137—141, 155—159.

[2]) Ibidem, 208.

[3]) Онъ называется устроителемъ городовъ и защитникомъ слабыхъ отъ сильныхъ (Никон. лѣт., IV, 237), а подъ сильными людьми разумѣлись бояре, которые порицали князей, не считавшихъ необходимымъ совѣтоваться съ ними (П. С. Р. лѣт., XV, 472—477). О кн. Александрѣ Мих. лѣт. выражается: „яко бѣ мужъ страшенъ и сердце его яко сердце льву".

[4]) По современному извѣстію въ церк. уставѣ (Карамзинъ, V, 232). Другой лѣт. (Никон.) жалобы на Евѳимія наз. клеветами, къ чему склоняются и нѣк. историки (Бестужевъ-Рюминъ, I, 399).

[5]) Макарій, IV, 41. Еп. Моисей, не явившійся послѣ двукратнаго вызова въ Москву, былъ заточенъ м. Іоною въ Отрочъ мон. (Твер. лѣт., 494—97).

[6]) Списки Строева, 441—42. Акакій—братъ Іосифа Волоцкаго.

[7]) Р. Ист. библ., VI, 117—120; Ак. ист., I, № 51; Борзаковскій (143—157). О литовцахъ существовало тогда представленіе, какъ о поганыхъ огнепоклонникахъ, не уступающихъ „сыроядцамъ татарамъ" (175). Впрочемъ и въ Твери долго держались еще языческіе обряды, какъ чествованіе Ярила, смѣшанное съ христіанскими праздниками (Барсуковъ, Погодинъ, V, 91—92).

[8]) П. С. Р. лѣт., VIII, 71; Никон. л., IV, 272, 288—89 („многажды"); Соф. 2-я, 130; Кар. V, 230.

посылали въ Константинополь нароч. посла—мон. Акиндина, донесенія котораго князю и посланіе патр. Нифонта I дошли до насъ [1]; по поводу отлученія, наложеннаго м. Алексѣемъ на в. кн. Михаила Ал., его братьевъ и епископа, они отправили къ патр. Филоѳею архим. Ѳеодосія, который сначала назначилъ судъ, а потомъ посовѣтовалъ примириться, хотя по тону посланія видно, что патр. склонялся въ пользу потерпѣвшихъ [2]). Духовныя лица, по религіознымъ побужденіямъ, отправлялись на Востокъ. Такъ, въ 1323 г. въ твер. Ѳеодоровскомъ мон. мы видимъ игум. Іоанна, пришедшаго изъ Константинополя и потому прозв. Цареградскимъ. В. кн. Михаилъ Ал. много разъ посылалъ съ милостынею къ конст. патріарху [3]); а въ 1397 съ посланными отъ него прибылъ въ Тверь архим. Германъ отъ патріарха и привезъ разныя святыни. Послѣ торжественнаго пріема, оказаннаго имъ, вел. кн. принялъ схиму въ м. св. Аѳанасія и вскорѣ затѣмъ умеръ (1399), причемъ мон. Аѳонской горы, случившіеся тутъ, окутали тѣло его по лаврскому обычаю [4]). Въ правленіе того же Михаила у бояр. Ив. Вас. Бороздьі род. въ Кашинѣ [5]) одинъ изъ многочисленныхъ сыновей его (1380), подвизавшійся въ Саввиной (твер.) пустынѣ [6]), странствовавшій на Аѳонъ, переложившій съ греч. яз. на русскій „Псалтирь" съ уставомъ о чтеніи его [7]), принесшій оттуда же списокъ

О богатствѣ твер. епископовъ служатъ свидѣтельствомъ щедрые дары, отправленные въ Константинополь еп. Ниломъ (1509—1521). Кромѣ церк. предметовъ, они состояли изъ 45 соболей, 740 горностаевъ, собольей шубы подъ бархатомъ, 19 бѣличьихъ шубъ, 2000 бѣлокъ, 440 хомяковъ, *нѣмецкихъ часовъ съ звономъ*, ковша и чаръ серебр., множества гребней, ножа, рыбьяго зуба, лисьихъ шапокъ, серебр. пуговицъ и пр. (П. С. Р. лѣт., VI, 260—261; VIII, 263—64; Ник. VI, 212, 224; Прод. Рос. Вивл., VI; Макарій, VIII, 356—57).

[1]) Р. Ист. библ., VI. 147—158. Мон. Акиндинъ наз. себя „мнихомъ лавры св. Богородица" (150), а этимъ именемъ назывались тогда вообще большіе мон-ри (Макарій, IV, 210). Подъ именемъ же Богородичнаго мон. вѣроятно разумѣется Отрочъ—Успенскій, какъ болѣе важный.

[2]) Проток. Конст. патріархата, В. И. Григоровича (Ж. М. Н. пр. ч. LIV, отд. 2, с. 154, №№ 31—33; Р. Ист. библ., VI, приб., №№ 26—29, стр. 150—166).

[3]) Никон. лѣт., IV, 288—289.

[4]) Ibid., 289—296; Соф. 2-я, 130; Воскр., 71; Татищевъ, IV, 387.

[5]) Кашинъ упоминается съ 1237 г.

[6]) Иначе Срѣтен. мон., въ 20 вер. отъ Твери, н. село Саввино (Филаретъ Р. святые, мартъ, 23, 27).

[7]) Въ Сборн. XV в. съ толков. изъ Св. пис. и замѣчаніями о русскихъ порокахъ (Арх. ист. юрид. свѣд., II, пол. 1-я, xx—xxviii).

„Кормчей“, которымъ пользовался потомъ Вассіанъ, архіеп. ростовскій (1506—1515[1]), и, наконецъ, основавшій мон. на р. Вишерѣ, въ 7 вер. отъ Новгорода (1418). Новг. архіеп. Іона озаботился составленіемъ его житія и службы (Пахоміемъ Сербомъ); а въ моск. Успенскомъ соб. хранится уставъ Саввина мон., пис. въ XV в., съ отмѣтками о времени его основанія (1397) и смерти в. кн. Михаила Ал., принесенный съ Аѳона[2]). Въ 1430 г. Аѳанасій Русинъ купилъ на Аѳонѣ „Четвероевангеліе“ и подарилъ его въ твер. мон. на Перемѣру[3]).

Тверское княж. славилось обиліемъ монастырей и пустынь. Изъ нихъ заслуживаютъ вниманія мм.: Огрочъ-Успенскій (1265[4]); Аѳанасьевскій; Богородицкій на Бору и Б. на Гостомлѣ, упоминаемые ок. 1361 г.; Желтиковъ-Успенскій (1394), осн. еп. Арсеніемъ[5]); Спасскій, уп. въ XIV в.; Срѣтенскій (съ 1397 г.), Михайловскій, Ѳеодора Тирона, Николаевскій, три Воскресенскихъ, Савватіева пуст., въ 15 в. отъ Твери, Софійскій женск., упомин. въ XIV в.; въ Кашинѣ—Срѣтенскій женск. (XIV в.), Дмитріевскій (XV в.), Рябова пуст., въ 40 в. отъ города (XV в.); въ Старицѣ—Успенскій, осн. выходцами изъ Кіево-печер. мон. Трифономъ и Никандромъ; близъ Бѣжецка—Введенскій (XVI), а въ 168 в. отъ Твери—Калязинскій, осн. на землѣ владѣльца Калягн—Макаріемъ (1450), изъ слободы котораго образовался потомъ городъ, и рядъ мелкихъ мм., упом. въ болѣе позднихъ памятникахъ[6]).

---

[1]) Рук. гр. Толстого, I, № 169 (н. въ И. П. библ.); Филаретъ, окт., 178. Востоковъ ошибочно вм. Вассіана рост. наз. Вассіана тверскаго (Опис. Рум. м., 313) Это такъ наз. сербская ред. Кормчей, которой вмѣстѣ съ указаніями Максима Гр. пользовался извѣстный кн. Вассіанъ Патрикѣевъ при составленіи своей ред. (А. С. Павловъ, О Кормчей инока кн. Вассіана Патрикѣева (Уч. Зап. Каз. ун. 1864, II).

[2]) Филаретъ, мартъ, 27; Макарій, IV, 191.

[3]) Строевъ, Библ. Словарь, с. 27—28.

[4]) Назв. по званію Григорія, служив. „отрокомъ“ при дворѣ в. кн. Ярослава Яр. (III), перваго кн. тверского. Въ немъ принялъ мон. Моисей, архіеп. новгор. (Ратшинъ, 509). Подр. (Др. и Н. рос. 1878, II, 141; В. Евр. 1806, № 3); Борзаковскій.

[5]) Въ память преб. его въ кіев. Печер. мон. (здѣсь была церк. Антонія и Ѳеодосія).

[6]) Макарій, IV, 191; Ратшинъ, 516—19; Борзаковскій, 208—210.

Самъ Макарій—сынъ бояр. Василія Кожи, вотчина котораго находилась въ 8 вер. отъ Кашина (с. Грибково, н. Кожино), получившаго отъ Василія Темнаго похв. грамоту за побѣду надъ галиц. княземъ. Прозваніе дано ему по части кожи, убитаго княж. коня, доставленной имъ послѣ побѣды (Лакіеръ, Геральдика, 513—514).

III.

Въ семьѣ твер. князей была развита любовь къ книжности. Михаилъ Яр.—сынъ в. кн. Ксеніи Юрьевны, умершей въ мон-рѣ [1]). Лѣт-цъ наз. ее „премудрой матерью", которая научила своего сына „св. книгамъ и всякой премудрости", и онъ имѣлъ обычай ежедневно читать Псалтирь, чему не измѣнялъ до своей кончины (1318). Сынъ Александра Мих.—Михаилъ, родившійся во Псковѣ, во время пребыванія тамъ отца, былъ крещенъ новг. архіеп. Василіемъ и когда ему исполнилось 9 лѣтъ, то онъ былъ посланъ для обученія къ крестному отцу въ Новгородъ. Лѣт. распространяется по этому поводу о его обученіи „духовному любомудрію и закону", о его вниманіи къ бесѣдамъ благихъ и мудрыхъ мужей и въ особенности „поученіямъ и наказаніямъ" (наставленіямъ) своего духовнаго отца, архіеп. Василія [2]). В. кн. Борисъ Ал. озаботился потомъ составленіемъ его житія и лѣтописи [3]). Дочь тверитянина Ивана Кіясовскаго, был. замужемъ за кн. Андреемъ Конст. нижегородскимъ, еще въ дѣтствѣ изучила Св. писаніе [4]). Современникъ Михаила Алекс., еп. Арсеній, происходившій изъ богатой и благородной семьи въ Твери, принялъ монашество въ Кіево-печер. мон., а м. Кипріанъ взялъ его въ Москву, въ санѣ архидіакона, гдѣ поручилъ ему завѣдываніе письменными дѣлами митрополіи, а затѣмъ поставилъ еп. въ Тверь; не разъ приходилось ему участвовать въ примиреніи тверскихъ князей [5]) или на соборахъ въ Москвѣ [6]). Съ именемъ же его соединяется одинъ списокъ Печерскаго патерика, напис. по его заказу, отличающійся простотою состава, древностью языка и расположеніемъ статей, безъ перестановокъ, какъ онѣ принадлежали авторамъ [7]). Вслѣдствіе частыхъ сношеній и связей

[1]) Дочь тарус. князя Юрія Мих., 4-го сына Михаила Всев. черниг., убитаго въ Ордѣ (1246). Въ 1392 г. Тарусскій удѣлъ присоединенъ къ Моск. княж. Отъ правнука Ю. М. идутъ кн. Оболенскіе, а отъ И. А. Об—го-Долгорукаго—кн. Долгоруковы.

[2]) Новг. лѣт. по Синод. сп. 331; Новг. лѣт. по изд. 1879, с. 30; Ник. лѣт. IV, 287.

[3]) Твер. лѣт. (см. ниже).

[4]) Никон. лѣт., IV, 78—79.

[5]) Никон. лѣт., IV, 284, 290, 299, 307; П. С. Р. лѣт., VI, 130—133; V, 225.

[6]) П. С. Р. лѣт., VI, 128; Ник. лѣт., IV, 300—301; Карамзинъ, V, пр. 232.

[7]) Кубаревъ, О Патер. печер. (Чт. въ Общ. ист. и древн. рос. 1847, № 9), с. 5—6; Бутковъ, Отвѣтъ на новый вопросъ, Спб. 1850, с. 14—16; 44; Яковлевъ, Памят. XII в., введ.; біогр. еп. Андрея у Филарета, мартъ, 13—23; Изв. Ак. Н. 1897, № 3, с. 838 и д. О канонѣ ему (Филаретъ, Обз. литер., 118).

тверскихъ князей съ Новгородомъ[1]), Псковомъ и Литвою, устанавливается рядъ договоровъ между ними и Тверью, требовавшихъ опытныхъ писцовъ[2]); къ XIV и XV вв. относится рядъ жалованныхъ грамотъ монастырямъ[3]). Въ Собр. рукоп. гр. Толстого показана книга Исаака Сирина, перепис. въ 1416 г. по волѣ игум. Срѣтенскаго м. Варсонофія и на иждивеніе ктитора обители кн. Александра Ив. († 1426); другая книга—„Лѣствица" списана была въ 1419 г. по благосл. м. Фотія, для игум. Саввы, діак. Стефаномъ[4]). Чтеніе составляло любимое занятіе Макарія Калязинскаго, который былъ обученъ грамотѣ еще въ дѣтствѣ. Монахи же Калязинскаго мон., какъ видно (Еванг. 1533 г.) занимались и списываніемъ книгъ[5]). Въ „сказаніяхъ" о сѣвернорусскихъ монастыряхъ Іосифа Волоцкаго, находимъ трогательную легенду о быв. игум. Срѣтенскаго м., а потомъ пустынникѣ, Варсонофіѣ Неумоѣ, который зналъ все Св. писаніе наизусть, какъ о книголюбцѣ и собирателѣ книгъ, къ которому и м. Фотій (грекъ) обращался за разъясненіемъ спорныхъ мѣстъ Писанія[6]).

Іосифъ Волоцкій въ названномъ сочиненіи о представителяхъ сѣверно-русскаго монашества даетъ нѣсколько примѣровъ подвижничества, относящихся къ Тверской области. Въ свою очередь, обстоятельства жизни нѣкоторыхъ изъ тверскихъ князей, епископовъ и основателей монастырей представляли матеріалъ для жизнеописаній. Такъ, извѣстная пов. объ убіеніи кн. Михаила Яр. въ Ордѣ, легла въ основаніе позднѣйшихъ передѣлокъ, облеченныхъ въ форму правильнаго житія. Авторъ—одинъ изъ очевидцевъ его смерти, духовныхъ лицъ, сопровождавшихъ князя[7]). Въ разсказѣ его строго выдержана твер-

[1]) Въ случаѣ продолжительнаго отсутствія архіеп. въ Новгородѣ, твер. епископы пользовались правомъ посвящать дух. лицъ въ Новгородъ (Рус. Ист. библ., VI, 421—426).

[2]) См. Собр. госуд. догов., I, №№ 1—18. Догов. 1375 г. (№ 16) очевидно писанъ въ Твери; въ догов. Бориса Ал. съ Витовтомъ 1427 г. прямо сказано, что онъ писанъ въ Твери (Сборн. Муханова, № 1; поправка даты у Срезневскаго, Памят. языка, с. 304). Твер. князья состояли въ брачныхъ связяхъ съ кн. рост., вол., моск.,užд., смол., яросл., литов.; погребались въ соб. храмахъ (въ Твери, Кашинѣ, Микулинѣ).

[3]) Борзаковскій, 210. Срезневскій (с. 53) неправильно относитъ рук. „Зерцала" къ мѣстнымъ произведеніямъ. Сообщеніе о появленіи ея стоитъ въ ряду новгор. извѣстій. Ср. замѣч. о ней А. А. Шахматова (Обозр. лѣт. сводовъ, 93, прим.); Опис. рук. Синод. библ., I, № 170; Соф. Врем. по изд. Строева, с. 177. Ср. выше, с. 516, пр. 4.

[4]) Опис. рук. гр. Толстого, 212, 323; Филаретъ, Р. святые, мартъ, 23—28.

[5]) Филаретъ, ibid., 107.

[6]) Сказанія о св. отцѣхъ (Чт. въ Об. ист. и древ. рос. 1847, № 7).

[7]) Быть можетъ игум. Александръ или одинъ изъ поповъ, ходившихъ съ нимъ въ Орду (Ключевскій, 71—72, пр. 1).

ская точка зрѣнія на ходъ печальныхъ событій—борьбу между Юріемъ москов. и Михаиломъ. Въ позднѣйшіе лѣт. своды сказаніе это вошло уже въ передѣлкѣ XV вѣка[1]). Въ лѣтописи сохранились отрывки пространнаго сказанія о жизни сына князя Михаила тверскаго вел. кн. Александра, соперника Ивана Даниловича москов., и мученической смерти (1339) его съ сыномъ Ѳедоромъ въ Ордѣ (при Узбекѣ), которое написано однимъ изъ постоянныхъ его спутниковъ во время тревожной жизни[2]); а около половины того же вѣка, по желанію князя Бориса Александровича, составлено было жизнеописаніе его прадѣда, вел. кн. Михаила Александровича, причемъ авторъ ссылается на „Русскій гранографъ" и „Влодимерскій полихронъ", въ который входилъ первый источникъ. Житіе это писано безъ лѣтописныхъ помѣтокъ и по пріемамъ обычныхъ житій; но авторъ имѣлъ въ виду изложить обстоятельный очеркъ жизни князя („образъ бытіа его") съ описаніемъ военныхъ дѣлъ („колико мужества на земли храбрости показа") и религіозныхъ заслугъ („наипаче же елми къ Богу вѣру *въ дѣлехъ* стяжа"). Трудъ этотъ не сохранился вполнѣ, а изъ него составитель лѣтописнаго сборника (наз. „Тверскою лѣтописью") привелъ лишь два отрывка, изъ которыхъ въ одномъ описана жизнь князя до начала борьбы его съ дядей, твер. княземъ Василіемъ Мих., а въ другомъ—начало княженія самого Михаила. Неполнота эта тѣмъ болѣе ощутительна, что лѣтописныя извѣстія о князѣ Михаилѣ и отцѣ его (въ Никон. и Твер. сводахъ) представляютъ существенныя отличія и даже противорѣчія съ означенными біографическими данными (о Шевкалѣ и избіеніи татаръ въ Твери, объ обученіи грамотѣ Михаила у митр. Ѳеогноста, вопреки показаніямъ лѣтописи[3]); а въ одномъ изъ новгородскихъ лѣтописныхъ сводовъ, начала XVI в. (такъ наз. 4-я Новгор. лѣт.) помѣщенъ отрывокъ изъ

---

[1]) Чет. Мин. Макарія и Тулупова (въ послѣднихъ первонач. сказаніе помѣщено вслѣдъ за передѣлкой, Ключевскій, 71—74, 170—171; 3-я ред., 354; Барсуковъ, Біогр. 371—372); ср. Соф. Врем. по изд. Строева, I, 299—313; П. С. Р. лѣт., V, 207—215; Воскр., VII, 188—198; Никон. лѣт., III, 116—124; Твер. лѣт., XV, 410—413; Тихомировъ (Ж. М. Н. пр. 1876, № 12, с. 273); Борзаковскій, Ист. Твер. княж., прим. 483.

[2]) Никон. лѣт. III, 163—170; Твер. лѣт. 418—421.

[3]) О пріѣздѣ Михаила въ Новгородъ къ архіеп. Василію для обученія сообщаетъ Новгор. 1-ая лѣтопись (Новгор. лѣт. по Синод. сп. съ продолж. по сп. Археогр. ком., 340—341; ср. П. С. Р. Л., т. XV, 465—467, св. столб. 415; Никонов., III, 137, 175; также П. С. Р. Л., V, 223; VII, 207). Впрочемъ оба извѣстія можно согласить.

того же житія—о кончинѣ кн. Михаила[1]). Так. обр. въ біографіи его недостаетъ описанія борьбы тверскаго князя съ дядей Василіемъ и вел. княземъ москов. Дмитріемъ, которое представляло бы интересъ съ мѣстной точки зрѣнія, а какъ проникнутое притомъ свѣтскимъ характеромъ, о чемъ свидѣтельствуетъ одно мѣсто въ началѣ біографіи: „Господь Богъ, говоритъ авторъ, възвыси и прослави рогъ Тверскія земля, многая благаа и землаа воспріать (т. е. при кн. Михаилѣ), якоже речеся". Въ связи съ этимъ житіемъ слѣдуетъ поставить сказаніе о кончинѣ вел. кн. Михаила, помѣщенное въ позднѣйшемъ лѣтописномъ сборникѣ, подъ заглавіемъ „Повѣсть древняя списана о житіи вел. кн. Михаила Александровича тверскаго" [2]), заключающую въ себѣ краткій очеркъ его жизни и весьма подробное описаніе послѣднихъ дней его и кончины. Въ весьма живыхъ чертахъ представлены здѣсь отношенія его къ семьѣ, дружинѣ, духовенству, гражданамъ. Повѣствованіе это считается однимъ изъ лучшихъ литературныхъ произведеній, притомъ весьма близкимъ по времени къ описываемымъ событіямъ и, судя по нѣкоторымъ намекамъ, быть можетъ оно служило даже однимъ изъ источниковъ для біографа, писавшаго при Борисѣ[3]). Съ другой стороны, похвалы князю Михаилу за его любовь къ дружинѣ въ этомъ повѣствованіи даютъ право заключать, что авторомъ его могъ быть кто либо изъ дружинниковъ князя[4]).

Важнѣйшія изъ событій тверской исторіи нашли выраженіе—въ отдѣльныхъ сказаніяхъ, которыя не дошли до насъ въ своемъ настоящемъ видѣ. Таковы событія объ избіеніи въ Твери татаръ во время (1327) пребыванія тамъ Щелкана (Чолъ-ханъ), сына памятнаго на Руси Дуденя и двоюроднаго брата Узбека, занесенныя въ лѣтописи въ различныхъ варіантахъ[5]) и послужившія темой для извѣстной пѣсни о Щелканѣ Дудентьевичѣ, передающей довольно вѣрно общее впечатлѣніе этого печальнаго эпизода[6]) и замѣчательной по взгляду

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 359; ср. VII, 73; т. XV, 459 и д. съ сокращеніями и варіантами.

[2]) Никон. лѣт., IV, 285—296.

[3]) Ключевскій, 177—180.

[4]) Борзаковскій, 176.

[5]) П. С. Р. Л., т. XV (Твер. лѣт.), стр. 415—416, 465-466; Никон. III, 137; Татищевъ, IV, 117; Воскр., 200; Соф. I, 217; Новгород. 4-ая; Псков. 1-ая, 185.

[6]) Разборъ сказаній у Борзаковскаго, стр. 120—127.

на татаръ и поведеніе ханскихъ баскаковъ на Руси [1]). Другой эпизодъ представляетъ „Повѣсть о Плавѣ“, т. е. описаніе дѣла, бывшаго на р. Плавѣ [2]), на которой сошлись полки московскіе и тверскіе (въ княж. Ивана Мих.) въ 1408 г., условившіеся дѣйствовать совмѣстно противъ Витовта; но князья тверскіе, обиженные вел. кня. Василіемъ Дм. за перемиріе, которое онъ заключилъ помимо тверскаго князя (самое имя котораго въ договорной грамотѣ онъ поставилъ ниже своихъ братьевъ), оставили его. Кромѣ того, тверитяне были недовольны присутствіемъ татаръ, призванныхъ на помощь московскимъ князьемъ. Повѣсть эта писана съ явнымъ сочувствіемъ къ тверскимъ князьямъ, для „боголюбиваго Варлаама“, и перебита по мѣстамъ лѣтописными замѣтками, свидѣтельствующими объ ея отдѣльномъ происхожденіи [3]).

Религіозныя сказанія дополняютъ рядъ тверскихъ повѣствованій историческаго содержанія. Такъ, сохранился харатейный списокъ Церковнаго устава (Синод. библ. № старый 216, новый 331) съ припиской въ концѣ книги, показывающей, что онъ писанъ въ 1438 г. при твер. еписк. Иліѣ, дьякомъ Андреемъ для Успенскаго (Желтикова) мон-ря и рядомъ съ той же припиской помѣщена подробная записка о пріѣздѣ въ Тверь м. Кипріана и епископовъ въ 1390 г. съ описаніемъ суда надъ Евѳиміемъ и возведенія на его мѣсто Арсенія, которая сопровождается краткимъ лѣтописнымъ извѣстіемъ объ основаніи Арсеніемъ мон. на Желтиковѣ въ 1394 г. [4]). Записка эта съ измѣненіями занесена въ нѣкоторыя лѣтописи [5]). Въ одной же изъ Новгор. лѣтописей (4-ая, статья „о тверскомъ владыцѣ“, подъ 1409 годомъ [6])

Въ пѣснѣ Тверь называется „Тверью старою, Тверью богатою“, а Щелканъ-судьею, назначеннымъ ханомъ (Древ. рос. стихотв., собр. Киршею Даниловымъ, 31).

[1]) Соловьевъ, IV, 359—360.

[2]) Рѣчка Плава—притокъ Упы (Доп. къ Акт. ист., I, 380).

[3]) П. С. Р. Л., т. XV, 472—480. Замѣчаніе о ней (Борзаковскій, 262-269).

[4]) Запись см. у Карамзина, V, примѣч. 232. Послѣдній замѣчаетъ: „Сіе написано *современникомъ* и достовѣрнѣе Никоновскаго лѣтописца (IV, 197—198), именующаго жалобы на Евѳимія Висленя клеветами“. А потому заслуживаетъ вниманія, что изложеніе этого событія въ томъ же видѣ, съ нѣкоторыми лишь сокращеніями въ словахъ, внесено въ Тверскую лѣтопись (П. С. Р. Л., т. XV, 445). Подъ 1391 г. въ этой лѣтописи отмѣчено: „Того же лѣта преставися Еуфиміе на Москвѣ, въ истомѣ отъ митрополита; и положиша его у св. Михаила на Москвѣ за олтаромъ“ (ibid., 446). Въ Воскр. лѣт. записано о немъ вкратцѣ (VIII, 61—62).

[5]) П. С. Р. Л. XV, 445; Никон. л., IV, 195—198.

[6]) П. С. Р. Л. IV, 111-112; также лѣтопись Авраамки (П. С. Р. Л. т. XVI, 318—319). Передѣлка ея въ Никон. лѣт. V, 30.

помѣщена другая записка о кончинѣ еп. Арсенія съ точнымъ показаніемъ датъ, писанная очевидно однимъ изъ присутствовавшихъ лицъ. Обѣ эти записки служили источникомъ для житія еписк. Арсенія, составленнаго въ к. XV в., авторъ котораго, пользовался и другими записями, писанными лицами, пришедшими съ Арсеніемъ изъ Москвы, но сохранившимися въ неисправномъ видѣ. Уже въ 1483 г., по благословенію еп. Вассіана, составлены были стихиры и канонъ Арсенію, монахомъ того же мон. Θеодосіемъ. Затѣмъ появились проложное сокращеніе житія и списки житія съ дополненіями позднѣйшихъ чудесъ; а въ XVII в. къ прежнимъ чудесамъ прибавлено было еще 26 новыхъ (съ 1606—1664 годъ[1]).

Мы видѣли, что въ тверскихъ монастыряхъ и пустыняхъ сохранялись преданія объ ихъ основателяхъ, изъ которыхъ не всѣ сдѣлались достояніемъ житій, а вошли, въ видѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, въ другія литературныя произведенія, каковы воспоминанія Іосифа Волоцкаго[2]) и Волоколамскій патерикъ, куда они внесены Досиθеемъ Топорковымъ[3]), или въ мѣстныя повѣствованія. Въ половинѣ же XVI стол. (1546—47), по поводу обширной канонизаціи русскихъ подвижниковъ москов. соборомъ, появилось ж. Макарія, составленное на основаніи разсказовъ первыхъ его учениковъ, которыхъ зналъ авторъ. Наконецъ, составлялись перечни его чудесъ „по прежнимъ тетрадямъ“ и вновь записанныя, которыя встрѣчаются въ разныхъ спискахъ житія Макарія[4]).

Рядъ дошедшихъ до насъ рукописей, писанныхъ въ предѣлахъ Тверскаго княж., остатки агіографической литературы, наконецъ мѣстныя историческія сказанія, отчасти сохранившіяся, даютъ право заключать о существованіи книжныхъ и литературныхъ интересовъ въ средѣ болѣе образованныхъ людей Твери. Такъ, Аθанасій Никитинъ сообщаетъ, что тверитяне, отправляясь въ далекое путешествіе, взяли съ

[1]) Ключевскій, 181—184; 354.

[2]) Сказанія объ отцѣхъ, бывшихъ въ рустѣхъ монастырѣхъ (Чт. въ Общ. исторіи, 1847 г., № 7).

[3]) Ключевскій, 289.

[4]) Ключевскій, 289—290. О Нилѣ Столобенскомъ (+1554), подв. въ 7 вер. отъ г. Осташкова (ibid., 313—314). О житіи княгини Анны Кашинской, какъ позднѣйшемъ и имѣющемъ особенный характеръ, мы здѣсь не распространяемся (см. Ключевскій, 340—341; Барсуковъ, 41—43; Чт. въ Общ. ист. 1905: подр. актъ освид. мощей въ Актахъ о Кашинѣ (стр. 62—67); Оп. рус. исторіогр. см., по указ. Анна — дочь кн. Дмитрія Бор. рост., ж. в. кн. Михаила Яр. Тверскаго.

собою книги [1]), которыя у него отняли во время нападенія подъ Астраханью, а изъ его упоминанія о статуѣ импер. Юстиніана въ Константинополѣ видно, что онъ знакомъ былъ съ прежними путешествіями русскихъ людей [2]). Въ пути онъ велъ записки, которыя, по сравненію съ западными извѣстіями о тѣхъ же странахъ, принадлежатъ къ лучшимъ изъ описаній подобнаго рода, какими признаются записки венеціанца ди-Конти и синесца де-Гамы [3]). Описанія Аѳанасія не ограничиваются этнографическими или торговыми сообщеніями, но касаются современныхъ политическихъ отношеній, религіи, управленія, нравовъ жителей, и, какъ видно, ему не безъизвѣстна была персидская мистерія о погибели Хусейна, сына Али [4]). Нѣкоторыя сравненія его имѣютъ историческій интересъ [5]). Никитинъ, не доѣхавъ до своей родины, умеръ въ Смоленскѣ, а собственноручныя записки его были доставлены вел. князю въ Москву [6]). Сочиненіе Аѳ. Никитина вошло и въ лѣтописи [7]).

Рядомъ съ нимъ слѣдуетъ поставить другого тверитянина—отверженнаго митрополита Спиридона.... Въ лѣтописи подъ 1476 г. о немъ

[1]) Учен. Зап. II отд. Имп. Акад. Наукъ, II, 262.

[2]) Ibidem, 278. Впрочемъ, онъ замѣчаетъ объ опасности для души ходить въ чужія страны (ibid. и П. С. Р. лѣт., VI, 349, съ объясн. Казембека).

[3]) Ibidem, 254, 305.

[4]) Ibidem, 266, 284. Въ концѣ записокъ онъ приводитъ мусульм. молитву въ подлинникѣ, переведен. на рус. яз. проф. Казембекомъ.

[5]) Говоря объ употребленіи пищи индѣйцами, онъ замѣчаетъ, что они не знаютъ примѣненія ножа и ложки (276); по поводу видѣннаго имъ храма Буды (Perevattum pagode), онъ прибавляетъ: „Бурхана очень велика, съ половину Твери и вся каменная“ (ib.).

[6]) „Описаніе то своею рукою написалъ, иже его руки тетради и привезли гости къ Мамыреву Василію къ дьяку великаго князя въ Москву“ (244. 262).

[7]) Замѣч. о нихъ Бѣляева (О геогр. свѣд., 215—222). М. И. Минаевъ въ соч. „Старая Индія. Замѣч. на Хожденіе за три море Аѳ. Никитина“, говоритъ, что его повѣствованіе представляетъ разсказъ весьма умнаго и наблюдательнаго человѣка о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ. странствуя по заморскимъ землямъ. Въ записяхъ его есть драгоцѣнные факты. важные для пониманія староиндійской жизни и просмотрѣнные современниками, заходившими въ Индію. Сравненіе записокъ Никитина съ западными географическими памятниками XV—XVI вв. не окажется къ невыгодѣ русскаго путешественника; уступая имъ часто въ красотѣ изложенія и богатствѣ фактическими подробностями. онъ превосходитъ весьма многихъ безпристрастіемъ и наблюдательностью. Весьма вѣрныя наблюденія даютъ право сравнивать его замѣтки съ самыми выдающимися старинными путешественниками“ (см. Д. Н. Анучинъ. Землевѣдѣніе 1894, кн. I). Ср. Оп. рус. исторіи, I, CLXIV.

читаемъ: „пріиде изъ Царяграда въ Литовскую землю митр. Спиридонъ, родомъ тверитинъ, поставленъ на мздѣ патріархомъ, а повелѣніемъ турскаго царя“ [1]). Придя на сѣверъ, онъ былъ сосланъ въ Ѳерапонтовъ мон., гдѣ въ 1503 г. нашелъ его Досиѳей, по просьбѣ котораго онъ далъ литературную обработку житію Зосимы и Савватія соловецкихъ и дополнилъ ихъ нѣкоторыми подробностями. Въ своемъ „изложеніи вѣры“ онъ является защитникомъ бѣдныхъ и на церковныя имущества смотритъ какъ на такія, которыя предназначены нищимъ, сиротамъ, вдовамъ и на освобожденіе плѣнныхъ, „а не на свои страсти“, [2]) что выдвигаетъ его въ ряду другихъ церковныхъ писателей того времени. Любопытно, что такой ригористъ, какъ новг. архіеп. Геннадію, о Спиридонѣ отозвался въ слѣдующихъ словахъ: „Сей человѣкъ въ нынѣшніе роды бѣяше столпъ церковный, понеже *измлада извыче Священная писанія*“ [3]). По словамъ же Досиѳея, онъ былъ „мужъ мудръ добрѣ, *умѣа писати новаа и ветхаа*“ [4]). При томъ враждебномъ отношеніи, какое существовало въ Москвѣ противъ Спиридона [5]), отзывы лицъ, столь извѣстныхъ, какъ Геннадій и Досиѳей, ясно говорятъ въ пользу литературнаго образованія Спиридона.

Конечно, мы имѣли бы болѣе данныхъ, чтобы судить о развитіи книжности въ Тверскомъ княжествѣ, если бы оно не такъ часто подвергалось внѣшнимъ неблагопріятнымъ условіямъ. Такъ, оно сдѣлалось жертвою жестокаго опустошенія отъ татаръ и Ивана Калиты при князѣ Александрѣ Мих. и не успѣло еще оправиться, какъ начались княжескія усобицы, заставившія народъ выселяться въ предѣлы

---

[1]) Карамзинъ, VI, прим. 629, столб. 93.

[2]) Лѣт. зан. Арх. ком., III, Опис. сборн новгор. Соф. библ, 24—25.

[3]) Ключевскій, 198—203.

[4]) Житіе и подвиги препод. оо. нашихъ Зосимы и Савватія соловецкихъ (Библіол. Словарь, Строева, 215, 265, 384, 386—391).

[5]) Прозванный „Сатаной“ „за рѣзвость его“, по выраженію лѣтописца, когда онъ былъ еще монахомъ (П. С. Р. лѣт., VI, Соф. лѣт., стр. 233); а епископы впослѣдствіи, при своемъ посвященіи, давали обѣтъ („исповѣданіе“) не принимать митрополитовъ, поставленныхъ въ Константинополѣ. Упомянувъ Григорія Цамблака, Исидора и его ученика Григорія, исповѣданіе продолжаетъ: „съ ними же и Спиридона, нарицаемаго Сатана, взыскавшаго въ Цариградѣ поставленіе (1474) въ области безбожныхъ Турковъ поганаго царя; такоже и всѣхъ тѣхъ отрицаюсь, еже по немъ когда случится пріити на Кіевъ отъ Рима латинскаго или отъ Царьграда турецкія державы“ (Твор. св. отц., годъ VI, кн. I. О сношеніяхъ русской церкви съ святогор. обителями, 158, примѣч.; ср. Карамзинъ, V, пр. 309).

другихъ княжествъ. Въ теченіе двухъ столѣтій (съ полов. XIII до полов. XV в.) Тверская область потерпѣла отъ усобицъ 13 разъ и 7 разъ отъ внѣшнихъ нападеній[1]). Въ то же время упоминаются семь большихъ пожаровъ въ Твери[2]). Въ 1537 г. Тверь пострадала дважды отъ пожара[3]), который вызвалъ Максима Грека, жившаго тогда въ ссылкѣ въ Огрочѣ монастырѣ, на религіозно-нравственныя размышленія[4]). Въ 1570 г. Твери нанесъ погромъ Иванъ Грозный, въ 1609 г. она была взята тушинцами, а въ 1612 г. ее разорили и выжгли поляки и литовцы[5]). Въ 1763 г. Тверь снова сдѣлалась жертвою большого пожара[6]).

IV.

Такъ наз. „Тверской сборникъ" или лѣтопись состоитъ изъ двухъ неравныхъ частей, общей части и собственно *Тверской лѣтописи*, соединенныхъ въ одно цѣлое лицемъ, обнаружившимъ, вопреки его заявленію (столб. 142), извѣстную литературную сноровку, вслѣдствіе начитанности въ своемъ матеріалѣ и вниманія къ тому, что онъ списывалъ (столбцы 108, 285). Во всякомъ случаѣ это компиляторъ, умѣвшій обращаться со своими источниками. Онъ исправляетъ выраженія („до сего дня") лѣтописцевъ, потерявшія свое значеніе (108) и указываетъ, что новгородскія лѣтописи ведутъ лѣтосчисленіе съ весны, а онъ по индикту (282), т. е. съ 1 сентября, съ цѣлью объединенія лѣтосчисленія, а потому его счисленіе не сходится съ другими лѣтописцами, и при этомъ даетъ совѣтъ обращать вниманіе, съ какого

---

1) Соловьевъ, IV, 234, 245. Въ 1327 г.—ея сожгли татары; въ 1374 и 1486 гг. моск. войска.

2) Ib, 235. О пожарахъ въ Твери см. годы 1276, 1282, 1285, 1296, 1298, 1313, 1316. 1318, 1327, 1404 („дворовъ 100"), 1412, 1414 („20 церквей, дворъ вел. князя и весь городъ"), 1443, 1486 (Лѣт. по Лавр. сп., 400, 511; Новг. 1-я 400; Твер. лѣт. 405, 407—417, 434, 446, 492, 499; Никон. л., V, 120; Карамзинъ, IV, пр. 154, 182, 200, 247; V, 254). Въ 1392—сгорѣлъ Кашинъ (Твер. л., 446).

3) П. С. Р. лѣт., VI, 303: въ первый разъ, въ Петровъ постъ, отъ молніи; тогда погорѣла городская стѣна и житницы въ городѣ. Во второй разъ, 22 іюля, „весь градъ", церкви, старинныя иконы, украшенныя серебромъ, золотомъ и дорогими камнями, книги, сосуды, торги множество людей по церквамъ и торгамъ, причемъ едва былъ спасенъ самъ еп. Акакій. По поводу этого пожара и писалъ М. Грекъ.

4) Сочин. М. Грека, II, 290—294.

5) Твер. лѣт., 434; Никон. V, 120; Карамзинъ, VIII, пр. 66.

6) Семеновъ, Геогр. Словарь, V, 77.

мѣсяца ведетъ счетъ лѣтъ каждый лѣтописецъ[1]). Въ составъ настоящаго Сборника по частямъ вошли: 1) *Хронографъ* (хронологія ветхозавѣтныхъ событій, краткій перечень изъ римской и византійской исторіи); 2) *Софійскій Временникъ* съ такъ наз. Начальной лѣтописью, а именно Соф. 1-я лѣт., въ сп. близкомъ къ спп. Карамзина и кн. Оболенскаго[2]), и б. м. Соф. 2-й лѣт. по Новоіер. сп. [3]); 3) *Новгородская 1-я лѣт.*, извлеченныя составителемъ въ наибольшемъ количествѣ, чѣмъ другіе источники, большею частью слово въ слово (извѣстія идутъ по 1255 г) въ ред., сходной съ Академ. или Толст. спп. [4]); 3) *Суздальская лѣт.* (1246—1255), въ изложеніи суздальскихъ и ростовскихъ событій, по Акад. сп. (см. выше, стр. 909—910[5]); 4) *Южный сводъ лѣтописей*, близкій къ Ипат. списку[6]), оба послѣдніе источника съ сокращеніями и опущеніями излишнихъ подробностей; 6) отдѣльныя *сказанія* и 7) собственно *Тверская лѣтопись*. Составитель вообще располагалъ значительнымъ матеріаломъ и могъ дѣлать выборъ

---

[1]) Характеристика эта относится къ составителю 1-й части, если принять, что вторая часть (съ 1285), заключающая въ себѣ собственно Твер. лѣт., была соединена съ 1-й послѣднимъ составителемъ.

[2]) Компиляторъ 1534 г. „Твер. Сборн." подъ именемъ Хронографа пользовался сокращ. ред. Полихрона: „близость Полихрона къ хронографамъ не подлежитъ сомнѣнію" (А. А. Шахматовъ, Обще-рус. своды, Ж. М. Н. Пр. 1900, № 11, с. 140, 143).

[3]) А. Шахматовъ, Обозр. сводовъ (107—108). Съ опущеніемъ „Русской Правды" —„множества ради". Въ лѣт. Нестора нѣтъ также сказ. Василія объ ослѣпленіи Василька и приписки Сильвестра.

[4]) На заимствованія Твер. сборн. изъ Новгор. лѣт. указалъ еще Бестужевъ-Рюминъ (О составѣ, 106, 148). Новгор. лѣт. Твер. сборн. пользовался съ 1078 по 1256 г., „рѣдкое извѣстіе ея не попало въ нее" (А. А. Шахматовъ, Общерус. лѣт. своды, Ж. М. Н. Пр. 1900, № 11, с. 135—137, и Древнѣйшія ред. пов. врем. лѣтъ, ib. 1897, № 10, с. 243—250—о Новгор. изводѣ 1256 г., какъ объ источникѣ твер. л., или Соф. Врем. XIII в.). Ближайшее изученіе Новгор. и Твер. лѣт. обнаруживаетъ значительное вліяніе первой на послѣднюю, какъ по количеству передаваемыхъ извѣстій, такъ и по точности передачи, почти дословной, и по сочувствію составителя ея къ прошлымъ судьбамъ Новгорода. Сравнительное изслѣдованіе данныхъ позднѣйшихъ лѣт. (Тв., Ник., Воскр., Соф. 1-й и поздн. списковъ 1-й Новг. лѣт.), содержащихъ въ себѣ болѣе или менѣе значительное количество новг. извѣстій, приводитъ къ тому заключенію, что изъ всѣхъ ихъ Твер. лѣт. отличается наибольшею полнотою и точностью въ сохраненіи древне-новг. лѣтопис. извѣстій (Сениговъ, Изсл. о Новг. лѣт., Чтен. въ Общ. ист., 35—37).

[5]) Тихомировъ (Ж. М. Н. Пр. 1876, № 12), стр. 271—272; Шахматовъ, 95—96.

[6]) А. А. Шахматовъ, 107—108. Заимствованія составителя свода иногда обозначаются указаніями на поляхъ: *новг.*, *кіев.*, *влади*.

для своего труда („понеже въ иныхъ лѣтописцѣхъ пишетъ“, 142, 285; „описанія налѣзше“, говоритъ онъ въ сказ. о богатыряхъ).

Среди заимствованій изъ извѣстныхъ лѣтописей, разсматриваемый Сборникъ сообщаетъ иногда новые факты или представляетъ другіе въ иномъ видѣ, напр. о томъ, что Олегъ, при заключеніи мира съ греками, взялъ выходъ между прочими городами и на Смоленскъ (38), что вполнѣ вѣроятно по тому значенію, какое занималъ Смоленскъ; о томъ, что Борисъ и Глѣбъ были сыновьями не болгарыни, а гречанки Анны (73); о разводѣ в. кн. Владиміра I съ Рогнѣдою по принятіи имъ крещенія и о постриженіи послѣдней подъ именемъ Анастасіи (ст. 112); объ основеніи тѣмъ же Владиміромъ г. Владимира на Клязьмѣ (113); о смерти въ Новгородѣ перваго архіеп. Іоакима Корсунянина (146); о смерти Святополка Окаяннаго: „спаде съ носилъ и ту злѣ-испроверже животъ свой“ (139); о томъ, что города, постр. Ярославомъ I по Роси въ 1032 г., были Корсунь и Треполь (146); о раздѣлѣ удѣла Игоря Яр. смоленскаго послѣ его смерти (1060) братьями (153); о томъ, что сочинителемъ похвалы в. к. Дмитрію Донскому и брату его кн. Владиміру Андр. былъ Софонія Рязанецъ, брянскій бояринъ (440 [1]). Кромѣ лѣтописей, составителю Сборника, извѣстны были и другіе памятники письменности, какъ Патерикъ печерскій (126, 137, 181), ж. Авраамія рост. (114), сказаніе о перенес. мощей чуд. Николая отъ Миръ въ Барь-градъ (176—181), извѣстное по рук. Царскаго и Румянцова [2]; сказ. объ убіеніи Андрея Богол. (250—251), нѣсколько отличное отъ другихъ, но въ общемъ сходное съ помѣщеннымъ въ Лавр. сп. лѣтописи; пов. о битвѣ на Калкѣ (335—343), съ прибавленіемъ сказ. о 70 богатыряхъ, имѣющаго мѣсто только въ этомъ сборникѣ, чисто мѣстнаго, ростовскаго происхожденія [3]).

Внимательное изученіе разсматриваемаго Сборника приводитъ къ выводу, что этотъ послѣдній, а также и Львовская лѣтопись, пользовались однимъ общимъ источникомъ, въ которомъ находилась „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ и затѣмъ выписки изъ южно-русскихъ лѣтописей, переходившія со 2-й пол. XII в. въ извлеченія изъ сузд. лѣтописей. Это сходство продолжается только до 1255 г., послѣ чего, вмѣсто

---

[1]) Въ сказ. о Куликовской битвѣ, помѣщ. въ Твер. сборн., есть нѣкоторыя особенности (онѣ отмѣчены у Борзаковскаго, примѣч. 769).

[2]) Филаретъ, Обзоръ, 23—24; Ключевскій, Житія, 217.

[3]) Обзоръ см. у Тихомирова (266—272).

Новгор. лѣт. и общаго источника съ Львов. лѣт., идутъ выписки изъ другихъ лѣтописей. Въ этомъ случаѣ важнымъ подспорьемъ для составителя Сборника служилъ Ростовскій сводъ 1419 года, откуда также заимствованы нѣкоторыя статьи въ начальной части (статьи, слѣд. за хронографомъ, такъ наз. Краткая лѣт. о князьяхъ и епископахъ) и дополненія къ лѣтописнымъ извѣстіямъ, чѣмъ объясняется рядъ общихъ мѣстъ между 1-ю частью Сборн. и Воскр. лѣт., восходящихъ къ ихъ общему источнику—Ростов. своду [1]). Суздальскія извѣстія въ Сборникѣ восходятъ къ Ростовскому же своду и тому источнику, который служилъ основнымъ матеріаломъ для Львов. лѣт. въ ред. 1518 г., что отражается впрочемъ и на начальной ихъ части. Лѣтописный разсказъ Львовской лѣт. въ цѣломъ рядѣ годовъ почти вполнѣ совпадаетъ съ разсказомъ „Сборника", если исключить изъ него извѣстія новгор. происхожденія, причемъ, однако, въ цѣломъ рядѣ случаевъ чтенія Твер. лѣт. оказываются болѣе исправными и болѣе близкими къ предполагаемому оригиналу, чѣмъ чтенія Львовской лѣтописи [2]).

Нѣкоторые изслѣдователи [3]) находятъ, что Твер. лѣтопись въ разсматриваемомъ Сборникѣ начинается съ 1285 г. (стр. 406), подъ которымъ сообщается о заложеніи каменной церкви Спаса въ Твери вел. кн. Михаиломъ Яр., его матерью вел. кн. Ксеніей Яросл. и еп. Симеономъ; однако, справедливо замѣчають, что уже подъ 1253 г. сообщается о бѣгствѣ Ярослава Яр. изъ своей отчины Твери „во Псковъ" и о посаженіи тамъ его на столъ; а подъ 1276 г. говорится о пожарѣ всей Твери, очевидно, современникомъ этого событія [4]). Независимо отъ того, изслѣдователи (Тихомировъ и Шахматовъ) указываютъ на литературныя особенности обѣихъ частей Сборника: съ 1255 г. не встрѣчается личныхъ заявленій лѣтописца (сводчика) и отмѣчаются пустые годы, чего нѣтъ въ предшествовавшей части [5]). Показанія позволяютъ предполагать, что Сборникъ былъ составленъ не однимъ лицемъ, причемъ однимъ изъ составителей его былъ указанный выше ростовецъ (1-я часть). Часть эта была соединена со 2-й

---

[1]) А. А. Шахматовъ, 94-95, 98-99, 100-102.
[2]) Ibidem, 102-105.
[3]) Костомаровъ, 88—89; Шахматовъ, 272-273.
[4]) А. А. Шахматовъ, Обозр. сводовъ, 93.
[5]) А. Шахматовъ, 98.

частью другимъ компиляторомъ, трудъ котораго составляла главнымъ образомъ лѣтопись тверскихъ событій. Послѣднему также была извѣстна Ростовская лѣт, но въ той ред. (поздн.), которая послужила источникомъ Воскр. лѣт., какъ можно заключать по сходству этой части Твер. сборника (съ полов. XIII в. до нач. XV в.) съ Воскр. л. и Акад. сп. Сузд. лѣт.[1]). Полагаютъ, что такимъ источникомъ твер. составителя могъ быть Московскій сводъ, составленный въ началѣ XVI в. (Твер. сборн. оконч. 1499 г.) и использовавшій уже Ростов. сводъ 1419 г., а вмѣстѣ съ тѣмъ пользовавшійся „Тверскою лѣт.“, которая начиналась княж. Ярослава Яр.[2]). Послѣдняя была задумана еще еп. Арсеніемъ, любителемъ книжнаго просвѣщенія, а затѣмъ была внесена въ Твер. сводъ, составленный въ 1409—10 гг. Сводъ этотъ въ 1419 г. соединенъ былъ съ Ростов. лѣт., оказавшей рѣшительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе русскаго лѣтописанія (ср. Воскр. и Акад. сп. Ростов. лѣт.). Составитель Твер. свода старательно извлекалъ изъ общаго свода 1499 г. всѣ извѣстія, касавшіяся Твери и тверскихъ князей, и сокращалъ или опускалъ въ записяхъ и статьяхъ не относящихся къ его цѣли. Такимъ путемъ были внесены сюда же и отд. сказанія, находившіяся въ сводѣ: 1318—1319—сказ. объ уб. Михаила Яр.; 1326—27—пов. о Шевкалѣ; 1338—39—объ уб. кн. Александра Мих.; 1357 и 1377—ж. м. Алексѣя, 1377—пов. о Митяѣ; 1382—пов. о напад. Тохтамыша на Москву; 1396—сказ. о перенес. ик. Влад. Б. М. изъ Владимира въ Москву и о наш. Тамерлана; 1399—пов. о битвѣ Витовта съ Темиръ-Кутлуемъ; 1399—ж. Михаила Алекс.; 1406 пов. о Илавѣ[3]); 1408—знаменіе на р. Похрѣ; сказ. о побоищѣ рязанскомъ; 1408—сказ. о нападеніи Едигея. Судя по выпискамъ въ Твер. сборникѣ, мѣстная Твер. лѣтопись состояла изъ лѣтописныхъ замѣтокъ, краткихъ и отрывочныхъ, касающихся Тверского княжества[4]),

---

[1]) А. А. Шахматовъ, 110—113.

[2]) „Существовала краткая Твер. лѣт. о прежнемъ времени и въ той же самой рукописи (Твер. сборн.) сохранились ея слѣды, перебитыя выписками изъ другихъ лѣтописей и въ смѣшеніи съ другими извѣстіями“ (Костомаровъ, 89).

[3]) Въ Сборникѣ помѣщена не самая повѣсть (о чемъ свидѣтельствуетъ лишь заглавіе, находящееся въ ней), а результатъ бывшаго боя и ссоры москвичей и тверичей; разсказъ сообщается дальше и находится только въ Твер. лѣт. (Борзаковскій, 268—269 и примѣчаніе 870).

[4]) Напр. 1447: И лѣту изшедшу 56 палъ снѣгъ въ Семенъ день; 1467: Бывъ хмѣлю оковь по рублю. Того же лѣта за Тмакою сгорѣла ц-вь св. Пятница, а дво-

нерѣдко съ пропусками лѣтъ, но также изъ болѣе пространныхъ извѣстій.

А. Ѳ. Бычковъ, на основаніи „предисловія" къ „Твер. лѣт-цу" (463) полагалъ, что послѣдній, послужившій источникомъ для Сборника, былъ составленъ по повелѣнію вел. кн. Бориса Алекс. († 1461), приказавшаго описать время Михаила Алекс., с. Александра Мих.[1]), и что событія княженія Ивана Мих. и послѣдующія, изложенныя въ Твер. сборн., описаны на основаніи того же лѣт-ца. В. О. Ключевскій высказалъ мнѣніе, что статья о преставленіи Михаила Алекс. составляетъ отрывокъ житія (собственно два отрывка внесены въ лѣт.), а не лѣтописнаго произведенія[2]), къ мнѣнію котораго примыкаетъ и Тихомировъ[3]). Составитель Сборника воспользовался этимъ житіемъ такъ же, какъ выше онъ внесъ въ него ж. м. Алексѣя, пов. о Митяѣ и т. п. А. А. Шахматовъ, напротивъ, утверждаетъ, что составитель Сборника внесъ въ него не ж. Михаила, а „Твер. лѣтопись", гдѣ между прочимъ находились и отрывки названнаго житія[4]). Лѣтопись, составленную по порученію в. кн. Бориса, онъ отличаетъ отъ житія, часть котораго вошла въ ея составъ и самая лѣтопись является въ ней не болѣе, какъ отрывками „Лѣтописца княженія Тверскаго", въ который внесенъ былъ разсказъ о княж. не только Михаила Ал., но также Александра Мих., его отца, и Ивана Мих., его сына[5]). Далѣе, онъ указываетъ, на сказаніе (разрозн. части въ Рост. сводѣ и Лѣт-цѣ) и рядъ тверскихъ извѣстій въ первомъ изъ нихъ (гг. 1327—29, 1337—39, 1368, 1371—1390, 1397, 1399. 1400), какъ заимствованный изъ Твер. лѣт-ца; другая часть подобныхъ же извѣстій сохранилась въ отрывкѣ Твер. лѣт-ца, помѣщенномъ во 2-й половинѣ Сборника, оканч. 1499 г., въ которой, кромѣ первыхъ двухъ источниковъ (Ростов. свода 1419 г. съ дополн. Моск. свода 1499 г. и Твер. лѣт-ца) присоединяется еще третій источникъ

ровъ 110; 1424—Бысть моръ въ Кашинѣ и меженина, по полтинѣ купили ОКОВО ржи и т. п. (о налетѣ свиристелей— 1448, о погодѣ, о раннемъ посѣвѣ—1449 и т. д.).

[1]) П. С. Л. лѣт., XV, предис., с. v.

[2]) Житія, 177—180.

[3]) Тихомировъ, 279—282. Въ лѣтописи (Твер., Никон.,) извѣстія о времени Михаила стоятъ въ противорѣчіи съ этими отрывками.

[4]) Обозр. сводовъ, 115—116.

[5]) Ibidem, 116—119.

(сводъ 1534 г.), который былъ составленъ на основаніи весьма разнообразнаго матеріала лицомъ, обладавшимъ несомнѣннымъ критическимъ талантомъ (см. стр. 108, ср. стр. 373—374), уроженцемъ Ростовской области [1]). Такимъ образомъ, какъ одни (Бычковъ, Тихомировъ) считаютъ редакторомъ Сборника въ его настоящемъ составѣ „ростовца", другіе (Шахматовъ) называютъ имъ „тверитянина", который, кромѣ назв. выше источниковъ, воспользовался и трудомъ этого послѣдняго, составленнымъ въ 1534 г. [2]). Намъ представляется это дѣло нѣсколько иначе. Предпринятый, по желанію кн. Бориса, трудъ тверитянина, долженъ былъ представлять только похвалу („честь") вел. кн. Михаилу Александровичу. Въ такомъ смыслѣ и составлено описаніе его дѣлъ вслѣдъ за „предисловіемъ". Систематическаго изложенія событій здѣсь нельзя ожидать, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ говоритъ, что такой трудъ „выше силы нашея есть" и если онъ взялся за него, то „боясь ослушанія". Своему труду составитель предложилъ родословіе тверскихъ князей и обзоръ событій съ кн. Александра Мих. до вступленія на престолъ в. кн. Михаила Ал. (заглавіе: „Начало вел. княженія Михаила Ал-ча"). Окончаніе „слова" о немъ подтверждаетъ такой характеръ предпринятаго труда. Далѣе, авторъ въ лѣтописномъ порядкѣ изложилъ послѣдующія событія и отмѣтилъ, что вел. кн. Иванъ Мих. „бяше ходя путемъ отчимъ, сего ради миръ глубокъ имяше ко всѣмъ странамъ" и пр. (474—475). Возможно, что тотъ же современникъ внесъ въ свой трудъ перечень тверскихъ событій до княж. Бориса Ал. и записалъ событія его княженія до паденія Твери (1486), чѣмъ и оканчивается собственно Твер. лѣтопись. Авторъ ссылается на „Владим. полихронъ", которымъ онъ пользовался для начала своего труда, а для продолженія онъ могъ воспользоваться тверскими записями и сказаніями (напр. пов. о Плавѣ, съ обращеніемъ къ нѣкоему Варлааму, вѣроятно игумену). Ростовскій составитель сборника присоединилъ этотъ трудъ къ послѣднему и дополнилъ его, съ своей стороны, извѣстіями изъ Московскаго свода, доведенными до к. XV стол. (1499 г.).

Обратимся къ содержанію тверскихъ записей.

Въ Твери, какъ и въ другихъ мѣстахъ велись, конечно, лѣтописныя записи, но онѣ не дошли до насъ въ своемъ первоначаль-

---

[1]) А. А. Шахматовъ, 132—133.

[2]) Ibidem, 129—130.

номъ видѣ, а являются въ болѣе позднихъ сводахъ, послужившихъ въ свою очередь, матеріаломъ для позднѣйшихъ сборниковъ. Такимъ сводомъ тверскихъ извѣстій служилъ „Лѣтописецъ княженія Тверскаго", дошедшій до насъ въ отрывкахъ въ Тверскомъ сборникѣ. Такъ, въ этомъ послѣднемъ, передъ означеннымъ заглавіемъ помѣщенъ рядъ извѣстій, относящихся къ исторіи Твер. княжества съ 1253—1400 г. (посаженіе на столъ, посѣщеніе Орды, рожденія и браки князей, походы, отношенія къ Новгороду и Москвѣ, поставленіе и кончина епископовъ, пожары и пр.) и соединенныхъ съ событіями, происходившими въ другихъ княжествахъ. Дополненіемъ къ нимъ служатъ извѣстія, помѣщенныя также въ отрывочномъ видѣ, въ „Твер. Лѣтописцѣ". Тверская лѣт. несомнѣнно мѣстная, какъ по преобладающему характеру своихъ извѣстій, такъ и по сочувствію къ тверскому княжескому дому. Простановка пустыхъ годовъ, потомъ опущенная (въ 1-й части), вѣроятно свойственна была и Тверской лѣтописи. Лѣтопись, въ дошедшемъ до насъ видѣ, не отличается равномѣрностью своихъ частей. Болѣе подробныя извѣстія начинаются собственно съ 1313 г., т. е. со времени открытой борьбы Юрія Данил. съ Михаиломъ Яр. Война между ними (1317) описана весьма подробно. Но время отъ смерти Михаила до смерти Александра Мих. (1318—1339) опять изложено весьма кратко; однако, это не исключаетъ веденія Тверской лѣтоп. въ означенный періодъ, и въ описаніи самыхъ событій сочувствіе къ твер. князьямъ (княж. Константина Мих.) строго выдерживается. При этомъ съ 1333—1368 г. замѣчается пропускъ[1]); зато описаніе борьбы между Михаиломъ Александровичемъ и Дмитріемъ Иван. москов. (1368—1371), очевидно, составлено современникомъ и изложено довольно подробно, съ явнымъ сочувствіемъ своему князю и мѣстными особенностями. Съ такимъ же сочувствіемъ относится лѣтописецъ къ войнѣ Михаила Алекс. съ Новгородомъ въ 1372 г., успѣхъ которой онъ приписываетъ покровительству свыше, въ примѣръ чего приводитъ разрушеніе Іерусалима Титомъ и дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: „Разумѣйте братіа, аще бо тіи побѣжени, то есть мужество, еже уповати на Бога; а человѣческая помощь ничтоже есть, еже сіи сътвориша собѣ Новгородци за высокоуміе. Князь же възвратися въ Тверь съ побѣдою"[2]). Весьма подробно, притомъ съ указаніемъ хронологиче-

---

[1]) Въ самой рукописи здѣсь видны путаница и дефекты (стр. 417—428) Такіе же дефекты отмѣчаются и на стр. 473—482 (Борзаковскій, стр. 267—268).

[2]) П. С. Р. Л., XV, 433.

ческихъ данныхъ, описана и неудачная для Михаила война съ Дмитріемъ Ив. (1375 г.); но другія извѣстія за его княженіе не отличаются ни подробностью, ни хронологическими указаніями. Запись о судѣ надъ епископомъ Евѳиміемъ (1390) выдается вполнѣ мѣстнымъ характеромъ сравнительно съ другими лѣтописными извѣстіями и въ своемъ мѣстѣ (стр. 1001, пр. 4) мы указали на отношеніе ея къ другому источнику.

Княженіе Ивана Мих. (1399—1425) описано въ лѣтописи столь же подробно, а по мѣстамъ прерывается краткими извѣстіями, заимствованными изъ другихъ источниковъ. Вниманіе лѣтописца останавливается на распрѣ вел. князя Ивана Мих. съ удѣльными князьями —Василіемъ Мих. кашинскимъ и Юріемъ Всев. холмскимъ. Борьба съ послѣднимъ, при покровительствѣ Москвы и вмѣшательствѣ Орды, описана въ Тверской лѣтописи подробнѣе, чѣмъ въ другихъ лѣтописяхъ, причемъ симпатіи лѣтописца остаются постоянно на сторонѣ вел. князя. Лѣтописецъ также сочувственно говоритъ и по поводу отвѣта своихъ князей Василію Дм. московскому за его недоброжелательство на р. Плавѣ (см. выше, стр. 1001). Мелкія извѣстія (пожары, затменія, суровость зимы 1422 г., постройка церквей и собора св. Тирона, смерть епископа Арсенія, княгини Анны и т. п.) отличаются замѣчательною точностью, свойственной только современнику. Лѣтописныя извѣстія за время княженія Бориса Александровича даютъ себя чувствовать такимъ же современнымъ характеромъ (хронологическія даты, подробности въ описаніи событій и мелкихъ извѣстіяхъ). Отношенія къ Литвѣ и Москвѣ выступаютъ со всею ясностію, особенно во время Шемякиной смуты, когда тверской князь оказалъ столь важную поддержку московскому князю. Событія въ правленіе послѣдняго князя, Михаила Борис. (1461—1486), отличаясь все тою же отрывочностью, сосредоточиваются главнымъ образомъ на отношеніяхъ къ Москвѣ, а съ паденіемъ независимости Твери, о которомъ лѣтописецъ передаетъ лишь въ краткой записи, прекращаются и самыя извѣстія о ней. Послѣдующія извѣстія (по 1499) носятъ на себѣ ясные слѣды записей, сдѣланныхъ въ Москвѣ.

При всѣхъ очевидныхъ пробѣлахъ Тверская лѣт. заслуживаетъ вниманія по своему вполнѣ мѣстному характеру и подробностямъ (какъ дѣло Шевкала[1]), низложеніе еп. Евѳимія и т. п.) въ особен-

[1]) Оцѣнка этого эпизода сдѣлана была въ свое время Соловьевымъ (IV, 378).

ности же за то время, когда подробныя извѣстія о тверскихъ событіяхъ прекращаются въ Никон. сборникѣ; таковы обстоятельныя извѣстія объ отношеніяхъ тверскихъ князей къ московскимъ въ княж. Ивана Мих. и послѣдующее время [1]).

Любопытно, какъ отразилось событіе о взятіи Константинополя турками въ сознаніи тверитянъ, которые, какъ мы видѣли, были усердными посѣтителями его святынь. Извѣстіе объ этомъ записано подъ 6961 г. (1465): „Того же лѣта взятъ былъ Царьградъ отъ царя Турскаго отъ салтана; а *вѣры Рускыа* не преставилъ, а патріарха не свелъ, но одинъ въ градѣ звонъ отнялъ; у Софіи премудрости Божія по всѣмъ церквамъ служатъ литургію божественную, и завтреню и вечерню поютъ безъ звону, *а Русь къ церкви ходятъ*, а пенія слушаютъ, *а крещеніе Руское есть*" [2]).

Тверская лѣтопись не можетъ быть названа церковною лѣтописью, хотя въ ней сообщаются данныя о церковныхъ событіяхъ, смерти епископовъ, построеніи церквей. Напротивъ, главное вниманіе ея сосредоточивается на дѣятельности княжескаго рода и притомъ великихъ князей, которымъ принадлежатъ симпатіи лѣтописца. Имя тверскаго князя сопровождается эпитетами: „православный", „благовѣрный", обыкновенно же „великій князь" и однажды „Богомъ почтенный господинъ и самодержецъ", а тверской престолъ, въ свою очередь, называется „великимъ столомъ града Твери".

Представляя собою въ настоящемъ видѣ сводъ погодныхъ записей, Тверская лѣтопись велась на пространствѣ времени XIII—XV стол. и въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ выступаетъ личность автора записей, не видно, чтобы эти послѣднія непремѣнно принадлежали духовнымъ лицамъ [3]). Съ другой стороны, будучи до конца проникнута оффиціальнымъ характеромъ, Тверская лѣтопись, даже сравнительно съ Суздальской, отличается краткостью своихъ записей и сухостью изложенія; она ограничивается лишь изображеніемъ внѣшней стороны жизни своей области.

V.

Находка Тверской лѣтописи произвела въ свое время большую сенсацію. Въ 1847 г. архіеп. Иннокентій прислалъ Погодину изъ

[1]) Соловьевъ, IV, 377; Жур. М. Н. Пр. 1876, № 12, с. 300.
[2]) П. С. Р. Л., XV, 495.
[3]) Ibidem, 432, 473.

Харькова, для его Древлехранилища, списокъ „Софійскаго Временника“; а Погодинъ въ своемъ „Дневникѣ“ (9 марта 1847 г.) записалъ: „Получилъ *Соф. Временникъ*, и нашелъ тамъ *Тверскую лѣтопись*“. Теперь ее добивался получить гр. А. С. Уваровъ, а когда одновременно съ тѣмъ Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ пожертвовалъ въ Древлехранилище кинжалъ имп. Карла V, то Погодинъ поспѣшилъ подѣлиться своею радостью въ письмѣ къ Шевыреву въ слѣд. словахъ: „Спѣшу сообщить тебѣ мою археологическую радость: Тверской лѣтописецъ. Это еще ничего, но вотъ европейская драгоцѣнность: кинжалъ имп. Карла V съ его именемъ, годомъ и короною, рѣзной отличной работы среднихъ вѣковъ“. На что Шевыревъ не безъ ироніи отвѣчалъ Погодину: „Поздравляю съ находкою. Тверской лѣт-цъ я считаю болѣе европейскою находкою, чѣмъ кинжалъ Карла V. Извините г. Западный“. Тѣмъ не менѣе, долгое время „Твер. лѣт.“ пролежалъ въ Древлехр. Погодина подъ спудомъ и только въ 1851 г. П. М. Строевъ принялся за его разработку. Вотъ что писалъ Строевъ (передъ своимъ спискомъ въ предисловіи) по поводу этой послѣдней: „Лѣтопись Руськія земли съ Тверскихъ событій прибавленіемъ. До 1502 г. Списано въ Москвѣ П. М. С—вымъ, въ 1852., in fol., 164 л. Рукопись полууставная, въ листъ на 197 лл., хранилась въ библ. М. П. Погодина подъ № 970, нынѣ въ И. П. библ. Впереди былъ Хронографъ Георгіевъ (Амартола?) или другого состава неизвѣстно; осталось только оглавленіе на 6 листахъ. Потомъ „Лѣт-сь Рус. земли“, здѣсь мною тщательно переписанная. Это лѣтоп. сборникъ, составленный (списанный?) въ 7042 или 1534 г., Ростовской области селяниномъ (л. 2, 6, 9, 90, 100, 110), который самъ себя называетъ невѣждою, перепутавшимъ порядокъ переписанныхъ имъ оригиналовъ, что и справедливо. Все это приведено здѣсь въ порядокъ надлежащій: и путаница писца, и путаница переплетчика. Событія выбраны изъ Кіевскаго, Новг., Владим., Переяславль-Залѣс., Тверской лѣт., и есть довольно доселѣ неизвѣстныхъ; оканчивается „Твер. лѣтописью“ (л. 167—179), особою, также неизвѣстною. У собирателя былъ какой-то „Княжь лѣт-цъ“, оконч. 6784 г. (1276) годомъ, о чемъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ (л. 126 копіи). О лѣтосчисленіи составителя Сборника см. лл. 68, 75 и 90 сей копіи. Въ концѣ рукоп. прибавлено (л. 180—197): „Сказаніе о Донскомъ бою, похвала в. к. Дмитрію Ивановичу и брату его кн. Володиміру Андрѣевичу“... Это сказаніе здѣсь (въ копіи) не списано. На поляхъ этой копіи указанія на „П. Собр. лѣтоп.“ и на др. печатныя лѣтописи, хроноло-

гическія выкладки и замѣчанія мною сдѣланы. *Эта копія важнѣе оригинала.* Іюня 12, 1852. Москва". Копія, сдѣланная Строевомъ, поступила въ собр. рукоп. Археогр. ком: [1]).

Въ 1863 г. Твер. лѣтоп. (сборникъ) была издана Арх. ком., подъ ред. А. Ѳ. Бычкова и составила XV томъ П. С. Р. лѣт. Лѣтопись издана въ два столбца (всего 504 ст.+vii стр. предисл.) Оригиналъ единственной до сихъ поръ рукописи писанъ четкою бѣлорусскою скороп. нач. XVII в., близко подходящею къ полууст. почерку (табл. сним.) и содержитъ въ себѣ, кромѣ изд. Сборника и двухъ статей, которыми онъ заканчивается, краткую родословную твер. князей, нач. отъ Рюрика, исчисленіе владѣт особъ въ Европѣ и сказаніе о Донскомъ боѣ. Внизу 1-го листа находится подпись: Ex libris G. Zachariae Bozeniez... dapiferii Kiow...is; а на оборотѣ послѣдняго листа, сверхъ нѣсколькихъ незначительныхъ замѣтокъ и пробъ пера, стихи, представляющіе смѣсь бѣлорусскихъ и польскихъ выраженій. На полѣ рукописи нерѣдко встрѣчаются замѣтки на польскомъ яз., пис. почеркомъ XVII в. и заключающія въ себѣ краткое описаніе событій, передъ которыми онѣ помѣщены. Во многихъ мѣстахъ рукописи нѣтъ послѣдовательности въ изложеніи и даже смысла вслѣдствіе того, что переписчикъ не обратилъ вниманія на то, что въ оригиналѣ листы перемѣшаны и т. п., а переписчикъ былъ вообще безграмотенъ. Всѣ дополненія, внесенныя въ текстъ заключены въ скобки, а мѣста испорченныя но исправленныя, означены въ подстрочныхъ выноскахъ. Въ изданіи сохранены всѣ особенности языка рукописи, какъ синтаксическія, такъ и орѳографическія. Въ примѣчаніяхъ оговорены издателемъ сдѣланныя поправки; причемъ онъ пользовался и поправками, сдѣланными на поляхъ Строевымъ. Къ сожалѣнію, не видно, принятъ ли былъ во вниманіе въ цѣлости трудъ (копія) Строева, а также изданіе не снабжено необходимыми указателями, тѣмъ болѣе, что общій указатель къ П. Собр. рус. лѣт., очевидно, долженъ былъ обнимать только 1-е восемь томовъ лѣтописей. Строевъ придавалъ большее значеніе своей рукописи; „копія сдѣлалась важнѣе оригинала, писалъ онъ Коркунову; вся путаница простофили писца приведена въ порядокъ, а на поляхъ выставлены указанія на П. С. лѣт. и другія изданія и сдѣлано довольно хронологическихъ выкладокъ" [2]). „Копія

[1]) Н. Барсуковъ, Рукописи Арх. ком., Спб. 1882, с. 14—15; Погодинъ, IX, 201—202.

[2]) Барсуковъ, П. М. Строевъ, 485—493. Тоже и въ письмѣ къ Кунику (ibid., 489; ср. Опис. рук. Общ. люб. древ. письм., III, 66—67).

моя дороже оригинальной рукописи", писалъ онъ тогда же Кунику [1]). Въ 1856 г. гр. А. С. Уваровъ предложилъ Строеву издать эту копію на его счетъ; но послѣдній тогда отказался; а въ 1876 г. наслѣдники принесли его трудъ въ даръ Арх. ком. Соловьевъ пользовалсь Твер. лѣт. (ссылки въ III и IV тт. его исторіи) въ Имп. Пуб. библіотекѣ.

Еще пр. Филаретъ замѣтилъ: „Съ 1285 г. повѣствованіе Лавр. лѣт. обличаетъ въ повѣствователѣ жителя Твери: тверскія событія являются на первомъ планѣ и описываются подробно. Такимъ обр. лѣтопись 1208—1305 Лавр. сп. писана на сѣверѣ и въ ея составъ вошли записки частію ростовскія, частію тверскія" [2]). Дѣйствительно въ *Лавр. лѣтописи* съ 1285—1302 помѣщенъ рядъ тверскихъ извѣстій [3]); притомъ съ 1288—1294 въ этомъ спискѣ недостаетъ листа, на которомъ, вѣроятно, также были записаны, по кр. мѣрѣ частію, тверскія событія. Сравнивая извѣстія, записанныя въ Лавр. сводѣ, съ находящимися въ „Твер. лѣт-цѣ", можно видѣть, что они значительно дополняютъ послѣдній то болѣе подробными свѣдѣніями, то совершенно новыми данными, то нѣкоторыми мелкими частностями.

Такъ, въ Твер. лѣт. сообщается о заложеніи камен. ц. св. Спаса; въ Лавр. прибавлено: „Кузму Демьяну; и приложиша имя св. Спасъ Преображенья"; подъ 1294 г. въ Лавр. л. читаемъ: „Тое же зимы *цесарь* Тотарскый приде въ Твѣрь, имя ему Токтомѣрь и много тягости людемъ учинивъ, поиде всвояси"; подъ 1294 г. въ Тв. лѣт. говорится о вѣнчаніи в. кн. Михаила Яр. съ доч. Дмитрія Борис. еп. Андреемъ; въ Лавр. л. (подъ 1295) прибавлено: „мѣс. ноября въ 8, на Зборъ арх. Михаила". Подъ 1296—въ Твер. л.: „Погорѣ градъ Тверь"; въ Лавр. прибавлено: „по Велицѣ дни на 6-й нед. въ суботу, заутра Зборъ отець святыхъ". Подъ 1298 въ Лавр. лѣт. подр. описаніе пожара, отъ котораго пострадалъ княж. дворецъ: „и тако погорѣ не мало имѣнья, золота и сребра, оружья, портъ"; о морѣ скота, засухѣ и сильной болѣзни князя (Михаила Яр.). Подъ 1299 г. въ Лавр. лѣт.—подробности о времени рожд. у Михаила твер. с. Дмитрія;

[1]) Въ предисл. къ XV т. П. С. Р. лѣт. вкралась недоразумѣніе издателя: оригиналъ рукописи не принадлежалъ Строеву (стр. VII), а была сдѣлана имъ копія.

[2]) Обзоръ дух. литер., 68.

[3]) Впервые Тверь упоминается здѣсь подъ 1209 г. мелькомъ (стр. 413) и затѣмъ о ней ничего не говорится до 1285 г (459). „Съ 1285 г. большинство извѣстій Лавр. лѣт. оказывается тверскаго происхожденія" (Тихомировъ, Ж. М. Н. Пр., т. CCXXXV, 1884. № 10, О Лавр. лѣт., 269).

подъ 1300 г. о рожд. у в. кн. Михаила дочери Ѳеодоры; подъ 1301 г. о рожд. у него сына Александра; подъ 1302 г.—о постригахъ сына кн. Михаила—Дмитрія. И способъ записей, и прямое отношеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ къ записямъ, помѣщеннымъ въ „Твер. лѣт-цѣ" (только подробнѣе ихъ) указываютъ, что твер. извѣстія Лавр. лѣтоп. заимствованы изъ того же мѣстнаго источника.

Точно такъ же слѣды „Твер. лѣт-ца" можно видѣть въ *Никон. сводѣ* съ к. XIII в. до 1- четв. XV стол., но съ нѣкоторымъ перерывомъ въ первой половинѣ XIV вѣка[1]). Так. образомъ, подъ 1287 г. —помѣщены нѣк. подробности о ц. св. Спаса въ Твери; подъ 1288 подр. запись о кончинѣ еп. Симеона съ похвалою ему (въ Твер. лѣт. кратко); подъ 1289—о поставленіи еп. Андрея, „бѣ же сей литвинъ родомъ, сынъ князя Ерденя литовскаго"; подъ 1290 г.—осв. церкви св. Спаса (=Твер. лѣт.); подъ 1292 г.—„подписана бысть ц. соборная *Святый Спасъ во Твери*"; подъ 1292 г. о походѣ кн. Андрея Алекс. съ татарами Дюденя на сѣв. Русь, причемъ подробности о Твери мѣстныя, „милостію Божіею и преч. Богородицы" (въ Лавр. л. кратко упоминается; въ Твер. лѣт. нѣтъ); подъ 1294—о бракѣ кн. Михаила Яр. (распростр.); 1295—пожаръ въ Твери (=Твер. л.); 1296 постр. ц. въ Твери св. Аѳанасія; срубленъ г. Зубцовъ; 1298—пожаръ дворца и пр. (=Лавр. л.); 1302—постриги с. Михаила Яр. Дмитрія (=Лавр. л.); 1312—о конч. вел. кн. Ксеніи Юрьев., ж. Ярослава Яр. твер. въ схимѣ (=Твер. л., съ прибав. въ монаш. Маріи); 1313—путеш. въ Орду в. кн. Михаила Яр.); 1315—о возвращеніи его (= Твер. лѣт., не упоминаетъ о татар. послахъ съ нимъ); объ удаленіи еп. Андрея въ мон-рь (=Твер. лѣт.); 1316—о пожарѣ: сгорѣло болѣе 20 дворовъ (въ Твер. л. нѣтъ количества дворовъ); 1317—о нападеніи Кавгадыя на Тверь (=Твер. лѣт.); 1318—моръ въ Твери; объ уб. въ Москвѣ твер. посла Ал. Марковича; о пожарѣ (=Твер. лѣт.); 1319 —подр. опис. смерти Михаила Яр. тверскаго (въ Твер. сокр.); 1320 —о свадьбахъ твер. князей (= Твер. лѣт.); 1321—о приходѣ изъ Орды въ Кашинъ татарина Таянчара съ жидовиномъ должникомъ[2]);

[1]) Соловьевъ, IV, 376—77: „Записи о событіяхъ въ Твер. княж. въ 1350-хъ годахъ, а именно о ссорахъ кн. твер. Василія Мих. со своимъ племянникомъ холм. кн. Всеволодомъ Ал. нѣтъ ни въ одной лѣт., даже въ Тверской" (П. С. Р. лѣт., т. X, предисл.).

[2]) Сборщикъ дани (Карамзинъ, IV, пр. 246).

„и многу тягость учиниша Кашину“ (= Твер., тат. названъ Гачна); о походѣ Юрія Дан. моск. на Кашинъ и примиреніи твер. еп. Андреемъ; о взятіи Юріемъ съ твер. князей выходнаго серебра и уходѣ съ нимъ отъ тат. посла въ Новгородъ (=Твер. л.); о рожд. у кн. Александра Мих. сына Льва (Твер.); 1322—о пожал. Владим. княж. кн. Дмитрію Мих. твер. (= Твер. л., см. Новгор. 1-я лѣт.); 1323—о конч. быв. еп. Андрея; о постр. въ Твери ц. св. Ѳеодора, „юже соверши и украси игуменъ нѣкій Иванъ Цареградецъ“ (послѣд. словъ нѣтъ въ Твер. л.); 1324—поѣздки твер. князей въ Орду; о приходѣ изъ Орды кн. Александра Мих. „и татарове съ нимъ должницы его“; 1325—объ уб. кн. Дмитрія Мих. въ Ордѣ (= Твер. л.); о постриж. ж. его Маріи Гедим.; о приходѣ изъ Орды кн. Александра Мих., получившаго престолъ; 1326—о приходѣ въ Тверь ц-ча Шевкала (ср. Твер. лѣт.); объ уходѣ вел. кн. Александра Мих. во Псковъ и пр. (= Твер. л.); 1327—о конч. еп. Варсонофія (нѣтъ); о посаженіи на княженіе Константина Мих. (= Твер.); 1329—о женитьбѣ въ Брянскѣ кн. Василія Мих. тверскаго и поставл. еп. Ѳеодора (= Твер. л.); 1331—о приходѣ изъ Орды кн. Константина Мих. (= Твер. лѣт.); 1337—дѣло кн. Александра Мих. тверскаго въ Ордѣ (= Твер. лѣт.); 1338—взятіе колокола изъ ц. Спаса въ Твери Иваномъ Калитою; 1341—о конч. еп. Ѳеодора I; 1343—твер. влад. Ѳеодоръ II сдѣлалъ мѣдныя двери въ собор. церкви; 1346—о конч. въ Ордѣ кн. Константина Мих. тверскаго и о распрѣ Василія Мих. кашинскаго съ Всеволодомъ Ал. холмскимъ; 1348 о примир. ихъ еп. Ѳеодоромъ и занятіи вел.-кн. престола въ Твери Василіемъ Мих.; расписаніе алтаря въ соб. церкви еп. Ѳеодоромъ; конч. в. кн. Маріи, ж. в. кн. Дмитрія Мих.; 1380—новая распря князей; 1351—Всеволодъ Ал. холм. отослалъ свою княгиню въ Рязань; 1352—о поставленіи золотыхъ крестовъ еп. Ѳеодоромъ II на цц. Спаса, Димитрія и Введенія. 1353—о раздѣленіи митрополіи и присылкѣ въ Тверь пословъ отъ мм. Алексѣя и Романа „и бысть свящ. чину тяжесть велія вездѣ“; 1356—о распрѣ и путеш. въ Орду Василія Мих. и Всеволода Ал.; 1357—о рожд. у Михаила Ал. сына Ивана: о кончинѣ сына его Александра; о хожденіи въ Орду кн. Ѳедора Алекс. холмскаго изъ Литвы[1]); о нападеніи на Ржеву тверичей и изгнаніи литовцевъ; о

[1]) Ошибочно, слѣдуетъ сказать Всеволодъ Александровичъ.

постановкѣ мѣдныхъ дверей еп. Ѳеодоромъ въ ц. Спаса (при своемъ дворѣ); о судѣ въ Ордѣ между твер. князьями; 1358—объ устр. влад. Ѳеодоромъ мрам. помоста въ соб. церкви Спаса; о возвращеніи въ Литву кн. Всеволода Ал. холмскаго; 1359—о непринятіи еп. Ѳеодоромъ литов. кн. Романа; о примиреніи кн. Всеволода Ал. съ твер. князьями; о подписаніи еп. Ѳеодоромъ ц. Введенія; объ оставленіи имъ епископіи; 1360—о пріѣздѣ м. Алексѣя для поставленія въ еп. игумена Василія; нападеніе Литвы на тверскія волости; 1362—нападеніе вел. кн. Василія Мих. на Михаила Ал. микулинскаго; нападенія Литвы; о конч. Василія Вас. кашинскаго; 1363—о буряхъ, громѣ и знаменіяхъ въ Твери; о пріѣздѣ кн. Анастасіи съ внучкою, доч. Ольгерда, и крещеніи ея въ Твери м. Алексѣемъ; 1365—о постр. города на Волгѣ кн. Михаиломъ Ал.; 1366—тверскія дѣла; о кончинѣ еп. Ѳеодора; 1367—о приходѣ на Тверь кн. Михаила Ал. и литовцевъ (ср. Твер. л.); о снесеніи кн. Михаиломъ кашинскимъ монастырской церкви и тяжкой болѣзни, постигшей его семью; о голодѣ въ Твери; о кончинѣ ж. его Василисы; 1368—о постройкѣ деревян. города въ Твери („и глиною помазали“); о поѣздкѣ въ Москву кн. Михаила Вас. жаловаться на владыку Василія; 1370—распря между Михаиломъ Ал. тверскимъ и Дмитіемъ Ив. москов. (ср. Твер. л., 1371 г.); о занятіи Михаиломъ Костромы, Мологи, Углича и Бѣжецкаго верха; о татар. послѣ Сарыхожѣ (= Твер. л.); 1371—о занятіи Кистмы; о нападеніи на Дмитровъ, Кашинъ (= Твер. лѣт.) и подведеніи Кейстута Ольг. на Переяславль (= Твер. л.); о копаніи вала вокругъ Твери (= Твер. л.); о примиреніи кн. Михаила твер. и Дмитрія моск. (ibid.); 1372—распри князей въ Твери и отношенія къ Москвѣ: объ устр. рва и вала около Твери отъ Волги до р. Тмаки; о конч. кн. Михаила Вас. кашинскаго и подчин. сына его Василія в. кн. Михаилу Ал. твер.; о бѣгствѣ новгор. изъ Твери, содерж. въ погребѣ; о конч. кн. Еремѣя твер. и еп. Василія; о примир. вел. кн. твер. Михаила Ал. и Дмитрія Ив. (= Твер. л.); 1373—о поставленіи еп. Евѳимія въ Твери и бѣгствѣ въ Москву Василія Мих. кашинскаго (ib.); 1374—о полученіи ярлыка в. кн. Михаиломъ Алекс.—дѣло Некомата (= Твер. л.); о чудѣ въ ц. Покровы Богор. въ Твери: о борьбѣ Д. Ивановича моск. съ Михаиломъ Ал. тверскимъ; литовскія дѣла; о женитьбѣ кн. Ивана Мих. на Маріи Кейст. „и крести ю владыка Евѳимій“; 1376—о родствѣ твер. князей съ литовскими; 1381—о конч. кн. Василія Мих. кашин.;

1382—поѣздка въ Орду в. кн. Михаила Ал. съ сыномъ Александромъ (= Твер. л.); 1384—о женитьбѣ с. Михаила Ал. Бориса на смолен. княжнѣ (ibid.), „мѣс. нояб. въ 8 день на соборъ арх. Михаила" (приб.) а также с. Василія на доч. Владиміра Ольгердовича (=Твер. л.); 1385—о прих. изъ Орды кн. Александра Мих.; 1386 —распря в. кн. Михаила Ал. съ еп. Евѳиміемъ (ib.); 1390—встрѣча м. Кипріана въ Твери и судъ надъ еп. Евѳиміемъ Висленемъ (=ib.); о расширеніи Нов. городка на Волгѣ и постр. въ Твери воротъ у св. Василія (ib.); о поставленіи еп. Арсенія; о жен. кн. Ѳедора Мих., сына в. к. Михаила Ал. на доч. моск. бояр. Кошки; о жен. Юрія Всев. холм. и вѣнч. ихъ еп. Арсеніемъ; 1391—о конч. дочери вел. кн. Александра Мих., ж. Ольгерда, и погреб. ея въ Кіевѣ; 1394—о постр. еп. Арсеніемъ мон. на р. Тмакѣ; о возведеніи новой стѣны въ Твери (брусяной); 1395—о конч. кн. Бориса Мих. въ Кашинѣ и погреб. въ Твери; объ уничтоженіи пожаромъ (отъ грома) г. Зубцова; 1397 —о конч. жены кн. Василія Мих. кашин., доч. Владиміра Ольгерд. кіевскаго и погреб. въ Твери въ ц. Спаса; 1398—о поѣздкѣ въ Литву кн. Ивана Мих. къ шурину своему Витовту Кейст съ княг. Маріею; о постр. камен. ц. въ Новомъ городкѣ (повтор.); объ отъѣздѣ кн. Ивана Всевол. въ Москву; о его жен. на сестрѣ в. кн. Василія Дм. Анастасіѣ; о жен. кн. Александра Ив. (внука Михаила Ал.) на доч. Ѳедора Мих. моложскаго; 1399—объ обновленіи соб. ц. въ Твери съ ея исторіей; пов. о ж. Михаила Ал. тверскаго; 1400—о посылкѣ въ Орду кн. Иваномъ Ал. пословъ объ отчинѣ и о распрѣ твер. князей; семейныя дѣла; о рожд. сына у кн. Василія Мих.— Дмитрія; 1402—о конч. Ивана Ал. тверскаго въ схимѣ; о знаменіи въ Твери; 1403—о постр. г. Опокъ; о вызовѣ въ Москву еп. Арсенія къ митрополиту; о постр. церквей; о походѣ Ивана Мих. на Кашинъ и примиреніи его съ Василіемъ Мих. кашинскимъ; семейныя дѣла; 1404 —о возвращеніи изъ Литвы кн. Александра Ив.; залож. еп. Арсеніемъ кам. цер. Успенія на Тмакѣ (и осв.); 1405—о пожарѣ въ Твери, о кончинѣ ж. кн. Ивана Мих. Маріи въ иноч. Марѳы; ссоры князей; 1406—о конч. в. кн. Евдокіи, ж. Михаила Ал. и примиреніи Василія Мих. кашин. съ Иваномъ Мих. тверскимъ; о подписаніи ц. арх. Михаила на горкѣ; отношенія къ Литвѣ; затменіе луны.

Въ томъ же видѣ извѣстія продолжаются по 1425 г.: 1407—о смерти кн. Дмитрія Еремѣевича и матери его Анастасіи—въ Твер. л. имени нѣтъ; о заложеніи колокольни кн. Иваномъ Мих. „въ Петрово

говѣніе"; въ Твер. л. отчества и послѣднихъ словъ нѣтъ; о поѣздкѣ кн. Юрія Всев. въ Орду, „ища вел. княженія подъ вел. кн. Иваномъ Мих."—послѣднихъ словъ нѣтъ въ Тв. лѣт., но прибавлено: „подмолви его Романъ Скудинъ"; объ успѣхѣ дѣла Ивана Мих. въ Ордѣ=Твер.; въ Ник. л. объ Юріѣ Всев. сказано: „въ Ордѣ остася"; въ Твер. —„бѣжа къ Азтороканю"; объ оконч. расписанія ц. арх. Михаила на Городкѣ и о расшир. притвора у ц. Богородицы на Желтиковѣ влад. Арсеніемъ; 1409—о возвращеніи изъ Орды (вновь) кн. Ивана Мих. (сокр.: въ Твер. л. подроб. подъ 1408 г.); о женитьбѣ (2-й) кн. Ивана Мих. на доч. Дмитрія Ерем. (Евдокіи—см. Твер. л. о ея смерти подъ 1419 г.); о походѣ в. кн. Ивана Мих. на Кашинъ и посаженіи въ немъ своихъ намѣстниковъ; требованіе Едигея, чтобы твер. князь шелъ къ нему на помощь противъ Москвы „съ пушками, тюфяками, пищалями и самострѣлами" и послѣдствія отказа—разореніе Клинской волости (дома св. Спаса) и выводъ множества плѣнныхъ; 1410—нов. о конч. епископа Арсенія (въ Твер. вкратцѣ подъ 1409 г.); 1411—о поставленіи еп. Антонія м. Фотіемъ въ Твери; о конч. жены в. к. Ивана Мих. Евдокіи; о поѣздкѣ кн. Александра Ив. въ Литву; 1412—о возвращеніи его отъ Витовта; о заложеніи Иваномъ Мих. города въ Новоторжскомъ рубежѣ; 8 дек. во время вечерни въ своемъ селѣ Стражковѣ кн. Василій Мих., бояре и всѣ люди и въ окрестности видѣли змѣя, летѣвшаго по воздуху (метеоръ) съ востока на западъ; о вызовѣ въ Орду (Зелени-Салтаномъ) в. кн. Ивана Михайловича; его ссора съ князьями, соглашеніе съ Витовтомъ и пребываніе въ Ордѣ; 1413—о большомъ пожарѣ въ Твери; возвращеніе изъ Орды Василія Мих. кашинскаго; торж. встрѣча в. кн. Ивана Мих., пришедшаго изъ Орды; о заложеніи Городца (Городня) близъ Твери; 1415—пожаръ въ Твери; 1417—моръ въ Твери (и др. мѣстахъ) и постройка обѣтныхъ церквей; 1422—о захватѣ в. кн. Иваномъ Мих. новоторж. бояръ Ивана Кумгапа и его сына[1]); о женитьбѣ кн. Юрія Ив. Тверскаго на доч. Ивана Дмитріевича; 1425—конч. в. кн. Ивана Мих. (= Твер. л.), „нареченъ во иноцехъ Иевъ"; о вокняж. сына его Александра (=Твер. л.) „мѣсяца маия въ 1 день"; „а въ Кашинѣ дядя его кн. Василей Мих."; 1460—о конч. вел. кн. Бориса Ал. и вступленіи на престолъ с. его Михаила.

[1]) „Едвали не новгородское извѣстіе" (ср. 4-ю Новг. лѣт.). А. А. Шахматовъ (Ж. М. Н. Пр. 1901, № 11, с. 55).

Если не считать послѣдней записи, имѣющей случайный характеръ, то можно предположить, что въ рукахъ составителя Никоновскаго свода былъ сводъ, оканчивавшійся первою четв. XV стол. Позднѣйшія записи въ Ник. лѣт. (1485—86), о занятіи Твери Иваномъ III, московскаго происхожденія; между тѣмъ въ Твер. сборн. мѣстныя извѣстія, какъ мы видѣли, идутъ вплоть до паденія Твери. Это показываетъ, что или сводъ Твер. лѣт., которымъ располагалъ составитель Никон. свода, оканчивался означеннымъ терминомъ, или составитель послѣдняго (Никон. л.) воспользовался уже бывшимъ до того обширнымъ сводомъ мѣстныхъ извѣстій (твер., нижегор., рязан., смоленск, владим., москов., новгор. и др.) въ такъ наз. „Владимирскомъ полихронѣ", составленномъ въ 1-й четв. XV стол.[1]).

Воскресенскій сводъ представляетъ сходство записей съ Никон. лѣт. и отчасти Твер. сборникомъ на пространствѣ 6875 (1367) по 6917 (1409 г.[2]). Совпаденіе этого послѣдняго—предѣльнаго года указываетъ на ихъ общій источникъ—своды нач. XV в. Подобныя же записи и подробныя сказанія о тверскихъ событіяхъ можно прослѣдить еще въ *Соф. 1-й лѣт.* (1319, 1321, 1322, 1325, 1326, 1327, 1331, 1338, 1371, 1372[3]), 1375[4]), 1383, 1398, 1400, 1403, 1413) и въ *Соф. 2-й лѣт.* (1407[5]).

До насъ дошли *списки тверскихъ князей*, послѣднимъ изъ которыхъ показанъ Борисъ Михайловичъ, причемъ замѣчено: „игралъ въ дуду, и предалъ Тверь, бѣжалъ въ Литву"[6]) и „Тверской синодикъ" (безъ начала), пис. уст. XVII в., въ которомъ перечислены твер. вел. князья съ Михаила Яр. до Михаила Бор., затѣмъ тверскія вел. княгини, дѣти твер. вел. и удѣльныхъ князей, списокъ епископовъ съ Θеодора до Акакія († 1567), игумены, князья и пр.[7]).

---

[1]) А. А. Шахматовъ (Ж. М. Н. Пр. 1901, № 11, с. 58).

[2]) И. А. Тихомировъ (Лѣт. зан. Арх. ком., X, 17–18).

[3]) Ср. Новгор. 4-ю, стр. 67—70.

[4]) Подъ 1375 въ Соф. 1-й помѣщено извѣстіе о чудѣ въ ц. Покрова, не находящееся въ другихъ лѣтописяхъ.

„Съ 1371 г. начинаются подробныя извѣстія о твер. дѣлахъ, показывающія, что они взяты изъ такого лѣтописнаго сказанія, котораго составитель находится въ Твери" (Костомаровъ, 94).

[5]) См. Борзаковскій, прим. 891; Тихомировъ, 75—76.

[6]) Опис. Сборн. Имп. Пуб. библ., I, 69. Ср. П. С. Р. лѣт., VII, 245—246.

[7]) Опис. Сборн., 113. Есть указаніе на помянникъ Старицкаго мон. до XIV в. (Ист. Вѣст. 1896, № 1, с. 206).

Литература: лѣтописи (Лавр., Твер., Никон., Воскр., Соф.); Микулинская лѣт. отъ 1354 до 1678 г., сост. по древ. актамъ, М. 1854, 79 стр., съ родосл. табл. твер. и микулин. князей и изобр. мѣстн. монетъ; изслѣдованія о лѣт-хъ: Полѣнова (общ. обзоръ), Костомарова, Бестужева-Рюмина; И. А. Тихомировъ, О сборникѣ, имен. Твер. лѣтописью (Ж. М. Н. Пр. 1876, № 12, с. 262—308); *его же*: О Лаврентьевской лѣт. (ib. 1884, № 10, с. 239—270); Обозр. состава моск. лѣтоп. сводовъ (Лѣт зан. Арх. к., т. X, 1—84; Ж. М. Н. Пр. 1895, № 8); А. А. Шахматовъ (Обозр. лѣтоп. сводовъ Руси сѣв. вост., И. А. Тихомирова. Крит. отзывъ, Спб. 1899, изъ Отч. о XL-мъ присужд. наградъ гр. Уварова., 134 стр.; Общерус. лѣтописные своды XIV и XV вв., Ж. М. Н. Пр. 1900, № 9, с. 90—176; 1900, № 11, с. 135—200; 1901, № 11, с. 52—80; Ермолинская лѣт. и Ростов. владычній сводъ, I—V, изъ Извѣстій Отд. рус. яз. и словесн. Имп. Ак. Наукъ 1903, т. VIII, кн. 4-я, 72—96, и т. IX, 1904, кн 1-я, с. 366—423; отд. 83 стр., Спб. 1904—для общей части Твер. сборника; ср. Твер. лѣт., Н—й *К—нъ* (Твер. Губ Вѣд. 1850, № 42, с. 139—141).

Сочиненія: Бѣляева (74—75, 209—210; 215—222), Барсова, Савельева, гр. Уварова, Европеуса, Ѳ. Н. Глинки (О признакахъ древняго быта и камняхъ. найден. въ твер. Кареліи, въ Бѣжец. у., Сборн. Общ. ист., I, кн 2, с. 3—29, и Ж. М. Вн. дѣлъ 1836, № 3, с. 633—652; ср. 1844, № 3); М. С. Пѣшехонова (Зап. Отд. рус и слав. арх., I, 8—9), Спицына, Аристова; Списки населенныхъ мѣстъ Тверской губ., Спб. 1862, съ картой; В. Покровскій, Ист. стат. опис. Тверской губ., Тв., 2 т. 1879—82, съ истор. очеркомъ; Нѣк. данныя по геогр. Смолен. и Твер. края въ XII в., И. Красноперова (Сборн. Твер. общ. ист., археол. и естеств., 1903, I); Сказанія иностр. о Твери (ibid.); Происш. вь Твери современно постр. г. Твери (Тв. Губ. Вѣд. 1840, № 27; Взглядъ на древ. Тверь, Н. Коншина (ib. 1340, № 3; Маякъ 1840, № 4); Истор. и геогр. опис. г. Твери и его уѣзда 1780 г. (Тв. Г. В. 1841, №№1—5, изъ Акад. календ.); Изсл. о мѣстопол. древ. Ржева, П. Цеплина (Сѣв. Арх. 1822, № 4); Ист. оч. г. Кашина (Твер. Губ. Вѣд. 1867, №№ 1—2); Твер. Старина. В. I. Г. Торжокъ, И. Красницкаго, Спб. 1876, 96 стр.; Тверь и ея достоприм., Я. Березина-Ширяева (Петерб. Газ. 1868, №№ 109—111); Торжокъ и его достоприм., *его же* (ib. 1867, №№ 25, 27, 35, 39, 44); Тверскія древности, А. К. Жизневскаго (Вѣст. Общ. древ. рус. искус. 1874—76, с. 5—14); Время осн. Твери В. И. Колосова (Тр. Яр. Обл. съѣзда, 151—158); Д. Кармановъ, Собр. сочин., относ. къ ист. Твер. княж., Тв 1893; Кашинъ. Матер. для его исторіи, собр. Я. Кункинымъ (Чт. въ Общ. ист. и древ. рос. 1903, IV, 1—104; 1905, I, 1—82); Стерженскій и Лопастицкій кресты въ связи съ древнѣйшими водными путями въ верхнемъ Поволжьи, В. И. Колосова, Тв. 1890; О новгород.-тверскомъ

рубежѣ въ связи съ направленіемъ новгор. путей, Н. Н. Овсянникова, Тв. 1903; Дозорная книга г. Твери 1616 г., съ введ. В. Н. Сторожева, Тв. 1890; Тверь въ XVII в. Истор. и археологич. путеводитель по г. Твери. Изсл. Н. Н. Овсянникова, Тв. 1889; Изслѣд. объ исторіи княж. Ржевскаго и Ѳоминскаго, Тв. 1888; По поводу присоед. Твери къ Москвѣ и участія тверскихъ бояръ въ этомъ событіи. Изсл. Н. Н. Овсянникова, Тв. 1892 (всѣ шесть брош. изд. Твер. уч. архив. ком.); О новгор. и моск. вліяніи въ Твери, Н. Н. Овсянникова (Труды Твер. обл. арх. съѣзда, Тв. 1903); Историч. замѣтки о Бѣжецкомъ Верхѣ въ XVII в., Н. А. Попова (Чт. въ Общ. ист. 1881, III, 1—74).

Михаилъ Ал. вел. кн. тверской, И. Д. Бѣляева (Чт. въ Общ. ист. и древ. рос. 1861, III, 1—44); Св. Михаилъ твер., Соколова, Тв. 1864; Удѣльные князья кашинскіе, А. Иноземцева (Чт. въ О. ист. 1873, IV, 31—58); Благов. кн. твер. Анна, ж. в. кн. Михаила Яр. (Яр. Г. Вѣд. 1852, № 1); ср. о ней (Оп. рус. истор. II, см. по указат.); В. И. Колосова (Труды Твер. обл. съѣзда 1903). Изслѣд. о ц. Симеонѣ Бекбулатовичѣ, Ник. Андреева (Моск. Телегр. 1831, № 8, с. 557—566; № 20, с. 575—600; другія см. выше, стр. 989, пр. 4); Андрей II еп. тверской, І. С. Беллюстина (Тв. Г. Вѣд. 1854, № 7; опроверж. мнѣній Карамзина и м. Платона); Твер. епископы. Матер. для ист. рус. церкви, А. А. Титова, М. 1890; О твер. іерархахъ, прот. Гр. П. Первухина, изд. Твер. уч. Арх. ком. Тв. 1901; Ист. Тверскаго княж., В. С. Борзаковскаго, Спб. 1876 (269+152, съ генеол. таблицами); рец. Е. Е. Замысловскаго (Отч. объ Увар. нагр. 1878 г., замѣч. кас. исторіи и лѣтописей); о монетахъ (см. выше, с. 992, пр. 3).

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Рязань. Особенности края. Политическія отношенія.—Торговля и промышленность.—Церковная іерархія.—Письменность; историческія сказанія.—Вопросъ о лѣтописи.

I.

Отдѣльно отъ разсмотрѣнной нами группы княжествъ въ сѣверо-восточной Руси стоитъ Муромо-Рязанская земля [1]), также основавшаяся на финской территоріи, среди муромы, мордвы и мещеры, во главѣ которыхъ уже въ IX стол. мы находимъ городъ Муромъ съ преобладающимъ инородческимъ элементомъ, а языческіе обычаи, удерживались здѣсь еще въ к. XI вѣка [2]). По раздѣлу Владиміра I Муромская земля досталась Глѣбу [3]); по раздѣлу Ярослава I все теченіе Оки отдано было Святославу Ярославовичу и такимъ образомъ вошло въ

[1]) На основаніи краніологическихъ данныхъ, указываютъ, что ранняя (ок. XI в.) колонизація кривичей занимала область на сѣв. до гран. Московской губ. съ Тверскою, на югъ и западъ до Тульской, Калужской, Смоленской и Мстислав. у. Могилевской губ., а на востокъ до Рязани (X-й Арх. с., 97—98).

[2]) Муромо--Рязанская земля на с. граничила съ землею Суздальскою, на зап. съ мелкими черниговскими княж., на вост. съ мордвою, а на югъ рязанскія поселенія, гранича со степью, простирались до верх. рр. Воронежа и Дона. Она занимала нын. губ. Рязанскую и чч. Владимирской, Тамбовской и Воронежской (Бѣляевъ, 73—79; Иловайскій, 101—110; Замысловскій, Объясн. къ атласу, 41).

[3]) Этимъ обстоятельствомъ объясняется существованіе нѣск. храмовъ въ Рязанскомъ княж. съ именами Бориса и Глѣба (Письма къ А. Ѳ. Малиновскому объ археол. изслѣд. въ Ряз. губ., К. Ѳ. Калайдовича, М. 1823, с. 20—21).

составъ Черниговскаго удѣла [1]). Борьба со степными кочевниками (печенѣгами, половцами, а потомъ татарами) и войны съ болгарами, борьба Ольговичей съ Мономаховичами, въ которой должны были принимать участіе и рязанскія дружины, а потомъ рязанскихъ князей съ суздальскими, составляютъ главные факты въ политической исторіи этого края [2]). Первымъ отдѣльнымъ княземъ въ Ряз.-землѣ является Ярославъ Святославичъ (1127—1129), по смерти котораго княжество распадается на удѣлы *Муромскій* и *Рязанскій*, а затѣмъ и *Пронскій* [3]). Подъ 1096 г. впервые упоминается имя Рязани [4]), несомнѣнно существовавшей ранѣе, съ ея патрональною церк. во имя Бориса и Глѣба (упомин. подъ 1194 г.), служившею усыпальницей Ярославичей рязанскихъ; церковь Спаса въ Муромѣ съ монастыремъ [5]), а подъ 1095 г. одна запись говоритъ о „заложеніи“ града Переяславля Рязанскаго „у церкви Николы Стараго“ [6]), куда перенесена была потомъ столица городъ этотъ и сталъ называться Рязанью, а прежняя Рязань въ XV—XVI вв. называется уже Старою Р., потомъ село того же имени [7]). Къ этому же времени относятъ и начало Пронска [8]); а съ половины

[1]) На раннюю связь съ югомъ и колонизацію, шедшую отсюда, указываютъ и мѣстныя названія въ Рязанскомъ краѣ: рр. Трубежа, Лыбеди, г. Переяславля—Рязанскаго (Иловайскій, 250).

[2]) Иловайскій, Ист. Рязанскаго княжества, 40.

[3]) Князья муромскіе происходятъ отъ второго сына его Святослава, а рязанскіе и пронскіе отъ третьяго—Ростислава.

[4]) Названіе Рязани сближаютъ съ мѣстнымъ словомъ *ряса*, которое означаетъ топкое, болотное мѣсто, и приводится въ связь съ подобнымъ же названіемъ у дунайскихъ славянъ (Иловайскій, 23, 269).

[5]) Въ нач. XIII в. здѣсь существовалъ и женскій монастырь (Лавр. лѣт. и П. С. Р. Л., I, 1228). Въ 1170 г. муромскій князь Юрій Владиміровичъ построилъ Благовѣщенскій соборъ, гдѣ помѣщенъ былъ образъ муромской Богородицы, принесенный изъ Кіева и находящійся нынѣ въ рязан. Успенскомъ соборѣ. Здѣсь находятся мощи кн. Петра (Давида) и жены его Февроніи (Евфросиніи), а также погребенъ кн. Юрій Влад. (Ник. лѣт., II, 217; ср. Ратшинъ, 57).

[6]) Иловайскій, 27. Запись объ основаніи Переяславля находится на Псалтири XVI в., принадл. библ. Рязан. дух. семин., откуда заимствована въ Рязан. Достопам. архим. Іеронима (Ряз. 1882, с. 2) и въ подлинномъ видѣ воспроизведена въ ст. А. В. Селиванова „Къ вопросу объ осн. г. Переяславля Ряз.“ (Тр. Ряз. уч. арх. ком. т. VI, 1892 с. 24—27). По другой записи городъ былъ заложенъ“ въ 1208 г., т. е. укрѣпленъ (26), какъ доказываетъ Калайдовичъ (Письма къ Малиновскому, с. 53—54).

[7]) Иловайскій, 256. На мѣстѣ Стар. Рязани и вблизи нея находится обширный могильникъ, который относятъ къ VII—IX вв. (Вѣст. Арх. инст., т. XIV, 158).

[8]) Иловайскій, Ист. Рязан. княжества, 22, 27, 32—34, 41, 99, 157, 250. Бестужевъ-Рюминъ возникновеніе Пронскаго удѣла относитъ лишь къ 1185 г. (Рус.

XII до начала XIII в. видимъ уже рядъ городовъ, по всей вѣроятности построенныхъ князьями [1]; но усобицы, возникшія въ к. XII в. (1180—86) между рязанскими и пронскими князьями, много содѣйствовали ослабленію княжества [2].

Тѣмъ не менѣе, даже въ началѣ XIII в. славянскій элементъ въ предѣлахъ Муромо-Рязанскаго княж. не былъ еще значителенъ [3]. Притомъ большинство колонистовъ на первыхъ порахъ шло изъ пограничной ему земли Вятчанъ, долѣе другихъ славянскихъ племенъ удерживавшихъ черты первобытной гражданственности [4], а проповѣдь среди нихъ христіанства Кукшею и его ученикомъ Никономъ, въ первой трети XII в., стоила даже жизни первому изъ нихъ [5]. Христіанство встрѣтило здѣсь серьезный отпоръ среди языческой мордвы и могометанства, которое энергически поддерживалось болгарами, ведшими оживленую торговлю въ этомъ краѣ [6]. Христіан-

---

ист. 191). Но о князьяхъ его впервые упоминается подъ 1131, а о городѣ подъ 1146 (Воскр. лѣт. П. С. Р. Л. VII, 242: Никон. лѣт., II, 93). Ц. Воскресенья, остатокъ бывшаго монастыря, съ древними гробницами князей и княгинь пронскихъ (Ратшинъ, 405). Пронскіе курганы относятся къ двумъ народностямъ (славян. и туземной), но отличаются своею бѣдностью (Тр. Ряз. ком. 1898, № 1, с. 75—76).

[1]) Иловайскій, Ист. Ряз. княж., 50, 92—106, 109—110, 113—114. Въ числѣ ихъ называются: Пронскъ, Осетръ, Коломна, Ольговъ, Ожскъ, Борисовъ-Глѣбовъ, Ростиславль, Зарайскъ, Бѣлгородъ, Ижеславецъ, Кадомъ, Михайловъ, Дубокъ, Колтескъ, Неринскъ, Лобынскъ, Тѣшиловъ (1147), Веневъ, Растовецъ. Послѣдніе три были куплены Василіемъ Тем. у ряз. князей (Иловайскій, 218).

[2]) Ibid. 63, 69. Хотя названіе вѣча не употребляется, но на существованіе его указываютъ раннія извѣстія: въ Муромѣ, Рязани и Пронскѣ (1056, 1177, 1207, 1208). Ср. Сергѣевичъ, 4—6.

[3]) Иловайскій 113.

[4]) Ibidem, 8—10.

[5]) Ibid., 35. Ср. Церковно-историч. изслѣдованіе о древней области Вятичей, входившей съ начала XV в. до конца XVIII ст. въ составъ Крутицкой и частію Суздальской епархіи, сост. I. Л. (Чт. въ Общ. ист. и древн. 1862, кн. II, с. 1—156).

[6]) Муромскіе курганы, относ. по предположенію къ X в. и нач. XI в., имѣютъ устройство одинаковое съ ростовскими (Ж. М. Н. Пр. 1899, № 8, с. 387). На слѣды смѣшенія разныхъ культуръ указываютъ краніологическія данныя и рядомъ существующія формы погребенія—остатки трупосожженія и обыкновенныхъ похоронъ (Отч. о раскоп. въ Стар. Рязани, А. Селиванова, Тр. Ряз. уч. арх. ком., III, 1888, с. 159—164; О раскоп. въ селѣ Кузьминскомъ Рязан. у., К. Икова, IV, 1889, с. 184—187; Дневн. раскоп. Борков. могильника у Стар. Ряз., прилож. къ Труд., 1892, т. VII; Черепа изъ древ. могилъ Рязан. г., А. Рождественскаго, т. VIII, 1893, № 1; Борков. могильн., А. Черепнина, ib. 1894, № 1 и 2 и 1895, № 2); о поздн. раскопкахъ (ib., т. XIV, проток.).

ство было введено при Ярославѣ Свят. силою оружія [1]). Позже многіе потомки половецкихъ хановъ и вельможъ, тѣснимые татарами, вступаютъ на службу къ рязанскимъ князьямъ, приходятъ выходцы изъ Орды и принимаютъ крещеніе, а къ первой половинѣ XIV в. относится начало христіанскихъ князей въ Мещерѣ [2]). Пограничное положеніе края, борьба съ кочевниками, наконецъ внутреннія усобицы наложили свою печать на характеръ населенія [3]), которое слыло у сосѣдей за буйныхъ гордыхъ и строптивыхъ людей [4]). Поголовныя избіенія князей, тайныя убійства въ средѣ выдающихся фамилій (нѣсколько разъ упоминается объ убійствѣ тысяцкихъ; въ составѣ ряз. боярства былъ значительный инород. элементъ), разбойническія нападенія на суда, ходившія по Окѣ и Волгѣ—таковы явленія, бросающія свѣтъ на мѣстныя особенности края [5]). Отсюда понятно, почему Рязанское княж. стоитъ ниже другихъ въ дѣлѣ образованія [6]).

По своему положенію Рязань принимала близкое участіе какъ въ событіяхъ южной, такъ и сѣверной Руси, начиная съ Юрія II до

---

[1]) Иловайскій, 33—34. Память о Ярилѣ долго сохранялась въ окрестностяхъ Рязани (ibid. 239); Макаровъ Простонарод. словотолк. (Чт. въ Об. ист. 1847 г., № 1) Съ другой стороны, раннія связи съ Азіей обнаруживаются находками шаманскихъ знаковъ въ раскопкахъ Рязан. губ. (Тр. Ряз. уч. арх. ком., II, с. xxiii).

[2]) Иловайскій, 115, 151—152. О позднемъ крещеніи на окраинахъ свидѣтельствуетъ между прочимъ сказаніе о крещеніи язычниковъ въ Мценскѣ въ XV в., а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и позже (ibid., 294—295; Рус. Вивл., Полевого, 361).

[3]) Въ теченіе 1228—1462 Ряз. княж. подвергалось 9 разъ междоусобіямъ, занимая среднее мѣсто въ ряду другихъ княж., но наиболѣе страдало изъ сѣв. вост. отъ нашествій татаръ—17 разъ (Соловьевъ. IV, 244). Въ теченіе 1405—1513 лѣт. упоминаютъ до 15 болѣе значит. нападеній—Б. орды и крым. татаръ (Иловайскій, 224—27), о чемъ свидѣтельствуетъ масса городищъ, разсѣянныхъ на этомъ пространствѣ (ib. 243—263), служившихъ для защиты.

[4]) П. С. Р. Л., I, 182 и 183; 2-ое изд., 412—13; ср. Никон. лѣт., IV, 31—32: „И прислаша Рязанци буюю рѣчь. *по своему обычаю и непокорьству*". Сказаніе о нашествіи Батыя характеризуетъ рязанскихъ князей между прочимъ такъ: „взоромъ грозны, паче мѣры храбры". „Народъ очень смѣлый и воинственный", говоритъ Герберштейнъ о рязанцахъ.

[5]) Иловайскій, 88, 120, 139, 140, 197. Мѣстное нарѣчіе и наружный обликъ рязанскаго населенія свидѣтельствуютъ о значительномъ вліяніи здѣсь инородческаго элемента (ibid., 24). Отъ кочевниковъ же рязанцы заимствовали арканы, которые они употребляли въ битвахъ (Соловьевъ, III, пр. 480; Иловайскій, 163).

[6]) Иловайскій, 118. У мордовскаго князя находимъ на службѣ сбродную дружину (112). Въ свою очередь, половецкіе князья поступали на службу къ рязанскимъ князьямъ и принимали христіанство (115, 151: въ 1132 г. князь Амуратъ, потомъ Кобяковы - дворянскій родъ).

Всеволода III включительно, правленіе котораго было особенно тяжело для Рязани. Что же касается Муромскаго княжества, то со времени Юрія Долгорукаго оно все болѣе обособлялось отъ Рязани и подчинялось вліянію Суздаля, такъ что въ XIII в. сохраняло уже одну тѣнь самостоятельности. Въ стратегическомъ отношеніи Муромъ до начала XII вѣка служилъ крайнимъ укрѣпленнымъ пунктомъ сѣверовосточной Руси и нерѣдко долженъ былъ выдерживать нападеніе мордвы и болгаръ, но въ 1221 г. вел. кн. Юрій II заложилъ на устьѣ р. Оки Н. Новгородъ и Муромъ отчасти утратилъ свое прежнее значеніе [1]). Съ другой стороны, имѣя довольно дѣятельныя торговыя сношенія съ камскими болгарами, Муромъ очень рано сдѣлался однимъ изъ зажиточныхъ городовъ древней Россіи. Торговыя связи съ болгарами поддерживались и Рязанью [2]); но не менѣе дѣятельны были они съ южной Россіей [3]). Въ „сказаніи о нашествіи Батыя на Рязань“ сообщается, что татары, взявши городъ, „все узорочье, нарочитое (значительное, отличное)—богатство *черниговское* и *кіевское* поимаша“ [4]); а пріобрѣтеніе греческихъ святынь указываетъ на сношенія Рязани

[1]) Иловайскій, 107—108. Подъ 1161 г. лѣт. называетъ мур. князя Владиміра Свят. вел. княземъ (П. С. Р. лѣт., I. 189).

[2]) Изъ Болгаріи привозились: хлѣбъ, металлич. издѣлія, шелковыя и бумажныя ткани и т. п. (Иловайскій, 122—123). Въ 1868 г. въ Муромѣ были вырыты два кувшина, содерж. болѣе 11000 штукъ арабскихъ диргемовъ и т. п. (Тизенгаузенъ. Монеты Вост. халифата. с. xxx—xxxvii).

[3]) Топогр. кладовъ съ вост. монетами въ Россіи и прибалт. странахъ, П. Савельева. Спб. 1846. xxi. 16-18. Куф. монеты VIII—X в, найд. на всемъ протяженіи бассейна Оки, въ Ряз. и Тульской губ., остались памятниками торговой дѣятельности Эрзы (мордвы) и участія этого народа въ торговлѣ вост. булгарской. По словамъ Истахри и Идриси, изъ Булгара. купцы черезъ страну Эрзы, по Окѣ, достигали Кіева (Савельевъ, сl). Поздн. раскопки внесли новый матеріалъ, подтверждающій эти данныя (мон. VIII и IX стол.), а также употребленіе въ Ряз. обл. булг. вѣса (гирекъ). Зам. о Борков. мог. А. Черепнина (Тр. Ряз. к. 1891. VI, 96—100; Древ. ряз. гирки. его же, 1892, VII, 106—110: 126—134; Знач. кладовъ съ куф. мон., найд. въ Тул. и Ряз. губ; его же. прилож, къ Тр. 1891 г.; Коростовскій кладъ, его же, 1892). Близъ Борк. мог. найдено было нѣск. свинц. пломбъ, тождест. съ дрогичинскими. Въ XIV в. на товарахъ, шедшихъ изъ Германіи въ Россію и вывозимыхъ изъ Россіи, прикладывались свинц. печати (Аристовъ. 212—213; Тр. Ряз. ком. 1894, в. 1). Въ 1889 г. въ Спасскомъ у. былъ найденъ кладъ изъ 354 серебрян. золотоорд. монетъ 1310 1367 гг. (Труды 1889, 171-172).

[4]) О вліяніи южнорусской колонизаціи на рязанское нарѣчіе (Макаровъ. Замѣтки о Рязан. краѣ. Чт. Общ. ист. 1846-47 гг №№ 1 и 3; Опытъ простонароднаго словотолковника. ib. 1847—48, буквы А—П; Иловайскій, 196. 199).

съ Константинополемъ. Въ томъ же сказаніи говорится. что рязанскіе князья къ греческимъ царямъ имѣли уваженіе и получали отъ нихъ великіе дары. Въ „сказаніи о принесеніи Корсунской иконы" говорится, что Евстаѳій не зналъ о пути по Дону и побоялся ѣхать черезъ Днѣпръ (половцы), а предпочелъ черезъ нѣмецкія земли и Новгородъ[1]). Нашествіе Батыя нарушило мирныя сношенія, установившіяся послѣ погромовъ, нанесенныхъ Рязанскому княж. Всеволодомъ III. Жертвами похода Батыя были вел. князь ряз. Юрій Игор., сынъ его Ѳедоръ (княж. въ Зарайскѣ) и нѣсколько другихъ князей, князья—пронскій (Всеволодъ Мих.) и муромскій (Юрій Дав.[2]). Рязань, Коломна, Муромъ потерпѣли полное разореніе, такъ что вся дѣятельность вел. кн. Ингваря Игор. (1237—52) ушла на возобновленіе городовъ и внутреннее устройство княжества[3]). Въ отношеніи къ Ордѣ онъ обнаруживалъ полную покорность хану. При его преемникѣ Олегѣ Ингваревичѣ, умершемъ въ схимѣ (1252—58), Рязанская и Муромская земля, вмѣстѣ съ Суздальской, подверглась переписи ханскихъ чиновниковъ; а въ лицѣ его сына Романа (1258—70) Рязань пріобрѣла князя мученика, сконч. въ Ордѣ за хулы на хана (Менгу-Тимура) и отказъ принять вѣру татаръ (еще тогда язычниковъ[4]). Сыновья его (Ѳедоръ†1294 г. и Ярославъ†1299) княжили въ Рязани и Пронскѣ и послѣдовательно занимали великокняжескій престолъ; третій сынъ--Константинъ княжилъ съ 1299—1305. Послѣдній подвергся нападенію моск. кн. Даніила Алекс., былъ взятъ и заключенъ въ Москвѣ, а при его преемникѣ, извѣстномъ своими злодѣяніями—Юріѣ Дон.—нагло умерщвленъ (1305[5]). Въ Ордѣ погибли вел. кн.

[1]) Ibid. 102—103, 123—124. Въ 1124 г. Всеволодъ Дав. муромскій женился на „ляховицѣ". Съ другой стороны, полагаютъ, что жена кн. Ѳедора Юр., знаменитая своею красотою Евпраксія, была византійская царевна (124 129). Близъ Рязани (Переяславля) найдены были монеты Цимисхія (X в.) и герман. пфенниги Оттона I и Оттона III (X в.), а на мѣстѣ древняго храма въ Ст. Рязани мон. Іоанна Комнина (XII в.), І. Цимисхія и нѣм. динаръ XI в. (О раскоп. въ Ст. Рязани и въ Новомъ Ольговѣ городкѣ (Тр. Ряз. Ком. 1891, V, 33; Корост. кладъ, с. 1): Дѣло о старин. кладѣ, найд. въ Пронскѣ въ 1872 г. (Тр. Ряз. к. 1895, в. 1, с. 31—34).

[2]) О немъ см. замѣчанія у Иловайскаго (стр. 146).

[3]) Сказаніе о нашествіи (Иловайскій, 135 136).

[4]) Подробное описаніе его мученичества (П. С. Р. Л. V, 197; Никон. лѣт., III, 53). Онъ упоминается въ „Словѣ о царѣхъ, князѣхъ и властелѣхъ" дошедшемъ до насъ въ поздн. сп. (Ист. В. 1897, № 3, с. 1152).

[5]) Коломна, важная для Москвы по своему положенію (у устья р. Москвы), навсегда осталось за нею. Впослѣдствіи она считалась однимъ изъ самыхъ крѣпкихъ и зажиточныхъ городовъ Московскаго княж. (Иловайскій, 246).

Василій Конст. (1308) и его преемникъ Иванъ Яр. (изъ князей пронскихъ, 1327), не безъ участія Ивана московскаго. Князья ряз. (Иванъ Коротополъ) вынуждены были давать свои войска то Москвѣ (противъ Новгорода), то Узбеку (противъ Смоленска); а междоусобія князей носятъ всѣ черты жестокой расправы: такъ, Иванъ Корот. совершилъ насиліе надъ прон. кн. Александромъ Мих. (уб. 1340), а сынъ послѣдняго Ярославъ, захвативъ престолъ, такъ же расправился съ Иваномъ Кор. Съ него Переяславль ряз. сдѣлался постоянной столицей княжества [1]). Затѣмъ на рязанскомъ престолѣ мы видимъ Ивана Александровича (†1350), отъ котораго пошли всѣ послѣдующіе рязанскіе князья, между тѣмъ какъ его братъ Ярославъ Але-др. сталъ родоначальникомъ князей пронскихъ, стремившихся къ независимости, но тѣмъ самымъ подготовлявшихъ свое подчиненіе Москвѣ.

Въ этотъ періодъ рязанцы успѣли распространить свои поселенія на юго-востокъ по Дону, Хопру и Великой Воронѣ, гдѣ владѣнія Рязанской епархіи соприкасались съ границей Сарайской, учрежденной въ 2-ой половинѣ XIII в. для русскихъ и татарскихъ христіанъ [2]), съ удаленіемъ изъ означенныхъ предѣловъ половецкихъ ордъ, и на сѣверо-западъ, вслѣдствіе ослабленія Черниговскаго княж. по смерти Михаила Всев. Такимъ образомъ, въ теченіе XIII—XIV вв., рязанскіе князья успѣли отторгнуть отъ сѣверскихъ княжествъ: Каширу, Боровскъ, Лужу, Верею и др. мѣста, перешедшія въ 2-ой полов. XIV в къ Москвѣ. [3]).

Въ Муромскомъ княжествѣ, при многочисленности княжеской фамиліи, мы видимъ тѣ-же печальныя явленія: соперничество князей, иногда оканчивавшееся жестокою расправою. Но только въ 1351 г., въ княженіе Юрія Яр., Муромъ оправился послѣ татарскаго нашест-

[1]) По отношенію къ Москвѣ и по своимъ укрѣпленіямъ Переяславль (Ряз.) являлся болѣе надежнымъ пунктомъ. Борисо-Глѣбскій соб. въ Ст. Рязани, усыпальница первыхъ князей, старинный княж. теремъ и еще два—три храма, построенные изъ камня, напоминаютъ прежнее значеніе города (ib. 139—140, 157, 256). Въ былинѣ о Добрынѣ читаемъ:

„Доселѣ Рязань городъ слободой слылъ,
Нонича Рязань слыветъ городомъ.“

[2]) Предѣлы этихъ епархій окончательно опредѣлены были грамотой мм. Ѳеогноста и Алексѣя (Ак. ист. I, №№ 1 и 3, и Историч. обозр. Рязан. іерархіи Т. Воздвиженскаго, стр. 25).

[3]) Иловайскій, 145—146, 157.

вія (1281, 1288), сталъ обстраиваться и заселяться купцами; вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ возобновлены были церкви и снабжены необходимою утварью *и книгами* [1]).

Къ началу XIV в. относится возникновеніе удѣльнаго княжества по рр. Цнѣ и Мокшѣ, въ земляхъ Мещеры, и вмѣстѣ съ тѣмъ распространеніе христіанства. Одинъ изъ князей Ширинскихъ, возставшихъ противъ хана Большой орды и откочевавшихъ на Волгу (1298), Бахметъ, сынъ Усейна, завладѣлъ Мещерою. Здѣсь родился у него сынъ Беклемишъ, принявшій въ крещеніи имя Михаила. Вмѣстѣ съ ними крестилось много людей и онъ воздвигъ въ Андреевомъ городкѣ храмъ Преображенія [2]). Въ этой мѣстности существовали города: Кадомъ (наз. въ 1209 г.), Елатомъ (упом. въ 1381) и Темниковъ (со временъ татаръ). Но, кромѣ рода Бахметева, въ Мещерѣ продолжали имѣть мѣсто и туземные князья, которые также стали принимать христіанство [3]).

Эпоху въ исторіи Рязанскаго княж. составляетъ правленіе Олега Ивановича (1350—1402), который вступилъ на престолъ въ юности [4]). Обстоятельства въ сосѣднихъ княжествахъ (въ Суздалѣ и Москвѣ; малолѣтство Дмитрія Иван.) содѣйствовали продолжительному спокойствію въ Рязанской области. Постоянныя опасенія со стороны мордвы и татаръ (1365, 1373, 1377, 1378 [5]) навели, однако, такой страхъ,

[1]) Никон. лѣт., III, 182, 194, 205.

[2]) Внукъ Михаила Юрій пришелъ къ Дмитрію Ив. со своимъ полкомъ на Донъ, а сынъ его Александръ продалъ Мещеру Дмитрію (Карамзинъ, V, прим. 275).

[3]) Иловайскій, 151—152. Хотя Мещера была куплена Дмитріемъ Ив. (178); но Мещерскіе князья впослѣдствіи все-таки причиняли хлопоты Москвѣ (218).

[4]) О его происхожденіи отъ Ивана Алекс., а не отъ Ивана Ив. Коротопола (Ряз. Достопам., 22—23, прим. 216); только напрасно авторъ примѣч. утверждаетъ, что такъ думаютъ „всѣ историки“ (см Иловайскій, с. 158, родосл. табл. и положеніе 6-е).

[5]) Послѣ этой битвы, неудачной для татаръ, Мамай распорядился наказать Рязанскую обл.—„вся земля бысть пуста и огнемъ пожжена“, говоритъ лѣт-цъ (Никон. л., IV, 82). Въ Рязанской землѣ баскаки имѣли постоянное пребываніе. Вѣроятно отъ тѣхъ временъ вошло въ употребленіе всякаго татарина наз. „княземъ“ (Р. Стар. 1892. № 12, с. 528). Какъ извѣстно, тат. ханы обыкновенно наз. „царями“ (Ип. л., 591, 611; Густ. л., г. 1362; Пам. стар. р. лѣт., I, 195), подобно тому какъ древніе греки съ этимъ именемъ соединяли представленіе о персид. монархѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что ряз. князья, какъ и тверскіе, сами вѣдали Орду (Соловьевъ, IV, 168). Ср Собр. госуд. догов., I, №№ 127 и 128.

что Олегъ не рѣшился принять участіе въ борьбѣ Дмитрія на Куликовомъ полѣ и вынужденъ былъ вступить даже въ сношенія съ Мамаемъ и его союзникомъ Ягайломъ, чтó навлекло ему суровое осужденіе со стороны московскихъ лѣтописцевъ [1]). При всемъ томъ Олегу пришлось выдержать месть противника (намѣстники по городамъ) и разореніе, нанесенное Тохтамышемъ, и только побѣда, одержанная надъ Дмитріемъ, привела къ вѣчному миру съ Москвою, заключенному при посредствѣ Сергія Радон. (1386) и скрѣпленному бракомъ с. Олега (Θедора) съ дочерью моск. князя (Софіею [2]). Так. обр. Рязанское княж. могло еще продлить свое существованіе на цѣлое столѣтіе слишкомъ [3]). Послѣ этого дѣятельность Олега была направлена на защиту княжества отъ татаръ (1388—1402—семь нападеній), а, будучи связанъ родствомъ съ смол. княземъ Юріемъ Свят. (онъ былъ женатъ на доч. Олега [4]), извѣстнымъ своего необуздатностью (см. стр. 505—506), Олегъ вынужденъ былъ вступить въ борьбу съ Витовтомъ (1395—1401), причинившимъ опустошеніе Рязани.

Пользуясь успѣхами своей политики и мирными отношеніями къ Москвѣ, Олегъ подчиняетъ своей власти князей пронскихъ [5]), муромскихъ [6]), козельскаго и елецкаго [7]), которые отдавали свое полки въ

---

[1]) Съ этой точки зрѣнія смотритъ на дѣло Карамзинъ. Иной взглядъ высказали Щербатовъ (т. IV, ч. I, 125), Арцыбашевъ (II, прим. 984), Соловьевъ (III, 356—357), Иловайскій (169—171). Костомаровъ (Моногр., III, 17—22), признавая измѣну, объясняетъ ее политическими соображеніями.

[2]) П. С. Р. лѣт., IV, 82; Никон. л., IV, 123, 147—148.

[3]) Иловайскій, 181—182.

[4]) Третья дочь Олега (Анастасія) была замуженъ за кн. Дмитріемъ Вас. Друцкимъ и вторично за кн. Корибутомъ-Дмитріемъ Ольгердовичемъ (Арх. Изв. Моск. Арх. общ. 1895, № 12, с. 423), первая жена котораго была кн. Любовь Ив., сестра Дмитрія Дон. Отъ Дмитрія Ольг. идетъ родъ князей Трубчевскихъ или Трубецкихъ (Сказ. о родѣ кн. Тр-кихъ, М. 1891). Впрочемъ нѣк. (Вольфъ, Ród Ged.) указываютъ на другого сына Ольгерда, также Дмитрія, кн. брянскаго, какъ родоначальника фамиліи Тр-кихъ (ib., 23).

[5]) Позже пронскіе князья (Иванъ Влад., сынъ его Θедоръ) носили титулъ вел. князя (Иловайскій, 213).

[6]) Уже при с. Олега Θедорѣ моск. князья вполнѣ господствовали въ Муромѣ (ibid. 189, 205), а по завѣщанію Василія Темнаго „примыслъ“ его отца Муромъ вмѣстѣ съ Нижнимъ и Суздалемъ отдается старшему сыну (Соловьевъ, IV, 46, 70—71, 122, 141; Собр. госуд. грам., I, 202).

[7]) Карачевскій князь Титъ Мстисл. женилъ своего сына Ивана (кн. козельскаго) на доч. Олега; отъ Тита пошли князья Мосальскіе, Козельскіе, Елецкіе (Иловайскій, 190; Соловьевъ, III, 347; о кн. Мосальскихъ—моногр. Е. Бранденбурга).

его распоряженіе. Ему удалось пріобрѣсти волости въ Мещерѣ, а другія занять силою у мордвы и татаръ. Безопасность своего княжества со стороны степи онъ поддерживалъ содержаніемъ постоянныхъ карауловъ [1]). При немъ городъ Рязань былъ хорошо укрѣпленъ и украсился постройками княжескихъ и боярскихъ палатъ и храмовъ [2]). Въ 15 верст. отъ Рязани, при впаденіи р. Солотчи въ Оку, Олегъ построилъ мон. въ честь Р. Богородицы (Солотчинскій), въ которомъ были погребены онъ самъ († 5 іюня 1402, въ схимѣ съ именемъ Іоанна) и его ж. Евфросинія, принявшая монашество (Евпраксія) въ Зачатьевскомъ мон. († 1405), ею же основанномъ [3]). Къ Олегу приходили служить и восточные (Софонія Алтыкулачевичъ, Салахмиръ, прибывшій съ татарскою дружиною, въ крещеніи Іоаннъ, женившійся на сестрѣ Олега Анастасіи; онъ получилъ щедрый надѣлъ и занялъ первенствующее положеніе при его дворѣ [4]), и западные выходцы (Семенъ Өедоровичъ, по прозванію Кобыла Вислой—изъ Литвы [5]). Дворъ Олега отличался многолюдствомъ и пышностью [6]). Къ его времени его относится окончательное утвержденіе епископской каѳедры въ Переяславлѣ Рязанскомъ, а съ именемъ прославившагося своимъ подвигомъ еп. Василія II связывается одна изъ мѣстныхъ легендъ [7]).

---

[1]) Путеш. м. Пимена (Никон. лѣт., IV. 159—161).

[2]) Подробное описаніе ихъ (Иловайскій, 250—251). Тождественность дворца Олега въ Рязани съ архіер. домомъ не подтверждается (Такъ наз. Олеговъ дворецъ въ Рязани, н. арх. домъ, Ив. Проходцева, Тр. Ряз. уч. ком. 1905, № 1, 90—106). По недостатку камня и по обилію лѣсовъ всѣ постройки въ Переяславлѣ сдѣланы изъ дерева за исключеніемъ развѣ, двухъ--трехъ храмовъ (Барбаро, 57. 95; Контарини, 106, 175--176;).

[3]) Иловайскій, 198, 249. Потомки Олега погребались въ ц. Успенія, нын. соб. храмѣ (251). Подроб. о могилѣ Олега (Ряз. Дост., 31, пр. 283).

[4]) Отъ этого Ивана Мирославича пошли между прочимъ дворянскіе роды Верхдеревскіе (отъ вотчины Верхдеревъ,) и Апраксины. При сынѣ Олега Өедорѣ выѣхалъ изъ Орды татаринъ Кичибей, отъ котораго пошли фамиліи Коробьиныхъ и Селивановыхъ.

[5]) Отъ него пошли: Сунбуловы, Бахтеяровы, Сидоровы, Чулковы, Ивашкины и др.

[6]) При заложеніи Олегомъ монастыря присутствовало 300 бояръ и 600 мужей (Ак ист. I, № 2). Рязанскіе бояре крамольничали подобно галицкимъ (Бѣляевъ, Чт. въ Об. ист. 1884, IV, пр. 22; Никон. л., г. 1301). Штатъ чиновъ въ Ряз. землѣ былъ много численъ (ibid. Чтен., с. 10).

[7]) До того времени мѣстопребываніе епископа не было постояннымъ. Перенесенію еписк. престола въ Рязань содѣйствовали вѣроятно смуты въ Муромѣ (Иловайскій, 147—150). Въ литературѣ существуетъ смѣшеніе названнаго епископа

Князь Олегъ щедро одарилъ епископа селами съ богатыми угодьями и правомъ суда, а пронскій князь Владиміръ Дм. бобровыми гонами на Дону [1]).

Дальнѣйшая исторія Рязанскаго княж. (Өедоръ Олег., 1402—1427; Иванъ Өед., 1427—1456 [2]) представляетъ только постепенный переходъ къ окончательному соединенію его, съ нѣкоторымъ отклоненіемъ въ пользу Литвы, съ Москвою. Между преемниками Олега нѣтъ ни одного князя, на которомъ историкъ могъ бы остановить свое вниманіе. Ихъ имена сливаются какъ бы въ одно и не оставляютъ послѣ себя никакихъ цѣльныхъ образовъ; а исторія Рязани обнаруживаетъ замѣчательную аналогію съ исторіею Твери [3]).

Умирая, вел. кн. Иванъ Өед. (въ мон. Іона) отдаетъ уже своихъ дѣтей (Василія и Өедора) въ опеку моск. кн. Василію Темному, который взялъ ихъ въ Москву, а въ рязанскіе города послалъ своихъ намѣстниковъ [4]); но Иванъ III, когда Василію исполнилось 16 лѣтъ (1464), отпустилъ его въ Рязань и женилъ на своей сестрѣ Аннѣ [5]).

съ Василіемъ I (Чт. Общ. Ист. и древн. 1859, кн. III, 147—160; I. Ф. Диттель, Святыни, древности и достопримѣч. г. Рязани, Чт. Общ. ист. 1859, кн. III, 105—140; Филаретъ, Р. святые, 12 апрѣля).

[1]) Иловайскій, 257, 285. Счетъ населенія въ Рязан. обл. велся семьями. Нѣкоторые изъ погостовъ представляются довольно населенными: Песочна=300 сем., Холохолна=150 сем., Заячны=200 сем. и т. д. (А. И., I, № 2). Въ этомъ способѣ переписи быть можетъ выразилось татарское вліяніе, такъ какъ Рязанская земля болѣе другихъ областей подчинилась послѣднему (А. С. Лаппо-Данилевскій, Организ. прямаго облож. въ Моск. госуд., с. 180).

[2]) Въ Рязани долѣе другихъ княжествъ удерживался обычай давать языческія княжескія имена Олегъ (въ крещеніи Іаковъ), 2-ой сынъ его—Родославъ, бывшій заложникомъ у Тохтамыша, а потомъ въ плѣну у Витовта—„послѣдній изъ потомковъ Ярослава Святославича, который извѣстенъ въ исторіи подъ языческимъ именемъ" (Иловайскій, 204).

[3]) Ibid., 201—202, 205—206; Соловьевъ, III, 341—342. Рязанскіе князья по бракамъ своимъ (многіе остались неизвѣстными) роднились съ княз. суздальскими, черниговскими, смоленскими, московскими.

[4]) Никон. лѣт. V, 283—284.

[5]) Въ 1501 г. кн. Анна пожаловала Стерлигова селищемъ Ананьинскимъ близъ Воронежа съ извѣстными льготами для переселенцевъ „изъ-за рубежья" (Тр. Рязан. ком. 1889, с. 167—169), что указываетъ на раннюю колонизацію этой мѣстности (со всѣмъ тѣмъ, что къ тому селищу *изъ старины* потягло) и значеніе фамиліи бояръ Вердеревскихъ („съ совѣту бояръ В-кихъ"). Вотчинники Стерлиговы досихъ поръ существуютъ въ Рязан. губ. (см. труды Калайдовича, Тихомирова, Селиванова).

Вѣроятно это обстоятельство содѣйствовало мирному присоединенію Пронскаго княж. къ Рязанскому, причемъ князья пронскіе вступаютъ въ ряды московской служилой аристократіи [1]). Преемникъ Василія— Иванъ (1483—1500), оставшись послѣ отца 16 лѣтъ, долго находился подъ вліяніемъ матери; признавалъ себя въ подчиненіи моск. князю и отказался даже отъ всѣхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ нѣкогда рязанскими князьями въ Мещерѣ и Сѣверскихъ княжествахъ, которыя отошли къ Москвѣ. [2]). Онъ былъ женатъ на Агрип. Өед., княж. Бабичъ [3]), а его сестра выдана была за моск. бояр. кн. Ө. И. Бѣльскаго, принадлежавшаго къ потомству Гедимина. Кн. Өедоръ Вас. завѣщалъ († ок. 1503) свой удѣлъ моск. князю [4]); но кн. Иванъ Ив., надѣясь на поддержку татаръ, задумалъ освободиться отъ опеки матери и бабки. Тогда его вызвали въ Москву и посадили въ тюрьму, откуда онъ бѣжалъ въ Литву, гдѣ получилъ надѣлъ въ Ковельскомъ повѣтѣ и велъ жизнь обыкновеннаго польскаго магната, т. е. дѣлалъ наѣзды на сосѣдей, входилъ въ долги у евреевъ и судился въ мѣстныхъ судахъ († 1534). Уже въ 1537 г. кн. Сем. Өед. Бѣльскій, тоже бѣжавшій въ Литву и, по пресѣченіи мужской линіи рязанскихъ князей, считавшій себя наслѣдникомъ ихъ вотчинъ, заявилъ притязаніе не только на княж. Бѣльское, но и на Рязань [5]). Между тѣмъ, еще раньше многіе изъ рязанскихъ бояръ перешли на службу въ Москву, а, послѣ измѣны князя, значительное число жителей съ ихъ семьями изъ Рязанскаго княж. было переселено въ разныя области (Герберштейнъ).

---

[1]) Князья Пронскіе, потомки Ивана Владиміровича, перейдя на службу въ Москву, заняли видное положеніе при дворѣ; они участвовали во многихъ выдающихся событіяхъ и пользовались правомъ поступать въ бояре, минуя чинъ окольничаго. Двое изъ нихъ (кн. Ив. Ив. Турунтай-Пронскій и кн. Василій Өед. Пронскій-Рыбинъ) были умерщвлены при Иванѣ Грозномъ. Послѣдній же изъ нихъ, бояринъ кн. Иванъ Петровичъ Пронскій (+1652) состоялъ воспитателемъ цар-ча Алексѣя Алексѣевича (Соловьевъ XII, 350). Другіе изъ кн. Пронскихъ служили въ Литвѣ, женились на католичкахъ и сами принимали католицизмъ а одинъ изъ нихъ ум. въ Римѣ (см. у Карамзина и Соловьева по указ. и Родосл. кн., изд. ред. Рус. Старины, 1—4).

[2]) Акты Арх. экспед. I, №№ 115 и 116.

[3]) Князья Бабичи происходятъ отъ кн. Друцкаго-Бабы. Одинъ изъ нихъ служилъ въ Литвѣ, а другіе переѣхали въ Москву при Василіѣ Дмитріевичѣ (Карамз., VI, пр. 294; Долгоруковъ, Родосл. книга, I, 133—136).

[4]) По завѣщанію отца онъ владѣлъ Перевитскомъ Старой Рязанью и третью переяславскихъ доходовъ.

[5]) Акты Зап. Рос., II, № 189; Иловайскій (по акт. Литов. метр.) 236—242.

Еще со времени Василія Темнаго на р. Окѣ, между Рязанью и Муромомъ, близъ Мещерскаго городка, были поселены служилые татары, во главѣ съ ц-чемъ Касимомъ (отсюда г. Касимовъ), получавшіе опредѣленное содержаніе отъ ряз. князей. По договору съ Иваномъ III, Иванъ Вас. обязывался давать Даньяру (с. Касима) и его преемникамъ тоже, что давали его отецъ и дѣдъ, но онъ не могъ сноситься съ ними ко вреду моск. князя [1]).

II.

По свидѣтельству русскихъ и иностранныхъ путешественниковъ, Рязанское княж. считалось областью, богатой естественными произведеніями, какъ-то хлѣбомъ, лѣсомъ, скотомъ, птицей, рыбой, плодами; но особенно медомъ и воскомъ [2]). Послѣдними, Россія черезъ Новгородъ и Псковъ, снабжала всю Европу. Судя по грамотамъ, бобровые угоны встрѣчались на всемъ протяженіи Рязанской области, по рр. Окѣ, Пронѣ и Дону [3]). Съ возвышеніемъ Москвы и утвержденіемъ татарскаго господства въ степи, Рязанская область становится посредницею въ торговлѣ сѣвера съ востокомъ (по словамъ Контарини оттуда вывозились джедскія ткани, шелкъ и т. п. товары, направлявшіеся въ Москву, въ замѣнъ мѣховъ, сѣделъ, мечей и т. п., вывозившихся изъ Россіи) и югомъ—Азовомъ, Кафой и Константинополемъ [4]).

[1]) Карамзинъ, VI, 10; Иловайскій, 217, 219. 259; Вельяминовъ-Зерновъ, Изслѣд. о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, 3 т. и 1-ый вып. IV-го; см Разборъ надписей надгробныхъ камней, найд. въ 1883 г. въ Касимовѣ, В. В. Радлова, съ 2 табл. (Зап. Имп. Ак. Наукъ, т. LXI, кн. I); Раскопки въ Касимовѣ въ 1886 г., А. Селиванова (Труды Рязан. Ком. 1887, 29—30). Исторія г. Касимова съ древн. временъ. Н. И. Шишкина, Кас. 1889—не важна. Касимовъ—прежній Мещерскій городокъ.

[2]) Путешествіе м. Пимена; Контарини, Барбаро, Герберштейнъ. Въ иномъ видѣ представляется этотъ край впослѣдствіи (Воздвиженскій, Ист. обозр. Рязан. губ.. 292).

[3]) Иловайскій, 264—269; Соловьевъ, IV, 133—134. Ока изстари служила торговымъ путемъ. Ниже Старой Рязани, на берегу Оки стоялъ г. Исады, гдѣ была пристань судовъ, какъ показываетъ самое названіе. Въ Рязани собирали съ проѣзжающихъ судовъ мыто и побережное. Въ Муромѣ было свое купечество въ полов. XIV в. (Воскр. лѣт., 226). Медъ славился изстари кадомскій. О вывозѣ мѣховъ изъ земли Мордовской говорятъ арабскіе писатели (Аристовъ, 179—180).

[4]) Ibid. 296—298. По словамъ „Хожденія митр. Пимена“ путешественники отправлялись изъ Переяславля Рязанскаго сухимъ путемъ, а суда везли за ними *на колесахъ* и въ верхнемъ теченіи Дона ихъ снова спускали на воду. Герберштейнъ говоритъ: „Здѣсь (у Донкова) купцы, отправляющіеся (изъ Московіи) въ Азовъ, Кафу и Константинополь, нагружаютъ свои суда“.

Татарскіе послы наѣзжали сюда со множествомъ гостей (1397), а. захватывая русскихъ плѣнныхъ (1444), татары располагались въ степи для торговли, куда пріѣзжали рязанцы и ихъ князья и вели торгъ. Вотъ почему статья о плѣнныхъ въ договорахъ съ Москвою показываетъ, какое важное значеніе они имѣли въ отношеніяхъ рязанцевъ къ татарамъ. Только добравшись до Переяславля-Залѣсскаго, говоритъ Контарини, путешественникъ чувствовалъ, что опасность въ степи миновала; а, отправляя своихъ людей и пословъ изъ Москвы въ Константинополь, моск. князь требовалъ отъ рязанскаго князя значительнаго отряда провожатыхъ и *казаковъ*, для обороны отъ татаръ и разбойниковъ [1]).

Въ Рязани насчитывали до 15000 постояннаго войска (Кампензе). Объ обширности Рязани въ пол. XVII в. говорятъ иностранцы (Стрюйсъ); но опасности побуждали населеніе идти на сѣверъ. Даже мѣста болѣе близкія къ центру Рязанскаго княжества, какъ берега верхняго Дона, въ к. XIV в., все еще представляли развалины и запустѣнія; въ самой срединѣ княжества до второй половины XIV в. не встрѣчали новыхъ городовъ [2]). Кромѣ того, до насъ дошелъ рядъ извѣстій о разореніяхъ и пожарахъ, постигшихъ рязанскіе города, вслѣдствіе нападеній суздальцевъ, москвитянъ, инородцевъ, но главнымъ обр. татаръ; а также отъ другихъ причинъ; такъ, пострадали Рязань, Переяславль Рязанскій, Муромъ, Пронскъ и др. (1209—1210, 1239. 1281, 1288, 1293, 1308, 1358, 1365, 1371, 1373, 1377, 1380, 1382, 1396, 1408, 1444, 1419, 1460. 1494, 1468, 1513, 1521, 1564, 1568 [3]).

Рязанская территорія давно (раскопки 1822 г., изслѣдованныя Калайдовичемъ и А. И. Оленинымъ [4]); Д. Тихомирова въ 1836 г., [5]) до позднѣйшихъ [6]) дала весьма цѣнный матеріалъ въ историческомъ

[1]) Въ Ряз. землѣ казаки упоминаются съ 1444. г. Они дѣйствовали копьями, рогатинами и саблями и употребляли лыжи (Ник. лѣт., V, 192), впрочемъ какъ и мордва.

[2]) Иловайскій, 153—154; ср. Ист. Рос., 564.

[3]) О пожарѣ г. Пронска въ 1681 г. (Тр. Ряз. учен. арх. ком., 1887, II, 24); о пожарѣ въ Рязани въ 1774 (ib. 1891. V, 23); о большомъ пожарѣ въ 1781 г.

[4]) К. Ѳ. Калайдовичъ, Письма къ А. Ѳ. Малиновскому съ 5 табл. раскраш. рисунковъ, М. 1823; Рязанскія русскія древности, А. И. Оленина, съ рис., исполн. Солнцевымъ, Спб. 1831.

[5]) Историч. свѣд. объ арх. изслѣд. въ Старой Рязани, М. 1844, съ 5 табл. рис.

[6]) Дневн. раскопокъ и докладъ о поѣздкѣ въ Ст. Рязань, А. В. Селиванова (Труды Ряз. ком. 1887, II, 100—102; 1888, с. 162—164); отчетъ о раскопкахъ (ib.

отношеніи. Преимущественно, найденные предметы относятся къ Ст. Рязани и состоятъ изъ золотыхъ вещей, украшенныхъ камнями, б. ч. которыхъ должна была принадлежать къ бармамъ или княжескимъ оплечьямъ; нѣкоторыя изъ бляхъ украшены изображеніями Распятія Богородицы и юнаго князя (б. м. Глѣба); мелкія серебр. вещи служили принадлежностью одежды [1]). Находимы были остатки серебряной кольчуги, зол. корона, распроданная по частямъ, зол. обручи, звѣзды. украшенныя камнями, и т. п. Въ каменной гробницѣ (по одному предположенью Борисо--Глѣб. собора, а по другимъ ц. Спаса, уп. подъ 1258 г., гдѣ погребались князья послѣ тат. нашествія) найдены были кости съ остатками парчевой одежды, шелковыхъ тканей и разноцвѣтной камки съ изображеніями драконовъ, страусовъ, грифовъ и т. п., остатки кожаныхъ сапогъ, шитыхъ шелкомъ съ узорами, золотой повязки, позументовъ и т. д. Столь же цѣнны (1868—1888) поздн. раскопки, по мнѣнію А. В. Селиванова, ц. Бориса и Глѣба съ придѣломъ Успенія, близъ княж. дворца, гдѣ погребены были князья до наш. татаръ, и Борковскаго могильника, въ которыхъ оказались разнообразныя древности, церковныя, княжескія украшенія, воинскія принадлежнасти и т. п. предметы, хорошей византійской работы и между прочимъ византійскія монеты XII вѣка. Вообще, въ числѣ другихъ городовъ, признаваемыхъ центрами художественныхъ произведеній (Кіевъ. Суздаль, Черниговъ), видное мѣсто отводятъ и Рязани (рязанскія бармы, жен. діадемы и пр [2]). Кромѣ того, до насъ дошли монеты Рязанскаго княж., большія и малыя, не восходящія впрочемъ ранѣе времени Ѳедора Ольг., но отличающіяся вѣсомъ, который превосходитъ всѣ извѣстныя русскія деньги XIV в. [3]), а въ числѣ позднѣйшихъ находокъ (1894), на гран. Спасскаго и Касимов-

159—162); О раскоп. въ Ст. Рязани и въ Ново-Ольговомскомъ городкѣ (1890 Труды; Борковская могила (бл. Переясл. Ряз.), 1892 и 1895, в. ib. 2.

[1]) Болѣе замѣчательныя изъ нихъ поступили въ Эрмитажъ; другіе сохранялись въ Москвѣ, въ Грановитой палатѣ (Семеновъ. IV, 383).

[2]) Кондаковъ, Клады. 46, 82.

По поводу нѣк. находокъ говорятъ о нихъ, какъ о предметахъ мѣстной, рязанской работы или даже художественныхъ издѣліяхъ не Кіевской Руси. но сѣверныхъ мастерскихъ Муромо-Рязанской или Суздальской области, а отч. визант. типа (104, 109. 111),

[3]) Чертковъ, 103—106; Шодуаръ, II. 288, 295—319; Сонцовъ, Рейхель и кн. Долгоруковъ (Записки Р. Арх. общ., тт. I и III); Каталогъ Рязан. музея. Нумизм. отдѣлъ (Труды Ряз. ком. 1891, с. 54 и д.) и др.

скаго уу., въ кладѣ, состоявшемъ изъ серебр. браслетовъ, медальоновъ, серегъ, зол. и серебр. перстней, найдены были и монеты XV в. (в. кн. Ивана Ѳед. [1]).

III.

Рязанское княжество до 1198 г. входило въ составъ Черниговской епархіи; но, пользуясь благопріятными отношеніями къ Кіеву, рязанскому князю Ярославу Глѣбовичу (зятю кіев. кн. Рюрика Ростиславича) удалось получить самостоятельнаго епископа, въ санъ котораго возведенъ былъ игуменъ Арсеній [2]). Преемникомъ его былъ Евфросинъ Святогорецъ (1224—1238), прозваніе котораго указываетъ на связь его съ Аѳономъ (онъ принесъ съ собою отсюда образъ Богородицы Одигитріи [3]): а съ именемъ ближайшаго его преемника--Іосифа (1284), родомъ кіевлянина, связано происхожденіе такъ называемой Рязанской Кормчей книги, списанной съ Кіевской [4]). Изъ послѣдующихъ еписк. до к. XIII в. назовемъ Василій II, упомянутаго нами выше [5]). Въ числѣ епископовъ к. XIV и XV в. обращаютъ на себя вниманіе Іеремія *грекъ* (1390—1392) и рядъ епископовъ съ начала XV в., назначаемыхъ изъ *московскихъ* монастырей, причемъ нѣкоторые изъ этихъ лицъ состояли до того въ званіи митрополичьихъ казначеевъ (Давидъ, 1462—65) и духовниковъ (Симеонъ, 1481—96 [6]), а одинъ изъ нихъ, Іона (1430—1448), родомъ изъ Солигалича, подвизавшійся въ Симоновомъ мон. въ Москвѣ и выражавшій полную покорность московской власти, былъ первымъ митрополитомъ, поставленнымъ русскими епископами въ Москвѣ. Все это свидѣтельствуетъ о ранней зависимости Рязанской іерархіи отъ московской духовной власти. Въ XVI в. нѣкоторые изъ рязанскихъ епис-

[1]) Арх. Изв. 1895, № 12, с. 419.

[2]) Иловайскій, 75—76.

[3]) Ibidem, 124.

[4]) Обозр. Кормчей книги, Розенкампфа, 61; Опис. рукоп. гр. Толстого, 207—208 (на 402 листахъ); Срезневскій, Памятн., 144—145; Иловайскій, 147—148.

[5]) Въ спискѣ Строева нѣк. отсутствуютъ; дополн. см. въ примѣч. къ Рязан. Достопам., сс. 18, 19, 22, 28, 29, 30, 32, 35, 37.

[6]) Списки Строева, 413 - 414.

Упоминаемые здѣсь Григорій (1326—1340) и Кириллъ (до 1353), въ Ватик. спискѣ обозначены: первый подъ 1329—32 гг. и второй—1343 г. (Ж. М. Н. Пр. 1888, № 2, с. 461).

коповъ поплатились печальною участью: Кассіанъ (1551—54), изъ юрьевскихъ архимандритовъ (въ Новгородѣ), послѣ московскаго собора, на которомъ онъ заявилъ себя противникомъ іосифовскихъ мнѣній, былъ сосланъ въ Кирилловъ мон. († 1556 [1]), Филоѳей (изъ архим. Симон. мон.), не смотря на свое угодничество, лишенъ сана въ 1572 г. [2]); а при ц. Ѳедорѣ лишенъ сана (1586) Леонидъ (изъ игуменовъ Іосифова мон.), претендовавшій на равенство съ архіеп. ростовскимъ [3]). Съ учрежденіемъ патріаршества въ Россіи (1589) рязанскій епископъ возведенъ былъ въ санъ архіепископа.

Нѣкоторые изъ рязанскихъ епископовъ извѣстны своей миссіонерской дѣятельностью, напр. тотъ же Іона [4]), а въ половинѣ XVII в. Мисаилъ, убитый мордвою (1656). Рязанскіе монастыри должны были служить той же цѣли [5]). Въ числѣ нихъ заслуживаютъ вниманія: Олеговъ съ храмомъ Успенія, торжественно открытый въ 1219 г. Ингваремъ Игоревичемъ, въ 12 верстахъ отъ Рязани (у Ольгова городка), быть можетъ въ благодарность за побѣду надъ братоубійцами Глѣбомъ и Константиномъ, и надѣленный имъ землями [6]); Богословскій неподалеку отъ него, съ образомъ Іоанна Богослова, писаннымъ будто бы въ Царьградѣ и присланнымъ въ даръ патріархомъ [7]); позже, возлѣ церкви Спаса, въ Муромѣ, основывается монастырь того же имени [8]).

По поводу нашествія татаръ, въ 1237 г., читаемъ, что они на пути къ Рязани „*много* святыхъ церквей огневи предаша *и монастыри* и села пожгоша“ [9]),—безъ сомнѣнія о нѣкоторыхъ изъ нихъ до насъ не дошло извѣстій. Выше мы упоминали о мон., основ. Олегомъ Ив. и

[1]) Карамзинъ, VIII, 133, прим. 394; Макарій, VI, 254—255.

[2]) Карамзинъ, IX, 122, прим. 205; Строевъ, 215.

[3]) Соловьевъ, VII, 410; Челобитная его въ Лѣтоп. рус. литер., изд. Тихонравовымъ, т. V, 142—143 (смѣсь).

[4]) Макарій, VI, 8; Филаретъ, Р. святые, 30 марта.

[5]) Труды Общ. ист. и древн. рос. V, 302—305. Ср. также Макарій, Сборн. свѣд. о рязан. епархіи, (Чт. въ Об. ист. 1863).

[6]) Рязанскіе бояре пріобрѣли у муромскихъ князей Ольговскую околицу и подарили святой Богородицѣ (Иловайскій, 275).—усыпальница нѣкоторыхъ боярскихъ фамилій (Ратшинъ, 462).

[7]) Иловайскій, 116—117, 124.

[8]) Ibidem, 34. Здѣсь былъ и женскій монастырь (108).

[9]) Лавр. л., 488.

его женой [1]). Изъ путешествіи Сергія Радонежскаго въ Рязань узнаемъ о существованіи Троицкаго м. близъ г. Переяславля Рязанскаго. Въ XV в.—наз. мон. Духовъ и Преображенскій [2]); въ нач. XVI в.—Аграфенина пустынь, построенная (1507) послѣднею рязанскою княг. Агриппиною, а нѣсколько позже—Тереховъ мон. на остр. р. Оки, близъ Шилова [3]), и нѣсколько другихъ въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ [4]). Въ Муромѣ, въ половинѣ XIV кромѣ названнаго выше Спасскаго мон., упоминается Борисоглѣбскій мон., въ которомъ былъ погребенъ муромскій князь Василій Ярославичъ [5]), и вообще въ Рязанской области встрѣчается не мало мѣстныхъ названій, обозначаемыхъ именемъ „пустынь", указывающихъ на прежнее ихъ значеніе.

IV.

Вполнѣ понятно, что печальныя условія Рязанскаго княжества неблагопріятно отражались на развитіи мѣстной письменности; по крайней мѣрѣ до насъ дошло сравнительно мало памятниковъ этой послѣдней [6]). Тѣмъ не менѣе, имѣющіяся данныя заставляютъ предполагать, что она не уступала въ этомъ отношеніи другимъ сосѣднимъ княжествамъ [7]). Древнѣйшая изъ подлинныхъ грамотъ, до насъ дошедшихъ, это жалованная грамота вел. кн. Олега Ивановича Ольгову мон. на с. Арестовское [7]); кромѣ того существуетъ нѣсколько сборниковъ, заключающихъ въ себѣ собственно рязанскія грамоты (А. Н. Пискарева, Спб. 1854, акты съ 1402 г.; Достопамятности къ рос. исторіи, большею частью къ Рязанской области надлежащія, выбранныя изъ отысканныхъ въ Рязанской духовной консисторіи разныхъ тетрадей и бумагъ и собраныя въ видѣ лѣтописи въ 1793 и 94 гг., по случаю даннаго указа изъ св. правит. Синода 31 авг. 1791 гг. о

---

[1]) Иловайскій, 198—199, 200, 249. Олегъ и его супруга почитаются святыми.

[2]) Воздвиженскій, Рязанская іерархія, 165.

[3]) Ibid. 50, 331, 336; Иловайскій 249—258.

[4]) Макарій, VII. 18.

[5]) Ратшинъ, 46.

[6]) Быть можетъ ей принадлежатъ нѣкоторые изъ памятниковъ, находившіеся въ собраніяхъ мѣстныхъ любителей (Калайдовичъ, Письма къ А. Ѳ. Малиновскому, стр. 45—46).

[7]) См. Опытъ рус. исторіогр., 1, 419.

Въ „Описи" архива моск. государей наз. документы удѣльныхъ княж. и Рязанскаго (Ак. Арх. эксп., I, ящ. №№ 17 и 146).

присылкѣ лѣтописей въ оный Синодъ, а въ 1816 г. вновь пересмотрѣнныхъ, исправленныхъ и дополненныхъ [1]); Историч. обозр. Рязан. іерархіи 1820; Истор. обозр. Рязан. губ. 1822, Т. Воздвиженскаго, болѣе важна первая, для которой авторъ пользовался указанными „Достопамятностями", откуда извлекъ многія грамоты. Въ позднѣйшихъ актахъ мы встрѣчаемъ указанія на рѣшенія по даннымъ грамотамъ [2]). Въ числѣ этихъ актовъ большую часть составляютъ, конечно, жалованныя грамоты монастырямъ, которые придавали имъ особенную цѣнность и потому тщательно сохраняли ихъ, а въ числѣ нихъ большая часть документовъ относится къ Солотчинскому мон. [3]). Не можемъ не привести здѣсь также замѣчанія Татищева: „Какъ князь великій Василій Темный Ростовскимъ боярамъ велѣлъ судить по ихъ старымъ законамъ, такъ Іоаннъ великій (III), по просьбѣ Рязанскихъ бояръ, позволилъ судить по ихъ законамъ. Таковыхъ я у князя Голицына (кн. Д. М.—обладателя знаменитой библіотеки) видѣлъ собрана книга не малая и оные гдѣ либо въ неизвѣстномъ нынѣ домѣ хранятся, которые собрать и любопытнымъ открыть не безполезно" [4]).

Обращаясь къ другимъ памятникамъ письменности, прежде всего назовемъ циклъ *муромскихъ историческихъ сказаній*, указывающихъ

---

[1]) Объ этомъ сборникѣ см. у Иловайскаго (Ист. Ряз. княж., предисловіе). Не признавая существенною частью извлеченіе изъ извѣстныхъ лѣтописей и книгъ, авторъ замѣчаетъ: „Гораздо важнѣе такихъ выписокъ встрѣчающіяся въ Достопамятностяхъ сокращенія и отрывки изъ разныхъ грамотъ жалованныхъ и судныхъ" (стр. IV, ссылки на этотъ сборникъ, на стр. 27, 49, 70, 151, 160, 196, 216, 236, 252). Сборникъ этотъ находился въ Спасскомъ мон., въ библ. Рязанской семин. (Диттель, стр. 132—замѣч. о рукописи), въ собр. рукоп. гр. Уварова (Опис. архим. Леонида, III, 90—91) и др. Онъ составленъ архим. Іеронимомъ, ректор. Рязан. семин. (прот. Іоаннъ Стефановичъ, см. у Калайдовича, Письма къ Малиновскому, 23—33). Рязан. Достопамятн., собр. архим. Іеронимомъ съ примѣчаніями І. Добролюбова, изд. Рязан. Учен. арх. ком., Ряз 1889 (дополн. въ Труд. Рязан. ком., 1890—91), по списку архіеп. Гавріила.

[2]) Собр. госуд. грам., I, № 36.

[3]) Иловайскій, 287. О немъ см. архим. Македоній: Солотчин. мон., Ряз. 1886; Солотч. мон., его слуги и крестьяне въ XVII в. Истор. оч. А. Н. Доброклонскаго (Чт. Общ. Ист. и древн. 1888, I, 1—130), по архив. Солотч. мон., М. арх. мин. юст. и Ряз. духовн. семин.); его же опис. архива и оч. изъ исторіи мон. (Труды Рязан. арх. ком., т. II—IV, 1887—89).

[4]) Судебникъ царя и вел. кн. Іоанна Васильевича, изъясн. Татищевымъ. М. 1768, с. 3—4. Ср. Татищевъ и его время Н. А. Попова, прилож. XVIII и предисл. къ Рус. Правдѣ (491).

на первоначальное господствующее значеніе города Мурома. Сюда относятся: „Сказаніе о житіи и о пребываніи и о чудесѣхъ св. чудотворцевъ муромскихъ благов. кн. Константина и чадъ его кн. Михаила и Θеодора“ (въ списк. XVI—XVII вв.[1]), въ полномъ своемъ составѣ изображающее древнѣйшее состояніе Мурома, эпоху борьбы христіанства съ язычествомъ и водвореніе перваго изъ нихъ съ помощію свѣтской власти, сопровождаемое описаніемъ языческихъ обычаевъ муромцевъ, возстановленіемъ города кн. Юріемъ, поэтической легендой о епископѣ Василіѣ и разсказомъ объ обрѣтеніи мощей муромскихъ просвѣтителей въ 1553 г.[2]). Въ нѣкоторыхъ спискахъ означенныя сказанія соединяются съ житіемъ[3]), но отличаются крайне запутанными въ хронологическомъ отношеніи данными[4]). Повѣствованіе объ удаленіи еп. Василія изъ Мурома въ Старую Рязань и перенесеніе туда еписк. стола (при кн. Олегѣ), вслѣдствіе оскорбленія, нанесеннаго епископу подозрѣніемъ гражданъ въ чистотѣ его жизни, указываетъ на старѣйшинство Мурома передъ Рязанью, которое тенденціозно выставляется на видъ въ этой повѣсти[5]). То же соперничество между Муромомъ и Рязанью можно видѣть въ легендѣ о Маріи и Марѳѣ и, кромѣ того, въ ней упоминается о странствующихъ царе-

[1]) Памяти. старин. рус. литер., I, 229—235: Константинъ-Ярославъ, сынъ вел. кн. Святослава Ярославича—изображенъ на выходной картинѣ Сборника 1073 г., принадлежавшаго отцу его. О спискахъ повѣсти, „Агіографія“, Барсукова, 311—313.

[2]) Нѣкоторые (Филаретъ, Ист. рус церкви, изд. 6-ое, 35—36: Макарій, II, 19; Христ. Чт. 1855, I. 287—288: Ярославъ въ св. крещеніи Константинъ благовѣр. князь муромскій; Иловайскій, Ист. Раз. княж., 33—34) считаютъ имя Константина христіанскимъ и видятъ въ немъ князя Ярослава Святославича (у игумена Даніила однако онъ называется Панкратіемъ, имя Константина считаютъ въ такомъ случаѣ монашескимъ). Другіе отрицаютъ вполнѣ это сближеніе (Ключевскій, Житія, 288; Бестужевъ-Рюминъ, Рус. ист. 191). Имена его сыновей по житію также не соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ (Иловайскій, 41, впрочемъ опять тамъ христіанскіе, а здѣсь языческіе).

[3]) Памяти. стар. рус. литер. I, 235—237: Лѣтописи рус. литер. Тихонравова, II, 97—99 (Повѣсть о градѣ Муромѣ и еп. Василіѣ).

[4]) Ключевскій, 287—288 Собственно рѣчь идетъ объ обновленіи Мурома въ 1351 г. кн. Юріемъ Владиміровичемъ (по лѣтописи).

[5]) Событіе это связываютъ со смутами, начавшимися въ Муромѣ и колебаніемъ мѣстопребыванія епископа до того времени (Иловайскій, 146—150). Обвиненіе еп. Василія въ зазорной жизни напоминаетъ легенду объ архіеп. Іоаннѣ новгор. (см. выше, стр. 204, прим. 1); а хожденіе св. Василія по водѣ соотвѣтствуетъ другимъ подобнымъ сказаніямъ въ русской (см. стр. 661, пр. 5) и западной письменности (см. выше, 518, прим. 4).

градскихъ монахахъ, не безъизвѣстныхъ въ Рязанской землѣ [1]). Иного характера „Повѣсть о муромскомъ князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи“ (по списку Им. публ. библ. XVI в., съ варіантами [2]). Не касаясь преданія о летучемъ зміѣ-оборотнѣ, посѣщающемъ женщинъ, которымъ начинается повѣсть, въ муромской легендѣ сообщается разсказъ о смутахъ бояръ, по наущенію женъ, изъ-за жены князя, хотя и добровольной, но взятой не изъ знатнаго рода, и о междоусобіи, возникшемъ среди бояръ, по оставленіи княземъ города, и окончившемся приглашеніемъ князя Петра снова княжить у нихъ—черта, напоминающая дѣйствія бояръ въ Галичѣ. Съ другой стороны, легенда о Петрѣ повидимому разумѣетъ подъ нимъ муромскаго князя Давида Юрьевича, умершаго въ иночествѣ въ 1228 г.[3]). Въ исторіи древне-русской агіографіи она имѣетъ лишь значеніе памятника, обнаруживающаго неразборчивость, съ какою тогдашніе книжники вносили въ кругъ церковно-историческихъ преданій образы народнаго творчества [4]). Прибавимъ еще, что къ числу литературныхъ произведеній муромскаго края принадлежитъ позднее житіе Юліаніи Лазаревской (Осорьиной), дочери и жены людей служилаго класса 2-й пол. XVI и нач. XVII в., написанное ея сыномъ и обильное бытовыми чертами [5]).

Почти во всѣхъ древнихъ и старинныхъ лѣтописныхъ сводахъ помѣщена „Повѣсть о Батыевомъ приходѣ на русскія земли“ въ

[1]) Памятн. стар. рус. литер. I, 29—45; ст. И. Ѳ. Буслаева, Пѣсни древней Эдды о Зигурдѣ и муромская легенда (Атеней, 1858 и Очерки, I, 269–300).

[2]) По рукописному муром. житейнику XVII в. собств. библ. И. Ѳ. Буслаева (Лѣт. рус. литер Тихонравова, III, 56–62; по рукоп. Публ. библ., Памятн. стар. рус. литер., I. 53–57); А. Н. Веселовскій, Мур. легенда о Петрѣ и Февроніи и сага о Рагнарѣ Лодброкѣ (Ж. М. Н. Пр. 1871, № 4).

[3]) Между прочимъ здѣсь говорится о многихъ врачахъ, бывшихъ въ Рязан. землѣ (Памят. стар. литер. I. 30–31, 35).

[4]) Какъ извѣстно, Карамзинъ подъ именемъ Петра разумѣлъ сына Давида (III, прим. 369). Другіе видятъ въ немъ самого Давида (Я. Соловьевъ, Памятн. и преданія Владимир. губ., Отеч. Зап. 1857 г., со ссылкою на о. Іоасафа). Иловайскій (108) и Ключевскій склоняются къ тому же. Послѣдній думаетъ, что литературн обработка муромскихъ сказаній могла принадлежать мон. Михаилу и Пахомію, составившимъ имъ каноны (Житія, 287, 454). Объ авторѣ легенды мон. Еразмѣ—современникѣ м. Макарія (Филаретъ, Обзоръ, 155; Буслаевъ, Очерки, II, 166).

[5]) Памятн. стар. рус. литер. I. 63–67; Буслаевъ, Очерки. 238–268.

1237 г., начинающаяся сказаніемъ о взятіи и разореніи Рязани[1]). Насколько это сказаніе древнее, можно судить уже потому, что ему дано мѣсто и въ древней Новгор. лѣтописи, писанной не позже XIV в., а въ Лавр. спискѣ, пис. въ 1377 г., оно помѣщено въ сокращенномъ видѣ. Кромѣ этого сказанія, извѣстна еще „Повѣсть о разореніи Рязани Батыемъ", вошедшая въ нѣкоторыя изъ позднихъ лѣтописныхъ сводовъ и сборники, большею частью рядомъ съ „Повѣстью о приходѣ чудотворнаго Николина образа Зарайскаго, иже бѣ изъ Корсуня града, въ предѣлы Резанскіе ко князю Ѳеодору Юрьевичу во 2-е лѣто по Калкскомъ побоищѣ" [2]). Помимо желанія связать происхожденіе мѣстной святыни съ чтимымъ по началу христіанства—Корсунемъ (рязанскій князь Юрій Игоревичъ и сынъ его Ѳедоръ вмѣстѣ съ еписк. Евфросиномъ Святогорцемъ создаютъ храмъ въ честь св. Николая въ городѣ), повѣсть останавливаетъ вниманіе на печальной кончинѣ княгини Евпраксіи (бросившейся изъ высокаго терема, когда она узнала, что супругъ ея, кн. Ѳедоръ, убитъ Батыемъ,—„заразилась"), отчего самый городъ сталъ называться Зарайскомъ [3]).

Другое важное событіе—нашествіе Мамая нашло себѣ повѣствователя, въ духѣ историко-поэтическаго изложенія, рязанскаго свящ. Софонію (время жизни автора опредѣляется съ к. XIV в. и даже до XVI); оно, впрочемъ, значительно искажено позднѣйшими переписчи-

---

[1]) Напеч. въ Рус. Времен., М. 1820, I. 126; Сказ. рус. нар., I, 45—50; Врем. М. О. И., XV, 14—21 (Ундольскимъ); вновь по разнымъ спискамъ изд. И.И. Срезневскимъ: „Повѣсть о разореніи Рязани Батыемъ" (Свѣд. о малоизв. памяти., I, № xxxix с. 77—74).

[2]) Времен. М. О. И., кн. XV. Повѣсть эта вошла въ составъ „Русскаго Временника", М. 1790, т. I (стр. 92, подъ 1224 г.); но ея нѣтъ въ Никон. лѣт., ни въ Степен. книгѣ. К. Калайдовичъ выражается: „Сомнительная повѣсть о принесеніи оной (иконы) изъ Корсуня въ 1224 г. не подкрѣпляется древними свидѣтельствами" (Письма объ археолог. изслѣд. въ Рязан. губ., М. 1823, стр. 75). Топографическая подробность о лицѣ, упоминаемомъ въ „Повѣсти" (Рязан. Достопамятн., стр. 13, примѣч. 141). Повѣсть въ Сборн. XVII в. съ лѣтописью о священнослужителяхъ при церкви Николы Зарайскаго (Опис. Сборн. Имп. Публ. библ., I, 39—40). Любопытные варіанты къ изданнымъ текстамъ (ibid. 245—247, 481): Тр. Ряз. ком. 1897; № 2, с. 100.

[3]) Соображеніе объ этихъ данныхъ см. у Иловайскаго, Ист. Рязан. княж. (101—105). Авторъ „Сказаніе о нашествіи Батыя" и „Повѣсть о Корсунской иконѣ", на основаніи приписки и характера сказаній, считаетъ произведеніемъ свящ. зарайской церкви Евстаѳія (126); Срезневскій раздѣляетъ оба сказанія.

ками [1]). Множество списковъ его указываетъ на распространенность этого произведенія, а разнообразіе ихъ, начиная отъ чисто прозаическихъ до поэтическихъ, на постоянную его переработку и популярность. Нѣкоторые — „Повѣсть о Куликовской битвѣ", внесенную въ томъ или другомъ видѣ въ лѣтописи" (П. С. Р. Л., III, 92; IV, 75—83; VI, 90—98, VIII, 34—42; Супральская рук., изд. кн. Оболенскимъ; Ростов. лѣт. у Карамзина, т. V, примѣч. 65, 71, 72, 77, 79, 80) и отличающуюся простотою, готовы приписать тому же автору, какъ сходную по мѣстамъ съ „Повѣданіемъ" [2]), но едвали это мнѣніе можетъ быть принято, такъ какъ оба произведенія отличны по своему характеру.

Историческія условія Рязанскаго края давали пищу богатырскимъ подвигамъ [3]). Такъ, преданіе сохранило намъ имя Добрыни Златой поясъ (прозваннаго, вѣроятно, по великолѣпію своего доспѣха). Не находя мѣста своимъ подвигамъ дома, онъ является въ станъ Константина Всеволодовича при Липецахъ, вмѣстѣ съ Александромъ Поповичемъ и Нефедомъ Дикуномъ, а спустя 8 лѣтъ складываетъ свою голову на Калкѣ, опять вмѣстѣ съ Александромъ Поповичемъ [4]). Сказаніе о нашествіи Батыя рисуетъ передъ нами поэтическій образъ Евпатія Коловрата, у котораго доблесть соединена съ любовью къ родинѣ. Тоже сказаніе, рядомъ съ вѣроломнымъ бояриномъ, который извѣстилъ Батыя о рѣдкой красотѣ княгини Евпраксіи, представляетъ образецъ преданности своему князю въ лицѣ Аполоницы, воспитателя юнаго князя Өедора Юрьевича [5]). Повѣствованіе о геройской кончинѣ князя Романа, изображающее религіозный подвигъ, не-

[1]) Изд. И. М. Снегиревымъ (Ист. Сборн., изд. М. О. И., т. III, с. 1—81). Оно послужило историческою основою для Никон. лѣт. (IV, 86) и Синопсиса (перечень всѣхъ списковъ „Повѣданія" въ статьѣ г. Тимоѳеева, см. ниже).

[2]) Филаретъ, Обзоръ, 93—94; замѣч. Иловайскаго (302). Ср. Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, I. Назарова (Ж. М. Н. Пр. 1858, №№ 7 и 8); Сказанія о Куликовской битвѣ, С. П. Тимоѳеева (ib., 1893, №№ 8 и 9, съ литер.). Оба автора значительно расходятся въ своихъ выводахъ.

[3]) Въ „Повѣсти объ образѣ Николая Зарайскаго" авторъ съ грустью вспоминаетъ, что послѣ нашествія Батыя многіе князи, и мѣстные и воеводы крѣпкіе, и многіе удальцы и рѣзвецы, *воспитаніе и узорочье (т. е. украшеніе) рязанское*, лежаша на земли пустѣ, никимъ брегоми и т. д. (Свѣд. о малоизв. памятн., I, стр. 77—94; Рязанскія Достопамятности, 16; Врем. М. О. Ист., кн. XV).

[4]) Никон. лѣт., II, 326; Изв. Имп. Акад. Наукъ, III, 77.

[5]) Иловайскій. 121—122, 129—130. 132—133.

сомнѣнно также мѣстнаго происхожденія [1]). О пирахъ знаменитаго князя Олега Ивановича, подобно пирамъ Владиміра, сохранились народныя преданія и пѣсни [2]). „Молодечество" рязанцевъ причиняло уже хлопоты вел. кн. Ивану III и онъ не находилъ противъ него иныхъ средствъ, кромѣ казни [3]). Сказаніями Рязанскій край былъ также богатъ, какъ и другія части Россіи, говоритъ его историкъ.

V.

Относительно рязанской лѣтописи историкъ Ряз. княжества замѣчаетъ: „Вопросъ о существованіи *особаго* Рязанскаго лѣтописца остается еще не вполнѣ рѣшеннымъ. Всѣ наши поиски въ этомъ отношеніи приводятъ только къ тому предположенію, что существовали вѣроятно и *рязанскіе списки лѣтописей, въ родѣ лѣтописи Переяславля Суздальскаго* и что изъ этихъ-то списковъ позднѣйшіе лѣтописные сборники заимствовали многія подробности о рязанскихъ событіяхъ, отличающіяся иногда удивительною точностью, но всегда болѣе или менѣе отрывочныя" [4]).

На существованіе лѣтописныхъ записей въ Рязани указываютъ данныя, находящіяся въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ сказаніяхъ [5]). Выше мы привели извѣстіе записанное въ Псалтири XVI в., о построеніи Переяславля Рязанскаго [6]). Другое извѣстіе, непосредственно слѣдующее за нимъ, относится къ событіямъ 1217 г., объ уб. рязан. князей двоюрод. братомъ Глѣбомъ Влад (см. ниже, стр. 1050), если не

[1]) Оно помѣщено въ нѣк. Минеяхъ и Степен. книгѣ (I. 383–384). Агіографія Барсукова (426). Филаретъ. Р. святые, іюль, 114—118.

[2]) Иловайскій, 194, 257 (преданіе о конѣ князя Олега). Гробница Олега и жены его Евфросиньи, послѣ разборки Покровской церкви въ 1769 г., перенесена въ монастыр. церковь Рождества Богородицы. Здѣсь показываютъ останки ихъ—черепъ и кости и княжескую кольчугу, сдѣланную изъ мелкихъ желѣзныхъ колецъ прекрасной работы. Кости и кольчуга чествуются мѣстными жителями, а больные надѣваютъ послѣднюю на себя, надѣясь получить исцѣленіе (200) „Кичка" кн. Евфросиньи была безъ цѣны (199). О гостепріимствѣ Олега сообщается въ хожденіи м. Пимена (192).

[3]) Иловайскій. 301.

[4]) Ibidem, 302. Татищевъ наз. какую-то „Муромскую лѣтопись", которую бралъ у него Петръ В. (Рос. ист., I. с. XI–XII; ср. Характ. Бестужева-Рюмина, 9, 165).

[5]) Опис. сборн. Им. Пуб. библ., I. 40, 133.

[6]) Вотъ оно: „Влѣто Ѕ̃ Х̃ Г–6603 (1095) заложенъ бы градъ Переяславль резанѣскої около цр҃кви ст҃го Николы старого лѣта Ѕ̃ Ѱ К̃ С—6725 (1217)... на озере озеро Быстрь..... сѣча, і такова не бывала въ рускої земли і прощи бували великие исцелении от ст҃го Николы чюдотворц старого" (Труды Рязан. ком. VI, 25). Въ

къ неизвѣстному намъ. Оба эти извѣстія имѣютъ характеръ краткихъ записей, очевидно заимствованныхъ изъ другого источника. Подобный же видъ имѣютъ записи о Переяславлѣ Рязанскомъ подъ 1198 г. [1]); о принесеніи образа Николы изъ Корсуня въ Рязань (6733). Затѣмъ въ разныхъ спискахъ лѣтописей можно отмѣтить рядъ краткихъ извѣстій о рязанскихъ событіяхъ, указывающихъ, по своей опредѣленности, на ихъ мѣстное происхожденіе [2]).

Годы: 1095—приб. въ Муромъ Изяслава Влад. (Лавр.); 1096—бой Изяслава Влад. съ Олегомъ Свят. подъ Рязанью (Лавр.); 1103 (бися Ярославъ съ Мордвою и побѣженъ бысть Ярославъ—Свят-чъ муром., Лавр. л.); 1129 (преставися Ярославъ Свят. Муромѣ, ib., Воскр.); 1131 (о побитіи половцевъ кн. ряз., прон. и мур., Ник.); 1132 (того же лѣта крестися въ Рязани полов. кн. Амуратъ, ib.); 1135 (того же лѣта убіенъ бысть въ Рязани тысяц. Иванъ Андр., нариц. Долгій, ib.); 1136 (того же л. въ Рязани убиша въ загонѣ богатыря печенѣжскаго Темирьхозю, ib.); 1147 (того же лѣта въ Резани во градѣ Казари отъ иконы св. Пятницы быша чюдеса и исцѣленія многа, ib.; ср. Карамзинъ, II, пр. 358); 1148—въ Рязани посад. Константинъ прогналъ половцевъ (ib.); 1150 рязанцы побили половцевъ на р. Воронѣ (ib., ср. Никон.); 1153 (т. л. кн. Ростиславъ Яр. рязанскій созда во имя свое градъ Р-ль у р. Оки, Никон.); 1155 о приходѣ на Рязань татаръ (половцевъ, Никон.) 1160 (т. л преставися кн. вел. ряз. Володимеръ Свят. Ярославича, Ник); 1174 (т. л. прест. кн. Гюрги Муромьскій, мѣс. генв. въ 19 день и положиша во ц. Муромѣ, юже бѣ самъ создалъ, Лавр.; ср. Ипат., Воскр.); 1176—о походѣ Глѣба ряз. на Олега Свят. черниг. (Ип., Лавр., Ник.); 1179 (т. л. прест. Глѣбовая ряз., Ипат.); 1183 (т. л. приходиша болгары и много пакости около города Мурома и по рязанстей земли сотвориша, Радз., ср. Тат.); 1186—о распрѣ ряз. князей (Радз.); 1194 (о конч. ряз. кн. Игоря Глѣб. и погреб. въ ц. Бориса и Глѣба (Лавр., Никон.; о нахожд. Половцевъ на Рязань, Никон.): 1217 (подр. разсказъ объ изб. на Исадахъ 6-хъ ряз. князей, и многихъ бояръ и слугъ ихъ, злодѣйски приглашенныхъ на пиръ Глѣбомъ Влад. и бра-

грам. вел. кн. Ивана Васильевича Третнаго 7 марта 1485 г. говорится: „церк. Никола Старый стоитъ на Быстромъ озерѣ на берегу" (ibid.)

[1]) „Въ лѣто 6716 (1198) при вел. кн. Романѣ Игоревичѣ, внукѣ Глѣбовѣ, былъ на Рязани епископъ Арсеній I. Онъ градъ Переяславль заложилъ у озера" (Воздвиженскій, Ист. обз. Ряз. губ., 30. 77; ср. Достопамятн., 10; Труды Рязан. ком., VI, 25).

[2]) „Немногія извѣстія о муромскихъ князьяхъ отличаются иногда удивительною точностію" (Иловайскій, 66).

томъ его Константиномъ, Лавр., Воскр., Никон.); 1237—подроб. о напад. татаръ на Рязань (Лѣт. по акад. сп., Троиц.); о вел. кн. Ингварѣ Иг. (Ипат. л.), о сохраненіи еп. Евфросина (Лавр. и Соф.); 1252—объ отпускѣ изъ Орды ряз. кн. Олега Ингв. въ свою отчину (Лавр., Ник.); 1258—о конч. ряз. кн. Олега Ингв. и погребеніи въ ц. Спаса, съ точной датой (Лавр. и Ник.); 1270—о конч. ряз. кн. Романа Ольг. (Ник.); 1288— о напад. татаръ на Рязань и Муромъ (ib.); 1294—о конч. кн. Ѳедора Ром. ряз. (Лавр., Ник.); 1299—о конч. Ярослава Ром. пронскаго (Лавр., Ник., Воскр.); 1301—о приходѣ на кн. Константина Ром.—моск. кн. Даніила Ал. (Ник. л.); 1305—о его уб. въ Москвѣ (ib.); 1308—объ уб. въ Ордѣ кн. Василія Константин. ряз. (Ник.); ср. 1326—объ уб. въ Ордѣ кн. Василія (Ник.; замѣч. въ ряз. Достоп., с. 20, пр. 189); 1327—объ уб. кн. Іоанна Яр. (Лѣт. по акад. сп.); 1338—о распрѣ между кн. Иваномъ Ив. Коротополомъ ряз. и Александромъ Мих. пронскимъ (Ник., Воскр.); 1342—объ уб. Ивана Ив. Коротопола (ib.); 1343—о конч. Ярослава Алекс. пронскаго (ib.); 1349—о конч. вел. кн. Василія Алекс. рязанскаго (ib.[1]); 1350—объ обновленіи Мурома и отчины кн. Юріемъ Яр. послѣ запустѣнія (ib.); 1352—о взятіи рязанцами Лопасни и отсылкѣ въ Рязань ж. кн. Всеволода холм. отъ моря; 1354—о занятіи Мурома кн. Ѳедоромъ Глѣбов. (Ник.); 1358—о нападеніи на Рязан. землю Маматхожа (ib.); 1364—о новоев. тат. Рязан. обл. (ib. подробно; ср. крат. Новг. 4-я и Соф. 1-я); 1371—объ изгнаніи вел. кн. Олегомъ Ив. ряз. зятя своего Владиміра Дм. пронскаго и занятіи имъ снова престола (Ник., ср. ib); 1372—о конч. Владиміра Дм. пронскаго (Ник.); 1377—о плѣненіи Рязанск. земли Мамаемъ (ibid.); 1386—о прибытіи изъ Орды кн. Родослава, с. Олега Ив. (ib.); о нападеніи татаръ на Рязань и Любутскъ (ib.); 1387—о нападеніи татаръ на рязанскую украину (ib.); 1389—о нападеніи татаръ на Рязань (ib.); 1391—тоже (ib.); 1394—о походѣ в. кн. Олега Ив. къ Любутску и побѣдѣ надъ татарами (Ник., Новг. 4-я, Соф. 1-я и 2-я); 1395—о пох. Олега Иван. съ князьями на Литву и Витовта на Рязань (Ник., Воскр., Новг. 4-я, Соф. 1-я и 2-я); 1398—о прибытіи въ Рязань посла Тохтамыша Темиръ-Хозя (Ник.); 1400—о походѣ Олега на Червленый яръ и о побѣдѣ надъ татарами (Ник.); 1401—о пох. Олега Ив. съ Юріемъ Свят. смол. и княз. мур., прон., козел. на Литву; 1402—о побѣдѣ Литвы надъ рязанц. у Любутска и о плѣн. кн. Родослава Ольг. (Ник., Воскр., Соф. 1-я, Новг. 4-я, Симеон. и др.); пох. кн. Родослава на Брянскъ (Ник.); о конч. Олега Ив. и хожд. въ Орду его сына Ѳедора,

[1]) Ошибочно вм. Ивана Алекс. (Ряз. Достоп., с. 23, прим. 216).

[2]) Въ такъ назыв. Симеоновской лѣт. рязанскія событія отмѣчаются киноварными заглавіями въ текстѣ или на поляхъ; подъ 1486 г. приводятся два извѣстія,

ib.); 1404—о нападенія татаръ на Рязань (ib.); 1405—о напад. татаръ на рязан. земли и о побѣдѣ надъ ними Өедора Ольг. (Ник., Воскр., Рус. Врем.); 1406—о конч. Евпраксіи, ж. Олега Ив. (Воскр. Ник., Р. Врем.); 1407—о конч. кн. Родослава Ольг. и Өеогноста II, еп. рязан. (Воскр., Соф. 1-я и 2-я, Никон.); 1408—о приходѣ изъ Орды кн. Ивана Влад. пронскаго, о вокняж. его въ Пронскѣ, о нападеніи его на Өедора Ольг. рязан., о битвѣ между ними 1 іюня, вокняж. въ Рязани и примиреніи (Воскр., Соф. 2-я, Никон., Симеон. л. [1]); 1411—о нападеніи татаръ на Рязань (Никон. л.); 1415—о напад. татаръ на Елецкую область и сож. Ельца (Ник., Воскр., Соф. 1-я и др.); 1426—о напад. татаръ на Рязань (Ник.); 1439—о воев. татарами Рязанской обл.; 1456—о конч. в. кн. Ивана Өед. въ мон. Іоны и распоряженіи его (ib.); 1458—о пожарѣ въ Муромѣ; 1460—о напад. татаръ на Переяславль Ряз. (Воскр., Соф.); 1483—о конч. кн. Василія Иван. и вступл. на престолъ с. его Ивана (Ник. л.); 1493—о приходѣ ордын. казаковъ на Рязань (Воскр. и Никон.); 1494—о пожарѣ Рязани (Ник., Сим.); 1500—о конч. ряз. кн. Ивана Вас.—точная дата (Воскр., Ник.); 1501—о конч. вел. кн. Анны (ibid.); 1513—о приходѣ на Рязань тат. ц-ча Бурнаша (Воскр., Ник., Соф. лл.). Позднѣйшія событія о Рязани встрѣчаются въ отдѣльныхъ случаяхъ въ тѣхъ же общихъ московскихъ сводахъ.

По большей части приведенныя записи касаются времени кончины князей, ихъ семейныхъ отношеній, военныхъ событій, сношеній съ князьями суздальскими, московскими, съ Ордою и т. п., т. е. обнимаютъ тѣ разнообразныя отношенія, въ какихъ находилась Рязань въ періодъ своего независимаго существованія. Въ свою очередь авторъ „Рязанскихъ достопамятностей“ пользовался для своего труда неизвѣстною „полууставной тетрадью“, причемъ нѣкоторыя изъ ея записей остаются неопредѣленными [2]) и такимъ образомъ представляются заимствованными изъ источника, до насъ не дошедшаго. Кромѣ того, до насъ

кас. рязанскихъ событій, не встрѣчающіяся въ другихъ москов. сводахъ, и списки только новгор. и ряз. епископовъ, помѣщенныя въ началѣ рукописи, продолжены далѣе нач. XVI вѣка (Ж. М. Н. Пр. 1900, № 9, с. 148).

[1]) Въ Твер. сборн. (П. С. Р. лѣт., XV, 480—481) распря рязан. князей изложена подробнѣе, имѣется особое заглавіе („О побоищи рязаньскомъ“), причемъ осуждается помощь моск. князя, оказанная зятю кн. Өедору („се бо здумаша бояри юніи, старцы же се не похвалиша“) и выражается радость о побѣдѣ пронянъ, которая приписывается помощи свыше.

[2]) См. примѣчанія къ указанному изданію.

дошли „роспись" и перечень рязанскихъ князей. Первая изъ нихъ, помѣщенная въ Воскресенской лѣтописи, подъ заглавіемъ „Начало о великыхъ князехъ Рязанскихъ" (отъ Ярослава I до 6991), съ присоединеніемъ къ нимъ перечня муромскихъ и пронскихъ князей [1]). Здѣсь заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что рядомъ съ этою росписью помѣщены перечни князей тверскихъ и смоленскихъ [2]); но эти послѣдніе ограничиваются одними именами и родословными указаніями и не имѣютъ хронологическихъ датъ, между тѣмъ какъ роспись князей рязанскихъ представляетъ погодный перечень князей, съ указаніемъ времени ихъ вступленія на престолъ и кончины (а также рода смерти), мѣста погребенія, путешествій въ Орду, столкновеній съ князьями черниговскими, суздальскими и московскими и послѣдствія ихъ борьбы; необходимо также прибавить, что церковныхъ дѣлъ „роспись" эта совершенно не касается.

Напримѣръ: „Въ лѣто 6630. Пріиде изъ Курьска къ Мурому князь Изяславъ, сынъ Володимера Мономаха, намѣстника Олгова Святославича изыма, а самъ сѣде на Муромѣ и на Резани, и сидѣ единъ годъ. И пріиде на него ратью самъ Олегъ Святославичъ Чърниговского, и бысть имъ бой подъ Резанью, и на томъ бою Олегъ Святославичъ и уби Изяслава Володимерича, а самъ сѣде на Муромѣ и на Рѣзани..... Въ лѣто 6715. Князь великій Всеволодъ Юрьевичъ Долгорукого Володимерьской подъ князьми Рѣзанскими Резань и Пронь взялъ, и сына своего Ярослава на Резани посади, и Резанци Ярославу измѣнили, и князь великій Всеволодъ лучшихъ людей Рязаньцовъ развелъ и городъ Рязань жжегъ"... „Въ лѣто 6725. Князь Глѣбъ Володимеровичъ Резаньской, наученъ діаволомъ, уби шесть князей Резаньскихъ: 5 братаничь своихъ да шестого брата своего родного Изяслава, и съ бояры ихъ, которые съ ними были, и побѣжа самъ въ Половци, и обезумѣ, тамо и скончася. И по Глѣбѣ сѣде на Рѣзани Ингварь Игоревичъ, а по Ингварѣ княжиста дѣти его: Романъ, Юрьи, Олегъ". „Въ лѣто 6778. Убіенъ бысть Романъ Олговичъ отъ татаръ, рѣзаша его по составомъ. И по Романѣ сиде на Рѣзани сынъ его Костянтинъ"..... .... „Въ лѣто 6888. Олегъ съ Мамаемъ совокупися, и послѣ того Тактамышъ подведе". „Въ лѣто 6903. Олегъ Резаньской изгономъ Коломну взялъ, и помири вел. кн. Дмитрея съ Олегомъ Сергій чюдотворець, и князь великій Дмитрей далъ за сына за Олгова за Θеодора дочь свою Соѳію".

[1]) П. С. Р. Л., VII, 241—245.

[2]) Ibidem, 238—240, 245—246.

Г. Вѣд. 1838, №№ 36 и 37); Г. Зарайскъ въ старину и нынѣ (Ж. М. Вн. Дѣлъ 1848 г. XXI, № 3, с. 371—402); Зарайскъ, С. Бочарникова. М. 1865; Ист. опис. г. Пронска (Воскр. Досугъ, 1871, №№ 5—9); Ист. оч. г. Касимова (Ряз. Г. Вѣд. 1842, №№ 1 и 2); С. Городище Кашир. у Тульск. губ., древ. гор. Лопастия, снач. Черниг., а потомъ Ряз. княж., Н. И. Троицкаго (Труды XI. Арх. с., II. 126—136; Краткая записка о нѣк. достопамятностяхъ рязанскихъ и пронскихъ, М. Макарова (Тр. Общ. любит. рос. слов. 1819, XVI. с. 121—128); Записка о найден. въ землѣ 6 іюня 1822 г. золотыхъ вещахъ въ Рязан. губ. (Соревн. Просв. 1822, с. 322—25); Открытыя драгоцѣн. въ Рязан. губ., изъ письма докт. Гамеля къ изд. Сѣв. Архива (1822, ч. III. 175—176); Письма къ А. Ѳ. Малиновскому объ арх. изслѣд. въ Рязан. губ. съ рисун. найд. древ., К. Калайдовича. М. 1823; Ист. и арх. достопам. по Рязан. губ., Т. Воздвиженскаго (Ист., стат. и геогр. Журн. 1827, №№ 6 и 7); Рязан. рус. достопам. или извѣстіе о старин. и богатыхъ великокняж. или цар. убранствахъ, найд. въ 1822 бл. села Старая Рязань, А. Н. Оленина. Спб. 1831 (съ рис.); О древн. въ Рязан. губ. (Ряз. Губ. В. 1839, №№ 13—16); Опис. куфич. монетъ X в., найд. въ Ряз. губ. въ 1839, Спб. 1841, съ табл. рисунк.; Записки объ археол. изслѣд. въ Ст. Рязани, Д. Тихомирова, съ рисун. откр. имъ древн. въ 1836 г., М. 1844; Ист. свѣд. объ арх. изслѣд. въ Ст. Рязани, *его же*, М. 1844; Обозр. древн. и достоприм. гг. Рязани и ея уѣзда, А. Пискарева (Ряз. Г. В. 1845, №№ 8—13); Рязан. древности, изд. Селивановымъ, М. 1851; Объ откр. драгоцѣн. древн. въ Ст. Рязани, *Л. С.* (Отеч. Зап. 1822, ч. XI); Стат. опис. г. Пронска въ Ряз. губ., М. Н. Макарова (Отеч. Зап. 1828, ч. XXXVI, 65—89—ист. данныя); Древности Ст. Рязани, А. Селиванова (Тр. Яросл. арх. съѣзда, т. II, 208—212); Празднованіе 800-лѣтія (1095—1895) г. Рязани: Ряз. 1896 (о святыняхъ Рязани: доисторич. прошлое: вел. кн. Олегъ Ивановичъ; взглядъ на историческое прошлое, съ рисунк.); Русскія древности, изд. гр. И. М. Толстымъ и Н. П. Кондаковымъ, в. V. 101—104, 109, 111, 122, 124—130); поздн. изслѣд. древн. (см. в., стр. 1028, 1030, 1031); Такъ наз. Олеговъ дворецъ въ Рязани, нынѣ архіер. домъ, Ив. Проходцова (Тр. Ряз. уч. арх. ком. 1905, № 1, с. 90—106); Личность Анны Васильевны, вел. княг. рязанской, Л. Б. Вейнберга (ib., т. IV, 1889, 167—169); Матеріалы для библіогр. Рязанскаго края, I. В. Добролюбова (ib., 33—84). См. также стр. 1028, 1030, 1031, 1036, 1038, 1039, 1040, 1044, 1046, 1047, 1048, 1054, примѣчанія.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Стр. 2—6. Древній шведскій законъ облекался въ поэтическую форму стиха съ кадансомъ и риѳмой. Народъ пѣлъ свои законы и въ видѣ пѣсни переходили они изъ поколѣнія въ поколѣніе. Даже въ Улож. 1734 г. еще сохранилась риѳма, какъ отзвукъ обычнаго пѣснопѣнія, являющагося передачей правовыхъ нормъ (Э. Н. Берендсъ, Объ источн. фин.л. права. Первая лек. по финл. праву, Спб. 1902). Тексты венг. законовъ облекались также въ поэтическія формы и воспроизводились въ пѣсняхъ настолько точно, что къ нимъ обращались при собираніи законовъ обычнаго права (Melchior de Polignac, Notes sur la littér. hongroise, P. 1900).

Стр. 2, прим. 1. Шлецеръ по поводу преданій говоритъ: „Тогда только я въ чемъ либо кому повѣрю, когда пойму, что онъ разсказываемое имъ *могъ* знать. Покойная моя *бабушка* очень много мнѣ разсказывала про 30-лѣтнюю войну: этому я вѣрилъ, потому что объ этой войнѣ слыхала она отъ *своей бабушки*, которая жила во все продолженіе войны. Но если бы она вздумала мнѣ разсказывать что нибудь про времена Карла V или даже Карла В., то.... дѣтское почтеніе зоставляетъ меня молчать“ (Несторъ, I, ӣв—ӣг).

Стр. 9. Рапсоды въ древней Арменіи, пѣвшія историческія пѣсни, назывались *випасаны*. Они воспѣвали героевъ, царей, славныя событія, въ поэтической, картинной формѣ, миѳологическія преданія и т. п. (Ю. Веселовскій, Армян. поэзія XIX стол. и ея происхожденіе, Р. Мысль 1901, № 12, стр. 98).

— Рѣчь Галгака, взывавшаго къ оружію противъ римлянъ, была принята британи съ радостью, съ пѣснями, по варварскому обыкновенію, съ шумомъ и крикомъ (Тацитъ, Агрикола, cap. xxxııı). Плано-Карпини говоритъ, что Батый и всѣ татарскіе князья, а особенно въ собраніи, не пьютъ иначе, какъ при звукѣ пѣсенъ или гитаръ (nisi cantetur ei vel citharizetur, по изд. Языкова, 22—23).

Стр. 12. Въ 1900 и 1901 гг. А. Д. Григорьевымъ было записано на сѣверѣ Россіи (Пинеж. и Мезен. уу. Арханг. г.) 412 „старинъ" (былинъ) изъ 59,211 стиховъ. У Гильфердинга записано ок. 58,313 стиховъ (Литер. Вѣст. 1901, VIII, 376).

Стр. 18. Thallóczy. Die ungarischen Beziehungen der Chronik des presbyter (sic!) Diocleas (Arch. f. slav. Phil. 1898, №№ 2 и 3, Ss. 201—224); зам. Э. Э. Лямбека (Изв. И. Ак. Н. 1900, IV, 1393—1394).

Стр. 22. В. М. Алексѣевъ, Замѣтки объ изученіи Китая въ Англіи, Франціи и Германіи (Ж. М. Н. Пр. 1906, № 9, с. 101—139; № 10, с. 277—340), м. прочимъ о лѣтописи (Чжу-шу-цзи-нянь), относ. къ III в. до Р. Х., начертанной на узкихъ и короткихъ планкахъ (бамбук.), заключающихъ въ себѣ каждая всего одну линію вертикальнаго направленія, и о хронологическихъ системахъ (стр. 295—302).

Стр. 24. Егип. и халд. писцы вели каталоги событій, которые давали возможность точно передавать жизнь древнихъ фараоновъ. Обыкновенно писали они на папирусахъ или вырѣзывали на камняхъ. Годы обозначались основаніемъ храма, религіозной процессіей, учрежденіемъ жертвоприношенія, военной экспедиціей и т. п. (Ein Bruchstück altaegiptischer Annalen, v. H. Scheffer, Berl. 1902).

Стр. 26. Проф. Г. Ольденбергъ (въ Deut. Rundschau 1907, März) касается вопроса на тему о характерѣ историческихъ трудовъ Индіи. „Къ сожалѣнію, замѣчаетъ онъ, внѣшнія обстоятельста, въ томъ числѣ и климатъ, содѣйствовали уничтоженію многочисленныхъ и драгоцѣнныхъ историческихъ матеріаловъ. Исторія въ Индіи впадаетъ обыкновенно или въ поэзію, или въ религію. Одинъ изъ важнѣйшихъ инд. историковъ, Калханъ, былъ въ тоже время и поэтъ. Какъ онъ, такъ и др. историки, даютъ только разсказы о происшедшихъ событіяхъ, но не изслѣдуютъ ихъ причинъ".

Стр. 27—28. См. также: А. Олесницкій: 1) Государственныя лѣтописи цц. іудейскихъ или книги забытыя (Тр. К. Д. акад. 1879, №№ 8 и 12); Госуд. Израильская лѣтопись или книга царей (1880, № 5); Риѳмъ и метръ ветхозав. поэзіи (ibid. 1872. №№ 10, 11, 12).

Стр. 28—30. В. П. Бузескулъ, Введеніе въ исторію Греціи, Харьк. 1903, 535 стр. Надписи и документы, логографы, историки, хронологія. М. И. Мандесъ, Оп. ист. крит. коммент. къ греч. исторіи Діодора (о Геродотѣ, Ѳукидидѣ, Эфорѣ и др.). Од. 1901 (Зап. Новор. ун. т. LXXXII, 1—500).

Стр. 30—32. И. В. Нетушилъ, Этюды по Т. Ливію. Первый рим. диктаторъ (Ж. М. Н. Пр. 1906, № 11; 1907, № 1, прилож.). Съ 464 г. у Т. Ливія появляются свѣдѣнія, указывающія съ полной очевидностью существованіе современныхъ лѣтописныхъ записей—краткихъ и сухихъ (№ 1, с. 33). Регильская повѣсть (1906, № 8). Единственною опорою для

хрон. опредѣленія событій того времени на первыхъ порахъ развитія рим. анналистики служили храмовыя даты капитол. эры: 507—храмъ Юпитера, 497—храмъ Сатурна, 495—храмъ Меркурія, 493—храмъ Цереры, 484—храмъ Кастора. Въ вѣкъ Суллы къ этому присоединились извлеченія изъ греч. источниковъ даты смерти Тарквинія (495), битвы при Ариціи (508) и войны съ аврунками. Вотъ въ этомъ и состоитъ вся хрон. основа 2-й кн. Ливія. Конс. фасты до 464 г., придавшіе этой книгѣ характеръ лѣтописи, составляютъ заключительный элементъ, который, за недостаткомъ стараго матеріала, нуждался въ значительномъ количествѣ дополненій. Моммсенъ (R. G.) признаетъ конс. фасты въ достаточной мѣрѣ надежными, только начиная съ 463 г. (ibid., стр. 399).

Стр. 37—38. Въ цар. Эдуарда II (1307—1327) были заведены *ежегодники*, названные такъ потому, что въ нихъ ежегодно опубликовывались отмѣтки, сдѣланныя лицами, особо оплачиваемыми короною. Въ этихъ отмѣткахъ записывали отчеты о дѣлахъ, рѣшенныхъ съ нач. цар. Эдуарда II до к. ц. Эдуарда III (1327—1377) и отъ воцаренія Генриха IV (1400—1413) до смерти Генриха VIII († 1547). Спенсеръ (Англія, 140).

Стр. 40. „Духовенство владѣло почти $^1/_2$ всѣхъ земель въ Англіи и, я думаю, еще большимъ количествомъ въ нѣк. европ. странахъ. Зенита въ этомъ отношеніи оно достигло, вѣроятно, ок. к. XII в.“ (Hallam, M. A., cap. vп; ср. Спенсеръ, Англія, 125). Другіе же считаютъ даже $^7/_{10}$ всей позем. собственности за монастырями въ Англіи (J. Wade, Hist. of the middle and work. classes, 38).

Стр. 57—58. „Монастырь св. Діонисія, говоритъ Грановскій, былъ центромъ политической дѣятельности въ тогдашней Франціи. Здѣсь обсуждались и рѣшались всѣ важныя предпріятія, сюда сходились всѣ нити управленія“ и т. д. (Соч. I, 341). „Дѣянія Людовика VII, равно какъ и Ж. Людовика Толстаго, вошли въ составъ обще-франц. лѣтописи (Gr. chr. de Fr.), которую вели монахи св. Діонисія (367).... Обычай записывать современныя событія начинается въ мон. св. Діонисія не съ Сугерія, а гораздо прежде; окончательную форму получили лѣтописи св. Діонисія послѣ него. Но вѣроятно его слава заставила приписать ему одному дѣло, въ которомъ участвовали его предшественники и преемники“ (394).

Стр. 76, прим. 1. M. Perlbach, Die Anfänge der poln. Annalistik (Neues Archiv d. Gesellsch. f. ält. deut. Gesch., Bd. XXIV, 201—285). Соч. Al. Semkowicz'a (Krytyczny rozbiór dziejów polskich Jana Dlugosza do r. 1384, Kr. 1887) признается образцовымъ (рец. И. А. Линниченка, Ж. М. Н. Пр. 1887, № 12, с. 350—368; ср. 1888, № 9, с. 224).

Стр. 81. J. Pargoire, St. Théophane le Chronographe et ses rapports avec st. Théodore Studite (Виз. Врем. 1902, I—II, с. 31—102).

Стр. 82—83. C. de Boor, Bericht über eine Studienreise nach Italien, Spanien und England zum Zweck handschriftlicher Studien über byzant. Chronisten (Sitzungsber. d. kgl. preuss. Akad. d. Wissensch. 1892, № LI, S. 922—934; зам. Виз. Врем. 1900, III, с. 525). Отчетъ де-Боора, небольшой по объему, признается первостепенной важности по данному вопросу. По де-Боору, всѣ рукописи Георгія (значитъ, не искл. Coisl. 134 и 310) сводятся къ одному архетипу, кромѣ только Coisl. 305, дающаго совершенно особенный типъ текста. Оригиналъ послѣдняго—Coisl. 305—былъ, повидимому, экземпляръ первоначальнаго наброска Георгія, снабженный многими вносками и исправленіями, на основаніи которыхъ самъ Г. выработалъ второе изд., гдѣ видно стремленіе хотя нѣсколько сгладить несоразмѣрность историческаго и богословскаго матеріала и основательно переработать собственно историческую часть. Первоначальный видъ этого типа возстановить однако нелегко, такъ какъ его рукописи далеко расходятся. Вообще же онѣ распадаются на два класса: Coisl. 310 и Paris. 1705 съ одной стороны и всѣ ост. рукописи съ другой; послѣднія, въ свою очередь, распадаются на много подраздѣленій, гдѣ текстъ то сокр., то распр., измѣненъ въ отношеніи слога и продолженъ. Въ 1904 г. вышло изд. де-Боора (Georgii Monachi Cronicon, ed. Carolus de Boor, vol. I—II, Lips). Замѣчаютъ, что изд. текстъ представляетъ ред., близкую къ славян. переводу, въ первой его части (В. М. Истринъ, Редакціи Толк. палеи, Изв. И. Ак. Н. 1905, IV, 136, прим.; ср. 148, 200).

Стр. 91. J. Haury, Johanes Malalus identisch mit dem Patriarchen Johannes Scholasticos? (Byz. Zeitschr., Bd. IX, 337—356; зам. Виз. Вр. 1900, III, 519—520).

Стр. 91—92. В. М. Истринъ, Къ хрон. I. Малалы, объ отрывкахъ изъ него въ рук. Париж. нац. б. (Виз. Врем. 1898, IV, 697—699); Хрон. I. Малалы въ слав. перев., кн. 2-я, *его же* (Лѣт. Ист. фил. общ. при Новорос. ун., X, Виз. славян. отд., VII, 437—486); о сущ. полнаго славян. перевода, впослѣдствіи затерявшагося, *его же* (Ж. М. Н. Пр. 1903, № 11, с. 167—185). О славян. перев. I. Малалы и дополн. къ нему изъ Г. Амартола и Іос. Флавія, въ Сборн. М. гл. арх. М. ин. дѣлъ XV в., И. И. Срезневскаго (Свѣд. о малоизв. пам., Сборн. Ак. Н., XX, стр. 111—144); также Истринъ. „Изъ области древ. рус. литер.“ (Ж. М. Н. Пр. 1903, №№ 8, 10, 11; 1904, №№ 2 и 10, м. прочимъ о хроникахъ I. Малалы и Г. Синкелла). P. H. Bourier, Ueber die Quellen der 1-sten vierz. Bücher des Joh. Malalas, I, Augsb. 1898, 47 стр.; рец. А. Васильева, Виз. Врем. 1903, I, 190—193).

Стр. 94—95. П. А. Лавровъ, Славян. переводъ Зонары и его отношеніе къ передѣлкѣ хиландар. инока Григорія (реф., чит. на XI Арх. с., въ Кіевѣ, Изв. И. Ак. Наукъ 1900, I, сообщ. Д. Абрамовича, стр. 332—

334, о полномъ переводѣ и кратк. извлеченіи, а также о языкѣ перевода; излож. въ Тр. XI-го Арх. с., II, 130—131).

Стр 97, прим. 1. Симеона Метафраста и Логоѳета *Списаніе міра отъ бытія и лѣтовникъ собранъ отъ различныхъ лѣтописецъ*. Славян. переводъ хрон. Симеона Логоѳета съ дополненіями. Изд. Имп. Ак. Н., ред. В. Срезневскимъ, Спб. 1905, 4° (xvi+186—187—239, рус. и греч. указат.). Изд. по единственному извѣстному списку, принадл. И. Пуб. библ., F. IV, № 307. Дополн. представляютъ выписки изъ хрон. Зонары. Нельзя заключать, что конецъ слав. перевода и есть конецъ хроники... Составитель новаго извода С. Лог. съ доп., заимствованными изъ Зонары началъ пользоваться послѣднимъ источникомъ ранѣе, чѣмъ кончилъ выписки изъ текста Логоѳета. Самый текстъ хрон. не отличается полнотою. Неисправности славян. перевода въ наиболѣе важныхъ случаяхъ указаны при помощи греч. текста, изв. подъ именемъ хроникъ Льва Грам. и Ѳеодосія Мелитинскаго. Не соблюдены только нѣк. филологическія требованія (зам. П. А. Лаврова, Ж. М. Н. Пр. 1906, № 7, стр. 180).

Стр 98. В. М. Истринъ указалъ недавно на существующій славян. переводъ хрон. Г. Синкелла (докладъ въ Славян. ком. И. М. Арх. общ., см. Труды Славян. ком., IV, в. I, проток., с. 22; ср. Хроника Синкелла на греческомъ и славянскомъ, Ж. М. Н. Пр. 1903, № 8; с. 382—414, (Изъ области древ. рус. литер.). Переводъ хроники (въ рук. Унд.) сдѣланъ вѣроятно съ древнѣйшей его ред., которая была первонач. оригиналомъ, вышедшимъ въ свѣтъ изъ рукъ автора, но безъ его имени. Впослѣдствіи Синкеллъ переработалъ свой трудъ и выпустилъ его подъ своимъ именемъ.

Стр. 98, прим. 1. О вліяніи на Хрон. приписыв. Дороѳею Монемв. передѣлки хрон. Манассіи и народной хроники Ник. Малаксы (Виз. Врем. 1898, I—II, 147); ср. с. 1351, прим. 1. Тамъ же замѣч. о необходимости сличенія рус. хронографовъ съ народными виз. хрониками (с. 146—147).

Стр. 99. Отсутствіе переводовъ свѣтскихъ писателей объясняютъ неподготовленностью славянъ и русскихъ къ ихъ пониманію (В. Истринъ въ рец. на Ист. литер. Владимірова, Ж. М. Н. Пр. 1902, № 4).

Стр. 104, прим. 4. „Исторія слав. болг. о народахъ и о царяхъ и о святыхъ болгарскихъ и о всѣхъ дѣянія и бытія болгарская", іером. Паисія, см. М. Г. Попруженко, Оч-ки по ист. возрожд. Болгар. народа (Ж. М. Н. Пр. 1903, № 10, с. 327—338).

——— Къ вопросу о Синодикѣ (болг.) царя Бориса, П. Лаврова (Лѣт. Ист. фил. Общ. при И. Н. унив., VIII, 35—136, по пов. труда М. Попруженка: „Син. ц. Бориса", Од. 1899); ср. Врем. Общ. ист. кн. XXI.

Стр. 107. Одинъ изъ серб. источ. русской исторіи, М. Н. Сперанскаго,—о кратк. записяхъ въ серб. книгахъ, съ нач. XVI—XIX в., по

„Сборнику записей и надписей“, изд. Л. В. Стояновичемъ, съ извлеч. соб., кас. Россіи (Чт. въ Общ. Нест. лѣт., т. XVIII, кн. 3 и 4, стр. 31—51).

Стр. 109. Chroniques de Moldavie, depuis le milieu du XIV s. jusqu'ä l'an 1594, par Grég. Urechi, éd. Em. Picot, P. 1878.

Стр. 110. Лѣтописи Іоанна Никульче и Костина, соврем. Прутскаго похода Петра В. Извлеч. изъ нихъ по книгѣ Когальничана (Н. Устряловъ, Петръ В. на бер. Прута, Ж. М. Н. Пр. 1847, LIII, 29—76, 85—103).

—— А. Яцимирскій, Изъ ист. славян. письм. въ Молдавіи и Валахіи (Пам. Общ. люб. др. письм., № CLXII, 1906—о лѣтописяхъ).

Стр. 112. Библ. обз. историч. армян. литер., Спб. 1880 (изъ Труд. 3-го междунар. съѣзда оріент., Спб. 1880, I); Ал-дръ Аннинскій, Древ. армян. историки какъ историч. источники. Одесса, 1899.

Стр. 113. Е. Такайшвили, Источ. груз. лѣтописей (Сборн. матер. для опис. Кавказа, кн. XXVIII и XXIX). Груз. лѣт. рѣдко ставятъ года (Уч. зап. И. Ак. Н. по 1 и 3 отд., II, 725).

—— Г. Халатьянцъ Армян. эпосъ въ Ист. Арменіи Моисея Хоренскаго М. 1896 (Виз. Врем. 1898, I—II, с. 227—269, рец. Н. Марра); М. Абегіанъ, Армян. народ. сказ. въ Исторіи М. Хоренскаго, Вагаршапатъ 1901, с. 602—возраж. на предыд. (зам. въ В. Врем. 1904, т. XI, 316—317).

Стр. 114. Монгольская лѣт-сь Эрдэнійнъ эрихэ. А. Позднѣева, Спб. 1883 (рец. Н. И. Веселовскаго, Ж. М. Н. Пр. 1884, № 6, с. 237—262).

Стр. 116. Н. Е. Бранденбургъ, Объ аборигенахъ Кіевскаго края, съ 1 табл. (Тр. XI-го Арх. с. въ Кіевѣ, М. 1901, I, 155—169); А. Л. Погодинъ, Къ вопр. о варвар. именахъ на юж. рус. греч. надписяхъ (Изв. И. Ак. Наукъ, 1901, I, 136—176); Гр. А. Бобринскій, Херсонесъ Таврическій, истор. оч., Спб. 1905; О раскопкахъ гр. А. А. Бобринскаго, произвед. въ 1903 г. въ Чигир. у. Кіев. губ. и пр.; Э. Э. Ленцъ и И. И. Толстой. Эпигр. новости изъ Юж. Россіи—итогъ за 1903—1905 вв., В. В. Латышева (Изв. Арх. ком., в. XIV); Ю. А. Кулаковскій, Прошлое Тавриды, съ 3 карт. и 6 рис., К. 1906; Э. Р. ф. Штернъ, Доистор. греч. культ. на югѣ Россіи (Тр. XIII Арх. с. въ Екатеринославѣ 1905 г., М. 1907, I, 9—95); о раскопкахъ городища Шаргородъ (н. сел. Шарки Васильк. у. Кіев. губ.), гдѣ найдены остатки кузницъ, мастерскихъ зол. дѣлъ и т. п. (Ист. В. 1901, № 11, с. 799—800).

Стр. 117. Slovanské starožitnosti. Sepsal D-r Lubar Niederle, profes. Čes. univ. v. Praze. 1902 (о густотѣ славян. посел. м. Вислой и Днѣпромъ—славянскій центръ; ср. замѣч. А. И. Соболевскаго, и объ именахъ „Днѣпръ“ и „Днѣстръ“, Ж. М. Н. Пр. 1902, № 6, с. 388—393; ср. с. 150, прим. 5).

Стр. 117. Г. Вамбери считаетъ славянъ учителями нѣмцевъ и мадъяръ въ обрабатываніи земли (Критич. Обозр. 1879, № 15, с. 28); онъ подтверждаетъ мнѣніе, высказанное Пеше въ соч. „Объ Арійцахъ", что послѣдніе были знакомы съ земледѣліемъ въ ихъ прародинѣ, но тѣ изъ нихъ, которые прежде удалились въ Европу, забыли о немъ, и потомъ, снова возвратились къ хлѣбопашеству, заимствовавъ снова плугъ уже отъ славянъ (31).

Стр. 118 (ср. с. 168). Д. Н. Анучинъ, О нѣк. формахъ древнѣйшихъ рус. мечей (Тр. VI-го Арх. с. въ Одессѣ, II, с. 235--252, съ і табл.).

Стр. 118, прим. 2. М. Б. Джанашвили, Осада Константинополя скиѳами, *кои суть русскіе*, и походъ импер. Ираклія въ Персію (Сборн. матер. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа, т. XXVII, Тифл. 1900, 1—64), подлин. изъ груз. Сборн. XI в., съ переводомъ. Замѣтки въ Кіев. Стар. 1900, № 11, с. 0111; Вѣст. Всем. ист. 1901, № 1, с. 230—233; Виз. Врем. 1901, I-II, 348—351).

Стр. 119, прим. 1. Ю. А. Кулаковскій, Записки готскаго топарха: по пов. изслѣд. Вестберга: „Die Fragmente des Toparcha Goticus" (Чт. въ Общ. Нест. лѣт., кн. XVI, в. IV, с. 1—15; замѣч., Виз. Врем. 1902, III--IV, 654—656).

Стр. 119 прим. 3. Другія статьи Крузе, сюда относящіяся: О происх. Рюрика (Ж. М. Н. Пр., 1836, ч. X); О древ-шемъ существованіи русскихъ въ Рос. и Византіи подъ разн. названіями (1838, ч. XVIII); О предѣлахъ Норманіи и назв. норм. и руссовъ (1839, ч. XXI); Объ отнош. руссовъ, вторгн. въ 844 г. въ Испанію... и о связяхъ ихъ съ Рос. (ib. 1839, ч. XXI); Руссы въ Герм. до пересел. народовъ или вскорѣ послѣ того (1842 г. ч. XXXII); Происх. ли руссы отъ вендовъ и именно отъ руссовъ, обит. въ сѣв. Германіи (1843, ч. XXXIX).

Стр. 121. Акаѳистъ Б. М., Русь и патр. Фотій, А. И. Попадопуло-Керамевса (Виз. Врем. 1903, X, 357—401); Ern. Gerland, Photius und Angriff der Russ. auf Byzanz (N. Jahrb. f. d. klass. Alterth.; ср. ib. X, 718--722). См. также изслѣд-я В. Гутцейта по древ. пер., изд. въ Ригѣ.

Стр 122, прим. 1. Во время напад. турокъ на Мальту въ 1565 г. гарнизонъ пораженъ былъ изумленіемъ, какъ турец. флотилія, состоявшая изъ 80 судовъ большихъ размѣровъ, перекочевавъ вершину косы, опустилась въ волны большаго порта (Прескоттъ, Ист. Филиппа II, кн. IV, 71).

Стр. 122—123. Объ Ивановомъ (киноварномъ) написаніи, записка А. А. Куника (Лѣт. зан. Арх. ком., XII, проток. 218—220, 222); Рѣшеніе одного лѣтоп. вопроса (о томъ же), И. Д. Четыркина (Фил. Зап., I, 117—120); Н. П. Некрасовъ, Замѣтки о двухъ статьяхъ въ договорѣ Игоря съ греками 945 г. (Изв. Ак. Н. 1902, III, 77—88); А. Лонгиновъ,

Мирные договоры русскихъ съ греками, заключенные въ X вѣкѣ, Од. 1904; ср. еще Гедеоновъ (I, 266—67; 275, 281). В. И. Ламанскій выражается, что въ договорахъ—языкъ русскій съ примѣсью церк. словѣнизмовъ или болгаризмовъ; они пис. кіев. христіаниномъ, знакомымъ съ богослуж. языкомъ. Неправильное написаніе норман. именъ свидѣтельствуетъ, что догов. писаны славяниномъ, а не варягомъ (О ж. св. Кирилла, со ссылкою на Куника, Ж. М. Н. Пр. 1904, № 4, с. 215); о мѣстѣ первонач. крещенія Руси (въ Кіевѣ) и хазар. (рус.) миссіи Кирилла и Меѳодія (216—217).

Стр. 124. **Ф. Ѳ. Вестбергъ замѣчаетъ: „Вост. писатели различаютъ, что всѣми учеными до сихъ поръ упускается изъ виду, *три болг. орды*: внѣшніе болгары, внутр. болгары и великіе болгары. Внѣш. болгары—это болг. серебряные или камскіе, великіе б.—придунайскіе и внутр. болгары—черные болг. рус. лѣтописи" (ср. Конст. Багрян.). Къ анализу вост. источниковъ о Вост. Европѣ (Ж. М. Н. Пр. 1908, № 2, с. 387; продолж. № 3).**

—— G. Schlumberger. L'épopée byz. à la fin du X siéc., II, P. 1900 (рец. А. Васильева, Виз. Врем. 1903, 132—134).

Стр. 125, прим. 1. В. И. Савва (обз. мнѣній о крещеніи кн. Ольги, стр. 1694, прим.). Въ засѣд. Р. Арх. Общ. Д. В. Айналовъ читалъ реф. „Св. в. кн. Ольга въ Царьградѣ" (В. Врем. 1900, III, 598; Ист. В. № 7, с. 355).

Стр. 126. Объ употребленіи и украшеніи человѣч. череповъ въ доист. эпоху, А. О. Кашпара (Тр. Тавр. арх. ком., № 31, с. 58—68).

Стр. 128. А. Васильевъ, Славяне въ Греціи (Виз. Врем. 1898, сс. 404—436, 626—670).

Стр. 129. Замѣч. о вассалитетѣ Руси относительно Византіи см. В. И. Ламанскій (Вид. дѣят. зап. слав. образ XV—XVII вв., Слав. Сборн., I, 467) и К. Я. Гротъ (Угрія, 65, 136).

Стр. 129, прим. 3. Разборъ извѣстій о походѣ Владиміра Мон. на Корсунь 1078 (В. Г. Васильевскій, Византія и печенѣги, Ж. М. Н. Пр. 1872, №№ 11 и 12; см. № 12, с. 305—308).

Стр. 131—132. Карлъ В., собиравшій мѣстные законы, также руководился канонич. постановленіями (А. С. Вязигинъ, Ж. М. Н. Пр. 1901, № 11, с. 120—121).

Стр. 131. Н. Суворовъ, Къ вопросу о запад. вліяніи на древнерусское право (Времен. Демид. лицея, кн. LXIV, и LXV, м. прочимъ о вліяніи на уставы Владиміра и Ярослава и полемика по этому вопросу съ А. С. Павловымъ).

Стр. 132. О жестокости наказаній на Западѣ (Грановскій, I, 337).

Стр. 133. Ослѣпленіе Василіемъ Болгаробойцей 15000 (!) болг. плѣнныхъ находитъ оправданіе у Шлюмберже (см. выше назв. соч.). Въ к. XI в.

въ Кельнѣ архіеп. Ганнонъ велѣлъ выколоть глаза шеффенамъ за неправильный приговоръ (F. W. Barthold, L. Gesch. d. deut. Städteund deutschen Bürgerthums, 1853, I, 128). Другой подобный примѣръ—въ Камбрэ (Thierry Lettres, II).

Стр. 139—140. О скандин. бракахъ, съ поправками, Г. Трусманъ, Введ. христ. въ Лифляндіи, с. 150; Гедеоновъ, 133—35.

Стр. 140, примѣч. Ѳ. А. Браунъ, Фріандъ и Шимонъ, с с. варяж. кн. Африкана (Изв. И. Ак. Н. 1902, I, 352—365). О варяж. им. Африканъ, Шимонъ (Зап. Р. Арх. Общ., V, в. 2, с. 114—115, 124); К. Тіандеръ, Поѣздки скандинавовъ въ Б. море, Спб. 1906 (рец. Ѳ. Брауна, Ж. М. Н. Пр. 1907, № 10, с. 413—432).

Стр. 142. А. Спицынъ, Къ вопросу о Мономаховой шапкѣ (Зап. Р. Арх. Общ., VIII, в. I, 1906, стр. 146—184); А. И. Яцимирскій (Молд. отголоски моск. легенды о Мономаховыхъ дарахъ (Ж. М. Н. Пр. 1903, № 10, особ. стр. 367).

Стр. 141, прим. 6. Реф. Х. М. Лопарева о бракѣ доч. Мстислава и Христины (Виз. Врем. 1901, III—IV, 710—711; 1902, III—IV, 418—445); С. Пападимитріу, Бракъ рус. княж. Мстиславны Добродѣи. съ греч. ц-чемъ Алексѣемъ Комниномъ, по нов. предъид. ст (ib. 1904, XI, 73—98); замѣч. Х. Лопарева—о внукѣ Владиміра Мон. Евпраксіи—Зоѣ и ея медиц. тракт. (ib. 154). Отч. Общ. люб. др. письм. 1903—1904, с. 24).

Стр. 143, прим. 5. Св. Климентъ у Корсуні. Ив. Франка (Зап. тов. Шевч. 1902, IV, 45—144).

Стр. 145, прим. 2. О замуж. доч. Володаря Рост. (Уч. зап. Ак. Н. по 1 и 3 отд., II, 788, 801; III, 742). Изъ скуднаго запаса свѣдѣній о бракѣ рус. княгини съ Генрихомъ IV В. Бильбасовъ процитировалъ Флото и успокоился (Архивъ Мордвиновыхъ, т. III); но рус. историки хорошо знаютъ Флото (Бестужевъ-Рюминъ, Васильевскій) и тѣмъ не менѣе позволяютъ себѣ думать иначе. Вопросъ этотъ имѣетъ свою исторію (Krug, Forschungen, II, 579—618; Гизебрехтъ, III; Грушевскій, II, 58 и 327, прим.).

Стр. 145. Евпраксія Всевол. погребена была въ Печер. м. (Лавр. л., Карамзинъ, II, пр. 156).

Стр. 145, прим. 5. О Борисѣ Коломановичѣ (Славян. Сборн., т. II, Изъ ист. Византіи XII в.; К. К. Гротъ, Угрія, 23—25; 65). Ѳ. И. Успенскій, Царь Алексѣй II и Андроникъ Комнены (Ж. М. Н. Пр. 1882, ч. CCXII, 114—117). Перечень визант. браковъ съ рус. X—XV в. въ ст. Хр. Лопарева (Виз. Врем. 1902, III—IV, 418—419).

Стр. 152—153. О типѣ погребенія у разныхъ народовъ (Нидерле, 301, 495, 512).

Стр. 157. Шелудивый Бонякъ въ украин. народ. сказ., М. Драгоманова (К. Стар. 1887, №№ 8 и 10); Фр. Вестбергъ, Комментарій на записку Ибрагима Ибнъ-Якуба о славянахъ, Спб. 1903.

Стр. 160, прим. 3. M-me de Flavigny St. Hyacinthe et ses compagnons, P. 1899 (зам. Л. Леже, Письма изъ Парижа, Ж. М. Н. Пр. 1900, № 2, с. 148).

—— Славян. обрядъ въ Моравіи и Паннонiи и мнимое его существованіе въ древней Польшѣ, И. Пташицкаго (Ж. М. Н. Пр. 1906, № 9. в. 140—181). Ср. однако Бобржинскій (I, 75).

—— Въ XII стол. англ. языкъ былъ весьма схожъ съ саксонскимъ нарѣчіемъ Германіи (Тьерри, Ист. завоев. Англіи норман., Ш, 131).

Стр. 164—165. Г. Алексѣевъ, Ист. нумизм. изслѣд. о херсон. мон. Владиміра св. и его супр. Анны и о бронз. медаляхъ древ. Херс. Таврич. а также опис. 17 херс. мон., Спб. 1886 (съ 2 табл.); Заимств. типа рус. монетъ (Яросл.) съ виз. печатей, гр. И. И. Толстого (Тр. Яр. Арх. с., II, 79—84); А. Черепнинъ, О кіев. денеж. сист. (Тр. XI Арх. с., II, 38—61); о поздн. находкахъ мон. въ юж. Россіи (К. Стар. 1901, № 1, Арх. лѣт., 1902, № 5, с. 129—131, по Отч. И. Арх. Общ.); Монет. вѣсъ въ Россіи И. Кауфмана (Зап. Р. Арх. общ., I, в. I, Спб. 1906); Н. Бѣляшевскій, Замѣч. кладъ вел. княж. эпохи (К. Стар. 1901, № 10, с. 120—132 - золото въ худож. отдѣлкѣ, 1 виз. мон. и 8 гривенъ).

Стр. 169. Кіев. мозаика, С. Крыжановскаго (Зап. Арх. Общ., VIII, 235—270); А. В. Праховъ, Фрески Кіево-Кирил. ц. XII в., рѣчь (К. Стар. 1883, № 5, с. 97—110); Д. О. Айналовъ и Е. Рѣдинъ, Древ. пам. иск. Кіева, Соф. соб., Мих. и Кирил. мм., Х. 1899 (ср. Ж. М. Н. Пр. 1890, № 3).

Стр. 171, прим. 2. Другіе насчитываютъ даже до 500 городовъ, собственно укрѣпленныхъ поселеній (Погодинъ, Ш, 245; Лешковъ, 201).

Стр. 173, прим. 5. О началѣ христіанства въ Кіевѣ, П. Лебединцева (К. Стар. 1888, № 6, с. 265—83).

Стр. 174, прим. 4. Полагаютъ, что крещеніе костей Ярополка и Олега было лишь омовеніемъ ихъ, какъ дѣлается на Аѳонѣ (Ж. М. Н. Пр. 1900, № 7, с. 18).

Стр. 178, прим. 5 и 6. Списокъ бѣлгор. еписк. пополняется показаніемъ Никон. л. (I, прилож.) и Ватикан. манускриптомъ (гг. 1335, 1347, Ж. М. Н. Пр. 1888, № 2, с. 463). Каневъ служилъ усыпальницей князей (Георгіевскій соборъ). О его соб. храмѣ (К. Стар. 1903 № 10, с. 011—14; 1904, № 6, с. 0125—126).

Стр. 179. Вл. Рыбинскій, Кіев. митроп. каѳедра съ пол. XIII до к. XVI в. (Тр. К. Д. ак. 1891, №№ 1, 4, 5).

Стр. 180. Въ одномъ хроногр., принадлежащемъ Вилен. публ. библ., есть любопытная статья, начинающаяся словами: *Скажемъ поганьскыя*

прѣлести быти сіцево и въ Литвѣ нашей. На полѣ же позднѣйшей рукой приписано, „се прелесть поганьская и в нашои Литвѣ тося водило злое дило и до Витовта, бо Витовтову жону во Иряколе сожгли по смерти и потомъ почали переставати жечиси". (Ф. Добрянскій, Опис. рук. Вилен. Публ. библ., 249—250). Полагаютъ, что здѣсь рѣчь идетъ о первой женѣ Витовта (Н. Дашкевичъ, Зам. по ист. лит. рус. госуд., с. 135—136, примѣч.). По догов. Тевт. орд. 1249 г. нѣк. племена въ Пруссіи обязались не сожигать мертвыхъ; но по свид. Гваньини (XVI в.) нѣк. литовскія племена еще употребляли трупосожженіе. Въ Лифляндіи и Эстляндіи были найдены могилы съ остатками трупосожженія, относящимися къ XIV в. (Обз. доистор. археол. въ Балт. губ., Ревель 1894, с. 128, 133). Отличаютъ еще сожженіе по сословіямъ (у богатыхъ,—Самоквасовъ). О трупосож. по эпохамъ, о вліяніи христіанства, о прекращеніи и т. п. (Нидерле, 151—154, 276, 354, 532, 564—566). Ср. еще замѣчанія о трупопогреб. этрусковъ и трупосож. италиковъ въ Италіи (см. Модестовъ, Ж. М. Н. Пр. 1903. № 8, стр. 371). Но возражаютъ, что обрядъ погребенія или трупосожженія не можетъ служить твердымъ признакомъ *арійскаго* или *неарійскаго происхожденія*, какъ и употребленіе бронзы (А. Ѳ. Энманъ въ рец. на соч. Модестова „Введ. въ рим. исторію" (Ж. М. Н. Пр. 1902, № 11, с. 189—190).

Стр. 180—181. Поэтому толкованіе Соловьева, что названіе *сани* употреблялось одинаково для зимней и лѣтней повозки (такъ, Владиміра св. повезли въ саняхъ 15 іюля), быть можетъ не имѣетъ основанія (Ист. Рос., I, 273, прим. 385). Святославъ Всевол. лѣтомъ ѣхалъ въ саняхъ по причинѣ язвы на ногѣ (Ипат. лѣт. 457). Объ обычаѣ уб. стариковъ и похор. въ саняхъ (К. Стар. 1902, № 4, с. 023—25).

Стр. 182. П. В. Знаменскій, О борьбѣ христ. съ язычествомъ, (Прав. Собесѣд. 1865, II, 211 и д.); Смѣсь христ. съ языч. и ересями въ древ. рус. сказаніяхъ, *его же* (ib. 1861, I, 249 и д); М. Азбукинъ, Очерки литер. борьбы преданій христіанства съ остатками язычества въ рус. народѣ (Р. Филол. Вѣст. 1897 и 1898).

Стр. 187, прим. 1. О значеніи монастырей въ культурномъ отношеніи (Спенсеръ, Англія, 125; Трайль, I, 71, 233, 279, 309, 364, 440).

Стр. 187. По ученію Діонисія Ареопагита и Ѳеодора Студита монашество понималось какъ таинство (Е. Голубинскій, II, 771); ср. Памят. XII в., 127, 249.

Стр. 188, прим. 3. Но Епифаній Премудрый въ ж. Сергія говоритъ, что имя ему было дано по дню постриженія: „тако бо тогда имена дающе инокамъ не съ имени, но въ онь же день аще котораго святаго память прилучашеся" (Макарій, IV, 354).

Стр. 191, прим. 2 (и стр. 225). В. Малининъ, Преп. Θеодосій, осн. Кіево-печер. мон., очеркъ жизни и дѣятельности (Тр. К. Д. ак., 1902, № 5, с. 64—88); В. А. Чаговецъ (см. ниже, стр. 1697); рец. П. Бѣльченка (Зап. Ист. фил. Общ. при Новор. унив., т. VII, виз. отд., с. 177—192; Кіев. Стар. 1901, № 11, 020); Götz (см. стр. 1897) и о похвалѣ Θеодосію (954).

Стр. 191, прим. 6. Сверхъ извѣст. спп. упоминаются архим. Максимъ (1335, Ватик. рук.), Авраамій (1438) и Филаретъ (1524). Ак. Зап. Рос., I, 12, 14.

Стр. 195. Крестьяне иногда полгода питаются лебедой и др. суррогатами (В. Евр. 1903, № 11, с. 281).

Стр. 200. Толкованіе словъ Владиміра Мон. о монашествѣ, допускаемое Порфирьевымъ, оспаривается (Ж. М. Н. Пр. 1900, № 7, с. 16).

Стр. 203, прим. 2. Точность сообщенія рус. лѣтописи о мятежѣ въ Польшѣ 1030 г. отрицается (И. А. Линниченко, Взаим. отношенія, 101).

Стр. 204, прим. 1. Также Gregorovius (II, 83).

Стр. 205—206. Церкви и монастыри, постр. въ Кіевѣ князьями нач. съ Ярослава до прекр. Кіев. вел. княж., В. Слюсарева (Труды К. Д. акад. 1892, № 1, с. 104—154; № 3, с. 405—456).

Стр. 208, прим. 3. Доводы И. И. Малышевскаго о бракѣ Святополка съ греч. княж. Варварой признаются натянутыми. По его указанію, она могла принести частицы мощей св. Варвары. (Твор. св. Кирилла Туровскаго, К. 1880, предисл. с. VIII—X, примѣч.) Хр. Лопаревъ, поддерживаетъ бракъ его съ доч. ц. Алексѣя Комнена (Виз. Врем. 1902, III—IV, 419).

Стр. 209, прим. О хожденіи ап. Андрея, В. Григоровича (Тр. 3-го К. арх. с., LXIV); И. А. Джеваховъ, Проповѣд. дѣятельн. ап. Андрея и св. Нины въ Грузіи (Ж. М. Н. Пр. 1901, № 1, с. 101—113, свидѣтельства появляются не ранѣе X в.).

Стр. 211. Квадрагинтовиратъ по магд. праву въ городахъ юж. Руси (XIII-е прис. Увар. нагр. 86).

Стран. 215. О незначительности народныхъ ополченій говорятъ и западныя (Грановскій, I, 317), и русскія извѣстія (О количествѣ древнихъ воевъ, Ж. М. Н. Пр., ч. XLV).

Стр. 215, прим. 3. Короли пятаго поколѣнія не знали уже англ. языка (ib., III, 109, 123, 124, 131, 165, 186—187, 225, 236, 239).

Стр. 216, прим. 1. А. Л. Дювернуа, Кого назвало древ. рус. законод. Колобягомъ. (Чт. въ Общ. ист. 1884, I, 20—26).

Стр. 216. Объ употребленіи бирокъ въ земельн. дѣлахъ въ Англіи, въ Сициліи, въ Мекленбургѣ (Чт. въ Общ. ист., кн. VI, 83).

— С. Г. Вилинскій, Сказ. черноризца Храбра о письмен. славян. Од. 1900 (также Лѣтоп. Ист. фил. Общ. при И. Новор. унив., IX, 97—152; зам. Виз. Врем. 1901, I, 341; III—IV, 622; рец. Н. П., Ж. М.

Н. Пр. 1901, № 1); В. А. Погорѣловъ Замѣтка по пов. сказ. Храбра о письменахъ (Изв. Ак. Н. 1901, IV, 340—345); А. И. Соболевскій, когда и гдѣ писалъ черн. Храбръ (Сборн. статей, посв. уч. и почит. Фортунатову, Варш. 1903).

Стр. 217—218. Н. В. Волковъ—о глаголицѣ и кириллицѣ (Отч. Общ. люб. др. письм. 1899—900, с. 19); А. С. Петрушевичъ, Кириллица и глаголица (Науч. литер. сборн., изд. Галиц. рус. матицей подъ ред. Дѣдицкаго, I, 1901; ср. Ж. М. Н. Пр. 1902, № 2, с. 460); В. И. Ламанскій, Слав. ж. св. Кирилла какъ религ. эпич. произвед. и какъ ист. источникъ XIII—XVII в.—о письменахъ (Ж. М. Н. Пр. 1903, № 6 и № 12, м. проч. о датѣ Кюмона, 372, о русахъ Ліутпранда, 378); „Появл. и развитіе литер. языковъ у народовъ славянскихъ—объ азбукахъ (Изв. Ак. Н. 1901, IV, 312—339); Е Голубинскій, По пов. пересмотра В. И. Ламанскимъ ист. дѣят. Константина философа и пр. (ib. 1907, II, 368—380); Т. Д. Флоринскій, Къ вопросу о древн. и взаим. отношеніи кирил. и глаголицы (Чт. въ Общ. Нест. лѣт., 1900, т. XIV, 73—84); арх. Амфилохій (см. с. 1133); Д. Ѳ. Бѣляевъ, Ист. алфавита и новое мнѣніе о происх. глаголицы, Каз. 1886: „Источникъ глаголицы нужно искать не у каллиграфовъ импер. констант. канцеляріи, занимавшихся перепиской книгъ, особенно богосл. и свящ., для которыхъ употреблялся особый, болѣе совершенный и четкій курсивъ и минускулъ, если не уставъ, а въ простомъ, обыкновенномъ письмѣ, слѣды котораго нужно искать въ письмѣ, дошедшемъ до насъ въ дѣловыхъ бумагахъ, вышедшихъ изъ провинц. канцелярій или, если возможно, въ остаткахъ частной переписки и домашняго письмоводства" (стр. 60 и д.). О славянорус. до-христ. счисленіи времени, Д. Прозоровскаго (Тр. VIII-го Арх. с., III, 210—217).

Стр. 221, прим. 10. Въ похв. кіев. кн. Рюрику Рост., по пов. постр. выдубецкой стѣны, лѣт. говоритъ, что онъ (князь): *„философствоваше, молясь по вся дни"* (Ипат. лѣт., 476; Карамзинъ, III, прим. 153, столб. 58). Король швед. Магнусъ предлагалъ новгородцамъ для спора о *вѣрѣ* прислать „свои философы, а я пошлю свои философы" (Новгор. Синод., 346).

Стр. 222, прим. 1. Н. Скабалановичъ, Виз. наука и школы въ XI в. (Хр. Чт. 1884, мартъ—іюнь).

——— , *прим. 3.* Молитвы—заговоры, употреблявшіяся въ Византіи на разные случаи (Арх. Изв., изд. М. Арх. общ. 1895, №№ 7—8, с. 287).

Стр. 225. Объ источникахъ поученія Владиміра Мон. (П. В. Владиміровъ, Унив. Изв. 1900, № 2, библіогр.); Поуч. Влад. Мон. И. С. Свѣнцицкаго (Учен. литер. сборникъ, изд. во Львовѣ, 1902, кн. 2-я). Ср. И. М. Ивакинъ, Кн. Владиміръ Мон. и его поученіе, ч. I, М. 1900 (рец. С. Г. Вилинскаго, Ж. М. Н. Пр. 1903, № 2) — разсматриваются поученіе Вл. Мон. къ дѣтямъ, письмо его къ Олегу и отрывки.

Стр. 225. Г. Бѣльченко, Поуч. блаж. Θеодосія Печер. о казняхъ божіихъ (Лѣт. Ист. фил. Общ. при Новор. ун., VIII, 137—162).

——— А. И. Соболевскій, Чудо св. Климента, папы рим. Древ. рус. слово (домонг. пер.). Изв. Ак. Н. 1901, I, 1—8.

Стр. 225, прим. 2. Лугъ дух., твор. блаж. Іоанна Мосха, перев. съ прилож. М. Хитрова, Серг. посадъ 1895; перев. устава Іоанна Постн., патр. конст., подтверждается Кирикомъ (Виз. Врем. 1902, III—IV, 402).

Стр. 229. С. Д. Пападимитріу, Іоаннъ II м. кіев. и Θеодоръ Продромъ (Лѣт. Ист. фил. Общ., VII, виз. отд., с. 154; отд. Од. 1902; ср. т. IV). Ср. Θеодоръ Продромъ, *его же*, Од. 1905.

Стр. 229, прим. 1. А. П. Лебедевъ, Ист. раздѣл. церквей въ IX, X и XI вв. съ подр. указ. рус. литер., относ. къ этому предмету, съ 1891—1900, М. 1900, с. 415.

——— *прим. 4.* И. С. Свѣнцицкій, Начала философіи въ рус. лит. XI—XVI в., Льв. 1901.

Стр. 231, прим. 1. Св. Николай почитался (съ VI в.) во Франціи вм. языч. боговъ, покров. мореходцамъ: въ Лотарингіи—онъ считался покровителемъ дѣтей (В. Евр. 1811, ч. LV, № 1, с. 53 и д.).

Стр. 232, прим. 3. О ц. Бориса и Глѣба въ Царьградѣ, Д. И. Иловайскаго (Тр. М. Арх. общ., VI, в. 2, 1876; Собр. сочин. II, 307); Конст. патр. Антоній (XIV в.) признавалъ святость Антонія и Θеодосія печер. и сказ. объ ихъ чудесахъ (Ак. ист., I, 15).

Стр. 233. Е. Е. Голубинскій, Вопросъ о заимствов. домонг. рус. отъ грековъ такъ наз. схедографіи (м. прочимъ о Климентѣ Смол.). Изв. И. Ак. Н. 1904, II, 49—59.

Стр. 238, прим. 1. Погодинъ въ письмѣ къ Θ. Г. Солнцеву, по поводу рисунковъ въ ж. Бориса и Глѣба въ харат. рук. XIV в. Типогр. библ., замѣчаетъ, что они представляютъ разительное сходство съ знаменитыми Матильдиными коврами въ Байе, которые великолѣпно изданы на иждивеніе Людовика-Филиппа; что же касается до вооруженія, то они удостовѣряютъ въ сканд. происхожденіи варяговъ (Барсуковъ, VIII, 388).

Стр. 242, прим. 8. Послѣднія двѣ строки (о Троиц. сп. лѣт.), въ виду сказаннаго на стр. 419, теряютъ значеніе.

Стр. 244 (ср. с. 405). Д. И. Абрамовичъ отрицаетъ существованіе отд. ж. Антонія Печер. и допускаетъ лишь сказанія о его подвигахъ (Изв. Ак. Н. 1902, III, 75).

Стр. 258, прим. 1. А. Розенфельдъ, Языкъ Святославова Изборника 1073 (Р. Фил. Вѣст. 1899); Вл. Бобровъ, Исторія изученія Святославова Сборника 1076, библіогр. обозр., Каз. 1902.

———, *прим. 5.* Реймское Еванг. въ изд. Леже (фототип.). См. его зам. въ письмѣ изъ Парижа (Ж. М. Н. Пр. 1899, № 12, с. 130—131);

В. А. Францевъ, Къ ист. изданій Реймсскаго Евангелія (Ж. М. Н. Пр. 1900, № 7, с. 126- 155; 1901, № 6, с. 511—516). Ср. Прот. Арх. к. I, 149—65.

Стр. 259 (*ср. с. 649, прим. 6*). Объ эмал. переплетѣ Мстиславова Еванг. (Древн. М. общ. ист. I, 77; также Р. Арх. 1902, № 12, с. 475); ср. А. А. Титовъ, Финифт. издѣлія въ Ростовѣ (изд. Общ. люб. древ. письм., Спб. 1901); О кіев. денежныхъ гривнахъ, А. И. Черепнина (Тр. XI Арх. с., II, 38—61); Зам. о нѣк. кіев. древностяхъ, В. Е. Гезе (Тр. Р. А. общ., V, 191—198).

Стр. 263, *прим. 1*. П. М. Меліоранскій, Турец. элементы въ языкѣ „Слово о полку Игоревѣ" (Изв. Ак. Н. 1902, II, 273—302); Заимств. вост. слова въ рус. письм. домонг. времени (ib. 1905, IV, 109—134); Ѳ. Е. Коршъ, О турец. элем. въ яз. Сл. о полку Иг., по поводу предъид. (ib. 1906, I, с. 259—315).

Стр. 268, *прим. 6*. Богатырь Илья Муромецъ какъ историч. лицо. Д. И. Иловайскаго (Р. Арх. 1893, № 5); О типѣ Ил. Муромца, А. Соболевскаго (Ж. Стар., годъ 2-й, в. II, с. 118—122); Бог. казакъ Ил. Мур. какъ ист. лицо (годъ 3-й, в. II, 253—254); М. Г. Халанскій, Ilias v Reussen und Il'ja Muromec (Arch. f. slav. Phil. 1903, 440—451).

Стр. 275, прим. 1. В. В. Каллашъ, Нѣск. догадокъ и соображеній по поводу Слова о п. Иг.—сравн. съ лѣт. и разск. Татищева (Сборн. въ честь В. Ѳ. Миллера).

Стр. 278, прим. 5. А. С. Будиловичъ, О языкѣ Ю. З. Руси (Сборн. уч. лит. общ. при Юрев. унив., 1901, IV); А. И. Соболевскій, Древ. кіев. говоръ (Изв. Ак. Наукъ 1905, I, 308—323); ср. также О. Бодянскій, О древ. яз. сѣв. и юж. руссовъ (Зап. Моск. ун., I, 472—91)—разсмотр. старыхъ мнѣній.

Стр. 280. О кн. Святославѣ — Ѳеодорѣ кіевскомъ (Дашкевичъ, Замѣтки по ист. Лит. рус. госуд., 58—62).

Стр. 283. Генуэз. татар. монеты г. Каффы, Симф. 1897—901, 3 вып. съ 6 табл., О. Ф. Ретовскаго (ср. Тр. Тавр. ком., №№ 32—33).

——— Со времени перехода гегемоніи отъ арабовъ къ туркамъ въ исламскомъ мірѣ, за рѣдкимъ исключеніемъ, въ родѣ Ибнъ-Хальдуна (1331—1406), не появлялось ни одного мыслителя, отличавшагося широтою научныхъ взглядовъ (ссылка на Рѣчь Эр. Ренана, Исламъ и наука), наука и философія въ мус. мірѣ заглохли до послѣднихъ годовъ XIX стол. (Н. Остроумовъ, Мус. высшая школа Ж. М. Н. Пр. 1906, № 10, с. 120).

——— Вамбери замѣчаетъ, что ни одинъ изъ языковъ стараго и новаго свѣта не выражаетъ такъ ясно сущность дѣйствій, изъ коихъ слагалась первоначальная торговля, какъ тюрко-татарскіе языки: въ нихъ названіе торговли происходитъ изъ сложенія двухъ словъ—брать и давать

(Критич. Обозр. 1879. № 15, стр. 31). Слово о полку Игоревѣ, найд. въ рук. Спасскаго мон. (Яросл. Губ. Вѣд. 1868, №№ 45, 48).

Стр. 297, прим. 4. „Тѣ данныя этнографической статьи Нач. лѣтописи, которыя могутъ быть подвергнуты повѣркѣ, оказываются вполнѣ вѣрными; это заставляетъ насъ цѣнить высоко и прочія данныя". По нѣк. чертамъ полагаютъ, что она была составлена въ Новгородѣ (А. И. Соболевскій, Труды Яросл. област. съѣзда, 99).

Стр. 310. Подъ 1292 г. читаемъ въ лѣт. „Стояше бо на воздусѣ яко пълкъ воински на полуденье, такоже и на полунощье тѣмъ же подобьемъ" (П. С. Р. лѣт., VII, 180). Ср. также И. В. Нетушинъ „Региль-ская повѣсть" (преданіе о діоскурахъ, Ж. М. Н. Пр. 1906, № 8, с. 371—384).

Стр. 312. Кометы въ рус. лѣтописяхъ до к. XVII в. (сравн. съ астрон. данными), К. Покровскаго (Р. Мысль 1903, № 3, с. 235—256).

Стр. 313. Разсказъ Варрона о превращеніяхъ въ Аркадіи (В. Евр. 1904, № 3, с. 92). Ср. Тэйлоръ, Первоб. культ. (288—289); Спенсеръ, Осн. соціол. (356—57); О вовкулакихъ (К. Стар. 1901, № 2, с. 222); П. В. Ивановъ (Юбил. Сборн. В. Ѳ. Миллера, 296—297).

Стр. 342, прим. 5. Въ 1656 монахи Выдуб. мон. въ спорѣ о перевозѣ черезъ Днѣпръ ссылались на лѣт. Нестора „печерскаго лѣт-ца" (ср. 1097 годъ). К. Стар. 1882, № 11, с. 369.

Стр. 343. Извлеченіе изъ соч. І. Гербинія (Сборн. матеріаловъ для ист. топогр. Кіева, изд. Ком. для разб. древ. актовъ, 107—116).

Стр. 349, прим. 4. Хотя Шлецеру было извѣстно изд. Альтера (I, рѯв).

Стр. 359—360, прим. Изслѣд. Погодина о Несторѣ было переведено на нѣм. языкъ: Nestor, eine hist. krit. Untersuchung über der Anfang rüssischen Chroniken, übers. v. F. Lowe, S. Pt. 1844. Замѣч. Погодина о неправильномъ пониманіи мѣста Шлецера относительно установленія текста лѣтописи (Псков. лѣт., предисл., с. XII).

Стр. 374, прим. 3. „Чтенія о древ. рус. лѣт.", IV—VII-е, Срезневскаго были напеч. въ Изв. Ак. Н. (1903, I, 120—173)—мѣста изъ византхрон., характ. лѣт., языкъ, авторы. См. сводъ мѣстъ изъ Амартола и п. Никифора (Ж. М. Н. Пр. 1897, № 4, с. 465—480); ср. объ уродѣ, котораго смотрѣли въ Константинополѣ (Г. Амартолъ по изд. Общ. люб. древ. письм., в. 2—3, стр. 426, на обор.); изв. о кометѣ 912 г., какъ заимств. оттуда же (Ж. М. Н. Пр. 1897, № 4, с. 472); Востоковъ замѣтилъ, что и описаніе пох. Игоря на К-ль отчасти заимствовано изъ того же Г. Амартола (Опис. рук. Рум. м., 730).

Стр. 377, прим. 1. Срезневскій указалъ, что въ разсказѣ лѣт. о Кириллѣ и Меѳодіѣ не все взято изъ Пан. житія.

Стр. 392. Недавно происхожденія начальной лѣт. коснулся В. И. Ламанскій. Онъ говоритъ: „Вообще наша первонач. лѣтопись, особенно за періодъ норманскій, носитъ строго-оффиц. характеръ. Норманны любили славу и желали оставить по себѣ память... Начатки нашей лѣт., какъ и значительной части лѣтописей западно-европейскихъ, совпадаютъ съ начатками христіанства и государства. Первыя наши записи были оффиціальнаго характера. Онѣ были начаты въ исходѣ IX вѣка, лѣтъ черезъ 20 послѣ перваго крещенія Руси славян. первоучителями, солун. братьями Константиномъ Филос. и Меѳодіемъ, въ 855 г., составившими славян письмена и переложившими на славян. яз. рядъ молитвъ и нужныя для богослуженія книги и т. д. Первоначальныя лѣтописныя записи объ Аскольдѣ и Дирѣ и о правленіи Олега и Игоря, равно какъ и ихъ договоры съ греками, служа наилучшимъ подтвержденіемъ свидѣтельства мниха Храбра о появленіи Кирилловой азбуки и главнѣйшихъ переводовъ въ 855 г. и представленныхъ объясненій (выше) хазарской миссіи славян. апостоловъ, заставляютъ насъ признать, что въ первыя времена отъ нач. 60-хъ годовъ IX в. до пол. X в., т. е. отъ перваго крещенія при Аскольдѣ до частнаго крещенія кн. Ольги (Ольга была въ Конст-лѣ съ многочисленной дворнею, которая вѣроятно была также раньше крещена, въ Кіевѣ и т. д.), большинство христіанъ въ Кіевѣ состояло изъ славянъ, изъ побѣжденныхъ, а не изъ варяговъ--побѣдителей.... Небольшая толпа норм. завоевателей у насъ и вездѣ въ Европѣ принимала яз. побѣжденныхъ, а не привила имъ свой языкъ; такъ, норманны приносили и внесли нѣк. количество словъ въ яз. французскій (Depping, Hist. des Norm., II, §§ 228, 237) занятой ими части Франціи. Точно такъ же первое завоеваніе Англіи норманнами внесло въ англ. языкъ цѣлый рядъ словъ датскихъ и норвежскихъ, а второе ея завоеваніе уже офранцуженными норманнами--порядочное количество словъ французскихъ. Внесли норманны, преимущественно даже, если не исключительно, *шведы*, извѣстное число своихъ словъ и въ нашъ языкъ, передали и свое имя (Росъ, Русъ), сначала Кіев. области, а потомъ и всему славян. племени, а. затѣмъ и всему населенію нашего края и нашего государства. Какъ бы мы ни увеличивали количества нашихъ норм. завоевателей въ IX в., однако все же они въ занятомъ ими краѣ составлали незначительный процентъ населенія, а потому должны были мало-по-малу обучиться языку славянскому и со втораго поколѣнія стать bilingues, причемъ послѣдніе уже съ 3-го поколѣнія, и то, вѣроятно не всѣ могли уже свободнѣе владѣть языкомъ славянскимъ, чѣмъ скандинавскимъ“ (Славян. житіе св. Кирилла какъ религ. эпич. произв., Ж. М. Н. Пр. 1904, № 1, стр. 140, 147, 150, 155—181). Произведенія Иларіона и Жидяты служатъ выраженіемъ хорошаго пользованія рус. языкомъ; какъ другіе труды (Остр. Ев., Сборн. Святослава

и др.) свидѣтельствуютъ о выработанности письмен. языка. Въ Кіевѣ было слав. богослуженіе, а не готское, проблематическое, и греческое, иначе христіанство не могло бы такъ усвоиться. Ольга молилась по славяно-русски, а не понормано-россски, Олегъ призналъ оффиц. языкомъ славяно-русскій, а не готскій и скандинавскій. Такъ Екатерина II, Петръ III и Анна Леоп. лучше понимали порусски, нежели повѣнски и побаварски. Въ Константинополѣ распространенъ былъ славян. языкъ, а не готскій, при значеніи тамъ славянской стихіи (163—164).

Стр. 393. П. Заболотскій, Къ вопросу объ иноземн. источникахъ Нач. лѣтописи (Р. Фил. Вѣст. 1901, I, 1—32); А. А. Шахматовъ, Предисл. къ Нач. Кіев. своду и Нест. л. (Изв. Ак. Н. 1908, I и д.); А. Н. Петровъ, Къ лѣт. сказ. о слав. грамотѣ (ib.).

Стр. 394, прим. 1. Поздн. изслѣд. о Палеѣ, В. М. Истрина (Изв. Ак. Н. 1905, I и IV) и А. А. Шахматова (Сборн. въ честь В. И. Ламанскаго). Замѣч. Т. Д. Флоринскаго (Унив. Изв. 1905, № 11). Объ отношеніи Палеи къ лѣтописи (Истринъ, Изъ обл. древ. рус. лит., Ж. М. Н. Пр. 1903, № 10, с. 202; 1904, № 2, с. 259). Въ этногр. статьѣ, помѣщенной въ Палеѣ, есть отличія сравн. съ помѣщенной въ лѣтописи (А. И. Соболевскій, Тр. Яросл. област. с., 99).

—— L. Leger, Peroun et St. Elie, P. 1895 (изъ R. d'hist. rélig.); I. Ивановъ, Культъ Перуна у юж. славянъ (Из. И. Ак. Н. 1903, IV, 140—174).

Стр. 395. Объясн. нѣк. мѣстъ въ Нест. лѣт., *Р. Б.,* Спб. 1827, 12°, 24 стр.; Археол. замѣтки, А. И. Соболевскаго (Русь, Хорваты, Обезы, Олегъ, Жидята). Чт. въ Общ. Нест., кн. VI; Н. Некрасовъ, О яз. Лавр. лѣт. (Сборн. Ак. Н., LXV, 1—167); Объясн. словъ фофудьи, ортмы, прилбицы, А. Бычкова (Лѣт. зан. Арх. к., V, проток., 169—170).

Стр. 395. Рец. соч. Маркевича о рус. лѣтописяхъ, П. В. Голубовскаго (К. Стар. 1883, VIII, № 8, с. 44—48).

Стр. 396. О сѣв. вост. русахъ, В. Булыгина (Ж. М. Н. Пр. 1836, ч. XII, О дани шелягами (противъ объясненія въ смыслѣ шиллинга), *его же,* Историч. замѣч. о косожской ордѣ (Москвит. 1854, кн. VI); П. Сумъ, о печенѣгахъ (Чт. О. ист. 1847, № 1); о хазарахъ (№ 3); П. В. Голубовскій, Объ узахъ и половцахъ (Ж. М. Н. Пр. 1884, № 7); Болгары и хазары, вост. сосѣди Руси при Владимірѣ св., П. В. Голубовскаго (К. Стар. 1888, № 7); ср. в., с. 156—157; О пути мадьяръ съ Урала въ Лебедію, Н. Я. Данилевскаго (Изв. И. Р. А. общ., т. XIX); Ист. обозр. городовъ Кіев. губ. съ ихъ окрест., М. Дашкевича (К. Губ. Вѣд. 1846, №№ 2—46); Мѣстоположеніе лѣтоп. г. Родни, Вас. Г. Лясковскаго (Ж. М. Н. Пр. 1904, № 6, с. 323—334).

Стр. 398. Божонка (годъ 1109), Н. Закревскаго и „Божница" (Турова), гр. А. С. Уварова (Тр. М. Арх. общ., III, 019—22).

Стр. 399. О времени крещенія Владиміра, П. Хавскаго (Зап. Одес. общ. ист., Ш, 67—78).

——— Нѣск. замѣч. о междукняж. снемахъ Руси, Г. Тельберга (Ж. М. Н. Пр. 1905, № 6, с. 332—338).

Стр. 400. Поправка: „Ссудъ ежъ с лимень"—А. А. Шахматова, О нач. Кіев. свода, 54—55; О погрѣшности одного мѣста въ нашей первонач. лѣтописи (о конч. Владиміра I); Е. Голубинскаго (Изв. Ак. Н. 1904, II, 60—62).

——— Н. М. Туниковъ, „Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ", Спб. 1903, 857 стр.

Стр. 402. А. И. Соболевскій, Древ. передѣлка Нач. лѣт. (Ж. М. Н. Пр. 1905, № 3, с. 100—105). Авторъ стоитъ за то, что предисл. къ Новг. І-й лѣт. (и нѣк. поздн.) написано въ Кіевѣ, а не въ Новгородѣ, подъ вліяніемъ событій въ XIII в., и принадлежитъ „Лѣт. кіев. князей", что у него есть отличія сравнительно съ Нач. лѣт. какъ въ хронол. (болѣе осторожной), такъ и въ событіяхъ и т. п.

——— Преп. Несторъ лѣт. и русскія лѣтописи (Владим. Губ Вѣд. 1870, №№ 9, 11—14); Пам-кн. Кіев. губ. на 1857, 85—91, (Несторъ лѣт.).

Стр. 418, прим. 1. Лѣт. преп. Нестора по Лавр. сп., съ прилож. словаря древ. рус. словъ, М. 1864 (тип. Л. И. Степановой), 8°, 2+172; Лѣтопись Нестора со включ. Поуч. Владиміра Мономаха. Изд. И. Глазуновъ, Спб. 1893.

——— Радзив. сп. фототипич. способомъ изд. въ 1902 г.

Стр. 431. Проф. Спб. ун. М. И. Касторскій перевелъ на латин. яз. „Древн. рус. лѣт." по новымъ изданіямъ, для доставленія возможно пользоваться ею западнымъ ученымъ — трудъ этотъ остался въ рукописи (В. В. Григорьевъ, Имп. Спб. ун., 220).

——— Сп. Погодина достался ему отъ проф. Кіев. ун. В. Ѳ. Домбровскаго (Письма къ Максимовичу, Сборн. Ак. Н. I, 56—57).

Стр. 432, прим. 2. Въ опис. списковъ, принятыхъ во вниманіе при новомъ изданіи Ипат. лѣт. (П. С. Р. лѣт., т. II, 1908, стр. XIII—XIV), Крак. сп. признается списан. съ рук., тож. съ Погодин. спискомъ. Въ новомъ изд. опис. списковъ, принятыхъ при изданіи, полнѣе, чѣмъ въ прежнихъ. Палеогр. описаніе Ип. сп. у Н. П. Лихачева (см. на стр. 963, пр. 4; ср. въ означ. соч., I, LXV, 283, 285).

Стр. 441, прим. 1. Выборка извѣстій 1051—1177 г. о Печер. мон. находится въ лѣт. Коццаковскаго (Лѣт., изд. Кіев. ком., стр. XVIII).

Стр. 453. Въ „Полихронѣ" нѣтъ галиц.-волын. извѣстій, отсюда заключаютъ, что юж. сводъ былъ извѣстенъ составителю его безъ Гал. Вол. лѣтописи (А. А. Шахматовъ. Ж. М. Н. Пр. 1900, № 11, с. 154).

Стр. 455. В. Г. Васильевскій дѣлаетъ слѣд. характеристику Кіев. лѣтописи: „Во всей исторической литературѣ того періода (XII в.), говоритъ онъ, трудно найти другой источникъ, по живости, подробности, полнотѣ и отчетливости, могущій сравняться съ извѣстіями Кіевской лѣт., касающимися Изяслава Мст-ча и заимствованными, какъ полагаютъ, изъ записокъ какого либо соратника Изяслава. Ни риторическія произведенія византійской исторической музы, ни сухія и краткія лѣтописи запада не представляютъ ничего подобнаго. Что касаетса хронологіи, то, благодаря послѣдовательности разсказа и многочисленнымъ указаніямъ на дни недѣли и числа мѣсяца, на времена года, она стоитъ на самыхъ прочныхъ основаніяхъ, и можетъ служить повѣркою для другихъ источниковъ, между прочимъ и византійскихъ" (Изъ исторіи Византіи въ XII вѣкѣ, Слав. Сборн., т. II, стр. 288). Другой изслѣдователь прибавляетъ; „что и внѣ того періода, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, т. е. періода дѣятельности кн. Изяслава Мст. (1146—1154), Кіев. лѣт. вообще даетъ цѣнныя и достовѣрныя указанія для угро-русскихъ отношеній.. Такой взглядъ на значеніе и цѣну русской лѣтописи заставлялъ насъ все время внимательно слѣдить за ея извѣстіями и стараться не упустить ничего, что могло бы бросить какой либо свѣтъ на занимавшіе насъ вопросы". Онъ замѣчаетъ, что извѣстія рус. лѣтописей не только сообщаютъ рядъ драгоцѣнныхъ данныхъ о сближеніи Угріи съ Русью въ 1-й періодъ правленія Гейзы II (бракъ его съ Евфросиніей Мстисл.), о взаимныхъ сношеніяхъ и вмѣшательствѣ угровъ въ усобицы рус. князей, о послѣдовавшихъ затѣмъ, еще при Гейзѣ и его преемникахъ, перемѣнахъ въ этихъ отношеніяхъ, но и даютъ намъ возможность разъяснить себѣ многое, особенно относительно *хронологіи* въ отношеніяхъ угро-византійскихъ, въ ходѣ многолѣтней борьбы на Дунаѣ, современной оживленію угро-русскихъ связей. Наконецъ, они бросаютъ свѣтъ и на отношенія внутренно-угорскія" (К. Я. Гротъ, Изъ ист. Угріи и славянства въ XII в., стр. xxxiii—xxxiv).

Стр. 455, прим. 4. А. Ѳ. Мѣржинскій, Ромове (Тр. X Арх. с., I, 350—455 и отд.).

Стр. 458, прим. 1. О переясл. кладѣ Полт. губ., 1885 г. (Кондаковъ, Кіев. клады, с. 133—134).

Стр. 466. Голубинскій полагаетъ, что судъ надъ Леономъ происходилъ въ походѣ имп. на венгровъ (II, 404, пр. 2); К. Я. Гротъ отстаиваетъ мнѣніе Соловьева—въ Константинополѣ (Угрія, 348, пр. 3).

Стр 466 прим. 1. Къ ист. назв. Полтавы. *Н. В-ко* (К. Стар. 1903, № 4, с. 02—3).

Стр. 467, прим. 4. Св. Ефремъ строитель первой больницы въ Россіи (Тр. Полт. арх. ком., I, 36—46). Къ числу удачныхъ раскопокъ по-

слѣдняго времени относятся—раскопки въ Роменскомъ у. и у с. Сахновки, Канев. у., гдѣ открыта единственная въ своемъ родѣ золотая діадема съ штампованными изображеніями сценъ изъ скиѳ. жизни (К. Стар. 1902, № 1, с. 061).

Стр. 473. Изученіе Радзив. сп. лѣтописи приводитъ къ заключенію о существованіи особой *Переяславской* (юж. Переяславля) редакціи „Повѣсти врем. лѣтъ"; она значительно отличалась отъ другой ред., напр. Кіевской, каковою, была, вѣроятно, та ред. Пов. вр. л., которая лежала въ основаніи Влад. свода 1185 г.... Эту ред. ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ смѣшивать съ тою, которая читается въ Арх. сборн. XV в. передъ лѣтописнымъ разсказомъ, заимствованнымъ изъ Переясл. (Пер. Сузд.) лѣтописи" и пр. (А. А. Шахматовъ, Изслѣд. о Радз. или Кенигсб. лѣт., Спб. 1902, стр. 79—85). Возникновеніе этой ред. связываютъ съ именемъ того же Сильвестра, списавшаго Пер. сп. въ 1118 г., съ котораго времени лѣт. велась въ Переяславлѣ непрерывно.

Стр. 473. Къ вопросу о переясл. торкахъ, Вас. Г. Лясколонскаго (Ж. М. Н. Пр. 1905, № 4); Русскіе походы въ степи въ уд. вѣч. время и походъ кн. Витовта на татаръ въ 1399 г., *его же* (Ж. М. Н. Пр. 1907 и отд. 122 стр., съ картой); О засел. Полтавщины, *О. Л.* (К. Стар. 1902, № 11, 0114—123); О Юрьевской божницѣ (на Острѣ), М. Константиновича (ib. 1896, № 11); Юрьев. божница, П. М. Добровольскаго (Тр. Черн. ком., IV, 69—93).

Стр. 489. Въ Ватик. спискѣ подъ 1332 г. упоминается епископъ Павелъ (Ж. М. Н. Пр. 1888, № 2, с. 462).

—— *(и с. 498).* О другихъ еписк-хъ черниг. и подроб. о еп. Исаакіѣ см. у А. А. Титова (Черниг. епархія послѣ Батыя, имен. Брянскою, М. 1892, с. 17-19 и д.); А. Павлиновъ, Спасо-Преобр. соб. въ Черниговѣ (Зодчій, 1882, VI).

Стр. 483 (и 498). Ист. арх. оч. г. Брянска Орлов. губ. и его отнош. къ Кіеву, Н. И. Петрова (Тр. К. Д. ак. 1901, с. 1—33); Гдѣ находились гг. Липецкъ, Ворголъ и др. лѣтоп. гор. 1283—84 гг., А. И. Бунина (Тр. XI-го Арх. с., II, 72—79); Гдѣ находились сущ. въ домонг. пер. гг. Ворголъ, Зартый, Оргущъ, Сновскъ, Уненѣжъ, Хороборъ, П. В. Голубовскаго (Ж. М. Н. Пр. 1903, № 5, с. 111—135).

Стр. 498. Надгроб. камень съ именемъ кн. Василія, М. Г. Халанскаго (Зап. Харьк. ун. 1902, кн. 2, с. 32—42; ср. Ист. В. № 1, с. 397); Гдѣ нужно искать рѣку, на берегахъ которой 1 мая 1185 г. былъ разбитъ Игорь Свят. новг. сѣв. и которая назв. Каялой, П. Е.Ваденюка (Тр. III-го Арх. с., II, 51—58). О путивл. камнѣ (Прот. Арх. к. I, 58, 62—64).

—— Черниговскіе іерархи, архіеп. Филарета—Гумилевскаго (Тр. К. Д. ак. 1860, II, 169—281); Синодикъ Любецкаго Антоніева монаст., фак-

сим., Черн. 1902; Г. А. Власьевъ, Потомство Рюрика. Матер. для составл. родословія, ч. I. Князья Черниг., чч. I—II, Спб. 1906—1907 (св. 1200 стр.), ч. III, 1907 (съ 6 табл. родосл.); обстоятельная рец. Ю. В. Татищева съ значительными дополн. и поправками (Новый вкладъ въ литер. рус. генеалогіи, Лѣт. Ист. родосл. общ. въ Москвѣ 1907, в. 3-й); Къ родосл. кн. Долгоруковыхъ (Оболенскихъ), Н. П. Лихачева (Изв. Р. Ген. общ. I, 162—163); Къ какому изъ рус. нарѣчій принадлежитъ говоръ современ. жителей Брян. у. Орлов. губ., Е. Ѳ. Будде (Изв. Ак. Н. 1905, IV, 281—293).

Стр. 499. О запустѣніи Голяди упоминаетъ Петръ Дюисбургскій подъ 1336 г.

Стр. 510. Въ нач. XV в. Смоленскъ считался сильной крѣпостью (П. С. Р. лѣт., VIII, 76; XVI, 149; Архан. л., 149). Пожары въ Смоленскѣ были также въ 1339 г. (Ник. л.) и 1415 г. (Новг. л., 401).

Стр. 512, прим. 1—3. О кирпичѣ, употреблявшемся въ смолен. постройкахъ (С. Писаревъ, Смол. и его исторія, 12, 90, 92).

——— О двухъ епископахъ: 1335—45 гг.—Іоаннѣ, 1345—Евѳиміѣ упоминается въ Ватик. спискѣ (Ж. М. Н. Пр. 1888, № 2, с. 462).

Стр. 518. Замѣч. памят. Смолен. письм. XIV в. въ Архангел. древлехран., Г. К. Бугославскаго (Тр. М. Арх. Общ., т. XXI, 1906, в. I, 77—88; Ист. В. 1907, № 10, 252); также С. О. Долгова (ib. 89—94).

Стр. 519. О владыкѣ Михаилѣ, упом. въ записи лицев. Псалт. 1397 г., В. В. Майкова (Памятн. Л. Н. Майкова, 99—108; Ист. В. 1900, II. с. 747).

Стр. 523. Игнатій Смол. велъ счетъ съ марта (Срезнев. Пам. письма, 273). Въ сборн. Авраамка упоминаетъ о „старомъ лѣтописцѣ" (П. С. Р. л. XVI,149), которымъ пользовался составитель.

Стр. 525. I. Берхинъ, Сожженіе людей въ Россіи съ XV—XVIII в. (Р. Стар. 1885, XLV, 187—192).

Стр. 528. О вост. торг. пути, пролег. въ великокняж. Смоленскомъ и его области, съ картой; Г. К. Бугославскаго (Тр. XI-го Арх. с., I, 469—78); Курганы Смол. губ. Гнѣздилов. могильникъ бл. Смоленска. Съ 14 табл. и 101 рис. въ текстѣ, В. И. Сизова, Спб. 1902; Что такое зап. рус. нарѣчіе, Е. Ѳ. Карскаго (Тр. IX Арх. с., II, 62—70). Было ли перенес. мощей св. муч. Бориса и Глѣба изъ Вышгорода въ Смоленскъ на Смядынь, С. П. Писарева, Смол. 1897; Кого изъ смолен. князей съ именемъ Андрея слѣдуетъ разумѣть подъ назв. св. Андрея переясл. и смол. чуд., С. П. Писарева (Тр. Яросл. Област. с., 143—151).

Стр. 533. Рефер., Х. Лопарева о Евфросиніи Полоцкой, о сослан. князьяхъ полоцкихъ, о тожд. Бориса и Давида Всесл. и о генеал. полоц. князей (Тр. Р. Арх. общ., нов. сер., V, 375).

Стр. 533. Древности Витебска и Полоцка, А. М. Павлинова (Тр. IX Арх. с. I, 1—26).

Стр. 544, прим. 2. О родствѣ жены Романа съ кор. Андреемъ II см. указанія въ лѣтописи (Ипат. л. 486, 487). Вторая жена Даніила была племян. Миндовга (Ипат. л., 541). М. С. Грушевскій указываетъ на неясность въ литературѣ вопроса (Ист. Укр. Руси, 1-е изд., 664, генеал., и 665); но еще Карамзинъ отмѣтилъ этотъ фактъ (IV, пр. 102, столб. 32). Ср. стр. 545, пр. 8 нашей книги.

Стр. 554, прим. 5. О вапѣ (βαφή) см. Тр. М. Арх. общ., т. III, в. 3-й, с. 022 (археол. словарь).

Стр. 560, прим. 1. О Θеофилѣ пресвитерѣ (Ваттенбахъ, II, 36, пр.).

Стр. 561, прим. 4. Н. Н. Любовичъ, Хоз. и финансы нѣм. городовъ въ XIV и XV вв., Вар. 1904.

Стр. 562, прим. 2 и 3, и 660, пр. 3. Карлъ В. обязалъ герц беневентскаго Гримоальда заставить лангобардовъ брить бороды, а герц. Арихисъ, сторонникъ византійцевъ, обѣщалъ слѣдовать впредь въ ношеніи одежды и бритьѣ греч. образцу. Вопросъ о бородѣ и заимствованіяхъ въ одеждѣ былъ предметомъ соборныхъ постановленій и вызвалъ обличенія Алкуина, напоминающія сужденія допетровскихъ ревнителей старины (А. С. Вязигинъ, Идея подгот. церк. общ. преобразованій, Ж. М. Н. П. 1903, № 12, с. 287).

Стр. 562, прим. 1. О находкахъ вост. и рим. монетъ на Волыни (Андріяшевъ). Недавній кладъ съ рим. монетами (К. Стар. 1902, № 5, с. 129 и д.).

Стр. 564. Къ 998 г. нѣк. относятъ вол. еп. Θому грека (Лопаревъ).

Стр. 565—566. Въ 1415 г. упоминаются: еп. луцкій Діонисій, Герасимъ влад. волынскій, Геласій — перемышльскій, Харитонъ—холмскій, участв. въ избраніи въ митрополиты Григорія Цамвлака (Р. Ист. библ., VI, 309—310); тутъ же о Θеодосіѣ архіеп. полоц. и Севастіанѣ еп. смол.

Стр. 566. Галиц. еп. Θеодоръ съ 1328 г. (Ватик. сп., 462, ср. Строевъ). Въ Холмѣ съ 1328—35 г. значится еп. Григорій (ib., 463); въ Луцкѣ—Θеодосій, 1328; Трифонъ, 1331, 1335 (ib., 462).

Стр. 570. Въ 1328 г. показанъ еписк. на Туровъ Стефанъ (ib., 462); въ 1415 г. — Евθимій (Р. Ист. библ. VI, 310).

Стр 570, прим. 2. L. K. Götz, Die Echtheit d. Mönchsreden des Kyrill v. Turow (Arch. f. slav. Phil. 1904, B. XXVII, 181—195; зам. Виз. Врем. 1905, XII, 384).

Стр. 575. Церк. пѣснь Кинги 1242 г, А. Брюкнера (Изв. И. Ак. Наукъ 1902, I, 388), доч. угор. кор. Бэлы IV, ж. Болеслава V Стыдливаго.

Стр. 575—576, прим. Изображенія рус. княж. семьи въ миніатюрахъ XI в., съ 6 табл. и 13 рис., Н. П. Кондакова, Спб. 1906; Нѣм. ученый о Трир. Псалт. (Виз. Врем. 1902, I—II, 198, 308).

Стр. 579, прим. 2. Карамзинъ согласіе Длугоша съ опис. нѣк. событій Гал. Вол. лѣт. объясняетъ тѣмъ, что онъ пользовался „какими нибудь галиц. извѣстіями" (Кар. Ш, пр. 190, въ концѣ).

Стр. 587, прим. 3. О Петрѣ Властѣ см. Kronika o Piotrze Wlascie (Mon. Pol. Ш, 745—784); ср. Шараневичъ, Hyp. Chron., 32; М. Грушевскій, Ш, 488—489).

Стр. 588, прим. 4. Также Ж. М. Н. Пр. 1900, № 11 (с. 154, 157—159).

Стр. 592. М. Грушевскій, До справи хронол. звязи въ Гал. Вол. лѣт. (Зап. наук. тов. ім. Шевченка 1903, II, т. LI; ср. К. Стар. №№ 7—8, 0135).

Стр. 593. В. Б. Антоновичъ, Археол. карта Волын. губ., съ картой, указат. именъ геогр., ук. предмет. и перечисленіемъ источниковъ, послужившихъ при составленіи карты (Тр. XI Арх. с. въ Кіевѣ, I, 1—133); Žródla dz. T. VII, sz. I. Ruś czerwona, pr. Al. Jabłonowskiego, W. 1902.

Стр. 594. О мѣстности лѣт. Шумска, В. Антоновича (Чт. въ Общ. Нест. лѣт., XШ, 166—167).

Стр. 595. Б. Барвинскій (также Зап. тов. Шевч., 1903, LII, 1—27); Краткій ист. оч. снош. Даніила галиц съ папою Иннокентіемъ IV, *С. А. К.* (В. З. Россіи 1867. № 8, с. 151—161).

Стр. 596. Болеславъ-Юрій II князь всей Малой Руси, Спб. 1907 (собр. изслѣдованій и матеріаловъ, изд. Ак. Наукъ подъ ред. А. С. Лаппо-Данилевскаго).

—— Ср. стр. 541, пр. 7. О берладникахъ въ грам. кн. Ивана Берл, Н. П. Дашкевича (Чт. въ Общ. Нест., кн. XVII, 124. Сборн. М. Ф. Вл. Буданова, 366—81).

Стр. 597. Автоном. монеты XIV и XV стол. Галицкой Руси, К. Болсуновскаго, К. 1905, 19+1 табл.

Стр. 598. Девятисотлѣтіе православія на Волыни, 992—1892, Жит. 1892, 632+593, съ карт. Владим., Луцк., Вол и Жит. епархій; А. Петрушевичъ, О галицко-рус. митрополитахъ (Галиц. Ист. Сборн., т. III).

Стр. 600. Волын. Губ. Вѣд. 1838—1888, сост. Арк. Лященко (Ж. Стар., г. 3-й, в. II, 265—278); А. Хойнацкій (статьи по церк. ист., кас. Волыни, имен. указ. В. И. Межова, 1865—76, Н-Я, 287).

Стр. 601, прим. 1. Н. Е. Бранденбургъ, О признакахъ курган. могилъ языч. славянъ въ сѣв. полосѣ Россіи (Тр. Яросл. с., I, 1—23); Серебр. гривна X в. и 7 диргемовъ $1/2$ X в. бл. Вятки (Арх. Изв. 1896, № 4, с. 120—121); Нѣк. древности пятины Деревской и Бѣжецкой, Н. К.

Рериха (Зап. Р. Арх. общ., V, 14—43); тоже Шелонской пятипы и Бѣжецкаго конца (ib., 349—377).

Стр 604—605. О снош. рус. съ иноземцами до к. XIV в., преим. новгородцевъ (Аристовъ, прилож.).

Стр. 605. О тысяцкомъ новг. Кондратѣ (Лопаревъ, Опис. рук. Общ. любителей, Ш, 182); о новг. селахъ (183—185).

Стр. 606. Н. Рожковъ, Насел. и колониз. Новгор. территоріи (Б. Міръ 1904, №№ 3 и 4).

Стр. 607. Новгородцы возлагали защиту своего края на разливъ рѣкъ. Лѣт. характерно выражаетъ это въ слѣд. словахъ: „Бяше же земля Новг. езеры и болоты велми наводнена, и того ради въ лѣтняя времена рать конная не бывала на нихъ никогда же ни отъ которыхъ прежнихъ великихъ князей, и того ради лукавніи навыкоша преже измѣняти, и пролыгающеся, жили отъ осени до зимы, таже и до весны; въ лѣтѣ же безъ опасенія пребываху наводненія ради земли ихъ“. Иванъ Ш предпринялъ походъ лѣтомъ (1471), пользуясь небывалой засухой, вслѣдствіе чего болота и рѣки пересохли, въ чемъ лѣт. видитъ небесную кару (П. С. Р. лѣт. XII, 133). Ср. Новг. 1-я, 323.

Стр. 609. О словѣ „государь“ въ обращеніи къ епископамъ (Отч. Общ. люб. 1894—95, с. 63—64).

Стр. 612, прим. 4. Своеземцевы купили у чудскихъ князьковъ землю за 20000 бѣлокъ и 10 рублей.

Стр. 614, прим. 2. Ср. также Собр. госуд. грам., I, сс. 6, 8, 12, 14.

Стр. 616, прим. 1. Югорцы пріѣзжали въ Новгородъ и построили здѣсь церковь (Новгор. лѣт., 1366 г.).

Стр. 616, прим. О бобровникахъ въ Новгор. лѣт. (95).

Стр. 621, прим. 1. Въ 1553 г. въ Новгородѣ и пригородахъ показано умершихъ отъ мора 279595 (Новг. лѣт., 331).

Стр. 622, прим. 1. О колич. посел. Вотской пятины срав. съ нынѣш. (Литер. Вѣст. 1903, № 4, с. 536).

Стр. 625, прим. 6. Въ выраженіи: „Сукно ипьское (отъ г. Ипръ— Jpres) видятъ анахронизмъ, указывающій на передѣлку подлинника въ XIV или XV в., когда новг-цы посредствомъ сношенія съ Ганзою, ознакомились съ произведеніями европейской торговли“ (Доп. къ акт. ист., I, замѣч. ред.; также Христ. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, I, 215).

Стр. 629. Новгородцы дали Казимиру право имѣть 10 соляныхъ варницъ въ Русѣ (Евгеній, Ист. Псков. княж., IV, 86). О Русѣ см. рец. А. И. Никитскаго на изслѣд. Бережкова. О соли—Герберштейнъ (по изд. Анонимова, 115); Ключевскій, Сказ. ин., 161—162.

Стр. 629, прим. 6. Владыка Іоаннъ поставилъ (1409) „теремецъ каменъ“ для освященія воды и „пекельницу камену“ (Новг. 1-я, 397)—

пекарня (Срезневскій, II, 893). О камен. гридницѣ на княжемъ дворѣ 1472 г. (П. С. Р. лѣт. IV, 129). Камен. палата на владычнемъ дворѣ (1444 г.), наз. комнатой (Новгор. 1-я, 442). По словамъ Эразма Роттердамскаго, въ его время, всѣ почти дома были еще безъ печей и каминовъ; полы въ нихъ были земляные, за неимѣніемъ ни каменныхъ плитъ, ни кирпичей; постели состояли изъ кучи соломы, которая рѣдко возобнолялась; подушкою служилъ худо-отесанный деревянный чурбанъ (Ад. Бланки, Ист. полит. экономіи, I, 262). О происхожденіи названія „комната" см. у насъ, стр. 756, пр. 3; ср. Литов. лѣт. лѣт., изд. Марцинковскимъ, 58; изд. Ал. Попова, 33. Филологическое объясненіе Ѳ. Е. Корша (Изв. Ак. Н. 1902, I, 45, примѣч.). См. еще стр. 756, прим. 3.

—— Сомнѣніе о раннемъ появленіи часовъ въ Вестминстерѣ; о времени появленія ихъ въ разныхъ городахъ (В. Зомбартъ, Современ. капитализмъ, I, 403, прим. 4).

Стр. 629, прим. 8 (и с. 611) Конецъ въ городахъ у фламандцевъ имѣетъ такое же значеніе (Eindeke-Ende). В. Евр. 1903, № 8, с. 457.

Стр. 630. Русскіе и вильтины въ сагѣ о Тедрекѣ Бернскомъ, А. Н. Веселовскаго (Изв. Ак. Н. 1906, III, 1—190).

Стр. 630, прим. 3. Топольцы сажали и на Ѳедоровской ул. (1469, 1470). Костомаровъ замѣчаетъ, что топольцами и теперь называются ветлы въ деревняхъ паозерскихъ (Сѣв. рус. народопров., II, 150).

Стр. 640. Князь Романъ Юр., убитый на Шелони, похороненъ у Спаса въ Порховѣ (П. С. Р. лѣт., IV, 103).

Стр. 641. Въ 1385 г., на пути въ Царьградъ, назв. м. Пименъ, но ему не дали суда (П. С. Р. лѣт., V, 239). Въ 1459, по порученію м. Іоны, пріѣзжалъ въ Новгородъ троиц. игуменъ Вассіанъ Рыло (Изв. Ак. Н. 1904, I, 423, прим.; Р. Ист. биб., VI, 643).

Стр. 644, прим. 1. О соч. Л. Жидяты, И. Е. Евсѣева (см. А. И. Пономаревъ, Пам. древ. рус. литер. I, 8—25: ср. Богосл. Вѣст. 1899, № 1, с. 141 и д.).

Стр. 644. Лѣт. ссылается (1419) на „Писаніе о громѣхъ и о молніяхъ" (П. С. Р. лѣт. IV, 118).

Стр. 645, прим. 6. Плащаница 1449 г. работы жены Д. Ю. Шемяки въ Новгородѣ (Арх. Изв. М. Арх. общ. 1895, № 11, с. 372).

Стр. 658, прим. 2. Ср. стихотв. Авита о земнемъ раѣ (Гизо, II. 47); нѣмец. вар. легенды архіеп. Василія (В. Евр. 1892, № 8, стр. 731): Пов. о видѣніи Космы игумена, съ 20 раскр. табл., 1688 г., изд. И. А. Голышева (Отч. Рум. м. 1898, с. 17; Ист. В. 1899, № 4, с. 322).

Стр. 667. И. И. Малышевскій. О зарожд. религ. сектъ въ Россіи съ раціон. направл. Рѣчь, К. 1884.

Стр. 692, прим. 1. О принадлеж. Син. сп. Новгор. л. Юрьев. мон. (Ж. М. Н. Пр. 1889, № 8, с. 380—386).

Стр. 670, прим. 3. И. Я. Порфирьевъ, О Соловец. библ., наход. нынѣ въ Казан. дух. акад. (Тр. IV-го Арх. с., II, 1—20); И. Покровскій, Рукоп. приписки къ Соловец. рукописямъ (Прав. Соб. 1897, № 8).

Стр. 700. Въ собр. рук. гр. А. С. Уварова (быв. Царскаго) имѣется копія XVIII стол. Акад. списка Новг. 1-й лѣт. (Леонидъ, III, № 1204).

Стр. 700, прим. 2. Въ Новорос. сп. 4-й Новг. л. текстъ догов. Олега кажется болѣе исправный, чѣмъ въ ed. vulgata (Лѣт. зап. Арх. к., VI, 026).

Стр. 719. Новгор. лѣт. (церквамъ божіимъ) имѣется въ Церк. арх. муз. К. Д. ак. въ сп. 1768 г. (Н. И. Петровъ, Опис. рук. Ц. арх. м. I, 159) и въ собр. И. Д. Бѣляева, по 1454 г. (опис. Викторова, 4—5).

Стр. 722, прим. 1. Чиновникъ новгор. Соф. собора, съ предисл. А. Голубцова (Чт. въ Общ. ист. 1899, II, 1—282).

Стр. 725, прим. 3. Иное толкованіе этой записи см. ниже стр. 916.

Стр. 727, прим. 1. Карамзинъ пользовался также Голиц. сп. Новг. лѣт. (V, пр. 222, 223).

Стр. 733. О неблагосклонномъ отношеніи новгор. къ моск. святынямъ (Отч. о XII-прис. Увар. нагр., 166).

Стр. 735. Сп. Новгор. лѣт. К. Т. Никольскаго (по 1556 г.) близокъ къ своду 1539 г. (А. А. Шахматовъ о Рост. лѣт., 62—63, 169, 171; Чт. въ Общ. ист. 1904. кн. I).

Стр. 738. Екатеринѣ II были извѣстны спп. Новг. лѣт. 1017—по 1565, до 1352 и до 1716 (ср. въ текстѣ, Ж. М. Н. Пр. 1872, № 8, с. 329 и 334). Въ опис. рук. гр. Толст. есть Крат. Нов. л. 1211—1611. (отд. II, № 415); также въ рук. Царскаго (краткія) и Рум. м. (№ ccxxxviii, Новг. л. съ прибавл.). Заслуживаютъ вниманія лѣт. изъ разряда новгородскихъ (Отч. И. П. б. 1868, с. 56). Татищевъ ссылается на старин. Новг. лѣт. библ. А. Ѳ. Хрущова (III, 333 - 338, пр. 569). Въ собр. А. А. Титова указаны Новгор. лѣт. въ поздн. спискахъ (катал. III, № 2001; VI; № 4150).

Стр. 740. А. И. Бунинъ, О мѣстѣ битвы русскихъ съ нѣмцами, быв. 5 апр. 1242 г. на льду Чудскаго оз. (Тр. X-го Арх.-с. III, 214—20).

Стр. 741—42. Курганы Спб. губ. въ раскопкахъ Л. К. Ивановскаго, Спб. 1896; Старин. рус. могильники въ Новгор. обл. (Изв. И. Арх. ком., в. XV); Д. Чудовскій, Новгородки, крит. разб. перв. 2-хъ вып. рус. допетров. нумизм., гр. И. И. Толстого, К. 1887, съ 3 табл.; Н. И. Петровъ, Деньги В. Новг. (рец. соч. гр. И. И. Толстого, Ж. М. Н. Пр. 1885, № 12); Изъ ист. сношеній финновъ съ индо-европ. (Рос.), А. А. Погодина (Изв. Ак. Н. 1905, III, 1—23); Основы фин. угор. археологіи I. Р. Аспелина Гельс. 1875 (Вѣст. общ. др. иск. 1876, отд. III, 87—100); А. I. Гиппингъ, Нева и Ньюэнсканцъ и др. труды его, перевед. на рус. яз.

и напеч. Ак. Н. въ 3-хъ томахъ, Спб. 1863, невыпущ. въ свѣтъ (Литер. Вѣст. 1803, IV, 536); К. Штернъ Торг. пути ганзеатовъ въ В. Новгородъ (Тр. Х-го Арх. с., Ш, 57—58); В. В. Сусловъ, Новгор. Соф. соборъ (ib., Ш, 71—73); Іоанно-предтеч. ц., что на Опокахъ въ Новгородѣ, св. А. Воучскаго, Нов. 1904; Боевые часы на Евѳ. башнѣ, А. Кулжинскаго (Новг. Г. Вѣд. 1853, № 13); Древ. пам. Новг. дѣтинца или крѣпости, Р. Игнатьева (ib. 1850, №№ 2—4, 7, 10, съ план.); Рюрикова крѣпость, А. Милюкова (Др. и Н. Рос. 1876, Ш, 245—250); Ист. стат. свѣд. о Порховѣ (Пск. Г. Вѣд. 1873, №№ 3—6; ср. Арх. зам. о Порховѣ П. Силина, ib. 1872, № 17); Холм. у. Псков. губ. по Новгор. писц. книг. 1495 г., С. В. Кохомскаго, Пск. 1882.

В. Ѳ. Миллеръ, Къ был. о Добрынѣ и Вас. Казимировичѣ (Ж. М. Н. Пр. 1908, № 4)—о новг. посадникѣ.

Стр. 754, прим. 2. П. И. Ивановъ, Сябры—помѣщики по докум. XVII в. (Ж. М. Н. Пр. 1903, № 12). Сябръ въ XVII в. замѣняемся, словомъ „складникъ"—„товарищъ" (с. 406). Актъ съ подписью сябровъ (Срезневскій, Пам. письма, 300).

Стр. 756. Костомаровъ полагаетъ, что во Псковѣ улицы мостились и плитнякомъ, которымъ изобилуетъ Псков. земля (Сѣв. рус. народ., II, 150).

Стр. 757. Ливон. посолъ Пантелей (Генрихъ) былъ дважды во Псковѣ (1474, 1476). Впослѣдствіи онъ былъ магистромъ ордена (П. С. Р. лѣт., IV, 237; V, 36). Въ другомъ мѣстѣ Иванъ Сивалдайскій наз. Иваномъ земскимъ (ib., IV, 246, 248).

Стр. 757, прим. 7. О захватѣ золота упоминается подъ 1223 г. изъ Новгор. лѣт. (IV, 177).

Стр. 780. Запись на книгѣ І. Златоуста 1395 г., пис. во Псковѣ, съ лѣтописною замѣткой (Срезневскій, Свѣд. о малоизв. памят., I, 61). О болѣе точномъ опредѣленіи времени переписки погибшей рук. Слова о Полку Игоревѣ—2-я пол. XV в., а не XIV или XVI в., и мѣстѣ ея написанія—Псковскія области, а не Ярославскія (Ист. В. 1904, № 4, с. 321).

Стр. 782, прим. 2. Рец. также въ Богосл. Вѣст. 1902, іюль—авг.

Стр. 802, прим. 1. Въ Англіи во время борьбы Карла I съ парламентомъ, одни, въ необходимости перемѣны правленія, видѣли возвѣщенное въ Апокалипсисѣ царство Христа, другіе же, въ своемъ требованіи подвергнуть короля суду, полагали, что кровь его должна пасть на его голову за причиненное междоусобіе и очистить отъ грѣха народъ (Тьерри, Ист. завоев., III, 249).

Стр. 842. Полагаютъ. что первоначально этотъ изводъ Псков. 1-й лѣт. кончался извѣстіемъ о сож. Москвы въ 1611 г. и словами: „Царства ц. Василья полчетверта вѣка" (П. С. Р. л., IV, 322). Послѣд. извѣстія снова возвращаются къ ц. Василію и говорятъ о немъ подробнѣе; въ другомъ изводѣ 1-й Пск. л. (см. IV, 171, 307, 342—345; V, 49—74)

погод. замѣтки замѣняются рядомъ отд. сказаній (С. Платоновъ, Древ. рус. сказ., 390 прим. 1).

Стр. 848, прим. 6. Псков. 1-я лѣт. въ поздн. сп. въ рук. м. Евгенія (Опис. рук. въ Кіев. библ., Н. И. Петрова, III, 108) и также имѣется въ библ., гр. Замойскихъ, въ Варшавѣ (Изв. Ак. Н. 1899, IV, 1475).

Стр. 850. Есть указаніе, что словарь Псков. лѣт. былъ составленъ Д. Л. Мордовцевымъ (Ист. Вѣст. 1905, № 1, с. 286).

Стр. 851. Паденіе Пскова, ист. характ. Н. Савельева (Б. д. Чтенія 1844, № 3).

Стр. 852—853. В. О. Ключескій, Псковскіе споры (Прав. Обозр. 1872, № 9, 10, 12; Рус. церк. общ. въ XV в.; псков. церк. общ.; споръ съ владыкой, споръ съ латинами; богосл. споры Евфросина и свящ. Іова; литерат. полемика); реф. Н. И. Серебрянскаго, Одинъ изъ малоизв. памят. псков. монаст. письм. — „Посл. Корнилія инока Снѣт. горы къ сыну его попу Ивану хотящу второму браку сочетатися" (Отч. Общ. люб. древ. письм. въ 1903—1904 г., с. 26 и прилож., 3—22; Ист. В. 1904, № 4, с. 383—84); Псков. печер. мон. въ 1586 г. (Стар. и Нов., VII, 255—279— опись изъ Писц. книги по Пск. у.); Псков. церковное землевлад. въ XVI и XVII вв., Н. Суворова (Ж. М. Н. Пр. 1906 и 1907).

Стр 852. И. И. Василевъ, Древ. укрѣпленія г. Пскова П. 1868; Н. Серебрянскій, Къ вопросу о времени возникн. г. Пскова, Пск. 1907.

Стр. 853. Отчеты В. Н. Глазова о раскопкахъ, произвед. въ Псков. губ. въ 1901 и 1902 гг. (Зап И. Р. Арх. общ., кн. V, 44—76).

Стр. 859, прим. Князья Щепины-Рост. въ Зарайскомъ у. Ряз. губ. встрѣчаются какъ крестьяне (Кошелевъ, Объ общин. землевлад. въ Россіи, Берл. 1875, 106, прим.).

Стр. 863, прим. М. Г. Джанашвили, Ц-ца Тамара, Тифл. 1900, сс. 127+IX (кратк. обз. ист. и лит. до эпохи Тамары; рус. грузин. отношенія; ц. Тамара, 35—116; рец. Виз. Врем., XI, 325—328); также Н. А. Карауловъ, Свѣд. араб писателей о Кавказѣ и пр. (Сборн. матер. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа, XXIX, 104—106); В. Е. Романовскій, Очерки изъ ист. Грузіи, Тифл. 1902, стр. 461+69.

Стр. 868. Въ XIV рост. епп. называются еще: Антоній, Гавріилъ, Іоаннъ (Ватик. сп., Ж. М. Н. Пр. 1888, № 2, с. 481).

Стр. 870. Имп. Рос. музей Александра III. Опис. памят. В. II. Ж. св. Нифонта, лиц., XVI в., М. 1903.

Стр. 878, пр. 2. Отчетъ Общ. люб. древ. письм. 1891—1892, с. 19—20.

Стр. 882, прим. 6 и 883, прим. 2. Въ к. XV в. въ Новгородѣ на великокняж. службѣ находился князь И. Ѳ. Карголомскій (Ак. юридич. I, с. 2), давшій въ Кириллов. мон. при иг. Кассіанѣ деревню Ильицино *съ судомъ и данью* (Н. Никольскій, Кир. Бѣлоз. мон., с. XLIV).

Стр. 887. Кн. Дмитрію Андр. углиц. принадлежалъ сборн. житій, поученій и службъ 1515 г. (Изв. Ак. Н. 1907, I, 220—221; ср. Строевъ, 228, 292, 302).

—— Сборн. XVII в., сильно пострадавшій, съ лѣт. замѣтками, угличскаго происхожденія (М. Сперанскій, Опис. рук. Твер. м., II, 57—60).

Стр. 898, пр. 1. В. Истринъ, Сказаніе объ Инд. царствѣ. Изслѣд. съ 3-мя прилож. и фотогр. таблицей, М. 1893.

Стр. 923. Галич. кладъ 1836 г. (Зап. И. Р. Арх. общ. 1903, V, 104—110); Бѣлогостицкій кладъ XI в. (Яросл. губ.) 1836 г. (ib., VII. в. I, 156—159).

Стр. 1901, прим. 1. Списокъ Діоптры, пис. въ Вологдѣ, XIV в. (Чт. въ Общ. ист. 1906, I, с. 470).

Стр. 925—926. Сузд. нижегор. князья въ ист. древ. Вятки, А. С. Верещагина (Тр. Вят. арх. ком., I—II, В. 1906); О камен. вѣкѣ въ Костром. губ., Н. М. Бекаревича (Тр. Яр. обл. с. 158—162); Изъ ист. колон. и культуры Ростовскаго края, Е. В. Барсова (ib. 164—170).

Стр. 926. Бѣлая палата въ Ростовѣ Вел., В. Е. Румянцева (Тр. М. А. общ., т. X, 56 и д.); А. А. Титовъ, Кремль Ростова Вел., М. 1905.

—— Великій ростовскій пожаръ 1730 г, по рапор. рост. архіеп. Георгія Дашкова. А. А. Титова, Яр. 1902.

Стр. 927. Краткая ист. Углича, Л. Ѳ. Соловьева, Спб. 1895.

Стр. 928. О латин. Псалт. блаж. Іоанна Волосатаго, рост. юрод. († 1580), М. П. Погодина (Москвит. 1850, V, 33—34).

Стр. 930. Одинаковыя назв. мѣстъ Европ. Россіи и колонизація. И. А. Износкова (Тр. VI, Арх. с. I, 310—317); Кіев. названія во Владимірѣ (Чт. въ Общ. ист. 1904, II, 112); Обозр. нѣк. губ. и областей Россіи въ археол. отношеніи, А. А. Спицына (Зап. И. Р. Арх. общ. кн. III и IV).

Стр. 931, прим. 8. (замѣч. о стилѣ владим. построекъ. Н. Кондакова, Отч. Общ. люб. древ. письм. 1898—99, с. 13).

Стр. 936. О сузд. еписк. XIV в. (Ж. М. Н. Пр. 1888, № 2). О болѣе значительномъ числѣ рукоп. (до XV в.) принадлеж. Сузд. землѣ (Отч. Общ. люб. 1898—99, с. 19).

Стр. 939, прим. 2. См. ниже, с. 1241, прим. 3.

Стр. 943. Синодикъ переясл. Горицкаго мон., А. А. Титова, М. 1902.

Стр. 957, прим. 1. Быть можетъ рѣчь идетъ о мудрецѣ Менандрѣ. Въ нѣк. спискахъ Пчелы помѣщается „мудрость Менандра" (Отч. Рум. м. 1904, с. 9), м. прочимъ изреч. о бракѣ (Къ Менандру, Г. Церетели, Ж. М. Н. Пр. 1906, № 8. с. 400—401).

Стр. 983. М. Н. Бережковъ (см. стр. 574, пр. 4).

Стр. 984. Владим. кладъ, съ 3 табл. (Изв. Арх. Общ. IV, 124—133; 142—151); О златыхъ вратахъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, Д. И. Иловайскаго (Тр. М. А. общ., IX, проток., 22 и Соч., II, 63—64); Крат. оч. о реставр. владим Успен. собора, В. К. Трутовскаго (Тр. М. А. общ. XVI, 1—41); Губ. г. Владиміръ и его достопримѣч., В. Т. Георгіевскаго, Вл. 1896, 2-е изд. 1901; Часть г. Владиміра отъ Кремля до Зол. воротъ, прот. В. В. Косаткина (Тр. Влад. уч. арх. ком., VII, 1—17); Древ. гроб-цы во Влад. Усп. соб. и Успен. княг. дѣв. мон. и погреб. въ нихъ князья, княгини и свят-ли, арх. Порфирія, Вл. 1903; Монаст., соборы и приход. церкви Владим. епархіи, постр. до нач. XIX в. Ч. I. Монаст. В. В. Косаткина (Тр. Влад. арх. к., VIII, 1—352 и отд.).

Стр. 987. Библіографія Влад. губ., И. Ф. Масанова, т. I. (Тр. Влад. ком., VII, отд. 1—538); Систем. указатель статей, помѣщен. въ неоф. ч. Нижегор. Губ. Вѣдом. съ 1838—1890 г. (Опис. рук. Вахрамѣева V, 137—157).

Стр. 994, прим. 6. К. И. Невоструевъ доказываетъ, что Акакій не былъ братомъ Іосифа Волоц. (Разборъ соч. И. П. Хрущова, 13—14).

Стр. 995, прим. Щедрость къ патріарху Нила понятна, такъ какъ онъ родомъ былъ грекъ (П. С. Р. лѣт., IV, 244).

Стр. 996, прим. 4. Легенда объ осн. Отрачаго мон. (В. Евр. 1806, ч. XXV, № 3, с. 215).

Стр. 1016. О новомъ сп. Твер. лѣт. см. статью: „Твер. лѣт. по сп. Имп. Рос. ист. музея“ (Отчетъ музея за 1907, М. 1908, прил., 137—144). Новый списокъ открытъ, опредѣленъ и пріобрѣтенъ для Ист. музея И. Е. Забѣлинымъ. Онъ находится въ Сборн. к. XVI—XVII в., дополняетъ нѣк. пробѣлы Погод. сп., но вмѣстѣ съ нимъ происходитъ отъ одного оригинала.

Стр. 1025. Хрисовулы твер. князя (Изв. Генеал. общ., I, 160—161); О загадочной надписи на мон. в. кн. твер. Ивана Мих. (Арх. Изв. 1895, с. 148—151); Двуглав. орелъ на мон. твер. князя, В. И. Саввы (Тр. XIV Арх. с., т. II-й); Благов. кн. Анна Кашинская, В. И. Колосова; Преп. Аркадій вяземскій и новоторж. чуд., И. П. Виноградова (Тр. Твер. област. съѣзда. Изв. Ак. Н. 1907, III, 399); Твер. уѣздъ въ XVI стол., его насел. и виды землевладѣнія, И. И. Лаппо (Чт. въ Общ ист. 1894, IV, 1—238); Къ матер. для церк. и быт. ист. Тверскаго края въ XV и XVI в., в. II, Старица. Изд. Твер. арх. к., Тв. 1905.

Стр. 1098, прим. 6. О раскоп. Борков. мог., А. В. Селиванова (Тр. Вилен. Арх. с., I, 81—91); гр. Ѳ. А. Уваровъ, Курманскій мог.. Касим. у. Ряз. губ. (Тр. М. Арх. общ. тт. XIV, 328—343); Отчетъ о раскоп. ряз. кург. лѣт. 1896 г., П. Н. Милюкова (Тр. X. Арх. с., I, 14—37);

О ряз. ок. мог-кахъ, А. И. Черепнина (ib. 38—58): В. Н. Щепкинъ, Серебр. змѣевикъ, найд. въ Ряз. губ. (Арх. Изв. 1898, №№ 3—4, с. 132—133); А. В. Городцовъ, Результаты археол. изсл. 1898. г., произвед. на бер. р. Оки, въ пред. Ряз. губ.. (ib. 1899, № 6—7, с. 170—181); Случ находка могилы всадника бл. с. Арцыбашева Ряз. губ., В. Крейтона (Тр. Ряз. арх. к. 1895, № 2); Дневн. раскопокъ произвед. въ 1902 г. въ город. Ст. Рязань, *его же* (ib. 1903. II, 200—202); Кулаковскій мог. и гор. Ст. Рязани, А. Черепнина (ib., I. 115—160).

Стр. 1047. Ср. А. А. Куникъ Уч. зап. Ак. Н. по 1-му и 3-му отд. Ш, 737—59, 791; Н. И. Петровъ (Тр. Х-го Арх. с. Ш, 220—228).

Стр. 1056. Рус. фам. хроники, М. Макарова (Отеч. Зап. 1890, № 6, смѣсь, с. 39—44—князья Пронскіе); О князьяхъ муромскихъ, причт. къ лику свв., Н. Д. Квашнина-Самарина (Тр. Твер. съѣзда; ср. Изв. Ак. н. 1907, III, 399); Св благ. кн. Константинъ Муромскій и пр., архим. Мисаила (Тр. Влад. арх. к., VШ, 1—130); О князьяхъ Мещерскихъ, XШ—XV в. М. И. Смирнова (Тр. Ряз. Арх. ком. 1903, в. Ш, 161—197); Къ родословію послѣднихъ вел. князей рязанскихъ, Н. Ф. Баумгартена (Лѣт. Ист. родосл. общ. въ Москвѣ, 1907, в. 3-й); Крат. сложность о касимов. царяхъ и памят. съ ихъ врем. сущ. М. Крейтона (Тр. Ряз. к. 1901, Ш, 266—279); Ист. обозр. г. Мурома, А. А. Титова (ib., IV, 1—99); Зам. о г. Кононовѣ нашей лѣт-си (Лавр. л.), 1187 г., Е. Будде (Изв. Ак. Н. 1908, I, 142—144); Тамб. кладъ рязан. денегъ, Н. Булычева, Спб. 1904; Матер. для библіогр. Ряз. края (Тр. Ряз. к. 1905, №№ 1, 2, 3).

ВАЖНѢЙШІЯ ПОГРѢШНОСТИ.

СТРАН.	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
16	8 сн.	1887	1897
39	17 сн.	любя	любятъ
45	10 сн.	а	, а
64	8 сн.	смыслѣ (395).	смыслѣ для противниковъ (II, 395).
97	4 сн.	А. С.	С. А.
103	21 св.	случайныти	случайными
112	12 сн.	труды	Труды
116	17 св.	Анонович	Антоновичъ
117	8 сн.	Rombaud	Rambaud
126	3 св.	Синодій	Сидоній
—	9 св.	пѣсни	пѣснѣ
127	4 сн.	Позднѣйшіе	Позднѣйшія
130	18 сн.	морѣ	море
135	16 сн.	Gregorvius	Gregorovius
153	9 св.	мрамарномъ	мраморномъ
160	2 сн.	„	А. И. Соболевскій (Изв. Ак. Н. 1906, II, 1—19).
164	2 сн.	С.	Е.
166	19 св.	Н. П.	Н. И.
183	17 сн.	Эдуарда I	Эдуарда И. (Исп.)
205	6 сн.	Игоровичъ	Игоревичъ
206	17 сн.	Изяславъ	Ярополкъ, Изяславъ,
—	15 сн.	Мстиславъ, Ярополкъ	Мстиславъ
211	17 сн.	боскакомъ	баскакомъ
212	6 сн.	Abt,	Abt
218	15 св.	Н. Н.	М. Н.
231	21 сн.	имп.	патр.
245	13 сн.	во просъ	вопросъ
249	4 св.	очевиденъ	возможенъ
254	12 сн.	А. Е.	Е. В.
258	4 сн.	литературы изданіе	литературы; изданіе
—	10 сн.	метовъ	матовъ

СТРАН.	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
263	1 сн.	125—125	125—129
264	16—17 сн.	Галицко-Волынской	Галицко - Вол. (точнѣе Кіев.) лѣт.
281	8 сн.	до	do
296	13 сн.	[1])	[2])
309	2 сн.	V, 171, 228; VII, 171, 228	V, 171; VII, 228.
313	2 сн.	sii	sui
318	3 св.	IV	V
—	3 сн.	ея	ея вниманіе
—	17 сн.	Никона	Никита
326	1 сн.	1876	1879
328	6 св.	питался	пытался
329	21 св.	щадить	щадитъ
331	1 св.	231	331
333	4 сн.	исвѣстной	извѣстной
337	8 св.	Онъ	онъ
342	17 св.	ея	ее
—	3 сн.	1775	1675
343	6 св.	ad.	ad
345	20 св.	хронографы.	хронографы (ср. в., с. 288—289).
347	9 сн.	чрезвычайной	чрезвычайно
349	15 сн.	habe	hat
350	11 св.	считаемъ	считаетъ
352	9 св.	1303	1305
357	3 сн.	нашемъ	нашей
362	9 сн.	дает	даетъ
369	3 св.	что	2) что
376	4 сн.	Θеодосія	Θеодосію
377	15 сн.	Весловскаго	Веселовскаго
—	3 сн.	vorüglich	vorzüglich
379	8 сн.	1).	2).
380	1 сн.	1386	1383
394	16 сн.	М. Н.	М. И.
395	20 сн.	слав.	словаря
—	19 св.	А.	Я.
402	10 сн.	Борисѣ	о Борисѣ
—	3 сн.	„	Zur Nestorfrage
405	6 сн.	242	342
406	10 св.	та	та,
415	7 св.	Gotting.	Götting.
427	9 св.	третій	первый
—	15 св.	списки	снимки
439	8 св.	этя	эти
441	4 сн.	Ольговича	Всеволодовича
453	13 сн.	III	II
455	8 сн.	(болѣе 100)	(I, предисл., с. 34).
456	19 сн.	Д.	В.

СТРАН.	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
461	21 св.	глѣбѣ	Глѣбѣ
468	23 св.	44614	446.
—	25 св.	Ш	II
473	19 св.	„	2-е изд. 1905;
473	14 сн.	В.	А. В.
474	18 св.	распространеный	распространенный
475	10 св.	пути".	пути" [2]).
—	6 сн.	Итат.	Ипат.
476	7 св.	см. стр. 140	(см. стр. 140)
481	20 св.	Сѣвѣрскѣ	Сѣверскѣ
486	11 сн.	отношеніи	сношеній
485	20 св.	Воротинекъ	Воротинескъ
489	19 сн.	еперхію.	епархію.
492	7 сн.	1873	1843
508	17 св.	Качевки	Рачевки
510	16 сн.	1000	10000.
511	5—6 сн.	прислѣдованій	преслѣдованіямъ
512	2 сн.	кор.	в. кн.
525	9 сн.	Х	XIII
—	4 сн.	Никифороскаго	Никифорова
526	19-20 св.	Кощаков.	Кощаковскаго
527	17 сн.	ч. XVIII	ч. XIX
537	7 сн.	В.	Е. В.
—	—	(Ж. М. Н. Пр.);	(Зап. И. Юрьев. ун. 1898, кн. I).
567	13 сн.	Н. П.	П. Н.
572	13 сн.	По этому	Поэтому
575	пр. 2.	„	Шараневичъ, 43, пр. 248; Марчали, 82.
584	22 св.	преставляется	представляется
586	13 св.	Василька	Владиміра Васильковича
588	1 сн.	38).	38; ср. Ж. М. Н. Пр. 1900, № 11, с. 154, 157—159).
594	17 св.	Н. П.	П. Н.
595	6 сн.	М.	В.
607	16 сн.	митрополіи	метрополіи
624	5 св.	торговли	торговали
—	9 сн.	anden Actere	anderen Acte
628	17 сн.	Коневскій	Новгородскій
640	4 св.	корсуняна	корсунянина
642	4—5 сн.	Патракія	Патрикія
669	7 св.	1491	1451
676	1 сн.	допускали	допускала
679	18 сн.	на	по
680	7 св.	гг.......	1044, 1049, 1050, 1052, 1058, 1060.
682	—	Спн.	спп.
684	3 св.	Глѣба Свят.	Глѣба Влад.

СТРАН.	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
685	13 св.	(236)	(1236).
702	18 сн.	1515	1509
704	21 св.	1535	1545
705	12 сн.	Рядитиной	Рядитиной (Редятиной)
707	4—5 св.	О возведеніи архіеп. Ѳеодосія въ митр.	О низведеніи архіеп. Ѳеодосія въ Москву
710	14 сн.	намѣчаетъ	замѣчаетъ
714	2 сн.	М. В.	М. И.
715	4 сн.	Памвлакомъ	Цамвлакомъ
721	10 сн.	IV	V
725	18 сн.	1363	1463
—	5 сн.	149	149; ср. VI, 277).
731	20 св.	повоеваше	повоеваша
734	11 сн.	А. С.	С. А.
735	4 св.	касается	касаются
742	10 св.	Алкивиста	Алквиста
745	2 св.	В. И.	М. И.
—	9 сн.	Н.	А. Н.
748	3 сн.	1889	1887
761	10 сн.	уведено было	уведена была
765	14 св.	на готовѣ	наготовѣ
789	21 св.	во	въ
791	10 св.	сей	всей
—	4 св.	мира	мора
814	20 св.	онъ	лѣт-цъ
851	10 сн.	А. А.	А. К.
859	16 св.	его	, его
—	4 сн.	Корниловичъ	Карновичъ.
862	14 св.	Похомій	Пахомій
863	5 сн.	К. К.	К. Я.
876	21 св.	условіяхъ	обстоятельствахъ
881	12 св.	вѣтвей	вѣтвей [2]).
—	5 сн.	XXVII	XXVII,
882	9 св.	отчизну	отчину
890	15 св.	Входившія	Входившіе
895	18 св.	Шеликою	Шемякою
900	18 сн.	Опис.	Опытъ
902	6 св.	моря	мон-ря
912	10 сн.	из-	изложеніи.
—	5 сн.	23	423
914	1 св.	419	914
915	1 сн.	1904, I,	1903, IV,
920	20 сн.	позже	позже, какъ
924	9 сн.	тьева	тева
926	8 сн.	А. А.	Д. А.
946	5 сн.	.	Ср. Р. Стар. 1896, № 7, с. 118—125.
—	10 сн.	имп.	кн.

СТРАН.	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
952	9 сн.	Пріобр.	Преобр.
959	17 св.	знакамъ	знакомъ
—	12 сн.	1996	1896
960	13 сн.	cxxxvi	xxxvi
962	2 св.	VI	V
963	10 сн.	Лихаревъ	Лихачевъ
965	11 св.	палихронѣ	полихронѣ
986	20 св.	„	св. М. А. Сперанскаго и кн. VI, 157--160
987	14 св.	Д.	Г. Д.
993	4 св.	остававшій	оставившій
994	8 сн.	„	неточно (см. Дополн.).
999	9 сн.	Біогр.	Агіогр.
1006	21 сн.	143).	143; также О нач. Кіев. свода. М. 1897, с. 10).
1029	9 св.	буйныхъ	буйныхъ,
—	19 св.	Макаровъ	Макаровъ,
1031	17 сн.	Дон.	Дан.
1034	1 сн.	Е.	Н. Е.
1035	18 св.	его относится	относится
—	17 сн.	развѣ,	развѣ
—	4 сн.	много численъ	многочисленъ
1038	15 сн.	„	2-е изд. 1891
1045	6 св.	древнейшее	древнѣйшее
1049	3 св.	княза	князя
1056	8 сн.	И. М.	И. И.
I	13 сн.	зоставляетъ	заставляетъ
IV	19 сн.	Malalus	Malalas.
X	5 св.	St.	, St. .
XII	4 св.	П.	Г. П.
XVI	11 св.	шинъ	шилъ
—	18 св.	вовкулакихъ	вовкулакахъ
XIX	8 св.	; Е.	, Е.
XXII	11 сн.	: Г	, Г.
XXXII	5—6 св.	170—181	181—201

Примѣчаніе. Выраженіе Шлецера въ русскомъ изданіи (см. стр. 325) неточно передано. Подлинныя слова его приведены нами въ эпиграфѣ къ настоящему тому съ сохраненіемъ его орѳографіи.